

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXVII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXXVII

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ 1902

СОДЕРЖАНИЕ.

ЯНВАРЬ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Трагизмъ безволия. I—VI. Н. Н. Мердеръ	7
II. Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. I.	31
III. Происхождение Екатерины Первой. Н. А. Вълззерской	56
IV. Въ чѣмъ сила? Н. Н. Потапенко	91
V. Литературныя воспоминанія и характеристики. I—VI. Л. Е. Оболенскаго	105
VI. Изъ моей портретной галлерей. I—II. Н. П. Гибдича	140
VII. М. Е. Салтыковъ въ Тулѣ. Н. М. М.	158
VIII. Въ заточеніи. Н. П. Мирюлюбова	181
IX. Казанская героиня «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго. Н. Я. Агафонова	210
X. Записки декабриста. В. А. Тимирязева	229
Иллюстраціи: 1) Князь С. Г. Волконскій въ молодые годы.— 2) Князь С. Г. Волконскій въ старости.	
XI. Многочность «Лермонтовскихъ мѣстъ» въ Пятигорскѣ. В. Л. Якимова	355
XII. Трудовая помощь гододолающимъ въ 1899 году. А. М. Горовцева	261
1) Иллюстраціи: Работы на оврагѣ Раткулѣ въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Перспектива спрямленнаго русла.—2) Укрѣпленіе песковъ близъ с. Кокряги Спасскаго уѣзда, Казанской губ.—3) Видъ дамбы, устроенной для предупрежденія разлива рѣки Усы по полямъ крестьянъ с. Горюшки, Симбирской губ., Сенгилеевскаго уѣзда.—4) Освященіе моста, устроеннаго черезъ рѣчку Чечеру въ с. Порѣцкомъ, Симбирской губ., Сенгилеевскаго уѣзда.—5) Видъ водоема, устроеннаго въ с. Ключахъ, Казанской губ. и уѣзда.—6) Расчистка ключа съ устройствомъ водоема въ д. Кундурлѣ, Казанской губ. и уѣзда.—7) Внутренній видъ яслей въ с. Мордовѣ, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губ.—8) Ясли въ с. Шумовкѣ, Симбирской губ. и уѣзда. Площадка для игры.—9) Видъ часовни, сооруженной крестьянами с. Малая Борла, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губ., въ ознаменованіе царской милости, выразившейся въ оказаніи лѣгомъ 1899 года трудовой помощи.	
XIII. Остатки былаго величія. Пв. Захарыина (Якунина)	294
Иллюстрація: Главный домъ и часть флигелей въ с. Лялчлахъ.	
XIV. Самопомощь среди русскихъ интеллигентовъ. Я. Н. Колубовскаго	302
XV. Пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности П. П. Бартенева. В. Е. Рудакова	311
Иллюстрація: Петръ Ивановичъ Бартеньевъ.	
XVI. Критика и библиографія	321
1) А. Горовцевъ. Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Удостоено премии августѣйшаго имени ея величества государыни императрицы Александры Феодоровны, учрежденной при комитетѣ попечительства о домахъ трудолюбия и работныхъ домахъ. Рекомендовано ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для приобрѣтенія въ основныя и ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1901. А—снаго. — 2) Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ, составленное по высочайшему повелѣнію А. Висковатовымъ въ 1862 году, переиздаваемое въ настоящее время техническимъ комитетомъ главнаго интендантскаго управления. Спб. 1901. П—снаго. — 3) Кавказъ и его герои. Въ двухъ книгахъ. Составилъ П. Н. Захарыинъ (Якунинъ). Спб. 1901. Б—на. — 4) П. Вожеряновъ. Невскій проспектъ. 1703 — 1903. Культурно-историческій очеркъ жизни Петербурга за два вѣка. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга. Томъ I. Выпускъ I. Спб. 1902.	

См. слѣд. стр.

С. Ш.—5) Византийскій Временникъ, издаваемый императорскою академіею наукъ, подъ редакціею В. Э. Регеля, Томъ VIII. Вып. 1—2. Спб. 1901. Z.—6) Исторія челоѣчества. Всемирная исторія. Первый томъ подъ общей редакціею Ганса Гельмольта, Спб. 1902. К. Петрова.—7) К. А. Ивановъ. Трубадуры, труверы и миннезенгеры. Спб. 1901. Ч—ина.—8) Платформа, ея возникновение и развитіе. Сочиненіе Г. Джерсона. Томъ 2-й. Спб. 1901. К. П. А—ча.—9) Тардъ. Соціальная логика. Перевелъ съ французскаго М. Цейтлинъ. Спб. 1901. Н. С.—10) Лѣтопись завѣтъ археографической комиссіи за 1895—1899 годы. Выпускъ XII. Тоже за 1900 годъ. Выпускъ XIII. Спб. 1901. В. Руданова.—11) Сборникъ императорскаго историческаго общества. Томъ сто одиннадцатый. Бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Иоанновны. Спб. 1901. С. Ш.—12) З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901. В. Логгинова.—13) А. Вѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Героевъ Малицкій. (1796—1799 г.). Кіевъ. 1901. С.—15) Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1897 годъ. Спб. 1900. Винт.—16) Евгений Пѣтуховъ. Проповѣди Гавріила Бужинскаго (1717—1727). Историко-литературные матеріалы изъ эпохи преобразованій. Юрьевъ. 1901. А. Бв.—17) Запорожская сѣчь. А. Кузьминъ. Москва. 1802. А. Фаресова.—18) Szkice, wspomnienia, obrazki. Skreslil Wladyslaw Belza. Warszawa 1901. И. X.—19) И. Лепорскій. Исторія Фессалоникскаго епархата до времени присоединенія его къ Константинопольскому патриархату. Спб. 1901. Σ.—20) Автобіографія Абдурахманъ-хана, эмира Афганистана. Издана султаномъ Магометь-ханомъ. Перевелъ съ англійскаго генеральнаго штаба полковникъ М. Грулевъ. Съ приложеніемъ карты Афганистана, портрета Абдурахманъ-хана и 8 рисунковъ. Въ двухъ томахъ. Изданіе В. Березовскаго. Спб. 1901. Бориса Тагъева.—21) П. Пирлингъ. Изъ Смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902. М. П—го.—22) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ свѣтѣйшаго правительствующаго синода. Томъ X (1730 г.). Спб. 1901. С. Ш.—23) Восковая свѣча въ греко-грузинской церкви. Юбилейное изданіе. Е. К. Тифлисъ. 1901, А. Хах—ова.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 363

1) Древне-греческая эпоха.—2) Юстинианъ и византийская цивилизація въ VI вѣкѣ.—3) Четырехсотлѣтіе Митиленской экспедиціи.—4) Первый французскій комическій авторы.—5) Энциклопедисты.—6) Адамъ Люксъ.—7) Марія Луиза.—8) Конецъ переписки Баранта.—9) Тридцатилѣтіе Парижской коммуны.—10) Новая переписка Бисмарка.—11) Первая королева Италіи.—12) Смерть Пи-и-Маргалла и Карла Баркли.

XVIII. Смѣсь 389

1) Географическое общество.—2) Общество Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ.—3) Общество любителей древней письменности.—4) Библиологическое общество.—5) Археологическое общество въ С.-Петербурѣ.—6) Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.—7) Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—8) Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла.—9) Пятидесятилѣтіе восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества.—10) Десятилѣтній юбилей кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—11) Памятникъ императрицѣ Екатерицѣ II въ Вильнѣ.

XIX. Некрологи 408

1) Дашковъ, Д. Д.—2) Змѣевъ, Л. О.—3) Лесевичъ, Л. П.—4) Маргиновъ, А. В.—5) Межеиновъ, Н. П.—6) Миклашевскій, И. Н.—7) Наумовъ, Н. И.—8) Пулковскій, А. О.—9) Ремезовъ, М. Н.—10) Самарянъ, Д. О.—11) Савитовъ, А. В.—12) Шаравевичъ, И. И.—13) Шелгунова, Л. П.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Императрица Екатерина I. Съ неизданнаго рисунка художника Рибо (1717 г.), принадлежащаго П. Я. Дашкову.—2) Императрица Екатерина II. Съ портрета масляными красками, находящагося въ музеѣ П. И. Щукина.—3) На закатѣ славы. Комедія-быль конца XVIII вѣка. Въ четырехъ дѣйствіяхъ. Въ стихахъ. А. Н. Мосолова.

ПОПРАВКА. Статья о Н. Э. фонъ-Крузе, напечатанная въ октябрьской книжкѣ 1901 года, должна быть подписана фамиліею: П. Н. Измалковъ.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1902 году
(дВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1902 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать два года (1880—1901).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ и Саратовѣ**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**.

ТРАГИЗМЪ БЕЗВОЛІА.

1.

«Не плоть, а духъ растлился въ наши дни
И человекъ отчаянно тоскуеть».

(Гютчевъ).

НИКОЛАЙ Ивановичъ Ивковъ выпелъ сіяющій изъ канцеляріи: билетъ у него былъ въ карманѣ.

На такой благоприятный исходъ своей просьбы онъ не рассчитывалъ; работы въ полку было пропасть, многіе офицеры болѣли инфлуэнцей, и, отправляясь просить отпускъ, онъ готовился къ отказу.

Но вышло иначе; полковника онъ засталъ въ прекрасномъ расположеніи духа и бесѣдующимъ съ офицеромъ, недавно оправившимся отъ тяжелой болѣзни, и, узнавъ про желаніе Ивкова провѣтриться, онъ весело вскричалъ:

— Поѣзжайте съ Богомъ, довольно вы тутъ за всѣхъ потрудились. Вотъ онъ васъ замѣнитъ, всгалъ, слава Богу!—прибавилъ онъ, кивая на выздоровѣвшаго офицера.

— Когда же могу я ѣхать?—спросилъ Ивковъ.

— Да хоть сегодня. Поѣздъ уходитъ въ три часа. Прикажите приготовить билетъ, я подпишу.

Канцелярія была въ томъ же домѣ, этажемъ ниже. Вихремъ слетѣлъ Ивковъ съ лѣстницы, и пока писарь писалъ билетъ, онъ разговаривалъ съ товарищами (которыхъ, какъ всегда, толкалось тутъ человекъ пять-шесть) о пѣвицѣ, которой они наканунѣ аплодировали въ загородномъ театрѣ, о полковыхъ дѣлахъ, о послѣднемъ скандалѣ въ клубѣ.

Мысли самого радостнаго свойства кружились въ головѣ Ивкова. Надоѣла ли ему эта усиленная работа, въ которую его впрягли, благодаря противному повѣтрію, свалившему съ ногъ большинство его товарищей, или соскучился онъ по роднымъ и знакомымъ, оставленнымъ въ Москвѣ, такъ или иначе, но никогда еще не радовался онъ такъ перемѣнѣ мѣста и впечатлѣній, какъ въ этотъ день.

Опустивъ подписанный билетъ въ боковой карманъ, онъ вышелъ на улицу, залитую яркимъ, весеннимъ солнцемъ и пестрѣвшую прогуливающимися въ свѣтлыхъ весеннихъ нарядахъ, и, мурлыча вполголоса мотивъ, застрявшій у него въ ухахъ со вчерашняго вечера, спѣшилъ домой.

До отхода поѣзда времени оставалось немного. Надо было еще улечься. На Илью полагаться нельзя: малый честный и преданный, но безтолковый.

— Отпускъ дали... укладываться... Живо!— объявилъ онъ молодому парню съ простодушнымъ лицомъ южно-русскаго типа, въ засаленной полотняной курткѣ, входя въ комнату и бросая фуражку на столъ.

— Да нѣтъ ли чегонибудь поѣсть?

— Можно бифштексъ изжарить, ваше благородіе.

— Жарь.

И пока ему готовили завтракъ, Ивковъ, не теряя времени, принялся за приготовленія къ отъѣзду.

Выдвинувъ ящики письменнаго стола, онъ началъ сортировать накопившіяся въ нихъ письма, записки, счета. Одни онъ рвалъ и бросалъ на полъ, другіе откладывалъ въ сторону. Попадались фотографіи, между прочимъ, карточка молодой дѣвушки въ малороссійскомъ костюмѣ, которой онъ засмотрѣлся влюбленными глазами. Какъ она ему обрадуется!.. И сейчасъ надуеъ губки и, если встрѣча ихъ произойдетъ безъ свидѣтелей, начнетъ его упрекать, что не предупредилъ о пріѣздѣ... Чтобы ее подразнить... (ничего онъ такъ не любитъ, какъ ее дразнить), онъ скажетъ, что забылъ это сдѣлать, и она придетъ въ отчаяніе. Поднимется настоящая буря, она расплачется, и онъ начнетъ ее утѣшать, скажетъ, что всегда она у него на умѣ и въ сердцѣ, что никакія кокетки и франтихи не въ состояніи вытѣснить, даже на минуту, ея милый образъ изъ его души... И это правда. По крайней мѣрѣ, въ эту минуту онъ былъ въ этомъ убѣжденъ. Онъ влюбчивъ, любитъ ухаживать, заводитъ интриги съ дамами, но все это вздоръ передъ тѣмъ, что онъ чувствуетъ къ Лидочкѣ. Кончится тѣмъ, что онъ на ней женится.

И ему стало казаться, что онъ именно для этого и торопится въ Москву. Тянуть дольше это дѣло не для чего. Василій Сергѣевичъ будетъ очень радъ, Марья Алексѣевна тоже. Если поломаются, то только для формы, чтобы онъ не подумалъ, что они навязы-

вають ему дочь. На самомъ же дѣлѣ на него въ домѣ давно смотрятъ, какъ на хорошаго жениха. Сколько разъ Василий Сергѣевичъ намекалъ ему на земскую службу! У нихъ имѣніе подѣ Москвой, ихъ зятю самой судьбой предназначено быть въ томъ уѣздѣ земскимъ начальникомъ. А онъ точно созданъ для этой должности. Энергіи у него хоть отбавляй, развѣзжать никогда не надоѣсть. Лидочка будетъ хозяйничать въ деревнѣ, а онъ возится съ народомъ. Зиму можно будетъ проводить въ Москвѣ...

Размышляя такимъ образомъ, онъ услышалъ шумъ въ кухнѣ. Кричали, бранились, раздавался стукъ захлопываемой двери, и голоса удалились, продолжая переругиваться на лѣстницѣ, а затѣмъ все стихло.

На происшествіе это Ивковъ не обратилъ никакого вниманія, однако, когда Илья принесъ ему завтракъ, онъ про это вспомнилъ.

- Съ кѣмъ ты тамъ воевалъ?—спросилъ онъ, принимаясь ѣсть.
- Жидовка за деньгами приходила, ваше благородіе.
- Что же ты мнѣ не сказалъ, я бы ей заплатилъ.
- Намеднишь ваше благородіе приказали ее гнать.
- Болванъ! Намеднишь у меня не было денегъ, а теперъ есть, я бы ей заплатилъ.

Этимъ разговоръ про жидовку и кончился. Позавтракавъ, Ивковъ продолжалъ укладку вещей съ помощью Ильи.

Когда все было готово, онъ взглянулъ на часы и увидаль, что до отхода поѣзда остается часа полтора. Онъ вынулъ портмоне, отсчиталъ нѣсколько рублей Ильѣ на необходимыя издержки во время его отсутствія и замѣтилъ, что мелочи у него даже на извозчика не осталось.

— Размѣнный мнѣ это,—сказалъ онъ Ильѣ, подавая ему сто-рублевку.

Илья побѣждалъ исполнять порученіе, а баринъ его, закуривъ папиросу, принялся укладывать въ письменный столъ стоявшія на немъ вещи; между прочимъ, мраморное прессианье, которое ему было дорого, какъ память любимаго товарища.

Но вещь эта не протискивалась въ ящикъ, наполненный до верху бумагами; не выпуская ея изъ рукъ, онъ соображалъ, куда бы ее спрятать, какъ вдругъ по сосѣдней комнатѣ раздалось шлепанье ногъ въ туфляхъ.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ, возвышая голосъ.

Отвѣта не послѣдовало, но шаги приблизились къ припертой двери и остановились, точно чего-то выжидая.

— Кто тутъ?—громче прежняго повторилъ онъ, повертывая голову къ двери, которая растворилась, чтобы пропустить грязную, старую еврейку.

— Откуда взялась? Какъ смѣла? Ступай вонъ!—вскричалъ онъ, раздосадованный ея наглостью и мыслью, что Илья, уходя, опять оставилъ дверь не запертой.

«Вѣчно забываетъ! Сколько ни говори! Вотъ олухъ!»—мелькало у него въ головѣ.

А старуха, между тѣмъ, не обращая вниманія на его окрикъ, нагло къ нему приблизилась и стала требовать рубль шестьдесятъ копеекъ, должныя ей за апельсины, грозясь, что не уйдетъ, пока требованіе ея не будетъ исполнено.

— У меня нѣтъ мелкихъ, послалъ размѣнять... Ступай вонъ!

— Я буду дожидать.

— Жди, только не здѣсь, а на дворѣ.

— Я буду дожидать уздѣся... Гаспадинъ офицеръ хотить уѣхать, денщикъ будетъ деньги пропивать, я не получай, я хочу получайть,—повторила она.

— Уберешься ли ты, старая кочерга!—вскричалъ онъ, срываясь съ кресла.

Но она не трогалась съ мѣста и, не спуская съ него дерзкаго, вызывающаго взгляда, повторяла, что ей нужны деньги сейчасъ.

Онъ наконецъ потерялъ терпѣніе.

— Я тебя вонъ вытолкаю, если ты меня не оставишь въ покоѣ!

Но вмѣсто того, чтобъ отступить къ двери, на которую ей указывали, она съ яростью на него надвинулась и, схватившись за рукавъ его тужурки грязными, крючковатыми пальцами, объявила, дерзко возвышая голосъ, что пожалуется полковнику, если онъ тотчасъ же съ нею не расплатится.

Взбѣшенный этой угрозой, онъ поднялъ на нее пресспаще, которое продолжалъ держать въ рукѣ, а она, цѣпляясь за его рукавъ и обдавая его своимъ вонючимъ дыханіемъ, неистово завизжала.

Что случилось дальше, какъ вышло, что, выбиваясь изъ ея когтей, онъ ударилъ ее по головѣ,—этого онъ не помнилъ: отъ гнѣва у него на мгновеніе потемнѣло въ глазахъ, а когда онъ очнулся, старуха лежала на полу безъ движенія.

«Экъ, я ее хватилъ!»—подумалъ онъ, съ омерзѣніемъ бросая пресспаще.—«Возись теперь тутъ съ нею, того и гляди, на поѣздъ опоздаешь!»

Растворивъ дверь въ коридоръ, онъ позвалъ Илью.

— Вотъ я тутъ что, по твоей милости, надѣлалъ,—сказалъ онъ, указывая на старуху. — Ты опять, уходя, забылъ запереть дверь, она прилѣзла, стала приставать, схватила меня за рукавъ, какъ когтями вцѣпилась, не выпускаетъ... Я ее вотъ этимъ хватилъ и чуть не убилъ... Возьми одеколону, потри ей виски, чтобъ скорѣе очухалась, отдай ей деньги и выгони вонъ,—брезгливо стряхивая съ рукава слѣды грязныхъ пальцевъ старухи, продолжалъ онъ, въ то время, какъ Илья, опустившись передъ нею на колѣни, тербилъ ее, чтобъ привести въ чувство.

— Да возьми же одеколону, говорятъ тебѣ!—повторилъ онъ съ раздраженіемъ.

И хотѣлъ еще что-то такое прибавить, но Илья, не поднимаясь съ колѣней, обернулся къ нему съ такимъ страннымъ выраженіемъ въ широко раскрытыхъ глазахъ, что слова застряли у него въ горлѣ.

— Ваше б—діе, она умерла, — произнесъ чуть слышно денщикъ, съ трудомъ шевеля побѣлѣвшими губами.

— Что ты врешь! — вскричалъ Ивковъ, кидаясь къ старухѣ и пригибаясь къ ея груди, чтобъ уловить біеніе ея сердца.

Но сердце не билось, въ раскрытыхъ глазахъ не было взгляда, она умерла.

Съ минутой времени воцарившаяся въ комнатѣ тишина ничѣмъ не нарушалась. Отъ наплыва мыслей и чувствъ, вихремъ пронесившихся въ умѣ, до боли тѣсня грудь, Ивковъ ничего не могъ ни сообразить, ни понять.

Вывелъ его изъ оцѣпенѣнія Илья.

— Вотъ что, ваше б—діе, извольте-ка скорѣе уѣзжать. Я тутъ безъ васъ все облажу, — произнесъ онъ хриплымъ, измѣнившимся голосомъ, но такъ рѣшительно, что баринъ, не возражая, поднялся на ноги. — Вотъ вамъ деньги, — продолжалъ Илья, вынимая изъ кармана и кладя на столъ размѣненную сторублевку. — Не извольте беспокоиться, — продолжалъ онъ, точно понимая, какъ слова его нужны Ивкову, какимъ ободряющимъ образомъ дѣйствуетъ его голосъ на пораженный ужасомъ мозгъ его господина. — Мы тутъ все запремъ, ключъ я возьму съ собою, провожу васъ до вокзала, а когда поѣздъ тронется, вернусь сюда и все облажу. Не извольте беспокоиться, я этотъ грѣхъ, если что, возьму на себя, — повторилъ онъ.

«Что онъ говоритъ? И какъ же это будетъ? Вѣдь не онъ убилъ, а я... какъ же онъ можетъ взять на себя?.. Нѣтъ, нѣтъ, я этого не могу допустить!» — вертѣлось въ головѣ Ивкова, но гдѣ-то далеко, въ сторонѣ, не мѣшая ему запрягивать деньги въ карманъ, въ то время, какъ Илья, захлопнувъ крышку чемодана, сталъ на него колѣнями, чтобъ унять вещи и повернуть ключъ въ замкѣ.

Комната была не велика: трупъ, распростертый на полу, занималъ много мѣста, безпрестанно приходилось его обходить, чтобъ достать то то, то другое; но ни разу ни баринъ, ни слуга не взглянули на него, и обоимъ имъ казалось, что стоитъ имъ только скорѣе отсюда выбраться, и все пойдетъ хорошо.

— Пожалуйте-съ, ваше б—діе, — сказалъ Илья, порывисто схватывая одной рукой чемоданъ, а другой растворяя передъ Ивковымъ дверь въ сосѣднюю комнату. — Извольте выйтить на крыльцо, я той же минутой, только запру дверь.

И не успѣлъ Ивковъ сойти съ лѣстницы, какъ онъ его нагналъ и побѣжалъ за извозчикомъ. Черезъ минуту они ѣхали къ вокзалу, гдѣ застали кассу запертой и пассажировъ, стремившихся къ экипажамъ, подъ дребезжаніе третьяго звонка.

Но къ нимъ послѣшилъ знакомый артельщикъ.

— Садитесь, ваше б—діе, билетъ возьмете на ходу,—послѣшно проговорилъ онъ, выхватывая изъ рукъ Ильи чемоданъ и торопливо направляясь къ вагонамъ.

Поѣздъ тронулся въ ту самую минуту, когда Ивковъ вскакивалъ на подножку.

II.

Возня и суета при отыскиваніи мѣста, новыя лица, все это на нѣкоторое время развлекло Ивкова и заставило его забыть то, что онъ оставлялъ за собою; но это блаженное состояніе длилось не долго, и пришлось убѣдиться, что чѣмъ дальше уѣзжаетъ онъ отъ мѣста, гдѣ свершилось роковое событіе, тѣмъ живѣе и мучительнѣе поднимается въ его воображеніи представленіе о немъ. И къ воспоминанію этому примѣшивалось горькое сознаніе сдѣланныхъ ошибокъ.

Какъ могъ онъ не сообразить нелѣпости совѣта, даннаго ему Ильей! Какъ могъ онъ ему послѣдовать, не заставивъ его опредѣленнѣе высказаться насчетъ его намѣреній! Какъ будетъ поступать Илья, когда начнутъ добираться до причинъ, повлекшихъ за собою смерть старухи?

При этихъ вопросахъ у него поднимался въ головѣ такой сумбуръ неожиданныхъ представленій, одно ужаснѣе другого, что ему казалось, что онъ сходитъ съ ума.

Тѣмъ не менѣе, къ утру онъ заснулъ, и сонъ его освѣжилъ; проснулся онъ въ болѣе спокойномъ расположеніи духа.

Новыя впечатлѣнія произвели желаемое дѣйствіе, ему было легче отгонять тяжелыя воспоминанія и останавливаться мыслями на другихъ предметахъ. Онъ могъ думать о томъ, гдѣ ему остановиться въ Москвѣ, въ гостиницѣ или у родственниковъ; онъ вспомнилъ про Лидочку и, представляя себѣ встрѣчу съ нею, забывалъ про Илью и про еврейку.

На одной изъ станцій, неподалеку отъ Москвы, въ ихъ вагонъ сѣлъ офицеръ, большой говорунъ и забавный чудакъ, который немедленно со всѣми перезнакомился и рассказывалъ такія интересныя вещи про новый край, изъ котораго возвращался, что всѣ его заслушались, а у Ивкова начали развѣртываться въ умѣ новыя и весьма заманчивыя горизонты.

Все бросить на произволь судьбы и уѣхать туда, куда вѣсти изъ Европейской Россіи доходятъ только черезъ два, три мѣсяца... когда доходятъ! А тамъ отличиться въ какомъ нибудь опасномъ дѣлѣ и просить у государя прощенія за невольное содѣянное преступленіе...

Но тутъ мысли его опять прилипли къ еврейкѣ, и въ головѣ поднялась сумятица. Когда пришлось выходить изъ вагона по прѣздѣ въ Москву, онъ безъ ужаса не могъ подумать о томъ, чтобы остановиться у родственниковъ, и приказалъ везти себя въ гостиницу.

III.

Переодѣваясь, устроиваясь въ номерѣ и разтѣзжая по городу, Ивковъ думалъ все о томъ же: какую непростительную сдѣлалъ онъ глупость, уѣхавъ, не узнавши про намѣренія Ильи.

Мысль эта отравила ему и свиданіе съ Лидочкой, которая, какъ онъ ожидалъ, очень ему обрадовалась, вспыхнула до ушей при его появленіи и отъ волненія не могла произнести ни слова. Но какъ она на него смотрѣла! Съ какимъ восторгомъ и любовью! И какъ усиливалось въ ея милыхъ глазкахъ выраженіе страха и недоумѣнія по мѣрѣ того, какъ она вглядывалась въ его лицо!

«Что съ тобою? Почему ты не такой, какъ прежде? Неужели разлюбилъ?» читалъ онъ въ этихъ глазкахъ каждый разъ, когда встрѣчался съ ними взглядомъ.

Ему это такъ было неприятно, что онъ отъ нея отвертывался.

Сознаніе, что обманывать ее ему будетъ труднѣе, чѣмъ другихъ, приводило его въ раздраженіе, и, находя ее назойливой, онъ мысленно упрекалъ ее въ недостатокъ деликатности и чуткости сердца. А вмѣстѣ съ тѣмъ ему ее было жаль и хотѣлось, чтобъ она безъ словъ поняла, что онъ ничего не можетъ ей сказать, что надо ждать, пока не разъяснится мучительная неизвѣстность, въ которой онъ находился.

А она не хотѣла этого понимать и обижалась. Наконецъ, не выдержала и, невзирая на его явное нежеланіе оставаться съ нею наединѣ, остановила его въ дверяхъ столовой, куда всѣ прошли завтракать, чтобъ прерывающимся отъ волненія и сдержанныхъ слезъ голосомъ спросить, устремляя на него умоляющій взглядъ:

— Скажите скорѣе... все конечно? Да? Вы ужъ не тотъ, что были прежде?

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, — вымолвилъ онъ съ усиленіемъ.

Она поблѣднѣла и, отшатнувшись отъ него, отрывисто произнесла:

— Вы меня ужъ не понимаете?! Хорошо... такъ и буду знать...

И убѣжала къ себѣ. Онъ вошелъ одинъ въ столовую, гдѣ вся семья сидѣла за завтракомъ.

— А гдѣ же Лидочка? — спросилъ отецъ.

И, замѣтивъ укоризненный взглядъ жены, не дожидаясь отвѣта, сталъ потчевать Ивкова водкой и сыромъ.

Оба, и мать и отецъ, приписали смущеніе гостя и исчезновеніе дочери мимолетной размолвкѣ между влюбленными и, мысленно рѣшивъ въ нее не вмѣшиваться, съ напускнымъ равнодушіемъ заговорили о постороннихъ предметахъ. Но Ивковъ понялъ, что между нимъ и Лидочкой все кончено, и такая неожиданная развязка прелестнаго романа, какъ солнечнымъ лучемъ скрашивавшаго его жизнь, скорѣе обрадовала его, чѣмъ огорчила.

Лучше до поры до времени подальше отойти отъ этой любопытной и страстной дѣвочки. Все равно ему теперь нельзя мечтать ни о любви, ни о женитьбѣ; надо прежде узнать, что «тамъ» дѣлается.

Отъ предложенія Марьи Алексѣевны остаться обѣдать онъ отказался, подъ предлогомъ множества визитовъ, которые ему надо было сдѣлать, и чтобъ она не подумала (какъ Лидочка), что онъ къ нимъ перемѣнился, посидѣвши смягчить свой отказъ нѣсколькими теплыми словами, имѣвшими цѣлью доказать, что у него въ цѣлой Москвѣ нѣтъ людей ближе ихъ.

Но по одному тому, какъ онъ спѣшилъ съ ними разстаться, и какъ онъ вздохнулъ свободно, выѣхавши изъ ихъ дома, можно было убѣдиться, что Лидочка права: онъ сдѣлался «другой».

Впрочемъ, иначе и не могло быть. Вотъ когда все кончится такъ или иначе, онъ опять сдѣлается такимъ, какимъ былъ прежде. Надо только какъ нибудь пережить это время и сдѣлать такъ, чтобъ никто не догадался объ его тайнѣ, это главное.

И какъ можно скорѣе узнать про то, что «тамъ» дѣлается.

Но какъ узнать, когда онъ даже не распорядился, чтобъ его объ этомъ уведомили?

И какъ уведомить? Илья писать не умѣетъ. Не поручать же постороннему человѣку такое дѣло... Остается, значитъ, ждать, пока всѣ не узнаютъ... Можетъ быть, появится въ газетахъ...

Прошло нѣсколько дней томительнаго ожиданія. Каждое утро, съ замирающимъ сердцемъ открывая газеты, онъ искалъ извѣстій оттуда, гдѣ произошло событіе, превратившее его изъ жизнерадостнаго офицера въ существо, изнемогавшее подъ гнетомъ мрачныхъ предчувствій и мучительныхъ сомнѣній.

И въ такомъ-то нравственномъ состояніи надо было притворяться внимательнымъ и сочувствующимъ чужимъ радостямъ и печалямъ, соболѣзновать кузинѣ Алинѣ, мужъ которой такъ грубъ и такъ мало способенъ ее понимать, что она начинаетъ подумывать о разводѣ, терпѣливо выслушивать рассказы дяденьки Ивана Николаевича о проигранномъ процессѣ, надо было, пребывая въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Василіемъ Сергѣевичемъ и Марьей Алексѣевной, избѣгать объясненій съ ихъ дочерью...

Впрочемъ, Лидочка была горда, и чтобъ доказать, что сожалѣнія ни въ комъ возбуждать не желаетъ, она сама избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ и выходила изъ комнаты, когда разговоръ кос-

венно касался плановъ, нѣкогда съ такою любовью ею летѣянныхъ, какъ, на примѣръ, земской службы, жизни въ деревнѣ и т. п.

Онъ не могъ этого не замѣчать, и до извѣстной степени ему это было больно, но онъ успокоивался мыслью, что выяснитъ недоразумѣнїе не въ его власти. Не могъ онъ ей открыть ни тревогъ своихъ, ни опасенїй пока все не выяснится, пока онъ не убѣдится, что Ильѣ удалось устроить дѣло такъ, чтобъ опасаться за послѣдствїя несчастнаго случая съ еврейкой не нужно было.

Мало ли преступленїй остается нераскрытыми!

А тутъ и преступленїя нѣтъ, есть только неосторожность, несчастье, бѣда, случившаяся въ минуту запальчивости, и ничего больше.

Что непростительно, это то, что растерявшись онъ подчинился чужой волѣ, смалодушничалъ и бѣжалъ, какъ мальчишка отъ розги, вмѣсто того, чтобъ немедленно на себя донести.

Въ этомъ ему уже не оправдаться. Какъ объяснить онъ нашедшее на него затменїе разума? Кто повѣритъ, что внезапно обрушившаяся на него бѣда лишила его способности мышленїя и силы воли? Да и какъ теперь сознаваться, когда онъ этимъ можетъ погубить не одного себя, а также и Илью? Вѣдь, если его будутъ судить за неумышленное убїйство, то Ильѣ придется отвѣчать за умышленное сокрытїе убїйства.

Цѣпляясь за это соображенїе съ отчаянїемъ погибающаго, онъ рѣшилъ ждать, не переставая при этомъ сознавать, что злой рокъ втягиваетъ его все глубже и глубже въ пропасть, изъ которой нѣтъ исхода.

Въ такихъ мысляхъ и чувствахъ провелъ онъ недѣли двѣ, тщетно пытаясь развлекаться театрами, свиданїями съ бывшими товарищами и друзьями, и, наконецъ, поѣхалъ навѣстить тетку, Вѣру Николаевну, сестру его отца, жившую послѣднїя пять лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ, подъ Москвой.

VI.

Въ теткѣ онъ разочаровался.

Когда мальчикомъ онъ ходилъ къ ней въ отпускъ, она казалась ему чрезвычайно умной и развитой особой, но теперь, потому ли, что взглядъ его на людей измѣнился, съ тѣхъ поръ какъ самъ онъ сдѣлался не «тотъ», она показалась ему одряхлѣвшей какъ тѣломъ, такъ и духомъ. Съ досадой спрашивалъ онъ себя: какъ могъ онъ раньше не замѣчать ея недомыслїя, односторонности, пристрастїя къ чужимъ сужденїямъ и полнѣйшей неспособности что либо обсудить и рѣшить безъ помощи выдохшихся и наби- вшихъ оскомину авторитетовъ. Слушая ее, нельзя было не вспо-

мнить Герцена, Чернышевскаго, Писарева и прочихъ вожаковъ русской молодежи шестидесятыхъ годовъ.

Никакого нравственнаго удовлетворенія она ему дать не могла, и ему съ нею было скучнѣе, чѣмъ одному.

Не нашелъ онъ также ничего интереснаго въ окружавшемъ ее обществѣ. Вопросы о новыхъ вѣяніяхъ въ высшихъ сферахъ, предложенные ему школьной учительницей и земскимъ врачомъ, привели его въ раздраженіе, а рассказы старичковъ-помѣщиковъ, ближайшихъ сосѣдей Вѣры Николаевны, о ихъ внучатномъ племянникѣ, который, судя по ихъ словамъ, находился въ такихъ близкихъ сношеніяхъ съ личностями, окружавшими царя, что чуть ли не управляетъ черезъ нихъ судьбами Россіи, вызвали у него улыбку состраданія.

Въ былое время эти глупости его бы забавили, но Лидочка вѣрно его опредѣлила: онъ былъ уже не тотъ, и наивныя заблужденія ближнихъ его тяготили. Проживъ здѣсь дней пять, онъ началъ подумывать объ отъѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ, можетъ быть, остался бы здѣсь еще нѣсколько дней, еслибъ не случай, самъ по себѣ ничтожный, но про который онъ безъ волненія не могъ вспомнить.

Впрочемъ, то, что произошло, даже и случаемъ нельзя было назвать; это былъ разговоръ между его теткой и деревенскимъ священникомъ, при которомъ ему пришлось присутствовать.

Однажды, вечеромъ, священникъ завернулъ къ нимъ во время вечерняго чая и рассказалъ, между прочимъ, что, возвращаясь изъ сосѣдняго города по желѣзной дорогѣ, онъ встрѣтился съ г-мъ Туманскимъ.

— Такъ онъ вернулся изъ-за границы?—спросила Вѣра Николаевна.

— Вернулся.

— Одинъ?—съ живостью освѣдомилась она.

— Должно быть, одинъ, я не рѣшился спросить...

— Да ужъ послѣ того, что произошло, пошамъ съ нимъ разговаривать неудобно,—замѣтила она язвительно.

И, обернувшись къ Ивкову, она продолжала, кивая на улыбавагося загадочной улыбкой священника:

— А еще представителями Спасителя на землѣ себя считают! Что они съ бѣднымъ Туманскимъ сдѣлали!

И она съ возрастающимъ волненіемъ начала рассказывать про несчастье г-на Туманскаго. Настоящій романъ, написать—никто не повѣритъ. Молодой, красивый, прекрасно воспитанный, богатый, онъ влюбился въ замужнюю женщину. И она въ него, разумѣется. Мужъ, нравственный уродъ какой-то, на разводъ не согласился, какъ его ни умоляли. Мучились, мучились и рѣшили на все махнуть рукой и жить гражданскимъ бракомъ.

— Такого брака у насъ нѣтъ, сударыня,—робко замѣтилъ священникъ.

Она съ усмѣшкой махнула на него рукой и продолжала:

— Онъ бросилъ службу, поселился съ нею въ деревнѣ. Жили, какъ голубки. Она вела себя такъ прилично, какъ дай Богъ вѣнчанной. Всѣ у нихъ бывали; весело было на нихъ смотрѣть, такъ они были счастливы. И вдругъ какому-то глупому попу вздумалось разстроить ихъ счастье! Она была набожная, каждый годъ говѣла, конечно. Въ прошломъ году ей кто-то сказалъ про одного московскаго попа, что онъ будто бы прекрасно исповѣдываетъ и очень строгій. Ей захотѣлось непремѣнно у него говѣть, и она нарочно для этого поѣхала въ Москву. А попъ этотъ не допустилъ ея до причастія, какъ тебѣ это нравится?

— Дуракъ,—равнодушно замѣтилъ Ивковъ.

— Онъ не могъ иначе поступить,—сказалъ священникъ,—разъ она не пожелала отказаться отъ своей грѣховной жизни...

— Легко сказать, отказаться отъ человѣка, котораго любишь, для котораго она бросила свѣтъ, семью!.. Родные отъ нея отказались. Къ мужу вернуться? рисковать быть выгнанной? Положеніе ужасное!

— Все это послѣдствія ея грѣха. Церковь за это не отвѣтственна. У церкви свои законы, незыблемые, которые она преступить не можетъ...

— Законы должны быть прежде всего человѣчны и согласоваться съ человѣческими потребностями...

— Извините, сударыня, законы церкви не отъ міра сего,—дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ прервалъ ее священникъ.

— Но вѣдь вы ихъ примѣняете къ людямъ, которые живутъ на землѣ?

— Къ вѣрующимъ въ будущую жизнь, съ прочими намъ дѣлать нечего, намъ остается только молиться, чтобъ Господь ихъ обратить на путь истинный.

— Господь хочетъ спасенія грѣшниковъ, а не гибели ихъ...

— Раскаивающихся и желающихъ очиститься.

— А если ей нельзя было этого желать въ такомъ смыслѣ, какъ вы это понимаете? Если это было сверхъ ея силъ?

— Господь креста свыше силъ не посылаетъ. И мы это на ней видимъ. Развѣ она, наконецъ, не приняла посланнаго ей креста и не несетъ его?

— Вы не знаете, чего ей это стоить!—вскричала, виѣ себя отъ досады, Вѣра Николаевна.

— Но Господь это знаетъ и помогаетъ ей. Христосъ сказалъ: «Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные»...

— Ахъ, все это можно объяснить иначе! И гдѣ же вы видѣли въ Евангеліи, чтобы Спаситель выталкивалъ изъ храма грѣшники-

ковъ? Онъ за нихъ заступался, спасалъ ихъ отъ казни, отпускалъ ихъ съ миромъ...

— Прибавляя къ этому: «стунай и не грѣши».

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста! Если вы начнете выѣзжать на текстахъ, которые каждый понимаетъ по-своему, то, разумѣется, мнѣ за вами не угоняться, но вѣдь мы живемъ не текстами, а страстями и потребностями, которыя тоже отъ Бога.

— Съ этимъ я согласиться не могу. Церковь учитъ другому,— замѣтилъ священникъ:— зло отъ дьявола, а не отъ Бога.

— Отъ дьявола? Вотъ до чего мы договорились! Что же послѣ этого съ вами толковать! *Voilà où nous en sommes!*—прибавила она, обращаясь къ племяннику, съ усмѣшкой по адресу невѣжественнаго попа.

— Да, съ предразсудками бороться труднѣе, чѣмъ со стотысячной арміей,—сказалъ Ивковъ, повторяя гдѣ-то слышанное изреченіе, застрявшее у него въ умѣ.

И не успѣли слова эти сорваться съ его языка, какъ онъ раскаялся въ нихъ. Не то надо было сказать, совсѣмъ не то... Но что именно,—этого онъ не зналъ.

А тетка его, между тѣмъ, продолжала свои нападки на священника.

— Что жъ она теперь спасена, по-вашему, потому что и свое счастье погубила и сдѣлала несчастнымъ человѣка, который любитъ ее больше всего на свѣтѣ?

И, не дожидаясь отвѣта, продолжала:

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ тамъ ни толкуйте, а подвергнуть такому позору порядочную женщину...

— Позвольте-съ, какой же тутъ позоръ, когда сами же вы сейчасъ изволили сказать, что весь свѣтъ за нее, и что всѣ осуждаютъ священника, не допустившаго ея до причастія?

— Разумѣется, осуждаютъ и даже удивляются, что ему это прошло даромъ. Но ее это такъ потрясло, что никакими логическими доводами невозможно было ее заставить понять нелѣпость этого изувѣра...

— Слава Богу, что восчувствовала! Она, значить, нашла то, чего искала ея душа, и значить исповѣдь разбудила спавшую въ ней совѣсть...

— Вы, батюшка, все свое! Васъ не переспоришь. Вотъ у насъ какіе еще водятся фанатики въ началѣ двадцатаго столѣтія!—обратилась она къ Ивкову.

Но замѣчаніе ея осталось безъ возраженія. Ивковъ съ любопытствомъ разсматривалъ священника, молодого, некрасиваго человѣка, въ поношенной рясѣ, съ жидкой бородой и свѣтлыми волосами, откинутыми назадъ со вепотѣвшаго отъ волненія лба.

Онъ видѣлъ его раньше. Въ день его пріѣзда, священника по-звали обѣдать, и передъ вечеромъ онъ съ нимъ игралъ на бильярдѣ и разговаривалъ, или, лучше сказать, говорилъ одинъ Ивковъ, а священникъ его слушалъ съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Рѣчь шла о политикѣ, о послѣднихъ открытіяхъ въ области науки, о московскихъ новостяхъ, и онъ показался Ивкову простымъ и добрымъ малымъ, старавшимся не упустить случая расширить скудныя свои познанія, просвѣтиться... Не ждалъ онъ отъ него такихъ словъ...

Впрочемъ, какія же это слова? Понадерганные изъ Евангелія тексты, ничего больше.

Очень нужно было затѣвать при немъ такой разговоръ! Развѣ съ ними можно про это говорить...

Но почему же нельзя?

Ему вспомнилось выраженіе лица этого человѣка, когда съ языка его сорвалась презрительная брань насчетъ другого священника, поступкомъ котораго этотъ не только восхищался, но даже какъ будто гордился... Должно быть, и онъ также не допустилъ бы до причастія женщину, не желавшую отказаться отъ грѣха, котораго въ свѣтѣ никто и за грѣхъ не считаетъ, а только несчастьемъ и неудобствомъ... Услышавъ ругательное слово, произнесенное Ивковымъ, онъ не обидѣлся и не разсердился, а только посмотрѣлъ на него немножко свысока и съ снисходительной улыбкой, какъ знающій человѣкъ смотритъ на невѣжду, берущагося судить о томъ, чего онъ не понимаетъ...

Точно также относился онъ и къ нападкамъ Вѣры Николаевны, пропуская мимо ушей то, что лично до него касалось, и волнуясь только за церковь, за плохо понимаемые ея законы и права... Тетушка говорила вздоръ, совсѣмъ другое надо было сказать... Ивкову было за нее совѣстно... такъ не спорять, кидаясь въ сторону отъ аргумента, когда нечѣмъ его опровергнуть... Въ данномъ случаѣ попы восторжествовали, грѣшница послѣдовала указанію церкви, ушла отъ грѣха, это свершившійся фактъ, противъ котораго спорить невозможно... Пошъ увѣренъ въ томъ, что она нашла именно то, чего искала!.. Но почему онъ это знаетъ? Интересно бы послушать про это Туманскаго, который ѣздилъ, чтобъ упрасивать ее вернуться къ прежней, счастливой, грѣховной жизни... Но она не вернулась, однако, значитъ, дѣйствительно восчувствовала, по выраженію попа... Чѣмъ объяснила она своему бывшему возлюбленному свое упорство?.. А, можетъ быть, ему не удалось ее и видѣть... И вѣдь не вернулась же...

Все это казалось ему очень дико и наводило его на такія мысли, которыхъ у него никогда раньше не было...

И вдругъ передъ нимъ предсталъ такой вопросъ: какъ называлъ бы священникъ то, что съ нимъ произошло? Несчастьемъ

или преступленіемъ? И какъ бы онъ ему приказалъ поступить, чтобъ успокоиться?

Онъ уже лежалъ въ постели, когда вопросъ этотъ предсталъ передъ нимъ, и ему такъ страстно захотѣлось услышать на него отвѣтъ, что онъ сорвался съ кровати, чтобъ бѣжать къ священнику, который жилъ неподалеку, у церкви, видѣвшейся изъ оконъ его комнаты. Но ему представилось, какъ всѣ изумятся такому поступку, какъ начнутъ добиваться причины такой странности, какія непріятныя и опасныя заключенія могутъ изъ этого вывести, и, во время опомнившись, онъ снова повалился на подушки.

«Фу, ты, пропасть, какъ я, однакожъ, изнервничался! Надо скорѣе отсюда бѣжать, какъ изъ Москвы... И всему причиной неизвѣстность... Ничего не можетъ быть хуже неизвѣстности... Надо скорѣе ѣхать «туда», повидать Илью, узнать, какъ стоитъ дѣло, и какъ онъ намѣренъ поступать... Нечего дольше ждать... хуже не будетъ... Хуже того, что есть, быть не можетъ», повторялъ онъ себѣ, стуча зубами отъ внутренней дрожи.

«Даже для того, чтобъ покаяться священнику, надо все знать», шепталъ ему внутренній голосъ.

Тотъ властный таинственный голосъ, который теперь вмѣшивался во всѣ его помыслы, и котораго онъ не въ силахъ былъ заглушить.

«Ну, да, конечно, надо прежде всего узнать про то, что «тамъ» дѣлается»,—послѣшилъ онъ согласиться съ невидимымъ совѣтчикомъ.

«Тамъ», гдѣ онъ оставилъ трупъ еврейки съ Ильей.

Эти двое, трупъ и Илья, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, захватывали все больше и больше мѣста въ его душѣ, вытѣсняя изъ нея всѣ прочія чувства и впечатлѣнія. Ко всему они присасывались, во все проникали, все леденили своимъ мертвящимъ давленіемъ.

V.

Онъ вернулся въ Москву съ тѣмъ, чтобъ во что бы то ни стало узнать про то, что происходитъ «тамъ», и съ твердою рѣшимостью ни передъ чѣмъ не останавливаться, чтобъ этого достигнуть, даже передъ поѣздкой «туда», а между тѣмъ, когда, войдя въ номеръ, который она оставила за собою въ гостиницѣ, онъ увидалъ на столѣ повѣстку отъ судебного слѣдователя, вызывавшаго его въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу убійства еврейки въ городѣ Z, сердце его захолонуло отъ ужаса, и первымъ его чувствомъ было пожалѣть, что онъ поторопился покинуть мирное убѣжище, гдѣ могъ бы прожить еще нѣсколько дней, ничего не зная.

Вызывали его къ двѣнадцати часамъ. Было десять, времени оставалось достаточно, чтобъ переодѣться съ дороги и привести въ порядокъ мысли и чувства.

Обдумавъ положеніе, онъ рѣшилъ во всемъ сознаться.

— Это будетъ всего лучше и во всякомъ случаѣ много цѣлесообразнѣе, чѣмъ разговаривать съ глупымъ деревенскимъ попомъ.

Безъ сомнѣнія, Илья растерялся, и все открылось. Судьба—значить. Какъ войдетъ къ слѣдователю, такъ скажетъ: «Вотъ какъ было дѣло, прикажите меня арестовать».

Ему казалось, что ничего счастливѣе для него не могло произойти. Конецъ сомнѣніямъ и неизвѣстности. Дѣло его рѣшатъ посторонніе люди и опредѣлятъ степень его виновности, ничего больше ему и не надо.

Но вышло такъ, что его не тотчасъ позвали къ слѣдователю, а заставили довольно долго дожидаться въ сосѣдней комнатѣ, съ другими людьми, судя по ихъ скорбнымъ и озабоченнымъ лицамъ, прикосновеннымъ къ преступленіямъ.

Неужели и у него такое же лицо? Неужели и его принимаютъ за преступника?

Какъ отнесутся къ его признанію? Повѣрятъ ли ему, когда онъ скажетъ, что, отбиваясь отъ старухи, у него и въ мысляхъ не было ее убивать? Вѣдь свидѣтелей не было... А внезапное его бѣгство послѣ того, что произошло, не подорветъ ли всякую вѣру къ его словамъ? И наконецъ, не зная, что сказалъ Илья, онъ можетъ разойтись съ нимъ въ показаніяхъ...

Сомнѣніе въ принятомъ рѣшеніи съ минуты на минуту возрастало. Во всякомъ случаѣ, не будетъ ли глупо кинуться въ пропасть, ничего не узнавши, не зная даже, подозрѣваютъ ли его въ прикосновенности къ дѣлу... Вѣдь его вызываютъ только, какъ свидѣтеля...

Обдумать новое соображеніе ему не удалось: не успѣло оно сложиться въ его головѣ, какъ его позвали къ слѣдователю, который принялъ его весьма учтиво, любезно пригласилъ сѣсть и, заглядывая въ бумагу съ печатнымъ заголовкомъ, лежавшую передъ нимъ, спросилъ: что можетъ онъ ему сказать про служившаго у него денщикомъ, Илью Соколова?

Въ душѣ Ивкова поднялась цѣлая буря враждующихъ между собою силъ.

«Вотъ она, роковая минута! Вотъ она! Пользуйся ею... упустишь, все пропало», твердилъ внутренній голосъ въ то время, какъ онъ напрягалъ всѣ силы, чтобъ казаться спокойнѣе и ни единымъ мускуломъ не выдать внутренняго волненія.

Ему это удалось: съ полнымъ самообладаніемъ человѣка, не знающаго за собой никакой вины, онъ отвѣчалъ, что знаетъ Илью болѣе года и ничего дурного про него сказать не можетъ. Человѣкъ

онъ трезвый, честный, нѣсколько разъ покидая городъ, оставлялъ онъ на его попеченіе квартиру и всегда находилъ все въ цѣлости и въ порядкѣ.

— Я и теперь все оставилъ на его рукахъ...

Произнося эти слова, онъ чувствовалъ, какъ поднявшаяся было въ груди его буря постепенно стихаетъ, а внутренній голосъ смолкаетъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ всѣмъ своимъ существомъ сознавалъ, что все кончено, что входъ туда, куда рвалась его душа, навсегда для него запертъ, и что все, что происходило съ нимъ до сихъ поръ, суціе вздоръ и пустяки передъ тѣмъ невѣдомымъ и страшнымъ, что ждетъ его на новомъ пути, съ котораго уже свернуть некуда, а остается только какъ можно дольше всѣхъ держать въ заблужденіи насчетъ того, что произошло. Только этимъ и можно отдалить роковую и неизбѣжную развязку.

Проникаясь съ каждой минутой все больше и больше этимъ убѣжденіемъ, онъ становился развязнѣе и наглѣе.

— Вообще, я былъ очень доволенъ этимъ человѣкомъ... А что тамъ случилось? Вотъ скоро мѣсяць, какъ я отсюда выѣхалъ и ничего не знаю,—продолжалъ онъ такимъ естественнымъ тономъ, что если-бъ даже и существовало противъ него какое нибудь подозрѣніе, оно должно было разсѣяться отъ его словъ.

— Тамъ случилось убійство, и противъ вашего бывшего денщика довольно важныя улики,—отвѣчалъ слѣдователь.

— Не можетъ быть!—вскричалъ Ивковъ.

Теперь онъ былъ уже увѣренъ, что его не подозрѣваютъ, и увѣренность эта придавала ему столько бодрости и энергіи, что лгать и притворяться ничего не стоило. Ему это даже доставляло какое-то особенное наслажденіе. Когда слѣдователь въ краткихъ словахъ передалъ ему суть дѣла, въ томъ видѣ, въ которомъ оно представлялось тѣмъ, которые его разслѣдовали, Ивковъ, съ несвойственнымъ ему краснорѣчіемъ, началъ доказывать, что такой добродушный и безхитростный малый, какъ Илья, не способенъ убить беззащитную старуху.

— Да и причинъ у него на это никакихъ не могло быть. Вы говорите, что онъ ей былъ долженъ нѣсколько копеекъ за апельсины? Но у него были деньги, и онъ хорошо знаетъ, что я вышлю ему еще, если-бъ нужно было.

Однимъ словомъ, онъ такъ хорошо притворился возмущеннымъ и удивленнымъ, что самъ на себя надивиться не могъ. Совершенно новый человѣкъ въ немъ проснулся, о которомъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Вышелъ онъ отъ слѣдователя въ торжествующемъ настроеніи, точно ему удалось побѣдить могущественнаго невидимаго врага, но оставаться одному съ самимъ собой было жутко, тянуло къ шуму, къ людямъ, хотѣлось слышать и говорить о предметахъ, не имѣю-

щихъ ничего общаго съ тѣмъ, что гнѣздилося въ глубинѣ души и продолжало мучительно въ ней скрести.

Онъ поѣхалъ къ кузинѣ Алинѣ, той самой, у которой былъ грубый мужъ, неспособный ее понимать, засталъ обоихъ супруговъ дома, и его начали спрашивать про тетеньку Вѣру Николаевну и про то, что у нея происходитъ.

— Что вы тамъ нашли новенькаго?—спросила Алина.

— Ничего особеннаго. Сплетничаютъ, какъ всегда въ провинціи...

И ему вдругъ такъ захотѣлось узнать, какъ здѣсь отнесутся къ случаю съ согрѣшившей дамой, что онъ не вытерпѣлъ и сказалъ, что у тетушки очень интересуются романомъ г-на Туманскаго.

Оказалось, что и здѣсь этимъ интересовались.

— А что? Удалось ему привезти ее изъ-за границы?—съ живостью спросила Алина.

— Нѣтъ. И, повидимому, она уже къ нему никогда не вернется,— отвѣчалъ Ивковъ.—Обращеніе ея на путь истинный приписываютъ влиянію какого-то вашего московскаго чудотворца,—прибавилъ онъ насмѣшливымъ тономъ.

Но шутка его не произвела желаемаго дѣйствія; слушатели его на нее не улыбнулись; по недовольному выраженію ихъ лицъ, онъ не могъ не догадаться, что коснулся щекотливаго предмета, о которомъ имъ обоимъ было непріятно вспоминать, и онъ мысленно упрекнулъ себя въ не деликатности. Можно было бы, кажется, сообразить, что людямъ въ ихъ положеніи всякое напоминаніе о нелегальныхъ сожительствахъ должно быть не пріятно.

Во всемъ этомъ виноватъ, разумѣется, ея мужъ, отказывающій ей въ свободѣ, но и ея нельзя не винить за то, что она отправилась исповѣдываться именно къ такому попу, отъ котораго она не могла ждать къ себѣ христіанскаго отношенія,—объявила съ горечью Алина дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—Какъ будто нѣтъ другихъ священниковъ!—прибавила она, продолжая отвертываться отъ мужа и обращаться къ Ивкову. Но этотъ послѣдній понялъ, что слова ея относятся не къ нему, а къ мужу.

— Накуролесають, накуролесають, а тамъ сами на рожонъ лѣзутъ,— угрюмо замѣтилъ этотъ послѣдній.

«Вотъ какъ и я», подумалъ Ивковъ, вспоминая, какъ онъ чуть было не поддакъ искушенію бѣжать среди ночи исповѣдываться священнику, котораго самъ же обзывалъ изувѣромъ за дикій образъ мыслей.

Но онъ тотчасъ же понялъ нелѣпость этого сравненія и поспѣшилъ заговорить о другомъ.

Впрочемъ, случай этотъ послужилъ ему хорошимъ урокомъ, и онъ сталъ еще строже за собою слѣдить, особенно въ присутствіи Лидочки, которая, по возвращеніи его изъ деревни, подозрительное прежняго къ нему относилась и при каждомъ удобномъ случаѣ ему доказывала, что все между ними кончено.

Ему было все равно. До разрѣшенія мучившаго его дѣла онъ не могъ себя стѣснять не только какими бы то ни было планами насчетъ будущаго, но даже и помышлять объ этихъ планахъ и еще менѣе связывать, даже мысленно, свою судьбу съ судьбой другого человѣка. Она какъ будто это поняла, ну, и прекрасно. На войну съ женщинами не идутъ, а ему предстоитъ мучительнѣйшая и опаснѣйшая борьба съ самимъ собой.

Съ недѣлю времени тѣшился онъ мыслью, что ему удастся какъ нельзя лучше обманывать всѣхъ близкихъ въ Москвѣ, какъ удалось обмануть слѣдователя, и что никому и въ голову не приходитъ подозрѣвать, чѣмъ полна его душа; но въ одно прекрасное утро онъ проснулся въ четвертомъ часу отъ ноющей боли въ сердцѣ и ужъ не могъ заснуть отъ мрачныхъ мыслей и представлений. Опять начали его терзать мучительныя сомнѣнiя, и опять страшнымъ призракомъ поднялся передъ нимъ вопросъ: что «тамъ» дѣлается? Все ли крѣпится Илья, и что будетъ, если онъ не выдержитъ и выдастъ ихъ тайну?

Москва ему опротивѣла, и онъ рѣшилъ ее покинуть.

За полчаса до отъѣзда не зная онъ, куда поѣдетъ: въ Петербургъ ли хлопотать о переводѣ въ Владивостокъ, или «туда», гдѣ Илья улаживаетъ дѣло.

Только въ самую послѣднюю минуту рѣшилъ онъ взять билетъ въ Петербургъ.

VI.

Тѣмъ временемъ вотъ что происходило «тамъ».

Во рву, близъ города, найденъ былъ трупъ старой еврейки, съ признаками насильственной смерти.

При вскрытiи у нея было усмотрѣно на вискѣ темное пятно, какъ бы отъ удара тупымъ орудiемъ, причинившаго ей смерть.

Но опредѣлить, что это было за орудiе, оказалось такъ трудно, что между прочимъ было высказано и такое предположенiе: старуха могла спотыкнуться, удариться о камень вискомъ и ушибиться до смерти.

Однимъ словомъ дѣло представлялось очень просто, ничѣмъ отъ множества ему подобныхъ не отличалось и ни въ комъ интереса не возбуждало.

Слѣдователь, которому оно было поручено, не сомнѣвался въ томъ, что ему въ самомъ непродолжительномъ времени удастся сдать его въ архивъ.

По собраннымъ справкамъ оказалось, что старуха принадлежала къ разряду полунищенокъ, полуторговокъ, которыми кишитъ городъ. Изъ дня въ день перебивалась она попрошайничествомъ и продажей такого незатѣйливаго товара, какъ наполовину испор-

ченныя апельсины и яблоки, была безобразна и стара, а найденный въ карманѣ ея отрепьевъ засаленный старый кошелекъ, съ наторгованными въ тотъ день копейками, отстранялъ всякую корыстную цѣль въ убійцѣ.

Въ домѣ, переполненномъ бѣднымъ людомъ, въ глухомъ предметѣ, гдѣ она занимала смрадный уголъ, всѣ единогласно показывали, что ни друзей, ни враговъ у нея не было, и что смерть ея никому не была нужна.

Тѣмъ не менѣе начатое слѣдствіе надо было довести до конца и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда приходится допрашивать множество людей, чтобъ узнать какуюнибудь, часто не идущую къ дѣлу, подробность, сплетни по поводу этого событія распложились съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Пустыя и вздорныя сплетни, скорѣе мѣшавшія, чѣмъ способствовавшія раскрытію истины, но вмѣстѣ съ этими сплетнями начали возникать странныя явленія, самымъ досаднымъ образомъ затягивавшія слѣдствіе, порождая путаницу въ умѣ слѣдователя.

Явленія эти были скорѣе отвлеченнаго свойства, между ними не было ни одного, на которое можно было бы опереться, но, тѣмъ не менѣе, оставлять ихъ безъ вниманія было невозможно.

Между прочимъ открылось, что въ день своего исчезновенія старуха приходила въ кухню къ одному офицеру, покупавшему у нея иногда апельсины, и была выгнана его денщикомъ съ бранью и угрозами.

— За что онъ ее ругалъ?—спросилъ слѣдователь у доносчика.

— Неизвѣстно, но на черной лѣстницѣ многіе слышали, какъ онъ кричалъ, выталкивая ее изъ двери, и видѣли, какъ она грозилась ему кулакомъ.

— У кого служить этотъ денщикъ?

— У офицера, по фамиліи Ивковъ. Господинъ его уѣхалъ въ отпускъ и квартиру ему препоручилъ. Хорошій, говорятъ, человекъ, звать его Ильей.

Такого свидѣтеля невозможно было упустить, и денщика офицера Ивкова призвали къ слѣдователю.

Явился Илья, ясный и спокойный.

Онъ такъ же, какъ и господинъ его, недѣли три спустя, приготовился къ отвѣту и очень можетъ быть, что Ивковъ поступилъ бы совершенно иначе, еслибъ зналъ, какъ выдержалъ первый свой испусъ его сообщникъ, наивный, придурковатый Илья.

Весьма вѣроятно, что, предлагая барину все взять на себя, онъ смутно разсчитывалъ на благопріятный исходъ дѣла. Господу Богу было извѣстно, какъ приключилась бѣда, и, можетъ быть, Онъ поможетъ ему и барина спасти отъ отвѣтственности и себя выгородить. Но когда дѣло повернулось иначе, Илья рѣшилъ, что во всякомъ случаѣ надо обѣщаніе исполнить и барина спасти.

Какъ онъ будетъ поступать—этого онъ не зналъ. Да и не заботился объ этомъ. Съ первой же минуты, какъ ему сказали, что его требуютъ къ слѣдователю, почувствовалъ онъ себя во власти такой могучей силы, что придумывать для своего спасенія слова и поступки ему и въ голову не приходило.

Объщалъ барину, самъ натравилъ его на отъѣздъ, надо, значить, выручать, вотъ и все.

До отхода поѣзда, уносившаго Ивкова, Илья все еще не сознавалъ вполне ясно значенія принятаго на себя рѣшенія, но когда вагоны скрылись у него изъ глазъ, онъ понялъ, что баринъ спасенъ, и что вся тягость отвѣтственности за случившееся лежитъ ужъ теперь на немъ одномъ. И забывая про Ивкова, онъ началъ дѣйствовать такъ, какъ будто помощи, кромѣ какъ отъ Бога, ему ждать не откуда.

Не разбиралъ онъ причинъ, побудившихъ его въ роковую минуту поступить такъ, какъ онъ поступилъ. Мысль избавить барина отъ хлопотъ и все на себя взять внезапно вскочила ему въ голову, и какъ сорвалось съ его языка роковое обѣщаніе, онъ и самъ не зналъ. Но слова не вернешь, обѣщаніе дано, баринъ на него рассчитываетъ, и надо его исполнить. Значить, такъ надо, значить, такъ Богу угодно, чтобъ онъ пострадалъ за другого. Жалѣтъ нечего, раскаиваться не въ чемъ, противъ Бога не пойдешь.

И на этомъ убѣжденіи онъ успокоился.

— Ты зналъ старую Ривку?—спросилъ у него слѣдователь.

— Точно, такъ-съ, ваше б-діе.

— Какъ ты ее зналъ?

— Ходила къ намъ, баринъ у нея апельсины покупалъ.

— Ты съ нею, говорятъ, ссорился?

— Зачѣмъ мнѣ съ нею ссориться, ваше б-діе?

— За что ты ее изъ кухни выгналъ?

— Баринъ приказалъ.

— За что?

— Докучала. Приказали гнать, когда придетъ.

— Она тебѣ, можетъ быть, зло сдѣлала?

— Какое зло, ваше б-діе?

— Ты на нее, можетъ быть, былъ сердитъ за чтонибудь?—съ досадой на тупость допрашиваемаго пояснилъ слѣдователь.

— Мнѣ не за что было на нее сердиться, ваше б-діе. Известно, баба, баринъ приказалъ гнать, я гналъ.

Ничего больше нельзя было отъ него добиться, и его отпустили, ничего не узнавши.

Однако, сплетни продолжали расти и размножаться. Оказалось, что товарищъ Ильи, Матвѣй, денщикъ другого офицера, жившаго въ томъ же домѣ, рассказывалъ, будто въ ночь послѣ столкновенія Ильи съ еврейкой этотъ послѣдній приходилъ къ нему за клю-

чомъ въ подваль, и, растворяя дверь, чтобъ дать ему этотъ ключъ, онъ замѣтилъ у Ильи за плечами большой мѣшокъ, съ которымъ онъ и ушелъ, взявъ ключъ.

Дѣло начинало принимать интересный оборотъ.

Вызвали къ слѣдователю и Матвѣя.

Этотъ оказался словоохотливѣе Ильи, ничего не стоило заставить его выболтать все, что слѣдователю нужно было знать, а именно: что мѣшокъ былъ длинный, и что предметъ, заключавшійся въ немъ, былъ похожъ на человѣческое тѣло, и что у Ильи былъ видъ человѣка, совершившаго преступленіе.

Для чего Матвѣй все это напелъ на товарища, которому не желалъ зла, никто бы не могъ объяснить, а невольный погубитель Ильи меньше всѣхъ.

Какъ бы тамъ ни было, но изъ этихъ двухъ фактовъ, ссоры одного денщика съ еврейкой и разказа другого о приходѣ къ нему перваго ночью, съ мѣшкомъ за плечами, за ключомъ въ подваль, нашли возможнымъ построить обвинительный актъ, по которому Илью привлекли къ суду за убійство.

И ужъ тутъ заговорили съ нимъ другимъ тономъ; не допуская сомнѣнія въ его виновности, напирали только на подробностяхъ и добивались отъ него признанія всѣми средствами, предоставленными закономъ: увѣщаніями, скрытыми угрозами, улавливаніемъ душевныхъ движеній, которыхъ такъ трудно не проявлять человѣку, подвергаемому нравственной пыткѣ, придуманной современными инквизиторами съ цѣлью узнать истину.

Илью водили къ трупу, давали ему очныя ставки съ горничными и кухарками, свидѣтельствовавшими о столкновеніи его съ еврейкой, а также съ товарищемъ, погубившимъ его разказомъ о приходѣ его къ нему за ключомъ въ подваль.

При видѣ трупа, Илья, какъ русскій человѣкъ, перекрестился и прошепталъ тѣ же слова, которыя повторялъ на всѣ допросы: я ея не убивалъ.

На свидѣтелей же онъ и не взглянулъ и такъ равнодушно слушалъ ихъ показанія, точно не о немъ идетъ дѣло.

Бились съ нимъ, бились, слѣдователи и прокуроры, теряли терпѣніе, выходили изъ себя, наговаривали другъ другу колкостей, увлекаясь собственными измышленіями, принимали ихъ за дѣйствительность, перепутывали то, что есть, съ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, должно было бы быть, уличали другъ друга въ легкомысліи и въ недалководности, расходились и снова сходились въ тщетныхъ усиліяхъ уловить въ туманѣ безпросвѣтной тьмы ту нить правды, за которую можно было бы уцѣпиться, чтобъ выбраться къ свѣту, но все напрасно.

Оставалось рассчитывать на случай, на судьбу, иногда вмѣшивающуюся въ людскія дѣла, чтобъ въ послѣднюю минуту сказать

свое рѣшающее слово, когда несостоятельность человѣческаго разума доказана, и рассчитывать на него невозможно.

Другого исхода не представлялось. Илья всѣхъ измучилъ, всѣмъ надѣлъ. Даже назначенный ему отъ суда защитникъ, постѣ свиданія съ нимъ, объявилъ, что ему никогда еще не доводилось имѣть дѣло съ такимъ нелѣпнымъ субъектомъ.

И ему такъ же, какъ и всѣмъ, онъ ничего не хотѣлъ сказать, кромѣ того, что еврейки онъ не убивалъ.

Всеобщее противъ него раздраженіе усиливалось отзывами людей, знавшихъ его до рокового событія. Всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что честнѣе, добрѣе и добродушнѣе человѣка трудно найти.

— Однимъ словомъ святой, а все-таки еврейку, кромѣ него, убить было некому,—замѣтилъ съ досадою слѣдователь на эти заявленія.

Всѣмъ такъ хотѣлось скорѣе покончить съ этимъ дѣломъ, что назначить судъ торопились тѣ самые, которые при началѣ слѣдствія стояли за недостаточность уликъ противъ Ильи. И этихъ также закружило въ водоворотѣ чудовищнаго недоразумѣнія, и они также не въ силахъ были остановиться.

Среди всеобщаго волненія одинъ только Илья оставался невозмутимъ и вѣренъ самому себѣ, не проявляя ни испуга, ни изумленія, когда ему объявили, что, невзирая на то, что онъ ни въ чемъ не хочетъ сознаваться, его все-таки будутъ судить.

— Форменный идиотъ,—рѣшилъ слѣдователь.

— Тѣмъ лучше для него, навѣрное найдутъ невмѣняемымъ,—замѣтилъ одинъ изъ судей.

Во время судоговоренія ничего особеннаго не произошло. Новыхъ свидѣтелей не явилось, а прежніе повторили то, что говорили раньше. Также безучастно сидѣлъ Илья на скамьѣ подсудимыхъ, какъ сиживалъ не разъ въ коридорѣ передъ дверью въ камеру слѣдователя, въ ожиданіи допроса, также невозмутито и вытатувшись во фронтъ передъ начальствомъ, глядя прямо въ глаза допрашивавшимъ его, повторялъ онъ внятно и громко всѣмъ надѣвшую фразу: «Я ея не убивалъ, ваше б-діе!»—вызывая пожиманіе плечами у судей и улыбку у публики, впрочемъ весьма немногочисленной. Дѣло было такое неинтересное! Какой-то солдатъ убилъ старую еврейку, чтобъ не заплатить ей нѣсколькихъ копеекъ за апельсины; очень просто, ничего нѣтъ любопытнаго.

То огромной важности и величія, таинственное проявленіе человѣческой души, незримо трепетавшее въ этой залѣ передъ конечнымъ рѣшеніемъ загадочнаго дѣла, никѣмъ здѣсь не замѣчалось...

По крайней мѣрѣ, какъ впоследствии утверждали представители правосудія, никто не замѣтилъ перемѣны въ настроеніи прокурора

до тѣхъ поръ, пока онъ, поднявшись съ мѣста, чтобъ сказать обвинительную рѣчь, совершенно неожиданно объявилъ, что отказывается отъ обвиненія.

Потомъ начали припоминать, что онъ пріѣхалъ въ судъ блѣдный и разстроенный, жаловался на головную боль отъ бессонной ночи, вспоминали его разсѣянность во время судебного разбирательства. Но все это послѣ, когда явилась потребность объяснить, такъ или иначе, внезапный переверотъ въ его убѣжденіяхъ, а въ ту минуту, когда онъ произносилъ слова, которыя никто не ожидалъ отъ него услышать, всѣ были такъ поражены, что не вѣрили своимъ ушамъ.

Однако, пришлось повѣрить, когда защитникъ подсудимаго, о которомъ всѣ забыли, началъ свою рѣчь такими словами:

— Господа судьи! Послѣ заявленія почтеннаго представителя обвинительной власти, рѣчь моя будетъ коротка...

«Само собою разумѣется, что же послѣ этого толковать, солдатикъ будетъ оправданъ», мысленно соглашались съ нимъ всѣ присутствующіе.

Но это былъ день сюрпризовъ, всеобщее ожиданіе не оправдалось: судьи вынесли обвинительный приговоръ.

Илью приговорили къ каторжнымъ работамъ и увели обратно въ тюрьму.

Понялъ ли онъ значеніе переполоха, поднявшагося въ залѣ при отказѣ прокурора его обвинять, и невольный приливъ къ нему участія въ присутствующихъ, а затѣмъ всеобщее негодованіе, встрѣтившее вердиктъ судей? Никто не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ равнодушно продолжалъ онъ относиться ко всему, что происходило вокругъ него. Точно не его все это касалось, точно не его обвиняли, защищали, оправдывали и, въ концѣ концовъ, осудили, а совершенно посторонняго человѣка, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго.

Да иначе и не могло быть. Вынесенныя испытанія такъ усилили и умножили въ немъ вѣру въ Промыселъ Божій, что видимому проявленію этого Промысла онъ ужъ не могъ изумляться. Свидѣтели, а также и виновникъ неожиданнаго явленія, могли его не понимать и удивляться ему, но Ильѣ все было ясно: что Господу будетъ угодно, то и будетъ.

Вскорѣ по городу разнесся слухъ, что прокуроръ подастъ протестъ на приговоръ судей.

А тѣмъ временемъ Илья сидѣлъ въ тюрьмѣ и ждалъ рѣшенія своей судьбы.

Никакой видимой переменѣ въ немъ не произошло, похудѣлъ только немного, да поблѣднѣлъ отъ сидячей жизни, безъ чистаго воздуха, духомъ же пребывалъ все также ясенъ, спокоенъ и даже веселъ.

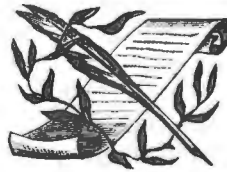
Невзирая на отсутствіе сообщительности, столь цѣннимою товарищами его по заключенію, въ тюрьмѣ его любили и довѣряли ему.

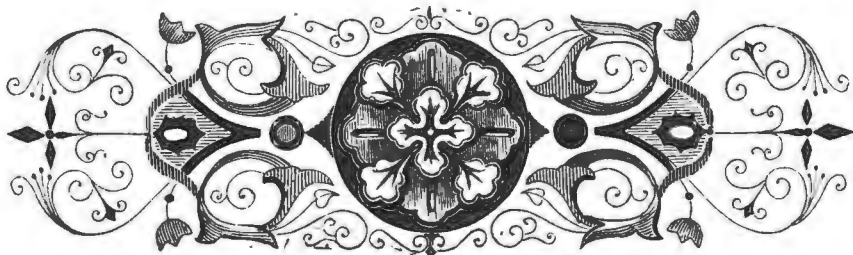
Деревня, гдѣ онъ родился, была далеко, и желѣзной дороги къ ней не было, тѣмъ не менѣе вѣсть о приключившейся съ нимъ бѣдѣ доползла и туда. Смотритель острога, гдѣ содержался Илья, получилъ отъ его матери письмо съ деньгами и съ просьбой ему передать, что, прознавши о приключившемся съ нимъ несчастіи, она, его родительница, шлетъ ему свое родительское благословіе, навѣки нерушимое, три рубля денегъ и спрашиваетъ: какое будетъ его желаніе насчетъ супруги его Агаѣи: собираться ей съ ребенкомъ за нимъ въ ссылку, или оставаться дома при хозяйствѣ?

Слушая чтеніе этого письма, Илья радостно ухмыльнулся и просилъ отписать, что всеѣмъ кланяется, за деньги благодарить, а Агаѣѣ приказываетъ сидѣть дома да Богу за него молиться.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ.

ВЪ МАЙСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года былъ помѣщенъ біографическій очеркъ и портретъ покойной вдовы генераль-адъютанта Паткуля, Маріи Александровны, рожденной маркизы Траверсе («Русская красавица прошлаго вѣка»). Біографическій очеркъ этотъ составленъ, главнымъ образомъ, по рукописнымъ «воспоминаніямъ» М. А. Паткуль, которымъ авторъ очерка, К. Я. Г—тъ, дѣлаетъ слѣдующую оцѣнку:

«Хотя «воспоминанія» М. А. Паткуль и написаны ею для своей семьи, но они чрезвычайно интересны, какъ историческій памятникъ своего времени, благодаря той видной и блестящей роли, которую играла нѣкогда М. А. въ высшемъ обществѣ, и благодаря близости ея ко двору государей Николая Павловича и Александра Николаевича и къ многимъ высочайшимъ особамъ. Много весьма характерныхъ и любопытныхъ эпизодовъ изъ жизни и быта царской семьи и изъ выдающихся событій эпохи 1840—1860 годовъ передаетъ въ простомъ, искреннемъ и живомъ разказѣ М. А. Паткуль. Они, по моему мнѣнію, заслуживаютъ быть цѣликомъ обнародованы, тѣмъ болѣе, что авторъ ихъ обладалъ даромъ легкаго, непринужденнаго, литературнаго изложенія».

Благодаря любезности зятя покойной М. А. Паткуль, генераль-лейтенанта К. М. Войде, мы имѣемъ теперь возможность напечатать полностью эти любопытныя воспоминанія.

Считаемъ не лишнимъ напомнить въ нѣсколькихъ словахъ біографическія данныя объ авторѣ воспоминаній. М. А. родилась въ 1822 года близъ Ревеля. Отецъ ея былъ капитанъ перваго ранга, маркизъ А. П. Траверсе (сынъ морскаго министра въ царствованіе Але-

ксандра I), а мать А. Л. Спафарьева, также дочь заслуженнаго моряка. Природа щедро надѣлила М. А. своими дарами и внутренними и внѣшними, а тщательное воспитаніе и образованіе еще болѣе развили эти дары. М. А. отличалась не только замѣчательной красотой, но и остротой ума, веселымъ характеромъ и живымъ воображеніемъ. Неудивительно, что она производила на всѣхъ сильное впечатлѣніе и влекла къ себѣ даже такихъ серьезныхъ и ученыхъ людей, какъ адемики П. А. Шлетневъ и Я. К. Гротъ, которые посвящали ей свои стихотворенія и вели съ нею переписку. Въ 1841 г. М. А. вышла замужъ за Александра Владимировича Паткуля, совоспитанника цесаревича Александра Николаевича, и это обстоятельство сдѣлало ее близкой особой къ царской семьѣ, неизмѣнное участіе и вниманіе которой сопровождало чету Паткуль во всѣ періоды ихъ жизни, на всѣхъ ступеняхъ судьбы Александра Владимировича, сперва, какъ адъютанта наслѣдника, затѣмъ, какъ командира лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, петербургскаго оберъ-полицеймейстера, начальника гренадерской дивизіи и, наконецъ, члена военнаго совѣта,—до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1877 году. М. А. на много лѣтъ пережила мужа и скончалась въ 1899 году, въ глубокой старости, 79 лѣтъ.

I.

Мои отецъ и мать.—Первая дочка во флотѣ.—Участіе отца въ войнѣ съ Турціей.—Назначеніе его флигель-адъютантомъ.—Недоброжелательство къ нему князя Меншикова.—Лишеніе отца флигель-адъютантскаго званія.—Биографія дяди маркиза Траверсе.—Болѣзнь моя и сестры.—Эпизоды изъ моего дѣтства.—Морякъ Куріановъ.—Наши учителя.—Страшная гроза.—Пріѣздъ въ Ревель великихъ княженъ.—Представленіе имъ.—Празднество въ ихъ честь.—Дѣтскій балъ.—Опасная шалость.—Морской переѣздъ до Свеаборга.—Жизнь въ Гельсингфорсѣ.—Балъ на корветѣ «Львица».—Изученіе шведскаго языка.—Домашній спектакль.—Кончина дяди Спафарьева.—Подарокъ матери.—Ночная прогулка на кладбище.—Дядя Бутеневъ.—Болѣзнь и кончина матушки.—Преднаменованія, сопровождавшія это горестное событіе.

Жизнь моя, выходящая изъ ряда обыкновенной, такъ обильна чудными, незабвенными воспоминаніями, что дѣти мои и поколѣнія ихъ прочтутъ, быть можетъ, не безъ удовольствія мое повѣствованіе, которое начну съ ранняго моего дѣтства. Такъ какъ я не вела дневника, то хронологія, въ знаніи которой похвастаться не могу, будетъ отсутствовать, поэтому я не ручаюсь въ точной послѣдовательности событій. Постараюсь, изъ всѣхъ моихъ замѣтокъ, набросанныхъ въ разныя времена на бумагу, составить одно цѣлое, если мое бездарное перо не откажется отъ непосильнаго для него труда.

Подъ покровительствомъ св. апостоловъ Петра и Павла и, могу прибавить, подъ счастливою звѣздой, я родилась 29-го іюня 1822 года въ предмѣстьѣ города Ревеля, Эстляндской губерніи.

Отецъ мой, маркизъ Александръ Ивановичъ Траверсе, видный и красивый мужчина, очень добрый и веселый, былъ сынъ морского министра императора Александра I и служилъ во флотѣ.

Мать моя, Александра Леонтьевна, рожденная Спафарьева, была въ полномъ смыслѣ слова красавица, съ сердцемъ и душою, вполнѣ соотвѣтствовавшими счастливой наружности.

Дѣдъ мой, Леонтій Васильевичъ Спафарьевъ, былъ древнегреческаго происхожденія, но кто изъ его предковъ поселился въ Россіи и принялъ подданство, этого я не знаю. Вѣроятно, когда-то къ греческой фамиліи Спафарій прибавили русское окончаніе.

Бабушка моя, Анна Васильевна, рожденная баронесса Розенбергъ, родомъ изъ остзейскихъ провинцій, была лютеранка, никогда не выучилась говорить хорошо по-русски, несмотря на то, что дѣдъ мой ни слова не зналъ по-нѣмецки.

Жили они въ Ревелѣ, въ собственномъ домѣ, по Нарвской улицѣ, между городомъ и Екатеринталемъ, съ тремя незамужними дочерьми, Екатериной, Вѣрой и Наталіей.

Дѣдъ мой тоже былъ морякомъ, но какую должность онъ занималъ, я не помню, знаю только, что всѣ маяки въ Финскомъ заливѣ имъ устроены и находились подъ личнымъ его наблюденіемъ.

Англичане поднесли ему изъ благодарности за постановку маяковъ массивную серебряную вазу. Это доказываетъ вѣрность французской поговорки:

«Nul n'est prophète dans son pays».

Маяки были его дѣтищемъ, онъ съ любовью занимался этимъ дѣломъ. Разныхъ маячныхъ моделей изъ пробковаго дерева, рефлекторовъ, у него было видимо-невидимо, и много онъ потратилъ, на нихъ денегъ.

Первое воспоминаніе моего дѣтства относится къ тому времени, когда горе посѣтило нашу семью.

Мнѣ было три года, когда я и двухлѣтній братъ мой заболѣли скарлатиной, жертвой которой сдѣлался братъ.

Въ дѣтствѣ впечатлѣнія такъ глубоко врѣзаются въ память, что рѣдко забываются. Мнѣ памятно то утро, когда маменька вошла въ дѣтскую съ заплаканными глазами и, поцѣловавъ меня, повела за руку въ комнату, гдѣ лежалъ на столѣ, въ бѣленькомъ платьѣ, мой маленькій братъ. Когда увезли его изъ дома, я начала плакать, сознавая инстинктивно, что онъ не вернется и играть со мною уже не будетъ.

Годовая сестра моя не могла быть моимъ товарищемъ въ играхъ что я понимала хорошо.

Дѣдушка и тетушки любили меня, даже баловали; я была очень ласковый ребенокъ, но страшная рѣзвуха. Бабушки я боялась, но вмѣстѣ съ тѣмъ любила ее.

Дѣдушка прозвалъ меня первой дочкой во флотѣ. Вотъ чѣмъ я это заслужила.

Родители взяли меня однажды съ собой покататься на гичкѣ по рейду. День былъ чудный. Море казалось невозмутимымъ. Подулъ легкій попутный вѣтерокъ.

Натянули парусъ, и мы быстро неслись по морю. Мнѣ было очень весело. Вдругъ вѣтеръ переменился, и гичку такъ накренило, что отецъ, правя рулемъ, тотчасъ велѣлъ убрать парусъ. Гребцы взяли за весла, навалились и стали бороться съ волнами, которыя сердито то поднимали гичку вверхъ, то бросали ее внизъ, какъ бы желая поглотить. Въ добавокъ разразилась гроза, молнія сверкала. Не зная страха и не понимая возможности опасности, я продолжала болтать и, какъ поугай, повторяла: «навались, ребята». Гребцы улыбались и приговаривали: «ай, да храбрая барышня». Хотя я была еще очень мала, но понимала, что мое удалство нравилось имъ.

Когда дѣдушкѣ рассказали, какимъ я была молодцемъ, онъ выразился, что гордится своей внучкой, и не иначе представлялъ меня своимъ знакомымъ, какъ «это первая дочка во флотѣ».

Не помню, сколько мнѣ было лѣтъ, когда мы переѣхали въ городъ. По воскресеньямъ и средамъ мы всей семьей обязательно отправлялись на цѣлый день къ дѣдушкѣ, что было для насъ, дѣтей, настоящимъ праздникомъ.

Наступила турецкая кампанія. Въ какомъ чинѣ и какого рода службу исполнялъ отецъ мой въ то время, не знаю, но съ объявленіемъ войны онъ былъ назначенъ на корабль или фрегатъ «Память Азова», на которомъ находился адмиралъ графъ Гейденъ. Много было пролито нами слезъ при разставаніи съ отцемъ; а бѣдная маменька, которая въ ту пору была не совсѣмъ здорова, съ грустью и со страхомъ отпускала его на войну.

Когда почта приносила отъ него проколотыя письма (въ то время въ Турціи была чума), это былъ общій восторгъ, потому что у маменьки тогда являлась улыбка, смѣнявшая частыя ея слезы. Долго ли отецъ былъ въ отсутствіи, этого я не помню, мнѣ было тогда только шесть или семь лѣтъ.

Во время кампаніи, онъ былъ контуженъ, но въ письмахъ объ этомъ не говорилъ. При окончаніи войны, онъ настолько поправился, что былъ посланъ графомъ Гейденомъ курьеромъ къ императору Николаю съ донесеніемъ о взятіи Наварина. Когда онъ имѣлъ счастье доложить его величеству о взятіи Наварина, государь за радостную вѣсть, поцѣловавъ его, поздравилъ флигель-адъютантомъ и повелъ представить императрицѣ. Подозвавъ великихъ княженъ, государь сказалъ: «Вотъ мои три фрегата—Марія,

Ольга и Александра». Отецъ былъ такъ тронуть и очарованъ милостивымъ пріемомъ ихъ величествъ, что часто со слезами на глазахъ рассказывалъ намъ этотъ счастливый, но, увы, кратковременный эпизодъ въ его жизни. Узнавъ, что отецъ женатъ и семейный, государь сказалъ ему: «еще разъ спасибо, а теперь поѣзжай на свиданіе съ семьей».

Какъ тяжела была минута разлуки, такъ было радостно свиданіе. Какъ мала я ни была, помню, какъ отецъ въ дорожномъ костюмѣ вбѣжалъ въ комнату, бросился въ объятія маменьки, потомъ, поцѣловавъ насъ всѣхъ по очереди, взялъ съ рукъ маменьки мою маленькую сестру, родившуюся вскорѣ отъѣзда отца на войну, и долго цѣловалъ ее.

На радостяхъ меня однажды взяли въ театръ; давали «Freischütz» (Волшебный стрѣлокъ). О произведенномъ на меня впечатлѣніи говорить не буду, это слишкомъ хорошо понятно всякому, какой восторгъ ощущаетъ ребенокъ въ минуту такого необыкновеннаго для него зрѣлища. Но въ этомъ спектаклѣ главное мое вниманіе было обращено на ложу, гдѣ сидѣлъ губернаторъ Бенкендорфъ; онъ былъ такой непомерной толщины, что я, обратясь къ маменькѣ, спросила ее, не раньше ли Адама онъ родился.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Петербургъ, отецъ былъ посланъ его величествомъ произвести какое-то слѣдствіе и получилъ приказаніе прислать рапортъ на имя государя черезъ военнаго министра, минуя морского министра. Получивъ рапортъ, государь призвалъ къ себѣ князя Меншикова и, сообщивъ ему донесеніе о произведенномъ слѣдствіи, вѣроятно, сдѣлалъ Меншикову выговоръ или замѣчаніе.

Этого было достаточно, чтобы Меншиковъ вооружился противъ отца всѣми силами своего мстительнаго и самолюбиваго характера. Что было наговорено государю, неизвѣстно, но отецъ лишился званія флигель-адъютанта.

Когда отцу была объявлена немилость государя, онъ тотчасъ отправился къ Меншикову узнать причину, но тотъ, понятно, не принялъ его, а велѣлъ сказать, чтобъ онъ отправлялся обратно на мѣсто своего служенія.

Маменька, узнавъ изъ письма о причинѣ его возвращенія, выѣхала ему навстрѣчу, чтобъ утѣшить и ободрить его. По пріѣздѣ въ Ревель, отецъ сильно заболѣлъ и долго оправиться не могъ; немилость государя, которому онъ всей душой былъ преданъ, сильно подѣйствовала на здоровье отца и даромъ ему не прошла.

Подобный же случай былъ въ мое время съ графомъ О..., который по какому-то доносу былъ лишенъ званія флигель-адъютанта. Не помню, черезъ сколько времени государь узналъ, что графъ О... незаслуженно былъ предъ нимъ очерненъ. Вызвавъ его къ себѣ и собравъ всѣхъ министровъ и свиту во дворецъ, его ве-

личество при всѣхъ извинился передъ графомъ О..., поцѣловать его и вернуть ему свое прежнее расположеніе. Несомнѣнно, что если бы и объ отцѣ моемъ была возможность доложить государю истину, то результатъ былъ бы тотъ же. Императоръ Николай Павловичъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, рыцарь благородства и справедливости, но истина не всегда допускалась до него.

Когда отецъ поправился, маменька, желая развлечь его, предложила съѣздить навѣстить дѣдушку, маркиза Траверсе, жившаго на покоѣ въ имѣніи своемъ Лужскаго уѣзда, селѣ Романшинѣ. Названо оно въ честь императора Александра I, который, объѣзжая осматривать войска, двѣнадцать разъ посѣтилъ старика, останавливаясь у него въ домѣ на сутки и дольше. Въ такія счастливыя минуты, когда приходилось принять царя; дѣдъ съ дочерью своей, фрейлиной двора ея величества, очень некрасивой дѣвицей, переселялся во флигель, а домъ предоставлялся въ распоряженіе императора.

Вотъ со словъ отца краткая біографія дѣда моего, маркиза Ивана Ивановича Траверсе.

Онъ родился на островѣ Мартиникѣ, служилъ во флотѣ, былъ любимъ королемъ Людовикомъ XVI, имѣлъ мѣсто въ его экипажѣ, что считалось и считается, понятно, большой честью. Когда вспыхнула революція во Франціи, друзья уговорили его бѣжать, такъ какъ имъ было извѣстно, что ему угрожала гильотина.

Оставивъ все свое состояніе во Франціи, онъ ночью съ молодою женою покинулъ Парижъ и уѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ поселился на время. Тамъ родился у нихъ сынъ, который названъ былъ Александромъ. Вскормленъ онъ былъ козой, средствъ къ жизни на чужой сторонѣ не хватало. Бабушка моя, хорошо писавшая масляными красками, продажею своихъ картинъ содержала семью своими трудовыми деньгами.

Въ Швейцаріи дѣдъ получилъ одновременно приглашеніе императрицы Екатерины и короля шведскаго поступить къ нимъ на службу. Предпочитая предложеніе первой, онъ отправился въ Россію, гдѣ былъ очень милостиво принятъ императрицею, которая, отпуская дѣда на мѣсто его назначенія, въ Финляндію, выразила желаніе быть воспріемницей его будущаго сына, назначивъ ему въ честь своего внука имя Александръ. Вотъ почему дядя и отецъ мой носили одно и то же имя.

Появленіе на свѣтъ отца моего стоило жизни матери его, которая похоронена въ Рочесальмѣ, на островѣ Коткѣ.

Къ крестинамъ императрица пожаловала своему крестнику чинъ мичмана.

Во время воспитанія въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ юный мичманъ однажды такъ сильно заболѣлъ, что доктора объявили состояніе его совершенно безнадежнымъ. Тогда дѣду посоветовали

просить императрицу перевести дарованный ею чинъ мичмана на старшаго сына, что и было сдѣлано. Между тѣмъ, отецъ выздоровѣлъ и доказалъ докторамъ, что они преждевременно приговорили его къ смерти.

Зимнимъ путемъ подали четырехмѣстный возокъ, въ который умѣстились родители, я съ сестрой, няня, и мы пустились въ дорогу. Другого сообщенія, какъ на лошадахъ, тогда не было.

Въ Романшинѣ ожидалъ насъ съ распростертыми объятіями высокій, прямой, съ французскимъ лицомъ, еще видный старикъ. На немъ былъ морской сюртукъ тогдашнихъ временъ. Говорилъ онъ очень плохо по-русски и очень обрадовался, что, несмотря на нашъ дѣтскій возрастъ, мы бѣгло объяснялись съ нимъ по-французски. Онъ былъ ласковъ, привѣтливъ, и мы очень полюбили его. О тетущкѣ этого, къ сожалѣнію, сказать не могу, она не внушила намъ симпатіи. Когда насъ накормили и напоили, дѣдушка повелъ насъ по всѣмъ комнатамъ, показалъ намъ кабинетъ, въ которомъ занимался императоръ Александръ I во время своихъ посѣщеній; кабинетъ оставался всегда въ томъ же видѣ и былъ неприкосновененъ, пока дѣдъ мой былъ живъ. Помѣщеніе для насъ было отведено во флигелъ, тамъ мы ночевали, а день проводили у дѣдушки въ домѣ. Вскорѣ, однако, сестра моя заболѣла корью, такъ что почти все время провела во флигелѣ, потому что тетюшка страшно боялась заразиться; съ нами она здоровалась издали.

Послѣ обѣда дѣдушка приносилъ нѣсколько толстыхъ книгъ съ картинами (естественная исторія Бюффона), раскладывая ихъ передо мной на особомъ столѣ и, посадивъ меня на стулъ, обыкновенно говорилъ: «eh, bien, ma chère Marie, amusez vous à regarder les gravures». Самъ же усаживался за другой столъ съ моими родителями, дочерью своей, докторомъ Екатерининшъ съ женой и вслухъ читалъ письма императрицы Жозефины, которая называла его «mon cher cousin». Не знаю, былъ ли онъ дѣйствительно двоюроднымъ ей братомъ, или она только называла его такъ.

Дамы въ это время работали. Къ вечеру меня закутывали и на рукахъ уносили въ флигель. Какъ только сестра моя поправилась, мы простились съ дѣдушкой, котораго въ этотъ пріѣздъ я видѣла въ первый и послѣдній разъ. Выѣхали мы вечеромъ, были сильные заносы снѣга, и нашъ возокъ опрокинулся въ аллеѣ, ведущей отъ усадьбы къ большой дорогѣ, но это было единственное приключеніе во время нашего путешествія до Петербурга, исключая развѣ того обстоятельства, что у меня дорогой сдѣлалась корь.

Дядюшка мой, Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ, который въ то время, если не ошибаюсь, былъ посломъ въ Константинополь или Римъ, предложилъ намъ остановиться въ его квартирѣ, которая оставалась за нимъ для его пріѣздовъ. Когда мы прибыли вечеромъ въ столицу, квартира дяди оказалась нетопленою. Управляющій, не

получивъ письма, въ которомъ ему сообщалось о днѣ нашего приѣзда, не приготовилъ ея. Я въ кори, сестра только что поправилась, занять нетопленныя комнаты было не мыслимо. На наше счастье, мать управляющаго, добрая старушка, не побоялась для своего внука, мальчика лѣтъ семи, взять насъ къ себѣ на то время, пока квартира дяди не обогрѣется. Мы остались у нея съ няней. Родители помѣстились въ одной небольшой комнатѣ, въ квартирѣ дяди, которую удалось нагрѣть. Насъ очень потѣшалъ внукъ старушки; по утрамъ и вечерамъ она заставляла его молиться передъ иконами, и когда онъ читалъ «Отче нашъ», то каждый разъ на извѣстномъ мѣстѣ останавливался и говорилъ: «больше не помню». Старушка подскажетъ, а по окончаніи пожурить его, мы же въ постели хихикаемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ намъ было жаль бѣдняжку. Черезъ нѣсколько дней, съ разрѣшенія доктора, насъ закутали и перенесли на верхъ. Ёздилъ къ намъ докторъ Habersang, медикъ великаго князя Михаила Павловича. Онъ прописалъ мнѣ лѣкарство, которое я ни за что принимать не хотѣла, увѣряя, что оно пахнетъ ядомъ. Откуда мнѣ, семилѣтней дѣвчонкѣ, пришла такая фантазія, этого объяснить не могу, но принять его заставить меня не могли. Когда онъ приѣхалъ на слѣдующій день, и ему передали причину, по которой я отказывалась принимать лѣкарство, онъ засмѣялся, погладилъ меня по головѣ и сказалъ, что онъ добрый, любить дѣтей, а такъ какъ мнѣ бѣлое лѣкарство не нравится, то пропишетъ розовое. Съ этимъ я помирилась.

Однажды родители мои поѣхали провести вечеръ у родныхъ, это было на святкахъ; вдругъ къ нянѣ привели какихъ-то страшныхъ ряженныхъ, которые начали гадать ей. Мы такъ съ сестрой перепугались, что спрятались подъ кровать и вылѣзли оттуда блѣдныя и дрожащія только тогда, когда эти непрошенные гости ушли. Нянѣ сдѣлали строгій выговоръ за то, что въ отсутствіе родителей она позволила себѣ принять ряженныхъ въ дѣтской.

Передъ отъѣздомъ въ Ревель, насъ покатали по Петербургу. Огромные дома, церкви, дворцы казались намъ какимъ-то чудомъ, а при переѣздѣ черезъ Цѣпной мостъ, который дрожалъ подъ экипажемъ, насъ разбиралъ невольный страхъ.

Въ Ревелѣ застали здоровыми сестеръ и братьевъ, которые остались у дѣдушки на попеченіи тетюшекъ.

На лѣто дѣдушка съ семьей переѣхалъ въ казенный домъ, около Екатеринталя; кажется, на горѣ перестраивался маякъ, и онъ долженъ былъ наблюдать за работой. Онъ пригласилъ всю нашу семью провести съ ними лѣто.

Однажды я очень обидѣлась на него, и вотъ за что. Влѣзла я на диванъ, сѣла на ручку и начала качаться, дѣдушка вошелъ въ это время и боясь, чтобъ я не упала навзничь, прикрикнулъ на меня, снять съ дивана и погрозить. Я такъ не привыкла къ тому,

чтобъ дѣдушка возвышалъ на меня голосъ, что залилась слезами, убѣжала къ маменькѣ и объявила, что послѣ такой обиды я въ домѣ оставаться не могу.

— Куда же ты, глупенькая, пойдешь?—спросили тень.

— Далеко, далеко,—отвѣчала я и начала собирать въ узелокъ свои игрушки, а куклу завернула и взяла на руки. Сестры и братья расплакались, когда я стала съ ними прощаться. Маменька, утѣшая ихъ, сказала, что такъ какъ мнѣ не жаль покинуть своихъ, то плакать обо мнѣ не стоитъ.

Тутъ она завязала мнѣ платокъ на голову, сказавъ, что въ шляпѣ дѣвочкѣ по улицамъ одной ходить нельзя.

Няня дала мнѣ на дорогу булочку и грошъ. Простившись со всѣми, я сошла внизъ и вошла въ садъ, чтобъ еще разъ покачаться на качеляхъ, а качаясь забыла свое горе и намѣреніе уйти и вернулась домой. Няня, которой вѣрно было слѣдить за мной, спряталась за дверью, такъ что я не видѣла ея, когда вошла въ сѣни и поднялась по лѣстницѣ.

Когда я вернулась, маменька сказала:

— Ты пришла уже домой, вѣрно, здѣсь лучше, чѣмъ на улицѣ?

Видя ея серьезное лицо, я бросилась ей на шею и просила прощенья, обѣщая никогда больше на дѣдушку не обижаться и не уходить изъ дома.

Признаваясь въ моихъ шалостяхъ, я надѣюсь, что никто изъ, моихъ потомковъ подражать мнѣ въ нихъ не будетъ, но умолчать о нихъ не хочу, не желая выказать себя лучше, чѣмъ я дѣйствительно была. Нянь постоянно приходилось воевать со мною.

Если она къ обѣду одѣнетъ меня въ чистенькое платье, а на горе ея въ это время идетъ дождь, то я непременно уловлю удобную минуту выбѣжать на дворъ, сѣсть подъ водосточную трубу, гдѣ, понятно, вымокну и перепачкаюсь. Какъ она за это ни ворчала на меня, а переодѣвать приходилось. Часто я изводила ее тѣмъ, что спрячусь такъ, что она меня найти не могла.

Одно лѣто мы жили на дачѣ, гдѣ садъ былъ окруженъ широкой каменной стѣной, на подобіе монастырскихъ оградъ. Излюбленная прогулка наша была влѣзть съ помощью лѣстницы на стѣну и ходить по ней; впрочемъ это намъ не запрещалось. Въ саду были большія каштановыя деревья; у одного развѣтвленіе было такое удобное, что образовало кресло, на которомъ я очень любила сидѣть. Лазать по деревьямъ я была большая мастерица. Няня, не подозрѣвая, что я сижу на деревѣ, очень часто бывало ищетъ меня, зоветъ, проходитъ мимо и, не находя, идетъ къ маменькѣ и съ безпокойствомъ передаетъ: *Fräulein Marie kann ich nirgends finden*. Тогда маменька отправляется въ садъ, и какъ только я услышу ея голосъ, моментально спускаюсь съ дерева и бѣгу къ ней. Часто

меня наказывали за мои шалости, но часто и прощали, потому что я была очень ласкова и услужлива.

Съ осени, когда эскадра на зимовку останавливалась въ Ревелѣ, у дѣдушки по воскресеньямъ и средамъ обыкновенно собиралось много моряковъ, домъ его слылъ однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ. Къ обѣду насъ рѣдко садилось меньше двадцати человѣкъ за столъ, по вечерамъ съѣзжались и другіе знакомые, часто кончалось танцами, если соберется достаточно дамъ. Сколько мнѣ помнится, на долю маменьки, которая великолѣбно играла на роялѣ и участвовала неоднократно въ концертахъ съ благотворительною цѣлью, выпадала роль тапера. Такъ какъ насъ раньше отвозили домой, то я не знаю, смѣнялъ ли ее кто нибудь или нѣтъ.

Бабушка была большая хозяйка, всевозможная провизія и заготовки всегда были дома, поэтому обильный ужинъ являлся всегда во время, какъ бы по щучьему велѣнію.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней мнѣ очень хотѣлось остаться поужинать съ большими, и, не испросивъ на то позволенія, я объявила нянѣ, что домой не поѣду. Бывъ увѣрена, что я осталась съ разрѣшенія маменьки, она уѣхала съ младшими дѣтьми. Едва карета успѣла отѣхать, какъ меня сталъ разбирать страхъ, я кинулась въ переднюю и просила человѣка вернуть карету, но догнать было уже невозможно.

Не зная, что дѣлать, я спряталась въ комнатахъ тетушекъ и выползла оттуда только къ ужину. Боясь встрѣтить взглядъ маменьки, я сѣла на самый край стола. При всей своей ангельской добротѣ, она воспитывала насъ очень строго, и мы понимали значеніе каждаго ея взгляда. Сидѣла я, потупя взоръ, и ужинъ, для котораго я осталась, останавливался у меня въ горлѣ. Маменька дѣлала видъ, что не замѣчаетъ меня. Но каково было мое положеніе, когда, прищурясь и взглянувъ на меня, она спросила громко:

— Кто эта дѣвочка? Дѣтямъ давно спать пора, какъ можно было оставить ребенка такъ поздно въ гостяхъ?

Я покраснѣла, слезы, давно дунившія меня, хлынули изъ глазъ; сконфуженная, пристыженная, не думая уже объ ужинѣ, сидѣла съ поникшей головой, а слезы такъ и капали на мою салфетку. Вѣроятно, я сдѣлалась предметомъ общаго сожалѣнія, потому что, какъ только встали изъ-за стола, родные и гости, всѣ обступили маменьку и просили для меня прощенія. Хотя она и простила, но нѣсколько дней была холодна со мной, а это для меня было великимъ наказаніемъ. Сколько мнѣ было лѣтъ, не помню, но этотъ урокъ былъ достаточенъ, чтобъ и впередъ ничего подобнаго не позволила себѣ.

Бабушка любила играть въ бостонъ, послѣ обѣда устраивалась для нея партія, въ которой участвовалъ отецъ мой съ двумя партнерами; маменька и тетушки за другимъ столомъ занимались рабо-

той и гостями, а мы, дѣти, отправлялись играть въ столовой, которая превращалась въ рекреационную. Какихъ затѣй у насъ не было, изъ стульевъ составляли себѣ карету, карманы наполняли хлѣбомъ, калеными орѣхами, сушенымъ горошкомъ, малиной и земляникой, которыхъ цѣлыми мѣшками присылали изъ деревни. Усядемся и воображаемъ, что путешествуемъ, и преисправно все поѣдаемъ, несмотря на то, что не задолго сытно пообѣдали. Бабушкѣ разъ понадобилась сушеная малина, и она велѣла принести. Когда ей пришли сказать, что ничего нѣтъ въ шкафу, она позвала меня и поручила сходить, прибавя, что горничная ничего не можетъ найти. На это я сказала ей, что дѣйствительно нѣтъ ничего, такъ какъ мы все уже съѣли во время нашихъ мнимыхъ путешествій. Она всплеснула руками, покачала головой и спросила: неужели никто изъ васъ не захворалъ? На это я отвѣтила: нѣтъ, милая бабушка, вѣдь мы съѣли въ продолженіе зимы во время нашихъ путешествій.

Между нашими играми мы устраивали нѣчто въ родѣ спектаклей. Для этого мы освѣщали сцену восковыми свѣчами, воткнутыми въ выдолбленную свеклу; онѣ давали очень пріятный матовый розоватый свѣтъ. Разставивъ стулья, мы приглашали зрителей, которые были очень снисходительны и аплодировали нашимъ незатѣйливымъ пьесамъ, какъ-то: «*Arlequin et Colombine*», «*Pierrette*», разбившая съ кувшиномъ молока все свои планы и надежды; представляли тоже сцены, на которыхъ являлись разбойники, ихъ вооруженіемъ зимой служили большія ледяныя сосульки; когда начиналось нападеніе и драка, сосульки разлетались вдребезги, а хлопушки замѣняли пистолетные выстрѣлы.

Всѣми первоначальными уроками маменька занималась съ нами сама; когда же настало время для болѣе серьезныхъ занятій, взяли учителей. Она же сохранила за собой французскій языкъ, Законъ Божій и музыку. Таланта своего къ музыкѣ она, къ сожалѣнію, передать мнѣ не могла; несмотря на все мое стараніе и добросовѣстное выучиваніе уроковъ, я бѣглости никогда не достигла и только легко разбирала.

Первый посторонній учитель русскаго языка, ариметики и чиstopисанія былъ Ермолаевъ, съ очень красивымъ почеркомъ кантонистъ или учитель кантонистской школы, въ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ, но съ манерами очень благородными и съ умѣньемъ держать себя съ большимъ достоинствомъ.

Тамъ, гдѣ много дѣтей, въ шалостяхъ недостатка нѣтъ, поэтому и у насъ являлись разныя новыя выдумки. Ермолаева мы очень любили, но иногда злоупотребляли его добротой и деликатностью. Любя его, мы старались готовить исправно заданные уроки. Если же случалось ихъ не знать, то, снисходя къ нашимъ просьбамъ, Ермолаевъ на насъ не жаловался. Какъ-то разъ, во время урока, мы

вмѣсто того, чтобъ заняться, начали разсматривать картины, а кто-то изъ дѣтей нарвалъ папильотокъ изъ бумаги, влѣзъ на стулъ и хотѣлъ завить учителю локоны. Видя, что на его увѣщеванія никто не обращаетъ вниманія, Ермолаевъ всталъ и объявилъ, что идетъ жаловаться маменькѣ. Мы такъ были убѣждены въ томъ, что онъ только страшаетъ насъ, что вмѣсто того, чтобъ извиниться, всѣ въ одинъ голосъ закричали: «идите, мы васъ не боимся!». Наша выходка была для него такъ непривычна и неожиданна, что онъ тотчасъ же вышелъ изъ комнаты. Признаться, мы думали, что онъ стоитъ за дверью, и не допускали возможности, чтобъ онъ дѣйствительно пожаловался на насъ. Но каковъ былъ нашъ испугъ, когда вошла маменька, окинула насъ строгимъ, очень строгимъ взглядомъ и сѣла съ работой у окна. Мы притихли и смиренно занялись уроками, которые были хорошо приготовлены. Съ какой же стати намъ такая дурь пришла въ голову вывести изъ терпѣнья нашего добраго учителя? Послѣ класса насъ разставили всѣхъ по угламъ, во время обѣда посадили за *Katzentisch* и оставили безъ сладкаго. Три наказанія за одинъ проступокъ, но это было по дѣломъ.

Учитель нѣмецкаго языка былъ сѣдой, маленькаго роста, лысый, съ длиннымъ носомъ, косолапый, но очень добрый старичекъ, фамиля его была *Zeibt*; мы тоже очень любили его. Послѣ урока, который продолжался два часа, онъ намъ рассказывалъ интересныя, длинныя поучительныя сказки. Онъ былъ человѣкъ семейный и бѣдный, мы часто дѣлали складчину изъ экономическихъ денегъ, которыми надѣлялъ насъ дѣдушка, и покупали ему то, въ чемъ онъ нуждался; къ нашей складчинѣ присоединялась и маменька. Въ то блаженное время считалось на ассигнаціи. Обыкновеннымъ учителямъ платили за часъ 50 к., что равняется пятиалтынному, а профессорамъ по рублю за часъ, значить около 30 коп. Впослѣдствіи, мы, ученицы его, по выходѣ замужъ положили ему ежемѣсячную пенсію, которую производили до его смерти.

Изъ всѣхъ моряковъ, посѣщавшихъ насъ, я больше всѣхъ любила Купріянова, онъ былъ не молодъ, очень даже не красивъ, но добрый и симпатичный. Постоянно игралъ съ нами, дѣтьми, и съ семилѣтняго моего возраста называлъ меня своей невѣстой. Однажды, весной, передъ отплытіемъ въ море, онъ пригласилъ къ обѣду, къ себѣ на фрегатъ, которымъ онъ командовалъ, все семейство дѣдушки и родителей моихъ, прося маменьку взять меня непременно съ собой. Эта радость, къ сожалѣнію, была сообщена мнѣ за нѣсколько дней. Могли ли итти въ голову уроки, когда предстояло такое удовольствіе? Одинъ день я не знала урока, на второй тоже, и, увы, въ тотъ день, когда всѣ должны были ѣхать на фрегатъ, маменька объявила мнѣ, что не беретъ меня съ собой, потому что я такъ плохо училась. Понятно, что я залилась слезами, просила, обѣщала впредь хорошо учиться, но ни обѣщанія, ни слезы не могли

поколебать ея рѣшенія. Когда всѣ уѣхали, въ видѣ утѣшенія я взяла кусочекъ канвы и по ней вышила шерстью фрегатъ, съ намѣреніемъ сдѣлать подушку для булавокъ и подарить ее Купріянову на память. На другой день я показала маменькѣ свою работу. Улыбаясь она сказала, что мужчины не употребляютъ булавокъ, и что Купріянову нечего будетъ съ нею дѣлать. Сконфуженная, я отвѣтила, что когда онъ женится, то можетъ подарить своей женѣ. Не помню, сколько времени спустя онъ написалъ маменькѣ, что назначенъ въ Ситху, намѣренъ жениться, такъ какъ одному ѣхать скучно, и просить ея исходатайствовать мое разрѣшеніе на женитьбу. Маменька прочла мнѣ его письмо и сказала: «Тебѣ только десять лѣтъ, онъ уже не молодъ, а когда ты будешь взрослая, то онъ будетъ старымъ грибомъ». Хотя мнѣ не вѣрилось, чтобъ онъ могъ при его добротѣ походить когда нибудь на старый грибокъ, но я сказала: «пусть женится и подаритъ мою подушку своей женѣ».

По мѣрѣ того, какъ мы подрастали, являлись другіе учителя. Учителемъ рисованія былъ Вальтеръ, ботаники, минералогіи, нѣмецкаго и литературы—профессоръ Гюбнеръ; заниматься съ нимъ было просто наслажденіемъ, такъ какъ его уроки были чрезвычайно интересны. Послѣ класса онъ ходилъ гулять съ нами и все наглядно объяснялъ намъ.

Астрономіей, очень меня интересовавшей, и латинскимъ языкомъ занимался со мной и двоюроднымъ братомъ (готовившимся въ Константиновское училище, гдѣ въ то время требовалась латынь) профессоръ Луттеръ, человекъ еще не старый, видный, педантъ и очень занятый собой; онъ не былъ намъ симпатиченъ, иногда спрашивалъ уроки, которыхъ никогда не объяснялъ и не задавалъ. Память у насъ была хорошая, но отвѣчать то, о чемъ мы никогда не слышали, было трудно, и мы простить ему не могли, что за свою же оплошность онъ ставилъ намъ незаслуженные баллы. Мнѣ надобности въ латыни не было, но, имѣя вообще большую способность къ языкамъ и бывъ любознательною, я просила разрѣшенія учить и латинскій языкъ. Двоюродному брату я служила подспорьемъ, такъ какъ очень скоро обогнала его, и готовить урокъ со мной ему было легче.

Ермолаева замѣнилъ намъ русскій учитель Rolleder, котораго между собой мы по переводу называли «катай кожу», за что онъ, узнавъ это, очень злился. Разъ онъ пришелъ къ намъ въ очень дурномъ расположеніи духа, придирался ко всему, безъ всякой причины возвышалъ голосъ и такъ былъ непріятенъ, что я не выдержала и сказала, что при его поэтической фамилии злиться не подобаетъ. При этой насмѣшкѣ онъ вышелъ изъ себя, что-то сказалъ и назвалъ меня по имени, не прибавя отчества; этого я не спустила и, хотя была еще дѣвчонка, лѣтъ десяти, фамильярнаго со мною обращенія учителямъ не позволяла и рѣзко остановила его.

Онъ былъ вообще человѣкъ неотесанный, позволялъ себѣ трепать за волосы двоюроднаго брата, за что, къ нашему удовольствію, ему было отказано. Географіей и всеобщей исторіей маменька занималась съ нами сама.

Вообще я была очень впечатлительна, имѣла большую склонность къ поэтическимъ и восторженнымъ настроеніямъ, умѣла цѣнить все прекрасное, все изящное; хотя и не была одарена никакимъ выдающимся талантомъ, но любоваться природой, красивой мѣстностью, созвѣздіемъ, луной и прочимъ я могла по цѣлымъ часамъ.

Проводили мы одно лѣто въ городѣ, жили противъ церкви св. Олая. Однажды отправили насъ купаться въ море; погода была чудная, день жаркій, и ясное небо не предвѣщало непогоды. Едва мы успѣли одѣться и выйти изъ купальнаго домика, какъ небо нахмурилось, затянулось темными тучами, и послышались раскаты грома. Пройдя длинные мостки, мы едва успѣли сѣсть въ коляску, ожидавшую насъ на берегу, какъ разразилась такая буря, что песокъ началъ подниматься столбами, кружиться, вырывать деревья съ корнями и сносить крыши. Небо, недавно еще такъ привѣтливо спокойное, приняло сплошной свинцовый цвѣтъ, море почернѣло, волны, покрытыя бѣлыми гребнями, съ яростью разбивались о берегъ; казалось, всѣ стихіи сговорились бушевать одновременно, громъ оглушалъ насъ, непрерывныя сверканія молніи ослѣпляли, кучеръ гналъ лошадей. Какъ только мы успѣли вѣхаться въ городскія ворота, хлынулъ такой ливень, что въ одно мгновеніе вода потоками бѣжала по улицамъ. Маменька, ожидавшая насъ съ тревогой, заплакала отъ радости, когда увидѣла насъ всѣхъ цѣлыми и невредимыми, только вымокшими до костей. Какъ только меня переодѣли, я усѣлась у окна и любовалась грозой и долго не могла оторваться отъ этого величественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ страшнаго зрѣлища. Какъ различны бываютъ ощущенія въ юныхъ и зрѣлыхъ лѣтахъ; теперь я не восхищаюсь грозой, она дѣйствуетъ мнѣ на нервы, предугадываю ее заранѣе, чувствуя непреодолимую слабость, однимъ словомъ радуюсь, когда она минуетъ.

Слѣдующее лѣто мы провели у дѣдушки на Нарвской улицѣ. Ревель готовился къ рѣдкому для него празднику. Все вдругъ забѣгало, засуетилось, начали красить дома, чинить дороги, обновлять Екатеринтагскій дворецъ, готовились къ приему давно не бывавшихъ дорогихъ высочайшихъ гостей.

На время морскихъ купаній ожидали трехъ юныхъ великихъ княженъ, дочерей государя. Наконецъ насталъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый день ихъ пріѣзда. Нашъ скромный и далеко не блестящій городъ встрепенулся и ожилъ. Должностныя лица въ мундирахъ съ высокими, подпирющими подбородокъ, воротниками, съ длинными фалдами, въ треугольныхъ шляпахъ съ плюмажами, съ

утра ѣздили взадъ и впередъ, осматривая, все ли въ порядкѣ, точно всѣ пробудились отъ летаргическаго сна; жители, гурьбой спѣшили въ гавань, чтобы хотя издали полюбоваться на царскихъ дѣтей. Дорога въ Екатерининскій дворецъ шла по Нарвской улицѣ мимо дома дѣдушки. Мы открыли окна, взгромоздились на стулья и ждали проѣзда высокихъ гостей. Когда коляска поравнялась съ нами, мы закричали «ура» и кланялись, а великія княжны, привѣтливо улыбаясь, отвѣчали на наши поклонны. Вечеромъ была иллюминація и гулянье въ Екатерининскій садъ, гдѣ на балконъ выходили великія княжны съ своей наставницей. Оглушительное «ура» публики встрѣчало ихъ при каждомъ появленіи.

За нѣсколько времени до 22 іюля, дня тезоименитства великой княжны Маріи Николаевны, дѣдушка, не сообщивъ никому о своемъ намѣреніи, поѣхалъ къ Васильчикову, состоявшему при ихъ высочествахъ, и просилъ его исходатайствовать разрѣшеніе государя дочерямъ, или, вѣрнѣе сказать, дѣвочкамъ лучшихъ фамилій тамошнихъ жителей, поздравить въ русскомъ національномъ нарядѣ августѣйшую именинницу.

Когда на посланную въ Петербургъ эстафету пришла отвѣтная съ высочайшимъ разрѣшеніемъ, Васильчиковъ сейчасъ же сообщилъ о томъ дѣдушкѣ, который, созвавъ насъ всѣхъ, сказалъ съ сияющимъ отъ удовольствія лицомъ: «ну, дѣти, отгадайте, какую радость я вамъ несу!» Любопытства нашего онъ долго не мучилъ.

Когда онъ намъ сообщилъ это извѣстіе, мы начали обнимать и цѣловать дорогого старика, прыгая, хлопая въ ладоши, не зная, за что намъ приняться послѣ такого неожиданнаго сюрприза. Намъ, четверемъ сестрамъ, сшили сарафаны, кисейныя бѣлыя рубашки съ широкими рукавами, головныя ленты были вышиты бусами маменькой, которая была большая искусница въ рукодѣліяхъ.

Настало 22-е число, мы поднялись ни свѣтъ ни заря, у насъ собрались всѣ участвующія въ привѣтствіи дѣвицы. Я, какъ старшая изъ двадцати двухъ (мнѣ было 12 лѣтъ), выучила короткіе поздравительные стихи на нашемъ родномъ языкѣ. Намъ дѣлали репетиціи, какъ кланяться въ поясъ; у каждой была корзиночка съ живыми цвѣтами, а у меня—букетъ.

Подали кареты, всѣ дѣти усѣлись съ своими матерями, и поѣздъ нашъ двинулся ко дворцу. Сердце у меня сильно билось отъ радости, отъ какого-то необъяснимаго восторга, дотолѣ не испытаннаго, а вмѣстѣ и отъ страха, какъ бы не сконфузиться, не оробѣть и не спутаться въ стихахъ. У подѣзда насъ высадили, ввели въ залъ, гдѣ встрѣтилъ насъ Васильчиковъ, настоящій русскій баринъ, учтивый, привѣтливый, ласковый, не важничающій своимъ высокимъ положеніемъ. Объявивъ намъ, что ихъ высочества сейчасъ выйдутъ, насъ выстроили лѣсенкой въ шеренгу; моя трехлѣтняя сестра была самая меньшая. Только что мы установились, дверь распахнулась,

и вошли три прелестныя княжны: Марія, Ольга и Александра Николаевны, съ ихъ наставницей Юліей Теодоровной Барановой (впоследствии графиня, титулъ этотъ былъ ей данъ въ день бракосочетанія великой княгини Ольги Николаевны).

Марія Николаевна подошла ко мнѣ первой; сначала голосъ мой дрожалъ, но потомъ, ободренный ея чуднымъ взглядомъ, онъ окрѣпъ, и привѣтствіе сошло благополучно. Она благодарила, поцѣловала меня, а потомъ, подойдя къ каждой, сказала ласковое слово. Послѣ нея подошли Ольга и Александра Николаевны. Угостивъ насъ шоколадомъ, предложили пройти въ садъ. Марія Николаевна шла со мной рядомъ, спросила, какъ меня зовутъ, и узнавъ, что я тоже именинница, поздравила меня и спросила, какъ мы проведемъ день. Я сообщила, что участвуемъ вечеромъ въ живыхъ картинахъ, устраиваемыхъ въ ихъ честь съ благотворительною цѣлью. На ея вопросъ, въ какой я участвую, я отвѣтила, что во всѣхъ трехъ, и что маменька обѣщала, если мы будемъ смирно и хорошо стоять, взять насъ послѣ театра на фейерверкъ. Картины были вечеромъ очень удачны: великія княжны ашлодировали, и занавѣсъ поднималась, согласно ихъ желанію, болѣе трехъ разъ.

Сколько десятковъ лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло, а я хорошо помню всѣ картины, костюмы наши, постановку, и все, все живо представляется мнѣ.

Когда насъ переодѣли, и мы остыли, маменька поѣхала съ нами, двумя старшими, на фейерверкъ. Только что мы усѣлись, и были пущены ракеты, явился посланный, который, обходя скамейки, спрашивалъ, гдѣ семейство маркиза Траверсе. Найдя насъ, онъ передалъ маменькѣ приглашеніе великихъ княженъ пріѣхать съ нами во дворецъ, т. е. въ маленькій, такъ называемый, домикъ князя Волконскаго, стоявшій на окраинѣ сада, недалеко отъ мѣста, гдѣ сожженъ былъ фейерверкъ. Такимъ лестнымъ приглашеніемъ мы, понятно, воспользовались, не теряя времени.

Во дворцѣ великія княжны нѣсколько разъ повторяли, что картины были прелестны, и что ихъ высочества очень веселились. Когда огненное зрѣлище кончилось, подали чай, послѣ чего, прощаясь съ присутствовавшими, ихъ высочества уѣхали во дворецъ, а мы—домой.

Во время пребыванія великихъ княженъ данъ былъ въ салонѣ около Екатерингала балъ, на который маменька со мной удостоилась приглашенія въ ложу ихъ высочествъ. На этомъ вечерѣ было и купечество первыхъ гильдій съ женами; послѣднія были въ богатыхъ шелковыхъ платьяхъ, а головы повязаны шелковыми платочками, какъ онѣ обыкновенно носили. Тогда, какъ видно, купеческія жены не гнушались своимъ нарядомъ, что, конечно, служило къ ихъ чести.

Ихъ высочества оставались на балѣ не больше часа; раскланявшись съ публикой и простившись съ нами, онѣ уѣхали домой, за

ними увезли и меня. 22-е июля и балъ въ салонѣ—это эпохи въ нашей дѣтской жизни. Долго о нихъ только и шла рѣчь. Такія впечатлѣнія глубоко врѣзываются въ память, и чрезъ долгое время вспоминаешь о нихъ съ удовольствіемъ.

По повелѣнію государя долженъ былъ состояться дѣтскій балъ во дворцѣ. Васильчиковъ пріѣхалъ къ дѣдушкѣ съ просьбою помочь ему составить пригласительный списокъ, такъ какъ онъ общества не зналъ. Сестрѣ и мнѣ сшили хорошенькія бѣлыя платья. Мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали этого вечера, но день не былъ еще рѣшенъ окончательно.

Велико было наше разочарованіе, когда прислали намъ сказать, что балъ отменяется. Получена эстафета, вызывающая немедленно великихъ княженъ въ Петербургъ, по случаю болѣзни императрицы. Ихъ высочества такъ скоро и неожиданно собрались въ путь, что до отъѣзда намъ больше видѣть ихъ не удалось, но, тѣмъ не менѣе, у насъ сохранилось неизгладимое впечатлѣніе о 22-мъ іюля.

Дѣдушка, замѣтивъ, что мы ходимъ, повѣся носы, и все вздыхаемъ, обѣщалъ устроить для насъ балъ, какъ только узнаетъ, что здоровье ея величества поправилось.

Вскорѣ было получено успокоительное извѣстіе, и дѣдушка сдержалъ свое обѣщаніе. Устроивая балъ, онъ все приговаривалъ: «и на нашей улицѣ будетъ праздникъ». Подростковъ и дѣтей собралось много, всѣ радовались, что нашелся случай надѣть платья, сшитыя къ великокняжескому балу. Когда между танцами начали освѣжать комнату, онъ пригласилъ насъ на балконъ взглянуть на иллюминацію. Она была очень оригинальна: по всему саду, по дорожкамъ, въ травѣ, между цвѣтами, огоньки прогуливались; никто не могъ угадать, почему они двигаются. Это было его изобрѣтеніе; онъ накупилъ массу раковъ, наклеилъ каждому на спину восковой огарокъ, велѣлъ огарки зажечь и распуścić раковъ повсюду. Вся Нарвская улица была освѣщена маячными запасными рефлекторами.

Вечеръ былъ очень оживленный и веселый, но онъ не обошелся безъ приключеній. Пятнадцатилѣтній сынъ губернатора, Бенкендорфъ, считая себя слишкомъ взрослымъ, чтобъ танцовать съ нами, прислонясь къ двери, долго смотрѣлъ свысока на насъ. Спустя нѣкоторое время, онъ исчезъ. Оказалось, что онъ отправился гулять по саду, было темно, и не разсмотрѣвъ, что шла широкая поперечная канава, покрытая тиной или цвѣтомъ, онъ прямо окунулся въ нее. Губернеръ подоспѣлъ къ нему на помощь, вытащилъ и увезъ его мокраго, покрытаго зеленью, домой. Когда мы узнали объ этомъ, то рѣшили, что это было наказанье за то, что онъ важничалъ и пренебрегалъ танцовать съ нами.

Зима прошла за уроками. Къ танцклассамъ собирались у дѣдушки, гдѣ присоединялись къ намъ знакомыя дѣти.

Хотя нельзя сказать, что выдѣлывать па, стоять въ позиціи, учиться ходить, кланяться и присѣдать было очень весело, но мы ѣздили съ удовольствіемъ на эти уроки; въ особенности мы радовались, когда дошло до танцевъ, въ которыхъ одинъ другого старался превзойти въ искусствѣ.

Весной отецъ мой получилъ назначеніе въ Гельсингфорсъ командовать канонерскою флотиліей; онъ уѣхалъ къ новой должности, а мы на время его плаванія перебрались къ дѣдушкѣ, куда пріѣхала на каникулы тетушка Ширманъ съ сыномъ, товарищемъ нашего дѣтства, съ которымъ мы не видались со времени поступленія его въ Константиновское училище. Вспоминали мы съ нимъ наши игры со всѣми затѣями, совмѣстные уроки, разбирали учителей симпатичныхъ и противныхъ, однимъ словомъ, вспоминали нашу дѣтскую старину.

Гуляя однажды по саду, онъ предложилъ мнѣ прокатиться на пруду въ ящикѣ, въ которомъ мѣшали и тушили известь. За неимѣніемъ лодки, не долго думая, я прыгнула въ этотъ ящикъ, а мой милый братецъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ оттолкнуть меня отъ берега, а самъ, смѣясь, остался смотрѣть, какъ я плыву. Но смѣхъ его превратился вскорѣ въ нешуточный испугъ, когда ящикъ наполнился водой и вмѣстѣ со мной началъ погружаться ко дну. Глубокъ ли былъ прудъ или нѣтъ, этого мы не знали, а потому оба начали кричать, что было силъ. Къ моему счастью, находившійся въ оранжереѣ садовникъ выбѣжалъ, схватилъ багоръ и притянулъ ящикъ къ берегу. Когда я прибѣжала въ комнату, вымокшая выше колѣнъ, и рассказала о неудачномъ катаньѣ, то обомлѣвъ порядкомъ досталось отъ нашихъ матерей, да и было за что, къ тому же маменька пристыдила меня, напомнимъ мой тринадцатилѣтній возрастъ и прибавивъ, что пора угомониться и бросить дѣтскія шалости. Эта, дѣйствительно, была послѣдняя.

Наступила осень, начали собираться къ переѣзду въ Гельсингфорсъ. Дѣти вообще рады всякой перемѣнѣ, все новое, невиданное подстрекаетъ ихъ любопытство, и они готовы охотно промѣнять вѣрное на невѣрное. Какъ ни жаль намъ было расстаться съ нашими добрыми старичками и тетушками, баловавшими насъ, мы укладывались съ радостью и съ нетерпѣніемъ ожидали дня нашего отъѣзда.

Эскадра отплывала на зимовку въ Финляндію; командиръ фрегата «Марія», капитанъ 1-го ранга Трескинъ, предложилъ довести насъ до Свеаборга. Прощаясь съ родителями и сестрами, маменька взяла съ нихъ обѣщаніе провести будущее лѣто у насъ. Съ гаваньской пристани мы въ катерѣ доѣхали до фрегата, гдѣ былъ спущенъ трапъ, по которому мы поднялись на палубу. Командиръ и всѣ офицеры, давно знакомые намъ, встрѣтили насъ любезно; были и гардемарины, съ которыми я не замедлила познакомиться:

молодое съ молодымъ невольно сближается. Между ними былъ Бокъ, Георгій Тимоѣевичъ, состоявшій въ послѣдствіи при великихъ князьяхъ и подъ конецъ гофмаршаломъ при дворѣ великаго князя Владимира Александровича. Правда, что гора съ горой не сходятся, а человѣкъ съ человѣкомъ рано или поздно сойдется. Когда я вышла замужъ, Бокъ оказался родственникомъ моего мужа, и мы всегда были, какъ съ нимъ, такъ и съ семьей его, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Бывъ очень любознательною, я интересовалась всѣмъ, а Бокъ взялся посвящать меня въ подробныя названія мачтъ, снастей, парусовъ, по песочнымъ часамъ узнавать, сколько проходимъ узловъ въ часъ, однимъ словомъ, въ этотъ непродолжительный переходъ я ознакомилась со всѣми терминами, касающимися фрегата. Погода была чудная, теплая и тихая. Сдѣлался штиль, вывѣсили колдунчикъ (маленькій флагъ изъ перьевъ, нанизанныхъ на тонкую бичевку); это меня очень занимало: онъ такъ легкокъ, что при самомъ незначительномъ колебаніи воздуха начинаетъ шевелиться, указывая, съ которой стороны подуетъ вѣтеръ. Удовлетворивъ вполне свое любопытство, я сѣла на палубѣ, меня начало клонить ко сну, и я положила голову на канатъ или цѣпь, которою прикрѣплялась пушка. Сколько длился нашъ переходъ, не помню; когда матросъ выдвинулъ пушку для салюта при входѣ въ крѣпость, голова у меня скатилась, и я не только не проснулась при этомъ, но даже не слышала пушечнаго выстрѣла, а ихъ было сдѣлано семь. Богатырскій сонъ! Какъ было красиво, когда вся эскадра выстроилась на Свеаборгскомъ рейдѣ и стала на якорь. Отецъ узнавъ, что эскадра приближается, выѣхалъ намъ навстрѣчу въ катерѣ. Поблагодаривъ командира, всѣхъ офицеровъ и прося ихъ навѣщать насъ, мы простились, сѣли въ катеръ и отчалили.

Крѣпость съ своими гранитными скалами имѣла видъ довольно суровый, но по другой сторонѣ масса острововъ, густо обросшихъ деревьями, изъ-за которыхъ то тамъ то здѣсь выглядывали небольшіе домики, представляла живописную картину. Проѣхавъ три версты, мы пристали къ небольшой пристани, недалеко отъ дома, приготовленнаго для нашего жилья. Надо было пройти только домъ барона Клиновстрема, стоявшій на самомъ берегу залива и отдѣлявшійся отъ нашего узкимъ переулкомъ. Море я любила, какъ родную стихію, и поэтому радовалась, что оно видно изъ нашихъ оконъ. Домъ двухъ-этажный, деревянный, былъ очень помѣстителенъ и удобенъ для нашей многочисленной семьи, состоявшей изъ отца, матери и насъ, шестерыхъ дѣтей. Разобравшись и устроившись, мы ѣздили кататься по городу и за городъ. Гельсингфорсъ произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе: чистенькій, улицы хорошо вымощенныя, гористыя; на Сенатской площади были очень хорошія зданія. За городомъ, по обѣимъ сторонамъ природнаго

шоссе, Абовской и Петербургской дороги, торчали высокія гранитныя скалы и росъ лѣсъ, изобилующій грибами, я же съ дѣтства была большая охотница собирать ихъ. Небольшая, красивая на мой тогдашній взглядъ, русская церковь, которую мы посѣщали по воскреснымъ, праздничнымъ и торжественнымъ днямъ, мнѣ нравилась, быть можетъ, и потому, что тогда я лучшей не видѣла. Родители мои были очень набожны, и хотя отецъ мой былъ католикъ, но всегда ѣздилъ къ обѣднѣ вмѣстѣ съ нами. Мы были воспитаны въ любви и страхѣ Божіемъ.

Послѣ того, какъ родители обмѣнялись визитами съ большинствомъ интеллигентныхъ жителей, насъ познакомили съ ихъ дѣтьми. Никто изъ нихъ не понималъ ни одного русскаго слова, а потому мы объяснялись съ ними по-французски или по-нѣмецки. Обоиими языками мы хорошо владѣли.

Въ эту же осень двоюродный братъ мой, Леонтовичъ, командиръ корвета «Львица», человекъ съ хорошимъ состояніемъ, хотѣлъ ознаменовать нашъ пріѣздъ и устроить балъ на своемъ корветѣ. Маленьку онъ просилъ сдѣлать за него все приглашенія, быть хозяйкой и привезти на балъ и меня съ сестрой. Для бала палуба была превращена въ палатку изъ разноцвѣтныхъ флаговъ, люстра и бра были собраны изъ штыковъ, а стѣны убраны разной арматурой и зеленью; все было устроено съ большимъ вкусомъ. Музыка гремѣла, танцы были очень оживлены, угощеніе и ужинъ безукоризненны. По окончаніи вполнѣ удавапгося вечера, простясь съ любезнымъ хозяиномъ, гости поочередно начали спускаться по трапу и усеѣлись въ катера. Передъ ними плыла музыка, звуки которой далеко и пріятно разносились по морскому пространству. Съ обѣихъ сторонъ путь нашъ освѣщался бенгальскими огнями. Такого праздника до того времени никогда не видѣли въ Финляндіи, поэтому о немъ говорили, какъ о сказкѣ изъ Тысяча одной ночи, и долго его забыть не могли. Намъ, подросткамъ, было очень весело танцевать съ офицерами и гардемаринами, очень милыми и любезными. На этомъ вечерѣ я не упустила случая выказать свое знаніе въ морскихъ терминахъ, выученныхъ во время перѣзда изъ Ревеля, что удивило офицеровъ и доставило имъ удовольствіе. Многие изъ нихъ часто посѣщали насъ, зная что найдутъ въ домѣ родителей всегда радушный пріемъ.

Зимой въ домѣ одного изъ финляндскихъ магнатовъ состоялся дѣтскій балъ, на который мы были приглашены; тамъ я познакомилась почти со всемъ обществомъ и со многими студентами, которые хотя гораздо были старше насъ, однако не пренебрегали танцами съ нами. Были два сына сенатора Валентъ, старшій Эдуардъ, не красивый, но очень милый и умный, второй же Альфонсъ—красавецъ съ кудрявой головой. Былъ и сынъ профессора медицины, Карлъ Гартманъ, съ старшею сестрою котораго мы въ скоромъ времени стали закадычными друзьями.

Меня представили старушкамъ, но многія изъ нихъ ни на какомъ языкѣ говорить не умѣли, кромѣ шведскаго, поэтому, не теряя времени, я начала заниматься изученіемъ его, достала у подругъ сагу Тегнера «Фритіофъ», прочла ее нѣсколько разъ съ помощью лексикона и къ веснѣ могла уже объясняться настолько, что старушки меня понимали и даже увѣряли, что *Markisinnan tala wücke bra svensk*¹⁾. Всѣ старушки и старички полюбили меня, какъ за мою веселость, такъ и за мое вниманіе и предупредительность къ нимъ. Я вообще любила и почитала старость.

Уроки шли своимъ чередомъ, но такъ какъ маменькѣ трудно было заниматься нами всѣми и вести хозяйство, то она выписала изъ Петербурга гувернантку. Приѣхала пепиньерка Смольнаго монастыря, М. К. Бальзеръ, рекомендованная начальницей, — маленькаго роста, кругленькая, бѣлокурая и очень молодая. Я была гораздо выше ея, и поэтому-то не очень признавала ея авторитетъ; заставляла она насъ учить все вдолбляжку, не допуская ни замѣнять одного слова другимъ, ни даже перестановки словъ.

Впрочемъ она была добрая, но педантка въ высшей степени.

На лѣто къ намъ приѣхали гостить родители и сестры моей матери. Приѣздъ ихъ былъ большою радостью для насъ. Ко дню рожденія бабушки мы устроили ей сюрпризъ, выучили французскую пьесу «*l'Infante d'Espagne*», написанную, кажется, г-жею Самрап. Мнѣ сдѣлали великолѣпный костюмъ Инфанти. Пока мы устраивали сцену, разставляли стулья для зрителей и одѣвались, бабушку повезли кататься. Какъ только она возвратилась, зрители усѣлись на мѣста, раздался колокольчикъ, ширмы раздвинулись, и я выступила на сцену, держа на пальцѣ цыпленка, исправляющаго должность попугая. Сначала онъ сидѣлъ довольно чинно, но въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, когда мнѣ пришлось плакать, мой глупый попугай закричалъ своимъ цыплячьимъ голосомъ и началъ биться, стараясь освободиться изъ моихъ рукъ. Это возбудило всеобщій смѣхъ; братъ мой, сидѣвшій подъ столомъ, накрытымъ салфеткой, чтобъ говорить за попугая, не выдержалъ и громко расхохотался. За исключеніемъ неудачнаго представителя попугая, пьеса сошла отлично, благодаря тому, что я не смутилась и, отдавъ цыпленка, продолжала свою роль.

Бабушка, не подозрѣвавшая приготовленнаго для нея сюрприза, была тронута до слезъ и благодарила за доставленное ей удовольствіе. Въ половинѣ августа родилась моя меньшая сестра. Въ сентябрѣ наши дорогіе гости уѣхали, взявъ обѣщаніе съ маменьки приѣхать на будущее лѣто къ нимъ со всѣми дѣтьми, на время плаванія отца.

¹⁾ Маркиза очень хорошо говорить по-шведски.

Въ слѣдующемъ году, при въѣздѣ въ Ревель, на Нарвской улицѣ, мы встрѣтили похоронную процессію, которая произвела на маменьку какое-то тяжелое необъяснимое впечатлѣніе, точно предвѣщала близость несчастія. Радость свиданія продолжалась недолго. Вскорѣ получено было извѣстіе, что любимый нашъ дядя, Аполлинарій Спафарьевъ, старшій братъ маменьки, скоропостижно скончался отъ удара въ Стокгольмѣ, куда былъ посланъ, кажется, для осмотра пушечныхъ заводовъ.

Окончивъ блистательно свое образованіе въ лицей, гдѣ имя его записано на мраморной доскѣ, онъ вступилъ въ военную службу, участвовалъ въ польской и турецкой кампаніяхъ и былъ награжденъ за храбрость орденами; однимъ словомъ, онъ былъ гордостью и утѣшеніемъ родителей въ ихъ старости и всеобщимъ любимцемъ.

Страдая приливами къ головѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе окачивать ее холодной водой; смерть застигла его недалеко отъ одной изъ станцій, съ которой онъ направлялся къ ручью, вѣроятно, съ тою же цѣлью, пока перепрягали лошадей. Камердинеръ его, который пошелъ доложить ему, что экипажъ готовъ, засталъ его бездыханнымъ у берега ручья.

Это извѣстіе громовымъ ударомъ поразило всю семью, много было пролито слезъ. Никогда не забуду трогательной картины, когда дѣдушка, вставъ передъ бабушкой на колѣни, рыдая, склонилъ къ ней свою серебряную голову (онъ былъ совершенно сѣдой съ 25-ти-лѣтняго возраста) и старался съ обрывающимся отъ рыданья голосомъ утѣшать ее.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхала изъ Швеціи депутація для выраженія собогѣтнованія дѣдушкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ для испрошенія разрѣшенія поставить его сыну памятникъ. Это вниманіе со стороны шведовъ было не только лестно, но и трогательно.

Кончина любимаго брата сильно повліяла на здоровье маменьки, которая стала чувствовать себя нехорошо; она постоянно видѣла брата во снѣ и говорила тетюшкамъ, что онъ манитъ ее къ себѣ.

Въ день моего рожденія, когда мнѣ минуло 15 лѣтъ, маменька подарила мнѣ кольцо съ бирюзой; надѣвая мнѣ его на палецъ, она сказала: «Ты теперь не ребенокъ, носи его и помни всегда, даже когда меня не станетъ, что оно должно служить тебѣ талисманомъ, напоминать мои наставленія и предохранять отъ всего дурного». При этомъ мы обѣ прослезились. Это былъ послѣдній подарокъ моей дорогой матери, который хранится у меня и по сіе время.

Въ августѣ маменька поѣхала со мной провести вечеръ у графа Гейденъ; я была очень дружна съ его внучками, баронессами Шлипенбахъ. Насъ собралось нѣсколько подругъ. Гуляя по саду, мы по очереди рассказывали другъ другу разныя страшныя исторіи про домовыхъ, привидѣнія и тому подобное. Зашла рѣчь о храбрости, начали спрашивать другъ у друга, кто рѣшится пойти на

кладбище старовѣровъ, прилегавшее къ саду за невысокой оградой, сорвать цвѣтокъ на одной изъ могилъ и принести его въ знакъ трофея. Это кладбище было мнѣ знакомо, мы часто проходили черезъ него для сокращенія пути и читали надписи на крестахъ. Я вызвалась, такъ какъ не оказалось охотниковъ. Напутственные возгласы далеко не были успокоительны; кто говорилъ, что я встрѣчусь съ привидѣнiемъ, другой, что мертвецъ, на чьей могилѣ я сорву цвѣтокъ, недовольный тѣмъ, что я пришла нарушить его покой, встанетъ изъ гроба и возьметъ меня въ свое холодное жилище. Но сказано и сдѣлано. Не стану хвастаться; не съ большою храбростью и не безъ внутренняго волненія перелѣзла я черезъ ограду, тѣмъ болѣе, что совсѣмъ смерклось, только луна, пробираясь таинственно сквозь густую тѣнь деревьевъ, освѣщала садъ.

Никто не подозрѣвалъ, съ какимъ замиранiемъ сердца я отправилась туда; притаивъ дыханье, я дошла до условленной могилы, сорвала цвѣтокъ и мгновенно кинулась обратно къ оградѣ; соскочила съ нея и бѣгомъ пустилась къ подругамъ, ни разу не оглядываясь; мнѣ казалось, что кто-то гонится за мной. Встрѣтили меня съ рукоплесканiями, восклицанiями: браво! браво! прибавивъ при этомъ, что, стоя на оградѣ, въ своемъ бѣломъ платьѣ, освѣщенная луной, я сама казалась привидѣнiемъ. Всѣ съ особеннымъ уваженiемъ говорили о моемъ геройскомъ подвигѣ, хотя я призналась, что не повторю его. Весь вечеръ я была блѣдна и чувствовала внутреннюю дрожь. Сознаюсь, что бояться было глупо, но сами же подруги были виноваты, зачѣмъ стращали меня. Вспомнила я одинъ эпизодъ, бывшiй съ дядею моимъ, Леонтиемъ Петровичемъ Бутеневымъ, лишившимся лѣвой руки во время Наваринскаго сраженiя. Храбрый на войнѣ, онъ ужасно боялся мышей. Въ одинъ изъ его прiѣздовъ у насъ были гости, т. е. у дѣдушки; мы всѣ сидѣли за чайнымъ столомъ; онъ, рассказывая намъ что-то очень интересное, вдругъ вскрикнулъ: «мышь», вскочилъ на стулъ, а со стула на столъ. Оказалось, что кто-то изъ дѣтей бросилъ изъ другой комнаты мячикъ, который перекатился черезъ его ногу. Все общество размѣялось; сконфуженный онъ извинился, сказавъ, что сдѣлалъ это совершенно безсознательно и вмѣстѣ съ тѣмъ отчета о своемъ страхѣ дать себѣ не можетъ. Онъ любилъ одну изъ моихъ тетушекъ, любовь была обоюдная, но по близости родства дѣдушка не соглашался на эту свадьбу и наотрѣзъ отказался ходатайствовать о разрѣшенiи на ихъ бракъ.

Когда Бутеневъ умеръ, тетушка, нѣсколько лѣтъ спустя, бывъ уже не первой молодости, рѣшилась выйти замужъ за адъютанта графа Гейдена, В. А. Иванова. Свадьба ихъ состоялась въ концѣ августа, трауръ по дядѣ Аполлинарiи не былъ еще оконченъ. Маленька была посаженой матерью своей сестры. Вся въ бѣломъ она была такъ необыкновенно хороша въ этотъ вечеръ, что въ церкви

поразила всѣхъ не только красотой, но какимъ-то неземнымъ выраженьемъ.

Недѣлю спустя, она слегла. Когда обнаружилось, что у нея оспа, то она просила отдѣлать насъ и не пускать къ себѣ. Заразы я никогда никакой не боялась и выпросила позволеніе у тетушки входить въ комнату рядомъ съ той, гдѣ лежала маменька, чтобъ хотя издали слышать ея голосъ. Пользуясь ея разрѣшеніемъ, я часто входила туда нацыпочкахъ и молча сидѣла, чтобъ маменька не подозрѣвала моего присутствія, которое могло бы тревожить ее. Жаръ съ каждымъ днемъ усиливался, и состояніе здоровья дѣлалось тревожнѣе. Отцу моему дано было знать о болѣзни маменьки, и онъ вскорѣ пріѣхалъ.

Подозвавъ разъ къ себѣ тетушку, которая все время находилась при ней, она ей сказала: «пригласите всѣхъ докторовъ, если это можетъ успокоить мужа, но тебѣ, Катенька, я скажу, что ни одинъ изъ нихъ спасти меня не можетъ. Послѣ того видѣнья, которое я имѣла, жить мнѣ нельзя; имя мое записано тамъ въ книгѣ, — объясняла она, указывая на небо, — братъ манилъ меня къ себѣ, а Спаситель вручилъ мнѣ крестъ. Приведи дѣтей, я хочу благословить ихъ и проститься съ ними». Она говорила такъ громко и внятно, что я слышала каждое слово; при послѣднемъ я выбѣжала, чтобъ она не слышала моихъ рыданій, и пошла за братьями и сестрами, которыхъ привела къ ней. Насъ подошло семеро, меньшую годовую сестру принесли на рукахъ. Подѣловавъ и благословивъ насъ, она мнѣ сказала: «помни мои наставленія, ты старшая, береги младшихъ братьевъ и сестеръ»; потомъ, оборотясь къ тетушкѣ, просила увести насъ; ей было слишкомъ тяжело.

Видѣніе ея всѣ считали бредомъ воспаленнаго мозга. Въ воскресенье 12-го сентября, когда всѣ разошлись отъ обѣденнаго стола, насъ осталось въ столовой четверо: двѣ тетушки, одна знакомая барышня и я, варившая кофе; въ эту минуту я съ грустной думой смотрѣла въ уголъ, направленный къ комнатѣ маменьки. Какъ будто сговорившись, взоры остальныхъ были направлены въ тотъ же уголъ, гдѣ стояла высокая деревянная точеная подставка (колонна) съ висячей на ней лампой. Вдругъ эта колонна покачнулась и мѣрно, громко три раза ударила ножкой о полъ. Мы переглянулись въ недоумѣніи; тогда тетушка Екатерина вскочила со стула и сказала: «Сашенька зовешь меня, пойду предложить ей причаститься», и съ этими словами быстро вышла изъ комнаты. Только что тетушка сдѣлала ей это предложеніе, лицо больной просіяло, и она сказала: «благодарю тебя, вотъ то слово, о которомъ я все просила, чтобъ мнѣ его сказали, и никто, кромѣ тебя, не понялъ меня». Когда пріѣхалъ духовникъ съ дарами, мы всѣ стояли на колѣняхъ въ соседней комнатѣ. Пока она исповѣдывалась и пріобщалась, священникъ ободрялъ ее, говоря, что, дастъ Богъ, она поправится, но

она на это отвѣтила, что какъ ей ни тяжело разстаться съ мужемъ и дѣтьми, она совсѣмъ приготовилась къ смерти, зная, что послѣ своего видѣнья она жить не можетъ.

Въ слѣдующій день, понедѣльникъ, погода была чудная; сентябрьское солнце ярко освѣщало садъ, въ который я вышла подышать свѣжимъ воздухомъ. Дойдя до окна комнаты, гдѣ лежала маменька, я встала на колѣни и молилась, чтобъ Господь намъ сохранилъ ее. Когда я поднялась, то увидѣла на семи кустикахъ Aurikeln распустившіеся весенніе цвѣты, тогда какъ наканунѣ не было даже и почекъ. Это странное явленіе очень меня поразило, тѣмъ болѣе, что распустилось столько кустовъ, сколько насъ было дѣтей. Пока я разсматривала ихъ, за мной послышалось рыданье; я обернулась и, увидя отца, бросилась въ его объятія, предчувствуя, что роковой часъ насталъ. Онъ едва былъ въ силахъ выговорить: «бѣдныя дѣти, у васъ нѣтъ матери, нашъ ангель улетѣлъ!»

Причина появленія весеннихъ цвѣтовъ осенью осталась тогда для всѣхъ необъяснимою; такому необычайному, хотя и естественному явленію мы не могли не придать особеннаго значенія и связи съ постигшимъ насъ горемъ.

Грусть и уныніе, царствовавшія въ домѣ, описать невозможно, день кое-какъ еще проходилъ, прѣзжали друзья, знакомые, дѣлать съ нами горе, но когда наставала ночная тишина, прерываемая однообразнымъ «тикъ-такъ» маятника и монотоннымъ чтеніемъ псаломщика, долетавшимъ до сосѣдней комнаты, гдѣ я сидѣла въ креслахъ, сердце у меня сжималось, и я не только не могла уснуть, но и оставаться на мѣстѣ и безпрестанно приходила молиться около маменьки. Отецъ былъ такъ убитъ горемъ, что посѣдѣлъ въ одну ночь. О возможности заразиться никому изъ насъ въ голову не приходило; благодаря Бога, всѣ остались цѣлы и невредимы, несмотря на то, что дезинфекціи въ то время не были въ модѣ.

Въ день похоронъ, когда всѣ собрались къ выносу, насъ привели въ залъ; мы были въ глубокомъ траурѣ съ плерезами. При нашемъ появленіи у всѣхъ навернулись слезы на глазахъ. Улица была полна народа, который съ одинаковымъ любопытствомъ стремится какъ на похороны, такъ и на свадьбу, было бы только на что посмотреть.

По возвращеніи съ похоронъ, домъ казался намъ пустымъ; всѣ говорили шопотомъ, даже маленькія дѣти, точно чувствуя утрату, не шумѣли и не кричали въ этотъ печальный день. Кто можетъ замѣнить ребенку, юношѣ и молодой дѣвушкѣ добрую, нѣжно-любящую мать, отъ которой зависитъ съ самаго дѣтскаго возраста направленіе въ жизни? Кто выросъ, согрѣтый материнскою любовью, не можетъ сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ ПЕРВОЙ.

«При Петръ она свѣтила не собственнымъ свѣтомъ, но заимствованнымъ отъ великаго человѣка, котораго она была спутницей... въющееся растение достигало высоты, благодаря только великану лѣсовъ, около котораго обвивалось; великанъ сраженъ — и слабое растение разостлалось по землѣ». (Соловьевъ, XVIII, 279).

Въ «ФИНЛЯНДСКОЙ Газетѣ», отъ 25-го апрѣля (8 мая) 1900 года, въ № 49, появилась замѣтка о «сохранившейся въ университетской библиотекѣ, въ Упсалѣ, родословной Екатерины I, супруги Петра Великаго». Эти документы Упсальской библиотеки, переведенные съ шведскаго на русскій языкъ и доставленные намъ съ правомъ напечатанія (Н. Н. Асмусомъ), относятся къ 1725 году, т. е. году восшествія на престолъ Екатерины I. Въ виду интереса, представляемаго этими документами, мы считаемъ нелишнимъ вернуться къ старому и уже оставленному вопросу о происхожденіи первой русской императрицы.

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, возбудить немало всякихъ толковъ и догадокъ за границей и въ самой Россіи. Возведеніе въ санъ русской царицы неродовитой плѣнницы, самыя условія ея плѣна служили поводомъ къ ропоту въ русскомъ народѣ и къ неблагоприятнымъ слухамъ¹⁾. Безсильны были противъ нихъ всѣ за-

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XVII, изд. 1867 г., гл. II, стр. 227. Ibid. А. Филипповъ, «О наказаніи по законодательству Петра Великаго» и пр., М., 1891, стр. 7.

преценія, царскіе указы и розыски Тайной канцеляріи и даже угрозы смертной казнью «злодѣямъ, обличеннымъ» въ непристойныхъ и противныхъ словахъ... противъ персоны ея императорскаго величества и ихъ величества высокой фамиліи¹⁾. Строгія, принимаемыя мѣры только усиливали толки и еще болѣе сгущали мракъ, окружавшій прошлое второй супруги Петра; но тайна была внезапно обнаружена, едва ли не въ самый неудобный моментъ для Екатерины.

Въ маѣ 1721 года, послѣ длиннаго ряда блестящихъ побѣдъ и по окончаніи трудной, долготѣней Сѣверной войны, Петръ отправился въ Ригу съ своей супругой. Она являлась вмѣстѣ съ нимъ на всѣхъ выходахъ, церемоніяхъ, смотрахъ, празднествахъ и пирахъ; окруженная царскимъ великолѣпіемъ, представлявшимъ рѣзкій контрастъ съ простою одеждою и всею обстановкою Петра. Въ этотъ моментъ наибольшаго величія и счастья Екатерины Алексѣевны, ко двору неожиданно явилась крѣпостная крестьянка Христина Скворощанка, которая «показала», что она сестра ея величества, и просила свиданія. Неизвѣстно, какой приѣмъ встрѣтила Христина у императрицы, но изъ писемъ рижскаго генералъ-губернатора князя Репнина мы знаемъ только, что «та женка была у ея величества и паки отпущена въ свой домъ» съ пожалованіемъ двадцати червонныхъ²⁾. Съ слѣдующаго 1722 года начинаются поиски родственниковъ императрицы въ Лифляндіи; но, повидимому, Петръ не имѣлъ намѣренія приблизить ихъ ко двору и не желалъ огласки. Прежде всѣхъ отысканъ въ деревнѣ Догабенѣ Карлъ Скворощій, братъ Христины, но взятъ «подъ крѣпкій караулъ» и въ 1723 году отправленъ въ Москву къ кабинетъ-секретарю Макарову, и велѣно было «имѣть его подъ присмотромъ съ дѣтьми»³⁾. Только въ 1725 году, при воцареніи Екатерины I, французскій посланникъ Камредонъ въ донесеніи своему двору отъ 16 октября сообщаетъ, въ видѣ новости, что «ходятъ темныя слухи о прибытіи въ русскую столицу съ семействомъ одного изъ братьевъ царицы», и пишетъ между прочимъ: «Это, кажется, человекъ очень низкаго происхожденія и грубаго нрава. Если то, что я слышалъ, справедливо, то надо думать, что люди, посовѣтовавшіе царицѣ призвать этихъ родственниковъ въ Петербургъ, не очень-то заботятся о прочности ея правительства»⁴⁾.

¹⁾ Полн. Собраніе Зак., VII, №№ 4870, 5004.

²⁾ Сборникъ отд. русск. языка и словесности Имп. Ак. Н., т. XVIII, Спб., 1878, стр. 21. Переписка Макарова съ княземъ А. И. Репнинымъ.

³⁾ Дѣти Карла Самуиловича Скворощаго: три сына и три дочери, по его желанію, были привезены въ Россію въ 1723 году; но жена отказалась ѣхать къ нему, несмотря на увѣренія, что «онъ содержится во всякомъ довольствѣ», и осталась въ Лифляндіи. См. Ученыя записки втораго отд. Имп. Ак. Н., кн. II, вып. I, Спб., 1856, стр. 234. Выписка изъ дѣла: «Корреспонденція съ княземъ Репнинымъ о фамиліи Скворощихъ».

⁴⁾ Сборникъ И. Р. И. Об. 1888, т. 64. Спб., 16 октября 1725 г. Письмо Камредона къ графу де-Морвиллю.

Но ни это, ни даже послѣдующіе, болѣе основательные поводы къ неудовольствію не могли поколебать могущества женщины, игравшей такую первенствующую роль въ жизни Петра Великаго и заслужившей его глубокую привязанность. Обаяніе гениальной личности преобразователя было еще всеильно въ Россіи; гробъ, заключавшій останки Петра, накрытый императорскою мантией, долго стоялъ подъ балдахиномъ, среди Петропавловской церкви, «на нарочно уготованномъ тронѣ», напоминая о немъ свидѣтелямъ его славы и блестящихъ подвиговъ. Прошли годы, прежде чѣмъ его предали землѣ¹⁾.

Къ тому же Екатерина, провозглашенная императрицей сподвижниками Петра I, не имѣла никакого основанія бояться за прочность своего престола и въ данномъ случаѣ несомнѣнно дѣйствовала по собственному усмотрѣнію. Изъ донесеній саксонскаго резидента Лефорта, конца 1725 года, видно, что Карлъ Самуиловичъ Сквороцкій съ дѣтьми, въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, жилъ инкогнито въ домѣ Монса, а по другимъ извѣстіямъ въ Сарской мызѣ. Изъ его дѣтей только старшая дочь Софья Карловна была тогда взята ко двору и возведена въ званіе фрейлины²⁾.

Вообще, со стороны первой императрицы не видно особенной осторожности въ отношеніи ея родственниковъ или боязни возбудить чье либо неудовольствіе, судя по тому, что въ началѣ слѣдующаго 1726 года она рѣшилась вызвать изъ Лифляндіи и другого

¹⁾ Въ запискахъ и мемуарахъ иностранцевъ, жившихъ тогда въ Россіи, нѣтъ объ этомъ никакихъ извѣстій, кромѣ Вебера, который упоминаетъ мимоходомъ, что 29 іюня 1725 года, пять мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Петра Великаго, «въ день апостоловъ Петра и Павла, государыня въ сопровожденіи всего двора отправилась въ главную церковь, гдѣ еще лежало на показъ (zur Schau) тѣло императора» и пр. (Veränderte Russland, III, s. 41.—Ibid. II, s. 204). По свидѣтельству Богданова (Описаніе Петербурга, изд. 1779 г., стр. 149—152, 166, 279—280) гробъ Петра I оставался въ церкви Петропавловской крѣпости до 21 мая 1731 года.—См. также «Дѣянія Петра Великаго» Голикова, т. IX стр. 211 и слѣд. Ibid. Соловьевъ «Исторія Россіи», М. 1878, т. XVIII, стр. 275.—Подобное отступленіе отъ русскихъ обычаевъ и традицій можетъ быть объяснено только настойчивымъ желаніемъ Екатерины почтить память своего супруга особымъ погребеніемъ, по примѣру погребенія наиболее уважаемыхъ и знаменитыхъ шведскихъ королей, гроба и саркофаги которыхъ выставлены въ отдѣльныхъ капеллахъ, за желѣзными рѣшетками, въ старинной Риддаргольмской церкви Стокгольма. Остальные гробницы расположены въ подземныхъ склепахъ той же церкви.

²⁾ Саксонскій резидентъ Лефортъ въ своемъ донесеніи королю отъ 25 декабря 1725 года пишетъ о Софьѣ Карловнѣ: «Она не глупа, не дурна, смѣла, рѣзка и довольно упряма», а затѣмъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ онъ сообщаетъ, что воспитательницею фрейлины Софьи Карловны была княжна Лобанова, вышедшая въ 1727 году за камергера Маврина. (Сб. Имп. Р. Ист. Общ., III, 423—460). Французскій посланникъ Кампредонъ, сообщая въ видѣ новости, въ письмѣ къ гр. де-Морвиллю отъ 4 декабря 1725 года, что племянница царицы начала появляться въ обществѣ, добавляетъ что «она очень хорошо воспитана» (ibid., т. 64, стр. 128).

Сковороцкого, Федора (Фридриха), и двух сестеръ: Христину и Анну, съ мужьями и дѣтьми.

Но, такъ какъ это были люди «темные» изъ крѣпостного состоянія, мало пригодные для придворной жизни, то, по прїѣздѣ въ Россію, они были прямо отправлены въ Стрѣльну, уединенную и малонаселенную мызу, заброшенную послѣ смерти Петра, съ недостроеннымъ дворцомъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, преувеличенные слухи о щедрыхъ подаркахъ императрицы своимъ родственникамъ, пожалованіе имъ вотчинъ, переселеніе Карла Самуиловича съ дѣтьми въ роскошный, устроенный для него домъ (возлѣ Мраморнаго дворца), возбуждали зависть придворныхъ. Безпокойство ихъ еще болѣе увеличилось, когда, по указу 5 января 1727 года, оба брата Сковороцкіе съ потомствомъ были возведены въ графское достоинство и переименованы въ графы Скавронскіе ²⁾; Меншиковъ и другіе высшіе сановники явились лично къ Карлу Самуиловичу съ поздравленіями.

I.

Въ настоящее время, на разстояніи многихъ десятковъ лѣтъ, трудно сказать, почему Екатерина, вызвавъ въ Петербургъ свою многочисленную лифляндскую родню и осыпая ихъ открыто всякими щедротами, до конца жизни, нигдѣ въ своихъ указахъ и распоряженіяхъ не упомянула объ этомъ родствѣ. Равнымъ образомъ, въ перепискѣ кн. Решнина съ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ о Сковороцкихъ нѣтъ ни одного намека на ихъ родство съ императрицей; они названы по именамъ и фамиліи, или же встрѣчаются такія выраженія: сіи люди, мужъ сей женщины, та женка, извѣстная женская персона съ мужемъ и дѣтьми и пр. Только въ своемъ духовномъ завѣщаніи Екатерина I, оставляя Скавронскимъ принадлежавшія ей лично «маестности и земли», для раздѣла между ними, называетъ ихъ «ближними сродниками ея собственной фамиліи».

Тѣмъ не менѣе, фактъ родства государыни съ крѣпостными лифляндскими крестьянами былъ достаточно извѣстенъ въ Петербургѣ и Москвѣ и на первое время возбудилъ толки въ публикѣ, но мало-по-малу потерялъ для нея всякое значеніе, уступивъ мѣсто болѣе живымъ и насущнымъ интересамъ. Если, по поводу низкаго

¹⁾ Сб. Имп. Р. И. Общ., Спб., 1868, т. III, стр. 539.

²⁾ Родственники Екатерины въ нѣкоторыхъ документахъ названы Сковороцкими, въ другихъ—Сковородскими, Сковоронскими и даже Икавронскими. По свидѣтельству Гельбига, фамилія Скавронскіе была принята, по предложенію П. И. Сапѣги. (См. «Русскій Архивъ» 1865 г., изд. второе, I, 394, статья «Случайные люди» изъ соч. Гельбига: «Russische Günstlinge», Tübingen, 1809).

происхожденія императрицы Екатерины, и бывали случаи недовольства въ народѣ, которое проявлялось въ подметныхъ письмахъ и распускаемыхъ слухахъ, то противъ этого по прежнему принимались строгія правительственныя мѣры.

Не такъ легко и просто могъ быть рѣшенъ вопросъ о происхожденіи Екатерины I въ ученомъ мѣрѣ, въ виду ея близости къ Петру и его упорнаго стремленія сдѣлать ее соучастницей своей славы и подвиговъ. Женщина, имѣвшая такое значеніе въ жизни Петра Великаго, не могла остаться внѣ окружавшаго его ореола, не только въ Россіи, но и за границей, гдѣ преобразовательная дѣятельность русскаго царя, громкія побѣды, борьба съ Карломъ XII, а также его своеобразная личность, привычки и чудачества обращали общее вниманіе. Историки и авторы мемуаровъ и дневниковъ, писавшіе о Петрѣ послѣ его смерти и объ его второй супругѣ, болѣе или менѣе подробно касались вопроса объ ея происхожденіи; и такимъ образомъ, въ данномъ направленіи, создалась довольно значительная литература на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и особенно на нѣмецкомъ.

Однако, несмотря на это, происхожденіе и дѣтство Екатерины I до сихъ поръ представляютъ далеко не рѣшенный вопросъ. Всѣ сообщенныя по этому поводу извѣстія отличаются неполнотой, крайне сбивчивы и противорѣчивы, что объясняется отсутствіемъ, или, вѣрнѣе, недостаточностью документовъ. Обнародованіе ихъ при жизни Екатерины Алексѣевны едва ли было для нея желательно, а тѣмъ болѣе для Петра; и поэтому весьма возможнымъ является предположеніе, высказанное барономъ Брюинингомъ и другими, что если были какіе либо письменные документы, то они намѣренно уничтожались. Разговоры на эту тему были запрещены и подвергались преслѣдованію, что заставляло молчать и тѣхъ, которые могли бы сообщить вѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи Екатерины I. Иностранцы, жившіе въ Россіи по нѣскольку лѣтъ, какъ Плейеръ Перри, Бассевичъ, Берхгольцъ и др., въ своихъ дневникахъ и мемуарахъ и донесеніяхъ также не находили нужнымъ сообщать что либо по этому поводу при жизни Петра.

Первыя письменныя извѣстія о происхожденіи Екатерины I относятся къ году ея воцаренія; но уже въ это время, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, сообщаемыя свѣдѣнія лишены всякаго фактическаго основанія и носятъ характеръ догадокъ и предположеній. Такъ, цесарскій посланникъ Бусси Рабутинъ, въ своемъ донесеніи изъ С.-Петербурга вѣнскому двору отъ 28-го сентября 1725 года, сообщаетъ, что «Екатерина, незаконнорожденная дочь лифляндекаго дворянина фонъ-Алфендаля и его крѣпостной служанки, родилась въ 1683 году, а послѣ смерти матери взята Глюкомъ» и пр. ⁴⁾ Равнымъ образомъ въ «Генеалогическихъ таблицахъ»

⁴⁾ Busching's Magazin für die neue Hist. und Geographie, XI, s. 481.

Гюбнера, изд. 1725 года, сказано: «Катерина фонъ-Алфендель изъ Лифляндіи родилась 24-го февраля 1684 года» (супруга Петра I ¹⁾,

Такимъ же фантастическимъ является извѣстіе, сообщенное въ донесеніи того же 1725 года, ганноверскаго резидента Вебера, который долго жилъ въ Россіи и бралъ уроки у Вурма, учителя дѣтей Глюка (взятаго въ плѣнъ въ Маріенбургѣ вмѣстѣ съ Екатериной), и могъ, повидимому, получить отъ него точныя свѣдѣнія объ ея происхожденіи. По словамъ Вебера, Екатерина родилась въ деревнѣ Рингенѣ, Дерптскаго округа, и была незаконной дочерью крѣпостной дѣвушки и шведскаго подполковника Розена ²⁾. Но Веберъ, передавая это извѣстіе, самъ находилъ его довольно сомнительнымъ, судя по тому, что въ своемъ обширномъ сочиненіи—«Das veränderte Russland», онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать такую оговорку: «Сознаюсь, что относительно происхожденія Екатерины я не знаю ничего основательнаго и заслуживающаго довѣрія, потому что сообщаемыя извѣстія крайне противорѣчивы» ³⁾.

Понятно, что если при жизни Екатерины не было возможности собрать точныхъ свѣдѣній въ данномъ направленіи, то тѣмъ затруднительнѣе было собирать ихъ лѣтъ пятьдесятъ спустя. Извѣстный историкъ-географъ Бюшингъ, жившій въ Петербургѣ въ началѣ царствованія Екатерины II, «долго и напрасно наводилъ справки и потерялъ всякую надежду узнать что либо вѣрное» о родителяхъ первой русской императрицы. Въ своихъ статьяхъ онъ нигдѣ не упоминаетъ фамиліи ея отца и называетъ его то Самуиломъ, то Карломъ ⁴⁾.

Другой иностранецъ, Альбедиль, секретарь шведскаго посольства при русскомъ дворѣ, въ 1778—1784 г., заявляетъ, что «въ Петербургѣ не только было бесполезно, но даже опасно наводить справки о происхожденіи Екатерины, хотя бы съ научною цѣлью» ⁵⁾.

При этихъ условіяхъ открыто было широкое поле для всевозможныхъ варіацій на данную тему ⁶⁾. Между прочимъ было вы-

¹⁾ Johann Hübners «Genealogischen Tabellen». I. Im Jahr 1725, Leipzig, Tab. 113. — Въ Supplement-Tafeln, 1-e Liefer., Kopenhagen, 1822, Tab. 39, вторая супруга Петра, Катерина, означена неизвѣстнаго происхожденія.

²⁾ Донесеніе Вебера въ книгѣ Шмидта-Физельдека: «Materialen zu der Russischen Geschichte» etc., I, Riga, 1777, s. 203—217.—См. также La Neuville: «Histoire de Pierre I surnommé le Grand», Amsterdam et Leipzig, 1742, liv. III, p. 109.—Ibid. Histoire de Pierre I etc. Mauvillon, 1742, I, 307.

³⁾ «Das veränderte Russland», 1740, III, s. 6.

⁴⁾ Magazin für die neue Historie und Geographie, von A. F. Büsching, t. III, 1769, s. 190.—Ibid. Jahrgang. IV, s. 135.

⁵⁾ Rigascher Almanach für 1887, Riga: «Die Geschwister der Kaiserin Katharina I».

⁶⁾ Въ № 7 «Illustrierte Monatshefte» 1857 г. появилась статья Иверсена, который доказывалъ, что Екатерина I законная дочь рижскаго гражданина Петра Бадендика и родилась въ 1679 году. Но заявленіе это, по свидѣтельству сына

сказано предположеніе, что Екатерина родилась въ Дерптѣ въ 1686 году, и что ея родители—польскіе крестьяне, переселились въ Маріенбургъ и умерли отъ чумы, послѣ чего она была взята мѣстнымъ пасторомъ, а затѣмъ Глюкомъ ¹⁾. У Вольтера отецъ Марты (Катерины)—польскій дворянинъ Скавронскій, умершій во время польскихъ войнъ, оставилъ послѣ себя двухъ дѣтей: дочь взята Глюкомъ, а сынъ Карлъ какимъ-то крестьяниномъ и впоследствии найденъ въ корчмѣ, гдѣ онъ исполнялъ должность слуги. Петръ Великій, узнавъ объ этомъ, велѣлъ привезти ко двору Карла Скавронскаго; Екатерина, при видѣ брата, упала въ обморокъ и проч. Однако, Вольтеръ, передавая этотъ романическій разсказъ, списанный по его словамъ «съ рукописи, посланной царю королемъ Августомъ», добавляетъ, что не считаетъ его безусловно вѣрнымъ ²⁾.

Гупель, перечисливъ различныя показанія о происхожденіи Екатерины, съ своей стороны сообщаетъ свѣдѣнія, собранныя имъ въ Лифляндіи отъ лицъ, знавшихъ Скога и Олоссона (Skogh и Olosson), воспитанниковъ пастора Глюка, жившихъ у него вмѣстѣ съ Екатериной. Хотя лица эти, за давностью лѣтъ, не помнили въ точности фамиліи, но утверждали, что отца Екатерины «не звали Скавронскимъ», потому что Скогъ и Олоссонъ упоминали какую-то другую фамилію. По свидѣтельству этихъ двухъ воспитанниковъ Глюка, Екатерина была сирота, оставшаяся въ его домѣ послѣ смерти родителей, и вела у него все хозяйство. Но, такъ какъ она отличалась чрезмѣрной экономіей и отпускала порціи, не соответствующія ихъ молодому аппетиту, то у нихъ изъ-за этого происходили ссоры, и Олоссонъ заявлялъ ей, что «онъ не женился бы на ней и въ томъ случаѣ, если бы она была единственная женщина въ мірѣ» ³⁾.

Иверсена, не подтверждается ни церковными книгами, ни другими документами. — См. также ст. Шебальскаго: «Новое предположеніе о происхожденіи Екатерины I». Чтенія, 1860, кн. II, стр. 77.

¹⁾ Neuern Geschichte der Chineser, Japoner u s. v. T. XVII, ss. 118, 128. — Ibid. Mémoires secrets du sieur Villebois, Paris, 1853, p. 72—76.

²⁾ Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par Voltaire, 1771, p. 271. — Шведскій историкъ Нордбергъ, опровергая Вольтера, заявляетъ, что Екатерина никогда не носила имени Марта. Мужъ ея, Иоганъ Крузе, считалъ ее дочерью купца и родомъ изъ Польши, «звалъ ее Катериной; фамилія ея была ему неизвѣстна» (habe sie Katharina geheissen, den Familiennamen habe er nicht gekannt). См. Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre, 1894, s. 117.

³⁾ A. W. Hupel: «Ueber das tief und esthländische Kirchenpatronat» (Der nord. Miscellaneen zweites Stück), Riga, 1781, ss. 223—224.

II.

Въ противоположность этой цестрой вереницѣ всякихъ гадательныхъ показаній, шведскіе источники отличаются однообразіемъ, полной опредѣленностью и ссылками на подлинныя свидѣтельства и документы. Разница только въ подробностяхъ, а въ главныхъ чертахъ одни показанія дополняются и подтверждаются другими.

Историкъ Карла XII, шведскій придворный проповѣдникъ Нордбергъ, взятый въ плѣнъ подъ Полтавою въ 1709 году и жившій около шести лѣтъ въ Россіи, то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, приводитъ свидѣтельство одного лифляндца, знавшаго отца и мать Катерины, подтверждаемое церковною книгою: «Отецъ ея былъ шведскій квартирмейстеръ Эльфсборгскаго полка Юганъ Рабе. Находясь съ полкомъ въ Ригѣ, онъ женился на мѣстной уроженкѣ Елизабетѣ Морицъ. По прибытіи въ Швецію со вторымъ мужемъ, Елизабета родила въ 1682 году, на бастели Гермундеридъ, въ приходѣ Тоарпа, дочь Катерину. Черезъ два года Юганъ Рабе умеръ, а жена его съ дочерью и новорожденнымъ сыномъ вернулась въ Ригу, гдѣ, нѣкоторое время спустя, Катерина поступила въ сиротскій домъ, затѣмъ на Ревельское подворье и наконецъ къ маріенбургскому пробсту Глюку»... ¹⁾).

Другое извѣстіе о происхожденіи и первыхъ годахъ жизни второй супруги Петра I заключается въ донесеніи военнаго комиссара фонъ-Сета, напечатанномъ въ шведской газетѣ «Tiden» на 1849 г., въ № 89. Извѣстіе это, въ главныхъ чертахъ вполне сходное съ разсказомъ Нордберга, дополнено нѣкоторыми новыми подробностями; кромѣ того, Свенъ Рейнгольдтъ Рабе названъ другимъ именемъ и оказывается на два года старше сестры. Здѣсь сказано: шведскій квартирмейстеръ Юганъ Рабе «привезъ съ собою изъ Риги жену Елизабету Морицъ, съ которою прижилъ въ замкѣ Варбергъ, гдѣ находился въ гарнизонѣ, сына Свена-Рейнгарда и потомъ на бастели Германдередъ дочь Елену-Катерину. Жена черезъ мѣсяць по смерти мужа съ обоими дѣтьми удалась въ Ригу: сыну было пять лѣтъ, а дочери три года».

Третье извѣстіе представляетъ мало разницы отъ первыхъ двухъ, хотя это не болѣе, какъ преданіе, которое Нордбергъ слышалъ въ Россіи отъ лифляндцевъ. По ихъ разсказу, «мать Катерины вышла въ Швецію замужъ за одного унтеръ-офицера и по смерти его уѣхала въ Эстляндію; затѣмъ во время «великаго» голода въ 1697 году она удалась въ Лифляндію, гдѣ искала хлѣба у дворянъ и пасторовъ. Такимъ образомъ пришла она къ пробсту

¹⁾ «Leben Carl des Zwölften», 1746, II, s. 253.

Глюку, который недѣли двѣ держалъ ее въ своемъ домѣ, потомъ отпустилъ; Катерину оставилъ у себя» ¹⁾).

Другой шведскій историкъ, Лагербрингъ, по вопросу о происхожденіи Екатерины I ограничивается краткой замѣткой: «Въ Россіи утверждаютъ, что она происходитъ изъ польской фамиліи Скавронскихъ; въ Швеціи убѣждены, что ея отецъ носилъ фамилію Раабе и былъ квартирмейстеръ Эльфсборгскаго полка. Слухи эти вполне извѣстны въ Петербургѣ» ²⁾).

III.

Шведскіе историки почему-то не обратили на себя вниманія изслѣдователей; и при избыткѣ всякихъ догадокъ и предположеній вопросъ о происхожденіи первой русскои императрицы оставался въ томъ же заколдованномъ кругѣ не только при ея жизни, но и десятки лѣтъ спустя. Разногласіе мнѣній и выводовъ перешло и въ литературу болѣе поздняго времени, гдѣ оно выразилось еще рельефнѣе.

Новѣйшіе иностранные изслѣдователи не высказываютъ никакихъ новыхъ догадокъ и, склоняясь въ пользу того или другого мнѣнія, не считаютъ вполне достовѣрнымъ ни одного изъ нихъ.

Булау, тщательно изучившій литературу вопроса, приходитъ къ выводу, что «до сихъ поръ настоящее происхожденіе Екатерины не доказано въ точности», и считаетъ несомнѣннымъ только извѣстіе, подтверждаемое всѣми источниками, что Екатерина «была сирота, принятая въ домъ Глюкомъ и воспитанная имъ въ лютеранской вѣрѣ». Затѣмъ, упомянувъ о томъ, что въ первое время послѣ замужества ее звали die Rabin, онъ не отрицаетъ близкаго родства Екатерины съ многочисленной семьей Скавронскихъ, хотя не опредѣляетъ степени этого родства. Кромѣ того, онъ обращаетъ особенное вниманіе на тотъ фактъ, что ни въ одномъ изъ болѣе или менѣе заслуживающихъ довѣрія извѣстій не сказано о братьяхъ и сестрахъ Екатерины ³⁾. Въ нѣкоторыхъ источникахъ упомянуть только одинъ братъ (который въ шведскихъ источникахъ названъ Свенъ-Рейнгольдъ, въ остальныхъ—Карлъ); или же Екатерина является единственной дочерью.

Валишевскій въ своемъ послѣднемъ сочиненіи замѣчаетъ по поводу происхожденія Екатерины I, что относительно этого нѣтъ

¹⁾ «Исторія царствованія Петра Великаго» Н. Устрялова, т. IV., Спб., 1863 г., стр. 132—134.

²⁾ «Abriss der Schwedischen Reichshistorie», von Swen Lagerbring, 1776, s. 312 (перев. со шведскаго).

³⁾ «Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen». F. Bülow. VI. Leipzig, 1855. —Katharina I Kaiserin von Russland, ss. 285—287, 296—297.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I.

Съ портрета масляными красками, находящагося въ музеѣ П. П. Шукина.

дозв. ценз. 21 декабря 1901 г. спб.

«никакихъ точныхъ свѣдѣній. Въ исторіи и въ легендѣ маріенбургская плѣнница носитъ разныя фамиліи, и мѣсто ея родины показано различно; болѣе или менѣе заслуживающіе довѣрія документы и преданія противорѣчатъ одно другому... и нѣтъ ничего вѣрнаго, а только вѣроятное». При этомъ авторъ съ своей стороны не высказываетъ никакихъ предположеній, но считаетъ возможнымъ, что «Екатерина была родомъ изъ Польши, и что ея братья и сестры Сковороцкіе (Скавронскіе), несомнѣнно, простые крестьяне, быть можетъ, переселились откуда нибудь въ Лифляндію»¹⁾.

Совсѣмъ иное отношеніе къ вопросу о происхожденіи Екатерины I встрѣчаемъ мы въ русской исторической литературѣ, а именно: отсутствіе какихъ либо колебаній и сомнѣній. Въ противоположность большинству иностранныхъ изслѣдователей, русскіе историки и ученые считаютъ этотъ вопросъ безповоротно рѣшеннымъ и на основаніи донесеній Бестужева 1715 года²⁾ и доказаннаго родства Скавронскихъ съ Екатериной признаютъ несомнѣннымъ фактомъ, что она была дочь лифляндскаго обывателя (по другимъ — крестьянина), Самуила Скавронскаго.

К. Н. Арсеневъ въ своемъ изслѣдованіи: «Царствованіе Екатерины I», пишетъ о ней: «дочь безвѣстнаго выходца литовскаго, Самуила Скавронскаго, рожденная въ нищетѣ, сирота безпріютная съ младенчества, сохраненная въ первые годы жизни сердоболіемъ жителей Рингена, прочно потомъ устроилась въ Маріенбургъ въ домѣ пастора Глюка». (Ученыя записки второго отд. академіи наукъ, кн. II, вып. I, Спб., 1856, стр. 227).

Щебальскій въ статьѣ: «Новое предположеніе о происхожденіи Екатерины I», заявляетъ, что происхожденіе ея отъ Скавронскихъ, какъ бы темны и сбивчивы ни были подробности, должно быть принято за достовѣрное» (Чтенія въ Моск. общ. ист. и древн., 1860, кн. II, стр. 77).

Устряловъ пишетъ, что «очевидно Катерина была изъ семейства лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго. Впослѣдствіи Петръ неоднократно напоминалъ ей въ шутку, что она шведская подданная... слѣдовательно, Катерина была изъ шведской области; оттого очень вѣроятно извѣстіе Вебера, что она родилась въ городкѣ Рингенѣ, Дерптскаго округа» (Исторія царствованія Петра Великаго, т. IV, ч. 1, Спб., 1863, стр. 139—140).

¹⁾ К. Waliszewski, «Pierre le Grand», Paris, 1897, pp. 289—290.

²⁾ См. «Исторія Россіи» Соловьева, т. XVIII, прим. 210.—Письмо къ Екатеринѣ I русскаго генералъ-комиссара при Курляндскомъ дворѣ, Петра Бестужева, изъ Риги отъ 25-го іюня 1715 года.—Ibid. Записка Бестужева отъ 25-го іюля того же 1715 года въ приложеніи къ ст. акад. Я. Грота: «Происхожденіе Екатерины I», въ Сборн. отд. русск. яз. и слов. импер. акад. наукъ, Спб., 1878, стр. 30—31.

У Соловьева мы встрѣчаемъ такое извѣстіе: «при дворѣ сестры Петра, царицы Натальи Алексѣевны, съ 1703 или 1704 года, явилась молодая Екатерина, дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго, находившаяся, какъ говорятъ, въ услуженіи у маріенбургскаго пастора Глюка и попавшаяся съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ къ русскимъ при взятіи Маріенбурга» (Исторія Россіи, т. XVI, М., 1866, стр. 70).

Костомаровъ въ своей обширной статьѣ: «Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица», говоритъ между прочимъ: «Изъ дѣлъ государственнаго архива узнаемъ только, что Екатерина была дочь крестьянина Скавронскаго» («Древняя и новая Россія», 1877 г., № 2, стр. 130).

По мнѣнію академика Я. К. Грота, донесеніе Петра Бестужева къ Екатеринѣ отъ 25 іюля 1715 года изъ Риги «весьма положительнымъ образомъ утверждаетъ, что она была дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго... и что, какъ бы то ни было, вопросъ о происхожденіи Екатерины можно считать рѣшеннымъ» (статья «Происхожденіе Екатерины I» въ Сборн. отд. русск. яз. и слов. ак. наукъ, т. XVIII, Спб., 1878, стр. 11).

Феттерлейнъ, въ своей замѣткѣ: «По вопросу о происхожденіи императрицы Екатерины I», подтверждаетъ мнѣніе академика Грота новыми данными и на основаніи ихъ высказываетъ убѣжденіе, что «не подлежитъ уже сомнѣнію, что родители Екатерины носили фамилію Скавронскихъ или сходную съ нею» («Вѣстникъ Европы», сентябрь, 1896 г., стр. 386).

Затѣмъ изъ приведенныхъ здѣсь историковъ и ученыхъ одинъ Устряловъ считалъ необходимымъ, по поводу происхожденія второй супруги Петра, коснуться подробно въ числѣ другихъ и шведскихъ источниковъ, не отвергая и не защищая ихъ. Остальные или вовсе не упоминаютъ о шведскихъ источникахъ и какъ бы отказываютъ имъ въ правѣ существованія, или же презрительно относятъ къ области легендарнаго вымысла, не придавая значенія ни одному изъ нихъ.

IV.

Такимъ образомъ, въ русской исторической литературѣ не только самый фактъ, но даже предположеніе о полушведскомъ происхожденіи Екатерины I по отцу признано чѣмъ-то невозможнымъ и несомвѣстнымъ съ ея лифляндскимъ происхожденіемъ по матери, которое подтверждается шведскими и всѣми другими источниками. Между тѣмъ, существуетъ немало положительныхъ и довольно очевидныхъ доказательствъ въ пользу полушведскаго происхожденія Екатерины, и далеко не всѣ доводы и доказательства,

приводимые защитниками исключительно лифляндскаго происхожденія, могутъ быть приняты безусловно и на вѣру.

Наиболѣе горячимъ и нетерпимымъ сторонникомъ исключительно лифляндскаго происхожденія второй супруги Петра Великаго является академикъ Я. К. Гротъ въ своей статьѣ «Происхождение Екатерины I»¹⁾. Онъ не выслушиваетъ своихъ противниковъ, заранѣе безповоротно опровергаетъ ихъ доводы и возраженія, и называетъ всѣ шведскіе источники шведскимъ преданіемъ. По его словамъ, «не было бы, пожалуй, надобности говорить о немъ, если бы это преданіе не держалось до сихъ поръ въ Швеціи и не возобновлялось отъ времени до времени въ тамошней литературѣ» (стр. 11—12).

Но, при этомъ, авторъ статьи «Происхождение Екатерины I» не обратилъ вниманія, или не нашелъ нужнымъ упомянуть о томъ, что такъ называемое имъ шведское преданіе было извѣстно въ Петербургѣ при жизни Екатерины I и съ тѣми же подробностями, что въ Швеціи. Ганноверскій резидентъ при русскомъ дворѣ Веберъ пишетъ по поводу появленія въ Петербургѣ родственниковъ императрицы въ 1727 году: «Прибытіе этихъ чужихъ людей возбудило всякаго рода разговоры; нѣкоторые осмѣлились разсуждать о происхожденіи царицы и распространяли неприличные слухи, что ея отецъ—Иоганъ Рабе, квартирмейстеръ Эльфсборгскаго полка, а мать—дочь рижскаго государственнаго секретаря, и что Иоганъ Рабе съ женой записали въ 1682 году рожденіе своей дочери Катерины въ шведскомъ приходѣ Вара, Эльфсборгскаго лена. Послѣ смерти Рабе, вдова его съ ребенкомъ отправилась въ Ригу къ своимъ родственникамъ и также умерла; послѣ этого, пробствъ Глюкъ принялъ Катерину, какъ сироту, въ сиротскій домъ»²⁾.

Вообще, Я. К. Гротъ не только не придаетъ никакого значенія шведскому преданію, но даже беретъ на себя объясненіе, какъ могло образоваться такое преданіе. По его мнѣнію, первымъ поводомъ къ этому могла быть неизвѣстность участи, постигшей вдову Рабе, по ея возвращеніи въ Лифляндію съ дочерью и возникшія по этому случаю догадки; а съ другой стороны толки о происхожденіи Екатерины Скавронской послѣ ея возвышенія. Затѣмъ, Я. К. Гротъ, возражая сторонникамъ полушведскаго происхожденія Екатерины I и доказывая несостоятельность ихъ этимологическихъ объясненій фамиліи Рабе, высказываетъ въ свою очередь слѣдующую этимологическую догадку: такъ въ объясненіе факта, что Екатерину въ первое время послѣ ея замужества звали die Rabin³⁾, онъ признаетъ возможнымъ, что «это имя пошло въ ходъ,

¹⁾ Сборн. отд. русск. яз. и слов. ак. наукъ, т. XVIII, Спб., 1878, стр. 7—32

²⁾ «Das veränderte Russland», Th. III, s. 76—77.

³⁾ Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen, F. Bülaп, Leipzig, 1855 VI B. «Katharina I, Kaiserin von Russland», s. 287.

вслѣдствіе смѣшенія его со словомъ раба, рабыня, которое могло прилагаться къ Екатеринѣ не только по ея предполагаемому происхожденію изъ крѣпостного состоянія, но и потому, что она была военноплѣнной,—плѣнные тогда признавались рабами» (стр. 17—18).

Съ такимъ же недоувѣріемъ почтенный академикъ относится и ко всѣмъ другимъ доводамъ своихъ противниковъ. Изъ нихъ онъ особенно нападаетъ на шведскаго учителя въ городѣ Фелькенбергѣ (юго-западной Швеціи) Кастена Рабе за его попытку доказать шведское происхожденіе Екатерины I по отцу фактическими данными.

Свѣдѣнія, собранныя Кастеномъ Рабе, въ общихъ чертахъ, вполне сходны съ данными вышеприведенныхъ шведскихъ источниковъ. Здѣсь также отцомъ Екатерины является шведскій квартирмейстеръ Эльфсборгскаго полка Іоаннъ (Іоганъ) Рабе; жена его была Елизавета Морицъ, прежде бывшая замужемъ за секретаремъ въ Ригѣ; она съ нимъ не имѣла дѣтей; но отъ второго мужа Рабе (Іоанна) родила сына Свена Рейнгольда и дочь Катерину. Іоаннъ Рабе умеръ въ 1684 году въ Гермундередѣ и похороненъ въ семейномъ склепѣ въ церкви Тоарпа за алтаремъ; вслѣдъ затѣмъ вдова его, Елизавета, съ двумя малолѣтными дѣтьми уѣхала въ Лифляндію. Впослѣдствіи сынъ ея, Свенъ Рейнгольдъ Рабе, служилъ въ шведской арміи и былъ убитъ въ Польшѣ, а дочь сдѣлалась супругой императора Петра» и пр.

Въ подтвержденіе сообщаемыхъ имъ извѣстій, Кастенъ Рабе привелъ подлинную, засвидѣтельствованную выписку изъ протокола судебной книги Осскаго округа, селенія Вебю, за 15 сентября 1758 г., и приложилъ къ ней родословную таблицу всей фамиліи Рабе, добытую имъ у одного пастора.

Тѣмъ не менѣе, Я. К. Гротъ въ данномъ случаѣ не придаетъ никакого значенія и письменнымъ документамъ: «Что это за документъ?» спрашиваетъ онъ относительно выписки изъ судебной книги Осскаго округа. Сохранившаяся подъ этимъ заглавіемъ бумага заключаетъ въ себѣ извлеченіе изъ описанія рода Рабе, составленнаго самими лицами этой фамиліи... Этотъ, такъ называемый, документъ, писанный въ 1758 году, то-есть черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ по смерти Екатерины I и составленный только по слухамъ, въ сущности не есть даже документъ и ничего важнаго не прибавляетъ къ имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ» (стр. 12—13).

V.

Кромѣ выписки изъ судебной книги Осскаго округа, Кастень Рабе сообщаетъ еще рассказы мѣстныхъ пасторовъ и стариковъ, знавшихъ семейство Екатерины, и, между прочимъ, заявляетъ: 1) что «запросы о происхожденіи Екатерины изъ Вестготландіи дѣлались уже въ 1725 году, то есть при восшествіи супруги Петра Великаго на престоль; и 2) что между членами фамиліи Рабе сохранилось преданіе о принадлежавшемъ имъ, но, къ сожалѣнію, утраченномъ письмѣ сильной руки, которымъ требовались свѣдѣнія о фамиліи Рабе».

Понятно, что преданіе само по себѣ, при утратѣ письма съ запросами, а равно и отвѣтовъ на нихъ, не имѣло и не могло имѣть научнаго значенія для почтеннаго академика, безусловно отвергающаго и болѣе основательные доводы противниковъ своего мнѣнія; и онъ только мимоходомъ упоминаетъ объ этомъ въ своей статьѣ «Происхожденіе Екатерины I» (стр. 13—14).

Между тѣмъ, заявленіе шведскаго учителя Рабе о существованіи письма 1725 года съ запросами, касающимися происхожденія Екатерины, вполнѣ подтверждается недавно найденными документами Упсальской бібліотеки. Документы эти, переведенные со шведскаго на русскій языкъ Н. Н. Асмусомъ и доставленные намъ съ правомъ напечатанія въ настоящей статьѣ, представляютъ не что иное, какъ отвѣты на сдѣланные кѣмъ-то въ 1725 году запросы, въ видѣ двухъ краткихъ записокъ, съ приложеніемъ родословной.

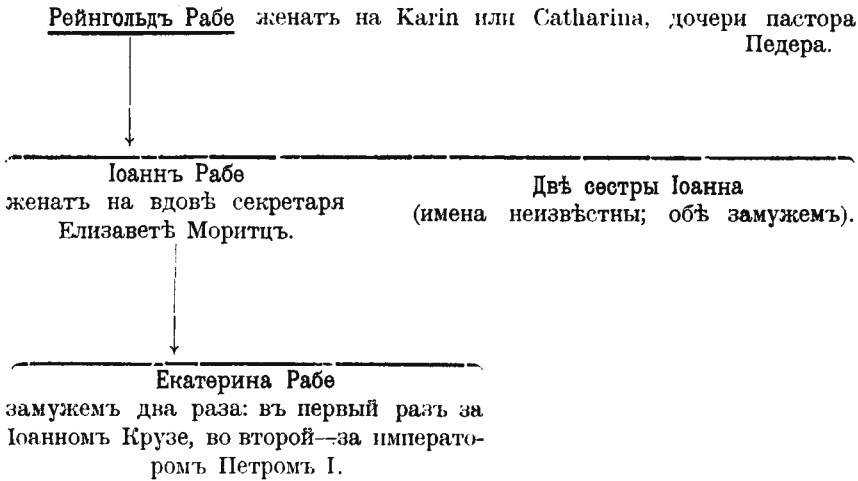
Первая изъ этихъ записокъ носитъ офиціальнѣйшій характеръ и раздѣлена на четыре пункта, которые служатъ прямымъ отвѣтомъ на точно поставленные вопросы, такъ что можно ясно видѣть, какого рода справки требовались изъ Гермюннаведа, Осскаго уѣзда, въ Вестготландіи, а именно:

- 1) точное названіе мѣстожителства фамиліи Рабе;
- 2) происхожденіе и родословная Іоанна Рабе, о которомъ, повидимому, желательны были наиболѣе подробныя свѣдѣнія;
- 3) наличный составъ членовъ фамиліи Рабе въ 1725 году;
- 4) точное названіе Тоарпскаго прихода.

Записка, какъ видно изъ подписи, составлена мѣстнымъ пасторомъ, Гельстадіусомъ, который почему-то нигдѣ не упоминаетъ имени Екатерины, а называетъ ее дочерью Іоанна Рабе или дочерью вдовы Рабе или даже дѣвочкой, что едва ли можно объяснить простой случайностью.

Вторая записка написана неизвѣстнымъ лицомъ въ отвѣтъ на запросы, которые, повидимому, сдѣланы были частнымъ образомъ съ цѣлью узнать: извѣстна ли на родинѣ фамиліи Рабе дальнѣйшая судьба дочери квартирмейстера Іоанна Рабе?

Мы помѣщаемъ здѣсь оба документа Упсальской бібліотеки въ томъ видѣ, какъ они были получены нами:

Письмо пастора Гельстадіуса, отъ 29-го іюля 1725 г. (Библ. Упс. унив. Cod. E. 126. b.). Переводъ:

«Краткая записка въ отвѣтъ на четыре вопросные пункта относительно семейства Рабе изъ Гермюннаведа, расположеннаго въ Вестерготландѣ, Эльфсборгскомъ ленѣ, Осскомъ уѣздѣ, Ронгндальской общинѣ и Тоарпскомъ приходѣ ¹⁾).

1. Гермюннаведъ изстари сохранялъ это свое имя неизмѣннымъ въ поземельныхъ книгахъ и не назывался Гермюндедундомъ, но такъ его прозвалъ покойный Иоаннъ Рабе, въ то время, когда онъ тамъ проживалъ.

2. Что касается до фамиліи Рабе, то имя Рейнгольда Рабе носилъ нѣкій полковой крартирмейстеръ при пѣхотномъ полку Эльфсборгскаго лена; онъ былъ по происхожденію нѣмецъ и прибылъ на житье въ Гермюннаведъ, всегда, какъ и теперь, служившій бостелью полкового кватирмейстера. Означенный Рабе женился въ Ронгндальскогъ пасторскомъ имѣніи ²⁾ на дочери покойнаго главнаго пастора Педера, Каринъ или Екатерины ³⁾, прижилъ съ нею сына, Иоанна Рабе, и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна вышла впоследствии замужъ въ Борсѣ ⁴⁾ за именитаго купца Тера Ларсона Хольма, а другая перѣехала въ Скарборгскій ленъ и вышла за солдата ⁵⁾, сынъ котораго, Рейнгольдъ Рабе, былъ въ послѣднюю войну лейтенантомъ при Эльфсборгскомъ полку и убитъ при Гельсинборгѣ ⁶⁾. Относительно Иоанна Рабе, сына Рейнгольда, извѣстно, что онъ

¹⁾från Germunnaved belägit i Westergötland, Elfsborgs län, Ahs härad, Rångndahls församling och Toarps Sochn.

²⁾ Prestegård.

³⁾ med kyrkohirdens Sal: Hr. Poders dotter Karin cl: Catharina.

⁴⁾till Boråhs.

⁵⁾och fick en militair betiente.

⁶⁾ Нѣсколько сомнительное мѣсто это изложено въ подлинникѣ такъ: «..... hvars Son Reinhold Rabe war nu i Sidsta krikit leutenant...». Ср., однако, ниже, пунктъ 3 письма.

выслужился при полку, такъ что наослѣдокъ, по смерти своего отца, получилъ ту же должность полкового квартирмейстера и такимъ образомъ постоянно проживалъ въ Гермюннаведѣ. Около 1674 года полкъ, подъ начальствомъ полковника Свена Ранка, былъ посланъ въ Германію, гдѣ и оставался нѣкоторое время. Когда же вскорѣ, вслѣдствіе враждебнаго вторженія датчанъ въ Скону, пришлось вызвать его обратно, то полковой квартирмейстеръ Іоаннъ Рабе, женившійся въ Лифляндіи на одной женщинѣ¹⁾, взявъ жену съ собою въ Швецію, въ Вестерготландъ; здѣсь они поселились въ Гермюннаведѣ, несмотря на то, что самъ Рабе продолжалъ свою службу въ теченіе всей войны, которая окончилась въ 1679 году. Этотъ бракъ Богъ благословилъ рожденіемъ дочери, и когда Рабе скончался и былъ погребенъ въ Тоарпской церкви, то пережившая его супруга нашла, что ей незачѣмъ оставаться долге въ Швеци, тѣмъ болѣе, что она не имѣла здѣсь родственниковъ, къ помощи которыхъ ей было бы можно прибѣгнуть. Поэтому она уѣхала отсюда на свою родину, въ Ригу или Ревель, вмѣстѣ со своею маленькою дочерью, послѣ чего о ней прекращаются всякія извѣстія.

3. Здѣсь, въ нашей мѣстности, имѣется еще нѣсколько молодыхъ людей, которые называютъ себя Рабе и которые суть дѣти племянниковъ покойнаго квартирмейстера Іоанна Рабе²⁾; изъ нихъ одинъ — сержантъ Осской роты, а остальные служатъ у офицеровъ³⁾.

4. Тоарпскій приходъ въ Ронгидальской общинѣ уже съ незапамятныхъ временъ всегда носилъ это свое имя «Тоарпъ» и никогда не назывался въ поземельныхъ книгахъ иначе.

Въ правдивости этой краткой записки я убѣжденъ тѣмъ болѣе, что я самъ не разъ видѣлъ покойнаго Іоанна Рабе и его жену въ домѣ моихъ покойныхъ родителей, здѣсь, въ пасторскомъ имѣніи Бельстадѣ; кромѣ того, я съ дѣтства знавалъ Іоанна Рабе по Ронгидальскому пасторскому имѣнію, гдѣ онъ часто бывалъ у своего дяди, покойнаго главнаго пастора церкви св. Петра и Павла, который былъ женатъ на моей покойной бабѣ. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что я не помню точно числа и года по каждому отдѣльному обстоятельству и не имѣю возможности спросить объ этомъ кого нибудь другого, такъ какъ всѣ старики, которымъ здѣсь могло быть что либо извѣстно по данному вопросу, уже перемерли; я же, которому теперь исполнилось 63 года, не въ силахъ упомянуть того, что было въ тѣ времена⁴⁾. Если впредь потребуются какія либо ближайшія о семь свѣдѣнія, то я общаю (если Богу будетъ угодно продлить мою жизнь) разспросить о желаемомъ тщательнымъ образомъ и, по возможности, сообщить узнанное.

Пасторское имѣніе Бельстадъ.

29 іюля 1726 г.

Стеф. Гельстадіусъ,
пасторъ въ Бельстадѣ.

¹⁾gift Sig med en fru i Lifland. Изъ другого документа (см. ниже) видно, что это была вдова Елизавета Моритцъ, изъ Риги.

²⁾ Som äro Sul: regementz quartermästarens Joh. Rabes Systersöners barn, т. е. «дѣти сестриныхъ сыновей».

³⁾ tjena hos officerare.

⁴⁾ och jag som nu innehafwer 63 åhr, kan någorlunda minnas hvad i the tider skiedt varit.

Записка неизвѣстнаго автора (ibidem). Переводъ.

Юаннъ Рабе, шведскаго происхожденія, женился въ Ригѣ на вдовѣ секретаря Елизаветѣ Моритцѣ, родившейся въ томъ же городѣ и принадлежавшей къ мѣщанскому сословію ¹⁾. Этотъ Рабе впоследствии прибылъ въ Швецію и былъ принятъ на службу въ полкъ полковника Свена Ранка, въ Хальмста ²⁾, а затѣмъ сдѣланъ полковымъ квартирмейстеромъ при Эльфборгскомъ полку. Въ 1682 году у означеннаго квартирмейстера и его супруги родилась дочь, названная Екатериной и появившаяся на свѣтъ въ Эльфборгскомъ ленѣ, Ронгдальской общинѣ ³⁾ Тоарпскомъ приходѣ, въ бостели полкового квартирмейстера, Гермунделундѣ. По смерти отца, вдова его отправилась въ Ригу, гдѣ Екатерина сперва была отдана въ Weisen-huset (сиротскій домъ) ⁴⁾. Отсюда она попала къ пастору Глюку въ Лифляндіи ⁵⁾ и у него вышла замужъ за одного капрала кавалеріи, но сразу же затѣмъ была взята въ плѣнъ русскимъ генераломъ Вермиковымъ и привезена ко двору князя Меншикова, который представилъ ее царю. Последній..., спустя нѣкоторое время, взялъ ее въ царицы, а подъ конецъ соизволилъ короновать императрицею.

VII.

Приведенные нами документы Упсальской бібліотеки, во всякомъ случаѣ, должны быть приняты во вниманіе при рѣшеніи вопроса о происхожденіи Екатерины I. Трудно предположить, чтобы постороннее лицо, помимо дочери Юанна Рабе, могло собирать въ 1725 году такія подробныя свѣдѣнія относительно его родословной, мѣста жительства, прихода, гдѣ онъ погребенъ, и пр. ⁶⁾. Затѣмъ не лишено значенія и смѣлое заявленіе автора второй записки, что Катерина Рабе, взятая въ плѣнъ въ Лифляндіи, была представлена царю князю Меншиковымъ, и что Петръ I «взялъ ее въ царицы, а подконецъ соизволилъ короновать императрицею». Такое заявленіе уже потому является достовѣрнымъ, что легко могло быть опровергнуто въ 1725 году при жизни Екатерины, тѣмъ болѣе, что при иностранныхъ дворахъ проживали русскіе резиденты и зорко слѣдили за ходившими о ней слухами и толками въ разныхъ государствахъ.

Съ другой стороны, если мы признаемъ, что справки объ Юаннѣ Рабе наводились въ Швеціи по желанію императрицы, что она

¹⁾ af borgerlig Slächt.

²⁾ uti Halmsta.

³⁾ Rångndahls giäld.

⁴⁾ först uti Weisen-huset (barnhuset).

⁵⁾ tilt Probsten Glück uti Lifland.

⁶⁾ Такого рода свѣдѣнія не могли имѣть никакого значенія для единственнаго брата Катерины, Свена-Рейнгольда Рабе, который (по свидѣтельству учителя Кастена Рабе) былъ вмѣстѣ съ сестрой привезенъ матерью въ Лифляндію, впоследствии служилъ въ шведской арміи и былъ убитъ въ Польшѣ. (См. ст. Я. К. Грота «Происхожденіе Екатерины I», стр. 13).

была действительно его дочерью, привезена въ младенцествѣ матерью въ Лифляндію, осталась безпріютной сиротой и пр., то подтвержденіемъ этого служатъ и слѣдующія данныя.

Извѣстно, что на ряду съ полнымъ разногласіемъ и сбивчивостью свѣдѣній о происхожденіи Екатерины I всѣ источники, всѣ показанія современниковъ и позднѣйшихъ изслѣдователей сходятся въ томъ, что она въ младенцествѣ лишилась матери и осталась круглой сиротой на чужихъ рукахъ. Такое единодушное подтвержденіе одного и того же факта можетъ быть безусловно принято за доказательство существованія самаго факта. Разница показаній только въ подробностяхъ. По однимъ извѣстіямъ Екатерина послѣ смерти матери была отдана въ рижскій сиротскій домъ или въ Ревельское подворье, а по другимъ свѣдѣніямъ: а) взята изъ состраданія кистеромъ ¹⁾; б) вмѣстѣ съ братомъ нашла убѣжище въ крестьянской семьѣ; в) осталась на рукахъ крестившаго ее пастора, обремененнаго большой семьей, и отъ него взята Глюкомъ; г) прямо принята Глюкомъ въ виду ея сиротства и пр. Исключеніе составляетъ единичное и потому сомнительное извѣстіе Бестужева 1715-го года, что Екатерина «жила въ Крейсбургѣ у тетки своей Маріи Анны Веселевской и 12 лѣтъ возраста взята въ Лифлянды маріенбургскимъ пасторомъ».

Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ ранняго сиротства Екатерины служитъ свидѣтельство ганноверскаго резидента Вебера, который описываетъ взятіе Маріенбурга, со словъ очевидца, учителя богословія Вурма, жившаго въ домѣ Глюка: «Во время осады Маріенбурга въ 1702 году пасторъ Глюкъ, съ славянской библіей въ рукахъ, сопровождаемый своимъ семействомъ, Катериной, учителемъ Вурмомъ и прихожанами, явился въ русскій лагерь и просилъ помилованія. Фельдмаршалъ Шереметевъ принялъ его ласково и, замѣтивъ Катерину, спросилъ о ней: Глюкъ отвѣтилъ, что она найденышъ, недавно вышла за драгуна» и пр. ²⁾.

И такъ, если мы признаемъ вполне вѣроятный фактъ ранняго сиротства Екатерины I и допустимъ возможность предположенія, что она была увезена изъ Швеціи въ двухлѣтнемъ возрастѣ, то приходимъ къ выводу, что у нея не могло сохраниться никакихъ личныхъ воспомнаній о своей далекой родинѣ. Если она имѣла какое нибудь представленіе о Швеціи, то развѣ по чьимъ либо рассказамъ и могла любить ее въ память объ отцѣ и рано умершей матери. При этихъ условіяхъ Екатерина, вступивъ на престолъ въ 1725 году, послѣ смерти Петра, могла воспользоваться достигнутой властью, чтобы поручить довѣренному лицу вытребовать изъ Швеціи желательныя для нея свѣдѣнія о родословной покойнаго отца, о своей

¹⁾ Mottraye Travels, III, 1732, p. 196.

²⁾ Das veränderte Russland, 1740, IV, s. 180.

родинѣ и пр. Подлинники сдѣланныхъ запросовъ и присланныхъ изъ Швеціи отвѣтовъ были, вѣроятно, уничтожены; но копии отвѣтовъ сохранились въ Упсальской библіотекѣ, въ видѣ помѣщенныхъ нами документовъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ 1725 году никого изъ родныхъ Іоанна Рабе уже не было въ живыхъ, кромѣ дѣтей его племянниковъ, а при такомъ далекомъ родствѣ милость къ нимъ императрицы могла ограничиться «значительнымъ пожалованіемъ», о которомъ, по словамъ Кастена Рабе, сохранилось преданіе между членами его рода.

VIII.

Если Екатерина I до 1725 года ничѣмъ не проявила своихъ чувствъ и интереса къ шведскимъ родственникамъ, то понятно, что при жизни Петра Великаго, при условіи многолѣтней упорной войны съ Швеціей, немислимы были какіе либо поиски въ этомъ направленіи. Женитьба русскаго царя на шведской подданной была настолько неудобна въ политическомъ отношеніи, что не допускала огласки. Въ данномъ случаѣ весьма характеренъ правдивый или вымышленный рассказъ одного «русскаго господина», передаваемый шведскимъ историкомъ Нордбергомъ. По заключеніи Ништадтскаго мира, въ 1721 году, царь сказалъ въ шутку своей супругѣ: «Какъ договоромъ постановлено всѣхъ плѣнныхъ возвратить, то не знаю, что съ тобою будетъ?» Царица, поцѣловавъ его руку, отвѣчала: «я вапа служанка; дѣлайте, что угодно; не думаю, однако, чтобы вы меня отдали» и пр. Вообще Петръ I, повидимому, не разъ номиналь шутя своей супругѣ, что она шведская подданная. Въ 1718 году, 11-го октября, въ день Нотебургскаго штурма, ежегодно празднуемаго имъ, онъ писалъ ей собственноручно: «Катеринушка, другъ мой сердешнишкой, здравствуй! Поздравляемъ вамъ симъ счастливымъ днемъ, въ которомъ русская нога въ вашихъ земляхъ футъ взяла, и симъ ключемъ много замковъ отперто». Въ другомъ письмѣ изъ Гангеуда Петръ пишетъ 27 іюня 1719 года, по поводу годовщины Полтавской битвы: «Поздравляю, другъ мой, вамъ симъ днемъ—русскимъ нашимъ воскресеньемъ. Дай Боже! что въ девятомъ началось въ девятый бы на десять благой конецъ воспріяло! Чаю, я вамъ воспоминаемъ сего дня опечалилъ, однакожь разсуждай» ¹⁾).

Екатерина, съ своей стороны, не только не скрывала, что она родилась шведской подданной, но даже, повидимому, не стѣснялась открыто заявлять объ этомъ. Извѣстно ея настойчивое желаніе вы-

¹⁾ «Собственноручныя письма Петра Великаго къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ». См. Приложеніе къ V тому Исторіи Петра Великаго Н. Устрялова. Ibid., т. IV, стр. 139—140.

дать дочь свою за Карла-Фридриха, герцога голштинскаго (сына старшей сестры бездѣтнаго Карла XII), имѣвшаго законныя права на шведскую корону и устраненнаго отъ престола шведскими государственными чинами въ 1718 году ¹⁾). О неизмѣнно милостивомъ отношеніи царицы къ герцогу голштинскому, во время его пребыванія при русскомъ дворѣ, пишетъ Берхгольцъ въ своемъ «Дневникѣ», а также Бассевичъ, состоявшій въ свитѣ герцога, который, между прочимъ, рассказываетъ о приѣмѣ, оказанномъ герцогу въ началѣ 1721 года. При этомъ Екатерина, въ присутствіи герцогини курляндской, сказала угнетенному принцу, что «принимаетъ живое участіе въ его интересахъ и для нея, супруги величайшаго изъ смертныхъ, небо прибавило бы еще славы, даруя ей въ зятя того, котораго она была бы подданной, если бы счастье не измѣнило Швеціи, и если бы Швеція не нарушила присяги, данной ей дому великаго Густава» ²⁾). Далѣе въ своихъ «Запискахъ» Бассевичъ опять передаетъ приблизительно тѣ же слова Екатерины, на этотъ разъ сказанныя ему лично передъ отъѣздомъ ихъ величествъ въ Персію, въ 1722 году, по поводу разрѣшенія, даннаго герцогу и его свитѣ остаться во время ихъ отсутствія въ Москвѣ: «Ждите терпѣливо нашего возвращенія; ничто не измѣнитъ моей материнской нѣжности къ вашему государю и моего желанія видѣть дочь мою на престолѣ государства, подданною котораго я родилась»... ³⁾).

Извѣстно также, что Екатерина открыто покровительствовала шведамъ, снабжала шведскихъ плѣнныхъ деньгами и теплой одеждой, и при дворѣ ея было «много шведокъ» ⁴⁾).

Доказательствомъ шведскаго происхожденія первой русской императрицы служитъ и тотъ фактъ, что датскій посланникъ Вестфаленъ, жившій въ Россіи съ 1718—1733 г., враждебно настроенный противъ Екатерины за ея нерасположеніе къ Даніи, даже называетъ ее шведкой въ своемъ донесеніи отъ 2 (13) апрѣля 1725 года: «Царствованіе этой шведки (*cette femme suédoise*) всегда будетъ представлять опасность для Даніи, потому что ея зять взятый противникъ нашего короля» и пр. ⁵⁾).

¹⁾ Въ трактатѣ о супружествѣ цесаревны Анны Петръ обѣщаетъ «помогать герцогу всѣми своими способами къ достиженію престола шведскаго». Равнымъ образомъ Екатерина I по 13-му пункту своего завѣщанія настойчиво требуетъ отъ своего преемника относительно герцога голштинскаго: «дѣло шведской короны по взятымъ обязательствамъ имѣетъ накрѣпко исполнено, и Россійское государство такъ, какъ и великій князь къ тому обязаны быть»...

²⁾ «Русскій Архивъ» 1866, изд. второе, «Записки Бассевича», стр. 196.

³⁾ *Ibid.*, стр. 215.

⁴⁾ «Русскій Архивъ» 1872, кн. 6, стр. 29. См. также «Дневникъ Берхгольца», М., изд. 1857, I, стр. 75—78.

⁵⁾ Изъ документовъ датскаго архива, ст. А. Брикнера: «Россія и Данія при имп. Екатеринѣ I», въ «Русской Мысли», 1895, № 2, стр. 58.

И такъ, на основаніи приведенныхъ нами фактовъ, а тѣмъ болѣе подлинныхъ документовъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Екатерина I родилась въ Швеціи и по отцу была шведскаго происхожденія. Кромѣ того, вопреки общепринятому у насъ мнѣнію о родствѣ Скавронскихъ съ Екатериной, ея преждевременно умершая мать ни въ какомъ случаѣ не могла быть женой Самуила Скворощаго и оставить послѣ себя многочисленное потомство будущихъ графовъ Скавронскихъ. Насколько мы могли прослѣдить, сыновья и дочери Скворощаго, по всѣмъ даннымъ, были не родные, а только двоюродные братья и сестры русской императрицы.

IX.

Въ пользу высказаннаго нами положенія мы можемъ, между прочимъ, привести и то, что Екатерина, милостивая ко всѣмъ несчастнымъ, никому не отказывавшая въ помощи и заступничествѣ передъ грознымъ царемъ,—относится съ поразительнымъ равнодушіемъ къ семьѣ своего предполагаемаго отца Самуила Скворощаго. Зная изъ донесенія Бестужева 1715-го года о несчастной судьбѣ своихъ братьевъ и сестеръ Скворощихъ, она не думаетъ объ облегченіи ихъ участи, оставляетъ многіе годы выносить всѣ ужасы тогдашняго крѣпостного состоянія. Подобное безучастное отношеніе со стороны Екатерины могло быть вызвано такимъ же безсердечнымъ отношеніемъ близкихъ родныхъ къ ея овдовѣвшей матери по ея прибытіи съ дѣтьми въ Лифляндію и въ томъ случаѣ, если дѣти Самуила Скворощаго не были ея родными братьями и сестрами. Къ тому же Екатерина, взятая въ младенчествѣ пасторомъ Глюкомъ, могла лично не знать ихъ до появленія Христины Скворощанки въ Ригѣ въ 1721 году, при значительномъ разстояніи Маріенбурга отъ Крейсбурга и Риги.

Если, при жизни Петра, политическія причины могли служить препятствіемъ къ собиранію свѣдѣній о семьѣ Іоанна Рабе въ Швеціи, то такихъ причинъ не существовало относительно лифляндскихъ родственниковъ царицы. Значительная часть Балтійскаго побережья уже была покорена русскими войсками. Петръ, получивъ извѣстіе о пораженіи Шлиппенбаха при Гуммельсгофѣ 18 іюля 1702 года, повелѣлъ разорять Лифляндію всѣми средствами, чтобы «непріятелю пристанища и сикурсу своимъ городамъ подать было невозможно» ¹⁾. Въ августѣ того же года Шереметевъ писалъ царю, что въ Лифляндіи «только осталось цѣлаго мѣста Перновъ и Колыванъ и межъ ими нѣсколько осталось около моря да Риги; а то все запустошено и разорено въ конецъ»... Поэтому, если здѣсь и

¹⁾ «Ист. Петра Великаго» Устрялова, IV, стр. 192.

были какія либо препятствія къ отысканію родственниковъ царицы, то они скорѣе зависѣли отъ ея положенія, которое долго оставалось шаткимъ при русскомъ дворѣ.

Во всякомъ случаѣ, только въ 1714 году русскій генераль-комиссаръ при курляндскомъ дворѣ, Петръ Бестужевъ, получилъ черезъ Матвея Алсуфьева указъ ея величества изъ Петербурга и роспись, «дабы въ Крышборхѣ сыскалъ фамилію Веселевскихъ и Дуклясовъ»¹⁾.

Порученіе было нелегкое, судя по общему положенію страны, опустошенной многолѣтней войной, голодомъ и моровымъ повѣтріемъ, о которой пишетъ очевидецъ Веберъ, въ январѣ того же 1714 года: «Отъ Мемеля до Митавы я нашель почтовую дорогу почти совершенно запустѣлой; не видно было ни людей, ни домовъ, ни скота, такъ какъ всѣ народныя бѣдствія свирѣпствовали въ этомъ герцогствѣ, и по сдѣланной переписи осталась всего $\frac{1}{8}$ часть бывшихъ въ немъ душъ»... Далѣе Веберъ добавляетъ: «Ригу я нашель еще въ худшемъ состояніи въ февралѣ 1714 года, тѣмъ болѣе, что чума скосила здѣсь до 60.000 душъ, а во время осады русскими брошенные восемь тысячъ ядеръ разрушили дома; многія семьи обратились въ бѣгство передъ сдачей города»...²⁾.

Понятно, что при такомъ положеніи края Бестужевъ не могъ скоро выполнить возложеннаго на него порученія, и собранныя имъ свѣдѣнія не могли быть особенно точными. Только 25-го іюня слѣдующаго 1715 года онъ послалъ свое донесеніе императрицѣ, что по ея величества указу «сыскалъ фамилію Веселевскихъ и Дуклясовъ» онъ въ Крышборхѣ ѣздилъ и кого могъ тѣхъ фамилій сыскалъ³⁾. При этомъ донесеніи сохранилась собственноручная записка Петра Бестужева, составленная имъ черезъ мѣсяць, а именно 25 іюля того же года, которая служитъ нагляднымъ свидѣтельствомъ его старанія передать буквально все слышанное и доставить возможно подробныя свѣдѣнія⁴⁾.

Свѣдѣнія эти были слѣдующія.

Донесеніе Петра Бестужева изъ Риги 25-го іюня 1715 года.

1) Вильгельмъ Ганъ, курляндецъ, у него четыре сестры: «Первая, Катерина-Лиза, была замужемъ за Яномъ Веселевскимъ... Вдова Катерина-Лиза послѣ Веселевскаго вышла замужъ за Лаврина Дукляса и родила съ нимъ 6 сыновъ, померла въ повѣтріе; одинъ сынъ ея, Симонъ Дуклясъ, и нынѣ живъ въ Крейсбурхѣ.

1) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XVIII, прим. 210, М., изд. 1868 г.

2) *Veränderte Russland*, 1726, Th. I, s. 1—2.

3) *Ibid.* «Исторія Россіи», прим. 210, т. XVIII.

4) См. Приложенія I къ ст. Я. К. Грота: «Происхождение имп. Екатерины I», въ Сборн. отдѣл. русск. языка и словесн. акад. наукъ, т. XVIII, Спб., 1878, стр. 30—31.

Вторая сестра Дорота была за Сковородскимъ, имѣла два сына и четыре дочери, была Лютерскова закону; одинъ (сынъ) Карлъ, другой Фрицъ въ польскихъ Лифляндахъ, одна дочь Анна, другая Доротея, обѣ въ польскихъ Лифляндахъ замужемъ; третья, Катерина, жила въ Крейсбурхѣ у тетки своей Маріи-Анны Веселевской, которую въ 12 лѣтъ возраста ея взялъ въ Лифляндѣ шведскій маріенбургскій пасторъ, четвертая, Анна, въ поѣтріе умерла.

Третья сестра Ганова, Софья, за Гендербергомъ, у ней два сына въ Курляндіи въ Субочѣ, живы.

Четвертая сестра Ганова, Марія-Анна, была за другимъ Веселевскимъ, у нихъ остался сынъ Андрей Веселевскій и нынѣ живетъ въ Крейсбурху.

Записка, сохранившаяся при донесеніи Петра Бестужева къ императрицѣ отъ 25-го іюля 1715 года.

Фамилія вдовы Веселевской и мѣщанина Дукляса.

Вдова Катерина-Лиза Веселевска жила въ Крыжборху вдовою лѣтъ съ пять, которая была за сыномъ Веселевскимъ и имѣла съ нимъ двухъ сыновъ, и оба умерли.

Отецъ ея, Мерхертъ Ганъ, жилъ въ польскихъ Лифляндахъ, въ Калкунѣ мызѣ, у маіора Фелькерзама. Она Катерина-Лиза дѣвицею жила барона Унгера у его жены въ мызѣ Унгарѣ и оттоль вышла замужъ въ Крыжборхѣ за Яна Веселевскаго... Катерина-Лиза послѣ Веселевскаго изъ Крыжборга перешла черезъ рѣку на Курляндскую сторону въ Якубитатъ и взяла мужа Лаврина Дукляса и родила съ нимъ 6 сыновъ и дочь; всѣ померли, одинъ Симонъ Дуклясъ, сынъ ея, и нынѣ живъ въ Якубитатѣ.

У ней (Катерины-Лизы) было три сестры, да братъ Вильгельмъ Ганъ, который и нынѣ живъ въ Якубитатѣ на курляндской сторонѣ; сестры:

Одна Дорота была за католикомъ Сковоротскимъ, имѣла съ нимъ четыре дочери; одна жила у меньшей Веселевской въ Крыжборху и взяли шведы, другія померли.

Вторая сестра (Катерины-Лизы) Софія, за Гендербергомъ. У ней два сына въ Курляндіи въ Субочѣ у Сакина и нынѣ живы.

Третья сестра была за сыномъ мужа ея (Катерины-Лизы), за Яномъ же Веселевскимъ. У нихъ остался сынъ Андрей Веселевскій и нынѣ живетъ въ Якубитатѣ.

X.

При сравненіи «донесенія» и «записки» Бестужева мы видимъ, что эти документы далеко не отличаются точностью, и въ нихъ встрѣчаются противорѣчія, которыя главнымъ образомъ касаются фамиліи Сковороцкихъ (Скавронскихъ). Между тѣмъ эти самые документы и представляютъ собою краеугольный камень и исходную точку приводимыхъ доказательствъ и доводовъ въ пользу того, что Екатерина была родная дочь Самуила Сковороцкаго.

Такъ мы читаемъ въ приведенномъ нами донесеніи Бестужева: «вторая сестра (Ганова) Дорота была за Сковородскимъ, имѣла съ нимъ два сына ¹⁾ и четыре дочери, а въ его «запискѣ» отъ 25 іюля, того же года, приложенной къ донесенію, сказано, что у ней всего четыре дочери, а сыновья не упомянуты.

Затѣмъ, въ той же запискѣ, Бестужевъ заявляетъ, что изъ этихъ четырехъ дочерей Дороты Сковороцкой «одна (повидимому, Екатерина) жила у тетки своей меньшей Веселевской и взяли шведы» (?), другія померли. Между тѣмъ въ донесеніи Бестужева, писанномъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ, 25 іюня, — двѣ замужнія дочери Дороты Сковороцкой: Анна Ефимовская и Доротея (Христина) Гендрикова, показаны существующими въ Лифляндахъ въ 1715 году. Извѣстно также, что обѣ онѣ вмѣстѣ со своими семьями были впоследствии привезены въ Россію въ царствованіе Екатерины I. Настолько же невѣрно свѣдѣніе, что Екатерину взяли шведы.

Что касается показанія Бестужева, что Екатерина въ дѣтствѣ жила у своей тетки, младшей Веселевской Маріи-Анны, то этотъ фактъ является довольно сомнительнымъ. Младшая Веселевская, повидимому, не представляетъ никакого интереса для Екатерины, какъ и другая тетка Софья Гендербергъ, и Вильгельмъ Ганъ, о которомъ Бестужевъ сообщаетъ, что «онъ и нынѣ живъ въ Якубштатѣ». Екатерина не упоминаетъ о нихъ въ указѣ Бестужеву 1714 года; и если они были включены въ посланную при этомъ «роспись», то наравнѣ съ другими родственниками старшей Веселевской. Впоследствии мы также не встрѣчаемъ ихъ въ числѣ род-

¹⁾ Прим. Изъ «корреспонденціи съ генералъ-фельдмаршаломъ Репнинымъ о фамиліи графа Скавронскаго» видно, что у Дороты Сковороцкой былъ еще третій сынъ Дирихъ, взятый въ плѣнъ въ Лифляндіи Шереметевымъ, и который не былъ отысканъ въ 1728 году, когда дано было высочайшее повелѣніе о сыскѣ лифляндца Дириха Самуилова, сына Сковороцкаго, и для сего посланы нарочные... «Но сего лифляндца не сыскано ни въ Архангельской, ни въ Вологодской, ни въ Устюжской, ни въ Галицкой провинціяхъ. Равнымъ образомъ, не нашли его въ Малороссіи, куда также послано было предписаніе». (См. Арсеньевъ: «Царствованіе Екатерины I», въ Ученыхъ запискахъ второго отд. ак. наукъ, кн. II, вып. I, Спб., 1856, стр. 284).

ственниковъ, отыскиваемыхъ въ Лифляндіи, начиная съ 1722 года, и привезенныхъ въ Россію.

Бестужевъ, согласно полученному указу, долженъ былъ отыскивать только фамилію Веселевскихъ и Дуклясовъ, т. е. семью старшей Веселевской—Катерины-Лизы, и о ней онъ сообщаетъ наиболѣе подробныя данныя въ своей «Запискѣ» 1715 года. Поэтому, если вѣрно извѣстіе Бестужева, что Екатерина I жила въ дѣтствѣ у тетки своей Веселевской, то развѣ у старшей—Екатерины-Лизы (бывшей замужемъ за Веселевскимъ отцомъ, а послѣ его смерти за Дуклясомъ), такъ что, повидимому, только съ этой теткой—старшей Веселевской, у нея существовали въ дѣтствѣ или ранней юности какія-то отношенія. Нагляднымъ свидѣтельствомъ этого служить тотъ фактъ, что изъ всѣхъ своихъ лифляндскихъ родственниковъ русская царица имѣла наиболѣе точныя свѣдѣнія о старшей Веселевской. Она знала фамиліи ея двухъ мужей, а также, что этой тетки уже нѣтъ въ живыхъ въ 1714 году, судя потому, что поручила Бестужеву навести справки о родныхъ ея первого и второго мужа—Веселевскихъ и Дуклясахъ.

Равнымъ образомъ можно считать довольно сомнительнымъ свѣдѣніе, сообщаемое Бестужевымъ, что Екатерина «жила у тетки Веселевской до 12 лѣтъ возраста ея и взята въ Лифлянды маріенбургскимъ пасторомъ». Въ этомъ возрастѣ всѣ сколько нибудь важныя событія жизни, окружающая обстановка и родственныя отношенія болѣе или менѣе отчетливо остаются въ памяти и не исчезаютъ безслѣдно. Поэтому трудно предположить, чтобы Екатерина могла настолько забыть своихъ лифляндскихъ родныхъ, чтобы впослѣдствіи дважды отыскивать и собирать о нихъ свѣдѣнія. Но она, конечно, знала объ ихъ существованіи и помнила фамиліи, такъ какъ только при данномъ условіи возможны были поиски, что подтверждается свѣдѣніями по этому поводу правительственными распоряженіями. Въ «Росписи», приложенной къ указу 1714 г., были, вѣроятно, также перечислены если не всѣ, то нѣкоторые изъ родственниковъ царицы, иначе Бестужевъ не могъ бы отыскать ихъ въ виду исключительно неблагоприятныхъ условій, въ которыхъ онъ находился при исполненіи возложеннаго на него порученія. Съ другой стороны, показаніе Бестужева, что Екатерина до 12-ти-лѣтняго возраста жила у тетки Веселевской, и потому не заслуживаетъ довѣрія, что, по свидѣтельству шведскихъ и многихъ другихъ и точниковъ, маріенбургская плѣнница была въ младенчествѣ взята изъ состраданія Глюкомъ. Въ противномъ случаѣ Глюкъ при осадѣ Маріенбурга не могъ бы назвать Екатерину найденнымъ на вопросъ Шереметева: кто она?

XI.

Указъ генераль-комиссару Бестужеву 1714 года «объ отысканіи фамилии» старшей Веселевской неизбежно приводитъ къ вопросу: почему Екатерина оказываетъ такое предпочтеніе одной изъ своихъ тетокъ Веселевской передъ своими предполагаемыми родителями Сковороцкими, передъ родными братьями и сестрами? Сковороцкіе, какъ сказано выше, не упомянуты въ указѣ, отодвинуты на второй планъ и наравнѣ съ другими родственниками царицы включены въ общую роспись, приложенную къ указу. Наряду съ этимъ мы видимъ еще другое доказательство полного равнодүшія предполагаемой «дочери обывателя Самуила Сковороцкаго» къ родной семьѣ. Бестужевъ заявляетъ въ своемъ «донесеніи», что «въ польскихъ Лифляндахъ живутъ два сына Самуила Сковороцкаго: Карлъ и Фрицъ (Фридрихъ), и двѣ замужнія дочери—Анна и Доротея»¹⁾; но Екатерина ни въ чемъ не проявляетъ къ нимъ своихъ родственныхъ чувствъ. Сковороцкіе, повидимому, настолько же чужды ей, какъ и двоюродные братья Гендерберги (жившіе тогда въ Курляндіи) и Симонъ Дуклясъ, о которомъ Бестужевъ пишетъ въ 1715 году, что онъ и «нынѣ живъ въ Крейсбурху». Она не дѣлаетъ относительно ихъ никакихъ распоряженій и какъ бы забывается о нихъ до 1721 года, то-есть до появленіи въ Ригѣ Христины Гендриковой, напомнившей русской царицѣ объ ея лифляндской роднѣ.

Въ пользу того, что Сковороцкіе были, повидимому, не родные, а только двоюродные братья и сестры Маріенбургской плѣнницы, служить и тотъ фактъ, что Екатерина не могла быть «третьей дочерью Самуила Сковороцкаго, взятой маріенбургскимъ пасторомъ», какъ сказано въ донесеніи Бестужева. Извѣстно на основаніи многихъ свидѣтельствъ, что Екатерина родилась въ 1682—1683 гг.²⁾, а также извѣстенъ въ точности воз-

¹⁾ Старшая замужняя дочь Дороты и Самуила Сковороцкихъ Анна была за Якимовскимъ; вторая дочь за Гендриковымъ. Въ донесеніи Бестужева она названа Доротеей, во всѣхъ другихъ документахъ — Христиной; но такъ какъ она была католичка, то при крещеніи могла получить оба имени: Христина-Доротея.

²⁾ Шуточное письмо Петра, гдѣ онъ (родившійся въ 1672 г.) прибавляетъ себѣ два года, чтобы изобразить себя старикомъ въ сравненіи съ супругой, едва ли можетъ служить доказательствомъ при опредѣленіи возраста Екатерины, тѣмъ болѣе, что онъ могъ на томъ же основаніи уменьшить ея года. Въ письмѣ отъ 14-го августа 1712 года, Петръ пишетъ по поводу своего свиданія съ супругой: «Хотя хочетца съ тобою видѣтца, а тебѣ, чаю, гораздо больше, для того, что я въ 27 лѣтъ былъ, а ты въ 42 не была, однакожь подождать будетъ немношко, чтобъ веселія приѣхать». (См. Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. «Переписка Петра I съ Екатериной Алексѣевной», кн. I, Мо-

«истор. вѣстн.», январь, 1902 г., т. LXXXVII.

расть Христины «Сковороцанки», по мужу Гендриковой, изъ сохранившихся архивныхъ документовъ, гдѣ означено, что она появилась на свѣтъ въ 1686 году ¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что Екатерина, названная въ «донесеніи» Бестужева третьей дочерью Самуила Сковороцкаго, оказывается на четыре или три года старше его второй дочери Христины. Но, и помимо этого неточнаго показанія Петра Бестужева, если бы Екатерина дѣйствительно принадлежала къ многочисленной семьѣ Сковороцкихъ, имѣла бы родныхъ братьевъ и сестеръ, то почему она одна изъ всей семьи названа сиротой и найденышемъ? Затѣмъ трудно предположить, чтобы безъ всякаго основанія былъ признанъ въ исторической литературѣ фактъ ранняго сиротства Екатерины, которая, по свидѣтельству наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ, очутилась въ такомъ безпомощномъ положеніи, что взята была изъ состраданія чужими людьми, отдана въ сиротскій домъ и проч.

Отсюда мы неизбѣжно приходимъ къ предположенію, наглядно подтверждаемому многими данными, что рано умершая мать Екатерины была также одна изъ сестеръ курляндца Вильгельма Гана, какъ и Дорота—жена Самуила Сковороцкаго, обѣ Веселевскія и Софья Гендрикова. Неизбѣженъ и другой выводъ, что именно эта сестра Гана и есть Елизавета Морицъ, вдова рижскаго секретаря, которая, по свидѣтельству шведскихъ источниковъ, вышла вторично замужъ за Рабе, уѣхала съ нимъ въ Швецію, гдѣ у ней родилась дочь Екатерина, будущая царица, и проч. Но мы не можемъ считать этотъ послѣдній вопросъ рѣшеннымъ, при отсутствіи прямыхъ доказательствъ, въ видѣ подлинныхъ документовъ ²⁾.

ска, 1861 г.). Но даже по этому письму, если вѣрно, что Екатерина родилась въ 1685 г., то все-таки она оказывается на годъ старше своей предполагаемой второй сестры, Христины Гендриковой.

¹⁾ См. «Архивъ кн. Воронцова», вн. I, стр. 34. Ibidem. «Русскій Архивъ» 1866 г., второе изданіе, стр. 435.

²⁾ Для выясненія даннаго вопроса мы обратились въ Петербургъ къ доктору К. О. Морицу и къ его брату Э. О. Морицу, живущему въ Ригѣ, въ надеждѣ, что въ фамилныхъ преданіяхъ и генеалогическихъ таблицахъ ихъ рода сохранились какія либо свѣдѣнія объ Елизабетѣ Морицъ, вдовѣ рижскаго секретаря Морица. Но изъ полученныхъ отвѣтовъ оказалось, что эта вѣтвь фамиліи Морицъ не состоитъ въ родствѣ съ Ганами и Рабе, и что у нихъ не сохранилось никакихъ традицій о родствѣ съ Екатериной I членовъ ихъ рода. Между тѣмъ, по свидѣтельству рижскаго археолога, доктора А. Бухгольца, «въ половинѣ XVII вѣка въ Ригѣ находилось нѣсколько лицъ фамиліи Морицовъ», и въ реестрахъ о о крещенныхъ Домской церкви и церкви св. Петра въ Ригѣ съ 1657—1691 г. записано много дѣтей: Людвигъ, Ролофа, Германа и Магнуса Морицовъ»... Но такъ какъ имя рижскаго секретаря, вдовой котораго была Елизавета Морицъ, неизвѣстно, то трудно рѣшить, который изъ Морицовъ былъ первымъ мужемъ Елизаветы Рабе. Также неуспѣшны были справки, наведенныя для насъ въ Ригѣ В. Сорокинымъ о курляндской фамиліи Ганъ, которая не принадлежитъ къ лифляндскому дворянству и не имѣетъ генеалогическихъ таблицъ.

Не подлежит сомнѣнію, что Бетухевъ въ виду важнаго, возложеннаго на него порученія употребилъ всѣ усилія, чтобы доставить ея величеству возможно точныя данныя, и не могъ ничего выдумать или прибавить по собственному усмотрѣнію. Онъ собиралъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ жителей, самихъ Сквороцкихъ и ихъ родственниковъ, которые не могли не знать дочерей Самуила Сквороцкаго, а также, которая изъ нихъ моложе или старше, такъ что неточность показаній не можетъ быть объяснена простой случайностью или недоразумѣніемъ. Что касается Сквороцкихъ, то они, люди «темные», могли включить Екатерину въ свою семью и объявить родной сестрой въ надеждѣ на великія блага отъ такого родства и въ томъ расчетѣ, что Екатерина, оставшись въ младенчествѣ на чужихъ рукахъ, могла не помнить родителей и фамилію своего отца. Мы не знаемъ, руководились ли Сквороцкіе именно этими или другими мотивами; но фактъ обмана очевиденъ, и обмана настолько наивнаго, что онъ не могъ ввести въ заблужденіе Екатерину, которая по всѣмъ даннымъ помнила фамилію своихъ родителей и нѣкоторыхъ родственниковъ. Во всякомъ случаѣ, попытка Сквороцкихъ прошла безслѣдно и не измѣнила къ лучшему ихъ положенія, такъ какъ относительно этого, со стороны ея величества, не послѣдовало никакихъ распоряженій.

Съ 1715 года проходитъ нѣсколько лѣтъ, и наконецъ весною 1721 года Христина Гендрикова, наиболѣе энергичная и честолюбивая изъ Сквороцкихъ, узнавъ о пребываніи ихъ величествъ въ Ригѣ, является ко двору, подъ именемъ «Скворощанки», и добивается свиданія съ императрицей. Свиданіе это, вѣроятно, происходило наединѣ или въ присутствіи немногихъ, судя по тому, что о немъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній; неизвѣстно также, сдѣлала ли Христина попытку убѣдить Екатерину Алексѣевну, что она ея родная сестра. Мы знаемъ только, что Христина была «паки отпущена» съ пожалованіемъ двадцати червонныхъ и должна была вернуться въ деревню Кегему (около Риги) къ мужу. Подарокъ 20 червонныхъ родной сестрѣ кажется намъ довольно скуднымъ со стороны императрицы, щедро надѣлявшей червонными своихъ слугъ, князь-игуменью за выпитые ею кубки, гудочниковъ, волторнистовъ на хрустальныхъ колоколахъ, пѣвчихъ и прочихъ. Мы знаемъ изъ прихода-расходной книги императрицы Екатерины, что она однажды пожаловала 20 червонныхъ какому-то Горлецкому за поднесеніе французской грамматики, а въ другомъ случаѣ—30 червонныхъ комедіанту, который «показывалъ штуки, и въ барабанъ билъ и на головѣ стоялъ»¹⁾.

¹⁾ См. «Русская Старина», т. I, 1870, стр. 407 — 410, «Княгиня-игуменья 1722 — 1725 гг.».—Ibid. «Русскій Архивъ», 1874 г., № III, «Книга прихода-расходная комнатныхъ денегъ императрицы Екатерины Первой за 1723 годъ».

Христина, съ своей стороны, едва ли осталась довольна пожалованіемъ императрицы и оказаннымъ ей приѣмомъ, но, тѣмъ не менѣе, при жизни Петра Великаго не рѣшалась болѣе заявлять о своемъ существованіи. Въ декабрѣ слѣдующаго 1722 года, по письму генераль-прокурора Ягужинскаго къ князю Репнину, «былъ отысканъ и взятъ подъ крѣпкій караулъ братъ Христины, крестьянинъ Карлъ Самуиловъ Сквороцкій, а потомъ отправленъ въ Москву къ кабинетъ-секретарю Макарову»¹⁾. Съ этого момента до смерти Петра о Карлѣ Сквороцкомъ нѣтъ никакихъ извѣстій, кромѣ того, что онъ идѣ-то содержался въ полномъ довольствѣ, и къ нему были привезены дѣти изъ Лифляндіи, а жена «никакъ не согласилась пріѣхать»...

Содержаніе въ неволѣ болѣе двухъ лѣтъ подъ присмотромъ, хотя бы въ довольствѣ, «родного» брата Екатерины не можетъ служить доказательствомъ ея нѣжныхъ чувствъ къ нему, и Петръ въ данномъ случаѣ не рѣшился бы причинить огорченіе любимой супругѣ, если бы это было противъ ея воли. Такое суровое обращеніе съ Карломъ Сквороцкимъ, личностью безобидною и ничтожною, и соблюденіе тайны относительно мѣста его пребыванія скорѣе могло имѣть цѣлью удержать его отъ «пустыхъ разговоровъ», и только съ этой стороны онъ и могъ казаться опаснымъ. Возможно, что заявленіе Карла Скавронскаго о своемъ родствѣ съ русской царицей и послужило основаніемъ романическаго разсказа Вильбоа и Вольтера (пользовавшагося современной рукописью), что Карлъ Самуиловичъ былъ найденъ въ корчмѣ, слугою, объявилъ себя братомъ высокой особы и пр.

Мы привели доводы и нѣкоторыя данныя въ пользу того, что Сквороцкіе могли быть не родными, а только двоюродными братьями и сестрами Екатерины, но не считаемъ себя въ правѣ утверждать это. Единственный намекъ на то, что Екатерина I могла быть дочерью старшей сестры Вильгельма Гана, мы находимъ въ слѣдующемъ письмѣ цесаревны Елисаветы Петровны къ вдовѣ Ѳедора Сквороцкаго, урожденной Сабуровой, отъ 4 іюля 1732 года: «Понеже извѣстно намъ, что мужъ вашъ, гр. Ѳедоръ Самуиловичъ, опредѣлилъ тебѣ нѣкоторыя вотчины изъ пожалованныхъ господамъ гр. Скавронскимъ въ фамилію ихъ, а у него, мужа вашего, дѣтей никого не имѣется, того ради извольте въ томъ себя предостеречь, и въ тѣ вотчины вступать вамъ не подлежить... и ежели вы въ мою волю отдадитесь, то надѣюся, крѣпчей будетъ... Для того я надѣюсь, что вы не забыли, что я большая у васъ»²⁾. Въ этомъ письмѣ Елисавета Петровна, пле-

¹⁾ Ученныя записки второго отдѣла Академіи наукъ, кн. II., Спб., 1856. «Корреспонденція съ княземъ Репнинымъ о фамиліи графа Скавронскаго», стр. 234.

²⁾ «Осьмнадцатый вѣкъ», второе изд., кн. первая, М., 1869, стр. 47.

мянница Скавронскихъ, Ефимовскихъ и Гендриковыхъ, не имѣвшая никакой власти и значенія въ царствованіе Анны Иоанновны, могла называть себя большою, развѣ только въ томъ смыслѣ, что она себя считала старшей въ родѣ по матери.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о матери Екатерины I, одной изъ сестеръ Вильгельма Гана, т. е. была ли она старшей изъ нихъ, ея имени и фамиліи по мужу также не можетъ считаться рѣшеннымъ, пока не будутъ найдены подлинныя, относящіяся сюда документы ¹⁾.

Екатерина I, насколько мы могли прослѣдить, ни въ одномъ изъ своихъ писемъ и указовъ не упомянула о своемъ родствѣ съ Сквороцкими, и только въ своемъ «завѣщаніи» называетъ ихъ «ближними сродниками нашей собственной фамиліи» наравнѣ съ Ефимовскими и Гендриковыми, назначая для раздѣла между ними лично принадлежавшія ей «маетности и земли». Императрица Елисавета Петровна въ одномъ изъ своихъ указовъ сенату отъ 17-го августа 1743 года, по поводу тяжбы графа Ивана Скавронскаго съ камергеромъ Балкъ-Полевымъ, называетъ Ефимовскихъ, Скавронскихъ и Гендриковыхъ сродными фамиліями ея «любезнѣйшей» матери, «блаженной и вѣчнодостойной памяти государыни Екатерины Алексѣевны» ²⁾. Ека-

¹⁾ Изъ подлинныхъ документовъ важное значеніе имѣли бы данныя о бракосочетаніи Елизаветы Морицъ съ квартирмейстеромъ Рабе, годъ смерти Елизаветы Рабе, а затѣмъ сиротскій пріютъ, въ который была помѣщена Екатерина, будущая императрица, послѣ смерти матери. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Ригѣ отъ ученыхъ членовъ Лифляндскаго археологическаго и историческаго общества—барона Брюйнинга и доктора А. Бухгольца и доставленнымъ намъ Э. Ф. Морицомъ и В. Сорокинымъ, оказывается слѣдующее. Реестры о бракосочетаніяхъ въ рижскихъ городскихъ церквахъ имѣются только съ 1702 года, кромѣ бывшаго шведскаго прихода Jacobikirche, гдѣ записи доходятъ до 1668 г. И такъ какъ Іоаннъ Рабо былъ шведскаго происхожденія, «то слѣдовало бы предполагать, что его бракосочетаніе состоялось при содѣйствіи пастора названной церкви, но о такомъ отъ 1668 до 1704 никакихъ слѣдовъ не найдено». Равнымъ образомъ ничего не отыскано въ церковныхъ книгахъ г. Крейсбурга и въ Калкунѣ, а тѣмъ болѣе въ Мариенбургѣ, гдѣ всѣ архивныя бумаги исчезли безслѣдно. Тщательныя изысканія въ данномъ направленіи были произведены барономъ Брюйнингомъ, и, какъ упомянуто выше, привели его къ заключенію, что «многіе документы были нарочно уничтожены, такъ какъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить нѣкоторыхъ пробѣловъ въ записяхъ»... Реестры умершихъ съ 1685—1700 гг., хотя и существуютъ въ рижской Domkirche и Jacobskirche, но въ Leichenbücher этихъ церквей имени Елизаветы Рабе не найдено.

Что касается пріюта, въ которомъ могла быть помѣщена Екатерина въ раннемъ дѣтствѣ, то существуютъ въ Ригѣ два старинныхъ учрежденія: »Waisenhaus» (сиротскій домъ), основанный въ 1651 году, и «Convent zum Heil. Geist», который состоитъ изъ нѣсколькихъ благотворительныхъ убѣжищъ, основанныхъ въ разные эпохи, начиная съ XIII вѣка, но служило ли одно изъ этихъ учрежденій убѣжищемъ для Екатерины,—неизвѣстно.

²⁾ Опытъ историч. родословія графовъ Ефимовскихъ», Спб., 1841. Приложение № 1.

терина II въ письмѣ къ графу М. Л. Воронцову (женатому на Аннѣ Карловнѣ Скавронской) отъ 2 декабря 1764 года заявляетъ о своемъ нежеланіи вступаться въ дѣло развода его дочери съ мужемъ А. С. Строгановымъ «по причинѣ близкаго свойства графовъ Скавронскихъ съ покойною бабкой императрицей Екатериной I»¹⁾.

ХII.

Вступленіе на престолъ Екатерины I послужило поводомъ для новыхъ, еще болѣе смѣлыхъ заявленій со стороны Христины Гендриковой о своемъ родствѣ съ императрицей, такъ какъ, повидимому, она была увѣрена, что теперь устранены всѣ препятствія къ ея появленію при русскомъ дворѣ и полному благополучію.

Едва прошло четыре мѣсяца послѣ смерти Петра Великаго, и уже 3 іюня 1725 года къ рижскому генераль-губернатору, князю А. И. Репнину, явилась Христина Гендрикова и подала «суплику» на польскомъ языкѣ. Въ этомъ прошеніи Христина, жалуясь на обращеніе съ нею помѣщика Вульфеншильда, писала между прочимъ: «...Всевышній по особенной милости своей возвелъ сестру мою въ императорскій санъ; мы же двѣ (т. е. Христина и старшая Анна) остались въ крайней бѣдности... Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ бѣдной въ совѣтѣ вашемъ, какимъ бы образомъ мнѣ можно было поклониться ея величеству императрицѣ, ибо я вовсе не знаю, какъ и въ чемъ мнѣ пріѣхать. Я совершенно увѣрена, что она не отречется отъ меня» и т. д.²⁾

Князь Репнинъ на другой же день извѣстилъ кабинетъ-секретаря Макарова о супликѣ, поданной Христиной, и сдѣланномъ ею словесномъ заявленіи, что «она сестра императрицы», и приказалъ содержать ее подъ карауломъ въ ея домѣ съ мужемъ и дѣтьми. На это извѣщеніе послѣдовало повелѣніе ея величества «содержать упомянутую женщину и семейство ея въ скромномъ мѣстѣ, дать имъ нарочитое пропитаніе и одежду и приставить къ нимъ повѣренную особу, которая могла бы ихъ удерживать отъ пустыхъ разсказовъ»³⁾.

Но принятая мѣра оказалась недостаточною, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ князя Репнина, который доносилъ въ Петербургъ, что Гендриковы, по слухамъ, «уже многимъ о себѣ разгла-

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, кн. седьмая, стр. 650.

²⁾ См. русскій переводъ суплики въ ст. Я. К. Грота «Проехожденіе императрицы Екатерины I», стр. 22, въ Сборникѣ отд. русск. яз. и слов. имп. акад. наукъ, т. XVIII, Спб., 1878.—Ibid. въ ст. В. О. Михневича: «Семейство Скавронскихъ», въ «Историч. Вѣстн.», февраль 1885 г., стр. 266.

³⁾ Ученныя записки второго отд. имп. ак. наукъ, кн. II, (Спб., 1856: «Корреспонденція съ кн. Репнинымъ о фамиліи гр. Скавронскаго», стр. 234—235.

силы, и оба люди глухие и пьяные», и что слѣдуетъ «взять ихъ куда въ другое мѣсто, дабы отъ нихъ больше вракъ не было». Не получая никакого отвѣта на это извѣстіе, князь Репнинъ «паки доносилъ» о томъ же 7-го іюля и писалъ, что всего «удобнѣе бѣ взять оную женщину съ фамиліей въ Русь и содержать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ про нихъ не знаютъ». Совѣтъ этотъ былъ принятъ императрицей, и рѣшено было отправить за Гендриковыми «нарочнаго курьера», который долженъ былъ доставить ихъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ князь Репнинъ, узнавъ черезъ своего офицера, посланнаго въ Польскіе Лифлянды, что тамъ находится большая, старшая сестра Христины, Анна Ефимовичева съ мужемъ и дѣтьми, и «также о себѣ безопасно гласить», приказалъ доставить ихъ въ Ригу. Но обѣщанный курьеръ не явился изъ Петербурга. Князь Репнинъ посылалъ письмо за письмомъ кабинетъ-секретарю, напоминая о людяхъ, которые содержатся у него долгое время подъ карауломъ и о томъ «вельми сомнѣваются», а особливо «тѣ, которые изъ Литвы привезены, нарекаютъ, что, оставя домъ свой, сюда пріѣхали». 14-го ноября рижскій генераль-губернаторъ опять пишетъ въ Петербургъ и повторяетъ свою просьбу, «дабы о помянутыхъ арестантахъ получилъ какой указъ; ибо опасенъ я на себя отъ нихъ жалобы, которую уже и нынѣ производятъ».

Тѣмъ не менѣе, прошло еще болѣе мѣсяца безъ всякихъ извѣстій изъ Петербурга, и только въ началѣ слѣдующаго 1726 года Макаровъ написалъ, что «для извѣстной женщины съ дѣтьми наряженъ курьеръ и скоро будетъ отправленъ». Сообщение это сильно встревожило кн. Репнина, судя по его письму отъ 23-го января, въ которомъ онъ почтительно докладывалъ кабинетъ-секретарю, что «помянутая женщина съ мужемъ и дѣтьми не одна, но съ нею есть братъ ея родной съ женою и дѣтьми, да большая родная сестра ея съ мужемъ и дѣтьми», и что всего содержатся у него три семьи, которымъ посылаетъ роспись. При этомъ онъ просилъ извѣстить его: «всѣхъ ли отправлять, какъ прибудетъ курьеръ, или токмо упомянутую женщину съ дѣтьми, и что съ достальными дѣлать» ¹⁾.

Кн. Репнинъ получилъ приказъ снарядить въ дорогу и «другихъ той же фамиліи», и наконецъ 23 февраля 1726 года отправилъ изъ Риги съ присланнымъ курьеромъ Микулинымъ всѣхъ содержащихся у него людей, кромѣ латышки, жены Фридриха Скворощаго, съ двумя дочерьми, его падчерицами, «которыя сами слезно просили, дабы ихъ оставить, да и къ посылкѣ оныя весьма не потребны» ²⁾.

¹⁾ Сборн. отд. русск. языка и слов. имп. ак. наукъ, т. XVIII, Спб., 1878, стр. 23—27.

²⁾ Ibid., стр. 29.

Участь привезенныхъ въ Россію родственниковъ императрицы, отосланныхъ въ Стрѣльну, была довольно печальная. Хотя Екатерина I щедро надѣлила ихъ вотчинами, драгоценностями и деньгами, но не имѣла съ ними никакихъ сношеній, и даже братья Сквороцкіе, пожалованные въ графы Скавронскіе 5 января 1727 года, не были приближены къ особѣ ея величества. Изъ нихъ только Карлъ Самуиловичъ жилъ въ Петербургѣ въ роскошномъ, устроенномъ для него домѣ соотвѣтственно его званію, и дѣти его были взяты ко двору и получали воспитаніе.

Послѣ смерти Екатерины I въ положеніи ея «ближнихъ сродниковъ», получившихъ по оставленному ею завѣщанію новыя значительныя вотчины, произошла существенная перемена въ томъ отношеніи, что имъ дозволено было выбрать мѣстожителство по своему усмотрѣнію. И такъ какъ ничто не удерживало ихъ въ Петербургѣ, и имъ не предстояло играть никакой роли при новомъ дворѣ, то все они одни за другими переѣхали въ Москву и въ пожалованныя имъ помѣстья, гдѣ вскорѣ довольно своеобразно заявили о своемъ существованіи. Неожиданное превращеніе нищихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ богатыхъ господъ, владѣющихъ большими землями и сотнями душъ, настолько вскружило имъ головы и возбудило алчность, что они требовали себѣ все новыхъ и новыхъ даяній и милостей. Такъ Карлъ Самуиловичъ, какъ видно изъ журнала верховнаго тайнаго совѣта отъ 3 апрѣля 1728 года, въ своемъ прошеніи о выдачѣ ему диплома на графскій титулъ, слезно молитъ «о пожалованіи его, графа, дворомъ послѣ кн. Меншикова, который на Мясницкой улицѣ»¹⁾. Затѣмъ въ письмѣ отъ 14 іюня того же года онъ просилъ гофмейстерицу Елисаветы Петровны, чтобы она доложила цесаревнѣ «о дачѣ ему для житія въ Москвѣ двора»²⁾, и при своемъ громадномъ по тому времени богатствѣ³⁾ жалуется, что ему приходится жить въ наемномъ домѣ «съ нуждою».

Съ прошеніями и письмами обращались къ Елисаветѣ Петровнѣ и другіе родственники ея покойной матери, приносили жалобы и молили о заступничествѣ въ своихъ нескончаемыхъ распряхъ. Двѣ родныя сестры, Гендрикова и Ефимовская, получившія съ дѣтьми значительныя помѣстья, при совмѣстномъ владѣніи нѣкоторыми имѣніями затѣяли изъ-за дѣлежа и пользованія ими «жестокое междоусобіе», бранились и ссорились изъ-за каждаго клочка земли.

¹⁾ См. Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ., т. 79, стр. 268—269.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ», мартъ 1886 г., ст. В. О. Михневича: «Семейство Скавронскихъ», стр. 551.

³⁾ О значительномъ богатствѣ гр. Карла Самуиловича Скавронскаго можно составить понятіе по его духовному завѣщанію, написанному 8 апрѣля 1729 года, почти за два мѣсяца до его смерти. (Сборникъ Муханова, Спб., 1866, изд. второе, стр. 433—434).

Гр. Ѳеодоръ (Фридрихъ) Скавронскій, до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1732 году, приносилъ цесаревнѣ жалобу за жалобой на сестру Анну Ефимовскую и дѣтей ея, отъ которыхъ, по его словамъ, онъ терпѣлъ «несносныя обиды, брань и разореніе» въ видѣ форменныхъ наѣздовъ, сопровождаемыхъ грабежемъ и насилиемъ ¹⁾).

Елисавета Петровна, считавшая своимъ долгомъ оказывать покровительство роднымъ покойной матери, вступалась за ихъ обиды, разбираала ссоры, но не могла принести имъ существенной пользы въ царствованіе Анны Иоанновны, «не милостивой ко всѣмъ сроднымъ фамиліямъ императрицы Екатерины I» ²⁾). Анна Иоанновна, гордившаяся своимъ происхожденіемъ отъ старшаго брата императора Петра, относилась съ презрѣніемъ къ незнатнымъ родственникамъ Мариенбургской плѣнницы и не упускала случая притѣснять ихъ ³⁾). Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ этого служить дѣло гр. Мартына Карловича Скавронскаго (второго сына Карла Самуиловича), начатое 23 іюня 1735 года, по поводу принесенной имъ жалобы на своего слугу Урядова, котораго онъ обвинилъ въ волшебствѣ. Урядовъ, призванный въ Тайную Канцелярію, сказавъ «слово и дѣло», въ свою очередь обвинилъ гр. Скавронскаго, что онъ во время ужина, сидя за столомъ, говорилъ ему, Урядову, и етыремъ людямъ своимъ: «нынѣшней де государынѣ не жить, а послѣ де ея, какъ буду я императоромъ, то разошлю тогда по всѣмъ городамъ указъ, чтобъ всякаго чина у людей освидѣтельствовать и переписать, сколько у кого денегъ имѣется»...

Несмотря на явную нелѣпость доноса и на то, что гр. Мартынъ Скавронскій въ «говореніи означеннаго не винился и показалъ, что если что и говорилъ, то не съ какого умыслу, но въ пьянствѣ отъ простоты своей»,—онъ не избѣгъ строгаго наказанія. Не помогло ему и свидѣтельство четырехъ человекъ, указанныхъ Урядовымъ, которые заявили на допросѣ, что никакихъ словъ отъ Скавронскаго не слышали. Дѣло кончилось тѣмъ, что 30 сентября 1735 года, на основаніи выписки Тайной Канцеляріи и по опредѣленію ея величества, въ присутствіи его превосходительства,

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1835, мартъ, стр. 553—554, ст. Михневича.

²⁾ Въ именномъ указѣ сенату имп. Елисаветы Петровны отъ 17 августа 1748 года по поводу пересмотра тяжбы гр. Ивана Ефимовскаго съ камергеромъ Балкъ-Полевымъ сказано: «Быль по оному дѣлу указъ сестры нашей императрицы Анны Иоанновны 1757 года, іюня 8, въ пользу оному Балку, «но оное по тогдашнему времени отъ немилости Ея не тоѣмо къ онымъ Ефимовскимъ, но и ко всѣмъ сроднымъ фамиліямъ... государыни Екатерины Алексѣевны, яко Скавронскимъ и Гендриковымъ, и ко утѣсненію ихъ учинено, ибо и запрещеніе въ продажѣ деревень всѣмъ учинено безъ всякой причины». (См. Опытъ истор. родословія гр. Ефимовскихъ, Спб., 1841 г. Приложение № 1).

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, кн. первая, 1870, стр. 27.

Андрея Ивановича Ушакова, «помянутому Скавронскому нещадное наказаніе плетьми учинено, и онъ освобожденъ»....¹⁾ .

При вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, повидимому, никого изъ старшихъ родственниковъ новой императрицы со стороны матери не было въ живыхъ, но для младшаго поколѣнія Скавронскихъ, Гендриковыхъ и Ефимовскихъ наступили счастливые дни. Гр. Мартынъ Карловичъ Скавронскій, помимо придворныхъ должностей, былъ пожалованъ въ 1744 году въ генераль-лейтенанты, а черезъ десять лѣтъ въ генераль-аншефы и получилъ орденъ св. Андрея. Что касается Гендриковыхъ и Ефимовскихъ, то они, кромѣ другихъ отличій, возведены въ графское Россійской имперіи достоинство. Въ списокѣ статсъ-дамъ императрицы Елисаветы Петровны мы встрѣчаемъ имена: Анны и Маріи Гендриковыхъ, Анны Карловны Воронцовой, Маріи Николаевны Скавронской, жены Мартына Карловича, урожд. Строгановой ²⁾).

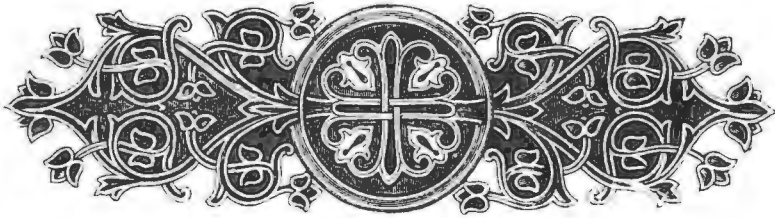
Такимъ образомъ, Скавронскіе, Гендриковы и Ефимовскіе заняли въ гербовникахъ и родословныхъ книгахъ видное мѣсто среди титулованныхъ дворянскихъ фамилій Россійской имперіи. Но, кромѣ Анны Карловны Скавронской, по мужу Воронцовой,—одной изъ наиболее яркихъ и замѣчательныхъ представительницъ высшаго русскаго общества XVIII вѣка,—никто изъ нихъ не выдѣлился своими способностями или заслугами въ области государственной, общественной и научной дѣятельности.

Н. А. Бѣлозерская.

¹⁾ «Историч. бумаги, собр. К. Изв. Арсеньевымъ», над. П. Пекарскимъ (Сборникъ отд. русск. яз. и слов. ак. наукъ, Спб., 1872, т. IX, стр. 109—118).

²⁾ Чтенія въ Имп. О. И. и Др. Росс., 1860, кн. I, «Списокъ статсъ-дамамъ, пожалованнымъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ»

ВЪ ЧЕМЪ СИЛА?

ИЗДАТЕЛЬ весьма серьёзной газеты «Зарница» былъ человекъ мягкій, покладистый, сговорчивый, примирительный. Газету свою онъ любилъ, какъ дѣтище, съ которымъ возился больше двадцати лѣтъ, которое взлелѣялъ, ради котораго немало испортилъ крови и—можетъ быть, это причина не послѣдней важности—на которое ухлопалъ добрую половину своего состоянія.

Но это время прошло, время, когда за право быть издателемъ серьёзной газеты онъ платилъ. Теперь газета сама себя содержала и каждый годъ возвращала ему значительную часть истраченныхъ денегъ, словомъ, дѣла шли хорошо, и было все для того, чтобы издателя не покидало хорошее настроеніе. И, тѣмъ не менѣе, можетъ быть, никогда его еще не видѣли такимъ нервнымъ и раздражительнымъ, какъ теперь. По временамъ, онъ замѣчалъ въ себѣ приливы желчи и злости, а потомъ, когда это проходило, и онъ оглядывался назадъ, оказывалось, что онъ совершилъ рядъ несправедливостей, и его мучило позднее раскаяніе.

Перемѣна эта произошла отъ странной причины. Главный редакторъ газеты, человекъ, которому газета была обязана своей репутацией, былъ властолюбивъ и давно уже предъявлялъ претензію—устранить издателя отъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь газеты. Но пока дѣло требовало денегъ, и издатель давалъ ихъ, этого нельзя было сдѣлать. Деньги требуютъ своихъ правъ. Человекъ можно устранить, но деньги—всегда возьмутъ свое.

Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ газета не нуждается въ его тратахъ, и въ первый же годъ, когда это началось, онъ какъ-

то незамѣтно оказался устраненнымъ отъ дѣла. Ему предоставили получать доходы и подписывать чеки, а дирижерскую палочку взялъ въ обѣ руки редакторъ и со свойственной ему рѣзвостью понесся стрѣлой, закусивъ удила. Появились новые сотрудники, завелись новыя идеи, противъ которыхъ возмущалась душа издателя. Стали писать развязно, нахально, хлестко, и каждый день утромъ, когда ему приносили газету, онъ, прочитывая ее, переживалъ такое ощущеніе, какъ будто ему рассказывали о воровствѣ, учиненномъ его собственнымъ сыномъ, или объ измѣнѣ жены.

Тысячу разъ поднималъ онъ голосъ противъ этого. Онъ былъ, что называется, тихій идеалистъ, какіе въ изобиліи водились въ прежніе годы, и какихъ нынче уже не водится. Онъ вѣрилъ, что у газеты есть призваніе—проповѣдывать, руководить, просвѣщать. А между тѣмъ его собственная газета шла въ хвостѣ пошлой повседневной жизни и увеселяла читателей.

— Что у васъ пишутъ? Что вы печатаете?—съ негодованіемъ восклицалъ онъ, обращаясь къ редактору.

Тотъ пожималъ плечами.

— Вамъ не нравится? Въ такомъ случаѣ разстанемся!.

Разстанемся! Этотъ человѣкъ зналъ, что это для него невыносимо. Разстаться съ нимъ значитъ отказаться отъ успѣха, отъ возможности возстановить свое состояніе, расшатанное многолѣтними приплатами. Начинать сначала—этого его карманъ не выдержитъ, да и старъ онъ для этого, ему—шестой десятокъ въ половинѣ, голова его сѣда. И онъ пасовалъ, подписывая въ качествѣ издателя столбцы и страницы, на которыхъ было отиснуто отрицаніе всей его жизни.

Онъ говорилъ себѣ въ оправданіе: «убѣжденія, это—мое личное дѣло. Но состояніе, это—будущность моихъ дѣтей. Я не имѣю права дѣлать ихъ нищими».

И все шло такъ, какъ шло. Ему приносили счета, онъ проверялъ и подписывалъ ихъ, отъ него требовали чековъ на расходы, онъ выдавалъ ихъ, и это было ему противно, это выводило его изъ себя, а иногда приводило его въ бѣшенство и изъ мирнаго, мягкаго, покладистаго человѣка превращало его въ тигра.

Но годичный балансъ ежегодно значительно пополнялъ его «надорванное» состояніе, и онъ терпѣлъ.

Самымъ ужаснымъ дѣломъ для него было, когда являлись къ нему сотрудники. Въ ту же минуту онъ начиналъ ненавидѣть ихъ. Въ прежнее время, когда онъ былъ «дѣйствующимъ лицомъ» въ газетѣ, онъ, напротивъ, любилъ, когда они приходили. Они обращались къ нему съ принципиальными вопросами, у нихъ завязывались споры, въ которыхъ онъ нерѣдко побѣждалъ. Онъ чувствовалъ тогда себя живымъ, дѣйствующимъ, чувствовалъ, что въ томъ живомъ дѣлѣ, которое было созданіемъ его жизни, лежитъ частица его души.

Теперь они говорили съ нимъ только о деньгахъ. Имъ не зачѣмъ было обращаться къ нему по общественнымъ или литературнымъ вопросамъ, на этотъ счетъ у нихъ былъ вдохновитель и вершитель—редакторъ. И когда въ кабинетѣ у него появлялся одинъ изъ сотрудниковъ, то, прежде чѣмъ тотъ открывалъ ротъ, у него въ головѣ уже звучала фраза: «я къ вамъ съ просьбой, Григорій Александровичъ... не можете ли»... и т. д. Такъ и оказывалось. Заводилась рѣчь о прибавкѣ жалованья или построчной платы, о выдачѣ аванса. Онъ удовлетворялъ... Въ первое время онъ удовлетворялъ всѣ просьбы, потому что отъ природы былъ добръ, мягокъ, сговорчивъ, миролюбивъ. Но потомъ, когда онъ уже окончательно понялъ, что это—его единственное право, онъ какъ бы старался хоть этимъ правомъ воспользоваться полностью и сталъ несговорчивъ, ворчливъ, даже рѣзокъ, нерѣдко отказывалъ, о чемъ иногда искренно сожалѣлъ потомъ.

Особенно энервировали его два-три изъ новыхъ сотрудниковъ. Эти люди «послѣдней формаци», никогда не выдавшие его въ прежней роли и привыкшіе смотрѣть на него, какъ на мѣшокъ съ золотомъ, оскорбляли его однимъ своимъ появленіемъ.

Въ этотъ день онъ былъ какъ-то особенно скверно настроенъ. Да и день былъ отвратительный, сѣрый, слякотный, холодный,—ни зима, ни лѣто. Въ его кабинетѣ, который былъ изолированъ отъ комнатъ, гдѣ жила его семья, была тишина. Тамъ, внизу, происходила какая-то работа,—писались широкоформатныя статьи, добывались новости, велась полемика; однихъ миловали, другихъ казнили; все это дѣлалось на его деньги, всю эту огромную живую махину создалъ онъ своимъ рискомъ и трудомъ. Но всѣ тамъ чувствовали себя хозяевами, людьми, прикосновенными къ дѣлу; только онъ здѣсь, наверху, отрѣзанъ отъ любимаго дѣла. И ничего онъ не можетъ измѣнить. Они—активная сила, они владѣютъ перомъ, а онъ писать не умѣетъ, онъ только любитъ дѣло, и, если бы они, сговорившись однажды, всѣ его оставили, онъ съ своею любовью не сумѣлъ бы написать одного столбца.

Все это его бѣсило, и онъ переживалъ то состояніе, когда человѣку требуется жертва, когда онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не испортитъ комунибудь, если не жизнь, то хоть одинъ часъ жизни.

Было два часа дня. На лѣстницѣ послышались шаги. Издатель, ходившій по кабинету, сталъ шагать чаще и ступать тяжелѣе.

— Къ вамъ можно, Григорій Александровичъ?

Голосъ былъ кроткій, неувѣренный, но для него это было все равно. Онъ отвѣтилъ сквозь зубы: «сдѣлайте милость... я всегда къ услугамъ».

И въ этомъ «къ услугамъ» слышались горечь и желчь. Вошелъ человѣкъ средняго роста, нелѣпаго сложенія. Плечи у него были

приподняты, но неравномерно — правое выше, чѣмъ лѣвое. Грудь вдавленная, ноги тонкія, длинныя. Сильно потертый черный скрутокъ висѣлъ на немъ, какъ на гвоздѣ, вбитомъ въ стѣну. Каблуки на сапогахъ были стоптаны внутрь, сѣрыя брюки внизу обтрепаны. Шея у него была тонкая, жилистая, лицо обросло безпорядочно. Въ маленькихъ глазкахъ выражалась усталость.

— Садитесь,—весьма нелюбезно бросилъ ему издатель, но такъ какъ самъ онъ продолжалъ ходить, то и гость не сѣлъ.

— Садитесь же, Остыловъ,—повторилъ онъ и, какъ бы что-то сообразивъ, сѣлъ въ кресло. Тогда и Остыловъ медленно опустился на стулъ.

— Ну-съ? Въ чемъ же дѣло? — спросилъ издатель, глядя на него исподлобья и съ явной враждебностью барабани пальцами по столу.

— Мнѣ совѣстно беспокоить васъ, Григорій Александровичъ... промолвилъ Остыловъ, мучительно вертя въ рукахъ свою шапку изъ фальшиваго барашка.

— Однако-жь, беспокоите... Выходить — наперекоръ совѣсти! Впрочемъ, совѣсть здѣсь не при чемъ... Продолжайте!

— Я собственно не имѣю права...

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы пришли?

Остыловъ временно замолкъ. Онъ внутренне укорялъ себя за то, что не разузналъ прежде о настроеніи Григорія Александровича. Когда не имѣешь права, то весь успѣхъ основывается на настроеніи. А его право опиралось на единственномъ обстоятельстве, состоявшемъ въ томъ, что ему до зарѣза были нужны деньги.

Однако, разъ ужъ онъ пришелъ сюда, надо доводить дѣло до конца, тѣмъ болѣе, что откладывать нельзя. И онъ началъ объяснять.

— Я пришелъ къ вамъ, Григорій Александровичъ... побезпокоить васъ просьбой...

— Удивляюсь,—воскликнулъ Григорій Александровичъ, нервно пожавъ плечами:—зачѣмъ вы такъ пространно говорите? Вѣдь ко мнѣ ни зачѣмъ другимъ не ходятъ, какъ только за деньгами! Значить, достаточно молча протянуть руку и сказать: столько-то.

— Я не знаю, Григорій Александровичъ, чѣмъ я вызвалъ съ вашей стороны...

— Ахъ, ничего вы не вызвали, ровно ничего... Право, мнѣ даже не позволяютъ разсуждать... Ну, наконецъ, что же вамъ угодно, господинъ Остыловъ?

— Я хотѣлъ бы попросить у васъ авансомъ въ счетъ гонорара семьдесятъ пять рублей...

— И скажите: я могу дать и не дать, или уже заранѣе приговоренъ къ тому, чтобы дать?

— Конечно, Григорій Александровичъ, это въ вашей власти... Но... но мнѣ очень нужно. У меня старшій сынъ въ гимназiи учится, а теперь холода наступаютъ, такъ надо ему сдѣлать пальто... Тоже и книги еще... Разумѣется, я не имѣю никакого права...

— Ага! Хорошо, по крайней мѣрѣ, что вы это признаете! И такъ какъ вы не имѣете права, то я... я и не дамъ...—сказалъ издатель и, поднявшись съ мѣста, началъ опять ходить по комнатѣ.

Остыловъ опустилъ голову и произнесъ подавленнымъ голосомъ:—А мнѣ очень, очень нужно, Григорій Александровичъ.

— Я вѣрю, вѣрю, что вамъ очень нужно,—желчно подчеркивая слова, говорилъ издатель,—но вѣдь это вовсе не доводъ! Вы зарабатываете въ среднемъ менѣе ста рублей въ мѣсяцъ, забрали уже впередъ больше трехсотъ и теперь желаете еще... Позвольте, вѣдь это безпорядокъ. Въ какомъ благоустроенномъ предпріятіи вы найдете это? Вѣдь это немислимо... Я не понимаю, какъ у васъ хватаетъ рѣшимости приходить ко мнѣ съ такими просьбами...

— Григорій Александровичъ, я вѣдь отработаю! Ей-Богу, я отработаю! Мнѣ очень нужно!

Странное душевное состояніе переживалъ издатель. Остыловъ былъ репортеръ и работалъ въ его газетѣ уже дѣтъ пятнадцать. Человѣкъ онъ былъ незначительный, не надѣленный никакими дарованіями. Замѣтка въ двадцать-тридцать строкъ стоила ему большого труда и отнимала много времени. Но работникъ онъ былъ старательный и добросовѣстный. Съ утра онъ начиналъ бѣгать по городу по порученіямъ редакціи, уставалъ страшно и, возвратившись часамъ къ четыремъ, долго еще сидѣлъ надъ бумагой, ломая голову надъ какой нибудь незамысловатой фразой. Небольшой заработокъ доставался ему тяжело. Но зато редакція, поручая ему какое нибудь дѣло, была спокойна, зная, что онъ исполнитъ его точно, не упустивъ ни малѣйшей подробности, и—главное—дастъ отчетъ нелицепріятный. Неподкупность его была вѣдъ всякаго сомнѣнія. Въ этомъ невзрачномъ, забитомъ человѣкѣ жилъ высокій духъ идеалиста. Несмотря на скромное амплуа репортера, онъ боготворилъ печатное слово и съ глубокимъ уваженіемъ относился къ чернильницѣ и перу.

Семья, требовавшая расходовъ, сдѣлала его кроткимъ, забитымъ, и онъ, можетъ быть, боясь потерять свое шаткое мѣсто, молчалъ, когда передъ нимъ его товарищи, сдѣланные изъ другого тѣста, понирали ногами то, что онъ считалъ святыней, молчалъ и тогда, когда смѣялись надъ нимъ самимъ, называя его «цѣломудреннымъ репортеромъ», «газетнымъ Іосифомъ» и т. п. прозвищами.

Все это очень хорошо зналъ издатель и въ свое время, когда его еще не изгнали наверхъ, въ кабинетъ, для подписыванія счетовъ и чековъ, цѣнилъ и съ уваженіемъ относился къ Остылову. И зналъ онъ также, что Остыловъ не пришелъ бы къ нему гово-

рять о деньгахъ, если бы его не подвинула на то крайняя нужда. Все это зналъ издатель, и тѣмъ не менѣе у него была злоба противъ этого человѣка; можетъ быть, и не противъ него, а вообще— злоба; но все равно онъ сидѣлъ здѣсь, съ наклоненной головой, комкая въ рукахъ свою шапку. И издатель, злобно шагая по комнатѣ, говорилъ самыя жестокия вещи.

— Вамъ очень нужно, я въ этомъ не сомнѣваюсь! Но ужъ въ томъ, что вы отработаете, позвольте мнѣ усомниться. Вѣдь вамъ всегда будетъ очень нужно, это въ порядкѣ вещей. Ваши дѣти будутъ существовать и требовать отъ васъ расходовъ, вы будете больше запутываться... А я не могу, не могу за всѣхъ платиться... Позвольте, вы забрали триста и хотите еще семьдесятъ пять! Ивановъ забралъ пятьсотъ и потребуеетъ полтораста и такъ далѣе и такъ далѣе... Дѣло не можетъ этого выдержать...

— Григорій Александровичъ...

— Ахъ, да вѣдь я знаю, что вы скажете! Вы скажете, что въ будущемъ мѣсяцѣ приналяжете и заработаете вдвое больше... А, это старая сказка, это вамъ никогда не удастся... Наконецъ, наконецъ... Для зарабатывающаго сто рублей въ мѣсяцъ долгъ въ 300 рублей уже великъ, и увеличивать его онъ не имѣетъ права!.. Понимаете, не имѣетъ права!

Понималъ это Остыловъ, очень хорошо понималъ, что онъ пришелъ сюда безъ всякаго права, но не понималъ онъ, что такое сдѣлалось съ Григоріемъ Александровичемъ. Почему этотъ мягкій, покладистый человѣкъ, всегда даже какъ-то конфузившійся, когда съ нимъ говорили о деньгахъ и торопившійся исполнить просьбу, чтобы только не быть въ положеніи человѣка, у котораго просятъ денегъ,— вдругъ такъ освирѣпѣлъ и такъ упорно отказывается.

Въ сущности, ему пора было обидѣться, но онъ не спѣшилъ по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, ему хотѣлось видѣть въ этомъ только недоразумѣніе. Григорій Александровичъ всегда цѣнилъ въ немъ стараго, добросовѣстнаго работника и, въ случаѣ крайности, всегда спѣшилъ оказать ему услугу. И много уже одолженій онъ ему сдѣлалъ. Взять да и обидѣться на такого человѣка было бы несправедливо. А, можетъ быть, это только настроеніе, и оно пройдетъ. Можетъ быть, его разстроили домашнія дѣла или что нибудь постороннее. Но была и другая причина, можетъ быть, болѣе могущественная: ему сегодня безъ денегъ нельзя было показаться домой.

И онъ старался придумать, какимъ бы способомъ ему смягчить издателя. Онъ перебиралъ въ своей головѣ всевозможные доводы и мысленно говорилъ самыя чувствительныя рѣчи, которыя замирали на его губахъ, какъ только онъ открывалъ ротъ.

— Позвольте мнѣ сказать два слова, Григорій Александровичъ,— промолвилъ онъ, наконецъ, когда издатель на секунду прервалъ свою рѣчь.

— Ахъ, можете говорить ихъ хоть цѣлую сотню...

— Дѣло въ томъ, Григорій Александровичъ, что я... я не всегда былъ въ долгу... Каждый годъ, конечно, накапливается, но... къ концу года понемногу погашается... Это всегда такъ было, и вы... вы никогда мнѣ не отказывали, и я... я всегда погашалъ... Вы всегда говорили, что я... что я хорошій работникъ, и хорошо отнеслись ко мнѣ...

Григорій Александровичъ слушалъ его съ жестами крайняго нетерпѣнія...

— Ха! — саркастически произнесъ онъ: — хорошій работникъ! Вы говорите это такъ, какъ будто дѣлаете мнѣ этимъ одолженіе. Но развѣ вы не должны быть хорошимъ работникомъ? Развѣ вы должны быть плохимъ? Быть хорошимъ работникомъ это вовсе не слуга, это обязанность... Всѣ должны быть хорошими работниками или никакими! Именно за это вы получаете вознагражденіе... Что же касается того, что я хорошо къ вамъ относился, то, во-первыхъ, это сюда не имѣетъ никакого касательства... А, во-вторыхъ... во-вторыхъ, я никакъ не ожидалъ, что мнѣ поставятъ это въ вину, и я въ первый разъ слышу, что за мое хорошее отношеніе я долженъ платить деньги...

Послѣ этихъ словъ издателя Остыловъ поднялся. Лицо его было блѣдно, въ глазахъ свѣтилось какое-то смѣшанное выраженіе измученности и обиды. Онъ слегка наклонилъ голову и тихимъ дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ я... я не считаю себя въ правѣ больше беспокоить васъ...

И онъ тихимъ, но рѣшительнымъ движеніемъ повернулся къ двери, чтобы выйти. У Григорія Александровича въ груди что-то заскрипѣло, словно тамъ съ необычайной силой столкнулись двѣ противоположныя струи. Съ одной стороны, онъ испытывалъ какое-то глупое чувство удовольствія, потому что уже излилъ весь запасъ своей желчи; но въ то же время онъ не могъ простить себѣ, что это удовольствіе доставилъ ему именно Остыловъ, этотъ невиннѣйшій изъ людей, не заслужившій ни одного изъ тѣхъ обидныхъ словъ, которыхъ онъ наговорилъ такъ много. «И зачѣмъ онъ попался мнѣ? Зачѣмъ именно онъ пришелъ въ такую минуту, когда мнѣ нужна была жертва?» — размышлялъ онъ, чувствуя, что у него остался только одинъ моментъ для того, чтобы загладить свою несправедливость, что онъ не имѣетъ права дать этому человѣку выйти изъ его комнаты оскорбленнымъ, и въ то же время боясь чѣмъ-то поступиться и открыто признать себя неправымъ...

— Погодите! — промолвилъ онъ, наконецъ, когда Остыловъ уже взялся за ручку двери: — я вовсе не хочу обижать васъ. Я только говорю, что это... Ну, однимъ словомъ, можетъ быть, вы примиритесь рубляхъ на... ну, на пятидесяти?..

«истор. вѣстн.», январь, 1902 г., т. LXXXVII.

Остыловъ обернулся къ нему и посмотрѣлъ на него глубоко недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Благодарю васъ, Григорій Александровичъ!.. Я очень вамъ буду благодаренъ!—съ видимой радостью торопливо отвѣтилъ Остыловъ, которому послѣ потери всякой надежды пятьдесятъ рублей казались настоящимъ подаркомъ.

— Вы согласны? Ну, хорошо.. Такъ вотъ... Вотъ вамъ записка въ контору...

Онъ подошелъ къ столу и стоя, быстрымъ почеркомъ, написалъ короткую записку.—Вотъ вамъ.

Ему теперь хотѣлось только одного: чтобъ Остыловъ еще разъ поблагодарилъ и вышелъ, унося въ рукѣ желанную записку.

Григорій Александровичъ сѣлъ въ кресло и закрылъ глаза. Онъ испытывалъ ощущеніе какой-то внутренней гадости. Его обидѣли, да, его насильно отстранили отъ участія въ его собственномъ дѣлѣ... А, да не все ли равно, чѣмъ его обидѣли? Но его обидѣли другіе. Онъ недоволенъ, онъ золъ. Но при чемъ здѣсь Остыловъ, жалкій, несчастный Остыловъ, никогда не пользовавшійся въ газетѣ нисколько вліяніемъ и, конечно, менѣе всѣхъ виновный въ его огорченіяхъ? И что такое для него, для издателя, эти семьдесятъ пять рублей, изъ-за которыхъ онъ такъ долго поджаривалъ на медленномъ огнѣ этого бѣднаго человѣка и въ концѣ концовъ самымъ глупымъ образомъ, ради какого-то нелѣпаго самолюбія, оттягалъ таки у него жалкихъ двадцать пять рублей... Эти деньги ему не нужны, онѣ не прибавятъ ему ни капли счастья, не доставятъ нисколько удовольствія, а у Остылова не хватитъ этой суммы на пальто для сына. И такъ поступилъ онъ, всю жизнь пользовавшійся репутаціей «добраго человѣка». Какая гадость!.. И ему хотѣлось подбѣжать къ двери и кликнуть Остылова, вернуть его и дать ему не двадцать пять рублей, а сто, тысячу, сколько онъ захочетъ. Но этотъ порывъ замеръ въ его душѣ. На лѣстницѣ уже слышались другіе шаги. Кто-то подымался твердой увѣренной поступью. Кто-то постукалъ къ нему въ дверь властнымъ, смѣлымъ стукомъ.

— Войдите!—сказалъ Григорій Александровичъ.

Вошелъ фельетонистъ Бабакинъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ привлекательнымъ, неглупымъ лицомъ, съ умышленно небрежной прической, ловкій, изящный, одѣтый элегантно, со вкусомъ. Онъ поставилъ свой цилиндръ на стулъ и, протянувъ руку издателю, заговорилъ въ высшей степени развязно и непринужденно.

— Рѣшительно мы съ вами сто лѣтъ не видались... Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ моего посѣщенія?

— Напротивъ... очень пріятно... Прошу садиться...

Григорій Александровичъ произнесъ эти слова машинально. Бабакина онъ зналъ очень мало. Это былъ недавній сотрудникъ, при-

глашенный редакторомъ уже безъ его вѣдома, чловѣкъ самой новейшей формаци. Фельетоны его были хлестки, номера газеты, въ которыхъ они помѣщались, покупались нарасхватъ. Но Григорій Александровичъ находилъ ихъ пошлыми и несовсѣмъ чистоплотными. И если бы онъ сказалъ то, что хотѣлъ, онъ просто послалъ бы его къ чорту. Но любезныя слова вылетѣли изъ его устъ какъ-то помимо его воли.

— Неудобно ли присѣсть?—повторилъ онъ и пододвинулъ гостю кресло.

Бабакинъ поклонился, ловко повернулъ кресло и, сѣвъ въ него, фамильярно развалился на спинку и протянулъ ноги передъ самымъ носомъ хозяина, который тоже сѣлъ.

— Какой противный день сегодня, не правда ли?—заговорилъ Бабакинъ и, не дожидаясь отвѣта со стороны хозяина, продолжалъ:— для меня въ особенности! Можете себѣ представить, я только часъ тому назадъ кончилъ вчерашній завтракъ!...

— Вчерашній завтракъ?—съ изумленіемъ спросилъ Григорій Александровичъ.

— Ха, ха, ха, ха! Да, да, вчерашній завтракъ. Собралось маленькое общество—вы, вѣроятно, всѣхъ знаете: Оглоблинъ, сынъ каретнаго фабриканта, его подруга, мамзель Клю, пѣвица изъ кафе-шантана,—вы вѣдь ее знаете?

— Нѣтъ, не имѣю чести...

— Напрасно! Милѣйшее существо!... Анекдоты такіе рассказываетъ, что даже я краснѣю... Ха, ха, ха!.. Потомъ жандармскій полковникъ Ахлюевъ,—ну, этого ужъ вы знаете!.. И еще одинъ актеръ... Право, ужъ не помню, по какому поводу, но поводъ былъ, это знаю навѣрно... Ну, вотъ и просидѣли до сегодня...

— Значить, было весело?

— О, да! Безусловно! Но вѣдь всю ночь не спалъ, и потому можете себѣ представить мое душевное и тѣлесное состояніе... А тутъ еще къ завтраму долженъ накатать фельетонъ... Воображаю, что это выйдетъ...

— Да, я тоже воображаю!

— А вы думаете, выйдетъ плохо? Напрасно. Да вотъ я этотъ самый завтракъ и опишу...

— Кому же это интересно?

— Какъ кому? Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ. Публика, которая обыкновенно плохо завтракаетъ и обѣдаетъ, страшно любитъ, когда ей рассказываютъ, какъ ктонибудь хорошо завтракалъ или обѣдалъ...

— А главное—это поучительно!

— Ахъ, да зачѣмъ поучать? Никто въ этомъ не нуждается. За поученіями ходятъ въ церковь и на публичныя лекціи въ Соляной Городокъ. Публика терпѣть не можетъ, когда ее въ газетѣ поучаютъ.

Я всегда говорю: газета должна быть подобна кондитерской помадкѣ. Пока она таетъ во рту—пріятно; а растаяла—о ней забыли. Да я только два анекдота расскажу, и фельетонъ готовъ...

— Тѣ самыя, отъ которыхъ даже вы краснѣете?

— Тѣ самыя! Разумѣется, я имъ придамъ болѣе или менѣе приличный видъ...

— Только болѣе или менѣе?

— О, да! Совсѣмъ прилично, значить—скучно. Тогда не надо и рассказывать. Я кой-гдѣ приложу фиговый листочекъ, кой-гдѣ повяжу ленточку, кой-гдѣ прикрою газовой дымкой. Не надо, чтобы было все видно, но совершенно необходимо, чтобы слегка просвѣчивало, интриговало, подавало надежды... Въ этомъ весь секретъ успѣха...

— Успѣха кондитерской помадки. Успѣха, который не стоитъ того, чтобы его добиваться...

— Какъ не стоитъ? Всякій успѣхъ этого стоитъ, ибо всякій успѣхъ есть деньги. Если добродѣтель доставляетъ вамъ успѣхъ, отлично, я признаю добродѣтель. Если успѣхъ доставляетъ порокъ, превосходно, — да здравствуетъ порокъ! Недавно я читалъ, что въ Америкѣ появился благочестивый отшельникъ, который ходилъ въ власяницѣ, босикомъ, ѣлъ разъ въ двѣ недѣли, по крайней мѣрѣ, при другихъ, ну, и тому подобное. Онъ проповѣдывалъ отреченіе отъ благъ жизни и творилъ чудеса. За нимъ ходили толпы народа, и каждый приносилъ, что могъ—кто деньги, кто корову, кто брилліанты, кто дюжину яицъ. А пророкъ ничѣмъ не брезгалъ и въ концѣ концовъ собралъ два милліона долларовъ. Это успѣхъ добродѣтели. А въ Парижѣ одна развратная дама зарабатывала по тысячѣ франковъ въ день тѣмъ, что показывалась предъ публикой совершенно голая. Она въ качествѣ любезной хозяйки, принимала гостей, разливала имъ чай, играла на роялѣ, пѣла романсы, сражалась съ ними въ бостонъ, словомъ дѣлала самыя обыкновенныя буржуазныя вещи, все это—бѣзъ малѣйшаго прикрытія. И этимъ только однимъ сдѣлала состояніе. И говорятъ, тѣло ея не представляло ничего красиваго,—самое обыкновенное тѣло. Успѣхъ былъ основанъ на смѣлости порока, рѣшившагося явиться въ оригинальной, никѣмъ еще не практиковавшейся формѣ...

— Такъ что вашъ успѣхъ, это—успѣхъ порока?

— О, мнѣ это, право, все равно! Если бы это потребовалось для успѣха, я готовъ быть ультра-добродѣтельнымъ, проповѣдывать пользу школь, святость семейныхъ узъ и прочее и прочее. Мы за этимъ не стоимъ...

«Позвольте, милостивый государь, — мысленно говорилъ Григорій Александровичъ, — но если у васъ такіе гнусныя взгляды на вещи, какое же вы имѣете право грязнить своими произведеніями, своимъ именемъ, мою газету, мое любимое дѣтище, на которое я

положилъ столько труда, средствъ и мученій?! А что, если я возьму метлу и всѣхъ васъ вымету вонъ оттуда?!»

Такъ думалъ издатель, а Бабакинъ въ это время смотрѣлъ на него прищуренными, вслѣдствіе безсонной ночи, глазами, и на лицѣ его было выраженіе невинности и добродушія.

— Вотъ какіе у васъ взгляды!—замѣтилъ Григорій Александровичъ, оставивъ до другого раза свои мысли.

— Да-съ, такіе! Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! — самодовольно отозвался Бабакинъ.

Въ сущности этотъ молодой «сотрудникъ» при всей своей видимой пошлости обладалъ какимъ-то средствомъ подавлять издателя. То, что онъ говорилъ, было ему противно, своей наружностью онъ отталкивалъ его; съ ногъ до головы онъ представлялъ собою типъ, ему враждебный; а между тѣмъ у него не хватало рѣшимости не только возразить ему, какъ слѣдуетъ, но даже быть съ нимъ нелюбезнымъ. Наглая, ничѣмъ не прикрытая, самоувѣренность точно стальнымъ кольцомъ окружала его, раздвигала передъ нимъ толпу, пробивала для него стѣну. Его поза, тонъ, тембръ голоса, общими силами устранили съ его дороги препятствіе, завоевывали ему побѣду. И кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, казалось, относилось къ нему съ почтеніемъ. Такъ душевно-больной, воображающій себя королемъ, заставляетъ окружающихъ если не вѣрить этому, то обращаться съ нимъ такъ, какъ бы они вѣрили.

Бабакинъ потянулся и полузѣвнулъ.—Въ сущности это безуміе—проводить ночи безъ сна!—сказалъ онъ.—А главное *ça coûte quelque chose...* Мнѣ, напримѣръ, этотъ долгій завтракъ обошелся не въ одну и даже, если хотите знать, не въ двѣ сотни... Да, кстати, Григорій Александровичъ, чтобы не забыть... Вы мнѣ начертайте записочку въ контору рублей на четыреста...

Издатель выпрямился отъ неожиданности.

— Развѣ контора вамъ должна эту сумму?—спросилъ онъ...

— Ха, ха, ха! Контора должна! Какія вы смѣшныя вещи говорите! Развѣ уважающій себя сотрудникъ допустить такое оскорбленіе? Напротивъ, говоря правду и рискуя уменьшить мои шансы, я вамъ скажу, что за мною есть долгъ—восемьсотъ рублей...

— Но какъ же такъ? Вы должны и хотите еще...

— Долженъ, и мнѣ это такъ нравится, что хочу быть еще больше долженъ... Ха, ха, ха! Ну, да не все ли равно? Что за охота вамъ тратить душевныя силы на такіе пустяки? Развѣ это такъ трудно: сѣсть и написать записку?..

— Это не трудно, но... но я не вижу основаній...

— Я вамъ ихъ дамъ. Я вамъ докажу, что вы обязаны выдать мнѣ авансъ.

— Даже обязанъ?

— Обязаны. Это ясно, какъ день. Позвольте васъ спросить, вы на какія деньги издаете газету?

— То-есть какъ на какія?

— То-есть именно — на какія? На деньги публики. Въ началѣ года вы объявили подписку и получили деньги съ подписчиковъ. Что такое подписка? Подписка, это есть авансъ, выдаваемый издателю публикой. Газету вы будете печатать и доставлять подписчику цѣлый годъ, а ужъ онъ вамъ деньги заплатилъ въ январѣ. Не такъ ли? Представьте себѣ, что подписчикъ отказался заплатить вамъ деньги въ январѣ, а сказалъ бы: я буду платить за каждый номеръ. Могли бы вы издавать газету? Нѣтъ. Чтобы издавать газету, вамъ нуженъ авансъ, и подписчикъ даетъ вамъ его. Онъ оказываетъ вамъ довѣріе. Но почему? Потому что онъ знаетъ, что вы въ теченіе года дадите ему статьи такого-то, такого-то и такого-то, въ томъ числѣ и вашего покорнаго слуги. Такимъ образомъ я являюсь виновникомъ извѣстной части довѣрія, которое оказываетъ вамъ публика, и имѣю право на полученіе извѣстной доли аванса, который она вамъ выдала въ видѣ подписной платы... Надѣюсь, вы убѣдились?

Григорій Александровичъ растерялся. Смѣлая ли логика Бабакина, или его самоувѣренный тонъ такъ дѣйствовалъ на него, но ему начинало казаться, что этотъ господинъ не только убѣдилъ его въ этомъ, но могъ бы убѣдить въ чемъ угодно.

— Но это, разумѣется, пустяки... Дѣло гораздо проще. Мнѣ нужны деньги, у васъ онѣ есть, я сотрудникъ вашей газеты... Ну, значитъ, вамъ остается только начертать записочку...

— Вы непремѣнно этого хотите?

— Непремѣнно! Иначе я — банкротъ до перваго числа.

Издатель круто вмѣстѣ съ своимъ стуломъ повернулся къ столу, нервно оторвалъ клочекъ бумаги отъ листа и быстрымъ почеркомъ написалъ ему записку на четыреста рублей.

— Извольте!—и онъ поднялся. Бабакинъ тоже всталъ.

— Мегсі! Однако, какъ вы нервно относитесь къ самымъ простымъ вещамъ. Теперь пойду спать, а потомъ — фельетонъ... Вы непремѣнно прочтите. Увидите, какъ выйдетъ занимательно!

Онъ пожалъ издателю руку, взялъ свой цилиндръ, сдѣлалъ еще при его помощи прощальный жестъ и вышелъ.

Григорій Александровичъ смотрѣлъ ему вслѣдъ неподвижными глубоко-изумленными глазами, которыхъ долго еще послѣ его ухода не могъ отвести отъ затворившейся уже двери. У него было такое ощущеніе, какъ будто какое-то огромное, безобразное чудовище сѣло ему на плечи и придавило его къ землѣ. Что же это за сила такая? Неужели можно сковать волю человѣка одной только смѣлостью, одной способностью прямо и самоувѣренно смотрѣть въ глаза?

И вдругъ припомнился ему другой сотрудникъ, недавно только, за двадцать минутъ передъ этимъ, вышедшій изъ его кабинета. И мгновенно въ душѣ его промелькнуло сравненіе—не между этимъ и тѣмъ, потому что ихъ нельзя было сравнить, а между самимъ собою, какимъ онъ былъ для одного и другого... И ему стало невыразимо стыдно. «А,—говорилъ онъ себѣ,—такъ вотъ та сила, которая можетъ заставить меня смириться, уступить, стушеваться, это—самоувѣренность, смѣлость, нахальство! Но достаточно быть только порядочнымъ и скромнымъ и имѣть смущенный видъ, чтобы у меня выросли когти»...

И вспомнилъ Григорій Александровичъ, какъ онъ безсердечно издѣвался надъ бѣднымъ репортеромъ, какую муку заставилъ его перенести, какъ онъ оскорблялъ его и затѣмъ еще унижилъ, предложивъ какую-то жалкую скидку... ты, молъ, не стоишь семидесяти пяти рублей, а стоишь всего пятьдесятъ...

И какъ ничтожна была просьба Остылова, и изъ-за чего онъ торговался и наговорилъ столько ненужныхъ и жестокихъ словъ!.. Этотъ негодяй истратилъ деньги на завтракъ съ кафешантанной лѣвицей, и онъ ему дать безъ запинки, а Остылову деньги нужны, дѣйствительно нужны на семью, на дѣтей... онъ знаетъ это навѣрно и зналъ въ ту минуту, когда отказывалъ ему...

Онъ всталъ, быстро подошелъ къ стѣнѣ и крѣпко надавилъ пуговку звонка; вошелъ разсылный.

— Послушай... сходи внизъ и, если Остыловъ тамъ, попроси его сюда... А если онъ ушелъ, догони его... отыщи!.. слышишь! непременно!

Минуты черезъ двѣ явился Остыловъ. Его извлекли изъ репортерской, гдѣ онъ писалъ замѣтку о случившемся ночью пожарѣ.

— Вотъ что... смущеннымъ голосомъ, не глядя ему въ лицо, сказалъ издатель:—я совсѣмъ забылъ... я давно хотѣлъ... Извините, пожалуйста... И онъ сунулъ въ руки Остылову четыре сторублевыхъ бумажки. Онъ взялъ эту сумму, какъ бы въ пику Бабакину. Кромѣ того, ему хотѣлось сразу сдѣлать бѣднаго репортера счастливымъ. Остыловъ стоялъ передъ нимъ и съ глубокимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ то на него, то на красивыя бумажки, лежавшія у него въ рукѣ.

— Григорій Александровичъ... За что же? Я, право, не заслужилъ...

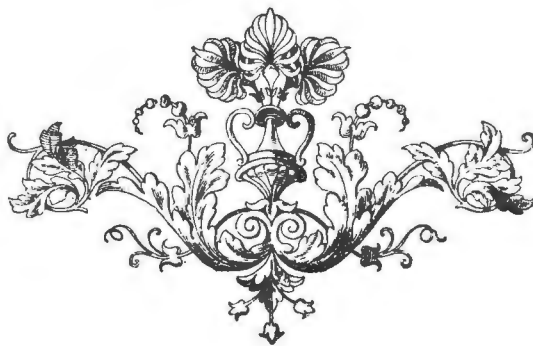
— Нѣтъ, пожалуйста... я давно хотѣлъ, да все забывалъ... Это не въ зачетъ, это такъ... Пожалуйста... И потомъ—идите... У васъ вѣдь дѣло... Вы вѣдь заняты...

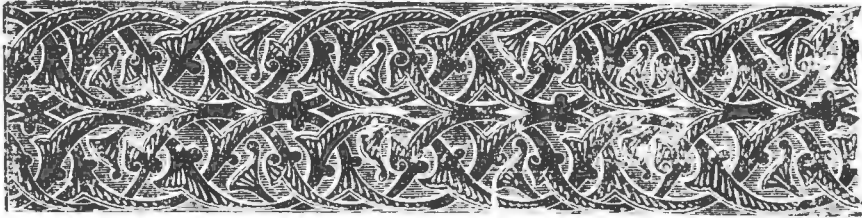
— Да... я тамъ пишу о пожарѣ... Ночью былъ пожаръ... Григорій Александровичъ!.. я даже не знаю, какъ отслужу вамъ...

— Голубчикъ, идите, идите и... пишите о пожарѣ!..

И онъ, взявъ Остылова правой рукой за талию, нѣжно повелъ его къ двери и ласково выпроводилъ его. Остыловъ спускался по лѣстницѣ, перепрыгивая черезъ нѣсколько ступеней разомъ. А Григорій Александровичъ подошелъ къ окну и смотрѣлъ на улицу. Онъ видѣлъ, какъ черезъ пять минутъ Остыловъ выскочилъ изъ подъѣзда и почти бѣгомъ пустился вдоль улицы, по направленію къ своей квартирѣ. Глаза его горѣли, а лицо сіяло радостью. Ему было теперь не до пожара...

И. Потапенко.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(1854—1892 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ДЛЯ ЧЕГО я рѣшился печатать свои воспоминанія? Какой интересъ они могутъ представлять для публики? Всякія воспоминанія, а литературныя въ частности, могутъ имѣть двойной интересъ: во-первыхъ, они могутъ сообщить намъ факты, заслуживающіе нѣкотораго вниманія, и утрата которыхъ для публики была бы нежелательна; во-вторыхъ, они выражаютъ тотъ или другой взглядъ автора воспоминаній на факты и людей, а это имѣетъ значеніе, по меньшей мѣрѣ, для автора, если онъ придаетъ извѣстную цѣнность своимъ взглядамъ. Но кто же не дорожитъ своими взглядами? Ужъ дѣло публики рѣшить, дѣйствительно ли эти взгляды заслуживали сообщенія. Но безъ желанія сообщить свои взгляды не было бы и литературы.

Съ конца 1878 г. и по настоящій день я всецѣло сталъ принадлежать литературѣ и литературной средѣ, перебравшись изъ провинціи въ Петербургъ. Съ этого знаменательнаго для меня года у меня не было иной жизни, кромѣ литературной, не было иной среды, кромѣ писательской. Въ эти 22 года впечатлѣній и выводовъ накопилось много, но всю сумму ихъ я, конечно, не сдѣлаю достояніемъ публики ужъ по одному тому, что о встрѣчахъ, зна-

комствѣ и различныхъ столкновеніяхъ съ писателями, находящими еще въ живыхъ, говорить печатно было бы крайней нескромностью, по меньшей мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда это могло бы шокировать ихъ или задѣть, такъ или иначе, ихъ самолюбіе, ихъ частную жизнь или разговоры со мною, не предназначавшіеся для публики.

Я позволю себѣ сдѣлать уклоненія лишь изрѣдка, напримѣръ, для такихъ писателей, здравствующихъ и нынѣ, какъ Левъ Николаевичъ Толстой,—о частной жизни которыхъ уже было говорено въ печати. Но и въ этихъ случаяхъ я буду рассказывать лишь тѣ изъ моихъ наблюденій, которыя могутъ представить новизну для русской публики и, при томъ, новизну, не шокирующую и не оскорбляющую никого, а въ то же время имѣющую какое нибудь существенное, положительное или отрицательное значеніе для освѣщенія вопросовъ, уже возбуждавшихся объ этихъ писателяхъ въ нашей печати.

Долженъ сдѣлать еще одну оговорку.

Я озаглавилъ мои воспоминанія «литературными», а между тѣмъ начну ихъ съ описанія гимназической жизни въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Читатели, на первыхъ строкахъ, могутъ подумать: «какое же отношеніе имѣютъ къ литературѣ стѣны гимназій или оцущенія автора отъ этихъ стѣнъ» и т. п.?

Однако, дальнѣйшее чтеніе первой главы убѣдитъ читателя, что и мои гимназическія воспоминанія имѣютъ прямое отношеніе къ литературѣ. Мнѣ необходимо начать именно съ этого времени по нѣсколькимъ причинамъ. Во-первыхъ, на скамьѣ «Благороднаго пансіона при Орловской гимназій» (какъ официально называлось образовательное учрежденіе, куда меня отдали родители девятилѣтнимъ мальчикомъ) я познакомился и сдружился съ будущимъ сотрудникомъ лучшихъ, тогдашнихъ журналовъ,—талантливымъ поэтомъ, Николаемъ Александровичемъ Ворсомъ. Онъ теперь забытъ публикой, такъ какъ успѣлъ напечатать очень многое и умеръ въ Швейцаріи 21 года отъ роду.

Во-вторыхъ, читатель моихъ воспоминаній вынесетъ изъ немногихъ страницъ, которыя я посвящаю этому рано погибшему дарованію, нѣсколько цѣнныхъ фактовъ о дѣтствѣ и юности поэтической натуры вообще,—о положеніи такой натуры въ стѣнахъ закрытаго официального заведенія до 60-хъ годовъ, наконецъ, о характерѣ подобныхъ заведеній въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, т. е. въ переходную, колеблющуюся эпоху первыхъ десяти лѣтъ царствованія Александра II, первыхъ вѣяній новой русской жизни, эпохи реформъ, сказавшихся во всемъ и даже въ жизни гимназій, а также первыхъ шаговъ реакціи, начавшихся очень скоро.

Если мнѣ удастся вкратцѣ намѣтить эти первыя черты перерожденія, — первыхъ ласточекъ нашей русской весны, которыя при-

летѣли и подѣ кровлю Орловской гимназіи, въ видѣ двухъ-трехъ педагоговъ новаго типа, то вы не пожалѣете, читатель, что я началъ мои воспоминанія издалека. Достаточно сказать, что однимъ изъ этихъ педагоговъ, бывшихъ для насъ весенней ласточкой, является очень извѣстный впоследствии Иванъ Ѳедоровичъ Рашевскій, недавно умершій въ Петербургѣ, гдѣ онъ стоялъ во главѣ педагогическихъ курсовъ. Его похороны въ Петербургѣ доказали, какимъ любимцемъ своихъ учениковъ былъ этотъ выдающійся дѣятель народнаго образованія въ Россіи. Я же въ теченіе многихъ лѣтъ зналъ его, какъ любимѣйшаго учителя Орловской гимназіи, друга и руководителя нашей юности, въ то время еще совѣтъ молодого, полного вѣры въ жизнь, въ лучшія идеи эпохи, полного огня, энергіи, жажды дѣла и любви къ молодежи.

Вотъ основанія, надѣюсь, достаточно солидныя, которыя возлагаютъ на меня долгъ коснуться и этого періода. Черты его драгоцѣнны сами по себѣ, такъ какъ относятся къ величайшей изъ эпохъ нашей исторіи. Онѣ интересны и въ частности, о которыхъ я упомянулъ, такъ какъ помогутъ мнѣ сохранить образы двухъ-трехъ выдающихся работниковъ той эпохи. Наконецъ, у насъ весьма немного въ литературѣ подлинныхъ матеріаловъ о дѣтствѣ и юности даровитыхъ поэтовъ. А такіе матеріалы цѣнны для психологіи поэтическихъ организмовъ и поэтическаго творчества вообще.

I.

Гимназія въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ 60-хъ годовъ. — Старые порядки и новыя вліянія. — Поэтъ Н. А. Вормъ въ «Орловскомъ Благородномъ пансіонѣ». — Иванъ Ѳедоровичъ Рашевскій.

Въ августѣ 1854 г. мать повезла меня изъ уѣзднаго города Малоархангельска въ г. Орель, чтобы отдать въ мѣстную гимназію.

Ѣхать пришлось всего только 75 верстъ; но въ то время еще не было желѣзныхъ дорогъ, и это разстояніе казалось громаднымъ. При проводахъ служили молебень, на которомъ присутствовала вся дворня; отецъ плакалъ, какъ ребенокъ, повторяя среди рыданій безсвязныя фразы: «учись хорошенько... веди себя примѣрно... слушайся наставниковъ...» и т. д.

Мать тоже плакала навзрыдъ, хотя и ѣхала со мною.

Плакала прислуга, прослезился даже батюшка, о. Іоаннъ Зерновъ, десятки лѣтъ знавшій нашу семью и не преминувшій сказать мнѣ, какъ мой духовный отецъ, напутственную рѣчь.

Наконецъ поѣхали съ цѣлымъ возомъ, нагруженнымъ и на верху коляски, и сзади ея, и на козлахъ. Для характеристики того

времени замѣчу, что въ числѣ предметовъ, составлявшихъ этотъ грузъ, была, на примѣръ, большая кадочка съ перепелами, залитыми въ коровьемъ маслѣ, и другая такая же кадочка, съ такъ называемыми «палатками», т. е. копчеными гусями. Эти кадочки везлись въ подарокъ тогдашнему директору гимназіи, г. З—у, потому что одинъ изъ орловскихъ пріятелей отца предупредилъ о необходимости именно этихъ даровъ, очень любимыхъ г. З—мъ.

Кажется, везлись подарки въ томъ же родѣ и еще кое-кому, но это обстоятельство помню смутно. Знаю, что впослѣдствіи одарялись съѣстными припасами и нѣкоторые изъ «надзирателей» пансіона. Не описываю путь съ кормежками и даже ночевкой (мы ѣхали на своихъ лошадяхъ, хотя по дорогѣ до Орла и были казенныя станціи съ почтовыми лошадьми).

Помню, что мы съ матерью плакали всю дорогу. И эти слезы вызывались не страхомъ будущей гимназической жизни, а мучительнымъ чувствомъ предстоящей разлуки. Между мною и матерью любовь была какая-то особенная, почти истерическая, что объясняется, вѣроятно, нѣсколько суровой и до болѣзненности трудолюбивой личностью отца; это дѣлало мать совершенно одинокой цѣлые дни, мѣсяцы, годы; она часто тосковала и плакала, скрывая это отъ меня. Но я все зналъ и видѣлъ, что ея касалось. Она должна была невыносимо скучать въ глухомъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ служилъ отецъ. Образование она получила въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ того времени, была хорошая пианистка, любила читать... Можно вообразить себѣ, какое мучительное одиночество чувствовала она среди маленькаго уѣзднаго общества, которое въ то время еще рѣшительно ничѣмъ не отличалось отъ уѣзднаго общества, выведеннаго Гоголемъ въ «Ревизорѣ».

Конечно, ничего такого я въ то время не понималъ сознательной мыслью. Но зато сердцемъ, чувствомъ, я жилъ одной жизнью съ матерью, даже, быть можетъ, преувеличивая въ своей душѣ ея страданія.

И теперь, когда мы ѣхали съ нею, одна мысль, что придется не видѣть ея нѣсколько мѣсяцевъ, порождала во мнѣ такое мучительное страданіе, такую тоску, какой я не въ состояніи передать словами. Это было настоящее физическое страданіе, невыносимая боль въ сердцѣ и груди, заставлявшая меня плакать до судорогъ въ горлѣ. Почти то же было и съ матерью.

Замѣчу, что не говорилъ бы объ этомъ, если бы не этотъ именно фактъ сблизилъ меня скоро съ Н. Вормсомъ, который испытывалъ въ гимназическомъ пансіонѣ совершенно такое же состояніе. Изъ многихъ десятковъ остальныхъ нашихъ товарищей развѣ двое или трое страдали также.

Чтобы не возвращаться къ этому, добавлю, что у меня эта истерическая мука продолжалась только до 14 лѣтъ, т. е. до 5-го класса

гимназін. У Вормса же она продолжалась до смерти его матери, т. е. до 17 лѣтъ. Послѣ этой смерти онъ едва не сошелъ съ ума. Я же перенесъ на 16-мъ году смерть матери уже довольно покойно, почти не плакалъ и распоряжался на похоронахъ, такъ какъ отецъ былъ въ полусознательномъ состояніи отъ горя. Но возвратимся къ началу.

Когда, остановившись въ гостиницѣ и переночевавъ въ ней, мать повела меня на другой день въ гимназію, мы столкнулись у входа въ гимназическую калитку съ молодой, худощавой брюнеткой, которая вела за руку худенькаго, болѣзненнаго мальчика, съ очень смуглымъ цвѣтомъ кожи и большими, темно-кариими глазами. Этотъ мальчикъ и былъ Вормсъ, котораго также привезла мать въ гимназію изъ г. Сѣвска. Въ этомъ городѣ отецъ его былъ исправникомъ.

Наши матери успѣли познакомиться, уже входя въ калитку. Сердце сердцу подало вѣсть. Насъ, мальчугановъ, заставили поздороваться, что я сдѣлалъ охотно, а Вормсъ, наоборотъ, поразилъ меня неприятно уже въ тотъ моментъ какой-то не столько пугливой, сколько брезгливой сдержанностью и холодностью. Такимъ я зналъ его и впослѣдствіи по отношенію ко всѣмъ, исключая немногихъ избранныхъ, къ числу которыхъ я скоро сталъ принадлежать.

Экзамены были выдержаны; матери пожилы въ Орлѣ дня три-четыре и уѣхали, а мы остались среди шумной, драчливой, полудикой толпы мальчиковъ и взрослыхъ пансіонеровъ (были даже 18 и 19-лѣтніе).

Послѣ полной свободы, послѣ рощъ, полей, луговъ, сада мы попали въ стѣны, напоминавшія стѣны тюрьмы. «Классная» съ длинными скамейками, съ черной доской и съ чернымъ возвышеніемъ для стола и стула надзирателя. Большой залъ, гдѣ гуляли, обѣдали, пили чай, играли; наконецъ—дортуары съ рядами кроватей. И между всѣмъ этимъ, отъ одного конца зданія до другого, длинный, высокій коридоръ съ гулкимъ резонансомъ отъ шаговъ и вѣчнаго гама голосовъ полусотенной толпы ребятъ.

Какъ все это было не похоже на прежнюю жизнь, какъ поражало, било по нервамъ, терзало тоской! Хотѣлось уединиться, не быть на глазахъ у толпы и плакать, плакать, вспоминая мать, вспоминая и переживая въ воображеніи каждую мелочь, каждую деталь жизни тамъ, «съ нею», среди родныхъ и близкихъ.

Но и мнѣ, и Вормсу, приходилось уединяться только въ часы рекреакцій, шагая въ одиночку по коридору, когда толпа играла, шумѣла и гоготала кругомъ. Такъ какъ мы не всегда могли скрыть слезы, то скоро заслужили прозвища «дѣвчонокъ», «бабъ», «плаксы». Въ отвѣтъ я иногда дрался, но мало-по-малу привыкъ къ пансіону, началъ принимать участіе въ общихъ играхъ и втянулся въ общую

жизнь. Вормсъ же оставался неизмѣнно вѣреть себѣ. Когда къ нему приставали съ обидными названіями, онъ какъ-то брезгливо съеживался; его большіе темные глаза презрительно смотрѣли на пристававшихъ. Затѣмъ онъ быстро поворачивался и уходилъ въ глубину коридора, къ дальнему окну его, около котораго дверь направо вела въ физическій кабинетъ, а налево на внутреннюю лѣстницу въ нижній этажъ, гдѣ были классы всей гимназіи (т. е. и пансіонеровъ, и приходящихъ). Мало-по-малу это отдаленное окно стало его собственностью. Я всегда вспоминаю его на этомъ окнѣ во время рекреаций, послѣ обѣда (если не шли гулять). Въ то время мы еще не разговаривали съ нимъ, но я замѣчалъ, что онъ постоянно что-то пишетъ въ тетрадкѣ изъ довольно грубой бумаги, сшитой въ четверку. Писалъ онъ и въ классной, сидя на своемъ мѣстѣ (у cadaго было особое мѣсто съ выдвижнымъ ящикомъ въ «партѣ»). Избави Боже, если ктонибудь заглядывалъ черезъ плечо Вормса въ эту тетрадку! Онъ, по обыкновенію, съеживался, какъ разсерженный звѣрекъ, который готовъ броситься и кусать, и царапать. Лицо его искажалось, сморщивалось, дѣлалось почти старческимъ, а глаза темнѣли и сверкали. Онъ въ самомъ началѣ выпросилъ позволеніе вдѣлать въ ящикъ замокъ, а ключъ отъ этого замка носилъ на томъ шнуркѣ, на которомъ былъ и крестъ.

Писалъ онъ что-то въ свои тетрадки, конечно, только послѣ того, какъ заявлялъ надзирателю, что приготовилъ уроки къ слѣдующему дню.

У меня тоже были тетрадки завѣтныя, но я въ нихъ не столько писалъ, сколько рисовалъ, а рисовалъ я почти всегда одно и то же: нашу гостиную въ Малоархангельскѣ, съ колонками, диваномъ, креслами, а на диванѣ—мать за какойнибудь работой. Иногда эта картина замѣнялась общимъ фасадомъ нашего дома, но тогда мать стояла у открытаго окна. Или я рисовалъ ея спальню съ ширмами, съ иконами въ одномъ углу и лампадой, съ открытой печкой, въ которой горятъ дрова, а мать сидитъ на скамеечкѣ передъ печкой, пригорюнилась и «думаетъ обо мнѣ» и плачетъ. Да, я рисовалъ и слезы у нея на щекахъ...

Кромѣ рисованія этихъ картинокъ, я въ свободное время писалъ письма къ матери и перечитывалъ ея письма по сту разъ. Своихъ картинокъ я не пряталъ и вообще былъ гораздо общительнѣе Вормса; у меня скоро завелись друзья и даже неособенно хорошіе; были среди нихъ и негодяи, сообщавшіе мнѣ такія свѣдѣнія, о какихъ я и не подозрѣвалъ дома. Однимъ словомъ, я мало-по-малу втягивался въ жизнь толпы, увлекался ея шалостями, ея маленькими заговорами противъ надзирателей, состоявшими, напримѣръ, въ томъ, чтобы въ дортуарѣ въ полутьмѣ прокричать хоромъ прозвище надзирателя—нѣмца «der Boss» (козелъ).

Съ Ворсомъ не было ничего подобнаго. Среди толпы онъ жилъ совершенно уединенной жизнью, вѣчно погруженный въ свои думы и въ свои тетради. Какъ-то вышло такъ, что скоро его оставили въ покоѣ; на него даже стали смотрѣть съ уваженіемъ. Кто-то пустилъ слухъ, что онъ поэтъ и пишетъ въ своихъ тетрадкахъ стихи. Это подняло его престижъ. Но онъ его не замѣчалъ; онъ продолжалъ жить той же жизнью отшельника среди толпы. Престижъ явился неволью.

И вотъ одинъ разъ онъ позвалъ меня съ собой къ «своему» окну. Послѣ онъ объяснилъ мнѣ, почему именно меня онъ избралъ себѣ другомъ: онъ увидѣлъ мои картинки, гдѣ постоянно фигурировала мать; онъ замѣчалъ не разъ, что я плачу и «цѣлую» ея письма, и за это онъ «выбралъ» меня.

И вотъ, когда мы подошли къ окну и сѣли на подоконникъ, онъ прежде всего заставилъ меня дать «честное слово», что я никогда никому не скажу о томъ, что узнаю.

— Я хочу, чтобы вы были моимъ другомъ (онъ никогда никому не говорилъ «ты» даже и впоследствии). Я буду вамъ читать все, что напишу, если хорошо выйдетъ у меня. Но вы не должны объ этомъ рассказывать никому. Если скажете кому нибудь, наша дружба кончится навсегда.

До сихъ поръ не могу понять, отчего въ немъ была эта стыдливость, эта робость писательства. Обыкновенно мальчики, начинающіе писать, стараются, чтобы всѣ объ этомъ узнали. Онъ же, наоборотъ, дѣлалъ изъ этого тайну до такой степени ревниво, что однажды, уже въ 4-мъ классѣ, перенесъ изъ-за этого крупную катастрофу. Но объ этой катастрофѣ—въ своемъ мѣстѣ.

Я далъ ему честное слово, и онъ прочелъ мнѣ нѣсколько стихотвореній. Почти всѣ они говорили о матери и поразили меня своей музыкальностью, тоской и сходствомъ съ тѣмъ, что чувствовалъ я самъ. Въ музыкальности стиховъ я понималъ толкъ, потому что пробовалъ не разъ самъ писать стихи и считалъ ихъ не дурными, но когда онъ прочелъ мнѣ свои, я почувствовалъ, что мои—ужасно прозаичны и не музыкальны, и что онъ—настоящій поэтъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ мнѣ прочелъ на томъ же окнѣ свой рассказъ. Я теперь помню только одно, что тамъ было описаніе весны, вечера, цвѣтущихъ яблонь; какой-то молодой человекъ умиралъ отъ чахотки. Помню, что мнѣ показалось все это до такой степени прекраснымъ, то-есть увлекательнымъ, грустнымъ (это я считалъ тогда прекраснымъ), и такъ переносило меня домой, въ нашъ садикъ, что я не могъ удержать слезъ въ концѣ рассказа. Онъ замѣтилъ это, крѣпко сжалъ мою руку и тихо прошепталъ:

— Я вамъ всегда буду читать!..

И быстро ушелъ. Быть можетъ, и ему хотѣлось заплакать, но онъ не желалъ, чтобы даже я видѣлъ его слезы. Послѣ первыхъ

дней жизни въ пансіонѣ и общихъ насмѣшекъ надъ слезами онъ никогда больше не плакалъ даже при мнѣ.

Такъ завязалась наша дружба. Подъ вліяніемъ того сильнаго впечатлѣнія, какое производили на меня его стихи и прозаическіе рассказы, я самъ началъ писать больше, но ограничивался только стихами.

Небезполезно замѣтить, что среди мальчиковъ и юношей закрытаго заведенія рано обнаруживаются наклонности къ разнымъ специальностямъ, которая въ послѣдствіи совершенно исчезаютъ. Такъ, среди насъ былъ одинъ «астрономъ», М—въ. Онъ уже въ третьемъ классѣ увлекался чтеніемъ Митчеля и даже Гумбольдтовскаго «Космоса», самъ клеилъ подозрныя трубы, въ которыя разматривалъ небо. Въ послѣдствіи онъ сдѣлался акцизнымъ чиновникомъ. Другой, К—въ, обѣщавъ сдѣлаться знаменитымъ химикомъ и механикомъ. Онъ вѣчно возился съ добываніемъ кислорода, водорода и тому подобными маленькими опытами; устраивалъ машину для вѣчнаго движенія; его даже сѣкли не разъ, хотя не прямо за это, но косвенно: мальчикъ увлекался до такой степени, что почти не успѣвалъ учить уроковъ: сѣкли его за единицы. Въ послѣдствіи, не окончивъ курса гимназіи, онъ сдѣлался уланомъ и, встрѣчаясь съ нами на улицахъ, очаровывалъ своимъ необыкновеннымъ киверомъ, пестротой шнурковъ, отворотами, гремящей саблей и закрученными усами!

Быть можетъ, если бы этихъ юношей направить въ началѣ на путь, излюбленный ими, изъ нихъ и вышли бы великіе ученые. Но кто могъ сдѣлать это въ то время? Директоръ З—ій, о которомъ я уже упоминалъ, былъ полувыжившій изъ ума старикъ; онъ рѣдко появлялся среди гимназистовъ, а когда появлялся, то говорилъ длинныя, безсвязныя рѣчи, дѣлавшія его посмѣшищемъ. Такъ, у него была, напримѣръ, кличка «Сыплеть», данная ему гимназистами за то, что, придя однажды въ какой-то классъ, онъ началъ свою рѣчь съ описанія погоды, при чемъ повторилъ разъ семь подрядъ, что «снѣгъ сыплеть, сыплеть, сыплеть»...

Инспекторъ гимназіи, Г., преподававшій прежде исторію, читалъ ее, какъ рассказывали старые гимназисты, цѣлкомъ по Кайданову (школьники слѣдили за нимъ по учебнику). Сдѣлавшись инспекторомъ, онъ напустилъ на себя необыкновенную величественность и неприступность, что еще усиливалось его монументальной наружностью: это былъ плотный, словно вылитый изъ темной бронзы, сильно смуглый бронетъ, съ коротко подстриженными волосами и выбритымъ лицомъ, исключая бакенбардъ котлетами. Ходилъ онъ медленно, выпятивъ грудь впередъ, цѣдилъ слова съ какимъ-то присвистомъ; иронически улыбался только изрѣдка своими красивыми карими глазами, а остальное время сохранялъ на лицѣ замороженное выраженіе Юпитера. Ничего, впрочемъ, онъ этимъ не достигъ: его терпѣть не могли, прозвали «спартанцемъ», превосходно

передразнивали его манеры и рѣчь. Вотъ и все! Впрочемъ, далеко не все. Такая отчужденность отъ душевнаго міра учениковъ и пансіонеровъ чуть не погубила Н. Вормса, а мою жизнь она буквально исковеркала, направивъ ее не туда, куда она направлялась въ началѣ. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Еще о гимназіи. — Катастрофа съ Вормсомъ. — Какъ и за что насъ сѣкли въ концѣ 50-хъ годовъ. — Новое направленіе и отмѣна розогъ. — Либеральный директоръ и какъ онъ превратился въ нелиберальнаго, подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ вѣяній.

Какъ я уже сказалъ, Вормсъ получилъ разрѣшеніе имѣть въ ящикѣ замокъ. Пока надзирателями были «старики», совершенно индифферентные къ нашей жизни, — добродушный, огромнаго роста и съ сѣдыми бакенбардами «Стаканъ Стаканычъ» (то-есть Степанъ Степановичъ), желчный и вспыльчивый Ж—ртъ, обрусѣвшій французъ, вѣчно больной (какъ говорили, отъ картежной игры по цѣлымъ ночамъ), наконецъ старичокъ—нѣмецъ, худой, прямой, какъ аршинъ, плохо говорившій по-русски и постоянно шагавшій изъ угла въ уголъ съ какой-то загадочной улыбкой на деревянномъ лицѣ, — пока, повторяю, были эти надзиратели, Вормса не беспокоили. Имъ было дѣло только до того, чтобы никто громко не кричалъ, не дрался, сидѣлъ на мѣстѣ и «смотрѣлъ въ книгу». Стаканъ Стаканыча даже боготворили, такъ какъ онъ иногда добродушно вступалъ въ разговоры, спрашивая объ отцѣ, матери, о членахъ семьи. Правда, это кончалось иногда намеками, что хорошо бы было, если бы ему изъ деревни прислали «гостинца». Но, во всякомъ случаѣ, въ немъ чувствовался человекъ, нѣчто въ родѣ добродушнаго стараго дядьки.

Бѣда наступила тогда, когда на его мѣсто поступилъ надзиратель съ нѣмецкой фамиліей, хотя прекрасно, безъ акцента говорившій по-русски. Это былъ—бѣлокурый красавецъ, съ изящной шевелюрой, франтъ; онъ него пахло духами; онъ былъ очень «либераленъ» съ учениками старшихъ классовъ; отпускалъ ихъ вечеромъ въ городъ, послѣ обычнаго посѣщенія «спартанца» (инспектора), но въ то же время этотъ сравнительно «новый» духъ былъ смѣшанъ съ претензіями на настоящее «воспитательство». Къ сожалѣнію, это были только «претензіи», не имѣвшія почвы ни въ сердцѣ, ни въ умѣ нашего «Аполлона», какъ его скоро прозвали.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на «тайнственныя» занятія Вормса. Что можетъ писать этотъ задумчивый мальчикъ, вѣчно

уединяющійся отъ всѣхъ? Почему онъ такъ старательно запираетъ то, что пишеть? Ужъ нѣтъ ли тутъ чего нибудь «экстраординарнаго»?

И вотъ однажды Аполлонъ потребовалъ у Вормса ключъ, чтобы «осмотрѣть», что было у него въ столѣ. Я былъ отчасти ознакомленъ Вормсомъ съ содержимымъ его стола: кромѣ стиховъ и разсказовъ, тутъ былъ цѣлый музей, напоминавшій о матери: ея письма, ея портретъ (дагеротипъ), медальонъ съ ея волосами; бантики и ленточки, взятыя у нея; даже ея перчатки и т. п.

Вы можете себя представить, что сдѣлалось съ Вормсомъ,—который хранилъ все это, какъ религіозныя реликвіи,—когда Аполлонъ потребовалъ отъ него ключа!

— Я не позволю осматривать свой столъ! — прошипѣлъ онъ, весь блѣдный, събѣшившійся, съ искаженнымъ лицомъ.

— А ты вотъ какъ умѣешь разговаривать! Тебя надо прочить!—проговорилъ глухимъ голосомъ Аполлонъ, блѣднѣя въ свою очередь.

Послали за «спартанцемъ».

Трудно себѣ представить, что произошло потомъ. Аполлонъ попробовалъ силой взять ключъ, висѣвшій на крестѣ у Вормса, но тотъ упалъ ничкомъ на скамью, прижался къ ней грудью и такъ судорожно вѣднлся въ ножки скамьи, что его могли оторвать только при помощи двухъ дюжихъ сторожей, позванныхъ спартанцемъ. Я былъ такъ взволнованъ, слезы такъ застилали мои глаза, что дальнѣйшія подробности почти исчезли изъ моей памяти. Знаю только, что, когда были позваны сторожа, чтобы оторвать Вормса отъ скамьи, намъ всѣмъ велѣли выйти изъ «классной». Мы перешли въ залъ, черезъ который скоро пронесли Вормса на рукахъ два сторожа, держа его надъ головами, такъ какъ онъ царапался и билъ ихъ ногами. Его несли черезъ весь коридоръ, направляясь къ тому окну, гдѣ онъ читалъ мнѣ обыкновенно; затѣмъ спустились внизъ по лѣстницѣ, ведущей въ «классы», тамъ же помѣщалась и больница, куда, повидимому, направлялось это шествіе. По крайней мѣрѣ, мы всѣ такъ думали. Намъ и въ голову не приходило, что могутъ высѣчь «его», Вормса, поэта!

И никогда впоследствии ни я, и никто другой не узнали, что съ нимъ было въ больницѣ. Вернулся онъ къ намъ только дней черезъ пять, еще болѣе молчаливый, ушедшій въ себя, еще болѣе исхудавшій и почернѣвшій.

Я почти увѣренъ, что его тогда высѣкли. Думаю я такъ потому, что незадолго передъ этимъ высѣкли меня самого и даже два раза въ теченіе двухъ недѣль. И каждый разъ виновникомъ былъ Аполлонъ, т. е. его замѣчательная способность являться «сыщикомъ» въ мелочахъ и, раздувъ ихъ, не замѣтить многого, что очень важно.

Въ первый разъ высѣкли меня за то, что, наученный однимъ

«приходящимъ» гимназистомъ, я вырѣзалъ у себя на рукѣ инициалы своей сестры «М. О.». Аполлонъ пронюхалъ объ этомъ. Вѣроятно, ему сообщилъ это «важное» извѣстiе одинъ негодяй — пансіонеръ, Б., сынъ богатаго помѣщика, нашъ сосѣдъ по имѣнiю, и съ которымъ, въ силу этого, я дружилъ больше, чѣмъ съ другими, пока не убѣдился опытомъ, какого рода это былъ «другъ». Думаю, что выдалъ меня именно онъ, потому что никому, кромѣ его, я не показывалъ своей руки. Да, кромѣ того, черезъ нѣсколько дней онъ уже явно подвелъ меня подъ второе наказанiе розгами — своимъ доносомъ «Аполлону».

Могу судить о состоянiи Вормса, если онъ былъ дѣйствительно высѣченъ, по моему собственному состоянiю. Дѣло въ томъ, что дома меня никогда не наказывали даже болѣе мягкими способами, чѣмъ сѣченье. Кромѣ того, я все время шелъ «первымъ» ученикомъ, былъ записанъ на такъ называемую «золотую доску», а потому мнѣ никогда и въ голову не могло прійти, что меня можетъ кто нибудь высѣчь. Да я и не позволилъ бы себѣ сдѣлать ничего такого, за что назначались даже самыя ничтожныя наказанiя: я былъ довольно порядочно воспитанъ дома матерью, дѣдомъ (нѣмцемъ), теткой (очень образованной дѣвушкой) и гувернеромъ — замѣчательнымъ педагогомъ. И вотъ меня зовутъ къ «спартанцу»; тотъ заставляетъ меня обнажить руку; я дѣлаю это, хотя и неохотно, но не жду никакой бѣды. И вдругъ слышу приказанiе:

— Ивановъ! отведи его въ кухню!

Я зналъ, что въ кухнѣ, расположенной на противоположномъ концѣ гимназическаго двора, — сѣкли. Оттуда частенько раздавались неистовые вопли гимназистовъ, выходившихъ потомъ съ блѣдными лицами, въ красныхъ пятнахъ.

Меня охватилъ какой-то животный ужасъ, когда я понялъ, что хочеть со мной сдѣлать этотъ желѣзо-образный спартанецъ. Я кричалъ что-то бессмысленное, требовалъ, чтобы сперва написали моему отцу, что безъ его согласiя меня не смѣютъ наказывать, умолялъ замѣнить наказанiе чѣмъ угодно: не давать мнѣ ѣсть недѣлю, стереть меня съ золотой доски... Я катался по полу, хваталъ за ноги спартанца, цѣплялся за столы и шкафы, но спартанецъ скомандовалъ Иванову (сторожу огромнаго роста, прозванному «Кабаномъ»), чтобы онъ «отнесъ» меня въ кухню. Тотъ положилъ меня къ себѣ на плечо и понесъ черезъ дворъ, не обращая вниманiя на то, что я бился, визжалъ и кричалъ. За нами слѣдовалъ и спартанецъ.

Процедуру сѣченья не буду описывать. Я и теперь не могу о ней вспомнить безъ такою замиранiя сердца, которое близко къ обмороку.

Мнѣ нанесли только три удара (во второй разъ — пять), но я ихъ не забывалъ всю жизнь. На цѣлые десятки лѣтъ они переродили мою душу — кроткую, женственно-нѣжную и любящую,

униженную, оскорбленную, въ которой загорѣлась безконечная ненависть, злоба, жажда мести всякимъ насильникамъ, всѣмъ, кто оскорбляетъ или употребляетъ во зло свою власть. Эта ненависть и злоба сказались тотчасъ же, какъ только спартаецъ прошигѣлъ сторожу: «довольно». Я, какъ безумный, поднялся съ длинной, кухонной скамьи и, забывая, что меня могутъ сейчасъ же высѣчь снова, подбѣжалъ къ инспектору, стоявшему, какъ статуя, со своей выпяченной впередъ грудью и мѣднымъ лицомъ. Я ему говорилъ вещи, за которыя во всякое другое время меня не только высѣкли бы, но и исключили. Я кричалъ на него, бросался съ кулаками, ловилъ его руки, чтобы вцѣпиться въ нихъ зубами. Меня оттащилъ отъ него тотъ же Ивановъ. И мнѣ ничего за это не было: спартаецъ или самъ испугался своего дѣла, или правду говорили впоследствии товарищи, что самъ онъ не любилъ наказывать, а ему приказалъ директоръ З—ій, мстившій мнѣ за то, что въ тотъ годъ отецъ мой ничего не прислалъ ему.

И дѣйствительно это было черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія съ каникулъ. А затѣмъ черезъ нѣсколько дней меня высѣкли во второй разъ за поступокъ еще болѣе невинный, въ которомъ былъ виноватъ Б—въ, упомянутый выше, но сумѣвшій ловко забѣжать къ Аполлону, свалить на меня свою вину и выйти сухимъ изъ воды. Меня даже не спросили о томъ, виноватъ ли я, не сказали, за что наказываютъ...

Второе наказаніе потрясло меня больше перваго, такъ какъ у меня явилась «idée fixe», что какъ бы я ни велъ себя, какъ бы хорошо я ни учился, меня каждую минуту могутъ высѣчь. Вѣдь это же случилось два раза безъ всякой вины съ моей стороны! Эта *idée fixe* окончательно перевернула мою натуру: изъ беззаботнаго ребенка я вдругъ превратился въ нервнаго больного, который цѣлые дни «дрожалъ» не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова, при малѣйшемъ трескѣ экипажа на улицѣ (мнѣ казалось, что пріѣхалъ инспекторъ и будетъ меня сѣчь) или при входѣ въ классъ какогонибудь посѣтителя, даже при малѣйшемъ стукѣ. Такъ какъ мнѣ казалось, что идутъ за мной, то я вскакивалъ съ мѣста, кровь отливала отъ головы и прилиwała къ сердцу, которое начинало биться такъ, что, казалось, сейчасъ разорвется. Въ то же время у меня начинали дрожать руки и ноги такъ, что я едва могъ стоять. Все тѣло холодѣло и покрывалось холоднымъ потомъ. Въ промежуткахъ между этими припадками нервнаго ужаса, я плакалъ все время, т. е. совершенно ничѣмъ не занимался, не училъ уроковъ, а былъ весь погруженъ въ одну мысль, что я опозоренъ, что я погибъ навсегда, что мнѣ не для чего жить и даже нельзя жить, потому что ежеминутно можетъ войти инспекторъ и велить тащить меня въ кухню.

И, поразительная вещь: на мое состояніе даже не обратили бы вниманія, если бы его не замѣтилъ пансіонеръ старшаго класса, Б—въ, впоследствии профессоръ исторіи. До тѣхъ поръ онъ не обращалъ на меня вниманія, вѣчно погруженный въ книги. Онъ, конечно, не замѣтилъ бы моего болѣзненнаго состоянія, если бы ему не сказалъ объ этомъ Вормсъ, испугавшійся за меня. И вотъ, дня черезъ три послѣ второго наказанія, Б—въ совершенно неожиданно подсѣлъ ко мнѣ на скамью и, всматриваясь въ мое лицо своими умными, симпатичными глазами (онъ уже въ гимназіи носилъ очки), сталъ спрашивать: отчего я плачу постоянно, что случилось со мной? Надо замѣтить, что пансіонеры 7-го класса сидѣли не въ общей нашей классной, а въ залѣ. Узнавъ отъ меня все подробности, Б—въ рассказалъ все спартанцу, и тотъ не на шутку испугался. Мнѣ разрѣшено было сидѣть съ 7-мъ классомъ, и Б—въ сталъ моимъ воспитателемъ: онъ прежде всего употребилъ всевозможныя усилія, чтобы я забылъ свою «idée fixe» и снова принялся учиться и читать. Помню, что онъ принесъ мнѣ романъ Вальтеръ-Скотта «Гей-Менрингъ или астрологъ» и, чтобы заинтересовать меня имъ, прочелъ мнѣ вслухъ начало. Также онъ поступалъ и съ уроками. Впоследствии, когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, мы переписывались, а въ 1863 году я, пріѣхавъ не надолго въ Петербургъ, былъ у него и прожилъ три дня. Онъ въ то время писалъ магистерскую диссертацию.

И вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, картина нашей пансіонской и гимназической жизни измѣнилась.

Розги уничтожены. На мѣсто стараго директора явился новый, молодой, симпатичный М—скій, совершенно очаровавшій насъ, по крайней мѣрѣ, сначала. Онъ, какъ только пришелъ въ первый разъ въ гимназію, заговорилъ съ нами новымъ, неожиданнымъ языкомъ:

— Я хочу быть для васъ не начальникомъ, а другомъ вашимъ! Если ктонибудь встрѣчаетъ затрудненія въ изученіи какогонибудь предмета, пусть открыто скажетъ мнѣ: я помогу ему, буду съ нимъ репетировать. А, если у меня времени не хватитъ, попрошу другихъ. И со всеми своими нуждами, со всеми сомнѣніями можете идти ко мнѣ, какъ къ другу. А чтобы ближе ознакомиться съ вами, я буду приходить къ вамъ по вечерамъ и читать вслухъ лучшія произведенія нашей литературы. Затѣмъ мы будемъ бесѣдовать о нихъ.

И онъ, дѣйствительно, нѣсколько разъ приходилъ вечеромъ и читалъ намъ отрывки изъ Гоголя, Тургенева, а затѣмъ просилъ высказывать ему свои впечатлѣнія, свои мысли о прочитанномъ.

Мы все это приписывали лично ему, не подозревая, что въ его лицѣ пришла къ намъ «новая эпоха» и сразу все освѣтила, прибавила тепла и воздуха, такъ что дышать стало легче. Самъ М—скій

скоро оказался только носителемъ «новыхъ вѣяній», поворачивающимся въ ту или другую сторону вмѣстѣ съ вѣтромъ. Ознаменовавъ свое вступленіе призывомъ къ «дружбѣ», освѣтивъ нашу темную жизнь, устроивъ въ началѣ даже литературные вечера въ залѣ гимназіи, на которые собирался весь орловскій бомондъ, и гдѣ мы, гимназисты, читали свои стихи и рассказы ¹⁾, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, много годъ, отмѣнилъ всѣ эти новшества; пересталъ и самъ читать пансіонерамъ; напустилъ на себя видъ олимпійца. Мы этого не могли понять въ то время. Но теперь для меня ясно, что въ общей весенней температурѣ тогдашней эпохи черезъ нѣсколько времени вдругъ повѣяло реакціоннымъ морозцемъ, какъ это нерѣдко случается въ нашемъ климатѣ.

Мало этого: когда мы, настроенные самимъ же М—скимъ на литературный ладъ, вздумали издавать гимназическій, письменный журналъ, въ которомъ помѣщали стихи, рассказы (мои, Вормса и другихъ), научныя статейки и т. п., М—скій, послѣ выхода 2-го нумера, вызвалъ къ себѣ меня и Вормса, кричалъ на насъ, топалъ ногами и объявилъ, что, если журналъ не прекратится, намъ придется оставить гимназію.

III.

Иванъ Федоровичъ Рашевскій и его вліяніе на насъ.—Какъ проникали къ намъ «новыя» идеи.—Первыя попытки юношескаго протеста.—Совѣтъ Н. А. Вормсу Некрасова, какъ нужно писать стихи.

Неизмѣннымъ нашимъ любимцемъ былъ И. Ѳ. Рашевскій, хотя были попытки и со стороны другихъ учителей приобрести себѣ популярность среди учениковъ. Но онѣ были неудачны. Рашевскій же не заботился о популярности и, тѣмъ не менѣе, имѣлъ ее. Въ классѣ онъ требовалъ безусловной тишины и вниманія. Малѣйшій разговоръ даже шопотомъ вызывалъ громкій возгласъ съ его стороны:

— Подно!

Если разговоръ продолжался, онъ также коротко, но вѣско говорилъ:

— Изъ класса вонъ!

Тутъ ужъ приходилось уходить и торчать гдѣ нибудь въ коридорѣ. Зато онъ никогда не обращался за содѣйствіемъ ни къ ди-

¹⁾ Я читалъ на двухъ такихъ вечерахъ: на одномъ свой прозаическій рассказъ: «Мой учитель Константинъ Александровичъ», на другомъ — стихотворную поэмку «Леммъ», герой которой былъ взятъ изъ «Дворянскаго гнѣзда». Вормсъ не читалъ самъ, но его стихи читали товарищи.

ректору, ни къ инспектору. Спрашиванье уроковъ и писаніе «отмѣтокъ» (т. е. балловъ) почти отсутствовало. Онъ судилъ о нашихъ знаніяхъ по задаваемымъ работамъ, такъ что весь урокъ проходилъ въ сообщеніи имъ различныхъ свѣдѣній, по большей части прямо на самой практикѣ, у доски, или при разборѣ нашихъ работъ.

Но больше всего мы привязались къ нему съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ читать вслухъ и разбирать въ V классѣ образцовыя произведенія русской литературы. Читалъ онъ превосходно. Я и впоследствии не встрѣчалъ такого чтеца. До сихъ поръ я помню, какъ будто это было только вчера, то впечатлѣніе, какое произвело на насъ чтеніе имъ Тургеневскаго «Муму», а потомъ «Жида». Теперь я понимаю, почему онъ выбралъ именно эти двѣ венцицы: онѣ были важнѣйшія ошибки прошлаго — сословную гордость и національную нетерпимость. Во время чтенія многіе плакали. Для нихъ это было новымъ откровеніемъ, лучомъ, освѣщавшимъ новые, неожиданныя горизонты. Мы начинали впервые понимать, повидимому, простыя вещи, но въ то время бывшія совѣмъ новыми, напримѣръ, что еврей — тоже человекъ, что оскорблять его, какъ еврея, безбожно, что положеніе крѣпостного возмутительно, etc., etc. И я знаю по самому себѣ, какъ глубоко и на всю жизнь запали мнѣ въ душу эти первыя, юношескія впечатлѣнія.

До какой степени мы довѣряли Рашевскому, доказываетъ слѣдующій случай. Въ то время уже начиналось польское возстаніе; случались волненія въ университетахъ; Герценъ уже работалъ въ Лондонѣ. Смутное эхо этого движенія доходило и до насъ черезъ студентовъ, пріѣзжавшихъ изъ Москвы на лѣто. Среди гимназистовъ («передовыхъ») распространялись и списывались «запрещенныя» стихотворенія. Разъ къ намъ даже попалъ номеръ «Полярной Звѣзды», но не черезъ студентовъ, а просто отецъ одного ученика далъ этотъ номеръ сыну для передачи своему знакомому черезъ сына этого послѣдняго, тоже ученика гимназій. Весь номеръ былъ прочитанъ нами, въ тѣсномъ кружкѣ 5—6-ти лицъ, отъ доски до доски, и я до сихъ поръ, почти черезъ 40 лѣтъ, помню его содержаніе.

Понятно, что все это, вмѣстѣ съ тѣмъ озлобленіемъ, которое было посѣяно въ нашей душѣ при прежнемъ порядкѣ съ его мертвой формалистикой, сѣченіями и т. п., вызывало въ насъ протесты, иногда вполне младенческіе. Такъ, напримѣръ, въ то время былъ губернаторомъ въ Орлѣ графъ Л.; онъ занималъ домъ-особнякъ на одной изъ улицъ съ узенькими тротуарами. Около подъѣзда стояла будка, и по тротуару расхаживалъ часовой, который заставлялъ всѣхъ проходившихъ сходить съ тротуара на улицу. Насъ, гимназистовъ, возмутила такая «привилегія», и вотъ, собравши совѣтъ, мы рѣшили наклеить ночью на заборахъ и столбахъ

ядовитое обличеніе этого «безобразія». Десятки рукъ принялись переписывать «объявленіе». Къ вечеру былъ готовъ клейстеръ, доска, а ночью наша компанія направилась по улицамъ города. Но одинъ изъ товарищей, П. (впослѣдствіи русская знаменитость въ области этнографіи и путешествій) рѣшился отправиться къ Рашевскому, чтобы посоветоваться съ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ П. догналъ насъ и сталъ уговаривать итти къ Рашевскому, который хочетъ побесѣдовать съ нами.

Было уже около полуночи. Мы согласились итти къ Рашевскому, и черезъ нѣсколько минутъ весь кружокъ былъ у него: насъ ждалъ самоваръ, вкусный чай, который разливала г-жа Ф., очень интеллигентная барыня, большой другъ Рашевскаго и замѣчательная піанистка (впослѣдствіи онъ женился на ея родной сестрѣ). Часа два мы пробыли въ уютномъ уголкѣ этихъ симпатичныхъ людей, бесѣдуя съ Рашевскимъ о предпринятой нами затѣѣ. Онъ убѣждалъ просто и задушевно, что изъ нея ничего не выйдетъ, кромѣ исключенія многихъ изъ насъ изъ гимназіи, что публика даже не прочтетъ нашихъ объявленій, которыя рано утромъ будутъ сняты полицейскими. Въ заключеніе г-жа Ф. угостила насъ чудесной музыкой, и часу въ первомъ мы мирно разошлись по домамъ. Вормсъ участвовалъ во всѣхъ подобныхъ предпріятіяхъ, оставаясь попрежнему сдержаннымъ только въ личныхъ отношеніяхъ.

О Рашевскомъ скажу еще два слова: онъ впослѣдствіи открылъ съ г-жей Ф. небольшой частный пансіонъ для приготовленія въ университетъ; въ этотъ пансіонъ въ 1860 году поступилъ и я, выйдя для этого изъ 6-го класса гимназіи, такъ какъ Рашевскій посоветовалъ мнѣ, вмѣсто лишняго года, теряемаго въ 7-мъ классѣ, приготовиться въ нѣсколько мѣсяцевъ къ университетскому экзамену прямо изъ 6-го класса.

Лишь много лѣтъ спустя, въ концѣ 70-хъ годовъ, я встрѣтился съ Рашевскимъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ сильно пополнилъ и какъ-то остылъ, сталъ важнѣе и сдержаннѣе. На меня это произвело тяжелое впечатлѣніе, и я не поддерживалъ нашего стараго знакомства.

Что касается Вормса, то онъ скоро перешелъ въ черниговскую гимназію, гдѣ попытался издавать журналъ, и нѣкоторые номера выслалъ мнѣ. Это былъ уже настоящій журналъ съ критикой, съ общественной хроникой и даже съ иностранной политикой. Вормсъ писалъ горячія статьи о Кавурнѣ и Гарибальди, онъ зачитывался «Современникомъ» и тогдашними газетами.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Петербургѣ, осенью 1866 года, когда онъ ѣхалъ въ Швейцарію. Цѣлую ночь просидѣли мы въ его номерѣ, въ гостиницѣ на Казанской. Въ то время Некрасовъ уже напечаталъ въ своемъ журналѣ нѣсколько его стихотвореній. Между прочимъ, я отлично помню слѣдующій его рассказъ о томъ,

какой совѣтъ далъ ему нашъ великій поэтъ: «коли вы чувствуете, что пришла мысль для стихотворенія, стоящая обработки, запишите эту мысль прозой, стараясь какъ можно полнѣе передать свое настроеніе. Потомъ уже переложите ее въ стихи».

Вормсъ не могъ говорить неправду, поэтому его разсказъ можно считать безусловно достовѣрнымъ.

IV.

Въ Петербургѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. — Знакомство съ Василиемъ Степановичемъ Курочкинымъ. — Знакомство съ Плещеевымъ. — Плещеевъ въ 60-хъ годахъ и впослѣдствіи, какъ предсѣдатель «Пушкинскаго кружка». — Эпизодъ съ предложеніемъ О. О. Миллера, сдѣланнымъ Плещееву относительно матеріаловъ для біографіи Достоевскаго. — Последняя моя встрѣча съ Плещеевымъ въ Ниццѣ, въ началѣ 90-хъ годовъ. — Краткая характеристика Плещеева и отношеніе къ нему тогдашней молодежи. — Его кружокъ въ Москвѣ.

Оставимъ гимназію и перейдемъ къ настоящей литературѣ. Осенью 1861 г. я перебрался въ Петербургъ. Въ то время я попробовалъ отдать только одно стихотвореніе въ «Искру» Василию Степановичу Курочкину. Когда я пришелъ за стихотвореніемъ, этотъ рѣдкій, замѣчательный человекъ просидѣлъ со мною около двухъ часовъ, разбирая строчка за строчкой, почти слово за словомъ, несовершенства моего произведенія и давая мнѣ совѣты. Онъ принялъ и напечаталъ другое, маленькое стихотвореніе. Большое же, подвергнутое такому подробному разбору, совѣтовалъ исправить и отдать въ какой нибудь «толстый» журналъ. Оно не подходило къ «Искрѣ» даже по характеру, такъ какъ въ немъ описывалась трагическая судьба падшей дѣвушки.

Въ своихъ стихахъ я въ то время увлекался общественными движеніями и скептически относился къ чистой поэзіи. Мой гимназическій спаситель, Б—въ, котораго я въ то время посѣтилъ въ Петербургѣ, пришелъ въ ужасъ отъ моего мрачнаго и отрицательнаго настроенія. Онъ совѣтовалъ мнѣ знакомиться съ болѣе радостными сторонами жизни, но, конечно, эти совѣты не повели ни къ чему. Я былъ черезчуръ озлобленъ и тѣмъ, что со мной сдѣлали въ гимназій, и той катастрофой, которая совершилась тогда съ однимъ виднѣйшимъ представителемъ литературы. Трудно теперь передать, какое озлобляющее дѣйствіе на молодежь произвела эта катастрофа. Многія ужасныя событія, совершившіяся позднѣе, были плодомъ этого невыразимаго озлобленія и негодованія... Мысль о чужомъ страданіи, напоминая мнѣ мое собственное, доводила до изступленія, до безумія, до желанія отдать жизнь за каждаго обиженнаго.

Къ тому времени относится мое первое знакомство съ Плещее-

вымъ. Я проѣхалъ къ нему въ Москву по небольшому порученію отъ кружка петербургской молодежи. Онъ принялъ меня радушно, усадилъ рядомъ на диванъ, даже обнялъ какимъ-то широкимъ, нѣсколько театральнымъ жестомъ. Въ то время онъ еще не былъ сѣдъ: его длинныя, заброшенные назадъ волосы и длинная борода показались мнѣ только бѣлокурыми, а не сѣдыми. Рѣчи его дышали горячимъ сочувствіемъ къ «молодежи». Эти рѣчи и весь его обликъ, высокая фигура съ львиными волосами, произвели на меня хорошее впечатлѣніе, хотя молодежь относилась тогда къ нему свысока. Даже нѣкоторая слащавость и приподнятость тона казались мнѣ вполне естественными: вѣдь, во мнѣ онъ видѣлъ представителя тогдашней молодежи, а себя чувствовалъ, вѣроятно, патриархомъ, который 30 лѣтъ тому назадъ былъ также молодъ и находился въ подобномъ же положеніи.

Съ такими же широкими, плавными жестами, красивыми и теплыми словами и объятіями онъ проводилъ меня, а на другой день самъ пріѣхалъ въ мою скромную комнату (въ «номерахъ Голяшкіна»), но, не заставъ меня дома, оставилъ въ конвертѣ 25 р. (на нужды тогдашней молодежи, о которыхъ я говорилъ съ нимъ, между прочимъ).

Послѣдующія мои встрѣчи съ нимъ относятся уже къ концу 70-хъ и 80-хъ годовъ. Забывая впередъ, чтобы уже не возвращаться еще разъ къ почтенному поэту, я расскажу объ этихъ встрѣчахъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ, въ Петербургѣ образовался съ разрѣшенія законныхъ властей такъ называемый «Пушкинскій кружокъ». О немъ болѣе подробно я расскажу въ своемъ мѣстѣ (глава XII).

Въ то время я уже напечаталъ первый томъ своихъ стиховъ, издавалъ въ Петербургѣ свой журналъ, много писалъ, и, вѣроятно, благодаря всему этому, нѣкоторыя изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ «Пушкинскаго кружка», обратились ко мнѣ съ предложеніемъ принять въ немъ участіе (ранѣе я не былъ его членомъ). Одновременно обратились и къ другимъ писателямъ, между прочимъ, и къ Плещееву.

На первомъ же общемъ собраніи, Плещеева выбрали председателемъ, а меня товарищемъ председателя. Болѣе года намъ пришлось работать вмѣстѣ, вводя кое-что новое. Но объ этомъ также въ своемъ мѣстѣ. Теперь же собственно о Плещеевѣ. Онъ былъ очень усерднымъ председателемъ, не пропускалъ ни одного засѣданія нашего комитета, постоянно соглашался участвовать въ публичныхъ чтеніяхъ, еженедѣльно устраивавшихся въ кружкѣ, заботился о пополненіи его состава наиболѣе видными представителями русской литературы, которые первоначально относились скептически къ этому предпріятію. Дѣло пошло блестяще. Но вотъ въ одинъ

изъ вечеровъ «Кружка» (помѣщавшагося, въ то время, въ залахъ теперешней «Сѣверной» гостиницы) два юныхъ поэта явились въ нетрезвомъ видѣ. Одного изъ нихъ удалось скоро отвезти домой, но другой бранился и кричалъ, хотя и не публично, а въ комнатѣ распорядителей. Тѣмъ не менѣе на Плещеева это произвело такое удручающее впечатлѣнiе, что онъ отказался отъ предсѣдательства и съ тѣхъ поръ рѣдко бывалъ въ кружкѣ. Онъ уговаривалъ и меня отказаться отъ обязанностей товарища предсѣдателя, говоря, что «чувствуетъ начало конца» этого симпатичнаго учрежденiя, и что «слѣдуетъ уйти изъ него во-время». И онъ былъ правъ. Кружокъ быстрыми шагами приближался къ паденiю. Но я не послушался Плещеева. Молодость подсказывала мнѣ вѣру въ возможность дальнѣйшаго развитiя хорошаго дѣла. Кромѣ того, мнѣ казалось не достаточно «принципiальнымъ» покидать поле сраженiя (говоря высокимъ слогомъ тогдашняго моего настроенiя) при первомъ пораженiи...

Эту черту осторожности, быть можетъ, и излишней я замѣчалъ у Плещеева не одинъ разъ. Я говорю «излишней», потому что, весьма вѣроятно, кружокъ не палъ бы, если бы онъ остался предсѣдателемъ, и, быть можетъ, удалось бы сдѣлать изъ него то, о чемъ я и нѣкоторые другiе мечтали въ то время, т.-е. передѣлать его въ болѣе солидное литературное учрежденiе.

Другой случай крайней осторожности (чтобы не сказать больше), состоялъ въ слѣдующемъ. Покойный профессоръ Орестъ Ѳеодоровичъ Миллеръ, бывший, какъ извѣстно, горячимъ поклонникомъ Ѳ. М. Достоевскаго, задумалъ собрать свѣдѣнiя о кружкѣ Петрашевскаго, о положенiи въ этомъ кружкѣ Достоевскаго, о нѣкоторыхъ весьма интересныхъ деталяхъ жизни этого кружка, его собранiй, рѣчей, какiя говорились тамъ, книгъ, какiя читались, etc. etc.

Каждому понятно, какую историческую важность имѣли бы такiе матеріалы, сообщенныя бывшимъ членомъ кружка, живымъ свидѣтелемъ того, что въ немъ происходило, да еще художникомъ-поэтомъ, который могъ бы передать все детали тогдашней умственной жизни съ яркостью и наглядностью, какiя недоступны обыкновенному лѣтописцу прошлаго. Вѣдь, все лица той эпохи,—лица наиболѣе талантливыя и выдающiяся,—воскресли бы вновь подъ художественнымъ перомъ и навсегда сохранились бы для потомства. А эпоха была интересная, важная!

И вотъ Орестъ Ѳеодоровичъ, находившiйся въ неособенно дружескихъ отношенiяхъ съ Плещеевымъ, избралъ меня посредникомъ для переговоровъ съ нимъ объ этихъ «воспоминанiяхъ».

Но, увы! Плещеевъ отнесся къ этому съ такимъ неожиданнымъ для меня взрывомъ вражды, досады и какого-то ужаса, что я былъ не радъ, что взялъ на себя порученiе говорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Оно казалось мнѣ такимъ простымъ, такимъ важнымъ

и, кромѣ того, такимъ безопаснымъ для стараго поэта, отдѣленнаго отъ своего юношескаго прошлаго почти полустолѣтїемъ, что я даже понять не могъ того душевнаго состоянїя, которое въ ту минуту испытывалъ Плещеевъ. Онъ весь покраснѣлъ, вскочилъ съ мѣста, замахалъ руками и съ какой-то невыразимой ненавистью сталъ кричать:

— Ничего, ничего не дамъ! Какъ онъ смѣетъ мнѣ предлагать это! Пусть мнѣ не напоминаютъ объ этомъ! Ничего, ничего, ничего!..

Меня особенно поразилъ его негодующій тонъ, рѣзкій, грубый. Обыкновенно, это былъ человѣкъ чрезвычайно мягкій, а тонъ его со мною и съ другими былъ, можно сказать, «елейный». И вдругъ такое превращенїе!

Я тогда же передалъ О. Э. Миллеру общїй результатъ моего разговора, не упоминая подробностей, такъ какъ не хотѣлъ еще болѣе обострять отношенїй, повидимому, и безъ того достаточно приподнятыхъ. Я не зналъ въ то время, не знаю и теперь, что имѣлъ Плещеевъ противъ О. Э. Миллера, или противъ Достоевскаго, или вообще противъ этого глубоко-симпатичнаго предпрїятія. Мнѣ показалось страннымъ, что человѣкъ отказывается отъ весьма важнаго дѣла, повидимому, изъ-за личныхъ отношенїй. Впрочемъ, я и теперь не смѣю утверждать, были ли тутъ одни только личныя отношенїя. Во всякомъ случаѣ, мнѣ всегда казалось, что общее дѣло (а тутъ было общее дѣло, исторїя русской умственной культуры) должно заставлятъ иногда забывать даже кружковья злобы, если онѣ были въ этомъ дѣлѣ.

Другой подобный же случай,—но уже рѣшительно безъ всякой возможности объяснить его идейными разногласїями,—мнѣ пришлось наблюдать въ Ниццѣ, въ началѣ 90-хъ годовъ. Я тамъ встрѣтился съ Плещеевымъ. Онъ былъ уже миллионеромъ; жилъ въ лучшемъ отелѣ на берегу моря, и я видѣлъ его ежедневно прогуливающимся по такъ называемому «Promenade anglaise», въ изящной сѣренькой легкой парфѣ, съ легкой панамой на сѣдыхъ кудряхъ и съ тростью въ рукѣ.

Я не бывалъ у него, но нерѣдко мы бесѣдовали во время прогулокъ.

Между прочимъ, не могу не вспомнить, что онъ съ восторгомъ отзывался объ одномъ молодомъ русскомъ инородцѣ, жившемъ въ то время въ Ниццѣ и очаровывавшемъ французовъ однимъ своимъ музыкальнымъ произведенїемъ, въ которомъ соединялся русскїй народный гимнъ съ марсельезой.

Но дѣло не въ этомъ: я писалъ своимъ знакомымъ въ Петербургѣ, между прочимъ, и о томъ, что встрѣчаю въ Ниццѣ Плещеева, и вотъ нѣкоторые изъ нихъ, предполагавшіе купить нѣкій журналъ, просили меня переговорить съ Плещеевымъ, не поможетъ ли онъ имъ въ этой покункѣ. Надо сказать, что лица эти всѣ были когда-

то сотрудниками «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ Плещеевъ до полученія имъ огромнаго наслѣдства былъ секретаремъ редакціи.

Когда, встрѣтившись съ поэтомъ на одной изъ прогулокъ, я сообщилъ ему просьбу его бывшихъ товарищей, онъ пришелъ въ раздраженіе, напомнившее мнѣ инцидентъ съ предложеніемъ Ореста Ѳедоровича Миллера. Онъ также вспыхнулъ, замахалъ руками и съ крайней досадой, почти злобой, категорически отвергъ всякіе разговоры по этому вопросу.

Вотъ два случая, которые, конечно, можно толковать самымъ различнымъ образомъ, но рассказать которые я считаю нужнымъ для характеристики Плещеева, какъ личности.

Я не думаю, чтобы подъ конецъ жизни онъ индифферентно относился къ тому, что любилъ въ молодости; но, очевидно, это былъ уже не тотъ человѣкъ, который писалъ когда-то:

Впередъ безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ истинный, друзья.

И это чувствовала чуткая молодежь.

Уже въ 60-хъ годахъ, къ которымъ я теперь возвращаюсь, онъ стоялъ въ сторонѣ отъ болѣе живыхъ кружковъ. Въ Москвѣ, въ 60-хъ годахъ, вокругъ него собирались мѣстные и прїѣзжавшіе изъ другихъ городовъ поэты и любители поэзіи. Вормсъ также бывалъ у него часто. Отъ него, а также отъ одного изъ моихъ московскихъ друзей, Р., я слышалъ, что около Плещеева молодежь этого сорта чувствуетъ себя тепло и весело. Особенно весело бывало лѣтомъ, когда онъ жила въ дачѣ въ Богородскомъ. Тамъ, въ то время, дачники устраивали танцевальныя вечера, а мѣстечко въ паркѣ, назначенное для танцевъ, называлось шутя «Плѣшью». Молодая компанія, окружавшая Плещеева, часто посѣщала и эту «Плѣшь» и съ увлеченіемъ танцевала. Одинъ разъ, возвращаясь домой поздно ночью, Алексѣй Николаевичъ сказалъ экспромтомъ:

Въ Богородскомъ на Плѣши,
Сколько хочешь напляши.

Этотъ экспромтъ привелъ всѣхъ въ восторгъ и затѣмъ передавался въ рассказахъ о Плещеевѣ его друзьями. По этому восторгу можно судить, что людямъ было весело, что они отдавались радостнымъ моментамъ жизни, не особенно анализируя ихъ.

Вообще, направленіе этого кружка было преимущественно эстетическое, хотя и съ гражданскимъ оттѣнкомъ.

V.

Другіе Московскіе кружки и ихъ связь съ тогдашней литературой.—Справедливы ли обвиненія въ деморализующемъ вліяніи литературы 60-хъ годовъ.—Ея истинное вліяніе и дѣйствительныя причины деморализаціи.—Кающійся дворянинъ и принципъ «долга народу цивилизованныхъ классовъ», въ литературѣ и жизни.

Между тѣмъ, тогда были и иные кружки съ ярко выраженной общественной закваской и даже ригористическими, почти аскетическими требованіями. Такъ какъ они стояли въ связи съ литературой и ея выдающимися дѣятелями, то скажу нѣсколько словъ и о нихъ.

Рахметовъ, герой «Что дѣлать», напоминаетъ ихъ, хотя никто не спалъ на гвоздяхъ, не отправлялись на Волгу тянуть барки вмѣстѣ съ бурлаками, но, напримѣръ, зимой, 1865 г., я близко зналъ такой кружокъ (состоявшій изъ очень богатыхъ людей, по большей части, юныхъ помѣщиковъ Саратовской губерніи), который поселился въ садовой бесѣдкѣ¹⁾. Отоплялась эта бесѣдка небольшой желѣзной печью, въ которой постоянно приходилось поддерживать огонь, чтобы не замерзнуть. Только одинъ изъ этой компаніи, страдавшій наследственными ранами на ногахъ, и самый молодой изъ всѣхъ (ему было въ то время 19 лѣтъ), нѣкто Е.—въ, спалъ на желѣзной кровати, поставленной въ углу. Остальные спали въ повалку на матрасахъ, положенныхъ прямо на полъ. Въ этой бесѣдкѣ жило 7 человѣкъ. Самому старшему, Ю., было около 24 лѣтъ. Одинъ изъ компаніи, К., какъ самый сильный, взялъ на себя обязанность приносить воду и готовить обѣдъ. Весь обѣдъ состоялъ изъ хлѣба и кусковъ говядины, которую жарилъ К. на сковородѣ, помѣщаемъ ѳ на ту же чугунную печку, замѣнявшую плиту. Впрочемъ, и эта роскошь была дозволена ими себѣ вполнѣ, по приказанію врача: сперва они рѣшили питаться одной колбасой съ хлѣбомъ, но черезъ недѣлю у всѣхъ развились различныя болѣзни желудка, пришлось обратиться къ доктору, и вотъ почему режимъ былъ измѣненъ.

Трудно повѣрить теперь, что все это дѣлалось ради принципа. Но это было именно такъ: въ одно изъ моихъ посѣщеній этой знаменитой бесѣдки, я видѣлъ въ небольшомъ кожаномъ саквоязѣ, висѣвшемъ надъ постелью Е., шестнадцать тысячъ рублей его собственныхъ денегъ, назначенныхъ на общественное дѣло, о которомъ скажу сейчасъ, а сперва поясню, почему считаю нужнымъ, даже необходимымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ кружкѣ и его судьбѣ.

Дѣло въ томъ, что у насъ установилось еще со времени знаменитаго романа Лѣскова совершенно невѣрное и даже извращенное

¹⁾ Бесѣдка, конечно, была съ рамами и стеклами; стеклянныя двери отворялись прямо въ садъ, безъ сѣней. Холодъ былъ страшный.

понятіе о вліянні литературы 60-х годовъ на тогдашнюю молодежь и общество вообще. Да и самыя представленія объ этой молодежи до сихъ поръ крайне ошибочны.

Этимъ я вовсе не хочу сказать, что не было между другими типами и такихъ типовъ, какіе выведены Лѣсковымъ. Были и хуже, но это были подонки тогдашней молодежи, ея отбросы, и не имѣли ни малѣйшей связи съ литературой той эпохи, проповѣдывавшей на первомъ мѣстѣ, даже въ знаменитомъ романѣ «Что дѣлать», крайній ригоризмъ и почти аскетизмъ, передъ которымъ блѣднѣетъ ригоризмъ такъ называемыхъ «толстовцевъ» 80-хъ годовъ.

Между тѣмъ, литературу 60-хъ годовъ обвиняли въ томъ, что она сѣяла «разнузданность нравовъ», чуть-чуть не общинный бракъ etc. etc.

Такія обвиненія повторилъ еще недавно одинъ изъ молодыхъ писателей-публицистовъ (г. Меньшиковъ) въ «Недѣлѣ», журналѣ, очень распространенномъ среди провинціальной публики.

Пора же сказать объ этомъ слово правды. Въдъ уже болѣе 30 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ! Все движеніе тогдашней молодежи прошло на моихъ глазахъ, и я видѣлъ съ мучительнымъ отчаяніемъ, какъ видѣли и многіе другіе, какимъ образомъ и подъ вліяніемъ какихъ условій, не имѣющихъ ничего общаго съ литературой и даже прямо враждебныхъ ей, почти уничтожившихъ ее, — возникли «лѣсковскіе» типы на смѣну высоко-моральнымъ, ригористическимъ и аскетическимъ типамъ, созданнымъ тогдашней литературой. Да, эти высокіе типы, съ дѣятельностью и планами самыми мирными и которые теперь, черезъ тридцать лѣтъ, официально разрѣшаются—эти высокіе типы были созданы именно тогдашней литературой. Это ясно можно доказать не только ихъ стремленіемъ воплотить въ своей жизни ригористическій идеалъ, выставленный наиболѣе выдающимся изъ представителей литературы того періода,—это доказывается еще болѣе убѣдительно и другими фактами: какъ извѣстно всякому, знакомому съ публицистическими статьями наиболѣе любимаго и популярнаго въ то время журнала, принципомъ дѣятельности ставился тогда для интеллигенціи «долгъ народу цивилизованныхъ классовъ» (статьи Г. З. Елисѣева и др.). И вотъ этотъ же самый принципъ лежалъ въ основѣ всей дѣятельности и даже всѣхъ внѣшнихъ формъ жизни тогдашней лучшей передовой молодежи. Я нарисовалъ образчикъ этихъ внѣшнихъ формъ жизни: люди почти мучили, почти истязали себя подъ вліяніемъ мысли, что они и ихъ предки въ теченіе многихъ столѣтій получали отъ народа всевозможныя блага комфорта и цивилизаціи, и должны ихъ возвратить теперь народу.

Могла ли тутъ быть рѣчь о какойнибудь разнузданности нравовъ или о ослабленіи своимъ чувственнымъ инстинктамъ, когда

даже «пустое словопреніе» воспрещалось кодексомъ тогдашней морали, выраженнымъ, на примѣръ, прямо въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое повторялъ въ то время каждый изъ молодежи:

Мое презрѣнье
 Меня далеко оттолкнетъ
 Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
 Опять права свои найдетъ¹⁾.

Но, чтобы хорошенько разобраться въ этомъ кажущемся для несвѣдущаго человѣка противорѣчіи, а именно: съ одной стороны, въ типахъ крайняго ригоризма, а съ другой—въ типахъ, дѣйствительно, не чуждыхъ нѣкоторой легкости нравовъ; хотя и блѣднѣвшихъ передъ разнузданностью героевъ крѣпостничества, необходимо хотя кратко нарисовать душевное состояніе тогдашней интеллигенціи и внѣшнія условія, вызвавшія крушеніе ригористическаго типа и его смѣну «лѣсковскими» типами.

Конечно, если бы принципъ «долга народу цивилизованныхъ классовъ» былъ чисто головнымъ, разсудочнымъ принципомъ, онъ не могъ бы поддерживать людей въ перенесеніи того аскетическаго режима, какой я показалъ въ знаменитой «бесѣдкѣ». Для этого нужно еще было и сильное чувство. И оно было, оно охватывало тогда многихъ, хотя и не всѣхъ одинаково сильно. И оно было формулировано впоследствии журналистикой въ двухъ словахъ: «кающійся дворянинъ».

Кающійся дворянинъ былъ созданъ прямо литературой. Послѣ эмансипаціи литература сразу открыла глаза наиболѣе чуткимъ изъ дворянской и аристократической молодежи (среди описываемой мною компаніи большинство были дворяне-помѣщики, было два родовыхъ аристократа, а съ ними въ сношеніяхъ находились десятки другихъ такихъ же по всей Россіи). На что же открылись ихъ глаза и почему открылись именно въ то время? По очень простой причинѣ: о положеніи крестьянъ въ предыдущую эпоху не было возможности говорить. Даже такія невинныя вещи, какъ «Записки охотника», казались многимъ «опасной» литературой. И вдругъ не только стало возможнымъ писать о свободѣ крестьянъ, но стало возможнымъ говорить о долгѣ имъ. Въ печати нашей и заграничной стали выплывать наружу такіе факты прошлаго, которые заставляли содрогаться всякое чуткое сердце. И вотъ каждый изъ сознательной дворянской молодежи того времени чувствовалъ себя виновнымъ за всѣ прегрѣшенія предковъ. Тутъ дѣло

¹⁾ Или другое стихотвореніе:

Отъ лѣзущихъ, праздно болтающихъ и т. д.
 Отведи меня въ станъ погибающихъ
 За великое дѣло любви...

уже шло не о денежномъ долгѣ, не о денежной расплатѣ за цивилизацію, созданную этимъ самымъ крѣпостнымъ, котораго еще недавно можно было мѣнять на собакъ и лошадей, ссылать въ Сибирь и даже запарывать,—тутъ дѣло шло объ искупленіи общей вины. Это было религіозно-этическое чувство, вытекающее изъ великой формулы: «грѣхъ вашъ на дѣтяхъ вашихъ». Эти люди могли быть вовсе не религіозны въ обыкновенномъ смыслѣ. Тогда въ ходу уже были и О. Контъ, и Бюхнеръ, и Фейербахъ. Но религіозность, религіозная этика были въ крови и нервахъ, и онѣ дѣлали изъ этихъ людей настоящихъ «подвижниковъ». Онѣ требовали искупить грѣхи прошлаго какими нибудь осязательными, яркими жертвами, страданіями, подвигами... Это не было ни народолюбіе, ни народничество послѣдующихъ десятилѣтій, хотя эти два направленія въ жизни и литературѣ были прямымъ продолженіемъ того же настроенія: вѣдь, и позднѣе были десятки, даже сотни «народниковъ», искавшихъ подвига, самопожертвованія, почти самоистязанія, хотя у нихъ уже явились другія цѣли и планы.

Что же касается 60-хъ годовъ, то планы тогдашнихъ «ригоровъ» были у большинства мирные. Это не были даже утопіи Фурье, увлекавшія людей 1840-хъ годовъ въ кружкѣ Петрашевскаго, это были ближе всего планы Роберта Оуэна, Луи-Блана, официально отчасти напоминающіе работу Н. Левитскаго. То-есть, эти люди предполагали, что лучший и ближайшій путь къ исцѣленію современнаго общества отъ его недуговъ состоитъ въ устройствѣ такъ называемыхъ «производительныхъ артелей или ассоціацій». На устройство этихъ-то ассоціацій или артелей и требовались деньги, такъ какъ ассоціаціи или артели предполагалось устраивать безъ участія капиталистовъ, требующихъ себѣ прибыли или процентовъ на капиталъ. Это все же отнимало бы часть заработка у самихъ артельщиковъ. Но отлично понимали, что артели, особенно крупныя, т. е. въ формѣ большихъ артельныхъ заводовъ и фабрикъ, невозможны безъ капитала. И вотъ кружокъ, носившій скромное названіе «Организація труда», собиралъ деньги, чтобы на нихъ давать ссуды на устройство артельныхъ предпріятій (производительныхъ артелей) безъ всякаго вознагражденія или %о. Впрочемъ, важно было не это. Такая артель могла сама опредѣлить извѣстный взносъ въ общій капиталъ для ея расширенія, но это было уже ея добровольное дѣло.

Ссуды должны быть даваемы не прямо въ формѣ ссудъ, а примѣрно такъ, какъ началъ Робертъ Оуэнъ въ Нью-Ламаркѣ, а Левитскій въ Херсонской губерніи: основывалась фабрика или заводъ, или земледѣльческое предпріятіе, какъ будто обыкновенныя, т. е. имѣлся и хозяинъ, и его приказчики; рабочіе были бы на жалованьѣ. Въ концѣ извѣстнаго времени, когда дѣло уже стало

бы на ноги, членамъ такой артели былъ бы данъ отчетъ въ приходѣ и расходѣ, а также и въ полученныхъ прибыляхъ. Ихъ попросили бы назначить изъ этихъ прибылей жалованье распорядителямъ, затѣмъ отчислить извѣстную сумму на постепенное погашеніе ссуды, на потребности производства, на его улучшеніе и расширеніе; затѣмъ остатокъ они употребили бы на свои нужды, по собственному усмотрѣнію. При этомъ, конечно, было бы нежелательно раздѣленіе этого остатка между отдѣльными членами: вѣдь при раздѣлѣ каждому досталось бы немного. И вотъ, чтобы этого не случилось, необходимо было ставить условіемъ—употребленіе этого остатка артельно, на общія нужды артели, на примѣръ, школы, читальни, на возможно разумныя, развивающія развлеченія, на общій столъ, жилища etc., etc.

Уплативаемая по частямъ ссуда поступала бы снова въ капиталъ кружка; изъ нея давались бы ссуды новымъ такимъ же артелямъ etc., etc. По мѣрѣ убѣжденія распорядителей, назначенныхъ отъ кружка, въ томъ, что участники артели поняли ее пользу и научились вести дѣло, кружокъ мало-по-малу передавалъ бы завѣдываніе хозяйствомъ и счетами самимъ артельщикамъ, а въ концѣ концовъ и совсѣмъ устранялся бы, чтобы помогать новымъ такимъ же учрежденіямъ. Кромѣ мелкихъ артелей, на примѣръ, швейной, переплетной, было уже приступлено къ устройству двухъ большихъ: одного завода въ Калужской губерніи и одной бумагопрядильной фабрики въ Московской губерніи. Закупались материалы, и такъ далѣе.

Все это считалось тогда «опаснымъ социализмомъ» и кончилось неожиданной катастрофой, такъ какъ одно лицо изъ кружка удалилось отъ него, пошло совсѣмъ инымъ путемъ, убѣдило отстать отъ кружка еще двухъ-трехъ юношей и затѣмъ стало на путь такой дѣятельности, которая оборвала нормальное теченіе жизни не только у этого лица, но и у тѣхъ самоотверженныхъ гуманистовъ, которые были повинны только въ томъ, что когда-то были съ нимъ знакомы... Ихъ усилія остановить дѣятельность этого лица на его иномъ пути не имѣли успѣха. Задуманные планы, а также и все то, что уже было исполнено или начато, — исчезли безслѣдно. Источникъ первоначальнаго отдѣленія отъ кружка мирныхъ «кооператоровъ», какъ ихъ называли бы теперь, болѣе крайняго кружка лежалъ именно въ томъ раздраженіи и озлобленіи, которое въ то время вспыхнуло подъ вліяніемъ реакціи, вторгнувшей въ медовые мѣсяцы реформы. Особенно потрясла та литературная катастрофа съ любимымъ писателемъ, о которой я упомянулъ выше.

Я считалъ нужнымъ, — повторяю, — упомянуть о кружкѣ «кооператоровъ», такъ какъ онъ являлся прямымъ отраженіемъ, даже просто исполнителемъ тѣхъ идей, которыя въ то время были въ извѣстной части литературы. А съ другой стороны, онъ, въ свою очередь,

влиять на эту литературу, имѣлъ постоянное общеніе съ лучшими представителями ея, совѣтовался съ ними и такъ далѣе. Повторяю: литературу той эпохи обвиняли въ томъ, что она посягала на всякіе плевелы въ русской молодежи, а затѣмъ и въ русскомъ обществѣ. Во всякомъ обществѣ найдется немало различныхъ типовъ, возьмемъ ли мы общество дворянское, купеческое, мѣщанское и такъ далѣе. Среди этихъ обществъ будутъ типы и высоко-нравственные, альтруистическіе, любящіе, будутъ и эгоисты, будутъ, наконецъ, люди, хотя и любящіе, но озлобленные своимъ прошлымъ или своимъ общественнымъ положеніемъ.

Я уже нарисовалъ выше (а теперь вы увидите, что нарисовалъ я не даромъ) то состояніе озлобленія, мести и ненависти, какое зародилось во мнѣ самомъ послѣ наказанія въ гимназій.

Вообразите же себѣ, какая масса такихъ же озлобленныхъ прошлымъ должна была накопиться въ русскомъ обществѣ! А къ этому присоединилось озлобленіе реакціей...

Не удивительно, что то лицо, выдѣлившееся изъ кружка, которое было причиной крушенія добраго симпатичнаго дѣла, вышло изъ сравнительно низшихъ классовъ русскаго общества. Я уже показалъ, что «кающійся дворянинъ» жаждалъ только одного—искупить свою вину. Но могли быть представители другихъ слоевъ, которымъ хотѣлось и мстить. Но вотъ что замѣчательно,—и это я утверждаю, какъ фактъ: даже въ людяхъ съ жаждой мести она стала угасать въ ту эпоху, потому что тяжесть крѣпостнаго права была снята, и всѣ сердца размягчились, были полны радости, восторга, обожанія къ тому, кто все это совершилъ...

Однако, къ несчастью, въ то же время явились извнѣ и другія вѣянія. Я уже указывалъ, какъ эти другія вѣянія отразились у насъ въ гимназій. Но они отразились и на тогдашней литературѣ, и на судьбѣ нѣсколькихъ наиболѣе любимыхъ писателей.

И вотъ, упоеніе первыми днями весны смѣнилось разочарованіемъ, которое было тѣмъ мрачнѣе, чѣмъ ярче свѣтило и грѣло солнце въ первые дни. Позднѣйшая литература только слегка отразила это унылое настроеніе, а ужъ никакъ не создала его. Эту литературу упрекали въ распространеніи пессимистическихъ взглядовъ. Но она была только слабымъ, тусклымъ зеркаломъ того унынія, того разочарованія и той мучительной душевной боли, которыя непосредственно зарождались рѣзкой волной реакціи. Насколько литература тутъ неповинна, видно изъ того, что въ кружкахъ молодежи (и тогдашней и позднѣйшей) ее постепенно начали обвинять въ отсталости, въ барствѣ, въ буржуазности и т. п., смотря потому, какая изъ этихъ *bêtes noires* считалась болѣе раздражающей въ то или иное десятилѣтіе.

Повторю еще разъ, чтобы меня не обвинили въ противорѣчій съ тѣмъ, что сказано выше о кружкѣ ригористовъ-филантроповъ

изъ кающихся дворянъ: этотъ кружокъ еще былъ, дѣйствительно, отраженіемъ литературы начала 60-годовъ, потому что въ то время можно было яснѣе и откровеннѣе ставить и развивать принципы и идеи высшаго этического настроенія эпохи. Понятно, что въ силу этого единеніе литературы и общества (особенно молодежи) могло быть наиболѣе полнымъ и широкимъ. Позднѣе, это единеніе, въ силу условій, въ какихъ очутилась печать, стало не единеніемъ, а разобщеніемъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становилось это разобщеніе: литература переставала руководить обществомъ и молодежью. Эта послѣдняя естественно стала искать кумировъ въ своихъ рядахъ, относясь къ литературѣ почти свысока, почти презрительно.

Въ словахъ Салтыкова: «писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ», былъ горькій упрекъ не одному только «обществу» въ вульгарномъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ! Въ этихъ словахъ,—не знаю, сознательно ли для самого нашего великаго сатирика,—отразился фактъ болѣе глубокой и не видимый на поверхности: литература ужъ не могла быть полной выразительницей общественныхъ теченій и направленій, созрѣвшихъ въ глубинѣ жизни. Тѣ вопросы, тѣ типы, которые она давала, уже мало занимали наиболѣе горячую и молодую часть общества. Руководительство этой частью ускользнуло отъ литературы. Жизнь этой части «отбилась» отъ литературы и пошла своими путями.

Литература не можетъ руководить тѣмъ, чего не можетъ разбирать свободно и не закутывая «въ сотни ризокъ», какъ говорилъ Салтыковъ о своихъ высоко-талантливыхъ произведеніяхъ, которыя приходилось писать «езоповскимъ языкомъ» (его же терминъ).

Рядомъ съ этимъ, послѣ этого разрыва литературы (т. е. высшихъ и высокоталантливыхъ умовъ страны) съ «толпой», началось и зарожденіе третьяго типа: «лѣсковскихъ» героевъ. Подъ этимъ словомъ «лѣсковскихъ» я подразумѣваю всю ту «чернь», всѣ тѣ подонки истинной тогдашней интеллигенціи, которые, пока она была цѣла, были счастливы, если имъ позволяли играть низшія роли, служить на посылкахъ и т. п. Но совершенно такъ же, какъ бываетъ въ домѣ, изъ котораго уѣхали господа, и осталась одна прислуга, которая пируетъ на свободѣ, надѣвъ господское платье,—совершенно также, говорю, пошло дѣло и въ средѣ общества безъ интеллигентныхъ руководителей высшаго умственного и этического порядка. Какихъ только кружковъ не создало послѣ этого! Лѣсковскіе герои еще настоящіе гиганты передъ ними! Многіе помнятъ въ Москвѣ дѣла у мировыхъ судей о нѣкоторыхъ изъ членовъ такого рода, «съ позволенія сказать», кружковъ! Но теперь еще не время говорить о нихъ!

Такъ при чемъ же была тутъ литература, державшая всегда, даже въ самое печальное время свое, высоко знамя общественной этики, знамя самоотверженной гражданственности!

Не очевидно ли, что именно вслѣдствіе искусственнаго разрыва съ этой высокой литературой выплыли вновь всѣ инстинкты и страсти, воспитанныя при крѣпостномъ правѣ. Подобно тому, какъ въ мозгу загипнотизированнаго субъекта, когда усыплены высшіе центры сознанія, регулировавшіе ранѣе низшіе центры, начинаютъ дѣйствовать эти послѣдніе, проявляясь конвульсіями или автоматически-животными движеніями, такъ и въ обществѣ, когда парализованы высшіе центры умственной и этической жизни, дававшіе тонъ этой жизни,—возникаетъ дико-разнузданная, подсознательная, рефлекторная жизнь низшихъ центровъ. Эта полуинтеллигенція, лишенная вождей, и была принята многими за интеллигенцію 60-хъ годовъ. Это я видѣлъ собственными глазами, это я пережилъ самъ и объ этомъ свидѣтельствую.

VI.

Моя переписка съ редакторомъ литературной части журнала «Дѣло», А. К. Шеллеромъ.—Письмо Благосвѣтлова.—Личное знакомство съ А. К. Шеллеромъ и Благосвѣтловымъ.—Вечеръ у Благосвѣтлова.—Мое посѣщеніе М. Е. Салтыкова (Щедрина) и его пріемъ.—Позднѣйшая встрѣча съ нимъ въ 80-хъ годахъ.—Салтыковъ въ гробу.—Критическая статья, заказанная мнѣ Благосвѣтловымъ.—Неожиданная вражда ко мнѣ «Дѣла» по поводу изданія моихъ стиховъ.

Настояція и правильныя отношенія мои съ литературнымъ міромъ начались только въ 1868 году, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни вдали отъ Петербурга, въ далекой и наивной глуши крохотнаго уѣзднаго городка, я остался одинъ съ самимъ собой, началъ вдумываться въ свое прошлое, въ судьбу моихъ друзей и знакомыхъ, сталъ гораздо больше читать и учиться, сталъ мечтать и глубже, вдумчивѣе, если не сильнѣе, чувствовать. Стихи писались въ это время сами собою: говорить было не съ кѣмъ, изливаться некому, и вотъ говорилъ я съ бумагой, изливалъ свои чувства, свои думы, свою сердечную скорбь на той же бумагѣ.

Но и тутъ я все еще не рѣшался посылать моихъ стиховъ въ журналы.

Въ первый разъ такая рѣшимость явилась у меня въ концѣ 1868 г.

Первыя стихотворенія я послалъ Благосвѣтлову въ его тогдашній журналъ «Дѣло».

Какое чувство я испыталъ, получивъ вскорѣ послѣ этого дружеское, задушевное письмо А. К. Шеллера, завѣдывавшаго тогда литературнымъ отдѣломъ этого журнала! Онъ хвалилъ мои стихи, просилъ меня присылать все, что у меня набралось лучшаго, по моему мнѣнію; выслалъ мнѣ журналъ за тотъ годъ, а въ немъ были уже напечатаны два моихъ стихотворенія.

Въ томъ же письмѣ сообщалось, что Благосвѣтловъ будетъ мнѣ высылать 25 к. за строчку моихъ стихотвореній.

Съ этого момента началась моя переписка съ А. К. Ш—ромъ, почти исключительно дѣловая, но принесшая мнѣ въ то время огромную пользу. Она подняла мое самочувствіе, заставила меня сильнѣе работать. Она даже прямо помогла мнѣ работать, такъ какъ А. К. Ш—ръ предложилъ мнѣ, не хочу ли поручить ему пріобрѣтать для меня по уменьшенной цѣнѣ необходимыя мнѣ книги за счетъ моего гонорара.

Въ то время, не получая почти помощи отъ отца, я чувствовалъ сильную нужду, хотя цѣны на все были необыкновенны дешевы въ томъ захолустѣ, гдѣ я жилъ. Напримѣръ, за 5¹/₂ рублей въ мѣсяцъ можно было имѣть двѣ (правда, крохотныхъ) комнатки со столомъ и самоваромъ.

Впослѣдствіи за 8 рублей у меня была даже довольно комфортабельная квартира изъ двухъ комнатъ съ прихожей.

Но, благодаря стихамъ и А. К. Ш—ру, у меня начала даже составлять порядочная библіотека изъ избранныхъ научныхъ сочиненій.

Въ то же время постоянное появленіе моихъ стихотвореній въ «толстомъ» журналѣ улучшило нѣсколько мое положеніе въ глухомъ захолустѣ.

Все это было великимъ пріобрѣтеніемъ для меня въ то время.

Въ концѣ 1869 года я получилъ письмо уже отъ самого Благосвѣтлова на бланкѣ редакціи. Онъ говорилъ нѣсколько сдержанныхъ комплиментовъ моимъ стихамъ, просилъ прислать что нибудь для январской книжки и торжественно объявлялъ, что прибавляетъ къ прежней построчной платѣ (25 к.) еще 5 копеекъ.

Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы охарактеризовать одну черту Благосвѣтлова, о которой и до сихъ поръ я не могу вспомнить безъ тяжелаго, мучительнаго чувства, и которая выразилась въ странномъ поступкѣ со мною его редакція, о чемъ расскажу въ своемъ мѣстѣ, чтобы не забѣгать впередъ.

Я посылалъ стихи въ «Дѣло» въ теченіе 10 лѣтъ, т. е. до 1878 года, сперва изъ того же захолустья, а затѣмъ и изъ Орла, куда переехалъ въ 1870 году.

Ни Благосвѣтлова, ни А. К. Ш—ра я не видѣлъ лично до конца 70-хъ годовъ, когда мнѣ удалось на нѣсколько дней заѣхать въ Петербургъ.

Второго я посѣтилъ въ его квартирѣ и былъ принятъ имъ съ истинно братскимъ радушіемъ, привѣтливостью и простотой. Въ самомъ дѣлѣ, отличительной чертой личнаго характера А. К. Ш—ра была чрезвычайная любовь къ русской литературѣ, а въ то же время, конечно, и къ начинающимъ писателямъ, подававшимъ какія либо надежды на будущее развитіе.

Для такихъ начинающихъ онъ готовъ былъ сдѣлать все, что было въ его силахъ, а ужъ что касается одобренія, подъема духовнаго, укрѣпленія надеждъ на свои силы, то едва ли кто нибудь другой былъ въ нашей литературѣ, кто также относился бы къ молодой пишущей братіи.

И такимъ А. К. Ш—ръ остался до своей смерти.

Говорятъ, таково же было отношеніе къ начинающимъ и В. Г. Бѣлинскаго. Изъ моего личнаго опыта я зналъ почти такое же отношеніе ко мнѣ М. Е. Салтыкова (Щедрина), когда я, въ тотъ же прїѣздъ въ Петербургъ, отнесъ ему мою юношескую «драму» въ стихахъ, изъ временъ крѣпостнаго права, написанную по разсказу моей квартирной хозяйки, въ томъ захолустѣ, гдѣ я жилъ ¹⁾).

Въ этой драмѣ я заплатилъ дань юношескому мелодраматизму и сентиментализму; я, наприимѣръ, ввелъ въ нее неизбѣжную «любовь».

Салтыковъ не взялъ этой драмы, но пріема, сдѣланнаго имъ мнѣ въ его квартирѣ, я никогда не забуду. Быть можетъ, впрочемъ, онъ обусловливался въ значительной степени тѣмъ крайнимъ смущеніемъ и робостью, которыя охватили меня, когда я увидѣлъ передъ собою любимаго, почти боготворимаго мною сатирика. Когда онъ усадилъ меня около стола и сталъ разспрашивать, я едва могъ говорить отъ волненія. Но я былъ окончательно уничтоженъ его добротой и любезностью, когда въ передней, провожая меня, вслѣдствіе того, что горничная гдѣ-то замѣшкалась, онъ самъ (самъ!) помогъ мнѣ надѣть пальто!

Въ то время онъ не высказалъ мнѣ окончательнаго рѣшенія о моей драмѣ и сказалъ, что прочесть только два ея дѣйствія. Въ редакціи же, куда я пришелъ черезъ нѣсколько дней, я слышалъ, какъ на вопросъ Плещеева:

— А что драма?

Онъ отвѣтилъ однимъ словомъ:

-- Грубо!...

¹⁾ Мужъ моей хозяйки былъ въ 40-хъ годахъ любимымъ крѣпостнымъ лакеемъ мѣстнаго помѣщика З., который осыпалъ его милостями и щедротами. Но лакей не вынесъ вида страданій остальныхъ крѣпостныхъ, съ которыми З. обращался жестоко: онъ убѣжалъ, однако, лѣтъ черезъ 5 вернулся. Баринъ не только не наказалъ его, но подарилъ ему домъ въ городѣ, дорогую шубу и золотые часы. Дѣло въ томъ, что когда-то этотъ лакей насильно не пустилъ барина на пожаръ гумна, которое, какъ потомъ оказалось, было подожжено ночью крестьянами, съ цѣлью бросить помѣщика въ огонь. Проживъ послѣ побѣга года два и еще разъ спасши жизнь З., лакей не выдержалъ и въ концѣ 3-го года убилъ барина изъ ружья, черезъ стекло балконной двери. Его не только не подозревали въ этомъ убійствѣ, но сдѣлали даже управляющимъ. Однако, видя, что десятки людей сидятъ въ тюрьмѣ по подозрѣнію, онъ явился въ судъ и заявилъ объ истинѣ... Приговоренный къ наказанію плетью, онъ умеръ подъ ними въ г. Варнавинѣ, Костромской губерніи.

Быть можетъ, дѣло шло вовсе не о моей драмѣ, но въ то время мнѣ казалось, что все, что говорится въ редакціи, говорится обо мнѣ.

Тогда же я увидѣлъ въ первый разъ въ сборѣ почти всѣхъ тѣхъ людей, которые такъ волновали мое сердце въ провинціи: тутъ были и А. М. С—ій и Н. К. М—скій.

Я до сихъ поръ помню, что Салтыковъ рассказывалъ Н. К. М—скому, что къ нему являлся какой-то иностранный издатель, прося позволенія перевести его очерки (кажется, «Губернскіе»). Говорилъ онъ это довольно покойнымъ и небрежнымъ тономъ, даже нѣсколько насмѣшливымъ и грубоватымъ, но сердце мое подсказывало мнѣ, что онъ не можетъ не быть радъ уже потому одному, что каждому убѣжденному писателю дорого распространеніе его произведеній. Да и не даромъ же онъ рассказывалъ объ этомъ въ редакціи.

Послѣ этого я видѣлъ его только два раза: черезъ нѣсколько лѣтъ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, гдѣ я ожидалъ приѣма, а онъ вышелъ изъ кабинета Феоктистова и поразилъ меня своей памятью. Надо сказать, что я въ то время уже издавалъ свой журналъ и помѣстилъ тамъ статью о его произведеніяхъ. Статья была написана очень горячо и, между прочимъ, имѣла цѣлью отстранить отъ Салтыкова тѣ нападки и обвиненія, которыя посылались на него со стороны Страстнаго бульвара ¹⁾.

И вотъ, не видѣвъ меня нѣсколько лѣтъ, онъ сразу узналъ меня, хотя я долженъ былъ значительно перемѣниться. Да и видѣлъ онъ меня раньше лишь нѣсколько минутъ. Салтыковъ, опираясь на палку, тяжелой поступью, направился прямо ко мнѣ (я сидѣлъ въ приемной у стола налѣво) и своимъ грубоватымъ голосомъ, теперь значительно смягченнымъ, спросилъ:

— Вѣдь, вы Оболенскій? Вы теперь издаете журналъ?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Я его вижу. Желаю вамъ всякаго успѣха. Хорошо ли онъ идетъ у васъ? Какова подписка?

На прощанье онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и пожелалъ «прежде всего здоровья». «Вотъ я все прихварываю»,—добавилъ онъ.

На меня и въ этотъ разъ онъ произвелъ впечатлѣніе челоуѣка необыкновенно простаго, полнаго внутренняго величія и мощи, большой сердечности и даже ласковости, рвущейся черезъ оболочку грубости и лаконичности, какъ результата мучительной болѣзни.

Еще разъ и послѣдній я видѣлъ его въ гробу. Онъ лежалъ тамъ, какъ-то съезжившись, точно придавленный непобѣдимой, необъятно-могучей силой. Даже его голова стала какъ-то меньше. Я

¹⁾ Я тогда же послалъ эту книжку журнала Салтыкову, чтобы выразить ему этимъ мое глубокое уваженіе и сочувствіе.

не могъ смотрѣть на это тѣло, задвленное рокомъ, и плакалъ надъ нимъ, какъ ребенокъ. Ни однѣ литературныя похороны не производили на меня такого потрясающаго впечатлѣнія,—даже похороны Достоевскаго. Вѣдь тотъ, въ концѣ жизни, все же покорился судьбѣ и даже сдѣлалъ принципомъ своей проповѣди «смирение» и «покорность». Поэтому его смерть не была такой трагедіей, какъ смерть Салтыкова. Этотъ не покорялся судьбѣ до послѣдняго издыханія, боролся за жизнь, за мысль до послѣдняго момента, и даже въ гробѣ, даже мертвый, сохранилъ на своемъ лицѣ такое выраженіе, что, мнѣ казалось, его сжатые уста каждую минуту готовы крикнуть грубымъ, хриповатымъ голосомъ:

— А я все же не покорюсь!

Таково мое общее впечатлѣніе и отъ этого человѣка, и отъ его сочиненій, и даже отъ его мертваго тѣла...

Но возвратимся къ Григорію Евлампіевичу Благосвѣтлову. Когда я увидѣлъ его, всѣ мои юношескія, провинціальныя представленія о редакторѣ такого либеральнаго органа, какъ «Дѣло», были потрясены: передо мной стоялъ суетливый, сухощавый человѣкъ, съ коротко остриженной, сѣдой и узкой головкой, съ пергаментнымъ, безцвѣтнымъ лицомъ стараго столоначальника, одеревенѣвшаго надъ бумагами.

Онъ извинился, что страшно занятъ, и пригласилъ къ себѣ вечеромъ:

— У меня соберутся сотрудники, съ которыми вамъ интересно будетъ познакомиться.

Вечеромъ я, конечно, явился, конфузясь и робѣя передъ небольшою группою лицъ, собравшихся въ довольно большой комнатѣ, повидимому, передъ кабинетомъ Благосвѣтлова, такъ какъ онъ часто убѣгалъ за какой-то занавѣсъ, когда ему приносили письма, бумаги и корректуры.

Вокругъ небольшого круглаго стола сидѣли на диванѣ и въ мягкихъ креслахъ слѣдующія лица: Мордовцевъ, Шеллеръ, Станюковичъ, Бажинъ (романистъ) и еще человѣка два-три, фамиліи которыхъ не помню.

Разговоры вертѣлись на литературныхъ сплетняхъ; рассказывались анекдоты, а въ углу, противоположномъ тому, гдѣ стоялъ диванъ, лакей приготовлялъ карточный столъ. Тутъ ужъ мои представленія о писателяхъ совершенно перевернулись вверхъ дномъ: «какъ,—думалъ я,—эти люди, поучающіе всю Россію, какъ слѣдуетъ жить разумно и нормально, проводятъ вечера за картами! Да что же это такое?»

Въ своей наивности я полагалъ, что играть въ карты могутъ только провинціальныя чиновники, а писатели ведутъ постоянно умные разговоры о томъ, что пишутъ... Впослѣдствіи я узналъ,

что большинство «писателей» бѣгутъ отъ «умныхъ» разговоровъ, которые имъ и безъ того приходится вести съ читателями на бумагѣ.

Скоро около круглаго стола остались только трое, а остальные усѣлись за карты. Самъ Благосвѣтловъ не игралъ и даже исчезъ на нѣкоторое время за свою портьеру, извинившись, что долженъ просмотрѣть что-то очень нужное.

Разговоръ за нашимъ столомъ тянулся вяло и сонно; кто-то рассказывалъ о своемъ совершенно неинтересномъ путешествіи за границу. Я начиналъ дремать, а удалиться не рѣшался, не простившись съ хозяиномъ.

Однако, появился наконецъ и онъ и, отведя меня въ сторону, спросилъ: не хочу ли я имѣть болѣе постоянную работу при журналѣ, напримѣръ, критическую. Вѣдь, и Писаревъ началъ стихами, а потомъ оказался блестящимъ критикомъ.

Я отвѣтилъ, что не пробовалъ своихъ силъ на этомъ пути, но, такъ какъ очень люблю литературу, люблю говорить о ней и разбирать прочитанное, то я попробую.

— Вотъ и отлично. У меня есть одна книжечка, я вамъ ее дамъ, и вы попробуйте.

Онъ далъ мнѣ довольно толстую, но небольшихъ размѣровъ книгу. Это были беллетристическія произведенія Бажина, съ которымъ я только что разговаривалъ, и который мнѣ очень понравился.

— Быть можетъ, вы успѣете написать объ этой книгѣ еще до отъѣзда изъ Петербурга? Вѣдь, больше двухъ-трехъ дней на это не потребуется. А тогда мы увидимъ...

Я взялся попробовать.

Въ заключеніе насъ пригласили ужинать въ столовую. Проходя гостиныя, съ дорогой мебелью и зеркалами, наконецъ, сидя за столомъ, убранномъ вазами съ фруктами и бронзовыми канделябрами, я совершенно терялъ голову отъ того, какъ могъ «позволить себѣ» такую «роскошь» издатель «Дѣла», котораго я считалъ ригористомъ!?

Послѣ ужина Благосвѣтловъ угощалъ всѣхъ сигарами, объявляя, что онѣ очень дороги и хороши.

Я скоро ушелъ, а остальные гости еще остались играть въ карты и бесѣдовать. Я торопился засѣсть сейчасъ же, ночью за чтеніе книги Бажина, чтобы успѣть въ три дня написать статью, заказанную мнѣ. И я ее, дѣйствительно, написалъ, но, увы, ей такъ и не удалось увидеть свѣтъ! Теперь я понимаю, что о книжечкѣ нужно было написать небольшую библиографическую замѣтку; я же съ жаромъ новичка написалъ большую статью, въ которой дѣлалъ необыкновенныя открытія: напримѣръ, г. Бажинъ оказывался у меня сатирикомъ «соціальныхъ условій жизни» и т. п.

Уѣхавъ изъ Петербурга въ Орелъ, гдѣ я постоянно жилъ въ то время, я посылалъ въ «Дѣло» попрежнему стихи и даже боль-

шія поэмы (какъ, напримѣръ, «Конопля»). Благосвѣтловъ печаталъ ихъ въ такъ называемыхъ подписныхъ книжкахъ, а одинъ изъ членовъ редакціи «Дѣла» предложилъ мнѣ даже редактировать изданіе сборника моихъ стиховъ, о которомъ я началъ подумывать, по совѣту редактора тогдашняго «Орловскаго Вѣстника», А. Н. Чудинова.

Въ то же время издать мои стихи мнѣ предложилъ и профессоръ Н. П. Вагнеръ, вмѣсто гонорара за мою статью «Физиологическія объясненія нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты», которая печаталась въ нѣсколькихъ №№ его научно-литературнаго журнала «Свѣтъ» и была мною послана ему изъ Орла.

Я принялъ это послѣднее предложеніе и въ то же время сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ вагнеровскаго «Свѣта», отдавая туда всѣ стихи, беллетристику и научно-философскія статьи. Вотъ тутъ-то и случился тотъ фактъ, который и досихъ поръ приводитъ меня въ изумленіе: когда въ 1878 г. вышла книжка моихъ стихотвореній, въ «Дѣлѣ» появилась страшно-ругательная, почти неприличная статья о ней. Такъ какъ большинство стихотвореній, вошедшихъ въ 1-й томъ, было напечатано въ томъ же «Дѣлѣ», то авторъ статьи долженъ былъ объяснить какъ нибудь это обстоятельство. И вотъ онъ объяснилъ его тѣмъ, что мои стихи помѣщались въ «Дѣлѣ» на-затычку, по усмотрѣнію метранпажа, когда нужно было заполнить мѣсто между двумя статьями. Я такъ растерялся отъ этой статьи, что не сумѣлъ въ то время даже возразить на нее, такъ какъ могъ бы сдѣлать это съ документами въ рукахъ, напечатавъ письма самого Благосвѣтлова, гдѣ онъ просилъ присылать стихи къ январской книжкѣ и т. д. (они и теперь у меня цѣлы).

Но мнѣ казалось неприличнымъ возражать противъ «критики», и я ограничился только тѣмъ, что съ того времени уяснилъ себѣ значеніе редакторскихъ любезностей, а, переѣхавъ вскорѣ на житье въ Петербургъ, конечно, уже не переступилъ порога милой редакціи.

Это было только началомъ моихъ разочарованій въ литературномъ міркѣ. Почти одновременно съ этой замѣткой «Дѣла», рецензентъ одной газеты поступилъ съ моими стихами еще лучше: онъ выписалъ одну строку изъ моего стихотворенія, замѣнивъ въ ней слова «надо льдомъ» словами «подо льдомъ» и выражалъ свое изумленіе: «до чего могутъ дописаться современные поэты: у нихъ люди разговариваютъ подо льдомъ!»

Я бросился къ своей книжкѣ, проклиная въ душѣ корректора, но, къ моему величайшему изумленію, въ книжкѣ разговоръ происходилъ «надъ льдинами», и я съ той минуты началъ немножко уяснять себя, что значили слова «литературная критика», въ ихъ настоящемъ, дѣйствительномъ смыслѣ въ концѣ 70-хъ годовъ.

Л. Е. Оболенскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОЕЙ ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

I.

К в а ч ь.

I.

ВЪ САМОМЪ началѣ 60-хъ годовъ, передъ «эмансипаціей», въ числѣ прочихъ вопросовъ, называвшихся тогда жгучими, былъ поднятъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Говорили не только о томъ, что пора отмѣнить порки въ гимназіяхъ, но что вообще не слѣдуетъ сѣчь кого бы то ни было. Отецъ мой, служившій по министерству путей сообщенія (онъ былъ инженеръ), особенно настаивалъ, чтобы тѣлесныя наказанія были отмѣнены въ его департаментѣ. Докладовъ высшему начальству онъ не дѣлалъ, а позвалъ вахтера и предупредилъ, что отнынѣ за провинности курьеровъ, сторожей и конюховъ драть не будутъ.

Вахтеръ былъ изъ крещеныхъ евреевъ и отличался изысканными манерами и томнымъ видомъ. Выслушавъ отца, онъ сказалъ:

— Только позвольте, ваше-скородіе, имъ этого не объявлять.

— Почему?

— Напьются. Пусть само собой образуется. Сразу невозможно. Сладу не будетъ.

Но, тѣмъ не менѣе, слухъ объ отцовскомъ распоряженіи разнесся очень скоро по двору. Сослуживцы отца распоряженія не

одобряли. Даже жена одного из вице-директоровъ въ видѣ упрёка ему говорила:

— У меня была дальняя родственница въ театральномъ училищѣ,—хороша была, какъ ангель, — золотистыя кудри, коса до пятъ, танцевала, какъ пери. И се, шестнадцатилѣтнюю красавицу, постоянно въ училищѣ сѣкли надзирательницы, и за что? За то, что она кокетничала глазками съ учениками на репетиціи въ театрѣ. Теперь она замужемъ за княземъ и всюду принята, и пользуется всеобщимъ уваженіемъ. А вы такъ заботитесь о пьяныхъ курьерахъ!

Къ общему удивленію и къ удивленію отца, его распоряженіе, вмѣсто того, чтобъ распустить, какъ-то всёхъ подтянуло. Недѣли двѣ прошло настолькоъ благополучно, что никакимъ наказаніямъ никого не пришлось подвергнуть.

— Тихо?—спрашивалъ отецъ.

— Тихо-то оно тихо,—загадочно отвѣчалъ вахтеръ.

— Да вѣдь всё довольны?

— Оно, конечно, довольны...

— Ну, такъ что же еще?

— Да вотъ Квачъ...

— Говори толкомъ.

— Да извольте сами его допросить.

— О чемъ мнѣ его допрашивать?

Вахтеръ оглянулся по сторонамъ, качнулся въ сторону начальника и, вытянувъ шею, шепотомъ сказалъ:

— Осуждаетъ.

Отецъ нахмурился. Квачъ чаще другихъ подвергался до сихъ поръ дѣржкѣ за пьянство, грубости вахтеру и драку съ товарищами. Это былъ угрюмый, черный хохоль, маленькаго роста, совсѣмъ обрусѣвшій. Онъ былъ курьеромъ; когда былъ трезвъ, должность несъ истово, но это бывало рѣдко, потому что почти ежедневно онъ «къ дѣлу употребленъ быть не могъ». Его все собирались прогнать со службы, но все почему-то оставляли.

II.

На зовъ отца онъ явился заспанный, включенный, болѣе мрачный, чѣмъ всегда. На вахтера, который его привелъ, онъ смотрѣлъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ и, когда тотъ, тихонько притворивъ дверь и кашлянувъ въ кулакъ, вышелъ въ прихожую, даже хотѣлъ сплюнуть ему вслѣдъ, но удержался.

— Отчего ты не причесанъ?—спросилъ отецъ.—Что это за лохмы?

Квачъ провелъ рукой по головѣ, какъ бы желая убѣдиться, что у него за лохмы, но ничего не отвѣтилъ.

— Ты знаешь о моемъ распоряженіи: объ отмѣнѣ розогъ?

Онъ вскинулъ глазами красными и мутными, и опять опустил ихъ.

— Слышишь ты? Тебя я спрашиваю.

Онъ снова поднялъ глаза.

— Такъ точно.

Звуки онъ изъ себя выпиралъ хриплые и дикіе; когда его спрашивали, отчего у него такой голосъ, всегда отвѣчалъ: «извѣстно, кульеры всегда осипши по ихъ должности».

— Говорятъ, ты не одобряешь этой мѣры?—продолжалъ отецъ.

Квачъ выразилъ на лицѣ полное презрѣніе.

— Это все вахтеръ, ваше-скородіе, наговариваетъ. Наушникъ, подлецъ.

Голова вахтера тотчасъ высунулась въ щель.

— Какой ты нестоющій человекъ,—заговорилъ онъ.—И какъ ты смѣешь передъ его выскородіемъ...

Отецъ его прогналъ.

— Такъ это вахтеръ вретъ? Ты согласишь, что и безъ порки прожить можно?—продолжалъ онъ.

Квачъ вздохнулъ, переступилъ съ ноги на ногу и сказалъ:

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Что угодно? Говори яснѣе.

— Ваша воля.

Отецъ вспылить.

— Да что ты прикидываешься дурнемъ? Я позвалъ тебя, потому что хочу узнать: зачѣмъ по-твоему розги нужны людямъ? Ну?

— Да вѣдь ваше-скородіе отмѣнили. Чего-жъ тутъ говорить...

— А ты бы не отмѣнилъ на моемъ мѣстѣ? Ну, что-жъ ты молчишь?

Квачъ кинулъ умоляющій взглядъ на отца.

— Ослобоните, ваше-скородіе.

— Значить, ты не хочешь мнѣ отвѣчать?

— Никакъ нѣтъ.

— Что такое «никакъ нѣтъ»? Хочешь, или не хочешь?

— Такъ точно...

— Пошелъ вонъ!

Квачъ сдѣлалъ налѣво кругомъ и вышелъ. Проходя мимо вахтера, онъ скопился на него и сказалъ:

— Соглядатый... бродяга...

III.

Близъ министерства былъ садъ, принадлежавшій одному училищу, куда мы, дѣти, ходили иногда играть въ тѣ часы, когда тамъ не было воспитанниковъ. Но по дорогѣ въ садъ намъ доставляло неизъяснимое наслажденіе забѣжать потихоньку на третій дворъ, гдѣ были конюшни, и гдѣ стояли лошади, предназначенныя

для курьерскихъ разѣздовъ. Тамъ чудесно пахло душистымъ сѣномъ, конскимъ потомъ и махоркой. Кучера всѣ были веселые, и у нихъ всегда въ гостяхъ торчала какая нибудь горничная, всегда стояла бутылка вишневки, слышались прибаутки, смѣхъ, всегда пересуживали начальство. Я особенно любилъ кучера Петра, молодого веселаго парня, иногда ѣздившаго и съ отцомъ, и потому ко мнѣ всегда благоволившаго. Какъ разъ на другой день, послѣ допроса Квача, я забѣжалъ къ Петру и засталъ его съ нашей горничной Матрешей и Квачемъ. У нихъ шла перебранка. Квачъ въ сюртукѣ съ зелеными жгутами, въ фуражкѣ и съ ободреннымъ портфелемъ стоялъ сердито передъ Петромъ.

— Лясы точить только и есть вамъ дѣло, ироды!—кричалъ онъ.— Отчего въ упряжкѣ лошади нѣтъ? Вамъ отъ экзекутора велѣно, чтобъ всегда, какъ на пожаръ, были готовы. Въ армякѣ сиди, кнутъ въ рукахъ держи, шапку не смѣй снять.

— Ладно, поспѣешь, — сказалъ Петръ, лѣниво вставая. — Ни какихъ такихъ у васъ спѣховъ нѣтъ.

— А вамъ, Матрена Игнатьевна, даже нарочито непристойно съ этой навозной командой компанію водить,—обратился Квачъ къ Матрешѣ, — да еще при господскомъ ребенкѣ. То есть совѣмъ нынче стыдъ потерянь.

Матреша шмыгнула подъ ворота.

— Куда торопитесь-то?—спросилъ Петръ, быстро и ловко взнуздывая тощую гнѣдую кобылу огромнаго роста, которая ходила легкой трусцою, но такъ разставляла свои длинныя ноги, что за ней на полныхъ рысяхъ не могли угнаться.

— Да опять сочинителя изъ квартала освобождать,—черти!

У насъ служилъ въ министерствѣ нѣкій К***,—поэтъ, и безызвѣстный, — который пилъ горькую и нерѣдко оказывался въ какомъ нибудь кварталѣ, куда былъ взятъ за безобразіе въ публичномъ мѣстѣ. Послѣ его протрезвленія изъ департамента посылался курьеръ съ запиской экзекутора и съ удостовѣреніемъ личности К***,—только тогда его и освобождали изъ заточенія. Миссія эта всегда возлагалась на Квача.

— Что онъ часто началъ закручивать?—спросилъ Петръ.—На прошлой недѣлѣ въ четвертую адмиралтейскую ѣздили?

— А теперь въ Каретную поѣдемъ. Не деруть... Отодрать бы разъ,—узнать, какъ шкандалить...

— Да вѣдь вотъ васъ, Кузьма Ивановичъ, какъ драли,—осклабился Петръ,—а все пользы мало вышло!

— Ну, ну! Подстегивай свои мѣчки, не разговаривай!—сурово отозвался Квачъ и переложилъ портфель изъ одной руки въ другую.

— Нешто такъ деруть, какъ меня здѣсь драли!—заговорилъ онъ помолчавъ.—Вотъ ротный у насъ, царство небесное, Краюхинъ.—

такъ тотъ, точно, показывалъ себя. Какъ начнетъ, какъ начнетъ... такъ, знаешь, пухъ и перья... пухъ и перья...

Петръ началъ облачаться въ свой дырявый армякъ.

— А что это, Кузьма Ивановичъ, сказалъ онъ,—точно я ужъ давно васъ выпивши не видалъ?

Квачъ насушился.

— Зарокъ далъ,—проговорилъ онъ сквозь зубы.

— О—о! Давно ли?

— Да ужъ недѣли двѣ съ лишнимъ.

— Скажите! И думаете перенести?..

— Думалъ... А только теперь какъ разъ вдругъ эта отмѣна...

Кабы зналъ,—не давалъ бы зарока.

— Садитесь, Кузьма Ивановичъ, всё готово,—предложилъ Петръ, стягиваясь кушакомъ.—А безъ дѣрки-то трудноато выдержать?

— Кабы знать,—ни за что клятвы бы не далъ,—сокрушенно повторилъ курьеръ и сѣлъ на трясучія кривыя дрожки на стоячихъ рессорахъ.—Большое недоразумѣніе теперь выйти можетъ,—прибавилъ онъ, когда экипажъ съ дребезжаніемъ тронулся по двору.—Очень мнѣ это тяжело и непріятно...

IV.

Я не сказалъ отцу, что зналъ о зарокѣ Квача. Мнѣ казалось, что я посвященъ въ чужую тайну, и открывать ее не могу. Каждый день мнѣ доводилось его видѣть. То онъ приносилъ отцу какія-то бумаги, то выѣзжалъ съ Петромъ и съ какими-то посылками на почту, то привозилъ вырезвленнаго К***. Я замѣчалъ, что Квачъ худѣетъ, желтѣетъ, дѣлается какимъ-то сѣрымъ, и все вспоминалъ его слова: «большое недоразумѣніе теперь выйти можетъ».

Однажды вечеромъ отецъ, по обыкновенію, раскладывалъ пасьянсъ въ гостиной. Я сидѣлъ тутъ же на диванѣ и смотрѣлъ картинки въ священной исторіи, «сочиненной для наслѣдника французскаго престола», какъ значилось на титульномъ листѣ, когда Матреша заявила, что Квачъ просить о немъ доложить.

— Пьяный?—спросилъ отецъ.

— Трезвый; только глаза бѣгають.

Его выпустили. Онъ вошелъ, сдѣлалъ отъ двери шага три и повалился отцу въ ноги.

— Ваше высокородіе, будьте отцомъ благодѣтелемъ!

Отецъ даже переполошился и бросилъ пасьянсъ.

— Что такое? Что случилось?

— Дозвольте васъ просить Христомъ Богомъ...

— Ну?...

— Прикажите меня выдрать.

Отца на шагъ назадъ откинуло.

- За что?
- Силъ моихъ нѣтъ. Что нибудь сдѣлаю... Я ужь у попа былъ.
- Онъ говоритъ: крѣпись!...
- Встань. Дохни на меня.
- Онъ дохнулъ. Духъ оказался «чистый». Отецъ помолчалъ.
- Вотъ что я тебѣ скажу,—проговорилъ онъ:—ищи другую службу.
- Квачъ опять бухнулся на полъ.
- Не погубите, ваше-скородіе,—вѣкъ буду за васъ Бога молить.
- Да что же мнѣ съ тобой дѣлать?
- Прикажите высѣчь.
- Не могу. Сказалъ, что это отмѣнено, и измѣнять своего приказа не буду.
- Онъ грустно понурился.
- Ваша воля,—проговорилъ онъ.
- Онъ постоялъ у дверей, переминаясь съ ноги на ногу.
- Еще что надо?—спросилъ у него отецъ, отрываясь отъ картъ.
- Онъ ничего не отвѣтилъ, подавилъ вздохъ, сдѣлалъ налѣво кругомъ неторопливо, безо всякаго удовольствія и вышелъ.
- Вотъ изволь ладить съ этимъ народомъ,—сказалъ отецъ матери, смѣшивая пасьянсъ.—Чортъ ихъ знаетъ, что имъ нужно!

V.

Черезъ нѣсколько дней стали говорить, что вахтеръ высѣкъ Квача. Состоялось это втихомолку, на чердакѣ. Квачъ, чтобы не кричать, засунулъ въ ротъ полотенце. Вахтеръ накрѣпко привязалъ его къ экзекуторскому сундуку, при чемъ Квачъ подбодрялъ его: «туже правую руку, туже, чтобъ не вырваться,—вырвусь, храни Богъ,—изувѣчу тебя съ азарта». Вахтеръ привязалъ его аккуратно и отвелъ душу за всѣ прежнія обиды. Квачъ на день казался больнымъ, но потомъ появился повеселѣвшимъ. Дошли эти слухи и до отца. Онъ позвалъ обоихъ. Оба отперлись.

— Никакъ нѣтъ, ничего такого не было. Люди наговариваютъ по злобѣ.

— Не свидѣтельствовать же мнѣ его,—сказалъ отецъ.—Какое мнѣ дѣло, что они другъ съ другомъ дѣлаютъ.

Жалованье свое Квачъ перевелъ на имя кумы. Онъ объяснилъ казначею, что желаетъ посылать деньги въ деревню и, чтобы сохранить ихъ, рѣшился на годъ передать свое право на получение какой-то Аринѣ Плисовой. Арина Плисова пришла въ кринолинѣ и съ охотой получила его жалованье, заявивъ, что и впредь будетъ неукоснительно приходитъ съ довѣренностью. Квачъ предупредилъ товарищей:

— Ежели теперь, братцы, я до жалованья въ долгъ просить буду, мнѣ нельзя давать: потому теперь ау! доходовъ никакихъ у меня нѣтъ.

И все шло благополучно. Но вдругъ подвернулись именины сторожа Епиктета. Епиктетъ былъ изъ духовныхъ, потому и носилъ такое нравоучительное имя, и уволенъ-то былъ изъ какой-то церковной школы тоже въ поученіе другимъ за тупость и нерадѣніе. Но сторожемъ онъ былъ очень скромнымъ и цѣлый годъ готовился къ торжеству своего тезоименитства, выставляя такое количество яствъ и питій, что спаивалъ всѣхъ служащихъ.

На епиктетовскихъ именинахъ Квача прорвало. Онъ напился сталъ плясать. Потомъ заплакалъ, сказалъ, что онъ человѣкъ погибшій, и утромъ проснулся у Петра въ конюшнѣ, въ пустомъ стойлѣ на соломѣ, предупредительно подотланной пріятелемъ. Онъ былъ мраченъ, блѣденъ и смотрѣлъ болѣе дико, чѣмъ всегда, вздрагивалъ и поводилъ глазами.

Среди дня онъ отправился къ кумѣ, но та его выгнала съ позоромъ, и обозвала пьяницей. Онъ пошелъ кланчить у пріятелей полтинника. Тѣ не дали. Онъ занялъ его у Матрешы и снова напился. Протрезвившись онъ пришелъ къ вахтеру и сказалъ:

— Погибшій я человѣкъ, и все мое спасеніе теперь, ежели бы горячихъ всыпать.

Но вахтеръ хотѣлъ его доканать своимъ презрѣніемъ.

— Очень мнѣ нужно со всякимъ пьяницей возиться, руки мараать, да потомъ передъ господами начальствомъ въ отвѣтъ быть.

— Что же мнѣ тогда дѣлать?

— Тебѣ самое настоящее дѣло повѣситься. Потому что больше ты ни на что не нуженъ.

VI.

Черезъ день встревоженный вахтеръ заявилъ моему отцу, что на заднемъ дворѣ произошла неприятность: пропало бѣлье, развѣшанное прачкой для просушки. Бѣлье принадлежало сторожамъ и курьерамъ, и стирала его прачка, которая всегда ихъ обстирывала. Развѣшивала она сушить бѣлье всегда въ одномъ мѣстѣ, искони вѣковъ, и никогда не пропадало ни одной вещи. А тутъ вдругъ украли три рубашки, и всѣ три принадлежали Квачу.

Немедленно произвели домашнее слѣдствіе. Прачка ревѣла и клялась, что это ктонибудь изъ своихъ, такъ какъ дѣйствительно на третій дворъ никогда никто изъ чужихъ не заходилъ. Вахтеръ угрюмо молчалъ и только изрѣдка, словно про себя, бормоталъ:

— Царица Небесная! Скажите, пожалуйста!

Квачъ лежалъ въ этотъ день въ лоскѣ пьяный, и отъ него ничего нельзя было добиться, да и нечего отъ него добиваться было,

онъ же былъ пострадавшій. Къ нему трезвому пришла прачка и сказала:

— Что-жь, моя вина! Я тебѣ, Кузьма Ивановичъ, сошью новыя двѣ рубашки.

Онъ глянулъ на нее мрачно:

— Не надо мнѣ твоихъ рубашекъ,—возразилъ онъ. — Кто укралъ, тотъ и отвѣтитъ.

Экзекуторъ дѣятельно производилъ слѣдствіе. Онъ опросилъ всѣхъ, кого только могъ. Удивительнѣе всего было то, что кучеренокъ сидѣлъ все утро у воротъ неотлучно и утверждалъ, что и кошки чужой не пробѣжало. Экзекуторъ посмотрѣлъ пристально на него и сказалъ:

— А если тебѣ баню прописать,—можетъ, ты и припомнишь что еще?

Тотъ струхнулъ:

— Помилуйте, ваше благородіе, за что же?

— А вотъ за то, что у тебя сапоги новые. Откуда ты денегъ взялъ?

— У меня скоплены были, ей-Богу, были.

Экзекуторъ взялъ его за вихоръ и больно закрутилъ.

— Откуда ты скопить могъ, чертяга?

— Помилуйте,—нешто за эту рвань новые сапоги дадутъ?

Экзекуторъ сообразилъ, что оно, пожалуй, и такъ.

— И я-то дуракъ,—подумалъ онъ,—третій день вожусь изъ-за тряпья, цѣна-то которому сорокъ копеекъ.

А все-таки онъ велѣлъ посадить мальчишку въ темную на хлѣбъ и на воду.

VII.

Опять Матреша доложила отцу, что его хочетъ видѣть Квачъ.

— Надоѣлъ ты мнѣ, — сказалъ отецъ. — Уходи самъ, а то прогону тебя! Кажлый день пьянъ. Посмотри на свою образину.

Опять Квачъ бухнулся въ ноги.

— Ваше-скородіе, я къ вамъ съ докладомъ пришелъ—вора объявить.

— Нашель?

— Да нетрудно найти-то.

— Кто же?

— Да я же самъ и укралъ.

Отецъ оторопѣлъ.

— Какъ свое же собственное бѣлье?

— Такъ точно. Силъ не было. Кабы выдрать меня въ тѣ поры, ничего бы такого не было.

— Зачѣмъ же ты кралъ?

— Продалъ. Опохмелиться очень хотѣлось.

— Зачѣмъ же красть?—прямо и продалъ бы свои вещи!

— Стыдно передъ товариществомъ было, ваше-скородіе.

Отецъ велѣлъ позвать вахтера.

— Я такъ и думалъ, что онъ,—сказалъ обрадованный вахтеръ.

— Ну, чего врать, гдѣ ты думалъ!—презрительно возразилъ ему Квачъ.

— Зачѣмъ же изъ-за тебя на невинныхъ людей нареканія?—спросилъ отецъ.

— Лукавый путаегъ, ваше-скородіе. Теперь одно только и остается: ежели полсотни мнѣ всыпать, чтобы дня три пролежать...

Отецъ обратился къ вахтеру:

— Что жъ намъ съ нимъ дѣлать? Коли онъ самъ у себя воровать началъ, такъ и у другихъ украдегъ.

— Ваше-скородіе,—молилъ Квачъ.—Въ послѣдній разъ прикажите выдрать. Въ назиданіе, чтобы такъ... чтобы чувствовалъ я, и другіе чувствовали... Спасите человѣка!..

Отецъ ушелъ отъ него, хлопнувъ дверью. Квачъ не унялся. Его точно что захватило. Онъ пошелъ по всему начальству просить о томъ же. Вице-директоръ взбѣсился:

— Чтобы духу твоего вечеромъ здѣсь не было,—слышишь: духу чтобы не было!—кричалъ онъ.—Я распоряжусь, чтобы тебя уволили. Я научу тебя совать носъ въ генеральскія квартиры безъ спроса!..

Въ тотъ же вечеръ Квача нашли повѣсившимся въ конюшнѣ.

II.

Упорный консерваторъ.

I.

Никита Всеволодовичъ Трапезниковъ, нашъ предводитель дворянства, былъ такой человѣкъ привычекъ, такой врагъ всякой переменѣ, всего новаго, что его даже жена называли «упорнымъ консерваторомъ». И не то, чтобы его консерватизмъ касался общественныхъ и политическихъ вопросовъ,—напротивъ того, онъ усиленно ратовалъ и за крестьянскую и потомъ за судебную реформу,—но онъ терпѣть не могъ новшества.

— Благодарю Бога за одно,—говорилъ онъ,—что не жилъ при Петрѣ. Я бы повѣсился. Если я привыкъ къ сапогамъ съ высо-

кими голенищами, такъ не заставляйте меня носить башмаковъ это варварство.

Онъ когда-то былъ конногвардейцемъ, лихимъ кутилой, потомъ женился на богатой княжнѣ, сталъ хозяйничать самъ въ имѣньяхъ, заложилъ ихъ, деньги проѣлъ не только съ сосѣдями, но и со всей губерніей, и наконецъ удостоился быть избраннымъ въ губернскіе предводители. Его жизнь прошла совершенно такъ, какъ она прошла у сотенъ и тысячъ другихъ богатыхъ дворянъ. Даже у него колѣно было ушиблено на охотѣ, и жена его ревновала ко всѣмъ губернскимъ дамамъ,—словомъ это былъ типичный предводитель, выкроенный по разъ утвержденному образцу.

Когда его называли консерваторомъ,—онъ жестоко обижался.

— Позвольте, господа,—говорилъ онъ:—я «Колоколь» получаю, у меня полный комплектъ «Полярной Звѣзды». Когда я за границей, всегда не премину повидаться съ Сашей,—мы любимъ другъ друга. Какой же я консерваторъ?

Саша—былъ Герценъ. Они приходились какими-то дальними родственниками.

Тѣмъ не менѣе, когда была утверждена желѣзная дорога черезъ нашъ городъ, онъ возмущился.

— Позвольте, господа! До столицы съ небольшимъ сто верстъ! За какими, съ позволенія сказать, чертями намъ эта линія? Чѣмъ мы такимъ торгуемъ, что намъ необходимо ускоренное движеніе? Товары? Какіе товары?

— Да чѣмъ, ваше превосходительство, вамъ мѣшаетъ эта линія?—спрашивали у него.

— Всѣмъ. Явится вокзалъ со сквернымъ буфетомъ; начнутъ звонить, свистѣть, шумѣть, коптить. Всѣ станутъ торопиться; извозчики вздорожаютъ; пойдутъ крушенія, катастрофы; въ поляхъ будутъ давить скотъ и пьяныхъ проѣзжихъ...

— Такъ не надо намъ чугунокъ?

— Не надо. Я люблю все дѣлать съ удовольствіемъ. А какое же удовольствіе закупоривать себя въ эту коробку, дышать пылью, ѣхать съ какими-то прохвостами? Да меня калачемъ туда не заманите.

II.

И онъ не отступилъ отъ своего мнѣнія. Когда еще проводили желѣзную дорогу, онъ презрительно относился къ жившимъ въ городѣ инженерамъ и никогда ни одного изъ нихъ не пригласилъ къ себѣ. На открытіе вокзала онъ не пріѣхалъ, такъ какъ пригналъ къ этому времени какую-то грандіозную охоту на волковъ и увезъ съ собой нѣсколько представителей аристократіи. А послѣ открытія онъ ни разу такъ и не поѣхалъ по линіи, хотя рѣдкій

мѣсяцъ на день, на два онъ не заѣзжалъ въ столицу. Продѣлывалъ онъ это дѣйствительно со вкусомъ.

— Съѣзжу-ка я, Магіе, къ министру,—говорилъ онъ женѣ,—за одно посѣщу Лукерью Пантелеевну. Если тебѣ что нужно, дай со мной записочку, я привезу.

Онъ отдавалъ распоряженіе своему камердинеру. Тотъ распоряжался всѣмъ, чѣмъ надо. Въ его легкій возокъ клали медвѣжьё шубу, приводили лихую курьерскую тройку. Послѣ обѣда, часовъ въ десять, Никита Всеволодичъ не торопясь переодѣвался въ дорожное платье, выпивалъ на дорогу стаканъ пунша, заваливался въ уголъ возка и говорилъ лакею:

— Завтра ровно въ шесть часовъ чай въ Завалишинѣ, а чтобъ къ десяти быть у брата.

Лакей отвѣчалъ: «слушаю, ваше превосходительство»,—и перекладныя несли его по восемнадцати верстѣ въ часъ, взметая снѣжную пыль на голубомъ просторѣ снѣжной пустыни, освѣщенномъ бѣжавшимъ по небу зеркальнымъ мѣсяцемъ. Ровно въ десять онъ подкатывалъ къ брату, важному чиновнику. А къ ночи тотъ же возокъ снова летѣлъ по прежней накатанной полозьями дорогѣ, но уже въ обратную сторону.

Лѣтомъ закладывалась чудесная вѣнская коляска. Если не спалось Никитѣ Всеволодовичу, онъ выходилъ на станціяхъ. У него всюду были знакомые и масса крестниковъ. Станціонные смотрители очень любили его приглашать крестить, и самъ Трапезниковъ любилъ эту церемонію. Бывало такъ, что самъ назначалъ время:

— Послѣзавтра на разсвѣтѣ мимо поѣду, зовите попа, а я крестъ и ризки захвачу.

Пріѣзжалъ онъ домой веселый, оживленный, раздавшій по дорогѣ рублей пятьдесятъ на чай, и говорилъ своимъ:

— По крайней мѣрѣ, не по звонку ѣхалъ.

Надъ его нелюбовью къ поѣздамъ подшучивали. Одинъ разъ его спѣшно вызвали въ Петербургъ. Была страшная распутица въ глухую осень. Онъ заказалъ экстренный поѣздъ. На полдорогѣ паровозъ, какъ нарочно, сошелъ съ рельсовъ,—и его везли пятнадцать часовъ. Назадъ онъ поѣхалъ на лошадахъ. А потомъ онъ сдѣлалъ визитъ начальнику движенія и саркастически поблагодарилъ его за удовольствіе. Тотъ такъ сконфузился, что хотѣлъ возратить ему плату за проѣздъ, но Трапезниковъ отказался.

— Жертвую эти деньги на стипендію имени строителей вашей дороги,—сказалъ онъ.

III.

«Консерватизмъ» особенно ярко сказался въ немъ при одномъ обстоятельстве. Дворянство затѣяло постройку новаго зданія своего собранія и ассигновало на этотъ предметъ очень значительную сумму. Постройку вздумали поручить предводителю, зная его за человѣка большого вкуса.

— Обращаю ваше вниманіе,—говорилъ одинъ изъ дворянъ, за-сѣдавшій въ комиссіи по постройкѣ,—на молодого архитектора Чурилина, который теперь положительно гремитъ въ столицѣ. Я бы предложилъ сдать постройку ему, дабы наше собраніе и со стороны фасада явилось украшеніемъ города.

Съ этимъ мнѣніемъ всѣ согласились, кромѣ предводителя.

— Позвольте, господа,—говорилъ онъ:—у насъ есть превосходный губернской архитектуры Тесаковъ. Посмотрите, какъ онъ построилъ казенную палату: какъ по ниточкѣ все зданіе. А кто такой этотъ Чурилинъ, и какъ онъ строить—неизвѣстно. Вы говорите, онъ церковь какую-то строилъ. Церковь—это одно, а наше собраніе—другое. Я бы предложилъ Тесакова. Прекрасный человѣкъ, хорошій семьянинъ, превосходно играетъ въ преферансъ. А Чурилина еще щупать надо, какой онъ такой.

Тѣмъ не менѣе, рѣшено было обратиться къ Чурилину. Никита Всеволодовичъ разыскалъ его и объяснилъ задачу. Тотъ сказалъ, что надо пріѣхать въ городъ и осмотрѣть самую площадь, чтобы зданіе подходило къ мѣстнымъ условіямъ и имѣло видъ среди другихъ построекъ.

— Да тамъ, родной мой, въ строгомъ смыслѣ построекъ нѣтъ,—возразилъ Трапезниковъ.—Просто дома—двухъэтажные и трехъэтажные. Вы сдѣлайте нашъ-то домъ повиднѣе, и, конечно, съ колоннами.

Вскорѣ Чурилинъ заявилъ, что, по его мнѣнію, зданіе можетъ быть построено въ одномъ изъ трехъ стилей: ренессансъ, мавританскомъ или древне-русскомъ.

— Вы мнѣ скажите, какой стиль вы предпочитаете, тогда я проектъ и разработаю,—говорилъ онъ.

— Ренессансъ—это на вокзалъ будетъ похоже,—сказалъ Никита Всеволодовичъ.—Мавританскій—тотъ еврействомъ пахнетъ. Въ мавританскомъ стилѣ надо банки строить. А вотъ въ русскомъ—это хорошо. Только не особенно древне-русскомъ, а такъ—среднемъ.

Архитекторъ засѣлъ за работу. Онъ только что получилъ званіе академика, и потому работалъ, закусивъ удила. У него появились и кокошники, и полотенца, и коньки, и рѣзные наличники на окнахъ. Сбоку онъ помѣстилъ башню съ шатровымъ верхомъ, и все расписалъ въ тонахъ старой Москвы: краснымъ, синимъ, жел-

тымъ и зеленымъ. Общество архитекторовъ заинтересовалось работою, а одинъ газетный художественный критикъ, видѣвшій проектъ, написалъ, что это откровеніе.

Но Трапезниковъ былъ другого мнѣнія. Когда онъ вошелъ въ мастерскую и увидѣлъ на огромномъ подрамникѣ блестяще нарисованный фасадъ на фонѣ фіолетоваго неба, онъ сразу сказалъ:

— Родной мой, это намъ никуда.

Архитекторъ вспыхнулъ:

— То-есть какъ никуда?

— А такъ. Я подъ русскимъ стилемъ не то подразумѣвалъ. Просто четыре колонки, фронтоны, гладкія стѣны. Чтобы простота была. А эти выверты, они недостойны дворянства. Тутъ претензія есть. Дворянство должно быть непоколебимо, спокойно и просто. Цвѣтъ зданія можетъ быть только бѣлый. А у васъ—и красненькое, и синенькое, этого нельзя-съ; идеи нѣтъ.

— Идеи нѣтъ!—заскрежеталъ зубами художникъ.—У васъ, а не у меня, милостивый государь, нѣтъ ни идеи ни вкуса. Тогда вамъ слѣдовало просто обратиться къ подрядчику и велѣть ему построить казарму, выкрашенную охрой.

— Нѣтъ-съ,—невозмутимо говоритъ Никита Всеволодовичъ.—Охрой красятъ только тюрьмы. А здѣсь—бѣлилами, одними только бѣлильцами. Гладкій, гладкій, чтобъ былъ фасадъ, какъ листъ писчей бумаги. А башенка—она смысла не имѣетъ.

— Отчего не имѣетъ?

— Зачѣмъ на дворянскомъ собраніи вышка? Что оттуда смотрѣть? Да такимъ фасадомъ мы весь городъ испортимъ. Что же дѣлать остальнымъ владѣльцамъ? У насъ и соборъ бѣлый, и казенная палата бѣлая, и губернаторскій домъ бѣлый, а мы, дворяне, вдругъ будемъ многоцвѣтные. И внутри тоже-съ. Гладкія колонны, гладкія стѣны. Хоры наверху арочками. А лѣпки никакой не нужно. И потомъ у васъ цвѣты какіе-то по стѣнкамъ. Нѣтъ, ужъ извините, а это совсѣмъ никуда не годится.

И кончилось тѣмъ, что Тесаковъ построилъ вторую казенную палату, съ шестью колоннами, портикомъ и фронтономъ. Никита Всеволодовичъ, проѣзжая мимо, всегда говорилъ:

— Не надоѣстъ, по крайней мѣрѣ. Сколько времени ни смотри, всегда одинаковое впечатлѣніе.

IV.

Никита Всеволодовичъ каждое утро пилъ кофе, сидя у большого венеціанскаго окна кабинета. Аккуратно прочитывалъ онъ газеты, аккуратно выпивалъ два стакана и выкуривалъ сигару. Напротивъ его дома стоялъ сѣренькій низенькій домикъ вдовы доктора Шютцъ. Аккуратно въ половинѣ девятаго къ подъѣздику дома подавали

старую костлявую сѣрую лошадь, и докторша ѣхала на рынокъ. Никита Всеволодовичъ привыкъ въ теченіе пяти лѣтъ видѣть, какъ сперва выходилъ гимназистъ, сынъ вдовы, потомъ выползала сама нѣмка. Оба садились въ сани, и старый кучеръ везъ ихъ сперва въ гимназію, потомъ на базаръ. Каждый разъ, при видѣ сѣраго мерина, Трапезниковъ замѣчалъ камердинеру:

— И вѣдь не издыхаетъ, бестія.

Однажды утромъ камердинеръ доложилъ, что меринъ издохъ. Никита Всеволодовичъ всполошился.

— Какъ издохъ? На чемъ же докторша будетъ ѣздить?

— Онѣ совѣмъ лошадь держать не будутъ, говорятъ, средствъ нѣтъ.

— Что за вздоръ! Я привыкъ, чтобъ непременно сѣрая лошадь...

Онъ до того разволновался, что навѣстилъ докторшу. Та подтвердила, что лошадь купить у нея средствъ нѣтъ.

— Такъ я васъ, сударыня, въ память вашего покойнаго мужа, попрошу принять отъ меня въ даръ лошадку. На чемъ же вашего сына вы будете въ гимназію отправлять?

— Охъ, бабюшка, да и изъ гимназіи-то взять придется. И въ гимназію платить нечѣмъ.

— Фу, какіе пустяки! Нельзя, нельзя... Онъ долженъ въ половинѣ девятаго уходить въ школу.

И онъ досталъ новаго сѣраго мерина, очень похожаго на прежняго, такого же стараго и такого же лѣниваго, а за сына внесъ плату въ гимназію.

Разъ осенью, когда уже начались классы, онъ замѣтилъ, что гимназистъ не появляется больше изъ дверей. Онъ справился. Оказалось, мальчикъ кончилъ гимназію и поступилъ въ университетъ.

— Удивительно, какъ у насъ нѣтъ до сихъ поръ университета!— сказалъ онъ и началъ проводить эту мысль въ высшихъ сферахъ. Но его проектъ провалился.

— Газу нѣтъ у васъ, водопроводовъ нѣтъ, а вы—университетъ!

Онъ началъ спорить, увѣряя, что сперва нуженъ университетъ, а потомъ газъ, а не наоборотъ. Но ему не повѣрили.

— Хоть небольшой университетикъ,—предлагалъ:—съ филологическимъ и медицинскимъ факультетомъ. Больше не надо. Посмотрите, какъ бы это оживило городъ.

Ему не вняли. Онъ потомъ упрекалъ всѣхъ:

— А еще консерваторомъ меня зовутъ!

V.

Сына онъ отдалъ въ Пажескій корпусъ потому, что самъ когда-то былъ пажомъ.

— Все тамъ знакомое,—говорилъ онъ,—и начальники—бывшіе товарищи, и церковь тоже.—Куда-же мнѣ его, въ лицей?—Я никого не знаю. Пусть пажомъ будетъ.

Когда по выходѣ въ полкъ, его Ваня проигралъ пятнадцать тысячъ какому-то грузинскому князю и пріѣхалъ къ нему за деньгами, онъ обнялъ его и сказалъ:

— Я этого ожидалъ, мы всё съ этого начинали.

И заплатилъ, безъ малѣйшаго упрека, только при прощаніи сказалъ Ванѣ:

— Можно только до двухъ разъ. Въ третій разъ не заплачу, и ты будешь скомпрометтированъ.

Обстановка у него была старинная. Если дѣлалось чтонибудь новое, то онъ старался подогнать подъ старое. Съ грустью онъ узналъ отъ сына, что многіе учебники въ корпусѣ уже не тѣ, по которымъ онъ учился. Только одинъ Филаретовскій катехизисъ остался неизблемъ.

— Что значитъ крѣпко-то написано,—говорилъ онъ:—небось держиваетъ свое.

Когда въ городѣ временно завелась опера, онъ настаивалъ, чтобъ шла «Аскольдова могила». Его увѣряли, что время для «Могилы» прошло, но онъ въ отвѣтъ на это спѣлъ чудеснымъ баритономъ:

«Близко города Славянска»,

и спросилъ:—чѣмъ это хуже вашего Даргомыжскаго?

Его постоянно избирали въ предводители потому, что всё имъ были довольны. Когда одинъ министръ спросилъ у него:

— А вы давно предводительствуете?

Онъ отвѣтилъ:

— Четвертаго министра имѣю счастье переживать въ этомъ званіи, ваше превосходительство.

По привычкѣ онъ держалъ при себѣ никуда негодныхъ людей, лошадей, собакъ; по привычкѣ былъ со всѣми любезенъ, и иногда только восклицалъ:

— Господи, какой мерзавецъ Вощенко! А привыкъ къ нему, не могу не подать руки.

Если у Никиты Всеволодовича спрашивали мнѣнія по какомунибудь вопросу, онъ спокойно заявлялъ, что у него нѣтъ никакого мнѣнія.

— Какъ же, вѣдь вы же думали что нибудь по этому поводу?

- Никогда не думалъ, и думать не буду.
- Да почему же?
- Потому, что я никогда ни о чемъ не думалъ, а всегда только дѣйствовалъ, когда приходила минута. Дѣйствовалъ по какому-то наитію. У меня отецъ былъ генераль-губернаторъ, и тотъ всегда также поступалъ.

VI.

Характеръ Трапезникова не измѣнился до конца жизни. Когда онъ почувствовалъ, что ему плохо, жена посовѣтовала ему причаститься. Послали за соборнымъ протопопомъ, его духовникомъ. Но тотъ третій день болѣлъ желудкомъ, и вмѣсто него пришелъ другой протопопъ. Никита Всеволодовичъ его не принялъ.

— Во-первыхъ, онъ въ очкахъ ходитъ, я этого не люблю,— объяснилъ онъ: — а, во-вторыхъ, предводителя напутствовать непременно долженъ старшій протопопъ, такъ полагается по званію.

Тщетно его жена умоляла «выполнить христіанскій долгъ». Онъ стоялъ на своемъ:

— Выздоровѣтъ попъ, пусть приходитъ, до тѣхъ поръ я подожду.

Каждые полчаса лакей вносилъ ему карточки лицъ, справлявшихся о его здоровьѣ. Онъ заставлялъ читать имена и запоминать, кто былъ, кто не былъ.

— Сегодня мало что-то было. Слѣдовало бы больше.

Поэтому въ слѣдующій разъ камердинеръ добавлялъ изъ вчерашнихъ карточекъ.

Съ докторомъ онъ очень спорилъ насчетъ лѣченія.

— Отчего вы мнѣ каломеля не даете?—спрашивалъ онъ.

— А зачѣмъ мнѣ вамъ давать каломель?

— Всегда въ такихъ случаяхъ даютъ.

— Ну, вотъ, вы лучше меня знаете!

— Конечно, лучше: я опытнѣе васъ, старше.

— Такъ и лѣчите себя сами.

— У меня патента нѣтъ.

— Ну, а если нѣтъ, такъ довольствуйтесь моей системой, а недовольны мною, позовите еще когонибудь.

— Чего же вы сердитесь? Вотъ удивительный человѣкъ!

Трапезникова собрала консилиумъ. Ничего утѣшительнаго этотъ консилиумъ не выяснилъ. Старый, семидесятилѣтній докторъ Вехтеревъ, ѣздившій въ шинели съ пятью капюшонами, свирѣпо глядя черезъ очки, сказалъ ей:

— Сударыня, я долженъ васъ предупредить, что вы должны быть на все готовы. Вы понимаете, на что я намекаю,—на все

готовы! Ладаномъ пахнетъ-съ, ладаномъ! Удивляться тутъ нечего,—къ этому все идетъ. Впрочемъ, вы и сами не рассчитывайте на много лѣтъ: ну, семь-восемь протянете, не больше. Вы хлибкого сложенія. Тогда, если вы вѣрите въ загробную жизнь,—вы можете снова соединиться.

И, утѣшивъ ее такимъ образомъ, онъ снова пошелъ къ больному, говоря, что и его надо предупредить.

— Завѣщаніе-то въ порядкѣ?—спросилъ онъ.

— Ну, конечно, въ порядкѣ,—недовольно отвѣтилъ Трапезниковъ,—что вы пустяки спрашиваете! Вы мнѣ лучше скажите, не не принять ли мнѣ каломелю?

— Хоть чорта, хоть дьявола принимайте,— не поможетъ,—съ наслажденіемъ сказалъ старикъ, и въ его взглядѣ была видна искренняя радость: «ты вотъ умираешь, а я старше тебя, да живу».

— А не позвать ли мнѣ изъ Москвы хорошаго доктора?—спросилъ саркастически Трапезниковъ.

— Захарьина выписывать?—еще язвительнѣе отвѣтилъ Вехтеревъ.—Лучше эти деньги на памятникъ себѣ прибавьте. закажите съ бронзовымъ бюстомъ. Я уже заказалъ съ себя бронзовый бюстъ.

— А вы скоро отправитесь за мною?

— Скоро! Ха-ха! Она ко мнѣ давно добирается. Да я ее, подлюю, режимомъ. Подойдетъ справа, слѣва—захватиться-то и не за что. Воздержную жизнь веду. Я въ безсмертіе не вѣрю. Я вѣрю, что мы такъ, на потѣху сами себѣ явились какъ пруссаки на кухнѣ, ползаемъ да усами шевелимъ, пока не облопаемся французской зеленью. Вы, кажется, вѣрующій? Утѣшайтесь, утѣшайтесь! Будете ходить по райскому саду въ верблюжьей шерсти и мандарины ѣсть... Ха-ха! А меня за эти слова черти будутъ на вертелѣ жарить... Ха-ха!.. Такъ цѣлую вѣчность... Ха-ха!.. За то, что усомнился... Милліонъ лѣтъ съ одного бока жарить, милліонъ лѣтъ съ другого...

— Бойтесь чертей!—сказалъ умирающій,— бойтесь! Стараетесь себя увѣрить, что ихъ нѣтъ, а сами все оглядываетесь, не торчитъ ли откуда нибудь хвостикъ.

У Вехтерева затряслась губа, онъ схватилъ свою шляпу, сказалъ: «Скоро вамъ конецъ, скоро!»—и уѣхалъ.

Черезъ недѣлю Вехтеревъ умеръ. Это Трапезникову очень понравилось. Онъ говорить уже не могъ, но еле простоналъ:

— Весьма радъ, весьма...

А затѣмъ умеръ и протопопъ. Трапезникову доложили объ этомъ. Онъ собрался съ силами и сказалъ:

— Архіерея хочу... въ митрѣ... лиловой рясѣ.

На архіерея онъ смотрѣлъ уже только однимъ глазомъ, и то совершенно безмысленно. Черезъ день онъ подозвалъ лакея и приказалъ шесть пальцевъ.

— Шесть часовъ? Теперь восемь,—сказалъ камердинеръ.
Умирающій недовѣрчиво замоталъ головой.
— Шесть... Чего же шесть?.. Шестое число?.. Шесть тысячъ?..
Можетъ, въ наслѣдство кому шесть тысячъ за уходъ?.. Нѣтъ.
Шесть лошадей?.. Да? Шесть лошадей въ колесницу?.. Слушаю-съ,
извѣстно, шесть по чину.
Это было послѣднее, чѣмъ распорядился консерваторъ.

П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

М. Е. САЛТЫКОВЪ ВЪ ТУЛѢ.

(Изъ воспоминаній сослуживца).

ТУЛЬСКОЙ казенной палатѣ останется навсегда памятнымъ 1866-й годъ не столько по преобразованію ея и введенію новыхъ штатовъ во второй половинѣ года, сколько по замѣчательной перемѣнѣ въ личномъ составѣ ея. Осенью того года, бывшій управляющій ея, М. Е. Кличановскій, перемѣщенъ въ каменецъ-подольскую палату, а на его мѣсто назначенъ въ Тулу извѣстный писатель М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), управлявшій дотолѣ пензенскою казенною палатой. Перемѣна эта не могла считаться неожиданной, въ виду непріязненныхъ отношеній къ палатѣ губернатора, М. Р. Шидовскаго, обвинившаго ее въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей и нерѣдко обращавашагося съ жалобами на нее въ министерство. Хотя вызванная этими жалобами ревизія и не обнаружила въ дѣлахъ палаты особыхъ упущеній, и командированному для ревизіи чиновнику особыхъ порученій министра, барону Корфу, самъ же губернаторъ на запросъ о личномъ составѣ палаты, отзывался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ управляющемъ палатой, какъ о честнѣйшемъ и благороднѣйшемъ чловѣкѣ, а равно и о нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ ему членахъ общаго присутствія палаты, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько времени, Шидовскій возобновилъ свои доносы, не прекращая ихъ даже и послѣ того, какъ вслѣдствіе обстоятельныхъ объясненій палаты по нѣкоторымъ изъ этихъ доносовъ, получилъ отъ министерства внутреннѣе дѣлѣ предупрежденіе не обременять министерство напрасной черепишской. Подобныхъ замѣчаній не могъ выносить самолюбивый

губернаторъ и какъ бы въ оправданіе себя старался еще болѣе представлять дѣятельность палаты въ дурномъ свѣтѣ, такъ что въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ не проходило почти ни одной недѣли безъ запросовъ по его доносамъ. Понятно, что такія непрекращающіяся пререканія болѣе и болѣе надоѣдали министерству и вынудили его переименовать управляющаго палатой. Слышно было, что при первомъ же, послѣ этой переименованія, представленіи Шидловскаго министръ финансовъ сказалъ ему: «Теперь, генераль, думаю, вы успокоитесь и не будете имѣть поводовъ жаловаться на тульскую палату; я выбралъ для васъ умнаго и энергичнаго управляющаго». Шидловскій будто бы горячо благодарилъ министра за этотъ выборъ. Онъ не зналъ, конечно, Салтыкова, и если бы могъ предвидѣть, какъ много неприятностей навлечетъ ему эта переименованія, онъ не поблагодарилъ бы за нее министра, а скорѣе просилъ бы избавить его отъ вновь назначеннаго управляющаго и замѣнить кѣмъ либо другимъ.

Высочайшій приказъ о назначеніи Салтыкова управляющимъ къ намъ состоялся еще 11-го ноября, но не скоро дождались мы его прибытія въ Тулу: онъ пріѣхалъ уже недѣли черезъ три, когда мы перестали ожидать его, какъ прежде, изо дня въ день. Оставляя насъ въ неизвѣстности о времени своего пріѣзда, явившись къ намъ внезапно, онъ какъ бы хотѣлъ застать насъ на службѣ въ обычной обстановкѣ, безъ всякихъ приготовленій къ его пріему: И вотъ, въ одинъ изъ будничныхъ дней, придя въ палату, мы узнаемъ, что новый управляющій пріѣхалъ еще наканунѣ и сейчасъ будетъ у насъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ слышимъ, что начальники отдѣленій представлялись ему въ квартирѣ и остались недовольны его сухимъ и надменнымъ пріемомъ, при чемъ онъ будто бы даже высказалъ имъ свое неудовольствіе, зачѣмъ явились къ нему на квартиру представиться—могли бы сдѣлать это и въ палатѣ, по пріѣздѣ его туда. Дѣйствительно, почти вслѣдъ за ними является онъ самъ, суровый и мрачный на видъ, быстро проходитъ въ присутствіе, застаетъ тамъ старшаго дѣлопроизводителя съ кипой бумагъ на присутственномъ столѣ и, указывая на него, спрашиваетъ сопровождавшихъ его начальниковъ отдѣленій:

— Это кто такой?

Докладываютъ:

— Старшій дѣлопроизводитель.

— Зачѣмъ,—говоритъ, обращаясь къ нему,—вы здѣсь сидите?

Объясняютъ:

— По распоряженію бывшаго управляющаго всѣ члены общаго присутствія сидятъ здѣсь.

— Что же вы тутъ дѣлаете?

— Обсуждаемъ дѣла общаго присутствія.

— Что за дѣла такія? Вы знаете, что теперь управляющій

одинъ своею властью рѣшаетъ всѣ дѣла по докладу одного изъ начальниковъ отдѣленія, при чемъ же тутъ общее присутствіе ваше, и зачѣмъ будутъ торчать здѣсь другіе члены? Мѣшать только докладамъ, отвлекать отъ дѣла себя и другихъ пустою болтовней или непрошенными совѣтами? Вотъ нашли мѣсто для занятій! Развѣ чтобы подписывать, не читая бумаги, какія подложить? Эй, швейцаръ,—кричитъ онъ, указывая на зеркало,—убери подальше это воронье пугало, чтобы его тутъ не было ¹⁾. Въ этой комнатѣ долженъ быть мой кабинетъ, а не какое-то миѳическое присутствіе. Я буду здѣсь сидѣть одинъ, а васъ прошу заниматься въ своихъ отдѣленіяхъ; когда будетъ нужно, позову васъ.

Съ удивленіемъ слушали мы эти странныя рѣчи, вовсе не похожія на обычныя привѣтствія, съ какими обращаются къ своимъ подчиненнымъ начальники отдѣльныхъ частей при вступленіи въ должность.

Въ сущности, замѣчанія управляющаго, конечно, были справедливы и вскорѣ были подтверждены циркуляромъ департамента государственнаго казначейства, отъ 10-го января 1867 года, о порядкѣ производства дѣлъ въ казенныхъ палатахъ. Но къ чему этотъ тонъ, рѣзкій и раздражительный? Изъ-за чего было такъ кипятиться, при отсутствіи какихъ бы то ни было возраженій съ нашей стороны, когда и сами мы хорошо понимали, что засѣданія общаго присутствія съ преобразованиемъ казенныхъ палатъ потеряли свое значеніе? Въ особенности съ какой стати понадобилось изливать свою желчь на неповинное въ нашихъ порядкахъ зеркало? Съ грустнымъ чувствомъ изгнанниковъ оставили мы излюбленный залъ своихъ засѣданій и встѣдъ за управляющимъ направились черезъ канцелярію въ отдѣленіе казначейства. Здѣсь прежде другихъ представлялись ему чиновники особыхъ порученій. Спрашиваетъ ихъ:

— Чѣмъ занимаетесь?

Отвѣчаютъ:

— Повѣркой торговли.

— Еще чѣмъ?

— Собираемъ свѣдѣнія о недоимкахъ.

— Давно кончили?

— Въ сентябрѣ.

— А съ того времени что дѣлаете?

Молчатъ.

¹⁾ Впослѣдствіи эта выходка не прошла даромъ для Салтыкова, какъ онъ жаловался тульскому архіепископу: «Что это за кляузный городъ вашъ? Здѣсь всякое лыко въ строку. Вырвались у меня два неосторожныхъ слова относительно зеркала присутствія, пошли они гулять по Тулѣ, дошли до Петербурга, а тамъ взмылили мнѣ за нихъ голову, выщель, словно изъ бани».

Опять слышимъ крики:

— Повѣрочкой, повѣрочкой занимаются, и только. Что-жъ это за служба? Нѣтъ, я васъ заставлю бросить такія привычки. Съ завтрашняго дня извольте ходить въ палату—вмѣстѣ съ столоначальниками—помогать имъ кончать дѣла къ новому году. Пишите доклады, какіе дадутъ вамъ, и, чтобы я видѣлъ, чѣмъ каждый изъ васъ занимается, подавайте ихъ мнѣ отдѣльно ¹⁾.

Затѣмъ, управляющій обошелъ всѣ столы въ отдѣленіяхъ, разспрашивая у cadaго столоначальника, какія у него дѣла, замѣтилъ тутъ же неравномѣрность въ распредѣленіи дѣлъ, что и поставилъ на видъ начальникамъ отдѣленій, а послѣ самъ старался уравнивать труды дѣлопроизводителей, облегчивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ передачею части дѣлъ въ другіе столы.

Разошлись мы по своимъ отдѣленіямъ, но отъ возмутительныхъ криковъ управляющаго не ушли. Особенно терпѣлъ отъ нихъ старшій дѣлопроизводитель, какъ по смежности канцеляріи съ комнатою присутствія или кабинета управляющаго, такъ и отъ непрерывныхъ объясненій съ нимъ по дѣламъ, касающимся личныхъ распоряженій его. Являясь въ палату около 12-ти часовъ, управляющій прежде всего тщательно просматривалъ входящія бумаги, которыя велѣлъ распечатывать до своего прибытія, и если замѣчалъ по нимъ медленность въ исполненіи какихъ либо требованій, сейчасъ же вызывалъ дѣлопроизводителя, дѣлалъ ему строгое вѣщаніе, нерѣдко съ крикомъ и бранью. Сдавъ почту, по наложеніи резолюцій на бумагахъ, требующихъ какого либо распоряженія, Салтыковъ переходилъ къ объясненіямъ по докладамъ, найденнымъ, при просмотрѣ у себя дома, неудовлетворительными или неясными, на которыхъ было помѣчено: къ объясненію, а иногда съ прибавленіемъ рѣзкихъ замѣчаній, въ родѣ: «что за чушь», «какая путаница», «галиматья» и т. под. Понятно, что при такомъ предубѣжденіи противъ этихъ послѣднихъ докладовъ рѣдко обходилось безъ грубыхъ и желчныхъ выговоровъ составителю доклада, какъ бы онъ ни старался объяснять ихъ.

Бывали и такіе случаи, что иной бухгалтеръ не сумѣетъ объяснить хорошо своего доклада, тогда, конечно, раздраженіе и крики управляющаго удваивались, иногда приходилось старшему дѣлопроизводителю или другому бухгалтеру, по выраженію Салтыкова, быть толмачемъ докладчика:

— Не понимаю,—кричалъ онъ,—что хочетъ сказать этотъ мудрецъ. Переведите, пожалуйста, бухгалтерскую тарабарщину его на общепонятный языкъ.

¹⁾ Это строгое требованіе, однако, мало исполнялось: только одинъ младшій чиновникъ написалъ нѣсколько докладовъ, а старшему было дано особое порученіе, съ наступленіемъ же новаго года чиновники особыхъ порученій были скоро откомандированы отъ палаты и больше не занимались въ ней.

Послѣ объясненій, всѣ относящіяся къ нимъ доклады большею частію тутъ же передѣлывались и исправлялись самимъ управляющимъ, а иные, оказавшіеся совершенно негодными, были возвращаемы надорванными для пересоставленія. Больше и чаще всѣхъ доставалось отъ управляющаго за промахи въ докладахъ и неисправности столоначальнику распорядительнаго стола, Б—ву. Дѣла у него въ столѣ было много, а помощники плохіе, да и самъ, хотя и труженикъ, но крайне нерасторопный и опрометчивый. То задерживалось у него составленіе ассигновокъ, то, при спѣшной работѣ, справки наводились невѣрно, отчего ассигновки получались съ ошибками, даже въ цифрахъ. Разъ поступаетъ требованіе изъ палаты государственныхъ имуществъ о выдачѣ третнихъ денегъ ассессору, назначенному совѣтникомъ въ одну изъ сибирскихъ палатъ. Вскорѣ приходитъ самъ ассессоръ и проситъ выдать ему деньги поскорѣе, потому что намѣренъ отправиться къ мѣсту назначенія въ тотъ же день. Столоначальникъ справляется по расписанію должностей, сколько полагается жалованья совѣтнику, составляетъ докладъ съ исполненіемъ и подаетъ управляющему для подписи. Салтыковъ бѣгло просмотрѣлъ докладъ, подписалъ ассигновку и хотѣлъ отдать ее Бого—ву, только, къ счастью, вздумалось ему еще разъ провѣрить сумму выдаваемыхъ денегъ,—видитъ, назначено къ выдачѣ 1.500 рублей, спрашиваетъ: сумма вѣрна?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Какъ?—развѣ въ Сибири чиновники получаютъ втрое больше здѣшнихъ?

— Такъ значитъ въ расписаніи.

— Покажите.

Приносятъ расписаніе. Дѣйствительно жалованье совѣтникамъ означено цифрою 4.500 рублей, но впереди стоитъ цифра 3 (т. е. тремъ), которой не досмотрѣлъ Бого—въ.

Тутъ Салтыковъ положительно вышелъ изъ себя, ругался и кричалъ до хрипоты. На этотъ неистовый крикъ входитъ въ комнату присутствія старшій дѣлопроизводитель.

— Вотъ, батюшка,—кричитъ ему Салтыковъ,—какіе у васъ столоначальники! какъ обчитываютъ управляющаго! Да у меня и волосъ на головѣ не достанетъ столько, сколько пришлось бы платить по начетамъ, если каждый день будемъ передавать по 1.000 рублей. Это не чиновникъ, а какая-то чума, язва, отъ которой нужно беречься.

Нескоро онъ успокоился послѣ такого раздраженія, но потомъ мы увидимъ, какъ поступилъ онъ съ этой язвой. Но еще раздраженіе былъ онъ разъ въ губернскомъ казначействѣ. Не понравилась ему почему-то вѣдомость казначейства, и вотъ передъ приходомъ въ палату онъ заходитъ въ казначейство и набрасывается съ азатромъ на казначея:

— Что вы тутъ напутали? Какъ не стыдно представлять такую вѣдомость!

Казначей, застигнутый врасплохъ, растерялся, сказалъ неудачно что-то въ свое оправданіе.

— Что?—закричалъ, выйдя изъ себя, Салтыковъ:—ахъ ты... и хватилъ несчастнаго площадною бранью.

Поблѣднѣлъ старикъ казначей и затрясся, а Салтыковъ швырнулъ ему чуть не въ лицо вѣдомость и ушелъ въ палату, но не прошло и десяти минутъ, какъ является опять въ казначейство, на этотъ разъ уже съ повинной головой:

— Простите меня, Бога ради, Василій Ипполитовичъ, я всегда васъ уважалъ и высоко цѣню вашу службу. Сорвалось какъ-то нелѣпное слово съ языка и самому досадно на себя. Извините, пожалуйста, и забудьте, что высказалъ вамъ въ пылу досады.

Тутъ только могли объяснить ему, что вѣдомость составлена правильно, съ показаніемъ всѣхъ кассовыхъ оборотовъ, которыхъ онъ не разобралъ, и Салтыковъ долженъ былъ сознаться, что онъ вдвойнѣ виноватъ, оскорбивъ совершенно напрасно образцоваго чиновника, какимъ былъ дѣйствительно губернской казначей. Тяжело, конечно, было ему сознаваться въ этомъ, но какъ часто пришлось бы ему извиняться передъ своими подчиненными въ подобныхъ, хотя не столько грубыхъ оскорбленіяхъ, если бы онъ чувствовалъ, какъ горько было переносить беззащитному чиновнику такіа оскорбленія, особенно не заслуженныя! Противъ справедливыхъ, хотя бы и строгихъ замѣчаній его, вызываемыхъ упущеніями или промахами по службѣ, конечно, никто не смѣлъ претендовать, но въ томъ-то и бѣда была, что нерѣдко въ состояніи раздраженія онъ не стѣснялся осыпать чиновниковъ рѣзкими укоризнами безъ всякой вины съ ихъ стороны или подъ пустыми предлогами!

Изъ множества такихъ случаевъ припоминаются особенно слѣдующіе.

Вскорѣ по пріѣздѣ Салтыкова зашелъ какъ-то въ канцелярію палаты бѣлевскій исправникъ и, увидавъ старшаго дѣлопроизводителя, съ которымъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ кадетскомъ корпусѣ, садится къ столу и бесѣдуетъ съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ. Салтыковъ видитъ все это черезъ стеклянную дверь, отдѣлявшую кабинетъ его отъ канцеляріи. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ выбѣгаетъ изъ своего кабинета и обращается къ исправнику.

— Вы кто такой?

Тотъ встаетъ, рекомендуется.

— Зачѣмъ пришли сюда?

— Нужно справиться кой о чемъ, увидалъ вотъ своего знакомаго (указывая на старшаго дѣлопроизводителя), и прошу его дать мнѣ справку.

— Да развѣ казенная палата справочное бюро какое нибудь или адресная контора, что вы обращаетесь сюда за справками?

— Я хотѣлъ бы повѣрнѣе узнать о нѣкоторыхъ недоимкахъ.

— У васъ есть недоимочный реестръ, казначейство подѣломъ, тамъ и можете справиться, а здѣсь вы только мѣшаете занятіямъ моихъ чиновниковъ, отвлекая ихъ отъ дѣла своими разговорами. Убирайтесь отсюда.

Исправникъ благодушно извинился и ушелъ, поспѣшивъ рассказать губернатору (товарищу по инженерной академіи), въ какую исторію онъ попалъ, и что за оригиналъ новый управляющій палаты. Губернаторъ самъ любилъ и нерѣдко позволялъ себѣ подобныя выходки, потому отъ души посмѣялся только надъ неловкимъ положеніемъ исправника. Но старшему дѣлопроизводителю было не до смѣха: онъ былъ педагогомъ болѣе 10-ти лѣтъ и вдругъ, благодаря такому несуразному требованію не вступать въ разговоры съ посторонними во время занятій, самъ очутился въ положеніи школьника, которымъ запрещалъ разговаривать въ классѣ на урокахъ.

Каждое утро передъ своимъ приходомъ въ палату Салтыковъ присылалъ портфель съ просмотрѣнными имъ докладами, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые пропущены имъ безъ замѣчаній, были розданы до него столоначальникамъ по принадлежности, а другіе, на которыхъ было написано: къ объясненію,—положены были на столъ къ нему. Такъ какъ при этихъ объясненіяхъ докладчики часто путались и терялись, упуская изъ виду или забывая обстоятельства дѣла, служившія къ подтвержденію докладовъ,—то они просили давать имъ напередъ просмотрѣть эти доклады, чтобы лучше подготовиться къ отвѣту на запросы управляющаго. Нѣсколько разъ это сходило имъ съ рукъ, но однажды Салтыковъ пришелъ раньше обыкновеннаго, доклады не были еще просмотрѣны и подложены на столъ къ нему. Тотчасъ же онъ зоветъ старшаго дѣлопроизводителя.

— Гдѣ же доклады? Кто смѣлъ ихъ брать отсюда?

— Чиновники взяли для просмотра, сейчасъ принесу.

И уходитъ поскорѣй собрать по столамъ.

— Господа, сдавайте скорѣе, управляющій сердится, зачѣмъ взяли?

Глядь, и управляющій бѣжитъ за нимъ, кричитъ: какъ смѣли брать!—собранные старшимъ дѣлопроизводителемъ вырываетъ у него изъ рукъ, самъ рветъ ихъ у столоначальниковъ, суетится, ругается: давайте скорѣй, зачѣмъ брали? Бѣгаетъ по отдѣленію казначейства, точно въ бѣлой горячкѣ. Словомъ выходило что-то дикое, крайне неприглядное и роняющее престижъ управляющаго.

Въ одно изъ засѣданій набралось по канцеляріи много исходящихъ бумагъ къ подписи управляющему. Старшій дѣлопроизводитель несетъ ихъ всѣ разомъ въ кабинетъ.

Увидавъ такую большую кипу, управляющій кричить:

— Это что такое? Откуда набралъ столько дряни? Самъ не могъ подписать, лѣзетъ съ ними къ управляющему.

— Нельзя, ваше превосходительство, такія бумаги, что должны идти за вашею подписью.

— Посмотримъ. Это что?

— Представленіе въ сенатъ жалобы одного торговца на постановленіе палаты объ оштрафованіи его.

Хмурится, но подписываетъ.

— Это?

— Однородное же представленіе.

— Глупый народъ, что выиграютъ этими жалобами? Это?

— Представленіе въ департаментъ объ ассигнованіи кредита.

— Былъ кредитъ, успѣли ужъ израсходовать!

— Много поступаетъ требованій.

— Вамъ сколько ни дай, все мало. Это?

— Просимъ согласія губернатора на опредѣленіе чиновниковъ (нѣсколько бумагъ).

— Ну, этихъ не подпишу. Я вамъ сказалъ, что на такихъ бумагахъ я буду подписывать только свою фамилію, а слово: управляющій, должно быть заранѣе написано переписчикомъ. Почему этого не исполнили?

— Вы знаете, какъ скрупулезенъ губернаторъ. Онъ обижается такую подписью.

— Вамъ-то что до этого? Дѣлайте, какъ приказываю. Не стану я угождать этому скоту.

Отшвыриваетъ бумаги.

— Это?

— Отвѣты на запросы, адресованные на ваше имя.

— Ну, эту-то дребедень не могъ самъ подписать?

— Да вѣдь васъ лично спрашиваютъ.

— Что жъ и написали бы: по приказанію управляющаго, казенная палата имѣетъ честь увѣдомить.

— Хорошо, въ слѣдующій разъ будемъ такъ писать, а приготовленные-то отвѣты ужъ подпишите.

Ворчить, но подписываетъ.

— Это еще что?

Паспортъ вдовѣ чиновника, по ея просьбѣ.

— Гоните ее въ полицію, стану выдавать еще паспорта имъ.

— Нельзя не выдать: это вдова бывшего нашего чиновника. Вамъ извѣстно, что по закону вдовы чиновниковъ получаютъ виды на жительство отъ начальства своихъ мужей.

Подписываетъ съ раздраженіемъ, предварительно выругавъ несчастную вдову. Словомъ ни одной бумаги не было подписано безъ оговорокъ и замѣчаній. И придетъ же, подумаешь, такая блажь въ

голову: не затруднялся собственноручно писать всякаго рода представленія, разъясненія, замѣчанія, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ тяготиться одною подписью готовыхъ исходящихъ!

Подобныя выходки Салтыкова, раздражительные крики, непрерывно повторявшіеся, и вообще грубое и оскорбительное обращеніе производили, особенно на первыхъ порахъ, удручающее впечатлѣніе на чиновниковъ палаты. Нѣкоторые изъ нихъ прямо не выносили такого обращенія и тотчасъ же выходили въ отставку, другіе не разъ переболѣли, многіе обращались съ просьбою къ прежнему управляющему о переводѣ ихъ на службу въ Подольскую казенную палату, или старались прискаты мѣсто въ другихъ губернскихъ учрежденіяхъ. Къ счастью, нашелся добрый человѣкъ (пріѣхавшій съ управляющимъ изъ Пензы), который старался успокоить слишкомъ взволнованныхъ и встревоженныхъ дерзостями Салтыкова чиновниковъ. На запросы о причинахъ такихъ дерзостей, не вызываются ли онѣ какимъ либо предубѣжденіемъ противъ тульской казенной палаты и желаніемъ замѣнить ея чиновниковъ пензенскими, онъ увѣрялъ, что никакихъ предубѣжденій Салтыковъ не имѣетъ, что все его грубыя выходки не болѣе, какъ мимолетныя вспышки желчной и нервной природы его, безъ всякихъ заднихъ мыслей или затаенной злобы, и убѣждалъ ихъ не придавать значенія этимъ выходкамъ, указывая на обращеніе Салтыкова съ нимъ самимъ, подчасъ также грубое и раздражительное. Эти убѣжденія, чистосердечно высказанныя, нѣсколько ободрили чиновниковъ и ослабили опасенія ихъ за свою будущность. Съ теченіемъ времени они и сами стали замѣчать, что несуразная ругань управляющаго не такъ еще страшна и опасна, какъ казалось имъ прежде, не влечетъ за собою вредныхъ послѣдствій, кромѣ временной непріятности, и мало-по-малу убѣждались, что Салтыковъ не злой человѣкъ, а раздражительный и вспыльчивый крикунъ, почему, спокойнѣе относясь къ его крикамъ, какъ зауряднымъ служебнымъ непріятностямъ, отложили свое намѣреніе уходить изъ палаты, а нѣкоторые взяли назадъ прошенія о переходѣ на службу въ другія учрежденія. Немало содѣйствовали этому убѣжденію и распоряженія управляющаго по повѣркѣ торгово-промышленныхъ заведеній. Откомандировавъ для повѣрки въ разные города съ уѣздами и части города Тулы пять чиновниковъ, онъ тѣмъ самымъ далъ возможность командированнымъ избавиться, хотя на время, отъ крикливыхъ замѣчаній своихъ, отчего производимое ими непріятное впечатлѣніе само собою ослабѣло и разсѣялось. Но, кромѣ того, при отправленіи чиновниковъ въ эти командировки замѣчалось въ управляющемъ уже другое настроеніе, слышались другія рѣчи. Поручая, напримѣръ, старшему дѣлопроизводителю повѣрить торгово-промышленныя предпріятія 2, 3 и 4 частей города Тулы и снабдивъ его въ доста-

точномъ количествѣ бланками свидѣтельствъ всякаго рода и билетовъ для раздачи торговцамъ, онъ говорилъ;

— Смотрите, чтобы не было укрывающихся отъ платежа поплинъ, раздавайте документовъ—побольше, но актовъ о нарушеніяхъ составляйте поменьше. Между торговцами, и особенно кустарями тульскими, конечно, найдете немало бѣдняковъ; имъ и пошлины-то оплачивать тяжело, зачѣмъ же ихъ обременять еще штрафами по вашимъ актамъ? Тѣмъ, кто не въ силахъ сразу заплатить, дайте отсрочки, взыскивайте по частямъ (последнее, впрочемъ, распоряженіе было вскорѣ отмѣнено, какъ не удобное и неблагоприятное), а съ упрямыхъ требуйте настойчиво, грозите штрафами, для большей остротки берите иногда съ собой полицейскаго чиновника, и только въ крайнихъ случаяхъ, когда уже никакія предупредительныя мѣры не подѣйствуютъ, прибѣгайте къ составленію протоколовъ.

Послѣ такихъ гуманнѣйшихъ внушеній всеѣмъ и каждому изъ насъ стало ясно, что подѣ суровою наружностью Салтыкова таятся добрыя чувства. Иногда эти чувства проявлялись и на дѣлѣ съ особою яркостью.

Такъ одинъ слесарь изъ бывшихъ оружейниковъ, имѣя двухъ постороннихъ работниковъ, уклонялся отъ выборки 9-ти-рублеваго свидѣтельства подѣ вымышленнымъ предлогомъ, что найденные у него работники—его крестники и пріемыши, потому ихъ слѣдуетъ считать семейными, а не посторонними. Хотя заявленіе это было признано по акту торговой депутации несправедливымъ, но кустарь, явившись въ палату, разжалобилъ управляющаго такъ, что онъ велѣлъ произвести обстоятельное дознаніе о рабочихъ этого кустаря (т. е. семейные ли они, или наемные) сначала старшему дѣлопроизводителю, а потомъ, когда опросомъ самихъ рабочихъ и сосѣдей подтвердилась неправильность означеннаго заявленія,—полиціи, представившей противоположное дознаніе, и, получивъ последнее, радъ былъ освободить этого визжулю (какъ онъ выразился) не только отъ штрафа, но и отъ выборки свидѣтельства. При этомъ, смѣясь, Салтыковъ замѣтилъ старшему дѣлопроизводителю:

— Вотъ вы не умѣли составить дознанія объ Одоевцевѣ (фамилія кустаря), а полиція выдала удостовѣреніе въ его пользу.

Затѣмъ, на замѣчаніе, что не правильна и обидна для торговой депутации такая повѣрка дѣйствій ея чрезъ какого нибудь помощника надзирателя, онъ прибавилъ:

— Ну, претензіи-то всякія въ сторону, когда представляется возможность помочь бѣдному человѣку ¹⁾.

¹⁾ Это милостивое распоряженіе Салтыкова оставалось въ силѣ только при немъ: въ послѣдующіе года Одоевцевъ обязанъ былъ платить и безпрекословно платилъ надлежащія промысловыя пошлины за своихъ работниковъ, наравнѣ съ другими кустарями.

Другой случай, свидѣтельствующій о состраданіи Салтыкова къ бѣднымъ торговцамъ, былъ еще нагляднѣе. Однажды, часовъ въ 11 утра, является въ палату цѣлая толпа рыночныхъ торговковъ, оштрафованныхъ по актамъ торговой депутаціи за невыборку билетовъ на торговлю изъ палатокъ отрѣзками ситцевъ и мелочнымъ галантерейнымъ товаромъ, и вотъ, какъ только входитъ Салтыковъ въ переднюю, толпа эта бросается передъ нимъ на колѣни съ слезной мольбой о пощадѣ, кричатъ всѣ вмѣстѣ, перебивая другъ друга: ваше превосходительство, помилосердуйте, не прикажите тѣснить и преслѣдовать насъ.

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваетъ онъ.

Опять крики и вопли всѣхъ вмѣстѣ, такъ что трудно разобратъ, чего хотятъ, а пройти не пускаютъ, хватаясь за ноги. Вырвавшись кое-какъ изъ этой толпы взволнованнымъ и разстроеннымъ, Салтыковъ набрасывается на старшаго дѣлопроизводителя:

— Это вы своими протоколами пригнали сюда сумасшедшихъ бабъ,—не могли тамъ на мѣстѣ разобрать ихъ и уладить дѣло!

— Что жъ я могъ сдѣлать? Билетовъ не взяли при всемъ настояніи, пропускать ихъ въ обиду другихъ исправныхъ плательщиковъ я не имѣлъ права, тѣмъ болѣе, что торговля ихъ у всѣхъ на виду, хотя прежде и пропускали ихъ. Вотъ и галдятъ теперь, чтобы опять позволили торговать безошлинно.

— Ну, подите, убѣдите ихъ сами, что этого нельзя допускать, и пусть убираются отсюда.

Вышелъ къ нимъ старшій дѣлопроизводитель, онъ и слушать его не стали. «Мы, говорятъ, желаемъ объяснить свои нужды самому генералу вашему, попросите его къ намъ». Но и генералъ, сколько ни разъяснялъ имъ, что законъ запрещаетъ безошлинную торговлю, что, если имъ тяжело вдругъ заплатить требуемая пошлины, могутъ платить по частямъ,—не могъ вразумить и успокоить ихъ. Потерявъ наконецъ терпѣніе, управляющій ушелъ въ свой кабинетъ, а ихъ велѣлъ выгнать. Тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ воплямъ и мольбамъ о снисхожденіи, Салтыковъ принялъ живое участіе въ положеніи бѣдныхъ женщинъ: немедленно предписалъ полиціи произвести дознанія объ имущественной несостоятельности ихъ, и затѣмъ, по полученіи этихъ дознаній, многихъ освободилъ отъ уплаты штрафа и пошлинъ, по безнадежности поступленія, объ остальныхъ просилъ полицеймейстера не требовать съ нихъ строго уплаты всей суммы взыскапія вдругъ, а взыскивать понемногу и по частямъ, но въ томъ и другомъ случаѣ лавокъ ихъ не велѣлъ закрывать и не запрещалъ продолжать торговлю.

То и другое распоряженіе были явно неправильны и несогласны съ требованіями закона. Салтыковъ, конечно, вполне со-

знавалъ это и все-таки предпочелъ лучше слѣдовать влеченію своего отзывчиваго сердца, чѣмъ руководствоваться буквою закона. Не разъ потомъ вспоминали съ благодарностью объ этомъ милостивомъ баринѣ бѣдныя торговки: въ послѣдующіе года ихъ всѣхъ поголовно обязывали выбирать билеты на торговлю, наказывая упрямыхъ штрафами, а иногда и запрещеніемъ торговать до выборки требуемаго билета.

Зато проходимцевъ, притворявшихся бѣдняками, Салтыковъ умѣлъ легко различать и по заслугамъ наказывать. Такъ однажды приходитъ къ нему съ просьбой о пощадѣ торговецъ, одѣтый, какъ послѣдній бѣднякъ, въ рваномъ сюртукѣ, въ худыхъ сапогахъ, падаетъ передъ нимъ на колѣни и жалуется на торговыхъ депутатовъ, что напрасно заставляютъ его выбирать гильдейскіе документы. «Помилосердуйте, говоритъ, ваше превосходительство, это мнѣ не подь силу и вовсе не требуется по моей торговлѣ, такъ же незначительной, какъ въ другихъ мелочныхъ лавкахъ». Управляющій спокойно выслушалъ его, не прерывая, затѣмъ, потребовавъ протоколъ торговой депутаціи и прочитавъ въ немъ, что у этого мнимаго бѣдняка, кромѣ большой лавки съ желѣзомъ всякаго рода, имѣется еще набитый латуною, а частію старыми самоварами и приборами къ нимъ амбаръ для торговли мѣдью тайкомъ со двора,—вдругъ съ крикомъ и бранью обрушивается на него, какъ на обманщика:

— Вадумалъ еще жаловаться, я тебя проучу, сдери съ тебя три шкуры (иначе сказать: взыщу тройной штрафъ), да еще подь судъ отдамъ за воровскую торговлю, навѣрно, краденымъ изъ мастерскихъ матеріаломъ,—вонъ!—и уходитъ въ свой кабинетъ.

Испугался торговецъ, отворяетъ дверь кабинета, падаетъ опять на колѣни, со слезами проситъ прощенія, изъявляя полную готовность исполнить всѣ законныя требованія.

— Пошелъ, — говоритъ Салтыковъ, —сейчасъ же возьми изъ управы и принеси мнѣ сюда гильдейскіе документы.

Побѣжалъ торговецъ опроретью въ управу и не долѣе, какъ черезъ полчаса, предъявляетъ управляющему годовые свидѣтельство и билетъ 2-й гильдіи на свое имя, взятые, конечно, безъ зачета уплаченныхъ прежде пошлинъ за свидѣтельство на мелочной торгѣ.

— Хорошо, что послушался, — говоритъ управляющій, —теперь можешь торговать свободно, чѣмъ хочешь, не только мѣдью, а и серебромъ и золотомъ. На этотъ разъ я избавлю тебя отъ штрафа, но смотри, если еще когда нибудь осмѣлишься не выбирать требуемыхъ для торговли документовъ, пощады не жди, я съ тобой раздѣлаюсь, будешь помнить.

— Не беспокойте ъ, — говоритъ, — и такъ ужъ поучили, всю жизнь не забуду.

Прошло болѣе 25 лѣтъ послѣ того. Проученный Салтыковымъ торговецъ нажилъ большое состояніе, сталъ виднымъ купцомъ въ городѣ и на одно грехлѣтіе былъ избранъ членомъ отъ плательщиковъ въ присутствіе казенной палаты по раскладочному сбору. Въ первое же засѣданіе въ числѣ другихъ членовъ является и онъ въ палату по повѣсткѣ, въ назначенный для присутствія день и часъ, только въ какомъ-то растерянномъ видѣ, сторонясь отъ своихъ сочленовъ. Скоро, увидавъ составителя протокола, за который когда-то такъ больно досталось, онъ обращается къ нему съ упреками: «зачѣмъ, говоритъ, меня вызывали? мнѣ совѣстно быть здѣсь, вѣдь неволью вспоминается, какія глупости я продѣлывалъ, чтобъ избавиться отъ пильдейскихъ пошлинъ, и какъ отдѣлалъ меня за это ванъ тогдашній генераль. Ужъ и сердить былъ кормилецъ! Конечно, насъ, дураковъ, такъ и слѣдуетъ учить. Дай Богъ ему здоровья за эту науку. Я свѣтъ увидалъ, когда по его требованію сталъ платить купеческій капиталъ и торговать открыто, чѣмъ вздумается, а все-таки тяжело вспомнить и теперь о прежнемъ униженіи, лучше уходить подальше отъ васъ и впередъ не зовите меня, не могу засѣдать въ вашемъ присутствіи». Волѣдъ затѣмъ и ушелъ этотъ оригиналь, а послѣ никогда и не былъ въ засѣданіяхъ присутствія, такъ что пришлось вмѣсто него приглашать на эти засѣданія кандидата.

Къ чиновникамъ, производившимъ повѣрку торговли, Салтыковъ относился такъ же строго, какъ и къ дѣлопроизводителямъ палаты, не терпѣлъ медленности въ ихъ дѣйствіяхъ, обязывалъ представлять повѣрочные журналы еженедѣльно, всегда самъ просматривалъ эти журналы, зорко слѣдилъ, нѣтъ ли какихъ упущеній и поблажекъ торговцамъ, всѣ ли они и ихъ приказчики снабжены надлежащими документами, своевременно ли сдаютъ въ казну собранныя за документы пошлины, а въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній или замѣченныхъ неисправностей требовалъ тотчасъ же объясненій; но если при этомъ обнаруживаема была несправедливость или непрактичность его требованій, онъ не затруднялся исправлять свои ошибки новыми распоряженіями. Такъ, на примѣръ, старшему дѣлопроизводителю онъ вмѣнилъ въ обязанность окончить повѣрку торгово-промышленныхъ заведеній въ трехъ частяхъ города Тулы непременно къ Святой недѣлѣ, т. е. меньше, чѣмъ въ три мѣсяца, и слышать не хотѣлъ, что отъ этой скорости казна можетъ потерпѣть значительный недоборъ пошлинъ, такъ какъ въ третьей и четвертой частяхъ города имѣется много кустарей, содержащихъ мастерскія безъ вывѣсокъ, отчего требуется немало времени разыскивать ихъ.

— А вы, говоритъ, не тратьте времени на пустые разговоры и тогда успеете повѣрить всѣ лавки и мастерскія, не пропуская ни одной.

Расчетъ его оказался, однакожь, невѣрнымъ: послѣ повѣрки стали поступать непрерывные доносы, что тѣ или другія мастерскія остались не повѣренными. Въ виду такихъ заявленій Салтыковъ распорядился назначить лѣтомъ вторичную повѣрку пропущенныхъ предпріятій, чтобы пополнить недоборъ отъ прежней свѣшной повѣрки.

Еще болѣе своеобразно и несдержанно велъ себя Салтыковъ въ отношеніи къ губернатору.

По пріѣздѣ въ Тулу управляющій нашъ какъ будто сошелся съ начальникомъ губерніи, М. Р. Шидловскимъ, нерѣдко бывавъ у него запросто, любилъ играть съ нимъ съ пикетъ. Казалось, что къ этому сближенію ихъ были прочныя задатки: видимое сходство въ характерѣ ихъ служебной дѣятельности, одинаково живой и энергичной, въ строгомъ наблюденіи за исполненіемъ обязанностей службы подчиненными и даже въ манерѣ обращенія съ ними, наконецъ отсутствіе серьезныхъ поводовъ къ столкновеніямъ по службѣ, легко устранимымъ при взаимной уступчивости,—все это, на нашъ взглядъ, должно было располагать ихъ итти рука объ руку другъ съ другомъ въ дѣлахъ служебныхъ. И мы надѣялись, что при новомъ управляющемъ избавимся наконецъ отъ пререканій съ губернской администраціей, отъ надобныхъ при прежнемъ управляющемъ объясненій и отписокъ по ея придирчивымъ запросамъ и жалобамъ. Но недолго пришлось намъ обольщать себя этими надеждами. Скоро дружелюбныя отношенія главарей нашихъ, неизвѣстно почему, смѣнились взаимною неприязнью. Уже въ половинѣ января въ статистическомъ комитетѣ, гдѣ пришлось ждать губернатора больше получаса, Салтыковъ слишкомъ рѣзко выражалъ свое нетерпѣніе (что де за невѣжество и свинство такое, зоветь къ часу, а скоро два,— и его все нѣтъ, я не холопъ его и не мальчикъ, чтобы ждать его милость) и затѣмъ не постѣснился и лично высказать свое неудовольствіе Шидловскому, несмотря на извиненіе его въ невольной неаккуратности по случаю неожиданнаго пріѣзда кого-то изъ Петербурга. Черезъ нѣсколько времени въ засѣданіи особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, бывшемъ въ квартирѣ губернатора вечеромъ, когда Шидловскій читалъ по обыкновенію журналы присутствія, имъ же большею частью редактированные, и спрашивалъ членовъ, согласны ли на изложенныя въ нихъ постановленія, Салтыковъ сталъ возражать противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, горячо оспаривалъ губернатора, говорилъ ему кождости, а тутъ еще ни къ селу, ни къ городу подвернулся полупьяный городской голова съ своей жалобой на губернаторскаго любимца-полицеймейстера, будто онъ воруетъ овесъ и сѣно, отпускаемые городомъ на пожарныхъ лошадей. Губернаторъ потерялъ терпѣніе и закрылъ засѣданіе, отзываясь невозможностью вести его въ виду возбужденнаго состоянія нѣкоторыхъ членовъ. Такой

отзывъ, приравнивающій замѣчанія Салтыкова къ неумѣстной претензіи городского головы, бывшаго въ нетрезвомъ видѣ, конечно, еще болѣе озлобилъ управляющаго, и онъ сталъ повсюду публично издѣваться надъ тульскимъ помпадуромъ, написалъ на него памфлетъ подъ названіемъ: «Губернаторъ съ фаршированной головой»¹⁾, и читалъ его довольно открыто своимъ клубнымъ соборамъ. Обо всемъ этомъ прислужники губернатора, конечно, не замедлили довести до его свѣдѣнія. Ну, и пошла писать губернія! посыпались разные запросы, жалобы на казенную палату, доносы, — успѣвай только отписываться. Къ довершенію зла, случилось еще слѣдующее обстоятельство: такъ какъ въ канцеляріи особаго присутствія и въ казенной палатѣ велись отдѣльные счета по приходу и расходу государственнаго земскаго сбора, и счета эти расходились во многомъ, то губернаторъ приказалъ своему чиновнику особыхъ порученій свѣрить получше счета канцеляріи и привести ихъ къ согласію съ палатскими счетами, чтобы въ обоихъ значились одинаковыя цифры. Чиновникъ является въ палату и спрашиваетъ бухгалтера помочь ему разобраться въ этой путаницѣ. Къ несчастію, въ то же время управляющій проходитъ по отдѣленію казначействъ, видитъ: у бухгалтерскаго стола сидитъ постороннее лицо, выписываетъ что-то изъ книгъ, отыскиваетъ какія-то бумаги въ дѣлахъ; узнаетъ, что это губернаторскій чиновникъ, и кричитъ:

— Это еще что? Кто вамъ позволилъ рыться въ палатскихъ книгахъ и дѣлахъ? Вонъ, чтобъ нога ваша не была здѣсь, губернатору вашему первое мѣсто въ палатѣ, а челяди его я знать не хочу, убирайтесь.

Вслѣдъ затѣмъ Салтыковъ зоветъ экзекутора и велитъ ему привѣсить къ дверямъ записку съ надписью: «входъ постороннимъ воспрещается», приказывая настрого не пускать никого, особенно губернаторскихъ чиновниковъ. Что оставалось послѣ того дѣлать бѣдному чиновнику? Оставить безъ исполненія данное порученіе онъ не смѣлъ и думать, такъ какъ губернаторъ не принималъ никакихъ отговорокъ, требуя всегда непрекословнаго исполненія своихъ порученій. Вотъ и придумали они съ добрымъ бухгалтеромъ нашимъ заниматься повѣркою счетовъ въ неприсутственные дни, начиная съ четверга Страстной недѣли. Пришли въ этотъ день въ 11 часовъ утра въ полной увѣренности, что никто не помѣшаетъ ихъ заня-

¹⁾ Мнѣ не пришлось видѣть въ то время этого памфлета, не нахожу ничего подходящаго и въ сочиненіяхъ Салтыкова (изд. 1895 г.). Въ «Исторіи одного города», правда, имѣется фантастическій рассказъ о градоначальникѣ Глупова съ фаршированной головой (т. VII, стр. 116 — 122), но этотъ типъ (Прыщъ Ив. Пантел.) не имѣетъ ничего общаго съ Шидловскимъ, кромѣ развѣ названія майоромъ, такъ какъ и Шидловскій любилъ подписываться на исходящихъ бумагахъ: не губернаторъ, а генералъ-майоръ Шидловскій.

тіямъ, сидятъ затворившись и преспокойно повѣряютъ счета другъ у друга. Вдругъ совершенно неожиданно является въ палату управляющій, просмотрѣлъ почту, самъ распечаталъ входящія бумаги (предварительно обругавъ старшаго дѣлопроизводителя, что не пришелъ помочь ему), затѣмъ какъ бы машинально, слѣдуя своей привычкѣ, идетъ въ отдѣленіе казначействъ и къ удивленію застаётъ двухъ пріятелей на мѣстѣ преступленія. При видѣ ихъ онъ приходитъ въ крайнее раздраженіе.

— Я вамъ запретилъ ходить сюда,—кричитъ онъ чиновнику,— а вы опять тутъ! Вонъ! швейцаръ, выведи его,—ругаетъ своего бухгалтера, затѣмъ бѣжитъ въ кабинетъ и, потребовавъ листъ бумаги, быстро набрасываетъ на немъ жалобу министру на губернатора (что онъ де не только обременяетъ палату ненужными запросами и требованіями, но и отвлекаетъ бухгалтеровъ отъ дѣла непрерывными командировками своихъ чиновниковъ въ палату для извлеченія какихъ-то справокъ изъ дѣлъ, для исправленія будто бы счетовъ, почему и проситъ оградить ввѣренную ему палату отъ неумѣстныхъ притязаній губернатора, устранить своевольный пересмотръ его чиновниками дѣлъ и книгъ палатскихъ). Затѣмъ велитъ скорѣе переписать это представленіе, непрерывно понукая переписчика, и, когда оно было запечатано, расписывается въ полученіи пакета по разносной книгѣ, самъ несетъ его на почту, держа передъ собою, какъ бы на показъ всѣмъ. На полдорогѣ встрѣчается съ нимъ знакомая барыня и съ удивленіемъ спрашиваетъ:

— Куда это вы, Михаилъ Евграфовичъ?

— Иду Мишку травить.

— Какого Мишку?

— А вонъ (указывая на квартиру губернатора, помѣщавшуюся во второмъ этажѣ), что залѣзъ въ высокую берлогу.

— А! вѣрно, жалобу на губернатора хотите отправить? Чтожъ вы сами-то несете пакетъ?

— Покойнѣй будетъ на душѣ, когда самъ въ подлеца камень бросишь ¹⁾.

Вскорѣ послѣ того Салтыковъ испрашиваетъ себѣ у министра десятидневный отпускъ въ Петербургъ для необходимыхъ объясненій по дѣламъ службы и, получивъ разрѣшеніе, немедленно уѣзжаетъ на Святой недѣлѣ... Какой былъ для него результатъ

¹⁾ Изъ чего, подумаешь, сыр-боръ тутъ загорѣлся? кому мѣшали, какой вредъ дѣлу могли приносить эти совмѣстные занятія губернаторскаго чиновника съ бухгалтеромъ палаты въ свободное время? Но, кромѣ того, что Салтыкова возмущали эти занятія, какъ самовольныя, начатыя безъ его позволенія и продолжаемыя вопреки его запрещенію, у него виѣдрилось странное подозрѣніе, будто бы губернаторскій чиновникъ былъ не болѣе, какъ шпионъ, подосланный губернаторомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, для отысканія въ дѣлахъ и счетахъ палаты новыхъ поводовъ къ доносамъ.

этихъ объясненій, намъ осталось неизвѣстнымъ. Только по возвращеніи изъ Петербурга Салтыковъ какъ будто сталъ сдержаннѣе и приличнѣе вести себя относительно губернатора. Зато губернаторъ не переставалъ осыпая палату своими требованіями и жалобами на казначейства, а съ Салтыковымъ даже и встрѣчаться не хотѣлъ. Придетъ, бывало, въ палату, спроситъ у швейцара въ передней, не раздѣваясь: «Управляющій здѣсь?» и если скажутъ: здѣсь, опвернется и былъ таковъ; если нѣтъ, пройдетъ въ присутствіе, вызоветъ, кого ему нужно изъ начальниковъ отдѣленія, разспроситъ, накричится въ волю и уйдетъ. Разъ, впрочемъ, почему-то онъ счелъ нужнымъ видѣться съ управляющимъ, чтобы высказать ему свое неудовольствіе (кажется, на губернскаго казначея за возвращеніе ассигновокъ, какъ неправильно составленныхъ), напумѣлъ и вышелъ въ раздраженномъ состояніи. Салтыковъ выслушалъ эти замѣчанія молча, но, какъ только губернаторъ за дверь, разразился насмѣшками надъ нимъ, принялся передразнивать его и такъ удачно, что безъ смѣха нельзя было видѣть и слушать это обезьянство, а въ заключеніе сталъ ругать себя:

— Дуракъ я былъ, что уступилъ ему предсѣдательское мѣсто, пусть бы онъ постоялъ передо мною, пока кричалъ, это было бы хорошимъ урокомъ для него.

Издѣваясь такъ надъ губернаторомъ Салтыковъ могъ безнаказанно, конечно, только въ своемъ кабинетѣ, но, къ сожалѣнію, онъ недолго слѣдовалъ петербургскимъ внушеніямъ объ осторожности и попрежнему пересталъ стѣсняться въ своихъ непріязненныхъ отзывахъ о Шидловскомъ повсюду и при всякой обстановкѣ. Такъ онъ часто обѣдывалъ въ буфетѣ Кремлевскаго сада съ полицеймейстеромъ и при этомъ любилъ приправлять свои обѣды неистощимыми сарказмами надъ губернаторомъ, которыми до того наконецъ надоѣлъ своему собесѣднику, что тотъ просилъ ради Бога избавить его отъ такихъ разговоровъ, чтобъ не быть вынужденнымъ передавать ихъ своему начальнику. Подобныя выходки Салтыкова скоро привели къ нежелательнымъ для него послѣдствіямъ. Въ послѣднихъ числахъ августа получается телеграмма на имя управляющаго палатою изъ канцеляріи министра, извѣщавшей его: «что де въ виду обострившихся отношеній вашихъ къ губернатору министръ находитъ неудобнымъ оставлять васъ въ Тулѣ на занимаемой вами должности и предлагаетъ избрать другую палату для своей дѣятельности». Прочитавъ телеграмму, Салтыковъ вскочилъ съ кресла, какъ ужаленный, сталъ бѣгать по своему длинному кабинету, съ крикомъ и бранью: «это онъ, его это дѣло, нѣтъ, живой не уступлю подлецу, не уйду отсюда», и на другой день уѣхалъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ остаться въ Тулѣ. Между тѣмъ, за нѣсколько дней до полученія этой телеграммы, онъ изумилъ насъ своимъ страннымъ распоряженіемъ: призываетъ стар-

шаго дѣлопроизводителя и приказываетъ ему просить согласія губернатора на опредѣленіе уѣзднымъ казначеемъ столоначальника палаты Бог—ва.

— Кого?—спрашиваетъ тотъ въ недоумѣніи.

— Что вы глухи что ли? Бог—ва.

— Помилуйте,—говоритъ,—не сами ли вы называли его язвой, которой нужно бояться, сколько разъ ругали за медленность, неаккуратность, опрометчивость въ составленіи ассигновокъ?

— Мало ли что? А вотъ теперь хочу опредѣлить его на высшую должность. Это мое дѣло, я опредѣляю, я одинъ и буду отвѣчать за свой выборъ. Пишите безъ разсужденій.

Дѣлать нечего, написали, какъ приказано, и вскорѣ по отъѣздѣ Салтыкова губернаторъ увѣдомилъ о неимѣніи съ его стороны препятствій на предположенное назначеніе Бог—ва. Вслѣдъ затѣмъ получается въ «Вѣстникѣ Финансовъ» высочайшій приказъ о перемѣщеніи Салтыкова на должность управляющаго казенной палатой въ Рязань, а на его мѣсто въ Тулу управляющаго симбирской палатой Щепкина. Въ виду этого, взяло членовъ присутствія раздумье: не лучше ли отложить опредѣленіе или отправленіе Бог—ва къ мѣсту назначенія до прибытія новаго управляющаго, какъ де онъ хочетъ, тѣмъ болѣе, что Бог—ву нужно еще сдавать дѣла новому столоначальнику. Но вотъ, послѣ 20-го числа сентября, возвращается въ Тулу Салтыковъ, зоветъ къ себѣ на квартиру старшаго дѣлопроизводителя, и между прочимъ спрашиваетъ его:

— А о Бог—вѣ пришло согласіе отъ губернатора?

— Да.

— Что жъ онъ отправился къ мѣсту новой службы?

— Нѣтъ.

— Это почему?

— Не сдалъ еще дѣлъ, при томъ члены присутствія затрудняются опредѣлять его до прибытія новаго управляющаго.

— Это что такое?—кричитъ Салтыковъ:—хотите что ли отмѣнить распоряженіе бывшаго управляющаго? Какъ вы смѣете это дѣлать? Да я васъ всѣхъ расшвыряю. Хорошо жъ, я буду сегодня въ палатѣ, посмотримъ, какъ вы не исполните моего распоряженія.

Дѣйствительно, вскорѣ Салтыковъ приходитъ въ палату, съ крикомъ и укоризнами обращается къ заступающему мѣсто управляющаго и заставляетъ его тотчасъ же записать въ книгу объ опредѣленіи Бог—ва, выдать ему прогоны и сдѣлать другія распоряженія о немедленномъ отправленіи новаго казначея къ мѣсту его служенія, и послѣ того, какъ требованіе его было исполнено, раскланивается съ нами.

— Теперь, говоритъ, прощайте, я ужъ больше не управляющій вамъ, видно, и правда, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются.

Этимъ и закончилъ Салтыковъ свою дѣятельность по тульской палатѣ. Финалъ, конечно, дѣлающій ему больше чести, чѣмъ вступленіе! Но эта поздняя заботливость о награжденіи чиновника, болѣе другихъ подвергавшагося его рѣзкимъ и грубымъ замѣчаніямъ, не принесла никакой пользы Бог—ву, а напротивъ поселила предубѣжденіе противъ него въ новомъ управляющемъ Щепкинѣ, оставшемся крайне недовольнымъ тѣмъ, что помимо его и безъ его согласія былъ опредѣленъ на отвѣтственную должность казначея неизвѣстный ему protégé Салтыкова.

Вслѣдствіе этого Бог—въ вскорѣ по опредѣленіи своемъ долженъ былъ взять двухмѣсячный отпускъ, а затѣмъ, бывъ отчисленъ отъ должности казначея къ штату палаты, вынужденъ былъ выйти въ отставку и искать себѣ мѣсто въ другомъ учрежденіи¹⁾.

Послѣ прощальнаго визита мы болѣе не видали Салтыкова. Уѣхалъ онъ отъ насъ безъ всякихъ проводовъ, какъ и пріѣхалъ безъ встрѣчъ. Яркимъ метеоромъ, съ шумомъ и трескомъ, пронесся онъ передъ нами и исчезъ навсегда, также незамѣтно и внезапно, какъ и появился. Но нельзя сказать, чтобы съ шумомъ и погибла память его.

Деять только мѣсяцевъ онъ управлялъ тульской палатою, но и за это короткое время своею энергическою, неутомимою дѣятельностію, слѣды которой повсюду встрѣчаются въ уцѣлѣвшихъ дѣлахъ его управленія и остаются до сего времени не изгладимыми, онъ принесъ ощутительную пользу палатѣ: 1) упростивъ и ускоривъ дѣлопроизводство отѣмною журналовъ общаго присутствія, писавшихся прежде чуть не по каждому дѣлу, уменьшеніемъ докладовъ, при помощи своихъ резолюцій на входящихъ бумагахъ, неупустительными требованіями скорѣйшаго исполненія этихъ бумагъ зарѣшеніемъ массы старыхъ залежавшихся дѣлъ; 2) увеличивъ въ значительной степени сборъ торговыхъ пошлинъ по губерніи—тщательнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями чиновниковъ, повѣрившихъ торговлю, по ихъ журналамъ, актамъ или протоколамъ и по количеству проданныхъ торговыхъ документовъ; 3) упорядочивъ дѣлопроизводство о недоимкахъ окладного и неокладного сборовъ точнымъ распредѣленіемъ ихъ на категоріи: а) подлежащихъ сложенію по манифесту 28 октября 1866 г., властію самой палаты или съ разрѣшенія министерства и б) требующихъ неотложнаго взысканія, разъясненіемъ причинъ значительнаго накопленія ихъ въ

¹⁾ Такую же медвѣжью услугу оказалъ потомъ Салтыковъ начальнику отдѣленія рязанской палаты Васил. Не предупредивъ Щепкина, онъ исходатайствовалъ въ министерствѣ перемѣщеніе Васил. въ тульскую палату на мѣсто взятаго имъ къ себѣ изъ Тулы начальника отдѣленія. Щепкинъ еще болѣе былъ озлобленъ этою сездеремонностію Салтыкова, относился съ явнымъ недоброжелательствомъ къ навязанному ему начальнику отдѣленія и въ концѣ концовъ добился причисленія его къ министерству.

нѣкоторыхъ уѣздахъ и указаніемъ наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ къ успѣшному взысканію ихъ,—благодаря чему, несмотря на несходство во взглядахъ ¹⁾ на нѣкоторые виды недоимокъ съ губернской администраціей и встрѣчаемое поэтому иногда противодѣйствіе съ ея стороны, всей недоимки взыскано было при немъ до милліона. Многія изъ улучшеній, введенныхъ Салтыковымъ, на примѣръ, безотлагательное исполненіе входящихъ бумагъ, внимательное наблюденіе за поступленіемъ недоимокъ, прочно привились къ палатѣ; обратились въ традиціонную привычку ея дѣлопроизводителей, потому и не могутъ быть забыты. Да и само служебное положеніе дѣлопроизводителей и бухгалтеровъ заставляло потомъ не разъ пожалѣть о Михаилѣ Евграфовичѣ, неоднократно помянуть его добрымъ словомъ. При суровомъ режимѣ его преемника само собою приходило на память, что, во-первыхъ, какъ ни строгъ и требователенъ былъ Салтыковъ, но онъ не любилъ прибѣгать къ круглымъ мѣрамъ относительно провинившихся чиновниковъ, никогда не пользовался страшнымъ для нихъ 3-мъ пунктомъ, и взысканія его болѣе или менѣе строгомъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ—занесеніемъ въ штрафную книгу, при чемъ подобныя взысканія не только не препятствовали виновному продолжать службу на занимаемой имъ должности, но и не отнимали у него возможности получить впослѣдствіи высшее назначеніе ²⁾; что, во-вторыхъ, Салтыковъ терпѣть не могъ сплетней и наушничества на подчиненныхъ и безпощадно преслѣдовалъ клеветниковъ и интригановъ ³⁾, и, въ-третьихъ, заставляя столоначаль-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи замѣчательно его пререканіе съ губернскимъ правленіемъ относительно принятія на счетъ казны издержекъ по пересылкѣ арестантовъ для водворенія на мѣсто ихъ постояннаго жительства. Салтыковъ не согласился съ заключеніемъ губернскаго правленія, что де кормовыхъ денегъ съ такихъ лицъ взыскивать не слѣдуетъ, а должно только отбирать отъ нихъ казенную одежду, и представленія полицейскихъ управленій о сложеніи такихъ недоимокъ оставлялъ безъ удовлетворенія. Дѣло дошло до сената, и сенатъ, вполне одобрявъ мнѣніе Салтыкова, утвердить заключеніе казенной палаты.

²⁾ Какъ это мы видѣли уже изъ дѣла объ опредѣленіи Бог—ва, и какъ то же еще нагляднѣе подтверждалось опредѣленіемъ въ бухгалтеры казначейства одного помощника бухгалтера, внесеннаго прежде въ штрафную книгу за самовольное удержаніе на свою пользу наградныхъ отъ земства 100 рублей.

³⁾ По этому поводу болѣе всего припоминались два выдающихся случая: 1) вскорѣ по вступленіи въ должность Михаилъ Евграфовичъ оборвалъ одну бойкую барыню, пытавшуюся на одномъ вечерѣ очернить старшаго дѣлопроизводителя, чтобы предоставить его мѣсто своему мужу, котораго всячески расхваливала, какъ посторонняя женщина, и когда стало извѣстно, что эта жена слишкомъ усердствовала въ пользу своего мужа, Салтыковъ былъ возмущенъ ея наглостью и просилъ хозяйку не приглашать его къ себѣ на вечерній чай вмѣстѣ съ нею. «Ахъ, грощъ ей цѣна,—говорилъ онъ,—вадумала еще обманомъ, какъ посторонняя, заискивать у меня мѣста для мужа, унижая другихъ; не желаю болѣе и встрѣчаться съ такой нахальной особой». Послѣ этого сталъ и къ мужу этой барыни относиться съ презрѣніемъ и радъ былъ избавиться отъ него, содѣйствуя пере-

«истор. вѣстн.», январь, 1902 г., т. lxxxvii.

никовъ и бухгалтеровъ палаты неупустительно заниматься своимъ дѣломъ, Салтыковъ въ то же время старался облегчать труды ихъ личною своею работою. Кромѣ ежедневныхъ резолюцій на входящихъ бумагахъ, которыя оставалось только исполнять безъ всякихъ докладовъ, всѣ исходящія нешаблонныя бумаги, какъ-то: представленія въ министерство, отвѣты по предположеніямъ губернатора, на запросы контрольной палаты и другихъ учреждений, личныя распоряженія и предписанія управляющаго, болѣе сложныя, редактировалъ большею частію онъ самъ. Мало того: иногда онъ составлялъ и доклады какъ бы самому себѣ. Бывало, придетъ, просмотритъ почту, объяснится по сданнымъ утромъ докладамъ, исправитъ ихъ, въ чемъ найдетъ нужнымъ, подпишетъ, какія подадутъ исходящія, и, отдѣлавшись отъ всего этого, ходитъ взадъ и впередъ въ своемъ кабинетѣ, а черезъ нѣсколько времени обращается къ старшему дѣлопроизводителю.

— Что жъ я слоняюсь изъ угла въ уголъ, когда всѣ сидятъ за дѣломъ, совѣстно, дайте мнѣ написать какой нибудь докладъ, по какимъ хотите дѣламъ вашимъ, ну, хоть по торговымъ!—напишетъ и предварительно дастъ на просмотръ:

— Посмотрите, говоритъ, не напуталъ ли я.

И вотъ одинъ разъ пришлось уличить его въ неправильномъ постановленіи.

— Что жъ, говоритъ, исправьте, какъ нужно.

— Не угодно ли вашему превосходительству самому исправить свою резолюцію, неловко марать ее.

ходу его въ другую палату. 2) Салтыковъ старался выжить изъ палаты одного начальника отдѣленія, преслѣдуя его сначала, повидимому, за недѣятельность и бесполезность для службы (онъ де мало помогаетъ своимъ столоначальникамъ и бухгалтерамъ, понукая ихъ только къ спѣшной работѣ, въ родѣ сельскаго старосты съ палкой, а самъ занимаясь лишь перестановкой запятыхъ или перемѣною выраженій въ ихъ докладахъ), и затѣмъ настоялъ на причисленіи его къ министерству. Что писалъ объ немъ Салтыковъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ черновыя подобныхъ представленій онъ всегда оставлялъ у себя, не сдавая въ канцелярію, но впоследствии онъ самъ объяснял причины неприязни къ этому вліятельному при прежнемъ управляющемъ совѣтнику не столько неспособностью его къ службѣ, сколько интригантствомъ и ябедничествомъ. «При первомъ же представленіи,—говорилъ Михаилъ Евграфовичъ,—этотъ господинъ вздумалъ аттестовать мнѣ своихъ товарищей по службѣ, такъ или иначе, но непременно съ дурной стороны, предупреждая при томъ не довѣряться никому изъ нихъ, хотя я вовсе не требовалъ отъ него никакой аттестаціи о сослуживцахъ. Это тогда же возбудило во мнѣ антипатію къ нему и заставило отшатнуться отъ него. Затѣмъ, на Святой недѣлѣ, гуляя въ хорошую погоду, я вздумалъ зайти въ палату и, встрѣтивъ тамъ этого пріятеля, вступилъ въ разговоръ съ нимъ,—такія ужъ нашли на меня телячьи чувства,—а онъ, пользуясь моимъ ласковымъ обращеніемъ, ни къ селу, ни къ городу, сталъ еще больше разводить сплетни и ябеды на сослуживцевъ. Тогда я окончательно убѣдился, что это—негодяй, нетерпимый на службѣ, и счелъ долгомъ выбросить его изъ палаты, какъ вредную гадину».

— Что, говорятъ, за китайскія церемоніи? Марайте, сколько хотите, я напишу: исполнить.

И какъ живо кипѣла у него всякая работа! Какъ свободно передавалъ онъ на бумагу свои мысли! Бывало, вздумаетъ что написать въ министерство, потребуетъ листъ бумаги, и не далѣе какъ черезъ десять минутъ выносить его весь исписаннымъ безъ помарокъ, тогда какъ переписать этотъ листъ не успѣвали такъ скоро даже бойкіе писцы. И вообще затрудненій въ дѣлахъ для него какъ будто не существовало: самыя сложныя и запутанныя дѣла, которыя въ нѣсколько лѣтъ не могли распутать комиссіи, какъ, напри- мѣръ, дѣло по ликвидаціи приказа общественнаго призрѣнія, онъ одинъ рѣшалъ въ нѣсколько дней.

Припоминая все это, невольно преклоняешься передъ этою выдающеюся, богато одаренною, личностію, но тѣмъ болѣе затрудняешься понять, какъ могли образоваться и развиваться въ такомъ высокообразованномъ и талантливомъ человѣкѣ свойства и привычки другого рода, компрометирующія и недостойныя его.

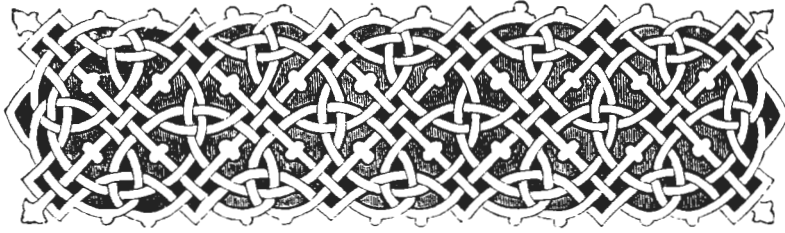
Живой и свѣтлый умъ Салтыкова, быстрота соображенія, помогавшая ему моментально схватывать всегда суть дѣла, хотя бы и сложнаго, какимъ-то чутьемъ угадывать неправильность счетовъ въ вѣдомостяхъ, безъ подсчета ихъ, прекрасная память, легко воспроизводившая всѣ детали прежнихъ дѣлъ, замѣчательная способность легко и свободно излагать свои мысли,—все это естественно поражало и изумляло ближайшихъ свидѣтелей его дѣятельности, сулило ему, повидимому, блестящую будущность государственнаго дѣятеля. Но его взбалмошный характеръ, болѣзненная раздражительность до самозабвенія, готовая поднять бурю въ стаканѣ воды, разразиться крикливою руганью изъ пустяковъ, крайне невоздержанный и злой языкъ, гордое, презрительно-насмѣшливое, чуждое всякой привѣтливости, обращеніе съ окружающими—затмевали высокія качества его ума и отзывчиваго сердца, подрывали сочувствіе и уваженіе къ его личности, а несчастная страсть его открыто и безпощадно издѣваться надъ представителями высшей губернской администраціи, относя ихъ всѣхъ безразлично, кто бы они ни были, къ категоріи презрѣнныхъ Помпадуровъ,—отчего онъ не могъ сойтись и ужиться ни съ однимъ почти губернаторомъ,—дѣлала его нетерпимымъ на службѣ, такъ что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по перемѣщеніи изъ Тулы онъ вынужденъ былъ искать себѣ средствъ къ жизни на другомъ болѣе сродномъ ему поприщѣ, но и здѣсь, какъ извѣстно, въ качествѣ редактора большаго журнала, онъ не всегда могъ владѣть собою, нерѣдко давалъ волю своему желчному языку, держалъ себя относительно своихъ молодыхъ сотрудниковъ такимъ же суровымъ и строгимъ генераломъ, какъ съ подчиненными на службѣ.

Такимъ генераломъ отъ литературы онъ и остался до конца своей жизни, не вступая болѣе на скользкій путь служебной дѣятельности.

Почти тридцать пять лѣтъ прошло со времени управленія Салтыкова тульской казенной палатой. Много перемѣнъ пережила она послѣ того, много видѣла хорошаго и дурного въ своемъ режимѣ. Но ни одинъ изъ управляющихъ не производилъ на чиновниковъ ея такого сильнаго впечатлѣнія, не оставилъ по себѣ такихъ яркихъ воспоминаній, какъ незабвенный Михаилъ Евграфовичъ. Изъ сослуживцевъ его осталось въ Палатѣ только четверо: начальникъ отдѣленія, податной инспекторъ, чиновникъ особыхъ порученій и архивариусъ, и все мы до сихъ поръ отчетливо представляемъ себѣ его обликъ и особенныя черты его дѣятельности. Какъ живой, стоитъ онъ и теперь передъ нами, вѣчно хмурый, какъ будто недовольный чѣмъ-то, разстроенный или озабоченный, съ неприглаженной шевелюрой, съ большими блестящими глазами, съ насмѣшливымъ выраженіемъ на лицѣ, нервно подергивая головой, какъ будто что-то тѣснило его шею, моментально готовый вспыхнуть, какъ порохъ, подвижной и быстрый не по лѣтамъ, строго внимательный къ требованіямъ службы и дѣйствіямъ чиновниковъ. Неизгладимыми также остаются въ нашей памяти своеобразный тонъ и складъ его рѣчи и самыя выраженія рѣзкія и мѣткія. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ вѣрности и правдивости предлагаемыхъ вниманію читателей воспоминаній (тѣмъ болѣе, что составитель ихъ не находился въ особыхъ отношеніяхъ къ Салтыкову—ни въ близкихъ, ни въ непріязненныхъ). Это точная копія дѣйствій и подлинныхъ выраженій Салтыкова при управленіи его тульской казенною палатою, безъ какихъ либо прибавленій и произвольныхъ измѣненій.

И. М. М.

ВЪ ЗАТОЧЕНІИ.

То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтиль,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ...

«Шильонскій узникъ».

НЕРЕЗЪ мѣсяць послѣ моего ареста, когда я находился въ одиночномъ заключеніи, меня посѣтила моя сестра. Свиданіе происходило въ специальной комнатѣ, разгороженной посрединѣ двумя параллельными рѣшетками, въ разстояніи одна отъ другой около двухъ аршинъ. Мы вошли въ комнату разными дверями и стали у оконъ рѣшетокъ, между которыми сидѣлъ смотритель тюрьмы.

Послѣ первыхъ привѣтствій и слезъ сестра спросила меня:

— Я себя представить не могу, что ты здѣсь дѣлаешь въ четырехъ стѣнахъ! Какъ ты живешь въ этомъ каменномъ гробу?

Въ то время, по нѣкоторымъ причинамъ, я не могъ разсказать ей, какъ живутъ въ гробу; но теперь, когда прошла не одна десятилѣтняя давность, когда для меня тюрьма стала однимъ воспоминаніемъ, я предлагаю въ этомъ краткомъ очеркѣ сильный отвѣтъ.

I.

Судъ совершился. Меня переодѣли въ арестантскій костюмъ и отвезли въ только-что построенную тюрьму города N. Въ здѣшней камерѣ я не встрѣтилъ ничего новаго для себя, потому что раньше, еще до суда, меня выдержали въ одиночномъ заключеніи болѣе года. Тѣ же семь шаговъ въ длину и четыре въ ширину, какъ и

въ казематѣ первой тюрьмы. Также подъ потолкомъ маленькое оконце съ матовыми стеклами. Желѣзные столъ, стулъ и кровать. Впрочемъ, кровать здѣсь имѣла ту особенность, что днемъ она закидывалась къ стѣнѣ и запиралась на замокъ. Въ двери та же запирающаяся форточка, черезъ которую подаютъ пищу, а надъ нею небольшое глазное отверстіе, копейки въ три, для надзора за заключеннымъ. Все такъ знакомо, старо. Такой же холодный, жесткій полъ. Также на видномъ мѣстѣ виситъ объявленіе о степеняхъ наказанія за разные проступки въ стѣнахъ тюрьмы.

Но только, пожалуй, та разница: раньше, до суда, я изрѣдка имѣлъ свиданія съ родными и позволялъ себѣ мечтать, что вотъ-вотъ скоро выйду изъ тюрьмы, опять увижу свѣтъ Божій, зеленія поля, лѣсъ, воду... А теперь, изолированному отъ всего міра, мнѣ останется сѣсть и замереть на нѣсколько лѣтъ... «И все покинуть, все забыть!»

Когда-то въ дѣтствѣ учили меня, что отличительное свойство животныхъ—свобода передвиженій. И вотъ въ настоящее время я лишень этой свободы. Въ этомъ смыслѣ я теперь не животное, или ужъ очень ограниченное—на пространствѣ двадцати пяти квадратныхъ аршинъ.

Если заключенный лишень движенія, зато у него есть время! Но зачѣмъ оно въ тюрьмѣ? Не лучше ли здѣсь не знать и его, не чувствовать?

Къ сожалѣнію, этого нельзя. Каждый часъ, каждые полчаса, даже каждыя четверть часа, въ тюрьмѣ, какъ нарочно, подчеркиваются или боемъ часовъ, или смѣною часовыхъ.

Люди прикладываютъ разную мѣрку ко времени; но несчастный узникъ, главнымъ образомъ, измѣряетъ его степенью своего терпѣнія. Онъ не проводитъ время въ тюрьмѣ, онъ терпитъ время, какъ вообще терпятъ или переносятъ чтонибудь непріятное, скучное, тяжелое.

Съ такими мыслями я вошелъ въ новое свое заключеніе и уныло сталъ посматривать на отверстіе въ двери, въ которое непрестанно заглядывалъ глазъ часового.

И вотъ тоже удивительнѣйшее сочетаніе! Казалось бы, одиночное заключеніе, ты всегда одинъ, ты страдаешь отъ одиночества, а въ то же время ты никогда не одинъ! Ты ничего не можешь сдѣлать безъ свидѣтеля, ты всегда вдвоемъ съ незнакомымъ для тебя человѣкомъ, ты непрестанно мучишься отъ неотвязчиваго глаза.

Волей-неволей здѣсь приходится вести себя такъ, какъ если бы смотрѣлъ на тебя весь міръ.

На первыхъ порахъ,—сказалъ я себѣ,—вотъ программа: дѣлай здѣсь все такъ, чтобы не пришлось тебѣ ни передъ кѣмъ краснѣть за свои поступки. Когда живешь среди людей, приходится довольно

часто входитъ въ сдѣлку со своею совѣстью; но здѣсь ты одинъ, а потому отдохни теперь и умомъ, и сердцемъ.

Я сѣлъ на прикрѣпленную къ полу желѣзную скамейку и сталъ прислушиваться къ внѣшнимъ звукамъ. Черезъ окно съ двойными рамами ничего не проникаетъ. Да откуда и прійти звукамъ, когда передъ тюрьмою высится гигантская стѣна, а за нею—развѣ только «море плещеть»! Черезъ дверь, время отъ времени, доносится тихій скрипъ сапоговъ подкрадывающихся часовыхъ.

Но вотъ раздались гулкіе шаги по каменному полу. Должно быть, уходятъ солдаты, которые привели меня сюда. Вотъ зашумѣли засовы. Вотъ тяжело стукнула желѣзная дверь. Ушли. Сразу все стихло. Вотъ она, ужасная гробовая тишина!

Я хотѣлъ подняться, чтобы походить, какъ вдругъ, слышу, раздался осторожный стукъ изъ сосѣдней камеры, а одновременно въ отверстіи двери показался глазъ часового.

Ну, вотъ,—подумалъ я,—сразу и испытаніе! Вводя меня въ камеру, смотритель предупредилъ, что перестукиваться съ сосѣдами безусловно запрещается, и заключенный, пойманный въ перестукиваніи, строго наказывается; а тутъ какъ разъ вызываютъ меня на отвѣтъ. Что дѣлать? Обманывать часового и украдкою отвѣчать сосѣду! Но вѣдь ты только-что рѣшилъ вести себя такъ, чтобы не краснѣть за свои поступки? Неужели унижаться передъ солдатами, нисходя до обмана и притворства?

Въ прежней тюрьмѣ сначала я перестукивался, но подъ конецъ вынужденъ былъ бросить такой способъ переговариванія. Помню, это было такъ. Зоветъ меня стукомъ сосѣдъ съ правой стороны и спрашиваетъ мое имя самымъ примитивнымъ способомъ, выражая а—однимъ ударомъ, б—двумя, тридцатую букву въ азбукѣ—тридцатью ударами и т. д. Такой приѣмъ можетъ отбить всякую охоту у нервнаго субъекта. Все-таки мы столковались. Оказывается, этотъ молодой человѣкъ не былъ мнѣ знакомъ, но онъ очень интересовался другимъ моимъ сосѣдомъ. И вотъ они сдѣлали меня своимъ посредникомъ для сношеній между собою. Случалось, что во время переговоровъ вдругъ врвался сторожъ и дѣлалъ грубыя замѣчанія съ различными угрозами. Чтобы избѣгнуть всего этого, надо было перестукиваться воровскимъ образомъ, крадучись, т. е. выжидать время, когда отойдетъ сторожъ отъ двери, и согнутымъ пальцемъ стучать въ стѣну до новаго ея прихода. Но чуть только слышишь скрипъ подкрадывающихся шаговъ его, быстро отскакиваешь въ сторону и начинаешь ходить изъ угла въ уголъ, дѣлая самое невинное лицо. Эти продѣлки для меня были невыразимымъ нравственнымъ мученіемъ. Но оно еще усугублялось моимъ правымъ сосѣдомъ. Онъ никогда не спрашивалъ меня просто о предметѣ, а всегда съ предварительными словами:

— Будьте добры, спросите, пожалуйста, вашего сосѣда и т. д.

Ждешь, ждешь, когда онъ окончитъ свои вѣжливыя прелюдіи, а онъ, какъ нарочно, выколачиваетъ буквы по двадцати да по тридцати ударовъ:

— Простите меня, пожалуйста, я васъ еще попрошу спросить вашего сосѣда...

Я выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія, а тутъ еще сторожъ со своимъ глазомъ и скрипомъ подкрадывающихся шаговъ!

Правда, другой, лѣвый сосѣдъ, не терзалъ меня длинными фразами, напротивъ, онъ научилъ меня болѣе простому общепринятому способу перестукиванія ¹⁾; но зато онъ имѣлъ удивительную способность каждый день сообщать невѣроятныя ужасающія новости и тѣмъ немало разстраивалъ мои нервы.

Имѣя въ прошломъ такой опытъ, собственно для себя я не хотѣлъ украдкой перестукиваться черезъ стѣнку. Но, можетъ быть, это нужно для моего сосѣда? Быть можетъ, онъ страдаетъ отъ одиночества и жаждетъ услышать хоть два—три слова отъ живого человѣка? Неужели не поддержать страдальца, который, можетъ быть, наканунѣ сумасшествія? Вѣдь, тотъ молодой человѣкъ, терзавшій меня длинными фразами, сошелъ съ ума не дольше, какъ черезъ три недѣли!

На меня нашло тяжелое раздумье. Я не зналъ, какъ мнѣ выйти изъ этого положенія. Препираться и браниться съ часовыми, обманывать ихъ, лгать, притворяться,—это такъ унижительно, это такое бремя для совѣсти! Нѣтъ, я подожду отвѣчать сосѣду: потомъ виднѣе будетъ, насколько я необходимъ ему.

Къ счастью, онъ и не настаивалъ. Скоро я услышалъ его стукъ въ другую камеру.

II.

И вотъ я добровольно обрекъ себя на абсолютное одиночество. Впрочемъ, я надѣялся, что найдутся и здѣсь мои неизмѣнные друзья, умные и талантливые—книги.

— Подожду день, другой,—рѣшилъ я про себя,—и если самъ смотритель не догадается дать мнѣ книгу, то придется попросить его. Ахъ, какъ здѣсь тяжело просить!...

Никогда не забуду, какъ я, будучи еще въ первой тюрьмѣ, нѣсколько дней подъ рядъ просилъ какую нибудь книгу для чтенія. Наконецъ, мнѣ подали съ ехидной улыбочкой крошечное засаленное евангеліе и потомъ долго любовались въ отверстіе двери, какое впечатлѣніе произведетъ на меня эта запачканная книжечка съ вырванными страницами.

¹⁾ Раздѣливъ всю азбуку на четыре строки, надо выстукивать номеръ строки и номеръ буквы въ ней.

Послѣ многихъ попытокъ, я рѣшилъ по возможности ничего не просить, безмолвно терпѣть, выжидать и не жаловаться. Холодно ли, протоптались ли подошвы въ башмакахъ, не хватаетъ ли хлѣба,—я молчалъ. И это, оказалось, самый лучший способъ обращенія съ грубыми сторожами. Тогда они становились болѣе внимательны, вѣжливы и сами соображали, что мнѣ надо.

Сначала они привязывались ко мнѣ съ малѣйшими пустяками. Увидятъ, напримѣръ, на выбѣленной известью стѣнѣ небольшую черточку, можетъ быть, случайно сдѣланную на ходу ими же самими,—и сейчасъ же оскорбительные допросы и грубыя замѣчанія.

Въ новой тюрьмѣ съ этой стороны оказались другіе порядки. Здѣшній смотритель никогда не выпускалъ ключа изъ своихъ рукъ. Надо ли раздать узникамъ чай, обѣдъ, ужинъ, обойти ли ихъ съ докторомъ, или вывести ихъ на прогулку, въ ванну,— всегда во всѣхъ случаяхъ отворялъ и запиралъ камеры самъ смотритель, а потому сопровождающіе его солдаты постоянно были подъ надзоромъ своего начальника. Это, конечно, стѣсняло ихъ переходить человѣческія границы.

Нѣкоторые изъ заключенныхъ предпочитали другой способъ обращенія съ тюремщиками. Они постоянно входили съ ними въ пререканія, требовали, настаивали и въ то же время оборонялись, защищались всевозможными путями отъ ихъ грубостей и дерзостей. Иногда это приводило ихъ къ крайне прискорбнымъ столкновеніямъ.

Можетъ быть, такой образъ поведенія такъ или иначе разнообразилъ дни заключеннаго, давалъ ему участвовать въ маленькой драмѣ, а слѣдовательно давалъ сознаніе, что онъ еще борется, значить, живетъ, еще не умеръ нравственно; но мнѣ лично казалось, что лучше, молча, смотрѣть на всѣ тюремныя мелочи и великодушно переносить ихъ, насколько хватаетъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Я предпочиталъ оградить себя, какъ Христосъ, божественнымъ молчаніемъ и невозмутимымъ терпѣніемъ. Правда, сначала было довольно трудно великодушничать съ тюремщиками, но зато впоследствии я пользовался относительнымъ миромъ и спокойствіемъ души.

Весь первый день я проходилъ изъ угла въ уголъ камеры, раздумывая о предѣлахъ нашего мышленія. Удивительно, еще недавно, какая была масса впечатлѣній отъ суда, который продолжался цѣлую недѣлю, отъ свиданія со знакомыми, отъ переѣздовъ изъ одной тюрьмы въ другую,—и все это, какъ ножомъ, отрѣзано. Теперь мнѣ не хотѣлось ихъ вспоминать, и умъ готовъ былъ заняться совершенно отвлеченными предметами.

Полтора года прошло, какъ меня оторвали отъ родныхъ и друзей. Сначала только о нихъ и думалъ, а потомъ какъ будто

они стали для меня погружаться въ какую-то нирвану, какой-то туманъ забвенія мало-по-малу сталъ застилать мою прошлую жизнь... Все болѣе и болѣе освобождаясь отъ воспоминаній, въ это время мой умъ жадно искалъ новыхъ идей. Никогда ни раньше, ни послѣ я не замѣчалъ въ себѣ такой способности къ мышленію, какъ въ тюрьмѣ. Можетъ быть, голова и сердце работали сильнѣе оттого, что здѣсь тѣло было мало занято? Какъ бы то ни было, но я готовъ признать, что въ заключеніи умъ освобождается отъ узъ.

Расхаживая въ раздумьѣ, я и не замѣтилъ, какъ приблизилось время спать. Солдаты быстро вошли въ камеру, открыли замокъ у кровати и отвалили ее отъ стѣны. Тутъ было все необходимое для постели, и я послѣшилъ улечься.

Мѣшалъ ли сильный свѣтъ лампы, или мои нервы были возбуждены переѣздомъ въ новую тюрьму, или же, наконецъ, на мнѣ оправдалась извѣстная примѣта—не спится на новомъ мѣстѣ,—только я на самомъ дѣлѣ долго не могъ заснуть. Невольно я сталъ слѣдить за часовымъ, какъ онъ подкрадывается къ двери и тихонько заглядываетъ въ мою камеру. Но это мнѣ скоро надоѣло, и я, закрывъ глаза, умысленно, чтобы утомить свой умъ, сталъ вычислять, сколько дней и часовъ прошло съ момента моего ареста. Наконецъ, я сталъ забываться...

— Ааааа!!—вдругъ раздался сильный долгіи крикъ, полный ужаса.

У меня волосы стали дыбомъ, и я затрепеталъ, какъ въ лихорадкѣ. Когда крикъ прекратился, наступила подавляющая тишина, даже скрипъ шаговъ затихъ. Очевидно, кого нибудь изъ заключенныхъ давилъ кошмаръ.

Подобные крики мнѣ изрѣдка приходилось слышать и въ первой тюрьмѣ, но тамъ они раздавались не такъ громко, не такъ страшно, какъ здѣсь.

Я плотнѣе завернулся въ одѣяло и долго не могъ успокоиться. Сонъ совершенно отлетѣлъ отъ меня. Раздирающій крикъ все еще стоитъ въ ушахъ и возбуждаетъ въ моемъ представленіи одну картину страшнѣе другой.

Дощечка около глазного отверстія въ двери опять зашмыгала, опять время отъ времени сталъ появляться глазъ часового.

— Какъ это несносно!..

Но вотъ застучали желѣзные запоры входной двери въ тюрьму, послышался громкій стукъ сапоговъ о каменный полъ.

— Должно быть, смѣна часовыхъ!—подумалъ я.

Вдругъ хлопнула дверь отдаленной камеры.

— Что это? Неужели смотритель пришелъ? Зачѣмъ же онъ еще ночью обходить?

Я сталъ прислушиваться. Да, это онъ двигается вдоль камеръ, не скрывая своихъ шаговъ. Вотъ подходитъ къ моей двери, от-

крываетъ глазное отверстіе въ ней и заглядываетъ ко мнѣ. Отшелъ. У моего сосѣда открылъ дверную форточку и сдѣлалъ ему замѣчаніе. Да, это голосъ смотрителя.

— Однакоже и служить онъ! Цѣлый день на ногахъ, да еще и среди ночи дѣлать обходъ!

Прошло еще около часу прежде, чѣмъ я погрузился въ сонъ, но это былъ не сонъ, а, правильнѣе сказать, длинный рядъ тяжелыхъ сновидѣній, съ частыми просыпаніями.

Кто-то вдали истерично рыдаетъ. Сначала были прорывающіеся негромкіе звуки: очевидно страдалецъ сдерживалъ свой плачь; потомъ они стали раздаваться все громче и громче, и наконецъ бѣдный человѣкъ не выдержалъ и зарыдалъ во всю силу своей тоски и боли. У меня у самого сердце болѣзненно сжалось, и я готовъ былъ тоже расплакаться.

— Ахъ, какъ тоскливо! Неужели никто не придетъ успокоить несчастнаго страдальца?

Я то приподымаюсь съ постели, какъ бы желая чѣмъ нибудь помочь ему, то безсильно опять валюсь на подушку. Пробовалъ закутаться въ одѣяло съ головою, но и это не мѣшало мнѣ слышать продолжающіяся истерическія рыданія.

Проходитъ еще часть, другой, а плачь не только не прекращается, но, мнѣ кажется, еще болѣе усиливается. Эта истерика совершенно женскаго характера.

До которыхъ же поръ это будетъ!

Я долго метался на постели, какъ бы въ агоніи, и только подъ утро затихъ и забылся на короткое время.

III.

Меня разбудилъ стукъ камерныхъ дверей. Разсвѣтало. Лишь только я успѣлъ натянуть на ноги толстые сѣрые штаны да на плечи накинуть такой же халатъ, какъ быстро влетѣли ко мнѣ солдаты, закрыли кровать, положили кусокъ хлѣба на столъ и также быстро исчезли.

Мнѣ, измученному безсонницею и ночными ужасами, было не до ѣды, и я грустно опустился на скамейку. Сегодня нѣтъ у меня вчерашняго настроенія думать объ отвлеченныхъ вопросахъ. Голова болитъ, какъ отъ угара. Хочется снова лечь и заснуть, но кровать на замкѣ.

— Что мнѣ дѣлать?!

Меня охватила душевная слабость, отчаяніе; я не выдержалъ и, склонившись на руки, заплакалъ.

Чтобы не дѣлать часового свидѣтелемъ моихъ слезъ, мнѣ оставалось только одно—прижаться въ уголъ камеры около двери.

Вдругъ громкій стукъ въ дверь. Этимъ часовой даетъ знать, чтобы я не прятался и былъ все время на виду его.

— Странные люди! — подумалъ я: — они боятся и стерегутъ, какъ бы заключенный не наложилъ на себя рукъ. Но кому нужна его жизнь, когда она вычеркнута изъ списка живыхъ?

Оберегая заключенныхъ отъ попытки къ самоубійству, въ тюрьмѣ не даютъ имъ въ руки ни ножа, ни ножницъ, такъ что ногти на рукахъ и ногахъ стригутъ имъ послѣ бани сами солдаты, а мясо за обѣдомъ приносятъ уже наръзаннымъ на куски.

Къ самоубійству у меня не было никакого намѣренія, но отъ естественной смерти я не отказался бы, особенно въ такую минуту, когда часовой не позволяетъ стоять въ углу въ своей камерѣ заключенія.

А онъ, какъ нарочно, все чаще и чаще заглядываетъ ко мнѣ къ моему негодованію. Къ счастью, скоро послышался стукъ камерныхъ дверей.

Значитъ, новый обходъ смотрителя. Съ чѣмъ это?

Дошла и до меня очередь. Входитъ смотритель съ солдатами и съ докторомъ.

— Какъ здоровье? — спрашиваетъ послѣдній.

Я хотѣлъ рассказать о своемъ состояніи, о бессонной ночи, о безпомощныхъ рыданіяхъ заключеннаго, котораго мѣшали мнѣ заснуть, но, взглянувъ на смотрителя и солдатъ, заинулся и коротко выпалилъ:

— Здоровъ!

Докторъ ушелъ.

Я вспомнилъ свою первую ночь въ прежней тюрьмѣ, какъ я измученный на другой день попросилъ доктора, съ виду очень почтеннаго старичка, помочь мнѣ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ:

— А вы когда сюда приведены?

— Вчера.

— Вчера! Ну, это понятно. Первое время всегда такъ бываетъ! Погодите, дня черезъ три-четыре поправитесь.

Повернулся и ушелъ. Я тогда же про себя далъ слово никогда къ нему не обращаться.

Пожалуй, и этотъ также утѣшитъ меня тремя днями, а то, чего добраго, и недѣлю положить. Ну, ужъ Богъ съ ними!

Лишь только обошелъ докторъ тюрьму, какъ снова захлопали двери камеръ, и послышались шаги солдатъ. Какъ-то неожиданно, минуя сосѣдніе номера, смотритель открылъ мою дверь и предложилъ пойти погулять. Я взялъ сѣрую шапку безъ козырька, съ большимъ чернымъ крестомъ на тулѣ, и съ любопытствомъ вышелъ изъ камеры. Солдатъ впереди, другой позади меня, а самъ смотритель замыкалъ наше шествіе на дворъ. Обогнувъ зданіе тюрьмы, мы пришли къ деревянной вышкѣ съ солдатами. Подъ

нею было нѣсколько смежныхъ дверей. Открыли одну изъ нихъ и впустили меня въ узкую клѣтку, сажени три-четыре длиною. Кругомъ досчатый высокій заборъ, подъ ногами голый песокъ, а вверху сѣрое пасмурное небо да вышка съ солдатами.

Черезъ нѣкоторое время ввели еще узника въ сосѣднюю клѣтку, потомъ еще и еще. Всѣ мы, раздѣленные непроницаемыми заборами, безмолвно стали ходить изъ одного конца въ другой. Подъ ногами ни травинки. Я наклонился и поднялъ бѣленькій камешекъ меньше горошинки. Вдругъ врывается въ мое отдѣленіе солдатъ и грубо требуетъ отъ меня то, что я поднялъ. Я подалъ. Онъ разочарованно взглянулъ на камешекъ и бросилъ его.

— Ничего нельзя, — строго замѣтилъ онъ мнѣ, — ни подымать, ни брать въ руки!

Нельзя сказать, чтобы при этихъ условіяхъ была веселая прогулка! Но недолго продолжалось это удовольствіе. Не прошло пятнадцати минутъ, какъ смотритель повелъ меня подъ охраною двухъ солдатъ опять въ тюрьму.

Боже мой! Что за убійственный запахъ въ камерѣ, когда придешь со свѣжаго воздуха! Неужели можно жить въ такой ужасной атмосферѣ?!

Въ отвѣтъ раздался только стукъ запирающейся двери.

Скучно. Пусто. Тяжело и нравственно и физически...

— Какое безцѣльное существованіе! Ахъ! дайте въ свѣтѣ подышать: еще мнѣ рано умирать, — вспомнилъ я «Узника» Жуковского.

Походивъ немного изъ угла въ уголъ камеры, я сѣлъ на скамейку, положилъ руки на столъ, а на нихъ голову. Такъ я просидѣлъ до времени обѣда, которое обозначилось похлопываніемъ дверныхъ дощечекъ. Когда смотритель подошелъ къ моей форточкѣ и открылъ ее ключемъ, она тяжело со стукомъ отвалилась назадъ, изображая собою маленькій столъ около семи вершковъ длины и пяти ширины. На нее поставили оловянную чашку со щами, покрытую тарелкою съ кашей. Я беру все это въ руки и переносу на свой желѣзный столъ. Любителямъ горячаго надо быстро ѣсть тюремный обѣдъ: металлическая посуда и желѣзный столъ быстро охлаждають пищу. А ужъ кашу приходится ѣсть чуть тепленькою.

Въ началѣ своего пребыванія въ первой тюрьмѣ я много занимался пищей. Разбираешь, бывало, составъ ея, смакуешь, комбинируешь ее, много рассуждаешь о ея приготовленіи, мечтаешь о болѣе вкусныхъ вещахъ. Каждый день ждешь обѣда съ особеннымъ интересомъ. И не я одинъ увлекался столомъ въ тюрьмѣ. По разпросамъ другихъ, побывавшихъ въ одиночномъ заключеніи, я узналъ, что это общее правило для всѣхъ новичковъ заключенныхъ. Потомъ ужъ, черезъ годъ, ѣшь машинально, безсознательно. Да и то надо сказать: не велики разносолы подаются, чтобы раз-

бираться въ нихъ съ особеннымъ усердіемъ. Помню, въ первый день моего ареста я не объдалъ. Вечеромъ за ужиномъ подаютъ мнѣ чашку буквально пустыхъ щей. Я попробовалъ ихъ и заплакалъ. Мнѣ вспомнилось тогда пророческое замѣчаніе дежурнаго штабъ-офицера въ корпусѣ, когда мы кадетами перебрасывались за столомъ хлѣбными шариками.

— Господа,—говорилъ онъ,—относитесь внимательнѣе къ пиццѣ, особенно къ хлѣбу. Богъ знаетъ, не придется ли вамъ испытать такое положеніе, когда вы оцѣните все значеніе куска хлѣба...

Къ моему удивленію, я скоро привыкъ и къ кашѣ и къ щамъ. А черный хлѣбъ по утрамъ казался мнѣ несравненно вкуснѣе сахарныхъ булочекъ, которыя я кушалъ когда-то на свободѣ. Мнѣ надо было проявлять особенное усиліе надъ собою, чтобы не сразу съѣсть всю дневную порцію хлѣба, фунта въ полтора, и оставить хоть немного на обѣдъ. Какъ все относительно на свѣтѣ! Въ тюрьмѣ это лучше всего познается.

Покончилъ съ обѣдомъ - значить, прожилъ половину дня. Надо прожить, провести еще другую половину!

Головная боль чуть-чуть унялась, но общее состояніе тягостное. Ничего не хочется ни дѣлать, ни думать. И смотрѣть не на что.

— Можетъ быть, почиталъ бы, если бы была сейчасъ книга. Надо попросить сегодня смотрителя. Самъ онъ, какъ видно, не догадается.

Оказалось, я былъ неправъ. Часа черезъ три послѣ обѣда смотритель открываетъ мою дверную форточку и подаетъ книгу: «Иллюстрированная исторія искусства» Любке. Въ данный моментъ я и ей обрадовался. Какъ бы желая подавить меня своимъ вниманіемъ, смотритель еще принесъ мнѣ «Библію» гражданской печати и маленькій молитвенникъ съ мѣсяцесловомъ.

Экое сразу богатство! Тутъ вѣдь все оцѣнишь.

Отъ радости я забылъ и про головную боль, и часового съ его недремлющимъ окомъ, и, кажется, самую тюрьму.

IV.

Потянулись тоскливые осенніе дни, потомъ зимніе... Монотонная жизнь въ четырехъ стѣнахъ разнообразилась только изрѣдка подаваемыми книгами изъ тюремной библіотеки. Но и здѣсь онѣ скоро дѣлались недоступными, потому что камера до нѣкоторой степени была темницею. Небольшое окно съ матовыми стеклами, въ разстояніи двухъ саженъ отъ стола, не могло давать много свѣту.

Уже черезъ два-три мѣсяца тюремнаго сидѣнія у меня при чтеніи книгъ глаза стали застилаться темными пятнами. И если я про-

должалъ напрягать свое зрѣніе, то появлялись никогда невидѣнные мною раньше золотыя искры въ глазахъ.

Не имѣть возможности прочитать въ одиночной камерѣ книгу, когда она раскрытая лежитъ на столѣ,—это настоящія муки Тантала! Буквально, «духовной жаждою томимъ», я мысленно молилъ небо о ниспосланіи всеисцѣляющаго свѣта. Небо, должно быть, вняло мнѣ, потому что меня осѣнила мысль—лѣчить глаза ваннами. Ежедневно утромъ и вечеромъ я наливалъ въ умывальную чашу холодной воды и, закрывъ глаза, погружалъ въ нее все лицо до ушей минутъ на пятнадцать, на двадцать. Результатъ получился неожиданный. Я настолько укрѣпилъ свои глаза, что могъ читать въ полусвѣтлой камерѣ самую мелкую печать.

Забота о физическомъ здоровьѣ пошла дальше. Я положилъ себѣ за непремѣнное правило: передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, обязательно продѣлать домашнюю гимнастику. Я махалъ въ разныя стороны руками и ногами, изгибался корпусомъ, качался, присѣдалъ, прыгалъ и даже бѣгалъ изъ угла въ уголъ съ подобраннымъ халатомъ. Видѣть въ это время со стороны мою согнутую фигуру въ арестантскомъ костюмѣ, я думаю, было и жалко и смѣшно.

Съ теченіемъ времени въ тюрьмѣ невольно становишься вялымъ, медленнымъ. Этому способствуетъ незначительность имѣющагося пространства и отсутствіе побуждающей причины торопиться. Напротивъ, является естественное желаніе продлить свои дѣла, чтобы скоротать время, не замѣчать его.

Для своего оживленія я придумалъ ежедневно по утрамъ мыть каменный полъ своѣй камеры. Но какъ? Лишь только послышатся первые звуки отпираемыхъ дверей, я хватаю тряпку (намъ онѣ выдавались для поддержанія чистоты въ камерѣ) и стремительно начинаю мыть полъ, чтобы въ короткій промежутокъ времени до прихода зрителя успѣть съ нимъ покончить. Отъ такой работы пульсъ усиленно бился, и я чувствовалъ въ себѣ хоть нѣкоторое возбужденіе.

Заключенные постоянно жаловались на отсутствіе какой либо физической работы на свѣжемъ воздухѣ. Послѣ ряда просьбъ какъ нибудь занять насъ намъ насыпали въ каждую клѣтку для прогулки по кучѣ песку, предоставляя перебрасывать ее деревянной лопатой съ одного мѣста на другое. Сначала я энергично принялся за переливаніе изъ пустого въ порожнее, но потомъ эта бесплодная работа, въ родѣ камня Сизифа, мнѣ надоѣла, и я сталъ заниматься болѣе осмысленнымъ изображеніемъ изъ песку рельефныхъ картъ знакомыхъ мѣстностей. Но это ужъ сводилось на дѣтскую игру «въ коровайчики» и не давало настоящаго физическаго труда.

Несмотря на мою заботу о поддержаніи здоровья, все-таки я былъ страшно слабъ и сильно отошталъ. Когда мнѣ разрѣшили дать

въ камеру аспидную доску, и я, окативъ ее водою, взглянулъ въ нее, какъ въ зеркало, то моимъ глазамъ представилось страшно исхудалое лицо сѣраго цвѣта безъ кровинки. Но это и понятно. Развѣ можно сохранить здоровый цвѣтъ лица, живя нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ ...«уборной»? Иначе и нельзя назвать этотъ казематъ, гдѣ цѣлыя сутки стоитъ грязное желѣзное ведро въ простомъ деревянномъ ящикѣ и портитъ безъ того спертый воздухъ! Впрочемъ, такъ было въ первой тюрьмѣ, а въ этой, какъ недавно построенной, употреблена была болѣе культурная система этихъ ящичковъ. Во всякомъ случаѣ имъ не мѣсто быть въ жилыхъ комнатахъ.

Миска со щами—это самая большая тяжесть, которую приходилось приподымать за цѣлыя сутки, а потому отъ неупражнения всѣ мускулы замѣтно ослабли.

На первомъ свиданіи съ родными, послѣ трехлѣтняго молчанія въ тюрьмѣ, у меня занули связки челюстей отъ непродолжительнаго разговора. Слухъ также ослабѣлъ отъ неупражнения. Съ первыхъ же фразъ родные замѣтили, что я плохо слышу. Мнѣ надо было дѣлать большое напряженіе, чтобы разобрать слова находящихся въ той же комнатѣ. А способность къ пѣнію у меня возвратилась не раньше, какъ черезъ полгода по выходѣ изъ тюрьмы.

Какъ-то, пробовалъ я въ камерѣ читать книгу вполголоса. Сейчасъ же открылась дверь, и мнѣ сдѣлали внушеніе, зачѣмъ я читаю вслухъ.

— Но вѣдь я читалъ про себя вполголоса...

— Все равно нельзя: слышно!

Я не избѣгъ, конечно, присущихъ всѣмъ заключеннымъ явленій нервного расстройства и малокровія. Были такіе періоды, когда я не могъ просидѣть пяти минутъ, чтобы не вскочить и не растереть онѣмѣвшей ноги. Даже на постели я долженъ былъ непрестанно переворачиваться съ боку на бокъ, потому что онѣмѣніе распространялось не только на руку или на ногу, но на всю половину тѣла.

Вѣроятно, у меня сильно ослабла сердечная дѣятельность. Помимо этого, какихъ либо явныхъ острыхъ болѣзней я не замѣчалъ у себя; но зато явился страшный недугъ, отъ котораго я не могъ избавиться не только во все время пребыванія въ тюрьмѣ, но и долго потомъ. Это—кошмары. Каждую ночь, въ самый моментъ засыпанія, я чувствовалъ, что вдругъ кто-то на меня накидывается и сразу парализуетъ все мое тѣло: я не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Хотя у меня моментально возвращалось сознаніе, тѣмъ не менѣе я не могъ проснуться, открыть глаза и лежалъ, какъ связанный. Послѣ отчаянной борьбы, послѣ чрезвычайныхъ усилій, я, наконецъ, овладѣвалъ собою, и просыпался страшно напуганный, съ тяжелымъ дыханіемъ. Въ это время сердце долго и сильно тре-

петало (въ обыкновенное время у меня не было біенія сердца, и вообще потомъ, послѣ тюрьмы, врачи всегда находили, что у меня сердце въ порядкѣ). Замѣчательно, послѣ такой борьбы съ кошмаромъ, черезъ полчаса, много черезъ часъ, я засыпалъ сравнительно спокойно.

Эти кошмары были для меня чѣмъ-то роковымъ. Хочется спать. Я приготовлю постель, раздѣнусь, но ложиться боюсь: вотъ-вотъ сейчасъ начнется кошмаръ! Въ этомъ ожиданіи я частенько сидѣлъ на кровати и бессильно плакалъ.

Иной разъ случалось, что, какъ только чувствовалъ приступъ кошмара, я сразу просыпался и успѣвалъ овладѣть собою; но это не спасало меня отъ второго приступа. Такимъ образомъ, до конца пребыванія въ одиночномъ заключеніи, я почти никогда не засыпалъ спокойно, прежде чѣмъ не помучусь основательно въ кошмарѣ.

Ничто такъ не удручало меня въ тюрьмѣ, какъ эта безуспѣшная борьба съ кошмарами, и, вѣроятно, она положила свою печать угнетенія на мое лицо. Но я никогда не кричалъ, какъ тотъ бѣдный заключенный, который такъ сильно напугалъ меня въ первую ночь. Его тоже довольно таки часто давилъ кошмаръ; и сколько я ни прожилъ въ тюрьмѣ, никогда не могъ привыкнуть къ его ужасному, душу раздирающему крику.

Вѣроятно, мы страдали, отъ недостатка свѣжаго воздуха. Въ зимнее время форточки всегда были закрыты. Если и открывались въ наше отсутствіе во время прогулокъ, то минутъ на десять, пятнадцать—не больше.

V.

Незадолго передъ моимъ арестомъ мнѣ случилось въ разговорѣ съ однимъ докторомъ медицины коснуться вопроса объ одиночномъ заключеніи. Онъ тогда очень категорически замѣтилъ, что человѣкъ черезъ три мѣсяца одиночнаго заключенія обязательно сходитъ съ ума.

Это не совсѣмъ вѣрно. Хотя я зналъ заключенныхъ, которые и раньше трехъ мѣсяцевъ въ тюрьмѣ сходили съ ума, но еще больше видѣлъ людей, сидѣвшихъ въ одиночномъ заключеніи по пяти, по десяти лѣтъ и, славу Богу, сохранившихъ свой здравый умъ, какимъ они отличались и раньше.

Во всякомъ случаѣ слова доктора заронили въ мою душу боязнь тронуться разсудкомъ. Я рѣшилъ бороться съ этимъ угрожающимъ зломъ и съ первыхъ же дней пребыванія въ тюрьмѣ старался дисциплинировать свой умъ, занять его какою нибудь опредѣленною работою, лишь бы онъ не оставался празднымъ. Съ этою цѣлью я мысленно читалъ воображаемымъ слушателямъ лекціи по своимъ любимымъ предметамъ, по математикѣ, физикѣ

и астрономіи, сочинялъ стихи, дѣлалъ французскіе и англійскіе переводы, занимался классическими языками и др.

Занятіе греческимъ языкомъ въ тюрьмѣ безъ книгъ, безъ учителя, зная только нѣсколько греческихъ словъ, принятыхъ въ русскомъ языкѣ, покажетъ нѣсколько курьезнымъ. На самомъ же дѣлѣ, это было здѣсь одно изъ пріятнѣйшихъ моихъ упражненій, возбудившее во мнѣ любовь къ филологическимъ изысканіямъ.

Я бралъ какое нибудь сложное греческое слово съ извѣстнымъ мнѣ значеніемъ, напримѣръ, эпитрахиль, и старался подыскать ему буквальнѣйшій переводъ.

— Что такое въ немъ эпи?—задавалъ я себѣ вопросъ.—Я знаю эпиграфъ, эпитафія, епископъ. Изъ этого ряда словъ я дѣлаю заключеніе, что эпи—значить на. Далѣе, что значить трахиль? Въ моей памяти было одно знакомое слово съ подходящимъ корнемъ: трахеотомія—разсѣченіе горла. Теперь понятно! Эпитрахиль—то, что священникъ надѣваетъ на шею. Одно слово разобралъ, но на смѣну ему является сейчасъ же другое слово: трахеотомія. Я знаю томъ книги, а-томъ—недѣлимый. Ага! корень томъ означаетъ дѣлать, разсѣкать.

Подобнымъ образомъ, медленно расхаживая изъ угла въ уголъ своей камеры, я перебралъ всѣ извѣстныя мнѣ греческія слова. Но особенно благодарную пищу въ этомъ смыслѣ мнѣ дали собственныя имена. Ключемъ къ нимъ послужило слово ев-ангеліе—благовѣстіе. Благодаря ему, быстро раскрывались тайны Евгенія, Евграфа, Евсевія, Евдокима и множества другихъ греческихъ именъ.

Впоследствии, когда разрѣшили мнѣ въ тюрьмѣ пользоваться книгами и предоставили къ моимъ услугамъ цѣлую охапку классиковъ, я съ страстнымъ увлеченіемъ ухватился за греческую грамматику и жадно поглощалъ страницу за страницей.

Иной разъ откроется дверь, и смотритель пригласитъ итти на прогулку короткимъ возгласомъ:

— Гулять!

— Ахъ, некогда мнѣ! — озабоченно отвѣтишь ему, и потомъ, замѣтивъ улыбку на лицѣ смотрителя, самъ разсмѣешься. Въ тюрьмѣ, и некогда!

Я тогда думалъ о своихъ младшихъ братьяхъ, гимназистахъ: какъ бы вы поражены были моимъ вниманіемъ къ разнымъ аористамъ, анаколутіямъ, метатезисамъ и пролеписамъ! Да, могу сказать: ни одинъ гимназистъ не раскрывалъ греческой книги съ такимъ удовольствіемъ, какъ я въ тюрьмѣ. Удивительно, здѣсь иногда получаешь неизъяснимое блаженство, неподдѣльную дѣтскую радость отъ такихъ предметовъ, которые въ другомъ мѣстѣ вызвали бы скуку и нетерпѣніе. Напримѣръ, у меня одно время была изъ тюремной бібліотеки алгебра Бертрана. Я выбиралъ изъ нея самыя трудныя, самыя сложныя задачи, и когда мнѣ удавалось сразу вѣрно рѣшить ихъ, я приходилъ въ такой непомѣрный восторгъ, что съ

неподдѣльнымъ чувствомъ наивно восклицалъ: «Есть ли математика въ царствѣ небесномъ?!»

Однако, — думалъ я, — сколько умственного труда и энергии бесполезно тратится въ одиночномъ заключеніи! Отчего бы не дать намъ переводить книги для печати? Отчего бы не занять насъ какими нибудь дѣльными статистическими или астрономическими вычислениями? Вообще, отчего бы не воспользоваться трудами и способностями заключенныхъ? Вѣдь большая разница: заниматься для препровожденія времени или съ сознаниемъ, что твой трудъ не пропадетъ, а поступитъ для общаго блага. Наконецъ, кромѣ утилизаціи нашего труда, надо имѣть въ виду и развитіе нашихъ талантовъ. Говорятъ, время — лучшій геній. Я увѣренъ, что дай каждому заключенному, по его желанію, музыкальный инструментъ, краски, глину, перо, и среди нихъ выработались бы прекрасные музыканты, художники, скульпторы, писатели. А вѣдь при одной аспидной доскѣ далеко не уйдешь! Что бы хорошаго ни придумалъ, какія бы удивительныя изысканія ни записалъ, — завтра надо стирать все это и готовить мѣсто для новыхъ сочиненій и вычисленій. И вотъ работа многихъ дней канула въ Лету!

Раньше, до тюрьмы, хотя и приходилось мнѣ заниматься и съ дѣтьми, и съ взрослыми, но это не было моею специальностью. Здѣсь же, въ одиночномъ заключеніи, рѣдкій день, чтобы я не прочиталъ мысленно лекціи воображаемымъ слушателямъ. Въ своемъ стараніи передать избранный предметъ четыремъ стѣнамъ камеры, какъ можно яснѣе и полнѣе, я находилъ пользу и для себя самого. Развивая заданную тему, всегда я натыкался на какіе нибудь новые для себя вопросы и приходилъ къ неожиданнымъ выводамъ.

Но, питая такимъ образомъ свой умъ, я не оставлялъ безъ пищи и чувство. Чуть слышно для себя, больше въ воображеніи, я пѣвалъ аріи изъ какой либо знакомой оперы, одновременно рисуя въ своемъ представленіи соответствующія сцены. Эти воображаемыя оперы сильно меня увлекали, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримеръ, «Гугеноты», нерѣдко доводили и до слезъ.

Но читалъ ли я лекціи, или мысленно пѣлъ свои любимыя аріи, я всегда, какъ маятникъ, переходилъ изъ одного угла въ другой, ускоряя или умѣряя свой шагъ, сообразно настроенію. Это движеніе служило ритмомъ для моего пѣнія и рѣчи. Но если находило на меня глубокое раздумье, я буквально застывалъ на мѣстѣ, боясь шевельнуться, боясь спугнуть свои мысли, которыя лились непрерывнымъ потокомъ. Глаза въ это время, хотя и обращены были въ стѣну камеры, но смотрѣли въ пространство.

Я любилъ эти раздумья. Они находили на меня по вечерамъ передъ сномъ. Потомъ, когда у меня появились письменныя принадлежности, я старался сейчасъ же занести краткій конспектъ моихъ думъ на бумагу.

VI.

Время отъ времени, нашу тюрьму посѣщали разныя начальствующія лица. Почти послѣ каждаго прихода, въ нашихъ камерахъ появлялось что нибудь новое: то тряпки для уборки камеры, то горячая вода для мытья посуды, то блюда для мыла, то аспидныя доски, то песокъ въ загородкахъ для прогулокъ и др. Очевидно, всѣ эти новинки были вызваны просьбами заключенныхъ.

Пробовалъ и я обращаться къ генераламъ со своими просьбами, но онѣ рѣдко исполнялись. Напримѣръ, просить, чтобы мнѣ разрѣшили переписку съ родными. Нельзя! Просить позволенія ходить въ мѣстную церковь. Нельзя, потому что церковь находится внѣ тюремной ограды.

Одинъ генералъ спрашивалъ меня о пищѣ. Не желая жаловаться или просить, я уклончиво замѣтилъ:

— Лично я ничего не имѣю противъ нея: она готовится изъ свѣжихъ продуктовъ.

— Но мнѣ хотѣлось бы знать,—настаивалъ генералъ,—какова она на вкусъ? Ну, какъ бы это сказать?.. Бѣтся ли?

— Да, ѣмъ по привычкѣ.

Сначала я пожалѣлъ, отчего не сказалъ, что подаваемая пища довольно тяжела и груба для насъ при такой малоодвижной жизни. Но потомъ пришелъ къ такому заключенію. Стоитъ ли просить о перемѣнѣ пищи? Не лучше ли дать намъ побольше случаевъ для движенія, т. е. побольше гулять, гимнастику, огородъ и вообще всякую физическую работу на чистомъ воздухѣ? Въ этомъ случаѣ я сравнивалъ свою тюрьму съ невольничьимъ кораблемъ извѣстнаго стихотворенія Гейне. Намъ тоже нужно переплыть большое пространство времени въ своихъ душевныхъ казематахъ, а потому намъ тоже надо бы придумать какую нибудь пляску подъ музыку...

Мнѣ всегда раньше казалось, что войти въ комнату заключенныхъ какъ-то неловко, стыдно. Совѣстно за человѣка! Но вотъ теперь я самъ заключенный, и мнѣ стало стыдно встрѣчать входящихъ. Неловко было не за себя, а за нихъ. По своей чуткости и быстрой воспримчивости, я мысленно входилъ въ положеніе посѣтителя и краснѣлъ за него, раздѣляя воображаемое мною его смущеніе.

Во всякомъ случаѣ начальствующія лица были до нѣкоторой степени пріятными гостями. Они вносили въ нашу однообразную жизнь хотя какое нибудь оживленіе; кромѣ того, напоминали о внѣшнемъ мірѣ, о возможности вернуться къ нему. Вѣдь самая сладкая мысль въ тюрьмѣ—это возвратиться домой. О, если бы можно было, какъ въ сказкѣ, обернуться голубемъ и хотя нѣ-

сколько минутъ побывать на родимой сторонѣ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается!

Замѣчательно, когда вспоминаешь прошлое, то сильнѣе всего жалѣешь о томъ, что не проявилъ своей любви къ ближнему тамъ, гдѣ могъ бы это сдѣлать. Сидя въ тюрьмѣ, страстно хочется заглядить свои промахи именно въ этомъ смыслѣ. Временами прямо болѣешь платоническою любовью. Мнѣ кажется, въ Дантовскомъ аду на первомъ мѣстѣ надо поставить вотъ эти муки о пропущенной любви. Черезъ три года отчужденія отъ людей, въ сердцѣ не ощущаешь ни малѣйшей тѣни злобы къ нимъ. Они на извѣстномъ пространствѣ времени кажутся свѣтлыми ангелами. Такъ бы вотъ и заключилъ въ свои объятія весь міръ!

Въ этой непостижимой заочной любви къ людямъ я находилъ для себя источникъ утѣшенія:

— Если ты,—говорилъ я себѣ,—страдаешь и терпишь всевозможныя лишенія, то вѣдь и всѣ люди такъ или иначе страдаютъ. А потому подожди жаловаться на судьбу свою, подожди, когда другіе вытрутъ свои слезы.

И мнѣ казалось подъ впечатлѣніемъ этихъ думъ: чтобы помочь мнѣ,—надо помочь всему міру. Тогда только я утѣшусь.

Не потому ли въ тюрьмѣ такъ интенсивна любовь къ людямъ, что здѣсь ей не на комъ разрядиться, нѣтъ объекта любви? Съ солдатами-сторожами не смѣешь слова сказать, да и здѣсь они превратились въ нашихъ глазахъ въ какихъ-то бездушныхъ, нѣмыхъ машинъ, а со зрителемъ едва перекинешься двумя-тремя короткими фразами за цѣлую недѣлю.

Ворочемъ, приходилъ ко мнѣ рѣдкій, но дорогой гость—священникъ здѣшней церкви. Его умная и сердечная бесѣда всегда успокоительно дѣйствовала на мою душу. Къ сожалѣнію, эти свиданія продолжались очень короткое время и при томъ въ присутствіи тѣхъ же нѣмыхъ свидѣтелей—солдатъ.

Подъ конецъ моего пребыванія въ тюрьмѣ судьба надо мною смилостивилась и неожиданно послала мнѣ друга.

Однажды, лѣтомъ, зритель объявляетъ мнѣ, что я буду гулять вдвоемъ. Меня охватила невыразимая радость, но одновременно почувствовалъ и нѣкоторое смущеніе. Мнѣ казалось, что я уже отвыкъ отъ людей.

То лѣто обильно было водяными крылатками (*sialis lutaria*). Ими усыпанъ былъ весь тюремный дворъ, а красныя кирпичныя стѣны зданій казались отъ буроватыхъ крыльевъ этихъ насѣкомыхъ сѣрыми. Ихъ несмѣтное множество напоминало массы пролетной саранчи на югѣ. Но ожидаемое свиданіе отодвинуло это любопытное явленіе на второй планъ. Съ кѣмъ мнѣ придется увидѣться,—я еще не зналъ. Меня ввели въ загородку первымъ. Черезъ три-четыре минуты, слышу, ведутъ другого. Отворяется дверь.

и входитъ бѣлокурый человѣкъ въ такомъ же арестантскомъ костюмѣ, какъ и я. Но, Боже мой, что за видъ у него! Блѣдный, худой, съ болѣзненными тусклыми глазами; сѣрый халатъ повисъ складками, какъ на вѣшалкѣ; изъ башмаковъ выбились подвертки... Онъ не шагаль, подымая ноги, а передвигаль и волочилъ ихъ, какъ старикъ.

Пройдя два шага, онъ останавливается и смотритъ себѣ подъ ноги, какъ бы выбирая мѣсто, куда стать, чтобы не раздавить крылатокъ.

Я гляжу на него и поражаюсь. Можно ли заниматься въ этотъ моментъ насѣкомыми, когда передъ тобой стоитъ товарищъ по заключенію? Или онъ тоже смущенъ предстоящимъ свиданіемъ и неловко скрываетъ свое смущеніе заботою о букашкахъ?

— Не знаешь, куда и ступить: всюду давишь ихъ,—были первая его слова.

— Не беспокойтесь,—замѣтилъ я ему въ отвѣтъ,—этотъ родъ животныхъ выдержитъ борьбу за существованіе дольше другихъ. Они посильнѣе въ этомъ случаѣ и медвѣдей.

— Какъ это такъ?

— Они защищены своею многочисленностью. Когда перебьютъ всѣхъ медвѣдей на земномъ шарѣ, эти крылатки навѣрно еще долго будутъ существовать. Но позвольте, что же это мы, не познакомившись, заговорили о какихъ-то букашкахъ.

Мы сказали другъ другу свои фамиліи. Во все время нашихъ первыхъ переговоровъ дверь была открыта, и солдаты вмѣстѣ съ зрителемъ съ видимымъ любопытствомъ смотрѣли на наше свиданіе.

Когда они ушли, Николай,—такъ звали моего новаго товарища,—спрашиваетъ меня:

— Вы давно въ одиночномъ заключеніи?

— Три года.

Онъ недовѣрчиво заглянулъ мнѣ въ глаза и сталъ разспрашивать о моихъ занятіяхъ. Потомъ, когда черезъ десять минутъ оживленнаго разговора мы стали друзьями, онъ откровенно признался:

— А знаете ли, я вѣдь васъ заподозрѣлъ, когда вы сказали мнѣ, что сидѣли три года?

— Почему же?

— Да у васъ блестятъ глаза, какъ будто вы вчера пріѣхали изъ деревни. Я вотъ совсѣмъ ослабѣлъ глазами, теперь и читать не могу.

Я объяснилъ ему, что прежде я тоже не могъ читать, но потомъ, ежедневно дѣлая холодныя ванны для глазъ, снова укрѣпилъ ихъ.

Мы видѣлись во время прогулокъ два раза въ недѣлю. Каждый изъ насъ приходилъ на свиданіе съ кучею всевозможныхъ во-

просовъ, но предложить ихъ одинъ другому на разрѣшеніе никогда не успѣвали. Тогда мы придумали такую систему: какъ только встрѣчаемся въ загородкѣ, прежде всего выкладываемъ другъ другу всѣ наши заранѣе приготовленные вопросы. Иные сейчасъ же разрѣшались, а которые требовали болѣе обдуманнаго отвѣта, оставались до слѣдующаго свиданія. И о чемъ только не переговорили въ эти немногія минуты! Къ моему счастью, я встрѣтилъ въ Николаѣ тоже любителя математики и астрономіи. Эти науки онъ изучалъ въ Швейцарскомъ университетѣ. Въ тюрьмѣ у него явилась идея—ирраціональныя числа сдѣлать рациональными. Онъ говорилъ, что всѣ неразрѣшимыя въ опредѣленныхъ числахъ задачи легко и точно разрѣшаются, если мы возьмемъ за единицу счисленія не нашу обыкновенную единицу одного измѣренія, а единицу въ кубѣ, т. е. единицу трехъ измѣреній. И вотъ здѣсь, «на свободѣ», какъ совершенно серьезно выражался одинъ заключенный, Николай занялся безконечными вычислениями.

Къ сожалѣнію, онъ настолько ослабъ глазами, что временами совершенно не могъ ни читать, ни писать. Иногда онъ выносилъ книгу на прогулку и просилъ меня прочесть ему наиболѣе интересовавшія его страницы. А вѣдь былъ когда-то красивый, здоровый, краснощекий юноша!

Будучи наслѣдникомъ большого имѣнія, Николай мечталъ по выходѣ изъ тюрьмы завести школу и отдать всѣ свои богатства, силы и способности дѣтямъ.

Въ одиночномъ заключеніи мы всѣ мечтали о выходѣ изъ тюрьмы, даже посаженные на долгіе сроки, и строили различные планы будущей жизни. И сколько я замѣтилъ, почти у всѣхъ было мирное идиллическое настроеніе, у всѣхъ тяготѣніе къ природѣ.

VII.

Съ тѣхъ поръ, какъ разрѣшили прогулку вдвоемъ, къ перестукиванію заключенныхъ стали относиться значительно слабѣе. Николай тоже перестукивался, и, благодаря ему, я узналъ много ужасныхъ подробностей жизни тюрьмы. Его разсказъ былъ грустная эпопея медленнаго умиранія заключенныхъ въ каменныхъ гробахъ. Иные не выдержали этого состоянія и сошли съ ума; другіе не хотѣли дожидаться естественной смерти и поспѣшили такъ или иначе развязаться съ тяжелою жизнью. «Свободой сталъ имъ смертный часъ».

При этихъ разсказахъ Николая о нашихъ союзникахъ, я уже не смѣлъ жаловаться на свое положеніе, какъ оно ни казалось мнѣ невыносимымъ. Я тогда скрылъ отъ него и свою тоску, и слезы, и нравственныя муки, и старался показаться ему бодрымъ,

здоровымъ, живымъ, чтобы тѣмъ самымъ внушить и ему бодрость духа; но теперь, вспоминая всѣ ужасы тюрьмы, я говорю всякому стороннику одиночнаго заключенія: о, если бы ты провелъ только однѣ сутки въ одиночной камерѣ, при опасеніи, что, можетъ быть, тебѣ придется и умереть въ ней! Впрочемъ, то, что я испыталъ, было порядочно давно. Можетъ быть, теперь нѣтъ ничего подобнаго въ современныхъ тюрьмахъ.

Сколько я могъ замѣтить, всѣ здоровяки, прежде жившіе въ деревнѣ среди луговъ и лѣсовъ, быстро хирѣли и умирали въ тюрьмѣ. Напротивъ, городскіе жители, съ малолѣтства приспособившіе свой организмъ къ испорченному воздуху нашихъ гигантскихъ кирпичныхъ домовъ, дольше выдерживали одиночное заключеніе. Не потому ли и я, какъ выросшій въ столицѣ, перенесъ четыре года въ душномъ каменномъ сундукѣ и живъ остался?!

Добившись одного, хочется получить и другое. У заключенныхъ явилось желаніе гулять попарно не съ однимъ и тѣмъ же товарищемъ, а со всѣми поочередно.

Для переговоровъ съ начальствомъ выбрали меня съ Николаемъ, и я немедленно обратился къ смотрителю:

— Нельзя ли мнѣ гулять поочередно со всѣми заключенными, а не съ однимъ Николаемъ все время?

Смотритель обѣщался доложить мою просьбу начальству.

Въ слѣдующую прогулку ко мнѣ приводятъ другого товарища. Низенькій, коренастый брюнетъ, съ рѣзкими чертами лица, и не въ халатѣ, а въ какой-то странной курточкѣ изъ грубаго сѣраго сукна. Онъ оказался экспансивнѣе Николая, и самъ первый бросился мнѣ на шею и сталъ крѣпко цѣловать, хотя мы не были знакомы. Раньше онъ былъ въ Сибири, убѣжалъ оттуда, былъ пойманъ на китайской границѣ и теперь посаженъ въ одиночное заключеніе. Оказалось, это онъ, съ виду удивительный крѣпышъ геркулесовскаго сложенія, каждую ночь кричитъ раздирающимъ голосомъ отъ страшныхъ кошмаровъ. Въ тюрьмѣ онъ сидитъ около года и мечтаетъ только объ одномъ: хорошо бы завести въ Малороссіи хуторокъ, при этомъ жениться на хохлушкѣ и коротать свой вѣкъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. На эту тему онъ слагалъ безконечные стихи, гдѣ непремѣнно фигурировали чернобривыя дивчины, тѣнистыя левады, кавуны на баштанахъ и тому подобное въ хохлацкомъ жанрѣ, хотя онъ самъ по происхожденію черногорецъ.

Замѣчательно, въ тюрьмѣ рѣдко кто не сочиняетъ стиховъ. Говорятъ, въ клѣткѣ птицы лучше поютъ, чѣмъ на свободѣ. Можетъ быть, и мы, попавъ въ узкую клѣтку, тѣмъ большій просторъ получили для мысли и поэзіи?!

Впрочемъ, Николай, еще будучи на свободѣ, написалъ книжку стихотвореній. Если не считать дѣтскихъ опытовъ, раньше я не сочи-

нѣль стиховъ и, правду сказать, не питалъ особеннаго расположенія къ этому виду литературы, но въ тюрьмѣ и на меня снизошло вдохновеніе. Былъ такой періодъ, что я въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ каждый день записывалъ по одному или по два стихотворенія на аспидной доскѣ, но въ памяти удержалось немного. Всѣ они были лирическаго характера и при томъ очень сентиментальны.

Мнѣ кажется, наивность и сентиментальность съ годами развиваются у заключеннаго. Это я замѣтилъ и на себѣ самомъ, и особенно—на малороссійскомъ поэтѣ.

Разставаясь съ Федоромъ, такъ звали моего новаго товарища,—я попрощался съ нимъ на мѣсяць или на два, когда снова дойдетъ до него очередь гулять со мною.

Черезъ три дня я опять шелъ на свиданіе съ товарищемъ по заключенію (прогулки вдвоемъ разрѣшались только два раза въ недѣлю). Кого-то на этотъ разъ пошлетъ мнѣ судьба?—думалъ я съ жаднымъ любопытствомъ.

Открываютъ дверь.... Опять Федоръ!

Какъ ни пріятно было его видѣть, но я не могъ скрыть своего разочарованія.

На слѣдующей прогулкѣ опять приводятъ мнѣ малороссійскаго поэта.

— Если вы хотите,—обратился я снова къ смотрителю,—чтобы я постоянно гулялъ съ этимъ господиномъ, то дайте мнѣ еще хоть одно свиданіе съ прежнимъ товарищемъ Николаемъ. Дайте хоть проститься намъ.

Какъ разъ въ этотъ же день съ подобною просьбою обратился къ нему и Николай. Смотритель исполнилъ наши желанія, и я опять сталъ гулять съ Николаемъ. Очевидно, онъ не понималъ насъ. Онъ могъ подумать, что мы поссорились, разошлись, а потомъ, соскучившись другъ объ другѣ, опять захотѣли гулять вмѣстѣ. На самомъ же дѣлѣ я такъ привязался къ Николаю, что не имѣлъ никакого желанія мѣнять его на другого.

VIII.

Дни, мѣсяцы, годы идутъ своимъ чередомъ. Всякому движенію мы можемъ вообразить себѣ конецъ; только остановка теченія времени не укладывается въ нашемъ понятіи, какъ и представленіе о границахъ міроваго пространства. Бодрствуемъ ли мы, или спимъ, независимо отъ нашего сознанія, время неудержимо течетъ всеобъемлющимъ потокомъ.

Говорятъ, въ тюрьмѣ скоро проходитъ время. Да, пожалуй, это правда, когда оглянешься назадъ; но настоящее, текущее время то-

нительно длинно. Однообразіе дней въ четырехъ стѣнахъ также тяжело переживать, какъ итти по длинной, вязкой и скучной дороге.

Многіе изъ заключенныхъ сбились со счета дней, и Николай при первомъ же свиданіи спросилъ у меня:

— А какое сегодня число и какой мѣсяць?

Я ему могъ отвѣтить, потому что велъ счетъ днямъ по страницамъ Библии, прочитывая по одной ежедневно. Конечно, мнѣ пришлось такимъ образомъ прочитать всю Библию не одинъ разъ.

Зато дни недѣли мы все строго знали. Традиционный горохъ за обѣдомъ всегда вѣрно указывалъ среды и пятницы, а очередь гречневыхъ, яшнхъ и пшѣнныхъ кашъ служила указаніемъ другихъ дней недѣли. Среди такого строгого однообразія въ тюрьмѣ только одинъ день въ году выдѣлялся своимъ столомъ—Пасха. Этотъ праздникъ памятенъ мнѣ еще и по другимъ обстоятельствамъ.

Вечеромъ въ страстную субботу, вспоминая, какъ въ дѣтствѣ мнѣ приходилось встрѣчать праздникъ Пасхи среди родныхъ, я такъ сильно расстроился, что не могъ спать. Расхаживая изъ угла въ уголъ камеры, я мысленно перецѣловалъ всехъ своихъ родныхъ и знакомыхъ; я готовъ былъ христосоваться со всемъ міромъ, со всеми мириться и всехъ прощать.

Много зависитъ отъ точки зрѣнія,—думалъ я въ эту пасхальную ночь.—Чѣмъ* дальше отъ тебя предметъ, тѣмъ болѣе относишься къ нему спокойно, безпристрастно! Когда читаешь древнюю исторію, напримѣръ, о походахъ Юлія Цезаря, то выказываешь одинаковое сочувствіе и Цезарю и его противнику Верцингеториксу. На такомъ большомъ протяженіи времени наши симпатіи, какъ лучи отдаленной свѣтящейся точки, почти параллельны къ обѣимъ народностямъ. Такъ съ большого разстоянія, напримѣръ, съ высочайшихъ точекъ звѣзднаго неба, наши сужденія о земной враждѣ были бы безпристрастны, какъ у Бога. Я теперь стою въ сторонѣ отъ міра, отъ его борьбы, отъ партій. Я вижу, что одна партія заботится о благѣ своей страны, но вѣдь и другая хлопочетъ о томъ же. И стоить лишь издали взглянуть на обѣ враждующія стороны, какъ сейчасъ же примиряешь ихъ въ душѣ своей...

Мои мысли прервалъ благовѣстъ пасхальный утрени. Я остановился и жадно, жадно прислушивался къ каждому удару колокола. Мнѣ такъ хотѣлось въ это время быть въ церкви, видѣть это множество праздничныхъ лицъ съ горящими свѣчами, слышать непрестанно повторяющееся «Христосъ воскресе»... У меня зацемило сердце, и я чувствую—вотъ, вотъ сейчасъ расплачусь. Я сталъ опять усиленно ходить по камерѣ и вспоминать пасхальныя пѣсни, которыя пѣвалъ когда-то мальчикомъ на клиросѣ.

Черезъ матовыя стекла показался разсвѣтъ. Почему-то я полагалъ, что смотритель придетъ къ намъ сейчасъ же послѣ обѣдни.

Вообще я ждалъ отъ этого дня чего-то особеннаго, выходящаго изъ ряды.

Прходитъ часъ, другой, а зрителя все еще нѣтъ.

— Интересно,—думалъ я,—забудетъ ли онъ, хоть на минуту, свое официальное положеніе и подаритъ ли насъ по-христіански пасхальнымъ привѣтствіемъ? Можетъ быть, еще цѣловаться взду-маеть?

Наконецъ, подошло обычное время утренней раздачи хлѣба, загромыхали засовы входной двери, застучали сапоги о каменный полъ и стали обычно, похлопывать одна за другою двери камеръ. Вотъ идутъ ко мнѣ. Я почувствовалъ маленькое смущеніе.

Какъ всегда, быстро влетѣли солдаты въ камеру, заперли кровать, поставили на столъ тарелку съ крашеными яйцами и съ кусками кулича и творогу и также быстро исчезли. Отъ зрителя ни пасхальнаго привѣтствія, ни звука.

Не надо бы приносить сюда красныя яйца! Это только больше подчеркиваетъ всю отчужденность отъ міра, всю тягость каменнаго гроба. Яйцо говоритъ о воскресеніи, а мы все еще, какъ мертвые, и даже не знаемъ, воскреснемъ ли для этой жизни...

Еще грустнѣе стало. Сквозь слезы проглотилъ я нѣсколько ку-сочковъ кулича и безпомощно опустилъ голову на руку.

Безсонная ночь скоро сказала, и я крѣпко заснулъ.

Вдругъ, слышу, кто-то будитъ меня, трясетъ за плечо. Я открылъ глаза, вскочилъ и съ ужасомъ отшатнулся: передо мною стоятъ солдаты съ обѣдомъ. Какъ они вошли сюда, что я не слышалъ шума отпираемыхъ дверей? Какъ это случилось, что меня, всегда чуткаго къ малѣйшему шуму, сильно тормошатъ, и я едва очнулся? Да не во снѣ ли это?

Я испугался и нѣсколько секундъ не могъ прійти въ себя. Зритель, замѣтивъ у меня на лицѣ выраженіе ужаса, сталъ успокаивать. Только тогда я вспомнилъ, при какихъ обстоятель-ствахъ заснулъ, и сообразилъ, въ чемъ дѣло.

Съ этихъ поръ кровать мою не закладывали къ стѣнѣ и пре-доставляли мнѣ пользоваться ею и днемъ. Но я этого не дѣлалъ. Съ одной стороны, я боялся опуститься, ослабѣть духомъ, раскис-нуть. Вѣдь кровать такъ располагаетъ къ лѣни и къ ненужному отдыху; съ другой, я боялся безсонныхъ ночей, если позволить себѣ выспаться днемъ. Но зато открытая кровать послужила мнѣ отличнымъ столомъ. Въ это время я занимался греческими переводами и имѣлъ много справочныхъ книгъ, тетрадь съ перомъ и грифельную доску. На поларшинномъ столѣ не очень-то разло-жишься,—и я устилалъ раскрытыми книгами всю кровать и даже полъ. Но, чтобы заниматься за такимъ импровизированнымъ сто-ломъ, приходилось становиться на колѣни.

Сначала отъ такого непривычнаго положенія у меня ныли ноги, но потомъ, когда на колѣняхъ отъ жесткаго пола появились мозоли, какъ у верблюда, я могъ простаивать такимъ образомъ болѣе часу.

Къ этому времени мнѣ разрѣшили пользоваться не только грифелемъ и карандашемъ, но и чернилами. А для записей, вмѣсто маленькихъ тетрадей въ 10—12 страницъ, мнѣ выдали переплетенную книгу въ двадцать три листа.

Оглядываясь на свое четырехлѣтнее пребываніе въ разныхъ тюрьмахъ, я вижу теперь, какъ много помогли мнѣ перенести всѣ невзгоды, скорби и болѣзни эти усиленные занятія съ книгами.

IX.

Сегодня я не попалъ въ утреннюю прогулку, и за мной пришли послѣ обѣда, часу въ четвертомъ пополудни. Была прекрасная теплая погода. Въ воздухѣ тишина. Голубое небо. Не хотѣлось уходить со двора. Всего какихъ нибудь пятнадцать-двадцать минутъ чистаго воздуха!

Я тоскливо иду въ камеру между двумя солдатами. Они переступаютъ своимъ мѣрнымъ шагомъ не спѣша, но методично, какъ волны.

Вѣроятно, имъ ужасно надоѣло непрестанно ходить взадъ-впередъ изъ тюрьмы къ загородкамъ и обратно. Войдя въ камеру, я сразу замѣтилъ, что форточка открыта. Обыкновенно ее закрывали передъ приходомъ заключеннаго. Что это значитъ? Неужели забыли?—подумалъ я про себя и сильно обрадовался. Самъ я не могъ ее достать, такъ она была высока. Да не только форточку, но и сильно покатый подоконникъ я доставалъ лишь концами пальцевъ.

Оказывается, тутъ ничего не забываютъ. Форточку умышленно оставили открытою, ради наступившихъ теплыхъ дней.

Я стоялъ передъ окномъ и не могъ оторвать своихъ глазъ отъ кусочка голубого неба, на фонѣ котораго время отъ времени мелькали парочки пролетающихъ голубей.

Вѣдь вотъ, — думалъ я, — небольшой клочекъ неба, а сколько онъ возбуждаетъ чувства у заключеннаго и сколько даетъ пищи для его ума!

И вспомнилъ я, какъ, три года тому назадъ, лежалъ я навзничъ со своимъ братомъ гимназистомъ на зеленой лужайкѣ и, нѣжась на солнцѣ, смотрѣлъ на голубое небо. У гимназиста все было такъ ясно, спокойно на душѣ, какъ въ небесной синевѣ, разстилающейся надъ нами необъятнымъ куполомъ. Онъ уже сталъ погружаться въ сладкую дрему и жмурить глаза, какъ развѣвшившійся котъ.

— Послушай, братъ,—говорю ему,—а что, если бы у васъ въ гимназіи задали написать сочиненіе о томъ, что ты сейчасъ видишь передъ своими глазами,—что бы ты написалъ?

— Да, что тутъ можно сказать,—лѣниво отвѣчаетъ онъ,—голубое небо, да больше ничего.

Я обрадовался тогда случаю щегольнуть своими познаніями и, помню, съ какимъ жаромъ, съ какою радостью я набросился на эту тему и сталъ ему украшать это голубое небо сперва поэзією и философіей, потомъ забрался въ любимую область астрономіи, и тутъ ужъ мнѣ, какъ орлу въ вышинѣ, былъ полный просторъ! Я говорилъ, говорилъ, пока не позвали насъ домой.

Теперь вотъ я опять стою передъ голубымъ небомъ, а думы одна за другою бѣгутъ и бѣгутъ неудержимымъ потокомъ. Какъ будто вдохновеніе льется съ самаго неба.

— Ахъ, если бы и на ночь оставили форточку открытою!— мечталъ я, какъ о невыразимомъ счастьѣ.— Тогда блеснули бы мнѣ милыя звѣзды! Однако, сколько же времени я не видѣлъ ихъ? Въ послѣдній разъ я любовался ими два года тому назадъ, когда поздно вечеромъ повезли меня въ тюрьму послѣ допроса. Выходя изъ кареты, я взглянулъ на верхъ и замеръ отъ очарованія: все небо было усыяно яркими звѣздами. Удивительно прекрасными онѣ кажутся, когда ихъ долго не видишь! О, если бы увидѣть мнѣ ихъ и сегодня!

Скоро стало смеркаться. Небо приняло зеленоватый отгѣнокъ. Я все еще стою передъ окномъ и соображаю, какія звѣзды могутъ быть сегодня ночью видимы изъ форточки.

Вдругъ раздаются нѣжные, слегка дрожащіе звуки корнетъ-а-пистона.

— Что за прелесть! И какъ гармонируетъ эта чудная знакомая мелодія тихому лѣтнему вечеру!

«Въ милыя горы
Мы возвратимся.
Прежнимъ покоемъ
Вновь насладимся».

— Кто же это играетъ? Вѣроятно, кто нибудь изъ города выѣхалъ на лодкѣ и плыветъ мимо стѣнъ тюрьмы. Эту пѣсенку я часто пѣлъ и игралъ когда-то въ молодости. Кто ея не знаетъ!

И предо мною встала картина послѣдняго дѣйствія «Трубадура». Каменные своды темницы въ крѣпости. Желѣзная рѣшетка въ окнѣ. На соломѣ лежитъ измученная мать трубадура и въ полуснѣ пророчески напѣваетъ ему сладкія грезы о свободной жизни.

— Боже мой,—затрепеталъ я весь отъ радостнаго волненія,— вѣдь это онъ намъ, намъ, заключеннымъ, играетъ эту милую

арію! Вѣдь это онъ умышенно подѣхалъ къ намъ пролить своими нѣжными звуками сладостную надежду на возвращеніе въ родную семью, къ матери!..

Меня охватило необыкновенное одушевленіе. Мнѣ хотѣлось и крикнуть ему, что мы слышимъ его призывъ къ счастью, и одновременно пѣть съ нимъ. Я растерянно хватался за столъ, за стѣны, подходилъ къ двери, опять къ окну, воздѣвалъ руки къ небу. Я искалъ, кому бы сказать свои догадки, кому передать свои впечатлѣнія, свое чувство... А волшебные звуки какъ бы съ неба сваливагося трубадура продолжали навѣвать пріятныя мечты:

«Снова на лютнѣ
Ты заиграешь.
Счастье былое
Скоро увидишь».

Отъ умиленія у меня покатались слезы изъ глазъ, и я, весь потрясенный музыкою, изнемогающій отъ глубокаго волненія, опустился на скамейку. Въ эти счастливыя минуты, стараясь не проронить ни одного звука, я самъ готовъ былъ молиться вмѣстѣ съ Манрико, и уже мнѣ слышался его отвѣтный голосъ: «Вѣрь мнѣ, не даромъ ты уповаешь: я за тебя небеса умолю»...

Тррр... тррр... Отворяется дверь камеры, и входятъ солдаты. Одинъ ставитъ зажженную лампу на столъ, а другой крючкомъ на длинной палкѣ закрываетъ форточку.

Вся иллюзія разрушена. Отъ меня отняли и небо, и звѣзды, и божественные звуки... Я вспомнилъ тутъ евангельскаго бога чавъ аду, который, какъ и мы, заключенные, только иногда издали созерцалъ блаженство удостоенныхъ быть на лонѣ Авраама. Да, чѣмъ болѣе подчеркивается контрастъ нашего прозябанія, чѣмъ больше понимаешь, какая непереходимая бездна раздѣляетъ тюрьму отъ ликующаго міра, тѣмъ становится тягостнѣе для сердца, тѣмъ мучительнѣе для души.

Вскорѣ мнѣ пришлось снова испытать блаженныя минуты при открытой форточкѣ. 24-го августа выдался очень жаркій день. И, должно быть, на этотъ разъ смотритель сообразилъ, что въ камерѣ душно, потому что самъ предложилъ мнѣ:

— Не оставить ли на ночь форточку открытою?

— Пожалуйста, пожалуйста!—поспѣшилъ я согласиться.

О, какой я сегодня счастливый!—мысленно восклицалъ я, предвкушая удовольствіе видѣть звѣзды.

Какъ намъ дороги самыя обыкновенныя вещи, когда мы ихъ лишаемся! Никто такъ не понимаетъ свободы, какъ испытавшій лишенія ея. Никто такъ не оцѣнитъ чистаго воздуха, какъ сидѣвшій въ душной тюрьмѣ.

Около восьми часовъ вечера на сѣверо-восточномъ небѣ сверкнула первая звѣздочка.

— Должно быть, Капелла,—подумалъ я.

Немного спустя, съ правой стороны отъ нея показались еще двѣ маленькія звѣздочки.

— Ну, конечно, это Капелла, Альфа созвѣздія Возничаго!

Я сейчасъ же зарисовалъ на память ихъ относительное положеніе и опять сталъ вглядываться въ темное небо.

— Звѣзды, вы всегда были любимымъ предметомъ мечтающихъ людей о любви и счастіи! О, эмблема свободы, не вѣщаете ли мнѣ скорое освобожденіе?! Прекрасная Капелла, я тебя первую увидѣлъ въ этомъ окнѣ! Будь же ты моею путеводною звѣздою и выведи меня отсюда!

Такъ я молился, въ священномъ упоеніи, глядя на мигающія звѣздочки.

Какъ ни былъ я восторженъ въ это время, но около полночи, вѣроятно, отъ прилива свѣжаго ночного воздуха, я заснулъ, сидя на скамейкѣ. Очнувшись въ третьемъ часу ночи, я снова прильнулъ взглядомъ къ форточкѣ. Картина измѣнилась. На восточной сторонѣ неба я увидѣлъ классическихъ братьевъ Діоскуровъ, двѣ яркія звѣзды, Кастора и Поллукса, а правѣ ихъ—блестящую планету Сатурнъ.

Касторъ и Поллуксъ, эти древніе покровители мореплавателей, считались у грековъ вѣрными указателями тихой и гостепріимной пристани. Имъ они приписывали и тѣ электрическіе огоньки, которые появляются въ тихую погоду на концахъ мачтъ.

Мнѣ, какъ моряку, вдвойнѣ пріятно было занести въ свою тетрадь и этихъ милыхъ вѣстниковъ счастливаго плаванія.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но до сего времени я бережно храню этотъ пожелтѣвшій листочекъ съ зарисованными на немъ звѣздами, какъ дорогую память о той единственной ночи въ тюрьмѣ, когда изъ глубины неба мелькнули мнѣ первые маяки на пути къ свободѣ.

X.

Первая моя тюрьма была болѣе доступна для животнаго міра. Кромѣ насѣкомыхъ, тогда ко мнѣ въ форточку залетали и птицы. А одна парочка голубей раза три принималась вить гнѣздо между рамами, несмотря на безжалостныя руки сторожей, убравшихъ кучи ими натасканныхъ прутьевъ. Въ настоящей же тюрьмѣ моими гостями лѣтомъ были только комнатныя мухи да пауки-крестовики. Последніе немало занимали меня по вечерамъ, когда они разойдутся по потолку ловить другъ друга. И тутъ мнѣ впервые пришлось наблюдать извѣстный фактъ, какъ пауки-самки пожирали своихъ самцовъ.

Но вотъ, въ послѣднихъ числахъ августа, залетаетъ ко мнѣ въ форточку желтенькая бабочка и спускается внизъ между рамами. Она начинаетъ безпокойно биться въ стекло, но не догадывается подняться до форточки. Весь день я наблюдалъ за нею, вполне сочувствуя ея желанію выйти на волю.

— Мнѣ жаль тебя, слабенькая бабочка, но что же я могу для тебя сдѣлать? Я самъ четвертый годъ безсильно бьюсь около окна, чтобы вырваться на вольный свѣтъ. Мнѣ остается только раздѣлить съ тобою свое уединеніе да скудную трапезу.

И я мочилъ кусочки сахару и бросалъ ихъ къ ней между рамами. Она, къ моему удовольствію, сѣла на одинъ изъ нихъ и стала сосать его своимъ длиннымъ хоботкомъ.

Ночью у меня родилась идея—выудить бабочку на приманку. Я вытащилъ изъ простыни нѣсколько тонкихъ нитей и едва дождался, когда меня повели на прогулку. По дорогѣ къ загородкѣ я набрался храбрости и сорвалъ три желтыхъ цвѣтка одуванчика. Сторожа покосились на меня, но ничего не сказали. Я вздохнулъ облегченно и, крѣпко сжимая въ рукахъ цвѣты, ликовалъ въ душѣ, какъ я освобожу бабочку.

— Я тебѣ закину на ниткѣ цвѣточки, ты сядешь на нихъ, а я тихонько, тихонько подтяну тебя къ самой форточкѣ. Тогда лети, милая, куда хочешь!... Но что же это? Солдаты повернули въ другую сторону отъ тюрьмы?

Меня вводятъ въ другое зданіе, гдѣ я не вижу никакого признака живой души. Сырой, затхлый воздухъ и могильная тишина. Въ небольшой коридоръ выходитъ рядъ дверей. Открываютъ одну изъ нихъ и выпускаютъ меня въ полусвѣтлый казематъ. Не успѣлъ я оглядѣться и сообразить, что это значитъ, какъ входитъ начальникъ тюрьмы и торжественно объявляетъ мнѣ, что мое одиночное заключеніе кончилось, и скоро предстоитъ мнѣ далекое путешествіе...

— Куда? Въ Сибирь?—спрашиваю его.

— Нѣтъ, немного дальше...

Я понялъ и тяжело вздохнулъ.

— Ну, что жъ?—утѣшалъ я себя.—На Сахалинѣ все-таки лучше, чѣмъ въ одиночномъ заключеніи. Тамъ есть чистый воздухъ, движеніе, полезная работа, а главное — люди. Гдѣ бы ни жить, но лишь бы съ людьми! Пусть это будутъ хоть и сахалинскіе!..

Но не всѣ заключенные смотрѣли на міръ, подобно мнѣ, черезъ призму добродушія. По рассказамъ Николая, въ тюрьмѣ совершается странный процессъ перерожденія людей. Тѣ, которые попадаютъ въ заключеніе озлобленными на весь строй существующей жизни, въ концѣ концовъ примираются съ нимъ и съ рѣдкимъ благодушіемъ готовы все простить своимъ недругамъ; обратно, другіе, предпочитающіе всегда идти мирнымъ путемъ, въ одиночной тюрьмѣ страшно озлобляются и теряютъ всякую сдержанность.

Мнѣ не дали проститься съ ними. Какъ ни радовался я своему освобожденію, мнѣ жаль было разстаться и съ Николаемъ, и съ малороссійскимъ поэтомъ, да и со всѣми заключенными, съ которыми дѣлилъ всѣ невзгоды тюрьмы. Что я за счастливый такой, что раньше ихъ меня вывозятъ на Сахалинъ!..

Вечеромъ приходитъ ко мнѣ смотритель и поздравляетъ меня съ освобожденіемъ.

— Богъ дастъ,—говоритъ онъ,—и тамъ не долго васъ продержатъ. Тамъ есть разные разряды для ссыльныхъ, — испытываемые, исправляющіеся, поселенцы, крестьяне,—и по манифестамъ ихъ скоро переводятъ изъ одного разряда въ другой. Отъ души желаю вамъ скорѣй вернуться.

Это вниманіе ко мнѣ смотрителя удивило меня. Обыкновенно, всегда сдержанный, молчаливый, строгій исполнитель всѣхъ предписаній высшаго начальства, теперь вдругъ не выдержалъ, чтобы не побесѣдовать со мной неофициально съ глазу на глазъ, а не при свидѣтеляхъ солдатахъ.

Когда, черезъ день, смотритель сдавалъ меня пріѣхавшему за мной офицеру, то попросилъ его не заковывать меня въ кандалы.

— Не беспокойтесь: не убѣжитъ!—прибавилъ онъ убѣжденно.

И вотъ растворились и для меня желѣзные ворота тюремной ограды!

Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ,—
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ...

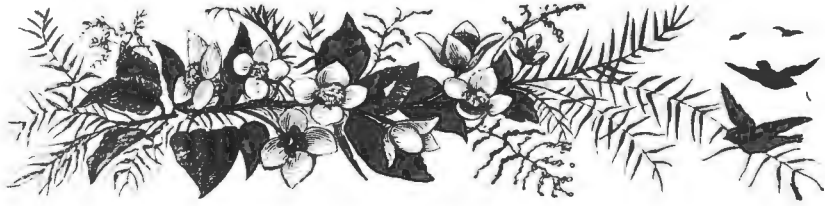
Вспомнилось мнѣ изъ «Шильонскаго узника».

Смотритель проводилъ меня до пристани, гдѣ поджидалъ большой баркасъ. А черезъ часъ я уже несся на почтовой тройкѣ къ ближайшей желѣзнодорожной станціи, чтобы оттуда отправиться на край свѣта, куда обыкновенно ѣдутъ со слезами и съ отчаяньемъ въ душѣ за свою судьбу. Но я ликовалъ! Да какъ и не радоваться, когда снова видишь оживленные деревни попережку съ зелеными рощами и съ желтѣющими полями только что убраннаго хлѣба! Какъ не восторгаться, когда для глазъ открытъ просторъ всей земли и голубого неба! Каждую избушку, каждый кустикъ, каждую птичку привѣтствуешь, какъ что-то родное, давно невиданное.

Встрѣчающіеся крестьяне удивленно смотрѣли на меня, веселого и улыбающагося, между хмурыми солдатами, лица которыхъ въ это время казались, вѣроятно, еще строже, еще суровѣе.

Какъ все относительно на свѣтѣ!

И. П. Миролюбовъ.

КАЗАНСКАЯ ГЕРОИНЯ „ВЪ ЛѢСАХЪ“ АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО.

ТО ЧИТАТЬ «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго, тотъ, безъ сомнѣнія, припомнитъ Марію Гавриловну, казанскую купеческую дочь, къ личности которой авторъ относится во все время разсказа съ постоянною симпатіею. Марія Гавриловна была родомъ изъ Казани, поэтому Андрей Печерскій всю четвертую главу 2-ой части своего произведенія посвятилъ этому городу. Но, описывая купеческій домъ и семью, изъ которой вышла его казанская героиня, авторъ, однако, не пожалѣлъ красокъ (которыми, всякій знаетъ, онъ умѣлъ владѣть съ замѣчательнымъ талантомъ), отчего романтическая завязка въ судьбѣ Маріи Гавриловны перешла подъ перомъ Павла Ивановича далеко за предѣлы дѣйствительности, имѣвшей мѣсто въ Казани лѣтъ около сорока тому назадъ.

Собравъ свѣдѣнія, частію по архивнымъ документамъ, частію по устнымъ разсказамъ старожиловъ, мы можемъ безъ труда констатировать передъ читателемъ этотъ казанскій эпизодъ, изъ котораго П. И. Мельниковъ почерпнулъ романтической сюжетъ, вставленный имъ въ свои «заволжскіе очерки».

Извѣстно, что нашъ знаменитый беллетристъ-этнографъ служилъ долго чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и употреблялся большею частію для разслѣдованія разныхъ дѣлъ по части раскола, такъ какъ въ компетентности и глубокомъ пониманіи истинныхъ причинъ русскаго старообрядчества Мельниковъ не имѣлъ (да едва ли и теперь имѣетъ) себѣ равнаго знатока, по крайней мѣрѣ, по безпристрастному отношенію къ этому историческому явленію и его сущности. Въ Казани

какъ разъ возникло въ то время одно очень запутанное тяжёлое уголовное характера дѣло между двумя старообрядцами различныхъ сектъ. Дѣло это доходило до синода, который, разсмотрѣвъ его, передалъ на окончательное рѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго сосредоточены русскія раскольникы дѣла. Министръ поручилъ П. И. Мельникову произвести самое тщательное разслѣдованіе по этому дѣлу, для каковой цѣли онъ и прибылъ въ Казань. Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ.

Съ незапамятныхъ временъ славился въ Казани купеческій домъ Дегтяревыхъ. Старики, главные представители этого дома, давно умерли, и ко времени, къ которому относится нашъ рассказъ, остались лишь одни потомки, считавшіеся между собою въ двоюродномъ и троюродномъ родствѣ. Одни изъ нихъ были купцы, другіе—мѣщане.

Лѣтъ за пятьдесятъ до нашего времени, одинъ изъ членовъ этой фамилии, Петръ Адриановичъ Дегтяревъ, былъ извѣстенъ, между прочимъ, тѣмъ, что началъ уголовный процессъ съ свекромъ дочери своей, Марьи, казанскимъ купцомъ Степаномъ Яковлевичемъ Мокеевымъ. Процессъ Дегтярева съ Мокеевымъ имѣлъ въ свое время громкую извѣстность въ нашемъ Поволжьѣ, такъ какъ герои его были люди торговые, извѣстные. Теперь, впрочемъ, едва ли кто помнитъ о нихъ.

Петръ Адриановичъ Дегтяревъ принадлежалъ сначала къ православной церкви, но съ 1846 г., т. е. со времени основанія старообрядцами-поповцами собственной іерархіи, заимствованной отъ греческой церкви, перешелъ въ это старообрядческое общество. Жена его, Евфросинья Ильинишна, была родомъ уральская казачка (урожденная Голчина), исконная старовѣрка, отличавшаяся великою непримиримостію съ «велико-россійскою церковью». Семейство Дегтяревыхъ, кромѣ того, состояло изъ сына Андрея и дочери Маріи. Старшая дочь, Клавдія Петровна, находилась замужемъ за казанскимъ купеческимъ сыномъ, Абрамомъ Степановичемъ Горшенинымъ, между тѣмъ какъ младшая сестра ея, Марія, оставалась дѣвицею. Въ обществѣ казанскаго купечества было очень много красавиць, но особенную миловидностію блистали въ описываемое время только двѣ: Екатерина Антоновна, дочь купца Антона Парѣновича Кондырина, и дѣвица Дегтярева, Марія Петровна, наружность которой произвела на министерскаго чиновника такое сильное впечатлѣніе, что онъ исписывалъ въ порученномъ ему слѣдственномъ дѣлѣ буквально цѣлыя листы, посвящая ихъ характеристикѣ этой дѣвушки, и характеристика эта цѣликомъ перенесена потомъ въ его «заволжскіе очерки», для портрета Маріи Гавриловны.

Марія Петровна Дегтярева считалась въ Казани очень завидною невѣстою. Руки ея добивались не только купеческіе сыновья, но и молодые чиновники. Однако, религіозныя препятствія были для

Дегтяревыхъ сильною преградою къ свободѣ выбора жениха для ихъ дочери. Такъ шли дни, мѣсяцы и годы. Наконецъ, судьба повернула дѣло по-своему. Понравился Марьѣ Петровнѣ купеческій сынъ Степанъ Степановичъ Мокеевъ. Родители Мокѣева принадлежали къ Федосѣвскому толку и ходили молиться на «Стекольный»¹⁾, хотя и имѣли собственную молельню при своемъ домѣ, въ Ягодной слободѣ. Старикъ Мокеевъ былъ казанскій купецъ, имѣлъ при домѣ большой заводъ, на которомъ вырабатывались разныя снасти и войлоки, и велъ обширную этимъ товаромъ торговлю. Человѣкъ онъ былъ суровый, упрямый, про него въ снастномъ ряду обыкновенно говорили: «Степана Яковлевича въ семи ступахъ не утолчень». Еще фанатичнѣе была жена его, Акулина Максимовна.

Степанъ Степановичъ Мокеевъ не видалъ прежде Маріи Петровны Дегтяревой, а когда случайно встрѣтился съ нею на Казанкѣ, во время провожанія Смоленской иконы (а не встрѣчи, какъ сказано «Въ Лѣсахъ»), то все время не спускалъ съ нея глазъ. Наружность дѣвушки до того подѣйствовала на Мокеева, что онъ, какъ самъ говоритъ въ одномъ изъ имѣющихся въ «дѣлѣ» показаній, едва не лишился разсудка. Самъ онъ былъ тоже мужчина представительной наружности: высокъ ростомъ, статенъ корпусомъ, имѣлъ очень красивыя, выразительныя глаза и молодцоватую походку. Черезъ нѣсколько дней молодой человѣкъ сообщилъ свои сердечныя думы отцу и матери.

— Не рука она намъ!—отозвалась мать.— Я найду тебѣ невѣсту нашей вѣры...

Отецъ, зная хорошо семейство Дегтярева, его родню и связи съ именитыми купеческими фамиліями, очень непрочь былъ породниться съ этимъ домомъ; но согласіе на бракъ давалъ лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы никакого церковнаго вѣнчанія отнюдь не было, а все дѣло ограничилось бы только однимъ благословеніемъ родителей, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. «Благословеніе бо отчее утверждаетъ дома чадъ»,— говорилъ онъ словами Сираха, и съ этого аргумента сдвинуть старика не было возможности. Сватовство, однако, началось...

Всѣ тонкости этого дѣла поручено было вести родственницѣ Мокеевыхъ, Пелагеѣ Лобашевой, которая оказалась хорошей по этой части мастерицей, ибо въ короткое время довела дѣло до «рукобитья». Вопросъ же о томъ: гдѣ и какъ должно быть совершено бракосочетаніе,—выясненъ былъ въ томъ смыслѣ, что хотя «вѣнчанія» на самомъ дѣлѣ учинено не будетъ, но что, для крѣпости

¹⁾ Старообрядческій скитъ, находящійся среди поля, недалеко отъ Казани, за Ямскими улицами. Встарину здѣсь былъ монастырь Димитрія Прилудцаго, а потомъ вся эта усадьба перешла въ собственность бывшаго попечителя казанскихъ старообрядцевъ-беспоповцевъ, купца Василя Андреевича Савинова.

союза съ формальной стороны, бракъ будетъ записанъ въ метрическихъ книгахъ Ягодинской церкви, въ приходѣ которой находился домъ купца Мокеева. На такой компромиссъ отецъ невѣсты, послѣ сильной осады со стороны женщинъ, согласился.

Все устроилось, повидимому, благополучно. Бракъ совершился; обѣ стороны остались довольны; гости, пировавшіе на свадьбѣ,—еще довольнѣе. Молодые искренно любили другъ друга, другъ на друга не могли наглядѣться, всѣ знакомые говорили, что лучшей пары нельзя было придумать, и прочее.

Минулъ годъ. У молодыхъ Мокеевыхъ былъ уже маленькій сынъ Ваня. Оправившись отъ болѣзни родовъ, Марія Петровна явилась внезапно въ домъ своихъ родителей, Дегтяревыхъ, и къ общему изумленію объявила, что она къ Мокеевымъ возвращаться болѣе не намѣрена, что мужъ хотя и любитъ ее страстно, какъ и она его, но отъ свекра и свекрови ей нѣтъ житья: притѣсняють, оскорбляютъ, поминутно ворчатъ и очень явно выражаютъ къ ней полное свое нерасположеніе. Мужъ пробовалъ защищать ее, но защита эта оказывалась всякій разъ слабой и безуспѣшной, такъ какъ и самъ де онъ немало терпитъ отъ своихъ родителей, не смѣя выйти изъ повиновенія. Сообщала все это Марія Петровна, всхлипывая отъ слезъ; но сообщеніе ея было далеко не полное: она видимо колебалась пускаться въ подробности.

— Говори все!—произнесъ строго отецъ ея, инстинктивно отгадывая, что случилось что-то болѣе важное.

Дочь отвѣчала лишь слезами. Мужъ навѣстилъ ее въ тотъ же день; но отъ него теща и теща добились еще меньше.

Наконецъ, спустя нѣсколько дней, молодушка въ интимной бесѣдѣ съ матерью проговорила, что ее въ домѣ свекра «крестили».

— Какъ крестили?—вскочилъ пораженный отецъ, узнавши новость.

Дочь испугалась и заплакала.

— Разсказывай по порядку: какъ дѣло было?—требовалъ Петръ Адриановичъ.

— Сначала долго уговаривали, а потомъ стали дѣлать угрозы...

— И ты согласилась! Отчего намъ не сказала?

— Мнѣ запретили... Я боялась, чтобы хуже не вышло.

Дегтяревъ, выслушавъ отъ дочери всѣ подробности, при которыхъ совершенно было ея насильственное крещеніе, отправился къ своему священнику Трофиму Тихоновичу Щедрину за совѣтомъ и наставленіемъ. Трофимъ Тихоновичъ жилъ въ своемъ домѣ на Вознесенской улицѣ (теперь домъ купца Новикова). Старикъ даже руками всплеснулъ, узнавъ о скорбномъ событіи въ семьѣ Дегтярева. Чтобы обсудить дѣло толковѣе, Щедринъ послалъ за Лукою Федоровичемъ Свѣшниковымъ, извѣстнымъ знатокомъ канониче-

скихъ законоположеній. Однако, на этомъ совѣтѣ главнымъ виновникомъ признанъ не Мокеевъ, а самъ жалобщикъ Дегтяревъ.

— Ты гдѣ брать благословеніе на бракъ дочери своей съ безпоповцемъ?—спросилъ Лука Федоровичъ.

— А развѣ есть въ томъ какая ересь? — оправдывался Петръ Адриановичъ.—Сами знаете, что византійскій императоръ Алексѣй Комненъ выдалъ свою дочь за турецкаго султана Махмета.

— Мы тебя не спрашиваемъ о томъ: лъзя или нельзя выходить вѣрной за невѣрнаго, а ты намъ отвѣтъ: почему согласился на такой бракъ безъ епископскаго спросу?

Дегтяревъ смутился и не нашелся, что возразить.

— Заварилъ ты, Петръ Адриановичъ, кашу, не спрося насъ. Тенерь и расхлебывай ее самъ!

Съ тѣмъ и отпустили несчастнаго отца во-свояси. Долго ходилъ Дегтяревъ, повѣсивъ голову.

— Махни рукой на все!—говорили ему кушцы на базарѣ.

— Уговори Степана отдѣлиться отъ отца: пусть живетъ и торгуетъ съ тобой,—совѣтовали другіе.

Но утѣшенія пріятелей не удовлетворяли оскорбленнаго отца. Онъ искалъ способа смыть позоръ болѣе чувствительнымъ для противника образомъ. Кто-то шепнулъ ему, что для этакихъ «дѣловъ» существуетъ въ Казани подходящій человѣкъ, старый подьячій Михаилъ Алексѣевичъ Прозоровскій. Онъ де можетъ взяться за дѣло, если Дегтяревъ не пожалѣетъ денегъ. Петръ Адриановичъ отправился отыскивать названнаго подьячаго ¹⁾.

— Обратись къ «единовѣрью», тогда начнемъ дѣло уголовнымъ порядкомъ,—сказалъ кушцу Дегтяреву Прозоровскій.

Дегтяревъ передалъ такой совѣтъ женѣ. Та и руками, и ногами противъ единовѣрія.

— Да пойми ты, глупая женщина, — вспыхнулъ мужъ.—Вѣдь «наши» въ путь слова не хотятъ со мной молвить.

Но баба начала выть на весь домъ и на слова мужа не сдавалась.

— Ты оставайся,—сказалъ ей, помолчавъ немного, Петръ Адриановичъ,—а я пойду къ отцу Дмитрію ²⁾.

И хлопнулъ дверью. Съ Евфросиньей Ильинишной началась истерика.

Вскорѣ послѣ «присоединенія» поступило въ казанскую духовную консисторію прошеніе Петра Адриановича Дегтярева, въ которомъ обиженный жаловался не только на «перекрещеніе» Мокее-

¹⁾ М. А. Прозоровскій былъ извѣстный въ Казани «юсъ» по духовнымъ дѣламъ. Характеристика его описана когда-то въ «Современникѣ» (см. этотъ журналъ за 1860 г., май, стр. 69).

²⁾ Единовѣрческій священникъ въ Казани.

вымъ своей невѣстки, а его, Дегтярева, дочери, но и на обманъ, выразившійся въ томъ, что дочь его, «Марія, оказалась съ мужемъ «не вѣнчанною» и ни въ какія метрическія книги бракъ ея не записаннымъ».

Суть жалобы Дегтярева состояла въ слѣдующемъ (передаемъ въ извлеченіи подлинный текстъ ея, взятый изъ архивнаго дѣла):

«..... 30-го января 1852 года, я, Дегтяревъ, дочь свою Марію отдалъ въ замужество за казанскаго купческаго сына Степана Степановича Мокеева съ тѣмъ, чтобы они были обращены въ казанской Ягодинской церкви, такъ какъ купецъ Мокеевъ имѣетъ домъ въ приходѣ этой церкви. Въ доказательство согласія на такое условіе онъ, Мокеевъ, пригласилъ ягодинскихъ священниковъ: Петра Аквилянова и Николая Бальбуциновскаго съ ризницею къ себѣ въ домъ для благословенія брачной вечера. Здѣсь означенные священники дѣлали новобрачнымъ поздравленія съ законнымъ бракомъ, что и увѣрило его, Дегтярева, что дочь его обручена. Свидѣтелями сего были приглашенные на брачную вечерю гости: Алексѣй Яковлевичъ Рыжакъ, Иванъ Михайловичъ Ложкинъ, Ферапонтъ Владимировичъ Серебренниковъ, его жена Анна Ивановна, Степанъ Герасимовичъ Медвѣдевъ, съ женою Устиньею Никитишною, сыномъ Михаиломъ Степановичемъ и женою сего послѣдняго Екатериною Андреевною, Яковъ Викуловичъ Жаровъ и Павелъ Порфирьевичъ Лобашевъ, съ женою Целлагеей Максимовной. Когда же дочь Марія разрѣшилась отъ бремени сыномъ Иваномъ, то онъ, Дегтяревъ, не знаетъ: кѣмъ крещенъ и гдѣ по смерти отпѣтъ и погребенъ сей младенецъ, а Марія, послѣ родовъ, съ согласія мужа ея, взята имъ къ себѣ въ домъ, гдѣ и открылся обманъ свекра ея, купца Мокеева. Дочь объявила, что она съ сыномъ Мокеева, Степаномъ, не вѣнчана, а черезъ нѣсколько времени къ сему присокупила, что она въ домѣ свекра «перекрещена». Исполнить это надъ собою допустила по стѣсненной жизни и угрозамъ свекра и свекрови. Перекрещеніе совершено 23-го марта, черезъ два почти мѣсяца послѣ свадьбы, въ домовою молебнѣ Мокеевыхъ, духовникомъ ихъ, казанскимъ мѣщаниномъ Маріономъ Сергѣевымъ Пляксынымъ, крестнымъ отцомъ ея былъ крестьянинъ гг. Шереметевыхъ, села Юрина (Васильсурскаго уѣзда), Алексѣй Васильевъ Степешевъ, а крестною матерью—казанская купчиха Татіана Федотова Мыльниковна, а какія-то молитвы при этомъ случаѣ читала казанская мѣщанка Аграфена Зиновьева Забѣлина. Во время сего крещенія дочь его, Марія, простудясь отъ холодной воды, сдѣлалась больною. Такое поруганіе обряда православной церкви, совершенное надъ его дочерью, онъ, Дегтяревъ, считаетъ безчестнымъ, почему и проситъ, для пресѣченія такого беззаконія и удержанія Мокеева отъ обмановъ, произвести разслѣдованіе»...

По жалобѣ Дегтярева поручено было священнику Евдокіевской церкви Алексѣю Петровичу Самосатскому произвести строжайшее дознаніе. Изъ дознанія выяснилось, какъ донесъ Самосатскій консисторіи, что женихъ и невѣста суть раскольники, а потому консисторія постановила переслать все дѣло въ казанское губернское правленіе, на основаніи узаконеній, по которымъ ни о совершенныхъ раскольниками бракахъ, ни о крещеніи ихъ, ни о погребеніи умершихъ духовное начальство входитъ не должно. Губернское правленіе заключило: признать дѣло сіе подлежащимъ судебному разсмотрѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, куда, съ своимъ заключеніемъ, и внесло его чрезъ начальника губерніи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, находя, съ своей стороны, что дѣло это содержитъ въ себѣ оглашеніе въ обманѣ и совращеніе въ расколъ, а потому надлежитъ, по строжайшемъ изслѣдованіи, разсмотрѣнію уголовного суда,—признавъ нужнымъ произведенное уже изслѣдованіе дополнить въ гражданскомъ вѣдомствѣ и объ этомъ заключеніи сообщить святѣйшему синоду. По предложенію синодальнаго оберъ-прокурора, генераль-адъютанта графа Протасова, синодъ, разсмотрѣвъ дѣло, заключилъ, что по объявленію, сдѣланному Петромъ Адриановичемъ Дегтяревымъ о подлогѣ, употребленномъ при совершеніи брака дочери его, изслѣдованіе такового подлога, какъ совершившагося между свѣтскими лицами, надлежало епархіальному начальству, на точномъ основаніи существующихъ узаконеній, представить гражданскому начальству, а потому святѣйшій синодъ опредѣлил: слѣдствіе, произведенное въ духовномъ вѣдомствѣ, признать недѣйствительнымъ и просить произвести по сему предмету новое строжайшее изслѣдованіе черезъ благонадежныхъ лицъ, при депутатѣ съ духовной стороны, назначенномъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, а потому министръ внутреннихъ дѣлъ и поручилъ производство слѣдствія по сему предмету состоящему при министерствѣ, коллежскому совѣтнику Мельникову.

Павлу Ивановичу Мельникову Казань была хорошо извѣстна ¹⁾. Здѣсь воспитывался ояъ въ университетѣ (1834—1837 г.) и сюда пріѣзжалъ потомъ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, чтобы запечатать «Коровинскую часовню» — мѣсто богослуженія старообрядцевъ, пріемлющихъ священство. Но тогда никто здѣсь не замѣтилъ чиновника Мельникова, кромѣ «часовенныхъ», на которыхъ Павелъ Ивановичъ нагналъ порядочную панику. Еще менѣе казанцы подозрѣвали, что изъ этого чиновника, вѣздившаго по Заволожью упразднить старообрядческіе скиты и часовни, выйдетъ въ очень скоромъ времени столь извѣстный «Андрей Печерскій». И дѣйствительно съ появленіемъ въ 1852 году его повѣсти «Кра-

¹⁾ См. «Заволожскую Вивлюонку». Выпускъ I. Казань. 1887 г. Стр. 36.

сильниковы», подписанной названнымъ псевдонимомъ, въ русской прессѣ всюду заговорили, что Павелъ Ивановичъ замѣчательный литераторъ; въ особенности въ большомъ восторгѣ были наши казанцы, вспомнивъ, что авторъ «Красильниковыхъ» питомецъ здѣшняго университета. Повѣсть Андрея Печерскаго обратила на себя вниманіе лучшихъ людей литературы того времени, поэтому вѣсть о пріѣздѣ въ Казань не Мельникова, а Андрея Печерскаго, быстро распространилась среди мѣстной интеллигенціи.

— Слышали? Авторъ «Красильниковыхъ» въ Казани!—говорилъ одинъ учитель словесности молодому профессору университета.

— Не только слышалъ, а даже былъ у него съ визитомъ.

— Этакій вы счастливецъ! Ну, что? какъ? Какое впечатлѣніе вынесли?

— Пренепріятное! Я отправился къ Павлу Ивановичу, конечно, не какъ къ чиновнику Мельникову, а какъ къ Андрею Печерскому, автору «Красильниковыхъ»... Прихожу и вижу: въ передней стоитъ на вытяжку жандармъ, далѣе другой. Самъ Павелъ Ивановичъ сидѣлъ въ роскошномъ кабинетѣ, развалясь въ креслахъ и съ видомъ «Юпитера олимпійскаго» распекалъ какую-то плачущую старуху, повидимому, старовѣрку, которая, насколько можно было понять изъ ея словъ, ходатайствовала о возвращеніи ей древней иконы, благословенія родителей, конфискованной Мельниковымъ во время разгрома «коровинской часовни». Представьте теперь мое неловкое положеніе: когда я шелъ къ этому литератору, всѣ мысли мои погружены были въ идеальный міръ художественныхъ образовъ и эстетическихъ красотъ... и вдругъ—такая обстановка, такая сцена!..

Павелъ Ивановичъ занималъ два лучшихъ номера въ гостиницѣ Акчурина, на Воскресенской улицѣ. Сдѣлавъ визиты городскимъ властямъ, слѣдователь приступилъ къ порученному ему дѣлу.

Но дѣло оказалось порядочно запутаннымъ. Со времени подачи Дегтяревымъ жалобы въ консисторію по день пріѣзда въ Казань министерскаго чиновника прошло около двухъ лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени нѣкоторыя прикосновенныя къ дѣлу лица умерли, другія—запомнили то, въ чемъ заключалась «суть дѣла». Степанъ Степановичъ Мокеевъ изъ боязни, чтобы судьи не разлучили его съ красавицей женой, согласился обвиняться съ нею въ казанской четырехъ-евангелистовской (единовѣрческой) церкви, тайно отъ своихъ родителей, что и совершилось 14-го апрѣля 1854 года.

Первою Мельниковъ привлекъ къ допросу героиню всего этого дѣла, Марію Петровну. Та въ слезы.

— Не въ рекруты ведутъ, чего боишься, дурочка!—уговаривалъ ее отецъ.

Но за молодую женщину вступилась ее мать:

— Ты одно вспомни, Петръ Адриановичъ!—говорила Дегтя-

реву жена:—вѣдь это тотъ самый Мельниковъ, который разорилъ у насъ «Домъ Пресвятой Богородицы» ¹⁾).

Присланному жандарму скучно было слушать длинныя пререканія Дегтяревыхъ и слезы собравшихся бабъ. Онъ сталъ требовать, чтобы торопились.

— Я самъ отправлюсь съ ней, — заявилъ мужъ Маріи Петровны.

Слова его успокоили разомъ всѣхъ. Марія Петровна отерла слезы, одѣлась и вмѣстѣ съ мужемъ и въ сопровожденіи жандарма отправилась къ «Андрею Печерскому».

Въ кабинетѣ Павла Ивановича сидѣлъ казанскій городской голова, коммерціи совѣтникъ Анисимъ Кирилловичъ Месетниковъ. Онъ пріѣхалъ заплатить визитъ министерскому чиновнику, но съ визитомъ соединена была и другая цѣль: дочь головы, Татьяна Анисимовна, по мужу Дегтярева, приходилась родственницей «нашей героинѣ», поэтому въ посѣщеніи городскимъ головою Мельникова заключалась дипломатическая нота... Впрочемъ, Анисимъ Кирилловичъ не сочувствовалъ процессу, называя его «кляузой» со стороны Петра Адриановича Дегтярева. Мельниковъ былъ того же мнѣнія.

Когда уѣхалъ городской голова, начался допросъ Маріи Петровны, показаніе которой въ существенныхъ чертахъ записано рукою слѣдователя въ подлинномъ архивномъ дѣлѣ такъ:

« Дочь Петра Адрианова Дегтярева, Марія Мокеева, подтверждая во всемъ жалобу своего отца, дополнила, что отецъ отдавалъ ее за Мокеева съ тѣмъ условіемъ, чтобы она была вѣнчана въ церкви. Во время бытности ея въ невѣстахъ женихъ всегда увѣрялъ ее, что они будутъ вѣнчаны въ церкви. Передъ свадьбою за нею пріѣхали: дружка Стахѣевъ и замужнія сестры жениха— Прасковья и Фодосья, съ которыми она, невѣста, и поѣхала, думая, что везутъ ее въ церковь; но вмѣсто того привезли ее въ домъ Мокеева, гдѣ былъ и женихъ ея, такъ какъ въ домѣ этомъ, наверху, была моленная, то отвели ее туда, и отецъ жениха, Степанъ Яковлевъ Мокеевъ, сталъ вѣнчать ихъ, при этомъ, хотя она и говорила, что условіе было вѣнчаться въ церкви, но Мокеевы уговорили ее не противиться, увѣряя, что это все равно, и что въ церковныхъ книгахъ бракъ будетъ записанъ, и что отецъ ея, Дегтяревъ, объ этомъ не узнаетъ. Будучи молода и неопытна, не имѣя надлежащаго духовнаго и нравственнаго назиданія, она не поняла важности того, къ чему ее уговаривали, а любовь ея къ жениху, полное довѣріе къ нему, какъ къ человѣку, который черезъ часъ будетъ мужемъ ея, и совершенное незнаніе дѣлъ церковныхъ и гражданскихъ, были причиною того, что она согласилась на вѣнчаніе ея по обряду поморскому, совершенному Степаномъ Яковле-

¹⁾ Коровинскую часовню.

вымъ Мокеевымъ. Онъ читалъ передъ ними молитвы и накладывалъ имъ на головы иконы; но вокругъ аналоя не обводилъ. При этомъ случаѣ были только домашніе Мокеева, т. е. жена его Акулина Максимовна, дочь ихъ дѣвица Евдокія, и двѣ замужнія дочери: Прасковья и Федосья, съ которыми она прѣѣхала, дружка Стахѣевъ и зять Мокеева, Кондратій Чирковъ; другихъ же никого она, Марья, не замѣтила. Послѣ вѣнчанія былъ ужинъ, за которымъ, кромѣ названныхъ выше домашнихъ лицъ, никого постороннихъ не было. На другой день дѣлала съ мужемъ визиты къ ея родителямъ и роднымъ и другимъ лицамъ, и вездѣ ихъ поздравляли съ законнымъ бракомъ. Въ праздникъ Срѣтенія, 2 февраля, были на вечерѣ у купца Степана Герасимовича Медвѣдева въ его домѣ на Булакѣ ¹⁾, гдѣ тоже ихъ всѣ поздравляли; а 3 февраля былъ вечеръ у Мокеевыхъ. При чемъ ей строго запретили свекоръ и жена его говорить о «вѣнчаніи», а также и мужъ совѣтовалъ ей молчать объ этомъ, исполняя въ этомъ случаѣ волю родителей. Любя своего мужа, она не говорила никому того, что ей запретили. Вышедши такимъ образомъ замужъ за любимаго человѣка, она первое время пользовалась полнымъ расположеніемъ и вниманіемъ его родителей и не слыхала отъ нихъ никакого грубаго слова. Но когда наступилъ великій постъ, свекровь стала сначала слегка, а потомъ настойчиво говорить, чтобы она, Марья, «исправилась», то-есть вступила въ ихъ поморское общество. Мужъ, изъ повиновенія родителямъ, говорилъ ей о томъ же; но она не соглашалась. Тогда свекоръ и свекровь стали уже стращать ее разными угрозами, которыя косвеннымъ образомъ дѣйствовали и на мужа ея, поэтому и онъ уговаривалъ ее исполнить волю родителей его. Она все-таки цѣлый мѣсяцъ не соглашалась, борясь сама съ собою и, не смѣя въ то же время рассказать про все отцу своему родному, ибо, зная рѣшительный характеръ его, она опасалась, какъ бы отецъ не взялъ ея домой, оторвавъ отъ милаго ей человѣка, хотя и крайне безхарактернаго Степана Степановича.

«Наконецъ, привязанность къ мужу и желаніе вывести его самого изъ того невыносимаго положенія, въ какомъ находился онъ, терпя отъ родителей ежедневныя угнетенія, она приняла предложеніе, и 23 марта 1852 года ее «перекрестили» въ моленной Мокеева. Крестилъ ее ночью наставникъ поморской секты, Ларіонъ Сергѣевъ Плаксинъ; воспріемниками были: Алексѣй Васильевичъ Стешевъ и купчиха Татьяна Федотовна Мыльникова; при этомъ были также: свекоръ, свекровь, золовка ея Авдотья Степановна и мѣщанская дѣвушка Аграфена Зиновьевна Забѣлина, которая помогала Плаксину, читая за дьячка. Вода была холодная, и она, Марья Мокеева, какъ отъ простуды, такъ и отъ сильнаго душевнаго волненія (ей

¹⁾ Нынѣ домъ Патрикеева, на лѣвой набережной Булака.

дано было новое имя), сдѣлалась на другой день больна и четыре дня пролежала въ постели въ жару и безъ памяти. И хотя она нѣсколько оправилась, но долго ее мучила совѣсть, что сдѣлала такой страшный грѣхъ, принявъ противъ воли и желанія вторичное крещеніе. Впрочемъ, при совершеніи надъ нею этого обряда, на нее напалъ такой ужасъ, что она совѣмъ почти потеряла въ то время сознание и очень смутно понимала то, что съ нею дѣлали.... Однако и послѣ «перекрещенія» положеніе ея въ домѣ Мокеевыхъ нисколько не улучшилось, хотя она жила смиренно, покорно подчиняясь всѣмъ принятымъ въ домѣ порядкамъ и обычаямъ. Старики боялись, чтобы она не высказалась передъ своимъ родителемъ о томъ, во-первыхъ, что ее вѣнчали не въ церкви, и, во-вторыхъ, о томъ, что ее «перекрестили»,—поэтому не пускали ея къ нимъ въ домъ и, когда она сдѣлалась больною, родителямъ ея не дали даже знать объ этомъ. Все это она терпѣливо переносила, любя своего мужа, хотя часто задумывалась надъ своею жизнію, и въ такіе часы особенно сильно совѣсть щемила ей сердце. Ей было тяжело сознавать и то, что ея бѣдные родители, отецъ и мать, такъ страстно ее любившіе и изъ любви къ ней рѣшившіеся выдать ее въ семью чуждыхъ имъ по вѣрѣ людей, остаются до сихъ поръ обманутыми.... Много разъ она совѣтовалась съ мужемъ своимъ, прося его отдѣлиться отъ отца, но мужъ уговаривалъ ее потерпѣть еще не много, и такъ шли дни за днями. Наконецъ, она разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Гдѣ и когда крестили ея ребенка, она не знаетъ, а ей сказали только, что его зовутъ «Иваномъ», и больше ничего. Послѣ родовъ она заболѣла горячкою и очень долго не видѣла своего сына и не знала, кто кормилъ его. Мужъ во все время ея болѣзни не отходилъ почти отъ ея кровати, оказывая ей самое нѣжное вниманіе и ласки, но это стоило ему большихъ неприятностей: старуха мать злилась и ворчала на него за то, что такъ сильно пекся о ней и не оставлялъ ее одну. Много, очень много претерпѣлъ онъ отъ стариковъ, и особенно отъ матери своей, за его привязанность и любовь къ женѣ... По выздоровленіи она не была уже въ силахъ сносить притѣсненій отъ Мокеевыхъ и съ согласія и разрѣшенія мужа ушла въ домъ своихъ родителей ¹⁾ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ Мокеевскій домъ»....

Мы не станемъ утруждать вниманіе читателя выписками изъ «дѣла» многочисленныхъ свидѣтельскихъ показаній, въ которыхъ рѣзко различались одинъ отъ другого два направленія: сторонники

¹⁾ Деревянный, въ три окошка на улицу, съ маленькимъ мезониномъ наверху, домъ Петра Адриановича Дегтярева нѣлъ до настоящаго времени. Онъ находится на правой сторонѣ Булака, у моста, противъ второй гимназій, и принадлежитъ теперь стекольщику Соловьеву. Въ этомъ домѣ родилась и выросла Марія Петровна, по Печерскому Гавриловна, и отсюда же выходила она замужъ за Мокеева.

стариковъ Мокеевыхъ, принадлежавшіе къ одному съ ними религиозному согласію, показывали въ пользу ихъ, а другая часть свидѣтелей, сочувствовавшая сторонѣ Дегтяревыхъ, держала руку этихъ послѣднихъ.

При произведенномъ въ домѣ Мокеева обыскѣ найдены разныя старопечатныя книги, рукописные духовные сборники и цвѣтники. Кромѣ множества старинныхъ иконъ, украшавшихъ углы почти всѣхъ комнатъ, имѣлись литографированные портреты старообрядческихъ отцовъ и «страдальцевъ за вѣру»: Аввакума Петровича, Никиты Константиновича, Андрея Денисовича (кн. Мышецкаго), Данилы Викулича, Мануила Петровича, игуменіи Соломоніи Денисьевны (сестры Андрея Мышецкаго) и Павла, епископа коломенскаго, сосланнаго при Алексѣѣ Михайловичѣ за отказъ подписать соборное проклятiе на употребляющихъ двуперстiе и потомъ сожженнаго въ срубѣ. Всѣ эти вещи: книги, иконы и портреты, а также кадилницы съ рукоятками, лѣстовки, подручники, желтаго воска свѣчи и ладанъ,—были конфискованы и увезены полиціей въ духовную консисторію (см. листъ 156-й «дѣла»).

Результатомъ произведеннаго слѣдствiя явилось слѣдующее судебное постановленіе, приводимое нами подлинникомъ изъ архивнаго дѣла.

«Казанскій городской магистратъ мнѣніемъ своимъ, состоявшимся 23 марта 1856 года, постановилъ: 1) казанскаго купца Степана Яковлева Мокеева, жену его, Акулину Максимовну, и сына Степана, по предмету повѣнчанiя Марьи Дегтяревой по-старообрядчески противу воли ея и согласiя родителей, а равно и по предмету принужденiя перекреститься въ ихъ поморскую секту, на основанiи 1169, 1176 ст. XV тома св. зак. угол. и 97 ст. уложенiя, какъ не сознавшихся и не уличенныхъ, отъ суда по сему дѣлу освободить; 2) прочихъ оговоренныхъ Дегтяревыми казанскихъ мѣщанъ Ларіона Козьмина Плаксина, Елисѣя Кузьмина, Степана Степанова Стахѣва, жену его Ѳедосью Степановну, Татьяну Ѳедотову Мыльникову, Аграфену Зиновьеву Забѣлину, Парѣна Иванова Камедина, Прасковью Степанову Чиркову, по несознанiю и не доказательству ни въ какомъ преступленiи, по тѣмъ же 1169 и 1176 ст. XV т. и 97 ст. улож., отъ суда по сему дѣлу освободить; 3) мѣщанину Дегтяреву и его дочери предоставить право доказывать свою претензiю отъ дѣла сего особо съ ясными доказательствами; 4) обстоятельство, относящееся до повѣнчанiя Степана Мокеева съ Марьею Дегтяревою по-старообрядчески, за состояніемъ издавна въ расколѣ оставить безъ преслѣдованiя; 5) купческаго сына Степана Степанова Мокеева, изъявившаго желанiе присоединиться къ православной церкви безусловно, отослать въ Казанскую духовную консисторію для надлежащаго съ ея стороны въ отношенiи его распоряженiя, и 6) издержанныя

чиновникомъ особыхъ порученій при г. министрѣ внутреннихъ дѣлъ Мельниковымъ, во время производства по сему предмету слѣдствій деньги 784 р. 50 к. сер. по неоткрытію виновныхъ принять на счетъ казны.

«Опись съ дѣломъ повѣрялъ столоначальникъ Кіаксаровъ, и недостатковъ въ ней нѣтъ.

«Законами повелѣно: тома XI, уст. предуп. и пресѣч. преступленій статью 60:

«Раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ; но запрещается имъ совращать и склонять кого либо въ расколъ свой, подъ какимъ бы то видомъ ни было, чинить какія либо дерзости противу православной церкви или противу ея священнослужителей и вообще уклоняться почему либо отъ соблюденія общихъ правилъ благоустройства, законами опредѣленныхъ.

«Ст. 92: Полиція не должна входить въ частныя ссоры и несогласія между супругами; въ случаѣ же преступленія уголовного обязана, сообразуясь съ законами, производить слѣдствіе и предавать дѣло суду.

«Если случилось, что судебными приговорами, по упомянутымъ взысканіямъ учиненными, никто виновнымъ признанъ не былъ, то и о семъ судебныя мѣста увѣдомляютъ казенныя палаты, а сіи, получивъ яковья увѣдомленія, деньги, по означеннымъ взысканіямъ употребленнымъ, записываютъ въ невозвратный расходъ, исключая оный изъ недоимокъ установленнымъ порядкомъ. Сія записка изъ дѣла составлена правильно, приличные законы списаны всѣ и болѣе приличныхъ законовъ по сему дѣлу нѣтъ, въ чемъ и подлежу отвѣтственности по законамъ за всякую неисправность, секретарь Октаивъ.

«Приказали. Изъ дѣла сего видно: казанскій мѣщанинъ Петръ Дегтяревъ жаловался сперва въ сентябрѣ 1853 г. казанскому преосвященному, а потомъ и г. министру внутреннихъ дѣлъ: а) что дочь его Марья, отданная въ замужество въ январѣ 1852 г. за сына казанскаго купца Степана Яковлева Мокеева, съ условіемъ вѣнчаться въ православной церкви, вѣнчана съ нимъ не была, и бракъ совершенъ по обряду поморцевъ, б) что послѣ она, Марья, по притѣсненію Мокеевыхъ переkreщена была въ ту же поморскую секту, в) что рожденный отъ нея сынъ былъ также крещенъ и по смерти его погребенъ по обрядамъ той же секты, и г) что мужъ ея Марьи, сынъ Мокеева, теперь не признаетъ ея своею женою и получилъ паспортъ съ названіемъ холостъ, тогда какъ въ купеческихъ свидѣтельствахъ, выданныхъ Мокееву, дочь Дегтярева значилась женою сына Мокеева Степана, и на брачной вечери, бывшей у Мокеева, всѣ поздравляли ихъ съ законнымъ бракомъ, въ томъ числѣ и два приходскіе священника, тамъ же бывшіе для благословенія вечери. Но по произведеннымъ изслѣдованіямъ,

сперва по распоряженію преосвященнаго архіепископа Григорія ¹⁾ чрезъ духовныхъ лицъ при депутатѣ съ градской стороны, а потомъ по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ чрезъ состоящаго при томъ министерствѣ коллежскаго совѣтника Мельникова, при депутатѣ съ духовной стороны и ратманѣ городского магистрата, изъясненная жалоба мѣщанина Дегтярева не подтвердилась и обнаружено: 1) что во время соединенія дочери Дегтярева съ сыномъ Мокеева, т. е. въ январѣ 1852 года, всѣ они состояли въ расколѣ, а именно Дегтяревъ съ семействомъ поповщинской секты, въ каковую, какъ самъ онъ при допросѣ сознался, отпалъ отъ православія, женившись въ 1826 году на раскольникѣ; а Мокеевъ съ семействомъ—поморской секты, въ которой, по его показанію, состоитъ со дня рожденія, хотя вѣнчанъ былъ въ 1824 году въ единовѣрческой церкви четырехъ евангелистовъ, находящейся въ г. Казани, но безъ обязанности неуклонно пребывать въ той церкви; 2) что при такомъ соединеніи дочери Дегтярева съ сыномъ Мокеева между ними никакого письменнаго условія вѣнчаться въ церкви не было, и Дегтяревымъ отпущена была дочь къ Мокееву съ одними родными Мокеевыхъ безъ поѣзжанъ, каковыми обыкновенно бываютъ изъ постороннихъ, посему и бракъ ихъ былъ совершенъ скрытно, по своимъ обрядамъ, только въ присутствіи родныхъ Мокеева, въ отдаленной комнатѣ, на чердакѣ, какъ объясняетъ самъ Мокеевъ, потому что въ нижнихъ комнатахъ были сторонніе люди, слѣдовательно, безъ постороннихъ свидѣтелей и безъ всякой огласки; 3) что съ того времени Марья Дегтярева, живя въ домѣ Мокеева, именовалась женою сына его Степана и значилась при полученіи Мокеевыми купеческихъ свидѣтельствъ, выданныхъ 20 декабря 1853 г. и 21 декабря 1854 г., наконецъ и въ 1855 г., при слѣдствіи, признавали ее, Марью, отецъ и мать Мокеевы невѣсткою, а сынъ ихъ Степанъ своею женою, произвольно отъ нихъ удалившеюся и не возвратившеюся, несмотря на многократныя просьбы мужа. Въ чемъ главнѣйше признаютъ они, Мокеевы, виновнымъ отца ея Дегтярева, который, домогаясь того, что она, Марья, съ мужемъ была отдѣлена отъ семейства Мокеевыхъ, успѣлъ возмутить ее къ тому; въ паспортѣ же, выданномъ сыну Мокеева 22 іюля 1853 г. (въ полученіи котораго расписывался отецъ Мокеева), названъ холостымъ, какъ объясняютъ Мокеевы, по ошибкѣ, происшедшей вслѣдствіе того, что этотъ паспортъ писанъ былъ съ прежняго, въ коемъ онъ значился, какъ и дѣйствительно тогда былъ, еще холостымъ; 4) что Дегтяревъ началъ дѣло сіе въ показанное время, т. е. черезъ 1 годъ и 8 мѣсяцевъ послѣ означеннаго брака дочери, вслѣдствіе изъясненнаго

¹⁾ Григорій Постниковъ, впоследствии митрополитъ с.-петербургскій (ум. 1860 г.).

семеинаго раздора, взявъ къ себѣ дочь Марью и получа назадъ приданое ея за распискою, данною Мокееву того же 1853 года іюля 7, въ которой между прочимъ значится, что сію расписку онъ далъ, не доводя до судебного мѣста, въ чемъ и претендовать не будетъ, а далѣе сказано: «невѣнчанный бракъ за законъ не почитаю». Послѣ, а именно 14 февраля 1853 года, Дегтяревъ присоединился къ православію, на условіяхъ единовѣрія, потомъ и дочь его Марія, живя уже у отца, присоединена къ православію на тѣхъ же условіяхъ единовѣрія 12 февраля 1855 года, дотолѣ же она всегда состояла въ расколѣ, и чтобы она была перекрещиваема по обрядамъ поморской секты, когда находилась въ домѣ Мокеева, сего точно и ясно ничѣмъ не доказано, хотя же имѣется въ дѣлѣ показаніе наставника поморско-еодосѣвской секты Ларіона Плаксина, что ее Марью перекрещивалъ другой наставникъ Елисей Козьминъ, а самъ онъ, Плаксинъ, крестилъ только сына Петровой, внука Мокеева, но это показаніе, не созннанное Козьминымъ и само по себѣ разнорѣчащее показанію Марьи Петровой, не имѣетъ никакой достовѣрности; 5) что касается родныхъ и гостей, бывшихъ на брачной вечери и поздравлявшихъ дочь Дегтярева и сына Мокеева съ законнымъ бракомъ, то объясняется, что они, не бывъ при обрядѣ бракосочетанія новобрачныхъ, считали ихъ вѣнчавшимися въ церкви, тѣмъ болѣе, что здѣсь на вечери видѣли и двухъ приходскихъ священниковъ, также поздравлявшихъ съ законнымъ бракомъ, но священники, однако, этого не подтвердили. Впрочемъ, до какой степени уважительны объясненія тѣхъ священниковъ о причинѣ бытности ихъ на раскольнической брачной вечери, и почему они не донесли своему начальству о совершившемся у Мокеева бракѣ, это обстоятельство принадлежитъ особому разсмотрѣнію духовной власти, какъ и сказано въ послѣдовавшемъ уже по сему дѣлу заключеніи святѣйшаго синода,—разсмотрѣтъ это по рѣшеніи дѣла свѣтскимъ судомъ, и 6) между же тѣмъ Марья Дегтярева на вопросъ слѣдователя, желаетъ ли она снова сойтись съ мужемъ,—показала, что, любя своего мужа, который и самъ любитъ ее и жилъ съ ней хорошо, она желала бы съ нимъ законно обвѣнчаться и жить вмѣстѣ, онъ ни въ чемъ не виноватъ. Отецъ же Мокеева на вопросъ, желаетъ ли онъ, чтобы сынъ его обвѣнчался съ Марьей Петровой въ церкви, такъ какъ бракъ ихъ не законенъ,—отозвался, что, признавая совершенный бракъ законнымъ, онъ не хочетъ, чтобы бракъ былъ совершенъ въ церкви, не можетъ также и принять ее въ домъ, потому что отецъ ея подавалъ на него просьбу, и началось дѣло, но воли съ сына своего не снимаетъ, если онъ хочетъ, пусть обвѣнчается съ нею законно въ церкви и живетъ съ нею. Затѣмъ сынъ Мокеева, Степанъ, въ показаніи, отобранномъ слѣдователемъ 12 марта 1855 года, отозвался: а) что онъ признавалъ и теперь признаетъ Марью Пе-

тровою своею женою, но ея дѣло было оставить его, и потому повѣнчаться съ нею не можетъ до того, когда правительство ихъ разбереть, и б) что онъ церковь не пренебрегаетъ и самъ желаетъ присоединиться къ святой церкви безусловно и пребывать въ ней неуклонно. О такомъ желаніи его, Степана Мокеева, присоединиться къ святой церкви слѣдователь сообщилъ 15 того же марта на распоряженіе г. начальника губерніи, а его превосходительство 16 того же марта отнесся къ епископу Никодиму ¹⁾, викарію Казанской епархіи, для надлежащихъ со стороны его распоряженій. Потомъ, въ особомъ объясненіи, поданномъ слѣдователю, коллежскому совѣтнику Мельникову, купеческій сынъ Степанъ Мокеевъ 15 того же марта написалъ, что такъ какъ со стороны Марьи Петровой возведена на него и родителей его клевета, и при томъ отецъ ея при личной просьбѣ о возвращеніи ея, Марьи, выгналъ его, Степана, сказавъ: «нѣтъ тебѣ жены», и послѣ, взявъ приданое ея, поносилъ всячески и говорилъ, что его дочь не жена ему, то теперь братъ ее и вѣнчаться съ нею не можетъ, какъ и любви къ ней такой, какую питалъ прежде, уже не имѣетъ за всѣ тѣ поступки. Дегтяревы и Мокеевы при послѣднемъ спросѣ слѣдователя 24 того жъ марта отозвались первые: желаютъ, чтобы бракъ былъ освященъ въ церкви, а послѣдніе, что не желаютъ сего, и къ тому отецъ и мать Мокеевы присовокупили: «благословенный нашъ родительскій бракъ почитаемъ и ко второму приступить не смѣемъ, здѣсь разумѣется бракъ сына Степана съ Марьею Петровой; о повѣнчаніи въ церкви воли отъ нихъ не отъемлемъ». На повальномъ обыскѣ поведеніе Дегтяревыхъ и Мокеевыхъ одобрено, и по справкамъ оказался только одинъ Мокеевъ бывшимъ подъ судомъ въ 1830 году по оговору, что онъ бѣглый солдатъ, но по рѣшенію уголовной палаты учиненъ свободнымъ отъ суда по непризнанію и недоказательству его въ томъ. Изъ таковыхъ обстоятельствъ дѣла сего уголовная палата находитъ: оглашеніе мѣщанина Петра Дегтярева а) въ обманѣ его при выходѣ дочери Марьи въ замужество за купеческаго сына Мокеева, тѣмъ что она осталась не вѣнчанною въ церкви, и б) въ совращеніи ея потомъ въ расколъ, будто бы по притѣсненію Мокеевыхъ, оказывается неосновательнымъ, ибо для перваго, т. е. для повѣнчанія брака въ церкви, имъ самимъ, Дегтяревымъ, состоявшимъ тогда, какъ и Мокеевъ, въ расколѣ, не было соглашено и соблюдено правилъ, предписанныхъ для сего въ 30 ст. св. зак. гражд. т. X, а, напротивъ, та дочь его была имъ отпущена къ Мокеевымъ безъ всякихъ существующихъ при православныхъ бракахъ обрядовъ, посему нынѣ, за силою 60 ст. XIV т. уст. предупред. и пресѣч. преступл., невозможно входить ни въ разсмотрѣніе допущеннаго соединенія дочери Дегтярева съ сыномъ

¹⁾ Никодимъ Казанцевъ, впоследствии епископъ енисейскій († 1874 г.).

«истор. вѣстн.», январь, 1902 г., т. LXXXVII.

Мокеева по обрядамъ раскола, ни въ преслѣдованіе за мнѣніе ихъ о вѣрѣ. Что же относится до послѣдняго обстоятельства, т. е. со-
 вращения дочери его въ расколъ, то по дѣлу видно, что она вы-
 ходила въ замужество, какъ и рождена была въ расколѣ, въ ка-
 ковой отпалъ самъ отецъ ея, проситель Дегтяревъ, изъ правосла-
 вія, женившись на раскольницѣ въ 1826 году; присоединеніе же
 къ православію, принятое на условіяхъ единовѣрія самимъ Дегтя-
 ревымъ въ 1853 году, когда онъ и дѣло сіе началъ, и означенною
 его дочерью Марьею въ 1855 году по разлукѣ уже ея съ мужемъ
 и когда началось дѣло сіе, есть само по себѣ доказательство того,
 что въ 1852 году во время соединенія ея Марьи Дегтяревой съ
 сыномъ Мокеева, они, Дегтяревы, не состояли въ православіи, слѣ-
 доважно и относить къ Мокеевымъ соращенія невозможно. Но, раз-
 рѣшая эти главныя въ дѣлѣ обстоятельства, палата усматриваетъ
 еще слѣдующіе предметы: 1) что дочь Дегтярева, отлучившаяся отъ
 мужа своего Степана Мокеева, желаетъ снова сойтись съ нимъ по
 освященіи брака ихъ въ церкви, чего главнѣйше и домогаются нынѣ
 Дегтяревы, и 2) что купеческій сынъ Степанъ Мокеевъ не отвер-
 гаетъ того, что означенная Марья Петрова есть жена его; но не
 соглашается брать ее и вѣнчаться съ нею въ церкви по поступ-
 камъ ея противъ него и родителей его, самъ между тѣмъ изъя-
 вилъ желаніе присоединиться къ святой церкви безусловно и пре-
 бывать въ ней неуклонно, о чемъ сдѣлано уже и сношеніе со сто-
 роны начальника гуаерніи ¹⁾ съ епископомъ Никодимомъ, вика-
 ріемъ Казанской епархіи. Но, сообразивъ эти предметы съ законами
 (вышепривед. т. X, ст. 30 и т. XIV, ст. 92 и 315), палата не счи-
 таетъ себя въ правѣ входить въ разрѣшеніе ихъ, такъ какъ а)
 частныя ссоры и несогласія между супругами не принадлежатъ су-
 дебному разсмотрѣнію, б) браки раскольниковъ въ православной
 церкви совершаются только по желанію ихъ съ обязательствомъ
 быть въ православіи твердымъ и съ раскольниками согласія не
 имѣть, а браки правовѣрныхъ (къ числу коихъ нынѣ принадле-
 житъ Марья Дегтярева) съ раскольниками допускаются не иначе,
 какъ по принятіи ими послѣдними съ церковью святой соединенія,
 съ присягою. Но для такого обращенія къ православію господ-
 ствующая церковь не допускаетъ себѣ ни малѣйшихъ понудитель-
 ныхъ средствъ, а поступаетъ по обряду проповѣди апостольской,
 и потому палата полагаетъ: 1) обстоятельства соединенія и разлуки
 мѣщанской дочери Марьи Дегтяревой съ купеческимъ сыномъ Сте-
 паномъ Мокеевымъ, допущенныя по обрядамъ раскола, въ коемъ
 всѣ они тогда состояли, за силою 60 и 315 ст. уст. о предупр. и
 пресѣч. прест., оставить безъ преслѣдованія, 2) означенному купе-

¹⁾ Казанскимъ губернаторомъ былъ въ это время братъ извѣстнаго поэта,
 генералъ-лейтенантъ Ираклій Абрамовичъ Боратынскій († 1859 г.).

ческому сыну Степану Мокееву, изъявившему желаніе присоеди- ниться къ православію (о чемъ сдѣлано уже сношеніе съ духов- ною властію), внушить, что бракъ его съ Марьею Петровою, какъ въ православномъ отношеніи для твердости и въ отвращеніе раз- врата, такъ и въ видахъ гражданскихъ для сохраненія законныхъ правъ дѣтямъ, требуетъ освященія и признанія его въ церкви по установленнымъ правиламъ, и что сего желаетъ жена его Марья Петрова, принявшая уже православіе и изъявляющая готовность примириться съ нимъ и жить вмѣстѣ, въ чемъ не отъемлютъ воли его и родители его Мокеевы. О чемъ къ свѣдѣнію и для надле- жащаго увѣщанія Мокеева при обращеніи его въ православіе со- общить и Казанской духовной консисторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ со- общить на разсмотрѣніе той же консисторіи и обстоятельство дѣла сего, касающагося приходскихъ священниковъ Ягодинской церкви, бывшихъ на раскольнической брачной вечери у Мокеева; 3) какъ въ оглашаемомъ мѣщаниномъ Дегтяревымъ обманѣ о совращеніи дочери его Марьи ни означенный мужъ ея, купеческій сынъ Сте- панъ Степановъ, ни отецъ его Степанъ Яковлевъ и мать Акулина Максимовна Мокеева, никто изъ всѣхъ прочихъ привлеченныхъ къ отвѣтственности по сему дѣлу лицъ, поименованныхъ во 2 пунктѣ мнѣнія городского магистрата, какъ-то: мѣщане Ларіонъ Плаксинъ, Елисѣй Козьминъ, Степанъ Стахѣевъ, Ѳедосей Степановъ, Татьяна Мыльникова, Аграфена Забѣлина, Прасковья Чиркова и Алексѣй Стешевъ,—въ томъ не сознались, точно ясно не доказаны и не ули- чены, то всѣхъ ихъ, согласно мнѣнію того магистрата и на осно- ваніи ст. 1169 св. зак. угол. т. XV, отъ суда освободить, и 4) затѣмъ издержанные состоящимъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коллежскимъ совѣтникомъ Мельниковымъ, по его исчисленію, на подъемъ 450 рублей, на прогоны изъ С.-Петербурга до Казани и обратно, и разѣзды для поѣздокъ изъ Казани въ пригородную слободу Ягодную 172 рубля 50 коп. суточныхъ и квартирныхъ, какъ не получающему жалованья, съ 19-го января по 19-е апрѣля, на три мѣсяца 162 рубля, а всего 784 рубля 50 коп., по неоткрытію виновныхъ, по силѣ 909 ст. св. зак. угол. т. XV, зачислить въ невозвратный доходъ, исключая оныя изъ недоимки установленнымъ порядкомъ. О чемъ довести до свѣдѣнія г. начальника губерніи для представленія министерству внутреннихъ дѣлъ. Рѣшеніе сіе объявить мѣщанину Дегтяреву, дочери его Марьѣ, купцу Степану Мокееву, женѣ его Акулинѣ Максимовой и сыну ихъ Степану въ палатѣ и для сего вызвать ихъ сюда черезъ казанскую градскую полицію по правиламъ 1350 ст. XV т. св. зак. угол. (по VI прод.), а о объявленіи всѣмъ прочимъ причастнымъ къ дѣлу лицамъ и для надлежащаго въ отношеніи ихъ исполненія послать указъ казанскому городскому магистрату и велѣть по исполненіи рапор- товъ. Но предварительно дѣло сіе съ рѣшительнымъ опредѣле-

ніемъ представить на утверждение къ начальнику губерніи. За предсѣдателя и. д. товарища Писаревъ. Читаль Анучинъ 24 іюли. Засѣдатель Котеловъ. Сіе опредѣленіе г. предсѣдатель Перцовъ и засѣдатели: Андреевскій и Рязановъ, не подписали за бытіемъ на вакантномъ времени. 13 іюля 1856 года».

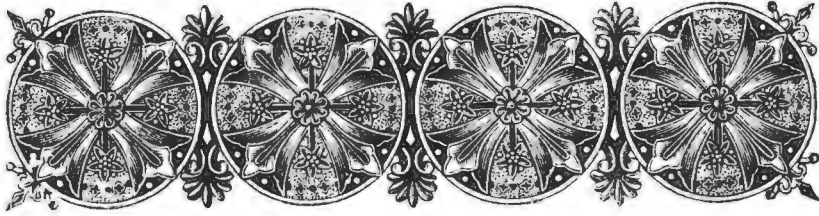
Въ Казани еще существуютъ люди, состоящіе въ родствѣ съ домою Дегтяревыхъ, изъ котораго вышла Марья Петровна Мокеева (по Печерскому—Марія Гавриловна Масленникова); съ ними пишущему эти строки случалось не разъ бесѣдовать. Изъ разспросовъ онъ получилъ о дальнѣйшей судьбѣ этой семьи слѣдующія свѣдѣнія.

Вскорѣ послѣ окончанія судебного процесса умеръ отецъ Марьи Петровны, Дегтяревъ, а еще немного спустя ея мужъ Степанъ Степановичъ Мокеевъ. Мать Маріи Петровны, строгая старовѣрка, рѣшила уѣхать съ дочерью въ одинъ изъ старообрядческихъ скитовъ Семеновскаго уѣзда, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома. Здѣсь проживала почитаемая даже въ Казани знаменитая мать Манеѳа, столь авторитетная игуменья комаровскаго скита. Она изрѣдка пріѣзжала въ Казань и была близка купеческому роду Дегтяревыхъ. Въ ея скитѣ, въ отдѣльномъ домикѣ, и поселилась Марья Петровна съ своею матерью.

Павлу Ивановичу Мельникову приходилось бывать въ скитахъ, въ томъ числѣ и комаровскомъ; въ немъ онъ встрѣтилъ старую знакомку, казанскую красавицу Марью Петровну. Назвавъ ее Марьей Гавриловной, Печерскій ввелъ ее въ рядъ героинь своего талантливаго литературнаго произведенія, столь извѣстнаго русскому читающему обществу, украсивъ біографію этой героини цвѣтами своей игривой фантазіи.

Н. Агафоновъ.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА.

ТРИДЦАТЬ шесть лѣтъ тому назадъ умеръ Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, и только на-дняхъ напечатаны сыномъ его, княземъ М. С. Волконскимъ, «Записки» ¹⁾ покойнаго. Онѣ написаны имъ подъ старость, послѣ возвращенія изъ Сибири, въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ его жизни, окончившейся на семьдесятъ восьмомъ году. Память его была настолько замѣчательна, что онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ печатнымъ или письменнымъ матеріаламъ. По увѣренію сына, онъ провѣрилъ все написанное отцомъ, и оказалось, что всѣ сообщенные имъ факты—исторически вѣрны. Такъ какъ самъ авторъ «Записокъ» прекратилъ ихъ на описаніи событій 1825 года, по причинѣ его смерти, то сынъ дополнилъ ихъ свѣдѣніями объ его процессѣ, жизни въ Сибири и о возвращеніи оттуда, а также объ его жизни до послѣднихъ минутъ.

Въ виду обширныхъ размѣровъ, въ которыхъ задуманы авторомъ его «Записки», и неожиданнаго ихъ прекращенія, мы, къ сожалѣнію, имѣемъ только пятьдесятъ страницъ относительно событій, предшествовавшихъ декабрьской катастрофѣ, а четыреста страницъ посвящены его предыдущей жизни. Впрочемъ, и онѣ представляютъ живую картину эпохи царствованія Александра I. Особый интересъ его рассказъ приобретаетъ отъ правдивости и яркости налагаемыхъ имъ красокъ на разсказываемыя имъ событія. Вѣрныя, хотя часто рѣзкія, характеристики его современниковъ и безпристрастные отзывы о лич-

¹⁾ Записки Сергѣя Григорьевича Волконскаго (декабриста). Изданіе князя М. С. Волконскаго. С.-Петербургъ. 1901.

ностяхъ, несмотря на ихъ высокое положеніе, дѣлаютъ его «Записки» чрезвычайно любопытными, даже въ той ихъ части, которая не касается его дѣятельности, какъ декабриста. Поэтому, хотя мы обратимъ главное вниманіе на его жизнь въ качествѣ заговорщика и ссыльнаго, но кратко сообщимъ и рельефные факты въ историческомъ отношеніи, которые онъ сообщаетъ. Они тѣмъ болѣе интересны, что въ нихъ находится много новаго, несмотря на значительный запасъ свѣдѣній о царствованіи императора Александра, представленный въ книгахъ и статьяхъ, изданныхъ въ послѣдніе годы, особенно въ почтенномъ трудѣ Н. К. Шильдера.

Сынъ князя Григорія Семеновича Волконскаго и его жены княгини Александры Николаевны, урожденной княжны Репниной, Сергѣй Григорьевичъ родился княземъ и именовался имъ до лишенія его княжескаго и дворянскаго достоинства послѣ декабрьскихъ событій 1825 года. По этой причинѣ, для ясности разказа, мы будемъ называть его княземъ въ первую эпоху его жизни. Четырнадцать лѣтъ онъ помѣщенъ былъ въ училище аббата Николая, которое тогда славилось, какъ лучшее, хотя, по его словамъ, «преподаваемая тамъ учебная система была весьма поверхностна и вовсе не энциклопедична». Окончивъ курсъ въ этомъ пансіонѣ, въ 1806 г. князь Волконскій поступилъ поручикомъ въ Кавалергардскій полкъ. Первымъ его наставникомъ по фронтальной службѣ былъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ, будущій князь, военный министръ и предсѣдатель государственнаго совѣта. Это первый человѣкъ, о которомъ упоминаетъ Волконскій и чрезвычайно рѣзко, называя его «шарлатаномъ безъ всякихъ дѣльныхъ способностей». Вообще своихъ тогдашнихъ начальниковъ и товарищей онъ характеризуетъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, людьми «моральности сомнительной, весьма ложныхъ понятій о чести, весьма мало дѣльной образованности и почти во всѣхъ преобладаніе глупаго молодечества». Одно только, по его словамъ, было въ нихъ хорошо: это тѣсная товарищеская дружба.

Съ самаго перваго года своей службы князь Волконскій принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи. Онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ главнокомандующему, графу Михаилу Ѳедотовичу Каменскому, «человѣку съ большой образованностью и военными достоинствами, но дряхлому и заносчивому и часто безразсудно вспыльчивому». Онъ пришелъ въ отчаяніе отъ разстроеннаго положенія арміи, и въ то самое время, когда войска вступали въ Пултускую битву, онъ сѣлъ на перекладную и уѣхалъ изъ арміи. Князь Волконскій остался было безъ мѣста, но Остерманъ-Толстой, командовавшій передовыми войсками, взялъ его къ себѣ тоже адъютантомъ. Послѣ перваго сраженія, въ которомъ участвовалъ князь Волконскій, русская армія отступила, благодаря непріязненнымъ отношеніямъ между генералами Беннигсеномъ и Буксгевденомъ,

оставимися безъ высшаго начальника. Непростительная выходка Каменскаго обошлась ему дорого: онъ былъ лишенъ званія главнокомандующаго и сосланъ въ деревню. Беннингсенъ назначенъ былъ на его мѣсто, а Буксгевденъ также удаленъ изъ арміи. Второе большое сраженіе, въ которомъ участвовалъ Волконскій, было знаменитое Прейсишъ - Эйлауское; оно, по его словамъ, «ознаменовало стойкость русскихъ войскъ и пылъ натиска французовъ, предприимчивость, военный взоръ, ученость, практичность Наполеона и хладнокровность, распорядительную дѣятельность и подобные же военный взглядъ, ученость и практичество Беннингсена».

Хотя все усилія французской арміи не могли сбить русскихъ съ ихъ позиціи, они на другой день отступили, и военныя дѣйствія приостановились на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ этой знаменитой битвѣ князь Волконскій былъ раненъ, и ему пришлось уѣхать въ Тильзитъ для лѣченія. Когда же онъ выздоровѣлъ, то былъ назначенъ состоять при Беннингсенѣ. По его словамъ, «для молодого человѣка главная квартира — школа подлости, интригъ, и память о ней не льнетъ къ его сердцу; тѣ же выходы дворцовые, тѣ же лстецы-идолопоклонники, а малое число работающихъ дѣльными занятіями, — та же масса туеядцевъ». Вообще онъ рѣзко относился ко всему, что его окружало; такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о безпорядкахъ комиссаріатской и провіантскихъ частей: «Шефы полковъ по подрядной цѣнѣ брали отъ комиссіи денежныя выдачи, клали оныя къ себѣ въ карманъ и снабжали войска насильственными способами отъ жителей. Послѣ замиренія все эти счета поступили въ учрежденную въ Мемелѣ комиссію, которая ничего не распутала. Денги, незаконно пріобрѣтенныя, остались въ карманахъ тѣхъ, которые по сдѣлкѣ между собою выдавали и получали, а однимъ только послѣдствіемъ было, что провіантскіе и комиссаріатскіе чиновники, носившіе до того обще-армейскій мундиръ, были лишены онаго и не считались болѣе по рангамъ военнымъ, а распредѣлены были по классамъ гражданскимъ. При этомъ случаѣ, къ стыду русскаго имени, нелишнимъ считаю замѣтить, что весь этотъ грабежъ повторился въ послѣднюю крымскую кампанію, гдѣ комиссія и полковые командиры въ эту гибельную минуту отечественнаго дѣла возобновили безстыдные грабежи, нажили значительныя суммы, иные купили имѣнія, а другіе, болѣе смышленные, вложили свои капиталы безыменными билетами въ кредитное учрежденіе. Горько упомянуть любящему свое отечество человѣку о поносныхъ сихъ дѣйствіяхъ, и какъ не сказать, что пока этихъ измѣнниковъ-воровъ не будутъ вѣшать, грабежи и безпорядки будутъ опять возобновляться».

Какъ только начались военныя дѣйствія, то произошла роковая Фриландская битва, имѣвшая послѣдствіемъ значительное пораженіе русскихъ. Во время битвы князь Волконскій былъ посланъ

въ городъ, чтобы посмотрѣть съ ратуши, приближаются ли французы, направленные въ тылъ русской арміи, и, между прочимъ, встрѣтилъ зрѣлище, весьма неожиданное и «стыдное для русскаго имени, особенно въ виду иностранцевъ». Комната, въ которую онъ вошелъ, была наполнена двумя генералами и многими штабъ- и оберъ-офицерами не ранеными, но отлучившимися со своихъ мѣстъ съ позиціи. Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ армію императоръ Александръ и объявилъ, что заключено перемиріе. Затѣмъ произошло знаменитое Тильзитское свиданіе, и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ былъ заключенъ миръ, вслѣдъ за которымъ армія вернулась въ Россію, въ томъ числѣ и Волконскій. На пути еще за границей многіе солдаты, около сотни, дезертировали, изъ боязни предстоящихъ имъ тяжелыхъ фронтовыхъ занятій.

Въ Петербургѣ снова началась для князя Волконскаго та же разгульная жизнь среди офицеровъ Кавалергардскаго полка. Въ числѣ служебныхъ занятій было и пудренье волосъ. «У Чернышева, замѣчаетъ нашъ авторъ, это было государственное, общественное дѣло. Чтобы не въ обиду ему было сказано, на пустой его головѣ пудра ложилась ровными слоями. И какъ не сказать, что тогда, какъ и впослѣдствіи, пускать пылъ въ глаза, и то чужими руками, было главнымъ его дѣломъ».

Въ 1808 г. и 1809 г. происходила война съ Швеціей, въ которой русскимъ главнокомандующимъ былъ Буксегвентъ. Князю Волконскому предложено было поступить къ нему адъютантомъ, но онъ, считая эту войну несправедливою, отказался и не принялъ въ ней участія. Поэтому онъ не описываетъ ея въ своихъ «Запискахъ», такъ какъ всегда придерживался правила описывать лишь то, что самъ видѣлъ и слышалъ. Однако, въ началѣ 1810 г. онъ снова очутился на полѣ брани, хотя, какъ во всю свою боевую жизнь, онъ постоянно состоялъ при штабахъ и теперь былъ назначенъ въ штабъ главнокомандующаго молдавской арміей, графа Каменскаго, сына фельдмаршала.

Взятіе Силистріи, неудачный штурмъ Руцука и счастливое Батинское сраженіе были выдающимися событіями турецкой войны. Съ трофеями послѣдней битвы былъ посланъ въ Петербургъ Волконскій и по дорогѣ встрѣтилъ фельдъегеря, который извѣстилъ его, что онъ назначенъ флигель-адъютантомъ государя. Новая жизнь началась для него, и, по его словамъ, пустой дворцовый бытъ не отличался ничѣмъ замѣчательнымъ. Какъ всегда, происходили безконечныя интриги и сплетни; только мелкими услугами снискивали царедворцы себѣ царскія милости. Изъ крупныхъ историческихъ событій во время дворцовой службы Волконскаго онъ упоминаетъ только о ссылкѣ Сперанскаго, причиной которой была интрига противъ него, главнымъ образомъ, графа Армфельда. Наканунъ своего ареста онъ, выходя изъ кабинета государя, сказалъ дежурному

флигель-адъютанту, князю Волконскому: «Ну, хорошо для меня день, государь долго и благосклонно меня выслушивать!» Через сутки онъ уже ѣхалъ въ ссылку.

По дѣлу Сперанскаго князь еще прибавляетъ: Мнѣ доподлинно рассказывали, но я не ручаюсь за добросовѣстность, что де-Сангленъ говорилъ потомъ: «Немудрено, что ничего не нашли у Сперанскаго,

Князь С. Г. Волконскій въ молодые годы.

(Съ портрета, приложеннаго къ его «Запискамъ».)

что могло его компрометировать; вѣдь Балашевъ вошелъ, самъ другъ, съ Михаиломъ Михайловичемъ въ кабинетъ сего послѣдняго и меня не допустилъ вмѣстѣ съ нимъ. Немудрено имъ было въ довольно продолжительное время en tête à tête истребить все, что бы выказало его сношенія съ Наполеономъ и его преступные замыслы». Съ одной стороны, вѣроятность, что по дружбѣ Балашевъ помогъ, насколько могъ, своему пріятелю, говорить въ пользу разказа

де-Санглена, но, съ другой стороны, послѣдній былъ un homme sans foi ni loi и могъ сочинить все, что угодно противъ Сперанскаго. Козни враговъ Сперанскаго были тѣмъ удачнѣе, что противъ него было настроено общественное мнѣніе, вѣрившее въ его сношенія съ Наполеономъ. Однако Волконскій завѣряетъ, что самъ слышалъ отъ князя Григорія Ивановича Гагарина, которому въ 1814 году было поручено разсмотрѣть всѣ бумаги Сперанскаго, хранившіяся у самого государя подъ ключемъ, что имъ не найдено ни одного слова, подающаго подозрѣніе на Сперанскаго, хотя онъ перебралъ всѣ бумаги по листкамъ и строкамъ.

Наступилъ 1812 годъ. «Пораженія Аустерлицкое и Фриланское. Тильзитскій миръ, надменность французскихъ пословъ въ Петербургѣ, пассивность императора Александра передъ политикой Наполеона, — говоритъ Волконскій, — были глубокія раны въ сердцѣ русскаго. Мщеніе и мщеніе было единственнымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого — и весьма мало ихъ было — почитался отверженцемъ, презирался». Поэтому война съ французами была очень популярна съ самаго начала.

Весною войска были уже стянуты въ пограничныхъ западныхъ губерніяхъ, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли и князя Багратиона. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ выѣхалъ въ армію государь, и въ Вильнѣ образовалась главная царская квартира. Жизнь тамъ до военныхъ дѣйствій была вполне столичная. Праздники и торжества быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Очень парадно обставленъ былъ праздникъ Пасхи, и по этому случаю авторъ передаетъ любопытный рассказъ, который характеризуетъ странную любовь Александра «даже изъ релігіознаго обряда дѣлать, какъ бы сказать, театральное, вахтъ-парадное представленіе». Къ извѣстному часу всѣ придворные должны были собраться, чтобы шествовать въ церковь, но Волконскій съ товарищемъ своимъ Лопухинымъ опоздалъ и, боясь получить выговоръ отъ государя, хотѣлъ пробраться заднимъ ходомъ въ церковь и оттуда незамѣтно дойти до своего мѣста. Но тамъ стоялъ придворный лакей и сказалъ: «Нельзя, тамъ государь». — «Да что же онъ тамъ дѣлаетъ?» — воскликнулъ Волконскій: — «вѣдь служба еще не началась». — На это отвѣчалъ лакей: «Дѣлаетъ релігіозную церковнаго служенія».

До открытія военныхъ дѣйствій въ придворномъ кружкѣ разсказывали объ одномъ событіи, о которомъ, по словамъ Волконскаго, кажется, не упомянуто ни у одного изъ русскихъ историковъ. Александръ послалъ тайно полковника Толя къ князю Юсефу Понятовскому, командовавшему тогда однимъ изъ корпусовъ Наполеоновской арміи. Толь былъ отправленъ въ партикулярномъ платьѣ, и ему поручено было завѣрить Понятовскаго, что государь намѣренъ возстановить Польшу, и что, если онъ, Понятовскій, согласится оставить Наполеона со своимъ войскомъ, то Александръ провозгла-

ситъ его королемъ польскимъ. Отвѣтъ Понятовскаго былъ отрицательный, и онъ сказалъ Толю, что благодаритъ государя за намѣреніе, но что честь ему не позволяетъ принять предложеніе, а въ удостовѣреніе уваженія и признательности къ государю онъ не дастъ гласности всему этому».

Наконецъ, во время бала, даннаго въ честь государя свитой, въ сосѣднемъ съ Вильной помѣстьѣ Бенингсена, Александръ получилъ извѣстіе о переправѣ Наполеона черезъ Нѣманъ, близъ Ковна, 12-го іюня. Хотя это извѣстіе было скрыто, и балъ продолжался, но война началась.

Что касается описанія этой войны, то Волконскій довольствуется, какъ всегда, только тѣмъ, чего былъ участникомъ или свидѣтелемъ. Судьба же предназначила ему очень не блестящую роль среди великихъ событій. Онъ не участвовалъ ни въ одномъ крупномъ дѣлѣ, издали только слышалъ пальбу подъ Бородинымъ и былъ назначенъ состоять въ распоряженіи генераль-адъютанта барона Винценгероде. Лично для себя онъ былъ очень доволенъ своимъ начальникомъ, который былъ чрезвычайно милостивымъ и попечительнымъ. Ему сначала поручено было съ особымъ отрядомъ охранять Смоленскъ, а потомъ Барклай поручилъ ему дѣйствовать въ тылу французской арміи.

Почти безъ стычекъ съ непріятелемъ отрядъ Винценгероде дошелъ до Москвы, уже занятой французами, и, занявъ позицію въ окрестностяхъ, оставался тутъ все время, пока Наполеонъ былъ въ столицѣ. Посланный имъ съ извѣстіемъ о занятіи непріятелемъ Москвы, графъ Орловъ-Давыдовъ вернулся съ замѣчательнымъ отвѣтомъ государя, который былъ показанъ самимъ Винценгероде князю Волконскому, при Бенкендорфѣ и Нарышкинѣ со словами: «Regardez quel empereur à la Russie et nous». Въ этомъ письмѣ было буквально сказано: «Général! je ne puis concevoir ce qui a porté le général Koutouzoff à livrer Moscou à l'ennemi, après la victoire qu'il a remportée à Borodino, mais tout ce que je puis vous dire, c'est que dusse je, à la sueur de mon front, cultiver un coin de terre dans le fin fond de la Sibérie—jamais je ne consentirai à faire la paix avec l'implacable ennemi de la Russie et le mien». Это письмо, по увѣренію Михайловскаго-Данилевскаго, было написано Кутузову, который, по его же словамъ, первый увѣдомилъ государя о передачѣ Москвы въ руки непріятели. Но Волконскій утверждаетъ, что означенное письмо дѣйствительно писано генералу Винценгероде, который показывалъ ему подлинный автографъ. О Данилевскомъ по этому случаю онъ отзывался очень рѣзко, какъ о невѣрномъ и пристрастномъ историкѣ.

Около этого времени у Винценгероде вышла непріятность, по поводу продовольствія войска реквизиціоннымъ способомъ. Помѣщики вопили противъ подобнаго грабежа, несмотря на свой хвале-

ный патриотизмъ и довели свои жалобы до графа Аракчеева, который прислалъ Винценгероде запросъ. Онъ былъ взбѣшенъ этимъ и написалъ государю собственноручное письмо, которое поручилъ Волконскому отвезти лично императору. Вотъ какъ онъ описываетъ исполненіе даннаго ему порученія: «Графъ Аракчеевъ повезъ меня во дворець, и я лично и безъ него былъ допущенъ къ государю. Подавъ ему депешу, доложилъ, что имѣю записку о личномъ докладѣ ему содержанія оной. Онъ и ту взялъ и, переговоривъ со мной о содержаніи всего врученнаго, сказалъ мнѣ: «Ты немного отдохнешь и потомъ получишь отправленіе отъ графа». Тутъ онъ мнѣ сдѣлалъ слѣдующіе вопросы: 1) «Каковъ духъ арміи?» Я ему отвѣчалъ: «Государь, отъ главнокомандующаго до послѣдняго солдата, всѣ готовы положить свою жизнь въ защитѣ отечества и вашего императорскаго величества». 2) «А духъ народный?» На это я отвѣчалъ: «Государь, вы должны имъ гордиться: каждый крестьянинъ — герой, преданный отечеству и вамъ». 3) «А дворянство?» «Государь», сказалъ я ему, «стыжусь, что принадлежу къ нему. Было много словъ, а на дѣлѣ — ничего». Государь тогда взялъ меня за руки и сказалъ: «Радъ, что вижу въ тебѣ эти чувства; спасибо, много спасибо. Передъ отправленіемъ я съ тобою увижусь и передамъ порученіе къ Винценгероде отъ меня прямо къ нему. Nous nous comprenons avec lui».

Прошло пять дней, и Волконскій не получалъ никакого извѣстія отъ государя. Онъ боялся, чтобы Винценгероде не приписалъ этого замедленія желанію повеселиться, а потому онъ поѣхалъ къ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной, которая была дружна съ Винценгероде. Кромѣ того, ея сынъ былъ его товарищемъ и сослуживцемъ въ то время. «Нынче же скажу», отвѣтила она, и въ полночь прибылъ фельдъегерь съ извѣстіемъ, что государь ждетъ его на другое утро, ровно въ шесть часовъ. Въ назначенное время Волконскій былъ во дворцѣ, и императоръ принялъ его очень благосклонно. «Вотъ тебѣ письмо къ Винценгероде», сказалъ онъ, «генераль пойметъ меня и убѣдится, что я имѣю полное уваженіе къ нему, но въ ходѣ дѣлъ административныхъ надо имъ давать общій ходъ, и поэтому, какъ тѣ бумаги, которыми онъ былъ недоволенъ, такъ и тѣ, которыя впредь могутъ быть ему не по сердцу, пусть его не тревожатъ, и пусть онъ кладетъ ихъ подъ красное сукно и не даетъ исполненія. Онъ и я, мы другъ друга понимаемъ, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его отъ меня за преданность и службу. Черезъ нѣсколько часовъ потребуетъ тебя для отправленія графъ Алексѣй Андреевичъ, ты не говори, что я тебя требовалъ къ себѣ, и что ты получилъ отъ меня конвертъ для врученія Винценгероде». Къ этимъ словамъ государя Волконскій прибавляетъ: «Я указываю на это, какъ на странный фактъ, что государь себя подчиняетъ какой-то двуличной игрѣ съ Аракчеевымъ, и какъ доказательство силы Аракчеева у государя».

Черезъ нѣсколько часовъ онъ получилъ отъ Аракчеева отправление и поскакалъ обратно къ Винценгероде. Но по дорогѣ въ Вышневолоцкой станціи встрѣтилъ фельдъшера, ѣдущаго изъ Мо-

Князь С. Г. Волконскій въ старости.
(Съ портрета, приложеннаго къ его «Запискамъ»).

сквы къ государю, и отъ него узнать горестную вѣсть, что Винценгероде былъ взятъ въ плѣнъ французами, вмѣстѣ съ Нарышкинымъ. Впослѣдствіи, послѣ ихъ освобожденія, онъ слышалъ лично отъ нихъ самихъ объ этомъ плѣнѣ. Поэтому, хотя онъ лично не

участвовалъ въ этомъ эпизодѣ, но передаетъ его со словъ дѣйствующихъ лицъ. Въ это время дознано было, что французы собираются выйти изъ Москвы, и Винценгероде двинулъ свой отрядъ къ Бутырской заставѣ, а потомъ его авангардъ занялъ Москву, кромѣ Кремля. Его особенно беспокоило, что лазутчики извѣщали о сдѣланныхъ французами подкопахъ въ Кремлѣ, и хотѣлъ заключить перемиріе на сутки, подъ условіемъ, чтобы они не взрывали подкоповъ. Онъ отправился вдвоемъ съ Нарышкинымъ для переговоровъ съ непріателемъ. По дорогѣ Иловайскій, начальникъ авангарда, предупредилъ его, что ѣхать въ Москву опасно, такъ какъ она не вся еще покинута французами. Винценгероде вспыхнулъ и закричалъ: «Такъ ты меня обманывалъ ложнымъ донесеніемъ, и ты, къ этому, я вижу, трусь!» Взявъ небольшой конвой, онъ доѣхалъ до Тверскихъ воротъ и, оставивъ его на бульварѣ съ однимъ казакомъ и Нарышкинымъ, поѣхалъ дальше. Вскорѣ онъ наткнулся на постъ французскаго офицера и былъ взятъ въ плѣнъ такъ же, какъ казакъ и Нарышкинъ, хотя на пикѣ казака былъ привязанъ платокъ. Но французы не повѣрили, что они парламентары, и приняли Винценгероде за офицера, сбившагося съ пути и хотѣвшаго прикрыть себя званіемъ парламентаря. Тогда Винценгероде сказалъ, что онъ начальникъ русскаго отряда, желающій переговорить съ начальникомъ французскихъ войскъ въ Кремлѣ. Этотъ начальникъ былъ маршалъ Мортъе. Онъ не могъ самъ распорядиться въ этомъ случаѣ и отослалъ плѣнныхъ къ Наполеону.

Французскій императоръ встрѣтилъ Винценгероде очень гнѣвно и сказалъ ему: «Je vous rencontrerai donc partout, où il y a guerre contre moi? Qu'est ce que c'est cette inimitié personnelle? C'est à des misérables comme vous, qu'est dû tant de sang versé. C'est à vous qu'on doit toutes les cruautés commises par une population déchaînée contre nous. Avez vous oublié, que vous êtes mon sujet? Vous êtes sujet de la confédération du Rhin, vous êtes donc mon sujet. Qu'on le fusille! Qu'on le fusille! Croyez vous, que je ne sais pas, que vous avez été à la rencontre de l'empereur Alexandre, lors de l'entrevue d'Erfurte, pour agir contre moi?» На это Винценгероде отвѣчалъ: «Я всегда ожидалъ, что меня убьетъ французская пуля. Что же касается до моей жены и дѣтей, то они подъ покровительствомъ императора Александра». Императоръ опять закричалъ: «Qu'on le fusille! Qu'on le fusille! ou plutôt qu'on fasse son procès et que dans les 24 heures il soit fusillé». Потомъ онъ обернулся къ Нарышкину и прибавилъ: «Pourquoi servez vous ces étrangers? Vous autres russe, vous êtes de braves gens, je vous estime; servez vos russes, mais non pas des misérables, comme lui».

Военный судъ былъ созванъ немедленно, и Винценгероде едва не приговорили къ смерти, какъ подданнаго рейнской конфедераціи, хотя онъ увѣрялъ, что родился въ Магдебургѣ отъ отца, служи-

вшаго въ прусской арміи. Но Кутузовъ, узнавъ о плѣнѣ Винценгероде, извѣстилъ Наполеона, что всѣ французскіе генералы, находящіеся въ плѣну въ Россіи, отвѣчаютъ за его голову. Въ виду этого Наполеонъ отмѣнилъ судъ и приказалъ отвезти Винценгероде къ королю Вестфальскому, который могъ съ нимъ распорядиться, какъ съ человѣкомъ, возставшимъ противъ своей родины Вестфалии. Однако судьбѣ угодно было освободить Винценгероде отъ французскаго плѣна: онъ былъ отбитъ партизанскимъ отрядомъ около Минска.

Между тѣмъ князь Волконскій сначала продолжалъ служить въ своемъ отрядѣ подъ начальствомъ Иловайскаго, человѣка нераспорядительнаго и очень грубаго, къ тому же подозрительной честности. Забравъ въ Москвѣ французскіе обозы, онъ лично разсортировалъ находящіеся въ нихъ церковныя вещи и, которыя были побогаче, назначилъ въ церкви на Дону. «Попало ли все это въ церкви на Дону, или въ кладовыя Иловайскаго,—говоритъ Волконскій,—мнѣ неизвѣстно, но вѣрно то, что ни убѣжденія Бенкендорфа, ни мои увѣщеванія не отклонили его отъ своего рѣшенія». Вскорѣ на мѣсто Иловайскаго былъ назначенъ генераль-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, и Волконскаго онъ назначилъ начальникомъ особаго партизанскаго отряда. Съ этимъ отрядомъ онъ преслѣдовалъ французовъ въ разныхъ мѣстахъ. Часто случалось приходиться въ столкновеніе со знаменитымъ Платовымъ, о которомъ онъ съ грустью передаетъ, что тотъ многое упускалъ по своей невоздержности. Вставъ на бивуакъ, Платовъ пилъ водку, настоенную на горчицѣ до того, что сваливался съ ногъ, какъ снопъ. Въ то время, пока онъ спалъ, французы безпрепятственно продолжали свое отступленіе. Вообще Волконскій не съ большимъ сочувствіемъ отзывался о партизанахъ. По его словамъ, они много морочили читателей ихъ записокъ своими разказами о небывалыхъ стычкахъ и опасностяхъ. Главное насчетъ опасностей Волконскій увѣряетъ, что большею частью партизаны не подвергались тѣмъ опасностямъ, которыя они выводили въ своихъ реляціяхъ, такъ какъ «они рыщутъ тамъ, гдѣ имъ по силамъ, и всегда имѣютъ въ виду самимъ не попасть впросакъ».

Во время преслѣдованія со своимъ партизанскимъ отрядомъ французовъ Волконскій участвовалъ во многихъ стычкахъ и взялъ въ плѣнъ многихъ непріятелей. Что же касается до общихъ дѣйствій русскихъ главнокомандующихъ, то онъ былъ очень недоволенъ ихъ медленностью и нераспорядительностью. Главная армія Кутузова шла по пятамъ французовъ, а корпусу графа Витгенштейна и арміи Чичагова было поручено общимъ движеніемъ препятствовать французамъ переправиться черезъ Березину. Но графъ Витгенштейнъ, по недоброжелательству къ Чичагову или изъ нежеланія дѣйствовать подъ его командой, уклонялся отъ общихъ дѣй-

ствій. Несмотря на всѣ увѣщанія Дибича, онъ отвѣчалъ: «Пусть Чичаговъ возится съ французами, а когда уже по сю сторону останется ихъ хвостъ, тогда я дамъ имъ себя знать». Дѣйствительно онъ дозволилъ уйти хоть остаткамъ французовъ, и потомъ уничтожилъ ихъ хвостъ—дивизию генерала Партено. Такимъ образомъ, по словамъ Волконскаго, если бы графъ перешелъ Березину въ Лепелѣ и слѣдовалъ тѣмъ же берегомъ для соединенія съ Чичаговымъ, то скопленіе значительныхъ силъ воспрепятствовало бы всякой возможности переправы.

Наконецъ Волконскій достигъ Вильны, но совершенно больной. Когда онъ оправился отъ болѣзни, то явился къ государю, который между тѣмъ прибылъ въ Вильну. вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ Винценгероде, который снова проситъ Волконскаго состоять при немъ, такъ какъ ему порученъ былъ новый корпусъ. Съ этимъ корпусомъ онъ одержалъ побѣду подъ Калишемъ, 2-го февраля 1813 года. За участіе въ этой битвѣ Волконскій былъ награжденъ Георгіемъ IV степени. Затѣмъ наступила продолжительная пріостановка военныхъ дѣйствій, и въ началѣ марта началась кампанія 1813 года.

Первой стоянкой корпуса Винценгероде былъ Дрезденъ, и тамъ пришло извѣстіе изъ Бунцлау о смерти главнокомандующаго Кутузова, на мѣсто котораго назначенъ былъ графъ Витгенштейнъ, очень популярный генералъ, по словамъ князя Волконскаго, но не имѣвшій тѣхъ многочисленныхъ дарованій, или, лучше сказать, того невыразимаго вдохновенія, которое дѣлаетъ полководцевъ. При первой стычкѣ своего авангарднаго отряда съ превосходной по численности французской арміей, Винценгероде долженъ былъ отступить и послалъ Волконскаго къ Витгенштейну за новыми приказаніями. Но онъ упорствовалъ на своемъ и отправилъ его къ государю сказать, что все идетъ благополучно. Государь пристально взглянулъ на князя послѣ его донесенія и сказалъ: «Ну, это не все, скажи мнѣ, какъ обсуживаетъ положеніе дѣлъ Винценгероде, и совѣстливо отвѣчай мнѣ на вопросъ».

— «Вы, государь,—отвѣчалъ Волконскій,—требуете отъ меня того, что совершенно будетъ противно переданному вамъ отъ графа, что я обязанъ былъ вамъ передать, какъ порученіе его къ вамъ, но, если вы желаете знать обсужденіе обстоятельствъ Винценгероде, то оно совершенно не соотвѣтствуетъ обсужденію, переданному мною отъ главнокомандующаго. Отъ Винценгероде требуютъ невозможнаго исполненія, и вопреки назначаемаго графъ Винценгероде увѣренъ, что необходимо сосредоточить все войско, и что неминуемо будетъ безотлагательно генеральное сраженіе». Государь похвалилъ Волконскаго за искренность и отпустилъ сказавъ:

— Передай Винценгероде признательность мою за все имъ сдѣланное и увѣренность, что онъ и я, мы другъ друга понимаемъ.

Дѣйствительно Винценгероде былъ совершенно правъ, и на другой день грянула Люценская битва. Французы нанесли союзникамъ то, что они называютъ «une déroute», и несмотря, на храбрость русскихъ, они должны были отступить. Въ главной квартирѣ увѣряли, что неудача произошла отъ недостатка артиллерійскихъ снарядовъ, но Ермоловъ, бывший тогда начальникомъ артиллеріи, ясно доказалъ, что «это ложь», какъ рѣзко говоритъ Волконскій. Въ виду неспріятности съ главнокомандующимъ, Винценгероде былъ назначенъ лично состоять при государѣ, а Волконскій снова, какъ флигель-адъютантъ, былъ отчисленъ въ главную квартиру и «билъ баклуши». Вскорѣ Барклай-де-Толли смѣнилъ Витгенштейна, который принялъ командованіе своимъ корпусомъ. Около этого времени была сформирована Сѣверная армія изъ русскихъ, прусскихъ и шведскихъ войскъ, подъ предводительствомъ шведскаго наслѣдника Бернадота. Такъ какъ Винценгероде поручено было командовать русскимъ отрядомъ, то онъ взялъ къ себѣ, въ качествѣ дежурнаго генерала, Волконскаго, который только что былъ произведенъ въ генералы.

Во время командованія этой арміей Бернадотъ былъ чрезвычайно популяренъ въ русскихъ войскахъ, отъ генерала до солдата, своей любезностью и предупредительностью. Онъ увѣрялъ открыто шведскихъ генераловъ, что они не умѣли воевать, и что имъ слѣдовало брать примѣръ съ русскихъ. Особенно онъ хвалилъ русскихъ солдатъ, для которыхъ, по его словамъ, не было ничего невозможнаго. Поэтому и русскіе солдаты любили его за ласковость и обходительность, выдачу двойной порціи водки и за расположеніе ихъ, когда была возможно, не на бивуакѣ, а на частной квартирѣ. Бернадотъ одержалъ блестящую побѣду подъ Деневицемъ и принялъ значительное участіе въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, названной «побоищемъ народовъ». Волконскій также отличился въ этихъ двухъ сраженіяхъ. Бернадотъ отозвался о немъ государю самымъ лестнымъ образомъ. «Но,—говоритъ Волконскій,—Бѣлый царь не любилъ баловать насъ, русскихъ, и отвѣтилъ Бернадоту, что я только исполнилъ свою обязанность. Но мнѣ все-таки лестна была похвала шведскаго принца». Однако, императоръ Александръ не забылъ Волконскаго и, несмотря на то, что за отечественную войну послѣдній получилъ въ награду много орденовъ, пожаловалъ ему черезъ нѣсколько дней Аннинскую ленту.

Въ французской кампаніи 1814 г. Волконскій былъ попрежнему дежурнымъ генераломъ при корпусѣ Винценгероде. Онъ принялъ участіе во взятіи города Суассона, которое совершенно неправильно приписалъ себѣ Чернышевъ, хотя въ этомъ событіи послѣдній вовсе не участвовалъ, что не мѣшало ему получить большую награду. Затѣмъ Волконскій долго оставался на стоянкѣ подъ Реймсомъ, гдѣ всего замѣчательнѣе было то, за недостаткомъ водки солдатамъ

выдавали ежедневно по полбутылкѣ шампанскаго. Оно, однако, не нравилось имъ, и они говорили:

— Вино это—просто квасокъ и нимало не по нутру намъ, въ сравненіи съ сивухой.

Сраженія подъ Красномъ и городомъ Лаономъ были послѣднія въ военной карьерѣ Волконскаго, который вообще въ своей жизни участвовалъ въ пятидесяти сраженіяхъ. Причиной этой перемѣны въ его службѣ были интриги генерала, графа Воронцова, противъ Винценгероде, во что послѣдній не хотѣлъ вѣрить, несмотря на искреннія предостереженія Волконскаго. Вообще Воронцевъ, хотя и не безъ военныхъ дарованій, по словамъ князя, былъ излишне самонадѣянъ и склоненъ выказываться, какъ Чернышевъ. Видя, что интриги графа Воронцова все усиливаются, Волконскій думалъ, что они прекратятся съ его удаленіемъ, такъ какъ Воронцовъ считалъ обиднымъ для себя довѣріе къ нему Винценгероде. Поэтому онъ просилъ своего зятя, князя Петра Михайловича Волконскаго, бывшаго при особѣ государя, вызвать его въ главную квартиру.

Волконскому пришлось ѣхать въ главную квартиру государя окольнымъ путемъ, черезъ Кельнъ и Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ онъ узналъ, что союзныя войска заняли Парижъ, и что воцарился Людовикъ XVIII. Онъ тотчасъ прямо изъ Франкфурта поѣхалъ въ Петербургъ. Снова потекла пустая, свѣтская, шумная жизнь, и онъ предпочелъ взять долговременный отпускъ для посѣщенія Европы и даже Америки. Такъ какъ въ это время общее вниманіе было обращено на Вѣну, въ которой собрался конгрессъ, и находились всѣ союзники, то Волконскій посѣтилъ прежде всего этотъ городъ, въ качествѣ простаго туриста. Конечно, онъ рассказываетъ и о русскихъ, которые были въ свитѣ императора Александра и также отдѣльно въ Вѣнѣ. Изъ его отзывовъ всего замѣчательнѣе то, что онъ рассказываетъ о будущемъ историкѣ отечественной войны Михайловскомъ-Данилевскомъ.

«О немъ можно сказать, — говоритъ онъ, — что сказалъ про него фельдмаршалъ Сакенъ, при чтеніи его «Исторіи кампаніи 1812 года», — лакей: онъ, Данилевскій, въ Вѣнѣ былъ почти тѣмъ же, ибо черезъ него шли дѣла дворцовыя къ докладу П. М. Волконскому, т. е. былъ чѣмъ-то въ родѣ гофъ-фурьера».

Вскорѣ Волконскому надоѣла вѣнская жизнь, и онъ отправился въ Парижъ, гдѣ еще не бывалъ. Тамъ онъ познакомился съ всевозможными кружками, съ бывшей королевой голландской и бонапартистами, съ салонами легитимистскими и т. д. Но шумный Парижъ ему былъ не по сердцу, и онъ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ, однако, оставался недолго. Однажды на одной изъ лондонскихъ улицъ его встрѣтилъ сэръ Робертъ Вильсонъ, бывший при русской арміи въ 1812 г., и закричалъ ему:

— Volkonsky, Volkonsky! savez-vous la grande nouvelle? Чортова кукла a débarqué en France.

Онъ всегда такъ называлъ Наполеона и такимъ образомъ передалъ Волконскому извѣстіе о возвращеніи французскаго императора съ острова Эльбы.

На другой день онъ отправился къ русскому посланнику въ Лондонъ, князю Ливену, и просилъ визировать свой паспортъ. Но узнавъ, что Волконскій хотѣлъ ѣхать въ Парижъ, послѣдній отговаривалъ его всячески отъ этой поѣздки, увѣряя, что государь будетъ ею очень недоволенъ. Напротивъ Волконскій полагалъ, что она можетъ принести пользу государю, благодаря собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, и, во всякомъ случаѣ, рѣшился поѣхать въ Парижъ съ паспортомъ или безъ онаго. Тогда Ливенъ согласился, но заявилъ, что немедленно увѣдомитъ государя объ этомъ. Дѣйствительно онъ это сдѣлалъ, и, получивъ извѣстіе о поѣздкѣ Волконскаго въ Парижъ, императоръ Александръ сказалъ: «Je conçois que m-g Serge (такъ онъ называлъ его, чтобы отличить отъ другихъ членовъ его семейства, служившихъ при дворѣ) ait voulu voir ce qui se passe en France, mais, si avec sa tête un peu trop près du bonnet, il se charge d'une mission de Napoleon près de moi, прямо въ Петропавловскую крѣпость».

Прибывъ въ Парижъ, Волконскій засталъ Людовика XVIII наканунѣ бѣгства въ Генгъ, и черезъ сутки состоялся торжественный въѣздъ въ столицу Наполеона. Онъ цѣлый день проводилъ на улицѣ среди ликующей толпы и видѣлъ парадъ Наполеона, который возбуждалъ въ толпѣ неописанный восторгъ, но въ виду установленія правительства ста дней въ Парижѣ Волконскій не могъ долге оставаться тамъ и просилъ прежде рускаго посланника Бутягина, а потомъ французское министерство иностранныхъ дѣлъ, визировать свой паспортъ, но оба ему отказали. Тогда онъ обратился къ г-жѣ Кошлэ, чтицѣ королевы голландской, съ которой онъ былъ знакомъ. Она немедленно ему доставила удовлетворительный отвѣтъ. По ея словамъ, императоръ разрѣшалъ ему выѣхать изъ Франціи и поручилъ королевѣ Гортензіи сообщить ему, чтобы онъ не думалъ о неизбѣжности войны французовъ съ союзниками. А если она и возгорѣлась бы, то и тогда всякій иностранецъ могъ бы покинуть Францію безъ всякаго затрудненія. Волконскій снова отправился въ Лондонъ и по дорогѣ едва не столкнулся съ военнымъ англійскимъ кораблемъ «Беллерофонъ», который, по его странному ошибочному выраженію, «плѣнилъ Наполеона послѣ Ватерлоо при попыткѣ его уѣхать въ Америку». Въ дѣйствительности же извѣстно, что Наполеонъ никогда не пытался отправиться въ Америку и самъ добровольно сдался англичанамъ.

Вскорѣ Волконскій узналъ, что русская армія направилась еще разъ на Францію. Покинувъ Лондонъ, какъ можно скорѣе,

онъ нагналъ армію въ Франкфуртъ. Она была подъ начальствомъ Баркляя-де-Толли, Винценгероде былъ назначенъ корпуснымъ командиромъ второго резервнаго корпуса, а начальникомъ штаба этого корпуса князь Волконскій. Однако судьбѣ не было угодно, чтобы онъ снова участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, и послѣ Ватерлоо наступилъ долгій общеевропейскій миръ. Первое время онъ провелъ въ Парижѣ, при главной квартирѣ императора. Какъ онъ, такъ и всѣ были особенно взволнованы жестокостями реставраціи, и въ особенности его поразила казнь генерала Лабедойера и маршала Нея. Относительно перваго онъ всячески старался вмѣстѣ съ своей сестрой и женой брата добиться его помилованія черезъ герцогиню Ангулемскую, но тщетно. Узнавъ объ этихъ гуманныхъ стараніяхъ, императоръ Александръ поручилъ князю Петру Михайловичу Волконскому выразить ему свое негодованіе за то, что онъ не только себя, но и сестеръ увлекъ къ недолжнымъ дѣйствіямъ, и посовѣтовать не вмѣшиваться въ дѣла Франціи, а обратиться къ Россіи. «Исполнилъ ли я,—прибавляетъ Волконскій,—это его предназначеніе мнѣ,—будетъ видно въ концѣ моего повѣствованія».

Во время пребыванія государя въ Парижѣ особенно замѣчательнъ былъ смотръ всей русской арміи подъ Вертю. Всѣ иностранцы были поражены блестящимъ видомъ нашихъ войскъ. «Таковъ былъ тогда бытъ русскаго солдата,—говоритъ князь Волконскій,—снаружи казалось все гладко, глянцовито, чисто, а копни внутрь—все шероховато и подмазано, а часто гадко и безсовѣстно». Подобныя идеи уже давно проглядывали въ мысляхъ Волконскаго, но теперь онъ стали все болѣе и болѣе вѣдраться въ его голову. «Зародышъ сознанія обязанностей гражданина,—говоритъ онъ,—началъ выказываться во мнѣ, причиною чего были народныя событія 1814—1815 годовъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Они вселили въ меня, вмѣсто слѣпнаго повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданамъ свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, на ряду съ вѣрноподданническими».

Съ подобнымъ настроеніемъ послѣ долгаго пребыванія въ Европѣ Волконскій вернулся въ Петербургъ. Недолго онъ оставался въ безцвѣтной столичной средѣ и вскорѣ былъ назначенъ командиромъ первой бригады второй уланской дивизіи, которая находилась въ Новоградъ-Волынскомъ. Онъ немедленно отправился къ мѣсту своего служенія, гдѣ оставался около года, и потомъ послѣдовалъ со своей бригадой на стоянку въ Харьковскую губернію, въ городъ Сумы. Тутъ онъ велъ провинціальную полковую жизнь въ теченіе 1817—1818 годовъ. Наконецъ его бригада была раскассирована частью въ гвардейскій корпусъ, частью въ литовскій, а онъ получилъ бригаду во второй гусарской дивизіи. Оскорбившись на это назначеніе, безъ его согласія, которое обыкновенно спраши-

валось у генераловъ, Волконскій подалъ просьбу объ отпускѣ безъ срока за границу, что и воспослѣдовало.

Очутившись такимъ образомъ вольнымъ казакомъ, князь Волконскій еще болѣе предался своимъ новымъ мыслямъ, которыя особенно утвердились въ немъ послѣ рѣчи императора Александра на первомъ польскомъ сеймѣ. «Слова его,—говоритъ Волконскій,—о намѣреніи распространить въ Россіи вводимый имъ конституціонный порядокъ управленія сильное произвели впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ, какъ по любви моей къ отечеству, такъ и по желанію моему, чтобы отечество выдвинулось изъ грязной колеи внутренняго своего быта».

Прежде чѣмъ отправиться за границу, князь Волконскій поѣхалъ по дѣламъ въ Одессу и въ Петербургъ, откуда онъ выѣхалъ въ 1819 г. въ Кіевъ. Тамъ жилъ начальникъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, Михаилъ Орловъ, товарищъ по воспитанію и службѣ Волконскаго, который и поселился на одной квартирѣ съ нимъ. У нихъ собирался кружокъ образованныхъ людей, какъ русскихъ, такъ и поляковъ. Этотъ кружокъ и сожитіе съ Орловымъ совершенно измѣнили всю жизнь Волконскаго. Орловъ былъ коноводомъ южной военной молодежи, которая перестала послѣ войнъ 1812—1813—1814 годовъ ненавидѣть Францію и сблизилась вообще съ Европой, «благодаря ея установленіямъ, порядкамъ правленія и народнымъ гарантіямъ». Подъ вліяніемъ раздѣляемыхъ Орловымъ и его друзьями мыслей, князь Волконскій повелъ совершенно новую жизнь и отказался отъ намѣренія поѣхать за границу, а послѣ продолжительнаго отпуска, проведеннаго въ различныхъ мѣстахъ Россіи, преимущественно на югѣ, онъ вступилъ снова на дѣйствительную службу, начальникомъ бригады въ 19-й дивизіи.

Изъ Кіева онъ заѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ была главная квартира второй арміи, командуемой тогда графомъ Виттенштейномъ, и тутъ онъ познакомился съ еще большимъ количествомъ людей тѣхъ же идей и убѣжденій, какъ встрѣченный въ Кіевѣ кружокъ. Онъ вошелъ съ ними въ дружескую связь, и вскорѣ его старый знакомый по гвардіи, фонъ-Визинъ, ввелъ его въ существовавшее среди нихъ тайное общество. Оно называлось «Союзомъ благоденствія», но было болѣе извѣстно подъ названіемъ «Зеленой книги», по цвѣту обертки его устава. Предсѣдательствующими Южной думы этого общества были адъютантъ главнокомандующаго, Павелъ Ивановичъ Пестель, по словамъ Волконскаго, «человѣкъ стойкаго характера, пылкаго чувства къ дѣлу, а также и великихъ дарованій», и Алексѣй Петровичъ Юшневскій, отличавшійся первыми качествами Пестеля, но не имѣвшій его «настойчивотти или силы воли». Вообще обо всѣхъ членахъ общества Волконскій отзывался съ большимъ сочувствіемъ, и въ ихъ числѣ были одни изъ главныхъ будущихъ декабристовъ: фонъ-Визинъ, Василій Львовичъ Давыдовъ, Михаилъ

Федоровичъ Орловъ, Якушкинъ, Александръ Николаевичъ Муравьевъ, Никита Александровичъ Муравьевъ, М. С. Лунинъ, братья Поджіо, докторъ Вольфъ, Михайлъ Бестужевъ-Рюминъ и нѣкоторые другіе. «Всѣ они, говоритъ Волконскій, приняли радушно мое вступленіе въ члены тайнаго общества, и я съ тѣхъ поръ сталъ ревностнымъ его членомъ и скажу по совѣсти, что въ собственныхъ глазахъ вполне понялъ, что я вступилъ на благородную стезю дѣятельности гражданской».

Первымъ дѣйствіемъ его въ качествѣ члена тайнаго общества была поѣздка въ Москву съ Орловымъ, Бурцевымъ и Комаровымъ въ качествѣ депутатовъ Южной думы. Въ это время съѣхались въ Москвѣ представители, кромѣ мѣстныхъ членовъ общества, и депутаты петербургскіе, въ томъ числѣ Федоръ Глинка, а предсѣдателемъ съѣзда избранъ Орловъ. Отъ петербургской думы было получено извѣстіе, подтвержденное Глинкой, адъютантомъ петербургскаго губернатора Милорадовича, что правительство возбудило надзоръ за дѣйствіями тайнаго общества. Поэтому петербургская дума полагала, что осторожнѣе ее закрыть, а членамъ дѣйствовать по одиночкѣ. Съѣздъ рѣшилъ съ этимъ согласиться и закрыть совокупныя два общества. Къ этому рѣшенію присоединился и Орловъ, но Волконскій не былъ допущенъ, какъ новый членъ общества, къ подачѣ голоса. Съ этимъ извѣстіемъ онъ поѣхалъ въ Кіевъ, но Южная дума не признала этого рѣшенія и почти единогласно постановила дѣйствовать по своей прежней программѣ. Въ Петербургѣ также продолжали дѣятельно работать, но отдѣльно. «Съ этого времени,—говоритъ Волконскій,—Южная и Сѣверная думы поставили себѣ различныя программы: Южная—чисто демократическую, а Сѣверная—монархическую-конституціонную. Въ то же время положено было, что царевѣство должно быть принято въ Южной думѣ основнымъ правиломъ, какъ для старыхъ, такъ и при пріемѣ новыхъ членовъ. Эта мѣра въ основаніи своемъ имѣла не безусловное приведеніе въ дѣйствительность, но была какъ бы обуздывающимъ предохранительнымъ средствомъ отъ удаленія членовъ изъ общества. Согласіе на такую мѣру уже не давало возможности къ выходу изъ общества, такъ какъ удаленіе изъ членовъ общества не уменьшало полной отвѣтственности за первоначальное согласіе. Это изложеніе не есть вымыселъ, теперь мною придуманный, но чистая того времени уловка, и это я высказываю по сущей истинѣ».

Хотя рѣшено было не дѣйствовать заодно Сѣверной и Южной думамъ, но ежегодно въ декабрѣ мѣсяцѣ Волконскій вмѣстѣ съ Давыдовымъ ѣздилъ въ Петербургъ для собесѣдованія о дѣйствіяхъ каждой порознь. Возвратясь они давали отчетъ своей думѣ о ходѣ дѣлъ Сѣвернаго общества и о дѣйствіяхъ правительства. Во время этихъ поѣздокъ онъ сошелся съ Никитой Муравьевымъ, съ Сергѣемъ Трубецкимъ и Митьковымъ, которые были главными членами

петербургской думы. Что же касается до отношеній правительства къ тайнымъ обществамъ, то по всему было видно, что оно знало объ ихъ существованіи. Въ доказательство этого, князь Волконскій приводитъ одно любопытное обстоятельство, лично касающееся до него. Въ 1823 году государь осенью дѣлалъ смотръ второй арміи и между прочимъ осматривалъ бригаду князя Волконскаго. Послѣ окончанія смотра государь назвалъ его по имени и сказалъ: «Я очень доволенъ вашей бригадой; Азовскій полкъ одинъ изъ лучшихъ полковъ моей арміи, а Днѣпровскій немного отсталъ, но видны и въ немъ слѣды вашихъ трудовъ, и по-моему гораздо для васъ выгоднѣе будетъ продолжать оныя, а не заниматься управленіемъ моей имперіи, въ чемъ вы, извините меня, и толку не имѣете». Ясно было, что императоръ зналъ тогда много о тайномъ обществѣ, и взволнованный Волконскій рѣшилъ подать въ отставку, но его пріятель Киселевъ посовѣтовалъ ему написать оправдательное письмо государю. Волконскій такъ и сдѣлалъ, и государь, прочитавъ два раза письмо, сказалъ Киселеву: «М-г Serge меня не понялъ, я ему выразилъ, что пора остепениться, сойти съ дурного пути, имъ прежде принятаго, и что я вижу, что онъ это сдѣлалъ. Мнѣ кажется, что я пройду черезъ его бригадную квартиру. Пусть онъ тамъ будетъ съ почетнымъ карауломъ; я тамъ успокою его и исправлю то ошибочное впечатлѣніе, которое произвели на него мои слова». Дѣйствительно Волконскій встрѣтилъ государя при проѣздѣ, и онъ, оставшись очень доволенъ карауломъ, сказалъ ему: «Ты не понялъ меня! Я хотѣлъ тебѣ сказать, что твоя головушка прежде заносилась туда, куда ей не слѣдовало бы заноситься. Но теперь я убѣдился, что ты принялся за дѣло. Продолжай, и мнѣ будетъ пріятно это въ тебѣ оцѣнивать».

Императоръ Александръ совершенно заблуждался, и князь Волконскій былъ такъ преданъ дѣламъ тайнаго общества, что рѣшительно ни о чемъ другомъ не заботился. Онъ уже давно былъ влюбленъ въ дочь Николая Николаевича Раевского, Марію Николаевну, но никакъ не могъ рѣшиться сдѣлать ей предложеніе. Наконецъ въ концѣ 1824 г. поручилъ это дѣло Михаилу Орлову, но просилъ его честно высказать все отцу и дочери относительно его участія въ тайномъ обществѣ. Самъ же, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія отказаннаго жениха, уѣхалъ на Кавказъ съ порученіемъ Южной думы узнать, дѣйствительно ли въ Тифлисѣ существуетъ тайное общество. Свѣдѣнія объ этомъ обстоятельствѣ онъ получилъ отъ Александра Ивановича Якубовича и до того фантастическія, что Якубовичъ намекалъ, хотя не прямо говорилъ, о существованіи тайнаго общества подъ главенствомъ самого главнокомандующаго Алексѣя Петровича Ермолова. Однако онъ такъ увлекался политическимъ переворотомъ въ Россіи, что передалъ всѣ рассказы Якубовича въ своемъ отчетѣ Верховной думѣ. Возвратясь въ Кіевъ, онъ

получилъ удовлетворительный отвѣтъ насчетъ своей свадьбы и женился въ январѣ 1825 г. Въ это же время состоялся на квартирѣ Волконскаго съѣздъ четырехъ делегатовъ отъ польскаго тайнаго общества и Южной думы. Со стороны перваго были представителями князь Яблоновскій, Чарковскій, а послѣдней—Волконскій и Пестель. Поляки предлагали соединиться съ русскими, но подъ условіемъ возвратить Польшѣ все отторгнутыя губерніи. Пестель возражалъ, что о границахъ нельзя ставить кондицій, такъ какъ союзъ Польши съ Россіей не долженъ быть въ ущербъ послѣдней. Послѣ долгихъ преній поляки отказались отъ своихъ требованій, и главная цѣль обоихъ обществъ дѣйствовать сообща была единогласно принята.

Дѣла Южнаго общества быстрыми шагами подвигались впередъ, и уставъ его былъ написанъ отчасти Пестелемъ, а отчасти Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Къ нему присоединенъ былъ очеркъ Пестеля, подъ названіемъ «Русская правда», и ему было поручено обработать административную часть и военную организацію, а Тургеневу—судопроизводство и финансы. Труды Тургенева впоследствии не попали въ руки правительства, но много изъ того, что онъ напечаталъ за границей, освободившись отъ суда и слѣдствія, было цѣликомъ взято изъ бумагъ, приготовленныхъ имъ для Южнаго общества. Впоследствии онъ упорно отрицалъ свое участіе въ тайномъ обществѣ, но, по словамъ Волконскаго, «это чистая ложь, потому что онъ считался Южной думой однимъ изъ учредителей Сѣвернаго общества, и мнѣ поручалось давать ему ежегодно отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ». Что же касается до «Русской правды», то она заключала въ себѣ постановленія, «что при удачѣ, вслѣдъ за переворотомъ, будетъ учреждено временное правительство на три года, а впоследствии отберуть отъ народа, чего и что хочетъ Россія». Дальнѣйшая судьба «Русской правды» была неудачная для членовъ тайнаго общества. Ея не уничтожили съ нѣкоторыми другими бумагами, а закопали въ одномъ огородѣ, гдѣ она была отыскана правительствомъ и служила главною уликой противъ Пестеля и всѣхъ членовъ тайнаго общества.

Уже давно распространялись слухи о тайныхъ обществахъ, но съ половины 1824 года стали предательски дѣйствовать, кромѣ Шервуда и Майбороды, о которыхъ извѣстно въ сочиненіяхъ, писанныхъ о декабристахъ, графъ Виттъ, начальникъ южныхъ поселеній, и его пріятель херсонскій помѣщикъ Бошнякъ. Желая вывернуться изъ затруднительной отвѣтственности по растратѣ значительныхъ суммъ по военнымъ поселеніямъ, онъ старался выказаться передъ государемъ и поручилъ Бошняку войти въ сношенія съ Южнымъ обществомъ. Послѣдній, умный и ловкій человекъ, сблизился съ Лихаревымъ, пылкимъ, неосторожнымъ человекомъ, и Давыдовымъ, увѣривъ ихъ, что Виттъ сочувствуетъ обществу, и его посредство можетъ принести большую пользу его членамъ.

Пестель и Юшневскій заподозрѣли, что дѣло неладно, и старались отклонить предложеніе Витта и Бошняка, которые, однако, продолжали тайкомъ собирать свѣдѣнія о тайномъ обществѣ.

19 ноября 1825 года умеръ въ Таганрогѣ императоръ Александръ. Въ это время князь Волконскій находился въ своей бригадной квартирѣ въ Умани и командовалъ 19-ю дивизіей за отсутствіемъ ея начальника Корнилова. Онъ привелъ дивизію къ присягѣ Константину Павловичу, какъ императору, и отвезъ присяжные листы главнокомандующему, графу Витгенштейну. Возвратясь домой, онъ былъ такъ удрученъ распространившимися слухами о началѣ арестовъ присланнымъ изъ Таганрога Чернышевымъ, что первымъ дѣломъ сжегъ всѣ компрометирующія его бумаги и отвезъ жену, которая была беременна, къ родственникамъ, изъ предосторожности. Самъ же отправился назадъ по служебнымъ обязанностямъ. Черезъ нѣсколько дней жена его родила старшаго сына, Николая. Онъ тотчасъ ее навѣстилъ и тутъ видѣлся на свободѣ въ послѣдній разъ. По дорогѣ обратно Волконскій узналъ о событіи 14 декабря, многочисленныхъ арестахъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и на югѣ.

Его очередь была близка: на другой же день, 8 января 1825 года, онъ былъ арестованъ и отправленъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. Тамъ прямо его отвезли во дворецъ и сдали генераль-адъютанту Василию Васильевичу Левашеву, его старому товарищу по Кавалергардскому полку. Онъ вышелъ изъ комнаты, чтобы доложить императору Николаю Павловичу объ его прибытіи. Въ протекшія нѣсколько минутъ наединѣ онъ взглянулъ вскользь на бумаги, оставленныя Левашевымъ. Это были показанія Басаргина и Якушкина, которые сознавались въ своей принадлежности къ тайному обществу, но въ первоначальномъ его видѣ, до московскаго съѣзда. Дочитать до конца интересные документы Волконскій не могъ, такъ какъ въ комнату явился государь съ Левашевымъ. «Отъ искренности вашихъ показаній зависитъ ваша участь,—сказалъ онъ,—будьте чистосердечны, и я обещаю вамъ помилованіе».

«Государь снова вышелъ,—говоритъ Волконскій,—и я остался съ глазу на глазъ съ Левашевымъ. Начался допросъ, и я, руководствуясь тѣми данными, которыя успѣлъ прочесть и въ убѣжденіи изъ многихъ прежде мнѣ извѣстныхъ данныхъ, что существованіе общества извѣстно, дѣлалъ свои показанія, не выходя изъ рамокъ устава «Зеленой книги». Какъ Левашевъ ни домогался отъ меня болѣе подробныхъ объясненій, выставляя и прежнія наши товарищескія отношенія и преданность его моему зятю, Петру Михайловичу, а потому и мнѣ,—ему все-таки не удалось узнать ничего болѣе. Левашевъ взялъ мой допросный листъ и пошелъ къ государю; **вскорѣ** оба опять воротились ко мнѣ; государь мнѣ сказалъ:

«— Я...»

Этимъ характернымъ выраженіемъ императора Николая Павловича кончаются записки князя С. Г. Волконскаго. Его смерть прекратила ихъ на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Дополнить «Записки С. Г. Волконскаго» взялся его сынъ, князь Н. С. Волконскій. Прежде всего онъ описываетъ судъ надъ декабристами, а потомъ переходитъ къ каторгѣ въ Сибири, къ поселенію и возвращенію въ Европейскую Россію. Всего суду было предано шестьдесятъ одинъ членъ Сѣвернаго общества, тридцать семь—Южнаго и двадцать три—соединенныхъ славянъ, всего сто двадцать одинъ человѣкъ. Послѣ слѣдствія и верховно-уголовнаго суда черезъ шесть мѣсяцевъ былъ произнесенъ приговоръ, и всѣ подсудимые признаны подлежащими смертной казни. Но потомъ высочайшимъ указомъ смягчена эта мѣра наказанія, и только пятеро: Пестель, Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостоль, Бестужевъ-Рюминъ и Коховскій, казнены, а остальные раздѣлены на одиннадцать разрядовъ. Первый разрядъ, состоящій изъ тридцати одного человѣка, въ числѣ которыхъ былъ Волконскій, приговорены къ каторжнымъ работамъ. Ему было опредѣлено двадцать лѣтъ каторги, а потомъ на поселеніе, «во уваженіе совершеннаго раскаянія». Въ приговорѣ относительно его сказано, что онъ участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи, имѣлъ умыселъ на заточеніе всей императорской фамиліи, участвовалъ въ Южномъ обществѣ и старался соединить его съ Сѣвернымъ. Дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе областей въ имперіи и употребилъ поддѣльную печать полевого аудиторіата. Два послѣднія обвиненія Волконскій отрицалъ, утверждая, что онъ всегда стоялъ за цѣлость имперіи, а, во-вторыхъ, никогда не употреблялъ поддѣльной печати. Что же касается до главнаго обвиненія противъ него, то Волконскій увѣрялъ, что онъ въ дѣйствительности не имѣлъ умысла на цареубійство, которое было признано Южнымъ обществомъ, какъ условіе, чтобы затруднить выходъ изъ общества. Какъ бы то ни было, онъ до конца считался по первому разряду, хотя императоръ Николай, по ходатайству его матери, согласился на перечисленіе его во второй разрядъ, что вполне доказывается семейными документами Волконскаго.

До исполненія приговора и во время всего суда и слѣдствія князь Волконскій сидѣлъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, въ Петропавловской крѣпости, и только одинъ разъ ему дозволено было съ разрѣшенія императора видѣться со своей женой. 26 іюля, онъ былъ сосланъ въ Сибирь съ другими семью приговоренными: Трубецкимъ, Оболенскимъ, Муравьевымъ, Василиемъ Давыдовымъ, Якубовичемъ и двумя братьями Борисовыми. Они были закованы въ кандалы и находились въ сопровожденіи жандармовъ, которые отзывались о нихъ очень сочувственно во всю дорогу. Изъ Иркутска ихъ отправили на Нерчинскіе заводы, и 25 октября 1826 года они помѣщены

были въ Благодатномъ рудникѣ. Тюрьма, въ которой они находились, отличалась тѣсотой и грязью; она раздѣлялась на двѣ большія комнаты: въ одной находились обыкновенные каторжники, а въ другой восьмеро государственныхъ преступниковъ. Въ этой послѣдней комнатѣ были устроены маленькія отдѣленія, низкія и темныя, въ которыхъ нельзя было ни стоять, ни чѣмъ либо заниматься. Въ одномъ изъ нихъ содержался Волконскій, Трубецкой и Оболенскій. Арестанты, закованные въ кандалы, спускались въ шахты въ пять часовъ утра и работали до одиннадцати. Въ концѣ того же года работа была уменьшена, и генераломъ-губернаторомъ Восточной Сибири было предписано, чтобы ихъ употребляли въ работу безъ изнуренія.

Между тѣмъ княгиня Марія Николаевна Волконская и княгиня Трубецкая отправились изъ Петербурга въ Сибирь къ своимъ сосланнымъ мужьямъ. Волконская добилась тайно отъ своего семейства разрѣшенія на это императора, который, однако, три раза предупреждалъ ее, какимъ тяжелымъ испытаніямъ она подвергнется. Она твердо настояла на своемъ. 8 февраля 1827 года она прибыла съ княгиней Трубецкой на Благодатный рудникъ, и съ нея взяли подписку, что она будетъ во всемъ повиноваться начальству и сдѣлается совершенно причастной къ судьбѣ своего мужа, какъ жена ссыльнокаторжнаго. Она помѣстилась въ крестьянской избѣ противъ тюрьмы, сама съ княгиней Трубецкой убирала отведенное имъ помѣщеніе и сама варила себѣ кушанье, потому что ихъ горничныя оказались дурного поведенія и отосланы были обратно въ Россію. Видѣлась княгиня Волконская съ мужемъ тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Благодатный рудникъ въ его тюрьмѣ, и потомъ довольно часто происходили ихъ свиданія тамъ же. Все это она описываетъ подробно въ своихъ «Запискахъ», но, къ сожалѣнію, онѣ еще не изданы, хотя и хранятся въ ея семействѣ.

Черезъ 11 мѣсяцевъ выстроенъ былъ для декабристовъ большой острогъ въ селѣ Читѣ, и туда не только Благодатскихъ ссыльныхъ, но также изъ другихъ мѣстъ перевели ихъ. За два дня до нихъ прибыли въ Читѣ Волконская и Трубецкая. Собственно говоря, въ Читѣ не было каторжныхъ работъ за недостаткомъ заводовъ и рудниковъ, и декабристы занимались чисткой улицъ, исправленіемъ дорогъ, рытьемъ канавъ, огородными работами и мололи муку. Осужденные видѣлись со своими женами сначала у частогола два раза въ недѣлю, а впослѣдствіи ихъ сношенія были значительно облегчены. Тутъ не лишне прибавить, что въ Читѣ число женъ увеличилось до восьми и, кромѣ Трубецкой и Волконской, были еще Муравьева, Нарышкина, Энтальцева, Фонъ-Визина, Давыдова и Анненкова. Главный начальникъ осужденныхъ, генералъ-майоръ Лепарскій, очень гуманно къ нимъ относился и вообще былъ образованный, честный и добрый человекъ. Онъ всячески старался

смягчить настолько, насколько было можно, положеніе декабристовъ. Имъ разрѣшалось читать книги съ помѣткой «видалъ Липарскій» и заниматься вмѣстѣ музыкой и пѣніемъ, преимущественно церковнымъ, а также устраивать лекціи между собою по физикѣ, химіи, анатоміи, прикладной математикѣ, русской исторіи, русской словесности и военнымъ наукамъ. Кромѣ того, они занимались различными ремеслами и рисованіемъ. Больныхъ разрѣшалось лѣчить декабристу доктору Вольфу. Наконецъ не безъ участія Лепарскаго были сняты по высочайшему повелѣнію съ осужденныхъ кандалы.

Такъ прожили четыре года декабристы въ Читѣ, и Лепарскій, въ виду тѣсноты ихъ жилья, построилъ въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ новый постоянный казематъ, куда лѣтомъ 1830 г. переехали заключенные. Теперь помѣщеніе было гораздо больше и просторнѣе. Въ каждой изъ шестидесяти четырехъ келлій было семь аршинъ длины и шесть ширины, но онѣ были почти темныя, такъ какъ окна были маленькія надъ дверьми и выходили въ коридоръ. Однако вскорѣ Лепарскій выхлопоталъ измѣненіе высочайшаго плана, и въ наружной стѣнѣ каждой келліи было прорублено окно. Сначала женщ раздѣляли помѣщеніе своихъ мужей, а потомъ построили себѣ небольшіе домики, куда отпускали въ опредѣленное время и мужей, а въ 1835 г. было разрѣшено Волконскому совершенно жить въ собственномъ домѣ. Въ томъ же году умерла его мать и оставила послѣ своей смерти письмо на имя императора, съ просьбой о помилованіи сына и возвращеніи его въ деревню. Государь нашелъ невозможнымъ удовлетворить ея желаніе, но освободилъ Волконскаго отъ каторжной работы, обративъ его въ Сибирь на поселеніе. Однако вопросъ объ избраніи мѣста для поселенія тянулся почти два года, и только 26 марта 1837 года онъ переѣхалъ съ семействомъ на жительство въ селеніе Урикъ, близъ Иркутска. Тутъ выстроенъ былъ деревянный домъ, теплый и удобный, гдѣ Волконскіе жили долгіе годы.

Въ это время его семейство, за смертью старшаго его сына, оставшагося въ Россіи на попеченіи его матери, такъ какъ княгинѣ не дозволено было взять ребенка въ Сибирь, а также родившейся въ Читѣ дочери Софьи, состояло изъ сына Михаила и дочери Елены. Кромѣ семьи, Волконскіе имѣли еще вблизи своего жилища многихъ декабристовъ, также переѣхавшихъ на поселеніе съ Петровскаго завода въ Урикъ и его окрестности. Всѣхъ ихъ было двѣнадцать, да еще въ Иркутской губерніи, хотя и на далекомъ разстояніи, жили еще восемь декабристовъ. Особую пользу приносило Волконскому сожительство въ Урикѣ доктора Вольфа, который ухаживалъ за нимъ во время его частыхъ ревматизмовъ, вынуждавшихъ его нѣсколько разъ отпрашиваться у правительства на посѣщеніе мѣстныхъ минеральныхъ водъ. Въ своемъ тѣсномъ кружкѣ декабристы, а въ томъ числѣ Волконскій, жили

мирно, спокойно. Каждый изъ нихъ имѣлъ опредѣленный надѣлъ и многіе хозяйничали на немъ. Волконскій предался съ любовью агрономіи и чрезвычайно сблизился съ рабочими людьми, которые его чрезвычайно любили и постоянно обращались къ нему за совѣтами и содѣйствіемъ. Даже всѣ начальники не препятствовали этой близости декабристовъ къ народу, такъ какъ они постоянно вели себя безукоризненно. Главнымъ препровожденіемъ ихъ времени, кромѣ сельскихъ занятій, было чтеніе книгъ и газетъ, которыя доставлялись имъ изъ Иркутска, а также бесѣды другъ съ другомъ. Когда подросли дѣти Волконскаго, то онъ и жена, а также ближайшіе къ нимъ декабристы, давали имъ уроки французскаго, англійскаго и русскаго языковъ, а также математики, исторіи и географіи.

Въ 1841 году было высочайше разрѣшено помѣстить дѣтей декабристовъ въ казенное заведеніе, только съ воспрещеніемъ имъ носить фамилію отцевъ, а именоваться по отчеству отцевъ, т. е. Сергѣевыми, Ивановыми и т. д. Но Волконскій отказался отъ этого условія и оставилъ сына и дочь при себѣ. Воспитаніе ихъ было тѣмъ удобнѣе, что по нездоровью княгини Волконской всему семейству разрѣшено было жить въ Иркутскѣ въ 1845 году. Черезъ годъ они выхлопотали позволеніе помѣстить сына въ Иркутскую гимназію, при чемъ его просто занесли въ списки подъ названіемъ сынъ государственнаго преступника Сергѣя Волконскаго. Такимъ образомъ онъ сохранилъ фамилію отца и подъ этимъ именемъ поступилъ въ университетъ, а потомъ на службу по управленію Восточной Сибирью. На все это было выхлопотано высочайшее повелѣніе, и начальство всякій разъ отзывалось самымъ сочувственнымъ образомъ о молодомъ человѣкѣ, «который получилъ въ родительскомъ домѣ похвальное нравственное направленіе».

Съ назначеніемъ въ 1847 году генералъ-губернаторомъ въ Иркутскъ Николая Николаевича Муравьева, впослѣдствіи графа Муравьева-Амурскаго, совершенно измѣнилось положеніе декабристовъ. Онъ и всѣ начальствующія лица принимали ихъ у себя, заботились объ ихъ нуждахъ и постоянно ходатайствовали о нихъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Волконскаго обрадовали своимъ посѣщеніемъ сестра жены, Софья Николаевна Раевская, и его собственная сестра, вдова фельдмаршала, княгиня Софья Григорьевна Волконская. Въ это же время его дочь вышла замужъ за состоявшаго при губернаторѣ чиновника Молчанова и свободно съѣздила въ Петербургъ, а потомъ, вернувшись назадъ въ Иркутскъ, жила съ родителями въ новомъ построенномъ ими домѣ. Это было имъ тогда уже не трудно, такъ какъ они получили разрѣшеніе на расходованіе значительной суммы денегъ, тогда какъ прежде могли только тратить двѣ и потомъ четыре тысячи. Когда вспыхнула турецкая война, то Волконскій, несмотря на то, что ему было шестьде-

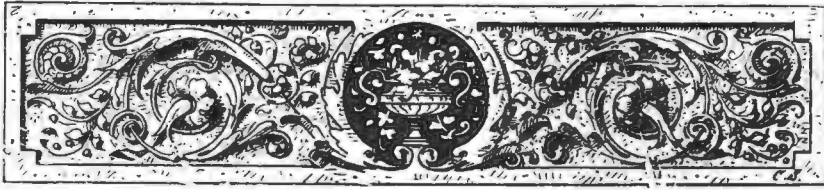
сятъ семь лѣтъ, просился въ Севастополь солдатомъ. Однако семейство упростило Муравьева отказать ему въ этой просьбѣ. Вскорѣ послѣ этого, княгиня Волконская, по разстроенному здоровью, выѣхала съ дочерью въ Москву съ разрѣшенія государя. Волконскій остался одинъ въ Иркутскѣ, но не надолго. Въ 1856 году, по случаю коронаціи, императоръ Александръ II помиловалъ его съ возвращеніемъ всѣхъ правъ, потомственного дворянства, но безъ княжескаго титула.

Черезъ тридцать одинъ годъ пребыванія въ Сибири, онъ, въ числѣ девятнадцати изъ ста двадцати одного декабриста, вернулся на родину. Хотя ему и было воспрещено жительство въ столицахъ, но онъ, главнымъ образомъ, послѣдніе годы жилъ въ Москвѣ, по ходатайству его стараго товарища, генералъ-губернатора московскаго, графа Закревскаго. Онъ также ѣздилъ нѣсколько разъ въ Петербургъ и за границу для своего лѣченія и свиданія съ больною женою. Во время пребыванія въ Москвѣ онъ вращался въ обществѣ старыхъ пріятелей, еще оставшихся въ живыхъ, и въ кружкѣ славянофиловъ. Особенно его занимало освобожденіе крестьянъ, и онъ считалъ 19-е февраля 1861 года лучшимъ днемъ въ его жизни. Черезъ два года съ него сняли всѣ ограниченія, которымъ онъ еще подвергался, т. е. полицейскій надзоръ, и семидесяти-пятилѣтній старикъ сталъ уже совершенно свободнымъ человѣкомъ. Когда сынъ его благодарилъ государя за эту новую, послѣднюю милость, то послѣдній сказалъ: «Повѣрь, что и я этому отъ души радъ и всегда буду радъ, когда могъ что либо сдѣлать для вашего старика».

Однако старику не удалось спокойно дожить свою жизнь. Въ 1863 году, его поразила утрата жены, а затѣмъ его разбилъ параличъ. Онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ креслу на колесахъ, но все-таки сохранилъ свои умственные силы и продолжалъ до послѣднихъ дней писать свои «Записки». Весною 1865 г. онъ умеръ въ Малороссіи, въ имѣніи дочери, и похороненъ рядомъ съ женою, столь поэтически воспѣтой Некрасовымъ.

В. А. Тимирязевъ.

МИОИЧНОСТЬ „ЛЕРМОНТОВСКИХЪ МѢСТЪ“ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ.

ВЪ ЮЛѢ прошлаго года маленькій курортный городокъ Сѣвернаго Кавказа, Пятигорскъ, отпраздноваль (надобно сознаться, грустнымъ образомъ и не безъ инцидентовъ, безъ которыхъ, какъ видно, никогда не обходится ни одно русское празднество) шестидесятилѣтїе со дня смерти поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Этимъ торжествомъ былъ, такъ сказать, подогрѣтъ интересъ къ памяти Лермонтова, какъ у всей интеллигентной Россїи, такъ и у бывшихъ на мѣстѣ празднованїя «курсовыхъ», и многіе изъ послѣднихъ стали интересоваться тогда тѣми мѣстами, которыя такъ или иначе освящены именемъ поэта. У многіхъ, прежде и не подозрѣвавшихъ истинной причины, почему въ пятигорскомъ городекѣ скверѣ красуется памятникъ Лермонтову (съ нисколько не похожимъ на оригиналъ лицомъ статуи), вполне естественно явилось желаніе пополнить свои свѣдѣнія относительно этихъ мѣстъ, — и мѣсто «вѣчно злосчастной дуэли» (по выраженїю сына Мартынова) поэта съ этимъ вторымъ Дантесомъ, его гротъ и домъ, гдѣ поэтъ жилъ въ періодъ 1837—1841 г.г., стали усердно посѣщаться больными и туристами.

Мною уже было напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» ¹⁾ описаніе пятигорскихъ «Лермонтовскихъ мѣстъ» въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они теперь находятся; но только относительно одного изъ нихъ (мѣста дуэли) было высказано, что это лишь предполагаемое, но едва ли настоящее мѣсто дуэли.

¹⁾ «На мѣстѣ послѣднихъ дней Лермонтова» («Историческій Вѣстникъ», 1901 г., VIII кн.).

Предметомъ же настоящей статьи будутъ служить новыя подтвержденія проблематичности мѣста поединка, а также и мѣста первоначальнаго его погребенія на пятигорскомъ кладбищѣ, домика, гдѣ онъ жилъ въ 1837—1841 г.г., и грота.

Оказывается, что, посѣщая всѣ эти мѣста, напрасно было бы думать, что мы созерцаемъ истинныя мѣста поединка, могилы и проч. Изъ массы противорѣчивыхъ показаній, какъ современниковъ, такъ и послѣдующихъ изыскателей въ этомъ направленіи, въ настоящее время можно выяснитъ лишь одно то, что за эти шестьдесятъ лѣтъ память о Лермонтовѣ въ Пятигорскѣ настолько потускнѣла, что здѣсь трудно добраться до истины, и приходится довольствоваться лишь сознаніемъ, что всѣ эти связанныя съ именемъ Лермонтова мѣста крайне проблематичны. Въ этомъ чрезвычайно характерно сказывается обычная черта насъ, русскихъ: небрежно относиться къ памяти своихъ великихъ людей и не хранить того, что относится къ ней.

Для составленія программы празднованія шестидесятилѣтія со дня смерти Лермонтова въ Пятигорскѣ была организована коммисія подъ предѣлательствомъ завѣдующаго пятигорскимъ лѣсничествомъ, г. Гнѣвышева.

Казалось бы, что коммисія, прежде всего, озаботится установленіемъ подлинности того мѣста, на которомъ, какъ указываютъ, была дуэль. Но коммисія, видимо, поняла свою задачу иначе и на такіе «пустяки», какъ подлинность этого мѣста, рѣшительно не обратила никакого вниманія и занялась лишь составленіемъ программы для будущаго праздника.

Такимъ образомъ, на то, съ чего надобно было бы начать, коммисіей не было обращено никакого вниманія, хотя, казалось, этотъ пунктъ долженъ бы быть поставленъ кореннымъ въ программѣ занятій коммисіи. Въ силу этого, и «временной памятникъ» былъ поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находились поставленные въ 1881 году три сѣрые камня съ выпарацанными на нихъ безграмотными виршами какой-то В. Козловой, т. е. на мѣстѣ крайне проблематичномъ. Неужели нужно еще нѣсколько десятилѣтій, чтобы этотъ вопросъ обратилъ на себя серьезное вниманіе? Но вѣдь не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что чѣмъ дальше, тѣмъ память объ этомъ будетъ все болѣе и болѣе гложуть, и наши потомки будутъ считать это мѣсто такимъ же мифическимъ, какъ древнюю Атлантиду.

Такимъ образомъ, вопросъ: тутъ ли на самомъ дѣлѣ кончился «кровавый разговоръ» Лермонтова съ Мартыновымъ?—такъ и остается открытымъ и, можетъ быть, останется таковымъ навсегда.

Въ своей статьѣ «На мѣстѣ послѣднихъ дней Лермонтова» я разсказалъ про тщетныя старанія г. Филиппова разыскать, съ помощью современника поэта—Чухнина, мѣсто дуэли. Въ нынѣшнемъ году

Эр. Павгинскій ¹⁾ отыскалъ этого Чухнина и сталъ разспрашивать его объ этомъ же мѣстѣ:

— «И мѣсто это вовсе не то, гдѣ стоялъ все время камень, а теперь стоитъ временный памятникъ»,—сказалъ на его вопросъ Чухнинъ.—«То мѣсто, гдѣ дѣйствительно былъ убитъ Лермонтовъ, и куда мы прѣехали съ Мартыновымъ, было значительно ниже... Кругомъ былъ густой кустарникъ (послѣдняго теперь нѣтъ). Меня и начальство къ себѣ нѣсколько разъ призывало»,—закончилъ онъ,—«ѣздилъ я съ нимъ туда же и мѣсто настоящее указывалъ, но только оно втуне осталось».

Авторъ небольшой статьи «Курортныя рѣчи» («Донская Рѣчь», отъ 15-го іюля 1901 г.) говоритъ: «По словамъ тѣхъ же старожиловъ, мѣсто, гдѣ происходила дуэль Лермонтова, имѣло слѣдующіе отличительные признаки: на немъ стояло большое старое дерево, окруженное мелкимъ кустарникомъ... это очень важное обстоятельство, такъ какъ, произведя на этомъ мѣстѣ раскопки, можно было бы найти корни этого дерева, по которымъ точно опредѣлить настоящее мѣсто дуэли поэта».

Нѣкоторые же другіе авторы говорятъ, что дуэль происходила гораздо ближе къ Перкальской скалѣ. Между тѣмъ, мѣсто, гдѣ находится нынѣ памятникъ, отстоитъ отъ нея на почтенномъ разстояніи.

Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что мѣсто, гдѣ испустилъ послѣдній вздохъ великій поэтъ, совершенно неизвѣстно и останется таковымъ навсегда.

Мѣсто первоначальнаго погребенія Лермонтова на пятигорскомъ кладбищѣ (откуда оно бабушкой его было перевезено въ с. Тарханы, Пензенской губерніи) также неизвѣстно.

Въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ седьмому изданію сочиненій его, какъ я уже указалъ въ упомянутой моей статьѣ, говорится, что мѣсто это забыто и, кажется, отошло подъ выстроенную впоследствии церковь, а камень, лежавшій на этой могилѣ, исчезъ.

Въ № 52 «Сезоннаго листка кавказскихъ минеральныхъ водъ» было напечатано, что въ Пятигорскѣ имѣется человекъ, нѣкій пятигорскій мѣщанинъ Николаенковъ, который можетъ съ точностью обозначить это мѣсто.

Но оказалось, что Николаенковъ заслуживаетъ мало вѣры.

Въ бытность мою въ Пятигорскѣ нынѣшнимъ лѣтомъ я узналъ, что городской голова этого города, г. Раковъ, и современникъ Лермонтова — протоіерей о. Василій Эрастовъ, рѣшили провѣрить это извѣстіе и вмѣстѣ съ Николаенковымъ стали отыскивать это

¹⁾ «Въ гостяхъ у современниковъ М. Ю. Лермонтова» («Донская Рѣчь» 15 іюля, 1901 г.).

памятное мѣсто. Но Николаенковъ такъ путалъ и перевиралъ все, что его знаніе этого мѣста оказалось подъ большимъ сомнѣніемъ. Протоколъ объ этихъ напрасныхъ поискахъ былъ посланъ въ «Сезонный Листокъ», но почему-то не былъ тамъ напечатанъ.

Между тѣмъ, относительно этого спорнаго вопроса мы имѣемъ цѣнное указаніе въ брошюрѣ К. П. Бѣлевича. Вотъ что онъ тамъ говоритъ:

«Бывши въ 1868 году въ первый разъ на водахъ, я тщетно разспрашивалъ знакомыхъ и незнакомыхъ пятигорцевъ объ этой интересной для каждаго русскаго могилѣ; тщетно я самъ искалъ ее, для чего перечитывалъ надписи на всѣхъ надгробныхъ памятникахъ.

«Не достигнувъ цѣли двукратныхъ поѣздокъ туда, я уѣхалъ въ Эссентуки. Но тамъ, бесѣдуя разъ въ паркѣ съ священникомъ Горячеводской станицы, отцомъ Василиемъ Митридатовымъ, я выразилъ свою досаду на мои напрасные поиски.

«— Не найдете такъ его могилу, ни за что не найдете,—сказалъ онъ самоувѣренно.—Подобно вамъ, я также искалъ ее напрасно, и не нашелъ бы никогда, если бы мнѣ не рассказалъ прихѣтъ покойный отецъ Павелъ Александровскій, бывший старшій пятигорскій священникъ, при которомъ она была вырыта. Не найдете, изволите видѣть, почему: Лермонтовъ былъ похороненъ почти, какъ самоубійца: нѣсколько въ сторонкѣ отъ кладбища, тогда еще не огороженнаго.

«— Много было хлопотъ, чтобы его похоронили по обряду! Младшій священникъ на отца Павла, его похоронившаго, написалъ тогда епископу ставропольскому доносъ... Рядомъ съ его могилою была могила самоубійцы, чиновника Медвѣдева... Впослѣдствіи, когда была выстроена церковь, обѣ эти могилы вошли въ ограду кладбища. На нихъ нѣтъ ни памятниковъ, ни крестовъ: это не болѣе, какъ двѣ рядышкомъ ямки, въ которыхъ кто-то посадилъ по деревцу.

«— Если хотите отыскать ту, въ которой покоился прахъ Лермонтова, станьте, когда будете на кладбищѣ, у первой ступени церковной паперти, лицомъ къ западу, прямо къ Эссентукамъ: отмѣрьте въ этомъ направленіи семнадцать шаговъ, и вы будете на его первой могилѣ. Она по лѣвую руку; та же, что по правую, къ сторонѣ Желѣзноводска, могила самоубійцы.

«... Спусти три недѣли послѣ этой врѣзавшейся въ мою память бесѣды, я уѣхалъ въ мѣсто моего служенія. Проѣзжая изъ Желѣзноводска мимо пятигорскаго кладбища, я посѣтилъ его снова. Въ этотъ послѣдній разъ, благодаря ясно описаннымъ примѣтамъ, я тотчасъ отыскалъ желанную могилу.

«Признаюсь, никогда бы я и прежде не подумалъ, что представлявшая моимъ глазамъ заросшая бурьяномъ яма, посреди

которой торчитъ засохшій лѣсной орѣхъ, не доросшій до своего обыкновеннаго роста, могила того, кому теперь Россія собирается поставить памятникъ»...

Но въ настоящее время и эти, описанные г. Бѣлевичемъ, признаки исчезли, и мѣсто это также останется неизвѣстнымъ навсегда.

Домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ во время своего пребыванія въ Пятигорскѣ, принадлежалъ въ то время, по словамъ Евграфа Чалова въ сообщеніи г. Филиппова ¹⁾, нѣкому Меляеву, а по словамъ Эр. Павгинскаго — Умановскому, отъ котораго перешелъ къ Вепшгорту, а отъ этого послѣдняго къ П. С. Георгіевскому, который владѣетъ имъ и въ настоящее время.

Какъ я уже говорилъ въ первой своей статьѣ, домомъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, называютъ флигель, помѣщающійся во дворѣ и съ имѣющей на немъ доской съ надписью. Если мы будемъ сравнивать настоящій видъ дома съ таковымъ же на рисункахъ сороковыхъ годовъ, то оказывается, что онъ измѣнился до неузнаваемости.

Г. Павгинскій задался мыслью рѣшить вопросъ: гдѣ собственно жилъ поэтъ—во флигелѣ ли, который называютъ лермонтовскимъ домикомъ, или въ домѣ, выходящемъ окнами на улицу?

«Надпись утверждаетъ первое»,—говоритъ онъ,—«а между тѣмъ мнѣ пришлось столкнуться съ близкими знакомыми вдовы полковницы Батакиной, умершей въ Пятигорскѣ въ прошломъ году. Мужъ Батакиной во время печальной кончины Лермонтова былъ въ Пятигорскѣ полицеймейстеромъ. Батакины были въ дружескихъ отношеніяхъ съ поэтомъ, бывали у него и, если вѣрить словамъ ихъ близкихъ знакомыхъ, категорически утверждали, что Лермонтовъ жилъ въ домѣ, выходящемъ на улицу, а во флигелѣ помѣщался денщикъ.

«На основаніи такихъ шаткихъ источниковъ, я, конечно, не возбуждалъ бы этого вопроса, если бы того же самаго не слышалъ и отъ другихъ старожилловъ».

Такимъ образомъ, можно съ нѣкоторой утвердительною думать, что доска съ надписью виситъ тоже надъ крайне проблематичнымъ мѣстомъ.

Четвертымъ такимъ проблематичнымъ мѣстомъ является и «Лермонтовскій гротъ», описаніе котораго я также далъ въ своей упомянутой статьѣ.

Но, оказывается, напрасно было бы думать, что именно въ этомъ гротѣ Лермонтовъ обдумывалъ свои дивныя вещи или слагалъ на своихъ враговъ остроумныя и злыя эпиграммы.

¹⁾ «Лермонтовъ на кавказскихъ водахъ» («Русская Мысль», XII, 1890 г.).

По словамъ протоіерея отца Василя Эрастова ¹⁾, никакого грота тогда (въ бытность Лермонтова въ Пятигорскѣ) совершенно не существовало; было только два камня, на которыхъ, какъ говорятъ, часто сидѣлъ Лермонтовъ и писалъ стихи. Я много разъ приходилъ на это мѣсто, защищенное большими деревьями отъ солнца и представлявшее собою уютный уголокъ. Гротъ былъ сдѣланъ уже послѣ смерти Лермонтова, и теперь рѣшительно невозможно сказать: тѣ ли самые камни помѣщаются въ этомъ гротѣ, которые когда-то служили столомъ знаменитому поэту.

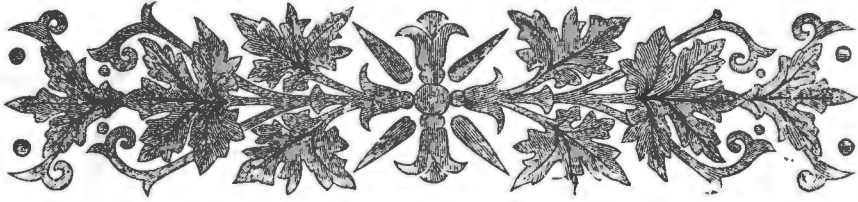
Такимъ образомъ, мы видимъ, что все «Лермонтовскія мѣста» въ Пятигорскѣ имѣютъ крайне проблематичную подлинность. Но пятигорскому обывателю, конечно, это все равно: скажетъ «курсовому» легенду, что вотъ, молъ, на этомъ мѣстѣ былъ убитъ Лермонтовъ, здѣсь онъ погребенъ, здѣсь жилъ, а здѣсь писалъ стихи,— и больше ничего ему и не надобно: нѣкоторая мзда съ «курсового» стянута, и въ результатѣ и «курсовой» удовлетворенъ въ своемъ любопытствѣ, и пятигорецъ—въ своей алчности...

А до остального ему нѣтъ никакого дѣла...

Василій Якимовъ.

¹⁾ «Въ гостяхъ у современниковъ М. Ю. Лермонтова».

ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМЪ ВЪ 1899 ГОДУ.

I.

ТО, ЗЕМЛЯКЪ, не знаешь, какъ намъ въ Михайловку проѣхать?

Старикъ, къ которому обратился съ этимъ вопросомъ мой ямщикъ, отвѣтилъ не сразу. Казалось, что до сихъ поръ онъ совсѣмъ не замѣчалъ насъ и даже не слышалъ нашего приближенія, несмотря на то, что довольно бойкій звонъ нашего колокольчика рѣзко нарушалъ окружающую насъ почти мертвую тишину. Сидя у околицы деревни, которой онъ считался сторожемъ, онъ даже не поднималъ глазъ для того, чтобы взглянуть, кто проѣзжаетъ мимо него, и только машинально снималъ съ головы шапку и протягивалъ ее проѣзжающимъ, прося у нихъ подаенія. Влѣяніе голоднаго года, видимо, отразилось на немъ. Ноги его, раздутыя отъ цынги, казались какими-то громадами, когорыя очень мало соответствовали его небольшому, худому и скрюченному туловищу.

Медленно пошевелинулъ онъ головой, поднять свои подслѣповатые глаза и равнодушнымъ тономъ переспросить ямщика:

— Куда? Въ Михайловку? Н... не... не знаю.

— Да какъ же не знаешь? Вотъ баринъ говоритъ — недатече, сказывали ему.

— Н... не... не знаю—тѣмъ же равнодушнымъ тономъ повторилъ старикъ и началъ усиленно мотать головой, какъ бы для того, чтобы убѣдить насъ, что онъ дѣйствительно не знаетъ, а не то, чтобы не хотѣлъ указать намъ дорогу.

— Да ты послушай, дѣдушка, — вмѣшался я въ разговоръ: — ты, быть можетъ, слышалъ, здѣсь работы устроены, чтобы голодающимъ помогать. Такъ вотъ не знаешь ли, куда это надо ѣхать?

— Работы? Царскія работы? Такъ ты бы такъ и сказалъ, — обратился старикъ какъ бы съ укоризною къ ямщику съ такой живостью, которой трудно было ожидать отъ него. — Какъ не знать? Да изъ нашей деревни много народу тамъ на хлѣбъ добываютъ. Слава Господу, Царь и Царица отъ голодной смерти спасаютъ.

Старикъ набожно перекрестился.

— Это, братецъ, тебѣ на середину Раткуля надо ѣхать, — продолжалъ онъ, обращаясь къ ямщику. — Чай, знаешь, гдѣ Раткуль?

— Знаю. Какъ не знать? — отвѣтилъ ямщикъ полуобиженнымъ тономъ. Ему было какъ будто неловко, что пришлось прибѣгнуть къ посторонней помощи. — И про работы знаю. Только вотъ не знаю, гдѣ эта Михайловка самая.

— Ну, такъ вотъ на Раткуль и поѣзжай. Тамъ они, значитъ, его и роютъ. Тамъ и спросишь.

— Да ладно ужъ, знаю, — нетерпѣливо повторилъ ямщикъ, передернувъ вожжами, и тройка наша понеслась по широкой улицѣ деревни, гдѣ все было молчаливо и пустынно, на всемъ лежала печать страшнаго бѣдствія — голода.

Это было лѣтомъ 1899 года, въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, гдѣ, какъ и въ Вятской и въ Симбирской губерніяхъ, была тогда на широкихъ началахъ организована трудовая помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, особымъ отрядомъ, отправленнымъ для этой цѣли съ соизволенія Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и работавшимъ здѣсь во главѣ съ уполномоченнымъ Ея Величества дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ М. Н. Галкинымъ-Враскимъ. Въ эту тяжелую годину, когда со всѣхъ концовъ Россіи полились средства для оказанія помощи голодающимъ, ешла себѣ примѣненіе также и трудовая помощь, первый опытъ которой принесъ съ собою самые лучшіе результаты. Въ основу дѣятельности отряда была положена та безусловно вѣрная мысль, что трудоспособному населенію помощь должна быть оказываема не даровою раздачею пищи, а предоставленіемъ заработка, который уже долженъ былъ дать ему средства къ существованію. При этомъ заработокъ этотъ доставался ему при выполненіи работъ, необходимыхъ для его же родной деревни, а стало быть, и его же собственнаго хозяйства, такъ что такимъ образомъ одновременно достигались двѣ весьма важныя цѣли: и голодающее населеніе пріобрѣтало средства къ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ находили себѣ удовлетвореніе такія наиболѣе насущныя нужды деревни, дѣйствіе которыхъ болѣзненно отзывалось на всей ея жизни.

Раткуль, о которомъ говорилъ только что старикъ, было названіе цѣлой сѣти овраговъ, раскинувшихся по центральной части Спасскаго уѣзда и причинявшихъ немало бѣдъ ея населенію. Ямщикъ мой, видимо, старавшійся заглазить невыгодное впечатлѣніе, которое могло бы составиться у меня объ его знакомствѣ съ мѣстностью послѣ разговора нашего со старикомъ, началъ подробно объяснять мнѣ, что это за овраги и каково ихъ значеніе для края.

— Вотъ, баринъ, — началъ онъ, — кабы Богъ далъ съ Раткулемъ этимъ справиться.

— А что?

— Да ужъ больно много бѣдъ отъ него. Что ни весна, то, значитъ, онъ тебѣ сверху цѣлыя горы песку приноситъ. А песокъ-то на низкихъ мѣстахъ осѣдаетъ, и всему твоему урожаю, значитъ, крышка.

— А развѣ до сихъ поръ ничего противъ этого не дѣлали?

— Какъ не дѣлать? Дѣлали. Да что толку? Тамъ да здѣсь плотины поставятъ, а какъ весною вода большая пойдетъ, — гдѣ ее удержать? Какъ щепочки, плотины эти самыя рветъ, и сладу никакого съ водою нѣтъ. А потомъ, какъ придетъ вода на низкое мѣсто, итти-то ей больше некуда — разливается и песку съ собою цѣлыя горы наноситъ. Сказываютъ старики, не одно озеро пескомъ-то этимъ самымъ засыпало. Да что старики! Я самъ помню — здѣсь въ одномъ мѣстѣ озеро было — такъ я еще мальчишкою въ немъ рыбу ловилъ. Славная такая рыба была, и крупная водилась. А теперь... и-и... не то, что рыбы — воды капельки въ озерѣ не осталось. Все, какъ есть, пескомъ засыпано.

Оказалось потомъ, что ямщикъ нисколько не преувеличивалъ. Какъ я узналъ изъ рассказовъ многихъ другихъ мѣстныхъ крестьянъ, а также и помѣщиковъ-старожиловъ, всего лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ мѣстность эта еще далеко не въ такой степени, какъ теперь, страдала отъ дѣйствія песковъ и овраговъ. Когда-то давно, во времена еще древнихъ болгаръ, населявшихъ въ этихъ мѣстахъ берега Волги, а затѣмъ и при татарахъ, здѣсь было всего вдоволь — и воды, и лѣса. Необозримые дремучіе лѣса покрывали собою цѣлыя тысячи десятинъ и лучше всего обезпечивали почвѣ равномерное распредѣленіе влаги. И дѣйствительно, въ то время мѣстность эта изобиловала массою озеръ, памятникомъ которыхъ остались до нашего времени лишь многочисленныя названія татарскихъ селеній, которыя всѣ почти оканчиваются словомъ: «куль», что значитъ «озеро». И это какъ разъ въ той мѣстности, гдѣ теперь проходитъ главный отрогъ цѣпи овраговъ, и гдѣ недостатокъ даже въ питьевой водѣ настолько силенъ, что жители принуждены пользоваться для питья дождевой водою, задерживаемою плотинами и запрудами. Безжалостный топоръ хищни-

ка-человѣка лишилъ этотъ край лучшей его силы и украшенія— его мощныхъ лѣсовъ, и этимъ положилъ начало цѣлому ряду гибельныхъ бѣдствій. Весеннія воды, не задерживаемыя уже лѣсами въ верхней части всей громадной площади уѣзда, представляющей какъ бы полуамфитеатръ со значительно поднятыми сторонами, стали стремительно стекать на дно этого полуамфитеатра, взрывая на своемъ пути песчаную почву и унося съ собою громадныя массы песку. Не встрѣчая на своемъ пути никакихъ преградъ, кромѣ мягкой и уступчивой почвы береговъ оврага, воды съ каждымъ годомъ захватывали своимъ теченіемъ все новые участки и, останавливаясь на болѣе низкихъ мѣстахъ, принесеннымъ ими пескомъ покрывали окрестныя поля, обращая ихъ изъ богатыхъ пашень въ безплодныя песчаныя пустыни.

Странное и безотрадное впечатлѣніе производитъ своимъ видомъ вся эта сѣть овраговъ. Только весной во время половодья оживляется она, когда бурнымъ потокомъ мчитъ весенняя вода, смывая все на пути своею непреодолимой стихійною силой. Въ обычное же время остается одно только обнаженное русло оврага, отъ котораго во всѣ стороны расходятся менѣе крутые овражки, такіе же желто-сѣрые, съ такими же однообразными песчаными берегами, то суживающимися, то расширяющимися до ширины довольно большой рѣки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песку здѣсь до того много, что небезопасно бываетъ переѣзжать оврагъ даже въ совершенно сухое время, такъ какъ не разъ уже бывало, что цѣлыя телѣги буквально тонули въ этомъ морѣ песку вмѣстѣ съ лошадьми и сѣдоками.

Работы, предпринятыя здѣсь отрядомъ трудовой помощи, должны были предупредить на будущее время дальнѣйшее развитіе овраговъ тѣмъ, что, во-первыхъ, самыя вершины ихъ закрѣплялись, а, во-вторыхъ, въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ углублялось русло оврага, и закрѣплялись его берега, или же проводилось новое русло такъ, чтобы по нему могли течь весеннія воды, не разливаясь изъ береговъ и не уклоняясь никуда въ сторону, а направляясь прямо въ близлежащую рѣчку, впадающую въ Волгу. Въ общемъ всѣ работы производились на разстояніи около 3-хъ верстъ, при чемъ русло рылось глубиною въ $1\frac{1}{2}$ саж. и шириною въ $11\frac{1}{2}$ саж. При такой вмѣстимости его, рассчитанной на наибольшій объемъ воды, были всѣ основанія предполагать, что ей не удастся выступать изъ созданныхъ для нея береговъ, и что въ нихъ она послушно потечетъ по указанному ей направленію.

Главную часть работъ составляли землекопныя. Остальныя работы были лишь вспомогательными и заключались въ плетеніи плетней по берегамъ русла, для ихъ закрѣпленія, въ заготовкѣ для этого лѣсныхъ матеріаловъ, въ устройствѣ плотинъ въ наименѣе надежныхъ мѣстахъ, въ особенности на поворотахъ, гдѣ вода своимъ напоромъ могла бы вырвать плетни, и т. п.

Работы на оврагѣ Раткулѣ въ Спасскомъ уездѣ, Казанской губерніи. Перспектива спрямленного русла.

Особое достоинство всѣхъ этихъ работъ, какъ и другихъ организованныхъ отрядомъ трудовой помощи за время его дѣятельности, заключалось въ ихъ простотѣ и несложности, которыя давали возможность занять ими каждаго нуждающагося, не имѣющаго по большей части никакихъ специальныхъ знаній. Кроме того, благодаря этому, всѣ онѣ не требовали никакого или почти никакого матеріала, ни какихъ либо особыхъ инструментовъ или приспособленій, чѣмъ значительно облегчались и удешевлялись организація ихъ и самое ихъ производство.

Еще не доѣзжая до самаго мѣста работъ, можно было издали видѣть, какая оживленная, кипучая дѣятельность тамъ происходитъ. Одни рабочіе рыли землю, другіе нагружали ее на тачки или носилки, третьи отвозили ее; еще дальше, гдѣ русло было уже готово, плени плетни для укрѣпленія его береговъ, подвозили хворостъ, старыя подводы, уже выгрузившія его, уступали мѣсто новымъ—работа такъ и кипѣла, и всѣ люди были, видимо, охвачены особымъ дѣловымъ настроеніемъ, которое всегда бываетъ неразлучно съ серьезнымъ и важнымъ дѣломъ.

И—странное дѣло—находясь среди всей этой массы людей, переживавшихъ въ это время наиболѣе острый періодъ голода, нельзя было, кажется, и думать, что дѣйствительно только эта помощь, оказанная имъ въ крайнюю минуту, спасла ихъ, быть можетъ, отъ голодной смерти. Живительная сила труда оживила и этихъ несчастныхъ, и неразлучная у русскаго человѣка съ работою пѣсня раздавалась теперь тамъ, гдѣ еще такъ недавно слышались стоны отъ страданій переживаемаго голода. Бывали даже и такіе случаи, что иногда больные, не вполне еще оправившіеся отъ болѣзни, являлись просить работы. Пишущему эти строки самому пришлось говорить съ однимъ изъ такихъ больныхъ, который, быть можетъ, знакомъ уже отчасти читающей публикѣ по корреспонденціи одного изъ сотрудниковъ «Новаго Времени», г. Молчанова, изъ Спасскаго уѣзда въ 1898 году. Это — крестьянинъ дер. Отрады, Федоръ Гаранинъ, мужикъ лѣтъ 50-ти, котораго г. Молчановъ зимою видѣлъ совершенно разслабленнымъ и измученнымъ цынгою; къ веснѣ онъ почти совсѣмъ оправился и явился просить работы.

— И тебѣ не больно работать, на ногахъ стоять?—спросишь его.

— Для чего больно? Такъ, маненько слабость въ ногахъ есть. Да это пустяки, проходить.

— А ты все-таки дома бы посидѣлъ, полѣчился бы.

— Для чего я буду на печи лежать, коли работа есть? Грѣхъ вѣдь, баринъ. Слава Господу Богу, что работу послалъ.

Вообще крестьяне относились къ оказанной имъ помощи въ видѣ устройства работъ вполне сознательно и не переставали выражать свою благодарность. Всѣ они понимали, что дѣлаютъ серьезное, важное дѣло, и дѣлали его поэтому въ такомъ порядкѣ, что за все

Укрѣпленіе песковъ близь с. Козряги, Спасскаго уѣзда, Казанской губ.

время работъ не произошло ни одного почти недоразумѣнія или несогласія. А между тѣмъ на работахъ, бывало, ежедневно находилось 700—800 человѣкъ, а все число наблюдавшихъ за работами и за порядкомъ на нихъ не превышало 7—8 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и единственнаго полицейскаго стражника, командированнаго сюда для поддержанія порядка. Несмотря даже на то, что на сосѣднихъ участкахъ работали часто крестьяне разныхъ національностей—русскіе, чуваши, мордва, татары—миръ между сосѣдями никогда не нарушался. Лишь изрѣдка прорвется иногда на одномъ участкѣ среди работающихъ русскихъ чья нибудь веселая безобидная острота надъ сосѣдями, и тѣ, иногда даже и не понимая ея, сами же первые начинаютъ добродушно смѣяться надъ нею и скалить свои зубы.

Работы производились поартельно, такъ что каждой артели изъ 10—15 человѣкъ, по большей части, односельчанъ, съ выборнымъ старостою во главѣ, отводился для землекопныхъ работъ извѣстный участокъ земли, длиною отъ 2 до 15 саж., смотря по количеству рабочихъ въ артели. Ответственнымъ лицомъ за всю артель являлся ея староста, которому и выдавались всѣ необходимые для работы инструменты, и съ которымъ производились и всѣ расчеты. При этомъ не разъ приходилось наблюдать, какое громадное значеніе имѣеть въ глазахъ крестьянъ грамотность, когда случалось имѣть дѣло съ совершенно молодымъ старостою—безусымъ парнемъ, стоявшимъ во главѣ другихъ членовъ артели—гораздо болѣе старшихъ, а иногда и совѣмъ стариковъ. Подойдешь иной разъ къ такой артели, кликнешь старосту, и невольно удивляешься, видя передъ собою какого нибудь молодого парня—почти мальчика.

— Ты, что ли, староста?

— Такъ точно, баринъ, староста.

— Что же это такой молодой? Что это вы, братцы, такого молодого старосту выбрали?

— Грамотный о.т. Грамотѣ разумѣть. Вотъ мы его, значитъ, и выбрали, потому наше дѣло темное,—отвѣчаютъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ сразу нѣсколько голосовъ.

Принимались работы также по участкамъ, при чемъ вычислялось количество кубическихъ сажень вынудой земли, такъ какъ эти работы производились издѣльно по 1 рублю 25 коп. за каждую куб. саж. земли. По приѣмкѣ участка старостѣ работавшей на немъ артели выдавалась особая записка съ расчетомъ количества вынудыхъ куб. сажень земли и слѣдующаго за это вознагражденія, и по этой запискѣ уже онъ получалъ въ конторѣ деньги. Еще проще былъ, конечно, расчетъ съ поденными рабочими, которымъ уплачивалось вознагражденіе не за опредѣленное количество выполненной работы, а за тотъ или другой промежутокъ времени. Но поденные рабочіе, какъ это всегда бываетъ, работали далеко не съ такимъ усердіемъ,

Видъ дамбы, устроенной для предупрежденія разлива рѣки Усы по полямъ крестьянъ с. Горюпши, Симбирской губ., Сенгилевскаго уѣзда.

какъ издѣльные, и поэтому за ними приходилось имѣть болѣе или менѣе строгое наблюденіе. Да и становился на поденныя работы почти всегда работникъ не очень прилежный и не особенно заботившійся о своемъ заработкѣ, такъ какъ добывалъ онъ на нихъ гораздо меньше, чѣмъ сколько онъ могъ бы получить на издѣльной работѣ. На издѣльной работѣ средній работникъ выработывалъ въ день 60—70 и до 80 коп., а поденщикъ получалъ пѣшій—40 коп., а конный 80 коп. Между поденщиками, особенно между конными, было довольно много бабъ, потому что работа по подвозкѣ матеріаловъ была одной изъ наиболѣе легкихъ, и любая баба или мальчикъ-подростокъ справлялись съ нею не хуже мужика. Для ближайшихъ крестьянъ эта возможность работать, предоставленная и бабамъ, и подросткамъ, сослужила очень большую службу, потому что крестьянинъ, имѣвшій лошадь, самъ становился на издѣльную работу, а бабу или подростка съ лошадью отправлялъ на поденщину, и такимъ образомъ вся семья зарабатывала за день до полутора рубля—заработокъ хоть куда. Бывали впрочемъ единичные случаи, что и бабы цѣлыми артелями становились на издѣльную работу, и хотя на такихъ участкахъ работа и подвигалась гораздо медленнѣе, чѣмъ у мужчинъ, но все-таки сдавался участокъ въ полной исправности, и бабы получали для себя довольно значительный заработокъ.

Заработанные деньги обыкновенно выдавались рабочимъ—землекопамъ немедленно же по приѣмкѣ отработаннаго ими участка, а поденнымъ—каждые 2—3 дня. Такая частая, почти безпрерывная выдача денегъ, хотя и сопряжена была со значительными хлопотами для немногочисленной вообще администраціи, но имѣла зато за собою то значительное преимущество, что устраняла возможность полученія рабочими заработка болѣе или менѣе крупными суммами и, благодаря этому, отдаляла ихъ отъ соблазна на радостяхъ послѣ получки потратить часть этой суммы непроизводительно. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ необходимость производить расчетъ именно такимъ образомъ обуславливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе крестьяне приходили изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ всего на нѣсколько дней для того, чтобы хоть что нибудь заработать и по возможности скорѣе вернуться къ себѣ домой. Заставлять ихъ ждать получки, если бы расчетъ производился только въ опредѣленные дни, было бы невозможно, и поэтому расплата съ ними обыкновенно производилась во всякое время немедленно же по окончаніи работы. Кромѣ этого, большинству землекопныхъ рабочихъ, работавшихъ цѣлыми артелями, выдавались деньги понемногу и впередъ, потому что расчетъ съ ними можно было производить лишь по окончаніи ими отведеннаго имъ участка; на это надо было иногда 4—5 дней, а между тѣмъ артели, случалось, совершенно ѣсть было нечего. Въ такихъ случаяхъ старостѣ артели выдавалась небольшая сумма въ

Освященіе моста, устроеннаго черезъ рѣчку Чечеру, въ с. Порѣцкомѣ, Сибирской губ., Семилетскаго уѣзда.

счетъ выполненной уже части работы, объ этомъ дѣлалась отмѣтка на особомъ ярлыкѣ, выдававшемся каждому старостѣ при началѣ работъ на участкѣ, и выданная впередъ сумма вычитывалась изъ всей суммы заработанныхъ денегъ, за получкою которыхъ являлся староста со своимъ ярлыкомъ по окончаніи участка. Вычетъ производился также тѣмъ изъ рабочихъ, которые брали что либо изъ съѣстныхъ припасовъ, продававшихся имъ тутъ же на мѣстѣ работъ. Эта заготовка припасовъ и продажа ихъ была организована также въ интересахъ рабочихъ, которые такимъ образомъ получали ихъ гораздо дешевле и съ гораздо меньшими хлопотами, чѣмъ если бы имъ приходилось отправляться за покупкою ихъ въ городъ или въ ближайшее село. Достаточно сказать, что, напримѣръ, фунтъ сахару, который стоилъ здѣсь въ розничной продажѣ 20 коп., рабочимъ продавался по 15 коп.; точно также продавались имъ и мука, пшено, горохъ, чай и т. п., и, конечно, они дѣлали на этомъ значительныя сбереженія, такъ какъ все это продавалось имъ по своей цѣнѣ и при томъ по расчету за гуртовую стоимость товара.

Начинались работы каждый день довольно рано съ 5—5½ часовъ утра, въ полдень давалось 1½—2 часа на обѣдъ вмѣстѣ съ отдыхомъ, а затѣмъ работа снова продолжалась и заканчивалась уже къ вечеру, къ 7-ми часамъ. Бывали иногда примѣры особаго трудолюбія, когда артель становилась на работу чуть ли не съ 3-хъ часовъ ночи, и трудно было этому препятствовать, если ей необходимо было закончить къ извѣстному сроку работу съ тѣмъ, чтобы поспѣть во время домой, иногда за 20—30 верстъ. Вообще обиліе пришлыхъ рабочихъ заставляло подчасъ нарушать нѣкоторыя условія общепринятаго порядка. Приходить, напримѣръ, въ субботу днемъ артель откуда нибудь изъ дальней деревни, отведешь ей участокъ и поставишь ее на работу; вечеромъ передъ окончаніемъ работъ просить она разрѣшить ей работать и завтра, въ воскресенье. Конечно, это непорядокъ, потому что въ воскресный день работать не полагается, однако разсудишь, что для голоднаго человѣка и праздникъ не въ праздникъ, что каждый рабочий день для него цѣнится на вѣсъ золота, что дома ждетъ его нѣсколько голодныхъ ртовъ, что наконецъ здѣсь, вдали отъ дома, онъ въ свободное время ничего другого и дѣлать не можетъ, какъ только слоняться безъ толку,—и, конечно, разрѣшишь артели работать. Такимъ образомъ безработныхъ дней почти не было, тѣмъ болѣе, что по праздничнымъ днямъ работало очень много нехристіанъ—мордвы, чувашей и татаръ, которые въ общемъ составляли около 1/3 всего числа рабочихъ.

Татары особенно сильно пострадали отъ послѣдствій неурожая, такъ какъ они вообще мало занимаются своею землею и сплошь и рядомъ ее покидаютъ для того, чтобы наниматься на полевые работы къ окрестнымъ помѣщикамъ. Неудивительно, что при неуро-

Видь водоема, устроеннаго въ с. Ключахъ, Казанской губ. и уезда.

жаѣ и при полномъ отсутствіи поэтому заработка имъ приходилось очень тяжело, такъ что для нихъ въ особенности устройство общественныхъ работъ было настоящимъ благодѣяніемъ.

Въ общемъ результаты, достигнутыя устройствомъ общественныхъ работъ по укрѣпленію оврага Раткуля, получились самые благоприятныя и вполне оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Голодающему населенію оказана была помощь, и свыше 18.000 рублей перешли въ его руки въ видѣ заработной платы; и вмѣстѣ съ тѣмъ ему же было оказано большое благодѣяніе предохраненіемъ его на будущее время отъ опустошительнаго дѣйствія песковъ. Этотъ опытъ оказанія трудовой помощи наглядно убидилъ, какъ можно просто и хорошо, въ короткое время и съ небольшими средствами сдѣлать доброе и полезное дѣло.

II.

Въ томъ же Спасскомъ уѣздѣ и недалеко отъ овраговъ предпринята была еще одна крупная работа по укрѣпленію песковъ, отъ передвиженія которыхъ много терпѣло населеніе большого села Кокряти.

— Это что, баринъ,—говорилъ мнѣ мой ямщикъ, когда мы отъ мѣста работъ на Раткулѣ ѣхали по направленію къ Кокряти. —Здѣсь-то оно, конечно, бѣда большая съ пескомъ. А все же хоть разъ въ годъ его несетъ. А ужъ вотъ въ Кокряти, такъ это подлинное божеское наказаніе.

— А что?

— Да какъ же! Кругомъ, значить, всего села песокъ да песокъ. Видимо его, невидимо. И мягкій онъ, легкій такой, ну, словно твое перышко. Чуть только вѣтерокъ шелхнетъ, его и несетъ. Сегодня ты, скажемъ, здѣсь посѣялъ, а завтра глядишь — пескомъ все засыпало. Да что посѣвы—избы засыпаетъ. Мужики, вишь, хотѣли въ этомъ году новыхъ мѣстъ искать. Не втерпѣжь стало, какъ уже крайнія-то избы засыпать стало.

— Ну, а теперь какъ же? Лучше?

— Вѣстимо, лучше. Его, значить, весь песокъ какъ бы связали плетнями будто. Теперь ему и не двинуться. Да вотъ, смотри, баринъ!

Я, посмотрѣвъ въ ту сторону, куда указывалъ ямщикъ, увидѣлъ дѣйствительно крайне интересную картину. Предо мною разстилалось настоящее песчаное море, въ разныхъ направленіяхъ перерѣзанное густою сѣтью плетней, между которыми, какъ острова въ этомъ песчаномъ морѣ, зеленѣли кусты растительности. Это и была та песчаная площадь, съ которой песокъ вѣтромъ переносился съ мѣста на мѣсто и затѣмъ осѣдалъ и на пашняхъ и у самыхъ избъ села, расположеннаго неподалеку отсюда. Работы, которыя

были предприняты здѣсь, заключались въ томъ, чтобы скрѣпить песчаную почву, и для этой цѣли и была устроена сплошная сѣть плетневыхъ загражденій, и, кромѣ того, произведена была засадка связывающими почву растеніями, преимущественно шелюгою, которая очень скоро уже дала прекрасные результаты. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ двойная цѣль дѣятельности отряда была достигнута вполне успѣшно: и голодавшему населенію предоставленъ былъ заработокъ, и, кромѣ того, улучшены были условія его земледѣльческаго благосостоянія.

Другія предпринятія отрядомъ работы также вполне соотвѣтствовали этой двойной его задачѣ, такъ какъ, если онѣ и не имѣли непосредственнаго значенія для улучшенія земледѣльческаго быта деревни, то во всякомъ случаѣ для общаго ея благосостоянія и благоустройства значеніе ихъ было несомнѣнно, и, на примѣръ, улучшение дорожныхъ сооружений, водоснабженія, осушеніе болотъ и т. п. давали удовлетвореніе такимъ насущнымъ нуждамъ деревни, которыя составляютъ ея наиболѣе больныя мѣста.

Среди общественныхъ работъ, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе старыхъ и устройство нѣкоторыхъ новыхъ дорожныхъ сооружений, особеннаго вниманія заслуживаютъ по важности своей и по своему значенію исправленіе дороги на такъ называемомъ Мамыковскомъ тракѣ, въ Чистопольскомъ уѣздѣ, на протяженіи 3-хъ верстъ, и устройство дороги отъ города Малмыжа, Вятской губерніи, къ устью рѣки Шошмы, которое сократило разстояніе между Малмыжемъ и Вяткою на шесть верстъ. Понятно, что значеніе этой работы было весьма важно для всего окрестнаго населенія, тѣмъ болѣе, что прежняя окольная дорога была крайне тяжела и неустроена. Не менѣе велико было также значеніе работъ, предпринятыхъ по исправленію Мамыковского тракта: по этому тракту производится подвозъ хлѣбовъ къ Чистопольской пристани въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ пудовъ ежегодно, а между тѣмъ исправленный теперь участокъ его былъ до этого крайне неустроенъ; не говоря уже о цѣлой массѣ рытвинъ и выбоинъ, сильно затруднявшихъ движеніе, по сторонамъ дороги находилось много канавъ, въ которыя нерѣдко сваливались цѣлыя возы съ хлѣбомъ. О значеніи предпринятыхъ здѣсь работъ для мѣстнаго населенія лучше всего можно судить по тому, что на выполненіе ихъ поступили обильныя частныя пожертвованія отъ мѣстныхъ жителей, съ этимъ спеціальнымъ назначеніемъ. Но и кромѣ этихъ, болѣе крупныхъ работъ, важное значеніе должны были имѣть для населенія и другія подобныя работы, болѣе мелкія, устроенныя почти въ каждой деревнѣ, гдѣ только была нужда въ нихъ. Въ одномъ селѣ, на примѣръ, спускъ съ горы былъ до того крутъ, что на немъ не разъ бывали несчастные случаи паденія цѣлыхъ возовъ вмѣстѣ съ лошадьми; въ другомъ мѣстѣ дорога пролегаетъ по низинѣ, въ которой во время дождей ско-

пляется вода, такъ что дорога была совершенно непроѣзжа въ дождливое время года до тѣхъ поръ, пока не устроена была въ этомъ мѣстѣ прочная гать; во многихъ мѣстахъ необходимо было срыть косогоры, устроить болѣе отлогіе и широкіе спуски, особенно когда они вели къ мостамъ черезъ рѣки или овраги, облегчить подъемы и т. д. Не говоря уже объ общемъ значеніи всѣхъ подобныхъ работъ, важность ихъ въ особенности очевидна въ отдѣльныхъ случаяхъ необходимости пользоваться этими дорогами. Такъ, напримѣръ, между г. Арскомъ, Казанской губерніи, и селомъ Большіе-Вережи дорога была небезопасна по своему состоянію по причинѣ весьма крутого спуска, на которомъ въ распутицу неоднократно бывали несчастные случаи. Послѣ того, какъ дорога была исправлена, и устроенъ былъ болѣе отлогіи спускъ, въ селѣ Большіе-Вережи случился пожаръ, и изъ города Арска была вызвана для его тушенія пожарная команда. Благодаря произведенному улучшенію пути, она своевременно поспѣла на мѣсто пожара, и онъ ограничился всего тремя избами; между тѣмъ, если бы дорога не была исправлена, то крестьяне, навѣрное, не могли бы своими силами такъ легко справиться съ огнемъ, и пожаръ могъ бы уничтожить всю деревню.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ видовъ работъ, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе дорожныхъ сооруженій, явилось устройство мостовъ, которое было одною изъ насущнѣйшихъ нуждъ населенія. Кромѣ земскихъ мостовъ на большихъ дорогахъ, сооружаемыхъ и поддерживаемыхъ земствомъ, остальные мосты должны устраивать сами крестьяне, для которыхъ это является одною изъ главнѣйшихъ натуральныхъ повинностей. Къ сожалѣнію, однако, недостатокъ въ средствахъ, а также и въ правильномъ руководствѣ, служилъ причиною того, что крестьяне ограничивались сооруженіемъ лишь временныхъ, очень непрочныхъ мостовъ, которые легко сносятся большою водою, такъ что на время весенняго разлива приходится разбирать ихъ, чтобы спасти лѣсной матеріалъ. Такимъ образомъ на это время прекращается для крестьянъ и самая возможность сообщенія между деревнею и полями, и это отзывается очень вредно на полевыхъ работахъ. Кромѣ того, затрудняется также и пастьба скота, приходится или совершенно не загонять его въ деревню или переправлять на лодкахъ или паромахъ, при чемъ часто бываютъ случаи паденія его въ воду. Въ одномъ селѣ во время весенняго разлива совершенно прекращалось сообщеніе съ кладбищемъ, расположеннымъ на противоположной сторонѣ оврага; въ другомъ—населеніе одной части совершенно отрѣзывалось отъ другой, такъ какъ село расположено по обѣ стороны оврага.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ постройка прочныхъ постоянныхъ мостовъ являлась дѣломъ первой необходимости, и поэтому она организована была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ что

Расшистка клона съ устройствомъ водоема, въ д. Кундурги, Казанской губ. и уѣзда.

въ одной только Казанской губерніи было устроено 33 моста, при чемъ израсходовано было на эти работы 4.272 рубля 85 коп.

Но едва ли не еще бѣльшее значеніе, чѣмъ дорожныя сооруженія, должны были имѣть предпріятыя отрядомъ работы по водоснабженію, отъ недостатковъ котораго такъ тяжело страдаетъ наша деревня, что не только нечѣмъ иногда бываетъ тушить пожаръ, но подчасъ и просто пить нечего. И приходится поневолѣ населенію довольствоваться дождевою водой, задерживаемою грязными навозными плотинами, а въ результатѣ изъ-за этого брюшной тифъ, холера и другія болѣзни.

Понятно, почему крестьяне больше всего цѣнили именно эти работы, и не было почти ни одной деревни, которая не просила бы устроить ихъ въ ней. Бывало, куда ни прѣдешь, вездѣ слышишь одни и тѣ же разговоры.

— Ну, слава Богу, теперь Царскій колодезь есть. И пожаръ, упаси чего Боже, не такъ страшенъ, да и пить возможно.

— А какъ же вы раньше безъ воды обходились?

— А такъ и обходились, что грязную воду изъ-подъ плотины пили. Оттого, бають, и болѣсти у насъ всякія не переводились.

— Ну, а при пожарѣ-то какъ же?

— Да извѣстно какъ, на волю Божью. Ужъ у насъ, коли, не дай Богъ, пожаръ, такъ хоть туши, не туши—все одно. Воды во всей округѣ не найдешь. Только, значить, стой и смотри, да свое горе оплакивай.

Дѣйствительно, нужда въ водѣ повсюду была страшная, такъ что работы въ этомъ отношеніи было много, и въ одной только Казанской губерніи работы по водоснабженію выполнены были въ 87 различныхъ селахъ и деревняхъ. Главнѣйшіе виды ихъ заключались въ устройствѣ и исправленіи запрудъ и плотинъ, колодцевъ, водоемовъ, пожарныхъ баковъ, расчисткѣ и углубленіи ключей и прудовъ и т. п. Желательнѣе и важнѣе всего было, конечно, въ цѣляхъ обезпеченія населенія здоровою питьевой водой устройство прудовъ и расчистка ключей. Тамъ, гдѣ это было невозможно, приходилось довольствоваться устройствомъ плотинъ и запрудъ, но при этомъ обращено было особое вниманіе на ихъ прочность, такъ какъ въ противномъ случаѣ онѣ, какъ это бывало почти каждый годъ до сихъ поръ, размываются весеннею водой, и матеріаль ихъ, по преимуществу навозный, еще болѣе загрязняетъ и отравляетъ воду.

Въ одномъ случаѣ была сдѣлана попытка удовлетворить потребности въ водоснабженіи совершенно своеобразнымъ для деревни способомъ—устройствомъ водопровода, или, вѣрнѣе, водотека. Дѣло въ томъ, что въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи два сосѣднихъ сѣла находились въ очень неодинаковыхъ условіяхъ въ отношеніи водоснабженія: въ одномъ изъ нихъ вода въ обилии до-

ставляется хорошими родниками, а до другого, расположеннаго отъ него въ разстояніи около 1 версты, вода едва дотекала изъ этихъ родниковъ по оврагу. Всѣ попытки обезпечить второму селу свою воду оставались безуспѣшными, такъ какъ вода здѣсь оказывалась лишь на двѣнадцати-саженной глубинѣ, и приходилось ограничиваться поэтому лишь нѣсколькими вырытыми колодцами. Колодцы эти давали еще, пожалуй, достаточно питьевой воды, но зато въ пожарномъ отношеніи деревня была совершенно безпомощна, такъ что пожары не разъ опустошали ее чуть ли не до тла. Въ виду этого рѣшено было провести сюда воду по трубамъ изъ сосѣдняго села, при чемъ можно было дать также значительный заработокъ при изготовленіи трубъ мѣстнымъ гончарамъ, которыхъ здѣсь довольно много среди населенія. Къ концу срока дѣятельности отряда всѣ трубы были уже готовы, и каналы для нихъ вырыты, производство же остальныхъ работъ приняло на себя мѣстное земство.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ выше работъ, общественныя работы выразились еще въ видѣ мѣръ къ осушенію болотъ, предпринятыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣятельности отряда: около села Кульчъ, Вятской губерніи, и въ трехъ мѣстахъ въ Симбирской губерніи. Работы эти имѣли также громадное значеніе, такъ какъ болота эти, до ихъ осушенія, оказывали самое вредное вліяніе на гигиеническое состояніе мѣстности, и такія болѣзни, какъ тифъ и лихорадка среди людей и сибирская язва на скотѣ, почти не прекращались. Теперь, надо надѣяться, этому положенъ конецъ.

И наконецъ, къ числу другихъ общественныхъ работъ должны быть отнесены многочисленныя строительныя работы по сооруженію зданій для различныхъ учреждений, въ большинствѣ своемъ призванныхъ къ жизни также дѣятельностью отряда и составившихъ особую ея отрасль, о которой будетъ рѣчь впереди. Только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ работы эти производились не для собственныхъ учреждений отряда, а для какихъ либо другихъ, имѣющихъ цѣлью также удовлетвореніе деревенскихъ нуждъ, но не входившихъ въ кругъ дѣятельности отряда, какъ, на примѣръ, школы, больницы и т. п. Особаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи случай взаимодѣйствія двухъ отрядовъ, бывшихъ исполнителями воль двухъ Августѣйшихъ Сестеръ—Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Ея Высочества Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Послѣдній отрядъ, имѣвшій своею специальной цѣлью оказаніе врачебной помощи населенію, въ одномъ изъ пунктовъ своей дѣятельности, въ селѣ Альметьевѣ, Чистопольскаго уѣзда, пожертвовалъ все необходимое обзаведеніе для устройства фельдшерскаго пункта, въ которомъ давно уже ощущалась самая настоятельная необходимость, а отрядъ трудовой по-

мощи принять на себя постройку здания для этого учреждения, давшую значительный заработок населению.

Невозможно далѣе перечислять здѣсь всѣ виды и формы общественныхъ работъ, а тѣмъ болѣе самыя работы въ отдѣльности, устроенныя за время дѣятельности отряда, потому что на это не хватило бы здѣсь ни мѣста, ни времени; приходится ограничиться лишь указаніемъ на то, что члены отряда не упустили изъ виду возможности доставить хотя бы и самый незначительный заработокъ населенію, такъ что на ряду съ такою крупною работою, какъ описанное выше укрѣпленіе оврага Раткуля, продолжавшееся цѣлое лѣто и давшее населенію свыше 18.000 рублей заработка, встрѣчаются въ общемъ спискѣ работъ также и такія незначительныя работы, какъ, напримѣръ, очистка дворовъ, въ которыхъ помѣщались лошади, закупленныя правительствомъ для раздачи наиболѣе нуждающимся крестьянамъ, оплата труда по перевозкѣ больныхъ въ больницу, устройство изгороди вокругъ кладбища и т. п. Общая же сумма средствъ, затраченныхъ отрядомъ на организацію общественныхъ работъ—свыше 86.000 рублей—и общее число ихъ—296 крупныхъ и болѣе мелкихъ работъ—даютъ самое наглядное представленіе объ этой сторонѣ дѣятельности отряда.

Къ общественнымъ работамъ по назначенію своему оказывать непосредственную помощь пострадавшимъ отъ неурожая—наиболѣе тѣсно примыкаетъ также и особый видъ трудовой помощи, выразившійся въ видѣ раздачи на домъ крестьянамъ-кустарямъ разнаго рода матеріаловъ для работъ: мужчинамъ преимущественно конопля для витяя веревокъ, а женщинамъ—пряжи для тканья холста. Насколько широко и правильно поставлено было отрядомъ это дѣло, можно судить по тому, что, напримѣръ, въ одномъ Саралульскомъ уѣздѣ за 3 мѣсяца дѣятельности отряда было соткано 1132 холста длиною около 25 тысячъ аршинъ, а пеньки для витяя веревокъ роздано было 735 пудовъ, и что всѣ изготовленныя крестьянами-кустарями издѣлія нашли себѣ хорошій сбытъ на Нижегородской ярмаркѣ. Кромѣ того, раздавалась иногда крестьянкамъ работа по изготовленію платья для особенно нуждающихся нетрудоспособныхъ, при условіи шитья ея на мѣстѣ и преимущественно изъ матеріала, изготовленнаго самими крестьянами.

III.

Устройство общественныхъ работъ составило собою главную задачу и большую часть содержанія дѣятельности отряда трудовой помощи. Но ими уже заранѣе рѣшено было не ограничиваться, и въ программѣ этой дѣятельности было намѣчено также и устройство постоянныхъ учрежденій трудовой помощи, какъ, напримѣръ, домовъ трудолюбія, трудовыхъ пунктовъ и т. п. Болѣе близкое зна-

Внутренний видъ яслей, въ с. Мордовъ, Сенгилевскаго уѣзда, Симбирской губ.

комство съ дѣломъ показало, что необходимо поставить этотъ вопросъ значительно шире и принять нѣкоторыя мѣры, которыя могли бы оказывать свое постоянное непосредственное дѣйствіе на улучшение трудовой жизни крестьянина.

Много вниманія удѣлили поэтому отрядъ трудовой помощи кустарному дѣлу, которое служить прочнымъ подспорьемъ главнѣйшему основанію этой жизни—земледѣлію. И здѣсь также дѣятельность отряда сопровождалась полнымъ успѣхомъ, такъ что ему удалось, на примѣръ, значительно подвинуть впередъ развитіе артельного начала, въ которомъ заключается единственное средство борьбы съ дѣятельностью скупщиковъ, крайне эксплуатирующихъ кустаря. Кроме того, отрядомъ отдано было также много вниманія развитію техническихъ знаній среди кустарей, и положено этому прочное начало основаніемъ цѣлой сѣти кустарныхъ мастерскихъ особаго типа, которыя должны имѣть немалое значеніе для правильного развитія нашего кустарнаго дѣла. Особенность этихъ мастерскихъ заключается въ совершенно практическомъ характерѣ постановки работъ въ нихъ, который даетъ возможность пользоваться ихъ услугами и взрослому кустарю, нисколько не затрудняя этимъ достиженія главной ихъ задачи: обученія дѣтей-подростковъ, для которыхъ знаніе того или иного ремесла должно служить весьма серьезнымъ подспорьемъ въ ихъ будущей трудовой жмзни.

О значеніи подобныхъ мастерскихъ для всего вообще благосостоянія нашей деревни едва ли необходимо распространяться, если имѣть въ виду, въ какомъ трудномъ, подчасъ безвыходномъ положеніи оказывается крестьянинъ въ случаѣ надобности произвести даже не особенно сложную починку какого нибудь земледѣльческаго орудія или другого предмета своего незатѣйливаго обихода. Какая нибудь ничтожная поломка плуга вынуждаетъ его иногда ѣздить въ городъ за нѣсколько десятковъ верстъ, морить лошадей и наконецъ терять даже дорогое рабочее время въ самый разгаръ полевыхъ работъ. А между тѣмъ будь у него въ селѣ или поблизости кузнечно-слесарная мастерская, то, уже не говоря о томъ, что кабая нибудь ничтожная починка не влекла бы для него за собой такихъ тягостныхъ послѣдствій, онъ, быть можетъ, самъ бы могъ, при практическомъ характерѣ обученія въ этой мастерской, научиться помогать себѣ въ подобныхъ случаяхъ и обходиться безъ посторонней помощи.

Конечно, при основаніи подобныхъ мастерскихъ необходимо какъ можно тщательнѣе считаться съ истинными, дѣйствительными нуждами деревни, и въ этомъ отношеніи наилучшимъ примѣромъ можетъ опять-таки служить дѣятельность отряда трудовой помощи, основывавшаго мастерскія въ строгомъ соответствіи съ практическими реальными потребностями деревни вообще и данной мѣстности въ частности. Подтвержденіемъ этого могутъ служить, на примѣръ,

Ясли в с. Шумовск, Симбирской губ. и уезда. Площадка для игры.

устройство мастерской для изготовления принадлежностей пчеловодства въ г. Лаишевѣ, корзиночной мастерской въ пригородѣ Билярскѣ, Чистопольскаго уѣзда, особаго ремесленнаго класса по шитью кожаныхъ рукавицъ въ с. Б. Шемякинѣ, Тетюшинскаго уѣзда, передвижной школы кустарнаго ложечнаго производства въ Лаишевскомъ уѣздѣ и т. п. Всѣ подобныя спеціальныя мастерскія устраивались лишь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ то или другое ремесло уже существовало, и гдѣ могъ быть поэтому обезпеченъ спросъ на его издѣлія. Впрочемъ большинство устроенныхъ мастерскихъ имѣли общій характеръ и предназначены были преимущественно для развитія такихъ всюду одинаково необходимыхъ ремеселъ, какъ кузнечно-слесарное, столярное, ткацкое и т. п.

Среди нихъ можно упомянуть о кузнечно-слесарныхъ мастерскихъ въ селѣ Базяковѣ и деревнѣ Отрадѣ, Спасскаго уѣзда, и въ селѣ Вязовыхъ, Свіяжскаго уѣзда, о столярно-токарной мастерской въ селѣ Русскіе Юрткули, Спасскаго уѣзда, о ткацкой мастерской въ дер. Отрадѣ, того же уѣзда, объ учебной мастерской кройки и шитья въ г. Тетюшахъ, объ учебно-показательной мастерской жестяного, слесарнаго, кузнечнаго и столярнаго ремеселъ въ высылкѣ Тутъ, Симбирскаго уѣзда, о школахъ для обученія различнымъ ремесламъ въ селѣ Елани, Лаишевскаго уѣзда и т. д. и т. д.

Для цѣлей же развитія спеціально кустарныхъ промысловъ немалое значеніе должны также имѣть устроенная въ г. Симбирскѣ постоянная показательная выставка образцовъ кустарныхъ и ремесленныхъ издѣлій, а также кустарные склады и музеи, устроенные въ Симбирской губерніи. Въ нихъ кустари могутъ легко знакомиться съ лучшими образцами своего промысла, а возможность организаціи въ связи съ ними правильной системы посредичества по приобрѣтенію необходимыхъ матеріаловъ и по сбыту выработанныхъ издѣлій должна имѣть также весьма серіозное значеніе въ дѣлѣ существованія и развитія кустарныхъ промысловъ.

Къ разсмотрѣннымъ только что мѣропріятіямъ и учрежденіямъ, имѣющимъ скорѣе характеръ предупредительной, чѣмъ непосредственной борьбы съ нуждой, должны быть отнесены также и нѣкоторыя особаго рода попытки къ общему подъему благосостоянія крестьянства путемъ организаціи кредита и развитія взаимопомощи. Въ Сызранскомъ и Буинскомъ уѣздахъ Симбирской губерніи были образованы особые фонды по 500 рублей каждый на приобрѣтеніе живого и мертвого инвентаря и вообще хозяйственной обстановки. Ссуды изъ этого фонда выдаются безпроцентно и даже безсрочно, но съ обязательствомъ для каждаго заемщика при первой же возможности возвратить полученную имъ ссуду. Не возвратившій же ссуды, несмотря на такую возможность, навсегда лишается права пользоваться пособіями изъ фонда. Въ селѣ Ныртахъ, Мамадышскаго уѣзда, составленъ особый оборотный фондъ для снабженія мѣстныхъ

Видъ часовни, сооруженной крестьянами с. Малая Борла, Сенгилевскаго уѣзда, Симбирской губ., въ ознаменованіе царской милости, выразившейся въ оказаніи лѣтомъ 1899 года трудовой помощи.

кружевницъ матеріаломъ для плетенія кружевъ. Въ с. Егорьевскомъ, Лаишевскаго уѣзда, 19 домохозяевамъ выданы плуги, бороны и телѣги съ условіемъ пятимѣсячной выплаты за нихъ въ мѣстную постоянную кассу при церковно-приходскомъ попечительствѣ. Въ Вятской губерніи часть денегъ, вырученныхъ за проданныя на Нижегородской ярмаркѣ выработанные крестьянами холсты и веревки, пошла на приобрѣтеніе и предоставленіе въ пользованіе бѣднѣйшимъ сельскимъ обществамъ, въ числѣ около 20, по одному комплекту молотилки, сортировки, плуга и бороны съ тѣмъ, чтобы ими пользовались по очереди бѣднѣйшіе крестьяне.

Перечислять всѣ мѣропріятія на пользу улучшенія общаго благосостоянія и трудовой жизни крестьянства, совершенныя отрядомъ за краткій періодъ его дѣятельности, было бы очень долго, но, кажется, и приведенныхъ уже примѣровъ вполне достаточно для того, чтобы судить о томъ, насколько была плодотворна также и эта сторона его дѣятельности. Остается развѣ только упомянуть еще о томъ, что мѣропріятія эти нашли себѣ осуществленіе въ 55 различныхъ пунктахъ, и что на нихъ затрачено было свыше 80.000 рублей.

IV.

Совершенно особою и довольно крупною отраслью дѣятельности отряда по оказанію трудовой помощи явилась организація учрежденій, устройство которыхъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, не должно было совсѣмъ входить въ программу дѣятельности отряда, имѣвшаго своею цѣлью оказаніе специально трудовой помощи. И дѣйствительно нельзя не сознаться, что устройство яслей для малолѣтнихъ дѣтей не есть собственно мѣра непосредственно трудовой помощи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Отдавши, однако, эту дань логикѣ, трудно все-таки отрицать, что устройство яслей оказываетъ самое непосредственное вліяніе на весь складъ трудовой жизни крестьянской семьи въ страдную пору, когда брать дѣтей съ собой въ поле нельзя, оставаться вмѣстѣ съ ними дома для надзора за ними никто изъ взрослыхъ также не можетъ, и поневолѣ приходится оставлять ихъ на рукахъ какого нибудь «старшаго» семи-восьмилѣтняго ребенка, который и самъ-то еще нуждается въ надзорѣ. Основаніемъ яслей отрядъ значительно увеличилъ трудовую силу крестьянской семьи, давши возможность женщинамъ матерямъ спокойно уходить на работу, оставляя дѣтей въ ясляхъ, гдѣ за ними всегда былъ правильный и бдительный надзоръ. Не сразу, однако, поняли крестьяне значеніе яслей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были устроены впервые, и не сразу удалось яслямъ снискать то сочувствіе со стороны населенія, которое на первыхъ же порахъ встрѣчало всѣ остальные мѣры отряда. Слухи объ ясляхъ ходили одинъ другого нелѣпѣе и невѣ-

жественнѣе. Одни говорили, что дѣти набираются въ ясли для приготовления изъ нихъ будущихъ солдатъ: это былъ отголосокъ воспоминаній о временахъ кантонистовъ и военныхъ поселеній, Но естественное недоумѣніе возбуждалъ въ этомъ случаѣ вопросъ, который многіе крестьяне дѣйствительно и задавали другъ другу: «а что же съ дѣвчонками-то будутъ дѣлать?», и недоумѣніе это разрѣшалось еще болѣе нелѣпыми предположеніями, что дѣтей набираютъ не для того, чтобы «записать на казну», а для приготовления изъ нихъ слугъ антихристовыхъ, и что самая ясли—дѣло рукъ антихриста. Впрочемъ такіе толки прекращались немедленно же при началѣ дѣятельности яслей, которое сопровождалось всегда служеніемъ молебна съ водосвятиемъ, такъ что распространять послѣ этого какіе либо слухи объ антихристѣ было немислимо. Наконецъ ходили среди крестьянъ слухи объ ясляхъ еще болѣе своеобразные и не лишеныя до нѣкоторой степени поэтической окраски: говорили, что будто бы гдѣ-то далеко «за моремъ», на какихъ-то «нѣмыхъ островахъ» рождающіяся дѣти не умѣютъ кричать и затѣмъ не научаются говорить. И вотъ теперь начинаютъ собирать въ ясляхъ дѣтей для того, чтобы отправить ихъ на эти «нѣмые острова», гдѣ они своимъ примѣромъ должны подѣйствовать на развитіе способности рѣчи у ихъ обитателей. И чего, чего только не говорили про ясли невѣжественные крестьяне!

Однако какъ ни нелѣпы всѣ подобные слухи, интересно все-таки отмѣтить, что въ основѣ ихъ распространенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ лежали такія положительныя соображенія, которыхъ, казалось бы, менѣе всего можно было ожидать въ данномъ случаѣ. Оказывается, что крестьянъ болѣе всего смущалъ даровой характеръ помощи, оказываемой яслями¹⁾; имъ было какъ-то странно видѣть, что являются чужіе имъ люди, которые предлагаютъ взять на себя заботу объ ихъ дѣтяхъ, и чтобы какъ нибудь объяснить себѣ это явленіе, они готовы были въ своемъ наивномъ невѣжествѣ строить предположенія о какихъ-то особыхъ своекорыстныхъ расчетахъ, будто бы руководившихъ устроителями яслей. Уже одно это доказываетъ, какъ велико было воспитательное значеніе дѣятельности отряда по оказанію трудовой помощи, укрѣпившей въ населеніи мысль о томъ, что трудовая помощь правильнѣе и разумнѣе даровой. И когда устраивались общественныя работы, то крестьяне шли на нихъ толпами, считая какъ нельзя болѣе естественнымъ получать плату за свой трудъ; а когда устраивались ясли, и крестьянамъ предлагали даромъ помѣщать въ нихъ своихъ дѣтей, то они не стѣснялись открыто выражать свое недовѣріе къ яслямъ и высказывать о нихъ самые нелѣпыя слухи, въ родѣ переданныхъ выше.

¹⁾ См. объ этомъ весьма интересную статью г. Ганзена «Опытъ оздоровленія деревни». «Русская Мысль» 1900 г., 3, 4 и 5 книжки.

Конечно, все это ни въ какомъ случаѣ не значить, что отрядъ трудовой помощи поступилъ неправильно, выразивши одну изъ сторонъ своей дѣятельности въ видѣ устройства яслей. При полномъ незнакомствѣ крестьянъ съ подобными учрежденіями имѣлось въ виду даровымъ характеромъ ихъ привлечь крестьянъ къ помѣщенію дѣтей въ ясли, а не отклонить ихъ отъ этого, и положить такимъ образомъ основаніе развитію яслей въ будущемъ преимущественно на началахъ взаимопомощи среди самихъ крестьянъ. Однако сказанное выше даетъ, быть можетъ, основаніе выразить то мнѣніе, что и въ самомъ началѣ дѣятельности яслей возможно было привлечь крестьянъ къ несенію нѣкоторой, хотя бы и самой ничтожной части расходовъ по ихъ содержанію, такъ, чтобы это носило болѣе или менѣе обязательный, а не случайный характеръ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что устройство яслей явилось для деревни истиннымъ благодѣяніемъ, и крестьяне, конечно, первые поняли и почувствовали это, лишь только уже первые шаги дѣятельности яслей дали имъ самое настоятельное доказательство дѣйствительнаго ея характера и назначенія. При этомъ надо отдать справедливость лицамъ, непосредственно завѣдывавшимъ яслями—преимущественно женамъ и дочерямъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, учительницамъ, фельдшерицамъ и другимъ, — что болѣе всего поспособствовала въ этомъ случаѣ ихъ разумная самоотверженная дѣятельность на пользу важнаго дѣла, служенію которому онѣ отдавались всею душой. Работа ихъ была очень трудная, въ особенности въ началѣ, когда приходилось особенно осторожно относиться ко всякому сомнѣнію, къ малѣйшему признаку недовѣрія, выраженному кѣмъ либо изъ крестьянъ. Когда же дѣятельность яслей уже наладилась, и крестьяне начали приводить своихъ дѣтей толпами, то у надзирательницъ яслей положительно не хватало силъ услѣдить за всѣми дѣтьми и приходилось доводить ихъ до крайняго напряженія для того, чтобы не оставить дѣтей безъ надлежащаго надзора. Помощь, которую онѣ имѣли въ лицѣ нянекъ, была, къ сожалѣнію, слишкомъ ничтожна, такъ какъ хорошихъ нянекъ найти было очень трудно, почти невозможно. Почти всѣ няньки были или дѣвочки или старухи, такъ какъ только тѣ и другія не могли быть полезны въ полѣ и поэтому оставались дома. И трудно сказать, которыя изъ нихъ были лучше, тѣмъ болѣе, что и сами надзирательницы расходятся въ этомъ отношеніи въ своихъ мнѣніяхъ. Во всякомъ случаѣ хуже всѣхъ были такія старушки-няни, которыя и до открытія яслей были профессиональными няньками и занимались на страдную пору къ крестьянамъ для надзора за дѣтьми. Открытіе яслей должно было значительно сократить ихъ дѣятельность, и поэтому онѣ относились къ нимъ крайне недружелюбно и, вѣроятно, даже сыграли не послѣднюю роль въ распространеніи о нихъ нелѣпныхъ слуховъ. Онѣ обыкновенно долго и не удержива-

лись въ ясляхъ, потому что, при крайне небрежномъ ихъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, приходилось очень скоро удалять ихъ. Вообще вопросъ о прислугѣ для яслей былъ самымъ труднымъ вопросомъ всей ихъ организаціи, такъ какъ необходимо было, чтобы она выполняла тѣ требованія чистоты и гигиены, соблюденіе которыхъ было основнымъ началомъ всей ихъ дѣятельности. Это, конечно, не значитъ, чтобы въ организаціи и обстановкѣ яслей были допущены какія нибудь такія условія, которыя рѣзко отличались бы отъ обычныхъ условій жизни крестьянской среды; наоборотъ, обстановка яслей была самая простая, такъ какъ только въ этомъ случаѣ можно было надѣяться, что ясли окажутъ серьезное воспитательное дѣйствіе на крестьянскую среду, уча ее соблюденію тѣхъ требованій чистоты и гигиены, которыя ей вполне доступны. Требования эти главнымъ образомъ сводились къ тому, чтобы дѣти какъ можно чаще умывались, и чтобы малолѣтнія дѣти получали пищу, необременительную для ихъ слабыхъ желудковъ. А между тѣмъ рѣдко бывали случаи, чтобы какой нибудь ребенокъ не плакалъ и не сопротивлялся всѣми силами, когда въ первые дни его пребыванія въ ясляхъ его начинали умывать: видно было, что онъ прямо боится воды и не привыкъ къ ней. Не меньше возни было съ пищею, потому что очень часто матери, приходя на свиданіе съ дѣтьми, тайкомъ отъ надзирательницы, кормили грудныхъ ребятшекъ солеными огурцами и жеванымъ чернымъ хлѣбомъ. Нетрудно представить себѣ, къ какимъ это вело послѣдствіямъ, а когда надзирательницы, своевременно замѣтивъ подобное кормленіе, выговаривали за это матерямъ, то онѣ даже не пытались оправдываться и пресерьезно увѣряли, что «наши дѣти не господскія; имъ нужна твердая пища», и высказывали опасенія, что, питаясь однимъ молокомъ, дѣти голодаютъ.

Однако и въ этомъ отношеніи спокойная, настойчивая работа яслей скоро произвела перемѣну подобныхъ взглядовъ, когда крестьянки сами убѣдились, какъ легко и спокойно принимаетъ молочную пищу тотъ самый ребенокъ, который, естественно, рыдалъ и бился на рукахъ у матери, когда она закидывала ему ротъ цѣлыми кусками огурцовъ или жеваного хлѣба. Только немногія, самыя упорныя, старались и это объяснить тѣмъ, что дѣтей въ ясляхъ «опиваютъ», и поэтому они такія смиренныя, но уже подобныя объясненія не встрѣчали себѣ никакого сочувствія со стороны громаднаго большинства матерей, и онѣ, наоборотъ, старались уже и дома такъ обходиться съ дѣтьми, какъ, онѣ видѣли, съ ними обходятся въ ясляхъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ это воспитательное дѣйствіе яслей сказывалось все полезнѣе и полезнѣе, и къ концу ихъ дѣятельности даже тѣ самые родители, которые вначалѣ пытались объяснить благотворное вліяніе яслей на состояніе здоровья дѣтей какими нибудь чудодѣйственными причинами одного происхожденія

со слухами объ ихъ антихристовомъ характерѣ, отъ всей души благодарили теперь завѣдывавшихъ яслями за ихъ отношенія къ дѣтямъ и сами просили у нихъ совѣтовъ на будущее время относительно ухода за дѣтьми и обращенія съ ними.

Такимъ образомъ работа яслей не пропала даромъ, а принесла всю ту пользу, какой только можно было ожидать отъ нея. Остается пожелать только, чтобы и въ отношеніи ихъ устройства временный характеръ обратился въ постоянный, такъ какъ нужда въ этомъ очевидна: число 7.865 дѣтей, пользовавшихся въ 1899 году яслями въ различныхъ 177 пунктахъ, гдѣ они были устроены, говорить за это достаточно наглядно и убѣдительно.

V.

Ознакомившись теперь съ содержаніемъ дѣятельности отряда по оказанію трудовой помощи, интересно коснуться еще въ общихъ чертахъ ея условій и обстановки и въ особенности отношенія къ ней крестьянскаго населенія. Послѣдній вопросъ заслуживаетъ преимущественно серьезнаго вниманія, такъ какъ разрѣшеніе его въ томъ или иномъ смыслѣ можетъ дать наилучшія основанія для того, чтобы судить о степени нравственной цѣльности деревни и сравнительной пригодности для нея различныхъ видовъ оказанія помощи. Въ этомъ отношеніи необходимо сразу же засвидѣтельствовать, что дѣятельность отряда вызывала къ себѣ самое сочувственное отношеніе со стороны крестьянскаго населенія, и это можетъ служить наилучшимъ опроверженіемъ тѣхъ, правда, одинокихъ, но все же слышавшихся въ нашей печати мнѣній, которыя утверждаютъ, что «нашъ мужикъ лѣнивъ», и даже чуть ли не этимъ преимущественно пытаются объяснить и самое происхожденіе голода. Къ счастью, если только вообще въ данномъ случаѣ можно употребить такое выраженіе,—бѣда не въ этомъ: русскій крестьянинъ не лѣнивъ и радъ работать, бѣда только въ томъ, что работа не всегда есть, и въ томъ-то и заключается громадная заслуга отряда трудовой помощи, что онъ взялъ на себя инициативу создать работу и предоставленіемъ честнаго труда облегчить нуждающемуся крестьянину его бѣдственное состояніе.

И крестьяне до такой степени глубоко были проникнуты сознаніемъ всей важности и истиннаго значенія оказываемой имъ помощи, что сами шли навстрѣчу всѣмъ мѣропріятіямъ отряда. Уже при первыхъ слухахъ объ его предстоящей дѣятельности начали собираться сельскіе сходы для составленія приговоровъ съ ходатайствомъ о началѣ различныхъ работъ, а впоследствии число этихъ приговоровъ возрасло до такой степени, что даже не всегда возможно было, за недостаткомъ силъ и средствъ, удовлетворить подобныя ходатайства. Едва ли не наилучшею оцѣнкою отношенія

крестьянъ къ дѣятельности отряда, въ особенности къ устроеннымъ имъ общественнымъ работамъ, можетъ служить слѣдующій отзывъ одного изъ лицъ, наиболѣе близко стоящихъ къ крестьянскому населенію—земскаго начальника одного изъ уѣздовъ, гдѣ была организована трудовая помощь: «Населеніе эту мѣру помощи приняло крайне сочувственно. Отъ многихъ крестьянъ слышалъ онъ отзывъ, что подобная помощь лучше даровыхъ столовыхъ, отъ нея получается двойная польза—и населеніе имѣетъ заработокъ, и деревня получаетъ нѣкоторое благоустройство». Очевидно, что истинное значеніе организованныхъ работъ и мѣропріятій было понято вполне правильно, такъ что въ нѣкоторыхъ даже случаяхъ крестьяне, совѣстясь принимать подобное двойное благодѣяніе, при малѣйшей возможности выражали готовность довольствоваться лишь однимъ изъ нихъ, предлагая свой трудъ за самую ничтожную плату, а иногда даже даромъ для выполненія такихъ работъ, важность и необходимость которыхъ въ ихъ же собственныхъ интересахъ была имъ понятна и очевидна. Подобныя предложенія крестьянъ, разумѣется, отвергались, и они получали заработокъ за свой трудъ, такъ какъ въ этомъ заключалась главная цѣль дѣятельности отряда, но во всякомъ случаѣ самое появленіе этихъ предложеній лучше всего указываетъ на сознательное отношеніе крестьянскаго населенія къ этой дѣятельности и лучше цѣльныхъ томовъ отвлеченныхъ разсужденій способно опровергнуть мнѣніе о лѣни русскаго мужика. Въ селахъ Мордовскихъ и Подлѣсныхъ Юрткуляхъ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи крестьяне предложили даромъ свой трудъ для устройства плотины, которая давно уже была имъ необходима. Имъ была, однакъ, выдана небольшая заработная плата, и крестьяне благословляли дѣятельность отряда, платившаго имъ деньги за выполненіе работъ, предпринятыхъ въ ихъ же собственныхъ интересахъ. Крестьяне села Кокряти, того же уѣзда, заработавшіе около 3.000 рублей на работахъ по укрѣпленію песковъ, надвигавшихся на ихъ село, и, благодаря этому, значительно поправившіеся еще до сбора новаго урожая, пожертвовали слѣдовавшее имъ за работу 448 рублей 80 коп. на устройство иконостаса для второго придѣла въ мѣстномъ храмѣ въ память оказанной имъ Царской милости въ видѣ устройства работъ, давшихъ имъ значительный заработокъ и спасшихъ ихъ отъ надвиганія песковъ. Въ селѣ Бишевѣ, Тетюшкаго уѣзда, крестьяне также отказались отъ слѣдовавшаго имъ вознагражденія за произведенную расчистку пруда въ этомъ селѣ и передали всю заработанную ими сумму въ пользу недостроенной еще здѣсь церкви, какъ трудовую свою лепту.

Безконечно благодарные за оказанную помощь, крестьяне не упускали ни малѣйшаго случая и повода для того, чтобы выразить эту благодарность въ той или иной формѣ Матушкѣ-Царицѣ,

пославшей имъ эту помощь. Не говоря уже о цѣлой массѣ приговоровъ сельскихъ сходовъ съ постановленіями о принесеніи благодарности за заботы Государыни о потерпѣвшихъ отъ неурожая, благодарность эта выражалась также и въ наименованіи тѣхъ или другихъ произведенныхъ работъ, какъ, напримѣръ, колодцевъ, родниковъ и тому подобныхъ «Царскими» или «Царицыными», въ сооруженіи часовенъ во имя св. царицы Александры и тому подобное. Иногда благодарность эта выражалась въ самой простой и непосредственной формѣ, которая представлялась поэтому и наиболѣе умиленной, такъ что, напримѣръ, трудно было оставаться равнодушнымъ зрителемъ, когда въ одномъ изъ селъ, гдѣ была организована на самыхъ широкихъ началахъ дѣятельность отряда, во время пріѣзда уполномоченнаго д. т. с. М. Н. Галкина-Враскаго, отъ толпы отдѣлилась одна крестьянка и, низко поклонившись, выразила отъ имени своихъ односельчанъ просьбу передать искреннее, глубокое «спасибо царицѣ».

Среди интеллигентныхъ представителей мѣстнаго общества дѣятельность отряда также нашла себѣ полное сочувствіе. Послѣднее было тѣмъ болѣе важно, что члены отряда, при незначительности его состава (числомъ 11 человекъ со званіемъ помощниковъ уполномоченнаго ¹⁾), 12-мъ былъ (самъ уполномоченный), не могли, понятно, принимать на себя непосредственный надзоръ и руководство всѣми работами, производившимися одновременно въ нѣсколькихъ десяткахъ пунктовъ. Общее веденіе дѣла находилось въ рукахъ уполномоченнаго, который принялъ въ свое непосредственное завѣдываніе оказаніе помощи въ Казанской губерніи и, кромѣ того, находилъ еще время для того, чтобы объѣзжать и другія двѣ порученныя ему губерніи и слѣдить за ходомъ работъ своихъ помощниковъ. Въ каждой изъ губерній было нѣсколько такихъ его помощниковъ, изъ числа которыхъ одинъ старшій, и между ними были уже раздѣлены отдѣльные уѣзды, по которымъ они все время разъѣзжали, всюду призывая къ жизни горячую дѣятельность, принимая новыя мѣры, устраивая новыя работы и затѣмъ снова ихъ объѣзжая для того, чтобы слѣдить за ихъ ходомъ и движеніемъ. Ближайшій же непосредственный надзоръ за тѣмъ или инымъ дѣломъ принималъ на себя обыкновенно кто либо изъ мѣстныхъ интеллигентныхъ жителей—помѣщики и члены ихъ семей, земскіе начальники, священники, врачи, учителя, учительницы (по завѣдыванію устраиваемыми яслями) и проч. Эти же лица въ нѣкоторыхъ

¹⁾ Таковыми помощниками, распределенными распоряженіемъ уполномоченнаго по тремъ порученнымъ ему губерніямъ, были: по Казанской губерніи—В. Д. Евреиновъ, В. В. Шенгелидзе и А. Д. Недашенко, по Вятской—А. Б. Враскаго, П. Г. Ганзель, Л. В. Родзянко и М. И. Ростовцевъ; по Симбирской—Е. Д. Максимовъ, гр. Я. П. Ростовцевъ, Д. Н. Ломанъ и А. П. Окиншевичъ.

мѣстахъ образовали постоянные кружки трудовой помощи, ставящіе себѣ задачею поддержаніе основанныхъ за время дѣятельности отряда учреждений и непосредственное веденіе дѣла въ будущемъ.

Близкое участіе въ осуществленіи задачъ отряда принимало, въ особенности въ Вятской губерніи, также и земство, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимало на себя часть расходовъ по общественнымъ работамъ, предлагало помощь своихъ техниковъ-спеціалистовъ, давало всѣ нужныя свѣдѣнія—однимъ словомъ во всемъ шла рука объ руку съ дѣятельностью отряда. Весьма важное содѣйствіе было оказано отряду представителями мѣстной администраціи и различныхъ вѣдомствъ, въ особенности же министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, которое, вполнѣ сочувствуя задачамъ дѣятельности отряда, дѣлало съ своей стороны всевозможное для того, чтобы облегчить ему ихъ выполненіе. Содѣйствіе это выразилось въ такихъ важныхъ мѣрахъ, какъ, напримеръ, испрошеніе высочайшаго соизволенія на бесплатный отпускъ лѣса изъ казенныхъ дачъ, разрѣшеніе пасти крестьянскій скотъ на казенныхъ лугахъ, командованіе своихъ техниковъ и спеціалистовъ для производства нѣкоторыхъ работъ и тому подобное. Въ особенности важное значеніе имѣлъ бесплатный отпускъ лѣса—единственнаго матеріала, безъ котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя было обойтись при производствѣ даже самыхъ простыхъ работъ. Бесплатное его полученіе сберегло отряду значительныя денежныя средства, и, благодаря этому, можно было увеличивать число самыхъ работъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общую сумму заработка, переходившаго въ руки населенія.

Такъ сдѣлано было общими усиліями на разумныхъ и прочныхъ основаніяхъ великое и доброе дѣло, примѣръ котораго можетъ служить хорошимъ указаніемъ, какъ надо вести борьбу съ ужаснымъ бѣдствіемъ голода, чтобы обезпечить себѣ побѣду въ этой борьбѣ и, по возможности, принять необходимыя мѣры къ предупрежденію новаго появленія этого страшнаго гостя.

А. М. Г.—въ.

ОСТАТКИ БЫЛОГО ВЕЛИЧІЯ.

МНОГО имѣется на святой Руси дворцовъ и «замковъ» — бывшихъ барскихъ хоромъ, — которые стоятъ заброшенные и постепенно разрушаются и отъ времени, и отъ рукъ людскихъ. Русскіе люди не дорожатъ стариной, какъ это было доказано многочисленными примѣрами. Самыя археологическія общества учреждены у насъ, сравнительно, недавно, а «ученыя архивныя комиссіи» стали заводиться лишь съ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія, то есть, слишкомъ тысячу лѣтъ спустя послѣ основанія Россіи... Да и теперь еще не въ каждомъ губернскомъ городѣ существуютъ эти комиссіи. Вообще, у насъ немного людей, любящихъ и изучающихъ родную старину. Понятно послѣ этого, почему въ журналахъ и газетахъ появляются, время отъ времени, указанія на какую нибудь забытую и заброшенную, или расхищаемую и уничтожаемую старину: на соскобленные фрески, на перестраиваемые, по откровеніямъ новѣйшаго зодчества, старинные величественные храмы, на погибающіе отъ нерадѣнія церковниковъ памятники древне-церковной иконописи, на памятники искусствъ, расхищаемые изъ старинныхъ барскихъ дворцовъ и сбываемые заграничнымъ скупщикамъ, на драгоценныя библіотеки, попадающія на рынки, или въ руки малосвѣдущихъ книжныхъ барышниковъ, именующихъ себя антикваріями... Гдѣ, въ какой другой столицѣ Европы, мыслимы періодическіе наѣзды иностранцевъ, поселяющихся въ нашихъ столичныхъ городахъ, въ лучшихъ гостиницахъ, и развязно публикующихъ о себѣ на первыхъ страницахъ распространенныхъ газетъ, что они «покупаютъ, по высокой цѣнѣ», старинныя художественныя произведенія — золотыя, эмалевыя табакерки, старинное се-

ребро, фарфоръ, бронзу, миниатюры, гравюры, рукописи, художественную мебель и всѣ предметы роскоши, преимущественно 16-го, 17-го и 18-го столѣтій¹⁾. И это въ то время, когда наши собственные музеи имѣютъ еще пустующіе залы и лишь на половину заполненныя витрины!.. Вѣдь маленькая, бѣдная—сравнительно съ Россіей—Италія, и та давнымъ давно регламентировала это дѣло и создала неодолимыя преграды вывозу художественныхъ сокровищъ изъ своей страны.

Все это невольно пришло мнѣ на мысль, когда я прочелъ въ декабрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» статью г. Г. Миллера «Судьба одного имѣнія», въ которой между прочимъ говорится о «библіотекѣ» графа Завадовскаго, доставшейся вмѣстѣ съ имѣніемъ въ руки какого-то «перекупщика», поселившагося въ бывшемъ дворцѣ Завадовскаго и «торгующаго, по словамъ г. Миллера, и лошадьми, и хлѣбомъ, и льномъ, и яйцами, и медомъ, и мебелью изъ барскаго дома»... Авторъ статьи выражаетъ справедливое опасеніе за судьбу этой библіотеки, и съ этой стороны его указаніе заслуживаетъ вниманія,—и черниговской архивной комиссіи, буде она существуетъ, слѣдовало бы, полагаемъ, заняться этимъ дѣломъ, то-есть, прежде всего сдѣлать извѣстнымъ каталогъ этой библіотеки и вообще характеръ имѣющихся тамъ книгъ, чего, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ г. Миллеръ; въ статьѣ его встрѣчаются, кромѣ того, и явныя неточности, которыя я и позволяю себѣ, ради возстановленія истины, исправить. Кстати я расскажу здѣсь то, что мнѣ извѣстно о судьбѣ художественныхъ драгоценностей, случайно попавшихъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка въ домъ-дворецъ графа Завадовскаго, въ Черниговской губерніи, Суражскаго уѣзда (а не Сосницкаго), въ имѣніи Ляличи, а отнюдь не Яричи, какъ совершенно ошибочно называетъ это имѣніе г. Миллеръ, такъ увѣровавшій въ свою ошибку, что даже на корешкахъ книгъ видѣлъ буквы И. Я., то-есть, якобы имѣніе Яричи.

Г. Миллеръ рассказываетъ, что теперешній владѣлецъ имѣнія, «второй гильдіи купецъ Ив. Петровичъ Чуксинъ», сообщилъ ему, что въ это имѣніе, когда оно принадлежало уже ему, Чуксину, пріѣзжалъ, будто бы, «извѣстный антикварій Л—чъ», накупилъ на пятьсотъ рублей разнаго «хлама»—гобеленъ и севрскаго фарфора, а потомъ оказалось, «что онъ тысячъ на двадцать вещей увезъ»..... Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о г. Л. Л—ичѣ; но несомнѣнно также и то, что «купецъ 2-ой гильдіи Чуксинъ» любитъ, говоря мягко, фантазировать, и напрасно г. Миллеръ ему повѣрилъ. Извѣстному милліонеру и антикварію г. Л—ичу не было никакой надобности, «четыре года назадъ», т. е. въ 1896 году, пріѣзжать въ

¹⁾ Выписываю буквально съ первой страницы «Новаго Времени», № 9253, отъ 6 декабря минувшаго года.

Ляличи для покупки «хлама» на 500 рублей, когда онъ, еще въ 1875 году, приобрѣлъ все это имѣніе, съ домомъ-дворцомъ и всею движимостью, по купчей крѣпости, отъ г. Атрыганьева, вмѣстѣ съ землею, которой оставалось тогда при имѣніи около семи тысячъ десятинъ. Приобрѣтя имѣніе, г. Л—ичъ вывезъ изъ него, т. е., изъ дома-дворца, почти все, что только имѣло какую либо художественную или антикварную цѣнность: гобелены, мебель, картины, статуи, книги, и пр.; въ домѣ остались лишь мозаиковые полы, лѣпные цѣнные потолки, шкапы краснаго дерева, да кое-какая иная, менѣе цѣнная и болѣе громоздкая мебель. Осталась, если вѣрить завѣреніямъ г. Миллера, и часть книгъ и архива съ официальною частью переписки.

Затѣмъ, считаю необходимымъ разсказать дѣйствительно интересную «судьбу» этого имѣнія и художественныхъ, многоцѣнныхъ рѣдкостей, въ немъ находившихся, по имѣющимся у меня документамъ, историческимъ матеріаламъ и самымъ точнымъ и опредѣленнымъ свѣдѣніямъ.

Имѣніе Ляличи, бывшее Екатериныдаръ¹⁾, находящееся неподалеку отъ мѣстечка Клинцы, Суражскаго же уѣзда, было подарено Екатериною II одному изъ своихъ фаворитовъ, Завадовскому. Къ имѣнію принадлежало 2.500 душъ крестьянъ и 40 тысячъ десятинъ земли. Завадовскій выстроилъ въ имѣніи домъ-дворецъ съ примыкающими къ нему флигелями, всего числомъ въ 250 комнатъ. Домъ и флигеля занимали собою въ окружности одну версту. Завадовскій, устраивая свой дворецъ, не жалѣлъ никакихъ средствъ, и у него работали лучшіе русскіе и иностранные мастера. Домъ строился по чертежамъ и планамъ знаменитаго Растрелли, подъ наблюдениемъ лучшихъ архитекторовъ, приглашенныхъ изъ Петербурга. Затѣмъ, на убранство дома и отдѣлку его снаружи и внутри—на устройство его лѣпныхъ и художественно-расписанныхъ потолковъ, на мозаиковые полы, фарфоровыя печи, на малахитовыя каминны и пр.—было затрачено болѣе милліона рублей. Но это были еще далеко не всѣ затраты, сдѣланныя Завадовскимъ на внутреннее убранство своего дворца: главное оставалось впереди.

Въ это самое время во Франціи совершилась революція. Послѣ ареста несчастной королевы Маріи-Антуанетты, всѣ художественныя произведенія и драгоценныя украшенія ея роскошнаго дворца въ Трианонѣ подверглись распродажѣ. Бывшій въ то время государственный канцлеръ Россіи, графъ А. А. Безбородко, обладавшій, какъ извѣстно, несмѣтными богатствами и въ то же время осо-

¹⁾ Императоръ Павелъ, узнавъ, по вошествіи на престолъ, что имѣніе, бывшее Завадовскаго, называется «Екатериныдаръ», приказалъ переименовать его въ Ляличи (т. е., ляльки, цапки, игрушки). И. З.

Главный домъ и часть флигелей въ имѣніи Дялици.

бенною страстью приобретать художественныя произведенія, узнавъ о назначенной распродажѣ художественныхъ сокровищъ Трианона, отправилъ въ Парижъ своихъ агентовъ, поручивъ имъ закупить «все, что можно, не стѣняясь цѣною». И вотъ, въ результатѣ, бѣольшая часть трианонскихъ сокровищъ привезена была, «съ особливою бережливостію», въ Петербургъ—гобелены, бронза, северскій фарфоръ, картины, статуи, мебель и прочее. Безбородко разставилъ все это въ своемъ роскошномъ домѣ (теперешній почтамтъ) и предложилъ императрицѣ осмотрѣть его покупку. Екатерина пришла въ восторгъ отъ всего видѣннаго—и пожелала приобрести все это для своего дворца. Безбородко любезно согласился уступить ей свое приобретение, и, по всей вѣроятности, дѣло на томъ бы и кончилось, и всѣ эти художественныя произведенія попали бы въ Зимній дворецъ и въ Эрмитажъ, если бы не фраза камеръ-фрейлины Протасовой, которой императрица объявила о своемъ намѣреніи приобрести вещи королевы.

— Вещи прекрасны, ваше величество,—отвѣчала Протасова,—но не забывайте, что онѣ обрызганы кровью...—то-есть, давая понять, что вещи попали въ Россію только потому, что ихъ владѣлицу ожидаетъ казнь... И императрица тотчасъ же отказалась отъ покупки и не пожелала болѣе никогда видѣть этихъ вещей.

Тогда, всѣ вещи, привезенныя изъ Трианона, были подѣлены: одну часть, по своему выбору, оставилъ у себя Безбородко; другую часть приобрѣлъ Разумовскій (одинъ изъ сыновей гетмана Кириллы Григорьевича), а третью часть купилъ Завадовскій, находившійся въ то время въ Петербургѣ, и тотчасъ же перевезъ приобретенныя сокровища въ Ляличи. Вскорѣ, однако, это имѣніе было куплено отъ Завадовскаго княземъ Потемкинымъ, который и владѣлъ имъ до своей смерти. По смерти Потемкина, Ляличи перешли, въ числѣ другихъ имѣній, къ его племяннику, генераль-аншефу Василию Васильевичу Энгельгардту (г. Миллеръ ошибочно ставитъ инициалы Н. П. Энгельгардтъ), отъ котораго имѣніе поступило, по наслѣдству, къ его сыну, гвардіи полковнику Андрею Васильевичу Энгельгардту, въ семействѣ котораго и оставалось до 1847 года, когда было продано гвардіи ротмистру Атрыганьеву, а отъ него попало къ г. Л—ичу, извѣстному и едва ли не единственному—по суммѣ и значенію производимыхъ имъ оборотовъ—антикварію. Послѣдующая исторія этого имѣнія мнѣ неизвѣстна.

Относительно же дальнѣйшей судьбы находившихся въ имѣніи Ляличи драгоцѣнныхъ художественныхъ произведеній могу сообщить слѣдующія интересныя свѣдѣнія. При продажѣ имѣнія Атрыганьеву, часть вещей Маріи-Антуанетты была вывезена, по условію съ покупателемъ, въ смоленскія имѣнія А. А. Энгельгардта. Изъ этихъ вещей уцѣлѣло очень немного.

Г. Л—ичъ, приобрѣтшій Ляличи уже отъ Атрыганьева, распродавалъ вывезенныя имъ оттуда художественныя произведенія

въ различныя руки. Между прочимъ, напимѣръ, имъ было продано парижскому Ротшильду бюро Маріи-Антуанетты, работы Маркетри, съ бронзовыми украшеніями работы Гутъеръ и съ медальонами севрскаго фарфора работы Буше. Это многоцѣнное бюро пожертвовано было барономъ Ротшильдомъ въ Луврскій музей. Затѣмъ, кровать Маріи-Антуанетты, попавшая въ Ляличи же, была продана Л—ичемъ въ Кенсингтонскій музей; гобелены, проданные г. Л—ичемъ же, украшаютъ теперь, если не ошибаюся, дворецъ Трокадеро въ Парижѣ; они были въ 1878 году въ Парижѣ, на выставкѣ: на всѣхъ на нихъ былъ вышитъ шифръ королевы, ея гербъ и корона. Извѣстно также, что часть художественныхъ сокровищъ, вывезенныхъ изъ Трианона для Безбородко и не попавшая въ Ляличи, находится въ Павловскѣ, во дворцѣ покойнаго великаго князя Константина Николаевича и въ Царскѣмъ Селѣ. Остальное разошлось, большею частію, по музеямъ Европы и Америки при помощи тѣхъ скупщиковъ, періодически появляющихся въ Петербургѣ и Москвѣ, о которыхъ мы упоминали выше ¹⁾.

Затѣмъ, нахожу необходимымъ исправить еще одну неточность, имѣющуюся у того же г. Миллера въ его статьѣ «Судьба одного имѣнія». Онъ повѣствуетъ, что во время ночлега его въ имѣніи «Яричи» его вниманіе остановилось «не то на книгѣ, не то на тетради», развернувъ которую онъ прочиталъ: «Переписка съ свѣтлѣйшимъ» (т. е. съ Потемкинымъ)... Далѣе, онъ рассказываетъ: «Переписка съ свѣтлѣйшимъ оказалась какимъ-то (?) дѣломъ изъ архива Завадовскаго, возникшимъ по поводу путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ». Затѣмъ, г. Миллеръ приводит даже самый текстъ этой бумаги, помѣченный 1786 годомъ: «Предписывается вамъ отъ свѣтлѣйшаго князя для имѣнія Яричи, гдѣ предполагается остановка государыни, озаботиться достойной ея величеству обстановкой по рисункамъ для всѣхъ семнадцати комнатъ, кои будутъ высланы, равно и мастера, и предметы. Такожде передъ домомъ должно быть выстроено, яко случайно, по особому плану, двадцать мужицкихъ, деревенскихъ русскихъ избъ со всѣми хозяйскими принадлежностями, чего для имѣетъ прибыть къ вамъ сто плотниковъ съ приличествующимъ количествомъ мастеровъ».

«Далѣе,—продолжаетъ говорить г. Миллеръ,—бумага эта разрѣшала Завадовскому, не жалѣя денегъ, убрать и исполнить все съ царской роскошью и предписывала по всякому недоумѣнію

¹⁾ Доставляя, т. е. перепродавая, свои приобрѣтенія въ музеи, скупщики продѣлываютъ при этомъ слѣдующія штуки: прежде всего, они поддѣлываютъ съ каждой вещи точь-въ-точь такія же копія, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ, и затѣмъ распродаютъ ихъ постепенно, подъ видомъ подлинниковъ и оригиналовъ, въ частныя, а, если удастся, то и въ общественныя музеи Европы и Америки, выручая такимъ образомъ съ лихвою затраченныя ими первоначально на покупку униковъ суммы.

обращаться курьеромъ непосредственно къ свѣтлѣйшему. Подпись, слѣдовавшая за титуломъ: главный церемональный секретарь, къ сожалѣнію, неразборчива. Далѣе, въ дѣлѣ слѣдовали различныя дѣловыя бумаги, касавшіяся переписки Завадовскаго съ мѣстными властями по разнообразнымъ случаямъ, относившимся до возложеннаго на него порученія».

Еще черезъ двѣ страницы г. Миллеръ утверждаетъ, что въ его рукахъ, когда онъ провелъ ночь въ Ляличахъ, побывали и документы на владѣніе этимъ имѣніемъ—«купчія крѣпости, дарственная записъ» и проч. «Первымъ документомъ, обратившимъ на себя вниманіе, оказалась жалованная грамота на имѣніе Яричи (?). Изъ грамоты этой видно: въ 1789 году, государыня Екатерина II, очень довольная трудомъ Завадовскаго по устройству церковнаго дѣла, такъ какъ Завадовскій этотъ, въ качествѣ предсѣдателя одной изъ церковныхъ комиссій (?), выяснилъ точную цифру церковныхъ доходовъ, по докладу свѣтлѣйшаго князя Потемкина, пожаловала ему, Завадовскому, имѣніе Яричи. Изъ бумагъ можно было заключить, что первоначальный маршрутъ государыни былъ измѣненъ, и Яричи не удостоились приѣма царицы. Такимъ образомъ, труды Завадовскаго, хотя и не достигли цѣли, но не пропали: роскошное имѣніе досталось ему самому».

Тутъ все невѣрно — отъ начала до конца. Во-первыхъ, имѣніе пожаловано было Завадовскому много ранѣе 1789 года и даже 1786 года, когда, по словамъ г. Миллера, шла рѣчь о приѣмѣ Екатерины въ этомъ имѣніи. Во-вторыхъ, имѣніе пожаловано было Завадовскому совсѣмъ не за «предсѣдательство въ одной изъ церковныхъ комиссій» и отнюдь уже не «по докладу свѣтлѣйшаго князя Потемкина», его, въ извѣстномъ значеніи, соперника... который самъ потомъ и перекупилъ отъ Завадовскаго это имѣніе. Наконецъ, мыслимо ли допустить, что для приѣма императрицы, на время лишь ея проѣзда, воздвигнуть былъ въ степи, вдали отъ большой дороги, этотъ домъ-дворецъ въ 250 комнатъ, сооружавшійся, какъ извѣстно, въ теченіе трехъ лѣтъ Завадовскимъ, для самого себя?.. Апокрифическое происхожденіе «документа» доказывается, кромѣ того, еще слѣдующими двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, никакія Яричи не могли быть въ «документѣ», т. е. въ жалованной грамотѣ, даже и упоминаемы, такъ какъ имѣніе называлось «Екатериныдаръ», и лишь много позднѣе, именно въ 1797 году, стало именоваться «Ляличами»; а, во-вторыхъ, ни въ проектѣ путешествія Екатерины, составленномъ за годъ, именно въ 1786 году, ни послѣ, не было и рѣчи объ ея остановкѣ въ имѣніи ея бывшаго фаворита Завадовскаго, и, слѣдовательно, все не могъ быть поэтому и измѣняемъ «первоначальный маршрутъ государыни», какъ утверждаетъ г. Миллеръ. Всѣ розказни, которыя онъ записалъ со словъ нынѣшняго владѣтеля «Ляличъ»,

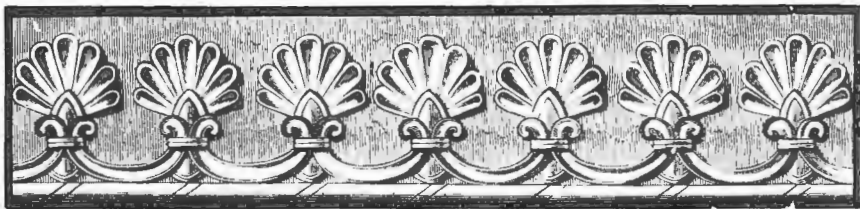
«купца второй гильдіи Чуксина», въ родѣ, напримѣръ, покупки г. Линевичемъ «на пятьсотъ рублей» гобеленъ и фарфора, оказываются чистѣйшимъ вымысломъ и опровергаются фактами и документами. Въ числѣ послѣднихъ является, между прочимъ, книжка, изданная въ 1786 году, имѣющая официальный характеръ и озаглавленная: «Путешествіе ея императорскаго величества въ полуденный край Россіи, предприемлемое въ 1787 году», съ слѣдующимъ къ ней очень интереснымъ предисловіемъ:

«Высочайшая ея императорскаго величества послѣдовала воля, къ назиданію государственныхъ пользъ и къ усовершенствованію благоденствія ея подданныхъ, обозрѣть полуденный край обширныя своей имперіи, и вслѣдствіе сего намѣренія повелѣтъ соизволила: сдѣлать къ сему путешествію, начаться имѣющему въ генварѣ мѣсяцѣ будущаго года, надлежащее приуготовленіе.

«Путешествіе сіе начнется отъ Санктпетербурга до Кіева сухимъ путемъ—черезъ Смоленскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Черниговъ, что учинить 1508 верстъ; отъ Кіева, Днѣпромъ на галерахъ, до Кайдакъ, гдѣ строится губернской городъ Екатеринославль,—446 верстъ; оттуда паки сухимъ путемъ до Херсона—356 верстъ; отъ Херсона черезъ Бериславль, Перекопъ и Бахчисарай до Севастополя—369 верстъ; отъ Севастополя черезъ Бахчисарай, Акъ-Мечеть, Карасу-Базаръ, Судакъ и старый Крымъ до Оеодосіи—216 верстъ; отголѣ черезъ Арабатъ, Геничи, Таганрогъ до Черкаска—632 версты; отъ Черкаска черезъ Азовъ, крѣпость святого Димитрія, Бахмутъ до Харькова—677 верстъ; отъ Харькова черезъ Бѣлгородъ, Курскъ, Орель, Тулу до Москвы—725; а отъ сея столицы, черезъ Тверь и Новгородъ, до Санктпетербурга—728 верстъ; и того, все путешествіе содержать будетъ 5657 верстъ».

Затѣмъ слѣдуетъ краткое описаніе «всѣхъ городовъ, знаменитыхъ рѣкъ, мѣстечекъ и достойныхъ замѣчанія урочищъ, чрезъ кои путешествіе сіе послѣдовать имѣеть»; а въ концѣ книги приложена чрезвычайно тщательно исполненная карта путешествія, въ нѣсколько красокъ, на которой нанесены и поименованы всѣ предполагаемыя и намѣченныя остановки императрицы во время ея путешествія. Въ текстѣ же книжки, на страницѣ 140-й, показано еще болѣе подробное «Расписаніе станцій для шествія ея императорскаго величества въ полуденный край Россіи». Тутъ обозначены даже простые «постоялыя дворы, гдѣ предполагалась, еще за годъ впередъ, остановка государыни; но нигдѣ имѣнія «Екатериныдаръ» въ этомъ маршрутѣ не встрѣчается. Еще менѣе, конечно, могло быть внесено въ этотъ маршрутъ названіе имѣнія «Яричи», передѣланное, повидимому, изъ слова Ляличи—дѣйствительнаго въ настоящее время названія имѣнія—тѣмъ «возницею», котораго такъ тщательно выспрашивалъ г. Миллеръ, ѣдучи путемъ-дорогою...

Ив. Захарынъ (Якунинъ).

САМОПОМОЩЬ СРЕДИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ¹⁾.

ПОКОЙНЫЙ наблюдатель судеб русской литературы безъ труда подмѣтитъ одну особенность, придающую ей своеобразный отпечатокъ: на все откликалась русская литература, всѣми умственными теченіями руководила она, и это какъ бы мѣшало ей основательно заняться положеніемъ самого писателя, вопросомъ о его матеріальной обеспеченности. Слишкомъ хорошія и высокія слова были написаны на знамени блестящихъ дѣятелей литературы, чтобы можно было рядомъ съ ними поставить разсужденія о черномъ днѣ для писателя. Забота о другихъ, а не о себѣ, самоотверженное служеніе родинѣ—таковъ лозунгъ русскаго писателя. Еще не такъ давно вопросы о матеріальномъ обеспеченіи писателя казались слишкомъ низменными, чтобы ими было прилично заниматься. Да и давно ли литературный трудъ сталъ разсматриваться, какъ и всякій другой трудъ, вознаграждаемый по закону спроса и предложенія? Правда, въ условіяхъ развитія русской литературы были обстоятельства, тормозившія выработку правильнаго взгляда на литературный трудъ: литературная среда пополнялась или любителями, посвящавшими литературѣ лишь часы досуга, или лицами изъ привилегированнаго и потому вполне обеспеченнаго сословія. Литературный заработокъ въ первую половину XIX в. былъ явленіемъ случайнымъ.

Рѣзкую перемену въ этомъ отношеніи представляетъ вторая половина этого вѣка. Въ литературѣ руководящую роль получаютъ

¹⁾ Рѣчь исп. обяз. предсѣдателя кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, И. Н. Колубовскаго, произнесенная на торжественномъ собраніи членовъ кассы въ день ея десятилѣтняго юбилея. 9 декабря 1901 года. Отчетъ объ этомъ собраніи помѣщенъ въ «Смѣси.

Ред.

дѣтели, которые берутся за перо уже не для того, чтобы наполнить свои досуги, но видятъ въ писательской дѣятельности призваніе своей жизни. Ряды писателей пополнились значительнымъ числомъ лицъ, поставленныхъ въ необходимость извлекать изъ своей дѣятельности средства къ существованію. Создается замѣтный кругъ писателей по профессіи, среди котораго неизбѣжно долженъ былъ зародиться духъ корпоративности, желанія поддерживать другъ друга. Самъ по себѣ, однако же, кругъ этотъ былъ не настолько великъ, чтобы матеріальная поддержка бѣдствующихъ собратій могла быть ему подъ силу. вмѣстѣ съ тѣмъ то естественное соображеніе, что литературнымъ трудомъ пользуются широкіе слои общества, и что за это пользованіе они какъ бы въ долгу передъ писателемъ, привело къ мысли о необходимости особаго общества для пособія нуждающимся писателямъ. Мысль эта вышла изъ литературныхъ кружковъ и осуществлена въ 1859 г., въ видѣ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, организованнаго по почину Дружинина и поставившаго себѣ примѣромъ англійскій литературный фондъ. Какъ извѣстно, общество это состоитъ изъ лицъ, дѣлающихъ годовые членскіе взносы и желающихъ этимъ способомъ покровительствовать литературѣ и наукѣ, но завѣдываніе его дѣлами находится всецѣло въ рукахъ литераторовъ и ученыхъ.

Исторія русскаго литературнаго фонда представляетъ много поучительнаго. Много споровъ и толковъ вызывалъ онъ среди писателей, хотя остается внѣ сомнѣнія, что онъ всегда былъ отзывчивъ къ писательской нуждѣ, что немало услугъ оказалъ онъ русской литературѣ. Во главѣ фонда всегда стояли выдающіеся писатели и ученые, права которыхъ по завѣдыванію этимъ дѣломъ были внѣ спора. Что же въ такомъ случаѣ вызывало толки и даже нареканія на дѣятельность столь почтеннаго учрежденія? Уже года черезъ 3—4 послѣ учрежденія фонда звучитъ нотка недовольства имъ. Какъ ни отзывчивъ и деликатенъ былъ руководящій органъ общества, но все же писатель становится въ несвойственное ему положеніе просителя, рискующаго получить отказъ и во всякомъ случаѣ ставящаго на карту свое самолюбіе. Кромѣ того, уставъ фонда вмѣнялъ въ обязанность его комитету заботиться прежде всего объ осиротѣлыхъ семьяхъ писателей. Силою обстоятельствъ, однако, подъ вліяніемъ толковъ и недовольства, раздававшагося въ печати, общество постепенно, хотя и медленно, было приведено къ необходимости отвести первостепенную роль въ своихъ заботахъ нуждѣ писателей, а не только ихъ семей, и ввести въ практику ссуды, совершенно не предусмотрѣнныя уставомъ. Общество принимаетъ на себя посредничество между сотрудниками и издателями и оказываетъ всякаго рода нравственную поддержку: заходитъ рѣчь о ссудо-сберегательной кассѣ, проектъ

которой былъ представленъ въ 1879 г. на утверженіе правительства, но остался неосуществленнымъ. Все это, однако же, не заглушило вполне недовольства, и въ 1881 году яркимъ выразителемъ его выступилъ въ одномъ изъ общихъ собраній фонда Гр. К. Градовскій. Въ весьма рѣзко составленной запискѣ онъ указываетъ на то, что фондъ пораженъ органическимъ недугомъ, что онъ отжилъ свое время, что большинству тружениковъ литературы отъ него ни тепло, ни холодно, что единственно вѣрнымъ принципомъ помощи писателю является не благотвореніе, а самопомощь. «Какими лицемѣрными,—говоритъ здѣсь Градовскій,—должны казаться всѣ наши поученія о самодѣятельности и самопомощи, всѣ возгласы противъ эксплуатаціи труда и кулачества, если въ своемъ собственномъ дѣлѣ мы не можемъ вырваться изъ тѣхъ же условій, которыя порицаемъ въ обществѣ!» Градовскій не остался одинокимъ, и въ числѣ лицъ, поддерживавшихъ его и находившихъ, что литературный фондъ не соответствуетъ современнымъ условіямъ литературнаго труда, были писатели, впоследствии, черезъ 10 лѣтъ, примкнувшіе къ Градовскому при учреженіи имъ кассы литераторовъ, а именно: супруги Ватсонъ, С. А. Венгеровъ, А. И. Поповицкій и М. Л. Песковскій. Тѣмъ не менѣе записка Градовскаго о преобразованіи общества была встрѣчена полнымъ несочувствіемъ со стороны комитета, увидѣвшаго въ ней обвиненіе противъ своей дѣятельности, и въ общемъ собраніи 2-го февраля 1882 года большинствомъ двухъ голосовъ (16 противъ 14) была принята резолюція комитета такого содержанія: «тщательно обсудивъ мысль объ учреженіи литературнаго общества на основахъ самопомощи, всѣ члены комитета пришли единогласно къ тому заключенію, что учрежденіе подобнаго общества было бы вполне желательно и полезно, но что ходатайство о разрѣшеніи его должно идти отъ лицъ, которыя заявляютъ желаніе въ немъ участвовать, а не отъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, которое и по своимъ цѣлямъ, указаннымъ въ уставѣ, и по способу дѣйствій, и, наконецъ, по составу членовъ имѣетъ совершенно иной характеръ». Такъ кончилась энергичная попытка Гр. К. Градовскаго внести въ литературный фондъ новыя начала для его дѣятельности. Все это вызвало цѣлую бурю и сильный отпоръ со стороны тѣхъ, кому фондъ былъ дорогъ, какъ ихъ дѣтище, и кто не могъ промѣнять дѣйствительную пользу настоящаго на гадательныя выгоды будущаго.

Повидимому, и самъ виновникъ этой бури на время примирился съ поражениемъ, которое, впрочемъ, трудно считать побѣдой и для противной стороны. Случайное обстоятельство дало новый толчокъ мысли Гр. К. Градовскаго о необходимости самопомощи для писателей. Въ общемъ собраніи 2-го февраля 1889 г. В. И. Сергѣевичъ, состоявшій въ то время предсѣдателемъ фонда, остановился на его

тридцатилѣтнемъ прошломъ и удѣлили нѣсколько словъ сочувствія такъ называемой дружининской копейкѣ. Дружининъ, по мысли котораго учрежденъ фондъ, мечталъ о томъ, что издатели, строящіе свое благополучіе, по выраженію Салтыкова, на костяхъ писателей, нравственно обязаны подѣлиться съ фондомъ своими доходами, вносить въ его кассу хотя бы по копейкѣ съ cadaго подписчика. Подчеркивая значеніе дружининской копейки, В. И. Сергѣевичъ выразилъ надежду, что мысль о ней не заглохнетъ. Слова почтеннаго оратора встрѣчены были съ полнымъ сочувствіемъ, и уже черезъ нѣсколько дней въ комитетъ фонда было доставлено обращеніе, написанное рукою Н. А. Лейкина, такого содержанія: «Нижеподписавшіеся, обсудивъ вопросъ о дружининской копейкѣ, приняли слѣдующую резолюцію: просить комитетъ литературнаго фонда подвергнуть обсужденію вопросъ о введеніи въ устройство фонда принципа взаимопомощи и для этой цѣли, между прочимъ, предложилъ издателямъ газетъ и журналовъ вносить по копейкѣ съ подписчика и, сверхъ того, удерживать при выдачѣ гонорара известное количество процентовъ (2—5), для образованія при фондѣ капитала для выдачи пенсій семействамъ литераторовъ и ученыхъ, участвовавшихъ въ образованіи этого капитала». Подъ этимъ заявленіемъ имѣется 26 подписей, изъ которыхъ только 11 принадлежатъ членамъ фонда, и среди которыхъ мы встрѣчаемъ будущихъ учредителей кассы взаимопомощи: А. П. Субботина, Гр. К. Градовскаго, Н. М. Минскаго, И. Ф. Василевскаго, С. А. Венгерова, А. М. Скабичевскаго, А. И. Поповицкаго, С. Н. Шубинскаго, В. О. Михневича, Р. И. Сементковскаго, В. И. Недзвѣцкаго, Я. Г. Гуревича, П. Г. Ганзена, А. А. Исаева, М. Л. Песковскаго и В. Р. Зотова. Комитетъ фонда не удовлетворился заявленіемъ столь общаго характера и просилъ доставить подробный проектъ, основанный на цифровыхъ расчетахъ. Съ этого момента все дѣло оказалось на плечахъ Гр. К. Градовскаго, который и доставилъ въ комитетъ фонда подробно разработанный проектъ «кассы взаимнаго вспоможенія». Здѣсь Гр. К. Градовскій сознается, что осуществленіе эмеритальной кассы, о которой онъ мечталъ ранѣе, почти невозможно, и что поэтому для проведенія въ матеріальный бытъ писателя идеи взаимопомощи необходимо избрать другой, болѣе простой путь.

На этотъ разъ предложеніе Гр. К. Градовскаго нашло если не поддержку, то во всякомъ случаѣ пассивное сочувствіе со стороны вліятельныхъ дѣятелей литературнаго фонда. Не обошлось, однако же, и безъ противодѣйствія: по свидѣтельству лицъ, имѣвшихъ въ то время близкое соприкосновеніе съ фондомъ, на новый проектъ не только косились, но и старались настроить такимъ же образомъ тѣхъ, кто не былъ зараженъ партійнымъ пристрастіемъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло ли говорило само за себя, или же обстоятельства сложились благопріятно для Гр. К. Градовскаго,—въ общемъ

собраніи фонда 22-го октября 1889 г. была избрана особая комиссія для разсмотрѣнія его проекта, въ составѣ самого Гр. К. Градовскаго, В. И. Сергѣевича и В. Г. Котельникова и кандидатовъ къ нимъ А. А. Исаева и В. Я. Беренштама, отъ комитета же фонда въ комиссіи участвовали П. А. Гайдебуровъ и Ѳ. Ѳ. Воропоновъ. Въ нѣдрахъ этой комиссіи касса взаимнаго вспоможенія превратилась въ кассу взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ, но, сравнивая первоначальный проектъ Гр. К. Градовскаго съ нынѣ дѣйствующимъ уставомъ, приходится признать, что важнѣйшія основанія кассы, оправдавшіяся въ настоящее время на десятилѣтнемъ опытѣ, были предусмотрѣны самимъ инициаторомъ дѣла. Въ комиссіи весьма обстоятельно разработана была лишь та часть устава, которая касается управленія кассою, и введена одна ея особенность, не встрѣчающаяся въ учрежденіяхъ аналогичнаго типа и, повидимому, недостаточно оцѣненная еще и нынѣшними участниками кассы, а именно право участника распорядиться страховою суммою, какъ ему угодно. Въ то же время Гр. К. Градовскому пришлось отказаться отъ одной выгоды, которую онъ желалъ предоставить участникамъ кассы, а именно онъ хотѣлъ, чтобы страховая сумма выдавалась всякому участнику, дѣлавшему установленные взносы въ теченіе 25 лѣтъ. Взамѣнъ этого комиссія внесла статью, предоставляющую кассѣ возможность выдавать участникамъ пенсіи.

Работа комиссіи была окончена въ сравнительно короткій срокъ, несмотря на то, что приходилось останавливаться на весьма мелкихъ подробностяхъ дѣла. Впослѣдствіи, посвящая на одномъ изъ общихъ собраній кассы нѣсколько словъ памяти члена комиссіи и затѣмъ учредителя кассы П. А. Гайдебурова, Гр. К. Градовскій отмѣтилъ его заслугу передъ кассою, выразившуюся въ томъ, что, искушенный житейскимъ опытомъ, онъ весьма скептически относился къ различнымъ теоретическимъ предположеніямъ и тѣмъ вызывалъ необходимость предусмотрѣть для нихъ и выяснить твердую почву. Наконецъ, 22-го ноября 1890 года, уставъ кассы былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Въ какомъ же положеніи было дѣло матеріальной помощи труженникамъ пера въ то время, когда, при довольно будничныхъ обстоятельствахъ, касса вступила въ жизнь?

Главная роль въ дѣлѣ этой помощи оставалась попрежнему за фондомъ. Въ 1891 году онъ считалъ въ своемъ составѣ около 700 человекъ, изъ которыхъ едва ли сотня принадлежала къ литературной семьѣ. Капиталь его къ 1-му января 1891 года составлялъ 173.720 рублей 25 коп., а расходъ въ теченіе этого года достигалъ 23.970 р. 41 коп., при чемъ на всякаго рода пособія израсходовано 11.317 рублей, на пенсіи 6.914 рублей, на стипендіи 3.017 рублей 50 коп., на ссуды 600 рублей. Рядомъ съ фондомъ наро-

дѣлись два весьма скромныхъ по своимъ размѣрамъ общества для пособія литераторамъ въ провинціи. Такъ 26-го января 1899 года открыло свои дѣйствія Одесское общество вспомошествованія литераторамъ и ученымъ, въ числѣ учредителей котораго находимъ имена профессора А. И. Кирпичникова, И. Н. Потапенко и П. А. Сергѣенко. Общество это имѣетъ весьма широкую задачу и не связано съ какимъ либо райономъ. Какъ гласитъ § 1 устава, цѣлью общества ставить «улучшеніе условій жизни литераторовъ и ученыхъ». Въ дальнѣйшихъ параграфахъ, однако, рѣчь идетъ почти исключительно о матеріальныхъ условіяхъ жизни писателей, самая же дѣятельность общества, если судить по его отчетамъ, показываетъ, что оно является лишь сколкомъ съ литературнаго фонда. Въ 1891 году оно считало въ своемъ составѣ около ста членовъ. Въ приходѣ у него было 444 рубля 36 коп., въ расходѣ 97 р. 81 к., не считая ссудъ; капиталъ составлялъ 1.978 рублей 91 коп., въ томъ числѣ въ ссудахъ 885 рублей.

Еще скромнѣе Саратовское общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ. Судя по отчету за время съ 19 февраля 1895 года по 30 марта 1896 года, оно считало въ своемъ составѣ всего только 28 членовъ, имѣло на приходѣ 123 р. 26 к., въ расходѣ 121 рубль 3 коп. и капиталъ въ 1.003 рубля 35 коп. Со времени возникновенія общества, съ 1888 года, т. е. за семь лѣтъ, ссудъ было выдано всего 23 лицамъ на 682 рубля. О томъ, какимъ сочувствіемъ общество пользовалось среди мѣстныхъ тружениковъ печати, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что шестая часть только что упомянутаго расхода въ 121 рубль 3 коп. пошла на уплату конторѣ «Саратовскаго Дневника» за публикаціи отъ имени общества. Къ счастью, въ лѣтописи русской журналистики фактъ этотъ надо считать, кажется, единственнымъ въ своемъ родѣ...

Итакъ, активъ нужды въ 1891 году доходилъ безъ малаго до 25.000 рублей. Трудно теперь сказать въ точности, каковъ былъ ея пассивъ, но во всякомъ случаѣ онъ былъ во много разъ больше актива.

Казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ, новое учрежденіе, призванное къ жизни для борьбы съ писательскою нуждою, могло ожидать быстраго успѣха. Не то оказалось въ дѣйствительности. Понадобилось почти полгода для того, чтобы набрать необходимый кадръ учредителей въ 100 человѣкъ, и если 5 мая 1891 года касса, наконецъ, выступила первымъ учредительнымъ собраніемъ, то это еще не значитъ, что она заручилась уже къ тому времени законнымъ числомъ полноправныхъ членовъ: изъ ста учредителей къ осеннему собранію оказалось внесшихъ установленные взносы едва только 35. Какъ ни вѣрилъ въ будущность кассы ея основатель, но и онъ, видимо, пришелъ въ уныніе передъ такимъ повальнымъ равнодушіемъ къ новому учрежденію. Уныніе это ясно звучитъ въ

докладъ Гр. К. Градовскаго въ первомъ обыкновенномъ собраніи членовъ. Зато тѣмъ рѣзче и пріятнѣе былъ переходъ отъ унынія къ заманчивымъ надеждамъ, когда неожиданно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья о кассѣ профессора И. И. Янжула, разъяснявшая ея значеніе какъ для литературнаго круга, такъ и для русской жизни вообще. Число членовъ замѣтно стало прибывать, и инициатору всего дѣла не было уже надобности просить кого бы то ни было о вступленіи въ кассу чуть не въ личное ему одолженіе. Не страшна была уже и убыль по неплательству взносовъ, доходившая до невѣроятной цифры 15⁰/. Когда дѣло намѣренно раздувалось, къ нему приставали совершенно случайно люди, даже не отдававшіе себѣ въ немъ должнаго отчета. Такіе участники, попавшіе въ кассу по недоразумѣнію, отставали при первой же необходимости сдѣлать установленный взносъ. Для тѣхъ, кто спокойно относился къ дѣлу, жалѣть приходилось вовсе не кассу, которая, наоборотъ, избавлялась отъ неподходящихъ для нея элементовъ, а скорѣе тѣхъ изъ бывшихъ ея участниковъ, которые не могли понять ни своихъ собственныхъ выгодъ, ни идеи матеріальной взаимопомощи.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на всѣхъ подробностяхъ десятилѣтней дѣятельности кассы: многія изъ нихъ еще свѣжи въ памяти ея участниковъ. Достаточно отмѣтить вкратцѣ важнѣйшія стороны этой дѣятельности.

Замѣтную роль въ истекшій періодъ играютъ организаціонные вопросы. Уже на второй годъ дѣятельности кассы были выработаны и утверждены правила о нормировкѣ платежей и формы заявленій о назначеніи посмертныхъ выдачъ; вскорѣ послѣ этого утверждены были правила для московскаго отдѣленія и установленъ предѣльный возрастъ для вступленія въ члены кассы. Еще живѣе оказалась организаціонная работа за послѣдніе четыре года, когда не только избраннымъ, но и многимъ стало ясно, что касса отвѣчаетъ насущной потребности и носить въ себѣ всѣ признаки жизнеспособности. Въ двухъ направленіяхъ казалось желательнымъ раздвинуть ея рамки. Прежде всего надо было позаботиться о выработкѣ такихъ отношеній къ ея мѣстнымъ отдѣленіямъ, при которыхъ эти послѣднія могли бы развиваться съ пользою для общаго дѣла и не теряя своей самостоятельности. Много усилій понадобилось, чтобы установить, наконецъ, надлежащія отношенія, и, повидимому, въ настоящее время есть полное основаніе думать, что задача разрѣшена правильно. Затѣмъ необходимо было предусмотрѣть возможность постоянного увеличенія числа членовъ. При первоначальномъ устройствѣ увеличеніе числа членовъ сверхъ извѣстной нормы грозило бы кассѣ серьезными потрясеніями, такъ какъ потребовало бы со стороны ея участниковъ непосильныхъ платежей. Для того, чтобы не преграждать доступа въ кассу всѣмъ

желающимъ и въ то же время чтобы не обременять наличныхъ участниковъ непосильными платежами, установлены группы, по-видимому, вполне удовлетворяющія этимъ двумъ цѣлямъ.

Если обычныя выдачи кассы могли идти своимъ порядкомъ, какъ только все было налажено, если онѣ сами по себѣ не требовали какихъ либо экстраординарныхъ мѣръ и заботъ, то въ иномъ положеніи былъ тотъ отдѣлъ кассы, который только намѣченъ въ ея уставѣ, но который, въ сущности, представляетъ самую привлекательную ея сторону. Рѣчь идетъ о пенсіяхъ, для которыхъ необходимо было выработать правила и изыскать денежные средства. Дружными усилиями такихъ дѣятелей кассы, какъ О. К. Нотовичъ и А. П. Лукинъ, удалось довести пенсіонный капиталъ кассы до замѣтныхъ размѣровъ (43.000 рублей). Еще важнѣе было, однако же, совершенно неожиданное въ кассѣ возрожденіе дружининской копейки, обѣщающее уже въ недалекомъ будущемъ возможность значительнаго числа пенсій. Если дружининская копейка въ прежнемъ ея видѣ собиралась весьма туго, то это, надо думать, зависѣло отъ того, что издатели видѣли въ ней такой же, лишенный всякаго этического содержанія налогъ, какимъ является налогъ на промыслы, торговлю и т. п. Надо было найти иное основаніе для этой копейки, надо было подойти къ нравственному чувству и даже къ чувству простой порядочности, чтобы взиманіе такой копейки пошло легче и успѣшнѣе. По счастливой мысли члена кассы Альб. К. Гермоніуса, кассѣ удалось подвести подъ теоретически построенное зданіе весьма реальный фундаментъ, и можно надѣяться, что дѣло это навсегда останется связаннымъ съ кассой.

Въ заботахъ объ увеличеніи пенсіоннаго капитала кассы ея основатель, пользуясь своими личными отношеніями къ финансовымъ сферамъ, сдѣлалъ попытку заручиться, хотя бы заимообразно, пособіемъ изъ государственныхъ средствъ. Попытка эта, совершенно неожиданно для него самого, привела къ созданію фонда имени Императора Николая II, въ исторіи же кассы она даетъ еще одно свидѣтельство въ пользу того, съ какимъ усердіемъ ея основатель ратовалъ за кассу не только въ литературныхъ кругахъ, но и въ иныхъ сферахъ.

Почти одновременно съ пенсіонными правилами и правилами о распредѣленіи членовъ на группы была выработана инструкція для правленія, а въ самое послѣднее время — правила о ссудномъ капиталѣ имени В. О. Михневича.

Матеріальныя средства кассы достигаютъ 55.000 р., дѣйствительный же расходъ ея, при 650 членахъ, въ текущемъ году достигъ 20.000 р., за всѣ же десять лѣтъ израсходовано 61.000 р.

За десять лѣтъ существованія кассы многое улучшилось въ дѣлѣ матеріальной поддержки писателя. Литературный фондъ располагаетъ уже капиталомъ въ 453.293 р. 85 к. Расходъ его достигъ

суммы 37.578 р. 83 к., въ томъ числѣ пособій и безсрочныхъ ссудъ 27.406 р. 50 к., пенсій 5.687 р., стипендій 1.380 р. и на воспитаніе дѣтей 1.554 р. 50 к. Академическая комиссія для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ располагаетъ солидною суммою въ 50.000 р. Наконецъ касса выдаетъ уже 20.000 р. въ годъ. Активъ нужды достигъ, такимъ образомъ, въ настоящее время весьма крупной годовой цифры—107.000 р.

При видѣ столь внушительной суммы невольно является вопросъ, не все ли уже сдѣлано для матеріальной поддержки писателя, не обречена ли касса на застой, вызванный удовлетвореніемъ назрѣвшей потребности. Кажется, не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что кассу не можетъ постигнуть такой застой. Дѣло кассы—общее дѣло всѣхъ писателей, и сколько бы ни появлялось средствъ извнѣ, необходимость круговой корпоративной поруки останется совершенно внѣ колебанія этихъ инородныхъ элементовъ.

Если сдѣлать попытку приподнять слегка завѣсу будущаго, то передъ нами явится весьма привлекательная картина. Дѣло матеріальной взаимопомощи находится всецѣло въ рукахъ кассы; рамки ея устава расширены; она выдаетъ 30 пенсій; имѣетъ ссудо-сберегательный отдѣлъ. Часть ея капиталовъ реализована въ видѣ дома, въ которомъ она находитъ пріютъ не только для себя, но и оказываетъ гостепримство всѣмъ другимъ литературнымъ учрежденіямъ. Миражъ ли это, или черты дѣйствительности,—во всякомъ случаѣ, можно сказать, значительная часть этой картины зависитъ отъ насъ самихъ, отъ сознанія, что индивидуальная единица—почти ничто, коллективная же—почти все.

Я. Колубовскій.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ УЧЕНО - ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ П. И. БАРТЕНЕВА.

ПЕРВАГО числа минувшаго декабря въ Москвѣ скромно былъ отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей учено-литературной и учено-издательской дѣятельности основателя «Русскаго Архива», Петра Ивановича Бартенева, оказавшаго немаловажныя услуги русской исторической наукѣ.

Петръ Ивановичъ Бартенева происходить изъ древняго дворянскаго рода; предки его служили воеводами еще въ XVI вѣкѣ; его отецъ Иванъ Осиповичъ, оставившій военную службу въ 1818 г., подполковникомъ Арзамаскаго конно-егерскаго полка, участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ, бывшихъ въ царствованіе Александра Благословеннаго. Отъ его брака съ Аполлинаріей Петровной Бурцовой и родился 1-го октября 1829 г., въ родовомъ имѣніи своей матери, сельцѣ Королевщинѣ, Липецкаго уѣзда, Тамбовской губерніи, Петръ Ивановичъ. Получивъ первоначальное образованіе въ благородномъ пансіонѣ при Рязанской гимназіи, онъ съ 1847 по 1856 г. проходилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, по словесному отдѣленію историко-филологическаго факультета, гдѣ слушалъ Шевырева, Грановскаго, Каткова, Леонтьева, Соловьева, Буслая и, «кромѣ того, пользовался ихъ личными бесѣдами», чему онъ самъ придаетъ немалое значеніе въ своей автобіографіи, помѣщенной въ книгѣ М. И. Семевского: «Мои знакомые». Впослѣдствіи онъ познакомился съ Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими, Елагинымъ и семьею Аксаковыхъ, и эти знакомства, читаемъ въ той же автобіографіи, «онъ почитаетъ счастьемъ своей литературной и общественной жизни».

Будучи еще студентомъ, П. И. занялся составленіемъ словаря къ памятникамъ русской письменности до XIII вѣка включительно,

за что лично получилъ одобреніе отъ навѣстившаго его М. П. Погодина и нѣсколько десятковъ томовъ «Москвитянина», и затѣмъ сдѣлалъ переводъ нѣмецкой книжки: «Göthe's Selbstcharacteristik aus seinen Briefen». По поводу этого перевода профессоръ Шевыревъ еще 26 января 1851 г. писалъ М. П. Погодину: «Посылаю тебѣ переводъ одной нѣмецкой брошюры объ нѣмецкой литературѣ, сдѣланный студентомъ Бартевымъ. Переводъ хорошъ, и брошюра интересна. Ты его наградишь немногимъ: онъ бѣдный человѣкъ». Но Погодинъ почему-то не нашелъ возможнымъ напечатать его въ «Москвитянинѣ», и переводъ остался въ рукописи.

Въ томъ же 1851 г. П. И. посчастливилось познакомиться съ другомъ Пушкина, П. В. Нащокинымъ, отъ котораго онъ получилъ нѣсколько писемъ къ нему великаго поэта. Благоговѣя предъ его памятью, онъ снялъ съ нихъ копии и послалъ послѣднія къ М. П. Погодину съ слѣдующей запиской: «Изъ писемъ Пушкина, сообщенныхъ мнѣ Нащокинымъ, несмотря на весь интересъ ихъ, къ сожалѣнію, кажется, почти ничего не можетъ пойти въ печать. Посылаю вамъ ихъ для пополненія вашего собранія» ¹⁾. Но М. П. Погодинъ, нимало не смущаясь этимъ предостереженіемъ, помѣстилъ отрывки изъ писемъ Пушкина въ первой декабрьской книжкѣ «Москвитянина» за 1851 г., нена звавъ, однако, доставившаго ихъ ²⁾. Всѣхъ отрывковъ помѣщено 17, изъ писемъ, относящихся къ 1831—1836 гг. За исключеніемъ первыхъ шести всѣ въ болѣе полномъ видѣ напечатаны въ «Собраніи соч. Пушкина» подъ редакціей П. Морозова.

Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса, П. И. Бартевъ, рекомендованный профессоромъ Коссовичемъ и Погодинымъ, перѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлался учителемъ дѣтей Л. Д. Шевичъ, сестры графини А. Д. Блудовой. Это обстоятельство, несмотря на кратковременность его пребыванія въ Петербургѣ, сблизило его съ Д. Н. Блудовымъ, «сдѣлавшимся для будущаго издателя «Русскаго Архива» живымъ источникомъ». Въ Петербургѣ же онъ познакомился и съ С. А. Соболевскимъ, сообщившимъ ему тоже немало матеріаловъ особенно по русской словесности.

Въ 1853 г., во время отъѣзда Погодина за границу, П. И. Бартевъ завѣдывалъ «Москвитяниномъ» и тогда же между прочимъ писалъ ему: «у меня давно готова статья о Василии Андреевичѣ Жуковскомъ, въ которую вошли письма покойнаго и нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя на родинѣ» ³⁾. Далѣе онъ высказывалъ свое желаніе видѣть ее напечатанною въ «Москвитянинѣ», но не иначе,

¹⁾ См. Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XI, стр. 310.

²⁾ Нѣтъ имени П. И. Бартева даже въ составленномъ имъ указателѣ къ «Москвитянину» и въ «Puschkiniana» В. И. Межова; вотъ почему, намъ кажется, и стало распространеннымъ, съ легкой руки С. А. Венгерова, мнѣніе, что литературная дѣятельность П. И. Бартева начинается лишь съ 1853 года.

³⁾ См. Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XII, стр. 278—279.

какъ хотя бы за небольшой гонораръ. Вѣроятно, отвѣтъ М. И. Погодина былъ неблагопріятный, и довольно интересная статья «О сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго» появилась на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ томъ же 1853 г., № 18. Вскорѣ тамъ же П. И. Бартевеа напечаталъ новую статью: «Еще нѣсколько словъ о В. А. Жуковскомъ», гдѣ дѣлаеть рядъ справедливыхъ и дѣльныхъ замѣча-

Петръ Ивановичъ Бартевеа.

ній къ статьѣ А. Д. Галахова о Жуковскомъ. Последній въ отвѣтъ написалъ: «Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было вызвать замѣчанія г. Бартевеа, что въ авторѣ ихъ вижу человека, занимающагося исторіей отечественной словесности и обладающаго основательными въ ней свѣдѣніями... Я прошу г. Бартевеа сообщать свои замѣчанія и на слѣдующія статьи мои о Жуковскомъ».

Въ томъ же (1853) году, въ № 11 «Отечественныхъ Записокъ», появилась статья Бартевеа: «Родъ и дѣтство Пушкина», откры-

впяя собою цѣлый рядъ другихъ его статей и замѣтокъ о поэтѣ, интересныхъ и основанныхъ на новыхъ матеріалахъ. Таковыми были, во-первыхъ, обширная статья: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи», печатавшаяся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», за 1854 и 1855 г., и вышедшая отдѣльно въ 1855 году.

Другимъ еще болѣе цѣннымъ трудомъ П. И. о Пушкинѣ были «Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. Пушкинъ въ южной Россіи» (напечатано сначала въ «Русской Рѣчи» за 1861 г. и отдѣльно въ 1862 г., а затѣмъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1866 г., въ №№ 8—9). Далѣе слѣдовали его болѣе мелкія статьи и замѣтки: «Программа журнала, набросанная Пушкинымъ около 1832 года» («День», 1861 г., № 2); «А. С. Пушкинъ. Рѣчь по поводу открытія памятника» («Русскій Архивъ», 1880 г., кн. 2, стр. 467—487); «Еще нѣсколько словъ о новой главѣ изъ «Капитанской дочки» («Московскія Вѣдомости» 1880 г., № 279); «Черновые наброски поэмы «Мѣдный всадникъ» («Русскій Архивъ», 1881 г., т. III; здѣсь при описаніи набросковъ приведены въ выноскахъ и наиболѣе существенные варианты и дополненія) и мн. др.

Въ 1856 г. начинается учено-издательская дѣятельность П. И., обогатившая русскую исторіографію цѣлымъ рядомъ матеріаловъ первостепеннаго значенія. Въ этомъ году онъ выпустилъ въ свѣтъ: «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, съ приложеніемъ уложенія сокольничьяго пути, съ пояснительною къ нему замѣткою С. Т. Аксакова, и съ портретомъ царя и снимками его почерка». Эта книга вызвала цѣлый рядъ рецензій и особенно обширную и даже нѣсколько придирчивую со стороны И. Е. Забѣлина, подъ заглавіемъ: «Черты русской жизни въ XVII столѣтіи» («Отечественныя Записки», 1857 г., № 1), но большинство критиковъ признало за нею большую заслугу для русской исторической науки. Впослѣдствіи П. И. Бартеневу удалось найти еще нѣсколько писемъ «тишайшаго» царя къ П. С. Хомякову, за 1656—1657 гг., которыя онъ и напечаталъ въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ» (1862 г., кн. 1).

Въ 1857 г. П. И. вступаетъ въ завѣдываніе «Русской Бесѣдой», и это обстоятельство какъ бы приковываетъ его къ занятію русской исторіей; даже «Русская Бесѣда» при немъ была по преимуществу историческимъ журналомъ. Въ ней П. И. напечаталъ: «Біографію графа А. И. Моркова» (кн. I, и отдѣльно: М., 1857 г., съ приложеніемъ нѣсколькихъ писемъ и донесеній Моркова императрицѣ Екатеринѣ II, на французскомъ языкѣ); «Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Біографическій очеркъ» (кн. IV); примѣчанія къ «Историческимъ бумагамъ XVIII вѣка, сообщеннымъ В. И. Ламанскимъ» (1860 г., № II, кн. 2), и «Біографическія воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ» (1860 г., № II, кн. 20).

Но что еще болѣе должно было повліять на П. И. въ пользу занятія русской исторіей, такъ это управленіе его Чертковскою бібліотекой, продолжавшееся съ 1859 до 1873 года. Библіотека А. Д. Черткова заключала въ себѣ богатѣйшее собраніе сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ по древней и новой Россіи. До преобразованія Императорской Публичной бібліотеки барономъ Корфомъ, отдѣлъ «Rossica» Чертковской бібліотеки былъ первѣйшимъ въ Россіи. Въ 1867 г. въ бібліотекѣ было до 13.500 сочиненій въ 21.350 томахъ, кромѣ рукописей. Въ 1873 г. она, какъ извѣстно, была переведена въ Румянцевскій музей, а теперь находится въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ. Частію заимствуя изъ нея, а частію изъ другихъ источниковъ, Бартенева напечаталъ: «Списокъ съ рядной записи, 7196 года» («Временникъ» Московскаго общества исторіи и древностей русскіихъ», кн. XVI), «Сотную выписъ г. Дмитрова, 1624 г.» (*ibid.*, кн. XXIV), «Свѣдѣнія объ арестованіи въ 1739 г. генералъ-майора Дюка де-Фалари», присланнаго въ Россію съ секретными порученіями отъ Мекленбургъ-Шверинскаго герцога («Чтенія Московскаго общества исторіи и древностей русскіихъ», 1859 г., кн. 4), «Люди и дѣла прежняго времени по автографамъ. Императрица Екатерина II къ князю М. Н. Волконскому. Рядъ писемъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя» («Зритель», 1863 г., № 12—20), и др.

Съ 1863 г. при Чертковской бібліотекѣ сталъ издаваться «Русскій Архивъ» (до 1871 г. по одному тому, затѣмъ два года по два тома и съ 1875 г. по три), перешедшій въ полное и единственное вѣдѣніе П. И. Бартенева лишь въ 1873 году. Содержаніе журнала съ первыхъ дней по настоящее время чисто фактическое. Статьи и монографіи обобщающаго характера появлялись и появляются сравнительно рѣдко, и вся энергія издателя направлена къ тому, чтобы собрать возможно большее количество историческаго и литературнаго матеріала послѣднихъ двухъ столѣтій—XVIII и XIX. По отношенію къ допетровской Руси въ числѣ матеріаловъ за все сорокалѣтіе изданія «Русскаго Архива» мы находимъ лишь «Путешествіе по Россіи голландца Стрюйса» (1880 г., т. I), нѣсколько матеріаловъ о Никонѣ и знаменитую «Челобитную Вас. Вас. Полозова царю Ѳеодору Алексѣевичу» (1865 г.). Нѣсколько обильнѣе отдѣлъ статей и изслѣдованій; здѣсь помѣщены: «Правда о Лжедмитріи», Н. Павлова (1886 г., т. II), «Мининъ и Пожарскій», И. Е. Забѣлина (1872 г.), «Яицкое войско», В. Витевскаго (1879 г.), «Дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ», Ѳ. Ильинскаго (1895 г.), нѣсколько статей Д. И. Иловайскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Матеріалы для своего журнала П. И. Бартенева черпаютъ изъ государственныхъ архивовъ московскихъ: архива министерства юстиціи и главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, сенатскаго архива, московскихъ Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ

и др. Но самую обильную жатву, конечно, онъ собиралъ изъ частныхъ архивовъ (гр. Паниныхъ, кн. Воронцова, кн. А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, кн. А. А. Безбородко, гр. А. Г. Бобринскаго, Н. В. Сушкова, И. И. Неплюева, Олсуфьева, кн. Голицына, кн. Куракина, гр. В. А. Перовскаго, кн. Вяземскихъ, гр. Ѳ. В. Растопчина, митроп. Гавріила и Платона, А. Н. Оленина, М. П. Погодина и мног. др.).

Наибольшую и едва ли не самую цѣнную часть матеріаловъ «Русскаго Архива» составляютъ письма государей, ихъ указы, рескрипты и замѣтки, письма государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей и разнаго рода документы о политическихъ событіяхъ. Болѣе всего писемъ и рескриптовъ государей осталось отъ Петра I и Екатерины II, особенно послѣдней. Что же касается переписки государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, то она такъ пространна, и число корреспондентовъ ея такъ велико и разнообразно, что положительно нѣтъ возможности хотя бы вкратцѣ указать ихъ. Достаточно сказать, что едва ли найдетъ я какой либо даже одинъ изъ нашихъ болѣе или менѣе видныхъ дѣятелей, не попавшій на страницы «Русскаго Архива». Рядомъ съ письмами писателей и ученыхъ нерѣдко попадаются и ихъ стихи и разнаго рода произведенія, не увидѣвшія своевременно свѣта вслѣдствіе строгости прежней цензуры.

Второе мѣсто послѣ указанныхъ матеріаловъ должны занять, по нашему мнѣнію, записки, воспоминанія, мемуары русскихъ и иностранцевъ о своемъ времени. Число ихъ тоже велико, но мы тѣмъ не менѣе укажемъ на болѣе цѣнные и крупныя изъ нихъ, слѣдуя хронологическому порядку. Отъ времени Петра Великаго мы имѣемъ: «Записки» гр. Бассевича, относящіяся къ 1713—1725 гг. (1865 г.)¹⁾, Юста Юля, датскаго посланника (1892 г.), Вебера, рассказывающаго преимущественно о Петрѣ Великомъ и его преобразованіяхъ, и «Путешествія»: стольника П. А. Толстого за границу въ 1697—1699 гг. (1888 г.) и священника Лукьянова въ Святую землю (1863 г.). Затѣмъ къ царствованію преемниковъ Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II относятся: «Записки» Н. Б. Долгоруковой (1863 г.), «Превратности судьбы. Воспоминанія поляка на русской службѣ въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны» (1898 г.), записки Фридриха Великаго о политическомъ отношеніи его къ Россіи въ первую половину XVIII вѣка и воспоминанія М. В. Данилова и В. А. Нащокина.

Екатерининское царствованіе и по отношенію къ этому отдѣлу матеріаловъ является наиболѣе раскрытымъ и освѣщеннымъ. Кромѣ иностранцевъ, оставившихъ свои мемуары,—Штернберга, Драмшель-

¹⁾ Годъ въ скобкахъ означаетъ годъ «Русскаго Архива», въ которомъ были напечатаны упомянутыя записки.

мана, поляка конфедерата, сосланнаго въ Сибирь (1886), Гольца (1901 г.) и Гельбиха, мы находимъ записки и воспоминанія: Н. В. Сущкова, Гр. Ст. Винскаго (1877 г.), М. И. Антоловскаго (о Московскомъ университетѣ и о первыхъ судьбахъ Императорской Публичной библіотеки;—1885 г.), гр. А. И. Рибопьера (1877 г.), Е. Р. Дашковой, И. В. Лопухина (1884 г.), статсъ-секретарей Екатерины II—А. М. Грибовскаго (1899 г.) и А. В. Храповицкаго (1901 г.) и др.

Изъ времени Павла I выдаются лишь записки Порошина и Н. С. Ильинскаго (1879 г.). Затѣмъ о событіяхъ и лицахъ въ царствованіе Александра I имѣется записокъ и мемуаровъ, пожалуй, не менѣе, чѣмъ Екатерининскаго царствованія; войны его вызвали наибольшее число воспоминаній. Изъ записокъ иностранцевъ назовемъ записки: графини Эдлингъ (1887 г.), гр. Рошенуара (1890 г.), Ипполита Оже (1877 г.), Шевалье д'Изарна, Ланжерола и маркиза Пасторе (1900 г.), а изъ отечественныхъ мемуаристовъ—Н. И. Муравьева-Карскаго, который продолжаетъ свои воспоминанія первыхъ годовъ царствованія Александра II, гр. М. Д. Бутурлина, также продолжающаго свои записки до 1860 г., П. Новосильцева, Н. Шенига, Ю. Н. Бартенева, А. Я. Булгакова, адм. Чичагова, И. О. Тимковскаго, Н. В. Долгорукова (1892 г.) и мн. др.

Декабрьскія событія 1825 г. и послѣдующія войны также вызвали немало воспоминаній и среди нихъ, наиболѣе цѣнныхъ—И. И. Горбачевскаго (1882 г.), М. И. Муравьева-Апостола, Грабе-Горскаго, польскаго епископа Буткевича, В. А. Инсарскаго, Л. О. Львова (1885 г.), А. М. Фадѣева (1891 г.), Н. А. Рѣшетова, характеризующаго провинціальное общество и администрацію Николаевскаго времени (1885—1887 гг.), А. Н. Андреева (о встрѣчахъ съ артистами и писателями, по преимуществу; 1890 г.), графини А. Д. Блудовой, Г. И. Филипсона (1883—1884 гг.) и др.

Наконецъ изъ времени Александра II, царя освободителя, встрѣчаемъ записки Г. Д. Щербачева и А. П. Николаи, рассказывающихъ о крестьянской реформѣ (1891—1892 гг.), графа П. В. Берга, графа Д. Н. Толстого-Знаменскаго, князя Д. Д. Оболенскаго, Н. Д. Боготинова (1899 г.), Л. Л. Зиссермана и др.

Редактируя столь многочисленный и разнообразный матеріалъ, П. И. Бартенева почти каждыя записки, письма и другіе документы сопровождалъ своими примѣчаніями и очень часто предпосылалъ имъ довольно значительныя предисловія.

Выше мы сказали, что статей и изслѣдованій обобщающаго характера въ «Русскомъ Архивѣ» сравнительно немного. Но это «немногое», до нѣкоторой степени кажущееся по сравненію съ всепоглощающимъ обиліемъ матеріаловъ и при томъ во многихъ отношеніяхъ, цѣнное. Въ подтвержденіе своихъ словъ назовемъ хотя бы статьи: «Сенатъ въ царствованіе императрицы Екатерины II», В. Иконникова (1888 г.); «Верельскій мирный договоръ

со Швеціей, 1790 г.», графа Д. А. Толстого; «Исторія евреевъ въ Россіи при Екатеринѣ II, Павлѣ I и Александрѣ I», Шугурова (1894 г.); «Биографическій очеркъ протоіерея П. А. Алексѣева», А. Корсакова (1880 г.); «Канцлеръ А. А. Безбородко», Н. И. Григоровича (1874—1877); «Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ», А. П. Барсукова (1873); «Митрополитъ Гавріилъ Банудеско-Бодони, одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ архипастырей конца XVIII и начала XIX вв.», В. Жмакина (1898 г.); «Императрица Марія Теодоровна», Е. С. Шумигорскаго (1889—1892 г.); «Москва въ 1812 году», «Французы въ Москвѣ въ 1812 году»—А. Н. Попова; «М. М. Сперанскій въ его государственной дѣятельности», профессора Ѳ. М. Дмитірева; «М. М. Сперанскій. Критико-историческое изслѣдованіе», М. П. Погодина; «Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности» (1894 г.); «Свѣтлѣйшій князь Д. В. Голицынъ», графа М. В. Толстого; «Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій», Зиссермана, и мн. др.

Если прибавить еще, что довольно видное мѣсто занимала въ журналѣ библіографія, по крайней мѣрѣ, въ первыя десятилѣтія, и некрологія, то для всякаго будетъ понятно и очевидно, почему каждая книжка «Русскаго Архива» встрѣчалась съ особымъ удовольствіемъ, какъ вносящая новый свѣтъ на событія недавней старины, почему ни одинъ изслѣдователь, разъ онъ хочетъ коснуться событій или лицъ XVIII и XIX столѣтій, не можетъ обойтись безъ «Русскаго Архива», и, наконецъ, почему нельзя себѣ представить ни одной сколько нибудь серьезной библіотеки безъ этого важнаго собранія первоисточниковъ новой русской исторіи. Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ о «Русскомъ Архивѣ» мы только позволили ли бы себѣ высказать издателю наше желаніе, которое, безъ сомнѣнія, раздѣляютъ всѣ занимающіеся русской исторіей, увидѣть къ концу 40-лѣтія «Русскаго Архива» полный сводный указатель встрѣчающихся въ немъ именъ и при томъ въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ обыкновенно прилагается къ декабрьской книжкѣ cadaго года.

Казалось бы, что изданіе такого журнала, какъ «Русскій Архивъ», должно было поглотить всю энергію издателя и его матеріалы, но, несмотря на это, онъ еще съ 1868 г. приступаетъ къ изданію цѣннѣйшихъ историческихъ сборниковъ: «Осьмнадцатый вѣкъ» (4 книги) и «Девятнадцатый вѣкъ» (2 книги, Москва, 1871—1872 гг.). Матеріалы и статьи, помѣщенные въ этихъ сборникахъ, столь цѣнны и важны въ историческомъ отношеніи, что мы не считаемъ себя въ правѣ не упомянуть хотя бы о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Больше всего помѣщено писемъ и бумагъ, относящихся къ царствованію Екатерины II (тутъ и ея переписка съ графомъ Броуномъ, съ княземъ М. Н. Волконскимъ и Дидро, и ея знаменитый

«Антидотъ»); нѣсколько документовъ изъ первыхъ годовъ царствованія Елисаветы Петровны и рескрипты и указы Петра I къ лифляндскому губернатору. Затѣмъ находимъ «Записки» графа Е. Ѳ. Комаровскаго, «Письма о Россіи Дука де-Лирія» и «Житіе Ѳ. Вас. Ушакова» (статья А. Н. Радищева, съ послѣсловіемъ П. И. Бартечева). Изъ статей же «Осьмнадцатаго вѣка» назовемъ: «Дидро и его сношенія съ Екатериною II», М. Ѳ. Шугурова; «Екатерина I», Андреева, и «Послѣдній король польскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ исходѣ XVIII вѣка», Де-Пуле.

Въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ» помимо «Записокъ» Н. В. Басаргина и «Записокъ очевидца въ войнѣ Россіи противъ Турціи и западныхъ державъ (1853—1855 гг.)», обращаютъ наибольшее вниманіе письма и записки графа Ѳ. В. Растопчина и бумаги К. Ѳ. Рылѣва.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія названныхъ сборниковъ, П. И. приступилъ къ редактированію новаго капитальнѣйшаго изданія «Архивъ князя Воронцова», котораго вышло 40 книгъ съ указателемъ. Представители этого славнаго рода, начиная съ М. И. Воронцова, занимали выдающіеся посты и играли роль первѣйшихъ государственныхъ дѣятелей въ теченіе болѣе ста лѣтъ; поэтому неудивительно, что въ ихъ бумагахъ и письмахъ находятся интереснѣйшія и вносящія новый свѣтъ данныя на современные имъ событія и лица. Не только всѣ почти наиболѣе видные дѣятели XVIII и XIX столѣтій были съ ними въ перепискѣ, но и всѣ почти государи и особы царскаго дома (письма послѣднихъ занимаютъ цѣлый XXVIII-й томъ, помимо множества другихъ, помѣщенныхъ въ разныхъ томахъ «Архива»). Нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося событія изъ внѣшней и внутренней политики Россіи, по поводу котораго мы не находили бы въ бумагахъ графовъ и князя Воронцовыхъ цѣнныхъ свѣдѣній. Указывать здѣсь подробнѣе на нихъ мы находимъ излишнимъ вслѣдствіе всеобщей извѣстности этого изданія и въ заключеніе своей замѣтки перейдемъ къ перечню цѣлага ряда еще другихъ работъ юбиляра.

Наибольшее количество изъ нихъ принадлежитъ къ болѣе или менѣе крупнымъ некрологамъ и юбилейнымъ замѣткамъ, числомъ болѣе 25, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою цѣнность, какъ писанная лицомъ, хорошо знавшимъ и понимавшимъ покойнаго или юбиляра. Далѣе П. И. принадлежитъ рядъ крупныхъ библиографическихъ работъ («Указатели» къ журналамъ: «Русскій Вѣстникъ», за 1856—1862 гг.; «Русская Бесѣда», за все время изданія; «Москвитянинъ», за 1841—1853 гг.; «Московскіе Сборники», за 1846—1860 гг.; «Библиографическія Записки», за 1858—1861 гг.; указатель къ изданіямъ Московскаго общества исторіи и древностей російскихъ за 1815—1865 гг.; «Всеобщая бібліотека Россіи, или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и по-

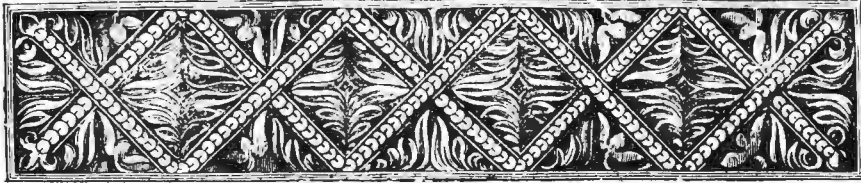
дробностяхъ, собранныхъ А. Д. Чертковымъ. Отдѣленіе первое— исторія; отдѣленіе второе—землеописаніе», М., 1869 г. и др.).

Наконецъ, онъ издалъ въ 1860 г. «Записки» Г. Р. Державина съ литературными и историческими примѣчаніями и два собственныхъ перевода: «Исторія Германіи съ древнѣйшихъ временъ до 1851 г.», Кольрауша (2 части, М., 1860 г.), и «Исторія Сербіи», Ранке (М., 1857 г.; 2-е изд., 1876 г.).

Сдѣланнымъ перечнемъ мы, конечно, далеко не исчерпали всѣхъ трудовъ П. И. Бартенева, но и указаннаго вполне достаточно, чтобы видѣть и чтить въ немъ глубокаго знатока русской исторіи и литературы XVIII и XIX вѣковъ и истиннаго труженика на пользу изученія родной старины.

В. Е. Рудаковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Горовцевъ. Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Удостоено преміи Августѣйшаго Имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, учрежденной при комитетѣ попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Рекомендовано ученымъ комитетомъ министерства народнаго прозвѣщенія для приобрѣтенія въ основныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1901.

АША литература о благотворительности увеличилась новымъ трудомъ, который уже по одному тому естественно привлекаетъ къ себѣ вниманіе, что предметомъ его является трудовая помощь, за послѣднее время занявшая одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду другихъ средствъ борьбы съ нуждою и бѣдностью.

И нельзя не согласиться съ авторомъ книги, что мѣсто это занято ею вполне заслуженно, что дѣйствительно трудовая помощь соединяетъ въ себѣ такія неоспоримыя достоинства, которыя должны исполнѣе обеспечивать ей дальнѣйшее развитіе и усиленіе въ будущемъ. По отношенію къ трудоспособному бѣдняку она, конечно, должна исполнѣе замѣнить собою беспорядочную милостыню, которая только губитъ въ немъ энергію и охоту къ самостоятельному труду, соблазняя его возможностью жить на чужой счетъ. Кромѣ того, несомнѣнное преимущество ея заключается также и въ томъ, что она одна только даетъ возможность отличить честнаго истинно-нуждающагося бѣдняка отъ нищаго-профессіоналиста, который труда боится больше всего и, разумеется, не легко согласится принять его вмѣсто милостыни. И наконецъ, она представляетъ еще и то матеріальное преимущество, что при оказаніи ея бѣднякъ хоть что нибудь

производить въ оплату за получаемую имъ помощь, такъ что помощь эта обходится обществу дешевле, чѣмъ даровая.

Понятно, что при такихъ своихъ достоинствахъ трудовая помощь нашла себѣ за послѣднее время самое широкое распространеніе во всемъ мірѣ, выразившись въ разнообразныхъ видахъ и формахъ, описанію и оцѣнкѣ которыхъ посвященъ названный выше трудъ. По обстоятельности своей въ этомъ отношеніи онъ едва ли не является однимъ изъ наиболѣе полныхъ въ специальной литературѣ по настоящему предмету.

Работу свою авторъ дѣлитъ на двѣ части, изъ которыхъ вторая и заключаетъ въ себѣ обзоръ современныхъ учреждений трудовой помощи и ихъ дѣятельности, а первая, являясь какъ бы введеніемъ къ нему, посвящена выясненію общаго значенія труда, какъ средства борьбы съ бѣдностью—не только благотворительнаго, но такъ же и предупредительнаго, и репрессивнаго. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ на послѣднемъ вопросѣ и выясняетъ значеніе предназначенныхъ для нищихъ-профессионалистовъ рабочихъ домовъ, въ изобиліи существующихъ уже за границею, а у насъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще остающихся въ области пожеланій. Обращаясь затѣмъ къ непосредственному предмету своей работы—трудовой помощи, какъ мѣрѣ благотворительной, авторъ здѣсь же останавливается также и на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ наиболѣе общихъ основныхъ вопросовъ благотворительности—о субъектѣ ея и пресловутомъ правѣ на помощь—и выказываетъ себя сторонникомъ волонтарной системы, отрицающей юридическую обязанность государства приходить на помощь каждому нуждающемуся. Такое рѣшеніе вопроса представляется, правда, не безспорнымъ, особенно съ точки зрѣнія современной нѣмецкой школы, но во многихъ отношеніяхъ съ нимъ нельзя не согласиться, если имѣть въ виду главное положеніе волонтаристовъ, что юридически признанное право на помощь должно неминуемо вести къ ослабленію самостоятельныхъ началъ въ жизни населенія. Послѣ этихъ общихъ вопросовъ авторъ переходитъ къ выясненію преимуществъ трудовой помощи, и здѣсь можно было бы упрекнуть его за нѣкоторую краткость и сжатость изложенія этой части его работы, если бы только недостатокъ этотъ не восполнялся съ избыткомъ тѣми интересными данными о трудовой помощи, которыя составляютъ собою содержаніе второй части его труда.

Послѣдовательно разсматриваетъ онъ сначала историческое развитіе идеи трудовой помощи, а затѣмъ современное ея положеніе во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра—въ Англии, Голландіи, Германіи, Франціи, Бельгіи, Даніи, Австро-Венгрии, Швейцаріи, Америкѣ и, наконецъ, въ Россіи. Трудовой помощи въ Россіи посвящено болѣе половины всей книги, и это особенно поднимаетъ ея значеніе въ виду того серьезнаго интереса современности, который приобрѣла она у насъ съ начала дѣятельности домовъ трудолюбія. Дѣятельность эту авторъ разбираетъ во всѣхъ подробностяхъ, не оставивъ безъ разсмотрѣнія, кажется, ни одной ея стороны, начиная съ вопроса объ ея цѣли и назначеніи и кончая такими мелкими, повидимому, вопросами, какъ, напримѣръ, о размѣрахъ и помѣщеніи домовъ трудолюбія. Отдавая все должное ихъ дѣятельности, авторъ, однако, горячо ратуетъ за искорененіе

одного серьезнаго ея несовершенства, обусловливаемого впрочемъ не столько дѣятельностью этой самой по себѣ, сколько общею неудовлетворительностью всей нашей системы борьбы съ бѣдностью. Несовершенство это заключается въ той смѣшанности состава призрѣваемыхъ въ домахъ трудолюбія, которая, къ сожалѣнію, является теперь въ нихъ господствующею и подвергаетъ честнаго случайнаго бѣдняка опасности очутиться въ тлетворномъ сосѣдствѣ съ нищими-профессіоналистами, нерѣдко препровождаемыми сюда полиціею, вслѣдствіе отсутствія специально предназначенныхъ для нихъ репрессивныхъ рабочихъ домовъ съ принудительнымъ трудомъ. Изъ-за этого домъ трудолюбія иногда совершенно уклоняется отъ своего прямого назначенія, нисколько не привлекая къ себѣ случайныхъ бѣдняковъ, для которыхъ онъ въ дѣйствительности предназначенъ, и служа убѣжищемъ для нищихъ-профессіоналистовъ, для которыхъ онъ по всему своему режиму совершенно не приспособленъ.

Основная мысль автора о необходимости созданія особыхъ учреждений для всякаго отдѣльнаго вида нуждающихся красною нитью проходитъ черезъ всю его книгу, и можно, конечно, въ этомъ отношеніи только исполнѣ ему сочувствовать и присоединиться къ высказываемой имъ надеждѣ, что въ будущемъ «домъ трудолюбія останется самимъ собою, а толчекъ, данный имъ всей нашей системѣ мѣръ борьбы съ бѣдностью, не пропадетъ даромъ, и здоровая идея труда ляжетъ въ самую глубь ея основанія». А—скій.

—————

Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, составленное по высочайшему повелѣнію А. Висковатовымъ въ 1862 году, переиздаваемое въ настоящее время техническимъ комитетомъ главнаго интендантскаго управленія. Спб. 1901.

Въ 1841—1862 годахъ военный историкъ А. В. Висковатовъ издалъ по высочайшему повелѣнію «Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ». Этотъ колоссальный трудъ, состоящій изъ сорока объемистыхъ томовъ съ 3.000 рисунками, составляя собственность военнаго министерства, въ продажу не поступалъ и вмѣстѣ съ «Хроникою россійской императорской арміи» князя С. Н. Долгорукова, изданной въ 1799 году, являлся почти единственнымъ источникомъ для всѣхъ справокъ, необходимыхъ для полковыхъ историковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ и общій интересъ, какъ сочетаніе художественнаго альбома съ единственною въ своемъ родѣ монографіею.

Не только описанія одежды и вооруженія касается трудъ Висковатова, какъ это можно было бы предполагать по его заглавію, но въ немъ подробно и послѣдовательно изложены: время сформированія частей войскъ, достигшія ихъ перемѣны, назначенія шефовъ, переименованія и проч. измѣненія въ ихъ исторіи; поэтому точность труда Висковатова представляетъ огромную важность для прибѣгающихъ къ нему историковъ, тѣмъ болѣе, что одна ошибка влечетъ за собою непоправимый рядъ погрѣшностей въ цѣлыхъ серияхъ сочиненій. Почти каждая полковая исторія испещрена ссылками на «Висковатова»

и «Долгорукова», и когда въ «Русскомъ Инвалидѣ» въ началѣ 1901 года появились споры объ историческомъ происхожденіи казачьей одежды, — ссылки на Висковатова были безпрерывныя.

Между тѣмъ этотъ колоссальный трудъ испещренъ ошибками, пропусками и неточностями, совершенно обезцѣнивающими его значеніе, какъ источника для справокъ, при чемъ эти ошибки, пропуски и неточности встрѣчаются не только въ текстѣ, но и въ рисункахъ, являющихся нерѣдко лишь плодомъ фантазіи художниковъ, дѣлавшихъ ихъ на глазъ, а потому нѣкоторые предметы вооруженія получались, быть можетъ, и красивѣе, но далекими отъ дѣйствительности.

Такъ, напримѣръ, на рисункѣ «Оберъ-офицеръ и казакъ лейбъ-уральской сотни съ 1788 по 1801» (часть IX, рис. № 1202) какъ обмундированіе, такъ и вооруженіе казаковъ во всѣхъ мелочахъ не схожи съ образцами того времени.

Трудъ Висковатова давно уже сдѣлался большой рѣдкостью, и потому техническимъ комитетомъ главнаго интендантскаго управленія, подъ наблюдениемъ тайнаго совѣтника Верховцева, приступлено къ его переизданію. Въ настоящее время отпечатанъ уже 14-й томъ ¹⁾. Какъ видно изъ огромнаго количества просектовъ, разосланныхъ въ войска, это изданіе передано для продажи частному коммерческому предпринимателю, Я. Берману, который предлагаетъ его по подпискѣ приблизительно по цѣнѣ за всѣ сорокъ томовъ, отъ 400—500 рублей въ разрочку, но съ тѣмъ, что подписавшійся на это изданіе уже не имѣетъ права отказаться отъ полученія его наложеннымъ платежемъ выпусками.

Наблюденіе за изданіемъ и его редакція поручены техническимъ комитетомъ штабсъ-капитану П. Ф. Пышкину.

Достаточно взять любой томъ этого новаго изданія и сличить его съ изданіемъ, законченнымъ въ 1862 г., чтобы убѣдиться, что оно представляетъ собою точнѣйшую копію съ изданія Висковатова, и что редакторъ не взялъ на себя труда не только дополнить, но и провѣрить Висковатова, вслѣдствіе чего и новое изданіе является съ такой массой ошибокъ, которыя дѣлаютъ его совершенно непригоднымъ и не достигающимъ цѣли — служить справочнымъ историческимъ источникомъ. Приведемъ для примѣра нѣкоторыя ошибки.

Въ томѣ VII Висковатовскаго изданія въ періодъ 1796—1801 гг. (стр. 16 и 17) сдѣлано 5 пропусковъ; пропущено 1) на стр. 16 ²⁾, что 31-го января 1797 г. «Козловскій мушкетерскій полкъ названъ Старо-Баденскимъ и Бутырскій мушкетерскій полкъ Молодо-Баденскимъ, а прежнія имена сихъ полковъ отставляются» (высочайшій приказъ 31-го января 1797 г.); ранѣе, на стр. 12 и 13, эти же полки названы у Висковатова Старо-Баденскимъ и Молодо-Баденскимъ 3-го декабря 1796 г., но изъ предыдущаго, видно, что вы-

¹⁾ Быть можетъ, въ настоящее время и больше.

²⁾ Первый обратилъ вниманіе на эти ошибки и заговорилъ о нихъ въ печати сначала въ № 205 «Варшавскаго Дневника» 1901 г., а затѣмъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1901 г. въ № 182 В. Л. Тагѣвъ, послѣ чего стали появляться статьи, дополняющія его указанія (въ «Русскомъ Инвалидѣ» №№ 182, 199, 200, 219 и въ «Свѣтѣ» № 243 за 1901 г.).

сочайшій приказъ объ этомъ состоялся только лишь 31-го января 1797 г., т. е. почти годъ спустя. 2) Стр. 17: «Рязанскому мушкетерскому полку называться мушкетерскимъ генерала-отъ-инфантеріи Голенищева-Кутузова» (высоч. приказъ 2-го апрѣля 1798 г.). 3) Владимирскій мушкетерскій полкъ названъ по шефу мушкетерскимъ графа Гудовича 2-го (тотъ же приказъ). 4) Нарвскаго мушкетерскаго полка полковникъ Стремоуховъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ шефомъ въ Тифлисскій мушкетерскій полкъ, коему и носить имя шефа (высочайшій приказъ 5-го октября 1798 г.). 5) Вѣлосерскій полкъ названъ полкомъ генераль-лейтенанта Будкевича 12-го октября 1798 г. («Хроника» Долгорукова, стр. 21); на настольной тетради сдѣлана пометка: «приказъ 30-го сентября 1798 г.» (?). На стр. 20 Черниговскій мушкетерскій названъ 31-го января 1798 г. генераль-майора Эссена 1-го, тогда какъ онъ получилъ это названіе 1-го октября того же года (высочайшій приказъ 1-го октября 1798 г.).

На стр. 28 и другихъ пропущены чины, званія и титулы шефовъ, напримѣръ, генераль-отъ-инфантеріи баронъ Спренгпортенъ названъ просто баронъ, также генераль-лейтенантъ Сакенъ 1-й, и почти то же замѣчается у всѣхъ полковыхъ шефовъ на стр. 29—31. На стр. 35 опять пропущено, что 25-го декабря 1797 г. Екатеринбургскому кирасирскому полку повелѣно называться полкомъ генераль-фельдмаршала графа Салтыкова 2-го (высочайшій приказъ 25-го декабря 1797 г.), а также что Кирасирскій военнаго ордена полкъ названъ по имени шефа, генераль-лейтенанта Тормасова (высочайшій приказъ 18-го сентября 1798 г.). На стр. 36 пропущено опять 6 частей: 1) Псковскому драгунскому полку именоваться генераль-майора, барона фонъ-дербъ-Остенъ-Сакена (высочайшій приказъ 25-го сентября 1798 г.); 2) Рязанскому кирасирскому полку — генераль-майора фонъ-Риделя (высочайшій приказъ 30-го сентября 1798 г.); 3) Казанскому кирасирскому полку именоваться генераль-майора Бардакова полкомъ (высочайшій приказъ 10-го октября 1798 г.); 4) С.-Петербургскому драгунскому полку именоваться по имени шефа, генераль-майора Шенелева (высочайшій приказъ 15-го октября 1798 г.); 5) Киевскій кирасирскій полкъ названъ генераль-лейтенанта графа Шувалова полкомъ 19-го октября 1798 г. («Хроника російскихъ войскъ» С. Н. Долгорукова 1799 г., стр. 170); 6) Старо-Дубовскій кирасирскій полкъ названъ полкомъ генерала-отъ-кавалеріи Нумсена («Хроника» Долгорукова, 1799 г., стр. 173).

31 октября 1798 г. всѣмъ кавалерійскимъ полкамъ повелѣно называться по шефамъ, за исключеніемъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго его величества и лейбъ-гвардіи кирасирскаго ея величества, удержавшимъ свои наименованія. Вотъ тутъ-то и начинается у Висковатова новая путаница, и сюда онъ относитъ также и тѣ полки, якобы получившіе названія по шефамъ 31 октября 1798 г., которые получили ихъ гораздо раньше и съ означеннаго выше числа именовались «попрежнему по именамъ шефовъ»; здѣсь же слѣдуетъ дѣлать рядъ неточностей въ чинахъ и званіяхъ шефовъ. Перечисленіе ихъ заняло бы очень много мѣста. На стр. 43 генераль-майоръ Зиманъ названъ Зиминымъ. На стр. 46. «осадный генераль-лейтенанта Нилуса 23-го ноября 1797 г. — генераль-майора Нелюбова, тогда какъ по высочайшему приказу это было 7-го марта

1800 г. На стр. 51 сказано: Фридрихсгамскому гарнизоннымъ... 6-го мая 1797 г. генералъ-майора Беклешева 2-го, а высочайшій приказъ отданъ объ этомъ 6-го мая 1799 г. На стр. 55 напечатано: «Могилевскому, переведенному въ Рогачевъ—гарнизоннымъ подполковника Неклюдова», а по хроникѣ Долгокурова стр. 119 выходитъ: «переведенному изъ Рогачева». (Высочайшаго приказа нѣтъ). Та же справка подтверждается и «Полн. Собр. зак. Росс. имперіи». На стр. 73 Аренбургъ названъ Оренбургомъ; такимъ образомъ въ перечисленіи русскихъ городовъ явилось два Оренбурга. На стр. 74 значится, что Чугуевскій казачій полкъ упраздненъ 22 ноября 1796 г., тогда какъ это состоялось 22 декабря того же года (высочайшій приказъ 22 декабря 1796 г.).

Въ томѣ X (стр. 24, 109, 141, 252 и 358) по вопросу «объ образованіи дивизій» ¹⁾ Висковатовъ пишетъ, что 1) 4-го мая 1806 г. составлены 13 дивизій; 2) «23-го августа 1806 г.—артиллерійскіе полки и прочіе были расформированы, и вмѣсто нихъ учреждены бригады»; 3) 13-го іюня 1807 г. при учрежденіи дивизій «всѣ 4 полка гвардейской пѣхоты и полки гвардейской кавалеріи поступили въ 1-ю дивизію». На основаніи же подлиннаго дѣла «объ образованіи дивизій» (архивъ канцеляріи военного мин.) это составленіе дивизій совершилось иначе, число ихъ было 12, и расписаніе утверждено не 4 мая, а 5 февраля. Артиллерійскіе полки расформированы не были, а всего только расписаны по дивизіямъ одновременно съ пѣхотой и кавалеріей, т. е. 5-го февраля (рапортъ графа Аракчеева отъ 28-го февраля 1806 г. за № 526 и расписаніе на 12-ть дивизій), а 23-го августа было высочайше утверждено «Положеніе о составленіи артиллерійскихъ бригадъ» (рапортъ графа Аракчеева 2-го августа 1806, № 2681, и П. С. З. Р. II., № 22249). Бригады не были учреждены, а повелѣно было «число всѣхъ артиллерійскихъ ротъ въ дивизіи именовать артиллерійскою бригадою».

Гвардія вошла въ составъ 1-й дивизіи не 13 іюня 1807 г., а на цѣлый годъ раньше.

30-го апрѣля 1806 г. была составлена изъ полковъ гвардіи и нѣкоторыхъ полковъ арміи «особая дивизія», подъ названіемъ первой дивизіи, ввѣренная его императорскому высочеству, цесаревичу Константину Павловичу (копія съ высочайшаго указа его высочеству и расписаніе 1-й дивизіи).

Въ расписаніи дивизій 15-я была учреждена вовсе «не по случаю умноженія арміи 17-ю полками» (Висковатовъ, стр. 27, т. X) и не 24 іюля (тамъ же), а 15-го іюня изъ «войскъ, на Ионическихъ островахъ находившихся (высочайшій указъ вице-адмиралу Сенявину отъ 15 іюня 1807 г.). 16-я, 17-я и 18-я дивизіи были образованы не 24 іюля (Висковатовъ, т. X, стр. 27), а 27-го сентября (высочайшее повелѣніе на имя генерала отъ кавалеріи Апраксина и генерала отъ инфантеріи Тутолмина).

Въ артиллерійскомъ его императорскаго высочества Михаила Павловича баталіонѣ (стр. 2) показаны къ 12 марта 1801 г. команды—піонерная, понтонная и фуришадтская, что полагалось по штату 1798 г. (П. С. З., № 18577),

¹⁾ «Русскій Инвалидъ» 7 октября 1901 г., № 219.

тогда какъ по штату 1799 г. (П. З., С. № 18937) командою значится только одна фуриггадтская.

О распредѣленіи же піонерныхъ ротъ по дивизіямъ совершенно у Висковатова умалчивается, что является серьезнымъ пробѣломъ (расписание войскъ на 12 дивизій и рапортъ инженеръ-генерала фонъ-Сухтелена его императорскому величеству отъ 15 іюля 1806 г.).

Въ отношеніи описанія ¹⁾ вооруженія трудъ Висковатова не только даетъ очень мало матеріала для историковъ или для лицъ интересующихся этимъ вопросомъ, но настолько слабо составленъ, что положительно невозможно въ немъ разобраться, и онъ не можетъ быть исправленъ, а долженъ быть, составленъ заново. Несмотря на заглавіе, гласящее объ «Описаніи вооруженія» русскихъ войскъ, у Висковатова такового описанія, которое удовлетворяло бы самымъ невыскаательнымъ требованіямъ, не имѣется, и для доказательства, что даетъ въ этомъ отношеніи Висковатовъ, возьмемъ періодъ царствованія императора Николая I, наиболее богатый по количеству введенія въ наши войска разнообразныхъ системъ вооруженія. Ужь одно пѣхотное ружье за этотъ промежутокъ времени имѣло высочайше утвержденные образцы 1828, 1839, 1843, 1845, 1852, 1854 годовъ. Въ это царствованіе вводится ударная система, развивается нарѣзное оружіе въ видѣ Литтихскаго штуцера, образца 1843 г., кавалерійскаго штуцера 1849 г. и нарѣзныхъ драгунскихъ карабиновъ и пѣхотныхъ ружей образца 1854 г. Утверждается образецъ казачьихъ ружей 1832 г. и карабинъ для всей кавалеріи 1833 г. Сферическая пуля замѣняется пулею съ ушками, Менье и Бельгійскою.

Что же даетъ относительно этого богатѣйшаго матеріала 19-й томъ Висковатова, заключающій въ себѣ «Перемѣны въ обмундированіи и вооруженіи русскихъ войскъ съ 20-го ноября 1825 года по 18-е февраля 1855 года въ гренадерскихъ морскихъ и пѣхотныхъ полкахъ»? Вотъ что Висковатовъ говорить о русскомъ огнестрѣльномъ оружіи этого періода:

Въ гренадерскихъ полкахъ, 1846 г., іюня 23 (стр. 321), по случаю введенія въ пѣхотныхъ войскахъ ружей съ ударными замками, утверждено слѣдующее общее для всѣхъ сихъ войскъ описаніе пригонки кансюльной сумочки: въ пѣхотѣ кансюльная сумочка прикрѣпляется къ перевязи... и далѣе слѣдуетъ подробное описаніе этой пригонки.

1848 г., сентября 23 (стр. 323), въ дополненіе къ перемѣнамъ, состоявшимся 8-го августа сего года, утверждено слѣдующее описаніе пригонки патронташа и кансюльной сумочки для войскъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса... слѣдуетъ описаніе 1849 г., сентября 14 (стр. 335), утвержденъ образецъ ударныхъ пистолетовъ для генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ гренадерскихъ и прочихъ пѣхотныхъ полковъ.

1855 г., февраля 13, утверждено слѣдующее описаніе новой пригонки кансюльной сумочки. . Тѣ же ссылки и въ пѣхотныхъ и въ морскихъ полкахъ 1846 г., іюня 23 (стр. 377), 1849 г., сентября 14 (стр. 378), 1855 г., февраля 13 (стр. 383).

¹⁾ См. «Русскій Инвалидъ», № 229, 1901 г., статья Оедорова.

Вотъ и все, что найдетъ желающій ознакомиться по Висковатову съ вооруженіемъ нашей армейской пѣхоты въ царствованіе императора Николая I. Даже не указана дата утвержденія перваго образца нашего ударнаго оружія, т. е. начала эры усовершенствованія русскаго вооруженія и изытанія кремневой системы. Одинъ только гладкоствольный пистолеть образца 1849 г. нашель себѣ мѣсто у Висковатова, но зато описанія этого пистолета вовсе не имѣется.

Изъ множества рисунковъ, приложенныхъ къ 19 тому, только два касаются вооруженія. Замѣтимъ о вооруженіи гвардейской пѣхоты, изображенномъ въ 24 томѣ у Висковатова. Тѣ же четыре ссылки, какъ въ тяжелой, такъ и въ легкой гвардейской пѣхотѣ; тѣ же капсюльные сумочки и тотъ же пистолеть. О перемѣнахъ въ вооруженіи въ кавалерійскихъ частяхъ приведена за все царствованіе Николая I единственная ссылка 3 декабря 1834 г. (стр. 59) — «въ кирасирскихъ полкахъ пистолетовъ повелѣно вовсе не имѣть». А объ отмѣнѣ кирасирскихъ ружей и о введеніи карабиновъ, высочайше утвержденныхъ въ 1833 г. и поступившихъ на вооруженіе всей кавалеріи, вовсе ничего не говорится¹⁾.

Изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что «Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ» во всѣхъ отношеніяхъ требуетъ коренного не только пересмотра, но частію и пересозданія вновь. Что же касается I-го тома этого колоссальнаго труда, касающагося «донетровской Руси», то онъ представляетъ собою въ отношеніи одежды, оружія и конскаго снаряженія исключительно плодъ фантазіи и долженъ быть составленъ вновь при помощи лицъ, близко знакомыхъ съ исторіею и археологіею «донетровской Руси».

Исправить въ отдѣльномъ томѣ многочисленныя ошибки, допущенныя Висковатовымъ и буквально повторенныя въ изданіи технического комитета, совершенно неудобно, такъ какъ тогда разобратъ въ этомъ трудѣ не будетъ уже никакой возможности. Исправленіе этого изданія должно быть выполнено отнюдь не частнымъ лицомъ, а только спеціальною для этого коммисіею, и не къмъ другимъ, какъ казеннымъ учрежденіемъ, подъ наблюденіемъ компетентныхъ лицъ. Изданіе, подобное «Историческому описанію», какъ необходимый справочникъ для войскъ, должно быть изданіемъ офиціальнымъ; только тогда къ нему можно будетъ отнестись съ довѣріемъ. Отъ изданія частнаго лица, гдѣ на первомъ планѣ соблюдается матеріальный расчетъ, врядъ ли можно ожидать добросовѣстнаго отношенія къ такому важному дѣлу.

Поэтому желательно, чтобы военное вѣдомство приняло на себя переизданіе этого труда и, пользуясь 40 томами Висковатова, какъ остовомъ, создало бы дѣйствительно полезное пособіе для полковыхъ историковъ, а не довольствовало бы выпускомъ въ свѣтъ частными предпринимателями этого труда въ томъ видѣ, въ какомъ онъ печатается въ настоящее время.

П—скій.

¹⁾ Эти свѣдѣнія сообщены В. Осдоромъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1901 г., № 229.

Кавказъ и его герои. Въ двухъ книгахъ. Составилъ И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Спб. 1901.

Эта объемистая и интересная книга составлена очень старательно: въ нее вошло нѣсколько статей, написанныхъ составителемъ книги ранѣе и помѣщенныхъ въ журналахъ — въ «Вѣстникъ Европы» и «Русской Старинѣ»; между прочимъ, въ книгу вошли и тѣ статьи г. Захарьина о Черноморскомъ побережьѣ и о Ткварчельскихъ каменноугольныхъ копяхъ, что были напечатаны въ минувшемъ году въ «Историческомъ Вѣстникѣ», имѣющія теперь особенный интересъ, въ виду той кипучей дѣятельности, которая происходитъ въ настоящее время въ Сочи, въ Гаграхъ и да тѣе, по всему кавказскому побережью, которому предсказываютъ въ недалекомъ будущемъ роль русской Ривьеры. Въ статьяхъ «Черноморское побережье Кавказа», «Русская Ривьера» и «Сѣрные источники близъ Сочи» читатели найдутъ самыя подробныя и точныя свѣдѣнія объ устройствѣ этого побережья нынѣшнимъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ и о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя осуществляются тамъ съ цѣлью заселенія береговой полосы.

Свою книгу г. Захарьинъ раздѣлилъ на двѣ части: въ первую вошли «святыни, богатства и народы» Кавказа, во второй же части передъ читателемъ проходить его «герои»: тутъ есть и наши—Ермоловъ, Котляровскій, Власовъ, Якубовичъ (извѣстный декабристъ), Пассекъ, Стѣпцовъ и много другихъ; есть и герои противной стороны: знаменитый Хаджи-Муратъ, Казимулла, Казбичъ и, наконецъ, Шамиль, которымъ и заканчивается кавказскій циклъ героевъ. Составитель книги совершенно вѣрно говоритъ въ своемъ предисловіи, что «для русскихъ военныхъ людей Кавказъ былъ школою, гдѣ воспитывались и закалялись военные таланты, а равно и характеры многихъ даровитыхъ людей, посвятившихъ себя военному дѣлу»,—и въ его книгѣ, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ предъ нами эти чудо-богатыри, начиная съ А. П. Ермолова и кончая простымъ рядовымъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Архимомъ Осиповымъ, взорвавшимъ на воздухъ себя и Михайловское укрѣпленіе, взятое горцами.

«Въ настоящее время, говоритъ г. Захарьинъ, Кавказъ за миренъ, и лишь совершающіеся въ этомъ краѣ время отъ времени разбои, убійства и грабежи напоминаютъ намъ о характерѣ хищныхъ и буйныхъ племенъ, населяющихъ его. Къ сожалѣнію, лучи свѣта, науки и цивилизаціи еще не проникли въ аулы горцевъ, расположенные въ дикихъ ущельяхъ мѣстныхъ горъ и скалъ. Религіозный фанатизмъ стоитъ въ этомъ случаѣ непреодолимою твердынею противъ русскихъ цивилизаторовъ и миссіонеровъ; но это вопросъ лишь времени, и тѣма все-таки должна будетъ уступить свѣту; и тогда, конечно, не придется пожалѣть о тѣхъ жертвахъ и затратахъ, которыхъ стоитъ намъ этотъ богатѣйшій край, эта Колхида съ ея древними православными святынями и съ ея золотымъ руномъ—пальмовыми, орѣховыми, дубовыми и краснаго и каштановаго дерева лѣсами, въ которыхъ еще держатся рѣдкостные экземпляры зубровъ, барсовъ, туровъ, медвѣдей, кабановъ и множество иныхъ звѣрей и птицъ; съ табунами прекрасныхъ породъ лошадей, богатѣйшими садами, виноградни

ками, пчельниками и тутовымъ деревомъ, дающими прекрасные фрукты и медъ, вино и шелкъ; съ неисчерпаемыми богатствами, лежащими въ нѣдрахъ земли— съ этими многомилліонными, по цѣнности, фонтанами нефти, съ цѣлебными минеральными водами, съ серебряными, мѣдными и жельзными рудами, съ богатѣйшими пластами алебастра, мрамора и лишь недавно открытыми каменноугольными косями—со всѣми этими щедрыми дарами природы, ожидающими лишь предприимчивыхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ людей для своей эксплоатациі»...

Книга г. Захарына даетъ весьма подробное и прекрасно составленное описание всѣхъ этихъ богатствъ тепершняго Кавказа и издана очень хорошо, заключаая въ себѣ 30 печатныхъ листовъ и нѣсколько прекрасно исполненныхъ портретовъ.

В—нъ.

И. Божеряновъ. Невскій проспектъ. 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни Петербурга за два вѣка. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга. Томъ I. Выпускъ I. Спб. 1902.

Это роскошное изданіе предпринято въ виду наступающаго двухсотлѣтія Петербурга. Оно будетъ выходить выпусками и составитъ два большихъ тома, въ размѣрѣ 60 печатныхъ листовъ, съ 600 иллюстраціями и 30 приложеніями на отдѣльныхъ листахъ, исполненными автотипією, фотогравюрою, фототипією и хромолитографією. Текстъ принадлежитъ И. Н. Божерянову, извѣстному знатоку петербургской старины. Вышедшій теперь первый выпускъ «Невскаго проспекта» обнимаетъ время отъ основанія Петербурга до воцаренія императрицы Елисаветы Петровны. Содержаніе его гораздо шире, нежели объщаетъ заглавіе. Г. Божеряновъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за развитіемъ Петербурга, перечисляетъ мѣры, предпринимавшіяся къ его благоустройству, рисуетъ жизнь при дворѣ и въ обществѣ, приводитъ выдающіяся событія и т. д., однимъ словомъ, даетъ широкую, бытовую картину нравовъ и обычаевъ того времени. Въ первомъ выпускѣ болѣе 200 портретовъ, видовъ, бытовыхъ сценъ, снимковъ и другихъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ съ рѣдчайшихъ оригиналовъ и частью появляющихся въ первый разъ. Всѣ они исполнены художественно, и изданіе г. Вильборга ни въ чемъ не уступаетъ лучшему заграничному иллюстрированному изданіямъ. Мы увѣрены, что «Невскій проспектъ» очень скоро потребуетъ втораго изданія, и потому позволяемъ себѣ указать на нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ него.

Существуютъ достовѣрные портреты Меншикова, напимѣръ, гравированный съ натуры, въ 1697 г., въ бытность его въ Лондонѣ, и повторенный въ Россіи граверомъ Аванасевымъ; или современный ему портретъ масляными красками, находящійся въ Эрмитажѣ (фотографія съ него въ «Альбомѣ», изданномъ Лушевымъ). Для чего же понадобилось воспроизводить, вмѣсто нихъ, вымышленный портретъ, приложенный къ плохой нѣмецкой книжкѣ? Не менѣе фантастиченъ и портретъ шута Балакирева, воспроизведенный съ литографіи позднѣйшаго времени. Напрасно также помѣщена копія съ плохого рисунка Ша рлем: ня: «Императрица Анна Іоанновна принимаетъ самодержавіе», сдѣлан-

наго имъ для Генкелевскаго «Сѣвернаго Сіянія». Помимо невѣрности всей обстановки, на немъ, вмѣсто толстой и некрасивой Анны Іоанновны, изображена худенькая и молоденькая барышня, въ горностаевой мантии, надѣтой наизнанку. Въ текстѣ г. Божеряновъ рассказываетъ, между прочимъ, со словъ Кампредона, о пропажѣ у ювелира Рокентина аграфы императрицы Екатерины I стоимостью въ 300.000 рублей. Этотъ брилліантовый аграфъ былъ заказанъ Рокентину Меншиковымъ, намѣревавшимся поднести его императрицѣ въ подарокъ ко дню коронаціи, и цѣнился въ 100.000 рублей. Любопытныя подробности объ этой пропажѣ рассказаны Берхольцемъ въ IV части его «Дневника». Разсказъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны г. Божеряновъ заимствуетъ изъ донесенія англійскаго резидента Рондо, ошибочно считая его наиболѣе достовѣрнымъ. Самое точное и подробное описаніе этого событія можно найти въ докторской диссертациі профессора Корсакова «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны», написанной по архивнымъ матеріаламъ и напечатанной въ 1880 году.

Эти въ сущности незначительныя неточности нисколько не уменьшаютъ достоинства труда г. Божерянова, который является цѣннымъ вкладомъ и въ нашу историографію, и въ нашу иконографію.

С. Ш.

Византійскій Временникъ, издаваемый императорскою академіею наукъ, подъ редакціей В. Э. Регеля. Томъ VIII. Вып. 1—2. Спб. 1901.

Отмѣченный томъ «Византійскаго Временника» состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, изъ коихъ въ первомъ помѣщены изслѣдованія и матеріалы, во второмъ—критика и библиографія, а въ третьемъ—мелкія извѣстія и замѣтки.

Въ первомъ отдѣлѣ напечатаны слѣдующія статьи:

1. Б. Меліоранскій: Изъ семейной исторіи аморійской династіи (стр. 1—37). Аморійская династія, какъ извѣстно, царствовала въ Византіи въ IX вѣкѣ (820—867 г.) и имѣла своими представителями на византійскомъ престолѣ трехъ императоровъ: Михаила II Косноязычнаго, Теофила и Михаила III. Г. Меліоранскій въ своей статьѣ касается одного запутаннаго вопроса изъ семейной исторіи этой династіи, именно о супругѣ императора Михаила II, царицѣ Евфросинѣ, пытаясь разъяснить разнорѣчія о ней византійскихъ хроникъ IX—XII вѣковъ и установить ихъ генеалогію съ точки зрѣнія указаннаго вопроса.

2. С. Шестаковъ: Византійскій типъ Домостроя и черты сходства его съ Домостроемъ Сильвестра (стр. 38—63). Въ настоящей статьѣ сопоставляется русскій Домострой съ одной византійскою его редакціей, изданной знаменитымъ нашимъ ученымъ В. Г. Васильевскимъ въ такъ называемомъ «Стратигикѣ» Кекавмена, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Назидательное слово къ царю». Подвергнувъ анализу содержаніе этой статьи, г. Шестаковъ находитъ въ ней немало мотивовъ и воззрѣній, сходныхъ съ мыслями русскаго Домостроя. Разумѣется, это еще не даетъ права говорить о какомъ нибудь

влияніи византійскаго трактата на рускій Домострой. Важно, прежде всего, констатировать продолженіе существованія въ греческой письменности византійской эпохи того литературнаго жанра, основные элементы коего можно прослѣдить въ ней въ глубь вѣковъ до VII столѣтія до Рождества Христова (Гесиодъ). Подъ влияніемъ новой религіи, кореннымъ образомъ преобразовавшей общественную этику, и новыхъ культурныхъ условій, этотъ жанръ явился цѣлкомъ въ совершенно измѣненномъ видѣ, осложненнымъ рядомъ новыхъ мотивовъ. Но та же религія и та же культура изъ Византіи вліяла и на нашу общественную жизнь, нашу культуру и литературу. Это отразилось, въ частности, и на литературныхъ памятникахъ, византійскихъ и русскихъ, съ характеромъ Домостроя, между коими можно находить черты сходства, какъ и показываетъ сопоставленіе трактата Кекавмена съ Домостроемъ Сильвестра. Но какъ далеко восходить назадъ основа русскаго Домостроя въ характерныхъ его чертахъ, — это опредѣлить пока невозможно; во всякомъ случаѣ связь его съ византійскими памятниками болѣе значительна и жива, чѣмъ съ аналогичными литературными типами западнаго происхожденія.

3. Н. Адонць: «Начальная исторія Арменіи» у Себеоса въ ея отношеніяхъ къ трудамъ Моисея Хоренскаго и Фауста Византійскаго (стр. 64—105). Статья имѣетъ спеціальныи характеръ и написана по поводу брошюры С. Малхасяна о томъ же предметѣ.

4. Д. Ѳ. Кобеко: Топографическія указанія Бесѣды о святыхъ Царяграда (стр. 106—114). Въ 1890 году покойный академикъ Л. Н. Майковъ издалъ дотолѣ неизвѣстный въ печати памятникъ старинной русской литературы, которому, за недостаткомъ заглавія въ рукописяхъ, далъ названіе «Бесѣды о святыхъ и другихъ достопамятностяхъ Царяграда». Г. Кобеко подвергъ этотъ памятникъ тщательному разсмотрѣнію и высказался довольно опредѣленно о происхожденіи и значенія его. Сужденія почтеннаго автора возбудили нѣкоторыя недоумѣнія и сомнѣнія въ другихъ ученыхъ, преимущественно относительно достовѣрности топографическихъ указаній «Бесѣды». Въ настоящей статьѣ г. Кобеко еще разъ обращается къ топографическому матеріалу этого памятника и новыми соображеніями подкрѣпляетъ справедливость своихъ прежнихъ выводовъ.

5. В. К. Эрнштедтъ: «Реченія Эзона» въ Москвѣ и Дрезденѣ (стр. 115—130). Рѣчь идетъ о рукописномъ греческомъ сборникѣ пословицъ Эзона, часть коего находится въ Московской синодальной библиотекѣ, а другая часть, вѣроятно, чрезъ посредство извѣстнаго профессора Маттеи, попала въ королевскую публичную бібліотеку въ Дрезденѣ. Московская половина «реченій Эзона» издана въ печати въ 1900 году знаменитымъ нѣмецкимъ византологомъ, профессоромъ Мюнхенскаго университета, Карломъ Крумбахеромъ, а дрезденская часть, ускользнувшая отъ вниманія нѣмецкаго ученаго, и издана профессоромъ Эрнштедтомъ въ разсматриваемой статьѣ съ необходимыми комментаріями.

Во второмъ отдѣлѣ, кромѣ критическихъ статей о шести иностранныхъ книгахъ византологическаго содержанія (стр. 131—192), помѣщена весьма богатая и разнообразная библиографія по византологіи, съ тщательнымъ обзоромъ

ромъ новѣйшей литературы, вышедшей въ Россіи, Германіи, Франціи, Италіи, Англіи, Голландіи, Швеціи, Финляндіи, Греціи и Турціи (стр. 192—302). Интересующіеся византологіей найдутъ въ этомъ отдѣлѣ весьма полезныя свѣдѣнія и указанія для своихъ занятій, какой бы стороны предмета они ни касались.

Въ отдѣлѣ мелкихъ извѣстій и замѣтокъ (стр. 303—356) сообщается о дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополѣ за 1899 и 1900 годы, о международномъ конгрессѣ по исторіи религій въ Парижѣ, о докладахъ, читанныхъ на засѣданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій русскихъ и иностранныхъ и о нѣкоторыхъ новостяхъ въ области византологической дѣятельности, а также помѣщены некрологи казанскаго профессора Д. Θ. Вѣляева († 10 марта 1901 г.) и греческаго писателя Стаматіадиса. Такимъ образомъ, и этотъ отдѣлъ составленъ очень интересно.

Σ.

Исторія человѣчества. Всемирная исторія. Первый томъ подъ общей редакціей Ганса Гельмольта. Спб. 1902.

Въ послѣднее время сдѣлалась довольно популярной идея построения исторіи на антропо-географическихъ началахъ. Попытка примѣненія этой идеи сдѣлана кружкомъ нѣмецкихъ ученыхъ во главѣ съ Гельмольтомъ, а честь популяризации этой идеи, благодаря увлекательной, оригинальной ея разработкѣ, принадлежитъ знаменитому антропо-географу Фридриху Ратцелю.

Превосходно изданный по-русски первый томъ этого обширнаго труда включаетъ въ себѣ общее введеніе, исторію доисторическаго періода, исторію Америки и Тихій океанъ. Любопытно примѣненіе Гельмольтомъ метода Ратцеля ко всемірной исторіи.

Гельмольту необходимо было выработать такой планъ, который давалъ бы возможность представить цѣликомъ исторію всего человѣчества. Для этого въ основу своего построения онъ положилъ этнографо-географическую точку зрѣнія, излагая «Всемирную исторію» по обширнымъ этнографическимъ районамъ. Къ особенностямъ и достоинствамъ предпринятаго труда (въ нѣмецкомъ оригиналѣ вышелъ пока первый томъ изъ предполагаемыхъ восьми), несомнѣнно, слѣдуетъ отнести то, что здѣсь намѣренно устранивается, и до сихъ поръ еще дѣлаемая историками, попытка провести грань между этнологіей и исторической наукой, исключивъ изъ исторіи этнологію. Еще и до сихъ поръ приходится встрѣчаться съ такимъ устарѣлымъ взглядомъ, по которому «Исторія» ограничивается лишь опредѣленнымъ числомъ народовъ — «историческихъ». Этимъ народамъ противопоставляются народы «ненсторическіе», мѣсто которыхъ въ этнографіи только, а не въ исторіи. Противъ такого узкаго взгляда и составлена программа «Всемирной исторіи» Гельмольта. Ставя себѣ задачей изложить эволюцію всего человѣчества, въ связи съ естественными условіями, среди которыхъ эволюція совершилась, программа этого новаго труда включаетъ въ себѣ не только «историческіе» народы, но и дикія, полукультурныя племена.

Исходнымъ пунктомъ, какъ выражается издатель, принята Америка, такъ какъ ея обитатели, по словамъ Ратцеля, «среди всѣхъ народовъ, стоящихъ на одинаковой ступени культурнаго развитія, стоятъ наиболѣе близко къ тѣмъ, которые живутъ къ западу отъ нихъ». «Она является восточной частью тихо-океанской области и одновременно востокомъ для населенной земли». Изъ программы видно, далѣе, что въ этомъ новомъ трудѣ впервые дается оцѣнка значенія океановъ. Планъ всего изданія, состоящаго изъ 8 томовъ, слѣдующій: въ первомъ томѣ помѣщено 6 статей: 1) «Понятіе о всемирной исторіи», 2) «Основные понятія объ эволюціи человѣчества», 3) «Человѣчество, какъ жизненное явленіе земли», 4) «Первобытная исторія человѣчества», 5) «Исторія Америки» и 6) «Историческое значеніе Тихаго океана». Второй томъ охватываетъ собою Океанію, Восточную Азію, Индѣйскій океанъ; III—Западную Азію, Африку; IV—народы Средиземнаго моря; V—юго-восточную Европу, славянство; VI—исторію германцевъ и народовъ романскаго происхожденія; VII—Исторію Западной Европы до 1800 года и VIII томъ представитъ западную исторію въ XIX столѣтіи и Атлантическій океанъ.

Открывается «Всемирная исторія» вступительной статьей Гельмольта «Предметъ и задачи всемирной исторіи». Авторъ выказываетъ въ ней довольно избитыя положенія. Онъ начинается съ того, что опредѣляетъ всемирную исторію, какъ исторію развитія всего человѣчества, требуетъ непременно для историка знакомства съ методами изслѣдованія этнологіи, психологіи и физиологіи. Толѣко изъ знакомства съ жизнью всѣхъ народовъ, говоритъ онъ, можетъ быть почерпнуто знаніе взаимной связи явленій во всемирной исторіи. Онъ требуетъ отъ всемирной исторіи нейтральности, ставитъ выше знаніе, основанное на фактахъ, чѣмъ любое умозрѣніе, и рѣшительно отвергаетъ телеологическую точку зрѣнія. «Желательно, чтобы историкъ»,—говоритъ авторъ,—«былъ независимъ во всѣхъ отношеніяхъ, а слѣдовательно и по отношенію къ самому себѣ», и міросозерцаніе, справедливое лишь отчасти, не должно вліять на самый трудъ по всеобщей исторіи. Авторъ высказывается и противъ ученія о необходимости, какъ разбитой теоріи, говоря, что монистическое міросозерцаніе на практикѣ непримѣнимо. Не раздѣляетъ онъ и «лже-мудрости» тѣхъ матеріалистовъ, которые, «не упоминая ни одного имени», нишутъ теорію. Отрицая историческую необходимость, Гельмольтъ выдвигаетъ значеніе для историка времени, среды, обстановки, утверждая, что «въ цѣни взаимныхъ вліяній ни одного звена не можетъ быть опущено», что прошлое коренится въ предшествовавшемъ, а, слѣдовательно, доисторическій періодъ долженъ быть предметомъ такого же вниманія, какъ и другіе.

Разсмотрѣвъ въ главѣ «Распредѣленіе матеріаловъ» разные способы изложенія всемирной исторіи, Гельмольтъ, руководствуясь взглядомъ этнолога на исторію, находитъ ихъ неудовлетворительными, главнымъ образомъ, потому, что всѣ теоріи игнорируютъ значеніе почвы, а между тѣмъ «два главныхъ творца исторіи—природа и человѣкъ». Исторія, по опредѣленію автора, «слагается изъ взаимодействія природы и человѣка». Весь матеріалъ распредѣ-

ляется съ чисто географической точки зрѣнія, на основаніи «этнографическихкихъ областей» Фридриха Ратцеля. Съ такой точки зрѣнія не важны для автора, сообщества культурныя или естественныя, не имѣющія исторіи общества или высоко развитыя. Въ воздвигнутомъ зданіи всей населенной части земного шара найдется мѣсто для всѣхъ. Такова первая часть предполагаемаго труда. Вторая—будетъ состоять «въ обработкѣ матеріала съ психологической точки зрѣнія».

Статья профессора Колера очень ярко и талантливо разсматриваетъ «основныя понятія объ эволюціи и ростѣ того, что таится въ зародышѣ». Сжато даетъ понятіе знаменитый юристъ о матеріальной культурѣ, духовной, о выдѣленіи права, о социальных формахъ общественности и государственныхъ формахъ общества. Статья профессора Ратцеля представляетъ замѣчательный популярный очеркъ исторіи человѣчества, какъ жизненнаго явленія планеты въ связи съ основными положеніями антропогеографіи. Последняя статья прочтется съ новымъ интересомъ: авторъ доказываетъ въ ней, что для всякой исторической силы первенствующее значеніе имѣетъ ея отношеніе къ безпрерывному процессу дифференціаціи.

Статья о доисторической жизни человѣчества принадлежитъ профессору Ранке, имя котораго хорошо извѣстно и нашей русской публикѣ по его сочиненію «Человѣкъ». Въ этой статьѣ съ одинаковой полнотою описана, какъ палеолитическая культурная исторія человѣчества, такъ и палеонтологія неолитическаго человѣка въ Европѣ.

Исторія Америки доведена до 1898 года, начиная съ картины американскихъ первобытныхъ народовъ. Можетъ быть, читатель не найдетъ здѣсь нѣкоторыхъ подробностей—путешествія Колумба, не встрѣтитъ онъ и глубокой оцѣнки личности гениальнаго мореплавателя. Но исторія путешествій съ цѣлью открытій изложена въ этой статьѣ вполне достаточно.

Последняя глава выясняетъ историческое значеніе Тихаго океана, который, какъ доказываетъ авторъ статьи, Вильчекъ, является сперва раздѣляющимъ элементомъ, дифференцирующимъ, а впоследствии связующимъ. Въ настоящее время на Тихомъ океанѣ стоятъ другъ противъ друга два противника: желтая раса и бѣлая. «Какая бы великая роль,—говоритъ историкъ,—въ исторіи государствъ ни предназначалась материкамъ Стараго Свѣта, если только высшей задачей всемірной исторіи является единство человѣческаго рода, то рѣшеніе этой задачи надо искать въ Тихомъ океанѣ».

Переводъ вышедшаго перваго тома, исполненный подъ редакціей Д. А. Корочевскаго,—въ общемъ хорошій, но тяжеловатый, и значительно уступаетъ московскому изданію, одновременно съ этимъ изданіемъ выходящему.

К. Петровъ.

К. А. Ивановъ. Трубадуры, труверы и миннезенгеры. Сиб. 1901.

Это не первое твореніе автора по средней исторіи. Авторъ издалъ цѣлый рядъ книгъ, въ которыхъ изложилъ всѣ выдающіяся явленія изъ жизни среднихъ вѣковъ. Началъ, конечно, онъ съ «систематическаго курса исторіи

средних вѣковъ», а затѣмъ, не выѣстивъ въ него въ желаемомъ количествѣ всего, авторъ даритъ обществу отдѣльныя книги, посвященныя специально какому нибудь одному явленію изъ жизни средневѣковаго общества. Г. Ивановъ не заботится о томъ, чтобы книга его была оригинальна, чтобы она давала что нибудь новое,—нѣтъ! При той поспѣшности, съ которой появляются его книги, этого, положимъ, и требовать нельзя... Онъ просто компилируетъ труды другихъ и въ популярномъ изложеніи преподноситъ читателю. Способъ производства книгъ необыкновенно простъ: предисловіе—значеніе средних вѣковъ въ исторіи развитія цивилизаціи, нѣсколько страницъ тому вопросу, которому назначена книга, затѣмъ большая часть книги—переводъ легендъ и сказаній, связанныхъ съ даннымъ вопросомъ.

Въ этой книгѣ г. Ивановъ [не отступилъ отъ разъ начертаннаго плана. Къ сожалѣнію, въ своемъ предисловіи, говоря о значеніи средних вѣковъ, онъ слишкомъ категорически заявляетъ, «что средніе вѣка сохранили для насъ античную цивилизацію и создали свою, которая стоитъ не ниже античной». Существуетъ и противоположное мнѣніе. Можетъ быть, правъ г. Ивановъ, но ограничиваться однимъ лирическимъ восклицаніемъ, если уже затронуть этотъ вопросъ,—нельзя. Переходя далѣе, къ трубадурамъ, труверамъ и миннезенгерамъ, авторъ каждымъ посвящаетъ отдѣльный очеркъ, при чемъ этотъ очеркъ заполняется главнымъ образомъ легендами и біографіями трубадуровъ, труверовъ и миннезенгеровъ, такъ что обѣщаніе автора нарисовать внутреннюю жизнь рыцарей едва ли можно признать выполненнымъ. Положимъ, г. Ивановъ—не только историкъ, но и поэтъ. Почти всѣ переводы легендъ сдѣланы имъ. Книгу свою онъ начинаетъ страницей риторическихъ вопросовъ и совершенно забываетъ упомянуть о тѣхъ условіяхъ, которыя создали такую несложную внутреннюю жизнь рыцарей—любовь и военная слава почти цѣлкомъ исчерпываютъ ея содержаніе.

Вообще же такая тенденціозная идеализація цѣлой эпохи неволью порождаетъ сомнѣніе въ серьезномъ научномъ знакомствѣ автора съ исторіей средних вѣковъ.

Книга предназначена учащемуся «юношеству» и «широкой сферѣ образованнаго общества». Написана языкомъ легкимъ, довольно живо воспроизводитъ картины изъ жизни средневѣковаго общества, масса поэтическихъ переводовъ, сдѣланныхъ иногда довольно удачно, картинки (хотя и очень слабыя по исполненію)—все это дѣлаетъ книгу, дѣйствительно, пригодной для учащагося «юношества», служа пріятнымъ развлеченіемъ послѣ исторій для среднихъ учебныхъ заведеній г.г. Беллярминовыхъ и Пловайскихъ. Рекомендовать же книгу образованному обществу со стороны автора—смѣлость, запаса которой онъ, вѣроятно, изъ тѣхъ писемъ отъ читателей и читательницъ, «которыя онъ почти непрерывно получалъ въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ».

Ч—ивъ.

Платформа, ея возникновение и развитие. Сочинение Г. Джерсона. Томъ 2-й. Спб. 1901.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» было отмѣчено появленіе перваго тома этого замѣчательнаго труда въ русскомъ переводѣ. Теперь вышелъ второй и послѣдній томъ, такъ же отлично изданный и такъ же прекрасно переведенный подъ редакціей профессора В. Ѳ. Дерюжинскаго.

Второй томъ сочиненія Джерсона разсматриваетъ исторію митинговъ въ Англіи послѣ 1825 года до послѣдняго времени. Платформа сыграла крупную роль во время агитаціи по вопросу объ эмансипаціи католиковъ. До сихъ поръ платформа терпѣла стѣсненія не только отъ правительственнаго гнета, благодаря ограниченію права собраній и свободнаго выраженія мнѣній, но была слаба, благодаря отсутствію организациі, контролирующей власти. Въ этомъ отношеніи, для выработки стройной и крѣпкой организациі, Англія, какъ доказываетъ Джерсонъ въ первой главѣ второго тома (XIV главѣ III-й части), видѣла ирландское движеніе въ пользу эмансипаціи, и въ этомъ движеніи почерпнула для себя полезный урокъ, такъ какъ англійскому народу приходилось бороться за свою эмансипацію политическую, а ирландскому—за религіозную.

Вслѣдъ за всякимъ экономическимъ кризисомъ или послѣ народнаго движенія у сосѣдей, платформа въ Англіи начинаетъ усиленно проявляться, отличаясь болѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ характеромъ. Если страна поражена экономическимъ кризисомъ, результатомъ котораго являются неудовольствія и жалобы на голодъ и нищету, то платформа даетъ возможность доводить объ этихъ страданіяхъ до всеобщаго свѣдѣнія и указывать средства для облегченія положенія. Въ случаѣ же революціи въ сосѣднихъ странахъ возбужденіе передается массамъ, и результатомъ такого возбужденія является та же платформа. Вотъ почему, послѣ того какъ ирландская организациія одержала блестящую побѣду, Англія ясно увидѣла силу платформы при помощи національной организациі и дисциплинированія народныхъ массъ.

Католическая ассоціація послужила толчкомъ для агитаціи въ пользу парламентской реформы. Описание этой агитаціи—интереснѣйшія страницы сочиненія Джерсона. Онъ приводитъ рѣчи, отрывки изъ газетъ того времени и рисуетъ грандіозные митинги, проходившіе совершенно спокойно, хотя на нихъ, въ большинствѣ случаевъ, не было ни военной ни полицейской, ни судебной власти. Передъ обсужденіемъ билля о реформѣ Англія съ величайшимъ энтузіазмомъ и необыкновеннымъ единодушіемъ ожидала рѣшенія этого вопроса, а въ день обсужденія билля возбужденіе общества достигло наивысшей своей точки.

«Всѣ бросили свои обычныя занятія, какъ въ праздничный день, и озабоченность проявлялась какъ на всѣхъ лицахъ, такъ и во всѣхъ словахъ и поступкахъ. Повседневныя дѣла и интересы были забыты, и общее настроеніе какъ бы выражалось словами: подождемъ до завтра, нынѣшній день проведемъ, какъ придется; все равно мы не въ состояніи ни думать, ни заниматься дѣломъ, пока не узнаемъ объ окончательной судьбѣ билля о реформѣ». 7-го іюня по-

бѣда была одержана, въ г. Бирмингамѣ собрался митингъ въ 50 тысячъ чело-
вѣкъ, и прежде всего молитвою благодарили Бога «за торжество праваго дѣла».

Важнѣйшимъ результатомъ движенія въ пользу реформы было то, что ми-
нистры, вожди политическихъ партій и другіе политическіе дѣятели стали
обращаться къ платформѣ, какъ къ орудію политической и партійной борьбы.
Сила платформы сказалась въ другомъ крупномъ движеніи—агитаціи чартпи-
стовъ, а также агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ.

Послѣ 1848 г. до 1865 года платформа мирно прогрессировала, не совершая
ни одного значительнаго движенія. Все чаще выступали премьеры, члены на-
стоящихъ и прошлыхъ кабинетовъ, все большее вліяніе оказывала платформа
на палату. Одна изъ значительнѣйшихъ агитацій въ послѣднее тридцатилѣтіе
XIX вѣка была вызвана турецкими звѣрствами. Здѣсь выразилась новая сто-
рона сферы платформы: вступленіе на путь иностранной политики. До сихъ
поръ ея дѣятельность касалась только внутренней политики страны, теперь
она опредѣленно выразила намѣреніе воздѣйствовать на ходъ иностранной
политики.

Заключиваетъ Джерсонъ свой трудъ увованіями «на будущую судьбу этого
великаго народа», на нее онъ смотритъ «съ полнымъ спокойствіемъ и твердой
вѣрою», принимая во вниманіе «благородныя свойства англійскаго народа».

Е. П. А—чъ.

Тардъ. Соціальная логика. Перевелъ съ французскаго М. Цейт- лингъ. Спб. 1901.

Новое сочиненіе извѣстнаго французскаго социолога представляетъ про-
долженіе и дополненіе того очерка общей социологіи, который былъ выпущенъ
авторомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ названіемъ «Законы подражанія».
На этотъ разъ Тардъ ставитъ цѣлью изученіе процесса образованія отдѣль-
ныхъ социальныхъ явленій. Мы можемъ, конечно, только въ краткихъ словахъ
указать на содержаніе поучительной и обильной оригинальными мыслями
книги французскаго мыслителя. Она раздѣляется на двѣ части. Первая—раз-
сматриваетъ общіе принципы образованія различныхъ явленій; вторая—прак-
тическія примѣненія этихъ принциповъ. Индивидуальная логика, социальный
умъ, законы изобрѣтенія и извѣстная историческая послѣдовательность логи-
ческихъ состояній опредѣляютъ, по мнѣнію автора, языкъ, религію, сердце
(т. е. совокупность чувствъ), экономическія отношенія, искусство. Вся со-
ціальная жизнь разсматривается Тардомъ, какъ мнѣяющееся распределе-
ніе опредѣленнаго количества вѣрованія и желанія по различнымъ кана-
ламъ языка, религіи, науки, промышленности, права и т. д. Результатомъ
этого распределенія являются логика и телеологія. Такимъ образомъ реаль-
ныя отношенія представляютъ только видимыя выраженія соответствующи-
хъ психологическихъ состояній. Проводя послѣдовательно свою точку
зрѣнія, Тардъ даетъ, на примѣръ, слѣдующее опредѣленіе цѣнности: «цѣн-
ность обозначаетъ результатъ столкновенія между двумя или нѣсколькими,
сознательными или безсознательными, телеологическими силлогизмами, въ

каждомъ изъ которыхъ большою посылкою служитъ испытываемая потребность, малую—сужденіе относительно средства ея удовлетворенія, а заключеніемъ—обязанность приобрести или сохранить это средство».

Равновѣсіе общества представляется французскому мыслителю равновѣсіемъ вѣрованій, интересовъ и самолюбій опредѣленной группы людей; борьба духовной и свѣтской власти по поводу инвеституры духовенства рисуется имъ, какъ результатъ логическаго противорѣчія, и т. п. Ясно, что взглядъ на историческое движеніе, какъ на логическій процессъ, едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ при современномъ состояніи соціальной науки; тѣмъ не менѣе трудъ Тарда содержитъ столько цѣнныхъ мыслей и возбуждаетъ такъ много вопросовъ, что заслуживаетъ вниманія всѣхъ интересующихся выясненіемъ процесса образованія соціальныхъ явленій. Книга проникнута живою любовью къ человѣчеству и стремленіемъ къ освобожденію личности отъ тѣхъ путъ, которыя накладываютъ на нее несовершенство современнаго соціальнаго строя—«если не наукѣ, а философіи, не утилитарной, а идеалистической морали доведется, ради вящаго умиротворенія людей, когда нибудь въ будущемъ замѣнить собой катехизисы и своды законовъ, то теперь можно по крайней мѣрѣ, предвидѣть, что основнымъ характеромъ этой философіи явится отсутствіе противорѣчія между ней и какимъ бы то ни было ощущеніемъ, какой бы то ни было увѣренностью, т. е. чьимъ бы то ни было высокимъ индивидуальнымъ вѣрованіемъ, и что эта мораль не станетъ прямо противиться удовлетворенію какого бы то ни было основнаго интереса»,—заканчиваетъ авторъ одну изъ главъ своей книги.

Внѣшній видъ изданія весьма приличенъ, и переводъ М. Цейтлина сдѣланъ вполне удовлетворительно. Н. С.

Лѣтопись занятій археографической комиссіи за 1895—1899 годы Выпускъ XII. Тоже за 1900 годъ. Выпускъ XIII. Спб. 1901.

Скоро минетъ уже 70 лѣтъ, какъ дѣйствуетъ въ Петербургѣ археографическая комиссія министерства народнаго просвѣщенія. Ея дѣятельность по изданію историческихъ памятниковъ, конечно, хорошо извѣстна всѣмъ занимающимся и интересующимся русской исторіей. Особенно она возросла за послѣдніе годы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести ся изданія, хотя бы напечатанныя и печатающіяся въ 1901 году. Помимо трехъ выпусковъ «Лѣтописи занятій археографической комиссіи», въ этомъ году вышли въ свѣтъ: «Великія Мшени-Чети», вып. IX и X, «Указатель къ актамъ юридическимъ Н. В. Калачова», «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», т. XII, и др., и печатаются: «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», т. II (Пшатевская лѣтопись); то же, т. XIII (Никоновская лѣтопись); то же, т. XVII (Западно-русская лѣтопись); Сибирскія лѣтописи; Новгородскія писцовыя книги, т. V; «Устюжскіе акты» (кн. III); «Письма іезуитовъ», «Памятники полемической литературы Западной Руси», кн. III; «Литовская метрика», т. I; «Указатель къ полному собранію русскихъ лѣтописей», отд. II (имена географическія);

«Донскія дѣла», т. II; «Дѣла тайнаго приказа» и др. Расходъ комиссіи по изданіямъ, конечно, растетъ, — за послѣдніе годы колеблется отъ 8.000 до 14.000 рублей, — но министерство народнаго просвѣщенія, невзирая на столь плодотворную ея дѣятельность, до сихъ поръ еще не озаботилось увеличеніемъ штатовъ комиссіи. Есть слухи, что новый ея предѣдатель, графъ С. Д. Шереметевъ, намѣренъ добиться желаннаго увеличенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаются мѣры къ приобрѣтенію новаго помѣщенія для комиссіи, которая теперь ютится въ двухъ небольшихъ комнаткахъ на дворѣ зданія министерства народнаго просвѣщенія. Перемена этого помѣщенія тѣмъ болѣе необходима, что въ двухъ комнаткахъ не можетъ умѣщаться все болѣе и болѣе увеличивающаяся бібліотека комиссіи, и что при нихъ для храненія ея изданій имѣются лишь подвалы. А что это за чудныя хранилища, скажемъ словами сотрудника комиссіи С. А. Адріанова: «Около 10.000 томовъ изданій комиссіи находилось до конца 1896 г. въ лѣвой подвальной кладовой. Доступъ въ нее довольно затруднителенъ, такъ какъ приходится сначала идти по темному подвальному переходу, залолненному старыми метлами, сломанными станками и еще какими-то предметами, которыхъ въ темнотѣ нельзя разглядѣть. Изъ этого перехода попадаешь въ довольно обширный курятникъ со смраднымъ воздухомъ и покрытый нечистотами. Изъ курятника двѣ двери ведутъ: одна — въ правую подвальную кладовую, другая — въ лѣвую. Лѣвая кладовая представляетъ помѣщеніе, совершенно не приспособленное для книжнаго склада. Это — обширный подвалъ со спертымъ, пропитаннымъ сыростью и подземными испареніями, промозглымъ воздухомъ. Сырость настолько велика, что шпукатурка на стѣнахъ и сводахъ вся полопалась и частью отвалилась, а оставшіеся куски штукатурки обрываются и падаютъ при легкомъ прикосновеніи. Повсюду, особенно въ углахъ и на нижнихъ полкахъ, видны обширныя пространства, покрытыя плѣсенью... Книги, которыя находятся на нижнихъ полкахъ, заростають плѣсенью, а всѣ вообще сильно разбухаютъ отъ сырости, и иногда верхнія обложки отклеиваются. Кромѣ того, стоя на мѣстѣ десятками лѣтъ, книги покрываются такимъ толстымъ слоемъ пыли, что нельзя разобрать не только того, чтò напечатано на обложкѣ, но иногда и самаго цвѣта ея»... Въ результатъ получилось, что «всѣ почти книги лѣвой кладовой въ болѣе или меньше степени пострадали... Нѣсколько десятковъ томовъ пришлось выбросить, такъ какъ онѣ превратились въ сплошную массу, раздѣленную плѣсенью, а изъ остальнаго количества экземпляровъ весьма многіе нуждаются въ капитальной подправкѣ»... Нѣсколько удобнѣе правая кладовая, гдѣ хранятся и сейчасъ болѣе 6.000 томовъ, но и въ ней много недостатковъ: «окно изъ нея выходитъ на улицу и находится на уровнѣ панели, а потому въ кладовую проникаетъ много пыли, которая и осаждается на изданіяхъ. Счищать эту пыль совершенно бесполезно, такъ какъ черезъ недѣлю вся кладовая снова оказывается загрязненною»... (См. «Извлеченія изъ протоколовъ», май и сентябрь 1896 г., стр. 62, 63, 70 и 71, вып. XII).

Сколько же, спрашивается, погибло и продолжаетъ еще гибнуть десятковъ тысячъ рублей въ этихъ «чудныхъ хранилищахъ»!

«Лѣтоисп» занятій комиссіи стали издаваться съ 1861 г., — раньше протоколы ея печатались въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», —

и до 1901 г. ихъ вышло всего 10 выпусковъ или книгъ. Въ засѣданіи 12-го декабря 1900 г. комиссія рѣшила сдѣлать «Лѣтопись занятій» ежегоднымъ изданіемъ, и къ прежней ея программѣ, въ которую входили: 1) обработка матеріаловъ, изданныхъ комиссіею, и самостоятельныя статьи историческаго или юридическаго содержанія; 2) матеріалы, которые не могутъ войти въ составъ изданій, предпринятыхъ комиссіею; 3) описаніе рукописей и актовъ, хранящихся въ ней; 4) указатель матеріаловъ по русской исторіи и русскому праву, разбѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ; 5) протоколы засѣданій и 6) отчеты о продажѣ изданій комиссіи, о денежныхъ суммахъ, — прибавлены списки библиотечнаго приращенія, біографіи и портреты дѣятелей комиссіи.

Обращаясь теперь къ содержанію разсматриваемыхъ выпусковъ «Лѣтописи», мы прежде всего укажемъ на нѣкоторыя «записки» гг. членовъ и ихъ «воспоминанія» объ умершихъ сочленахъ, помѣщенные въ «извлеченіяхъ изъ протоколовъ». Изъ записокъ этихъ наибольшее историческое и историко-археологическое значеніе имѣютъ слѣдующія: 1) С. А. Бершадскаго — о содержаніи 62-хъ книгъ литовской метрики, за время отъ 1510 по 1588 гг., изъ которыхъ одна половина состоитъ изъ рѣшеній великаго князя, а другая изъ судебныхъ рѣшеній: земскаго маршалка, виленскаго, витебскаго, полоцкаго, берестейскаго и кобринскаго замковыхъ судовъ, шести магдебургій и проч., — представляющихъ богатый матеріалъ какъ для знакомства съ интересами и нуждами всего государства, такъ и съ различными мѣстными особенностями; 2) А. П. Барсукоа — о рукописяхъ, хранящихся въ архивѣ пензенскаго дворянскаго депутатскаго собранія и заключающихъ въ себѣ десяти Пензенской губерніи, не имѣющіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи; 3) В. Г. Дружинина — о документахъ, хранящихся въ архивѣ главнаго управленія казачьихъ войскъ въ С.-Петербургѣ и касающихся исторіи и быта донскаго казачьяго войска съ полнымъ ихъ перечнемъ; 4) С. А. Вѣлокурова — о документахъ приказа тайныхъ дѣлъ, найденныхъ имъ въ государственномъ архивѣ. Документы эти слѣдующіе: «Опись дѣлъ приказа тайныхъ дѣлъ», составленная въ 1676 г.; «Дѣло 1676—1683 гг. о посылкѣ документовъ приказа тайныхъ дѣлъ въ другіе приказы»; «Записки отпускамъ и книги о всякихъ дѣлахъ приказа тайныхъ дѣлъ» и «Дневальныя записки», веденныя въ приказѣ за время съ 1662 по 1673 годъ; 5) г. Прокоповича — о памятникѣхъ сибирской исторіи XVIII в., открытыхъ имъ въ московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба и касающихся также общей исторіи Россіи, съ подробною описью, и 6) А. А. Шахматова — объ Пиатвевской лѣтописи и о западно-русскихъ лѣтописяхъ.

«Воспоминанія» же, правда, очень краткія, посвящены П. И. Саввантову (А. Θ. Бычкова), А. И. Тимоѣеву, А. Ст. Попову (А. Θ. Бычкова), А. А. Кунику (его же), А. Θ. Бычкову (Л. Н. Майкова), В. Г. Васильевскому (С. Θ. Платонова) и Л. Н. Майкову (П. А. Гильтебрандта).

Слѣдующій отдѣлъ: изслѣдованія и матеріалы, составляютъ: въ XII выпускѣ извѣстная уже по многимъ отзывамъ, появившимся въ прошломъ году въ печати, докторская диссертация М. А. Дьяконова — «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ», гдѣ говорится о крестья-

нахъ-старожильцахъ, крестьянахъ-порядчикахъ, о половникахъ поморскихъ уѣздовъ, бобыляхъ, задворныхъ людяхъ и монастырскихъ дѣтенышахъ,—и въ XIII выпускѣ—«Житіе преподобнаго Евфросина Синеезерскаго» (приготовилъ къ печати С. А. Адриановъ), «О супрасльскомъ спискѣ западно-русской лѣтописи»—А. А. Шахматова, «Описаніе документовъ собранія Ходоровича, принадлежащихъ археографической комисіи» (сост. Н. Ф. Чуриловскій), «Мелкія замѣтки къ Воскресенской лѣтописи»—А. Е. Прѣснякова, «Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ»—И. Гурлянда и «Жалованная грамота князя Юрія Лынгвеневича боярину Воронцу ноября 1455 года» (сообщ. П. А. Гильтебрандтъ).

Изданное комиссіею «Житіе преп. Евфросина Синеезерскаго» написано въ 1650 г. инокомъ Троицкой Синеезерской пустыни, Іоною Филипповымъ Суровцынымъ, хорошо знакомымъ съ обычными литературными приемами составителей житій и пользовавшимся разсказами современниковъ преп. Евфросина. «Житіе» по своему содержанію имѣетъ значеніе для исторіи смутнаго времени (преп. Евфросинъ былъ убитъ литовцами и казаками, папавшими на пустынь въ 1612 году) и «можетъ быть поставлено на ряду съ житіемъ преп. Иринарха Ростовскаго». Напечатано оно по рукописи конца XVIII вѣка, найденной и сообщенной комисіи священникомъ Новгородской епархіи, Григоріемъ Яковцевскимъ.

«Лѣтописецъ Подоля» изъ Супрасльскаго монастыря, изданный еще въ 1820-хъ гг., съ рукописи 1519 г., переписанной Григоріемъ Ивановичемъ, по иніцію акад. А. А. Шахматова, составленъ въ срединѣ XV столѣтія и заключается въ себѣ: 1) «Лѣтопись», въ которую входятъ: общерусская по характеру своему лѣтопись, составленная изъ соединенія Новгородской 1-й лѣтописи съ выборками изъ митрополичьего свода, краткая смоленская лѣтопись и западно-русская хроника; 2) русскій переводъ Вислицкаго статута Казимира Великаго и 3) часть Кіево-печерскаго патерика.

Собраніе Ходоровича состоитъ изъ 86 документовъ; изъ нихъ западно-русскіе числомъ 45 относятся по времени написанія къ 1527—1644 годамъ и касаются бытовыхъ и юридическихъ отношеній преимущественно обитателей «Жомонитской земли»; а остальные—польско-латинскіе—къ 1602—1776 гг. «отличаются болѣе общественнымъ характеромъ, часто касаясь цѣлыхъ учрежденій и обширныхъ группъ населенія». Описаніе документовъ сопровождается значительными пояснительными примѣчаніями.

Наконецъ статья г. Гурлянда—«Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ», представляетъ собою «первую часть второй главы изъ подготавливаемого авторомъ спеціальнаго изслѣдованія о приказѣ тайныхъ дѣлъ». Въ ней онъ, прежде всего, пытается опредѣлить время и ходъ образованія приказа. Нѣкоторые новые документы, бывшіе у него въ разсмотрѣніи, дали ему возможность вывести слѣдующія два положенія: «во-первыхъ, приказъ развился изъ Дворцоваго приказа, путемъ выдѣленія изъ послѣдняго особой канцеляріи, которая постепенно получила весь смыслъ особаго приказа; во-вторыхъ, признаки такой особой канцеляріи замѣчаются еще въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича». На основаніи этого г. Гурляндъ

утверждаетъ, что причину возникновенія тайнаго приказа слѣдуетъ искать «не въ вліяніяхъ отдѣльныхъ событій», какъ признавали ранѣе всѣ изслѣдователи, «а въ общей исторіи внутренняго управленія Московскаго государства XVII вѣка». Далѣе онъ приводитъ мнѣніе ученыхъ о дѣятельности и значеніи приказа и заканчиваетъ свою статью сообщеніемъ «свѣдѣній о каждомъ изъ тайныхъ дьяковъ».

В. Рудаковъ.

Сборникъ императорскаго историческаго общества. Томъ сто одиннадцатый. Бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны. Спб. 1901.

Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ за 1735 годъ. Содержаніе его чрезвычайно разнообразно, такъ какъ изъ кабинета исходили распоряженія и по самымъ крупнымъ и по самымъ мелкимъ дѣламъ. Наравнѣ съ распоряженіями, касающимися внѣшней политики, военныхъ дѣйствій, финансовъ, законодательства, внутренняго благоустройства, торговли, заготовленія провіанта, земельныхъ отношеній и т. п., встрѣчаются за подписью кабинетъ-министровъ и весьма куріозныя распоряженія. Напримѣръ, 28 апрѣля 1735 г. кабинетъ-министры пишутъ московскому военному губернатору, графу С. А. Салтыкову, слѣдующее «предложеніе»:

«Сіятеильнѣйшій графъ, превосходительный генераль и оберъ-гофмейстеръ, нашъ государь! Ея императорское величество изволила указать мартышку, которую прислалъ Лангъ и въ Москвѣ родила, прислать еѣ и съ маленькою мартышкою ко двору ея императорскаго величества въ Петербургъ. Того ради, изволите ваше сіятельство, оныхъ мартышекъ всѣхъ и съ маленькою отпирать, съ кѣмъ пристойно, и велѣтъ оныхъ мартышекъ въ пути нести всегда на рукахъ и беречь, чтобы имъ, а паче маленькой, никакого вреда не учинилось. И о семъ объявляя, пребываемъ вашего сіятельства нашего государя, покорные слуги».

Извѣстный шутъ Балакиревъ былъ страпный пьяница и подъ пьяную руку нерѣдко дебоширилъ, и вотъ, по высочайшему повелѣнію, объявляется: «съ барабаннымъ боемъ, по всѣмъ островамъ, чтобъ къ Балакиреву въ домъ никто не входилъ, и его бѣ къ себѣ никто въ домъ свой не пуцалъ, а ежели кто войдетъ къ нему въ домъ, или выуститъ къ себѣ, изъ знатныхъ—будетъ взятъ въ крѣпость, а горожане будутъ сосланы въ каторгу». Однако, черезъ мѣсяцъ императрица соскучилась о Балакиревѣ, и состоялось новое высочайшее повелѣніе: «къ Балакиреву въ домъ знатымъ и всякаго чина людямъ ѣздить позволить и его, Балакирева, въ дома свои пускать безъ опасенія, токмо подъ такимъ подтвержденіемъ, ежели тѣ, прѣзжающіе къ нему, Балакиреву, въ домъ, или онъ къ кому придетъ, и будутъ пить, и за то оныя люди, какого бы кто званія ни были, будутъ жестоко штрафованы».

Въ бытовомъ отношеніи любопытно дѣло Иркутскаго вице-губернатора Жолобова. Для изслѣдованія его незаконныхъ дѣйствій, была учреждена особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра А. П. Волынскаго. Оказалось, что Жолобовъ братья взятки со всѣхъ, съ кого только могъ,

унустилъ казеннаго сбора 8.230 соболей, тайно провозилъ товары, съ крестьянъ подати собиралъ на себя, удерживалъ казацкое жалованье, китайскихъ перебѣжчиковъ, за взятки, не высылалъ за границу въ противность мирнаго договора, отбиралъ у дворянъ земли и отдавалъ своевольно напленнымъ крестьянамъ за взятки, беззаконіемъ нажилъ 35.000 рублей, пыталъ безвинно, жегъ огнемъ и т. д. За всѣ эти преступления Жолобову была отрублена голова.

Вообще, въ печатаемыхъ историческимъ обществомъ бумагахъ кабинетъ-министровъ заключается много интересныхъ документовъ для исторіи внутренняго состоянія Россіи въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, тѣмъ болѣе важныхъ, что это царствованіе очень мало разработано въ нашей исторической литературѣ. Сто одиннадцатый томъ сборника изданъ, въ научномъ отношеніи, безукоризненно подъ редакціей профессора Юрьевского университета А. Н. Филишова.

С. Ш.

3. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901.

Авторъ этого очерка задался цѣлью изложить исторію присоединенія къ Россіи только восточной Грузіи, справедливо полагая, что присоединеніе Грузіи въ болѣе широкомъ смыслѣ нельзя приурочить къ одному какому нибудь моменту, а нужно разсматривать его, «какъ серію историческихъ событій, какъ послѣдовательную утрату независимости отдѣльными грузинскими царствами и владѣніями, въ связи съ наступательнымъ движеніемъ Россіи къ Передней Азій» (стр. 1—2).

Ограничивъ такимъ образомъ свою задачу, авторъ указываетъ и на характеръ изслѣдованія. Именно, онъ старается «обрисовать событіе въ его главныхъ очертаніяхъ, указать на нѣкоторыя условія, вызвавшія присоединеніе, и на обстановку, въ какой оно совершилось» (стр. IV). Вотъ почему онъ въ своемъ очеркѣ не останавливается особенно подробно на извѣстныхъ историческихъ фактахъ, а старается дать только, такъ сказать, общую ихъ характеристику.

Грузія, всегда находившаяся подъ воздѣйствіемъ различныхъ народовъ, въ этомъ тысячелѣтніи болѣе, чѣмъ когда либо, зависѣла отъ Передней Азій. «Всякій разъ, когда является здѣсь какой нибудь крупный собиратель земель, когда слагается или усиливается какое нибудь мощное, хотя бы недолговѣчное политическое тѣло, Грузія оказывается или стѣсненной или поработенной. Напротивъ, когда Передняя Азія представляетъ картину разложенія и политическаго упадка, Грузія возрождается, расцвѣтаетъ, крѣпнетъ, пока стихійный поворотъ исторіи снова не пресѣчетъ нормальнаго развитія страны» (стр. 2). XII вѣкъ, поэтому, вѣкъ разложенія сельджукскаго государства въ Персіи, совпадаетъ съ эпохой наибольшаго процвѣтанія Грузіи, съ золотымъ вѣкомъ ея исторіи, вѣкомъ Давида Возобновителя и Тамары, тогда какъ въ XIII в. она подвергается крайне опустошительному нашествію монголовъ. Въ XV вѣкѣ положеніе Грузіи еще болѣе осложняется. Съ паденіемъ Константинополя (1453 г.), слишкомъ надолго прервавшимъ общеніе Грузіи съ единовѣрными народами, она одна въ Азій остается хранительницей православія и при томъ

среди таких жестоких и фанатичных сосѣдей, какъ Турція и Персія, сосѣдей, постоянно вѣшивавшихся въ ея дѣла и сильно угнетавших ее.

Восточная Грузія находится теперь подъ вліяніемъ Персіи. Вліяніе это было очень тягостно для Грузіи, и она всячески старалась освободиться отъ него. Слиться съ Персіей, какъ того хотѣли шахи, она во всякомъ случаѣ не могла, во-первыхъ потому, что и «сама Персія не была цѣлостнымъ государствомъ, а скорѣй сложнымъ политическимъ тѣломъ, образованнымъ изъ единицъ не административнаго характера, а государственнаго» (32), а, во-вторыхъ, въ виду религіозной розни. Эта причина едва ли не главная. Персіяне, несмотря на всѣ усилія, не могли уничтожить православіе въ Грузіи. Въ самомъ большемъ случаѣ, грузинскіе цари только для виду принимали исламъ. Народъ же и въ это время ревностно относился къ православію и всячески готовъ былъ защищать его. Эти причины, создавшія только вассальное отношеніе Грузіи къ Персіи, а не полное единеніе, вызвали и то явленіе, красною нитью прорѣзывающее исторію Грузіи послѣднихъ трехъ вѣковъ, что взоры Грузіи всегда были обращены на единовѣрную Россію. Покровительство послѣдней она готова была купить цѣной вассальной зависимости. Безконечныя посольства грузинскихъ царей въ Россію въ XVI—XVII вв. всѣ имѣли въ виду эту цѣль. Какъ извѣстно, какого нибудь существеннаго результата они не имѣли. И такъ тянулось до времени Петра Великаго. Только теперь, повидимому, начинаютъ сбываться надежды грузинскихъ царей. Задумавъ походъ противъ персовъ для завоеванія прикаспійскихъ стеней, Петръ Великій къ соучастію въ этомъ походѣ пригласилъ и Вахтанга, царя карталинскаго. Вахтангъ съ восторгомъ принялъ это приглашеніе. Его воображенію рисовалось освобожденіе Грузіи и тѣсное единеніе съ Россіей. Но окончилось все это очень печально для Вахтанга. По различнымъ причинамъ походъ не состоялся, и грузинскій царь остался одинъ безъ всякой поддержки.

Послѣдующія событія: взятіе Тифлиса Константиномъ, царемъ кахетинскимъ, завоеваніе Карталини турками,—окончательно сломили Вахтанга. Въ довершеніе всего, Петръ Великій согласился съ тѣмъ пунктомъ трактата 1724 года, по которому Грузія признавалась находящеюся въ сферѣ вліянія Турціи.

Полной неудачей окончилась и другая попытка грузинскихъ царей сблизиться съ Россіей и при ея помощи оградить себя отъ своихъ враговъ. Мы говоримъ о первой турецкой войнѣ, въ которой грузинскіе цари Ираклій Карталинскій и Соломонъ Имеретинскій такъ охотно приняли участіе, и при томъ самое дѣятельное, надѣясь, что эта война надолго, если не навсегда, избавитъ ихъ отъ турокъ. Но Тотлебенъ, которому было поручено командованіе закавказскимъ корпусомъ, такъ велъ дѣло, что изъ этого предпріятія ничего не вышло. Самъ онъ потерялъ почти все свое войско, а грузинскіе цари получили отъ этого одни только политическія осложненія, не добившись даже того, чтобы о нихъ было сказано въ трактатѣ. Какъ извѣстно, о карталинскомъ и кахетинскомъ царяхъ въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ ни слова не говорится, а Соломонъ непрежнему признается вассаломъ Турціи. Не говоримъ уже о томъ, что, благодаря ложнымъ донесеніямъ Тотлебена, Екатерина II окончательно разочаровалась въ грузинскихъ царяхъ и письменно выразила имъ свое неудовольствіе (107).

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Ираклію наконецъ удалось заключить трактатъ съ Россіей (1783 г.). По этому договору Грузія находится подъ протекторатомъ Россіи. Грузинскіе цари обязаны теперь извѣщать Россійскій дворъ о своемъ вступленіи на престолъ (арт. 3). Обязаны всегда быть готовыми на службу ея величества (арт. 7), наконецъ обязываются не вступать въ вассальную зависимость отъ какой либо иной державы (арт. 1) и за это пользуются особой милостью и покровительствомъ ея величества (арт. 2). Но, какъ исторія показала, и протекторатъ ничего не далъ Грузіи. Онъ не избавилъ ея отъ нашествія Ага-Магомета-хана, взявшаго Тифлисъ (12 сент. 1795 г.) и въ конецъ разорившаго его (стр. 156), не избавилъ и отъ набѣговъ дагестанскихъ горцевъ.

Въ 1796 году умерла Екатерина II, въ началѣ 1798 не стало Ираклія. Событія идутъ теперь гораздо скорѣй. Павелъ I, утверждая царемъ Грузіи Георгію XII, что дѣлалось имъ согласно трактату 1783 года, принимая грузинскихъ послонъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ съ 16 просительными пунктами, въ которыхъ указаны условія болѣе тѣснаго объединенія Грузіи съ Россіей, «аширобируя» эти пункты, императоръ въ то же время даетъ генералу Кноррингу такую инструкцію, чтобы въ Грузіи безъ соизволенія его, то-есть Павла I, не было приступлено къ назначенію наследника Георгію XII (стр. 200), чтобы онъ представилъ описаніе Грузіи, могшее помочь при образованіи управленія въ ней. Отъ этого было недалеко и до полнаго присоединенія Грузіи. Дѣйствительно, такъ и было. 28 сентѣбря 1800 года скончался Георгій, и сейчасъ же была объявлена воля императора, а 18 января 1801 г. былъ объявленъ уже и манифестъ о присоединеніи Грузіи. Весь вопросъ, несомнѣнно, былъ бы рѣшенъ теперь, но Павелъ умеръ, не докончивъ этого дѣла, царевичъ Давидъ еще могъ обращаться въ это время къ Кноррингу съ просьбой исходатайствовать ему и царству его благоденственную высокомонаршую милость (стр. 205),— а Александръ I на первыхъ порахъ не хотѣлъ взять на свою совѣсть присоединеніе Грузіи безъ согласія на то самой Грузіи. Повидимому, можно было ожидать, что вопросъ этотъ будетъ пересмотрѣнъ, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ въ это время были грузинскіе послы, пріѣхавшіе сюда съ тѣми же 16 пунктами, «аширобирующими» Павломъ I и получившими утвержденіе въ Грузіи. Но ожиданіе это не оправдалось. Вопросъ былъ переданъ въ государственный совѣтъ. Нѣсколько засѣданій было посвящено ему, и, несмотря на сильный протестъ графа Воронцова и графа Кочубея, горячо доказывавшихъ, что присоединеніе Грузіи не законно и не принесетъ Россіи той пользы, которой отъ этого ожидали, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ утвердительно. Засѣданіе 8 августа 1801 г., на которомъ окончательно рѣшенъ былъ этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ интересно. Здѣсь столкнулись два мірозозерцанія, и старое побѣдило. 12 августа уже былъ обнародованъ 2-й манифестъ о присоединеніи Грузіи.

Таково сжатое содержаніе разсматриваемой нами книги. Новаго въ ней сравнительно немного. Нова точка зрѣнія. Авторъ все время старается подчеркнуть ту удивительную вѣру въ Россію, которой отличались при всѣхъ обстоятельствахъ грузинскіе цари, и которая побуждала ихъ во всѣхъ случаяхъ обращаться только къ ней. Много также страницъ посвящено и тому вопросу,

законно ли присоединеніе Грузіи, присоединеніе самовластное, исходивше только изъ Россіи, а не обоснованное на обоюдномъ договорѣ. Рѣшаетъ этотъ вопросъ авторъ отрицательно. Изложеніе книги не отличается особой цѣлостностью. Частыя отклоненія въ сторону мѣшаютъ плавному теченію мысли. Къ недостаткамъ книги относится также и то, что авторъ не вездѣ безпристрастенъ, что, конечно, вредно отзывается на ней. Несмотря, однако, на эти недостатки, книжка имѣетъ интересъ, тѣмъ болѣе, что книга г. Дубровина, посвященная этому вопросу, въ сущности мало знакомитъ съ этимъ примѣчательнымъ фактомъ исторіи Россіи.

В. Логгиновъ.

**А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іерооѣй Малицкій.
(1796—1799 г.). Кіевъ. 1901.**

Сочиненіе г. Бѣлгородскаго имѣетъ задачей описать дѣятельность кіевскаго митрополита Іерооѣя Малицкаго за трехлѣтній періодъ управленія его кіевской митрополіей, въ связи съ общимъ состояніемъ епархіальныхъ дѣлъ въ 1796—1799 годахъ. Въ русской литературѣ нѣтъ спеціальнаго труда, посвященнаго этому предмету. Имѣются лишь очень немногіе и недостаточные въ научномъ отношеніи біографическіе очерки и замѣтки, высказанные случайно и мимоходомъ въ двухъ-трехъ историческихъ работахъ, касающихся минувшей судьбы кіевской митрополіи. Для выполненія своей задачи, авторъ долженъ былъ обратиться къ архивнымъ матеріаламъ, находившимся въ кіевской духовной консисторіи, въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго собора и въ Кіевской духовной академіи. На основаніи вновь обследованныхъ источниковъ, онъ и написалъ свою книгу, состоящую изъ предисловія, введенія и пяти главъ изслѣдованія.

Отмѣтивъ въ предисловіи задачу труда и его источники, г. Бѣлгородскій во введеніи (стр. 1—21) представляетъ краткія біографическія свѣдѣнія объ Іерооѣѣ Малицкомъ до вступленія его на кафедру кіевской митрополіи включительно и намѣчаетъ задачу его дѣятельности въ этомъ званіи.

Въ первой главѣ изслѣдованія (стр. 22—48) говорится объ «устройствѣ правильной организаціи въ системѣ епархіальнаго управленія», а въ частности— о духовныхъ правленіяхъ, избраніи благочинныхъ, которые въ своей дѣятельности руководились особыми инструкціями, о дѣятельности духовной дикастеріи и такъ далѣе.

Во второй главѣ (стр. 49—92) рѣчь идетъ о внѣшнемъ и внутреннемъ благоустройствѣ церквей, воссоединившихся съ православіемъ изъ уни и находившихся раньше въ предѣлахъ Польши. Положеніе этихъ церквей было крайне тяжелое. Онѣ были очень бѣдны, устроены по плану католическихъ храмовъ, неравномѣрно распределены въ отношеніи населенія, не обезпечены матеріально и тому подобное. Митрополитъ Іерооѣй привелъ эти церкви въ благолѣпный видъ внѣ и внутри, благоустроивъ православное въ нихъ богослуженіе и упорядочивъ церковную отчетность.

Въ главѣ третьей (стр. 93—129) говорится объ опредѣленіи на священническія и церковно-служительскія мѣста при митрополитѣ Іерооѣѣ. Въ этомъ случаѣ митрополитъ, по словамъ автора, положилъ твердое основаніе для по-

слѣдующихъ улучшеній ставленническаго вопроса. Своимъ мудрымъ отношеніемъ къ старинному обычаю приходскихъ выборовъ онъ немало способствовалъ его ослабленію и естественному разложенію, а своими важными распоряженіями по ставленническому дѣлопроизводству окончательно парализовалъ возможность въ будущемъ времени какихъ либо проявленій народнаго вмѣшательства въ дѣла епархіальнаго управленія. Въ отношеніи къ другому старинному обычаю — наслѣдственности церковныхъ мѣстъ, митрополитъ умѣлъ соединить строгое правосудіе съ чисто отеческимъ милосердіемъ. Наконецъ, онъ строго относился къ духовнымъ лицамъ, рукоположеннымъ въ Молдавіи и Валахіи, а также къ второбрачнымъ уніатскимъ священникамъ, и этимъ содѣйствовалъ очищенію клира отъ недостойныхъ членовъ.

Въ приложеніи къ этой главѣ (стр. 130—132) помѣщены статистическія данныя о состояніи прихожанъ, церквей и духовенства въ кievской епархіи въ 1797—1799 годахъ.

Въ главѣ четвертой (стр. 133—166) разсказывается о фанатическихъ преслѣдованіяхъ православнаго духовенства со стороны помѣщиковъ въ царствованіе императора Павла Петровича, въ связи съ усилившеюся въ это время пропагандой уніатскаго и особенно католическаго вѣроученія, и о мѣрахъ, которыя предпринималъ митрополитъ Іерофей для защиты духовенства и для противодѣйствія инославному вѣроученію.

Глава пятая (стр. 167—205) посвящена описанію дѣятельности митрополита Іерофея по отношенію къ кievской духовной академіи, въ которой воспитывались будущіе церковные дѣятели Россіи. Заботу объ этомъ разсадникѣ просвѣщенія митрополитъ считалъ «первымъ долгомъ своего пастырскаго званія», хотя и не принадлежалъ къ питомцамъ Кievской академіи, и много содѣйствовалъ учебному и матеріально-экономическому ея быту.

Въ приложеніи къ пятой главѣ (стр. 206—221) разсказывается о возстановленіи митрополитомъ Іерофеемъ Кievo-Братскаго монастыря, уруздненнаго въ силу указа 1786 года.

Такимъ образомъ, митрополитъ Іерофей Малицкій оставилъ немалый слѣдъ въ исторіи Кievской епархіи своими разнообразными и полезными трудами на пользу мѣстной православной церкви. Благодаря дѣятельности этого выдающагося церковнаго администратора, Кievская епархія всецѣло присоединилась къ великому тѣлу нашего необъятнаго отечества и стала въ XIX вѣкѣ жить общемою жизнью со всеми другими великороссійскими епархіями. Значитъ, кievскій періодъ дѣятельности митрополита Іерофея вполне заслуживаетъ нарочитаго обзора.

Г. Бѣлгородскій исполнилъ свою задачу очень старательно. Онъ усердно ознакомился съ архивными матеріалами вопроса и тщательнo извлекъ изъ нихъ необходимыя для него свѣдѣнія, которыя и расположилъ по плану, согласному съ существомъ предмета. Его трудъ очень полезенъ для исторіи Кievской епархіи, а также можетъ имѣть и болѣе широкій историческій интересъ, въ виду того, что авторъ касается здѣсь и общаго теченія церковныхъ дѣлъ въ Кievской митрополіи, коимъ можно находить аналогіи и въ другихъ епархіяхъ конца XVIII вѣка.

С.

до Псковской области. Есть много исключительно статистических документов.

Изъ рукописей заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія.

1) Десять писемъ А. С. Пушкина къ П. А. Осиповой и три письма къ А. Н. Вольфу. Всѣ письма, кромѣ одного къ Осиповой, помѣщены въ изданіи сочиненій Пушкина Литературнаго Фонда, но при сличеніи съ подлинниками оказывается, что изданы не совсѣмъ точно. 2) Томъ собственноручныхъ писемъ и записокъ знаменитаго архіепископа херсонскаго Иннокентія къ состоявшему при немъ іеромонаху Діонисію. Всѣхъ писемъ и записокъ въ этомъ томѣ 169; всѣ имѣютъ значеніе для біографіи нашего великаго проповѣдника. 3) Письма къ В. В. Стасову отъ А. А. Сѣрова, представляющія значительный интересъ для біографіи композитора. 4) Девять собственноручныхъ писемъ и записокъ статсъ-секретаря барона А. А. Корфа къ А. Г. Тройницкому, относящихся къ предполагавшемуся тогда учрежденію самостоятельнаго главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія, на правахъ министерства. 5) 72 письма и записокъ нашихъ литераторовъ и лицъ, служившихъ по цензурному вѣдомству, къ историку русскаго флота Ѳ. Ѳ. Веселаго, главнымъ образомъ за время службы его въ 1860 г. цензоромъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета и частію въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Письма содержатъ довольно любопытныя свѣдѣнія для исторіи русскаго цензуры. 6) Девять собственноручныхъ записокъ П. С. Аксакова, изъ нихъ двѣ къ Гилярову-Платонову, а семь къ Ѳ. А. Гилярову, и 7) черновые оригиналы нѣкоторыхъ трудовъ нашего извѣстнаго критика Н. Н. Страхова, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ бібліотекаремъ Императорской Публичной бібліотеки.

Въ 1897 году для занятій въ бібліотекѣ было выдано 15.316 билетовъ (на 820 больше, чѣмъ въ 1896 г.), въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 2.728, что къ общему числу въ процентахъ выразится 17,8%. Больше число билетовъ приходится на учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—4.464, при распредѣленіи по занятіямъ самое меньшее на долю телеграфистовъ (ихъ было въ бібліотекѣ въ 1897 г. всего 2). Вслѣдствіе этого и число читателей распредѣляется неравномѣрно по мѣсяцамъ, и учебные мѣсяцы даютъ большее число читателей: цифра рѣзко падаетъ, если мы сравнимъ первый каникулярный мѣсяцъ съ послѣднимъ учебнымъ: въ мартѣ—14.550, въ маѣ—7.763. То же замѣчается и въ послѣднемъ каникулярномъ и первомъ учебномъ: августъ—7.287, сентябрь—15.917.

Выдано книгъ всего было 64.409 томовъ, при чемъ 21.700 приходится на періодическія изданія. Изъ этого числа первое мѣсто занимаетъ «Русская Мысль»—2.173 и послѣднее «Гимназія»—4. Всего же изъ 647 изданій на рускомъ языкѣ требовалось 277, изъ иностранныхъ журналовъ требовалось—53. Изъ сочиненій на рускомъ языкѣ требовались больше книги по богословію, исторіи и политическимъ наукамъ; на иностранныхъ языкахъ— по естествознанію и политическимъ наукамъ.

Къ отчету приложенъ каталогъ собранія рукописей П. И. Савваитова, принадлежащихъ теперъ бібліотекѣ, составленный Бычковымъ, и «Краткое

описание сирийской рукописи Новаго Завѣта», приобрѣтенной библіотекою въ 1897 г., составленное Коковцевымъ.

Въ общемъ, отчетъ со всѣхъ сторонъ рисуется намъ положеніе библіотеки, и жаль, что въ немъ отсутствуютъ сравнительныя таблицы за прошлые года, которыя наглядно бы показывали, какъ растетъ отечественное книгохранилище.

Викт.

Евгеній Пѣтуховъ. Проповѣди Гавріила Бужинскаго (1717—1727). Историко-литературные матеріалы изъ эпохи преобразованій. Юрьевъ. 1901.

За послѣдніе годы среди специалистовъ по вопросамъ нашей старинной письменности чрезвычайно развился вкусъ къ изданію всевозможныхъ сырыхъ матеріаловъ. Достаточно обнаружиться какой нибудь болѣе или менѣе старинной рукописи, хотя бы даже уже отчасти изданной, какъ ее тотчасъ самымъ старательнымъ образомъ переписываютъ, передадутъ тисненію, снабдятъ коротенькимъ введеніемъ библиографическаго характера и обширнымъ указателемъ — и ученое изданіе готово. При этомъ вопросъ о томъ, вносятъ ли публикуемые матеріалы что нибудь новое, есть ли у нихъ какой либо историко-литературный интересъ, или имъ лучше бы и не появляться вовсе на свѣтъ, для публикаторовъ не важенъ, и они, какъ видно, на немъ не останавливаются. Страсть къ сырому, неизбѣжно развивающаяся боязнь выводовъ, выѣдрилась въ ученые приемы нашего времени настолько, что большинство современныхъ диссертаций можно читать лишь съ значительной и напрасной потерей труда и времени. Чтобы выудить изъ нихъ микроскопическіе выводы по микроскопическимъ вопросамъ, приходится прочесть или, по крайней мѣрѣ, пересмотрѣть сотни страницъ, чуть не сплошь состоящихъ изъ рукописныхъ ссылокъ и выносокъ. Цитаты да еще съ сохраненіемъ правописанія подлинника, по возможности, церковно-славянскимъ шрифтомъ съ титлами и всякими значками, и выноски, цѣлыя тучи выносокъ, составляютъ необходимыя условія нынѣшнихъ якобы ученыхъ твореній. Любители перепечатывать старыя рукописи современнымъ шрифтомъ ссылаются обыкновенно на то, что не всѣ еще факты открыты, а безъ этого не возможно строить выводы и обобщенія. И мы вполне понимаемъ справедливость этого ходячаго возраженія, не постигая, однако, къ чему тратить столько умственныхъ, физическихъ силъ и матеріальныхъ средствъ, чтобы къ десяти уже извѣстнымъ фактамъ, ярко характеризующимъ то или другое явленіе, присоединить еще одиннадцатый, безцвѣтный и блѣдный? Это — во-первыхъ. А, во-вторыхъ, не было и не будетъ, да и быть не можетъ — иначе наукъ конецъ — такого времени, когда всѣ факты будутъ установлены и въ достаточной степени разъяснены. Старшее поколѣніе русскихъ ученыхъ: Булаевъ, Тихонравовъ, Сухомлиновъ, работали въ такое время, когда фактовъ было вскрыто еще меньше, а между тѣмъ ихъ работы остаются до сихъ поръ классическими и поучительными образцами научнаго изслѣдованія, какъ по глубинѣ мысли, такъ и по обширности и всесторонности ихъ эрудиціи. Обуявшее наше время стремленіе къ открыванію новыхъ фактовъ, которое обычно выражается въ

напечатаніи какой нибудь случайно попавшей подъ руку рукописи, по большей части, ненужной и неинтересной, объясняется, по нашему мнѣнію, причинами совсѣмъ другого свойства и прежде всего тѣмъ, что напечатать сырой матеріалъ гораздо легче, чѣмъ дать о немъ хотя бы не большое, но дѣйствительно научное изслѣдованіе. Для этого вѣдь мало одного Sitzfleiss'a. Тутъ нуженъ и талантъ и широкое общее образованіе и наконецъ проникновеніе въ предметъ и эпоху, словомъ нужны свойства, которыя только и даютъ право носить высокое имя ученаго.

Ничѣмъ инымъ, кромѣ спортивной погони за открываніемъ новыхъ матеріаловъ, нельзя себѣ объяснить появленіе книги профессора Юрьевского университета г. Пѣтухова. «Проповѣди Бужинскаго» извѣстны были давнымъ давно, и все, что было въ нихъ интереснаго, было извлечено и издано еще Г. Ф. Миллеромъ, а затѣмъ извѣстнымъ Новиковымъ. Изданіями ихъ пользовался и митрополитъ Евгеній для своего словаря духовныхъ писателей, и Пекарскій, давшій почти законченную картину состоянія науки и литературы при Петрѣ Великомъ. Только что появившіеся матеріалы, печатавшіеся ранѣе г. Пѣтуховымъ, если не ошибаемся, въ «Запискахъ Юрьевского университета», не въ состояніи измѣнить или въ чемъ либо дополнить уже сложившееся представленіе объ этой эпохѣ. Изъ вновь-изданныхъ и доселѣ неизвѣстныхъ проповѣдей Бужинскаго едва ли не самымъ интереснымъ представляется слово, сказанное имъ при погребеніи фельдмаршала В. П. Шереметева. Да и отсюда, благодаря риторическому пустословію, обычному для того времени, почти нечего извлечь для характеристики фельдмаршала и его времени. Остальныя проповѣди—просто-напросто цвѣтистая и надутая риторика, столь любимая кievскими учеными монахами, которыхъ Петръ Великій вынуждалъ въ свою новую столицу, и къ группѣ которыхъ принадлежалъ и самъ Бужинскій.

Спрашивается, какая надобность для исторической науки печатать, да еще со всякими надстрочными знаками, и титлами матеріалы такого достоинства? Бужинскій, вовсе не такая крупная фигура въ исторіи русской жизни и просвѣщенія, чтобы стоило дорожить каждой строчкой, вышедшей изъ-подъ его пера, а тѣмъ болѣе печатать все это, недантично удерживая написаніе подлинника. Мы понимаемъ, что опасно раскрывать титло и вводить въ строку надстрочные знаки въ рукописяхъ очень старыхъ, не зная точно, какъ произносилось слово, въ такихъ случаяхъ легко впасть въ ошибку. Мудрено также избавиться отъ разныхъ сокращеній въ такомъ, напримѣръ, изданіи, какъ сборникъ Кириши Данилова, недавно изданный г. Шефферомъ. Тутъ отъ неправильнаго чтенія можетъ получиться лишній слогъ, который, въ свою очередь, можетъ не подойти къ ритму музыкальнаго напѣва былины. Но сохранять титлы и всякіе значки, затрудняющіе лишь чтеніе, въ рукописи XVIII вѣка, да еще такого неважнаго содержанія, какъ изданная г. Пѣтуховымъ, развѣ это не одинъ изъ тѣхъ quasi-ученыхъ атрибутовъ, безъ которыхъ будто бы немислимо научное изданіе разныхъ «матеріаловъ»?

Намъ кажется, что публикаторъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы по примѣру прежнихъ издателей извлекъ изъ найденной рукописи все, что имѣетъ хотя малѣйшее историко-литературное значеніе, и снабдилъ бы свою работу

возможно обстоятельнымъ очеркомъ жизни и трудовъ Бужинскаго въ связи съ состояніемъ его времени. Тогда вмѣсто увѣсистаго тома, стоящаго цѣлыхъ пять рублей и въ сущности ничего не дающаго, у читателя была бы полная характеристика облюбованнаго г. Пѣтуховымъ писателя. **А. Вв.**

Запорожская сѣчь. А. Кузьминъ. Москва. 1902.

Историческій и бытовой очеркъ «Запорожской сѣчи» А. Кузьмина не претендуетъ, по собственному признанію автора, «на новизну сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, но имѣетъ цѣлью дать въ небольшомъ и общедоступномъ изложеніи возможно полное ознакомленіе съ исторіей и бытомъ Запорожской сѣчи». Названный трудъ вполне оправдываетъ заявленіе автора, и при недорогой цѣнѣ его (всего 40 коп.) онъ можетъ проникнуть въ дешевыя, народныя бібліотеки, тѣмъ болѣе, что онъ составленъ по превосходнымъ источникамъ Эварницкаго, Костомарова, Мордовцева, Щебальскаго и другимъ компетентнымъ монографіямъ о Запорожьѣ. Авторъ рассказываетъ о заселеніи понизовья Днѣпра «сиромахами», такъ назывались на Украинѣ бездомныя скитальцы (волки). Они были первыми обитателями сѣчи, совершавшими для грабежа морскіе походы на Крымъ и Туречину, а сухопутные — на Польшу для самообороны. Обстоятельно изложена исторія Уніи и угнетенія простого народа панамъ, арендами церквей и рыбныхъ угодій — жидами, замѣною православной іерархіи по церквамъ униатской и ограниченіемъ вольнаго казачества реестровыми списками. На этой почвѣ возникли народныя возстанія и наконецъ освобожденіе Украины Богданомъ Хмельницкимъ и присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Съ усиленіемъ центральной власти Россіи начинается паденіе Запорожской сѣчи, разоренной въ концѣ концовъ Петромъ I и Екатериной II. Запорожцы переселились на Дунай къ туркамъ, но въ царствованіе Николая Павловича опять вернулись въ подданство Россіи и были поселены на Кавказѣ, но уже съ полнымъ уничтоженіемъ автономіи и традицій Запорожья. **А. Фаресовъ.**

Szkice, wspomnienia, obrazki. Skreslil Wladyslaw Belza. Warszawa. 1901.

Въ этой книжкѣ помѣщено общимъ счетомъ 15 очерковъ историко-литературнаго содержанія: изъ нихъ первые девять очерковъ имѣютъ между собою ту связь, что касаются разныхъ, болѣею частью, второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ событій изъ жизни Мицкевича, остальные же шесть очерковъ имѣютъ развѣ только то общее, что они написаны однимъ и тѣмъ же г. Белзой.

Несчастливая любовь къ Маріи Верещакъ сыграла немаловажную роль въ развитіи первой фазы творчества Мицкевича. Эпизодъ этотъ, конечно, заслуживаетъ вниманія со стороны литературной критики, но едва ли здѣсь уместенъ тотъ неумѣрно-взыскательный тонъ, которымъ г. Белза повѣствуетъ

исторію этой любви («Maryla i jej stosunek do Mickiewicza»). Авторъ просто надрыгается въ усиліяхъ провести партію съ невѣроятнo высокой тесситурой. Если говорить по правдѣ, вся исторія эта сложилась очень просто. Мицкевичъ воспыталъ сильно страстью къ красавицѣ, но такъ какъ онъ былъ только всего студентъ, да при томъ небогатый и незнатнаго рода, а между тѣмъ къ Марылѣ посватался богатый помѣщикъ Путткамеръ, украшенный графскимъ титуломъ, то она, какъ вполне благоразумная дѣвушка, послушавшись совѣта родни, отдала руку и сердце Путткамеру. Мицкевичъ сильно перестрадалъ муками отвергнутой любви, а потомъ успокоился. Такимъ образомъ трагедія эта, по крайней мѣрѣ, наполовину соткана на самой обыкновенной буржуазной подкладкѣ. Г. Белза—надо отдать ему въ этомъ справедливость—обнаружилъ много избрѣтательности, чтобы обставить этотъ низодъ эффектиѣйшимъ образомъ и придать ему чарующую занимательность въ глазахъ читателя. Избравъ какой нибудь нарочито трогательный моментъ, г. Белза торжественно указываетъ на него читателю и произноситъ болѣе или менѣе прочувствованный монологъ, сохраняя на лицѣ своемъ умиленно-восторженное выраженіе. «О чемъ шептались тамъ другъ другу на ухо молодые влюбленные въ тѣнистой аллеѣ тугановецкаго сада, которая была любимымъ ихъ уголкомъ... это — тайна, которая вѣчно останется между ими двоими» (с. 21). Г. Белза особенно любитъ эти «тайны», которымъ суждено быть навѣки неразгаданными, такъ какъ едва ли у кого нибудь явится желаніе тратить время и трудъ на такіе въ существѣ дѣла пустяки. Иногда эта страсть къ тайнамъ заставляетъ г. Белзу перешагнуть ту черту, которая отдѣляетъ великое отъ смѣшного. Путткамеръ, замѣтивъ чувство Мицкевича къ Марылѣ, по-дружески съ глазу на глазъ переговорилъ съ Мицкевичемъ и «вынудилъ» молодого поэта дать слово, что онъ не будетъ становиться ему поперекъ пути. Г. Белза посвящаетъ почти страницу «домысламъ» на тему о томъ, «какимъ чудомъ молодой графъ могъ такъ скоро добиться желаемаго результата».

Мы остановились на этомъ очеркѣ—болѣе обширномъ по объему—въ виду того, что здѣсь ярче всего выступаетъ усвоенная г. Белзой манера вести изслѣдованіе. Въ томъ же духѣ и остальные очерки, темы которыхъ имѣютъ отношеніе къ жизни Мицкевича. Такъ, въ очеркѣ «Brat poety» г. Белза приводитъ скудные данныя о Францискѣ Мицкевичѣ, старшемъ братѣ Адама, тоже имѣвшемъ склонность къ стихотворству; имъ написана цѣлая поэма, отъ которой уцѣлѣлъ впрочемъ только слѣдующій первый стихъ: «Эй! куда летишь ты, литвинъ, на быстромъ конѣ?» Въ очеркѣ «Powrót taty» авторъ пытается отыскать автобіографическую подкладку баллады Мицкевича подъ тѣмъ же заглавіемъ. Въ очеркѣ «Król Hieronim w Nowogrodku» авторъ пытается доказать легендарность занесеннаго въ біографіи Мицкевича извѣстія, будто бы въ 1812 г. король вестфальскій Иеронимъ останавливался въ домѣ отца Мицкевича. Довольно милой наивностью вѣдетъ отъ очерка подъ заглавіемъ «Mickiewicz kompozytoremъ». Дочь Мицкевича передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что поэтъ очень любилъ музыку и даже подобралъ мелодію къ одной изъ одъ Горация и къ польской народной пѣсенкѣ «Шель шляхтичъ». Мелодія эта не сохранилась. Но вотъ судьба столкнула автора съ какимъ-то старымъ шлях-

тичемъ Невяровичемъ, который увѣрялъ, что онъ отлично запомнилъ одну изъ мелодій. «Не дадимъ ей погибнуть!» — воскликнулъ г. Белза и исполнилъ свое слово: въ сочельникъ 1881 г. (какая точность!) профессоръ львовской консерваторіи г. Островскій записалъ эту мелодію, которую пропѣлъ предъ нимъ Невяровичъ. Мелодія эта, возстановленная по памяти чрезъ 26 лѣтъ по смерти ея автора, не только была помѣщена въ польскихъ еженедѣльникахъ, но была выпущена даже отдѣльнымъ изданіемъ. По важности темы близко стоитъ къ этому очерку «Kartka Goethego». Здѣсь авторъ блестяще доказываетъ, что перо, подаренное Гете Мицкевичу, было не золотое, какъ то утверждаютъ многіе біографы поэта, а обыкновенное гусиное, и что стихотвореніе Гете, данное имъ Мицкевичу на память, не было писано отъ руки, а напечатано на особой карточкѣ (такихъ карточекъ съ своими стихотвореніями Гете заготовлялъ много для раздачи своимъ посѣтителемъ). Въ томъ же духѣ и остальные очерки, касающіеся Мицкевича. Только безпредѣльнымъ преклоненіемъ поляковъ предъ именемъ Мицкевича и можно объяснить такое явленіе, какъ усердную разработку совершенно малозначительныхъ частныхъ жизни поэта.

Другая категория очерковъ, какъ мы упомянули выше, касается самыхъ разнообразныхъ темъ. Болѣе другихъ интересны воспоминанія о Викентіи Полѣ, извѣстномъ польскомъ поэтѣ. Остальные довольно безцвѣтны, а очеркъ Wasilko могъ бы быть исключенъ не только безъ ущерба для книжки, а даже къ большей выгодѣ ея.

Въ общемъ значеніе очерковъ и воспоминаній г. Белзы исчерпывается тѣмъ, что ими вносятся нѣсколько мелкихъ фактическихъ поправокъ и дополненій въ біографію Мицкевича.

К. Х.

II. Лепорскій. Исторія Θεссалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ Константинопольскому патріархату. Спб. 1901.

Θεссалоникскій экзархатъ обнималъ собою такъ называемый восточный Иллирикъ, въ составъ коего въ древности входили: вся нынѣшняя Сербія, Черногорія, западная половина Болгаріи, Восточная часть Евронейской Турціи (Албанія и Македонія), вся нынѣшняя Греція и островъ Критъ. Древняя (до VIII вѣка) исторія этой области, во главѣ съ городомъ Θεссалоникой, имѣетъ большой интересъ. Восточный Иллирикъ — это тотъ пунктъ, изъ-за котораго уже въ началѣ V вѣка стали обостряться мирныя отношенія между римскимъ папою и константинопольскимъ патріархомъ, а въ концѣ концовъ и порвались вовсе. Находясь между двумя столицами восточно-римской имперіи, Византіей и Римомъ, восточный Иллирикъ рано или поздно долженъ былъ подчиниться церковной власти одной изъ нихъ. Но какой именно? Въ IV вѣкѣ епископъ Рима могъ разсчитывать, что восточный Иллирикъ со временемъ войдетъ въ составъ областей римскаго престола, такъ какъ и въ гражданскомъ отношеніи онъ принадлежалъ къ Западу. Между Римомъ и Иллирикомъ стали уже завязываться и дружественныя отношенія. Но въ то время, когда централизаторскіе планы римскаго епископа получили нѣкоторую гарантію и въ отношеніи къ Иллирику, произошелъ раз-

дѣлъ имперіи. Иллирикъ отошелъ къ Востоку, гдѣ и возникла новая столица, епископъ коей, находившійся въ большой близости къ Иллирику, могъ распространить свою власть и на него. Въ виду этого, папа Иннокентій I 17-го іюня 415 года формально учредилъ въ Иллирикѣ папскій викаріатъ, назначивъ своимъ экзархомъ или намѣстникомъ ѳессалоникскаго епископа, съ правомъ церковнаго представительства во всей этой области. Между тѣмъ къ Иллирику присматривались и въ Константинополѣ, гдѣ и сдѣлана была попытка устранить папское нововведеніе. 14-го іюня 421 года императоръ Θεодосій II издалъ эдиктъ, коимъ предписывалось всѣ церковныя дѣла въ Иллирикѣ вѣдать мѣстному собору, а въ сомнительныхъ случаяхъ обращаться къ епископу Константинополя, пользующемуся «прерогативами древняго Рима». Такимъ образомъ, папскому властолюбію былъ нанесенъ сильный ударъ. Но онъ скоро былъ ослабленъ въ своемъ дѣйствіи занаднымъ императоромъ Гоноріемъ, который выступилъ защитникомъ правъ апостольскаго престола и уприсялся Θεодосію не нарушать якобы древнихъ порядковъ въ Иллирикѣ. Въ послѣдующее время византійское правительство, избѣгая ссоры съ папой и слѣдуя политикѣ уступокъ и даже заискиваній предъ нимъ, формально признало зависимость Иллирика отъ Рима. Въ 535 году императоръ Юстиніанъ I просилъ папу учредить новый викаріатъ въ городѣ Юстиніанѣ, резиденціи примаса образованнаго имъ независимаго церковнаго округа, а въ 545 году подтвердилъ его существованіе особой новеллой. Этимъ официально признавался викаріатъ и въ ѳессалоникѣ. Однако, и послѣ этого папѣ было трудно уберечь восточный Иллирикъ отъ вліянія Константинополя, тѣмъ болѣе, что сами иллирійскіе епископы и клирики нерѣдко обращались сюда по своимъ дѣламъ, въ виду близости Константинополя, его положенія, какъ столицы, и постепеннаго возрастанія власти мѣстнаго епископа, признанной даже халкедонскимъ вселенскимъ соборомъ. И вотъ, папы, съ одной стороны, стараются теоретически обосновать свои отношенія къ Иллирику, указывая на апостольское происхожденіе своей власти и давность ихъ права юрисдикціи надъ иллирійскою церковью, а съ другой—подрываютъ посланіями въ Иллирикъ авторитетъ константинопольскаго епископа, считая его «ничтожнымъ енархіотомъ, подчиненнымъ практіческому митрополиту». Но и это не мѣшало константинопольскому епископу наносить новые и довольно сильные удары папскому властолюбію, какъ было это, напримѣръ, въ 531 году. И вплоть до VIII столѣтія папы трепетали за свою власть въ Иллирикѣ, должны были зорко охранять ее и оберегать, несмотря на формальное признаніе этой области владѣніемъ Рима. Конецъ папскому владычеству въ Иллирикѣ наступилъ лишь въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія, когда императоръ Левъ III Исаврянинъ (717—741 г.) отнялъ его у папы и присоединилъ къ константинопольскому патриархату, мстя Риму за упорное противодѣйствіе его иконоборческимъ эдиктамъ, а главное—за неудачу военной экспедиціи, снаряженной для усмиренія возстанія въ Италіи, главнымъ виновникомъ коего былъ папа. Съ того времени Иллирикъ такъ и остался въ подчиненіи у константинопольскаго патриарха, несмотря на неоднократныя попытки папы вновь возвратитъ его себѣ. Это обстоятельство и было одной изъ причинъ разрыва церковнаго мира, а послѣ и единства между Востокомъ и Западомъ.

Такова древняя церковная история восточнаго Иллирика, какъ она представлялась въ наукѣ до 1891 года. Но съ этого года история Иллирика получила еще интересъ особаго рода. Дѣло въ томъ, что въ указанномъ году старокатолическій профессоръ Фридрихъ, подвергнувъ въ особомъ сочиненіи критикѣ такъ называемый «Сборникъ церкви ѳессалоникской», содержащій главные матеріалы для истории папскаго викариатства въ ѳессалоникѣ, заявилъ, что дѣло съ восточнымъ Иллирикомъ и ѳессалоникой обстояло далеко не такъ, какъ оно изображено учеными, занимавшимися этимъ вопросомъ. Содержащіеся въ сборникѣ документы представляютъ колоссальный подлогъ въ интересахъ папства, никакого папскаго викариатства въ ѳессалоникѣ въ IV—V вѣкахъ не существовало. До двадцатыхъ годовъ V столѣтія иллирійская церковь пользовалась полнѣйшею автокефальностью, а съ этого времени была подчинена юрисдикціи епископа константинопольскаго. Впервые папскій викариатъ явился въ Иллирикѣ лишь въ половинѣ VI вѣка и при томъ не въ ѳессалоникѣ, а въ Юстиніанѣ, т. е. въ сѣверномъ Иллирикѣ. Идею этого учрежденія далъ римскому епископу императоръ Юстиніанъ, желавшій почетнымъ званіемъ «намѣстника апостольскаго престола» возвысить архіепископа вновь образованнаго имъ и независимаго отъ ѳессалоники церковнаго округа. Кромѣ одного лишь почетнаго титула, викариатъ ничего болѣе въ это время и не представлялъ.

Взглядъ мюнхенскаго академика Фридриха встрѣтилъ возраженія со стороны аббата Дюшена и іезуита Ностицъ-Ринекка, но не вполне основательныя и всестороннія. Въ виду этого г. Лепорскій и взялъ на себя задачу, съ одной стороны, вновь разсмотрѣть возраженія Фридриха противъ подлинности «Сборника ѳессалоникской церкви», а съ другой—изложить историю ѳессалоникскаго экзархата на основаніи обследованнаго, научнаго матеріала.

Въ зависимости отъ двойственности задачи, трудъ г. Лепорскаго состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой изъ нихъ (стр. 1—217) изложена история ѳессалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ Константинопольскому патріархату, въ томъ видѣ, какъ она въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ представлена и въ нашемъ изложеніи. Во второй части (стр. 218—300) предложена реабилитация документовъ «Сборника ѳессалоникской церкви» и четырнадцатаго посланія римскаго папы Льва I. Здѣсь авторъ представляетъ критику Фридриха на эти документы и свою антикритику, въ коей шагъ за шагомъ слѣдитъ за аргументами старокатолическаго ученаго и противопоставляетъ его тезисамъ свои антитезисы. Эта часть сочиненія г. Лепорскаго имѣетъ спеціальнѣйшій характеръ. Но авторъ и здѣсь, какъ и въ первой части, съ честью вышелъ изъ ученыхъ дебей, намѣтилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свои пути и развязалъ узлы, которые его предшественникъ находилъ возможнымъ только разрубить.

Въ приложеніи (стр. 301—308) находятся списки епархій и епископовъ восточнаго Иллирика и карта этой церковной области, прекрасно исполненная.

Вообще трудъ г. Лепорскаго является очень цѣннымъ. Любители серьезнаго церковно-историческаго знанія съ большимъ удовольствіемъ ознакомятся съ этой работой.

Σ.

Автобіографія Абдурахманъ-хана, эмира Афганистана. Издана султаномъ Магометъ-ханомъ. Перевель съ англійскаго генеральнаго штаба полковникъ М. Грулевъ. Съ приложеніемъ карты Афганистана, портрета Абдурахманъ-хана и 8 рисунковъ. Въ двухъ томахъ. Изданіе В. Березовскаго. Спб. 1901.

Въ концѣ минушаго года эта книга появилась на англійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «The Life of Abdur-Rahman» («жизнь Абдурахмана»). Переведенная съ персидскаго и изданная государственнымъ секретаремъ афганскаго эмира Магометъ-ханомъ, она подверглась цѣлому ряду обсужденій англійской печати, старавшейся доказать непринадлежность ея перу Абдурахмана, но скоро сомнѣнія разъяснились: авторомъ большей части книги былъ установленъ дѣйствительно эмиръ Абдурахманъ, а потому она и представила собою особенный интересъ тѣмъ болѣе послѣ смерти эмира.

Полковникъ генеральнаго штаба Грулевъ далъ возможность и на русскомъ языкѣ ознакомиться съ этою безусловно прекрасною книгой, являющейся въ настоящее время единственнымъ источникомъ, гдѣ можно почерпнуть свѣдѣнія о состояніи соедняго намъ Афганистана. Въ историческомъ отношеніи рассматриваемая книга представляетъ собою безусловный интересъ уже потому, что авторъ-эмиръ рисуетъ полную картину историческаго прошлаго своей страны, затѣмъ подробно касается своей жизни, полной чрезвычайно интересными событіями, касающимися даже близко и Россіи.

Далѣе онъ даетъ полное представленіе о современномъ состояніи промышленности, торговли, производства въ Афганистанѣ, о его администраціи и войскахъ, о политическомъ устройствѣ своего государства и тѣхъ мѣрахъ, которыми онъ сумѣлъ достигнуть полного объединенія Афганистана, состоящаго изъ множества отдѣльныхъ воинственныхъ племенъ, въ одно цѣлое. Не оставаясь голословнымъ, эмиръ приводитъ много интересныхъ фактовъ, а также касается характеристики лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться на пути своей дѣятельности; онъ взвѣшиваетъ каждый свой шагъ, обсуждая его съ своей точки зрѣнія, критикуя какъ свои дѣйствія, такъ и поступки англичанъ и русскихъ. Нельзя не замѣтить повышеннаго тона, въ которомъ все время своего повѣствованія держится эмиръ, но нельзя и согласиться съ переводчикомъ, который въ своемъ предисловіи и примѣчаніяхъ хочетъ во что бы то ни стало умалить достоинства Абдурахмана, которыми онъ, несомнѣнно, обладалъ, и предъявляетъ къ нему тѣ же требованія, какія можно предъявлять къ европейскимъ монархамъ.

Нельзя забывать, что Абдурахманъ самородокъ, что все, чего онъ достигъ, — только плоды его недюжиннаго ума. Не имѣя средствъ, онъ сумѣлъ заставить Англію платить ему субсидію, похожую на дань, и при этомъ сумѣлъ сохранить фактически свою независимость — и этого не цѣнитъ г. переводчикъ, нападая на эмира тамъ, гдѣ это не слѣдовало бы, и обходя своими примѣчаніями мѣста, которыя замалчивать тѣмъ болѣе ему, русскому офицеру, не подобаешь.

Напримѣръ, на стр. 376 въ т. I, рассказывая о столкновеніи русскаго отряда на Памирѣ у Сумэ-таша съ афганцами, эмиръ, конечно, со словъ доносившихъ

ему объ этой стычкѣ афганцевъ и очевидно въ искаженномъ видѣ, обвиняетъ полковника Юнова (нынѣ генералъ-лейтенанта), что онъ при переговорахъ съ афганскимъ офицеромъ, капитаномъ Шамсуддинъ-ханомъ, ударилъ послѣдняго кулакомъ по лицу, чѣмъ и вызвалъ стычку, слѣдствіемъ которой было головное избіеніе афганскаго поста. Подобное обвиненіе пятномъ должно лечь на ни въ чемъ неповиннаго М. В. Юнова, который и не думалъ ничего подобнаго совершать. Я, какъ свидѣтель всего происшедшаго и какъ участникъ рекогносцировки, во время которой и произошла упомянутая стычка, считаю своимъ долгомъ опровергнуть эту клевету, возводимую на бывшаго нашего начальника отряда. Во время переговоровъ съ капитаномъ Шамсуддинъ-ханомъ полковникъ Юновъ былъ на лошади, капитанъ стоялъ отъ него довольно далеко и держалъ себя хотя немного рѣзко, но все же въ высшей степени корректно. Когда же афганецъ отказался наотрѣзъ оставить добровольно постъ, то Юновъ приказалъ казакамъ перехватать афганцевъ, желая тѣмъ избѣгнуть кровопролитія, но афганцы открыли огонь, и Юнову ничего не оставалось, какъ отвѣчать тѣмъ же.

Г. Грулевъ, какъ служившій въ штабѣ Ферганской области, по всей вѣроятности, долженъ былъ бы знать объ этихъ подробностяхъ 12 юля 1892 г., такъ какъ это событіе очень интересовало все общество во время его пребыванія въ Ферганѣ, и обходъ молчаніемъ клеветы Абдурахмана, возводимой на Юнова, ему не простителенъ. Въ одномъ голомъ фактѣ безъ личностей и то сквозить полнѣйшая невѣроятность. Можно ли допустить, чтобы какой либо изъ русскихъ офицеровъ при военныхъ переговорахъ съ врагомъ, себѣ подобнымъ же офицеромъ, ударилъ его по лицу, — нѣтъ, въ русской арміи этого быть не можетъ.

Затѣмъ г. Грулевъ обвиняетъ Абдурахмана за его неблагодарность къ Россіи. Молъ, ѣлъ нашу хлѣбъ-соль, а когда попалъ на престолъ, то повернулся къ намъ спиною ради англійскаго золота. И въ этомъ переводчикъ неправъ въ своихъ замѣчаніяхъ. Абдурахманъ цѣнитъ русское гостепримство и на стр. 324 въ томъ I самъ говоритъ, что никогда его не забудетъ, но какъ правитель, заботящійся о благосостояніи его страны, будетъ дружить съ Англійей, пока это ему будетъ необходимо. Наибольшій интересъ представляетъ собою 2-й томъ автобіографіи, въ которой эмиръ подробно касается престолонаслѣдія и считаетъ своимъ наслѣдникомъ того изъ сыновей, который будетъ избранъ народомъ, а что Хайбулла-ханъ при жизни его былъ лишь его первымъ помощникомъ. Затѣмъ онъ описываетъ заводы, фабрики и другія учрежденія Афганистана, конечно, не безъ хвастовства, такъ присущаго афганцамъ, но все же затрагиваетъ все, что только можетъ имѣть тотъ или другой интересъ. Вообще «автобіографія Абдурахмана» полна живого интереса.

Современное положеніе Афганистана дѣлаетъ ее просто необходимою для ознакомленія каждаго русскаго человѣка, интересующагося своимъ ближайшимъ сосѣдомъ въ Азіи — Афганистаномъ, съ которымъ быть, можетъ, еще придется посчитаться.

Издана книга безукоризненно, напечатана прекраснымъ четкимъ шрифтомъ, съ приложеніемъ рисунковъ, правда, устарѣлыхъ, особенно же въ отношеніи

изображаемаго на нихъ оружія. Да и сами афганцы нарисованы грубо, съ большимъ отступленіемъ отъ ихъ типа и одежды. Къ книгѣ приложена подробная карта.

Борисъ Тагъевъ.

П. Пирлингъ. Изъ Смутаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902.

Труды отца Пирлинга надъ научной разработкой русской исторіи пріобрѣли ему почетную извѣстность знатока въ избранной имъ эпохѣ Смутаго времени Московскаго государства; не такъ давно еще появился въ свѣтъ его капитальный трудъ—*La Russie et le Saint-Siège*, томъ III, нынѣ выходящій и въ русскомъ переводѣ, а неутомимый ученый уже снова подарилъ читающую публику новымъ цѣннымъ произведеніемъ.

Назвать только что появившуюся книгу отца Пирлинга чѣмъ либо безусловно новымъ нельзя; эти его «статьи и замѣтки» представляютъ или рядъ этюдовъ къ вышеназванной его большой работѣ, этюдовъ, появившихся въ свое время въ различныхъ русскихъ и французскихъ историческихъ журналахъ, или же небольшія монографіи и замѣтки по особо интересующимъ его вопросамъ, развивающія болѣе подробно и обстоятельно темы, уже затронутыя имъ раньше. Поэтому съ внѣшней стороны книжка уважаемаго ученаго представляется въ видѣ случайнаго подбора статей, которыя, однако же, всѣ связаны одною руководящею идеею, придающею стройный, цѣлостный характеръ сборнику этихъ замѣтокъ. Это—все та же идея, которая красною нитью проходитъ черезъ всѣ труды отца Пирлинга о Смугѣ—стремленіе доказать, что курія неповинна въ созданіи этой смуты, что самозванчество—чисто московское, русское дѣло, что отъ, кто называлъ себя царемъ Димитріемъ,—на дѣлѣ былъ бѣглымъ чудовскимъ монахомъ Гришкою Отретьевымъ. Для доказательства этихъ положеній отецъ Пирлингъ пускаетъ въ ходъ цѣлый арсеналъ аргументовъ, заставляющій насъ невольно преклоняться предъ громадной начитанностью его въ источникахъ и пособияхъ исторіи Смуты, а также и предъ его диалектической ловкостью, предъ его тонкимъ умѣньемъ доказывать то, что ему желательно доказать.

Не всѣ, однако же, доводы отца Пирлинга могутъ быть приняты безъ провѣрки, и не всѣ, какъ кажется, удовлетворяютъ требованіямъ такой провѣрки. Прежде всего нельзя считать достаточно убѣдительными аргументы уважаемаго ученаго въ пользу тожества названнаго Димитрія и Гришки Отретьева, а также и его отрицательное отношеніе къ Масѣ, Маржеретѣ и его полемику съ Н. П. Костомаровымъ. Нельзя, напримѣръ, настаивать на томъ, что если Годуновъ назвалъ самозванца Отретьевымъ, то это такъ дѣйствительно и было; царю Борису было важно бросить въ народъ не неизмѣнно настоящее имя своего врага, а вообще какое бы ни было имя; «въ самый разгаръ московской анархіи... другой клички не нашлось, кромѣ Гришки Отретьева», говоритъ отецъ Пирлингъ; но можетъ ли онъ доказать, что это было потому, что имя Отретьева было подлинное имя, а не потому, что съ этой кличкой свылкисъ? Димитрій, продолжаетъ онъ, подвергалъ семью Отретьевыхъ гоненію, стало быть, онъ—Отретьевъ; едва ли такъ: гоненія могутъ быть гораздо проще объяснены распространеніемъ въ народѣ несчастныхъ слугенъ о Гришкѣ. Равнымъ образомъ и знаменитая

челобитная Отретьевых царю Алексѣю о перемѣнѣ ихъ фамильнаго прозвища врядъ ли можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ: въ челобитной этой Отретьевы уже по самому ея свойству должны были неизбежно стоять на почвѣ официальныхъ воззрѣній. «Имя Гришки Отретьева появилось при Годуновѣ, имъ пользовалось правленіе Шуйскаго, его же выставляли и Романовы», пишетъ почтенный авторъ, считая это доводомъ въ пользу своего мнѣнія; но развѣ можно отрицать, что и Годунову, и Шуйскому, и Романовымъ — всѣмъ одинаково важно было настоять на самозванствѣ Дмитрія, а опровергая другъ друга, едва ли могли они рассчитывать на довѣріе и къ собственнымъ утвержденіямъ.

Въ отношеніяхъ отца Пирлинга къ Маржерету проглядываетъ нѣкоторая странная двойственность: считая француза свидѣтелемъ, заслуживающимъ довѣрія, онъ въ то же время ему не довѣряетъ; говори, что Маржеретъ долженъ былъ знать многое, тутъ же приводитъ грубѣйшую его ошибку и т. п. Что же касается до Массы, то давно уже обращено вниманіе на несовѣтъ прочно обоснованное недовѣріе отца Пирлинга къ этому свидѣтелю: еще А. Е. Мерцаловъ въ своихъ «Очеркахъ изъ исторіи Смутнаго времени» (стр. 25) очень подробно разсматриваетъ взглядъ отца Пирлинга на Массу и довольно основательно защищаетъ голландца противъ почтеннаго ученаго; послѣдній, на примѣръ, ставитъ Массѣ въ вину его религіозное небыпристрастіе и даже чуть ли не упрекаетъ его довольно сомнительнымъ семитическимъ происхожденіемъ, но почему же, если мы, слѣдуя отцу Пирлингу, будемъ довѣрять фанатику-іезуиту Лавицкому, мы откажемъ въ довѣрїи врагу іезуитовъ, Массѣ? Въ общемъ выводы нашего автора о Массѣ сводятся къ слѣдующему: личныя его наблюденія большей частью выдерживаютъ провѣрку, когда же ему приходится говорить съ чужихъ словъ, онъ не всегда заслуживаетъ безусловнаго довѣрія; но вѣдь это не даетъ намъ права пренебрегать сказаніемъ Массы, какъ историческихъ источникомъ, скорѣе даже напротивъ.

Нельзя также думать, что отцу Пирлингу удалось совершенно облѣпить Польшу и курію отъ обвиненія въ злостномъ участіи въ Смутѣ и доказать даже едва ли не доброжелательное отношеніе напства къ Россіи. Трудно избавить польскихъ сенаторовъ отъ упрека въ двуличіи, когда они, противодѣйствуя политикѣ Сигизмунда III, въ то же время обманывали Постника-Огарева; трудно, кажется, опровергнуть подозрѣніе, что цари не помогли Сигизмунду въ походѣ 1610 года потому, что знали, что завоеваніе Московіи ведется не только для выгоды католичества, но и въ интересахъ короля и Польши; поэтому, зная, что король начатаго дѣла во всякомъ случаѣ не броситъ, напство надѣялось достигнуть своего и не тратясь.

Помимо этихъ спорныхъ положеній, новая книга отца Пирлинга заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ выводовъ, драгоцѣнныхъ для всѣхъ, работающихъ надъ эпохой Смуты; особенно важны его замѣтки объ источникахъ исторіи названнаго Дмитрія, источникахъ, по большей части, малоизвѣстныхъ. Трудъ уважаемаго ученаго, поэтому, несомнѣнно будетъ встрѣченъ сочувственно и получить широкое распространеніе.

М. П—й.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Томъ X (1730 г.). Спб. 1901.

Десятый томъ описанія архива святѣйшаго синода заключаетъ въ себѣ речь 508 дѣлъ, касающихся вопросовъ церковныхъ, религіозныхъ, административныхъ, хозяйственныхъ, бытовыхъ и т. д. Каждое дѣло сопровождается краткимъ изложеніемъ его содержанія, а наиболѣе любопытныя дѣла приведены полностью. 1730 годъ, къ которому относятся эти дѣла, былъ обилень преслѣдованіями, возбужденными противъ лицъ, не сочувствовавшихъ избранію на престолъ, послѣ кончины Петра II, герцогини курляндской Анны Іоанновны. Въ числѣ пострадавшихъ находились и многія духовныя лица. Такъ, въ десятомъ томѣ подробно описанъ судъ надъ епископомъ воронежскимъ Львомъ Юрловымъ и кievскимъ Варлаамомъ Вонатовичемъ, обвиненными въ томъ, что они своевременно не отслужили молебновъ по случаю восшествія императрицы на престолъ. Оба они были лишены сана и заточены въ монастырь. Весьма интересны матеріалы, касающіеся нашей церковной миссіи въ Китаѣ; вѣдомость о напечатанныхъ въ московской синодальной типографіи книгахъ, съ указаніемъ числа напечатанныхъ книгъ и ихъ стоимости: изъ вѣдомости видно, что съ 1665 по 1727 годъ выпущено 123.345 экземпляровъ, на сумму 82.724 рубля по продажной цѣнѣ; поименная вѣдомость учениковъ славяно-греко-латинской московской академіи, съ учрежденія синода; вѣдомость о московскомъ черномъ и бѣломъ духовенствѣ; дѣло о ложно вымышленномъ чудѣ отъ Богородичнаго образа, находящагося въ домѣ пляхтича Азанчеева и др. Вообще настоящій томъ «Описанія архива» обилень цѣннымъ матеріаломъ преимущественно для исторіи быта. Изданъ онъ подъ редакціей члена архивной К. Я. Здравомыслова и, можетъ въ всѣхъ отношеніяхъ служить образцомъ того, какъ слѣдуетъ издавать описанія архивныхъ дѣлъ.

С. Ш.

Восковая свѣча въ греко-грузинской церкви. Юбилейное изданіе. Е. К. Тифлисъ. 1901.

Употребленіе воска и восковыхъ свѣчей восходитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ. По свидѣтельству Геродота и Страбона, персы хоронили покойниковъ, покрывъ трупъ воскомъ. Воскъ употреблялся для наваживанія дощечекъ, замѣнявшихъ бумагу, а египтяне употребляли его для бальзамированія труповъ. По Зороастру, воскъ служилъ жертвой для Ормузда. Въ языческую Грузію перешелъ изъ Персіи обычай возжигать свѣчи на особенно устроенныхъ жертвенникахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ царевичъ Теймуразъ. Пчеловодство въ Грузіи, по Страбону, составляло распространенное занятіе. Изъ Поти вывозили въ древности воскъ и медъ. Христіанская церковь, возникшая изъ нѣдръ еврейской синагоги, удержала много обрядовъ ветхозавѣтныхъ и въ томъ числѣ употребленіе восковыхъ свѣчей, которыя, по словамъ Тертуліана, изображаютъ свѣтъ несогворенный. Въ VI вѣкѣ въ греческой церкви употребленіе восковыхъ свѣчей ограждается государственными законами. Въ грузинской церкви этотъ обычай восходитъ къ первымъ временамъ христіанства и укрѣпляется въ V—въ вѣкѣ при XIII сирійскихъ отцахъ. Какъ видно изъ гуджаръ, грузинскіе цари, князья, купцы и крестьяне добровольно облагали себя воскомъ въ пользу церкви. Авторъ подробно останавливается на изученіи церковно-свѣчного вопроса XVIII—XIX вѣковъ въ Грузіи.

А. Хах—овъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКАЯ эпоха. Хотя на иностранных языкахъ, особенно на нѣмецкомъ и англійскомъ, существуетъ много книгъ по греческой исторіи, но на-дняхъ вышелъ еще любопытный трудъ по этому предмету нѣмецкаго ученаго Юліуса Кэрста ¹⁾. Повидимому, онъ болѣе стремится представить общую картину принциповъ и идей греческой эпохи, чѣмъ фактическую сторону ея исторіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ даже слишкомъ распространяется въ подробностяхъ, такъ какъ прежніе авторы, какъ нѣмцы Дройзенъ, Низе и другіе, а также англичане Магаффи, Гольмъ и Гогардъ исчерпали всѣ матеріалы объ этомъ періодѣ. Съ сокращеніемъ его трудъ только бы выигралъ, и особенно вышедшій до сихъ поръ первый томъ, большая часть котораго посвящена исторіи Филиппа и Александра. Несмотря на это и на обычный тяжелый слогъ нѣмецкихъ ученыхъ, книга Кэрста чрезвычайно основательна, полезна и интересна. Указавъ на внутреннія причины цивилизаціи греческихъ городовъ, о которой нельзя сказать много новаго, онъ останавливается на исторіи македонскаго народа въ ту эпоху, когда Филиппъ довелъ его до могущества. Авторъ наставляетъ на томъ, что македоняне болѣе принадлежали къ свойственной грекамъ расѣ, чѣмъ иллирійцы и еракійцы, а потому эта нація легче восприняла греческую культуру. Даже македонскій языкъ, хотя совершенно отдѣльный, имѣлъ много общаго съ греческимъ. Еще замѣчательнѣе, что составъ македонскаго общества и отношенія между королями, благороднымъ сословіемъ и народомъ были чрезвычайно аналогичны съ поло-

¹⁾ Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Von Julius Kaerst. Band I. Leipzig. 1901.

женіемъ греческаго общества въ эпоху Иліады. Но при этомъ, хотя Греція, съ теченіемъ времени, развивалась отъ сельской жизни до городской, отъ монархіи и аристократіи до демократіи, македоняне остались первобытными горными жителями, невѣжественными охотниками и пастухами. Такимъ образомъ они оставались въ резервъ до упадка грековъ и составили средоточіе военной власти, покорившей при двухъ необыкновенныхъ государяхъ Грецію, Малую Азію и Востокъ. Потомъ Кэрсть переходитъ въ настоящемъ томѣ къ другому интересному вопросу, именно къ обращенію Александра съ греками, преимущественно съ коринѣской конфедераціей. Онъ началъ войну съ Персіей официально, какъ глава этой конфедераціи, но, въ сущности, мало пользовался ея помощью. Очень мало греческихъ войскъ принимало участіе въ наступательномъ движеніи, потому ли, что онъ не довѣрялъ имъ, или, что онъ считалъ ихъ гораздо ниже своихъ македонянь въ военномъ отношеніи. Напротивъ, его флотъ, естественно, былъ болѣе греческимъ, чѣмъ его армія, а полевые отряды онъ распустилъ вскорѣ послѣ сраженія при Арбелахъ. Потому, справедливо заключаетъ Кэрсть, Александръ мало надѣялся на союзниковъ грековъ и послѣ своей побѣды продолжалъ войну съ Персіей, уже какъ король Македоніи. Такимъ образомъ греки, взятые въ плѣнь въ числѣ персидскихъ войскъ, не считались измѣнниками общему отечеству, какъ при Граникѣ, но приняты были за наемныхъ солдатъ и въ томъ же значеніи причислены въ македонскую армію. Что касается до военныхъ способностей Александра, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кэрсть приводитъ, однако, множество доказательствъ того, что Александръ не только на Востокъ, но даже въ Греціи не противодѣйствовалъ своимъ современникамъ поклоняться ему, какъ божеству.

— Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI вѣкѣ. Уже нѣсколько лѣтъ вниманіе ученыхъ всѣхъ національностей обращено на исторію и цивилизацію Византійской имперіи. Препрежнее пренебреженіе этимъ вопросомъ смѣнилось полнымъ сочувствіемъ. Между этими учеными, французскій историкъ, Шарль Диль, блестяще написавшій исторію византійскихъ частей Италіи и Африки, прибавилъ еще одинъ выдающійся трудъ¹⁾, относящійся къ царствованію Юстиніана, которое обнимало около половины VI столѣтія. До сихъ поръ, по странной случайности, не существовало на французскомъ языкѣ полнаго и цѣльнаго труда о царствованіи этого знаменитаго императора. Произведеніе Диль представляетъ не только историческій и описательный рассказъ различныхъ важныхъ событій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полную картину византійской жизни и цивилизаціи этой эпохи, со всѣми подробностями. Сдѣлавъ критическій обзоръ историческимъ источникамъ, весьма многочисленнымъ и разнообразнымъ, Шарль Диль посвящаетъ первую часть правительству. Въ послѣдующихъ главахъ онъ знакомитъ читателя прежде всего съ императоромъ, «хотѣвшимъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, быть воплощеніемъ императорской идеи, дополнившейся христіанской». Это дѣлало его великимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляло затруднительнымъ вѣрное сужденіе о немъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ императрицѣ Теодорѣ, которая, несмотря на свою легендарную

¹⁾ *Institutien et la civilisation bysantine au VI siècle, par C. Diehl. Paris. 1901.*

историю, «была также великой государыней, занимая значительное место возлѣ Юстиніана, и очень часто играла рѣшительную роль въ управленіи государствомъ». По словамъ Диль, она была оригинальной и могущественной личностью. Ея деспотическій и высокоумѣнный, энергичный и сильный характеръ съ рѣдкимъ, но сложнымъ умомъ представляли глубокой психологической интересъ. Одна глава посвящена блестящему двору этихъ двухъ выскочекъ, сдѣлавшихся государями, и, наконецъ, министрамъ Юстиніана, между которыми было нѣсколько знаменитостей. Во второй части Диль знакомитъ съ колоссальными предприятиями Юстиніана, съ управленіемъ и съ администраціей его громадной имперіи. Онъ послѣдовательно изучаетъ внутреннюю политику; она состояла въ избѣжаніи территориальныхъ потерь и въ восстановленіи древней Римской имперіи. Его военной заботой была защита имперіи; онъ вновь создалъ армию, сдѣлавшуюся всемогущимъ орудіемъ. По этому поводу авторъ рассказываетъ о большихъ побѣдоносныхъ войнахъ, возвратившихъ имперіи Африку, Италию и, на короткое время, даже Испанію, а также относительно оборонительныхъ войнъ съ персами, съ ихъ королемъ Хозроемъ и различными варварскими народами сѣвера. Въ другихъ главахъ разсматриваются законодательные труды Юстиніана, «служившіе базисомъ не только въ средніе вѣка, но даже и теперь, при изученіи римскаго права». Что касается до административныхъ работъ, то его глубокая и плодотворная реформа преобразовали Востокъ. Религіозные же его труды были различны и сложны, а дипломатическая дѣятельность—разнообразна и очень искусна. Послѣдняя часть самая новая, а также самая интересная. Она посвящена византійской цивилизаціи VI вѣка, и въ ней говорится о четырехъ большихъ городахъ имперіи: Константинополѣ, Аѳинахъ, Антиохіи и Равеннѣ. Каждый изъ нихъ представляетъ совершенно различныя стороны этой утонченной цивилизаціи. Константинополь—славный, христіанскій городъ, украшенный Юстиніаномъ благородными памятниками, между которыми Гипподромъ сдѣлался его форумомъ, а святая Софія—центромъ христіанскаго общества; Аѳины—послѣднее убѣжище опальнаго язычества; Антиохія—большая метрополия Азіи, еще вся пропитанная язычествомъ, несмотря на то, что была страстно религіозна; наконецъ, Равенна—столица византійской Італіи, вновь воздвигнутая на развалинахъ Западно-Римской имперіи. Описаніе Константинополя и великихъ созданій Юстиніана особенно обращаетъ на себя вниманіе читателя. Авторъ посвятилъ одну любопытную главу византійской торговлѣ VI вѣка, а другую—Риму и отношеніямъ имперіи къ папству, вліяніе котораго съ каждымъ днемъ тамъ увеличивалось. Относительно Равенны и ея церквей, съ великолѣпными мозаиками, авторъ, особенно хорошо изучившій эту сторону вопроса, говоритъ, что византійское искусство родилось и такъ славно развилось именно въ царствованіе Юстиніана. вмѣстѣ съ тѣмъ книга великолѣпно издана и украшена множествомъ иллюстрацій.

— Четырехсотлѣтіе Митиленской экспедиціи. Во второмъ ноябрьскомъ номерѣ «Correspondant» Шарль-де-ла-Ронсьеръ пишетъ ¹⁾ о пер-

¹⁾ Le quatrieme centenaire de l'expédition de Mityléne, par Charle de La Ronciere. «La Corresdondant», 25 novembre, 1901.

вой французской экспедиции на Митилены. 1501 года, 11 ноября, французская экспедиция, состоящая из девяти кораблей и двадцати тысяч людей, отправлялась из Митилень, не добившись от Блистательной Порты успеха, несмотря на значительный флот. Ровно четыре столетия спустя, по странному совпадению, день в день 11 ноября, адмиралъ Гальяръ съ меньше значительными силами покинул Митилены, получивъ полное удовлетворение отъ Порты на требованіе Франціи. Большая перемѣна произошла съ тѣхъ поръ въ Турціи. Въ 1501 году тамъ царствовалъ султанъ Баязетъ, который былъ далеко не «больнымъ человѣкомъ». Его войска постоянно завоевывали венгерскую территорию, а его флотъ угрожалъ Италіи. Венеція была не въ состояніи пересилить Баязета и обратилась за помощью къ Франціи, папству и къ другимъ западнымъ христіанамъ. Почти всѣ пообѣщали направить свой флотъ къ Леванту для сохраненія интересовъ христіанства. Когда же пришло время дѣйствовать, то послѣдовало разногласіе изъ-за дѣлежа будущихъ побѣдъ. Испанцы не перешли границъ Неаполитанскаго королевства, оспариваемаго Франціей у Арагонскаго дома. Португальцы добрались до Кефалоніи, съ единственнымъ намѣреніемъ произвести вѣлюзію, что они сдѣлали попытку помочь, въ качествѣ же счастливыхъ соперниковъ венеціанскихъ кушцовъ, они вовсе не думали поддерживать тѣхъ, чью торговлю они разорили открытіемъ новаго Индѣйскаго пути. Въ концѣ концовъ единственно Людовикъ XII пришелъ на помощь венеціанцамъ. Онъ не имѣлъ, по словамъ де-ла-Ронсьера, никакой задней мысли и никакого расчета, а желалъ лишь нанести ударъ Турецкой имперіи, возобновивъ противъ Константинополя крестовый походъ 1200 года. Въ свою очередь королева Анна, какъ добрая бретонка, выразила энтузіазмъ относительно этой идеи. Она вооружила на собственные средства семь лучшихъ кораблей своего бретонскаго герцогства. Что касается Нормандіи, Прованса и Генуи, зависѣвшихъ тогда отъ олигархическаго правленія, то они также вооружили сильныя эскадры. Такимъ образомъ шестьдесятъ, хорошо вооруженныхъ, кораблей соединились въ Генуѣ, подъ предводительствомъ Филиппа Равенстена, генераль-капитана французскаго флота. Надѣясь, по дорогѣ, соединиться съ другими христіанскими кораблями, Равенстенъ пустился въ путь къ Леванту. Тщетно прождавъ испанскую эскадру, онъ получилъ извѣстіе лишь отъ единственнаго флота, отправившагося въ путь въ одно время съ нимъ. Это были тридцать венеціанскихъ галеръ, стоящихъ въ Корфу, подъ предводительствомъ Пезаро. Послѣдній послалъ предложеніе Равенстену немедленно начать атаку крѣпости Валлона, убѣжища турецкихъ корсаровъ. Равенстенъ собралъ военный совѣтъ изъ главныхъ офицеровъ. При этомъ капитанъ провансальскихъ галеръ возсталъ противъ всякаго возвращенія назадъ и совѣтовалъ двинуться впередъ, чтобы начать атаку, прежде, чѣмъ наступитъ зима. Оставалось лишь выбрать пунктъ для атаки. Константинополь былъ защищенъ сильнымъ флотомъ, и о немъ не могло быть рѣчи. Наконецъ, по совѣту генуэзца, Стальено, бывшаго, когда-то, на службѣ у турокъ, выборъ палъ на Митилены. По словамъ Стальено, «этотъ островъ былъ богатъ, плодороденъ, и его легко было взять». Онъ служилъ лучшимъ базисомъ для атаки турецкихъ судовъ при выходѣ изъ Дарданелъ. Рѣшивъ выбрать Митилены пунктомъ для атаки, военный совѣтъ

извѣстилъ объ этомъ Пезаро. Послѣдній тотчасъ же покинулъ Корфу и присоединился къ французскому флоту въ портъ Милосѣ. 23 октября, 1501 года, ихъ флотъ приблизился къ Митиленамъ. Для избѣжанія неожиданностей со стороны турецкаго флота, былъ посланъ отрядъ, изъ восьми венеціанскихъ галерей, въ крейсертво къ Дарданелламъ. Прежану-де-Виду было поручено, развѣдавъ о доступѣ къ укрѣпленіямъ Митилены, приготовиться къ атакѣ съ его четырьмя провансальскими галерами. Онъ отважно исполнилъ это порученіе подъ жестокимъ огнемъ. Митилена была защищена съ берега громадной башней, омывающейся моремъ. Это былъ первый редутъ, которымъ предстояло овладѣть. 26 октября Равенстенъ высадилъ 3.000 человекъ, изъ которыхъ двѣ трети были французы, съ двадцатью четырьмя осадными орудіями. Турки, отгнанные съ берега, стали отступать, шагъ за шагомъ къ предмѣстьямъ, которыя они были вынуждены покинуть. Знаменосецъ пѣхотинцевъ былъ убитъ при водруженіи знамени на наружныхъ валахъ Митилены, но его рота осталась обладательницей территоріи. Что касается турокъ, то они вышли тайно изъ города и сѣли на свои бригантины, затѣмъ высадились французамъ въ тылъ и, занявъ господствующую позицію, установили три пушки, очистивъ ими валы и сдѣлавъ ихъ ненадежными для защиты. Между тѣмъ Равенстенъ началъ обстрѣливать башню, находящуюся на берегу моря, стрѣльба изъ которой очень стѣсняла сношенія флота съ высаженными войсками. Цѣлую недѣлю продолжалось обстрѣливаніе. Нерѣдко въ ночной тишинѣ раздавалось пѣніе бретонцевъ, которое турки не нарушали, и даже установилась бесѣда на бретонскомъ нарѣчій между однимъ уроженцемъ Кимперле, находившимся у турокъ, и морякомъ королевы Анны. Черезъ него узнали о бѣдственномъ положеніи турецкаго гарнизона. Дѣйствительно большая часть стѣнъ рушилась подъ французскими ядрами. Узнавъ объ этомъ, Равенстенъ далъ сигналъ къ штурму, оказавшемуся для французовъ неудачнымъ. Большая часть солдатъ была ранена или больна, а боевые запасы истощились. Ожидаемая Равенстеномъ эскадра родоскихъ рыцарей не появлялась; онъ рѣшилъ снять осаду и 29 октября снова посадилъ на суда артиллерію. На другой день, посланные на развѣдки къ Дарданелламъ, венеціанскія галеры сообщили, что нечего бояться атаки со стороны турокъ. Венеціанцы настаивали на блокадѣ Митилены, гдѣ началъ проявляться голодъ. Было рѣшено снова высадиться, но внезапно появились семьсотъ турокъ и пробрались черезъ войска, обступившія городъ. Французы смѣло отбивались, но потеряли большое количество людей. Еще попробовали сдѣлать приступъ, но и онъ не удался. Къ довершенію несчастія не было извѣстно объ ожидаемомъ французами родосскомъ флотѣ, состоявшемъ изъ 24 кораблей и 4.400 человекъ. Отступление снова было рѣшено и на этотъ разъ безвозвратно. Равенстенъ и Пезаро разстались. Первый направился къ Франціи, второй къ Греціи. 25-го ноября, въ день св. Екатерины, корабль Равенстена приблизился къ острову Цитеры—теперь Чериго—какъ внезапно поднялась буря. Равенстенъ скомандовалъ выбросить всѣ якоря, но въ одну минуту шкоты лопнули, мачты затрепали и съ шумомъ грохнулись—судно пошло по волѣ вѣтра. Никто не пробовалъ бороться со стихіей. Усталые, совершенно предавшіеся отчаянію люди неподвижно ожидали избавленія, или смерти.

Въ два часа утра раздался страшный трескъ: судно натолкнулось на подводные камни острова Цитеры и пошло ко дну. Равенстенъ и главныя лица помяцались по обычаю наверху. Увидѣвъ при лунномъ освѣщеніи утесъ, они уцѣпились за него. Изъ шестисотъ человѣкъ экипажа спаслись лишь двѣсти, остальные погибли. Жители Цитеры оказались грубыми, непривѣтливыми и дикими. Они безчеловѣчно отнеслись къ несчастнымъ, потерпѣвшимъ крушеніе, покинувъ ихъ на произволъ судьбы. При восходѣ солнца Равенстенъ и его спутники увидѣли на морѣ приближавшійся большой корабль. Онъ уже былъ на короткомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ погибло ихъ судно, какъ вдругъ громадная волна приподняла его и отбросила на одинъ изъ подводныхъ камней. Корабль пошелъ ко дну на глазахъ Равенстена, и не было возможности подать помощь. Только два человѣка были выброшены, въ безсознательномъ состояніи, на берегъ. Въ продолженіе 21-го дня Равенстенъ и его спутники скитались по острову, безъ одежды и пищи, прося у каждой двери милостыню, но жители Чериги и другихъ городовъ безжалостно отталкивали ихъ. Многіе изъ несчастныхъ скитальцевъ умерли отъ холода и голода. Наконецъ счастье повернулось къ нимъ, и въ одинъ прекрасный день, къ острову, совершенно случайно, приблизилась венеціанская галера, и капитанъ, высадивъ сто солдатъ, принудилъ жителей пріютить страдальцевъ. Затѣмъ онъ немедленно увѣдомилъ генуэзскую эскадру, находившуюся у Милоса, о требуемой посильной помощи генераль-капитаномъ. Тотчасъ же отправили къ острову Цитеры три галеры. Остальное путешествіе Равенстена обошлось безъ горестныхъ приключеній. Такъ неудачно окончилась первая Митиленская экспедиція.

— Первый французскій комическій авторъ. Густавъ Филиппонъ помѣстилъ въ послѣднемъ ноябрьскомъ номерѣ «Revue Hebdomadaire» статью о первомъ французскомъ комическомъ авторѣ ¹⁾. Этьенъ Жодель, по прозванію Парижанинъ, родился въ Парижѣ въ 1532 г. Онъ принадлежалъ къ Лимоденской дворянской семьѣ. Хотя Жодель былъ поэтъ и оставилъ множество поэтическихъ произведеній, но главное онъ создалъ французскую комедію. Жодель основательно зналъ греческій и латинскій языки, что позволяло ему познакомиться съ древними трагедіями и комедіями, проникнуться ими и дать французской публикѣ театральныя пьесы, основанныя на классическихъ традиціяхъ. Онъ сочинилъ много трагедій и, повидимому, большее количество комедій. Теперь существуетъ только три его произведенія—трагедіи: «Клеопатра въ плѣну» и «Дидона», и комедія: «Евгеній». Послѣдняя была представлена въ 1552 и 1558 г. Хотя и до Жоделя были авторы, печатавшіе и ставившіе на сценѣ свои произведенія, переведенныя французскими стихами изъ Софокла и Аристофана, въ особенности Байфъ въ 1537 г. и Ронсаръ въ 1549 г., но это были переводы. Жодель первый создалъ оригинальныя пьесы. Хотя его трагедіи много уступали комедіямъ, но, все-таки, онъ былъ первый, осмѣлившійся провозгласить побѣду французскаго языка. Его комедія «Евгеній» была не только французской по языку, которымъ въ ней говорили, но также по характеру и дѣйствию. Онъ

¹⁾ Estienne Jodelle Parisien (1532—1273), par Gustave Philippon. La Revue Hebdomadaire, 30 novembre 190.

позаимствовали изъ классическихъ традицій только то, что навсегда должны остаться въ сценическомъ искусствѣ, и въ то же время основали настоящую французскую комедію, сохранивъ гальскія традиціи, переданныя фарсами и шуточными пьесами. Какимъ громаднымъ успѣхомъ пользовались пьесы Жюделя, видно изъ того, что король Генрихъ II пожелалъ присутствовать на первыхъ представленіяхъ «Евгенія» и драмы «Клеопатра въ плѣну», дававшихся съ большей пышностью въ Реймской коллегии. Въ хроникѣ той эпохи упоминалось объ этомъ событіи, при чемъ говорилось, что лучшіе актеры того времени Реми, Белло и Жанъ де-ла-Перюзъ играли главныя роли. Это доказываетъ, какой репутаціи достигъ Жюдель. Паскье прибавилъ въ хроникѣ, что король пожаловалъ Жюделю пятьсотъ экю и оказалъ ему еще другія милости, «тѣмъ болѣе, что эта новая вещь прекрасна и очень рѣдкая». Успѣхъ Жюделя былъ послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ «Товариществу Мистерій», игравшему около двухъ вѣковъ въ Бургонскомъ залѣ. Они были запрещены за три года передъ появленіемъ на сценѣ пьесы Жюделя. «Товарищество» принуждено было играть фарсы и отдать свои залы моднымъ комедіантамъ. Такъ было положено начало французской комедіи. Жюдель умеръ въ 1573 г.

— Энциклопедисты. До сихъ поръ еще не появлялось ни одного общаго изслѣдованія объ энциклопедистахъ, и Л. Дюкро, выпустивъ свой трудъ, пополнилъ этотъ пробѣлъ ¹⁾. Авторъ говоритъ: «Энциклопедія, это XVIII вѣкъ, сокращенный, сжатый, превращенный въ словарь». Это не былъ трудъ секты, общества людей съ одинаковыми взглядами и убѣжденіями, взаимно уважающими другъ друга. Наоборотъ энциклопедисты были разныхъ мнѣній и даже между собою соперники, но у нихъ были три руководящія идеи: природа, разумъ и человѣчество, заставлявшія ихъ противиться во всѣхъ пунктахъ аскетизму и католической нетерпимости. Доктрина, заключающаяся въ этихъ трехъ словахъ, по мнѣнію Дюкро, имѣетъ начало въ идеяхъ Возрожденія, Реформаціи, свободомыслящихъ, Декарта, истолкованнаго на свой ладъ, Бейля и англійскихъ деистовъ. Они не республиканцы, еще менѣе «либералы», но они боролись противъ привилегій, въ пользу таланта, противъ всякаго рода злоупотребленій—въ пользу ремесленниковъ и крестьянъ, противъ судебныхъ цытокъ и юридическихъ смертоубійствъ, противъ нелѣпыхъ вѣрованій—въ пользу человѣчества. Энциклопедисты «хотѣли двинуть науку, резюмировать ее и опростонародить». Они тщательно скрывали борьбу противъ религіи, дѣлая видъ, что защищаютъ католическую вѣру, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, энергично ее подрывали. Съ перваго же времени энциклопедисты подверглись нападкамъ духовенства, которое поддерживали парламентъ и пасквилянты, а всѣхъ ожесточеннѣе Фреронъ. Энциклопедистамъ же покровительствовалъ Мальзербъ. Мысль о подобномъ изданіи явилась первому Дидро, принимавшему дѣятельное участіе въ энциклопедіи съ начала до конца. Онъ же былъ главнымъ редакторомъ, а его помощниками были Даламберъ, Вольтеръ, Жомонъ, Тюрго, а такъ называемыми «полу-энциклопедистами» аббатъ Кондильякъ, Бюффонъ, Монтескье, Гельвецій, Дюкло, аббатъ Рейналь, Некеръ, баронъ Гольбахъ, аббатъ Мабли, ученые,

¹⁾ Les Encyclopedistes, par L. Ducros, Paris. 1901.

доктора, офицеры, инженеры, свѣтскіе люди, философы, и проч. Все это были люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ и убѣжденій. Бюффонъ заставилъ прождать одну статью четырнадцать лѣтъ. Что же касается Руссо, то онъ внезапно поссорился съ Дидро. Самыми энергичными дѣятелями, кромѣ Дидро, были Даламберъ, Жюкуръ, Мармонтель и Вольтеръ. Энциклопедисты начали свою работу въ 1751 г., а окончили въ 1764. Послѣ появленія двухъ первыхъ томовъ, парламентъ остановилъ изданіе Энциклопедіи на восемнадцать мѣсяцевъ. Затѣмъ энциклопедисты снова принялись, съ прежнимъ жаромъ, за изданіе своего труда, но въ 1757 г. снова парламентъ запретилъ его. Одинъ изъ двухъ редакторовъ, Даламберъ, любившій больше всего покой, испугался и отказался сотрудничать. Ни Дидро, ни Вольтеръ не могли его вернуть къ прежнему рѣшенію. Но Дидро энергично и упорно отстаивалъ изданіе Энциклопедіи. Съ этой цѣлью онъ заинтересовалъ въ предпріятіи Помпадуръ, Ришелье, Берни, Шуазеля и Мальзербъ, и наконецъ черезъ восемь лѣтъ добился отъ правительства разрѣшенія продолжать изданіе Энциклопедіи. При этомъ онъ энергично работалъ: руководилъ, писалъ и выбрасывалъ слишкомъ опасныя статьи. Узнавъ о затрудненіяхъ со стороны парламента, императрица Екатерина, покровительствовавшая Дидро, предложила ему пріѣхать въ Петербургъ для окончанія печатанія Энциклопедіи, но онъ отказался. Благодаря задержкамъ, послѣдній томъ появился въ 1772 г., а оглавленіе и прибавленіе вышли лишь въ 1780 г. Вся же энциклопедія состояла изъ 28 томовъ. По мнѣнію Дюро, энциклопедисты служили прогрессу, какъ нравственному, такъ и политическому, однако, не имѣя прямого вліянія на революцію. Они распространили идею о естественномъ правѣ и естественномъ законѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчаетъ, что Энциклопедія дурно составлена и страдаетъ ошибками.

— Адамъ Люксъ. Много писали о различныхъ жертвахъ революціи, но объ Адамѣ Люксѣ¹⁾, страстномъ поклонникѣ Шарлоты Корде, извѣстно немного. Въ одномъ изъ ноябрьскихъ нумеровъ «Revue Hebdomadaire» Поль Голо описываетъ эту интересную, съ психологической точки зрѣнія, личность. Адамъ Люксъ—вѣмецъ. Онъ родился 27 декабря 1765 г. въ германскомъ городѣ Обернбургѣ, близъ Майнца. Его родители были, вѣроятно, мелкіе мѣщане или зажиточные крестьяне. Образование Люкса было довольно сложное: онъ зналъ греческій и латинскій языки, изучалъ фармацевтику и медицину, но питая отвращеніе къ практическимъ занятіямъ анатоміей, не рѣшился продолжать этотъ путь. Поселившись на принадлежащемъ ему небольшомъ участкѣ земли, недалеко отъ Майнца, онъ занялся хлѣбопашествомъ. Вскорѣ Люксъ женился на своей родственницѣ, Сабинѣ Рейтеръ, и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей. Онъ любилъ жену и дѣтей, и, вѣроятно, его жизнь протекла бы спокойно и счастливо, если бы не событія конца того вѣка, выбившія многихъ— не только французовъ, но также иностранцевъ — изъ предназначенной имъ судьбою колеи. Изъ послѣднихъ былъ инициаторомъ Адамъ Люксъ. Восторгъ Жанъ-Жакомъ Руссо и его социальными теоріями подготовили его къ этому. При томъ въ Майнцѣ больше, чѣмъ гдѣ либо, были люди, готовые воспламениться

¹⁾ Adam Lux, par Paul Gaultot. «La Revue Hebdomadaire», 8 novembre, 1901.

идеи о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Когда дошло до нихъ извѣстіе, что Національный Конвентъ провозгласилъ республику 22 сентября 1792 г., они собрались, въ подражаніе французамъ, и выбрали Германскій Конвентъ. Узнавъ объ этомъ, Люксъ посѣтилъ въ Майнцъ, такъ какъ уже нѣсколько времени онъ проводилъ мысль о республикѣ, и тотчасъ присоединился къ движенію въ пользу событій во Франціи. Въ знакъ этого онъ посадилъ на публичной площади Древо Свободы. Эта церемонія, устроенная по образцу французской, повидимому, связала нравственными узами городъ Майнцъ съ французской республикой. Вскорѣ жители Майнца были обрадованы извѣстіемъ о приближеніи французской арміи. 21 октября 1792 г. французы побѣдоносно вступили въ Майнцъ, вытѣснивъ австрійцевъ. Народъ встрѣтилъ армию радостными кликами. На другой день Германскій Конвентъ торжественно провозгласилъ присоединеніе Майнца къ Франціи. Желая имѣть прямое сношеніе съ Французскимъ Конвентомъ, онъ рѣшилъ отправить въ Парижъ делегатовъ. Выборъ палъ на Люкса, обладавшаго, кромѣ различныхъ достоинствъ, еще знаніемъ французскаго языка. Ему даны были два товарища — Форстеръ и Потцкій. Въ концѣ марта 1793 г. они пустились въ путь, а 30 марта явились передъ Французскимъ Конвентомъ. Согласно обычаю имъ оказали торжественныя почести. Эта церемонія произвела на Люкса сильное впечатлѣніе, и онъ вышелъ изъ Конвента возбужденный, твердо вѣря въ республику и съ окрѣпшею любовью къ Франціи. Съ этой минуты Люксъ забылъ родину, своихъ, и твердо рѣшилъ посвятить себя новому отечеству. Парижъ въ его глазахъ сдѣлался центромъ свѣта, и онъ радовался, что будетъ свидѣтелемъ великихъ событій. Поселившись вблизи Тюльери, куда Конвентъ долженъ былъ перенести свои засѣданія, Люксъ сдѣлался самымъ усерднымъ его посѣтителемъ. По мѣрѣ того, какъ онъ присматривался къ депутатамъ, его восторгъ уменьшался. Онъ понималъ, насколько дѣйствительность мало соответствовала его надеждамъ. Ознакомившись съ политическими партіями, Люксъ замѣтилъ, что якобинцы выказываютъ болѣе ярости и ненависти, чѣмъ сдержанные жирондисты, и онъ перенесъ свой восторгъ на послѣднихъ, видя въ нихъ единственныхъ, истинныхъ представителей республики. Была минута, когда у Люкса явилась надежда, что жирондисты восторжествуютъ, но, нѣсколько дней спустя, одинъ изъ самыхъ ярыхъ якобинцевъ, Маратъ, оправданный судомъ, былъ съ триумфомъ внесенъ, украшенный цвѣтами въ Конвентъ. Это страшное пораженіе жирондистовъ нанесло тяжелый ударъ Люксу. Къ довершенію несчастія, онъ узналъ, что его родной городъ осаждаемъ иностранными войсками, и французская республика, раздираемая внутренней борьбой партій, отступила передъ монархическими арміями Европы. Былъ моментъ, когда Люксъ хотѣлъ возвратиться въ Майнцъ, но событія въ Парижѣ остановили его. Въ это время сторонники Марата рѣшили отомстить тѣмъ, кто рѣшился его обвинять. Жирондисты принялись противодѣйствовать, и 18 мая вотировали основаніе комитета изъ двѣнадцати членовъ, которымъ было поручено заботиться о безопасности представителей народа. Якобинцы, съ своей стороны, призвали народъ къ оружію, и 31-го мая и 2-го іюня народъ предложилъ въ Собраніи арестовать 29 депутатовъ и двухъ министровъ. Люксъ болѣе не колебался. Его идеальныя понятія о сво-

бодѣ, равенствѣ и братствѣ были жестоко обмануты, и онѣ, не задумываясь, рѣшилъ на самоубійство. Въ письмѣ къ двумъ знакомымъ жирондистамъ, Петьону и Гадэ, онѣ объяснилъ свой планъ и причину своего безумія. «Жестокое негодование, — писалъ онѣ, — овладѣвшее мною противъ побѣды преступленія, и надежда, что моя смерть можетъ произвестъ впечатлѣніе на умъ гражданъ въ подобномъ кризисѣ, и этимъ будетъ избѣгнуто распущеніе Конвента, меня окончательно убѣждаютъ умереть. Моя смерть будетъ полезнѣе для свободы, чѣмъ моя жизнь». Въ то же время Люксъ приготовилъ рѣчь, которую хотѣлъ произнести въ Собраніи наканунѣ своей смерти, «чтобы жертва его была плодотворна». Но, несмотря на такое рѣшеніе, Люксъ не исполнилъ плана. Почему — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ его остановила не трусость. Вѣроятно все же, онѣ ожидалъ случая, благодаря которому его смерть произвела бы сильнѣйшее впечатлѣніе, а вслѣдствіе этого принесла бы большую пользу. Этотъ случай не долго заставилъ себя ожидать. 13-го іюня, вечеромъ, въ Парижѣ разнесся слухъ, что Марата убила Шарлота Кордэ, молодая, двадцати-четырёхлѣтняя дѣвушка, пріѣхавшая съ этою цѣлью изъ Кана. Это извѣстіе произвело на Люкса сильное впечатлѣніе. Онѣ упорно раздумывалъ о немъ. Если убійство «друга народа», — разсуждалъ онѣ, — не произвело перемѣны въ революціонной практикѣ якобинцевъ, то какое же впечатлѣніе произвела бы смерть неизвѣстнаго представителя Майнца, тѣмъ болѣе, что городъ долженъ вскорѣ попасть въ руки нѣмцевъ. Затѣмъ онѣ сознавался внутренно, что молодая дѣвушка выказала* страшную энергію, хотя въ принципѣ онѣ возставалъ противъ убійствъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ жертвой былъ человекъ, не заслуживающій, по его мнѣнію, жалости. Въ то время, когда мужчины обсуждали — молодая дѣвушка дѣйствовала. Съ этой минуты мысль о Шарлотѣ Кордэ не оставляла его. Онѣ думалъ только о ней, имѣлъ одно желаніе — встрѣтить ее. Не имѣя случая видѣть ее иначе, онѣ вмѣшался въ толпу въ день казни. Вставъ въ первый рядъ на дорогѣ, по которой должна была проѣхать телега съ Шарлотой Кордэ, Люксъ нетерпѣливо ожидалъ. Впечатлѣніе, произведенное молодой дѣвушкой, довело его до экзальтации. Имъ овладѣли восторгъ, любовь, страсть. Люксъ чувствовалъ, что онѣ болѣе не принадлежитъ себѣ: Шарлота Кордэ овладѣла всѣмъ его существомъ. Теперь онѣ окончательно рѣшилъ, что найдетъ свой путь и умретъ, раздѣливъ славу той, которую онѣ любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Онѣ не отрывалъ ни на секунду глазъ отъ Шарлоты Кордэ, при поворотѣ процессіи въ улицу Сентъ-Онорэ, ихъ глаза встрѣтились. Что почувствовала Шарлота Кордэ, и поняла ли она его — осталось неизвѣстно. Пробравшись къ телегѣ, насколько его допустилъ эскортъ, онѣ шелъ все время рядомъ до эшафота. Вернувшись домой, Люксъ посиѣшно написалъ апологію Шарлоты Кордэ, а чрезъ два дня онѣ напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: «Шарлота Кордэ». Въ ней онѣ говорилъ, что, хотя лично не признаетъ убійство Марата законнымъ, но восхваляетъ Шарлоту Кордэ во всѣхъ отношеніяхъ и считаетъ ея поступокъ выше геройства Брута. Почти одновременно вышла его вторая брошюра, но въ ней онѣ не упоминаетъ ни слова о Шарлотѣ Кордэ, а говоритъ лишь о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. 24-го іюля Люксъ былъ арестованъ. Въ тотъ же день онѣ предсталъ передъ судьей Революціоннаго Трибунала. Послѣд-

ній вынесъ впечатлѣніе, что Люксь — сумасшедшій, вслѣдствіе этого не спѣшили передать его суду. Только 2-го ноября его перевезли въ Консьержери. Въ этой, какъ ее называли тогда, «прихожей смерти» онъ оставался недолго. По словамъ одного соотечественника, удѣлывшаго чудомъ отъ гильотины, Люксь спокойно ожидалъ смерти. Въ тотъ день, когда ему вручили обвинительный актъ, онъ спокойно разговаривалъ объ опасностяхъ страстей и о недостаткахъ приговоровъ. Получивъ обвинительный актъ, онъ хладнокровно положилъ его въ карманъ. Ночью онъ писалъ, а утромъ плотно позавтракалъ и подарилъ свой плащъ какому-то несчастному узнику. 4-го ноября 1793 года онъ предсталъ передъ Революціоннымъ Трибуналомъ. Президентомъ былъ Дюма. Его признали виновнымъ и тотчасъ же повезли на казнь. По словамъ Дюлака, редактора «*Glaive Vengeur*», которому поручали сопровождать приговоренныхъ до эшафота для наблюденія ихъ нравственнаго состоянія, Люксь всю дорогу прехладнокровно разговаривалъ и улыбался, спокойно смотря смерти въ глаза. На эшафотъ онъ вступилъ твердо, съ удивительнымъ хладнокровіемъ, и прежде чѣмъ подвергся казни, обнялъ своихъ палачей.

— Марія-Луиза. Фредрикъ Массонъ обогатилъ Наполеоновскую литературу еще одной интересной книгой ¹⁾. На этотъ разъ почтенный историкъ воскресилъ въ своемъ трудѣ личность Маріи-Луизы. Оставивъ въ сторонѣ все касающееся Наполеона, мы займемся только Маріей-Луизой. Обыкновенно было принято считать Жозефину добрымъ гениемъ Наполеона, тогда какъ Марію-Луизу представляли воплощеніемъ предательства и низости. Массонъ смотритъ совершенно иначе. Хотя онъ не приходитъ въ восторгъ отъ Маріи-Луизы и не оправдываетъ ея, тѣмъ не менѣе, онъ склоненъ ее извинять, а вмѣстѣ съ этимъ, какъ и въ прежнихъ сочиненіяхъ, развѣнчиваетъ Жозефину. Мастерски описавъ нравственное состояніе, царствовавшее въ Вѣнѣ въ 1810 г., Массонъ нарисовалъ картину ненависти австрійцевъ къ революціонной Франціи. Вліятельные кружки не скрывали своего негодованія при извѣстіи о переговорахъ относительно предполагаемаго брака Маріи-Луизы съ Наполеономъ. Марія-Людвика, третья жена, и въ то же время двоюродная сестра императора Франца II, явилась самымъ энергичнымъ противникомъ Наполеона. Она принадлежала къ Эстэ-Моденской вѣтви, сохранившей до конца отвращеніе ко всему, что прикасалось къ революціи. Марія-Людвика умоляла мужа, убѣждала падчерницу, которая была немного моложе ея, и смотрѣла на мачеху, какъ на старшую сестру. Но Францъ-Иосифъ преклонялся передъ государственной необходимостью, а Марія-Луиза — передъ отцовской волей. Меттернихъ писалъ по этому поводу: «Наши принцессы не привыкли избирать мужа, согласно расположенію своего сердца». Восемнадцатилѣтняя Марія-Луиза, внучка Маріи-Каролины Неаполитанской и вдвойнѣ двоюродная внучка Маріи-Антуанеты, была воспитана въ ненависти къ революціи, затѣмъ къ тому, кого называли Бонапартомъ, или «корсиканцемъ». Во время битвы при Маренго, Марія-Луиза была десятилѣтней дѣвочкой, и королева обѣихъ Сицилій, Марія-Каролина, изгнанная изъ своего государства, нарочно пріѣзжала рассказывать ей о революціи и о казни королей.

¹⁾ *L'Impératrice Marie-Louise, par Frédéric Masson. Paris. 1902.*

Обычной забавой юной принцессы было играть съ братомъ въ маневры, устраиваемыя изъ маленькихъ восковыхъ солдатъ. Самаго безобразнаго, чернаго, со свирѣлымъ лицомъ, они называли Бонапартомъ, при этомъ покрывали его булавочными уколами и осыпали проклятіями. Воспитательница или гофъ-мейстерина, руководившая первоначальнымъ воспитаніемъ принцессы, которая питала къ ней дочернюю нѣжность, была французскаго происхожденія. Выйдя замужъ за австрійскаго государственнаго человѣка, самаго яраго анти-революціоннаго борца, графа Коллоредо, дѣятеля третьей коалиціи, поплатившагося своимъ мѣстомъ за Аустерлицкую неудачу, она раздѣляла съ нимъ эту опалу. Питая ненависть къ Наполеону и Франціи, она вселяла въ сердцѣ своей воспитанницы то же чувство. Но, хотя принцесса и говорила, что видѣть Наполеона «было для нея самымъ худшимъ мученіемъ», однако ея страстное поклоненіе отцу и почти слѣпая любовь заставили ее безпрекословно повиноваться. Съ своей стороны, Францъ II, не отличавшійся умомъ, былъ прекраснымъ семьяниномъ, для котораго самымъ большимъ счастіемъ было жить патриархально въ своей семьѣ, все-таки преклонился передъ политической необходимостью. Но признавая, что Марія-Луиза лично не имѣла задней мысли, Массонъ утверждаетъ, что въ головѣ австрійскаго императора, въ особенности его канцлера, гнѣздилился планъ—поручить принцессѣ роль Далилы. Если этотъ бракъ былъ непріятенъ Наполеону, то для австрійскаго императора и его министра онъ былъ политическимъ вопросомъ, я сердце не играло никакой роли. Однако, перспектива будущаго развода не имѣлась въ виду. Относительно свадебныхъ празднествъ въ Вѣнѣ и Парижѣ очень много писали, но Массонъ сообщаетъ нѣкоторыя оригинальныя подробности. Медовый мѣсяцъ Наполеона и Маріи-Луизы прошелъ безъ особеннаго удовольствія. Конечно, Наполеонъ, обладавшій южной пылкостью, а Марія-Луиза нѣмецкой сентиментальностью, не могли остаться совершенно равнодушны, но о томъ тѣсномъ сближеніи, какое обыкновенно происходитъ въ это время между новобрачными, не могло быть и мысли. Да и о чемъ могли бы они разговаривать? О дѣтствѣ и юныхъ дняхъ Маріи-Луизы? Тогда ей пришлось бы признаться, какъ она увертывалась отъ свиданія съ нимъ. Объ отцѣ и бабушкѣ? Они были разорены и умерли чрезъ Бонапарта. Въ свою очередь что могъ бы рассказать Наполеонъ о себѣ? Не говорить же ей о прежней нищетѣ, о черныхъ дняхъ, когда, чувствуя, что его счастье сомнительно, и судьба неблагоприятна, онъ думалъ о самоубійствѣ, тѣмъ менѣе о Жозефинѣ. Однако изъ приличія и изъ «уваженія къ человѣчеству», а также изъ снисхожденія къ беременной императрицѣ, желавшей видѣть мужа около себя, какъ она видѣла въ родной семьѣ, Наполеонъ провелъ первый годъ большую часть времени съ нею. Ради нея онъ назначалъ рѣже совѣтъ и смотры, для нея онъ согласился, несмотря на свою привычку завтракать на маленькомъ столикѣ, въ десять минутъ, засиживаться за обильными блюдами. Наполеонъ, не привычный къ бездѣйствію, не зналъ, какъ убить время. Онъ прибѣгнулъ къ развлеченіямъ, къ охотѣ, спектаклямъ и баламъ. Въ Рамбульѣ не брезгали грубыми шутками, бывшими въ то время въ большей модѣ. Для этой цѣли служилъ Боргезъ, мужъ Полины, сестры Наполеона. Подъ предлогомъ его имени дамы подносили ему букеты изъ крапивы и насыпали въ простыню его

постели конскій волосъ отъ щетокъ. Марія-Луиза находила эти шутки забавными и описывала ихъ отцу. Кромѣ того, въ Фонтенбло устраивались торжественныя крестины тѣхъ дѣтей, воспріемниками которыхъ была императорская чета. Часто устраивались парадныя балы, на которыхъ самыя свѣтскія изъ принцессы являлись во главѣ «кадрилы», т. е. настоящаго балета, а также драматическія и проч. представленія. Со дня рожденія сына, Наполеонъ, озабоченный приготовленіемъ къ походу въ Россію, снова отдался своей привычкѣ къ работѣ и отдѣльной жизни. Устраивая жизнь императрицы, Наполеонъ руководствовался культомъ къ этикету и недовѣріемъ къ женскому легкомыслію, убѣдившись, что «единственное средство помѣшать паденію женщины — поставить ее въ физическую невозможность измѣнить». Вслѣдствіе этого онъ устроилъ церемоніаль, не допускающій видѣться съ императрицей, даже придворнымъ дамамъ, безъ особаго на то разрѣшенія. По этой же причинѣ были назначены для ежеминутнаго наблюденія за нею «красныя дамы». Это были вдовы и дочери офицеровъ, носившія амарантоваго цвѣта платья. Роли же камеръ-фрау исполняли «черныя дамы» и «бѣлыя дамы». Онѣ такъ назывались по цвѣту своихъ передниковъ. «Красныя дамы» присутствовали при туалетѣ, но не помогали, однако, императрицѣ одѣваться. Онѣ читали Маріи-Луизѣ и, чередуясь по четыре, дежурили день и ночь подлѣ нея и слѣдили, чтобы она никогда не оставалась ни съ кѣмъ наединѣ, въ особенности съ мужчиной, хотя бы это былъ самый скромный ея поставщикъ, или другое незначительное лицо. Однимъ словомъ было устроено какъ бы гаремъ. Бракъ Маріи-Луизы совпалъ съ реорганизаціей камергеровъ и статсъ-дамъ, задуманный въ духѣ Бурбоновъ и Габсбурговъ. Что руководило Наполеономъ — желаніе ли подражать роаялистамъ и имперіалистамъ, или страсть выскочки, — сказать трудно. Онъ назначилъ на придворныя должности членовъ прежней аристократіи. Почему онъ выбралъ ихъ, — тоже неизвѣстно, можетъ быть, согласно сказанной имъ однажды фразѣ: «только эти люди умѣютъ хорошо служить». Первымъ милостынераздателемъ императрицы, какъ и Жозефины, былъ одинъ изъ Рогановъ. Духовникомъ ея Наполеонъ выбралъ Нантскаго епископа Дювазена, который былъ столь же патеръ, какъ и царедворецъ. Онъ проповѣдывалъ Маріи-Луизѣ во всемъ слушаться мужа. Должность почетнаго придворнаго кавалера исполнялъ графъ Клавдій Богарне, отецъ великой герцогини Стефаніи, назначенный Наполеономъ изъ угожденія Жозефинѣ, но потомъ замѣненъ Нарбономъ. Оберъ-штальмейстеромъ былъ итальянецъ, принцъ Альдобрандини, братъ Камила Боргезе, еще болѣе смѣшной, чѣмъ первый. Придворныя дамы, предназначенныя лишь для парадной службы, выбралась изъ той же высшей аристократіи, но онѣ не сообщались лично съ императрицей. «Она не разговаривала съ ними и терпѣть не могла, когда онѣ разговаривали съ нею. Между ними была ледяная стѣна». Многія изъ нихъ принадлежали къ исторической аристократіи, какъ по имени мужа, такъ и по рожденію, на примѣръ, Жюсть-де Ноайль, урожденная Перигоръ, графиня де-Бовѣ урожденная Ропешуаръ и графиня де-Мармье, урожденная Шуазель. Послѣдняя любила, чтобы восхищались ея ногою. Въ день принесенія ею присяги Талейрана спросили, какое она произвела на него впечатлѣніе. «Я думаю, отвѣчалъ вѣчный насмѣшникъ, что

ея юбки слишкомъ коротки для принесенія присяги въ вѣрности». Статсъ-дамы, на обязанности которыхъ было завѣдываніе туалетами императрицы, вели волей-неволей частыя бесѣды съ нею. Нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнія, извлекали изъ этого пользу. Извѣстная въ лучшемъ обществѣ г-жа де-Люсе, страстно любившая свою семью и съ независимымъ состояніемъ и характеромъ, исполняла свою обязанность съ большимъ тактомъ и добросовѣстностью. Она не извлекала пользы изъ своей службы, но, благодаря ея порядку, такъ же, какъ и скромности Маріи-Луизы, бюджетъ на туалеты императрицы установился съ такой точностью, какая никогда не была извѣстна при Жозефинѣ. Положеніе оберъ-статсъ-дамы было всѣхъ важнѣе и почетнѣе. Она дѣлалась неизбѣжно довѣреннымъ лицомъ, совѣтницей и наставницей вновь прибывшей императрицы. Говорятъ, что Наполеонъ сильно колебался, кого выбрать на эту почетную должность. Наконецъ его выборъ остановился на герцогинѣ Монтебелло, вдовѣ маршала Лана, извѣстной своей холодной красотой. Съ перваго взгляда казалось, что выборъ былъ удаченъ. Но Ланъ былъ извѣстенъ, какъ самый грубый изъ маршаловъ; онъ не признавалъ этикета и былъ самый щедрый на революціонныя выраженія. Его жена принадлежала къ мелкому бретонскому дворянству и вполне раздѣляла его антипатіи къ старинной аристократіи. Состоя во главѣ придворныхъ дамъ, принадлежавшихъ къ самымъ стариннымъ фамиліямъ, герцогиня не влюбилась ихъ и передавала императрицѣ разныя сшлетки о нихъ. Ненавидя этикетъ и парадные приемы, она развила и въ Маріи-Луизѣ ту же антипатію. Она приобрѣла отъ мужа страсть къ наживѣ, хотя гордая и прямая, она не попрошайничала открыто, но все-таки набрала невѣроятное количество художественныхъ произведеній. Послѣ ея смерти пришлось устроить шесть публичныхъ продажъ. Кромѣ того, она привыкла слышать въ обществѣ, посѣщавшемъ ея отца, разговоры, касавшіеся очень неизящныхъ предметовъ, какъ, на примѣръ, клистировъ и другихъ предметовъ въ томъ же родѣ. Этотъ вкусъ къ вульгарнымъ бесѣдамъ герцогиня передала императрицѣ. Вообще она много способствовала непопулярности Маріи-Луизы во всѣхъ слояхъ общества. Придворныя дамы, привыкшія ко вниманію и подаркамъ Жозефины, первыя начали насмѣхаться надъ неловкостью Маріи-Луизы. Въ утонченномъ и поверхностномъ обществѣ того времени, даже хорошія качества новой императрицы ставились ей въ вину. Какъ вѣмка, она любила серіозныя занятія лично для себя, а не для тщеславія: она читала много и толково для собственнаго удовлетворенія, что было совершенно противно нравамъ того времени. Это послужило поводомъ къ тому, что Марію-Луизу единогласно признали неданткой, глупой и надменной. Однако придворные попрежнему являлись ко двору, зная, что Наполеонъ не любилъ этимъ шутить. При дворѣ всѣ страшно скучали, съ трудомъ удерживались отъ зѣвоты, и только, когда удалялась императорская чета, на лѣстницахъ поднималось такое веселье, что, по словамъ одного современника, придворные походили на школьничковъ, только что отпущенныхъ на вакацію. Съ своей стороны буржуазія была еще менѣе довольна новой императрицей. На празднествахъ въ городской ратушѣ лица, не принадлежашія ко двору, должны были держаться въ отдаленіи. Такое пренебреженіе

приписывали спеси Маріи-Луизы, между тѣмъ, этотъ этикетъ, въ сущности, былъ установленъ Наполеономъ. Когда императрица появлялась въ театрѣ, то вмѣсто улыбокъ, на которыя была щедра Жозефина, публика лицедрѣла, какъ Марія-Луиза во время антрактовъ упорно пряталась въ глубину ложи. Въ этомъ случаѣ она также слѣдовала совѣтамъ герцогини Монтебелло, замѣчавшей, что подданные не могутъ своими кликами располагать вниманіемъ государыни. Въ торговлѣ царствовало полное затишье, что приводило въ отчаяніе купцовъ. Марія-Луиза тратила такъ мало на свои туалеты, что издержанной въ одинъ годъ Жозефиной суммы хватило бы новой императрицѣ слишкомъ на четыре года. Обладая хорошимъ вкусомъ, г-жа Люэ выбирала сама туалеты для Маріи-Луизы, при этомъ она умѣла просматривать счета и ежемѣсячно разсчитывалась съ поставщиками. Горько оплакивали купцы эпоху Жозефины, когда повсюду были ея неоплаченные счета. Впечатлѣніе народа тоже было не въ пользу новой императрицы. Хотя Жозефина осталась популярна, все-таки народъ смотрѣлъ на Марію-Луизу, какъ на залогъ мира и продолженіе династии. Лица, видѣвшія ея на свадебныхъ празднествахъ въ Сентъ-Клу, Луврѣ и Тюльери, восхваляли цвѣтъ ея лица и глаза. Во время этихъ празднествъ уже замѣтно было желаніе отдѣлать дворъ отъ народа. Послѣ рожденія римскаго короля, и, вмѣсто того, чтобы императрицѣ отправиться въ Соборъ Богоматери для взятія молитвы послѣ родовъ, Наполеонъ устроилъ почти тайную церемонію въ одной изъ залъ Тюльери. И въ этомъ случаѣ народъ обвинилъ австріячку. Во время поѣздокъ по провинціямъ, которыя были триумфомъ Жозефины, новая императрица имѣла полный неуспѣхъ. Не привычная сдерживать свои нервы и отказываться на время отъ удобствъ, она часто страдала мигренью, а потому иногда ничего не отвѣчала на подаваемые адреса. Но, даже вполне здоровая, она не умѣла справиться съ овладѣвавшей ею застѣнчивостью, совершенно парализовавшей ее. Какъ обыкновенно бываетъ съ застѣнчивыми людьми, ея лицо принимало суровое выраженіе, а это подавало поводъ думать, что она презираетъ остальныхъ смертныхъ. Съ дѣтства не привычная къ самостоятельному мышленію, она принимала за истину, слышанныя ею, неоднократно, мнѣнія, что имперія — вѣчна. Изъ двухъ политическихъ совѣтниковъ, назначенныхъ ей Наполеономъ, одинъ былъ его братъ Юсифъ. Она всегда чувствовала къ нему антипатію, но послѣ своихъ преступныхъ, несвоевременныхъ посягательствъ онъ сдѣлался ей даже ненавистенъ. Другой — Камбасересъ, истрепанный болѣе излишествами въ удовольствіяхъ, чѣмъ годами, былъ совершенно ошеломленъ событіями и потерялъ свою пресловутую правильность ума и совершенно былъ неспособенъ дать какой либо совѣтъ. Когда римскій король съ крикомъ цѣплялся за мебель въ Тюльери, Марія-Луиза инстинктомъ угадывала, что, если она покинетъ Парижъ, корона будетъ для нея потеряна. 28-го мая она показала сыну въ Совѣтъ, явившись только къ чтенію письма, въ которомъ Наполеонъ совѣтовалъ сыну избѣжать судьбы Астіанакса, сына Гектора. Если до этого времени Маріи-Луизѣ не хватало рѣшимости и сообразительности, то нравственно она была безупречна. Въ Блуа она узнала объ отреченіи Наполеона отъ престола. Ея первымъ движеніемъ было броситься въ Фонтенбло,

и г-жа Люсэ, какъ образцовая жена, тайно ободряла ее. Дурные совѣты сначала шли не отъ союзниковъ, съ которыми у нея не было прямыхъ сношеній, а отъ герцогини Монтебелло, питавшей уже давно ненависть къ Наполеону. Съ другой стороны, неловкіе шаги Іосифа и Іеронима, считавшихъ себя обязанными силою заставить невѣстку слѣдовать за ними въ глубь Франціи, дали ей мысль искать покровительства отца. Въ Орлеанѣ она еще колебалась, и г-жа Монте-скье чуть было не увлекла ее въ Гіень, гдѣ Наполеонъ назначилъ свиданіе. Но уже появились комиссары союзниковъ, и переписка Маріи - Луизы съ главной австрійской квартирой установилась. Все еще продолжая говорить о свиданіи съ Наполеономъ, и, можетъ быть, желая этого, Марія-Луиза, однако, объявила, что ей необходимо прежде увидѣться съ отцомъ и посоветоваться съ нимъ. Это рѣшеніе измѣнило все. Вновь захваченная и запутанная въ сѣтяхъ предразсудковъ, среди которыхъ она выросла, раздутыхъ еще болѣе побѣдою, и искушаемая обольщеніями самостоятельнаго положенія, она убѣдила себя, что ея бракъ изъ политическихъ видовъ расторгнуть силою оружія. Теперь она имѣла право подумать о себѣ, послѣ того, какъ принесла себя въ жертву другимъ. Однако, даже въ Вѣнѣ, ее уговаривала бабушка Марія-Каролина Неаполитанская не рѣшаться на новый шагъ. «Когда выходятъ замужъ, — говорила Марія-Каролина, — то на всю жизнь». На замѣчаніе Маріи-Луизы, что ея двери охраняютъ, старая королева возразила: «можно уйти черезъ окно». Отправляясь въ Аахенъ, она еще раздумывала: въ ней говорила совѣсть; но случайно или преднамѣренно ей дали въ провожатые Нейперга, извѣстнаго любезника, и его ухаживаніе очаровало ее. Ей понравилось въ немъ все, даже черная повязка, странно закрывающая одинъ его глазъ, и послѣднія колебанія исчезли. «Она — двадцати-трехлѣтняя нѣмка, — говоритъ Массонъ, — принцесса австрійской императорской крови, и если ей предстояло выбирать между нищетою, изгнаніемъ, неволей, уединенной жизнью съ развѣнчаннымъ мужемъ и независимостью, княжескимъ достоинствомъ, деньгами и роскошной жизнью съ поэтизированнымъ фаворитомъ, — она предпочла второе первому. Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться женою узурпатора, «корсиканскаго людоѣда», она охотнѣе выбрала титулъ владѣтельной эрцъ-герцогини Пармской, Піаченцы и Гвасталлы. Пробывъ менѣе четырехъ лѣтъ императрицей Франціи, Марія-Луиза была тридцать три года герцогиней Пармской, и, оплакивая умершаго Нейперга, она замѣнила его преемникомъ.

— Конецъ переписки Баранта. Наконецъ, вышелъ восьмой и послѣдній томъ интересной переписки ¹⁾ барона де-Баранта. Эта обширная переписка вполне доказываетъ, что Талейранъ правильно сказалъ: «Я держу пари, что Барантъ никогда не создастъ себѣ врага». Дѣйствительно у него были многочисленные и избранные пріатели во всѣхъ партіяхъ. Но преимущественно онъ держался такъ называемыхъ дактринеровъ и, постоянно, съ ними переписывался. Особенно послѣднее время своей жизни, до котораго касается восьмой томъ, Барантъ посвящалъ дружеской перепискѣ. Какъ онъ, такъ и его пріатели были удалены отъ политическихъ дѣлъ, и они совершенно предалися ака-

¹⁾ Souvenirs du baron de Barante. Tome 8. Paris. 1901.

демической и литературной игрѣ въ оппозицію. Хотя и принято называть эту оппозицію игрой, но она имѣла серьезное политическое значеніе. «Когда политика воспрещена, писалъ Барантъ, то литература принимаетъ характеръ, и критика отличается значеніемъ, которые одинаково избѣгаютъ законовъ печати». Поэтому неудивительно, что во время декабрьской имперіи, когда безмолвствовали трибуна и газеты, такъ важны были академическія манифестаціи, избраніе академиковъ и ихъ рѣчи. Въ продолженіе болѣе пятнадцати лѣтъ, академія была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ раздавалось свободное слово, терпимое правительствомъ. Одинъ остроумный человѣкъ того времени, но враждебный академикамъ, писалъ Баранту: «Ваши друзья всегда заняты и, быть можетъ, слишкомъ, академическими выборами». Но это было несправедливо, ибо питать культъ къ академическимъ традиціямъ было поддерживать своего рода свободу. Въ этомъ отношеніи сходились большинство академиковъ: чистые доктринеры, ярые легитимисты, либеральные орлеанисты, даже клерикалы и республиканцы, если таковые находились. Каждая новая кандидатура возбуждала пламенную агитацію, и надо сознаться, что литературное значеніе кандидатовъ уступало ихъ политическому характеру. То же самое происходило и по случаю раздачи премій: брали въ соображеніе не достоинство книги, а оппозиціонную роль ея автора. «Въ сущности,—говоритъ по случаю одной выдачи преміи Гизо,—оба кандидата на премію написали одинаково плохія книги». Вездѣ и всегда имѣлось въ виду только одно — надѣлать скандалъ правительству и насолить Наполеону III. Живымъ откликомъ академической оппозиціи служитъ переписка Баранта и его пріятелей, главнымъ образомъ: Гизо, Мола, Сентъ-Илера, Паскье, Виктора де-Брольи, герцогини де-Саганъ и т. д. Эта переписка, заключающаяся въ восьмомъ томѣ «Воспоминаній Баранта», продолжалась до 1866 года, когда умеръ Барантъ. Конечно, не одна академія составляла предметъ этихъ писемъ, въ ней говорилось и о политикѣ, кромѣ академическихъ агитацій. Самъ Барантъ писалъ не разъ о декабрьскомъ героѣ и выказывалъ всѣ его дурныя стороны. Такъ онъ писалъ: «Большинствомъ называемое общественное мнѣніе не что иное, какъ картонный плясунъ, приводимый въ движеніе императоромъ, который воображаетъ, что это живое существо». Всѣ политическія событія того времени: войны—крымская, итальянская и мексиканская, и польская агитація—одинаково заслуживали осужденіе доктринеровъ. Особенно политическими вопросами занимался Гизо, но его мнѣнія были далеко не правильными. Такъ онъ считалъ крымскую войну доказательствомъ несостоятельности неограниченнаго правленія, забывая, что побѣдительница Франція была апогеемъ деспотизма, и, осуждая политику Кавура, котораго Гизо не признавалъ государственнымъ человѣкомъ, онъ предсказывалъ гибель Италіи. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ Баранту отъ 28-го іюня 1866 г. онъ не только продолжаетъ свое предсказаніе насчетъ Италіи, но увѣряетъ, что и Пруссія потерпитъ пораженіе отъ австрійцевъ и тѣмъ вовлечетъ всю Европу въ общую страшную войну. Барантъ точно также предсказывалъ воинственное будущее всей Европѣ, но онъ былъ справедливѣе въ своихъ предсказаніяхъ, чѣмъ Гизо. По его мнѣнію въ письмѣ отъ 10-го іюня, «будущимъ поколѣніямъ готовятъ страшныя войны и

революціи, но теперешняя нація не одушевлена патріотизмомъ 1792 г.». Въ этомъ же письмѣ—последнемъ, которое онъ писалъ передъ смертью, Барантъ говоритъ: «Мнѣ восемьдесятъ четыре года, и я живу только въ половину». Эта половинная жизнь пресѣклась 21-го ноября того же года послѣ двухдневной болѣзни. «Это былъ кроткій, добрый человекъ»,—сказалъ въ надгробной рѣчи герцога Брльи, который недавно умеръ, замыкая собою циклъ доктринеровъ, друзей Баранта.

— Тридцатилѣтіе Парижской коммуны. По случаю того, что прошло ровно тридцать лѣтъ послѣ роковаго событія 1871 г., появились во многихъ французскихъ и иностранныхъ журналахъ краснорѣчивыя статьи, стремящіяся доказать, что въ этомъ событіи виноваты были не коммунары, какъ принято считать, а версальское правительство, съ его главою Тьеромъ. Наиболѣе интересныя изъ этихъ статей: этюдъ Армана Дайо въ первой октябрьской книжкѣ «Revue» подъ заглавіемъ: «Коммунистское возстаніе 18 марта 1871 г.: Кто отвѣтственъ за него?»¹⁾, и очеркъ американца Вильяма Транта: «Парижская коммуна тридцать лѣтъ тому назадъ», въ августовской книжкѣ «Century magazine»²⁾. Первый авторъ останавливается на прямой причинѣ катастрофы 1871 г. и на той отвѣтственности, которая должна пасть на версальское правительство за всѣ послѣдствія этого событія, стоившаго париждскому рабочему населенію около ста тысячъ человекъ. Поэтому онъ только разсматриваетъ происхожденіе коммуны, которую всячески версальское правительство подстрекало, и оставляетъ въ сторонѣ то страшное возмездіе, которымъ оно заплатило за причиненное имъ же возстаніе. Монархическія партіи, которыя тогда господствовали въ парламентѣ, понимали, что Парижъ былъ величайшей помѣхой своей приверженностью къ республикѣ—осуществленію ихъ плановъ. Поэтому на другой день послѣ капитуляціи и продолжительныхъ страданій отъ голода и холода, париждане увидѣли себя столь же отторгнутыми отъ остальной Франціи, какъ во время осады. Правительство отшатнулось отъ нихъ оттого, что они исполнили свою обязанность. Изъ этого рабочее населеніе Парижа ясно вывело заключеніе, что правительство хочетъ уничтожить республику, и рѣшилось во что бы то ни стало этому воспрепятствовать. Вотъ, по словамъ автора, настоящая причина появленія коммуны, несмотря на всѣ существующія легенды. Въ первые дни марта 1871 года париждане, несмотря на всѣ подстрекаательства Законодательнаго Собранія, были чрезвычайно спокойны. Даже въ «Moniteur Universelle» напечатано было отъ 17 марта, что Парижъ совершенно спокоенъ. Но 18 числа правительственныя войска вздумали насильственно отнять пушки у парижанъ съ монмартрскихъ высотъ. Кровь была пролита, но солдаты не хотѣли сражаться и присоединились къ толпѣ. «Тогда,—говоритъ Дайо,—правительство сдѣлало ужасную и непростительную ошибку, быстро покинувъ Парижъ со всѣми властями и войсками, несмотря на энергичное

¹⁾ L' Insurrection communaliste du 18 mars 1871. Les Responsabilités. «La Revue», 1 octobre 1901.

²⁾ The Paris commune, thirty years after; by William Trant.

и патриотическое сопротивление мэра, Жюля Ферри. Таким образом несчастный городъ былъ преданъ въ руки анархін. Люди съ сердцемъ еще пытались образумить версальцевъ. На стѣнахъ Парижа расклеены были объявленія, подписанныя мэрами парижскихъ кварталовъ и ихъ помощниками, а также такими почтенными дѣятелями, какъ Шелькеръ, Клемансо, Локруа, Флокке и Грешпо. Въ этихъ объявленіяхъ между прочимъ говорилось: «Одна всеобщая подача голосовъ можетъ успокоить умы, умиротворить улицу, обезпечить порядокъ, укрѣпить общее довѣріе, создать правильную администрацію и положить конецъ отвратительной борьбѣ, которая погубитъ республику въ волнахъ крови». Тринадцать депутатовъ отправились въ Версаль, чтобы изложить программу мэровъ. Напрасны, однако, были всѣ усилія, правительство уже рѣшило погубить Парижъ. При видѣ этой рѣшимости правительства, Тираръ воскликнулъ съ отчаянія: «Что дѣлать между анархіей въ Парижѣ и монархіей въ Версалѣ!». Такимъ образомъ изъ словъ Дайо ясно вытекаетъ, что версальскіе монархисты, опасаясь противодѣйствія парижанъ водворенію монархіи, залили волнами крови несчастное населеніе перваго города въ Европѣ.

Напротивъ, американецъ Трантъ, хотя и соглашается съ французомъ Дайо, что причиной возстанія Коммуны была дѣятельность версальцевъ,—подробно описываетъ послѣдніе дни Коммуны, а вовсе не занимается ея возникновеніемъ. Онъ самъ присутствовалъ при всѣхъ ужасахъ со стороны, такъ называемаго, законнаго правительства. Невозможно вообразить, до какихъ звѣрствъ доходили версальцы. Они убивали беззащитныхъ рабочихъ, и груды мертвецовъ валялись по улицамъ на каждомъ шагѣ. При этомъ не спрашивали, виновата ли несчастная жертва братоубійственной борьбы, а просто разстрѣливали каждого, кто не только казался коммунаркомъ, но высказывалъ какъ бы сочувствіе Коммунѣ, или осужденіе версальцамъ. Напримѣръ, Трантъ самъ видѣлъ слѣдующее событіе: одинъ офицеръ, стоя на улицѣ, расхваливалъ какому-то пріятелю храбрость правительственныхъ войскъ. Вблизи находился какой-то мирный рабочій и спокойно сказалъ: «Если бы ваши солдаты также сражались противъ пруссаковъ, то ничего этого не было бы». Услыхавъ этотъ отзывъ, офицеръ молча вынулъ изъ кармана пистолеть и убилъ рабочаго на мѣстѣ. «Наша армія вела себя геройски,—говорилъ Тьеръ:—она поддерживала законъ и убивала злодѣевъ, во имя закона». Прочитавъ въ газетахъ эти слова главы правительства, американецъ спросилъ одного пріятеля француза: «А гдѣ же ваша прославленная свобода?» Французъ прехладнокровно снялъ свой башмакъ и сталъ искать въ башмакѣ что-то. Потомъ онъ сказалъ: «Свобода была бы тутъ въ послѣдніе два мѣсяца, но теперь, кажется, она совершенно пропала». Наконецъ, среди крови, огня и труповъ, Тьеръ взялъ Парижъ и могъ сказать: «я обладаю Парижемъ». Но этого ему было мало, и онъ сталъ открыто возлагать на коммунаровъ всю вину происшедшихъ ужасовъ, а главное пожаровъ. Съ его легкой руки всюду распространились толки о петролейщикахъ и петролейщицахъ. Американскій авторъ увѣряетъ, что онъ былъ почти во всѣхъ мѣстахъ Парижа и, въ сущности, не видалъ ни одного поджигателя

и ни одного поджога. Если и происходили на улицах Парижа пожары, то благодаря канонадѣ версальцевъ. Самъ Макъ-Магонъ говоритъ въ своемъ официальномъ отчетѣ: «Огонь версальскихъ батарей былъ до того силенъ, что городъ во многихъ мѣстахъ запылалъ». Вотъ настоящая причина настоящихъ пожаровъ, а не петролейщики, которыхъ американецъ не видѣлъ ни одного. «Я рѣшительно отрицаю, чтобы эти злодѣи существовали», — говоритъ онъ. По его мнѣнію, пора уже высказать правду о Коммунѣ и ея противникахъ. «Можно и даже должно чрезъ тридцать лѣтъ вынести о тѣхъ и другихъ единственно правильный приговоръ: не виновны, на основаніи сумасшествія!» Однако, извѣстный англійскій военный корреспондентъ, Форбесъ, писавшій много о Коммунѣ и клеймившій петролейщиковъ, вступился за версальцевъ и напечаталъ въ томъ же журналѣ «Century Magazine» возраженіе на рассказъ Транта. Конечно, и американецъ, съ своей стороны, отвѣчалъ Форбессу, что, несмотря на всѣ увѣренія, рѣшительно не было ни петролейщиковъ, ни петролейщицъ. Главнымъ доказательствомъ этого обстоятельства служатъ протоколы версальскихъ военныхъ судовъ. Хотя множество несчастныхъ было поймано въ Парижѣ, будто бы съ личнымъ, т. е. съ сосудомъ керосина, но ни одинъ изъ нихъ не былъ признанъ виновнымъ въ поджигательствѣ, такъ какъ не доказано было это преступленіе.

— Новая переписка Бисмарка. Наконецъ вышла 1-го декабря давно ожидаемая «Переписка Бисмарка»¹⁾. Горстъ Коль, уже напечатавшій цѣлую Бисмарковскую литературу, издалъ ее, какъ прибавленіе къ «Мыслямъ и воспоминаніямъ Бисмарка». Для этой переписки канцлеръ самъ выбиралъ письма, и Коль лишь передалъ въ типографію уже приготовленный и перемѣченный оригиналъ. По этому случаю въ нихъ отсутствуетъ та искренность и самопроизвольность, которыми полны «Письма къ невѣстѣ». Два тома «Переписки Бисмарка» составляютъ лишь треть всѣхъ имѣющихся писемъ, которыя относятся къ 1850—1887 годамъ. Между ними имѣются въ большомъ количествѣ письма императора Вильгельма и множества политическихъ лицъ, какъ нѣмцевъ, такъ и иностранцевъ. Первый томъ посвященъ исключительно перепискѣ императора съ канцлеромъ и включаетъ въ себѣ очень важные документы, но уже извѣстные и помѣщенные, какъ въ «Мысляхъ и воспоминаніяхъ», такъ и въ шести томахъ «Бисмарковскаго Ежегодника», а также въ другихъ распространенныхъ книгахъ о Бисмаркѣ. Новыя же письма перваго тома представляютъ мало интереса по своей незначительности. Во второмъ томѣ находятся неизданныя письма отъ различныхъ лицъ, что еще болѣе привлекаетъ вниманіе читателей. Конечно, и между ними есть документы различнаго интереса; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, на примѣръ, самаго Бисмарка—образцовыя произведенія дипломатіи и политической ловкости, но многія изъ писемъ его корреспондентовъ настолько прозаичны, что лишаютъ охоты читать ихъ, по крайней мѣрѣ, иностраннаго читателя. Обыкновенно принято считать Бисмарка чуть ли не единственнымъ виновникомъ нѣмецкаго единства, но пер-

¹⁾ Aus Bismarks Briefwechsel. Berlin. 1901. Zwei Bände.

вый томъ «Переписки» доказываетъ, что вліяніе Вильгельма было значительное, и что канцлеръ не былъ дѣятельнѣе своего государя. Прусскій король занимался всѣмъ, провѣрялъ все, постоянно мѣнялся мыслями съ Бисмаркомъ, ободрялъ его, иногда возражалъ ему, но, затѣмъ, оба приходили къ соглашенію. Въ особенности видно изъ писемъ ихъ трогательное, глубокое расположеніе другъ къ другу. Такъ, напримѣръ, Бисмаркъ писалъ 24-го декабря 1864 г. наканунѣ Рождества. «Наканунѣ Рождества я испытываю необходимость увѣрить ваше величество, что вѣрность къ данному мнѣ Богомъ повелителю покоится на томъ же основаніи, какъ и мои религіозныя убѣжденія». Съ своей стороны Вильгельмъ выражалъ Бисмарку не менѣе искреннія чувства. Когда въ 1869 г. Бисмаркъ хотѣлъ выйти въ отставку, по политическимъ причинамъ, но подъ предлогомъ болѣзни, то императоръ написалъ ему слѣдующее письмо: «Никогда я не соглашусь на ваше удаленіе. Мое самое большое счастье—жить съ вами и всегда быть въ твердомъ согласіи съ вами. Развѣ я отпущу васъ? Никогда! Спокойствіе и молитва все устроятъ. Вашъ наивѣрнѣйшій другъ Вильгельмъ». Замѣчательною чертою обояхъ былъ мистицизмъ. Императоръ, глубоко-религіозный человѣкъ, вѣрилъ въ божественность Спасителя, что выражалъ при всякомъ случаѣ. Онъ говорилъ въ 1875 г., принимая предсѣдательство въ Бранденбургскомъ синодѣ: «Если мы не вѣримъ въ божественность Христа—мы не христіане». Бисмаркъ съ своей стороны писалъ въ 1847 г.: «Всѣ государства, желающія удержаться, всѣ государства, желающія защитить свои права существованія отъ тѣхъ, кто на нихъ нападаетъ,—должны быть основаны на религіозной идеѣ». При этомъ онъ прибавляетъ, что «король, объявляющій себя государемъ милостью Божіей, не произноситъ, по моему мнѣнію, напрасную формулу». Въ безчисленныхъ случаяхъ Бисмаркъ выражалъ подобныя мнѣнія, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ письмахъ. «Надо признать,—говорилъ Бисмаркъ 17 декабря 1873 года въ германской палатѣ,—что я всегда выражалъ твердо, ясно, публично мое протестантское убѣжденіе». Однако была минута въ 1865 г., когда его друзья чуть было не усомнились въ искренности религіозныхъ убѣжденій Бисмарка. Дѣло въ томъ, что онъ вздумалъ въ Гаштейнѣ, — снятъ фотографическій портретъ съ себя, вмѣстѣ съ пѣвицей Лукка, довольно въ романтической позѣ. Эта игривость произвела такое волненіе въ средѣ консерваторовъ, что одному изъ нихъ, фонъ-Ромену, было поручено усовѣстить Бисмарка. Послѣдній отвѣтилъ длиннымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ писалъ, что: «хотя г-жа Лукка и пѣвица, но ее нельзя такъ же, какъ и меня, упрекнуть въ недозволенныхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, если бы я зналъ, что это произведетъ такой скандалъ среди друзей, то, конечно, не допустилъ бы подобной шутки». Это письмо изъ второго тома и приведено здѣсь только къ случаю. Переписка Бисмарка съ Вильгельмомъ большей частью въ библейскомъ направленіи; даже письмо его къ Вильгельму о маленькой собачкѣ, присланной ему Вильгельмомъ, написано библейскими цитатами. Второй томъ переписки интереснѣе перваго по своей новизнѣ. Между многочисленными письмами любопытно—графа Арнима, нѣмецкаго посланника въ Парижѣ, прославившагося процессомъ, затѣяннымъ противъ него Бисмаркомъ. Оно написано изъ Парижа относительно подозрѣній парижскаго

дантиста въ предполагаемомъ отравленіи Бисмарка. «Докторъ Эвансъ, — писалъ графъ Арнимъ, — сообщилъ мнѣ, что за послѣднее время одно дѣло, которое было у него въ подозрѣніи — отравленіе Кавура сигарой, — безусловно подтвердилось. Онъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что утверждаетъ. Онъ считаетъ также своей обязанностію доказать, согласно нѣкоторымъ даннымъ, что нѣсколько фанатиковъ одинаковаго съ нимъ вѣроисповѣданія — Эвансъ католикъ, — покушались на ваше сіятельство. Онъ формально просилъ меня предупредить васъ объ этой опасности. Онъ не колеблясь думаетъ, что есть личности, желающія убить васъ посредствомъ вашей любимой привычки». «Развѣ князь Бисмаркъ много куритъ?» — спросилъ онъ меня. На мой утвердительный отвѣтъ, онъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ навѣрно сыграетъ роль сигара Кавура. Я случайно замѣтилъ, что въ 1872 г. много говорилось объ отравленныхъ сигарахъ въ Лисабонѣ, во время многочисленнаго траура императорской семьи. Что до меня, то я мало вѣрю въ эти слухи. Тѣмъ не менѣе, было бы очень легко вручить вамъ ящикъ отравленныхъ сигаръ, если убійца не опасается погубить при этомъ и другихъ лицъ. Докторъ Эвансъ убѣжденъ, что эти опасенія основательны. Вотъ почему я взялся предупредить васъ объ этомъ». Затѣмъ не менѣе интересно предполагаемое свиданіе Гамбетты съ Бисмаркомъ. Близкій другъ Бисмарка, графъ Генкель фонъ-Доннерсмаркъ, проводилъ лѣто на своей виллѣ Понтшартренъ, гдѣ у него часто бывалъ Гамбетта. Въ одинъ изъ такихъ визитовъ графъ предложилъ ему войти въ сношенія съ Бисмаркомъ. Гамбетта принялъ съ удовольствіемъ это предложеніе. Оставалось узнать мнѣніе Бисмарка. Съ этой цѣлью графъ Генкель предложилъ ему познакомиться съ Гамбеттой, прекрасно знавшимъ Германію и ея дѣла. Бисмаркъ выразилъ не меньшее удовольствіе, но вслѣдствіе болѣзни, поручилъ сыну отвѣтить за него. Но сынъ не сумѣлъ передать мыслей своего знаменитаго отца. Однако чрезъ графа Генкеля Гамбетта обѣщала, что въ будущемъ поставитъ во главѣ внѣшней политики Франціи — протестанта, и въ 1877 г., Ганто предполагалось замѣнить Сень-Валье, котораго Гогенлоэ считалъ симпатичнымъ для Германіи. Несмотря на опасенія Бисмарка, графъ Генкель снова принялся за переговоры, относительно визита Гамбетты въ имѣніе Варзинъ, къ Бисмарку. На это Бисмаркъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ 28-го декабря 1877 года: «Дорогой графъ, — я очень вамъ благодаренъ за письмо отъ 23. Пережѣна въ дипломатической сферѣ Франціи меня необычайно обрадовала. Если что либо могло утвердить ваше довѣріе въ миролюбивомъ расположеніи французскаго правительства, то это — отозваніе Ганто, близко связаннаго съ врагами имперіи. Нѣтъ ли какихъ средствъ засвидѣтельствовать наше удовлетвореніе? Я былъ бы очень счастливъ. Что касается до выставки, то положительно не хватитъ времени нашимъ промышленникамъ на приготовленія, это совершенно невозможная вещь. Но я надѣюсь, что Гамбетта отъ этого не будетъ менѣе увѣренъ въ нашемъ расположеніи. Мнѣ было бы пріятно войти съ нимъ въ сношенія, но въ данный моментъ это испугало бы императора, ибо влияніе Ганто и другихъ сдѣлало императора недовѣрчивымъ относительно революціонной пропаганды. Кромѣ того, въ интересахъ самого Гамбетты, я считаю этотъ визитъ преждевременнымъ. Было бы большою неосторожностію, съ

его стороны, скомпрометировать себя со мною. Я очень хочу, чтобы онъ сохранилъ свой авторитетъ, и потому не мнѣ нарушать его. Это рѣдкій, авторитетный темпераментъ, который еще существуетъ во Франціи. Во всякомъ случаѣ, я очень благодаренъ вамъ, что вы устроили не прямыя сношенія, которыми я воспользуюсь и заботливо сохранию. Вашъ Бисмаркъ». Послѣ этого письма переписка относительно Гамбетты продолжалась, но ни одного письма отъ 28-го декабря 1877 г. и по апрѣль 1878 г. не появилось въ этомъ томѣ. Въ этотъ промежутокъ времени кто-то уговорилъ Бисмарка, что свиданіе съ Гамбеттой не повлечетъ нецѣльныхъ послѣдствій, и 12-го апрѣля въ Берлинъ пришла телеграмма: «Посылка не можетъ прибыть ранѣе восьмого». Эта посылка была не кто иной, какъ Гамбетта, о которомъ извѣщала графъ Генкель. Знаменитое свиданіе было лишь вопросомъ времени, но неожиданное событіе измѣнило всѣ ожиданія. Внезапная смерть любимой тетки Гамбетты вызвала его въ Ниццу, и онъ поспѣшно отправился, не оставивъ никому своего адреса. Это событіе очень опечалило Генкеля и еще болѣе Бисмарка. 14-го апрѣля 1878 г. онъ писалъ одному своему другу: «Не имѣя ничего лучшаго дѣлать, я лѣчу свой ревматизмъ у камелька и люблюсь чудными розами, которыя вы прислали княгинѣ» Графъ Генкель написалъ 23 числа письмо Бисмарку, въ которомъ описывалъ смерть тетки Гамбетты: «Дорогой князь, тетка Гамбетты, заботившаяся объ его воспитаніи и образованіи, которое оплачивала своими средствами, — внезапно умерла. Онъ питалъ къ ней нѣжную привязанность, и ея смерть такъ жестоко поразила нашего друга, что онъ не хочетъ никого видѣть». Наконецъ 22-го апрѣля Гамбетта возвратился въ Парижъ и тотчасъ же написалъ Генкелю извиненіе, что оставилъ его письмо безъ отвѣта, объяснивъ причину. При этомъ онъ назначилъ на другой день свиданіе. Послѣ этого свиданія Генкелю телеграфировалъ въ Берлинъ: «Посылка отправляется въ воскресенье, прибудетъ въ Берлинъ понедѣльникъ вечеромъ и во вторникъ будетъ въ нашемъ распоряженіи, подробности слѣдуютъ. «Генкель». На этотъ разъ свиданіе казалось близкимъ, но оно было задержано однимъ парламентскимъ инцидентомъ. Вслѣдъ затѣмъ Генкель получилъ письмо съ извиненіемъ и объясненіемъ причины задержки. Тѣмъ и кончилась исторія о свиданіи Гамбетты съ Бисмаркомъ. Вопросъ о свиданіи Гамбетты съ Бисмаркомъ возбудилъ много шума во французскихъ газетахъ, по случаю «Переписки» послѣдняго и много напечатано различныхъ извѣстій о таинственномъ путешествіи Гамбетты въ Берлинъ въ 1878 г. Относительно его свиданія съ Бисмаркомъ французы утверждаютъ, что оно не состоялось со стороны Гамбетты, а не Бисмарка. Такъ извѣстный Бловицъ утверждаетъ, что Бисмаркъ очень желалъ его видѣть и говорилъ: «Я отдаю полную справедливость Гамбеттѣ, онъ — единственная поразительная личность во Франціи, и я не хотѣлъ бы умереть, не увидавъ его». Но Бловицъ увѣряетъ, что онъ ставилъ необходимымъ условіемъ этого свиданія упоминаніе въ разговорѣ объ Эльзасѣ. Когда же Бловицъ передалъ объ этомъ Гамбеттѣ, то послѣдній сказалъ: «Это совершенно невозможно. Я не могу встрѣтиться съ Бисмаркомъ и не говорить объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Если я промолчу

объ этомъ предметѣ, это испортить весь разговоръ, и онъ почувствуетъ, что передъ нимъ человѣкъ, который не говоритъ, что думаетъ, и не думаетъ, что говорить».

— Первая королева Италіи. Недавно появилась въ Италіи книга, въ которой Опорато Ро обрисовываетъ королеву Маргариту Савойскую, вдову покойнаго короля Гумберта, какъ поклонницу и покровительницу литературы. Ея страсть къ книгамъ была такъ извѣстна съ дѣтства, что послѣ ея замужества ей прислали безконечное множество поздравленій, писемъ и адресовъ со всѣхъ концовъ свѣта. Она оцѣнила выше всѣхъ посланный автографъ Манцони, выражавшій «единеніе итальянскаго языка». Нѣсколько времени спустя, королева пожелала отблагодарить лично знаменитаго романиста. Случай представился вскорѣ послѣ рожденія неаполитанскаго принца. Манцони былъ принятъ на половинѣ королевы, и она пожелала, чтобы онъ взялъ на руки будущаго третьяго короля Италіи. По ея мнѣнію, это должно было принести счастье наслѣднику престола. Королева Маргарита очень интересуется всѣмъ, что касается историческихъ, политическихъ и экономическихъ вопросовъ нашего времени. Ея любознательность удовлетворялъ «уважаемый наставникъ» Марко Мингетти. Она внимательно и съ пользой слушала его, но съ большимъ удовольствіемъ изучала греческій и латинскій языки, которые ей преподавалъ Руджеро Бонги, переведшій прекрасно «Диалоги Платона». Бонги являлся въ Квириналь въ девять часовъ утра, гдѣ заставалъ свою ученицу уже за уроками, приготовляемыми ею самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Затѣмъ слѣдовали темы, изложенія и рѣчи. Вскорѣ она сдѣлала замѣтные успѣхи. Бонги съ гордостью показывалъ нѣкоторыя ея письма на латинскомъ языкѣ, въ которыхъ она благодарила своего учителя за его услуги и говорила, что ея самое страстное желаніе оправдать его стараніе. При жизни короля Гумберта королева правильно посѣщала всѣ конгрессы и собранія ученыхъ обществъ, собиравшихся въ Римѣ. Она отдавала предпочтеніе собраніямъ международнаго художественнаго общества. Обыкновенно она предупреждаетъ о своемъ желаніи присутствовать на собраніи только наканунѣ, посредствомъ конфиденціального письма, адресованнаго на имя предсѣдателя общества. Она является неофициально, чтобы не нарушать порядка засѣданій. Въ особенности королева интересуется литературой, и ея любимый поэтъ—Кардуччи. Но любовь къ литературѣ не мѣшаетъ ей интересоваться также изящными искусствами, и она съ удовольствіемъ посѣщаетъ мастерскія скульпторовъ и живописцевъ. Лѣтъ болѣе двадцать-пять тому назадъ, когда королева Маргарита была еще принцессой, знаменитый итальянскій скульпторъ, Джуліо Монтеверде, долго жилъ въ Монцѣ, съ цѣлью изваять черты лица главныхъ членовъ королевской семьи. Молодая принцесса, не терпѣвшая бездѣйствія, никакъ не могла спокойно выдержать позу, что было необходимо для скульптора. Наконецъ она придумала средство, чтобы ея фигура оставалась неподвижна—рисоватъ ѳпортретъ самого Монтеверде. При этомъ она тщательно отдѣлывала его окладистую бороду, которой онъ гордился и которая дѣлала его похожимъ на Микель-Анджело. Изъ музыкантовъ королева предпочитаетъ Верди. Послѣ перваго представленія «Фальстафа», въ театрѣ Констанци, присутствовавшій на

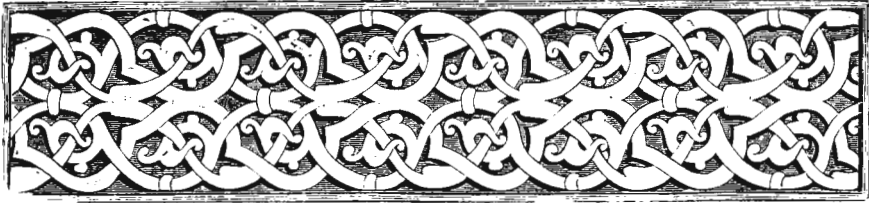
представленіи маэстро сидѣлъ между королею и королевой. При входѣ королевской четы раздалися аплодисменты публики. Черезъ нѣсколько минутъ король съ королевой удалились изъ ложи, оставивъ одного Верди, чтобы аплодисменты публики отнесли лично къ нему. Королева Маргарита слѣдитъ также за интеллектуальнымъ движеніемъ за границей, и всего болѣе интересуется нѣмецкими учеными историками, въ особенности Грегоровіусомъ. Однажды на балу у нѣмецкаго посланника королевѣ указали на одиноко стоявшаго въ размышленіи Грегоровіуса. Она тотчасъ послала къ нему камергера съ приглашеніемъ на слѣдующую кадрили. Но ученый не умѣлъ танцевать и разсыпался въ извиненіяхъ и сожалѣніяхъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ, совершенно огорченный, отправился домой.

— Смерть Пи-и-Маргалла и Карла Баркли. Двадцать девятого ноября умеръ въ Мадридѣ испанскій депутатъ, нѣкогда бывшій президентомъ испанской республики—Франциско Пи-и-Маргалль. Родившійся въ Барселонѣ, 29 апрѣля 1824 г., Пи-и-Маргалль былъ очень скромнаго происхожденія и, начавъ свою дѣятельность, какъ адвокатъ и публицистъ, онъ вскорѣ добился значительной репутации, какъ республиканской дѣятель. Другъ Прима, Каstellяра и Зориллы, Маргалль добился редакторства республиканской газеты «Discussion». Принявъ участіе въ заговорѣ Прима, онъ былъ сосланъ въ 1866 г. и возвратился въ Испанію только послѣ паденія Изабеллы II. Въ послѣдующемъ году его родной городъ Барселона избрала его депутатомъ въ учредительное собраніе, и онъ принялъ участіе во всѣхъ кризисахъ, черезъ которые прошла Испанія въ это время. Будучи членомъ кортесовъ, онъ, во время царствованія Амедеевъ, былъ главою группы федеративныхъ республиканцевъ. Потомъ онъ содѣйствовалъ, болѣе всѣхъ другихъ, отказу отъ власти этого короля и учрежденію республики, 11 февраля 1873 г. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ постепенно былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, первымъ министромъ и президентомъ республики. Въ іюль того же 1873 г. онъ уступилъ свою власть Сальмерону, а съ паденіемъ республики и восстановленіемъ монархической реставраціи, Маргалль покинулъ политическую дѣятельность и сдѣлался адвокатомъ. 3 мая 1874 г. онъ едва не сдѣлался жертвою покушенія противъ него фанатическаго патера. Десять лѣтъ спустя, Маргалль былъ посланъ своими соотечественниками депутатомъ въ кортесы и съ тѣхъ поръ былъ пламеннымъ защитникомъ политики федеративной республики. Онъ проповѣдывалъ самую широкую автономію, какъ въ провинціи, такъ и въ колоніи, а въ послѣднее время обратилъ на себя всеобщее вниманіе, какъ защитникъ сепаратистскаго движенія въ Каталоніи. Онъ умеръ на 76 г. жизни.

20 октября 1901 г. скончался видный представитель партіи швейцарскихъ социалистовъ, Карлъ Баркли. Онъ было не только замѣчательнымъ социалистомъ, но первымъ основателемъ демократическаго социализма въ Швейцаріи. Баркли былъ во главѣ тамошняго рабочаго движенія и посвятилъ всю свою жизнь борьбѣ за социальныя интересы. Онъ былъ очень образованный человекъ и пополнялъ свое образованіе частыми путешествіями. Подолгу онъ проживалъ въ кружкахъ французскихъ рабочихъ въ Лионѣ, Нямѣ, Марселѣ и

Парижѣ, который онъ впервые посѣтилъ въ 1845 г. Баркли находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Викторомъ Консидераномъ и изучалъ Фурье. Въ 1850 г. онъ первый учредилъ кооперативное движеніе въ Швейцаріи, а въ 1853 г. Баркли отправился съ Консидераномъ и швейцарской фалангой въ Техасъ. Вернувшись въ Европу, въ 1858 г., онъ былъ до послѣдняго времени пламеннымъ поклонникомъ социализма. Эти біографическія данныя о Карлѣ Баркли мы почерпнули изъ интересной статьи о немъ Ганса Мюллера, въ декабрьскомъ номерѣ «Socialistische Monatshefte».

С М Ъ С Ъ.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ общество. 1. 2-го ноября въ засѣданіи по отдѣленію этнографіи предсѣдателемъ отдѣленія В. П. Ламанскимъ было посвящено нѣсколько словъ памяти покойныхъ академиковъ, членовъ географическаго общества, С. В. Максимова и П. Н. Жданова. В. П. Ламанскій остановился на ихъ заслугахъ для этнографіи, заслуга передъ которой особенно велика Н. Жданова, какъ изслѣдователя народной русской поэзіи; въ этомъ отношеніи онъ долженъ занимать первое мѣсто послѣ Ор. Миллера и Веселовскаго. Въ этомъ же засѣданіи Е. Э. Линева сдѣлала сообщеніе о собираніи народныхъ напѣвовъ въ Новгородской губерніи. Е. Э. Линева познакомилась съ однимъ американцемъ, мистеромъ Креномъ, путешествовавшимъ по Россіи (мистеръ Кренъ былъ въ Россіи два раза, но оба его пріѣзда сопровождались недоразумѣніями и препятствіями, благодаря непривычкѣ американца къ нашей паспортной системѣ: въ первый разъ онъ утерять свой паспортъ, во второй онъ запасся двумя, но передъ въѣздомъ въ Россію отдалъ одинъ бѣжавшему также въ Россію, но не имѣвшему совершенно паспорта, другому американцу; такимъ образомъ оказалось въ Россіи въ одно время два путешествовавшихъ мистера Крена) и заинтересовавшимся обычаями и особенно русскимъ искусствомъ; онъ собралъ и предоставилъ въ распоряженіе нашего географическаго общества нѣкоторую сумму денегъ, предназначивъ ее для собиранія пѣсенъ. Сумма эта обществомъ была передана г-жѣ Линевой: послѣдняя предприняла на нее въ нынѣшнемъ году поѣздку, въ цѣляхъ собиранія пѣсенъ по уѣздамъ Черновецкому, Бѣлозерскому и Кирилловскому Новгородской губерніи, сдѣлавъ 1.500 верстъ и записавъ 230 пѣсенъ, изъ нихъ большинство воспроизведены на валикахъ фонографа. Г-жа Линева высказываетъ грустное предположеніе, что со смертью стариковъ скоро совершенно изсякнутъ источники старинной русской пѣсни подѣ влияніемъ новыхъ наслоеній въ видѣ пѣсенъ

городскихъ и фабричныхъ, а между тѣмъ не только старики, но и сама молодежь относится съ презрѣніемъ къ новымъ пѣснямъ и очень цѣнить старыя; пѣвцы, знающіе ихъ, пользуются большимъ почетомъ, особенно на празднествахъ; вымираніе русской пѣсни самъ народъ объясняетъ различно, при чемъ и противоположно: одни говорятъ, что пѣсня умираетъ съ голода, а другіе, что стали меньше пѣть, потому что стало лучше житься. Къ собирающимъ пѣсни народъ относится съ недоумѣніемъ и боязнью. Спѣть-го споемъ,—говорятъ они, да какъ бы въ городъ не потребовали за это, за старину вишь взяли, не передъ концомъ ли? Къ фонографу они относились иногда крайне боязливо, не люди де въ трубѣ поютъ, а дьяволы, почему ни за что не рѣшались пѣть въ трубу; иногда же съ большимъ интересомъ и даже юморомъ, дѣлая такіа замѣчанія, что машинка эта выдумана для вдоваго пона, которому безъ жены тоскливо жить. Для собиранія русской пѣсни было бы очень важно привлечь къ участию мѣстныхъ деревенскія силы и именно крестьянъ стариковъ, обѣщая имъ какія нибудь награды; необходимо также организовать поѣздки, которыя предварительно устанавливали бы и намѣчали пункты для собиранія пѣсенъ. Въ засѣданіи были воспроизведены на фонографѣ многія записанныя Е. Э. Линевою причитанія, красивыя по своимъ напѣвамъ, и двѣ хоровыя свадебныя пѣсни: «Вечере, вечере» и «Тысяцкій, ты бояринъ большой». II. 14-го ноября, П. Г. Игнатовъ сдѣлалъ сообщеніе объ изслѣдованіи Телецкого озера. Экспедиція къ берегамъ этого озера была снаряжена географическимъ обществомъ лѣтомъ нынѣшняго года подъ начальствомъ докладчика. Телецкое озеро, называемое Алтынъ-Коль (золотое дно), находится въ сѣверо-восточной части Алтая на высотѣ болѣе 1.500 футовъ; о существованіи этого озера извѣстно уже очень давно, болѣе или менѣе же подробныхъ свѣдѣній о немъ мы не имѣли до сихъ поръ, благодаря малоприступности его скалистыхъ береговъ; между тѣмъ Телецкое озеро интересно, какъ часть того горнаго бассейна, изъ котораго беретъ начало одна изъ крупнѣйшихъ нашихъ рѣкъ—Обь. Экспедиція всесторонне изслѣдовала само Телецкое, его глубину, температуру и составъ воды, составъ дна, флору, фауну, дельты впадающихъ рѣкъ, а также нѣкоторыя изъ сосѣднихъ озеръ; изъ рѣкъ, питающихъ Телецкое озеро, экспедиція главнымъ образомъ обратила вниманіе на рѣку Чулышманъ. Телецкое озеро по своей формѣ крайне изогнуто, длина его около 75 верстъ, ширина же очень разнообразна, отъ 150 сажень до 5 верстъ, глубина достигаетъ 150 сажень, при чемъ вода очень прозрачна; берега озера необитаемы, скалисты, иногда совершенно отвѣсны, такъ что текуція въ него рѣки образуютъ многочисленныя водопады; озеро обильно рыбой—особый видъ сельди, таймень и другіе; въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ Телецкому озерахъ встрѣчается неизвѣстная намъ порода рыбы. Собранныя экспедиціей богатая коллекція ботаническихъ, геологическихъ и зоологическихъ образцовъ, а также фотографическія снимки озера и окрестностей, предоставлены были при чтеніи обзорнѣю публики. III. Въ состоявшемся 23-го ноября подъ предсѣдательствомъ Д. П. Семенова засѣданія по отдѣленію статистики, дѣйствительнымъ членомъ общества И. И. Бокомъ былъ доложенъ проектъ устройства «областного народно-хозяйственнаго музея», выработанный специально для этого составленною комиссіей.

Проектъ говоритъ: у насъ вообще музеевъ еще немного, а существующіе мало доступны народу, да и мало пригодны для лицъ не подготовленныхъ. Въ виду этого очень желательно создать у насъ типъ наиболѣе полезнаго для народа музея, гдѣ каждый могъ бы почерпать необходимыя свѣдѣнія въ доступной формѣ. Такіе музеи нужно сооружать въ городахъ, къ которымъ наиболѣе тяготеетъ населеніе по своему общественному строю. Такимъ ближайшимъ административнымъ центромъ является губернскій городъ. Каждая губернія должна самостоятельно собирать и изучать сырой матеріалъ по всѣмъ отраслямъ народнаго хозяйства, связывать же собранный матеріалъ необходимо въ одномъ главномъ центрѣ—Петербургѣ. Нельзя не придать большого практическаго значенія и точному изслѣдованію нашей общины, что только и можетъ дать намъ заключеніе о ея цѣлесообразности. Проектъ программы народно-хозяйственнаго музея включаетъ въ себѣ 16 отдѣловъ: границы и величина области, литература, климатъ, гидрографія, орографія, населеніе (движеніе населенія), исторія и этнографія, земледѣліе, садоводство, скотоводство, лѣсоводство, охота и рыболовство, промышленность и торговля, управление, церковь, языкъ, науки и искусства. Всѣ эти отдѣлы будутъ сопровождаться статистическими данными, графическими и картографическими изображениями. IV. Въ засѣданіи по отдѣленіямъ географіи математической и физической, состоявшемся 27-го ноября подъ предсѣдательствомъ И. В. Мушкетова, было сдѣлано сообщеніе Н. И. Пузыревскаго: «Сырѣ-Дарья, ея физическія свойства и судоходность». Докладчикъ былъ командированъ министерствомъ путей сообщенія на рекогносцировку вышеуказанной рѣки, послѣ сдѣланнаго въ 1900 году изысканія Оренбурго-Ташкентской дороги, въ цѣляхъ опредѣленія подводной способности рѣки и возможности устройства пристани на Аральскомъ морѣ. Сырѣ-Дарья, называемая въ верхнемъ теченіи Нарыма, получаетъ начало свое съ Тянь-Шана и, начиная съ Чиназа (при впаденіи Кары-Дарьи), становится возможной для судоходства. Въ настоящее время судоходство на Сырѣ-Дарьѣ только слявное. Занимаются имъ съ помощью самыхъ примитивныхъ судовъ, каюковъ, преимущественно уральскіе казаки; между тѣмъ еще въ 1870-хъ годахъ у насъ тамъ была значительная флотилія, состоявшая изъ нѣсколькихъ пароходовъ и баржъ. Какъ не окупающая расходовъ по своему содержанію, эта аральская флотилія была уничтожена. Изслѣдованія Сырѣ-Дарьи привели докладчика къ заключенію о возможности устройства на ней судоходства, аналогичнаго съ такимъ же на Дону, т.-е. буксирнаго, только съ пароходами немного болѣе сильнаго типа. Среднее время прохода по рѣкѣ высчитывается въ 242 дня. Затѣмъ, предсѣдатель метеорологической комиссіи профессоръ Воейковъ сообщилъ извѣстное уже заключеніе комиссіи о способѣ предсказанія погоды г. Демчинскаго. На предложеніе предсѣдателя высказаться по поводу доклада комиссіи выступилъ г. Величкинъ, который предлагалъ сильнѣе мотивировать ненужность проектированныхъ г. Демчинскимъ метеорологическихъ наблюденій, но въ то же время находилъ, что комиссіи не слѣдовало сводить въ своемъ докладѣ значеніе луны для погоды почти къ нулю, что это вопросъ еще открытый, и онъ, г. Величкинъ, имѣетъ основаніе думать, что луна играетъ немалую роль. Замѣчаніе

г. Величина принято къ свѣдѣнію. Затѣмъ предсѣдатель собранія въ краткой рѣчи сказалъ, что вопросъ о теоріи г. Демчинскаго можетъ считаться для географическаго общества исчерпаннымъ. Географическое общество съ сочувствіемъ встрѣтило первые шаги г. Демчинскаго на поприщѣ открытія новыхъ путей въ метеорологіи. Къ сожалѣнію, скоро стали возникать сомнѣнія въ успѣшности занятій г. Демчинскаго, а теперь эти сомнѣнія уже перешли для общества въ полную увѣренность въ безілезности работъ г. Демчинскаго. Въ заключеніе предсѣдатель предложилъ выразить благодарность метеорологической комиссіи и г. Грибоѣдову за ихъ труды по выясненію вопроса.

Общество Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ. I. Годичное собраніе общества Нестора-лѣтописца происходило 27-го октября въ университетѣ св. Владиміра. Секретарь общества прочелъ отчетъ за 29-й годъ существованія общества, изъ котораго видно, что въ настоящее время числится 145 членовъ, въ томъ числѣ 21 почетныхъ. Составъ правленія прежній, съ предсѣдателемъ Н. П. Дашкевичемъ и товарищемъ А. М. Лазаревскимъ. Всѣхъ засѣданій было 14, и было прочитано 28 научныхъ сообщеній по исторіи, литературѣ и археологіи. Общество продолжало изданіе своихъ Чтеній, которыя за истекшій годъ получили болѣе широкое развитіе и стали выходить 3-мѣсячными книжками. Для чествованія памяти Н. В. Гоголя въ февралѣ 1902 года, избрана особая комиссія по составленію сборника и устройству выставки въ память великаго писателя, при чемъ университетомъ дана довольно значительная субсидія. Библиотека общества заключаетъ 2.297 названій въ 5.174 томахъ, а также много рукописей и другихъ предметовъ. Средства общества къ 27-му октября сего года—2.746 рублей. Затѣмъ Н. П. Дашкевичъ прочелъ рѣчь «О литературныхъ стремленіяхъ XIX вѣка». II. 21-го февраля 1902 года, день пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя, общество постановило ознаменовать: 1) устройствомъ торжественнаго засѣданія 21-го февраля 1902 года въ залѣ торжественныхъ собраній университета съ чтеніемъ рѣчей, посвященныхъ литературному творчеству покойнаго великаго писателя; 2) устройствомъ выставки портретовъ Н. В. Гоголя, разныхъ предметовъ, принадлежащихъ ему, изданій его сочиненій, гравюръ, видовъ мѣстностей родины писателя и т. п. и 3) устройствомъ ряда публичныхъ чтеній, посвященныхъ Н. В. Гоголю. Выставка продлится три дня—20-го, 21-го и 22-го февраля въ зданіи университета. Чтенія публичныхъ лекцій, которыя предполагаются платными, будутъ происходить въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, также въ университетѣ. Кромѣ того, ко дню пятидесятилѣтія кончины Н. В. Гоголя будетъ выпущенъ въ свѣтъ «Юбилейный сборникъ въ память Н. В. Гоголя». Въ сборникъ войдутъ статьи разныхъ авторовъ, рѣчи, прочитанныя въ торжественномъ собраніи 22-го февраля. Рѣчи будутъ произнесены: предсѣдателемъ общества Нестора-лѣтописца, профессоромъ Н. П. Дашкевичемъ—«О мировомъ значеніи творчества Гоголя», профессоромъ В. Н. Малининымъ—«О прозаическихъ сочиненіяхъ Гоголя» и приватъ-доцентомъ Лободою—«О драматическихъ произведеніяхъ Гоголя». Въ чтеніи лекцій о Гоголѣ примутъ участіе нѣкоторые изъ мѣстныхъ преподавателей гимназій: г. Шаровольскій—«Первые литературные дебюты Гоголя», г. Бакодоровъ—«Комедіи Гоголя», И. М. Каманинъ—«На-

учныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи», г. Кожинъ—«Гоголь и Мицкевичъ», г. Чаговецъ—«Семейная хроника Гоголя», г. Александровскій—«Гоголь и Бѣлинскій». Предметъ этихъ чтеній послужитъ матеріаломъ также для статей, помѣщенныхъ въ сборникъ, куда также войдутъ статьи: извѣстнаго знатока исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскаго о «Предкахъ Гоголя», профессора Н. И. Петрова объ «Этнографическихъ особенностяхъ въ произведеніяхъ Гоголя» и др. На устраиваемой выставкѣ будутъ разные предметы, принадлежавшіе Н. В. Гоголю, въ томъ числѣ его трость, а также часть переписки Гоголя, хранившаяся до послѣдняго времени у сестры покойнаго писателя, М. В. Гоголь, проживающей въ своемъ хуторѣ Яновщинѣ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Весьма интересенъ также портретъ Гоголя, писанный масляными красками, изображающій его юношей въ мундирѣ студента Нѣжинскаго лицея, гдѣ воспитывался Гоголь. Портретъ этотъ хранится въ библиотекѣ университета. По слухамъ, на предстоящемъ торжественномъ собраніи будетъ присутствовать также сестра Гоголя. Несмотря на свой преклонный возрастъ, она вполне бодрая и рассказываетъ много интересныхъ подробностей изъ жизни брата.

Общество любителей древней письменности 23-го ноября, Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе о бракѣ княжны Мстиславны (1122 г.), о которой въ лѣтописяхъ говорится въ четырехъ-пяти словахъ. Дочь Мстислава и Христины, она была помолвлена за византійскаго наслѣдника престола Алексѣя, первороднаго сына императора Калюяна Комнена. Въ Византіи она получила новое имя Зоя, была коронована, при чемъ получила титулъ севасты, и вѣнчана въ 1122 году. Такъ какъ у нея не было дѣтей, кромѣ одной дечери, императоръ Калюянъ сталъ охлаждвать къ женатому на ней сыну Алексѣю и переносить свою любовь съ Алексѣя на четвертаго изъ сыновей, Мануила, которому, какъ кажется, и намѣревался передать корону. Смерть Алексѣя въ 1142 году, повергая севасту Зою въ глубокій трауръ, развязала руки Калюяну. Остатокъ жизни Зоя проводила не въ монастырѣ, а въ мірѣ, въ обществѣ волховъ и чародѣевъ. Референтъ полагаетъ, что склонность къ чародѣйству Зоя могла вывезти изъ Руси, изъ Кіева, и что она оживила въ Византіи интересъ къ разнаго рода волхованіямъ. Затѣмъ было прочитано Н. П. Кондаковымъ сообщеніе: «Изображенія князя Ярополка Изяславича въ Трирской псалтири». Такъ называемыя Трирскія рукописи хорошо вообще извѣстны западнымъ специалистамъ, но только въ текущемъ году открылось, что въ Твирской псалтири, хранящейся въ чивидальской библиотекѣ, находится пять византійскихъ миниатюръ, которыя относятся къ XI вѣку и изъ которыхъ двѣ съ изображеніями русскаго князя (одна изъ этихъ послѣднихъ миниатюръ имѣетъ подпись, сдѣланную славянскими буквами). Основываясь на снимкахъ, исполненныхъ въ краскахъ, по порученію императорской академіи наукъ г. Северьяновымъ, и на данныхъ нѣмецкаго изданія Трирской псалтири, докладчикъ представилъ свои соображенія объ этихъ миниатюрахъ. Въ послѣдней части сообщенія Н. П. Кондаковъ остановился на разборѣ самыхъ миниатюръ. Нѣмецкіе издатели Трирской псалтири склонны считать упомянутыя 5 миниатюръ имѣющими ближайшую связь съ современными имъ русскими миниатюрами и

въ частности съ миниатюрами Остромирова Евангелія и Святославова сборника, но, по мнѣнію Н. П. Кондакова, византійскій стиль въ названныхъ миниатюрахъ такъ выдержанъ, что рѣчь должна собственно итти только о томъ, исполнены ли онѣ грекомъ или хорошимъ ученикомъ греческаго каллиграфа. Отмѣченныя докладчикомъ отступленія отъ византійскаго канона миниатюристовъ заставляютъ его склониться къ мысли, что миниатюры исполнены не грекомъ. Въ заключеніе Н. П. Кондаковъ указалъ, что, не имѣя своеобразнаго характера миниатюры Остромирова евангелія и Святославова сборника, миниатюры Трирской рукописи тѣмъ не менѣе имѣютъ важное значеніе. Особое вниманіе докладчикъ обратилъ на костюмъ и головной уборъ князя на миниатюрѣ, изображающей вѣнчаніе его на великокняженіе (Ярополкъ не дожилъ до вѣнчанія на великокняженіе, но, вѣроятно, мать его велѣла изобразить вѣнчаніе на основаніи буллы, данной Ярополку паню): корона на князѣ не императорская, а какъ у 3-го или 4-го чина; мантия подбита горностаемъ, какъ у чина герцогскаго достоинства; кафтанъ орнаментированъ, не какъ у императора и даже не какъ у первыхъ чиновъ и т. п.

Библиологическое общество. 15-го ноября состоялось общее собраніе русскаго библиологическаго общества. Собранію доложенъ былъ отчетъ Н. М. Лисовскаго о дѣйствіяхъ образованной подъ его предсѣдательствомъ особой комиссіи для выработки программы чествованія предстоящаго двухсотлѣтняго юбилея русскои печати. Комиссіей намѣчена широкая программа юбилейнаго празднованія, для выполненія которой проектируется организовать особый комитетъ изъ представителей разныхъ ученыхъ обществъ и повременной печати. На посланныя въ этомъ смыслѣ предложенія уже полученъ отъ нѣкоторыхъ обществъ благопріятный отвѣтъ. Библиологическое общество съ своей стороны, кромѣ устройства посвященнаго юбилею торжественнаго собранія, намѣрено издать соответствующаго содержанія сборникъ. Затѣмъ Ѡ. А. Витбергъ прочитанъ былъ рефератъ «Проектъ архива дома Романовыхъ». Отмѣтивъ возрастаніе въ русскомъ обществѣ интереса къ родной старинѣ, выразившееся въ учрежденіи множества ученыхъ обществъ, архивныхъ комиссій, музеевъ разныхъ типовъ и такъ далѣе, референтъ развивалъ мысль о желательности создать архивъ августѣйшей фамиліи Романовыхъ. По мнѣнію референта, такой архивъ-музей давалъ бы весьма интересное освѣщеніе нѣкоторыхъ знаменательныхъ событій русскои исторіи, на примѣръ, девятнадцатаго февраля, иллюстрированнаго въ безчисленныхъ варіаціяхъ лубочными картинками, которыя теперь уже составляютъ рѣдкость. Далѣе А. Э. Мальмгренъ прочелъ докладъ «О Галсальскомъ архивѣ». Референтомъ обследованъ былъ лѣтомъ нынѣшняго года въ Галсаль архивъ городской думы и лютеранскои церкви. Городъ этотъ подвергался частымъ разграбленіямъ, большая часть архивовъ погибла, а часть перевесена въ 1888 г. въ Ревель. Въ архивѣ лютеранскои церкви хранятся впрочемъ нѣкоторые сборники документовъ XVII и XVIII столѣтій и церковно-статистическія свѣдѣнія. Все это имѣетъ преимущественно мѣстное значеніе, хотя нѣкоторые документы интересны для исторіи вообще Прибалтійскаго края XVII—XVIII столѣтій, когда Галсаль принималъ участіе въ борьбѣ Швеціи и Россіи. Нако-

нецъ президентомъ общества А. М. Ловягинымъ объявлено было объ избраніи академика Вл. Ив. Ламанскаго въ почетные члены общества. Заявленіе это покрыто было единодушными аплодисментами. Въ дѣйствительные члены избраны В. Θ. Мушниковъ, В. М. Грибовскій и В. К. Савеловъ.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. I. Общее собраніе, подъ предѣдательствомъ графа И. П. Толстого, состоялось 8-го ноября. Большинствомъ голосовъ въ члены медальной комиссіи избраны: проф. баронъ В. Р. Розень, директоръ археологическаго института проф. Н. В. Покровскій, проф. Н. И. Веселовскій, академикъ Н. П. Кондаковъ и С. Θ. Ольденбургъ. Открывая засѣданіе, предѣдатель предложилъ почтить вставаніемъ память умершихъ членовъ общества: И. П. Корнилова, И. Е. Троицкаго, И. Н. Жданова и М. И. Сухомянова. И. П. Покрышкинъ прочелъ рефератъ о «церквахъ въ Месемвріи». Церкви этого нѣкогда важнаго торговаго порта Византіи на Черномъ морѣ представляютъ собою остатки весьма художественныхъ произведеній архитектуры XIII — XIV столѣтій. Въ Месемвріи находится до 20 храмовъ въ развалинахъ. Осада русскими этого пункта въ 1830 и 1878 гг. и бомбардировка берега причинили огромныя опустошенія среди остатковъ древнихъ храмовъ. Референтъ лѣтомъ 1900 г. изучилъ тщательно эти остатки строеній и произвелъ съ нихъ множество фотографическихъ снимковъ, послужившихъ иллюстрацію доклада. Съ особенными подробностями референтъ описалъ устройство церкви «Пандакратора», расположенной на островкѣ въ Бургасскомъ заливѣ. Какъ церкви, такъ и другія постройки строились здѣсь прямо на скалистой почвѣ. Камень въ качествѣ строительнаго матеріала преобладаетъ, хотя кладка типа византійскаго (перемежающійся камень и кирпичъ). Расположеніе церквей на морскомъ берегу чрезвычайно живописно. Разрушенныя колонны кое-гдѣ замѣнены бревнами. Изъ особенностей построекъ референтъ отмѣтилъ: парусные своды, деревянныя связи, заложенныя глубоко въ кладку, голосники (горшки въ стѣнахъ съ отверстіемъ) и пр. Въ обсужденіи деталей построекъ приняли участіе: проф. Н. В. Покровскій, академикъ Н. П. Кондаковъ, князь П. А. Путятинъ и др. Затѣмъ произведены были выборы въ члены общества; избраны С. О. Цибульскій и Е. Н. Минхъ. II. Засѣданіе восточнаго отдѣленія происходило 22-го ноября подъ предѣдательствомъ проф. Н. И. Веселовскаго. Въ дополненіе къ возбужденному въ предыдущихъ засѣданіяхъ вопросу о впаденіи рѣки Амуръ-Дарья въ Каспійское море князь П. А. Путятинъ указалъ на существованіе одной карты времени Петра Великаго. На картѣ упомянутая рѣка представлена вливающейся въ Каспійское море. А. Погонинъ прочелъ рефератъ, основанный на изученіи греческихъ надписей, найденныхъ въ Крыму, въ которомъ доказывалъ существованіе евреевъ въ древнемъ Босфорскомъ царствѣ и столицѣ его Пантикапееѣ (нынѣшней Керчи) еще въ IV вѣкѣ до Р. Х. Определенное указаніе о еврейской синагогѣ относится, однако, уже ко времени 80-хъ г. по Р. Х. Надписи проливаютъ свѣтъ и на нѣкоторыя стороны еврейскаго быта. Селясь въ Босфорскомъ царствѣ, евреи оставляли въ большинствѣ случаевъ свои имена и принимали греческія. Излюбленное имя было Друзъ. Надпись на одной могильной плитѣ гласитъ: «Друзъ сынъ Мессія», указывая на мессіанскія надежды евреевъ періода римлянъ,

Проф. Н. И. Веселовскій подтвердилъ, что и результаты раскопокъ ясно доказываютъ фактъ пребыванія евреевъ въ Крыму; центромъ ихъ была древняя Фанагорія. Второй докладъ иностраннаго корреспондента общества А. Грюнведела, написанный по-русски самимъ авторомъ, прочтенъ былъ секретаремъ отдѣленія С. Ѡ. Ольденбургомъ. Докладъ снабженъ рисунками и составляетъ описаніе любопытной малоизвѣстной сіамской книги «Трай-пумъ» (три міра), написанной въ 1773 г. Длина книги 20 метровъ, ширина 1 метръ. Хранится она въ Берлинскомъ музеѣ. Три міра, ею описываемые, это небо, земля и адъ. Большинство рисунковъ изображаютъ главныя сцены изъ жизни Будды.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 10-го ноября состоялось за-сѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда подъ почетнымъ предѣдательствомъ предѣдателя императорскаго Московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой. Профессоръ Д. И. Багалѣй ознакомилъ съ результатами дѣятельности комитета за прошлый отчетный годъ и остановился на нуждахъ комитета по подготовкѣ выставокъ при археологическомъ съѣздѣ, а равно на тѣхъ изданіяхъ, которыя готовятся къ съѣзду. Графиня П. С. Уварова выразила надежду на то, что комитету придетъ на помощь императорскій Харьковскій университетъ, харьковское городское общественное управленіе, губернское земство и губернское управленіе: первые—въ устройствѣ выставокъ, а послѣднее въ печатаніи каталога выставки, и общаго содѣйствіе и помощь комитету со стороны Московскаго археологическаго общества, которое кромѣ матеріальной помощи въ дополненіе къ изданіямъ комитета, историко-филологическаго общества, харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, — приготовить изданіе матеріала, доставленнаго харьковскимъ предварительнымъ комитетомъ: а) трудъ Б. С. Познанскаго «О малороссійской одеждѣ», б) г. Левицкаго «О древностяхъ Путивля». Въ дополненіе къ докладу Д. И. Багалѣя о предметахъ предстоящей выставки, секретаремъ мѣстнаго статистическаго комитета, В. В. Ивановымъ, было сдѣлано сообщеніе о новомъ матеріалѣ для этнографическаго отдѣла выставки, который будетъ представленъ харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, — о планахъ на усадебныя мѣста отдѣльныхъ поселеній Харьковской губерніи. По предложенію харьковскаго губернатора, городскими управленіями и земскими начальниками доставляются въ статистическій комитетъ копіи съ имѣющихся плановъ на отдѣльныя поселенія. До настоящаго времени получено около 50-ти плановъ. Профессоръ М. Г. Халанскій прочелъ докладъ о своей поѣздкѣ въ Курскую губернію съ археологической и этнографической цѣлью лѣтомъ 1901 г. Въ юнѣ 1901 г. М. Г. Халанскій посѣтилъ въ Курской губерніи гор. Путивль и села Линовъ (Путивльскаго уѣзда), Будановку (Курскаго уѣзда) и Гузино (Тимскаго уѣзда). Въ Путивлѣ онъ сосредоточилъ свои изслѣдованія на рукописяхъ Маклаковской бібліотеки и на знаменитомъ надгробномъ камнѣ съ именемъ князя Василія, относимомъ къ XIII вѣку. Изъ рукописей бібліотеки Маклакова М. Г. Халанскій изслѣдовалъ Провлемата — трактатъ по физиологій, медицинѣ и гигиенѣ, изданный въ Краковѣ въ 1567 году типографомъ Схарфейбергомъ. Извѣстные донынѣ русскіе списки Провлемата, находящіеся въ Порѣчской бібліотекѣ гр. Уваровыхъ, относятся къ XVII вѣку и предполагаютъ

изданный въ Краковѣ оригиналь, которымъ, повидимому, и является рукопись Путивльской библіотеки Маклакова. Много затрудненій пришлось преодолѣть М. Г. Халанскому для того, чтобы установить правильную точку зрѣнія на знаменитый въ мѣстной исторіи гор. Путивля камень съ именемъ князя Василія. Надпись на камнѣ полустерта, и для возстановленія ея изслѣдователю пришлось прибѣгнуть къ пособію двухъ другихъ надгробныхъ плитъ, аналогичныхъ по характеру и приѣмамъ письма съ первой, найденныхъ при раскопкѣ подполья Преображенской церкви и въ настоящее время вдѣланныхъ въ основаніе лѣвой арки этой церкви. Послѣ промывки поверхности камня и путемъ сличеній его съ двумя другими указанными надгробными плитами, опредѣленно относящимися къ XVII в., М. Г. Халанскому удалось точно установить вѣкъ, къ которому относится надпись: XVII вѣкъ. Годъ точно опредѣлить не оказалось возможнымъ, но приблизительно онъ или 7143 или 7153 отъ сотворенія міра, т. е. 1635 или 1645 отъ Р. Хр. Находящаяся въ надписи слова: князя Василія, по всей видимости, нанесены позднѣе какимъ либо мѣстнымъ путивльскимъ ученымъ патріотомъ, въ 30—40-е годы XIX столѣтія съ цѣлью мистифицировать связь Слова о полку Игоревѣ и одного изъ героевъ, воспѣтыхъ въ этомъ произведеніи съ городомъ Путивлемъ. Первоначальное предположеніе, возникшее въ Путивлѣ, о значеніи надписи на камнѣ касалось именно Владиміра (Василія) Игоревича, удѣльнаго князя Путивльскаго XII вѣка. Въ селѣ Линовѣ М. Г. Халанскій продолжалъ свои прошлогоднія занятія говоромъ мѣстныхъ крестьянъ, называемыхъ въ Путивльскомъ уѣздѣ горюнами. По мнѣнію докладчика, «горюны», вѣроятно, старинные жители данной мѣстности, поселившіеся здѣсь еще въ пору литовско-польскаго владычества, приписанные, можетъ быть, позднѣе къ Молченскому монастырю и поэтому названные «горюнами», т. е. горемыками. По языку горюны занимаютъ переходное мѣсто отъ южно-великоруссовъ къ бѣлоруссамъ. М. Г. Халанскій приобрѣлъ въ Линовѣ очень интересный женскій горюнскій костюмъ, который будетъ демонстрированъ на имѣющей быть при сѣздѣ выставкѣ. Въ селѣ Будановкѣ, Курскаго уѣзда, и нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему селахъ Курскаго и Фатежскаго уѣздовъ, входившихъ въ районъ владѣній Коренскаго монастыря, живутъ саяны. М. Г. Халанскій занимался изученіемъ и говора саяновъ, повѣряя свои прежнія наблюденія и сдѣланныя студентомъ Харьковскаго университета, г. Федоровскимъ. Вопреки мнѣнію г. Добротворскаго, отождествлявшаго «горюновъ» и «саяновъ», М. Г. Халанскій устанавливаетъ существенную разницу между тѣми и другими: саяны чистые южно-великоруссы, измѣняющіе окончанія именъ прилагательныхъ и мѣстоименій — ого, его въ ова или ива и ива, чего у горюновъ не бываетъ. Горюны — чистые «егуны», т. е. говорятъ яго, мого и т. д. Женщины-саянки носятъ старинные костюмы, очень цѣнные и весьма любопытные для археологіи русскаго быта. Одинъ такой женскій костюмъ приобрѣтенъ докладчикомъ и будетъ выставленъ на сѣздѣ. Изъ Будановки М. Г. Халанскій проѣхалъ въ Гущино, Тимскаго уѣзда, но нашель говоръ гушинскихъ крестьянъ сходнымъ съ говоромъ щигровскихъ крестьянъ, образцы котораго имъ ранѣе представлены. Послѣ доклада о своей поѣздкѣ М. Г. Халанскій доложилъ комитету о получен-

ныхъ имъ трудахъ по исторіи и археологіи Путивля г. Левицкаго (Исторія Путивля и о Путивльскои иконѣ Божіей Матери) и г. Рябинина (о Преображенской церкви гор. Путивля) и объ ожидаемомъ трудѣ г. В. В. Кобелецкаго — карта кургановъ Путивльскаго уѣзда. Первые три труда рѣшено печатать частію въ Трудахъ харьковскаго предварительнаго комитета, частію (Исторія гор. Путивля) въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества. По предложенію М. Г. Халанскаго избранъ въ члены комитета В. В. Кобелецкій, пожертвовавшій университету для археологическаго съѣзда цѣнную коллекцію древнихъ монетъ, найденныхъ въ гор. Путивлѣ. Г-жа А. Я. Ефименко познакомила съ результатами своихъ изслѣдованій «стоянокъ» на лѣвомъ берегу Донца, противъ с. Кочетка. Культурный слой помѣщается подъ верхнимъ сыпучимъ пескомъ, онъ до 1 аршина толщины. Докладчицей, кромѣ трехъ стоянокъ, найдена стоянка — мастерская по выдѣлкѣ кремневыхъ орудій — на правомъ берегу р. Бабки. На стоянкахъ найдены — каменные орудія разнообразной величины и формы: ножи, скребки, кремневые орудія, стрѣлы и др. Кромѣ того, стрѣлы бронзовыя, желѣзныя, фрагменты глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые орнаментированы; пряслица, бусы и кольцо изъ крученной бронзовой проволоки. Профессоры Е. К. Рѣдинъ и Д. И. Багалъй доложили: 1) увѣдомленіе рыльскои уѣздной земской управы о назначеніи еѹ 50 рублей для приобрѣтенія въ уѣздѣ старинныхъ предметовъ для выставки при съѣздѣ; 2) полтавскаго губернскаго земскаго собранія — о назначеніи для той же цѣли — 300 рублей (пересланы полтавской комиссіи по устройству XII археологическаго съѣзда), 3) екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія о назначеніи 200 рублей для той же цѣли (на эти деньги и тѣ, что будутъ отпущены Славяносербскимъ уѣздомъ, — комитетомъ поручено Е. П. Радаковой приобрѣтеніе этнографическихъ памятниковъ въ предѣлахъ Екатеринославской губ. — для поступленія ихъ на выставку и въ этнографическій музей (при историко-филологическомъ обществѣ Харьковскаго университета); 4) увѣдомленіе наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска о передачѣ ассигнованныхъ областнымъ управленіемъ 500 рублей на расходы по археологическимъ изысканіямъ — обществу любителей изученія Кубанской области; 5) увѣдомленіе земскаго начальника 9-го стана Бердянскаго уѣзда о присылкѣ комитету бронзоваго наконечника стрѣлы и верхняго конца плечевой кости, вѣроятно, мамонта, 29 фун. вѣсомъ (переданы въ музей для выставки); 6) благодарность г. Татищева за избраніе его въ члены комитета; 7) о присылкѣ г-жей Томлиной фотографій съ каменныхъ бабъ, находящихся въ слободѣ Мантуровѣ, Тимскаго уѣзда, въ ея саду, и съ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ; 8) о присылкѣ ученикомъ 6-го класса 1-й гимназіи г. Денисовымъ въ даръ комитету и музею: векселя 1814 года и трехъ фотографій съ каменныхъ бабъ, ученикомъ Элькиндои одной фотографіи съ каменной бабы и г. Кулаковымъ (Харьковъ) древняго описанія явленія Ахтырской чудотворной иконы Богоматери; 9) сообщеніе Я. О. Баляснаго о нахожденіи двухъ каменныхъ бабъ близъ Новаго Мерчика въ имѣніи г. Духовскаго; 10) сообщеніе Гусева о приготавливаемомъ ко времени съѣзда «Путеводителѣ по гор. Харькову» съ иллюстраціями и просьбу о редакціи комитетомъ текста (рѣшено просьбу исполнить и

приобрѣсти у г. Гусева 100—150 экз. «Путеводителя» для раздачи гг. депутатамъ); 11) объ открытой комитетомъ подпискѣ на изданіе «Южно-русскій орнаментъ» по матеріалу, собранному г-жей Литвиновой: цѣна экземпляра 2 рубля, чистый сборъ поступитъ въ пользу этнографическаго музея при историко-филологическомъ обществѣ Харьковскаго университета (бывшіе въ засѣданіи комитета члены подписались на 17 экземпляровъ); 12) сообщеніе о древностяхъ въ селѣ Муравномъ, Ахтырскаго уѣзда (у Л. Я. Бразеля), въ Черленовской волости, Лебединскаго уѣзда, въ Старобѣльской волости. Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, сдѣлавшимъ ему сообщенія и приславшимъ въ даръ и для выставокъ предметы древности, искусства. Въ члены комитета избраны: П. И. Харитоненко, Г. М. Линтваревъ, В. Е. Данилевичъ, Е. М. Духовской, г. Ильинскій (Курскъ). Профессоръ Д. И. Багалъій доложилъ о проектѣ, исходящемъ отъ нѣкоторыхъ членовъ губернской земской управы — устроить рядъ лекцій для народныхъ учителей по первобытной археологіи, археографіи, церковной археологіи, этнографіи, исторіи края съ объясненіемъ предметовъ, которые будутъ на выставкахъ при археологическомъ съѣздѣ. Г. М. Линтваревъ обратился къ комитету съ просьбой о прочтеніи подобныхъ лекцій на выставкахъ для учителей, которые будутъ въ августѣ мѣсяцѣ въ Харьковѣ на педагогическихъ курсахъ. Комитетъ, принимая во вниманіе тотъ трудъ, который народные учителя приняли на себя по собиранію различныхъ свѣдѣній для археологическаго съѣздахъ, и сознавая важность распространенія историко-археологическихъ знаній, рѣшилъ просить членовъ комитета и членовъ XII археологическаго съѣзда, специалистовъ по различнымъ областямъ археологіи о прочтеніи ими вышеуказанныхъ лекцій для народныхъ учителей на выставкахъ при археологическомъ съѣздѣ.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 10-го декабря состоялось очередное общее собраніе, въ которомъ между прочимъ обсуждался вопросъ объ ознаменованіи исполняющагося 2-го октября 1902 года 350-лѣтія взятія Казани. Послѣ продолжительныхъ преній было рѣшено: вмѣсто издаваемыхъ обществомъ «Извѣстій» (двухмѣсячный журналъ) напечатать въ 1902 году сборникъ, сохраняющій имя и внѣшность этого органа («Извѣстія. Томъ XVIII»), но не имѣющій характера періодичности (что не мѣшаетъ ему быть раздѣленнымъ на обычное число выпусковъ). Содержаніе будущаго сборника пока определено только въ самыхъ общихъ чертахъ; сюда должны войти статьи, касающіяся послѣднихъ временъ самостоятельности Казанскаго царства, взаимныхъ отношеній ислама и христіанства во вновь покоренномъ краѣ, колонизаціи послѣдняго русскими и т. п.; сверхъ того, предполагается въ этомъ же сборникѣ напечатать списокъ казанскихъ воеводъ и губернаторовъ съ краткими замѣтками объ ихъ служебной дѣятельности и матеріалы по генеалогіи казанскаго дворянства. Для изданія этого сборника избрана особая комиссія. Изъ трехъ научныхъ сообщений, внесенныхъ въ программу засѣданія, было сдѣлано два: члена-сотрудника общества, о. І. Шестакова «Свадебные обычаи инородцевъ-пермяковъ Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи» и дѣйстви-

тельного члена А. А. Сухарева «Къ вопросу о бытѣ татарь-мусульманъ Казанскаго уѣзда (путевыя наблюденія)». Первый изъ названныхъ докладовъ вызвалъ среди членовъ общества оживленныя пренія, результаты которыхъ свелись къ нѣкоторымъ недоразумѣнїямъ относительно принадлежности пермякамъ свадебнаго ритуала, описаннаго въ рефератѣ о. Шестакова. Къ сожалѣнїю, выяснить эти недоразумѣнїя, благодаря отсутствію въ засѣданіи автора доклада, не удалось. Съ особымъ интересомъ было выслушано второе сообщеніе. Находясь по роду своей дѣятельности (земскаго врача) въ частомъ соприкосновеніи съ крестьянскимъ населеніемъ Казанскаго уѣзда, г. Сухаревъ не пропускалъ случая знакомиться со всѣми подробностями быта мѣстныхъ жителей, значительную долю которыхъ составляютъ татары. Исходя изъ антропологической точки зрѣнїя, авторъ доклада, однако, сообщилъ множество любопытныхъ свѣдѣнїй чисто этнографическаго характера, иллюстрируя свое сообщеніе демонстраціей нѣкоторыхъ предметовъ домашняго обихода татарь. Рефератъ г. Сухарева далъ чрезвычайно живую картину обстановки будничной жизни татарь Казанскаго уѣзда, и потому остается только пожелать, чтобы набросанный имъ очеркъ сдѣлался, при посредствѣ печати, достояніемъ читающей публики.

Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла. 28-го ноября, очень подробно обсуждался подъ предѣдательствомъ В. В. Сабанина вопросъ объ отпускѣ статистико-библиографической комиссіи, образованной при обществѣ, добавочной суммой, въ размѣрѣ 800 рублей, на изданіе общества «Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ свѣтъ». Было рѣшено почти единогласно отпустить въ распоряженіе комиссіи означенную сумму и благодарить предѣдателя комиссіи М. Я. Вилліе и членовъ за ихъ дѣятельность. Постановлено затѣмъ для наибольшаго распространенія изданія общества обратиться съ просьбою ко всѣмъ редакціямъ газетъ и журналовъ о напечатаніи объявленія. Общее собраніе вполне согласилось съ предложеніемъ совѣта — взамѣнъ издаваемыхъ обществомъ бюллетеней, печатаніе которыхъ обходится не дешево, помѣщать свѣдѣнїя о дѣятельности Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла въ журналѣ «Печатное Искусство», издаваемомъ І. І. Леманомъ. По окончаніи собранія состоялась, подъ предѣдательствомъ Г. П. Франка, техническая бесѣда. А. Г. Бремзенъ сдѣлалъ интересный докладъ о важномъ для типографовъ дѣлѣ — смываніи красочныхъ валиковъ новымъ составомъ «лаволь», вмѣсто скипидара. Новый составъ былъ выписанъ изъ Германіи экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ, которая и подвергла его испытанію. Опыты оказались во всѣхъ отношенїяхъ удачными. Благодаря химическимъ свойствамъ «лаволя», при печатаніи не приходилось останавливать машины — какъ при смывкѣ валиковъ скипидаромъ — нѣсколько разъ въ день, и въ общемъ получилось значительно большее число печатныхъ листовъ. При смывкѣ валиковъ «лаволемъ» расходъ сравнительно со скипидаромъ увеличивается на 40%. По изслѣдованіи въ экспедиціи, «лаволь» содержитъ въ себѣ: скипидаръ, бензолъ и гарпіусное мыло. Однако точный составъ «лаволя» не извѣстенъ, такъ какъ изобрѣтатель держитъ его въ секретѣ. Въ виду того,

что выписываніе «лаволя» изъ-за границы, благодаря таможеннымъ условіямъ, обходится не дешево, экспедиція приготовила составъ у себя по слѣдующему рецепту: воды—10 частей, скипидара—2 части и затѣмъ гаршіусное мыло, для приготовления котораго было взято 100 частей гаршіуса, 45 частей воды и 11 частей соды. Кромѣ хорошаго дѣйствія на типографскіе валики, «лаволя» не можетъ вызывать у рабочихъ, занимающихся смываніемъ валиковъ скипидаромъ, такой болѣзни, какъ экзема, которая считается между ними профессиональной.

Пятидесятилѣтіе восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества. 17-го ноября, восточно-сибирскій отдѣлъ императорскаго русскаго географическаго общества праздновалъ пятидесятилѣтіе своей научной дѣятельности. Необходимость въ Сибири учрежденія, въ которомъ могли бы сосредоточиваться и развиваться научныя силы мѣстныхъ изслѣдователей страны, сознавалась еще въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія. Основаніе въ Петербургѣ географическаго общества отозвалось прежде всего въ Сибири и дало толчокъ къ возникновенію въ средѣ сибиряковъ учрежденія, которое поставило бы себѣ задачей всестороннее изслѣдованіе ихъ родины. 6-го апрѣля 1851 года, государь императоръ, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, разрѣшилъ учрежденіе сибирскаго отдѣла географическаго общества, на содержаніе котораго поветѣнно было отпускать ежегодную субсидію въ размѣрѣ 2.000 рублей. 17-го ноября, ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ собственной квартирѣ Н. Н. Муравьева было первое торжественное засѣданіе и открытіе вновь учрежденнаго отдѣла. Основаніе его, по справедливой оцѣнкѣ Венюкова, открыло новые горизонты для изученія востока Азіи и дало новый полетъ русской географической наукѣ. Первые два года самостоятельной жизни новаго учрежденія не представляютъ ничего особеннаго: оно только намѣчало планы для своей дѣятельности, но уже въ 1853 году отдѣлъ снарядилъ первую свою самостоятельную экспедицію на рѣку Вилюй, подъ начальствомъ Маака и топографа Зондгагена. Не мѣшаетъ упомянуть, что съ дѣятельностью новаго отдѣла была тѣсно связана дѣятельность вновь организованнаго, по мысли Муравьева, корпуса топографовъ Восточной Сибири, изъ состава котораго и вышли первые пионеры изученія страны и первые дѣятельные сотрудники вновь открытаго учрежденія. Въ послѣдующіе годы вниманіе отдѣла, какъ и вниманіе вообще всѣхъ географовъ тогдашней эпохи, было отвлечено открытіемъ рѣки Амура и изслѣдованіемъ этой неизвѣстной до тѣхъ поръ области. Цѣнные труды экспедиціи Маака на Амурѣ и Уссури были первыми вкладами въ дѣло научнаго изслѣдованія Амура, вмѣстѣ съ трудами Максимовича, Шренка, Шварца, Шмита, Радде, Венюкова и друг. Труды Витимской и Туруханской экспедицій горнаго инженера Лопатина, Олекминской экспедиціи Крапоткина и Полякова, наконецъ, Чукотская экспедиція барона Майделя внесли въ науку массу неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ данныхъ о географіи и природѣ посѣщенныхъ ими странъ. Нѣтъ возможности въ краткой замѣткѣ упомянуть всѣхъ ученыхъ и путешественниковъ, работавшихъ подъ знаменемъ сибирскаго отдѣла, который въ 1877 году, съ откры-

тѣмъ въ Омскѣ новаго отдѣла, западно-сибирскаго, былъ переименованъ въ восточно-сибирскій. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ нашему времени, тѣмъ труднѣе и труднѣе становится исчисленіе многочисленныхъ изслѣдователей въ русскихъ частяхъ Сибири и прилегающихъ частяхъ Азіи. Извѣстный знатокъ Азіи, Венюковъ, еще въ 1875 году на Парижскомъ географическомъ конгрессѣ представилъ вниманію ученыхъ списокъ русскихъ путешественниковъ за періодъ съ 1854 по 1874 годъ, въ которомъ было болѣе 270 именъ, изъ которыхъ главная масса выпала на Восточную Сибирь и принадлежала членамъ сибирскаго отдѣла. Цѣнная работа послѣдняго и множество неопубликованныхъ результатовъ, въ видѣ собранныхъ матеріаловъ и богатѣйшихъ коллекцій, къ несчастію, потеряны для науки, такъ какъ лѣтомъ 1879 года отдѣлъ постигло большое бѣдствіе: огромное зданіе, занимаемое отдѣломъ, всѣ собранныя многолѣтними трудами его сокровища, единственная по полнотѣ сочиненій о Сибири бібліотека, содержащая изданія Общества и рѣдкія рукописи, подлинныя карты, замѣчательныя по полнотѣ естественно-историческія и этнографическія коллекціи, сдѣлались жертвой пламени. Къ счастью для отдѣла, новый его покровитель, генераль-губернаторъ Анучинъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы возстановить отдѣлъ изъ развалинъ. Благодаря его стараніямъ и отзывчивости мѣстнаго сибирскаго общества, воздвиглось новое зданіе отдѣла, лучшее украшеніе города Иркутска. Научная дѣятельность отдѣла возобновилась съ новою силой. Участіе его въ международной полярной экспедиціи (къ устью р. Лены), содѣйствіе экспедиціи Норденшельда (на Берѣ), работы Черскаго на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири, изслѣдованія Саянъ (Бобыръ и Ячевскій) и превосходныя работы Обручева по геологіи и орографіи Восточной Сибири— все это капитальнѣйшія основы нашихъ знаній объ Азіатскомъ материкѣ. Дальнѣйшія работы Зотопляева, Хангалова, Прейна, Подгорбунскаго, Кроля, Приклонскаго, Сѣрошевскаго и другихъ изданы подъ редакціей Клеменца, Ядрицева и Потанина, являются результатомъ дѣятельности послѣднихъ лѣтъ. Кромѣ періодическихъ Извѣстій, отдѣломъ издано много специальныхъ изслѣдованій, касающихся различныхъ вопросовъ чистой географіи, этнографіи, статистики и естествознанія. Помимо чисто-научной дѣятельности, отдѣлъ съ самаго начала своего существованія поставилъ своею задачей поддерживать нравственныя силы ученыхъ, заѣзжающихъ въ Сибирь, и немногіе труженики, отдававшіе свои силы на изученіе края, находили въ отдѣлѣ нравственную поддержку и спасеніе среди тяжелыхъ условій жизни на окраинѣ. Великій Сибирскій путь приблизилъ Сибирь къ Россіи, открытіе Томскаго университета, казалось, должно бы было нѣсколько парализовать дѣятельность Восточно-Сибирскаго отдѣла, но, вопреки такого рода предположеніямъ, отдѣлъ попрежнему растетъ и развивается, почерпая силы для своей дѣятельности въ томъ же сибирскомъ обществѣ, изъ коего онъ возникъ, и которое его поддерживало въ трудныя минуты его существованія. Въ то время, когда другіе его собратія, въ видѣ отдѣловъ Юго-Западнаго и Сѣверо-Западнаго, уже успѣли закрыться, Восточно-Сибирскій отдѣлъ продолжаетъ не только попрежнему функционировать, но является способнымъ выдѣлять изъ себя кадры и для новыхъ отдѣ-

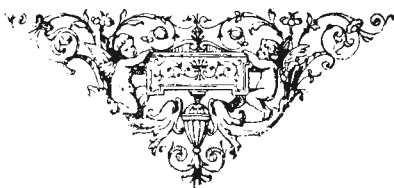
лений, какъ, напримѣръ, въ видѣ общества изученія Амурскаго края. Если первоначальная дѣятельность отдѣла была обязана по преимуществу лицамъ, прибывшимъ изъ Европейской Россіи, то въ настоящее время сибирское общество настолько созрѣло, что уже изъ своей среды дало рядъ дѣятелей по изслѣдованію Сибири, которые съ достоинствомъ поддерживаютъ славу своихъ предшественниковъ.

Десятилѣтній юбилей кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 9 декабря исполнилось десятилѣтіе со дня учрежденія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. По этому случаю, въ собраніи экономистовъ, состоялось торжественное собраніе членовъ кассы. Оно открылось рѣчью предсѣдателя правленія, Я. Н. Колубовскаго. «Къ сожалѣнію, — сказалъ Я. Н., — сегодняшнее торжество носить унылый характеръ, такъ какъ учредитель кассы и ея руководитель сраженъ тяжелымъ недугомъ, и его нѣтъ среди насъ. Я не буду долго распространяться о значеніи кассы, какъ безусловно полезнаго общественнаго учрежденія; достаточно будетъ, если я напому собранію, что касса въ настоящее время является единственнымъ связующимъ элементомъ всѣхъ литераторовъ». Послѣ этого Я. Н. Колубовскій прочиталъ краткую историческую записку о кассѣ, которая напечатана въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Затѣмъ слѣдовало отличавшееся полнотой и обстоятельностью сообщеніе Б. В. Глинскаго: «Г. К. Градовскій, какъ литературный дѣятель». Сообщеніе это будетъ также напечатано въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала. Далѣе были прочитаны воспоминанія члена кассы А. А. Лугового: «Первые шаги кассы». За болѣзнью автора воспоминанія читалъ И. Ф. Василевскій. Затѣмъ было объявлено объ учрежденіи пенсіи имени Г. К. Градовскаго. Капиталъ составляетъ изъ добровольной подписки членовъ кассы. Въ настоящее время собрано уже около 400 рублей. Послѣ этого были прочитаны привѣтственные телеграммы и письма отъ различныхъ учреждений и частныхъ лицъ. Между прочимъ, было прочитано письмо Гр. К. Градовскаго, написанное имъ собственноручно карандашомъ 6-го декабря въ Кіевѣ. Письмо это адресовано на имя исполняющаго обязанности предсѣдателя Я. Н. Колубовскаго: «Многоуважаемый Яковъ Николаевичъ! Сегодня прочелъ извѣстіе, что 9-го декабря состоится общее собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ для празднованія 10-лѣтія существованія ея. Позвольте мнѣ просить васъ быть истолкователемъ моихъ чувствъ передъ этимъ общимъ собраніемъ и примите сами мои поздравленія и глубочайшую благодарность за все сдѣланное и дѣлаемое вами для кассы... Тяжко страдая на смертномъ одрѣ, собираю послѣднія силы, чтобы написать эти строки. Сердечно радуюсь росту кассы въ моемъ отсутствіи... Люди уходятъ, умираютъ, а полезныя учрежденія живутъ, находя новыхъ и лучшихъ дѣятелей. Желаю кассѣ и всѣмъ трудящимся дѣятелямъ ея неизсякаемыхъ силъ и средствъ, дальнѣйшаго, еще болѣе быстрого и плодотворнаго развитія — на пользу родной литературы и русской науки. Пусть наша касса и патронировавшій ее литературный фондъ докажутъ, что русскимъ писателямъ живется, наконецъ, на Руси и долго и хорошо... Много лѣтъ вамъ и всѣмъ подвижникамъ русской литературы и науки. Живите, дѣйствуйте и не поминайте лихомъ несчастнаго умирающаго. Григорій Градовъ»

скій». Далѣе были прочитаны привѣтствія отъ литературнаго фонда, отъ постоянной комисси при академіи наукъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, отъ кіевскаго отдѣленія кассы, отъ «Вѣстника Европы», отъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», отъ «Историческаго Вѣстника», отъ «Новостей», отъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», отъ «Русскихъ Вѣдомостей», отъ «Новостей Дня», отъ совѣта русскаго бібліографическаго общества, отъ изданій Сойкина, отъ изданій Вольфа, отъ С. Н. Кулябки, Ободовскаго, г-жи Михневичъ, Подвысоцкаго и отъ многихъ провинціальныхъ изданій. Послѣ прочтенія телеграммъ начался приемъ депутацій: отъ московскаго отдѣленія кассы, отъ собранія экономистовъ (Бородинъ), отъ журнала «Стрелкоза», отъ журнала «Промышленный Міръ», отъ журнала «Отдыхъ», отъ журнала «Театръ и Искусство» (Далматовъ и Кугель), отъ журнала «Нива», отъ редакціи «Россіи», отъ редакціи «Орловскаго Вѣстника» и отъ многихъ другихъ. Я. Г. Гуревичъ, принося поздравленіе отъ редакціи «Русская Школа», сказалъ приблизительно слѣдующее: чѣмъ дольше будетъ существовать касса, тѣмъ болѣе мы будемъ благодарны ея учредителю, знаменитому публицисту. Когда Г. К. заболѣлъ, и его дѣтище, касса, находилось на смертномъ одрѣ, такъ какъ работы накопилось много, многое нужно было привести въ порядокъ. За это взялся Я. Н. Колубовскій, исполнившій это съ рѣдкой любовью и энергіей. Собраніе, по предложенію Я. Г., выразило благодарность Я. Н. долго несомкавшими, аллодисментами. Далѣе Я. Г. Гуревичъ указалъ, что пенсіонный капиталъ кассы достигъ, благодаря гг. Колубовскому, Нотовичу и Лукину, 45.000 р.

Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II въ Вильнѣ. Высочайше учрежденный, подъ предѣлательствомъ виленскаго губернатора, генерала фонъ-Валя комитетъ по постройкѣ памятника императрицѣ Екатеринѣ II проситъ насъ напечатать слѣдующее заявленіе. Древнее достояніе нашего отечества— Западная Русь, въ силу неблагоприятныхъ историческихъ событій, находилась подъ иноземнымъ игомъ въ теченіе трехвѣкового періода времени. Только въ славное царствованіе императрицы Екатерины II помощь Россіи этой родной окраинѣ могла исполнѣ осуществиться и привела, наконецъ, къ давно желанному воссоединенію Западной Руси съ Русью Московскою. Съ этого момента, подъ скипетромъ русскихъ царей, Западная Русь уже спокойно и твердо ступила на путь свободнаго культурнаго развитія и объединенія съ остальною Россією. Въ память этого знаменательнаго дѣянія великой монархини, Его Императорскому Величеству благоугодно было 9-го февраля 1899 года Высочайше соизволить на открытіе повсемѣстной въ имперіи подписки для сбора пожертвованій на сооруженіе въ г. Вильнѣ, какъ центрѣ края, памятника императрицѣ Екатеринѣ II, «какъ главной виновницѣ возвращенія Россіи отторгнутаго отъ нея Бѣлорусскаго края». Такое монаршее соизволеніе открыло всѣмъ русскимъ людямъ возможность внести свою лепту на это общерусское дѣло, въ которомъ дорогъ не одинъ рубль, а дорога и каждая копейка, присланная со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества, какъ дань священной памяти великой радѣтельницы Русской земли. Стоимость памятника опредѣляется въ 165—170 тысячъ рублей, изъ коихъ недостаетъ еще тысячь пять-

десять. Поэтому комитетъ настоящимъ объявленіемъ доводитъ объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія и проситъ, особенно редакціи періодическихъ изданій, принять живое участіе въ дѣлѣ сбора пожертвованій на сооружаемый въ г. Вильнѣ памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II. Пожертванія, въ какомъ бы размѣрѣ они ни были, могутъ быть сдаваемы въ любое казначейство, или, по желанію жертвователей, высылаемы непосредственно въ комитетъ по постройкѣ памятника, въ г. Вильну.

НЕКРОЛОГИ.

ДАШКОВЪ, Д. Д. 8-го декабря скончался писатель, председатель уфимской земской управы Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ. Покойный, сынъ бывшаго министра юстиціи, образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1861 году; до назначенія своего председателемъ уфимской земской управы Д. Д. Дашковъ прослужилъ три трехлѣтія гласнымъ рязанскаго земства и оказалъ безспорныя заслуги земскому дѣлу. Будучи отличнымъ ораторомъ и живой душой земства, покойный поднималъ немало вопросовъ, относящихся къ дѣятельности земства по народному образованію, по сельскому хозяйству—по осушенію болотъ, лѣсоразведенію, лѣсоохраненію, и его проекты по большей части принимались безирекословно.

Въ литературѣ покойный извѣстенъ, какъ сотрудникъ «Журнала Министерства Народнаго просвѣщенія», «Учителя», «Современной Лѣтописи», «Бесѣды въ обществѣ любителей россійской словесности», «Голоса», «Бесѣды» (С. А. Юрьева), «Вѣстника Европы» и др.

Изъ статей его укажемъ: «Оксфордскій университетъ», «Бесѣды о русской исторіи», «О проектѣ устава низшихъ и среднихъ училищъ», «Продажа банкирскихъ земель», «О положеніи нашихъ народныхъ училищъ», «Вопросъ о посессионныхъ владѣніяхъ», «Стихи и сказанія про Алексѣя Божьяго человека», «О мѣрахъ къ поддержанію мѣднаго производства на южномъ Уралѣ».

Отдѣльными брошюрами изданы слѣдующія произведенія Дашкова: «Какіихъ учительскихъ семинарій намъ не нужно?» (Москва, 1878 г.), «Земское дѣло», «Нѣсколько словъ о начальныхъ народныхъ училищахъ» (Москва, 1871 г.); «Курсы для взрослыхъ» (Рязань, 1889 г.) и др. (Некрологъ его: «Россія» 1901 г., № 947).

† **Змѣевъ, Л. Ф.** 2-го декабря, скончался врачъ-библіографъ Левъ Федоровичъ Змѣевъ. Покойный происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, родился

3 декабря 1832 года въ селѣ Россошахъ, Коротоаякского уѣзда, Воронежской губерніи, воспитаніе получилъ въ воронежской гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета. Выпущенный со званіемъ лѣкаря въ 1857 г., втеченіе трехъ лѣтъ слушалъ лекціи за границей (въ Парижѣ) и по возвращеніи въ Москву выдержалъ докторскій экзаменъ. Съ 1863 по 1869 г. Змѣевъ служилъ врачомъ при кавказскихъ минеральныхъ водахъ, будучи, кромѣ того, пятигорскимъ и георгіевскимъ судебнымъ слѣдователемъ; затѣмъ состоялъ при медицинскомъ департаментѣ, въ 1873—1874 гг. служилъ земскимъ врачомъ въ Коротоаякскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, а въ 1875—1876 гг. снова совершенствовался за границей. Дальнѣйшая служба Змѣева проходитъ снова на Кавказѣ въ должности главнаго врача разныхъ военныхъ госпиталей, отъ которой онъ былъ уволенъ въ 1879 г., и тогда же занялъ мѣсто санитарнаго врача самарскаго губернскаго земства; 15-го сентября 1883 года получилъ степень доктора медицины и въ томъ же году званіе врачебнаго инспектора, послѣ чего служилъ при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Медицинской библіографіей Змѣевъ началъ заниматься еще въ 1860-хъ годахъ, результатомъ явились статьи: «Къ біографіи Н. М. Амбодика» (Максимовича), «Матеріалы для біографіи Дядьковскаго», «Очеркъ иностранной медицинской журналистики въ Россіи», «Біографія Л. Е. Піотрашко», «Бібліографическій указатель по русской бальнеологіи», «Списокъ сочиненій Я. А. Чистовича» и полезное справочное изданіе «Русскіе врачи-писатели». Изъ трудовъ Змѣева чисто медицинскихъ извѣстны статьи: «Объ эпидеміяхъ въ Кисловодскѣ», «Нѣсколько данныхъ для изученія низшихъ водорослей въ кавказскихъ минеральныхъ водахъ», «Къ вопросу о сущности патолого-гистологическихъ измѣненій въ мѣстѣ искривленія матки», «Медико-топографическое описаніе народонаселенія Бугульминскаго уѣзда, Самарской губерніи», «Кто сдѣлалъ первое вскрытіе холернаго трупа въ Европѣ?» и проч. Кромѣ того, Змѣевъ напечаталъ нѣсколько статей по пчеловодству въ «Трудахъ императорскаго вольнаго экономическаго общества». (Некрологъ его: «Россія», 1901 г., № 939).

† **Лесевичъ, Л. П.** 21-го ноября, въ имѣніи Матюшевкѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, скончалась послѣ тяжкой болѣзни довольно извѣстная переводчица-писательница, Лидія Парменовна Лесевичъ, урожденная Пичугина. Покойная родилась нѣ 1844 году, образованіе получила на Аларчинскихъ курсахъ (нынѣ высшіе женскіе); въ литературѣ Л. П. извѣстна по своимъ статьямъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Θ. Корша, «Отечественныхъ Запискахъ» и «Мірѣ Божіемъ» и главнымъ образомъ хорошими переводами, сдѣланными ею вмѣстѣ съ сестрою Ю. П. Ватсонъ; изъ нихъ укажемъ слѣдующіе: Легувѣ «Отцы и дѣти», А. Монжена «Путешествіе вокругъ моего кабинета», Боскѣ «Руанскія работницы» и др. Въ послѣдніе годы жизни Л. П. перѣехала въ Восточную Сибирь, гдѣ всецѣло посвятила себя на служеніе ближнимъ: устраивала ясли, обучала дѣтей грамотѣ и оказывала медицинскую помощь нуждающимся. (Некрологи ея: «Россія», 1901 г., № 939; «Новое Время» 1901 г., № 9263).

† **Мартыновъ, А. В.** 17-го ноября, въ Москвѣ, скончался профессоръ богословія при Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ, протоіерей Александръ Васильевичъ Мартыновъ. Покойный по окончаніи курса въ Московской духовной академіи былъ оставленъ при академіи въ качествѣ преподавателя патристики и, защитивъ диссертацию на степень магистра богословія, былъ назначенъ доцентомъ по этой кафедрѣ. Принявъ въ 1893 году духовный санъ, Мартыновъ былъ переведенъ ректоромъ въ Харьковскую духовную семинарію и съ 1894 г. профессоромъ богословія въ Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ; кромѣ того, покойный читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ. Перу Мартынова принадлежатъ слѣдующіе труды: «Ученіе св. Григорія, епископа Нисскаго, о природѣ челоуѣка», «Нравственное ученіе Климента Александрійскаго по сравненію съ стоицизмомъ», «Къ вопросу о церковномъ учительствѣ» и др. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1901, № 9238).

† **Меженниковъ, Н. П.** 28 го ноября, скончался инженеръ путей сообщенія Николай Павловичъ Меженниковъ. Имя покойнаго въ инженерномъ и желѣзнодорожномъ мірѣ пользовалось обширной извѣстностью, какъ дѣятеля съ широкими научными знаніями, многосторонней опытностью и неутомимой энергіей, отличавшагося при томъ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ. Обычная желѣзнодорожная служба не удовлетворяла его. Онъ всегда стремился туда, гдѣ требовались предприимчивость и отвѣтственная созидательная работа. Сперва изысканія, затѣмъ постройка Средне-Сибирской желѣзной дороги наиболѣе удовлетворяли его стремленія. Н. П. происходилъ изъ старинной дворянской семьи. По окончаніи курса на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета со степенью кандидата онъ поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, изъ котораго вышелъ съ званіемъ инженера-поручика путей сообщенія. Съ 1863 г. его дѣятельность была всецѣло посвящена вѣдомству путей сообщенія. Онъ участвовалъ въ постройкѣ Курско-Кіевской желѣзной дороги, производилъ изысканія линіи отъ Конотопа до Минска (губернскаго), былъ начальникомъ изысканій желѣзной дороги отъ Вильны до Минска, наблюдать за постройкой Ландварово-Роменской жел. д., былъ инспекторомъ Уральской горнозаводской ж. д., строителемъ наиболѣе труднаго участка Оренбургской желѣзной дороги отъ Самары до Оренбурга, главнымъ инженеромъ по постройкѣ Сумскаго участка. Немало потрудился покойный надъ устройствомъ Николаевского порта, по постройкѣ участка Полѣвскихъ дорогъ отъ Вильны до Ровно и въ качествѣ директора правленія Закавказской желѣзной дороги Въ 1887 г. ему были поручены изысканія Средне-Сибирской дороги, и съ этого года онъ посвятилъ свои силы постройкѣ Великаго Сибирскаго пути; съ 1889 г. по 1892 г., когда первоначальныя изысканія находились на разсмотрѣніи въ Петербургѣ, онъ построилъ Джанкой-Феодосійскую желѣзную дорогу. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1901, № 9246).

† **Миклашевскій, И. Н.** 2-го декабря, въ Харьковѣ, скончался профессоръ политической экономіи въ мѣстномъ университетѣ Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Покойный происходилъ изъ стараго малороссійскаго дворянскаго рода, родился въ 1858 году въ Черниговской губерніи, образованіе получилъ

въ Петербургскомъ и Новороссійскомъ университетахъ. Въ послѣднемъ онъ окончилъ курсъ на физико-математическомъ факультетѣ и здѣсь, въ Одессѣ, получилъ золотую медаль за «Геологію Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи». Позднѣе, выдержавъ экзаменъ на степень кандидата сельскаго хозяйства, а потомъ на кандидата правъ, онъ блестяще защитилъ диссертацию на степень магистра («Къ исторіи сельско-хозяйственнаго быта Московскаго государства», ч. I, «Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII в.»), послѣ чего былъ назначенъ (1894) членомъ особой совѣщательной комисіи въ Симферополѣ для выработки закона о пользоваіи водами въ Крыму. Затѣмъ, онъ читалъ (1894—1895) лекціи, въ качествѣ приватъ-доцента, въ Московскомъ университетѣ, въ межевомъ институтѣ и техническомъ училищѣ, въ Петровской земледѣльческой академіи (до закрытія ея); въ 1896 г. былъ назначенъ профессоромъ въ Ярославскій лицей, а отсюда переведенъ на кафедру политической экономіи и статистики въ Харьковскій университетъ. Кромѣ того, онъ трудился въ качествѣ уѣзднаго и губернскаго гласнаго въ черниговскомъ земствѣ.

Помимо диссертации Миклашевскій напечаталъ: «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи», «Законъ о сбереженіи лѣсовъ въ Россіи», «Du prix de revient des principaux céréales en Russie et en Allemagne», «Die Entwicklung des landwirtschaftlichen Bildungswesens in Russland», «Задачи экономіи и полиціи сельскаго хозяйства», рядъ статей (преимущественно по водному праву) въ «Русской Мысли», «Журналѣ Министерства Юстиціи», «Трудахъ Московскаго общества сельскаго хозяйства», въ «Русскомъ Курьерѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства», «Сельскомъ Хозяинѣ», «Земскомъ Сборникѣ Черниговской губерніи», «Словарѣ Брокгауза» и проч. Послѣдніе годы жизни покойный работалъ надъ докторской диссертацией, которая осталась не доконченной. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 940).

† **Наумовъ, Н. И.** 10-го декабря, въ Томскѣ, умеръ извѣстный беллетристъ-народникъ Николай Ивановичъ Наумовъ. Покойный былъ бытописателемъ преимущественно сибирскаго крестьянства, отличающагося значительною житочностью. Принадлежа, однако, къ школѣ идеализаторовъ, Н. И. видитъ въ сибирскомъ крестьянинѣ образецъ всяческихъ добродѣтелей, въ такую же крайность впалъ Н. И., описывая кулаковъ-міроѣдовъ самыми черными красками. Тѣмъ не менѣе многія произведенія его читаются съ большимъ интересомъ и обнаруживаютъ въ авторѣ недюжинный талантъ и тонкое знаніе народа.

Н. И. родился въ 1838 г., отецъ его служилъ въ Сибири прокуроромъ и совѣтникомъ уѣзднаго правленія, вращался въ кругу декабристовъ и отличался своею честностью. Мать Н. И. умерла рано, росъ онъ одиноко, затѣмъ поступилъ въ томскую гимназію, но дальше первыхъ классовъ не пошелъ вслѣдствіе матеріальной нужды. Затѣмъ Н. И. поступилъ на службу юнкеромъ, однако въ 1860 г., увлеченный новыми вѣяніями, уѣхалъ въ Петербургъ и записался вольнослушателемъ въ университетъ, готовясь сдавать гимназическій экзаменъ. Но ему не удалось продолжать университетскаго курса. Позднѣе онъ

служилъ въ военномъ министерствѣ и былъ комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Сибири.

Расцвѣтъ литературной дѣятельности и извѣстности Н. И. относится къ 70-мъ годамъ, когда въ «Отечеств. Зап.» и «Дѣлѣ» появились его рассказы: «Тишь да гладь», «Деревенскій торгашъ», «Паутина» и др. Но еще въ 1858 г. Н. И. выступилъ въ «Военн. Сборникѣ» подъ псевдонимомъ Корзунова съ рассказомъ «Случай изъ солдатской жизни», а въ 1861 г. въ «Свѣточѣ» былъ помѣщенъ рядъ его рассказовъ «Мирныя сцены изъ военного быта». Вниманіе читающей публики было привлечено авторомъ рассказомъ «У перевоза», напечатанномъ въ «Современникѣ» 1863 г. Покойный работалъ, кромѣ того, въ «Народной Бесѣдѣ», «Искрѣ», «Очеркахъ», издаваемыхъ подъ редакціей Г. З. Елисѣева, «Русскомъ Богатствѣ», «Устояхъ» и «Восточномъ Обзорѣніи». Многіе рассказы его вышли отдѣльными сборниками подъ заглавіями: «Сила соломѣ ломить», «Въ тихомъ омутѣ», «Въ забытомъ краю», «Паутина», а въ 1897 г. въ Петербургѣ изданы «Сочиненія Н. И. Наумова». (Некрологи его: «Нов. Вр.», 1901, № 9258; «Россія», 1901, № 945).

† Пуликовскій, А. О. 3-го декабря, скончался въ Петербургской Марининской больницѣ одинъ изъ старѣйшихъ педагоговъ, авторъ дѣлаго ряда учебниковъ и руководствъ по географіи, генераль-майоръ Александръ Осиповичъ Пуликовскій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Могилевской губерніи, родился въ 1822 году, воспитаніе получилъ въ новгородскомъ корпусѣ и въ дворянскомъ полку, впоследствии преобразованномъ въ Константиновское военное училище. Свою преподавательскую дѣятельность А. О. началъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Павловскомъ корпусѣ и продолжалъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, въ пажескомъ корпусѣ, въ гимназіи Гуревича, въ женской гимназіи Оболенской и на педагогическихъ женскихъ курсахъ. Превосходно знавшій свой предметъ, будучи замѣчательнымъ чертежникомъ и блестящимъ преподавателемъ, покойный имѣлъ массу уроковъ и на педагогическомъ поприщѣ съ честью пробылъ свыше 55 лѣтъ. Имъ составлены: «Учебникъ всеобщей географіи», «Отечественная географія для среднихъ учебныхъ заведеній», «Общій обзоръ земного шара въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ», «Учебникъ всеобщей географіи для среднихъ учебныхъ заведеній», «Учебный географическій атласъ съ указаніемъ приема черченія картъ» и проч. Кромѣ того, покойный напечаталъ нѣсколько статей въ «Журналѣ для воспитанія», «Учительѣ» и другихъ изданіяхъ. (Некрологъ его: «Россія», 1901, № 940).

† Ремезовъ, М. Н. 2-го декабря, въ Москвѣ, скончался довольно извѣстный беллетристъ, Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ. Покойный родился въ Тамбовской губ., въ 1835 г. Во время подготовительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ участвовалъ въ тамбовскомъ губернскомъ комитетѣ. Затѣмъ служилъ мировымъ посредникомъ, участковымъ мировымъ судьей и цензоромъ иностранной печати въ Москвѣ до 1888 г. Въ литературѣ покойный извѣстенъ, какъ дѣятельный сотрудникъ «Русской Мысли», гдѣ онъ началъ печататься съ 1884 г. Въ этомъ журналѣ онъ печа-

таль свои рассказы и повѣсти, библиографическія замѣтки, театральные и художественные обзоры подъ заголовкомъ «Современное искусство» (за подписью Ан.) и письма туриста. До сотрудничества въ «Русской Мысли», Ремезовъ печатался въ мелкихъ московскихъ журналахъ: «Газетѣ Гагцука», «Радугѣ», «Зритель», «Будильникъ» и друг., по преимуществу подъ псевдонимами: «Макс. Антаевъ», «М. Анятинъ». Отдѣльно изданы слѣдующія произведенія Ремезова: повѣсть «Нашихъ полей ягода», «Клеопатра, картины античной жизни», «Иудея и Римъ», «Картины жизни Византіи», «Византія и византійцы конца X вѣка», «Эпизоды византійскихъ драмъ». (Некрологи его: «Россія», 1901, № 938; «Нов. Время», 1901, № 9252).

Самаринъ, Д. Ф. 2-го декабря, въ Москвѣ, скоропостижно скончался писатель, общественный дѣятель Дмитрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Покойный, младшій братъ знаменитаго публициста Юрія Ѳедоровича Самарина, родился въ 1827 году; образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ; на литературное поприще выступилъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда въ различныхъ періодическихъ московскихъ изданіяхъ стали появляться его статьи, по преимуществу, о сельской общинѣ, о надѣлѣ крестьянъ землею и вообще по крестьянскому вопросу. Печатью были замѣчены слѣдующія статьи его: «Баронъ Шульцъ фонъ-Ашероденъ и д-ръ Меркль» (въ «Сельскомъ Благоустройствѣ»), дающая характеристику двухъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ въ Лифляндіи; «Уставная грамота. Оброчная подать» (въ «Днѣ» Аксакова), гдѣ высказаны мысли о правѣ владѣній крестьянскихъ общинъ землею и о значеніи оброка, какъ подати; «Передѣлъ общинныхъ полей» — статья относительно обезпеченія духовенства (въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» Гилярова-Платонова, 1873 г.); — «Приходъ церквей» (въ «Москвѣ» 1864 г.) и рядъ статей объ общинномъ владѣніи землею въ «Современной Лѣтописи» Каткова. Самаринъ являлся однимъ изъ послѣднихъ видныхъ представителей славянофильской партіи; свою теорію онъ отстаивалъ особенно ревниво въ брошюрѣ, вышедшей подъ заглавіемъ «Поборникъ вселенной правды», въ ней онъ доказывалъ ошибочное истолкованіе Владиміромъ Соловьевымъ славянофильскаго ученія въ его «Очеркахъ изъ исторіи русскаго самосознанія». Значительной заслугой покойнаго передъ русскимъ обществомъ должно быть признано такъ же изданіе имъ съ многочисленными примѣчаніями собранія сочиненій его брата Юрія Ѳедоровича. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 939; «Новое Время» 1901, № 9251).

Совѣтовъ, А. В. 24 ноября, скончался заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета, знаменитый агрономъ, Александръ Васильевичъ Совѣтовъ. Покойный родился въ 1830 году и первоначальное образованіе получилъ въ Александровской духовной семинаріи, а специальное — въ Горьгорѣцкомъ земледѣльческомъ институтѣ. По окончаніи здѣсь курса въ 1850 г., онъ былъ отправленъ, для усовершенствованія въ практическихъ сельскохозяйственныхъ познаніяхъ, сперва въ Тульскую губернію, въ имѣніе графа Вобринскаго, съ цѣлью изученія свеклосахарнаго производства, затѣмъ — въ губерніи Прибалтійскія, для ознакомленія съ мѣстнымъ сельскимъ хозяйствомъ и преимущественно съ винокуреніемъ и пивовареніемъ, а далѣе, въ 1853 году, — за гра-

ницу. Обѣхавъ Германію, Голландію, Данію, Венгрію, Молдавію и Валахію, Совѣтовъ усердно работалъ въ технической лабораторіи при гогенгеймской земледѣльческой академіи, близъ Штутгарта, подъ руководствомъ профессора Сименса, около года, а лѣтомъ 1854 года жилъ въ Баваріи, Швейцаріи, Сѣверной Италіи и долѣ всего въ Бельгіи, гдѣ наблюдалъ за земледѣльческой и технической обработкой льна, осенніе же мѣсяцы посвятилъ изученію свекло-сахарнаго дѣла, главнымъ образомъ въ помѣстьѣ Шланъ, подъ Прагой, въ Магдебургѣ и Силезіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ успѣхомъ выполнилъ порученіе, данное ему земледѣльческимъ институтомъ, — покушку и доставку въ Россію разныхъ породъ крупнаго рогатаго скота и тонкорунныхъ мериносовыхъ овецъ.

Возвратясь въ 1855 г. на родину, Совѣтовъ получилъ въ Горыгорѣцкомъ институтѣ кафедру сельской технологіи, а немного позднѣе — энциклопедіи сельскаго хозяйства, и, кромѣ того, преподавалъ недолгое время агрономическую химію и завѣдывалъ лабораторіей института въ 1858—1859 гг. Въ 1859 г. онъ отправился въ Москву и защитилъ съ большимъ успѣхомъ въ тамошнемъ университетѣ диссертацию «О разведеніи кормовыхъ травъ», за которую и удостоился степени магистра. Въ томъ же году онъ былъ приглашенъ въ С.-Петербургскій университетъ въ качествѣ адъюнкта. Его магистерская диссертация вышла отдѣльнымъ изданіемъ и, разойдясь въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, вскорѣ сдѣлалась необходимѣйшей книгой каждаго русскаго деревенскаго хозяина, являясь своего рода краеугольнымъ камнемъ въ нашей сельскохозяйственной наукѣ. Въ слѣдующемъ 1860 году, Совѣтовъ сталъ во главѣ журнала «Труды императорскаго вольнаго экономическаго общества», который онъ редактировалъ цѣлыхъ 25 лѣтъ, внесъ въ него много жизни и помѣстилъ въ этомъ изданіи много работъ, мелкихъ статей и замѣтокъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Годами пятью ранѣе онъ былъ избранъ членомъ вольно-экономическаго общества, затѣмъ — председателемъ 1-го отдѣленія его, и трудился въ этой должности 30 лѣтъ. Много лѣтъ Совѣтовъ подготавлился къ своей докторской диссертаци — «О системахъ земледѣлія», и защитилъ ее въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1866 г. Она также выдержала нѣсколько изданій и заслужила большую популярность среди агрономовъ-практиковъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ Совѣтовъ посѣтилъ разныя губерніи Россіи, гдѣ наблюдалъ надъ производствомъ опытовъ разнаго удобренія, предпринятыхъ вольно-экономическимъ обществомъ, а въ слѣдующемъ году, съ ученой цѣлью, командированъ былъ въ Бретань. Вообще онъ совершилъ немало поѣздокъ за границу, въ интересахъ нашей агрономіи. Въ 1871—1897 гг. онъ занималъ должность секретаря въ петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ, въ 1883 г. былъ избранъ почетнымъ членомъ вольно-экономическаго общества и не разъ былъ имъ чествуемъ за свои заслуги. Онъ состоялъ также почетнымъ членомъ ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, московскаго общества сельскаго хозяйства и цѣлаго ряда другихъ обществъ и учреждений. Кромѣ оригинальныхъ трудовъ, Совѣтовъ редактировалъ сельскохозяйственный отдѣлъ въ словарѣ Брокгаута-Ефрона и нѣсколько переводовъ и пособій по сельскому хозяйству — Пабста, Шмидта и др.

Похороны покойнаго профессора состоялись въ Александро-Невской лаврѣ 28 ноября при большомъ стеченіи профессоровъ и учащейся молодежи.

На кладбищѣ, надъ свѣжею могилою профессоръ Х. Я. Гоби сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Прежде чѣмъ мать сыра-земля приметъ въ свои объятія, навѣки скроетъ отъ насъ горячо любимаго нами А. В., который однимъ былъ родственникомъ, другомъ, другимъ — дорогимъ товарищемъ и незабвеннымъ учителемъ, да будетъ намъ позволено сказать ему въ послѣднюю минуту горячее «прости». Да выразить оно глубокую скорбь и безвозвратную потерю нашу въ лицѣ дорогаго А. В. Здѣсь не мѣсто говорить о заслугахъ умершаго, скажемъ лишь, что онъ былъ преисполненъ такого всепрощенія и любви къ ближнему, которыя вообще проявляются рѣдко, а теперь въ особенности. Онъ ими ярко освѣщаль свой земной путь, который теперь является, на скорбь намъ, пресѣченнымъ. Да явятся они намъ утѣшеніемъ въ нашей печали. Пусть эта земля, любвеобильнымъ сыномъ которой онъ былъ, которую онъ изучалъ всю свою жизнь, пусть она его успокоитъ. Да будетъ она ему легка».

(Ст. П. В. Быкова о немъ въ «Россіи» 1901, № 930).

Шараневичъ, И. И. 22 ноября, ст. ст. скончался во Львовѣ д-ръ Исидоръ Ивановичъ Шараневичъ, профессоръ знаменитаго мѣстнаго Ставропигійскаго института. Покойный родился въ 1829 г., въ Козаржѣ, въ Галиціи. Во Львовскомъ университетѣ читалъ одно время австрійскую исторію. Написалъ и издалъ: «Die Hupatios-Chronik als Quellerbeitrag zur österreichischen Geschichte» (Львовъ, 1872), «Стародавние галицкіе города» (3 тома, 1861—1862), «Исторія галицко-володымѣрской Руси» (1863), «Rys wewnętrznych stosunków Galicji Wschodniej w drugiej połowie XV wieku» (1869), «O źródłach sfuzgcyeh do gfebszego poznania dziejow kraju ojczystego» (1870), «Zacętki słowiańskie w stoku Karpat» (1870), «Kritische Blicke in die Geschichte der Karpathen-Völker im Alterthum und im Mittelalter» (Львовъ 1871), «Rzut oka na beneficjã kosciofa ruskiego za czasów rzeczypospolitej polskiej» (1875) «Географическо-историческія статьи» (1875) «Krótki opis geograficzny i topograficzny austrjacko-węgierskiej monarchji» (1875) и др. Подъ его руководствомъ и наблюденіемъ изданъ въ 1886 г. первый томъ монументальнаго юбилейнаго изданія въ память 300-лѣтняго юбилея Львовскаго ставропигійскаго братства. Много статей покойнаго разсѣяно по разнымъ научнымъ журналамъ и сборникамъ нѣмецкимъ, русинскимъ и польскимъ, а также въ изданіяхъ краковской академіи наукъ. Шараневичъ состоялъ членомъ названной академіи и почетнымъ докторомъ университета св. Владимира и Ягеллонскаго въ Краковѣ. Въ лицѣ почившаго сошелъ съ жизненной сцены ученый-русинъ, посвятившій всю свою жизнь наукѣ и установленію на почвѣ ея добрыхъ отношеній между своими соотечественниками русинами и поляками.

Шелгунова, Л. И. 13 декабря, скончалась вдова извѣстнаго публициста Н. В. Шелгунова — Людмила Петровна Шелгунова. Покойная пользовалась извѣстностью одной изъ лучшихъ переводчицъ произведеній иностранныхъ авторовъ на русскій языкъ. Она трудилась на литературномъ поприщѣ болѣе 50-ти лѣтъ, напечатавъ свой первый переводъ романа Жоржъ-Зандъ

«François le Champri», подъ заглавіемъ «Франсуа», въ 1849 году въ «Сынѣ Отечества». Съ тѣхъ поръ переводы ея появлялись въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Словѣ». «Дѣлѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ», «Современникѣ», «Дѣтскомъ чтеніи» и др., а также издавались отдѣльно. Л. И. въ дни своей молодости вращалась въ журнальныхъ кружкахъ, въ которыхъ постоянными собесѣдниками являлись Н. Г. Чернышевскій, Д. И. Писаревъ, Н. А. Добролюбовъ, М. Л. Михайловъ и другіе. Традиціи добраго стараго времени она сохраняла до конца своей жизни, отличаясь чуткостью и отзывчивостью ко всему честному и хорошему. Покойная родилась въ Перми 27 февраля 1832 года, воспитывалась она въ С.-Петербургѣ, въ англійскомъ пансіонѣ Лоу. Изъ сдѣланныхъ ею переводовъ назовемъ «Всемирную исторію» Шлоссера подъ редакціей В. А. Зайцева (первые пять томовъ переведены подъ редакціей Н. Г. Чернышевскаго) «Женщины французской революціи: Сталь и Роланъ» Шлоссера, рассказы Ауэрбаха: «Босоножка» и др., фантастическіе романы Жюль Верна («Англичане на сѣверномъ полюсѣ» «Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути» и др.), восточную эпопею «Тысяча и одна ночь; рассказы Шехерезады (6 томовъ), переложеніе романовъ Диккена для юношества и др. Помимо переводовъ покойная написала и нѣсколько самостоятельныхъ рассказовъ и стихотвореній, напечатанныхъ преимущественно въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Дѣлѣ», «Живописномъ Обзорѣніи». Между прочимъ Л. П. издала обширную переписку со своимъ мужемъ Н. В. Шелгуновымъ подъ заглавіемъ «Изъ прошлаго». (Некрологи ея: «Нов. Время» 1901, № 9262; «Россія» 1901, № 949).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

поступило въ продажу

НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ Н. К. Шильдера

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОЧЕРКЪ ЕГО ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Одинъ томъ, большого формата, около 50 печатныхъ листовъ,
съ портретами, видами, планами и автографами.

Цѣна 15 рублей.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
НОВАЯ КНИГА:

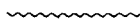
ГОСПОДА-КРЕСТЬЯНЕ.

Деревенскіе силуэты

Александра Круглова.

Изданіе второе. Цѣна 1 р. 50 к.

Иногородныхъ просятъ обращаться: въ книжный складъ В. С. Спиридонова—Москва, Козицкій пер., д. князя Горчакова, или въ книжные магазины «Новаго Времени» (Москва, Спб., Одесса, Саратовъ).

Историческіе очерки и рассказы

С. Н. Шубинскаго.

Содержаніе: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дептфордѣ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Иоанновны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Вирона.—Убіѣство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кириянова дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Пѣвица Габріэли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература. Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ этой книгѣ.

Изданіе третье, дополненное и исправленное. Съ 52 портретами и иллюстраціями.

Цѣна 3 рубля.

Дозволено цензурою 22 декабря 1901 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13.

НА ЗАКАТЪ СЛАВЫ

КОМЕДИЯ-БЫЛЬ КОНЦА ХVIII ВѢКА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВЪ СТИХАХЪ

А. МОСОЛОВА

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРІЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графиня Варвара Головина, жена гофмейстера великокняжескаго двора.
Графиня Шувалова, гофмейстерина.
Графиня Анна Толстая, жена гофмаршала.
Княгиня де-Тарантъ, бывшая статсъ-дама французской королевы, эмигрантка.
Олечка } балетныя танцовщицы.
Розали }
Князь Платонъ Zubovъ, генераль-адъютантъ.
Графъ Безбородко, вице-канцлеръ.
Графъ Николай Головинъ, гофмейстеръ великокняжескаго двора.
Федоръ Васильевичъ Растопчинъ, кавалеръ при цесаревичѣ Павлѣ.
Князь Адамъ Чарторижскій, кавалеръ при великомъ князѣ Александрѣ.
Грибовскій, статсъ-секретарь.
Сутерланъ, придворный банкиръ.
Камеръ-лакей.
Слуга Головиныхъ.
Придворные, гости, слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ 1796 году въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ.

Дѣйствіе I. Вечерняя серенада въ Царскосельскомъ саду.

Дѣйствіе II. Праздникъ на дачѣ графа Безбородко въ Полюстровѣ.

Дѣйствіе III. Приемный день графини Головиной.

Дѣйствіе IV. Въ уборной дворца.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Площадка въ саду подъ колоннадой Царскосельскаго дворца. Лунный вечеръ. Придворные служители разставляютъ складные стулья и столы, развѣшиваютъ разноцвѣтные фонари.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Зубовъ, Грибовскій.

ЗУБОВЪ.

Смотри, не ошибись, всего важнѣй начало!
Она появится сегодня въ голубомъ,
Мантіля бѣлая, такое жъ опахало,
А шляпа помпадуръ съ сиреневымъ перомъ,
Въ придворныхъ дамахъ зависть возбуждая
Расцвѣтомъ юности и дивной красоты.
Къ ея стопамъ пусть сыплются цвѣты!
При нашей встрѣчѣ, зорко наблюдая,
Дай знакъ, чтобы ударить по струнамъ!
Сегодня все благопріятно намъ:
И лунный блескъ, и яркихъ звѣздъ мерцанье,
И вѣтеръ стихъ, и липъ душистыхъ цвѣтъ...
Пусть арфы мѣрное бряцанье
Навстрѣчу ей раздастся, какъ привѣтъ
Моей души, какъ сердца содроганье.

ГРИБОВСКІЙ.

Исполню все. Вашъ замыселъ великъ.

ЗУБОВЪ.

Да, мыслями я вдаль давно уже проникъ:
 Всѣ гатчинцы не нашего покроя,
 И съ ними не сойтись; давно на юный дворъ
 Внимательно я устремляю взоръ,
 Для дней грядущихъ планы строя.
 Великій князь со мною заодно.
 Жаль, молодъ онъ, глядитъ односторонне,
 Зато великая княгиня ужъ давно
 Относится гораздо благосклоннѣй,
 А музыка, какъ тайное звено,
 Связуетъ насъ и тихо и незримо
 Въ ней будить радость жить и быть любимой.

ГРИВОВСКІЙ.

Но государыня?

ЗУБОВЪ.

Ей радостно вдвойнѣ,
 Когда вниманіе оказываютъ мнѣ.
 Великая княгиня Лисавета
 Душѣ ея особенно близка.
 Мы знаемъ, какъ она отъ счастья далека,
 Какъ сердце просить счастья въ эти лѣта!

ГРИВОВСКІЙ.

Повѣрьте, все понятно для меня.

ЗУБОВЪ.

Я вѣрно шелъ, спокойно, шагъ за шагомъ
 И, кажется, теперь дождался дня?
 Ты, говорятъ, работалъ предъ куртагомъ
 У государыни?

ГРИВОВСКІЙ.

Такъ точно, князь.
 Немедленно, отъ васъ же возвратясь,
 Я позванъ былъ. Обычная диктовка.

ЗУБОВЪ.

Сначала слушаешь, а послѣ по часамъ,
 Съ перомъ въ рукѣ, диктуешь мысли самъ?

ГРИВОВСКІЙ.

Но какъ же быть? Во всемъ нужна сноровка.
Мы съ государыней привыкли не дремать,
Входя во все, вникая даже въ малость,
И, замѣчая въ ней порой усталость,
Мы бережемъ ее, какъ благостную мать.

ЗУБОВЪ.

Все мысли прежнія?

ГРИВОВСКІЙ.

По тѣмъ же все причинамъ
Никакъ не можетъ кончить манифестъ,
Въ исторіи Петра съ несчастнымъ сыномъ
Все ищемъ подходящихъ мѣстъ.
Опасное предвидя самовластье,
О будущемъ тревожась каждый мигъ,
Хотѣли бы безъ шума, безъ интригъ
Возможныя предотвратить несчастья.
Намедни, все прочтя, разставивши значки,
Изволила сказать, кладя на столъ очки:
«Въ солдатики играть ему довольно,
«На это вѣчно деньги нужны имъ;
«Но если отречется добровольно,
«Мы ихъ тогда вполнѣ озолотимъ».
Услышавъ, я не проронилъ ни звука,
Но твердую прочелъ въ ея чертахъ
Рѣшимость на престолъ возвестъ любимца-внука,
И каждый день все то же на устахъ...

ЗУБОВЪ.

Знай, моего тутъ не было совѣта,
Я осмотрителенъ. Нѣтъ, Боже, сохрани!
Коль допытаются когда нибудь они,
Раскроютъ все, сживутъ тебя со свѣта,
И горькіе для насъ настанутъ дни:
Какъ разъ твою узнаютъ руку...

ГРИВОВСКІЙ.

Ахъ, князь! Служа, приму и смерть, и муку;
Но, тайну царскую по совѣсти храня,
Я сдѣлалъ все, что могъ. Довольно для меня.

Однажды возражалъ я очень кротко
 И только намекнулъ издалека,
 Что дѣлу этому противникъ—Безбородко,
 Разгнѣвались, бранили старика,
 Да такъ, что я внималъ какъ бы въ испугѣ.
 Замѣтивъ, ласково трепали по плечу,
 Съ улыбкой говоря: «Ты знаешь, я шучу».
 И стали прославлять его заслуги...

ЗУБОВЪ.

Способности его и знанія цѣню
 И объ умѣ его я мнѣнія того же;
 Онъ забѣгаетъ здѣсь не разъ на дню,
 Хоть ужъ давненько сталъ вельможей.

ГРИБОВСКІЙ.

Къ несчастью, Безбородко не одинъ,
 Не всѣ у васъ толкаются въ прихожей,
 За нимъ стоитъ отважный Растопчинъ?

ЗУБОВЪ.

Не нравится мнѣ этотъ Оедька шалый,
 Глаза рысиные, язвительная рѣчь,
 Опасный человѣкъ, и намъ бы не мѣшало
 Отсюдова его подалѣе уpeech...
 Вели присматривать. Съ Головиною
 У нихъ какъ будто шашни? Въ эту связь
 Проникни и развѣдай стороною.
 Ужъ если я пойду на нихъ войною,
 То имъ не сдобровать.

ГРИБОВСКІЙ.

Навѣрно, князь.
 Навлечъ вашъ гнѣвъ? Что можетъ быть печальнѣй?

ЗУБОВЪ.

Я на поклонъ пройду къ опочивальнѣ,
 Чтобъ не было тревоги лишней тамъ.
 Надѣюсь, что удастся серенада?
 Пора огни зажечь въ аллеяхъ сада
 И музыку разставить по мѣстамъ.

[Князь Зубовъ удаляется садомъ ко дворцу; по знаку Грибовскаго лакеи проводятъ артиста съ золоченой арфой; Грибовскій помѣщаетъ его за деревьями и тамъ скрывается: зажигаютъ фонари; съ другой стороны входятъ графъ Безбородко, опираясь на трость, и Растопчинъ].

ЯВЛЕНИЕ II.

Графъ Безбородко, Растопчинъ.

БЕЗБОРОДКО.

Я слушаю.

РАСТОПЧИНЪ.

Давно искалъ я случай
Явиться къ вамъ съ поникшей головой:
Надъ Гатчиной нависла снова туча,
Въ тревогѣ цесаревичъ; злой молвой
Въ кругахъ дворцовыхъ пущенъ слухъ тревожный,
Что отъ престола будетъ устраненъ.
Не даромъ же нашъ дворъ во всемъ стѣсненъ?
Сдается мнѣ, что это слухъ не ложный,
Что многихъ мы въ погибель вовлечемъ...

БЕЗБОРОДКО.

По-моему, все это небылицы!
У Зубова всѣ тайны подъ ключемъ,
Его проси, а я тутъ не при чемъ,
Иныя у него довѣренныя лица.

РАСТОПЧИНЪ.

Я знаю, что его всеильна власть,
Обильно сыплются черезъ него щедроты,
А намъ готовится и ужъ близка напасть,
И мнѣ грозятъ тяжелыя заботы.
На что надѣяться? Откуда ждать добра,
Когда лишить готовятся престола,
Кого же? Правнука великаго Петра!
И вѣдь не бунтъ стрѣльцовъ, не дворская крамола,
Нѣтъ, въ сердце матери вливая горькій ядъ,
Отечеству бѣдой, раздорами грозятъ!
Ужель хулители отнынѣ будутъ правы?
Мы вѣрить не хотимъ, царевичъ удрученъ.
Ужель закатъ такой великой славы
Навѣки будетъ омраченъ?

БЕЗБОРОДКО.

Узнаешь самъ, какъ трудно у престола,
Когда твои настанутъ времена.

Тяжелая мной проходила школа,
А будущность и для меня темна,
Зловѣщимъ затуманена покровомъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Мы передъ прихотью не склонимъ головы,
Мы, графъ, надѣмся, что не дадите вы
Такъ поступить, въ противность всѣмъ основамъ;
Одни лишь вы способны остеречь.

БЕЗБОРОДКО.

Есть тайности, гдѣ каждый связанъ словомъ,
Такъ нечего вести объ этомъ рѣчь.
Отечеству служу нелицемѣрно,
Хоть милости ко мнѣ и велики,
И награжденъ за все я безпримѣрно,
Но къ дѣлу темному не приложу руки.
Нѣтъ, чтобъ однимъ неосторожнымъ шагомъ
Все прошлое свое похоронить!?
Будь скромнень и держись пока за флагомъ,
Но не теряй свою изъ виду нить.
Придетъ пора, и для тебя не худо
Усердно послужить любимому царю;
Но знай... Ты не предатель, не Иуда,
Отечески съ тобою говорю:
Сомнительно, чтобъ цесаревичъ Павелъ
Когда нибудь Россіей мудро правилъ.
Не чтить онъ матери великія своей;
Совѣтниковъ ея, испытанныхъ вождей
Едва ли бъ онъ при должностяхъ оставилъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Есть исключенья, графъ, для избранныхъ людей,
Судьба ему готовить путь тернистый,
Его намѣренья возвышенны и чисты.

БЕЗБОРОДКО.

Безмѣрно пропасть глубока
Между намѣреньемъ и дѣломъ.
Для управленія народомъ столь незрѣлымъ
Нужны искусная и твердая рука,
Великій умъ, чтобы обнять все въ цѣломъ
И прозрѣвать въ грядущіе вѣка.

РАСТОПЧИНЪ.

Вы правы, графъ, задача велика!

БЕЗБОРОДКО.

Да вотъ что, другъ. Ужъ о дѣлахъ довольно.
 Мнѣ душно здѣсь и все не по плечу,
 Лишь государыня отпустить — улечу
 Въ Полюстрово мое пожить привольно
 Въ кругу друзей и вѣтренныхъ дѣвицъ,
 Не видя по долгу фальшивыхъ этихъ лицъ
 Толпы искательной и жадной.
 Тамъ надъ Невою дышится прохладно,
 Въ веселомъ отдыхѣ дождуся именинъ
 И для друзей большой банкетъ устрою,
 Съ огнями, съ музыкой и съ карточной игрою.
 Надѣюсь и тебя увидѣть, Растопчинъ?
 Подъ вечеръ балъ начнется маскарадный.
 Я друга твоего зову — Головина.
 Хоть онъ и вѣтреникъ изрядный,
 Да Олечка моя съ Розаліей дружна.
 Пожалуй, пріѣзжай, тебѣ всѣ будемъ рады,
 Сберется весь балетъ, ты — старый театралъ.
 А вотъ, спускаются всѣ наши съ колоннады,
 Шуваловой итти я въ паръ общалъ.

[Безбородко, кивая, удаляется навстрѣчу спускающимся съ лѣстницы придворнымъ и раскланивается. Растопчинъ отходить въ глубину сада].

ЯВЛЕНІЕ III.

Растопчинъ, графъ Головинъ съ графиней Толстою, затѣмъ княгиня де-Тарантъ, графиня Головина съ княземъ Чарторижскимъ, Безбородко съ Шуваловой, позднѣе Зубовъ, за нимъ вдали Грибовскій.

ТОЛСТАЯ.

Какъ государыня уходитъ нынче рано,
 Такъ не бывало прежде никогда.

ГОЛОВИНЪ.

Зато восходитъ новая звѣзда
 Во мглѣ придворнаго тумана.

ТОЛСТАЯ.

О комъ вы говорите?

ГОЛОВИНЪ.

Все о ней
Великая княгиня Лисавета,
Державинскою музою воспѣта,
Становится кумиромъ нашихъ дней.
Ужъ на нее направлены всѣ стрѣлы,
Князь Зубовъ около; онъ человѣкъ умѣлый.

ТОЛСТАЯ.

Возможно ли?

ГОЛОВИНЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ князь Платонъ
Всему даетъ въ Россіи тонъ...

ТОЛСТАЯ.

Здѣсь, при дворѣ, но не въ Россіи...

ГОЛОВИНЪ.

Пускай такъ думаютъ другіе.

ТОЛСТАЯ.

Вы нынче злы ужасно, Головинъ.

ГОЛОВИНЪ.

Быть слишкомъ добрымъ, право, нѣтъ причинъ.

ТОЛСТАЯ.

А Варенька?

ГОЛОВИНЪ.

Мы съ нею очень дружны,
Я все хорошее нашель въ моеї женѣ,
Да слишкомъ ужъ умна; порой сдается мнѣ,
Что я въ семьѣ балластъ ненужный.

ДЕ-ТАРАНТЬ [подходя въ безпокойствѣ].

Гдѣ Варенька? Свой фермуаръ жемчужный
Мнѣ бросила, исчезла... но куда?

ТОЛСТАЯ.

У государыни, я думаю, въ уборной...

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Вездѣ ищу, но нѣтъ нигдѣ слѣда!

ГОЛОВИНЪ.

Навѣрно прячется въ толпѣ придворной.
Ее вести былъ долженъ Растопчинъ?

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Я знаю, но, увы, онъ здѣсь одинъ
И тоже прячется... [Удаляется].

ГОЛОВИНЪ [оглядываясь,—увидя Растопчина].

Что это, другъ любезный,
Куда же ты дѣвалъ мою жену?

РАСТОПЧИНЪ.

До времени разспросы бесполезны,
Въ сохранности тебѣ ее верну.

ГОЛОВИНЪ.

Что жъ это, господа? Коварство и измѣна?
Я требую тебя къ отвѣту!

РАСТОПЧИНЪ

Ну, изволь.

Сейчасъ произойдетъ комическая сцена,
И главную она сыграетъ роль.

ГОЛОВИНЪ.

Ну, это весело. Я вижу, ты въ ударѣ.
Вѣдь, здѣсь не Гатчина, гдѣ «лозунгъ» и «пароль»
Звучатъ, какъ музыка, гдѣ всѣ —какъ на пожарѣ,
И посреди военной суеты
Всѣ мечутся.

РАСТОПЧИНЪ.

Посторонись, разиня,
Въ своемъ ораторствѣ не замѣчаешь ты:
Съ террасы, правильнѣй —съ небесной высоты,

Спускается великая княгиня,
На руку Чарторижскаго склонясь.

ТОЛСТАЯ.

Сейчасъ появится и самъ свѣтлѣйшій князь.

[Проходятъ далѣе, всѣ сторонятся. Головина, въ туалетѣ великой княгини и подъ вуалемъ, опираясь на руку Чарторижскаго].

ГОЛОВИНА.

Ахъ, мнѣ не по сердцу слова любви и лести,
О правдѣ божіей соскучилась душа.
Нѣтъ, вовсе я не такъ ужъ хороша,
Чтобъ всѣхъ плѣнять. Нѣтъ, слишкомъ много чести!

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Во мракѣ сѣвера сіяя, какъ звѣзда,
Вы отвергаете невиннѣйшія ласки.
Въ моемъ отечествѣ, въ цвѣтущіе года,
Культь женской красоты въ почетѣ былъ всегда.

ГОЛОВИНА.

Пока не дожили до горестной развязки.

[Грибовскій даетъ знакъ. Артистъ между деревьями начинаетъ на арфѣ итальянскую мелодію].

ЗУВОВЪ [быстро подходя и низко снимая шляпу].

Я счастливъ, и душа невольно смущена...

ГОЛОВИНА.

Напрасно, вамъ смущаться бы не надо.

ЗУВОВЪ.

Я счастливъ тѣмъ, что эта серенада
Присутствіемъ такимъ освящена.
Вниманье ваше—высшая награда...

ГОЛОВИНА.

О, если бы я раньше знать могла,
Что вы себя сочтете награжденнымъ?

ЗУВОВЪ.

У вашихъ ногъ слугою приближеннымъ
Вся жизнь моя катилась бы свѣтла,

Наполнена мелодіей небесной!
Да не страшатъ васъ дерзкія мечты,
Пусть съ недоступной смертнымъ высоты
Лишь взгляды...

ГОЛОВИНА [подымая вуаль].

Да это очень интересно.

ЗУБОВЪ.

Что это значитъ? Вы!

ГОЛОВИНА.

Мнѣ, право, жаль,
Что, опустивъ нечаянно вуаль,
Я показалась вамъ великою княгиней.
Она не будетъ здѣсь.

ЗУБОВЪ [надѣвая шляпу].

Но по какой причинѣ?

ГОЛОВИНА.

Недомоганіе, боязнь смутить гостей,
Желанье уклониться отъ затѣй,
Избѣгнуть, наконецъ, игры опасной.
Сомнѣнья больше нѣтъ, и вы напрасно
Мнѣ сдѣлали привѣтомъ вашимъ честь...

ЗУБОВЪ.

Въ васъ, можетъ быть; во мнѣ сомнѣнье есть.
Какъ вижу я, насмѣшница вы, право.
Тутъ все обдуманно: и самый вашъ нарядъ,
И этотъ кавалеръ, и, наконецъ, вашъ взглядъ,
Вуалемъ скрытый такъ лукаво.
Но, выбравши меня предметомъ для забавъ,
Забыли вы, что для подобной цѣли
Предметъ достойный ближе вы имѣли.
Не за одно ль и вѣтреный вашъ графъ?
Не слишкомъ дорожить и онъ моей пріязнью...

ГОЛОВИНА.

Вы не повѣрите, какъ ваша рѣчь смѣшна:
Вы вздумали пугать? Прогнали тѣ времена!
Ужъ ежели страшать, такъ прямо смертной казнью.

Хоть нашей бабушкѣ урѣзанъ былъ языкъ,
Хоть мучили ее, но въ вѣкъ Екатерины
Отъ этихъ ужасовъ давно нашъ дворъ отвыкъ
И честной женщины бояться нѣтъ причины.

ЗУБОВЪ.

Вы худо поняли. Я дѣлалъ все, что могъ,
Чтобъ ваше пробудить къ себѣ участие...

ГОЛОВИНА.

Напрасно думали. Вотъ вамъ впередъ урокъ,
Сердитый левъ съ раскрытой пастью!

ЗУБОВЪ [кланяясь и отходя].

О, если бы со льва я бралъ примѣръ!

ЧАРТОРИЖСКІЙ [подавая Головиной руку].

Вы мнѣ позволите?

ГОЛОВИНА.

Простите, не позволю.
Давая руку вамъ, чужую волю
Я исполняла. Здѣсь мой кавалеръ.
[Указываетъ на Растопчина и удаляется съ нимъ].

ЗУБОВЪ [вслѣдъ удаляющейся Головиной].

Вотъ проповѣдница возвышенной морали!
Ну, берегись, чтобъ злые языки
Тебя самой не замарали!

ШУВАЛОВА [кладя ему сзади руку на плечо].

Великъ твой гнѣвъ, да руки коротки?

ЗУБОВЪ [узнавъ ее].

Вы видѣли? И радуетесь вмѣстѣ,
Предавъ меня такъ ловко на позоръ
Моимъ врагамъ безъ совѣсти и чести?
Вотъ ваша преданность! И вѣрьте въ этотъ вздоръ!
Не вами ли о перьяхъ, о мантильѣ
Вчера еще я былъ предупрежденъ?
Васъ радуетъ теперь мое безсилье?
Что жъ? Радуйтесь! Я горько уязвленъ.

Нѣтъ, не нуждаюсь я ни въ дружбѣ, ни въ совѣтѣ,
 Теперь я чувствую, какъ страшно одинокъ,
 Несчастнѣе меня нѣтъ никого на свѣтѣ.
 Какъ эту пытку вынести я могъ?
 Я задыхаюся, все сердце заходило,
 Я плакать, я рыдать готовъ.

ШУВАЛОВА.

Послушай, постыдись подобныхъ словъ,
 Вѣдь это будутъ слезы крокодила.
 Ты ихъ для случая иного сбереги,
 Умѣрь свои нескромные шаги,
 Головина тебя перехитрила.

ЗУВОВЪ.

Пора ихъ всѣхъ стереть съ лица земли!
 Мнѣ прямо ненавистно это имя!
 Да это заговоръ; но чтобы вмѣстѣ съ ними
 И вы глумиться такъ могли?

ШУВАЛОВА.

Умолкни, чтобъ не каяться напрасно.
 Упреками меня ты осыпалъ не разъ.
 Придешь въ себя, тогда все станетъ ясно.
 Одумайся жъ, сними повязку съ глазъ.
 Ты Вареньку избралъ неосторожно,
 Надѣясь, что она съ княгиней всѣхъ дружнѣй
 И будетъ угождать твоей затѣй сложной.
 Могла ль она придумать что умнѣй
 Въ своей восторженной привязанности къ ней,
 Чтобъ дерзости твоей поставить здѣсь преграды
 И прекратить всѣмъ видимый скандалъ?
 Твои вздыханія, двусмысленные взгляды,
 И встрѣчи робкія, и эти серенады?
 Когда бы ты спокойно разсуждалъ,
 То вѣрно бы держалъ себя построже?

ЗУВОВЪ.

Отъ государыни не разъ я слышалъ то же:
 «Не впутывай Головину, оставь,
 Она невинная и добрая простушка».
 Вотъ простота! Мнѣ—быть ея игрушкой
 И позволять себя дурачить въявь?

ШУВАЛОВА.

Не стыдно ли? Чудесною судьбою
 Не по заслугамъ ты превознесенъ.
 Не заносись, одумайся, Платонъ!
 Все преклоняется въ Россіи предъ тобою
 И охлажденія одинъ лишь ты избѣгъ,
 Такое счастье не можетъ длиться вѣкъ!
 Я предана тебѣ, всѣмъ жертвовать готова,
 И счастьемъ и чувствами къ роднѣ.
 Ты знаешь, я всегда свое исполню слово...

ЗУВОВЪ.

Ну, ну, довольно! Вотъ что нужно мнѣ:
 Предъ этой женщиной умѣло обнаружъ
 Невѣрности и похождения мужа,
 Измучить сердце ей, да такъ, чтобы она
 Узнала, какъ въ своей наивности смѣшна,
 Какъ счастье ея семейное непрочное.
 Но мало этого; намъ надо юный дворъ
 Увѣрить, что она раздула все нарочно,
 Чтобъ властвовать одной, посѣявши раздоръ.
 Чтобъ клеветы она узнала гнетъ тяжелый,
 Чтобъ крѣпко чувствовать она могла уколы,
 И были бы они остры и горячи.

ШУВАЛОВА.

Довольно, понято. Напрасно не учи [удаляется].

ЗУВОВЪ.

Грибовскій, подойди. Я вижу, ты сконфуженъ,
 Ты возмущенъ, что намъ не повезло?
 Чтобъ вырвать съ корнемъ это зло,
 Твой гибкій умъ особенно мнѣ нуженъ.
 Мой праздникъ мнѣ противенъ, и теперь
 Охотно бъ я спровадилъ всѣхъ за дверь.
 Вели поторопить и пѣніе и ужинъ!

[Оборачиваясь и увидя Безбородко].

Простите, графъ, я не замѣтилъ васъ.
 Тутъ небольшая выпла перепалка
 Съ Головиной. Случалось ужъ не разъ,
 А все же мнѣ ее какъ будто жалко.

БЕЗБОРОДКО.

Добра и простодушна, вотъ бѣда.

ЗУБОВЪ.

Да, въ обществѣ прослывши за простую,
Дивлюся я, какъ мало въ ней стыда?
Вѣдь съ Витвортомъ она свела Толстую.
Мужъ возмущенъ, да что же проку въ томъ?
Зачѣмъ къ Головинимъ ее пускаетъ въ домъ,
Гдѣ иностранщины голодной вѣчно стая?
Сближать ихъ у себя она бы не должна:
Мужья ихъ сослуживцы, а Толстая
Съ великою княгинею дружна...

БЕЗБОРОДКО.

У нихъ пристрастіе къ французамъ да къ полякамъ...

ЗУБОВЪ.

Что наша милая великая княжна,
И какъ дѣла идутъ со шведскимъ бракомъ?

БЕЗБОРОДКО.

Надежда на успѣхъ еще не велика.
Хоть съ регентомъ большія переписки,
Но къ соглашенію, однако жъ, мы не близки;
Подробности окончены пока,
Когда же главное рѣшимъ,—вопросъ о вѣрѣ,
Предъ ними распахнемъ гостепрѣимно двери
И при свиданьи все уладимъ въ сентябрѣ,
Когда и праздники начнутся при дворѣ.

ЗУБОВЪ.

Я съ государыней ужъ говорилъ объ этомъ,
Но съ мыслями ея согласенъ не вполнѣ.
Постыднымъ кажется возиться мнѣ
Со шведской гордостью и съ шведскимъ этикетомъ.
Притомъ у короля непостоянный нравъ,
Прикрытый лишь надменностью холодной,
Посланникъ же его предательски лукавъ.
Коль скоро государынѣ угодно,
Я буду помогать, и дѣло не за мной;

2*

Но если мы потерпимъ неудачу
И даже вновь пойдёмъ на нихъ войной,
То я объ этомъ не заплачу.

БЕЗБОРОДКО.

Къ несчастью, въ Персію отправлены полки!
Конечно, побѣдить и мы имѣемъ шансы,
Но затрудненія, однако жъ, велики,
Пока у насъ разстроены финансы,
И въ арміи разбросанность частей.

ШУВАЛОВА [осторожно подходя].

Простите, если я мѣшаю разговору?
Князь, такъ нельзя бросать своихъ гостей,
И я уже наслушалася вздору.
Своимъ явленіемъ ты все разсѣнешъ въ пору,
Какъ Аполлонъ, ты укротишь тотчасъ
Игру дивною на лютняхъ и волторнахъ
Болтливыхъ дамъ, приспѣшниковъ придворныхъ

ЗУБОВЪ.

Я покоряюсь вамъ; но язычекъ у васъ!

ШУВАЛОВА.

Онъ для друзей моихъ всегда къ услугамъ,
Зато враги—не попадайся мнѣ!
Ступай же къ нимъ. Мы сядемъ въ сторонѣ
Потолковать со старымъ другомъ.

[Зубовъ удаляется].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Шувалова, Безбородко, потомъ Чарторижскій, де-Тарантъ, Толстая, Головина и Головинъ.

БЕЗБОРОДКО.

Ахъ, помогли бы вы его недугамъ!

ШУВАЛОВА.

Съ недугомъ были вы сейчасъ наединѣ.
Не бойтесь! Я, вѣдь, это вамъ добра желаю...
Князь Зубовъ вашъ недугъ, другого нѣтъ.

Мнѣ очень жаль, я женщина не злая
И никому не выдамъ вашъ секретъ.
Но шутки въ сторону. Платона я жалѣю,
Онъ такъ заботливо сплеталъ всю эту сѣть,
И вдругъ разстроили невинную затѣю...

БЕЗБОРОДКО.

Конечно, какъ его не пожалѣть?

ШУВАЛОВА.

Однако, это все пока не очень ясно,
И тутъ видна искусная рука.

БЕЗБОРОДКО.

Навѣрно, это все идетъ отъ поляка.
Ихъ ко двору приблизили напрасно,
Имъ сердцемъ преданы великіе князья,
Всегда при нихъ, совсѣмъ одна семья...

ШУВАЛОВА.

Ужъ этотъ князь Адамъ! Вотъ легокъ на поминѣ.
Смотрите, подъ руку съ французскою княгиней.

Князь Чарторижскій и княгиня де-Тарантъ проходятъ, не замѣчая сидящихъ].

ДЕ-ТАРАНТЪ.

У русскихъ все пока зависитъ отъ лица,
Въ ихъ обществѣ еще такъ много дѣтства.
Здѣсь надо дѣйствовать на женскія сердца,
На ихъ тщеславіе и пошлое кокетство.

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Я это часто слышалъ отъ отца;
Но, самъ теперь людей и нравы изучая
И въ обществѣ, и въ царственныхъ дворцахъ,
Я понялъ, какъ силенъ московскій духъ въ сердцахъ,
И въ будущемъ я добраго не чаю.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Но Александръ?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Увы, надежда здѣсь слаба.
Его межъ двухъ огней поставила судьба;

Любимецъ бабушки, однако жъ сынъ послушный,
Отмѣнно вкрадчивый, плѣнительный на видъ,
Всегда мечтательный, нерѣдко двоедушный,
Подобный сфинксу что въ будущемъ сулитъ?

ДЕ-ТАРАНТЬ.

А Зубовъ?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

На него надежды также мало,
Онъ приписалъ себѣ послѣдній нашъ раздѣлъ.
Ужъ Зубовъ при концѣ, а мы глядимъ въ начало,
И кто бъ ни царствовалъ, онъ будетъ не у дѣлъ.

ШУВАЛОВА.

Княгиня, какъ вы музыкой довольны?

ДЕ-ТАРАНТЬ [оборачиваясь].

Простите. Намъ такъ занялъ разговоръ.
Не дурно былъ пропѣть дуэтъ бе-мольный,
А остальное все—ужасный вздоръ.
Мы также слушали малороссійскій хоръ,
Но бѣдный князь Адамъ едва не умеръ,
Пока пѣвцы тянули первый номеръ.

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Признаться, въ музыкѣ я не большой знатокъ.

ШУВАЛОВА.

Присядьте къ намъ, составимте кружокъ.
Наскучивъ пѣніемъ бе-мольнаго дуэта,
Навѣрно лягутся Головина съ Толстой
Блеснуть нарядами и юной красотой.
Толстую очень жаль, несчастная Анета!
Посланникъ англійскій ее околдовалъ,
Всегда у нихъ, повсюду неразлученъ.

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Все отъ бездѣлія, а для семьи—скандалъ.

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Что въ немъ она нашла? И старъ и скученъ.

[Въ глубинѣ сцены появляются Головина и Толстая].

ГОЛОВИНА.

Анета милая, ты бродишь все, какъ тѣнь?

ТОЛСТАЯ.

Я безъ него нигдѣ не нахожу покоя,
О немъ я думаю теперь и ночь и день,
Не радуется меня веселье никакое;
Ни дѣти, ни семья, всѣхъ менѣ мой мужъ;
Все это лишнее, какъ будто бесполезно...

ГОЛОВИНА.

Несчастливая! Вѣдь ты скользишь надъ бездной...
Смотри, ты этихъ чувствъ ему не обнаружи,
Какъ упрекать тебя онъ горько станетъ!

ТОЛСТАЯ.

Онъ такъ теперь своей карьерой занятъ.

ГОЛОВИНА.

Но вспомни, вѣдь у насъ обязанности есть
Оберегать супружескую честь.
Гдѣ жъ сердце у тебя, гдѣ, наконецъ, твой разумъ?

ТОЛСТАЯ.

Сама не вѣдаю, куда все дѣлось разомъ...

ШУВАЛОВА.

Красавицы, идите къ намъ сюда.
Совѣтъ мой вамъ: спокойствія поболѣ!
Ты, Варенька, всегда росла на волѣ,
Волнуешься...

ГОЛОВИНА.

Спокойна я всегда,
Особенной вины я за собой не знаю.

ШУВАЛОВА.

Ну, полно, милая, однако же весь дворъ
Ведетъ теперь объ этомъ разговоръ,
И ловкости твоей дивятся всѣ, родная.

Тебя успѣхи ждутъ большіе впереди,
Но осторожнѣй будь, не повреди
Ты отношенія съ великою княгиней.
Ужъ если на тебя нашелъ подобный стихъ...

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Совѣтовъ, Варенька, не слушайся ничьихъ,
Ты поступила героиней.
Останься жъ вѣрною ты сердцу своему.

ГОЛОВИНЪ [спѣшно входя].

Послушай, Варенька, ищу тебя повсюду,
Что сдѣлалось съ тобою?

[отводитъ жену въ сторону].

Почему

Затѣяла ты эту кутерьму?
Всѣ гости чувствуютъ неловкость и остуду,
Князь мраченъ, всѣ кругомъ повѣся носъ.
Чѣмъ это кончится—еще большой вопросъ,
А князю Зубову доставить огорченье.
Вѣдь онъ злопамятенъ, и такъ на насъ сердить,
Зачѣмъ съ огнемъ играть? Великъ его кредитъ,
Такъ можно пошатнуть все наше положенье,
И это намъ, навѣрно, повредить.

ГОЛОВИНА.

Нотація твоя теперь уже не въ пору,
Да развѣ я способствовать могла
Подобной низости, подобному позору?

ГОЛОВИНЪ.

Довольно, если мы воздержимся отъ зла,
Въ чужія-то зачѣмъ мѣшаться намъ дѣла?
Враги твои всѣхъ болѣ будутъ рады.

ГОЛОВИНА.

Отъ злыхъ волковъ спасаю я овецъ;
А въ жизни лучшей нѣтъ отрады
Для чистыхъ и чувствительныхъ сердецъ.

ГОЛОВИНЪ.

Всегда вредна излишняя опека,
Не цѣнимъ мы чужихъ о насъ заботъ,

А покровителей клянемъ изъ рода въ родъ.
Что дѣлать? Таково ужъ сердце человѣка.

ГОЛОВИНА.

Ты страннымъ говоришь какимъ-то языкомъ,
И на тебя все это не похоже:
Нельзя такъ думать русскому вельможѣ.
Гнѣвъ Зубова всѣмъ хорошо знакомъ,
Но государыня не дастъ меня въ обиду.

ГОЛОВИНЪ.

Конечно, можетъ быть... для виду.

ГОЛОВИНА.

Не вѣрится, она ко мнѣ добра.

ГОЛОВИНЪ.

Но вѣдь къ нему она еще добрѣе?

ГОЛОВИНА.

Что жъ изъ того?

ГОЛОВИНЪ.

А то, что насъ скорѣе
Съ тобою удалить возможно отъ двора.

ГОЛОВИНА.

Ахъ, Николай, что сдѣлалось съ тобою!
Мнѣ кажется, что ты уже не тотъ.
Я думала, ты посланъ мнѣ судьбою
Опорой твердою, защитой отъ заботъ.
И это было все, и такъ еще недавно!
И только съ нѣкоторыхъ поръ
Все измѣнилось въ тебѣ, и слишкомъ явно:
Твой ровный тонъ, твой мягкій разговоръ.
На скромный мой вопросъ ты отвѣчаешь ѣдко,
Сближаешься съ порочными людьми,
Ты вечера проводишь дома рѣдко,
Не такъ ужъ ласковъ ты становишься съ дѣтьми.

ГОЛОВИНЪ.

Мнѣ даже говорить объ этомъ неудобно,
Мнѣ страннымъ кажется, мнѣ думалось всегда,
Подозрѣвать меня ты не способна?
Что я вспылю? Великая бѣда!

ГОЛОВИНА.

Ты сдержанъ былъ...

ГОЛОВИНЪ.

Точь въ точь вашъ англичанинъ?
Все это мелочи; но если цѣлый рядъ...

ГОЛОВИНА.

Какія жъ мелочи? Нѣтъ, люди говорятъ,
Что вѣтренъ ты, что ты непостояненъ.

ГОЛОВИНЪ.

Кого ты слушаешь? Ты знаешь, люди злы,
Одни завидуютъ, другіе просто трусятъ;
Всѣ сплетни свѣтскія—жужжаніе пчелы,
Не обращай вниманья—не укусятъ.

ГОЛОВИНА.

Нѣ трогаютъ меня ни сплетни, ни молва,
Къ злословію во мнѣ, ты знаешь, сердце глухо,
Но иногда нескромныя слова
До моего доходятъ слуха,
И бѣдная моя мутится голова...

ГОЛОВИНЪ.

Нѣтъ, Варенька, ты подъ чужимъ вѣпянемъ.
Столь добрая жена, заботливая мать,
Ты начинаешь все превратно понимать.

ГОЛОВИНА.

Моя любовь мнѣ служить оправданьемъ.

ГОЛОВИНЪ.

Понятно, что ты любишь, какъ жена.

ГОЛОВИНА.

Да развѣ есть любовь другая?

ГОЛОВИНЪ.

Случается; но только, дорогая,
О ней и знать ты не должна.
Будь снисходительна, не мучь себя напрасно,
На эти пустяки не трать безъ нужды силъ...

ГОЛОВИНА.

О снисхожденіи ты прежде не просить,
Нѣтъ, это было бы и горько и ужасно!

ШУВАЛОВА [подходя къ Головиннымъ].

Ну, милые, всему вѣдь мѣра есть.
И дома отъ подобныхъ объясненій
Успѣете другъ другу надоѣсть.

ГОЛОВИНЪ.

Вы, тетюшка, всегда нашъ добрый геній,
Вы—мирный духъ надъ нашею семьей,
Толкую Варенькѣ, а ей все непонятно,
Такъ будьте жъ вы хоть намъ судьей.

ГОЛОВИНА.

Въ судѣ людскомъ все такъ лицепріятно.

ШУВАЛОВА.

По мнѣ, не стоило совсѣмъ и затѣвать,
Все это обошлось бы преспокойно;
Но ты увѣрила, что будто недостойно
Отъ подданныхъ концерты принимать.
Что жъ? Береги ее, свою богиню!
Но, вѣдь, и боги любятъ ѳиміамъ,
Такъ извинительно желать его и намъ.
За что ты бѣдную великую княгиню
Заставила весь вечеръ проскучать?
А вечеръ, какъ нарочно, дивный...
Нельзя же быть всегда такой наивной?

ГОЛОВИНА.

Мнѣ остается слушать и молчать.

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Вы къ Варенькѣ вполнѣ несправедливы.

ШУВАЛОВА.

Напрасно. Мы поемъ на разные мотивы,
И ваши мнѣнія на всѣхъ наводятъ сплинъ.

ГОЛОВИНЪ [увидя входящаго Распощина].

Вотъ тоже обладатель этой тайны.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Растопчинъ.

ШУВАЛОВА [Растопчину].

Ужъ не сообщникъ ли случайный?

РАСТОПЧИНЪ.

Хотите, чтобъ за все отвѣтилъ я одинъ?
 Мнѣ будетъ это не впервые,
 Не даромъ прошлымъ лѣтомъ я
 Въ деревню былъ отправленъ... для життя,
 Чтобъ собирать цвѣточки полевые.

ШУВАЛОВА.

Не рано ль ссылка кончилась твоя?

РАСТОПЧИНЪ.

Мнѣ кажется, что вы, пожалуй, правы:
 Тамъ жизнь привольнѣе, я не искатель славы.

ЧАРТОРИЖСКІЙ [подходя къ Растопчину].

Что князь?

РАСТОПЧИНЪ.

Судить такъ трудно по лицу
 Всесильнаго и умнаго вельможи,
 Но, видимо, и онъ доволенъ тоже,
 Что музыка подходитъ ужъ къ концу.
 Да кстати, вотъ сигнальная ракета!

[Вправо за сценой слышно въ отдаленіи шипѣніе
 ракеты и виденъ мерцающій свѣтъ].

За озеромъ пускаться собираются огни.

ШУВАЛОВА.

Что жъ? Поглядимъ, какъ справятся они?

[къ Безбородко].

Вы съ нами, графъ?

[Толстой].

И ты пойдешь, Анета?

БЕЗБОРОДКО.

Хоть ноги плохо служатъ на бѣду,
Но дѣлать нечего, велите—я иду.

[Безбородко подаетъ руку Шуваловой, за ними Чарторижскій съ де-Тарантъ, Головинъ съ Толстою, Головина садится, Растопчинъ стоитъ около въ неувѣренности].

ГОЛОВИНЪ [ведя Толстую].

Графинюшка, вы смотрите уныло?

ТОЛСТАЯ.

Глубокая тоска мнѣ давить грудь.

[Всѣ удаляются, кромѣ Головиной и Растопчина].

РАСТОПЧИНЪ.

Всѣ тронулись. Угодно вамъ взглянуть?

ГОЛОВИНА.

Къ чему? Мнѣ это все давно постыло.

[Изъ сада доносятся звуки музыки].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Растопчинъ, Головина, въ концѣ Грибовскій и Зубовъ.

РАСТОПЧИНЪ.

О, какъ теперь я понимаю васъ!
Какъ я сегодня любовался вами,
Когда однѣ, окружены волками,
Спокойны подъ огнемъ зловѣщихъ глазъ,
Вы всѣхъ смутили дивной простотою.
Такъ вотъ они, притворные друзья!
Когда бъ не стыдъ, да вѣдь молился бъ я
Предъ вами, на колѣняхъ стоя!

ГОЛОВИНА.

Ну, полноте, не смѣйтесь надо мной;
Я въ мысли Зубова проникла, но не сразу,
А планъ его былъ темный и дрянной.

РАСТОПЧИНЪ.

Онъ разнесетъ вездѣ свою заразу!

ГОЛОВИНА.

Тутъ снисходительность нужна,
Ужъ такова его природа...

РАСТОПЧИНЪ.

Природа? Можетъ быть. А все-таки скверна
Сирена мужескаго рода!

ГОЛОВИНА.

Однако мнѣ ужасно тяжело;
Я, добрый другъ, собою не довольна.
Мой Николай выносить это зло,
Мнѣ за него обидно, горько, больно.

РАСТОПЧИНЪ.

Вы правы. Мнѣ казалось иногда,
Что даже въ немъ, къ несчастію, дурное
Вліяніе оставила среда.
Конечно, это все лишь напускное,
И тѣ, кто съ нимъ, какъ я, всего дружнѣй,
Въ безопасности его находятъ оправданье.
Но если бы судьба была умнѣй
И надѣляла всѣхъ насъ по призванью,
Навѣрно, я любилъ бы васъ нѣжнѣй!

ГОЛОВИНА [вставая].

Одумайтесь... Да это вѣдь признанье?
И въ ваше сердце заползла змѣя!
Иль уваженья больше я не стою,
И вы меня считаете пустою?
Женатый человѣкъ! У васъ уже семья.
Подумайте, легко ль утратить вѣру
Въ тѣхъ, кто мечтой взнесенъ на пьедесталь,
Кто добродѣтели давалъ и вѣсь и мѣру?

РАСТОПЧИНЪ [закрывая лицо руками].

О, какъ себѣ теперь я гадокъ сталъ!
И если бъ вашъ упрекъ звучалъ сурово?
Въ моемъ безуміи я, право, не пойму,
Что сдѣлалось со мной. Зачѣмъ и почему?..

Забудьте, я молю, забудьте. Дайте слово,
Что изъ ума и сердца навсегда
Вы это вырвете безъ всякаго слѣда.
Велите умереть, назначьте мнѣ мученье.
Порывистость моя виною этихъ словъ
Безумныхъ. Все я выполнить готовъ,
Чтобъ только заслужить у васъ прощенье.

ГОЛОВИНА.

Вашъ приговоръ ужъ черезчуръ суровъ,
Въ другихъ я понимаю увлеченье
И васъ, мой другъ, не стала бы казнить
За вздоръ такой, неловкость, неумѣтность...

РАСТОПЧИНЪ.

Такъ я прощень? Я буду снова жить?
Всего ужаснѣе была бы неизвѣстность!

[Наклоняется и горячо цѣлуетъ руку].

ГРИВОВСКІЙ [осторожно подходит и приподы-
мая шляпу, вкрадчивымъ голо-
сомъ].

Графиня, къ ужину позвольте васъ просить.

[Головина вздрагиваетъ; въ отдаленіи показывается Зубовъ и пристально смотритъ].

ЗАНАВѢСЬ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Уголь богатой гостиной въ домѣ графа Безбородко въ Полюстровѣ. Въ глубинѣ двери: направо въ галерею, налево въ залъ. Большое освѣщеніе, карточные столы. Направо на авансценѣ за ширмою канале и кресла. Въ глубинѣ движеніе гостей, въ маскахъ и безъ масокъ. За однимъ изъ карточныхъ столовъ Безбородко и Головинъ играютъ въ пикетъ. Олечка и Розали расположились за ширмой, съ масками въ рукахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Олечка, Розали, Безбородко, Головинъ.

ОЛЕЧКА.

Съ нимъ очень просто. Посчитаюсь крупно
И не останусь никогда въ долгу.

РОЗАЛИ.

Съ твоимъ умомъ тебѣ все такъ доступно!
Никакъ налюбоваться не могу
На брошь твою съ брильянтовымъ аграфомъ,
Легко тебѣ съ твоимъ богатымъ графомъ;
Онъ всѣмъ поклонникамъ—живой примѣръ.

ОЛЕЧКА.

Я въ немъ цѣню покорность, постоянство;
Пріятнѣй былъ бы мнѣ красивый офицеръ,
Но смерть боюсь: пойдутъ игра да пьянство.
А чѣмъ же не хорошъ твой Головинъ?

РОЗАЛИ.

Какая жъ это жизнь? Позоръ одинъ!
Помилуй, задолжала всюду въ лавки,
И совѣстно казаться торгашамъ.
Сулилъ онъ мнѣ три тысячи на булавки,
А деньги выдаются по грошамъ.
Да жаль его. Не даромъ всѣ мы дуры,
Меня устроилъ бы давно банкиръ-еврей,
Да нехристь онъ, я удавлюсь скорѣй!..
Ужъ мнѣ Грибовскій началъ строить куры.

ОЛЕЧКА.

Ну, для тебя такой поклонникъ простъ.

РОЗАЛИ.

Не говори. Теперь онъ входитъ въ ростъ
И, еслибъ только я была кокеткой...

ОЛЕЧКА.

Онъ къ намъ теперь бываетъ очень рѣдко.

РОЗАЛИ.

Сегодня будетъ, прямо такъ сказалъ:
«Въ обѣдъ не попаду, а прикачу на бать».
Боюсь, чтобъ онъ не сталъ моимъ кумиромъ!

ОЛЕЧКА.

Что Одея твой?

РОЗАЛИ.

Растетъ не по годамъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Растопчинъ, за нимъ Сутерланъ.

РАСТОПЧИНЪ [подходя къ Розали].

Вы здѣсь? А я искалъ васъ по садамъ,
Чтобъ познакомилъ меня съ банкиромъ.

РОЗАЛИ [оглядываясь].

Онъ тутъ порхаетъ между балеринъ
И прячется отъ насъ за эти ширмы,
Раскрашенъ и разряженъ, какъ павлинъ.

[Отыскавъ Сутерлана и подводя къ Растопчину].

Самъ Сутерланъ, глава извѣстной фирмы,
Пріятель мой: полковникъ Растопчинъ!

[Отходить съ Олечкой къ карточному столу, становятся за Безбородкой Головиннымъ].

СУТЕРЛАНЪ.

Я очень счастливъ, мнѣ весьма пріятно.

РАСТОПЧИНЪ.

Навѣрно, васъ предупредилъ мой другъ
О важномъ дѣлѣ?

СУТЕРЛАНЪ.

О, мнѣ все понятно!
Я все обдумалъ, но нельзя же вдругъ.
Подумайте, легко ли: полъ-миліона?!

РАСТОПЧИНЪ.

Но вы имѣете достаточно порукъ?

СУТЕРЛАНЪ.

Что въ нихъ? Лишь та высокая персона...

РАСТОПЧИНЪ.

Мое имѣніе, имѣнія жены,
Семья Голицыныхъ, а съ ней Головины...

СУТЕРЛАНЪ.

Графъ Головинъ и такъ мнѣ долженъ много,
А тамъ еще что будетъ впереди!
А государыня? Лишь слухъ до ней дойди,
Она со мной поступитъ очень строго
И удалить, пожалуй, изъ столицъ?
Для цесаревича заемъ, конечно, мелкій...

РАСТОПЧИНЪ.

Вы знаете, что въ денежные сдѣлки
Нельзя замѣшивать такихъ высокихъ лицъ.

СУТЕРЛАНЪ.

Не надо подписи, но ласковое слово
Цѣннѣе золота бываетъ иногда.

Съ моей душой, служить всегда готовой,
Вѣдь, честь дороже денегъ, господа!

РАСТОПЧИНЪ.

Но въ общемъ вамъ подходятъ ли условия?
Повѣрьте, васъ не позабудетъ онъ.

СУТЕРЛАНЪ.

Къ такимъ дѣламъ я отношусь съ любовью,
Но.... ежели онъ не взойдетъ на тронъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Такихъ примѣровъ не было въ Россіи...

СУТЕРЛАНЪ.

Однако же царевичъ Алексѣй?

РАСТОПЧИНЪ.

Что съ вами? Предъ лицомъ Европы всей?
Объ этомъ ужъ заботятся другіе,
Я честию вамъ ручаюсь...

СУТЕРЛАНЪ.

О, тогда!

Я вѣрю, что взойдетъ его звѣзда.
Царевичу я преданъ непритворно,
Служить ему готовъ не я одинъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Чтобъ кончить все, ко мнѣ прошу покорно,
Вы, говорятъ, большой знатокъ картинъ?

СУТЕРЛАНЪ.

О, да, вполне. Въ картинахъ толкъ я знаю
Не менѣе, чѣмъ въ женской красотѣ.
Вѣдь тиціанову я отыскалъ Данаю?
Въ тѣни завѣсъ, въ роскошной наготѣ
Любуется дождемъ изъ золота надъ нею,
Съ восточной нѣгою, разлитой по лицу!
Когда я прохожу случайно по дворцу,
То передъ этою картиной столбенѣю.
Да, золото великій талисманъ!
Не старится, хотя и потускнѣеть.

РАСТОПЧИНЪ [треплетъ его по плечу].

Цѣнить его никто не разумѣетъ,
Какъ нашъ банкиръ придворный Сутерланъ!

СУТЕРЛАНЪ.

Повѣрьте, я готовъ служить изъ чести...

РАСТОПЧИНЪ.

Такъ кончимъ все до пятого числа?
Насъ не должны здѣсь долго видѣть вмѣстѣ,
До скорого свиданья.

[Подходить къ Безбородко, Сутерланъ исчезаетъ].

Какъ дѣла?

БЕЗБОРОДКО.

Да скверно, безъ тебя тутъ безпорядки,
Я восемь насчитать могу едва.

ГОЛОВИНЪ [открывая свои карты].

Шесть и шестнадцать, двадцать два.
Четырнадцать валетовъ, три десятки,
Вы ходите, беру подъ рядъ всѣ взятки,
Съ капотомъ, съ лэзою сто тридцать пять.

БЕЗБОРОДКО.

Безжалостно. Я проигралъ опять!
Въ противность правилу, ему во всемъ удача,—
Не правъ ли я, скажите, Розали,—
И въ картахъ и въ любви?

ГОЛОВИНЪ.

Графъ, ваша сдача.

БЕЗБОРОДКО.

Да ужъ окончены всѣ наши короли,
Всѣ вами взяты, проигралъ злодѣю,
Пожалуй, съ тысячу?

ГОЛОВИНЪ [подсчитывая].

Нѣтъ, цѣлыхъ двѣ имѣю.

РОЗАЛИ.

Ну, Николай, ты нынче молодець,
Я скоро ждать начну твои подарки.

ОЛЕЧКА.

А я все жду, настанетъ ли конецъ.

БЕЗБОРОДКО [равсчитываясь].

Не время ли за плясъ, мои сударки?

ОЛЕЧКА.

Мы графа ждемъ, всѣ наши гости въ паркѣ,
Съ обѣда не успѣли отдохнуть.

РАСТОПЧИНЪ.

Лѣнливо собираются танцоры,
А, кажется, здѣсь царство Терпсихоры,
И къ радостямъ любви свободный путь?

БЕЗБОРОДКО [принимаясь за пасьянсъ, Голо-
вину].

Вы часто ль, графъ, выдаете Толстого?

ГОЛОВИНЪ.

Встрѣчаемся по службѣ что ни день,
Но ѣздить къ намъ онъ пересталъ безъ зова.
Все некогда; вѣрнѣй всего, что лѣнь.
Мы встарину съ нимъ были очень дружны,
Да, видно, нынѣ ужъ не слишкомъ нужны,
А тутъ бѣдастряслась съ его женой,
Кому жъ такіе случаи пріятны?
Онъ человекъ властительный и знатный,
Не хочетъ въ роли быть смѣшной.
Бѣдняжка, возится съ своимъ кумиромъ,
Хоть образумиться давно бы ей пора.
Не разъ я говорилъ: какого ждать добра
Въ союзѣ граціи съ такимъ сатиромъ?

БЕЗБОРОДКО [къ Розали].

Съ кѣмъ танцы вы начнете, Розали?

РОЗАЛИ.

Съ Грибовскимъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Съ этимъ выходцемъ изъ ада?
Удачнѣ вы выбрать не могли.

БЕЗБОРОДКО [взглядывая на выходящія изъ
галлерей пары].

Не холодно ль, что всѣ бѣгутъ изъ сада?

ОЛЕЧКА.

Нѣтъ, видно, гаснуть начали огни.

РОЗАЛИ [отводя Головина].

Мнѣ говорить съ тобой сегодня надо.

ГОЛОВИНЪ.

Не мѣсто здѣсь совсѣмъ для болтовни.

РОЗАЛИ.

Болтать съ тобой ужъ миновало время,
И долго ждать, чтобъ были мы одни.
Я знаю ваше вѣтреное племя,
Искусниковъ вездѣ срывать цвѣты,
Разыгрывать вздыхателей—для виду,
Но отъ меня не отвергнись ты:
Я не изъ тѣхъ, чтобъ дать себя въ обиду.

ГОЛОВИНЪ.

Да что ты? Въ каждомъ дѣйстви простомъ
Ты видишь только сторону дурную.
Вѣдь, я тебя напрасно не ревную?

РОЗАЛИ.

Ну, это мы увидимъ все потомъ.
Когда такимъ родишься безсердечнымъ,
Всегда во всемъ съ другими будешь правъ.

[Розали отходятъ въ дверямъ, ведущимъ въ галерею, откуда постепенно выходятъ, проходя въ залъ, гости. Головинъ уводитъ туда же подъ руку Олечку].

ЯВЛЕНИЕ II.

Безбородко, Растопчинъ, вдали Розали.

БЕЗБОРОДКО [взглянувъ вслѣдъ удаляющемуся Головину].

У друга твоего веселый нравъ,
Всегда готовъ водиться съ первымъ встрѣчнымъ,
Есть слухъ, не прочь чужихъ морочить женъ,
Знать, подъ звѣздой счастливою рожденъ,
Я не видалъ его иначе, какъ безпечнымъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Нѣтъ, жизнь его теперь не весела,
Съ графинею у нихъ идетъ не гладко,
Безпечностью, отсутствіемъ порядка
Изрядно поразстроилъ онъ дѣла,
А послѣ царскосельской серенады
Клеветы Зубова ведутъ подъ нихъ подкопъ
Съ большою хитростью, не вѣдая пощады,
Того гляди, спровадятъ живо въ гробъ!

БЕЗБОРОДКО.

Ужъ будто онъ такъ мстителенъ и злобенъ?
Я, право, не могу его постичь.

РАСТОПЧИНЪ.

А ясно, кажется: онъ просто божій бичъ.
Не даромъ онъ лукавъ, женоподобенъ,
Съ улыбочкою томной на устахъ.
Извѣстно, что опаснѣйшія свойства
Скрываются всегда въ такихъ чертахъ.
Откуда же всѣ наши неурейства?
Не диво ли, что этотъ пустозвонъ
Ужъ мнитъ себя великимъ человѣкомъ,
И тѣнь Потемкина ему смущаетъ сонъ.

БЕЗБОРОДКО [со вздохомъ].

Ахъ, не ровняй съ тѣмъ невозвратнымъ вѣкомъ,
Не поминай о славной той порѣ!

РАСТОПЧИНЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ стянулъ къ себѣ всѣ нити,
Способностямъ нѣтъ хода при дворѣ,
Всѣ загнаны. Державина возьмите,
Онъ не одинъ, ему подобныхъ тьма.

БЕЗВОРОДКО.

Въ немъ, правда, даръ великій стихотворства,
Но человѣкъ тяжелого ума
И въ нравѣ неприятное упорство.

РАСТОПЧИНЪ.

А Трощинскій? Чего жъ еще умнѣй?
Подумаешь, теперь Грибовскій сила!
Тутъ вашъ грѣшокъ: вѣдь, этотъ змѣй
Съ улыбкой ангела, съ душою алгвазила...

БЕЗВОРОДКО.

То правда, вскормленъ на груди моей.

РАСТОПЧИНЪ.

Но милостей онъ прежнихъ ужъ не цѣнить,
Хоть вышелъ въ люди, вамъ благодаря.

БЕЗВОРОДКО.

Разборчивѣй бери секретаря,
Почти всегда предасть или измѣнить.

РАСТОПЧИНЪ.

Всѣмъ видны Зубова великія дѣла:
Вездѣ растлѣніе, повсюду бездна зла,
И я исходъ предчувствую печальный.

БЕЗВОРОДКО.

Что дѣлать, братъ? Ихъ сила верхъ взяла,
Онъ человѣкъ универсальный!

РАСТОПЧИНЪ.

Обидно то, что въ этакихъ рукахъ
Главнѣйшіе дѣла и интересы,

Что вы сторонитесь, а разные повѣсы
Плывутъ на полныхъ парусахъ
И тѣшатся своей мишурной славой,
И все глядитъ изъ ихъ нечистыхъ рукъ,
Что съ ними даже старшій царскій внукъ,
И Чарторижскіе со всей своей аравой,
Весь юный дворъ за ними по слѣдамъ...

БЕЗВОРОДКО.

При молодомъ дворѣ вашъ князь Адамъ
Соперникъ Зубова.

РАСТОПЧИНЪ.

Ну, это слишкомъ смѣло!

БЕЗВОРОДКО.

Ихъ самомятною нынче нѣтъ предѣла.
[Бросая карты, встаетъ, беретъ Растопчина за руку].
Все это мнѣ сносить не по годамъ,
Душа измучилась, и сердце наболѣло!
Повѣришь ли, одной живу мечтой:
Устроивши Густава бракъ съ царевной
И миру сѣвера могучій давъ устоя,
Препраду положить опасности вседневной;
Затѣмъ ужъ навсегда съ житейской суетой
Разтаться и въ Москву...

РАСТОПЧИНЪ.

Да это святотатство!
Тогда во всемъ восторжествуетъ зло!
А власть, почеть, вліянье и богатство?

БЕЗВОРОДКО.

Я не искалъ, оно само пришло.
Копить богатствъ мнѣ нѣтъ причины,
Богатство хорошо, какъ рама для картины;
Но если съ рамою возиться цѣлый вѣкъ,
То въ этомъ главное погибнетъ—человѣкъ.
Повѣрь, я говорю безъ всякаго расчета,
Не надо власти мнѣ, вліянья и почета,
Жаль государыню, не жалко должностей...

РАСТОПЧИНЪ.

Дивлюсь я вамъ! Сейчасъ, пройдя по заламъ,
Я наблюдалъ смѣшеніе гостей:
Подьячіе тутъ рядомъ съ генераломъ,
Банкиръ голландскій съ гвардіи капраломъ,
Охота вамъ возиться съ мелкотой?

БЕЗБОРОДКО.

Я не смотрю на то, кто знатенъ,
Чей полонъ, чей кошель пустой,
По мнѣ, лишь былъ бы нравъ пріятенъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Но въ женщинахъ, конечно, съ красотой?

БЕЗБОРОДКО.

Предъ свѣтомъ я не надѣвалъ личины,
Кто безъ грѣха? [Увидя входящаго изъ галлерей Грибовскаго].

А, дорогой землякъ!

Спасибо, что мои припомнилъ именины,
Не часто видимся, какія бы причины?
Ужъ я раздумывалъ и такъ и сякъ...

[Растопчинъ, косо взглянувъ на Грибовскаго, удаляется въ залъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Безбородко, Грибовскій, Розали.

ГРИВОВСКІЙ.

Вы, графъ, ко мнѣ немилостивы стали,
Таитесь отъ прежняго слуги,
Все наговоръ одинъ, повѣрьте, все враги.

БЕЗБОРОДКО.

О милостяхъ ты говоришь проста ли?
Нѣтъ, не привыкъ я дѣйствовать тайкомъ,
Какія отъ тебя быть могутъ тайны?
Мы вспоены однимъ съ тобою молокомъ,
Чего намъ чваниться? Мы оба изъ Украйны.
Какая въ милостяхъ моихъ тебѣ нужда?
Ты скоро станешь самъ вельможей.

ГРИБОВСКІЙ.

Довѣрье ваше мнѣ всего дороже,
И сохранить его желалъ бы я всегда.

БЕЗБОРОДКО.

Ты облеченъ довѣріемъ царицы,
Я въ исполнителя простого обращенъ,
Такихъ, какъ я, отнынѣ легіонъ;
Тебѣ подобныхъ—развѣ единицы?
Лѣнивцемъ вы прославили меня,
И не гоняюсь я, ты знаешь, за дѣлами,
Уже давно я дожидаюсь дня,
Чтобы порхнуть свободными крылами
И съ беззаботностью о славѣ, о молвѣ
Спокойно дни мои оканчивать въ Москвѣ.

ГРИБОВСКІЙ.

Нѣтъ, никогда я не былъ лицомъ бромъ
И, какъ учителю, отвѣчу напрямикъ,
Что если я чего нибудь достигъ,
Лишь оттого, что васъ имѣлъ примъ бромъ.
Мы преклоняемся предъ вами, вѣрьте, графъ!

[Изъ зала раздаются звуки менуэта; Розали, стоявшая поодаль въ нетерпѣніи, быстро подходитъ къ Безбородко].

РОЗАЛИ.

Позвольте завладѣть любезнымъ кавалеромъ?

БЕЗБОРОДКО.

Я уступаю силѣ вашихъ правъ,
Склоняясь предъ звѣздой балетной...

[Грибовскій увлекаетъ Розали, надѣвающую маску; игроки окружаютъ Безбородко и вмѣстѣ съ нимъ отходятъ къ дверямъ смотрѣть на танцы. Изъ галлерей осторожно входятъ графини Шувалова и Головина, обѣ въ домино и въ маскахъ; немного погодя, за ними крадется Сутерланъ].

ЯВЛЕНИЕ IV.

Шувалова, Головина, въ отдаленіи Сутерланъ.

ШУВАЛОВА.

Вотъ видишь, я была вполнѣ права,
Что мы пройдемъ повсюду незамѣтно.

ГОЛОВИНА.

Въ груди стучить, мутится голова,
Въ глазахъ мелькають огненные круги...
Я на ногахъ держусь едва-едва,
Какъ будто въ лихорадочномъ недугѣ...

ШУВАЛОВА.

Ты овладѣть собой теперь должна,
Ничто не достигается безъ риска.

ГОЛОВИНА.

Какая цѣль тревогъ и мукъ нужна,
Чтобъ чувствами такъ опуститься низко,
Чтобъ всѣмъ завѣтнымъ пренебречь заразъ?
Напрасно я противилась упорно,
Чтобъ нынѣ, подчиняясь такъ покорно,
Воочію увидѣть безъ прикрасъ
Свое несчастіе?

ШУВАЛОВА.

Да, счастье хрупко,
Надъ нимъ всегда виситъ дамокловъ мечъ,
Но надобно изъ каждаго поступка
Умѣть одно полезное извлечь.
Вотъ табуретъ. Привстань, гляди все прямо,
И наблюдать и видѣть—здѣсь просторъ,
Вотъ, рядомъ съ Николаемъ, эта дама,
Съ которой онъ вступаетъ въ разговоръ,
Здѣсь за хозяйку съ нѣкоторыхъ поръ.
Какая грація и роскошь туалета!
А вотъ съ Грибовскимъ рядомъ—Розали.

ГОЛОВИНА.

Откуда жъ вы узнать ихъ такъ могли?

ШУВАЛОВА.

Да это все танцорки изъ балета,
Весь городъ къ нимъ привыкъ уже давно;
Ихъ прошлое покрыто часто мракомъ,
Но многія ведутъ себя умно
И съ знатными людьми кончаютъ бракомъ.

ГОЛОВИНА.

Пороками себя роняетъ знать.

ШУВАЛОВА.

Къ несчастью, да. Твое сужденье вѣрно,
Но только строгостью чрезмѣрной
Изъ общества нельзя порокъ изгнать.
Да и къ чему? Всѣ эти пѣсни стары!

СУТЕРЛАНЪ [осторожно приближаясь къ Шуваловой].

Переступивъ сейчасъ черезъ порогъ,
Почувствовавъ таинственныя чары,
Я одолѣть волненія не могъ

[Головина отходить, волнуется]

И приближаюсь съ трепетомъ понятнымъ:
Съ предчувствіемъ спѣша на маскарадъ,
Не обманулся я, и былъ бы радъ
Вамъ сдѣлаться хоть чѣмъ нибудь пріятнымъ:
Оказывать услуги—мой завѣтъ!

ШУВАЛОВА.

Ступайте прочь! Къ чему всѣ эти сказки?

СУТЕРЛАНЪ.

Не брезгайте, плѣнительныя маски.
Желающимъ проникнуть въ нашъ балетъ
Я—вѣрный путь, со мной успѣхъ и слава.
Не правда ли, я сразу понялъ васъ:
Для графа здѣсь готовится забава [указывая на Головину].
Подъ этой маской—дорогой алмазъ?
Жаль, что старикъ измѣнчиваго нрава
И сердцемъ преждевременно угасъ!
Вамъ скажутъ всѣ, кто знаетъ Безбородко.

И, если я рѣшаюсь вамъ помочь,
 Чтобъ отъ него избавить вашу дочь.
 Мы съ нимъ издавна на ногѣ короткой,
 Онъ такъ и говоритъ мнѣ: «милый другъ».
 Мы—ветераны.

ШУВАЛОВА.

Это все прекрасно,
 Но насъ прошу избавить отъ услугъ!

СУТЕРЛАНЪ.

Вы избѣгаете меня совсѣмъ напрасно.

ШУВАЛОВА.

Я вижу, вы ужаснѣйшій нахаль.

СУТЕРЛАНЪ.

Что жъ изъ того? Здѣсь не придворный балъ.
 Я въ обществѣ веду инныя рѣчи.
 Здѣсь веселятся всѣ—и младъ, и старъ,
 Здѣсь не скрываютъ ногъ и обнажаютъ плечи
 А красота, невинность—здѣсь товаръ.

ГОЛОВИНА [тихо Шуваловой].

Отъ этого рѣшительнаго плута
 Нельзя ли будетъ отвязаться намъ?
 Я мучаюсь, гляжу по сторонамъ,
 Мнѣ дорога здѣсь каждая минута. [Отходить].

СУТЕРЛАНЪ.

Повѣрьте, если бъ я назвался вамъ,
 Вы на меня взглянули бы иначе,
 Такихъ, какъ я, въ Россіи только два,
 И оба здѣсь теперь на этой дачѣ,
 Пусть у него сильнѣе голова,
 Зато ужъ я, навѣрное, богаче...

ШУВАЛОВА.

Вы съ этого бы начали давно,
 Все остальное—лишняя тирада,
 Намъ душно здѣсь...

СУТЕРЛАНЪ [дѣлая быстрое движеніе].

Я отворю окно?

ШУВАЛОВА [останавливая].

Нѣтъ, вотъ что: два стакана лимонада
И ждите насъ въ ротондѣ угловой.
Я вижу, вы мужчина съ головой,
Мы выйдемъ вмѣстѣ всѣ калиткой сада.

СУТЕРЛАНЪ.

Лечу, лечу, какъ лань неуловимъ!
За ужиномъ возьму осадой Трою,
А тамъ, быть можетъ, имъ открою
Мой маскерадный псевдонимъ!

[Быстро удаляется въ галерею].

ШУВАЛОВА.

Ну, Сутерланъ, потѣшусь я надъ нимъ,
Хорошъ банкиръ, любитель маскерадовъ!

ГОЛОВИНА.

Какъ можно въ домъ пускать подобныхъ гадовъ?
Противный, невозможный господинъ.
Я вынесла ужаснѣйшую муку!
Вотъ танцы кончились, и Растопчинъ
Приблизился и взялъ его подъ руку,
Уйдемъ скорѣй!

ШУВАЛОВА [удерживая ее].

Нѣтъ, лучше подождемъ.

[Отводить ее и усаживаетъ за ширмы, музыка утихаетъ].

Терпѣніе, и соберися съ духомъ,
Чтобъ рѣчи ихъ усвоить чуткимъ слухомъ,
Когда они появятся вдвоемъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Растопчинъ и Головинъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Не сравнивай меня со здѣшной знатью,
Не говори, что я чрезмѣрно строгъ.
Не мудрено. Вѣдь, мы съ тобой, какъ братья!

Ты добръ, но вѣтренъ, это не порокъ,
 Но изрѣдка теряешь чувство мѣры,
 Не сознаешь или не видишь зла.
 Неужто эта жизнь тебѣ мила,
 И вырваться изъ душевной атмосферы
 Въ тебѣ самомъ желанья вовсе нѣтъ?
 Иль эти узы такъ нерасторжимы,
 Что ты уже не въ силахъ видѣть вредъ
 Своей семьѣ, всечасно наносимый?
 Скажи, зачѣмъ—вѣдь, ты себѣ не врагъ—
 Забросилъ ты семейный свой очагъ?

ГОЛОВИНЪ.

Я слушаю спокойно, терпѣливо,
 Такъ говорить причина быть должна?
 Неужто Варенька? Возможно ль, чтобъ она
 Съ душой чувствительной, самолюбивой
 Въ свои завѣтныя, семейныя дѣла
 Такъ близко посвятить тебя могла?

РАСТОПЧИНЪ.

Ну, вотъ еще. Мнѣ, право, видѣть больно,
 Какъ ты превратно понялъ рѣчь мою.
 Вѣдь за тебя и за твою семью
 Я сердцемъ сокрушаюся невольно.
 Къ чему винить другихъ? Вѣдь ты
 Не вѣришь самъ и вѣдаешь отлично,
 Что нѣтъ такой душевной чистоты,
 Какъ у нея, любви столь безграничной,
 Которой ты пренебрегалъ давно!
 Бываютъ слезы, иногда не зримы,
 Но чувствовать ихъ сердцемъ намъ дано!

ГОЛОВИНЪ.

Да это слезы женщины любимой!
 Спасибо за признанье, вѣрный другъ.
 Вотъ ты всегда такой нетерпѣливый...
 Не такъ ужъ я чрезмѣрно близорукъ,
 Но хорошо, что мужъ я не ревнивый,
 Да Вареньку мнѣ ревновать грѣшно,
 Къ тебѣ же ревновать—совсѣмъ нелѣпо,
 И вѣрю ей я безгранично, слѣпо.
 Признаться, даже мнѣ порой смѣшно,
 Насколько чужды ей всѣ эти бредни.

Не важенъ, правда, бытъ семейный мой,
 Но самъ, вѣдь, ты мнѣ сказывалъ намедни,
 Что Варенька въ дому окружена чумой.
 Не это ль, самъ суди, всему причиной?
 Когда бы ни вернулся я домой,
 Ихъ общество всегда у насъ въ гостиной.
 Пригрѣли мы княгиню де-Тарантъ,
 Съ ней напозлаи аббаты и маркизы,
 И всѣ—хозяева, у всѣхъ свои капризы,
 Что день, то новый эмигрантъ.
 Могу ли я всегда, не лицемѣря,
 Выслушивать ихъ однотонный вздоръ,
 Ихъ розказни о превосходствѣ въ вѣрѣ,
 О варварствѣ Россіи вѣчный споръ?

РАСТОПЧИНЪ.

Но согласись, что это лишь забавно,
 Что собственно худого въ этомъ нѣтъ:
 Все это, наконецъ, явилось такъ недавно,
 А связь твоя ужъ длится много лѣтъ?
 И если бы ты счастливъ былъ безмѣрно?
 Нисколько! Распатавъ семейный строй,
 Ты съ Розою дѣла ведешь прескверно
 И чаще вечера проводишь за игрой.
 Могу ли я спокойными глазами
 Смотрѣть, какъ другъ, въ глаза твоей женѣ
 И чувствовать, что втайнѣ, въ тишинѣ,
 Они полны смущеньемъ и слезами?
 Нерѣдко ты небреженъ и жестокъ.
 Вотъ Царское. Она, съ душою кроткой,
 Даетъ временщику такой урокъ,
 И что въ тебѣ встрѣчаетъ? Лишь упрекъ,
 Да кѣмъ еще прикрытый? Злою теткой!

ГОЛОВИНЪ.

Ну, въ этомъ я вполне неуязвимъ,
 И оправдаться мнѣ совсѣмъ не трудно:
 Шувалова вертѣтъ умѣетъ имъ,
 А съ Zubовымъ борются безразсудно.
 Онъ для нея все прежній херувимъ.
 [Шувалова нервно встаетъ, Головина ее удерживаетъ].
 По-старому, онъ дорогъ ей и нынѣ,
 Онъ цѣли съ ней, какъ съ многими, достигъ,
 И за одинъ минувшій счастья мигъ
 Онъ ею властвуетъ, какъ вѣрною рабыней...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Розали [подкрадываясь изъ зала].

РОЗАЛИ.

Насталъ же наконецъ и мой чередъ...

РАСТОПЧИНЪ.

Я удалюсь?

РОЗАЛИ.

Зачѣмъ? Вы самый близкій
И знать должны, что на себя беретъ
Вотъ этотъ человѣкъ и злой, и низкій...

ГОЛОВИНЪ.

Да что жъ это? Откуда эта прыть?

РОЗАЛИ.

Не знаешь ты? А цѣлыя недѣли
Гдѣ пропадать изволилъ? Неужели
Ты думалъ отъ меня свои продѣлки скрыть?

ГОЛОВИНЪ.

Дворъ въ Царскомъ былъ...

РОЗАЛИ.

Но знаю я отлично,
Что въ городъ вы приѣхали давно,
Мы днями цѣлыми сидимъ, глядимъ въ окно,
Сосѣдей совѣстно, предъ ними неприлично!
А Федя ждетъ обѣщанныхъ солдатъ,
И если ужъ со мной тебѣ немило,
То, вѣдь, сынокъ ни въ чемъ не виноватъ.

ГОЛОВИНЪ.

Здоровъ ли онъ?

РОЗАЛИ.

Хранимъ небесной силою,
Играетъ, рѣзвится нашъ милый голубокъ,
Что утро—крестному готовить онъ стишокъ,
Въ саду, когда хорошая погода.
Приѣхалъ бы? А то глядишь все въ лѣсъ...

ГОЛОВИНЪ.

Ахъ, Розочка, пришла къ намъ эта мода,
Чтобъ знатнымъ людямъ содержать метрессъ,
И вотъ съ тобой я въ эту петлю влѣзъ!

РОЗАЛИ.

А счастливъ былъ вотъ ужъ четыре года?..

ГОЛОВИНЪ.

Не стану врать, случалось иногда.
Хоть постоянство мнѣ совсѣмъ не сродно,
А все жъ я дѣлалъ, что тебѣ угодно.
Я тотъ же все; но, вѣдь, идутъ года,
Тамъ служба, тамъ дѣла,—заботъ немало!
По совѣсти скажи, для счастья полноты
Чего еще тебѣ не доставало?
Заботы всѣ и всѣ мои мечты...

РОЗАЛИ.

Отмѣнная твоя о насъ забота!
Смотрѣла я на домъ у Козьяго болота,
Сквернѣе дома нѣтъ на Малой Мастерской:
Въ одинъ этажъ и о пяти окошкахъ,
Какая-то изба на курьихъ ножкахъ,
Не стану жить я въ гадости такой!
Все гнило тамъ и на дворѣ такъ мерзко.
Не то у Олечки: на солнцѣ, въ Офицерской,
Три полныхъ этажа, четвертый антресоль,
Вотъ домъ, ты мнѣ такой купить изволь,
Чтобъ не глядѣла я покинутой сироткой...

ГОЛОВИНЪ.

Ахъ, милая, и тутъ не безъ причинъ,
Вѣдь у нея кошель глубокой—Безбородко;
Онъ старый холостякъ, я—семьянинъ.

РОЗАЛИ.

Намъ до семьи твоей какое жъ дѣло?
Вѣдь не съ семьею ты годъ цѣлый
Выманивалъ меня изъ-за кулисъ,
Пока совсѣмъ на шеѣ не повисъ?

ГОЛОВИНЪ.

Чертеночекъ, какъ все въ тебѣ красиво,
 Попрежнему ты дьявольски мила,
 Стройна и граціозна—и не диво,
 Что такъ меня приворожить могла.
 Люблю тебя за то, что не спесива;
 Свести съ ума могли бы хоть кого

[обнимая]

Вотъ этой шейки нѣжные изгибы...
 Дай ручку мнѣ!...

РОЗАЛИ.

Не стоишь ты того,
 Вотъ кончикъ пальца.

ГОЛОВИНЪ [цѣлуя ее въ шею].

Мы съ тобой могли бы
 Быть счастливы до завтрашняго дня?...
 Поѣдемъ? Здѣсь карета у меня...

ГОЛОВИНА [падая на канапе и хватаясь за сердце].

Нѣтъ больше силъ страдать, терпѣть. Довольно!
 [Графиня Шувалова третъ ей виски, всѣ озираются].

ГОЛОВИНЪ.

Что это тамъ?

РОЗАЛИ.

Навѣрно, западня,
 Съ тобою до грѣха дойдешь неволью.

[Исчезаетъ, музыка и танцы возобновляются. Растопчинъ, взглянувъ за ширму, быстро отступаетъ].

ГОЛОВИНЪ.

Да что же тамъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Не безпокой, уйдемъ,
 Подъ маской неизвѣстныхъ двѣ дамы...

ГОЛОВИНЪ [отстраняя его].

Ну, нѣтъ, позволь, я человекъ упрямый
 И наглость не терплю. Хорошъ приѣмъ!

Хотя бѣ онѣ принадлежали къ свѣту,
Подслушивать интимный разговоръ?

РАСТОПЧИНЪ.

Ты общее вниманье обратишь...

ГОЛОВИНЪ [прорываясь за ширмы].

Все вздоръ!

Да это Варенька! Я вижу по браслету.
Возможно ли? Ей дурно! Растопчинъ,
Какъ быть теперь? Предательство такое!

ШУВАЛОВА [стараясь измѣнить голосъ].

Нельзя ли вамъ оставить насъ въ покоѣ.
Какая нынче наглость у мужчинъ!

ГОЛОВИНЪ.

Здѣсь? Съ тетушкой? Совсѣмъ непостижимо!

ГОЛОВИНА.

Оставь же насъ. Прошу тебя, уйди,
Мнѣ слышать голосъ твой невыносимо.

ГОЛОВИНЪ.

Куда-жъ уйти? Съ отчаяньемъ въ груди,
Съ истерзанной душой, съ такимъ позоромъ?
Нѣтъ, я люблю тебя! Нѣтъ, ты добра,
Не гнѣвомъ, праведнымъ твоимъ укоромъ
Я побѣжденъ, свалилась съ плечъ гора!
Окончены преступные обманы,
Я понялъ весь ихъ ужасъ и позоръ,
Я чувствую, какъ тяжки эти раны!
Забудь же ихъ! склони ко мнѣ твой взоръ!

[На колѣняхъ].

Прости меня! Да, сердцу слишкомъ жутко
Томиться ложью. Только пожелай,—
И я спасенъ.

ГОЛОВИНА [вставая съ усидіемъ, съ отбро-
шенной маской].

Довольно, Николай,
Ужъ слишкомъ долго длится эта шутка,
И тетушкѣ не видно въ ней конца!

[Къ Шуваловой].

Боюсь, не приняли-бъ вы наши разговоры
За явное начало крупной ссоры
И не сочли его въ душѣ за наглеца?

[Къ Растопчину].

Вамъ, добрый другъ, я очень благодарна,
Что сцену разыграть намъ помогли.
А эта милая дѣвица Розали?
Жаль, что она ужъ черезчуръ вульгарно
Нелегкую свою сыграла роль....

ГОЛОВИНЪ.

Молю тебя, прости.

ГОЛОВИНА [тѣмъ же тономъ].

Ты отгѣнилъ искусно,
Что вышло-бъ у другого слишкомъ гнусно
И пошло, и банально. Мудрено-ль,
Что и артисты славные порою
Не трогаютъ сердцецъ своей игрою?
А ты съ достоинствомъ и такъ умно
Выдерживалъ различныя нападки.

ГОЛОВИНЪ [тихо ей].

Повѣрь, я сознаю уже давно,
Какъ всѣ мои поступки были гадки.

ШУВАЛОВА [Головиной].

Ты насъ, мой другъ, напрасно не морочь!
Уѣдемъ поскорѣй отсюда прочь.
Тебѣ самой, вѣдь, послѣ будетъ хуже.

ГОЛОВИНА.

Нѣтъ, тетушка, простите нашъ обманъ.
У насъ искусно былъ задуманъ планъ,
И, какъ всегда, я не ошиблась въ мужѣ.
Я рада ужъ тому, что съ этихъ поръ
О счастье нашемъ вѣчная забота
У васъ исчезнетъ, и пройдетъ охота
Смуцать меня, вступать со мною въ споръ,
Доказывать, что долгъ и добродѣтель
Условный, никому ненужный вздоръ.
Вотъ Растопчинъ всему живой свидѣтель!
Хоть шутка наша, можетъ быть, глупа,
Тутъ мѣста нѣтъ ни ревности, ни злобѣ.

Нѣтъ, тетенька, ужъ я не такъ слѣпа.

[Головину].

Да вотъ еще. Наемной той особѣ,
Которою такъ славится балетъ,
Прошу, отдай вотъ этотъ мой браслетъ,
Украшенный змѣиной головою,
Ея игрой заслуженный вполнѣ;
Какъ твой подарокъ, онъ не нуженъ мнѣ,
И, если я домой вернусь живою,
Не о нарядахъ думать я должна.

[Шуваловой].

Вамъ, тетушка, со мной не по дорогѣ,
И ѣхать я желала бы одна.

ШУВАЛОВА.

Подумай, ты едва волочишь ноги?

ГОЛОВИНА.

Нѣтъ, для чего-жъ вамъ дѣлать лишній кругъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Здѣсь у меня карета съ гайдуками,
Васъ отвезутъ?

ГОЛОВИНА.

Спасибо, добрый другъ!

[Головину].

Разбита жизнь твоими же руками.
Я чашу горести всю вышила до дна;
Иди, не нарушай всеобщее веселье,
Ступай къ гостямъ, я быть хочу одна,
Одна, какъ инокиня въ кельѣ,
Съ молитвой за тебя....

[Подаетъ руку Растопчину и удаляется].

ШУВАЛОВА [Головину].

А ты хорошъ!

Своей женѣ не знаешь вовсе цѣну,
Когда бы ты вонзилъ ей въ сердце ножъ,
Она простила бы, простила бы измѣну,
Но какъ простить позорнѣйшую ложь?

[Изъ зала шумно выступаютъ танцоры, впереди всѣхъ Грибовскій съ Олечкой,
и съ удивленіемъ останавливаются. Изъ галлерей появляется Сутерланъ съ двумя
стаканами въ рукахъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ столичномъ домѣ Головиныхъ. Въ глубинѣ раскрытая дверь въ залъ, направо дверь въ комнаты графини, налѣво—въ комнаты графа.

ЯВЛЕНІЕ I.

Головинъ, Растопчинъ [раскаживаютъ взадъ и впередъ].

РАСТОПЧИНЪ.

Не падай духомъ. Слабостью смиренной
Вернешь ли ты любовь ея? Ничуть.
Развей въ себѣ привычку постепенно
Настойчиво желать чего нибудь.
Къ тебѣ тогда все выйдетъ на подмогу,
Отвяжешься отъ всякихъ лишнихъ путъ,
Всѣ способы незримо тутъ какъ тутъ,
И выходъ простъ на ровную дорогу.

ГОЛОВИНЪ.

Не выдержать съ характеромъ моимъ!
Измучился я въ эти три недѣли.
Мнѣ легче было у ея постели
Сидѣть всю ночь. Я былъ неутомимъ;
Но чувствовать себя какъ бы прощеннымъ
Изъ жалости, быть у себя чужимъ,
Встрѣчаясь съ подозрѣньемъ затаеннымъ?
Ума во мнѣ, настойчивости нѣтъ.

Зато у нихъ обдуманно все тонко,
Съ княгинею во всемъ у ней совѣтъ,
Меня теперь трактуютъ, какъ ребенка,
И ласкова жъ она, хоть бы упрекъ!
Заботится, чтобъ не было мнѣ скучно,
Чтобъ дома не сидѣлъ я безотлучно,
Чтобъ въ гости ѣздилъ, чтобъ себя беречь,
Ты не повѣришь, какъ все это сложно,
Какъ, наконецъ, все надоѣло мнѣ.
Голубчикъ, выручи, но осторожно,
Къ тебѣ она довѣрчива вполне...

РАСТОПЧИНЪ.

Надѣюсь, мнѣ графиню видѣть можно?

ГОЛОВИНЪ.

Сегодня да. Съ вчерашняго утра
Къ намъ ѣздить перестали доктора,
Хотя они ее лѣчили скверно.
Старайся втолковать моей женѣ,
Что возвратить пора довѣрье мнѣ,
Что я вернулся къ ней не лицемерно,
Не для того, чтобъ все разрушить вновь.
Вѣдь ей самой не заглушить любовь
Ничѣмъ, ни этой дружбой эфемерной
Съ княгиней де-Тарантъ... Какой въ ней прокъ?
Какъ намъ отдѣлаться отъ этого нароста?
Все видитъ, все читаетъ между строкъ...

РАСТОПЧИНЪ.

Ты какъ же объяснилъ?

ГОЛОВИНЪ.

Да очень просто.
Сказалъ, что ты справлялся всякій день,
Что свидѣться тебѣ весьма пріятно.
Сперва она смутилась, точно тѣнь
Мелькнула на лицѣ. Оно понятно.
А почему? Ты это знаешь самъ...

РАСТОПЧИНЪ [задумчиво].

Я опасаюсь, что не будетъ прока...

[Ивъ залы слышны дѣтскіе разговоры и возгласы].

ГОЛОВИНЪ.

Я узнаю по дѣтскимъ голосамъ
Начало музыкальнаго урока.
Ихъ строгій менторъ явится сюда.
Ехидна эта мнѣ воротить спину.
Смягчить ее ты можешь безъ труда,
А я благоразумно васъ покину.

[Головинъ уходитъ къ себѣ, изъ залы появляется княгиня де-Тарантъ съ книгой и съ большими очками въ рукахъ. За сценой слышна дѣтская игра на клавино-кордахъ, временами ватихающая].

ЯВЛЕНІЕ II.

Растопчинъ, де-Тарантъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Княгиня, вашъ слуга, примите мой привѣтъ.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Ахъ, вѣрный другъ, давно васъ здѣсь не видно.
Вотъ времена! И это высшій свѣтъ!
А онъ еще зоветъ меня ехидной!
Бываютъ же подобные мужья?
Возможны ли столь наглые обманы?
Потокъ бѣжитъ, бѣжитъ и въ ваши страны,
И въ здѣшній дворъ извѣрилась ужъ я!
Здѣсь все стоитъ на хитрости и лести.
Хоть мы теперь не ѣздимъ ко двору,
Но странныя, загадочныя вѣсти
Дошли до насъ сегодня по утру.
Какой ударъ народной вашей чести!
Возможно ли? Мнѣ вѣрится съ трудомъ,
Чтобы король, при томъ женихъ влюбленный,
Такъ оскорбилъ ближайшій царскій домъ?!

РАСТОПЧИНЪ.

Къ несчастью, да. Мы были въ малой тронной,
Томительно надѣясь каждый мигъ,
Что Безбородко сломитъ духъ упорный
И короля и челяди придворной.
Онъ имъ не разъ удачно когти стригъ,
Въ искусствѣ дипломата изощренный;

Но часъ прошелъ, и онъ предсталъ смущенный
И передъ трономъ головой поникъ...
Всѣ дрогнули, смятеніе вокругъ царицы,
Негодванію, казалось, нѣтъ границы,
И ясное всегда ея чело
Смертельнымъ ужасомъ на мигъ заволокло,
И слезы навернулись на рѣсницы
Княжны отвергнутой. Все ясно намъ.
Хотя никто не подавалъ и виду,
Всѣ, чувствуя жестокую обиду,
Безмолвно разбрелися по домамъ.
Такъ стговоръ этотъ кончился печально,
Звуча какой-то пѣсню погребальной....

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Единственный въ исторіи примѣръ,
Такое нарушеніе этикета,
И это все изъ-за различья вѣры!

РАСТОПЧИНЪ.

Позорно то, что онъ тянулъ все это
И къ дерзости въ послѣдній мигъ прибѣгъ.
Таковъ фанатикъ на ступеняхъ трона!...
Вы что читаете?

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Творенья Масильона.

РАСТОПЧИНЪ.

Вотъ это былъ великій человѣкъ,
Каратель всѣхъ неправдъ и лицемѣрья.

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Такихъ людей ужъ не родитъ нашъ вѣкъ,
Безумный вѣкъ свободы и безвѣрья.

РАСТОПЧИНЪ.

И въ наши дни есть вѣрные сердца,
И вѣра ихъ въ добро несокрушима....

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Однакожъ нѣтъ ни звука изъ дворца,
И всѣ курьеры проѣзжаютъ мимо.

Признаться, я не приложу ума:
 Казалось бы, при этой дружбѣ нѣжной
 Великая княгиня неизбѣжно
 Пришлетъ узнать иль навѣститъ сама?
 Но дни идутъ, проходятъ и недѣли,
 А мы, прождавъ напрасно, не имѣли
 Ни отклика, ни вѣсточки простой.
 Я вижу: Вареньку смущаетъ что-то,
 Хоть и таитъ она съ обычной добротой...

РАСТОПЧИНЪ.

Тутъ тетушки Шуваловой работа:
 Въ злословьѣ, уснащенномъ клеветой,
 Въ угоду Зубову она неумоима,
 Отъ нихъ весь дворъ интригой зараженъ.
 Лишь вашими заботами хранима,
 Подъ этой кровлей лучшая изъ женъ
 Укрыта отъ навѣтовъ безопасно.

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Простите, я забыла, что васъ ждуть,
 И заставляю васъ терять напрасно
 Такъ много дорогихъ для васъ минутъ.
 [Направляется къ двери. Входитъ графиня Головина].
 Да вотъ она, сестра моя меньшая....
 [Головина и де-Тарантъ нѣжно обнимаются].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, графиня Головина.

ГОЛОВИНА.

Зачѣмъ—сестра? Вы близки мнѣ, какъ мать....

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Теперь друзей ты можешь принимать,
 Садитесь здѣсь, я вамъ не помѣшаю.
 [Усадивъ Головину, отходить и, надѣвъ очки, принимается за чтеніе].

ГОЛОВИНА.

Не скрою, что мнѣ горько видѣть васъ,
 Да, горько потому, что вамъ все ясно,

Безсиліе мое такъ полно, такъ ужасно,
Что на людей не подымала бѣ глазъ,
И если бы мнѣ выборъ былъ свободный,
Не стала бѣ несть я жизни тяготу.
Убожество свое и наготу
Къ чему скрывать? Вы слишкомъ благородны.
Предъ вами я, какъ жалкая раба,
Навѣки обреченная въ неволю.

РАСТОПЧИНЪ.

Простите, если я себѣ позволю
Возстать всѣмъ сердцемъ. Видно, мнѣ судьба
Все тяжкое валить себѣ на плечи.
Упадокъ силъ, мучительный недугъ,
Конечно, не могли исчезнуть вдругъ,
Особенно съ послѣдней нашей встрѣчи.
И все-таки изъ миновавшихъ бѣдъ
Вы вышли съ торжествомъ. Давно ли
Извѣдалъ я всю силу вашей воли?
Онъ слово далъ, и сдержитъ свой обѣтъ!
Не даромъ я ношу названье друга,
Незримо здѣсь, въ дни вашего недуга,
Я наблюдалъ: огромный переломъ
Въ душѣ его свершился постепенно,
Онъ вѣренъ вамъ, и вѣренъ неизмѣнно....

ГОЛОВИНА.

Вы были бы отличнѣйшимъ посломъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Онъ вовсе не способенъ лицемѣрить,
Вполнѣ готовъ вступить на путь добра.
Забудь нельзя, но извинить пора.

ГОЛОВИНА.

Я вѣрить не могу, но буду вѣрить.

РАСТОПЧИНЪ.

А съ вѣрою вернется къ вамъ покой,
Въ чистѣйшихъ радостяхъ минуютъ годы,
Забудутся бывалыя невзгоды,
Забвеніе все сниметъ, какъ рукой.
А дѣточки? Хотя бы эти звуки?

ГОЛОВИНА.

И съ ними пробуждаются во мнѣ
Лишь размышленья тяжкія и муки.

РАСТОПЧИНЪ.

Но въ будущемъ вознаградятъ вдвойнѣ.
Окружены заботой дружбы нѣжной,
Вы возродитесь къ жизни безмятежной,
Я чувствую....

ГОЛОВИНА.

Оставимъ этотъ бредъ,
Чтобъ не нажить иныхъ, горчайшихъ бѣдъ.
Вамъ все сказалъ давно вашъ умъ пытливый,
Нѣтъ, не страшитъ меня вульгарный грѣхъ,
Я не таюся; но будьте справедливы,
Вѣдь, сердце у меня такое жъ, какъ у всѣхъ,
И слабости природныя всѣ тѣ же.
Трудна борьба, влагайте мечъ въ ножны,
Забудемъ все, но только мы должны
Встрѣчаться съ вами сколь возможно рѣже....

РАСТОПЧИНЪ [вскакивая].

За что жъ это? Жестокія слова!
Любовь моя неужли ихъ достойна?
И вы могли сказать ихъ такъ спокойно?
У старой дружбы есть свои права!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, графиня Толстая.

ТОЛСТАЯ.

Прости, что я врываюсь безъ доклада,
По старой памяти и на правахъ
Подруги вѣрной.

ГОЛОВИНА.

Только на словахъ?
Ну, Богъ съ тобой, тебя я видѣть рада,
Садись.

[Цѣлованье, привѣтствія, Растопчинъ подсаживается къ де-Тарантъ, которая не-
привѣтливо здоровается съ Толстой].

ТОЛСТАЯ.

Ты очень, говорятъ, больна?
Осунулась, и какъ-то впали щеки.
Повѣрь мнѣ, еслибъ я была вольна,
Не стала бы ты дѣлать мнѣ упреки,
Безъ устали у твоего одра
Сидѣла бы я ночи до утра,
Забывши о своей печальной долѣ...

ГОЛОВИНА.

Всегда тебѣ моя открыта дверь,
И навѣщать меня въ твоей же волѣ.

ТОЛСТАЯ.

Въ былыя времена, но не теперь.

ГОЛОВИНА.

Что жъ вызвало такую перемѣну?

ТОЛСТАЯ.

А мужъ? Представь ужаснѣйшую сцену:
Сжавъ кулаки, разсвирѣпѣвъ, какъ звѣрь,
Корилъ мое распутство и измѣну.
Отгородилъ меня отъ васъ стѣной,
Ревнивой злостью самъ себя настроивъ,
Онъ не гнушается и бранью площадной,
Ужъ дѣло доходило до побоевъ,
И вотъ теперь рѣшилась я бѣжать...

ГОЛОВИНА.

Бѣжать?

ТОЛСТАЯ.

Смѣешься ты? Нѣтъ, кромѣ шутокъ,
Пришла въ послѣдній разъ тебя прижать
Къ груди, расцѣловать твоихъ малютокъ.

ГОЛОВИНА.

Коль правда, то моихъ не трогай дочерей.
Къ чему смущать? Пусть учатся покойно.

ТОЛСТАЯ [вставая].

Я знаю, что въ твоихъ глазахъ я не достойна,
Но дай взглянуть на нихъ изъ-за дверей.

[Возвращаясь послѣ минутнаго раздумья у дверей въ залъ].

Подумаешь, какъ въ свѣтѣ все условно.
Еще вчера казалась жизнь моя
Завидной всѣмъ, блаженная семья!
И вдругъ теперь все кинуть хладнокровно?
Но дѣлать нечего—такъ суждено.
Меня смущаетъ въ этомъ лишь одно:
Мой мужъ кричитъ, что ты во всемъ виновна.

ГОЛОВИНА.

Какъ? На меня валить твою вину?
Пусть въ домѣ у него короткая расправа,
Но кто жъ ему насъ оскорблять даль право?

ТОЛСТАЯ.

Онъ всѣхъ винить, а не тебя одну.
Порою слушать совѣстно и жалко
Всю эту брань, весь этотъ дикій лай,
Всѣмъ вѣдомо, что ты у насъ весталка,
Что лучший въ томъ судья твой Николай...

ГОЛОВИНА:

Но какъ же ты миришься съ этой бранью?

ТОЛСТАЯ.

Я въ домѣ у себя обречена молчанью,
Чуть что, онъ тотчасъ двери на запоръ,
И не унять тогда его свирѣпость...

ГОЛОВИНА [быстро вставая].

Дозволивъ повторять подобную нелѣпость,
Вѣдь ты готовила, однако, мой позоръ!
Всю блажь твою я выносила долго
Съ надеждою, съ увѣренностью въ томъ,
Что ты удержишься, опомнишься потомъ;
Но, потерявъ теперь сознание долга,
Не видишь ты, какъ сдѣлалась пошла!
Такихъ друзей мнѣ болѣе не надо,

Жалѣю, что съ тобой дружила я измлада,
И я дивлюсь, что ты сюда пришла
Съ своимъ дыханьемъ ядовитымъ?..
[Отворачивается, всѣ тревожно приближаются].

ТОЛСТАЯ.

Ну, вотъ! И здѣсь, какъ дома, вѣчно брань.
Помилуй, я пришла къ тебѣ съ визитомъ
И въ мысляхъ не имѣла...

ГОЛОВИНА.

Перестань.

Теперь уже излишни оправданья,
Прости и знай, что я не помню зла...

ДЕ-ТАРАНТЬ [Толстой, направляясь къ Голо-
виной].

Въ васъ сердца нѣтъ, нѣтъ вовсе состраданья,
Она болѣзнь едва превозмогла.

РАСТОПЧИНЪ.

Графиня все еще нуждается въ покоѣ.

ТОЛСТАЯ.

Не знаю, что жъ я сдѣлала такое?
Все ясно, кажется...

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Змѣей сюда вползла!

ТОЛСТАЯ [въ дверяхъ].

Прощай же, Варенька.

СЛУГА [въ дверяхъ, вслѣдъ за Толстой].

Князь Чарторижскій

Подъѣхали. Угодно ли принять?

РАСТОПЧИНЪ.

Вѣдь, кажется, онъ человѣкъ не близкій?
Чтобъ хуже вамъ не сдѣлалось опять?
Къ чему? Пускай бы лучше ѣхалъ мимо.

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Ну, нѣтъ, принять его необходимо,
Такихъ друзей не надо отгонять...

ГОЛОВИНА.

Такъ какъ же? Ну, просите... если надо.
Я всякому теперь вниманью рада. [Въ раздумьѣ].
Не странно ль, вѣдая, какъ я больна,
Не справиться, однако же, ни разу?
Сильнѣе пожалѣла бы она
Левретку или треснувшую вазу!

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Великая княгиня такъ добра,
И ей твое отнюдь не чуждо горе.
Повѣрь, все это разъяснится вскорѣ,
Тутъ, вѣрно, виноваты доктора?..

ГОЛОВИНА.

Не думаю. Врачи иного сорта
Вплели меня безъ всякаго стыда
Въ интригу темную Анеты и Витворта.
Позорно, что имъ вѣрятъ безъ труда!
Мнѣ стало все яснѣе въ дни болѣзней,
Открылись всѣ ихъ ходы и шаги,
И вижу я, что злѣйшіе враги
Становятся передъ бѣдой любезнѣй...

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, кромѣ Толстой, князь Чарторижскій.

ЧАРТОРИЖСКІЙ [любезно раскланиваясь и
цѣлуя руку].

Я радуюсь, какъ радуется другъ,
Имѣющій особыя причины.
Я разгадалъ по лицамъ вашихъ слугъ,
Что, наконецъ, здѣсь сняты карантинны,
Что миноваль томившій васъ недугъ.
Всѣ вѣрные друзья здѣсь неизмѣнно?

РАСТОПЧИНЪ.

Я также здѣсь допущенъ въ первый разъ.

ЧАРТОРИЖСКІЙ [Головиной, какъ бы не замѣчая].

Я посѣтить давно стремился васъ.

ГОЛОВИНА.

Вниманіе такое очень цѣнно...

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Безъ васъ внезапно приунылъ нашъ дворъ,
Хоть въ свѣтѣ любятъ облекаться тайной,
Однакожъ говорили разный вздоръ,
И лишь на-дняхъ я все узналъ случайно.
Мы все возились съ шведскимъ королемъ,
Позавчера на строгановскомъ балѣ,
Съ великимъ княземъ проходя по залѣ,
Мы какъ-то очутились вдругъ вдвоемъ,
Внезапно государыня предъ нами,
Я—шагъ назадъ, и тутъ любимый внукъ
Былъ озадаченъ строгими рѣчами
За то, что умолчалъ про вашъ недугъ.
И въ первый разъ изъ устъ Екатерины
Я услышалъ сорвавшійся упрекъ,
Невольно я при этомъ подстерегъ
И гнѣвъ ея, и взглядъ ея орлиный...

ГОЛОВИНА.

Подобный гнѣвъ отъ ласки не далекъ...

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Я и спѣшилъ къ вамъ съ этой доброй вѣстью,
Боясь, чтобъ, какъ всегда, людская злость...
[Замѣтивъ входящаго Головина и направляясь къ нему].
А, вотъ и графъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Головинъ.

ГОЛОВИНЪ.

Я очень тронуть честью
Васъ видѣть здѣсь. Вы нынче рѣдкій гость.

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Все празднества теперь у здѣшней знати...

СЛУГА [въ дверяхъ].

Графиня тетушка.

ГОЛОВИНЪ.

А, очень кстати!

[входитъ графиня Шувалова]

Соскучились по васъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же, графиня Шувалова.

ШУВАЛОВА.

Не ври, дружокъ.
Друзей у васъ, гляди, полны хоромы,
Тутъ все свои, всѣ, кажется, знакомы?
Пріятно встрѣтить дружескій кружокъ.

ГОЛОВИНЪ.

Пожалуйте, садитесь, вотъ вамъ кресло.

ШУВАЛОВА [обнимая Головину и осматривая ее].

Ну, Варенька, да ты совсѣмъ воскресла,
Попрежнему мила и весела
И новою красою расцвѣла.

ГОЛОВИНА.

Толстая говоритъ совсѣмъ иначе...

ШУВАЛОВА.

Мы съ ней переглянулись чрезъ окно,
Отъѣхала она въ слезахъ и въ плачѣ,
Что тутъ у васъ? Не видѣлись давно.

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Пустое все. Разнузданные нравы...

ШУВАЛОВА.

Ахъ, милая княгиня, мудрено
Въ нашъ монастырь вводить свои уставы,
Вы видите повсюду грѣхъ да зло...
Я, Варенька, къ тебѣ имѣю дѣло,
Ты можешь говорить со мною смѣло,
Скажи мнѣ, что у васъ произошло
Съ великою княгиней? Что за ссора?

ГОЛОВИНА.

Могу увѣрить васъ, что ничего...

ШУВАЛОВА.

Ну, какъ же? Не было бѣ иначе разговора.
Ты знаешь все отъ друга своего
Растопчина?

ГОЛОВИНА.

Я ничего не знаю.

ШУВАЛОВА.

Не знаешь? И моя тутъ хата съ краю,
Однакожь я была потрясена,
Когда мнѣ изъ дворца записку эту
Сегодня принесли чуть не до свѣту,
Я долго не могла понять со сна...

ГОЛОВИНА.

Вамъ вздумалось смутить меня запиской?

ШУВАЛОВА.

Меня къ тебѣ считаютъ самой близкой,
Я такъ была отъ мысли далека
Быть избранной для этой передачи,
И лучше бѣ ей дать знать тебѣ иначе,
Да вотъ, прочти сама.

ГОЛОВИНА [разсматривая письмо].

Ея рука?

[Читаетъ съ пропусками, про себя].

«Жестоко... все жъ она мой другъ давнишій...
Отнынѣ пропасть цѣлая легла...
Скорблю... но объясненія излишни,
Я поступить иначе не могла.
Должны разстаться мы... развязка эта
Для сердца моего... такъ тяжела.
Пускай забудеть все. Ели-са-вета».

ШУВАЛОВА.

Я знаю, какъ ты съ ней была дружна,
И отношу все это къ наговорамъ...

[Вставая].

Составь ее... она мнѣ не нужна.

[Отходитъ къ остальному обществу, Растопчинъ съ участіемъ подходитъ къ Головиной].

ГОЛОВИНА.

Вы знаете? Я изгнана съ позоромъ,
Безъ объясненій, и молчать должна,
Когда меня терзаютъ хладнокровно,
А мужъ опять найдетъ, что я виновна!

[Подавая Растопчину записку].

Вотъ вамъ и дружба, и ея права!

ШУВАЛОВА [Головину].

Теперь ты можешь ѣздить по знакомымъ...

ЧАРТОРИЖСКІЙ [къ де-Тарантъ].

По городу ужъ пронеслась молва,
Что бѣдствіе стряслось надъ этимъ домомъ.

РАСТОПЧИНЪ [по прочтеніи].

Нѣтъ, не пойму, мнѣ вѣрится едва,
Да это просто заговоръ бѣсовскій?!

СЛУГА [въ дверяхъ].

Отъ государыни статсъ-секретарь Грибовскій.

ГОЛОВИНА.

Просите.

РАСТОПЧИНЪ.

Ужъ не новая ль бѣда?

ГОЛОВИНЪ [идя на встрѣчу].

Ну, вспомнили! Я говорилъ всегда.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же, Грибовскій.

ГОЛОВИНЪ.

Насъ трогаетъ монаршее вниманье,
Пожалуйте, прошу покорно сѣсть.

ГРИБОВСКІЙ [цѣлуя руку Головиной].

Я скромный исполнитель приказанья,
Но счастливъ, что имѣю эту честь.

ГОЛОВИНЪ.

Помилуйте. Столь близкая персона...

ГРИБОВСКІЙ.

Освѣдомясь на-дняхъ отъ Роджерсона,
Что тяжкій недугъ держитъ васъ вдали
Отъ праздниковъ, гдѣ вы блистать могли,
Немало сокрушались и съ упрекомъ
Замѣтили, какъ будто ненарокомъ,
Что ранѣе никто не подалъ вѣсть.
Объ этомъ рѣчь зашла за туалетомъ,
И лично мнѣ приказано отвезть
Вамъ эту памятку: въ ковчегѣ этомъ
Хранится медальонъ съ ея портретомъ
Работы Лампи. Отдавая мнѣ,
Шутливо объяснить мнѣ повелѣли,
Чтобы черты ея забыть вы не успѣли...

ГОЛОВИНА [любуюсь медальономъ].

Я тронута, я счастлива вполне...
Какъ яркій солнца лучъ, и вотъ откуда!
Княгиня, полюбуйтеся. Что за чудо! [Всѣ обступаютъ ее].

ГОЛОВИНЪ [цѣлуя жену].

Сбылись твои завѣтныя мечты,
Безцѣнный даръ владычицы полночной!

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Какая кисть, прелестныя черты!

ШУВАЛОВА.

У Салтыковой есть такой же точно.

ГОЛОВИНА [Грибовскому].

Сердечно благодарна лично вамъ.
Чувствительна, какъ женщина, къ словамъ,
Желала бы вамъ отплатить сторицей...
Мы всѣ горюемъ объ императрицѣ,
Не можемъ надивиться королю,
Его двуличности и хладнокровью!
О государины я искренно скорблю,
Боюсь, что отразится на здоровьѣ?

ГРИВОВСКІЙ.

Конечно. Вѣдь года свое берутъ,
А царское, что день, тяжѣль—бремя,
И съ лѣтами томительнѣе трудъ.
Мы бережно слѣдимъ и дѣлимъ время
Среди заботъ, веселостей двора,
Не тратя даромъ силъ ея безцѣнныхъ.
Сегодня всѣ тревожились съ утра,
Но, появясь средь самыхъ приближенныхъ,
Призналась имъ, съ улыбкой на устахъ,—
Какая при такихъ лѣтахъ
Въ ея великомъ сердцѣ сила!—
Что съ дня вступленья на престолъ,—
Вотъ тридцать пятый годъ пошелъ,—
Ужаснѣй ночь не проводила.

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Легко ли ей такое горе снести?
Тутъ все задѣто: гордость, слава, честь...

ГОЛОВИНЪ.

Король Густавъ возмездія достоинъ!

РАСТОПЧИНЪ.

Къ прискорбью, злополучный этотъ бракъ
Высокомѣрьемъ Зубова разстроень.

ГРИБОВСКІЙ.

Ну, нѣтъ. За князя я вполнѣ спокоенъ,
Все это плодъ пустыхъ придворныхъ вракъ.

РАСТОПЧИНЪ [сдавленнымъ голосомъ].

Родители такъ думаютъ объ этомъ,
А, вѣдь, они отъ всѣхъ стоятъ вдали,
И мысли ихъ услужливымъ клеветамъ
Извѣстны быть, конечно, не могли.

ГОЛОВИНА [становясь посрединѣ].

По-моему, тутъ ясенъ Промыслъ Божій!
Что если бъ возгорѣлась вновь война?
Вѣдь родина ей все-таки дороже,
Въ средѣ враговъ страдала бы она. [Забываясь].
Ужасна жизнь межъ долгомъ и любовью,
Въ тревогахъ постоянныхъ и въ борьбѣ!
Нерѣдко сердце истекаетъ кровью,
А тутъ смирись и покорись судьбѣ!
Подобный крестъ нести не всякій въ силахъ,
А въ жертву насъ приносятъ такъ легко?
Вѣдь, мы страдаемъ такъ же глубоко,
Вѣдь, та же кровь струится въ нашихъ жилахъ!
Но этотъ свѣтъ безжалостно жестокъ:
Какъ просто... приласкать одной рукою
И въ кудри вплестъ съ улыбкою цвѣтокъ,
А сердце разорвать въ куски другою?
[Слабѣя, склоняется на руку мужа].

ШУВАЛОВА.

Она больна! Къ чему вся эта рѣчь?

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Къ тому, что ей всѣ ваши козни видны.
[Направляется къ Головиной].

ЧАРТ'ОРИЖСКІЙ [Грибовскому тихо].

Откуда взялся этотъ тонъ обидный
Въ ея устахъ?

ГОЛОВИНЪ.

Пошла бы ты прилечь?

ГОЛОВИНА [слѣдя за мужемъ].

Несчастіе приковываетъ взоры,
Развязываетъ злые языки.
Я рада, что отъ нихъ мы далеки
И не должны въ чужихъ искать опоры.

ШУВАЛОВА [вслѣдъ Головиной, подавая руку
Чарторижскому].

Вы слышали? Въ ней гордость сатаны!..

ГРИБОВСКІЙ [проходя мимо Растопчина].

Мы свидимся? Подобные укоры...

РАСТОПЧИНЪ.

Надѣюсь. Счеты будутъ сведены.

ЗАНАВѢСЬ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Уборная во дворцѣ. Дверь въ глубинѣ въ приемную, налѣво — окно, направо— дверь въ опочивальню. У этой закрытой двери камеръ-лакей. Вблизи на табуретѣ сидитъ Безбородко въ уныніи. Въ глубинѣ группы вельможъ и дамъ, тихо бесѣдующихъ. Проходятъ доктора, слуги и служанки. Грибовскій и князь Чарторижскій входятъ вмѣстѣ. Вечерь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Безбородко, Чарторижскій и Грибовскій.

ГРИВОВСКІЙ.

Печально, неожиданность большая,
Ужасный день! Но гдѣ жъ узнали вы?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Обычную прогулку совершая,
Съ великимъ княземъ шли мы вдоль Невы
И, разговоръ ведя о чемъ-то вздорный,
Мы весело болтали. Только вдругъ,
Невдалекѣ бѣжить лакей придворный,
Руками машетъ, на лицѣ испугъ...
Увидѣвъ насъ, поднявши треуголку,
Бормочетъ намъ невнятное старикъ...
Мы сразу не могли добратся толку,
Кого ударъ нечаянно постигъ?
Мы бросились, все объяснилось вскорѣ,
Великій князь въ невыразимомъ горѣ,

А между тѣмъ не далѣ, какъ вчера,
Она князьямъ великимъ говорила,
Что ужъ давно такъ не была бодра.

ГРИВОВСКІЙ.

Кто жъ думать могъ, что такъ близка могила?
[Входятъ Шувалова и Толстая, послѣдняя робко озираясь].

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же, Шувалова и Толстая.

ГРИВОВСКІЙ [Шуваловой].

Князь Зубовъ ожидаетъ васъ давно.
Онъ въ горести, расскажетъ все подробно...

ШУВАЛОВА.

Мнѣ кажется, теперь ужъ все равно,
Пускай поплачетъ, это плачъ надгробный!
Какъ быстро это все произошло.
Сознанье есть однако?

ГРИВОВСКІЙ.

О, когда бы?
Движенья, слухъ и зрѣнье очень слабы,
Лишь сердце крѣпко, дышитъ тяжело.

[Шувалова направляется къ Бевбородко].

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

А бѣдный князь? Онъ долженъ быть разстроенъ?

ГРИВОВСКІЙ.

Увы, какъ всадникъ, сверженный съ коня.
Онъ жалокъ, какъ въ бою сраженный воинъ,
То плачетъ, то къ себѣ зоветъ меня.

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Скажите, вамъ, конечно, ужъ извѣстно,
Что цесаревичъ вступить на престоль?
Довольно властвовалъ въ Россіи женскій полъ.

Отнынѣ все устроится чудесно,
И, можетъ быть, всеобщая печаль
Утихнетъ такъ же скоро?

ГРИБОВСКІЙ.

Очень жаль!

[Чарторижскій отходитъ].

ТОЛСТАЯ [подходя къ Грибовскому]

Неужто правда? Нѣтъ надежды болѣ?
И мы ее ужъ не увидимъ вновь?

ГРИБОВСКІЙ.

Нельзя сказать, теперь все въ Божьей волѣ,
Хотя врачи пускали тщетно кровь...

ТОЛСТАЯ.

Неужто Павелъ будетъ на престолѣ?
Вдругъ Англии объявить онъ войну!
А Витвортъ? Какъ же я его тогда верну?

ГРИБОВСКІЙ.

Для любящихъ и войны не преграда.

[Подходя къ Безбородко].

Свѣтлѣйшій князь желалъ бы видѣть васъ.

БЕЗБОРОДКО.

Къ чему теперь? О томъ ли думать надо,
Когда насъ покидаетъ въ этотъ часъ
Всей нашей жизни радость и услада?

ГРИБОВСКІЙ.

Я вижу, графъ, что вы удручены.
А взоры всѣхъ на васъ устремлены,
Переворотъ произойдетъ немалый,
Все круто перемѣнится...

БЕЗБОРОДКО.

Такъ что жъ?

ГРИВОВСКІЙ.

Изъ Гатчины появятся капралы
Смирять высокомѣріе вельможъ.
Всѣ стануть попрекать, топить другъ друга...

ВЕЗВОРОДКО.

Конечно, вамъ теперь придется туго.

ГРИВОВСКІЙ.

Что дѣлать, графъ? Я знаю, что погибъ,
Хотя спасти меня, конечно, вы могли бѣ.

ВЕЗВОРОДКО.

Чтобъ я другихъ спасать пустился сдуру,
Когда свою сбережь бы только шкуру?

ГРИВОВСКІЙ.

Нѣтъ, милости великія васъ ждуть.
Повѣрьте, я проникъ въ его натуру:
Наступятъ дни неслыханныхъ причудъ.
Намъ только съ княземъ будетъ очень скверно...

ВЕЗВОРОДКО.

Грядущее отъ насъ утаено.

ГРИВОВСКІЙ.

Но государыня отгадывала вѣрно:
Все было бы давно устранено,
Когда бъ вы не противились чрезмѣрно,
Не шли одни въ совѣтъ противъ всѣхъ.
Вѣдь, матери вѣрнѣй судить о сынѣ,
И юный Александръ царилъ бы нынѣ,
Вы правили бѣ, а слава и успѣхъ
За вами слѣдомъ къ радости народной...

ВЕЗВОРОДКО.

Объ этомъ ты не говори здѣсь вслухъ,
Къ такимъ затѣямъ я и нѣмъ и глухъ.

ГРИВОВСКІЙ.

Я говорить теперь могу свободно:
Теряя голову, не плачь по волосамъ!
Вамъ съ княземъ повидаться не угодно?

БЕЗБОРОДКО.

Не тронусь я, пускай приходитъ самъ.

[Грибовскій удаляется].

ТОЛСТАЯ [Чарторижскому].

Вы, кажется, дружны съ Головиными?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Не болѣе, чѣмъ съ многими иными.

ТОЛСТАЯ.

Онъ съ Гатчиной хранилъ какъ будто связь,
Оказывалъ по временамъ услуги,
Къ нему благоволилъ великій князь,
Мы съ ней росли, какъ нѣжныя подруги,
Мнѣ думалось, что, съ юности сроднясь,
Не разойдемся мы въ житейскомъ морѣ.

[Въ дверяхъ появляются Головины и де-Тарантъ].

Да вотъ они... Какъ жаль, зачѣмъ мы въ ссорѣ?

[Отходить въ сторону].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ Грибовскаго, Головинъ, Головина, де-Тарантъ.

ГОЛОВИНЪ [увидѣвъ Чарторижскаго].

Ударъ судьбы убійственно жестокъ!

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Увы, законъ всеобщій, неизмѣнный...

ГОЛОВИНЪ.

Свершается, а кто бы думать могъ,
Что смерть ворвется въ царственный чертогъ?
Невольню трепеть чувствуешь священный.
Но, можетъ быть, поправится?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Едва ль.

Самъ Роджерсонъ сказалъ, что безнадежна.

ГОЛОВИНЪ [женѣ].

Да, Варенька, понятна мнѣ печаль
Твоей души чувствительной и нѣжной!
Давно ль тебя такъ радовалъ портретъ?
Давно ли только радостныя лица
Стекались въ домъ излюбленной царицы?

[Къ Чарторижскому].

Король Густавъ нанесъ намъ этотъ вредъ!
Такой разрывъ, вы только это взвѣсьте,
Разстроилъ всѣ союзы, пѣлый планъ;
Но имъ урокъ хорошій будетъ данъ...
Изъ Гатчины имѣются ли вѣсти?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Туда гонецъ помчался за гонцомъ.
Князь Зубовъ, предупредить другихъ желая,
Тотчасъ отправилъ брата Николая;
Съ какимъ-то онъ воротится лицомъ?

ГОЛОВИНЪ.

Вы правы, я за это не отвѣчу.
А Растопчинъ?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Онъ ускакалъ на встрѣчу.

ГОЛОВИНЪ.

Ну, этотъ все устроить молодцомъ,
Онъ знаетъ духъ и сердце властелина!
Пусть говорятъ, что онъ неукротимъ,
Теперь безгласною предстанетъ передъ нимъ
Великая Екатерина!...

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Всѣ въ ужасѣ, и дворъ собрался весь.

ГОЛОВИНА.

Я чувствую себя столь одинокой,
Что страннымъ кажется: зачѣмъ я здѣсь?

ДЕ-ТАРАНТЬ.

Судьба тебя преслѣдуетъ жестоко.

ШУВАЛОВА [подходя къ Головинымъ].

Ну, милые, настали ваши дни.

ГОЛОВИНА.

Не наши только скорби и печали.

ШУВАЛОВА.

Не въ скорби сила, тутъ не вы одни,
Пошлачуть, пожалѣютъ всѣ въ началѣ,
Но, вѣдь, у всѣхъ на сердцѣ свой расчетъ.
Намъ весело жилось съ императрицей,
А все-таки недѣли не пройдетъ:
Всѣ побѣгутъ за новой колесницей,
Любимчики ухватятся сперва,
А тамъ настанетъ общая горячка,
Всѣ стануть предъявлять свои права...

[Головина удаляется].

[[Головину].

Не унимается твоя горячка,
А, кажется, проучена тобой?

ГОЛОВИНЪ.

Ну, полноте, теперь я мужъ примѣрный,
Вы все свое. Одинъ поступокъ скверный?...

ШУВАЛОВА.

Мнѣ странно, что и ты забилъ отбой.

ЧАРТОРИЖСКІЙ [де-Тарантъ].

Сдается мнѣ, что хитрый Безбородко
Войдетъ во власть черезъ Растопчина.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Признаться, это будетъ не находка.
Я очень мало имъ увлечена.

БЕЗБОРОДКО [подойдя къ Головиной].

Присядьте здѣсь, мнѣ легче будетъ съ вами,
Невольно слезы льются, какъ рѣка,
Мою печаль не выразить словами,
Здѣсь вы однѣ поймете старика!

Одни лишь мы тревогѣ общей чужды,
 Въ царяцѣ мы оплакиваемъ мать.
 Вамъ сердце чуткое дано, чтобъ понимать,
 И мнѣ отъ васъ таиться нѣту нужды,
 Вѣдь, съ грустью я слѣдилъ до сей поры...

ГОЛОВИНА [перебивая].

Я знаю, графъ, что вы ко мнѣ добры,
 Что, представляясь ко всему небрежнымъ,
 Вы можете быть другомъ самымъ нѣжнымъ.

БЕЗБОРОДКО.

Увы, все лучшее давно въ себѣ убивъ,
 Я чувствую теперь невольню угрызенья:
 Какъ часто я бывалъ неряшливъ, нерадивъ,
 Какъ часто я нуждался въ снисхожденъ!

ГОЛОВИНА [увидѣвъ входящаго Зубова].

Князь Зубовъ здѣсь, и я покину васъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Зубовъ, съ нимъ Грибовскій.

ЗУБОВЪ.

Какое тутъ собраніе большое!
 Не скроешься отъ ихъ нескромныхъ глазъ,
 Легко ли мнѣ съ истерзанной душою?

[Увидѣвъ Головина].

А, графъ любезный, вотъ ударъ судьбы!

ГОЛОВИНЪ.

Господь послалъ большое испытанье.

ЗУБОВЪ.

Еще велики силы для борьбы,
 Хотя, увы, потеряно сознанье.

[Головиной].

Вотъ и графиня. Вѣрьте мнѣ, не разъ
 Съ любовью говорили мы о васъ
 И вспоминать изволили недавно.

Служить другимъ всегда я былъ готовъ,
И для добра я не щадилъ трудовъ.
Вотъ, какъ теперь кончаю я безславно,
Жалѣть меня здѣсь станетъ кто едва ль...

ГОЛОВИНА.

Нѣтъ, князь, напрасно. Мнѣ васъ очень жаль.

ЗУБОВЪ.

Я зналъ всегда, что вы великодушны.
Теперь меня всѣ станутъ проклинать
Безжалостно; но надо дѣло знать:
Я поступалъ всегда, какъ сынъ послушный...

ГОЛОВИНА.

Я отъ проклятій слишкомъ далека.

ЗУБОВЪ.

Мой жребій также былъ подчасъ не сладокъ,
И жизнь моя далеко не легка!

[Направляется къ Безбородко].

ГОЛОВИНА.

Мнѣ жаль его...

ДЕ-ТАРАНТЪ.

По мнѣ, онъ просто гадокъ,
Какъ всѣ временщики.

ЗУБОВЪ [Безбородко].

Позвольте, графъ,
Прибѣгнуть къ вамъ, единой всѣмъ опорѣ.

БЕЗБОРОДКО.

Мы всѣ теперь въ одномъ всеобщемъ горѣ.
Господь рѣшить, кто виноватъ, кто правъ.

ЗУБОВЪ.

Заслуги ваши ярки предъ престоломъ,
Отечество признало ихъ давно,
Мнѣ только нынѣ, видно, суждено
Подвергнуться мучительнымъ уколамъ.
Я зналъ давно, что смерть ея могла
Мнѣ причинить великія напасти.

6*

БЕЗБОРОДКО.

Для всякаго, кто долго былъ у власти,
Что взглядъ чужой, то острая игла.
Повѣрьте, вамъ никакъ не будетъ худо.

ЗУБОВЪ.

О, если бы свершилось это чудо,
И еслибъ я отсюда вышелъ цѣль!
А знаете-ль, бѣда моя откуда?
Съ Нелидовой я ладить не умѣлъ.
Извольте угождать невзрачнымъ дѣвамъ?!

БЕЗБОРОДКО.

Я тоже состою подъ этимъ гнѣвомъ.

ЗУБОВЪ.

Васъ выручить навѣрно Растопчинъ,
А на меня онъ смотритъ очень косо
И дуется.

БЕЗБОРОДКО.

Кажись, не безъ причинъ?

ЗУБОВЪ.

Все это началось изъ-за вопроса
О цесаревичѣ, когда возникъ
У государыни проектъ необычайный
Лишить его престола.

КАМЕРЬ-ЛАКЕЙ [тихо Зубову].

Духовникъ

Готовится поднести Святыя Тайны.

[Камерь-лакей открываетъ двери и становится на колѣни, Зубовъ быстро направляется въ опочивальню, всѣ благоговѣнно преклоняютъ колѣни. Черезъ минуту въ заднихъ дверяхъ появляется Растопчинъ, многіе оглядываются, перешептываются. Камерь-лакей закрываетъ двери, Безбородко встаетъ при его помощи и садится снова на табуретъ, поникнувъ головой].

ЯВЛЕНИЕ V.

Тъ же, кромѣ Зубова, Растопчинъ.

ГОЛОВИНЪ [направляясь къ Растопчину].

Ну, милый другъ, давно тебѣ пора,
Мы безъ тебя въ убійственной тревогѣ.
Къ тебѣ... Ты, слышимъ, улетѣлъ съ утра.
Гдѣ встрѣтились?

РАСТОПЧИНЪ.

Какъ разъ на полдорогѣ.

ГОЛОВИНЪ.

А тутъ у насъ на всѣ лады звонятъ
И въ ходъ пускаютъ всякую нелѣпость,
Что будто бы Грибовскаго казнятъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Ну, нѣтъ, зачѣмъ? Его посадятъ въ крѣпость.

ГОЛОВИНЪ.

Что Зубова отправятъ въ рудники?

РАСТОПЧИНЪ.

Вотъ вздоръ! Повѣрь мнѣ, съ превеликой честью
Отъѣдетъ онъ въ курляндскія помѣстья,
Пускай себѣ разводитъ цвѣтники!
Есть для тебя хорошее извѣстье,
Я все молчалъ, но зналъ уже давно:
Ты будешь управлять почтовой частью
Съ сенаторствомъ, конечно, за одно,
Чтобы облечь тебя обширной властью.
Для нашей дружбы новое звено!

ГОЛОВИНЪ.

Спасибо, другъ, до смерти не забуду
Вивать! Какъ будутъ всѣ мои враги
Завидовать, дивясь такому чуду....

РАСТОПЧИНЪ.

Ты это все пока въ секретѣ береги.
[Направляется къ Безбородко, который, замѣтивъ его, обнимаетъ].

БЕЗБОРОДКО.

Ахъ, Оединька, мужъ нынѣ знаменитый,
Будь мнѣ заступникъ, бью тебѣ челомъ,
Въ нуждѣ и въ горести прикрой своимъ крыломъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Нѣтъ, графъ. Не вамъ искать во мнѣ защиты.
Нашъ государь васъ цѣнитъ выше всѣхъ,
И покидать его въ такое время—грѣхъ.

БЕЗБОРОДКО.

Спасибо, ты утѣшилъ несказанно.
И радъ бы я служить, да, видитъ Богъ,
Отъ тягостныхъ трудовъ я изнемогъ
И о покоѣ мыслю непрестанно.
Хоть за меня ты постоишь горой,
Хоть вѣрности твоей я знаю цѣну,
Но хворости свои куда-жъ я дѣну,
Когда кругомъ измѣнится весь строй?

РАСТОПЧИНЪ.

О, нѣтъ, повѣрьте мнѣ, и въ новомъ строѣ
Заблещутъ ярче старые герои.
Не знаете ль, гдѣ Алексѣй Орловъ?
Здѣсь во дворцѣ его теперь не видно.

БЕЗБОРОДКО.

Я слышала, онъ съ недѣлю нездоровъ,
Къ нему вчера сзывали докторовъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Небось, ему казаться здѣсь обидно?

БЕЗБОРОДКО.

Конечно, государь немилостивъ къ нему,
Предъ нимъ они, быть можетъ, и не правы.
Старайся защитить творцовъ народной славы,
Столь доблестныхъ по духу и уму.

Орловы любы русскому народу:
Онъ видитъ въ нихъ своихъ богатырей,
Такіе слуги нужны для царей,
А зло минувшее пусть канетъ въ воду!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Зубовъ.

ЗУБОВЪ [выходя изъ опочивальни и увидѣвъ Растопчина].

А, наконецъ! Я чрезвычайно радъ,
Но гдѣ жъ великій князь?

РАСТОПЧИНЪ.

За мною слѣдомъ
Изволить государь пріѣхать, тамъ вашъ братъ,
Онъ прискакалъ какъ разъ передъ обѣдомъ
И первымъ сообщилъ имъ эту вѣсть.

ЗУБОВЪ.

Счастливицу выпала такая честь.
Я приказалъ, чтобъ мчался безъ оглядки,
Чтобы поспѣть съ извѣстиемъ роковымъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Я государя встрѣтилъ у Рогатки
И прискакалъ сюда передовымъ.
Онъ долженъ быть съ минуты на минуту.

ЗУБОВЪ.

Отсутствіе владыки въ скорбный часъ
Повергло насъ въ уныніе и смуту.
Я счастливъ, что сегодня вижу васъ,
Давно мнѣ что-то сердце тяготило,
Я все хотѣлъ.... Я замѣчалъ не разъ,
Что многое казалось вамъ не мило.
Не время вамъ, конечно, все узнать,
Тутъ были разныя Грибовскаго продѣлки,
Для васъ онѣ, понятно, слишкомъ мелки,
Чтобъ стоило о нихъ упоминать;
Но съ вами я всегда бывалъ любезенъ....

РАСТОПЧИНЪ.

Напрасно вы, за прошлое смутясь,
Оправдывать себя стремитесь, князь,
Я не могу ни въ чемъ вамъ быть полезенъ.

[Отворачивается и, переходя отъ одного докучнаго къ другому, старается приблизиться къ Головиной].

ГРИБОВСКІЙ [быстро подходя].

Прислалъ спросить дежурный адъютантъ
Угодно ли принять вамъ Сутерлана?
Онъ ломится...

ЗУБОВЪ.

Каковъ, однако, франтъ?
Къ чему теперь мнѣ эта обезьяна?
Сказать ему, что поздно... нѣтъ, что рано.

[Грибовскій удаляется передать приказаніе].

ШУВАЛОВА [подходя сзади къ растерявшемуся
Зубову].

Стыдился бѣ ты, плѣнительный Платонъ,
Гдѣ жъ у тебя достоинство вельможи?
Ты скорбился, приниженъ и смущенъ
И жалкія предъ свѣтомъ строишь рожи.

ЗУБОВЪ.

Я думалъ, вы утѣшите меня.

ШУВАЛОВА.

Быть нянькою? Благодарю покорно!
Ты валишься и валишься позорно,
Ни мужества, ни чувства, ни огня...

ЗУБОВЪ.

Легко вамъ разговаривать, вы—дамы,
Вамъ все возможно, только васъ не тронь.

ШУВАЛОВА.

И въ счастіѣ ты остался тотъ же самый,
Разбитый на ноги, красивый конь!
Совѣтую раздумать на досугѣ. [Отходить].

ЗУВОВЪ [отыскивал глазами Грибовскаго].

Вчера еще навязчивые слуги
Сегодня раздирають и клянуть.

ГРИВОВСКІЙ.

Васъ это удивляетъ? Что за диво?
Гораздо хуже, если насъ вернуть
Служить въ строю съ напудренною гривой?

ЗУВОВЪ.

Ну, нѣтъ, не тѣ ужъ нынѣ времена.

ГРИВОВСКІЙ.

Къ несчастью, подошли совсѣмъ другія.

ЗУВОВЪ.

Посѣяны благія сѣмена...

ГРИВОВСКІЙ.

Но скоро ли ростки дадутъ въ Россіи?

ЗУВОВЪ.

Я замѣчаю съ нѣкоторыхъ поръ,
Что ты городишь преопасный вздоръ.

[Смѣшивается съ другими].

РАСТОПЧИНЪ [подходя къ Головиной].

Я приближаюсь съ трепетомъ невольнымъ,
Безстрастнаго увидѣвъ судію...

ГОЛОВИНА.

Не съ чувствомъ ли самодовольнымъ
Смущаете застѣнчивость мою?

РАСТОПЧИНЪ.

О, нѣтъ, я въ васъ одной ищу опоры,
Отъ васъ зависитъ силъ моихъ подъемъ,
Мы многое свершили бы вдвоемъ,
И къ вамъ теперь я устремляю взоры,
Сердечный трепетъ наполняетъ грудь,
Я чувствую, что въ вашемъ приговорѣ
Я здѣсь прочту... надежду или горе?

ГОЛОВИНА.

Для васъ теперь открытъ широкой путь,
 И вамъ не время заниматься вздоромъ,
 Вамъ надобно страшиться чѣмъ нибудь
 Дать поводъ къ основательнымъ укорамъ.
 Вашъ путь широкъ, но вмѣстѣ и тернистъ.
 Желаю, чтобъ въ борьбѣ неотвратимой
 Попрежнему онъ оставался чистъ!
 Вы были мнѣ милѣй тогда—гонимый,
 Мнѣ нравился вашъ нравъ неукротимый,
 Но съ нимъ во власти суцая бѣда...

РАСТОПЧИНЪ.

Мнѣ грезилось: вы—яркая звѣзда,
 Заблещете въ моемъ значеньѣ новомъ...

ГОЛОВИНА.

Довольствуйтесь моимъ послѣднимъ словомъ,
 Я жъ удалюсь; отраднѣй будетъ мнѣ
 Слѣдить за всѣмъ, держася въ сторонѣ.
 Работайте съ моимъ достойнымъ мужемъ,
 А я отъ васъ останусь далека.
 Я знаю, мы посердимся, потужимъ,
 Но все пройдетъ, бѣда не велика!
 Я думала, что больше нѣтъ возврата
 Ни вамъ, ни мнѣ къ соблазну и грѣху,
 Надѣялась всегда въ васъ видѣть брата,
 Открывшись вамъ, какъ будто на духу;
 Но, видно, страсть сильна и ядовита,
 За сердцемъ притаилася въ углу?..

РАСТОПЧИНЪ.

Какъ молотомъ вы бьете по стеклу!

ГОЛОВИНА.

Мечта о личномъ счастьи разбита.
 Мнѣ долъгъ велить для милыхъ дочерей
 Отдать всю жизньъ, я имъ одна защита.
 Какъ видите, я дѣлаюсь добрѣй?
 Мое все кончено...

ЧАРТОРИЖСКІЙ [у окна].

Не гатчинцы ли это?
 Грибовскій, встань къ окну, сюда взгляни.

РАСТОПЧИНЪ [привлеченный этимъ].

Конечно, нѣтъ сомнѣнья, ихъ карета,
Задвигались вдоль площади огни.

[Быстро направляется къ выходу].

ЗУБОВЪ [Грибовскому].

Такъ вотъ когда я за тебя отвѣчу!
Настали жъ эти роковые дни.
Но дѣлать нечего, идемъ навстрѣчу!

ГРИВОВСКІЙ.

Зачѣмъ же мнѣ? Ступайте вы одни.

[Зубовъ, укоризненно взглянувъ, удаляется].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Растопчина и Зубова.

ШУВАЛОВА [около Безбородко].

Казалось бы, урокъ для всѣхъ жестокій,
Мы рано позабыли старину.

БЕЗБОРОДКО.

Вѣдь, пропадаютъ даромъ всѣ уроки.

ШУВАЛОВА.

Не вѣрьте вы ни въ чемъ Растопчину.

БЕЗБОРОДКО.

Ахъ, матушка, и самому Вольтеру
Мы все-таки не вѣримъ черезъ мѣру...

[Шувалова отходить къ Чарторижскому].

ДЕ-ТАРАНТЬ [Головиной].

Ты попросить могла бѣ Растопчина,
Чтобъ пенсія моя была сохранена.

ГОЛОВИНА.

Я попрошу объ этомъ Безбородко.

[Направляясь къ Безбородко, сталкивается съ мужемъ].

ШУВАЛОВА [Чарторижскому].

Взгляните на племянницу: что съ ней?
Вдругъ пріосанилась и сдѣлалась важнѣй
И словно говорить не хочетъ съ теткой.

ГОЛОВИНЪ [женѣ, сказавъ ей что-то на ухо].

Да, Варенька, не такъ ужъ я былъ простъ,
Съ Растопчинымъ не разрывая дружбы:
Теперь и я займу высокій постъ
И съ выгодой и съ пользою для службы.

ГОЛОВИНА.

Я рада, что тебя займутъ дѣла,
Что такъ внезапно улыбнулось счастье,
Но, вѣдая такую трудной частью,
Отвѣтственность ужасно тяжела?

ГОЛОВИНЪ.

Отвѣтственность? Ты понимаешь много!
Отвѣшивать предъ сильными поклонъ?
Вѣдь, въ неисправностяхъ отвѣтять строго
У насъ чиновникъ или почтальонъ.

ГОЛОВИНА.

Какъ странно понять ты свою задачу!
Откуда почерпнулъ ты этотъ взглядъ?

ГОЛОВИНЪ.

Я это все теперь переиначу! [Отходить, надувшись].

ГОЛОВИНА [подходя къ Безбородко].

Вы, графъ, одни?

БЕЗБОРОДКО.

Пускай себѣ гудятъ,
А я въ душѣ молюсь и тихо плачу.

Не трогаетъ меня ихъ суета,
И лишь однимъ теперь я озабоченъ,
Насколько передъ ней душа чиста.
Не все ль равно кто здѣсь изъ насъ непрочень?
Лишь ей одной принадлежу я весь.
Не чувствуютъ всѣ собранные здѣсь,
Возросшіе въ ея златыхъ оковахъ,
Чѣмъ безъ нея мы были бы дондесь?
Мнѣ видѣлось въ ея дѣяньяхъ новыхъ
Лишь продолженіе славныхъ дней Петровыхъ,
Все вѣяло живительнымъ трудомъ,
Великихъ дѣлъ свершилося немало,
Все выился нашъ крѣпкій русскій домъ,
И передъ взоромъ каждаго вставало
Все славное, чѣмъ Русь гордилась встарь,
И мудрое ея правленіе было кротко,
Проникнуто любовью...

[Изъ дверей опочивальни показывается Растопчинъ—всѣ вздрагиваютъ,
оправляются].

РАСТОПЧИНЪ [громко].

Государь
Просить изволить графа Безбородко!

[Придворные окружаютъ Растопчина].

ЗАНАВѢСЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки. пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ФЕВРАЛЬ, 1902

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Трагизмъ безволя. VII—XI. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	417
II. Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. II—III. (Продолженіе)	441
III. Изъ моей портретной галлерей. III—IV. (Окончаніе). П. П. Гибдича	470
IV. Литературныя воспоминанія и характеристики. VII—IX. (Продолженіе). Л. Е. Оболенскаго	486
V. Изъ школьныхъ лѣтъ Н. В. Гоголя. (1827—1825). П. Е. Щеголева	509
VI. Гоголь въ Нѣжинскомъ лицѣѣ. Изъ воспоминаній В. И. Любичь-Романовича	548
VII. Гоголь и романы двадцатыхъ годовъ. Н. А. Энгельгардта	561
VIII. Описаніе Дибъра у Гоголя. Н. Н. Страхова	611
IX. Гоголь. Опытъ характеристики. П. Н. Полевого	613
X. Вновь найденныя рукописи Гоголя. К. П. Михайлова	626
XI. Отецъ Гоголя. П. Е. Щеголева	656
XII. Преображенская церковь въ м. Большихъ Сорочинцахъ, Полтавской губерніи, гдѣ крестили Н. В. Гоголя. Д. П. Эварницкаго	667
<p>¹⁾ Иллюстраціи: 1) Церковь Преображенія въ м. Сорочинцахъ, гдѣ крестили Н. В. Гоголя.—2) Престоль Преображенской церкви.—3) Образъ пророка Данила.—4) Гербъ Данила Апостола.</p>	
XIII. Замѣтки о Гоголѣ. В. В. Калаша	679
XIV. Критика и библиографія	686

1) Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1902. **П. Щеголева**. — 2) П. Милоковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть III. Націонализмъ и общественное мѣненіе. Выпускъ I. Спб. 1901. **М. Помяловскаго**. — 3) Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Часть первая. Всенародный мѣсяцесловъ. А. С. Ермолова. Спб. 1902. **И. Н.** — 4) Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. Томъ второй. Приложенія къ историческому изслѣдованію, книга вторая. Дм. Цвѣтаева. Варшава. 1902. **А. Никольскаго**.—6) «Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка, изданный его учениками и почитателями. Москва 1902 г.— Н. Стороженко. Изъ области литературы. Его же. Опытъ изученія Шекспира. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902. **п. А.**—7) Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Томъ II. Римская императорская власть отъ Гальбы до Марка Аврелія. Спб. 1901. **А. М.** — 8) Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ IV. Изданіе 2-е. Спб. 1901. **п. в.** — 9) В. В. Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ Ф. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 2-е. Спб. 1902. — **дта.** — 10) **Архивъ графовъ Мордвиновыхъ**. Два тома. Спб. 1902. **с. ш.** — 11) В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Повѣсти и рассказы. Спб. 1902. **Н. Юрьина**. — 12) Жанна Д'Аркъ, романъ Марка Твена. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902. **А. Фаресова**. — 13) З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901. **Н. Н. Михайлова**. — 14) Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902. **м. п—аго**. — 15) Commentationes Nikitinae. Сборникъ статей по классической филологіи въ честь Петра Васильевича Никитина по поводу тридцатилѣтняго служенія его русскому просвѣщенію, 1871—1901. Спб. 1901. **А. М—на**. — 16) А. В. Амфи-

См. слѣд. стр.

театровъ (Old Gentleman). Недавние люди. Сиб. 1901. — дта. — 17) В. В. Синовскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). Критико-библиографическій обзоръ. Сиб. 1901. п. щ. — 18) Мих. В. Хелтуллишвили. Вступленіе Грузіи въ составъ Россійской имперіи. Изд. Ал. Арабидзе. Кутаисъ. 1901. кон. Мих—ва. — 19) Отчетъ о дѣятельности Тверской ученой архивной комиссіи за 1900 годъ. Составилъ правитель дѣлъ И. А. Виноградовъ. Тверь. 1901. А. М—на. — 20) А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушикова. М. 1902. Вас. Якимова.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 722

1) Какимъ образомъ египетскій министръ сдѣлался богомъ. — 2) Смерть Плинія Старшаго. — 3) Тосканелли и Христофоръ Колумбъ. — 4) Тайна Маріи Стюартъ. — 5) Обѣденіе маркизы Вренвильеръ. — 6) Былъ ли женатъ Боссидъ. — 7) Польша и Франція въ 1790—1793 годахъ. — 8) Пашегрю и заговоры роляистовъ. — 9) Замокъ Сень-Клу. — 10) Два памятника. — 11) Западные ученые о русскомъ византиновѣдѣи.

XVI. Смѣсь 744

1) Торжественное засѣданіе академіи наукъ. — 2) Публичное засѣданіе академіи наукъ. — 3) Чествованіе В. О. Ключевскаго. — 4) Диспутъ В. М. Грибовскаго. — 5) Историческое общество въ Москвѣ. — 6) С.-Петербургское археологическое общество. — 7) Археологическая комиссія археологическаго общества въ Москвѣ. — 8) Кавказское отдѣленіе императорскаго Московскаго археологическаго общества. — 9) Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. — 10) Историко-филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ. — 11) Археологическій институтъ. — 12) Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. — 13) Древности каменнаго вѣка. — 14) Общество любителей древней письменности. — 15) Общество любителей руссійской словесности. — 16) Библиографическое общество. — 17) Библиологическое общество. — 18) Общество дѣателей печатнаго дѣла. — 19) Памятникъ первопечатнику. — 20) Географическое общество. — 21) Этнографическій отдѣлъ общества-любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. — 22) Общество любителей изслѣдованія Алтая въ Барнаулѣ. — 23) Географическія экспедиціи. — 24) Общество востоковѣдѣи.

XVII. Некрологи 790

1) Богдановскій, А. М. — 2) Иенсенъ, Д. И. — 3) Фонъ-Кауфманъ, М. П. — 4) Кожевниковъ, А. Я. — 5) Мушкетовъ, И. В. — 6) Олоцкий, Д. А. — 7) Смирновъ, К. И. — 8) Федоровъ (Соловцовъ), Н. Н.

XVIII. Замѣтки и поправки 797

1) Къ статьѣ «Остатки былого величія». И. Ал—снго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Гоголя въ бытность его въ гимназій высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. По наброску одного изъ нѣжинскихъ товарищей. — 2) Портретъ Гоголя въ юности; съ портрета помѣщеннаго въ «Иллюстраціи» изд. Кукольника. — 3) Портретъ Гоголя, рисованный карандашемъ съ натуры извѣстнымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, въ Римѣ. — 4) Портретъ Гоголя, рисованный съ натуры актеромъ П. А. Каратыгинымъ, въ 1835 году. — 5) Портретъ Гоголя, приложенный къ «Московскому Сборнику», изданному С. Т. Аксаковымъ въ 1852 году. — 6) Портретъ Гоголя, приложенный къ «Запискамъ о жизни Гоголя», изданнымъ Кулишемъ. — 7) Гоголь въ гробу. Съ литографіи того времени. — 8) Старый деревенскій домъ въ селѣ Васильевкѣ. Полтавской губ., впоследствии сломанный, въ которомъ Гоголь провелъ дѣтскіе годы. — 9) 6 факсимиле рукописей Гоголя: Двѣ подписи Гоголя и конвертъ письма его къ сестрамъ. — Письмо Гоголя къ сестрамъ. — Первая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря». — Вторая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря». — Письмо Гоголя къ Погодину по поводу смерти Пушкина. — Новѣсть «Пропавшая грамота».

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

21-го февраля исполняется пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины Н. В. Гоголя. По этому случаю редакція «Историческаго Вѣстника» посвящаетъ февральскую книжку журнала почти исключительно статьямъ о Гоголѣ. Изъ нихъ въ статьѣ П. Е. Щеголева «Школьные годы Гоголя» и въ воспоминаніяхъ В. И. Любича-Романовича «Гоголь въ Нѣжинскомъ лицей» сообщается нѣсколько новыхъ данныхъ для біографіи великаго писателя; но особенно важное значеніе имѣютъ подлинныя рукописи самаго Гоголя, предоставленныя въ наше распоряженіе Павломъ Яковлевичемъ Дашковымъ, которому приносимъ нашу глубокую благодарность за неизмѣнное, радужное содѣйствіе, оказываемое имъ намъ съ самаго основанія «Историческаго Вѣстника». Значеніе и происхожденіе рукописей Гоголя, сообщенныхъ П. Я. Дашковымъ, подробно объяснены въ статьѣ К. Н. Михайлова «Вновь найденныя рукописи Гоголя». Полагая, что все касающееся Гоголя не можетъ не интересовать нашихъ читателей, мы даемъ въ приложеніи къ этой книжкѣ факсимиле нѣсколькихъ его рукописей, принадлежащихъ П. Я. Дашкову, и въ числѣ ихъ трехъ неизданныхъ, именно: письмо Гоголя къ сестрамъ, черновой набросокъ отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря» и первоначальный текстъ повѣсти «Пропавшая грамота», остававшійся до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ во всемъ издателямъ сочиненій Гоголя и заключающій въ себѣ многочисленные и существенные варианты сравнительно съ напечатаннымъ текстомъ.

Портретъ Н. В. Гоголя въ бытность его въ
Гимназіи Высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. По
наброску одного изъ нѣжинскихъ товарищей.
Изъ № 15 «Иллюстраціи», издававшейся въ 1845 году
Н. В. Кувольникомъ.

доз ценз. 18 янв. 1902 г. спб

ТРАГИЗМЪ БЕЗВОЛІА¹⁾.

VII.

ОСЛѢ свиданія со слѣдователемъ въ Москвѣ никто больше не беспокоилъ Ивкова. Одинъ только разъ, будучи уже въ Петербургѣ, получилъ онъ «оттуда» запросъ, косвенно касавшійся несчастнаго событія, имѣвшаго такое роковое вліяніе на его судьбу. У него спрашивали: куда желаетъ онъ, чтобъ ему доставили вещи, отданныя на храненіе Ильѣ?

Бумага эта, напрасно проискавъ его въ Москвѣ, дошла до него довольно поздно, и онъ успѣшилъ отвѣтить просьбой выслать ему вещи въ Петербургъ, гдѣ онъ намѣренъ ждать обѣщаннаго перевода въ Владивостокъ.

Недѣли черезъ двѣ, вещи прибыли, тщательно упакованныя... Ильѣй, безъ сомнѣнія,—къмъ же больше? Онъ этимъ занимался на просторѣ, въ дни ожиданія, пока не разыскали трупа еврейки и не привлекли его къ слѣдствію.

Ивковъ холодѣлъ отъ ужаса при одной мысли разбирать эти вещи и прямо съ желѣзной дороги отвезъ ихъ въ складъ на храненіе.

Наступила осень. Переводъ его затягивался.

Впрочемъ, занятый исключительно самоусыпленіемъ, онъ ничего и не предпринималъ, чтобы подвинуть дѣло. Послѣ сильныхъ ощущеній, испытанныхъ въ Москвѣ и здѣсь, до прихода вещей «оттуда» и до сдачи ихъ въ складъ, имъ овладѣла апатія.

¹⁾ Продолженіе. -См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 7.

Въ Петербургѣ было легче жить такъ, какъ ему хотѣлось, не было здѣсь людей, принимавшихъ въ немъ участія и отъ которыхъ было бы трудно скрывать мучительную тайну: здѣсь у него были только такіе знакомые, которымъ было все равно, здоровъ онъ или боленъ, веселъ или печаленъ; часто или рѣдко онъ съ ними видится.

По прїѣздѣ, наэлектризованный новыми планами, онъ первое время хлопоталъ и суетился, разыскивалъ нужныхъ людей, являлся къ вліятельнымъ лицамъ и заручался обѣщаніями, которыя отъ него зависѣло видѣть исполненными, еслибъ оптимистическое настроеніе, въ которомъ онъ находился, продолжалось; но оно стало постепенно измѣняться, опять начали имъ овладѣвать сомнѣнія, напала бессонница, и съ каждымъ днемъ все труднѣе становилось отрыватья отъ мучительныхъ мыслей объ Ильѣ и убитой еврейкѣ.

И опять потянуло его къ уединенію, какъ пьяницу къ вину.

Жизнь въ шумной и людной гостиницѣ становилась нестерпима, и онъ началъ мечтать о комнатѣ въ тихомъ семействѣ, гдѣ можно было бы пребывать по цѣлымъ днямъ въ покоѣ и тишинѣ.

Намекнулъ ли онъ кому нибудь объ этой мечтѣ, или про нее узнали какимъ нибудь инымъ образомъ, но въ одинъ прекрасный день, когда раздраженный болѣе обыкновеннаго громкимъ разговоромъ сосѣдей, прїѣхавшихъ изъ провинці сдавать дѣтей въ учебныя заведенія, онъ собирался раньше обыкновеннаго выйти изъ дома, посыльный принесъ ему письмо, надписанное незнакомой рукой, слѣдующаго содержанія:

«Вы здѣсь одни, какъ и я. Не думаю, чтобъ вамъ было удобно жить въ гостиницѣ. Зайдите взглянуть на комнату, которую я сдаю. Другихъ жильцовъ, кромѣ васъ, у меня не будетъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, предупреждаю васъ, что я старуха».

Слѣдовала подпись и адресъ, неподалеку отъ той улицы, гдѣ была гостиница.

Фамилія писавшей ему была совершенно неизвѣстна, но душа его была въ такомъ смятеніи, что онъ не останавливался на вопросѣ: откуда узнала она не только его имя и отчество, но даже такія подробности, что онъ одинокъ, что ему надоѣло жить въ гостиницѣ, и что онъ мечтаетъ о тихомъ пристанищѣ, гдѣ можно было бы жить, никого не видя и ничего не слыша?

— «Умная, должно быть, старуха,—думалъ онъ, перечитывая письмо, написанное твердымъ мужскимъ почеркомъ, на дорогой бумагѣ, съ княжескимъ гербомъ въ заголовкѣ и на конвертѣ.—Ни одного лишняго бабьяго слова не приплела къ своему предложенію, только самое необходимое».

Онъ положилъ письмо въ карманъ, давая себѣ слово непременно воспользоваться имъ послѣ того, какъ узнаетъ, въ какомъ положеніи находится дѣло о его переводѣ. Если ему пред-

стоитъ въ скоромъ времени совсѣмъ покинуть Петербургъ, то не стоитъ и переѣзжать изъ гостиницы.

Остановившись на этомъ намѣреніи, онъ дошелъ до Таврическаго сада, просидѣлъ дольше обыкновеннаго въ тѣни деревьевъ у пруда и, дождавшись шести часовъ, побрелъ домой обѣдать.

Когда онъ поднимался по лѣстницѣ въ свой номеръ, его догналъ коридорный и подалъ ему карточку.

— Спрашивали, когда вернетесь, и приказали имъ тотчасъ же доложить,—объявилъ онъ при этомъ.

На карточкѣ стояло имя Фролова, товарища его по полку.

— Кто ему сказалъ, что я здѣсь?—спросилъ онъ въ то время, какъ сердце его болѣзненно сжималось при воспоминаніи о мѣстѣ, гдѣ произошло роковое событіе.

— Сами прочитали вану фамилію на доскѣ.

«На доскѣ прочиталъ! Скорѣе переѣхать въ такой домъ, гдѣ фамилій на доскахъ при входѣ не выставляють!» замелькало въ головѣ Ивкова.

— Прикажете имъ доложить, что вы вернулись? Они той же минутой къ вамъ сойдутъ.

— Не надо, я долженъ сейчасъ выйти, меня ждуть обѣдать,—поспѣшилъ объявить Ивковъ.—Самъ къ нему зайду, когда будетъ время,—нашелъ онъ нужнымъ прибавить, входя въ свою комнату, и, наскоро переодѣвшись, опять вышелъ на улицу, не зная, куда идти, лишь бы только подальше отъ человѣка, который могъ ему сообщить о томъ, что «тамъ» дѣлается.

На Невскомъ онъ зашелъ въ ресторанъ и спросилъ обѣдать, думая все о томъ же: не уѣхать ли ему совсѣмъ изъ Петербурга, чтобъ не встрѣчаться съ Фроловымъ?

Но онъ испыталъ, какъ раздражительно на него дѣйствуетъ дождная суматоха и неминуемыя столкновенія съ незнакомыми личностями при переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Къ тому же, гдѣ же можно лучше скрыться отъ докучливыхъ встрѣчъ, какъ не въ Петербургѣ?

Вспомнилось полученное утромъ письмо отъ незнакомой дамы, и на сердцѣ полегчало. Удивительно кстати явилось ея предложеніе! Онъ завтра же зайдетъ взглянуть на комнату, о которой она ему пишетъ, а сегодня надо убить время въ какомъ нибудь загородномъ театрѣ.

Пообѣдавъ и просмотрѣвъ журналы, онъ отправился къ конкѣ на Михайловской, чтобъ доѣхать до театра, гдѣ бывалъ уже нѣсколько разъ, и гдѣ ему удавалось забываться.

Начинало темнѣть, когда онъ подошелъ къ готовящейся отѣзжать каретѣ. Со всѣхъ сторонъ валилъ къ ней народъ, однако ему удалось найти мѣсто, и усаживаясь онъ радовался, что избавленъ на время отъ неприятныхъ встрѣчъ, какъ вдругъ на площадку вско-

чиль новый пассажиръ, громко объявляя, что онъ тутъ постоитъ, пока не очистится мѣсто внутри.

Ивковъ узналъ голосъ Фролова, невольно отвернулся къ окну и, замирая отъ тяжелыхъ предчувствій, сталъ всматриваться въ дома, утопавшіе въ густой мглѣ наступившихъ сумерекъ.

Но это ни къ чему не повело: при первой остановкѣ, когда сидѣвшая рядомъ съ нимъ женщина вышла изъ конки, Фроловъ поспѣшилъ занять ея мѣсто. Скрываться отъ него дольше было бы по меньшей мѣрѣ глупо, и онъ протянулъ ему руку со словами:

— Здравствуйте, Фроловъ

— Николай Ивановичъ! Вотъ кстати! Я съ утра, какъ увидѣлъ ваше имя на доскѣ, ищу съ вами встрѣчи!—весело вскричалъ Фроловъ, пожимая протянутую ему руку.—А вы все еще въ Петербургѣ? У насъ все думаютъ, что вы давно въ Владивостокѣ. Я очень удивился, когда узналъ, что вы здѣсь.

— Да вотъ, до сихъ поръ съ переводомъ тянуть,—отвѣчалъ Ивковъ тѣмъ естественнымъ тономъ, который у него всегда являлся, когда приходилось, такъ или иначе, прикасаться къ тому, что имѣло отношеніе къ его тайнѣ.—Мнѣ давно хочется попытаться счастье въ новыхъ мѣстахъ. Что у насъ за жизнь, одно прозябаніе!

— Что жъ, вы, можетъ быть, и правы. Я бы и самъ, кабы не семья... А у насъ все попрежнему. Кузнецовъ рѣшился, наконецъ, сдѣлать предложеніе Тюфякиной, Кострицина опять убѣждала отъ мужа, на этотъ разъ съ товарищемъ прокурора, Петровымъ... Про вашего Илью вы вѣрно слышали?

— Слышалъ, что онъ въ какую-то глупую исторію вляпался, по поводу убійства еврейки, но это оказалось, разумеется, вздоромъ?

— Какой же вздоръ, когда его судили!

— Что вы говорите! Меня о немъ спрашивали, я былъ увѣренъ, что до суда не дойдетъ.

— Какое тамъ! Его судили, и до сихъ поръ про дѣло это толкуютъ въ городѣ. Наши судейскіе опомниться не могутъ отъ конфуза... Впрочемъ, какой же тутъ конфузъ? Разъ человекъ, будь онъ хоть распрокуроръ, сознаетъ невиновность подсудимаго, развѣ онъ можетъ его обвинять?

— Такъ Илью оправдали?—спросилъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ Ивковъ.

Поль-жизни отдалъ бы онъ за утвердительный отвѣтъ, но его продолжали держать въ недоумѣніи.

— Въ томъ и дѣло, что нѣтъ. Прокуроръ отказался его обвинить, а судьи закатали. Я, какъ очевидецъ, вамъ могу рассказать, какъ все было,—продолжалъ Фроловъ, не замѣчая, какъ поблѣднѣлъ его слушатель.—На меня вашъ Илья, какъ и на всѣхъ, произвелъ

странное впечатлѣніе. Глядитъ на всѣхъ спокойно и все повторяетъ: «я ея не убивалъ, ваше б-діе!»—и такимъ тономъ, точно не которга его ждетъ, а монаршее благоволеніе.

— Какъ же вы говорите, что его оправдали?—съ трудомъ произнесъ Ивковъ.

— Я вамъ этого не сказалъ, я говорю, что прокуроръ въ самую послѣднюю минуту отказался его обвинять и обыкновенно такъ бываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ судьи выносятъ оправдательный приговоръ, но на этотъ разъ вышло иначе: его закатали. И вотъ этимъ-то всѣ и возмущены. Правда, что до сихъ поръ на убійцу не удалось напасть, но развѣ это причина осуждать человѣка, противъ котораго такія ничтожныя улики? Развѣ мало преступленій остается нераскрытыми?

— Разумѣется,—со вздохомъ облегченія согласился Ивковъ.

Онъ убѣдился, что опасаться Фролова нечего: не для того искалъ онъ съ нимъ встрѣчи, чтобъ выразить подозрѣнія на его счетъ.

— И чѣмъ же все кончилось?—спросилъ онъ.

— Прокуроръ подалъ на кассацию, и всѣ увѣрены, что просьбу его уважатъ.

— Значитъ, Илью будутъ судить во второй разъ?

— Да. И надо полагать, что новый составъ судей его оправдаетъ.

— Навѣрное?

— Странный вы человѣкъ, Николай Ивановичъ! Кто же можетъ за это поручиться?—отвѣчалъ Фроловъ, поднимаясь съ мѣста, чтобъ выйти изъ кареты, которая остановилась, доѣхавъ до мѣста своего назначенія.—Идемте скорѣе въ кассу, чтобъ попытаться взять билеты рядомъ. Терпѣть не могу сидѣть съ незнакомыми, съ которыми нельзя перекинуться словомъ...

Но толпа ихъ разъединила, и они потеряли другъ друга изъ виду.

Ивковъ взялъ билетъ въ партеръ. Съ того мѣста, которое онъ занялъ, Фролова не было видно, но въ антрактъ они встрѣтились въ саду.

Фроловъ прохаживался по аллеѣ, освѣщенной разноцвѣтными фонариками, съ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ представилъ Ивкову, какъ дальняго своего родственника, кандидата на судебныя должности, Захарина.

И, обращаясь къ этому послѣднему:—А это Николай Ивановичъ Ивковъ, тотъ самый офицеръ, у котораго тотъ субъектъ служилъ денщикомъ,—сказалъ онъ. И, снова обращаясь къ Ивкову, прибавилъ:—Вотъ недавно сдалъ экзаменъ и интересуется всѣми выдающимися судебными процессами.

— А вы находите дѣло Ильи выдающимся?—спросилъ Ивковъ у молодого кандидата.

— Чтобъ прокуроръ отказался обвинять подсудимаго, котораго самъ же предалъ суду, ужъ одно это представляетъ знаменательный фактъ, но чтобъ, не взирая на это, судьи, да еще коронные, а не присяжные засѣдатели, какъ въ гражданскомъ судѣ, вынесли обвинительный приговоръ, это еще любопытнѣе,—объявить Захаринъ съ серьезною важною начинающаго свою карьеру общественнаго дѣятеля.

Разговоръ на эту тему продолжался до конца антракта, и Ивковъ могъ быть собою вполне доволенъ. Онъ вмѣшивался въ бесѣду настолько, насколько слѣдовало человѣку, интересующемуся дѣломъ по близости своей къ подсудимому, не высказывая ни единого слова, могущаго вызвать подозрѣнiе. Глядя на него со стороны, никому бы и въ голову не пришло догадаться, какъ онъ далеко душой отъ окружавшей его дѣйствительности, а между тѣмъ, съ первыхъ же словъ Фролова въ конкѣ, унесся онъ воображенiемъ «туда», и какъ живыя вставали передъ его духовными очами малѣйшiя подробности драмы, разыгравшейся въ судѣ полтора мѣсяца тому назадъ, когда онъ шатался по Петербургу въ поискахъ за душевнымъ покоемъ, котораго нигдѣ не находилъ.

Послѣдуй онъ тогда влеченiю сердца, влекущему его «туда», гдѣ Илья, не мудрствуя лукаво, свершалъ тотъ подвигъ христіанской любви, выше котораго, по словамъ Спасителя, человѣку нельзя свершить, очень можетъ быть, что теперь онъ бы успокоился и могъ бы думать о чемъ либо иномъ, кромѣ какъ о томъ: устоитъ ли Илья въ добровольно принятой на себя пыткѣ, или не устоитъ?

Въ настоящее время, благодаря встрѣчѣ съ Фроловымъ, отвѣтъ на вопросъ этотъ наворачивался утвердительный: если до сихъ поръ, и выслушавъ приговоръ, осуждавшiй его на каторгу, Илья не выдалъ своего барина, то странно было бы сомнѣваться въ томъ, что онъ не сдержитъ и дальше своего обѣщанiя.

Да и на счастливый исходъ дѣла представлялось теперь несравненно больше данныхъ, чѣмъ прежде.

Почему же Ивкову было такъ тяжело, такъ нестерпимо тяжело?

Опять спустился занавѣсъ, наступилъ антрактъ, и Фроловъ съ Захаринымъ разыскали его въ саду, куда онъ вышелъ раньше ихъ.

И тотчасъ же, забывая всякую предосторожность, заговорилъ онъ съ ними про Илью.

Однако, какъ ни умудренъ былъ наукой юный кандидатъ на судебныя должности, на вопросъ Ивкова: неужели можетъ такъ случиться, чтобъ новые судьи обвинили Илью?—онъ не рѣшился отвѣчать категорически.

— Мало ли что можетъ случиться!

И въ подтвержденiе этого мнѣнiя онъ сталъ ссылаться на примѣры.

Но Ивковъ былъ слишкомъ утомленъ душевными потрясеніями, чтобъ его слушать. Онъ уносился мыслями все дальше и дальше, все мучительнѣе ему было встряхиваться, чтобъ заставить себя интересоваться тѣмъ, чѣмъ другіе интересовались, возражать, отвѣчать на вопросы. Какъ избавленію, обрадовался онъ звонку, призывавшему ихъ въ зрительный залъ, гдѣ можно было забыться, оставаясь наединѣ съ самимъ собой.

По окончаніи представленія Фроловъ предложилъ ему ѣхать домой вмѣстѣ съ нимъ. Отказаться не было никакой возможности, и дорогой спутникъ Ивкова, между прочимъ, сказалъ, что, по мнѣнію Захарина, вторичнаго суда надъ Ильей раньше, какъ черезъ полгода, ждать нельзя.

— Почему такъ долго?

— Да потому, что хлопотать за него некому. Дѣло пойдетъ въ очередь, или, лучше сказать, внѣ очереди, когда нельзя будетъ дольше его откладывать. Вы ужъ тогда будете далеко, — прибавилъ онъ.

— Надо надѣяться, — поспѣшилъ согласиться Ивковъ.

И прибавилъ къ этому, что ему надо завтра чуть свѣтъ ѣхать въ Финляндію, чтобъ повидаться съ родственниками, которые тамъ живутъ на дачѣ. — Надо пользоваться свободнымъ временемъ, выйдетъ назначеніе, придется, можетъ быть, немедленно уѣзжать...

— И надолго вы туда?

— Недѣли на двѣ...

— Мы, значить, больше не увидимся. Очень радъ, что хоть сегодняшній вечеръ удалось провести вмѣстѣ.

VIII.

Всю ночь Ивковъ не смыкалъ глазъ, такъ взволновали его неожиданныя извѣстія.

Поднялся онъ съ постели чуть свѣтъ и принялся за укладку вещей. Въ девять часовъ позвонилъ и объявилъ вошедшему на зовъ лакею, что онъ уѣзжаетъ, и чтобъ ему приготовили счетъ.

Погода была пасмурная. Отъ свинцовыхъ тучъ, нависшихъ надъ городомъ, было такъ темно, что съ трудомъ можно было разбирать газеты, поданныя ему вмѣстѣ съ чаемъ и со счетомъ.

Онъ подумалъ, что наступаетъ осень, отвратительнѣйшее время года въ Петербургѣ для человѣка, не имѣющаго домашней обстановки, что скоро нельзя будетъ проводить цѣлые дни въ Таврическомъ или Лѣтнемъ саду, какъ онъ это дѣлалъ до сихъ поръ, чтобъ спастись отъ надѣвшей до тошноты суматохи въ гостиницѣ, и рѣшилъ взять болѣе удобное помѣщеніе.

Но итти къ таинственной незнакомкѣ, предлагавшей ему у себя пристанище, было рано; до двѣнадцати часовъ, навѣрное, не приметъ.

Расплатившись по счету, онъ приказалъ хранить свои вещи, пока за ними не пришлетъ, и пошелъ бродить по городу, останавливаясь передъ магазинами и машинально перечитывая этикетки на вещахъ, выставленныхъ въ окнахъ.

Потомъ онъ зашелъ въ читальню, просмотрѣлъ новые журналы и, убивъ такимъ образомъ время до половины перваго, отправился разыскивать домъ, означенный въ письмѣ, съ которымъ не разставался.

Домъ этотъ, въ одной изъ самыхъ бойкихъ улицъ, близъ Невскаго, оказался современной постройки, пятиэтажный, съ парадными подъѣздами, не только на улицѣ, но также и на дворѣ, куда онъ и направился, слѣдуя указаніямъ письма.

На вопросъ его, какъ найти 42-й номеръ, швейцаръ, стоявшій передъ дверью, рекомендовалъ ему подняться до самаго верха и позвонить у двери.

— По этой лѣстницѣ, у насъ на самомъ верху другихъ жильцовъ, кромѣ княгини, нѣтъ, сейчасъ найдете,—прибавилъ онъ.

Широкая свѣтлая лѣстница, покрытая ковромъ, произвела на Ивкова пріятное впечатлѣніе тишиною, комфортомъ и пустотой. Когда онъ поднимался по ней мимо запертыхъ дверей, съ фамиліями жильцовъ на металлическихъ дощечкахъ, ему не встрѣтилось ни души. Безъ труда нашелъ онъ номеръ 42-й, и, хотя на двери не было ни карточки, ни дощечки съ именемъ жильцовъ, онъ не задумался позвонить.

Ему пришлось ждать довольно долго прежде, чѣмъ за дверью раздались шаги и ключъ повернулся въ замкѣ.

— Что вамъ угодно?—спросила дѣвушка, съ довольно красивыми чертами поблекшаго лица, въ классическомъ костюмѣ субретки: темномъ платьѣ, бѣломъ передникѣ и съ гладко зачесанными волосами.

Вопросъ свой она произнесла съ холодною вѣжливостію и дверь пріотворила настолько, чтобъ не дозволить незнакомцу даже взглядомъ проникнуть въ квартиру.

— Я Ивковъ, ваша барыня мнѣ писала про комнату, которая у васъ сдается.

Окинувъ его съ ногъ до головы внимательнымъ взглядомъ, она сняла цѣпь съ двери и пригласила его войти.

— Извольте здѣсь подождать, я доложу ея сіятельству.

И, притворивъ за нимъ дверь, оставила его одного въ темной прихожей.

Прошло иѣскольکو минутъ въ полнѣйшей тишинѣ. Про него точно забыли. Соскучившись ждать въ темнотѣ, онъ началъ искать выхода въ другую комнату, нашелъ ощупью дверь, попробовалъ ее растворить, и, когда она подалась, онъ увидалъ большую и оригинально убранную гостиную.

Впрочемъ, слово «убранство» сюда не подходило, здѣсь царилъ полный беспорядокъ, какъ передъ отъѣздомъ или по возвращеніи изъ дальняго путешествія, когда не успѣли еще распаковать дорожныхъ сундуковъ и чемодановъ, стоявшихъ среди комнаты вперемежку съ мебелью красивой заграничной работы и обитой, должно быть, дорогой матеріей, если судить по кистямъ и бахромѣ, кое-гдѣ выступавшимъ изъ-подъ чехловъ, которыми она была покрыта.

Но что въ особенности привлекло вниманіе Ивкова, это высокія пальмы и другія растенія, одно роскошнѣе другого, красовавшіяся не у оконъ, какъ обыкновенно, а среди комнаты и на извѣстномъ разстояніи одно отъ другого, какъ на выставкахъ. Ихъ широкіе листья, вѣерообразные, стрѣльчатые и перистые, раскидывались во всѣ стороны, свѣжіе, жирные, глянцовитые, безъ пылинки, безъ пятнышка.

Комната была полукруглая, въ пять оконъ, ничѣмъ не завѣшенныхъ и съ чисто промытыми стеклами, выходившихъ на открытое пространство, высоко надъ сосѣдными крышами.

Любуясь изъ нихъ небомъ, можно было забыть, что находишься въ пыльномъ, душномъ городѣ, а царившая вокругъ тишина довершала иллюзію.

Ивкову было тутъ такъ хорошо, что онъ съ досадой вздрогнулъ, когда позади его раздались шаги, и явилась знакомая ему горничная.

— Ея сіятельство васъ проситъ осмотрѣть ту комнату, которая у насъ сдается, — объявила она, не выражая ни малѣйшаго удивленія при видѣ растворенной двери, передъ которой она его застала.

Онъ послѣдовалъ за нею въ длинный коридоръ, въ концѣ котораго была дверь въ предназначенное для него помѣщеніе.

Здѣсь ему понравилось еще больше, чѣмъ въ круглой гостиной. Комната была просторная и свѣтлая, обставлена всѣмъ необходимымъ для спокойной и комфортабельной жизни. Единственная дверь и оба окна были задрапированы тяжелыми занавѣсами, а когда онъ раздвинулъ кисейныя сторы передъ стеклами, то могъ любоваться небомъ, какъ и въ круглой гостиной. И тутъ такъ же, какъ и тамъ, было тихо, и можно было воображать себя въ деревнѣ.

«Вотъ гдѣ можно все забыть! Остальной міръ такъ далекъ, что никто меня здѣсь и не найдетъ!» — подумалъ онъ.

И какъ хорошо, что его оставили здѣсь одного, чтобъ ознакомиться на просторѣ съ новымъ помѣщеніемъ!

Надъ ночнымъ столикомъ бѣлѣлась пуговка электрическаго звонка; онъ ее надавилъ и сказалъ явившейся горничной, что комната ему нравится, и что онъ ее возьметъ, если условія, на которыхъ ее сдаютъ, окажутся для него подходящими.

— Княгиня васъ проситъ къ нимъ пожаловать,—объявила она, выходя въ коридоръ, куда онъ за нею послѣдовалъ.

«Зачѣмъ упомянулъ я про условія, когда нѣтъ такой жертвы, которой я бы не принесъ, чтобъ только здѣсь остаться!»—думалъ онъ.

Снова вошли они въ прихожую, уже освѣщенную лампой, и, остановившись передъ дверью въ углубленіи стѣны, спутница его постучалась въ нее, не дождавшись отвѣта изнутри, ее растворила и, пропустивъ его впередъ со словомъ: пожалуйте-съ, скрылась, опустивъ за нимъ портьеру.

Полутемный покой, въ которомъ онъ очутился, былъ освѣщенъ, какъ ночью, чрезвычайно пріятнымъ свѣтомъ, разливавшимся изъ-подъ абажура на лампѣ, стоявшей на столѣ у низкой и широкой кровати среди комнаты, на пунцовомъ коврѣ.

Тутъ пахло чрезвычайно крѣпкими духами, и первое, что его поразило среди сравнительной темноты (производившей странное впечатлѣніе послѣ дневного свѣта, изъ котораго онъ сюда пришелъ), была женская фигура въ бѣломъ, лежавшая на кровати и больше похожая на призракъ изъ фантастической сказки, чѣмъ на существо изъ дѣйствительной жизни.

Страшно худое лицо смотрѣло на него пристальнымъ, холоднымъ взглядомъ большихъ ввалившихся глазъ изъ-подъ завитковъ черныхъ *волосъ, низко спускавшихся на лобъ. Костлявая рука, съ перстнями на всѣхъ пальцахъ, покоилась на бѣлой турецкой шали, прикрывавшей ея ноги выше колѣнъ, придерживая книгу въ переплетѣ. Оставляя углы комнаты въ тѣни, свѣтъ изъ-подъ абажура освѣщаль близъ стоявшіе предметы: этажерку съ книгами и брошюрами, а также низкое обитое пунцовымъ атласомъ кресло, на которое молча указали Ивкову.

Онъ сѣлъ и тогда только замѣтилъ сѣрую кошку, свернувшуюся въ складкахъ шали и лежавшую такъ неподвижно, что, еслибъ не сверкавшіе фосфорическимъ блескомъ глаза, онъ бы принялъ ее за чучелу.

Прошло довольно продолжительное время въ неловкомъ молчаніи. Онъ ждалъ, чтобъ княгиня заговорила, а она продолжала на него смотрѣть и съ такимъ спокойнымъ любопытствомъ его разглядывала, точно передъ нею не живой человекъ, а неодушевленный предметъ. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, чтобъ стряхнуть все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшее имъ оцѣпенѣніе, онъ прервалъ молчаніе, грозившее затянуться на неопредѣленное время, и объявилъ, что комната, которую она сдаетъ, ему нравится, и что онъ съ удовольствіемъ ее бы взять.

И смолкъ, не зная, что къ этому прибавить.

Она продолжала на него смотрѣть, но выраженіе ея взгляда начало постепенно измѣняться; въ немъ не было уже прежняго на-

пряженнаго вниманія, жизнь въ немъ стала гаснуть. Глаза все еще смотрѣли, но ничего не видѣли, это были глаза мертвеца.

Онъ ждалъ, не ощущая ни досады, ни нетерпѣнія. Овладевшая имъ истома притупляла умъ и сердце. Ни о чемъ не хотѣлось думать, а между тѣмъ онъ сознавалъ вполне ясно то, что съ нимъ происходило, и, всматриваясь въ лицо своей новой знакомой, спрашивалъ себя: «Сколько ей можетъ быть лѣтъ? Пятьдесятъ? Семьдесятъ? Сто?»

Она себя называла старухой, но, припоминая выраженіе ея взгляда за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, онъ рѣшилъ про себя, что у старухъ такихъ глазъ не бываетъ, пронизательныхъ и притягательныхъ. Теперь только, когда жизнь въ нихъ померкла, могъ онъ отъ нихъ оторваться, чтобъ разглядѣть остальные черты ея лица: длинный тонкій носъ, острый подбородокъ, впалыя щеки, обтянутыя нарумяненной кожей. Губы и брови тоже были подкрашены. Пѣры такъ затянулись, что краска въ нихъ не впитывалась, а засыхала на поверхности, какъ на пергаментѣ.

И вдругъ, она зажмурилась и морщась, какъ отъ боли, снова раскрыла уже живые глаза и спросила: можно ли съ нимъ говорить по-французски?

Онъ отвѣчалъ утвердительно, и на ея лицѣ выразилось нѣчто въ родѣ удовольствія.

— Мнѣ трудно говорить по-русски. Я долго жила за границей... Да и вообще все русское мнѣ чуждо и довольно... противно,—прибавила она, съ запинкой передъ послѣднимъ словомъ, точно пытаясь проникнуть въ его мысли, чтобъ угадать, какъ онъ отнесется къ ея заявленію.

И, вѣроятно, успокоившись на этотъ счетъ, она объявила, что желала бы получать за комнату 25 рублей въ мѣсяцъ.

— Вамъ это не дорого?

— Нисколько. Помѣщеніе такъ удобно...

— Здѣсь тихо. Кому нуженъ покой и одиночество, тотъ долженъ жить, какъ я. Свѣтъ мнѣ въ тягость... Свѣтъ во всѣхъ смыслахъ,—прибавила она, кивая на горѣвшую возлѣ нея лампу и на плотно спущенныя драпировки у оконъ.

— И мнѣ также,—вырвалось у него.

Она продолжала пристально на него смотрѣть,

— У васъ хорошъ выговоръ. Вы жили во Франціи?

— Нѣтъ, но въ дѣтствѣ при мнѣ была французенка.

И, невольно повинуваясь потребности высказать ей то, что, судя по напряженному вниманію, съ которымъ она его слушала, ей хотѣлось отъ него узнать, онъ рассказалъ ей такія подробности о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ, о которыхъ никогда почти не вспоминалъ, и которыя всплывали ему на умъ по мѣрѣ того, какъ слова срывались съ его губъ.

Она слушала его внимательно. Можетъ быть, вниманіе это и поощряло его къ откровенности; такъ или иначе, но онъ рассказаль ей и про смерть матери и про женитьбу отца на дѣвухкѣ моложе его лѣтъ на тридцать, про поступленіе его въ московскій корпусъ, про отъѣздъ отца въ Сибирь на службу, гдѣ онъ и умеръ, не успѣвъ проститься съ сыномъ.

— Есть у васъ родственники?—спросила она.

Вопросъ этотъ воскресилъ въ его памяти недавнее пребываніе въ Москвѣ и то, что заставило его оттуда бѣжать. Злая змѣя, заснувшая было въ его груди, зашевелилась, и хотя почти тотчасъ же опять замерла, однако говорить больше не хотѣлось, и на умѣ завертѣлся вопросъ: «Для чего я все это ей рассказаль? Какое ей до этого дѣло?»

И дѣйствительно, она какъ будто забыла про то, что онъ ей сказаль, и, переждавъ немного, спросила, любить ли онъ читать.

Вопросъ этотъ такъ мало вязался съ предметомъ его рѣчи, что смутилъ его, неожиданнымъ образомъ нарушая нить его мыслей.

— Кто же не читаетъ!—отвѣтилъ онъ съ досадой.

— У меня много книгъ, я могу вамъ ихъ давать. У меня такія книги, которыхъ вы здѣсь не достанете, ихъ запрещено привозить въ Россію.

Онъ молча поблагодарилъ наклоненіемъ головы, въ то время, какъ въ умѣ его завертѣлся вопросъ: не къ участницѣ ли политическаго заговора онъ попалъ? Ему говорили, что такія личности считаютъ своимъ долгомъ заниматься пропагандой.

— А на счетъ всего прочаго обращайтесь, пожалуйста, къ Лизѣ.

Это было похоже на намекъ о прекращеніи аудіенціи, но, мысленно повторяя себѣ, что пора уходить, онъ не трогался съ мѣста. Воцарилось молчаніе, прерываемое только шуршаніемъ ея руки по одѣялу, которое она разглаживала ладонью, устремивъ глаза въ пространство.

Оставаться дольше казалось неловко, и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ поднялся съ мѣста.

— Такъ я переберусь сегодня же, если позволите,—проговорилъ онъ и, озадаченный ея молчаніемъ, прибавилъ, переждавъ съ минуту:—въ какое время мнѣ лучше переѣхать, чтобъ васъ не беспокоить?

— Мнѣ все равно, спросите у Лизы,—отвѣчала она слабѣющимъ голосомъ, опуская голову на подушки и закрывая глаза.

Онъ поспѣшилъ выйти, провожаемый сверкающими глазами кошки.

Въ прихожей его ждала Лиза. Онъ передалъ ей деньги за комнату и замѣтилъ, что ему хотѣлось бы переѣхать сегодня.

— Когда вамъ будетъ угодно. У насъ всегда такъ, какъ теперь. Княгиня почиваютъ днемъ. Ложатся во второмъ часу, а вста-

ють въ первомъ ночи,—прибавила она, взглянувъ на часы, вистѣвшіе рядомъ съ лампой и показывавшіе половину третьяго.

Онъ пробылъ здѣсь болѣе часа.

Выходить на шумную людную улицу не хотѣлось, клонило ко сну. Хорошо бы здѣсь остаться! Да и куда итти? Въ гостиницу, чтобъ встрѣтиться съ Фроловымъ, который непременно заговорить про Илью?..

Ему стало такъ жутко при этой мысли, что чувство это, безъ сомнѣнія, отразилось на его лицѣ, потому что догадливая Лиза успѣшила вывести его изъ затрудненія.

— Не прикажете ли послать за вашими вещами въ гостиницу?—предложила она.—Зачѣмъ же вамъ самимъ беспокоиться? У меня есть такой человѣкъ, ему можно поручить.

Ивковъ согласился и прошелъ въ комнату, которую могъ считать на цѣлый мѣсяцъ своей. Тутъ онъ повалился на кровать и крѣпко заснулъ.

IX.

Когда онъ проснулся, было совсѣмъ темно. Онъ зажегъ свѣчу и увидалъ, что вещи его принесены и сложены у двери.

Часы показывали половину двѣнадцатаго.

Пробужденія его, повидимому, дожидались; раздался стукъ въ дверь, и вошла Лиза съ зажженной лампой и съ пачкой книгъ.

— Княгиня приказала вамъ передать, что если вы эти книги читаете, она вамъ можетъ прислать другія,—объявила она, ставя лампу на столъ передъ диваномъ и кладя рядомъ книги.—Угодно самоваръ?

— Чаю ему не хотѣлось. Ничего ему не хотѣлось, кромѣ покоя. Сонъ его не освѣжилъ. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ и съ ноющими членами, точно послѣ изнурительнаго физическаго труда, но зато нервы притупились, и обычной ноющей боли въ сердцѣ не ощущалось.

— Если позволите, я уложу ваши вещи въ комодъ, чтобъ онъ не мялись,—предложила Лиза, не настаивая на самоварѣ.

Онъ подалъ ей ключи и сѣлъ въ глубокое кресло у стола съ лампой.

Взявъ одну изъ книгъ, онъ началъ ее перелистывать довольно лѣниво и разсѣянно, но съ первыхъ же строкъ такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ Лиза, окончивъ уборку вещей, вышла изъ комнаты.

То, что онъ нашель въ богато иллюстрированномъ изданіи, попавшемъ ему въ руки такимъ непредвидѣннымъ образомъ, было такъ ново, цинично и дерзко, изложено такъ красиво, смѣло и увлекательно, что будило въ умѣ непреодолимое желаніе проникнуть все

глубже и глубже въ смыслъ, скрывавшійся подъ темными намеками, дразнившими воображеніе таинственнымъ обаяніемъ.

Перечитывая нѣкоторыя строки, особенно поразившія его, онъ давалъ себѣ слово непременно узнать отъ княгини ихъ значеніе.

Она должна была знать...

Странное дѣло! Никогда не тянуло его къ мистическому, къ тому, что принято называть сверхъестественнымъ, а тутъ онъ вдругъ, точно подъ чьимъ-то наитіемъ, постигъ наслажденіе погружаться въ невѣдомыя дебри, гдѣ все было такъ далеко отъ дѣйствительности, что про нее можно было забыть.

Перелистывая книгу, онъ отложилъ ее въ сторону, чтобъ впоследствии внимательнѣе перечитать, и принялся за другую, въ надеждѣ найти въ ней ключъ къ пониманію первой.

Здѣсь оказалось множество иллюстрацій съ описаніемъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ извращеній, о которыхъ онъ раньше смутно слышалъ, а также и такихъ, о которыхъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія...

И все это было описано въ такомъ духѣ и представлялось въ такомъ свѣтѣ, что онъ и этой книгой увлекся столько же, сколько и первой.

Вотъ что ему было надо! Вотъ къ чему онъ бессознательно стремился, съ тѣхъ поръ, какъ силой обстоятельствъ онъ отлучилъ себя отъ среды людей, съ которыми раньше одинаково мыслилъ и чувствовалъ.

Раньше, до перемѣны, свершившейся въ его духовномъ мірѣ.

Передъ нимъ раскрывался новый міръ взаимнѣ утраченнаго, таинственный и мрачный, но какой обаятельный и любопытный!

Только съ тѣми, для кого пишутся такія книги, найдетъ онъ путь къ новой жизни.

X.

Изъ комнаты Ивкова Лиза дошла до конца коридора, повернула въ другой поуже, спустилась внизъ ступеней на пять, въ антресоли, гдѣ была кухня и комнаты для прислуги, одна большая, занятая ею, другая маленькая, гдѣ спала, когда ей это дозволялось, несчастное существо, Лукерья, взятая ей въ помощницы для черныхъ работъ и находившаяся въ полномъ ея распоряженіи.

О существованіи Лукерьи въ квартирѣ княгини знала потому только, что платила ей черезъ Лизу жалованье. Лукерья, подъ страхомъ немедленнаго изгнанія, запрещено было попадаться на глаза княгинѣ, и она такъ опасалась нарушить это запрещеніе, что когда приносила воду для поливки растений, съ трепетомъ озиравшись по сторонамъ, чтобъ при малѣйшемъ шорохѣ обратиться въ бѣгство.

Лиза заглянула въ кухню, гдѣ раба ея раздувала самоваръ, и приказала нести его къ ней въ комнату, когда будетъ готовъ.

— Василій Игнатичъ спрашивали пива,—робко доложила Лукерья.

— Принеси. Да живо у меня! Чтобъ одна нога здѣсь, другая тамъ!—приказала ея повелительница и прошла къ себѣ.

Тутъ, передъ накрытымъ пестрой скатертью столомъ, сидѣлъ красивый гвардеецъ лѣтъ двадцати двухъ, съ папиросою въ зубахъ и съ «Петербургскимъ Листкомъ» въ рукахъ.

— Справили службу?—спросилъ онъ, откладывая газету и усиленно выпуская дымъ изъ папиросы.—Съ жильцомъ-то, видать, хлопотъ у васъ прибавилось?

— Понятно, а все же закусить успѣемъ. Чаю не желаетъ, занялся книжками,—говорила она, уставляя столъ посудой и закусками, которыя вынимала изъ шкапа.—Все это я въ Милютинныхъ купила, барыня меня туда за фруктами и за вареньемъ послала,—объясняла она, вывертывая изъ бумаги сыръ, колбасу, кильки.—У насъ сегодня парадный чай.

— Новаго жильца будете угощать?

— Его самого. Будетъ онъ у насъ въ чести, пока не надоѣсть.

И, усѣвшись рядомъ со своимъ гостемъ, она спросила:—Правится?

— Ничего. Горяченькаго бы чегонибудь, отъ соленаго-то душа загорится,—отвѣчалъ онъ, пережевывая хлѣбъ съ сыромъ.

— Сейчасъ самоваръ подадутъ,—сказала она, нѣжно заглядывая ему въ глаза.

— Я не про то,—замѣтилъ онъ съ гримасой, принимаясь за колбасу.—Чай, это чтобъ кишки прополоскать.

— За пивомъ послала.

— Да я къ тому, что намеднись меня Аннушка, изъ пятаго номера, горячимъ ростбифомъ съ гарниромъ угостила.

— Ей есть гдѣ украсть, а у меня одна барыня, да и та ничего не кушаетъ, и остатковъ у насъ не бываетъ. Говорила вамъ, какъ познакомились: окромя холодныхъ закусокъ, ничего не ждите,—сердито проворчала она, отодвигаясь отъ него.

— Да я только такъ, къ слову,—поспѣшилъ онъ поправиться, отхватывая ножомъ кусокъ колбасы.

— То-то къ слову. Слова-то у васъ мужицкія, вотъ что! И никакого обращенія съ достойной дѣвицей вы не понимаете,—брюжжала она, продолжая отъ него отвертываться.

Наступило молчаніе, къ счастью, вскорѣ прерванное появленіемъ Лукерьи съ самоваромъ и съ бутылками подъ мышками. Уставивъ свою ношу на столъ и получивъ объѣдки отъ закуски, она вышла, а Лиза съ гостемъ принялись за чаепитіе.

— А гдѣ же онъ будетъ обѣдать, когда вы дома ничего не варите?—спросилъ Василій Игнатьичъ, кивая по направленію къ двери.

— А пестъ его знаетъ! Сегодня обѣдъ проспалъ. Какъ очумѣлый, изъ ейной спальни вышелъ, блѣдный, шатается. Хотѣлъ самъ за вещами ѣхать, да я не пустила. Куда такому на улицу выходить, за пьянаго бы, чего добраго, приняли. Вотъ какъ его, съ непривычки, отъ ейныхъ духовъ закачалъ! Какъ повалился на кровать, такъ и заснулъ. Какъ Андрей вещи принесъ, какъ онъ ихъ поставилъ,—ничего не слыхалъ. Сейчасъ только проснулся, гдѣ ужъ теперь обѣдать! Добрые люди ужинаютъ да спать ложатся. Она въ духи-то, что округъ себя прыскаетъ, стала чего-то подмѣшивать. Ужъ на что я ко всѣмъ ейнымъ запахамъ принохалась, а этого вынести не могу. Намеднись насилу у нея выстояла, какъ вышла за дверь, такъ вытошнило.

— Тэкъ-съ, служба ваша тоже не изъ легкихъ,—глубокомысленно замѣтилъ ея собесѣдникъ.

— Не говорите! Знали бы да вѣдали тѣ, что мнѣ завидуютъ, во что мнѣ большое-то жалованье обходится, перестали бы на мой счетъ языки-то чесать. Ужъ одно то возьмите, что ни единой ноченьки выспаться не дадутъ. Вотъ и вы уйдете, и Лукерья завалится спать, и весь домъ захрапится, а моя тутъ только и поднимется, да и давай чудить, съ цвѣтами возиться, въ книжку, что у нея подъ ключомъ въ столѣ заперта, писать, либо вещи мыть да чистить. А то такъ наряжаться вздумаетъ, разодрѣнется, волосы себѣ уберетъ, какъ на балъ, да и сядетъ изъ окна смотрѣть.

— На что же она смотритъ, когда стѣны кругомъ? Кабы окна на улицу выходили...

— И во дворѣ люди живутъ, а ей все антиречно знать: кто въ какомъ часу вернулся, одинъ или съ дамой, кто когда вышелъ. Возьметъ бинокль, чтобъ лучше сквозь стекла въ чужія квартиры заглядывать. Гдѣ нѣтъ сторожъ или забыли спустить, все видно, вотъ она и забавляется, какъ въ театрѣ. Много она такимъ манеромъ секретовъ узнала!.. Кушайте пиво-то, пока холодное.

Онъ осушилъ стаканъ, который она ему налила, и закурилъ новую папиросу, а она, между тѣмъ, продолжала свои изліянія.

— Дрыхнетъ со второго часу до полуночи, проснется, какъ мертвая, ничего не видитъ и не слышитъ, только тогда и оживѣетъ, когда зелья своего клюкнетъ.

— Да что это у нея за зелье? Вино что ли какое?

— Какое тамъ вино! Ядъ, чистый ядъ! Отъ самого доктора слышала, за которымъ я въ позапрошломъ году бѣгала, когда она у меня трое сутокъ глазъ не раскрывала. «Такой порціи, говоритъ, какъ ваша княгиня кажинный день принимаетъ, достаточно, чтобъ троихъ человѣкъ на тотъ свѣтъ отправить». А она ничего, при-

выкла. И другихъ пріучаетъ. Была у насъ тутъ сосѣдка, молоденькая дамочка, такъ наша княгиня такъ ее заласкала, что та безъ насъ просто жить не могла. Ночью, бывало, отъ мужа убѣжить, чтобъ съ нашей вѣдьмой посидѣть. Тоже зачала въ себя этотъ самый ядъ впускать. Хорошо, что супругъ ейный во-время спохватился и въ провинцію ее увезъ. Ужъ какъ они тамъ таперь, не знаю. Можетъ, и отвыкла, снадобья этого тамъ не достанешь.

— А гдѣ же вы его здѣсь достаете?

— Это тоже исторія любопытная, когда нибудь расскажу на досугѣ...

Въ кухнѣ громко зазвонили часы.

— Надо иттить ее будить!—вскричала она, срываясь съ мѣста и подбѣгая къ зеркалу, чтобъ оправить волосы и платье.

— Успѣете еще! Вы хотѣли рассказать про племянницу вашей барыни, какъ она своего супруга сумасшедшимъ сдѣлала.

— Ну, этого въ скорости не расскажешь, издавна тянется дѣло и хитро затѣяно... Вы меня подождете здѣсь?

— Не знаю, право,—нерѣшительно отвѣчалъ онъ.

— Чего тутъ не знать? Нешто вы вашему ефрейтору не сказались?—сердито спросила она, надѣвая свѣжій передникъ и расправляя кружевца передъ зеркаломъ.

— Сказать-то сказался...

— Такъ что же васъ удерживаетъ? Прежде упрашивать васъ оставаться не надо было, сами были рады радешеньки,—прибавила она съ горечью.

— Да полно вамъ,—съ досадой махнулъ онъ рукой.

— Какъ знаете! На колѣни не стану, не беспокойтесь,—продолжала она съ возрастающимъ раздраженіемъ.—Мы тоже не изъ послѣднихъ, сословія хоша и женскаго, а понимать можемъ, чего кавалеръ стоитъ... Не чета вамъ господинъ, а такой, передъ которымъ вы иначе, какъ руки по швамъ, разговаривать не смѣете, третьяго дня мнѣ коробку конфетъ поднесъ съ комплиментомъ. Вотъ, если не вѣрите,—прибавила она, указывая на розовую коробку отъ конфетъ, красовавшуюся на комодѣ.

— Да я что же, нешто я отказываюсь,—произнесъ онъ съ смущеніемъ.

— Какъ желаете,—отрѣзала она.

И, не дожидаясь возраженія, прошла въ коридоръ, не оборачиваясь.

XI.

На часахъ у княгини тоже пробило двѣнадцать.

Хозяйка, въ томъ же перемѣтомъ пенюарѣ, въ которомъ она принимала за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Ивкова, съ книгой въ рукѣ и съ кошкой на ногахъ, спала такъ крѣпко, что не шелохнулась, когда вошла Лиза съ зажженной лампой въ рукахъ.

Лампа горѣла такъ ярко, что кошка приподнялась и сверкнула своими зелеными глазами на вошедшую, но княгиня оставалась неподвижна, съ вытянутыми, какъ у мертвой, чертами на посинѣломъ лицѣ. Должно быть, Лиза привыкла видѣть ее такой; совершенно равнодушно и не принимая никакихъ предосторожностей, чтобъ ея не разбудить, сняла она съ догоравшей у постели лампы абажуръ, надѣла его на вновь принесенную, которую поставила на мѣсто первой, и, пригнувшись къ лицу спящей, громко объявила, что пробило двѣнадцать.

— Ваше с—во приказали себя разбудить ровно въ двѣнадцать часовъ,—повторила она раза три безъ результата.

Госпожа ея не подавала признака жизни.

Подождавъ съ минуту, Лиза схватила кошку за загривокъ и швырнула ее на спящую, со словами: теперь ужъ ты ее буди.

Мѣра эта подѣйствовала. Когда кошка заскребла когтями по кружевамъ на ея груди, княгиня открыла глаза, но прошло довольно много времени прежде, чѣмъ въ нихъ засвѣтилась жизнь, и эти открытые безъ взгляда глаза были ужасны.

Но и этимъ явленіемъ Лиза нимало не смутилась; переждавъ немного, она повторила фразу, произнесенную раньше: вы приказали себя разбудить ровно въ двѣнадцать, ваше с—во.

Наконецъ, княгиня очнулась, и первымъ ея движеніемъ было протянуть руку къ столику, взять съ него граненый флаконъ и хлебнуть глотокъ заключавшейся въ немъ жидкости. Послѣ этого, все тѣмъ же автоматическимъ движеніемъ поставивъ флаконъ на мѣсто, она откинулась на подушки и закрыла глаза. Въ такомъ положеніи она пролежала довольно долго. Кошка, свернувшись на ея груди, блаженно бурчала, а Лиза приводила въ порядокъ комнату.

Мало-по-малу снадобье начало дѣйствовать; лицо княгини постепенно оживало и преображалось, черты становились подвижнѣе, синеватая блѣдность уступала мѣсто слабому румянцу, она дышала глубже и свободнѣе и, наконецъ, открывъ глаза, спросила:

— Что дѣлаетъ г-нъ Ивковъ?

— Читаютъ. Спрашивала, не угодно ли чаю, ничего не отвѣчали.

— Оставьте его въ покоѣ. Самъ скажетъ, когда ему будетъ что нибудь нужно. Приготовьте чай въ столовой, черезъ часъ я

спрошу самоваръ,—продолжала княгиня съ возрастающимъ оживленіемъ.

Съ каждымъ словомъ голосъ ея становился громче, движенія порывистѣе, взглядъ пронзительнѣе, и не успѣла Лиза выйти, какъ она соскочила съ постели съ живостью пятнадцатилѣтней дѣвочки, подбѣжала босыми ногами къ двери, задвинула задвижку и принялась за свой туалетъ.

Прежде всего она зажгла въ канделябрахъ передъ туалетнымъ зеркаломъ свѣчи, сѣла передъ нимъ и принялась за гримировку своего поблекшаго лица.

Опытнѣйшая актриса позавидовала бы искусству, съ которымъ она бѣлилась, румянилась, разрисовывала жилки, подводила брови и тѣни подъ глазами. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, она принялась за прическу и воздвигла на своей почти совершенно лысой головѣ такой шедевръ изъ фальшивыхъ локоновъ и косъ, что любой куаферъ пришелъ бы отъ него въ восторгъ.

Окончивъ прическу, она растворила глубокую шифоньерку и вынула изъ нея тщательно завернутое въ шелковую бумагу бархатное платье, внимательно осмотрѣла его и надѣла на себя.

Платье было ветхо, во многихъ мѣстахъ лоснилось и протерлось, да и по фасону его можно было убѣдиться, что шито оно много лѣтъ тому назадъ, но когда она прикрыла себѣ плечи бѣлымъ кружевнымъ шарфомъ, красиво обмотавъ его вокругъ морщинистой шеи, весь ея нарядъ принялъ такой богатый и изящный видъ, что никому бы и въ голову не пришло подмѣчать его изъяны.

Отступивъ шага на три отъ трюмо, она нѣсколько минутъ любовалась собою, улыбаясь странной, загадочной улыбкой... Призракамъ изъ далекаго прошлаго, проносившимся въ ея воображеніи, можетъ быть?

Затѣмъ, погасивъ свѣчи у трюмо и на туалетномъ столѣ, она прошла черезъ гостиную въ столовую, гдѣ былъ красиво сервированъ чай.

— Скажите г-ну Ивкову, что я прошу его кушать чай, — приказала она вошедшей съ серебрянымъ самоваромъ Лизѣ.

И, откинувъ граціознымъ движеніемъ длинный шлейфъ, сѣла передъ столомъ, уставленнымъ дорогимъ сервизомъ и хрустальными вазами съ печеньемъ и фруктами.

Ивковъ такъ мало ожидалъ приглашенія, что первымъ его движеніемъ было отказаться отъ него, но когда Лиза ему объявила, что княгиня ждетъ его въ столовой, у него не хватило духу сказать, что онъ не придетъ, и, наскоро оправивъ свой костюмъ, онъ вышелъ въ коридоръ, освѣщенный полосой свѣта, пронизывавшагося изъ полурастворенной двери въ столовую.

Княгиня наливала ему чай въ стаканъ, когда онъ вошелъ.

Чай былъ крѣпкій, душистый и чрезвычайно вкусный. Замѣ-

тивъ, что онъ пьетъ его съ удовольствіемъ, она сказала, что получаетъ его прямо изъ Китая, отъ пріятеля, съ которымъ познакомилась въ Парижѣ, гдѣ онъ учился.

— Теперь этотъ бывший студентъ важный государственный дѣятель. Я съ нимъ въ перепискѣ. Много хлопотъ надѣлаетъ онъ Россіи,—прибавила она съ усмѣшкой.

— Какимъ образомъ?—спросилъ Ивковъ.

— Онъ во главѣ тайнаго общества, задавагося цѣлью истребленія иностранцевъ въ странѣ, между прочимъ, и русскихъ,—холодно пояснила она, точно дѣло идетъ о самомъ обыкновенномъ явленіи, и спросила, какъ понравились ему книги, которыя она ему прислала.

Онъ сознался, что многого въ нихъ не понялъ.

Она съ любопытствомъ на него посмотрѣла.

— Вотъ какъ! Даже не поняли? Къ сожалѣнію, я вамъ это объяснить не могу. Надо собственнымъ умомъ до этого дойти, вымучить въ себѣ, такъ сказать, пониманіе этихъ идей, освоиться съ ними, и тогда будетъ хорошо... насколько можетъ быть хорошо человѣку, постигшему гнусный смыслъ, или, лучше сказать, бессмысліе жизни... Но васъ это все-таки заинтересовало? Вы этого не нашли глупымъ вздоромъ?

— Нѣтъ, вздоромъ этого отнюдь назвать нельзя, но это, можетъ быть, безнравственно...

— Со мною вы про нравственность, пожалуйста, не говорите,—рѣзко прервала она его.—Я этихъ глупостей не признаю. И если вдуматься хорошенько, то и различія между зломъ и добромъ не существуетъ,—продолжала она.—Я вамъ это сейчасъ поясню примѣромъ. На-дняхъ мнѣ рассказывали такой случай. Здѣсь есть писатель, вы его знаете по его произведеніямъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ, уже старикъ, изъ корифеевъ литературы. Пришелъ онъ въ Казанскій соборъ (панихиду должны были по комъ-то служить, въ видѣ демонстраціи), и тамъ, среди публики, собравшейся къ обѣднѣ, видитъ знакомаго, съ сынишкой лѣтъ восьми. Подходитъ. Здравуются. «Какъ вы сюда попали?»—спрашиваетъ отецъ ребенка, который зналъ старика за свободнаго мыслителя. «По дѣлу»,—отвѣчаетъ этотъ послѣдній. Ребенокъ, воспитанный въ отсталыхъ религіозныхъ понятіяхъ, нашелъ этотъ отвѣтъ страннымъ и вмѣшался въ разговоръ. «Вы пришли Богу молиться?»—спросилъ онъ. «Нѣтъ, голубчикъ,—отвѣчалъ писатель,—я никогда не молюсь Богу потому, что Бога нѣтъ».—«Какъ? Папа! ты слышишь, что онъ говоритъ?!»—вскричалъ мальчуганъ, блѣднѣя отъ ужаса и пятясь отъ старика, какъ отъ зачумленнаго. Отецъ растерялся, хотѣлъ возражать, но такъ какъ возразить было нечего, въ смущеніи поспѣшилъ отойти подальше отъ старика, котораго, безъ сомнѣнія, иначе, какъ развратителемъ молодежи, теперь не называетъ. А между тѣмъ,

если взглянуть на дѣло трезво, развѣ этотъ развратникъ поступилъ дурно, сказавши ребенку правду? Почему въ иныхъ случаяхъ правду надо говорить, а въ другихъ нѣтъ? Вѣдь правда одна!

— Разумѣется, — согласился Ивковъ машинально, тѣмъ безучастнымъ тономъ, которымъ онъ въ деревнѣ у тетки обозвалъ дуракомъ священника, лишившаго причастія согрѣшившую даму.

Какъ выброшенный съ корабля на необитаемый островъ, онъ чувствовалъ себя такъ далеко отъ всего остального міра, что ничто изъ того, что тамъ происходило, его не интересовало.

Можетъ быть, ему поэтому и было хорошо съ княгиней, что и она была въ томъ же положеніи, какъ и онъ, тоже выброшенная силой обстоятельствъ за бортъ корабля, плывшаго по житейскому морю.

Она отвернулась отъ него, чтобъ долить чайникъ, и, глядя на ея стройную фигуру и на ея гибкій станъ, онъ представлялъ ее себѣ такой, какой она была много лѣтъ тому назадъ, и спрашивалъ себя: «что она такое—не желающая стариться фантазерка или полупомѣшанная психопатка? И что довело ее до такого состоянія?»

Какъ бы тамъ ни было, но она не похожа была на тѣхъ людей, общество которыхъ ему было невыносимо, и правила и законы которыхъ становились ему съ каждымъ днемъ все тягостнѣе и непонятнѣе.

И вдругъ, точно угадывая его мысли, она проговорила, какъ бы про себя и не глядя на него:

— Для людей, въ исключительномъ положеніи, которыхъ ходячая мораль удовлетворить не можетъ... та мораль, что учить вѣрить безъ доказательствъ въ Бога, въ будущую жизнь и предписываетъ пренебрегать дѣйствительными благами изъ-за призрака, изъ-за тѣни.....

— Вы намекаете на христіанство,—сказалъ Ивковъ.

— Да,—отвѣчала она рѣзкимъ, вызывающимъ тономъ.— Я не христіанка. Ни въ вашего Бога, ни въ загробную жизнь я не вѣрю и ничего, кромѣ того, что вижу, чувствую и понимаю, не признаю. Я изъ тѣхъ, которые убѣждены, что человекъ долженъ стараться устроиться на землѣ какъ можно лучше потому, что другой жизни у него не будетъ. Въ молодости я вѣрила въ Бога и въ какую-то высшую справедливость и истину, но меня просвѣтили, и, конечно, отъ свѣта къ тьмѣ я не вернусь. Да это, при всемъ желаніи, было бы невозможно. Нигдѣ и ни въ чемъ не могла я найти утѣшенія и покоя, не могла забыть... Надо испытать этотъ ужасъ—невозможность забыть, чтобъ его понять!.... Однимъ словомъ, оставаться христіаниномъ человеку въ исключительномъ положеніи невозможно! И чѣмъ раньше постигнешь эту истину, тѣмъ лучше, меньше разочарованій, меньше времени будешь находиться въ заблужденіи и по-пустому терять силу и энергію... Вотъ почему тотъ старикъ, про

котораго я вамъ сейчасъ рассказала, поступилъ правильно, сказавъ правду ребенку. Слова его останутся у него въ памяти и принесутъ плодъ. При первомъ ударѣ судьбы онъ ихъ вспомнить и, кто знаетъ, можетъ быть, все, чему его до тѣхъ поръ учили, разлетится въ прахъ много скорѣе, чѣмъ если бъ онъ не слышалъ этихъ словъ. Воспринятое разъ впечатлѣніе изъ мозга не выкинешь, его можно только на время заглушить, затмить другими, усыпить, но когда оно согласно съ разумомъ, то всегда въ данную минуту воспринетъ,—прибавила она съ усмѣшкой.

Ивкову хотѣлось возражать. Задушенное новыми впечатлѣніями чувство проснулось въ глубинѣ души и мысли въ защиту вѣры, въ которой онъ выросъ, затѣснились въ его мозгу, но слова не выговаривались. Опять нашло на него гнетущее душу безсиліе, затмевавшее умъ и сковывавшее языкъ, уже испытанное имъ при первомъ свиданіи съ этой странной женщиной.

Но какъ тогда, такъ и теперь, въ безсиліи этомъ не было ничего неприятнаго, и не ощущалось ни малѣйшаго желанія противъ него бороться.

А она между тѣмъ продолжала:

— Многіе одинаково съ нами мыслятъ, но сознаться въ этомъ не хотятъ. А есть такіе, которые не могутъ сознаться потому, что не отдають себѣ яснаго отчета, въ чемъ именно заключается прогрессъ, передъ которымъ преклоняются, которому служатъ съ благоговѣніемъ, какъ служили раньше Богу, и все еще воображаютъ себя послѣдователями Распятаго жидами двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. И какъ они заблуждаются! Развѣ не изъ «нашихъ» тѣ, что ратуютъ за непротивленіе инстинктамъ и страстямъ, вложеннымъ въ насъ самой природой? Развѣ не изъ «нашихъ» оправдывающіе всѣ преступленія, подъ предлогомъ аффекта, психическаго настроенія, наслѣдственности и тому подобнаго? Вѣдь и мы тоже утверждаемъ, что человѣкъ также мало отвѣтственъ за свои поступки, какъ и за мысли свои и желанія.....

— Но какъ же тогда?..

Она поняла недоговоренный отъ недоумѣнія вопросъ и пожала плечами.

— Объ этомъ позаботятся грядущія поколѣнія. Наше дѣло расчистить мѣсто для новой постройки отъ мусора, скопившагося вѣками. Когда будетъ чисто, свѣтло, просторно, явятся и строители, найдется матеріалъ, и новые люди свободно примутся за новое дѣло, руководствуясь ничѣмъ незатемненнымъ разумомъ, вольно и безъ преградъ. Природа не дремлетъ и пустоты не терпитъ; ея безсознательная заботливость обо всемъ живущемъ безгранична. Въ этомъ заключается ея достоинство и сила. Стройка уже началась. Повсюду старыя вѣрованія замѣняются мало-по-малу новыми. Пресловутое ученіе Евангелія, казавшееся незыблемымъ,

уже коментируется, исправляется, смыслъ его примѣняютъ къ потребностямъ современнаго духа.

«Законы церкви должны быть человѣчны и согласоваться съ человѣческими потребностями», вспомнились вдругъ Ивкову слова тетки. И отвѣтъ священника: «Законы наши не отъ міра сего»...

Изъ всего пережитоваго и передуманнаго имъ за послѣднее время только эти слова и уцѣлѣли у него въ памяти, все остальное тонуло въ безпросвѣтной мглѣ.

А княгиня продолжала распространяться о міровой эволюціи, о томъ, что если противъ новыхъ болѣзней, неизвѣстныхъ нашимъ дѣдамъ, открываются новыя лѣкарства, то и противъ душевныхъ недуговъ каждый день изобрѣтаются новыя средства истинными друзьями человѣчества, не тѣми, что проповѣдываютъ переносить съ безропотною покорностью посылаемое свыше страданіе, а тѣми, что учатъ бороться противъ несовершенствъ нашей природы, искусственно исправлять эти несовершенства притупляющими боль, какъ физическую, такъ и душевную, успокоительными и усыпляющими средствами.

— Слышали вы про гипнотизмъ? — спросила она. — Недалеко то время, когда сила эта сдѣлается всеобщимъ достояніемъ, да не такъ, какъ теперь, чтобъ одинъ человѣкъ зависѣлъ отъ другого, а будетъ открытъ способъ душевнаго самоусыпленія, доступный каждому...

«Хорошо было бы обладать этимъ даромъ!» — подумалъ Ивковъ.

Голосъ его собесѣдницы, мягкій и вкрадчивый, проникалъ въ самую глубь его души, дѣйствуя на нее именно такимъ усыпляющимъ образомъ, постепенно притупляя чувствительность нервовъ.

Будь онъ душевно бодръ и здоровъ, происходи этотъ разговоръ на свѣжемъ воздухѣ, а не въ душевной комнатѣ, пропитанной опьяняющимъ ароматомъ духовъ, его, можетъ быть, непріятно поразила бы злоба, съ которой она произносила слова: «христіанство», «Богъ», «Евангеліе», но мучительный гнетъ, давившій его грудь, не позволялъ ему разбираться въ странныхъ понятіяхъ, которыя она развивала. Ни о чемъ не могъ онъ думать, кромѣ какъ о томъ, чтобъ обрѣсти желаемый покой.

А что покой этотъ онъ здѣсь найдетъ, за это ему ручалось то, что въ присутствіи своей новой знакомой онъ ни разу не вспомнилъ про Илью и про убитую еврейку.

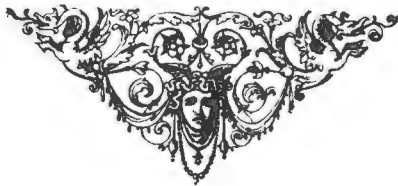
Въ ту ночь въ дневникѣ княгини появилась первая замѣтка объ Ивковѣ.

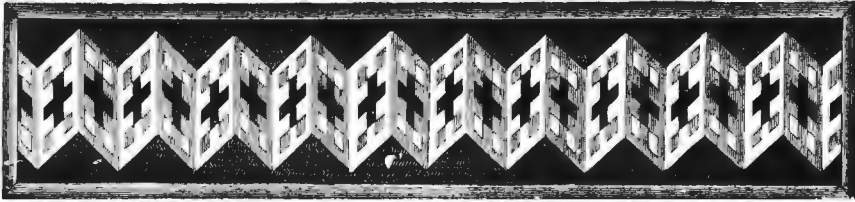
«Наружность симпатичная. Черты лица правильныя, сложенъ прекрасно, но старообразенъ и манеръ никакихъ. Въ общемъ солдафонъ и производитъ впечатлѣніе зашибленнаго судьбой субъекта съ развинченными нервами. Подозрителенъ и скрытенъ. Безъ со-

мнѣнія, есть что скрывать. Несчастіе или преступленіе? Узнаю. Наружностью напоминаетъ немного маркиза Р. Глядя на него, вспомнился балъ въ Тюильри, на которомъ мнѣ представили маркиза. Маленькій Ефрусси мнѣ сказалъ, что можно въ меня безъ ума влюбиться за одно только то, какъ я опахиваюсь вѣеромъ... Герцогиня М. была въ своихъ знаменитыхъ жемчугахъ, а принцесса А. съ красными розами въ волосахъ, ужасными, неуклюже приколотыми... Ефрусси всѣхъ насмѣшилъ предположеніемъ, что прическа эта — месь куафера за измѣну. Острота эта имѣла большой успѣхъ....».

Н. И. Мердеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ ¹⁾.

II.

Возвращеніе въ Гельсингфорсъ.—Болѣзнь тетушки.—Порядокъ нашей жизни.—Переездъ въ Ревель.—Первый романъ.—Снова въ Гельсингфорсъ.—Финляндскіе обычаи.—Повѣдка въ Петербургъ.—Царскосельская желѣзная дорога.—Бракосочетаніе великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.—Возвращеніе съ Ревель.—Буря на морѣ.—Знакомство съ англичаниномъ.—Посѣщеніе острова Гогланда.—Сюрпризъ дѣдушкѣ.—Жизнь въ Гельсингфорсъ.—Эпизодъ съ камеръ-юнкеромъ Ш.—Оригинальныя сватовства.—Юбилей Гельсингфорскаго университета.—Неудачное предложеніе.—Я. К. Гротъ.—Послѣдствіе одного изъ его стихотвореній.

КОГДА минуло девять дней со дня кончины матушки, мы начали собираться домой. При прощаніи тетушка объявила намъ, что съ разрѣшенія родителей она пріѣдетъ провести съ нами зиму.

Разставаясь съ дѣдушкой и бабушкой, я благодарила ихъ, что отпускаютъ къ намъ tante Catherine, а отецъ далъ имъ обѣщаніе присылать насъ на лѣтнее время къ нимъ. Я радовалась пріѣзду тетушки; для моей пятнадцатилѣтней неопытности веденіе всего хозяйства и присмотръ за дѣтьми являлись задачей слишкомъ трудною и отвѣтственною, тѣмъ болѣе, что мое образованіе далеко не было окончено.

По пріѣздѣ домой мы почувствовали, что намъ во всемъ въ каждой комнатѣ не доставало маменьки. Комната отца была на верху, а наши внизу. Онъ началъ страдать безсонницей, и долго до глубокой ночи я слышала надъ нами его шаги, когда онъ про-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 31.

хаживался взадъ и впередъ по комнатамъ. Я за него ужасно боялась; часто, когда шаги его умолкали, я поднималась на цыпочкахъ по лѣстницѣ, желая убѣдиться, уснулъ ли онъ, и, подходя къ двери его спальни, я видѣла, что свѣчка горитъ на столѣ, а онъ, стоя на колѣняхъ передъ портретомъ матери, заливается слезами. Я никогда не рѣшалась войти къ нему, боясь помѣшать святымъ слезамъ страждущаго сердца; постою у дверей, поплачу съ нимъ и тихо уйду къ себѣ. Онъ никогда не подозрѣвалъ, что я была свидѣтельницей пролитыхъ имъ слезъ въ тяжелыя безсонныя ночи. Наконецъ, пріѣхала тетушка. Спустя недѣлю, она заболѣла оспой и требовала, чтобъ мы всѣ перешли на верхъ. Устроивъ сестеръ и братьевъ съ нянькой, подъ надзоромъ отца, я осталась внизу, помѣстилась рядомъ съ комнатой тетушки, приказавъ прислугѣ ей объ этомъ не говорить. Только, когда она поправилась, я призналась, что все время оставалась возлѣ нея. Къ счастью, никто въ домѣ не заразился, даже m-elle Balzer, которая была большая трусиха и по цѣлымъ днямъ сидѣла передъ зеркаломъ, выжидая появленія оспы. Хозяйство осталось на моихъ рукахъ, какъ это было при маменькѣ. Въ семь часовъ я вставала, дѣтей поила молокомъ, остальныхъ кофеемъ и, выдавъ повару провизію, садилась за уроки. Съ m-elle Balzer я мало подвигалась впередъ, а потому просила разрѣшенія тетушки заниматься одной. Только диктовки дѣлала съ ней, и переводы мои она поправляла. Часы мои были всѣ распредѣлены. До двухъ безъ перерыва я занималась науками и языками. Въ періодъ моего образованія я много перечитала серьезныхъ книгъ, по выбору тетушки, которою строго цензуровалось мое чтеніе. Тѣ мѣста, которыя, по мнѣнію ея, читать мнѣ не слѣдовало, скалывались булавкой; никогда мнѣ и въ голову не приходило заглядывать въ запрещенныя страницы. Къ поэзіи я всегда имѣла большую слабость, поэтому много знала наизусть, какъ изъ нашихъ русскихъ поэтовъ, такъ и изъ французскихъ и нѣмецкихъ. Въ два часа мы отправлялись гулять. Въ три обѣдали. До пяти время было свободное, мы проводили его въ играхъ съ сестрами и братьями. Въ пять я отправлялась внизъ, гдѣ принималась за чтеніе и переписку съ родными и подругами.

Зима прошла тихо; по случаю траура мы никуда не выѣзжали, но добрые знакомые, особенно моряки, навѣщали насъ. Весною мы переѣхали въ Ревель на фрегатѣ «Діана», командиромъ котораго былъ А. А. Бровцынъ. Переходъ нашъ далеко не былъ такъ удаченъ, какъ предыдущіе наши переѣзды. Только на пятый день мы бросили якорь на Ревельскомъ рейдѣ; то былъ противный вѣтеръ, то полнѣйшій штиль, такъ что все время приходилось лавировать. Испытали мы также шквалъ, который налетѣлъ довольно неожиданно, но паруса успѣли спустить, накренило фрегатъ порядкомъ, и, признаться, было совсѣмъ непріятно чувствовать себя на боку,

одинъ бортъ чуть не касался воды, а другой стоялъ дыбомъ. Къ счастью, это продолжалось очень недолго.

Въ 3-хъ верстахъ отъ города у дѣдушки была дача, куда мы переѣхали всѣ вмѣстѣ на лѣто. Домъ, съ трехъ сторонъ окруженный сосновой рощей, былъ достаточно великъ, чтобъ пріютить насъ всѣхъ. Передъ домомъ, со стороны вѣзда, былъ обширный дворъ со всѣми службами, кухней, скотнымъ дворомъ, конюшней и людскими, а съ другой стороны, за рощей, шла большая дорога. Лошади и экипажи были въ нашемъ распоряженіи, мы пользовались ими и часто ѣздили въ окрестности Ревеля, которыя очень живописны, какъ Фаллъ, Лукка, Вимсъ; не доѣзжая послѣдняго, виднѣлись развалины монастыря Бригиттъ. За дворомъ со службами былъ довольно большой сосновый лѣсокъ, куда мы отправлялись за грибами, когда наставала грибная пора. Заложать бывало телѣги, на нихъ навалить сѣно, всѣ усаживались, забравъ съ собой бѣлѣвые корзины, и отправлялись въ лѣсъ. Я предпочитала ѣхать верхомъ на рабочей лошади, тетушка давала мнѣ свое сѣдло; амазонка въ деревнѣ не требовалась. Какъ было весело, когда мы возвращались съ полными корзинами!

Къ дѣдушкѣ часто пріѣзжалъ его крестникъ, молодой офицеръ, съ румянцемъ на щекахъ, довольно смазливый. Нужно же было брату моему сообщить мнѣ подъ большимъ секретомъ, что я нравлюсь ему. Хотя я побранила брата, что онъ передаетъ мнѣ такія глупости, но это польстило моему самолюбію, и я стала воображать себѣ, что онъ тоже мнѣ нравится. Поѣхали мы однажды кататься въ линейкѣ; онъ былъ съ нами и сидѣлъ на противоположномъ концѣ отъ меня. Когда мы вернулись домой, тетушка меня позвала и съ очень недовольнымъ видомъ сказала, что Д... во время прогулки глазъ съ меня не спускалъ, и что если этотъ молодецъ и мальчишка позволить себѣ корчить влюбленнаго, то его принимать больше не будутъ, а мнѣ она не позволитъ кокетничать съ нимъ. Я чувствовала себя настолько оскорбленной этимъ незаслуженнымъ выговоромъ, что вся вспыхнула и отвѣтила, что никому не могу запретить смотрѣть на меня, я же ни разу не взглянула на него, кокеткой никогда не была и не буду. Признаться, я даже не понимала значенія этого слова. Обиженная я ушла въ свою комнату, расплакалась и цѣлый вечеръ не показывалась; глаза опухли и покраснѣли. Но этотъ урокъ былъ достаточенъ, чтобъ Д. пересталъ мнѣ нравиться; я не могла простить ему, что изъ-за него получила незаслуженный выговоръ и плакала. Если это можно назвать романомъ, то онъ былъ первымъ.

13-го сентября была годовщина кончины матери, и мы вскорѣ уѣхали обратно въ Гельсингфорсъ; трауръ мы носили годъ и шесть недѣль.

По окончаніи этого срока меня начали вывозить на маленькіе вечера. У однихъ знакомыхъ меня просили быть въ числѣ воспріем-

ницъ, на что я получила согласіе отца и тетюшки. Крестныхъ въ Финляндіи по обыкновенію нѣсколько паръ, становились всѣ по старшинству, я была моложе всѣхъ, поэтому стояла послѣдней, а противъ меня находился незнакомый финляндецъ въ очкахъ; по нашему онъ приходился мнѣ кумомъ. Когда пасторъ кончилъ обрядъ таинства, каждый изъ мужчинъ кланялся своей дамѣ, а она ему присѣдала; каковъ былъ мой ужасъ, когда послѣ поклона мой кавалеръ, подойдя ко мнѣ, наклонился и, не говоря ни слова, вдругъ поцѣловалъ въ щеку. Въ первую минуту я была такъ поражена этой дерзостью, что остолбенѣла, кровь хлынула къ лицу, потомъ я убѣжала въ другую комнату и расплакалась. Полагая, что со мной сдѣлалось дурно, нѣкоторые изъ подругъ побѣжали за мной; когда я объяснила имъ причину моихъ слезъ, то онѣ размѣялись и въ оправданье смѣльчака сказали, что это такой обычай, что младшая пара должна поцѣловать другъ друга.

Вотъ дикій обычай; о немъ должны были, по крайней мѣрѣ, предупредить меня. Понятно, что послѣ этого я никогда больше не соглашалась быть воспріемницей. Когда моему куму передали, что я ужасно обидѣлась на него и сердита, онъ подошелъ сконфуженный, извинился, пробормоталъ что-то, чего я даже не слышала и куда-то скрылся.

Все время, проведенное мною въ Финляндіи, я вспоминаю съ удовольствіемъ и благодарностію. Общество меня черезчуръ бало-важо. До тѣхъ поръ, пока я не приѣду на вечеръ, танцы не начинались, и мнѣ предоставлялось назначать ихъ по моему усмотрѣнію. Не знаю, чѣмъ я заслужила общее расположеніе. Подруги мои, родители ихъ, старики и старушки, могу сказать безъ всякаго хвастовства, любили меня; къ послѣднимъ я была всегда предупредительна и внимательна, говорила по-шведски съ тѣми, которые не знали другого языка. Мы веселились отъ души на этихъ безцеремонныхъ и незатѣйливыхъ вечерахъ; туалеты самые скромные, бѣлое кисейное, барежевое или mousseline de laine платье, волосы зачесаны гладко, бантикъ или живой розанъ, сафьянные башмаки съ перевязанной крестообразно лентой сверхъ чулка, вотъ и весь нарядъ. Угощеніе состояло изъ чая и питья. Въ рѣдкихъ случаяхъ подавалось мороженое, а ужинъ разносился послѣ мазурки и состоялъ изъ тартинокъ и кипяченаго молока съ пивомъ, такъ называемаго Bierkåse (Öllust), которое всѣ очень любили. Бульонъ являлся на большихъ балахъ, даваемыхъ въ торжественные дни царскихъ праздниковъ генераль-губернаторомъ. Отсутствие роскоши, радушіе хозяевъ и непринужденность носили отпечатокъ семейныхъ вечеровъ.

Въ отвѣтъ на всѣ приглашенія отецъ рѣшился дать у себя танцевальный вечеръ. Къ семи часамъ съѣхались наши милые моряки съ женами и молодежь. Восьмой былъ часъ, кареты слышно

ѣздить взадъ и впередъ, а остальные гости не являлись. Тогда пришла мнѣ мысль посмотрѣть, не виситъ ли въ сѣняхъ надъ дверью ящикъ, такъ называемый у нихъ *visit lådo*. Злополучный ящикъ дѣйствительно висѣлъ, а вывѣшивается онъ тогда, когда нѣтъ дома, чтобъ даромъ не звонить. Въ него опускались визитныя карточки. Какъ только ящикъ былъ снятъ, залъ наполнился гостями. Видѣли, что домъ освѣщенъ, а церемонились войти потому, что ящикъ не снятъ. Въ Финляндіи были и другіе обычаи. ѣздили вечеромъ на огонекъ: если увидятъ, что въ люстрѣ зажженъ огарокъ, это значило—«милости просимъ».

Утренніе визиты вообще дѣлали очень рѣдко; мужчины всѣ болѣе или менѣе были заняты службой, а хозяйки и матери, дорожа золотымъ временемъ, не тратили его напрасно. Передъ праздникомъ закладывалась вечеромъ карета, человѣка снабжали спискомъ и визитными карточками, которые онъ развозилъ, стоя на запяткахъ съ фонаремъ въ рукахъ. Лѣстницы въ непріемные дни не освѣщались. Обѣхавъ всѣ знакомые дома и опустивъ карточки въ вывѣшенные ящики, онъ возвращался домой. Всѣ знали, что карточки развозятся, но дѣлали видъ, что были лично.

На слѣдующій годъ меня и сестру Aline отецъ съ тетушкой взяли съ собой въ Петербургъ. Меньшія сестры и братья остались въ Ревелѣ у дѣдушки. Въ столицу мы прибыли на пароходѣ. Главною цѣлью нашей поѣздки было для сестры усовершенствоваться въ музыкѣ; къ которой она имѣла способность, и для насъ обѣихъ брать уроки танцевъ исключительно характерныхъ для пріобрѣтенія гибкости и граціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать намъ возможность, видѣть торжества, по случаю предстоящаго бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Погостивъ нѣсколько дней въ Кронштадтѣ у тетушки Вѣры Леонтьевны Ивановой, мужъ которой былъ переведенъ туда изъ Ревеля, мы поселились въ Петербургѣ въ домѣ однихъ родственниковъ, которые предоставили намъ свою квартиру. Сами они были въ деревнѣ.

Мы часто ѣздили въ Павловскъ къ родственницѣ нашей, Маріи Христофоровнѣ Шевичъ, рожденной Бенкендорфъ, сестрѣ шефа жандармовъ. Съ невольнымъ страхомъ мы въ первый разъ сѣли въ вагонъ царскосельской желѣзной дороги, которая была открыта только весной. Для насъ это было диковиной.

Ко дню бракосочетанія великой княжны г-жа Шевичъ прислала намъ билеты для входа на хоры Зимняго дворца къ выходу, обѣду и балу куртагъ. Мы отправились заблаговременно, въ надеждѣ получить хорошія мѣста, но, къ нашему разочарованію, перила хоръ были заняты дамами въ нѣсколько рядовъ, и намъ пришлось стоять совѣмъ позади, откуда положительно ничего не было видно. Какъ только начался выходъ, вся толпа ринулась впередъ; иные локтями проталкивали себѣ дорогу, а у одной барыни

были въ ходу булавки, она колола вправо и влѣво, кто вскрикнетъ, кто взвизгнетъ, а кто бранился. Насъ, которые никогда ничего подобнаго не видѣли. Эти сцены поражали. Духота была невыносимая, многимъ дѣлалось дурно, кого выводили, а кого даже выносили. Наконецъ я спросила тетушку по-французски, не лучше ли намъ уйти, потому что мы рѣшительно ничего не видимъ, и прибавила: «je suis sûre que m-ame Schevitch nous cherche des yeuz et s'etonne de ne pas nous voir, nous ayant indiqué la place que nous devons occuper». При этихъ словахъ, дама, стоявшая передо мной, обернулась и предложила занять ея мѣсто, обѣщавъ провести насъ впередъ; она шепнула что-то стоявшимъ передъ ней, вѣроятно, знакомымъ, тѣ раздвинулись, и она втокнула насъ впередъ. Благодаря ей, мы отлично видѣли, когда новобрачные и вся царская семья возвращались изъ церкви. Какъ изященъ и богатъ придворный русскій костюмъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ носитъ отпечатокъ чего-то роднаго, національнаго. Во время обѣда играло нѣсколько хоровъ музыки и пѣли артисты итальянской оперы. Вечерній балъ состоялъ только изъ полонеза.

Простясь съ родными и знакомыми, послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ столицѣ, мы на частномъ пароходѣ «Storfursten» отправились въ Ревель. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Кронштадта, поднявшійся вѣтеръ все усивался, а къ вечеру превратился въ штормъ, такъ что намъ пришлось сойти въ каюту. Но оставаться тамъ было невозможно; кромѣ сестры и меня, всѣхъ укачало, поэтому мы вдвоемъ предпочли вернуться на палубу. Гроза разразилась, молнія сверкала, волны, перекатываясь черезъ бортъ, заставляли насъ волею-неволею брать ванну. Капитанъ сжалился надъ нами и перевелъ насъ выше, т. е. на ютъ, гдѣ онъ самъ ходилъ взадъ и впередъ, и гдѣ рулевой правилъ подъ его наблюдениемъ. Сестру я укутала въ пледъ, она скоро уснула, положивъ голову ко мнѣ на колѣни. Капитанъ ходилъ озабоченный, отдавая разныя приказанія. Я спросила его, гдѣ мы, и почему приготавлиютъ якорь. Мы подходили къ Гогланду, и капитанъ не рѣшался въ такую темную ночь пройти мимо острова, гдѣ такъ много подводныхъ камней; кромѣ того, при ходѣ всего два узла въ часъ, не хватило бы топлива. Пароходъ остановился послѣ второго брошеннаго якоря противъ острова. Къ утру буря стихла, солнышко свѣтило весело, небо было ясно; если бы не сырая одежда наша, то можно было предположить, что буря и гроза снились намъ во снѣ. Рѣшено было, что мы простои́мъ здѣсь нѣсколько часовъ, пока море не успокоится. Отецъ предложилъ намъ съѣхать на берегъ, осмотрѣть Гогландъ. Это предложеніе было принято съ восторгомъ. Къ намъ присоединились двое нашихъ спутниковъ, англичанинъ и американецъ, съ которыми мы познакомились наканунѣ. Знакомство съ англичаниномъ было довольно оригинально. Мы сидѣли съ тетуш-

кой на палубѣ, смотрѣли, какъ исчезалъ изъ нашихъ глазъ сначала Кронштадтъ, потомъ берегъ, и наконецъ надъ нами было только небо, а кругомъ необозримое пространство воды. Возлѣ меня сидѣлъ незнакомый господинъ, безукоризненно одѣтый и молчаливый. Вскорѣ началъ накрапывать дождь, сосѣдь мой ушелъ и возвратился черезъ короткое время, держа, въ рукахъ два полѣна дровъ. Дойдя до меня, онъ нагнулся, одно полѣно положилъ мнѣ подъ ноги, а другое себѣ и сѣлъ опять рядомъ со мной. Я покраснѣла, поблагодарила, не взглянувъ на него, и отодвинула полѣно къ тетюшкѣ. Увидя это, онъ подвинулъ мнѣ свое, а себѣ принесъ другое. Тутъ онъ рѣшился представиться, назвавъ себя лордомъ Ellers. Разговорился на довольно ломаномъ французскомъ языкѣ, зналъ нѣсколько русскихъ словъ и даже романсъ «Ты не повѣришь, какъ ты мила». Но выговаривалъ такъ, что я съ трудомъ удержалась, чтобъ не разсмѣяться. Знаю, что это было бы стыдно, потому что не слѣдуетъ смѣяться, если иностранцы плохо выговариваютъ по-русски.

Лоцманъ, который собирался уѣхать съ парохода, охотно согласился за возмездіе перевести насъ по одиночкѣ въ своемъ крошечномъ яликѣ. Пристани съ этой стороны не было, пристать къ самому берегу было нельзя, и намъ пришлось на довольно большомъ разстояніи перепрыгивать по камнямъ, торчавшимъ изъ воды. Недалеко отъ берега стояло нѣсколько избъ, мы вошли въ первую; она удивила насъ своею опрятностью. Чистенькая постель, наволочка съ прошивками. Передъ окномъ далеко не молодая чухонка плела кружева на коклюшкахъ. Зная немного чухонскій языкъ, я спросила, можно ли получить у нея простоквашу и черный хлѣбъ. Она намъ тотчасъ же все принесла, и мы позавтракали съ большимъ аппетитомъ. Всѣ избы исключительно принадлежали рыбакамъ. Мужчины занимаются рыболовствомъ; рыбу они возятъ въ Финляндію и тамъ мѣняють ее на хлѣбъ и другіе необходимые припасы. Простившись съ хозяйкой, мы собрались перейти на другую сторону острова, гдѣ стоитъ маякъ, но когда поднялись на гору, тотчасъ рѣшили спуститься обратно, такъ какъ вѣтеръ былъ настолько силенъ, что съ ногъ сшибалъ. Вернулись мы на пароходъ въ рыбацкихъ лодкахъ, покрытыхъ рыбьею чешуей, на которой, за неимѣніемъ въ нихъ скамейки, пришлось сидѣть на днѣ. Мы были покрыты этой чешуей, и рыбный запахъ преслѣдовалъ насъ цѣлый день. На слѣдующее утро мы прибыли благополучно въ Ревель, опоздавъ на цѣлыя сутки. Всѣ наши были въ тревогѣ; въ ту бурную ночь слышались пушечные выстрѣлы съ судовъ, просящихъ о помощи. Нѣсколько купеческихъ судовъ пострадали, могъ и нашъ пароходъ подвергнуться крушенію.

Разскажамъ о всемъ видѣнномъ въ столицѣ не было конца; пища для разговора хватило надолго. Было о чемъ разсказывать. Сколько разныхъ впечатлѣній мы вынесли изъ пребыванія нашего въ столицѣ! Самъ Петербургъ, учителя, поѣздки въ Павловскъ по неслыханному дотолѣ желѣзнодорожному пути, свадьба великой княгини, иллюминація, театры.

Тетушка, желая, чтобъ родители ея могли оцѣнить сдѣланные нами успѣхи въ Петербургѣ, заставляла сестру мою Aline играть на рояли все, чему она выучилась, и задумала также сдѣлать старикамъ сюрпризъ, показать, какъ мы танцуемъ. Сшили намъ хорошенькіе костюмы. Въ роцѣ выбрали удобную площадку, выровняли и утрамбовали ее, такъ что танцевать на ней было удобно. Дѣдушка узнавъ, что ему и бабушкѣ готовится сюрпризъ, хотѣлъ въ свою очередь сдѣлать то же для насъ; онъ нанялъ къ этому дню музыку и пригласилъ гостей.

Колокольчикъ далъ сигналъ, чтобъ мы стали на свои мѣста. Второй звонокъ вызвалъ зрителей въ роцу. Вспыхнули бенгальскіе огни, освѣтившіе насъ, и мы съ сестрой протанцовали вначалѣ качучу съ кастаньетками, затѣмъ гитану. По числу аплодировавшихъ рукъ, мы могли бы догадаться, что, кромѣ родныхъ, есть и посторонніе; но, къ счастью, мы этого не подозрѣвали, а то навѣрное сконфузились бы. Послѣ этого протанцовали русскую плавную и граціозную, а для финала дикую цыганскую, очень живую, съ быстрыми движеніями и подергиваньемъ плечъ. Для каждаго танца былъ національный костюмъ. Дѣдушка и бабушка были очень довольны, а сестры и братья любовались нами. Танцы наши имѣ были въ диковину. Въ этотъ вечеръ меня пригласилъ на мазурку видный молодой морякъ, считавшійся львомъ въ нашемъ обществѣ. Мнѣ казалось, что я выросла въ глазахъ всѣхъ. Какъ глупы мы бываемъ въ молодости, и какъ наказана я была за свою самоувѣренность! Стоя послѣ ужина у двери зала, я слышала въ другой комнатѣ весьма интересный и поучительный для меня разговоръ. Барышня, *qui faisait la pluie et le beau temps*, подошла къ моему кавалеру и спросила его съ ироніей, веселился ли онъ, танцуя со мной. Пританувъ дыханье, я невольно стала прислушиваться къ его отвѣту, и каково было мое разочарованіе и досада, когда онъ отвѣтилъ, что, такъ какъ она отказала ему, то онъ предпочелъ танцевать съ ребенкомъ, чѣмъ съ кѣмъ либо другимъ. Назвать ребенкомъ меня, семнадцатилѣтнюю дѣвушку, вѣдь это была кровная обида, стало быть, онъ танцевалъ со мною только *par dépit*. Въ слѣдующемъ году, когда на какомъ-то балѣ много было желающихъ танцевать со мной мазурку, онъ тоже подошелъ пригласить меня; отдавая ее при немъ другому, я сказала, что хочу избавить его отъ скуки танцевать съ ребенкомъ, какъ въ прошломъ году.

Онъ сконфузился, замѣтилъ мнѣ, что я злопамятна, если цѣлый годъ не могла простить ему необдуманное выраженіе. Злопамятной я никогда не была, но спуску не давала никому.

Осенью, когда эскадра отправилась на зимовку въ Свеаборгъ, мы вмѣстѣ съ ней вернулись въ Гельсингфорсъ, гдѣ зима прошла очень весело и оживленно. Баловъ и вечеровъ было много. Первый балъ давался въ Свеаборгѣ у адмирала Вальронда. Море только что задернулось легкимъ слоемъ льда, и насъ по одиночкѣ въ чухонскихъ саняхъ перевезли въ крѣпость. Ледъ былъ прозраченъ, какъ зеркало; видно было, какъ подъ нимъ слегка переливалась вода. Теперь ни за что не рѣшилась бы переѣхать такую гладкую и непрочную поверхность моря, а въ то время я не была знакома со страхомъ, все казалось мнѣ трынъ-травой. Что значить молодость! Послѣ бала мы ночевали у знакомыхъ, а на слѣдующее утро наши милые моряки и танцоры любезно перекатали насъ на креслахъ до самой пристани, несмотря на трехъ-верстное разстояніе.

Въ этотъ сезонъ много было вечеровъ у всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Въ офицерскомъ собраніи Свеаборга былъ костюмированный вечеръ: у насъ былъ спектакль на французскомъ языкѣ, шла *Lucie ou la soeur de lait*; пьеса исключительно изъ женскихъ ролей. Кто въ ней участвовалъ, кромѣ сестры моей *Aline* и меня, не помню, но что я вызвала у всѣхъ на глазахъ слезы, исполняя роль *Lucie*, это мнѣ памятно. Послѣ спектакля мы танцовали. *Rosine Hartman*, дочь профессора медицины и хирургіи и генераль-инспектора всѣхъ клиникъ въ Финляндіи, была лучшая моя подруга. Она была, въ полномъ смыслѣ, прелестная блондинка съ чудно голубыми глазами и женственными мягкими движеніями. Мы жили очень близко другъ отъ друга, такъ что видѣлись почти ежедневно; то она забѣжитъ ко мнѣ, то я перебѣгу площадку и зайду къ ней. Другая подруга была дочь губернатора графа Армфельда, *Матильда*. Высокая, очень эффектная брюнетка, она воспитывалась въ институтѣ и потому хорошо говорила по-русски. Кто-то посвятилъ намъ кадрили, назвавъ каждую фигуру тѣмъ цвѣткомъ, какимъ каждую изъ насъ прозвали: ее пунцовой камеліей, *Rosine* подснежникомъ, сестру ея *Найму* шиповникомъ, а меня бенгальской розой. Мы такъ мало цѣнили это подношеніе, что я даже его не сохранила и не помню, кто былъ авторомъ.

Въ зиму, когда веселье было въ разгарѣ, пріѣхалъ изъ Петербурга пасынокъ одного изъ тамошнихъ сенаторовъ, Ш., камеръ-юнкеръ, съ красивой наружностью. Когда мы, подруги, собирались, то много было разговора о немъ, и мы добивались другъ у друга, кому изъ насъ трехъ онъ больше нравится, при чемъ разбирали его, и каждая дѣлала свои замѣчанія; кто находилъ, что онъ важничаетъ, кто—что онъ фать, а кто—что его красота немного женообразна; тѣмъ не менѣе, общій выводъ былъ въ его

3*

пользу, до слѣдующаго откровеннаго разговора съ его братомъ, котораго я знала съ самаго прїѣзда нашего въ Гельсингфорсъ еще студентомъ. Танцую со мной на одномъ изъ вечеровъ, онъ сказалъ, что сообщить мнѣ очень интересный фактъ, и тутъ же рассказалъ, что я брату его нравлюсь до такой степени, что, прїѣхавъ домой съ послѣдняго бала, онъ на слѣдующій день принарядился, чтобы ѣхать сдѣлать мнѣ предложеніе, но зашелъ къ матери объявить ей о своемъ намѣреніи. «А спросила ли его матушка, выйду ли я за него?»—замѣтила я, желая прекратить этотъ оригинальный и вмѣстѣ съ тѣмъ неловкій разговоръ, но онъ перебилъ меня, прося, чтобы я дослушала до конца, и продолжалъ: на это матушка посоветовала ему обдумать хорошенько свое намѣреніе; для того, чтобы жить въ Петербургѣ и посѣщать общество, какъ онъ къ этому привыкъ, надо имѣть средства, тогда какъ ни у него, ни у васъ ихъ нѣтъ, а потому, зная его благоразуміе, она увѣрена, что вспышка эта такъ же скоро пройдетъ, какъ пришла. И что же вы думаете? Братъ на другой же день объявилъ матери, что онъ согласенъ съ нею, тѣмъ и кончилось его намѣреніе сдѣлать предложеніе. При этихъ словахъ мы оба разразились смѣхомъ; я была большая хохотуша. Братъ его, стоявшій въ концѣ зала, замѣтивъ, что мы смѣемся отъ души, подошелъ къ намъ, держа свой клякъ настоящимъ франтомъ, и спросилъ съ улыбкой о причинѣ нашего заразительнаго смѣха. Я едва могла выговорить, что братъ его рассказалъ мнѣ такой уморительный анекдотъ, что я не могла удержаться, чтобы не расхохотаться. Какъ онъ ни допытывался о причинѣ смѣха, но ни я ни братъ его не сказали.

Хотя я смѣялась, но въ душѣ мнѣ было досадно; камеръ-юнкеръ представлялся намъ чѣмъ-то идеальнымъ и вдругъ оказался зауряднымъ, слабохарактернымъ. Я тутъ же рѣшила, что онъ тряпка, колпакъ, и вся иллюзія прошла. Вскорѣ онъ уѣхалъ и не могъ уже кружить голову никому.

Въ эту зиму у меня явились два претендента; прїѣхала одна маменька къ тетускѣ, попросила позвать меня, имѣя необходимость лично меня видѣть и переговорить со мной. Послѣ нѣкотораго вступленія она объявила, что прїѣхала просить моей руки для сына, самъ же онъ не рѣшался явиться по своей застѣнчивости, которой я не могла не замѣтить въ немъ. Онъ необтесанъ, мало образованъ, и добрая маменька надѣется, что я не откажу составить его счастье и взяться за его воспитаніе. Немало стоило мнѣ труда, чтобы не фыркнуть ей въ глаза, однако я очень серьезно и вѣжливо благодарила за сдѣланную мнѣ честь, при этомъ объявила, что я вовсе не собираюсь еще выходить замужъ и къ тому же слишкомъ молода и недостаточно образована сама, чтобы воспитывать себѣ мужа.

Когда эта мамаша уѣхала, тетушка расцѣловала меня за то, что я такъ хорошо и деликатно отказала, а сама была просто возмущена, по ея словамъ, дерзостью этой дамы.

Вскорѣ послѣ этого явилась одна очень хорошая наша знакомая, тоже русская, жена моряка; она пріѣхала сватать меня для брата, котораго я знала съ дѣтства. Какъ она ни старалась представлять всѣ его качества, между которыми выхваляла способность дѣлать наколки, бантики съ большимъ вкусомъ, доказывая при этомъ всю для меня выгоду, но соблазнить меня ей не удалось. Братъ ея, бѣленкій, съ очень тоненькимъ фальцетнымъ голоскомъ, скорѣе походилъ на женщину, чѣмъ на мужчину. Поблагодаривъ ее, я прибавила, что сама рукодѣльница и въ помощи не нуждаюсь; когда же она посовѣтовала мнѣ хорошенько подумать, я положительно ей объявила, что вовсе не намѣрена еще выходить замужъ. А тетушка моя все возмущалась, что выпадаютъ га мою долю женихи, вовсе не подходящіе ко мнѣ, по ея мнѣнію. «Хоть ты и безприданница, но не бойся быть разборчивой, за калѣку не выйдешь»,—говорила она мнѣ.

Мнѣ многіе нравились, какъ часто нравятся молодые люди, иногда изъ благодарности за вниманіе и расположеніе, ласкающія самолюбіе. Нѣкоторые изъ вздыхателей обращались прямо къ тетушкѣ, нѣкоторымъ она отказывала, не спросивъ меня, а другіе получали отказъ мой черезъ нее, поэтому, встрѣчаясь съ ними, я дѣлала видъ, что ничего не знаю, и, благодаря этому, отношенія наши оставались непринужденными.

Нашъ сосѣдъ, баронъ Клинковштремъ, вдовый, очень умный старикъ, былъ большой оригиналъ, онъ часто навѣщалъ насъ, по вечерамъ, и мы очень были довольны его посѣщеніями; все, что онъ рассказывалъ, было очень интересно. У него былъ женатый сынъ и внучата, но жили они не вмѣстѣ. Однажды, вечеромъ, когда я подавала ему стаканъ чая, онъ спросилъ меня, люблю ли я его. Такъ какъ я знала его оригинальность, то вопросъ его вовсе не удивилъ меня, и я отвѣтила: «да, баронъ».—«Хотите быть моей женой?»—«Нѣтъ!»—отвѣтила я смѣясь.—«Почему нѣтъ?»—спросилъ онъ:—мнѣ тяжело самому вести хозяйство, подагра часто мучитъ меня, да наконецъ скучно быть одному, и я желалъ бы имѣть подругу». Я посмотрѣла на него пристально, желая прочесть въ глазахъ его, шутка ли это, или нѣтъ.—«Вы шутите»,—сказала я,—потому что, если вы сдѣлали бы серьезно этотъ вопросъ, то, поблагодаривъ васъ за сдѣланную мнѣ честь, я съ свойственною мнѣ откровенностью сказала бы: вы, баронъ, для меня слишкомъ стары, капризы, простительные вашимъ лѣтамъ, я, быть можетъ, не сумѣла бы переносить съ терпѣньемъ, а рѣшиться посвятить свою молодость на то, чтобъ нянчиться съ мужемъ подагрикомъ, у меня не хватило бы духу». Тетушка посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, она не ожидала, что я съ такою храбростью

выскажу ему то, что думаю. Баронъ протянулъ мнѣ руку, сказавъ, что моя откровенность нравится ему, шутить онъ не думалъ, хотя высказанное мною для него не лестно, но, можетъ быть, обдумавъ хорошенько, я соглашусь на его предложеніе. На это я отвѣтила, что тронута его расположеніемъ, но рѣшенія своего не измѣню.

Когда онъ ушелъ, тетушка сказала: «*je crois que le vieux n'est pas dans son bon sens*». Несмотря на мой отказъ, мы всегда были съ нимъ добрыми друзьями; я была тронута, когда, уходя отъ насъ, онъ по своему обыкновению поцѣловалъ меня въ лобъ и, протянувъ руку тетушкѣ, сказалъ: «*C'est une fille d'or,—heureux qui la possedera*». Когда послѣ этого случилось намъ быть у него вечеромъ, онъ мнѣ говорилъ, указывая на мѣсто хозяйки: «*вотъ гдѣ назначалось вамъ мѣсто!*» а я смѣясь отвѣчала ему: «это счастье, что я не рѣшилась на ваше предложеніе, *j'aurai fait ici le diable à quatre et vous aurez fait fuir de la maison*». Разговоръ этотъ кончился смѣхомъ.

Послѣ каждаго бала или вечера, когда тетушка уляжется, я имѣла обыкновеніе, сидя на ея кровати, передавать ей всѣ впечатлѣнія, всѣ разговоры, не скрывая и комплиментовъ, которые мнѣ говорились. Она часто повторяла, чтобъ я не вѣрила пустымъ, свѣтскимъ похваламъ, не воображала бы, что хороша собой, и прибавляла, что скромность въ дѣвушкѣ лучшая красота, а доброе сердце лучшее достояніе.

Лѣтомъ предстояло празднество двухсотлѣтняго юбилея университета въ Гельсингфорсѣ. Мнѣ очень хотѣлось присутствовать на немъ, но на лѣто мы уѣхали въ Ревель, поэтому я не имѣла никакой надежды поѣхать въ Гельсингфорсѣ. Къ великой, однако, моей радости, отецъ привезъ тетушкѣ письмо отъ графини Пушкиной, рожденной Шернваль, въ которомъ она просила ее отпустить меня къ ней, чтобъ присутствовать на торжествѣ, обѣщая беречь меня, какъ дочь.

Сшили мнѣ бальное платье, снарядили въ путь, и мы съ отцемъ поплыли на пароходѣ къ финскимъ берегамъ. Наканунѣ юбилея, насъ собралось много молодыхъ дѣвицъ у Гартмана, и мы плели гирлянды изъ зелени для украшенія актовъ залы и лавровые вѣнки для студентовъ, которые удостоятся степени магистра. Зелень приносили цѣлыми корзинами, готовые гирлянды отправлялись къ мѣсту назначенія, и тамъ ихъ развѣшивали. Не помню, въ которомъ часу всѣ собрались въ только что оконченную шведскую церковь на Сенатской площади, гдѣ служба еще не совершалась. Публика усѣлась на приготовленные мѣста. Впереди сидѣлъ въ креслѣ покрытый сѣдиной старикъ Франценъ, извѣстный шведскій поэтъ, всѣми уважаемая личность; возлѣ него стоялъ внукъ его Гартманъ, студентъ. По окончаніи акта, старику дѣду и внуку были надѣты на головы лавровые вѣнки. Было очень трогательно, когда Франценъ всталъ, обнялъ своего внука и прослезился.

Много молодыхъ студентовъ были удостоены званія магистра. Вечеромъ былъ балъ въ общественномъ залѣ; коронованная молодежь танцевала въ лавровыхъ вѣнкахъ. Цвѣтовъ къ балу я съ собой не привезла, поэтому попросила дѣвушку послать набрать мнѣ васильковъ и сплела себѣ вѣнокъ, но когда сестра графини, Аврора Карловна Демидова, присутствуя при нашемъ туалетѣ, увидѣла, что я намѣреваюсь надѣть васильки, уговорила меня ихъ не надѣвать, говоря, что съ моимъ смуглымъ цвѣтомъ лица и черными волосами вечеромъ будетъ не хорошо; она тотчасъ же поѣхала къ себѣ домой и привезла вѣнокъ изъ пунцовыхъ цвѣтовъ и коралловую рагуе. Я долго не соглашалась еѣ надѣть, не желая быть вороной въ павлиньихъ перьяхъ, сказавъ ей, что боюсь надѣвать чужія вещи, такъ какъ можно ихъ потерять; она такъ любезно настаивала, что дольше я отказываться не смѣла. Съ графиней Пушкиной насъ поѣхало трое: племянница ея, княжна Sophie Шаховская, m-lle Виллебрандъ и я. Мы много танцевали и очень веселились. У графини мы встрѣтились съ княземъ Владимиромъ Оедоровичемъ Одоевскимъ, который зналъ меня ребенкомъ; мы, дѣти, очень любили его, а потому встрѣтиться съ нимъ мнѣ было очень пріятно. У нея же познакомилась съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ и съ Яковомъ Карловичемъ Гротомъ. Какъ пріятно проходило время въ обществѣ такихъ умныхъ и милыхъ людей! Графиня Пушкина была прелестная, веселая и милая женщина. Сестра ея, А. К. Демидова, красавица въ полномъ смыслѣ слова, серьезная, съ отпечаткомъ грусти въ глазахъ. Она проводила лѣто въ имѣніи своемъ Трескенда, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гельсингфорса, куда мы съ графиней довольно часто ѣздили обѣдать къ ней.

Передъ отъѣздомъ мнѣ написали на память въ альбомѣ князь Одоевскій прозой, а Плетневъ и Гротъ стихами.

По возвращеніи моемъ въ Ревель, къ дѣдушкѣ сталъ ѣздить все чаще и чаще Р..., высокій, длинноносый статскій, который преслѣдовалъ меня своимъ ухаживаніемъ и вздохами. Дѣдушка спросилъ меня разъ, замѣтила ли я, какими телячьими глазами онъ смотритъ на меня, а я въ свою очередь спросила, слышитъ ли дѣдушка, какъ онъ вздыхаетъ при мнѣ, на это онъ отвѣчалъ: «видно, вторился въ тебя».

Разъ я бѣжала черезъ дворъ изъ кухни, гдѣ варила варенье, въ передникѣ, съ засученными рукавами, съ ложкою въ рукахъ и раскраснѣвшейся фізіономіей. У самаго подѣзда я чуть не столкнулась съ Р... Въ отвѣтъ на его поклонъ я кивнула ему головой и не слушая, что онъ говорилъ, пробѣжала мимо него, прямо къ себѣ на верхъ, откуда не сходила до его отъѣзда подъ предлогомъ головной боли.

Однажды собирались мы на танцевальный вечеръ въ Салонъ.

Только-что я начала причесываться, за мной прислала тетюшка, чтобъ я сошла къ гостямъ, которые желали видѣть меня. Узнавъ, что это Р... съ матерью, и досадуя на несвоевременное посѣщеніе, я заколола косу и, желая показаться уродомъ, причесала гладко переднія пряди волосъ и, связавъ ихъ узломъ подъ самымъ подбородкомъ, сошла внизъ. Когда я вошла, тетюшка пришла въ ужасъ отъ моей прически. Представили меня матери Р..., которая пріѣхала, какъ видно, знакомиться со мною. Я извинилась, что явилась въ такомъ безобразномъ видѣ, а она наговорила мнѣ цѣлый коробъ любезностей по этому поводу. Въ ту минуту, какъ я поклонилась, чтобъ уйти и избавиться отъ глупаго положенія, въ которомъ находилась, Р... подскочилъ ко мнѣ и пригласилъ на мазурку, которая, къ сожалѣнію, никому не была обѣщана.

Когда мы пріѣхали въ Салонъ, Р... встрѣтилъ меня въ дверяхъ съ букетомъ цвѣтовъ, который я наотрѣзъ отказалась принять. Какъ видно, онъ этого никакъ не ожидалъ и, вставъ въ театральную позу, бросилъ его къ моимъ ногамъ со словами: «Allez fanez sous ses pieds». Это вышло такъ смѣшно, что я быстро повернулась и отошла, чтобъ не расхохотаться ему въ лицо.

За мазуркой онъ началъ увѣрять, что его мать въ восторгѣ отъ меня, чему я, конечно, не повѣрила, не думая, что можно прійти въ восторгъ отъ фигуры, явившейся съ такой оригинальной и неприглядной прической, заслужившей мнѣ выговоръ тетюшки. Затѣмъ начались убійственные вздохи, за которыми послѣдовало предложеніе руки и сердца и увѣреніе въ самой пламенной любви. Сознаюсь откровенно, что на этотъ разъ я была черзчуръ не любезна, даже жестокосердна. Я не сочла нужнымъ поблагодарить за сдѣланную мнѣ честь, какъ это принято, отказала наотрѣзъ и, повернувъ ему спину, начала разговаривать съ моимъ сосѣдомъ. По окончаніи злополучной мазурки, я встала, поклонилась и направилась къ тетюшкѣ. Р... пошелъ за мной и предупредилъ, что на слѣдующее утро онъ явится переговорить съ отцомъ моимъ, который сумѣетъ склонить меня на согласіе. Это нахальство такъ взорвало меня, что я остановилась, взглянула на него съ презрѣніемъ и сказала:

— Неужели вы думаете, что отецъ противъ моей воли заставитъ меня выйти за человѣка, котораго я не люблю? Этого никогда не будетъ.

Когда мы возвращались съ бала, я передала отцу и тетюшкѣ весь разговоръ съ Р..., предупредивъ о визитѣ его. Отецъ обѣщалъ принять его и сказать, что я хозяйка своего сердца, что отъ меня зависитъ располагать своей судьбой, и что совѣтуетъ ему отказаться отъ всякой надежды на мое согласіе. Я впрочемъ сомнѣвалась, что онъ пріѣдетъ послѣ всѣхъ любезностей, которыя ему пришлось слышать отъ меня.

Р... дѣйствительно явился на другое утро, но съ тѣмъ прїѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Спустя нѣкоторое время, мы вернулись въ Гельсингфорсъ, и къ великому моему удовольствію я избавилась отъ встрѣчи съ нимъ.

III.

Прїѣздъ въ Петербургъ.—Балъ у азаревыхъ.—Каламбуръ великаго князя Михаила Павловича на мой счетъ.—Танцевальный вечеръ у Хитровыхъ.—Знакомство съ Паткулемъ.—Представленіе мое цесаревичу Александру Николаевичу.—Его выборъ меня въ мазуркѣ.—Стихи Мятлева, посвященные мѣ.—Folle journée у графини Воронцовой.—Выходки Мятлева.—Разговоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Шутка Мятлева и ея послѣдствія для меня.—Посѣщеніе Паткуля.—Его неожиданная откровенность.—Маскарадъ въ Большомъ театрѣ.—Вечеръ у Хитрова.—Находчивость Мятлева.—Поѣздка въ Кронштадтъ.—Подслушанный разговоръ.

Было рѣшено, что отецъ отвезетъ зимой брата моего Николая въ Петербургъ, чтобъ помѣститъ его въ Царскосельскій лицей, но предварительно въ приготовительный пансіонъ Оболенскаго. Тетушка предложила взять меня съ собой. Списались съ дядей, старшимъ братомъ отца, который съ удовольствіемъ пожелалъ принять насъ у себя.

Поѣздка наша была назначена на 2-е января 1841 года.

На Рождество была у насъ ѣлка; изъ передней былъ брошенъ пакетъ на мое имя. Этотъ обычай въ Финляндіи называется Zulkarr. Узнавъ почеркъ Я. К. Грота, я выбѣжала въ переднюю и узнала въ человѣкѣ, одѣтомъ въ вывороченную мѣхомъ кверху шубу, Я. К. Грота, который, снявъ свой медвѣжій костюмъ, вошелъ со мною въ залъ. Посѣщая насъ довольно часто, онъ читалъ намъ свои чудные переводы шведскихъ поэтовъ и считался у насъ дорогимъ гостемъ. Тутъ я взялась за брошенный пакетъ; по мѣрѣ того, какъ онъ развертывался, адреса мѣнялись, послѣдній наконецъ былъ на мое имя. Въ немъ была круглая длинная бомбоньерка, а въ ней много другихъ, одна меньше другой, и въ каждой изъ нихъ листокъ со стихами его сочиненія, которые составляли одно цѣлое. Они написаны были по случаю предстоящаго отъѣзда моего въ Петербургъ съ предупрежденіями и наставленіями истиннаго друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ для меня лестные.

Онъ самъ ихъ прочелъ и по окончаніи просилъ разрѣшить напечатать ихъ въ «Современникѣ». Несмотря на то, что я убѣдительно просила его этого не дѣлать и не давала своего согласія, тѣмъ не менѣе, прїѣхавъ въ Петербургъ, я увидѣла ихъ напечатанными въ издававшемся Плетневымъ журналѣ «Современникъ». Стихамъ его я обязана успѣхомъ моимъ въ свѣтѣ. Плетневъ прочелъ ихъ наслѣднику Александру Николаевичу, журналъ былъ распространенъ, всѣ ждали съ нетерпѣніемъ прїѣзда провин-

ціалки, точно чого-то невиданнаго. Гротъ скрылъ это отъ меня и, вѣроятно, послалъ стихи для напечатанія другу своему Шлетневу раньше, чѣмъ спросилъ мое разрѣшеніе.

День былъ морозный, погода ясная, солнышко весело освѣщало природу, когда мы 2-го января 1841-го года тронулись въ путь. Въ первой кибиткѣ ѣхали m-elle Balzer съ братомъ, въ другой, вслѣдъ за ними, отецъ со мной. Дорога мнѣ очень понравилась; то она извивалась между гранитными скалами и лѣсомъ, то шла съ горы на гору. Снѣгъ на солнцѣ искрился, а деревья, покрытыя инеемъ, блестѣли разноцвѣтными камнями. Ямщики въ Финляндіи ѣздятъ очень неосторожно: въ гору они тащатся шагомъ, самъ возница идетъ рядомъ съ повозкой, а съ горы, сѣвъ на облучокъ, несется, какъ шальной, того и гляди, что сани задѣнутъ за скалу и перекувырнутся или полетятъ съ нами въ пропасть. Мнѣ въ первый разъ приходилось ѣхать зимой сухимъ путемъ по петербургской дорогѣ, и я невольно любовалась живописной мѣстностью, несмотря на то, что все было покрыто толстымъ слоемъ снѣга. Въ Борго на станціи насъ встрѣтилъ Яковъ Карловичъ Гротъ, который, кажется, былъ въ то время у Рунеберга, извѣстнаго шведскаго поэта.

Пока перекладывали лошадей, мы закусили, напились чаю и, простившись съ Яковомъ Карловичемъ, который проводилъ меня пожеланіемъ скорѣй вернуться, поѣхали дальше.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, дядюшка, котораго я почти не помнила, и тетюшка, которой я совсѣмъ не знала, встрѣтили насъ радушно и по-родственному. Съ тетюшкой, несмотря на разницу нашихъ лѣтъ, мы тотчасъ сошлись и подружились, а дядюшка не только полюбилъ меня, но баловалъ, такъ что тетюшка увѣряла, что съ моимъ пріѣздомъ онъ сталъ неузнаваемъ; обыкновенно серьезный, онъ смѣялся отъ души, когда я выкидывала разные фарсы и представляла сцены изъ видѣнныхъ въ театрѣ пьесъ и балетовъ.

Какъ только отецъ отдохнулъ съ дороги, и мое обвѣтрѣвшее отъ стужи лицо приняло свой первобытный видъ, мы поѣхали къ М. Х. Шевичъ, которая обрадовалась моему пріѣзду и желая, чтобъ я попала на всѣ предстоящіе балы, дала отцу списокъ лицъ, которымъ онъ долженъ сдѣлать со мной визитъ. Первые, къ кому мы поѣхали помимо списка, были: Демидова, графиня Музина-Пушкина, сестра графа, княгиня Шаховская и Оболенская.

Сдѣлавъ всѣ остальные визиты, согласно желанію m-me Шевичъ, мы получили приглашеніе на балъ къ Лазаревымъ. День я провела у Шевичъ, тамъ я одѣвалась, такъ какъ она везла меня на балъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ вошла племянница ея, княгиня Т....кая, которая сочла своимъ долгомъ предупредить меня не на-

дѣяться на танцоровъ, прибавивъ, что теперь мода на дамъ, а барышни сидятъ. Я ей отвѣтила, что, не имѣя ни одного знакомаго кавалера въ Петербургѣ, я вовсе не рассчитываю быть приглашенной. Приѣхали мы довольно рано; Марія Христофоровна представила меня хозяйкѣ, хозяйину дома и нѣкоторымъ знакомымъ ей дамамъ, какъ свою родственницу.

При видѣ такого многочисленнаго общества и богатой роскошной обстановки, я была смущена и стояла возлѣ *m-me* Шевичъ, которая познакомила меня съ нѣкоторыми барышнями, а хозяйка, очень любезная и привѣтливая, представила мнѣ кавалеровъ. Домъ Лазаревыхъ и теперь стоитъ на Невскомъ, рядомъ съ Армянской церковью.

Каково было мое удивленіе, когда всѣ мои танцы были разобраны, а во время вальса я не сходила съ паркета.

Тутъ я подумала, что княгиня Т.... хотѣла напугать меня тѣмъ, что барышни не танцуютъ.

Приѣхалъ на балъ великій князь Михаилъ Павловичъ, котораго мнѣ пришлось видѣть въ первый разъ; онъ былъ серіозенъ и показался мнѣ даже суровымъ.

Во время одной кадрили, рѣшительно не помню, кто подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что великій князь спросилъ, кто я, и, узнавъ мою фамилію, не преминулъ сдѣлать на мой счетъ каламбуръ, до которыхъ онъ большой охотникъ. Меня заинтриговало, какой онъ могъ сдѣлать каламбуръ на мой счетъ, не зная меня вовсе. Вотъ какой, отвѣтили мнѣ: «*vous avops eu la plus belle traversée de Helsingfors à Petersbourg*». Я покраснѣла, сконфузилась и отвѣтила, что комплиментъ этотъ я на свой счетъ принять не могу.

Мой первый выѣздъ въ большой свѣтъ былъ настолько удаченъ, что мнѣ не такъ уже страшно было появляться на остальные балы и вечера, которыхъ въ ту зиму была цѣлая серія.

M-me Шевичъ представляла меня всѣмъ: «*ma nièce la marquise Travesay*», и благодаря этому, я была приглашена на всѣ балы, которые давались у Хитровыхъ, Уваровыхъ, Лазаревыхъ, Нарышкиныхъ, Сухозанетъ, Бѣлосельскихъ и Воронцовыхъ.

На балѣ графа Воронцова-Дашкова былъ наслѣдникъ. Онъ оставался недолго и не танцевалъ. Это былъ первый разъ, что я его видѣла послѣ того, какъ онъ приѣзжалъ юношей въ Ревель, съ говарищами своими Вильгорскимъ и Паткулемъ. Помню, какъ мы дѣвочками бѣгали въ Екатеринталь, гдѣ, стоя передъ балкономъ, любовались цесаревичемъ. Могла ли я думать тогда, что со временемъ и я буду близка ко двору.

Въ этотъ вечеръ я танцевала съ Ш.....ъ. Во время танца онъ поразилъ меня вопросомъ, слышала ли я, что въ Петербургѣ распространился слухъ, будто я его невѣста. Вспомнивъ рассказанный мнѣ братомъ его въ Гельсингфорсѣ эпизодъ его съ матерью,

когда онъ намѣревался ѣхать просить моей руки, я чуть не расхоталась, но, къ счастью, удержалась и сказала смѣясь, что эта новость до меня еще не дошла, и надѣюсь, этотъ нелѣпый слухъ не распространится. Онъ же можетъ быть совершенно спокоенъ; я пріѣхала сюда повеселиться, но отнюдь не подыскивать себѣ жениховъ. Если же рѣшусь когда нибудь выйти замужъ, то не иначе, какъ по любви, и предпочту военнаго статскому. «Какъ это лестно для насъ, статскихъ»,—отвѣтилъ онъ съ поклономъ и иронической улыбкой. «Простите мою откровенность,—сказала я,—но я всегда говорю то, что думаю, хотя откровенность бываетъ иногда немѣстна». Я сильно подозреваю, что переданный мнѣ слухъ былъ придуманъ имъ самимъ.

На танцевальномъ вечерѣ у Хитровыхъ я была одѣта довольно просто: въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ складками и бѣлымъ пунцовымъ цвѣткомъ на головѣ. Вѣроятно, благодаря моей французской фамиліи, вообразили себѣ, что я пріѣхала изъ Парижа, окружили меня, какъ только я вошла въ гостиную, начали восторгаться моимъ платьемъ, нашли въ немъ un cachet parisien и увѣряли, что только тамъ умѣютъ одѣваться со вкусомъ. Когда я сказала, что платье сшито дома, и въ Парижѣ я никогда не была, то вѣрить не хотѣли, утверждая, что даже выговоръ у меня парижскій, хотя онъ ничѣмъ не отличался отъ выговора другихъ.

На этомъ вечерѣ Шернваль подошелъ ко мнѣ во время кадрили и поздоровавшись представилъ пріятеля своего Паткуля, считая нужнымъ прибавить о его качествахъ: «очень добрый, милый, но вѣтреный молодой человекъ». На это я спросила, всегда ли онъ представляетъ своихъ друзей съ подобными атестатами.

Въ разговорѣ Паткуль сказалъ, что видѣлъ меня на балѣ графа Воронцова, гдѣ онъ былъ съ наслѣдникомъ, который оставался недолго, и Паткуль, какъ дежурный, уѣхалъ вмѣстѣ съ его высочествомъ. Всѣ танцы были мною заранѣе обѣщаны, а съ нимъ удалось сдѣлать только нѣсколько туровъ вальса. На память свою трудно было разсчитывать, поэтому дамы имѣли очень маленькія книжки въ оправѣ слоновой кости, въ которыхъ записывалось, на какомъ балу, съ кѣмъ и что танцуешь.

На приглашеніе его дать ему какой нибудь танецъ на одинъ изъ предстоящихъ баловъ я ни одного обѣщать не могла: всѣ были обѣщаны заранѣе.

Слѣдующій балъ былъ въ дворянскомъ собраніи; я была въ бѣломъ креповомъ платьѣ съ розовымъ вѣнкомъ на головѣ, а мои двѣ густыя косы, спущенныя петлей къ затылку, придерживались воткнутымъ кинжаломъ, рукоятка котораго была украшена цвѣтными камнями (подарокъ m-me Шевичъ). Когда раздался сигналъ мазурки, моего кавалера еще не было, и я обѣщала Паткулю танцевать съ нимъ, если тотъ не явится. Но въ ту же минуту под-

летѣлъ Феншау (конногренадеръ) съ извиненіемъ, что не подоспѣлъ во время, объяснивъ, что задержка была за лошадыми, которыхъ онъ съ трудомъ досталъ въ Петергофѣ. Паткуль выразилъ ему свое сожалѣніе, что, благодаря его приѣзду, не можетъ танцовать мазурку со мной, но просилъ его оставить ему мѣсто возлѣ насъ, пока онъ пойдетъ отыскивать себѣ даму.

Во время фигуры съ *qualités* графъ Иванъ А. Апраксинъ, выбравъ меня и вторую даму, спросилъ, какими *qualités* мы будемъ. Я отвѣтила: «*carice du sort*», а другая выбрала «*carice des dames*». Не спросивъ насъ, къ кому подвести, и не предупредивъ, онъ прямо направился къ наслѣднику. На просьбу мою подвести насъ къ простому смертному, онъ вполголоса сказалъ мнѣ: «это по желанію его высочества». Наслѣдникъ выбралъ *carice des dames* и протянулъ мнѣ руку. «*Pardon, monseigneur, se n'est pas moi*», сказала я великому князю. Взглянувъ на Апраксина какъ бы вопросительно, онъ пошелъ танцовать съ той дамой, а Апраксинъ, ударивъ себя по лбу, проговорилъ: «ахъ, я телятина! телятина!» Когда я спросила, за что онъ себя такъ величаетъ, онъ сказалъ: «условлено было, что васъ назову первой».

Не прошло и двухъ минутъ, какъ подводятъ ко мнѣ наслѣдника. Когда дама, подведшая ко мнѣ кавалеровъ, сказала: «*Carice du sort*», было бы черезчуръ наивно не понять, что это его высочество. Танцуя со мной, онъ сказалъ: «*c'est au carice du sort que je dois le plaisir de faire votre connaissance*». Доведя меня до мѣста, онъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ и отошелъ въ противоположный конецъ зала, гдѣ стоялъ государь и великій князь Михаилъ Павловичъ.

Паткуль просилъ меня, когда дойдетъ до насъ очередь, vybrать наслѣдника. Я долго не соглашалась, но когда онъ мнѣ сказалъ по секрету, что это—по желанію его высочества, отказать было нельзя. Откуда у меня явилась храбрость, не знаю. Взявъ Паткуля за руку, мы прошли весь залъ.

Сдѣлавъ низкій поклонъ государю, возлѣ котораго стоялъ наслѣдникъ, я спросила его высочество: смѣю ли побеспокоить его. Онъ посѣшилъ снять саблю, которую взялъ у него государь, а шляпу великій князь Михаилъ Павловичъ. Когда я подвела своихъ кавалеровъ къ дамѣ, та, понятно, выбрала того, котораго я назвала первымъ. Такъ какъ эта дама была моей сосѣдкой за мазуркой, то наслѣдникъ, доведя ее до мѣста, остался нѣкоторое время стоять около насъ.

Между тѣмъ, начали показываться маски, подходили, интриговали, или просто стояли изъ любопытства и желанья видѣть ближе красавца наслѣдника. Въ одинъ изъ туровъ мазурки мой кавалеръ такъ быстро повернулъ меня, что кинжалъ выпалъ изъ косы почти къ ногамъ наслѣдника. Я такъ быстро нагнулась, что

подняла его сама, хотя многіе бросились за нимъ, и воткнула себѣ въ голову. Маска, стоявшая за мной, спросила, чье сердце я намѣрена была пронзить, на что я не задумалась отвѣтить: «если бы знала, кто подѣ маской, то сказала бы—ваше». Послышалось «браво», а маска, въ одеждѣ капюцина, сложивъ крестообразно руки на груди, проговорила со вздохомъ: «мое давно ранено вами». Это было сказано такъ комично, что невольно все разсмѣялись.

Наслѣдникъ вспомнивъ, что государь держитъ его саблю, а дядя шляпу, направился къ нимъ быстрыми шагами.

Съ наплывомъ масокъ танцы прекратились; m-me Шевичъ взяла меня подѣ руку, и мы ушли на одной изъ верхнихъ скамеекъ залы, чтобы лучше видѣть, какъ прохаживаются маски. Вскорѣ подошли къ намъ Мятлевъ, Паткуль и графъ Апраксинъ, предлагая пройти по галлерей. Апраксинъ взялъ подѣ руку m-me Шевичъ, Мятлевъ—меня, а Паткуль шелъ возлѣ меня. Приведя насъ въ одну изъ комнатъ, гдѣ сидѣлъ съ маской великій князь Михаилъ Павловичъ, Мятлевъ усадилъ насъ и, взявъ слово отъ m-me Шевичъ, что мыждемся его возвращенія, вышелъ опять въ залъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ вошелъ наслѣдникъ, за нимъ Мятлевъ и цѣлая толпа любопытныхъ.

Мы встали, когда подошелъ къ намъ великій князь, но онъ заставилъ насъ сѣсть, а самъ стоя разговаривалъ съ нами. Вдругъ Мятлевъ попросилъ наслѣдника позволить ему прочесть стихи, которые онъ посвятилъ мнѣ, и на одобрителный отвѣтъ онъ началъ декламировать. Не знаю, что я готова была бы дать, чтобы избавиться отъ такой пытки; я не знала, куда смотрѣть, наконецъ мнѣ стало невтерпежъ, я чувствовала, что расплачусь, и рѣшилась просить его высочество приказать Мятлеву не продолжать. Вѣроятно, по выраженію моего лица и глазъ наслѣдникъ понялъ, что это мнѣ въ тягость, и сказалъ Мятлеву: «ты доскажешь мнѣ ихъ въ другой разъ». Вскорѣ послѣ этого наслѣдникъ простился съ нами, и мы ушли домой.

Когда я сидѣла съ m-me Шевичъ въ каретѣ и жаловалась ей на Мятлева, что онъ поставилъ меня въ такое ужасное положеніе, декламируя стихи въ присутствіи наслѣдника и такой многочисленной публики, добрая старушка не нашла ничего предосудительнаго со стороны Мятлева и находила скорѣе, что это была любезность. Если бы я вращалась всегда въ большомъ свѣтѣ и воспитана была бы иначе, можетъ быть, и я не нашла бы въ этомъ ничего такого ужаснаго.

Балъ у графа Уварова былъ предпоследнимъ. На этомъ балѣ вышло недоразумѣніе съ танцами. Оказалось, что я пятерымъ обѣщала одну и ту же кадрили. Мнѣ кажется, эти господа просто сочинили: обѣщать двумъ могло случиться, но пятерымъ—что-то неправдоподобно. Никто изъ претендентовъ не хотѣлъ уступить

одинъ другому; желая доказать, что преимущества не даю никому, я предложила вытянуть на узелки. Платокъ m-me Шевичъ служилъ пятымъ концемъ. Узелокъ прекратилъ споръ: тотъ, кому онъ достался, танцевалъ со мной эту злосчастную кадрили.

Паткуль, съ которымъ мнѣ ни разу не удалось танцевать ни мазурку, ни котильонъ, ни даже кадрили, былъ въ отчаяніи, что на послѣдній балъ у Воронцова мазурка была обѣщана конно-гвардейцу графу Палену, и ни одного свободнаго танца не было. Мы были приглашены только на вечерній балъ. Передъ ужиномъ графиня Воронцова подошла къ m-me Шевичъ и сказала ей, что надѣется видѣть меня съ ней у себя въ воскресенье: «*je vous prie instamment de ne manquer ni le matin ni le soir*». Шевичъ поблагодарила, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснила, что до насъ касается только приглашеніе на вечеръ, на это графиня выразила свое удивленіе, сказавъ, что, если такъ, то это произошло по невольной ошибкѣ, и, обратясь ко мнѣ, любезно сказала: «*je ne veux pas que ma matinée soit gâtée par votre absence, je vous attends sans faute*». Поблагодаривъ графиню, я сказала, что, если это не слишкомъ утомитъ ma tante, то я, конечно, воспользуюсь ея любезнымъ приглашеніемъ.

Паткуль, узнавъ отъ графини, что мы будемъ утромъ, не прозѣвалъ пригласить меня на мазурку, которую я обѣщала ему съ удовольствіемъ. Онъ нравился мнѣ за то, что никогда комплиментовъ не говорилъ, былъ вѣжливый, внимательный и веселый молодой человекъ. Танцевалъ онъ, какъ никто; говоря о немъ тетускѣ, я увѣряла, что онъ танцуетъ идеально. Что я нравлюсь ему, это не трудно было замѣтить, а «что сердце сердцу вѣсть даетъ», это—старая поговорка.

Для утренняго бала Воронцовыхъ дядя подарилъ мнѣ свѣтло-желтаго крепу на платьѣ, говоря—что этотъ цвѣтъ къ лицу брюнеткамъ. Платье сшили у тетуски, она подобрала цвѣты, и къ назначенному дню, *folle journée*, все было готово. Утромъ получила записку отъ Мятлева съ какимъ-то порученіемъ къ отцу и вмѣстѣ съ просьбою дать ему кадрили утромъ и вечеромъ; обѣ первыя были свободны, поэтому обѣщаны ему.

Первый, кто насъ встрѣтилъ у Воронцовыхъ, былъ Паткуль.

Мало-по-малу приглашенные съѣзжались, залъ наполнялся. Наслѣдникъ пріѣхалъ довольно рано, когда гостей было еще не много; Мятлевъ воспользовался этимъ и, стоя въ дверяхъ возлѣ него, вытащилъ изъ кармана записочку, далъ прочесть наслѣднику; взглянувъ на меня и получивъ ее обратно, поцѣловалъ бумажку и сунулъ снова въ карманъ. Я догадалась, что это, вѣроятно, моя утренняя записка. Фарсы Мятлева переходили ужъ черезъ границу всякаго къ нему снисхожденія; я была просто возмущена. Въ добавокъ всего, подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ: «Его высочество

нашелъ, что вы очень мило пишете». Одно, что мнѣ оставалось отвѣтить, это выразить сожалѣніе, что я имѣла глупость отвѣтить на его записку. Вслѣдъ за этимъ онъ спросилъ, замѣтила ли я, что у наслѣдника выросла бородавка. Хотя я доказывала, что это не что иное, какъ англійскій пластырь, что, вѣроятно, за бритьемъ его высочество порѣзался, онъ настаивалъ на своемъ. Когда его высочество къ намъ подошелъ и началъ разговаривать, Мятлевъ опять подвернулся и началъ доказывать мнѣ, что у наслѣдника не бородавка, какъ я увѣряла его, а пластырь. Обратясь къ m-me Шевичъ, я просила ее, какъ свидѣтельницу спора моего съ Мятлевымъ, сказать, кто изъ насъ утверждалъ, что это бородавка. Мятлевъ разсмѣялся и сказалъ, что онъ шутилъ.

Да! но шутка, конечно, неумѣстная, не говоря о себѣ, но въ отношеніи наслѣдника я никакъ не могла примириться съ такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ его высочествомъ. Царская семья была для насъ чуть ли не земнымъ божествомъ, съ ранняго дѣтства насъ приучили на колѣняхъ молиться за государя, императрицу и наслѣдника, а Мятлевъ вдругъ сочиняетъ о какой-то бородавкѣ, тутъ же при его высочествѣ. Когда я танцевала кадрили съ великимъ княземъ, то лишь отвѣчала на его вопросы, а сама заговаривать съ нимъ не рисковала.

Въ одинъ изъ промежутковъ между танцами, ко мнѣ подошелъ генералъ Чичеринъ и передалъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ желаетъ познакомиться со мной. Видя, что онъ направляется ко мнѣ, я сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу. Его высочество показался мнѣ менѣе суровымъ, чѣмъ на балѣ Лазарева, гдѣ я видѣла его въ первый разъ; мы церемонно поклонились другъ другу. Великій князь улыбнулся, сказалъ, что видѣлъ меня на балѣ Лазаревыхъ, спросилъ, давно ли я приѣхала, веселюсь ли, довольна ли своимъ пребываніемъ, и спросилъ наконецъ, передали ли мнѣ каламбуръ, сдѣланный имъ на мой счетъ. Со страха, что онъ повторитъ его, я отвѣтила: «да, мнѣ передали его, но онъ слишкомъ лестенъ, чтобъ я могла принять его на свой счетъ». На это онъ отвѣтилъ, что отъ своихъ словъ не отказывается и готовъ повторить. Мнѣ такъ часто приходилось конфузиться и краснѣть въ этотъ день, что перечестъ трудно.

По окончаніи мазурки, которую я танцевала съ Паткулемъ, всѣ отправились въ столовую къ завтраку. За столомъ я сидѣла между m-me Шевичъ и Мятлевымъ, который смѣшилъ не только насъ, но и сосѣдей. Завтракъ начался блинами. Передъ жаркимъ Мятлевъ взялъ мой букетъ, присланный мнѣ племянникомъ m-me Шевичъ, Золотницкимъ, положилъ его себѣ на тарелку и, искрошивъ мои бѣдные цвѣты на мелкіе куски, началъ заправлять салатъ. M-me Шевичъ, видя это, сказала: «*voyous s'il va manger cette salade?*» на что я отвѣтила: «*s'il la mange, il va s'empoisonner ou*

s'etrangler». Окончивъ свою работу, онъ вдругъ, подозвавъ арапа, велѣлъ отнести салатъ адъютанту наслѣдника Паткулю и сказать, что салатъ приготовленъ изъ букета маркизы. Этимъ поступкомъ я была такъ оскорблена, такъ непріятно поражена, что слезы начали подступать къ горлу, и я упросила m-me Шевичъ встать и уѣхать, предупреждая, что иначе я расплачусь. Всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ шутка Мятлева не только не поразила, но всѣ смѣялись и смотрѣли то на меня, то на Паткуля, сидѣвшаго за другимъ столомъ. Добрая Марія Христофоровна, благодаря мнѣ, не кончила завтракать; мы встали изъ-за стола, но какъ ни старались удалиться, не бывъ замѣченными, хозяйка дома догнала насъ въ дверяхъ съ вопросомъ, что случилось. Моя внезапная головная боль была вымышленнымъ предлогомъ; но на просьбу графини непремѣнно вернуться вечеромъ обѣщаніе было дано. Мятлеву, который тоже побѣждалъ за нами, m-me Шевичъ сдѣлала выговоръ; на всѣ его извиненія и увѣренія, что онъ никакъ не думалъ сдѣлать мнѣ этимъ непріятное, я не отвѣчала ему ни слова. Въ каретѣ я расплакалась, Марія Христофоровна утѣшала меня, увѣряя, что Мятлевъ такъ извѣстенъ своими фарсами и шутками, что на него не обижается никто. «Но вѣдь я чужая! пріѣзжая! вы не подумали о томъ, каково мнѣ будетъ вечеромъ встрѣтиться съ Паткулемъ».

Такъ какъ m-me Шевичъ жила на Владимирской, а Воронцовы на Дворцовой набережной, то она просила графиню Ржевусскую позволить намъ переодѣться на вечеръ у нея; квартира ихъ была не далеко. Генераль-адъютанта графа Ржевусскаго я встрѣчала на балахъ, но никогда не видѣла графини.

Намъ была отвѣдена большаа, удобная комната, гдѣ мы застали своихъ горничныхъ съ разложенными по стульямъ платьями. Отдохнувъ немного, мы переодѣлись и пошли въ столовую, гдѣ графиня ожидала насъ съ чаемъ. Тутъ я была ей представлена. Поблагодаривъ ее за гостепримство и простившись съ ней, мы поѣхали къ Воронцовымъ. Я ѣхала далеко не съ такимъ спокойнымъ сердцемъ, какъ прежде. Исторія съ букетомъ, безъ сомнѣнія, извѣстна всѣмъ, а главное меня смущала встрѣча съ Паткулемъ.

Войдя въ сѣни, мы увидѣли, что императрица медленно поднимается по лѣстницѣ, а за ней шель государь поддерживая ее за талію, чтобъ облегчить ей подъемъ.

Обождая немного, и мы поднялись. На верхней площадкѣ, съ которой дверь въ залъ была открыта, сидѣла императрица и отдыхала. Государь, стоявшій рядомъ, держался за спинку стула. Послѣ нашего поклона ихъ величествамъ, императрица подозвала m-me Шевичъ, а я стала у самой стѣны, опустивъ глаза, чувствовала на себѣ пристальный взглядъ ихъ величествъ. Стоять такъ близко отъ нихъ и бояться взглянуть было для меня очень тяжело; не имѣя счастья знать ихъ лично, я питала къ нимъ какую-

то безграничную, восторженную любовь. Когда ея величество отпустила М. Х., мы вошли въ залъ. У самыхъ дверей поджидалъ насъ Мятлевъ съ огромнымъ букетомъ, и, вставъ предо мною на колѣно, онъ упрашивалъ принять букетъ въ знакъ того, что я прощаю ему утренній поступокъ. «Ради Бога встаньте,—сказала я съ испугомъ:—ихъ величества на площадкѣ, увидятъ эту сцену, и что они подумаютъ обо мнѣ? Если вы сію минуту не встанете, я уѣду съ бала». Онъ всталъ, но попросилъ м-ше Шевичъ уговорить меня взять букетъ, а тотъ, который былъ у меня въ рукахъ, она взяла себѣ. Тутъ подлетѣлъ Золотницкій съ упрекомъ, что я предпочла его букету поднесенный Мятлевымъ. На это я сказала ему, что онъ не имѣетъ права быть въ претензіи, такъ какъ утромъ я была съ его букетомъ (конецъ котораго былъ такимъ трагическимъ).

Какъ я ни старалась стоять за м-ше Шевичъ, она все выдвигала меня впередъ; на мой вопросъ, зачѣмъ она не хочетъ, чтобъ я стояла позади, гдѣ мнѣ было гораздо пріятнѣе прятаться послѣ всѣхъ выходовъ Мятлева, она мнѣ сказала шепотомъ, что императрица, желая разсмотрѣть меня, просила ее поставить меня такъ, чтобъ она могла меня видѣть.

Съ наслѣдникомъ я танцевала одну кадрили, Паткуль былъ постояннымъ*его *vis à vis*.

Во время котильона, въ фигурѣ, гдѣ дамы становятся пирамидой, мнѣ нѣсколько разъ сряду пришлось танцевать съ наслѣдникомъ. Замѣтивъ, что Мятлевъ, бывший коноводомъ, посмотрѣлъ на меня и началъ разсчитывать и размѣщать кавалеровъ, я въ ту минуту, какъ они тронулись съ мѣста, моментально перешла на другое. Когда кончилась фигура, онъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что я перехитрила его, а я посоветовала ему предоставить случаю, кому съ кѣмъ танцевать, а не разсчитывать впередъ.

Послѣ ужина балъ кончился въ два часа гротфатеромъ; я танцевала съ Мятлевымъ замѣнъ первой кадрили, на которую мы опоздали.

Наступилъ великій постъ, въ первый же день пріѣхали къ намъ съ визитомъ Шернваль съ Паткулемъ; послѣдній привезъ мнѣ списокъ кавалеровъ, съ которыми я танцевала наканунѣ, а возлѣ имени наслѣдника было нарисовано солнце. Для него его высочество былъ сіяющимъ свѣтиломъ.

Вечеромъ я была приглашена къ графинѣ Е. К. Пушкиной, которая желая, чтобъ до отъѣзда нашего я провела еще вечеръ у нея, собрала своихъ родныхъ, сестеръ графа, княгинь Шаховскую и Оболенскую съ дочерью, сестру свою А. К. Демидову и графиню Армфельдъ съ ея дочерью Матильдой; изъ мужчинъ самъ хозяинъ дома, Шернваль, баронъ Клиновштремъ и, къ великому моему удивленію, Паткуль, который не былъ до того знакомъ въ домѣ. Во время своего визита у насъ, Шернваль спросилъ меня, буду ли

я вечеромъ у сестры его; узнавъ, что да, Паткуль сдѣлалъ въ то же утро визитъ Пушкинымъ и былъ приглашенъ. Послѣ истории съ салатомъ, я избѣгала говорить съ Паткулемъ; онъ былъ настолько деликатенъ, что ни слова не намекнулъ о немъ.

Передъ разѣздомъ, Матильда, узнавъ, что на другой день по случаю нѣмецкой масленицы былъ назначенъ маскарадъ въ Большомъ театрѣ, упросила мать свезти ее, говоря, что ей очень интересно видѣть маскарадъ, о которомъ не имѣла никакого понятія. Графиня уговорила отца ѣхать тоже; рѣшено было взять ложу пополамъ, а Паткуль взялся намъ доставить ее.

Тетушка Траверсе никогда не ложилась спать, пока я не вернусь домой; узнавъ о маскарадѣ, она тотчасъ согласилась сопроводить меня и обѣщала обо всемъ позаботиться.

Утромъ заѣхалъ Паткуль, а такъ какъ онъ не былъ принятъ, потому что, кромѣ меня, никого не было дома, то велѣлъ передать мнѣ записку, въ которой, указывая № ложи, подписался: «*votre très humble serviteur et adorateur*». Когда тетушка прочла записку, то сказала смѣясь, что мы, кажется, не на шутку втюрились другъ въ друга.

Можно ли было такъ выразиться «втюрились»? На мое замѣчаніе, что выраженіе далеко не изящное, тетушка оправдалась тѣмъ, что это любимое выраженіе дяди.

Во время обѣда раздался звонокъ; доложили: «Паткуль», который, узнавъ, что отца нѣтъ дома, велѣлъ просить меня выйти къ нему на минуту, такъ какъ онъ имѣлъ порученіе наследника Александра Николаевича къ отцу.

Такъ какъ ни дяди ни тетушки не было, tante Nathalie, которая, къ счастью, находилась въ это время со мной и дѣтьми дяди, за столомъ, согласилась пойти со мной и принять Паткуля. Мы вышли въ гостиную, съ салфетками въ рукахъ, я представила tante Nathalie Паткуля; онъ извинился, что явился въ неурочный часъ. Предложивъ ему стулъ, я сѣла на диванъ, отъ котораго тетя отказалась.

Порученіе наследника состояло въ томъ, что его высочество желаетъ видѣть отца и назначаетъ приемъ въ воскресенье черезъ недѣлю.

Въ концѣ второй недѣли мы собирались ѣхать въ обратный путь, но я не замедлила сказать, что отецъ, конечно, охотно отложитъ нашъ отъѣздъ, чтобъ имѣть счастье представиться наследнику.

Увлекаясь разговоромъ, Паткуль, вѣроятно, забылъ, что прервалъ нашъ обѣдъ, и такъ долго засидѣлся, что наконецъ я спросила, обѣдалъ ли онъ. Отвѣтъ былъ отрицательный; на это я ему сказала, что хозяевъ нѣтъ дома, и пригласить я его не могу, впрочемъ, прибавила я, обѣдъ постный, рыбный, а рыбу, по его

словамъ, онъ не любить. Увѣренія, что онъ съ дѣтства привыкъ къ постному столу, любить и рыбу, ни къ чему не привели. Въ заключеніе своего визита онъ спросилъ меня, знаю ли я о слухѣ, который носится по городу, что онъ женихъ.

На вопросъ мой, можно ли поздравить его, онъ отвѣтилъ, что это зависитъ отъ меня, такъ какъ его невѣстой называютъ меня.

Я такъ испугалась его наивнаго отвѣта и, боясь, чтобъ tante Nathalie не услышала, уронила нарочно салфетку на полъ и, поднимая её, сказала въ полголоса, не стыдно ли ему повторять такіе нелѣпные слухи, что, если тетушка слышала, что онъ сказалъ, то мнѣ сдѣлаютъ выговоръ, зачѣмъ я приняла его, но, такъ какъ она немного туга на ухо, то, надѣюсь, она не разслышала. Повидимому, онъ былъ озадаченъ моимъ отвѣтомъ и уѣхалъ въ недоумѣніи, какъ понять мои слова: «нелѣпные слухи».

Tante Nathalie пришлось доѣдать остывшій обѣдъ, а наивная откровенность Паткуля такъ смутила меня, что мнѣ уже, понятно, было не до ѣды.

Къ вечеру были готовы наши черныя домино, бархатныя полумаски, статская ливрея для выѣздного, и тетушкой было даже предусмотрѣнно человѣка окрестить другимъ именемъ и заставить его вызубрить нѣмецкую фамилію, подъ которой онъ долженъ кликнуть карету.

Въ минуту нашего отъѣзда дядя поднесъ мнѣ букетъ.

Войдя въ ложу, мы застали въ ней графиню Армфельдъ съ дочерью, Шернвалля и Паткуля; кавалеры встали, поклонились. Первый тотчасъ вышелъ и отправился въ залъ, а второй, обратившись къ моей спутницѣ, которую по фигурѣ онъ принялъ за tante Nathalie, просилъ позволенія остаться, въ чемъ отказа ему не было.

Разговаривая съ ней, онъ обратился ко мнѣ съ замѣчаніемъ, что тетушка моя отлично слышитъ. На это я стала увѣрять, что въ первый разъ вижу его, поэтому никогда не могла говорить о глухотѣ какой-то тетушки, что мы совсѣмъ случайно попали въ эту ложу, уступивъ просьбѣ двухъ масокъ помѣняться съ нами мѣстами. Голосъ мой совершенно измѣнился, благодаря орѣху, находившемуся подъ языкомъ.

Я сидѣла за Матильдой Армфельдъ, которая забавлялась моей находчивостью интриговать, а бѣдный Паткуль былъ въ полномъ недоумѣніи, я ли это или нѣтъ.

Пробывъ около полутора часа, мы все вышли изъ ложи, чтобъ ѣхать домой. Паткуль проводилъ насъ, крикнувъ человѣка, который явился съ шубами, вызубривъ свое вымышленное имя. Пока тотъ ходилъ за каретой, Паткуль выпросилъ у меня цвѣтокъ изъ букета; долго я не рѣшалась, но, когда тетушка упрекнула

меня въ скупости, то, передавая ему просимое, я сказала, что разочарованіе его будетъ немалое, когда онъ узнаетъ, что получилъ его совсѣмъ отъ другой личности, чѣмъ думаетъ. Лицо его приняло такое недоумѣвающее и грустное выраженіе, что тетушка не вытерпѣла и сказала, чтобъ онъ не вѣрилъ маскамъ, которыя по принятому обычаю рѣдко говорятъ правду, добавивъ въ заключеніе: «вы не ошиблись, это она». Онъ просіялъ мгновенно, поцѣловалъ ей руку и сказалъ: «я былъ увѣренъ, сердце не могло обмануть меня». Проводить насъ до кареты я не позволила.

Дома я сдѣлала тетушкѣ выговоръ за ея неосторожность, особенно послѣ того слуха, который Паткуль такъ необдуманно передалъ мнѣ за нѣсколько часовъ, но тетушка стояла на своемъ, увѣряя, что нельзя отталкивать человѣка, который, повидимому, такъ сильно полюбилъ меня и, конечно, имѣетъ серіозныя намѣренія, если рѣшился повторить мнѣ, какъ будто городской слухъ, что я его невѣста. Но тетушка убѣдить меня не могла, я до самаго конца, какъ онъ сильно ни нравился мнѣ, сумѣла скрыть отъ него то глубокое чувство, которое онъ заронилъ въ мое сердце.

На первой недѣлѣ Паткуль больше къ намъ не заѣзжалъ; я тоже проводила время дома, только навѣщала иногда Марію Христоворовну, чтобы узнать, не очень ли утомили её выѣзды со мной, понимая, какую жертву старушка приносила для меня. Её и двухъ надчерицъ ея очень занимали рассказы о вечерѣ у Пушкиной и о маскарадѣ; вообще все, что касалось меня, интересовало ихъ.

Въ началѣ второй недѣли былъ вечеръ у Хитрово; я была предупреждена, что мы будемъ *en petit comité et en pays de connaissance*.

Я поѣхала съ графиней Пушкиной, и когда мы вошли въ гостиную, меня тотчасъ обступили знакомыя барышни съ вопросомъ, правда ли, что я невѣста Паткуля. На такой нескромный вопросъ я отвѣтила, что меня удивляетъ, кто занимается распространеніемъ такихъ слуховъ, и было бы очень интересно знать ихъ автора. Это было сказано съ видомъ такого неудовольствія, что на цѣлый вечеръ я избавилась отъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Во время чая я услышала за спиною знакомые шаги и звяканье шпоръ. Шернваль, стоявшій по другую сторону стола, пристально смотрѣлъ на меня, точно изучая выраженіе моего лица. Я чувствовала этотъ взглядъ, хотя не видѣла его. Вѣроятно, я покраснѣла, потому что Мятлевъ, стоявшій возлѣ меня, схватилъ со стола тарелку съ печеньемъ и, подавая её, высыпалъ все мнѣ на платье и на полъ. Я отодвинула стулъ и, упрекая его въ неловкости, начала подбирать печенье на тарелку, а онъ, вставъ на колѣно, чтобъ собрать съ полу, шепнулъ:

— Простите, я сдѣлалъ это умышленно; краснѣя, вы чуть не выдали себя, а за вами наблюдаютъ.

На этотъ разъ онъ дѣйствительно оказалъ мнѣ услугу; я успѣла вполне овладѣть собою, когда Шериваль мнѣ сказалъ, что мнѣ давно кланяются, а я не обращаю никакого вниманія. Отдавая поклонъ Паткулью, я извинилась и свалила всю вину на неловкость Мятлева.

Вечеръ прошелъ въ общихъ разговорахъ, въ разспросахъ о Финляндіи, однимъ словомъ было очень оживленно, благодаря Мятлеву, который смѣшилъ всѣхъ запасомъ своихъ фарсовъ. За ужиномъ, когда подали шампанское, Шериваль выпилъ за мое здоровье, пожелавъ мнѣ счастливаго пути и скорого возвращенія.

Только что я взялась за бокаль, чтобъ отвѣтить, или, вѣрнѣе, поблагодарить, онъ обратился къ Паткулью и отчеканилъ громко: «пью за твое здоровье, пожелавъ тебѣ полного успѣха и счастья!»

Не дотронувшись до краевъ своего бокала, я поставила его на мѣсто. Послѣ ужина онъ подошелъ спросить, за что я такъ грозно посмотрѣла на него и не отвѣтила на предложенный тостъ. Я только могла сказать, что была поражена его безтактностью: пить за мое здоровье и тутъ же обратиться къ Паткулью съ разными пожеланіями, когда между нами нѣтъ ничего общаго; это было въ отношеніи меня крайне не деликатно и неумѣстно. Онъ былъ сконфуженъ, извинился, говоря, что никакъ не думалъ, чтобъ я могла принять это къ сердцу.

На слѣдующій день пріѣхалъ Паткуль съ визитомъ. Узнавъ изъ разговора отца, что мы на другой день ѣдемъ въ Кронштадтъ, онъ предложилъ довести насъ на тройкѣ, вѣроятно, предполагая, что если отецъ согласится, то и меня возьмутъ въ сани; но отецъ отказался ѣхать въ открытомъ экипажѣ.

Въ назначенный для нашей поѣздки день, Паткуль пріѣхалъ рано утромъ, надѣясь склонить отца, но предложеніе его было отклонено и на этотъ разъ. Въ скважину слегка отвернутой сторы я видѣла, какъ онъ въ убранныхъ коврами саняхъ на щегольской тройкѣ, звеня бубенчиками, проскакалъ мимо дома, заглядывая въ окна, въ которыхъ сквозь спущенныя сторы никого не было видно.

За нами заѣхала tante Nathalie въ четырехмѣстной наемной каретѣ; на запяткахъ красовался огромный тюкъ сѣна, для прокормленія лошадей на сутки.

День былъ морозный, снѣгъ сильно скрипѣлъ подъ колесами. Съ моей стороны окно было спущено, а въ другое ничего не было видно, такъ сильно оно обледенѣло. Заворачивая на Англійскую набережную, я издали увидѣла всадника, догонявшего насъ на сѣромъ конѣ. Какое-то внутреннее предчувствіе шептало мнѣ: «это онъ», и я не ошиблась.

Подъѣхавъ и поздоровавшись съ нами, онъ проводилъ насъ до самаго взморья. Когда мы проѣхали по льду версту или двѣ, мнѣ послы-

шался конскій топоть: это былъ Паткуль, который вернулся, чтобъ узнать, когда мы прїѣдемъ обратно. Желая, чтобъ Паткуль, который былъ въ одномъ сюртукѣ, уѣхалъ скорѣе, я поторопилась отвѣтить за отца, который какъ-то медлилъ, что мы прїѣдемъ на слѣдующій день къ двумъ часамъ.

Тетушка и дядя Ивановы, не видѣвшіе насъ еще съ прїѣзда въ Петербургъ, обрадовались намъ; tante Nathalie была родная сестра tante Vera.

Пошли разспросы о всемъ, что я видала, о вынесенныхъ мною впечатлѣніяхъ изъ большого блестящаго свѣта, о томъ, какъ веселилась, но вдругъ дядя, съ улыбкой и покачавъ головою, спросилъ, почему я скрываю, что за мной сильно ухаживаетъ одна молодая адъютантъ, кажется, прибавилъ онъ, Паткуль, что слухъ этотъ дошелъ и до нихъ, и спросилъ при этомъ, нравится ли онъ мнѣ. Я вся вспыхнула! Въ отвѣтъ моемъ, что не дѣлаю никакого различія между нимъ и другими, потому что всѣ одинаково любезны со мной, я, признаться, на этотъ разъ была не откровенна.

Вечеромъ мы всѣ отправились въ офицерское собраніе, на которомъ почти исключительно были моряки, большею частью, мнѣ знакомые. Тамъ я чувствовала себя въ своей средѣ; оно и понятно, вѣдь съ дѣтства я вращалась въ обществѣ моряковъ. Провела время на вечерѣ я очень приятно. Надо отдать полную справедливость морскимъ офицерамъ; они умѣли принимать у себя съ такимъ радушіемъ, что въ обществѣ ихъ никто изъ приглашенныхъ не чувствовалъ себя чужимъ, и все сливалось какъ бы въ одну семью.

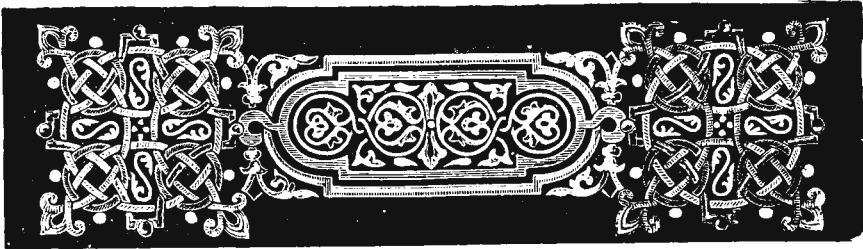
Послѣ долгаго времени мнѣ пришлось встрѣтиться тамъ съ адмираломъ Ф. Ф. Беллингаузеномъ и женой его Анной Дмитриевной, которой я восхищалась съ дѣтства. Домой мы вернулись довольно поздно. Утромъ я проснулась отъ разговора въ сосѣдней комнатѣ между отцомъ и тетусками. Услышавъ имя Паткуля, я стала прислушиваться.

Тетуски совѣтовали отцу положить конецъ его ухаживанью; онъ слишкомъ молодъ, говорятъ, вѣтренъ, и, какъ это часто бываетъ въ большомъ свѣтѣ, молодежь ухаживаетъ для препровожденія времени, а съ моей пылкой, экзальтированной натурой я могу полюбить его серьезно, и если онъ не имѣетъ намѣренія жениться на мнѣ, то обманутая надежда можетъ очень повліять на мое здоровье. Отецъ старался успокоить ихъ, утверждалъ, что, положи руку на сердце, онъ не замѣтилъ, чтобъ я отличала Паткуля отъ другихъ.

Я кашлянула въ доказательство, что проснулась, вскочила, одѣлась живо, вышла веселая въ столовую. Поздоровавшись со всѣми, налила себѣ чай, не показывая вида, что услышала разговоръ.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ИЗЪ МОЕЙ ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЛЕРЕИ ¹⁾.

Ш.

Протестантъ.

О МОСКОВСКОМУ обычаю — быть непременно послѣ спектакля въ трактирѣ — я попалъ изъ театра въ аляповатый, съ претензіей на «стиль» обѣденный залъ одного изъ модныхъ ресторановъ. Воздухъ былъ наполненъ одуряющимъ ароматомъ пиварь, сигаръ, прогорклаго масла, лука, рыбы, лавроваго листа и пива. Москвичъ не любитъ отдѣльнаго кабинета и размѣщается всегда въ общей залѣ, чтобы всѣ видѣли, что онъ ѣсть и пьетъ. Поэтому народа было множество, и у всѣхъ столовъ виднѣлись объемистыя чрева туземцевъ. Я едва нашелъ свободный столикъ по самой серединѣ зала.

Не успѣлъ я дать заказъ вснотѣвшему татарину, какъ надо мной раздался голосъ:

— Боже мой! Кого я вижу! Сколько лѣтъ!

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, — были зубы; удивительные, огромные зубы, — одно изъ самыхъ чудовищныхъ издѣлій какого нибудь провинціального дантиста. Они блестѣли, какъ у хорошо препарированнаго скелета, и улыбались заgrabной улыбкой.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», LXXVII, стр. 140.

По этимъ зубамъ я сразу узналъ извѣстнаго артиста Гринича—человѣка лѣтъ шестидесяти, сухого, длиннаго, съ римскимъ профилемъ, гладко причесаннаго, щеголевато одѣтаго, съ неизмѣннымъ цилиндромъ въ рукахъ.

Я понялъ, что онъ сядетъ непременно противъ меня, и прежде чѣмъ я отдалъ себѣ отчетъ въ этой мысли, онъ уже спросилъ:

— Вы позволите? Все полно. Человѣкъ, прими шляпу.

Человѣкъ принялъ шляпу и отодвинулъ стулъ передъ другимъ человѣкомъ. Гриничъ опустился на сидѣніе какъ-то по-театральному и, грустно смотря на меня, сказалъ:

— Да, давно-давно не видались.

Гриничъ сперва былъ на императорской сценѣ въ Петербургѣ, потомъ ушелъ въ провинцію; потомъ опять появился въ Москвѣ на казенной сценѣ; потомъ антрепренерствовалъ въ какихъ-то странныхъ городахъ, гдѣ дѣлалъ, по собственнымъ словамъ, колоссальныя дѣла. Въ концѣ концовъ онъ бросилъ антрепризу и сдѣлался резонеромъ. Актеръ онъ былъ въ высшей степени деревянный, но мнившій о себѣ очень много, и главное—считавшій себя глубоко-образованнымъ человѣкомъ, обладающимъ вдобавокъ превосходной библіотекой. Превосходная библіотека, на которую онъ ничего не жалѣлъ, исчерпывалась Шекспиромъ въ русскомъ переводѣ со скверными рисунками, Доуденомъ, Кречмеромъ и, конечно, Гервинусомъ. Просмотрѣвъ болѣе или менѣе поверхностно эти книги, Гриничъ заявилъ, что послѣ университета онъ докончилъ свое воспитаніе самообразованіемъ. Но что значило—«послѣ университета», и на что намекалъ онъ,—это всегда оставалось тайною.

Его я не видѣлъ дѣйствительно очень давно. Бутылка мадеры скоро развязала ему языкъ. Онъ началъ мнѣ рассказывать скучнѣйшіе анекдоты объ артистахъ. Это было очень тоскливо и бездарно. Я перевелъ разговоръ на другую тему.

— Павелъ Игнатьевичъ, вы—человѣкъ, много повидавшій. Скажите мнѣ, насколько шагнула впередъ наша сцена въ послѣднія сорокъ лѣтъ?

Онъ усталился на меня своими молочными маленькими глазами.

— Ушла впередъ?—переспросилъ онъ меня.—Вы, быть можетъ, хотѣли сказать—шагнула назадъ? О, назадъ она шагнула гигантскимъ шагомъ.

— Неужели?

— Натурально. Со всѣхъ сторонъ—одно оскудѣніе.

— Не преувеличиваете ли вы?

— Ха-ха! Я преувеличиваю? Оглянитесь вокругъ себя, что вы увидите. Одни суррогаты.

— Даже суррогаты?

— Не будемъ говорить о Мочаловыхъ, Каратыгиныхъ, Щепкиныхъ. Я не засталъ ихъ: я засталъ только ихъ традиціи, еще свѣжія, полныя благоуханія. Не будемъ говорить о нихъ. Но я вамъ укажу на такіе устои, какъ Васильевы, Самойловъ, Самаринъ, Шумскій, Живокини, Садовскій! Вотъ киты, на которыхъ держался градіозный храмъ искусства. А теперь? Я васъ призываю оглянуться. Еще въ женщинахъ вы найдете концепсію творчества,— въ видѣ отдѣльныхъ брильянтовъ онѣ горятъ тамъ и тутъ. Но,—я спрашиваю васъ,—мужской персоналъ? Развѣ онъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ запросомъ эстетическихъ требованій? И не только у насъ, повсюду въ Европѣ. Великій Ольриджъ умеръ...

— Экъ, куда вы махнули!—не удержался я.

— Я его засталъ,—я игралъ съ нимъ, я игралъ этого венеціанца, какъ его... брата Дездемоны, что пріѣзжаетъ посломъ. Помните? Я былъ тогда такъ юнъ, но ростъ у меня былъ такой же, и меня Ольриджъ самъ выбралъ въ посольство. Росси—гигантъ—умеръ. Сальвини—дряхль. Кто же на ихъ мѣсто? Кокленъ? Сюлли? Поссартъ? Да развѣ это не святотатство—сравнивать карликовъ, пигмеевъ, лиллипутовъ съ этими Гаргантюа, колоссами Родосскими, Голиааами, Полиеаами?

Онъ любилъ блеснуть своимъ «самообразованіемъ», и, признаться сказать, слушать его было довольно трудно.

— Оскудѣніе,—повторилъ онъ,—измельчаніе, раздробленіе... Все кажется миниатюрнымъ. Точно изъ настоящаго театра перенеслись въ кукольный. Всѣ, литература, и та осталась назади. Мы въ прошломъ видимъ тѣни Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго. Всѣ шлетется по ихъ стопамъ... Посмотрите на Западъ. Ибсенъ! Ха-ха! Ибсенъ! Что такое Ибсенъ? Что такое Гауптманъ?

Онъ стиснулъ свои великолѣпные зубы, зажмурилъ глаза и со стономъ покачалъ головою.

— Посмотрите въ исторію,—мрачно, отекаивая слова, заговорилъ онъ.—Посмотрите, откуда пошелъ театръ. Его начало—религіозное служеніе, религіозная процессія, гимнъ божеству. Что можетъ быть прекраснѣе? Что можетъ быть священнѣе? Жрецъ и артистъ, артистъ и жрецъ—понятія, сливавшіяся въ народномъ представленіи.

Онъ медленно выпилъ рюмку модеры и посмотрѣлъ на свѣтъ, много ли осталось въ бутылкѣ.

— Искусство сливалось въ народномъ воображеніи,—продолжалъ онъ,—со вѣмъ лучшимъ, что было въ его груди. Античный грекъ ассимилировалъ оба представленія,—они сплотились въ одну амальгаму, и электризовали стеклянный кругъ просценіума, вызывая живыя искры въ поэзіи. Даже школьная драма среднихъ вѣковъ и та заслуживаетъ преклоненія. Вѣкъ Елизаветы... Но что же намъ говорить о вѣкѣ Елизаветы: я изучалъ этотъ періодъ осо-

бенно радикально, и держусь обособленнаго мнѣнія. Если бы не Бэконъ (я не вѣрю въ Шекспира, я вѣрю только въ Бэкона),— весь періодъ представился бы для меня мрачнымъ балаганомъ. Только гений этого великаго мыслителя явился маякомъ во тьмѣ. И съ тѣхъ поръ мы всё падали. Въ Шиллерѣ какъ будто чувствуется кульминація, но одно мгновеніе—и волна упала.

Онъ ударилъ ладонью объ столъ, чтобы показать, какъ упала эта волна.

— Упали всё требованія,—заговорилъ онъ, сдѣлавъ два-три глотка.—Прежде отъ артистовъ требовался голосъ, ростъ...

При словѣ «голосъ» онъ взялъ низкую ноту, при словѣ «ростъ» выпрямилъ спину.

— Прежде требовались извѣстныя ассоціаціи идей, преданности дѣлу. Потомъ стали требовать нутра. Теперь требуютъ, знаете, чего?

Онъ наклонился ко мнѣ черезъ столъ и замогильнымъ голосомъ сказалъ:

— Нерва!

Онъ откинулся, ослабилъ свои челюсти и издали посмотрѣлъ, какое онъ на меня произвелъ впечатлѣніе.

— Нерва! И еще выдумали словечко: настроенія! Каково? Вѣдь это жупельныя слова! Теперь, извольте видѣть, если артистъ выйдетъ на сцену,—и всего его дергаетъ, какъ въ пляскѣ святого Витта,—то ротъ скрутить, то носъ сморщить, то въ одну сторону рванется, то въ другую—такъ это значить, что онъ нервный актеръ. Теперь всё роли психопатически надо играть—всѣ медицинскими случаями,—тогда только и успѣхъ можно имѣть. А настроеніе—это Меттерлинокъ съ Гауптманомъ изобрѣли, а до нихъ тужился на этотъ счетъ Ибсенъ. Всѣхъ я ихъ проштудировалъ,—и знаете, къ какому заключенію пришѣлъ? Мозгляки!

— Строгій вы человѣкъ!—сказалъ я.

— Но справедливый. Вѣдь вы посмотрите, какъ Ибсенъ пишетъ. Надо сказать: «я думаю, нынче въ нашемъ округѣ будетъ голодъ». А онъ пишетъ: «Да, Фритъйовъ, этой зимой въ Бьёрзундѣ и дальше на шхерахъ не будетъ по праздникамъ раздаваться веселыхъ пѣсенъ, и дѣна на алыя ленты упадетъ». А меттерлиновское настроеніе,—оно развѣ малаго стоить? Я недавно спорилъ на этотъ счетъ съ однимъ здѣшнимъ профессоромъ. Хотите, говорю, прочту первое явленіе изъ новой пьесы Меттерлинка? Я перевожу. И прочелъ ему. Онъ говоритъ, что это хорошо.

Гриничъ запустилъ руку въ карманъ, вынулъ въ четверо сложенный листъ бумаги и торопливо (чтобъ я не вздумалъ остановить его) началъ читать.

Сидятъ: Генрихъ, Берта, Ада, Луиза, ея бабушка, инженеръ Зандъ, ну, и такъ далѣе—десять человѣкъ. Сумерки.

Одна свѣча. Дождь. Говорятъ медленно по очереди, въ темнотѣ трудно распознать, кто именно говоритъ, но слышны голоса:

- «— Свѣча горигъ тускло.
- «— За окномъ идетъ дождь.
- «— Дождь стучить по желѣзной крышѣ.
- «— Быть можетъ, на морѣ гибнетъ шкуна.
- «— Если вѣтеръ не уймется, то шкуна погибнетъ.
- «— Черезъ двѣсти лѣтъ, весьма возможно, будутъ летать выше полосы вѣтра.
- «— Возможно, что будутъ сообщаться еще инымъ образомъ.
- «— Кто это кашлянулъ?
- «— Кто-то кашлянулъ.
- «— Быть можетъ, это бабушка?
- «— Бѣдная бабушка очень стара.
- «— У бабушки ревматизмъ въ сочлененіяхъ.
- «— Бабушкѣ докторъ прописалъ втираніе за ухо и шпанскую мушку между лопатокъ.
- «— А брата Андрея всё нѣтъ.
- «— Онъ пошелъ спасать утопленницу.
- «— Спасетъ ли братъ Андрей утопленницу?
- «— Едва ли. Вѣтеръ не унимается, дождь стучить за окномъ по желѣзной крышѣ, свѣча горигъ тускло, бабушка кашляетъ, и на морѣ гибнетъ шкуна».

Гриничъ уставился на меня.

— И такъ, профессоръ нашель,—продолжалъ онъ, складывая бумагу,—что это хорошо, потому что тутъ есть настроеніе. Понимаете, настроеніе! Ну, а знаете, что это такое? Это мною выписана страница переводовъ изъ самоучителя англійскаго языка, при чемъ послѣдняя фраза служить для повторенія всего предыдущаго. Да-съ, цѣликомъ страница сто шестьдесятъ первая, изданія 1882 года. Это писано тогда, когда о настроеніяхъ въ литературѣ и не мечтали.

Онъ отеръ вспотѣвшее лицо платкомъ.

— При такихъ условіяхъ, вы сами поймете, какъ тяжело работать истинному артисту. Вдобавокъ, антрепренеры теперь заѣдены рефлексіей. Они непременно хотятъ, чтобы въ каждомъ выходѣ было настроеніе. Коли Чацкій выходитъ на сцену, такъ непременно лицо красное съ морозу, включенный, въ снѣгъ, и хромаетъ, при чемъ требуютъ, чтобы исполнитель особенно подчеркнулъ: «...версть больше семисотъ пронесся,—вихорь, буря, и растерялся весь и надалъ сколько разъ»,—и при этомъ показалъ на ушибленную ногу.—Ну, а я-съ этого не могу. Я человѣкъ стараго закала. Да-съ. Прежде на мелочи не обращали вниманія, сморгали на главное. Коли пѣвецъ—такъ голоса требовали. А теперь говорятъ: голоса нѣтъ, зато играетъ божественно. Теперь на выговоръ у пѣвцовъ

вниманіе обращаютъ, а прежде пѣвцы однѣ гласныя пѣли. Бывало, выйдеть Зибель и запоеть:

Ра... а... и... е вы ей,
...ѣты ...он!..

— И все понимали и восторгались. Я помню, въ оперѣ дебютировала чухонка, пѣла партію Вани,—и ничего, хлопали, даромъ что она говорила:

Но рукомъ се молсить,
Монастирь рѣпко пить...

— Тогда цѣнили контрольно, а не то, какъ произносятъ: «крѣпко» или «рѣпко».

Онъ съ горя налилъ еще стаканчикъ и выпилъ.

—Детали!—заговорилъ онъ снова.—Позвольте, что такое детали? Да я вамъ такую деталь загну, что диву дадитесь, а будетъ ли въ этомъ благородство,—вотъ вопросъ? Я не вижу признака благородства и порядочности во всѣхъ этихъ деталяхъ. Ты икни на сценѣ, но такъ, чтобъ это благородно было. Вонъ Самойловъ, блаженной памяти, рычалъ-съ во Фролѣ Скобѣевѣ,—рычалъ-съ, ибо хотѣлъ отмѣтить въ монастырскомъ сторожѣ результаты постной пищи-съ. Но выходило при этомъ творчество. А нынче вмѣсто благородства—какія-то жалкія посягательства на порядочный тонъ. Совершенно разучились говорить, какъ говорятъ короли,—нисколько стали не похожи на королей. Бывало, въ старое время, сядетъ король на тронъ, такъ онъ трещитъ подъ нимъ, топнетъ, такъ оруженосцы въ сторону шарахнутся. А нынче сидятъ на кончикѣ стула, пошевелиться боятся, потому что передъ поднятіемъ занавѣса антрепренеръ сказалъ: «вы, батюшка, поосторожнѣе: тронное-то кресло изъ Берлина выписано, семьдесятъ пять марокъ заплачено,—не разрушьте его Христа-ради».

Гриничъ подозвалъ лакея, сморщился и велѣлъ подать сигаръ высшаго сорта.

— Опять же этотъ реализмъ,—значительно сжавши губы, заговорилъ онъ.—Ручки мѣдныя стали къ дверямъ придѣлывать. Говорятъ, что безъ мѣдной ручки иллюзіи нѣтъ; а она мнѣ мѣшать играть... играть мѣшаетъ,—хотѣлъ я сказать.

— Да чѣмъ же она вамъ помѣха?

— Чѣмъ-съ? А тѣмъ, что она блеститъ. Тѣмъ, что зритель на нее больше будетъ смотрѣть, чѣмъ на меня,—она зрителя развлечетъ. Констатирую фактъ.

— Плохо же вы будете играть,—засмѣялся я,—если дверная ручка будетъ интереснѣе васъ на сценѣ.

Онъ какъ будто изумился и внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Я къ ней не привыкъ, этого довольно,—проговорилъ онъ.— И зритель не привыкъ. Къ чему же она?

— Ну, а вотъ новое поколѣніе артистовъ,—сказалъ я,—и зритель къ ручкамъ этимъ привыкнетъ, и все пойдетъ хорошо.

Онъ грустно посмотрѣлъ на меня.

— И вы за эти мелочи?

— Да кому же онѣ мѣшаютъ? Вы играйте хорошо и не обращайтесь вниманія на пустяки.

— Гм... Вотъ теперь вздумали въ одну половину дверей входить. Другую запираютъ. Это ужъ прямо подлость. Гвоздями заколачиваютъ. Хватишь рукой,—ни съ мѣста. А прежде, бывало, сразмаху какъ обѣ половинки двинешь,—трескъ по всему театру пойдетъ,—вызовутъ разъ десять. Теперь вотъ и выходить на вызовы во время дѣйствія запрещено. А вѣдь это какъ влияетъ на самочувствіе исполнителя. Аплодисментъ,—вѣдь онъ подымаетъ артиста. Въ прежнее время, бывало, прочтешь «А судьи кто?»—аплодисментъ; поклонись разъ, другой, третій,—а публика: «bis, bis!»—ну, и повторишь монологъ сначала. Вы думаете, давно это было? Въ Петербургѣ, на казенной сценѣ всего тридцать лѣтъ назадъ! А въ провинціи, батюшка, предсмертный монологъ повторяли. Да-съ! Мертвецъ воскреснетъ, снова всё прочтеть отъ доски до доски, а потомъ ужъ и умереть—вторично. И вы думаете, отъ этого хуже настроеніе было? Да въ такомъ настроеніи публика уходила, что потомъ дней пять только и было разговора, что о спектаклѣ. Что нынче завели писать декорации чуть ли не по фотографіямъ съ природы—все это вздоръ. Бывало у насъ «Чайный цвѣтокъ» и «Смерть Грознаго» въ однихъ декорацияхъ шли—и все хорошо было. Прежде сошьетъ, бывало, коричневую парочку *jeune premier*, да такъ весь сезонъ въ ней любовниковъ и играетъ. А нынче придираются къ нему: «по афишѣ полтора года прошло, а вы все въ томъ же галстукѣ». Вотъ и все, на что вниманіе обращаютъ! А дальше этого нейдутъ. Вотъ актеръ Пеликанъ-Замойскій играетъ Ришелье, и по немъ котятка ползаютъ. Только за это его и вызываютъ! Полевого переводъ Гамлета стали хаять! Это Полевого-то! Въ подлинникѣ, видите ли, нѣтъ совсѣмъ фразъ: «За человѣка страшно мнѣ!» или тамъ: «Въ бѣлыхъ перьяхъ статный воинъ!»—да чортъ ли, что нѣтъ! За то вѣдь всѣ привыкли... Не выпить ли коньячку или ликеру?

— Нѣтъ, я думаю, спать пора,—возразилъ я.

На подѣздѣ мы стали прощаться.

— Падаютъ, падаетъ театральное искусство, скользить подъ гору,—говорилъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку.—Вотъ, говорятъ, теперь въ Англии требуется, чтобы каждый актеръ и плясалъ, и пѣлъ, и игралъ. Къ этому все идетъ. Прежде былъ храмъ—тамъ молились, а кончимъ шутовствомъ. Вы куда—направо? И я съ вами.

Онъ раскрылъ зонтикъ, и мы зашлепали калошами по мокрому снѣгу.

— Потомъ-съ еще одно препечальное явленіе,—продолжалъ онъ: — смѣху нѣтъ. Пропалъ смѣхъ. Испугались смѣха. Боятся,—а не глупо ли смѣяться? Не показалось бы это другимъ смѣшно? И такая канитель пошла въ репертуарѣ, что съ тоски всѣ дохнутъ. Идеиный, видите, репертуаръ! Въ каждой пьесѣ кого нибудь среда заѣла, и непременно нужно застрѣлиться кому нибудь. Прежде помню: Василій Самойловъ драму играетъ, а сейчасъ послѣ него Павелъ Васильевъ—водевиль. А на другой день—наоборотъ. Сегодня «Грозный» и «Ожиданіе кометы», а завтра—«Бѣдность не порокъ» и «Тестъ любить честь». И не гнушались, и публика до конца спектакля сидѣла и смѣялась, и хохотала... А Живокини-съ, что Живокини дѣлалъ!.. А теперь рецензентъ, если бы его увидѣлъ, чего бы наплелъ! Сказалъ бы, что, дескать, дѣйствуетъ на низменные инстинкты толпы. Вѣдь нынче рецензенты всѣхъ увѣряютъ, что непременно въ театрахъ скучать надо, потому что, молъ, театръ школа. А какая же, дескать, школа, если въ ней весело. Я недавно прижалъ къ стѣнѣ одного рецензента, спрашиваю: «Скажите мнѣ,—ваша экспансивность вѣдь дѣлана, вѣдь вы не пропустили черезъ фильтръ души то, что пишете? А онъ, знаете, съ легкимъ сердцемъ и не безъ наглости отвѣчаетъ: «Я долженъ вамъ сказать, что я не только о васъ, актерахъ, но и о своихъ рецензіяхъ весьма невысокаго мнѣнія». Какъ вамъ это нравится?

У подбѣзда гостиницы, гдѣ я остановился, мы простились окончательно. Онъ еще разъ грустно пожалъ мнѣ руку, и мы расстались.

IV.

Еловыя шишки.

I.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, когда только что стали проводить въ Финляндіи желѣзныя дороги, подъ Выборгомъ, верстахъ въ двѣнадцати отъ города, ближе къ морю, жила Анна Ивановна Фрей, толстая старушка, вдова финляндскаго аптекаря, по рожденію русская, даже природная москвичка. Была она ключницей въ одномъ генеральскомъ семействѣ, пріѣхала на лѣто въ Гельсингфорсъ, а къ осени вышла замужъ за помощника провизора, не то шведа, не то финляндца Фрея. Лѣтъ двадцать она прожила вполнѣ мирно и счастливо съ своимъ супругомъ, хотя ни онъ за это время не научился говорить по-русски, ни она по-фински, и наконецъ, схоро-

нила его, получивъ отъ него въ наслѣдство крохотный домикъ на озерѣ, двухъ коровъ, шесть барановъ, хромую рыжую собаку, черного кота, пѣтуха и одиннадцать куръ. Наслѣдье неважное, и, быть можетъ, старушка жила бы впроголодь, если бы не шла о ней слава не только по всему округу, но и въ самомъ Петербургѣ, что она удивительная лѣкарка и лѣчитъ болѣзни только неисцѣлимья, когда доктора не помогаютъ. Практику она имѣла очень солидную, быть можетъ, и до сихъ поръ кое-кто у насъ ее помнитъ, тѣмъ болѣе, что результаты ея лѣченія въ большинствѣ случаевъ оказывались очень удачными.

Познакомился я съ ней вотъ по какому случаю.

Былъ у насъ одинъ дальній родственникъ, отставной ротмистръ гвардіи, Петръ Ивановичъ Бабиковъ, который послѣ севастопольской кампаніи до того растолстѣлъ, что изъ чувства состраданія къ животнымъ не рѣшался больше садиться на лошадь. Въ послѣднее время, въ бытность его въ полку, церемонія, съ какой онъ садился въ сѣдло, возбуждала всеобщую веселость. Для этого приносили специальную лѣстницу, доходившую какъ разъ до стремени. Петръ Ивановичъ перекидывалъ ногу черезъ сѣдло, стоя на лѣстницѣ, а потомъ ему уже вдѣвали въ стремя концы сапогъ. Его конь, гнѣдой, огромный, носившій непоэтическое имя «Брандахлыста», недружелюбно поглядывалъ на грузнаго хозяина и косился на него однимъ глазомъ, когда тотъ карабкался вверхъ по лѣстницѣ. Бывало, какъ онъ сядетъ на сѣдло, въ «Брандахлыстѣ» что-то крикнетъ, словно подалось нѣсколько позвонковъ. Одинъ изъ его начальниковъ говаривалъ:

— Чортъ тебя знаетъ, Бабиковъ, хотя бы на верблюдѣ ты выѣзжалъ передъ фронтомъ, все было бы приличнѣе.

Наконецъ, онъ вышелъ въ отставку, и по настоянію врачей сталъ ѣздить за границу на воды. Приѣзжалъ онъ оттуда осунувшійся, вялый, испостившійся, ругалъ нѣмецкихъ докторовъ, говорилъ, что они уморятъ его діэтой, и съ новымъ азартомъ накидывался на паштеты, страсбургскіе пироги, на хересъ и шампанское. Ълъ онъ феноменально, съѣдая половину каплуна заразъ, обсыывая и перегрызая всѣ кости. Двигаться онъ не любилъ, и послѣ обѣда сидѣлъ часа два неподвижно, самъ себя называя «констрикторомъ, проглотившимъ быка».

Въ теченіе трехъ лѣтъ со дня отставки онъ до того отучилъ, что у него образовалось три подбородка и два затылка, а щеки приняла такой видъ, точно подъ каждой изъ нихъ лежало по картофелинѣ. А ему не было и тридцати пяти лѣтъ. Онъ засыпалъ, сидя въ креслахъ, не только у себя дома, но и въ гостяхъ, и передъ обѣдомъ, и послѣ обѣда, — только не спалъ во время обѣда, пожирая все, что ни подавали на столъ.

Моя мать много разъ совѣтовала ему лѣчиться, какъ надо.

— Не могу-съ,—говорилъ онъ.—Воздержаніе отъ пищи для меня невозможно. Жить одинъ разъ. Лучше я пятью годками раньше покончу расчеты, но поѣмъ и попью. Вотъ, еслибъ такой докторъ нашелся, чтобъ безъ діеты лѣчилъ,—другое дѣло.

Встрѣтился онъ у насъ однажды съ нѣкимъ старичкомъ Скрипицынымъ, лѣчившимся всегда гомеопатіей. Посовѣтовалъ онъ ему принимать какое-то «дѣленіе». Но Петръ Ивановичъ наотрѣзъ отказался, говоря, что это не по его комплекціи. Господинъ Скрипицынъ подумалъ и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ обратиться къ Аннѣ Ивановнѣ, въ городъ Выборгъ. Эта женщина излѣчиваетъ все неизлѣчимое. При этомъ лѣкарствъ никакихъ никогда не даетъ ни внутрь, ни снаружи.

Петръ Ивановичъ вдругъ заинтересовался Анной Ивановной. Онъ проявилъ необычайное оживленіе, два раза заѣзжалъ къ Скрипицыну и кончилъ тѣмъ, что рѣшилъ самъ ѣхать въ Выборгъ, а, чтобъ скучно ему не было, прихватилъ меня.

Дѣло было на Святой. Святая была поздняя, и снѣга давно уже не было и за городомъ. Поѣзда у финновъ тогда ходили медлительнѣе, чѣмъ теперь, и мы часовъ пять ѣхали до Выборга. Дорога отъ Выборга было еще болѣе затруднительна, такъ какъ хотя нашъ возница и зналъ дорогу, но вѣзъ насъ по такимъ дебрямъ, что тольکو колеса подъ нами похрустывали. Какъ ни выбиралъ Петръ Ивановичъ экипажъ пошире, но все же мнѣ пришлось висѣть гдѣ-то на крылѣ и крѣпко держаться за тучную массу Петра Ивановича, чтобы не шлепнуться въ лужу. Когда насъ потряхивало особенно сильно на камняхъ и выбоинахъ, Петръ Ивановичъ говорилъ:

— Если она заставитъ меня разъ въ недѣлю къ себѣ ѣздить, такъ точно, что похудѣешь.

Отъ сосенъ лился смолистый весенній ароматъ. Солнце грѣло. Голубыя озѣра, только что освободившіяся ото льда, ярко сверкали подъ его лучами. Я съ завистью смотрѣлъ на бѣлоголовыхъ босыхъ ребятъ, перебѣгавшихъ, какъ зайцы, черезъ дорогу; я завидовалъ, что имъ не придется на Фоминой итти въ гимназію...

Анну Ивановну мы застали за самоваромъ. Въ переднемъ углу у нея висѣлъ настоящаго владимирскаго письма Никола, съ заткнутой вербой и фарфоровымъ яйцомъ подъ лампадкой. Постель помѣщалась тутъ же и представляла собою двойную перину, съ цѣлой башней уходившихъ подъ потолокъ подушекъ: очевидно, это были реликвіи прежней брачной постели.

Приняла она насъ радушно, но осторожно. На ея широкомъ, бѣломъ лицѣ, отразилась легкая тревога, которая векорѣ прошла. Она пѣвучимъ голоскомъ предложила намъ чая, и когда Петръ Ивановичъ сказалъ:

— А вѣдь мы, матушка, къ вамъ по дѣлу,—она торопливо перебила его:

— Знаю, батюшка, знаю. Поможемъ, коли Богъ захочетъ.

Ей прислуживала старая чухонка, очень расторопная, мастерица печь хлѣбы и бить масло. По крайней мѣрѣ, мы оказали достойную честь этимъ продуктамъ. Въ комнатѣ было душно, но старушка сидѣла въ тепломъ платкѣ. За окномъ синѣлъ далекій лѣсъ, на озерѣ шептались молоденькія елки.

Послѣ чая взяла она его руку, загнула рукавъ и потыкала въ тѣло пальцемъ. Также тихо и пѣвуче стала она разспрашивать обо всемъ: что онъ ѣсть, что пьеть, много ли спитъ, много ли ходитъ. И о сердцѣ спросила, и о печенкѣ, и о головныхъ боляхъ. Потомъ мотнула головой и сказала:

— Что же, коли будете мое лѣченіе исполнять, такъ къ осени совѣмъ себя не узнаете. А только у меня уговоръ. Никому не говорить, чѣмъ я лѣчу. Ежели дадите вы мнѣ такое обѣщаніе, тогда извольте. Н а лѣкарствъ, ни діетъ никакихъ. Кушайте что угодно, и насчетъ питья тоже.

Петръ Ивановичъ такъ обрадовался, что тутъ же поклялся на образъ.

— Зачѣмъ клясться?—клясться грѣхъ,—сказала она.—Мнѣ слова вашего достаточно. Вотъ, можетъ, молодой баринокъ выйдетъ,—при нихъ я говорить не стану.

Я вышелъ изъ домика и сталъ бродить по озеру, разсматривая огромные камни, которые казались допотопными бегемотами, высушившими изъ воды на припекъ весенняго солнца свои окаменѣлыя спины. Дышалось такъ легко, пахло такой здоровой сыростью, что я не завидоваль тѣмъ, кто остался въ душевной избѣ.

Къ вечеру мы еле добрались до Выборга. Петръ Ивановичъ какъ будто былъ разочарованъ. Когда я его разспрашиваль о томъ, что сказала старуха, онъ отвѣчалъ:

— Я не могу тебѣ сказать, въ чемъ система лѣченія, потому что она взяла съ меня слово молчать. Не то это лѣченіе, не то колдовство. Скажу тебѣ только то, что будутъ знать всѣ: я долженъ по преимуществу все дѣлать лѣвой рукой, ѣсть что угодно, пить что угодно, но условіе питья—пить самыми маленькими глотками. На будущей недѣлѣ я переѣзжаю на дачу и принимаюсь за лѣченіе.

Черезъ недѣлю онъ перебрался въ Парголово. Старуха внимательно разспросила у него, гдѣ онъ будетъ проводить лѣто, сказавъ, что отъ мѣстности будетъ зависѣть лѣченіе. Парголово она одобрила и сказала:

— Лучше бы подъ Москвою. Но и въ Парголовѣ хорошо. Только дождей не бойтесь, если пойдутъ.

Взяла она за совѣтъ двадцать пять рублей и прибавила:

— Коли къ концу лѣта хорошо себя почувствуете, пришлите, что пожелаете.

Переѣхавъ на дачу, стоящую въ густомъ лѣсу (тогда второе Парголово было куда глуше, чѣмъ теперь), онъ позвалъ своего денщика и сказалъ:

— Купи мнѣ корзинку, въ родѣ тѣхъ, съ какими бабы ходять за грибами, да поприличѣе. Разбуди меня завтра въ семь часовъ, да не подумай, что я съ ума спятилъ.

— Натощакъ пойдете?—спросилъ денщикъ.

— Вотъ дуракъ-то! Довольно я натощакъ за границей походилъ. Нѣтъ, братъ, ты мнѣ кофе приготовь, да маслица, да яичекъ, да вчерашней холодной телятинки, да тамъ елисеѣвскій язычекъ есть, да икорка. Я червячка заморю, да и отправлюсь.

Заморилъ онъ червячка, взялъ корзинку и пошелъ въ лѣсъ, переваливаясь съ ноги на ногу и такъ ихъ разставляя, точно шелъ по палубѣ во время бури.

Воротился онъ часа черезъ два и принесъ лукошко, наполовину наполненное... еловыми шишками.

— Говорять, ихъ какъ-то пекутъ,—замѣтилъ денщикъ.

— Ну, и пеки,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ,—а мнѣ не надо. А ты лучше поставь большой ларь, я туда складывать ихъ буду.

Съ этого дня Петръ Ивановичъ аккуратно, несмотря ни на какую погоду, отправлялся въ лѣсъ. Что онъ тамъ дѣлалъ—неизвѣстно; но, два часа спустя, онъ возвращался, высыпалъ на столъ шишки, пересчитывалъ ихъ, сваливалъ въ ларь и весело потиралъ себѣ животъ.

— Вы, что же, подрядъ на очистку лѣса взяли?—спросилъ денщикъ, вообще обращавшійся съ ротмистромъ очень сурово.—Позвольте хоть самовары этими самыми шишками наставлять. Онѣ за первый сортъ грѣютъ.

Вскорѣ не только на дачѣ ротмистра, но и у всѣхъ сосѣдей сталъ клубиться изъ самоварныхъ трубъ ароматическій синій дымъ. Денщикъ усердно раздавалъ горничнымъ шишки.

— Ежели этотъ ларь въ городъ взять,—говорилъ онъ,—всю зиму можно елками по лѣстницѣ чадить.

Между тѣмъ Петръ Ивановичъ чувствовалъ себя очень хорошо. Онъ вѣшался, мѣрился и находилъ, что сбавка жира идетъ систематично на убыль. Лѣвой рукой онъ привыкъ дѣйствовать настолько успѣшно, что даже наливалъ ею водку. Когда у него спрашивали, зачѣмъ онъ записывается въ лѣвши, онъ отвѣчалъ:

— Для симметріи.

Какъ бы то ни было, но къ осени Петръ Ивановичъ былъ неузнаваемъ. Онъ такъ подтянулъ свою талію и при этомъ такъ поздоровѣлъ, словно съ него свалилось лѣтъ десять. Когда у него спрашивали, чѣмъ онъ этого достигъ, онъ загадочно улыбался:

— Слово даль молчать. Не могу. Все дѣло въ еловыхъ шишкахъ.

Надъ нимъ смѣялись, а онъ смѣялся надъ окружающими. Осенью онъ поѣхалъ къ Аннѣ Ивановнѣ поблагодарить ее лично и отвезъ ей сто рублей.

— Откуда у васъ ваши знанія, матушка?—спрашивалъ онъ.

— Отъ покойника моего, родной,—отвѣчала она.—Мой покойникъ былъ ученый фармацевтъ. А у нихъ, у шведовъ, есть много лѣкарствъ, что наши доктора и не знаютъ. Я и ревматизмъ пользую, и веснушки снимаю, и желудокъ выправляю, и солитера выманиваю. Ко мнѣ отъ одной великой княжны пріѣзжали насчетъ веснушекъ. Двѣсти рублей дали,—я въ два дня сняла. Много у насъ своего. А только я не люблю, когда говорятъ, что я лѣкарка. Какая же я лѣкарка, ежели я безъ лѣкарствъ? Я ужъ скорѣй скажу, чтобъ кто отъ чего воздержался, а внутрь — ничего наливать не надо, и всякое лѣкарство, кромѣ зла, ничего не принесетъ. Я и отъ чахотки пользую. У меня по сосѣдству въ домикѣ двѣ дѣвочки жили съ гувернантками, — одна изъ аглицкаго посольства, а другая—полковничья дочь. Годковъ по четырнадцати. Здоровыя стали—теперь такія краснощекія.

— А чѣмъ же вы ихъ лѣчили?

— Да вотъ видите, батюшка, озеро-то какое; снѣгъ-то на немъ бѣлый-бѣлый. Тишина здѣсь зимой а отъ снѣга духъ идетъ, такой, точно вино бродитъ. И отъ сосны свой духъ. Да если еще солнышко выглянетъ, да въ снѣжки немножко поиграть, да на салазкахъ покататься,—куда тебѣ всѣ болѣзни дѣнутся... Конечно, коли ужъ не въ послѣднемъ градусѣ, когда только крестикъ да могилка остается... Вѣдь вотъ и вамъ, батюшка, зимой въ снѣжки бы... Хорошо. Въ прежнее время зимнія забавы бывали. А теперь, какъ пошли газовые фонари да пароходы,—всѣмъ некогда стало. Прежде на рѣкѣ стѣна на стѣну шли, по льду, бывало; потомъ у кого ребро треснуло, у кого печень помята, у кого вмѣсто глаза рѣпа цѣлая. А смотрите — мѣсяцъ прошелъ, и опять всѣ здоровы, и другъ на друга лѣзутъ. И до ста лѣтъ доживали. А теперь вотъ какъ стали всѣ по комнатамъ сидѣть да ноги въ калоши прятать, болѣзни и пошли. Прежде подошва была у людей тверже, потому что они лѣтомъ въ лѣсу босые ходили, а теперь и ребятамъ разуваться не даютъ. А человѣкъ долженъ землю ногой чувствовать, потому она его мать.

Старуха посмотрѣла на меня и мой мундирчикъ.

— Вотъ и баринокъ: учится, учится, а босикомъ не ходитъ, сосной не дышитъ. Смотришь: кха, кха,—закашлялъ. Тутъ болитъ, тамъ болитъ, въ горлѣ ссаднить. Потомъ докторъ пріѣдетъ, анисовыхъ порошковъ дастъ, а съ нихъ и толкъ одинъ что тошнить...

— А вы бы, матушка, къ намъ въ Петербургъ прѣхали: большая практика была бы у васъ,—посоветоваль Бабиковъ.

— Нѣтъ, ужъ это увольте, сударь мой. Чухны ко мнѣ относятся очень деликатно, а вотъ наши-то больно косятся. Тутъ докторъ изъ госпиталя мнѣ говорилъ: «вы, говорить, сударыня моя, безъ диплома народъ лѣчите, а не хотите ли въ тюрьму?»—и докторъ-то русскій. А въ Петербургъ тамъ меня мигомъ: разъ-два, и отправили на Офицерскую, къ Литовскому рынку. Здѣсь мнѣ куда покойнѣе, особливо послѣ того, какъ я губернатора отъ геморроя использовала.

Что у Анны Ивановны практика была большая,—это было несомнѣнно. Изъ Петербурга къ ней многіе писали, прилагая обычные двадцать пять рублей и подробно описывая болѣзнь. Она отвѣчала немедленно, а иногда просила прѣхать лично, сама же по старости въ городъ не ѣздила, или отговаривалась старостью, чтобы не входить въ непріятныя отношенія съ докторами. Но здоровье ея было плохо, потому что прожила она недолго, и умерла какъ разъ во время сербскаго движенія. Помню особенно ясно это потому, что покойный Черняевъ все къ ней собирался въ ея Лахты, а потомъ, увлеченный славянами, исчезъ изъ Петербурга. Послѣ войны старушки уже въ живыхъ не было. Многіе къ ней хотѣли обратиться за совѣтомъ, привезя съ Дуная самый разнообразный выборъ болѣзней, но въ отвѣтъ на посланныя письма кто-то, отлично писавшій по-русски, сообщилъ, что Анна Ивановна скончалась апоплектическимъ ударомъ. Подписи подъ письмами не было, но то, что корреспондентъ писалъ апоплектическій, а не апоплексическій, доказывало, что это былъ челоуѣкъ, близкій медицинѣ, и имѣлъ правильное представленіе о томъ, какъ пишутся спеціальныя термины.

II.

Много лѣтъ прошло. Во время моихъ скитаній по Финляндіи мнѣ разъ пришлось ѣхать съ какимъ-то военнымъ докторомъ, по-видимому, русскимъ. Разговоръ вертѣлся на тему о лѣченіи закаливаньемъ, только что входившимъ тогда въ моду съ легкой руки Кнейпа. Докторъ былъ хорошо освѣдомленъ о томъ, какъ практикуютъ это лѣченіе на Скандинавскомъ полуостровѣ, и говорилъ, что правильно поставленное закаливанье можетъ наполовину уменьшить число заболѣваній и смертности въ интеллигентномъ классѣ, только путемъ правильнаго режима, который особенно строго слѣдуетъ примѣнять къ дѣтямъ.

Мнѣ вдругъ вспомнилась Анна Ивановна.

— А знаете, докторъ,—сказаль я:—я зналъ одну лѣкарку, которая вылѣчивала болѣзни словами шишками. У меня былъ родствен-

никъ, болѣе двадцати лѣтъ поддерживавшій себя при помощи ея лѣченія и только недавно умершій отъ астмы.

— Что такое?—заинтересовался докторъ.—Расскажите, пожалуйста.

Я началъ припоминать все то, что рассказано ваше. Но вдругъ меня докторъ прервалъ:

— Да вы про Анну Ивановну рассказываете, про мою тетку. Ну-те, ну-те, продолжайте, это очень интересно.

Когда я досказалъ о еловыхъ шишкахъ и о чудодѣйственныхъ ихъ свойствахъ, онъ расхохотался.

— И такъ вашъ родственникъ и не открылъ тайны секрета?—спросилъ онъ.

Я сказалъ, что нѣтъ.

— А вы знаете, никакого секрета не было. Дѣло все заключалось въ томъ, что онъ долженъ былъ набрать лѣвой рукой известное число шишекъ въ теченіе двухъ часовъ и принести домой. Если бы вашъ родственникъ былъ человѣкъ «темный», Анна Ивановна заставляла бы его послѣ каждой поднятой шишки говорить: «шишка-шишка, исцѣли меня, раба божьяго такого-то». А если бы это было лицо духовное, такъ она предложила бы ему молитву: «Мати Божія, безъ истѣнія Бога слова родная, помилуй мя!» Я знаю, она такъ одного протопопа использовала.

— Что же это такое?—спросилъ я.

— Превосходное лѣченіе. Вы представьте разницу между нашимъ лѣченьемъ и ея. Мы должны снять сальникъ у разжирѣвшаго человѣка. Въ прежнее время посылали на воды, прописывали всевозможныя ванны, утомительныя прогулки, выпотѣнія, діету. Заставляли пить натоцакъ отвратительную щелочную воду. Теперь мы говоримъ: надо производить массажъ живота и гимнастику этихъ мышцъ. И вотъ больной приходитъ въ гимнастическую залу, и подъ руководствомъ фельдшера начинаются сгибанія и разгибанія, ѣзда верхомъ на деревянной кобылѣ и прочее и прочее. Теперь сообразите: сто сгибаній (что было бы невозможно утомительно въ гимнастической залѣ) весьма легко произвести въ теченіе двухъ часовъ, на чистомъ утреннемъ воздухѣ. Замѣтите, тетка рекомендовала подбирать еловые шишки, слѣдовательно, эти сгибанія совершаются въ хвойномъ лѣсу, когда онъ весь еще полонъ благоуханіями ночи. Принести домой сотню шишекъ въ корзинкѣ—это моціонъ. Подсчетъ ихъ укажетъ, вѣрно ли продѣлано число назначенныхъ сгибаній...

— Но при чемъ же лѣвая рука и молитва?

— Лѣвая рука при томъ, что у насъ очень часто правая половина тѣла развита въ ущербъ лѣвой. Гимнастика лѣвой руки очень часто благотворно вліяетъ на развитіе легкихъ. Что же касается молитвы, то она играетъ роль паузы послѣ cadaго сгибанія: бы-

строе, непрерывное наклонение для тучнаго человѣка можетъ повліять на сердце. Признаться сказать, я въ первый разъ слышу, что тетка предлагала собирать только еловыя шишки: вѣроятно, въ Парголовѣ она не надѣялась на сборъ цвѣтовъ. А пациенткамъ она попреимуществу назначала цвѣты: навязать ежедневно утромъ букетъ изъ полтораста полевыхъ цвѣтовъ. Итого полтораста стигбаній утромъ въ полѣ. Иногда она предлагала поднимать камешки, это тѣмъ, кто жилъ на берегу моря, и перебрасывать ихъ черезъ плечо назадъ, тоже приговаривая что-то въ родѣ: «пусть съ меня камнемъ лихая болѣзнь свалится». Это тоже очень почтенное и здоровое занятіе, особливо если камни фунта по три.

— Что же, она отъ мужа унаслѣдовала свои знанія?

— Да, отчасти отъ мужа, отчасти отъ какой-то старухи финки. Система закаливанья, о которой мы только что съ вами говорили, практиковалась ею въ ревматическихъ случаяхъ съ большимъ успѣхомъ. Въ той глуши, гдѣ она жила, былъ устроенъ ею маленькій пансіонъ,—километрахъ въ двухъ отъ ея домика, и тамъ по ея указаніямъ закаливались больные. Она всегда только всѣхъ просила: «миленькіе, не рассказывайте обо мнѣ въ Петербургѣ: ничего путнаго изъ этого не выйдетъ». Ея предчувствіе оправдалось. Ее рѣшили привлечь къ суду. Она бросила все, продала домикъ и переселилась въ другое мѣсто, перемѣнивъ фамилію. Въ Финляндіи это вѣдь легко дѣлается: просто заявляютъ мѣстному начальству: вотъ, молъ, фамилія моя была такая-то, а теперь такая-то. Паспортовъ въ то время не спрашивали. На письма изъ Петербурга я отвѣчалъ, что она умерла; такъ постепенно и замеръ о ней слухъ. А она скончалась всего лѣтъ пять назадъ, восьмидесятилѣтней бодрой старушкой. Такъ, знаете, хорошо, по-старинному: утромъ сама кофе сварила, а въ два часа ужъ холодная была. Я долженъ вамъ сказать, что лично всѣмъ обязанъ Аннѣ Ивановнѣ. Она была изъ духовныхъ, и я тоже. Остался я сиротой, воспитывался въ семинаріи, долженъ былъ священствовать. Ну, а она отговорила: я къ ней на лѣто подѣ Выборгъ всегда прїѣзжалъ. Настояла, чтобъ я въ медицинскую академію пошелъ. Тридцать рублей въ мѣсяцъ мнѣ на прожитіе давала, кромѣ того, что платье и бѣлье въ началѣ каждаго года дѣлала. «У насъ, говоритъ, лѣкарей хорошихъ нѣтъ: поучись, и я тебя кой-чему научу. Коли ты къ своей учености моего ума прибавишь, толкъ-то и выйдетъ».

— И много она вамъ знаній сообщила?

— Много. Все это у нея было въ туманѣ: конечно, она даже объ анатоміи не имѣла ни малѣйшаго понятія, но она была на прямой дорогѣ. Лѣчение солнечными лучами, и мѣстное, и всего тѣла, у нея было поставлено очень рационально. Только покойный Сергѣй Петровичъ Боткинъ, съ которымъ мнѣ довелось бесѣдовать по этому поводу, сказалъ, что лѣчение свѣтомъ, воздухомъ, тепломъ и холодомъ имѣетъ огромную будущность.

— И до сихъ поръ вы практикуете средства вашей тетки?

— До сихъ поръ. Въ послѣднее время я предлагалъ ей открыть сообща пансіонъ, конечно, подъ моимъ именемъ, и чтобъ она за всемъ смотрѣла. Но она уже стара была. «Вотъ, кабы двадцать лѣтъ назадъ, другое дѣло, а теперь ноженьки не носятъ, годы подкашиваютъ».

— Почему же къ ней тогда такъ сурово отнеслись?

— Какой-то статскій совѣтникъ напечаталъ въ газетахъ статью о томъ, что знахарка-чухонка выманила у него обманнымъ путемъ двадцать пять рублей за лѣченіе ребенка, который умеръ, прежде чѣмъ былъ довезенъ до ея трущобы. Долго не могли разобраться, какому начальству она подвѣдомственна—петербургскому или Выборгскому. Наконецъ, ей прислали полуофициальную бумагу изъ Петербурга. Старуха такъ перепугалась, что замахала руками. «Да ну ихъ совсѣмъ, ничего мнѣ не надо! Проживу и такъ». Переѣхала въ Лавизу,—можетъ, знаете такое мѣстечко? Тамъ и жила. Послѣ смерти у нея оказалась въ банкѣ сорокъ семь тысячъ марокъ... Финны пользовались у нея постоянно, только перебралась она подальше, туда, гдѣ ея не беспокоили...

П. Гнѣдичъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ¹⁾.

(1854—1892 г.).

VII.

Н. П. Колюпановъ въ провинціи.—А. Фетъ и легенды, ходившія въ Орлѣ о его отношеніи къ крестьянамъ.—Н. Ф. Христіановичъ, какъ музыкальный эстетикъ, композиторъ, замѣчательный пианистъ и не менѣе замѣчательный предсѣдатель суда.

МНѢ ХОТѢЛОСЬ БЫ, прежде чѣмъ я приступлю къ воспоминаніямъ конца 70-хъ и 80-хъ годовъ, сказать нѣсколько словъ о моихъ встрѣчахъ съ извѣстнымъ Ниломъ Петровичемъ Колюпановымъ, редактировавшимъ въ теченіе нѣкотораго времени Коршевскія «С.-Петербургскія Вѣдомости», и А. А. Фетомъ (Шеншинимъ).

Перваго изъ нихъ я нѣсколько разъ видѣлъ въ томъ сѣверномъ захолустѣ, гдѣ жилъ съ 1866 года по 1870 годъ. Въ то время Колюпановъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ сосѣднемъ (Ветлужскомъ) уѣздѣ и нерѣдко пріѣзжалъ въ нашъ уѣздъ по земскимъ дѣламъ, а одинъ разъ взялъ даже на себя защиту подсудимаго въ мѣстномъ сѣздѣ мировыхъ судей. Читателю покажется страннымъ: съ какой стати предводитель одного изъ двухъ сосѣднихъ уѣздовъ ѣдетъ защищать какого-то маленькаго подсудимаго передъ мировыми судьями сосѣдняго уѣзда? Но, чтобы понять это, нужно нѣсколько ознакомиться съ характеромъ Колюпанова. Я достаточно выражу свою мысль, если скажу, что все это онъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 106.

дѣлалъ въ силу природнаго «юмора», рѣшительно не позволявшаго ему смотрѣть покойно на нѣкоторые провинціальныя курьезы. А такихъ было немало. Чтобы наглядно характеризовать тогдашнее передовое сословіе въ этомъ заброшенномъ уголкѣ, расскажу два-три факта. По поводу одного изъ постановленій нѣкаго уѣзднаго земства, Колюпановъ нашелъ возможность затѣять съ нимъ юмористическую полемику въ качествѣ предводителя ближайшаго уѣзда, которому де это постановленіе земства неудобно. Протестъ Колюпанова былъ написанъ остроумно и вызывалъ смѣхъ въ публикѣ, бывшей въ собраніи, гдѣ докладывался этотъ протестъ. Его читалъ вслухъ самъ предводитель сказаннаго уѣзда. Нужно было слышать это чтеніе, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ попадались иностранныя слова, употребляемая въ русскомъ языкѣ. По прочтеніи, предводитель сказалъ рѣчь, въ которой, чтобы уязвить противника, нѣсколько разъ назвалъ его бумагу «фельестономъ», а его самого «фельестонистомъ», полагая, что онъ совершенно правильно произносить слово «фельетонъ» и «фельетонистъ».

Колюпанову, исключительно ради потѣхи, удалось затянуть это дѣло на три земскихъ собранія, такъ какъ на два онъ нарочно присылалъ изъ Ветлуги эстафету съ просьбой отложить рѣшеніе вопроса, вслѣдствіе его болѣзни. Другой предводитель дворянства (въблизи отъ тѣхъ же мѣстъ) такъ пилъ, что старшинамъ, у которыхъ онъ останавливался по пути отъ города до своего имѣнія, приходилось запираить его для вытрезвленія, Это—не анекдотъ, а фактъ.

Такъ вотъ среди такого-то «юмористическаго» района, и развлекался Колюпановъ. Защиту дѣла въ сѣздѣ мировыхъ судей онъ взялъ также для развлечения.

Надо сказать, что вслѣдствіе какой-то застарѣлой болѣзни онъ совершенно не имѣлъ голоса и могъ говорить только шопотомъ. Ужъ одно это обстоятельство дѣлало засѣданіе сѣзда, гдѣ онъ явился защитникомъ, достаточно юмористическимъ. Всѣ судьи, товарищъ прокурора и нѣкоторая часть публики должны были образовывать около него тѣсный кружокъ, чтобы слышать рѣчь остроумнаго шутника.

То же было и въ земскомъ собраніи, когда онъ явился, наконецъ, поддерживать свой протестъ.

Не знаю, проявлялъ ли Колюпановъ свой юморъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ. Онъ былъ тамъ предводителемъ дворянства на особомъ положеніи: собственнаго ценза у него тамъ не было, не было и достаточныхъ средствъ къ жизни, и мѣстное дворянство давало ему и цензъ, и жалованье (строго говоря, одно очень богатое лицо изъ среды этого дворянства, нѣкій г. Д—нтъ). Вообще, въ этомъ уѣздѣ было нѣсколько больше интеллигентныхъ людей, чѣмъ въ Варнавинскомъ, хотя и тамъ, какъ видите, пришлось «выписать» предводителя дворянства.

Пріѣзжая въ Варнавинъ, Колюпановъ останавливался у своей хорошей знакомой, очень интеллигентной барыни, В. С—ской (урожденной Жоховой, сестры извѣстнаго Жохова, убитаго на дуэли). Мужъ С—ской, бывшій конногвардеецъ, получилъ довольно видное мѣсто въ Варнавинскомъ уѣздѣ въ видѣ почетной ссылки (онъ немножко черезчуръ покучивалъ въ Петербургѣ). У этой-то С—ской я и встрѣтилъ Нила Петровича.

У него была одна особенность: цѣлый день онъ спалъ, а ночью работалъ и разговаривалъ безъ конца. В. П. С—ская, цѣня его остроуміе, приносила себя, такъ сказать, въ жертву этимъ привычкамъ, а чтобы не очень утомляться самой, приглашала и другихъ собесѣдниковъ для пріѣзжаго гостя.

Колюпановъ вышучивалъ все, даже самого себя. Не забуду, какъ я былъ пораженъ его рассказомъ о двухъ докладныхъ запискахъ, которыя онъ составилъ «по заказу»: одну для нижегородскихъ купцовъ, а другую для какого-то акціонернаго общества въ Москвѣ. Онъ юмористически описывалъ, сколько «тысячъ» ему предлагали, и сколько онъ просилъ, и на чемъ «порѣшили». Слушая все это, можно было подумать, что человѣкъ самъ на себя сочиняетъ небывлицы.

Въ подобномъ же полуфантастическомъ родѣ были его рассказы о своихъ побѣдахъ надъ женщинами въ губернскомъ городѣ К. Нужно сказать, что онъ былъ не только не красивъ, но прямо безобразенъ, особенно своей перьяшливостью: волосы нечесанные, грязные; коричневая «визитка» въ пятнахъ; изъ-за галстука торчалъ воротникъ фланелевой, грязной фуфайки, съ которой онъ не разставался.

Кромѣ того, онъ безпрестанно плевалъ кругомъ себя.

И вотъ представьте такую фигуру рассказывающей, какъ онъ совершалъ побѣды надъ сердцами дамъ губернскаго бомонда!

— Нѣтъ ничего легче, — говорилъ онъ своимъ глухимъ шепотомъ: — женщину нужно только посильнѣе разозлить. А я на это мастеръ!

Съ А. А. Фетомъ я встрѣтился позднѣе, въ 1877 году, въ Орлѣ. Онъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ (отъ А. Шеншина) имѣніи, въ Мценскомъ уѣздѣ и тамъ же былъ мировымъ судьей. Въ Орель онъ пріѣзжалъ по дѣламъ, иногда не своимъ собственнымъ, а фирмы «Петра Боткина сыновей» (знаменитыхъ чайныхъ торговцевъ и ближайшихъ родственниковъ проф. Боткина, если я не ошибаюсь). Одинъ разъ онъ по довѣренности Боткиныхъ передалъ мнѣ ихъ взысканіе въ нѣсколько тысячъ съ одного изъ орловскихъ чайныхъ торговцевъ (я занимался въ Орлѣ адвокатурой).

Но чаще всего онъ пріѣзжалъ въ Орель, чтобы пофилософствовать и послушать игру на фортепіано выдающагося музыканта Ни-

колая Филипповича Христиановича, бывшего въ то время товарищемъ предсѣдателя окружного суда. Христиановичъ былъ не только выдающійся пианистъ, но и авторъ очень изящныхъ статей о Шопенѣ, Шуманѣ и Шубертѣ, печатавшихся сперва въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 50-хъ годовъ, а затѣмъ выдержавшихъ два изданія въ видѣ отдѣльной книжки. Я не знаю на русскомъ языкѣ ничего болѣе увлекательнаго и поэтичнаго по музыкѣ, какъ эти статьи страстнаго музыканта и въ то же время замѣчательнаго юриста.

Въ самомъ дѣлѣ, курьезныя совмѣстительства встрѣчаются у насъ на Руси! Одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ композиторовъ, Бородинъ, былъ химикъ и даже профессоръ химіи; композиторъ и музыкальный критикъ Кюи — профессоръ артиллерійской академіи; поэтъ «шопота робкаго дыханья и трелей соловья», А. Фетъ — провинціальный мировой судья, наконецъ, талантливѣйшій изъ предсѣдателей окружного суда (по уголовнымъ дѣламъ) Христиановичъ — въ то же время не только далъ намъ одну изъ лучшихъ работъ по музыкальной литературѣ и былъ не только выдающимся пианистомъ, но и недюжиннымъ композиторомъ: имъ было написано нѣсколько интересныхъ мазурокъ (въ духѣ Шопена), двѣ сказки (одна очень большая и чрезвычайно талантливая) и одна легенда на текстъ изъ Гейне. Я перечисляю тѣ его произведенія, которыя появились въ печати. Къ сожалѣнію, ихъ мало знаютъ, быть можетъ, вслѣдствіе техническихъ трудностей. Но я, слышавшій ихъ въ исполненіи самого автора, а затѣмъ, въ исполненіи нѣсколькихъ лицъ, которымъ рекомендовалъ эти пьесы, могу увѣрить, что виртуозъ, ознакомившійся съ этими талантливыми произведеніями, приобрѣлъ бы въ нихъ весьма цѣнные номера для своихъ концертовъ. Не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о замѣчательной манерѣ игры Христиановича, манерѣ, рѣдко встрѣчающейся. Какъ уже видно изъ его этюда о Шопенѣ, Шуманѣ и Шубертѣ, это были его любимые композиторы, вліяніе которыхъ отразилось на собственныхъ произведеніяхъ автора. Но, какъ пианистъ, онъ поставилъ себѣ идеаломъ игру Шопена, которую съ такой художественной подробностью описалъ въ своемъ этюдѣ, что человѣкъ, даже не слышавшій Шопена, можетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этой игрѣ. Отличительная особенность игры Шопена (а вслѣдъ за нимъ, и Христиановича) состояла въ томъ, чтобы заставить рояль при помощи педали и разнообразнаго удара (или туше) давать звуки, иногда совершенно чуждые этому инструменту, т. е. отчасти подражающіе другимъ инструментамъ, отчасти приближающіеся къ звукамъ человѣческаго голоса и наиболѣе поэтическимъ шумамъ и голосамъ природы (шелесту листьевъ, журчанью ручья, паденію дождя, пѣнію птицъ, звуковому впечатлѣнію ночной тишины, топоту коня и т. п., и т. п.). И Христиановичъ добился этого совершенства:

слушая въ его исполненіи нѣкоторыя ноктюрны Шопена, нѣкоторыя произведенія Шумана и Шуберта, а также и его собственныя (особенно — сказку), вы иногда положительно забывали, что слышите рояль. Въ балладахъ Шопена вы ярко различали отрывные звуки арфы или лютни, звукъ мечей, вопли сражающихся, мѣдныя трубы; въ ноктюрнахъ, передъ вами вставала ночь—лунная, тихая или бурная съ разыгрывающеюся грозой, каплями дождя и раскатами грома, съ чарующей тишиной, наполненной какими-то волшебными звуками, напоминающими колокольчики эльфовъ, или съ доносящимися откуда-то звуками церковнаго органа, съ вѣплями и стопами могучаго requiem или похороннаго марша. Въ его сказкѣ вы слышали конька-горбунка, жаръ птицу, походъ какихъ-то сказочныхъ великановъ и т. д., и т. д., однимъ словомъ самые разнообразныя элементы русской сказки, чарующіе души нашихъ дѣтей и простого народа. При его особенномъ совершенствѣ въ выполненіи сложныхъ трелей, сложныхъ форшлаговъ и т. п. фіоритурныхъ украшеній, напоминающихъ рулады, вамъ казалось, что изъ рояля сыплются искры жаръ-птицы, серебристое сіяніе луны, вдругъ освѣтившей струистую поверхность воды, и т. п. Это было не моимъ только личнымъ впечатлѣніемъ: всѣ его слушатели, понимающіе и любящіе музыку, замѣчали у него эту удивительную способность вызывать звуками въ воображеніи — зрительные образы, полныя поэзіи, полужантасическіе, полуреальные. Это была «*musique pittoresque*», какъ говорятъ французы, т. е. «живописная музыка», однако безъ всякихъ крайностей, т. е. рисовавшая только то, что можетъ въ музыкѣ вызывать по ассоціаціи или звукоподражательности зрительные образы.

Надо было видѣть Христіановича во время игры! Его симпатичное интеллигентное лицо, съ нѣсколько выступавшими впередъ губами, показывало, что онъ весь погруженъ въ звуки. Верхняя губа приподнималась выше обыкновеннаго, и усы надъ ней топорщились. Ноги работали все время, какъ при игрѣ на органѣ. И только остальное туловище его довольно полнога тѣла было покойно, нѣсколько наклоняясь надъ клавиатурой.

Жаль, если его произведенія забудутся ¹⁾.

Такъ вотъ къ этому Христіановичу и любилъ изрѣдка приѣзжать Фетъ. Здѣсь онъ находилъ себѣ слушателей, могъ и самъ послушать многое. Наружность Фета въ то время совершенно не гармонировала съ установившимся представленіемъ о поэтическихъ натурахъ: разжирѣвшій, съ сильнымъ голосомъ, нечистоплотный, съ лицомъ, заросшимъ волосами, онъ производилъ непріятное впечатлѣніе человѣческой развалины.

¹⁾ Добавлю, что Христіановичъ много сдѣлалъ для музыкальнаго образованія вообще: въ Ярославлѣ имъ былъ основанъ музыкальный кружокъ, а въ Орлѣ отдѣленіе «Русскаго музыкальнаго общества».

Христіановичъ любилъ его посѣщенія, хотя общественное направленіе двухъ этихъ талантливыхъ людей было совершенно противоположно: Христіановичъ, какъ предсѣдатель уголовного суда, былъ воплощенная гуманность и терпимость, поскольку онѣ были воплощены въ видѣ основныхъ началъ въ нашихъ «новыхъ» судебныхъ уставахъ. Подсудимый, кто бы онъ ни былъ, могъ быть покоемъ за то, что ни одинъ крохотный фактъ, ни одна черта въ показаніяхъ свидѣтелей, служащія въ пользу оправданія, не будутъ пропущены предсѣдателемъ, который непременно обратитъ на нихъ вниманіе присяжныхъ, если бы даже защитникъ подсудимаго какъ нибудь упустилъ ихъ.

О дѣятельности Фета, какъ мирового судьи, ходили въ Орлѣ совсѣмъ иные слухи. Нѣкоторые изъ нихъ были почти легендарны, хотя и передавались людьми, заслуживающими полного довѣрія. Не ручаясь, однако, за истину, я могу здѣсь рассказать одну изъ такихъ легендъ, рассказанную мнѣ однимъ молодымъ помѣщикомъ Мценскаго уѣзда, Щ—вымъ, печатавшимъ свои рассказы и корреспонденціи въ нѣкоторыхъ столичныхъ журналахъ и газетахъ, а также въ «Орловскомъ Вѣстникѣ». Передавали, будто бы Фетъ бѣжалъ однажды въ свою камеру. На дорогѣ онъ обогналъ крестьянина, который, узнавъ его, выхватилъ изъ-за пазухи прошеніе, приготовленное заранее и которое онъ несъ, чтобы подать судѣ, т. е. Фету. И вотъ поэтъ «звуковъ нѣжныхъ и молитвъ» велѣлъ будто бы остановить лошадей и сказалъ мужику:

— Я на дорогѣ прошеній не принимаю, а въ камерѣ буду лишь нѣсколько минутъ, а потому, если ты хочешь, чтобы прошеніе было принято, бѣги за экипажемъ.

И крестьянинъ бѣжалъ, говорятъ, три версты. По другому варианту, крестьянинъ долженъ былъ впрячься въ экипажъ въ видѣ пристяжной, но этому мнѣ просто не хочется вѣрить...

Замѣчательно, что эту легенду я слышалъ не отъ одного Щ—ва. Ее знали многіе. Отвращеніе и какая-то патологическая ненависть къ крестьянамъ со стороны Фета есть дѣйствительный фактъ. Этого враждебнаго чувства онъ не скрывалъ и въ своихъ публицистическихъ замѣткахъ въ тогдашнихъ изданіяхъ Каткова, но отъ теоретической вражды до возмутительной жестокости еще огромное разстояніе, а потому, повторяю, я передаю вышеприведенный рассказъ, не какъ фактъ, а какъ легенду: вѣдь, извѣстно, что легенды, несмотря на свою фантастичность, имѣютъ, по большей части, нѣкоторое, хотя иногда и весьма отдаленное реальное основаніе: нѣтъ дыма безъ огня.

VIII.

Н. П. Вагнеръ (Коть-Мурлыка).—Первые шаги въ литературѣ Н. А. Надсона.—А. П. Чеховъ.—Эпизодъ съ поэмой «Гуда».—Поэтъ Соймоновъ.—Проф. А. П. Бородинъ (композиторъ).

Въ Петербургъ я перебрался въ концѣ 1878 года съ тою цѣлью, чтобы издавать научно-литературный журналъ «Свѣтъ» на компанейскихъ началахъ съ профессоромъ зоологіи, Н. П. Вагнеромъ, который въ то время пріобрѣлъ симпатичную и громкую извѣстность своими поэтическими и высокоталантливыми «Сказками» (подъ псевдонимомъ «Коть-Мурлыка»).

До этого журналъ издавался имъ уже два года. Я помѣстилъ въ немъ нѣсколько статей по социологіи и психологіи, нѣсколько стихотвореній и большой разсказъ. Эти работы понравились Вагнеру; кромѣ того, его дѣятельность, какъ издателя-редактора, встрѣчала значительное отвлеченіе въ профессурѣ. Вотъ чѣмъ объясняется его желаніе, а затѣмъ и рѣшеніе, имѣть меня своимъ компаньономъ-помощникомъ. Условіе было заключено нами еще лѣтомъ 1878 г., когда я нарочно для этого пріѣзжалъ въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нашей совмѣстной работы уже сказались нѣкоторыя неудобства: мнѣ приходилось безпрестанно ѣздить на Васильевскій островъ съ Песковъ, гдѣ я вынужденъ былъ поселиться, такъ какъ мнѣ необходимо было жить вблизи женскихъ медицинскихъ курсовъ, помѣщавшихся въ то время на Пескахъ, въ Николаевскомъ сухопутномъ госпиталѣ.

Другое неудобство состояло въ томъ, что, сходясь съ почтеннымъ профессоромъ въ основныхъ нашихъ научныхъ стремленіяхъ, мы расходились въ нѣкоторыхъ деталяхъ, и хотя въ условіи нашемъ онъ обязывался не проводить въ своихъ статьяхъ этого частнаго своего воззрѣнія, а я обязывался не нападать на него, однако въ практикѣ иногда случались разногласія: то мнѣ казалось, что въ какой нибудь статьѣ почтеннаго ученаго проглядываетъ тенденція, которую мы рѣшили устранить, то ему казалось, что въ моей статьѣ проглядываетъ явно недружелюбное отношеніе къ ней (дѣло идетъ «о спиритуализмѣ», которымъ въ то время увлекался поэтъ-профессоръ). Говоря по правдѣ, мы оба очень корректно относились къ принятымъ на себя обязательствамъ въ этомъ отношеніи, и вообще о многоуважаемомъ Николаѣ Петровичѣ я долженъ сказать, что болѣе мягкаго, гуманнаго, терпимаго и христіански-настроеннаго челоуѣка я никогда не встрѣчалъ ни прежде, ни потомъ. Онъ былъ вовсе не фанатикъ «спиритуализма» (или «спиритизма»), а широко и свободно-мыслящій чело-

вѣкъ, который страстно возмущался тѣмъ, что общество и большинство ученыхъ отвергаютъ великій вопросъ безъ предварительнаго опытнаго изслѣдованія. Онъ видѣлъ въ этомъ недостатокъ свободы мысли, отсутствіе истинной «научности» мышленія, такъ какъ истинная наука ничего не принимаетъ безъ точнаго изслѣдованія, но ничего и не отвергаетъ, не подвергнувъ изслѣдованію.

Помимо этого, Вагнера влекла къ спиритуализму и его поэтическая натура, вдохновенно-фантастическое настроеніе его крупнаго, художественнаго таланта, наконецъ, его этическое настроеніе. Онъ гораздо раньше Льва Толстого сталъ задумываться о значеніи «любви», какъ основного принципа жизни и морали. Онъ всюду искалъ обоснованія этого принципа, а вовсе не въ одномъ «спиритуализмѣ», какъ это казалось полуневѣжественной публикѣ и мелкимъ газетнымъ зубоскаламъ. Такъ, напримѣръ, онъ видимо, увлекался и философіей Шопенгауэра, у котораго этика основана также на «симпатіи», связывающей людей, благодаря единству ихъ «сущности», хотя это единство и облечено въ раздѣляющія, индивидуальныя оболочки.

Насъ вначалѣ и сблизила больше всего эта «этика любви», которой я и посвятилъ первыя мои статьи въ «Свѣтѣ» 1879 г.

Тѣмъ не менѣе, повторяю, иногда все же возникали нѣкоторыя недоразумѣнія по поводу преимущественно моихъ статей.

Помню, напримѣръ, такой случай разногласія: я отдалъ въ наборъ свою статью о происхожденіи «анимизма» (или «фетишизма») по теоріямъ современныхъ антропологовъ (Тайлора, Леббока и другихъ). Такъ какъ вопросъ шелъ о происхожденіи первобытныхъ вѣрованій въ души умершихъ, то мнѣ думалось, что это не касается современнаго философскаго и эмпирическаго спиритуализма. Вагнеръ полагалъ наоборотъ, что эта статья, хотя и косвенно, дискредитируетъ его взгляды и взгляды его друзей, чѣмъ ставитъ его въ неловкое положеніе передъ ними. Однако, терпимость его и въ этомъ случаѣ была такъ велика, что онъ согласился на помѣщеніе статьи.

Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе какихъ либо пререканій, мы рѣшили, что фактическое редактированіе буду вести я, а Н. П. Вагнеръ будетъ только участвовать въ журналѣ, взявъ на себя исключительно отдѣлъ естественныхъ наукъ. А чтобы дать мнѣ еще большую свободу, онъ на 1880 годъ получилъ разрѣшеніе на журналъ «Мысль», который и передалъ подъ мое фактическое редакторство. «Свѣтъ» же совершенно прекратился въ концѣ 1879 г.

Послѣ двухъ лѣтъ редактированія «Мысли» мнѣ удалось пріобрѣсти отъ г-жи Бажиной ея журналъ «Русское Богатство», куда и перешли подписчики «Мысли».

Весь этотъ періодъ съ 1879 года прошелъ у меня въ усиленной литературной и редакціонной работѣ, отнимавшей почти все мое

время. Однако, онъ же ознаменованъ для меня и наиболѣе интересными литературными встрѣчами и знакомствами.

Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, знакомство съ Надсономъ, начавшимъ помѣщать свои стихи въ журналъ Вагнера. Въ то время Надсонъ былъ еще молоденькимъ мальчикомъ, кадетомъ, но Вагнеръ, благодаря своей художественной чуткости, первый замѣтилъ талантъ его, о чемъ писалъ мнѣ въ письмѣ, съ которымъ Надсонъ пришелъ въ первый разъ ко мнѣ, когда редактирование «Свѣта» перешло фактически въ мои руки. Не могу не замѣтить, что и талантъ Антона Павловича Чехова былъ замѣченъ ранѣе другихъ Н. П. Вагнеромъ. Считаю нужнымъ сдѣлать эту оговорку въ виду того, что многоуважаемый Викторъ Александровичъ Гольцевъ въ своей статьѣ о Чеховѣ приписалъ эту честь исключительно мнѣ. Правда, первая въ нашей критической литературѣ, безусловно-хвалебная статья объ этюдахъ А. П. Чехова принадлежала мнѣ. Но ранѣе ея появленія Н. П. Вагнеръ въ частномъ разговорѣ со мною совѣтовалъ мнѣ обратить вниманіе на «замѣчательные» очерки Чехова.

— Это—талантъ незаурядный! О немъ стоитъ поговорить!—волновался Николай Петровичъ съ горячностью, свойственной его живой, энергичной натурѣ ¹⁾.

И вотъ, пробѣжавъ письмо Вагнера о «талантливомъ поэтѣ, на котораго стоитъ обратить особое вниманіе, какъ мнѣ кажется»,—скромно добавлялъ Вагнеръ,—я былъ очень удивленъ, увидѣвъ передъ собой совсѣмъ почти ребенка, въ кадетской шинелькѣ, съ обычнымъ башлыкомъ, концы котораго были скреплены на груди.

Юноша, видимо, конфузился и робѣлъ.

— Я принесъ,—сказалъ онъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ,—нѣсколько новыхъ стихотвореній.

— Пожалуйста, покажите,—отвѣтилъ я нѣсколько недовѣрчиво, но въ то же время и съ огромной симпатіей къ этому взволнованному юношѣ: его каріе глаза, его худощавое лицо сразу напомнили мнѣ Вормса. Цѣлый рядъ сценъ изъ моей юношеской жизни выплылъ изъ глубины души, и мнѣ казалось, что я уже давно знаю этого юношу, что черезъ его глаза на меня смотрятъ глаза умершаго друга и товарища.

А въ это время онъ вытаскивалъ изъ-за пазухи какія-то бумажки и двѣ изъ нихъ подаль мнѣ. Даже эта манера—писать на отдѣльныхъ, небольшихъ клочкахъ, напомнила мнѣ Вормса, который

¹⁾ Этой живости и энергій характера (а вовсе не фанатическому увлеченію) слѣдуетъ приписать и то, что Вагнеръ быстро выдвинулся въ глазахъ публики, какъ спиритъ: то, что многіе дѣлали сравнительно вяло, у Вагнера закипѣло, облеклось въ энергическіе опыты, статьи, собранія и тому подобное. Но такая энергія сказывалась во всемъ, за что принимался этотъ рѣдкій человѣкъ.

писалъ такимъ же образомъ и только, когда вполнѣ былъ удовлетворенъ формой стихотворенія, переписывалъ его въ свои тетрадки.

Стихи Надсона сразу поразили меня. Одно изъ нихъ было озаглавлено «Слово» (я его помѣстилъ въ «Свѣтъ» 1879 г.). Меня поразило то, какимъ образомъ въ умѣ мальчика-кадета могли зарождаться такія мысли, такое глубокое отношеніе къ слову, къ призванію поэта.

Когда я оторвался отъ его стиховъ и снова посмотрѣлъ въ его каріе глаза, мнѣ нарисовался уже иной образъ, который я видѣлъ только на портретахъ, образъ Лермонтова. Военный костюмъ юноши, вѣроятно, помогъ этому представленію, но больше всего эта аналогія была вызвана силой стиха у Надсона, чеканкой этого стиха, въ которомъ все было просто, а въ то же время необыкновенно музыкально, сжато, какъ у Лермонтова, такъ что ни одного слова нельзя было выбросить изъ его стихотворенія, замѣнить его другимъ.

Я тотчасъ и сказалъ Надсону объ этой мысли моей, высказавъ ее, однако, очень осторожно, чтобы не зародить въ немъ преждевременнаго сомнѣнія, которое могло отразиться на тщательномъ отношеніи его къ формѣ и обработкѣ ея. Съ другой стороны, мнѣ хотѣлось все же дать ему понять, что онъ обладаетъ недюжинной способностью, что ей необходимо отдаться всецѣло, забывъ все другое, посвятивъ себя всего, почти аскетически, именно этому призванію.

Въ этомъ родѣ и была моя рѣчь. Я основывалъ ее на авторитетахъ. Привелъ слова Гете, сказавшаго, что не достаточно быть гениемъ отъ природы, нужно еще умѣть трудиться, чтобы стать гениемъ. Привелъ слова Достоевскаго о необходимости почти аскетическаго отношенія къ литературному призванію. Наконецъ, чтобы Надсонъ не отвлекался какими либо внѣшними условіями и вліяніями отъ своего призванія, я сказалъ ему, что если онъ будетъ работать, читать, учиться, то я увѣряю его, что изъ него выйдетъ поэтъ не ниже Лермонтова.

Послѣ этой бесѣды Надсонъ не разъ бывалъ у меня, но всегда держался нѣсколько молчаливо и робко. Только однажды, уже черезъ годъ послѣ нашего перваго знакомства, онъ совершенно откровенно передалъ мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія, тяжело мучившія его душу.

Дѣло въ томъ, что черезъ Н. П. Вагнера онъ познакомился съ однимъ семействомъ, въ которомъ была молодая дѣвушка. По словамъ Надсона, онъ увидѣлъ въ ней существо, выше котораго ничего не могъ представить себѣ. «И вотъ въ послѣднее время,— продолжалъ онъ,— меня мучатъ сомнѣнія въ этой дѣвушкѣ. Я подозреваю ее въ томъ, что она вмѣстѣ съ небольшимъ кружкомъ собирающихся у нихъ спиритовъ симулируетъ явленія спирит-

тизма... Я замѣтилъ кое-что... Меня мучить мысль, что я ее подозрѣваю, и этимъ, быть можетъ, совершаю кощунство... А что, если мои подозрѣнія ошибочны? И какая цѣль можетъ быть у нея да и у другихъ увлекать меня на этотъ путь? А между тѣмъ я не могу отдѣлаться отъ мысли, что какая-то цѣль, какая-то задняя мысль у нихъ есть... Быть можетъ, она только слѣпое орудіе! Быть можетъ, все они дѣлаютъ это съ доброй цѣлью—поддержать во мнѣ религиозную вѣру... Но зачѣмъ такіе косвенные, непрямые пути? Развѣ истина можетъ достигнуться обманомъ?!».

Онъ былъ страшно потрясенъ этими сомнѣніями и едва не плакалъ отъ горя.

— Я такъ въ нихъ вѣрилъ! — говорилъ онъ:— это были единственные люди, которые были мнѣ близки, какъ родная семья; у нихъ мнѣ было такъ тепло, такъ хорошо! И теперь все это разрушено, все погибло! Я все подозрѣваю! Я не могу относиться къ нимъ попрежнему! И у меня нѣтъ никого въ жизни!..

Не помню, что я говорилъ ему по этому поводу. Знаю только, что старался его успокоить, поселивъ въ немъ убѣжденіе, что если дѣйствительно эти люди симулировали явленія, то ихъ можно простить отчасти потому, что иной цѣли, кромѣ доброй и полной любви къ нему, тутъ допустить невозможно, а отчасти потому, что они сами, очевидно, страстно увлечены своей вѣрой, увлечены фанатически. А такое увлеченіе, конечно, не одно и то же съ мелочнымъ расчетомъ или обыкновеннымъ обманомъ.

Мало-по-малу Надсонъ рѣже приходилъ въ редакцію. У него заводились новыя знакомства; между прочимъ, онъ познакомился съ А. Н. Плещеевымъ, который совершенно завладѣлъ имъ для «Отечественныхъ Записокъ».

Послѣднія его стихотворенія, напечатанныя у меня, были «Слово» и «Иуда». Ихъ принесъ мнѣ лѣтомъ одинъ изъ его товарищей кадетъ (Надсонъ уѣзжалъ куда-то въ деревню). «Слово» онъ просилъ напечатать, а «Иуду» только прочесть, такъ какъ Надсонъ сомнѣвался, достаточно ли хороша эта «поэма». «Однако,—прибавилъ юноша,—если вы найдете «Иуду» достойнымъ печати, то Надсонъ будетъ радъ его помѣщенію». Упоминаю объ этомъ потому, что въ запискахъ Надсона этотъ эпизодъ переданъ не вполне точно: онъ говоритъ тамъ, что я напечаталъ «Иуду» безъ его согласія, а также безъ его согласія прибавилъ нѣсколько строкъ своихъ, относительно которыхъ и была сдѣлана оговорка, что онѣ не принадлежатъ Надсону ¹⁾. Быть можетъ, Надсонъ, отдавая сти-

¹⁾ Въ этихъ строкахъ говорится, что если бы Иуда понималъ ученіе Христа, то онъ повѣрилъ бы и его всепрощающему милосердію даже къ врагамъ своимъ и въ то же время къ самому Иудѣ. Мое понятіе о христіанскомъ всепрощеніи не мирилось съ мстью даже Иудѣ.

хотвореніе своему товарищу, и говорилъ ему, что онъ не желаетъ видѣть его напечатаннымъ. Но мнѣ эти слова были переданы условно, то-есть окончательное рѣшеніе — печатать или не печатать «Гуду» — было предоставлено на мое усмотрѣніе. Косвенное доказательство этому можно видѣть и въ присылкѣ Надсономъ одновременно съ «Гудой» вышеупомянутаго стихотворенія «Слово», которое помѣщено въ той же книжкѣ. Наконецъ, мы не одинъ разъ встрѣчались съ Надсономъ впоследствии и въ семьѣ одной писательницы С—вой и въ Пушкинскомъ кружкѣ, и ни разу покойный поэтъ не выразилъ мнѣ какого либо неудовольствія за напечатаніе «Гуды» и прибавку къ поэмѣ нѣсколькихъ строкъ. Даже послѣднее наше, довольно тяжелое объясненіе въ «Пушкинскомъ кружкѣ», когда я упрекнулъ его, что онъ забылъ свою «колыбель» (т. е. мой журналъ), не вызвало съ его стороны ни малѣйшаго упоминанія объ «Гудѣ». Напротивъ, онъ сказалъ при нѣсколькихъ лицахъ, которыя живы и теперь и могутъ подтвердить мои слова (а именно при поэтѣ Н. И. Позняковѣ, беллетристѣ Рыбаковѣ и нѣсколькихъ другихъ), что много разъ собирался дать свои стихи въ мой журналъ и побывать у меня, но былъ въ разъѣздахъ, писалъ мало, а все, что удавалось написать, у него перехватывали. Это объясненіе окончилось объятіями и поцѣлуями. Поэтому, когда я прочелъ это мѣсто изъ записокъ Надсона, цитированное г. Венгеровымъ (точности котораго я не могу не вѣрить), оно не могло не поразить меня, какъ совершенная неожиданность.

Къ моимъ воспоминаніямъ о Надсонѣ я не прибавлю больше ничего, такъ какъ о его наружности, необыкновенной симпатичности, задушевной веселости въ обществѣ уже достаточно говорилось другими. Я могу только подтвердить это.

Кончая о Надсонѣ, не могу не вспомнить о другомъ поэтѣ того же времени, Соймоновѣ, рано умершемъ отъ чахотки. Онъ бывалъ у меня часто; являлся постояннымъ посѣтителемъ и членомъ «Пушкинскаго кружка».

Его наружность, съ темными карими глазами и длинными волосами (традиционная форма поэтовъ, усвоенная и Надсономъ, когда онъ надѣлъ статскій костюмъ), была весьма эффектна, какъ и его стихотворенія, и его чтеніе ихъ.

Стихи его всегда отличались яркой, даже нѣсколько приподнятой энергичностью тоски. Читалъ онъ ихъ съ горячими жестами, искренно увлекаясь, блѣднѣя и сверкая глазами. Но въ этомъ не было рисовки. По натурѣ своей, это былъ человѣкъ безусловно искренній, горячій, увлекающійся настроеніемъ и самыми «словами» своихъ стиховъ. Подготовка и образованіе его, какъ и большинства тогдашнихъ поэтовъ, были не высоки.

Насколько былъ искрененъ этотъ человѣкъ, доказывается послѣдними годами его жизни, когда онъ пріютилъ у себя извѣстную

Семенову, послѣ ея оправданія въ убійствѣ. Это помѣщеніе въ своей семьѣ существа, явно болѣзненнаго и отверженнаго обществомъ, стоило ему, кажется, немало тревогъ и душевныхъ волненій. Быть можетъ, они даже помогли развитію его смертельной болѣзни.

Изъ менѣе важныхъ воспоминаній этого времени не могу не упомянуть теперь о встрѣчѣ съ композиторомъ и профессоромъ химіи А. П. Бородинымъ при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ. Упоминаю о нихъ потому, что они характеризуютъ Александра Порфирьевича, какъ человѣка, а еще болѣе — отгнѣняютъ его отношеніе къ своимъ студентамъ и молодежи вообще.

Въ числѣ моихъ юныхъ знакомыхъ была очень симпатичная супружеская чета: онъ былъ еще студентомъ академіи, она — слушательница женскихъ врачебныхъ курсовъ. Первые годы своего знакомства они любили другъ друга «платонически», а затѣмъ нашли, что лучше жениться, жить вмѣстѣ и сообща работать. Въ то время это бывало нерѣдко и нисколько не мѣшало научной работѣ, а еще помогало, что доказывается той четой, о которой я говорю: и мужъ, и жена отлично окончили медицинскій курсъ. Занятіямъ не помѣшало и то, что у молодыхъ супруговъ родился ребенокъ. Я, въ числѣ самыхъ близкихъ друзей, былъ приглашенъ на крестины, а кумомъ долженъ былъ явиться не кто иной, какъ А. П. Бородинъ, кумой же — одна товарка молодой матери, слушательница врачебныхъ курсовъ. Супруги П. жили въ двухъ маленькихъ каморкахъ, на четвертомъ этажѣ, и нужно было видѣть въ этомъ крохотномъ помѣщеніи, среди юныхъ, торжественныхъ лицъ, высокую, довольно полную фигуру любимаго профессора. Послѣ крестинъ устроилась чисто студенческая, дешевенькая закуска (дѣло было вечеромъ), въ которой принялъ участіе и Бородинъ. И какія милыя, задушевные, чисто товарищескія рѣчи велись при этомъ!

Бородинъ любилъ молодежь не тенденціозно или принципиально, а просто по натурѣ своей, сохранившей юношескую душевную свѣжесть. Студенты и студентки собирались у него не для однихъ серьезныхъ бесѣдъ, но и затѣмъ, чтобы потанцевать, подурачиться, а на святкахъ — нарядиться. И во всѣхъ этихъ забавахъ принималъ участіе многоуважаемый профессоръ. Онъ и умеръ на одной изъ такихъ вечеринокъ своихъ.

Среди молодежи ходило много анекдотовъ о разсѣянности Бородина. Сообщу одинъ изъ нихъ, наиболѣе курьезный. Однажды гости и молодежь довольно долго засидѣлись у него. И вотъ, забывъ, что онъ хозяинъ, а не гость, Бородинъ встаетъ со словами:

— Ну, господа, пословица говоритъ: «порядочные люди поси-
дять, да уйдуть». Пора и по домамъ.

Онъ простился со всѣми, вышелъ въ переднюю, надѣлъ шубу,

калоши и ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, встрѣченный общимъ дружнымъ хохотомъ и смѣялся самъ надъ своей разсѣянностью:

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ,—вѣдь мнѣ вообразилось, что я въ гостяхъ.

Самъ я не былъ свидѣтелемъ этого случая и, какъ говорится, «продаю его, за что кутиль».

IX.

Литературные обѣды «большіе» и литературные обѣды «малые».—И. О. Горбуновъ на «большомъ» обѣдѣ и его разсказъ отъ имени генерала Дитятина о ветлянской чумѣ. — О. М. Достоевскій на тѣхъ же обѣдахъ. — Его столкновение съ Н. С. Курочкинымъ.—Его объясненіе о причинахъ помѣщенія «Братьевъ Карамановыхъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ».—Характеристика Достоевскаго.—Два слова о враждѣ литературныхъ партій рго и contra такой вражды. — Проектъ Г. К. Градовскаго на тѣхъ же «большихъ» обѣдахъ.—Обѣдъ Тургеневу.—Мое знакомство съ Тургеневымъ на обѣдѣ и загѣмъ въ «Европейской гостиницѣ». — Общее впечатлѣніе отъ Тургенева, какъ человѣка. — А. Г. Рубинштейнъ на томъ же обѣдѣ.—«Малые» обѣды.—Н. Шелгуновъ. — Письмо обѣдающихъ къ одному петербургскому администратору.

Къ этому времени относятся знаменитые «литературные обѣды», о которыхъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейду къ такъ называемому тургеневскому обѣду и моему недолгому знакомству съ нашимъ высоко-талантливымъ романистомъ.

На литературныхъ обѣдахъ участвовалъ весь «цвѣтъ» тогдашней литературы и журналистики, исключая, впрочемъ, лицъ, стоявшихъ во главѣ «Отечественныхъ Записокъ». Я встрѣчалъ здѣсь всю редакцію «Вѣстника Европы», «Голоса» (въ томъ числѣ А. А. Краевскаго), «Молвы», «Дѣла», «Недѣли» etc., etc. На нихъ постоянно присутствовали и О. М. Достоевскій, И. О. Горбуновъ.

Этотъ послѣдній, во время одного изъ такихъ обѣдовъ, по просьбѣ окружающихъ, поднялся съ своего мѣста, оперся на стулъ и произнесъ крайне остроумный монологъ-тостъ отъ лица генерала Дитятина. Тостъ былъ за военныхъ генераловъ и мотивировался «усмиреніемъ» чумы въ Ветлянкѣ «военнымъ генераломъ» Лорисъ-Меликовымъ (конечно, генералъ Дитятинъ перечислялъ всѣ его чины, титулы, мѣсто служенія и проч.). Свою мотивировку тоста Дитятинъ началъ съ перечисленія лицъ, посланныхъ на «чуму», до «военнаго генерала». Всѣ они ничего не могли сдѣлать. Но вотъ поѣхалъ «военный генералъ» и все усмирить, и чумы какъ не бывало!

На одномъ изъ этихъ обѣдовъ мнѣ пришлось увидѣть, до какой крайней, болѣзненной нервности могъ доходить О. М. Достоевскій. Вотъ этотъ эпизодъ.

Николай Степановичъ Курочкинъ, братъ бывшего редактора «Искры», Василя Степановича (въ то время уже умершаго), сидѣлъ за столомъ противъ Федора Михайловича и рассказывалъ двумъ-тремъ сосѣдямъ, внимательно его слушавшимъ, свои любопытныя наблюденія надъ жизнеспособностью очень талантливыхъ людей (Николай Степановичъ былъ одновременно — и поэтъ, и врачъ). Между прочимъ, онъ привелъ въ примѣръ Салтыкова (Щедрина), котораго изслѣдовалъ, какъ врачъ, еще въ то время, когда тотъ былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, и нашелъ у него такой порокъ сердца, отъ котораго давно умеръ бы всякій «обыкновенный» смертный. Между тѣмъ, Салтыковъ живетъ и усиленно работаетъ.

Вдругъ Достоевскій съ крикомъ и почти съ пѣной у рта набросился на Курочкина. Трудно даже было понять его мысль и причину гнѣва. Онъ кричалъ, что современные врачи и физиологи перепутали всѣ понятія! Что сердце не есть комокъ мускуловъ, а важная духовно-нравственная сила, и т. д., и т. д. Курочкинъ пытался возразить покойно, что онъ говорилъ только о «сердцѣ» въ анатомическомъ смыслѣ, но Достоевскій не унимался. Тогда Курочкинъ пожалъ плечами и замолчалъ; примолкли и всѣ окружающіе, съ тревогой смотря на великаго романиста, который, какъ извѣстно, страдалъ падучей болѣзью. Его раздраженіе могло кончиться припадкомъ, а это было бы, конечно, весьма мучительно для обѣдавшихъ.

Мало-по-малу Достоевскій стихъ и успокоился, а Курочкинъ не продолжалъ разговора.

На которомъ-то изъ этихъ обѣдовъ два молодыхъ и горячихъ сотрудника «Недѣли» (Юзовъ и Червинскій) стали упрекать Достоевскаго за то, что онъ печатаетъ свои романы въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и этимъ содѣйствуетъ распространенію журнала, направленія котораго, конечно, не можетъ раздѣлять. Достоевскій сталъ горячо оправдываться тѣмъ, что ему нужно жить и кормить семью, а между тѣмъ журналы съ болѣе симпатичнымъ направленіемъ отказались его печатать. Онъ сослался на Н. П. Вагнера, который подтвердилъ, что ѣздилъ съ предложеніемъ Достоевскаго въ одинъ изъ лучшихъ журналовъ, но тамъ категорически отказались даже вести переговоры по этому вопросу.

Такимъ образомъ, болѣзненная нервность нашего великаго романиста можетъ быть объясняема и не одной болѣзью, а всѣми тѣми нравственными пытками, какимъ ему приходилось подвергаться въ то время. Извѣстно, что онъ писалъ въ своемъ «Дневникѣ» о нападкахъ журналистики, послѣдовавшихъ противъ него послѣ рѣчи на Пушкинскомъ праздникѣ,—рѣчи, которая сперва увлекла и захватила всѣхъ, а потомъ вызвала еще большее взаимное раздраженіе и ненависть партій. Достоевскій писалъ тогда, что

пресса симпатичнаго направленія гораздо меньше шельмовала знаменитыхъ въ то время Ландсберга и Юханцова, чѣмъ его. А между тѣмъ, онъ былъ виноватъ только въ томъ, что желалъ нѣкотораго умиротворенія враговъ, поѣдавшихъ другъ друга.

Достоевскій былъ «идеалистъ слова»: онъ вѣрилъ, какъ и Пушкинъ, что можно «глаголомъ жечь сердца людей» и не только жечь, но и обращать въ пепель накопившуюся въ сердцахъ вражду, муку и обиды. Но опытъ показалъ ему, какъ невѣрно это идеальное представленіе о могуществѣ «слова», хотя бы и самаго гениальнаго. Люди очень злопамятны и мстительны, и нерѣдко ихъ не только не приходится винить въ этомъ, но было бы какъ-то странно, а, быть можетъ, и не вполне нравственно, если бы они легко забывали обиды, особенно если эти обиды нанесены не имъ лично, а истинѣ, родинѣ или тому дѣлу, которое они считаютъ святымъ. Я говорю, что иногда не было бы даже вполне нравственнымъ, потому что очень приближалось бы къ индифферентизму, къ тому, что Христосъ заклеилъ словами: «вы—ни теплы, ни холодны». Да и, кромѣ того, подобный индифферентизмъ отнималъ бы одинъ изъ побудительныхъ мотивовъ у людей—сдерживать (хотя бы даже наружно) проявленія своей безнравственности.

Негодующее общественное мнѣніе есть въ этикѣ то самое, чѣмъ уголовная кара является въ области права. Понимая эту точку зрѣнія, я понималъ и точку зрѣнія Достоевскаго и въ то время стоялъ даже больше на его сторонѣ. Эта точка зрѣнія состоитъ въ томъ, что этическая сдержанность, обусловленная страхомъ общественнаго негодованія, не есть еще истинная нравственность. Мирное сближеніе, хотя бы на какихъ нибудь ограниченныхъ мостикахъ между различными направленіями, можетъ скорѣе повести къ воцаренію между людьми болѣе нравственныхъ отношеній, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Уже одно то, что люди, сошедшіеся другъ съ другомъ, хотя бы на почвѣ какой нибудь одной идеи (напримѣръ, любви къ Пушкину и т. п.), будутъ невольно сдержаннѣе и въ другихъ отношеніяхъ: вѣдь, трудно завтра бить человека той самой рукой, которая вчера пожимала ему руку. Трудно, послѣ ряда любезностей, оказанныхъ вчерашнему собесѣднику, сегодня поносить его и предавать анаемѣ. И это «трудно» не есть уже дѣло страха и опасенія общественнаго негодованія, а дѣло невольно зарождающейся между людьми симпатіи, когда они сходятся лично вмѣстѣ, видятъ и слышатъ другъ друга... Но зародыши симпатіи являются уже первымъ посѣвомъ истинно-нравственныхъ отношеній.

Такимъ образомъ, этически Достоевскій былъ вполне правъ, стремясь къ миротворчеству. Онъ, быть можетъ, былъ правъ и практически въ смыслѣ наибольшей взаимной дипломатіи разныхъ партій нашей литературы.

Сколько печальныхъ послѣдствій взаимнаго озлобленія было бы предотвращено (быть можетъ), если бы взаимная ненависть была менѣе обострена! (Сколько обязана реакція послѣдующихъ годовъ, быть можетъ, именно крайнему раздраженію литературныхъ группъ, изъ которыхъ одна ежедневно поносила, обвиняла и дискредитировала другую, а другая должна была отдѣлываться или презрительнымъ молчаніемъ, или полусловами, запутанными въ сотни «ризокъ». Между тѣмъ, вѣдь, послѣдствія-то этого полного отсутствія «дипломатичности» у нашихъ литературныхъ партій или направленій сказывались на всей странѣ. Поэтому не правъ ли былъ Достоевскій, хотя, быть можетъ, онъ въ то время и не преслѣдовалъ «дипломатическихъ» цѣлей, а поступалъ просто по инстинкту, по вліянію своего любящаго, измученнаго, изстрадавшагося сердца, безпредѣльно любившаго Россію и ея народъ, и, дѣйствительно, простившаго и этой Россіи и ея народу, всѣ обиды, нанесенныя лично ему, его мученической жизни... А ужъ это ли не были обиды великія!

Но хотя онъ смотрѣлъ на вещи шире, чѣмъ другіе, заглядывалъ дальше въ грядущее (быть можетъ, не холоднымъ умомъ, а вѣщимъ сердцемъ), однако онъ, очевидно, не зналъ одного, что миротворцамъ всегда живется на свѣтѣ хуже другихъ. Не даромъ миротворчество введено христіанской этикой въ одну изъ величайшихъ добродѣтелей: если бы оно было легко, если бы оно не грозило тяжкими страданіями и испытаніями, оно и добродѣтелью было бы неважною! Не велика добродѣтель творить то, что легко безопасно творить.

Если принять во вниманіе все это, вотъ то нецониманіе его стремленій даже со стороны лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей того времени, то будетъ понятна и болѣзненная нервность Достоевскаго.

А если прибавить къ этому, что при его роковой болѣзни ему приходилось работать почти, какъ чернорабочему, да и тутъ встрѣчать отказы въ приѣмъ работы, что ему приходилось страшно нуждаться, вѣчно занимать, вѣчно должать,—то покажется удивительнымъ, какъ еще могъ жить и работать этотъ великій, гениальный человѣкъ! Кто видѣлъ квартиру, въ которой онъ жилъ съ семьей передъ смертью, эту бѣдную, жалкую квартиру, тотъ пойметъ все это еще больше. Его сочиненія до похоронъ почти не шли въ публикѣ! Только похороны, сдѣлавшія вдругъ громкимъ его имя, заставили расшевелиться читателей и создали благосостояніе его семьѣ.

На тѣхъ же объѣздахъ Г. К. Градовскому пришла мысль объ устройствѣ литературнаго учрежденія, въ родѣ возникшаго впоследствии суда чести (при «Союзѣ писателей»), съ цѣлью нѣсколько урегулировать

ровать полемическую разнузданность, царившую въ то время. Послѣ одного изъ обѣдовъ объ этомъ вопросѣ шли горячія рѣчи, выступали различные ораторы. Почти всѣ говорившіе склонялись въ пользу такого учрежденія. Но вотъ выступилъ Николай Степановичъ Таганцевъ (въ то время профессоръ уголовного права) и сталъ доказывать, что такое учрежденіе невозможно практически, такъ какъ у него не будетъ никакой юридической силы. Рѣчь авторитетнаго профессора показалась настолько убѣдительною, что предложеніе Градовскаго не осуществилось.

Едва ли многоуважаемый Николай Степановичъ былъ правъ тогда: опытъ «Союза писателей» и его «суда чести» доказалъ, что и безъ особыхъ «юридическихъ», карательныхъ правъ, мнѣніе лицъ авторитетныхъ въ литературномъ и нравственномъ отношеніяхъ можетъ имѣть большой вѣсъ и вліяніе въ писательской средѣ, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Тургеневскій обѣдъ отличался отъ обыкновенныхъ «литературныхъ» обѣдовъ тѣмъ, что былъ разъ въ пять многочислѣе. Кромѣ мужчинъ, здѣсь были и дамы; кромѣ литераторовъ, были виртуозы (въ томъ числѣ А. Г. Рубинштейнъ), артисты императорскихъ театровъ, знаменитые художники и даже была одна натурщица, участвовавшая въ живой картинѣ и затѣмъ оставшаяся на вечерѣ (съ танцами) въ своемъ древне-греческомъ костюмѣ. Съ писателями были и ихъ жены. Тургенева встрѣтили аплодисментами, посадили на почетное мѣсто, затѣмъ начались тосты, рѣчи, чтеніе стиховъ и писемъ тѣхъ лицъ, которыя лично не могли (или не пожелали) участвовать въ торжествѣ.

Однимъ изъ распорядителей обѣда былъ П. А. Гайдебуровъ.

Я приготовилъ къ этому «торжеству» небольшое стихотвореніе, въ которомъ, въ формѣ очень вѣжливой, выразилъ отъ лица русской молодежи желаніе видѣть Тургенева живущимъ въ Россіи на болѣе продолжительные сроки. Въ стихахъ было лишь въ началѣ нѣсколько щекотливое мѣсто. Вотъ оно:

Ты не забудь ни юностью родной,
Ни русской женщиной, ни прессой,
Хотя давно живешь въ странѣ чужой,
Вдали отъ «розъ» російскаго прогресса.

Впрочемъ, этотъ намекъ на абсентеизмъ Тургенева смягчался дальше выраженіемъ горячаго уваженія къ его таланту и столько же горячаго желанія чаще видѣть его въ своей средѣ, какъ руководителя общественныхъ чувствъ и думъ.

При началѣ чтенія Тургеневъ прикрылъ глаза рукой, какъ бы смутясь отъ неловкости вступленія, но къ концу его лицо прояснилось, а когда стихотвореніе заставили повторить, онъ, повидимому, вполне искренно благодарилъ меня, вставъ съ своего мѣста и долго

пожимая черезъ столъ мою руку своей большой руной гиганта. Послѣ обѣда, онъ выразилъ желаніе ближе познакомиться со мной, разговаривалъ нѣсколько минутъ, такъ какъ желающихъ поговорить съ нимъ было немало.

Онъ сидѣлъ на маленькомъ мягкомъ диванчикѣ рядомъ съ Рубинштейномъ, а лица, разговаривавшія съ нимъ, присаживались на томъ же диванчкѣ, и одинъ смѣнялъ другого. Тургеневъ пригласилъ меня побывать у него на слѣдующій день въ гостиницѣ «Европа», разспросивъ предварительно о моемъ журналѣ. Мало-помалу, эти полуофіціальныя бесѣды смѣнились бесѣдой болѣе общей; Тургенева окружили. Иные сидѣли, другіе стояли, слушали и подавали реплики. Такъ какъ въ числѣ лицъ, окружавшихъ теперь Тургенева, были художники (если память не измѣняетъ мнѣ, то былъ и Крамской, и Рѣпинъ, не считая другихъ), то Тургеневъ заговорилъ о желательности видѣть иллюстраціи къ произведеніямъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ, сдѣланныя кистью или карандашомъ нашихъ выдающихся живописцевъ. Онъ приводилъ въ примѣръ картины Лиценъ Мейера къ Шиллеровскому «Колоколу» и Гётевскому «Фаусту» и ставилъ ихъ образцомъ того, что было бы желательно.

Съ большимъ интересомъ слушалъ Тургеневъ мелодекламацию Лишина и чтеніе подъ музыку Далматова (въ то время артиста Императорскихъ театровъ), объявившаго заранѣе, что у него очень плохая память, и дѣйствительно, прерывавшаго раза два свое чтеніе, пока ему не подсказывали забытаго слова или строфы. Потомъ кто-то пѣлъ. Затѣмъ А. Г. Рубинштейнъ сыгралъ свои варіаціи, или, точнѣе, фантазію на русскія темы, кажется, экспромтомъ. Фантазія начиналась пѣсней «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ».

Рояль стоялъ не на возвышеніи, и слушатели окружили артиста тѣсной толпой.

Послѣ живыхъ картинъ Тургеневъ уѣхалъ, извиняясь страшной усталостью, а публика начала танцевать; нѣкоторая же часть ея уѣхала за карты, и въ томъ числѣ Рубинштейнъ. И опять это меня чрезвычайно поразило, какъ когда-то на вечерѣ у Благовсѣтлова: я никогда бы не повѣрилъ, что великій виртуозъ играетъ не только на рояли, но и на зеленомъ полѣ. Нѣсколько разъ я подходилъ къ этому столу, чтобы всмотрѣться въ выраженіе его глазъ, смотрѣвшихъ въ карты: «какъ онъ можетъ думать объ этомъ, когда можетъ думать о музыкѣ?»—спрашивалъ я себя съ наивностью еще не опетербуржившаго провинціала. Къ концу вечера веселье стало проявляться довольно шумно: въ одной изъ комнатъ, за столомъ съ бутылками, я увидѣлъ ту хорошенькую натурщицу въ греческомъ костюмѣ, о которой упоминалъ выше. Сидѣвшіе съ нею требовали, чтобы она встала на столъ и произнесла тостъ. Она безъ малѣйшаго смущенія сдѣлала это, а вслѣдъ за нею на столъ взобрался одинъ писа-

тель драматургъ, ужъ пожилой, съ солиднымъ брюшкомъ и лысиной. Онъ «расшалился», что къ нему, впрочемъ, вовсе не шло.

На другой день я былъ у Тургенева въ «Европейской гостиницѣ». Помѣстился онъ въ небольшомъ номерѣ, состоявшемъ изъ двухъ, а, быть можетъ, и трехъ комнатъ, съ неприхотливой мебелью, напомнившей мнѣ старо-помѣщичьи дома. Тургеневъ былъ въ длинномъ сюртукѣ, въ родѣ халата. Онъ бесѣдовалъ со мною около четверти часа, очень просто, любезно и даже задушевно: мы оказались земляками по Орловской губерніи. Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ весьма страннаго полного старичка, съ краснымъ лицомъ, сѣдыми бакенбардами и вытаращенными глазами въ родѣ глазъ рака. На немъ былъ старый короткій сюртучокъ. Старикъ оказался нѣмцемъ, и, какъ выразился Тургеневъ, его «старымъ пріятелемъ по деревнѣ».

Иванъ Сергѣевичъ ему очень обрадовался, а у старика были даже слезы на глазахъ. Мнѣ не хотѣлось мѣшать ихъ встрѣчѣ и бесѣдѣ, и я поспѣшилъ проститься. Тургеневъ на прощанье сказалъ мнѣ, чтобы я не сердился, если онъ лично не будетъ у меня: «я останусь здѣсь лишь на нѣсколько дней и долженъ сдѣлать массу обязательныхъ посѣщеній. Поэтому примите отъ меня вмѣсто визита эту карточку. Я напишу на ней мой парижскій адресъ, и вѣрьте, что, если вы пріѣдете туда или дадите мнѣ какое нибудь порученіе, я буду очень, очень радъ».

Онъ присѣлъ къ круглому столу передъ диваномъ, написалъ свой адресъ на карточкѣ и, проводивъ меня до передней, простился еще разъ.

Карточка была небольшая, на глянцевитой бумагѣ; имя и фамилія были отлитографированы по-французски.

Эта карточка была косвеннымъ отвѣтомъ на мое стихотвореніе, приглашавшее подольше пожить съ нами...

Общее мое впечатлѣніе отъ этого знакомства, при моемъ тогдашнемъ народническомъ настроеніи, было не изъ особенно пріятныхъ.

«Баринъ, чистокровный русскій старый баринъ»,—думалъ я, сходя съ лѣстницы и потомъ идя по засыпанномъ снѣгомъ улицамъ. Мнѣ не понравилась даже его наружность, въ которой нельзя было уловить никакого выраженія, кромѣ вѣжливости, любезности и только. Что онъ чувствовалъ, что онъ думалъ, это оставалось тайной. Его вопросы о литературѣ, о новыхъ ея теченіяхъ были какъ-то мимолетны, въ нихъ не чувствовалось живого, глубокаго интереса къ русской жизни, какъ будто бы онъ былъ или совершенно равнодушенъ къ этой жизни или увѣренъ, что ее знаетъ вполнѣ, и что никто ему не скажетъ ничего новаго, а если онъ и предлагаетъ нѣкоторые вопросы, то только для того, чтобы быть любезнымъ.

Вообще же впечатлѣніе было таково, что онъ страшно далеко отъ міра, который дорогъ мнѣ и людямъ, окружавшимъ меня въ то время, что между нами нѣтъ даже возможности представить себѣ какой нибудь мостикъ, какое нибудь общеніе, что это—человѣкъ совсѣмъ иного міра, иныхъ привычекъ, вкусовъ, чѣмъ мы... Однимъ словомъ, это — человѣкъ очень умный, быть можетъ, гениальный, очень симпатичный и милый, но совершенно чужой. И не потому чужой, что онъ живетъ во Франціи: нѣтъ, я знавалъ много французовъ и въ то время, и послѣ, съ которыми послѣ десяти фразъ чувствовалъ полное идейное родство и близость по стремленію и чувствамъ. Нѣтъ, этотъ великій романистъ русскій былъ чужой по-другому. Я въ то время не могъ отвѣтить: «по какому же?» Но впоследствии, прочтя одно изъ его «Стихотвореній въ прозѣ», въ которомъ онъ видитъ во снѣ, что крестьяне ворвались въ его деревенскій домъ и собираются его повѣсить, — я понялъ, почему онъ совсѣмъ чужой. Мы видѣли въ то время въ народѣ источникъ будущей, истинной жизни великой нашей Россіи, а ему тотъ же народъ казался толпой дикарей, способныхъ только на кровавыя расправы. Это былъ взглядъ стараго помѣщика, страхъ стараго помѣщика, хотя и высоко-просвѣщеннаго и либеральнаго. Но его просвѣщеніе, его знакомство съ Франціей XVIII в. и съ нашей исторіей XVI в., на которую есть такіе яркіе намеки въ «Призракахъ», гдѣ автору чудится дымъ пожаровъ и крики «сарынь на кичку», это просвѣщеніе только еще больше напугало его и отшатнуло отъ Россіи. Въ ней онъ не видѣлъ, кажется, ничего, кромѣ смерти, тьмы невѣжества и тупой, бессмысленной жестокости.

А что видѣли мы тогда, это будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, а теперь, чтобы закончить о литературныхъ обѣдахъ въ 1880-хъ годахъ, добавлю, что, кромѣ тѣхъ «большихъ» обѣдовъ, о которыхъ говорилось выше, устраивались еще маленькіе; во главѣ этихъ послѣднихъ стояли нѣкоторые (болѣе молодые) сотрудники и члены редакціи «Отечественныхъ Записокъ», «Дѣла» и «Недѣли», а именно отъ послѣднихъ посѣщали эти обѣды—Шелгуновъ, І. Юзовъ, Червинскій...

Эти обѣды проходили не такъ торжественно, какъ обѣды умѣренно-либеральной печати, за то здѣсь было больше внутренней, идейной жизни и литературныхъ интересовъ. Не забуду, какъ однажды попали на Н. В. Шелгунова послѣ появленія какой-то его статьи, показавшейся нѣсколькимъ членамъ обѣда маленькимъ «*lapsus linguae*» почтеннаго и всѣми уважаемаго писателя-публициста. Такъ какъ Шелгунова всѣ собиравшіеся тамъ любили искренно, а въ его литературной безупречности и безусловной корректности ни у кого не было даже и тѣни сомнѣній, то, быть можетъ, употребленное мною выраженіе «напали» нельзя считать вполне точнымъ, но я не сумѣлъ подыскать другого.

Впечатлѣніе, которое производилъ на меня лично (да и на всѣхъ) Н. В. Шелгуновъ, отличалось чрезвычайной симпатичностью: онъ поражалъ простой искренностью, отсутствіемъ малѣйшей позировки, самомнѣнія и желанія овладѣть общимъ вниманіемъ, приобрести «престижъ» и т. д. Онъ говорилъ то, что думалъ и чувствовалъ, не заколачивалъ себя въ установленныя колодки кружка, которому въ общихъ принципахъ не могъ не быть вѣренъ безусловно уже по самой натурѣ своей. Разногласіе могло быть въ мелкихъ деталяхъ, и вотъ этимъ-то провинился онъ въ вышеупомянутой статьѣ, отстаивая свое право на оригинальность мысли въ частныхъ вопросахъ. Несогласные же съ этой статьѣй полагали, что частный вопросъ, поднятый и рѣшенный «по-своему» Шелгуновымъ, тѣсно связанъ съ болѣе общимъ и принципиальнымъ.

Какъ-то придя на одинъ изъ этихъ обѣдовъ, я замѣтилъ необычайное стеченіе народа. Были и такіе люди, которые никогда ихъ не посѣщали или являлись очень рѣдко. У всѣхъ были хмурые, нѣсколько встревоженныя фізіономіи. Съ невольной болью и тревогой чувствовалось отсутствіе среди обѣдающихъ двухъ наиболѣе видныхъ и цѣнныхъ представителей тогдашней печати. Около этого-то отсутствія ихъ и вертѣлись почти всѣ рѣчи. Въ серединѣ обѣда былъ прочтенъ проектъ «докладной записки», или, точнѣе, большого мотивированнаго письма отъ лица петербургскихъ писателей на имя одного изъ высшихъ администраторовъ столицы. Это письмо имѣло связь съ отсутствіемъ на обѣдѣ двухъ постоянныхъ участниковъ его. Послѣ обѣда начались поднеси на этомъ письмѣ, которыя впослѣдствіи внѣ обѣда достигли сотни именъ ¹⁾.

Послѣ этого періода «Sturm und Drang» обѣды стали рѣдѣть, сдѣлались менѣе оживленными и частыми, а къ веснѣ и совсѣмъ прекратились. На послѣдній обѣдъ явилось только четыре прежнихъ участника.

Л. Е. Оболенскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Письмо отказался подписать І. Юзовъ (по особымъ условіямъ своего положенія, о которыхъ будетъ ниже) и я, такъ какъ не былъ согласенъ съ редакціей одного мѣста и прислалъ на другой день свою редакцію этого мѣста на имя П. И. В.—а, прося его приложить мое письмо къ общему. Не подписалъ письма и Салтыковъ, которому это было предложено впослѣдствіи.

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ Н. В. ГОГОЛЯ¹⁾.

(1821—1825).

I.

Ник. Вас. Гоголь—въ Полтавѣ. — Справки Вас. Ав. Гоголя о Нѣжинской гимназiи и хлопоты объ опредѣленiи сына.—Нѣжинская гимназiя въ 1821 году, до поступленiя Гоголя.—Зачисленiе Ник. Вас. въ пансионеры и приемные экзамены.—Сношенiя Вас. Ав. съ надзирателемъ Зельднеромъ и директоромъ гимназiи Орлаемъ.—Характеристика Зельднера.—Письмо И. С. Орлая къ Вас. Ав. Гоголю отъ 28-го марта 1824 года.

ВАСИЛIЙ Аванасьевичъ Гоголь очень заботился о воспитанiи своихъ сыновей, Николая и Ивана. Сначала они учились у наемнаго семинариста. Когда Николаю было около десяти лѣтъ, братьевъ отвезли въ Полтаву и помѣстили на квартиру у учителя, который долженъ былъ готовить ихъ къ поступленiю въ гимназiю. Отъ Полтавы очень недалеко до Яновщины, деревни Гоголей, и мальчики врядъ ли остро чувствовали свою оторванность отъ дома. Конечно, ихъ нерѣдко посѣщали; между деревней и городомъ за-

¹⁾ Источниками при составленiи этой статьи служили: «Письма Н. В. Гоголя», редакцiя В. И. Шенрока, изд. А. Ф. Маркса, и нѣкоторыя напечатанныя здѣсь впервые письма современниковъ гимназической жизни Гоголя. За сообщенiе этихъ матеріаловъ приношу искреннюю благодарность В. Я. Головиѣ. Литература: «Записки о жизни Гоголя» П. А. Кулиша; «Материалы для біографiи Гоголя» В. И. Шенрока; «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко». Изд. 2-е. Спб. 1881 г.; статья Н. А. Лавровскаго «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» въ «Извѣстіяхъ ист.-фил. института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ», т. III, 1879 г.; статья проф. Колювича: «Дѣтство и юность Гоголя» въ «Московскомъ Сборникѣ» 1887 года; «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя» П. В. Владимірова. Отдѣльныхъ ссылокъ на эти работы не дѣлается; другія указаны въ текстѣ.

вязалась переписка. Изъ этого періода жизни Николая Васильевича въ Полтавѣ до насъ дошло три его письма домой. Изъ нихъ нельзя извлекать данныхъ для характеристики мальчика: почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что если не цѣликомъ диктовали эти письма, то очень помогали въ ихъ составленіи старшіе, по всей вѣроятности, менторъ мальчиковъ—учитель гимназіи. «Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здравія вашего» (изъ перваго письма); «дай Богъ, чтобы безцѣнное ваше для меня здоровье продолжалось вѣчно въ самомъ цвѣтущемъ состояніи» (изъ третьяго письма). Эти фразы не могутъ принадлежать десятилѣтнему мальчику. Онѣ написаны въ стилѣ писемъ того времени, и этому стилю мальчика учили. Онъ усваивалъ стереотипныя формулы для выраженія извѣстныхъ чувствъ, не разбираясь въ содержаніи словъ. Для характеристики жизни дѣтей Василя Аѳанасьевича въ Полтавѣ эти письма даютъ очень мало. Ученіе шло неважно. «Ваканціи быстро приближаются,—писалъ мальчикъ:—я не успѣлъ еще окончить всего: слѣдовательно нужно заняться ваканціями, чтобы съ честью поспѣть во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ». По всей вѣроятности, ученіе затрудняло болѣзненное состояніе мальчика. Николай Васильевичъ съ дѣтства страдалъ золотухой, изъ ушей у него текло. «Благодаря родительскому вашему о мнѣ попеченію, я, слава Богу, чувствую себя здоровымъ совершенно. Настойку, оставленную вами, папенька, я продолжаю, по данному наставленію». Интересно второе письмо Николая Васильевича, адресованное бабушкѣ; совѣмъ дѣтское содержаніе, а стиль письма, какъ у взрослыхъ: «Дражайшая бабушка! Извините меня въ томъ, что долгое время не могъ писать къ вамъ, дражайшая бабушка. Покорно благодарю васъ, что вы прислали гостинецъ мнѣ. Отъ всего сердца желаю вамъ благополучія и долголѣтней жизни, при чемъ остаюсь вашъ покорный внукъ, Николай Яновскій».

Когда мальчиковъ взяли домой на каникулы, и младшій братъ Иванъ умеръ (9-ти лѣтъ отъ роду), Николай Васильевичъ (будучи старше его годомъ) оставался нѣкоторое время дома. Отношенія къ брату и его смерть оставили глубокіе слѣды въ жизни Гоголя. Другъ Николая Васильевича и товарищъ по школѣ Н. Я. Прокоповичъ вспоминалъ о томъ, какъ Гоголь, находясь еще въ одномъ изъ первыхъ классовъ нѣжинской гимназіи, читалъ ему свою стихотворную балладу, подъ заглавіемъ «Двѣ рыбки». Въ аллегорической формѣ Николай Васильевичъ очень трогательно рассказывалъ здѣсь о своей судьбѣ и о судьбѣ брата.

Въ 1820 году распространились извѣстія объ основаніи въ Нѣжинѣ учебнаго заведенія. Черниговскій губернскій прокуроръ Е. И. Бажановъ, хорошій знакомый Василя Аѳанасьевича, сообщилъ ему по-

Н. В. ГОГОЛЬ.

Съ гравюры Иордана, сдѣланной съ портрета, писаннаго Моллеромъ въ 1841 году.

доз. ценз. 18 янв. 1902 г. спб.

дробности о гимназiи высшихъ наукъ и посовѣтоваль отдать сына въ пансіонъ, находящійся при нѣжинскомъ училищѣ. Въ январѣ 1821 года Василій Аѳанасьевичъ обратился съ письмомъ къ директору нѣжинской гимназiи В. Г. Кукольнику, прося извѣстить его, можетъ ли онъ помѣстить въ нѣжинскомъ пансіонѣ своего сына. Не получая отвѣта, 12 февраля онъ отправилъ новое письмо къ Кукольнику, не зная о его скоростижной смерти 6 февраля. Василій Аѳанасьевичъ «всемижайше просилъ удостоить его извѣщеніемъ, можетъ ли онъ быть столько счастливымъ, чтобы воспитать сына подъ покровительствомъ Кукольника». Нарочный, отвозившій это письмо, привезъ отвѣтъ временнаго правленія гимназiи отъ 18 февраля 1821 года. Василію Аѳанасьевичу писали, что сынъ его можетъ быть принятъ, и увѣрили, что, несмотря на внезапную смерть директора, дѣла училища находятся въ полномъ и ясномъ порядкѣ.

Не удовлетворяясь этими свѣдѣніями, отецъ Гоголя сталъ наводить справки о гимназiи у тѣхъ, кто рассчитываль отдать туда своихъ дѣтей. Онъ обратился съ запросомъ о «подробностяхъ помѣщенія дѣтей въ Нѣжинскомъ училищѣ» къ нѣкому Григорію Кидтяцъ и получилъ отъ него слѣдующее письмо.

«Милостивый государь Василій Аѳанасьевичъ, письмо ваше, которымъ вы желаете знать о подробностяхъ помѣщенія дѣтей въ Нѣжинскомъ училищѣ, я съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ, но жалѣю сердечно, что не могу вамъ желаемыхъ вами подробностей описать, ибо я и самъ еще дѣтей моихъ не помѣстилъ. Я имѣю извѣстія изъ Нѣжина, что училище еще не открыто; учатся же ученики у тѣхъ самыхъ учителей приватно, для приготовленія ихъ въ высшіе классы, при открытіи церемоніально училища. Открытіе же будетъ непременно въ маѣ мѣсяцѣ, но не знаю, котораго числа точно. Сердечно радуюсь, что сынъ вашъ будетъ въ одномъ училищѣ съ моими. Я повезу моихъ дѣтей съ половины мая въ Нѣжинъ, и причина тому чистосердечнѣйшая та, что не могу прежде сего времени собраться на деньги ¹⁾. Съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ есмь и всегда буду вашъ покорнѣйшій слуга, Григорій Кидтяцъ. 1821 года, апрѣля 4 дня Г. Градижскъ ²⁾. П. П. Хотя мы и не имѣемъ чести быть знакомыми почтеннѣйшей супругѣ вашей, но просимъ отъ меня и отъ Елизаветы Павловны засвидѣтельствовать наше истинное почтеніе, которое равнымъ образомъ съ братскимъ щирымъ поклономъ Елисавета Павловна и вамъ свидѣтельствуеть».

¹⁾ Въ спискахъ окончившихъ курсъ въ Нѣжинскомъ училищѣ фамилія Кидтяцъ не встрѣчается.

²⁾ Заштатный городъ, Полтавской губерніи, Кременчугскаго уѣзда, при Днѣпрѣ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Нѣжинскомъ училищѣ далъ Василю Аванасъевичу его сосѣдъ Михайлъ Щербакъ, который уже отдалъ своего сына Михаила въ гимназію и самъ побывалъ въ Нѣжинѣ ¹⁾. Онъ писалъ:

«Милостивый государь Василій Аванасъевичъ, на письмо ваше честь имѣю увѣдомить васъ, что я никакого не могу еще дѣлать заключенія о гимназіи высшихъ наукъ, учрежденной въ Нѣжинѣ покойнымъ совѣтникомъ княземъ Безбородко; когда отвозилъ я туда меньшаго сына моего, то въ то время нашелъ я тамъ только одного директора г-на статскаго совѣтника Кукольника, и двухъ надзирателей; въ теченіе шести мѣсяцевъ, какъ сынъ мой тамъ находился, прибыли еще нѣкоторые профессора и учителя, но гимназія за неприбытіемъ остальныхъ еще и понынѣ формально не открыта. Директоръ, сколько въ короткое пребываніе мое въ Нѣжинѣ могъ замѣтить, показался мнѣ человѣкомъ образованнымъ, добрымъ и усерднымъ къ дѣтямъ, но, можетъ быть, и до васъ дошелъ слухъ, что онъ уже умеръ самымъ несчастнымъ образомъ, бросившись съ третьяго этажа гимназическаго дома изъ окошка; конечно, сдѣлалъ онъ сіе не по какой другой причинѣ, какъ по болѣзни. Въ сей гимназіи находится теперь около тридцати пансіонеровъ, въ томъ числѣ хорошихъ фамилій, два сына Григорія Петровича Милорадовича, Скоропадскіе и прочіе, вотъ вамъ все, что знаю о сей гимназіи, сказываютъ, что учатся хорошо, но такъ какъ дѣти малыя, то ихъ только приготавливаютъ, а въ прочемъ преподаваться будутъ всѣ науки, какія и въ университетахъ преподаются, и кто кончитъ курсъ наукъ въ сей гимназіи, тотъ уже за полученіемъ аттестата пользуется тѣми же преимуществами, какими пользуются студенты, изъ университетовъ выпускаемые. Съ совершеннымъ почтеніемъ и такой же преданностью навсегда пребуду, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Михайлъ Щербакъ. По сей же почтѣ я писалъ къ любезной сестрицѣ Аннѣ Матвѣевнѣ ²⁾. 1821 года апрѣля 7 дня, деревня Щербаневка».

Свѣдѣнія, сообщенныя Щербакомъ, были вѣрны. Дѣйствительно, гимназія была еще совсѣмъ не устроена. Кукольникъ, прибывшій въ Нѣжинъ въ августѣ 1820 года, несмотря на энергичную дѣятельность, могъ сдѣлать немного. Учителя еще не съѣхались. Вначалѣ, кромѣ самого Кукольника, преподававшаго чуть не всѣ предметы, и законоучителя Григоровича, педагогической дѣятельностью занимались надзиратели Аманъ и Зельднеръ: о нихъ-то и говоритъ Щербакъ. Аманъ преподавалъ французскій языкъ, Зельднеръ—нѣмецкій. Потомъ прибыли младшій профессоръ нѣмецкаго

¹⁾ Съ сыномъ Щербака, Михаиломъ, Гоголь и А. С. Данилевскій ѣздили вмѣстѣ на ваникулы.

²⁾ Родная тетя Марья Ивановны Гоголь.

языка Миллеръ и русскаго — Чекіевъ. Учениковъ было немного, но у нихъ была крайне разнообразная подготовка. Первое время дѣтей дѣйствительно только пріуготовляли, чтобы потомъ по устройствѣ гимназіи распредѣлить ихъ въ зависимости отъ ихъ познаній по отдѣленіямъ. Послѣ смерти В. Г. Кукольника (6 февраля 1821 года) нестроенія увеличились. «Множество мелкихъ интригъ и замѣшательствъ наполняли собою смутное время отъ смерти перваго директора до вступленія новаго, отъ 6 февраля до 1 ноября 1821 года. Слухи о происходившихъ въ гимназіи беспорядкахъ съ быстротой народной молвы распространялись не только въ Нѣжинѣ, но и далеко за его предѣлами; они производили большую тревогу между родителями и родственниками воспитанниковъ».

Эти слухи, однако, не отклонили Василю Аѳанасевича отъ намѣренія помѣстить сына въ Нѣжинскую гимназію. Весной 1821 года мальчика привезли въ Нѣжинъ. 1-го мая 1821 года, 11 лѣтъ отъ роду, Николай Васильевичъ былъ принятъ въ гимназію въ число своекоштныхъ пансіонеровъ. Приняли его на старшее изъ существовавшихъ въ это время двухъ отдѣленій, и первое время онъ, какъ и другіе, долженъ былъ готовиться къ пріемнымъ экзаменамъ; они были произведены 21—28 июня. Послѣ испытаній всѣ ученики были раздѣлены на три отдѣленія: лучшіе, въ числѣ 21, образовали третье, старшее, худшіе—второе и вновь поступавшіе—первое. Гоголь не выказалъ большихъ познаній: его экзаменныя отмѣтки: священная исторія—4, Законъ Божій—4, руссійскій языкъ—2, ариѳметика—2, географія—2, исторія—2, латинскій языкъ—2, французскій языкъ—1, нѣмецкій языкъ—2, рисованіе—1. Послѣ экзаменовъ Гоголь не былъ переведенъ въ старшую группу и былъ оставленъ въ томъ второмъ отдѣленіи, въ какомъ онъ былъ до сихъ поръ. Василій Аѳанасевичъ, по всей вѣроятности, самъ привезъ своего сына въ Нѣжинъ: во всякомъ случаѣ онъ былъ въ Нѣжинѣ, лично ознакомился съ положеніемъ дѣла, завелъ знакомство съ наставниками и въ особенности съ надзирателемъ Зельднеромъ. Послѣ экзаменовъ Николай Васильевичъ уѣхалъ домой на каникулы, а въ августѣ мѣсяцѣ старый знакомый отца Гоголя, прокуроръ Бажановъ, снова привезъ мальчика въ Нѣжинъ. Въ день пріѣзда вслѣдъ за нимъ прибылъ съ провизіей, предназначавшейся въ даръ Зельднеру, поваръ Гоголей, крѣпостной слуга Семень. Василій Аѳанасевичъ еще лѣтомъ обращался къ временному правленію училища съ просьбой «принять двороваго его повара въ число служителей безъ всякой за то платы». Конечно, отецъ руководился въ этомъ случаѣ не только тѣмъ соображеніемъ, что слуга будетъ помогать мальчику, но и тѣмъ, что онъ своимъ присутствіемъ будетъ напоминать ему ту родную атмосферу, отъ которой его въ первый разъ такъ рѣзко отрывали.

Въ исторіи первыхъ лѣтъ пребыванія Гоголя въ Нѣжинѣ игралъ извѣстную роль надзиратель пансіона и преподаватель нѣмецкаго языка, Егоръ Ивановичъ Зельднеръ. Отсылая сына въ Нѣжинъ, Василій Аѳанасьевичъ просилъ Зельднера позаботиться и посмотреть за мальчикомъ. Зельднеръ обѣщалъ сдѣлать это. «Въ разсужденіи его здоровья и во всѣхъ случаяхъ я буду ему вторымъ отцомъ и прошу васъ нималѣйше себя беспокоить»,—писалъ онъ Василю Аѳанасьевичу. Зельднеръ долженъ былъ блюсти за здоровьемъ мальчика, слѣдить за его благонаравіемъ и успѣхами, воздѣйствовать на него, когда нужно. И о здоровьѣ, и объ успѣхахъ Зельднеръ отписывалъ Василю Аѳанасьевичу, сообщая также и обо всѣхъ новостяхъ въ жизни училища. До насъ дошло четыре письма Зельднера къ отцу Гоголя отъ 1821—1822 годовъ. Конечно, услуги Зельднера не были даровыми: отношенія отца Гоголя къ его наставнику были основаны на взаимныхъ одолженіяхъ и были «патріархальными». Зельднеру поставляли продукты васильевской экономіи. И онъ въ письмѣ не разъ обращаетъ вниманіе Василя Аѳанасьевича на то, чего онъ хочетъ. «Есть ли васъ не очень беспокоить,—просилъ Зельднеръ,—то тогда прошу васъ покорнѣйше мнѣ купить одинъ или два вазъ венгерскихъ сливъ; что они стоятъ, я вамъ съ большимъ удовольствіемъ и благодарностью заплачу». Вотъ еще одна наивная просьба Зельднера: «По случаю, что вы прислали сушоновыхъ вишень и сливъ къ сыну, я узналъ, что у васъ садовникъ дѣлаетъ такихъ прекрасныхъ корзинокъ; если можно было васъ беспокоить, то я бы просилъ васъ покорнѣйше, чтобъ вы мнѣ сдѣлали одолженіе заказать у него двухъ немного болѣе, нежели того, который вы прислали съ вишнями», и т. д...

Зельднеръ, какъ можно судить по немногимъ, дошедшимъ до насъ даннымъ, былъ типичнымъ педагогомъ-«нѣмцемъ». Происхожденіе его неизвѣстно. Вдова директора Кукольника въ своихъ извѣстахъ на гимназическую корпорацію утверждала, что «Зельднеръ, какъ иностранецъ, будучи неизвѣстнаго состоянія, едва ли можетъ принадлежать къ благородному сословію». Ученики не любили его, и свой авторитетъ онъ сохранялъ только въ глазахъ маленькихъ воспитанниковъ. Съ смѣшной фигурой, онъ былъ неистощимымъ предметомъ для насмѣшекъ. Въ воспоминаніяхъ г. Пашкова, напечатанныхъ въ «Берегѣ» (№ 268, отъ 18-го декабря 1880 года), разсказывается о томъ, какъ Гоголь умѣлъ организовать систематически-шутливое преслѣдованіе искусно-скрываемыми шалостями противъ Зельднера ¹⁾. Въ рапортѣ инспектора гимназіи отъ 20-го ноября 1826 года отмѣчено, что пансіонеръ Данилевскій посаженъ на послѣднее мѣсто за то, что «пѣлъ пѣсенку, давно сочиненную противъ надзирателя Зельднера». Этотъ наказанный пансіо-

¹⁾ Шенрокъ. Мат

1, 137.

неръ, ближайшій другъ Гоголя, А. С. Данилевскій сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ одну сценку, ярко рисующую отношеніе мальчиковъ и Гоголя къ своему ментору. «Помню одинъ забавный случай съ надзирателемъ Зельднеромъ,—разсказывалъ А. С. Данилевскій г. Шенроку.—Зельднеръ навязался ѣхать съ нами. Коляску прислали четверомѣстную. Было бы мѣсто для всѣхъ, но къ намъ напросился еще нѣкто Щербакъ... Зельднеръ еще сохранялъ тогда для насъ авторитетъ; его присутствіе насъ очень стѣсняло. Къ тому же съ нимъ было несчастье: каждый разъ, когда онъ пускался въ дорогу, съ нимъ случалось разстройство желудка, да и въ деревнѣ жить съ нимъ было не очень пріятно. Онъ ѣхалъ къ намъ обоимъ, но обоимъ не хотѣлось его брать. Когда условились съ нимъ ѣхать, то онъ пошелъ съ нами на черный дворъ, гдѣ была коляска, и хотѣлъ непременно доказать, что можно ѣхать впятеромъ... Наружность его была забавна, ноги циркулемъ... Наконецъ, все было готово къ отъѣзду. Наканунѣ жена Зельднера, Марья Николаевна, напекла намъ на дорогу пирожковъ, и на другой день, чѣмъ свѣтъ, мы должны были тронуться въ путь. Но мы составили заговоръ—уѣхать ранѣе. На другой день, утромъ, пріѣхавшій за нами человекъ Гоголя, Ѳедоръ, разбудилъ насъ въ музеѣ (такъ назывались отдѣленія, на которыя раздѣлялись воспитанники). Зельднеръ потомъ насъ долго искалъ и ни за что не хотѣлъ повѣрить, что мы уѣхали. «А мерзкая мальчишка!» говорилъ онъ».

Не стоитъ говорить о какихъ либо педагогическихъ принципахъ Зельднера, потому что врядъ ли они были. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ онъ самъ высказываетъ въ письмѣ къ Василию Аванасьевичу. «Безъ маленькіе благородніе наказаніе не воспитывается не одинъ молодой человекъ, и мы все такъ въ нашихъ молодыхъ лѣтахъ были воспитанны». Зельднеръ былъ не только надзирателемъ въ пансіонѣ и преподавателемъ въ гимназіи, онъ бралъ къ себѣ на квартиру вольно-приходящихъ учениковъ. Попечитель округа дѣлалъ по этому поводу запросъ назначенному на мѣсто Кукольника новому директору Орлаю. Повидимому, и Зельднеръ и другой надзиратель, державшій пансіонеровъ, Аманъ, не особенно смотрѣли за нравственностью воспитанниковъ. Помѣщикъ Краснокутскій доносилъ попечителю, что «нѣкоторые изъ воспитанниковъ, жившихъ у нихъ, заражены венерической болѣзнью». Орлай препроводилъ попечителю объясненіе Амана и Зельднера, что «родителямъ содержимыхъ ими дѣтей извѣстно, что они всегда въ связяхъ общегитія вели себя благородно, отличались добронравіемъ, почему многіе изъ родителей вѣряли имъ дѣтей своихъ для наставническаго смотрѣнія и упражненія въ иностранныхъ языкахъ, что таковое довѣріе всегда было оправдано особеннымъ о дѣтяхъ попеченіемъ, что съ своей стороны родители находятъ оное таковымъ, какового только желать имъ можно» и т. д. Сооб-

щаемыхъ здѣсь свѣдѣній достаточно для характеристики того лица, которое стояло такъ близко къ мальчику Гоголю.

Послѣ назначенія директоромъ училища Орлая, мальчикъ нашелъ въ немъ еще одного человѣка, участливо относившагося къ нему. Съ Иваномъ Семеновичемъ Орлаемъ Василій Аванасьевичъ встрѣтился въ Кибинцахъ, имѣннѣи Д. Т. Трощинскаго, лѣтомъ 1821 года, когда Орлай заѣзжалъ въ Нѣжинъ съ цѣлью познакомиться съ мѣстомъ своего возможнаго служенія и купилъ въ Миргородскомъ уѣздѣ небольшую деревню. У Василя Аванасьевича и Орлая существовали тоже «патріархальныя» отношенія: они были связаны взаимными одолженіями и услугами. Орлай покровительствовалъ сыну Василя Аванасьевича, удовлетворялъ, когда нужно, его денежные нужды, а Василій Аванасьевичъ присматривалъ за его деревенькой, находившейся по сосѣдству съ деревней матери Николая Васильевича, и исполнялъ кое-какія просьбы Орлая; пріискалъ покупателя на имѣніе и т. д. Въ письмахъ перваго періода пребыванія своего въ гимназіи (1821—1825 гг.) Николай Васильевичъ упоминаетъ всегда съ доброжелательнымъ чувствомъ объ Орлаѣ. Н. В. Кукольникъ, вспоминая объ отношеніяхъ Орлая къ Николаю Васильевичу, передаетъ слѣдующій характерный эпизодъ: Иванъ Семеновичъ не жаловалъ, если ученики во время лекцій оставляли классы и прогуливались по коридорамъ, а Гоголь любилъ эти прогулки, и потому не мудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходилъ изъ бѣды и всегда одной и той же продѣлкой. Завидѣвъ Ивана Семеновича издали, Гоголь не прятался, шолъ прямо къ нему на встрѣчу, раскланивался и докладывалъ: «ваше превосходительство! Я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію идетъ все очень хорошо»...—«Душевно благодарю! Будете писать къ матушкѣ, не забудьте поклониться и отъ меня и поблагодарить»... Таковъ былъ обыкновенный отвѣтъ Ивана Семеновича, и Гоголь безнаказанно продолжалъ «вою прогулку по коридорамъ».

Иванъ Семеновичъ Орлай и Василій Аванасьевичъ находились въ перепискѣ. Въ нашемъ распоряженіи находится одно письмо Ивана Семеновича къ Гоголю. Оно ярко рисуетъ сущность ихъ отношеній другъ къ другу и даетъ любопытныя свѣдѣнія объ успѣхахъ учениковъ гимназіи высшихъ наукъ, происходившихъ изъ Полтавской губерніи и, конечно, извѣстныхъ Василю Аванасьевичу. Самая форма, въ которой заключены оцѣнки ихъ познаній, характерна для личности Орлая. Между прочимъ онъ даетъ отзывъ и о Николаѣ Васильевичѣ. Приводимъ это до сихъ поръ ненапечатанное письмо.

«Милостивый государь, почтеннѣйшій другъ Василій Аванасьевичъ! Уже много времени прошло, что мы не бесѣдуемъ письменно,

причиною сему, конечно, и мои и ваши завѣты. Я знаю, сколь много любите вы сына своего, а по сему и считаю во-первыхъ нужнымъ увѣдомить васъ, что онъ здоровъ и хорошо учится.

«Послѣ посѣщенія вашего, въ подвѣдомой мнѣ гимназiи высшихъ наукъ князя Безбородко произошли великія перемѣны къ усовершенствованію ея, что вы изволите усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ списка чиновниковъ, на лицо находящихся. Къ великому моему удовольствію, могу васъ увѣдомить, что питомцы изъ Полтавской губерніи верхъ берутъ надъ другими. Въ 7-мъ классѣ Рѣдькинъ изъ Роменъ занимаетъ первое мѣсто, какъ по успѣхамъ въ наукахъ и языкахъ, такъ и по поведенію; Барановъ изъ Сорочинцы въ томъ же классѣ послѣ полугоднаго испытанія занялъ второе мѣсто и состязается съ Рѣдькинымъ о первенствѣ; Бороздинъ въ шестомъ классѣ въ числѣ превосходныхъ; Пащенко въ третьемъ классѣ первенствуетъ; Данилевскій въ пятомъ классѣ превосходный, Полторацкій во второмъ классѣ превосходный и Забѣлла въ томъ же классѣ взялъ верхъ надъ всѣми. Жаль, что вашъ сынъ иногда лѣнится, но когда принимается за дѣло, то и съ другими можетъ поравняться, что и доказываетъ его отличныя способности. Такъ какъ мой Михайлодаръ отъ бытности моей въ Нѣжинѣ приноситъ мнѣ мало выгоды, то я прошу васъ прискаты мнѣ покупщика и увѣдомить меня о цѣнѣ, какую дадутъ за оный. Скотъ мой доселѣ находился у Петра Ивановича Ломиковскаго; я прошу васъ попросить Петра Ивановича передать оный крѣпостнымъ моимъ, при Михайлодарѣ находящимся.—Его высокопревосходительству Димитрію Прокофьевичу ¹⁾ и его превосходительству Андрею Андреевичу ²⁾, равно какъ и почтеннѣйшей вашей супругѣ Марьѣ Ивановнѣ прошу засвидѣтельствовать мое высокопочитаніе и преданность. Впрочемъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашъ покорный слуга Иванъ Орлай. Нѣжинъ. 28 марта 1824».

II.

Первый мѣсяцъ школьной жизни Николая Васильевича.—Исторія перваго искренняго письма Гоголя и возникновеніе неискренности.—Письма Зельднера о школьной жизни Николая Васильевича (1821—1822 г.г.).

Въ августѣ мѣсяцѣ 1821 года, прокуроръ Бажановъ привезъ сына Василія Аванасьевича въ Нѣжинъ и сдалъ его въ пансіонъ. Въ первый разъ одиннадцатилѣтній мальчикъ оставался надолго одинъ, вдали отъ своихъ родныхъ; на этотъ разъ не было съ нимъ

¹⁾ Троцинскій, министр, жившій на покой въ Кибинцахъ, недалеко отъ Васильевки.

²⁾ Троцинскій, племянникъ Дм. Прокоф. Троцинскаго.

и брата, который раздѣлялъ его одиночество въ Полтавѣ. Съ своими товарищами-земляками онъ не такъ скоро сошелся. Только слуга Семень, котораго прислали вмѣстѣ съ нимъ изъ дома и который былъ теперь поваромъ при пансіонѣ, напоминалъ ему о родномъ домѣ, утѣшалъ его въ безутѣшной, дѣтской скорби. Около мальчика былъ еще Зельднеръ, котораго Василій Аванасьевичъ просилъ позаботиться о сынѣ, но отношенія этого надзирателя далеко не напоминали родственныхъ и дружескихъ отношеній. Онъ не входилъ въ настроеніе своего питомца, да и не могъ, пожалуй, тепло и сердечно отнестись къ маленькому мальчику, оторванному отъ дома. Его обязанности состояли только въ томъ, чтобы время отъ времени сообщать отцу, что съ сыномъ все благополучно, что онъ, «слава Богу, здоровъ и благополученъ». Первые письма мальчика проходили черезъ его руки: первое изъ дошедшихъ до насъ нѣжинскихъ писемъ было переслано имъ при своемъ письмѣ. Этотъ контроль не могъ не отозваться на содержаніи писемъ; въ нихъ нельзя было писать о своихъ чувствахъ, нужно было писать, какъ надо, какъ пишутъ, нужно было для выраженія тѣхъ или другихъ отношеній употреблять установленныя формулы съ общимъ содержаніемъ, крайне не характернымъ для пишущаго лица. Поэтому въ первыхъ письмахъ Гоголя нельзя, какъ это дѣлаетъ Кояловичъ ¹⁾, усматривать его первыхъ литературныхъ опытовъ. Онъ просто писалъ, какъ писали и совѣтовали ему писать старшіе. «Какъ бы я желалъ, чтобы вы были въ совершенномъ здравіи и благополучіи, дай Богъ, чтобы Онъ принялъ желаніе вашего сына, который навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью останется вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ». Такими фразами переполнены первые письма Гоголя, и нѣтъ возможности видѣть въ нихъ первые попытки писать: совершался безсознательно процессъ усвоенія стила, эпистолярной формы. Пускать въ ходъ готовые формы для выраженія извѣстныхъ настроеній, не вносить въ нихъ сознательно оттѣнковъ, бросающихъ свѣтъ на истинное отношеніе автора къ своему предмету, вошло у Гоголя въ привычку, и это обстоятельство всегда нужно имѣть въ виду при анализѣ его писемъ.

По письмамъ Николая Васильевича (IV—VII письма въ первомъ томѣ «Писемъ Н. В. Гоголя», изданныхъ Марксомъ) и по дошедшимъ до насъ, но до сихъ поръ не напечатаннымъ письмамъ Зельднера, можно составить себѣ яркое представленіе о томъ, какъ мальчикъ-Гоголь пережилъ свой первый мѣсяцъ гимназической жизни. Вскорѣ по пріѣздѣ Гоголя въ Нѣжинъ Зельднеръ отправилъ отцу Гоголя слѣдующее письмо:

¹⁾ «Московскій Сборникъ», 1887, 236.

«Милостивый Государь мой Василий Афанасіевичъ! Въ день прїѣзда вашего сына съ г-номъ Бажановымъ прїѣхаль также вечеру поваръ вашъ и привезъ мнѣ всѣ провизіе о котораго вы изволите говорить въ вашемъ письмѣ, которое я имѣлъ удовольствіе получить на сихъ дняхъ. Я покорнише васъ благодарю за эту присилку и за деньги, которіи мнѣ слѣдовали по щетамъ моемъ. Сынъ вашъ, слава Богу! здоровъ и благополученъ, какъ вы видите изъ его письмо. Въ разсужденіи его здоровіи и во всѣхъ случаяхъ я буду его вторимъ отцемъ и прошу васъ не малѣйше себѣ беспокоить. Въ писаніи онъ нѣсколько лѣнивъ, и я ужасно занятъ, но я посмотрю, что онъ почаще пишетъ, а я также буду писать, сколько мое время позволить. Я очень бы желалъ быть у васъ въ Кишинцахъ, но такъ какъ мнѣ теперь не нужно ѣхать въ Харьковъ и мое должностъ не позволить быть въ отсутствіе, я не думаю имѣть въ скоромъ времени удовольствіе у васъ быть; но скоро ожидаемъ васъ здѣсь. Повторяю моя прозба прїѣхать, когда вы прїѣдете прямо ко мнѣ на дворъ, а я вамъ доставлю всѣ выгоды. Есть ли васъ не очень беспокоить, то тогда прошу васъ покорный мнѣ тамъ купить одинъ или два возовъ венгерскихъ сливъ; что они стоить, я вамъ съ большимъ удовольствіемъ и благодарностью расплачу. Какъ скоро о открытіи и прїѣздѣ новаго директора будетъ слишно, то тогда вамъ сейчасъ пишу. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе супругѣ вашей и имѣю честь пробывать съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію Милостивой Госуд.! вашъ покорн: слуга Е. Зельднеръ 1821 года 13 августа. Въ Нѣжинѣ».

Приложенное къ этому письму Зельднера письмо Гоголя-сына—типичная формула для выраженія извѣстнаго отношенія. Вотъ оно цѣликомъ: «Дражайшіе родители, папенька и маменька! Освѣдомившись, что вы находитесь здоровы, пишу къ вамъ единственно для того, чтобы благодарить васъ за ваше родительское ко мнѣ расположеніе и просить Бога, чтобы даровалъ вамъ совершенное здравіе и спокойствіе. Что касается до меня, я, слава Богу, здоровъ, чего желая вамъ остаюсь навсегда вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ и покорнымъ слугою Николай Гоголь-Яновскій». Конечно, въ такой формулѣ, да еще прошедшей черезъ руки педагога, нечего искать данныхъ для характеристики душевнаго состоянія. Мальчикъ чувствовалъ себя совсѣмъ не такъ хорошо, какъ значится въ формулѣ, и ему хотѣлось написать совсѣмъ не то, что онъ написалъ, но письмо, написанное иначе, нужно было переслать другимъ путемъ, а не черезъ Зельднера. И, несмотря на то, что оно попало на глаза Зельднеру, и онъ запретилъ его посылать, мальчикъ все-таки нашелъ случай доставить письмо своимъ родителямъ. Письмо это сохранилось и среди всѣхъ остальныхъ дѣтскихъ писемъ поражаетъ своею искренностью и цѣльностью. Мальчикъ

писалъ о томъ, что ему грустно, и не заботился о впечатлѣннѣи, которое можетъ произвести его письмо на отца и мать. А оно произвело эффектъ необычайный. Василій Афанасьевичъ и Марія Ивановна безъ ума любили своего сына: слова «безъ ума», кажется, не будутъ преувеличеніемъ. Стоило имъ получить письмо сына, въ которомъ онъ писалъ о своей грусти, и которое вносило диссонансъ въ сообщенія Зельднера, и въ Нѣжинъ полетѣли запросы о здоровьѣ Николая Васильевича. Мы приведемъ одинъ очень характерный отрывокъ изъ неизданнаго письма Ольги Дмитріевны Трощинской къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь, съ которой она дѣятельно переписывалась и отъ которой узнала о грустномъ положеніи Никоши (такъ звали Николая Васильевича въ семьѣ) и о горѣ Василя Афанасьевича. Письмо это помѣчено: «14 сентября 1821 года, Кагорлыкь». «Скажи своему Василечкѣ (т. е. Василю Афанасьевичу),—пишетъ Трощинская,—что я при первомъ свиданіи съ нимъ выдеру ему уши, за то что онъ всякую бездѣлицу очень горячо принимаетъ. Не стыдно ль ему занемочь отъ того, что Никоша скучаетъ въ пансіонѣ безъ васъ, это не новое, что дѣти, послѣ ваканціи и разставшись съ родителями, грустятъ. Прости, мой дружокъ, будь благоразумнѣе его, не огорчайся такой бездѣлицей и береги свое здоровье, ибо оно очень драгоценно для дѣтей твоихъ».

На запросъ Василя Афанасьевича Зельднеръ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ, рисующимъ то настроеніе, въ которомъ мальчикъ писалъ свое первое искреннее письмо.

«Милостивый Государь, почтеннѣйшій Василій Афанасіевичъ! Жаль, очень жаль мнѣ, что сынъ вашъ вамъ причинилъ чрезъ его безразсудность столько безпокойствъ и печаль. Онъ, слава Богу, пріѣхалъ здоровъ къ намъ и былъ также здоровъ и веселъ до сихъ поръ. Вчера, въ этое самое время, когда я преподавалъ немецкой языкъ во второмъ класѣ, гдѣ и онъ помѣстился, пришелъ Карль Карловичъ (Фибингъ, гимназическій врачъ), какъ обыкновенно каждый день, спросить, нѣтъ ли кто боленъ, и спрашивалъ, разговорившій болѣе 10 минутъ съ вашимъ сыномъ, а именно его объ его здоровіи, пишетъ ли онъ часто къ вамъ, здорови ли вы и прочіе, на чего онъ отвѣчалъ, что онъ совершенно здоровъ, Фибингъ также продолжалъ: не течетъ ли его ухо и не чувствуетъ ли онъ никакой боль, и онъ на всѣ вопросы отвѣчалъ, что онъ совершенно здоровъ. Что сынъ вашъ очень не разсудный мальчикъ во всѣхъ дѣлахъ и что онъ часто во зло употребляетъ ваше отеческой любовь, отъ того я вамъ только одинъ примѣръ здѣсь скажу. За двѣ недѣли онъ долженъ былъ наказанъ быть за незнаніе урокъ, и за то я приказалъ ему не дать чаю послѣ обѣда, потому что онъ еще не разъ во все это время, что онъ здѣсь, зная (?). Другое утро я его принудилъ писать къ вамъ письмо, какъ я и всѣ мои товарищи его безпрестанно должны принудить

учиться (ибо иначе онъ не принимается за урокъ) и писавшій письмо, я вдругъ вижу, что онъ вамъ писалъ слѣдующія слова: «почтеннѣйшій папинька! Спѣшите пріѣхать, чтобъ вы видѣли, въ какомъ печалѣ сынъ вашъ и какой участь онъ имѣеть». Видѣвши эти строки, я ему выговоръ здѣлалъ и не позволилъ, что онъ такой письмо отправилъ, но что онъ писалъ справедливо и особливо о своемъ здоровьѣ. Я увѣренъ, что сіе извѣстіе вамъ очень непріятно, потому вы—отецъ и имѣете только одного сына, но будьте спокойны и увѣрены, что мы все будемъ стараться ему отвикать худыя привычки и научить ему самой лучшей нравъ. Что касается до сохраненія его здоровья, я не перестану всегда исполнить ваше прозбы, такъ какъ это, кромѣ того, уже наша должность требуетъ. Я не хотѣлъ вамъ все сіе писать, но вы требуете отъ меня, что я вамъ обстоятельно писалъ. Есть ли вы точно истинно полагаете всегда на мое попеченіе и справедливость къ вашему сыну, то тогда я всегда буду объ немъ стараться и все для его дѣлать, что въ моемъ состояніи, но много родителей есть, хотя очень разумные, которые въ разсужденіи своихъ дѣтей слѣпы и даже сердятся, если имъ говорятъ правду.

«Безъ маленькіе благородніе наказаніе не воспитывается не одинъ молодой человѣкъ, и мы все такъ въ нашихъ молодыхъ лѣтахъ были воспитанны. Еще сынъ вашъ нуждается деньгами, и я ему уже нѣсколько давалъ по его просьбѣ. Онъ говоритъ, что поваръ вашъ ему препорученныя деньги почти на дорогѣ издерживалъ. Я ему еще дамъ, когда нужно будетъ. Вино я не получилъ. Когда я вамъ не пишу впередъ о болѣзни вашего сына, то тогда почитаете за обманъ. Въ прочемъ имѣю честь пребыть съ всегдашнимъ высокопочитаніемъ, Милостивый государь, вашъ покорный слуга Егоръ Зельднеръ. Моя жена и я свидѣтельствуемъ наше почтеніе вашей почтеннѣйшей супругѣ. 1821 года 1 сентября. Въ Нѣжинѣ».

Но какое же это письмо надѣлало столько тревоги, такъ взволновало родителей и заставило Зельднера сообщить кое-что изъ тайнъ гимназической жизни? Оно такъ выдѣляется изъ всѣхъ другихъ писемъ, такъ характерно для мальчика Гоголя, что мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ: «Дражайшіе родители, папенька и маменька! Весьма опечалился, услыша, что вы пріѣдете еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ахъ, какъ бы я желалъ, еслибъ вы пріѣхали какъ можно поскорѣй и узнали бъ объ участи своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь—напротивъ того. О, если бы, дражайшіе родители, пріѣхали въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, тогда бы вы услышали, что со мною дѣлается! Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день слезы рѣкой льются, и самъ не знаю отчего, а особливо когда вспомню объ васъ, то градомъ такъ и льются. И теперь у меня грудь такъ

болить, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать. Не забудьте также добраго моего Симона, который такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной ночи, чтобы онъ не увѣщевалъ меня не плакать объ васъ, дражайшіе родители, и часто просиживалъ по цѣлой ночи надо мною. Уже его просилъ, чтобы онъ пошелъ спать, но никакъ не могъ принудить. Жалованья ему не выдаютъ, и онъ принужденъ самъ на насъ всѣхъ готовить кушанье, ибо другого повара нѣту. Былъ одинъ, и тотъ выпросился домой на два мѣсяца... P. S. Учениковъ же о сию пору и половины нѣту. 1821 года, августа 14-го. Нѣжинъ».

Это письмо такъ ярко и такъ искренно написано, и его авторъ, какъ живой, является въ нашемъ воображеніи. Одиннадцати-лѣтній мальчикъ, котораго дома любили безъ ума, на рукахъ носили... единственный сынъ, гордость семьи... необыкновенно впечатлительный и ужасно набалованный... И онъ остался одинъ, въ пансіонѣ. Скучно здѣсь, воспитатели и учителя его каждый день «принуждаютъ», а отца, мать и домъ онъ такъ еще не скоро увидитъ. И мальчикъ просто заливается отъ слезъ; онъ такой набалованный: ему ужъ показалось, что и грудь болить. Во всемъ письмѣ — жажда ласки, а тутъ — этотъ «нѣмецъ», который какъ разъ наканунѣ наказалъ его, чая не приказалъ давать ему послѣ обѣда. Мальчикъ не привыкъ къ такому обращенію: его дѣтское самолюбіе было рѣзко задѣто. Наказаній онъ не выносилъ и, чтобы избѣжать ихъ, пускался иногда на необыкновенныя хитрости. Очень кстати привести здѣсь изъ воспоминаній Кукольника одинъ эпизодъ: «Гоголь, еще въ низшихъ классахъ, какъ-то провинился, такъ что попалъ въ уголовную категорію. «Плохо, братъ», — сказалъ кто-то изъ товарищей: «высѣкутъ!» — «Завтра!» — отвѣчалъ Гоголь. Но приговоръ утвержденъ, ликторы явились. Гоголь вскрикиваетъ такъ пронзительно, что мы всѣ испугались, и сходить съ ума. Поднимается суматоха. Гоголя ведутъ въ больницу и лѣчатъ отъ сумасшествія. Словомъ до того искусно притворился, что мы всѣ были убѣждены въ его помѣшательствѣ».

Первое искреннее письмо имѣло послѣдствія, которыя врядъ ли ожидалъ его авторъ. Надзиратель сдѣлалъ, конечно, строгій выговоръ мальчику и поставилъ ему на видъ, что такъ нельзя писать письма родителямъ, такъ какъ такія письма слишкомъ тревожатъ ихъ. Родители, съ своей стороны, въ письмахъ къ сыну, по всей вѣроятности, тоже упрекали мальчика: изъ этихъ упрековъ мальчикъ могъ заключить, что его отношеніе къ родителямъ было безжалостнымъ, такъ какъ онъ не предусмотрѣлъ того впечатлѣнія, которое должно было произвести его письмо на людей, становившихся по временамъ больными отъ любви къ нему. Николай Ва-

сильевичъ долженъ былъ, и по настоянію Зельднера, конечно, и подъ вліяніемъ родительскихъ писемъ, извиняться въ томъ горѣ, которое причинило его письмо, и немного измѣнить свое прежнее сообщеніе о болѣзни и тѣмъ успокоить родителей. «Дражайшіе родители, папенька и маменька!—писалъ мальчикъ 6-го сентября 1821 года,—извините меня, что я писалъ такое письмо къ вамъ. Но когда бы вы знали, въ какомъ я тогда находился положеніи! Пріѣхавши въ Нѣжинъ, на другой день стала у меня болѣть грудь. Ночью такъ у меня болѣла грудь, что я не могъ свободно дышать. Поутру стало лучше, но грудь моя все-таки болѣла, а потому я опасался, чтобы не было чего нибудь худого, и притомъ мнѣ было очень грустно въ разлукѣ съ вами. Но теперь, славу Богу, все прошло, и я здоровъ и веселъ».

Исторія съ первымъ искреннимъ письмомъ имѣла большое значеніе въ развитіи душевнаго настроенія мальчика, начинавшаго жить сознательной жизнью. Прежде онъ учился у старшихъ искусству писать письма и бессознательно усваивалъ извѣстныя принятые выраженія и формулы и принятый эпистолярный стиль, не раздумывая о томъ, что формулы выраженія чувствъ и самое содержаніе ихъ расходятся. Теперь, послѣ перваго опыта искренняго письма, онъ понялъ необходимость, удобство и значеніе формъ, позволяющихъ поверхностно относиться къ содержанію настроенія. Еще одинъ урокъ Гоголь вынесъ изъ этой исторіи. Онъ понялъ, что не всегда нужно и стоитъ писать то, что имѣешь на душѣ, что нужно приспособляться и соображаться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое могутъ вызвать его письма въ читателѣ. И дѣйствительно, изъ чтенія переписки Гоголя выносишь убѣжденіе въ томъ, что Гоголь почти всегда проектировалъ содержаніе своихъ писемъ въ душѣ своего читателя. Такое отношеніе Гоголя къ своимъ письмамъ всегда нужно принимать во вниманіе при оцѣнкѣ ихъ искренности и ихъ значенія для исторіи души Гоголя. Таковы были тѣ первыя впечатлѣнія, которыя принесла школа жизни великому сатирику. Они далеко не были мимолетными, въ сущности они были частнымъ проявленіемъ отношенія челоуѣка къ одному очень большому жизненному вопросу. Та дѣйствительность, которая окружала Гоголя въ дѣтскомъ возрастѣ, съ особенной опредѣленностью и рѣзкостью ставила этотъ вопросъ: можно ли думать одно и говорить другое, не то, что думаешь? Къ сожалѣнію, современная Гоголю дѣйствительность отвѣчала на этотъ вопросъ утвердительно. И дома, изъ отношенія своихъ родителей хотя бы къ Трощинскому, и въ училищѣ, изъ отношенія педагоговъ къ его отцу и къ нему, мальчикъ видѣлъ, какъ расходится слово и мысль, и какъ неискреннее отношеніе входитъ въ плоть и кровь людей.

Послѣ инцидента съ письмомъ школьная жизнь Гоголя вошла въ колею. Время развѣяло грусть, и обиходъ гимназической жизни

долженъ былъ затянуть и Николая Васильевича. Зельднеръ по-прежнему отписывался, сообщая Василию Аванасьевичу о гимназическихъ новостяхъ и о здоровьѣ его сына; только теперь онъ считалъ нужнымъ къ фразѣ «вашъ сынъ здоровъ» прибавлять «и веселъ». Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1821 года Зельднеръ отправилъ Василию Аванасьевичу слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь Василий Афанасіевичъ! Пріятнѣйшее письмо ваше отъ 14-го с. м. я имѣлъ честь получить, также какъ и на имя сына вашего, который до сихъ поръ, слава Богу, въ совершенномъ добромъ здоровьѣ и очень веселъ. Я также могу вамъ справедливо сказать, что я на счетъ его прилежности теперь очень доволенъ. И надѣюсь, что онъ и больше будетъ слѣдовать впередъ примѣрамъ лучшихъ учениковъ и моимъ безпрестаннымъ добрымъ наставленіямъ. Что касается до новаго начальника нашей гимназіи, я имѣю честь вамъ сказать, что справедливо, что Иванъ Семеновичъ Орлай отъ 3 числа прошлаго мѣсяца утвержденъ директоромъ, о чемъ всѣ мы чрезвычайно рады, особливо я, потому что моя жена съ семействомъ его довольно кратко знакомъ и хвалить не только его, а тоже всю его фамилію. Еще могу вамъ сказать, что попечитель Харьковскаго учебнаго округа Корнѣевъ прошлаго мѣсяца намъ приказалъ тотчасъ выгнать госпожу Кукольникову съ семействомъ изъ нашей гимназіи по причинѣ разныхъ неудовольствій и безпокойства, которое она намъ сдѣлала ¹⁾.

«Дѣти наши всѣ въ мондирѣ и очень хорошо одѣты. Еще прибавлены два учителя: протопопъ Павелъ, какъ законоучитель, и профессоръ политическихъ наукъ, г-нъ Билевичъ. Извините, что я очень рѣдко пишу вамъ. Я такъ занятъ дома и въ гимназіи, что я не найду время писать. При семъ свидѣтельствую усерднѣйше почтеніе, съ коимъ не перестану быть вашъ, милостивый государь, покорный слуга Е. Зельднеръ. 1821 года 22 октября, въ Нѣжинѣ».

Съ пріѣздомъ Орлая, заботы Зельднера о Николаѣ Васильевичѣ уменьшились, потому что Орлай былъ также знакомъ Василию Аванасьевичу и для него готовъ былъ позаботиться о сынѣ. Съ теченіемъ времени, Зельднеръ отошелъ на второй планъ въ жизни своего питомца, и авторитетъ его падалъ по мѣрѣ того, какъ подрастали его ученики. Страхъ и боязнь смѣнились насмѣшками и издѣвательствами. Кромѣ приведенныхъ уже писемъ Зельднера къ Василию Аванасьевичу, сохранилось еще одно, которое было написано, повидимому, по одному поводу, изложенному въ концѣ письма.

¹⁾ Вдова Кукольника послѣ смерти мужа занималась сочиненіемъ извѣстовъ на преподавателей гимназіи и въ томъ числѣ и на Зельднера.

«Милостивый Государь Василий Аванасіевичъ! Пріятнѣйшее письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить 5-го с. м. Изъ онаго вижу, что вы изволите пріѣхать сюда при первомъ зимнемъ пути для свиданія съ сыномъ вашимъ Николаемъ, чему и я очень радъ буду. Вы напрасно беспокоитесь, милостивый государь, въ разсужденіи здоровья его, ибо, гдѣ Иванъ Семеновичъ (Орлай) печется о благополучіи и здоровьѣ дѣтей и добрый пріятель, какъ я считаюсь съ вами быть, тамъ родители могутъ быть совершенно спокойны. Правда, что сынъ вашъ былъ боленъ, имѣлъ шкарлатина, и его болѣзнь продолжался почти 2 недѣли, но мы такъ его берегли, какъ роднаго сына, и имѣли надъ нимъ всевозможный присмотръ. Послѣ болѣзни мы все еще не позволяли ему итти за столъ въ низъ, чтобъ не простудился, цѣлую недѣлю, но теперь могу васъ увѣрить, что онъ совершенно выздоровѣлъ.

«По случаю, что вы прислали сушоныхъ вишенъ и сливъ къ сыну, я узналъ, что у васъ садовникъ дѣлаеть такихъ прекрасныхъ корзинокъ; естли можно было васъ беспокоить, то я бы просилъ васъ покорнѣйше, чтобъ вы мнѣ сдѣлали одолженіе заказать у него двухъ, немного болѣе, нежели того, который вы прислали съ вишнями, а одной овальной въ два больше, какъ этихъ, а что слѣдуетъ за нихъ, я буду за работу съ удовольствіемъ ему заплатить, но послѣдній прошу заказать съ дугою. Моя жена и я свидѣтельствуемъ вамъ и почтеннѣйшей супругѣ вашей наше нижайшее почтеніе. Въ прочемъ желая вамъ совершенное здоровье и благополучіе, имѣю честь пробить съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Егоръ Зельднеръ. P. S. Я теперь тоже перешелъ въ гимназію и живу тамъ, гдѣ прежде жилъ профессоръ Миллеръ, когда вамъ эта квартира извѣстна. 1822 года 8 ноября. Нѣжинъ».

Болѣзнь, о которой пишетъ въ этомъ письмѣ Зельднеръ, приключилась съ Гоголемъ осенью 1822 года. Въ письмѣ отъ 10-го октября 1822 года Николай Васильевичъ сообщаетъ родителямъ: «Извините, что столь долгое время не могъ писать къ вамъ. Причиною сему было, что я опасно былъ боленъ; но теперь уже почти выздоровѣлъ». Въ этомъ же письмѣ мальчикъ проситъ своихъ родителей вспомнить обѣщаніе прислать сушоныхъ вишенъ безъ косточекъ. Корзины, въ которыхъ прислали изъ Васильевки эти вишни, соблазнили Зельднера и, кажется, вызвали въ немъ желаніе сообщить Василию Аванасіевичу о его сынѣ.

III.

Къ психологіи дѣтства Гоголя: основное настроеніе его душевныхъ переживаній, отношеніе къ товарищамъ, значеніе мистификаціи въ его жизни. — Исторія внѣшнихъ успѣховъ Гоголя въ школь, театрѣ и литературѣ. — Ростъ духовной личности Гоголя. — Смерть отца. — Значеніе игры въ дѣтствѣ Гоголя.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1825 года умеръ Василій Аванасьевичъ Гоголь. Его смерть была самымъ значительнымъ и самымъ тяжелымъ событіемъ въ исторіи внутренней жизни Николая Васильевича въ гимназическіе годы. Она застала его въ періодъ формировки характера, выработки нѣкоторыхъ убѣжденій и правилъ жизни и завершила этотъ процессъ. Гоголь изъ отрока сталъ юношей; беззаботность въ сферѣ жизненныхъ отношеній замѣнилась серьезнымъ настроеніемъ; жизнь напомнила юношѣ объ обязанностяхъ, потребовала отъ него извѣстнаго отношенія къ нимъ и заставила его глубже и серьезнѣе взглянуть на окружающее. Эту перемѣну сознавалъ самъ Гоголь, и она рѣзко отразилась на его письмахъ измѣненіемъ тона и содержаніемъ переписки. Мы—въ правѣ выдѣлить періодъ жизни Гоголя со дня поступленія въ гимназію до смерти отца и подвергнуть его разсмотрѣнію. Вообще въ томъ возрастѣ, о которомъ мы будемъ говорить, возрастѣ отъ 11-ти до 16-ти лѣтъ, исчезаетъ хаосъ общихъ чертъ и настроеній, характеризующихъ не лицо, а только возрастъ, и проявляется индивидуальность, особенность природы. Гоголь развивался гораздо быстрѣе, чѣмъ средній мальчикъ, и созрѣлъ раньше сверстниковъ. Конечно, мы не въ состояніи воссоздать внутренній міръ мальчика-Гоголя за это время; мы можемъ лишь намѣтить нѣкоторыя черты характера, которыя отличали Гоголя во все время его жизни, нѣкоторыя настроенія, которыя стали основными, нѣкоторыя склонности, которыя проводили его до могилы. Быть можетъ, намъ удастся уловить тѣ внутренніе мотивы, которые направляли его жизнь въ то время и сохранили свою силу и въ зрѣломъ возрастѣ. Конечно, въ началѣ они могли и не сознаваться, и лишь съ теченіемъ времени становились сознательными.

Источниками нашихъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ жизни Николая Васильевича (1821—1825 гг.) являются его письма домой и рассказы его школьныхъ товарищей. Письма, конечно, важнѣе воспоминаній: послѣднія писались, спустя слишкомъ долгій промежутокъ послѣ событій, о которыхъ идетъ рѣчь; они окрашены иногда въ субъективный тонъ, и не на все въ нихъ можно положиться. Матеріалъ, доставляемый письмами, достовѣрнѣе, но, къ сожалѣнію, онъ слишкомъ скуденъ. Николай Васильевичъ не писалъ о своей внутренней жизни и вообще избѣгалъ въ письмахъ всего, что могло бы встревожить его родителей. Содержаніе писемъ инте-

Портретъ Гоголя, рисованный карандашемъ съ натуры известнымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, въ Римѣ.

тѢС. ЦЕНЗ. 18 янв. 1902 г. СІБ.

ресующаго насъ періода сводится къ сообщеніямъ о новостяхъ гимназической жизни, нерѣдкимъ просьбамъ о высылкѣ различныхъ книгъ, съѣстныхъ припасовъ и денегъ. При чтеніи многочисленныхъ просьбъ о высылкѣ денегъ всегда чувствуется, во-первыхъ, то, что пишущій не сознаетъ въ себѣ права на деньги, и, во-вторыхъ, что деньги, очевидно, цѣнились въ семьѣ Гоголей и давались съ трудомъ. Гоголь почти никогда не обращается съ прямыми и краткими просьбами. Онъ начинаетъ иногда издалека, описываетъ свои нужды и полувопросительно говорить о деньгахъ. «Еще ежели бы вы прислали денегъ мнѣ, потому что моя казна вся истоцилась»... «Прошу васъ прислать мнѣ сколько нибудь денегъ, потому что у меня онѣ вовсе сошли, такъ что я найдусь принужденнымъ занять; да и займы достать негдѣ; а мнѣ надо ужасно, а особенно въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ»... «Такъ, ежели можно... прислать немного денегъ. Сдѣлайте милость, не откажите въ этой просьбѣ». Изрѣдка Гоголь справляется о своихъ домашнихъ и родныхъ и передаетъ имъ поклоны. Лишь въ немногихъ мѣстахъ Гоголь отступаетъ отъ принятаго имъ описательнаго или просительнаго тона и сообщаетъ нѣсколько цѣнныхъ данныхъ для исторіи его внутренняго роста.

До поступленія въ нѣжинскую гимназію Гоголь росъ въ своемъ родномъ домѣ, въ сѣрой обстановкѣ помѣщичьей семьи средней руки. Отецъ и мать—люди среднихъ дарованій, средняго, обычнаго уровня въ взглядахъ на жизнь. Если бы у нихъ не было знаменитаго сына, то ихъ имена исчезли бы въ мракѣ неизвѣстности, и, смѣемъ думать, даже исторія украинской литературы не отмѣтила бы на своихъ страницахъ значенія Гоголя-отца въ исторіи малорусскаго театра. Біографы Николая Васильевича Гоголя взяли на себя задачу доказать, что у замѣчательнаго сына должны были быть и очень замѣчательные родители, но мы не намѣрены здѣсь заниматься вопросомъ объ обстановкѣ дѣтской жизни Гоголя и отсылаемъ читателя къ нашей статьѣ «О первыхъ вліяніяхъ», имѣющей появиться въ «Литературномъ Вѣстникѣ» 1902 года. Здѣсь мы намѣтимъ только важнѣйшее изъ того, что принесъ съ собой Гоголь въ школу. Изъ родного дома Гоголь получилъ любовь къ книгѣ и литературѣ и вынесъ убѣжденіе, что литература имѣетъ извѣстное значеніе. Для него было и этого достаточно. Для насъ неважно знать, какое значеніе признавали за литературой его родители, какіе пробѣлы восполняло чтеніе въ ихъ жизни, съ какой оцѣнкой подходили они къ литературнымъ произведеніямъ. Во всякомъ случаѣ, въ домѣ Гоголей книга считалась вещью, имѣющей извѣстную цѣнность. Андрей Андреевичъ Трощинскій въ находящемся въ нашемъ распоряженіи письмѣ къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь отъ 12-го апрѣля 1813 года писалъ: «Весьма похвально, что вы занимаетесь въ досужее время чтеніемъ полезныхъ книгъ. Жаль

только того, что въ походной моей библіотекѣ немного находится такихъ, которыя относятся къ образованію вкуса, сердца и разума. Мнѣ помнится, что Василій Аѳанасьевичъ имѣлъ намѣреніе записаться сего рода книгами; но, повидимому, крѣпится денежными на то издержками. Со временемъ, однакожъ, я надѣюсь, что онъ лучше вразумится отъ меня о необходимости имѣть у себя избранную библіотеку и о существенной пользѣ, приобретаемой въ общежитіи, а особливо при воспитаніи дѣтей молодцевъ-сыновей, которыхъ обязанъ онъ обще съ вами готовить на службу царю и отечеству». Театральныя представленія и сценическіе успѣхи Василія Аѳанасьевича и отчасти Марьи Ивановны способствовали рожденію въ сынѣ страсти къ театру и воспитывали его комизмъ, который родился вмѣстѣ съ нимъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на томъ, при какихъ условіяхъ и въ какой обстановкѣ Василій Аѳанасьевичъ удовлетворялъ своей страсти къ сценѣ. Въ томъ же письмѣ, изъ котораго мы только что привели отрывокъ, А. А. Троицкій пишетъ: «Весьма также васъ похваляю за доставленное вами благодѣтелю нашему (т. е. Дмитрію Прокофьевичу Троицкому, на домашнемъ театрѣ котораго отличался отецъ Голя) семейное удовольствіе въ принятіи на себя обязанностей по театральнымъ представленіямъ, кои въ согласномъ семейственномъ быту, наипаче для стариковъ, въ большомъ свѣтѣ жившихъ, доставляютъ забавное времяпрепровожденіе».

И такъ своей семьѣ и своимъ родителямъ Гоголь въ большой мѣрѣ обязанъ своей любовью къ книгѣ и къ сценической игрѣ. Но семья и родители дали ему не только это. Изъ дома въ школу мальчикъ принесъ сознаніе объективной цѣнности и значительности своей личности. И мать, и отецъ чрезвычайно любили своего сына, на рукахъ носили его; они ждали отъ него такъ много, носились съ нимъ. Конечно, въ нихъ говорила беззавѣтная любовь къ сыну скорѣе, чѣмъ убѣжденіе, вынесенное изъ наблюденія надъ дарованіями мальчика. Впослѣдствіи Гоголь писалъ о своемъ воспитаніи матери. «Вы употребляли все стараніе воспитать меня какъ можно лучше; но, къ несчастію, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями своихъ дѣтей. Вы были тогда еще молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе, и такъ могли ли вы знать, какъ именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ». Марья Ивановна всегда расточала похвалы своему сыну передъ каждымъ собесѣдникомъ, и Николай Васильевичъ въ письмахъ зрѣлаго возраста не разъ упрекалъ ее въ этомъ и пробовалъ убѣдить ее въ неумѣстности похвалъ. О томъ, какое впечатлѣніе производили разговоры Марьи Ивановны о сынѣ, видно изъ слѣдующаго любо-

пытнаго отрывка изъ письма Василя Яковлевича Ломиковского къ Ивану Романовичу Мартосу ¹⁾. Ломиковский, повидимому, близко зналъ семью Гоголей и тотъ кругъ сосѣдей, въ которомъ они вращались. Письмо написано 9 января 1830 года, послѣ того какъ Николай Васильевичъ совершилъ неудачное путешествіе за границу. Сужденіе Ломиковского о Гоголѣ, его матери и А. А. Трощинскомъ очень характерно и оставалось незамѣченнымъ изслѣдователями Гоголя. Въ виду его интереса позволяемъ себѣ привести это мѣсто все цѣликомъ, хотя для нашей цѣли достаточно было бы нѣсколькихъ строкъ изъ него. «Марья Ивановна весьма ошиблась заключеніями своими о гениальномъ мужѣ, сынѣ ея Никошѣ; онъ, бывъ выпущенъ изъ нѣжинскаго училища, нигдѣ не захотѣлъ служить, какъ въ одномъ изъ министерствъ, и отправился въ столицу съ великими намѣреніями и вообще съ общепольными предпріятіями, во-первыхъ, сообщить матушкѣ не менѣе 6.000 рублей денегъ, кои онъ имѣетъ получить за свои трагедіи; во-вторыхъ, исходатайствовать Малороссіи увольненіе отъ всѣхъ податей. Таковыя способности восхищали матушку, и она находитъ любимой разговоръ свой рассказами о необыкновенныхъ дарованіяхъ Никоши. Едва Никоша прибылъ въ столицу, какъ началъ просить у матушки денегъ, коихъ она переслала выше состоянія; наконецъ, она, думаю, не безъ помощи А. А. (т. е. Андрея Андреевича Трощинскаго) собрала 1.500 рублей для заплаты процентовъ въ банкъ; для исполненія сего вѣрнѣе человѣка не могла найти матушка, какъ сына своего, и тѣмъ вѣрнѣе было сіе, что сыново же имѣніе находится подъ залогомъ. Геній Никоша, получивъ такой кушъ, зѣло возрадовался и поѣхалъ съ сими деньгами вояжировать за границу, но, увидѣвши границу, издержалъ всѣ деньги и возвратился всякъ въ столицу.... Андр. Андр., будучи еще въ Кибенцахъ, узнавъ о такихъ подвигахъ Никоши, сказалъ: «мерзавецъ! Не будетъ съ него добра».... Теперь же Никоша пишетъ къ матушкѣ: «я удивляюсь, почему хвалятъ Петербургъ, городъ сей превозносятъ болѣе, чѣмъ заслуживаетъ, и я, любезная маменька, намѣренъ ѣхать въ Соединенные Штаты и прочее тому подобное».

Нужно замѣтить, что Марья Ивановна, рассказывая постоянно о дорогомъ Никошѣ, имѣла привычку читать его письма и въ своихъ письмахъ къ роднымъ пересказывать ихъ содержаніе. Свидѣтельство Ломиковского относится сравнительно къ послѣднему времени, но нѣтъ сомнѣнія, что родители съ самаго ранняго дѣтства такъ относились къ своему сыну.

¹⁾ «Кіевская Старина», 1898, июнь—августъ, стр. 122. Въ перепискѣ Ломиковского встрѣчается немало любопытныхъ данныхъ для характеристики помѣщичьей среды 20-хъ годовъ, см. о Ломиковскомъ «Кіевск. Стар.», 1897, ноябрь, стр. 41, и Шенрокъ, Матеріалы, IV, 315.

Окруженный любовью своихъ родныхъ, постоянно рассказывающихъ ему о необыкновенныхъ способностяхъ, необыкновенномъ будущемъ, мальчикъ привыкъ въ своемъ сознаниіи оцѣнивать себя очень высоко и выдѣлять изъ среды своихъ сверстниковъ. Но Гоголь былъ не изъ тѣхъ людей, которые высказываютъ свои затаенныя мысли; сознание своего превосходства онъ носилъ въ себѣ и рѣдко, рѣдко проговаривался о немъ. Конечно, тутъ вліяло и отношеніе его товарищей къ нему. Въ то время, какъ всѣ были увѣрены и предсказывали, что Никошѣ предстоитъ блестящая будущность, что онъ необыкновенный мальчикъ, въ школѣ товарищи, не знавшіе и не имѣвшіе никакой возможности знать о будущемъ Никоши, относились къ нему въ лучшемъ случаѣ безразлично. «Николай Васильевичъ, вспоминалъ впоследствии А. С. Данилевскій, долго казался зауряднымъ мальчикомъ.... Надъ нимъ много смѣялись, трунили». Другой товарищъ Артыновъ говоритъ о Гоголѣ: «Вообще Гоголь былъ самая обыкновенная посредственность, и никому изъ насъ въ голову не приходило, чтобы онъ могъ впоследствии прославиться на поприщѣ русской литературы»¹⁾. Итакъ, юные товарищи Гоголя не знали о немъ того, что онъ самъ зналъ о себѣ; они упорно отказывались признать за нимъ право на превосходство. Какъ же, однако, относился къ нимъ мальчикъ? Не отсюда ли ведетъ свое начало одиночество и скрытность мальчика-Гоголя, оставшіяся за нимъ на всю жизнь и достовѣрно засвидѣтельствованныя? П. А. Кулишъ характеризуетъ мальчика-Гоголя въ слѣдующихъ часто приводимыхъ строкахъ: «Онъ любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость, но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ избираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, повидимому, безъ всякой причины, или облакалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми; но въ устахъ его все получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все перерабатывалось въ горнилѣ юмора. Слово его было такъ мѣтко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ состязаніе».

Эта страдающая излишнимъ догматизмомъ характеристика мальчика-Гоголя, основанная на неизвѣстныхъ для насъ данныхъ, врядъ ли вѣрна дѣйствительности. Совершенно произвольно утвержденіе о томъ, будто Гоголь выбиралъ въ свои товарищи немногихъ, лучшихъ по нравственности или способностямъ. Ближайшими школь-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1877, № 10, стр. 191.

ными товарищами были А. С. Данилевскій, Барановъ, земляки и сосѣди по деревнямъ. Невѣрно также утверждение П. А. Кулиша, будто Гоголь былъ любимцемъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость. Воспоминанія В. И. Любича-Романовича, печатаемая вслѣдъ за этой статьей, ясно рисуютъ отношенія большинства школьниковъ къ Гоголю; въ нихъ, быть можетъ, даже слишкомъ густо наложена краска. «Благодаря его неряшливости, мы всѣ брезговали подавать ему руки при встрѣчѣ въ классѣ... Николай Васильевичъ жилъ среди насъ какимъ-то анахоретомъ и дружбы ни съ кѣмъ не велъ, вѣчно оставаясь одинъ... Жизнь Николая Васильевича въ школѣ была въ сущности адомъ... Надъ всѣмъ мы смѣялись, во всемъ у него находили недостатки, отрицали въ немъ всякое дарованіе и стремленіе къ самообразованію, къ наукамъ». Въ такомъ отношеніи товарищей къ Гоголю играли извѣстную роль и чувство брезгливости отъ неприглядности и неряшливости Николая Васильевича и чувство аристократической заносчивости. Большинство изъ нихъ были дѣтьми аристократовъ, а Николай Васильевичъ былъ сынъ мелкаго мало-россійскаго помѣщика. Наконецъ, П. А. Кулишъ говоритъ о томъ, что шутливость Гоголя привлекала къ нему его товарищей. Врядъ ли это вѣрно; насмѣшка была слѣльнымъ оружіемъ въ рукахъ Гоголя. Даже мягкій и добрый А. С. Данилевскій также замѣчаетъ нѣкоторую враждебность и насмѣшливость въ отношеніяхъ Гоголя къ товарищамъ. «Онъ относился къ товарищамъ, говоритъ А. С. Данилевскій, саркастически, любилъ посмѣяться и давалъ прозвища».

Какія же другія могли быть отношенія у Гоголя, таившаго въ себѣ сознаніе большого будущаго и вѣру въ себя, и у сверстниковъ, которые считали его зауряднымъ мальчикомъ и думали объ играхъ? «Въ тѣ годы, писалъ Николай Васильевичъ въ «Авторской исповѣди», когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ ту пору, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писательствѣ мнѣ никогда не входила въ умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра... Первые мои опыты, первыя упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мной въ сочиненія, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надѣдать другимъ моими шутками, хотя въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ

людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то, что передразнить, но угадать человѣка, то-есть угадать, что онъ долженъ въ такихъ случаяхъ сказать съ удержаніемъ самаго склада его мыслей и рѣчей».

Гоголя всю его жизнь не покидало сознание субъективной значительности и объективной важности того, что совершалось въ его душѣ. Это была та тайна, которую онъ носилъ въ себѣ до могилы. Припомните его страстныя мольбы о помощи, направленные къ друзьямъ именно во имя вѣры въ то, что всегда было въ его душѣ. Въ дѣтствѣ мальчика должно было поразить то противорѣчіе, въ которомъ находилась его душа съ сознаниемъ великой тайны въ себѣ, къ тѣмъ душамъ, которыя онъ могъ наблюдать и которыя ничего не хранили въ себѣ. Отсюда противоположность тѣхъ оцѣнокъ, которыя онъ дѣлалъ себѣ и имъ; отсюда одиночество, которое проводило его до могилы. Могъ ли онъ искренно относиться къ своимъ товарищамъ? Если онъ чувствовалъ ту противоположность между собой и ими, которую мы только что охарактеризовали, то какъ онъ долженъ былъ отвѣтить на вопросъ: заслуживали ли и способны ли они были оцѣнить его искренность? Товарищи смѣялись и трунили надъ нимъ; онъ платилъ имъ тою же монетой. Но всей вѣроятности, онъ всегда чувствовалъ къ нимъ еще нѣкоторую долю презрѣнія. Не презрѣніемъ ли дышать эти строки изъ письма къ Высоцкому отъ 26 іюня 1827 года: «Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданными низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія, высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что нибудь».

Окружавшая Гоголя среда, которую онъ въ глубинѣ души считалъ ниже себя, была для него предметомъ наблюдений, и эти товарищи, смѣявшіеся и трунившіе надъ нимъ, сдѣлались неистощимымъ предметомъ для шутокъ. Если обратить вниманіе на характеръ этихъ шутокъ, придется отмѣтить въ нихъ долю злорадства и далеко не дружелюбное отношеніе Гоголя къ своимъ сверстникамъ. Вспомните эти приводимые во всѣхъ біографіяхъ стихи маленькаго Гоголя на Бороздина, прозваннаго имъ же за низкую стрижку волосъ Разстригою Спиридономъ. «Вечеромъ, въ день именинъ Бороздина, 12-го декабря, Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша, съ слѣдующимъ акростихомъ:

«Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище (дервишей) всѣхъ,
Инокъ монастыря,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.

И за сіе-то преступленье
 Досталъ онъ титулъ сей.
 О чтецъ! имѣй терпѣнье,
 Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй!»

Или вотъ еще одна шутка. Гоголь увѣрялъ одного изъ своихъ товарищей въ томъ, что у него не человѣческіе, а бычачьи глаза, и увѣрялъ до того, что довелъ его до легкой степени помѣшательства. Въ это время, по всей вѣроятности, чувство презрѣнія къ средѣ нашло исходъ.

Понятны причины того духовнаго одиночества, которое еще въ дѣтствѣ чувствовалъ Гоголь. «Недовѣрчивый ни къ кому, писалъ о себѣ Гоголь дядѣ въ 1827 году, скрытный, я никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя? Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ? Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойныхъ. Я не знаю, почему я проговорился теперь передъ вами... Ежели же вы и не поучаствуете мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы затаите мое письмо, такъ же, какъ я затаилъ въ себѣ одномъ свои упрямые предначертанія. Доказательствомъ сему можетъ (смыслъ неясенъ!)—во все время бытія моего съ вами я ни разу не давалъ себя узнать, занимался игрушками и никогда почти не заводилъ рѣчи о выборѣ будущей моей службы, о моихъ планахъ и проч.». Но одиночество рождаетъ чувство необыкновенной грусти. Всѣхъ знавшихъ Гоголя всегда поражало удивительное сочетаніе меланхоліи, грусти и юмора. «Смѣхъ сквозь слезы» — обычная характеристика его юмора. И въ дѣтскіе годы Гоголь отличался меланхолическимъ характеромъ. Уже въ одномъ изъ первыхъ классовъ онъ излилъ свой лиризмъ въ трогательной балладѣ о судьбѣ двухъ рыбокъ — двухъ братьевъ, о которой вспоминалъ Н. Я. Прокоповичъ.

При такомъ отношеніи къ товарищамъ, которые были въ его глазахъ ничтожными «существованіями», у мальчика утрачивалось сознаніе значенія искренности въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Вѣдь послѣдніе все равно не поймутъ той тайны, что есть въ душѣ, а самое значительное въ жизни—это именно ношеніе въ себѣ тайны и сознанія своего значенія. Если не поймутъ и не раздѣляютъ его думъ, то не удобнѣ ли замѣнить искренность игрой? Не все ли равно, если будутъ спрашивать о мотивахъ того или другого рѣшенія и поступка, привести одинъ мотивъ вмѣсто другого? Не все ли равно, если въ разсказѣ о томъ, что было, ввести то, чего не было? Отсюда—страсть къ мистификаціи, отличительная черта гоголевской психологіи. Мы уже приводили разсказъ Кукольника о томъ, какъ Гоголь

симулировалъ помѣшательство, желая избавиться отъ наказанія. Товарищи за склонность къ мистификаціи называли его «таинственный Карла». Въ жизни Гоголя было немало мистификацій, иногда совершенныхъ съ какой нибудь цѣлью, иногда совсѣмъ безцѣльныхъ. Сколько было мистификаціи въ эпизодѣ съ поѣздкой Гоголя за границу! Стоитъ вспомнить объ исторіи тѣхъ писемъ, которыя получала отъ него мать изъ-за границы въ то время, какъ ея сынъ проживалъ въ Москвѣ. Не характерно ли, что мистификація является сюжетомъ главнѣйшихъ произведеній Гоголя? Наконецъ, стоитъ привести любопытный рассказъ объ одной поѣздкѣ Гоголя, Данилевскаго и Пашенка, тоже школьнаго товарища. «Пашенко ѣхалъ впереди и рассказывалъ, что за нимъ ѣдетъ ревизоръ, скрывающій цѣль своей поѣздки. Когда Гоголь съ Данилевскимъ появлялись на станціяхъ, ихъ принимали всюду съ необычайной любезностью и предупредительностью. Въ подорожной Гоголя значилось: адъюнктъ-профессоръ, что принималось обыкновенно сбитыми съ толку зрителями чуть ли не за адъютанта его императорскаго величества. Гоголь держалъ себя, конечно, какъ частный человекъ, но какъ будто изъ простаго любопытства спрашивалъ: «покажите, пожалуйста, если можно, какія здѣсь лошади; я бы хотѣлъ посмотреть ихъ» и пр.»

Гоголь не считалъ нужнымъ дѣлиться своими мыслями съ товарищами отчасти потому, что считалъ ихъ недостойными, отчасти потому, что они отвѣтили бы на его искренность насмѣшками и издѣвательствомъ. И безъ того ихъ много пришлось на его долю въ той маленькой борьбѣ за жизнь, которая шла въ школѣ. Предъ окончаніемъ курса Николай Васильевичъ писалъ матери: «Я больше поиспыталъ горя и нужды, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч.... Нѣтъ, я слишкомъ много зналъ людей, чтобы быть мечтателемъ». Гоголю, за которымъ никто изъ товарищей не признавалъ значительности его душевныхъ переживаній, самолюбивому мальчику нужно было искать арену, на которой бы онъ могъ показать свое превосходство. И онъ нашелъ ее. Кромѣ ученія, жизнь гимназіи заполняли еще литературныя занятія и театральныя представленія. И въ этой сферѣ тѣ наблюденія, которыя онъ привезъ съ собой изъ дома, помогли выдѣлиться и руководить своими товарищами, заявить надъ ними свое превосходство, отъ котораго онъ былъ далекъ въ ученѣи.

Учебныя занятія были самой незначительной стороной гимназической жизни Гоголя. Подходящимъ опредѣленіемъ его отношенія къ школьному знанію и ученію будетъ сказать, что онъ не обращалъ вниманія на ученіе. Намъ извѣстны его отмѣтки, но, право,

о нихъ не стоитъ и говорить: до того жалокъ этотъ матеріалъ для біографіи Гоголя. Обязательныя занятія стояли у мальчика на второмъ планѣ. По обычной школьной терминологіи, онъ плохо учился и плохо велъ себя. Одинъ изъ его учителей, Кулжинскій, въ 1854 году, вспоминалъ о Гоголѣ: «Онъ учился у меня три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: *Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram* (за что и былъ прозванъ вмѣстѣ съ другими латинистами *Universus mundus*). Во время лекцій, Гоголь всегда, бывало, подъ скамьею держитъ какую нибудь книгу, не обращая вниманія ни на *coelum*, ни на *terram*. Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа приучила его только къ нѣкоторой логической формальной и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ... Гоголя знали только, какъ лѣнивдаго, хотя, повидимому, не бездарнаго юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанію». Отзывъ Орлая въ приведенномъ раньше письмѣ, повидимому, очень близокъ къ правдѣ. «Жаль, что вашъ сынъ иногда лѣнится, но когда принимается за дѣло, то и съ другими можетъ поравняться, что и доказываетъ его отличныя способности». Поведеніе Гоголя оставляло желать многого, съ обычной педагогической точки зрѣнія. Смѣшно читать записи въ журналѣ: «13-го декабря Яновскій за дурныя слова стоялъ въ углу, того же числа за неопрятность стоялъ въ углу, 19-го декабря Яновскій за лѣность былъ безъ обѣда и въ углу, 20-го декабря Яновскій за то, что занимался во время класса священника съ игрушками, былъ безъ чая». Самъ Гоголь мало писалъ о томъ, какъ идетъ его ученіе; вообще онъ въ это время не любилъ писать и рѣдко сообщалъ о томъ, что ему не удавалось. Въ письмахъ интересующаго насъ періода жизни о школьныхъ успѣхахъ Николая Васильевича мы встрѣтили только стереотипныя фразы: «Слава Богу, учусь со все́мъ стараніемъ; стараюсь все́ми силами учиться и вести себя хорошо; увѣдомляю васъ, что я учусь хорошо, по крайней мѣрѣ, сколько дозволяютъ силы».

Не чувствуя никакой склонности къ ученію, Гоголь съ первыхъ лѣтъ своего пребыванія въ школѣ интересовался необязательными занятіями. Уже въ первыхъ письмахъ домой начинаются запросы родителямъ: «Если угодно вамъ будетъ, чтобъ я учился танцовать и играть на скрипкѣ и фортепіано, такъ извольте заплатить 10 рублей въ мѣсяць. Я уже подписался, хотѣвъ учиться на сихъ инструментахъ, также и танцовать, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно» (отъ 10-го декабря 1821 года). Но больше всего успѣховъ сдѣлалъ Николай Васильевичъ въ рисованіи, и въ этой сферѣ онъ одержалъ, кажется, первую побѣду надъ своими товарищами, показавъ

нимъ свое превосходство надъ ними. Гоголь съ ранняго дѣтства любилъ рисовать, эта привычка сохранилась на всю жизнь. «Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи»,—говорилъ онъ самъ о себѣ. Въ Нѣжинской гимназiи нашелся хорошій учитель рисованiя, человѣкъ, необыкновенно преданный своему искусству, К. С. Павловъ. Онъ направлялъ желанiя мальчика и способствовалъ его развитiю. Уже на третiй годъ своего пребыванiя въ школѣ онъ рисовалъ пастелью картинки. Онъ отсылалъ ихъ домой, и ему доставляло большое удовольствiе говорить о своихъ успѣхахъ въ живописи. «Извините, что я вамъ не посылаю картинокъ,—пишетъ онъ 22-го января 1824 года.—Вы, видно, не поняли, что я вамъ говорю: потому что эти картины, которыя я вамъ хочу послать, были рисованы пастельными карандашами, и не могутъ никакъ дня пробыть, чтобъ не потереться, ежели сейчасъ не вставить въ рамки; и для того прошу васъ и повторяю прислать мнѣ рамки такой величины, какъ я вамъ писалъ, т. е. двѣ такихъ, которыя бы имѣли $\frac{3}{4}$ аршина въ длину и $\frac{1}{2}$ аршина въ ширину, а одну такую, которая бы имѣла $1\frac{1}{4}$ длины и $\frac{3}{4}$ ширины, да еще маленькихъ двѣ $\frac{1}{4}$ и 2 вершка длины и $\frac{1}{4}$ ширины». Въ этомъ же письмѣ Гоголь пишетъ: «Ежели бы вы увидѣли, какъ я теперь рисую! (Я говорю о себѣ безъ всякаго самолюбiя)». Въ письмѣ безъ даты, отнесенномъ издателями къ концу 1824 года, Гоголь пишетъ: «Я трудился долго и наконецъ успѣлъ нарисовать 3 картины, а 4-ю еще только что началъ, и можно сказать, что стоитъ чегонибудь. Ежели бъ вы ихъ увидѣли, то, вѣрно бы, не могли повѣрить, что я рисовалъ... Прошу васъ покорнѣе заказать рамки... Вы, я думаю, не допустите погибнуть столько себя прославившимъ рисункамъ».

Другимъ поприщемъ, на которомъ честолюбiе Николая Васильевича могло находить удовлетворенiе, были сценическiя представленiя. Здѣсь Гоголь являлся первымъ лицомъ. Онъ пользовался своими впечатлѣнiями, вынесенными изъ домашняго театра Трощинскаго, и указанiями своего отца, къ которому онъ обращался съ просьбами о полотнѣ, костюмахъ и другихъ нужныхъ пособiяхъ для театра. Онъ былъ не только актеромъ, но и декораторомъ, бутафоромъ и режиссеромъ. Между прочимъ онъ поставилъ и одну изъ комедiй своего отца. Театръ при училищѣ возникъ въ 1827 году, но отдѣльныя представленiя были гораздо раньше. Уже въ январѣ 1824 года Гоголь извѣщаетъ отца о томъ, что первой пьесой, которая пойдетъ у нихъ, будетъ «Эдишъ въ Аѣнахъ», трагедiя Озерова, и обѣщаетъ сообщить, какъ онъ сыграетъ свою роль. По отзывамъ всѣхъ товарищей Гоголя, онъ былъ прекрасный актеръ. Мы выше приводили цитату изъ Гоголя о его способностяхъ копировать окружающихъ, «не то, что передразнить, но угадать, что человѣкъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержанiемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей». Игра Гоголя не

была простой имитацией; она была и творчествомъ. Гоголю особенно удавались роли комическія: онъ игралъ Василису въ пьесѣ Крылова «Урокъ дочкамъ», Простакову въ «Недоросль». На учениковъ гимназіи игра Николая Васильевича производила огромное впечатлѣніе: они всѣ думали, что Гоголь поступитъ на сцену, что у него громадный сценическій талантъ, что онъ затмилъ бы и знаменитыхъ комиковъ-артистовъ, если бы вступилъ на сцену. «Если бы онъ поступилъ на сцену, онъ былъ бы Щепкинымъ»,—говоритъ А. С. Данилевскій. Очевидно, первые театральные дебюты были удачны и выдвинули Гоголя впередъ. Въ концѣ 1824 года онъ, съ сознаниемъ собственного достоинства, писалъ отцу: «Сдѣлайте милость, объявите мнѣ, поѣду ли я домой на Рождество; то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я ее хорошо сыграю, чѣмъ я вамъ буду много благодаренъ».

Въ игрѣ Гоголя было много творчества и реализма. Вотъ разсказъ одного изъ товарищей объ игрѣ Гоголя: «Вотъ является дряхлый старикъ въ простомъ кожухѣ, въ бараньей шапкѣ и въ смазныхъ сапогахъ. Опираясь на палку, онъ едва передвигается, доходитъ крехтя до скамьи и садится. Сидитъ, трясется, крехтитъ, хихикаетъ и кашляетъ, да, наконецъ, захихикалъ и закашлялъ такимъ душливымъ и сильнымъ старческимъ кашлемъ, съ неожиданнымъ прибавленіемъ, что вся публика грохнула и разразилась неудержимымъ смѣхомъ». Извѣстно, что Гоголь въ началѣ своей жизни въ Петербургѣ пытался пойти на сцену, держалъ даже экзаменъ и провалился: современная школа театальной игры, ходульной и неестественной, не могла бы помириться съ такими проблесками творчества и реализма.

Наконецъ, еще въ одной области Гоголь могъ развернуть свои дарованія—въ литературѣ. Въ вторую половину своего пребыванія въ гимназіи, Николай Васильевичъ особенно предавался литературной и журнальной дѣятельности, но начало ея падаетъ на первый, интересующій насъ періодъ жизни Гоголя въ гимназіи. Гоголь находился въ счастливыхъ условіяхъ: гимназія жила въ литературной атмосферѣ. «Литература процвѣтала въ нашей гимназіи, вспоминаетъ одинъ товарищъ Гоголя, и уже проявлялись таланты Гоголя, Кукольника, Николая Прокоповича, Данилевскаго, Родзянко и другихъ, оставшихся неизвѣстными по обстоятельствамъ ихъ жизни или рано сошедшихъ въ могилу». Нужно отмѣтить, что литературныя занятія не встрѣчали поощренія со стороны школы, и литературный интересъ не получалъ возбужденій на урокахъ словесности. «Профессоръ Никольскій о древнихъ и западныхъ литературахъ не имѣлъ никакого понятія. Въ русской литературѣ онъ восхищался Херасковымъ и Сумароковымъ: Озерова, Батюшкова и Жуковскаго находилъ недовольно классическими, а языкъ и мысли Пушкина тривиальными, сознавая, впрочемъ, ихъ гармонію».

Воспитанники гимназіи выписывали въ складчину журналы, и Гоголь былъ ихъ хранителемъ. «Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получавшій для прочтенія книгу долженъ былъ въ присутствіи библіотекаря усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, а не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало: библіотекарь собственноручно завертывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу». Немало книгъ Гоголь выписывалъ изъ дома и изъ библіотеки Трошинскаго въ Кибинцахъ. Книги, которыя проситъ мальчикъ въ своихъ первыхъ письмахъ изъ школы, — различные учебники, но уже въ 1823 году онъ обращается съ просьбой выслать «Вѣстникъ Европы», въ 1824 году онъ проситъ прислать ему комедіи: «Бѣдность и благородство души», «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Богатонъ или провинціалъ въ столицѣ»; въ другомъ письмѣ этого же года онъ говоритъ о «Собраніи образцовыхъ сочиненій въ стихахъ». Не разъ встрѣчаются, кромѣ того, просьбы прислать книгъ «на дорогу для разогнанія скуки» во время поѣздки домой на каникулы.

До насъ не дошли первые литературные опыты Гоголя; у насъ есть только заключенія о нихъ его товарищей. По словамъ А. С. Данилевскаго, въ Нѣжинѣ Гоголь писалъ во вкусѣ Бестужева, и у него встрѣчались пышныя описанія природы, лѣса и т. п. Въ лицейскомъ журналѣ «Звѣзда», издававшемся Гоголемъ, была помѣщена его повѣсть «Братья Твердиславичи» (подражаніе повѣстямъ, появившимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ). Въ «Авторской исповѣди» Гоголь сообщилъ: «Первые мои опыты, первыя упражненія въ сочиненіяхъ были почти все въ лирическомъ и серьезномъ родѣ». Но уже въ первые годы гимназической жизни съ этими вліяніями Марлинскаго и страшныхъ повѣстей современныхъ альманаховъ начало бороться вліяніе поэзіи А. С. Пушкина. А. С. Данилевскій вспоминалъ о томъ, какъ онъ, Гоголь и Прокоповичъ собирались втроемъ и читали «Онѣгина» Пушкина, который выходилъ тогда по главамъ. Уже въ это время Гоголь восхищался Пушкинымъ. Въ письмѣ 1824 года Николай Васильевичъ пишетъ домой: «Вы писали мнѣ про стихи, которые я точно забылъ: 2 тетради со стихами и одна «Эдипъ», которыя, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ скорѣе. Также вы писали про одну новую балладу и про Пушкина поэму «Онѣгина»; то прошу васъ, нельзя ли мнѣ и ихъ прислать? Еще нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь стиховъ? то и тѣ пришлите». Судя по всѣмъ даннымъ, нужно признать, что первые опыты Гоголя были подражаніями произведеніямъ, переполнявшимъ современную литературу, подражаніями не по содержанію, а по «высокому» стилю. Намъ кажется, письмо Николая Васильевича отъ 13 іюня 1824 года, первое изъ сохра-

нившихся, представляет ясные слѣды литературныхъ занятій автора. До сихъ поръ письма Гоголя были извѣщеніями, ихъ стиль былъ дѣловымъ, безъ картинныхъ выраженій, безъ образовъ, безъ эпитетовъ. Въ этомъ письмѣ встрѣчаются литературныя фразы, отдѣланныя въ стилѣ того времени; уже съ этихъ поръ риторика начинается вить гнѣздо въ произведеніяхъ Гоголя. «Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предпримемъ, о радостномъ нашемъ свиданіи, о удовольствіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочный предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрите, любезные родители, что вся, такъ сказать, жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій... Ожидаю со дня на день сего времени (отъѣзда). Уже вижу все милое сердцу, вижу васъ, вижу милую родину, вижу тихій Пселъ, мерцающій сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, насладясь истиннымъ счастіемъ, забывъ протекшія быстро горести. Одна счастливая минута можетъ вознаградить за годы скорбей». Очевидно, Гоголь старался объ усвоеніи принятаго литературнаго стиля: письмо отъ 1 октября 1824 года, въ которомъ онъ поздравлялъ свою мать съ днемъ ангела, безукоризненно съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, которыя предъявлялись въ то время стилю. Этотъ навыкъ писать очень помогъ Гоголю въ тѣхъ письмахъ, которыя онъ писалъ матери послѣ смерти отца.

Въ занятіяхъ литературныхъ и художественныхъ, на подмосткахъ гимназическаго театра, мальчикъ-Гоголь находилъ удовлетвореніе своему честолюбію и своему стремленію выдѣлиться и выказать свое превосходство надъ товарищами. Въ глубинѣ души онъ всегда чувствовалъ его, но его занимало и интересовало и выраженіе этого превосходства внѣ. Въ борьбѣ за первое мѣсто въ товарищеской средѣ совершался ростъ духовной личности Гоголя. Онъ очень рано почувствовалъ свои права на званіе большого человѣка. Въ январѣ 1824 года (когда ему еще не было 15 лѣтъ) онъ писалъ родителямъ: «Вы пишете, что я васъ не извѣщаю о томъ, что у насъ дѣлается и случается со мною. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что мнѣ бы самому очень было любопытно знать, что дѣлается, какъ съ вами, такъ и съ посторонними лицами. Напримѣръ, къ величайшему моему сожалѣнію, узналъ я о смерти Василія Васильевича Капниста; но вы мнѣ объ этомъ ничего не сказали, какъ будто бы я еще о сію пору ребенокъ и еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, и будто бы на меня ничего нельзя положить. Я думаю, дражайшій папенька, ежели бы меня увидѣли, то точно бы сказали, что я перемѣнился, какъ въ нравственности, такъ и въ успѣхахъ». Тяжелый ударъ, разразившійся надъ семьей Гоголя, только укрѣпилъ въ немъ сознаніе своей зрѣлости.

Василій Аванасьевичъ Гоголь умеръ въ первыхъ числахъ апрѣля 1825 года. Сына не сразу извѣстили о смерти отца. Марья Ива-

новна не рѣшилась сообщить печальное извѣстіе прямо сыну и обратилась къ его товарищу Баранову съ просьбой приготовить его постепенно и потомъ уже объявить о несчастіи. Барановъ исполнилъ порученіе и писалъ Марьѣ Ивановнѣ 24 апрѣля 1825 года слѣдующее: «Милостивая государыня Марья Ивановна! Съ крайнимъ прискорбіемъ долженъ былъ принять на себя обязанность объявить сыну вашему о его несчастіи, но я не имѣлъ столько твердости духа, чтобы могъ самъ сказать ему объ этомъ, а поручилъ сіе одному изъ моихъ товарищей, приготовивъ напередъ его вашимъ письмомъ, а на второй день извѣстіемъ объ отчаянной болѣзни покойника, на третій день по утру онъ узналъ о постигшей смерти его родителя. Полагаясь на милосерднаго Бога, нимало не сомнѣвайтесь о здоровьѣ Николая Васильевича и о томъ, можетъ ли онъ безвредно перенести постигшія его непріятности. Онъ имѣетъ довольно разсудка, чѣмъ укрѣпиться твердостью духа, и хотя не съ совершеннымъ спокойствіемъ противостоятъ предназначенію судьбы; да притомъ и мы стараемся всячески развеселить и разсѣять его мысли. Онъ беспокоится только о вашемъ здоровьѣ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ времени, въ которое можно будетъ увидѣть и утѣшить васъ въ горести. Препровождая при семъ письмо къ вамъ отъ Николая Васильевича... честь имѣю пребыть вашъ всепокорнѣйшій слуга П. Барановъ».

Въ приложенномъ къ этому посланію Баранова письмѣ Николая Васильевича поражаетъ обиліе риторическихъ фигуръ и изысканный риторическій стиль. Но не нужно подозрѣвать искренности горя мальчика; нужно только вспомнить, что онъ усвоилъ себѣ обычный стиль и, по требованіямъ этого стиля, не могъ иначе написать. Интересно признаніе 16-лѣтняго мальчика: «Ударъ сей я перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однакожь не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ». И въ эту тяжелую минуту жизни мальчикъ остался вѣренъ себѣ, вѣренъ своему желанію не посвящать другихъ въ тайны своей души. Въ слѣдующихъ строкахъ письма, желая охарактеризовать свое состояніе, Гоголь беретъ одинъ моментъ изъ своихъ переживаній; и только потому, что онъ ограничивается однимъ моментомъ, кажется, что онъ не совсѣмъ искрененъ. «Оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія къ Всевышнему». За этими строками слѣдуетъ риторическое воззваніе, нисколько не отвѣчающее душевнымъ переживаніямъ: «Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей го-

рести» и т. д. Но сквозь броню риторических восклицаний пробивается горячее чувство къ матери, стремленіе утѣшить ее и ослабить ее горе. Гоголь пишетъ о томъ, что ему очень хочется видѣть ее, читать ея письма, что его счастье и его покой зависятъ отъ счастья матери. И какъ бы занимая въ семьѣ мѣсто покойнаго отца, онъ настоятельно проситъ сообщеній о томъ, что происходитъ дома: «увѣдомьте меня о домашнихъ дѣлахъ и тому подобныхъ происшествіяхъ».

Но послѣ письма, извѣщавшаго о смерти отца, послѣдоваль большой перерывъ въ перепискѣ. Несмотря на свои горячія и неоднократныя просьбы, Гоголь не получалъ изъ дома писемъ, и это его очень волновало и тревожило. «Ежели я не получу отвѣта на эти письма, писалъ онъ въ отчаяніи, то сіе молчаніе будетъ самый ужасный для меня признакъ; тогда-то я прибѣгну къ отчаянію, и оно-то дастъ мнѣ средство, какъ избавиться отъ сей мрачной неизвѣстности. Теперь вы видите, что отъ одного вашего слова зависить счастье и несчастье вашего сына».

Только въ іюнѣ пришло письмо отъ Марьи Ивановны и опять не прямо къ сыну, а къ Баранову, который отвѣчалъ Марьѣ Ивановнѣ слѣдующее: «Милостивая государыня, Марья Ивановна! Получа почтеннѣйшее ваше письмо, я немедленно показалъ оное Николаю Васильевичу и тѣмъ успокоилъ его на счетъ вашего здоровья; онъ, какъ говоритъ, писалъ къ вамъ отъ 24-го мая. Здоровье его съ самаго приѣзда моего въ Нѣжинъ и до сихъ поръ находится въ хорошемъ состояніи, и дабы болѣе увѣрить васъ въ семъ, онъ обѣщалъ написать вмѣстѣ со мною къ вамъ письмо и въ ономъ за себя увѣдомить. Приближающіеся экзамены весьма много приносятъ развлеченія вашему сыну, ибо онъ занимается приуготовленіемъ къ оному; въ свободное же время я съ Сашею (по всей вѣроятности, А. С. Данилевскимъ) и другими товарищами всегда съ нимъ разговариваемъ и чрезъ сіе приносимъ ему развлеченіе. Николай Васильевичъ желаетъ получить отъ васъ письмо, въ которомъ бы вы увѣдомили его о своемъ здоровьѣ и на счетъ присылки за нимъ на каникулы... 3-го іюня 1825 года, Нѣжинъ. П. Барановъ».

За это время тревогъ и ожиданій Николай Васильевичъ много передумалъ и привелъ въ систему нѣкоторыя свои мысли. 3-го іюня онъ писалъ матери: «Смѣю вамъ сказать, что я приобрѣлъ уже довольно и другихъ качествъ, которыя, я думаю, вы сами увидите; можно сказать, обработалъ-таки свои понятія, которыя сдѣлались гораздо проницательнѣе, дальновиднѣе». Отрокъ превращается въ юношу, является сознание своего значенія для окружающихъ, твердая увѣренность въ томъ, что онъ оправдаетъ свое назначеніе. Въ послѣднемъ письмѣ 1824—1825 учебнаго года Гоголь съ вѣрой зрѣлаго человѣка, способнаго руководить другими,

писалъ матери: «Зачѣмъ предаваться горестнымъ мечтаніямъ?.. Будемъ надѣяться на Всевышняго, въ рукахъ Котораго находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой путь въ семь мѣсяцевъ, и ежели все такъ, какъ предназначено всякому человеку, по крайней мѣрѣ, буду стараться сколько возможно быть таковымъ». Съ этого времени неясныя мечты о неизвѣстномъ, но блестящемъ будущемъ смѣняются думами объ опредѣленномъ родѣ дѣятельности—государственной службѣ. Гоголь начинаетъ сознательнѣе работать для опредѣленныхъ, поставленныхъ имъ себѣ цѣлей, и эта работа наполняетъ второй періодъ его гимназической жизни.

Если мы бѣгло переберемъ всѣ извѣстные намъ факты изъ дѣтской жизни Гоголя, насъ поразитъ обиліе одного элемента въ его жизни—игры. Стремленіе играть возникало изъ различныхъ сторонъ его духовнаго склада и прежде всего изъ полноты, избытка жизни, которая ключемъ была въ мальчикѣ. Въ игрѣ онъ развивалъ свои способности: его игра на сценѣ, его насмѣшливыя передразниванія и подражанія знакомымъ лицамъ давали выходъ чувству жизни. Кромѣ этого источника, игра была слѣдствіемъ той оцѣнки, какую Гоголь дѣлалъ окружающей его дѣйствительности. Товарищи не заслуживали того, чтобы ихъ знакомить съ тѣми родниками настоящей жизни, которые кипѣли въ глубинѣ его души. На этой почвѣ игра превращалась въ мистификацію и становилась творческой. Дѣйствительная жизнь и жизнь, какъ она являлась въ этой игрѣ-мистификаціи, становились неразличимыми. Изъ неразличимости переживаній жизненныхъ и переживаній въ игрѣ выросло художественное творчество Гоголя. А. М. Стороженко рассказываетъ объ одной юношеской шуткѣ Гоголя-мальчика, которому въ это время не было еще 14-ти лѣтъ. Она поразительна именно потому, что въ ней дѣйствительность и игра почти сливаются, незамѣтно переходя одна въ другую. Надѣмся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за слишкомъ большую цитату.

«Послѣ обѣда, кто-то дернулъ меня за фалдочку; оглянувшись, я увидѣлъ Гоголя.—Пойдемъ въ садъ,—шепнулъ онъ и довольно скоро пошелъ въ диванную; я послѣдовалъ за нимъ и, пройдя нѣсколько комнатъ, мы вышли на террасу...

— Знаете ли, что сдѣлаемъ?—сказалъ Гоголь:—мы теперь свободны часа на три; пойдемъ въ лѣсъ?

— Пожалуй,—отвѣчалъ я:—но какъ мы переберемъ черезъ рѣчку?

— Вѣроятно, тамъ отыщемъ челнокъ, а, можетъ быть, и мостъ есть. «Мы спустились съ горы прямокомъ, перелѣзли черезъ заборъ и очутились въ узкомъ и длинномъ переулкѣ, въ родѣ того, какой раздѣлялъ усадьбы Ивана Ивановича отъ Ивана Никифоровича.

Портретъ Гоголя, рисованный съ натуры актеромъ
П. А. Каратыгинымъ, въ 1835 году.

— Направо или налево?—спросилъ я, видя, что Гоголь съ нерѣшимостью посматривалъ то въ ту, то въ другую сторону переулка.

— Далекѣ придется обходить,—отвѣчалъ онъ.

— Что-жъ дѣлать?

— Отправимся прямо.

— Черезъ леваду?

— Да.

— Пожалуй.

«На основаніи принятой отъ поляковъ пословицы: «шляхтичъ на своемъ огородѣ равенъ воеводѣ», въ Малороссіи считается преступленіемъ нарушить спокойствіе владѣльца; но я былъ очень сговорчивъ и первый полѣзъ черезъ плетень. Внезапное наше появленіе произвело тревогу. Собаки лаяли, злобно кидались на насъ, куры съ крикомъ и кудахтаньемъ разбѣжались, и мы не успѣли сдѣлать двадцати шаговъ, какъ увидѣли высокую, дебелую молодицу, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, который жевалъ пироги съ вишнями и выпачкалъ себѣ лицо до ушей.

— Эй, вы, школяры!—закричала она:—зачѣмъ, что тутъ забыли? Убирайтесь, пока не досталось вамъ по шеямъ!

— Вотъ злючка!—сказалъ Гоголь и смѣло продолжалъ итти; я не отставалъ отъ него.

— Что-жъ, не слышите?—продолжала молодица, озлобляясь:—оглохнули? Вонъ, говорю, курохваты, а не то позову чоловика (мужа), такъ онъ вамъ ноги поперебиваетъ, чтобъ въ другой разъ черезъ чужіе плетни не лазили!

— Постой,—сказалъ Гоголь:—я тебя еще не такъ разсержу!

— Что вамъ нужно?.. зачѣмъ пришли, ироды?—грозно спросила молодица, остановясь въ нѣсколькихъ отъ насъ шагахъ.

— Намъ сказали,—отвѣчалъ спокойно Гоголь:—что живетъ молодица, у которой дитина похожа на поросенка.

— Что такое?—воскликнула молодица, съ недоумѣніемъ посматривая то на насъ, то на свое дѣтище.

— Да вотъ оно!—вскричалъ Гоголь, указывая на ребенка:—какое сходство! настоящій поросенокъ!

— Удивительное, чистѣйшій поросенокъ!—подхватилъ я, захотавъ во все горло.

— Какъ! моя дитина похожа на поросенка!—заревѣла молодица, блѣднѣя отъ злости:—шибеники (достойные висѣлицы, сорванцы), чтобъ вы не дождали завтрашняго дня, сто болячекъ вамъ!.. Остапе, Остапе!—закричала она, какъ будто ее рѣзали,—Скорѣй, Остапе!..—и кинулась навстрѣчу мужу, который, неспѣша, подходилъ къ намъ съ заступомъ въ рукахъ.

— Бей ихъ заступомъ!—вопила молодица, указывая на насъ:—бей, говорю, шибениковъ! Знаешь ли, что они говорятъ?

— Чего ты такъ раскудаhtалась?—спросилъ мужикъ, остано-
ваясь:—я думалъ, что съ тебя кожу сдирають.

— Послушай, Остапе, что эти богомерзкіе школяры, ироды,
выгадываютъ!—задыхаясь отъ злости, говорила молодица:—разска-
зываютъ, что наша дитина похожа на поросенка!

— Чтѣ жъ, можетъ быть, и правда,—отвѣчалъ мужикъ хладно-
кровно:—это тебѣ за то, что ты меня кабаномъ называешь.

«Нѣтъ словъ выразить бѣшенства молодицы. Она бранилась,
плевалась, проклинала мужа, насъ, и съ ругательствами, угрозами,
отправилась въ хату. Не ожидая такой благополучной развязки,
мы очень обрадовались, а Остапъ, понурившись, стоялъ, опершись
на заступъ.

— Чтѣ вамъ нужно, паньчи?—спросилъ онъ, когда брань его
жены затихла.

— Мы пробираемся на ту сторону,—сказалъ Гоголь, указывая
на лѣсъ.

— Ступайте жъ по этой дорожкѣ: черезъ хату вамъ было бы
ближе, да теперь не безопасно; жена моя не охотница до шутокъ
и можетъ васъ поколотить.

«Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, Остапъ остановилъ насъ.

— Послушайте, паньчи, если вы увидите мою жену, не тро-
гайте ее, не дразните, теперь и безъ того мнѣ будетъ съ нею
возни на цѣлую недѣлю.

— Если мы и увидимъ,—сказалъ Гоголь, улыбаясь:—то поми-
рится.

— Не докажете этого, нѣтъ; вы не знаете моей жинки: станете
мириться—еще хуже разбѣсите!

«Мы пошли по указанной дорожкѣ.

— Сколько юмору, ума, такта!—сказалъ съ одушевленіемъ Го-
голь:—другой бы затѣялъ драку, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы вся эта
исторія кончилась, а онъ поступилъ, какъ самый тонкій дипломатъ;
все обратилъ въ шутку—настоящій Безбородко!

«Выйдя изъ левады, мы повернули налѣво и, подходя къ хатѣ
Остапа, увидѣли жену его, стоявшую возлѣ дверей. Ребенка дер-
жала она на лѣвой рукѣ, а правая вооружена была толстой палкой.
Лицо ея было блѣдно, а изъ-подъ нахмуренныхъ бровей злобно
сверкали черные глаза. Гоголь повернулся къ ней.

— Не трогайте ее,—сказалъ я:—она еще вытянетъ васъ палкой.

— Не бойтесь, все кончится благополучно.

— Не подходи!—закричала молодица, замахиваясь палкой:—ей-
Богу, ударю!

— Безсовѣстная, Бога ты не боишься,—говорилъ Гоголь, под-
ходя къ ней и не обращая вниманія на угрозы.—Ну, скажи на
милость, какъ тебѣ не грѣхъ думать, что твоя дитина похожа на
поросенка?

— Зачѣмъ же ты это говорилъ?

— Дура! шутокъ не понимаешь, а еще хотѣла, чтобъ Остапъ заступомъ проломалъ намъ головы; вѣдь ты знаешь, кто это такой?— шепнулъ Гоголь, показывая на меня:—это изъ суда чиновникъ, прѣхалъ взыскивать недоимки.

— Зачѣмъ же вы, какъ злодѣи (воры), лазите по плетнямъ да собакъ дразните!

— Ну, полно же, не къ лицу такой красивой молодицѣ сердиться. Славный у тебя хлопчикъ, знатный изъ него выйдетъ писарчукъ: когда выростетъ, громада выберетъ его въ головы.

«Гоголь погладилъ по головѣ ребенка, и я подошелъ и также помаскалъ дитя.

— Не выберутъ,—отвѣчала молодица смягчаясь:—мы бѣдны, а въ головы выбираютъ только богатыхъ.

— Ну, такъ въ москали возьмутъ.

— Боже, сохрани!

— Эка важность! въ унтера произведутъ, придетъ до тебя въ отпускъ въ крестахъ, такимъ молодцомъ, что все село будетъ снимать передъ нимъ шапки, а какъ пойдетъ по улицѣ да брызнетъ шпорами, сабелькой, такъ дивчата будутъ глядѣть на него да обливаться: «чей это?—спросятъ,—служивый»?... Какъ тебя зовутъ?...

— Мартой.

— Мартинъ, скажутъ, да и молодецъ же какой, точно намалеванный! А потомъ не придетъ уже, а прѣдетъ къ тебѣ тройкой, въ кибиткѣ, офицеромъ и всякаго богатства съ собой навезетъ и гостинцевъ.

— Что это вы выгадываете,—можно ли?

— А почему жъ нѣтъ? Мало ли теперь изъ унтеровъ выслуживаются въ офицеры!

— Да, конечно; вотъ Оксанинъ пятый годъ уже офицеромъ и Петровъ также, чуть ли городничимъ не поставили его въ Лохвицу.

— Вотъ и твоего также поставятъ городничимъ въ Роменъ. Тогда-то заживешь! въ какомъ будешь почетѣ, уваженіи, одѣнутъ тебя, какъ пани.

— Полно вамъ выгадывать неподобное!—вскричала молодица, радостно захохотавъ:—можно ли человѣку дожить до такого счастья?

«Тутъ Гоголь съ необыкновенной увлекательностью началъ описывать привольное ея житіе въ Ромнахъ: какъ квартальные будутъ передъ нею расталкивать народъ, когда она войдетъ въ церковь, какъ кушцы будутъ угощать ее и подносить варенуху на серебряномъ подносѣ, низко кланяясь и величая сударыней матушкой; какъ во время ярмарки она будетъ ходить по лавкамъ и брать на выборъ, какъ изъ собственнаго сундука, разные товары бесплатно; какъ сынъ ея женится на богатой панночкѣ, и тому подобное. Молодица слушала Гоголя съ напряженнымъ вниманіемъ,

ловила каждое его слово. Глаза ея сіяли радостно; щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Бѣдный мой Аверко, — восклицаетъ она, нѣжно прижимая дитя къ груди: — смѣются надъ нами, смѣются!

«Но Аверко не лѣнулъ къ груди матери, а пристально смотрѣлъ на Гоголя, какъ будто понималъ и также интересовался его разсказомъ, и когда онъ кончилъ, то Аверко какъ бы въ награду подалъ ему свой недоѣденный пирогъ, сказавъ отрывисто: «на!».

— Видишь ли, какой разумный и добрый, — сказалъ Гоголь: — вотъ что значитъ казакъ: еще на рукахъ, а уже разумнѣе своей матери; а ты еще умничаешь, да хочешь верховодить надъ мужемъ, и сердилась на него за то, что онъ намъ костей не переломалъ.

— Простите, паночку, — отвѣчала молодница, низко кланаясь: — я не знала, что вы такіе добрые панычи. Сказано: у бабы волосъ долотъ, да умъ коротокъ. Конечно, жена всегда глупѣе чоловіка и должна слушать и повиноваться ему — такъ и въ святомъ писаніи написано.

«Остатъ показался изъ-за угла хаты и прервалъ рѣчь Марты.

— Третій годъ женатъ, — сказалъ онъ, съ удивленіемъ поглядывая на Гоголя, — и впервые пришлось услышать отъ жены разумное слово. Нѣтъ, панычу, воля ваша, а вы что-то не простое, я шелъ сюда и боялся, чтобъ она вамъ носовъ не откусила, ажь, смотрю, вы ее въ ягничку (овечку) обернули.

— Послушай, Остапе, — ласково отозвалась Марта: — послушай, что панычъ рассказываетъ!

«Но Остапъ, не слушая жены, съ удивленіемъ продолжалъ смотрѣть на Гоголя.

— Не простое, ей-ей, не простое, — бормоталъ онъ: — просто чаровникъ (чародѣй)! Смотри, какая добрая и разумная стала, и святое писаніе знаетъ, какъ будто грамотная.

«Я также раздѣлялъ мнѣніе Остапа; искусство, съ которымъ Гоголь укротилъ взбѣшенную женщину, казалось мнѣ невѣроятнымъ; въ его юныя лѣта еще невозможно было проникать въ сердце человѣческое до того, чтобъ играть имъ, какъ мячикомъ; но Гоголь, безсознательно, силою своего генія, постигалъ уже тайные изгибы сердца.

— Разскажите же, паночку, — просила Марта Гоголя умоляющимъ голосомъ: — Остапе, послушай!

— Послѣ разскажу, — отвѣчалъ Гоголь, — а теперъ научите, какъ намъ переправиться черезъ рѣку.

— Я попрошу у Кондрата челнокъ, — сказала Марта и, передавъ дитя на руки мужа, побѣжала въ сосѣднюю хату.

«Мы не успѣли дойти до того мѣста, гдѣ была лодка, какъ Марта догнала насъ, съ весломъ въ рукѣ...

«Лицо Гоголя горѣло яркимъ румянцемъ; взгляды сверкалы вдохновенно. Веселая, насмѣшливая улыбка исчезла, и физиономія его приняла выраженіе серьезное, степенное».

Въ этомъ эпизодѣ много игры, игры человѣческой душой. Понятно, что Гоголь съ своей страстью къ игрѣ производитъ въ дѣтствѣ различное, многообразное впечатлѣніе. Въ немъ было много лицъ, подчиняющихся его волѣ. «Я почитаюсь загадкой для всѣхъ, никто не разгадать меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ — болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ — уменъ, у другихъ — глупъ», — такъ писалъ о себѣ Гоголь въ 1828 году незадолго до окончанія своего ученья.

Игра кладетъ извѣстный отпечатокъ на дѣтство и юность Гоголя: игра, какъ результатъ полноты душевныхъ переживаній; игра-мистификація и игра-творчество. Игра во всѣхъ ея формахъ имѣла значеніе и для всей жизни Гоголя и для его творчества. Въ художественномъ воспроизведеніи жизни, въ различныхъ комбинаціяхъ сюжета, въ художественныхъ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ, въ процессѣ творчества игра является необходимымъ и существеннымъ элементомъ. Игра становится связующимъ звеномъ между дѣйствительной жизнью художника и дѣйствительностью, какъ она пересоздается въ творчествѣ; она иногда стираетъ различіе между этими областями, переходя изъ одной въ другую; она можетъ объяснить нѣкоторыя тайны души Гоголя и нѣкоторыя особенности его взглядовъ на міръ.

«Что кажется великимъ и глубокимъ,
Здѣсь на землѣ — всегда одна игра!
Одинъ толпой насмѣшливо играетъ,
Другой пустымъ безумьемъ суетворитъ,
И, можетъ быть, играетъ кто-то солнцемъ
И звездами... А онъ — душой людей!
Глубокій смыслъ находятъ тотъ, кто ищетъ!
Слетаются въ одно и ложь и правда,
И жизнь и сонъ».

П. Е. Щеголевъ.

Вологда.
1901.

ГОГОЛЬ ВЪ НѢЖИНСКОМЪ ЛИЦЕѢ.

(Изъ воспоминаній В. И. Любичъ-Романовича).

Въ 1888 году, скончался въ С.-Петербургѣ известный въ свое время писатель и одинъ изъ друзей А. С. Пушкина, Василій Игнатьевичъ Любичъ-Романовичъ. Сынъ генерала екатерининской эпохи, онъ получилъ свое первоначальное образованіе въ знаменитой тогда полочкой іезуитской школѣ, а потомъ, для усовершенствованія «въ высшихъ наукахъ», перешелъ въ нѣжинскій Безбородковскій лицей, въ то время еще называвшійся школою высшихъ наукъ, гдѣ одновременно съ нимъ воспитывался и Николай Васильевичъ Гоголь.

Я познакомился съ Василіемъ Игнатьевичемъ въ С.-Петербургѣ, въ 1880 году, на торжественномъ открытіи литературнаго кружка, основаннаго тогда въ память Пушкина, и скоро сошелся съ нимъ настолько близко, что, умирая, онъ завѣщалъ мнѣ свои бумаги. Часто посѣщая Василія Игнатьевича и проводя у него цѣлыя вечера, я записывалъ то, что мнѣ казалось интереснымъ изъ его разсказовъ. Привожу изъ нихъ то, что касается Гоголя, съ которымъ Любичъ-Романовичъ былъ одноклассникомъ по Нѣжинскому лицее.

С. И. Глѣбовъ.

I.

Это было своего рода событіе для насъ, учениковъ въ Нѣжинской Безбородковской гимназій высшихъ наукъ, когда къ намъ былъ привезенъ Н. В. Гоголь, какъ новый товарищъ по школьной семьѣ, какихъ у насъ, къ слову сказать, въ то время не особенно таки было много, —разсказывалъ Василій Игнатьевичъ,—хотя въ

нашемъ кругу и были такіе выдающіеся писатели первой половины XIX вѣка, какъ Кукольникъ (авторъ «Торквато Тассо»), Гребенка (малороссійскій поэтъ), Рѣдкинъ (впослѣдствіи ректоръ С.-Петербургскаго университета и директоръ департамента удѣловъ) и др.

Хохота у насъ было немало, когда мы увидѣли, что изъ хохлацкой простой брички, заложеной двумя волами и сопровождаемой только однимъ усачемъ-запорожцемъ, выкатили какой-то странный свертокъ, не то тюкъ, не то узелъ какого-то домашняго скарба, завернутый въ платки и одѣяла и увязанный поперекъ кушаками и шальями, и при помощи сопровождавшаго его усача вкатили къ намъ въ лицей. Распакованный передъ нами узелъ этотъ, оказалось, содержалъ въ себѣ небольшого роста худенькаго молодого человѣка, похожаго на пигалицу, съ тонкимъ длиннымъ носомъ, изъ котораго что-то сочилося. . Все лицо нашего новаго товарища было покрыто какими-то прыщами и представляло собою сплошную болячку, не то оспеннаго больного, не то худосочнаго субъекта. Изъ ушей у него также текла какая-то жидкость, хотя уши и были заткнуты большими комками просмоленной пакли...

Таковъ былъ Н. В. Гоголь, таково было наше первое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нимъ... Такъ онъ у насъ потомъ и назывался «пигалицей»... Сколько мы въ немъ ни отыскивали человѣческаго образа, чтобы перестать называть его птицею, но, не найдя такового, такъ и оставили за нимъ эту первую, данную ему въ моментъ его пріѣзда къ намъ кличку...

Конечно, это Гоголю очень не нравилось, и онъ, не чувствуя силъ сбросить съ себя эту тяжесть нравственнаго давленія своихъ товарищей, постоянно косился на насъ, держался отъ всѣхъ въ сторонѣ, смотрѣлъ всегда букой, ничего не говорилъ съ нами и былъ вообще человѣкомъ не отъ міра нашего...

Эти насмѣшки наши надъ Гоголемъ еще болѣе усугублялись потому, что онъ держалъ себя какимъ-то демократомъ среди насъ, дѣтей аристократовъ, рѣдко когда мылъ себѣ лицо и руки по утрамъ каждаго дня, ходилъ всегда въ грязномъ бѣльѣ и выпачканномъ платьѣ. Въ карманахъ брюкъ у него постоянно имѣлся значительный запасъ всякихъ сладостей, какъ, напримѣръ, конфетъ и пряниковъ. И все это, по временамъ доставая оттуда, онъ жевалъ не переставая, даже и въ классахъ, во время занятій... Но для того, чтобы это ему легче было совершать въ присутствіи другихъ, его классныхъ товарищей, онъ незамѣтнымъ для насъ образомъ обыкновенно забивался куда нибудь въ уголъ, подалеже отъ всѣхъ и тамъ уже поѣдалъ свое лакомство... Чтобы занять въ классахъ такое удобное мѣстечко, гдѣ бы его никто не видѣлъ, онъ обыкновенно приходилъ въ аудиторію первымъ или послѣднимъ и, засѣвъ въ заднихъ рядахъ никѣмъ незамѣченнымъ, также и уходилъ изъ класса, чтобы не подлежать осмѣянію ..

Эта пытка въ школѣ для Гоголя тянулась въ продолженіе всего времени, пока онъ оставался въ Нѣжинѣ... Благодаря его неряшливости, мы всё брезговали подавать ему руки при встрѣчѣ въ классахъ. Да и онъ самъ, замѣчая это, не искалъ отъ насъ добраго привѣтствія, стараясь всегда не замѣчать никого изъ насъ.. Словомъ, Николай Васильевичъ жилъ среди насъ какимъ-то анахоретомъ и дружбы ни съ кѣмъ не вель, вѣчно оставаясь одинъ... Мы настолько привыкли къ брезгливому чувству своему въ отношеніи къ Гоголю, что въ концѣ концовъ даже перестали брать въ руки и тѣ книги въ библиотекѣ, которыя онъ держалъ когда либо въ своихъ рукахъ, боясь заразиться отъ него какой нибудь нечистью... Доктора, однако, находили его вполне здоровымъ физически, хотя въ то же время и признавали за нимъ золотушный недугъ... Но этого они не находили вреднымъ для другихъ, его товарищей. Хотя этотъ діагнозъ и успокаивалъ насъ относительно заразы отъ него, но мы, однако, мало вѣрили въ него и отдавались чувству собственнаго отвращенія къ золотушному Гоголю... И при этой-то болѣзни онъ еще постоянно сосалъ медовые пряники, ѣлъ всякія сладости и пилъ грушевый квасъ, который былъ его любимымъ напиткомъ. Гоголь или самъ его приготовлялъ изъ моченыхъ лѣсныхъ грушъ, — какихъ здѣсь было всегда вдоволь, благодаря большому количеству грушевыхъ лѣсовъ въ Черниговской губерніи, въ Стародубскомъ и другихъ уѣздахъ,—или же покупалъ его на городскомъ базарѣ у разносчиковъ-торговцевъ, попреимуществу у бабъ-хохлушекъ, такихъ же неряшливыхъ, какъ и онъ самъ. Но его ничуть, однако, не смущала эта базарная неряшливость торговцевъ, и онъ съ наслажденіемъ поѣдалъ все, что пріобрѣталъ тутъ, какъ съѣдобное. Привычка держать себя просто въ отношеніи пищи у себя дома, въ деревнѣ, гдѣ онъ получилъ первоначальное воспитаніе, не покидала его и въ Нѣжилѣ, во время жизни среди людей болѣе его избалованныхъ въ воспитательномъ значеніи, чѣмъ онъ самъ. Это все вмѣстѣ взятое никогда въ насъ болѣе ничего не вызывало по отношенію къ Гоголю, какъ лишь одну отвращеніе...

II.

Такимъ образомъ, жизнь Николая Васильевича въ школѣ была въ сущности адомъ для него. Съ одной стороны, онъ тяготился своимъ «хуторнымъ происхожденіемъ» однодворца, съ другой—физической неприглядностью... И надъ всѣмъ-то мы смѣялись, во всемъ у него находили недостатки и отрицали въ немъ всякое дарованіе и стремленіе къ образованію, къ наукамъ...

Понимая это наше отношеніе къ нему, Гоголь и самъ уже никогда не дерзалъ заявлять себя передъ нами съ этой стороны. Отъ природы впечатлительный, онъ понималъ это наше отноше-

ніе къ нему, какъ признакъ столичной кичливости дѣтей аристократовъ, и потому самъ по-своему игнорировалъ насъ, знать не хотѣлъ... Онъ искалъ сближенія лишь съ людьми, себѣ равными, напримѣръ, со своимъ «дядькою», прислугою вообще и съ базарными торговцами на рынкѣ Нѣжина—въ особенности. Это сближеніе его съ людьми простыми, не претендующими на изящество манеръ, изысканность рѣчи и на выборъ предмета бесѣды, очевидно, давало ему своего рода наслажденіе въ жизни, удовлетворяло его эстетическія потребности и вызывало въ немъ поэтическое настроеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы это замѣчали потому, что онъ, послѣ каждаго такого новаго знакомства гдѣ либо, подолгу запирался въ своей комнатѣ и заносилъ на бумагу свои впечатлѣнія.

Было ли это все имъ занесенное такимъ образомъ на бумагу когда либо передано гласности, сказать трудно, такъ какъ изъ всѣхъ вышедшихъ въ послѣдствіи его произведеній не видно было, чтобы онъ написалъ что нибудь исключительное изъ нѣжинской жизни... А тѣ вирши, которыя онъ писалъ здѣсь въ стихахъ, не предавались имъ гласности. Правда, онъ присылалъ иногда свои стишки въ нашъ школьный, рукописный журналъ, по временамъ выходившій въ Нѣжинѣ подъ названіемъ «Навозъ парнасскій», но имъ не давали мѣста на столбцахъ изданія, какъ потому, что они не отвѣчали нашимъ задачамъ, такъ и потому, что въ нихъ было больше прозы, чѣмъ стиховъ. Да и проза-то была какая-то тягучая, точно кислое тѣсто, и мало отвѣчавшая нашей тогдашней лаконичности, какой мы придерживались, беря примѣръ съ А. С. Пушкина. Но Гоголь никакихъ примѣровъ не выносилъ, не умѣлъ ихъ ставить себѣ на видъ; онъ былъ самобытенъ, безподражателенъ, оригиналенъ по-своему. Черта эта въ немъ нами не одобрялась потому, что мы въ то время переживали эпоху подражанія какому либо изъ прославившихся своими литературными произведеніями поэтовъ и ставили себя въ зависимость отъ его вліяній на насъ. Но Гоголь, говорю я, былъ неподражателенъ, онъ оставался во всемъ самобытенъ, и это-то еще болѣе отлучило его отъ насъ и сдѣлало, можно сказать, отшельникомъ, нелюдимомъ, какихъ другихъ у насъ, кромѣ него, не было въ школѣ.

Жить особнякомъ среди людей, ему равныхъ по своему положенію, какими были мы, ученики школы, конечно, Николаю Васильевичу было не легко, но также трудно ему было и пріобщиться нашихъ тайнъ, не будучи достаточно подготовленнымъ къ тому, чтобы быть съ нами аристократомъ, раздѣлять наши вкусы и подражать нашимъ божкамъ, какими у насъ были Байронъ, Пушкинъ и др.

Однажды, впрочемъ, мы помѣстили въ «Навозъ парнасскомъ» одно изъ небольшихъ стихотвореній Гоголя, изъ малороссійской жизни, на тему «какъ жили въ старину», но и то лишь потому,

чтобы надъ нимъ потомъ посмѣяться, придать его литературному труду юродивый характеръ и отблагодарить его за эти вирши фунтомъ медовыхъ пряниковъ, которые онъ любилъ и которые ему были предноднесены черезъ особую депутацію въ одной изъ аудиторій, передъ классными занятіями. Но на это Гоголь страшно разсердился и швырнулъ подарокъ чуть не въ лицо депутатамъ, а потомъ, оставивъ классъ, почти двѣ недѣли въ него не появлялся, подъ предлогомъ болѣзни, и вообще послѣ этого относился къ намъ чрезвычайно недружелюбно и всѣхъ насъ сторонился такъ, какъ бы онъ насъ никогда не зналъ.

Вообще Николай Васильевичъ служилъ намъ въ школѣ объектомъ забавы, остроты и насмѣшекъ, и это тянулось до тѣхъ поръ, пока онъ пребывалъ въ нашей средѣ. И не было случая при встрѣчѣ съ нимъ, чтобы мы обошлись безъ какой либо остроты, пущенной на его счетъ, и безъ того, чтобы еще лишній разъ не посмѣяться надъ нимъ. Это была какая-то мишень для насъ, въ которую мы пускали всякіе отбросы нашей мысли безъ всякой справки о томъ, достигнуть ли они своей цѣли и принесутъ ли намъ свой плодъ невзыскательной потѣхи... И эти потѣхи надъ Гоголемъ были чисто дѣтскія, избѣжать которыхъ въ нашемъ возрастѣ было почти невозможно. Не знаю, какъ другіе ученики школы, но я, съ своей стороны, говоря откровенно, не придавалъ имъ другого значенія, кромѣ шалости. Но эта шалость, однако, угнетала духъ юнаго Гоголя и приводила его въ ярость противъ насъ, когда дѣло доходило до личнаго столкновенія, подобно тому, какъ то было въ моментъ преподнесенія ему нами подарка чрезъ особую депутацію за его стихотвореніе, помѣщенное въ нашемъ «Навозѣ парнасскомъ», какъ смѣхотворный образецъ будущаго великаго писателя. Но мы въ то время, когда знали Гоголя въ школѣ, не только не могли подозрѣвать въ немъ «великаго», но даже не видѣли и малаго. Хотя его школьные успѣхи и шли наравнѣ съ нашими, но это еще не давало намъ повода думать, что въ немъ обнаружится литературный талантъ... Этого не замѣчали также и наши учителя. Вѣроятно, это происходило отъ того, что Гоголь никогда не обнаруживалъ ни передъ кѣмъ своихъ литературныхъ замысловъ и не говорилъ никому, что онъ что нибудь создастъ серьезное. Все это творилось имъ подъ спудомъ, скрыто отъ насъ, невѣдомо ни для кого. То, что намъ было извѣстно изъ Гоголевскихъ литературныхъ произведеній, какъ образцы его дарованій въ поэзіи и прозѣ, обнаруженные по школѣ, не внушало никому никакого довѣрія къ Николаю Васильевичу, что онъ когда либо станетъ большимъ писателемъ. И даже впоследствии мы, его одноклассники, встрѣтили появленіе «Ревизора» скептически и не переставали говорить до конца самой жизни Гоголя, что все это, имъ произведенное, суть недоразумѣніе времени, фантазія другихъ лицъ,

извѣстныхъ автору, мысль которыхъ онъ сумѣлъ вложить въ литературную форму. А «Мертвыя Души» — такъ это прямо идея Пушкина, возникшая въ его умѣ еще въ то время, когда онъ жилъ въ Новороссіи. И если онъ не претендовалъ на то, что Гоголь ее похитилъ у него, то лишь потому, какъ говорилъ онъ самъ мнѣ потомъ, «что я, можетъ быть, и не осуществилъ бы ея, потому что у меня много было другого дѣла, также важнаго по существу своему и требующаго немедленнаго осуществленія»... Вотъ что Пушкинъ говорилъ мнѣ о Гоголевскомъ творествѣ...

— «Ревизоръ» — тоже моя идея. Это какъ разъ относилось къ двадцатымъ годамъ, когда я былъ въ Новороссіи... Типъ Хлестакова у меня былъ намѣченъ въ живомъ лицѣ... Это своего рода Митрофанушка, только болѣе обтесанный и менѣе отроченъ... Но по характеру своему также наивенъ и скромнень, .. чего, однако, Гоголь не далъ своему Хлестакову, вложивъ въ его рѣчь дозу нахальства и увѣренной глупости... Да, именно «увѣренной глупости», потому что Хлестаковъ сознаетъ свое глупое положеніе среди семьи глупаго городничаго, но все-таки его поддерживаетъ, увѣренный въ томъ, что его глупый умъ, по сравненію съ глупостію уѣзднаго начальства, много значительнѣе... Даже высшая одесская губернская власть, въ вѣдѣніи которой я находился тогда, какъ полуссылный, и та ничѣмъ не уступала Гоголевскому Сквознику-Дмухановскому... По своему мягкому и доброму характеру, знаменитый административный мужъ въ эпоху «Николаевскихъ войнъ», графъ Киселевъ, этотъ господарь Молдавіи и Валахіи и впоследствии министръ государственныхъ имуществъ, тоже былъ Сквозникъ въ своемъ родѣ, потому что онъ весь уходилъ въ авторитетъ своего камердинера, который ему говорилъ, что «этого» надо наказать, а «того» помиловать и т. д.

Но такой оборотъ дѣла, однако, не умалялъ достоинства Гоголевскихъ произведеній... Съ этимъ соглашался и самъ Пушкинъ. Но онъ только не одобрялъ стиля Гоголевскаго.

— «Въ этомъ есть что-то недосказанное, — говорилъ онъ, — ибо растянута рѣчь уменьшаетъ впечатлительность читателя, даетъ ему случай скоро забывать только что прочитанное... Совсѣмъ другое — сжатость письма, — это сама сила, дающая себя чувствовать каждому, когда она его поглощаетъ... Какъ выраженіе ума, рѣчь должна быть конкретна... Абстрактность же Гоголя намъ этого не даетъ. Живые типы, имъ выведенные, далеко не натуральны, напротивъ, они сказочны... Дѣлать повѣсть изъ быта данной среды нельзя въ образѣ кузнеца Вакулы съ чортомъ подъ небесами... Это нѣчто въ духѣ бабушкиныхъ сказокъ, разсказанныхъ на печи, подъ вліяніемъ кирпичнаго жара, пылко дѣйствующаго на живое сновидѣніе человѣка»...

Таковъ Гоголь, по заключенію Пушкина. Но поэтъ, однако, не отрицалъ въ немъ творческаго дарованія и самобытности... Но мы

простые смертные, однако, не находили въ Гоголѣ никакихъ заслугъ передъ обществомъ и смотрѣли на его литературные труды съ презрѣніемъ... Было ли это то, что называется аристократической кичливостью, или что другое,—я сказать не могу, но фактъ тотъ, что среди насъ, современниковъ Гоголя, трудно было отыскать человѣка, хотя бы сколько нибудь симпатизировавшаго «Мертвымъ Душамъ» или «Ревизору», и тѣмъ болѣе еще «Кузнецу Вакулѣ», ибо мы въ то время смотрѣли на литературу, какъ на творчество высшей среды. А Гоголь занялся какими-то Коробочками, Поздrevыми и Дмухановскими-Сквозниками... Это-то и отталкивало насъ отъ него.

III.

Въ числѣ странностей Гоголя было много его своеобразныхъ взглядовъ на все окружающее его общество и на то, что это общество признавало для себя закономъ или правиломъ жизни, какъ нѣчто неизбѣжное, чему слѣдовало поклоняться, вѣровать... И это-то все Николай Васильевичъ игнорировалъ, называлъ баловствомъ, недостойнымъ дѣломъ, отъ котораго надо было бѣжать, отрещиваться, какъ отъ антихриста, и избавлять себя, какъ отъ врага, мечемъ мысли... Можетъ быть, это было и оригинально съ его точки зрѣнія, но не рационально, однако, на нашъ взглядъ, и мы смѣялись надъ нимъ въ этомъ случаѣ, какъ могли, и называли его карбо-нариемъ...

Въ церкви, напримѣръ, Гоголь никогда не крестился передъ образами святыхъ отцевъ нашихъ и не клалъ передъ алтаремъ поклоновъ наравнѣ съ другими молящимися, но святые молитвы слушалъ со вниманіемъ, иногда даже повторялъ ихъ нараспѣвъ, какъ бы служа самъ себѣ отдѣльную литургію или литію... Дьячковъ онъ осуждалъ за гнусавость пѣнія, невнятность чтенія псалтыря и за скороговорку великопостной службы... Не одобрялъ онъ также степеней и градацій въ церкви и толкалъ мужика впередъ, говоря: «Тебѣ Богъ нужнѣе, чѣмъ другимъ, иди къ Нему ближе»... Это иногда вызывало нареканіе на него со стороны именитыхъ гражданъ Нѣжина, но онъ не обращалъ на то никакого вниманія и всегда оставлялъ протестантовъ безъ отвѣта... Не находя ничего лучшимъ для себя, какъ сдѣлать что нибудь для мужика полезное, онъ нерѣдко обращался къ нему въ церкви съ вопросомъ: «Есть ли у тебя деньги на свѣчку?» и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сейчасъ же вынималъ изъ кармана какую нибудь монету и отдавалъ ее мужику, говоря: «на, поди, поставь свѣчку, кому ты желаешь, да самъ поставь, это лучше, чѣмъ кто другой за тебя поставитъ»... И мужикъ шелъ ставить свѣчку тому образу, которому онъ молится... Это постоянно вызывало толкотню въ церкви, на что иные сѣтовали, предлагая передавать свѣчи

черезъ руки другихъ лицъ, стоящихъ впереди подателя... Но Гоголь былъ счастливъ... Онъ торжествовалъ, что его цѣль была достигнута, и мужикъ подошелъ къ алтарю, опередивъ всѣ мундиры, стоящіе передъ амвономъ... Ему только этого и нужно было; онъ только того и хотѣлъ, чтобы мужикъ потерялся своимъ зипуномъ о блестящіе мундиры и попачкалъ бы ихъ своей пыльцой... Однажды, Гоголь, недовольный пѣніемъ дьячковъ, зашелъ къ нему на клиросъ и сталъ подпѣвать обѣдню, ясно произнося слова молитвъ, но священникъ, услышавшій незнакомый ему голосъ, взглянулъ изъ алтаря и, увидѣвъ Николая Васильевича, велѣлъ ему удалиться... Это страшно разобидѣло Гоголя, и онъ пересталъ ходить въ церковь. Замѣчая его отсутствіе за обѣдней, священникъ прочелъ ему нотацию и сказалъ, что, если онъ и впредь не будетъ посѣщать храма Божія, то наложить на него эпитимію... Но Гоголь этого не утратилъ и попрежнему за обѣдню не ходилъ. Эпитимію же, на него наложенную священникомъ, онъ также не пожелалъ выполнять въ церкви въ присутствіи всѣхъ молящихся и постоянно отзывался больнымъ... За это ему въ «поведеніи» была поставлена единица, и онъ надъ ней посмѣялся въ слѣдующихъ словахъ: «Хорошо, что не двойка; единицу-то хоть можно принять за туза, а двойка такъ и останется двойкой»...

Вообще, Гоголь отличался всякими странностями, даже и въ словахъ. На дѣлѣ же онъ иногда превосходилъ самого себя. Забывая часто, что онъ человѣкъ, Гоголь, бывало, то кричитъ козломъ, ходя у себя по комнатѣ, то поетъ пѣтухомъ среди ночи, то хрюкаетъ свиньей, забравшись куда нибудь въ темный уголъ. И когда его спрашивали объ этомъ, почему онъ подражаетъ крикамъ животныхъ, то онъ отвѣчалъ, что «я предпочитаю быть одинъ въ обществѣ свиней, чѣмъ среди людей»...

Такое отрицаніе было у него къ обмѣну мыслей съ людьми. Такъ, онъ не любилъ насъ, дѣтей аристократовъ, будучи самъ демократомъ. И все это потому, что мы дурно относились къ нему, какъ къ товарищу. А будь мы менѣ надменны съ нимъ въ обращеніи, весьма возможно, что Гоголь былъ бы общительнѣйшій человѣкъ среди своихъ товарищей, и мы многое услышали бы отъ него, чего до сихъ поръ еще не сказала о немъ біографія. Но теперь сказать о Гоголѣ-юношѣ приходится очень мало, потому что его внутренній міръ для насъ остался закрытымъ, а тѣ незначительныя проявленія его въ обыденной жизни, которыя мы наблюдали въ немъ, не даютъ того субъекта, который скрывался въ Гоголѣ.

Вообще, какъ уже сказано, Николай Васильевичъ не любилъ подражать кому бы то ни было... ибо это была натура противорѣчій. Все, что казалось людямъ изящнымъ, приличнымъ, ему, напротивъ, представлялось безобразнымъ, гривуазнымъ. Въ оби-

ходѣ своемъ онъ не любилъ симметріи, разставлялъ въ комнатѣ мебель не такъ, какъ у всѣхъ, на примѣръ, по стѣнамъ, у столовъ, а въ углахъ и по срединѣ комнаты; столы же ставилъ у печки и у кровати, точно въ лазаретѣ или въ больницѣ. Ходилъ онъ по улицѣ или по аллеямъ сада обыкновенно лѣвой стороною, постоянно сталкиваясь съ прохожими. Это давало случай обращать на него вниманіе всѣхъ постороннихъ и посылать ему велѣдъ «невѣжа». Но Гоголь обыкновенно этого не слышалъ и всякія оскорбленія для себя считалъ недосыгаемыми, говоря: «Грязное къ чистому не пристанетъ... Вотъ если бы я васъ мазнулъ чѣмънибудь, ну, тогда было бы, пожалуй, чувствительно»...

Прогуливаясь какъ-то по аллеямъ лицейскаго сада лѣвой стороною, Гоголь толкнулъ плечомъ одного изъ воспитанниковъ, на что тотъ сказалъ ему «дуракъ»; «ну, ты, умный, — отвѣтилъ Николай Васильевичъ, — и оба мы соврали»... Вообще, онъ, бывая въ обществѣ, ходилъ съ опущенной головою и ни на кого не глядѣлъ. Это придавало ему видъ человѣка, глубоко занятаго чѣмъ-то, или суроваго субъекта, пренебрегавшаго всѣми людьми. Но въ общемъ онъ вовсе не былъ золь, напротивъ, его душа всегда была отзывчива къ ближнему. Такъ, на примѣръ, онъ никогда не могъ пройти мимо нищаго, чтобы не подать ему что могъ, если имѣлъ, и всегда говорилъ просившему у него подавня «извините», когда нечего было вложить тому въ руку. Однажды ему даже случилось остаться въ долгу у одной нищенки, которой ему нечего было подать въ то время, когда онъ проходилъ мимо нея, и на ея слова «подайте Христа ради» отвѣтилъ: «считите за мной»... И въ слѣдующій разъ, когда та обратилась къ нему съ той же просьбой, какъ прежде, онъ подалъ ей вдвойнѣ, добавивъ при этомъ: «тутъ и долгъ мой»... Вообще, Гоголь относился къ бѣдности съ большимъ вниманіемъ и, когда встрѣчался съ нею, переживалъ тяжелыя минуты.

— Я бы перевелъ всѣхъ нищихъ, — говорилъ онъ иногда: — если бы имѣлъ на это силу и власть.

— Но какъ бы вы это сдѣлали? — спрашивали его.

— Да всѣмъ бы построилъ дома, далъ бы имъ земли и заставилъ бы работать для себя... А то вѣдь имъ головы преклонить некуда, потому они и побираются. При домѣ же и землѣ они этого не захотѣли бы для себя... Вѣдь просить милостыню — позоръ. Всякій это знаетъ. А если онъ проситъ, то, стало быть, нуждается, и потому ему надо подать. А при домѣ и землѣ онъ не пошелъ бы побираться...

Такъ Гоголь думалъ о нищихъ, такъ онъ полагалъ извести нищету и, не имѣя средствъ, чтобы помочь видимому горю, скорбѣлъ въ душѣ.

Какъ человѣкъ, выросшій въ сосѣдствѣ самой природы, Николай Васильевичъ любилъ ботанику. И всегда, когда у него была

свободная минута, онъ отправлялся въ лицейскій садъ и тамъ продолжалъ бесѣдовать съ садовникомъ о предметахъ его задачъ.

— Ты разсаживай деревья не по ранжиру, какъ войска въ строю, одинъ подлѣ другого на разсчитанномъ разстояннн, а такъ, какъ сама природа это дѣлаетъ,—говорилъ онъ.

И, взявъ въ руку нѣсколько камешковъ, онъ бросалъ ихъ на поляну, добавляя при томъ: «вотъ тутъ и сажай деревцо, гдѣ камень упалъ».

— Да вѣдь это будетъ зря, — отвѣчалъ садовникъ.

— Самъ-то ты «зря». Что природа-то хуже насъ понимаетъ свое дѣло, а она все такъ сажаетъ... А то что это?—точно солдатъ, разставилъ въ шеренгу: на два аршина всякое деревцо... Да развѣ въ лѣсу это есть?.. Тамъ всякое растеніе цвѣтетъ, гдѣ ему удобно, а ты заставляешь его расти, гдѣ тебѣ хочется. Ну, на что это похоже?..

Но садовникъ съ Гоголемъ не соглашался и называлъ его «чудакомъ-баринномъ»... На это Николай Васильевичъ страшно сердился, но никогда не ругался, чтобы выразить свое неудовольствіе «невѣждѣ».

— Это ужъ его такъ люди научили, — говорилъ онъ,—а люди учатъ всегда тому, что противно природѣ... И это у нихъ называется культурой,—добавлялъ онъ,—какая это культура, гдѣ идетъ ломка всего естества... Это варварство одно... А я бы на твоёмъ мѣстѣ, Ермилъ,—продолжалъ онъ назидать садовника,—поступилъ такъ, какъ я тебѣ говорю. На господъ же ты плюнь. Они сами не знаютъ, чего отъ тебя требуютъ. Имъ бы только маршировка. Они деревья тоже хотятъ выучить ходить по командѣ: лѣвая, правая—гдѣ сторона... Да, все равно, гдѣ бы она ни была. И я иду тамъ, гдѣ мнѣ нравится. Вотъ такъ и деревцо растеть, гдѣ ему хорошо. А ты хочешь заставить его цвѣсти тамъ, гдѣ тебѣ нужно. Вотъ почему у тебя фрукты-то плохо и рождаются. А ты посмотри, сколько ихъ въ лѣсу. И все это потому, что они тамъ растутъ свободно, безъ принужденія. А если бы ты ихъ принуждалъ, то они тебѣ ничего бы и не дали. Такъ всегда. Ты это по себѣ знай. Вѣдь свобода дорога?.. Ну, деревцо тоже любить свободу... А ты его стѣсняешь... Оно растеть, а ты срѣзаешь. Зачѣмъ это? Пусть стремится къ Богу. Всякому поближе къ небу хочется. Ну, деревцо тоже вверхъ лѣзеть. А ты его рѣжешь. Не трогай. Пусть себѣ растеть.

— Невозможно-съ, господа требуютъ «подравнять».

— Ну, а ты плюнь на господъ. Порченые они люди, портятъ и тебя, а ты въ угоду имъ портишь свои деревца. Не дѣлай этого. Угода дураку—хуже всего.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Развѣ умный скажетъ: отрѣжь мнѣ голову, а они велютъ рѣзать головки деревцамъ.

— Это точно.

— Да я ужъ зря не скажу. Все, что тебѣ вымолвлю, будетъ правда.

— Это точно, что головки деревцамъ рѣзать не слѣдъ. Деревцо-то отъ того чахнетъ.

— И умираетъ.

— И умираетъ... Это бываетъ... Точно... Особливо, ежели глубоко возьмешь...

— Вотъ ты и подумай, что я говорю... И Гоголь былъ въ восторгѣ, что «резонилъ» садовника.

— А то ни одинъ человѣкъ не хочетъ согласиться со мною,—говорилъ онъ... Вѣдь обидно... И добро бы—я кому зла желалъ. Такъ нѣтъ же, вотъ не хотятъ согласиться.

Убѣжденный всегда въ своей правотѣ, Гоголь сильно грустилъ, когда съ нимъ кто либо не соглашался.

— Я только говорю то, что знаю, въ чемъ убѣжденъ, и въ этомъ мнѣ не вѣрять... Ну, какъ не обидно тутъ...

Вотъ почему онъ часто и не договаривалъ того, что хотѣлъ сказать, если вступалъ съ кѣмъ въ разговоръ, опасаясь, что ему не повѣрятъ, и что его истина, изреченная устами правды, останется непринятой. Изъ-за этого онъ получилъ прозвище «мертвой мысли», то-есть человѣка, съ которымъ умереть все, что онъ создалъ, что думалъ, ибо онъ никогда не изрекалъ ни передъ кѣмъ того, что мыслилъ... И все это потому, что онъ опасался за напрасный трудъ разсыпать бисеръ передъ свиньями... Скрытность эта сдѣлала Гоголя застѣнчивымъ, молчаливымъ. Но на самомъ же дѣлѣ онъ хотѣлъ и говорить, и подѣлиться своими мыслями, но странность его натуры погружала его въ самого себя... Отсюда у него появилась мрачность, нелюдимость и необщительность. Было ли это явленіе въ Гоголѣ чѣмъ либо болѣзненнымъ, самонадѣяннымъ и горделивымъ, внушеннымъ маніей величія,—пусть скажетъ объ этомъ его биографъ, а я передаю лишь голые факты, которые были вынесены нами изъ непосредственнаго сношенія съ нимъ во время школьной жизни. Гоголь былъ молчаливъ даже въ случаяхъ его оскорбленія.

— Что это?—говорилъ онъ,—отвѣчать на оскорбленіе?... Да кто это можетъ сказать, что я его принялъ?... А если отвѣчать, то это значитъ сознавать себя оскорбленнымъ.

— Но развѣ вы не сознаете этого?—спрашивали его.

— Ничуть.

— Почему?

— Потому, что я считаю себя выше всякихъ оскорбленій... Говоря иначе, я не считаю себя заслуживающимъ оскорбленія, а потому и не принимаю его на себя.

Таково было отношеніе Гоголя къ оскорбленіямъ. Вотъ почему онъ всегда и проходилъ мимо насъ, своихъ соклассниковъ, не про-

Портретъ Гоголя, приложенный къ «Московскому Сборнику» изданному С. Т. Аксаковымъ въ 1852 году.

дос. ценз. 18 янв. 1902 г. слб.

ронивъ ни одного членораздѣльнаго звука въ то время, когда мы надъ нимъ смѣялись. Быть такимъ терпѣливымъ къ своимъ оскорбителямъ могъ только характеръ твердый. И Гоголь его имѣлъ. Замкнутость въ немъ доходила до высшей степени. Какой другой человѣкъ могъ бы перенести столько насмѣшекъ, сколько переносилъ ихъ отъ насъ Гоголь. И все это молчаливо. Безропотно онъ также переносилъ и всѣ выговоры начальства, касавшіеся его неряшества въ обиходѣ собственной личности. Напримѣръ, ему многократно ставилась на видъ его безприческа. Растрепанность головы Гоголя вошла у насъ въ общію насмѣшку, и мы говорили другимъ своимъ соклассникамъ, неопратно держащимся, что онъ похожъ на Гоголя. И Николай Васильевичъ дѣйствительно былъ образцомъ неряшливости. Голова у него едва ли когда причесывалась имъ; волосы съ нея падали ему на лицо нерасчесанными прядями. Стричься онъ также не любилъ часто, какъ этого требовало отъ насъ школьное начальство. Вообще, Гоголь шель наперекоръ всѣмъ стихіямъ. Заставить его сдѣлать что нибудь такое, что дѣлали другіе воспитанники лица, было никакъ нельзя.

— Что я за попугай!—отвѣчалъ онъ на такое предложеніе...— Я самъ знаю, что мнѣ нужно.

Итакъ его оставляли въ покоѣ «съ предупреденіемъ впредь этого не дѣлать». Но онъ всегда дѣлалъ такъ, какъ хотѣлъ, а не такъ, какъ ему приказано...

Надъ чѣмъ другимъ Гоголь, можетъ быть, и работалъ въ школѣ наравнѣ съ нами, но надъ своей разговорной рѣчью онъ поставилъ крестъ... И такое, бывало, словечко скажетъ, что надъ нимъ весь классъ въ голосъ размѣется... Однажды, ему это было поставлено на видъ однимъ изъ нашихъ преподавателей, но Гоголь ему на это отвѣтилъ:

— А чѣмъ вы докажете, что я по-своему неправильно говорю?

И такъ всегда. И чѣмъ дольше его увѣряли въ противномъ, тѣмъ непреклоннѣе становился онъ въ своемъ упорствѣ... Это была какая-та холодная скала, отъ которой отскакивало все, принятое въ общежитіи...

— Почему вы думаете, что я болѣе васъ циниченъ?—говорилъ онъ.

— Потому,—отвѣчали ему,—что это признается всѣми.

— Ну, эти «всѣ» иногда менѣе одного смыслаютъ.

Самоувѣренность Гоголя была такимъ образомъ непоколебима. Оставалось только преклоняться передъ нимъ... И всѣ махнули рукой на него. А онъ, какъ бы не замѣчая этого, говорилъ:

— Ну, что, чья теперь взяла?.. Кто правъ во всемъ?..

— Да, конечно, не вы,—отвѣчали ему.

— Но не вы же?—раздраженно говорилъ онъ.—Вотъ если бы вы доказали мнѣ свою правоту, ну, тогда я повѣрилъ бы...

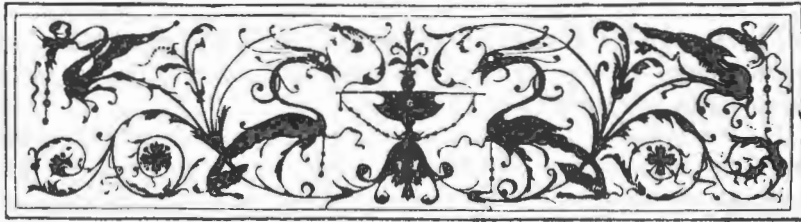
— Да такихъ доказательствъ нѣтъ еще на свѣтѣ, въ которыя бы вы увѣровали.

— Ну, а если нѣтъ, такъ и говорить нечего о томъ...

Противопоставить ему чтонибудь въ этомъ случаѣ было совсѣмъ невозможно, ибо онъ все равно ни съ чѣмъ не согласился бы.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Воспоминанія В. П. Любича-Романовича касаются мало изслѣдованнаго и важнаго для біографіи Гоголя вопроса объ отношеніяхъ, существовавшихъ между нимъ и его товарищами, и даютъ матеріалъ, разрушающій принятія въ литературѣ, страдающія догматизмомъ и мало обоснованныя, характеристики школьной жизни Гоголя. По обычному представленію, въ ней царилъ тишь да гладь, а, по воспоминаніямъ Любича-Романовича, въ ней шла маленькая борьба за существованіе. Выясненію дѣйствительнаго положенія Гоголя въ школѣ посвящена помѣщенная выше статья г. Щеголева. Въ воспоминаніяхъ Любича-Романовича, сдѣланныхъ имъ въ старости и дошедшихъ до насъ черезъ вторыя руки,—много субъективнаго элемента; любопытно, что чувство недружелюбія сохранилось у него до глубокой старости. Понятно, что эти воспоминанія страдаютъ нѣкоторыми неточностями. Изъ нихъ—главнѣйшая въ невѣрномъ освѣщеніи журнальной дѣятельности Гоголя въ школѣ. Быть можетъ, рассказчику измѣняетъ память, быть можетъ, пристрастное отношеніе къ Гоголю заводитъ его слишкомъ далеко въ отрицаніи школьныхъ успѣховъ Гоголя. Другіе источники удостовѣряютъ, что Гоголь принималъ активное участіе въ общей литературной дѣятельности школы и самъ издавалъ журналъ. Исторія съ «Парнасскимъ навозомъ», рассказанная Любичемъ-Романовичемъ, совершенно противорѣчитъ тому, что объ этомъ говорится въ «Исторіи лица князя Безбородка» (Спб., 1859, стр. 33) и въ пзвѣстныхъ «Запискахъ о жизни Гоголя» Кулиша (I, 27), гдѣ мы находимъ слѣдующее извѣстіе: «Журналъ Гоголя имѣетъ происхожденіе комическое. Былъ въ гимназій одинъ ученикъ съ необыкновенной страстью къ стихотворству и съ отсутствіемъ всякаго таланта,—словомъ, маленькій Тредьяковский. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ названіе «Альманаха» и издалъ подъ заглавіемъ «Парнасскій навозъ».

ГОГОЛЬ И РОМАНЫ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

АБЫТЫЙ нынѣ критикъ пятидесятыхъ годовъ, Дружининъ, однимъ изъ существенныхъ, вредныхъ недостатковъ русской журналистики признавалъ ся замѣчательное невниманіе къ дѣятелямъ нашей словесности, жившимъ до пушкинскаго періода.

«Мы вѣтренны, заносчивы, лѣнны и весьма бѣдны образованіемъ. Мы не любимъ говорить о старомъ только потому, что по этой части знаемъ весьма мало».

Говоря стариннымъ слогомъ, «вертоградъ современнаго русскаго Пинда, изобилуя цвѣтами благоуханными и плодами прелестными, полонъ крапивы и сорныхъ травъ, въ количествѣ ужасающемъ». Эта крапива, эти сорныя травы, являются въ видѣ парадоксовъ, опрометчивыхъ сужденій, ложныхъ взглядовъ, одностороннихъ выводовъ, наконецъ цѣлаго разсадника общихъ мѣстъ, сдѣлавшихся законами литературными.

«Не желаете ли перечня этихъ общихъ мѣстъ?—спрашиваетъ Дружининъ.—У насъ въ литературѣ весьма часто упоминается имя Нарѣжнаго, хотя мы вполне убѣждены, что изъ лицъ, упоминающихъ это имя, можетъ быть, одно или два знаютъ Нарѣжнаго не по наслышкѣ. Итакъ, Нарѣжнаго признано называть не бездарнымъ юмористомъ, имѣющимъ кое-что общее съ Гоголемъ, но все-таки писателемъ отжившимъ, нелѣпымъ, неудобочитаемымъ. Когда придетъ время, и этотъ въ высшей степени замѣчательный рассказчикъ будетъ оцѣненъ по совѣсти, прежній вѣтренный пред-

разсудокъ погибнетъ навѣки, но теперь этотъ предрассудокъ живеть и стоитъ несокрушимымъ общимъ мѣстомъ, кустомъ зловредной крапивы въ нашемъ вертоградѣ».

Къ сожалѣнію, и теперь, черезъ полъ-столѣтія послѣ этихъ строкъ Дружинина для Нарѣжнаго, какъ и для многихъ другихъ словесниковъ нашихъ первой четверти XIX-го вѣка, не пришло еще время. Мало, почти ничего не сдѣлано для изученія эволюціи литературныхъ формъ, и въ частности нашего романа, въ области котораго вышеупомянутый Нарѣжный былъ непосредственнымъ предшественникомъ Гоголя.

Ни удѣльный вѣсъ, такъ сказать, этого романиста, ни степень его вліянія на Гоголя не опредѣлены съ достаточной обстоятельностью и точностью.

Замѣчательное явленіе: первые наши романисты—поляки. Нарѣжный—сынъ шляхтича польскаго, хотя и родился въ мѣстечкѣ Устивицы, Миргородской сотни Гадячскаго повѣта—въ мѣстахъ, гдѣ дѣйствуютъ и герои малороссійскихъ повѣстей Гоголя; затѣмъ Оадей Булгаринъ, авторъ «Ивана Выжигина», въ 20-хъ годахъ—блестящій, модный литераторъ, позднѣе—«притча во языцехъ», кровный полякъ, изъ испанскаго легіона поляковъ наполеоновской арміи; наконецъ, Осипъ (Іосифъ)-Юліанъ Сенковскій, знаменитый баронъ Брамбеусъ, авторъ «фантастическихъ путешествій» и многихъ повѣстей, отъ остроумія котораго помѣщичья молодежь надрывала животики,—вотъ наши первые беллетристы. За поляками въ тридцатыхъ уже годахъ выступаютъ малороссы—Квитка, Гребенка, великій Гоголь, и только въ 40-хъ годахъ русская проза становится достояніемъ преимущественно великороссовъ изъ коренной Руси, выступаютъ костромичи, орловцы... Чѣмъ бы мы ни объясняли такую послѣдовательность, фактически она тѣмъ не менѣе наблюдается и соотвѣтствуетъ исторической постепенности, съ которою западная культура распространялась по великой равнинѣ отъ Вислы и Нѣмана къ Днѣпру и Волгѣ. Сначала съ XVI-го вѣка эта культура охватила Польшу. Уже отъ Польши воспринимаетъ ее Малороссія, и когда съ начала XVIII-го вѣка начинаютъ и въ Великороссіи насаждать опыты культуры, когда «божественны науки, чрезъ горы, рѣки и моря, въ Россію простирали руки» къ монарху Петру, мы воспользовались ученостью малороссовъ-кіевлянъ. Что касается собственно романа, то въ эволюціи его формъ можно доказать несомнѣнную преемственную связь хотя бы между Нарѣжнымъ и Гоголемъ.

Русскій романъ образовался подъ вліяніемъ романа переводнаго, который переходитъ въ подражательный, а затѣмъ въ болѣе или менѣе самобытный. Реально-сатирическій романъ Скаррона, Форестьера, Лесажа, сатирико-философскій романъ Вольтера; «Новая Элоиза» Руссо⁵⁷ и сентиментальные романы Стерна, Ричард-

сона, «Векфильдскій священникъ»—вотъ образцы XVIII-го вѣка, продолжавшіе свое вліяніе на русскую прозу и въ первое десятилѣтіе XIX-го. Копія, съ небольшими, зародышевыми намеками на самобытность, вотъ съ чего началъ русскій прозаикъ въ области романа.

Матеріальныя причины заставляли почти всѣхъ прозаиковъ начала вѣка, кромѣ оригинальныхъ произведеній, заниматься также и переводами. Издатели въ то время рисковали тратиться лишь на бумагу, печать и переводы. Ручательствомъ успѣшнаго сбыта книги къ тому же служило имя иностраннаго автора, популярное среди русскихъ читателей, благоговѣвшихъ передъ всѣмъ иностраннымъ. Вообще, писатель предпочиталъ стихотворство—прозѣ, переводъ—оригинальному творчеству въ области романа. «Одобреніе и награды слабы, говоритъ современникъ, а досада и неудовольствія, сопряженные съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть страстную любовь къ словесности, чтобы заниматься ею долго; я говорю о прозаическихъ писателяхъ»¹⁾.

Къ роману съ пренебреженіемъ относились и теоріи словеснаго искусства. Такъ въ книгѣ Мейнерса, переведенной проф. Сохацкимъ, читаемъ: «Романы не могутъ еще и тогда одобряемы быть для чтенія, когда они прямо не вредятъ сердцу; ибо они разными образами бываютъ зловредны разуму и назначенію дѣвицъ и молодыхъ людей. Привычка читать романы пагубна или опасна, хотя бы ни противъ одного читаемаго романа порознь ничего сказать было нельзя»²⁾.

Романы составляли тайную пищу дѣвицъ, прятавшихъ ихъ подъ подушку, запретный плодъ, конечно, тѣмъ болѣе сладкій. Романы читали, чтобы «лучше любиться» (по выраженію «водяного Гомера», Хераскова). Спросъ былъ на нихъ все-таки значительный. «Раскройте Московскія Вѣдомости!—говоритъ Жуковскій,—о чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ? О романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и прочее, и прочее. Что покупаютъ охотнѣе посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ? Романы. Въ чемъ состоитъ достоинство этихъ прославляемыхъ романовъ? Всегда почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, которымъ обманываютъ любопытство. Какая отъ нихъ польза? Рѣшительно никакой»³⁾.

Жуковскій влагаетъ этотъ суровый приговоръ въ уста литературнаго стародума—«чудака, котораго мнѣніе рѣдко согласно съ общимъ, который молчитъ, когда другіе кричатъ, и хмурится, когда другіе смѣются». Но самъ Жуковскій былъ замѣчательнымъ про-

1) «Цвѣтникъ», июнь, 1810 г., ч. VI.

2) Мейнерсъ. Начертаніе теоріи изящныхъ наукъ. М. 1803. Стр. 344.

3) Письмо изъ уѣзда. 1808. г. Соч. Изд. 8-е, т. V, стр. 247.

заикомъ этой эпохи. Онъ занимался и переводами, которыми обыкновенно не пренебрегали тогда молодые писатели. Такъ Измайловъ рассказываетъ, что Н. И. Гречъ, «въ свободное отъ должности время, для пользы многочисленнаго своего семейства, переводилъ, за деньги, для журналистовъ и для книгопродавцевъ» ¹⁾.

Разнообразіе переводныхъ романовъ поразительное. На ряду съ романами XVIII-го вѣка встрѣчаются и романы XVII и даже XVI-го. При Екатеринѣ II-й сравнительно всего больше переведено романовъ: д'Арно, Вольтера, Виланда, Мармонтеля, Флоріана, Лесажа, Фильдинга; при Павлѣ I-мъ—Дидеро (Дидеротъ), Дюкре-Дюменили, Горжа; при Александрѣ I-мъ—г-жи Жанлисъ (Жанли), Радклифъ, Августа Лафонтена, Коцебу, Шатобриана, Крамера, Маріи Рошъ. Почти все романы Коцебу, Радклифъ и Жанлисъ были переведены на русскій языкъ ²⁾.

Въ прозѣ начала вѣка замѣчается два направленія—сентиментальное, представителемъ котораго въ своихъ повѣстяхъ былъ Карамзинъ и его многочисленные послѣдователи и подражатели. Оно шло отъ романовъ Руссо, Стерна, Ричардсона. Другое направленіе реально-сатирическое, болѣе оригинальное, представлялось Нарѣжнымъ, пользовавшимся несомнѣнно польскими образцами; только въ 20-хъ годахъ къ этимъ двумъ направленіямъ присоединяется третье—романтическое, въ видѣ свѣтской повѣсти, съ элементомъ фантастическаго, представителями котораго были—Марлинскій (Бестужевъ) и князь Одоевскій. Замѣтное вліяніе на прозу Гоголя имѣли романы Нарѣжнаго, Булгарина, повѣсти князя Одоевскаго.

Только къ половинѣ двадцатыхъ годовъ русскому читателю пріѣлисъ Коцебу, Радклифъ, Лафонтенъ и другіе посредственные, пошловатые романисты запада. Начинаютъ читать Купера и Вальтеръ-Скотта. Русскіе переводы ихъ романовъ съ подлинника явились лишь послѣ 1824 года. Въ «Прибавленіи» къ первому номеру «Телеграфа» читаемъ: «На русскомъ языкѣ не было еще ни одного перевода изъ нѣсколькихъ романовъ г. Купера, американскаго сочинителя и соперника Вальтеръ-Скотта. Скоро выйдетъ въ Москвѣ лучший романъ Куперовъ—«Шпіонъ» ³⁾.

«Надобно отличить,— читаемъ въ «Обозрѣніи русской литературы въ 1824 г.»,—отъ произведеній литературной промышленности новыя переводы романовъ Вальтеръ-Скотта. Намъ обѣщаютъ переводы съ англійскихъ подлинниковъ; до сихъ поръ изданы съ французскаго: Пуритане и Гей-Меннерингъ, не очень исправно переведенные» ⁴⁾.

¹⁾ О праздникѣ по случаю десятилѣтія «Сына Отечества». 1822 г. Соч. т. II. М. 1891. Стр. 153.

²⁾ Бѣлозерская. В. Т. Нарѣжный. Историко-литературный очеркъ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Стр. 35.

³⁾ Вглядъ на Москву 1824 года.

⁴⁾ Моск. Телеграфъ, 1825 г., январь, № 2, стр. 142.

Въ томъ же «Обозрѣніи» отмѣчается переверотъ въ потребленіи переводной литературы и во вкусахъ читателей:

«Съ удовольствіемъ скажемъ, что нынѣшній годъ кустарныя издѣлія особенныхъ русскихъ переводчиковъ были не столь многочисленны, какъ прежде (предлагаемъ это названіе нашей публикѣ: такъ называютъ въ Москвѣ разныя издѣлія—платки, ситцы, холстинки и проч., по деревнямъ дѣлаемыя на однѣ руки, какъ говорятъ купцы. Сія издѣлія отличны удивительною дешевизною; а кто не знаетъ—что дешево, то гнило?)... Не знаемъ, что этому причиной: охота ли къ чтенію подобныхъ веществъ уменьшается или что другое; по крайней мѣрѣ, цѣна ихъ упала не по курсу! Любое твореніе Радклифъ, Дюкре-Дюмениля, А. Лафонтена, Шписа, можно купить съ уступкой 50 процентовъ на 100 противъ цѣны, выставленныхъ въ каталогахъ книгопродавцевъ».

II.

Въ двадцатые годы вполне развернулся выдающійся талантъ Василія Трофимовича Нарѣжнаго (1780—1825), появился рядъ его замѣчательныхъ романовъ и повѣстей: «Аристонъ» (1822), «Запорожецъ», «Заморскій принцъ» (1824), «Бурсакъ» (1824), «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» (1825), «Черный годъ» (1829). Тѣмъ не менѣе онъ не былъ оцѣненъ современниками и вскорѣ забытъ совершенно. Сдѣлавъ чрезвычайно много для литературы, какъ непосредственный предшественникъ Гоголя, имѣвшій на него замѣтное вліяніе, Нарѣжный для читателей и критики его времени остался явленіемъ непонятнымъ.

Вотъ отзывы о Нарѣжномъ «Московского Телеграфа» графа Полевого:

«Г. Нарѣжный издалъ «Бурсака», романъ въ 4 книжкахъ, и «Повѣсти» въ двухъ. И въ томъ и въ другомъ сочиненіи замѣтна извѣстная уже способность г. Нарѣжнаго описывать бытъ народный и рисовать характеры; но все затмевается выборомъ низкихъ предметовъ, неприличными, несносными выраженіями, и ходомъ приключеній, по-старинному обдѣланныхъ... Пусть г. Нарѣжный вводитъ читателей въ высшій кругъ людей, болѣе старается о слогѣ, о связи и простотѣ приключеній--и мы ручаемся за успѣхъ его романовъ» ¹⁾.

«В. Т. Нарѣжный, скончавшійся въ іюль сего года, подавалъ нѣкогда большія о себѣ надежды. Обстоятельства—тяжелая цѣпь, часто угнетающая таланты, остановили и Нарѣжнаго на его поприщѣ... Въ послѣднее время жизни своей г. Нарѣжный началъ писать русскіе, или, лучше сказать, малороссійскіе романы. «Бур-

¹⁾ М. Т., 1825. № 1. Стр. 87 и 88.

сакъ», изданный въ прошломъ году, заключаая въ себѣ живыя картины старинной Малороссіи, много мыслей и правдивыхъ описаній, принять былъ съ похвалою, несмотря на недостатки, какъ-то: грубость слога, невѣроятность происшествій и низость нѣкоторыхъ описаній» ¹⁾).

Въ «Письмѣ изъ Парижа» кн. П. А. Вяземскій такъ отозвался о Нарѣжномъ:

«Не удовлетворяя вполне эстетическимъ требованіямъ искусства, Нарѣжный побѣдилъ первый, и покаместъ одинъ (писано въ 1825 г.), трудность, которую, признаюсь, почиталъ я до того непобѣдимою; мнѣ казалось, что наши нравы, что вообще нашъ народный бытъ, не имѣетъ или имѣетъ мало оконечностей любопытныхъ, кои могъ бы схватить наблюдатель, для составленія русскаго романа. Правда, что авторъ нашъ, наблюдатель несовершенно русскій, а малороссійскій, и что его два лучшіе романа, «Бурсакъ» и «Два Ивана», относятся къ эпохѣ, когда Малороссія еще имѣла свою особенную и характеристическую фізіономію; правда и то, что Нарѣжный не берется быть живописцемъ природы изящной, а сбивается болѣе на краски Теньера, Гогарта или Пиго ²⁾. Картины его имѣютъ обыкновенно черты каррикатурныя, но не менѣе того обнаруживается вездѣ умъ оригинальный, веселый, смѣтливый въ наблюденіяхъ, а кое-гдѣ прорываются черты истинной чувствительности. Ходъ происшествій его довольно запутанъ, но развязка ихъ естественна... Жаль, что языкъ непріятный, грубый, иногда даже дикій, вкусъ неочищенный, или, справедливѣе, совершенное отсутствіе вкуса, много вредятъ достоинству сихъ романовъ; но со вѣмъ тѣмъ они занимаютъ мѣсто въ числѣ замѣчательныхъ произведеній нашей лѣтливой и періодической словесности. Изъ нашихъ писателей не многихъ станеть на книгу, не только что на нѣсколько томовъ» ³⁾).

Обвиненіе въ «грубости» повторяетъ Дельвигъ:

«Нарѣжный былъ Теньеръ, и еще русскій Теньеръ романа. Какъ китайскіе романы обдають насъ запахомъ чая, такъ что, читая ихъ, сидишь какъ будто по уши въ цибики, такъ романы Нарѣжнаго обдають насъ «варенухою», и куда авторъ ни вводитъ насъ, а все, кажется, не выходишь у него изъ корчмы» ⁴⁾).

Замѣчательно, что даже новѣйшая изслѣдовательница, г-жа Бѣлозерская, повторяетъ эти обвиненія романиста въ грубости стиля.

¹⁾ М. Т., 1825 г. № XVI. Стр. 346.

²⁾ Pigault de l'Épinoüy, dit Pigault-Lebrun (1753—1835), французскій романистъ и драматургъ. Его многочисленныя романы составляютъ 20 томовъ собранія сочиненій. Первый его романъ «L'Enfant du carnaval» вышелъ въ 1792 г. Веселость, порою цинизмъ, вотъ его качества. Онъ превосходный наблюдатель и живописецъ нравовъ. Его называютъ даже вторымъ Рабле.

³⁾ М. Т. 1825. № 22.

⁴⁾ 1830 г. Дельвигъ. Соч., изд. 1895 г., стр. 128.

Между тѣмъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Нарѣжнѣй далъ образцы превосходной прозы. Картины его—часто пастели, нѣжнаго и тонкаго письма. Реализмъ Нарѣжнаго, вотъ что заставляетъ его обвинять въ грубости, сальности и т. д. Тѣ же обвиненія повторяли и противъ Гоголя, но его гений ихъ побѣдилъ, и къ тому же Гоголя защищали своимъ щитомъ такой паладинъ русской критики, какъ Бѣлинскій.

Нарѣжнѣй превосходно зналъ и изображалъ историческую и бытовую Малороссію. Въ концѣ XVIII-го вѣка Украина еще не потеряла своихъ своеобразныхъ мѣстныхъ красокъ. Простые казаки расхаживали въ черкесахъ и шапкахъ, съ подбритымъ чубомъ и турецкою саблею.

Нарѣжному не приходилось, какъ впоследствии Гоголю, собирать свѣдѣнія о старыхъ обычаяхъ или выписывать образцы народной одежды. Онъ видѣлъ ихъ съ дѣтства; видѣлъ старинныя казачкія хаты съ ихъ убранствомъ, широкіе рѣшетчатые дворы сотниковъ и дома ихъ, раздѣленные надвое, съ сквозными сѣнями. Еще живы были представители Запорожской сѣчи, уничтоженной въ 1775 году, а также внуки и правнуки участниковъ войнъ Хмельницкаго. Рассказы ихъ о казацкихъ подвигахъ и послѣднихъ гетманахъ, слышанные въ дѣтствѣ, должны были глубоко врѣзаться въ памяти Нарѣжнаго ¹⁾.

Не менѣе Малороссіи извѣстна была Нарѣжному и великороссійская жизнь, какъ это доказываетъ его замѣчательный романъ «Россійскій Жилблавъ», вышедшій въ 1814 г. Служба въ Грузіи отразилась въ романѣ «Черный годъ». Мы видимъ мощный регистръ таланта романиста, громадныя захватъ имъ жизни. Кавказъ и Грузія, Малороссія, бурса и войско казацкое, гетманская ставка и разбойничьи притоны, Москва начала вѣка, масоны, игроки, бытъ русскихъ помѣщиковъ, чиновниковъ, приказныхъ—цѣлый міръ отразился въ произведеніяхъ Нарѣжнаго, чрезвычайно любопытныхъ для изученія.

Бѣлинскій понималъ значеніе Нарѣжнаго:

«Русскихъ романистовъ, говоритъ онъ, было много, а романовъ мало, и между романистами совершенно забытъ ихъ родоначальникъ Нарѣжнѣй... Появленіе Булгарина въ качествѣ романиста было упреждено появленіемъ на томъ же поприщѣ Нарѣжнаго, челоуѣка съ замѣчательнымъ и оригинальнымъ талантомъ» ²⁾.

Выше мы уже привели мнѣніе о Нарѣжномъ критика 50-хъ годовъ Дружинина. Но наиболѣе замѣчательную характеристику находимъ въ письмѣ И. А. Гончарова къ М. И. Семеvскому отъ 11-го декабря 1874 года:

¹⁾ Тимковскій. Мое опредѣленіе на службу. Москвитянинъ, т. V. 1852. Ч. I. Стр. 1—26. Бѣлозерская. Ч. II. Стр. 4—5.

²⁾ Соч., изд. Солдатенкова, т. VI. Стр. 68—69, и т. XII, стр. 58.

«Бѣлинскій глубоко правъ, отличивъ его (Нарѣжнаго) талантъ и оцѣнивъ его, какъ перваго русскаго по времени романиста. Онъ школы Фонвизина, его послѣдователь и предтеча Гоголя. Я не хочу преувеличивать, прочитайте внимательно, и вы увидите въ немъ намеки, конечно, слабые, туманные, часто въ изуродованной формѣ, на типы характерные, созданные въ такомъ совершенствѣ Гоголемъ. Онъ часто впадаетъ въ манеру и тонъ Фонвизина и какъ будто предсказываетъ Гоголя. Естественно, у него не могли идеи выработаться въ характеры, по отсутствію явившихся у насъ въ послѣдствіи новыхъ формъ и приемовъ искусства, но эти идеи носятся въ туманныхъ образахъ—и скупого, и старыхъ помѣщиковъ, и всего того быта, который потомъ ожилъ такъ реально у нашихъ художниковъ,—но онъ всецѣло принадлежитъ къ реальной школѣ, начатой Фонвизинимъ и возведенной на высшую степень Гоголемъ... Въ современной литературѣ это была бы сильная фигура... Въ этихъ беспорядочныхъ строкахъ я, конечно, не успѣлъ выразить того, что считаю Фонвизина, Нарѣжнаго и Гоголя главными представителями чисто реальной школы».

Итакъ, по мнѣнію Гончарова, романистъ 20-хъ годовъ, Нарѣжный, есть «предтеча» Гоголя; «намеки на типы», получившіе наименованіе «спеціально «гоголевскихъ типовъ», уже являются въ его романахъ; Нарѣжный «предсказываетъ» Гоголя; «идеи быта», который «ожилъ» подъ перомъ Гоголя, «носятся въ туманныхъ образахъ» у Нарѣжнаго, который одинъ изъ «представителей чисто реальной школы».

Подвергнемъ же анализу произведенія Нарѣжнаго съ этой точки зрѣнія.

III.

Изображеніе внутренняго распорядка южно-русской бурсы, а также типы бурсаковъ у Гоголя находимъ преимущественно въ фантастической повѣсти «Вій», отчасти и въ «Тарасѣ Бульбѣ», гдѣ на первыхъ страницахъ показывается предъ нами бурсацкій обликъ юныхъ сыновей Бульбы.

Наконецъ, что такое самая «сѣчь», какъ не родъ суровой, своеобразной «бурсы»? Надо принять во вниманіе, что въ той «бурсѣ», которую описываетъ Нарѣжный, нерѣдко воспитывалась дворянская молодежь Малороссіи. Во всякомъ случаѣ, это не было узко-замкнутое, наполнявшееся единственно сыновьями духовенства учрежденіе, какъ позднѣйшая «бурса», хотя бы Помяловскаго.

Нарѣжный выясняетъ прежде Гоголя основы этого своеобразнаго братства.

«Есть многіе сельскіе и иногородніе отцы, кои, охотно желая видѣть сыновей своихъ учеными, по бѣдности не въ силахъ содержать ихъ въ городѣ, гдѣ понадобилось бы платить за квартиру и за пищу... Помощью вкладовъ щедрыхъ обывателей и по распоряженію монастырей, при каждой семинаріи устроены просторныя избы съ печью или и двумя, окруженныя внутри широкими лавками; на счетъ также монастыря снабжаются онѣ отопленіемъ, и болѣе ничѣмъ. Сіи-то избы называются бурсами, а проживающіе въ нихъ школьники бурсаками. Старшій изъ студентовъ, по волѣ ректора, управляетъ другими, неся величественное имя консула, въ томъ предположеніи, что и начальній Римъ былъ не что иное, какъ бурса» ¹⁾).

Въ живыхъ описаніяхъ знакомитъ насъ Нарѣжный съ внѣшностью бурсаковъ и ихъ помѣщенія. Онъ изображаетъ первыя впечатлѣнія новичка среди столь суровой обстановки.

«Чтобъ я милостивѣе былъ принять, то отецъ мой вручилъ консулу полтину денегъ, прося приготовить праздничный ужинъ. Послѣ чего, снабдя меня соломеннымъ мѣшкомъ и какою-то латинскою книгою на польскомъ языкѣ и благословя гривною денегъ, сказалъ: «Неонъ! не печалься, другъ мой! Я оставляю тебя въ надежномъ пристанищѣ. Бойся Бога, чтѣ старшихъ и слушайся, не лги и не кради,—тогда ты угоденъ будешь и Богу, и людямъ. Учись прилежно, когда хочешь быть благополученъ»... Стоя у дверей бурсы, я провожалъ ихъ слезящими глазами; когда же скрылись, то я вздумалъ осмотрѣть кругомъ новое мое обиталище.

«Это былъ сарай, состроенный изъ плетня, обмазанный изнутри и снаружи желтою глиною; крыша была соломенная; двери и четыре круглыя окна освѣщали это зданіе. Впереди имѣло оно обширный пустырь, поросшій высокимъ бурьяномъ; торчало... съ десятокъ полуусохшихъ шелковичныхъ деревьевъ; съ задней стороны примыкалось къ высокому берегу рѣки Десны; правая боковая сторона граничила съ заборомъ огромнаго сада, принадлежащаго монастырю... лѣвая съ чѣмъ-то пространнымъ огородомъ, на углу коего стоялъ шинокъ.

«...Я вошелъ въ бурсу и усѣлся въ углу на лавкѣ... Консулъ—это былъ высокій, дородный, смуглый мужчина, съ большими черными усами—лежалъ на лавкѣ на войлокѣ, склонивъ голову на связку травы и держа въ рукахъ претолстую тетрадь. Изъ двадцати пяти моихъ товарищей... человекъ съ четыре уже посланы для закупки вещей, нужныхъ къ ужину, а остальные заняты различнымъ образомъ. Иной базиль ужаснымъ голосомъ духовную пѣсню; другой брнчалъ на балалайкѣ, подѣ звукъ коей человекъ

¹⁾ Бурсакъ. Соч. ч. I. Изд. 2-е. 1835. Стр. 6—7.

два-три скакали въ присядку; нѣкоторые боролись или бились на кулачкахъ... Солнце клонилось къ западу; купчины возвратились, принесли съ собою поль-барана, мѣшокъ со пшеномъ и деревянную баклагу съ пѣнникомъ. Консуль сейчасъ вскочилъ и, овладѣвъ баклагою, отвѣдалъ и, похвала напитокъ, пошелъ съ нею на берегъ Десны... Три кашевара развели огонь, утвердили треножный таганъ, разбѣкли баранину на куски по числу братіи и начали стряпню. Между тѣмъ консуль, отдѣлившись съ шестью товарищами, сѣлъ на берегу и началъ цѣловаться съ баклагою» ¹⁾.

Несмотря на жестокия наказанія, въ родѣ крапивы, ударовъ лопатками по ладонямъ, лозановъ и прочаго, въ бурсакахъ Нарѣжнаго замѣтенъ духъ своеобразной гордости своимъ сословіемъ. Новичку объясняютъ:

«Почтенное сословіе бурсаковъ образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консуль управляетъ онымъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а поэты, богословы и философы образуютъ сенаторовъ; риторы составляютъ ликторовъ, или исполнителей приговоровъ сенатскихъ; прочіе называются целерами, или бѣгунами, которые употребляются на разсылки; прочіе составляютъ плебеянъ, или чернь — простой народъ. Видишь, какъ все это прекрасно устроено!» ²⁾.

Такъ же, какъ Гоголь въ «Вѣѣ», Нарѣжный въ «Бурсакѣ» описываетъ пѣніе по дворамъ обывателей и грабительскіе походы бурсаковъ въ ночное время на сосѣдніе огороды:

«Въ бурсѣ раздался басистый голосъ консула: «Ребята! на работу!» Тотчасъ четыре философа, взявъ на плечи по огромному мѣшку, стали поодаль одинъ отъ другого. Консуль, стоя противъ нихъ, началъ пальцемъ указывать то на того, то на другого изъ прочей ватаги, и въ мигъ къ каждому мѣшконосцу присоединилось по нѣскольку риторовъ, поэтовъ и инфимовъ» ³⁾.

«Вступили мы на дворъ... и начался духовный концертъ. Я взглянулъ на своего вожда, и ужасъ обнялъ меня. Представъ себѣ, кто хочеть, высокаго чернаго мужчину, съ разинutoю пастью, выпучившаго страшные глаза и дерущаго горло, шевеля длинными усами...» ⁴⁾.

Вотъ описаніе ночного нападенія бурсаковъ на огородъ.

«Шесть дынеграбителей, скинувъ сюртүки (ибо по званію философовъ и риторовъ имъ предосудительно уже ходить въ халатахъ), отправились... Въ огородѣ сначала разсыпались въ разныя стороны. При свѣтѣ луны видно было каждое ихъ движеніе. Они

¹⁾ Ibid., стр. 7—1.

²⁾ Ibid., 17.

³⁾ Ibid., 19.

⁴⁾ Ibid., 21.

терзали растенія, корни и что имъ ни попадалось... Вдругъ, какъ жабы изъ земли, человѣкъ съ двадцать и болѣе возникли съ рогатиной и окружили онѣмѣвшихъ философовъ и риторовъ: «Сдавайтесь!»¹⁾

Бурсакъ Неонъ Хлопотинскій въ романѣ Нарѣжнаго затѣмъ попадаетъ въ малороссійское войско, въ Батурино, служитъ при дворѣ гетмана, участвуетъ въ битвахъ. Между тѣмъ другой бурсакъ—Сарвиль, изгнанный изъ бурсы, дѣлается атаманомъ разбойниковъ, готовясь въ крайнемъ случаѣ бѣжать въ Запорожскую сѣчь, эту «чудовищную столицу свободы, равенства и безчинія всякаго рода». Сцены вольнаго житья бродячихъ рыцарей влетаютъ въ романъ съ историческими описаніями. Вглядываясь въ общій замыселъ Нарѣжнаго, нельзя не прійти къ заключенію, что не только бытовья подробности описаній повторились у Гоголя, но и цѣлое имѣло на него вліяніе. Изъ суровой, но по-своему свободной бурсы выходили закаленные характеры, которымъ оставалась или сѣчь, или шайка, вообще военное поприще, при чемъ бурсакъ виденъ былъ въ нихъ до конца дней. Въ «Віѣ» и въ «Тарасѣ Бульбѣ» Гоголя видимъ такихъ бурсаковъ, при чемъ мысль сдѣлать «бурсу» предверіемъ «сѣчи» и кинуть двухъ бурсаковъ съ порога школы въ кипень военной жизни почерпнута великимъ поэтомъ у Нарѣжнаго. Нарѣжный любилъ описывать бытъ мелкой шляхты и русскихъ князей, пренебрежительно пашущихъ свои нивы (въ «Россійскомъ Жилблзѣ»). Въ «Бурсакѣ» Нарѣжный даетъ характерное изображеніе «вольнаго шляхтича».

«Мы поворотили коней съ дороги. Крестьянинъ, который былъ отъ насъ сажень въ двадцати, кинулъ свой плугъ и воловъ, опроретью бросился къ телѣгѣ и скрылся за нею. Я хотѣлъ спросить у своего спутника, чего мужикъ испугался, но онъ, усмѣхнувшись, сказалъ: «я догадываюсь, что это шляхтичъ». Минуту спустя, послѣдовало превращеніе. Изъ-за телѣги показался и шелъ прямо на насъ мужчина въ синемъ поношенномъ жупанѣ; длинная сабля волокла за нимъ. Довольно издали онъ снялъ шапку, поклонился съ ласковою улыбкою и вскричалъ: Добро пожаловать, господа кавалеры! Сердечно жалѣю, что домокъ мой не близко отсюда, а время наступаетъ полдничать. Во время полуденнаго зноя я немного уснулъ, а бездѣльники мои подданные разбрелись до одного. Впрочемъ, господа, если вы чувствуете позывъ на ѣду, то милости прошу пожаловать къ моей бричкѣ. Тамъ найдете вы свиное сало, мягче и вкуснѣе всякаго масла, довольно число презящныхъ луковиць, величиною въ рослую рѣпу, и хлѣбъ, какого лучше не ѣсть и самъ гетманъ...²⁾

¹⁾ Ibid., 39.

²⁾ Ibid., 143—144.

Невольно этотъ комическій образъ просится въ сопоставленіе съ той оголодалой толпой шляхтичей, которые присутствуютъ на казни Остапа у Гоголя.

IV.

Романъ «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» представляетъ во многомъ большое сходство съ «Повѣстью о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

Нарѣжный рисуетъ бытъ старинныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ средней руки и описываетъ судьбу трехъ семействъ, разоренныхъ въ конецъ многолѣтней тяжбой изъ-за ничтожнаго повода.

По объясненію одного изъ «позывающихся» дѣло было такъ:

«Лѣтъ около десяти передъ этимъ, мы, оба Ивана, покойно жили въ хуторахъ своихъ, занимаясь въ простые дни сельскимъ хозяйствомъ, а праздничные проводя за горшками варенухи... ссора начинается изъ-за пары кроликовъ, подаренныхъ пятилѣтнему мальчику. «Звѣрки начали плодиться... Когда оба наши семейства, въ послѣобѣденное время сидя подъ цвѣтущими вишневыми и сливяными деревьями, слушали рассказы Ивана старшаго о военныхъ его подвигахъ и на досугъ высчитывали количество будущихъ плодовъ, раздавшійся мгновенно ружейный выстрѣлъ привелъ всѣхъ въ содроганіе; однако мы скоро оправались, вскочили и подбѣжали къ плетневому забору, раздѣлявшему оба сада. Тутъ опять послѣдовалъ выстрѣлъ, и мы вскорѣ увидѣли, что прямо къ намъ бѣжитъ куча кроликовъ, одинъ безъ ноги, другой безъ уса, третій безъ зубовъ... Тутъ же показался сосѣдъ, шляхтичъ Харитонъ Заноза, съ ружьемъ въ рукахъ»... ¹⁾.

«Ахъ, ты, невѣжа, бурлакъ! и ты осмѣлился говорить это военному человѣку, не скинувъ колпака!—вскричалъ другъ мой Иванъ, и съ быстротой вѣтра выдернулъ коль изъ забора, взмахнулъ, и колпакъ взвился на воздухъ... Вотъ основа тяжбы. Начались слѣдствія, переизслѣдованія, и день ото дня дѣло наше становилось запутаннѣе... Во всегданнемъ ратоборствѣ протекло около десяти лѣтъ. Въ теченіе сего времени съ нашей стороны погублены: цѣлое стадо гусей, утокъ, множество свиней, овецъ, козъ и барановъ; за-то и у пана Харитона убыло: три пары рабочихъ воловъ, двѣ лошади и нѣсколько коровъ съ телятами. Но это мелочи! Харитонъ сожегъ у меня гумно, а мы выжгли у него цѣлое поле съ созрѣвшимъ хлѣбомъ; онъ подкопалъ у насъ водяную мельницу, а мы сожгли у него двѣ вѣтряныхъ» ²⁾.

Романъ начинается описаніемъ грозы подъ Миргородомъ, сопровождаемой сильными порывами вѣтра и проливнымъ дождемъ.

¹⁾ Два Ивана. Соч., часть III. Изд. 2-е. 1836. Стр. 19 и 20.

²⁾ Два Ивана. Стр. 22.

«Въ это время, и подлинно невеселое, два молодые странствующие философа изъ Полтавской семинаріи, исчерпавъ въ этомъ храмѣ весь кладезъ мудрости и бывъ выпущены на свою волю, пробирались по глинистой дорогѣ сквозь лѣсъ дремучій. Почти на каждомъ шагу они останавливались, чтобы имъ закрыть руками глаза, ослѣпляемые блескомъ молніи, или заткнуть уши, оглушаемые разрывами грома, или смыть со щекъ и выжать съ усомъ жидкую грязь, со шляпъ струившуюся. «Вотъ настоящій Девкалионовъ потопъ»,— сказала одинъ изъ философвъ»¹⁾).

Вся сцена живо напоминаетъ ночное путешествіе бурсаковъ въ «Віѣ» Гоголя. Въ дальнѣйшихъ сценахъ романа прекрасны по тонкому юмору и лукавому простодушію описанія свиданій юныхъ шляхтичей съ наивными сельскими красавицами на баштанѣ, ожиданіе ихъ въ бурьянѣ, въ сумерки. Эти картины, хотя и бѣдными деталями, писаны нѣжной пастелью. Невольно приходитъ на умъ, что Гоголь до извѣстной степени отъ Нарѣжнаго перенялъ своихъ малороссійскихъ любящихся, а также усвоилъ всю эту мѣстную прелесть бурьяна, баштановъ, горилки, варенухи и т. д. Описаніе поджога мельницы въ романѣ Нарѣжнаго, по общему тону, напоминаетъ уничтоженіе гусинаго хлѣва въ повѣсти Гоголя о ссорѣ Перерепенка съ Довгочуномъ.

Шляхтичи ведутъ политичныя бесѣды со своими зазнабами:

«Часто ли ходите вы на баштанъ?—Каждый вечеръ,—отвѣчала Райса, потупивъ взоры.—Такъ мы каждый вечеръ будемъ дожидаться васъ у плетневой калитки!—воскликнулъ студентъ.—А если кто провѣдаетъ?—Кого понесетъ нелегкое въ поздній вечеръ на чужой баштанъ, когда у всякаго есть свой»²⁾?

Руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что «никому на мысль не придетъ, что шляхтичи, и при томъ люди ученые, гнѣзятся въ бурьянѣ до полночи»,—«влюбленные философы, взявши по торбѣ, на крылахъ любви полетѣли къ извѣстной плетневой калиткѣ, заглянули на баштанъ, и, никого не видя, засѣли въ большомъ бурьянѣ росшемъ вдоль забора. Головы ихъ ежеминутно выставлялись... Около часа они провели въ этомъ незавидномъ упражненіи, и оно имъ надоѣло. Наконецъ красавицы показались, и головы перестали высовываться изъ бурьяна».

Наконецъ, въ романѣ Нарѣжнаго есть сцена, которую можно сопоставить съ описаніемъ чтенія псалтыря философомъ Хомою надъ панночкой-колдуней въ «Віѣ», только у Нарѣжнаго сцена чисто комическаго характера.

«Наступали сумерки, и нарочно приглашенныя старухи опрытали тѣло покойнаго, одѣли въ чистое бѣлье и въ любимую кармазин-

¹⁾ Два Ивана или страсть къ тяжбамъ. Соч., ч. III. Изд. 2-е. 1886.

²⁾ Два Ивана. Стр. 88.

ную черкеску... и уложили на столъ, по угламъ коего горѣли четыре большихъ церковныхъ подсвѣчника... Дьячекъ Оома, осушивъ изъ поставленной подлѣ него суеи добрую мѣру, богобоязненно возгласилъ: Блаженъ мужъ... Долго занять былъ почтенный Оома тремя различными предметами: чтеніемъ, лобызаніемъ съ суею и зѣваньемъ. Когда пѣтухи первымъ пѣніемъ возвѣстили полночь, то Оомѣ показалось, что покровъ на покойникѣ шевелится... Панъ Харитонъ за четверть часа уже проснулся. Услыша бормотаніе Оомы, онъ узналъ, что тотъ читаетъ псалтырь. Открывъ до половины глаза и видя себя на столѣ... онъ сейчасъ же догадался, что его соннаго сочли мертвымъ и готовили къ погребенію. По своему крутому нраву, онъ хотѣлъ было оторвать у дьячка пучекъ, но скоро отдумалъ... Посему, когда Оома, поднося къ губамъ суею, возгласилъ: вѣчный покой душѣ Харитоновой! — то онъ ласково отвѣчалъ: Спасибо, дружище!.. Оома оцѣпенѣлъ, пальцы рукъ его прильнули къ суеѣ... онъ только и чувствовалъ, что волоса головы его, собранные въ пучокъ, трещали».

Во всѣхъ этихъ сценахъ нельзя не чувствовать перваго вѣянія того характернаго юмора, который затѣмъ достигаетъ полноты выраженія у Гоголя.

V.

Въ 1822 году, вышла повѣсть Нарѣжнаго «Аристіонъ или перевоспитаніе». Въ началѣ изображена разгульная жизнь богатаго дворянчика въ Петербургѣ, кончающаяся тѣмъ, что онъ совершенно запутывается въ долгахъ. Вѣрный дядька его Макарь, пользуясь отчаяніемъ своего господина, увозитъ его въ Украину, на родину. Тамъ отецъ Аристіона, котораго сынъ считаетъ умершимъ, начинаетъ съ помощью своего друга его перевоспитаніе. Мистификація, придуманная для этого, и незамысловата, и невѣроятна, но авторъ даетъ рядъ превосходныхъ бытовыхъ картинъ. Предъ нами смѣло очерченные наброски типовъ помѣщиковъ, съ ихъ семейной и домашней обстановкой, нравами и привычками, пана Парамона, проводящаго дни въ пьяномъ разгулѣ, наконецъ, пана Тараха, который, по замѣчаію А. Галахова, представляетъ фамиліное сходство съ «Гарпагономъ великорусскимъ», воплощеннымъ въ Плюшкинѣ. Напримѣръ, панъ Тарахъ, подобно Плюшкину, былъ нѣкогда только бережливымъ хозяиномъ, «но достоинство это простеръ до того, что сдѣлался гнуснымъ скрягою» ¹⁾.

Вотъ описаніе прототипа Плюшкина — пана Тараха:

«Босой, въ лохмотьяхъ, малый ихъ встрѣтилъ и ввелъ въ комнату къ хозяйкамъ. Блѣдный, изсохшій, съ тусклыми взорами ста-

¹⁾ Исторія русской словесности А. Галахова, т. II. Спб. 1868. Стр. 183. «В. Т. Нарѣжный», очеркъ Вѣлозерской. Изд. 2-е, ч. II, стр. 106.

Портретъ Гоголя приложенный къ «Запискамъ о жизни Гоголя»
изданнымъ Кулишемъ.

доз. ценз. 18 янв. 1902 г. спб.

рикъ сидѣлъ на скамейкѣ у непокрытаго запачканнаго стола. Предъ нимъ стояла миса яшной кашицы, въ которую онъ наливалъ по каплямъ льняное масло. Подлѣ него сидѣла такая же старуха и считала капли. Когда она произнесла охриплымъ голосомъ: десять! рука у старца вздрогнула, остановилась, и банка съ масломъ поставлена на столъ. Тутъ хозяева примѣтили гостей, встали и, наговоривъ кучу деревенскихъ учтивостей, просили раздѣлить умеренную трапезу. «Я весьма недомогаю,—сказалъ плачевно Тарахъ,—и лѣкаръ совѣтуетъ держать діету». По объясненію крестьянъ скупца:

«Если бы можно было изъ десяти скрягъ слѣпить одного, то вышелъ бы истинный панъ Тарахъ, а супруга его и того лучше... челядинцы ихъ состоятъ изъ парней, у коихъ, кромѣ лохмотьевъ на тѣлѣ и отваги на душѣ, ничего не осталось, и дѣвокъ такого-жъ покрова. Посредствомъ этихъ слугъ демонскихъ приманиваютъ они нашихъ быковъ, коровъ, овецъ, куръ и гусей»...

Мы видимъ уже тутъ начало того «рыболовства», которымъ занимался Плюшкинъ у Гоголя. Противоположность Тараху—разгульный панъ Парамонъ, рисующійся въ обстановкѣ каррикатуры Гогарда.

«Они подошли къ прекрасному лѣсняку дубовому, но только очень рѣдкому, и сквозь просѣки увидѣли по правую руку развалины довольно обширной деревни, а по лѣвую господскій домъ, также довольно обширный и также близкій къ разрушенію. Едва они вошли въ сей лѣсякъ, какъ цѣлая куча полунагихъ мальчиковъ и дѣвчонокъ бросились къ нимъ... Въ мигъ они окружили пришельцевъ и подняли ужасный вопль, называя ихъ красавчиками, голубчиками, солнышками красными... Бѣдняжки протягивали руки, дергали за полы, падали ницъ, хватились за ноги».

«Молча вступили они на дворъ помѣщичьяго дома... По срединѣ двора стояли до десятка мальчиковъ босыхъ, покрытыхъ лохмотьями. Между ими отличался одинъ своимъ нарядомъ. Хотя и онъ былъ также босъ, но зато въ полосатыхъ тиковыхъ шароварахъ и въ синей суконной курткѣ съ металлическими пуговицами. Сей щеголь стоялъ, уже нагнувши голову и протянувъ шею. Въ мигъ запачканный мальчишка векочилъ ему на плеча, и началось торжественное шествіе вдоль двора. Прочіе подняли радостный крикъ и хохотню... Это значитъ, что господскій сынъ, играя въ городки съ своими челядинцами, проигралъ, и въ наказаніе везетъ на себѣ выигравшаго... Они вошли на крыльцо, а потомъ и въ переднюю. Тамъ молодая, довольно пріятнаго вида дѣвка, также въ полосатой тиковой юбкѣ и синей суконной кофтѣ, въ старыхъ башмакахъ на босую ногу, сидѣла на скамѣ, задравши голову и зажмуря глаза. Изъ шести молодыхъ дѣвокъ, одѣтыхъ по-домашнему, т. е. въ однихъ рубашкахъ и плахтахъ, одна держала въ

правой рукѣ замазленную карту, хлопала ею по носу помянутую красавицу, такъ что слезы катились градомъ изъ сомкнутыхъ глазъ ея... Это второе дѣйствіе комедіи и представляетъ хозяйскую дочь, окруженную своими наперсницами. Она забавлялась съ ними игрою въ «носки», и какъ проиграла, то носъ ея и выдерживаетъ заслуженное наказаніе. Красавицы эти, стоя спинами къ прищельцамъ, а при томъ въ одинъ голосъ считая разы ударовъ, и не примѣтили, какъ они вошли въ переднюю и вступили изъ нея въ гостиную».

«Тамъ было человѣкъ слишкомъ десять однихъ мужчинъ. За тремя столами играли въ карты; на четвертомъ стояли два огромныхъ горшка,—и какъ по запаху слышно было—съ варенухой... Хохотъ, крикъ, удары кулаками или трубками по столамъ и громкія брани... колебали дымный воздухъ въ комнатѣ. Однако же эта сумахота не помѣшала пирующимъ примѣтить посѣтителей. Всѣ быстро поднялись съ мѣстъ своихъ, и хозяинъ, въ халатѣ изъ той же матеріи, изъ которой были шаровары на сынѣ и юбка на дочери, съ огромною дубовою трубкой въ рукѣ, съ кожанымъ табачнымъ мѣшкомъ на поясѣ, подбѣжалъ къ Кассіану и, схвативъ его за руку дружжелюбно, вскричалъ: добро пожаловать, милостивецъ!.. Я радѣюсь, милостивецъ, что гости мои, а они изъ лучшихъ сосѣднихъ дворянъ, не помѣшаютъ вамъ продолженіемъ своей забавы!»

Затѣмъ слѣдуетъ попойка: «Прибѣжали двѣ дѣвки изъ числа игравшихъ въ «носки». Парамонъ молча указалъ чубукомъ на горшки; дѣвки схватили ихъ и унесли, а минуты черезъ двѣ явились съ двумя другими, изъ коихъ столбомъ выходилъ дымъ ароматическій».

Въ заключеніе гости были приглашены полюбоваться доморощеннымъ балетомъ:

«Вышедъ на крыльцо, и дѣйствительно увидѣли нѣчто очень забавное. По правую руку стояли три искусника съ своими орудіями; одинъ—кривой съ гудкомъ, другой—хромой съ волынкою, третій—горбатый съ цимбалами. По лѣвую съ дюжину парней и столько же молодыхъ бабъ и дѣвокъ. У воротъ панскаго двора толпилось множество народа обоюго пола и разнаго возраста. Какъ скоро гости усѣлись на скамьяхъ и на ступеняхъ, панъ Парамонъ возвысилъ надъ головою своею чубукъ, потрясъ имъ троекратно и вскричалъ: а, ну! Въ мигъ загудѣлъ гудокъ, заревѣла волынка, зазвенѣли цимбалы. Плясуны и плясуньи зашевелились, задвигались, запрыгали... Панъ Парамонъ сказалъ, трепля себя по брюху: «Милостивецъ! люблю жить весело!»¹⁾

¹⁾ Аристѳонъ. Гл. XLVIII. Дворянскія увеселенія по деревнямъ.

VI.

Проза двадцатыхъ годовъ была до того бѣдна сколько нибудь литературными произведеніями, что появленіе въ 1829 году «Ивана Выжигина», «нравственно-сатирическаго» романа Фаддея Булгарина въ 4-хъ частяхъ, явилось довольно выдающимся событіемъ. Надо принять во вниманіе условія минуты, чтобы оцѣнить значеніе романа и позабыть на время послѣдующую позорно-плачевную «эволюцію» Фаддея Венедиктовича. «Въ кабинетахъ, въ гостиныхъ, на биржѣ, въ городахъ, въ деревняхъ, въ цѣлой Россіи сочиненія г. Булгарина, и особенно «Иванъ Выжигинъ», составляютъ предметъ разговоровъ»,—писалъ «Московскій Телеграфъ». Просвѣщенные и невѣжды, умные и неразумные, дамы, старики, офицеры, купцы, чиновники, даже дѣвушки и дѣти толкуютъ о Булгаринѣ, о его успѣхахъ литературныхъ. Разговоры о «Иванѣ Выжигинѣ» составляютъ приправу холодныхъ визитовъ, скучныхъ посѣщеній, столкновеній дѣловыхъ людей и сборищъ за сытными обѣдами. Все это показываетъ, во-первыхъ, что сочиненія г. Булгарина читаются во всей русской Россіи; во-вторыхъ, что они обращаютъ на себя общее вниманіе... Кажется, мы не сказали лишняго, назвавъ успѣхъ г. Булгарина огромнымъ, необыкновеннымъ... Книги, которыя въ мѣсяць распродаютъ тысячами экземпляровъ, становятся предметомъ разговоровъ всюду, у всѣхъ, и вызываютъ отчаянныя нападенія въ нѣкоторыхъ журналахъ, эти книги несомнѣнно имѣютъ успѣхъ огромный. Дѣло неоспоримое: сочиненія г. Булгарина и его «Иванъ Выжигинъ» удостоились сего успѣха».

Должно забыть о всемъ, что появилось послѣ 1829 года, и оглянуться на то крайне скудное достояніе русской прозы, которое ему предшествовало и почти исчерпывалось повѣстями Карамзина, да романами Нарѣжнаго, чтобы понять значеніе «Выжигина».

Наиболѣе интересна третья часть романа: изображеніе уѣзднаго города, чиновничьей среды и провинціальныхъ помѣщиковъ. Эта часть оказала извѣстное вліяніе и на Гоголя.

Тутъ любопытно изображеніе, какъ «гг. таможенные чиновники расхаживали вокругъ кипъ съ товарами, какъ лисицы вокругъ курятника».

Описываются уѣздныя моды:

«Въ уѣздномъ городѣ всякой молодецъ на свой образецъ... Молодые люди носили ужасныя бакенбарды, усы, закопчѣлые отъ табачнаго дыма, и испанскую бородку. Растрепанная голова покрыта была картузомъ или фуражкой. Венгерка, т. е. сюртукъ, убранный шнурками по-гусарски, или казачій чекмень, длинные плисовые или нанковые шаровары и черный галстухъ составляли весь нарядъ

уѣзднаго щеголя. Фраки хранились на важные случаи, балы, свадьбы и званые обѣды».

Описывается обѣдъ въ чиновничьей средѣ:

«Вино размочило твердыя приказныя сердца, и откровенность поднялась изъ нихъ... «Мартынычъ!—воскликнулъ секретарь земскаго суда такъ громко, что окна затряслись въ домѣ:—Мартынычъ! Измѣнилъ ты мнѣ, окаянный, выпустилъ медвѣдя изъ моихъ тенетъ. Вѣкъ бы тебѣ не простить, еслибъ не жена твоя, моя кумушка». — «Полно, не сердись, Карпычъ,—отвѣчалъ уѣздный стряпчій:—когда бы ты одинъ содралъ шкуру съ медвѣдя, то намъ не досталось бы ни клокка шерсти. Нечего сказать, ты мастеръ потрошить просителей, Карпъ Карпычъ, а у меня вѣдь также жена и дѣтки хлѣба просятъ». Наконецъ, въ описаніи уѣздныхъ помѣщиковъ встрѣчаемъ несомнѣннаго благоразумнаго Костанджогло. Это—помѣщикъ Россіяниновъ, у котораго «вездѣ на низкихъ мѣстностяхъ выкопаны были канавы для стеченія излишней воды съ пашней». Описаніе посѣщенія усадьбы этого идеальнаго болгаринскаго помѣщика вполне напоминаетъ визитъ Чичикова къ гоголевскому Костанджогло, у котораго «всякая дрянь даетъ доходъ». Понятна поэтому удушливая фальшь этого вымученнаго «положительнаго» человѣка». А если принять во вниманіе, что въ свою очередь «положительный» и достаточно деревянный Штольцъ въ «Обломовѣ» Гончарова есть прямой сколокъ съ Костанджогло и по генеалогіи литературной эволюціи приходится внукомъ болгаринскому «господину Россіянинову», то получается какъ бы родовая струя фальши, послѣдовательно просочившаяся изъ литературной трясины на вершину нашего Парнасса.

Прѣхавъ въ деревню идеальнаго помѣщика, образцово-добродѣтельное дѣйствующее лицо въ болгаринскомъ романѣ, нѣкто «Миловидинъ», всплеснуло руками отъ удивленія и воскликнуло: «Вотъ какова можетъ и должна быть цѣлая Россія!...». Вошли въ кабинетъ г-на Россіянинова. Это была обширная комната, вокругъ которой стояли огромные шкафы съ книгами на латинскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и русскомъ языкахъ. Посреди комнаты находились три стола; на одномъ лежали новыя журналы и газеты. Въ другой комнатѣ, прилегающей къ кабинету, находились, въ шкафахъ же, физическіе инструменты, химическіе аппараты, модели разныхъ машинъ, собраніе минераловъ.

— «Здѣсь пахнетъ Европою» — сказалъ Миловидинъ.

«Слѣдую совѣту моего тестя,—объясняетъ г. Россіяниновъ,— я началъ хозяйничать не на англійскій или нѣмецкій манеръ, но сообразуясь съ климатомъ нашимъ, съ почвою земли и обычаями. Всѣ нововведенія не иначе приведены были мною въ исполненіе, какъ послѣ многихъ опытовъ».

Представляя своего Костанджогло (или Скудронжогло, по другой редакціи), Гоголь замѣчаетъ, что онъ былъ «не совѣмъ русскаго происхожденія». «Есть, впрочемъ, много на Руси русскихъ не-русскаго происхожденія, но въ душѣ русскихъ». Такъ какъ этотъ идеальный помѣщикъ, прежде чѣмъ появиться во второй части «Мертвыхъ Душъ», вывелся въ романѣ Булгарина, то понятно его «не-русское происхожденіе». Если Гоголь его дѣлаетъ какимъ-то грекосомъ, а Гончаровъ — иѣмцемъ, то здѣсь говоритъ инстинктъ правдивости въ великихъ художникахъ, въ непостижимомъ ослѣпленіи принимавшихъ за живую личность картонную фигурку. Истинный отецъ этого «идеальнаго помѣщика» Булгаринъ, напротивъ, надѣлилъ свое созданіе самымъ русскимъ, такъ сказать, трактирно-русскимъ наименованіемъ, чтобы уже и сомнѣнія не было—«Россіяниновъ».

VII.

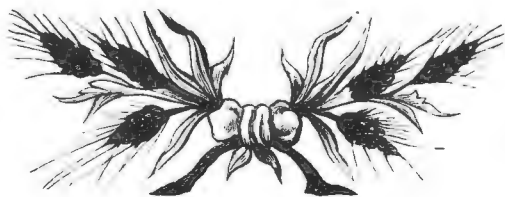
Открывая въ произведеніяхъ великаго юмориста слѣды вліянія предшествующихъ писателей, мы, конечно, чужды смѣшной цѣли укорять за эти слѣды Гоголя. Оригинальность его нисколько не страдаетъ отъ признанія, что отчасти въ описаніяхъ на него повлияла кричащая красочность своего слога Бестужевъ-Марлинскій, на что въ очеркѣ «Римъ» указывалъ Бѣлинскій; что на петербургскихъ повѣстяхъ Гоголя съ ихъ «фосфоричностью» и фантастическимъ элементомъ сказались повѣсти князя Одоевскаго; что значительно оправдывается сравнительнымъ анализомъ убѣжденіе Гончарова, что Нарѣжный — «предтеча» Гоголя, его «предсказываетъ», даетъ «намекы на типы», Гоголемъ развитые, и въ туманныхъ образахъ уже возсоздаетъ «идеи быта», затѣмъ ожившаго подъ гениальной кистью великаго поэта; что булгаринскій господинъ Россіяниновъ — идеальный помѣщикъ-практикъ, несомнѣнно перекочевалъ во вторую часть «Мертвыхъ Душъ», являсь тамъ въ облагороженной, но столь же фальшиво-деревянной фигурѣ Костанджогло—Скудронжогло, что пьеса Квитка «Пріѣзжій изъ столицы» по идеѣ сходна съ «Ревизоромъ», а заключительная сцена комедіи, по мнѣнію знатока Гоголя—В. И. Шенрока, близко напоминаетъ такую же сцену въ комедіи «Пирогъ» Крылова; что въ свою очередь типы Подколесина и Кочкарева изъ «Женитьбы» въ блѣдныхъ прообразахъ являются въ комедіи Хмельницкаго «Нерѣшительный». Всѣ эти указанія столь же мало касаются оригинальности Гоголя, какъ и тотъ фактъ, что идея «Мертвыхъ Душъ» передана ему Пушкинымъ.

Цѣль этихъ указаній совершенно иная—показать ту эволюцію и постепенность въ выработкѣ формъ и типовъ, которая несомнѣнно существуетъ въ литературѣ. При чемъ, послѣ долгихъ усилій, иногда весьма даровитыхъ писателей, вдругъ является могучій

талантъ, который покрываетъ блѣдный рисунокъ предшествовавшихъ ему словесниковъ огненными красками, одушевляетъ жизнью типы, рождавшіеся и пытавшіеся жить, но не жившіе.

Съ тѣмъ вмѣстѣ мгновенно удѣломъ предшественниковъ гения бываетъ полное забвеніе, какъ будто бы ихъ и не было никогда. Но историкъ литературной эволюціи обязанъ возстановить права забытыхъ писателей на ту тяжкую работу, черновую, подготовительную, которую они какъ бы то ни было сдѣлали.

Николай А. Энгельгардтъ.

ОПИСАНІЕ ДНѢПРА У ГОГОЛЯ ¹⁾.

ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ Гоголя часто встрѣчаются мѣста, поразительныя яркостью и вѣрностью красокъ, мѣста, при чтеніи которыхъ живописецъ невольно беретъ за кисть и тотчасъ, можетъ быть, бросаетъ ее, чувствуя свое безсиліе въ соперничествѣ съ великомъ художникомъ слова. Таково, напримѣръ, чудное описаніе Днѣпра. Эта великолѣпная картина представляетъ какой-то восторженный гимнъ красотѣ пышной рѣки. Кажется, по одному тону описанія, по благоговѣнію и восторгу, съ какимъ Гоголь любитъ Днѣпромъ, можно угадать, что эта рѣка, которой, по словамъ его, нѣтъ равной въ мірѣ, — не чужая ему, но течетъ черезъ его родину.

Картина состоитъ изъ трехъ частей: Днѣпръ во время дня, ночью и въ бурю. Въ каждой части нѣтъ ни одного лишняго слова, ни одного сколько нибудь общаго мѣста; здѣсь каждое слово звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ, каждое выраженіе полно значенія и живописной выразительности. Поэтому нѣтъ возможности разбирать все прекрасное въ этомъ отрывкѣ; для этого нужно бы разобрать каждую фразу, каждое слово.

Трудно лучше выразить пышную плавность и тишину теченія Днѣпра, когда ярко свѣтитъ солнце, — блескъ и свѣжесть водъ его. Кажется, чувствуешь дыханіе прохлады, кажется, видишь опрокинутые въ водѣ зеленокудрые прибрежные лѣса и эту голу-

¹⁾ Не напечатанная замѣтка покойнаго Н. Н. Страхова, найденная въ его рукописяхъ и любезно сообщенная намъ его племянникомъ, П. П. Матченкомъ.

бую, зеркальную дорогу, безъ мѣры въ ширину, вьющуюся по зеленому міру. За этимъ слѣдуетъ еще болѣе живописная, болѣе роскошная картина Днѣпра въ лѣтнюю ночь,—лучшее мѣсто отрывка. Отъ сотрясенія Божіей ризы сыплются звѣзды, и ни одна не убѣгаетъ отъ темнаго лона Днѣпра, развѣ погаснетъ на небѣ. Его сонная плавность, его безконечная темная синева, по которой иногда пробѣжитъ серебряная струя,—изображены съ искусствомъ выше всякихъ похвалъ и сравненій. Въ третьей части художникъ рисуетъ бурю, когда горы ходятъ по небу, и водяные холмы, отбѣгая отъ горъ, плачутъ и заливаются вдали. Последнее выраженіе навело воображеніе Гоголя на другую картину, и она вылилась изъ-подъ пера его въ полномъ богатствѣ красокъ. Сравненіе плача съ плескомъ волнъ довольно обыкновенно, но нигдѣ оно не высказано такъ оригинально, нигдѣ такъ прекрасно не соглашается съ мѣстностью. Кажется, видишь разгульнаго казака, ѣдущаго въ бурю по берегу Днѣпра. Старая мать убивается надъ нимъ, заливаясь горючими слезами, и плачь ея сливается съ плескомъ волнъ Днѣпровскихъ.

Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ живость слога и блескъ выраженій—изумительны. Мы замѣтимъ болѣе яркіе.

«Глядишь и не знаешь, идетъ, или не идетъ его величавая ширина». Метонимія смѣлая и чрезвычайно выразительная.

«Будто голубая, зеркальная дорога, онъ вьется по зеленому міру». Эпитетъ необыкновенный, но чрезвычайно живописный, если вспомнимъ зеленыя степи, по которымъ течетъ Днѣпръ.

«Любо жаркому солнцу погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ». Выраженіе живописное; кажется, можно видѣть, какъ жаркіе лучи играютъ, преломляясь въ холодной водѣ.

«Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ». Это повтореніе очень выразительно даетъ слышать плавное волненіе рѣки.

Замѣчательны также восклицанія: зеленокудрые! пышные! Множество другихъ неулловимыхъ отбѣнковъ въ оборотахъ придаютъ слогу чисто поэтическую восторженность, свойственную одному Гоголю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его сочиненій.

«Молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ».

Вообще, если замѣчать выраженія новыя, смѣлыя, поразительно живописныя, то нужно бы подчеркнуть почти каждое слово, потому что каждое слово этого прелестнаго отрывка дышитъ неподдѣльною свѣжестью и живымъ поэтическимъ увлеченіемъ.

Н. Н. Страховъ.

ГОГОЛЬ.

Опыт характеристики.

«Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили».

(Изъ писемъ Гоголя).

ВЪ САМОМЪ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ петербургскихъ литературныхъ салонахъ явился еще совѣтъ юный, начинающій писатель, который, однако же, какъ-то сразу сумѣлъ обратить на себя вниманіе довольно обширнаго кружка людей, причастныхъ современному литературному движенію. Явился онъ невѣдомо откуда и вступилъ въ кружокъ литераторовъ безъ всякихъ связей и рекомендацій. Вступилъ тогда, когда еще въ его литературномъ формулярѣ не было вписано ни одной литературной заслуги, когда еще изъ-подъ пера его не вылилось ни одной строки, которая могла бы свидѣтельствовать о присущемъ ему талантѣ. Ему принадлежали всего на всего двѣ-три статейки, отчасти оригинальныя, отчасти переводныя, разбросанныя по современнымъ журнальцамъ, да и тѣ ничѣмъ не отличались отъ обычныхъ «пробъ пера» лю-ого изъ начинающихъ сотрудниковъ журнала. Но между тѣмъ этого совѣтъ неизвѣстнаго юношу замѣтили, обратили на него вниманіе—пустили его въ ходъ; заинтересовался имъ Дельвигъ, рѣшился рекомендовать его Жуковскому; Жуковскій, не всмотрѣвшись въ этого новичка по литературѣ, сбылъ его на руки Плетневу, этому надежному ментору и руководителю всеѣ пишущей братіи... И только уже Плетневъ, всмотрѣвшись въ рекомендованнаго юношу, рѣшилъ, что онъ руководить его не можетъ, что это

по силамъ... развѣ Пушкину! Онъ и познакомилъ его съ великимъ нашимъ поэтомъ и великимъ прозорливцемъ.

Этотъ начинающій юноша былъ Гоголь, и Пушкинъ не только обратилъ на него вниманіе, но даже снизошелъ до нѣкотораго сближенія съ нимъ. И дѣйствительно, юноша, рекомендованный Плетневымъ, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на Пушкина: невзрачный по внѣшности, не обладавшій никакимъ свѣтскимъ лоскомъ, неотесанный и застѣнчивый, онъ былъ, однакоже, настолько оригиналенъ, что привлекалъ къ себѣ общее вниманіе и возбуждалъ любопытство. Въ немъ не было ничего «петербургскаго» или «московского»—того, что было уже издавна и хорошо извѣстно Пушкину, что въ его глазахъ уже порядочно поизносилось и прискучило поэту... Это былъ настоящій, типическій хохолъ—типъ, совершенно новый и незнакомый Пушкину. И онъ пораженъ былъ своеобразнымъ складомъ ума этого юноши, необузданною силою его организаціи, огневою живостью его рѣчи, въ которую онъ вносилъ яркія блески своего неисчерпаемаго юмора, а главное—пламенною вѣрою въ свою силу, во всемогущество и всеобъемлемость своего таланта. Блестящимъ, чарующимъ подтвержденіемъ почти безграничной самоувѣренности этого юноши явился тотъ рядъ повѣстей и рассказовъ, который вылился такъ быстро и такъ неожиданно изъ-подъ его пера и всѣхъ поразилъ свѣжестью и яркостью красокъ, оригинальностью замысла и наивною простотою картинъ и бытовыхъ сценъ, выхваченныхъ цѣликомъ изъ жизни и обвѣянныхъ ароматомъ южной природы и поэзіи. Собранныя въ два небольшихъ тома, подъ общимъ названіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», эти очаровательныя повѣсти поразили и Пушкина, и всю массу современныхъ русскихъ читателей. Проникнутыя обворожительною веселостью и бодримъ юношескимъ міросозерцаніемъ, эти повѣсти всѣмъ представились плодомъ вдохновенія, охватившаго разомъ душу автора, какимъ-то порывомъ мощнаго генія, вдругъ вскрывшаго передъ глазами изумленныхъ читателей цѣлый міръ новыхъ впечатлѣній, новыхъ звуковъ, новыхъ стремленій и призывовъ къ жизни. «Вечера на хуторѣ» явились въ современной русской литературѣ какъ бы откровеніемъ, поразившимъ русское общество новостью и свѣжестью впечатлѣній и наблюденій автора въ какомъ-то никому невѣдомомъ, очаровательномъ уголкѣ Руси—въ той Малороссіи, съ которой тогда чуть ли не по наслышкѣ была знакома современная русская интеллигенція.

Успѣхъ «Вечеровъ», вполне понятный и естественный, не подѣйствовалъ на Гоголя такъ, какъ подобные же успѣхи очень часто дѣйствуютъ на другихъ молодыхъ авторовъ. Онъ попытался было продолжать свою дѣятельность въ томъ же родѣ—попытался почерпать для нея матеріалы и впечатлѣнія изъ той же родной ста-

рины и быта; но уже то непосредственное творчество, которое вызвало къ жизни «Вечера на хуторѣ», оказалось изсякшимъ.

Изъ туманнаго и холоднаго Петербурга онъ попытался было вернуться въ свою теплую южную родину, къ тѣмъ соловьямъ и пѣснямъ, которыя нѣкогда такъ его манили и очаровывали; но родимая Малороссія уже предстала передъ нимъ иною—не прежнею странною обаянія и увлеченій... Между знакомыми ему и милыми его сердцу впечатлѣніями родного края и его авторскимъ сознаниемъ стояла уже непреодолимая стѣна: онъ уже не могъ отрѣшиться отъ тѣхъ началъ, которыя воспринялъ въ послѣдніе годы столичной жизни—не могъ увлекаться, не могъ поддаваться восторгу, который нѣкогда охватывалъ всю его душу. Передъ нимъ, съ поразительною ясностью, выступали наружу всѣ недостатки и несовершенства того узкаго и плоскаго провинціального міра, въ которомъ онъ уже не чувствовалъ себя «своимъ человѣкомъ»... Отворачиваясь отъ неказистой дѣйствительности, онъ только усиленіемъ сознательной воли переносился къ прошлому своей родины, и только въ пѣсняхъ о далекой старинѣ и о «временахъ казачества» искалъ для себя поэтическаго настроенія и образовъ, достойныхъ вдохновенія.

Въ результатѣ новаго настроенія получилось нѣчто цѣльное и оригинальное, нѣчто весьма существенное и новое въ литературномъ родѣ, но уже совершенно иное, непохожее на «Вечера на хуторѣ»... Гоголь не могъ не сознавать этого «новаго» въ своемъ творествѣ, но это «новое» ему не нравилось, онъ не могъ отнестись къ нему также непосредственно и просто, какъ относился къ своимъ первымъ произведеніямъ... И все же, поддаваясь извѣстнаго рода самообману и какъ бы не желая порывать живую связь со своимъ недавнимъ прошлымъ, онъ къ общему заглавію сборника своихъ новыхъ произведеній («Миргородъ») добавилъ, въ видѣ поясненія: «повѣсти, служація продолженіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Но, несмотря на это добавленіе, всѣ видѣли, что между «Вечерами» и «Миргородомъ» нѣтъ ничего общаго, что авторъ-юноша уже отцвѣлъ и созрѣлъ, что онъ быстро и смѣло вступаетъ въ новый фазисъ развитія своего таланта и отъ первыхъ, порывистыхъ шаговъ бессознательнаго творчества переходитъ къ творчеству сознательному. Не всѣмъ этотъ новый періодъ въ развитіи Гоголевскаго таланта могъ нравиться, и очень многимъ показалось, что молодой писатель обманулъ надежды, вызванныя въ обществѣ появленіемъ его «Вечеровъ»: «Миргородъ» не имѣлъ такого успѣха, какъ первый сборникъ повѣстей Гоголя. Легко можетъ быть, что и самъ Гоголь также смотрѣлъ на свой «Миргородъ», какъ на шагъ назадъ; можетъ быть, онъ даже былъ уязвленъ въ своемъ авторскомъ самолюбіи меньшимъ успѣхомъ своего второго сборника... Но онъ чувствовалъ, что уже не можетъ

такъ творить, какъ творилъ въ первомъ расцвѣтѣ юности: самосознаніе пробудилось и изъ области туманныхъ видѣній и заманчивыхъ грезъ низводило его къ осязанію и наблюденію дѣйствительности во всей ея ужасающей наготѣ.

Но Пушкинъ, этотъ величайшій реалистъ, оцѣнилъ по достоинству новыя произведенія Гоголя. Онъ отлично понялъ и предугадалъ настоящее значеніе таланта этого юнаго, начинающаго писателя, а самому ему указалъ на тѣ цѣли, къ которымъ онъ долженъ былъ стремиться... Въ душѣ сочувствуя реальному отношенію къ жизни, Пушкинъ, близко подходившій къ этому направленію въ нѣкоторыхъ (очень немногихъ) произведеніяхъ своихъ, не рѣшался, однако же, поддаться ему вполне, отрѣшившись вполне отъ старыхъ традицій поэтическаго творчества. Но это нимало не мѣшало тому, чтобы онъ желалъ видѣть въ творествѣ другихъ авторовъ болѣе правды, болѣе прямого, непосредственнаго наблюденія жизни и воссозданія дѣйствительности во всей ея будничной наготѣ. И вогъ онъ говоритъ, онъ наставляетъ Гоголя, онъ возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ сознаніе своей силы, указываетъ ему на задачи, достойныя его пера, набрасываетъ ему планы двухъ важнѣйшихъ его произведеній: «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ».

И молодой богатырь чувствуетъ, какъ отъ каждой бесѣды съ великимъ поэтомъ, отъ cadaго совѣта и указанія этого умнѣйшаго и европейски образованнаго человѣка, силы въ немъ удесятеряются, крѣпнута и растутъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ расширеніемъ того горизонта, который передъ нимъ раскидывается, расширяется и наконецъ представляется ему необъятнымъ, необозримымъ. Отъ маленькихъ, ничтожныхъ, ограниченныхъ наблюденій и впечатлѣній, вынесенныхъ изъ крошечнаго уголка поэтической малороссійской глуши, Гоголь переходитъ на широкое поприще наблюденія современнаго ему строя русскаго общества, обсуждения важныхъ и серьезныхъ вопросовъ, волнующихъ лучшіе кружки русскихъ людей, и отъ крошечныхъ фигурокъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей» переходитъ къ смѣлымъ попыткамъ воссозданія типовъ, представляющихъ собою преобладающій элементъ въ массѣ современнаго ему общества. Юному богатырю, уже и по самой природѣ своей склонному къ заносчивости и преувеличеніямъ, начинаетъ казаться, что и силы его также необъятны, какъ необъятенъ открывающійся передъ нимъ горизонтъ, и онъ, очертя голову, бросается впередъ и жадно хватается за выполненіе тѣхъ громадныхъ задачъ, на которыя указываетъ ему гениальный руководитель... И какъ было не поддаться этому соблазну, какъ не увѣровать въ свою чрезвычайную мощь, когда великій поэтъ, какъ змѣй-искуситель, нашептываетъ ему въ уши дивныя рѣчи и указываетъ въ будущемъ

путь, залитый ослѣпительнымъ свѣтомъ вѣчной, неувыдаемой славы! Пушкинъ, великій Пушкинъ самъ говорилъ этому юношѣ, еще не искушенному жизнью:

— Какъ можно не приняться за большое сочиненіе, при вашей способности угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставляя его вдругъ всего, какъ живого! Это просто грѣхъ!

А кто же не знаетъ, что подобное поощреніе дѣйствуетъ на сердце 25-ти-лѣтняго юноши, какъ искра на порохъ, и заставляетъ его забывать обо всякой мѣрѣ, обо всякой ограниченности нашихъ силъ и средствъ нравственныхъ...

И если, съ одной стороны, нельзя не признать того, что Пушкинъ, увлекшійся гениальной талантливостью Гоголя, оказалъ на развитіе его таланта сильное и преобладающее вліяніе; то съ другой стороны, едва ли можно отрицать и то, что великій поэтъ нашъ слишкомъ понадѣялся на силы Гоголя и слишкомъ рано ускорилъ развитіе его таланта. Изъ-подъ пера юноши, подъ обаяніемъ Пушкина, почти разомъ вылились такіа дивныя произведенія, какъ «Ревизоръ» и первая часть «Мертвыхъ душъ»; но зато и силы богатырскія ослабли, и духъ бодрый истомился и замеръ, поникая и теряясь передъ громадностью задуманнаго труда...

Чтобы вполне усвоить себѣ значеніе того, что было достигнуто Гоголемъ хотя бы только созданіемъ одной такой комедіи, какъ «Ревизоръ», надо представить себѣ то общество и ту литературу, среди которыхъ приходилось жить и дѣйствовать Гоголю. Общество, въ которомъ все было основано на условномъ пониманіи потребностей русской жизни и на строгомъ подчиненіи идеѣ внѣшняго порядка, при полномъ внутреннемъ разладѣ и рядомъ съ вопіющими проявленіями произвола и безправія. Литература, въ которой только еще начинало пробуждаться самосознаніе, и то въ кружкѣ немногихъ избранниковъ, а большинство поэтовъ и литераторовъ предавалось своему благородному занятію, или какъ пріятному развлеченію, или какъ обязательному труду. При томъ же литература, въ значительной степени, являлась еще, такъ сказать, занятіемъ «сословнымъ», дворянскимъ, къ которому еще только начинали приступать разночинцы и простецы всякаго рода. Проникнуть въ литературу можно было только при помощи связей или отношеній къ извѣстному кружку. Даже и весьма талантливые люди, люди независимые въ матеріальномъ отношеніи, не въ силахъ были выступить на литературное поприще, не опираясь на какія нибудь связи, не пользуясь чьимъ нибудь покровительствомъ...

Чтобы еще болѣе изумиться такому явленію, какъ «Ревизоръ» Гоголя, надо припомнить біографическія данныя, рисующія намъ Гоголя въ началѣ 30-хъ годовъ наивнымъ юношей, далекимъ отъ всякаго житейскаго опыта, способнымъ увлекаться нелѣпѣйшими планами служебной карьеры, дѣтски-заносчивымъ и мелочно-тщеславнымъ.

И вдругъ этотъ юноша создаетъ «Ревизора», съ безсмертными типами Хлестакова и Сквозника-Дмухановскаго, съ цѣлою фалангою остальныхъ лицъ и характеровъ, набросанныхъ кистью великаго мастера и художника! Повторяемъ, для 27-ми-лѣтняго, почти начинающаго писателя, такое вполне законченное произведеніе, какъ «Ревизоръ», представляется намъ изумительнымъ доказательствомъ присущей автору творческой силы. Мы, кажется, видимъ, какъ всецѣло и какъ безотчетно онъ предался мощному порыву вдохновенія, охватившему все его существо въ тотъ моментъ, когда ему предложена была Пушкинымъ такая богатая тѣма для сценической обработки. И дивная комедія вышла изъ-подъ его пера, какъ цѣльный самородокъ, и, несмотря на то, что была написана удивительно быстро, до постановки на сцену, не подвергалась никакимъ важнымъ поправкамъ и измѣненіямъ.

Усиліе генія, создавшаго такое произведеніе, какъ «Ревизоръ», было, вѣроятно, чрезвычайно велико, тѣмъ болѣе, что эта комедія не была плодомъ долгаго житейскаго опыта, строгихъ и вдумчивыхъ наблюденій надъ изображаемою средою, а родилась, какъ Минерва изъ головы Юпитера, во всеоружіи своихъ геніальныхъ достоинствъ и при наличности немногихъ, неизбѣжныхъ недостатковъ...

Это особенно рѣзко выясняется при сравненіи «Ревизора» съ другою прекрасною комедіею, составляющею до сихъ поръ украшеніе русской сцены—съ «Горемъ отъ ума». Въ этой комедіи авторъ рисуетъ намъ картину жизни, знакомой ему съ дѣтства, и наполняетъ сцену типами, которые извѣстны были всей Москвѣ, какъ постоянные завсегдатаи ея клубовъ и салоновъ. Въ «Ревизорѣ» одною силою воображенія авторъ возсоздаетъ типы людей, заимствованные изъ живой русской дѣйствительности, и окружаетъ ихъ пестрою толпою той провинціальной среды, въ которую ему удалось только мелькомъ заглянуть въ ранней юности, и отъ которой его уже раздѣляли годы его столичной жизни ¹⁾, богатые новыми впечатлѣніями и встрѣчами.

Отсюда и разница въ томъ впечатлѣніи, которое въ свое время производили и до сихъ поръ производятъ обѣ комедіи: «Горе отъ ума» представляетъ собою очень умное, изящное и привлекательное произведеніе, оцѣниваемое по достоинству образованными классами общества; а «Ревизоръ», даже несмотря на нѣкоторую карикатурность и вычурность выставленныхъ въ немъ лицъ, несмотря на нѣкоторый симметризмъ въ расположеніи дѣйствія, является пьесою общедоступною, выхваченною прямо изъ русской жизни и дѣйствительности, всѣмъ близкой и всѣмъ знакомой.

¹⁾ Самъ Гоголь (въ письмѣ къ Щенкину, отъ 29 апрѣля 1836 г.) признается, что въ моментъ написанія «Ревизора» «петербургская жизнь была ему лучше знакома, нежели провинціальная».

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какое именно впечатлѣніе произвела пьеса Гоголя на Пушкина, и какъ отнесся онъ къ ней, увидавъ ее на сценѣ. Но самъ авторъ остался не вполне доволенъ своимъ произведеніемъ послѣ того, какъ самъ, въ качествѣ зрителя, явился неумолимымъ судьей пьесы. «Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моеѣ же пьесы»,—такъ пишетъ онъ въ письмѣ «къ одному литератору». Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ, но не тотъ, какого, вѣроятно, ожидалъ самъ авторъ; есть основаніе думать, что не совсѣмъ доволенъ ею былъ и Пушкинъ и другіе многіе изъ лицъ кружка, въ которомъ постоянно вращался Гоголь и мнѣніемъ котораго онъ дорожилъ. Недовольство это вызывалось, конечно, не недостатками пьесы, а чрезвычайною новизною ея содержания и оригинальностью приемовъ въ обработкѣ сюжета. Явленіе было чрезвычайное, исключительное, не бывалое, и даже произведенное имъ впечатлѣніе не подходило ни подъ одно изъ тѣхъ, которыя вызывались другими театральными пьесами. Даже и недовольство, которое высказывалось многими, не походило на порицаніе или критическое осужденіе, а скорѣе на тотъ «гласъ народа», который служитъ отголоскомъ искренняго признанія общественныхъ язвъ, вѣрно подмѣченныхъ и рельефно выставленныхъ авторомъ на сценѣ. Не даромъ Гоголь пишетъ Щепкину послѣ первыхъ представленій «Ревизора»:

«Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ!... Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя встають, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія!... Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ, между тѣмъ, братскою любовью».

Несмотря, однакоже, на то, что пьеса Гоголя доставила ему много тягостныхъ впечатлѣній и разочарованій, что она не удостоилась того успѣха, какого онъ ожидалъ и жаждалъ,—тотъ сильнѣйшій переполохъ, который былъ вызванъ «Ревизоромъ» въ современномъ русскомъ обществѣ, долженъ былъ бы удовлетворить Гоголя уже самымъ сознаніемъ обладанія громадною силою таланта. Но этого было для него недостаточно: обладая громаднымъ талантомъ, онъ уже съ самой ранней молодости страдалъ крайнею слабостью воли и потому способенъ былъ поддаваться каждому, даже и мимолетному впечатлѣнію или внушенію. И вотъ уже въ маѣ мѣсяцѣ 1836 года онъ пишетъ Пушкину:

...«Я усталъ душою и тѣломъ... Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій! Богъ съ ними со всѣми! Миѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы уѣхать теперь Богъ знаетъ куда»...

Въ этихъ словахъ намъ слышится несомнѣнное переутомленіе нравственное, вызванное, можетъ быть, чрезмѣрнымъ напряженіемъ творческой силы, въ короткое время создавшей такое произведеніе,

какъ «Ревизоръ»; но въ то же время слышится и преувеличеніе, къ которому Гоголь былъ очень способенъ, и ропотъ капризнаго, избалованнаго счастьемъ ребенка, который ожидаетъ отъ жизни однихъ только успѣховъ и наслажденій...

Къ сожалѣнію, желаніе «убѣжать Богъ знаетъ куда» оказалось осуществимымъ: явилась неожиданно возможность уѣхать за границу, и въ видѣ оправданія этой довольно безцѣльной поѣздки явилась уже цѣлая теорія, созданная Гоголемъ:

«Бду за границу»,—пишетъ онъ Погодину въ маѣ 1836 года,— «и тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ, долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отечествѣ».

Къ этой теоріи, конечно, ничѣмъ не оправдываемой, въ другомъ, современномъ письмѣ, Гоголь приводитъ еще другое объясненіе своего рѣшенія ѣхать за границу:

«Мнѣ хочется, ... избравши (тамъ) постоянное пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе», и добавляетъ къ этому заявленію роковыя слова: «порѣ уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ».

Называемъ эти слова «роковыми» по отношенію къ дальнѣйшей дѣятельности Гоголя, потому что въ нихъ слышится намъ, съ одной стороны, отрицаніе всего, что до той поры было написано Гоголемъ, а съ другой—чувствуется начало того періода разсудочнаго творчества, который, въ концѣ концовъ, привелъ Гоголя къ такимъ печальнымъ результатамъ. Но, несмотря на эти первыя тѣни и сомнѣнія, проявившіяся въ сознаніи Гоголя, послѣдующіе три года жизни (1836 — 1839) были плодотворно посвящены имъ выполненію новаго и важнаго замысла, который онъ уже вынашивалъ въ душѣ своей въ то время, когда создавалъ «Ревизора». За обработку этого замысла Гоголь принялся съ восторгомъ и предался ему всецѣло, тѣмъ болѣе, что этотъ трудъ тѣсно связанъ былъ въ его сознаніи съ дорогою для него памятью нашего великаго поэта, завѣщавшаго ему этотъ трудъ, какъ милое дѣтище на попеченіе. Насколько біографическій матеріалъ, до сихъ поръ собранный, позволяетъ намъ заглянуть въ творческую дѣятельность Гоголя за этотъ трехлѣтній періодъ, мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что въ его работѣ надъ своимъ знаменитымъ произведеніемъ не было въ ту пору ничего ненормальнаго. Онъ очень усердно и съ увлеченіемъ работалъ надъ первою частью «Мертвыхъ душъ», и, видимо, былъ вполне доволенъ и вполне удовлетворенъ своею работою. Къ произведенію своему онъ относился просто, естественно, не связывая его ни съ какими неосуществимыми цѣлями, не преувеличивая его значенія... Такимъ образомъ, вся первая часть «Мертвыхъ душъ» (въ первоначальной

Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ ГРОБУ.
Съ литографіи того времени.

дох. ценз. 18 янв. 1902 г. снѣ.

редакціи) была написана подъ наитіемъ того же непосредственнаго вдохновенія, которымъ вызваны были лучшія произведенія Гоголя. Не даромъ же онъ впослѣдствіи эту основную редакцію своего произведенія называлъ «первыми, невинными и скромными главами»...

Но пребываніе за границей, благотворно подѣйствовавшее въ началѣ на дѣятельность Гоголя, съ теченіемъ времени оказало (и должно было оказать) на него и дурное вліяніе. Особенно дурно вліялъ на него тотъ кружокъ, среди котораго онъ вращался за границей, кружокъ праздныхъ людей, съ независимымъ состояніемъ и обширными связями, къ которому его невольно тянуло по природному пристрастію къ нѣкоторому аристократизму. Его положеніе въ этомъ кружкѣ было довольно фальшивое и ни въ какомъ смыслѣ не привлекательное. Его быстро возростающая извѣстность тянула и привлекала къ нему этихъ людей, съ которыми, въ сущности, у него не было и не могло быть ничего общаго, потому что большинство этихъ людей посвящало жизнь заботамъ о своемъ здоровьѣ, о развлеченіяхъ и всякихъ эстетическихъ наслажденіяхъ, а нескончаемо долгій досугъ своего дня могло свободно отдавать неистощимымъ бесѣдамъ о всякихъ отвлеченныхъ вопросахъ, теоріяхъ и идеяхъ. Въ этомъ кружкѣ Гоголь сумѣлъ себя поставить въ положеніе прихотливаго, избалованнаго ребенка, которому всѣ старались поблажать и угождать. Въ то время, когда онъ еще нуждался въ твердомъ руководителѣ (такимъ и былъ для него Пушкин!), въ опорѣ опредѣленнаго кружка, съ строго выработанными убѣжденіями и мнѣніями, онъ очутился въ кружкѣ людей, потворствовавшихъ его слабостямъ и странностямъ, преклонявшихся передъ авторитетностью его мнѣній, неспособныхъ или не дерзавшихъ ему противорѣчить... Въ довершеніе всего, среди кружка аристократовъ и заграничныхъ друзей Гоголя нашлись такія личности, которыя увлекли его въ область религіозно-мистическихъ стремленій, и эти увлеченія повліяли потрясающимъ образомъ на весь его умственный и нравственный строй... Вліяніе это сказывалось уже очень замѣтно, когда Гоголь, въ сентябрѣ 1839 г., вернулся въ Россію на короткое время: его московскіе друзья замѣтили въ немъ рѣзкую переменъ и ясно сознававшіяся проявленія религіозной экзальтаціи...

Гоголь привезъ тогда въ Москву всю первую часть своихъ «Мертвыхъ душъ», читалъ отрывки изъ нея въ кружкѣ ближайшихъ московскихъ друзей, выслушивалъ ихъ мнѣнія и замѣчанія, однако же не рѣшился еще печатать свою книгу и увезъ съ собою обратно рукопись «Мертвыхъ душъ» за границу.

Осенью 1840 г. Гоголю пришлось выдержать въ Римѣ одну изъ тѣхъ весьма тягостныхъ нервныхъ болѣзней, которыя и до сихъ составляютъ загадку для медиковъ. Давно уже нервно-разстроенный

и вообще слабый, по самому составу своего организма, Гоголь, вѣроятно, былъ предрасположенъ къ этой болѣзни смолоду; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что на развитіе этой болѣзни въ значительной степени повліяла его непосильная работа надъ произведеніемъ, которое болѣе и болѣе разрасталось въ его сознаниіи и, благодаря исключительнымъ условіямъ, въ которыя онъ себя поставилъ, становилось мало-по-малу совершенно неисполнимою, недостижимою задачею всей его жизни... Нѣкоторое и даже весьма существенное обостреніе нервнаго недуга должно было вызывать въ Гоголѣ и его постоянное пребываніе въ кружкѣ мистиковъ и ніегистовъ, которые направляли его мышленіе на разрѣшеніе вопросовъ темныхъ, запутанныхъ и сбивчивыхъ. Какъ бы то ни было, но невозможно отрицать тотъ фактъ, что именно эта болѣзнь 1840 года вызвала главнымъ образомъ тотъ роковой поворотъ въ сознаниіи Гоголя, который сначала возбудилъ въ душѣ его ничѣмъ не разрѣшимыя сомнѣнія и вопросы, а затѣмъ вынудилъ его приняться за разрушеніе его дивнаго творенія и привелъ самого автора на край гибели.

Поворотъ проявился главнымъ образомъ въ томъ, что онъ приступилъ «къ совершенной очисткѣ» перваго тома «Мертвыхъ Душъ»... «Перемѣняю, перечищаю, многое перерабатываю вове», — пишетъ онъ одному изъ своихъ московскихъ друзей и въ то же время сообщаетъ ему, что «дальнѣйшее продолженіе (труда) выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы». Это «колоссальное», которое мерещится ему въ будущемъ, мѣшаетъ его работѣ въ настоящемъ, спутываетъ его, сбиваетъ съ толку и вынуждаетъ къ перемѣнамъ и вставкамъ, которыя начинаютъ нарушать и портить художественную цѣнность законченнаго имъ произведенія. Сохранившіяся черновыя рукописи «Мертвыхъ Душъ» (первой части) свидѣтельствуютъ о кропотливой работѣ автора надъ текстомъ и достаточно ясно указываютъ намъ, что эта работа была далеко не всегда плодотворною и производительною. Въ кругъ ея, несомнѣнно, входили и тѣ лирическія вставки въ текстъ первой части, которыя сулятъ въ будущемъ что-то новое и необычайное въ направленіи всей поэмы.

И это чувство отчужденія и какое-то неопредѣленное внутреннее волненіе все возрастало и возрастало въ немъ до такой степени, что онъ чуть-чуть не уѣхалъ въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, махнувъ рукой на печатаніе своего произведенія. Этотъ замыселъ до такой степени показался ненормальнымъ всему кружку его друзей, что они даже не отговаривали его отъ поѣздки въ Іерусалимъ. Кое-какъ онъ самъ одумался и съ трудомъ дождался окончанія печатанія первой части «Мертвыхъ душъ». 21 мая 1842 г. первые экземпляры были вручены Гоголю, а два дня спустя онъ уже уѣхалъ за границу.

Незадолго до отъезда онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «если бы ты зналъ, какъ тяжело здѣсь мое существованіе! Я уже нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ я сюда пріѣхалъ? Покоя нѣтъ въ душѣ моей».

Но покоя не нашелъ онъ и за границей—и тамъ онъ не увидѣлъ передъ собою «открытаго горизонта». Глубокій сумракъ царилъ въ душѣ его, и каждый шагъ, каждая мысль, каждое движеніе душевное—одинаково приводили его къ одному роковому вопросу: «зачѣмъ? къ чему это?»

И этотъ страшный, обезсиливající вопросъ вынуждалъ сегодня уничтожить все, что онъ создалъ вчера. Не только остановилась всякая дѣятельность, всякое дальнѣйшее продолженіе излюбленнаго труда, но началось даже отрицаніе всего, прежде созданнаго! И въ то же самое время онъ доходитъ въ своихъ религіозно-мистическихъ увлеченіяхъ до крайнихъ границъ экстаза... «Невидимая рука Творца» руководитъ имъ во всемъ; «непостижимое» и «таинственное» отовсюду его окружаетъ... Онъ уже не пишетъ продолженія «Мертвыхъ Душъ», не надъ вторымъ томомъ ихъ работаетъ, а создаетъ нѣчто такое, что «является покаместъ еще тайною для всѣхъ».

Но эта усиленная работа надъ излюбленнымъ трудомъ уже не удовлетворяетъ Гоголя. Онъ уже начинаетъ чувствовать, что онъ не можетъ совладать съ нею, что не онъ—господинъ труда, а трудъ—полновластный господинъ подъ его волею.

И онъ пугается этого неестественнаго настроенія и спѣшитъ съ трудомъ покончить, какъ бы то ни было и во что бы то ни стало...

И при этомъ въ сознаніи его происходятъ странныя превращенія! То онъ падаетъ духомъ и начинаетъ всего опасаться и трепетать; то вдругъ возносится духомъ въ какія-то горнія выси, и трудъ его начинаетъ ему представляться «великимъ, спасительнымъ, даже святымъ»...

Наконецъ онъ появляется въ Москвѣ (въ октябрѣ 1841) и приступаетъ немедленно къ хлопотамъ о напечатаніи труда. Но онъ уже ни для кого неузнаваемъ; общее настроеніе его оказывается до такой степени подавленнымъ и угнетеннымъ, что онъ на всѣхъ производитъ самое тягостное впечатлѣніе, вызываетъ къ себѣ состраданіе и жалость. Но этого мало: судя по его письмамъ за это время, онъ чувствуетъ полное охлажденіе ко всему, что прежде любилъ, полное отчужденіе ко всему родному. «Съ того времени, какъ нога моя ступила въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ... Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ видѣлъ»... Или еще: «о Россіи могу писать только въ Римѣ... А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Открытаго горизонта нѣтъ передо мной»...

Эта тайна должна «открыться только въ послѣдующихъ томахъ», которыхъ предполагается уже неопредѣленное число... А до того времени «ключъ отъ этой тайны въ душѣ у одного только автора». Мало-по-малу онъ дошелъ до того, что создалъ цѣлую особую систему творчества—творчества по плану, строго обдуманному, къ которому еще слѣдовало готовиться рядомъ подвиговъ самосовершенствованія, самоистязанія, и молитвою, и чтеніемъ св. Писанія и твореній отцовъ церкви. Еще шагъ по этому пути, и уже всякое творчество было отринуто и презрѣно — и великій писатель обратился уже къ проповѣди, къ поученію своихъ ближнихъ. Всѣ силы духа, всю свою энергію, всѣ помыслы и упованія онъ вдругъ почему-то возлагаетъ именно на эту проповѣдь, и безъ оглядки торопитъ своего друга печатаніемъ этой пространной, многословной и крайне безсодержательной проповѣди, которой придаетъ странное заглавіе «Переписки съ друзьями». И тщетно удерживаютъ Гоголя друзья, тщетно стараются убѣдить его въ томъ, что печатаніе этой книги поколеблетъ его авторскую славу... Онъ настаиваетъ; онъ убѣжденъ, что книга «необходима и полезна для всѣхъ»; онъ рѣшается даже писать своему другу:

«Я дѣйствовалъ твердо, во имя Бога, когда составлялъ эту книгу; во славу Его святого имени взялъ перо, а потому и разступились передо мной всѣ преграды и все останавливающее безсильнаго человѣка. Дѣйствуй же и ты во имя Бога, печатая книгу мою, какъ бы дѣлалъ самъ дѣло на прославленіе имени Его», и такъ далѣе.

Книга была отпечатана по волѣ автора и, по выходѣ въ свѣтъ, вызвала цѣлый взрывъ негодованія, даже со стороны друзей Гоголя. Это негодованіе потрясло его, но уже не вернуло къ жизни и дѣятельности. Онъ принялъ ударъ съ какимъ-то страннымъ, тупымъ смиреніемъ, какъ новое испытаніе, налагаемое на него Промысломъ, а на всѣ укоры въ недѣятельности отвѣчалъ только обѣщаніемъ объяснить «въ небольшой книжечкѣ» всю исторію своего писательства, и тогда даже и «нелитераторъ долженъ будетъ увидѣть, я ли виноватъ въ недѣятельности, или Тотъ, Кто располагаетъ всѣмъ, и противъ Кого итти трудно человѣку».

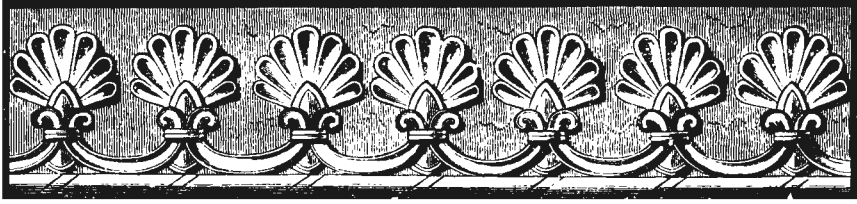
Послѣ такихъ доводовъ всѣ оставили Гоголя въ покоѣ, и онъ уже оканчивалъ жизнь въ Москвѣ, въ полномъ уединеніи, почти въ забвеніи, исключительно озабоченный мыслью о приближающемся концѣ, къ которому усердно готовился.

Въ февралѣ 1852 года, Гоголь почувствовалъ себя особенно дурно, и, прощаясь съ жизнью, исполняя послѣдній христіанскій долгъ, наложилъ руку на всѣ свои рукописи... Въ какомъ-то непонятномъ порывѣ самоотрицанія и самоуничиженія онъ сжегъ все, что попало ему подъ руку... 21 февраля 1852 г. его не стало.

Такъ окончилась много разъ повторявшаяся и теперь еще повторяющаяся въ русской жизни исторія одного изъ громаднѣйшихъ талантовъ, отъ которыхъ всѣ имѣли полное право ожидать очень и очень многого. Погибъ человѣкъ, необычайно богато одаренный отъ природы, радостно встрѣченный всѣми лучшими представителями русской мысли, благопріятствуемый, почти балуемый судьбою, не испытавшій никакихъ тяжелыхъ невзгодъ и несчастій... Погибъ, подавленный собственными же громадными силами, съ которыми онъ, какъ сказочный богатырь, не могъ совладать, по недостатку характера и того чувства мѣры, которое такъ высоко развито въ гениальныхъ писателей и мыслителей Запада, умѣющихъ вполнѣ использовать запасъ своихъ силъ для общаго и своего личнаго блага... Но, высказывая это, мы не осуждаемъ и не порицаемъ: мы только указываемъ на одинъ изъ весьма существенныхъ недостатковъ всѣхъ русскихъ людей, которыхъ, кажется, только нынѣшняя суровая дѣйствительность начинаетъ ставить въ условія, воспитывающія силу воли и вырабатывающія характеръ.

П. Н. Полевой.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ РУКОПИСИ ГОГОЛЯ.

В ВОСЕМЬ часовъ утра, 21-го февраля 1902 года, исполнится 50 лѣтъ со дня смерти величайшаго изъ русскихъ писателей, Н. В. Гоголя. Имя Гоголя такъ популярно, такъ широко распространено и у насъ, и въ другихъ странахъ, что можетъ быть легко причислено къ тѣмъ величайшимъ именамъ человѣчества, которыя дѣлаютъ великія открытія. Найти антидифтеритную сыворотку, открыть великій астрономическій законъ, опредѣленно выражающійся при извѣстныхъ условіяхъ, открыть ех-лучи или показать міру человѣческую пошлость «сквозь видимый міру смѣхъ, но невидимыя и незримыя слезы»—почти одно и то же. Во всѣхъ нихъ сказываются проникновенное, напряженное вниманіе человѣческаго гения въ область неизвѣданнаго, усилія ума пріоткрыть его завѣсу и постоянное стремленіе по пути идеальнаго совершенствованія; во всѣхъ нихъ, благодаря безконечному разнообразію творческихъ силъ и ихъ проявленію въ природѣ, разнообразно сказывается человѣческій гений...

Пусть умеръ Гоголь! Гоголь тѣла, Гоголь воли! Но не умеръ Гоголь великой мысли, великаго гения, наглядно и до жестокости подробно описавшаго «пошлость пошлаго человѣка»... Мы вспоминаемъ Гоголя-гения, гения природы, проводника великихъ творческихъ идей... Онъ былъ орудіемъ этой природы, избранникомъ ея въ области пониманія скрытыхъ явленій жизни. Русскіе гордятся имъ... И не напрасно!

Прошло 50 лѣтъ со дня его смерти... Грустная годовщина! Всякая смерть возбуждаетъ тяжелыя чувства и глубокую скорбь въ любящихъ сердцахъ, но тѣмъ болѣе возбуждаютъ непримирен-

ныя чувства грусти, скорби и сожалѣнія, смерть генія и сознание его невозвратимости. Гоголя мы привыкли любить съ дѣтства, съ того момента, когда въ наше сознание забрасываются сѣмена мысли, когда творческая фантазія открываетъ намъ перспективы жизни, душа куда-то стремится и все чего-то желаетъ. Тогда, именно тогда, онъ, этотъ великій геній, становится близокъ нашему сердцу и съ тѣхъ поръ становится нашимъ близкимъ довѣреннымъ другомъ, товарищемъ, является сокровищницей нашего остроумія, нашихъ словечекъ, прибаутокъ, незамѣтно врѣзавшихся въ нашу память. Мы говоримъ зачастую: ну, это уже гоголевщина! Что за слово «гоголевщина»? Откуда оно? Какъ откуда? Отъ него же, отъ этого великаго печальника человѣчества... Или говоримъ: ну, это — маниловщина, чичиковщина, ноздревщина и т. д. Мы зачастую повторяемъ остроты героевъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», безсмертныхъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и, главное, повторяемъ бессознательно, точно онѣ наши, точно мы ихъ произвели изъ себя, а, оказывается, мы беремъ ихъ напрокатъ у того же великаго генія природы... Поэтому можно судить о близости этого таинственнаго печальника человѣчества нашему сознанию, нашему сердцу, нашей душѣ.

Всякій помнитъ и, такъ сказать, наглядно *представляетъ* себѣ героевъ созданий Гоголя. Каждый хочетъ ихъ нарисовать, сдѣлать художественно. Художники дали три альбома гоголевскихъ типовъ: Боклевскій, Агинъ и альбомъ въ изданіи Маркса, а теперь иллюстраціей произведеній Гоголя занять Маковскій.

Пластическая, почти до осязательности, красота типовъ свидѣтельствуемъ о великомъ дарѣ прозрѣнія, вниманія и представленія Гоголя всей сути жизни. Если Гоголь говорилъ, что онъ наблюдалъ всю «быстро-несущуюся жизнь» цѣликомъ, то это — правда, великая, дѣйствительная правда. Онъ ее видѣлъ, наблюдалъ, сидя гдѣ нибудь въ маленькой петербургской квартиркѣ, какъ наблюдать, видѣлъ и разыгрывалъ сраженія на мансардѣ 6-го этажа въ одномъ изъ домовъ французскаго города Безансона артиллерійскій поручикъ Наполеонъ Бонапартъ, весь окруженный планами, картами и огромными фоліантами описаній побѣдъ, одержанныхъ другими. И это ничего, что онъ не зналъ жизни, что онъ былъ молодой, неопытенъ. Онъ ее зналъ интуитивно, онъ зналъ, благодаря особенному чутью, особенному дару прозрѣнія сути явленій и благодаря своему ясному уму, точно, ясно и картинно изображалъ эти явленія.

Это чутье давало ему преимущества передъ другими. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы, чувствовалъ себя выше толпы, онъ чего-то искалъ, чего-то хотѣлъ вышага, выходящаго за предѣлы обыкновеннаго. Онъ вѣчно тосковалъ. По комъ или о чемъ? О несовершенствахъ жизни, о паденіи идеаловъ. Первоначально, судя по

превосходнымъ письмамъ Гоголя, собраннымъ г. Шенрокомъ въ 4-хъ томахъ, онъ боялся того, что пройдетъ на землѣ безслѣдно, ничего не сдѣлавъ, а потомъ, когда онъ твердою ногой сталъ на поприщѣ служенія обществу, онъ затосковалъ о несовершенствахъ жизни. *Тоска по идеаламъ есть свойство только великихъ натуръ.* Она объясняется тѣмъ интуитивнымъ проникновеніемъ въ тайныя пружины жизни, прозрѣніемъ ея хода, которое дается, только благодаря особому дару, чутью. Генію ясны *результаты*, а простымъ смертнымъ только логическое теченіе жизни, только внѣшнія обстоятельства. Геній предвидитъ на разстояніи, что выйдетъ изъ данной комбинаціи фактовъ, знаетъ ихъ *конецъ*, ихъ *судьбу*, смотритъ въ сердцевину, въ корень вещей, а простой смертный видитъ только въ данную минуту совершающіяся и логически перемежающіяся событія. Въ этомъ предвидѣніи, въ этомъ прозрѣніи и кроются психологическія основанія тоски по идеаламъ у гениальныхъ натуръ.

Почему они видятъ, почему *они*—геніи, есть, собственно, дерзкіе вопросы по отношенію къ тайнымъ творческимъ велѣніямъ природы. Почему и, главное, къ какихъ формахъ дано имъ интуитивное проникновеніе въ скрытую завѣсою природу, такъ же неизвѣстно. Гете въ своихъ «разговорахъ» съ Эккерманомъ говоритъ, что не всякій старикъ можетъ считаться опытнымъ въ жизни, и что есть много юношей, понимающихъ жизнь глубже и разностороннѣе многихъ стариковъ. Причина кроется не въ разстояніи прожитыхъ годовъ, а въ дарѣ понимать жизнь, проникать въ нее, угадывать ее, отличать въ ней главное отъ неглавнаго, въ дарѣ, объясненія котораго нужно искать въ особенностяхъ устройства нашей психики.

Геній, даже въ то время, когда онъ еще ничего не сдѣлалъ, когда *только заявилъ о себѣ* людямъ, когда *только почувствовалъ въ себѣ священный огонь*, всегда сознаетъ въ себѣ силы на дѣло великое, сознаетъ свое право на безсмертіе. Не будемъ ссылаться ни на Шекспира, ни на Наполеона, ни на Пушкина, ни на Шопенгауэра... Эти примѣры избиты, а факты слишкомъ установлены въ психологической наукѣ. Геній, заявляющій о своемъ величій, даже въ то время глубоко искрененъ. Онъ говоритъ не изъ хвастовства (ему не передъ кѣмъ хвастать, такъ какъ онъ выше людей, которыхъ превосходно знаетъ, понимаетъ и видитъ насквозь), но лишь правду. Э. М. Достоевскій, возмнившій о себѣ послѣ похвалы Бѣлинскаго «Бѣднымъ людямъ» и разошедшійся, благодаря своему самолюбію и самолюбію, въ редакціи «Современника» съ И. С. Тургеневымъ, графомъ Л. Н. Толстымъ и др., не чувствовалъ ли въ себѣ великія силы?

Чувствовалъ ихъ въ себѣ и Гоголь. Объ этомъ онъ высказался опредѣленно въ письмѣ къ В. А. Жуковскому изъ Гамбурга отъ 26—16 іюня 1836 года:

«... Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, *невидимыхъ, незамѣтныхъ* для свѣта, исполнена жизнь моя! *Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человекъ. Львиную силу чувствую въ души своей*»¹⁾ и т. д. (Письма, т. I, стр. 383—384).

И эти слова были сказаны въ такое время, когда ни «Мертвыхъ душъ» (1841 г.), ни «Ревизора» (1842 г.), главныхъ, коронныхъ произведеній Гоголя, еще не было, когда они еще зрѣли, незримые свѣту. Гдѣ онъ могъ почерпнуть увѣренность въ своей «львиной силѣ»? Гдѣ она была? Въ чемъ проявилась? Она покоилась въ его духѣ, въ его сознаниі своего духовнаго величія, своего духовнаго превосходства. Это сознание дается *поневоля*, въ силу данныхъ человѣку талантовъ.

Мы не дѣлаемъ другихъ выдержекъ, такъ какъ эту считаемъ слишкомъ категорической, и обращаемъ вниманіе читателей на нее. Это не самомнѣніе, не задоръ юности, не безсознательное «сверхчеловѣчіе» или «сверхтоплие» російскаго издѣлія, а жаръ сердца, приливъ вдохновенія, озаряющаго всѣ духовныя побужденія и жизненныя цѣли человѣка.

Внутренняя жизнь Гоголя такъ богата разными моментами, что ее должно изучать не по методу г. Шенрока. Академикъ Пыпинъ указалъ этотъ методъ въ своей книгѣ «Жизнь и переписка В. Г. Бѣлинскаго», а мы сказали бы, что таковымъ методомъ можетъ быть или исключительно психологическій, или тотъ, который примѣнилъ извѣстный Ауэрбахъ къ біографіи Спинозы, представивъ жизнь философа въ его цѣломъ, съ изображеніемъ его ученія, на почвѣ разказа (романа). Иначе всякіе «Матеріалы къ біографіи» будутъ ужасно скучны, монотонны и утомительны и будутъ играть роль сырого матеріала или сухой справочной книги.

Какъ художникъ, Гоголь принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «усидчивыхъ» писателей. Методъ его творчества или форма, въ которую выливались его созданія, состояла въ слѣдующемъ: онъ напишетъ что нибудь и долго держитъ въ своемъ портфельѣ, временами, во время приливовъ вдохновенія, отдѣлывая по частямъ рукопись. Гоголь мало жалѣлъ себя и страшно работалъ надъ своими созданіями. Въ смыслѣ способа работы, онъ сильно напоминаетъ намъ Флобера, также мало щадившаго себя. Особенно этотъ методъ должно отнести къ зрѣлой порѣ его дѣятельности, къ началу 50-хъ годовъ («Мертвыя души», «Ревизоръ»). Въ созданіяхъ же перваго періода виденъ слѣдъ только вдохновенія. Это—кипящая лава словъ, каскадъ образовъ, переливающихся всѣми цвѣтами радуги, когда они проходятъ черезъ воображеніе и отливаются въ окончательныя кристаллическія формы. Часто Гоголь одно думалъ, другое писалъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

зачеркивалъ, надписывалъ, летѣлъ дальше, не оканчивая словъ, и вдругъ возвращался къ предыдущей мысли, работалъ и снова летѣлъ дальше. Въ этихъ мѣстахъ видна молодость, стремленіе использовать минуту вдохновенія и въ то же время углубленная, напряженная работа надъ собой и своимъ дарованіемъ. Вслѣдствіе этого, рукописи перваго періода его литературной дѣятельности читаются крайне трудно, съ большимъ напряженіемъ, требуютъ много времени, вниманія и навыка къ разбору рукописей. Таковы, по крайней мѣрѣ, повѣсть «Пропавшая грамота»; лекціи по средней исторіи и др. Есть, впрочемъ, и хорошо написанныя рукописи, но ихъ меньше.

Мы дали эти свѣдѣнія читателю, какъ общія руководящія мысли. Мы кое-что тутъ намѣтили для будущихъ литературныхъ работъ о Гоголѣ, особенно въ области разработки біографическихъ матеріаловъ.

Гоголя можно читать въ разные періоды жизни человѣка: въ дѣтствѣ, въ юности и въ зрѣлую пору. Всякій разъ онъ будетъ новъ, глубокъ, мудръ, содержателенъ, развертывая новыя и новыя стороны своей духовной сущности, подобно вѣчно юной природѣ.

Трудно было бы найти изъ рукописей что нибудь новое, теперь, по прошествіи 50-ти лѣтъ со дня смерти Гоголя. Все, что было можно извлечь и добыть, извлечено и добыто. Записныя книжки Гоголя, старыя тетради, письма, клочки бумагъ, всякая мелочь—давно уже приведены въ порядокъ, рассмотрѣны и оцѣнены. Всякій вносилъ все, что зналъ о Гоголѣ. Культъ Гоголя царилъ и въ первые годы послѣ его смерти, какъ царить и теперь. Десятое изданіе сочиненій Гоголя считается единственнымъ по полнотѣ и по тѣмъ цѣннымъ историко-литературнымъ и критическимъ примѣчаніямъ, которыя сдѣланы покойнымъ профессоромъ Московскаго университета И. С. Тихонравовымъ. Кто хочетъ работать надъ Гоголемъ, тотъ долженъ имѣть это изданіе его сочиненій.

Но рукописи Гоголя еще въ достаточномъ количествѣ (по крайней мѣрѣ, нѣсколько переплетенныхъ томовъ въ листъ писчей бумаги) сохранились въ замѣчательной сокровищницѣ собирателя гравюръ и рукописей, П. Я. Дашкова. Благодаря его любезности, его всегдашнему радушію и желанію принести пользу русскому обществу, онъ предоставилъ редакціи «Историческаго Вѣстника» нѣкоторыя рукописи Гоголя. По порученію редакціи, мы ихъ тщательно дешифрировали, снабдили примѣчаніями и приводимъ здѣсь. Нѣкоторыя рукописи представляютъ интересъ первостепенной ли-

тературной важности, такъ какъ ни профессору Тихонравову, ни извѣстному Кулишу, ни другимъ издателямъ и изслѣдователямъ сочиненій великаго писателя, онѣ не были извѣстны, за исключеніемъ друга поэта, Прокоповича, который и выпустилъ первое изданіе, по просьбѣ Гоголя, въ то время, когда онѣ въ первый разъ путешествовалъ за границей. Мы говоримъ о повѣсти «Пропавшая грамота», помѣщенной въ 1-й части «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Профессоръ Тихонравовъ не видѣлъ этой рукописи. Мы не говоримъ о мелочахъ, которыя, если и не имѣютъ такого значенія, то все же цѣнны, какъ рукописи великаго человѣка.

П. Я. Дашковъ добылъ эти рукописи и далъ имъ удобную форму, благодаря только особой своей находчивости.

• Исторія рукописей такова.

Однажды, въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, къ Павлу Яковлевичу заѣхалъ извѣстный академикъ, Аристъ Аристовичъ Куникъ, археологъ, предсѣдатель археографической комиссіи по изданію иностранныхъ актовъ, и предложилъ ему купить рукописи Н. В. Гоголя, имѣвшіяся тогда въ распоряженіи вдовы профессора М. П. Погодина, близкаго друга поэта. Павелъ Яковлевичъ Дашковъ согласился тотчасъ, и купля—продажа была совершена почти въ тотъ же день. Но въ какомъ ужасномъ видѣ были эти рукописи! Это, собственно, были и не рукописи, а ихъ клочки, это были листы, разорванные на тысячи кусковъ нервной, раздражительной рукой поэта. Н. В. Гоголь извѣрился въ жизнь, въ людей, наконецъ, въ смыслъ своего существованія. Будущее не представляло свѣтлыхъ точекъ, въ прошломъ было мало утѣшительнаго... Былъ только одинъ въ мірѣ огонь, его согрѣвавшій, было одно только свѣтило, дававшее его жизни смыслъ и опредѣленную цѣль, но и его давно уже не было. Умеръ Пушкинъ! не было Пушкина, столь властно управлявшаго душой Гоголя... Не было на его пути компаса или путеводной звѣзды... Было темно въ этомъ мірѣ лжи, козней, интригъ и двусмысленностей... Гоголь потерялъ равновѣсіе, шелъ по наклонной плоскости къ своей знаменитой «Исповѣди» и тосковалъ объ идеалѣ, о несовершенствахъ жизни. Онѣ пришелъ къ убѣжденію, что несовершенства жизни такъ необъятны, что ему, бѣдному жителю земли, ихъ нечего исправлять, что онѣ ничего не могъ сдѣлать изъ того, что ему было назначено Творцомъ, что онѣ, наконецъ, въ сущности, ничтожество... И вотъ въ одну изъ такихъ минутъ черной меланхоліи собралъ онѣ всѣ свои рукописи, изорвалъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ и сталъ растапливать ими каминъ, помѣшивая кочергой.

Дѣло было въ Москвѣ.

Слуга Гоголя, видя острый припадокъ болѣзни и не умѣя помочь, побѣжалъ къ М. П. Погодину, со словами:

— Баринъ, спасите нашего барина!.. Съ нимъ что-то неладное.

Погодинъ немедленно поѣхалъ къ Гоголю и, увидѣвъ груду разорванныхъ клочковъ бумаги, тщательно собралъ ихъ, взялъ маленький чемоданъ Гоголя, положилъ туда разорванныя и собранныя имъ въ наволочку рукописи и отвезъ къ себѣ. Это было въ послѣдніе годы жизни Гоголя. Разорвано было все, что было тогда у Гоголя подъ рукой,—отъ первыхъ набросковъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» до послѣдняго его созданія, второй части «Мертвыхъ Душъ».

Долго собиралъ М. П. Погодинъ разорванные клочки рукописей своего великаго друга, но въ системѣ собиранія кусочковъ допустилъ громадную, мы сказали бы, методологическую ошибку. Погодинъ собиралъ ихъ по смыслу, вслѣдствіе этого долго бился и умеръ, не только не докончивъ дѣла собиранія, но и не подвинувъ его. Клочки были вновь положены въ наволочку и спрятаны въ чемоданъ Гоголя. Умеръ и М. П. Погодинъ. Затѣмъ эти бумаги, какъ уже сказано, перешли къ А. А. Кунику, а отъ него къ П. Я. Дашкову.

Что нужно было дѣлать съ ними? Прошлый опытъ *приведенія въ цѣльный видъ рукописей* не привелъ ни къ чему. Нужно было изобрѣсти новый методъ *собиранія*...

Мы приведемъ этотъ методъ здѣсь по той причинѣ, что онъ интересенъ съ принципіальной стороны и можетъ оказать услугу всѣмъ, идущимъ по слѣдамъ П. Я. Дашкова въ дѣлѣ *собиранія рукописей*.

Разсмотрѣвши груду обрывковъ рукописей, бывшихъ въ ужасномъ состояніи, словно знакомясь съ ихъ характеромъ, П. Я. Дашковъ оставилъ ихъ въ покоѣ до весны. Весною онъ поѣхалъ къ себѣ въ имѣніе и захватилъ наволочку съ рукописями Гоголя. Затѣмъ призвалъ нѣсколько малограмотныхъ людей и просилъ ихъ на большомъ просторномъ столѣ складывать, за опредѣленную поденную плату, эти безконечные кусочки не *по смыслу*, а *по виду и цвѣту бумаги*.

Дѣло замѣтно подвигалось. Разрозненные кусочки живо складывались только *на мазь*, сведенные листы рукописей отодвигались, а П. Я. Дашковъ ихъ провѣрялъ. Дѣло было благополучно кончено, и листы были сведены.

Началась вторая часть работы. Для человѣка опытнаго она не такъ трудна, какъ кропотлива, и беретъ много времени и терпѣнія. Однако, П. Я. Дашковъ перешелъ и эту стадію: незамѣтно склеилъ кусочки, какъ это можно замѣтить на факсимиле «Пропавшей грамоты», приложенномъ къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», свелъ контекстъ по содержанію и получилъ новыя рукописи Гоголя въ нѣсколькихъ переплетенныхъ томахъ.

Профессоръ Тихонравовъ, конечно, не зналъ о существованіи этихъ рукописей.

Рукописи, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, мы будемъ печатать хронологически, при чемъ для двухъ только вещей—повѣсти «Пропавшая грамота» и «Письма» къ сестрамъ, мы устанавливаемъ приблизительныя даты, по нѣкоторымъ историко-биографическимъ даннымъ. Рукописи будутъ итти такъ: а) повѣсть «Пропавшая грамота» (къ 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія), рукопись которой до этого времени никому не была извѣстна; б) «О среднихъ вѣкахъ», статья помѣщена въ первой части «Арабесокъ», 1834 г. (X изд., т. V, стр. 118—129); в) не напечатанное нигдѣ «Письмо» Н. В. Гоголя къ сестрамъ въ Екатерининскій институтъ, 1837 г.; д) «Письмо» къ М. П. Погодину, 30 марта 1837 года; е) отзывъ объ альманахѣ «Утренняя Заря» 1842 года, въ двухъ неизвѣстныхъ еще редакціяхъ. Наконецъ, отдѣльные отрывки.

Изъ этихъ рукописей, въ приложеніи къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», воспроизводятся въ точныхъ факсимиле: 1) Письмо Гоголя къ сестрамъ; 2 и 3) первая и вторая редакціи отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря»; 4) письмо къ Погодину и 5) повѣсть «Пропавшая грамота».

Обозрѣнныя нами рукописи Н. В. Гоголя даютъ намъ право думать, что онѣ имѣютъ громадное не только литературное, но и общественное значеніе въ виду великости самого имени Гоголя, въ виду громадности его духовной фізіономіи и въ виду его значенія въ русской жизни.

Любезность П. Я. Дашкова, обладателя этихъ рукописей, давшаго намъ счастливейшій случай познакомиться съ ними и изучить ихъ, велика и будетъ, вѣроятно, оцѣнена въ русской литературѣ и русскимъ обществомъ. Мы счастливы, что намъ пришлось работать надъ подлинными рукописями Гоголя. Въ этой работѣ есть свои хорошія и свои нехорошія стороны. Къ нехорошимъ мы смѣло относимъ, напримѣръ, сведеніе вариантовъ. Это, въ сущности, кропотливый и утомительный трудъ, имѣющій исключительно академическій интересъ. Онъ отнимаетъ много времени, не даетъ ничего ни душѣ, ни сердцу, ни уму. Онъ не можетъ быть ничѣмъ удовлетворенъ, но зато онъ же даетъ величайшее наслажденіе, когда вы вспоминаете, что рукописи, по которымъ приходится сводить варианты, принадлежатъ Гоголю, великому Гоголю, вашему доброму, задушевному другу—Гоголю, спутнику вашему отъ раннихъ школьныхъ лѣтъ до гробовой доски, порой насмѣшливому, порой веселому, порой мудрому и проникновенному, но чаще всего мечтательному и вѣчно юному, какъ природа.

Кон. Михайловъ.

I.

«Пропавшая Грамота».

Повѣсть «Пропавшая грамота» — одна изъ четырехъ первой части извѣстныхъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», напечатана въ ряду прочихъ четвертой, т. е. послѣдней, въ первомъ и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Рукопись ея никому не была извѣстна, и годъ ея появленія въ свѣтъ также покрытъ мракомъ неизвѣстности.

Вотъ что говоритъ профессоръ И. С. Тихонравовъ, редактировавшій превосходное десятое изданіе «Сочиненій» Гоголя, по поводу этой повѣсти, въ примѣчаніяхъ, на стр. 539:

«Намъ неизвѣстенъ рукописный текстъ этой повѣсти, напечатанной въ первый разъ въ первой части «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» (въ 1831 году) и въ послѣдующихъ изданіяхъ «Сочиненій Гоголя» не подвергавшейся редакціоннымъ измѣненіямъ».

Затѣмъ приведены самые незначительные варианты.

Рукопись была, видимо, разорвана Гоголемъ во время описаннаго нами выше припадка черной меланхолии, а Ш. Я. Дашковъ ее склеилъ и, такимъ образомъ, возвратилъ ее русскому образованному обществу. Въ виду этого, рукопись «Пропавшей грамоты» представляетъ чрезвычайный интересъ въ литературномъ отношеніи. Мы ее приведемъ цѣликомъ, какъ бы напомнимъ ее заново русскому обществу, а любители отечественной литературы, надо думать, обрадуются этой находкѣ такъ же, какъ обрадовались ей мы.

«Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» это — апоэозъ малороссійскаго быта. Явленія этого быта и картины природы Малороссіи преломились въ творческой фантазіи поэта и получили кристаллическую форму совершеннаго созданія. Кулишъ въ своемъ извѣстномъ изданіи сочиненій Гоголя сѣтуетъ на Гоголя за то, что онъ плохо зналъ и описалъ малороссійскую природу и бытъ, нѣсколько удалившись отъ дѣйствительности. Вѣрно ли это? Поэтъ, писатель, особенно такой, какъ Гоголь, описываетъ или схватываетъ въ явленіи только типическое, только его суть, только его корень, а аксессуары, въ которые окутываются явленія быта и картины природы, исходятъ изъ творческой фантазіи поэта, создаются ею. Онъ не долженъ слѣдовать мелочнымъ указаніямъ дѣйствительности, не имѣющимъ значенія въ творческомъ опредѣленіи типа.

Время написанія «Пропавшей грамоты» опредѣлить очень трудно. Можно сказать, что она написана въ промежутокъ времени отъ

начала октября 1829 года до первых мѣсяцевъ 1831 года. Эти соображенія подтверждаются слѣдующими соображеніями. По своемъ прїѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь сталъ просить свою мать о прїсылкѣ ему описанія малороссійскихъ обычаевъ. Онъ говоритъ:

«Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно» ¹⁾).

Письмо писано въ апрѣлѣ 1829 года.

Далѣе:

«Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч. и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно» ²⁾).

Въ письмѣ къ матери отъ 22-го мая онъ пишетъ:

«Между прочимъ я прошу васъ, почтеннѣйшая маменька, узнать *теперь* о нѣкоторыхъ играхъ изъ карточныхъ: у *Панфила*, какъ играть и въ чемъ состоитъ онъ? равнымъ образомъ, что за игра *Пашокъ*, семь листовъ? изъ хороводныхъ: *въ хрещика*, *въ журавля*. Если знаете другія какія, то не премините. У насъ есть повѣрья въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныя повѣсти, рассказываемыя простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Сдѣлайте милость, удружите мнѣ которою нибудь изъ нихъ» ³⁾).

Слово «*теперь*» означаетъ, что ранѣе просимыя справки онъ получилъ. Получилъ ли онъ новыя справки въ скоромъ времени и когда именно, неизвѣстно. Августъ и весь сентябрь 1829 года онъ провелъ за границей. Возвратившись, сталъ искать себѣ мѣста.

Въ 1830 году онъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свинына рассказъ «Ночь на Ивана Купала», искромсанный заботливой рукой канувшаго въ Лету редактора.

Въ концѣ года, 19-го декабря, онъ пишетъ матери:

«... я, посвятившій себя всего пользѣ, обрабатывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ, пущусь писать подобныя глупости!» ⁴⁾). Дѣло идетъ о подозрѣніи матери Гоголя въ томъ, что ея сынъ написалъ комедію «Свѣтскій балъ», принадлежавшую Павлу Свиныну.

Во всякомъ случаѣ, это заявленіе характерно въ томъ отношеніи, что Гоголь усердно надъ чѣмъ-то работалъ. Естественно думать, что работалъ онъ надъ своими «Вечерами», именно надъ первой ихъ частью, куда послѣдней вошла и «Пропавшая грамота».

¹⁾ «Письма» Гоголя, т. I, стр. 119. ²⁾ Ibid., стр. 120. ³⁾ «Письма», т. I, стр. 122—123. ⁴⁾ Ib., стр. 167.

Такъ какъ ему, кромѣ игры въ *дурня*, никакихъ другихъ не сообщили, то онъ ее и вставилъ въ эту повѣсть.

Черезъ четыре мѣсяца, въ маѣ 1831 года, въ письмѣ къ А. С. Данилевскому онъ говоритъ:

«Моя книга («Вечера») врядъ ли выйдетъ лѣтомъ: наборщики пьеть запоемъ» ¹⁾.

21-го августа того же года онъ писалъ Пушкину въ Павловскъ:

«Любопытнѣ всего было мое свиданіе съ типографіей: только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ, сказалъ, что *«штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, очень до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву»*. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни» ²⁾.

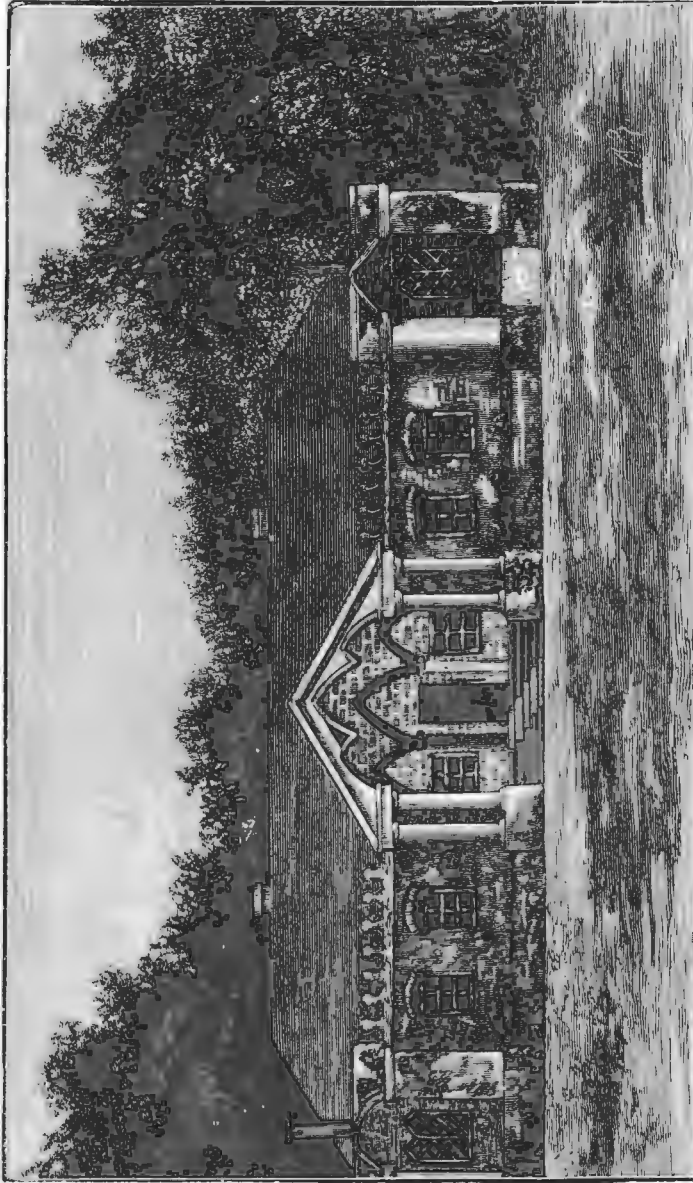
Но уже 10-го сентября онъ писалъ В. А. Жуковскому:

«Насилу я могъ управиться съ своею книгою и теперь только экземпляры для отправленія замъ» ³⁾.

Если книга была въ августѣ въ наборѣ, то она была въ типографіи не съ августа, а, должно быть, немного раньше, можетъ быть, съ конца апрѣля или начала мая, какъ это видно изъ письма къ Данилевскому.

Сведя все это, можно опредѣленно утверждать, что повѣсть написана почти въ годовой промежутокъ времени, отъ конца 1829 года (съ октября—ноября) до начала (января—февраля) 1831 года.

Мы здѣсь представимъ ее *въпервые* по рукописному списку, въ параллель съ напечатаннымъ текстомъ тихонравовскаго изданія «Сочиненій» Гоголя, такъ какъ во многихъ мѣстахъ много существенной разницы, воспользуемся немногочисленными вариантами X изданія и прибавимъ къ нимъ, въ видѣ вариантовъ, зачеркнутыя и надписанныя выраженія самого Гоголя. Для удобства, различенія въ текстахъ мы отмѣтимъ *жирнымъ* шрифтомъ. При этомъ мы цѣликомъ сохраняемъ орѳографію, транскрипцію и грамматическіе обороты Гоголя. Они любопытны.

Старый деревенскій домъ въ селѣ Васильевкѣ, Полтавской губ., впоследствии сломанный, въ которомъ Гоголь провелъ дѣтскіе годы.

Рукопись.

Такъ вы хотите чтобы я вамъ еще рассказалъ про Дѣда. Почему не потѣшить **веселой** прибауткой. **Вы люди бывалые васъ ненапугаешь чудными дивами** ¹⁾ **которыхъ какъ-то въ разумную старину не въ сто мѣръ было больше вѣдь точно нивѣсть какая радость падеть на сердце какъ услышишь про то, что далеко далеко и года и мѣсяца нѣтъ дѣялось на свѣтѣ. А какъ еще впутается и родня и дѣдъ или прадѣдъ такъ вотъ врагъ меня возьми** если не чудится что вотъ вотъ самъ все то дѣлаешь... будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу или **прадѣдъ самъ** шалить въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши ²⁾ дѣвчата и молодежи. Покажись только на глаза имъ «**Хома Григорьевичъ, Хома Григорьевичъ а нуте нуте... яку** ³⁾ **нѣбудь стратовинну казочку а нуте нуте...**» тарата татата и пойдутъ и пойдутъ. Не жаль вѣтъ рассказать ⁴⁾ вѣдь я знаю **то** что каждая въ постелѣ дрожить подъ одѣяломъ **такъ**, какъ будто ее **трясетъ** лихорадка и рада бы **совсѣмъ залѣзть** въ тулупъ свой. Царапни горшкомъ крыса сама какъ нибудь задѣнь кочергою и Боже **мой** душа въ пяткахъ. А

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: дѣявшимися.

²⁾ Зачеркнуто: молодежи.

³⁾ Внизу зачеркнуто: какую.

⁴⁾ Далѣе въ скобкахъ: да вѣдь знаешь, что каждая какъ придетъ,—последнія два слова зачеркнуты.

Текстъ X изданія соч. Гоголя.

Такъ вы хотите, чтобы я вамъ еще рассказалъ про дѣда?—**Пожалуй**, почему же не потѣшить прибауткой? **Эхъ, старина, старина!** Что за радость, что за разгулье падеть на сердце, когда услышишь про то, что **давно-давно**, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается **какой нибудь родичъ**, дѣдъ или прадѣдъ,—**ну, тогда и рукой махни: чтобъ мнѣ перхнулось за акаеистомъ великомученицѣ Варварѣ**, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или **прадѣдовская душа** шалить въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши дѣвчата и молодежи; покажись только на глаза имъ: **Хома Григорьевичъ! Хома Григорьевичъ! а нуте, яку-нибудь страховинну казочку! а нуте, нуте!..**» тарата-тата, та-та-тата, и пойдутъ, и пойдутъ... Рассказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, что дѣлается съ ними въ постели. Вѣдь я знаю, что каждая дрожить подъ одѣяломъ, какъ будто **бьетъ** ее лихорадка, и рада бы **съ головою** влѣзть въ тулупъ свой. Царапни горшкомъ крыса, сама какъ нибудь задѣнь ногою кочергу,—и Боже **опаси!** и душа въ пяткахъ. А на другой день ничего не бывало; навязывается сызнова: **расскажи ей страшную сказку да и только. Что-жъ бы такое рассказать вамъ? Вдругъ не взбредетъ на умъ...** Да, раз-

на ¹⁾ другой день ничего не бывало навязывается сызнова раскази страшную какую нибудь сказочку знаете ли однакоже что я вамъ расказу теперь? Я вамъ расказу какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ въ Дурня. **Постойте же чуръ только не сбивать.** Покойный Дѣдъ былъ не изъ простыхъ въ тѣ годы козаковъ. Зналъ онъ твердо—онъ-то и слово—титлу поставить, а сами знаете, что если бы тогда собрать со всего **Ватурина-скаго края** то нечего и шапки **поддерживать** въ одну горсть ²⁾ всѣхъ **завернуть** можно было. Стало быть и дивиться **не нужно** если всякой встрѣчный кланялся **ему мало мало** ³⁾ не въ поясъ. **Вотъ** задумалось разъ **самому** Вельможному Гетьману послать за чемъ ⁴⁾-то къ Царицѣ грамотку ⁵⁾.

Тогдашній полковый писарь вотъ нелегкая его возьми и прозвище не вспомню Вискрякъ не Вискрякъ Матузочка не Матузочка **Влопецекъ** не **Влопецекъ** знаю только что какъ то **чудно называется** и мудреное прозвище позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ что **такъ и такъ** наряжаетъ его панъ Гетьманъ гонцомъ съ грамоткою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться. Грамотку зашилъ въ шапку, вывелъ коня чмокнулъ жену и двухъ

скажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ въ дурня ¹⁾. **Только заранѣ** прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку, а то такой кисель выйдетъ, что совѣстно будетъ и въ ротъ взять. Покойный дѣдъ, **надобно вамъ сказать,** былъ не изъ простыхъ въ свое время козаковъ. Зналъ и твердо-онъ-то, и словотитлу поставить. **Въ праздники** **отхватаетъ апостола,** бывало, **такъ, что теперь и поповичъ иной спрячется.** Ну, сами знаете, что въ тогдашнія времена, если собрать со всего **Ватурина** грамотеевъ, то нечего и шапки подставлять, — въ одну горсть **можно было всѣхъ уложить.** Стало-быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ поясъ.

Одинъ разъ, задумалось вельможному гетману послать за чѣмъ-то къ царицѣ грамоту. Тогдашній полковой писарь, — вотъ, нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискрякъ не Вискрякъ, Мотузочка не Мотузочка, Голопуцекъ не Голопуцекъ... знаю только, что какъ-то чудно начинается мудреное прозвище,—позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что, вотъ, наряжаетъ его самъ гетманъ гонцомъ съ грамотою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамоту зашилъ въ шапку, вывелъ коня, чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной **отецъ** хоть бы и нашего брата, и под-

¹⁾ Зачеркнуто: слѣдующій.

²⁾ Зачеркнуто: все забрать было.

³⁾ Зачеркнуто: почти что.

⁴⁾ Чемъ-то нужно гдѣ-то.

⁵⁾ У Гоголя вездѣ не грамота, какъ въ изданіи проф. Тихонравова, а грамотка.

¹⁾ То-есть въ дурачки.

своихъ какъ самъ онъ называлъ поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной **батько** хоть бы и нашего брата и поднялъ такую за собою пыль какъ будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посреди улицы играть въ кашу. На другой день еще пѣтухъ не **дралъ** въ четвертый разъ **горла** Дѣдъ былъ уже въ Конотопѣ. На ту пору была тогда ярмарка. **Народу всякаго по улицамъ столько** ¹⁾ что **глаза мерещило только знаете** такъ какъ было еще рано то все еще дремало **растянувшись** по землѣ возлѣ коровы лежалъ парубокъ съ покраснѣвшимъ какъ снигирь носомъ съ **недоспанной рожей** **возлѣ этакаго храпка** шла перекупка кремнями синькою и бубликами подѣ телегою ²⁾ цыганъ **на бочкѣ съ дегтемъ** чумака на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ москаль съ поясами рукавицами ну **много много всего** какъ водится **на ярмаркахъ**. Дѣдъ пріостановился чтобы **все** разглядѣть хорошенько между тѣмъ въ яткахъ начало шевелиться жидовки **начали** побрякивать фляжками. Дымъ **покатился** то сямъ то тамъ кольцами и горячими ³⁾ по всему табору **понесло** горячими сластенами. Дѣду ⁴⁾ вспало на умъ что у него нѣтъ ни огнива ни табаку наготовѣ вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ **только глянь навстрѣчу гуляка**

нялъ такую за собою пыль, какъ будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посреди улицы играть въ кашу. На другой день, еще пѣтухъ не **кричалъ** въ четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Конотопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что **въ глазахъ рябило**. Но такъ какъ было рано, то все дремало, протянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ **гуляка** парубокъ, съ покраснѣвшимъ, какъ снигирь, носомъ; подалъ **храпѣла**, сидя, перекупка съ кремнями, синькою, **дробью** и бубликами; подѣ телѣгою лежалъ цыганъ; **на воу съ рыбой**—чумака; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами и рукавицами... ну, всякаго сброду, какъ водится по ярмаркамъ. Дѣдъ пріостановился, чтобы разглядѣть хорошенько. Между тѣмъ въ яткахъ начало **мало-по-малу** шевелиться: жидовки **стали** побрякивать фляжками; дымъ **покатило** то тамъ, то сямъ кольцами, и **запахъ** горячихъ сластенъ понесся по всему табору. Дѣду вспало на умъ, что у него нѣтъ ни огнива, ни табаку наготовѣ: вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ. **Не успѣлъ пройти двадцати шаговъ** — навстрѣчу запорожецъ. Гуляка, и по лицу видно! Красные, какъ жаръ, шаровары, **синій жупанъ**, **яркій цвѣтной поясъ**, при боку сабля и люлька съ мѣдною цѣпочкою по самыя пяты—запорожецъ да и только! Эхъ, народецъ! **станеть**, вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, **брякнетъ**

¹⁾ Зачеркнуто внизу: такого.

²⁾ Нужно: телѣга.

³⁾ Далѣе зачеркнуто: сластенами по; слово: горячими, излишне.

⁴⁾ Далѣе зачеркнута фраза: Дѣдъ мой вздумалъ что ему нужно запасться.

запорожець и по лицу видно **въ красныхъ** какъ жаръ шароварахъ **въ синемъ** жупанѣ **въ яркомъ** цвѣтномъ поясѣ при боку сабля и люлька съ мѣдной цѣпочкой по самыя пяты запорожець да и только! Эхъ народецъ. Станетъ вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы,брякнетъ подковами и пустится... да вѣдь какъ пустится: ноги **отвертываютъ** словно веретено въ бабьихъ рукахъ ¹⁾, **какъ** вихорь дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры и тутъ же подпершися ею въ боки **валяетъ** въ присядку, **свиснетъ** пѣсеню... душа гуляетъ. **Нѣ-то** ²⁾ **времячко**—не **быть** запорожцамъ **въ наши дни** ³⁾.

Ну **встрѣтились** долго-ли до знакомства пошли калякать такъ что дѣдь совѣмъ было уже забылъ про путь свой попойка завелась такая какъ **въ великомъ посту** или на свадьбѣ, только прискучило наконецъ колотить горшки и кидать въ народъ деньги да и **ярмарка - то невѣкъ** **стоитъ** вотъ и сговорились чтобы **уже какъ говорятъ** путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: жилистыми руками разомъ.

²⁾ Слѣдуетъ: не то.

³⁾ Далѣе зачеркнуть длинный періодъ и нѣсколько передѣланный идетъ дальше:

Слово за слово и завелась межъ ними дружба гуляня и попойка съ утра и до вечера такъ что дѣдь уже и позабылъ было совѣмъ (про то что нужно ѣхать) про свой путь. Только наконецъ наскучило (дѣду) бить горшки и кидать въ народъ деньги **къ тому же** и ярмарка не вѣкъ простоятъ (продолжится) вотъ и отправились уже вмѣстѣ.

подковами—и пустится! Да вѣдь какъ пустится: ноги **отплясываютъ**, словно веретено въ бабьихъ рукахъ: **что** вихорь, дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры, и тутъ же, подпершися ею въ боки, **несется** въ присядку: **зальется** пѣсней—душа гуляетъ!.. **Нѣтъ**, прошло времячко: не увидать больше запорожцевъ! Да. Такъ **встрѣтились**. **Слово за слово**—долго ли до знакомства? Пошли калякать, **калякать**, такъ что дѣдь совѣмъ уже было позабылъ про путь свой. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ передъ постомъ Великимъ. Только, **видно**, наконецъ прискучило бить горшки и швырять въ народъ деньгами, да и ярмаркѣ не вѣкъ же стоять! Вотъ сговорились **новые пріатели**, чтобы не разлучаться и путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ вечеръ, когда выѣхали **они** въ поле. Солнце убралось **на отдыхъ**; **когда горѣли вмѣсто него красно-ватые** полосы; по полю пестрѣли нивы, что **праздничныя** плахты **чернобровыхъ** молодежи. Нашего запорожца раздобаръ взялъ **страшный**. Дѣдь и еще другой, прилетѣвшійся къ нимъ гуляка, подумали уже, не бѣсъ ли засѣлъ въ него. Откуда что набиралось. Исторіи и присказки такія диковинныя, что дѣдь **нѣсколько** разъ хватался за бока и чуть не надсадилъ своего живота со смѣху. Но въ полѣ становилось чѣмъ далѣе, тѣмъ сумрачнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь. Наконецъ, **разсказчикъ** нашъ притихъ совѣмъ и вздра-

вечеръ когда выѣхали ¹⁾ въ поле ²⁾. **Солнце какъ старый ³⁾ погонщикъ заалѣло ⁴⁾ по небу гдѣ гдѣ прохватывались красныя и оранжевыя ленты по полю пестрѣли нивы какъ плахта праздничная чернобривой молодницы Нашево запорожца раздобръ такой ⁵⁾ взялъ что дѣди еще другой приплевшійся къ нимъ гуляка подумали что одна ⁶⁾ нечистая сила могла прикрутить молодецкѣй языкъ. Откуда что понабиралось исторіи присказки такіе ⁷⁾ диковинные что дѣдъ разъ десять хватался за бока и чуть не порвалъ ⁸⁾ живота со смѣху но въ полѣ становилось чемъ ⁹⁾ дальше сумрачнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь такъ что наконецъ раскатишь ¹⁰⁾ нашъ ¹¹⁾ совсѣмъ притихъ и вздрагивалъ при маломъ ¹²⁾ шорохѣ «Ге-Ге землякъ да ты не на шутку ¹³⁾ принялся щатать совѣ уже думаешь какъ бы домой да на пѣчь ¹⁴⁾. «Да хорошо вамъ поселиться отвѣчалъ онъ поворотившись на конѣ и уставившись на дѣда. Передъ вами таиться нѣчего ¹⁵⁾. Знаете-ли что душа моя давно продана нечи-**

гиваль при малѣйшемъ шорохѣ.

«Ге, ге, землякъ! да ты не на шутку принялся считать совѣ. Ужъ думаешь, какъ бы домой, да на печь!»

«Передъ вами нечего таиться», сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои. «Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому?»

«Экая невидальщина! Кто на вѣку своемъ не знался съ нечистымъ? Тутъ-то и нужно гулять, какъ говорится, на прахъ».

«Эхъ, хлопцы! гулялъ бы, да въ ночь эту срокъ молодцу! Эй, братцы!» сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ: «эй, не выдайте! не поспите одной ночи! Вѣкъ не забуду вашей дружбы!»

Почему-жъ не пособить чело-вѣку въ такомъ горѣ? Дѣдъ объявилъ напрямикъ, что скорѣе дастъ онъ отрѣзать оселедецъ съ собственной головы, чѣмъ допустить чорта понюхать собачьей мордой своей христіанской души.

Козаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, словно чернымъ рядомъ, и въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вклавши очи во мракъ. Огонекъ, казалось, несся на встрѣчу, и передъ козаками показался шинокъ, повалившійся на одну сторону, словно баба на пути съ веселыхъ крестинъ. Въ тѣ поры

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: загородъ. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: по небу краснѣло послѣ. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: пасѣчникъ. ⁴⁾ Далѣе нельзя разобрать слова. ⁵⁾ Повторено это слово. ⁶⁾ Внизу зачеркнуто: только развѣ сама. ⁷⁾ Нужно: такія диковинныя. ⁸⁾ Наверху написано: разорвалъ. ⁹⁾ Нужно: чѣмъ. ¹⁰⁾ Нужно: запорожецъ. ¹¹⁾ Далѣе зачеркнуто: уже. ¹²⁾ Зачеркнуто внизу: каждымъ. ¹³⁾ Зачеркнуто: дальше прикусить. ¹⁴⁾ Должно: печь, а впереди надо: считать вмѣсто щатать. ¹⁵⁾ Должно: нечего.

стому¹⁾. «**Вотъ чего** экая невидальщина кто **не знался на вѣку** своемъ съ нечистымъ тутъ-то и нужно гулять какъ говорится на прахъ. «Эхъ **братцы** гулялъ бы и я да въ ночь эту срокъ молодцу²⁾... Эй **братцы эй** не спите одной ночи вѣкъ **не запомню** вашей дружбы. Почему же не пособить человѣку въ такомъ горѣ. Дѣдъ **безъ дальнихъ околичностей** объявилъ что онъ **готовъ свою душу отправить въ пекло** если допустить чорта понюхать **собачьимъ его рыломъ** христіанской души.

Козаки³⁾ наши ѣхали бы можетъ **быть** и далѣе если бы не обволокло всего неба ночью словно чернымъ **рядномъ** и въ полѣ не стало также темно какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ и кони чуя близкое стойло⁴⁾ **торопулись**⁵⁾ на сторожа уши и вклавши очи въ мракъ. Огонекъ **близился** и⁶⁾ **передъ нашими** козаками показался шиннокъ повалившійся на одну сторону⁷⁾ словно баба на пути (**воротившаяся**) съ веселыхъ крестинъ **домой**. Въ тѣ поры шинки не то были что теперь доброму человѣку⁸⁾ не только⁹⁾ **развернуться** приударить горлицы или **тропака и прилечь и то даже было некуда** когда въ

шинки были не то, что теперь. Доброму человѣку не только **развернуться**, приударить горлицы или **гопака**,—прилечь даже **негдѣ** было, когда въ голову заберется хмель, и ноги начнутъ писать покой-онъ-по. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами, подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись, другой **развернувшись**, храпѣли, какъ коты. Шинкаръ одинъ, передъ каганцемъ, **нарѣзывалъ** рубцами на палочкѣ, **сколько** **кварти** и осмухъ **высушили чумацкія** **головы**. Дѣдъ, спросивши треть ведра на троихъ, отправился въ сарай: Всѣ трое легли рядомъ. Только не успѣлъ онъ **вернуться**, какъ видитъ, что его земляки спятъ уже мертвецкимъ сномъ. Разбудивши приставшаго къ нимъ третьяго козака, дѣдъ напомнилъ ему про данное товарищу **обѣщаніе**. Тотъ **всталъ**, протеръ глаза и снова уснулъ. Нечего дѣлать, пришлось одному караулить. Чтобы чѣмъ-нибудь **разогнать сонъ**, **осмотрѣлъ** онъ всѣ возы, **провѣдалъ** коней, закурилъ люльку, **пришелъ** назадъ и сѣлъ опять около своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за сосѣдняго воза что-то **сѣрое** **выказываетъ роги**... Тутъ глаза его начали смыкаться, такъ что **принужденъ** онъ былъ **ежеминутно** **протирать** ихъ кулакомъ или промывать оставшеюся водкой... **Но какъ скоро** **немного** **прояснились они**, **все** **пропало**. Наконецъ, мало погодя, опять **показывается** изъ-подъ воза чу-

1) Далѣе зачеркнуто: какъ же вы хотите чтобы веселиться. 2) Далѣе зачеркнуто: Слушайте. 3) Впереди зачеркнуто: Путнѣ. 4) Зачеркнуто: подымало. 5) Зачеркнуто: и бодрѣй. 6) Далѣе зачеркнуто: на глазахъ нашихъ. 7) Зачеркнуто: на бокъ. 8) Поворотиться было вѣкуда. 9) Зачеркнуто: не гдѣ было.

голову заберется хмѣль ¹⁾ и ноги начнутъ писать покой - онъ - по. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ иной свернувшись, какъ есть другой **растянувшись** ²⁾ храпѣли какъ коты **только шинкаръ** одинъ нарѣзывалъ **на палочкѣ** передъ каганцемъ рубцами число **выпороженныхныхъ** ³⁾ кварть и осьмухъ. Дѣдъ **мой** спросивши треть ведра на троихъ отправился самъ **подъ** сарай всѣ трое легли рядомъ только **дѣдъ** неуспѣлъ повернуться какъ видитъ что его земля(ки) ⁴⁾ спать уже мертвецкимъ сномъ **росбудивши** ⁵⁾ приставаго къ нимъ третьяго козака. Дѣдъ напомнилъ ему проданное товарищу обѣщаніе тотъ привсталъ протеръ глаза и снова заснулъ. Нечего дѣлать пришлось одному караулить чтобы чемъ ⁶⁾ **занять себя** **обсмотрѣлъ** онъ возы всѣ, **навѣдался до** коней закурилъ люльку пришелъ назадъ и сѣлъ опять около своихъ ⁷⁾ все было тихо такъ что кажись ни одна муха не пролетѣла вотъ и ⁸⁾ чудится ему что изъ засосѣдняго воза что-то сѣрое ⁹⁾ показываетъ роги тутъ и глаза его начали ¹⁰⁾ смыкаться такъ что принужденъ

дище... Дѣдъ вытаращилъ глаза, сколько могъ; но проклятая дремота все туманила передъ нимъ; **руки его окостенѣли**, голова скатилась, и крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый. Долго спалъ дѣдъ, и какъ припекло порядочно уже солнце его **выбритую** макушку, тогда только схватился онъ на ноги. Потянувшись раза два и почесавъ спину, замѣтилъ онъ, что воровъ стояло уже не такъ много, какъ съ вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до свѣта. Къ своимъ—козакъ спитъ, а запорожца нѣтъ. Выспрашивать—никто знать не знаетъ; одна только верхняя свитка лежала **на томъ мѣстѣ**. **Страхъ и раздумье взяло дѣда**. Пошелъ посмотрѣть коней—ни своего, ни запорожскаго! Что-бъ это значило? Положимъ, запорожца взяла нечистая сила, **кто же** коней? **Сообразя все**, дѣдъ заключилъ, что, **вѣрно**, чортъ приходилъ пѣшкомъ, а какъ до пекла не близко, то и стянулъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ козацкаго слова. «Ну», думаетъ, «нечего дѣлать, пойду пѣшкомъ: **авось попадетса на дорогѣ какойнибудь барышникъ, вдуцій съ ярмарки, какънибудь уже куплю коня**». Только хватился за шапку—и шапки нѣтъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще **помѣнялись** они на время съ запорожцемъ. Кому больше утащить, какъ не нечистому! Вотъ тебѣ и гетьманскій **гостинець!** Вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царницѣ! Тутъ дѣдъ

¹⁾ Должно: хмель. ²⁾ Наверху надписано: развернувшись, и далѣе зачеркнуто: подалѣе такую музыку начали. ³⁾ Надписано: сколько выпили. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: уже. ⁵⁾ Нужно: разбудивши. ⁶⁾ Надо: чѣмъ. ⁷⁾ Зачеркнуто: только глаза то и д начали. ⁸⁾ Внизу зачеркнуто и поставлено наверху и: дѣду нашему. ⁹⁾ Внизу зачеркнуто: черное. ¹⁰⁾ Далѣе зачеркнуто: такъ слѣплять.

онъ былъ ежеминутно проти-
рать ¹⁾ кулакомъ и промывать
оставшейся водкой ²⁾ **промы-
валъ глаза онъ увидѣлъ что
ничего нѣтъ. Наконецъ опять** ³⁾
мало погодя показывается изъ
подъ воза чудище Дѣдъ выта-
рацилъ сколько могъ глаза но
дьявольская ⁴⁾ дремота **обвѣва-
ла передъ ними все туманомъ**
голова скатилась и крѣпкій сонъ
схватилъ его такъ что онъ пова-
лился словно убитый. Долго спалъ
Дѣдъ и какъ припекло порядоч-
но уже солнце его оббритую ма-
кушку тогда только схватился
на ноги потянувшись раза два
и почесавъ спину замѣтилъ онъ
что **уже** воровъ стояло не такъ
много какъ съ вечера чумаки
видно потянулись еще до свѣта.
Изъ двоихъ козакъ спить, а за-
порожца нѣтъ выспрашивать—
никто **слыхомъ не слыхалъ** и
знать не зналъ **объ этомъ** одна
только верхняя свитка лежала
Пошелъ посмотреть **на** коней
**запорожцевого ни своего духа
не слышно нечего было ду-
мать** ⁵⁾ чтобы это значило По-
ложимъ **что** нечистый **взялъ**
запорожца **но за что же**
коней. Дѣдъ заключилъ что
чортъ пѣшкомъ **и такъ какъ**
до пекла **неслишкомъ** близко то
утянулъ его коня ⁶⁾ больно ему
было крѣпко что недержатъ

¹⁾ Нужно: протирать. ²⁾ Далѣе за-
черкнуто: чуть только едва. ³⁾ Надпи-
сано: Но наконецъ снова показывается.
⁴⁾ Внизу зачеркнуто: но руки его око-
стенѣли. ⁵⁾ Внизу зачеркнуто: Долго
думалъ и дѣдъ думалъ все. ⁶⁾ Далѣе
зачеркнуто: ну нѣчего дѣлать.

принялся угощать чорта такими
прозвищами, что, думаю, ему не
одинъ разъ чихалось тогда въ
пеклѣ. Но бранью мало посо-
бишь; а затылка сколько ни че-
саль дѣдъ, **никакъ** не могъ ни-
чего придумать. Что дѣлать? Ки-
нулся достать чужого ума! со-
бралъ всѣхъ бывшихъ тогда въ
шинкѣ, добрыхъ людей, чума-
ковъ и просто забѣжихъ, и раз-
сказалъ, что такъ и такъ, такое-
то приключилось горе. Чумаки
долго думали, **подперши бато-
гами подбородки свои**, крутили
головами и сказали, что не слы-
шали такого дива на крещеномъ
свѣтѣ, чтобы гетьманскую грамоту
утащилъ чортъ. Другіе же приба-
вили, что когда чортъ да москаль
украдутъ что нибудь, то поми-
най какъ и звали. Одинъ толь-
ко шинкаръ сидѣлъ молча въ
углу. Дѣдъ и подступилъ къ
нему. Ужъ когда молчить чело-
вѣкъ, то, вѣрно, зашибъ много
умомъ. Только шинкаръ не такъ-
то былъ щедръ на слова, и
если бы дѣдъ не полѣзъ въ
карманъ за пятью золотыми, то
простоялъ бы передъ нимъ **да-
ромъ**.

«Я научу тебя, какъ найти
грамоту», сказалъ онъ, отводя
его въ сторону. У дѣда и на
сердцѣ отлегло. «Я вижу уже по
глазамъ, что ты козакъ—не ба-
ба. Смотри же! Близко шинка
будетъ поворотъ направо въ
лѣсъ. Только станетъ въ по-
лѣ примеркать, чтобы ты былъ
уже наготовѣ. Въ лѣсу жи-
вуть цыганы и выходятъ изъ
норъ своихъ **ковать желѣзо въ
такую ночь**, въ какую однѣ

козацкаго слова ¹⁾ да **ѣхать-то какъ безъ коня**. Ну думаетъ себѣ пойду пѣшкомъ по дорогѣ **встрѣчу гдѣ-нибудь цыганъ идущихъ изъ ярмарки на дорогѣ куплю себѣ гдѣ-нибудь** только хватился за шапку—нѣтъ и шапки всплеснулъ руками покойный дѣдъ какъ вспомнилъ что вчера еще **обмѣнялись** на время съ запорожцемъ шапками Кому больше утащить какъ не нечистому вотъ тебѣ и гетьманскій **гонецъ!** вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царицѣ! тутъ Дѣдъ приваялся угощать чорта такими прозвищами и **побранками**, что думаю ему не одинъ разъ чихалось тогда въ пеклѣ. Но бранью **не** пособишь а затылка сколько **не** чесалъ дѣдъ и **никакъ** не могъ придумать ничего, что **станешь** дѣлать кинулся достать чужого ума собралъ всѣхъ бывшихъ тогда въ шинкѣ добрыхъ людей чумаковъ и просто заѣзжихъ и рассказалъ что такъ и такъ такое приключилось горе чумаки долго думали крутили головами ²⁾ **брались за чубъ видали умъ наконецъ** ³⁾ сказали что неслышали такого дива накрещеномъ свѣтѣ чтобы ⁴⁾ Гетьманскую Грамоту утащилъ чортъ. Другіе же прибавили, что **ужь** ⁵⁾ когда чортъ да москаль украдутъ что нибудь то поминай **уже** какъ звали.

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: ну пѣшего и ѣхать давно уже пора. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: но не. ³⁾ Внизу зачеркнуто: только. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: укра грамоту къ царицѣ царскую. ⁵⁾ Должно: ужь.

вѣдъмы ѣздить на своихъ кочергахъ. Чѣмъ они промышляютъ на самомъ дѣлѣ, знать тебѣ нечего. Много будетъ стуку по лѣсу, только ты не иди въ тѣ стороны, откуда заслышишь стукъ; а будетъ передъ тобою малая дорожка, мимо обожженного дерева: дорожкой этою иди, иди, иди... Станетъ тебя терновникъ царапать, густой орѣшникъ **заслонять** дорогу—ты все иди; и какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ, тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь, кого нужно. Да не забудь **набрать** въ карманы того, для **чего и карманы сдѣланы**... Ты понимаешь, это добро и **дьяволы, и люди любятъ**». Сказавши это, шинкаръ ушелъ въ свою конуру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человекъ—**не то**, чтобы изъ трусливаго десятка; бывало, **встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ; пройдетъ съ кулаками промежь козаковъ,—всѣ, какъ груши, повалятся на землю**. Однакомъ, **что-то подирало его по кожѣ, когда вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ**. Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ винномъ подвалѣ; только слышно было, что далеко-далеко вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревъ, и деревья, что **охмелѣвшія** козацкія головы, **разгульно** покачивались, шопоча листьями пьяную мольвь. Какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и про овчинный ту-

Одинъ только шинкаръ сидѣлъ молча въ углу ¹⁾ Дѣдъ ²⁾ и подступилъ къ нему ужъ когда молчить человѣкъ то вѣрно зашибъ много умомъ! Только шинкаръ нетакъ то былъ щедръ на слова и если бы Дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за пятью золотыми то **молча и до вечера** простоялъ бы передъ нимъ. «Я научу тебя какъ найти грамоту сказалъ онъ отводя дѣда въ сторону. У дѣда и на сердцѣ отлегло. Я вижу уже по глазамъ что ты козакъ — не баба. Смотри-же! близко шинка будетъ поворотъ на право, въ лѣсъ только сганеть въ полѣ примеркать чтобъ ты былъ уже наготовѣ въ лѣсу живутъ цыгане и только ³⁾ выходятъ они изъ норъ своихъ **въ какую вѣдъмы вѣдятъ на своихъ кочергахъ и куютъ желѣзо.** Чемъ ⁴⁾ они промыслиютъ на самомъ дѣлѣ знать тебѣ нѣчего ⁵⁾. Много будетъ стуку по лѣсу только ты не иди въ тѣ стороны откуда стукъ слышишь ⁶⁾ а будетъ передъ тобою малая дорожка мимо обожженного дерева дорожкой этой иди иди и иди станеть терновникъ тебя царапать густой орѣшникъ станеть мѣшать тебѣ ты все иди. И какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь **ты кого тебѣ** нужно ⁷⁾ не поза-

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: и хоть бы слово на всѣ рассказы. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: тотчасъ и по думалъ. ³⁾ Внизу зачеркнуто: въ самую глубокую ночь. ⁴⁾ Надо: чѣмъ. ⁵⁾ Надо: нечего. ⁶⁾ Внизу зачеркнуто: слышенъ будетъ. ⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: только не позабудь только набрать.

лупъ свой, и вдругъ словно сто молотовъ застучало по лѣсу такимъ стукомъ, что у него зазвенѣло **въ головѣ.** И, **будто** зарницею, освѣтило на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ **тотчасъ** увидѣлъ дорожку, пробиравшуюся промежъ мелкаго кустарника. Вотъ и обожженное дерево, и кусты терновника! Такъ, все такъ, какъ было ему говорено; нѣтъ, не обмануль шинкаръ. **Однакожь,** не **совсѣмъ** весело было продираться черезъ колючіе кусты; еще отъ роду не видалъ онъ, чтобы проклятые шипы и сучья такъ больно царапались: почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть. Мало-помалу, выбрался онъ на просторное мѣсто, и, сколько могъ замѣтить, деревья рѣдѣли и становились, чѣмъ далѣе, такія широкія, какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. Глядь, **между** деревьями мелькнула и рѣчка, черная, словно вороненая сталь. Долго стоялъ дѣдъ у берега, **посматривая** на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь и, кажется, **вотъ-вотъ** **готовится** погаснуть, и снова **отсвѣчивается** въ рѣчкѣ, **вадрогивавшей, какъ польскій шляхтичъ въ козацкихъ лапахъ. Вотъ и мостикъ!** «Ну, тутъ одна только **чертовская таратайка развѣ** **проѣдетъ**». Дѣдъ, **однакожь,** ступилъ смѣло, и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ достать рожокъ понюхать табаку, былъ уже на другомъ берегу. **Теперь** только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и такія **смазливья** рожки, что въ другое время, Богъ

будь ¹⁾ **накласть себѣ** въ карманы того **что позвонче брячало**. Сказавши это шинкаръ ушелъ въ свою кануру **словно его въ шею погнало** и не хотѣлъ болѣе не говорить ни слова. Покойный Дѣдъ былъ **нельзя сказать** чтобы изъ трусливаго десятка... **Одинъ бывало иной разъ выходилъ на медведя ²⁾ а подчасъ и пяти человѣкъ умять ему было живѣе какъ нашему брату отпѣть воскресный кондакъ** но все жъ однако жъ **почувствовалъ непонятную дрожь по всѣмъ членамъ какъ вступалъ въ темную глухую ночь въ лѣсъ** Хотя бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо какъ въ винномъ подвалѣ Только слышно было что далеко далеко **въверху ³⁾ надъ головою холодный вѣтеръ по верхушкамъ деревьевъ гулялъ и они ⁴⁾ что подгулявшіе ⁵⁾ козацкіе головы покачивались шопоча листьями пьяную молвь какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ что вспомнилъ про овчинный тулупъ свой и вдругъ словно сто молотовъ застучали **такъ по всему по лѣсу ⁶⁾ такимъ стукомъ что у дѣда зазвенѣло въ ушахъ и такъ какъ бы вамъ сказать зарницей освѣтило на минуту весь лѣсъ**. Дѣдъ увидѣлъ тотчасъ дорожку **словно змѣйка** пробиравшуюся **промѣжъ ⁷⁾ мѣл-****

знаеть, чего бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства. Но теперь, нечего дѣлать, нужно было завязаться. Вотъ дѣдъ и отвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ поясъ: «Помогай Богъ вамъ, добрые люди!» Хотя бы одинъ кивнулъ головой: сидятъ да молчатъ, да что-то сыплютъ въ огонь. Видя одно мѣсто незанятымъ, дѣдъ безъ всякихъ околичностей сѣлъ и самъ. **Смазливья рожи**—ничего; ничего и дѣдъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманѣ, вынуть люльку, посмотрѣлъ вкругъ—ни одинъ не глядитъ на него. «Уже, добродѣйство, будьте ласковы: какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказать, того»... (дѣдъ живалъ въ свѣтѣ немало, зналъ уже, какъ подпускать турусы, и **при случаѣ, пожалуй,** и передъ царемъ не ударилъ бы лицомъ въ грязь) «чтобы, **примѣрно сказать,** и себя не забыть, да и васъ не обидѣть,—люлька-то у меня есть, да того, чѣмъ бы зажечь ее, **чортъ-ма** (не имѣется)». И на эту рѣчь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню **прямохонько** дѣду въ лобъ, такъ что, если бы **онъ немного не посторонился**, то, статья-можетъ, распрощался бы навѣки съ однимъ глазомъ. Видя, наконецъ, что время даромъ проходить, рѣшился—будетъ **ли** слушать нечистое племя, или нѣтъ—разсказать дѣло. Рожи и уши наставили, и лапы протянули. Дѣдъ догадался, забралъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги и кинулъ,

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: взять съ собою.

²⁾ Надо: медвѣдя. ³⁾ Надо: вверху.

⁴⁾ Зачеркнуто внизу: деревья. ⁵⁾ Зачеркнуто внизу: опьянѣвшіе. Надо: подгулявшія козацкія.

⁶⁾ Надписано наверху и зачеркнуто: по всѣмъ угламъ.

⁷⁾ Надо: промежъ.

кихъ ¹⁾ кустарниковъ вотъ и обожженное дерево и кусты терновника такъ, все такъ какъ было ему говорено Нѣтъ не обманулъ шинкарь **Неслишкомъ весело** было однако же ему продираться черезъ колючія ²⁾ кусты еще **такихъ отродясь** не видывалъ онъ чтобъ проклятые шипы и сучья такъ больно царапались Почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть ³⁾.... **И думаю самъ нечистый ⁴⁾ поджавши хвостъ побѣжалъ бы какъ собачка когда увидѣлъ ⁵⁾ бѣ тогда дѣдову рожу.** Мало по малу выбрался онъ на просторное мѣсто и сколько могъ онъ замѣтить деревья рѣдѣли и становились чѣмъ далѣе такіе широкіе ⁶⁾ какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. **Чудно ему показалось когда вмѣсто листьевъ стали видѣться жидовскіе ⁷⁾ ермолки и словно вороны чернѣли посреди ночи глядѣ предѣ деревьями мелькнула и рѣчка словно вороненая сталъ ⁸⁾ долго стоялъ Дѣдъ у берега поглядѣлъ на всѣ стороны какъ вотъ замѣтилъ на другомъ берегу огонь который казалось каждую минуту ⁹⁾ хотѣлъ погаснуть и вспыхивалъ снова показывая личину свою въ рѣчкѣ дрожавшей какъ польская шляхта въ ¹⁰⁾ московскихъ лапахъ.**

¹⁾ Надо: мелкихъ. ²⁾ Надо: колючіе.
³⁾ Зачеркнуто внизу: заставляло его вскрикнуть. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: далъ бы тягу. ⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: если бы.
⁶⁾ Надо: такія широкія. ⁷⁾ Надо: жидовскія. ⁸⁾ Далѣе зачеркнуто: придумался Дѣдъ стоя у берега. ⁹⁾ Далѣе зачеркнуто: дума, написано: готовился.
¹⁰⁾ Далѣе зачеркнуто: татарскихъ.

словно собакамъ, имъ въ середину. Какъ только кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ перемѣнилось, земля задрожала и какъ уже,—онъ и самъ рассказать не умѣлъ,—попалъ чуть ли не въ самое пекло. «Батюшки мои!» ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько. Чтò за чудища! рожки на рожѣ, какъ говорится, не видно. Вѣдъмъ такая гибель, какъ случается иногда на Рождество **выпадетъ** снѣгу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмельныя, отплясывали какого-то чертовскаго трепака. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь бы проняла крещенаго челоуѣка при **одномъ** видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, несмотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостами, увивались около вѣдъмъ, будто парни около красныхъ дѣвушекъ, а музыканты тузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свистали носами, какъ валторны. Только завидѣли дѣда — и турнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя, лошадиныя рыла — всѣ повытягивались, и вотъ такъ и лѣзутъ цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ, схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Конотопа до **Ватурина**. «Ну, это еще не совсѣмъ худо», подумалъ дѣдъ, завидѣвши на столѣ свинину, колбасы, **крошенный** съ капустой **лукъ** и много всякихъ

Проедши далѣ по берегу уви-
дѣлъ онъ мостокъ на такой уз-
кой и дырявой что одна чертов-
ская таратайка могла по немъ
проѣхать.

Дѣдъ ступилъ смѣло и скорѣе
чѣмъ иной ¹⁾ успѣлъ бы достать
рожокъ и понюхать табаку былъ
уже на другомъ берегу. Тутъ
только разглядѣлъ дѣдъ что возлѣ
огня сидѣли люди и такіе кра-
сивые ²⁾ рожи что ³⁾ въ другое
время и богъ знаетъ чего не
далъ бы лишь бы ⁴⁾ улепетнуть
отъ такого знакомства Ну теперь
нечего дѣлать нужно было завя-
заться вотъ дѣдъ и отвѣсилъ
поклонъ мало не въ поясъ «По-
могай Богъ вамъ добрые люди!
Хоть бы одинъ кивнулъ головой
сидятъ да молчатъ да сыплютъ
что-то въ огонь видя одно мѣсто
незанятымъ ⁵⁾ дѣдъ безъ вся-
кихъ околичностей усѣлся ⁶⁾ и
самъ **Сперва почти** ничего ниче-
го и Дѣдъ. Долго сидѣли молча
такъ что Дѣду уже и наскучи-
ло давай шарить ⁷⁾ въ карманѣ
вынулъ ⁸⁾ люльку наелалъ та-
баку посмотрѣлъ вокругъ ни
одинъ не глядитъ на него «Уже
добродѣйство будьте ласковы какъ
бы такъ чтобы примѣрно сказать
того Дѣдъ живалъ въ свѣтѣ не
мало зналъ уже какъ подпускать
турусу и передъ царемъ неуда-
рилъ бы лицомъ въ грязь! что-

¹⁾ Снизу зачеркнуто: бы нашъ. ²⁾ На-
до: такія красивыя. ³⁾ Далѣ зачерк-
нуто: дѣдъ. ⁴⁾ Снизу зачеркнуто: чтобы
только, а впереди надо — Богъ вмѣсто
богъ. ⁵⁾ Далѣ зачеркнуто: около огня.
⁶⁾ Внизу написано: сѣлъ. ⁷⁾ Внизу за-
черкнуто: пользъ въ карманѣ. ⁸⁾ Надо:
вынулъ.

сладостей: «видно, дьявольская
сволочь не держитъ постовъ».
Дѣдъ-таки, не мѣшаетъ вамъ
знать, не упускалъ при случаѣ
перехватить того-сего на зубы.
Бдалъ, покойникъ, аппетитно,
и потому, не пускаясь въ раз-
сказы, придвинулъ къ себѣ ми-
ску съ нарѣзаннымъ саломъ и
окорокъ ветчины, взялъ вилку,
мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ,
которыми мужикъ беретъ сѣно,
захватилъ ею самый увѣсистый
кусокъ, поставилъ **корку** хлѣ-
ба—и, глядь, и отправилъ въ
чужой ротъ, вотъ-вотъ возлѣ са-
мыхъ ушей, и слышно даже, какъ
чья-то морда жуется и щелкаетъ
зубами на весь столъ. Дѣдъ ни-
чего; схватилъ другой кусокъ и
вотъ, кажись, и **по губамъ зацѣ-**
пилъ, только опять не въ свое
горло. Въ третій разъ—снова
мимо. Взбеленился дѣдъ: поза-
былъ и страхъ, и въ чьихъ ла-
пахъ находится онъ, прискочилъ
къ вѣдьмамъ: «Что вы, Иродово
племя, задумали смѣяться, что
ли, надо мною? Если не отдадите
сей же часъ моей козацкой шап-
ки, то будь я **каталикъ, когда**
не переворочу свиныхъ рылъ
вашихъ на затылокъ!» Не успѣлъ
онъ докончить **последнихъ словъ,**
какъ всѣ чудища выскалили зу-
бы и подняли такой смѣхъ, что
у дѣда на душѣ захолоуло.

«Ладно!» провизжала одна изъ
вѣдьмъ, которую дѣдъ почелъ за
старшую надъ всѣми, потому **ли-**
чина у нея была чуть ли еще
не красивѣе всѣхъ: «шапку от-
дадимъ тебѣ, только не прежде,
пока сыграешь съ нами три раза
въ дурня!»

бы **какъ говорятъ** и себя не забыть да и васъ не обидѣть. Люлька то у меня **примѣрно** есть да того чемъ ¹⁾ бы ²⁾ зажечь ее *чортъ та*». И на эту рѣчь **ни одинъ не отозвался** только одна рожа сунула горячую головню Дѣду ³⁾ **чуть чуть** въ лобъ такъ что если бы **не вздумалъ дѣдъ немного посторониться** то статья можетъ **что** распроцался бы навѣки съ однимъ глазомъ. Видя наконецъ что время даромъ проходитъ рѣшилъ, будетъ слушать или нѣтъ нечистое племя — рассказать дѣло Рожи и уши наставили и лапы **выгнули**. Дѣдъ догадался забралъ въ горсть бывшіе ⁴⁾ съ нимъ деньги и кинулъ имъ словно собакамъ въ середину. Какъ только кинулъ онъ деньги все передъ нимъ перемишилось земля подъ нимъ задрожала и какъ уже онъ и самъ рассказать не умѣлъ только попалъ чуть ли не въ самое пекло Батюшки мои Ахнулъ Дѣдъ разглядѣвъ хорошенько. — Что за чудяца ⁵⁾! Рожи на рожѣ какъ говорится не видно. Вѣдьмъ такая гибель какъ бываетъ ⁶⁾ на Рождествѣ иногда **выпадать** снѣгу розряжены розмазаны словно панночки на ярмаркѣ. Когда увидѣлъ какъ черти съ собачьими мордами на нѣмецкихъ ножкахъ увивались около нихъ словно парни возлѣ красныхъ дѣвокъ... И всѣ сколько не было ихъ тамъ **словно** хмельные отплясывали какого-то чер-

¹⁾ Надо: чѣмъ. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: запали; слово не окончено. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: примехонько. ⁴⁾ Надо: бывшія. ⁵⁾ Надо: чудяца. ⁶⁾ Надписано: случается; зачеркнуто: иногда.

Что прикажешь дѣлать? Козаку съестъ съ бабами въ дурня! Дѣдъ отпираться, отпираться, наконецъ сѣлъ. Принесли карты, замасленные, какими только у насъ поповны гадаютъ про жениховъ.

«Слушай же!» залаяла вѣдьма въ другой разъ: «если хоть разъ выиграешь—твоя шапка; когда же всѣ три раза останешься дурнемъ, то не **прогнѣвайся**, не только шапки, можетъ, и свѣта больше **не увидишь!**»

«Сдавай, сдавай, **хрычовка!** **Что будетъ, то будетъ!**»

Вотъ и карты розданы. Взялъ дѣдъ свои въ руки—смотришь не хочется, такая дрянь: хоть бы на смѣхъ одинъ козырь. Изъ масти десятка самая старшая, паръ даже нѣтъ; а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. **Пришлось остаться** дурнемъ! Только что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ, и со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды: «дурень, дурень, дурень!»

«Чтобъ вы перелопались, дявольское племя!» закричалъ дѣдъ, затыкая пальцами себѣ уши. «Ну», думаетъ, «вѣдьма подтасовала, теперь я самъ буду сдавать». Сдалъ; засвѣтилъ козыря; поглядѣлъ въ карты: масть хоть куда, козыри есть. И **сначала** дѣло шло, какъ нельзя лучше; только вѣдьма—пятерикъ съ королями! У дѣда на рукахъ одни козыри! Не думая, не гадая долго, хватъ королей всѣхъ по усамъ козырями!

«Ге, ге! да это не по-казацки! А чѣмъ ты кроешь, землякъ?»

«Какъ—чѣмъ? Козырями?»

товскаго тропака пыль подняли Боже упаси какую Дрожь проняла крещенаго ¹⁾ человекъ при видѣ какъ высоко скакало бѣсовское племя а музыку колотили себѣ въ щеки кулаками словно въ бубны и свистали носами какъ въ волторны. Только завидѣли Дѣда и турнули къ нему ордою. Свинные собачьи козлиные дрофинные лошадиные ²⁾ рыла все повытягивались и вотъ таки лѣзутъ цѣловаться... Плюнулъ Дѣдъ такая мерзость папала! Наконецъ схватили и посадили Дѣда за столъ длиною можетъ съ дорогу отъ Конотопа до **самого Нѣжина**. Ну это не совсѣмъ худо подумалъ дѣдъ завидѣвши на столѣ свинину колбасу крашенную съ капустой **цыбулю** и много всякихъ сластей видно дьявольская сволочь не **любитъ сухарей грызть черствыхъ**. Дѣдъ таки **нужно** знать ³⁾ не упускалъ при случаѣ **хорошенько** ⁴⁾ **подѣвсть**.

Не распускаясь на слова и **розказни** придвинулъ онъ къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины взялъ ⁵⁾ **вилку на которой можетъ быть черти жарили грѣшниковъ** захватилъ ею самый увѣсистый кусокъ подставилъ кусокъ хлѣба и ⁶⁾ глядѣ отправилъ **его** въ чужой

¹⁾ Внизу зачеркнуто: всякаго когда бы увидалъ. Въ печатномъ контекстѣ переставлены фразы. ²⁾ Въ согласованіи вездѣ нужно я: лошадиныя, дрофинныя и т. д. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: любилъ поѣсть. ⁴⁾ Надъ строкой написано и зачеркнуто: нѣтъ немного. ⁵⁾ Внизу зачеркнуто: ухватилъ. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: кажись прямо отправилъ его туда куда и нужно, только.

«Можетъ быть, по-вашему это и козыри, только по-нашему— нѣтъ!»

Глядѣ—въ самомъ дѣлѣ простая масть. **Что за дьявольщина!** Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ, и чертанѣе пошло снова драть горло: «дурень! дурень!» такъ что столъ дрожалъ, и карты прыгали по столу. Дѣдъ **разгорячился**: сдалъ въ послѣдній. Опять идетъ ладно. Вѣдьма опять пятерикъ; дѣдъ покрылъ и **набралъ** изъ колоды полную руку козырей.

«Козырь!» **вскричалъ онъ**, ударивъ по столу картою такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти. «А чѣмъ ты, **старый дьяволъ**, бьешь?» Вѣдьма подняла карту; подъ нею была простая шестерка. «**Вишь, бѣсовское обморачиванье!**» сказалъ дѣдъ и съдосяды **хватилъ кулакомъ, что силы, по столу**. Къ счастью еще, что у вѣдьмы была плохая масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту пору пары. Сталъ набирать карты изъ колоды, **только мочи нѣтъ**; дрянъ такая лѣзетъ, что дѣдъ и руки опустилъ. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ, **уже такъ, не глядя**, простою шестеркою; вѣдьма приняла. «**Вотъ тебѣ на! это что? Э, э! вѣрно, что нибудь да не такъ!**» Вотъ, дѣдъ карты потихоньку подѣ столъ и перекрестилъ; глядѣ—у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей, а онъ вмѣсто шестерки спустилъ кралю. «Ну, **дурень же я былъ!** Король козырей! **Что! приняла? А? кошечье отродье! А туза не хочешь?** Тузъ!

ротъ вотъ вотъ возлѣ самыхъ ушей и слышно даже **что** чья-то морда жуесть и **скрежещетъ** зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего схватилъ другой кусокъ и вотъ кажись и **по зубамъ помазалъ** только опять въ ¹⁾ не свой ротъ ²⁾ въ третій разъ снова **ничего** а **отъ колбасъ какъ нарочно такой запахъ поднялся по всему столу** какого дѣдъ какъ послѣ того самъ божился не нюхалъ никогда на бѣломъ свѣтѣ. Дѣда схватило взбелѣнился ³⁾ Дѣдъ такъ что позабылъ и страхъ весь и въ чьихъ лапахъ находится. Прискочилъ къ вѣдьмамъ «что вы иродово племя задумали смѣяться что ли надо мною. Если вы не отдадите сейчасъ же **козацкой шапки моей** то будь я Собачій сынъ если не **посвертаю** всѣмъ вамъ шею и не **поворочу** правильнѣй рожъ вашихъ на затылокъ Не успѣлъ онъ кончить какъ всѣ хари ⁴⁾ выскалили зубы и подняли такой адскій смѣхъ что дѣда захолонуло на душѣ **вотъ такъ точно если подольетъ воды въ молодые** ⁵⁾ **дрожжи или разожжетъ какъ огонь желѣзо и послѣ кинетъ въ воду.** Адекое шипѣніе поднялось по всему пеклу. «Ладно провизжала одна вѣдьма ⁶⁾ Дѣдъ почелъ заглавную потому что сто харь были уже чуть ли не мерзѣе всѣхъ Шапку отдадимъ тебѣ только не прежде **покажѣсть** не сыгра-

валеть!»... Громъ пошелъ по пеклу; на вѣдьму напали корчи, и, откуда ни возмись, шапка бухъ дѣду прямехоньковъ лицо. «Нѣтъ, этого мало!» закричалъ дѣдъ, прихрабрившись и надѣвъ шапку. «Если сейчасъ не станетъ передо мною молодецкій конь мой, то вотъ, убей меня громъ на этомъ **самомъ нечистомъ** мѣстѣ, **когда** я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ **васъ!**» и уже было и **руку** поднялъ, какъ **вдругъ** загремѣли передъ нимъ конскія кости.

«Вотъ тебѣ конь твой!»

Заплакалъ бѣдняга, глядя на нихъ, что дитя неразумное. Жаль стараго товарища! «Дайте же мнѣ какогонибудь коня, выберите изъ гнѣзда вашего!» Чортъ хлопнулъ арапникомъ — конь, какъ огонь, взвился **подъ** нимъ, и, дѣдъ, что птица, вынесся наверхъ.

Страхъ однакожъ напалъ на него посерединѣ дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводовъ, скакалъ черезъ провалы и болота. Въ какихъ мѣстахъ онъ не былъ, такъ дрожь **забирала** при однихъ разсказахъ. Глянулъ какъ-то себѣ **подъ ноги**—и **пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная!** А ситанинскому животному и нужды нѣтъ: прямо черезъ нее. Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ и такъ хватился на днѣ его о землю, что, кажись, и духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ **въ то время**, ничего не помнилъ; и какъ очнулся не-

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: въ чужой ротъ.
²⁾ Далѣе зачеркнуто: Досадно. ³⁾ Нужно: взбеленился. ⁴⁾ Надписано: чудница.
⁵⁾ Нужно: молодцы. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: глядя на которую можно.

ешь съ нами три раза въ дурни». Что прикажешь дѣлать сѣсть казаку съ бабами въ дурни. Дѣдъ отпираться отпираться. **А** наконецъ сѣлъ принесли карты **только такіе** замасленные ¹⁾ какими у насъ поповны гадаютъ про жениховъ своихъ. Слушай же залаяла вѣдьма въ другой разъ если хотя разъ выиграешь твоя шапка когда жъ всѣ три раза останешься дурнемъ тогда не погнивайся не только не видѣть тебѣ ее **да можетъ стать-ся и свѣту** больше сдавай сдавай **Старая вѣдьма послѣ ужъ** **увидимъ** вотъ и карты розданы взялъ дѣдъ въ свои руки смотрѣть не хочется такая дрянъ хоть бы на смѣхъ козырь изъ масти самая старшая девятка паръ даже нѣтъ, а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. **Что прикажешь дѣлать** **остался** дурнемъ только что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ и со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды дурень! дурень! Чтобъ вы перелопались дьявольское племя закричалъ дѣдъ затыкая пальцами себѣ уши Ну **же** вѣдьма подтасовала теперь я самъ буду здавать здалъ ²⁾, засвѣтилъ козыря поглядѣлъ въ карты масть хоть куда козыри есть и дѣло шло **кажись** какъ ³⁾ нельзя лучше ⁴⁾ **карты въ колодѣ** **оставалось уже** **немного** только вѣдьма пятерикъ съ ко-

много и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ: передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

Перекрестился дѣдъ, когда слѣзъ долой. Экая чертовщина! **Что за пропасть, какія съ чело-вѣкомъ чудеса дѣлаются!** Глядь на руки — всѣ въ крови; посмотрѣлъ на стоящую **торчмя** бочку съ водою — и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣтей, входитъ онъ потихоньку въ хату, смотритъ: дѣти пятятся къ нему задомъ и въ испугѣ указываютъ ему пальцами, говоря: «Дивысы! дивысы маты, **мовъ** дурна, скаче!» ¹⁾ И въ самомъ дѣлѣ баба сидитъ, заснувши передъ гребнемъ, держать въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши за руку **потихоньку**, разбудилъ ее: «Здравствуй, жена! здорова ли ты?». Та долго смотрѣла, выпучивши глаза, **и**, наконецъ, уже узнала дѣда и рассказала, какъ ей снилось, **что** печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лоханки... **и**, чортъ знаетъ, что еще такое. «Ну», говоритъ дѣдъ, «тебѣ во снѣ, мнѣ наяву. Нужно, **вижу**, будетъ освятить **нашу** хату; мнѣ же теперь мѣшкать нечего». Сказавши это и отдохнувши немного, дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ, ни ночью, пока не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ грамоты самой царицѣ. Тамъ **наглядѣлся** дѣдъ такихъ дивъ, что стало ему на-

¹⁾ Надо: такія замасленные. Затѣмъ фраза: какими поповны и т. д., повторяется два раза. ²⁾ Надо: сдавать — здалъ. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: нужно. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: только вѣдьма.

¹⁾ Смотри! смотри! мать, какъ сумасшедшая, скачетъ!

ролями у Дѣда на рукахъ одни козыри не думая не гадая долго хватъ королей по усамъ всѣхъ козырями. Ге! Ге! да это не по казацкому ¹⁾, а чемъ ²⁾ ты кроешъ землякъ ³⁾. Какъ чѣмъ? козырями. Можетъ по-вашему это и козыри только, по-нашему нѣтъ! Глядь въ самомъ дѣлѣ простая масть. Тфу дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ. И пошло чертанье драть горло Дурень! дурень! **такимъ крикомъ** что столъ дрожалъ и карты прыгали по столу. Дѣдъ **началъ горячиться** здалъ ⁴⁾ въ послѣдній опять идетъ ладно вѣдьма опять пятерикъ Дѣдъ покрылъ и собралъ изъ колоды полную руку козырей «Козырь **воскликнулъ** ударивъ ⁵⁾ картою по столу такъ что ее ⁶⁾ свернуло коробомъ не говоря ни слова покрыла восьмеркою масти **а чемъ** ⁷⁾ **хрычовка** ⁸⁾ **черти бѣ позабирали всю твою родню бьешь вѣдьма** подняла карту подъ ней была простая шестерка масти. **Что за дьяволъ? повторилъ Дѣдъ нѣсколько разъ плюнувши.** Къ счастью еще что у вѣдьмы **на ту пору** была ⁹⁾ плохая масть у дѣда **случились** пары сталъ набирать **всѣ** карты изъ колоды **только опять нѣтъ дрянъ** такая лѣзетъ что дѣдъ

долго послѣ того рассказывать: какъ повели его въ палаты, такія **высокія**, что если бы хать десять поставитъ одну на другую, и **тогда, можетъ быть, не достало бы;** какъ **взглянулъ** онъ въ одну комнату—нѣтъ; въ другую—нѣтъ; въ третью—еще нѣтъ; въ четвертой даже нѣтъ; да въ пятой уже, глядь—сидитъ сама, въ золотой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ. и золотыя галушки ѣсть; какъ велѣла ему **насыпать** цѣлую шапку синицами; какъ... всего и вспомнить нельзя! Объ вознѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ, и если **случалось, что кто нибудь и напоминать** объ этомъ, то дѣдъ **молчалъ, какъ будто не до него и дѣло шло, и великаго стоило труда упрямить его пере-сказать все, какъ было.** И, видно, уже въ наказаніе, что не спохватился тотчасъ послѣ того освятить хату, бабѣ ровно черезъ каждый годъ, и именно въ то самое время, **дѣлалось** такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затѣваютъ свое, и вотъ такъ и дергаетъ пуститься въ-при-сядку.

¹⁾ Надо: казапки. ²⁾ Надо: чѣмъ.
³⁾ Внизу зачеркнуто: Можетъ по вашему это и козыри только, но по нашему нѣтъ! ⁴⁾ Надо: сдалъ. ⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: кулакомъ. ⁶⁾ Внизу зачеркнуто: карту. ⁷⁾ Надо: чѣмъ. ⁸⁾ Внизу зачеркнуто: ты старая вѣдьма. ⁹⁾ Далѣе зачеркнуто: дрянъ неважная, а впереди вмѣсто слова—счастью, надо—счастью.

и руки опустил въ колодѣ ни одной карты пошелъ простою шестеркою вѣдьма приняла ¹⁾ **Чтобы это значило Э! Э! смеянуль дѣдъ** карты потихоньку подѣ столомъ и перекрестилъ ихъ глядѣ на рукахъ у него тузъ король и валетъ козырей и онъ впустилъ вмѣсто шестерки кралю ²⁾. Ну **хорошо же:** «король козырей! тузъ **козырей!** валетъ ³⁾...» Громъ пошелъ **такой** по пеклу на вѣдьму напали корчи и откуда и возмись. Бухъ шапку дѣду прямехонько въ лице ⁴⁾. Нѣтъ этого **еще** мало закричалъ прихрабившись и надѣвъ шапку **Дѣдъ** если нестанетъ передо мною сейчасъ же ⁵⁾ молодецкой конь мой то вотъ убей меня громъ на этомъ мѣстѣ, **если** я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ. Тогда онѣ «вотъ тебѣ конь твой» ⁶⁾ загремѣли передъ нимъ конскія кости заплакалъ **дѣдъ при видѣ** ⁷⁾ **на нихъ**, что дитя неразумное. Жаль стараго товарища. «Дайте жѣ мнѣ какого-нибудь **другого** коня **скорѣе** выбратъся изъ вашего **чертовскаго** гнѣзда... Чортъ хлопнулъ аралникомъ конь какъ огонь взвился **передъ** нимъ дѣдъ, что птица понесся наверхъ.

Страхъ однако жѣ напалъ на **его** ⁸⁾ посреди дороги когда конь не слушался **его** ни окрику ни **поводней** ⁹⁾ скакалъ черезъ

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: вотъ тебѣ на!
²⁾ Далѣе зачеркнуто: Ну еще хорошо.
³⁾ Надо: валетъ. ⁴⁾ Зачеркнуто внизу: рожу. ⁵⁾ Зачеркнуто внизу: здѣсь же.
⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: и товарища. ⁷⁾ Стилистическая неправильность: при взглядѣ на или при видѣ ихъ. ⁸⁾ Надо: него.
⁹⁾ Надо: поводья.

провалы и болота въ какихъ уже мѣстахъ онъ былъ такъ дрожь брала при однихъ рассказахъ. Кручи рытвины косогоры пронасти буераки волки ястрепа ¹⁾ цапли кажись все передъ синѣло куталось и дразнило его языками.

Деревья протягивали вѣтви и хватали его за шапку такъ что дѣдъ принужденъ былъ снять ее и держать въ рукахъ, ухватясь другою за гриву, а проклятые ²⁾ вѣтви видно нарочно между тѣмъ щелкали его по носу и драли за чубъ, но досаднѣе всего показалось и дѣду, что смотрѣть дрянъ какой кустикъ и тожъ смотри вытягивается ухватить его за чубъ. Небо все еще чернѣло, что казацкіе ³⁾ брови, гдѣ-то мерещились звѣзды ⁴⁾. Повѣялъ вѣтерокъ Ну слава Богу немного до разсвѣту Только дѣдъ примѣчаетъ конь его еще прихрамываетъ Глядь вмѣсто ушей торчатъ рога смекнулъ дѣдъ ни кто другой какъ самъ хромою чертъ подъ нимъ Ну, ну, думаетъ теперь онъ не быть добру только не успѣлъ онъ и шагнуть передъ нимъ провалъ такой, что голова закружилась. Сатанинское животное прямо черезъ него ⁵⁾ Дѣдъ держитъ его. Не тутъ-то было и черезъ нини и кочки полетѣлъ въ провалъ и такъ хватился о землю что кажись духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ

¹⁾ Вмѣсто: ястреба. ²⁾ Надо: проклятыя. ³⁾ Надо: казацкія. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: и вотъ. ⁵⁾ Внизу зачеркнуто: провалъ.

въ провалѣ ничего не помнилъ, и какъ очнулся немного и осмотрѣлся то уже **почти** совсѣмъ разсвѣло Передъ нимъ мелькали знакомые ¹⁾ мѣста. Онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты. Перекрестился дѣдъ Когда слѣзъ долой экая черговшина! **Слава Богу есть по крайней мѣрѣ шапка** глядь на руки всѣ въ крови Посмотрѣлъ въ стоявшую въ сторонкѣ бочку **наполненную** водой и лицо также обмывши хорошенько чтобы не напугать дѣтей входитъ онъ потихоньку въ хату смотреть дѣти пятятся задомъ къ нему и въ испугѣ указываютъ ему пальцами говоря: **Дивись Дивись мати якъ дурна скаче** и въ самомъ дѣлѣ баба сидитъ заснувши передъ гребнями держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ взялъ за руку ²⁾ **полегоньку сбудилъ** ее «сдравствуй жена! ³⁾ здорова ли ты? та долго смотрѣла выпучивши глаза наконецъ уже узнала дѣда и рассказала какъ ей снилось **какъ** печь ѣздила по **всей** хатѣ выгоняя лопатою вонъ горшки лоханки **ушаты** чортъ знаетъ что такое Ну, говоритъ дѣдъ тебѣ во снѣ мнѣ на яву нужно только **думаю** будетъ освятить **намъ** хату. Мнѣ же теперь мѣшкать нечего Сказавши это и отдохнувши немного дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ ни ночью **покажѣсть** не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ

¹⁾ Надо: знакомыя.

²⁾ Далѣе зачеркнуто: сбудилъ.

³⁾ Далѣе зачеркнуто: Что это.

грамоту самой царицѣ... Тамъ **навидалъ** онъ такихъ дивъ что **сталъ** надолго послѣ того рассказывать какъ повели въ палаты въ палаты такія что если бѣ хатъ десять поставить одну на другую и **врядъ ли** ¹⁾ **будеть**, какъ **вошелъ** онъ въ одну комнату—нѣтъ, въ другую—нѣтъ, въ третью—нѣтъ въ четвертую **уже** ²⁾ **даже заглянулъ**—нѣтъ, а въ пятой уже глядь, сидитъ сама съ игристою короною въ сѣрой новехонькой свиткѣ въ красныхъ сапогахъ и золотыя галушки ѣсть. Какъ повелѣла царица дать ему цѣлую шапку ³⁾ синицами такъ ⁴⁾ всего вспомнить нельзя ⁵⁾. Объ вознѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ. **Только** **разъ** **какъ-то** **случилось** **былъ** онъ навеселѣ гостей было вдоволь варенухи и того больше. Слово за словомъ дѣдъ и заикнулся про грамоту какъ было она пропала и началъ уже было рассказывать... Только глядь невзначай вверхъ на полку—горшки все ⁶⁾ **понадували щоки** ⁷⁾ **выпучили** глаза и стали ему строить хари что дѣда морозъ подралъ по кожѣ и уже недопросились его рассказать ⁸⁾. **На** **другой** **же** **день** **дѣдъ** **все** **роска-**

¹⁾ Внизу зачеркнуто: ито развѣ мало.
²⁾ Далѣе зачеркнуто: нѣтъ. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: Ассигнаціи. ⁴⁾ Примѣчаніе самого Н. В. Гоголя: Синихъ Ассигнацій. ⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: Два мѣсяца послѣ того спустя. ⁶⁾ Слѣдуетъ: всѣ.
⁷⁾ Слѣдуетъ: щеки. ⁸⁾ Далѣе зачеркнуто: на другой день какъ рассказавъ на другой все попу на исповѣди покажѣсть не рассказавъ всего попу на исповѣди и не освѣтилъ хату.

залъ попу на исповѣди и освятилъ всѣ уголки и закоулки хаты послѣ чего уже не боялся говорить ¹⁾ объ этомъ встрѣчному и поперечному хотя видно еще въ наказаніе за то что онъ не сдѣлалъ этого прежде ²⁾ они появились Бабѣ ровно черезъ ³⁾ годъ именно въ то самое время прилучилось такое диво, что танцуетъ да и только ⁴⁾ за что ни примется ноги затѣвають свое и вотъ такъ и дергаетъ пуститься въ присядку.

II.

О среднихъ вѣкахъ.

Лекція Гоголя «О среднихъ вѣкахъ» одной изъ первыхъ помѣщена въ «Арабескахъ» и напечатана въ X-мъ изданіи его сочиненій, на стр. 118—129.

Лекція эта, послѣ ея написанія Гоголемъ, была помѣщена въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. III, сентябрь 1834 года, отдѣленіе II, стр. 409—427, подъ такимъ заглавіемъ: «О среднихъ вѣкахъ. Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ адъюнктъ-профессоромъ Н. Гоголемъ».

Профессоръ Тихонравовъ говоритъ, что «рукописный оригиналъ не былъ у насъ въ распоряженіи» (т. V, стр. 561). Мы же пользовались исключительно рукописнымъ оригиналомъ.

Мы знаемъ изъ біографіи Гоголя, что профессору въ Петербургскомъ университетѣ онъ получилъ въ 1834 году, исключительно благодаря протекціи ректора Плетнева, который и раньше принималъ въ его судьбѣ большое участіе, и благодаря Пушкину.

Мы не будемъ распространяться о, такъ сказать, корректурной сторонѣ лекціи. Она вполне и довольно подробно приведена профессоромъ Тихонравовымъ въ V т., 561—563 стр. Онъ даетъ объ этой лекціи историко-литературную справку.

Въ этой лекціи, крайне интересной своимъ фактическимъ матеріаломъ, оцѣнкой лекторскихъ способностей Гоголя, его спосо-

¹⁾ Внизу зачеркнуто: рассказывать. ²⁾ Внизу написано: не тотъ часъ. ³⁾ Наверху написано и зачеркнуто: каждый. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: ноги сами собою.

бомъ мышления, оборотами рѣчи и т. д., нашлись опять-таки варианты, которые мы и отмѣчаемъ.

Точный списокъ съ рукописнаго оригинала впервые появляется въ печати.

О среднихъ вѣкахъ ¹⁾.

Приступая къ чтенію исторіи Среднихъ вѣковъ я долженъ необходимо изяснить прежде всего достойно. Никогда исторія міра не принимаетъ для насъ такой важности ²⁾ какъ въ это время несмотря на то что оно обыкновенно и считается мѣлкимъ и самымъ безинтереснымъ въ исторіи человечества ³⁾. Всѣ событія міра ⁴⁾ текутъ приближая происшествія ⁵⁾ быстро ⁶⁾ какъ будто въ пучину ⁷⁾, въ мятежный ⁸⁾ водоворотъ ⁹⁾ и закружившись въ немъ перемѣшавшись переродившись выходятъ новыми ¹⁰⁾ волнами. Въ нихъ совершилось великое преобразование всего міра. Они составляютъ великій узелъ связывающій міръ древній съ новымъ. Имъ можно назначить тоже самое мѣсто въ исторіи человечества какое занимаетъ сердце въ устроенной головѣ ¹¹⁾ человеческого тѣла, къ которому текутъ и отъ котораго исходятъ всѣ жилы и нервы ¹²⁾. Какъ совершилось это всемирное ¹³⁾ преобразование какіе удержались въ немъ старыя ¹⁴⁾ стихіи ¹⁵⁾ что прибавленно ¹⁶⁾ новаго ¹⁷⁾ и какимъ образомъ они ¹⁸⁾ смѣшались что произошло отъ этого смѣшенія ¹⁹⁾ и какъ образовалось это величественное ²⁰⁾ зданіе вѣковъ новыхъ... Это такіе вопросы которымъ равныхъ по важности едва ли найдутся во всей исторіи. Все, что мы ни имѣемъ чѣмъ мы ни пользуемся, чѣмъ ни можемъ похвалиться передъ другими вѣками все устройство и искусное сложеніе нашихъ административныхъ частей всѣ отношенія между собою разныхъ сословій, самыя даже сословія. Религія и привилегіи ²¹⁾ и права ²²⁾ и обычаи сами даже чудныя знанія наши которыя совершили ²³⁾ такой быстрый прогрессив-

¹⁾ X-е изданіе «Сочиненій» Гоголя, Арабески, ч. I, стр. 118—129, О среднихъ вѣкахъ. ²⁾ Въ текстѣ X-го изданія слѣдуетъ: и значительности, такого множества индивидуальныхъ явленій, какъ въ средніе вѣка. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: въ среднихъ вѣкахъ значить назы повѣд, не окончено. ⁴⁾ Въ текстѣ X-го изданія: приближаясь къ этимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности и т. д. ⁵⁾ Внизу зачеркнуто: съ усиленною. ⁶⁾ X изд.: съ усиленною быстротою. ⁷⁾ X изд.: какъ. ⁸⁾ Внизу зачеркнуто: веселый. ⁹⁾ Далѣе зачеркнуто: приближаясь къ этому и смѣшавшись. ¹⁰⁾ X изд.: свѣжими. ¹¹⁾ X изд.: въ устроеніи. ¹²⁾ Надо: нервы. ¹³⁾ Надо: всемірное. ¹⁴⁾ Надо: какія... старыя. ¹⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ изиѣ, не окончено. ¹⁶⁾ Надо: прибавлено. ¹⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ составились. ¹⁸⁾ Надо: онѣ. ¹⁹⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ совершился весь этотъ процессъ. ²⁰⁾ X изд.: стройное. ²¹⁾ Внизу зачеркнуто: правила, и поправлено: привилегіи. ²²⁾ Въ X изд.: переставлены слова и добавлено: нравы. ²³⁾ X изд.: совершившія.

ный ¹⁾ ходъ—все получило начало или зародилось ²⁾ или образовалось въ эти темныя ³⁾ закрытые для насъ средніе вѣка. Въ нихъ первоначальныя стихіи и фундаментъ всего ⁴⁾. Безъ глубокаго и внимательнаго изслѣдованія ⁵⁾ неясна неудовлетворительна не полна новая исторія. *Они въ этомъ отношеніи похожи на посетителей великолѣпной и стройной фабрики, которые бы удивлялись быстрому образованію почти на глазахъ самыхъ трудныхъ издѣлій, но позабываютъ заглянуть въ мрачное ⁶⁾ подземелье, гдѣ скрыты первыя всемогущія колеса ⁷⁾ дающія толчокъ всему.* Исторія эта похожа на статую художника ⁸⁾ не научившагося ⁹⁾ анатоміи человѣка.

Но отъ чего же несмотря навсю важность этого особеннаго времени всегда какъ-то неохотно ¹⁰⁾ занимались среднею исторіей рѣдкіи ¹¹⁾ возлагали ¹²⁾ на себя обѣтъ раздѣлить хоть нѣкоторыя ¹³⁾ изъ сказанныхъ мною ¹⁴⁾ вопросовъ. На это отвечать ¹⁵⁾ нетрудно. Средней исторіи назначали самое низшее мѣсто. *Время ея дѣйствія считали слишкомъ варварскимъ слишкомъ невѣжественнымъ, чтобы заняться имъ. Но если бы это обвиненіе было вполнѣ справедливо, то и тогда никакъ не оправдывается ихъ невниманіе. Люди которые такъ пренебрегли этими невѣжественными вѣками готовы были боги знаетъ за что загорсть свидѣній о первоначальныхъ вѣкахъ древняго міра также ничуть не просвѣщеніе первоначальнаго времени вѣковъ среднихъ. Но назвать совершенно варварскимъ и невѣжественнымъ это время это непрощительность, неосмотрительность, недалководидность, чтобы не сказать даже невѣжество. Это самый интересный ¹⁶⁾ процессъ сліянія двухъ жизней древняго міра и новаго это рѣзкое противорѣчіе ихъ образовъ ¹⁷⁾ свойствъ эти дряхлыя умирающія стихіи стараго міра, которыя тянутся по новому пространству какъ рѣчки впавшія въ море, но долго еще не сливающіе ¹⁸⁾ своихъ прѣсныхъ водъ съ его ¹⁹⁾ солеными волнами.—Эти дикіе мощные ²⁰⁾ стихіи новаго упорно не допускающія къ себѣ чуждаго просвѣщеннаго вліянія ²¹⁾ наконецъ невольно принимающія его. Это стараніе съ какимъ европейскіе дикари кроютъ римское просвѣщеніе по-своему ²²⁾.*

Эти *урывки* ²³⁾ или лучше сказать клочки римскихъ формъ законовъ среди новыхъ стихій среди новыхъ еще неопредѣленныхъ, не

¹⁾ Внизу зачеркнуто: поразительный. ²⁾ X изд.: зародышъ или даже развилось и т. д. ³⁾ Надо: темные. ⁴⁾ X изд.: новаго. ⁵⁾ X изд.: ихъ. ⁶⁾ X изд.: темное. ⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: подталак, не окончено ⁸⁾ Далѣе зачеркнуто: который не смотря. ⁹⁾ X изд.: изучившаго. ¹⁰⁾ X изд.: ими (т. е. вѣхами). ¹¹⁾ Надо: рѣдкіе; въ X изд. далѣе: очень рѣдкіе, пораженные величіемъ предмета. ¹²⁾ Внизу зачеркнуто: соглашались. ¹³⁾ Надо: нѣкоторые. ¹⁴⁾ X изд.: приведенныхъ. ¹⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: теперь весьма. Далѣе въ X изд.: Мнѣ кажется, это происходило отъ того, что,—мысль неокончена. ¹⁶⁾ Въ X изд., стр. 119, идутъ значительныя варианты въ первой строкѣ, а затѣмъ по рукописи совершенно новыя мысли. ¹⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: формъ. ¹⁸⁾ Надо: сливающія. ¹⁹⁾ Внизу зачеркнуто: морскими. ²⁰⁾ Надо: дикія мощныя. ²¹⁾ X изд.: но. ²²⁾ Въ X изд. перестановка словъ, внизу 119 страницъ. ²³⁾ X изд.: отрывки.

получившихъ ни образа ни границъ, ни порядка¹⁾. *Все это мнѣ кажется гораздо занимательнѣе, гораздо болѣе возбуждаетъ собою любопытство нежели все неподвижное время всесвѣтной Имперіи подѣланнаго правленіемъ безсильныхъ римскихъ императоровъ.* — Другая причина почему я хотѣлъ обращать вниманіе на исторію среднихъ вѣковъ — это мнимая сухость которую привыкли сливать²⁾ въ мысляхъ съ первоначальнымъ временемъ исторіи нынѣшней Европы. На нее глядѣли какъ на кучу произшествій нестройныхъ, разнородныхъ какъ на толпу³⁾ самыхъ раздробленныхъ и безсмысленныхъ движеній, не имѣющихъ нити которая бы связывала ихъ и совокупляла въ одно цѣлое. Мнѣніе⁴⁾ это я не почитаю стоящимъ возраженія несообразности его видна сама собой. Разсматривайте внимательнѣй⁵⁾ глубже и вы можете отыскать и связь и идею и направленіе но я⁶⁾ не отрицаю что для самаго⁷⁾ умѣнія найти это нужно быть одарену свыше тѣмъ чутьемъ которымъ весьма немногіе историки⁸⁾ имѣютъ этимъ немногимъ⁹⁾ предоставленъ завидный даръ представить все въ изумительной ясности и въ стройности. *Всѣ событія и произшествія*¹⁰⁾, все что было и происходило все занимательно если только о немъ остались лѣтописи и если страсти сильно... *И дѣйствовали*¹¹⁾. Такъ въ первоначальныхъ вѣкахъ средней исторіи сквозь всю кучу произшествій тянется невидимо¹²⁾ постепенное возрастаніе власти папы¹³⁾ и развивается феодализмъ. Казалось событія происходили такіе¹⁴⁾, которые блескомъ своимъ совершенно затемняли уединеннаго¹⁵⁾ римскаго первосвященника. Дѣйствовалъ сильный Государь или вассаль¹⁶⁾ а¹⁷⁾ существенныя выгоды незамѣтно переродили¹⁸⁾ и все что ни происходило казалось нарочно происходило для того чтобъ прибавить новую силу папѣ. Гильденбрандтъ тихо поднималъ¹⁹⁾ занавѣсъ и²⁰⁾ показалося могущество²¹⁾ уже давно пріобрѣтенное папами²²⁾.

Исторія среднихъ вѣковъ менѣе всѣхъ другихъ можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пѣстроты²³⁾ такихъ дѣйствій такихъ

1) X изд. далѣе: самый этотъ хаосъ, въ которомъ бродятъ разложенныя начала страшнаго величія нынѣшней Европы и тысящелѣтней силы ея,—они всѣ для насъ занимательнѣе и болѣе и т. д. 2) X изд.: съ понятіемъ о ней. 3) Внизу зачеркнуто: кучу. 4) Надписано и зачеркнуто: Я не почитаю даже. 5) X изд.: и. 6) X изд.: однако же. 7) Зачеркнуто внизу: этого. 8) X изд., стр. 120, переставлены слова. 9) Внизу зачеркнуто: словесной даръ. 10) X изд., идетъ большой вариантъ: «Послѣ ихъ волшебнаго прикосновенія сухимъ и невѣжественнымъ». 11) X изд., идетъ большой вариантъ: «выключая развѣ только съ утратою извѣстій». 12) X изд.: невидимую нитью. 13) X изд.: папской власти. 14) X изд.: совершенно отдѣльно и... 15) X изд.: еще скромнаго... 16) Въ X изд. далѣе: и дѣйствовалъ лично для себя. 17) Далѣе зачеркнуто: всѣ всегда; въ X изд.: между тѣмъ. 18) X изд.: текли. 19) X изд.: отдернулъ. 20) Далѣе зачеркнуто: можно сказать только. 21) X изд.: власти. 22) Далѣе трудно разобрать, кромѣ двухъ словъ: какъ основа в — 23) Нужно: пестроты.

рѣзкихъ противоположностей такой *изумительной*¹⁾ яркости какъ въ ней. Ее можно сравнить съ огромнымъ²⁾ строеніемъ въ фундаментѣ котораго улегся³⁾ крѣпкій⁴⁾ гранитъ а также⁵⁾ стѣны выведены изъ различнаго и стараго и новаго матеріала⁶⁾ на одномъ кирпичѣ видны готфскія руны на другомъ⁷⁾ римская позолота Арабская рѣзба *римской*⁸⁾ карнизъ готическое окно все слѣпилось въ немъ⁹⁾ составило самую пеструю башню.

Но яркость можно сказать только *видимое достоинство* событій среднихъ вѣковъ внутреннее же ихъ достоинство¹⁰⁾ колоссальность¹¹⁾ и исполинская, почти чудесная отвага свойственная одному только возрасту *юности* и оригинальность дѣлающая ихъ единственными *невстрѣтившими*¹²⁾ себѣ¹³⁾ повтореній ни въ древнія ни въ новыя времена.

Что¹⁴⁾ *легкомысленнымъ рѣшеніемъ* они уже производили крайній планъ потому что слово сказанное міру то что и дѣло. И по этому по внимательному разсмотрѣнію его увидимъ что самое начало среднихъ вѣковъ представляетъ по виду кучу происшествій совершенно отдѣльныхъ одно отъ другаго, только проникнутыхъ одною¹⁵⁾ но могущественною связью невидимо¹⁶⁾ вырастающаго около паны. Она видоизмѣнена—въ началѣ она кроется и затемняется рядомъ *Варварскихъ* при остроумъ взгляды и уже видно ея начало. *Наконецъ увидѣвши*¹⁷⁾ *вырывается вдругъ какъ пламя изъ Везувія.* Средніе вѣка можно назвать исторією паны. Онъ могущественный обладатель изъ. Онъ какъ движеть¹⁸⁾ всеми силами и какъ Богъ начнеть однимъ мановеньемъ своимъ править ихъ судьбою. Его исторію можно назвать *главою среднихъ вѣковъ.* Его непреодолимое¹⁹⁾ желаніе властвовать Его постоянныя средства исполненныя пронизательности и мудрости слѣдствія старческаго возраста его деспотизма деспотизмъ безчисленныхъ легионовъ его могущественнаго духовенства ревностныхъ подданныхъ духовнаго монарха наложившихъ²⁰⁾ оковы своей *тяжелой власти* во всѣхъ уголкахъ міра куда ни проникало²¹⁾ *небесное знаменіе креста.* Это²²⁾ *дивное явленіе* какое великое явленіе которому равнаго врядъ ли можетъ представить исторія. Не буду говорить о злоупотребленіяхъ и о тяжести оковъ *наложенныхъ на нихъ рукою духовнаго Деспота.* Проникнувъ болѣе въ это великое событіе

1) Наверху надписано: страшной, въ X изд.: странной. 2) Внизу зачеркнуто: величественнымъ. 3) X изд.: свѣжій. 4) X изд.: какъ вѣчность. 5) X изд. далѣе: голстыя. 6) X изд.: такъ что. 7) X изд.: блестятъ. 8) X изд.: греческій. 9) X изд.: и. 10) X изд.: есть. 11) Нужно: колоссальность. 12) X изд.: не встрѣчающими, стр. 121. 13) Далѣе зачеркнуто: подобія. 14) Значительные варианты въ X изд., стр. 121, при чемъ по рукописи содержанія больше, такъ какъ печатныхъ вариантовъ всего 3 печатныхъ строчки. 15) Далѣе зачеркнуто: невидимую. 16) Внизу зачеркнуто: постепенно. 17) Трудно разобрать и подобрать по смыслу и почерку слово. 18) Надо: движеть. 19) Внизу зачеркнуто: средства. 20) X изд.: свои желѣзныя. 21) X изд.: проникло. 22) Далѣе зачеркнуто: также чудное великолѣп., не окончено.

мы увидимъ изумительную мудрость Провидѣнія не схвати эта всемогущая власть всего въ свою руку ¹⁾ не двигай и не устремляй по своему желанью народы и Европа разсыпалась бы связи бы не было ²⁾ Государства вдругъ бы можетъ быть нѣкоторыя поднялись вдругъ развратились другіе ³⁾ сохранили бы дикость свою на гибель другимъ ⁴⁾ образованье и духъ народный бы развились *и въ одномъ мѣстѣ возвысились бы впередъ* ⁵⁾ въ другомъ бы чернѣлъ мракъ варварства Европа не устоялась бы не сохранила бы того равновѣсія которое удивительно ее содержитъ. Она бы долѣе была ⁶⁾ въ хаосѣ. Она бы не слилась желѣзною силою энтузіазма въ одну стѣну ⁷⁾ устранившую ⁸⁾ Восточныхъ завоевателей ⁹⁾. Можетъ быть безъ того ¹⁰⁾ великаго *событія* ¹¹⁾ *вся* Европа уступила бы ихъ напору и магометанская луна ¹²⁾ вознеслась бы надъ нею ¹³⁾. *Разсматривая дѣянья Провидѣнія мы поневолю должны преклониться передъ нимъ* ¹⁴⁾. Власть папы какъ будто нарочно дана была для того чтобы государства *въ это время* окрѣпли и возмужали чтобы они повиновались ¹⁵⁾ *покажутъ* достигнуть возраста повелѣвать другими, чтобы сообщить имъ энергію безъ которой жизнь народовъ ¹⁶⁾ безцвѣтна и бессмысленна. И какъ только народы достигли состоянія управлять собою власть папы какъ исполнившая уже свое предназначеніе какъ болѣе уже не нужная *чтобы руководить народы* вдругъ поколебалась и стала разрушаться несмотря на всѣ сильныя мѣры на все желанье удержать за собою гибнущую силу свою ¹⁷⁾. Власть ихъ въ этомъ отношеніи была то же что подмости и лѣсъ для постройки зданія въ началѣ онѣ ¹⁸⁾ выше и ¹⁹⁾ значительнѣе самого *зданія* ²⁰⁾ но какъ только зданіе достигло настоящей высоты они какъ ненужные отнимаются прочь ²¹⁾. При мысли ²²⁾ о среднихъ вѣкахъ невольно сливается ²³⁾ о крестовыхъ походахъ, *великомъ исполинскомъ* событіи которое стоитъ какъ исполинъ въ срединѣ другихъ тоже чудесныхъ и необыкновенныхъ. Гдѣ въ какое другое время было когданибудь ему равное своею оригинальностью и величіемъ. Это не какаянибудь война за похищенную жену ²⁴⁾ и *слѣдствіе массы страстей всегда почти бывшія одніи причиною войнъ но утренняя защита даже правъ и обязанностей всегда справедливая*

¹⁾ X изд.: въ свои руки. ²⁾ X изд.: нѣкоторыя. ³⁾ Надо: другія. ⁴⁾ X изд. сосѣдамъ. ⁵⁾ X изд.: въ одномъ уголку выказывалось бы образованіе. ⁶⁾ Внизу зачеркнуто: бродила. ⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: отразившую монгольскихъ завоевателей. ⁸⁾ X изд.: своею крѣпостью. ⁹⁾ X изд.: и. ¹⁰⁾ X изд.: этого. ¹¹⁾ X изд.: явленія. ¹²⁾ Внизу зачеркнуто: утвердилась. ¹³⁾ X изд.: вмѣсто креста. ¹⁴⁾ Въ X изд., стр. 122, начало, мысль перефразирована. ¹⁵⁾ X изд.: прежде, нежели. ¹⁶⁾ Внизу зачеркнуто: человѣка. ¹⁷⁾ X изд.: гибнущія свои силы. ¹⁸⁾ Надо: они. ¹⁹⁾ X изд.: кажутся. ²⁰⁾ X изд.: строенія. ²¹⁾ Далѣе зачеркнуто: Самое великое событіе среднихъ вѣковъ мысль о которыхъ невольно сливается уже при первомъ словѣ о крестовыхъ походахъ. ²²⁾ Внизу зачеркнуто: словѣ. ²³⁾ X изд.: мысль. ²⁴⁾ X изд. вариантъ: «не порожденіе . . . за свободу и народн. независимость».

но съ которою все таки не сопряжены личныя выгоды ¹⁾. Нѣтъ въ эти предпріятія обыкновенно

Случающіяся всегда и вездѣ въ самомъ дѣлѣ какое дивное происшествіе: народы текутъ съ крестами со всѣхъ сторонъ Европы короли графы въ простыхъ власяницахъ ²⁾ монахи въ духовныхъ облаченіяхъ ³⁾ становятся въ ряды воиновъ ⁴⁾ монахи съ крестами ⁵⁾ предводять ⁶⁾ несмѣтными вассалами ⁷⁾ и всѣ текутъ проникнутые одною мыслью освободить Гробъ Христовъ. Владычество одной мысли объемлетъ всѣ народы. Не есть ли что то великое въ этой мысли. И напрасно крестовые походы иные называютъ безразсуднымъ предпріятіемъ. Странно бы было ⁸⁾ если только отрокъ заговорилъ словами разсудительнаго мужа. Они были нарожденіемъ ⁹⁾ тогдашняго духа и времени. Это предпріятіе такою рода которое можно здѣлать недостигнувши возраста мужа. Но совершить это предпріятіе можетъ такой только юноша которому опредѣлено быть геніемъ. А какіе безчисленные какіе непредвидѣнные ¹⁰⁾ слѣдствія крестовыхъ походовъ. Нужно было всю массу образовать и воспитать дать ей увидѣть свѣтъ который часто заслоняло ¹¹⁾ духовенство и вся масса ¹²⁾ извергается въ другую часть свѣта гдѣ потухающее Аравійское просвѣщеніе силится передать свой пламень и вся Европа вояжируетъ по Азіи. Не ¹³⁾ въ правѣ ли ты изумляться обыкновенно какой нибудь выходецъ изъ земли образованной приносить самъ ¹⁴⁾ первыя свѣденія ¹⁵⁾ и просвѣщеніе и это образованіе втянется медленно страшно медленно и постепенно образуетъ ихъ. Здѣсь напротивъ народы сами переходятъ всею массою за образованіемъ и несмотря на долгое пребываніе не сливаются съ своими учителями ничего не принимаютъ отъ нихъ роскошнаго и развратнаго удерживаютъ свою самобытность при всемъ заимствованіи множества азіятскихъ обыкновеній и возвращаются въ Европу европейцами не Азіатцами. И уже неговорю о тѣхъ слѣдствіяхъ о тѣхъ перемѣнахъ въ феодальномъ правленіи для которыхъ нужно было временное удаленіе множества сильныхъ такимъ образомъ какъ

¹⁾ Кромѣ словъ, личная выгода, тутъ все ново:

Это не какая нибудь война за жену Менелая ни порожденіе ненависти двухъ непримиримыхъ націй. Это не кровопролитная битва между алчными властителями за корону даже не война за свободу и народную независимость. Нѣтъ ни одна изъ страстей ни одно собственное желаніе ни одна личная выгода не входитъ сюда всеми народами объемлетъ одна высокая мысль. Народы текутъ освободить свою вѣру гдѣ подобное событіе отразилось когда нибудь.

²⁾ Далѣе зачеркнуто: епископы. ³⁾ X изд., 122: препоясанные оружіемъ. ⁴⁾ Ibid.: епископы, пустынники.... ⁵⁾ X изд.: въ рукахъ. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: воинствомъ. ⁷⁾ X изд.: толпами. ⁸⁾ X изд., риторическій вопросъ: Не странно ли было бы.... ⁹⁾ X изд., стр. 123: порожденіе. ¹⁰⁾ Надо: какія безчисленные какіи непредвидѣнныя. ¹¹⁾ X изд.: отъ нея. ¹²⁾ X изд.: для этого. ¹³⁾ Далѣе зачеркнуто: достойно ли это. ¹⁴⁾ Внизу зачеркнуто: дикарямъ; X изд.: одинъ. ¹⁵⁾ Надо: свѣденія.

передѣлывая домъ нужно удалить на время его жильцовъ и вынести все находящееся въ немъ.

Кромѣ крестовыхъ походовъ бросимъ взглядъ на другія происше- ствія наполняющія *средніе вѣка* ¹⁾. Всѣ они исполнены чудесности сообщающей *средней исторіи* какой-то ²⁾ фантастическій свѣтъ все ³⁾ они порожденіе юношества прекраснаго исполненнаго самыхъ сильныхъ и великихъ надеждъ часто безразсудныхъ но ⁴⁾ плѣни- тельныхъ ⁵⁾ и въ своей безразсудности.

Взглянемъ на ⁶⁾ то ⁷⁾ время когда появились Аравитяне— краса народовъ восточныхъ и одному только человѣку и созданной имъ религіи обязаны они своимъ блестящимъ ⁸⁾ существованіемъ роскошной какъ ночи и вечера востока пламенной какъ природа близкая къ индѣйскому морю важной и размышляющей какую только могутъ внушить пустыни Азіи. *И почти съ непостижимою внезапностью* ⁹⁾ смуглыя чалмоносцы воздвигаютъ свои калифаты съ трехъ сторонъ средиземнаго моря и воображеніе и умъ ихъ ¹⁰⁾ въ виду изумленнаго запада развиваются отпечатываясь со всею роскошью на ихъ дворцахъ мечетяхъ садахъ фонтанахъ также быстро какъ и въ богатыхъ сказкахъ и поэзіи ¹¹⁾.

Не чудесно ли и не исполнено ли ¹²⁾ совершенно противополож- ной *оригинальности на сѣверъ* появленіе норманновъ ¹³⁾. *Вообразите себѣ пустыню Сѣвернаго Океана наполненную узкогрудыми кораблями легкими и опасными на которыхъ хлопочетъ дерзкая горсть* ¹⁴⁾ людей *поднимаемая дикою религіею своей народности* за которыми какъ будто по пятамъ несется мрачный ихъ Одинъ и снѣговья ¹⁵⁾ *хребты* ¹⁶⁾ Скандинавіи ¹⁷⁾. *Неудивительно ли когда модные и значительные* ¹⁸⁾ *государства со страхомъ уступаютъ этимъ малолетнимъ пришель- цамъ воспитаннымъ бурей и морями все: отеческій домъ, имущество, родство* ¹⁹⁾.

Колоссальныя завоеванія ²⁰⁾ Монголовъ были также дѣломъ почти сверхъестественнымъ. Необъятная внутренность Азіи которая была скрыта отъ глазъ всѣхъ народовъ освѣтилась ²¹⁾ въ самомъ страш-

¹⁾ X изд.: Они хотя, въ сравненіи съ крестовыми походами, могутъ почесться второстепенными, но тѣмъ не менѣе и т. д. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: радужный. ³⁾ Надо: всѣ. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто неоконченное: чрезвыч. ⁵⁾ X изд.: безразсуднаго, но плѣнительнаго. ⁶⁾ X изд., стр. 123: Разсмотримъ ихъ по порядку времени. Возьмемъ и т. д. ⁷⁾ X изд.: блестящее. ⁸⁾ X изд.: радужнымъ. ⁹⁾ X изд.: быстрою они, эти смуглыя и т. д. ¹⁰⁾ X изд.: и всѣ способности, которыми природа такъ чудно одарила араба. ¹¹⁾ X изд. значительный вариантъ: «вѣкъ впередъ самое прекрасное созданіе нашего воображенія», стр. 124. ¹²⁾ X изд., стр. 124, въ началѣ вмѣсто риторическаго вопроса: какъ и т. д. ¹³⁾ X изд. дополненіе: народа, котораго гнѣвный сѣверъ свирѣпо выбросилъ изъ ледяныхъ нѣдръ своихъ. ¹⁴⁾ X изд.: дерзкихъ. ¹⁵⁾ Внизу зачеркнуто: горы. ¹⁶⁾ Надо: готовыхъ. ¹⁷⁾ X изд. дополнено: наводитъ паническій страхъ на обширныя государства. ¹⁸⁾ Надо: людныя и значительныя. ¹⁹⁾ X изд., мысль перефразирована, сохранены только нѣсколько словъ. ²⁰⁾ X изд., стр. 124: и распространеніе... ²¹⁾ Внизу зачеркнуто: показалось.

номъ величіи. *Всѣ*¹⁾ эти степи которымъ почти конца нѣтъ, озера и пустыни исполинскаго²⁾ размѣра гдѣ все раздалось въ ширину и безпредѣльную равнину, гдѣ человекъ встрѣчается какъ будто для того, чтобы еще болѣе увеличить вокругъ себя пространство. Эти степи шумящія хлѣбомъ никѣмъ несѣемымъ и несобираемымъ травою почти³⁾ равняющейся ростомъ съ деревьями *пустынно*⁴⁾ пасутся табуны и стада овецъ которыхъ отъ вѣка никто не считалъ и сами владѣльцы не знаютъ *ихъ* настоящаго количества. Эти степи увидѣли среди себя Чингисъ-Хана даващаго обѣтъ передъ толпами своихъ узкоглазыхъ плосколицыхъ⁵⁾ широкоплечихъ малорослыхъ монголовъ завоевать міръ и многолюдный Пекинъ горитъ цѣлый мѣсяцъ⁶⁾ стада *пасутся въ* Индіи табуны кишатъ наволгѣ⁷⁾ какъ будто на ихъ завоеваніи отразилась коллосальность Азіи *чтобы лучше показать ее другимъ народомъ*.⁸⁾

Я уже ничего не говорю о *появленіи*⁹⁾ Венеціи этого небольшого лоскутка земли которую всю занималъ одинъ городъ и городъ безъ государства выжимая золото¹⁰⁾ со всего міра *и собирая тяжелую дань съ огромнѣйшихъ государствъ, этихъ царственныхъ купцовъ которыхъ великолѣпнѣйшіе дворцы при Адриатическомъ морѣ вмѣщали въ себя сокровищъ болѣе чѣмъ тогдашній доходъ всей Европы и которыхъ корабли ниодъ не встрѣчали соперниковъ ни особенно Ганза игравшая...*¹¹⁾ *Эти явленія повторяются въ исторіи міра часто*¹²⁾ хоть въ другихъ формахъ и съ нѣкоторыми измѣненіями. *Гораздо чудеснѣе*¹³⁾ жизнь Европы¹⁴⁾ послѣ крестовыхъ походовъ когда въ ней¹⁵⁾ *являются* темны и неопредѣленны границы государствъ, когда Государь¹⁶⁾ едва звучитъ своимъ именемъ и вмѣсто¹⁷⁾ милліоны владѣльцевъ изъ которыхъ каждый маленькій императоръ въ своей землѣ. Когда вся Европа облекается¹⁸⁾ въ неприступные замки съ башнями и зубцами и твердыя крѣпости усѣиваютъ *всю* поверхность *земли* когда *вся* воспитанная взаимнымъ страхомъ¹⁹⁾ сила рыцарей дѣлается почти львиною²⁰⁾ и заковывается съ ногъ до головы въ желѣзо тяжести котораго ни прежде ни послѣ не выносилъ человекъ и грубо независимо развивается²¹⁾ самостоятельная гордость души²²⁾. Казалось *они должны*

1) X изд.; Эти. 2) Наверху написано и не зачеркнуто, но по смыслу къ этому мѣсту не подходит: на которыхъ обозначено. 3) Далѣе зачеркнуто: *касающейся*. 4) X изд.: Степи, гдѣ и т. д. 5) Внизу зачеркнуто: и мрачнелицыхъ монголовъ. 6) X изд. вариантъ: «милліонъ народа... на замерзшемъ озерѣ». 7) Надо: на Волгѣ. 8) X изд. вариантъ: «Такого быстраго распространенія... ни новая исторія». 9) X изд.: о важной торговлѣ. 10) Внизу зачеркнуто: стягивая сокровища богатства. 11) Мысль не окончена самимъ Гоголемъ. 12) X изд.: мысль перефразирована. 13) X изд.: Несравненно оригинальнѣе. 14) X изд.: во время и... 15) X изд.: еще. 16) Внизу зачеркните: она вся облекается. 17) X изд.: того. 18) Внизу зачеркнуто: одѣвается. 19) X изд.: и битвами. 20) Далѣе зачеркнуто: облекаетъ, видимо, не кончено. 21) Внизу зачеркнуто: воспитывается. 22) Далѣе зачеркнуто: это безпредѣльное уваженіе къ настоящему.

бы совершенно закалиться чувствами и сдѣлать ихъ такими безчувственными какъ непроницаемыя латы ихъ. Но какъ чудно они смягчаются и это смягчаетъ явление, которое тѣмъ болѣе удивительно что составляетъ совершенный контрастъ съ ихъ нравами ¹⁾. Это все общее. и безпредѣльное уваженіе къ женщинамъ ²⁾. Женщина среднихъ вѣковъ является какимъ-то Божествомъ. Для нея томятся турниры, для нея ломаются копья. Бя розовая или голубая лента вьется на шлемахъ и латахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы. Для ней суровый рыцарь удерживаетъ свои неукротимыя ³⁾ страсти, также мощно какъ арабскаго бѣгуна своего налагаетъ на себя обѣты изумительные и неподражаемые по своей строгости къ себѣ и все ⁴⁾ что бы быть только достойнымъ повергнуться къ ногамъ своего божества. Если эта возвышенная любовь удивительна то влияніе ея на нравы достойно еще большаго изумленія. Вся эта кочующая странническая жизнь на которую обрекли себя рыцари, которая обратила всю Европу въ какую-то шумную движущуюся столицу сколько опытовъ сколько приключеній представляла она каждому ⁵⁾ и какъ самыя ихъ взаимныя столкновенія ⁶⁾ вмѣсто того чтобы ослабить ⁷⁾, какъ то ⁸⁾ дѣлается въ періодахъ исторіи когда роскошь развѣдаютъ раны нравственной болѣзни народовъ и алчность выгодъ ⁹⁾ выводитъ за собою низость лести и способность устремиться на всѣ утонченныя ¹⁰⁾ низости и пороки ¹¹⁾. Пороки народовъ образованныхъ не могли коснуться рыцарства Европы ¹²⁾ Едва только появились улучшения для жизни которыя подносили Венеція и Ганза начали отодвигать рыцарей отъ ихъ обѣтовъ и строгой жизни и разогрѣвало въ нихъ сердце ¹³⁾ уменьшать энтузіазмъ религіозный ¹⁴⁾ появился новый родъ обществъ ¹⁵⁾ связанныхъ такими неразрывными узами какими ни одно общество ни въ какомъ періодъ исторіи не было связано не для своей пользы не для своего существованія, что обыкновенно дѣлается съ цѣлью общества ¹⁶⁾ Но... эти необыкновенныя явленія могутъ.

¹⁾ X изд. стр. 125: мысль перефразирована, 17 строчка снизу. ²⁾ X изд.: женщинѣ. ³⁾ Надо: неукротимыя. ⁴⁾ X изд.: для того. ⁵⁾ X изд., далѣе идетъ фраза: Все благородство въ характерѣ европейцевъ было ея слѣдствіемъ. ⁶⁾ X изд., риторическій вопросъ: А вся эта странническая жизнь и т. д. Незначительный вариантъ, послѣдняя строчка снизу, стр. 125: доставившая тысячи опытовъ и приключеній каждому и произведшая въ послѣдствіи въ европейцахъ жажду къ открытію новыхъ земель! ⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: сила ихъ обрѣ(е)вла. X изд.: брани и битвы, вѣчно неспокойное положеніе! ⁸⁾ X изд.: всеобщій духъ и напряженіе, стр. 126, сверху. ⁹⁾ X изд.: обыкновенно. ¹⁰⁾ X изд.: личныхъ. ¹¹⁾ Внизу зачеркнуто: возможныя. ¹²⁾ X изд.:—вмѣсто этого, они только укрѣпили и развили ихъ. ¹³⁾ X изд.: казалось, Провидѣніе бодрствовало надъ нимъ неуспешно и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его. ¹⁴⁾ X изд., стр. 126, мысль перефразирована. ¹⁵⁾ X изд.: какъ появившіяся чудныя, небывалыя никогда дотолѣ общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совѣстью передъ народами Европы. ¹⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: связанныхъ такою крѣпостью. ¹⁷⁾ X изд., стр. 126, 15-я строка сверху, мысль окончательно перефразирована, вслѣдствіе чего есть варианты.

только произвести одни средние вѣка наложеніемъ для себя строгой обязанности наблюдать за всѣмъ міромъ уничтожить все то, что составляетъ желаніе человека и жить для всего человечества быть прочными неумолимыми защитниками вѣры Христовой все принести въ жертву и отказаться отъ всѣхъ выгодъ жизни ¹⁾). Нечудесно ли это явленіе? Эту энергію и силу для него скопленные только было вычерпнули ²⁾ изъ среднихъ вѣковъ. И какъ только ордена рыцарей ³⁾ стали уклоняться отъ своей постоянной цѣли и стали обращать глаза на другія какъ они ⁴⁾ начали заражаться желаніемъ добычи и корысти какъ ⁵⁾ только роскошь заставляла живѣе привязываться къ собственной жизни они стали болѣе походить на тѣхъ за которыми сами наложили на себя неусытное ⁶⁾ смотрѣніе. Однимъ словомъ какъ только немного пошатнулся общій энтузіазмъ какъ уже новое явленіе чудеснымъ образомъ стремится поддержаться ⁷⁾. Возникаютъ страшные тайные суды неумолимыя, неотразимыя какъ высшія предопредѣленія ⁸⁾. Ни слава, ни состоянныя ⁹⁾, ни даже самая корона не спасаютъ и не отгнѣняютъ разъ произнесенный приговоръ ¹⁰⁾. Незнаемыя невидимыя какъ судьба гдѣ нибудь ¹¹⁾ въ глуши лѣсовъ подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья они грозно взвѣшивали и разбирали всю жизнь и дѣла того которому посреди необъятныхъ своихъ владѣній и ¹²⁾ сотни покорныхъ вассаловъ и въ мысль не приходило ¹³⁾ есть ли гдѣ въ мірѣ выше его власть и если эти подземныя тайныя суды разъ ¹⁴⁾ произнесли ¹⁵⁾ обвиняющее слово,—все кончено. Напрасно самый властитель грозою могущества своего становится труднымъ ¹⁶⁾ приближеніе къ себѣ напрасно золото его залѣпливаетъ ¹⁷⁾ уста его приближенныхъ ¹⁸⁾ неумолимый кинжалъ настигаетъ его на концѣ міра осторожно крадется мимо пышной толпы придворныхъ изъ за плечъ его друга его вѣрной жены проскальзываетъ онъ и настигаетъ его ¹⁹⁾.

А самый образъ занятій ²⁰⁾ неясныхъ образованій это всеобщее устремленіе всѣхъ къ чудесной наукѣ. Это ²¹⁾ желаніе выпытать и познать таинственную силу въ природѣ эта алчность съ какою ²²⁾ ударились въ волшебство и чародѣйственныя науки на которыхъ ясно кипитъ признакъ европейскаго любопытства безъ котораго

¹⁾ X изд., стр. 126, строчка 20 и далѣе, фраза нѣсколько варьирована, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ словъ. ²⁾ X изд., построеніе фразы другое. ³⁾ X изд.: рыцарскіе. ⁴⁾ X изд.: только. ⁵⁾ Внизу зачеркнуто: когда. ⁶⁾ X изд.: сами же. ⁷⁾ Надо: поддержаться. ⁸⁾ X изд.: являющіяся уже не совѣстью передъ вѣтреннымъ міромъ, но страшнымъ изображеніемъ смерти и казни. ⁹⁾ Внизу зачеркнуто: богатства. X изд.: обширныя земли. ¹⁰⁾ X изд., родители. падежъ. ¹¹⁾ Внизу зачеркнуто: въ своихъ. ¹²⁾ Внизу зачеркнуто: среди. ¹³⁾ Внизу зачеркнуто: не могъ взять. ¹⁴⁾ Внизу зачеркнуто: рѣшала. ¹⁵⁾ X изд.: произносила, стр. 127, 4-я строка. ¹⁶⁾ X изд.: затруднить. ¹⁷⁾ X изд.: залѣпляетъ. ¹⁸⁾ X изд.: и заставляетъ всѣхъ прославлять его. ¹⁹⁾ X изд., варианты, но незначительныя. ²⁰⁾ X изд.: царствовавшій въ срединѣ и концѣ среднихъ вѣковъ. ²¹⁾ Далѣе зачеркнуто: всеобщее. ²²⁾ X изд.: всѣ.

науки никогда бы не развились и не достигли нынѣшняго совершенства. *Это ужасное гониміе* ¹⁾ *изъ эта* ²⁾ простодушная вѣра въ духовъ и даже самыя обвиненія въ сообщеніи съ ними. *Несоставляетъ ли это чудесности почти сказочной. Какъ только такъ быстро такъ неотразимо, такъ сверхъестественно дѣйствуетъ человекъ незнающій что такое слово невозможность.*

А эти занятія алхиміей считавшейся самой великой и тяжелой ³⁾... вѣнецъ учености ⁴⁾ среднихъ вѣковъ въ которой заключено самое дѣтское желаніе открыть *такое свойство чтобы все обращалось въ золото найти такое средство, которое бы вдругъ доставило человеку всевозможное счастье.* Представьте себѣ какой нибудь германскій городъ въ средніе вѣки эти узинскія ⁵⁾ неправильныя улицы высокія пестрыя готическія ⁶⁾ домики и среди ихъ ветхій почти валящійся ⁷⁾ щитаемый ⁸⁾ необитаемый по растреснувшимся стѣнамъ котораго лѣвится мохъ и *ветхость* ⁹⁾. *Стави оконъ глухо заколочены это жилище Алхимика ничто не говоритъ о присутствіи живущаго но въ глухую ночь голубоватый дымъ вылетая изъ трубы докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи уже состарѣвшагося* ¹⁰⁾ въ своихъ исканіяхъ вѣчно неразлучнаго съ надеждою и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ *этого жилища гдѣ* ¹¹⁾ духи основали пріютъ свой и гдѣ вмѣсто духовъ основало жилище неугасимое желаніе непреборенное любопытство живущее только ¹²⁾ собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже отъ неудачи—первоначало ¹³⁾ всего европейскаго духа которое ¹⁴⁾ преслѣдуетъ инквизиція и *проникаетъ* ¹⁵⁾ во все *потайныя* ¹⁶⁾ мышленія человека оно вырывается мимо и облеченное страхомъ еще съ большимъ наслажденіемъ *придается* ¹⁷⁾ своимъ занятіямъ. *А сама инквизиція какое мрачное и ужасное явленіе. Железныя* ¹⁸⁾ *когти страшно протягиваются* ¹⁹⁾ *изъ монастырскихъ стѣнъ изъ подъ монашескихъ и хватаютъ безъ различія всехъ на кого только пало подозрѣніе.*

Подъ безчисленными монастырскими сводами и переходами производятся допросы не вѣрящіе никакимъ оправданіямъ. Тѣлесныхъ мукъ безчисленны орудія пытокъ вѣрящіе одному свидѣтельству изобрѣтательности ума иноковъ-изувѣровъ ²⁰⁾. *Какія ужасныя границы налагаются безпредѣльной человеческой алчности знать все и*

1) Надо: гонение. 2) X изд.: Самая даже и т. д. 3) Надо: передается. 4) Надо: желѣзные. 5) Дальше трудно разобратъ слово. X изд., стр. 127: ключомъ ко всѣмъ познаніямъ. 6) Надо: учености. 7) Надо: узенькія. 8) Надо: высокіе, пестрые, готическіе. 9) Внизу зачеркнуто: почти валящійся. 10) Надо: считаемый, зачеркнуто далѣе: почти. 11) X изд.: старость. Въ рукописи далѣе зачеркнуто: эти жильцы пост, и не окончено. 12) Внизу зачеркнуто: посѣдѣвшаго. 13) X изд.: по его мнѣнію. 14) Внизу зачеркнуто: однимъ. 15) X изд.: первоначальная стихія. 16) Далѣе зачеркнуто: напрасно, и надписано слово, которое трудно разобратъ. 17) X изд.: проникая. 18) X изд.: тайныя. 19) Далѣе зачеркнуто: непрестанно. 20) X изд., 128 стр., 9-ая строка, построена иначе фраза.

*какъ неудержимо жила эта алчность. Душа въ общей массѣ всего человечества торжествуетъ надъ тѣломъ*¹⁾).

Неединственны-ли всѣ эти явленія не подають-ли²⁾ они права назвать средніе вѣка *вѣками чудеснаго*³⁾. Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ во все теченіе этихъ десяти юныхъ вѣковъ, юныхъ потому что въ нихъ дѣйствуетъ⁴⁾ все молодое кипящее отвагою порывы и мечты *юноши* не думавшіе о слѣдствіяхъ, не призывавшіе на помощь холоднаго соображенія еще не имѣвшіе прошедшаго чтобъ оглянуться *назадъ*. Въ нихъ все было поэзія и безотчетность *отъ того-то они имѣютъ особенную привлекательность и съ ними также жаль разстаться какъ съ улетѣвшею юностью*. Вы вдругъ почувствуете переломъ когда вступите въ область Истории Новой? Перемена слишкомъ ощутительна и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря прежде воздымавшіяся и пѣнившіяся неправильными высокими буграми, но послѣ улегшіяся и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающими правильное теченіе⁵⁾.

Если можно сравнить жизнь одного человѣка съ жизнью цѣлаго человечества то средніе вѣка будутъ тоже для человечества что для человѣка время воспитанія⁶⁾. Дни его текутъ незамѣтно для свѣта дѣянія его не такъ крѣпки и зрѣлы какъ нужно для *свѣта*⁷⁾ объ нихъ никто не знаетъ но зато они всѣ слѣдствія порывовъ⁸⁾, зато безъ нихъ не *образовалась*⁹⁾ бы¹⁰⁾ дѣятельность его жизни въ кругу общества.

Теперь разсмотрите между какими колоссальными событіями заключены средніе вѣка¹¹⁾, *какія сильныя катастрофы ограничиваютъ ихъ*: Великая Имперія повелѣвавшая міромъ дряхлая, истощенная падаетъ съ нею валится полъ-свѣта и валится весь древній міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей съ писателями¹²⁾, статуями, и тяжестью роскоши и утонченнаго¹³⁾ разврата. *Этими великими событіями начинаются*¹⁴⁾ оканчиваются средніе вѣка тоже самымъ великимъ изумительнымъ событіемъ. Всеобщимъ взрывомъ подыма-

¹⁾ X изд. значительный вариантъ: инквизиція, выпускавшая изъ-подъ монашескихъ мантий свои желѣзные когти, хватавшіе всѣхъ безъ различія, кто только не предавался страннымъ и необыкновеннымъ занятіямъ; подтвердившая великую истину, что если можетъ физическая природа человѣка, доведенная муками, заглушать голосъ души, то въ общей массѣ всего человечества душа всегда торжествуетъ надъ тѣломъ. ²⁾ X изд.: даютъ. ³⁾ X изд.: чудесными. ⁴⁾ Внизу зачеркнуто подъ слогомъ—уст: ительно, и надписано: уст. ⁵⁾ X изд. идетъ значительный вариантъ: Дѣйствія человѣка въ среднихъ вѣкахъ кажутся совершенно безотчетны; самыя великія происшествія представляютъ контрасты между собою и противорѣчатъ во всемъ другъ другу; но совокупленіе ихъ вмѣстѣ, въ цѣлое, являетъ изумительную мудрость. ⁶⁾ X изд.: въ школѣ. ⁷⁾ X изд.: міра. ⁸⁾ X изд.: слѣдствіе порывовъ и обнажаютъ за однимъ разомъ всѣ внутренніи движенія человѣка. ⁹⁾ X изд.: состоялась. ¹⁰⁾ X изд.: будущая его... ¹¹⁾ X изд.: заключаетъ время среднихъ вѣковъ. ¹²⁾ X изд.: гладіаторами, стр. 129. ¹³⁾ X изд.: утонченностью. ¹⁴⁾ Далѣе въ рукописи идутъ повторенія тѣхъ же словъ.

ющимъ на воздухъ и *повергающимъ*¹⁾ въ ничто всё страшныя власти такъ деспотически ихъ обнявшіе. Власть папы потрясается²⁾ *печатные листы разносятъ громъ и молнію вдругъ во всѣхъ концахъ міра и звонятъ свободу*. Сокровища Венеціи и всемірная торговля подрываются³⁾ *стѣльмъ подвигомъ одного человѣка* и корабли *разоряченнымъ*⁴⁾ *взмахомъ раздѣляя волны невѣдомаго океана* несутся мимо средиземнаго моря *отягощеннаго сокровищами*. Усиливающейся гнетъ властей къ концу среднихъ вѣковъ⁵⁾ чтобы сильнѣе приготовить взрывъ⁶⁾.

III.

Письмо Гоголя къ сестрамъ въ Екатерининскій институтъ, изъ Рима, писанное или въ іюнѣ 1837 года, или въ іюнѣ 1838 года.

Письмо это, воспроизводимое въ приложеніи въ точномъ факсимиле, нигдѣ не было напечатано. Оно не имѣетъ даты, но должно думать, что писано въ 1837 году и прислано изъ Рима къ Н. Я. Прокоповичу, его другу и издателю его «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Прокоповичъ обдѣлывалъ личныя дѣла Гоголя въ Петербургѣ не только во время его второй заграничной поѣздки, но и раньше и позже, часто присылалъ ему деньги взаймы и т. д. Это были школьные друзья.

Отъ 21/9 іюля 1837 года онъ пишетъ ему изъ Баденъ-Бадена.

«Получилъ ли ты письмо мое изъ Рима? Въ немъ были, между прочимъ, два письма въ институтъ. Если ты ихъ не отдавалъ туда, то и *не отдавай*⁷⁾. Пусть останутся у тебя»⁸⁾.

Прокоповичъ, видимо, просьбу друга исполнилъ и письма оставилъ у себя. Вѣроятно, это были письма: одно къ сестрамъ общее, а другое къ какому нибудь другому лицу. Сохранившіеся вмѣстѣ съ другими бумагами, они отъ Прокоповича перешли къ Гоголю,

¹⁾ X изд.: *ображающимъ*. ²⁾ X изд. далѣе: и падаетъ, власть невѣжества подрывается. ³⁾ X изд. далѣе: и когда всеобщій хаосъ переворота очищается и проясняется, предъ изумленными очами являются: монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли и т. д. ⁴⁾ X изд.: *расширеннымъ*. ⁵⁾ X изд.: *сильный* напоръ и усиленный гнетъ властей, казалось, были для того только, чтобы и т. д.

⁶⁾ Въ X изд. идетъ конецъ, котораго въ рукописяхъ нѣтъ:

Умъ человѣка, задвинутый крѣпкою толщею, не могъ иначе прорваться, какъ собравши всё свои усилія, всего себя. И оттого-то, можетъ быть, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытій, какъ XV,—вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются средніе вѣка, величественные, какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные, какъ его пересѣкаемые одинъ другимъ своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и куча изузоривающихъ его украшеній, возвышенные, исполненные порывовъ; какъ его летящіе къ небу столпы и стѣны, оканчивающіяся мелькающимъ въ облакахъ шпигельмъ.

⁷⁾ Курсивъ нашъ. ⁸⁾ «Письма» Гоголя, изд. В. Шенрока, т. I, стр. 453, XXX.

по его просьбѣ, и затѣмъ достались пр. Погодину, а отъ его вдовы П. Я. Дашкову.

Что это было то именно письмо, о которомъ Гоголь просилъ Прокоповича, видно по самому содержанію, гдѣ онъ рассказываетъ о климатѣ Италіи, о празднествѣ въ тридцати верстахъ отъ Рима и т. д. Письмо это впервые появляется въ печати.

Остальныя письма имѣютъ точно обозначенныя даты, годъ, мѣсяцъ и число ихъ написанія.

Если эти соображенія не могутъ дать возможность удовлетворительно выяснить вопросъ о времени написанія этого письма, то въ виду упоминанія въ немъ имени Александра Семеновича Данилевскаго, второго его друга, котораго онъ называлъ то братомъ, то родственникомъ, то племянникомъ, а, въ сущности, онъ былъ ему совсѣмъ чужой человѣкъ, это письмо можно отнести и ко второй половинѣ (послѣ іюня) 1838 года.

Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, говорится:

«Это письмецо вамъ вручить нашъ добрый родственникъ Александръ Семеновичъ».

Письмо писано, несомнѣнно, изъ Рима. Дѣйствительно, въ 1838 году они путешествовали вмѣстѣ. Затѣмъ А. С. Данилевскій, видимо, уѣхалъ въ Петербургъ искать себѣ службы, и Гоголь снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ кн. П. А. Вяземскому, отъ 25 іюня 1838 года, гдѣ очень просилъ за Данилевскаго.

Онъ говоритъ, между прочимъ, о немъ:

«Примите благосклонно подателя этого письма, *брата* моего Данилевскаго» ¹⁾.

Но письмо это по назначенію доставлено, очевидно, не было, такъ какъ не зачѣмъ ему было бы быть у пр. Погодина среди другихъ бумагъ Гоголя, и это обстоятельство насъ заставляетъ думать, что письмо это, вѣроятно, застряло у Прокоповича, у котораго А. С. Данилевскій могъ остановиться на первое время своего пріѣзда изъ-за границы, а отъ него снова перешло съ остальными бумагами обратно къ Гоголю.

Но такъ какъ Гоголь попалъ въ Римъ впервые послѣ Пасхи 1837 года и пробылъ въ немъ до 1838 года, за небольшими разъѣздами въ разныя стороны, то письмо это могло быть отнесено и къ этому времени.

Милыя мои сестрицы Лиза и Аннетъ. Вы все-таки ко мнѣ напишите и нехотите писать. Вотъ уже вновь три мѣсяца, какъ я неполучалъ отъ васъ никакого извѣстія. Что вы дѣлаете, думаете

¹⁾ «Письма», т. I, стр. 514, LI.

ли обо мнѣ, обо мнѣ, который васъ такъ любить, какъ вы себѣ не можете вообразить, который для васъ готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы вы были только счастливы. А вы нехотите писать ко мнѣ. Я много бы далъ чтобы васъ увидѣть и вновь поговорить съ вами какъ, бывало помните мы говорили съ вами въ этой узинькой маленькой комнатѣ гдѣ стояло фортепіано. Это письмоцо вамъ вручить нашъ добрый родственникъ Алекс. Семеновичъ ¹⁾. Вы уже вѣрно знаете о его несчастіи. Онъ лишился своей матери. Добрая Татьяна Ивановна, у которой вы проводили иногда такъ пріятно время съ вѣрочкой ²⁾ и сестрой ея, уже умерла. Отъ него вы узнаете о мнѣ онъ расскажетъ вамъ когда и гдѣ меня видѣлъ. Мы съ нимъ провели много пріятныхъ минутъ вмѣстѣ. Напишите мнѣ кто у васъ бываетъ и съ кѣмъ вы чаще видитесь и говорите забудьте особливо ты сестрица Анетъ не забудь мнѣ написать о своемъ здоровьи. Ты часто чувствовала разнаго ³⁾ рода припадки извѣсти меня продолжаютъ ли они и въ какомъ видѣ что же касается до меня мое здоровье ⁴⁾ въ одинакомъ состояніи, несмотря на прекрасный климатъ Италіи. Если бъ ты знала какъ непріятно подъ такимъ чудеснымъ небомъ быть не совсѣмъ здоровымъ. Ахъ я вамъ расскажу кое-что о праздникѣ ⁵⁾ который былъ надняхъ въ 30 верстахъ отъ Рима въ деревнѣ Дженсано. Праздникъ этотъ называется *jovata* тоже цвѣточный. Вообразите что всѣ улицы въ городѣ были усланы ⁶⁾ и вымощены цвѣтами. Но недумайте чтобы цвѣты были набросаны просто. Совсѣмъ нѣтъ. Вы не узнаете что это цвѣты вы подумаете что это ковры разосланы по улицѣ и на этихъ коврахъ множество разныхъ изображеній все это выложено изъ цвѣтовъ. Гербы, вазы, множество разныхъ уборовъ и даже наконецъ портретъ папы. Видъ удивительный, всѣ улицы, окна, двери все это было полно народомъ. По всѣмъ этимъ цвѣтамъ должна была пройти процессія, начиная отъ двухъ церквей и обойти весь городъ. Впереди прочихъ и тотчасъ вслѣдъ за монахами шли три дѣвочки лѣтъ пяти прехорошенькія собой одѣты ангелами съ крыльями и всѣ въ ожерельяхъ. Я думаю вы знаете что въ религіи католической очень много процессій. Лѣтомъ они ⁷⁾ всегда происходятъ по улицамъ, которые ⁸⁾ въ это время биткомъ набиты народомъ. Народъ въ своихъ яркихъ пестрыхъ костюмахъ подъ италіанскимъ яркимъ небомъ дѣлаетъ удивительное зрѣлище. Окна ⁹⁾ изъ которыхъ высовывается множество лицъ. Эти окна убираются пунцовыми, малиновыми и голубыми шелковыми матеріями. Италіанцы очень любятъ глядѣть изъ окошекъ, особливо италіанки. Это для нихъ наслажденіе какъ сходить въ театръ они ¹⁰⁾

¹⁾ Данилевскій. ²⁾ Надо: Вѣрочкой. ³⁾ Надо: разнаго. ⁴⁾ Надо: здоровье. ⁵⁾ Надо: праздникъ. ⁶⁾ Надо: усланы. ⁷⁾ Надо: онѣ. ⁸⁾ Надо: которыя. ⁹⁾ Мы нигдѣ не будемъ говорить о пропущенныхъ знакахъ препинанія; при скорописи могутъ случиться и невольныя ошибки. ¹⁰⁾ Надо: онѣ.

смотреть хоть даже на улицѣ пройдетъ одинъ только козелъ или осель. Я думаю вы знаете, что итальянцы всѣ музыканты всѣ поютъ. Опера въ Римѣ теперь прекрасная. вы никогда неслыхали ничего подобнаго. Вообразите что въ Италіи нѣтъ почти ни одного самого малинькаго ¹⁾ городка въ которомъ бы не было театра а въ театрѣ оперы. Вообразите что здѣсь иногда можно провести цѣлую ночь сидя подъ окномъ и слушая пѣсни гуляющихъ все что ни возвращается поздно ночью изъ театра все это поетъ на улицахъ и повторяетъ до послѣдней всѣ слышанные ²⁾ ими Аріи ³⁾, дуэты, квартеты и хоры. Черезъ недѣлю я ѣду въ Неаполь гдѣ пробуду можетъ быть около двухъ мѣсяцевъ и гдѣ чудесная природа. Я вамъ о немъ напишу. Письма ваши отдайте на этотъ разъ Прокоповичу онъ за ними придетъ и отправитъ ихъ мнѣ если вы только неимѣете другой оказіи. Прощайте мои милые мною любимые ⁴⁾ сестрицы будьте здоровы и не забывайте меня.

Вашъ братъ Николай.

IV.

Письмо къ М. П. Погодину.

Мы не знаемъ, по какому оригиналу свѣрять г. Шенрокъ это письмо къ М. П. Погодину, но подлинное находилось въ нашемъ распоряженіи и принадлежитъ П. Я. Дашкову вмѣстѣ съ другими гоголевскими бумагами. Оно также воспроизводится въ этой (февральской) книгѣ «Историческаго Вѣстника» въ приложеніи въ точномъ факсимиле.

Тутъ есть одинъ только существенный вариантъ. Оставляя бумаги Гоголя, печатаемые здѣсь теперь, безъ измѣненія въ области транскрипціи, грамматики и стилия, мы въ выноскахъ дѣлаемъ поправки по правиламъ теперешняго правописанія. Такимъ образомъ, читатель имѣетъ, собственно, два текста—настоящій гоголевскій и такой, который долженъ былъ бы быть. Первый приѣмъ едва ли не въ первый разъ примѣняется къ печатанію бумагъ великихъ нашихъ писателей. Ошибки грамматическія не могутъ умалить ихъ духовнаго величія. Пусть знаетъ общество, что и великіе люди не всегда твердо знаютъ грамматику и ея правила. Впрочемъ, Гоголь неоднократно и самъ извинялся за свои ошибки въ письмахъ, особенно, когда онъ писалъ кому нибудь изъ кружка Пушкина и Жуковскаго, гдѣ требовалась большая осторожность, и это нисколько не вредило его репутаціи великаго человѣка.

¹⁾ Надо: маленькаго. ²⁾ Надо: слышанныя. ³⁾ Надо: аріи. ⁴⁾ Надо: милыя мною любимыя и т. т. д.

Въ общемъ, письмо почти безъ измѣненій ¹⁾).

Я получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно наполненно ²⁾ тѣмъ же чемъ ³⁾ наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбѣлъ какъ Руской ⁴⁾ какъ писатель я... я и сотою доли не могу выразить своей ⁵⁾ скорби. Моя жизнь мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя ⁶⁾ минуты моей жизни были минуты въ которые ⁷⁾ я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки я плевалъ на презрѣнную чернь *известную подъ именемъ публики*, мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ ⁸⁾ ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все что есть у меня хорошаго всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву чтобы я писалъ и ни одна строка его не писалась безъ того чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью какъ будетъ доволенъ онъ угадывалъ что будетъ нравиться ему. И это было моею высшею первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя? Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ или ты нарочно дѣлалъ ⁹⁾ такое заключеніе послѣ сильного тобой приведеннаго примѣра чтобы сдѣлать еще разительнѣе самой ¹⁰⁾ примѣръ... Для чего я приѣду? Не видалъ я развѣ дорогого зборища ¹¹⁾ нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ. *Или я не знаю что такое советники начиная отъ титулярнаго до действительныхъ тайныхъ?* Ты пишешь, что всѣ люди даже холодные были тронуты этою потерей. А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни. Развѣ я не былъ свидѣтелемъ горькихъ горькихъ минутъ, которые ¹²⁾ приходилось чувствовать Пушкину, несмотря на то что самъ Монархъ (буди за то благословенно имя его) почтилъ ¹³⁾ талантъ. О! когда я вспомню нашихъ судій ¹⁴⁾, меценатовъ, ученыхъ, умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли... Должны быть самыя ¹⁵⁾ причины когда они меня заставили рѣшиться на то начто я бы нехотѣлъ рѣшиться. Или ты думаешь

¹⁾ Въ «Письмахъ» Гоголя, собранныхъ Шенрокомъ, это письмо помѣщено въ т. I, стр. 434, XXII. ²⁾ Надо: наполнено. ³⁾ Надо: чѣмъ. ⁴⁾ Надо: русскій. ⁵⁾ Надо: моей. ⁶⁾ Надо: свѣтлыя. ⁷⁾ Надо: въ которыхъ. ⁸⁾ Гоголь часто сливаетъ отрицаніе *не* съ глаголомъ, мы не будемъ отмѣчать эти случаи, какъ известные, уже опредѣлившіяся въ рукописяхъ формы гоголевской транскрипціи. ⁹⁾ Надо: сдѣлалъ. ¹⁰⁾ Надо: самый. ¹¹⁾ Надо: зборища. ¹²⁾ Надо: которыхъ.

¹³⁾ Въ «Письмахъ» Гоголя, собранныхъ Шенрокомъ, т. I, стр. 434, тутъ:

«почиталъ (его) талантъ».

Мы не знаемъ, изъ какихъ это рукописей, но въ подлинномъ письмѣ Гоголя къ Погодину этого «его» нѣтъ, а вмѣсто слова—почиталъ другое слово, болѣе сильное и болѣе опредѣленное—почтилъ. ¹⁴⁾ «Письма»,—судей. ¹⁵⁾ Надо: самыя; у Шенрока «самыя сильныя»; по нашей рукописи послѣдняго слова нѣтъ.

мнѣ ничего что мои друзья, что вы отдѣлены отъ меня горами? Или я нелюблю нашей неизмѣримой, нашей родной русской земли? Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасные ¹⁾ небеса, мнѣ богатый искусствами и человѣкомъ. Но развѣ перо мое принялось описывать предметы могучіе ²⁾ поразить всякаго. Ни одной строки немогъ посвятить я чуждому непреодолимою связью прикованъ я къ своему ³⁾. И нашъ бѣдный неяркій мнѣ миръ нашъ, наши курныя ⁴⁾ избы, обнаженные ⁵⁾ пространства предпочелъ я лучшимъ небесамъ привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу нелюбить своей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость безмозглаго класса людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить. Нѣтъ слуга покорный. Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руки если дойдетъ до этого дѣло. Но въ своей никогда! Мои страданія тебѣ немогутъ вполне понятны. Ты въ пристани, ты какъ мудрецъ можешь перенести и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны и упираться мнѣ только на якорь гордости которую вселили въ грудь мою высшія силы, сложить мнѣ голову свою не на родинѣ ⁶⁾. Если ты имѣешь желаніе ѣхать освѣжиться и возобновить свои силы, увидѣть меня пріѣзжай въ Римъ. Здѣсь мое всегдашнее пребываніе. На іюнь и іюль ѣду въ Германію на воды и возвратившись провожу здѣсь осень зиму и весну. Небо чудное. Пью его воздухъ и забываю весь мнѣ миръ. Навиши мнѣ что-нибудь про ваши московскія гадости. Ты видишь какъ сильна моя любовь, даже гадости я готовъ слышать изъ родины.

Прощай. Твой Гоголь.

Мой адресъ: Via de Jsidoro. 17. Casa Giovanni massuci.

V.

Альманахъ „Утренняя Заря“.

«Утренняя Заря» — альманахъ, изданный въ 1842 году В. Владиславлевымъ. Гоголь его рецензировалъ и, какъ видно, изъ самого сличенія двухъ редакцій, въ окончательной формѣ рецензію укоротилъ.

Вотъ что говоритъ профессоръ Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ къ этой рецензіи:

«Въ «Москвитянинѣ» 1842 года, № 1, стр. 304—318, напечатанъ былъ разборъ альманаха «Утренняя Заря», подписанный буквами

¹⁾ Надо: прекрасныя. ²⁾ Надо: могущіе. ³⁾ Внизу зачеркнуто: своей землѣ. ⁴⁾ Надо: курныя. ⁵⁾ Надо: обнаженныя. ⁶⁾ Надо: на родинѣ.

Н. Погодинъ М. П. Погодинъ сообщилъ мнѣ, въ 1853 году, что начальныя страницы этой рецензіи (т. е. первые два §§ статьи включительно до словъ: «это сіяющая игрушка») написаны Гоголемъ. У Погодина хранился въ то время и оригиналъ этого отрывка въ двухъ экземплярахъ: одинъ черновой, другой, переписанный набѣло; тотъ и другой писаны рукою Гоголя. Отрывокъ написанъ въ началѣ 1842 года, когда вышелъ въ свѣтъ альманахъ Владиславлева «Утренняя Заря на 1842 годъ». Гоголь жилъ въ это время въ Москвѣ, въ домѣ Погодина на Дѣвичьемъ полѣ» (т. V, изд. X, стр. 681).

И все это вѣрно, такъ какъ оба эти отрывка находятся въ нашихъ рукахъ, и мы ихъ представляемъ теперь впервые.

Первая редакція.

Начнемъ ¹⁾ блестящимъ ²⁾ издѣлемъ типографической роскоши, легкимъ ³⁾ сверкающимъ цвѣткомъ приветствующимъ наступающій 1842 годъ. *Альманахъ Владиславлева съ каждымъ годомъ издается роскошнѣй* ⁴⁾. Онъ украшенъ и теперь ⁵⁾ портретами красавицъ Петербурга ⁶⁾ Портретъ Великой Княгини Марьи Александровны предводитъ ими... и вѣрно останоятся всѣ читатели ⁷⁾ выраженіе и мысль ⁸⁾ сквозятъ въ чертахъ лица и какъ во ⁹⁾ что-то святое всматриваешься въ нее внимательнѣй, всякой ¹⁰⁾ Русской предъ новымъ годомъ вѣрно не безъ ¹¹⁾ полной гордости для русскаго сердца ¹²⁾ видя что едва ли красавицы сѣвера не возьмутъ верхъ надъ ¹³⁾ красавицами украшающими Европейскіе кипсеки... Завадовская блестятъ ¹⁴⁾ всей роскошью своей неувядаемой красотой ясность простоты отражается в... ¹⁵⁾ полнотою взгляда. Чисто славянское ¹⁶⁾ виднѣтся въ профили А. Барятинской... Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ дѣло совершенно новое ихъ будетъ разсматривать съ жадностью... ¹⁷⁾ отдаленной Россіи куда едва доходитъ слухъ о столицѣ ¹⁸⁾ не одинъ одареннымъ высокимъ художественнымъ чувствомъ.

¹⁾ Зачеркнуто: съ. ²⁾ Далѣе зачеркнуто произв. не окончено. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: блестящ., не окончено. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: бумага, картинки, печать—сіяющая игрушка; трудно разобрать, что надписано наверху. ⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: шесть портретовъ красавицъ Петербурга. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: невольно останоятъ и затѣмъ какое-то слово не окончено. ⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ обѣщана. ⁸⁾ Далѣе зачеркнуто: означены. ⁹⁾ Далѣе трудно разобрать. ¹⁰⁾ Надо: всякій. ¹¹⁾ Далѣе что-то надписано, но разобрать трудно. ¹²⁾ Внизу что-то написано и немного далѣе, но разобрать трудно. ¹³⁾ Въ рукописи: на. ¹⁴⁾ Что-то надписано, но разобрать трудно. ¹⁵⁾ Далѣе не разборчивы два слова. ¹⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: красота. ¹⁷⁾ Далѣе не разборчивое слово. ¹⁸⁾ Внизу зачеркнуто цѣлое выраженіе, которое трудно разобрать.

На этотъ годъ вѣроятнo всякой будетъ еще радостнѣе дарить или получать *альманахъ* Утренняя Заря. *Это блестящее произведение будетъ тамъ подвергнуто суровой критикѣ.* Она предъ нимъ остановится какъ предъ... ¹⁾ мотылькомъ или цвѣткомъ боясь дуновеньемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержание ²⁾ соотвѣтствуетъ назначенно. Оно для легкаго будуарнаго чтенія красавицы. Свѣтскость слога гладкость языка и приличье въ повѣстяхъ и ³⁾ въ легкихъ граціозныхъ стихахъ. Словомъ это сіяющая игрушка. *Повѣсть самого издателя блещетъ легкостью и живостью искусство незначащій сюжетъ обратиться въ занимательный. Изъ стихотвореній. . . .* ⁴⁾ Но пусть лучше разноситъ этотъ блестящій мотылекъ по всемъ угламъ ⁵⁾ Россіи свои поздравленія ⁶⁾ съ новымъ годомъ вслѣзъ отъ Камчатки до береговъ сіяющей Тавриды.

Вторая редакція.

Начнемъ блестящимъ издѣліемъ типографской роскоши, легкимъ сверкающимъ цвѣткомъ привѣтствующимъ наступающій 1842-й годъ.

Альманахъ украшенъ семью портретами. Портретъ Ея Императорскаго Высочества Марьи Александровны занимаетъ первое мѣсто.

Выраженіемъ и мыслью сквозятъ черты его, и вѣрно всякой Русской наканунѣ новаго года всмотрится въ нихъ внимательней, какъ во что то свѣтлое, пророческое. Всѣ прочіе портреты прекрасны. Не безъ тайной внутренней гордости разсматриваемъ ихъ видя что едва ли красавицы сѣвера не возьмутъ верхъ надъ красавицами украшающими Европейскіе кипсеки. Портретъ графини Елены Михайловны Заводовской блещетъ всею роскошью ея неувядаемой красоты. Свѣтлая яность простоты отражается въ лицѣ графини Софьи Александровны Бенкендорфъ.

Южной полнотой взгляда озарено лицо баронессы Екатерины Николаевны Менгденъ... Наконецъ, типъ чисто-славянской красоты видѣнъ въ профилѣ княжны Марьи Ивановны Бярятинской. Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ есть у насъ дѣло еще новое. Ихъ будетъ разсматривать съ жадностью житель отдаленнаго угла Россіи куда едва доходятъ слухи о столицѣ и не одинъ одаренный высокимъ художественнымъ вкусомъ полюбуется ими,

Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты ⁷⁾

¹⁾ Трудно разобрать эпитетъ. ²⁾ Далѣе зачеркнуты плохо разбираемыя слова, за исключеніемъ «вполнѣ». ³⁾ Зачеркнуто далѣе: въ стихахъ. ⁴⁾ Далѣе трудно разобрать. ⁵⁾ Внизу зачеркнуто: пространствамъ. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: ихъ. ⁷⁾ Слѣва этихъ стиховъ, на полѣ, Гоголемъ написано «эти стихи курсивомъ».

какъ сказалъ Пушкинъ. И всякій на этотъ текущій годъ будетъ еще радостнѣй дарить или получать Утреннюю Зарю, жаль подвергнуть это блестящее издѣлье строгому ¹⁾ перу суровой критики. Она предъ нимъ остановится, какъ передъ нѣжнымъ мотылькомъ или цвѣткомъ боясь дуновеньемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержанье его вполне соответствуетъ своему значенію. Это легкое будуарное чтенье красавицы. Свѣтской слогъ, гладкость языка, строгое приличье во многихъ повѣстяхъ и легкая граціозность нѣкоторыхъ стиховъ словомъ это сіяющая игрушка.

Повѣсти самого издателя блестятъ живостью и легкостью. Въ нихъ тоже обычное ему искусство пезначуіій предметъ обращать въ занимательный. Картезіанскій монастырь Жуковой и Черногорецъ Надеждина выходятъ рельефнѣе другихъ. Что до стиховъ то читатель вѣрно остановится надъ Любовью Мертвеца Лермонтова, Дорожною думою князя Вяземскаго кромь того мелькаютъ въ Утренней Зарѣ имена Кольцова Бенедиктова графа Сологуба Кукольника. Но зачемъ рассказывать что въ ней есть. Читатель найдетъ. Пусть лучше разносится этотъ блестящій мотылекъ по вѣсьмъ концамъ Россіи и свѣтло поздравляетъ съ новымъ годомъ вѣсьхъ отъ Камчатки до береговъ Тавриды ²⁾.

VI.

Отрывки.

Въ числѣ рукописей Гоголя находятся, между прочимъ, кусочки, несвязанные между собой ни единствомъ мысли, ни единствомъ плана. Они не могутъ претендовать на какое нибудь литературное значеніе въ общей сокровищницѣ Гоголевскихъ созданій, а имѣютъ единственною цѣлью пополнить ее.

Мы ихъ не замѣтили ни въ пяти томахъ X изданія «Сочиненій» Гоголя, ни въ двухъ дополнительныхъ, изданныхъ подъ редакціей Шенрока. Можно думать, что эти отрывки и урѣзки мыслей появляются въ печати впервые, но даже если они и были, чего мы не замѣтили, то и тогда интересъ къ нимъ можетъ быть только посредственный.

Смотрю долго, а вѣсьхъ не знаю. Вы натурально берете мужа которой понадежибѣ, пообразованнѣе, человекъ бывалый.

Вы вѣсь такіе достойные господа что вдругъ я никакимъ образомъ не могу рѣшиться. Позвольте мнѣ я подумаю хорошенько поразмышляю, а тогда уже скажу прямо. Теперь позвольте мнѣ просить васъ откушать хлѣба и соли...

¹⁾ Внизу зачеркнуто: черствому. ²⁾ Все набранное курсивомъ въ рукописи зачеркнуто Гоголемъ.

Нѣсколько строкъ изъ «Мертвыхъ душъ»... ¹⁾ другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все что ежеминутно предъ-очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мѣлочей ²⁾, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земля и ³⁾ подъ часъ горькая и скучная дорога, крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшего выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи.—Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему незрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ;...

Есть еще такія ⁴⁾ мѣста на землѣ нашей холодъ вѣчной зимы круглый годъ итакъ скучно въ тѣхъ мѣстахъ такъ уныло какъ будто ничего нѣтъ живаго тамъ ни травки ни деревца только недѣли надвѣ зазеленѣетъ мохъ наземлѣ и послѣ опять все снѣгъ все снѣгъ люди такіе маленькіе такіе бѣдныя ⁵⁾, ходятъ все въ шубахъ и никогда непокидаютъ ихъ, только и дѣла что ловятъ рыбу и оленей которыми ⁶⁾ одними только и живутъ тамъ. Снѣгъ тамъ массой и его пройти нельзя въ батинкахъ ⁷⁾ или сапогахъ потому что тотчасъ можно провалиться, и бѣдные люди тамошніе чтобы помочь этому придѣлываютъ подъ сапоги себѣ ⁸⁾ маленькіе саночки, которыхъ называютъ *лыжами* и съ которыми они гоняются за звѣрями, хотите ли вы знать что это за люди? Это камчадалы, эскимосы, самоѣды.

VII.

Семилѣтняя война.

Марьи Терезіи было очень непріятно, что она принуждена была уступить Фридриху Силезію. Войска въ Австріи безпрестанно набирались. Франція и Россія заключили съ нею тѣснѣйшій союзъ все это нешло изъ виду Фридриха Великаго. Желая предупредить своихъ непріятелей онъ вдругъ ворвался (въ 1756) въ Саксонію. Овладевъ ею вступилъ въ Богемію и осадилъ Прагу. Фельдмаршалъ Даушъ, съ войскомъ вдвое болѣе Фридрихова пришелъ на помощь къ осажденному городу и заставилъ короля вступить въ сраженіе при *Коллинъ* (въ 1757) пруссаки сражались

¹⁾ Знаменитыя строки изъ VII главы «Мертвыхъ душъ», X изд., т. III, стр. 131.

²⁾ Надо: мелочей. ³⁾ Внизу зачеркнуто: дерзнувшего. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: земли.

⁵⁾ Надо: бѣдные. ⁶⁾ Внизу зачеркнуто: одну только ее ѣдятъ. ⁷⁾ Надо: ботинокъ. ⁸⁾ Внизу зачеркнуто: къ сапогамъ своимъ,

отчаянно, король присутствовалъ вездѣ, но все было напрасно, онъ былъ разбитъ. Это ободрило его непріятелей. Нѣмецкіе имперскіе чины даже отрѣшили его отъ престола. Между тѣмъ русское войско подъ начальствомъ Апраксина вступило въ Пруссію. При *Гросс-Егерндорфтѣ* Прусскій Король былъ разбитъ совершенно, несмотря на непреоборимое свое мужество. Казалось все оставило короля и Ему опредѣлено было погибнуть. Полководецъ Его Винтерфельдъ былъ убитъ Австрійскія войска стали показываться около Берлина. Взяли Швейницъ. Но Фридрихъ далекъ былъ отъ унынія и въ рѣшительную минуту показалъ всю твердость души и непреклонное терпѣніе. Въ томъ же году при небольшой деревнѣ *Росбахъ* собравши всѣ свои силы напалъ онъ на Австрійскую и Французскую армію и одержалъ къ всеобщему удивленію знаменитую побѣду и давши роздыхъ своему войску. Еще съ большею ¹⁾ силою напалъ на непріятельскія Арміи при *Лейтентѣ*. Здѣсь военное искусство восторжествовало но Лейтенская побѣда подняла его съ края гибели на верхъ славы и щастія ²⁾. Марья Терезія обратилась снова къ Россіи. Русскіе подъ начальствомъ Фермора вступили снова въ Пруссію. Осадили Кеннесбергъ. Фридрихъ поспѣшилъ на помощь и встрѣтилъ ихъ при *Цорндорфтѣ* (1758). Сраженіе было кровопролитно. Потери съ обѣихъ сторонъ велики. Русскіе видя непреодолимую отчаянную твердость Фридриха отступили. Фридрихъ обратился на Австрійцевъ при деревнѣ *Гохкирхенѣ* завязалась отчаянная битва. Фридрихъ и его воско ³⁾ оказывало чудеса. Все свое знаніе въ военномъ дѣлѣ истощилъ онъ и несмотря на это долженъ былъ уступить. Его фельдмаршалъ Кейтъ былъ убитъ. Его войска были разбиты множество взято было въ плѣнъ. Но собравши остатки, стройно и въ удивительномъ порядкѣ отступилъ онъ отъ Гохкирхена. Фельдмаршалъ не смѣлъ напасть на него. Фридрихъ и побѣжденный былъ для него страшенъ. Въ слѣдующемъ году непріатели Фридриха соединились противъ него съ новыми силами при Куненсдорфѣ.

1) Надо: большею. 2) Надо: щастія. 3) Надо: войско.

VIII.

Вѣкъ Людовика IV ¹⁾.

Вся вторая ²⁾ половина 17 столѣтія называется вѣкомъ Людовика IV ³⁾. Это былъ вѣкъ славы для Франціи ⁴⁾ въ это время она стала на ⁵⁾ блистательную степень государства Людовикъ ⁶⁾ имѣлъ много ума, еще болѣе тонкаго вкуса любезности и въ первые годы своего царствованія показалъ ⁷⁾ и необыкновенную ревность къ наукамъ художествамъ торговлѣ и искусствамъ. На всемъ было означенно ⁸⁾ его покровительство. При дворѣ французскомъ собралось все изящное тогда въ Европѣ все закипѣло жизнью явилась академія наукъ показались театры.

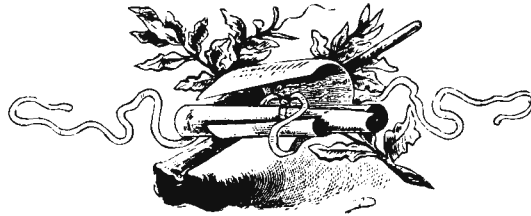
Смѣшилъ всѣхъ комедіей Расинъ создалъ французскую трагедію Буало, писалъ правила и училъ тогдашнихъ поэтовъ. Министръ Людовика Кольбертъ завелъ фабрики шелковыя зеркальныя драгоцѣнныхъ ковровъ и собралъ въ не долгомъ времени огромное богатство. Вся Европа собиралась въ Парижъ веселиться и наслаждаться жизнью. Но Людовикъ неимѣлъ мѣры своей щедрости и обратилъ ее послѣ въ безумную расточительность. Кромѣ того онъ еще хотѣлъ увеличить свою славу подвигами военными и новыми пріобрѣтеніями къ своему государству. Прежде всего хотѣлъ онъ покорить часть Голландіи и французы почти скоро прославились за военные дѣла. Полководцы Конде и Тюренъ побѣждали вездѣ куда ни приходили. Король пріобрѣлъ атрибутъ и множество Голландскихъ городовъ но дорого заплатился за это. Вся Европа обратилась противъ него. Тюренъ умеръ казна истрачена а Людовикъ послѣ многихъ войнъ, принужденъ былъ заключить миръ въ Рисквиксѣ въ 1697 году.

Всѣ богатства собранныя Кольбертомъ пропали но король предпринялъ еще новую войну за наслѣдство Испанскаго престола на который онъ хотѣлъ возвестъ внука своего Филиппа и снова почти вся Европа вооружилась противъ Людовика. Война была не изъ счастливыхъ ⁹⁾ для французовъ. Англійскій генераль Мальбругъ и Австрійскій принцъ Евгенийъ разбивали вездѣ французовъ и изнуренная Франція войнами голодомъ склонилась къ миру ¹⁰⁾ заключенному въ Утрехтѣ въ 1713 г. Людовикъ былъ сильно уни-

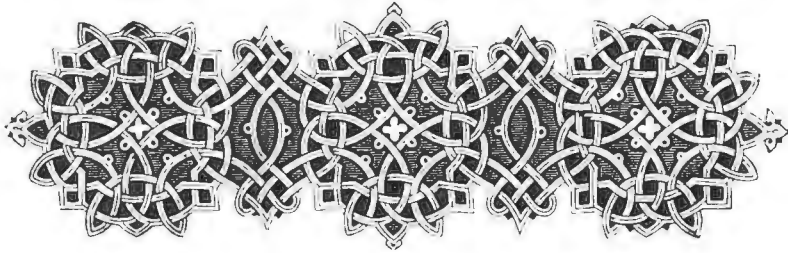
¹⁾ Очевидно, тутъ Гоголь описался. Думаемъ, что нужно не Людовикъ IV, а Людовикъ XIV, такъ какъ далѣе упоминаются Расинъ, Буало и министръ Людовика Кольбертъ. ²⁾ Надписаной незачеркнуто: первая. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: Франція показала въ это время самымъ блистательнымъ... ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: Въ царствованіе Людовика. ⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: самую. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: въ первые годы своего царствованія. ⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: свое покровительство. ⁸⁾ Надо; означено. ⁹⁾ Надо: счастливыхъ. ¹⁰⁾ Надо: миру.

женъ. Франція его расточительностью была доведена до жалкаго состоянія. Долги ея были огромны. Народъ въ бѣдности и развратѣ, посреди такихъ нещастій которыхъ онъ самъ былъ причиною. Умеръ король Людовикъ IV ¹⁾ въ 1715 на 79 году своего рожденія.

Спустя нѣсколько времени послѣ смерти Людовика IV вся Европа была занята войною за наслѣдство Австрійскихъ владѣній. Императоръ Австрійскій Карлъ VI объявилъ прагматическую санкцію, по какой дочь его Марія-Терезія должна была послѣ него взойти на престолъ ²⁾. Фридрихъ II еще мало извѣстный въ то время король прусскій, сталъ требовать Силезію. Курфирстъ Баварскій даже провозгласилъ себя императоромъ и уже короновался. Европейскія государства приняли однѣ сторону Марьи Терезіи другія курфирста третіи ³⁾ Фридриха. (съ помощью однако же вѣрныхъ своихъ венгерцевъ, Марья Терезіи удалось восторжествовать надъ первымъ своимъ непріятелемъ а съ Фридрихомъ заключить миръ ⁴⁾) сначала въ Бреславлѣ потомъ въ Ахенѣ 1718 по коему вся Европа признала Силезію, принадлежащей Фридриху.

¹⁾ Надо: XIV. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: Въ то время Марья Терезія взошла на Императорскій престолъ. ³⁾ Надо: третьи. ⁴⁾ Надо: миръ.

ОТЕЦЪ ГОГОЛЯ.

ОДНОЙ изъ первыхъ задачъ, возникающихъ передъ историкомъ жизни художника, писателя, является тщательное, вѣрное дѣйствительности описаніе среды, въ которой протекло его дѣтство, и выясненіе тѣхъ вліяній, которыя бессознательно воспринимались имъ въ дѣтскіе годы. Первое мѣсто въ этой средѣ занимаютъ люди и, прежде всего, семья, отецъ и мать. Вліяніе послѣднихъ выражается и непосредственнымъ образомъ въ сознательномъ управленіи жизнью ребенка, и посредствомъ, черезъ психическое воздѣйствіе ихъ личности. На душевномъ складѣ ребенка всегда отражается тотъ типъ, представителями котораго являются его родители и близкіе. Въ жизни Николая Васильевича Гоголя обстановка дѣтскаго возраста, изображаемая въ большинствѣ случаевъ несоответственно дѣйствительности, имѣла большое значеніе, повліявъ и на складъ его личности и на характеръ его творчества. Основной тонъ этой обстановки—сѣрая, средняя, будничная жизнь, поглощенная мелкими личными интересами; въ ней останавливаютъ наше вниманіе обиліе житейской пошлости, которую Гоголь всю жизнь изображалъ въ своимъ произведеніяхъ, и отсутствіе здороваго идеализма. Маленькими людьми были и мать и отецъ Гоголя: только историки ихъ знаменитаго сына вывели ихъ изъ забвенія и нѣсколько приподнято изобразили ихъ личности. Отецъ Гоголя, правда, извѣстенъ, какъ авторъ веселыхъ малороссійскихъ комедій, но есть основанія думать, что, не будь на свѣтѣ Николая Васильевича, историки малорусской драматиче-

ской литературы врядъ ли бы вспомнили о Василии Аѳанасьевичѣ Гоголѣ—Яновскомъ, такъ какъ врядъ ли бы сохранилась память о его драматическомъ творествѣ. Но Василий Аѳанасьевичъ Яновскій для насъ интересенъ, главнымъ образомъ, какъ отецъ Гоголя, какъ человѣкъ, имѣвшій вліяніе на него и передавшій нѣкоторыя черты своего психическаго склада сыну. А сынъ впоследствии писалъ: «Я уже отъ многихъ своихъ недостатковъ избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться». Василий Аѳанасьевичъ умеръ въ 1825 году, когда сыну было 16 лѣтъ, и онъ уже въ продолженіе 4 лѣтъ учился въ Нѣжинѣ. Конечно, Николай Васильевичъ очень любилъ своего отца, но мы не можемъ сказать, имѣлъ ли онъ опредѣленные представленія о характерѣ своего отца, выдѣлялась ли въ нихъ личность Василия Аѳанасьевича, какъ положительный типъ изъ среды мелкихъ, сѣрыхъ людей, окружавшихъ и отца и сына. Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно отрицательно отвѣчать на послѣдній вопросъ, если принять во вниманіе, что въ письмахъ Гоголя кромѣ тѣхъ фразъ, которыми принято выражать свое отношеніе къ родителямъ, мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на то, что Гоголь цѣнилъ отца, какъ человѣка, стоящаго выше средняго уровня, одареннаго высокими качествами души. Личность отца Гоголя была извѣстна намъ по воспоминаніямъ его близкихъ, по запискамъ Кулиша, почерпнувшего весь матеріалъ изъ этихъ же воспоминаній. Понятна доля субъективизма въ оцѣнкѣ личности Василия Аѳанасьевича. Въ нашемъ распоряженіи находятся семейныя бумаги отца Гоголя: его документы, переписка его съ отцомъ, матерью, съ своей женой, знакомыми, дѣловыя бумаги. Пользуясь главнымъ образомъ ими, попробуемъ дать характеристику Василия Аѳанасьевича.

I.

О дѣдѣ Гоголя и отцѣ Василия Аѳанасьевича, Аѳанасіи Демьяновичѣ, и его женѣ Татьянѣ Семеновнѣ, урожденной Лизогубъ, рассказываютъ, что они послужили прототипомъ супружеской четы старосвѣтскихъ помѣщиковъ; впрочемъ, рядомъ съ этимъ, рассказываютъ еще о нѣсколькихъ старичкахъ, будто бы тоже давшихъ матеріалы для изображенія Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. То, что намъ извѣстно о службѣ и житейскихъ отношеніяхъ Аѳанасія Демьяновича, противорѣчитъ сближенію его съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ изъ «старосвѣтскихъ помѣщиковъ». Служилъ онъ все время «у письменныхъ дѣлъ» въ полковой миргородской канцеляріи (съ 8 января 1757 года), потомъ полковымъ канцеляристомъ и полковымъ писаремъ. Немало онъ видѣлъ на своемъ

вѣку. Не разъ онъ былъ «опредѣляемъ въ указное употребленіе комисіи и въ разныя внутреннія командированія и посылки, исправляя порученныя ему дѣла съ примѣрностью и должнымъ усердіемъ безъ малѣйшаго порока и подозрѣнія добропорядочно». Былъ онъ между прочимъ и въ крымскомъ походѣ; съ 1785 года состоялъ, по выбору дворянства, въ «учрежденной въ городѣ Кіевѣ о разборѣ дворянства дѣлъ комисіи». Сохранились воспоминанія о томъ, что онъ учился въ академіи. Въ одной официальной бумагѣ Аѳанасій Демьяновичъ пишетъ о себѣ: «грамотѣ порусски, полатыни, погречески и попольски читать и писать умѣю». Въ семейныхъ бумагахъ Гоголей сохранилось очень много писемъ къ Аѳанасію Демьяновичу отъ различныхъ лицъ, его замѣтокъ и писемъ къ дѣтямъ, не имѣющихъ для насъ никакого значенія, но указывающихъ на то, что дѣдъ Гоголя былъ энергичный, бывалый человекъ, дѣятельно поддерживавшій отношенія съ своими многочисленными знакомыми и слѣдовательно мало былъ похожъ на Аѳанасія Ивановича.

Намъ неизвѣстенъ годъ рожденія Василія Аѳанасьевича, и наши свѣдѣнія по этому вопросу поставлены въ зависимость отъ официальныхъ данныхъ о службѣ Василія Аѳанасьевича, а официальные данныя очень сбивчивы и неясны. Въ бумагахъ Василія Аѳанасьевича сохранилась копія патента, въ которомъ значится: «извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы Василія Яновскаго, который намъ значковымъ товарищемъ служилъ для его оказанной къ службѣ нашей ревности и примѣрности въ наши корнеты 1787 года ноября 27 дня пожаловали и учредили». Сколько лѣтъ было въ это время корнету Василію Яновскому? Въ семейномъ спискѣ Аѳанасія Гоголя, поданномъ въ 1798 году, указано сыну Василію 15 лѣтъ, но изъ другой дѣловой бумаги уступнаго записки Семена Лизогуба на хуторъ Татьянѣ Яновской и внуку Василію, видно, что уже въ 1781 году Василій Аѳанасьевичъ жилъ на бѣломъ свѣтѣ ¹⁾. Но все равно, родился ли онъ въ 1783 году, какъ выходитъ по семейному списку, или въ 1780 году, какъ можно заключить изъ второго документа, пожалованіе въ корнеты 4 или 7—8 лѣтняго мальчика кажется страннымъ. Но нужно вспомнить, что это было въ XVIII вѣкѣ, когда зачисляли на службу при рожденіи. Примѣры многочисленны. Но если мы не должны удивляться тому, что чины шли съ перваго дня жизни, все-таки мы не можемъ не подивиться тому, что они шли до рожденія. А такъ выходитъ изъ сохранившагося въ бумагахъ Гоголей подлиннаго аттестата, выданнаго полковникомъ Фѳедоромъ Занковскимъ въ Сорочинцахъ 25 августа 1781 года съ приложеніемъ печати и за надлежачимъ номеромъ. Выданъ онъ значковому товарищу, сыну малороссійскаго полкового писаря, Василію Яновскому въ тѣмъ, что «воступя онъ въ службу ея императорскаго величества съ

770 года, продолжалъ оную первѣе при полковой миргородской канцеляріи письменныхъ дѣлъ полковымъ канцеляристомъ по 772 годъ, съ котораго за опредѣленіемъ въ настоящій его чинъ находясь въ командѣ моей былъ въ крымскомъ походѣ въ прошедшую съ оттоманской портой войну во второй арміи въ 1773 году а въ 1774 года по 1781 годъ употребляемъ былъ во многіе внутренніе и пограничныя командированія и послыки; исправляя всѣ возложенныя на него дѣла добропорядочно безъ малѣйшихъ пороковъ и подозрѣній съ отличной ревностію похвальнымъ успѣхомъ, почему за таково усердно и безпорочно продолженную онымъ Яновскимъ службу достоинъ награжденія чиномъ войскового товарища». Мы отказываемся объяснить происхождение этого аттестата, но несомнѣнно, что въ это время (1770—1773 году) Василій Яновскій, отецъ писателя, еще не родился. Помимо приведенныхъ выше официальныхъ данныхъ, мы ниже приведемъ другія, изъ которыхъ видно, что въ 1792—1796 онъ учился въ Полтавѣ, въ семинаріи, былъ совсемъ ребенкомъ и назывался «Васютой». Впрочемъ, вопросъ о службѣ Василя Аѳанасьевича не имѣетъ значенія: все равно, вѣдь, онъ служилъ только номинально.

Извѣстно, что Василій Аѳанасьевичъ учился въ Полтавской семинаріи. Въ Полтавѣ былъ онъ на попеченіи нѣкоего Стефана Гординскаго, ю всей вѣроятности, учителя семинаріи. Дошло нѣсколько писемъ Гординскаго къ отцу Василя Аѳанасьевича. Всѣ они начинаются такъ: «Ваше высокоблагородіе, высокомилоостивый государь и благодѣтель мой Аѳанасій Демьяновичъ». Въ каждомъ выражается благодарность за различныя благодѣянія и прибавляется та или другая просьба. Гординскій не только училъ Василя Аѳанасьевича, но и исполнялъ различныя порученія отца своего ученика: покупалъ маслины, оливы, вино судацкое, табакъ виргинскій. Изрѣдка онъ сообщалъ и о своемъ питомцѣ. Вотъ, напримеръ, выдержка изъ письма 26-го ноября 1794 года. «Что же касается до голубовъ, за которые вы изволили писать, якобы Васюта держалъ оныя, то хотя сему и правда, однако мнѣ несвѣдущу. Нынѣ же узнавши объ этомъ обстоятельно, завѣряю васъ, что уже точно не будетъ держать болѣе, а меня покорно прошу извинить». 2-го марта 1795 года Гординскій сообщалъ Аѳанасію Демьяновичу: «Васюта, слава Богу, по силѣ своихъ силъ и дарованій въ ученіи своемъ успѣваетъ сообразно оныхъ и впредь подаетъ добрую надежду, я его понуждаю къ ученію, соображаяся всегда силамъ его тѣлеснымъ, которыя усматриваются невелики». Сохранилось два письма Василя Аѳанасьевича къ своимъ родителямъ, писанныя имъ въ Полтавѣ. Вотъ одно изъ нихъ: «Высокомилоостивѣйшіе родители мои, батюшка и матушка. Во-первыхъ приношу вамъ всенижайшее благодареніе за присланный мнѣ гостинецъ, который въ цѣлости получилъ, при коемъ изъ письма

вашего узналъ, что вы за то недовольны, что я не вмѣстѣ пріобщался святыхъ тайнъ, сіе я сдѣлалъ не самъ отъ себя, то есть не по своему желанію, но по приказанію отца префекта, который въ разсужденіи множества спасенниковъ, велѣлъ всѣмъ имѣющимъ не болѣе 15 лѣтъ семинаристамъ готовиться на пятницу, въ коихъ числѣ и я былъ, и потому повелѣнія не могъ переимѣнить. При чемъ остаюсь вашъ, высокомилолюбивѣйшихъ родителей, покорнѣйшій сынъ и слуга Василій Яновскій. Р. Р. И инспекторъ меня за это пооралилъ, а Иванюшу выговаривалъ, что онъ не послушалъ та не зостался. Р. Р. Всепокорнѣйше прошу пошить мнѣ куртку на лѣто и бѣлые шаровары, да меду. 1795 года, февраля 23-го дня». Опираясь на это письмо, можно съ увѣренностью утверждать, что Василій Аѳанасьевичъ родился не раньше 1780 года.

Мы не знаемъ, сколько времени пробылъ Василій Аѳанасьевичъ въ Полтавѣ: изъ сохранившихся въ бумагахъ Гоголя указаній видно, что онъ находился въ Полтавѣ въ 1792—1796 годахъ. По всей вѣроятности, въ 1796 году онъ кончилъ свое ученье. Съ этого времени начинаются хлопоты Аѳанасія Демьяновича о дальнѣйшей судьбѣ сына, который все же числился все это время «находящимся въ малороссійскомъ почтамтѣ». Онъ списывается съ своими благопріятелями, отвѣты которыхъ сохранились въ семейныхъ бумагахъ. Одинъ изъ нихъ, подпись котораго трудно разобрать въ письмѣ, сообщалъ дѣду Гоголю: «письмо ваше по пріѣздѣ моемъ сюда, немедленно вручилъ Дмитрію Прокофьевичу ¹⁾, и его превосходительство охотно былъ расположенъ удовлетворить просьбѣ вашей, но послѣдовавшее по случаю кончины государыни императрицы совершенно новое преобразование гвардіи пресѣкло къ тому всякіе способы и всякую возможность... Буде, кто вновь хочетъ записаться въ гвардію, тотъ долженъ служить на лицо первоначально солдатомъ и постепенно происходить чинами». Вотъ какъ отразилось восшествіе на престолъ Павла на жизни застрявшей въ глубинѣ Малороссіи мелкой помѣщичьей семьи. Не передѣлай Павелъ порядка въ гвардіи, быть можетъ, отецъ Гоголя былъ бы гвардейцемъ, и, Богъ знаетъ, имѣлъ ли бы онъ знаменитаго сына. Послѣ неудачной попытки пустить сына по военной службѣ, Аѳанасій Демьяновичъ остановился на штатской. Сначала онъ разсчитывалъ послать сына въ пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Онъ уже запасся рекомендаціями къ вліятельнымъ лицамъ въ Москвѣ, но почему-то дѣло разстроилось. Попробовалъ онъ было отослать его въ Черниговъ для службы подъ руководствомъ своего пріятели Павла Коропчевскаго, но и здѣсь ничего не вышло. Такъ и остался Василій Аѳанасьевичъ «находящимся

¹⁾ Конечно, Троцинскому. Вотъ съ какихъ поръ Троцинскій принималъ участіе въ дѣлахъ семьи Яновскихъ.

при малороссійскомъ почтамтѣ по дѣламъ сверхъ комплекта». Въ 1799 году Василій Аѳанасьевичъ былъ произведенъ изъ губернскихъ секретарей въ титулярные совѣтники. Служба была номинальной, и Василій Аѳанасьевичъ даже не былъ внесенъ въ списки почтамта и долженъ былъ ходатайствовать передъ Д. П. Троцинскимъ, который былъ въ это время директоромъ почтъ, о выдачѣ ему аттестата о службѣ. «За приключившимися мнѣ столь тягостными и продолжительными припадками, изъяснялся онъ въ своемъ прошеніи, проживалъ я въ домѣ для пользованія себя и въ списокѣ почтамта остался неписаннымъ». Въ 1805 году Василій Аѳанасьевичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора, и съ этого времени онъ жилъ въ деревнѣ, сначала на положеніи паннча при родителяхъ, потомъ какъ глава семьи. И только, когда Троцинскій пріѣхалъ на житье въ свое имѣніе и былъ выбранъ въ повѣтовые маршалы или предводители, Василю Аѳанасьевичу пришлось служить при немъ въ роли секретаря маршала. Въ 1812 году Василій Аѳанасьевичъ принималъ участіе въ заботахъ о всеобщемъ земскомъ ополченіи и, по предписанію Троцинскаго, какъ дворянинъ, извѣстный честностью, завѣдывалъ собранными для ополченія суммами. Нѣкоторое время онъ исправлялъ даже должность маршала.

II.

Изъ событій домашней жизни Василя Аѳанасьевича самымъ крупнымъ и самымъ характернымъ для него была исторія его женитьбы. Здѣсь ярко сказалась одна черта его характера—необыкновенная чувствительность, мягкость и деликатность его натуры. Безъ сомнѣнія, чувствительность лежала въ самой природѣ Василя Аѳанасьевича, человѣка слабаго, болѣзненнаго; но укрѣпилось и развило ее чтеніе современныхъ романовъ, героемъ которыхъ всегда являлся необыкновенно чувствительный юноша. Самое страстное письмо Василя Аѳанасьевича къ своей невѣстѣ очень характеризуетъ его и какъ бы выхвачено изъ какой нибудь сентиментальной новѣсти того времени. «Милая Машенька! Многія препятствія лишили меня счастья сей день быть у васъ! Слабость моего здоровья наводитъ страшное воображеніе, и лютое отчаяніе терзаетъ мое сердце. Прощайте, наилучшій въ свѣтѣ другъ! Прошу васъ быть здоровой и не беспокоиться обо мнѣ. Увѣряю васъ, что никого въ свѣтѣ и не можетъ столь сильно любить, сколько любить васъ и почитаетъ васъ вѣчно вѣрнѣйшій другъ, несчастный Василій... Прошу васъ, не показывайте сего несчастнаго выраженія страсти родителямъ вашимъ. И самъ не знаю, какъ пишу». Нужно отмѣтить, что всѣ любовныя письма своего жениха Марья Ивановна показывала своимъ родителямъ и подъ ихъ диктовку пи-

сала отвѣты. Марья Ивановна въ своихъ запискахъ вспоминала о томъ, какъ ухаживалъ за ней Василій Аѳанасьевичъ. «Когда я бывало гуляла съ дѣвушками къ рѣкѣ Пселу, то слышала пріятную музыку изъ-за кустовъ другого берега. Не трудно было догадаться, что это былъ онъ. Когда я приближалась, то музыка въ разныхъ направленіяхъ сопутствовала мнѣ до самаго дома, скрываясь дома». Супружеская жизнь Василя Аѳанасьевича своею безмятежностью напоминаетъ жизнь Филемона и Бавкиды, Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Когда явились дѣти, супруги сосредоточили на нихъ всю свою любовь. Василій Аѳанасьевичъ способенъ былъ занемочь, узнавъ о томъ, что милому Никошѣ плохо живется въ Нѣжинѣ. Въ домашней жизни онъ былъ не взыскательный, добрый и нехозяйственный помѣщикъ. Надѣленный нѣкоторымъ эстетическимъ вкусомъ, онъ занимался разбивкой садовъ. Каждой аллеѣ онъ подыскивалъ названье: въ сосѣднемъ лѣсу была, на примѣръ, «долина спокойствія». Его чувствительную «деликатную» душу характеризуетъ то, что, «будучи человѣкомъ мягкимъ и уступчивымъ по натурѣ, онъ настоятельно требовалъ, чтобы никто не смѣлъ стукомъ разгонять соловьевъ, и не позволялъ поэтому мыть бѣлье на прудѣ, находящемся въ Васильевкѣ посреди сада» ¹⁾. Не имѣя, кромѣ хозяйственныхъ, мало привлекательныхъ его, никакихъ другихъ дѣлъ, Василій Аѳанасьевичъ создавалъ себѣ дѣла: покупалъ различныя вещи, которыя, «быть можетъ, ему и не были нужны, строилъ бесѣдочки, гrotтики въ своей усадьбѣ; проводилъ цѣлыя дни въ саду, подрѣзывая деревья. Въ одномъ изъ своихъ писемъ А. А. Тропинскій сообщаетъ Василю Аѳанасьевичу, что требуемые имъ «математическіе» инструменты приобрѣтены. Зачѣмъ они понадобились Василю Аѳанасьевичу, трудно догадаться. Василій Аѳанасьевичъ писалъ стихи на различные случаи. «Мужъ мой, говоритъ Марья Ивановна, писалъ иногда стихи, но ничего серьезнаго». Вообще онъ, подобно многимъ изъ среднихъ людей, обладалъ различными способностями; былъ большимъ мастеромъ на малыя дѣла и превеликимъ искусникомъ.

Такимъ онъ былъ въ своей семьѣ; среди своихъ сосѣдей онъ пользовался репутаціей веселаго человѣка, съ которымъ пріятно побесѣдовать, и который съ удовольствіемъ сдѣлаетъ то, о чемъ его попросятъ. Эта готовность къ услугамъ отчасти объясняется тѣмъ скромнымъ положеніемъ, которе онъ занималъ въ средѣ помѣщиковъ, или богатыхъ или именитыхъ, онъ—человѣкъ не знатный и небогатый. На его положеніе нужно обратить особенное вниманіе. Лица, среди которыхъ онъ жилъ, были или выше или ниже его; первые были для него «благодѣтелями»,

¹⁾ В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, I, 51.

вторымъ благодѣтельствовалъ онъ самъ. Отношенія низшихъ къ высшимъ характеризуются тѣмъ специфическимъ оттѣнкомъ подобострастія, изображеніе котораго такъ удавалось Гоголю. Для всѣхъ лицъ, имѣющихъ какое либо значеніе, Василій Аѳанасьевичъ былъ постояннымъ и добросовѣстнымъ комиссіонеромъ. Сохранилась масса писемъ, въ которыхъ просятъ его о различныхъ одолженіяхъ. Тонъ писемъ мѣняется соотвѣтственно общественному положенію корреспондента. Для Орлая, директора училища, въ которомъ учился его сынъ, онъ присматриваетъ покупателей на его имѣніице и вообще наблюдаетъ за ходомъ дѣлъ въ имѣніи, полтавскому прокурору Горбовскому онъ приторговываетъ землю. Но самымъ большимъ человѣкомъ въ округѣ былъ жившій въ своемъ имѣніи Кибинцахъ Дмитрій Прокофьевичъ Троцинскій, который какъ разъ приходился родственникомъ Марьѣ Ивановнѣ. Безусловно невѣрно сообщеніе Кулиша о томъ, что отецъ Гоголя и Троцинскій были въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Ихъ отношенія были далеко неравноправны: между ними было слишкомъ большое разстояніе. Онъ—богатый и властный человѣкъ, Марья Ивановна и Василій Аѳанасьевичъ—бѣдные родственники, которымъ нужно было помогать матеріально и которые могли нѣсколько разсѣять скуку деревенской жизни. Онъ искренно думалъ, что они должны съ готовностью оказывать ему различныя услуги; они искренно признавали за нимъ право на такое мнѣніе. Василій Аѳанасьевичъ принималъ большое участіе въ управленіи угодьями Троцинскаго. Письма А. А. Троцинскаго, племянника сановника, почти цѣликомъ посвящены различнымъ сообщеніямъ о томъ, что нужно сдѣлать Василю Аѳанасьевичу для экономіи Троцинскаго. Василій Аѳанасьевичъ былъ довѣреннымъ человѣкомъ и велъ сношенія съ управителями, экономами и другими лицами, служившими у Троцинскаго. Въ бумагахъ Василя Аѳанасьевича сохранилась интересная жалоба на его дѣйствія отъ одного разсчитаннаго по его винѣ управителя: «Прискорбно сердцу моему,—пишетъ послѣдній,—вести съ вами переписку о дѣлѣ, вамъ извѣстномъ, коимъ безбожный г-нъ Яновскій, профессоръ лжи, очернилъ меня и мою честную семилѣтнюю и девятидневную въ экономіи его превосходительства Д. Г. Троцинскаго службу. Пусть чернитъ. Десница всевидящаго Бога очернить и его въ свое время... Я сказалъ уже, что не только къ г-ну Яновскому писать не буду, но и видѣть его,—сохрани меня Богъ—не хочу. Лучше посмотрѣть на паршивую въ полѣ лежащую собаку, нежели на него». Вотъ какихъ аттестацій добился Василій Аѳанасьевичъ, ревностно стараясь объ интересахъ своего «благодѣтеля». Но онъ не только оказывалъ различныя услуги по управленію, онъ еще заботился о развлеченіи его превосходительства. Онъ принималъ большое участіе въ тѣхъ спектакляхъ, что ставились на сценѣ домаш-

няго театра Д. П. Троцинекаго въ Кишинцахъ. Если судить по тому, что по дѣламъ домашняго театра обращались къ нему, то можно думать, что онъ являлся организаторомъ дѣла. На этой сценѣ игралъ и онъ, и его жена; игралъ Василій Аванасьевичъ не только въ чужихъ пьесахъ, но и въ своихъ, которыя онъ составлялъ на этотъ случай. Двѣ извѣстныя намъ его комедіи, написанныя для развлечения сановника, тщательно разбирались историками малороссійской литературы. «Будучи живымъ членомъ своего общества,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—В. А. Гоголь захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для его возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провѣденія времени—вотъ все, что могъ искать писатель тогдашній въ родномъ быту, а Гоголь-отецъ очень искусно и умѣло почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи». Гоголь-сынъ зналъ эти комедіи, очень цѣнилъ ихъ и одну изъ нихъ поставилъ на сценѣ Нѣжинскаго училища.

Близость къ Троцинскому создавала Василю Аванасьевичу извѣстное положеніе. Сохранилось немало писемъ къ нему отъ различныхъ лицъ, которыя въ почтительныхъ выраженіяхъ просятъ походатайствовать за нихъ передъ его превосходительствомъ Дмитріемъ Прокофьевичемъ Троцинскимъ. Вообще, если судить по тѣмъ письмамъ, что дошли до насъ, Василій Аванасьевичъ былъ человѣкъ «общественный», живой, находившійся въ перепискѣ и съ благодѣтелями и съ благопріятелями.

Намъ извѣстенъ одинъ эпизодъ изъ жизни Василя Аванасьевича, рисующій его увлекающійся характеръ. Въ началѣ XIX вѣка нѣкій поручикъ, Иванъ Осиповичъ Танскій, задумалъ разыскать свое наслѣдство—земли и угодья, пожалованныя его предкамъ, въ числѣ которыхъ былъ и переяславскій полковникъ Василій Танскій. Какъ извѣстно, бабка Гоголя, Татьяна Семеновна, была дочерью Семена Лизогуба и Анны Танской, дочери Василя Танскаго. Поручикъ Иванъ Танскій путешествовалъ за границей, былъ въ Молдавіи, разыскивая фамильныя бумаги. Но такъ какъ онъ не былъ единичнымъ наслѣдникомъ, то ему пришлось обратиться къ Василю Аванасьевичу и просить снабдить его довѣренностью на веденіе дѣлъ. Несмотря на то, что дѣло представлялось совсѣмъ эфемернымъ, искомыя имѣнія находились въ разныхъ государствахъ, Василій Аванасьевичъ увлекся мечтой стать богатымъ человекомъ и вручилъ Танскому «вѣрующій открытый листъ». Конечно, изъ поисковъ Танскаго ничего не вышло, но между Танскимъ и В. А. Гоголемъ завязалась переписка, изъ которой одно письмо Танскаго къ Гоголю было напечатано въ «Кіевской Старинѣ» (т. 59, стр. 13, октябрь 1897 г.). Другія письма Танскаго и черновики писемъ Василя Аванасьевича сохранились въ семейныхъ бумагахъ.

III.

Среди бумагъ Василя Аванасьевича Гоголя сохранилась записная книжка, на синей бумагѣ, въ 16-ю долю писчаго листа. На первой страничкѣ написано: *Monitor. 1817. Basili Janovsky.* Достаточно пересмотрѣть эту книжку, чтобы получить извѣстное представление о личности ея владѣльца. Рядъ дѣльныхъ замѣтокъ прерывается записями совсѣмъ нехозяйственного характера. «1817 года, декабрь: должно заплатить въ Полтавѣ: 1) въ казначействѣ подушныя деньги за 2-ю сего года половину, 2) портному Бѣлухиному за пошитые сюртука и 3) сапожнику Власу за сапоги.— На сіе взять деньги отъ Г. полк.: Ал: Фед: Ляховича слѣдующыя за него за корову. NB. не забыть справиться въ Полтавской казенной палатѣ за переводъ Гернервыхъ людей за Орловыхъ людей, записаны ли они въ ревизіи... Попросить Пол: Лях: за сына Катарева о помѣщеніи его въ полкъ». Дальше — замѣтка о дѣлахъ. На слѣдующей страницѣ: «написать до Зимина 1) за посылку денегъ на Украинскій Вѣстникъ и календарь, 2) о переплетѣ 2-хъ книгъ въ Миргородѣ». Потомъ слѣдуютъ неинтересныя замѣтки о томъ, что предстоитъ сдѣлать Василю Аванасьевичу по имѣніямъ Трощинскаго. Послѣ нихъ открываются записи 1818 года о работахъ по дому (постройка клуня, плотины и т. п.) и различныя замѣтки хозяйственного характера. За ними любознательный Василій Аванасьевичъ выписываетъ откуда-то: «Качества души. Разумѣніе. Простое понятіе души, оно созерцаетъ токмо сущность и вѣчныя начала вещей. Мудрость размышляетъ не токмо о началахъ, но и о слѣдствіяхъ, изъ оныхъ проистекающихъ; она заимствуетъ нѣчто и отъ ума, который созерцаетъ, и отъ знанія, которое доказываетъ. Благоразуміе цѣнитъ и слышитъ благо и зло, рассуждаетъ не спѣшно, даетъ намъ рѣшимость избирать то, что наиболее сообразно съ истинною нашей пользой, когда же оно, имѣя довольно свѣдѣній, чтобы произнести рѣшеніе, не имѣетъ довольно силы заставить насъ дѣйствовать, тогда оно есть токмо здоровое разсужденіе. Мнѣніе скрывается въ своихъ сомнѣніяхъ и часто увлекаетъ насъ въ заблужденіе. NB изъ всѣхъ качествъ души превосходнѣйшее есть мудрость, а полнѣйшее благоразуміе». Вслѣдъ за этимъ философскимъ отрывкомъ—слѣдующая запись: «9 осталась должна Марья Васильевна проигрышу 13 руб. 20 коп., а Федоръ Федоровичъ остался за расчетомъ долженъ 4 рубля 60 коп., да проигрышъ третьяго числа впервые 30 коп., итого 11 руб. 90 коп.». На слѣдующей страницѣ Василій Аванасьевичъ запи салъ для памяти значеніе слова импровизаторъ, онъ перевелъ его для себя выраженіемъ изустный риомачъ.

На всякій случай Василій Аѳанасьевичъ записалъ, что «мозаики работаются превосходнѣйшія въ Флоренціи, а особливо ландшафты, а историческія картины въ Римѣ. Въ первой употребляются самыя мелкіе, а въ послѣдней гораздо большіе камни». Дальше идутъ выписки о любимомъ предметѣ Василія Аѳанасьевича—садоводствѣ: «Баконъ, Мильтонъ и Аддисонъ установили вкусъ аглицкихъ садовъ. Кентъ, другъ Попе, имѣлъ отличнѣйшій вкусъ и дарованіе въ аглицкомъ садоводствѣ. Достойный его преемникъ Браунъ» и т. д., слѣдуетъ перечисленіе лучшихъ англійскихъ садовъ.

На послѣдней страничкѣ два стихотворенія, или выписанныя Василіемъ Аѳанасьевичемъ откуда нибудь, или принадлежащія его перу. Въ послѣднемъ случаѣ они—единственныя, дошедшія до насъ. Первое безъ названія.

О! Я, сударь, изъ столбовыхъ дворянъ:
На бранномъ поприщѣ искалъ мой предокъ славы,
А я мухъ колотилъ въ деревнѣ для забавы;
Мой предокъ для того безъ сна въ трудахъ потѣлъ,
Чтобъ послѣ правнучекъ попилъ, поспалъ, поѣлъ.

Второе имѣетъ заглавіе «Купецъ».

За доброе подчасъ ты продаешь гнилое,
Не болѣе берешь, какъ влятеро иль втрое.
Аршинъ и ножницы, вѣсы, рука и взоръ,
Зубъ каждый у купца и даже лавка—воръ.

Одной этой записной книжки достаточно было бы для характеристики Василія Аѳанасьевича, хлопотуна по чужимъ дѣламъ, живого человѣка, поглощеннаго интересами повседневной жизни, не чуждаго книгъ и литературы, любопытнаго или любознательнаго, интересующагося предметами, далекими отъ его жизненнаго обихода (мозаики); однимъ словомъ, человѣкъ средней руки.

Такимъ былъ Василій Аѳанасьевичъ Гоголь. Въ памяти сына, который почти не упоминаетъ о В. А. въ своей перепискѣ, осталась, повидимому, одна черта характера Василія Аѳанасьевича—его чувствительность и доброта. Въ 1836 году, вспоминая объ отцѣ, Николай Васильевичъ называетъ его «нѣжнымъ» отцомъ. Въ письмѣ отъ 24-го марта 1827 года, вспоминая о томъ, какъ въ дѣтствѣ онъ любилъ заниматься въ саду, Николай Васильевичъ пишетъ: «Несмотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія (садоводства), хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папеньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя... не знаю, какъ назвать этого небеснаго ангела». За этими строками слѣдуетъ риторическое отступленіе, изъ котораго ровно

ничего нельзя выяснить объ отношеніяхъ сына къ отцу. «Это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живить, даетъ даръ чувствовать самого себя и часто, въ минуты горя, небеснымъ пламенемъ входитъ въ меня, разсвѣтляетъ стусившіяся думы. Въ сіе время сладостно мнѣ быть съ нимъ; я заглядываю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, испытую свои силы для поднятія труда важнаго... и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела, твердо и непреклонно все указующаго въ мѣту жаднаго исканія». Трудно, очень трудно повѣрить въ искренность этого отрывка. Стиль, въ которомъ Гоголь, буквально, вязнетъ, обличаетъ неясность, спутанность и неискренность мысли. Помимо этого соображенія всѣ данныя о личности Василя Аванасевича говорятъ за то, что этотъ средній, обыкновенный человекъ, добрый, услужливый, ни въ какомъ случаѣ не могъ бы быть вождемъ, ангеломъ, твердо и непреклонно указующимъ въ мѣту жаднаго исканія; героическимъ существомъ, къ которому съ надеждой обращались бы чьи либо восторженные взоры.

П. Е. Щеголевъ.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ М. БОЛЬШИХЪ - СОРОЧИНЦАХЪ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ГДѢ КРЕСТИЛИ Н. В. ГОГОЛЯ.

БОЛЬШИЯ-СОРОЧИНЦЫ, теперь мѣстечко Полтавской губернии, Миргородскаго уѣзда, нѣкогда сотенный городъ миргородскаго казацкаго полка, замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: какъ мѣсто, гдѣ погребенъ бывшій малороссійскій гетманъ Даниилъ Павловичъ Апостолъ, и какъ мѣсто, гдѣ родился и былъ крещенъ нашъ знаменитый писатель Николай Васильевичъ Гоголь. Какъ погребеніе Апостола, такъ и крещеніе Гоголя произошли въ церкви св. Преображенія, самой лучшей изъ церквей Сорочинецъ.

Церковь св. Преображенія сооружена самимъ же гетманомъ Апостоломъ, въ 1632 году, и стоитъ на древнемъ земляномъ, довольно высокомъ валу, противъ такъ называемаго Затона живописной рѣчки Псла, лѣваго притока Днѣпра, и живописной долины, Оболони. Нѣкогда эта церковь занимала центральное мѣсто «Городка», т. е. земляного укрѣпленія Сорочинецъ, какъ его называютъ мѣстные старожилы.

Преображенская церковь въ Сорочинцахъ безспорно самая красивая изъ всѣхъ церквей мѣстечка. Уже издали зданіе ея поражаетъ своею грандіозностью, рѣдкою оригинальностью, рѣдкимъ сочетаніемъ своихъ формъ и своей отдѣлкой. Туристъ видитъ передъ собой не заурядную сельскую церковь, низенькую, деревянную, придавленную къ землѣ, а величественное, пятитяговое, обширное зданіе, совершенно не приставшее къ обычнымъ сельскимъ строеніямъ, которому мѣсто не только въ уѣздномъ или губернскомъ, а даже

въ столичномъ городѣ. При ближайшемъ же разсмотрѣніи церковь эта еще болѣе поражаетъ наблюдателя.

Стѣны ея сложены изъ камней и имѣютъ до 2½ аршинъ толщины, но стоятъ безъ цоколя, что составляетъ рѣдкость для нашего времени. Снаружи она отдѣлана весьма затѣливыми и весьма красивыми лѣпными украшеніями, хотя и безъ всякихъ фронтоновъ, колоннъ и портиковъ. Внутри церкви положенъ полъ изъ желѣзныхъ квадратныхъ плитъ и устроены три престола: главный во имя Успенія пресвятой Богородицы и боковые—во имя Покрова и святой Троицы. Противъ главнаго престола возведенъ чрезвычайно высокій, замѣчательной рѣзьбы, иконостасъ, съ густой позолотой, теперь сильно потускнѣвшей, и съ рѣдкими, по художественному исполненію, иконами. Иконы здѣсь настолько хорошо написаны, что многія изъ нихъ, въ особенности же иконы ветхозавѣтныхъ пророковъ, невольно приковываютъ къ себѣ зрителей, поражая ихъ своимъ библейскимъ спокойствіемъ и невольно перенося воображеніе ихъ въ далекія, полныя таинственности, времена.

Въ числѣ другихъ иконъ видное мѣсто занимаютъ иконы пророка Даниїла и великомученицы Іуліаніи, патроновъ гетмана Апостола и его супруги. Св. пророкъ Даниїль держитъ въ правой рукѣ камень (эмблема фундатора храма), а въ лѣвой свитокъ съ пророчествами, изображенными тутъ же въ лицахъ. Великомученица Іуліанія представлена въ славѣ красоты и непорочности, но ниже нея на тумбѣ изображена особо ея глава, отсѣченная отъ туловища. Обѣ фигуры, Даниїла и Іуліаніи, въ сильной степени национализированы художникомъ, одѣвшимъ ихъ въ малорусскіе костюмы, особенно Іуліанію.

Кромѣ этихъ двухъ иконъ изъ множества другихъ, сильный интересъ возбуждаетъ также большой деревянный крестъ съ рельефной фигурой Спасителя, въ терновомъ вѣнцѣ, вырѣзанной по срединѣ креста, какъ это всегда можно видѣть въ католическихъ костелахъ, но весьма рѣдко въ православныхъ храмахъ. Этотъ крестъ помѣщенъ въ слабо освѣщенномъ углу, противъ боковаго праваго иконостаса, и невольно привлекаетъ къ себѣ взоры обозрѣвателя храма.

Изъ другихъ церковныхъ вещей замѣчательны: два антиминса, 1732 и 1781 года, первый—освященный кievскимъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, и второй—архіепископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ Иларіономъ; далѣе, одна риза серебряной парчи и съ серебряными на бокахъ пуговицами, довольно тяжеловѣсная и довольно свободная въ покроѣ; затѣмъ, пять напрестольныхъ крестовъ, частію серебряныхъ, частію кипарисовыхъ, но обложенныхъ серебромъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ крестовъ имѣются слѣдующія надписи: 1) «Сей крестъ наданъ до храму святаго Преображенія 1770 года марта 11 дня»; на немъ же по оправѣ: «1772 году сей

крестъ здѣланъ до храма Преображенія Христова коштомъ добродетельныхъ дателей. Цѣна 15 рублей». 2) «Сей крестъ святой здѣланъ до церкви Преображенія Господня соборной Сорочинской коштомъ благочестивыхъ добродетельныхъ 1765 року априля 10 дня». 3) мощи Михайла князя тверскаго (на золотомъ крестѣ). 4) Д. А. Е. В. П. I. В. З. (Вѣроятно, инициалы герба Даніила Апостола).

Изъ древней утвари, кромѣ крестовъ, въ церкви св. Успенія имѣются еще: 4 серебряныхъ чаши, 3 дискоса, 3 звѣздицы, дарохранительница. Къ этому еще: плащаница по бѣлому шелку масляными красками лицо, руки и ноги превосходнаго письма и верхній напестольный покровъ, по шелку и серебру тканый золотомъ, рѣдкая по прекрасной работѣ вещь.

Церковно-богослужебныхъ книгъ сохранилось болѣе 40; изъ нихъ наиболѣе интересны: 5 евангелій, всѣ московской печати 1653, 1717, 1735, 1744 и 1796 гг.; затѣмъ, апологиконъ, львовской печати 1651 г., 12 книгъ четыхъ-минеи 1705 года, бесѣды Іоанна Златоустаго, житія святыхъ (12 книгъ), собраніе разныхъ поученій, исторія новаго завѣта Кедрина и др.—всѣ второй половины XVIII вѣка.

Въ церковномъ архивѣ Успенской церкви хранятся: три записи на пожертвованіе церкви «плѣсовъ» или усадебъ съ надворными постройками и безъ построекъ, главнымъ образомъ лубенскимъ полковникомъ, Петромъ Апостоломъ, сыномъ гетмана, начиная съ 1746 года. Кромѣ того, «реестръ для памяти пану Андрею Стефановичу, 1728 года», въ которомъ весьма интересны показанія цѣнъ на различные предметы потребленія: водку, хлѣбъ, рыбу, а также и на другіе предметы: крашанину, казацкую одежду, церковныя требы и т. п. Тутъ же имѣется большой, въ размѣрѣ цѣлаго листа, писанный синодикъ съ родословіями нѣкоторыхъ «славяне-уроконыхъ» въ Малой Россіи пановъ, какъ, на примѣръ: пана Петра Кулябки, его милости писаря полку миргородскаго, пана Ивана Яллинскаго, пана Михаила Гамалѣя, сотника миргородскаго Моисея Заруднаго, Григорія Чичагова, обознаго полку миргородскаго Василя Родзянки, жителя Тимофея Пищимуки, сотниковъ сорочинскихъ Петра Жученка и Михаила Лоевскаго, писаря полку миргородскаго Ивана Руновскаго (1719 г.), усопшаго раба Божія Марка Малинки, генераль-маіора Георгія Леслія (Лессія), убіеннаго въ походѣ 1737 года (ниже онъ же записанъ о здравіи: господина генерала Лессія и паней его и чадъ Георгія, Ѳекли); ясновельможнаго его милости ктитора и фундатора церкви каменной Преображенія Господня Сорочинской господина гетмана Даніила Апостола. Кромѣ названныхъ «уроконыхъ» малороссійскихъ фамилій, приведены и многія другія, менѣе извѣстныя въ исторіи Украйны. Кое-гдѣ, по полямъ этого же синодика, имѣются записи въ родѣ слѣдующихъ: «Слуга Шахоміе (ііі) архіерія, которій утону здѣсь лѣта 1720 мѣсяца іуліе 18 у четвергъ

рано». Или: «Люби въ щастію, люби въ нещастію, а понеже стра-тишь цноту, будешь имѣти вѣчную работу».

Къ большому сожалѣнію, этотъ синодикъ сильно пострадалъ отъ какой-то невѣжественной руки, которая во многихъ мѣстахъ безжалостно вырѣзала самыя наименованія родовъ.

Кромѣ всего названнаго въ церкви св. Успенія, у пилоновъ, которые обычно поддерживаютъ своды и куполь храма, обращаютъ на себя вниманіе особыя возвышенныя мѣста, съ такъ называемыми бокунами или стасидіями для стоянія и сидѣнія почетныхъ посѣтителей храма, очевидно, въ данномъ случаѣ гетмана Апостола и его супруги съ семьей.

Выше праваго клироса бросается въ глаза прибитый къ стѣнѣ деревянный, въ видѣ щита, раскрашенный разными цвѣтами, кругъ съ изображеніемъ герба гетмана Данила Апостола, съ прикрѣпленной вверху его съ обнаженнымъ мечомъ рукой, съ орденомъ Александра Невскаго на красной лентѣ по срединѣ, съ четырьмя булавками и двумя бунчуками по срединѣ и съ рельефными славянскими буквами по краямъ: «За труды и отечество». «Десь, мабуть, гетьманъ бувъ добрый вояка, шо заслужывъ соби отъ таку медалю», говорятъ мѣстные крестьяне, взирая на гербъ Апостола.

Еще далѣе, за правымъ клиросомъ, въ той же стѣнѣ вдѣлана желѣзная доска съ длинной эпитафіей на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ, которая гласитъ, что въ этой же церкви погребенъ генералъ-майоръ Георгій Лесли, убитый во время набѣга татаръ, въ 1737 году, въ украинскія поселенія, ниже г. Полтавы. «Всепресвѣтлѣйшаго императорскаго російскаго маестату высокоблагородному и высокопревосходительному генералу майору Георгію Лесли, 11-го дня февраля, при берегу Днѣпровомъ, сильно отъ варваръ атакованному, безмѣрно израненному и мужественно умершему, въ незабвенную память эпитафіонъ или гробное надписаніе». Далѣе, слѣдуетъ этотъ эпитафіонъ изъ 44 силлабическихъ стиховъ, въ концѣ котораго помѣщенъ часовой циферблатъ со стрѣлкой надъ цифрой VIII и съ латинскою подписью: «ita cursum consumavi—такое теченіе совершихъ».

Изъ исторіи Украины мы узнаёмъ, что генералъ-майоръ Георгій Лесли, во время русско-турецкой войны 1737 г., двигался съ сотнею драгунъ въ приднѣпровской степи, пониже г. Полтавы, но тамъ внезапно былъ настигнутъ ворвавшимися на Украину татарами и былъ убитъ съ большею частью драгунъ, а сынъ его съ оставшимися въ живыхъ драгунами былъ захваченъ въ плѣнъ.

Самъ гетманъ Данилъ Павловичъ Апостолъ скончался 17 января, 1734 года, въ г. Глуховѣ, но былъ перевезенъ въ Сорочинцы и погребенъ подъ церковнымъ поломъ, въ особомъ каменномъ склепѣ. «Того жъ 1733 года, априля 28 дня, говоритъ малоросійскій лѣтописецъ самовидецъ, гетманъ и кавалеръ Данилъ Павловичъ Апо-

Церковь Преображенія въ м. Сорочинцахъ, гдѣ крестили Гоголя.

столь заболѣзноваль на паралѣжъ.... Въ року же наставшемъ 1734, генваря 17 дня, гетманъ и кавалеръ Данилъ Апостоль въ Глуховѣ умеръ, въ покои, при вѣрности ея императорскому величеству, которого тѣло провожено было до Сорочинецъ и тамъ въ новоооруженной отъ него же каменной церквѣ погребено архиепископомъ кievскимъ Рафаиломъ Заборовскимъ, съ церемонією преизрядною, февруаря 5 дня» (Лѣтопись, Кіевъ, 1878 г., стр. 317, 318).

Въ этомъ же склепѣ была погребена и жена гетмана Апостола, пережившая его нѣсколькими годами и получавшая до смерти пенсію въ 3.000 рублей, а также, вѣроятно, и нѣкоторые другіе родственники гетмана.

Лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ ходъ въ склепъ гетмана Апостола былъ совершенно доступенъ всѣмъ. Но затѣмъ, въ видахъ устраненія порчи и хищенія, которымъ подвергались гробы съ имѣвшимися въ нихъ покойниками, доступъ въ склепъ былъ воспрепятствованъ и ходъ въ него вовсе задѣланъ. Открывается же онъ только тогда, когда балки, на которыя настланъ желѣзный полъ, ветшаютъ и требуютъ замѣны новыми, а это бываетъ одинъ разъ въ 8 или 10 лѣтъ. Въ одинъ изъ такихъ удобныхъ моментовъ два мѣстныхъ просвѣщенныхъ любителя старины, В. М. Базилевскій и А. И. Ксѣнзенко, успѣли осмотрѣть интересный склепъ и передаютъ о немъ слѣдующее.

Склепъ приходится какъ разъ противъ большого паникадила, подвѣшеннаго въ куполь церкви, и имѣетъ подобіе «четырехсторонней камеры со сводчатымъ, въ видѣ арки, потолкомъ», длины 8 аршинъ, ширины 4 аршина и высоты нѣсколько выше роста человѣка. Къ нему ведутъ 10 каменныхъ ступенекъ, около 3 аршинъ ниже уровня церковнаго пола. При входѣ съ послѣдней ступеньки въ склепъ посѣтитель видитъ нѣсколько гробовъ, 15—20, различныхъ размѣровъ—большихъ, среднихъ и малыхъ, большею частью развалившихся отъ сырости, и вмѣстѣ съ тѣмъ поражается тѣмъ безпорядкомъ, который царитъ въ склепѣ: между разнымъ хламомъ, который въ немъ набросанъ, можно видѣть человѣческой черепъ съ женскимъ головнымъ уборомъ, обломки оружія, куски полусгнившей матеріи, которыми были обиты гробы и т. п. Нѣкоторые гробы по формѣ своей совершенно непохожи на гробы нашихъ временъ: они скорѣе похожи на продолговатые прямоугольные ящики, нежели на то, что мы называемъ гробами.

Особо стоятъ четыре большихъ гроба, два у правой стѣны склепа и два у лѣвой, но такимъ образомъ, что одинъ гробъ положенъ на другой. Изъ этихъ четырехъ гробовъ одинъ выдѣляется и своей величиной, и своей роскошной отдѣлкой. Это и есть гробъ гетмана Данила Апостола. «Длиною этотъ гробъ, говоритъ г. Ксѣнзенко, около трехъ аршинъ; онъ дубовый, на точеныхъ ножкахъ, обитъ чернымъ бархатомъ; крышка его по краямъ обгнила, и обивка на

Престоль Преображенской церкви.

ней сохранилась только кой-гдѣ; но самый гробъ сохранился хорошо, за исключеніемъ его дна, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прогнило. Снаружи, на изголовьѣ гроба, прибита четырехугольная металлическая дощечка ¹⁾, около 5 вершковъ въ квадратъ; на ней масляными красками нарисованъ большой кругъ, изображающій часовой циферблатъ съ одной только стрѣлкой, поставленной на цифрѣ V; на правой сторонѣ его написаны римскія цифры, начиная отъ XII до V включительно; на лѣвой же сторонѣ цифрѣ нѣтъ, но значится написанное по окружности славянскимъ шрифтомъ слово «преста». Въ большомъ кругѣ нарисованъ еще малый кругъ, а въ немъ ландшафтъ, изображающій заходъ солнца, въ видѣ человѣческаго лица, съ сіяющими лучами. Очевидно, что эта надпись и рисунокъ есть аллегорическое изображеніе времени дня, когда постигала кончина гетмана. Когда была приподнята крышка гроба, то взорамъ представился довольно высокаго роста покойникъ, одѣтый въ кафтанъ, достигающій колѣнъ. Мягкія части головы и лица совершенно исчезли, превратившись отчасти въ похожую на сажу пыль, въ изобиліи покрывающую костный скелетъ головы и лица. Кафтанъ изъ парчи, первоначальный цвѣтъ которой, а также рисунокъ ея ткани опредѣлить, конечно, невозможно; все это сильно измѣнилось отъ времени; теперь кафтанъ имѣетъ цвѣтъ зеленовато-грязный, застегнутъ на правой сторонѣ на нѣсколько металлическихъ пуговицъ, имѣющихъ оливкообразную форму и еще кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ отъ расхищенія (со стороны посѣтителей); рукава довольно длинны, съ обшлагами, къ кистямъ рукъ постепенно суживающіеся. На головѣ изъ такой же парчи, какъ и кафтанъ, небольшая шапочка, по покрою напоминающая священническую скуфью; отъ времени, а, быть можетъ, и отъ чрезмѣрнаго усердія къ древностямъ многихъ прежнихъ посѣтителей гетманской усыпальницы, отдѣлка шапочки сильно пострадала; замѣтно, что она была украшена узорчатымъ шитьемъ или чѣмъ либо подобнымъ, что потомъ исчезло. Черезъ лѣвое плечо широкая лента, несомнѣнно орденская. На лѣвой сторонѣ груди на кафтанѣ нашита золотомъ звѣзда ордена св. Александра Невскаго, которымъ покойный былъ пожалованъ въ 1731 году; въ кружкѣ ея— девизъ ордена: «За труды и отечество». Остальные принадлежности костюма совершенно разложились; сохранились только на ногахъ кожаные туфли. Мягкія части рукъ и ногъ также совершенно разложились, превратившись въ маркую черную пыль, покрывающую обнажившіяся кости.

Второй гробъ стоитъ сверху сейчасъ описаннаго; обивка его почти совершенно исчезла. Въ немъ покоятся останки какого-то военного сановника... Покойникъ одѣтъ въ короткій мундиръ со

¹⁾ По увѣренію В. М. Базилевскаго, серебряная.

стоячимъ высокимъ воротникомъ и расходящимися полами. Воротникъ расшитъ золотымъ шитьемъ, а полы, карманные клапаны на бокахъ полъ и рукавные обшлага обшиты позументомъ, изображающимъ дубовые листья; по бортамъ полъ, на клапанахъ и обшлагахъ металлическія плоскія пуговицы. На рукахъ шелковыя вязаныя перчатки; на ногахъ длинныя шелковыя чулки и кожаные

Образъ пророка Даніила.

башмаки. Очень можетъ быть, что это и есть останки того генералъ-майора Георгія Лесли, о которомъ гласитъ упомянутая выше эпитафія.

Третій гробъ, нижній съ лѣвой стороны, обитъ шелковой полосатой матеріей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поистрепанной; гробъ довольно длинный, также на точеныхъ ножкахъ. Заключенные въ немъ останки покойника накрыты кускомъ черной матеріи; изъ одежды болѣе или менѣе сохранился только длинный шелковый, черного цвѣта, плафрокъ съ рукавами, а на ногахъ башмаки; покойникъ сильно разложился; за исключеніемъ костнаго скелета, все

остальное исчезло. Можно предполагать, что въ этомъ гробѣ похоронена женщина, а шелковая обивка гроба и такой же шлафрокъ указываютъ, что женщина эта принадлежала къ высшему кругу. Очень можетъ быть, что это прахъ жены гетмана Апостола.

Наконецъ, четвертый гробъ, стоящій на верху третьяго, также съ лѣвой стороны у входа, заключаетъ въ себѣ останки и одежды, настолько разложившіеся и измѣнившіеся, что болѣе или менѣе ясное представленіе ихъ и описаніе невозможны. Гробъ этотъ также сильно обгнилъ.

Остальные гроба, развалившіеся и сгнившіе, свалены въ безпорядочную кучу щепъ, обломковъ, выпавшихъ ножекъ и массы древесной пыли» (Ксѣнзенко, «Кіевская Старина», 1887, февраль, 358, 359).

Другой очевидецъ, лично посѣщавшій гетманскій склепъ, В. М. Базилевскій, къ этому описанію прибавляетъ еще, будто бы склепъ представляетъ собой начало подземнаго хода, который идетъ затѣмъ подъ землянымъ валомъ, далѣе подъ рѣкой и выходитъ въ башню, отстоящую отъ церкви приблизительно саженьяхъ во сто, въ усадьбѣ одного (?) помѣщика. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ обывателей спустились будто бы по ступенькамъ этого хода, но до конца не доходили, такъ какъ подъ конецъ воздухъ становился до того спертымъ, что отъ него гасла свѣчка, да и, кромѣ того, грозила опасность быть заваленнымъ землей.

Въ этой же Свято-Преображенской гетманской церкви мѣстечка Большихъ-Сорочинцевъ былъ крещенъ и нашъ знаменитый писатель, Н. В. Гоголь-Яновскій. Въ метрической книгѣ, въ первой части о родившихся, за 1809 годъ, мартъ мѣсяцъ, подъ № 25, значится: рожденъ 20, крещенъ 22, Николай; родители: помѣщикъ Василій Яновскій; восприемники: господинъ полковникъ Михаилъ Трохимовскій; молился и крестилъ священнонамѣстникъ Іоаннъ Бѣловольскій ¹⁾).

Родовое имѣніе Гоголей-Яновскихъ было, какъ извѣстно, село Васильевка, въ 40 верстахъ отъ Полтавы, но онъ родился въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, куда его мать, Марья Васильевна, незадолго передъ тѣмъ переѣхала подъ наблюденіе знаменитаго въ свое время доктора Трахимовскаго.

Относительно дома, гдѣ родился Гоголь, существуютъ два указанія: В. П. Горленка и В. А. Гиляровскаго. Горленко въ своемъ сочиненіи «Южнорусскіе очерки и портреты» пишетъ: «Домикъ генеральши Дмитріевой, гдѣ 19 марта ²⁾ 1809 года родился Гоголь,

¹⁾ У большинства біографовъ Гоголя день рожденія его обозначенъ 19 марта; тоже у В. П. Горленка: Южнорусскіе очерки и портреты, Кіевъ, 1898, 15. Только у В. А. Гиляровскаго вѣрно обозначено 20-е число марта: «Русская Мысль», 1900, февраль, 128.

²⁾ Какъ мы сказали, 20, а не 19-го.

давно не существуетъ. Уничтоженъ, говорятъ, недавно и описанный выше флигелекъ въ Яновщинѣ, да и родное село его сильно въ послѣднее время измѣнилось» (стр. 15). Другое говоритъ В. А. Гиляровскій въ своемъ разсказѣ «Гоголевщина»: «Гоголь родился въ Сорочинцахъ, въ домѣ Трахимовскаго; домикъ этотъ цѣлъ и теперь... потомъ онъ былъ проданъ помѣщику г. Чарнышу, а по-

Гербъ Данила Апостола.

томъ г. Александренку, и отъ него уже приобрѣлъ его настоящій владѣлецъ, становой приставъ Ш. М. Ересъко... Это чисто побѣленная мазанка, съ дверью по срединѣ. Дверь эта ведетъ въ большую комнату съ глинобитнымъ поломъ, въ правомъ углу которой расположена большая печка, а рядомъ съ ней дверь, ведущая въ пристройку. Налѣво—дверь въ комнату, гдѣ когда-то докторъ Трахимовскій располагалъ своихъ пациентовъ, и гдѣ родился девяносто

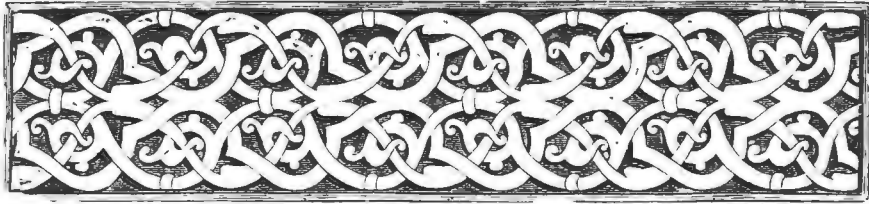
лѣтъ назадъ Николай Васильевичъ Гоголь» («Русская Мысль», 1900, февраль, 122, 126).

На чьей же строонѣ правда? По тщательно собраннымъ справкамъ на мѣстѣ пишущимъ настоящія строки, оказалось, что Гоголь родился въ домѣ Трахимовскаго, а не въ домѣ генеральши Дмитріевой, все состояніе которой унаслѣдовалъ Юрій Алексѣевичъ Малинка, дѣдъ А. А. Малинки, теперешняго предводителя дворянства Миргородскаго уѣзда. Юрій Алексѣевичъ Малинка часто и показывалъ и говорилъ, что Гоголь именно родился въ крохотномъ домикѣ Трахимовскаго, теперь г. Ереськи.

Описаніе Свято-Преображенской церкви въ м. Большихъ-Сорочинцахъ было бы неполно, если бы мы не сказали еще о двухъ рѣдкихъ колоколахъ, висящихъ на особой отъ церкви колокольнѣ. На одномъ изъ нихъ вырѣзана краткая надпись: «1775 годъ, 50 пудъ»; на другомъ болѣе пространная: «АХИН. 20 пудъ. Сей звонъ на хвалу Божию, кому Богъ дастъ. С.Г.З. року АХИН мца марта» (т. е. 1658, мѣсяца марта).

Д. И. Эварницкій.

ЗАМѢТКИ О ГОГОЛѢ.

I.

Снятіе маски съ Н. В. Гоголя Н. Рамазановымъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ отдѣлѣ «Московскихъ Вѣдомостей» 1853 г. (№ 25, стр. 260—261) мы разыскали любопытный, но прошедшій, кажется, совсѣмъ незамѣченнымъ разсказъ Н. Рамазанова («Московская городская хроника. Художественныя извѣстія») о томъ, какъ онъ снималъ маску съ только что умершаго Гоголя.

«21-го февраля, послѣ обѣда, раздался звонокъ въ моей квартирѣ, и явился сильно встревоженный г. А—ъ (Аксаковъ?), который объявилъ о смерти Н. В. Гоголя. Правда, до того уже были точные слухи о тяжелой болѣзни послѣдняго; но врядъ ли кто равнодушно могъ вынести вѣсть о смерти этого человѣка. Однако нельзя было медлить; я позвалъ старика формовщика, и чрезъ четверть часа мы были уже на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ гр. Т. (Толстого). Гробовая крышка, встрѣченная нами у входа, подтвердила внезапную горестную вѣсть. Я взошелъ по парадной лѣстницѣ въ верхніе покои, гдѣ въ совершенной темнотѣ ходилъ по комнатамъ хозяинъ дома, и на вопросъ: «гдѣ Н. В. Гоголь?» онъ отвѣтилъ, указывая обратно на лѣстницу: «тамъ внизу». Когда я подошелъ къ тѣлу Гоголя, онъ не казался мнѣ мертвымъ. Улыбка рта и не совсѣмъ закрытый правый глазъ его породили во мнѣ мысль о летаргическомъ снѣ, такъ что я не вдругъ рѣшился снять маску; но приготовленный гробъ, въ который должны были положить въ тотъ же вечеръ его тѣло, наконецъ, безпрестанно прибывавшая

толпа желавшихъ проститься съ дорогимъ покойникомъ заставили меня и моего старика, указывавшаго на слѣды разрушенія, поспѣшить снятіемъ маски, послѣ чего съ слугою, мальчикомъ Гоголя, мы очистили лицо и волосы отъ алебаstra и закрыли правый глазъ, который, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ, казалось, хотѣлъ еще глядѣть на здѣшній мѣръ, тогда какъ душа умершаго была далеко отъ земли».

Этотъ рассказъ остался, повидимому, неизвѣстнымъ почтенному біографу Гоголя, В. И. Шенроку.

II.

Воспоминаніе о Гоголѣ «комнатнаго надзирателя».

Въ 1850-хъ годахъ В. Негрескулъ записалъ со словъ одного изъ воспитателей Гоголя, П. (Періона?), и помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1853 г., № 71, стр. 729) любопытный рассказъ о пребываніи великаго писателя въ лицей. Насколько мы знаемъ, ни одинъ изъ біографовъ Н. В. имъ не воспользовался, хотя въ немъ попадаются очень характерныя черты и для рассказчика-воспитателя, и для его питомца.

«Я былъ комнатнымъ надзирателемъ при Нѣжинскомъ лицей, но главною моею обязанностію было говорить всегда съ студентами по-французски, обучать ихъ этому языку болѣе практически. Въ числѣ студентовъ были Н. В. Кукольникъ и Н. В. Гоголь. Послѣдній былъ очень лѣнивъ; плохо занимался по всѣмъ предметамъ, пренебрегалъ изученіемъ языковъ, особенно по моему предмету учился онъ плохо; поведенія же онъ былъ прекраснаго; смиреніе его не было, хотя товарищи часто жаловались на него; онъ всѣхъ копировалъ, передразнивалъ, клеймилъ прозвищами; по характера былъ добраго и дѣлалъ это не изъ желанія обидѣть, а такъ, по страсти.

«Извѣстно, какъ любилъ Н. В. Гоголь товарищей, съ какимъ участіемъ разспрашивалъ всегда о нихъ... Н. В. Гоголь любилъ страстно рисованіе, литературу, но было бы слишкомъ смѣшно думать, что Гоголь будетъ Гоголемъ. Меня перевели въ Одесскій учебный округъ, на вакансію учителя французскаго языка при гимназій, и я потерялъ изъ виду своихъ воспитанниковъ; русскихъ журналовъ я не читаю, о литературѣ никогда не говорю: я плохо знаю русскій языкъ. Могъ ли я знать объ успѣхахъ Гоголя, Кукольника, а между тѣмъ слышу часто въ разговорахъ товарищей: Гоголь, Гоголь... Странно, не можетъ быть... Нѣтъ, фамилія знакома: одинъ Гоголь былъ моимъ ученикомъ... Я увѣрился, что Гоголь дѣйствительно кончилъ въ Нѣжинскомъ лицей.

«Странно, право, странно»...

Сжатая характеристика Гоголя-лицеиста подтверждается другими свидетельствами и заслуживает, конечно, полного внимания. Как хороши и знаменательны эти «странно»!

III.

«Иностранецъ Василій Ѳедоровъ».

Давно уже было указано, насколько Гоголь остается вѣренъ дѣйствительности даже въ мелочахъ. Мы можемъ привести новое подтвержденіе этого общаго указанія—на одномъ мелкомъ, но характерномъ фактѣ.

Въ началѣ «Мертвыхъ Душъ» изображаются первыя впечатлѣнія Чичикова при осмотрѣ города (изд. Тихонравова, III, 7). «Показались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавскаго портного; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: «иностранецъ Василій Ѳедоровъ»...».

Что это—результатъ живого наблюденія, занесеннаго въ записную книжку, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ «Молвы» (1831, VI, 8—9): «Мы не найдемъ въ Москвѣ... остроумной вывѣски; зато у насъ есть весьма забавныя и характеристическія. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательно лукавство, съ какимъ хозяева нашихъ вывѣсокъ мистифируютъ на свой счетъ публику, и почти всѣ съ однимъ умысломъ: не казаться тѣмъ, что они въ самомъ дѣлѣ. Напримѣръ: «здѣсь портной А. Финсъ Никулинъ»—этотъ очевидно мѣтитъ въ нѣмцы; другой: здѣсь иностранецъ мужской портной Николай Рахмановъ—въ этомъ преобладаетъ космополитизмъ: не говоритъ, какой націи, только не русской. Есть еще портной «новоприбывшій изъ Парижа», и засаленная вывѣска пятнадцать лѣтъ настойчиво увѣряетъ въ томъ всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ. Одинъ, съ діогеновскою замашкою, просто пишетъ, между двумя нарисованными сапогами: здѣсь Яковъ; другой, напротивъ, чинъ чиномъ: здѣсь Иванъ Василичъ. Но вывѣски—предметъ важный, и для наблюдательнаго человѣка онѣ—источникъ великихъ результатовъ»...

Такимъ наблюдательнымъ человѣкомъ и былъ Н. В. Гоголь. Случайное и частичное наблюденіе, вмѣстѣ съ рядомъ другихъ, однородныхъ, дало начало цѣльной и выразительной картинѣ провинціальной жизни—въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Срв. Соч. Вяземскаго, VIII, 431 (и II, 134): «а какова эта вывѣска, которую можно было видѣть въ 1820-хъ годахъ, въ Москвѣ, на Арбатѣ или Поварской! Большими золочеными буквами красовалось: Гремиславъ, портной изъ Парижа»; *ibidem*, X, 151: «вывѣска, писанная на французскомъ языкѣ, какъ многія наши городскія вывѣски: Tailleur Effremoff de Paris, и т. п.».

IV.

Гоголь въ Одессѣ въ 1848 году.

Биографы Гоголя не даютъ почти никакихъ свѣдѣній о пребываніи великаго писателя въ Одессѣ въ 1848 г. Наиболѣе обстоятельный изъ нихъ, В. И. Шенрокъ, даже жалуется на скудость источниковъ и безуспѣшность своихъ поисковъ.

Однако, кое-какія указанія можно было найти въ брошюрѣ, названіе которой меньше всего могло бы обѣщать это: «День памяти Пушкина 6 (26) іюня 1880 года въ императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ» (Одесса, 1880, стр. 46—51). Г. Тройницкій прочелъ во время университетскихъ поминокъ свое стихотвореніе о Гоголѣ, отчасти касавшееся и Пушкина, и прибавилъ нѣсколько интересныхъ разъясненій.

Въ виду рѣдкости и малоизвѣстности брошюры извлекаемъ изъ этой статьи все существенное.

Братъ поэта, Л. С. Пушкинъ, былъ замѣчательно остроумный человѣкъ и феноменальной памяти. Онъ зналъ на память и превосходно читалъ всѣ ходившіе тогда въ рукописи русскіе стихи. Онъ и познакомилъ автора ¹⁾ съ Гоголемъ.

Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Италіи Гоголь, по прибытіи въ Одессу, отправился съ парохода прямо въ карантинъ, котораго въ ту пору не могъ миновать ни одинъ пассажиръ изъ-за границы ²⁾. Левъ Сергѣевичъ съ нашимъ авторомъ отправились въ карантинъ, гдѣ на ихъ звонокъ вышелъ изъ своего номера Гоголь. Физиономія Гоголя, при первомъ взглядѣ на него, поражала саркастическимъ выраженіемъ. Онъ разсѣяннo перебиралъ четками и привѣтствовалъ навѣстившихъ его знакомъ своей руки. Его отдѣляли отъ посѣтителей четверныя проволочныя рѣшотки на довольно значительное пространство, такъ что разговаривать оказывалось довольно неудобнымъ. Явственно доносился только плескъ береговой волны, а по ту сторону залива какъ бы трепетала въ струяхъ знойнаго миража прилегающая въ морю степь. Гоголь не разъ заходилъ къ автору стихотворенія и Льву Сергѣевичу, въ домъ Крамаревой, по Дерибасовской, гдѣ они оба квартировали.

Гоголь вспоминалъ объ Италіи, о Пушкинѣ, о порядкахъ въ отечествѣ, о новѣйшихъ явленіяхъ въ русской литературѣ и разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Вообще ему было привольнѣе въ

¹⁾ Помѣщеннаго ниже стихотворенія—несомнѣнно, самого Тройницкаго.

²⁾ Гоголь прибылъ сюда на русскомъ пароходѣ, въ сопровожденіи г. Базили.
Прим. автора.

дружескомъ кружкѣ, чѣмъ въ большомъ обществѣ. Гоголь проживалъ у Сабанѣева моста, во флигелѣ дома, нынѣ принадлежащаго графинѣ Толстой, въ двухъ комнаткахъ. Въ одной изъ нихъ стоялъ только круглый ясеневый столъ, на которомъ лежала одна книжечка—Новый Заветъ, на греческомъ языкѣ. Въ другой—кровать, два стула и у окна ясеневая конторка, на которой лежала толстая тетрадь въ полулистъ. Гоголь уже находился тогда подъ развѣдающимъ настроеніемъ того мистицизма, изъ котораго, по видимому, онъ и самъ не усматривалъ выхода, и который натолкнулъ его на злополучную рѣшимость съечь вторую часть «Мертвыхъ Душъ» и ускорилъ его смерть.

Воспоминанія о знакомствѣ и бесѣдахъ съ Гоголемъ выразились въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Гоголю.

Въ память знакомства съ нимъ при возвращеніи его чрезъ Одессу изъ Италіи

Ты возвращался изъ страны,
Гдѣ столько красокъ и весны;
Гдѣ въ мірѣ вольнаго искусства
Такой просторъ для думъ и чувства;
Гдѣ свѣтлымъ мраморнымъ богамъ
Курился долго олимпамъ;
Гдѣ обаянемъ дышатъ донны;
Гдѣ изваянныя мадонны
По перекресткамъ и дворцамъ
Подъемлютъ взоры къ небесамъ;
Гдѣ въ храмахъ прежнихъ поколѣній
Ужъ не возносится моленій;
Гдѣ древній міръ пріюти нашель;
Гдѣ католичества престоль.
О той полуденной странѣ,
Ея богахъ, ея веснѣ,
Ея чарующихъ созданьяхъ,
Гремящихъ славою преданьяхъ
Реликій нашъ пѣвецъ мечталъ,
Хотя ея и не видалъ ¹⁾;
Въ нее лишь только уносился,
Лишь духомъ съ нею онъ родился ²⁾,
И лилъ ея, какъ бы живой,
Сіялъ предъ вѣщею душой.
Ты, на пути въ свой край родимый ³⁾,
На скиескій берегъ нашъ ступилъ,
И міръ иной, родной картиной,
Тебя отвсюду окружилъ.

¹⁾ Извѣстно, что Пушкину ни разу не довелось побывать за границей.
Прим. авт.

²⁾ Сроднился?

³⁾ Малороссію?

Перебирал молча четки,
 Ты намъ привѣтъ послалъ рукой
 Сквозь карантинныя рѣшотки,
 И здѣсь мы встрѣтились съ тобой:
 Братъ знаменитаго поэта ¹⁾,
 Да я, ничѣмъ не именитый,
 Да ты—заше цѣ знаменитый.
 Горячимъ воздухомъ одѣта,
 Видѣлась цѣпь черезъ заливъ;
 Волны рокочущей отливъ
 До слуха чутко доносился,
 Пока ты съ нами не простился.
 Былъ ясный день и зной томилъ,
 Когда ты кровь мой посылъ.
 И незамѣтно время мчалось,
 И многое припоминалось
 Про зарубежной жизни строй,
 И намъ присущій быть родной
 И про твои съ поэтомъ ²⁾ встрѣчи.
 О немъ—владыкѣ русской рѣчи,
 Великомъ, искреннемъ пѣвцѣ,
 Въ терново-лавровомъ вѣнцѣ
 Унесшемъ въ глубь своей могилы
 Такія творческія силы,
 Намъ грустнѣе было вспоминать
 И раны сердца растравлять.
 Ни люстръ, висящихъ съ потолка,
 Ни бронзы, ни утвари красной,
 Въ укромной сѣни уголка,
 Когда въ Одессѣ суетливой
 Ты проживалъ, я не видалъ.
 О нихъ ты мало помышлялъ.
 Всего двѣ горенки: въ одной
 Завѣтъ Спасителя, въ другой,
 Гдѣ воплощалась мысль твоя,
 Лежала рукопись. Въ ея
 Потомъ сожженные листы
 Ты заносилъ свои мечты,
 И думалъ ты, что трудъ упорный,
 Многострадальный, плодотворный,
 Свершенъ. Одинъ ударъ рѣзца
 До вождельнаго конца,
 Тебѣ казалось, оставался.
 И ты простился и разстался,
 Разстался съ нами навсегда...
 Всему здѣсь жребій и череда!
 Ты мыслилъ много, и страдалъ,
 И умеръ. Не осуществился
 Тебя томившій идеаль.
 Изъ дольнаго переселился
 Ты въ оный міръ, гдѣ нѣтъ ни словъ ³⁾,

¹⁾ Л. С. Пушкинъ. Прим. авт.

²⁾ Пушкинъ. Курсивъ здѣсь и ниже принадлежитъ автору.

³⁾ Слезъ?

Ни мнимыхъ радостей, ни грезъ,
 Ни воздыханій, ни печали,
 Что прежде сердце волновали.
 Туда, туда—тебѣ во слѣдъ,
 Я посылаю свой привѣтъ
 Твоимъ несбывшимся мечтамъ
 И недомолвленнымъ рѣчамъ ¹⁾...

V.

А. Григорьевъ о Гоголѣ (1847 г.).

Въ 40-хъ годахъ А. Григорьевъ переживалъ довольно острый періодъ романтическаго броженія. Торжество реализма въ литературѣ и проповѣдь «практицизма» въ публицистикѣ приходились ему сильно не по нутру. Жизнь какъ бы потеряла свои краски, родникъ чистой поэзіи изсякъ, благодаря «сумрачнымъ» Гоголю и Лермонтову...

Какъ характерно и знаменательно само сопоставленіе! Обращеніе къ социальнымъ темамъ, глубокой психологической анализъ, смѣхъ сквозь слезы, «железный стихъ» — все это убило поэзію «поцѣлуя», безъ которой тяжело живетъ на свѣтѣ:

О поцѣлуй!.. Тебя давно не пѣли
 Поэты наши... Злобой и тоской
 Железные стихи ихъ намъ звенѣли,
 Но стихъ давно ужъ не звучалъ тобой...
 На Божій міръ такъ сумрачно глядѣли
 Избранники, намъ данные судьбой,
 И Лермонтовъ, и Гоголь... Такъ уныло,
 Такъ безъ тебя намъ пусто въ мірѣ было ²⁾!...

На такой точкѣ зрѣнія Григорьевъ, конечно, могъ удержаться не долго—только въ пору «мятежной юности», но это не лишаетъ его стиховъ извѣстнаго значенія: они—характерный симптомъ романческаго настроенія и показатель литературнаго значенія Гоголя, котораго, вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, ставили во главѣ «новѣйшей» литературной школы.

В. В. Каллашъ.

¹⁾ О близкихъ отношеніяхъ Гоголя со Стурдзой въ Одессѣ говорятъ Н. Н.—въ «Библ. Зап.» 1859, II, 263—268, и самъ Стурдза—«Москвитянинъ», 1852, XX, 224—228.

²⁾ «Моск. город. листокъ», 1847, № 163, стр. 657.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1902.

ОМІНКИ по Гоголѣ вызовутъ, конечно, появленіе цѣлой литературы о немъ, безчисленныхъ газетныхъ и журнальныхъ статей, ученыхъ изслѣдованій и матеріаловъ различной цѣнности. Одно изъ первыхъ мѣстъ, а, быть можетъ, и первое въ этой Гоголевской литературѣ 1901—1902 года, займутъ изданія А. Ф. Марксомъ и редактированныя В. И. Шенрокомъ письма Н. В. Гоголя въ четырехъ объемистыхъ томахъ. Трудъ В. И. Шенрока — дѣйствительная дань признательности памяти Гоголя и необыкновенной цѣны пріобрѣтеніе для всѣхъ изслѣдователей великаго писателя.

Впервые собраніе писемъ Гоголя далъ его первый биографъ, П. А. Кулишъ, въ своемъ шеститомномъ изданіи «Сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя» (Сиб., 1857). Здѣсь письма заняли пятый и шестой томы. Трудъ Кулиша былъ поистинѣ грандіознымъ: ему пришлось отыскивать и собирать со всѣхъ концовъ Россіи письма. Чтобы оцѣнить эту работу, по вѣрному замѣчанію В. И. Шенрока, нужно самому испытать ее. Еще труднѣе было расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: нужно вспомнить, что тогда только началось биографическое изученіе Гоголя. Тѣмъ не менѣе, изданіе Кулиша было цѣннымъ вкладомъ въ исторію Гоголя, но оно имѣло свои крупныя недочеты, по большей части, не по винѣ издателя. Въ письмахъ было немало пропусковъ по цензурнымъ соображеніямъ; при жизни матери и сестеръ Гоголя и другихъ его корреспондентовъ Кулишъ не считалъ возможнымъ опубликовать многія мѣста изъ писемъ Гоголя; наконецъ большинство именъ и фамилій были замѣнены или звѣздочками или произвольными знаками. Наконецъ, Кулишъ

опускалъ нѣкоторыя строки въ письмахъ (напримѣръ, подписи, адреса), считая ихъ лишними и не предвидя, что эти мелочи могутъ быть очень цѣнны для опредѣленія времени ихъ написанія. Кулишу не удалось вполне правильно распределить въ хронологическомъ порядкѣ всю массу писемъ, нерѣдко онъ относилъ ихъ не къ тому времени, когда они были написаны. Отсутствие указателя и необходимыхъ поясненій и примѣчаній затрудняли пользованіе изданіемъ П. А. Кулиша.

Но V и VI томы, содержащіе въ себѣ письма, не повторялись въ слѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Гоголя и мало-по-малу становились библиографической рѣдкостью. А съ тѣхъ поръ, съ 1857 года, число извѣстныхъ намъ писемъ возросло чуть не вдвое; почти каждый годъ приносилъ все новыя письма, которыя печатались не только въ специальныхъ историческихъ журналахъ, но и въ общихъ, въ сборникахъ, газетахъ и отдѣльныхъ книгахъ. Повторялись изданія старыхъ напечатанныхъ въ собраніи Кулиша писемъ, въ исправленномъ текстѣ, съ возстановленіемъ пропусковъ и раскрытіемъ инициаловъ. Но, несмотря на существованіе указателей литературы о Гоголѣ пользованіе этими разбѣянными всюду матеріалами было чрезвычайно затруднительно, и необходимость изданія полного собранія Гоголевскихъ писемъ стала настоятельной. Нечего и говорить, что вышущія теперь письма Гоголя — трудъ первостепенной важности. Изданіе писемъ Н. В. Гоголя попало въ надежныя руки В. И. Шенрока, лучшаго въ настоящее время специалиста по Гоголю, автора превосходныхъ четырехтомныхъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя», редактора VI и VII томовъ классическаго «Тихомировскаго» изданія сочиненій Гоголя.

Дѣйствительно, г. Шенрокъ далъ образцовое изданіе, удовлетворяющее всѣмъ научнымъ требованіямъ. Оно совершенно упраздняетъ теперь изданіе Кулиша, безконечно превосходя его и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. По объему оно почти вдвое превосходитъ собраніе Кулиша: вмѣсто двухъ томовъ теперь пошло на письма четыре. Г. Шенрокъ собралъ всѣ напечатанныя письма Гоголя и прибавилъ къ нимъ нѣсколько еще нигдѣ не напечатанныхъ писемъ. Изданіе В. И. Шенрока совершенно свободно отъ недостатковъ собранія Кулиша. Въ основу своего труда В. И. Шенрокъ положилъ принципъ провѣрки всѣхъ писемъ по подлинникамъ. Понятно, вполне этотъ принципъ не могъ быть проведенъ по той причинѣ, что кое-какихъ писемъ теперь уже не достать. Благодаря этой провѣркѣ, возстановлены всѣ пропуски, инициалы и знаки изданія Кулиша замѣнены фамиліями, неточности, доходившія иногда до искаженій, исправлены. Письма расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Благодаря своему глубокому изученію жизни Гоголя, г. Шенрокъ удачно справился съ хронологическимъ приуроченіемъ писемъ и исправилъ ошибки Кулиша. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ онъ даетъ необходимыя поясненія событій и лицъ, упоминаемыхъ въ текстѣ. Къ четвертому тому приложенъ подробный указатель. Эта работа по редакціи писемъ дѣйствительно огромная, потребовавшая отъ г. Шенрока упорнаго и продолжительнаго труда, незамѣтна съ перваго взгляда, и только занимающійся специально Гоголевскими вопросами способенъ оцѣнить количество труда и его результаты и отъ души поблагодарить г. Шенрока. Мы имѣемъ образцо-

вое изданіе сочиненій Гоголя, позволяющее слѣдить за исторіей его творчества по исторіи его рукописей. Но только теперь съ появленіемъ этихъ объемистыхъ четырехъ томовъ, заключающихъ значительную часть души Гоголя, является возможность заглянуть глубоко въ душу этого замѣчательнаго чловека, является определенная увѣренность, что раскроются тайны его жизни. Благодаря изданію г. Шенрока, становится возможнымъ изученіе творчества Гоголя въ связи съ исторіей его душевныхъ переживаній. И г. Шенрокъ кладетъ начало этому изученію, приводя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ біографическія справки и параллельныя мѣста изъ произведеній Гоголя.

Мелкіе промахи совершенно теряются въ оцѣнкѣ общаго значенія его работы. При кое-какихъ письмахъ не ясно, напримѣръ, проверены ли они по подлинникамъ, не видно, гдѣ они впервые напечатаны. Въ алфавитномъ указателѣ не указаны имена и названія, вошедшія въ «дополненія» къ 4-му тому; и это не отмѣчено. Кое-гдѣ досадныя типографскія опечатки. Наконецъ, можно было бы, относясь съ педантической строгостью, потребовать сохраненія Гоголевскаго правописанія, но, повторяемъ, эти мелочи нисколько не уменьшаютъ огромнаго значенія работы г. Шенрока.

Мы позволимъ себѣ закончить нашу замѣтку однимъ пожеланіемъ. Когда читаешь письма Гоголя, особенно къ тѣмъ лицамъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ въ теченіе долгаго времени, всегда чувствуешь желаніе имѣть подъ рукой отвѣтныя письма его корреспондентовъ; иногда это желаніе превращается въ потребность. Многія мѣста въ письмахъ Гоголя и многія подробности въ его отношеніяхъ къ друзьямъ-корреспондентамъ остаются непонятными безъ знакомства съ ихъ письмами. Въ особенности это нужно сказать о письмахъ матери Гоголя, Смирновой, Языкова, Погодина и др. Многія изъ этихъ писемъ уже изданы, и большинство этихъ изданныхъ писемъ напечатано г. Шенрокомъ. Теперь, когда мы имѣемъ прекрасное изданіе писемъ Гоголя, мы—въ правѣ надѣяться, что почтенный изслѣдователь и біографъ Гоголя довершитъ свою работу по изданію Гоголевской переписки и возьметъ на себя трудъ выпустить въ печать письма къ Гоголю. И это изданіе будетъ имѣть интересъ не только для специалистовъ-историковъ литературы, но и для большой публики, такъ какъ у Гоголя были очень разнообразныя отношенія. Не бесполезно было бы присоединить къ этому изданію немногочисленныя письма, преимущественно друзей Гоголя, о Гоголѣ. Тутъ можно было бы напечатать отрывки изъ переписки его матери съ своими родственниками. Мы надѣемся, что г. Шенрокъ, такъ много уже сдѣлавшій для изученія Гоголя, внесетъ въ программу своихъ будущихъ работъ изданіе всей переписки Гоголя.

П. Щеголевъ.

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть III. Национализмъ и общественное мнѣніе. Выпускъ I. Спб. 1901.

Одною изъ важнѣйшихъ новостей русской исторической литературы за истекшій годъ является книга г. Милюкова; какъ и все, выходящее изъ-подъ пера талантливаго автора, она обратила на себя всеобщее вниманіе и прибрѣла

обширный круг читателей еще въ то время, какъ печаталась отдѣльными главами на страницахъ одного изъ петербургскихъ «толстыхъ журналовъ».

Въ основу этихъ «Очерковъ» легли, какъ извѣстно, университетскія чтенія автора, «Введеніе въ курсъ русской исторіи», прочитанное имъ на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета; но для настоящаго изданія чтенія эти переработаны заново, и, по мѣрѣ того какъ подвигается ихъ изданіе, переработка эта все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать: настоящий выпускъ можно уже разсматривать, какъ нѣчто совершенно новое.

Широкое пониманіе поставленной себѣ задачи всегда характеризовало г. Милюкова, какъ историка, и настоящий трудъ представляетъ собою лишнее свидѣтельство такого пониманія; авторъ считаетъ своимъ долгомъ, прежде чѣмъ говорить о рускомъ націонализмѣ, высказать свои взгляды на этотъ вопросъ вообще, результатомъ чего и является сжатый, но превосходный историко-философскій этюдъ, поставленный во введеніи къ книжкѣ: въ согласіи съ современными научными воззрѣніями, г. Милюковъ опредѣляетъ національность, какъ понятіе характера социальнаго, придавая главное значеніе надорганической средѣ въ дѣлѣ дифференціаціи народностей, и при этомъ высказываетъ это свое положеніе съ замѣчательною ясностью и наглядностью; установивъ даже этапы развитія національнаго самосознанія—эпоха органическая, переходная и критическая, какъ онъ ихъ называетъ, авторъ излагаетъ затѣмъ исторію развитія русскаго національнаго самоопредѣленія согласно этимъ установленнымъ имъ стадіямъ.

Исторію русскаго національнаго самосознанія слѣдуетъ начинать съ конца XV вѣка—такое главное положеніе г. Милюкова, когда онъ приступаетъ къ исторіи выработки націоналистическихъ идеаловъ органической эпохи; нѣтъ сомнѣнія, что невозможно говорить о самосознаніи русской національности, какъ цѣлаго, прежде политическаго объединенія русскаго народа, достигнуто же объединеніе это дѣйствительно лишь Московскимъ государствомъ: (Хотя не надо, казалось бы, забывать о наличности проявленій такого самосознанія и въ болѣе отдаленныя эпохи; Святославъ, не желавшій посрамить земли Русской, Мономахъ—добрый страдалецъ за землю Русскую,—все это даетъ право говорить о существованіи извѣстнаго народнаго самосознанія уже и въ тѣ времена). Поэтому трудно согласиться съ тѣми изъ критиковъ, которые обвиняли автора въ пренебреженіи нѣкоторыми традиціями такъ называемаго удѣльно-вѣчевого періода. Но въ то же время едва ли не представляется возможнымъ поставить г. Милюкову упрекъ съ другой точки зрѣнія: всякое самоопредѣленіе національности есть продуктъ извѣстнаго обмѣна идей и даже ихъ столкновенія; слѣдя генезисъ такого самоопредѣленія, недостаточно поэтому разложить его на его основные производители, весьма важно указать также и на тѣ тенденціи, которыя отрицательнымъ своимъ вліяніемъ оказали воздѣйствіе на выработку національной московско-русской идеи. Кругъ такихъ тенденцій легко можетъ быть указанъ—это идеалы новгородской духовной культуры; не слѣдуетъ забывать, что, доросши до положенія политическаго центра Руси, Москва не успѣла еще въ то же время стать во главѣ нашей древней умственной жизни, и культурный перевѣсъ Новгорода надъ Москвою долго давалъ

себя чувствовать, отразившись въ своего рода духовной борьбѣ, во время которой Москва и высказала впервые многія изъ тѣхъ идей, которыя впоследствии залегли въ основу нашего народнаго самосознанія.

Излагая исторію его развитія, авторъ очень подробно останавливается на интересномъ вопросѣ о вліяніяхъ извнѣ: Софія Палеологъ, ея спутники и компаніоты—люди, далеко не представлявшіе собою коллекцію адамантовъ добродѣтели—«суть бо греци легивы и до сего дни»,—«братушки» различныхъ мастей и колеровъ, начиная съ Кипріана и Пахомія и кончая Юріемъ Крижаничемъ, который очутился на своемъ мѣстѣ, кажется, лишь когда угодилъ въ Сибирь—всѣ они немало способствовали тому, что наши національныя идеи и идеалы сложились въ ту именно форму, въ какую они отлились; но въ то же время эти же пришельцы путемъ сравненія русской дѣйствительности съ фактами жизни другихъ странъ споспѣшествовали также и зарожденію критическаго отношенія къ тому, въ непреложномъ великолѣпнн чего до сихъ поръ никто не сомнѣвался. Эта критика сказалась и въ извѣстныхъ попыткахъ древнерусской оппозиціи, какъ религіозной, такъ и политической. Г. Милуковъ говоритъ также и объ оппозиціи социальной, но едва ли холоцское и казачье движеніе временъ Лихолѣтія можетъ серіозно считаться выраженіемъ критики московскаго національнаго идеала: критика, для того, чтобы быть таковой, должна быть сознательна, должна исходить изъ опредѣленныхъ идей; а каковы были идеи Болотникова, Заруцкаго, Баловня? Правда, здѣсь нѣкоторую помощь автору оказываетъ небезызвѣстный Ивашка Пересвѣтовъ, однако стоитъ ли этотъ Ивашка того, чтобы съ легкимъ сердцемъ принимать его помощь?

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше сказывалось вліяніе другихъ народностей на укладъ жизни русской національности; дѣло началось съ заимствованій въ области внѣшней культуры, но на этомъ остановиться не могло; тому мѣшали и потребности московскаго правительства, и его дѣйствія: въ послѣднемъ отношеніи весьма любопытна исторія нѣмецкой колоніи на Руси, чрезвычайно живо и выпукло нарисованная г. Милуковымъ. Царствованіе Алексѣя Михайловича, послѣднее московское и первое западническое царствованіе, тоже останавливаетъ на себѣ вниманіе автора. Мало кто изъ нашихъ историковъ обращалъ вниманіе на трагическій элементъ въ жизни и правленіи этого государя, очутившагося, такъ сказать, въ позѣ Геркулеса на распутьѣ, недоумѣвающего, по какой же дорогѣ пойти; правда, онъ не обращался за разрѣшеніемъ этого недоумѣнія къ проходящимъ, и потому-то, быть можетъ, безпомощная въ своей нерѣшительности поза его не слишкомъ бросается въ глаза; считая ее необычной, небывалой доселѣ, мы забываемъ, что она также и тяжела. Съ присущимъ ему тонкомъ пониманіемъ г. Милуковъ обратилъ вниманіе на это колебаніе, на этотъ разладъ, и подъ его перомъ образъ царя Алексѣя принимаетъ, правда, менѣе идиллическій и болѣе скорбный характеръ, чѣмъ обыкновенно, но зато несомнѣнно выигрываетъ въ жизненности, въ правдоподобіи.

Наконецъ авторъ приступаетъ къ изложенію той эпохи, когда, по его словамъ, произошла «официальная побѣда критическихъ элементовъ надъ на-

ціоналистическими», къ изложенію эпохи Петра. Здѣсь г. Милюковъ безспорно является крупнымъ авторитетомъ, давно уже признаннымъ русскою историческою наукою; поэтому его взглядъ на Петра и на его реформу пріобрѣтаетъ несомнѣнный интересъ. Взглядъ этотъ въ общихъ чертахъ остается тотъ же, какимъ его высказалъ г. Милюковъ въ своемъ большомъ трудѣ о петровской реформѣ: реформа эта создавалась болѣе или менѣе случайно, подъ влияніемъ внѣшнихъ потребностей жизни, нарождалась отрывочно, частями, а отнюдь не по заранѣ намѣченному, систематически построенному плану; зачастую преобразователю приходилось становиться лицомъ къ лицу съ такими результатами его дѣятельности, которые для него самого были не меньшей неожиданностью, чѣмъ для лицъ, его окружавшихъ; реформа носитъ на себѣ преимущественный отпечатокъ личности самого преобразователя, такъ какъ у него не было сотрудниковъ или были больше лишь по имени; да и не мудрено: некому было довѣриться; еще въ молодости Петръ пережилъ грозную крамолу, внослѣдствіи крамола эта, хотя и полузадушенная, давала себя чувствовать даже въ средѣ ближайшихъ помощниковъ царя, которымъ онъ въ концѣ концовъ долженъ обѣщать ихъ «зѣло аркебузировать» за тѣ мины, которыя они чинили «подъ фортецію правды», даже въ нѣдрахъ собственнаго его семейства (котораго, правда, не умѣлъ устроить Петръ, царь-мастеровой, привыкшій смотрѣть на людей, лишь какъ на «струментъ» своей работы); сына своего онъ принужденъ былъ «весьма наслѣдства лишитъ» и поступить съ нимъ, «какъ съ злодѣемъ». Личность Петра далеко не можетъ быть названа уравновѣшенной: это—человѣкъ одновременно и дѣла, и разгула, и высокихъ побужденій, и самыхъ грубыхъ страстей, и полководецъ, и судья, и фабрикантъ, и чернорабочій—и чернорабочій по-преимуществу; потому-то и сама реформа приняла узкоутилитарный характеръ и однимъ фактомъ своего существованія не могла еще знаменовать собою перелома въ жизни русской національной идеи; переломъ этотъ произвели уже послѣдующія событія, стоящія, однако же, въ близкой зависимости отъ дѣла Петра, обусловленныя его реформой.

М. Помяловскій.

Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Часть первая. Всенародный мѣсяцесловъ. А. С. Ермолова. Спб. 1902.

Въ этомъ капитальномъ трудѣ собраны всѣ народныя пословицы, поговорки и примѣты на погоду, урожай и на разныя явленія природы и расположены по временамъ года, по мѣсяцамъ и по днямъ. Все собранное выражаетъ собою результаты вѣковыхъ народныхъ наблюдений—главнымъ образомъ въ области сельскохозяйственной жизни населенія, его быта и домашняго обихода. «То, что мы разумѣемъ,—говоритъ А. С. Ермоловъ,—подъ названіемъ вѣковой народной мудрости, не есть еще, конечно, наука, но только ея зародышъ, запасъ такихъ наблюдений и опытовъ, изъ котораго наука можетъ широко черпать, и къ которому она, поэтому, не должна относиться пренебрежительно, хотя бы тутъ наряду съ правдою и примѣшивалось много заблужденій и по-

нѣтъ невѣрныхъ. Это уже дѣло науки разобраться во всей массѣ вѣками накопленныхъ результатовъ народной наблюдательности и воспользоваться тѣмъ, что найдется тутъ цѣннаго и вѣрнаго. Систематизированное же собраніе народныхъ повседневныхъ наблюдений и примѣтъ можетъ принести свою долю пользы и въ другомъ отношеніи—съ точки зрѣнія практической: сельскій хозяинъ можетъ, слѣдя день за днемъ за этими наблюдениями и провѣряя ихъ въ собственномъ своемъ опытѣ, руководствоваться въ своей практической дѣятельности тѣми изъ нихъ, которыя подтвердятся на дѣлѣ и окажутся фактически вѣрными».

Во вступительной главѣ къ своему почтенному труду авторъ объясняетъ и его цѣль: онъ говоритъ, что гдѣ бы человѣкъ ни жилъ, что бы онъ ни дѣлалъ, онъ не уйдетъ отъ вліянія климата и погоды, и что именно отъ комбинаціи этихъ различныхъ факторовъ—тепла, свѣта и влаги,—прежде всего и болѣе всего зависитъ у насъ урожай, а съ нимъ и благосостояніе русскаго народа, который твердо вѣритъ, что «не земля родитъ, а небо», и что «лѣто родитъ, а не поле». Отъ простого народа, отъ крестьянина земледѣльца далеко находится наука и агрономія; гораздо блаже къ нему стоитъ вѣковая народная мудрость, являющаяся, по словамъ А. С. Ермолова, «результатомъ вѣками накопленнаго, почти бессознательнаго, изъ рода въ родъ передаваемаго, опыта и наблюденія, производимаго не точными физическими приборами, но повседневнымъ общеніемъ съ природою чуткаго къ ея явленіямъ, съ которыми связаны всѣ его жизненные интересы, простого крестьянина пахаря. Познавать природу, подмѣчать своеобразныя особенности ея явленій и даже до извѣстной степени предугадывать ихъ—дано не однимъ только людямъ науки. И если только ученые въ состояніи, путемъ долготѣтныхъ точныхъ наблюдений, во всеоружіи многосторонняго знанія, сознательно приподнимать завѣсу природы и улавливать скрытыя за нею тайны, находя имъ научное объясненіе и формулируя ихъ въ видѣ неизбѣмыхъ законовъ и положеній, то въ дѣлѣ изученія природы, по крайней мѣрѣ, въ ея отношеніяхъ къ повседневной жизни земледѣльца, многое познается простымъ умомъ темнаго, но наблюдательнаго сельскаго люда, который «съ природою одною жизнью дышитъ»...

Но А. С. Ермоловъ, въ своемъ обширномъ трудѣ, не останавливается на примѣтахъ и наблюденіяхъ надъ явленіями природы, сдѣланныхъ однимъ лишь русскимъ крестьяниномъ: параллельно, онъ приводитъ примѣты и пословицы на погоду и урожай у земледѣльцевъ иныхъ странъ—французовъ, нѣмцевъ и др., и ихъ поговорки очень часто сходятся съ нашими, сложенными русскимъ мужикомъ, что еще болѣе увеличиваетъ интересъ и цѣнность книги. При этомъ, русскія и иностранныя пословицы и примѣты приурочиваются къ однимъ и тѣмъ же числамъ стараго стиля.

Свой «всенародный мѣсяцесловъ», какъ называетъ авторъ первую часть своего труда, онъ раздѣляетъ по мѣсяцамъ и днямъ, но это отнюдь не значитъ, чтобы крестьянинъ, въ распредѣленіи своего земледѣльческаго труда, придерживался порядка разъ назначенныхъ чиселъ и дней: каждый годъ измѣняются примѣты—измѣняется и порядокъ труда. Къ календарямъ же народъ относится скептически; онъ говоритъ: «кто по календарю съѣтъ, тотъ

рѣдко вѣтъ», «календарнымъ тепломъ не угрѣешься», «календарь не порука» и т. под. Даже пунктуальные и методичные нѣмцы имѣютъ на этотъ счетъ свою поговорку: «Wer jeder Sage Glauben schenkt, dem ist der Scheitel verengt»,—говорятъ они... Зато у всѣхъ народовъ существуетъ изреченіе, перешедшее еще отъ римлянъ: «Vox populi—vox Dei, гласъ народа—гласъ Божій». И вотъ этотъ-то «гласъ народа», являющій собою глубокой, богатый и неисчерпаемый «кладезь народной мудрости», и зарегистрированъ въ первой части замѣчательнаго труда А. С. Ермолова. Мы не будемъ дѣлать изъ этой прекрасной книги выписокъ, но мѣсяцамъ и числамъ, хотя бы только для образца, такъ какъ отрывочное приведеніе пословицъ и примѣтъ не можетъ дать читателю надлежащаго представленія о томъ глубокомъ интересѣ, которымъ проникнута книга А. С. Ермолова; пространныя же цитаты и компиляціи не входятъ въ рамку нашей сжатой библиографической замѣтки о книгѣ. Отсылаемъ къ ней самой всѣхъ тѣхъ, кто поинтересуется этимъ серьезнымъ трудомъ, источниками которому служили многіе сборники и статьи—на польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ. Изъ русскихъ же источниковъ, служившихъ подспорьемъ къ книгѣ, были слѣдующее: извѣстное сочиненіе Снегирева «Русскія народныя пословицы и притчи», «Сказанія русскаго народа», собранныя Сахаровымъ, «Пословицы русскаго народа» извѣстнаго народовѣдца В. И. Даля и его же «Толковый словарь», «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» А. Афанасьева и многія другія сочиненія, представляющія, въ общемъ и въ связи съ иностранными сочиненіями о томъ же предметѣ, весьма обширную литературу, на одно изученіе которой нужны многіе годы усидчиваго труда и терпѣнія. Не часто появляются въ русской литературѣ такія книги, представляющія собою не только результаты труда, но, главное, и живой любви къ этому дѣлу первостепенной, для нашей земледѣльческой страны, важности. **И. П.**

Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. Томъ второй. Приложенія къ историческому изслѣдованію, книга вторая. Дм. Цвѣтаева. Варшава. 1902.

Въ іюньской книгѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года мы говорили о первой части приложеній къ историческому изслѣдованію варшавскаго профессора Д. В. Цвѣтаева о царѣ Василю Ивановичѣ Шуйскомъ въ Польшѣ. Теперь появилась вторая часть приложеній, древнѣйшіе акты въ которой, какъ и въ первой, сообщаютъ о русско-польскихъ отношеніяхъ той поры, когда Польша достигла высшаго своего политическаго торжества надъ Москвою, но обнаружила и внутреннюю непрочность его, приведшую къ дальнѣйшимъ, роковымъ для самой Польши, послѣдствіямъ. Для даннаго вопроса важны помѣщенные здѣсь извлеченія изъ корреспонденціи нунція Симонетта о взаимныхъ отношеніяхъ между Сигизмундомъ III и Василюемъ Шуйскимъ и вообще о дѣлахъ съ Москвою. Ихъ полезно рассмотретьъ въ связи съ сообщеніями въ послѣдней книгѣ Пирлинга «La Russie et le Saint-Siège»

(Paris, 1901). Интересны рѣчи Крукеницкаго отъ имени польскаго войска Сигизмунду и канцлера Крыскаго гетману Жолкевскому при представленіяхъ Шуйскаго подъ Смоленскомъ въ лагерь и въ Варшавѣ, на генеральномъ сеймѣ, и въ особенности обширная грамота Сигизмунда по случаю плѣна и представленія несчастнаго московскаго государя. Въ этихъ актахъ ясны цѣли и намѣренія Польши, а еще яснѣе не знавшее мѣры хвастливое тщеславіе временныхъ побѣдителей. Извлеченія изъ сеймовыхъ прихода-расходныхъ книгъ даютъ подробныя officialныя данныя о польскихъ казенныхъ расходахъ на содержаніе плѣнныхъ царя и его братьевъ, московскихъ пословъ митрополита Филарета, князя Голицына, князя Трубецкого и другихъ съ ихъ свитами и слугами, на подкуны и т. п. Въ числѣ бравшихъ польскіе «подарки» оказываются многія лица, о которыхъ до сихъ поръ ничего подобнаго не было извѣстно, почему тутъ можно найти и долю разъясненія группировки русскихъ, заявлявшихъ тогда приверженность польскому королю.

Дальнѣйшіе акты касаются варшавскаго и гостыненскаго мѣстъ погребенія и существовавшихъ и существующихъ тутъ учреждений. Варшавскихъ археологовъ и любителей старины сильно за послѣдніе годы интересовалъ вопросъ, что представляетъ собою зданье, стоящее въ саду первой мужской гимназіи. И въ польской, и въ русской печати держались того мнѣнія, что оно—сохранившаяся подлинная усыпальница царя и его брата и невѣстки Шуйскихъ, сооруженная для нихъ Сигизмундомъ III. Въ книгѣ приводится цѣлый рядъ документовъ XVII—XIX вѣковъ, изъ исторіи мѣстности, на которой стояло и стоитъ это зданье; въ поясненіе ихъ приложена и officialная докладная записка (№ 185) профессора Цвѣтаева въ управленіе Варшавскаго учебнаго округа о реставраціи зданья. Несомнѣннымъ оказывается, что это строеніе всегда служило лишь бесѣдкой въ саду и ничего тождественнаго съ усыпальницей и ея исторіей не имѣло; она стояла въ частномъ владѣніи, находившемся по соседству съ собственной землею усыпальницы или такъ называемой московской каплицы. Каплицей владѣли доминикане обсерванты, постоянно ведшіе тяжбы и споры съ сосѣдями. Изданные документы о сосѣднихъ владѣніяхъ и вводятъ въ исторію сосѣдскихъ отношеній и этимъ очень оживляютъ исторію самого доминиканскаго монастыря, сообщая любопытныя данныя изъ церковно-общественнаго быта въ Варшавѣ въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкахъ. Въ первой части, какъ помнимъ, послѣ актовъ о представленіи на сеймѣ, о кончинѣ Шуйскихъ и отдачѣ ихъ помертвыхъ останковъ, были помѣщены документы преимущественно о самой варшавской усыпальницѣ и о монастырѣ доминиканъ обсервантовъ.

По снесеніи зданій каплицы, ея земля была подарена обществу любителей наукъ, которое, прикупивъ себѣ сосѣдній домикъ ксендзовъ миссіонеровъ, выстроило на мѣстности каплицы большой домъ, а передъ нимъ памятникъ Копернику. Дѣло сооруженія дома и памятника, дальнѣйшихъ передѣлокъ въ нихъ и учрежденія преміи имени Коперника весьма подробно передается въ документахъ. Извлеченія изъ протоколовъ, тексты уставовъ и правилъ и акты о выборахъ въ члены общества раскрываютъ его внутреннюю организацію и жизнь, его отношенія къ русскому правительству, а также къ рус-

скимъ и юго-славянскимъ ученымъ и поэтамъ и проч. Послѣ разныхъ заявленій обществомъ преданности русскимъ государямъ и послѣ писемъ съ взаимными любезностями между обществомъ и принимавшими выборы въ него такими лицами, каковы графъ Румянцевъ, князь Вяземскій, Кешень, Шторхъ, Булгаринъ, проф. Симоновъ, Шафарикъ и другіе, весьма какъ бы неожиданными являются многочисленные документы объ участіи польскихъ членовъ общества въ возстаніи 1830—1831 годовъ: князя Чарторыскаго, князя Островскаго, графа Плятера, епископа Пражмовскаго, Нѣмцевича, Осинскаго и длиннаго ряда другихъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ членовъ общества. Въ документахъ объ этомъ участіи раскрывается многое въ характерѣ и свойствахъ возстанія. Нелегальность членовъ общества повела къ закрытію его; официальная переписка о томъ указываетъ, съ какою осторожностью производилось это закрытіе. Оставшіяся послѣ общества денежные суммы послужили къ постройкѣ зданій для нѣсколькихъ учебныхъ заведеній.

Въ бывшемъ домѣ общества, служившемъ потомъ для дирекціи благотворительной лотереи и для медико-хирургической академіи, помѣщается нынѣ I-я мужская гимназія. Документами о данномъ учебномъ заведеніи, русскомъ по составу учащихся, и о сооруженіи въ немъ церкви, въ память о покоившемся государѣ, заканчиваются акты къ исторіи варшавскаго мѣста погребенія царя Шуйскаго. Послѣднія данныя важны въ исторіи русскаго просвѣщенія въ краѣ.

Царь Василій Ивановичъ жилъ въ заключеніи, скончался и былъ первоначально погребенъ въ 130 верстахъ отъ Варшавы въ Гостынскомъ королевскомъ замкѣ. Въ первой части были помѣщены акты о смерти тамъ Шуйскихъ и инвентарныя описи замка; въ настоящей части изданы документы о выдачѣ имущества Шуйскихъ, остававшася послѣ ихъ смерти, и лѣтописныя свѣдѣнія о постройкѣ нѣмецко-лютеранскою общиною себѣ кирки на развалинахъ этого замка; постройка была выполнена при щедрой денежной помощи со стороны правительства въ первые годы царства Польскаго.

Документы второго тома извлечены изъ архивовъ и рукописныхъ собраній варшавскихъ, московскихъ, петербургскихъ, гостынскаго, львовскаго, краковскаго и римскихъ (болѣе, чѣмъ изъ 20-ти), главнымъ образомъ латинскіе, польскіе, русскіе, затѣмъ итальянскіе, нѣмецкіе, французскіе. Число актовъ въ I книгѣ тома до 170, во 2 книгѣ 202; за небольшимъ изъятіемъ они новыя, доселѣ не изданныя.

Размѣщены акты по хранилищамъ, изъ которыхъ извлечены они, съ точнымъ обозначеніемъ дѣлъ и рукописей. Это должно имѣть руководящее значеніе для желающихъ заниматься въ варшавскихъ архивахъ, доселѣ въ большинствѣ недоступныхъ и неизвѣстныхъ изслѣдователямъ.

За актами въ 1-й части были помѣщены рисунки, именно: изображеніе представленія Шуйскихъ въ Варшавѣ, снимки съ печатей, виды отдѣльныхъ зданій и части Варшавы съ бывшею въ ней московскою канлицей; во второй части за актами слѣдуютъ планы мѣста и мѣстности варшавской усыпальницы Шуйскихъ, XVII—XIX вѣковъ. Освѣщая исторію мѣста, рисунки и планы (числомъ около 30) цѣнны, какъ и поясненіе и дополненіе къ

картографіи Варшавы. Изданы они тщательно, почти всё въ размѣрѣ подлинниковъ.

Вообще, въ этомъ новомъ трудѣ профессора Д. В. Цвѣтаева, судя по спеціальному заглавію его, почти нельзя было и ожидать столько интересныхъ и цѣнныхъ историческихъ данныхъ, сколько заключается въ немъ. Это обусловливается тѣмъ, что почтеннымъ ученымъ профессоромъ мѣста погребенія царя Шуйскаго взяты въ связи съ исторіей бывшихъ и существующихъ на нихъ учреждений, и что въ своихъ научныхъ поискахъ и извлеченіяхъ соответственныхъ документовъ онъ не знаетъ усталости и умѣетъ преодолевать встрѣчающіяся затрудненія, въ чемъ ему помогаетъ и его необыкновенно обширное научное знаніе архивнаго дѣла и рѣдкая настойчивость въ изученіи каждаго взятаго имъ научно-историческаго предмета.

Искренно желаемъ скораго появленія самого историческаго изслѣдованія, которое послѣ такого обширнаго и тщательнаго изученія и выбора матеріаловъ должно, на фонѣ взаимныхъ русско-польскихъ отношеній, обогатить и освѣтить свѣдѣнія о пребываніи царя Шуйскаго въ Польшѣ, исторію учреждений на мѣстахъ его погребенія и точно опредѣлить мѣсто бывшей въ Варшавѣ царской усыпальницы.

А. Никольскій.

«Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка. Изданный его учениками и почитателями. Москва. 1902.—Н. Стороженко. Изъ области литературы. Его же. Опыты изученія Шекспира. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902.

16 декабря въ Москвѣ праздновалось 30-лѣтіе научно-литературной дѣятельности профессора Н. И. Стороженка и 25-лѣтіе со времени избранія его въ дѣйствительные члены общества любителей російской словесности. Юбиляра привѣтствовали профессора историко-филологическаго факультета, члены общества любителей російской словесности, депутація отъ различныхъ учреждений, отъ бывшихъ слушателей, слушательницъ, студентовъ и почитателей. Н. И. Стороженко—одинъ изъ выдающихся знатоковъ исторіи всеобщей литературы и одинъ изъ популярныхъ профессоровъ Московскаго университета, поэтому чествованіе носило замѣчательно сердечный характеръ. Но друзья и ученики любимаго профессора не ограничились поднесеніемъ ему адресовъ и множества привѣтствій, а ознаменовали его юбилей изданіемъ трехъ сборниковъ, весьма содержательныхъ и цѣнныхъ.

Въ ознаменованіе исполнившагося тридцатилѣтія профессорской дѣятельности Стороженка они выпустили сборникъ «Подъ знаменемъ науки», редактированіе котораго было поручено приватъ-доценту Московскаго университета М. Н. Розанову. Сборникъ открывается краткимъ очеркомъ научно-литературной и общественной дѣятельности Н. И. Стороженка, гдѣ въ связи съ біографіей профессора выяснены его ученые и литературныя заслуги, и тепло освѣщена его плодотворная и многосторонняя дѣятельность. Въ концѣ статьи, въ видѣ приложенія, находимъ полный библиографическій указатель къ печатнымъ

трусамъ Стороженка. Самый сборникъ—объемистая книга въ 740 стр.—составленъ интересно и заключаетъ въ себѣ 55 статей разнообразнаго содержания. Первая статья принадлежит перу «маститаго» романиста Боборыкина, и представляетъ собою переводъ на русскій языкъ его лекціи объ эволюціи русскаго романа, читанной авторомъ въ Брюссельскомъ новомъ университетѣ. Года два тому назадъ имъ напечатана толстая книга объ европейскомъ романѣ, гдѣ обрисованы шесть западныхъ литературъ. Въ этой лекціи, не представляющей для русскаго читателя особеннаго интереса, онъ разсматриваетъ періодъ «творческаго наростанія» романа во вторую треть XIX вѣка, т. е. шестидесятые годы, сказавъ нѣсколько словъ о произведеніяхъ Толстого, Достоевскаго и Тургенева. Профессоръ Ө. Мищенко напечаталъ любопытныя соображенія о томъ, какъ сложилась басня, будто бы скибы имѣли обыкновение остылить всѣхъ своихъ рабовъ. Г. Архангельскій помѣстилъ свою рѣчь о поэзіи Баратынскаго, Е. Некрасова—отрывокъ изъ біографіи Огарева, наименѣе извѣстный публикѣ, такъ какъ въ этой статьѣ обрисовано раннее дѣтство Огарева. Профессоръ Л. Ю. Шенелевичъ подвелъ библиографическіе итоги русскои литературы о Сервантесѣ, указавъ, что въ этой литературѣ имя Стороженка занимаетъ первое мѣсто.

Изъ другихъ статей слѣдуетъ указать на цѣнную статью В. Якушкина «Учебные годы А. Н. Радищева», гдѣ авторъ даетъ свѣдѣнія объ ученіи Радищева, о годахъ его студенчества въ Лейпцигѣ. П. С. Коганъ въ небольшой статьѣ выяснилъ міросозерцаніе Рѣскаина (Философъ «красивой жизни»). Статья И. И. Иванова о Сень-Симонѣ и симонизмѣ излагаетъ выводы автора изъ его диссертации на ту же тему. Очень интересенъ очеркъ профессора Р. Ө. Брандта объ основныхъ мотивахъ поэзіи Мицкевича. Авторъ отнесся вполне объективно къ поэзіи великаго польскаго поэта, указавъ и на то, что поэтическія преувеличенія Мицкевича «не разъ могли быть приняты за полную историческую правду и содѣйствовали тогда поддержанію начальной русско-польской розни» (320 стр.). Профессоръ Кирпичниковъ написалъ содержательный этюдъ о Гоголѣ и Бѣлинскомъ лѣтомъ 1847 года. Онъ находитъ, что несправедливо считать Гоголя во время выхода въ свѣтъ его «Переписки» душевно-больнымъ: «онъ владѣлъ въ это время всѣми способностями своего глубокаго и тонкаго ума, кромѣ способности творчества» (стр. 432). На защиту «доброй цѣли» книга Гоголя вызвала критическій отзывъ Бѣлинскаго въ «Современникѣ», и въ особенности сильное вліяніе оказало на Гоголя знаменитое письмо Бѣлинскаго. Къ этой же эпохѣ относится напечатанная въ «Сборникѣ» лекція профессора Линниченка о Бѣлинскомъ въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками. Любопытны также нарисованныя черты Огарева въ воспоминаніяхъ его бывшаго крестьянина. Воспоминанія эти собраны Н. Мендельсономъ въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губ. и прекрасно дополняютъ образъ Огарева, гуманнаго и благороднаго поборника свободы. Укажемъ еще на интересную статью В. Шенрока о П. А. Плетневѣ («Профессоръ-словесникъ стараго типа»), въ которой авторъ реабилитируетъ имя Плетнева отъ несправедливой оцѣнки его дѣятельности, и отъ упрековъ въ карьеризмѣ, какъ это сдѣлано въ статьѣ Г. Скабичевскаго. Въ нашей замѣткѣ мы не касаемся даже другихъ, не менѣе

цѣнныхъ статей, хорошихъ переводовъ, стихотвореній («Жильбертъ» Е. Дегена, «Русскія отношенія Гете» — очень обстоятельный очеркъ В. В. Каллапа, «Мое знакомство съ П. А. Кулишемъ» Н. В. Стороженка, «Творческія силы» Д. И. Тихомирова, «Загоскинъ и цензура» А. Ѳ. Кони, «Историческое значеніе поэзіи графа А. К. Толстого» Н. А. Котляревскаго, «Бомарше-человѣкъ и писатель» Е. Д. Жураковскаго, «Два Донъ-Жуана» М. П. Смирнова, «Вольтеръ въ русской литературѣ» Д. Д. Языкова, «Одинъ изъ современниковъ Шекспира» М. Н. Розанова и др.). Издана книга прекрасно и очень дешево (2 р.).

Два другихъ сборника, одновременно вышедшихъ и тоже составленныхъ учениками Н. И. Стороженка, принадлежатъ уже перу самого юбиляра. Въ первомъ изъ нихъ «Изъ области литературы» собраны статьи, имѣющія общій, не спеціальной характеръ. Такъ, въ статьѣ (публичная лекція) «Педагогическія теоріи эпохи Возрожденія» охарактеризованы педагогическіе взгляды гуманистовъ. Здѣсь обрисована замѣчательная попытка преобразования школы на началахъ гуманизма, задуманная падуанскимъ гуманистомъ Вигторино да-Фельтре. «Онъ жилъ со своими учениками, какъ отецъ съ дѣтьми, онъ отдавалъ имъ все свое время и все свои средства. Для нихъ онъ отказался отъ радости семейной жизни и сдѣлался почти анахоретомъ; и когда друзья совѣтовали ему жениться, чтобы имѣть сыновей, подобныхъ себѣ, онъ шутя отвѣчалъ, намекая на свою школу, что у него и безъ того слишкомъ много сыновей». Къ этой же эпохѣ гуманизма относится двѣ слѣдующія за этой статьёю о Дж. Бруно и Э. Доле. Статя «Джордано Бруно, какъ поэтъ сатирикъ, и драматургъ», была прочитана авторомъ по случаю открытія въ Римѣ памятника Бруно. Въ ней дана характеристика литературныхъ произведеній Бруно, оказавшаго, какъ замѣчаетъ авторъ, вліяніе и на Шекспира, и на Лейбница, Якоби и Шеллинга. «Вольнодумецъ эпохи возрожденія» — гуманистъ Этьенъ Доле, типографчикъ и издатель, сожженный въ Парижѣ 3 августа 1546 года. Это — одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей эпохи Возрожденія, «которыя смѣло вступили въ борьбу за право разума и вѣрующей совѣсти, положили основы свѣтской науки и основаннаго на ней міросозерцанія и запечатлѣли своею кровью вѣрность своимъ убѣжденіямъ» (стр. 33). Страстная любовь къ классической древности, вѣра въ ея обновляющую силу, вѣра въ торжество разума сдѣлали имя Доле однимъ изъ выдающихся. Занимаясь испанской драмой XVI — XVII вв., Н. И. Стороженко внесъ въ эту область литературы много новаго, и слѣдующія двѣ статьи («Возникновеніе реального романа» и «Философія Донъ-Кихота»), напечатанныя въ «Сборникѣ», дадутъ читателю сжатый очеркъ развитія реального романа въ Европѣ, выяснятъ роль въ этомъ развитіи такъ называемой «плутовской новеллы» и представятъ замѣчательный анализъ литературныхъ взглядовъ Сервантеса. Статя о философіи Донъ-Кихота считается лучшей русской работой объ этомъ великомъ произведеніи. Н. И. Стороженко не только разсматриваетъ истинный смыслъ «Донъ-Кихота», не только «исчерпалъ все перлы гуманности и мудрости», которые разсыпаны въ разсужденіяхъ Донъ-Кихота, но выяснилъ связь между Сервантесомъ и лучшими представителями эпохи возрожденія.

Укажемъ, наконецъ, еще на прекрасную статью о Теодорѣ Паркерѣ, въ которой русская публика впервые познакомилась съ знаменитымъ американскимъ проповѣдникомъ и моралистомъ, борцомъ противъ невольничества, на «поэтическую» статью объ юношеской любви Гете и яркій очеркъ жизни m-me Сталь.

Издатели разбили статьи Н. И. на три группы: къ первой изъ нихъ относятся статьи Стороженка по иностранной литературѣ, наиболѣе цѣнные, въ сущности, ко второй—семь статей, относящихся къ русской литературѣ, и къ третьей—статьи изъ малорусской литературы. Всѣ его статьи по русской литературѣ, не внося чего либо новаго, отличаются чуткостью, изяществомъ и глубокимъ знаніемъ вопроса. Среди множества статей о Пушкинѣ небольшая статья Стороженка и теперь блещетъ своей сжатой, тонкой оцѣнкой значенія Пушкина. Полная высокаго воодушевленія статья объ эволюціи критическихъ идей Бѣлинскаго составляетъ украшеніе юбилейной литературы о Бѣлинскомъ. Широта взгляда Стороженка, глубина и многосторонній анализъ отразились и въ его статьѣ о Шевченкѣ, «гениальномъ горемыкѣ».

Но любимая тема Н. И. Стороженка—Шекспиръ. Его курсъ о Шекспирѣ «является послѣднимъ словомъ, которое сказано наукой о великомъ англійскомъ драматургѣ». Третья изъ названныхъ нами книгъ заключаетъ въ себѣ рядъ этюдовъ объ изученіи Шекспира и статей о Шекспирѣ. Здѣсь помѣщено цѣлое изслѣдованіе о Макбетѣ, статья о прототипахъ Фальстафа, о сонетахъ Шекспира въ автобиографическомъ отношеніи, о Шекспирѣ и Бѣлинскомъ и др. Можно поблагодарить этотъ тѣсный кружокъ друзей Н. И. Стороженка за ту большую услугу, которую они оказали русской публикѣ изданіемъ трудовъ своего учителя.

П. А.

Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Томъ II. Римская императорская власть отъ Гальбы до Марка Аврелія. Спб. 1901.

Тщательная и детальная разработка исторіи Римской имперіи есть одинъ изъ несомнѣнныхъ успѣховъ науки истекшаго XIX столѣтія. И капитальныя изслѣдованія по этой эпохѣ, и новые матеріалы, въ видѣ надписей, монетъ и, въ послѣднее особенно время, папирусовъ, появлялись въ прошлое столѣтіе въ огромномъ количествѣ. Поэтому авторъ указаннаго въ заглавіи изслѣдованія поставилъ себѣ весьма нелегкую задачу, желая сказать свое слово въ той области науки, гдѣ до него трудилось столько выдающихся ученыхъ, а энергія г. Гримма, съ которой онъ работаетъ надъ своей темой, прямо удивительна, такъ какъ первый томъ настоящаго сочиненія появился всего въ 1900 году. Правда, г. Гриммъ значительно сузилъ свою задачу, такъ какъ изложеніе его основывается исключительно почти на текстахъ древнихъ авторовъ. Что же касается новѣйшей ученой литературы, то позволительно думать, что она не всегда извѣстна автору; трудно объяснить иначе, почему, говоря, напримѣръ, объ Антонинѣ, г. Гриммъ называетъ двѣ небольшія и довольно старыя работы Зиверса и Боссарта и Мюллера (1870 и 1868) и не упоминаетъ вовсе о весьма

солидномъ трудѣ G. Lacour-Gayet, Antonin le Pieux et son temps (Paris, 1888); точно также, приводя литературу о Маркѣ Аврелии, авторъ долженъ былъ бы, наряду съ классической книгой Ренана, назвать обстоятельную работу американскаго ученаго P. B. Watson'a (New-York, 1884), гдѣ весьма подробно указана литература предмета. Правда, г. Гриммъ въ предисловіи къ первому тому говорилъ, что онъ не обременяетъ своего сочиненія ссылками, чтобы сдѣлать его доступнымъ и для неспеціалистовъ, а спеціалисты и безъ указаній автора усмотрятъ, какого ученаго онъ имѣетъ въ виду въ томъ или другомъ случаѣ. Но, отказываясь, конечно, отъ званія спеціалиста, позволяю себѣ все-таки утверждать, что отъ недостаточныхъ ссылокъ на пособія изложеніе г. Гримма страдаетъ иногда значительной неопредѣленностью. Изъ многихъ примѣровъ укажу на одинъ. Говоря о важной реформѣ Гадріана, назначившаго на должности завѣдующихъ официальной перепиской императора и принятіемъ прошеній всадниковъ вмѣсто бывшихъ до того вольноотпущенниковъ, г. Гриммъ задается вопросомъ, почему Гадріанъ не распространилъ этой мѣры и на управленіе финансами. Между тѣмъ, въ книгѣ Фридлэндера *Darstellungen aus der Sittengeschichte Rom's*, которая, судя по всему, была настольнымъ пособиемъ г. Гримма, содержится указаніе, что и завѣдываніе финансами было поручено Гадріаномъ всадникамъ; того же мнѣнія придерживается и Шурцъ, авторъ спеціальнаго изслѣдованія о реформѣ Гадріана (*De mutationibus in imperio ordinando ab Hadriano imperatore factis*. Bonn. 1883), оставшагося, повидимому, неизвѣстнымъ г. Гримму. Этотъ недостатокъ изложенія наводитъ на еще одно общее соображеніе. Начиная съ эпохи Гадріана, главнымъ источникомъ для г. Гримма служатъ такъ называемые «Писатели исторіи Августовъ». Въ настоящее время трудами Петера и другихъ доказана почти полная несостоятельность этихъ авторовъ, какъ историческаго источника, поэтому естественно, кажется, было бы ожидать въ трудѣ г. Гримма обстоятельной общей критической оцѣнки и проверкѣ извѣстій этихъ писателей, но ожиданія наши совершенно напрасны.

Пора, однако, обратиться къ связанному изложенію содержанія книги. По первоначальному плану авторъ предполагалъ довести въ настоящемъ томѣ свое изложеніе до V—VI вѣковъ, а на самомъ дѣлѣ кончилъ только Маркомъ Аврелиемъ (т. е. 180 г. по Р. Хр.). Правда, и въ теперешнемъ видѣ книга представляетъ внушительный томъ въ 466 страницъ. Совершенно правильно ввелъ г. Гриммъ, начиная съ этой части, въ свое изложеніе и греческіе источники, которые онъ въ первомъ томѣ игнорировалъ. Первая глава изслѣдованія, посвященная движенію 68—69 гг. п Гальбѣ, Отону и Вителлію, изложена, сравнительно съ послѣдующими, черезчуръ подробно. Особенно удалось автору выясненіе причинъ движенія. Въ рассказѣ объ эпохѣ Флавіевъ г. Гриммъ справедливо останавливается на «систематическомъ стремленіи этихъ принцевовъ и въ особенности Домиціана къ усиленію и упроченію престижа императорской власти». Точка зрѣнія автора на Домиціана очень неопредѣленна, и крайне жаль, что г. Гриммъ не выяснилъ подробнѣе, какъ онъ смотритъ на эту интересную личность. Въ послѣдующей главѣ «Римское общество временъ Флавіевъ», гдѣ преимущественно говорится объ оппозиціи принципату, наиболѣе интереснымъ представляется § 6 («Очеркъ развитія греческихъ взглядовъ на мо-

нархію»), правда, не претендующій, по словамъ самого г. Гримма, на новизну взглядовъ. Впрочемъ, къ чести автора слѣдуетъ сказать, что онъ съ большимъ стараніемъ прослѣдилъ вліяніе греческихъ монархическихъ теорій на римскую литературу. Говоря о личности Діона Хрисостома, г. Гриммъ оставляетъ безъ вниманія любопытную характеристику этого писателя, данную профессоромъ А. И. Сонни въ «Филологическомъ Обзорѣніи», т. XIV (1898 г.). Поражаютъ въ этой главѣ неоднократныя ссылки г. Гримма на парадоксальную книгу Вильг. Ад. Шмидта *Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit*, послужившую въ свое время главнымъ пособіемъ Д. П. Исарева въ его работѣ объ Аполлоніи Тианскомъ. Неужели можно вѣрить такому автору, который, напримѣръ, говоритъ, что лествъ Марціала Домиціану носить характеръ пародіи. А такихъ утверждений въ книгѣ множество. Конечно, далѣе, не одному г. Гримму приходило въ голову тожество Матерна, выводимаго въ «Диалогѣ объ ораторахъ» Тацита, съ одноименнымъ софистомъ, о казни котораго разсказываетъ Кассій Діонъ, но если бы г. Гриммъ заглянулъ въ *Geschichte der römischen Litteratur* Тейффеля-Швабе (§ 318), то встрѣтилъ бы тамъ весьма сильные доводы противъ этого отождествленія. Тамъ же читаемъ, что если относить составленіе Тацитова «Диалога» къ эпохѣ Тита, какъ это дѣлаетъ г. Гриммъ, то различіе между тѣмъ и другимъ Матерномъ слѣдуетъ считать доказаннымъ. Въ слѣдующей (IV) главѣ дается обзоръ правленія Нервы и Траяна. Трудно согласиться съ мнѣніемъ г. Гримма, чтобы Нерва «сталъ во главѣ заговора противъ Домиціана». Судя по даннымъ источниковъ, душою заговора могутъ быть названы Т. Петроній и Пареній. Что же касается Нервы, то выборъ заговорщиковъ упалъ на него послѣ того, какъ они безуспѣшно обращались ко многимъ другимъ лицамъ. Самое правленіе Нервы очерчено очень кратко, такъ не упомянуто почти объ его мудрой финансовой политикѣ. Типичными представителями римскаго общества въ эпоху Нервы и Траяна выбраны въ слѣдующей главѣ, какъ и нужно было ожидать, Тацитъ и Плиніи. Обширная характеристика перваго читается съ интересомъ, хотя и не блещетъ особой оригинальностью. Впрочемъ, о Тацитѣ писали такъ много, что проявить самостоятельное сужденіе о немъ возможно только послѣ долгихъ специальныхъ занятій, а это, очевидно, не входило въ планы г. Гримма. Болѣе удивительно, что онъ не знаетъ, что чтеніе въ Миласской надписи собственнаго имени Тацита (Publius) невѣрно; объ этомъ писали еще въ 1895 г. (въ 132 т. Записокъ Вѣнской Академіи Наукъ) австрійскіе ученые Gula и Szanto, лично видѣвшіе надпись. Вопросъ о томъ, когда Тацитъ попалъ въ сенатъ, изложенъ довольно противорѣчиво. На стр. 192 сказано, что историкъ принадлежалъ къ сенату со временъ Веспасіана, а на стр. 307 «при Титѣ онъ съ должностью квестора получилъ доступъ въ сенатъ». Что касается Плинія Младшаго, то г. Гриммъ отнесся къ нему, кажется, очень жестоко. Мнѣніе автора, что переноска Плинія «всегда поражаетъ своимъ однообразіемъ, необыкновенной пустотой и напыщенностью и преобладающимъ интересомъ къ внѣшней формѣ», такъ же односторонне, какъ и противоположное утвержденіе г. Мережковскаго (въ «Вѣчныхъ спутникахъ»); книга эта, вѣроятно, неизвѣстна г. Гримму), что «это—одна изъ самыхъ удивительныхъ книгъ, какія намъ оставила древность,—особенный родъ литера-

туры, близкій нашему современному вкусу, исключаящей все условное и внѣшнее, немного поверхностный, но зато граціозный, очаровательно-разнообразный». Если переписка Плинія не преслѣдовала политическихъ цѣлей, а, стало быть, и дала мало матеріала для г. Гримма, то изъ этого не слѣдуетъ еще относиться къ ней съ такимъ пренебреженіемъ, такъ какъ въ ней безусловно немало интереснаго. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, которой посвящена VI глава, изложена довольно бѣгло. Въ отдѣлѣ о Гадріанѣ обращаетъ на себя вниманіе полемика съ Моммзеномъ о томъ, слѣдуетъ ли различать два императорскихъ совѣта, политическій и судебный. Кажется, что при наличности нашихъ данныхъ окончательное рѣшеніе этого вопроса весьма трудно; во всякомъ случаѣ доводы г. Гримма имѣютъ за себя значительную вѣроятность, онъ ошибается только, утверждая, что у Кассія Діона (55, 27) не говорится ни слова о совѣтѣ Августа. Въ указанной главѣ терминъ *syndroi* есть (изданіе Штурца, т. III, стр. 404). Затѣмъ большое значеніе, повидимому, придаетъ г. Гриммъ свидѣтельству біографа Гадріана, что этотъ императоръ выбралъ въ свой совѣтъ лицъ, заранѣе одобренныхъ сенатомъ. Автору осталась, очевидно, неизвѣстной статья объ императорскомъ совѣтѣ Зека въ 7-мъ полутомѣ новаго изданія энциклопедіи Паули. Про императора Антонина неточно сказано, что онъ происходилъ изъ галльскаго города Немауза: отсюда родомъ былъ его отецъ, а самъ Антонинъ родился на одной виллѣ близъ Ланувія и провелъ свое дѣтство въ домѣ дѣда. Характеристика Марка Аврелія, дѣлаемая на основаніи его «Размышленій», очень содержательна. Зато вполне безцвѣтна послѣдняя глава о Римскомъ обществѣ временъ Гадріана, Антонина и Марка Аврелія. Светонію г. Гриммъ удѣляетъ одно примѣчаніе; объ его исторической достоверности не сказано ни слова, а характеристика воззрѣній чрезчуръ кратка. Правда, читатель отсылается за подробностями къ французской книгѣ Масе, но она принята была ученой критикой весьма неодобрительно; о Фронтонѣ, Гелліи и Апулей (кстати, г. Гриммъ почему-то вездѣ пишетъ Аппулей) сказано еще меньше, чѣмъ о Светоніи.

Подводя итоги сказанному, позволяю себѣ думать, что за тотъ періодъ времени, въ теченіе котораго работалъ г. Гриммъ, онъ успѣлъ сдѣлать очень многое, даже больше весьма многихъ другихъ ученыхъ на его мѣстѣ; но при чтеніи его работы можетъ иногда возникнуть вопросъ, не требовала ли избранная авторомъ тема болѣе продолжительнаго срока для ея выполненія. **А. М.**

**Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время.
Томъ IV. Изданіе 2-е. Спб. 1901.**

Среди нашихъ русскихъ историковъ немного найдется такихъ, которые соединяли бы въ себѣ и виднаго изслѣдователя-специалиста и талантливаго популяризатора. Бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. И. Карѣевъ, несомнѣнно, занимаетъ крупное мѣсто въ ряду нашихъ ученыхъ. Болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ его имя стало извѣстнымъ, благодаря замѣчательному изслѣдованію его о крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ въ послѣдней четверти

XVIII вѣка, извѣстно имя Карѣва и всѣмъ занимающимся социологіей, исторіей Польши, общими проблемами исторической науки и философией исторіи. Такая широта, глубина анализа и многосторонность нашего ученаго, одного изъ талантливыхъ и популярныхъ профессоровъ, не позволила ему замкнуться въ узкія рамки исключительной специализаціи, вынесла наружу, въ русское общество, результаты его долгихъ ученыхъ трудовъ. Его переработанные университетскіе курсы легли въ основу пятитомной «Исторіи Западной Европы», и эти пять томовъ составляютъ цѣнное украшеніе нашей исторической литературы. Это единственный трудъ въ своемъ родѣ, трудъ, оригинально построенный, строго выдержанный, вполне научный и доступный большинству. Не говоря о русской литературѣ, даже въ иностранной нельзя указать такого общаго сочиненія по исторіи Западной Европы, гдѣ бы съ такой полнотой трактовались социальныя и экономическія отношенія, гдѣ была бы такъ объективно и основательно освѣщена культурносоціальная исторія.

IV томъ изучаетъ первую треть XIX вѣка, когда, въ связи съ глубокими потрясеніями политическими, страшно выдвинулись экономическіе и социальныя вопросы. Соціальной исторіи XIX вѣка отведено въ этомъ томѣ важное и подобающее мѣсто. Читатель найдетъ здѣсь исторію отпѣны крѣпостничества до 30 года, исторію образованія промышленнаго пролетаріата въ связи съ происходившими въ ту эпоху политическими и экономическими перемѣнами во Франціи и въ Англіи, съ капитализмомъ, и рабочимъ вопросомъ. Самостоятельное мѣсто занимаютъ главы, излагающія и анализирующія, какъ экономическія ученія того времени (Бенжаменъ Константъ, Бентамъ, Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Сэй, Сисмонди), такъ и социальныя (Сенъ-Симонъ, Фурье и Р. Оуэнъ). Новое изданіе пересмотрѣно авторомъ, исправлено и дополнено новыми библиографическими указаніями, которыя, вообще, составляютъ цѣнную сторону капитальнаго труда Н. И. Карѣва.

Пожелаемъ, чтобы русскіе читатели изучали этотъ содержательный, интересный трудъ.

П. К.

В. В. Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ Ф. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія, съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 2-е. Спб. 1902.

«Съ величайшею способностью къ обобщенію, — говоритъ В. В. Розановъ, — въ Достоевскомъ удивительнымъ образомъ была соединена чуткая воспримчивость ко всему частному, индивидуальному. Поэтому онъ не только понялъ общій главный смыслъ того, что совершается въ исторіи, но и почувствовалъ нестерпимый его ужасъ». Конечно, «ужасъ» этотъ обрѣтается въ исторіи западныхъ германо-романскихъ племенъ. Это вызвало у автора книги мысль о необходимости у насъ «комментированныхъ изданій, — комментированныхъ не со стороны формы и генезиса литературныхъ произведеній, какъ это уже есть, но со стороны ихъ содержанія и смысла».

Дѣйствительно, Достоевскій представляетъ богатую почву для такого рода комментариевъ. У него рядомъ съ чисто художественнымъ изображеніемъ нерв-

но-больного человѣка, въ чемъ онъ не имѣетъ соперниковъ даже по отзыву специалистовъ-психіатровъ, идутъ цѣлыя страницы разсужденій чисто публицистическаго свойства. Въ общемъ содержаніе ихъ вертится около «ужаса» западной цивилизаціи, «тніенія» Европы, тщетности стараній внести разумныя начала въ человѣческое «своевольство» и таинственнаго величія смиренной русской «самобытности». Взгляды эти по существу не представляютъ ничего оригинальнаго. Это—конгломератъ славянофильскихъ и «почвенныхъ» идей, но онъ выраженъ съ фанатической страстностью, въ пророческомъ стилѣ и духѣ.

В. В. Розановъ чрезвычайно удачно, со свойственными ему талантливостью и вдумчивостью, систематизируетъ и развиваетъ эти идейныя страницы романовъ Достоевскаго, особенно останавливаясь на «Легендѣ о великомъ инквизиторѣ» въ «Братяхъ Карамазовыхъ». Общіе выводы, къ которымъ приходитъ онъ при этомъ, весьма утѣшительны: «Внесеніе гармоніи въ жизнь и исторію, — читаемъ на 119 стр.,— соединеніе красокъ и полотна въ живую картину, вотъ что не выполнено человѣкомъ на землѣ и чего такъ страшно недостаетъ ему... Раса, послѣднею вступившая на историческое поприще, къ которой принадлежимъ и мы, въ особенностяхъ своего психическаго склада несетъ наибольшую способность выполнить эту великую задачу».

«Взаимнъ насильственныхъ стремленій романскихъ расъ—все соединить единствомъ формы, не заглядывая въ индивидуальный духъ и не щадя его, и взаимнъ упорнаго стремленія германскихъ расъ объединиться отъ цѣлаго и уйти въ нескончаемый міръ подробностей,—раса славянская входитъ, какъ внутреннее единство, въ самыя разнообразныя и, повидимому, непримиримыя противоположности».

Это сказано краснорѣчиво, но почтенный В. В. Розановъ не замѣчаетъ, что это старая, старая гегельянская тріада чисто нѣмецкаго происхожденія. Тезисъ—романскій унитаризмъ, и антитезисъ—германскій индивидуализмъ, примиряются въ синтезисѣ—въ всенѣмецкомъ государствѣ вообще и «феноменологіи» Гегеля въ особенности... Только въ эту «тріаду» Хомяковъ подставилъ вмѣсто нѣмцевъ—славянъ и вмѣсто гегельянской философіи—православіе.

Замѣтимъ, что «Феноменологія» Гегеля, давшая диалектику антитезъ, появилась еще въ 1806 году.

«Духъ состраданія и терпимости, которому нѣтъ конца, продолжаетъ В. В. Розановъ, и одновременно отвращеніе ко всему хаотическому и сумрачному, заставляетъ ее (расу славянскую), безъ какойнибудь насильственности, медленно, но и вѣчно созидать ту гармонію, которая почувствуется же когданибудь и другими народами, и вмѣсто того, чтобы, губя себя, разрушать ее, они подчинятся ея духу и пойдутъ, утомленные, ей на встрѣчу».

Если, однако, эта «гармонія» будетъ созидаться «медленно и вѣчно», то не представитъ ли она собою какой-то убѣгающій и недостижимый предѣлъ? И опять таки невольнo вспоминается, что это вѣчное стремленіе къ недостижимому—душа нѣмецкаго романтизма. Невольно припоминается докторъ Фаустъ, который, стремясь къ идеалу, долженъ цѣпляться, рваться, вглядываться, лишнуть ко всему и въ своей ненасытности постоянно видѣть передъ собою призракъ нищи, проносящейся мимо жадныхъ губъ, едва онъ коснулся ея...

А «Фаустъ» Гёте вышелъ въ 1808 году, когда у насъ пламенный патриотъ Сергѣй Глинка началъ издавать «Русскій Вѣстникъ» съ специальною цѣлью поражать мечемъ словеснымъ «узурпатора Бонапартія», Шаховской ставилъ «Полубоярскія затѣи», громадный усилъхъ на сценѣ имѣла трагедія Державина «Продъ и Маріамна», а Жуковскій перевелъ «Ленору» Бюргера подъ видомъ «Людмилы».

«Сознаніе недостаточности тѣхъ идеаловъ, заключаетъ В. В. Розановъ, которые преслѣдуются другими расами, всего болѣе можетъ сосредоточить наши силы на собственномъ».

«Собственный» идеалъ, конечно, тотъ же, который далъ Достоевскій: «смирить свой духъ».

Книга г. Розанова читается съ глубокимъ интересомъ, такъ увлекательно и красиво она написана. Лучшее доказательство ея несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ—два изданія въ короткое время. Конечно, идейныя страницы Достоевскаго по ихъ глубокому вліянію на русское общество восьмидесятихъ годовъ истекшаго столѣтія достойны подобнаго разбора. Едва ли, однако, онѣ выдержатъ сопоставленіе съ культурно-историческими фактами развитія мысли у насъ и на Западѣ. Факты эти покажутъ съ несомнѣнностью, что всѣ духовныя движенія нашего общества за послѣдніе два вѣка и на первомъ планѣ наше славянофильство питались мыслью Запада. При этомъ идейная гегемонія и починъ всегда отсюда, съ Запада, шли, только съ «опозданіемъ», какъ русскіе поѣзда. Философія Шеллинга явилась въ 1800 году, а первые русскіе шеллингианцы только около 1825-го года. Фихте и Гегель явились въ первое десятилѣтіе вѣка, а наши гегельянцы-славянофилы и западники въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Книга «Міръ, какъ воля и представленіе» Шпенгера явилась въ 1819 году, а мы познакомились съ этимъ трактатомъ въ 80-хъ годахъ. «Коммунистическій манифестъ» Маркса и Лассаля вышелъ въ 1847 году, а наши «марксисты» нашумѣли только въ «концѣ вѣка». Такъ-то оно и идетъ! Вотъ и попробуйте сосредоточить наши силы на «собственномъ» идеалѣ, когда всегда этому идеалу есть прецедентъ на Западѣ, только опередившій его на полъ-столѣтія...

—дтъ.

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Два тома. Спб. 1902.

Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ принадлежитъ къ числу выдающихся государственныхъ дѣятелей въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая I. Онъ пользовался въ свое время огромной популярностью, приобрѣтенной имъ преимущественно либеральными мнѣніями, которыя письменно и устно излагалъ въ государственномъ совѣтѣ по разнымъ вопросамъ. Эти мнѣнія и рѣчи переписывались въ сотняхъ экземплярахъ и ходили по рукамъ, приводя всѣхъ въ восторгъ и возбуждая глубокое уваженіе къ свѣтлой личности Мордвинова. Какъ человѣкъ просвѣщенный, онъ тщательно собиралъ и сохранялъ всѣ бумаги, не только касавшіяся его самого, но также и другихъ лицъ его фамиліи. Въ собранномъ имъ архивѣ насчитывается болѣе 8.000 докумен-

товъ, и теперь графиня Екатерина Александровна Мордвинова предприняла ихъ изданіе подъ заглавіемъ «Архивъ графовъ Мордвиновыхъ». Вышедшіе два тома заключаютъ въ себѣ бумаги XVIII столѣтія, относящіяся къ отцу и брату графа Николая Семеновича и къ нему самому, за время командованія имъ черноморскимъ флотомъ. Оба тома, изданные роскошно, снабжены обстоятельнымъ предисловіемъ и примѣчаніями В. А. Вильбасова, который слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Мордвиновскій архивъ: «Въ немъ нѣтъ, — говоритъ г. Вильбасовъ, — извѣстій, касающихся двора и высшаго общества. Въ этомъ замѣчается его отличие отъ другихъ архивовъ, придающее ему особое значеніе и своеобразную окраску. Многія тысячи бумагъ, составляющія архивъ графовъ Мордвиновыхъ, всецѣло посвящены жизненнымъ интересамъ Россіи и исключительно касаются пользы и нужды народныхъ, общественныхъ и государственныхъ». И дѣйствительно, въ документахъ, помѣщенныхъ въ обоихъ томахъ, не встрѣчается ни одной строки, посвященной придворнымъ событіямъ. Искательство, низкопоклонство, интриги были не въ характерѣ Мордвиновыхъ, и потому они тщательно удаляются отъ двора; своей служебной карьерой, общественнымъ положеніемъ и матеріальнымъ благосостояніемъ они исключительно обязаны лишь самимъ себѣ, своимъ личнымъ качествамъ, трудолюбію и преданности интересамъ родины.

Большая часть документовъ, напечатанныхъ въ двухъ томахъ «Архива графовъ Мордвиновыхъ», относится къ морскому дѣлу и дѣятельности графа Николая Семеновича по устройству черноморскаго флота въ 1785—1799 годахъ, который ему приходилось создавать, встрѣчая всевозможныя препятствія и непріятности отъ Потемкина и потомъ Зубова, вмѣшавшихся въ его распоряженія, не слушавшихъ его совѣтовъ и не признававшихъ его указаній, даже специальныхъ. Тѣмъ не менѣе, Мордвинову удалось сдѣлать очень многое и оставить по себѣ добрую память въ черноморскомъ флотѣ. Въ царствованіе Павла, въ 1797 году, вслѣдствіе нелѣпаго доноса премьеръ-майора Иванова, Мордвиновъ былъ вызванъ въ Петербургъ, подвергнутъ домашнему аресту и преданъ суду особой комиссіи, которая воплію его оправдала, а Ивановъ принесъ повинную въ «покаянномъ» письмѣ къ оклеветанному имъ начальнику. Въ 1799 году Мордвиновъ неожиданно былъ уволенъ отъ службы «по случаю подорванія на Глубокой пристани бомбенаго погреба». Но эта немилость имѣла весьма важныя послѣдствія. Она, по справедливому заключенію г. Вильбасова, направила Мордвинова на новую стезю, на которой его познанія и способности получили болѣе широкое примѣненіе: морякъ Мордвиновъ сталъ великимъ государственнымъ человѣкомъ.

Занимая отвѣтственный постъ командира черноморскаго флота, Мордвиновъ не ограничивался только своею специальностью. Онъ зорко слѣдилъ за политическими обстоятельствами и за всѣмъ, что касалось русскихъ владѣній на берегахъ Чернаго моря. Поэтому среди его бумагъ, помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ томахъ «Архива», находятся свѣдѣнія о подступахъ къ Константинополю, о способахъ атаки и о мѣрахъ защиты Босфора, о дунайскихъ гирлахъ, объ укрѣпленныхъ побережныхъ пунктахъ Оттоманской имперіи, объ экономическомъ положеніи Крыма, о защитѣ русскихъ береговъ отъ заразныхъ болѣзней

карантинами, о сохраненіи корабельныхъ лѣсовъ, условіяхъ судостроенія и т. д. Вообще, изданіе «Архива графовъ Мордвиновыхъ» составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу исторіографію.

С. Ш.

**В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Повѣсти и рассказы.
Спб. 1902.**

Двѣ большія историческія повѣсти «Душа женщины» и «Алмазь изъ рода Гиреевъ» и историческій же рассказъ «Туркнія» занимаютъ почти половину этой книги; другая половина посвящена рассказамъ изъ современной жизни. «Душа женщины» — любопытная страница изъ быта польскаго университетскаго города XVI вѣка. Авторъ обнаружилъ здѣсь встрѣчающееся, къ сожалѣнію, далеко не всегда и у присяжныхъ историческихъ повѣствователей умѣнье, не нагромозждая подробностей, нѣсколькими мѣткими штрихами ввести читателя въ духъ и характеръ разсматриваемой эпохи. Романическій эпизодъ повѣсти развивается на почвѣ отношеній пріѣхавшаго изъ Волыни въ Краковскій университетъ студента Стаховича къ племянницѣ профессора Костки, паннѣ Анелѣ. Но эту романическую пару заслоняетъ фигура самого ученаго врача Костки, смѣлый и пытливый умъ котораго, стремившійся проникнуть въ столь обширную еще въ тѣ времена область таинственнаго и неизвѣданнаго, создалъ ему какъ въ профессорской средѣ, такъ и среди его домашнихъ, репутацію чернокнижника и чародѣя. Костку искушаетъ непреодолимое желаніе раскрыть, въ интересахъ науки, тайну зарожденія человѣческой жизни; и вотъ, при помощи итальянца Бенедетто, владѣющаго умѣніемъ заклинать души и заставляя ихъ говорить, онъ рѣшается подвергнуть временному усилению свою племянницу Анелю, чтобы имѣть возможность вызвать ея душу, «душу женщины», и вывѣдать отъ нея великую тайну, долженствующую обогатить науку. Мастерски очерчены и нѣкоторыя второстепенныя лица рассказа, въ родѣ бакалавра Бельчика, начальника «драбовъ» гутмана Шпрингера и др. Повѣсть эта едва ли не лучшая вещь сборника и читается отъ начала до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ. «Алмазь изъ рода Гиреевъ» — поэтическая картина любви татарскихъ Ромео и Джульетты, плѣннаго юноши Искандера и дочери хана Гирея, Амдэ. Взаимное влеченіе бахчисарайскихъ любовниковъ приводитъ ихъ къ столь же трагическому концу, какъ и ихъ веронскихъ предшественниковъ. Изъ рассказовъ на современные темы самый крупный — «Передъ завѣтною дверью». Героємъ его является студентъ Сушковъ наканунѣ его вступленія въ дѣйствительную жизнь. На всемъ почти протяженіи разсказа онъ выступаетъ передъ нами не съ особенно выгодной для него стороны: въ немъ слишкомъ много заботы о своей карьерѣ, заставляющей его унижаться передъ людьми, которые, по его мнѣнію, могутъ быть ему полезны въ будущемъ, слишкомъ много мелочности и заносчиваго высокомерія передъ «маленькими», хотя бы и хорошими людьми, знакомство съ которыми, однако, ни на одинъ шагъ подвинуть его на поприщѣ житейскихъ успѣховъ не можетъ. Поэтому, когда въ концѣ концовъ, подъ впечатлѣніемъ обидъ, полученныхъ отъ вліятельныхъ людей, на поддержку которыхъ онъ

разсчитывалъ, герой разсказа, по мановенію руки автора, вдругъ перерождается и идетъ искать поддержки и сочувствія у тѣхъ, къмъ онъ раньше пренебрегалъ, читатель не слишкомъ довѣряетъ такому внезапному перевороту и остается при мысли, что для Сушкова весьма легко возможенъ и «рецидивъ» къ прежнему его настроенію. Почти всѣ разсказы сборника проникнуты составляющею характерную особенность автора доброжелательностью къ людямъ, обиженнымъ и обойденнымъ судьбою. Въ особенности слѣдуетъ выдѣлить въ этомъ отношеніи разсказы «Антекъ» и «Соучастники». Въ послѣднемъ просто, но правдиво рисуется то безучастіе, съ которымъ люди, даже по природѣ мягкіе и отзывчивые, нерѣдко проходятъ мимо чужого страданія, когда оно не слишкомъ бросается въ глаза. Только когда чаша терпѣнія страдающаго человѣка переполнится, и онъ рѣшается покончить расчеты съ жизнью, въ окружающихъ начинается шевелиться что-то похожее на укору совѣсти, и нѣсколько поздно они приходятъ къ заключенію, что небольшая доза вниманія съ ихъ стороны могла бы предупредить катастрофу. Въ этомъ смыслѣ авторъ какъ бы признаетъ всѣхъ насъ «соучастниками» въ дѣлѣ холоднаго и равнодушнаго отношенія къ нашему ближнему.

Н. Юрьинъ.

Жанна Д'Аркъ, романъ Марка Твена. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902.

Нельзя не привѣтствовать перевода романа американскаго писателя Марка Твена «Жанна Д'Аркъ». Наши познанія объ «Орлеанской Дѣвѣ» очень слабы, и даже драма Шиллера не вполне освѣщаетъ нравственный обликъ замученной французской патріотки. Но одного мученичества Жанны Д'Аркъ недостаточно, чтобы благоговѣть передъ ней. Въ счастливые дни своего торжества надъ панами и князьями, въ дни героическихъ побѣдъ надъ англичанами, Жанна Д'Аркъ плѣняетъ собой массы своимъ цѣломудріемъ, великодушіемъ, изяществомъ и скромностью. Эта деревенская дѣвушка, лишенная даже школьнаго образованія, посвятила свой умъ великимъ мыслямъ и измѣнила ходъ столѣтней войны. Она создала во Франціи національное движеніе противъ Англии и нанесла христіанскими взглядами тяжкіе удары каноникамъ и церковникамъ. «Въ награду за все,—говоритъ Маркъ Твентъ:—коронованный ею праздношатающійся король Франціи, Карлъ VII, стоялъ неподвижно, равнодушно въ то время, какъ французское духовенство схватило и сожгло живую на кострѣ это благородное, самое наивное, самое милое, самое очаровательное дитя на свѣтѣ,—Жанну Д'Аркъ...». Романъ о ней научаетъ любить не только честную и возвышенную женскую душу, но вмѣстѣ съ нею и благороднѣйшіе мотивы и чувства, какими воодушевлены героическіе періоды исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обогащаетъ и умъ познаніями, преподнесенными въ безхитростномъ разсказѣ отъ имени оруженосца и писца Жанны Д'Аркъ, изъ одной съ ней деревни, игравшаго съ ней въ дѣтскія игры и сражавшагося рядомъ съ ней въ войскахъ противъ англичанъ. Этотъ приемъ не новъ въ литературѣ.

Такъ написана между прочимъ «Исторія французскаго крестьянина»

Эркмана-Шатриана ит. д. «Мы ожидаемъ, — говоритъ переводчикъ Марка Твена: — укорененія такого приема, особенно въ историческомъ романѣ, при его новомъ, научномъ, реальномъ направленіи, и привѣтствуемъ его. Въдѣ онъ требуетъ глубокаго изученія предмета. Только знатокъ источниковъ можетъ «переплотить» минувшее время въ лицѣ героя, который думаетъ, чувствуетъ, даже говоритъ, какъ въ старину. Такимъ и оказался Твенъ. Онъ справился съ своей трудной задачей: онъ выдержалъ и тонъ и даже языкъ товарищей Жанны. Онъ снабдилъ свой романъ научными примѣчаніями и ссылками на французскія и англійскія книги, — приемъ, который также, къ счастью, начинаетъ распространяться теперь у авторовъ историческихъ романовъ».

Проф. А. Трачевскій обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ: Балзакъ: «Темное дѣло» (Наполеонъ I); Энсвортъ: «Уатъ Тайлеръ» (крестьянское движеніе въ Англии въ XIV в.); Эженъ Сю: «Жанъ Кавалье» (истребленіе гугенотовъ при Людовикѣ XIV); Жоржъ Зандъ: «Жижка» (гуситское движеніе XV в.); Шпиндлеръ: «Царь Сіона» (анабаптисты времени Лютера) и т. д.

Историческій романъ — эта «вселенская панорама», по выраженію Бѣлинскаго, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать въ рускомъ обществѣ поднятію общественнаго духа и ознакомленію съ міросозерцаніемъ лучшихъ дѣятелей всемирной исторіи въ разныя ея эпохи.

А. Фаресовъ.

3. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901.

Впечатлѣніе, которое получается отъ этой книги, вполне благопріятное: внѣшность языкъ, которымъ она написана, и содержаніе заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны читателей.

Она написана къ знаменательному дню празднованія столѣтняго юбилея со дня присоединенія Грузіи къ Россіи. О Кавказѣ пишется вообще мало книгъ, особенно отдѣльныхъ монографій, а, между тѣмъ, его политическая, внутренняя, бытовая жизнь полна многихъ крайне интересныхъ моментовъ. Мы, напримѣръ, не знаемъ государственнаго строя Кавказа, характера грузинскаго самодержавія, грузинскаго феодализма, не знаемъ въ достаточной степени быта и свойствъ этого даровитаго (на поприщѣ поэзіи и литературы) народа и многого другого. Между тѣмъ, монографіи по этимъ вопросамъ были бы крайне своевременны. Во всякомъ случаѣ, должно помнить, что Грузинское царство въ эпоху присоединенія къ Россіи переживало только героическую эпоху своей исторіи. Этого не надо упускать изъ виду.

Авторъ — юристъ, это видно по самому характеру изложенія. Термины и положенія международнаго права — его оружіе; онъ оперируетъ съ ними. Далеко не всегда можно согласиться съ авторомъ во многихъ дѣлаемыхъ имъ выводахъ, особенно, въ области проявленія русскимъ правительствомъ стремленій къ окончательному присоединенію отдававшихся только подъ протекторатъ, по мнѣнію автора, кавказскихъ народностей. Многіе чисто историческіе недочеты, недомолвки и субъективные выводы не могутъ помѣшать полученію весьма пріят-

наго впечатлѣнія отъ благородства тона, изящества и красоты языка, какими написана эта интересная книга.

Ея недостатокъ въ отсутствіи цѣльности изложенія: главы текутъ другъ за другомъ безъ достаточной связи съ основною мыслью автора—опѣнить характеръ присоединенія на основахъ международного права, замѣтна нѣкоторая излишняя растянутасть въ исторической части и слишкомъ обильные аксесуары мыслей, подлежащихъ доказательству автора, но все это—тѣ мелочи, безъ которыхъ не обходится ни одна книга.

Какъ интересныя, отмѣчаемъ слѣдующія мысли автора:

«Присоединеніе Грузіи къ Россіи было политическимъ событіемъ первостепенной важности. Именно со времени этого присоединенія Россія становится на путь, который, можетъ быть, приведетъ ее къ берегамъ Персидскаго залива» (Предисловіе, стр. I).

«Присоединеніе Грузіи не было цѣлью, къ которой издавна и сознательно стремились» (ibidem).

«Россія не имѣла въ Грузіи никакихъ экономическихъ интересовъ; не могла она ее привлекать и въ видахъ «исправленія» границъ; но сама Грузія нуждалась въ Россіи и, не удовлетворяясь протекторатомъ, искала болѣе тѣснаго единенія» (ibid., стр. IV).

«Идея присоединенія принадлежитъ Грузіи, ея царямъ; но какъ она будетъ присоединена, на это дала отвѣтъ Россія» (ibid.).

Всѣ эти мысли являются основною канвой, на которой вышитъ превосходный коверъ этого очерка, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ экивокъ по адресу Россіи чисто полемическаго свойства, которые можно было бы съ успѣхомъ выкинуть изъ книги.

К. Н. Михайловъ;

Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902.

Въ 1872—1873 гг. покойный профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ прочелъ своимъ слушателямъ курсъ исторіи новой русской литературы; лишь теперь, цѣлая четверть вѣка спустя, курсъ этотъ появляется въ печати,—и теперь читается съ живымъ интересомъ и представляетъ собою видное явленіе въ нашей текущей научной литературѣ.

Въ живомъ, образномъ изложеніи авторъ даетъ очеркъ исторіи русской литературы на фонѣ исторической жизни русскаго общества того времени. Эпоха первыхъ годовъ царствованія императора Александра I—эта знаменательная эпоха въ исторіи русскаго общества—представлена здѣсь въ сильныхъ, рѣзкихъ и красивыхъ чертахъ. Загадочная личность самого царя, этого «сфинкса, неразгаданнаго до гроба», съ ея колебаніями, въ ея скорбной и печальной половинчатости, выдвинута впередъ; ея двойственностью объясняется многое въ жизни Россіи тѣхъ временъ, и психологическая характеристика Александра I, рассказъ объ его воспитаніи и воспитателяхъ, является въ книгѣ Булича цѣннымъ отдѣломъ, не утратившимъ своего значенія и нынѣ, послѣ появленія новыхъ трудовъ, посвященныхъ этому царствованію. Этому

характеристикою превосходно освѣщается весь дальнѣйшій ходъ изложенія: понятнымъ становится и пылкій приступъ къ выполнению либеральной программы, создавшейся безъ точнаго знанія русской дѣйствительности, и неудача, и разочарованіе, и охлажденіе...

Со времянь императора Александра I наше просвѣщеніе, до той поры принимавшееся преимущественно, или какъ техническая выучка тому, что надо для службы, или какъ удовлетвореніе потребности европейской моды, впервые получаетъ настоящую оцѣнку, и больше, чѣмъ когда либо прежде, дѣлается предметомъ правительственныхъ заботъ и попеченій. Широкій планъ насажденія образованія на Руси нашель себѣ выраженіе въ организациі министерства народнаго просвѣщенія, въ его разносторонней дѣятельности, одною изъ главныхъ заслугъ которой надо считать распространеніе университетскаго, высшаго образованія, въ чемъ содѣйствіе нашему министерству оказали лучшія научныя силы запада; ихъ сотрудничество, та широкая свобода академической жизни, которая являлась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ высокаго пониманія ея задачъ и цѣлей,—все это способствовало пробужденію если не во всемъ нашемъ обществѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной лучшей его части научнаго и литературнаго интереса, а его зарожденію благоприятствовала также и та свобода мысли и слова, которая въ то время наблюдается. Не надо думать, что это была абсолютная свобода—ничуть; но по сравненіи съ тѣмъ, что было и до той поры, да и въ послѣдующую эпоху, литература наша могла затронуть и разработать вопросы, имѣвшіе живой общественный интересъ. Однако же, результаты литературнаго движенія въ первые годы правленія Александра совѣмъ не оправдываютъ тѣхъ предположеній, которыя создаются при знакомствѣ съ относительно благоприятными условіями его развитія; наше общество въ массѣ своей не доросло тогда до пониманія тѣхъ задачъ и требованій, какія предъявляло себѣ тогда наше во всѣхъ отношеніяхъ передовое правительство, жившее далеко впереди общества, и даже лучшія силы нашей литературы проявляютъ мало пониманія дѣйствительной обстановки; правда, надо сознаться, люди эти не имѣли почвы подъ ногами, новое царствованіе поставило факты и идеи въ довольно чувствительный разладъ. Даже такіе люди, какъ Карамзинъ,—а его послѣдователи Мартыновъ, Макаровъ и др. и по-давно,—не умѣли пойти дальше безплоднаго сентиментализма, не имѣвшаго ничего для того, чтобы играть серьезную роль въ жизни нашего общества, бывшаго явленіемъ чуждымъ, наноснымъ; такіе люди, какъ Пнинъ, люди стойкихъ убѣжденій и трезваго пониманія русской дѣйствительности, встрѣчались очень рѣдко, да и не мѣсто имъ тогда было по внѣшнимъ условіямъ нашего общежитія. А на ряду съ такимъ неумѣньемъ передовой группы русской интеллигенціи понять вѣянія минуты и ея требованія мы замѣчаемъ начало отливнаго движенія, начало реакціи, которая тоже выражается первоначально въ области литературы, прежде чѣмъ перейти въ практику жизни; подъ споромъ Шишкова и карамзинистовъ о старомъ и новомъ слогѣ чувствуется борьба старыхъ и новыхъ теченій русской жизни, и условія исторической обстановки все болѣе и болѣе давали надежду на успѣхъ первымъ.

Событія европейской политики первыхъ десятилѣтій XIX вѣка способство-

вали пробужденію національныхъ чувствъ и повышенному патріотическому настроенію, все свое должно было брать верхъ надъ чужимъ, заноснымъ, а такъ какъ и нашъ либерализмъ того времени создавался не на почвѣ мѣстныхъ идей и фактовъ, то подобное настроеніе, выразившееся въ литературной дѣятельности извѣстнаго графа Растопчина, Глинки и ихъ единомышленниковъ, было крайне неблагопріятно не только для дальнѣйшаго его развитія, но и для самаго его существованія. Этотъ поворотъ общественнаго мнѣнія особенно ярко сказался въ извѣстной запискѣ Карамзина «О древней и новой Россіи», представляющей въ себѣ, наряду съ многими мѣткими и вѣрными замѣчаниями, проповѣдь реакціонной политики, какъ въ области управленія, такъ и сословныхъ отношеній. Это же новое теченіе сказалось и на развитіи и судьбѣ тѣхъ мистическихъ ученій, развитіе которыхъ такъ характерно для Александровскаго царствованія.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интереснаго труда Булича; изложеніе его доведено до второй половины царствованія Александра I. Надо надѣяться, что и продолженіе этихъ лекцій не замедлитъ появиться въ свѣтъ.

М. П—й.

Commentationes Nikitinianae. Сборникъ статей по классической филологіи въ честь Петра Васильевича Никитина по поводу тридцатилѣтія служенія его русскому просвѣщенію. 1871—1901. Спб. 1901.

У нашихъ филологовъ есть весьма симпатичный обычай, заимствованный съ Запада, — чувствовать выдающихся и любимыхъ профессоровъ поднесеніемъ имъ сборника специальныхъ статей. *Commentationes Nikitinianae* являются уже четвертымъ изданіемъ въ этомъ родѣ: такіе же сборники поднесены были ранѣе Ѳ. Ѳ. Соколову, П. В. Помяловскому и Ѳ. Е. Коршу. Настоящая книга объединяетъ въ себѣ статьи 40 авторовъ, включая сюда и мюнхенскаго профессора, К. З. Крумбахера, и такимъ образомъ можетъ служить довольно точнымъ показателемъ тѣхъ интересовъ, которые занимаютъ русскихъ филологовъ. А интересы эти весьма разнообразны: въ книгѣ встрѣчаются изслѣдованія по греческой и римской эпиграфикѣ, отчасти на основаніи неизданнаго матеріала, по палеологии и пломбологии, основателемъ которой является русскій ученый М. И. Ростовцевъ, по исторіи литературы Греціи и Рима, по греческимъ и римскимъ древностямъ, по древнеклассической и христіанской археологіи и, наконецъ, по византиновѣдѣнію. Въ сборникѣ впервые изданы два неизвѣстныхъ доселѣ греческихъ текста византийскаго времени и одинъ (св. Григорія Нисскаго), имѣвшійся ранѣе въ плохой и поздней редакціи. Изъ статей, представляющихъ общій интересъ, можно назвать «Матеріалы для характеристики Овидія» (М. М. Покровскаго), содержащія много остроумныхъ замѣчаній касательно процесса творчества этого поэта; «Тема и планъ Гораціевой *Arts Poeticae*» (И. В. Петушила), гдѣ дается тщательный и подробный анализъ этого столь важнаго для исторіи всеобщей литературы произведенія; «Ѳукидидъ и историческая наука XIX вѣка» — В. П. Бузескула, показывающаго, «насколько близко

подошелъ величайшій историкъ древности къ тѣмъ задачамъ, приѣмамъ и воззрѣнiямъ, которые характеризуютъ науку XIX вѣка»; прекрасный стихотворный переводъ двухъ отрывковъ изъ Лукреція — И. И. Холодняка; «Женщина въ изображенiи греческаго сатирика VII-го вѣка до Р. Х.» (А. Н. Деревицкаго), гдѣ разбирается любопытный памятникъ мизогинской литературы, принадлежащій Симониду Аморгскому. Для характеристики отрицательныхъ женскихъ типовъ авторъ сопоставляетъ ихъ съ животными, такъ, на примѣръ, неряху со свиньей, лукавую съ лисицей, злую съ собакой, лѣнивую и похотливую съ ослицей, безобразную и безстыдную съ обьязною. Въ общемъ настоящій сборникъ лишній разъ доказываетъ то положенiе, что, если направленiе науки классической филологiи близко примыкаетъ у насъ обыкновенно къ западнымъ теченiямъ ея, то изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы за короткiй перiодъ наибольшаго развитiя этой науки въ Россiи у насъ не появилось лицъ, съ честью могущихъ соперничать съ западными филологами. Само собою разумѣется, что одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ здѣсь тому маститому ученому, которому поднесена была настоящая книга, и портретъ котораго ее украшаетъ.

А. М—къ.

А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman). Недавнiе люди. Спб. 1901.

Изъ статей этого сборника, четыре—«Степанъ Стамбуловъ», «Софiйское житье-бытье», «Московскiй городской голова Алексѣевъ» и «Таинственная корреспондентка»—уже знакомы нашимъ читателямъ, такъ какъ первоначально были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Остальныя статьи «О Черняевѣ», «Памяти Полонскаго», «Памятникъ Царю-Освободителю» и «Захарьинъ» появились въ газетныхъ фельетонахъ. Несомнѣнно, лучшiй изъ этихъ талантливыхъ и яркихъ набросковъ,— очеркъ своеобразной личности «тиранина и блудника», болгарскаго диктатора Стамбулова. Это психологическiй и бытовой портретъ, въ которомъ автору удалось схватить сходство. Положительно, этотъ своеобразный плодъ удивительной конституцiонной прививки къ патриархальному быту земледѣльческаго народа, какъ живой, стоитъ передъ вами. Вы слышите и ревъ разъяренной толпы, вѣющiй востокомъ: «Въ клѣтку тебя! Въ клѣтку!» Предъ вами раскрывается вся свирѣпая душа этихъ «братушекъ», воспитанная вѣками рабства. Очеркъ «Софiйское житье-бытье» является пояснительнымъ комментариемъ къ личности Стамбулова, рисуя своеобразный бытъ и строй жизни болгарскихъ «интеллигентовъ». Въ нашей литературѣ болгарамъ посчастливилось. Тургеневъ представилъ намъ героическаго Инсарова въ романѣ «Наканунѣ», и тогда Добролюбовъ утверждалъ, что ничего подобнаго личности беззавѣтно преданнаго дѣлу освобожденiя родины Инсарова въ русской дѣйствительности бытъ не можетъ, и что Елена, новыи человекъ съ новыми запросами сердца, дома никакъ не могла найти достойнаго ея любви человека, и только изъ Болгарiи можно было его выписать. Ну, вотъ, г. Амфитеатровъ съ добродушнымъ безпристрастiемъ показываетъ намъ цѣлыя толпы этихъ Инсаровыхъ. съ утра до ночи политикующихъ и спасающихъ отечество. И это, дѣйствительно, Инсаровы. Тургеневъ своего болгарина написалъ очень

хорошо съ его скрытной, практической натурой и свирѣпой душой, вдругъ ненавистическимъ свѣтомъ приливающей къ глазамъ, при воспомнаніи о турецкихъ «тираннахъ и блудникахъ». Но... мало поэтичны эти Инсаровы. Спустя полгода по смерти Стамбулова, кладбищенскіе сторожа жаловались русскимъ, что могила диктатора—истинное ихъ наказаніе: чуть не присмогри,—и навалить на нее всякой гадости! Черта характерная. «Признаюсь,—прибавляетъ г. Амфитеатровъ,—эта каннибальская ненависть «братушекъ» къ человѣку, предъ которымъ они заживо, рабски трепетали, показала мнѣ весьма противоположно. Онъ стоилъ болгарскаго политикующаго общества, а общество стоило его».

— дѣть.

В. В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). Критико-библиографическій обзоръ. Спб. 1901.

Изъ предисловія узнаемъ, что объемистая книга г. Сиповскаго (272 страницы), написанная по порученію редакціи «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», представляетъ оттискъ его статей, напечатанныхъ въ этомъ журналѣ. Авторъ сообщаетъ, что ограниченность мѣста заставляла его постоянно сокращать свою работу; и что поэтому онъ не можетъ смотрѣть на свой трудъ, какъ на удачное исполненіе своихъ замысловъ. Тѣмъ не менѣе, г. Сиповскій рѣшился выпустить отдѣльнымъ изданіемъ неудачное исполненіе своихъ замысловъ, «лытя себя надеждой, что, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, его статьи сослужатъ нѣкоторую службу русской публикѣ». Никто не станеть спорить противъ того, что обзоръ г. Сиповскаго «нѣкоторую службу сослужить», но, по всей вѣроятности, г. Сиповскій врядъ ли будетъ доволенъ, если его риторическая фраза о цѣнности его труда будетъ принята на самомъ дѣлѣ только въ ея дѣйствительномъ содержаніи. Очень жаль, конечно, что работа не оправдываетъ замысловъ ея автора: объ нихъ мы не можемъ судить по книгѣ, но дѣло въ томъ, что книга г. Сиповскаго вообще не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы въ правѣ предъявлять къ критическому обзору, написанному ученымъ специалистомъ по исторіи русской литературы и напечатанному на страницахъ такого серьезнаго и дѣльнаго органа, какъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Мы упомянули о томъ, что по книгѣ г. Сиповскаго нельзя судить объ его замыслахъ. Прибавимъ къ этому, что недостатки книги объясняются не столько сокращеніями въ угоду мѣсту, сколько полнѣйшимъ отсутствіемъ замысловъ. Вся книга производитъ такое впечатлѣніе, будто авторъ читалъ въ разное время, находясь въ различныхъ настроеніяхъ, литературу о Пушкинѣ и дѣлалъ лично, для себя, отмѣтки на клочкахъ бумаги, отмѣтки разнообразнѣйшаго содержанія; потомъ онъ распредѣлилъ клочки на нѣсколько кучекъ и соединилъ вмѣстѣ. У г. Сиповскаго не было руководящихъ принциповъ при его работѣ. Они вообще могутъ быть различны. Обзоръ юбилейной литературы можетъ быть только перечнемъ статей или перечнемъ съ изложеніемъ всего содержанія статей; въ обзорѣ, сдѣланномъ ученымъ, мы въ правѣ ждаты осложненія задачъ. Ошраясь на тщательное изученіе всей предшествовавшей литературы,

ученый обозрѣватель можетъ отмѣтить все новое, что внесла въ пониманіе пушкинскихъ вопросовъ юбилейная литература; отъ его желанія зависитъ произвести критическій, научный анализъ этого новаго и выяснитъ тѣ задачи, которыя стоятъ передъ будущими изслѣдователями Пушкина. Наконецъ, обзоръ можетъ носить публицистическій характеръ; исходя изъ того положенія, что каждая эпоха имѣетъ свою точку зрѣнія на великаго человѣка и его произведенія, обозрѣватель можетъ набросать очеркъ современныхъ настроеній, очертить то, что эпоха внесла въ пониманіе пушкинскихъ вопросовъ. Книга г. Сиповскаго не подходитъ ни къ одному изъ указанныхъ нами типовъ обзора. Очевидно, ея единственный *raison d'être*—то, что она можетъ сослужить «нѣкоторую службу». Правда, трудъ г. Сиповскаго не лишенъ все же нѣкоторой системы. Онъ раздѣленъ на XII главъ съ слѣдующимъ содержаніемъ: глава I—чѣтвеніе юбилея; II—матеріалы; III—общіе очерки жизни и дѣятельности А. С. Пушкина; IV—біографическіе очерки частнаго характера; V—характеристика Пушкина; VI—историко-литературная оцѣнка дѣятельности Пушкина; VII—Пушкинъ и иностранная литература; VIII—Пушкинъ и русская литература; IX—Пушкинъ—народный, національный поэтъ; X—воспитательное значеніе Пушкина; XI—къ литературной исторіи пушкинскихъ произведеній; XII—библиографія пушкинской юбилейной литературы. Но въ обработкѣ матеріала, положеннаго въ основу каждой главы, нѣтъ никакой системы. О нѣкоторыхъ работахъ г. Сиповскій только упоминаетъ; о другихъ онъ говоритъ пространнѣе, при чемъ относительно нѣкоторыхъ онъ сообщаетъ, чего въ нихъ нельзя найти (не обращено вниманія на то и то, не указано на то и то и т. п.); относительно другихъ—онъ указываетъ на то, что можно въ нихъ найти, иногда все, что въ нихъ находится (полное содержаніе), иногда кое-что, что можно въ нихъ найти. Немногія работы онъ излагаетъ очень подробно и подвергаетъ оцѣнкѣ. Иногда оцѣнка выражается однимъ словомъ «хорошо или удовлетворительно», иногда она разрастается до размѣровъ критическаго экскурса, въ которомъ г. Сиповскій разбираетъ чужія работы съ точки зрѣнія своихъ взглядовъ на Пушкина. А эти взгляды отчасти высказаны имъ въ своихъ двухъ брошюрахъ (конечно, онѣ охватываютъ только незначительную часть пушкинскихъ вопросовъ), отчасти высказываются совершенно догматически.

Возьмемъ на выдержку нѣсколько отзывовъ г. Сиповскаго. Вотъ одинъ о статьѣ Черняева: «недуренъ маленькій разборъ стихотворенія «Буря», въ которомъ сказалось пушкинское отношеніе къ природѣ и человѣку» (стр. 244). Не правда ли, недуренъ небольшой отзывъ г. Сиповскаго? Или еще: «прекрасно выяснено значеніе отрывка: «Цезарь путешествовалъ» (стр. 277). Изъ отзыва о работѣ проф. Истрина: «прекрасно характеризуетъ проф. Истринъ Пушкина, какъ реалиста, какъ реформатора въ области языка, какъ публициста, какъ критика». А содержаніе характеристики? Вѣдь иногда г. Сиповскому приходитъ на мысль передать сущность мыслей разбираемаго автора. Вотъ еще: «напрасно только авторъ хочетъ доказать, что у Пушкина, еще мальчика, глубокаа вѣра носила характеръ исканія». Почему напрасно? Поражаютъ своей безпѣльностью характеристики словъ, произнесенныхъ различными священниками, и рѣчей, прочитанныхъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, характеристики, на ко-

торыя у г. Сиповскаго не хватает даже фразъ: до того однообразны слова и рѣчи! Какой смысл имѣють слѣдующія отмѣтки г. Сиповскаго: «Г. Шнейдеръ выяснилъ въ нѣсколькихъ общихъ словахъ значеніе поэта» (стр. 171)... «Г. Бобровниковъ сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о личности и дѣятельности Пушкина» (стр. 171)... «Г. Стариченко бѣгло обрисовалъ значеніе великаго поэта, выяснивъ значеніе поэта вообще и Пушкина въ частности» (стр. 171. Въ этихъ двухъ строчкахъ—тавтологія)... «Г-жа Городецкая отмѣчаетъ значеніе литературы вообще, довольно обстоятельно очерчиваетъ до-пушкинскую литературу и, въ заключеніе, перечисляетъ все сдѣланное Пушкинымъ (внесъ въ область литературы самобытность, разнообразіе, преобразовалъ языкъ, рисовалъ русскую жизнь»... 169 стр.). Такихъ отмѣтокъ десятки. Вообще манера г. Сиповскаго произносить судъ надъ работами другихъ сильно напоминаетъ приемы учителя съ указкой въ первыхъ классахъ гимназій: «Изъ мелкихъ замѣчаній можемъ мы сдѣлать г. Кудрявцеву слѣдующія» (стр. 60)... «Въ работѣ не встрѣтимъ мы ничего новаго, но все извѣстное намъ изложено хорошимъ языкомъ» (стр. 176)... «Все, что сказано нами г. Мякотину, можетъ быть сказано и г. Якушкину» (стр. 152). Словами: «недурно, прекрасно, вѣрно, умѣло, хорошо», пестритъ вся книга. Тамъ, гдѣ г. Сиповскій переходитъ изъ роли учителя, исправляющаго тетрадки учениковъ, въ роль ученаго спеціалиста, насъ поражаетъ догматичность его мнѣній: быть можетъ, г. Сиповскій и пришелъ къ нимъ послѣ продолжительнаго изученія пушкинскихъ вопросовъ, но вѣдь передъ нами одни только тезисы. Впрочемъ, въ своихъ двухъ брошюрахъ г. Сиповскій обосновалъ свои взгляды по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ; онъ не разъ ссылается на нихъ и скромно дѣлаетъ себѣ оцѣнку: «перечитывая обширную юбилейную литературу, имѣли мы удовольствіе убѣдиться, что наше мнѣніе принято многими критиками» (стр. 202). Какъ мило и хорошо! Вслѣдъ за эими строками авторъ характеризуетъ работу г. Тихомирова: онъ, по мнѣнію г. Сиповскаго, далъ «очень цѣнную работу»; дальше г. Сиповскій признаетъ, что обзоръ статей о байронизмѣ Пушкина сдѣланъ по его работѣ, и г. Тихомировъ сошелся съ нимъ въ основномъ заключеніи. Предоставляемъ читателю судить, чья работа цѣннѣе—г. Тихомирова или г. Сиповскаго. Не проще ли было бы прямо написать: «намъ удалось въ своихъ двухъ статьяхъ дать очень цѣнную работу».

Разбирая мнѣнія различныхъ авторовъ, г. Сиповскій въ большинствѣ случаевъ опирается на одинъ излюбленный свой аргументъ: «Пушкинъ былъ Пушкинъ». Онъ не разъ упрекаетъ авторовъ за нежеланіе понять, что Пушкинъ— не простая единица, а натура художественная (151 стр.). И какъ только г. Сиповскій усмотритъ во взглядахъ, подвергшихся его разбору грубыя и негрубыя ошибки, онъ сейчасъ же взываетъ: «Боже мой, Боже мой! Можно ли такъ судить? Вѣдь Пушкинъ былъ Пушкинъ». Къ сожалѣнію, онъ не развилъ намъ, въ чемъ состоитъ «пушкинская» точка зрѣнія на вопросы, связанные съ изученіемъ Пушкина. При словѣ «Пушкинъ» должны смолкать, по мнѣнію г. Сиповскаго, всѣ имѣющіе дерзость отмѣчать слабость, ошибки, недостатки Пушкина, точь-въ-точь, какъ мазинистки при словѣ «Мазини».

Не чужда г. Сиповскому и публицистическая точка зрѣнія. Правда, онъ повторилъ въ началѣ своей книги общую мысль о томъ, что «особенность геніаль-

наго писателя—это даръ такъ глубоко захватывать жизнь человѣчества, что цѣлые вѣка потомъ трудятся надъ толкованіемъ его произведенія, каждая эпоха находитъ въ немъ новыя стороны, указываетъ новое содержаніе, освѣщаетъ его съ новой стороны». Къ сожалѣнію, г. Сиповскій ничего не сдѣлалъ для того, чтобы въ юбилейной литературѣ отмѣтить новыя стороны, новое содержаніе, новое освѣщеніе, созданное эпохой. Въ первой главѣ г. Сиповскій дѣлаетъ оцѣнку юбилейнымъ празднествамъ; онъ настроенъ восторженно и рѣзко отзываясь о статьяхъ тѣхъ, кто пессимистически смотрѣлъ на пушкинскій юбилей. Не стоитъ спорить о характерѣ торжествъ, но нельзя не отмѣтить крайне наивнаго взгляда на значеніе Пушкинскаго праздника въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Ну, кого хочетъ убѣдить г. Сиповскій этой фразой: «впервые подъ покровомъ его имени, подъ впечатлѣніемъ его же рѣчей на мирномъ праздникѣ культуры померкла вѣковая вражда»? (стр. 19). Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ уже не наивной, а просто нелѣпой выходки по адресу г. Пѣшехонова, одного изъ тѣхъ публицистовъ, которые думали, что праздникъ не удался. Г. Сиповскій пишетъ: «на статью свою г. Пѣшехоновъ предлагаетъ смотрѣть, какъ на «разоблаченіе всякаго рода недоразумѣній и обидъ», нанесенныхъ его гражданскимъ чувствамъ»... Къ этой фразѣ г. Сиповскій дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «не правда ли, какъ одинаково звучитъ съ этими словами то объясненіе, которое далъ редакторъ «Маяка», когда его упрекнули въ желаніи «донести» на Пушкина: если «Маякъ» при свѣтѣ Евангелія открываетъ трупы и созидаетъ ямы въ литературѣ, за это его благодарить и поддерживать должно. За это не всякій возьмется» (стр. 23). Къ чему это странное и неопытное сопоставленіе г. Пѣшехонова съ редакторомъ «Маяка»? Быть можетъ, тутъ какое нибудь сокращеніе въ угоду мѣсту?

Итакъ какую же службу можетъ сослужить книга г. Сиповскаго? Только, «нѣкоторую»: все же въ ней перечислены всѣ или почти всѣ работы о Пушкинѣ (за исключеніемъ статей въ газетахъ и еженедѣльныхъ журналахъ), вышедшія въ 1899—1900 гг. Правда, пользованіе этимъ перечнемъ затрудняется, во-первыхъ, отсутствіемъ указателя, во-вторыхъ—присутствіемъ «критико-библиографическихъ упражненій» г. Сиповскаго, именно, упражненій, отъ которыхъ читателю нѣтъ пользы. Вѣдь онъ не вынесетъ изъ книги г. Сиповскаго опредѣленнаго представленія о томъ, въ какомъ положеніи находятся пушкинскіе вопросы въ юбилейной литературѣ; книга не освободитъ его отъ чтенія юбилейныхъ статей и при своей разбросанности не явится надежнымъ руководителемъ при этомъ чтеніи.

П. Ш.

Мих. В. Хелтуплишвили. Вступленіе Грузіи въ составъ Россійской имперіи. Изд. Ал. Арабидзе. Кутаисъ. 1901.

Эта книжка въ 101 страницу принадлежитъ къ числу тѣхъ же юбилейныхъ изданій, которыя вызвало присоединеніе Грузіи къ Россіи.

Авторъ кратко разсматриваетъ исторію присоединенія къ Россіи трехъ крупныхъ государственныхъ организмовъ Закавказья: царствъ Карталинско-Кახетинскаго, Имеретинскаго и княжества Мингрельскаго.

Авторъ, вопреки точному смыслу дошедшихъ до насъ актовъ, старается всѣми силами проникнуть во внутреннія условія государственной жизни названныхъ царствъ и объяснить, что присоединеніе ихъ не было протекторатомъ, но не было и присоединеніемъ въ точномъ смыслѣ слова. Это—ахиллесова пята юбилейныхъ изданій этого года. Вотъ какъ, напримѣръ, выражается авторъ на 48 страницѣ:

«Хотя, ненавидя русскихъ (курсивъ нашъ), царь Соломонъ (имеретинскій) надѣялся, войдя въ сношенія съ Турціей и съ Баба-ханомъ, поддержать царевича Александра Иракліевича, чтобы изгнать русскихъ даже изъ Карталинніи-Кახетіи, но, съ другой стороны, онъ отлично понималъ, что необходимо показывать притворное расположеніе къ Россіи и даже, если потребуется, добровольно поддаться ей, чтобы сохранить за собою и за своими потомками титулъ и преимущества царя». При такомъ освѣщеніи, знаменитый царь Соломонъ былъ самонадѣянный и недалновидный политикъ—только. Между тѣмъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Но, переходя къ обсужденію «просительныхъ пунктовъ», авторъ твердо опирается на выработавшіяся практикой данныя международнаго права и находитъ, что съ точки зрѣнія права все было предумотрѣно и соблюдено.

Книга издана чисто, хорошо, крупнымъ шрифтомъ, для провинціи даже превосходно. По содержанію же она крайне интересна, тѣмъ болѣе, что авторъ работалъ по актамъ и источникамъ (стр. 101—102).

Кон. Мих—въ.

Отчетъ о дѣятельности Тверской ученой архивной комиссіи за 1900 годъ. Составилъ правитель дѣлъ И. А. Виноградовъ. Тверь. 1901.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» В. Е. Рудаковъ далъ краткій обзоръ дѣятельности нашихъ архивныхъ комиссій за 1900 г. Наименѣе вниманія, какъ кажется, авторъ удѣлилъ Тверской комиссіи, такъ что дѣятельность ея, сравнительно съ другими, вышла очень блѣдною. Причины этого понятны. Тверская комиссія не издаетъ систематическихъ сборниковъ своихъ трудовъ, а отчетъ ея за 1900 годъ запоздалъ и появился въ свѣтъ только въ половинѣ истекшаго декабря 1901. Пользуясь данными этого отчета, я позволю себѣ изложить главнѣйшіе факты изъ дѣятельности комиссіи, которая въ общемъ работала гораздо плодотворнѣе, чѣмъ это можно думать, судя по статьѣ г. Рудакова, а также внести нѣкоторыя поправки въ его сообщеніе. Въ отчетномъ году комиссія имѣла семь засѣданій, посвященныхъ мѣстной исторіи и археологіи и отличавшихся каждое значительнымъ обиліемъ рефератовъ. Изъ темъ болѣе общаго характера можно указать на данныя о пребываніи полномочнаго министра Мальтійскаго ордена, графа Литты, въ Тверской губерніи съ 1799 до 1810 г., свѣдѣнія о духовникѣ Гоголя, протоіерей Константиновскомъ, о неизданномъ житіи св. Филиппа, митрополита московскаго, объ исторіи Микулинскаго княжества, новые варианты духовныхъ стиховъ и апокрифическія сказанія, семейныя бумаги дворянъ Трави-

ныхъ; характеризующія нравы XVIII столѣтїя, и т. д. Кромѣ того, члены коммисіи предприняли весьма плодотворную въ смыслѣ церковно-археологическихъ и архивныхъ результатовъ экскурсію по Волгѣ; описаніе этой поѣздки, составленное правителемъ дѣлъ коммисіи И. А. Виноградовымъ, вышло на дняхъ въ свѣтъ отдѣльною книжкою со многими рисунками. Особенно цѣнны добытыя здѣсь свѣдѣнія о св. Аннѣ, княгинѣ Кашинской, почитаніе которой продолжается и понынѣ, несмотря на запрещеніе собора 1678 года. Весьма усердно занимались члены коммисіи присылаемыми имъ не только изъ Тверской, но и изъ многихъ другихъ губерній архивными описями; всего въ отчетномъ году разобрали они по такимъ описямъ 70.489 дѣлъ; наряду съ этимъ въ тверскомъ историческомъ архивѣ описано было 4.051 дѣло. Издательская дѣятельность коммисіи не можетъ быть признана обширною; въ свѣтъ выпущено было всего четыре книги, наиболѣе интересной среди которыхъ является составленный М. В. Рубцовымъ биографическій очеркъ В. В. Болотова. Замѣчу кстати, что упоминаемая у г. Рудакова брошюра того же автора (Зубцова, конечно, опечатка) въ списокъ изданій коммисіи не указана. Конечно, коммисія не могла развить свою издательскую дѣятельность исключительно вслѣдствіе недостатка средствъ, такъ какъ ею приготовлено къ печати 13 изслѣдованій, между которыми упомянутъ названный у г. Рудакова трудъ В. Ф. Кудрявцева. Что касается тверского музея, то онъ отнюдь не умаляетъ силъ коммисіи, какъ пишетъ г. Рудаковъ, а на основаніи новаго устава, утвержденного министромъ народнаго просвѣщенія 14-го августа 1898 г., состоитъ въ ея вѣдѣніи. За отчетный годъ въ музей поступилъ, между прочимъ, портретъ И. И. Лажечникова, о которомъ почившій писатель говорилъ, что «онъ снятъ для жены въ лучшія минуты его жизни», документы секретаря Суворова, Е. Фукса, и бумаги изъ семейнаго архива дворянъ Травинныхъ (966 листовъ, XVII и XVIII вв.).

А. М.—нѣ.

А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изд. С. Дорватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902.

На Лондонскомъ международномъ конгрессѣ, имѣвшемъ цѣлью разработку вопросовъ, касающихся борьбы съ торговлей «бѣлыми невольницами», представитель отъ Россіи, князь Волконскій, въ своемъ докладѣ сказалъ, что въ Россіи сколько нибудь организованной защиты несчастныхъ женщинъ не существуетъ, какія либо законоположенія, ограждающія личность падшей женщины отъ злоупотребленій и притѣсненій, тоже отсутствуютъ.

На конгрессѣ, между прочимъ, было постановлено открыть въ каждой странѣ «національный комитетъ» для борьбы съ торговлей «несчастными женщинами» и войти въ сношенія со всѣми благотворительными учрежденіями подобнаго характера, съ цѣлью объединить ихъ дѣятельность, при чемъ также рѣшено обратиться за помощью и содѣйствіемъ въ этой борьбѣ къ правительству каждой страны. У насъ въ Россіи уже имѣется большое подобное учрежденіе («Россійское общество защиты женщинъ»), въ составъ котораго входятъ представители отъ министерствъ юстиціи, иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ.

Въ то время, какъ въ Россіи насчитывается только шесть пріютовъ для несчастныхъ женщинъ, въ которыхъ призрѣвается нѣсколько десятковъ падшихъ, за границей это дѣло поставлено поразительно широко: такъ, напримеръ, изъ 64.000 благотворительныхъ заведеній во Франціи большинство имѣетъ своею задачей защиту несчастныхъ женщинъ и дѣвушекъ, и въ одномъ Парижѣ имѣется 191 специально посвященное этой цѣли учрежденіе. Также широко поставлено это дѣло и въ Германіи, гдѣ «берлинскій союзъ женщинъ» имѣетъ въ Берлинѣ нѣсколько убѣжищъ, въ которыхъ дается пріютъ около 900 падшимъ женщинамъ. Въ Германіи же имѣется отдѣленіе «Международнаго общества друзей молодыхъ дѣвушекъ», имѣющее 36 развѣтвленій въ провинціи, и отдѣленіе «Христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ», имѣющее 3.000 филиальныхъ отдѣленій въ Германіи. «Христіанской ассоціаціей молодыхъ женщинъ» разбросано въ Лондонѣ 25 общежитій и ресторановъ для бѣдныхъ женщинъ, въ провинціяхъ около 100, въ Шотландіи 11, въ Ирландіи 14. «Общество друзей молодыхъ дѣвушекъ», находившееся подъ покровительствомъ королевы Викторіи, имѣетъ 1.330 развѣтвленій въ Англіи съ 32.399 почетными и дѣйствительными членами и ежегодно оказываетъ помощь 154.170 женщинамъ. Помимо этого, въ Англіи же существуютъ еще другія организаціи, ставящія себѣ цѣлью удерживать дѣвушекъ отъ паденія: «Союзъ клубовъ для молодыхъ дѣвушекъ», «Ассоціація помощи молодымъ служанкамъ» и другія, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія «Лига союзовъ работницъ» и многочисленныя «женскія поселенія». Помимо этихъ, такъ сказать, предохраняющихъ организацій, тамъ же имѣется много пріютовъ для спасенія падшихъ женщинъ. По словамъ извѣстнаго генерала «Арміи спасенія» Бутса («Въ труппахъ Англіи»), имъ въ первые же три года своей дѣятельности въ этомъ направленіи было открыто 13 пріютовъ въ Англіи и 17 за границей, а число всѣхъ женщинъ, вырванныхъ изъ позора, простиралось до 3.000.

Въ 1897 году авторъ разбигаемой книжки выступилъ въ Казани съ проектомъ «Общества защиты несчастныхъ женщинъ», чему предшествовалъ рядъ его статей въ газетѣ «Камско-Волжскій Край», которыя и вошли въ настоящую книжку. Несмотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, симпатіи къ этому дѣлу не замедлили обнаружиться въ обществѣ. На организацію проектируемаго «общества» стали поступать пожертвованія; явились члены, и это движеніе даже перекинулось за предѣлы Казани. При этомъ замѣчательно то, что жертвовали не извѣстные богатые благотворители, а швеи, студенты, курсистки, ученицы школы кройки, священники, учительницы, фельдшерицы, фармацевты, акцизные чиновники, офицеры, солдаты, наборщики, профессора, нѣкоторые адвокаты. Въ числѣ многихъ писемъ, получавшихся авторомъ по этому поводу, онъ получалъ иногда трогательныя письма и отъ самихъ «несчастныхъ».

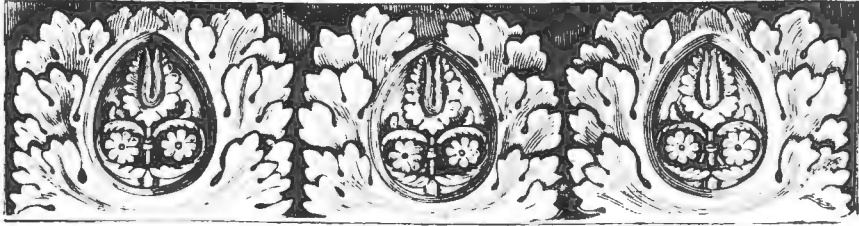
Какъ это хорошее дѣло ни тормозилось, но въ концѣ концовъ былъ выработанъ и утвержденъ уставъ, и «общество защиты несчастныхъ женщинъ» стало функціонировать въ Казани. Изъ отчета этого «общества» за 1900 годъ можно видѣть, что за короткій годовою срокъ имъ было сдѣлано немало. Прежде всего имъ былъ открытъ пріютъ, въ которомъ нашли себѣ помощь и

убѣжище до 40 дѣвушекъ и женщинъ, пожелавшихъ бросить позорный промыселъ и заняться честнымъ трудомъ. Бюро общества, помимо присканія мѣстъ не одной сотнѣ нуждающихся женщинъ, имѣло юридическую консультацію, выразило свою дѣятельность въ прошеніяхъ на высочайшее имя о выдачѣ отдѣльнаго вида на жительство, въ прошеніяхъ въ благотворительныя учрежденія и проч., въ прошеніяхъ о пользованіи правомъ бѣдности при веденіи дѣлъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ путемъ переписки подѣ угрозой возбудить дѣло по 994-й статьѣ были заключены соглашенія о выдачѣ ежемѣсячнаго пособія матери и ребенку, возбуждено 3 дѣла о жестокомъ обращеніи по 142 ст. уст. о наказ., 5 дѣлъ объ оскорбленіяхъ чести и цѣломудрія женщинъ и 2 дѣла объ истребованіи несовершеннолѣтнихъ изъ домовъ терпимости по просьбѣ ихъ родителей. вмѣстѣ съ тѣмъ общество сумѣло привлечь на свою сторону мѣстную администрацію, которую было издано нѣсколько постановленій въ видахъ борьбы съ развратомъ. Особенно цѣннымъ и знаменательнымъ является, что общество сразу коснулось такихъ общихъ вопросовъ, какъ вопросъ о ссудо-сберегательной кассѣ для трудящихся женщинъ, о надзорѣ за ремесленными и фабричными заведеніями, гдѣ работаютъ дѣвушки и женщины, о наблюденіи за «контрактами» различныхъ садовыхъ увеселителей, оупутывающихъ беззащитныхъ и неопытныхъ дѣвушекъ, о недопущеніи въ дома терпимости дѣвушекъ моложе 20-ти лѣтъ, о закрытіи домовъ терпимости въ Казани и проч.

Въ книжкѣ, помимо исторіи возникновенія казанскаго «общества защиты несчастныхъ женщинъ» и извлеченія изъ отчета о дѣятельности его за 1900-й годъ, имѣется четыре прекрасныхъ беллетристическихъ очерка изъ жизни женщинъ этой категоріи («Несчастныя», «На ловлѣ», «Маскарадъ» и «Пробужденіе») и уставъ казанскаго общества.

Вас. Якимовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

КАКИМЪ образомъ египетскій министръ сдѣлался богомъ. Въ «Journal des Débats, revue hebdomadaire» египтологъ Масперо рассказываетъ интересную исторію одного изъ министровъ фараона Аменотеса III. Эта статья составлена на основаніи только что найденной Леграномъ статуи съ надписями, а также трехъ другихъ, открытыхъ ранѣе. Въ срединѣ XV столѣтія до Р. Х., въ царствованіе Тутмосиса, въ городѣ Атрибизѣ, на Дельтѣ, проживалъ писець неважнаго происхожденія. У него былъ сынъ, по имени Аменоупсѣ, поднявшійся мало-по-малу изъ низкаго положенія до званія министра. Какимъ образомъ онъ достигъ такого блестящаго положенія — еще неизвѣстно, пока только узнали изъ надписей, что онъ пользовался въ Египтѣ большою властію и вліялъ въ сильной степени на фараона Аменоупсиса III. Въ рукахъ этого министра находилась власть военная и гражданская, и никого не было авторитетнѣе его, исключая фараона и членовъ его семьи. Онъ преобразовалъ финансы, доведенные до плачевнаго положенія небрежностью его предшественниковъ, привелъ въ порядокъ армию, увеличилъ флотъ, воздвигнулъ храмы и завѣдывалъ общественными работами. Можетъ быть, даже знаменитая статуя Мемнона въ Фивахъ была воздвигнута имъ, но пока это еще неизвѣстно навѣрно. Онъ до такой степени овладѣлъ любовью фараона, что послѣдній позволялъ ему поставить самому себѣ статую въ храмѣ Амона, въ Карнакѣ. Тамъ-то и открыли его статую. Послѣдняя, открытая Леграномъ, представляетъ образцовое произведеніе фиванской скульптуры ¹⁾. Она изображаетъ старца съ изображеннымъ отъ времени лицомъ. Надпись сообщаетъ: «Я пришелъ къ тебѣ

¹⁾ Comment un ministre devient dieu en Egypte, par G. Maspero. Journal des Débats, revue hebdomadaire. 10 janvier 1902.

въ Амонъ умолять тебя въ твоёмъ храмѣ, ибо ты — повелитель надъ всѣмъ, что есть подъ небомъ; что есть въ небѣ — указываетъ на твоё сіяніе, ты слышишь эту мольбу, такъ какъ ты несравненный богъ Солнце. Ты даровалъ мнѣ честь быть среди твоихъ избранныхъ, дѣйствующихъ согласно правдѣ, и я праведникъ, потому что не сдѣлалъ никакого беззаконія... я не заставлялъ тѣхъ справлять барщину на общественныхъ работахъ, которые живутъ своимъ трудомъ: когда я призывалъ къ себѣ кого нибудь, то я слушалъ внимательно, что онъ мнѣ говорилъ, я никогда не преклонялся и никогда не слушалъ лжи, ведущей къ тому, чтобы разорить другого. Моя добродѣтель оправдываетъ оказываемыя мнѣ почести, сіяющія предъ лицомъ всѣхъ. Видѣли ли, чтобы я выпрашивалъ у кого нибудь, какъ это дѣлаютъ со мною, по случаю моего богатства, и свидѣтельствую, что я остался справедливымъ до старости. Я достигъ восьмидесяти лѣтъ въ милости фараона и дотяну до ста десяти лѣтъ!» Изъ этой надписи видно, насколько высоко цѣнилъ себя этотъ министр. Жилъ ли онъ такъ долго — неизвѣстно, но потомки сохранили за нимъ преимущества, какихъ не оказывали ему даже фараоны и его современники. Во многихъ мѣстахъ храма поставлены его статуи, и надписи, сдѣланныя на многихъ изъ нихъ, восхваляютъ его добродѣтели. Разказы объ немъ, передаваемые изъ устъ въ уста, поддерживали память объ Аменоѳисѣ не только въ образованномъ, но и въ низшемъ классѣ Египта. Въ это время на магію смотрѣли, какъ на самую почтенную науку, и образование считалось совершеннымъ, лишь когда ее постигали, поэтому государственные люди и правители обязательно были кудесниками. Одинъ изъ сыновей Рамзеса II, со славою регентствовавшій болѣе двадцати лѣтъ, въ послѣдней половинѣ царствованія отца, не былъ забытъ тотчасъ же послѣ своей смерти, благодаря высокому уваженію современниковъ къ его кудесничеству. Аменоѳисъ избѣгалъ забвенія, также благодаря извѣстности его мистическихъ талантовъ. Нѣкоторые найденные папирусы, съ длинными магическими надписями, переписчики приписываютъ ему; для нашего вѣка это какая-то галиматія. Что касается египтянъ, то они считали ихъ чудодѣйственными и чувствовали глубокое уваженіе къ ихъ автору. Такимъ образомъ Аменоѳисъ является составителемъ Черной книги. По мнѣнію египтянъ, не каждому человѣку удастся найти слова, которыя заставили бы боговъ исполнить человѣческую волю; испытанныя же формулы Аменоѳиса всегда достигали своей цѣли. Имя его записано въ реестрѣ храмовъ рядомъ съ именами Имутеза, Дидуфора и другихъ маговъ, которымъ трижды великій Гермесъ способствовалъ своимъ вдохновеніемъ. Аменоѳисъ сдѣлался героемъ массы легендъ, переходившихъ изъ устъ въ уста, но многія изъ нихъ затерялись. Только одна достигла нашего вѣка въ двухъ версияхъ. Такъ египетскій, національный историкъ Манитонъ рассказываетъ, что фараонъ Аменоѳисъ пожелалъ лицомъ къ лицу увидѣть боговъ, какъ сдѣлалъ его предшественникъ, Горасъ. Онъ обратился съ этой цѣлью къ самому знаменитому магу того времени, Аменоѳису, сыну Пааписа. Послѣдній сказалъ ему, что онъ, фараонъ, будетъ счастливъ и сдѣлаетъ счастливымъ Египетъ, если освободитъ страну отъ поселившихся въ Египтѣ нечестивыхъ иностранцевъ. Фараонъ соединилъ всѣхъ иностранцевъ въ числѣ 80.000, сначала въ каменоломнѣ Туариха, затѣмъ въ развалинахъ Авариса, которыя были не заняты, со вре-

мени изгнанія царей-пастуховъ. Такимъ образомъ онъ навлекъ на себя и на свое государство страшное несчастье. На самомъ же дѣлѣ вѣщунъ скрылъ отъ него часть воли боговъ; нечестивые призвали къ себѣ на помощь изгнанныхъ царей-пастуховъ и заняли Египетъ. Въ продолженіе тринадцати лѣтъ они владѣли имъ и въ концѣ этого времени были побѣждены. Чувствуя, что приближается исполненіе его предсказанія, онъ предупредилъ письменно фараона, а затѣмъ уиылъ себя. Все случилось, какъ онъ предсказывалъ. Иностранцы, соединившіеся подъ начальствомъ царей-пастуховъ, завладѣли всѣмъ Египтомъ, и фараонъ, скрывшійся въ Эіюпіи, отвоевалъ свое царство лишь чрезъ тринадцать лѣтъ. Манитонъ смѣшалъ этотъ египетскій романъ съ еврейскими сказаніями и соединилъ похождения Аменоиса, сына Нааниса, съ рассказами изъ книги Исхода. Вторая версія извѣстна изъ греческаго папируса, эпохи Птолемея. Въ немъ сохранилось это пророчество въ формѣ, болѣе близкой къ египетскому оригиналу. Тамъ говорится, что Аменоисъ былъ горшечникомъ, славившимся своей мудростью. Однажды имъ овладѣлъ даръ пророчества, и онъ предсказалъ Египту различныя несчастья, за которыми послѣдуетъ эра благоденствія, какового не видали со времени Озириса и Пзиды. Фараонъ Аменоисъ, узнавъ объ этомъ предсказаніи, пожелалъ услышать его изъ устъ самого пророка. Послѣдній повторилъ слова, послѣ чего упалъ мертвымъ. Манетонъ пользовался этими самыми данными, но безъ связи съ еврейской исторіей. Воздвигаемыя египтянами статуи въ храмахъ представлялись имъ, не какъ бездушныя изображенія, воздвигаемыя лишь для увѣковѣченія памяти умершаго, но какъ живыя существа, въ которыхъ находилась душа, или, по крайней мѣрѣ, ея двойникъ. Въ тотъ моментъ, какъ ее воздвигали, жрецъ исполнялъ священную церемонію, силой которой частица жизни жертвователя входила въ статую и уже никогда не покидала ея. Къ подобнымъ статуямъ прибѣгали для открытія будущаго и приравнивали ихъ къ богамъ. Если изображаемыя личности не становились высшими богами, то все-таки они выходили изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ и вмѣшивались въ сонмъ божествъ. Аменоисъ, еще при жизни, принадлежалъ къ послѣднимъ сверхчеловѣческимъ существамъ, о чемъ онъ хвалился въ вышеприведенномъ извлеченіи изъ надписи на его статуѣ. Онъ существовалъ внѣ времени, такъ какъ оно не могло стереть слѣдовъ его бытія, и поклоненіе ему не только не уменьшалось среди современниковъ, но все болѣе и болѣе возрастало. Въ Фивахъ временъ Птолемея вѣрили, что онъ основалъ маленькій Аѳорскій храмъ, называемый теперь Деиръ-ель-Мединихъ, и ему приносили жертвы, наравнѣ съ самой богиней. Почему его смѣшали въ ту же эпоху съ фиванской богиней Фта—мы еще не знаемъ, но его религія перенеслась туда, и онъ сдѣлался оракуломъ. Съ этой эпохи онъ становится въ полномъ смыслѣ богомъ, а не маленькимъ божествомъ, которыхъ обыкновенно боготворятъ въ Фивахъ. Какъ Амонъ, Кунсу, Меутъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи два святилища—одно въ Карнакѣ, въ городѣ живыхъ, гдѣ находились двойникъ его души и живыя статуи, другое—въ некрополѣ, гдѣ его божество принимало похоронныя почести, принадлежащія богамъ смерти. Въ Карнакѣ обращались за совѣтами къ его оракулу; за него отвѣчали жрецы послѣ того, какъ совѣтовались со статуями, и поклонники,

выходя изъ храма, дѣлали въ знакъ благодарности надписи, или рисовали картины, на одной изъ наружныхъ не украшенныхъ стѣнъ. У Аменоиса были поклонники такъ же, какъ у Амона. Въ заключеніе Масперо говоритъ: «Эго рѣдкій случай, чтобы простой смертный, тѣмъ болѣе министр, сдѣлался египетскимъ богомъ».

— Смерть Плинія Старшаго. Въ томъ же журналѣ посвящена анонимная статья ¹⁾ смерти Плинія Старшаго. На время забытый спорный вопросъ объ обстоятельствахъ его смерти вновь возбудилъ вниманіе археологовъ. Въ 1858 г. между Каstellамаромъ-ди-Стабіа и Везувіемъ была найдена подводная часть древняго корабля. Доски и гвозди этого судна были обиты бронзовыми пластинками. Прошедшій годъ, недалеко отъ этого мѣста и совсѣмъ близко отъ прежняго берега, были открыты развалины богатой виллы, съ кладовыми, полными запасовъ, и галлерей, на которой лежали скелеты. Розыски продолжались, и не далеко отъ дома найдена новая группа скелетовъ; изъ нихъ одинъ былъ очень высокаго роста; на его шеѣ сохранилась тяжелая золотая цѣпь, на рукахъ были два золотые браслета, въ формѣ змѣи, а на пальцахъ драгоценные перстни. Подлѣ него лежалъ мечъ съ дорогой рукояткой, изъ слоновой кости, въ бронзовыхъ ножнахъ, на которыхъ была изваяна морская раковина. Вокругъ лежало множество разсыпанныхъ монетъ, а также находилась глиняная Минерва, обрывки матерій затканыхъ золотомъ, бронзовыя украшения и остатки богатыхъ носилокъ, сохранившихся настолько, что ихъ можно узнать. Эти находки не произвели сначала никакого впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что въ окрестностяхъ Неаполя въ продолженіе ста лѣтъ уже находили подобныя предметы. Но Эдуардъ Жамми, почетный консулъ въ Каstellамарѣ, высказалъ мнѣніе о возможности найти въ послѣднемъ открытіи разрѣшеніе спорнаго вопроса относительно смерти Плинія Старшаго. Это подняло на ноги археологовъ. Предложеніе Жамми, однако, не нашло отголоска среди итальянскихъ археологовъ и напротивъ возбудило даже множество возраженій. Но Жамми не остановился передъ этимъ: онъ основывался на знаменитомъ письмѣ Плинія Младшаго, въ которомъ послѣдній рассказываетъ Тациту о смерти своего дяди. Слѣдя внимательно за каждымъ словомъ письма, онъ подтверждаетъ, что каждая мелочь соответствуетъ обстоятельствамъ недавней находки. Плиній Младшій пишетъ, что его дядя получилъ письмо отъ своей пріятельницы Ректины, звавшей его къ себѣ на помощь; Плиній Старшій съѣзъ на галеру; задержанный бурей, онъ не могъ добраться до дома Ректины; принужденный высадиться на берегъ, онъ достигъ менѣе отдаленной виллы Помпоніана и, угрожаемый въ этомъ убѣжищѣ дождемъ пепла и лапилли, онъ долженъ былъ направиться къ своему судну и погибъ въ тотъ моментъ, когда хотѣлъ отправиться въ море. По мнѣнію Жамми, находка въ Стабіа, по всѣмъ признакамъ, соответствуетъ мѣсту, описываемому Плиніемъ Младшимъ. Домъ съ галерей и кладовыми былъ Помпоніана, другая вилла, невдалекѣ, недавно открытая, принадлежала Ректинѣ, остовъ судна съ досками и гвоздями былъ, безъ всякаго сомнѣнія, военный корабль, на которомъ отправился Плиній Старшій;

¹⁾ La mort de Pline l'ancien. «Journal des Debats, Revue hebdomadaire». Janvier 1902.

наконецъ богатяя носилки, драгоцѣнности и мечъ съ дорогой рукояткой, найденный близъ скелетовъ, свидѣтельствуютъ о высокомъ положеніи этой личности. Кто же другой могъ быть важной особой, погибшей тамъ, если не Плиній? Возраженія, сдѣланныя Жамми, многочисленны, но не слишкомъ основательны. Во-первыхъ, ссылаются на то, что корабль, найденный въ Стабіи, — военный, а потому Плинія Старшаго должны были сопровождать офицеры и солдаты, въ Стабіи же, возлѣ предполагаемаго скелета Плинія, лежитъ только одно оружіе. Во всякомъ случаѣ, доводы Жамми болѣе вѣскіе, чѣмъ его оппонентовъ. Однако въ одномъ отношеніи представляется нѣкоторое затрудненіе: въ своемъ письмѣ Плиній Младшій утверждаетъ, что трупъ дяди нашли чрезъ три дня послѣ катастрофы. Но возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ его оставили безъ погребенія и, восемнадцать вѣковъ спустя, нашли на мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ? Жамми замѣчаетъ, что Плиній Младшій въ своемъ письмѣ совсѣмъ не говоритъ о похоронной церемоніи, «столь важной у римлянъ», и, можетъ быть, онъ рассказываетъ о находкѣ тѣла, не присутствуя при этомъ лично. Латинскій текстъ письма гласитъ: «когда показался день, — пишетъ Плиній Младшій, (это былъ третій день послѣ смерти), — его тѣло нашли неповрежденнымъ, безъ ранъ и въ той же одеждѣ. Онъ походилъ скорѣе на спящаго, чѣмъ на мертваго. Въ это время я съ матерью былъ въ Мизенахъ; но это не интересно для исторіи, а ты спрашиваешь лишь о томъ, что касается его смерти. Я останавливаюсь и прибавляю только одно слово, что изъ всего мною написаннаго нѣтъ ничего, чего бы я не видѣлъ». Изъ этихъ словъ Плинія Младшаго видно, что онъ не присутствовалъ лично при розыскахъ умершаго дяди, а слѣдовательно вопросъ объ его находкѣ, тотчасъ послѣ Помпейскаго погрома, является вполне спорнымъ. Такимъ образомъ открытіе Жамми можетъ быть вѣроятнымъ, хотя также недоказаннымъ. Эта статья основана на личныхъ замѣткахъ Жамми, которыя онъ сообщилъ въ редакцію «Journal des Débats».

— Тосканелли и Христофоръ Колумбъ. Американскіе историки одинъ за другимъ начали развѣнчивать Христофора Колумба, основываясь на мнѣніи Ласъ-Казаса и автора «Historie». По мнѣнію послѣднихъ, главнымъ виновникомъ открытія Америки былъ не Христофоръ Колумбъ, а Тосканелли. Дѣйствительно знаменитый флорентійскій астрономъ однажды сообщилъ Христофору Колумбу о письмѣ и картѣ, адресованныхъ имъ въ 1474 г. Фернаму Мартину, лиссабонскому канонику и приближенному совѣтнику португальскаго короля Альфонса V. Въ этомъ письмѣ онъ подстрекалъ и ободрялъ Мартина привести въ исполненіе изложенный имъ великій планъ. Въ 1871 г. Генри Гаррисъ нашелъ латинскій текстъ письма Тосканелли, написаннаго имъ въ 1471 г. Эта находка сначала казалась солидной опорой для доказательства вѣрности высказываемаго мнѣнія относительно Тосканелли. Но вышло иначе: въ бумагахъ Тосканелли не нашли никакого слѣда относительно открытія западнаго пути въ Индію, а въ сочиненіяхъ Колумба нѣтъ даже отдаленнаго намека ни о Тосканелли, ни о письмахъ или картѣ, полученныхъ имъ для передачи. Каноникъ Мартинъ, которому знаменитый астрономъ писалъ въ 1474 г. на скверномъ латинскомъ языкѣ, совершенно не извѣстенъ. Но еще серьезнѣе то обстоятельство, что около этого времени въ Португаліи не возникалъ вопросъ

ни о дорогѣ въ восточную Индію, ни о торговлѣ пряностями съ Востокомъ. Эти подтвержденія бросаютъ тѣнь на дѣйствительность документа, котораго кстати и нѣтъ у Ласъ-Казаса, а его оригинала никто не видалъ. Генри Виньо, первый секретарь посольства въ Соединенныхъ Штатахъ, въ своемъ критическомъ этюдѣ ¹⁾ «Письмо и карта Тосканелли» подозрительно относится къ предположенію, приведенному Ласъ-Казасомъ. По его мнѣнію, все доказываетъ, что эта корреспонденція подложна, и что ея авторъ—Бартеlemi, братъ Христофора Колумба, очень преданный великому открывателю. Желаніе создать впечатлѣніе, что адмиралъ руководился только своей идеей, а не слѣдовалъ сообщенію какого-то кормчаго, навело его на мысль поддѣлать заблаговременно бумаги, появившіяся семьдесятъ лѣтъ спустя. Книга Виньо содержитъ важные документы о жизни Колумба и открытіи Америки, чѣмъ занимаются американцы уже давно.

— Тайна Маріи Стюартъ. Одна изъ самыхъ интересныхъ, трагическихъ и загадочныхъ историческихъ личностей была, безъ сомнѣнія, Марія Стюартъ. Около трехсотъ сорока лѣтъ безчисленное количество книгъ, брошюръ и статей писано о ней, но до сихъ поръ остаются тайной: убійство ея мужа Дарнлея, ея третій бракъ съ Ботвелемъ, письма въ шкатулкѣ, на которыхъ главнымъ образомъ основанъ ея приговоръ, наконецъ, ея личный характеръ. Эти загадочныя обстоятельства имѣютъ огромное значеніе для ея характеристики, ибо отъ ихъ разрѣшенія зависитъ вопросъ, убила ли она, прямо или косвенно, Дарнлея. Главнымъ доказательствомъ ея виновности были предъявлены письма, хранившіяся въ шкатулкѣ Ботвеля, а они сохранились не подлинныя, и многіе полагаютъ, что они подложныя. Такимъ образомъ эта тайна не маловажная, не просто случайность національной исторіи, какъ говоритъ Карлайль, а напротивъ основной вопросъ, отъ котораго зависитъ виновность или невиновность Маріи Стюартъ, интересующей всѣхъ англичанъ и шотландцевъ до настоящей минуты. Поэтому почти ежегодно выходятъ изслѣдованія таинственной загадки, и если авторъ новаго сочиненія выясняетъ какую нибудь новую сторону вопроса или заявляетъ какую нибудь ловкую разгадку, то поднимается шумъ не только въ Англій, но и во Франціи, гдѣ Марія Стюартъ чрезвычайно популярна. Въ концѣ прошлаго года вышли два сочиненія, обратившія на себя общее вниманіе. Первое изъ нихъ — біографія Маріи Стюартъ, Самуэля Кована ²⁾, въ двухъ томахъ, а второе—«Тайна Маріи Стюартъ», Андрю Ланга ³⁾. Несмотря на основательный, подробный и старательный трудъ Кована, онъ не представляетъ ничего новаго, и авторъ, ярый защитникъ Маріи Стюартъ, не бросаетъ яркаго свѣта на письма въ шкатулкѣ и бракъ Маріи съ Ботвелемъ. Онъ ясно представляетъ положеніе даннаго вопроса со всѣхъ его сторонъ, но нисколько не способствуетъ разгадкѣ. Тайна остается тайной. Напротивъ Андрю

¹⁾ La lettre et la carte de Toscanelli sur la route des Indes par l'ouest, par Henri Vignaud. Paris. 1901.

²⁾ Mary, Queen of scots. By Samuel Cowan. 2 vols. London. 1901.

³⁾ The Mystery of Mary Stuart. By Andrew Lang. London. 1901.

Лангъ въ однотономъ своемъ трудѣ дастъ много новыхъ данныхъ для разрѣшенія тайны Маріи Стюартъ, почему сго книга возбудила большую сенсацию въ Англии и во Франціи. Со всѣхъ сторонъ посыпались полемическія статьи, и почти каждая изъ нихъ, по слѣдамъ Ланга, старается оправдать и очистить память шотландской королевы. Изъ этихъ статей наиболѣе замѣчательны: краткій очеркъ сэра Герберта Максвелля, подъ заглавіемъ: «Марія, королева Шотландіи, и тайна писемъ въ шкатулкѣ», напечатанный въ январьской книжкѣ «Pall-Mall Magazine»¹⁾, и критическій разборъ книги Ланга въ «Revue des Deux Mondes», Т. Визэва²⁾. Для полнаго уясненія себѣ личности Маріи Стюартъ, а также загадки ея жизни, необходимо взглянуть на ея юность, которая придала ей главнымъ образомъ характеристическія черты. Шести лѣтъ она отправлена шотландскимъ парламентомъ во Францію, какъ невѣста дофина. Но, очевидно, она не могла еще выйти за него замужъ и десять лѣтъ воспитывалась при самомъ развратномъ дворѣ въ Европѣ, такъ что, по словамъ Ламартина, ее скорѣе готовили въ любовницы, чѣмъ въ жены французскому королю. Какъ бы то ни было, въ 1558 г. дофинъ сдѣлался королемъ подъ именемъ Франциска II, и Марія Стюартъ сдѣлалась французской королевой. Въ слѣдующемъ году, слабымъ здоровьемъ Францискъ умеръ, Катерина Медичи сдѣлалась роковымъ руководителемъ французскаго двора. Конечно, тотчасъ заговорили о вторичномъ бракѣ юной королевы, и, благодаря ея красотѣ и славѣ, безконечныя предложенія сыпались на нее отъ различныхъ родственниковъ королевскихъ особъ въ Европѣ. Но она предпочла вернуться въ свое Шотландское королевство въ 1561 г., когда ей только что минуло 19 лѣтъ. Лангъ рисуетъ въ своей книгѣ чрезвычайно блестящій и живой ея портретъ, въ ту самую минуту, когда легкомысленная, гордая и довѣрчивая Марія Стюартъ вышла на берегъ Шотландіи: «Это была молодая брюнетка высокаго роста, съ прекрасными карими, граціозно продолговатыми глазами. По характеру она была полу-французенка и если не отличалась красотой, то была такъ очаровательна, что даже лица, окружавшія Елизавету, не могли этого не признавать. Въ ея лицѣ и манерахъ было нѣчто такое привлекательное, что она плѣняла всѣ сердца, гдѣ бы она ни была. Даже впоследствии ея тюремщики обожали ее. «Да благословитъ небо эту нѣжную королеву!»—восклицалъ эдинбургскій народъ, видя ее въ богатыхъ платьяхъ со шлейфами, противъ которыхъ такъ возставалъ религіозный Ноксъ. Ея сердце было полно доброты и благодарности. Въ сентябрѣ 1561 года послѣ неудачнаго заговора Ридольфи она страдала не столько за себя, какъ за двухъ слугъ, которые были посланы въ Шотландію, то-есть на вѣрную смерть. По поводу одного денежнаго дѣла она писала: «Я лучше заплачу два раза, чѣмъ кого нибудь оскорбить несправедливымъ подозрѣніемъ». Эту молодую женщину, чувствительную, гордую, страстную, неустрашимую и добрую преслѣдовалъ каждый день безжалостный глава протек-

¹⁾ Mary, Queen of Scots, and the mystery of the Casket Letters. By sir Herbert Maxwell. Pall-Mall Magazine. January 1902.

²⁾ Revues étrangères: Le Mystère de Marie Stuart, par Vyzewa. «Revue des Deux Mondes». 15 dec. 1901.

стантовъ, Ноксъ. Ея католическіе патеры подвергались пыткамъ, ея вѣра постоянно унижалась, и ея личность осыпалась оскорбленіями; всѣмъ ея планамъ упорно противодѣйствовала Елизавета. Марія имѣла много причинъ постоянно плакать, даже прежде чѣмъ ея вѣрный слуга Риччіо былъ убитъ глупымъ мужемъ и жестокими лордами на ея глазахъ. Быть можетъ, при этомъ избыткѣ страданій, ея сердце одеревенѣло; быть можетъ, ею овладѣлъ злой духъ ненависти и мести. Но ея сердце, по природѣ, все-таки оставалось нѣжнымъ и полнымъ сожалѣнія. Среди ужасныхъ мученій она сожалѣла рабовъ, которые гребли на галерахъ, и писала лорду Аберкерни, прося его сжалиться надъ бѣдной женщиной и ея дѣтьми, жилище которыхъ онъ конфисковалъ. По несчастію, при храбрости чисто мужской, она не была способна на хитрость, а въ ея время хитрость была единственнымъ оружіемъ женщинъ. Ея натура была такъ пряма, и она такъ не умѣла подозрѣвать, что повѣрила обѣщанію Елизаветы и ея кольцо и отдалась ей въ руки, несмотря на то, что она была ея злѣйшимъ врагомъ. Она не умѣла притворяться и не понимала, что другимъ было извѣстно это искусство». Къ этой мастерской характеристикѣ Маріи Стюартъ можно еще прибавить, что она всегда нуждалась въ мужскомъ вліяніи, которое руководило бы ею. Но вокругъ ея толпились враждебные ей лорды, одинаково невѣрные и вѣроломные, какъ протестанты, такъ и католики. Не удивительно, что она обратила вниманіе на своего двоюроднаго брата, лорда Генри Дарнлея, сына католическаго лорда Ленокса и правнука англійскаго короля Генриха VII. Красивый, высокаго роста, съ прекрасными манерами и любовью къ атлетическимъ упражненіямъ, онъ возбудилъ въ ней пламенную страсть. Вопреки сопротивленію большинства лордовъ Марія вышла замужъ за Дарнлея въ 1565 г., 23 лѣтъ отъ роду. Однако черезъ шесть мѣсяцевъ брачной жизни она убѣдилась, что сдѣлала серьезную ошибку. Дарнлей имѣлъ не только непріятный характеръ, но былъ еще настолько глухъ, что не могъ подходить къ живому уму Маріи. Мало того, онъ возмѣлъ ревность противъ Давида Риччіо, королевскаго музыканта, къ которому дѣйствительно Марія питала нѣжную дружбу. Болѣе же близкую связь между ними отрицаютъ новѣйшіе историки. Однако многіе въ то время были противоположнаго мнѣнія, и ея легкомысленное поведеніе давало основаніе ко всякаго рода предположеніямъ. Не только ея мужъ ненавидѣлъ Риччіо, но его ненавидѣли всѣ лорды, боясь быстро увеличивающагося его вліянія. Тогда, по наущенію короля, группа лордовъ составила заговоръ, и Риччіо былъ убитъ на глазахъ королевы, несмотря на то, что она была беременна. Она, однако, не умерла, но характеръ ея озлобился: она возненавидѣла всѣхъ окружающихъ ее, въ томъ числѣ мужа, и единственное исключеніе составилъ лордъ Ботвель, хотя и онъ участвовалъ въ убійствѣ ея друга. Но онъ отличался твердымъ, непреклоннымъ характеромъ, и она нашла въ немъ единственнаго человека, который могъ руководить ею. Прошелъ годъ; Дарнлей былъ убитъ, и главнымъ убійцей былъ Ботвель. Онъ понравился Маріи силой характера, но Ботвель былъ въ нравственномъ отношеніи ниже всякой критики, хотя для внушенія любви нравственность не играетъ большой роли, поэтому послѣ суда, бывшаго лишь комедіей, Ботвель былъ освобожденъ отъ подозрѣнія въ убійствѣ Дарнлея, и черезъ нѣсколько

дней послѣ этого онъ увезъ королеву въ свой замокъ Дунбаръ. Говорятъ, что Марія была согласна на это похищеніе и, безнадежно скомпрометированная, вышла за него замужъ. Лорды, какъ католическіе, такъ и протестантскіе, возстали противъ королевы и, овладѣвъ ею, заточили ее въ Лохленскій замокъ. Ботвелду же позволили бѣжать, потому что онъ слишкомъ много зналъ объ участіи лордовъ въ убійствѣ Дарнлея. Подозрѣнія въ соучастіи Маріи въ заговорѣ и потомъ въ убійствѣ Дарнлея находили доказательства въ ея слишкомъ легкомысленномъ поведеніи, а главное въ извѣстной всѣмъ и каждому ненависти къ Дарнлею и въ компрометирующей свадьбѣ съ очевиднымъ его убійцей—Ботвелемъ. Но лорды считали эти улики недостаточными, и спустя годъ, въ продолженіе котораго слѣдствіе продолжалось, неожиданно была представлена ими шкатулка Ботвеля съ восемнадцатью французскими письмами Маріи къ нему и одиннадцатью ея любовными сонетами. Неизвѣстно, какимъ образомъ эти подлинники, служившіе безспорнымъ доказательствомъ виновности Маріи, исчезли и сохранились только ихъ копіи. Оригиналовъ же никто не видалъ, такъ какъ лордъ Мортонъ, который велъ долготѣнее судебное преслѣдованіе противъ Маріи, былъ казненъ. Такимъ образомъ составилось то, что называется тайной Маріи Стюартъ, и неизвѣстно, существовала ли въ дѣйствительности эта шкатулка съ письмами и сонетами. Какъ бы то ни было, внослѣдствіи англійскіе суды признали подлинность этихъ копій, и онѣ послужили главной основой смертнаго приговора несчастной королевы. Весь вопросъ, занимавшій столько лѣтъ всю Англію и Шотландію, заключается въ томъ, были ли эти документы подлинны или подложны. Спустя триста сорокъ лѣтъ, за разгадку этой тайны взялся послѣ столькихъ историковъ Лангъ, и надо отдать ему справедливость, что его трудъ чрезвычайно серьезный, добросовѣстный и основательный. Онъ принялся за него съ твердой увѣренностью, что ему удастся обълить бѣдную Марію Стюартъ. Но, по несчастію для него, онъ дѣйствовалъ, какъ настоящій историкъ, и долженъ былъ, какъ настоящій историкъ, прийти къ тому убѣжденію, что обвиненіе и оправданіе одинаково неосновательны. Несомнѣнно, что многія изъ писемъ въ шкатулкѣ, очевидно, были написаны по-французски, такъ какъ въ англійскомъ переводѣ нѣкоторыя фразы были чисто французскія. Но съ другой стороны, какъ справедливо замѣчаетъ французскій критикъ Визева, другія фразы, по своему внутреннему строю—не французскія. Такимъ образомъ, если Лангу не удалось доказать невинность Маріи Стюартъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, освѣтилъ ея тайну, насколько это теперь возможно.

— Объявленіе маркизы Бренвильеръ. Въ настоящую эпоху реабилитацій не осталась забытой и знаменитая маркиза Бренвильеръ, отравившая отца, братьевъ, и едва той же участи не подвергшая своей сестры и невѣстки. Ея адвокатами являются теперь въ ученомъ медицинскомъ собраніи докторъ Кабанесъ, редакторъ «Chronique medicale», и докторъ Нассъ. Они говорятъ, что Бренвильеръ ни болѣе ни менѣе, какъ «неуравновѣшенная натура», бѣдная женщина, дѣйствовавшая «подъ вліяніемъ различныхъ сильныхъ страстей, повиновавшаяся лишь злему внушенію», и что судьи XVII вѣка лучше бы сдѣлали, пославъ ее въ госпиталь, а не на плаху. Въ бесѣдѣ съ репортеромъ

газеты «Eclair» докторъ Кабанесь прибавляетъ»: въ особенности, судя по ея поведенію во время казни, можно оцѣнить степень ея истеріи. «Она казалась не чувствительной къ всевозможнымъ пыткамъ. Эта особая нечувствительность истекаетъ изъ ея нервности. Эту нервность замѣтили у многихъ колдуній, которыя были ни больше ни меньше, какъ невропатки; онѣ переносили пытки, продолжая ибѣть или смѣяться ужаснымъ смѣхомъ, даже находясь въ пламени». Кабанесь отрицаетъ свое желаніе ея реабилитировать, но хочетъ объяснить и защитить ее, какъ умственно разстроенную женщину.

— Былъ ли женатъ Боссюэ? Имя Боссюэ, величайшаго оратора Франціи, проповѣдника при дворѣ Людовика XV и воспитателя дофина, живеть до сихъ поръ въ памяти у французовъ. Въ одномъ изъ декабрьскихъ нумеровъ «Journal» помѣщена статья Жана де-Воннефона²⁾, касающаяся интереснаго вопроса: былъ ли женатъ Боссюэ? Въ Дижонѣ устроился музей, который вскорѣ долженъ обогатиться любопытнымъ портретомъ дѣвицы Вьё де-Молеонъ. По словамъ Вольтера, она была женою Боссюэ, или его вѣчной невѣстой. На портретѣ представлена старая, некрасивая дама, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, въ старомодномъ костюмѣ и въ чепчикѣ. Въ «Вѣкѣ Людовика XIV», въ отдѣлѣ художествъ, Вольтеръ писалъ, что Боссюэ, сдѣлавшійся великимъ человекомъ, сначала предназначался къ свѣтской карьерѣ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ обязался жениться на г-жѣ Вьё, дѣвушкѣ рѣдкихъ достоинствъ. Его талантъ къ богословію и краснорѣчіе выказались очень рано, вслѣдствіе чего родители и друзья предназначали его для духовной карьеры. Г-жа Вьё уговаривала его сама рѣшиться на этотъ шагъ, предпочитая славу возлюбленнаго счастью жить съ нимъ. Въ другомъ мѣстѣ Вольтеръ говоритъ: одно семейство увѣряетъ, что существовалъ брачный контрактъ между Боссюэ и еще очень юной г-жей Вьё, что эта особа пожертвовала своей страстью и положеніемъ для счастья, котораго ея возлюбленный достигнетъ своимъ духовнымъ краснорѣчіемъ; что она согласилась никогда не воспользоваться этимъ контрактомъ, за которымъ не послѣдовалъ церковный бракъ; что Боссюэ, переставъ такимъ образомъ быть ея мужемъ, сдѣлался патеромъ, и послѣ его смерти эта самая семья, приводя въ порядокъ его бумаги, видѣла этотъ контрактъ. Никогда эта дѣвушка, по словамъ той же семьи, не воспользовалась находившейся въ ея рукахъ опасной тайной; она оставалась до смерти епископа его другомъ, находясь въ строгихъ и почтительныхъ отношеніяхъ къ нему. Онъ далъ ей средства купить маленький кусокъ земли въ Молеонѣ въ пяти миляхъ отъ Парижа. Тогда она перемѣнила свое имя на Молеонъ и жила около ста лѣтъ. Однако Вольтеръ не утверждаетъ, что бракъ существовалъ. Изъ его словъ видно, что бракъ не состоялся, что дѣвица Вьё осталась невѣстой Боссюэ. Аббатъ Денизъ, секретарь де-Бисси, который наслѣдовалъ епископскую кафедру Боссюэ, говорилъ: «Вскорѣ послѣ смерти Боссюэ его кредиторы преслѣдовали наслѣдниковъ, въ виду неуплаченныхъ денегъ Боссюэ за купленный имъ домъ въ 20.000 франковъ. Но наслѣдники отказались уплатить эту сумму, и кредиторы, чтобы получить свой капиталъ и проценты, наложили арестъ на домъ, занятой дамою со дня

²⁾ Femme de Bossuet. Par Jean de Bonnefon. Journal. 15 Decembre. 1901.

его приобретёнія Боссюэ. Дама хотѣла защититься двумя контрактами, находившимся въ ея рукахъ. Въ первомъ Боссюэ «обязывался приобрести этотъ домъ», а во второмъ—онъ ей передасть его, какъ подарокъ. Кредиторы, видя свое положеніе шаткимъ, стали преслѣдовать даму. Прижатая къ стѣнѣ, дама взяла ловкаго адвоката и вручила ему свадебный контрактъ съ Боссюэ, бывшимъ въ то время только каноникомъ въ Мецѣ. Это надѣлало много шуму, и король приказалъ племяннику Боссюэ прекратить дѣло. Боссюэ былъ только каноникомъ, когда зналъ частнымъ образомъ эту даму. Его самолюбіе внушило ему отправиться въ Парижъ и искать случая попасть во дворецъ. Во дворцѣ онъ имѣлъ успѣхъ большой, чѣмъ ожидалъ. Дама увидя, что онъ устроился блестящимъ образомъ, захотѣла раздѣлить его участь и послѣдовала за нимъ. Она тѣмъ осторожнѣе жила въ Парижѣ, чѣмъ выше становилось положеніе ея мужа... Частые визиты къ ней дѣлались тайнымъ образомъ. Сиплетни ограничивались тѣмъ, что говорили, будто эта дама для Боссюэ тоже же, что Гюйо для Фенелона. Въ дѣйствительности она слыла за самую умную женщину въ Парижѣ. Лакей Боссюэ часто рассказывалъ мнѣ о ней. Она любила Боссюэ, такъ какъ онъ былъ красивый человѣкъ и, несмотря на свои духовныя занятія, не былъ врагомъ удовольствій. Говорятъ, ихъ раса не погасла, и отъ доброй вдовы остались между прочимъ двѣ красивыя дѣвушки, которыя получили хорошее воспитаніе; одинъ изъ моихъ друзей показалъ мнѣ ихъ въ Луврѣ». Эти слова были написаны въ 1712 г., восемь лѣтъ спустя послѣ смерти Боссюэ. Авторъ имѣлъ возможность получить точныя справки, но онъ былъ врагъ Боссюэ и человѣкъ очень дурной, способный повернуть все въ худую сторону. Въ срединѣ XVIII вѣкѣ Просперъ Маршанъ помѣстилъ въ своемъ «Словарѣ», въ статьѣ о Боссюэ, слѣдующую фразу: «я также не говорю о конкубинствѣ или, лучше сказать, объ его тайномъ бракѣ съ дѣвицею Молеонъ». Но все это не служить твердымъ доказательствомъ; единственно извѣстно положительно, что дѣвица Молеонъ занимала значительное мѣсто въ жизни Боссюэ. Кардиналъ Боссэ призналъ, что «отношенія Боссюэ съ дѣвицей Вѣ де-Молеонъ, отличавшейся высокой набожностью, были всемъ извѣстны». Во всякомъ случаѣ достовѣрно одно, что долгая дружба Боссюэ съ этой дамой стоила ему дорого во время жизни и возбудила процессъ послѣ его смерти.

— Польша и Франція въ 1790—1793 годахъ. Польскій историкъ, профессоръ Львовскаго университета, Брониславъ Дембинскій, за послѣднее время тщательно изслѣдовалъ взаимныя отношенія Польши и французскаго революціоннаго правительства 1790—1793 годовъ. Результатомъ этого явилась прежде всего монографія: «Феликсъ Орачевскій, посоль Рѣчи Посполитой время Великой революціи», а затѣмъ: «Объ отношеніяхъ Костюшки къ французской революціи», трудъ, основанный, между прочимъ, и на документахъ изъ архива иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Профессоръ Дембинскій прочелъ его на засѣданіи историческаго общества въ Львовѣ. Отношенія Польши къ тогдашней Франціи характеризуются главнымъ образомъ рядомъ неудачныхъ попытокъ добиться вмѣшательства французскаго правительства въ пользу Польши. Странное впечатлѣніе производитъ неизмѣнно радужный тонъ

писемъ Орачевскаго къ королю, отдающій чистѣйшей маниловщиной въ столь трагическое для Польскаго государства время. По его словамъ, «невозможно, чтобы Екатерина, сытая всякаго рода славой, а наконецъ и годами умудренная, пожелала легкомысленно вторгнуться въ край, который, если она захочетъ пребывать съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, будетъ для нея самымъ полезнымъ союзникомъ. Великодушное отношеніе къ полякамъ могло бы побороть ихъ недобріе, и воистину этой мудрой императрицѣ именно этого недостаетъ для увѣнчанія ея славой». Орачевскій вѣритъ, что, «ловко развернувъ передъ Екатериной» брошенную имъ мысль, можно было бы разжечь въ ней «амбицію благородной славой». Намекаетъ даже, что эту миссію могъ бы взять на себя Браницкій, «если хватаетъ у него храбрости говорить правду въ Петербургѣ» (письмо 30 марта 1792 г.). Узнавъ немного спустя, что между императрицей и ея наслѣдникомъ произошли недоразумѣнія, онъ пишетъ: «кто знаетъ, не Провидѣніе ли, столь благосклонное къ намъ уже нѣсколько лѣтъ (!), которое намъ такъ кетати турецкую войну и смерть Шотемкина даровало, — не Провидѣніе ли оиять намъ пошлетъ какое либо обстоятельство, которое укротитъ столь несправедливое вторженіе. Впрочемъ, если польская сабля поработаетъ, это не вредно, лишь бы дворы, вѣнскій и берлинскій, сдержали свое слово» (11 мая 1792 г.). Недѣлю спустя, въ самый день деклараціи Булгакова, Орачевскій изъявляетъ увѣренность, что «это только напугиванія; но лишь увидятъ нашу рать и союзъ короля съ народомъ, невозможно, чтобы стыдъ политическій (!) не заставилъ отказаться отъ столь несправедливаго нападенія» (18 мая 1792 г.). Понятно, что такой неизмѣнный Маниловъ на посольскомъ посту, хотя и пользовался неизмѣнной любезностью революціоннаго правительства, но извлечь изъ этого болѣе существенной пользы не могъ. Вскорѣ онъ былъ отозванъ, такъ какъ король вынужденъ былъ оказать солидарность съ прочими дворами, отзывающими своихъ пословъ изъ Парижа во имя монархическихъ принциповъ. Но въ концѣ этого же года борьба революціи съ сосѣдними государствами оиять оживила въ полякахъ надежду на ея вмѣшательство въ польскія дѣла. Послѣдствіемъ этихъ надеждъ была миссія Костюшки въ Парижъ, въ январѣ 1793 года. Костюшко имѣлъ довѣренность «выдающихся членовъ сейма» войти въ сношенія съ революціоннымъ правительствомъ. Французская республика должна была требовать сохраненія цѣлости Польши и это ставить условіемъ при заключеніи мира. Подробности пребыванія Костюшки въ Парижѣ неизвѣстны, но онъ былъ принятъ тамъ крайне любезно, и есть данныя, что обсуждался и былъ составленъ планъ дѣйствій Франціи по отношенію къ польскимъ дѣламъ. Именно въ бумагахъ Фризе (Friese), секретаря Станислава Понятовскаго, хранящихся въ Московскомъ архивѣ, имѣется извлеченіе изъ письма Костюшки (собственноручно имъ составленнаго) къ министру внѣшнихъ дѣлъ de Forgues, отъ 6 марта 1794 г. Костюшко увѣдомляетъ, что сокращеніе войска вынуждаетъ ускорить инсurreкцію, что невозможно держаться плана, составленнаго съ господиномъ Нелін (докладчикомъ по польскимъ дѣламъ въ министерствѣ), что краковское воеводство желаетъ вручить ему власть диктатора. Прилагаетъ воззванія, проситъ содѣйствія и субсидій. Въмѣсто обѣщанныхъ

5 миллионъ франковъ получилъ лишь 1.300.000. Требуеъ 10 миллионъ; половину выслать во Франкфуртъ на имя банкирскаго дома Бетманъ, половину въ Константинополь, откуда получить ихъ можно вмѣстѣ съ турецкой денежной помощью. Проситъ далѣе выслать офицеровъ артиллеристовъ и инженеровъ. Но Конвентъ не долженъ требовать, дабы революція польская была такая же, какъ французская. Невозможно «выключать и осуждать шляхту и духовенство». Содержаніе этого письма не противорѣчитъ ни въ чемъ инструкціи, съ каковою отправленъ былъ Костюшко въ Парижъ. И поэтому является оно доказательствомъ неизвѣстнаго во всѣхъ своихъ подробностяхъ соглашенія съ французскимъ правительствомъ, соглашенія, быть можетъ, повліявшаго даже на ускореніе революціоннаго движенія въ Польшѣ.

— Пишегрю и заговоры роялистовъ. Уже давно человѣческая справедливость допускала амнецію, а теперь одинаково историческая справедливость начинаетъ допускать пересмотръ своихъ сужденій. Дѣла, въ которыя вмѣшивалась политическая страсть и ненависть партій, теперь, благодаря ежедневно открываемымъ новымъ документамъ, разсматриваются безпристрастно и спокойно во второй инстанціи. Такъ процессы Мармона, Моро, Пишегрю, Бурмона и др., болѣе или менѣе жестоко обвиненныхъ, надъ которыми произнесли пристрастные приговоры, теперь разбираются иначе. Безъ сомнѣнія, между историческими обвиняемыми дѣлаютъ различіе: такъ Моро, поднявшій противъ родины оружіе, какъ и Бурмонъ, перешедшій на сторону непріятели, отличаются и теперь отъ Мармона и Пишегрю, обвиненныхъ въ измѣнѣ правительству, а не Франціи. Эрнестъ Додэ посвятилъ послѣднему свой трудъ подъ заглавіемъ «Заговоръ Пишегрю и роялистскія возстанія»¹⁾. Пишегрю обвинялся въ томъ, что, поссорившись съ Директоріей, относившейся благосклонно къ идеямъ возстановленія монархіи, и ведя тайную переписку съ принцемъ Кондэ, а съ другой стороны готовый сдѣлаться главою парламентской оппозиціи, принялъ главенство надъ вооруженной оппозиціей, составилъ проектъ военной коопераціи съ иностранными войсками, далъ этому плану ходъ, ослабляя добровольно свою армію, покинулъ Мангеймъ и, не помогая своему сослуживцу Журдану, склонился на перемиріе, предложенное австрійцами. Вотъ главныя обвиненія. Додэ въ качествѣ ловкаго адвоката уничтожаетъ ихъ одно за другимъ, указываетъ на противорѣчіе свидѣтельскихъ показаній, какъ внутреннихъ личнымъ интересомъ. Онъ пользуется доказательствами изъ самихъ обвинительныхъ показаній и изъ не изданныхъ документовъ неоспоримой подлинности и большой цѣнности, именно бумагъ Кондэ, сохранившихся въ архивахъ Шантильи, и военной переписки Пишегрю, находившейся въ архивѣ военнаго министерства. Додэ говоритъ: процессъ и приговоръ надъ Пишегрю доставилъ Директоріи случай, уже давно ожидаемый и приготовленный, для совершенія государственнаго переворота. Пишегрю былъ председателемъ совѣта Пяти Сотъ, совѣтъ былъ непріязненъ Директоріи, и нанести ударъ его председателю равнялось—снести голову оппозиціи. Въ этомъ Додэ видитъ первый мотивъ къ

¹⁾ La Conjuraton de Pichegru et les complots royalistes de Midi et de l'Est (1795—1797), par Ernest Daudet. 1902.

подозрѣнію. Во-вторыхъ, поводъ къ обвиненію Пишегрю и доказательство, на которое оно опиралось, были представлены Бонапартомъ, желавшимъ отдѣлаться отъ соперника, любимаго солдатами и пользовавшагося значительнымъ политическимъ вліяніемъ. Обвинителямъ и судьямъ Пишегрю былъ интересъ, его приговорить, и они заранѣе признали его виновнымъ. Болѣе того его приговора добились посредствомъ низкаго полицейскаго пронырства: полиція представила, какъ подлинное, письмо Пишегрю и «написанное его рукою» резюме разговора, который онъ велъ, будто бы, съ однимъ изъ эмиссаровъ Кондэ. Доказательства состояли изъ писемъ, присланныхъ Кондэ его агентами; въ нихъ говорилось о проектахъ и обѣщаніяхъ Пишегрю истинныхъ или предполагаемыхъ; сверхъ того, изъ писемъ и докладовъ, захваченныхъ Моро въ багажѣ генерала Клинглина, принадлежавшихъ тайнымъ агентамъ и эмиссарамъ. Ни одно изъ этихъ писемъ не принадлежало Пишегрю, и принцъ Кондэ безпрестанно просилъ отъ генерала письменнаго слова, полагаясь болѣе на подпись послѣдняго, чѣмъ на завѣренія своихъ корреспондентовъ. Это служитъ доказательствомъ, что принцъ не очень довѣрялъ имъ. Додэ говоритъ, что всѣ они были люди, обремененные нуждой, и настоящіе предприниматели измѣнъ; что имъ выгодно было обманывать принца для выманиванія денегъ; что Монгальяръ въ минуту безденежья отправился къ Бонапарту и выдалъ Пишегрю, какъ бы не исполнившаго своихъ обѣщаній; что Фогъ-Борель превратился, впослѣдствіи, въ сыщика императорской полиціи въ Страсбургѣ. Этимъ Додэ обрисовалъ ихъ нравственный міръ и указалъ, насколько возможно вѣрить ихъ свидѣтельству. Свидѣтельство Моро еще менѣе безупречно. Онъ не придавалъ бумагамъ, захваченнымъ у Клинглина, большой важности. Но, впослѣдствіи, когда Директорія потребовала освѣтить это дѣло, когда случился государственный переворотъ, и окончательно совершилось паденіе Пишегрю, то Моро, обязанный ему своимъ повышеніемъ въ дивизіонные командиры, самымъ низкимъ образомъ обвинилъ его. Онъ тѣмъ болѣе дѣйствовалъ такъ, что былъ моментъ, когда онъ опасался за себя. Отвѣтственность Журдана была слишкомъ замѣшана въ неуспѣхъ Пишегрю, чтобы онъ не считалъ выгоднѣе для себя сослаться въ своемъ неуспѣхѣ на предполагаемую измѣну. Сультъ и Гувьонъ-Сенъ-Сиръ писали, спустя много времени, когда обстоятельства дѣла были уже отчасти забыты, и рассказы обоихъ маршаловъ полны противорѣчій. Прибывъ въ Рейнскую армію, Пишегрю нашелъ ее совершенно въ безпорядкѣ: съ неполнымъ наличнымъ составомъ, безъ малѣйшихъ кавалерійскихъ резервовъ, безъ военныхъ припасовъ и экипировки: войску платили расписками, но жители и поставщики требовали только денегъ. Жалобы высшихъ чиновъ подтверждаютъ переписку главнокомандующаго, утверждая, что Пишегрю хотѣлъ испортить своихъ солдатъ бездѣйствіемъ, что онъ не повиновался высшимъ приказаніямъ изъ Парпжа, что наконецъ потребовались настоянія всѣхъ высшихъ чиновъ, чтобы онъ рѣшился пойти на Мангеймъ. При внимательномъ изученіи приказовъ, данныхъ Пишегрю, Додэ пришелъ къ заключенію, что это были не приказы, а скорѣе совѣты, и ему предоставлялось дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Пишегрю перешелъ Рейнъ въ Опенгеймъ и вошелъ въ Мангеймъ, когда Журданъ занялъ Дюссельдорфъ, для под-

держанія его движенія. Затѣмъ послѣдовало отступленіе Журдана, покинувшаго Пипегрю безъ защиты на сѣверѣ, заставляя его этимъ, въ свою очередь, снова перейти Рейнъ, оставивъ въ Мангеймѣ гарнизонъ, который скоро долженъ былъ сдаться на капитуляцію. Додэ приписываетъ Журдану отвѣтственность за перемиріе съ Австріей. Журданъ первый велъ переговоры, и за его согласіемъ слѣдовали переговоры Пипегрю. Выйдя въ отставку, Пипегрю, не желая обезсилить своихъ солдатъ бездѣйствіемъ, совѣтовалъ генералу Дезэ заставлять ихъ передѣлывать дороги. Его политическое поведеніе напротивъ не безупречно. Онъ поддерживалъ сношенія съ Кондэ, его адъютантъ, повидимому, служилъ посредникомъ между Монгальярромъ, Ле-Фонгъ-Борелемъ и баронессою Рейхъ. Дальнѣйшія событія и роль, разыгрываемая имъ въ заговорѣ Кадудала, доказываютъ, что онъ предпочиталъ монархическое правленіе, но до несправедливаго приговора, жертвой котораго сдѣлался, это ограничивалось лишь симпатіей къ монархіи. Впослѣдствіи желаніе отмщенія заставило его перейти къ дѣйствию. Додэ, какъ судья, а не какъ защитникъ, признаетъ отношенія между Кондэ и Пипегрю несомнѣнными. Онъ это объясняетъ намѣреніемъ Пипегрю добиться, въ случаѣ приближавшагося возстановленія монархіи, милостиваго отношенія къ нему будущаго монарха. Пипегрю прежде всего служилъ Франціи, о чемъ онъ заявилъ роялистскому агенту, Оттелану: «Если бы я зналъ что Франція будетъ счастлива при республикѣ, завтра же—я буду служить ей!».

— Замокъ Сень-Клу. Недавно французскій историкъ, графъ Флери¹⁾, посвятилъ свою новую книгу описанію знаменитаго замка Сень-Клу. Онъ описываетъ дворецъ, когда-то блестящій великолѣпіемъ, но не оставившій послѣ себя слѣдовъ, касается его происхожденія, описываетъ празднества, даваемые тамъ, упоминаетъ о коронованныхъ гостяхъ, посѣщавшихъ его, и оканчиваетъ исторіей его разрушенія. Первое происхожденіе Сень-Клу связывается съ самой ужасной эпохой исторіи—съ династіей Меровинговъ. Вѣроятно, многіе не забыли о вѣроломныхъ убійствахъ дѣтей Клодомира ихъ дядями, при чемъ ихъ бабка Клотильда, плохо защищавшая внучатъ, произносила въ припадкѣ безумія странныя слова: «Если они не должны сдѣлаться королями, я охотнѣе увижду бы ихъ мертвыми, чѣмъ постриженными». Самый младшій изъ дѣтей, Клодоальдъ, спасся отъ этой участи и укрылся въ одномъ монастырѣ. Достигнувъ совершеннолѣтія и не слушая совѣтовъ старыхъ слугъ своего отца, нашедывавшихъ ему мысль объ отмщеніи, онъ торжественно принялъ постриженіе и надѣлъ монашескую рясу. Его дяди, въ порывѣ раскаянія и для успокоенія совѣсти, оставили ему значительныя владѣнія и, между прочимъ, мѣстечко Ножанъ, на берегу Сены, близъ Парижа. Клодоальдъ построилъ тамъ монастырь, гдѣ умеръ святымъ, оставивъ это владѣніе парижскому епископу. Имя франковъ—Клодоальдъ, было впослѣдствіи передѣлано въ Клу, и предмѣстье Ножанъ стало называться именемъ святого Клодоальда, то-есть Сень-Клу, и сохранило мончи своего владѣльца. Людовикъ XIV, желая подарить герцогство куртизану-прелату Гарлей де-Шамиваллонъ, назвалъ это владѣніе Сень-Клу, и всѣ парижскіе архіепископы стали называться герцогами

¹⁾ Le palais de Saint-Clou, par le comte Fleury. 1902.

Сень-Клу, съ 1674 г. до конца прежней монархіи. Построенный въ средніе вѣка мостъ придавалъ Сень-Клу нѣкоторую важность, какъ военной позиціи. Во время Столѣтней войны несчастное мѣстечко было много разъ взято приступомъ, разрушено и сожжено, а монахи укрывались въ Парижѣ, захвативъ съ собою мощи Клодоальда. Похоронныя церемоніи по скончавшимся королямъ справлялись всегда въ Сень-Клу. Когда Францискъ I умеръ въ Рамбулье, то, прежде чѣмъ отправить тѣло въ Сень-Дени, его выставляли въ епископскомъ дворцѣ Сень-Клу, гдѣ въ продолженіе одиннадцати дней народъ приходилъ къ нему на поклоненіе. Несмотря на эти печальныя воспоминанія, Генрихъ II любилъ Сень-Клу и выстроилъ тамъ виллу въ итальянскомъ вкусѣ, отданную внослѣдствіи Катериной Медичи Іерониму Гонди, одному изъ ея откупщиковъ казенныхъ доходовъ, пріѣхавшему изъ Флоренціи вмѣстѣ съ нею. Гонди устроилъ тамъ знаменитыя водопады, дѣйствующіе съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и теперь. Легенда повѣствуетъ, что онъ далъ свою виллу для тайныхъ собраний, гдѣ окончательно была рѣшена Варѣоломеевская рѣзня. Но болѣе достовѣрна драма 1-го августа 1589 г. Отвоевавъ свою столицу у возмущившихся парижанъ, Генрихъ III примирился съ королемъ Наварскимъ и соединилъ съ нимъ свои военныя силы, взявъ штурмомъ Сень-Клу. Онъ устроилъ свою главную квартиру въ домѣ Гонди, въ то время, какъ Генрихъ Наварскій стоялъ лагеремъ въ Медонѣ. Осада Парижа велась обоими королями. Въ это время изъ города пришелъ монахъ Жакъ Клеманъ, требуя тайной бесѣды съ королемъ, во время которой онъ убилъ Генриха III за измѣну католической партіи. Несмотря на свою развратную жизнь и коварство, онъ умеръ мужественно. Сначала обманутый докторами, король понялъ наконецъ, что силы его ославляютъ, и заявилъ о своей принадлежности къ католической вѣрѣ; затѣмъ призвалъ Генриха Бурбона и заставилъ генераловъ, стоявшихъ на колѣняхъ вокругъ его смертнаго одра, принять присягу въ вѣрности Генриху. Финансы новаго короля Генриха IV были разстроены, и онъ даже не имѣлъ возможности отдѣлать трауромъ свои погребенія. Такимъ образомъ Сень-Клу видѣлъ туманную зарю двоихъ государей: Генриха IV и Наполеона. Въ эту эпоху Сень-Клу еще не былъ дворцомъ, а лишь служилъ загороднымъ домомъ для богатаго частнаго человѣка. Только случайно, благодаря войнѣ, онъ пріютилъ на время коронованную особу. Когда все успокоилось, о Сень-Клу забыли. Наслѣдники перваго парижскаго архіепископа, Гонди, и дяди будущаго кардинала Реца, продали имѣніе нѣкоему Бартеlemi Герварду. Затѣмъ Людовикъ XIV купилъ его для своего брата, герцога Валуа, будущаго герцога Орлеанскаго. Молодой принцъ, устранный отъ дѣлъ и арміи, проводилъ свое время въ различныхъ удовольствіяхъ и въ украшеніи Сень-Клу, превративъ бывший домъ Гонди въ прекрасный дворецъ, не уступавшій Компьену и Рамбулье. Не успѣли окончить постройку новаго дворца, какъ онъ послужилъ театромъ поразительной смерти, возбудившей подозрѣніе въ народѣ. Внезапно скончалась Генриетта Англійская, жена герцога, молодая, красивая, умная женщина, пользовавшаяся не только свѣтскимъ, но и замѣчательнымъ политическимъ успѣхомъ, какъ агентъ короля. Діагностика болѣзни была въ ту эпоху въ первобытномъ состояніи. Нѣкоторые личности подозрѣвали самого герцога Орлеанскаго,

не отличавшагося вѣрностью и не очень любимаго женою. Другіе приписывали это преступленіе фавориту герцога, кавалеру Лоррену, ненавидѣвшему принцессу и котораго она взаимно не терпѣла. Вскорѣ принцъ женился во второй разъ на инфальтъ-графинѣ Рейнской, и, тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти первой жены, онъ умеръ въ столовой своего любимаго Сень-Клу. Его сынъ, регентъ Орлеанскій, родился въ Сень-Клу и тамъ же крестилъ свою дочь, знаменитую настоятельницу Шельскаго монастыря. Однако онъ не любилъ Сень-Клу и отдалъ его матери, а самъ почти постоянно жилъ въ Пале-Роялѣ. Во время своего регентства онъ изрѣдка пріѣзжалъ въ Сень-Клу и оставался тамъ недолго. Въ этомъ же дворцѣ онъ принялъ Петра Великаго, первую коронованную особу, посѣтившую Сень-Клу. Въ продолженіе всего царствования Людовика XV въ Сень-Клу не было никакихъ историческихъ фактовъ, кромѣ празднествъ, даваемыхъ герцогомъ Орлеанскимъ, въ честь свадебъ, рожденій, выздоровленій и проч., отличающихся необыкновеннымъ декоративнымъ богатствомъ. Главою Орлеановъ былъ въ то время Луи-Филиппъ, прозванный маркизой Дю-Барри «Gros-Père». Онъ былъ женатъ морганатическимъ бракомъ на маркизѣ Монтессонѣ. Это была очень нѣжная пара, и о нихъ говорили шуткою, что герцогъ, не получивъ разрѣшенія называть жену герцогиней Орлеанской, рѣшился называться маркизомъ Монтессонѣ. Вообще не любившій королевскихъ почестей, онъ вдвойнѣ тяготился ими, не имѣя возможности раздѣлять ихъ съ женою. Отдавъ Пале-Рояль сыну, будущему Philippe-Egalité, онъ, скрѣпя сердце, жилъ въ Сень-Клу, предпочитая вести жизнь частнаго челоуѣка въ имѣніи маркизы Монтессонѣ. Въ это время (1784 г.) Марія-Антуанета почувствовала пристрастіе къ Сень-Клу, тѣмъ болѣе, что Версаль хотѣли передѣлывать, и онъ не могъ быть обитаемъ ранѣе, какъ чрезъ десять лѣтъ. Принцъ Орлеанскій былъ въ восторгѣ отъ возможности продать дворецъ и зная, какъ Марія-Антуанета любитъ, чтобы исполнялись всѣ ея капризы, — запросилъ за него шесть милліоновъ. Король купилъ дворецъ на имя королевы. Патриотизмъ нѣкоторыхъ либераловъ и мнѣніе большинства о полновластныхъ правахъ мужчинъ оскорбились поступкомъ короля. Марія-Антуанета, предупрежденная объ этомъ, съ удовольствіемъ выражала презрѣніе къ народному негодованію. Она приказала выставить на рѣшеткѣ парка объявленіе съ заголовкомъ «По указу королевы». Это вызвало всеобщее негодованіе, тѣмъ болѣе, что парижане привыкли собираться на сентябрьскій праздникъ въ Сень-Клу и каждый разъ невольно любовались этой надписью, противорѣчащей салическому закону. Однако работы въ Версали не состоялись, и дворъ проводилъ лишь короткое время въ Сень-Клу. Марія-Антуанетѣ нравился Сень-Клу не менѣе Трианона, но Людовикъ XVI предпочиталъ Рамбулье: онъ находилъ, что комнаты слишкомъ малы, и вообще помещеніе тѣсно. Марія-Антуанета хотѣла совершенно перестроить дворецъ, но за неимѣніемъ денегъ эту мысль отложила. Последнее и самое долгое пребываніе Марія-Антуанеты въ Сень-Клу было съ іюня по октябрь 1790 года, когда уже началась революція. Въ паркѣ Сень-Клу состоялось тайное свиданіе Мирабо съ королевой. «Государыня, — сказала трибунъ, цѣлуя ей руку, — монархія спасена!» Это самая изъ потрясающихъ сценъ, какія только случались въ Сень-Клу. Но ранѣе года послѣ смерти Мирабо

королевская семья, желая вернуться въ Сень-Клу на Пасху, была насильно задержана парижскимъ народомъ. Во время террора обстановка «національнаго дома», какъ стали называть дворець Сень-Клу, продавалась съ публичнаго торга, но декретомъ Конвента было рѣшено не уничтожить парка, оставивъ его для прогулокъ парижанъ. Наконецъ наступилъ 19 брюмеръ VIII г. извѣстный всему свѣту государственнымъ переворотомъ. Въ этотъ день галлерей Миньяра, въ бывшемъ дворцѣ Сень-Клу, была занята совѣтомъ Древнихъ, но окончательный актъ этого событія послѣдовалъ въ оранжереѣ, гдѣ былъ собранъ совѣтъ «Пяти-Сотъ», и военному перевороту была придана парламентарная форма. Наполеонъ провозгласилъ себя консуломъ. Мальмезонъ показался ему слишкомъ скуднымъ для его лѣтней резиденціи, и съ осени 1801 года онъ далъ приказъ возстановить Сень-Клу, а въ 1802 году поселился тамъ. Жизнь Наполеона протекала въ Сень-Клу такъ же дѣятельно, какъ въ Парижѣ, разнообразясь лишь катаніями верхомъ и въ экипажѣ. Въ галлерей Апполона Наполеонъ впервые услышалъ «ваше величество» и титулъ императора изъ устъ явившагося къ нему объявить мнѣніе сената Камбасереса. Въ сосѣднемъ съ нею залѣ Наполеонъ впоследствии объявилъ г-жѣ Полиньякъ о помилваніи ея мужа. Во время имперіи, хотя дворъ проживалъ въ Фонтенбло, Комьенѣ, и даже Рамбулье, — Сень-Клу было любимымъ мѣстопробываніемъ императорской семьи весною и осенью; хотя торжественныя церемоніи справлялись въ Тюильри, но и Сень-Клу было мѣстомъ памятныхъ событій и блестящихъ празднествъ: тамъ совершалось нашей крещеніе старшаго сына Луи и Гортензін, котораго Наполеонъ мечталъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, и въ 1810 году былъ созванъ совѣтъ, по поводу выбора новой императрицы, а затѣмъ совершился въ галлерей Апполона гражданскій бракъ Наполеона съ Маріей-Луизой. 23-го іюня 1811 года былъ данъ блестящій праздникъ, въ честь крещенія римскаго короля, онъ окончился забавнымъ случаемъ: дамы и кавалеры въ парадныхъ туалетахъ расположились на дужкѣ полюбоваться иллюминаціей, какъ внезапно поднялась страшная буря. Въ то время императоръ обратился къ мэру города Ліона со словами: «Господинъ мэръ, я сейчасъ дамъ нажитья вашимъ мануфактурнымъ фабрикамъ», — и, вставъ въ дверяхъ, соединяющихъ паркъ съ залами, онъ загородилъ входъ, оставивъ такимъ образомъ подъ дождемъ всѣ блестящіе туалеты своихъ приглашенныхъ. Римскаго короля катали въ паркѣ въ колясочкѣ, запряженной двумя барашками. Но это появленіе ребенка въ аллеяхъ Сень-Клу продолжалось лишь два лѣта, и 31-го марта 1814 года дворець былъ занятъ передовыми войсками Ланжерона. Сень-Клу сдѣлался главной квартирой Шварценберга, и онъ давалъ въ немъ празднества въ честь союзныхъ государей. Но въ 1815 году положеніе Сень-Клу было худшее: въ этотъ разъ дворець заняли нѣмцы, полные мести къ французамъ. Блюхеръ спалъ въ постель Наполеона, не только не раздѣваясь, но даже не снимая сапогъ, при чемъ немилосердно обрывалъ шнорами драпировки надъ кроватью. Людовикъ XVIII, человекъ традиціи, считалъ Сень-Клу мѣстопробываніемъ, недостойнымъ его. Благодаря немощамъ, онъ, однако, проводилъ хорошее время года тамъ, хотя Сень-Клу ему не нравилось. Напротивъ,

остальные члены королевской семьи любили это мѣстечко, и гувернантка дѣтей, виконтесса Гонто, старалась, какъ можно продолжительнѣе оставаться тамъ. Карлъ X считалъ пребываніе въ Сень-Клу лучшими днями его жизни. Въ его царствованіе онъ превратился въ лѣтнюю официальную резиденцію. Сень-Клу—свидѣтель восшествія Генриха IV, послужилъ могилою династїи Бурбоновъ. Въ его красномъ салонѣ были подписаны роковые іюльскіе приказы; въ этомъ же дворцѣ король и его сынъ провели четыре дня, полные иллюзій, передъ окончательной катастрофой. Луи-Филиппъ долго колебался, прежде чѣмъ поселиться въ королевскихъ резиденціяхъ. Наконецъ, 20-го марта 1831 года было объявлено разомъ, что въ Тюильри предпринимаются перемѣны, и что королевская семья отправляется въ Сень-Клу. Съ этой эпохой связано множество анекдотовъ: наиримѣръ, будто король помогать маритону нарисовать свою карикатуру на стѣнѣ углемъ и т. д. Въ эпоху Людовика-Филиппа Сень-Клу было свидѣтелемъ множества семейныхъ празднествъ. Луи-Наполеонъ былъ расположенъ къ Сень-Клу еще ранѣе своего восшествія на престолъ. Въ томъ же дворцѣ Луи-Наполеонъ пожелалъ дать зиму, въ галлерей Аполлона, аудіенцію главнымъ государственнымъ учрежденіямъ, явившимся къ нему сообщить о результатѣ плебесцита и поздравить съ императорскимъ титуломъ. Медовый мѣсяцъ императоръ и императрица Евгенія провели въ маленькомъ замкѣ Вильневъ д'Етанъ, но затѣмъ дворъ ежегодно жилъ іюнъ и іюль мѣсяцы въ Сень-Клу, прежде чѣмъ отправиться въ Пломбьеръ и Біаррицъ. Удовольствія Парижа не прекращались въ лѣтней резиденціи, но съ меньшимъ этикетомъ. Коронованныя особы, начиная съ королевы Викторїи, посѣтившей во время крымской кампанїи Сень-Клу, и кончая императрицей Шарлоттой, уже почти безумной, появлялись довольно часто. Здѣсь же сынъ императорской четы во время гимнастическихъ упражненій подвергся опасности, которая чуть было не окончилась печально для мальчика. Наконецъ наступили послѣдніе дни Сень-Клу. Въ іюль 1870 года туда собрались министры для совѣщанія относительно окончательнаго отвѣта въ Берлинъ. Нѣсколько дней спустя, былъ данъ послѣдній праздникъ, въ честь офицеровъ, отправлявшихся въ армію. За десертомъ Наполеонъ III велѣлъ играть марсельезу, запрещенную со времени государственнаго переворота, а 28-го іюля онъ и его сынъ удалились на войну. Имперїи прознесенъ былъ смертный приговоръ, а съ нею окончилъ свое существованіе Сень-Клу. По народному сказанію, Сень-Клу былъ сожженъ пруссаками, но, по всей вѣроятности, онъ сгорѣлъ 16-го октября отъ шальной французской гранаты. Нѣмцы виновны лишь въ томъ, что выгнали служащихъ, близко знающихъ, какъ обращаться съ пожаромъ. Рѣшивъ, что зло неоправимо, они дали волю огню. Ихъ обвиняютъ въ систематическомъ уничтоженіи отдѣльныхъ домовъ въ селеніи Сень-Клу, начавшемся съ битвы при Бюзенвалтѣ и длившемся до перемирія. Двадцать лѣтъ развалины Сень-Клу стояли нетронутыми и посѣщались иностранцами. Императрица Фредерика два раза прїѣзжала съ нѣмецкимъ посланникомъ на развалины дворца. Но французскіе патріоты были такъ возбуждены, что въ послѣднее посѣщеніе 1891 года ей пришлось какъ можно скорѣе уѣхать изъ Парижа, и даже дипломатическія

отношенія между двумя государствами едва не порвались. Въ настоящее время оставшіяся доселѣ развалины Сень-Клу совершенно уничтожены, и планъ помѣстить тамъ политехническую школу не удался. Такимъ образомъ сохранился одинъ слѣдъ Сень-Клу—въ его паркѣ.

— Два памятника. На-дняхъ въ Парижѣ открыли два памятника, совершенно различнаго значенія. Одинъ изъ нихъ воздвигнуть въ честь все-свѣтнаго гения Гейне, а другой увѣковѣчиваетъ память французскаго патріота и героя второй республики—Бодена. Около пятидесяти лѣтъ прошло со времени смерти поэта, и ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ умеръ славной смертью герой демократіи. Объ этихъ обоихъ знаменитыхъ людяхъ вспомнили въ одно время, хотя исторія ихъ памятниковъ различна. Уже давно собираются отдать должную память автору «Романцеровъ» и никакъ не могутъ столковаться; послѣ его смерти попрежнему враждуютъ его непріятели—нѣмцы, преимущественно пруссаки. До сихъ поръ они не могутъ простить великому поэту его непримиримость относительно нѣмцевъ, которыхъ онъ безпощадно клеймилъ въ своихъ остроумныхъ сатирическихъ произведеніяхъ. Поэтому, несмотря на многочисленные проекты памятника своему великому соотечественнику, Германія еще не воздвигла статую, достойную его памяти. Странно сказать, что единственный памятникъ Гейне, существующій до сихъ поръ, поставленъ императрицей австрійской Елизаветой въ ея виллѣ въ Корфу. Теперь тотъ же скульпторъ, которому принадлежитъ это изваяніе, датчанинъ Гассельбрюсъ, взялся, по инициативѣ нѣсколькихъ австрійцевъ, за новый памятникъ въ Парижѣ. Онъ очень скромный и состоитъ изъ бюста Гейне и надгробнаго камня надъ его могилой на Монмартрскомъ кладбищѣ. На камнѣ имѣются двѣ надписи: въ одной изъ нихъ сказано: «Генриху Гейне либеральная Вѣна», а въ другой начертано его стихотвореніе: «Гдѣ застанетъ меня день усюкоенія, послѣдній день усталого путника? Подъ пальмами юга? подъ липами Рейна? похоронить ли меня чуждая рука среди степи? или я буду покоиться въ прибрежномъ нескѣ? Какое мнѣ до этого дѣло! Всюду меня будетъ окружать небо Божіе и, какъ надгробные свѣточки, будутъ надъ моей головой блестятъ среди ночи лучезарныя звѣзды». Такъ же скромно, какъ и его памятникъ, было и его открытіе. На немъ присутствовало около трехсотъ нѣмцевъ, преимущественно австрійцевъ, двадцать французовъ и пятнадцать молодыхъ почитательницъ Гейне. Среди нихъ было мало извѣстныхъ людей; только три французскихъ литератора—Филиберъ Одебранъ, лично знавшій Гейне, Гастонъ Дешанъ и Жозефъ Рейнакъ. Нѣмцы: скульпторъ Каучъ, писатель Максъ Нордау, итальянецъ Гульельминетти съ женою, графиня Фризе-Гейне, племянница поэта. Предсѣдатель комитета, соорудившаго памятникъ, произнесъ нѣсколько словъ для открытія церемоніи, затѣмъ Константинъ Носке и Максъ Нордау сказали рѣчи по-нѣмецки, а Гастонъ Дешанъ по-французски. Наконецъ нѣмецкое общество пѣнія пропѣло два стихотворенія великаго поэта, а затѣмъ все было кончено. Генрихъ Гейне попрежнему покоится въ уголкѣ Монмартрскаго кладбища, и только надъ его могилой виднѣтся не цвѣты, приносимые его поклонниками, а роскошный памятникъ.

Другой памятникъ воздвигнуть Альфонсу Бодену въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ на углу улицъ Ледра Ролленъ и Траверсьеръ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ упалъ мертвымъ третьяго декабря 1851 года на баррикадѣ, смертельно раненый войсками Наполеона III, на другой день послѣ злополучнаго государственнаго переворота. Всѣмъ извѣстно, что скромный, честный, благородный и патриотичный депутатъ Боденъ принималъ участіе въ постройкѣ баррикады, возбуждая рабочихъ къ возстанію. Неожиданно одна женщина воскликнула: «Не думайте, чтобы наши мужья стали подставлять свой лобъ за то, чтобы вы заработали болтовней двадцать пять франковъ въ день». «Погодите, — отвѣчала спокойно Боденъ, — вы увидите, какъ мы умѣемъ умирать за двадцать пять франковъ въ день». Черезъ нѣсколько минутъ баррикада была готова, и Боденъ взшелъ на нее. Декабрьская пуля пронзила его въ самое сердце, и онъ упалъ мертвымъ. Говорятъ, что предъ смертью онъ обратился къ солдатамъ, уговаривая ихъ разойтись, и воскликнулъ: «Мы стоимъ за право!» Отвѣтомъ на эти слова была пуля капрала Брилья, положившая его на мѣстѣ. Рассказываютъ еще, что умирая Боденъ держалъ въ рукахъ книгу законовъ. Наконецъ съ другой стороны защитники декабрьскаго переворота увѣряютъ, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ защитниками свободы, и что пуля, убившая Бодена, перелѣзшая черезъ баррикаду и направившагося къ солдатамъ, по всей вѣроятности, принадлежала не солдатамъ, а товарищамъ Бодена. Таковъ, по крайней мѣрѣ, рассказъ полковника Блана въ статьѣ доктора Кабанеса въ «Intermédiaire». Во всякомъ случаѣ парижскіе рабочіе питаютъ культъ къ своему герою и наконецъ собрали необходимую сумму для сооруженія статуи работы Боври. Она была торжественно открыта въ присутствіи президента Лубэ, въ томъ числѣ Цьера Бодена, племянника героя. Рѣчи въ честь благороднаго патриота произнесли предсѣдатель сената Фальберъ, предсѣдатель палаты депутатовъ, Поль Дешанель, и первый министръ, Вальдекъ-Руссо. Вообще торжество имѣло двойную сторону: съ одной стороны официальную, а съ другой, чисто народную, такъ какъ все население Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и другихъ отдаленныхъ кварталовъ Парижа принимало живое участіе въ этомъ торжествѣ.

— Смерть Крауса. Францъ Краусъ—знаменитый, либеральный католикъ-богословъ, археологъ, церковный историкъ и художественный критикъ, умеръ въ Савъ-Ремо 30 декабря прошлаго года. Этотъ знающій и ученый человѣкъ представлялъ литературнаго посредника между Германіей и Италіей, его не только уважали, какъ одного изъ лучшихъ германскихъ стилистовъ, но какъ изслѣдователя Данте и какъ замѣчательнаго авторитета по многимъ вопросамъ, начиная отъ первобытнаго христіанскаго искусства до исторіи итальянской революціи. Онъ родился въ Трирѣ и воспитывался въ университетахъ Фрейбурга и Бонна, а впослѣдствіи учился въ Парижѣ. Въ 1864 году онъ сдѣлался патеромъ и находился до 1868 года священникомъ въ приходѣ Фальцфель, близъ своего роднаго города. Его археологическія сочиненія доставили ему каѳедру профессора христіанской археологіи въ Страсбургскомъ университетѣ. Черезъ четыре года онъ перешелъ въ Фрейбургскій университетъ на каѳедру церковной исторіи и тамъ оставался до своей смерти. Его знанія были такъ разнообразны, что онъ былъ въ одно и то же время докто-

ромъ богословія, философіи и юридическихъ наукъ. Въ продолженіе долгаго времени профессоръ Краусъ помѣщалъ извѣстныя «Церковно-политическія письма», въ литературномъ прибавленіи Мюнхенскаго «Allgemeine Zeitung», подъ псевдонимами «Spectator», «Gerontius», «Xenos». Последнее изъ этихъ писемъ напечатано 2-го января нынѣшняго года послѣ его смерти и отличается обычнымъ знаніемъ и талантомъ, а по содержанію это окончаніе біографіи Пилигримо Росси, министра Пія IX. Самыя замѣчательныя изъ его многочисленныхъ сочиненій — «Roma Sotteranea» и «Real», «Encyclopädie der Cristlichen Altertümer».

— Западные ученые о русскомъ византиновѣдѣніи. Усиѣхи, сдѣланные за послѣдніе годы византиновѣдѣніемъ въ Россіи, не остались не замѣченными въ Западной Европѣ. Не говоря уже о Германіи, гдѣ въ такомъ спеціальному изданіи, какъ *Byzantinische Zeitschrift*, мы постоянно встрѣчаемъ подробные отчеты о русскихъ работахъ по византиновѣдѣнію и родственнымъ ему областямъ, — слѣдуетъ упомянуть о странахъ, въ которыхъ русскія работы являются менѣе доступными для мѣстныхъ ученыхъ. Такъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, со словъ «Византийскаго Временника», недавно основанный французскій ученый органъ *Echos d'Orient*, гдѣ мы встрѣчаемъ статьи итальянскаго византиниста Aurelio Palmieri (*L'oeuvre de Kunik et les études byzantines en Russie; Photius et ses apologistes russes*), француза L. Petit (*Découverte archéologique de M. Ouspensky*) и др. Далѣе отмѣтимъ работы уже упомянутаго Palmieri: *Gli studi bizantini in Russia* (византийскіе этюды въ Россіи) — рядъ статей, посвященныхъ исторіи византиновѣдѣнія въ Россіи, въ журналѣ *Bessarione* (за 1900 г.), и *La Russie et les études byzantines à Constantinople* (отдѣльный оттискъ изъ константинопольской газеты «Stamboul» за 1900 г.), въ которой говорится о Византіи и Россіи, о дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополѣ и о его директорѣ, академикѣ Ѳ. И. Успенскомъ. Наконецъ, какъ мы узнаемъ изъ «Византийскаго Временника», профессоръ Упсальскаго университета Lundström, «единственный ученый въ Швеціи, который удѣляетъ свое вниманіе византийской филологіи», въ своей работѣ «*En ung vetenskap*», посвященной очерку исторіи византиновѣдѣнія въ Европѣ, отвѣлъ нѣсколько страницъ русскимъ византинистамъ (Куникъ, Васильевскій), журналу «Византийскій Временникъ» и русскому археологическому институту въ Константинополѣ.

С М Ъ С Ъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе академіи наукъ. Императорская академія наукъ ежегодно празднуетъ 29-го декабря свою годовщину торжественнымъ собраніемъ. Нынѣ этотъ праздникъ совпалъ съ XI съѣздомъ естествоиспытателей и врачей, которые и были приглашены на засѣданіе. Въ виду ожидавшагося наплыва публики торжество было перенесено въ большой залъ консерваторіи. Но ожиданіе оправдалось не вполне: въ университетѣ шли очередныя засѣданія, и залъ консерваторіи былъ далеко не полонъ. Эстрада была декорирована тропической зеленью. Торжественное собраніе было открыто августѣйшимъ президентомъ академіи, его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, занявшимъ предѣлательское мѣсто. Рядомъ съ президентомъ помѣстились: вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ и непремѣнный секретарь Н. Ѳ. Дубровинъ. Въ числѣ почетныхъ гостей были: министръ народнаго просвѣщенія, генераль-адъютантъ генераль-отъ-инфантеріи П. С. Ванновскій, товарищъ его Г. Э. Зенгеръ, предѣлатель императорскаго техническаго общества генераль Н. П. Петровъ, академики, профессоры университета и много другихъ лицъ. Непремѣнный секретарь генераль Н. Ѳ. Дубровинъ прочелъ отчетъ за 1901 годъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ. Въ прошлой жизни академіи едва ли найдется болѣе грустный годъ, чѣмъ настоящій. Академія лишилась четырехъ выдающихся своихъ дѣйствительныхъ членовъ, 4 почетныхъ и 9 членовъ-корреспондентовъ: М. И. Сухомлинова, И. Н. Жданова, К. С. Веселовскаго, А. О. Ковалевскаго, М. А. Веневитинова, Шарля Эрмита, Д. Ѳ. Бѣляева, И. П. де-Колонга, Христіана Люткена, М. Рауля, Альфонса Мильнъ-Эдвардса, профессора Г. Линдстрема, Генриха де-Лакасъ-Дютье, Альфонса Э. Норденшильда, профессора А. Вебера и Э. Бретшнейдера. Ученыя предпріятія академіи выразились въ слѣдующемъ. Въ виду отсутствія всесторонняго и въ то же время общедоступнаго описанія растительнаго міра обширныхъ владѣній Россійской имперіи, Его Императорское Величество, по ходатайству главноуправляющаго

Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею гофмейстера А. С. Таиѣва, признавъ полезнымъ пополненіе этого пробѣла въ отечественной наукѣ, въ мартѣ минушаго 1900 года Всемилостивѣйше соизволилъ на порученіе покойному академику С. П. Коржинскому составленія труда о флорѣ Россіи и на ассигнованіе изъ собственныхъ суммъ Его Величества потребныхъ для обработки и изданія флоры Сибири, какъ перваго отдѣла флоры Россійской имперіи,—21.000 рублей, съ распредѣленіемъ этихъ денегъ на четыре года. За кончиною академика С. П. Коржинскаго, собравшаго обширныя для этого труда матеріалы, Государю Императору угодно было возложить составленіе флоры Россіи на академію наукъ съ тѣмъ, чтобы общее наблюденіе за составленіемъ и изданіемъ этого труда было предоставлено гофмейстеру А. С. Таиѣву. Находящіеся въ распоряженіи академіи капиталы для раздачи премій въ настоящемъ году увеличились еще однимъ. Академикъ Ѳ. А. Бредихинъ внесъ въ государственный банкъ капиталъ въ шесть тысячъ двадцать рублей (6.020 рублей) на учрежденіе изъ процентовъ съ него премій имени его супруги Анны Бредихиной за лучшіе труды по строгому механическому изслѣдованію развитія кометныхъ формъ. Въ числѣ ученыхъ предпріятій академіи должно отмѣтить предпринимавшееся ею изданіе такъ называемыхъ «Грамотъ бывшей коллегіи экономіи», нынѣ хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ истекающемъ году академія попрежнему принимала участіе въ изданіи «Международной библіографіи». Рядомъ съ этою работою конференція, рассмотрѣвъ записку Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла, постановила образовать особую комиссію для разработки мѣръ къ регистраціи произведеній печати и правильной доставкѣ ихъ въ бібліотеки. Въ качествѣ члена международной ассоціаціи академій императорская академія наукъ принимала активное участіе въ разрѣшеніи многихъ научныхъ вопросовъ. Экспедиція по градусному измѣренію Шницбергена окончена и дала блестящіе результаты. Русскою полярною экспедиціею для изслѣдованія Земли Санникова и другихъ острововъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Ново-Сибирскаго архипелага, удалось благополучно миновать мысъ Челюскинъ и дойти до района, въ изслѣдованіи котораго заключается главная цѣль экспедиціи. вспомогаельныя учрежденія академіи работали такъ же, какъ и въ прошлые годы. Азіатскій музей пополнялся покупками и пожертвованіями. Приобрѣтено 25 томовъ мусульманскихъ рукописей Востока. Коллекціи музея по антропологии и этнографіи увеличились между прочимъ Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ Государемъ Императоромъ музею коллекціи рѣдкихъ янтарей, поднесенныхъ Его Величеству проживающимъ въ Кенигсбергѣ профессоромъ Рихардомъ Клебсомъ. Былъ прочитанъ отчетъ по присужденію преміи имени Д. К. Ушинскаго. Она присуждена Виктору Аври за его сочиненіе: «Современное состояніе экспериментальной педагогикѣ, ея методы и задачи». Премія выдана въ половинномъ размѣрѣ—400 рублей. Отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности былъ прочитанъ академикомъ А. И. Соболевскимъ. Только что основанный разрядъ изящной словесности въ концѣ прошлаго года и въ настоящемъ году, въ первомъ году своего существованія, находился еще въ періодѣ организаціи. Изъ совмѣстныхъ засѣданій разряда и отдѣленія два

были публичныя: одно, посвященное памяти М. П. Погодина, съ чтеніями почетнаго академика А. А. Потѣхина, академикомъ: В. П. Ламанскаго, Н. П. Кондакова, А. С. Лаппо-Данилевскаго; другое для чествованія А. А. Потѣхина, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, съ чтеніемъ почетнаго академика П. Д. Боборыкина. Два закрытыхъ засѣданія были собраны для присужденія премій имени А. С. Пушкина. Работы по изданію сочиненій новыхъ русскихъ авторовъ въ этомъ году дѣятельно продолжались. Научныя работы академикомъ продолжались попрежнему. Академикъ Ѳ. Н. Чернышевъ прочелъ обстоятельно составленную и вызвавшую всеобщій интересъ рѣчь объ экспедиціи по градусному измѣренію на островахъ Шпицбергена. Почтенный ученый закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Организовавъ экспедицію 1899—1901 года, Россія внесла крупную лепту въ общую сокровищницу полярныхъ изслѣдованій и восполнила значительный пробѣлъ въ познаніи этихъ острововъ, а тотъ смѣльчакъ, который дойдетъ до русскаго флага, развѣивающагося на одной изъ высшихъ точекъ внутри Шпицбергена, лучше всего оцѣнитъ трудности, которыя преодолѣла русская экспедиція, чтобы оправдать довѣріе императорской академіи наукъ и ея августѣйшаго президента». Въ заключеніе были провозглашены имена лицъ, избранныхъ академіей. Званіе почетныхъ членомъ удостоили принять: король Италіи Викторъ-Эммануиль и кронъ-принцъ шведскій Густавъ. Въ почетные члены избраны: Зиновьевъ, П. А.—императорскій посолъ въ Константинополь, Зюссъ, Эд.—президентъ имперско-королевской академіи наукъ въ Вѣнѣ, и профессоръ Берлинскаго университета Шмоллеръ; въ члены-корреспонденты: В. Хёггинсъ въ Лондонѣ, заслуженный профессоръ А. А. Иностранцевъ, Э. В. Штеллингъ, В. Рамзай—профессоръ химіи въ Лондонскомъ университетѣ, А. Г. Натгорстъ—членъ шведской академіи наукъ; Павловъ, П. П.—профессоръ императорской военно-медицинской академіи, Навашинъ, С. Г.—профессоръ императорскаго университета св. Владимира, Делажъ, Ивъ—профессоръ въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ, Жіаръ, Альфредъ—членъ французской академіи въ Парижѣ, Карскій, Е. Р.—профессоръ императорскаго Варшавскаго университета, Лихачевъ, Н. П.—докторъ русской исторіи, Милетичъ, Любомиръ—ректоръ и профессоръ Высшей школы въ Софіи, Поливка, Ю. П.—профессоръ Пражскаго университета, Антоновичъ, В. Б.—заслуженный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира. Высочайше учрежденная при императорской академіи наукъ постоянная коммисія для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ въ отчетномъ 1901 году располагала приблизительно тѣми же средствами, какъ и въ предшествовавшіе годы. Коммисія, всегда признававшая одною изъ главныхъ своихъ обязанностей доставленіе нуждающимся писателямъ средствъ для воспитанія и обученія ихъ дѣтей, считаетъ пріятнымъ долгомъ заявить, что въ истекающемъ году А. М. Лохвицкая-Скалонъ предоставила одну ученическую вакансію во ввѣренный ей гимназій въ распоряженіе коммисіи для замѣщенія этой вакансіи дочерью нуждающагося писателя по выбору и представленію коммисіи. Въ теченіе отчетнаго года коммисія имѣла 23 совѣщанія. Въ нихъ разсмотрѣно 515 ходатайствъ, изъ коихъ удовлетворено 356 и отклонено 155 по отсутствію уважительныхъ

для ихъ удовлетворенія причинъ. Въ отчетномъ году изъ капитала имени Императора Николая II израсходовано 49.773 руб. 59 коп. слѣдующимъ образомъ: а) единовременныхъ пособій выдано 259 лицамъ на сумму 12.706 руб. 92 коп.; б) выдано пособій, разсроченныхъ по мѣсяцамъ, 90 лицамъ на сумму 17.761 р. в) пенсій имени Императора Николая II, выдано 57 лицамъ на сумму 19.605 руб. 67 коп. Ко дню составленія настоящаго отчета въ капиталѣ имени Императора Николая II находится на храненіи въ главномъ казначействѣ остатки въ 715 рублей.

Публичное засѣданіе академіи наукъ. Въ большомъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ въ 2 часа дня, въ воскресенье, 9-го декабря, состоялось засѣданіе, посвященное чествованію А. А. Потѣхина по поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности. Залъ былъ полонъ. Въ средѣ публики было нѣсколько писателей и много дамъ. Здѣсь были: почетные академики сенаторъ А. Ѳ. Кони и В. Г. Короленко; въ числѣ почетныхъ гостей присутствовалъ министръ народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, П. С. Ванновскій. За почетнымъ столомъ заняли мѣста вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, академикъ предсѣдатель словеснаго отдѣленія А. Н. Веселовскій и юбиляръ А. А. Потѣхинъ. Появленіе послѣдняго было встрѣчено всеобщими сочувственными аплодисментами. Академикъ А. Н. Веселовскій сказалъ краткую вступительную рѣчь и затѣмъ на кафедрѣ возшелъ почетный академикъ П. Д. Боборыкинъ и началъ свою рѣчь указаніемъ на то, что у насъ до сихъ поръ не было принято чествовать живыхъ писателей публичными засѣданіями. Въ Западной Европѣ такія публичныя чествованія давно уже вошли въ обычай и служатъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. У насъ и критика не всегда является своевременной цѣнительницей и нерѣдко замалчиваетъ несимпатичныя ей произведенія. Кромѣ того, и долгій срокъ писательской дѣятельности обуславливаетъ и неоднородные по времени и взглядамъ кружки читателей. Вспомнимъ Достоевскаго: онъ достигъ апогея своей славы лишь незадолго до своей смерти, и весь почетъ со стороны публики выразился главнымъ образомъ на его торжественныхъ похоронахъ. Вотъ почему въ настоящее время публичныя чествованія такихъ корифеевъ, которые проработали неустанно въ литературѣ 50 лѣтъ, являются наиболѣе умѣстными. А. А. Потѣхинъ выступилъ на литературное поприще въ десятилѣтіе, прославившееся, какъ моментъ оживленія мысли. Онъ былъ пятидесятникомъ. Правда, это до сихъ поръ незаконный терминъ. Есть люди сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, и десятилѣтія тридцатое и пятидесятое почему-то пропущены. Но на законности ихъ существованія настаивать необходимо, такъ эти два позабытыя десятилѣтія подготавливали людей 40-хъ и 60-хъ годовъ. Въ 30-хъ годахъ жили и работали поборники философіи, европейской поэзіи, культурно-историческаго развитія, критики и общественной мысли. То же было и въ 50-хъ годахъ (Островскій, Салтыковъ, Писемскій, Авдѣевъ, Аполлонъ Григорьевъ и А. А. Потѣхинъ). Юбиляръ началъ свою дѣятельность среди кружка молодой редакціи «Москвитянина». Онъ получилъ художественно-литературное воспитаніе и принялъ и проводилъ въ литературу обновленные завѣты Пушкина, являясь неутомимымъ послѣдователемъ народнаго быта и народной

жизни. А. А. Потѣхинъ выступилъ впервые, какъ драматургъ, и вынесъ на свѣтъ Божій чисто народныя темы. Нужно замѣтить, что такое теченіе обнаружилось въ это же почти время и въ Европѣ: во Франціи, Германіи и Австріи. Это направленіе А. А. Потѣхина составляетъ первую и наиболѣе юную половину его драматическаго творчества. Скоро настала эпоха реформъ, выразившаяся въ пробужденіи общественной мысли и упований, и она нашла въ А. А. Потѣхинѣ драматурга, откликнушагося горячо на ея теченіе и вѣяніе. Слѣдующія его драматическія произведенія были основаны на темахъ, взятыхъ изъ общественной жизни. Эти темы были навѣяны запросами самой жизни, но драмы ставились тогда на сцену съ большимъ трудомъ. Автору приходилось выносить страшную борьбу съ господствовавшими въ тѣ времена порядками. Его драмы либо вовсе не попадали на сцену, либо попадали, но снимались. Это было какое-то запретительное время, а между тѣмъ такая драма, какъ «Отрѣзанный ломоть», считавшаяся неудобной и состоявшая подъ запретомъ, нынѣ вызываетъ въ зрителѣ только добродушную улыбку. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, но авторъ остался вѣренъ, какъ драматургъ, прежнимъ завѣтамъ: онъ остался вѣренъ постоянному искаженію реальной правды. А. А. Потѣхинъ, уставъ бороться съ тяжелыми порядками прежняго театра, выступилъ, какъ романистъ. Въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ этого рода онъ выступаетъ, какъ реалистъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ не уменьшаетъ и не преувеличиваетъ ничего. Онъ вѣренъ одной правдѣ. Его герои типичны. Онъ живо описываетъ захудалое дворянство, которое въ наши дни осталось живо такъ же, какъ и прежде, но только измѣнило свою форму, выродившись въ умственный пролетаріатъ. Авторъ выступилъ, какъ бытописатель, какъ убѣжденный реалистъ и какъ человѣкъ, хлопочущій только о томъ, чтобы герои его были типичны. Въ своихъ повѣствовательныхъ произведеніяхъ онъ сохранилъ самую любовную связь съ крестьянскимъ бытомъ и самое теплое отношеніе къ народу вообще. Въ нашей беллетристикѣ за послѣднюю четверть XIX столѣтія въ лицѣ «народничества» явилось особое отношеніе къ изображенію народно-сельской жизни. Оно носило особый оттѣнокъ въ формѣ протеста. Гл. Успенскій, Златовратскій, Нисемскій, графъ Л. Толстой и Чеховъ тоже изображали и изображаютъ народную среду, но у нихъ, если откинуть всю поэтическую сторону, останутся лишь безотрадныя типы крестьянства, особенно въ «Мужикахъ» Чехова. Послѣдняя вещь захватила читающую публику своимъ нессимизмомъ и односторонностью. Чеховъ обобщилъ и сгустилъ краски, но онъ не долженъ былъ переносить ихъ на русскій народъ въ его цѣломъ. А. А. Потѣхинъ никогда въ своихъ произведеніяхъ не открывалъ въ народѣ его неизлѣчимыхъ болячекъ и не писалъ объ озвѣреніи и вырожденіи крестьянина. Онъ всегда сочувственно относился и къ народнымъ устоямъ, вѣрилъ и вѣритъ въ народъ, въ его самобытность и въ то, что онъ исторически выработалъ и свой бытъ, и виды существованія, и управленіе. Автору нельзя ставить въ упрекъ того, что онъ не писалъ о народной нуждѣ. Въ своихъ романахъ онъ относился къ крестьянину съ художественной чуткостью и сохранилъ спокойное, здоровое отношеніе къ народу. Его повѣствовательныя произведенія не утратили своего значенія и теперь. Не менѣе крупныя заслуги

А. А. Потѣхинъ оказалъ обществу, и какъ человѣкъ дѣла въ области сценическаго искусства. Онъ былъ крупнымъ дѣятелемъ въ театральной реформѣ восьмидесятихъ годовъ. Онъ изгналъ изъ театра рутину и чиновничество, выдвинувъ на первое мѣсто значеніе и трудъ интеллигентныхъ людей. Онъ выступилъ поборникомъ свободныхъ, частныхъ театровъ и содѣйствовалъ закрѣпленію новаго режима. Онъ вдохнулъ новый духъ и въ репертуаръ и въ сценическихъ дѣятелей, и благодаря ему, въ театральной сферѣ повѣяло тепломъ и жизнью. Ему обязана театральная реформа уничтоженіемъ исключительныхъ привилегій казеннаго театра. Авторы пьесъ ему же обязаны поднятіемъ авторскаго гонорара. Благодаря ему, театры обновились. Рѣчь П. Д. Боборыкина была покрыта аплодисментами. По окончаніи ея А. А. Потѣхинъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, и затѣмъ послѣдовала со стороны публики сочувственная овація юбиляру.

Чествованіе В. О. Ключевскаго. Послѣ описанныхъ уже въ «Историческомъ Вѣстникѣ» чествованій юбилея В. О. Ключевскаго, въ Москвѣ, 23-го декабря происходило чествованіе юбиляра представителями другихъ учрежденій, въ дѣятельности которыхъ онъ принималъ участіе, и его почитателями. Во второмъ часу дня въ квартирѣ юбиляра собрались депутаты отъ Александровскаго военнаго училища, отъ археологическаго, психологическаго и педагогическаго обществъ, отъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ журнала «Русская Мысль» и отъ женщинъ-почитательницъ. Первый привѣтственный адресъ прочиталъ полковникъ Н. И. Сперанскій отъ Александровскаго училища слѣдующаго содержанія: «Глубокоуважаемый Василій Осиповичъ! Сердечно привѣтствуя васъ въ знаменательную тридцатую годовщину вашей высоко плодотворной ученой и учебной дѣятельности на пользу родины, Александровское военное училище съ гордостью воспоминаетъ, что за этотъ продолжительный періодъ вы находили возможнымъ непрерывно въ теченіе 16-ти лѣтъ (1867 — 1883) удѣлять часть своего драгоцѣннаго труда и времени на чтеніе лекцій въ училищѣ. Но еще большую гордость испытываемъ мы при мысли о томъ, что вы, незабвенный учитель, впервые приложили обширныя силы своего гениальнаго дарованія въ нашемъ училищѣ. Вашимъ старымъ слушателямъ невыразимо отрадно вспомнить, какъ вмѣстѣ съ молодымъ преподавателемъ они переживали новые приемы и методы популяризаціи исторической науки и съ захватывающимъ вниманіемъ и истиннымъ наслажденіемъ слушали параллельный курсъ новѣйшей русской и всеобщей исторіи, забывая ученый предразсудокъ, что новѣйшая исторія не можетъ быть предметомъ научнаго изученія. Въ специальномъ учебномъ заведеніи, гдѣ большая часть силъ отдается на изученіе наукъ, имѣющихъ цѣлью подготовить отечеству защитниковъ отечества, впервые въ Россіи излагались событія XIX вѣка до конца царствованія императора Александра II съ такой глубокой основательностью и воспитательнымъ значеніемъ, которыя оказывали неотразимое вліяніе на все міросозерцаніе слушателей. Ваши неподражаемыя лекціи не только давали знаніе, но развивали передъ восхищенными слушателями истинный смыслъ протекшей жизни нашего отечества и вливали живую душу въ наши специальныя занятія, получившія вслѣдствіе этого смыслъ и высшее значеніе. Глубоко благодарное вамъ

училище счастливо тѣмъ, что можетъ присоединиться ко всей читающей и мыслящей Россіи въ выраженіи вамъ, дорогой учитель, своей пламенной признательности за то духовное наслажденіе, которое вы доставляли и, — будемъ надѣяться, — еще много лѣтъ будете доставлять вашу высокоталантливую просвѣтительную дѣятельностью. Да продлитъ Провидѣніе вашу дорогую жизнь на пользу и благо науки и родины!». С. П. Моравскій привѣтствовалъ юбиляра адресомъ отъ отдѣленія преподавателей исторіи Московскаго педагогическаго общества. «Вы воспитали цѣлый рядъ поколѣній учителей исторіи, — говорилось въ этомъ адресѣ, — и эти учителя, разбѣянные по всей Россіи, продолжаютъ въ средней школѣ, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, то дѣло, которому и вы съ такимъ блестящимъ усиліемъ служите въ университетѣ, — дѣло распространенія научнаго знанія о нашемъ родномъ прошломъ. Ваши лекціи и занятія подѣ вашимъ руководствомъ на семинаріяхъ развивали въ нихъ живой интересъ къ русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ привычку критически относиться къ ходячимъ представленіямъ о ней: слушая и читая васъ, они проникались глубокимъ уваженіемъ къ силѣ научнаго изслѣдованія, — съ такимъ талантомъ и искусствомъ производимаго вами надѣ матеріаломъ русской исторіи. Но не только научную школу и воспитаніе получили они у васъ: этимъ учителямъ, черезъ руки которыхъ прошла уже не одна сотня тысячъ учениковъ, вы дали своими лекціями неподржаемые образцы педагогической обработки добытаго наукой матеріала. Ваши схемы, поражающія своей стройностью и ясностью, схемы, въ которыя вы съ изумительнымъ искусствомъ умѣете вложить самыя сложные и извилистыя процессы историческаго развитія; ваши картины прошлаго, величественныя и яркія, набросанныя рукой истиннаго художника, вашъ тонкій психологическій анализъ и блестящія характеристики личностей, выступающихъ на сценѣ русской исторіи; наконецъ, сверкающее остроуміемъ и мѣткими опредѣленіями изложеніе, — все это верхъ педагогическаго мастерства, обаянію котораго невольно подпадаетъ всякій, кто васъ слышалъ и даже только читалъ. И это обаяніе остается на всю жизнь и отражается на всемъ преподаваніи многочисленныхъ вашихъ учениковъ — учителей исторіи, — такъ какъ тотъ, кто учился у Ключевскаго, не можетъ уже не учить «по Ключевскому». Такимъ образомъ въ теченіе 30-ти лѣтъ своего профессорства вы больше, чѣмъ кто нибудь способствовали поднятію уровня преподаванія исторіи въ средней школѣ, хотя сами почти и не работали непосредственно на этомъ поприщѣ. Большое вамъ за это спасибо, Василій Осиповичъ, отъ отдѣленія преподавателей исторіи московскаго педагогическаго общества, наполовину, если не больше, состоящаго изъ вашихъ учениковъ». А. Ѡ. Пунышева привѣтствовала В. Ѡ. отъ женщинъ-почитательницъ слѣдующимъ адресомъ: «Глубокоуважаемый Василій Осиповичъ. Москва особенно счастлива тѣмъ, что въ теченіе полустолѣтія два профессора Московскаго университета привили русской учащейся женщинѣ любовь къ исторической наукѣ: это — Т. Н. Грановскій и В. Ѡ. Ключевскій. Публичныя лекціи Грановскаго увлекали въ обширную область міровой исторіи, ваши же публичныя лекціи, статьи въ журналахъ и изслѣдованія вводили насъ въ глубь пониманія русской жизни. Забывая изобрѣтеніе Іоанна Гутенберга, въ рукописныхъ и литографирован-

ныхъ листахъ мы черпали ваши мысли о прошлой жизни нашего народа, въ то время какъ вы сами извлекали историческій матеріалъ изъ хартій далекаго прошлаго. Ваше могучее слово, заброшенное въ нашу душу, даже при случайныхъ публичныхъ лекціяхъ, будило постоянный интересъ и живую потребность къ изученію родной исторіи. Достигая высокаго творчества въ раскрытіи историческаго процесса и созданіи историческихъ характеристикъ и лицъ, вы, какъ старый книжникъ-чародѣй, дѣлали нашей родной стихіей доселѣ чуждую и мало интересную для насъ область отечественной исторіи. Своими «добрыми людьми» вы возстановили привлекательный образъ русской женщины XVII вѣка, а историческими комментаріями къ «Капитанской дочкѣ» освѣтили лучшія черты русской женщины XVIII вѣка. Необыкновенно приятно напомнить вамъ, что когда едва пробуждалось сознание необходимости вышшаго женскаго образованія для русской женщины, вы стояли впереди немногихъ представителей русской науки и мысли и поборникомъ этого дорогого для насъ принципа. Мы въ правѣ выразить вамъ самое задушевное и искреннее пожеланіе еще долго будить общественную мысль и служить великому дѣлу развитія нашего самосознанія». Ю. В. Готье сказалъ привѣтствіе отъ императорскаго московскаго археологическаго общества и отъ предсѣдателя общества графини П. С. Уваровой. Отъ московскаго психологическаго общества привѣтствовали В. О. предсѣдатель, проф. Л. М. Лонатинъ, высказавшій, что въ историческихъ статьяхъ, монографіяхъ и высоко-художественныхъ лекціяхъ юбиляра прежде всего поражаетъ оригинальностью, тонкостью и глубиною его психологическій анализъ. При объясненіи отдѣльных историческихъ явленій, онъ не только останавливается на общей ихъ характеристикѣ, но выдвигаетъ психическую сторону дѣятелей, человѣческія страсти, вѣрованія, — то, что составляетъ достоинство людей и что является выраженіемъ ихъ слабости, — опредѣляя такимъ образомъ значеніе и цѣну человѣка въ исторіи. Поэтому психологическое общество привѣтствуетъ юбиляра, какъ одного изъ самыхъ глубокихъ, тонкихъ и оригинальныхъ психологовъ въ Россіи. Товарищъ предсѣдателя психологическаго общества, князь С. Н. Трубецкой, привѣтствовалъ В. О. отъ журнала «Вопросы Психологіи и Философіи», не только какъ сотрудника, но и какъ мыслителя, раскрывавшаго въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ смыслъ историческаго процесса, который онъ объяснялъ, и какъ историкъ, и какъ психологъ, и былъ «для насъ учителемъ, какъ исторіи, такъ и психологіи». Отъ бывшихъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ В. О. привѣтствовала О. А. Гракова, отмѣтившая, что знакомство съ курсами В. О. вносило богатый вкладъ въ міросозерцаніе его слушательницъ, которыя гордились и гордятся тѣмъ, что были его ученицами, и отъ всей души желаютъ, чтобы русская женщина долго могла учиться у него и слушать его. Отъ преподавателей высшихъ женскихъ курсовъ проф. В. И. Герье прочиталъ адресъ слѣдующаго содержанія: «Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда подготавливалось учрежденіе высшихъ женскихъ курсовъ, перваго разсадника для научнаго образованія русскихъ женщинъ съ систематическимъ планомъ и опредѣленной программой, вы охотно дали свое согласіе вступить въ число преподавателей открываемыхъ курсовъ. Будущее ихъ было темно, и нельзя было предвидѣть, какъ отнесется

русская женщина къ задуманному нами дѣлу, но вы вѣрили въ серьезность стремленія русской женщины къ наукѣ, и въ теченіе 16-ти лѣтъ оставались неизмѣнно вѣрнымъ высшимъ женскимъ курсамъ до самаго ихъ прекращенія; вы ихъ не оставили и тогда, когда Московскій университетъ избралъ васъ профессоромъ, и когда ваши преподавательскія занятія и заботы утроились. Ваши лекціи на курсахъ привлекали многочисленныхъ слушательницъ, и вы много содѣйствовали успѣху женскихъ курсовъ среди русскаго общества и сознанию въ немъ необходимости такого высшаго научно-образовательнаго учрежденія. Вспоминая теперь о нашей многолѣтней совмѣстной дѣятельности, мы просимъ васъ принять нашъ привѣтъ и наши пожеланія, чтобы вы и впредь съ такимъ же сочувствіемъ относились къ все возрастающей потребности русской женщины въ научномъ образованіи». В. А. Гольцевъ сказалъ привѣтствіе отъ редакціи журнала «Русская Мысль», первая книга котораго въ первый годъ изданія была украшена статьей В. О., помѣтившаго затѣмъ въ журналѣ цѣлый рядъ своихъ художественныхъ историческихъ очерковъ и характеристикъ. На каждое привѣтствіе юбиляръ, принося благодарность за оказанное ему вниманіе, отвѣчалъ краткой рѣчью, въ которой, вспоминая о своей дѣятельности въ томъ или другомъ учрежденіи, находилъ ее крайне скромной, а результаты ея незначительными или даже ничтожными. Между прочимъ на адресъ женщинъ-почитательницъ В. О. отвѣтилъ: «Я привыкъ думать, что русской женщиной доступны всѣ области знанія, что нѣтъ умственной высоты,—о нравственной ея доблести и говорить нечего, такъ какъ она всѣми признается,—когда либо достигнутой мужчинали, до которой не могла бы подняться женщина. Если бы кто отнял у меня это убѣжденіе, оно превратилось бы въ вѣрованіе». На адресъ отъ преподавателей высшихъ женскихъ курсовъ юбиляръ отвѣтилъ В. И. Герье: «Вспоминая о преподавателяхъ на курсахъ, моихъ бывшихъ товарищахъ, мысль моя невольно останавливается на васъ. Я высказалъ удивленіе предъ той вѣрой, съ которой принялись вы за это трудное и неиспытанное еще дѣло — руководство высшимъ женскимъ образованіемъ. Теперь на новыхъ женскихъ курсахъ, учрежденныхъ вами послѣ упраздненія прежнихъ, вы встрѣчаете дочерей прежнихъ вашихъ слушательницъ. На вашихъ глазахъ произошла смѣна поколѣній, измѣнилось многое въ жизни, поколебались общественныя вѣрованія и надежды, только вы остались неизмѣнны. Вы сохранили прежнюю твердую вѣру въ успѣхъ женскаго образованія, и я убѣжденъ, что съ этой вѣрой вы не разстанетесь, и не ослабѣетъ ваша энергія въ веденіи вашего излюбленнаго дѣла. Желаю вамъ полнаго успѣха въ руководствѣ новыми женскими курсами». В. И. Герье выразилъ надежду, что юбиляръ вновь будетъ преподавателемъ на высшихъ женскихъ курсахъ. По окончаніи привѣтствій В. О. Ключевскій еще разъ благодарилъ поздравляющихъ его лицъ за то, что они доставили ему удовольствіе подумать и убѣдиться, что за свои 30 лѣтъ преподавательской работы онъ, должно быть, сдѣлалъ кое-что небезполезное. Вечеромъ, послѣ засѣданія психологическаго общества, группа членовъ общества, во главѣ съ предсѣдателемъ и товарищемъ предсѣдателя, нѣкоторые изъ профессоровъ университета и бывшіе ученики юбиляра дали въ честь его ужинъ въ ресторанѣ Тѣстова.

Диспутъ В. М. Грибовскаго. 16-го декабря, въ актовомъ залѣ университета состоялась защита диссертациі—«Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Второй», приватъ-доцентомъ, магистромъ В. М. Грибовскимъ, на степень доктора государственнаго права. В. М. Грибовскій родился въ 1868 году, окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ въ 1891 году и былъ командированъ за границу, въ 1897 году защитилъ магистерскую диссертацию: «Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ». Кромѣ этого труда, имъ напечатанъ рядъ очерковъ, какъ историческихъ, такъ и безысторическаго содержанія. Въ вступительной рѣчи къ настоящей диссертациі В. М. Грибовскій указалъ на то, что установленіе высшаго суда, т.-е. сената, въ Россіи есть интереснѣйшій моментъ русскаго права, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, исторія сената восемнадцатаго столѣтія до сихъ поръ еще не разработана въ большей своей части, а екатерининская его эпоха почти не тронута изслѣдователями, между тѣмъ екатерининская эпоха является переломомъ въ исторіи сената. Затѣмъ диссертантъ изложилъ слѣдующія положенія. 1) Первый толчекъ къ установленію въ Россіи систематическаго организованнаго подчиненнаго высшаго суда и надзора былъ данъ Петромъ Великимъ, создавшимъ сенатъ, фискалатъ и прокуратуру. 2) Преемники Петра вплоть до Екатерины Великой относились къ его начинаніямъ въ отношеніи высшаго суда и надзора по большей части безразлично, вслѣдствіе чего Екатеринѣ пришлось все начинать какъ бы сызнова. 3) Водареніе Екатерины застало Россію изнемогавшей подъ бременемъ административнаго произвола и судейской неправды. 4) Эти застарѣлые пороки тогдашняго государственнаго порядка требовали коренныхъ преобразованій, что создавалось Екатериной. 5) Сенатъ въ этомъ дѣлѣ не могъ быть императрицѣ настоящимъ помощникомъ, такъ какъ былъ зараженъ старыми взглядами на права и обязанности должностныхъ лицъ и учреждений. 6) Свои государственныя реформы, направленные къ достиженію искорененія произвола и неправды, императрица начала съ головы — съ сената, подвергнувъ его дѣленію на департаменты. 7) Значеніе сенатской реформы заключалось въ обращеніи сената изъ высшаго правительственнаго и фактически законодательнаго въ высшее контрольное и судебное учрежденіе. 8) Реформой губернскихъ учреждений косвенно была произведена дальнѣйшая реформа сената, такъ какъ установленіе института генераль-губернаторства фактически изымало надзоръ изъ рукъ сената и передавало его намѣстникамъ. Официальными опонентами диспутанта выступили профессора В. Н. Латкинъ и М. И. Горчаковъ. Первый, сдѣлавъ возраженія противъ нѣкоторыхъ положеній автора и находя ихъ не совсѣмъ обоснованными, призналъ, что представленный трудъ есть цѣнное изслѣдованіе екатерининскаго сената, при томъ первое серьезное и основанное на солидныхъ данныхъ; особенно въ немъ хорошо разобраны ревизіонныя и апелляціонныя функціи сената и разрѣшенъ запутанный вопросъ о протоколахъ и журналахъ сената. М. И. Горчаковъ, приведя общія возраженія, также указалъ на большія достоинства работы. Неофициально возражалъ Н. Д. Чечулинъ. По защитѣ положеній В. М. Грибовскій былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

Историческое общество въ Москвѣ. 2-го декабря, въ засѣданіи общества, профессоръ В. М. Хвостовъ сообщилъ рефератъ, представляющій характеристику новаго труда по критикѣ римской традиціи, принадлежащаго перу итальянскаго ученаго, бывшаго профессора Пизанскаго, а нынѣ неаполитанскаго университета, Ректора Пайса и озаглавленный *Storia di Roma*. Сочиненіе Г. Пайса, заключающее въ себѣ около 700 страницъ убористаго шрифта, обнимаетъ исторію Рима отъ самаго его основанія до 36 года до Р. Х. и имѣетъ чисто критическій характеръ ея древнѣйшихъ первоисточниковъ: Ливія, Діонисія, Діодора и другихъ. Авторъ скептически относится къ легендарному сказанію о происхожденіи римлянъ отъ грека Энея, утверждаетъ, что *Fasti* и *Annales Maximaе*, погибшіе въ первоначальныхъ подлинникахъ во время пожара Рима, впоследствии подверглись значительной фальсификаціи, что первое солнечное затменіе, записанное съ такою подробностью у римскихъ историковъ подъ датой 6 мая 204 года, скорѣе можно отнести къ 404 году до Р. Х., не придаетъ никакой вѣры повѣствованіямъ о войнѣ римлянъ съ латинами и гегемоніи первыхъ надъ послѣдними, о владычествѣ этрусковъ надъ римлянами, о вторженіи въ Лаціумъ сабиновъ, вытѣсненныхъ въ свою очередь этрусковъ, а также легендамъ о Сервіи Туллиі, Тарквиніяхъ, о Нумѣ и о другихъ 7 римскихъ царяхъ, отождествляя ихъ съ 7-ю богами, считавшимися у римлянъ покровителями 7 холмовъ, на которыхъ стоялъ древній Римъ и, наконецъ, относитъ основаніе Вѣчнаго города къ 1-й половинѣ V столѣтія. И во внутреннемъ устройствѣ Римскаго государства, по мнѣнію профессора Г. Пайса, есть много вымысловъ позднѣйшихъ временъ, такъ, напирьмѣр: происхожденіе законовъ Лициніевыхъ и XII таблицъ, рабская подчиненность женъ мужьямъ и, освященный закономъ, обычай покидать мужа только на 3 дня въ году для посѣщенія родительскаго дома, эмансипація сыновей и освобожденіе ихъ отъ правъ отца болѣе 3-хъ разъ продавать въ кабалу, отсутствіе въ домашнемъ быту римской чеканной монеты во времена децемвирата и прочее. Изложивъ методологическую и исторіографическую части сочиненія профессора Г. Пайса и замѣтивъ, что авторъ почти все событія V вѣка Римской исторіи считаетъ удвоеніемъ событій IV вѣка, докладчикъ въ окончательныхъ выводахъ, изложенныхъ во второй части сообщенія, признавая громаднѣйшій интересъ по замѣчательной научной эрудиціи за трудомъ профессора Г. Пайса не только въ филологическомъ, но и въ юридическомъ отношеніи, указалъ также и на нѣкоторую неубѣдительность его доводовъ и злоупотребленіе методомъ ученаго скептицизма, склоняясь отчасти къ мнѣнію лонскаго профессора Ламбера, объясняющаго многое въ воззрѣніяхъ профессора Г. Пайса недоразумѣніями.

С.-Петербургское археологическое общество. I. Засѣданіе русскаго отдѣленія, подъ предѣтельствомъ профессора С. Ѳ. Платонова, происходило 4-го декабря. Результаты раскопокъ, исполненныхъ лѣтомъ 1901 года по порученію общества В. Н. Глазовымъ, послужили послѣдней темой его доклада. Научный итогъ работъ подведенъ былъ А. А. Спицынымъ. Исслѣдованія въ Великолукцкомъ и Холмскомъ уѣздахъ Псковской губ. дали нѣсколько новыхъ подробностей погребальнаго ритуала. Предметовъ найдено сравнительно мало,

какъ и вообще это наблюдается въ сѣверныхъ курганахъ. Цѣлая группа ихъ, взявшая немало времени у изслѣдователя, въ результатѣ дала лишь слѣды зольной прослойки, указывающей на обрядъ трупосожженія. Изъ предметовъ, найденныхъ въ другихъ курганахъ, обращаютъ вниманіе височныя кольца, особой формы, составляющія переходъ къ типу серегъ, монеты арабскія, англосаксонскія и прочее. Древность погребеній не заходитъ далѣе XI вѣка, новѣйшія относятся къ XV столѣтію. Жальники (низкія насыпи) XII—XIV столѣтій не могли быть изслѣдованы, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ распаханы и сглажены съ поверхностью земли. И курганы иногда подвергаются той же участи: крестьяне подкапываютъ ихъ сначала, придавая форму гриба, остальную работу доканчиваетъ постепенное обысканіе кургана подъ влияніемъ вѣтра. Особый видъ продолговатыхъ насыпей слыветъ у крестьянъ подъ характернымъ названіемъ «широга». Всего раскопано В. Н. Глазовымъ до 60 кургановъ; отдѣленіе отмѣтило серьезное отношеніе изслѣдователя къ порученнымъ ему работамъ. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе объ областномъ ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ, указавъ между прочимъ его положительныя стороны, способствовавшія несомнѣнному успѣху съѣзда. Профессоръ С. М. Середонинъ доложилъ результаты изслѣдованія г. Гіацинтова о Великомъ Устюгѣ въ XVII столѣтіи. Докладъ рисуетъ намъ Устюгъ въ пору его расцвѣта; городъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Московской Руси, весьма значительно его торговое и въ особенности промышленное значеніе. Слесарныя издѣлія здѣсь и до сихъ поръ отличаются необыкновенной тонкостью отдѣлки. Докладъ И. И. Холодняка о крестѣ XIV вѣка, хранящемся въ сараѣ при Нарвскомъ соборѣ, и заявленіе Д. Ѳ. Щеглова о муромскомъ камнѣ съ надписью вызвали постановленіе отдѣленія о принятіи мѣръ къ охраненію этихъ двухъ памятниковъ. II. Засѣданіе русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ профессора С. Ѳ. Платонова происходило 18-го декабря. Живой интересъ возбудилъ докладъ А. А. Спицына: «О постепенной смѣнѣ культуръ на сѣверо-востокѣ Россіи». Множество имѣющагося уже сырого археологическаго матеріала, добытаго и добываемаго путемъ раскопокъ, даетъ въ настоящее время возможность прійти къ нѣкоторымъ научнымъ выводамъ и заключеніямъ. Это и сдѣлано было докладчикомъ по отношенію къ сѣверо-востоку Россіи. Рѣзко различающіеся типы находокъ дѣлятся на 6 культурныхъ періодовъ жизнь населенія въ теченіе I—XIV вѣковъ нашей эры. Оригинальная, спеціально проявившаяся около Р. Х. на русской территоріи культура мѣднаго вѣка смѣняется культурою, характеризуемой находками извѣстнаго Ананьевскаго могильника: скинскими кинжалами, кривыми ножами, бляхами съ изображеніями волка, оленя и прочее. Культура эта имѣетъ отношеніе къ племени роксолановъ и существовала не ранѣе I—II вѣковъ по Р. Х. Передвиженіе народовъ отрѣзало сѣверо-востокъ Россіи отъ сосѣднихъ культурныхъ вліяній. III—VI вѣка представляютъ характерныя древности мѣстной культуры. Центръ ея на Оби, за Ураломъ. Съ VII вѣка появленіе болгаръ вноситъ совершенно новыя культурныя формы. Торговый центръ переносится съ Оби на Каму. Подѣлки Востока и Кавказа, характерныя для этого времени, привозились къ намъ болгарскими кушцами въ обмѣнъ на мѣха и рабовъ. VIII —

IX вѣка — первый періодъ арабской культуры; въ XI вѣкѣ вліяніе ея ослабѣваетъ, въ предметахъ этой эпохи проявляется уже замѣтно русскій элементъ. XIII — XIV вѣка также представляютъ яркія особенности культуры. Такимъ образомъ выводы А. А. Спицына имѣютъ большое значеніе для установленія хронологіи новыхъ археологическихъ находокъ. Второй докладчикъ В. Р. Апухтинъ сообщил о раскопкахъ лѣтомъ 1901 года въ Орловской губ. Курганы и городище, изслѣдованные имъ, относятся къ VIII—X столѣтіямъ и принадлежатъ, повидимому, племени вятичей. Въ члены совѣта общества отъ отдѣленія избранъ единогласно профессоръ Н. П. Веселовскій. III. Засѣданіе восточнаго отдѣленія происходило 20-го декабря подъ предѣлательствомъ барона В. Р. Розена. Читанъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія за 1900 годъ. Въ секретари отдѣленія избранъ на новый срокъ С. О. Ольденбургъ. В. В. Бартольдъ избранъ въ предварительный комитетъ для подготовительныхъ работъ къ международному конгрессу ориенталистовъ. Затѣмъ слѣдовалъ интересный докладъ П. М. Меліоранскаго — «Матеріалы къ лексикографіи Слова о полку Игоревѣ». Докладчикъ выяснилъ вліяніе турецкаго и другихъ восточныхъ языковъ на образованіе нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ немъ словъ. Такъ «болванъ», по мнѣнію референта, имѣетъ свое происхожденіе отъ турецко-орхонскаго слова «балбалъ», что значитъ столбъ съ утолщеніемъ на верху, грубо исполненное изображеніе человѣка, баба (статуя) на курганѣ и прочее. «Быля», «быль», въ значеніи вельможа, бояринъ, заимствовано непосредственно изъ турецкаго языка; слово «Баянъ» референтъ признаетъ собственнымъ именемъ пѣвца; этимологическое значеніе этого слова: мудрый, ловкій и прочее. Жемчугъ — турецкое слово. Сыръ-Дарья въ древности носила названіе «Жемчужной рѣки». Кощей — это рабъ, слуга изъ племени кочевыхъ турокъ. Сначала это названіе носили молодые невольники, внослѣдствіи — всѣ невольники. «Шерширь» — предметъ въ родѣ метательнаго снаряда съ взрывчатыми веществами, которыя были извѣстны и до изобрѣтенія пороха.

Археологическая комиссія археологическаго общества въ Москвѣ. Въ засѣданіи комиссіи приватъ-доцентъ Московскаго университета Ю. В. Готье прочелъ докладъ: Изъ очерка исторіи хозяйственныхъ описаній Московскаго уѣзда въ XVI и XVII вѣкѣ. Первые извѣстія о писцовыхъ книгахъ Московскаго уѣзда относятся къ началу XVI вѣка; однако, всѣ раннія описанія 1550 — 1551 г., стоявшія въ связи съ работой Стоглаваго собора и реформой сошнаго письма, утрачены и даже не служили основаніемъ для позднѣйшихъ описаній. По изслѣдованіямъ докладчика, самая старая изъ дошедшихъ до насъ книгъ относится къ 1573 — 1574 г.: это отрывокъ книги, обнимающій описаніе помѣстныхъ земель въ нѣсколькихъ подмосковныхъ станахъ; подобный же характеръ отрывка носить и слѣдующая по времени сохранившаяся книга 1576—1578 годовъ; отъ 80-хъ годовъ XVI вѣка сохранилась также часть описаній Хлопова, обнимавшая сѣверо-западную часть уѣзда. Какъ эта книга, такъ и слѣдующее за ней описаніе земель Троицкаго монастыря 1592 — 1593 г. представляетъ наиболѣе интересныя описанія XVI вѣка. Всѣ книги XVI вѣка сохранились не въ бѣловыхъ подлинникахъ, а въ видѣ какихъ-то черновыхъ списковъ, которымъ скрѣпами дьяковъ 20—30

годовъ XVII вѣка былъ приданъ характеръ официальныхъ документовъ. Отъ многочисленныхъ описаній десятихъ годовъ XVII вѣка сохранилась только дзорная книга земель Свято-Троицкаго монастыря, представляющая особый интересъ потому, что характеризуетъ хозяйственное положеніе троицкихъ вотчинъ тотчасъ же послѣ смутнаго времени. Въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка Московскій уѣздъ былъ раздѣленъ для описи на три участка; всѣ книги этого времени, относящіяся къ генеральному описанію уѣзда, до насъ сохранились частью въ подлинникахъ, частью въ видѣ копій, снятыхъ еще въ XVII вѣкѣ для надобности приказа. Указъ 1628 года о продажѣ порожнихъ земель въ вотчины служилымъ людямъ вызвалъ составленіе нѣсколькихъ новыхъ писцовыхъ книгъ, описывавшихъ продаваемые порожніе участки. Дѣленіе уѣзда на 3 участка въ эпоху переписей 1646 и 1678 гг. исчезаетъ, но сохраняется раздѣленіе уѣзда на половину: Зарѣчную и Замосковскую. Памятниками перешей являются двѣ книги 1646 года и четыре книги 1678 года; послѣднее составленіе послѣднихъ было причиной нареканій на переписчиковъ, повлекшихъ за собою цѣлое судебное дѣло. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія правительство нѣсколько разъ пыталось осуществить второе валовое письмо, которое должно было замѣнить устарѣвшія книги 1620 годовъ. Наиболее характерною чертой описаній этого времени является фактъ того большого значенія, какое придавалось межеванію земель; отъ этой эпохи до насъ дошли главнымъ образомъ именно межевыя книги; писцовыхъ книгъ собственно немного; всѣ онѣ носятъ совершенно отрывочный характеръ и сохранились въ официальныхъ современныхъ валовому письму, подлинникахъ. Валовое же письмо, нѣсколько разъ возобновлявшееся въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка, не было доведено до конца; оно было окончательно оставлено по указу 10-го августа 1686 года.

Кавказское отдѣленіе Императорскаго Московскаго археологическаго общества. 21-го октября прошлаго года въ Тифлисъ состоялось подъ предѣтельствомъ графини П. С. Уваровой (предѣдателя Московскаго археологическаго общества) открытіе занятій Кавказскаго отдѣленія Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Это отдѣленіе возникло, благодаря ходатайству мѣстныхъ археологовъ и любителей старины, обратившихся за содѣйствіемъ къ графинѣ П. С. Уваровой, во время ея пребыванія въ Тифлисъ (весною прошлаго года), гдѣ она занималась описаніемъ археологическихъ коллекцій мѣстнаго Кавказскаго музея. Кавказское отдѣленіе, такимъ образомъ, представляетъ собою мѣстное археологическое общество, являясь какъ бы на смѣну нѣкогда дѣйствовавшаго въ Тифлисъ общества любителей кавказской археологій. Будучи отдѣленіемъ Московскаго археологическаго общества, оно предназначается, какъ гласитъ § 1 его устава, «для успѣшнѣйшаго содѣйствія цѣлямъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества». Слѣдуя указаніямъ Московскаго общества, Кавказское отдѣленіе занимается изученіемъ мѣстныхъ древностей, не только собирая свѣдѣнія о памятникахъ мѣстной старины, производя археологическія изслѣдованія, собирая предметы древности (рукописи и т. д.), но и заботясь о сохраненіи самихъ памятниковъ. Между прочимъ въ сферу дѣятельности отдѣленія входитъ наблюденіе о правильной реставраціи и поддержаніи

древнихъ храмовъ и другихъ сооружений, подобно тому какъ объ этомъ печется коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ (при Московскомъ археологическомъ обществѣ). Присутствовавшая на первыхъ засѣданіяхъ Кавказскаго отдѣленія (предсѣдателемъ котораго избранъ окружной инспекторъ Кавказскаго учебнаго округа г. Лопатинскій), графиня П. С. Уварова обратила особенное вниманіе гг. членовъ на необходимость изученія христіанскихъ памятниковъ Кавказскаго края. Хотя въ этомъ отношеніи уже сдѣлано не мало (какъ то можно видѣть изъ изданныхъ Московскимъ археологическимъ обществомъ III, IV и VII томовъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа»), однако дѣла остается еще достаточно: «не изучены ни церкви самого Тифлиса, ни Гурія, ни Мингрелія, ни Кахетія, ни вся Арменія съ Эчмиадзиномъ и съ древнимъ городомъ Ани». Далѣе, графиней П. С. Уваровой было указано на необходимость распространенія свѣдѣній по археологіи среди мѣстнаго общества, преимущественно среди учащейся молодежи. Съ этою цѣлью графиня рекомендовала пояснительныя экскурсіи по мѣстнымъ музеямъ и собраніямъ древностей (Кавказскій музей, музей при обществѣ распространенія грамотности среди грузинъ и др.). Изъ сообщеній, уже доложенныхъ гг. членами въ первыхъ трехъ засѣданіяхъ отдѣленія, отмѣтимъ слѣдующія: Ерицова—Первоначальное знакомство армянъ съ сѣверо-восточною Русью до воцаренія дома Романовыхъ въ 1613 году (напечатано въ № 12 «Кавказскаго Вѣстника» за 1901 г.), Такайшвили—О грузинскихъ памятникахъ окрестностей Бѣлаго Ключа, Джанашвили—О древней исторіи Грузіи по клинообразнымъ надписямъ, Калантара—О мемуарахъ Захарія Агулискаго (важный памятникъ съ бытовой стороны и для исторической географіи). Кавказское отдѣленіе соизволило принять подъ свое августѣйшее покровительство ихъ императорскія высочества государь наслѣдникъ и великій князь Михаилъ Александровичъ, пожаловавшій отдѣленію одновременно 3.000 рублей, и великій князь Михаилъ Николаевичъ, еще въ бытность свою намѣстникомъ Кавказскаго края оказывавшій покровительство занятіямъ мѣстной археологіей. Ихъ императорскія высочества великіе князья Николай Михайловичъ и Георгій Михайловичъ съ своей стороны приняли на себя званія почетныхъ членовъ отдѣленія. Въ числѣ почетныхъ членовъ мы встрѣчаемъ также: графиню П. С. Уварову, такъ много способствовавшую устройству Кавказскаго отдѣленія, главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ князя Голицына, его помощника ген. Фрезе, католикоса всѣхъ армянъ Мкртича I (основавшего въ Эчмиадзинѣ музей древностей), почетителя Кавказскаго учебнаго округа Завадскаго и эвзарха Грузіи.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 14-го декабря въ засѣданіи предварительнаго комитета по устройству съѣзда проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ денежный отчетъ по расходамъ комитета на экскурсіи по раскопкамъ кургановъ, по собиранію и изученію архивныхъ матеріаловъ, по изученію церковныхъ древностей и т. п., а равно по приобрѣтенію предметовъ для этнографической выставки. Отчетъ утвержденъ и будетъ отправленъ въ императорское Московское археологическое общество. Кромѣ того, прочитана смѣта предстоящихъ расходовъ въ 1902 г., значительная часть которыхъ падаетъ на устройство выставокъ при съѣздѣ.

Устройство этихъ выставокъ и, слѣдовательно, значительная часть уснѣха археологическаго съѣзда будетъ зависетьъ отъ сочувствія къ задачамъ со стороны общества, отдѣльныхъ лицъ его и правительственныхъ учреждений, къ которымъ обращались и обращаются съ покорнѣйшей просьбой объ оказаніи помощи предварительный комитетъ и московское археологическое общество.

Проф. А. Н. Красновъ доложилъ о своихъ наблюденіяхъ надъ бытомъ и обстановкой крестьянъ нѣкоторыхъ малорусскихъ и великорусскихъ селъ Харьковскаго, Валковскаго и Зміевскаго уѣздовъ (Тишки, Боровое, Проходы, Пересѣчное, Новая Водолага) и о сдѣланныхъ имъ покупкахъ, относящихся къ разнообразнымъ сторонамъ народнаго быта. О такихъ же своихъ наблюденіяхъ, изученіи народнаго быта и о покупкахъ доложилъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Имъ изученъ specially Ахтырскій уѣздъ (Ахтырка, Хухря, Люджа), Лебединскій (Лебединъ, Михайловка, Межиричи) и г. Сумы. Въ предѣлахъ указанныхъ уѣздовъ имъ куплено свыше 200 предметовъ, кромѣ того, снято болѣе 50 фотографій.

Б. С. Познанскій въ своемъ отчетѣ доложилъ, что имъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ посѣщено два великорусскихъ села и два малорусскихъ; собрано 102 предмета и приготовлено 50 фотографическихъ снимковъ-видовъ мѣстностей, типовъ жителей, видовъ домовъ и дворовъ.

Д. П. Миллеръ познакомилъ съ результатами своихъ работъ по изученію архивовъ Харьковской губ.; съ этою цѣлью имъ посѣщены: Богодуховъ, с. Матвѣвка (Д. Н. Кованько), Ахтырка, Тростянецъ, Чунаховка (г. Куколевскій-Плачковскій), Сумы, Лука (гг. Линтваревы), Желѣзнякъ (г. Золотницкій), Сыроватка (волостное правленіе), Старое (г-жа Зборомирская), Стецковка (г. Деконоръ), Рудневка (В. А. Савичъ), Хотѣнь (гр. Строганова). Наиболѣе результатовъ дали поѣздки въ Ахтырку (интересный архивъ земскаго суда), Хотѣнь (архивъ Кондратьевыхъ и Комбурлея), Луку (семейный архивъ гг. Линтваревыхъ), и Богодуховъ (громадное дѣло вотчинной коллегіи объ имѣніяхъ Кондратьевыхъ у С. Д. Кондратьева). Начато и продолжается изученіе архива харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранія.

Е. М. Ивановъ познакомилъ съ результатами своихъ работъ также по изученію архивовъ. Съ этою цѣлью имъ посѣщены и осматрѣны восемь архивовъ волостныхъ правленій, два архива городскихъ и полицейскихъ управленій, одинъ дворянской опеки, кромѣ того, одиннадцать архивовъ частныхъ лицъ. Въ Куянскѣ, въ городскомъ управленіи, открытъ и подробно разсмотрѣнъ архивъ куянскаго городническаго правленія, заключающій въ себѣ до 50 связокъ бумагъ XVIII вѣка. Въ Куянскѣ же, въ архивѣ собора, въ бумагахъ благочинныхъ встрѣчены земельные документы упраздненнаго Николаевскаго монастыря, а у П. В. Иванова—нѣсколько крестьянскихъ земельныхъ документовъ, два неизданныхъ стихотворенія Нахимова и лѣтописный сборникъ конца XVII вѣка, заключающій описаніе событій въ Московскомъ государствѣ отъ Юанна Калиты до покушенія на жизнь Пожарскаго. Въ архивѣ В. А. Задонскаго, въ Большомъ Бурлукѣ,—земельные акты XVIII вѣка и семейная переписка. Въ Харьковѣ осматрѣны архивы управленія государственныхъ имуществъ и духовной консисторіи. В. Е. Данилевичъ сообщилъ о результатахъ

раскопокъ г-жи Е. Н. Мельникъ и его самого въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, въ уѣздахъ: Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Сумскомъ: раскопано 59 кургановъ, изслѣдовано шесть стоянокъ. Въ изслѣдованныхъ докладчикомъ курганахъ, около с. Будъ, въ верхнихъ слояхъ встрѣчены черепки, кости, камни, за этимъ слѣдовалъ болѣе или менѣе толстый слой золы, начинавшійся большею частью отъ уровня горизонта и доходившій иногда до почвы. Найденные при раскопкѣ угли и обоженныя огнемъ кости были малочисленны. Раскопки и изслѣдованіе поля вокругъ кургановъ дали многочисленные предметы каменнаго вѣка: множество отбойниковъ, острія и др. орудія, цѣлый сосудъ, много черепковъ отъ разныхъ сосудовъ, глиняные болванчики для лѣпки сосудовъ, гурвила, пряслицы, а также двѣ кости съ явными слѣдами отдѣлки. Докладчикомъ сфотографированы курганныя группы, отдѣльные курганы, типичныя погребенія, а также два городища около с. Пищахи. Кромѣ того, произведена вырѣзка съ землей и доставлено въ музей университета одно типичное погребеніе. Докладчикомъ фотографировались и типы жителей, ихъ построекъ, предметовъ обихода и другихъ вещей, интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи. Священникъ Вас. Слѣсивцевъ въ своемъ отчетѣ сообщилъ, что имъ изслѣдованы стоянки каменнаго вѣка между слободами: Райгородкомъ, Щуровой, Лиманомъ, Поповкой и Ямполемъ, Изюмскаго уѣзда, и собрана коллекція кремневыхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлъ, мелкихъ бронзовыхъ вещицъ и десять татарскихъ монетъ. Е. П. Трифилевъ доложилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ этого года въ Куянскомъ уѣздѣ; имъ раскопано 32 кургана различной величины, отъ едва возвышающихся надъ поверхностью земли до достигающихъ 9 аршинъ высоты. Содержаніе кургановъ было также разнообразно, какъ и ихъ величина. Часть могилъ была погребенія типа каменнаго вѣка, другія можно отнести къ бронзовому и желѣзнымъ вѣнкамъ и къ первымъ вѣнкамъ по Р. X.; встрѣтилось нѣсколько погребеній кочевническаго типа, наконецъ, было вскрыто два кургана съ стоящими на нихъ каменными бабами, давшіе погребеніе кочевническое. Раскопки произведены были по р. Красной, отъ ея верховьевъ почти до впаденія въ Донецъ, въ шести пунктахъ: Нижней Дуванкѣ, Сватовой Лучкѣ, Кабаньемъ, въ имѣніи Левченко, Мечетномъ, между Кабаньемъ и Краснянкой, въ Нижне-Дубровскомъ хуторѣ и близъ Тохпной. Докладчикомъ были доставлены комитету три каменныхъ бабы, изъ которыхъ двѣ находились на курганахъ, а третья пожертвована Ю. В. Розаліонъ-Сопальскимъ. Профессоръ А. М. Покровскій доложилъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1901 г. въ Зміевскомъ уѣздѣ, на земляхъ помѣщицъ Багговуть: одинъ курганъ съ каменной бабой (далъ только кости животныхъ въ верхнихъ слояхъ), два кургана тамъ же (дали скорченныя погребенія въ верхней части и крашенные костяки подъ курганомъ); на земляхъ Раздольскаго товарищества— группу изъ трехъ кургановъ; въ нихъ найдено много погребеній на разныхъ уровняхъ, костяки скорченныя и подъ курганомъ крашенные—каменнаго періода (спеолитической эпохи); одинъ—съ каменной бабой, въ которомъ найдено скифское женское погребеніе съ драгоценными вещами (кольца, спиральки, зеркало) и глиняными сосудами; на земляхъ крестьянъ села Отраднаго—пять кургановъ съ нѣсколькими погребеніями, въ

одномъ каменныя орудія очень хорошей полировки; положеніе покойниковъ и костяки, какъ и въ вышеназванныхъ; въ имѣніи Живновича—четыре кургана съ тѣми же особенностями, что въ предыдущихъ. Проф. Д. И. Багалъй доложилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ сел. Верхнемъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, совмѣстно съ А. М. Покровскимъ и Е. П. Трифильевымъ. Въ теченіе пяти дней было раскопано 18 могилъ и собрано большое количество предметовъ и череповъ: устройство могилъ весьма оригинально: надъ ними не было никакой насыпи; присутствіе ихъ опредѣлялось находженіемъ по откосамъ въ обнаженіяхъ овраговъ и канавъ тронутой земли, засыпаншей ходы или коридоры, ведущіе нѣкогда въ пещеру, гдѣ и происходило самое погребеніе покойниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пещеръ оказались также засыпанными землею, обрушившеюся съ потолка; другія же были свободны отъ нея. Въ пещерахъ сохранились даже явственные слѣды ихъ обмазки мѣломъ. Въ нихъ оказались коллективныя погребенія; костяки лежали въ разнообразныхъ, подчасъ характерныхъ, положеніяхъ. При костякахъ находимы были прекрасныя глиняныя сосуды (одинъ стеклянный). Общее число найденныхъ предметовъ даетъ въ совокупности довольно ясное представленіе о культурѣ того народа, къ которому принадлежали покойники Салтовскихъ пещеръ. Здѣсь были всевозможныя бусы, серьги, кольца, подвѣски, желѣзныя кирки, сабли, ножи, бронзовыя бубенчики, бляхи съ гладко полированной поверхностью, пряжки съ остатками ремней и т. п. Особое мѣсто занимаютъ остатки лошадиной сбруи и украшеній ея, стоящіе въ связи съ отысканіемъ погребенія коня. Наконецъ, особенно цѣнными являются серебряныя монеты, употреблявшіяся въ видѣ украшеній. Профессоръ Д. И. Багалъй доложилъ отчетъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ имъ у селенія Пицахи, Ахтырскаго уѣзда, въ имѣніи П. И. Харитоненко, гдѣ расположено своего рода кладбище въ видѣ нѣсколькихъ сотъ кургановъ, отстоящихъ весьма близко одинъ отъ другого. Курганы на полѣ—высотой въ 1 арш. и меньше; курганы въ лѣсу—до 2¹/₂ арш. высоты. Въ курганахъ оказались коллективныя погребенія (по два, три, четыре покойника); костяки лежали головами на западъ, въ вытянутомъ положеніи, преимущественно на спинѣ. Изъ вещей при покойникахъ найдены: кольца, серьги, браслеты, бусы, вѣнчики, серебряныя и бронзовыя; остатки тканей, кожи, два медальона, изъ коихъ одинъ, повидимому, съ христіанскимъ изображеніемъ. Судя по всемъ даннымъ, можно думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ славяно-русскимъ языческимъ погребеніемъ. Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о своей экскурсіи въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ съ цѣлью изученія церковныхъ древностей Харьковской губ. Въ посѣщенныхъ имъ церквахъ описаны выдающіяся иконы, иконостасы, предметы церковной утвари, богослужебныя книги; съ нѣкоторыхъ сняты фотографіи; число фотографій доходить до 400; сняты планы нѣкоторыхъ древнихъ церквей.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о подготовкѣ изданія малорусскаго народнаго орнамента по матеріаламъ, собраннымъ г-жей Литвиновой въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губ.; таблицы уже отпечатаны, готовится введеніе собирательницы и докладчика. Е. К. Рѣдинъ доложилъ третій отчетъ комиссіи по XII археологическому съѣзду историко-филологическаго общества при

институтъ князя Безбородко (въ Нѣжинѣ). Этотъ отчетъ, какъ и предыдущіе два, свидѣтельствуютъ объ обширной дѣятельности комиссіи, результаты которой окажутся весьма существенны и для XII археологическаго съѣзда, и для изучения въ археологическомъ отношеніи Черниговской губ. Достаточно указать на то, что, благодаря ея работамъ, энергіи, обогатится историческій музей при черниговской губернской архивной комиссіи и созидающійся въ Конотопѣ мѣстный музей. Конотопское земство, откликаясь на призывъ комиссіи, въ виду XII археологическаго съѣзда, подало прекрасный примѣръ другимъ земствамъ своимъ намѣреніемъ основать историческій архивъ-музей при земской управѣ.

22-го декабря въ засѣданіи комитета В. Е. Данилевичъ доложилъ объ одномъ погребеніи, вырѣзанномъ съ землей и доставленномъ въ музей древностей Харьковскаго университета. Погребеніе открыто въ одномъ изъ кургановъ на земляхъ селъ Кириковки и Новой Рябины, на границахъ Ахтырскаго и Богодуховскаго уѣздовъ. Оно состоитъ изъ костяка, лежащаго на спинѣ, слегка склонившагося на правый бокъ, головой на югъ, а ногами на сѣверъ. Правая рука вытянута, при чемъ кисть руки слегка согнута, лѣвая рука лежитъ на животѣ. Ноги согнуты въ колѣняхъ; подъ костякомъ подсыпана зола тонкимъ слоемъ; у пальцевъ правой ноги кучка красной краски и такая же кучка краски у локтя лѣвой руки. Докладчикомъ подробно описанъ способъ вырѣзки и самой доставки покойника съ землей, на которой онъ погребенъ. Благодаря искусно произведеннымъ операціямъ, вырѣзка доставлена въ цѣломъ, неприкосновенномъ видѣ и составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній музея древностей, представляя наглядно образецъ древнѣйшаго погребенія человѣка на почвѣ Харьковской губерніи. Такія вырѣзки—весьма цѣнны для археологіи и, какъ требующія массы денежныхъ затратъ и хлопотъ, еще рѣдки даже въ заграничныхъ музеяхъ, а у насъ въ Россіи онѣ—только въ количествѣ трехъ экземпляровъ въ С.-Петербургѣ въ артиллерійскомъ музеѣ. В. Е. Данилевичъ познакомилъ съ результатами своихъ изслѣдованій нѣсколькихъ стоянокъ каменнаго вѣка въ Ахтырскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, Харьковской губ. (у села Янковки, Кириковки, Катанскихъ Вилъ), подробно обозрѣвъ самые памятники, открытые на этихъ стоянкахъ. Проф. М. А. Поповъ сообщилъ о результатахъ анатомическихъ изслѣдованій череповъ, костей, найденныхъ при раскопкахъ кургановъ въ Новомъ Мерчикѣ, Валковскаго уѣзда, и въ селахъ: Нижней-Дуванкѣ, Кабаньемъ и Сватовой Лучкѣ, Кулянскаго уѣзда. Изслѣдованіе это является весьма интереснымъ и важнымъ для уясненія вопроса о народности древнѣйшихъ поселенцевъ Харьковской губ. и представить цѣнный матеріалъ въ связи съ изслѣдованіями самихъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, для русской археологіи. Заслушано сообщеніе свящ. В. Спѣсивцева о многочисленныхъ старинныхъ желѣзныхъ предметахъ земледѣльческаго и военнаго быта, вырытыхъ при рубкѣ кустарника вблизи с. Райгородка (Изюмскаго уѣзда), въ ярѣ «Скрышниковѣ», подъ озеромъ Маяцкимъ: о плужкахъ, косахъ, топорахъ, сверлахъ, пряслицахъ, стременахъ, удилахъ, колокольчикахъ, копьяхъ, ножахъ, кускахъ кольчатаго панциря. По мнѣнію о. Спѣсивцева, указанные предметы принадлежали золотоордынскимъ и азовскимъ татарамъ, обитавшимъ, еще по свидѣтельству Герберштейна, на среднемъ теченіи Дона. Заслушано сообщеніе о

слободѣ Алексѣевской крѣпости Зміевскаго уѣзда и объ остаткахъ самой крѣпости, а равно другой, находящейся около села Михайловки. Доложено сообщеніе проф. А. М. Покровскаго о его этнографическихъ экскурсіяхъ въ Зміевскомъ и Волчанскомъ уѣздахъ, при которыхъ имъ были приобрѣтены нѣкоторые предметы быта и обстановки крестьянъ и сняты фотографіи сель, построекъ, типовъ населенія. Проф. Д. И. Багалъй доложилъ о случайномъ раскопкѣ, произведенной В. И. Фавромъ возлѣ Донецкаго городища, по дорогѣ, идущей изъ Филиппова села въ Карачевку, не доходя до усадьбы г. Щербинина. Въ ямѣ (на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности почвы, шириною $1\frac{1}{2}$ арш.) оказалось множество черепковъ; за черноземомъ слой цела и угля толщиной до 10 вершк., еще ниже слой изъ плохо обожженнаго кирпича, въ $\frac{1}{2}$ вершка толщины. Возлѣ черепковъ—кости собаки, лошади, коровы. Недалеко отъ ямы, на нахотѣ, находится много черепковъ, костей человѣческихъ, тутъ же найдены пряслицы и точильный камень. Заслушано сообщеніе Ф. Ф. Степанова о находкѣ вещей при случайномъ раскопкѣ въ хуторѣ Колки, Тарасовской волости, Богодуховскаго уѣзда (кости, каменная чаша, монеты, серьга). Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ сообщенія: 1) воронежской уѣздной земскою управы объ оглашеніи чрезъ волостныя правленія предложенія населенію уѣзда—прислать въ управу предметы и памятники, интересные въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи для предоставленія ихъ комитету; 2) лебединской уѣздной управы—объ ассигнованіи земскимъ собраніемъ комитету 100 рублей на приобрѣтеніе въ уѣздѣ предметовъ для выставки при сѣздѣ; 3) прив.-доц. А. Черевкова (Харьковъ) свѣдѣній о нѣкоторыхъ частныхъ коллекціяхъ и о предложеніи собственной коллекціи монетъ для выставки; 4) Т. Проскурникова (гор. Короча) о нѣкоторыхъ предметахъ древности, предлагаемыхъ для выставки (кубышка, монеты изъ клада, найденнаго въ Яблоновѣ, фотографіи Корочи, документъ, имѣющій отношеніе къ святителю Митрофану Воронежскому, и друг.); 5) директора с.-петербургскаго артиллерійскаго музея, генерала Бранденбурга,—о разрѣшеніи военнаго министра предоставить комитету для выставки нѣкоторые предметы музея; 6) церковно-историческаго и археологическаго общества при Кіевской духовной академіи о предоставленіи комитету для выставки тридцати предметовъ изъ музея общества; 7) полтавской комисіи по XII археологическому сѣзду о необходимости присылки члена комитета для опредѣленія, какія изъ имѣющихся въ распоряженіи ея предметовъ старины и какія коллекціи полтавскаго естественно-историческаго музея представляютъ интересъ для выставокъ сѣзда (комитетъ командируетъ для этого опредѣленія профессора Е. К. Рѣдина); 8) архива главнаго штаба военнаго министерства о нахожденіи въ немъ дѣла о слободскихъ маллороссійскихъ полкахъ, описъ 25 и 26, 1731 и 1761 года, книга 341 «объ учрежденіи изъ слободскихъ казацкихъ гусарскими полками и какъ оныя напередъ сего содержимы были и о прочемъ» съ рисунками полковыхъ знаменъ (рѣшено просить Московское археологическое общество о порученіи кому либо изъ его членовъ подготовки доклада на сѣздѣ объ упомянутыхъ дѣлахъ); 9) Е. М. Пванова о коллекціи древностей изъ случайныхъ раскопокъ у Е. М. Духовскаго (Старый Мерчикъ, Валковскаго уѣзда), которыя и рѣшено просить для выставки, какъ и

тѣ, что указаны были въ сообщеніи Д. П. Миллера (въ церквахъ с. Старого, Сумскаго уѣзда, и Млинковъ, Ахтырскаго уѣзда); 10) Д. И. Багалѣя о желательности командировки студента Криста для собиранія свѣдѣній по этнографіи и о кобзаряхъ и лирикахъ (рѣшено командировать г. Криста въ Харьковскую губ.); 11) г. Рябинина о принятіи имъ на себя расходовъ за клише къ описанію путивльскаго собора. Въ распоряженіе предварительнаго комитета для выставокъ и для музея древностей поступили отъ многихъ лицъ разнообразныя предметы представляющію, большою частью, громаднѣйшій интересъ.

Историко-филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ.

13-го декабря засѣданіе общества было посвящено въ значительной своей части памяти профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго. Предсѣдатель, профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ, сказалъ слѣдующее слово, посвященное памяти И. Н. Миклашевскаго: «3 декабря скончался на 43-мъ году жизни профессоръ Харьковскаго университета Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Горестная потеря для русской науки, для Харьковскаго университета, для тѣхъ друзей покойнаго, которые уважали и любили его, какъ весьма свѣдущаго ученаго, какъ человѣка высокихъ нравственныхъ качествъ. Иванъ Николаевичъ въ послѣднее время работалъ чрезвычайно энергично, точно онъ предчувствовалъ, что надъ нимъ носится ангелъ смерти, точно спѣшилъ внести въ науку и университетъ свой личный вкладъ. Такъ недавно, 30 октября, Иванъ Николаевичъ въ засѣданіи историко-филологическаго общества прочелъ превосходный докладъ по исторіи древне-русскаго хозяйства. Такъ недавно, въ половинѣ ноября, еще бодрый и энергичный, онъ несъ главную работу въ университетской комисіи по сооружанію памятника В. Н. Каразину. Еще такъ недавно при освященіи памятника Г. М. Цѣхановецкому видѣли его съ обнаженной головой передъ могилой покойнаго ректора. Еще такъ недавно въ совѣтѣ раздавались его продуманныя и сердечныя рѣчи въ пользу университетскихъ реформъ. Иванъ Николаевичъ приступалъ къ изданію большого научнаго труда, подготовленнаго посредствомъ тщательныхъ архивныхъ разысканій, но «вечиронька на столи, а смерть за плечима». Бывшій ключемъ источникъ духовной жизни сразу изсякъ. Разбилось вдребезги любящее, открытое, отзывчивое сердце; оно оказалось слабымъ передъ таковымъ недугомъ. Навсегда умолкъ голосъ, неуклонно призывавшій, въ предѣлахъ искренняго индивидуальнаго пониманія, къ исполненію высшихъ задачъ и лучшихъ дѣлей жизни. Среди выдающихся достоинствъ Ивана Николаевича прежде всего нужно отмѣтить разнообразіе и разносторонность его научныхъ стремленій, его необыкновенную работоспособность и присутствіе живыхъ общественныхъ интересовъ. Студентъ естественникъ Иванъ Николаевичъ съ теченіемъ времени занялъ кафедру на юридическомъ факультетѣ и во многихъ отношеніяхъ вошелъ въ кругъ научныхъ интересовъ профессоровъ-филологовъ. Въ университетѣ Иванъ Николаевичъ былъ живымъ связующимъ звеномъ между факультетами юридическимъ и историко-филологическимъ, не только въ сферѣ научныхъ интересовъ, но и въ кругу личныхъ отношеній. Среди профессоровъ историко-филологическаго факультета Иванъ Николаевичъ давно считался своимъ человѣкомъ, близкимъ и дорогимъ человѣкомъ общихъ научныхъ стремленій и общихъ симпатій. Мало того, Иванъ

Николаевичъ сумѣлъ занять видное мѣсто и въ историко-филологическомъ обществѣ, и въ педагогическомъ отдѣлѣ; въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ онъ былъ двигательной, дѣятельной силой, въ обоихъ онъ читалъ свои рефераты, въ которыхъ съ чисто научными интересами искусно соединялъ живыя общественныя стремленія. Въ послѣдніе годы въ университетѣ не было, кажется, ни одного сколько нибудь крупнаго дѣла, въ обсужденіи котораго Иванъ Николаевичъ не принялъ самаго дѣятельнаго участія. Такъ, обстоятельный докладъ университетской комиссіи 1897 г. по вопросу объ уничтоженіи профессорскаго гонорара составленъ былъ Иваномъ Николаевичемъ. Извѣстно далѣе, какое видное участіе принималъ Иванъ Николаевичъ въ составленіи доклада комиссіи по вопросу объ измѣненіи устава 1884 г. и въ возникшихъ по этому поводу въ совѣтѣ дебатахъ. Историко-филологическое общество къ благодарности покойному за его участіе въ докладахъ должно присоединить еще благодарное воспоминаніе о его участіи въ разработкѣ проекта новаго устава. Этотъ слабый, болѣзненный человѣкъ не боялся работы, онъ работалъ съ примѣрной настойчивостью и образцовой добросовѣстностью, безъ высокомерія, съ всегдашней готовностью выслушать всѣ замѣчанія и исправить всѣ достаточно доказанныя ошибки, и много было духовной силы въ этомъ слабомъ, хиломъ тѣлѣ. Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, и да будетъ имя твое вѣчно дорогимъ и памятнымъ въ лѣтописяхъ Харьковскаго университета!» Профессоръ Д. И. Багалъй въ своей рѣчи говорилъ объ ученой дѣятельности покойнаго И. Н. Миклашевскаго и специально остановился на его магистерской диссертациі о заселеніи и хозяйственномъ бытѣ южной окраины Московскаго государства въ XVII вѣкѣ. Указавъ на значеніе этого труда не только для политической экономіи, но и для русской исторіи, ораторъ выразилъ пожеланіе объ изданіи обществомъ оставшихся не изданными его трудовъ. По предложенію профессора Н. Ѳ. Сумцова, рѣшено издать сборникъ всѣхъ статей и рѣчей, посвященныхъ памяти профессора И. Н. Миклашевскаго, и приложить къ нему портретъ покойнаго; равно обратиться съ предложеніемъ къ наслѣдникамъ о готовности издать ненапечатанные еще труды покойнаго. М. Д. Линда указалъ на труды И. Н. Миклашевскаго въ харьковскомъ обществѣ грамотности, и В. П. Бузескулъ о его трудѣ въ комиссіи по выработкѣ проекта новаго университетскаго устава. Затѣмъ былъ заслушанъ докладъ М. П. Савинова: «Памяти А. А. Потебни. Гоголь и Хлестаковъ». Референтъ, исходя изъ того положенія, что всякое поэтическое произведеніе есть средство объективировать мысль, что серьезный художникъ каждымъ актомъ творчества рѣшаетъ важную задачу прежде всего для себя—съ цѣлью самоопредѣленія, самосовершенствованія, саморазвитія, — старался доказать, что и гениальный русскій юмористъ былъ не лишенъ тѣхъ же высокихъ намѣреній. На основаніи собственныхъ признаній Гоголя (цитаты изъ писемъ) и другихъ документальныхъ данныхъ (ссылки на Тургенева, Пыпина, Полевого), докладчикъ пришелъ къ убѣжденію, что Гоголь писалъ Хлестакова съ себя, что въ жизни, литературной дѣятельности, даже въ слогѣ того, къ которому гордится наша словесность, замѣчается хлестаковщина вообще и спеціальныя хлестаковскія стилистическія формы, при чемъ референтъ подчеркнул то обстоятельство, что

вопреки общепринятому мнѣнію Хлестаковъ не просто враль, а лгунъ-художникъ, котораго посѣщаетъ своего рода вдохновеніе (см. отрывокъ изъ письма Гоголя послѣ перваго представленія «Ревизора»); что хлестаковщина—не простая ложь, а—«гипербола въ крови», отъ которой чрезвычайно трудно отдѣлаться. По мнѣнію докладчика, всѣ литературныя произведенія Гоголя и характеризуются гиперболой и противоположной риторической фигурой—литотесомъ; во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ Гоголя замѣчаются два тона—восторгъ и негодованіе, такъ сказать, ода и сатира; а въ гениальной личности его—самоувѣренность и самоуничиженіе. М. П. Савиновъ между прочимъ замѣтилъ, что эти крайности настроенія въ натурѣ Гоголя были усилены общественными теченіями: много погибло живыхъ душъ въ переходахъ отъ опьяненія высокоуміемъ къ опредѣленію униженіемъ; эти колебанія и въ литературѣ исключали спокойное изображеніе жизни съ добромъ и зломъ; поэты легко переходили отъ оды къ сатирѣ. Н. В. Гоголь, отразивши въ типѣ Хлестакова свою гиперболичность, такъ сказать, объективировавъ въ поэтическомъ образѣ то, что было сперва субъективнымъ, тѣмъ самымъ совершилъ великій подвигъ покаянія въ грѣхѣ самомнѣнія и самоуничиженія, въ томъ грѣхѣ, въ которомъ повинно до известной степени и все современное автору общество. Этотъ покаянный подвигъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ упорно стремился къ идеаламъ тотъ гениальный писатель, отъ котораго заимствовали свой свѣтъ ближайшіе его послѣдователи: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Писемскій, Григоровичъ и др. Докладъ вызвалъ живой обменъ мыслей, въ которомъ приняли участіе многіе члены общества. Профессоръ В. П. Бузескулъ, Н. И. Алякритекій, о. І. Филевскій высказались противъ сопоставленія Гоголя съ Хлестаковымъ, находя его неправильнымъ и недостаточно обоснованнымъ. Д. И. Багалъй, Н. Ѳ. Сумцевъ указывали на возможность въ нѣкоторой степени такого сопоставленія, а В. П. Харціевъ, М. А. Масловъ развили нѣкоторыми положеніями и фактами основную идею доклада и выразили пожеланіе, чтобы лекціи А. А. Потебни, на основаніи которыхъ взята и отчасти развита тема докладникомъ, были изданы, и чтобы развитіе и другихъ темъ этихъ лекцій было сдѣлано по тому прекрасному образцу, какимъ является докладъ М. П. Савинова. Докладчикъ давалъ подробныя объясненія на замѣчанія и возраженія.

Археологическій институтъ. Традиціонныя четверговыя собранія членовъ и слушателей института, для выслушанія и обсужденія рефератовъ, перенесены въ текущемъ году на воскресенье. Первое собраніе происходило 9-го декабря подъ предсѣдательствомъ профессора Н. В. Покровскаго. Актный залъ института былъ переполненъ слушателями. Огромный успѣхъ и несомнѣемые аплодисменты выпали на долю интереснаго сообщенія предсѣдателя Императорской археологической комиссіи графа А. А. Бобринскаго «Объ остаткахъ греческой культуры въ Херсонесѣ Таврическомъ». Еще нѣсколько лѣтъ назадъ изслѣдователь Херсонеса Бертье Делягардъ высказывалъ печальныя предположенія, что на мѣстѣ древняго города уже не должно питать надежды на какія либо новыя важныя археологическія открытія. Но слѣды многовѣковой культурной жизни не исчезли, и послѣднія 4—5 лѣтъ даютъ уже возможность

назвать по количеству и научной важности новых находок Херсонесъ-Таврической русскою Помпей или русской Троей. Новые открытія произведены, благодаря систематическимъ раскопкамъ завѣдывающаго ими, по порученію императорской Археологической комиссіи, К. К. Костюшко-Валюжинича. Обнаружена на разстояніи около 100 сажень, подъ развалинами Херсонеса Византійской эпохи, стѣна древне-греческаго города—величественный памятникъ архитектуры III—IV вѣковъ до Р. Х.: стѣна съ ея многочисленными выступами, башнями, вѣздами и пр. Высота стѣны доходитъ до 5 метровъ. Въ тайникахъ своихъ стѣна хранитъ и богатые клады. Нѣкоторые изъ нихъ дали чудные образцы греческаго ювелирнаго искусства и керамики IV—III столѣтій до начала нашей эры. Графъ демонстрировалъ передъ присутствовавшими наиболѣе интересные золотые предметы этихъ находокъ. Часть ихъ поступитъ на-дняхъ въ императорскій эрмитажъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшія раскопки Херсонесской стѣны встрѣчаютъ препятствіе, такъ какъ на мѣстѣ ея стоятъ зданія монастыря. Но городъ былъ великъ, и еще много любопытныхъ открытій можно ожидать здѣсь въ будущемъ. Вторымъ докладчикомъ былъ Н. Ф. Арсеньевъ, сдѣлавшій обѣглое обзорѣніе дѣятельности имѣннаго полный успѣхъ перваго областного археологическаго съѣзда въ Ярославѣ.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. Институтъ поставленъ въ столь исключительныя условія, какъ первое ученое учрежденіе въ Турціи и первое въ Европѣ посвященное изученію древностей въ Византіи, что было бы слишкомъ не скромно, какъ выразился секретарь института, дѣлая годичный докладъ, требовать, чтобы въ срокъ, едва достаточный для распоряженія объ устройствѣ внѣшней, дѣловой стороны учрежденія, добыты были богатые окончательные выводы. Семь лѣтъ—настолько незначительный періодъ времени, что было бы слишкомъ смѣло ожидать отъ института осязательныхъ плодовъ дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ направленіяхъ институтомъ положены широкія начала, изслѣдованы пути. Институтомъ открывається со-всѣхъ сторонъ работа, его содѣйствія ищутъ европейскія государства, къ нему обращаются съ запросами и предложеніями со всѣхъ концовъ міра. Въ болѣе скромномъ, но не менѣе полезномъ отношеніи для мѣстной константинопольской жизни, археологическій институтъ сталъ умственнымъ средоточіемъ, къ которому стремятся представители единовѣрныхъ народовъ. Въ послѣдніе годы, какъ и въ текущемъ, нельзя не отмѣтить того отраднаго явленія, что институтомъ устраивается рядъ общедоступныхъ бесѣдъ на археологическія и историческія темы. Эти бесѣды преимущественно ведутся на находящихся въ распоряженіи посольства военныхъ стаціонерахъ, специально для нижнихъ чиновъ. Въ послѣдній разъ велись на «Черноморцѣ» бесѣды на слѣдующія темы: 1) Политическое и церковное значеніе Царьграда. Основаніе города, его исторія и значеніе для Россіи. 2) Походы русскихъ на Царьградъ. Святая Ольга и крещеніе Владимира. 3) Юстиніанъ Великій и храмъ св. Софіи въ Стамбулѣ. 4) Патріархъ Фотій. Просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меодія. 5) Крестовые походы. Завоеваніе Царьграда латинянами. 6) Осада и взятіе Царьграда турками. 7) Отношеніе Россіи къ грекамъ подъ турецкимъ владычествомъ. Бракъ царя Ивана III съ Софіей Палеологъ. 8) Казацкіе

походы. Война Россіи съ Турціей. Чесма, Наваринъ, Синопъ. 9) Вещественные остатки былого величія Царьграда. Стѣны, башни, колонны, церкви и т. д. Бесѣды эти ведутся по одобренію нашего посла г. Зиновьева, и археологическій институтъ съ большою готовностію пошелъ на встрѣчу желанію офицеровъ и нижнихъ чиновъ познакомиться съ древнимъ значеніемъ Константинополя. Въ самомъ дѣлѣ, для института не менѣе важно умноженіе научныхъ свѣдѣній о Византіи, какъ и распространеніе ихъ въ особенности въ той средѣ, которая своимъ служебнымъ положеніемъ и пребываніемъ въ Константинополѣ призывается къ болѣе сознательному отношенію къ исторіи и древностямъ Царьграда. Что же касается до отношенія къ этимъ бесѣдамъ нижнихъ чиновъ, то для нихъ онѣ являются великимъ благодѣяніемъ. Живя здѣсь «на чужбинѣ» болѣе шести мѣсяцевъ, благодаря особеннымъ условіямъ мѣстной жизни, русскіе солдатики обречены на одиночество и тоску, а потому съ удовольствіемъ присутствуютъ на бесѣдахъ, которыя приносятъ несомнѣнную пользу въ смыслѣ развитія солдата. Вообще Русскій археологическій институтъ является первымъ алтаремъ для принесенія искупительныхъ жертвъ за то, что до сихъ поръ наука не посвящала изученію Востока никакихъ чрежденій. Въ настоящее время институтъ, призванный служить многіе годы, а, быть можетъ, и цѣлые вѣка, источникомъ свѣта и науки и разсадникомъ знаній на славу русскаго имени, уже твердо сталъ на ноги, и, подъ руководствомъ г. Успенскаго, его несомнѣнно ждетъ полезная для науки будущность.

Древности каменнаго вѣка. Закончено устройство въ зданіи Кіевского музея древностей и искусствъ отдѣла древностей каменнаго вѣка. Предметы этого отдѣла, которому присвоено названіе имени Н. А. Терещенко (главнаго жертвователя на постройку зданія музея), размѣщены въ громадныхъ шкафахъ, изготовленныхъ на средства того же Н. А. Терещенко. Залъ отдѣла каменнаго вѣка состоитъ изъ слѣдующихъ коллекцій. Два громадные шкафа и 4 витрины заняты предметами палеолитической эпохи. Все это — тѣ предметы, которые были найдены при раскопкахъ знаменитой стоянки первобытнаго человѣка въ Кіевѣ, на Кирилловской улицѣ. Коллекція эта пріобрѣтена у В. В. Хвойко Н. А. Терещенко и пожертвована имъ музею. Далѣе, одинъ шкафъ и одна витрина заняты предметами землянокъ кіевскихъ возвышенностей. Пять слѣдующихъ шкафовъ и одна витрина заняты многочисленными предметами много шумѣвшей трипольской или площадочной культуры, которую теперь называютъ протославянской. Къ этой же коллекціи, собранной В. В. Хвойко и пріобрѣтенной у него Н. А. Терещенко, относятся двѣ модели: модель трипольской площадки и модель жертвенника той же эпохи. Большой интересъ представляетъ помѣщающееся далѣе погребеніе эпохи каменнаго вѣка; оно представляетъ собой скорченный скелетъ, лежащій въ витринѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ выкопанъ В. В. Хвойко лѣтомъ нынѣшняго года подлѣ Канева, на берегу р. Роси. При скелетѣ — два кремня и грубый сосудъ. Въ той же витринѣ выставлена коллекція череповъ каменной эпохи; черепа — частью крашенные, частью некрашенные. Наконецъ, въ залѣ имени Н. А. Терещенко выставлены: въ высокому шкафу — предметы каменнаго вѣка изъ коллекціи, пожертвованной музею графомъ А. А. Бобринскимъ, а въ витринѣ — орудія каменнаго вѣка, принадлежащія Б. И. Ханенко.

Общество любителей древней письменности. 14-го декабря, состоялось общее собраніе подъ предѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ этомъ засѣданіи первое сообщеніе: «Греки—литературные дѣятели въ Москвѣ XVI—XVII вв.», было прочитано А. П. Соболевскимъ. Прежде всего докладчикъ сообщилъ результаты наблюденій надъ переводами Максима Грека. Первые переводы Максима Грека въ Москвѣ были сдѣланы имъ съ греческаго на латинскій языкъ, съ котораго Дмитрій Герасимовъ и Власій переводили уже на славянскій языкъ. Повидимому, нѣкоторыя оригинальныя сочиненія Максима были написаны имъ на латинскомъ языкѣ, а затѣмъ переведены на славянскій кѣмъ либо изъ его сотрудниковъ. Затѣмъ Максимъ сталъ самъ дѣлать переводы на славянскій языкъ, который зналъ еще до прїѣзда въ Москву, но зналъ въ болгарскомъ изводѣ: въ переводахъ Максима встрѣчаются обычные средне-болгарскія формы; кромѣ того референтъ указалъ, что въ дошедшемъ до насъ автографѣ Максима наблюдается обычная средне-болгарская скоропись. Повидимому, Максимъ просматривалъ и поправлялъ даже переводы Дмитрія Герасимова и Власія, такъ какъ и въ этихъ переводахъ изрѣдка встрѣчаются типичныя для Максима средне-болгарскія формы. Переводческой дѣятельности Максима-монаха-аскета, прекрасно знавшаго греческій литературный языкъ и свято-отеческія творенія и, сверхъ того, владѣвшаго латинскимъ языкомъ и всею внѣшнею мудростью запада, референтъ противопоставилъ переводческую дѣятельность явившихся въ Москву въ XVII в. грековъ, которые были совсѣмъ не похожи на Максима Грека. Это были въ большинствѣ случаевъ люди сомнительной репутаціи и далеко не тѣхъ знаній, какія нужны были московскому правительству. Оно чувствовало потребность въ новыхъ или исправленныхъ по оригиналамъ переводахъ твореній св. отцовъ, а прїѣзжіе греки такъ мало знали греческій литературный языкъ, языкъ свято-отеческихъ твореній, что сторонились отъ него и переводили лишь тѣ книжки, которыя въ XVI—XVII вѣкахъ издавались въ Венеціи на простомъ греческомъ языкѣ. Характеризуя дѣятельность переводчиковъ-грековъ, А. П. Соболевскій остановился на рядѣ переводныхъ сочиненій XVII, вѣка. Далѣе были прочитаны три сообщенія о кн. М. М. Щербатовѣ: 1) А. Г. Вороновъ, ознакомивъ съ содержаніемъ хранящейся въ Императорской Публичной библиотекѣ рукописи кн. Щербатова: «Книга о бывшихъ смятеніяхъ и междоусобіяхъ въ Россіи до избранія на престолъ царя Михаила Феодоровича дому Романовыхъ-Юрьевыхъ», привелъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что названное сочиненіе кн. Щербатова представляетъ собою неизвѣстное до сихъ поръ продолженіе его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»; 2) П. П. Хрущовъ сдѣлалъ сообщеніе о «Частной жизни кн. М. М. Щербатова и отзывы о немъ современника *chevalier de Corberon, chargé d'affaires de France en Russie* (Свѣдѣнія, сообщаемыя Corberon'омъ, драгоценны для будущей біографіи Щербатова, но не лишены значенія и какъ образчики возрѣнія на русскихъ француза-дипломата, легкаго въ приговорахъ, однако и наблюдательнаго, немножко философа, немножко мазона и чловѣка свѣтскаго въ полномъ смыслѣ слова); 3) П. А. Шляпкинъ ознакомилъ съ найденнымъ въ Лейпцигской библиотекѣ письмомъ кн. М. М. Щербатова отъ 1777 года, неизвѣстно кому адресованнымъ, но очень любо-

пытнымъ по даннымъ для біографіи Щербатова. А. А. Титовъ въ этомъ засѣданіи прочелъ сообщеніе о бывшихъ земельныхъ владѣніяхъ Нагихъ въ Ростовскомъ и Углическомъ уѣздахъ, Ярославской губерніи. При этомъ вниманію собранія была представлена въ подлинникѣ извѣстная духовная память Ивана Нагова (1598 г.), любопытная, между прочимъ, потому, что Нагой, отказывая въ ней своему слугѣ Богдану Сидорову за вѣрную службу сельцо Онуфриево и поручая ему своихъ двухъ сыновей (которыхъ просить научить грамотѣ) и оставшуюся послѣ него жену, словомъ дѣлая Богдана Сидорова ихъ опекуномъ, не отпустилъ его на волю, тогда какъ всѣмъ своимъ людямъ онъ далъ вольныя. Въ члены корреспонденты общества избранъ преосвященный Сергій, епископъ омскій и семиналатинскій.

Общество любителей россійской словесности. 11-го декабря, въ старомъ зданіи Московскаго университета подъ предсѣдательствомъ А. Н. Веселовскаго происходило засѣданіе общества, въ которомъ д. чл. В. А. Гиляровскій сдѣлалъ докладъ «На родинѣ Гоголя». Сюжетомъ для реферата послужилъ рядъ поѣздокъ докладчика въ мѣста, которыя связаны съ памятью Гоголя. Между Миргородомъ и Полтавой г. Гиляровскій познакомился со многими современниками Гоголя, записалъ ихъ воспоминанія, точно установилъ мѣсто и день рожденія Н. В. Гоголя, представлявшіе до сихъ поръ спорный вопросъ. Референту удалось разыскать нѣсколько Гоголевскихъ реликвій и необнародованныхъ документовъ и писемъ. Самымъ интереснымъ является письмо Гоголя къ матери изъ Женева отъ 24-го сентября 1836 г., въ которомъ онъ описываетъ свое восхожденіе на Монбланъ. Письмо это коротко, но написано необыкновенно сильно и передаетъ впечатлѣнія высокогорной природы съ снѣгами вокругъ и съ облаками внизу. Слѣдующее письмо къ матери отъ 17-го февраля 1848 года изъ Иерусалима представляетъ Гоголя совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ пишетъ: «Молился кое-какъ о себѣ, о васъ же поручилъ молиться тѣмъ, которые умѣютъ лучше меня молиться». Далѣе г. Гиляровскій описываетъ усадьбу Гоголя, которая дѣлится на двѣ части: новую и старую. Первая принадлежитъ Н. В. Быкову. Усадьба содержится въ полномъ порядкѣ, Н. В. Быковъ—обладатель реликвій Гоголя: у него большой музей рѣдкихъ вещей, принадлежавшихъ писателю. Садъ въ имѣніи г. Быкова насаженъ самимъ Гоголемъ. Старая усадьба, принадлежавшая сестрѣ Гоголя Ольгѣ Васильевнѣ Головнѣ, почтенной старушкѣ, измѣнила свой прежній видъ. Многого, что было при Гоголѣ, въ ней нѣтъ. Докладчикъ закончилъ свой рефератъ рассказомъ М. Г. Анисимо-Яновской, отдаленной родственницы Гоголей. За послѣдніе годы жизни Гоголя она не разъ видѣла его въ Яновщинѣ и ни разу не слыхала его голоса, хотя обѣдала съ нимъ: «такой угрюмый да молчаливый!». Въ рассказѣ о старыхъ временахъ г. Гиляровскій со словъ М. Г. Анисимо-Яновской нарисовалъ рядъ типовъ гоголевскихъ временъ. Предсѣдатель засѣданія, проф. А. Н. Веселовскій, заявилъ, что гоголевской и жуковской комиссіями, состоящими при обществѣ для организаціи чествованій памяти Гоголя и Жуковскаго по случаю исполняшагося въ будущемъ году 50-ти-лѣтія со дня ихъ кончины, выработана программа чествованій. 21-го февраля и 16-го апрѣля 1902 года комиссіи совмѣстно съ совѣтомъ университета устраиваютъ въ актовомъ залѣ универси-

тета два публичныхъ засѣданія; 10-го и 24-го марта и 7-го апрѣля— три утреннихъ засѣданія общества, а, кромѣ того, будутъ устроены два музыкальныхъ собранія — въ большой залѣ Московской консерваторіи. Засѣданіе окончилось выборами; въ члены пушкинской комиссіи избраны гг. Ю. А. Веселовскій и Алферовъ, въ дѣйствительные члены — Н. П. Барсуковъ и А. К. Энгельмейеръ.

Библиографическое общество. 4-го декабря, состоялось, подъ предѣтельствомъ проф. Киричаникова, общее годовое собраніе русскаго библиографическаго общества. Изъ прочитаннаго секретаремъ отчета видно, что истекшій годъ въ дѣятельности общества имѣетъ совершенно особый характеръ, такъ какъ, взявшись за такое дѣло, какъ организація празднованія 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати, оно не могло удѣлить много времени чисто библиографическимъ работамъ. Этимъ объясняется небольшое число общихъ собраній общества (5) и незначительное число прочитанныхъ на нихъ докладовъ (7). Въ настоящее время общество состоитъ изъ 6 членовъ учредителей, 10—почетныхъ, 40—дѣйствительныхъ и 20—членовъ-корреспондентовъ. Въ истекшемъ отчетномъ году вступили вновь 4 дѣйствительные члена и 1 членъ-корреспондентъ. Тяжелую утрату понесло общество въ лицѣ скончавшагося своего почетнаго члена М. А. Веневитинова, бывшаго предѣдателя библиографическаго кружка. Библиотека общества продолжаетъ пополняться пожертвованіями. Послѣ утвержденія отчета, секретарь общества А. А. Шевелевъ прочелъ докладъ о «русской періодической печати 100 лѣтъ тому назадъ». Первая русская газета, основанная 200 лѣтъ тому назадъ Петромъ I, подъ названіемъ «Вѣдомости о Военныхъ и Иныхъ Дѣлахъ», была въ теченіе четверти вѣка единственною; позже она переименовалась въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», которыя еще четверть вѣка оставались единственною русскою газетою. Въ 1756 году стали издаваться въ Москвѣ «Московскія Вѣдомости». Въ эпоху Екатерины II у насъ появилось довольно много журналовъ, главнымъ образомъ благодаря энергіи Новикова; большая часть ихъ, однако, существовала недолго. Въ первые годы царствованія Александра I мы находимъ уже рядъ органовъ, но политическія извѣстія въ нихъ касаются почти исключительно заграничной жизни. Лишь изрѣдка проскальзываютъ на ихъ страницахъ нѣкоторыя свѣдѣнія о русской общественной жизни, подобныя тѣмъ, какія составляютъ теперь содержаніе газетной хроники. Всѣхъ періодическихъ изданій въ 1801 году выходило 13 (теперь ихъ почти въ сто разъ больше): «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости», «Политическій Журналъ», напминающій современные ежемѣсячники, «Инокрена или Утѣха Любословія», «Мои Досуги», «Приношеніе Религіи» — изданіе духовно-нравственнаго содержанія, четыре спеціальныхъ органа: «Академическія Сочиненія», «Продолженіе Древней Русской Вивлюэики», «Новое Продолженіе Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества», «Журналъ Правовѣднія», наконецъ, одно художественное изданіе: «Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ» и два изданія характера сборниковъ: «Правдолюбець» и «Утренняя Заря». Всѣ эти изданія выходили въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ провинціи періодическихъ изданій въ 1801 году совсѣмъ не было. Чтобы дать понятіе о газетѣ того времени, референтъ позна-

комилъ съ содержаніемъ №№ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 3-го и 4-го декабря 1801 года, а что касается журналовъ, то остановился на «Политическомъ Журналѣ», издававшемся съ 1790 года въ теченіе сорока лѣтъ, на «Ниокренѣ» и другихъ.

Библиологическое общество. 8-го декабря, въ 8 часовъ вечера, въ помѣщеніи частнаго реальнаго училища (по Загородному пр., д. 58) состоялось общее собраніе русскаго Библиологическаго общества. Э. А. Вольтеромъ прочитанъ былъ докладъ объ осмотрѣ библиотекъ въ Германіи и Австріи. Г. Вольтеръ ставилъ себѣ цѣлью выяснить рядъ вопросовъ, касающихся библиотечнаго дѣла, какъ-то: о доставкѣ издателями обязательныхъ экземпляровъ въ государственныя книгохранилища, о техническихъ усовершенствованіяхъ въ переплетномъ дѣлѣ, о лучшемъ способѣ храненія драгоценныхъ гравюръ, объ устройствѣ читальныхъ залъ, о болѣе цѣлесообразномъ устройствѣ полокъ, составленіи каталоговъ, организациі высылки книгъ иногороднымъ читателямъ, выработкѣ библиотечной бухгалтеріи, дающей возможность во всякую минуту опредѣлить число находящихся въ библиотекѣ томовъ, объ устройствѣ библиотечнаго музея, представляющаго усовершенствованіе техники библиотечнаго дѣла, и т. д. Постановка библиотечнаго дѣла у насъ въ Россіи нуждается во многихъ усовершенствованіяхъ. Такъ обязательными экземплярами у насъ питаются только библиотeki С.-Петербурга, Москвы и Гельсеннфорса. Провинція совершенно забыта. Между тѣмъ въ высшей степени желательно, чтобы обязательный экземпляръ поступалъ также въ центральное книгохранилище того города, гдѣ книга издана. Большое мѣсто библиотекъ составляетъ установившееся обыкновеніе составлять комплектъ обязательныхъ экземпляровъ изъ дефектныхъ и негодныхъ. По мнѣнію референта, было бы желательно установить порядокъ, по которому издатели непосредственно отъ себя разсылали бы обязательные экземпляры въ библиотeki, а не чрезъ цензурный комитетъ, такъ какъ теперь, не желая замедлять выхода книжки, они посылаютъ не исправные экземпляры.

Общество дѣятелей печатнаго дѣла. 19-го декабря, разсматривался подъ предѣлательствомъ В. В. Сабанина вопросъ объ устройствѣ концертовъ, чтеній и т. п. для увеличенія средствъ общества. Общее собраніе, повидимому, не особенно склонно было прибѣгать къ подобнымъ экстраординарнымъ мѣрамъ, которыя скорѣе приличествуютъ какому-нибудь благотворительному учрежденію, тѣмъ не менѣе вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Было только оговорено, чтобы концерты устраивались безъ танцевъ. Принято предложеніе совѣта о допущеніи въ члены общества юридическихъ лицъ, вслѣдствіе чего будетъ дополненъ и § 5 устава. Собраніемъ единогласно утверждена смѣта прихода и расхода на 1902 г. Приходъ исчисленъ въ 4,415 рублей, главный источникъ котораго—членскіе взносы (болѣе 2,000 р.). Закрытой баллотировкой въ почетные члены Общества избранъ Р. Р. Голике, въ дѣйствительные члены: И. Н. Божеряновъ, Э. Э. Боркъ, Ю. Р. Вольнеръ, К. О. Кирхнеръ, М. П. Мельниковъ, И. В. Мѣщаниновъ. По окончаніи общаго собранія состоялась подъ предѣлательствомъ Г. И. Франка техническая бесѣда, которая всецѣло была посвящена обсужденію проекта объ упрядоченіи ученичества въ типогра-

фіяхъ, выработаннаго особою комиссіей. Въ общемъ комиссія пришла къ слѣдующему: 1) при пріемѣ учениковъ необходимо имѣть въ виду степень образованія, здоровье и возрастъ; 2) для того, чтобы учениковъ дѣйствительно учили, а не пользовались ими, какъ это дѣлается во многихъ типографіяхъ, въ качествѣ посыльныхъ, предполагается ограничить срокъ ученичества, нормировать число учениковъ относительно наборщиковъ и подвергать экзамену при специально устроенномъ при обществѣ бюро; 3) имѣя въ виду, что на малоуспѣшный ходъ обученія имѣетъ громадное вліяніе переходъ учениковъ изъ одной типографіи въ другую, гдѣ они уже выдаютъ себя за наборщиковъ, установить регистрацію учениковъ и выдержавшимъ экзаменъ выдавать свидѣтельства или билетъ, удостовѣренный старшимъ инспекторомъ типографій; 4) для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня учениковъ устраивать общезитія, полезныя развлеченія, прогулки по образцовымъ заведениямъ печатнаго дѣла и проч.; предсѣдателемъ было предложено высказаться по существу проекта; между прочимъ, выяснилось, что положеніе учениковъ въ нашихъ типографіяхъ за рѣдкими исключеніями въ высшей степени печальное, требующее скорѣйшаго измѣненія къ лучшему. Оживленныя пренія по поводу проекта ясно доказали, что вопросъ этотъ дѣйствительно назрѣлъ, и техническая комиссія во время поставила его на очередь, за что многочисленными присутствовавшими и была выражена благодарность предсѣдателю ея.

Памятникъ первопечатнику. Въ настоящее время въ императорское московское археологическое общество поступило уже очень много заявленій о желаніи принять участіе въ конкурсѣ по составленію проекта памятника первопечатнику діакону Ивану Федорову. Интересно, что заявленія поступаютъ изъ славянскихъ земель, Франціи и Австріи. Отъ одного болгарскаго художника полученъ даже эскизъ памятника. Археологическое общество въ свое время ходатайствовало предъ городскимъ управленіемъ объ отводѣ земли для постановки памятника на Театральной площади, у Китайской стѣны, вблизи Синодальной типографіи. Городское управленіе отказало въ этомъ ходатайствѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что не представляется возможнымъ загромождать площадь сооружениями. Въ настоящее же время само городское управленіе заняло испрашиваемое мѣсто подземнымъ туалетнымъ павильономъ съ двумя высокими выступами, которые обезобразили площадь. А памятникъ первопечатнику относится въ уголъ къ Проломнымъ воротамъ, къ Третьяковскому проѣзду.

Географическое общество. I. 30-го ноября, А. А. Ешевскій сдѣлалъ сообщеніе о своемъ путешествіи по Манчжуріи отъ Портъ-Артура вдоль линіи Восточно-Китайской желѣзной дороги до Хайлара и русской границы. Не останавливаясь на подробностяхъ, уже извѣстныхъ, упомянемъ прежде всего объ описаніи докладчикомъ города Дальняго, который, по всей вѣроятности, будетъ имѣть очень важное значеніе какъ въ торговомъ, такъ и другихъ отношеніяхъ. Теперь въ этомъ городѣ строится портъ для глубоководящихъ судовъ, заняты земельными работами до 30.000 китайцевъ, и ихъ работа покажется довольно странной непривычному челоуѣку; вмѣсто того, чтобы возить землю въ тачкахъ, китайцы переносятъ ее въ маленькихъ корзинахъ на коромыслахъ, что,

конечно, не способствуетъ быстротѣ работы, впрочемъ китайцы выкупаютъ свои недостатки—слабосиліе и медлительность—необычайнымъ упорствомъ и выносливостью, при томъ праздниковъ китайцы почти не знаютъ, и прогульныхъ дней у нихъ не бываетъ. Существуетъ опасеніе, что Дальній будетъ составлять нежелательную конкуренцію для г. Инкоу, главнаго торговаго центра Манчжуріи. Докладчикъ полагаетъ, что эти опасенія не основательны. Эти два центра должны будутъ лишь дополнять дѣятельность другъ друга. Не надо забывать, что сообщеніе съ Инкоу водой прекращается на 3 мѣсяца, тогда какъ въ Дальнемъ всегда открытъ портъ, но въ то же время Инкоу занимаетъ настолько выгодное положеніе для сосредоточенія торговли, и торговцы такъ привыкли производить черезъ него свои торговые обороты, что едва ли Дальній будетъ въ состояніи отнять значеніе у Инкоу. Городъ этотъ лежитъ въ наиболѣе плодородной и богатой мѣстности Манчжуріи. Изъ Инкоу докладчикъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Мукденъ, бывшую столицу Манчжуріи; дорога идетъ среди великолѣпной долины, засѣянной рисомъ, хлопкомъ и просомъ. Поѣзда, конечно, идутъ медленно, остановки на станціяхъ продолжаются по 6—10 часовъ. Дорога обходитъ Мукденъ верстъ на 20. Несмотря на большое неудобство, это сдѣлано по просьбѣ китайскаго правительства, указавшаго на то, что близъ Мукдена находятся императорскія могилы, и нарушеніе тишины этихъ могилъ желѣзнодорожнымъ шумомъ могло бы вызвать неудовольствіе народа. Такимъ образомъ до Мукдена верстъ 20 приходится ѣхать на лошадахъ, иногда это путешествіе продолжается около сутокъ, докладчикъ же попалъ въ удачное время, и переѣздъ былъ сдѣланъ въ 6 часовъ. Дорога здѣсь отвратительная, единственно хороши мосты, построенные еще 300 лѣтъ назадъ, но, къ сожалѣнію, оставленные теперь безъ пользованія, такъ какъ громадныя лужи около мостовъ заставляютъ проѣзжихъ предпочитать объѣздъ по гатамъ. Съ китайцами мы теперь въ хорошихъ отношеніяхъ, и русскіе даже предоставили внѣшнюю охрану Мукдена китайскому караулу. Въ Мукденѣ стоитъ еще императорскій дворецъ, въ которомъ живутъ 5 мандариновъ и чиновники; несмотря на это, разрушеніе дворца таково, что жизнь въ немъ представляетъ серіозную опасность. Повидимому, дворецъ не ремонтировался веѣ 300 лѣтъ, хотя суммы на ремонтъ отпускались исправно. Во многихъ залахъ, также и въ великолѣпномъ тронномъ, нѣтъ потолоковъ, дерево до того сгнило, что палка легко дѣлаетъ въ немъ отверстіе, на крышахъ растутъ цѣлыя деревья. Особенно печально, что въ этомъ зданіи находится богатѣйшая китайская бібліотека, ежеминутно рискующая погибнуть въ развалинахъ или огнѣ. Въ такомъ же запустѣніи и императорскія могилы; ближнія могилы находятся въ 5-ти верстахъ отъ города, дальнія—въ 18-ти. Когда-то это были величественныя сооруженія, расположенныя въ замѣчательно красивой сосновой рошѣ, теперь вездѣ полное разрушеніе. Изъ Мукдена г. Ешевскій пріѣхалъ въ Телинъ, затѣмъ побывалъ въ Харбинѣ, которому прочить блестящую будущность, какъ узловой станціи для трехъ желѣзныхъ дорогъ. Экономическая жизнь Манчжуріи значительно поднялась, по мнѣнію докладчика, съ прибытіемъ русскихъ, китайская торговля расширилась, такъ какъ уже исчезаетъ понемногу страхъ передъ китайскимъ чиновникомъ, безнаказанно обиравшимъ населеніе. Насе-

леніе поѣтому относится къ русскимъ довольно дружелюбно, врагами же остались тѣ же чиновники. II. Въ состоявшемся 11-го декабря засѣданіи отдѣленія географіи математической и физической Б. А. Федченко сдѣлалъ докладъ объ экспедиціи своей послѣднимъ лѣтомъ въ Памирь и Шугнанъ, отчетъ которой мы помѣщаемъ ниже (см. «Географическіе экспедиціи»). Въ этомъ же засѣданіи С. П. Максимовъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ надъ почвенными водами, колебаніе уровня коихъ стоить въ связи съ колебаніемъ уровня рѣкъ; вопросъ этотъ въ виду его интереса и важности отданъ на обсужденіе метеорологической комиссіи. И. В. Мушкетовъ доложилъ членамъ собранія о томъ, что въ нынѣшнемъ году у отдѣленія отъ расходовъ на изданія остается свободныхъ 6.000 рублей, которые могутъ быть употреблены на организацію экспедицій, что было недоступно данному отдѣленію уже два года. III. 12-го декабря, подъ предѣтельствомъ П. П. Семенова, въ общемъ собраніи П. Ю. Шмидтъ, начальникъ корейско-сахалинской экспедиціи, сдѣлалъ общій очеркъ дѣятельности ея въ 1900—1901 гг. Экспедиція эта была снаряжена географическимъ обществомъ въ 1899 г. Задачи экспедиціи были очень широки, выполненію же ихъ въ полномъ ихъ объемѣ помѣшали восточныя событія прошлаго года, но все-таки полученные результаты обильны и цѣнны. Экспедиція подвергла основательному изученію морскую фауну залива Петра Великаго, фауну Японскаго моря, совершила сухопутное путешествіе въ Корею и изучила рыбныя промыслы Сахалина. Въ заливѣ Петра Великаго производились изысканія на различныхъ глубинахъ (до 120 саж.) у Аскольдова острова, въ бухтѣ Находка и другихъ мѣстахъ; на 120-ти-саженной глубинѣ были извлечены очень красивыя морскія лиліи; очень интереснымъ по своей природѣ оказался островъ Аскольдовъ, онъ не великъ—всего 6 верстъ длины и представляетъ собою тайгу, гдѣ постоянно водятся олени, на немъ же находятся золотыя прииски. Изученіе морской фауны продолжалось въ Корей—въ заливѣ Броутона, и привело къ заключенію сходствъ фауны послѣдняго залива съ заливомъ Петра Великаго, а также заставляетъ сомнѣваться въ существованіи предполагаемаго холоднаго течения, идущаго Охотскимъ моремъ и Татарскимъ проливомъ. Путешествіе къ восточному берегу Кореи, въ Алмазныя горы и къ вершицѣ Сансабонъ было исполнено пѣшкомъ, съ большими затрудненіями, вслѣдствіе избалованности вьючныхъ лошадей, привыкшихъ ѣсть только отварныя бобы, и ихъ проводниковъ, которые отказываются ночевать подъ открытымъ небомъ и выискиваютъ обязательно гостиницы, гдѣ нѣжатся на подогрѣтыхъ дымовымъ ходомъ полахъ; мѣстность представляетъ собою долину, покрытую рисовыми полями, небольшими холмами, красиво испещренную верстовыми столбами съ изображеніемъ человѣческихъ головъ и священными деревьями, увѣшанными пестрыми лоскутками; дорога къ Алмазнымъ горамъ и въ самыхъ горахъ очень живописна—всюду грандіозныя ущелья, потоки, скалы съ высѣченными изображеніями Будды и многочисленные монастыри, единственные разсадники буддизма въ Корей. Въ монастыряхъ путешественники находили радушный пріемъ, имъ предоставлялся даровой ночлегъ, но за сдѣданный ризъ предъявлялся счетъ, а также представлялись книги для рас-

писыванія и пожертвованій. Отъ Сансабона экспедиція повернула къ Фузану и отъ Фузана прошла до Сеула; послѣдній путь представляетъ собою гористую страну и безлѣсныя долины, богатая луговой растительностью; край этотъ является центромъ корейскаго скотоводства. По дорогѣ попадались интересныя процессіи, переносящія священныя таблицы въ конфуціанскіе храмы, а также покойниковъ съ одного мѣста на другое, что дѣлается, когда въ семьѣ кому-нибудь не везетъ послѣ смерти родича. Сеулъ представляетъ собою крайне жалкій видъ и, вѣроятно, является бѣднѣйшей столицей міра; дворецъ очень бѣденъ и снабженъ бумажными окнами и полами; рѣзкимъ контрастомъ ко всему этому является электрическій трамвай, устроенный американцами. Всего по Корей по мало извѣстнымъ странамъ было сдѣлано экспедиціей пѣшкомъ 1.200 верстъ: были сдѣланы бѣглыя съемки, метеорологическія наблюденія, собраны богатая этнографическія, ботаническія и зоологическія коллекціи. Въ Японіи въ разныхъ частяхъ Кіу-Сіу извлечено до 400 видовъ рыбы и изъ нихъ много новыхъ и интересныхъ. На Сахалинѣ изъ Корсаковска было совершено нѣсколько сухопутныхъ поѣздокъ для изученія сельдяного, лососиннаго и китоваго про мышья; на югѣ Сахалина добывается около 4²/₂ пудовъ сельдей, перерабатываемыхъ японскими промышленниками въ удобительные туки. Чтеніе доклада иллюстрировалось обильными фотографіями и выставленной богатой художественно-этнографической коллекціей. IV. Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи, 14-го декабря, подъ предѣдательствомъ академика В. И. Ламанскаго, членъ сотрудникъ общества Н. Е. Ончуковъ, ѣздившій нынѣшнимъ лѣтомъ на Печору, сдѣлалъ докладъ о «расколѣ на Низовой Печорѣ». Низовая Печора населена русскими, часть которыхъ коренные потомки новгородцевъ, пришедшихъ сюда въ началѣ XVI-го вѣка. Теперь Низовая Печора административно дѣлится на двѣ волости: Пустозерскую и Усть-Цылемскую, жители которыхъ рѣзко разнятся и въ бытовомъ отношеніи: пустозеры православные, устьцылемы — раскольники-безпоповцы. 80 слишкомъ селеній устьцылемовъ раскиданы на громадномъ пространствѣ, по берегамъ какъ самой Печоры, такъ и ея притоковъ — Цыльмы, Пижмы и Нерицы. Какъ поморцы, устьцылемы отрицаютъ таинства и священство, но изъ чисто практическихъ соображеній почти всѣ вѣнчаются въ православной церкви. Послѣ вѣнчанія на брачавшихся всегда накладывается эпитимія, состоящая въ постѣ и въ нѣсколькихъ сотняхъ земныхъ поклоновъ въ день. Передъ вѣнчаніемъ въ православной церкви раскольниковъ миропомазываютъ, присоединяя такимъ образомъ къ православію, но устьцылемы и дальше, во всю послѣдующую жизнь, конечно, отнюдь не считаютъ себя православными и отказываются исполнять предъявляемыя къ нимъ священниками требованія: ходить на исповѣдь и причащеніе, крестить и хоронить по православному обряду и прочее. Все это служитъ причиною недоразумѣній. Дѣтей крестятъ у раскольниковъ книжныя старушки и старики-наставники, при чемъ умираютъ иногда и некрещеными; зато принято креститься на старости, передъ смертью, чтобъ, являсь на тотъ свѣтъ съ новымъ именемъ, не отвѣчать за нажитые во всю жизнь при старомъ имени грѣхи. Не желая хоронить по православному обряду, устьцылемы хоронятъ своихъ покойниковъ ночью гдѣнибудь въ полѣ, подлѣ овина; дѣтей закашы-

вають во дворѣ, а бывали случаи, что и въ подпольѣ. Такъ какъ и смерть и рожденіе всегда скрываются, то настоящая цифра населенія въ волости никогда навѣрное неизвѣстна: многие, давно уже умершіе, въ спискахъ все еще числятся живыми. Таинства причащенія у печорскихъ раскольниковъ нѣтъ, а исповѣдываются они у своихъ стариковъ наставниковъ. Исповѣдь бываетъ обычно «общая», при чемъ исповѣдники раздѣляются на группы: малочашечниковъ, т.-е. кержачащихъ, ѣдящихъ каждый изъ своей чашки, большечашечниковъ, ѣдящихъ въ своей семьѣ изъ общей чашки, и поперечныхъ, ѣдящихъ изъ одной посуды, или даже съ «мірскими», т.-е. православными, что случается, напримѣръ, въ дорогѣ. На общей исповѣди наставникъ громко вычитываетъ по списку грѣхи, главнымъ образомъ противъ никоніанства, а исповѣдники хоромъ отвѣчаютъ: «грѣшенъ». Живущее въ Усть-Цыльмѣ духовенство и чиновничество обвиняютъ устьцылемокъ (устыцyleмъ и устыцyleмка,—это нарицательныя имена жителей всей волости, точно такъ же, какъ пустозеръ, пустозерка—житель вообще Пустозерской волости) въ суровомъ обращеніи, въ нелюбви къ дѣтямъ, отчего будто происходитъ сильная дѣтская смертность. Нелюбовь къ дѣтямъ г. Ончуковъ объясняетъ наслѣдіемъ бракорборнаго ученія, при которомъ бракъ въ антихристово время— блудъ, и дѣти, прижитыя отъ него, не чисты, а слѣдовательно недостойны любви. Но ученіе это на Печорѣ теперь совсѣмъ исчезло, и дѣтская смертность въ Усть-Цылемской волости едва ли сильнѣе таковой же вообще въ деревняхъ по всей Россіи. Преувеличеннымъ сильно также считаетъ докладчикъ и мнѣніе о странной развращенности, распущенности раскольниковъ устыцyleмовъ. Нравы у сосѣдей устыцyleмовъ, съ одной стороны пустозеровъ, съ другой—зырянъ-ижемцевъ, могутъ быть дѣйствительно нѣсколько чище, но зато у раскольниковъ устыцyleмовъ несравненно выше положеніе женщины въ семьѣ. У зырянъ-ижемцевъ женщина до сихъ поръ безотвѣтная раба мужа, въ семьѣ устыцyleма жонка совершенно полноправный членъ семьи; особенно цѣнится устыцyleмская «жонка», какъ хранительница старовѣрства, блюстительница «древняго благочестія». Поэтому грамотны въ Усть-Цылемской волости больше, пожалуй, женщины. Вообще раскольники устыцyleмы очень добрый, гостепріимный, очень общительный народъ, при этомъ народъ очень честный: устыцyleмы совсѣмъ непричастны, напримѣръ, къ той варварской эксплуатаціи обитающихъ въ тундрахъ Печоры самоѣдовъ, которую продѣлывали надъ самоѣдами и до сихъ поръ продѣлываютъ православные ижемцы-зыряне и русскіе пустозеры. Страшная эксплуатація самоѣдовъ ижемцами и пустозерами, много разъ засвидѣтельствованная официально (напримѣръ, въ 1888 г. архангельскимъ губернаторомъ княземъ Н. Д. Голицынымъ), привела къ печальнымъ результатамъ; самоѣды теперь совершенно сиплись, развратились, всѣ поголовно заражены сифилисомъ, а ихъ богатство—стада оленей, перешло къ ижемцамъ и пустозерамъ. Изъ прежнихъ богачей самоѣдовъ уцѣлѣли единицы, большинство же или въ настухахъ оленьихъ стадъ у ижемцевъ и пустозеровъ, или живетъ въ дырявыхъ чумахъ около русскихъ селеній, шпатель Христа ради. Въ заслугу печорскому расколу можно поставить еще то, что, будучи больше консервативенъ, чѣмъ православное населеніе, расколъ больше, чѣмъ послѣднее сохранилъ въ себѣ древній

укладъ и обликъ русской жизни. Это сказывается и въ рѣчи—староновогородскій говоръ, въ одеждѣ—женщины до сихъ поръ носятъ парчевыя одежды и кокошники, шушунны и душегрейки, въ формахъ быта—сильное развитіе общиннаго начала. Сказывается это и въ поэзіи: устьцyleмы пока еще не знаютъ пѣсенъ частушекъ, поютъ исключительно старья, досельныя пѣсни и даже былины; свадьбы справляютъ по древле-установленному чину. Общій выводъ докладчика о печорскомъ расколѣ таковъ; чего либо строго опредѣленнаго, всѣми ясно сознаваемаго въ теоретическомъ ученіи раскола въ настоящее время здѣсь нѣтъ, мало того, съ каждымъ годомъ все больше и больше падаетъ интеллигентность раскола, что г. Ончуковъ наблюдалъ лѣтомъ 1900 года также и среди раскольниковъ на рѣкѣ Колвѣ, Уньѣ и верхней Печорѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Упадокъ интеллигентности въ печорскомъ расколѣ докладчикъ ставитъ въ связь съ кажущимся ему ослабленіемъ духа раскола въ Россіи вообще, а это зависитъ, можетъ быть, отъ поворота народныхъ стремленій въ религіозной сферѣ въ сторону рационалистическаго сектантства; послѣднее, какъ извѣстно, годъ-отъ-году усиливается. Отчасти это зависитъ и отъ уменьшенія напряженности раскола, что въ свою очередь можетъ быть объяснено закономъ 1883 года, уменьшившимъ сравнительно строгость преслѣдованій за вѣру. Паденію интеллигентности печорскаго раскола способствовали и свои, чисто печорскія причины: это паденіе раскольничьей грамотности среди устьцyleмовъ. А пала эта грамотность потому, что въ 1844 году были закрыты Великопоженскій скитъ на р. Пижемѣ, тотъ самый, гдѣ въ 1844 году произошло самоожженіе раскольниковъ, въ числѣ 86 человекъ. Великопоженскій скитъ въ теченіе 100 слишкомъ лѣтъ служилъ разсадникомъ грамотности на Печорѣ. Въ настоящее время потребность въ грамотности на Печорѣ очень сильна, какъ и вездѣ, что и удовлетворяютъ отчасти министерскія училища и церковно-приходскія школы: отчасти потому, что училищъ этихъ слишкомъ мало, а у раскольниковъ и потому еще особенно, что они не совсемъ охотно отдаютъ въ нихъ дѣтей. Докладчику посчастливилось рѣшить въ положительномъ смыслѣ вопросъ о былинахъ на Печорѣ. Таковыя до сихъ поръ на Печорѣ только неувѣренно предполагались, но г. Ончуковъ записалъ и привезъ нѣсколько былинъ, надѣясь использовать все эти быстро исчезающія сокровища народнаго творчества въ слѣдующую поѣздку на Печору, будущимъ лѣтомъ. V. 29-го декабря, въ актовомъ залѣ университета, состоялось торжественное засѣданіе совмѣстно съ секціями физической географіи и географіи XI сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. Засѣданіе открылось рѣчью председателя П. П. Семенова, приблизительно слѣдующаго содержанія: императорское русское географическое общество въ болѣе чѣмъ полувѣковой своей дѣятельности, стремясь къ разностороннему изученію Россіи и странъ, съ нею сопредѣльныхъ, всѣми силами старалось расширить географическую область естествознанія: вотъ почему большинство участниковъ многочисленныхъ снаряжаемыхъ имъ экспедицій были естествоиспытателями; вотъ почему императорское русское географическое общество въ теченіе своей дѣятельности шло рука объ руку съ русскими естествоиспытателями, и вотъ почему

нынѣ, въ данномъ собраніи, оно считаетъ ихъ не гостями, а своими. «Примите же,—продолжалъ П. П. Семеновъ,—дорогіе товарищи по естествознанію и по изслѣдованію дорогого намъ отечества, горячій мой привѣтъ отъ имени всего рускаго географическаго общества. Привѣтъ этотъ тѣмъ болѣе относится къ съѣхавшимся съ разныхъ концовъ Россіи труженикамъ науки, что въ томъ фазисѣ, въ которомъ находится современное положеніе географическихъ познаній Россіи, мы нуждаемся въ мѣстныхъ изслѣдователяхъ, имѣющихъ корни въ разныхъ частяхъ обширнаго нашего отечества и поставленныхъ въ возможность наблюдать на мѣстахъ своего жительства явленія природы интенсивно въ ихъ ежедневномъ движеніи и измѣненіи. Поэтому императорское русское географическое общество съ особенною радостью смотритъ на собравшихся въ большомъ числѣ со всѣхъ концовъ Россіи на нынѣшнемъ съѣздѣ естествоиспытателей и на необыкновенное его оживленіе. Наглядно убѣждаемся мы, что наука естествознанія идетъ у насъ впередъ быстрыми шагами, и намъ, начавшимъ свою дѣятельность полвѣка назадъ, когда насъ было еще такъ мало, остается передать столь полнымъ жизни и силы молодымъ поколѣніямъ русскихъ естествоиспытателей и географовъ завѣтъ самоотверженнаго служенія наукѣ и любви къ дорогому и славному нашему отечеству, служенію которому мы такъ беззавѣтно готовы отдать до конца нашихъ дней всѣ свои силы». Рѣчь П. П. Семенова была покрыта долгими и горячими рукоплесканіями. Затѣмъ Н. А. Зарудный сдѣлалъ краткій предварительный отчетъ объ очень интересномъ путешествіи въ Восточную Персію, сдѣланномъ имъ въ 1900—1901 гг. по порученію географическаго общества. Это путешествіе въ Персію Н. А. Заруднаго является уже третьимъ, при чемъ онъ дошелъ въ послѣдней экспедиціи до самой Индіи. Экспедиція продолжалась одинъ годъ, пройдено болѣе 4 тысячъ верстъ, изслѣдованы тщательно восточныя части Сеистана, и Персидскій Белуджистанъ пройденъ совершенно новыми путями. Первоначальное намѣреніе посѣтить Хеласскій Белуджистанъ не могло осуществиться, такъ какъ подъ вліяніемъ англичанъ экспедиція туда не была пропущена. Сеистанъ—одна изъ самыхъ плодороднѣйшихъ странъ, это—Египетъ въ миниатюрѣ; она носитъ на себѣ слѣды очень древней культуры и является крайне важнымъ стратегическимъ пунктомъ для англичанъ. Белуджистанъ въ своемъ оазисѣ Мегасѣ, по долинѣ рѣки Руть-Сарбасъ—самая большая и населенная часть Ирана; лучшее селеніе Белуджистана—Бабу-Келать, въ немъ много лавокъ, наполненныхъ предметами европейской культуры, по происхожденію своему преимущественно изъ Германіи и Франціи; впрочемъ встрѣчаются русскіе товары: керосинъ и даже самовары. Въ крайнемъ пунктѣ Персіи, портѣ Чахбаръ, являющемся телеграфной англійской станціей, экспедиція встрѣтила очень радушный пріемъ и желаніе полного содѣйствія въ пріобрѣтеніи научнаго матеріала. Экспедиція привезла огромныя коллекціи, преимущественно зоологическія, произвела метеорологическія наблюденія, нанесеніе картъ, опредѣленіе высотъ, сдѣлала множество фотографическихъ снимковъ и вообще оказалась очень плодотворной по своимъ результатамъ.

Этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. I. 17-го декабря, въ зданіи консерваторіи, происхо-

дило очередное засѣданіе музыкально-этнографической комиссіи, состоящей при отдѣлѣ подѣ председательствомъ Н. А. Янчука. Въ засѣданіи была окончательно разсмотрѣна и утверждена къ печатанію и разсылкѣ издаваемая комиссіей подѣ редакціей ея секретаря А. Л. Маслова подробная программа для собиранія пѣсенныхъ мотивовъ и всевозможныхъ свѣдѣній, касающихся народной музыки. Отсутствие такой руководящей программы, доступной для всякаго любителя народной музыки, очень дурно отражалось на всѣхъ нотныхъ записяхъ, дѣлаемыхъ любителями, и сплошь и рядомъ эти записи оказывались мало пригодными для научныхъ цѣлей. Сознавая этотъ недостатокъ, комиссія прежде всего позаботилась о такомъ полезномъ и необходимомъ руководствѣ, которымъ она и начинаетъ серію своихъ изданій, запасшись для начала небольшой суммой отъ устраиваемыхъ ею этнографическихъ концертовъ. Въ томъ же засѣданіи, между прочимъ, шла рѣчь объ устройствѣ слѣдующаго (V-го) этнографическаго концерта, который назначенъ на 30-е января 1902 года въ залѣ Романова и будетъ состоять изъ образцовъ народной музыки великоруссовъ, бѣлоруссовъ, малоруссовъ, литовцевъ, грузинъ, финляндцевъ, мордвы, вотяковъ и сартовъ, какъ изъ существующихъ въ печати сборниковъ, такъ и изъ новыхъ матеріаловъ, собранныхъ за послѣднее время членами комиссіи во время специальныхъ командировокъ отъ этнографическаго отдѣла. Нѣкоторыя изъ этихъ записей дѣлались при посредствѣ фонографа (Е. Э. Линевоѣ, А. Л. Масловымъ, П. С. Тезавровскимъ, Д. П. Аракчіевымъ и др.) и, переведенныя на бумагу, онѣ даютъ фотографически вѣрную копію народнаго исполненія. В. В. Пасхаловъ доложилъ въ засѣданіи отчетъ объ объемастаго сборника литовскихъ пѣсенъ (болѣе 700 нумеровъ), собранныхъ ксендзомъ Ант. Юшкевичемъ и изданныхъ подѣ редакціей Сиг. Носковского и П. Бодуэна де-Куртенэ Краковской академіей наукъ въ прошломъ году къ 500-лѣтію Ягеллонскаго университета. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ будутъ исполнены въ концертѣ 30-го января. II. 19-го декабря въ политехническомъ музеѣ происходило публичное соединенное засѣданіе отдѣла и состоящей при отдѣлѣ музыкально-этнографической комиссіи. Д. П. Аракчіевъ въ обширномъ докладѣ ознакомилъ собраніе съ историческимъ развитіемъ грузинской музыки. Начавъ съ языческой эпохи, референтъ перешелъ затѣмъ къ христіанской церковной музыкѣ, наконецъ охарактеризовалъ современную свѣтскую музыку, раздѣливъ ее на музыку деревни и музыку города; на первой отразился въ сильной степени церковный складъ, а вторая нерѣдко представляетъ собою смѣсь арабской, персидской и западно-европейской музыки. Читеніе сопровождалось многочисленными музыкальными нумерами, которые были исполнены на фортепиано, на грамофонѣ, хоромъ и солистами. Многочисленная публика принимала референта и исполнителей дружными аплодисментами. Въ происходившемъ затѣмъ закрытомъ засѣданіи были произведены выборы членовъ бюро. Оказались выбранными на слѣдующее трехлѣтіе: председатель В. Ф. Миллеръ, товарищъ председателя Н. А. Янчукъ, секретарь В. В. Богдановъ, бібліотекаръ А. Н. Максимовъ.

Общество любителей изслѣдованія Алтая въ Барнаулѣ. 14-го ноября общество праздновало свое первое десятилѣтіе. Торжество было весьма

скромное: собрались на засѣданіе, открытое рѣчью почетнаго предсѣдателя общества А. Ф. Кублицкаго-Пюгтухъ, 40—50 представителей мѣстной интеллигенціи, что для Барнаула и въ частности для самого общества немного. Привѣтствія обществу со стороны присутствующихъ на собраніи ограничились рѣчью предсѣдательствовавшего, но зато было прочтено около 25-ти привѣтственныхъ телеграммъ и адресовъ, присланныхъ различными учрежденіями и лицами изъ другихъ городовъ Сибири и Европейской Россіи. Секретаремъ былъ прочитанъ сжатый очеркъ дѣятельности общества за десятилѣтіе; произведены выборы трехъ лицъ, оказавшихъ услуги обществу, въ его почетные члены, а дѣйствительнымъ членомъ общества А. М. Головачевымъ сдѣлано весьма интересное сообщеніе «О семейномъ и общественномъ положеніи киргизской женщины». Этимъ и закончилось «торжество», наиболѣе любопытной частью котораго было, несомнѣнно, сообщеніе г. Головачева. Въ общемъ торжество все-таки производило впечатлѣніе довольно тяжелое, чего-то формальнаго, ненужнаго и въ то же время холодно-официальнаго. А между тѣмъ давно ли это самое общество группировало около себя лучшіе элементы мѣстной интеллигенціи, его собранія и даже засѣданія совѣта привлекали многочисленныхъ посѣтителей, которыми горячо обсуждались разнообразнѣйшіе вопросы мѣстной жизни. Общество усиленно и энергично работало при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ захолустнаго существованія и ограниченности матеріальныхъ средствъ. Истративъ за все десятилѣтіе всего около 10 тысячъ рублей, общество произвело рядъ крупныхъ работъ: произвело подворное изслѣдованіе 130-ти переселенческихъ поселковъ Алтайскаго округа, однодневную перепись г. Барнаула, подвергло обслѣдованію начальныя школы въ округѣ въ санитарно-экономическомъ отношеніи, организовало нѣсколько научныхъ командировокъ въ инородческій Алтай, издало четыре тома «Алтайскаго сборника»; на его многочисленныхъ собраніяхъ дѣлались членами общества научныя сообщенія, читались и обсуждались рефераты и доклады. И все это въ какія нибудь пять—шесть лѣтъ. Общество жило и работало. Совсѣмъ иную картину оно представляетъ за послѣдніе годы: дѣятельность его почти замерла, работъ—почти никакихъ, засѣданія весьма рѣдки, интересъ къ обществу въ окружающей средѣ, повидимому, изсякъ. Только въ послѣдній годъ въ немъ наблюдается какъ будто немного болѣе жизни. Объясненія этого печальнаго явленія нужно искать въ общихъ условіяхъ существованія и дѣятельности провинціальныхъ научныхъ обществъ, которыя именно и характеризуются періодичностью колебаній въ ихъ энергіи, работѣ и вообще дѣятельности: періоды расцвѣта смѣняются періодами упадка и обратно въ зависимости отъ множества частныхъ условій. Поэтому нельзя придавать преувеличеннаго значенія тому факту, что дѣятельность общества сильно ослабѣла,—это еще не показываетъ, что оно близится къ смерти: за временнымъ затишьемъ наступятъ вновь годы усиленной работы. Поручкой въ этомъ можетъ служить исторія всѣхъ другихъ сибирскихъ ученыхъ обществъ. Внѣшнимъ толчкомъ для общества, вѣроятно, послужитъ присоединеніе его къ русскому географическому обществу въ качествѣ его поддѣла, о чемъ общество уже увѣдомлено вице-президентомъ географическаго об-

щества П. П. Семеновымъ, — присоединеніе уже рѣшено, практическое же осуществленіе его требуетъ еще нѣкоторыхъ формальностей.

Географическія экспедиціи. I. Экспедиція П. К. Козлова. Недавно закончилась замѣчательная русская экспедиція, въ продолженіе двухъ съ половиной лѣтъ работавшая въ Монголіи и Тибетѣ. Экспедиція эта, въ составѣ всего 18 человекъ, подъ начальствомъ одного изъ «птенцовъ гнѣзда» Пржевальскаго, поручика Козлова, выступила изъ станицы Алтайской 14 іюля 1899 года и сначала изслѣдовала часть Алтая между русскою границей и городомъ Кобдо. Здѣсь спутникомъ Козлова, Ладыгинимъ, были произведены интересныя наблюденія надъ племенемъ урянхайцевъ, которыхъ также называютъ уйгурами. Повидимому, это жалкіе остатки великаго нѣкогда тюркскаго племени, въ настоящее время значительно омонголенные; въ странѣ ихъ экспедиціей найдены многочисленные памятники древности; круги изъ камней, каменные бабы и проч. Въ августѣ 1899 года экспедиція оставила Кобдо и двинулась далѣе на юго-востокъ, вдоль Монгольскаго Алтая, который состоитъ изъ двухъ параллельныхъ горныхъ цѣпей. Горы эти, обвѣваемые вѣтрами пустыни, сухи и бѣдны водой; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ обнажены совершенно; мѣстами, однако, въ склонахъ ихъ попадался лѣсъ, и нѣкоторыя вершины были покрыты снѣгомъ; у подножія горъ встрѣчались небольшія озера съ солоноватою или прѣсною водой. Около озера Бегеръ были замѣчены странные звуки, которымъ туземцы придаютъ сверхъестественное происхожденіе. Звуки, повидимому, происходятъ отъ столкновенія подъ острымъ угломъ тѣлаго вѣтра, идущаго изъ долины, съ холодными струями горнаго воздуха. Въ мартѣ 1900 года экспедиція перевалила въ ту огромную, болотистую и солонцеватую равнину, которая лежитъ на 2¹/₂ версты надъ уровнемъ моря и называется у монголовъ Цайдамомъ; Цайдамъ является какъ бы первою сѣвѣрною ступенью тибетскаго нагорья. Еще у Пржевальскаго установились дружественныя отношенія съ безобиднымъ монгольскимъ населеніемъ Цайдама, и все наши экспедиціи устраивали здѣсь временныя склады для той части провіанта и снаряженія, которую невозможно было брать съ собою на мрачныя выси тибетскаго нагорья. Козловъ дѣйствовалъ въ томъ же думѣ; одному изъ «тыгеновъ», оказавшему наибольшія услуги предшествовавшей русской экспедиціи (Роборовскаго), были переданы царскіе подарки (восемь серебряныхъ позолоченныхъ вазъ съ монгольскими надписями); при содѣйствіи монголовъ лишніе запасы были помѣщены въ «хырмѣ» (глиняной крѣпостцѣ) Барунъ-Засака, гдѣ была также устроена метеорологическая станція. Для охраны склада отъ тибетскихъ разбойниковъ, голыковъ, которые безнаказанно бродятъ по Цайдаму и обижаютъ мѣстныхъ монголовъ, въ «хырмѣ» былъ оставленъ адъютантъ Козлова Ивановъ съ переводчикомъ и двумя казаками. Внутри огады былъ вырытъ колодець для снабженія гарнизона водой на случай осады. Въ маѣ 1900 года экспедиція, въ боевомъ составѣ 15 человекъ, выступила по направленію къ истокамъ Желтой рѣки, несмотря на обычное предупрежденіе со стороны властей ближайшаго китайскаго города Синина (въ провинціи Гань-су), что послѣднія отклоняютъ отъ себя всякую отвѣтственность за возможныя проявленія враждебности по отношенію къ русскимъ со стороны тибетскихъ раз-

бойниковъ; 27 мая 1901 года экспедиція перевалила черезъ проходъ въ 4.500 метровъ высотой, громадный снѣговой (несмотря на крайнюю сухость климата) хребетъ Бурханъ-Будда, составляющій какъ бы сѣверную ограду Тибета въ собственномъ смыслѣ этого слова. По дорогѣ, съ помощью небольшой переносной лодки, было изслѣдовано озеро Алыкъ-норъ. 6 юля перевалили черезъ вторую, столь же высокую, снѣговую цѣнь, Амне-коръ, и вскорѣ съ высокаго перевала увидали въ отдаленіи водную площадь озера, изъ котораго выходитъ Желтая рѣка; Пржевальскій назвалъ это озеро Русскимъ. Здѣсь по близости кочуетъ разбойничье тибетское племя—голыковъ, уже не разъ нападавшихъ на предшествовавшія русскія экспедиціи. И теперь здѣсь былъ встрѣченъ караванъ голыковъ, возвращавшихся изъ Лхассы; ихъ было 500—600 человекъ, съ двумя тысячами вьючныхъ яковъ. Козловъ сдѣлалъ попытку вступить съ голыками въ миролюбивыя отношенія и добыть отъ нихъ проводника, но это не удалось. Наши смѣльчаки, однако, не пали духомъ, и въ то время, какъ одинъ изъ спутниковъ Козлова, Ладыгинъ, съ восемью казаками наблюдалъ за движеніемъ голыковъ, Козловъ прошелъ вдоль неизслѣдованнаго еще западнаго берега Русскаго озера, а Казнаковъ пробрался еще дальше и почти обогнулъ другое озеро, лежащее выше и соединенное съ первымъ протокомъ,—озеро Джаринъ-норъ (Пржевальскій, открывшій истоки Желтой рѣки, назвалъ его озеромъ Экспедиціи). Озера находятся на высотѣ четырехъ верстъ надъ уровнемъ моря (4.100 метровъ); каждое изъ нихъ имѣетъ около 130 верстъ въ окружности и покрыто островами; берега круты; цвѣтъ воды красивый голубовато-зеленый. При помощи переносной лодки были преизведены промѣры дна нижняго озера. Температура воды его равнялась 8—9°, температура воздуха нерѣдко опускалась (въ юнѣ мѣсяцѣ) до семи градусовъ ниже нуля. Козловъ не сталъ спускаться внизъ по долинѣ Желтой рѣки, гдѣ его ждали вооруженные отряды голыковъ, и направился далѣе къ югу, къ верховьямъ Голубой рѣки (Янъ-цзы-цзяна), однако онъ письменно увѣдомилъ главу разбойничьяго племени, Кенегснъ-Сена, что онъ надѣется побывать въ гостяхъ у голыковъ на обратномъ пути. Переправа черезъ Янъ-цзы совершилась благополучно. Страна, лежащая южнѣ великой рѣки, весьма живописна и густо населена полукочевыми тангутами. По верхнимъ склонамъ горъ пасутся стада домашнихъ животныхъ, а ниже, въ долинахъ (на высотѣ 3¹/₂ верстъ) засѣвается ячмень, дающій самъ 10. По дорогѣ часто встрѣчались деревни, кумирни. Къ счастью, мѣстное населеніе относилось къ экспедиціи дружественно. Однако, проникнуть ближе къ Лхассѣ нечего было и думать; одинъ караванъ паломниковъ, возвращавшійся изъ Лхассы въ китайскую провинцію Сы-Чуанъ, распространилъ среди жителей слухъ, будто весною (1900 года) англичане намѣревались овладѣть Лхассой при посредствѣ вооруженной силы, и немалое количество тибетцевъ пало въ бою, защищая священный городъ. Поэтому правительство Далай-ламы распорядилось удвоить предосторожности противъ всякихъ попытокъ иноземцевъ пробраться въ священную область. Ивановъ, оставленный на Цайдамѣ, увѣдомилъ императорское русское географическое общество черезъ наше посольство въ Пекинѣ, что на складъ и метеорологическую станцію были сдѣланы тангутскими раз-

бойниками два нападенія, въ июль и октябрь 1900 года; оба раза тангуты были отбиты съ значительными для себя потерями. Въ июль 1901 года въ Бйскѣ были получены тревожныя вѣсти. Въ Кобдо распространился слухъ, что на экспедицію напала двухтысячная орда тангутовъ, и хотя нападеніе было отражено, но лишь цѣною жизни восьми участниковъ экспедиціи, которая находится будто бы въ крайней опасности. Къ счастью, это оказалось не вѣрно. Осенью русское посольство въ Пекинѣ увѣдомило императорское географическое общество, что экспедиція Козлова, прозимовавъ около Чямдо (въ восточномъ Тибетѣ), пробралась затѣмъ новою, нехоженою дотолѣ дорогой, къ озерамъ въ верховьяхъ Желтой рѣки. На пути пришлось дѣйствительно выдержать три сраженія съ тангутами, но исходъ ихъ былъ для экспедиціи благополученъ, и въ срединѣ іюня она возвратилась къ найдамскому складу въ полномъ составѣ, проведя въ Тибетѣ 13 мѣсяцевъ и собравъ драгоцѣнныя коллекціи. Въ августѣ Козловъ выступилъ въ обратный путь и 16 ноября, какъ увѣдомляютъ телеграммы, перешелъ въ Кяхтѣ русскую границу. Такъ закончилось это долгое и опасное путешествіе, закончилось вполне благополучно, невзирая на страшныя волненія, потрясавшія Китай во время пребыванія экспедиціи въ его предѣлахъ.

II. Исслѣдованіе Сыръ-Дарьи. Рѣка Сыръ-Дарья, только-что исслѣдованная по порученію министерства путей сообщенія, беретъ начало со свѣжнаго хребта Тянь-Шаня. Верховья рѣки, по словамъ Н. П. Пузыревскаго, сдѣланнаго докладъ въ засѣданіи географическаго общества, отличаются обиліемъ пороговъ, малою глубиной и быстротою теченія, но далѣе она становится, послѣ слиянія съ Кара-Дарьей, настолько глубокою, что вполне возможно устройство здѣсь даже пароводнаго сообщенія. Эта верхняя часть рѣки порогами у Ходжента отдѣляется отъ нижняго ея теченія—тоже глубокаго и удобнаго для плаванія. Глубины на фарватерѣ колеблются около 3,3 и даже 4 саж., а мѣстами, у вогнутыхъ береговъ, доходятъ и до 8 саж.; глубины менѣе 5 футовъ встрѣчаются крайне рѣдко. Общее паденіе рѣки отъ Чиназа до устья—95 саж., и оно распределено очень равномерно на все протяженіе рѣки, чего не бываетъ въ рѣкахъ равнины Европейской Россіи. Ниже Чиназа, верстахъ въ 250, начинаютъ появляться острова и мели, и рѣка нерѣдко течетъ въ нѣсколько руселъ такой характеръ сохраняется до 624 вер. ниже Чиназа. Здѣсь нерѣдко попадаются водовороты довольно значительныхъ размѣровъ. Ниже Ташсаута Сыръ-Дарья представляетъ цѣпь плесовъ, соединенныхъ другъ съ другомъ сначала очень кривыми потоками: ширина плесовъ бываетъ около 300 саж., а протоковъ—50—70 саж., фарватеръ же, случается, доходить до 20 саж. ширины. Далѣе до Перовска рѣка все время течетъ однимъ русломъ, ширина ея около 80 саж., и она тутъ вездѣ удобна для судоходства. Въ 12 верстахъ ниже Перовска Сыръ-Дарья отдѣляется отъ себя слѣва рукавъ Джаны-Дарья, который въ меженное время обсыхаетъ. Въ 30 вер. ниже Перовска рѣка раздѣляется на два рукава, обмывающіе островъ Кошкурганъ, длиной до 114 в. и шириной до 13 в. Правый рукавъ называется Караузьякомъ, а лѣвый—Яманъ-Дарью; первый рукавъ раздѣляется далѣе на рядъ протоковъ, которые ниже снова образуютъ одно русло. Другой же рукавъ, Яманъ-Дарья, несетъ главную массу

воды; онъ очень извилистъ, глубокъ и напоминаетъ своимъ видомъ каналъ; ширина его около 40—80 саж., глубина по большей части 4—4 с., наименьшая—5 футовъ. Отъ Кармакчи рѣка снова течетъ однимъ русломъ, но попадаются довольно значительные острова, и извилины рѣки все еще велики; такой характеръ сохраняется до самаго устья. Глубина на фарватерѣ понижается до 8 саж. и наименьшая глубина выше Казалинска—5 ф., а ниже—6 ф. Дельта Сырь-Дарья постепенно растетъ и за полустолѣтїе увеличилась на 5 верстъ. Около устья рѣка разбивается на рядъ мелкихъ рукавовъ, и это мѣсто носить мѣстное названіе Косъ-Аралъ; въ настоящее время судоходенъ правый рукавъ. Сырь-Дарья влечетъ за собою массу наносовъ, главнымъ образомъ илистаго характера. Песчаныхъ мелей на рѣкѣ почти-что нѣтъ. Перекаты очень коротки и гораздо устойчивѣе таковыхъ же на Волгѣ и на Дону, конечно, благодаря илистому характеру ложа рѣки; вообще русло Сырь-Дарья принадлежитъ къ устойчивымъ. О колебаніяхъ уровня водъ рѣки данныхъ существуетъ мало. Среднія скорости теченія въ меженное время равняются около 3,6 футовъ въ секунду. Бассейнъ Сырь-Дарья обнимаетъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Долина рѣки, повидимому, является бывшею котловиной большаго внутренняго моря, на что указываетъ и составъ почвы. Поверхность долины очень ровная и затопляется на значительномъ пространствѣ высокими водами рѣки, отлагающими иногда плодородный илъ и выщелачивающими соль изъ почвы, подготавливая такимъ образомъ плодородную поверхность обширнаго протяженія. Въ нижней части рѣки, отъ Туркестана до Ташсуата, берега возвышены до 1 саж. надъ меженнымъ уровнемъ. Они покрыты лѣсомъ и служатъ мѣстомъ осѣдой жизни. Въ нижнемъ теченіи рѣка неоднократно мѣняла русло и покрыла своимъ пломъ около 100.000 кв. верстъ. **III. Озера Памира.** Н. В. Богоявленскій, дважды совершившій путешествіе на Памиръ, съблалъ 10-го декабря въ засѣданіи отдѣла ихтіологін русскаго общества акклиматизаціи интересное сообщеніе объ озерахъ Памира. Изслѣдованіе озеръ произведено референтомъ въ послѣднюю поѣздку лѣтомъ текущаго года. Н. В. Богоявленскій описалъ сначала первое большое озеро Памира—Каракуль, въ переводѣ «грозное», «черное» озеро. Восточный берегъ озера, по которому лежитъ дорога, вполне безжизненъ, и только издали виднѣются бѣлыя полянки, покрытыя какою-то солью. Путешественники остановились на южномъ берегу озера, гдѣ была хоть кое-какая травка. Каракуль представляетъ громадный бассейнъ воды, около 30 верстъ въ длину и 20 верстъ въ ширину. Съ южной стороны къ нему трудно подойти отъ множества мелкихъ озерковъ, которыя всѣ соединяются между собою небольшими проливами. При болѣе близкомъ разсмотрѣніи оказалось, что всѣ эти мелкія озера образовались отъ протавиваній подъ почвой цѣлаго слоя льда. Ледъ занимаетъ на южномъ берегу громадную площадь, покрытую сверху на два аршина слоемъ почвы, представляющей тишичное отложеніе озернаго дна. Въ этомъ наносѣ встрѣчается много раковыхъ слизняковъ, а также часто попадаются въ высохшемъ состояніи взрослые формы веснянокъ, которыя встрѣчаются въ большомъ количествѣ на Памирахъ и домики ихъ отличаются удивительнымъ разнообразіемъ въ постройкѣ. Другое озеро Зоркуль лежитъ на высотѣ болѣе 13.000

футовъ; оно имѣеть около 12 верстѣ въ ширину и 20 верстѣ въ длину; берега его оживленнѣе береговъ Каракуля; встрѣчается масса птицы: гуси, утки, бакланы, чайки, кулики и др. Біологическій планктонъ озера оказался очень бѣднымъ. Докладчику удалось собрать въ одномъ мѣстѣ берега въ пѣнѣ большое количество зимнихъ дафній, которыя были демонстрированы на засѣданіи. Слѣдующее озеро Друмъ, никѣмъ еще не описанное, лежитъ въ юго-западномъ углу Памира. Доступъ къ нему очень труденъ; оно расположено среди отвѣсныхъ горъ, длина его пять верстѣ, ширина—двѣ версты, но глубина простирается до 105 аршинъ. Вода отличается замѣчательною прозрачностью; въ озерѣ много рыбы, но планктонъ очень бѣденъ. Отсюда путешественники отправились къ озеру Яшилъ-куль, или Зеленому озеру, гдѣ произошло столкновение афганцевъ съ русскими. Длина его около 20 верстѣ, а ширина—4—5 верстѣ. Природа этого озера рѣзко отличается отъ другихъ озеръ; флора его совершенно другая и напоминаетъ флору низко лежащихъ мѣстъ. Около Зеленаго озера водится амфибія—жаба. Всѣ берега изобилуютъ массою птицы; по долинамъ рѣчки, впадающей въ Яшилъ-куль, растетъ много травы и находится множество кочевовъ. Въ фаунистическомъ отношеніи озеро не представляетъ ничего особеннаго. Но зато три озера, лежація недалеко отъ Яшилъ-куля, поражаютъ своимъ невѣроятнымъ развитіемъ одной формы листоногихъ раковъ. Весь берегъ одного небольшого и неглубокаго озера ($1/2$ — $3/4$ аршина) былъ покрытъ яйцами артемій. Все дно было покрыто, приблизительно на вершокъ, шкурками тѣхъ же артемій. Плавать по озеру было невозможно отъ запаха разлагающихся рачьихъ тѣлъ. Среди мутной бѣлесоватой воды озера выплывали какъ будто темнокрасныя змѣи, длиною около аршина, а толщиною въ руку. Эти змѣи при внимательномъ разсмотрѣніи оказывались плавающими стадами темнокрасныхъ артемій. Кромѣ перечисленныхъ озеръ, Н. В. Богоявленскимъ были еще изслѣдованы два озера—Шоръ и Раткуль, лежація на сѣверо-восточномъ Памирѣ, невдалекѣ отъ Китайской границы. **IV. Памиръ и Шугнанъ.** Минувшимъ лѣтомъ дѣйствительнымъ членомъ географическаго общества Б. Н. Федченко былъ предпринятъ рядъ изслѣдованій въ области высочайшаго нагорья Азіи—Памира и долины Шугнана, недавно присоединеннаго къ Бухарѣ отъ Афганистана. Изслѣдователю удалось проникнуть туда съ границъ Бадахшана и подножія Гиндукуша. Главною цѣлью экспедиціи являлись ботаническія изслѣдованія, но произведены также изслѣдованія надъ ледниками. Кромѣ того, собраны коллекція насѣкомыхъ и другихъ животныхъ, коллекція почвъ, и проч. На сѣверномъ склонѣ Алайскаго хребта встрѣчаются тѣнистыя арчевыя лѣса, среди которыхъ на полянахъ растутъ въ изобиліи травы, образуя луга, остающіеся совершенно нетронутыми кочующими здѣсь въ теченіе лѣтнаго времени киргизами; зимою послѣдніе проводятъ здѣсь все время. Дальнѣйшій путь черезъ Алайскую долину былъ совершенъ при весьма неблагоприятной погодѣ, постоянномъ холодномъ вѣтрѣ. Алай—это рай кочевниковъ: сюда они сходятся со своими тысячными стадами, здѣсь ихъ откармливаютъ въ теченіе іюня и іюля, а къ августу долина уже пустѣетъ. Далѣе черезъ переваль Къзыль-артъ, считающійся какъ бы воротами Памира, экспедиція поднялась на это нагорье Средней Азіи, лежащее немного ниже перевала и пред-

ставляющее каменистую пустыню съ рѣдкою и бѣдною растительностью. Для всего Памира извѣстно только 200 видовъ разныхъ растений, а присоединивъ вновь найденные экспедиціей, все же нельзя насчитать болѣе 250—300 видовъ. Флора здѣсь отличается замѣчательною приспособленностью къ мѣстнымъ тяжелымъ условіямъ. При дальнѣйшемъ движеніи по Памиру путь экспедиціи пролегалъ мимо озера Большой Кара-куль, гдѣ была сдѣлана дневка. Озеро довольно значительное, около 150 кв. в. Островами и полуостровами оно раздѣлено на двѣ части, восточную—мелкую и западную—глубокую. Берега восточной части озера поднимаются не болѣе 2—3 сажень надъ водою; тутъ образовалась цѣлая цѣпь озеръ, соединенныхъ протоками съ главнымъ. На береговыхъ разрѣзахъ Кара-куля встрѣчаются прослойки подпочвеннаго льда, который, по мнѣнію докладчика, происхожденія озернаго, а не ледниковаго, какъ думали нѣкоторые путешественники. Далѣе экспедиція направилась къ рѣкѣ Мургабу черезъ переваль Акбайталъ, откуда рѣчка того же имени идетъ по долинѣ до Мургаба. У самаго слиянія двухъ рѣкъ расположенъ Памирскій постъ. Памирскій постъ—русское небольшое укрѣпленіе, существующее всего лѣтъ семь. Здѣсь устроены изъ кирпича-сырца склады, вырыты рвы, окружающіе все поселеніе, лежащее на самой окраинѣ береговой террасы долины Мургаба. Рѣка тутъ течетъ не широкимъ русломъ и даже во время разлива не выходитъ изъ него, развѣ случится особенно сильное половодье. Нижняя терраса рѣки занята болотистымъ лугомъ, а верхняя—растительностью, характерною для каменистой пустыни, далѣе склоны горъ также одѣты растительностью, а еще выше въ ущельяхъ встрѣчаются альпійскія лужайки. Съ Памирскаго поста экспедиція пошла сперва внизъ по рѣкѣ Мургабу вдоль рѣки Алигура, при чемъ переправа черезъ Мургабъ совершена была не безъ труда; особенную помощь оказали мѣстные киргизы. Послѣднихъ на Памирѣ немного, 1.200—1.500 человекъ, образующихъ особую Памирскую волость и пользующихся значительными льготами. Лѣтомъ киргизы уходятъ высоко въ горы и пасутъ стада по альпійскимъ лугамъ, и зимою живутъ въ долинахъ рѣкъ или озеръ. Главное ихъ занятіе скотоводство: разводятъ барановъ, верблюдовъ, лошадей и яковъ, составляющихъ главное богатство киргизовъ. Яки доставляютъ не только хорошее молоко, но и служатъ лучшимъ вьючнымъ животнымъ для горныхъ странъ: гдѣ лошадь итти не можетъ, якъ пройдетъ безъ труда. Долина рѣки Алигура не широка, всего верстъ 10, и растительность здѣсь не такъ богата, какъ по Мургабу. Около западнаго конца долины расположено озеро Сассыкъ-куль, само по себѣ небольшое, всего около версты въ діаметрѣ, но очень интересное; вода его соленая. Затѣмъ было посѣщено озеро Яшилъ-куль, въ которое впадаетъ рѣка Алигуръ. Это озеро не чтò иное, какъ зарученная часть Алигура; ширина его около двухъ верстъ, а длина верстъ 25. Отсюда экспедиція прошла въ Шугнанъ, гдѣ была встрѣчена посланцами шаганскаго бека, сопровождавшими ее далѣе на вѣсьмъ пути. Въ долинѣ рѣки Гунта встрѣчались поселенія шугнанцевъ и ихъ посѣвы, но послѣднихъ мало. Сѣютъ тутъ рожь, бобы, горохъ, все вперемежку на одномъ полѣ, убираютъ все вмѣстѣ и вмѣстѣ же мелютъ сѣмена, получая смѣшанную муку. Ниже верѣчались посѣвы табака. Въ селеніи Хорогъ экспедицію встрѣтили бекъ и начальникъ рус-

скаго поста въ этомъ мѣстѣ. Мѣстное населеніе—племя таджиковъ, очень бѣдное; живутъ тутъ въ сакляхъ, сложенныхъ изъ камня; внутри сакли совершенно темныя; единственное отверстіе—маленькая дверь; спать на земляныхъ нарахъ. Рядомъ каменная ограда для загона скота; двѣ, три хижины составляютъ селеніе, рѣдко больше. Изъ домашнихъ животныхъ разводятъ лошадей, коровъ, ословъ, овецъ, козъ. Изъ Хорога сдѣлана была поѣздка вверхъ по рѣкѣ Пянджу до поста Ишкашимскаго, по довольно трудной дорогѣ, лежащей большею частью по карнизу надъ рѣчнымъ ложемъ, мѣстами подмытому и залитому водами бурной рѣки. Послѣдняя мѣстами довольно широка, мѣстами—всего въ нѣсколько сажень шириною. Ишкашимскій постъ былъ крайнимъ пунктомъ движенія экспедиціи на югъ. Отсюда видны уже склоны Гиндукуша и его проходы. Результаты путешествія слѣдующіе: всего пройдено свыше 1.500 верстъ караваннаго пути, собраны богатые коллекціи ботаническія и отчасти по другимъ отраслямъ знаній. **V. Алтайская экспедиція.** Лѣтомъ текущаго года, какъ сообщаетъ «Сибирская Жизнь», извѣстнымъ изслѣдователемъ озеръ Акмолинской области, П. Г. Игнатовымъ, была предпринята, совместно съ военнымъ топографомъ Розенауеромъ, горнымъ инженеромъ Барятинскимъ и тремя студентами, экспедиція для изученія Телецкаго озера и его многочисленныхъ притоковъ. Всѣ имѣвшіяся до сихъ поръ свѣдѣнія объ этомъ озерѣ, по туземному наименованію «Алтынъ-коль», были неполны, неточны, отрывочны. Экспедиціи удалось пополнить этотъ пробѣлъ, точно опредѣлить размѣры озера, его глубину, строеніе береговъ, озерную флору и фауну. Произведена была гидрографическая съемка, опиравшаяся на промѣрахъ озера, при помощи лота Томсена, въ 2¹/₂ тыс. точекъ, глубина «Алтынъ-коля» доходитъ мѣстами до 170 сажень, длина—173 версты, площадь поверхности—около 200 кв. верстъ. Эти данныя показываютъ, что «Алтынъ-коль» занимаетъ третье мѣсто среди русскихъ озеръ, уступаая лишь Каспію и Байкалу. Берега главнаго плеса состоятъ изъ сланцевыхъ массивовъ, южная часть описана гранитными скалами. Термическія свойства озера своеобразны; при довольно высокой температурѣ воздуха, верхніе слои воды имѣли 3—4 градуса. Замерзаетъ ежегодно лишь болѣе мелкая часть, главный же плесъ сковывается льдомъ приблизительно одинъ разъ въ семь лѣтъ. Къ сентябрю «Алтынъ-коль» становится очень бурнымъ и небезопаснымъ для плаванія. Берега его почти необитаемы. Близъ лежація поселенія поражаютъ своею бѣдностью. Скотоводство, рыболовство и охота—главные источники существованія для обитателей этого уголка Алтая. Въ озерѣ ловится много рыбы разныхъ видовъ, встрѣчаются ракообразные, моллюски. Помимо Телецкаго озера и его побережья, экспедиціей обследованъ былъ и бассейнъ рѣки Чулушмана, верховья котораго оказались почти совершенно безлюдными. Г. Игнатовымъ вывезены богатые зоологическая, ботаническая и геологическая коллекціи. Сдѣлано также свыше 500 фотографическихъ снимковъ.

Общество востоковѣднія. 30-го ноября, І. В. Тарновскій сдѣлалъ сообщеніе о Бухарѣ. Правительственная власть въ Бухарѣ принадлежитъ эмиру, тремъ его помощникамъ и 43 бекамъ, въ завѣдываніи которыхъ находятся отдѣльные округа, при чемъ управленіе бековъ имѣетъ цѣлью не благосостоя-

ніе ввѣренной области, а личное обогащеніе правителя. Почва Бухары очень плодородна, и земледѣліе могло бы процвѣтать здѣсь, если бы было урегулировано водопользованіе. Бухара—одна изъ тѣхъ странъ, для которыхъ необходимо искусственное орошеніе. Почти единственнымъ воднымъ источникомъ для Бухары является рѣка Заравшанъ, половина которой находится въ русскихъ предѣлахъ. Въ прежнее время распредѣленіе воды производилось на особыхъ водныхъ сѣздахъ, каждый округъ тогда получалъ столько, сколько ему было нужно. За послѣднее время этотъ порядокъ не практиковался, слѣдствіемъ чего и явился водный кризисъ 1899 года, а съ нимъ и полный неурожай хлѣбовъ и растений. Пшеница, ячмень, просо и джугара вообще могутъ быть культивированы въ Бухарѣ съ большимъ успѣхомъ. Другое дѣло—рисъ; его урожаи требуютъ такого обилія воды, что Бухара не въ состояніи довольствоваться своимъ рисомъ и получаетъ его изъ Самарканда и отчасти изъ Персіи. Зато хлопокъ можетъ съ успѣхомъ произрастать въ Бухарѣ, и для Россіи очень важно способствовать этой отрасли сельскаго хозяйства, такъ какъ бухарскій хлопокъ всегда найдетъ спросъ на нашихъ рынкахъ. Одною изъ заброшенныхъ, но также имѣющихъ большую будущность, отраслей хозяйства, является виноградарство и связанное съ нимъ винодѣліе. Превосходные сорта винограда позволяютъ производить очень тонкія вина, но бухарцы мало обращаютъ вниманія на винодѣліе и во всякомъ случаѣ до сихъ поръ не старались сдѣлать изъ него предметъ торговли. Издавна извѣстна еще Бухара своими мерлушками, но и здѣсь бухарцы проявляютъ крайнюю неподвижность. Скупкою каракулевыхъ шкурокъ занимаются нѣсколько кулаковъ-бухарцевъ и русскихъ по весьма низкимъ цѣнамъ, но затѣмъ почти всѣ наличныя шкурки перекупаются ими по 5 рублей штука нѣмцамъ, которые обрабатываютъ шкурки и затѣмъ обратно возвращаютъ въ Россію уже по 25 р. за шкурку. Между тѣмъ устроить соответственный заводъ на мѣстѣ, вѣроятно, не потребовало бы особыхъ затратъ, большая же прибыль этого дѣла очевидна. Горное дѣло въ Бухарѣ еще въ зачаткѣ. Докторъ геологій Крафтъ, изслѣдовавшій Бухару, нашелъ здѣсь богатѣйшія залежи золота, и въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ начали здѣсь золотопромышленную дѣятельность инженеры Жоравко-Покорскій и Сирасъ. Разрѣшеніе на добычу золота зависитъ отъ туркестанскаго генераль-губернатора и утверждается эмиромъ и даже при самыхъ примитивныхъ способахъ промывки можетъ дать до 25 процентовъ прибыли. Шелководство въ Бухарѣ крайне упало, но поправить это дѣло вполне возможно. Вообще, по мнѣнію докладчика, Бухара представляетъ одну изъ тѣхъ странъ, которыя въ умѣлыхъ рукахъ могутъ дать неисчерпаемыя богатства, остающіяся неиспользованными у полудикаго и невѣжественнаго населенія.

НЕКРОЛОГИ.

БОГДАНОВСКИЙ, А. М. Въ Кіевѣ скончался 5-го января заслуженный профессоръ Новороссійскаго университета, извѣстный криминалистъ, Александръ Михайловичъ Богдановскій. Покойный родился въ 1832 г. въ Тамбовской губ., воспитывался въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ. На двадцать первомъ году онъ былъ назначенъ исполняющимъ должность адъюнкта Ришельевского лицея по кафедрѣ уголовного права и практическаго судопроизводства, черезъ четыре года защитилъ диссертацию «Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго» на степень магистра уголовного права, назначенъ профессоромъ лицея и вскорѣ директоромъ. При преобразованіи Ришельевского лицея въ Новороссійскій университетъ А. М. принялъ дѣятельное и видное участіе въ этой реформѣ, затѣмъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ уголовного права и занималъ эту кафедру до 1887 г. Въ 1870 г. онъ защитилъ диссертацию «Молодые преступники» на степень доктора уголовного права. Помимо профессорской дѣятельности покойный занимался и публицистическою работою. Въ 50-хъ годахъ онъ редактировалъ «Одесскій Вѣстникъ» и умѣлъ привлечь къ участію въ этой газетѣ Н. П. Пирогова, Ордынскаго, Савича и др. Подъ его редакторствомъ «Одесскій Вѣстникъ» отражалъ въ себѣ передовыя теченія тогдашняго времени. Кроме того, онъ издавалъ вмѣстѣ съ А. П. Георгіевскимъ «Новороссійскій литературный борникъ», былъ предсѣдателемъ мѣстнаго педагогическаго общества, членомъ одесской городской управы, почетнымъ мировымъ судьей. По выходѣ въ отставку А. М. поселился въ своемъ имѣніи Полтавской губ. и занялся сельскимъ хозяйствомъ, затѣмъ переселился въ Кіевъ. Покойному пришлось пережить нѣсколько университетскихъ исторій, студенческую въ 1869 г., Богшичевскую и др. Какъ профессоръ, онъ пользовался большими симпатіями своихъ слушателей за свое

всегдашнее добродушие, гуманность и нравственное мужество. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9286).

Иенсенъ, Д. И. 10-го января скончался профессоръ скульптуры, Давидъ Ивановичъ Иенсенъ. Покойный, родомъ датчанинъ, жилъ въ Россіи съ 1841 г., когда былъ вызванъ въ Петербургъ для исполненія разныхъ скульптурныхъ работъ: большихъ барельефовъ, каріатидъ и т. п. во дворецъ великой княгини Маріи Николаевны. Свое художественное образованіе онъ получилъ въ Копенгагенской королевской академіи художествъ, руководимой въ то время извѣстнымъ скульпторомъ Торвальдсеномъ. По пріѣздѣ въ Россію съ 1843 по 1847 г. Д. И. былъ преподавателемъ въ скульптурныхъ классахъ рисовальной школы Общества поощренія художниковъ (нынѣ Общество поощренія художествъ). Д. П. Иенсену приписывается множество чрезвычайно интересныхъ декоративно-скульптурныхъ работъ, которыми украшены многіе наши дворцы, общественныя зданія и манежи. Такъ, напримѣръ, имъ исполнены почти всѣ статуи (исключая шести, стоящихъ на лицевой сторонѣ), часть барельефовъ, бюстовъ и группъ зданія императорскаго Эрмитажа. Ему же принадлежатъ и всѣ скульптурныя работы во дворцахъ великихъ князей Николая Николаевича Старшаго, Михаила Николаевича, Сергѣя и Павла Александровичей, а также и всѣ украшенія въ императорскихъ комнатахъ на станціяхъ Царскосельской желѣзной дороги. Кромѣ того, имъ же исполненъ недурной памятникъ баронету Виліе въ клиникѣ военно-медицинской академіи, барельефы для зданія академіи и фонтанъ «Гигенъ», очень интересные фронтоны на Конногвардейскомъ манежѣ, красивый мраморный камень для дворца великаго князя Владимира Александровича, множество крупныхъ барельефовъ для дома гр. Шереметева, множество всевозможныхъ бюстовъ, фигуръ, фонтановъ и вазъ для украшенія садовъ. Еще въ бытность свою въ Копенгагенской академіи Д. И. Иенсенъ получилъ за свои работы золотую медаль, а въ 1857 году наша академія художествъ присудила ему званіе академика за барельефъ: «Ахилесъ возвращается съ поединка съ тѣломъ побѣжденнаго Гектора». Въ 1868 году ему дано было званіе профессора скульптуры за статую «Діаны», находящуюся въ академическомъ музеѣ, которая и была въ томъ же году выставлена на академической выставкѣ. Въ 1886 г. была выставлена его послѣдняя извѣстная работа—эскизъ-проектъ памятника покойному императору Александру III. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9288).

Фонъ-Кауфманъ, М. П. 7-го января въ С.-Петербурѣ скончался членъ государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ, инженеръ-генераль, Михаилъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.

Покойный, сынъ доблестнаго участника суворовскаго похода и братъ извѣстнаго покорителя Бухары и Хивы, родился 2-го ноября 1822 года въ м. Теленештахъ, Бессарабской губ. По окончаніи курса въ винницкой гимназіи онъ былъ опредѣленъ въ Николаевское инженерное училище, въ 1839 г. произведенъ въ полевые инженеры и началъ слушать лекціи въ офицерскихъ классахъ училища (нынѣ инженерная академія). Въ это время случился съ нимъ эпизодъ, едва не испортившій всей его будущности. Послѣ удачнаго экзамена, 17-лѣтній юнша-офицеръ вышелъ на улицу безъ шапки. Первымъ,

кого онъ встрѣтилъ, былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. «На гаунт-вахту!»—раздался надъ ухомъ пойманнаго врасплохъ юноши звучный голосъ грознаго начальника.—«На которую, ваше высочество?»—успѣлъ промолвить оторопѣвшій офицеръ. Вопросъ этотъ былъ сочтенъ за браваду, и черезъ 24 часа М. П. сидѣлъ подъ конвоемъ на перекладной и скакать въ Бобруйскую крѣпость въ качествѣ прапорщика мѣстной команды. Но вспыльчивый великій князь былъ не злопамятенъ. Года не прошло со времени высылки, какъ М. П. было объявлено полное прощенье съ возвращеніемъ въ академію. По окончаніи въ ней курса покойный опредѣлился въ гвардейскій саперный баталіонъ и съ тѣхъ поръ до кончины великаго князя пользовался расположеніемъ его высочества.

Въ гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ покойный былъ недолго. Удобства столичной жизни и положеніе баталіоннаго адъютанта не удержали его въ Петербургѣ. Онъ промѣнялъ преимущества гвардейской службы на жизнь офицера славной Кавказской арміи. Съ 1849 г. начался періодъ его боевой службы, продолжавшійся непрерывно одиннадцать лѣтъ. Ему пришлось принять участіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ на лезгинской линіи, въ Чечнѣ, Дагестанѣ и въ Азіатской Турціи, послѣдовательно занимая должности полевого инженера-строителя, командира сапернаго батальона, командира Навагинскаго полка, дежурнаго штабъ-офицера (начальника штаба) дѣйствовавшаго корпуса и начальника отдѣльныхъ отрядовъ. На этихъ разнообразныхъ постахъ М. П. имѣлъ случай не разъ выказать свои обширныя познанія въ военномъ дѣлѣ, неустранимость и распорядительность. Въ 1850 г. онъ былъ тяжело раненъ пулей въ животъ при рекогносцировкѣ у с. Бехельзы. Пуля была извлечена, и оправившись онъ быстро вернулся въ ряды кавказскихъ героевъ. За боевыя отличія въ дѣлахъ съ горцами онъ получилъ нѣсколько наградъ и былъ произведенъ въ капитаны и подполковники. Особенно отличился покойный при штурмѣ Карса въ 1855 г., оказавъ подвигъ, занесенный на страницы исторіи. Онъ былъ посланъ съ батальономъ Рязанскаго пѣхотнаго полка и съ охотниками на подкрѣпленіе нашей правой колонны. Поднявшись подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ на Широискія высоты, онъ взялъ ложементы, фланкировавшіе редутъ Томасъ-Табія, а затѣмъ, преслѣдуя непріятеля, атаковалъ и самый редутъ, но оказался отрѣзаннымъ отъ правой колонны и окруженнымъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. М. П. не растерялся. Дружно ударивъ въ штыки, онъ пробился сквозь ряды турокъ, прошелъ всю линію турецкихъ укрѣпленій и возвратился въ лагерь горами, не оставивъ въ рукахъ непріятеля никакого трофея и вынеся всѣхъ раненыхъ. Этотъ подвигъ покойнаго отмѣченъ Георгиевскимъ крестомъ 4-й степени.

Съ 1860 г. началась педагогическая, административная и общественная дѣятельность М. П. Бывшій военный министръ гр. Д. А. Милютинъ, успѣвшій еще на Кавказѣ узнать высокія душевныя качества покойнаго, пригласилъ его въ начальники вновь преобразованныхъ инженерныхъ училища и академіи. Твердость и благородство характера и чисто отеческое отношеніе къ молодежи упрочили за нимъ благодарную память его питомцевъ, приобъгавшихъ и впоследствии къ его совѣту и помощи. Черезъ шесть лѣтъ онъ былъ назна-

чень на отвѣтственный постъ главнаго интенданта военнаго министра и занимать его въ теченіе 13 лѣтъ, упрочивъ за собой репутацію безсребренника. Въ это время онъ участвовалъ въ разработкѣ различныхъ вопросовъ по преобразованію военно-учебныхъ заведеній, по измѣненію организациі нашихъ военныхъ силъ, по устройству и образованію войскъ и по устройству военно-врачебной части въ военное время, а также предсѣдательствовалъ въ комиссіи по составленію положенія объ организациі полковыхъ обозовъ. По окончаніи послѣдней русско-турецкой войны М. П. возвратился въ 1879 г. ненадолго въ свою инженерную семью, замѣстивъ Тотлебена въ должности генералъ-инспектора по инженерной части и наконецъ въ 1882 г. быть назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ которомъ принималъ болѣе 15 лѣтъ дѣятельное участіе въ обсужденіи законодательныхъ и финансовыхъ предположеній по департаменту государственной экономіи.

Независимо отъ административной службы М. П. былъ однимъ изъ организаторовъ и видныхъ дѣятелей главнаго управленія общества Краснаго Креста, занимая съ 1883 г. по 1898 г. постъ предсѣдателя этого общества и направляя подъ высокими и ближайшими руководствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны дѣятельность этого обширнаго учрежденія какъ въ военное, такъ и въ мирное время на пользу страждущему человѣчеству.

За свою примѣрную, ревностную и продолжительную службу покойный получилъ всѣ награды до ордена св. Андрея Первозваннаго. Кромѣ того, имѣлъ знакъ отличія Краснаго Креста. Императорская академія наукъ избрала его въ свои почетные члены. (Некрологъ его: «Нов. Время» 902, №№ 9284 и 9285).

† **Кожевниковъ, А. Я.** Въ Москвѣ скончался 10-го января послѣ тяжелой болѣзни, заслуженный профессоръ Московскаго университета, Алексѣй Яковлевичъ Кожевниковъ. Покойный родился въ Рязани въ 1836 г., медицинское образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, курсъ въ которомъ окончилъ въ 1858 году съ серебряной медалью. Приглашенный ассистентомъ въ университетскую терапевтическую клинику, А. Я. занялся спеціально изученіемъ нервныхъ болѣзней вообще и спинной сухотки въ частности; въ 1865 году блестяще защитилъ диссертацию «Ataxie locomotrice progressive Дюпена» на степень доктора медицины и былъ командированъ на два года за границу для подготовленія къ занятію новой каѳедры въ Московскомъ университетѣ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. За границей покойный опубликовалъ цѣнное изслѣдованіе о связи нервныхъ волоконъ съ клѣтками въ мозжечкѣ и корѣ большого мозга («Нервные волокна, чувствующія и служащія для возбужденія рефлексовъ»). Эта работа, до сихъ поръ цитируемая, выдвинула его имя въ медицинской литературѣ. Вернувшись въ Москву, онъ занялъ каѳедру по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ и читалъ лекціи въ теченіе 30 лѣтъ до 1899 годъ, когда по болѣзни отказался отъ каѳедры, оставивъ за собой завѣдываніе неврологическимъ музеемъ. Одновременно съ 1871 года по 1874 годъ онъ читалъ частную патологію. Покойный интересовался всѣми отраслями знаній, особенно зоологіей, антропологіей, этнографіей и археологіей. Онъ занялся между прочимъ изученіемъ животныхъ паразитовъ и сравнительной анатоміей нервной системы низшихъ животныхъ. Въ области своей спе-

ціальности покойный произвелъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій, касающихся казуистики и патологической анатоміи нервныхъ болѣзней. Онъ выдѣлилъ новый видъ эпилепсіи (*Epilepsa continua*), извѣстной подъ названіемъ Кожевниковской, описалъ новую болѣзнь *diplegia spastica familiaris progressiva*, изслѣдовалъ строеніе нервныхъ клѣтокъ, амиотрофическій склерозъ, офтальмоплегію, латиризмъ астенической бульбарный параличъ и др. Помимо обогащенія науки своими выдающимися работами А. Я. создалъ цѣлый рядъ медицинскихъ учрежденій для оказанія помощи больнымъ. Въ этомъ отношеніи онъ нашелъ матеріальную поддержку со стороны своихъ больныхъ и особенно со стороны извѣстной московской благотворительницы В. А. Морозовой. На ея щедрія пожертвованія онъ построилъ въ Москвѣ университетскую психіатрическую клинику, давшую возможность покойному создать школу московскихъ психіатровъ. Затѣмъ по его плану сооружена новая клиника нервныхъ болѣзней, былъ выстроенъ Морозовскій пріютъ на 30 кроватей для страдающихъ хроническими нервными болѣзнями, и единственный въ мірѣ по широкой идеѣ, положенной въ его основаніе, неврологическій музей. При его дѣятельномъ содѣйствіи были устроены Алексѣевская психіатрическая больница въ с. Мещерскомъ, Московской губерніи, такія же больницы въ Рязанской, Курской, Орловской, Харьковской и другихъ губерніяхъ. За свои научные труды и выдающуюся дѣятельность покойный былъ избранъ въ почетные члены четырнадцати столичныхъ и провинціальныхъ ученыхъ обществъ: с.-петербургскаго общества психіатровъ, общества невропатологовъ и психіатровъ въ Москвѣ и Казани, московскаго психологическаго общества, вѣнскаго психіатрическаго общества и невропатологическаго и др. Онъ былъ основателемъ и безсмѣннымъ предѣдателемъ московскаго общества невропатологовъ и психіатровъ. (Некрологъ его: «Нов. Время», 1902, № 9290).

† **Мушкетовъ, И. В.** 10-го января въ С.-Петербургѣ скончался неожиданно послѣ непродолжительной болѣзни одинъ изъ популярнѣйшихъ профессоровъ Горнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Васильевичъ Мушкетовъ. Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся геологовъ и неутомимыхъ путешественниковъ, заслуги которыхъ давно уже признаны въ научномъ мірѣ не только въ Россіи, но и за границей. Какъ профессоръ, И. В. обладалъ талантомъ превосходнаго лектора, огромнымъ запасомъ знаній и добрымъ сердцемъ, чуткимъ къ нуждамъ и печалямъ учащейся молодежи. У него находили нравственную и нерѣдко матеріальную поддержку многіе изъ его многочисленныхъ бывшихъ и настоящихъ слушателей и слушательницъ. Онъ всегда шелъ на встрѣчу нуждѣ и въ этомъ отношеніи былъ близкимъ и искреннимъ другомъ русскаго студенчества. Простудившись на актѣ въ консерваторіи, И. В., предчувствуя близость смерти, не переставалъ беспокоиться какъ о своихъ незаконченныхъ научныхъ работахъ такъ и о необеспеченности многихъ изъ студентовъ. Умирая просилъ избавить его отъ вѣнковъ, такъ какъ деньги, потраченныя на ихъ погребеніе, могутъ быть обращены на доброе дѣло—на вспоможеніе нуждающимся студентамъ и пр.

И. В. Мушкетовъ родился въ 1850 году. По окончаніи курса Новочеркасской гимназіи поступилъ на историко-филологическій факультетъ, но векорѣ

перешелъ въ горный институтъ. Въ студенческій періодъ изслѣдовалъ диабазовую порфиритовую породу изъ Волынской губерніи и напечаталъ свое первое изслѣдованіе «Волынитъ». По окончаніи курса въ 1872 году отправился на Уралъ и тамъ открылъ впервые въ качкарской системѣ фармакосидеритъ, арсеніосидеритъ и миспикель—мышьяковистые минералы, содержащіе золото. Черезъ годъ, назначенный чиновникомъ особыхъ порученій по горной части при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ, перенесъ свою дѣятельность въ среднеазиатскія владѣнія Россіи, занялся экскурсіями по малоизслѣдованнымъ въ геологическомъ и географическомъ отношеніяхъ землямъ и произвелъ рядъ цѣнныхъ геологическихъ изслѣдованій, прославившихъ его имя. Первое большое путешествіе совершенно покойнымъ въ западную часть Туркестана, въ сѣверный Тянь-Шань до Кульджи включительно, въ 1875 году. Въ краткомъ отчетѣ о путешествіи онъ впервые указалъ основанія орографической системы Тянь-Шаня, описалъ многія мѣсторожденія полезныхъ ископаемыхъ (богатые каменноугольныя залежи Кульджи и др.) и доказалъ ошибочность предположеній Гумбольдта о присутствіи вулкановъ въ Тянь-Шанѣ. Черезъ два года совершилъ путешествіе на Алай и Памиръ, въ 1879 году производилъ геологическія изслѣдованія въ Бухарѣ, по Гиссару, Аму-Дарьѣ и въ пустынѣ Кизилъ-Кумъ, въ 1880 году изслѣдовалъ Заравшанскую ледниковую область. Каждая экспедиція покойнаго доставляла ему богатѣйшій матеріалъ для научныхъ работъ. За изслѣдованія въ Средней Азій Географическое общество присудило ему высшую награду—Константиновскую медаль. Въ 80-хъ годахъ И. В. занялся изслѣдованіемъ различныхъ мѣстностей Европейской Россіи: Липецкихъ минеральныхъ водъ, Калмыцкихъ степей, Сакскихъ озеръ въ Крыму и Кавказа: окрестностей ледниковъ Казбека и Эльбруса, кавказскихъ минеральныхъ водъ и пр. Въ 1886 году онъ выпустилъ первый томъ своего обширнаго труда «Туркестанъ» и совмѣстно съ профессоромъ Романовскимъ «Геологическую карту Туркестанскаго края». Труды эти отмѣчены академіей наукъ присужденіемъ автору полной преміи митрополита Макарія и минералогическимъ обществомъ, присудившимъ ему тоже премію. Вторая премія митрополита Макарія присуждена покойному въ 1891 году за «Физическую геологию». Землетрясеніе въ Вѣрномъ 20-го мая 1887 года направило его дѣятельность къ организаціи въ Россіи сейсмическихъ наблюденій. Командированный для изслѣдованія землетрясенія на мѣстѣ происшествія, онъ энергично принялся за выясненіе причинъ и обстоятельствъ этого явленія природы, затѣмъ помимо подробнаго описанія вѣрненскаго землетрясенія составилъ брошюру: «Землетрясенія, ихъ характеръ и способъ ихъ наблюденія», организовалъ при географическомъ обществѣ собраніе свѣдѣній о землетрясеніяхъ и принялъ на себя редактированіе «Матеріаловъ къ изученію землетрясеній въ Россіи». Въ 1890-хъ годахъ И. В. посѣтилъ ледники верховьевъ рѣкъ Теберды и Чхалты съ цѣлью опредѣлить наивыгоднѣйшее направленіе желѣзнодорожнаго туннеля черезъ Кавказскій хребетъ.

Еще въ 1876 году покойный былъ удостоенъ званія адъюнктъ-профессора горнаго института за изслѣдованіе «Матеріалы для изученія геологическаго строенія и рудниковыхъ богатствъ Златоустовскаго горнаго округа». Поселив-

нись въ Петербургѣ, онъ былъ приглашенъ занять кафедру геологии въ горномъ институтѣ, затѣмъ сталъ читать одновременно лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ. Кромѣ того, онъ принялъ видное участіе въ географическомъ обществѣ, предѣлательствуя до дня своей кончины въ отдѣленіи физической географіи, редактируя «Записки» общества и принимая участіе въ его «Ежегодникѣ». Былъ членомъ редакціонной геологической комиссіи минералогическаго общества и предѣлателемъ С.-Петербургскаго общества взаимопомощи донскихъ казаковъ. Изъ-подъ пера покойнаго вышло множество ученыхъ работъ, являвшихся цѣннымъ вкладомъ въ нашу научную литературу. Къ названнымъ его трудамъ прибавимъ «Учебникъ динамической геологіи», «Краткій курсъ петрографіи», «Нефритъ и его мѣсторожденія». Онъ неоднократно избирался представителемъ Россіи въ разныя международныя комиссіи и, приступивъ къ организаціи систематическихъ наблюденій надъ ледниками Россіи, издалъ «Программу» для такихъ наблюденій. Умеръ онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, на 52-мъ году отъ роду, оставивъ по себѣ славную память выдающагося ученаго и добраго хорошаго человѣка. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9289).

† **Опоцкій, Д. А.** 11-го (24-го) января русская колонія въ Женевѣ понесла утрату въ лицѣ скончавшагося на 68 году отъ рожденія бывшаго протоіерея русской женевакской церкви, магистра богословія, Дмитрія Александровича Опоцкаго. Покойный былъ сынъ священника, обучался въ Псковской духовной семинаріи и въ С.-Петербургской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ магистромъ богословія. Въ первые годы своей дѣятельности онъ былъ секретаремъ С.-Петербургской духовной академіи, рукоположенъ во діакона и преподавалъ Законъ Божій въ VII С.-Петербургской гимназіи. Съ 1863 года началась его служба за границей. Онъ былъ діаконъ русской церкви въ Парижѣ, въ 1865 году рукоположенъ во священника церкви въ Стокгольмѣ, затѣмъ былъ настоятелемъ церквей въ Брюсселѣ и въ Женевѣ. Русская колонія въ Женевѣ никогда не забудетъ его, какъ пастыря и чисторусскаго хлѣбосола. Къ нему ходили и богатые, и бѣдные, а русскіе студенты были у него, какъ у себя дома. Онъ умѣлъ каждому оказать радушный пріемъ и заставить его забыть на время, что онъ находится на чужбинѣ. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902 № 9294).

† **Смирновъ, К. И.** 5-го января, въ С.-Петербургѣ скончался бывший директоръ С.-Петербургской второй гимназіи, извѣстный педагогъ, тайный совѣтникъ Кашистонъ Ивановичъ Смирновъ. Имя покойнаго пользовалось широкой популярностью, какъ автора распространенной «Учебной книги географіи» (I. Общія свѣдѣнія, — II. Азія, Африка, Америка и Австралія, — III. Европа). Этотъ учебникъ и другія его пособія выдержали нѣсколько десятковъ изданій. По нимъ изучали географію, въ особенности всеобщую, учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній послѣдняго тридцатилѣтняго періода.

К. И. родился въ 1827 году, образованіе получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ преподавалъ преимущественно географію. Какъ педагогъ, онъ любилъ дѣтей и пользовался ихъ взаимными симпатіями. Онъ былъ инспекторомъ С.-Петербургской третьей

гимназиі и около 25 лѣтъ директоромъ С.-Петербургской второй гимназиі. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9282).

† **Федоровъ (Соловцовъ), Н. Н.** 10-го января въ Одессѣ скончался извѣстный сценическій дѣятель Николай Николаевичъ Федоровъ, по сценѣ Соловцовъ. Покойный происходилъ изъ дворянской семьи; воспитывался въ Орловской гимназиі, но курса не кончилъ; на театральныхъ подмосткахъ впервые выступилъ въ 1876 году въ Орлѣ же. Въ восьмидесятихъ годахъ Соловцовъ выступалъ въ С.-Петербургѣ на императорской сценѣ, потомъ въ Москвѣ и затѣмъ всецѣло перенесъ свою дѣятельность на югъ. Въ Кіевѣ онъ создалъ «Соловцовскій» театръ, съ прекрасной труппой, заключающей крупныя артистическія имена (гг. Шуваловъ, Недѣлинъ, г-жи Глѣбова, Пасхалова и друг.); въ Одессѣ—городской, гдѣ, кромѣ драмы, онъ организовалъ итальянскую оперу съ хорошими силами. Въ Кіевѣ же Соловцовъ издавалъ и редактировалъ въ теченіе двухъ лѣтъ новую «Кіевскую Газету», пріобрѣтшую за короткое время довольно достаточное распространеніе. Въ качествѣ артиста Н. Н. Соловцовъ за 25 лѣтъ своей артистической карьеры показалъ себя прекраснымъ исполнителемъ и бытовыхъ и нѣкоторыхъ классическихъ ролей. Это былъ хорошій исполнитель «Скупого» Мольера, Несчастливцева въ «Лѣсѣ». Городничаго въ «Ревизорѣ», Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго», отца въ «Больныхъ людяхъ» и проч. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9289).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ «Остатки былого величія».

Г. Захарьинъ (Якунинъ) въ № 1 «Историческаго Вѣстника» текущаго года исправляетъ погрѣшности, вкравшіяся въ статью г. Миллера: «Судьба одного имѣнія», появившуюся въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года, но и самъ впадаетъ въ нѣкоторыя неточности.

Никогда императоръ Павелъ не давалъ названія Ляличи пожалованному Екатериной II Завадовскому въ Малороссіи имѣнію.

Оно такъ прежде и называлось (см. «Архивъ князя Воронцова», т. XII. Москва, 1877 г., письма Завадовскаго Бакунину въ 1778 г., стр. 316, и Воронцову въ 1780 г., стр. 20).

Въ письмѣ Завадовскаго графу Семену Воронцову отъ 6 августа 1785 г. (стр. 30) говорится, что онъ назвалъ свое имѣніе Екатериндаръ (а не Екатерининдаръ), во имя своей благодѣтельницы. При императорѣ Павлѣ имѣніе стало называться попрежнему Ляличи.

Неизвѣстно, откуда г. Захарьинъ (Якунинъ) почерпнулъ свѣдѣнія о покупке имѣнія Ляличи княземъ Потемкинымъ отъ графа Завадовскаго. Много лѣтъ послѣ смерти Потемкина Завадовскій продолжалъ владѣть Ляличами

жить въ нихъ и заботиться объ ихъ устроеніи (см. письма за 1801 г. и до 1805 г., также письма графини Завадовской изъ Ляличъ отъ 26 февраля 1800 г. и 3 марта 1801 г.). Какъ перешло имѣніе къ Энгельгардтамъ, мнѣ неизвѣстно, но во владѣніи князя Потемкина Ляличи не были.

Много, вѣроятно, рѣдкостей успѣлъ собрать въ своихъ любимыхъ Ляличахъ изящный графъ Завадовскій, но про купленное Ротшильдомъ бюро королевы Маріи-Антуанетты мнѣ пришлось слышать иное.

Императрица Екатерина II послѣ казни несчастной королевы не могла выносить присутствіе въ своихъ комнатахъ великолѣпнаго бюро, подарка ей покойной королевы, и подарила его своему статсъ-секретарю Трощинскому, съ условіемъ, чтобы онъ убралъ его подальше. Д. П. Трощинскій отпривилъ это бюро изъ маркетри (мозаика изъ разнаго дерева), съ бронзами Гутвера и фарфорами Буше, въ свою малороссійскую деревню, и у кого-то изъ потомковъ Трощинскаго счастливый антикварій прибрѣлъ историческое бюро сравнительно за бездѣнокъ и перепродалъ парижскому банкиру за баснословную сумму.

Г. Захарьинъ (стр. 296) сообщаетъ, что «домъ строился по чертежамъ и планамъ знаменитаго Растрелли». Видъ дома, приложенный къ статьѣ, совершенно не во вкусѣ всѣхъ прочихъ построекъ извѣстнаго графа Растрелли. Фасадъ сильно напоминаетъ таковой жезданія государственнаго банка въ С.-Петербургѣ со стороны Садовой улицы. Перелисталъ я давно уже мной прочитанный XII томъ Воронцоваго архива и на 253 страницѣ, въ письмѣ Завадовскаго изъ Ляличъ къ графу Семену Воронцову нашелъ слѣдующее:

«Около тридцати лѣтъ, что я основался въ сей деревнѣ... и въ ней обработалъ большимъ иждивеніемъ мою селитьбу. По плану Гваренгія выстроилъ домъ каменный въ здѣшнемъ краю» и т. д. Дальше говорится, что по ходатайству Румянцева-Задунайскаго жаловано было это имѣніе въ 1775 г. Письмо писано изъ Ляличъ 20 ноября 1800 г. и явно доказываетъ, что Ляличи никогда не могли принадлежать Потемкину.

Все это для исторіи значенія не имѣетъ, но г. Захарьинъ такъ настойчиво исправляетъ сообщенные г. Миллеромъ рассказы разныхъ мѣстныхъ жителей и преданія объ имѣніи Завадовскаго, что и я рѣшаюсь въ свою очередь указать на нѣкоторыя неточности въ статьѣ г. Захарьина.

И. Ал—скій.

ФАКСИМИЛЕ

РУКОПИСЕЙ Н. В. ГОГОЛЯ

- 1) Двѣ подписи Гоголя и конвертъ письма его къ сестрамъ.
 - 2) Письмо Гоголя къ сестрамъ.
 - 3) Первая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря».
 - 4) Вторая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря».
 - 5) Письмо Гоголя къ Погодину по поводу смерти Пушкина.
 - 6) Повѣсть «Пропавшая грамота».
-

ДВѢ ПОДПИСИ ГОГОЛЯ И КОНВЕРТЪ ПИСЬМА ЕГО КЪ СЕСТРАМЪ.

Гетмановъ чиновникъ
въ класса Николаевъ
Васильевъ Гоголь

Гоголь

Александръ Ивановичъ Гоголь
Александръ Ивановичъ Гоголь.
De Maximilian. Hummering

ПИСЬМО ГОГОЛЯ КЪ СЕСТРАМЪ.

Ваше мое письмо, и благодарности
за то, что вы не забыли меня и
написали мне так много добрых
слов. Я очень рад, что вы все
еще живы и здоровы. Я пишу
вам, потому что давно не писал
и очень соскучился по вам.
Жизнь моя идет своим чередом.
Я работаю и стараюсь делать
что-нибудь полезное. Надеюсь,
что вы тоже все хорошо.
С любовью и уважением,
Александр Гоголь

Ваше письмо, и благодарности
за то, что вы не забыли меня и
написали мне так много добрых
слов. Я очень рад, что вы все
еще живы и здоровы. Я пишу
вам, потому что давно не писал
и очень соскучился по вам.
Жизнь моя идет своим чередом.
Я работаю и стараюсь делать
что-нибудь полезное. Надеюсь,
что вы тоже все хорошо.
С любовью и уважением,
Александр Гоголь

Александр Гоголь

125.

Утренняя Заря.

Наркисъ Белинскій издатель
и редактор типографической
фирмы, печатающей
ежегодный календарь
наступающей 1942 г.

Альманах Утренней Зари с
каждым годом издается роскош-

но. ^{Можно} Это украшение ^{смысл} непер-
енных красотами. Красавица ^{Можно}

Юрлова. Портрет ее ^{Можно}

Александрова Марья Александровна
известная ^{Занимается искусством} в области

Восточной Румынии в области ^{Можно}

искусств и живописи. Словом

художница, и в области ^{Можно}

искусств и живописи. Словом

художница, и в области ^{Можно}

искусств и живописи. Словом

художница, и в области ^{Можно}

искусств и живописи. Словом

художница, и в области ^{Можно}

искусств и живописи. Словом

художница, и в области ^{Можно}

искусств и живописи. Словом

художница, и в области ^{Можно}

искусств и живописи. Словом

художница, и в области ^{Можно}

искусств и живописи. Словом

Л

такой

Южной поименова Владимировича
мисс Баронесса Екатерина
Михайловна Менделеева. Намекая
мисс мисс-наблюдатель Крафт
Видан в прошлые как мисс
Марья Ивановна Барятинская
Помощница портретов Сиверс
нашлись Собраниями сестры
Дни еще новой. Как будет
наприватно с мажоранта мисс
сталинского чина России Кудачев
Возвратил души в столицу
не один дарилась Сосонин
места елисейск Вулкан подробности
ища Суворовна Богомолова

Напечатано
Купцов

Перед сватскими часами

как ездил Пушкин. Вера
на этот год между собой
вещь еще радостная. Дарить или
получать оттого Ухренко дарю
Она подтверждает это думая
издать переписку ^{сестры} между суровой
кратким. Она пред. мисс оста
новится как пред. и миссаванк
мочивать или убитую
белос Дунобельск своим мисс
его сластолюб. Содержит ее
вполне соответствует своему
Знамен. Это летное будущее
стемно красавица. Сватские
слово, мажоранта Ветков, строг
применяет в миссаванк по Сосонин
и легкая грациозность вконец
Станов свободна это сиючас
Крушка. Повесил самое
мисс дарилась миссаванк в
Видан то же обмане сиючас

Листы 30.

Я получил письмо твое в Риме. Оно
 по почтенно твоему же духу и по почтенно твоему
 духу нашим инстинктам. Ни чего не говорю о
 величии этой утраты. Как угроза
 была бы тебе ты скребишь как Пушкина
 как писателя, да... и в этой доли не
 могу. Выразит свой скорби. Мой миссия
 моя великое наслаждение утраты и твое.
 Мои свистки гунгута мои миссия твое
 гунгута в комнате и твоем. Когда я
 творил, и вступил перед собой твое Пушкина
 Пушкина и твое твое твое и твое
 на предпринятое дело ~~и~~ и твое под
 и твое: Пушкина; и твое твое твое твое
 и непреклонное слово. Ни чего не предпринял
 ни чего не писал и твое твое. ~~и твое~~
 Все это есть твое твое твое твое
 и твое твое. И твое твое твое
 есть его создание. Вид твой твое твое
 твое и твое. И твое твое твое твое
 твое твое твое твое твое твое твое
 и твое твое твое твое твое твое твое

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is dense and covers most of the page, with some corrections and annotations visible. The script is dark and appears to be from the 18th or 19th century. There are some faint markings and possibly a signature at the bottom right.

... ⁷¹ ...
 ... ⁷² ...
 ... ⁷³ ...
 ... ⁷⁴ ...
 ... ⁷⁵ ...
 ... ⁷⁶ ...
 ... ⁷⁷ ...
 ... ⁷⁸ ...
 ... ⁷⁹ ...
 ... ⁸⁰ ...
 ... ⁸¹ ...
 ... ⁸² ...
 ... ⁸³ ...
 ... ⁸⁴ ...
 ... ⁸⁵ ...
 ... ⁸⁶ ...
 ... ⁸⁷ ...
 ... ⁸⁸ ...
 ... ⁸⁹ ...
 ... ⁹⁰ ...
 ... ⁹¹ ...
 ... ⁹² ...
 ... ⁹³ ...
 ... ⁹⁴ ...
 ... ⁹⁵ ...
 ... ⁹⁶ ...
 ... ⁹⁷ ...
 ... ⁹⁸ ...
 ... ⁹⁹ ...
 ... ¹⁰⁰ ...

(4) ...

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

МАРТЪ, 1902

СОДЕРЖАНИЕ.

МАРТЪ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Трагизмъ безволя. XII—XIII. (Окончаніе). Н. И. Мердеръ	799
II. Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. IV—V. (Продолженіе)	836
III. Непочатая сила. (Изъ записной книжки туриста). К. А. Борисова-Корженевского	855
IV. Литературныя воспоминанія и характеристики. (1854—1892 г.). X—XV. (Продолженіе). Л. Е. Оболенскаго	882
V. Убійство помѣщика Оловяникова. (Быль изъ прошлой жизни). А. А. Танкова	908
VI. Пироговъ и Булгаринъ. (Страница изъ біографіи П. П. Пирогова). Ю. Г. Малиса	923
VII. В. В. Крестовскій въ Нахичевани. В. Л. Якимова	951
VIII. Н. И. Бухаровъ и его дворецкій Данилычъ. А. Ю. Бизюкиной	956
IX. По границамъ Бухары и Афганистана. (Путевыя очерки 1898 г.). А. А. Семенова	961
X. Изъ жизни дальняго Востока. В. Д. Черевкова	993
XI. Забытая старина изъ эпохи самозванщины. (Посвящается предстоящему въ 1902 году археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ). Н. М. Раздольскаго	1003
<p>Иллюстраціи: 1) Путивльскій Молченскій монастырь. — 2) Рѣзная изъ дерева статуэтка Христа, передъ которой молился Лжедмитрій I. — 3) Кресло Лжедмитрія I, на которомъ онъ, по преданію, давалъ аудіенціи. — 4) Ларохранительница воемезъ Лжедмитрія. — 5) Образъ Жаровицкой Божіей Матери, полученный Лжедмитріемъ I отъ своего тестя, сендовирскаго воеводы Мишка, хранящійся въ Молченскомъ монастырь.</p>	
XII. Забытая писательница. (Памяти А. П. Хвостовой, рожд. Хера-сковой). Б. М. Городецкаго	1022
XIII. Петръ Николаевичъ Полевой. (Некрологъ)	1030
<p>Иллюстрація: Петръ Николаевичъ Полевой.</p>	
XIV. Исторія шести мѣсяцевъ. (Июль—Декабрь 1862 г.). Г. Кучинскаго	1035
XV. Иностранцы о Россіи. В. Т.	1062
XVI. Новыя мѣропріятія въ бібліологіи. А. Вв.	1086
XVII. Изъ историческаго прошлаго въ женскомъ вопросѣ. (Культурно-историческія замѣтки). В. О. Пуцковича	1090
XVIII. Критика и бібліографія	1108

1) Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Томъ VII. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. Сиб. 1901. 5.—2) Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основанія до 1897 года включительно. Историческій очеркъ разныхъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла и развитія финансовой и экономической стороны желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 годъ включительно. Составленъ съ высочайшаго соизволенія по распоряженію министра путей сообщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя М. И. Хилкова подъ редакціей инженера тайнаго совѣтника В. М. Верховскаго. Сиб. 1901. в. п.—на.—3) Труды Я. К. Грога. IV. Изъ русской исторіи. Исслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и материалы. (1845—1890). Изданы подъ редакціей профессора Н. Я. Грога. Сиб. 1901. м. п.—снаго.—4) Семейскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ второй. Сиб. 1901. в. Строева.—5) Князь М. А. Накашидзе. Автомобиль, его экономическое и стратегическое значеніе для

См. слѣд. стр.

Россія. Съ 9-ю рисунками. Сиб. 1902. **Бориса Тагъеза**. — 6) Европа. Иллюстрированный географический сборник. Москва. 1902. в. 1. — 7) Постройка и эксплуатация Николаевской желѣзной дороги (1842—1851—1901 гг.). Краткій историческій очеркъ. Составленъ управленемъ дороги. Сиб. 1902. в. п. — 8) Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный, иллюстрированный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ, подъ редакціей А. Бенуа. Выпускъ I. Сиб. 1902. с. ш. — 9) Суворовъ, какъ представитель славянства. Составилъ ординарный профессоръ Николаевской академіи генералъ-маіор штаба, генералъ-майоръ Н. А. Орловъ. Сиб. 1901. л. — 10) А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Москва. 1902. А.—ва. — 11) Феликсъ Рокэнъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Сиб. 1902. П. А. — 12) Ванъ-Мюнденъ. Исторія швейцарскаго народа. Томъ III. Изданіе А. М. Пантелъева. Сиб. 1902. в. — 13) Краткій очеркъ исторіи грузинской черкы и экзархата за XIX столѣтіе. Е. К. Тифлисъ. 1901. А. хаханова. — 14) *Inscriptioes antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici editit Basiliius Latyschev. Volumen quartum. Petropoli. MDCCCXI.* (Древнія греческія и латинскія надписи сѣвернаго побережья Чернаго моря. По порученію и на средства императорскаго Русскаго археологическаго общества издалъ Василій Латышевъ. Томъ четвертый. Сиб. 1901). А. М.—ка. — 15) Г. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства, этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Москва. 1902. л. — 16) Д. Мережковскай. Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV-го вѣка. Книгоиздательство «Скоріонъ». Москва. 1902. в. Розанова. — 17) «Исторія польской артиллеріи» (*Historya artylerji polskiej*), Константина Гурьскаго. Варшава. 1902. л. к. — 18) Полное собраніе сочиненій В. Р. Бѣлинскаго. Въ 12 томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгеровъ. Томъ V. Сиб. 1901. в. — 19) Э. Вессель. Возлеженный контроль во Франціи и за границей. Историческое и критическое изслѣдованіе финансовою контролю первостепенныхъ государствъ Европы. Перев. съ франц. С. А. Халетина. Сиб. 1901. с. н. — 20) Джонъ Рескинъ. Современные художники. Общіе принципы и правда въ искусствѣ. Перев. со 2-го англійскаго изданія П. С. Когана. Москва. 1901. л. — 21) *Józef Daniin-Karwicki, Z moich wspomnień. T. I—II. Warszawa. 1901. н. х.* — 22) Н. Е. Оичуковъ. По Чердынскому уѣзду. Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Изнавъ Старина», вып. I. 1901. г. С. — 23) В. Н. Ошочининъ. Очерки старо-русскаго быта. Выпускъ I. Боряскій домъ въ XVII столѣтіи. Овальный воевода. Москва. 1902. м. п.—скаго.

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи 1149

1) Вылъ ли апостолъ Петръ въ Римѣ? — 2) Феодора. — 3) Кровавая Марія. — 4) Вашингтонъ и Немецвичъ. — 5) Последніе шуахи. — 6) Столѣтіе Нопалиса. — 7) Отецъ Виктора Гюго. — 8) Политическія идеи Бальзака. — 9) Мемуары Дюрюа. — 10) Висмаркъ, какъ музыкантъ. — 11) Мемуары императрицы Евгеніи. — 12) Смерть лорда Дѣфферина, профессора Тизе, путешественника Эмля Голуба, г-жи Клемансъ Руайе и Маріи Ратани.

XX. Смѣсь 1179

1) Къ юбилею печати. — 2) Собираніе былинъ. — 3) С.-Петербургское археологическое общество. — 4) Московское археологическое общество. — 5) Общество любителей древней письменности. — 6) Археологическій институтъ. — 7) Къ археологическому съезду въ Харьковѣ. — 8) Церковно-археологическая комиссія. — 9) Археологическая находка. — 10) Географическое общество. — 11) Общество любителей естествознанія и географическое его отдѣленіе. — 12) Общество археологів, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 13) Минусинскій музей и Н. М. Мартыновъ.

XXI. Некрологи 1200

1) Богуславскій, Л. А. — 2) Валуева (Мунтъ), А. П. — 3) Еленевъ, Ф. П. — 4) Пнатовичъ, В. С. — 5) Клячевъ, П. П. — 6) Клевинскій, А. А. — 7) Колесовъ, А. М. — 8) Колоколовъ, А. П. — 9) Ламанскій, Е. И. — 10) Мельниковъ, А. Н. — 11) Плондскій, В. М. — 12) Рожновъ, Н. В. — 13) Сахаровъ, В. П. — 14) Тизенгаузенъ, В. Г. — 15) Фельдманъ, Ф. А. — 13) Филатовъ, Н. Ф. — Щегловъ, Д. Ф.

XXII. Замѣтки и поправки 1212

1) Къ статьѣ «Многочисленность Термонтовскихъ вѣствъ», М. Трофимовой. — 2) Еще объ ивѣннѣ графа Завалдовскаго. Ив. Захарьина (Януини).

XXIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александры Петровны Хвостовой. — 2) Осада Страсбурга. (*Braies gens. Strassbourg*). Историческая повѣсть. Изъ времени франко-германской войны. Поля и Викторъ Маргѣритъ. Переводъ съ французскаго. I—VI.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОГО ТОМА

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1902 года).

	СТРАН.
Трагизмъ безволя. Н. И. Мердеръ	7, 417, 799
Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. I—V	31, 441, 836
Происхожденіе Екатерины Первой. Н. А. Бѣлозерской	56
Въ чемъ сила? И. Н. Потапенно	91
Литературныя воспоминанія и характеристики. I — XV. Л. Е. Обо- ленскаго	105, 486, 882
Изъ моей портретной галлерей. П. П. Гнѣдича	140, 470
М. Е. Салтыковъ въ Тулѣ. И. М. М.	158
Въ заточеніи. И. П. Миролюбова	181
Казанская героиня «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго. Н. Я. Агафо- нова	210
Записки декабриста. В. А. Тимирязева	229
Иллюстраціи: 1) Князь С. Г. Волконскій въ молодые годы.—2) Князь С. Г. Волконскій въ старости.	
Миничность «Лермонтовскихъ мѣстъ» въ Пятигорскѣ. В. Л. Янимова . . .	355
Трудовая помощь голодающимъ въ 1899 году. А. М. Горовцева	261

1) Иллюстрація: Работы на оврагѣ Раткуль въ Спаскомъ уѣздѣ Казанской губернии. Перспектива спрямленнаго русла.—2) Укрѣпленіе песковъ близъ с. Бокряги Спасскаго уѣзда, Казанской губ.—3) Видъ дамбы, устроенной для предупрежденія разлива рѣки Усы по полямъ крестьянъ с. Горюшки, Симбирской губ., Сенгилеевскаго уѣзда.—4) Освященіе моста, устроеннаго черезъ рѣчку Чечеру въ с. Порѣцкомъ, Симбирской губ. Сенгилеевскаго уѣзда.—5) Видъ водоема, устроеннаго въ с. Ключахъ, Казанской губ. и уѣзда.—6) Расчистка влѣча съ устройствомъ водоема въ д. Кундурлѣ, Казанской губ. и уѣзда.—7) Внутренній видъ яслей въ с. Мордовѣ, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губ.—8) Ясли въ с. Шушовкѣ, Симбирской губ. и уѣзда. Площадка для игры.—9) Видъ часовни, сооруженной крестьянами с. Малая Борла, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губ., въ ознаменованіе царской милости, выразившейся въ оказаніи лѣтомъ 1899 года трудовой помощи.

«Истор. вѣстн.», МАРТЪ, 1902 г., т. LXXXVII.

1/2

	СТРАН.
Остатки былого величія. Ив. Захарьина (Якунина)	294
<i>иллюстрація:</i> Главный домъ и часть флигелей въ с. Лаличахъ.	
Самопомощь среди русскихъ писателей. Я. Н. Колубовскаго	302
Пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности П. И. Бартевева.	
В. Е. Рудакова	311
<i>иллюстрація:</i> Петръ Иввовичъ Бартевевъ.	
Изъ школьныхъ лѣтъ Н. В. Гоголя. (1821 — 1825). П. Е. Ще-голева	509
Гоголь въ Нѣжинскомъ лицѣѣ. Изъ воспоминаній В. И. Любичъ-Романовича	548
Гоголь и романы двадцатыхъ годовъ. Н. А. Энгельгардта	561
Описаніе Днѣпра у Гоголя. Н. Н. Страхова	611
Гоголь. Опытъ характеристики. П. Н. Полевого	613
Вновь найденныя рукописи Гоголя. К. Н. Михайлова	626
Отецъ Гоголя. П. Е. Щеголева	656
Преображенская церковь въ м. Большихъ Сорочинцахъ, Полтавской губерніи, гдѣ крестили Н. В. Гоголя. Д. И. Эварницкаго	667
<i>иллюстраціи:</i> 1) Церковь Преображенія въ м. Сорочинцахъ, гдѣ крестили Н. В. Гоголя.—2) Престолъ Преображенской церкви.—3) Образъ пророка Даниила.—4) Гербъ Даниила Апостола.	
Замѣтки о Гоголѣ. В. В. Каллаша	679
Непечатаемая сила. (Изъ записной книжки туриста). К. А. Борисова-Корженевскаго	855
Убийство помѣщика Оловяникова. (Быль изъ прошлой жизни). А. А. Танкова	908
Пироговъ и Булгаринъ. (Страница изъ біографіи Н. И. Пирогова). Ю. Г. Малиса	923
В. В. Крестовскій въ Нахичевани. В. Л. Яникова	951
Н. И. Бухаровъ и его дворецкій Данилычъ. А. Ю. Бизюниной	956
По границамъ Бухары и Афганистана. (Путевые очерки 1898 года). И. А. А. Семенова	961
Изъ жизни дальняго востока. В. Д. Черевкова	993
Забытая старина изъ эпохи самозванщины. (Посвящается предстоящему въ 1902 году археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ). П. М. Раздольскаго	1003
<i>иллюстраціи:</i> 1) Путивльскій Молченскій монастырь.—2) Рѣзная изъ дерева статуетка Христа, предъ которой молился Лжедмитрій I.—3) Кресло Лжедмитрія I, на которомъ онъ, по преданію, давалъ аудіенцію.—4) Дарохранилище временъ Лжедмитрія I.—5) Образъ Жировицкой Божіей Матери, полученный Лжедмитріемъ I-мъ отъ своего тестя, сендомирскаго воеводы Мишика, хранящійся въ Молченскомъ монастырѣ.	

Забытая писательница. (Памяти А. П. Хвостовой, рожд. Херасковой). **Б. М. Городецкаго** 1022

Петръ Николаевичъ Полевой. (Некрологъ). 1030
иллюстрація: Петръ Николаевичъ Полевой.

Исторія шести мѣсяцевъ. (Юль—декабрь 1862 года). I—IV. **И. Кучинскаго** 1035

Иностранцы о Россіи. **В. Т.** 1062

Новыя мѣропріятія въ библиологін. **А. Бв.** 1086

Изъ историческаго прошлаго въ женскомъ вопросѣ. (Культурно-историческія замѣтки). **В. Ф. Пуцыковича** 1090

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ 321, 686, 1108

1) А. Горюновъ. Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Удостоено премии августѣйшаго имени ея величества государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, учрежденной при комитетѣ попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Рекомендовано ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для пріобрѣтенія въ основныя и ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1901. А—снаго.

2) Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ, составленное по высочайшему повелѣнію А. Висковатовымъ въ 1862 году, переиздаваемое въ настоящее время техническимъ комитетомъ главнаго интендантскаго управления. Спб. 1901. П—снаго.—3) Кавказъ и его герои. Въ двухъ книгахъ. Составилъ И. Н. Захарыинъ (Икунинъ). Спб. 1901. Б—на.—4) И. Вожеяиновъ. Невскій проспектъ. 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни Петербурга за два вѣка. Юбилейное изданіе А. И. Видьборга. Томъ I. Выпускъ I. Спб. 1902. С. Ш.—5) Византійскій Временникъ, издаваемый императорскою академіей наукъ, подъ редакціей В. Э. Регеля. Томъ VIII. Вып. 1—2. Спб. 1901. С.—6) Исторія человечества. Всемирная исторія. Первый томъ подъ общей редакціей Ганса Гельмольта. Спб. 1902. И. Петрова.—7) К. А. Ивановъ. Трубадуры, труверы и миннезенгеры. Спб. 1901. Ч—ина.—8) Платформа, ея возникновеніе и развитіе. Сочиненіе Г. Джерсона. Томъ 2-й. Спб. 1901. И. п. А—ча.—9) Тардъ. Соціальная логика. Переведъ съ французскаго М. Цейтлинъ. Спб. 1901. И. С.—10) Лѣтопись занятій археографической комиссіи за 1895—1899 годы. Выпускъ XII. Тоже за 1900 годъ. Выпускъ XIII. Спб. 1901. В. Руданова.—11) Сборникъ императорскаго историческаго общества. Томъ сто одиннадцатый. Вумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны. Спб. 1901. С. Ш.—12) З. Авадоловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901. В. Логинава.—13) А. Вѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Героевъ Малицкій. (1796—1799 г.). Кіевъ. 1901. С.—14) Отчетъ Императорской Публичной библиотеки за 1897 годъ. Спб. 1900. Витт.—15) Евгений Пѣтуховъ. Проповѣди Гавріила Вужинскаго (1717—1727). Историко-литературные матеріалы изъ эпохи преобразованій. Юрьевъ. 1901. А. Бв.—16) Запорожская сѣчь. А. Кузьмянъ. Москва. 1802. А. Фаресова.—17) Szkice, wspomnienia, obrazki. Skreslil Wladyslaw Bejza. Warszawa. 1901. И. Х.—18) П. Лепорскій. Исторія Ѳессалоникскаго ексархата до времени присоединенія его къ Константинопольскому патріархату. Спб. 1901. С.—19) Автобіографія Абдурахманъ-хана, эмира Афганистана. Издана султаномъ Магометъ-ханомъ. Переведъ съ англійскаго генеральнаго штаба полковникъ М. Грулевъ. Съ приложеніемъ карты Афганистана, портрета Абдурахманъ-хана и 8 рисунковъ. Въ двухъ томахъ. Изданіе В. Верезовскаго. Спб. 1901. Борса Тагъева.—20) П. Пирлингъ. Изъ Смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902. М. п—го.—21) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ свѣтѣйшаго правительствующаго синода. Томъ X (1730 г.). Спб. 1901. С. Ш.—22) Восковая сѣча въ греко-грузинской церкви. Юбилейное изданіе. Е. К. Тифлясь. 1901. А. хак—ова.—23) Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1902. П. Щеголева.—24) П. Милоковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть III. Национализмъ и общественное мнѣніе. Выпускъ I. Спб. 1901. М. Помяловскаго.—25) Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Часть первая. Всенародный мѣсяцесловъ. А. С. Ермолова. Спб. 1902. И. И.—26) Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. Томъ второй. Приложенія къ историческому изслѣдованію, книга вторая. Дм. Пѣвтаева. Варшава. 1902. А. Нимольскаго.—27) «Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка, изданный его учениками и почитателями. Москва

1902 г.—Н. Стороженко. Изъ области литературы. Его же. Опытъ изученія Шекспира. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902. П. А.—28) Э. Гриммъ. Исслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Томъ II. Римская императорская власть отъ Гальбы до Марка Аврелія. Спб. 1901. А. М.—29) Н. Карбевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ IV. Изданіе 2-е. Спб. 1901. П. К.—30) В. В. Розановъ. Легенда о великомъ иявизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія съ присоединеніемъ двухъ этюдновъ о Гоголѣ. Изд. 2-е. Спб.—дта.—31) Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Два тома. Спб. 1902. с. ш.—32) В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Повѣсти и разказы. Спб. 1902. н. Юрьина.—33) Жанна Д'Аркъ, романъ Марка Твена. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902. А. Фаресова.—34) З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901. н. н. Михайлова.—35) Н. Н. Вуличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902. м. п—аго.—36) Commentationes Nikitinae. Сборникъ статей по классической филологіи въ честь Петра Васильевича Никитина по поводу тридцатилѣтняго служенія его русскому просвѣщенію. 1871—1901. Спб. 1901. А. М—на.—37) А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman). Недавніе люди. Спб. 1901.—дта.—38) В. В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). Критико-библиографическій обзоръ. Спб. 1901. п. щ.—39) Мих. В. Хелтупиншвицъ. Вступленіе Грузіи въ составъ Россійской имперіи. Изд. Ал. Арабидзе. Кутаисъ. 1901. Юн. Мих—ва.—40) Отчетъ о дѣятельности Тверской ученой архивной комиссіи за 1900 годъ. Составилъ правитель дѣлъ И. А. Виноградовъ. Тверь. 1901. А. М—на.—41) А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушиникова. М. 1902. Вас. Янимова.—42) Книга бытій моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Томъ VII. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. Спб. 1901. Е.—43) Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основаніи до 1897-го года включительно. Историческій очеркъ разныхъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла и развитія финансовой и экономической стороны желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 годъ включительно. Составленъ съ высочайшаго соизволенія по распоряженію министра путей сообщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя М. И. Хилкова подъ редакціей ниже чера тайнаго совѣтника В. М. Верховскаго. Спб. 1901. В. п—на.—44) Труды Я. К. Грота. IV. Изъ русской исторіи. Исслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1845—1890). Изданы подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Спб. 1901. м. п—аго.—45) Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ второй. Спб. 1901. В. строва.—46) Князь М. А. Навашидзе. Автомобиль, его экономическое и стратегическое значеніе для Россіи. Съ 9-ю рисунками. Спб. 1902. Бориса Тагбева.—47) Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ. Москва. 1902. В. I.—48) Постройка и эксплуатация Николаевской желѣзной дороги (1842—1851—1901 г.г.). Краткій историческій очеркъ. Составленъ управленіемъ дороги. Спб. 1902. в. п.—49) Художественныя сокровища Россіи. Ежемесячный, иллюстрированный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ, подъ редакціей А. Велюа. Выпускъ I. Спб. 1902. с. ш.—50) Суворовъ, какъ представитель славянства. Составилъ ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, генералъ-майоръ Н. А. Орловъ. Спб. 1901. I.—51) А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Москва. 1902. А—ва.—52) Феликсъ Рокэвъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1902. П. А.—53) Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Томъ III. Изданіе А. М. Павтедьева. Спб. 1902. в.—54) Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и епархата за XIX столѣтіе. Е. К. Тифлисъ. 1901. А. хаханова.—55) Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Inssu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilus Latyschev. Volumen quartum. Petropoli MDCCCXI. (Древнія греческія и латинскія надписи съвернаго побережья Чернаго моря. По порученію и на средства императорскаго Русскаго археологическаго общества издалъ Василий Латышевъ. Томъ четвертый. Спб. 1901). А. М—на.—56) Г. Г. Нибургъ. Рабство, какъ система хозяйства, этнологическое исслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Москва. 1902. I.—57) Д. Мержковскій. Любовь сильнѣ смерти. Итальянская новелла XV-го вѣка. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Москва. 1902. В. Розанова.—58) Исторія польской артиллеріи (Historja artylerji polskiej). Константина Гурскаго. Варшава. 1902. I. н.—59) Полное собраніе сочиненій В. Г. Вѣлинскаго. Въ 12 томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ V. Спб. 1901. в.—60) Э. Бессонъ. Водяетный контроль во Франціи и за границей. Историческое и критическое исслѣдованіе финансоваго контроля первостепенныхъ государствъ Европы. Перев. съ франц. С. А. Халютина. Спб. 1901. с. н.—61) Джонъ Рескинъ. Современные художники. Общіе принципы и правда въ искусствѣ. Перев. со 2-го англійскаго

изданія П. С. Когана. Москва. 1901. г.—62) Jozef Dunin-Karwicki. Z moich wspomnień. T. I.—II. Warszawa. 1901. K. X.—63) Н. Е. Очурковъ. По Чердынскому уѣзду. Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Живая Старина», вып. I. 1901. Г. С.—64) Е. Н. Опочининъ. Очерки старо-русскаго быта. Выпускъ I. Боарскій домъ въ XVII столѣтїи. Опальный воевода. Москва. 1902. м. п.—аго.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ 363, 722, 1149

1) Древне-греческая эпоха.—2) Юстинианъ и византийская цивилизація въ VI вѣкѣ.—3) Четырехсотлѣтіе Матиленской экспедиціи.—4) Первый французскій комическій авторъ.—5) Энциклопедисты.—6) Адамъ Люксъ.—7) Марія-Луиза.—8) Конецъ переписки Баранта.—9) Тридцатилѣтіе Парижской коммуны.—10) Новая переписка Бисмарка.—11) Первая королева Италїи.—12) Смерть Пи-и-Маргалла и Карла Варкли.—13) Какимъ образомъ египетскій министръ сдѣлался богомъ.—14) Смерть Плинія Старшаго.—15) Тосканелли и Христофоръ Колумбъ.—16) Тайна Марїи Стюартъ.—17) Облеченіе маркизы Вренвильеръ.—18) Былъ ли женатъ Воссюз.—19) Польша и Франція въ 1790—1793 годахъ.—20) Пингерю и заговоры роялистовъ.—21) Замокъ Сенъ-Клу.—22) Два памятника.—23) Западные ученые о русскомъ византиновѣдѣніи.—24) Вылъ ли аюстождъ Петръ въ Римѣ.—25) Теодора.—26) Кровавая Марїа.—27) Впшингтонъ и Нѣмцевичъ.—28) Последніе шуаны.—29) Столѣтіе Новалиса.—30) Отецъ Викторъ Гюго.—31) Политическія идеи Вальзака.—32) Мемуары Дюрой.—33) Висмаркъ, какъ музыкантъ.—34) Мемуары императрицы Евгении.—35) Смерть лорда Дефферина, профессора Тилэ, путешественника Эмиля Голуба, г-жи Клемансъ Руайе и Марїи Ратаці.

СМѢСЬ 389, 744, 1179

1) Географическое общество.—2) Общество Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ.—3) Общество любителей древней письменности.—4) Вибліологическое общество.—5) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—6) Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.—7) Общество археологии, исторїи и этнографїи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—8) Русское общество дѣателей печатнаго дѣла.—9) Пятидесятилѣтіе восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества.—10) Десятилѣтній юбилей кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—11) Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II въ Вильнѣ.—12) Торжественное засѣданіе академіи наукъ.—13) Публичное засѣданіе академіи наукъ.—14) Чествованіе В. О. Ключевскаго.—15) Диспутъ В. М. Грибовскаго.—16) Историческое общество въ Москвѣ.—17) С.-Петербургское археологическое общество.—18) Археологическая комиссія археологическаго общества въ Москвѣ.—19) Кавказское отдѣленіе императорскаго Московскаго археологическаго общества.—20) Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.—21) Историко-филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ.—22) Археологическій институтъ.—23) Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ.—24) Древности каменнаго вѣка.—25) Общество любителей древней письменности.—26) Общество любителей руссїйской словесности.—27) Вибліографическое общество.—28) Вибліологическое общество.—29) Общество дѣателей печатнаго дѣла.—30) Памятникъ первопечатнику.—31) Географическое общество.—32) Этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографїи.—33) Общество любителей изслѣдованія Алтая въ Варнаулѣ.—34) Географическія экспедиціи.—35) Общество востоковѣдѣнія.—36) Къ юбилею печати.—37) Собираніе былинъ.—38) С.-Петербургское археологическое общество.—39) Московское археологическое общество.—40) Общество любителей древней письменности.—41) Археологическій институтъ.—41) Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.—43) Церковно-археологическая комиссія.—44) Археологическая находка.—45) Географическое общество.—46) Общество любителей естествознанія и географическое его отдѣленіе.—47) Общество археологии, исторїи и этнографїи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—48) Минусинскій музей и Н. М. Мартыановъ.

НЕКРОЛОГИ 408, 790, 1200

1) Дашковъ, Д. Д.—2) Змѣевъ, Л. О.—3) Лесевичъ, Л. П.—4) Мартыновъ, А. В.—5) Межениновъ, Н. П.—6) Миклашевскій, И. Н.—7) Наумовъ, Н. И.—8) Пуляковский, А. О.—9) Ремезовъ, М. Н.—10) Самаринъ, Д. О.—11) Совѣтовъ, А. В.—12) Шараневичъ, И. И.—13) Шелгунова, Л. П.—14) Богдановскій, А. М.—15) Генсень, Д. И.—16) Фонъ-Кауфманъ, М. П.—17) Кожевниковъ, А. Я.—18) Мункетовъ, И. В.—19) Опоцкій, Д. А.—20) Смирновъ, К. И.—21) Оеодоровъ (Соловцовъ), Н. Н.—22) Богуславскій, Л. А.—23) Валусна (Мунтъ), А. П.—24) Еленевъ, Ф. П.—25) Игнатовичъ, В. С.—26) Кичевъ, П. И.—27) Клевцинъ

скій, А. А.—28) Колесовъ, А. М.—29) Колоколовъ, А. П.—30) Ламанскій, Е. И.—31) Мельникова, А. Н.—32) Плоцанскій, В. М.—33) Рожновъ, Н. В.—34) Сахаровъ, В. Н.—35) Тизенгаузенъ, В. Г.—36) Фельдманъ, Ф. А.—37) Филатовъ, Н. Ф.—38) Щегловъ, Д. Ф.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 797, 1212

1) Къ статью «Остатки былого величія». и. Ал—скаго.—2) Съ статью «Ипоичность Лермонтовскихъ мѣстъ». М. Трофимовой.—3) Еще объ ижѣнн графа Завидовскаго. Ив. Захарьина (Якунина).

Приложенія: 1) Императрица Екатерина I. Съ неизданнаго рисунка художника Рибо (1717 г.), принадлежащаго П. Я. Дашкову.—2) Императрица Екатерина II. Съ портрета масляными красками, находящагося въ музеѣ П. И. Щукина.—Портретъ Гоголя въ бытность его въ гимназіи высшихъ наукъ въ Ижѣнѣ: по наброску одного изъ ижѣнскихъ товарищей; изъ №15 «Иллюстраціи», издававшейся въ 1845 г. Кукольникомъ.—4) Н. В. Гоголь. Съ гравюры Юрдана, сдѣланной съ портрета, писаннаго Моллеромъ въ 1841 году.—5) Портретъ Гоголя, рисованный карандашемъ съ натуры извѣстнымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, въ Римѣ.—6) Портретъ Гоголя, рисованный съ натуры актеромъ П. А. Каратыгинымъ, въ 1835 году.—7) Портретъ Гоголя, приложенный къ «Московскому Сборнику», изданному С. Т. Аксаковымъ въ 1852 году.—8) Портретъ Гоголя, приложенный къ «Запискамъ о жизни Гоголя», изданнымъ Кулишемъ.—9) Гоголь въ гробу. Съ литографіи того времени.—10) Старый деревенскій дождь въ селѣ Васильевкѣ, Подтавской губ., впоследствии сломанный, въ которомъ Гоголь провелъ дѣтскіе годы.—11) 6 факсимиле рукописей Гоголя: Двѣ подписи Гоголя и конвертъ письма его къ сестрамъ.—Письмо Гоголя къ сестрамъ.—Первая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря».—Вторая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря».—Письмо Гоголя къ Погодину по поводу смерти Пушкина.—Повѣсть «Пропавшая грамота».—12) Портретъ А. П. Хвостовой.—13) На закатѣ славы. Комедія-быль конца XVIII вѣка. Въ четырехъ дѣйствіяхъ. Въ стихахъ. А. Н. Мосолова.—14) Осада Страсбургъ. (Braves gens. Strassbourg). Историческая повѣсть изъ временъ франко-германской войны. Поля и Викторъ Маргеритъ. Переводъ съ французскаго. Гл. I—IV.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ХВОСТОВА.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета начала прошлаго столѣтія.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ продается

РОДОСЛОВНАЯ КНИГА

ЧЕРНИГОВСКАГО ДВОРЯНСТВА,

составленная графомъ Григоріемъ Александровичемъ Милорадовичемъ, бывшимъ черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, 2 т. въ 8 д. л. Спб. 1901 г. Сто три печатныхъ листа (1648 стр.).

Цѣна шесть рублей.

Книга посвящена Его Императорскому Величеству. Въ ней помѣщены портреты императрицы Екатерины II и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, а также портреты бывшихъ губернскихъ предводителей дворянства и грамота черниговскаго дворянства. Книга дворянства раздѣлена на шесть частей: въ первой описаны 132 рода, во второй 957, въ третьей 683, въ четвертой 5, въ пятой 25 и въ шестой древнее дворянство—159 родовъ, всего 1961 родъ.

Въ приложеніи помѣщены: 1) списокъ губернскихъ предводителей дворянства, 2) дворяне, сдѣлавшіе пожертвованія дворянству, 3) уставъ капитала самопомощи имени графа Милорадовича, 4) земляки достопамятные, уроженцы Черниговской губерніи, 5) девизы на гербахъ черниговскихъ дворянъ, 6) списокъ 142 дворянъ, имѣющихъ отъ 1,000 дес. и болѣе земли, 7) грамота императора Александра I, 1801 года, 8) грамоты императора Николая I, 1829 и 1831 г., 9) выписка изъ (Свода законовъ т. IX, 1899 г., указъ сенату 28-го мая 1900 г., 10) списокъ Черниговскихъ дворянъ на государственной службѣ, 11) капиталы дворянства, 12) послѣсловіе, 13) поправки, измѣненія и дополненія, 14) оглавленіе, 15) алфавитный указатель.

Книга эта — первый опытъ описанія дворянства цѣлой губерніи.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА.

Сочиненіе Николая ЭНГЕЛЬГАРДА.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ.

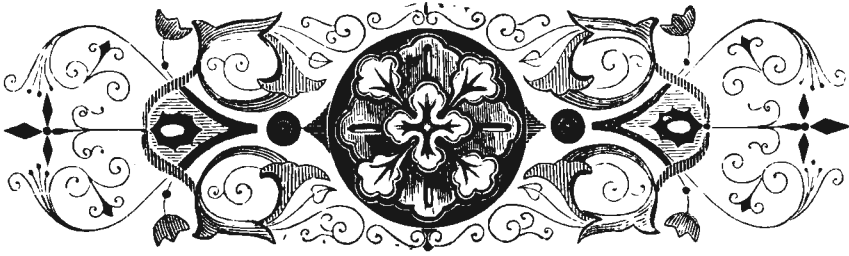
Томъ первый (1800—1850). Критика, романъ, поэзія и драма. Съ приложеніемъ: синхронистической таблицы, хронологическаго указателя писателей и полной библиографіи. **Краткое содержаніе:** Предисловіе. Гл. I. **Начало вѣка** (1800—1810). Дней Александровыхъ счастливое начало.—Радищевъ.—Борьба «шницковистовъ» съ «карамзинистами». —Проза начала вѣка.—Развитіе «легкой поэзіи». —Новое и старое на русской сценѣ. —Озеровъ.—Шаховскій.— Гл. II. **Десятые годы** (1810—1820). Значеніе 1812 г. для литературы.—Мерзляковъ и его критическая дѣятельность.—«Домъ сумасшедшихъ». —«Исторія Государства Россійскаго». Творчество Жуковскаго и Вятковскаго.—Кн. Вяземскій и др. «Лицейскія стихотворенія» А. С. Пушкина.—Комедіи Хмельницкаго и Загоскина.— Гл. III. **Двадцатые годы** (1820—1833). Очеркъ исторіи европейскаго классицизма и романтизма. —Эпоха «совершеннаго переворота» въ русской литературѣ.—Первые шеллингианцы.—«Мнемозина» и «Телеграфъ». —Романы Нарѣжнаго.—«Иванъ Выжигинъ». —«Юрій Милославскій». —Расцвѣтъ поэзіи Пушкина.—Переводъ «Илиады» Гомера.—Языковъ, Баратынскій, Рылѣевъ и др.—«Горе отъ ума». —Гл. IV. **Тридцатые годы** (1830—1840). «Холерный» годъ литературы.—«Телескойъ». —«Библіотека для Чтенія». —«Литературныя мечтанія». —Кружокъ Станкевича и Вѣлинскаго.—«Европеецъ». —«Философическія письма» Чаадаева.—Проза Пушкина.—«Новѣсти Вѣликина». —«Новѣсти Гоголя». —Лермонтовъ, Кольцовъ, Полежаевъ и др.—«Борисъ Годуновъ». —«Ревизоръ». —«Маскарадъ». —Гл. V. **Сороковые годы** (1840—1850). —Славянофилы и западники.—«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». —Письмо Вѣлинскаго.—Романы Кукольника.—«Герой нашего времени». —«Мертвыя души». —«Бѣдные люди». —«Кто виноватъ?» —Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ и др.—Майковъ, Полонскій и Фетъ.—Некрасовъ.—Шевченко.—Островскій.

Убористый томъ. Стр. XII+608. Цѣна 2 рубля.

Второй томъ (1850—1900) готовится къ печати.

Дозволено цензурою 21 февраля 1902 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13.

ТРАГИЗМЪ БЕЗВОЛІА ¹⁾.

ХІІ.

ДУШЕВНЫЙ кейфъ Ивкова длился съ мѣсяць.

Впрочемъ понятіе о времени утратило для него всякій смыслъ. Ничто не нарушало монотоннаго порядка существованія, которому онъ невольно подчинился, переступая порогъ своего новаго жилища. Само собою такъ устроилось, что онъ началъ превращать ночь въ день, а день въ ночь. До утра занимался чтеніемъ, которое такъ его утомляло, что онъ засыпалъ тяжелымъ сномъ до сумерекъ. Вставши пилъ кофе и отправлялся бродить по городу, подъ предлогомъ моціона и обѣда въ какомъ нибудь ресторанѣ. Но о послѣднемъ онъ часто забывалъ и возвращался домой, не чувствуя голода.

Измѣнять такой образъ жизни на болѣе нормальный и здоровый ему и въ голову не приходило. Большая часть людей живетъ иначе, но развѣ положеніе его не исключительное, и развѣ оно не даетъ ему права жить такъ, какъ ему удобнѣе?

— Вамъ бы зимнее пальто себѣ заказать,—замѣтила однажды Лиза, провожая его въ прихожую.

— У меня есть зимнее пальто въ складѣ, съ прочими вещами.

— Позвольте квитанцію, я возьму,—предложила она.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... мнѣ все равно; кромѣ зимняго пальто, ничего не нужно, а сундукъ большой, займетъ много мѣста,—возразилъ онъ растерянно.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 417.

Воспоминаніе о преспапье, лежавшемъ въ этомъ сундукѣ, леденило ему кровь отъ ужаса.

— Сундукъ вашъ можно поставить въ другое мѣсто, если вы не желаете загромождать имъ комнату. Я выну изъ него пальто, а остальное пусть себѣ лежитъ, пока не понадобится,—настаивала она.

У него отлегло отъ сердца.

— Возьмите, если вамъ есть куда его поставить,—поспѣшилъ онъ согласиться, вынимая изъ портмоне квитанцію и подавая ей.

— Будьте покойны, все будетъ цѣло. Я выну только теплое пальто, если вамъ ничего больше не надо.

Она такъ и сбѣлала; когда онъ на слѣдующій день собрался гулять, на вѣшалкѣ висѣло его теплое пальто, холодное было прибрано, а о сундукѣ ему не упоминали.

Съ княгиней онъ видѣлся не такъ часто, какъ бы ему хотѣлось. Послѣ параднаго чаепитія въ столовой, она принимала его изрѣдка, лежа на кровати, въ пеньюарѣ или въ ночной кофтѣ, разодранной когтями кошки, и, какъ всегда, окруженная книгами и брошюрами. Туалета она для него больше не дѣлала, гримировки не возобновляла и имѣла очень страшный видъ. Но онъ этого не замѣчалъ. Не замѣчалъ онъ также ни безобразія ея, ни странностей, такъ сумѣла она овладѣть его мыслями и чувствами.

Выдающейся способностью этого страннаго существа было любопытство, жадное и холодное, неутомимо стремящееся анатомировать чужую душу, такъ или иначе подпавшую подъ ея вліяніе. Искусствомъ вызывать на откровенность самыхъ сдержанныхъ и молчаливыхъ людей она обладала въ совершенствѣ, и, отвѣчая на вопросы, затрогиваемые ею какъ бы невзначай, Ивковъ, самъ того не замѣчая, посвятилъ ее во всѣ подробности своей жизни до того рокового дня, когда неожиданная катастрофа перевернула вверхъ дномъ все его духовное существо.

Про это онъ ей еще не намекалъ, но начиналъ уже ощущать потребность открыть ей страшную свою тайну.

Чѣмъ объяснить эту потребность? Во всякомъ случаѣ не участіемъ и не искренностью съ ея стороны; въ ея пристальномъ, внимательномъ взглядѣ, кромѣ холоднаго и насмѣшливаго любопытства, онъ ничего не могъ прочесть и, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія подъ одной съ нею кровлей, зналъ про нее такъ же мало, какъ и въ день ихъ перваго знакомства. Объ ея состояніи, семейномъ положеніи и проч. онъ могъ судить только по ея обстановкѣ, состоящей изъ обломковъ минувшаго великолѣпія, да по титулу, который она носила. Никогда не вырывалось у нея ни малѣйшаго намека на прошлое, по которому можно было бы заключить, были ли у нея когда нибудь дѣти и мужъ, для чего жила она такъ много за границей, все это оставалось для него загадкой, которую онъ, впрочемъ, и не пытался разгадывать.

Равнодушіе его къ жизни и къ людямъ усиливалось со дня на день; одного только хотѣлось: жить всегда такъ, какъ онъ жилъ теперь, ничего не слыша и никого не видя, кромѣ страннаго существа, обладавшаго даромъ направлять его мысли и чувства въ сторону, совершенно противоположную тому пути, которому онъ слѣдовалъ до той минуты, когда обстоятельства заставили его съ него свернуть.

Чѣмъ дальше уходилъ онъ отъ остального міра, тѣмъ необходимѣе становилось ему общество княгини. Дѣлиться съ нею впечатлѣніями, навѣянными книгами, которыми она продолжала его снабжать, слышать отъ нея опроверженіе всего, что онъ привыкъ уважать и любить, какъ олицетвореніе добра и красоты, доставляло ему такое наслажденіе, что каждый разъ, возвращаясь съ прогулки домой, онъ не безъ волненія себя спрашивалъ, увидитъ ли онъ ее сегодня.

Когда проходило нѣсколько дней безъ приглашенія, Лиза, незамѣтно за нимъ наблюдавшая, считала своимъ долгомъ ставить свою госпожу въ извѣстность относительно перемѣны въ душевномъ настроеніи ихъ жильца.

Она для этого выбирала всегда ночное время, когда княгиня, проснувшись и принявъ обычную дозу своего живительнаго зелья, съ лихорадочною поспѣшностью начинала пользоваться минутами душевнаго просвѣтленія и возилась съ своими растеніями въ круглой гостиной. Она ихъ поливала, удобривала разными снадобьями землю, извлекала изъ нея червей, подтачивавшихъ корни, обмывала листья, удаляя тѣ, которые начинали сохнуть.

При этихъ операціяхъ почти всегда присутствовала Лиза и, подавая ей то ножницы, то губку съ водой, доносила ей о томъ, что происходило въ домѣ.

Со свойственною ей смѣтливостью и умѣніемъ эксплуатировать слабости господъ, у которыхъ она служила, давно подмѣтила она пристрастіе княгини къ сплетнямъ и розсказнямъ самаго нелѣпаго и гнуснаго свойства и знакомила ее со скандальными исторіями, происходившими во всѣхъ этажахъ огромнаго дома, съ разнообразнѣйшимъ населеніемъ, начиная отъ роскошныхъ квартиръ съ зеркальными окнами на улицу, гдѣ семейныя драмы кончались иногда внезапными отъѣздами за границу, а иногда объявленіемъ пышными похоронами, и кончая трагикомедіями въ подвалахъ и чердакахъ, гдѣ кровавыя и шумныя развязки сопровождались вмѣшательствомъ полиціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ поселился Ивковъ, Лиза вплетала въ розсказы о сосѣдяхъ замѣчанія на его счетъ.

— Начинаетъ, какъ будто, скучать... меньше читаетъ, все больше по комнатѣ прохаживается въ задумчивости... Вчера, поздно вечеромъ, какъ принесла я ему самоваръ, спросили про погоду,

задумали, вѣрно, во второй разъ выйтить прогуляться отъ скуки. Я сказала, что дождь, остались и про ваше здоровье спросили. Хотѣли еще что-то сказать, даже вернули меня, какъ стала уходить, да раздумали: «Ступайте, говорить, ничего мнѣ больше не надо»,—распространялась Лиза, стоя со свѣчей въ рукѣ у лѣстницы, на которую влѣзла ея госпожа, чтобъ очистить верхушку высокой пальмы отъ пожелтѣвшаго листа.

Все это княгиня выслушивала съ такимъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ и всѣ прочіе ея рассказы, ни на что не возражая, ничѣмъ не возмущаясь и ничему не удивляясь. Какъ описаніе дракъ, ссоръ, грязнаго разврата и убійствъ, такъ и рассказы о душевныхъ мукахъ молодого человѣка, нашедшаго у нея пристанище и о терзаніяхъ и сомнѣніяхъ котораго она не могла не догадываться, благодаря глубокому знанію человѣческаго сердца, все это вызывало только улыбку на ея узкихъ, синеватыхъ губахъ.

Тѣмъ не менѣе все это она принимала къ свѣдѣнію, и послѣдствіемъ доклада являлось приглашеніе Ивкову прійти съ нею поспѣть.

До сихъ поръ онъ всегда находилъ ее одной и такъ свыкъ съ мыслью объ ея одиночествѣ, что когда однажды вечеромъ, возвращаясь съ прогулки, увидалъ на вѣшалкѣ въ прихожей нарядную дамскую шубку, а подъ нею миньютюрныя теплыя ботинки, онъ съ непріятнымъ изумленіемъ спросилъ у Лизы:

— У васъ сегодня гости? Развѣ княгиня ужъ встала?

— Скоро пойду ихъ будить. Племянница ихняя пріѣхала по важному дѣлу, дожидаются пробужденія княгини въ гостиной.

Извѣстіе это привело его въ раздраженіе. Появленіе этой племянницы разрушало всѣ его представленія объ одиночествѣ княгини, и онъ почувствовалъ себя обиженнымъ, какъ человѣкъ, довѣріемъ котораго злоупотребили.

Досада его усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что никогда еще не тяготился онъ такъ одиночествомъ, какъ въ этотъ вечеръ.

Съ утра ему нездоровилось отъ плохо проведенной ночи. Наканунѣ ему раньше обыкновеннаго захотѣлось спать, но не успѣлъ онъ потушить свѣчу, какъ напала бессонница, продолжавшаяся съ небольшими перерывами всю ночь, и поднялся онъ съ постели съ тяжелой головой и ноющимъ отъ злого предчувствія сердцемъ. Одѣвшись, онъ снова повалился на постель и пролежалъ съ открытыми глазами безъ мыслей и безъ силъ до сумерекъ. Потомъ всталъ и, когда совсѣмъ стемнѣло, вышелъ на улицу. Но свѣжій воздухъ не разсѣялъ мрачнаго настроенія, гнетущаго ему сердце. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что заглохшія было впечатлѣнія снова начинаютъ оживать въ его душѣ; ощущалась болѣзненная чувствительность нервовъ и мучительное безпокойство отъ зловѣщихъ при-

зраковъ, невидимо носившихся надъ его головой, отравляя воздухъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ.

Чтобъ ихъ удалить, было одно только средство: погоня за новыми впечатлѣніями. Но все, что раньше его развлекало, ему опротивѣло. Книги, которыми онъ раньше зачитывался, казались ему теперь отвратительной ложью, какъ самъ сатана, вдохновившій ихъ авторовъ. Проснувшійся въ немъ новый духъ тянулъ его вонъ отсюда съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, наконецъ, не стало больше силъ ему противиться, и онъ рѣшилъ пойти хоть въ театръ, чтобъ разсѣять душевное смятеніе.

Не успѣла мысль эта мелькнуть въ его головѣ, какъ онъ съ лихорадочною поспѣшностью началъ приводить ее въ исполненіе, одѣлся и вышелъ въ прихожую, гдѣ все еще висѣла шубка ненавистой посѣтительницы.

«Она, можетъ быть, теперь каждый день будетъ ѣздить къ теткѣ? Куда же бѣжать? Гдѣ искать пристанища?»—думалъ онъ, спускаясь по лѣстницѣ.

Вторженіе новаго лица въ его жизнь наполняло все его существо невыразимой тоской.

ХІІІ.

Вмѣсто того, чтобъ идти въ театръ, онъ направился въ противоположную сторону, на Литейную.

Для чего? Вопросы этого онъ себѣ не задавалъ и безотчетно повиновался таинственной силѣ, овладѣвшей его душой. Вихремъ проносились въ головѣ мысли, одна другой неожиданнѣе, но останавливаться на нихъ не было ни малѣйшаго желанія. Одно только сознавалъ онъ ясно, что онъ идетъ къ чему-то роковому и неизбѣжному, какъ сама смерть...

Можетъ быть, къ смерти? Можетъ быть, черезъ нѣсколько минутъ онъ перестанетъ существовать? Рѣка близко, стоитъ только пройти на мостъ, перепрыгнуть черезъ перила и всему конецъ. А, можетъ быть, это произойдетъ какънибудь иначе...

Ему было все равно. Давно ужъ не принадлежалъ онъ самому себѣ, но никогда еще не сознавалъ этого такъ ясно, какъ въ эту минуту.

Шелъ онъ, не останавливаясь и не озираясь по сторонамъ, машинально сторонясь отъ экипажей, а попадавшіеся ему на встрѣчу люди сами отъ него сторонились, принимая его за безумнаго, таковой у него былъ растерянный видъ.

Совсѣмъ стемнѣло и при свѣтѣ фонарей, какъ одушевленные, такъ и неодушевленные предметы, казались призраками изъ другого міра, близость котораго онъ уже ощущалъ всѣмъ своимъ существомъ.

И вдругъ, не доходя до мѣста, гдѣ съѣзжаются конки, его точно что-то дернуло остановиться и взглянуть на зданіе, возвышающееся отъ него слѣва. Что именно заставило его очнуться отъ забытья, звонъ ли конокъ, гулъ ли голосовъ вокругъ нихъ, или тайное предчувствіе, что онъ дошелъ до цѣли, и идти ему больше некуда, такъ или иначе, но онъ увидалъ, что стоитъ передъ зданіемъ окружнаго суда, и въ то же мгновеніе понялъ, что именно ему надо дѣлать дальше.

Не задумываясь, поднялся онъ по широкимъ каменнымъ ступенямъ, растворилъ тяжелую дверь и вошелъ въ широкія сѣни съ колоссальнымъ мраморнымъ изваяніемъ передъ бѣгущими къ верху ступенями утопавшей во мракъ лѣстницы.

— Нельзя ли узнать адресъ кандидата на судебныя должности Захарина?—спросилъ онъ у заспаннаго сторожа, поднявшагося къ нему навстрѣчу съ скамейки, на которой онъ дремалъ.

— Сейчасъ, ваше благородіе, извольте здѣсь подождать,—вѣжливо отвѣчалъ молодой малый, не успѣвшій еще утратить военной выправки.

Онъ куда-то юркнулъ, а Ивковъ остался одинъ.

Тутъ было тихо, и только черезъ нѣсколько минутъ началъ онъ различать глухой гулъ шаговъ и голосовъ, долетавшихъ сюда издалека, повторяясь эхомъ. Въ такое время, кромѣ засидѣвшагося за слѣшной работой чиновника или писаря, здѣсь никого не могло быть.

Разставаясь съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ загородномъ театрѣ, родственникъ Фролова пригласилъ Ивкова продолжать съ нимъ знакомство и между прочимъ сказалъ, что адресъ его всегда можно узнать въ окружномъ судѣ.

Вотъ онъ сюда и пришелъ. До сихъ поръ ни разу не вспоминалъ онъ про этого Захарина, а теперь ощущаетъ такую страстную потребность съ нимъ повидаться, что не можетъ безъ ужаса себѣ представить, что будетъ, если ему это не удастся.

Но этого не можетъ быть! Для чего же онъ сюда пришелъ? Нигдѣ не найдетъ онъ себѣ покоя, пока свиданіе съ Захаринимъ не состоится, въ этомъ онъ былъ такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что онъ еще живъ и дышитъ... А между тѣмъ, нѣсколько минутъ раньше, онъ даже не помнилъ имени этого человѣка.

Отъ нетерпѣнія скорѣе узнать, гдѣ его найти, время тянулось нестерпимо долго, и онъ обрадовался какъ избавленію, когда, наконецъ запыхавшійся отъ поспѣшности сторожъ сбѣжалъ назадъ съ лѣстницы.

— Никого въ канцеляріи не нашелъ, ваше благородіе, самъ разыскалъ въ книгѣ и списалъ для вашей милости... Совѣмъ отсюда близко, въ Косомъ переулкѣ. Они, вы знаете, назначеніе получили, скоро уѣзжаютъ изъ Петербурга,—говорилъ онъ, подавая Ивкову

бумажку съ адресомъ Захарина и съ поклономъ принимая монету, которую ему дали за труды.

Черезъ нѣсколько минутъ Ивковъ звонилъ у двери въ квартиру Захарина.

Отворившій ему мальчикъ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на незнакомаго офицера, явившагося съ визитомъ въ такое позднее время, отвѣчалъ, что баринъ его дома.

— Какъ объ васъ доложить?

— Скажите: Ивковъ, товарищъ Фролова.

— Николай Ивановичъ! Пожалуйте! Пожалуйте!—раздался голосъ изъ сосѣдней комнаты, и въ дверяхъ показался Захаринъ.— Какъ это вамъ вздумалось меня навѣстить? Прослышали вѣрно про мое назначеніе? Какъ же, какъ же, назначили въ Саратовъ. Далеко, да ничего не подѣлаешь, вѣдь и тамъ надо отправлять правосудіе, вездѣ живутъ люди. Тамъ, говорятъ, постоянный театръ, пріѣзжаютъ интересныя труппы, много хорошенькихъ, и вообще веселятся... Садитесь сюда, извините за беспорядокъ, укладываюсь, на дняхъ отправляю вещи, а за тѣмъ и самъ пушусь въ путь. Гонять, гонять, дѣло тамъ одно, такъ запутали, что самъ чортъ ногу сломить... Ну-съ, чѣмъ могу служить? Ѳедя, подай сюда чай, столовая такъ загромождена, что некуда приткнуться.

Говоря такимъ образомъ съ большимъ оживленіемъ и не дожидаясь отвѣтовъ на вопросы, Захаринъ ввелъ Ивкова въ кабинетъ, заставленный дорожными сундуками, и, усадивъ его на кресло передъ письменнымъ столомъ, самъ примостился на краешкѣ дивана, заваленнаго принесенными изъ магазиновъ картонками и свертками.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Чѣмъ могу служить?—повторилъ онъ, весело потирая руки и пытливо посматривая на посѣтителя смѣющимися глазами. — А какъ вы похудѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись! Больны, вѣрно, были? Я къ вамъ съ мѣсяць тому назадъ заходилъ въ ту гостиницу, гдѣ вы жили съ Фроловымъ... А кстати о Фроловѣ, вы знаете, онъ въ Москвѣ, ждетъ обѣщаннаго мѣста въ корпусѣ....

— Я былъ боленъ,—вымолвилъ съ усиленіемъ Ивковъ, съ недоумѣніемъ озираясь по сторонамъ.

Царившій здѣсь беспорядокъ, выдвинутые ящики изъ столовъ и комодовъ, раскиданныя бумаги и книги, такъ живо напомнили ему его отъѣздъ изъ N—ска, что онъ невольно искалъ глазами на полу трупъ еврейки.

— Оно и видно, что вы были больны, вы такъ похудѣли и поблѣднѣли, что встрѣтись я съ вами на улицѣ, я бы васъ не узналъ,—продолжалъ Захаринъ, закуривая папиросу и подавая открытый портсигаръ своему гостю.

«Сейчасъ свершится то, для чего я сюда пришелъ», замелькало въ головѣ Ивкова, въ то время, какъ онъ знакомъ отказывался

отъ предложенія курить. Отъ жуткаго предчувствія слова не выговаривались.

— Не курите? А я, знаете, ни минуты не могу безъ папиросы, только вмѣстѣ съ дымомъ мысли и лѣзутъ въ голову.

— Вы сейчасъ сказали, что спрашивали про меня въ той гостиницѣ, гдѣ я раньше жилъ?—напомнилъ Ивковъ, замѣчая, что разговоръ начинаетъ отклоняться въ сторону.

— Какъ же, какъ же, чтобъ сказать вамъ про то дѣло, которое лѣтомъ васъ такъ интересовало, помните? Солдатъ, заподозрѣнный въ убійствѣ еврейки.

Ивковъ утвердительно кивнулъ.

— Представьте себѣ, какой вышелъ казусъ!—продолжалъ Захаринъ, откидываясь къ спинкѣ дивана, чтобъ удобнѣе ораторствовать. — Приговоръ по дѣлу этого солдата, какъ вамъ извѣстно, былъ кассированъ и переданъ въ здѣшній высшій судъ. Ну, на дняхъ судъ этотъ состоялся....

— Здѣсь?!—вскричалъ хриплымъ голосомъ Ивковъ. — Стало быть?....

«Илья здѣсь?» — добавилъ онъ мысленно слова, которыя не въ силахъ былъ выговорить вслухъ.

— Вы вѣрно думаете, что его оправдали?—подхватилъ его собесѣдникъ, объясняя по-своему недосказанный вопросъ. — Въ этомъ не вы одни, а и мы все были увѣрены, а между тѣмъ вышло иначе: опять прокуроръ, уже другой, замѣтите, отказался отъ обвиненія, а судьи нашли виновнымъ! Такого случая въ военномъ судѣ не запомнятъ. Чтобы два разныхъ состава судей, на тысячу верстъ одинъ отъ другого, точно сговорившись, нашли виновнымъ подсудимаго, котораго оба прокурора отказались обвинять, это, согласитесь, такое замѣчательное явленіе, что остается только руками развести! И замѣтите, безъ новыхъ уликъ, тѣ же свидѣтели, а между тѣмъ въ послѣднюю минуту оба прокурора отказываются обвинять, а судьи осуждаютъ на каторгу!

Наступило молчаніе. Хозяинъ закурилъ новую папиросу и позвонилъ, чтобы приказать скорѣе подавать чай. Ивковъ сидѣлъ, углубившись въ мысли или, лучше сказать, въ представленія, поднимавшіяся одно за другимъ передъ его духовными очами. Катастрофа, подъ гнетомъ которой онъ изнемогалъ, воскресла передъ нимъ такъ живо, что заслонила собою все, время, пространство, все, чѣмъ онъ жилъ въ дѣйствительности, и что его окружало. Страшно было взглянуть на полъ, чтобы не увидѣть трупа еврейки, а вмѣсто Захарина ему казалось, что сидитъ Илья и укоризненно на него смотритъ.

Вошелъ мальчикъ съ подносомъ, и призраки разсѣялись. Ивковъ взялъ стаканъ съ чаемъ, машинально налилъ въ него коньяку изъ стоявшаго тутъ же графинчика и выпилъ эту смѣсь залпомъ,

обжигая себѣ ротъ, но съ наслажденіемъ убѣждаясь въ возвратѣ къ дѣйствительной жизни. Явилась возможность мыслить и обсуждать положеніе....

Какъ могъ онъ такъ долго забывать про Илью, переносившаго изъ-за него такія муки? Какъ могъ онъ оставлять его такъ долго безъ поддержки и безъ утѣшенія? Скорѣе его увидѣть, чтобы сказать, что онъ отказывается отъ дальнѣйшихъ его жертвъ.... Лучше самому все вынести, и судъ, и осужденіе и наказаніе....

— А убійца все еще не объявляется?—спросилъ онъ вызывающимъ тономъ.

— Если бы онъ объявился, то и толковать было бы не о чемъ,—возразилъ Захаринъ. — Но если онъ молчитъ до сихъ поръ....

— То будетъ молчать и дальше? Да? Но почему вы такъ думаете? Какое право имѣете вы считать его такимъ мерзавцемъ?—запальчиво вскричалъ Ивковъ, срываясь съ мѣста. — Онъ, можетъ быть, несчастнѣе Ильи, этотъ убійца.... онъ, можетъ быть, переживаетъ такія нравственныя муки, о которыхъ вы и понятія не имѣете! Вѣдь осужденіе Ильи—это его осужденіе.. Нѣтъ, хуже! Много, много хуже!

— Очень можетъ быть,—поспѣшилъ согласиться съ нимъ Захаринъ, тоже вставая съ мѣста.

Ему становилось жутко отъ присутствія этого болѣзненнаго субъекта, отъ котораго каждую минуту можно было ждать какойнибудь безобразной выходки, и онъ мысленно упрекалъ Фролова за то, что онъ не предупредилъ его о странностяхъ своего пріятеля. Тѣмъ не менѣе, желая оставаться корректнымъ, онъ себя пересилилъ и съ улыбкой замѣтилъ, что солдатикъ этотъ, котораго не могутъ ни оправдать, ни осудить, долженъ быть пресимпатичная личность, если и прокуроры и бывший его начальникъ принимаютъ въ немъ такое горячее участіе.

«Молчите! Ничего вы въ этомъ не понимаете!»—чуть было не сорвалось съ языка Ивкова, но онъ, къ счастью, во время спохватился, подавилъ слова, рвавшіяся изъ груди, и, странно улыбнувшись новымъ мыслямъ, закружившимся въ умѣ, началъ искать фуражку, чтобы уходить.

И вдругъ, обернувшись къ хозяину, спросилъ:

— Какъ надо поступить, чтобы сознаться въ преступленіи?

— Очень просто, пойти къ прокурору или написать ему.

— Къ какому прокурору?

— Все равно, къ какому бы то ни было. Ни одинъ не имѣетъ права оставить подобнаго заявленія безъ вниманія... Но вы напрасно объ этомъ беспокоитесь,—прибавилъ онъ съ улыбкой,—если бы былъ другой убійца, и если бы онъ захотѣлъ сознаться, то давно сумѣлъ бы это сдѣлать.

— Ну, да, разумѣется, вамъ иначе нельзя думать,—замѣтилъ Ивковъ.

— Всякій будетъ такъ думать.

— Да, да, всякій,—повторилъ Ивковъ.

На этомъ они разстались. Проводивъ его, Захаринъ взглянулъ на графинчикъ съ коньякомъ, въ которомъ доброй половины недоставало, и усмѣхнулся. Теперь странности Ивкова ему были понятны: слабъ на вино, опьянѣлъ отъ двухъ рюмокъ.

XIV.

Затворивъ дверь за племянницей своей госпожи, Лиза расположилась ужинать со своимъ новымъ фаворитомъ, приказчикомъ изъ сосѣдней бакалейной лавки, когда звонокъ изъ спальни заставилъ ее поспѣшно бросить недоѣденную копченую корюшку, вытереть руки, надѣть свѣжій передникъ и бѣжать къ своей госпожѣ, которую она застала въ ночной кофтѣ съ засученными рукавами, занятую чисткой своихъ туалетныхъ принадлежностей.

Послѣ возни съ растеніями княгиня ничего такъ не любила, какъ чистить свои драгоценности и вещи, украшавшія ея письменный столъ и туалетный.

Послѣ ухода племянницы она, должно быть, приняла усиленную дозу морфія, глаза ея сверкали лихорадочнымъ блескомъ, и движенія были порывистѣе обыкновеннаго.

— Скажите господину Ивкову, что я прошу его ко мнѣ чай пить, черезъ часъ,—сказала она вошедшей на ея зовъ Лизѣ, продолжая ловко и проворно уставлять вычищенными предметами столъ, пышно задрапированный бѣлыми кружевами на розовомъ атласномъ чехлѣ.

— Господина Ивкова дома нѣтъ.

Княгиня такъ мало ожидала этого отвѣта, что на костлявомъ ея лицѣ выразилось удивленіе.

— До сихъ поръ дома нѣтъ! Куда же онъ отправился?

— Не могу знать-съ. Гулять вѣрно вышли.

— Вы глупы! Онъ вернулся съ гулянья, когда Наталья Павловна была еще здѣсь.

— Точно такъ-съ, а потомъ они одѣлись и опять вышли.

— Переодѣлся?

— Да-съ, въ новый сюртукъ.

— Что же вы, мнѣ этого до сихъ поръ не сказали? Получилъ онъ какое нибудь письмо? Былъ у него кто нибудь?

— Ничего имъ не приносили, и никто ихъ не спрашивалъ-съ.

— Хорошо, ступайте и, какъ вернется, передайте ему мое приглашеніе.

Ивковъ вернулся черезъ часъ и въ такомъ нервномъ возбужденіи, что обрадовался приглашенію княгини.

Одно присутствіе этой безстрастной женщины, относившейся ко всему съ ледянымъ равнодушіемъ, должно было его успокоить и помочь разобраться въ хаосъ чувствъ и мыслей, переполнявшихъ его душу.

И онъ не ошибся. Не успѣлъ онъ перешагнуть порогъ спальни княгини, какъ волненіе его успокоилось и нервное возбужденіе стихло. Точно невидимой рукой, мягкой и осторожной, но безпощадной, сжималось его сердце, позволяя ему биться настолько, чтобъ не наступила смерть. Мысли постепенно затуманивались, упоительно сладко, какъ въ дремотѣ передъ сномъ.

Отъ запаха духовъ, дѣйствовавшихъ на него особенно сильно послѣ продолжительнаго пребыванія на свѣжемъ воздухѣ, можетъ быть?

Такъ или иначе, но не прошло и десяти минутъ послѣ того, какъ онъ опустился въ кресло у кровати, съ которой глядѣла на него пристальнымъ и пытливымъ взглядомъ княгиня, и отъ проснушагося было въ немъ новаго человѣка не осталось и слѣда. Онъ уже судилъ этого человѣка издали и со стороны, какъ чужого, и приносилъ строгій приговоръ его опрометчивости и недалъновидности.

«Какую непоправимую глупость сдѣлалъ бы онъ, еслибъ поддался влеченію сердца, гнавшему его домой, чтобъ писать признаніе прокурору! Не повидавшись съ Ильей, ничего не обмысливъ и даже не узнавъ, правду ли ему сказалъ Захаринъ», думалъ онъ, отвѣчая на вопросы, предлагаемые ему княгиней.

Путая ложь съ правдой, онъ объявилъ, что, соскучившись дома, ему вздумалось пойти въ театръ, но что онъ встрѣтилъ по дорогѣ пріятеля, который затащилъ его къ себѣ.

— Вашъ пріятель тоже военный?

— Нѣтъ, онъ служитъ по судебному вѣдомству. Мы разговаривались о судебныхъ ошибкахъ, и онъ разсказалъ мнѣ про дѣло, которое меня лично интересуетъ по близости моей къ подсудимому...

И самъ не понимая, какъ это случилось, онъ поддакъ страстному желанію говорить про Илью и разсказалъ, какъ его заподозрѣли въ убійствѣ старой еврейки, какъ два раза судили и оба раза, невзирая на протесты прокуроровъ, осудили.

— «Для чего я ей все это говорю?»—мелькало у него въ умѣ, въ то время какъ слова неудержимо срывались съ языка. Но вернуть ихъ было уже невозможно, и онъ утѣшалъ себя мыслью, что ему стало легко послѣ этого полупризнанія.

— Но, можетъ быть, оба прокурора ошибаются, и еврейку онъ убилъ,—замѣтила княгиня.—Убить человѣка вовсе не такъ трудно,

какъ думаютъ вообще, все зависитъ отъ настроенія, — прибавила она.

— Нѣтъ, это не онъ! — вырвалось помимо воли у ея слушателя.

Наступило молчаніе, очень неловкое для Ивкова. Онъ сознавалъ, что сдѣлалъ промахъ, и не зналъ, какъ его поправить.

— Не я одинъ такъ думаю, и Фроловъ, и Захаринъ, считаютъ его невиновнымъ... А прокуроры? Вѣдь ужъ это люди, по профессіи подозрительные и къ виѣшнимъ впечатлѣніямъ относящіеся скептически, какъ же бы они могли, безъ вѣскихъ причинъ, сознаться, что заблуждались, предавая его суду? — поспѣшилъ онъ прибавить.

— Какія же вѣскія причины? Наитіе съвыше, что ли? — спросила она съ усмѣшкой.

Онъ промолчалъ, не зная, что сказать.

— Не знаю, какъ вы, — продолжала она, гипнотизируя его взглядомъ, — но я вмѣшательству высшихъ силъ въ человѣческія дѣла не вѣрю. Да и высшей силы, кромѣ силъ природы, не признаю. Просто случай, простой и нелѣпый, какъ все на землѣ.

Бесѣда ихъ длилась до утра. Пробыло четыре, когда онъ поднялся, чтобъ уходить.

— Вамъ хочется спать? — спросила она.

— Нѣтъ, но ужъ поздно, и пора вамъ дать покой.

— Я раньше второго часа пополудни не засыпаю. Когда вы уйдете, я буду возиться съ моими растеніями, читать, писать письма. А вы что будете дѣлать?

— Читать не хочется, писать некому, постараюсь заснуть, не знаю, удастся ли.

— Васъ такъ взволновало свиданіе съ пріятелемъ?

— Да, онъ напомнилъ мнѣ то, что хотѣлось бы забыть.

Глаза ея загорѣлись любопытствомъ.

— Женщину, вѣрно?

Онъ молча наклонилъ голову, успокоенный. Заставить ее еще дальше отойти отъ истины, къ которой она начинала совѣмъ терять путь, казалось ему легче прежняго.

— Когданибудь я вамъ расскажу про мое горе, но теперь оно еще слишкомъ свѣжо... Къ тому же, мнѣ надо рѣшить одинъ вопросъ, отъ котораго зависитъ вся моя судьба...

— «Видѣть его или не видѣть?» — добавилъ онъ про себя.

— Тѣмъ болѣе причинъ пожелать вамъ хорошо выспаться, это самое лучшее средство для заживленія сердечныхъ ранъ, — добродушно замѣтила она.

И, взявъ со стола граненый флаконъ, она налила изъ него въ рюмку нѣсколько капель, прибавила туда воды и подала ему.

— Выпейте это, заснете прекрасно и проснетесь въ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ выпилъ сладковатое, приторное снадобье и поцѣловаль у нея руку.

Она тронула его своимъ участіемъ. Ему казалось, что онъ только теперь понялъ, что за милая старуха эта чудачка, когоруую онъ до сихъ поръ считалъ холодной, сухой психопаткой.

И княгиня тоже была убѣждена, что вполне его узнала и постигла тайну его душевнаго удрученія. Въ дневникѣ ея появилась новая про него замѣтка слѣдующаго содержанія:

«Причастенъ къ убійству!!!

«Почти сознался, что съ убитой жидовкой его связывала женщина.

«Изъ какихъ? Навѣрное изъ самыхъ простыхъ и пошлыхъ, въ родѣ горничной, швейки или курсистки. Женщинъ изъ высшаго круга, даже здѣшняго, онъ никогда не зналъ. Стоитъ только взглянуть на него, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Гдѣ теперь его возлюбленная, и для чего надо было отстранить старуху—ни слова. Распространялся только про солдата, страстно хвалилъ его, повторяясь и точно передъ кѣмъ-то въ чемъ-то оправдываясь. Старался убѣдить меня, что онъ интересуется имъ изъ человѣколюбія! И достигъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Стоило бы только молчать, но тайна слишкомъ его тяготитъ, и, чтобъ не высказать правды, онъ беспощадно лгалъ, глупо и дѣтски-наивно. Онъ впечатлительнѣе маркиза З—ни... Ничего нѣтъ легче, какъ довести его до безумія или до самоубійства... Не убита ли старуха по его приказанію или съ его вѣдома? Послѣднее вѣрнѣе. Чтобъ заставить совершить преступленіе, надо, пожалуй, столько же силы воли, сколько и на то, чтобъ самому его совершить... А онъ безвольный. Не принимала ли во всемъ этомъ дѣятельнаго участія та женщина, про которую ему такъ тяжело говорить, и о которой онъ постоянно думаетъ? Солдатъ убилъ, это ясно, какъ день. Прокуроры ослы. А нашему Ивкову нужно, чтобъ дѣло никогда не выяснилось. Это для него вопросъ первостепенной важности...

«Дала ему морфія отъ бессонницы»...

Морфій подѣйствовалъ. Не успѣлъ онъ опустить голову на подушку, какъ заснулъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ, со свѣтлыми и радостными грезами. И какъ предсказывала княгиня, проснулся въ прекрасномъ расположеніи духа, но, поднимаясь съ постели, почувствовалъ такую слабость, что рѣшилъ въ этотъ день никуда не выходить.

Да его никуда и не тянуло. О свиданіи съ Захаринымъ, о томъ, что онъ отъ него узналъ, вспоминалось, какъ о чемъ-то далекокомъ

и чуждомъ, до него не касавшемся. Намѣреніе же писать прокурору казалось теперь такою же нелѣпостью, какъ и рѣшеніе видѣться съ Ильей.

Безцѣльность всего этого казалась ему доказанной вполнѣ.

«Надо ждать и до поры до времени ни о чемъ не думать», повторялъ онъ себѣ съ такимъ чувствомъ, точно кто нибудь, кому онъ противиться не въ силахъ, повелѣваетъ ему такъ думать.

Въ обычный часъ Лиза принесла лампу и объявила, что княгиня проситъ его пожаловать къ ней провести вечеръ.

— Развѣ княгиня уже встала? — спросилъ онъ, взглянувъ на часы, показывавшіе пять.

— Какое! Ея сіятельство только часа два тому назадъ изволили лечь почивать и раньше полуночи не приказали себя будить. Наталья Павловна ихъ вчера своимъ прїѣздомъ очень разстроили, имъ вредно, когда ихъ не во время разбудишь, завсегда привыкли почивать днемъ.

— А какъ же она въ первый разъ приняла меня днемъ? — спросилъ Ивковъ, припоминая свою первую встрѣчу съ княгиней.

— Онѣ тогда еще не ложились, васъ дожидались.

— Скажите, пожалуйста, Лиза, кто ей про меня сказалъ?

Еще наканунѣ не рѣшился бы онъ предложить ей такой вопросъ, но послѣ вчерашняго свиданія съ княгиней онъ и къ горничной ея началъ относиться съ бѣльшимъ довѣріемъ, и ему казалось вполнѣ естественнымъ попытаться выяснитъ загадку, приводившую его въ недоумѣніе каждый разъ, когда онъ вспоминалъ про письмо княгини.

— Комната эта у насъ стояла пустая, ея сіятельство мнѣ сказали, что желательно было бы сдать ее благородному господину...

— И вы нашли меня? — съ улыбкой спросилъ Ивковъ.

— Точно такъ-съ. У меня знакомый служитъ въ той гостиницѣ, гдѣ вы изволили жить.

Все объяснилось очень просто, даже слишкомъ просто. Нельзя было приписать ничему особенному приглашеніе княгини у нея поселиться, и открытіе это показалось Ивкову разочарованіемъ.

Выпивъ кофе, онъ принялся за чтеніе и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время въ болѣе или менѣе продолжительномъ забытьѣ, которымъ прерывалось его чтеніе. Сосредоточивать мысли на чемъ бы то ни было долѣе десяти минутъ сряду онъ не могъ.

Ночь опять прошла въ бесѣдѣ съ княгиней. Опять пыталась она заставить его высказаться опредѣленнѣе насчетъ обстоятельствъ, связывавшихъ его съ Ильей, и опять ему удалось, какъ нельзя лучше, не только оставить ее въ заблужденіи на этотъ счетъ, но даже усилить это заблужденіе, останавливая ея вниманіе на романѣ, складывавшемся въ его воображеніи все правдоподобнѣе и правдоподобнѣе, по мѣрѣ удаленія отъ истины.

Такъ протянулось дней пять.

На шестой Лиза вмѣстѣ съ кофе принесла ему письмо съ городской маркой.

Это было первое письмо, полученное имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ у нихъ жилъ, и не будь онъ такъ встревоженъ этимъ событіемъ, онъ, можетъ быть, подмѣтилъ бы, что оно подклеено, но онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобъ обращать вниманіе на внѣшній видъ конверта, который тотчасъ же разорвалъ, чтобъ узнать, кто ему пишетъ.

Писалъ Захаринъ, увѣдомляя его, что передъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ узналъ, что Илью рѣшено судить въ третій разъ.

«Вамъ можно будетъ присутствовать при разбирательствѣ, если вы будете еще здѣсь».

Къ этому онъ прибавлялъ, что обращался въ адресный столъ, чтобъ узнать его адресъ и сообщить вышеозначенную новость, и желалъ ему скорѣе оправиться отъ нервнаго расстройства, которымъ онъ страдаетъ.

Вотъ какъ все благополучно устраивалось! Можно, не трогаясь съ мѣста, спокойно ждать развязки, а тамъ поступить, смотря по обстоятельствамъ.

Если бы такъ случилось, что и въ третій разъ Илью осудятъ, ну, ужъ тогда онъ, конечно, не дастъ ему идти за себя на каторгу...

Но до этого еще далеко. Скучно, что придется хлопотать о продолженіи отпуска... Впрочемъ, можно и совсѣмъ выйти въ отставку. У него былъ капиталъ отъ продажи родового имѣнія, приносившій ему рублей тысячу годового дохода, пока ничего больше не надо, а дальше видно будетъ.

При мысли о будущемъ онъ, какъ испуганный ребенокъ, запертый въ комнатѣ, за стѣной которой происходитъ нѣчто страшное, о чемъ ему запрещено думать, жмурился и затыкалъ себѣ уши, отгоняя ужасныя представленія. Изъ письма Захарина одно только хотѣлось понять и запомнить: Илью будутъ судить въ третій разъ, значитъ, есть данныя предполагать, что его оправдаютъ, а слѣдовательно и ему, Ивкову, можно до поры до времени успокоиться.

Въ этотъ вечеръ княгиня показала ему еще добрѣе и симпатичнѣе, чѣмъ наканунѣ, и на вопросъ ея, какъ онъ провелъ ночь, Ивковъ искренно поблагодарилъ ее за лѣкарство.

— Когда оно вамъ опять будетъ нужно, скажите Лизѣ, я пришлю вамъ сколько нужно, чтобъ спокойно провести ночь,—сказала она.

— Дайте мнѣ лучше рецептъ, по которому я бы могъ его заказать, чтобъ въ случаѣ надобности васъ не беспокоить.

Она усмѣхнулась.

— Я понимаю, что вамъ это было бы несравненно удобнѣе, но, къ сожалѣнію, это невозможно. Лѣкарство это я получаю отъ моихъ

заграннчныхъ друзей, здѣсь вамъ его не сдѣлають. Но не безпокойтесь, я съ удовольствіемъ буду съ вами имъ дѣлиться. И вотъ вамъ на первый случай,—продолжала она, подавая ему пузырекъ съ темноватою жидкостью, который она вынула изъ шкатулки, стоявшей у ея изголовья.—Но предупреждаю васъ, что больше пяти капель заразъ принимать опасно, не подведите меня,—прибавила она съ добродушной улыбкой.

Онъ разсказалъ ей про письмо Захарина.

— Видите, какъ, значить, хорошо поступаетъ убійца, что не торопится на себя доносить, а вы, кажется, осуждали его за то, что онъ до сихъ поръ молчитъ! Для чего же напрасно себя губить, когда можно этого избѣгнуть? Ужъ теперь никакими казнями старой жидовки не воскресить, а преступникъ достаточно выстрадаетъ отъ страха и неизвѣстности за поступокъ, можетъ быть, содѣянный въ такомъ настроеніи, побороть которое онъ былъ не въ состояніи...

Каждое ея слово благотворнымъ бальзамомъ разливалось по его истерзанному сомнѣніями сердцу. Онъ объявилъ, что ему хочется дожидаться здѣсь рѣшенія дѣла.

— Но для этого мнѣ необходимо продлить отпускъ подъ предлогомъ болѣзни.

— Хотите, я вамъ пришлю для этого моего доктора?—предложила она, нимало не удивляясь его намѣренію.—Онъ имѣетъ какое-то прикосновеніе къ военному министерству и многимъ офицерамъ оказываетъ услуги... за деньги, разумѣется,—прибавила она съ улыбкой.—Мой докторъ жидъ, человекъ безъ предрассудковъ. Бхать вамъ къ нему не для чего, я все равно должна за нимъ послать, чтобъ переговорить о дѣлѣ моей племянницы... У насъ въ семьѣ ни на что важное не рѣшаются, не посовѣтовавшись съ Осипомъ Григорьевичемъ. Мы съ нимъ давнишніе друзья... И вотъ жидъ, а преданъ мнѣ, какъ собака... Не правда ли, Манеючка, Осипъ Григорьевичъ очень хорошій жидъ?—продолжала она, обращаясь къ кошкѣ, примостившейся на ея груди.—Вы можете ему не говорить о причинѣ, заставляющей васъ оттягивать отъѣздъ изъ Петербурга,—обернулась она снова къ Ивкову, не переставая ласкать кошку.

— Но у меня нѣтъ причинъ это скрывать!—вскричалъ Ивковъ.— Всякій пойметъ, что я не имѣю даже права покидать на произволь судьбы человекъ, въ невиновности котораго я убѣжденъ.

И, поддаваясь потребности говорить про Илью, онъ опять началъ распространяться про его характеръ, наружность и про душевныя свойства этого человекъ, на котораго онъ не только не обращалъ вниманія, когда жилъ съ нимъ вмѣстѣ, но даже часто, досадуя на его нерасторопность и недогадливость, завидовалъ товарищамъ, которымъ несчастливо удалось достать себѣ болѣе ловкихъ

денщиковъ. Даже и послѣ катастрофы, неразрывно связавшей ихъ судьбу, ему не приходило въ голову задуматься надъ особенностями духовной стороны этого увальня, мимо котораго онъ такъ бы и прошелъ на жизненномъ пути, не узнавъ, чѣмъ именно отличается онъ отъ милліоновъ ему подобныхъ. Душа этого чело-вѣка внезапно обнажилась передъ его духовными очами и предстала передъ нимъ во всемъ блескѣ, во всемъ величїи своей неземной чистоты и красоты.

Какъ могъ онъ быть такъ слѣпъ? Такъ возмутительно слѣпъ?—спрашивалъ онъ себя съ негодованіемъ.

Истина такимъ ослѣпительнымъ лучемъ внезапно прорѣзала мрачную тьму, въ которой беспомощно барахталась его душа, не обрѣтая исхода, что, ослѣпленный и смущенный, онъ на нѣсколько мгновеній потерялъ сознаніе. Голосъ княгини достигалъ до его ушей точно издалека, и вникать въ смыслъ произносимыхъ ею словъ онъ былъ не въ силахъ, но голосъ этотъ его ласкалъ и успокоивалъ, пробужденіе души длилось недолго и опять потянуло его къ покою и къ забвенію.

XV.

Въ ту ночь, или, лучше сказать, утро (было около пяти часовъ, когда онъ вернулся въ свою комнату), Ивковъ опять принялъ снадобья, даннаго ему княгиней. Но на этотъ разъ сонъ его былъ уже не такъ сладокъ, какъ раньше, а тяжелъ и съ мучительными видѣніями.

Разбудилъ его усиленный стукъ въ дверь, давно раздававшійся въ его ухахъ, но онъ былъ, какъ въ летаргїи, не могъ пошевелиться, не могъ раскрыть глазъ, и когда, наконецъ, сковывавшее все его существо оцѣпенѣніе начало мало-по-малу проходить, онъ увидалъ себя въ совершенной темнотѣ. Дверь была заперта изнутри. Въ нее продолжали стучать, и къ голосу Лизы, громко просившей его отворить, примѣшивался незнакомый, чужой голосъ.

Накинувъ на себя первое попавшее ему подъ руку платье, Ивковъ ощупью нашель дверь и отодвинулъ задвижку, не понимая, для чего онъ ее задвинулъ.

Комната освѣтилась лампой въ рукахъ Лизы, и онъ увидалъ позади ея чело-вѣка, показавшагося ему молодымъ и красивымъ, смотрѣвшаго на него съ любопытствомъ.

— Господинъ докторъ,—объявила Лиза, пропуская впередъ своего спутника, и, поставивъ на столъ лампу, удалилась.

— Честъ имѣю представиться, Шварцкугель,—съ иронической усмѣшкой объявилъ незнакомецъ, проникая въ глубь комнаты, внимательно оглядываясь по сторонамъ и безъ малѣйшаго стѣс-

ненія останавливая на Ивковѣ пытливый взглядъ, въ то время, какъ этотъ послѣдній поспѣшно приводилъ въ порядокъ свой костюмъ.

— Извините, что мы васъ потревожили, — началъ посѣтитель, опускаясь въ кресло передъ столомъ, не дожидаясь приглашенія.— Но княгиня мнѣ написала, что я вамъ нуженъ, а такъ какъ въ скорости заѣзжать въ эти края мнѣ не придется, то мы съ Лизой рѣшили потревожить вашъ покой.

Ивковъ поблагодарилъ. Мысли его прояснялись медленно, и онъ не понималъ вполне, проснулся ли онъ, или продолжаетъ грездить.

— Вамъ нужно свидѣтельство о болѣзни для продленія отпуска?—помогъ ему распутаться въ мысляхъ докторъ.

— Да, я дѣйствительно боленъ... Нервы такъ истрепались, что необходимъ полнѣйшій покой, — поспѣшилъ заявить Ивковъ.

— Такъ, такъ,—благодушно закивалъ Шварцкугель.—Кто теперь не страдаетъ нервами!

— Но со мною что-то особенное... Я самъ просилъ перевода, а теперь чувствую полнѣйшую невозможность двинуться съ мѣста.

— Это бываетъ, бываетъ. Позвольте все-таки васъ осмотрѣть. Нельзя безъ этого.

Онъ приказалъ ему лечь на диванъ и довольно долго выстукивалъ его и выслушивалъ.

— Важнѣйшіе органы у васъ въ порядкѣ, сердце, легкія, подгуляли только нервы. У васъ неврастенія въ самой опредѣленной формѣ, и, разумѣется, о путешествіяхъ вамъ нечего и думать. Вамъ нуженъ безусловный покой. Я вамъ напишу свидѣтельство, которое вы при рапортѣ и пошлете.

— Не подать ли мнѣ лучше прошеніе объ отставкѣ? Служба не представляетъ для меня существенной необходимости,—сказалъ Ивковъ, въ то время какъ Шварцкугель собирался писать.

— Пхе! Зачѣмъ? Вы можете впоследствии пожалѣть, что бросили службу, когда могли ея не бросать. Положеніе ваше не безнадѣжное. При благопріятныхъ условіяхъ можете совершенно поправиться, — продолжалъ онъ, пытливо посматривая на своего пациента.—А пока, вотъ вамъ микстура, извольте принимать ее на ночь и среди ночи, если проснетесь и почувствуете сердцебіеніе, тоску, безпокойство и тому подобное. А за свидѣтельствомъ извольте прислать ко мнѣ денька черезъ два.

Проскрипѣвъ перомъ еще съ минуту, онъ кончилъ широкимъ росчеркомъ и, откинувшись на спинку кресла, опять остановилъ на Ивковѣ пытливый взглядъ.

— Вы уже употребляли морфій? Какъ онъ на васъ дѣйствуетъ? Ивковъ подалъ ему флаконъ, данный ему княгиней.

— И начали прямо съ пріемовъ внутрь? Это же не рационально. Надо всегда начинать съ вспрыскиваній. Я вамъ пропишу спринцовку, а ужъ здѣсь васъ научать, какъ ею дѣйствовать.

И, прибавивъ еще нѣсколько словъ къ рецепту, онъ поднялся съ мѣста, спряталъ въ боковой карманъ золотую монету, поданную ему Ивковымъ, и съ любезной улыбкой напомнилъ о свидѣтельствѣ.

— Извольте прислать за нимъ послѣ завтра. Если меня не будетъ дома, пусть вашъ посланный обратится къ моему камердинеру.

XVI.

— Какъ вы его нашли?—спросила княгиня, когда отъ Ивкова Шварцкугель зашелъ къ ней.

— Пхе! Не лучше и не хуже другихъ. Проскрипить еще нѣсколько лѣтъ, если никакихъ особенныхъ осложненій не произойдетъ. Только напрасно ваше сіятельство изволили его съ перваго абцуга морфіемъ накачивать. Онъ для такихъ пріемовъ еще не догнилъ, хе, хе, хе! Пусть еще нѣкоторое время вспрыскиваніемъ позабавится.

— Не все ли равно, если въ концѣ концовъ все-таки придется перейти на пріемы внутрь.

Онъ пожалъ плечами.

— Осторожность никогда не мѣшаетъ, особенно намъ, имѣющимъ несчастіе носить еврейскую фамилію.

— Ну, вы-то не по одной фамиліи—жидъ,—замѣтила она.

— Пусть будетъ такъ, пусть, все равно и даже тѣмъ болѣе... Каждый негодяй придирается, газеты эти...

И, махнувъ рукой, онъ оборвалъ щекотливый разговоръ, чтобъ спросить, давно ли она видѣла свою хорошенькую племянницу.

— Мнѣ говорили, что она вернулась изъ Крыма?

— Вернулась.

— Чѣмъ же она теперь увлекается? Филантропіей? Спиритизмомъ?

— Все это ей ужъ давнымъ давно надоѣло, теперь она увлекается буддизмомъ. Познакомилась въ Крыму съ морякомъ, который куритъ опиумъ и знакомить ее съ ученіемъ Будды...

— Вотъ какъ!—протянулъ Шварцкугель, выпучивая отъ изумленія свои черные на выкатѣ глаза.—Съ чего же это онъ? Разорился? Или его обошли по службѣ?

— Ни то ни другое, а просто жена разлюбила и хочетъ съ нимъ разводиться, чтобъ выйти за другого.

— Пхе!—презрительно передернулъ плечами докторъ.—Совсѣмъ, значить, слабый человѣкъ. И вы говорите, что онъ богатъ?

— Да, у него порядочное состояніе и въ виду наслѣдство.

— И буддизмомъ увлекается? И опиумомъ себя отравляетъ? Совсѣмъ, значить, плохъ! И охота Натальѣ Павловнѣ съ такими субъектами водить знакомство, не понимаю! Вѣдь это получеловѣки какіе-то, право! На что они нужны? Только бременять землю...

— Себѣ они нужны, Шварцкугель, столько же, сколько и мы съ вами. Развѣ мы для другихъ живемъ?

— Ну! это же большая разница! Какъ же можно сравнивать? И такая красивенькая дамочка, какъ Наталья Павловна, не умѣетъ окружить себя настоящимъ обществомъ, настоящими кавалерами, которые за счастье бы почитали ея служить и угождать! И чего она думаетъ? Молодость скоро пройдетъ...

— Ей только двадцать шесть лѣтъ, до старости далеко.

— Не говорите! Нынче старятся рано, такихъ, какъ я, которымъ въ пятьдесятъ лѣтъ больше тридцати пяти нельзя дать, немного.

— И только между жидами?

— Ну, да, ну, да, между жидами. А почему? Потому, что евреи умѣютъ пользоваться жизнью и глупостями не занимаются. Скажите Натальѣ Павловнѣ,—продолжалъ онъ, поднимаясь съ мѣста:— что отъ опиума волосы лѣзутъ и зубы портятся. А буддизмъ, это ужъ совсѣмъ безуміе! Ну, еще масонство, это я понимаю...

У княгини забѣгали огоньки въ глазахъ.

— Потому что вы сами масонъ?

— Тссс! Не будемъ про это говорить! Мало ли кто во что вѣрить, это дѣло совѣсти...

— Для того, у кого она есть,—вставила его собесѣдница.

— Но надо же все съ разумомъ дѣлать,—продолжалъ онъ, не разслышавъ, или притворяясь, что не разслышалъ ея замѣчанія.— А такъ, зря, отъ нечего дѣлать, чтобъ наполнить пустоту жизни, это же совсѣмъ глупо! Скажите ей, что Шварцкугель ей совѣтуетъ выгнать изъ дому всѣхъ больныхъ людей, буддиста этого...

— Она никого не послушаетъ. Она имъ теперь также увлечена, какъ раньше спиритомъ Санчини, нигилисткой Обвальской и другими. Она безъ увлеченій жить не можетъ. Все выходящее изъ ряду вонъ, всякая новинка такъ ее плѣняетъ, что, еслибъ только Иванъ Петровичъ захотѣлъ, она бы опять съ нимъ сошлась, хотя бы для того, чтобъ быть битой... Ее никогда никто не билъ.

— Да онъ же подъ опекой за развратное поведеніе.

— Вотъ именно это-то ее и прельщаетъ.

— А вы все еще про ея молодость толкуете! Да съ такими извращенными потребностями, какъ у нея, молодости ей и на пять лѣтъ не хватитъ. За границу бы ей уѣхать, въ Берлинъ или въ Вѣну. Въ Парижѣ теперь красивенькой дамочкѣ дѣлать нечего, тамъ травлей жидовъ заняты. Всѣ удовольствія этой травлей занакошены. Хорошо еще, что тамъ полиція въ надежныхъ рукахъ,

а то даже въ театрѣ отъ антисемитовъ не спаситесь, хе, хе, хе! Пошла мода на пьесы съ евреями. Я говорю: сами себя изображаете, господа, сами себя! Что въ насъ такого особеннаго? Раньше мы отличались отъ васъ костюмомъ и обычаями, а теперь дѣти наши воспитываются съ вашими дѣтьми, сыновья ваши женятся на нашихъ дочеряхъ, генералы ваши служатъ у нашихъ дѣльцовъ, во всемъ, значить, сравнялись. Развѣ это не правда?

— Неправда, всегда между вами и нами будетъ разница,—возразила княгиня съ усмѣшкой.—Еслибъ вы были, какъ всѣ, не надо было бы, рекомендуя васъ, какъ доктора, предупреждать о вашемъ происхожденіи, и случается, что отказываются отъ вашихъ услугъ, узнавши, что вы жидъ.

— А зачѣмъ предупреждать?—съ живостью возразилъ онъ, въ досадѣ загнусавивъ.

— Этого вамъ не стоитъ объяснять, все равно не поймете.

— Потому что я жидъ? Да?

— Именно поэтому,—отвѣчала княгиня, забавляясь его яростью.— Нѣтъ, Шварцкугель, между христіанами есть еще люди, которые на жидовъ не похожи.

— Дураковъ всегда будетъ много, и я говорю...

— Что вы будете говорить, я впередъ знаю, а вы мнѣ лучше скажите про моего офицера, не намекнулъ онъ вамъ на причину своего душевнаго расстройства?

— Нѣтъ еще, но это придетъ. Они не могутъ долго молчать, имъ всегда кажется, что легче станеть, когда выболтаются, хе, хе, хе! Но это ужъ тогда случится, когда способность соображенія и сила воли совсѣмъ ослабѣютъ, понимаете? Сегодня онъ мнѣ только сказалъ, что можетъ жить безъ службы. Но я отсовѣтовалъ ему выходить въ отставку. Безъ службы онъ скорѣе сойдетъ съ ума. Нравственная узда много значить для человѣка, утрагившаго способность владѣть собою. Впрочемъ, долженъ вамъ сознаться, что интереснаго въ немъ я ровно ничего не нашель; офицеръ, какъ офицеръ, и нельзя сказать, чтобы изъ интеллигентныхъ.

— Нѣтъ, онъ интересный,—возразила княгиня.

— Ну, желаю вамъ подольше имъ забавляться, а мнѣ пора бѣжать, меня въ двадцати домахъ ждутъ, а у васъ вѣчно засидишься, ихе!

XVII.

Прошло еще мѣсяца два. Зима близилась къ концу.

Самоуспленіе Ивкова шло очень успѣшно.

Съ княгиней онъ настолько сблизился, что приходилъ къ ней запросто, безъ зова, и не тяготился ея обществомъ, такимъ же своеобразнымъ, какъ и она сама. Кромѣ племянницы ея, хоро-

шенькой психопатки, и пріятеля ея, моряка, извѣстнаго подѣ кличкой буддиста, княгиню навѣщаль горбатый дипломатъ Лейпшигеръ, занимавшій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ какую-то таинственную должность, позволявшую ему узнавать множество интересныхъ политическихъ новостей, которыми онъ охотно дѣлился съ княгиней и съ ея гостями.

Нравственный гнетъ, изъ-подъ котораго Ивковъ не выходилъ, не позволялъ ему относиться критически къ тому, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ, все это служило ему только развлеченіемъ, притупляя на время душевную муку, какъ иногда шумъ заставляеть замирать зубную боль.

Въ рѣдкія минуты просвѣтленія онъ самъ изумлялся своему равнодушію ко всему, что не касалось его личнаго покоя. На всѣ терзавшіе его раньше вопросы у него ужъ теперь были готовые отвѣты самаго удобнаго свойства. Различіе между добромъ и зломъ онъ пересталъ понимать, грань между духовнымъ свѣтомъ и тьмой ступсевалась, онъ утратилъ способность ощущать жалость къ чужимъ страданіямъ.

Способность эта въ немъ атрофировалась и замѣнилась отчасти любопытствомъ, отчасти ненавистью къ тѣмъ, которые оставались такими, какимъ онъ и самъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Илья. Онъ не могъ вспоминать про него безъ раздраженія. Развѣ этотъ дуракъ не причина всѣхъ его несчастій? Не заставъ онъ его тогда уѣхать, теперь все было бы кончено, и самое воспоминаніе о случившемся испарилось бы у всѣхъ изъ памяти. И жилъ бы онъ, какъ всѣ, служилъ бы, ухаживалъ бы за хорошенькими, пользовался бы прекраснымъ аппетитомъ, спалъ бы безъ помощи морфія и не подозревалъ бы о существованіи такихъ нравственныхъ уродовъ, какъ княгиня, истеричная Наталья Павловна съ буддистомъ и, точно сорвавшійся со страницы Гофмановской сказки, загадочный дипломатъ, такой же циничный представитель отрицательныхъ свойствъ современнаго человѣчества, какимъ былъ докторъ Шварцкугель.

Но среди всей этой компаніи всѣхъ ненавистнѣе ему былъ буддистъ.

Потому, можетъ быть, что у него было съ нимъ много общаго. Такъ же, какъ и онъ, былъ онъ молодъ, красивъ, носилъ военный мундиръ и сбился съ пути, благодаря независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, также молчаливъ и, удрученный таинственнымъ недугомъ, могъ сидѣть по цѣлымъ часамъ неподвижно въ темномъ углу, устремивъ взглядъ въ пространство, не замѣчая, какъ летитъ время, и оживляясь тогда только, когда къ нему обращалась Наталья Павловна, имѣвшая на него такое вліяніе, какое княгиня имѣла на Ивкова.

Съ нѣкоторыхъ поръ и буддистъ сдѣлался пациентомъ Шварцкугеля, который прописывалъ ему капли отъ бессонницы, какъ и Ивкову, и также отговаривалъ его выходить въ отставку, подъ тѣмъ предлогомъ, что безъ узды онъ скорѣе можетъ окончательно свихнуться.

Когда пріѣзжалъ дипломатъ, эти двое, Ивковъ и буддистъ, сѣдѣли въ темный уголъ, до котораго свѣтъ отъ лампы не доходилъ и, по выраженію Натальи Павловны, сохранившей много дѣтскаго юмору въ воображеніи, невзирая на разстроенную нервную систему, оба они выглядывали оттуда, какъ сычи, широко раскрытыми ввалившимися глазами, казавшимися огромными и совершенно круглыми отъ напряженнаго вниманія.

— Мнѣ съ моимъ буддистомъ иногда бываетъ жутко оставаться наединѣ,—сказала однажды Наталья Павловна теткѣ,—отъ такихъ невмѣняемыхъ, какъ вашъ Ивковъ и мой морякъ, всего можно ждать. Особенно страшенъ вашъ Ивковъ, онъ похожъ на человѣка, совершившаго преступленіе, убійство или что нибудь въ этомъ родѣ.

— Очень можетъ быть,—согласилась княгиня,—но что намъ до этого? Меня убивать ему не для чего.

Забывшись, они заговорили между собою по-французски, а не по-англійски, какъ всегда, когда имъ нежелательно было быть понятыми окружающими, и, обернувшись въ сторону «сычей», Наталья Павловна вздрогнула, замѣтивъ испуганный взглядъ Ивкова.

— Онъ насъ слышалъ!—прошептала она, пригнувшись къ княгинѣ.

— Такъ чтожъ изъ этого?—равнодушно отвѣчала эта послѣдняя и позвонила, чтобы приказать подавать чай.

Ночь прошла, какъ всегда. Во второмъ часу пріѣхалъ дипломатъ со свѣжими новостями. Княгиня, какъ всегда, въ разговоръ не вмѣшивалась, а только слушала, съ тѣмъ выраженіемъ холодной ироніи въ пристальномъ, по временамъ застывающемъ взглядѣ, къ которому всѣ здѣсь привыкли.

Когда разсказчикъ замѣчалъ, что она перестаетъ слѣдить за нитью его повѣствованія, онъ обращался къ Натальѣ Павловнѣ, а когда убѣждался, что глаза княгини снова загораются любопытствомъ, онъ еще разъ повторялъ сказанное для нея.

Лиза ловко и беззвучно разносила чай на серебряномъ подносѣ, а Ивковъ спрашивалъ себя: во снѣ или наяву слышалъ онъ, что подозрѣваютъ его въ убійствѣ?

Но отвѣта на этотъ вопросъ не являлось, и онъ рѣшилъ, что это была галлюцинація, какъ нѣсколько дней тому назадъ, когда онъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, и ему вдругъ послышалось, будто его зовутъ по имени такъ громко, что онъ повернулся къ двери и очень удивился, увидавъ ее запертой, и что въ комнатѣ, кромѣ него, никого нѣтъ.

Явленіе это Шварцкугель ему предсказывалъ между прочими послѣдствіями злоупотребленія морфіемъ.

XVIII.

Шварцкугель аккуратно его навѣщалъ, каждый разъ бралъ пять рублей за визитъ и не забывалъ заходить къ княгинѣ, чтобы сообщить ей о результатахъ своихъ наблюденій надъ ея жильцомъ.

Результаты эти оказывались довольно плачевными.

— Боюсь я, чтобъ онъ вамъ не надѣлалъ хлопотъ. Вамъ бы его куда нибудь выпроводить, право! Неужели у него нѣтъ родственниковъ, которыхъ можно было бы увѣдомить, что онъ плохъ, и что ему грозитъ параличъ мозга, если за нимъ не будетъ надлежащаго ухода и надзора? Его умственные способности понижаются съ изумительной быстротой. На самый пустой вопросъ онъ вамъ не отвѣтитъ раньше, какъ черезъ двѣ-три минуты, такъ ослабѣла въ немъ способность соображенія. Я даже и представить себѣ не могъ, чтобъ положеніе его такъ быстро ухудшилось.

Онъ смолкнулъ въ ожиданіи отвѣта, но ему не возражали, и тишина, воцарившаяся въ комнатѣ, довольно долго ничѣмъ не нарушалась.

А затѣмъ, вмѣсто того, чтобъ отвѣтить на его слова, она спросила: не можетъ ли онъ ей прислать человѣка, близко стоящаго къ окружному суду.

— Мнѣ нужна справка объ одномъ дѣлѣ,—прибавила она.

— Я вамъ могу прислать очень дѣльного молодого человѣка, онъ доставитъ вамъ какія угодно справки,—отвѣчалъ Шварцкугель, нимало не смущаясь тѣмъ, что на замѣчанія насчетъ Ивкова она не нашла нужнымъ отвѣтить.

— Вашего племянника, Зоненталя?

— Кто вамъ про него сказалъ?—спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Вы сами. Вы мнѣ про него рассказывали передъ его отъѣздомъ за границу.

— Неужели? Но это было пять лѣтъ тому назадъ. И сколько мнѣ помнится, я съ тѣхъ поръ ни разу вамъ про него не упоминалъ. И память же у васъ! Феноменальная! А еще говорятъ, что морфій притупляетъ умственные способности! Каждый разъ, когда я слышу такую нелѣпость, мнѣ хочется на васъ указать. Морфій исключительно влияетъ на такія свойства духовной природы человѣка, которыя не имѣютъ ничего общаго ни съ умомъ, ни съ памятью, морфій притупляетъ чувствительность нервовъ и воспримчивость извѣстныхъ мозговыхъ функцій...

Его объясненія прервали на полусловѣ.

— Нельзя ли меня избавить отъ объясненія того, что мнѣ извѣстно гораздо лучше, чѣмъ вамъ,—рѣзко объявила княгиня.—

Что же онъ теперь дѣлаетъ, этотъ вашъ племянникъ? Женился на богатой невѣстѣ, на которой хотѣлъ жениться?

— Нѣтъ, свадьба разстроилась,—неохотно отвѣчалъ онъ, отвертываясь отъ насмѣшливаго взгляда своей собесѣдницы.

— Узнали, вѣрно, что онъ жидъ? Я вамъ предсказывала, что такъ случится.

— Да,—произнесъ онъ сквозь зубы,—нашелся мерзавецъ, который постарался вмѣшаться не въ свое дѣло и всю семью возстановилъ противъ него...

— Онъ, значитъ, понапрасну и христіанство принялъ?

Глаза еврея засверкали веселымъ блескомъ.

— О, нѣтъ! Развѣ же онъ дуракъ, чтобъ раньше времени сжигать свои корабли! Креститься онъ долженъ былъ въ день свадьбы, а ему отказали за двѣ недѣли до назначеннаго дня. И, знаете, что случилось?—продолжалъ онъ торжествующимъ тономъ.—Она въ тотъ же годъ умерла, и такимъ образомъ весь профитъ оказался на его сторонѣ, теперь онъ ужъ давно женатъ на богатой барышнѣ изъ нашихъ...

— Чѣмъ же онъ теперь занимается?

— О! онъ отлично устроился! Поступилъ въ помощники къ самому знаменитому изъ нашихъ адвокатовъ, который меньше ста рублей за совѣтъ не беретъ, и зарабатываетъ больше своего патрона. У него собственный домъ на Петербургской сторонѣ, обстановка министерская. Столовая расписана въ декадентскомъ стилѣ, вся въ пѣтухахъ.

— Не думаю, чтобъ у министровъ были такія столовыя.

— Я же вамъ говорю, что художникъ взялъ съ него за эту столовую три тысячи, за двѣ стѣны. А когда вы желаете, чтобъ я къ вамъ привезъ Зоненталя?

— На-дняхъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И пусть пріѣдетъ днемъ, до часу; вечеромъ у меня теперь каждый день ктонибудь бываетъ.

— Я самъ его привезу.

— Нѣтъ, мнѣ будетъ удобнѣе переговорить съ нимъ наединѣ.

XIX.

Съ недѣлю спустя послѣ вышеприведеннаго разговора, княгиня совершенно неожиданно заговорила съ Ивковымъ про Илью.

— Дѣло его будетъ, должно быть, скоро разбираться. Вы не думаете пригласить ему хорошаго защитника?—спросила она, слѣдя съ любопытствомъ за измѣненіемъ его лица по мѣрѣ того, какъ онъ вслушивался въ ея рѣчь.

Онъ постепенно блѣднѣлъ, во взглядѣ его выразилась мучительная растерянность, и губы судорожно сжимались отъ усилія понять тайный смыслъ ея словъ.

— Защитника? Зачѣмъ?—спросилъ онъ съ усиленіемъ.

— Чтобъ его въ третій разъ не признали виновнымъ,—спокойно отвѣчала она.—Говорятъ, что все зависитъ отъ адвоката. У талантливаго адвоката величайшій преступникъ можетъ быть оправданъ, а у плохого невинный можетъ попасть на Сахалинъ. Кто защищалъ его первые два раза?

— Не знаю, какіе-то отъ суда.

— Видите!

— Вы, можетъ быть, правы,—согласился Ивковъ, пораженный новымъ открытіемъ въ сферѣ событія, игравшаго такую выдающуюся роль въ его судьбѣ.

Какъ это ему раньше не пришло въ голову? Давно бы теперь все было кончено! Илья былъ бы на свободѣ, дѣло сдали бы въ архивъ, и никто бы про него не вспоминалъ.

— Но гдѣ же найти такого адвоката? Чтобъ онъ былъ изъ самыхъ лучшихъ и не запросилъ бы нѣсколько десятковъ тысячъ за защиту? У меня можетъ не хватить средствъ такому заплатить,—вымолвилъ онъ тревожно.

Ему ужъ казалось, что хуже несчастья, какъ не быть въ состояніи заплатить за спасеніе, ничего не можетъ для него быть.

— Есть хорошіе адвокаты и не такіе дорогіе, — замѣтила княгиня:—я вамъ, можетъ быть, такого найду, подождите нѣсколько дней.

На этомъ разговоръ про адвоката и кончился, но дня черезъ два она за нимъ послала, чтобъ познакомить его съ господиномъ, котораго она ему представила, какъ товарища присяжнаго повѣреннаго, Зоненталя.

Господинъ этотъ, развязный и рѣчистый, съ большимъ оживленіемъ рассказывалъ случаи изъ судебной практики одинъ интереснѣе другого, пересыпая свою рѣчь извѣстными именами и, точно догадываясь о нравственномъ настроеніи Ивкова, преимущественно напиралъ на преступленія, остающіяся нераскрытыми, и на ловкость, съ которой инымъ преступникамъ удается вводить въ заблужденіе и судъ, и общественное мнѣніе насчетъ ими содѣяннаго...

— Но это, разумѣется, только въ такихъ случаяхъ, когда отъ ихъ обмана никто не страдаетъ?—замѣтилъ Ивковъ.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ Зоненталь.

— Да потому, что должно быть нестерпимо сознавать, что изъ-за меня кто нибудь страдаетъ.

— Ну это, знаете, зависитъ отъ темперамента.

— Отъ совѣсти, хотите вы сказать?

— Теперь доказано что то, что называли совѣстью, есть не что иное, какъ одно изъ свойствъ темперамента, до извѣстной степени развитаго воспитаніемъ,—авторитетно заявилъ Зоненталь.

— Мсье Зоненталь узналъ про дѣло вашего бывшего денщика,— вмѣшалась въ разговоръ княгиня.— Оно будетъ разбираться послѣ Пасхи.

— Какъ же, какъ же, дѣломъ этимъ въ судѣ интересуются. Своего рода *cause célèbre*,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

— А взялись бы вы защищать это дѣло?—спросила княгиня.

— Взятся бы.

— Безъ гонорара?

— Зачѣмъ же безъ гонорара?—поспѣшилъ сказать Ивковъ.—Я могу заплатить. Я этого человѣка хорошо знаю, увѣренъ въ его невинности и принимаю въ немъ участіе... Я могу заплатить,—повторилъ онъ съ замѣшательствомъ.

— О, я съ васъ дорого не возьму!—вскричалъ Зоненталь.

— Какого вы мнѣнія о подсудимомъ?—спросила княгиня.

— Дуракъ, ваше сіятельство, круглый дуракъ! Если бы у него была хоть капля мозга въ головѣ, онъ совершенно иначе бы поступалъ,—не задумываясь отвѣчалъ онъ.

И началъ доказывать справедливость своего мнѣнія аргументами, до такой степени противоположными истинѣ, что Ивковъ началъ раздражаться.

И вдругъ въ ту самую минуту, когда всего менѣе можно было этого ожидать, вопреки логикѣ и послѣдовательности въ выраженныхъ раньше сужденіяхъ, путаясь въ софизмахъ, одинъ другого живѣе, наглѣе и гнуснѣе, ораторъ безсознательно доболтался до истины.

Не до истины Ильи, прокуроровъ и судей, а до той истины, за которую въ минуту отчаянія цѣплялся Ивковъ, а именно: старуха была убита нечаянно, смерть ея явилась неожиданностью для убійцы. Никто, значить, не виноватъ, и обвиняемый въ правѣ отрицать самый фактъ преступленія, случившійся безъ свидѣтелей, чтобы избѣгнуть незаслуженнаго наказанія.

— Вы вотъ какъ это понимаете!—протянула княгиня, отъ вниманія которой не ускользнуло волненіе Ивкова. Когда Зоненталь дошелъ до послѣдней гипотезы, Ивковъ страшно поблѣднѣлъ, зрачки его расширились, а губы беззвучно зашевелились подъ тщетными усиліями произнести слова, рвавшіяся изъ горла.

— Да, это мое внутреннее убѣжденіе, вынесенное изъ просмотра дѣла,—самодовольно объявилъ Зоненталь, забывая, что за минуту передъ тѣмъ онъ утверждалъ совершенно другое.—Но, разумѣется, на судѣ я этого не скажу. Несчастный глупецъ слишкомъ долго настаивалъ на своей неприкосновенности къ убійству, слишкомъ упорно повторялъ, что въ смерти старухи онъ неповиненъ, чтобы ему повѣрили, еслибъ онъ теперь сознался, что убилъ ее нечаянно...

— «Да, да, вотъ почему я теперь ужъ не могу въ этомъ сознаться»,—завертѣлось въ головѣ Ивкова.

— Всѣ скажутъ: почему же онъ тотчасъ не сказалъ правду?— продолжалъ развивать свое предположеніе Зоненталь.

— «Разумѣтся, разумѣтся»,—мысленно повторялъ за нимъ Ивковъ.

А Зоненталь, между тѣмъ, продолжалъ:

— Правда должна быть прежде всего правдоподобна, а иначе кто же ей повѣритъ? Кто же ее пойметъ? И вотъ именно эту-то истину и упускаютъ изъ виду неопытные защитники, а потомъ возмущаются неудачами. Прежде всего надо соображаться съ интеллигенціей судей, коронныхъ, какъ въ данномъ случаѣ, или присяжныхъ, какъ въ гражданскомъ судѣ: это все равно, всѣ люди, всѣ человѣки, рѣдко способны разбираться въ психологическихъ тонкостяхъ, а слѣдовательно умному защитнику ничего не стоитъ ихъ загибнотизировать. Надо умѣть имъ навязывать свое мнѣніе, а не ждать послѣдствій ихъ собственныхъ измышленій. Это азбука нашей профессіи, и тотъ, кто не способенъ ее себѣ усвоить, лучше въ нашу среду и не суйся. Вотъ я вамъ сейчасъ сказалъ, что, по моему убѣжденію, солдатъ этотъ убилъ еврейку въ минуту запальчивости, нечаянно, а между тѣмъ на судѣ я буду отстаивать полную невиновность моего кліента, сошлюсь на недостаточность уликъ, на внутреннее убѣжденіе обоихъ прокуроровъ, отказавшихся его обвинять, на его душевныя качества, о которыхъ я, признаться сказать, и понятія не имѣю, буду въ особенности настаивать на безцѣльности преступленія, которое ему приписываютъ... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ принимать въ соображеніе тѣ гроши, которые онъ ей былъ долженъ за апельсины. Г. офицеръ намъ поможетъ,— продолжалъ онъ, обращаясь къ Ивкову. — Я васъ попрошу припомнить все, что касается до нравственныхъ особенностей этого человѣка. И не одни только факты, а также и ваши собственные выводы изъ этихъ фактовъ. Почему, напримѣръ, вы такъ убѣждены въ его невиновности, что не останавливаетесь даже передъ издержками, чтобы ее доказать? Это очень характерно. Княгиня мнѣ сказала, что вы человѣкъ небогатый. Сообщите же мнѣ все, что ваше воображеніе и желаніе ему быть полезнымъ вамъ подскажетъ, мы всѣмъ воспользуемся, ничѣмъ не побрезгуемъ, будьте покойны. Понимаете?—счелъ онъ нужнымъ прибавить, фамильярно ему подмигивая, какъ старому товарищу и сообщнику, который безъ лишнихъ словъ долженъ понимать его гнусные замыслы и имъ сочувствовать.

XX.

Наступилъ новый фазисъ въ нравственной пыткѣ, претерпѣваемой Ивковымъ.

Теперь уже не одинъ Шварцкugelъ его навѣщалъ, а также и Зоненталь. Если бы у него спросили, который изъ двухъ мучительнѣе его терзаетъ, онъ затруднился бы отвѣтить.

Обоихъ онъ продолжалъ держать въ заблужденіи относительно причинъ нравственнаго разстройства, такъ пагубно отражавшагося на его нервахъ и въ мозгу, ни единымъ словомъ не проговаривался онъ на прямые и косвенные вопросы, намеки и предположенія, которыми они пытались влѣзть къ нему въ довѣріе, но съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что долго ему не выдержать, и что близка минута, когда онъ въ раздраженіи выплюнетъ имъ свою тайну.

При этой мысли на него нападалъ такой ужасъ, что онъ холодѣлъ съ ногъ до головы, схватывался дрожащей рукой за флаконъ съ морфіемъ и проглатывалъ порцію яда, отъ котораго впадалъ въ тяжелое забытѣе, съ галлюцинаціями, не покидавшими его вполнѣ даже и послѣ пробужденія. То ему казалось, что его зовутъ, то видѣлъ онъ передъ собою Илью и убитую еврейку такъ ясно, что, казалось, стоило только протянуть руку, чтобы до нихъ дотронуться, и онъ забивался въ постель, пряталъ подъ подушки голову и, обливаясь холоднымъ потомъ, лежалъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока нервы не успокоивались.

Его оставляли въ покоѣ. Никто не входилъ взглянуть, что съ нимъ дѣлается даже и тогда, когда онъ громко стоналъ отъ тоски и отчаянья.

Всего удивительнѣе было то, что близость развязки пугала его все больше и больше. Послѣ каждаго свиданія съ Зоненталемъ, считавшимъ своимъ долгомъ подробно увѣдомлять его о ходѣ дѣла, ему было такъ нестерпимо тяжело, что не хватало силъ дойти до комнаты княгини. Онъ падалъ въ изнеможеніи на кровать и лежалъ неподвижно много часовъ сряду, не ощущая ни голода ни желанія подняться, чтобы расправить ноющіе члены.

Жизнь въ его тѣлѣ застывала на продолжительное время, шевелился одинъ мозгъ, вызывая въ воображеніи страшные и безобразные призраки изъ невѣдомаго міра.

Время шло. Наступила весна, холодная, грязная, съ тоскливыми длинными днями.

Чтобы не видѣть вѣчныхъ сумерекъ, Ивковъ пересталъ раздвигать темныя занавѣси у оконъ и приказывалъ приносить себѣ

лампу въ семь часовъ, какъ зимой. Искусственный свѣтъ меньше его раздражалъ дневного, и теперь онъ не удивлялся бы лампѣ, горѣвшей день и ночь у княгини, какъ при первомъ свиданіи съ нею. Теперь всѣ ея странности ему были понятны.

Шварцкугель, невоздержный на языкъ, невзирая на кажущуюся солидность, рассказалъ ему однажды, между прочими подробностями о княгинѣ, что она покинула Парижъ, гдѣ жила много лѣтъ сряду, вслѣдствіе несчастья, о которомъ ей хотѣлось скорѣе забыть.

При этомъ онъ сообщилъ Ивкову и о томъ, въ чемъ заключалось это несчастіе, но во всей этой исторіи Ивкова одно только поразило: возможность достигнуть забвенія смѣной впечатлѣній, и онъ началъ въ рѣдкія минуты душевнаго просвѣтленія мечтать о поѣздкѣ за границу. Ему казалось, что только вдали отъ Россіи онъ забудетъ все и заживетъ новой жизнью.

Про намѣреніе это онъ сообщилъ Шварцкугелю, который его одобрилъ и совѣтовалъ привести скорѣе въ исполненіе.

— Чего вамъ здѣсь ждать? Весны у насъ нѣтъ, какъ видите, лѣто отвратительное, для развитія неврастенія самое благопріятное. Въ Германіи или въ Швейцаріи вы сдѣлаетесь совсѣмъ другимъ. Для того человѣка, которымъ вы интересуетесь, присутствіе ваше не нужно. Мы вамъ телеграфируемъ о результатѣ суда надъ нимъ, а показанія въ его пользу можно съ васъ взять письменно; видѣться съ нимъ для этого вамъ нѣтъ никакой надобности.

Видѣться съ Ильей! Да онъ готовъ былъ ѣхать на край свѣта, чтобъ этого избѣгнуть!

Проектомъ заграничной поѣздки Ивковъ увлекался съ недѣлю времени, и столько же забавлялись этимъ докторъ съ племянникомъ и съ княгиней.

— Ну, что, какъ онъ сегодня? Все собирается ѣхать въ Швейцарію?—спросила однажды эта послѣдняя у доктора, когда онъ, по своему обыкновенію, зашелъ къ ней отъ Ивкова.

Шварцкугель махнулъ рукой.

— Какое тамъ! Ни о чемъ не удалось мнѣ съ нимъ сегодня переговорить. Ничего не понимаетъ. Не знаю даже, узналъ ли онъ меня. Вы когда его видѣли?

— Дней десять тому назадъ. Все спитъ. Я какъ-то послала за нимъ Лизу, не могла добудиться. Откроетъ глаза, поглядитъ, поглядитъ и опять закроетъ. Пересталъ и кофе каждый день пить.

— Это совсѣмъ скверно. Я приказалъ Лизѣ подмѣшивать ему въ кофе кока. Отличное средство противъ упадка силъ.

— Она, кажется, подмѣшиваетъ.

— А досадно, что онъ сегодня не могъ меня выслушать, я привезъ ему интересную новость: судъ назначенъ на 7-е число.

— Да, это извѣстiе заставило бы его непремѣнно очнуться. Насколько я могла замѣтить, одно только это дѣло и представляетъ для него интересъ въ жизни. Обратили вы вниманiе, какъ у него загораются глаза, когда рѣчь заходитъ про судъ надъ этимъ солдатомъ? Какъ онъ оживляется при мысли о его оправданiи и въ какое приходитъ безпокойство при одномъ намекѣ о новомъ осужденiи? Право, мнѣ иногда кажется, что онъ менѣе бы волновался, если бы дѣло это касалось его лично! Это очень странно. Вы не находите?

— Ничего нѣтъ страннаго, самое обыкновенное явленiе у неврастениковъ, прибѣгающихъ къ морфию или къ эиру, чтобы заглушить страданiя. Я зналъ одну морфинистку, которая такъ ко всему охладѣла, ко всему потеряла интересъ, что скажи ей, что кругомъ ея горитъ, или что дѣти ея перемерли отъ чумы, она не шелохнулась бы и не выразила бы ни малѣйшаго волненiя, а когда горничная разбила чашку, изъ которой она привыкла пить кофе каждое утро, она пришла въ такое отчаянiе, что повѣсилась, хе, хе, хе!

— Я это понимаю,—холодно замѣтила княгиня,—я тоже не могла бы пережить Манеюку и ничего такъ не желаю, какъ умереть раньше ея.

— Это большая разница. Манеюка ваша необыкновенно умное животное, замѣнить его другимъ было бы трудно, это не чашка, какихъ во всякой посудной лавкѣ сколько угодно. Я это къ тому рассказываю, чтобы вамъ показать, какъ разнообразны проявленiя неврастениа. Каждый день подноситъ намъ эта болѣзнь новые сюрпризы. Ну-съ, а теперь прощайте, постараюсь сегодня вечеромъ къ вамъ заѣхать съ Зоненталемъ. Ему непремѣнно надо добиться кое-какихъ справокъ отъ вашего чудака.

— Прiѣзжайте, Наташа хотѣла быть.

— Съ буддистомъ?

— Нѣтъ. Она теперь гипнотизмомъ занимается.

— Такъ уже буддистъ надоѣлъ?

— Давно. Къ ней теперь какой-то американецъ повадился. Хотѣла сегодня привезти его сюда, увѣряетъ, что онъ можетъ запретить мнѣ принимать морфiй.

— Пусть попробуетъ, пусть попробуетъ! Да ужъ кстати, пусть бы внушилъ Ивкову искать развлеченiй подальше отъ Петербурга, хе, хе, хе! Право же, неудобно будетъ, если онъ, при усиливающейся неврастениа, будетъ все жить у васъ. Отъ такихъ субъектовъ всего можно ждать...

— А вотъ посмотрите, какъ онъ насъ всѣхъ удивитъ, если его солдата на этотъ разъ окончательно оправдаютъ,—замѣтила княгиня.

— Такъ неужели же вы думаете, что причиной его нервнаго разстройства казусъ съ этимъ солдатомъ? Я тутъ рѣшительно никакой связи не вижу.

— Можетъ быть, скоро увидите,—съ загадочной усмѣшкой вымолвила она.

XXI.

Прошло еще нѣсколько дней, княгиня не видѣла своего жильца. По словамъ Лизы, онъ продолжалъ лежать неподвижно, одѣтый, съ широко раскрытыми глазами, ничего не слыша и не видя. Только благодаря ея терпѣливымъ настояніямъ, выпивалъ онъ чашку кофе, которую она ему приносила, а по убыли жидкости въ флаконѣ съ морфіемъ можно было догадаться, что онъ постепенно усиливаетъ дозы этого зелья.

Явившійся къ нему за показаніями въ пользу Ильи, Зоненталь ничего не могъ отъ него добиться, сколько надъ нимъ ни стоялъ и какъ ни упрасивалъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобъ его выслушать и подписать приготовленную бумагу.

— Подпишите, хоть не читая,—сказалъ онъ наконецъ, выведенный изъ терпѣнія его молчаніемъ.—Давно ли принимали вы такое горячее участіе въ судьбѣ этого несчастнаго, а теперь даже такихъ пустяковъ не хотите для него сдѣлать! Вѣдь дѣло обстоитъ вовсе не такъ благополучно, какъ вы воображаете, что тамъ ни толкуй, а вѣдь убійца еврейки до сихъ поръ не объявился...

Слова эти вызвали на лицѣ Ивкова сознание.

— Что вы сказали? Повторите, пожалуйста,—произнесъ онъ съ мучительнымъ усиліемъ, приподнимаясь съ подушекъ и устремляя умоляющій взглядъ на адвоката.

— Я говорю, что до тѣхъ поръ, пока убійца еврейки не будетъ найденъ...

— Онъ найдется!—вскричалъ вдругъ Ивковъ совершенно другимъ тономъ, чѣмъ говорилъ до сихъ поръ, и, сорвавшись съ постели, началъ ходить большими шагами назадъ и впередъ по комнатѣ, сжимая руками виски и бормоча про себя что-то безсвязное.

— Такъ вы этого не подпишите?—спросилъ съ раздраженіемъ Зоненталь, указывая на бумагу, лежавшую на письменномъ столѣ.—Предупреждаю васъ, что завтра будетъ поздно, завтра день суда.

Ивковъ, какъ вкопанный, остановился, долгимъ и пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него, а затѣмъ повернулся къ кровати и безпомощно на нее повалился, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

— Совсѣмъ сумасшедшій,—проговорилъ вполголоса Зоненталь и, подождавъ немного, вышелъ изъ комнаты, пожимая плечами.

А Ивковъ, пролежавъ неподвижно съ полчаса, осторожно обвелъ глазами комнату, чтобъ убѣдиться, что онъ одинъ, бросился къ двери, заложилъ крючекъ, схватилъ оставленную на столѣ бумагу, сѣлъ съ нею въ кресло передъ зажженной лампой и принялся внимательно ее перечитывать.

Всю ночь провелъ онъ за этимъ занятіемъ.

Когда керосинъ въ лампѣ выгорѣлъ, онъ раздвинулъ драпировки передъ окнами и при свѣтѣ занимавшейся зари продолжалъ свое занятіе: переживаніе всей своей жизни въ продолженіе послѣдняго рокового года, съ той минуты, когда старуха вошла въ его кабинетъ, и до той, которую онъ переживаетъ теперь, нравственно и физически искалѣченный душевной пыткой, протерзавшей его безъ усталы цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ.

Да, тринадцать мѣсяцевъ. То страшное случилось въ апрѣлѣ прошлаго года, а теперь май.

И завтра всему конецъ... черезъ нѣсколько часовъ...

Завтра ужъ наступило, часы показывали четыре, и небо золотилось лучами восходящаго солнца.

XXII.

Какъ и первые два раза, судъ надъ Ильей привлекъ мало публики. Собрались слушать дѣло только любители судебныхъ курьезовъ, да знакомые тѣхъ двухъ прокуроровъ, которые отказались отъ обвиненія.

Третій прокуроръ, большой формалистъ и ненавистникъ всего эксцентричнаго, былъ такъ возстановленъ противъ подсудимаго за нарушеніе обычнаго порядка въ отправленіи правосудія, что съ первой же минуты необычайно строго къ нему отнесся. При допросахъ онъ не удостоивалъ его взглядомъ и сурово сдвигалъ брови каждый разъ, когда защитникъ произносилъ слово, клонившее къ оправданію своего кліента.

Впрочемъ защита проявила себя въ этомъ случаѣ чрезвычайно слабо. Рѣчь, сказанная Зоненталемъ, заранѣе приготовленная, отличалась бездушіемъ, небрежностью и витіеватостью. Отсутствіе показаній Ивкова, на которыя онъ рассчитывалъ, приводило его въ досаду, отражавшуюся и на отношеніяхъ его къ подсудимому, который ему былъ противенъ, во-первыхъ, какъ представитель ненавистнаго ему тупого военнаго сословія, во-вторыхъ, какъ дуракъ и нелѣпѣйшее существо, переносившее съ непонятною покорностью несправедливость судьбы.

«Этакая скотина, вѣдь не онъ убилъ, это ясно, какъ день, а не умѣетъ этого доказать!»—думалъ онъ, съ безразличіемъ презрѣні-

емъ глядя на исхудалое лицо солдатика, съ добродушнымъ выраженіемъ въ ясныхъ, какъ у ребенка, глазахъ.

Онъ, Зоненталь, сумѣлъ бы оправдаться даже и въ такомъ случаѣ, если бы трехъ старухъ отправилъ на тотъ свѣтъ, а этотъ, ни въ чемъ неповинный, далъ себя два раза осудить на каторгу, дуракъ!

Однако, на этотъ разъ Илью оправдали.

— Вы свободны,—сказалъ Зоненталь, замѣтивъ по выраженію его лица, что онъ ничего не понималъ изъ того, что ему читали и говорили.—Понимаете? васъ оправдали, можете идти, куда хотите, вы свободны,—счелъ онъ своимъ долгомъ ему пояснить шопотомъ.

Илья, наконецъ понялъ и перекрестился.

XXIII.

Весь этотъ день Ивковъ провелъ за письменнымъ столомъ и въ такомъ возбужденіи, что забылъ про морфій.

Исписавъ нѣсколько листовъ, онъ перечиталъ ихъ и разорвалъ на мелкіе куски. Потомъ принялся за новый трудъ, много короче перваго. Черезъ полчаса письмо къ прокурору было готово, положено въ конвертъ и запечатано.

Четко написавъ адресъ, онъ переодѣлся, положилъ конвертъ въ боковой карманъ и вышелъ изъ дома.

На улицѣ онъ подозвалъ извозчика и приказалъ везти себя въ военный судъ.

Тутъ онъ бодро соскочилъ съ дрожекъ и вошелъ въ просторный и свѣтлый вестибюль.

По широкой лѣстницѣ спускался офицеръ съ академическимъ значкомъ и съ портфелемъ подъ мышкой. Ивковъ къ нему обратился, чтобъ узнать, какъ пройти въ залу засѣданія.

— Вамъ кого нужно?—спросилъ молодой человѣкъ, подозрительно оглянувъ его съ ногъ до головы.

— Сегодня разбирается дѣло по убійству еврейки, мнѣ надо тамъ быть,—отвѣчалъ Ивковъ.—Обвиняется солдатъ по имени Илья Соколовъ,—пояснилъ онъ.

— Его ужъ давно отсудили. Это дѣло разбиралось одно изъ первыхъ и кончилось во второмъ часу, а теперь скоро девять,—объявилъ офицеръ.

Правда, солнце склонялось къ западу, Ивковъ этого не замѣтилъ, ѣдучи сюда.

— Какъ же мнѣ теперь быть?—произнесъ онъ бессознательно вслухъ вопросъ, завертѣвшійся у него въ головѣ.

— Его оправдали, онъ на свободѣ,—объявилъ его собесѣдникъ, которому стало жаль Ивкова: такимъ онъ показался ему болѣзнен-

нымъ и растеряннымъ, точно не въ своемъ умѣ или выпилъ лишнее.—Это дѣло интересное. Солдата этого судили въ третій разъ... Убийца не найденъ, но этотъ не виновать...

Онъ еще что-то такое къ этому прибавилъ, но его не слушали.

Оправдали... на свободѣ...

Завѣтнѣйшее желаніе Ивкова исполнилось. Все кончилось благополучно. Про то, какъ было дѣло, никогда не узнается, и онъ въ отвѣтъ не будетъ... никогда... никогда...

Но почему же это его не радуетъ? Почему камень, давившій ему грудь цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ, не сдвигается и продолжаетъ попрежнему угнетать все его существо?

Сколько разъ въ минуты тоскливой безсонницы отъ страха и неизвѣстности представлялъ онъ себѣ такой исходъ, и тогда ему казалось, что если дѣло кончится такимъ образомъ, онъ будетъ безконечно счастливъ, вздохнетъ свободно, почувствуетъ приливъ жизненныхъ силъ, энергій, любви къ жизни... И все это была одна мечта, иллюзія, самообольщеніе. Вышло такъ, какъ онъ желалъ, чтобъ случилось, а ему все также тяжело...

Даже тяжелѣе прежняго, тоскливѣе, безнадежнѣе... Прежде было на что надѣяться, чего ждать, а теперь нечего...

И вдругъ онъ вспомнилъ про письмо, лежавшее у него въ карманѣ.

Можетъ быть, ему будетъ легче, когда оно будетъ передано по назначенію?

Онъ подалъ письмо продолжавшему что-то такое объяснять офицеру со словами: передайте, пожалуйста.

— Кому?—спросилъ этотъ послѣдній, принимая съ недоумѣніемъ запечатанный конвертъ.

— Тутъ написано,—отрывисто отвѣчалъ Ивковъ, направляясь къ двери, и, не оборачиваясь, вышелъ на улицу.

Вернулся онъ домой въ двѣнадцатомъ часу ночи, измученный безцѣльной ходьбой по такимъ улицамъ и пустырямъ, гдѣ онъ никогда раньше не бывалъ, но съ яснымъ умомъ и сознавая лучше прежняго безвыходность своего положенія.

— А васъ тутъ солдатикъ одинъ спрашивалъ,—объявила ему Лиза, снимая съ него пальто.—Я ему сказала, что васъ дома нѣтъ, и что мы не знаемъ, когда вы вернетесь. Онъ просилъ вамъ кланяться. «Скажите, говоритъ, его благородію, что приходилъ Илья съ нимъ попрощаться. Иду на родину». Пѣшкомъ, вѣрно, идетъ. Узелочекъ за плечами на палкѣ. Веселый такой, глаза такъ и смѣются.

Она смолкла, не зная, что сказать дальше, а Ивковъ стоялъ передъ нею неподвижно и ждалъ. Ей стало, наконецъ, жутко подъ его пристальнымъ взглядомъ, и она объявила, что княгиня проситъ его къ себѣ чай кушать.

— Сейчасъ пойду ихъ будить...

— «На родину ушелъ... пѣшкомъ... Я ему пошлю денегъ», рѣшилъ Ивковъ, не вслушиваясь въ то, что ему говорили.

Онъ пошелъ въ свою комнату, сѣлъ къ письменному столу и вынулъ изъ него портфель съ цѣнными бумагами. Тутъ было все его состояніе въ билетахъ внутренняго займа и въ облигаціяхъ. Онъ началъ откладывать то, что долженъ былъ послать Ильѣ. Отложилъ тысячу, другую, третью, но ему все казалось мало, и онъ продолжалъ вынимать изъ одной пачки, чтобы класть въ другую, пока обѣ пачки не сравнялись. Но и это его не удовлетворило, все та же тоска сосала сердце.

Что еще сдѣлать? Все отдать? Ничего себѣ не оставить?

Онъ сложилъ обѣ пачки вмѣстѣ, взялъ листъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько строкъ, положилъ его въ конвертъ вмѣстѣ съ деньгами и надписалъ на немъ тотъ же адресъ, что на письмѣ, отданномъ для доставленія прокурору.

Пока онъ этимъ занимался, тоска замерла, но не успѣлъ онъ кончить, какъ она снова начала его грызть пуще прежняго.

Что же теперь дѣлать? Куда идти за помощью и совѣтомъ? Гдѣ искать утѣшенія и покоя? На чьей груди выплакаться? Кто его пойметъ? Гдѣ найти словъ выразить то, чѣмъ полна душа? Нѣтъ такихъ словъ на человѣческомъ языкѣ!

Онъ безпомощно опустилъ голову на руки и долго рыдалъ, не вытирая слезъ, катившихся изъ глазъ на раскиданныя по столу бумаги.

Но и слезы не облегчили его. Въ сгущавшемся вокругъ него туманѣ отчаянія пытались было робко и неувѣренно пронизываться искорки давно утраченныхъ вѣрованій и упованій... Богъ, Спаситель, пришедшій въ міръ для грѣшниковъ... такихъ, какъ онъ?... Нѣтъ! Только для вѣрующихъ, а у него вѣры нѣтъ, и ему не откуда ее взять... Нѣтъ у него въ душѣ того, что нужно, чтобъ разжечь въ яркое пламя загорающіяся въ глубинѣ его существа искры, нѣтъ вѣры... Убита, мертва, какъ та старуха... Чтобъ воскресить вѣру, нужна сила воли, которая въ немъ погибла вмѣстѣ съ энергіей, съ любовью, съ надеждой... Ничего этого у него больше нѣтъ, все погасло, чѣмъ живетъ душа. Все онъ въ себѣ потушилъ изъ-за покоя, чтобъ не тревожиться, не волноваться послѣдствіями содѣяннаго преступленія, чтобъ всѣ про него забыли, и Богъ и люди...

Онъ этого достигъ, ничего у него не осталось... хаосъ, отчаяніе, тьма... вотъ его спутники въ жизни... И никогда, никогда не будетъ другихъ...

« Ученіе Мое не отъ міра сего »

Кто это сказалъ? Почему вспомнились ему вдругъ эти слова? Какой въ нихъ смыслъ?

Отъ усилій понять, кромѣ лишней муки, ничего не выходило. Черная стѣна, заслонявшая свѣтъ разума, поднималась передъ нимъ все выше и выше, а тоска расплзалась по всему его существованію, какъ живое чудовище, слѣпое, жестокое, неумолимое...

Зачѣмъ не удалось ему повидать Илью? Свиданіе съ нимъ, можетъ быть, облегчило бы его страданія?...

Веселый, бодрый, спокойный, бредеть онъ теперь домой, питаясь мірскимъ подаяніемъ, можетъ быть... Но что за дѣло, когда онъ сознаеть, что выполнилъ свой обѣтъ до конца... На освобожденіе свое онъ смотритъ, какъ на новое проявленіе милосердія къ нему Бога... его могли бы осудить въ третій разъ, если бы Господу было угодно...

Какая между ними бездонная пропасть въ понятіяхъ, во взглядахъ на жизнь, на обязанности, на добро, на зло! Какъ Илья близокъ къ Богу, къ вѣчной истинѣ! Счастливецъ!

Отчаяніе жгучимъ кольцомъ стиснуло ему сердце. Не стало больше силъ терпѣть. Онъ подошелъ къ ночному столику, чтобъ взять флаконъ съ усиливающимъ снадобьемъ.

Флаконъ былъ полонъ.

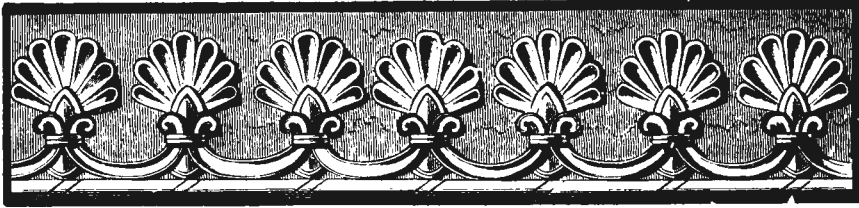
Кто его наполнилъ?

Вопросъ этотъ только промелькнулъ въ его головѣ, онъ на немъ не останавливался. Не все ли равно? Ему нуженъ покой, отдыхъ, сонъ, передъ тѣмъ, что ждетъ его завтра...

Но завтра для Ивкова не было. Когда Лиза вошла въ его комнату, чтобы ему сказать, что какой-то господинъ желаетъ его видѣть, онъ былъ мертвъ.

Н. И. Мердеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ ¹⁾.

IV.

Возвращеніе изъ Кронштадта.—Встрѣча съ Паткулемъ.—Разговоръ съ отцомъ.—Безтактность полковника.—Неожиданная отсрочка нашего отъѣзда изъ Петербурга.—Первая пахитоса.—Разказы Паткуля про царскую фамилію.—Пожаръ Зимняго дворца.—Собачка фрейлины Бороздиной.—Кусочекъ лимона.—Стихи Мяглева.—Разговоръ съ нимъ.—Представленіе отца наслѣднику цесаревичу.—Разбитый мундштучекъ.—Предложеніе Паткуля.—Объясненіе съ нимъ.—Мое согласіе.—Отъѣздъ изъ Петербурга.

НРОСТИВШИЕСЯ мы уѣхали изъ Кронштадта. Подъѣзжая къ столицѣ, я услышала, какъ ямщикъ сказалъ: «Они здѣсь, вонъ съ той стороны окно спущено». Тетушка по глухотѣ, а отецъ за скрипомъ колесъ не слышали разговора ямщика и, увидѣвъ меня раскраснѣвшей, спросили, не холодно ли мнѣ, и не поднять ли окна.

Въ эту минуту подъѣхалъ Паткуль, поздоровался, сказалъ, что караулили насъ на взморьѣ цѣлый часъ, думалъ, что прозѣвалъ насъ, подъѣхалъ сначала со стороны поднятаго окна, сквозь которое ничего не было видно, и, только благодаря ямщику, узналъ, что это мы. Тутъ отецъ, конечно, догадался, что я раскраснѣлась не отъ холода, а совсѣмъ отъ другой причины.

Высадивъ tante Nathalie у подѣзда дома, гдѣ она съ отцомъ своимъ, а моимъ дѣдомъ, Спафарьевымъ, остановилась, мы поѣхали къ себѣ въ сопровожденіи милого всадника. У подѣзда онъ соскочилъ съ лошади и, держа ее одной рукой, другою открылъ дверцы и помогъ намъ выйти изъ кареты. Должно быть, отецъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. IXXXVII, стр. 441.

былъ такъ наэлектризованъ совѣтами тетушекъ, что, поблагодаривъ Паткуля, не пригласилъ его войти. Это было не только невѣжливо, но даже безчеловѣчно; я не вытерпѣла и напомнила отцу, чтобы онъ попросилъ его войти отдохнуть и обогрѣться, а чело-вѣку приказала поводить и подержать лошадь.

Когда мы вошли въ гостиную, отецъ, уставъ сидѣть въ про-долженіе двухъ часовъ, прислонился къ столу у зеркала и стоя разговаривалъ съ гостемъ; тогда я попросила позволенія пойти снять шляпу, сказавъ, что вернусь сейчасъ. Это былъ одинъ пред-логъ, шляпа вовсе не мѣшала мнѣ; но надо было во что бы то ни стало вызвать тетушку Траверсе, познакомить ее съ нимъ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, посадила его, сама же я не смѣла, разъ что отецъ или не желалъ этого, или не догадался самъ. Тетушка сейчасъ же вышла вмѣстѣ со мной, я представила ей Паткуля; онъ поцѣловалъ ей руку, не подозрѣвая, что это та самая особа, у которой онъ поцѣловалъ руку въ маскарадѣ, и которая такъ добродушно выдала меня.

Навѣрно онъ оставался бы долго и забылъ о своемъ конѣ, бе-сѣдуя съ тетушкой и со мной, если бы наконецъ отецъ, вынувъ изъ кармана часы, не напомнилъ мнѣ, что пора одѣваться; это былъ точно намекъ: «а вамъ пора убираться».

При прощаніи тетушка просила его бывать у нихъ, прибавивъ, что мужъ будетъ очень радъ познакомиться съ нимъ.

Въ каретѣ, когда отецъ отвозилъ меня къ m-me Шевичъ, я призналась ему, что слышала весь разговоръ его съ тетушками, просила его быть совершенно спокойнымъ на мой счетъ, въ недо-статкѣ скромности и сдержанности съ молодыми людьми онъ упрек-нуть меня не можетъ. Напомнила ему всѣ сдѣланныя мнѣ раньше предложенія, въ которыхъ, по просьбѣ моей, приходилось отказывать то ему, то тетушкѣ Catherine. Это могло служить доказательствомъ, что я вовсе не тороплюсь выходить замужъ, а если когда нибудь выйду, то не иначе, какъ по любви. Ухаживанію Паткули я не придаю никакого серіознаго значенія и ничего себѣ не воображаю, какъ это предполагаютъ тетушки. Доказала ему, какъ онъ былъ невѣжливъ, не предложивъ ему войти и отдохнуть, послѣ того, какъ онъ, ожидая и провожая насъ до дому, озябъ и усталъ.

— Видно, совѣты тетушекъ подѣйствовали, — сказала я, — по-тому что это было такъ мало похоже на тебя, что мнѣ за тебя было совѣстно, и я пошла попросить тетеньку выйти въ гостиную и принять его любезнѣе.

При этомъ я поцѣловала отца и сказала:

— Скрывать отъ тебя не хочу, что изъ всѣхъ, которыхъ я ви-дѣла, мнѣ только нравится Паткуль. Я не заглядываю впередъ, но предупреждаю тебя, если и онъ съ своей стороны полюбилъ меня

и сдѣлаеть мнѣ предложеніе, то если ты не дашь мнѣ своего согласія, я пойду въ монастырь, это я тебѣ обѣщаю.

Отець засмѣялся, поцѣловаль меня и сказалъ:

— Глупенькая, кто же искреннѣе можетъ желать твоего счастья, какъ не я, твой отецъ!

Карета остановилась и прервала нашу задушевную бесѣду. Выпустивъ меня, онъ поѣхаль дальше.

Я съ большимъ удовольствіемъ проводила время у м-ше Шевичъ, несмотря на то, что, кромѣ нея и двухъ далеко не молодыхъ ея падчерицъ, я рѣдко встрѣчала у нея когонибудь изъ постороннихъ. Имъ нравилось, съ какимъ оживленіемъ я рассказывала обо всемъ, съ кѣмъ танцевала, что говорила; жалобы на Мятлева, на его шутовскія выходки веселили ихъ и заставляли хохотать иногда до слезъ.

Войдя въ этотъ день въ гостиную, я застала М. Х. съ какимъ-то полковникомъ; она познакомила меня съ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ любезныхъ фразъ, которыми онъ удостоилъ меня, онъ сказалъ, что можетъ сообщить мнѣ добрыя вѣсти изъ Ревеля. Полагая, что добрыя вѣсти касались моихъ родныхъ, я спросила, видѣль ли онъ бабушку, и здорова ли она. На это онъ отвѣтилъ, что не былъ у нея, не бывъ знакомъ въ домѣ, но можетъ передать нѣчто для меня пріятное, а именно: что сестра Паткуля, м-ше Паткуль, приѣзжаетъ на-дняхъ сюда и везетъ брату письмо отца, съ разрѣшеніемъ на его женитьбу.

Эта безтактность превзошла всѣ остальные. Обратившись къ м-ше Шевичъ, я сказала:

— Вѣроятно, полковникъ не разслышалъ моей фамиліи и принимаетъ меня за другую.

Сдѣлавъ ему при этомъ короткій и серіозный поклонъ, я вышла въ другую комнату, гдѣ застала обѣихъ барышень, бросилась на стулъ и расплакалась. На вопросъ ихъ, что случилось со мной, я рассказала имъ о сообщеніи полковника, прибавивъ:

— Чѣмъ заслужила я такое неуваженіе къ себѣ?

Обѣ не знали, какъ и чѣмъ утѣшить меня, цѣловали, повторяя нѣсколько разъ:

— *Quel imbécile!*

Послѣ ухода полковника М. Х. вышла къ намъ и, узнавъ причину моихъ слезъ, сказала:

— *Soignez vos yeux et ne faites pas attention aux paroles des sots.*

Да! Это легко было говорить имъ, а я это долго забыть не могла. Я осталась у нихъ до вечера; бесѣда шла о томъ, о семъ, но между разговоромъ неволью возвращались au manque de savoir vivre полковника.

Возвращаясь домой, при всемъ моемъ негодованіи на него, я думала: «А что, если это правда? Не могъ же онъ выдумать». Сестра! Письмо! Разрѣшеніе! Все путалось въ моей головѣ, а сердце такъ и стучало.

Съ тетушкой мы много толковали о сообщеніи полковника, которос я передала ей слово въ слово.

Кажется, съ этого дня я еще сильнѣе полюбила Паткуля, повторяя себѣ, что онъ не вѣтреная бабочка, порхающая съ цвѣтка на цвѣтокъ, а вѣрно тоже полюбилъ меня.

Наканунѣ назначеннаго дня приѣма у наслѣдника Паткуль пріѣхалъ сказать, что его высочество извиняется, что не можетъ принять отца въ это воскресеніе, по какой причинѣ, не помню, а просить прибыть въ слѣдующее.

Какъ онъ признался мнѣ позже, это по его милости приѣмъ у наслѣдника былъ отложенъ; сестра, которую онъ ожидалъ изъ Ревеля, еще не пріѣхала, и боясь, что мы уѣдемъ до полученія письма его отца, просилъ его высочество отдалить приѣмъ на цѣлую недѣлю.

Пробыть еще лишнюю недѣлю въ столицѣ мнѣ, понятно, улыбалось. Этой отсрочкой я воспользовалась, объѣхала еще разъ всѣхъ прежнихъ и новыхъ знакомыхъ, которые были всѣ такъ милы, добры и любезны ко мнѣ. Я не могла не быть благодарной за тотъ ласковый приѣмъ, который былъ мнѣ сдѣланъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ.

Семейство Карамзиныхъ и князя Одоевскаго и его жену я знала еще въ Ревелѣ; Одоевскіе видѣли меня почти ребенкомъ. Князь былъ худенькій, тихенькій, добрый, съ женоподобнымъ лицомъ, а княгиня, высокая, полная, рѣшительная. Забыла упомянуть, что однажды, когда я объѣдала у нихъ, сестры княгини, Пуцины, предложили мнѣ выкурить пахитосу. Сначала я отказалась, но когда они сами закурили и подали мнѣ зажженную пахитосу, я рѣшилась испытать, вкусно или нѣтъ. Въ то время была мода курить. Хотя у меня закружилась слегка голова, но я нашла, что это очень пріятно.

Тетушка до того баловала меня, что когда я вернулась съ обѣда и рассказала ей о пахитосѣ, то, не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, она тотчасъ же подарила мнѣ нѣсколько пачекъ, а дядюшка, баловникъ порядочный, прибавилъ къ нимъ мундштучекъ.

Вотъ съ этого-то времени, т. е. съ восемнадцатилѣтняго возраста, я не отстала отъ этой дурной привычки. Отецъ не курилъ и не одобрялъ тѣхъ, которые предавались этому занятію, о дамахъ и говорить нечего. Не желая сдѣлать ему непріятное, я не курила при немъ, пока не вышла замужъ.

Паткуль, который успѣлъ познакомиться съ дядей, очень понравился какъ ему, такъ и тетушкѣ.

Дѣйствительно, онъ имѣлъ все, чтобъ привязать къ себѣ: веселый, безъ малѣйшаго фатовства и жеманства, простъ въ своемъ обращеніи, душа на распашку. Хотя красавцемъ назвать его нельзя было, но рѣдкая доброта читалась въ его темнокарихъ, выразительныхъ глазахъ. Тетушка не стѣснялась уже своимъ скромнымъ столомъ, оставляла его иногда обѣдать, когда онъ бывало засидится у насъ. Онъ, конечно, съ благодарностью принималъ приглашеніе и ухитрялся всегда найти мѣсто возлѣ меня. Видя мою сдержанность, онъ допытывался, почему я такъ холодна съ нимъ. Если бы онъ могъ только знать, что происходило у меня въ душѣ, онъ не задалъ бы такого вопроса.

Во время его посѣщеній я рассказывала ему о Финляндіи, о нашемъ житьѣ-бытьѣ, о семьѣ, подругахъ, о занятіяхъ моихъ, какъ вообще я была тамъ балована обществомъ, какъ веселилась на незатѣйливыхъ вечерахъ, и подъ конецъ прибавила, что тамъ не занимаются сплетнями, какъ здѣсь; только на такъ называемыхъ *café kala*, на которыя собирались послѣ обѣда старушки, за кофеемъ сообщались разныя новости, вѣрныя и часто невѣрныя.

Но мои рассказы были далеко не такъ интересны, какъ его; онъ въ подробности рассказывалъ намъ о времени своего воспитанія съ его высочествомъ, описывалъ ангельскую доброту государя, императрицы и наслѣдника, признался, что онъ боялся строгаго взгляда государя, а если государь дѣлалъ выговоръ за неудовлетворительные баллы и обѣщалъ въ слѣдующій разъ наказать, тогда, говорилъ Паткуль, такой страхъ разбиралъ, что дрожь пробѣгала по всему тѣлу.

По утрамъ, по словамъ рассказывавшаго, всѣ трое ходили здороваться съ государемъ; первымъ, конечно, подходилъ наслѣдникъ. Однажды государь спросилъ великаго князя, знаетъ ли онъ наканунѣ уроки. На отвѣтъ «не знаетъ» государь не поцѣловалъ его. Тутъ наслѣдникъ сказалъ сквозь слезы:

— «Алеу» тоже не знаетъ.

— А тебя спрашиваютъ?— строго произнесъ государь:— изволь встать на колѣни!

— Я былъ въ отчаяніи, — говорилъ Паткуль, — что изъ-за меня наслѣдникъ былъ наказанъ, и какъ только мы вышли изъ кабинета государя, я побѣжалъ къ Карлу Карловичу Мердеру и, заливаясь слезами, бросился ему на шею, умоляя его пойти выпросить у государя прощеніе. Мердеръ былъ чудный человѣкъ, котораго мы всѣ любили, и я зналъ, что онъ исполнитъ мою просьбу; онъ тотчасъ же пошелъ къ его величеству, сказалъ, что я безутѣшно плачу и прошу простить наслѣдника. Государь отпустилъ Александра Николаевича со словами, чтобъ этого больше не случалось, «а теперь, — прибавилъ государь, — пойди, поблагодари Алеу, который выпроситъ тебѣ прощенье».

Этотъ разсказъ служитъ доказательствомъ, что государь былъ требователенъ въ отношеніяхъ къ своему сыну и не дѣлалъ различія между нимъ и товарищами. Объ играхъ, урокахъ, все было упомянуто, танцклассы и уроки рисованья были общіе съ великими княжнами, Маріей, Ольгой и Александрой Николаевной.

Увлечательны были разказы Паткуля о путешествіяхъ по Россіи и за границей. Во время пребыванія ихъ въ Англии былъ балъ у королевы Викторіи, съ которой онъ имѣлъ честь танцовать. Она была еще не замужемъ и чуть ли не въ тотъ годъ вступила на престолъ.

Какъ очевидецъ пожара Зимняго дворца, Паткуль передалъ намъ о немъ малѣйшія подробности.

Все, что было подарено ему ихъ величествами и высочествами, со времени поступленія его во дворецъ, т. е. съ 7-ми-лѣтняго возраста, сдѣлалось жертвою огня. У него была полная библіотека всѣхъ классиковъ, минералогическій кабинетъ, въ которомъ находились всевозможные камни, не исключая драгоценныхъ. О спасеніи своихъ вещей онъ не думалъ. Увидя, что дворецъ горитъ, онъ побѣжалъ по фрейлинскому коридору предупредить жившихъ тамъ фрейлинъ о грозящей опасности, съ тѣмъ чтобъ онѣ успѣли уложить свои вещи. Одна изъ этихъ дѣвицъ, а именно Бороздина, дала ему свою собачку, прося сберечь ее. Онъ снесъ ее къ себѣ въ комнату, заперъ и отправился въ залъ, куда собралъ людей, чтобъ спасти мраморную статую императрицы. Но въ то время, какъ они старались отдѣлать статую отъ пьедестала, вошелъ государь, приказалъ имъ уйти и самъ пошелъ за ними. Едва его величество успѣлъ переступить порогъ сосѣдней комнаты, какъ полъ зала съ страшнымъ грохотомъ провалился. По переѣздѣ императрицы въ Аничкинъ дворецъ, Паткуль ѣздилъ изъ одного дворца въ другой, перевозя ея вещи. Собачка Бороздиной, къ величайшему ея горю, или убѣжала или сгорѣла вмѣстѣ съ его вещами. За это долго дулась на него Наталья Николаевна и не говорила съ нимъ. «Какая она злая, замѣтила я, у васъ все сгорѣло, а у нея только собачка», и мы вмѣстѣ посмѣялись надъ ея странностью.

Въ 1840-мъ году, Паткуль былъ посланъ государемъ на Кавказъ, участвовалъ въ десантъ противъ горцевъ, подъ начальствомъ адмирала Лазарева, и былъ вызванъ обратно его величествомъ не задолго до моего пріѣзда. Судьба покровительствуетъ ему, какъ онъ увѣрялъ, говоря, что если бы онъ оставался дольше, то не имѣлъ бы счастья увидѣть меня и познакомиться. На это тетушка сказала ему шутя:

— Я думаю, вы не много бы потеряли, если не познакомились бы съ ней, она такая скрытная, капризная, я совсѣмъ не довольна ею.

Онъ посмотрѣлъ на нее, потомъ на меня, я разсмѣялась и сказала: «спросите же, зачѣмъ она любитъ и балуетъ меня, если я такая нехорошая».

Между прочимъ онъ просилъ позволенія бывать у тетушки и послѣ моего отъѣзда, извиняясь при этомъ, что теперь такъ часто надоѣдаетъ ей.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда я поѣхала къ m-me Шевичъ, которая ждала меня. Уже при встрѣчѣ я замѣтила по выраженію ея лица, что она должна была мнѣ что-то сообщить. Посадивъ меня возлѣ себя, она сказала, что Мятлевъ былъ у нея утромъ съ просьбою позволить ему привезти къ ней Паткуля и просилъ пригласить его тоже къ вечеру, такъ какъ онъ знаетъ, что я буду у нея. Согласіе было дано, визигъ сдѣланъ, и Паткуль былъ приглашенъ.

— *J'espère, Marie, que vous ne m'en voulez pas, lorsque Мятлевъ demande quelque chose, il n'y a pas moyen de lui refuser.*

— Зачѣмъ, ma tante, вы пригласили его? Вы знаете, что Паткуль нравится мнѣ, я всегда рада видѣть его, но на этотъ разъ мнѣ не пріятно, что онъ будетъ. Безъ того уже такъ много толковъ о немъ и обо мнѣ, а появленіе его у васъ дастъ новый поводъ къ сплетнямъ.

— *Soyez tranquille, chère enfant, je sais ce que je fais!*

Допытываться смысла ея словъ мнѣ не подобало; я была увѣрена, что необдуманно она не поступитъ.

Когда вечеромъ Мятлевъ съ Паткулемъ вошли, меня опять бросило въ краску; въ рукахъ у меня была чашка съ чаемъ, надъ которой я нагнулась и поднесла ее ко рту.

Поздоровавшись съ хозяйками, оба подошли ко мнѣ. Паткуль, придвинувъ стулъ, сѣлъ возлѣ меня, а я ради *contenance* вынула изъ чашки лимонъ и взяла его въ ротъ. Мой сосѣдъ такъ испугался, увидя это, что чуть-чуть не отдернулъ мою руку, но, опомнясь во время, убѣдительно просилъ не ѣсть лимона, увѣряя, что это очень вредно для здоровья, и что, уступивъ его просьбѣ, я докажу ему, что онъ не совсѣмъ лишенъ моего расположенія. Испугомъ своимъ онъ насмѣшилъ меня, и я сказала, что хотя убѣждена, что этотъ ломтикъ никакого вреда причинить мнѣ не можетъ, но я уступаю, желая доказать, что я вовсе не такая упрямая или дурная, какою тетушка меня отрекомендовала. Надо было видѣть въ эту минуту его довольное лицо; онъ не зналъ, въ какихъ выраженіяхъ благодарить меня.

Съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все труднѣе и труднѣе скрывать отъ него то чувство, которое къ нему питала. Это было не мимолетное увлеченіе, а что-то новое, серьезное и глубокое. А между тѣмъ изъ страха, что онъ можетъ догадаться, я становилась все холоднѣе и сдержаннѣе съ нимъ.

Къ концу вечера Мятлевъ, сказавъ, что написалъ стихи на мой отъѣздъ, просилъ разрѣшенія m-me Шевичъ прочесть ихъ и, обратившись ко мнѣ, прибавилъ:

— Надѣюсь, что на этотъ разъ вы не заставите меня замолчать, какъ въ маскарадѣ.

Стихи эти вызвали всеобщій смѣхъ сплетеніемъ русскихъ, французскихъ и шведскихъ фразъ. Въ нихъ онъ приглашалъ меня остаться въ Петербургѣ, доказывая холодность финляндцевъ, которые могутъ только «масло сбить, салакушку скоптить прекрасно» и проч. Понятно, что я заступалась за финляндцевъ и не соглашалась съ его мнѣніемъ о нихъ.

Прощаясь, онъ вручилъ мнѣ листокъ, общая непременно захватить еще проститься со мною.

Паткуля на слѣдующій день я не видѣла, онъ былъ дежурнымъ. Вечеромъ доложили мнѣ о Мятлевѣ, я вышла къ нему. Видѣ у него былъ озабоченный; здороваясь со мной, онъ сказалъ, что присланъ наслѣдникомъ спросить, почему я отказала Паткулю.

Это такъ озадачило меня, что въ первую минуту точно столбнякъ на меня нашель, но это продолжалось недолго, и я сказала:

— Меня удивляетъ, если наслѣдникъ дѣйствительно далъ вамъ такого рода порученіе. Паткуль мнѣ говорилъ, что никакихъ секретовъ отъ его высочества не имѣетъ и не имѣлъ, ему извѣстны самыя сокровенныя мысли Паткуля, поэтому мнѣ что-то трудно вѣрится, чтобы вамъ дано было такое порученіе его высочествомъ. Но, желая удовлетворить ваше любопытство, хотя и не знаю, почему вы принимаете такое горячее во мнѣ участіе, скажу, если это можетъ успокоить васъ, что Паткуль предложенія мнѣ не дѣлалъ, слѣдовательно не далъ мнѣ случая отказать ему.

— Значитъ,—воскликнулъ радостно Мятлевъ,—если онъ будетъ просить вашей руки, вы дадите ее?

— Вопросъ слишкомъ не скромный! Отвѣта на него дать вамъ не могу,—сказала я смѣясь.

Поцѣловавъ мнѣ руки и пожелавъ добраго пути, онъ сказалъ:

— Теперь я спокоенъ! Надѣюсь, мы скоро увидимся.

Смѣнившись съ дежурства, Паткуль пріѣхалъ на другой день къ намъ. За обѣдомъ онъ напомнилъ отцу, что завтрашній день въ 2 часа наслѣдникъ ожидаетъ его къ себѣ. Вечеромъ онъ извинился передъ тетушкой, что не можетъ остаться, по случаю пріѣзда его старшей сестры изъ Ревеля, которая привезла ему письмо отъ отца, и съ которою онъ обѣщавалъ провести вечеръ. Пока онъ говорилъ, ко мнѣ подбѣжалъ одинъ изъ меньшихъ сыновей дяди, котораго я взяла на руки; слухъ у меня былъ чуткій; заставляя прыгать мальчика у себя на колѣняхъ, я все слышала и не проронила ни слова.

Къ назначенному часу отецъ отправился во дворецъ, гдѣ встрѣтилъ его Паткуль.

Пріемомъ наслѣдника цесаревича отецъ былъ совершенно очарованъ. Говоря обо мнѣ, его высочество сказалъ, что грѣшно дер-

жать меня въ Финляндіи, слѣдуетъ переманить въ Петербургъ. Не былъ ли это легкій намекъ на то, что такъ скоро осуществилось?

Къ обѣду Паткуль пріѣхалъ къ намъ, отецъ сообщилъ ему о томъ восторженномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него его высочество, а Паткуль на это отвѣтилъ, что иначе и быть не могло: «наслѣдникъ воплощенный ангелъ».

Вообще о царской семьѣ Паткуль говорилъ всегда съ такою любовью, или, вѣрнѣе сказать, обожаніемъ, что восторгъ его невольно передавался слушателямъ.

Тетушка какъ-то проболталась, что я курю, но стѣсняюсь при немъ, тогда онъ подаль мнѣ свой портсигаръ и просилъ закурить пахитосу. Папиросъ не существовало въ то время.

Прощаясь съ нимъ, при его уходѣ я уронила мундштучекъ, поднявъ его, увидѣла, что кусочекъ янтаря откололся, и положила на столъ. Послѣ его отъѣзда мундштука на столѣ не оказалось, я думала, что тетя или дядя спрятали его, чтобъ помучить меня, но они утверждали, что не видѣли. Мундштукъ словно канулъ въ воду.

23-го февраля, въ день нашего отъѣзда, пріѣхалъ дѣдушка проститься съ нами. Зная объ ухаживаніи за мною Паткуля (котораго онъ не видѣлъ никогда) и любя меня безгранично съ самаго моего дѣтства, онъ повторилъ мнѣ тѣ же предостереженія, которыя я невольно подслушала въ Кронштадтѣ. Вѣдь никто изъ нихъ не зналъ Паткуля, а между тѣмъ только повторяли: «молодъ и вѣтренъ». Какъ нарочно, пока дѣдушка сидѣлъ у меня, раздавался звонокъ за звонокомъ; при каждомъ звонкѣ я вскакивала и выбѣгала въ переднюю. Боясь, чтобы Паткуль не встрѣтился съ дѣдушкою, я хотѣла направить перваго черезъ коридоръ прямо къ тетушкѣ. На вопросъ дѣдушки, зачѣмъ я вскакиваю такъ часто, я отвѣчала, что жду письма отъ своихъ изъ Гельсингфорса; отчасти это было вѣрно.

По правдѣ сказать, я не понимаю, почему я такъ боялась этой встрѣчи. Дѣдушка былъ такой добрый, чудный старикъ, и я увѣрена, что Паткуль понравился бы ему.

Прощаясь, дѣдушка крѣпко поцѣловалъ меня, перекрестилъ и сказалъ: «дастъ Богъ, весной вы всѣ пріѣдете къ намъ въ Ревель, до свиданья!». Но, выходя изъ комнаты, погрозилъ пальцемъ со словами: «не увлекайся». «Не бойтесь»,—отвѣтила я, а сама подумала: «поздно!».

Вскорѣ пріѣхалъ Паткуль и, передавая мнѣ новый мундштучекъ съ моимъ вензелемъ, просилъ принять его и разрѣшить ему оставить на память старый.

Я отказалась принять и требовала возвратитъ мой, онъ это сдѣлалъ, вынувъ его изъ своего портсигара, но, повидимому, съ большимъ сожалѣніемъ.

Кромѣ Паткуля, обѣдала у насъ tante Nathalie Спафарьева. Дѣдушка былъ къ кому-то отозванъ, а она желала провести еще нѣсколько часовъ съ нами. Вѣрно она догадывалась, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, въ особенности, когда тетушка послѣ обѣда предложила ей пойти посмотрѣть, какъ укладываютъ мои вещи. Это былъ предлогъ оставить насъ вдвоемъ по просьбѣ его.

Оставшись съ нимъ en tête à tête, я предугадывала приближеніе минуты рѣшенія моей судьбы; сердце забилось у меня такъ сильно, что стукъ его барабанилъ въ ушахъ. Непреодолимая робость вдругъ овладѣла мной, и въ ту минуту, когда я встала, чтобъ слѣдовать за тетушкой, Паткуль просилъ меня выслушать его одну минуту.

Врядъ ли на моемъ мѣстѣ ктонибудь отвѣтилъ бы такою глупостью, какъ я, что не имѣю съ нимъ никакихъ секретовъ, и онъ можетъ говорить со мной при другихъ. Съ этими словами я вышла съ нимъ изъ комнаты.

Странное дѣло, почему именно предъ нимъ мною овладѣла такая, ничѣмъ необъяснимая, робость; развѣ только потому, что я дѣйствительно любила его.

Тетушка, увидя насъ входящими почти вслѣдъ за нею, недоумѣвала, какъ успѣли мы переговорить такъ скоро, но, взглянувъ на него, она поняла по грустному выраженію его лица, что между нами ничего не было кончено.

Послѣ чая, я пошла переодѣться въ дорожное платье. Вдругъ входитъ тетушка съ недовольнымъ лицомъ, начала дѣлать мнѣ выговоръ по-французски, что я, какъ глупая дѣвчонка, вела себя въ отношеніи Паткуля, который обезкураженъ и въ отчаяніи, не зная, какъ принять мое нежеланіе выслушать его. Когда она увидѣла, что у меня слезы навернулись на глазахъ, ей стало жаль меня; руки у меня были, какъ ледъ, и я вся дрожала.

— Что же ему сказать?—спросила она.

— Чтобъ онъ пошелъ къ отцу, и когда заручится его согласіемъ, получить мой отвѣтъ.

Въ будуарѣ онъ ожидалъ меня, передавъ, что отецъ его согласенъ на его женитьбу и мой ничего не имѣетъ противъ этого, посмотрѣлъ на меня умоляющимъ взглядомъ и сказалъ, что счастье его въ моихъ рукахъ, что онъ ждетъ отъ меня рѣшенія своей судьбы. Посадивъ его возлѣ себя, я просила его выслушать меня и отвѣтить откровенно на мои вопросы. Обдумалъ ли онъ хорошенько, на что рѣшается? Воспитанный въ царскихъ хоромахъ съ наслѣдникомъ русскаго престола, будетъ ли онъ довольствоваться скромной семейной жизнью? Увѣренъ ли онъ въ томъ, что не пожалѣетъ когданибудь, что пожертвовалъ всѣмъ для меня, которая, кромѣ любящаго сердца, ничего дать ему не можетъ и положительно никакихъ средствъ не имѣетъ? У отца насъ семеро, и онъ обезпечить меня

не может ничѣмъ. Я не балована, лишениій не боюсь и готова все перенести для человѣка, котораго люблю.

На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что, самъ не имѣя достаточно средствъ, онъ никогда не рѣшился бы, какъ бы сильно ни любилъ меня, сдѣлать мнѣ предложеніе, если бы наслѣдникъ, отъ котораго онъ ничего не скрывалъ, не сказалъ ему, видя его такимъ грустнымъ: «сдѣлай предложеніе, женись, я тебя не оставлю». «На этотъ счетъ, прибавилъ Паткуль, я былъ спокоенъ, но такъ какъ вы не давали мнѣ предпочтенія передъ другими, я до этой минуты не былъ увѣренъ въ вашемъ согласіи». Протянувъ ему руку, которую онъ въ первый разъ могъ поцѣловать, я сказала, что вручаю ему свое счастье и всѣми силами буду стараться составить его для него.

Дорого я дала бы, чтобъ отодвинуть на одинъ денекъ нашъ отъѣздъ, но лошади были поданы, надо было собираться въ путь.

Не имѣя еще согласія государя, Паткуль просилъ отца и меня сохранить помолвку нашу втайнѣ и сказалъ, что императрица, благословивъ его, общала сама сообщить его величеству и просить его разрѣшенія.

Въ минуту отъѣзда было подано шампанское; чокаясь рюмками, тетя и дядя знаками выжили за наше здоровье, бывъ предупреждены, что это до поры до времени должно остаться тайною, и пожелали намъ счастливаго пути. Взявъ съ нихъ обѣщаніе навѣститъ насъ въ Финляндіи въ непродолжительномъ времени, мы усѣлись съ отцемъ въ крытыя сани или такъ называемую кибитку, и подъ звонъ бубенчиковъ лошади помчались, унося меня съ грустью о предстоящей разлукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ счастливую, отъ гостепріимнаго дома дяди и столицы, гдѣ я была принята не только любезно, но даже, могу сказать, съ баловствомъ.

Когда мы подъѣхали къ первой станціи, тамъ остановилась, кромѣ нашей, еще другая тройка. Сюрпризъ былъ самый неожиданный и пріятный, когда подошла къ намъ тетушка съ Паткулемъ, которому она предложила ѣхать проводить насъ.

Пока перекладывали лошадей, мы поговорили, простились еще разъ и разстались на неопредѣленное время.

V.

Мои письма къ тетушкѣ.—Увѣдомленіе Паткуля о согласіи государя на его женитьбу.—Разрѣшеніе переписываться съ женихомъ.—Знакомство съ родными моего жениха.—Его няня.—Приѣздъ Паткуля.—Первый подарокъ жениха.—Испугъ.—Приключеніе во время поѣздки въ Вышгородъ.—Серенада студентовъ.—Моя свадьба.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Посѣщеніе бароновъ Арпсѣ-Гофенъ.

По приѣздѣ домой я тотчасъ же сообщила тетушкѣ о предстоящей перемѣнѣ моей будущности. Отъ сестеръ и братьевъ пришлось скрыть, такъ какъ, до разрѣшенія государя, помолвку мою объявлять было нельзя. А дѣти ничего не умѣютъ держать въ секретѣ.

Почтовое сообщеніе было въ то время одинъ или два раза въ недѣлю, но съ первою же почтою, послѣ моего отъѣзда, я получила отъ жениха, на французскомъ языкѣ, церемонное письмо съ заглавіемъ *Mademoiselle*, но иначе и быть не могло.

Отвѣчать на письма его мнѣ не было разрѣшено. Бывъ увѣрена, что онъ навѣщаетъ дядю и тетю, я поручила послѣдней передать ему, что письма его получены мною, но чтобы отвѣта на нихъ онъ не ждалъ, такъ какъ мнѣ не позволено переписываться съ нимъ, пока мы не будемъ объявлены женихомъ и невѣстой.

Вскорѣ мы были обрадованы приѣздомъ дяди и тетушки. Весьма понятно, что главное мѣсто въ нашихъ съ тетей душевныхъ бесѣдахъ занималъ онъ, мой женихъ.

Тетушка призналась мнѣ, что даетъ ему читать всѣ мои письма къ ней, и надѣется, что я не въ претензіи за эту нескромность съ ея стороны, и что онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ разрѣшенія государя, чтобъ я наконецъ могла писать ему.

Къ сожалѣнію, наши дорогіе гости оставались очень недолго у насъ; они спѣшили вернуться къ дѣтямъ.

Зная теперь, что онъ читаетъ мои письма, я приложила больше старанья и откровенно высказывала въ нихъ свои чувства и мысли.

Однажды, когда я окончила письмо въ восемь страницъ, *tante Catherine* пожелала прочесть его. Отдавая мнѣ его обратно, она сказала:

— Я не подозрѣвала, что ты можешь такъ хорошо писать, но послать его нельзя. Ты просишь передать сердечный поклонъ «дорогому Александру», это не идетъ; зачеркни хорошенько и назови его или по фамилии или женихомъ.

Тутъ, признаться, я не выдержала, назвала тиранствомъ воспрещать мнѣ переписываться откровенно съ тетушкой, которая такъ добра ко мнѣ, и къ которой я привязалась всѣмъ сердцемъ.

На это она начала доказывать, что свадьбы часто расходятся; Паткуль такъ молодъ, что на постоянство его я рассчитывать не должна, а потому молодая дѣвушка должна держать себя всегда осторожно.

Къ чаю я на верхъ не пошла подъ предлогомъ головной боли, прочла еще разъ свое бѣдное письмо и, заливаясь слезами, разорвала его на клочки.

Когда тетушка сошла внизъ и застала меня въ слезахъ, спросила о письмѣ, желая прочесть его еще разъ, чтобъ рѣшить, можно ли отправить его съ выраженіемъ «дорогому Александру», или нѣтъ. Показавъ ей клочки, я отвѣтила, что оно уже не существуетъ. Никакъ не ожидая, что я рѣшусь уничтожить его, тетушка очень недовольнымъ тономъ сказала: «C'est par méchanceté que la lettre est détruite!» на что я отвѣтила: «Votre tyrannie m'a revoltée». Отвѣтить такъ тетушкѣ, которая послѣ смерти матери замѣнила намъ её, было очень нехорошо съ моей стороны, но я была вспыльчива, а главное я чувствовала себя обиженной за Паткуля, въ которомъ она допускала возможность измѣнить мнѣ.

Наконецъ, въ апрѣлѣ получаю письмо отъ жениха, которое начиналось: «Ура! вчера 4-го на вечерѣ у императрицы, государь, взявъ меня за плечи, ввелъ передъ собой въ гостиную со словами: «се женихъ грядетъ!» и, повернувъ меня къ себѣ, поздравилъ и поцѣловалъ». Оказывается, что его величество хотѣлъ объявить его женихомъ въ то самое число, когда, за годъ передъ тѣмъ, наследникъ сдѣлался женихомъ, вотъ почему онъ такъ долго медлил своимъ согласіемъ.

Тутъ императрица поцѣловала Паткуля и поздравила официально, какъ и всѣ великіе князья, княгини и княжны, сопровождая поздравленія наилучшими пожеланіями.

Вѣсть, что я невѣста, разнеслась по Гельсингфорсу съ быстротой молніи; чуть ли не съ перваго дня начали пріѣзжать съ поздравленіемъ.

Моимъ лучшимъ друзьямъ: Rosine Hartman и Mathilde Armfeld, я тотчасъ написала по полученіи письма жениха, и обѣ прибѣжали немедленно ко мнѣ. Всѣ приняли горячее участіе въ моей радости.

Дождалась я наконецъ счастливой минуты, когда имѣю полное право писать жениху. Сѣла къ столу, взялась за перо, написала «Monsieur», а дальше не подвигается, сидѣла чуть ли не цѣлый часъ. Первое письмо должно быть болѣе или менѣе церемонное, тетушка будетъ читать его, написать холодно, это огорчить его, а высказать то, что я чувствую, не позволять. На словѣ «Monsieur», мое перо такъ и застряло. Наконецъ я попросила тетушку помочь мнѣ, на что она посоветовала написать черновое, и она поправитъ его. Каково мое было удивленіе, когда, прочитавъ его, она замѣтила,

что оно слишкомъ холодно, и я могу выражаться ласковѣе и съ бѣльшимъ чувствомъ. Скажи она мнѣ это раньше, я не сидѣла бы, какъ истуканъ, цѣлые часы за сочиненіемъ этого письма.

Когда я принесла ей прочесть слѣдующее, она объявила, что теперь могу писать ему безъ ея контроля и подѣ диктовку своего сердца. Наконецъ, я начала выходить изъ - подѣ строгой опеки; тетюшка была увѣрена, что излишней нѣжности не позволю я себѣ никогда.

Получивъ отъ жениха списокъ съ именами отца и сестеръ его (ихъ было восемь), я всѣмъ написала нѣмецкія письма, прося принять меня благосклонно въ ихъ семью. Отвѣты получила самые сердечные.

Вскорѣ дошла до насъ изъ Ревеля грустная вѣсть о кончинѣ tante Nathalie Спафарьевой. Если бы я могла предвидѣть, что день моего отъѣзда изъ Петербурга былъ днемъ нашего послѣдняго свиданія, то я, конечно, сообщила бы ей подѣ секретомъ, что я невѣста, и увѣрена, что она порадовалась бы моему счастью.

Какъ только море очистилось отъ льда, отецъ отвезъ меня погостить къ бѣднымъ старичкамъ, оставшимся послѣ кончины дочери совершенно одинокими. Мнѣ, какъ невѣстѣ, не разрѣшили носить черное платье, а сшили сѣрое, въ которомъ я явилась къ дѣдушкѣ и бабушкѣ. Приѣзду моему они очень обрадовались, я старалась, насколько могла, развлекать ихъ и быть полезной въ домѣ, въ тотъ короткій срокъ, который провела у нихъ.

На другой день нашего приѣзда я съ отцемъ поѣхала знакомиться съ будущей моей родней. Генералъ Паткуль, отецъ жениха, былъ комендантомъ и жилъ съ семьей въ Вышгородѣ.

Такого ласковаго, радушнаго приѣма я никакъ не ожидала, съ первой же минуты была принята, какъ дочь и сестра, и дружескія отношенія установились между нами съ перваго дня.

Жила еще старуха-няня, Григорьевна, нянчившая моего жениха до поступленія его во дворецъ. Меня повели къ ней, представили и спросили, нравится ли ей невѣста Александра Владимировича. Старушка прослезилась, просила позволенія поцѣловать мнѣ руку, которой, понятно, я не дала, а обнявъ ее расцѣловала.

— Какая ты ласковая!—проговорила она:—полюби моего Александринку, вѣдь онъ такой у меня добрый, хорошій.

Перекрестивъ меня и пожелавъ намъ счастья, она просила не прогнѣваться, говоря, что питомца своего она всегда осѣняетъ крестнымъ знаменемъ, когда онъ наѣзжаетъ въ Ревель.

Всю прислугу созвали, чтобы показать невѣсту молодого барина.

На другой день отецъ съ старшими дочерьми приѣхалъ отдать офиціальнй визитъ моему отцу и мнѣ и возобновить знакомство съ дѣдушкой, съ которымъ они были, не знаю за что, въ непрія-

зненныхъ отношеніяхъ. Примиреніе послѣдовало. Старое кануло въ воду, и о немъ не вспоминалось.

Однажды, когда я сидѣла съ моими старичками за утреннимъ кофе, мнѣ послышался звукъ колокольчиковъ. Не успѣла я подбѣжать къ окну, какъ мимо дома пронеслась почтовая тройка, съ военнымъ въ адъютантской фуражкѣ. Это онъ! сердце ошибиться не можетъ, подумала я и, подойдя къ дѣдушкѣ, передала ему предположеніе. Видя, какъ я волнуясь, добрый дѣдушка предложилъ для моего успокоенія написать записку одной изъ сестеръ жениха, которую взялся тотчасъ отослать.

Присѣвъ у окна, я рѣшила не вставать съ мѣста, пока не получу отвѣта на мою записку, но не прошло и четверти часа, какъ я увидѣла карету, въ которой сидѣлъ въ полной формѣ генераль Паткуль. Увидя меня у окна, онъ улыбаясь кланялся въ спущенное окно, заслоняя собой своего сосѣда, присутствіе котораго я угадала, но видѣть не могла. Въ одно мгновенье я очутилась въ передней, отецъ его развелъ руки, думая, что онъ скроетъ собой, но я, не поздоровавшись съ нимъ, проскользнула подъ его руку и бросилась къ жениху. Это было первое свиданіе жениха съ невѣстой, послѣ трехмѣсячной разлуки.

Представили его моимъ старичкамъ, которымъ онъ очень пришелся по сердцу; дѣдушка оставлялъ его обѣдать, но, не видя давно отца и сестеръ своихъ, онъ выразилъ желаніе провести съ ними день и упросилъ отпустить меня къ нимъ.

Во время своего визита онъ передалъ мнѣ на память нашего перваго свиданья небольшой футляръ и, прося принять его, прибавилъ, что это—драгоценная для него вещь; наслѣдникъ цесаревичъ подарилъ ему ее въ Англии, къ балу королевы Викторіи, съ которой онъ имѣлъ честь танцовать.

Это была булавка, съ крупнымъ брилліантомъ, оправленнымъ въ когтяхъ. Мнѣ же эта булавка тѣмъ болѣе была дорога, что онъ носилъ ее при статскомъ платьѣ. Какъ вѣрить послѣ этого предразсудкамъ, что дарить булавки не хорошо? Въ нашей тридцати-шести-лѣтней, счастливой супружеской жизни не только не было ни одной ссоры, но никогда малѣйшее облако не помрачило пройденнаго нами пути.

Отпущенъ онъ былъ только на десять дней, а такъ какъ онъ желалъ познакомиться съ тетушкой, братьями и сестрами моими, то мы рѣшили отправиться на пароходъ въ Гельсингфорсъ: сопутствовать намъ вызвалась одна изъ старшихъ сестеръ его.

Тетушка Екатерина приняла его ласково, онъ понравился ей, хотя она нашла его вовсе не такъ красивымъ, какъ ожидала по моему описанію. На вкусъ товарища нѣтъ.

Провелъ онъ съ нами нѣсколько дней, во время которыхъ его представляли всѣмъ знакомымъ. Онъ произвелъ на всѣхъ самое

пріятное впечатлѣніе, какъ на старыхъ, такъ и на моихъ подругъ, которыя выражали ему свое сожалѣніе, что я покину Финляндію.

Паткуль, проводивъ сестру свою въ Ревель, тотчасъ же вернулся въ Петербургъ.

Свадьба наша была назначена въ концѣ августа, по окончаніи поста и лагернаго времени. Опять предстояло три мѣсяца разлуки.

На лѣто мы переѣхали опять къ дѣдушкѣ всей семьей, кромѣ отца, который съ своей канонерской флотиліей отправился въ плаваніе.

Почти все лѣто я просидѣла за пальцами, вышивая экранъ жениху къ его пріѣзду.

За двѣ недѣли до свадьбы я работала у окна и увидѣла мимо насъ промчавшуюся карету, запряженную четверкой почтовыхъ, изъ которой на полномъ ходу выскочилъ Паткуль; я такъ испугалась, что вскрикнула невольно, заслонивъ глаза руками. Сердце замерло отъ страха, что онъ расшибся. Тутъ одна изъ сестеръ закричала: твой женихъ бѣжитъ! Вскочивъ со стула, я добѣжала до сѣней, однако ноги мои подкосились до того, что я была не въ состояніи встрѣтить его у подъѣзда и сѣла на ступень съ страшнымъ біеніемъ сердца.

Когда онъ добѣжалъ и увидѣлъ меня блѣдную, сидящую на ступени, онъ испугался въ свою очередь и, цѣлуя мнѣ руки, спрашивалъ, чтò со мною, здорова ли я. Въ первую минуту я не въ состояніи была вымолвить ни одного слова, но, придя немного въ себя, упрекнула его въ неосторожности выскакивать изъ кареты, когда она неслась во весь духъ.

Онъ старался всячески успокоить меня тѣмъ, что, бывъ хорошимъ гимнастеромъ, онъ не настолько неловокъ, чтобы не умѣть выскочить изъ кареты.

Выпросивъ согласіе родныхъ моихъ, чтобъ меня отпустили къ его отцу, онъ уѣхалъ на Вышгородъ, куда, часъ спустя, меня туда же привезли.

Такъ какъ его и мои родные желали видѣть насъ у себя, то мы чередовались. Если обѣдали у однихъ, вечеръ проводили у другихъ. Въ тѣ дни, когда мы отправлялись къ его роднымъ, онъ ѣхалъ въ дрожкахъ, присланныхъ за нимъ отцомъ, а я въ дѣдушкиныхъ.

Какъ-то разъ дѣдушка, увидя, что поданы двое дрожекъ, спросилъ, для кого вторыя. Найдя, что за недѣлю до свадьбы, по его мнѣнію, даже смѣшно ѣхать врозь, отпустилъ насъ съ Богомъ въ своемъ экипажѣ. Надо же было случиться, чтобъ, какъ нарочно, на поворотѣ съ Нарвской улицы лошадь начала кружить насъ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Соскочивъ первая, я крикнула кучеру отправиться домой и въ 9 часовъ пріѣхать за мной на другой лошади, добѣжала до бульвара, и мы вмѣстѣ съ женихомъ дошли пѣшкомъ до Вышгорода.

Но что это было, когда я вернулась домой!

Тетушка встрѣтила меня грознымъ выговоромъ, какъ смѣла я ѣхать вдвоемъ съ женихомъ къ его роднымъ безъ позволенія, что скажутъ тѣ, которые видѣли насъ, и, наконецъ, какого мнѣнія будетъ обо мнѣ и воспитаніи моемъ Карамзина, которая живетъ на нашей улицѣ.

Надо замѣтить, что м-ше Карамзина очень любила меня, а съ меньшей дочерью ея, Елизаветой Николаевной, мы такъ подружились, что были на ты.

Когда я выслушала ее, мнѣ такъ стало обидно отъ незаслуженнаго выговора, что я отвѣтила:

— Если уже дѣдушка не только разрѣшилъ, но самъ предложилъ намъ ѣхать вмѣстѣ, то мнѣ нечего было спрашивать позволенія другихъ.

Она обидѣлась; положимъ, что я была не въ правѣ такъ отвѣчать ей, но я тоже была вспыльчива. Отправляясь на сонъ грядущій, я извинилась, и миръ былъ возобновленъ.

Наканунѣ нашей свадьбы мы поѣхали вдвоемъ на кладбище за благословеніемъ моей матери, гдѣ, стоя на колѣняхъ у ея могилы, дали обѣтъ не измѣнять до гроба нашей взаимной любви. Обѣтъ былъ свято сдержанъ нами.

Паткуль обѣдалъ у насъ, но вечеромъ уѣхалъ довольно рано, жалѣя, что не услышитъ серенады, которую подъ моимъ окномъ собирались пропѣть дерптскіе студенты.

О серенадѣ я подъ секретомъ была предупреждена родственникомъ бабушки, тоже студентомъ, который посовѣтовалъ мнѣ показаться имъ въ окно или бросить ленточку въ доказательство, что любезность ихъ принята мною благосклонно. Въ одиннадцать часовъ молодежь, числомъ отъ двадцати до тридцати, собралась дѣйствительно и спѣла очень стройно и согласно въ честь мою *Ständchen*. Показать я не могла, готовясь ложиться спать, поэтому, выбросивъ въ открытое окно изъ-за спущенной сторы ленточку, я поблагодарила ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ чего, провозгласивъ мнѣ *hoch! hoch!* и бросая фуражки вверхъ, они удалились.

Настало 27-е число августа, счастливый для меня день.

Утромъ пріѣхалъ шаферъ съ подарками и запиской жениха, въ которой онъ извиняется, что не исполнилъ моего требованія не подносить мнѣ подарковъ, но такъ какъ фермуаръ и букеты сдѣланы изъ перстней, пожалованныхъ ему наслѣдникомъ, то онъ надѣется, что я приму ихъ и надѣну къ вѣнцу. Это не входило въ мои намѣренія, я желала быть одѣтой, какъ можно проще и не имѣть на себѣ никакихъ цѣнныхъ вещей, но такъ какъ это было его желаніе, то тетушка сказала, что я обязана исполнить его.

Около двухъ часовъ пріѣхалъ шаферъ объявить, что женихъ

въ церкви. Дѣдушка и отецъ благословили меня иконами, а тетюшка Траверсе, пріѣхавшая съ дядей наканунѣ изъ Петербурга, была моей посаженной матерью. Меньшой братъ съ образомъ ѣхалъ съ нами.

Вся прислуга выбѣжала на улицу, сопровождая меня лучшими пожеланіями, когда я садилась въ карету.

Я сознавала, что это самый важный шагъ моей жизни; вернусь изъ церкви не той уже беззаботной молодой дѣвушкой, какой выбѣжала изъ дома дѣда, вернусь не подъ моей дѣвичьей фамиліей, и на мнѣ будутъ лежать серіозныя обязанности, которыя я дала себѣ слово свято исполнять. Я была такъ увѣрена въ любви и честныхъ правилахъ моего жениха и такъ сильно полюбила его сама, что ни минуты не сомнѣвалась въ моемъ будущемъ счастьѣ.

Все, что знало меня съ дѣтства, собралось у церкви, посмотрѣть на жениха; не только церковь, но и улица были переполнены народомъ.

По окончаніи обряда, мы прямо отправились къ дѣдушкѣ, куда съѣхалась вся родня мужа, посаженные, шафера и подружки.

Столъ, накрытый для большаго парада въ залѣ, былъ украшенъ нѣсколькими изящно сдѣланными пирамидами изъ живыхъ цвѣтовъ, собственнаго изобрѣтенія и трудовъ доброй бабушки. Съ благословенной нашей семьей насъ сидѣло за обѣдомъ около пятидесяти человѣкъ.

Послѣ чая, снявъ вѣнокъ съ головы и раздѣливъ его на вѣтки, я съ завязанными глазами раздала ихъ подружкамъ и шаферамъ, которые встали вокругъ меня кольцомъ. Есть примѣта, что та, которая первая получитъ вѣтку, скоро выйдетъ замужъ; на этотъ разъ примѣта осуществилась.

Когда мы переодѣлись по-дорожному и вошли въ залъ, то созвали всю прислугу и, по русскому обычаю, притворивъ двери, усѣлись по мѣстамъ. Водворилось полное молчаніе; тихій ангелъ пролетѣлъ!.. Затѣмъ встали, помолились и простились. Родные мои отпускали меня на новую жизнь съ благословеніемъ и пожеланіями полнаго безоблачнаго счастья.

Разставаясь со своими, я удерживалась отъ слезъ, чтобы для нихъ не усиливать тяжести минуты разставанія. Вслѣдствіе этого tante Catherine сочла меня неблагодарной, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала мнѣ навѣстить насъ въ Петербургъ и привезти сестру мою, Aline, съ которой я была очень дружна.

Когда мы усѣлись въ карету, заложенную четверкой почтовыхъ, провожавшіе насъ закричали намъ «съ Богомъ»; мы перекрестились, ямщикъ свистнулъ, ударилъ по лошадамъ, и карета укатила. Изъ оконъ кареты мы махали платками въ отвѣтъ машущимъ намъ съ крыльца, пока поднявшаяся изъ-подъ колесъ пыль не заслонила намъ окончательно все и всѣхъ. Проѣхавъ шлагбаумъ, карета

вдругъ остановилась; горничная моя, финляндка, сидѣвшая на сидѣньѣ за каретой, уронила мѣшокъ съ своимъ запасомъ яблокъ и бутылкой au de Cologne; послѣдняя разбилась, но надушенные яблоки она тщательно собрала.

Пока мы ѣхали, мужъ сообщилъ мнѣ, что первыми обновили его карету государь и наслѣдникъ при слѣдующемъ обстоятельстве. Дворъ находился въ Царскомъ Селѣ; наслѣднику послѣ болѣзни позволено было прокатиться не иначе, какъ въ каретѣ, а его не была готова. Тогда мужъ предложилъ выписать изъ Петербурга свою, заказанную къ свадьбѣ. Въ тотъ часъ, когда наслѣдникъ собирался выѣхать, государь вошелъ къ нему и пожелалъ прокатиться съ нимъ. Карета понравилась его величеству, и на вопросъ, новую ли онъ заказалъ, получилъ отвѣтъ, что она принадлежитъ Паткулю, заказавшему её къ свадьбѣ.

По дорогѣ намъ предстояло заѣхать къ тремъ дядюшкамъ мужа, баронамъ Арпсъ-Гофенъ, жившимъ въ своихъ помѣстьяхъ по Нарвской дорогѣ, въ разстояніи семи верстъ одинъ отъ другого.

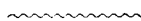
Первая остановка была 28-го августа въ Вайварѣ, у Карла Карловича, жившаго съ своей женой Эмилией Ивановной. Тамъ застали мы старшаго его брата, Егора Карловича, отставнаго генерала, бывшаго командира л.-гв. гусарскаго его величества полка, очень любезнаго, съ свѣтской полировкой, говорящаго по-французски, какъ истый парижанинъ. Въ молодости онъ былъ большимъ сердцеѣдомъ, увезъ жену свою, рожденную Демидову, отъ живого мужа.

Мы приѣхали къ вечернему чаю и были встрѣчены какъ дядюшками, такъ и тетушкой очень радушно. Предполагали остаться въ Вайварѣ до слѣдующаго утра, но Егоръ Карловичъ такъ настоятельно просилъ ѣхать къ нему въ Лагино, гдѣ ожидаетъ насъ его жена, Александра Петровна, что волею-неволею пришлось уступить. Свѣтская, до невѣроятія жеманная, тетушка встрѣтила насъ по-родственному, но наговорила мнѣ такую массу комплиментовъ и любезностей, что съ первой минуты оттолкнула отъ себя.

Утромъ напоила меня чаемъ, который цѣлый часъ кипятила на плиткѣ въ серебряномъ чайникѣ; можно себя представить, какой вышелъ вкусный настой. Послѣ обѣда, простясь съ ними, мы поѣхали въ Ольгино къ третьему дядѣ, Андрею Карловичу, и женѣ его, Ольгѣ Лаврентьевнѣ, гдѣ познакомились съ многочисленной ихъ семьей, радушно и съ простотой насъ принявшей. Наши отношенія и впослѣдствіи были самыя дружескія. Изъ Ольгина мы выѣхали въ тотъ же вечеръ послѣ ужина, и 30-го августа, въ день тезоименитства наслѣдника и именинъ мужа, карета остановилась у подъѣзда дома Мамонтова, на Грязной улицѣ, нынѣ Николаевской.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕПОЧАТАЯ СИЛА.

(Изъ записной книжки туриста).

I.

НУ, ТЕПЕРЬ и двухъ верстѣ не осталось!—говорить мнѣ Игнатъ Артюховъ, видимо, въ утѣшеніе.
— Какъ хочешь, а дальше не пойду!—заявляю я рѣшительно и, бросивъ ружье на землю, присаживаюсь на камень, ярко зеленый и мягкій отъ пушистаго слоя мховъ, которыми поростають на Уралѣ не только обломки разныхъ горныхъ породъ, но даже стволы и корневища деревьевъ.

— Неужли притомились? Удивленіе!—всякій разъ спрашиваетъ меня Артюховъ, когда я, измученный долгой ходьбой, пытаюсь убѣдить его въ необходимости привала.

Игнатъ Артюховъ—«истовый уроженецъ Урала», такъ онъ величаетъ себя, и знаетъ мѣстную округу, какъ свои пять пальцевъ. Онъ исходилъ вдоль и поперекъ весь горный кряжъ съ его отрогами; изучилъ, какъ бывалый охотникъ, всѣ «увалы» и «лога», всѣ долинки и перелѣски за время своего пребыванія на Среднеуральскомъ хребтѣ, гдѣ онъ коротаетъ добрую половину своей жизни. Мнѣ рекомендовали его на одномъ изъ заводовъ, какъ проводника, на котораго вполне можно было положиться.

Бродить по Уралу безбоязненно, какъ меня тянуло, кочевать въ лѣсу, забираясь въ самую глушь, къ старымъ урочищамъ, куда знаетъ дорогу только бывалый человѣкъ, мыслимо лишь съ надеж-

нымъ проводникомъ. Такимъ именно считался «Игнатка Рубецъ», извѣстный подъ этой кличкой болѣе, чѣмъ подъ своей настоящей фамиліей.

Съ виду это былъ сухощавый, крѣпко сложенный мужикъ, лѣтъ сорока, мало чѣмъ отличавшійся отъ обыкновенныхъ присковыхъ рабочихъ. Одѣвался онъ во что попало, выбирая изъ своего крестьянскаго гардероба все, что ни на есть похуже. Старые, рваные порты, когда-то синіе, а теперь уже совсѣмъ полинялые, были безжалостно истрепаны и поминутно вылѣзали изъ рыжихъ, дырчавыхъ сапогъ съ длинными голенищами, перехваченными выше икръ когда лычкомъ, когда веревочкой. Бѣлая посконная рубаха была того неопредѣленнаго цвѣта, каковой принимаетъ всякая ткань, побывавшая на тѣлѣ русскаго человѣка, когда онъ носитъ ее, не снимая недѣлю, другую, то обливаясь потомъ на солнцепекѣ, то грѣясь у костра, весь пропитанный дымомъ.

— «На охотѣ ходить—не въ хороводѣ плясать!»—говаривалъ обыкновенно Рубецъ, когда я намекалъ ему на неприглядность его одежды. При этомъ онъ укоризненно качалъ своей широколобой головой, изукрашенной багровымъ шрамомъ, тянувшимся отъ лѣвой брови къ уху. О происхожденіи этого печальнаго трофея и обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ, Артюховъ не любилъ распространяться и на вопросъ мой, гдѣ онъ «стяжалъ» эти знаки «боевого» отличія, обыкновенно отвѣчалъ многозначительно: «Было дѣло подъ Полтавой»... и сразу становился хмуро-сосредоточеннымъ.

Вообще, насколько я могъ замѣтить, Игнатъ избѣгалъ бесѣды о своемъ прошломъ не менѣе, чѣмъ о своемъ «гардеробѣ». Всякій разъ, когда я касался этой темы, — типичныя черты его лица: тонкій, заостренный носъ, напоминавшій клювъ «копчика», хитрые глаза, зорко выглядывавшіе по сторонамъ, и большой, искривленный ротъ,—все выражало тогда протестъ и затаенную досаду.

— «Хорошо, молъ, вамъ разсуждать!»—выразительно говорила его птичья физиономія.—«У васъ, поди, въ чемоданѣ-то не одна перемѣна лежитъ... Такъ-то, а наше дѣло—охотничье-съ!» договаривалъ онъ уже вслухъ свою думушку.

— Ежели да хорошую одежду носить—одни убытки! Все равно стреплешь, по лѣсной чащѣ лазаючи... Развѣ, что вы мнѣ новый костюмъ въ такомъ разѣ справите?—обращался онъ ко мнѣ не безъ ехидства.

Тѣмъ дѣло обыкновенно и кончалось; и только разъ, по моему неотступному настоянію, Игнатъ Артюховъ рѣшился наконецъ вымыть рубаху и все прочее, воспользовавшись нашимъ приваломъ у горной рѣчки.

Раздѣвшись, онъ принялся стирать свою одежку, разумѣется, безъ мыла, и умора была смотрѣть, какъ худой, поджарый Рубецъ,

стоя на самой серединѣ бойкой рѣченки, которая доходила ему до колѣнъ, съ озлобленіемъ полоскалъ рубаху. Та надувалась пузырями, тогда какъ порты, упущенные изъ рукъ, быстро уносились по теченію. Рубецъ выскакивалъ на берегъ съ мокрой рубахой въ рукахъ и гнался за ними съ проклятіемъ. Я помиралъ со смѣху, глядя на эту стирку, напоминавшую подвиги Донъ-Кихота Ламанчскаго.

Наконецъ-то одежда была отжата и торжественно развѣшена по сучьямъ ольхи для провѣтриванья. Надо ли добавлять, что по утру Игнатъ съ большимъ трудомъ натянулъ на себя полусырую рубаху, при чемъ она долго коробилась на немъ, какъ картонная. Напрасно я уговаривалъ его не рисковать здоровьемъ. Артюховъ отличался необыкновеннымъ упрямствомъ, и малѣйшаго противорѣчія съ моей стороны уже было достаточно, чтобы онъ сдѣлалъ непремѣнно по-своему.

И теперь, когда я опустился въ изнеможеніи на камень, чувствуя, что затекшія ноги мои почти одеревенѣли отъ долгой ходьбы, отъ неустаннаго подъема съ камня на камень, съ увала на уваль,— Рубецъ тотчасъ же запротестовалъ и принялся доказывать безусловную необходимость добраться до вершины засвѣтло.

— Невозможно намъ здѣсь разсиживаться!—говорилъ онъ мнѣ бабыимъ плаксивымъ голосомъ.—Мѣста здѣсь глухія, таежныя... Таково можетъ дѣло выйтить, что цѣлы, подобру-поздорову, не выберемся! А вы все свое ладите: «сяду да сяду, усталъ да усталъ»... Что намъ теперь пропадать что ли?

— Перестань ныть, пожалуйста!—говорю я.

— Я не ною, а осторожность долженъ соблюсти... Мало ли у насъ варнаковъ въ эту пору по разнымъ логовамъ притуляется? Слышь, баринъ, идемъ, вѣрно я тебѣ говорю! Обязательно до «Иконникова ключа» надо дойтить до заката.

— Поспѣемъ. Нечего труса справлять—съ нами ружья.

Я хладнокровно растягиваюсь на спинѣ и рѣшительнымъ движеніемъ закладываю подъ голову руки.

— Н-ну, характеръ!.. слышится мнѣ голосъ Игната, и затѣмъ слѣдуетъ энергичный плевокъ, которымъ Рубецъ обыкновенно выражаетъ послѣдній предѣлъ своего терпѣнія. Проводникъ мой отходитъ въ сторону и тоже садится. Вынувъ изъ огромной войлочной шапки кисеть съ табакомъ, онъ достаетъ изъ него свою носогрѣйку, набиваетъ табакомъ и принимается раскуривать съ остервенѣніемъ.

Приподнявшись на локтѣ, я оглядываю незнакомую мнѣ мѣстность. Съ горной площадки, на которую мы теперь забрались, открывается дивная картина. Прямо у меня подъ ногами, какъ въ глубокую пропасть, вьется осыпь камней гигантской «морены»¹⁾.

¹⁾ Морена—остатки исчезнувашаго ледника.

По этимъ камнямъ, полузаросшимъ пестрыми лишаями, мы съ Рубцомъ взбирались съ доброй частью, то перепрыгивая рядъ препятствій, преграждавшихъ намъ дорогу, то карабкаясь въ обходъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, оторвавшихся отъ горныхъ кряжей и принесенныхъ сюда исчезнувшимъ потокомъ.

Вправо отъ нихъ темными пятнами уходятъ какъ будто въ бездонную глубину вершины пихтъ и сибирскаго кедра; тянутся темныя впадины горныхъ отроговъ, образуя лога, поросшіе мелкимъ березничкомъ и зелеными кустами. Еще ниже подъ ними идутъ чередуясь такъ называемые «увалы», но намъ не видать отсюда ихъ обрывистыхъ реберъ, упирающихся въ долину. Они подернуты теперь серебристой дымкой тумана, что ползетъ, цѣпляясь за хвои, поднимается съ низинъ, какъ предвѣстникъ близкаго заката.

Но здѣсь на вершинахъ еще свѣтло. Лѣтній вечеръ еще пылаетъ багрянымъ полымемъ ярко разгорѣвшейся зари, и она, то расплавленнымъ золотомъ, то искрясь рубиномъ, заливаешь добрую половину небосклона. Кругомъ насъ, будто вычеканенные изъ мѣди, встаютъ остроконечные утесы основного горнаго хребта съ его рѣзко отгѣненными впадинами... Разсѣлины, трещины этихъ гигантскихъ утесовъ густо заросли, какъ щеткой, сосной да елью. А надъ всей этой громадой изжелта-сѣрыхъ горъ, зеленыхъ пятенъ растительности и бурыхъ каменистыхъ осыпей, разстилается темно-синій небесный пологъ съ отблесками розоватыхъ тоновъ на западномъ склонѣ.

Неохватнымъ просторомъ вѣетъ съ высоты горныхъ уральскихъ гребней, высоко поднятыхъ надъ долинами. Въ необыкновенно мощныхъ формахъ запечатлѣлась здѣсь природа, какъ бы застывъ въ своей суровой, рѣзко очерченной красотѣ. Окрестныя горы, живописныя ущелья и темныя лога задрапированы въ красивыя складки зеленыхъ лѣсовъ, лиловатыхъ кустарниковъ, и чѣмъ пристальнѣе вглядываешься въ ихъ строгіе контуры, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе отъ этихъ гранитныхъ твердынь, подавляющихъ васъ какой-то особенной и только имъ присущей стихійной силой...

II.

Испытывая таинственную власть надъ собой этой силы, я понимаю, почему Игната Артюхова охватываетъ тревожное безпокойство всякій разъ, когда солнце начинаетъ клониться къ закату. Мирный торжественный покой природы вызываетъ въ немъ невольный, мистическій трепетъ. Чѣмъ сильнѣе мягкій сумракъ заволакиваетъ окрестности, ступеневая кругомъ знакомыя очертанія пейзажа, и постепенно начинаютъ исчезать тѣ или иные признаки мѣстности, тѣмъ беспомощнѣе чувствуетъ себя Рубецъ, заражен-

ный, какъ большинство русскихъ простолюдиновъ, упорнымъ суетвѣремъ. Я всякій разъ замѣчаю, что этотъ человѣкъ, побывавшій на вѣку своемъ во всякихъ передрагахъ, ходившій не разъ на медвѣдя одинъ,—боится ночной темноты и величаваго безмолвія, какъ безпомощный ребенокъ.

Близость ночныхъ сумерекъ заставляла Рубца шагать ускореннымъ маршемъ, игнорируя всякіе обходы препятствій, лѣзть напрямикъ, очертя голову, лишь бы поскорѣй добраться до какого нибудь лѣснаго «юта», какъ будто по пятамъ за нимъ гналась «нечисть» лѣсная.

Но горюхъ охотника и кладоискателя заставлялъ Рубца дѣйствовать дипломатично. И теперь онъ прибѣгъ къ своей обычной тактикѣ.

— Наши мѣста особенныя,—увѣрялъ онъ меня серьезно.—Конечно, ежели кто безъ пониманія, такъ тому наплевать... Никогда такой человѣкъ своей бѣды не учуетъ, и въ пропасть свалится и на варнака наскочитъ. Нашъ уральскій «лѣшакъ»¹⁾—не другимъ чета! Такой тебѣ «хмары»²⁾ напуститъ—ой, ой, ой! Еще одинъ-то я туда-сюда... храбрился Игнатъ, пытаюсь свалить свой страхъ съ больной головы да на здоровую.—А съ вами? Развѣ возможно по логамъ да въ буреломѣ ночевать? Ума надо рѣшиться! Случись что, анъ за все я одинъ отвѣчаю.

— Это мнѣ нравится!—говорю я улыбаясь.—А давно ли ты ко мнѣ въ няньки приставленъ?

— Нянька не нянька, а проводникъ. Опять, такъ скажемъ, вдругъ къ ночи гроза грянетъ? Тогда что?

— Подъ деревья станемъ,—говорю я равнодушно:—вотъ подъ ту лиственницу.

— Вотъ это славно!—воскликаетъ онъ уже со злобой.—Не видали вы, знать, нашихъ грозъ-то уральскихъ? Ливья вода леть въ эту пору... вымокнешь до нитки!

— И похоже, что быть дождю!—соображаетъ Рубецъ, пристально взглядываясь въ синеву неба.—Безпремѣнно будетъ гроза,—заявляетъ онъ уже рѣшительно.—Вона облачко-то надъ горою, словно какъ притулилось... Видите? Нѣтъ? Ну... ладно! Не вѣрите, чай? А вотъ посидите здѣсь часокъ, господинъ хорошій, такъ оно себя окажетъ.

Я гляжу на Рубца съ недоувѣремъ. Хотя мнѣ и приходилось слышать о грозовыхъ ливняхъ, особенно сильныхъ на Уралѣ, но на мой взглядъ едва примѣтное темное облачко не предвѣщало ничего серьезнаго.

— Пустяки, и такъ разойдется!

¹⁾ Лѣшій.

²⁾ Навожденіе.

Игнать вскочилъ, какъ ужаленный. Его взбѣсило мое спокойствіе.

— Что-жъ я, выходить по-вашему, дуракъ что ли? Хороши будутъ «пустяки», сами увидите!.. Да вотъ...

Рубецъ не договорилъ и вдругъ весь насторожился, какъ добрая охотничья собака. Лицо его сразу сдѣлалось серьезнымъ. Онъ быстро пригнулся къ землѣ и юркнулъ къ обрыву, осторожно пробираясь между деревьями.

— Кому быть?—сообразалъ Игнать вслухъ.—А вѣдь сюда пробираются... Н-ну, дѣла! Говорилъ я вамъ, сказывалъ?—упрекалъ онъ меня, сидя за кустами и тыкая пальцемъ въ воздухъ. При-знаюсь, я ничего не могъ разслышать, какъ ни напрягалъ слуха.

— Поеть?—проговорилъ вдругъ Рубецъ, съ изумленіемъ поднимаясь съ корточекъ.—Ловко! А я-то страху набрался! Кому только быть? Слышать, ровно голосъ-то господскій? Одначе по нашимъ мѣстамъ къ вечеру пѣть негоже.

Артюховъ вышелъ изъ своей засады, неодобрительно тряхнувъ головой, поднялъ мое ружье, валявшееся на травѣ, и подалъ мнѣ со словами:

— Надо итти, а то скоро совсѣмъ стемнѣетъ.

Не успѣлъ я встать съ мѣста, какъ и до меня донеслись теперь тихіе отзвуки далекой пѣсни. Въ саженьяхъ ста или двухстахъ подъ нами, въ лѣсной чащѣ, видимо пробирался человѣкъ, шелъ беззаботно распѣвая.

— Верхами идутъ! — неожиданно объявилъ мнѣ Игнать. — Не иначе, что объѣздчики! Ну, это свои!—добавилъ онъ уже небрежнымъ тономъ и опять ухарски вскинулъ ружье на плечо.—Идемте.

Мы двинулись въ путь. Но не прошло и получаса, какъ сзади насъ, по узкой каменистой тропѣ зазвякали подковы. Рубецъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой и, какъ осторожный охотникъ, тотчасъ же сошелъ съ дорожки и всталъ за стволъ могучей лиственницы. Я послѣдовалъ его примѣру.

Вдоль обрывистаго горнаго кряжа, по которому пролегалъ нашъ путь къ вершинамъ, показались два всадника. Они ѣхали гусемъ, при чемъ у передняго виднѣлось за спиной ружье, а на головѣ была надѣта форменная фуражка казеннаго лѣсника, которыми охраняются здѣсь «кабинетскія» дачи.

Мужичекъ сторожъ съ рыжей окладистой бородой, плелся шагомъ, безучастно поглядывая по сторонамъ. Ъхавшій за нимъ блондинъ былъ молодой человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія, лѣтъ тридцати не болѣе, и по одеждѣ, какъ и по манерѣ держаться на непривычномъ ему сѣдлѣ, показался мнѣ купеческимъ приказчикомъ. Ъздить верхомъ онъ видимо не привыкъ. Поводья у него болтались на широкой лукѣ киргизскаго сѣдла, а правая нога, вынутая изъ стремена, должно быть, съ непривычки затекла и висѣла плетью.

Одѣтъ онъ былъ въ вышитую шелковую рубашку и разстегнутый парусиновый пиджакъ, въ суконные русскіе шаровары, заправленные въ высокіе нарядные сапоги съ подборомъ. Щегольской парусиновый же картузь съ широкимъ днищемъ на каркасѣ никакъ не могъ обмяться на головѣ и при каждомъ сотрясеніи атлетической фигуры купчика упорно лѣзъ съ затылка на лобъ, закрывая козырькомъ глаза. Купчикъ не вытерпѣлъ наконецъ и снялъ его пухлой рукой.

Потъ съ лица у него валилъ градомъ, глаза щурились, крупный мясистый носъ доснился отъ загара. Отъ всей фигуры его вѣяло здоровьемъ, выносливостью, избыткомъ силы. Несмотря на отсутствіе красоты, лицо его дышало той добродушной улыбкой, которая характеризуетъ истаго русака, слегка застѣнчиваго и увалистаго. Смѣшно было смотрѣть, какъ подъ его богатырской фигурой жалась бѣдная деревенская лошаденка, едва передвигавшая ноги.

Не успѣли проѣзжіе поровняться съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ притаился мой проводникъ-охотникъ, какъ Рубецъ вдругъ выскочилъ на тропу передъ самой мордой лошади лѣснаго объѣздчика и обѣими руками загородилъ ей дорогу.

— Стой, Пестрякъ... Куда торопишься?—загоготалъ Артюховъ. Я ожидалъ, что лошадь объѣздчика, испуганная неожиданнымъ появленіемъ передъ ней человѣка, бросится въ сторону, но, къ моему удивленію, она тотчасъ же остановилась, какъ вкопанная. Ей видимо хотѣлось передохнуть хотя малость.

— Охъ, чтобъ тебя, непутевый, блажной!—не сразу отвѣтилъ лѣсникъ, скорѣе съ изумленіемъ, чѣмъ досадой.—И откуда взялся, забубенная твоя головонька? — продолжалъ Пестрякъ уже совершенно пріятельскимъ тономъ.

— Нечего гамить! — строго проговорилъ Рубецъ:—куда плывешь-то? На Шуралинъ¹⁾ заводъ что ли?

— Ишь какой пряткій! На дворѣ—ночь, а онъ эво-га куда маханулъ... на Шуралинъ!.. На уютѣ заночуемъ...

— У Иконникова ключа?—быстро спросилъ Игнатъ.—Ну, такъ намъ по дорогѣ... И, повернувшись спиной къ объѣздчику, охотникъ обратился ко мнѣ покровительственно:

— Выходите, что ль, господинъ хорошій! Не пужайтесь! Богъ попутчиковъ послалъ...

Пока Пестрякъ и мой проводникъ вели свои діалоги, молодой купчикъ смотрѣлъ на нихъ совершенно равнодушно, видимо насколько не сѣтуя на неожиданную задержку.

— Баринъ... тутъ... со мной... изъ Нижнетурья... охотимся!—объяснялъ между тѣмъ Рубецъ Пестряку небрежно, развязно роняя отдѣльные слова. Онъ продолжалъ стоять предъ головой его.

¹⁾ Шуралинскій заводъ на Уралѣ.

лошади, загораживая ей дорогу. Игнатъ совершенно успѣлъ уже освоиться съ новымъ положеніемъ. Вечерніе «страхи» не смущали его болѣе, а встрѣча съ Пестрякомъ, который, какъ мнѣ показалось, не дуракъ былъ выпить, видимо сулила Рубцу самую заманчивую перспективу.

III.

Я вышелъ изъ моей засады какъ разъ предъ купчикомъ, который молча обтиралъ съ лица потъ цвѣтнымъ платкомъ, кряхтя и отдуваясь. Оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, богатырь дружески раскланялся и неожиданно проговорилъ:

— Отченко даже жарко! Сказываютъ, намъ по дорогѣ? Отченко даже пріятно! — Купчикъ кивнулъ головой въ сторону Игната и добавилъ, добродушно улыбаясь:

— Занятный такой... Одначе, будемте знакомы: Илья Наумовъ Сухановъ.—Я назвалъ себя. Сухановъ опять повторилъ:—Отченко даже пріятно,—и спросилъ, видимо недоумѣвая:

— Значитъ, вы въ родѣ какъ бы пѣшкомъ?—Но за меня отвѣчалъ уже Рубецъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Не сумлѣвайтесь! Раньше васъ на Иконниковомъ-то ключѣ будемъ. А «уютъ» тамъ хорошій и ночевка—первый сортъ... одно удовольствіе.

— Вотъ что, свать!—обратился онъ уже повелительно къ Пестряку:—ты купца-то веди въ объѣздъ, гдѣ дорога лучше, а мы напрямикъ пойдемъ... Такъ-то оно складнѣе.

— Ладно ль въ объѣздъ-то будетъ? — усомнился лѣсникъ, но Артюховъ тотчасъ же задалъ на него окрикъ и, свернувъ со мною въ лѣсъ на едва примѣтную «таежную» тропу, крикнулъ объѣздчику вслѣдъ:

— Слышь, Пестрюковъ, пошевеливай! Какъ разъ грозой смочить!..

И когда объѣздчикъ съ купцомъ двинулись въ путь, Игнатъ объявилъ мнѣ таинственно.

— Я ихъ нарочно въ объѣздъ - то послалъ... Намъ прямикомъ до «ключа» и версты не будетъ. Не люблю я, когда до меня на лѣсной «уютъ» приходятъ...

— Ужъ такая примѣта есть... особливо къ ночи... Ежели да въ «уютъ» войти безъ молитвы небывалому человѣку,—быть бѣдѣ на ночевкѣ!—увѣрялъ меня Рубецъ на ходу, широко шагая и то и дѣло перекидывая ружье съ одного плеча на другое.

Дѣйствительно, и получаса не прошло, какъ мы вышли съ нимъ на поляну, гдѣ стоялъ небольшой деревянный сарайчикъ, сколоченный изъ толстыхъ еловыхъ бревенъ съ низенькой дверью, но безъ оконъ. Уютъ у Иконникова ключа былъ устроенъ, какъ большинство уральскихъ убѣжищъ, для защиты охотниковъ отъ грозъ

и непогоды—лѣтомъ, а зимой отъ вьюгъ и лѣснаго звѣря. Сарай стоялъ на лужайкѣ подъ однимъ изъ горныхъ уваловъ и былъ прислоненъ къ отвѣсной скалѣ, по-мѣстному «Иконникову камню». Въ ней на высотѣ аршина изъ разсѣлины сочился горный ключъ холодной, прозрачной воды и, сбѣгая въ природномъ ложѣ изъ песчаника, терялся въ густо разросшемся кустарникѣ.

Кругомъ небольшой поляны толпились высокіе кедръ и пихты, а надъ «уютомъ» справа, осѣняя его вѣтвями, стройно поднималась вѣковая лиственница. Сарайчикъ издали казался зеленымъ холмомъ—такъ вросли въ землю его деревянныя стѣны, обложенныя дерномъ. На крышѣ отъ ежегоднаго перегноя образовался толстый слой чернозема, густо заросшій травой и кустами.

Пока я жадно пилъ воду, Рубецъ первымъ вошелъ въ «уютъ», бормоча себѣ подъ носъ какія-то заклинанія. Онъ долго бродилъ тамъ въ темнотѣ, постоянно на что-то натываясь, взвизгивая и ахая... Вдругъ онъ выскочилъ изъ дверей весь блѣдный, съ лицомъ, перекошеннымъ отъ испуга.

— Спички-то гдѣ у васъ?—пролетѣлъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Ну, оказія!

— Да что случилось?

Но въ эту минуту на полянѣ появился Пестрякъ, ведшій въ поводу обѣихъ лошадей, едва передвигавшихъ ноги. Слѣдомъ за нимъ шелъ Сухановъ увалистой, медленной походкой.

— Ишь, ровно медвѣдь валить!—замѣтилъ Рубецъ, понизивъ голосъ.—Совсѣмъ притомилъ животину-то. Да и ты чудакъ, Пестряковина, какъ есть дура. Подъ этакова мужчину быка надо!

Обѣздчикъ молча прошелъ въ уютъ и черезъ минуту вернулся къ намъ съ большимъ войлокомъ. При видѣ его Рубецъ вдругъ всплеснулъ руками:

— Ахъ, чтобъ тебя! Ну, и далъ же я маху! Это ты, чортова кукла,—обратился онъ съ сердцемъ къ Пестряку,—въ печь-то его засунулъ?

— Кого?—переспросилъ обѣздчикъ.

— Да войлокъ-то... Догадала тебя нелегкая...

— Ну, такъ что жъ?

— На поди! Уморилъ меня было, да еще спрашиваетъ? Сталь я въ темнотѣ по печи шарить, а тамъ кто-то лежитъ да шевелится...

— Лѣшака испугался? Ай да охотникъ!—разсмѣялся Пестрякъ, разстилавшій для насъ войлокъ на полянѣ подлѣ «юта».

Пока обѣздчикъ съ Рубцомъ обсуждали вопросъ, чѣмъ мы будемъ кормиться, Сухановъ неторопливо усѣлся на камень и, снявъ картузь, задумчиво глядѣлъ въ открывшуюся передъ нами даль, куда уходила фіолетовая гряда каменистыхъ отроговъ Урала.

За темной щетиной лѣсовъ, на розовой пеленѣ небосклона медленно угасали послѣдніе лучи заката. Въ тишинѣ вечерняго воздуха, напоеннаго прохладой, ароматомъ смолы и душистой горной полынки, тихо звенѣла въ зеленой чащѣ невидимая рѣченка, пробираясь съ камня на камень къ болотнымъ низинамъ. Ея говорливая трель и сдержанный протяжный шумъ лѣса, по которому тянулъ теперь вѣтерокъ, предвѣстникъ близкой ночи, навѣвали на насъ какую-то сладостную дрему, полузабытье, неотразимо дѣйствуя на душу. Не хотѣлось ни двигаться, ни хлопотать о ночлегѣ и ужинѣ, а тянуло сидѣть неподвижно, любясь тихимъ отблескомъ зари, прислушиваясь къ таинственному лѣсному шепоту.

Суханова, судя по выраженію его лица, охватило такое же настроеніе. Онъ глядѣлъ въ эту розовую даль въ глубокомъ раздумьи. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Наконецъ онъ обернулся ко мнѣ и проговорилъ тихо:

— Хоро-шо-съ... отченно я люблю здѣшнія мѣста...

— А вы издалека?—спросилъ я, подходя и тоже присаживаясь подлѣ него на камень.

— Мы, то-есть, екатеринбургскіе будемъ... по торговой части... Допрежъ того недалече я отъ здѣшнихъ мѣстовъ проживалъ, а теперь, значить... въ отлучкѣ.—Сухановъ помолчалъ и добавилъ:—я вѣдь крестьянскій сынъ и годовъ съ десять тому попросту Илюшкой прозывался... да-съ.

Я посмотрѣлъ съ любопытствомъ на купчика; простота его рѣчи и неожиданная откровенность меня удивили.

— Ушель-съ изъ своихъ-то мѣстовъ тоже не по своей волюшкѣ! Ужъ такой, значить, предѣлъ мой... Да-съ. Коренные мы, съ отцомъ-то, какъ есть землепашцы были. Анъ, сыну-то пришлось на купеческую линію стать, да и помаялся я съ ней немало!

Сухановъ произнесъ все это сдержанно, какъ будто раздумывая надъ своей судьбой.

Илья говорилъ на «о», той особой скороговоркой, избличающей старообрядца, какими изстари полно Приуралье. Самъ онъ не курилъ, и когда Рубецъ задымилъ своей носогрѣйкой, Сухановъ отвернулся отъ него съ явнымъ презрѣніемъ.

Насколько я замѣтилъ, мой юркій проводникъ почему-то не по нраву пришелся екатеринбургскому богатырю. Илья Наумычъ обращался съ нимъ, какъ съ «мелочью», не заслуживающей вниманія. Напрасно Игнатъ, очевидно, успѣвшій разузнать отъ Пестряка всѣ подробности относительно купчика, лебезилъ предъ нимъ, предлагая съ своей стороны всевозможныя услуги, въ надеждѣ на хорошую подачку, Сухановъ избѣгалъ съ нимъ разговаривать. Когда навязчивый Рубецъ предложилъ ему «растереть затекшія ноги», Сухановъ не выдержалъ и сурово отрѣзалъ:

— Отвяжись, сдѣлай милость. Словно оводъ присталъ! На что похоже?

Озадаченный Рубецъ убрался, но, разводя костеръ, долго ворчалъ себѣ подъ носъ. Объяздчикъ Пестрякъ предложилъ намъ изжарить на ужинъ убитую имъ тетерку да пару «рябцевъ», на что мы оба охотно согласились.

— Экое приволье благодатное!—говорилъ мнѣ между тѣмъ Сухановъ, любуясь открывавшейся передъ нами панорамой.

— Сколько лѣтъ, кажись, въ городѣ маюсь, а отъ своихъ-то мѣстовъ не могу отвыкнуть! Повѣрьте, иной разъ сномъ приснятся, а не то такая тоска по нимъ западаетъ — терпѣнья не станетъ, моченьки... Въ лавкѣ ль сижу, пойду ли въ гранильню,—тамъ у меня мастеровъ человѣкъ съ двадцать,—и на людяхъ-то отъ душекъ нѣтъ покоя! Все бы это, кажись, бросилъ, опять бы куда ушелъ и новое бы дѣло какое ни на есть наладилъ.

— Какое же дѣло?—полюбопытствовалъ я.

— Ахъ, Боже мой!—оживился Сухановъ.—Ничего не могу сказать точно... какое именно дѣло... Одначе изъ ума не идетъ у меня эта самая думушка.

И, помолчавъ съ минуту, богатырь обратился ко мнѣ съ нескрываемымъ волненіемъ, видимо надѣясь, что я разрѣшу томившее его сомнѣніе.

— Ну, скажите на милость... По всѣмъ видимостямъ человѣкъ вы ученый, а я всеконечно человѣкъ «темный», скрываться отъ насъ не могу... Грамотѣ съ трудомъ научился, да и тому пяти годовъ не будетъ. Объясните вы мнѣ, что это за болѣсть такая? Не иначе что болѣсть! Какое дѣло ни заведу, проработаю годъ, два, не лежить у меня къ нему душа, да и только... Все, будто, «не то» выходитъ. Такъ учнетъ представляться, будто у пустяковъ ходишь, а хотѣлось бы дѣла настоящаго, серьезнаго... И учнетъ меня раздумье брать такое, что хотъ пропадать въ ту пору. Что за оказія? Болѣсть это что ли во мнѣ какая, али такъ, просто, «съ глазу»?

IV.

Сухановъ поднялся, уронилъ картузъ на траву и, видимо не замѣчая его, медленно зашагалъ по зеленой полянѣ. Я глядѣлъ на его широкія плечи, на огромную спину и руки, на этотъ могучій ростъ здороваго, полнаго жизни человѣка, и при слабомъ отблескѣ костра, въ густѣющихъ сумеркахъ, мнѣ невольно вспоминалась давно минувшая эпоха, когда родная Русь, полуязыческая, полухристіанская, растила могучее племя богатырей, не знавшихъ, куда дѣвать обуревавшую ихъ силушку... Мерещились мнѣ безконечныя степи подъ Кіевомъ, берега синяго Дона, сплошныя хмурые лѣса новгородскіе, и вездѣ по нимъ бродилъ русскій человѣкъ, выскивая «себѣ дѣла богатырскаго», «боя честнаго», «супротивника по плечу», «дружинѣ богатства, а князю славы».

— Не съ кѣмъ намъ своей силой помѣриться!—тосковали много позднѣ русскіе молодцы - ушкуйнички, всѣ эти «вольные атаманы», уходившіе изъ Московскаго государства на широкой волжскій просторъ, въ неизвѣстную глушь Сибири. Силушка могучая, жажда вольной волюшки тянула, какъ и въ старину, новыхъ «богатырей», начиная отъ Кудеяра, Ермака и Стеньки Разина, вплоть до Пугачева, поднимавшаго за собой цѣлыя орды людей, не знавшихъ, куда дѣвать себя, чѣмъ унять расходившуюся кровь широкой русской природы... И она жива еще, эта сила, на Руси, только цѣли и средства ея примѣненія стали теперь иными.

Чѣмъ дольше я всматривался въ Илью Суханова, тѣмъ ярче сквозилъ въ немъ его прототипъ—былой богатырь Илья Муромецъ, Грузно ступая, Илья ходилъ передо мною, какъ скованный тяжелымъ бременемъ давившей его силы, тоже рвавшейся на просторъ и какъ будто не находившей себѣ исхода. А между тѣмъ трудно было допустить, чтобы такому человѣку, полному энергіи, жажды дѣла, не находилось на родинѣ желаннаго примѣненія. Я высказалъ мою мысль богатырю; онъ тотчасъ же встрепенулся.

— По совѣсти скажу, здоровьемъ и силушкой меня Богъ не обезсудилъ!—отвѣчалъ мнѣ Сухановъ, при чемъ грудь его дышала, какъ кузнечный мѣхъ, а ноги, ступая по мягкой травѣ, плотно утрамбовывали ее въ землю.

— Еще мальченкой меня вчетверомъ ребята одолѣть не могли... Потомъ, какъ подростъ, стало меня тянуть въ дальніе края, посмотрѣть, гдѣ какъ люди живутъ. Я и размякни... Анъ, вышелъ такой стихъ, что тятенька меня безъ дальняго разговора по шеѣ—трахъ: «въ работу, говоритъ, Илья, съ Богомъ!»

— Позвольте,—изумился я,—развѣ вы что нибудь сдѣлали? Провинились?

— Ничего я не сдѣлалъ, а попросту ему надоѣлъ. Хорошо-съ. Въ здѣшнихъ-то нашихъ мѣстахъ мужички почти всѣ «клады» копаютъ. Не то, что заправдашніе клады, а, попросту сказать, «шурфуютъ»¹⁾, сибирскіе камни ищутъ... Чать, вы и сами знаете? «Тяжеловѣсы»²⁾, бирилы, изумруды, рубины попадаются...

— И много добываютъ?

— Иному такое счастье выпадетъ, что не одинъ мѣшокъ наскребетъ... Хоша скупщикъ у него сырецъ перекупить и продасть вдвое дороже, а все-таки шурфовщикъ, который умѣлый, въ барышахъ...

— Насъ тогда у отца только двое и было: Ванюшка да Ильюшка, и обоемъ завсегда подзатылины. Строгъ у насъ отецъ-то, не дай Богъ... А мамынька, хоша насъ и любила, слова молвить не могли

¹⁾ Шурфовать—копать шахты, разрабатывать россыпь.

²⁾ Тяжеловѣсы—сибирскіе брилліанты.

Когда Наумъ Прохоровъ осерчаетъ, — мамынька только плачетъ, а заступиться за насъ и думать не смѣй! Ванюшку-то въ солдаты взяли, угнали въ Варшаву, онъ тамъ въ госпиталѣ и померъ.

— Какъ четырнадцатый годъ мнѣ пошелъ, батька трешницу досталъ да и объявилъ: «ты, говорить, такой сякой, не ублюдкомъ вышелъ, а болтаться-то зря, говорить, нечего! Люди шурфуютъ, и ты ступай. Да норови такъ, чтобы на трешницу мово родительскаго капиталу тебѣ другую нажить, понялъ? И что дальше, то больше — ну, въ люди и выйдешь... На насъ же, говорить, со старухой не надѣйся».

— Послалъ меня дорогіе камни скупать. Бился я, бился, да спервоначала-то дѣло и проворонилъ. Купилъ на трешницу вмѣсто тяжеловѣсовъ стекла; народъ-то у насъ бѣдовый — надули! Тутъ и началась моя наука. Намялъ мнѣ бока отецъ по-свойски, еще трешницу далъ, да изъ дому и выгналъ. «Не смѣй, говорить, приходить, пока въ дуракахъ живешь». Да вмѣсто отцова-то благословенія на прощанье по-загровку съѣздилъ.

Я только молча развелъ руками.

— Извѣстно-съ — необразованность. Одначе, съ той поры дѣла у меня пошли много сходиѣе. Сталъ съ барышемъ покупать, а черезъ три года пятьсотъ рублей нажилъ. Тятенкѣ трешницу снесъ обратно и на повинности всѣ сполна, а мамынькѣ шаль подарилъ преотличную-съ. Брата Ивана тогда уже въ живѣе не было! — Сухановъ вздохнулъ и на минуту задумался.

— Тутъ на меня впервые и раздумье нашло: домекаю, что за полцѣны весь товаръ мой пропадаетъ. Вижу, дѣло мое «стынетъ»¹⁾, и надумалъ я въ шлифовщики стать — поучиться самому камень шлифовать. Тогда ему и цѣна совсѣмъ другая, не за «слѣпой камень»²⁾ берешь, а по карату. Такъ поступилъ я на гранильную фабрику въ подмастерье.

— Восемнадцать годовъ тогда мнѣ было, а изъ себя-то я, видите, каковъ? А тамъ, по заводамъ, въ подмастерьяхъ больше мальченки живутъ, и оченно надо мной товарищи насмѣхались. Всю науку я тогда почувствовалъ — лупили меня мастера ремнемъ не жалѣючи! Въ двадцать годовъ я ужъ самъ мастеромъ ходилъ и жалованье получалъ хорошее. За бриллиантову грань оченно меня хозяинъ полюбилъ и жалованье прибавить сулилъ, да я не остался.

— Почему же? — изумился я.

— Опять раздумье взяло... Мочи нѣтъ, ровно сглазилъ кто. Надумалъ я самому дѣло повести, да и махнулъ въ Екатеринбургъ. Деньжонки-то у меня, признаться, тогда порядочныя были: тысячи три цѣлковыхъ. Въ Екатеринбургѣ подобралъ я себѣ двухъ масте-

¹⁾ Сибирское выраженіе, значитъ «перестаетъ интересоваться».

²⁾ Слѣпой камень — сырецъ, не отдѣланный.

ровъ и принялся самъ скупать камни, шлифовать; съ купцами торгъ завелъ безъ перекупки. Слава тебѣ, Господи, Бога гнѣвить не могу, торговля не плохая... Думаю, домъ въ городѣ-то купить и хозяйствомъ обзавестись въ полную... Гадаю ужъ давно, да все не выходитъ...

— Зачѣмъ же дѣло стало?—полюбопытствовалъ я.—Человѣкъ вы молодой, самъ хозяинъ, значить, и самъ себѣ голова...

— Какъ есть въ самую центру попали!—отзывается Сухановъ и, подперевъ руками бока, останавливается передо мной, встряхнувъ русыми кудрями.

— Тутъ-то вся и заковырка: выходитъ такъ, что не самъ я себѣ голова при родителяхъ - то! Пронюхалъ старикъ мой, что въ Екатеринбургѣ я хорошо приустроился, и найди на него блажь. Предъ самой Пасхой не высылаетъ мнѣ паспортъ, да и баста! Наказалъ съ землякомъ приѣзжать къ нему безпремѣнно. Что тутъ дѣлать? Въ городѣ дѣло налажено, мастера живутъ, торговля... Бросай все, въ деревню тащись! Собрался я, поѣхалъ...

— «Мнѣ, говорить, одному со старухой не управиться! Безпремѣнно долженъ ты съ нами «страду» справлять»¹⁾.

— Волкомъ взвылъ я въ ту пору! За пять-то годовъ поотвыкъ оченно отъ хрестьянской работы. Силушки много, да гнуться не въ моготу стало; просто затормошлся! Старики-то мои до зари встануть и въ поле: косятъ, жнутъ, вяжутъ... Развѣ за ними угонишься? Я и половины не накошу супротивъ ихъ, а измучусь вдосталь. Вижу, не сдобровать мнѣ—спины не разогну, наконецъ взмолился:

— Отпустите вы меня, говорю, ради Бога! Все равно, я вамъ не работникъ, сами, чать, видите? Лучше наймите подходящаго человѣка, а я исполна заплачу. Просто на стѣны отецъ-то полѣзъ:

— «Можешь ли ты, говорить, Илюшка, изъ моей власти выйти? А? Нѣтъ тебѣ паспорта, коли такъ, безъ мово соглашенія!»

— Ну, и намаялся я тутъ со старикомъ-то. Едва ужъ мы съ мамынькой его уломали. Самъ видитъ, что сподручнѣе работника взять, а все кобенится.

— «Черезъ меня, говорить, ты въ люди вышелъ и долженъ это завсегда чувствовать!» Одначе отпустилъ, хоша на прощанье потрясъ за загривокъ.

— «Большого-то форсу, говорить, не заводи, почитай родителя—во какъ; а по зимѣ я къ тебѣ безпремѣнно наѣду».

— Вотъ-съ, какова темнота-то по деревнямъ въ нашихъ мѣстахъ! Выгоды своей человѣкъ сразу понять не можетъ! Много въ ту пору дивовался я на прежнюю свою жисть: и отца-то съ матерью жаль, и самому не въ моготу оставаться... Вернулся я къ себѣ въ городъ, опять на меня тоска навалилась! Ночи не сплю—береть раздумье...

¹⁾ Страда—лѣтнія полевая работы.

V.

Илья Наумовичъ умолкъ и, отирая платкомъ лобъ, снова присѣлъ на камень. У лѣснаго «уюта», въ густѣющемъ сумракѣ ночи, все ярче и ярче разгорался костеръ, разведенный Пестрюковымъ. Старикъ давно копошился надъ огнемъ, гдѣ жарилась на шомполахъ дичь, и гигантская тѣнь, поднимаясь сзади объѣздчика, тянулась по луговинѣ, вздрагивая при каждомъ его движеніи.

Хитрый Рубецъ сидѣлъ себѣ въ сторонѣ, попыхивая трубкой и, видимо, не безъ ироніи прислушиваясь къ нашему разговору. Спутанные лошади темными силуэтами виднѣлись на противоположномъ концѣ поляны; ночная мгла уже скрывала окрестности. Съ востока вдругъ потянуль рѣзкій холодный вѣтеръ, и на край синяго неба неслышно надвинулась темная, тяжелая туча. Она какъ будто давила воздухъ своимъ свинцовымъ покровомъ, и все труднѣе становилось дышать отъ скопившагося въ атмосферѣ электричества.

— Быть грозѣ!—проговорилъ Сухановъ, какъ будто очнувшись, и торопливо взглянулъ на небо.—То-то съ утра еще нудить меня стало... Моченьки нѣтъ, такъ по всѣмъ суставамъ ломота и ходитъ: видно, кровь застоялась?

— А не закусить ли намъ?—обратился онъ ко мнѣ вдругъ, указывая рукой на жарившуюся дичь. Какъ бы... того... не ровень часъ, дождемъ не прохватило?..

Мы подошли къ огню и усѣлись на мягкомъ войлокѣ. Объѣздчикъ дорожнымъ ножомъ рознялъ тетерку и подаль намъ на деревянномъ кружкѣ съ большими ломтями чернаго хлѣба, густо посыпаннаго солью. Сухановъ перекрестился двумя перстами. Онъ ѣлъ не спѣша и все время сосредоточенно глядѣлъ на огонь ярко пылавшаго костра, изрѣдка моргая, попрежнему поглощенный своими думами.

Расторопный Пестрякъ, одѣливъ насъ тетеркой, принялся за «рябцовъ», какъ онъ выражался; а Игнатъ, крайне недовольный старообрядцемъ, которому не удалось ему подслужиться, дулся на всѣхъ и только изрѣдка окидывалъ меня исподлобья сердитымъ взглядомъ.

Я наблюдалъ Суханова, и мнѣ думалось въ эту минуту, что вотъ она — та «непочатая сила» вольной Руси, которой принадлежитъ будущее... Только нѣтъ этой силѣ еще примѣненія, и дремлетъ она, и мается въ темнотѣ убогаго невѣжества, инстинктомъ порываясь къ свѣту, къ какому-то «особому» дѣлу, къ смутной, еще неразгаданной цѣли...

Все было необыкновенно типично въ этомъ «хрестыанскомъ сынѣ»—слабограмотномъ, но вдумчивомъ и любознательномъ, какъ большинство самородковъ, начиная съ Ломоносова. Несмотря на

«громоздкость» и «увалистость» фигуры уральскаго богатыря, на явную медлительность его соображенія, чувствовалось, однако, что онъ потому только «на землѣ сидитъ», что съ нею у него, какъ у легендарныхъ русскихъ витязей, существуетъ «великая связь». Но разъ онъ «встанетъ да пойдетъ, то поль-свѣта обойдетъ».

Я перевелъ глаза на моего охотника, Игната Артюхова, на его тщедушную, но самодовольную фигуру, и контрастъ съ Сухановымъ, «дѣтищемъ земли», получился еще сильнѣе, еще рельефнѣе. Предо мной сидѣлъ тоже «русскій человѣкъ», несомнѣнный представитель того «фабричнаго» поколѣнія, которое здѣсь, какъ и вездѣ, успѣло измельчать и выродиться подъ вліяніемъ заводской цивилизаціи. И это въ какія нибудь полтора, два столѣтія существованія на Уралѣ горной промышленности!

Рубецъ, несмотря на свои относительно молодые годы, казался испытанъ, дряблымъ, помятымъ жизнью человѣкомъ и представлялъ яркій типъ «безпочвенника», какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи даже пожилой объѣздчикъ Пестрякъ, вышедшій изъ государственныхъ крестьянъ, имѣлъ предъ нимъ всѣ преимущества: Онъ былъ бодрѣе, привѣтливѣе и казался вполне здоровымъ; не смотрѣлъ на насъ, какъ затравленный звѣрь, то дерзкій и наглый, то жалкій, трусливый, смотря по перевѣсу силъ противника, какъ это ясно сквозило во всѣхъ движеніяхъ Рубца, «кладоискателя» и «охотничка».

Пестряковъ, какъ лѣсникъ, имѣлъ «почву» подъ ногами. Будучи объѣздчикомъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, онъ чувствовалъ, такъ сказать, «легальность» своего положенія и потому держалъ себя степенно и съ достоинствомъ. Рубецъ велъ себя, глядя по обстоятельствамъ—по компаніи, какъ онъ самъ сознавался, и, бывая въ разныхъ передрыгахъ, твердо придерживался пословицы: «Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ».

Наблюдая выраженіе его хитрыхъ глазъ, я былъ увѣренъ, что мое присутствіе связывало ему руки. Не будь меня, Игнатка навѣрняка прикинулся бы «столовѣромъ», крестился бы «двуперстіемъ», ни разу не закурилъ бы носогрѣйки, смиренничая въ надеждѣ «обойти» купчика. Только подлый запахъ тютюна одинъ могъ его выдать.

И это былъ представитель того же «крестьянства», только выросшаго не на «землѣ», а на «заводахъ», успѣвшій уже промотать свою природную силушку, научившись класть свою честь на проруку... А Илья Наумовъ Сухановъ шутя пробирался черезъ десять вѣковъ и вышелъ невредимо изъ невзгодъ и борьбы все тѣмъ же «богатыремъ», какимъ природа создала его пращура Кіевскаго періода, современника не менѣе легендарнаго князя «Володимира Красное Солнышко»... Но удивительнѣе всего, что онъ сумѣлъ пронести черезъ эту тысячу лѣтъ не только свою силушку могучую, съ бо-

гатырскимъ здоровьемъ и тѣлосложеніемъ, но сохранилъ свою симпатичную прямоу безхитростнаго міросозерцанія.

Едва мы успѣли поужинать, какъ вдругъ издали донеслись до насъ глухіе раскаты грома. Минуть черезъ пять пошелъ дождь; пришлось забираться въ сарай, куда первымъ юркнулъ Рубецъ, громко бранившій насъ, что мы своевременно не оцѣнили его предсказаній. Пестрякъ поспѣшилъ развести огонь въ полуразвалившейся печкѣ «юта» и натаскать хвороста внутрь сарая, гдѣ намъ предстояло провести ночь, если дождь не разойдется и не заставитъ сидѣть цѣлыя сутки. Сюда же были принесены ружья, сѣдла и весь дорожный скарбъ Пестряка, вѣрнѣе его охотничья сумка и мѣшокъ съ хлѣбомъ. Лошадей спутали; бѣдныя животныя, почувавъ близость грозы, сами спѣшили укрыться подъ вѣтвистый навѣсъ лиственницъ.

Не прошло и четверти часа, какъ крупныя капли дождя зашипѣли, падая въ догорающій костеръ; раздался громовой ударъ, и, на сколько было видно въ окно, яркая молнія вспыхнула, мгновенно освѣтивъ лѣсную поляну. Въ ту же минуту дождь полилъ ливнемъ, какъ изъ ведра, а удары грома становились все чаще и чаще.

Несмотря на грозу, прервавшую нашъ разговоръ, бесѣда скоро возобновилась. Въ «ютѣ» было тепло. Огонь привѣтно грѣлъ насъ, освѣщая бревенчатыя стѣны съ деревянными нарами, на которыхъ мы улеглись съ Сухановымъ. Рубецъ залѣзъ на палаты и все время кряхтѣлъ тамъ, ворочаясь съ боку на бокъ. Старикъ объѣздчикъ, не привыкшій сидѣть безъ дѣла, подбрасывалъ хворостъ въ огонь, тревожно прислушиваясь къ грозовому ливню. Пестряка видимо смущали лошади, и было уже за полночь, когда онъ, несмотря на ливень, выбѣгалъ посмотреть, что съ ними дѣлается. Мнѣ было жаль старика, а безучастное отношеніе Рубца насъ обоихъ бѣсило. Илья Наумовъ прилегъ было на минуту, но скоро опять сѣлъ и, упорно глядя на огонь, къ которому его такъ и тянуло, какъ ребенка, возобновилъ свои разсужденія.

— Да, не забуду я этой деревенской побывки... Что говорить! Облютѣлъ тогда отецъ—мѣры нѣтъ. А какъ зимой ко мнѣ въ городъ припожаловалъ да посмотрѣлъ на мое житье-бытье, просто рехнулся старикъ: ѣсть поѣдомъ съ утра до ночи...

— «Ишь ты, говоритъ, какъ здѣсь живешь, Илюша? Совсѣмъ въ купцы вышелъ? Работники-то тебя «хозяиномъ» величаютъ, и скотина у тебя есть—пара лошадей да корова. Все доглядѣлъ! А я въ ту пору санки себѣ на городской манеръ справилъ, лошадокъ купилъ и сѣномъ запасся. Фатера у меня въ городѣ хорошая: чистота, просторъ. И гранильщики подобрались народъ смышленный и тихій. Завидно, вишь, отцу стало на мое обзаведеніе; ѣсть меня и все норовить съ заковыркой:

— «Ты смотри, говоритъ, Илюшка, на купецкій манеръ не ладь! Живота-то у меня не отращивай! Я тебѣ живымъ манеромъ спесь-то

выбью. Да гляди, еще оженишься тутъ безъ отцова благословенія? Ась? Мѣщанку рассейскую за себя возьмешь—и думать не моги. Потому намъ въ полѣ работница нужна... Мать совсѣмъ стала немощной сосудъ, ей одной не подь силу!»

— Просто изморомъ извелъ меня, ей-Богу! Съ мѣсяць, али больше выжилъ. Взялъ деньгами на избу двѣ сотни, лошадь одну отъежомъ отнял, да на своей-то чалой такой возъ сѣна увезъ, что другому и на двухъ подводахъ поднять в пору.

— «Кормы-то, говоритъ, у насъ, сынокъ, плохіе, а денегъ-то у тебя много, не обнищаешь!» Хитрый старикъ: у самого, какъ я на побывкѣ-то былъ въ деревнѣ, три омета стараго сѣна стояло—лѣтогодняшнихъ. Ну, да Богъ съ нимъ! Одного мнѣ только жаль, что онъ лошадь взялъ: пару разстроилъ.

— А сколько вамъ лѣтъ тогда было? — улыбнулся я, взглянувъ на Суханова.

— Да двадцать третій мнѣ пошелъ, аль двадцать четвертый... Какъ онъ уѣхалъ,—опять меня тоской прихватило. Понять не могу, что такое; нудитъ пуще прежняго, а какъ пригляжусь къ своему дѣлу,—ничего не тѣшитъ!—Сухановъ обхватилъ руками колѣна, уставился глазами на огонь и продолжалъ, вполне искренно недоумѣвая:

— Рабѣтѣ шла въ томъ году хорошо; большіе барыши были. И шлифовкой дѣла задались на удивленіе! Мастера на подборъ хорошіе, въ товарѣ почти изъяна не было... Иной разъ такая бываетъ незадача, что за камень дорогія деньги отдашь, а въ шлифовкѣ его мастеръ испортитъ. Тогда все шло на удачу. Одна бѣда: беретъ меня тоска, а отъ нея—раздумье... Не пойму, что такое? Спать ляжешь—въ голову невѣсть что лѣзетъ,—всю ночь глазъ не сомкнешь. Начнешь эту канитель съ купцами перебирать — тотъ обжулить норовитъ, этотъ обмѣрить, товаръ твой охаить, каратомъ сплутовать.... Ни на грошъ ни въ комъ совѣсти не осталось, просто бѣда! Повѣрите, такъ я загрустилъ, что хотъ дѣло свое бросить въ пору.

VI.

Лицо Суханова становилось все задумчивѣе и серьезнѣе. Онъ сидѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ «уютѣ», упершись широкими ладонями въ колѣни. Обѣздчикъ Пестрякъ, прикурнувшій у печи, слушалъ насъ съ живымъ любопытствомъ. Рубецъ на полѣняхъ притворился спящимъ. Благодаря дерновому насту на крышѣ, сильный дождь падалъ неслышно, и только глухой шумъ на полянѣ да яркія вспышки молніи съ рѣдкими громовыми раскатами напоминали намъ о грозѣ и ливнѣ. Сухановъ вдругъ озадачилъ меня неожиданнымъ вопросомъ:

— Вы какъ полагаете? А по моему разумѣнью при торговомъ дѣлѣ человѣку по совѣсти прожить невозможно?

— Почему такъ, Илья Наумычъ?

— Потому, какъ они сами говорятъ: «не обманешь—не продашь»... И безпремѣнно прижать норовятъ! Да развѣ это по-божески выходитъ, по правдѣ?—Онъ помолчалъ и добавилъ:

— Признаться, противно мнѣ стало съ «перекупщиками» валандаться. Надумалъ я тогда самому съ товаромъ на ярмонку махануть, въ Нижній. Поудивилъ пріятелей... Спервоначала думали—шутить; анъ, нѣтъ, въ августѣ и уѣхалъ. Раньше-то, окромя Екатеринбурга, я нигдѣ не бывалъ... Обрадовался словно ребенокъ.

— Не подумайте, что изъ-за корысти какой, а просто надоѣло мнѣ слѣзымъ сидѣть. Товаръ подбираешь хорошій. Другой-то разъ изъ-за рѣдкаго камня любительски такую муку примешь, бѣда! Аквамаринъ, напрімѣръ, брилліантовой гранью завсегда я самъ шлифовалъ. А тутъ понаѣдетъ скупщикъ — лодарь, рѣдко когда свое дѣло понимающій, и учнетъ твой товаръ перебирать да хаять... Очень мнѣ даже это обидно завсегда было. Вотъ я и рѣшилъ самому въ Нижній сплыть: свой товаръ показать, людей посмотрѣть. Потянуло меня на чужую сторонущку—и тоску мою, словно рукой, сняло!

Сухановъ поднялъ голову и, взглянувъ на меня, какъ-то радостно улыбнулся. Оживленіе сказывалось и въ его голосѣ и въ ярко блестящихъ, широко раскрытыхъ глазахъ.

— Въ Перми-то, на Камѣ, какъ увидалъ я въ первый разъ пароходы огромные, прямо таки ума рѣшился! День денской съ палубы не сойду; все гляжу, не наляжусь на эту милую игрушку... Кругомъ мѣста пошли привольныя, конца имъ нѣтъ! А ужъ какъ на Волгу-матушку сплыли, то-то я возрадовался. Вотъ раздолье-то гдѣ, вотъ веселье! Пароходы снуютъ одинъ за другимъ; баржи, бѣланы идутъ, вездѣ народомъ полнехонько. И народъ-то все веселый, прибаутчикъ, гораздъ пѣсни пѣть.

— Особливо артелью складно поютъ... нагрузчики. На пристаняхъ-то въ Казани, въ Козьмодемьянскомъ, заслушаться можно! «Ермака», кажись, вѣкъ бы слушалъ... наплачешься, право! Да, приволжскій народъ, правду сказать, не намъ чета. Сиднемъ сидючи по берлогамъ, въ дремучемъ лѣсу, у насъ темный народъ, сѣрый, угрюмый... Спервоначала — все въ диковинку было. На казанской-то пристани, пока пароходъ стоялъ, я въ городъ скаталъ: первый разъ Освободителю-Царю памятникъ видѣлъ. Диковина!

— Познакомился я дорогой-то съ старичкомъ однимъ; хоша и не нашей вѣры, а человѣкъ оказался хорошій, обстоятельный. Онъ меня въ Нижнемъ и пріустроилъ и на ярмонкѣ всѣ ходы тогда показалъ. Спасибо ему, тысячи двѣ я на товарѣ нажилъ.

— Не даромъ васъ, значить, на просторъ тянуло?—сказалъ я улыбаясь.

— Воистину-съ такъ!—согласился онъ съ какимъ-то дѣтскимъ прямодушiемъ.

— Вотъ они дѣла-то какія! Ровно съ глазъ слѣпота спала: что по нашимъ мѣстамъ полтина, то тутъ въ два рубля ходитъ. Что у насъ «безъ цѣны», осколкомъ считается, здѣсь, на ярмонкѣ, на «карать» идетъ. Шутка ли? Просто, вѣрите ли, совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ. Долго я съ той поры самъ на себя дивился: какъ это люди по своимъ захоlustьямъ сидятъ, на Божiй свѣтъ выглануть боятся?

— Что же вамъ особенно понравилось въ Нижнемъ?—сиросиль я Суханова.—Самъ городъ, ярмарка или Волга?

— Какъ вамъ сказать? По совѣсти и не знаю, что лучше? Оченно даже все хорошо! Особливо рѣка: пароходы на ней, баржи, караваны. Красиво! И народъ - то все такой бойкiй, смышленный. Дѣла дѣлаеть не шуточныя. Просто, вѣрите ли, въ глазахъ зарябило. И такъ одно дѣльце меня околпачило, что даже и вспоминать совѣстно.

Илья Наумовичъ смущенно взглянулъ на меня и улыбнулся.

— Признаться вамъ... Съ барышами-то, на радостяхъ, я тогда «на низъ» сплылъ, до самой до Астрахани. Все равно, думаю, мнѣ по дорогѣ... Все тотъ же старичекъ присовѣтовалъ.

— «Проѣзжайтесь, говорить, себя «образуйте». Какъ вамъ, говорить, купцомъ стать, ничего не издавши? Назадъ-то, домой, можно и по чугункѣ вернуться».

— Такъ я и сдѣлалъ. Теперь сами посудите: каково это, ни-гдѣ не бывавши, въ самый, что ни есть, омутъ попасть? Какъ побѣждалъ я «на низъ» Самолетомъ, пароходъ трехъэтажный, съ полъ-деревни длиной, двѣ трубы, пыхтитъ, свиститъ, а самъ такъ и чешеть—моченьки моей не стало! Мѣста кругомъ развеселыя; просторъ, широта—не надышишься. По пристанямъ вездѣ работа кипитъ. Товару горы навалены!

— Къ «низовьямъ»-то азіатецъ пошелъ: татарва, персианецъ, армяне... И всѣ торгъ свой особый вѣдутъ, у каждаго своя сноровка. А всѣ у пароходчика въ кулакѣ сидятъ — потому онъ сила!

Илья Наумычъ вздохнулъ и помолчавъ добавилъ:

— Теперь-то и вспомнить смѣшно, какъ меня тогда это пароходное дѣло присушило. Только и бредилъ, какъ бы свой «Самолетъ» завести.

— Много ли ему, спрашиваю, цѣна-то?

— Тысячъ, бають, двѣсти, не меньше.

— Ахъ, будь ты неладенъ! Такъ я и заскулилъ.. Ну, думаю, Илья, не нашего дѣла чета, не по рылу, выходитъ, похлебка.

— Вѣрите ли, едва тогда домой добрался, и хоша барыши хорошіе пришлись, а на свое-то дѣло и смотрѣть не хочется. До того полюбилась мнѣ жизнь на могучей рѣкѣ, что съ тѣхъ поръ который уже годъ самъ я по всему Поволжью съ товаромъ ѣзжу.

— Да что!—проговорилъ Сухановъ, порывисто поднимаясь съ нарѣ.—Бѣда мнѣ съ моимъ сердцемъ! Нѣтъ мнѣ съ нимъ сладу... Полюбилась волюшка-раздолье, потянуло меня самъ не знаю куда, хоша на край свѣта! Только и радости, какъ весна подойдетъ. Всю-то силушку, что на зиму накоплю, что меня тоской къ землѣ гнететъ, по чужимъ мѣстамъ размыкаю. Видно, такъ мнѣ на роду написано...

Илья Наумовичъ прошелся по «уюту», разминая плечи, грудь и пудовыя руки, въ которыхъ по его увѣренію «застоялась кровь» отъ «спокоя». Дремавшій Пестрякъ встрепенулся тоже; пристально вглядываясь въ богатыря, онъ видимо чувствовалъ предъ нимъ благоговѣйный трепетъ. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за выраженіемъ лица Суханова. Онъ сновалъ по уюту, весь охваченный своими думами. Старикъ объѣздчикъ приподнялся на колѣняхъ и вдругъ проговорилъ откашлявшись:

— Эхъ, ваша милость! Всю-то душеньку ты мнѣ разворочалъ! Самъ я тоже изъ заволжскихъ мѣстовъ, въ молодцахъ ходилъ на рыбномъ караванѣ у купца Безпалова годовъ пять аль больше. Нѣтъ лучше той жизни, что на рѣкѣ! Вспомнишь о ней въ нашихъ хмурыхъ мѣстахъ, не въ моготу станеть, какъ предъ истиннымъ Богомъ. Сколько муки я здѣсь въ лѣсахъ принялъ — бѣда! Ушелъ бы, кажись, безъ оглядки, да мое дѣло не ваше. Съ бабой да дѣтворой далеко не укачешь...

— Ну, вотъ, вотъ!—тоскливо отозвался Сухановъ.—Въ самую центру попалъ, любезный! Отъ жены да дѣтей ходу нѣту.

— А развѣ вы женаты?—спросилъ я Илью Наумовича.

— Второй годъ пошелъ, какъ законъ совершилъ!—отвѣчалъ онъ какъ-то растерянно.—Стихъ такой подошелъ... Мы хоша и по старой вѣрѣ живемъ, а у попа вѣнчаны. И дѣтеночекъ у меня уже махонькій есть... Весь въ батьку моего вышелъ—году нѣтъ, а кулаченки-то такъ и суеть мнѣ въ рыло. Одначе не пора ли ко сну?—спохватился онъ вдругъ и, связавъ съ себя парусиновый пиджакъ и сапоги, взобрался на нары, которыя гнулись и трещали подъ массивомъ его громоздкаго тѣла.

Огонь на загнивкѣ медленно угасалъ, слабо вспыхивая въ кучѣ образовавшагося угля, уже подернутаго слоемъ сѣраго пепла. Въ уютѣ воцарилась тишина. За окномъ не слышно было раскатовъ грома; гроза пронеслась, и дождь прекратился. Разговоръ болѣе не возобновлялся, но я долго еще не могъ заснуть подъ вздохи и кряхтѣніе старика объѣздчика и подъ богатырскій храпъ Ильи Суханова.

VII.

На другой день мы проснулись рано.

Яркое солнце только что всплыло надъ синей грядой горныхъ хребтовъ, бросая золотыя пятна на зелень далекаго бора, на желтыя кремнистыя ребра утесовъ. Прорѣзанный его лучами, голубоватый туманъ, скопившійся за ночь въ низинахъ, медленно таялъ. Утренній вѣтерокъ весело шелестѣлъ листвою, и наша полянка, омытая дождемъ, блестѣла, какъ налакированная. Кедры и лиственницы, ель и сосна, искрились мириадами брилліантовъ, переливая капли дождя, нависшія на ихъ зеленыхъ иглахъ. Кусты черемухи, жимолости и дикаго малинника, при каждомъ дуновеніи вѣтра роняли крупные дождевые перлы, какъ драгоценныя тяжеловѣсы чистѣйшей воды, сказочной игры и блеска.

Желтый насть хвои, мокрый и блестящій, переливалъ всеми цвѣтами радуги, то сверкая, какъ изумрудъ, то искрясь рубиномъ. Въ голубой синевѣ неба прозрачной и чистой черными точками парили коршуны, выслѣживая съ высоты добычу. Въ лѣсной чащѣ курлыкала горная курочка, отрывисто кричалъ косачъ, распѣвала въ кустахъ разная птичья мелкота, гудѣли шмели и пчелы. Природа дышала свѣжестью и прохладой, лѣтнее утро разгоралось все ярче и ярче.

Объѣздчикъ Пестрякъ давно засѣдлалъ лошадей. Рубецъ, лѣниво зѣвая, обертывалъ тряпкой стволъ своего ружья, чтобы не «отсырѣло», какъ смѣялся надъ нимъ Сухановъ. Мой новый знакомый пробирался на Нижне-Туринскій заводъ, и такъ какъ охотиться намъ было безразлично въ какой сторонѣ, то я и рѣшилъ проводить Илью Наумова до ближайшихъ уваловъ. Рубецъ, разумѣется, протестовалъ, принимался спорить со мной, какъ всегда, доказывая, что сворачивать въ сторону намъ не рука, и т. п.

— Хотѣли на Курдюмовку итти, а теперь вона куда повернули! Ни съ чѣмъ не сообразно! Даромъ-то ноги бить тоже никому не охота...

Но я настоялъ на своемъ. Сухановъ перекрестился широкимъ «истовымъ» крестомъ, надѣлъ на голову злополучный картузъ и объявилъ объѣздчику, что пойдетъ пѣшкомъ, такъ какъ желаетъ «размяться». Пестрякъ, сидѣвшій уже верхомъ, передалъ другую лошадь Игнату, на которую Рубецъ, очень довольный, тотчасъ же взобрался, не преминувъ, однако, проворчать съ притворной досадою: «Н-ну... и характеръ!» Объѣздчикъ тронулся впередъ, указывая намъ дорогу. Артоховъ за нимъ, и мы, покинувъ гостепріимный кровъ у «Иконникова ключа», стали спускаться по кручѣ съ горнаго увала.

Каменистая тропа пошла, опять извиваясь, потянулась узкою лентой среди высокой травы, огибая могучіе стволы кедровъ и пихтъ. Мѣстами она терялась въ кустахъ жимолости и волчьихъ ягодъ. Сухановъ шагаль такъ, что я едва поспѣвалъ за нимъ свади. Версты черезъ три тропа развѣтвлялась, уходя вправо—на «заводы», влѣво—«въ лѣса», по географіи Пестряка, объѣздчика. Здѣсь намъ предстояло разстаться. Богатырь снялъ картузъ и, протянувъ мнѣ пухлую руку, проговорилъ улыбаясь:

— Ну-съ, прощенья просимъ! Здоровы будьте. Можетъ, Богъ приведетъ, опять свидимся? Будете въ нашемъ городкѣ—въ Екатеринбургѣ, значить, милости прошу, не обезсудьте.

Я поблагодарилъ и далъ ему мой адресъ.

— Должны же вы, Илья Наумычъ, побывать въ Бѣлокаменной? Сухановъ радостно встрепенулся.

— Безпримѣнно. Очень даже радъ буду.

— Ко мнѣ тогда заверните.

Богатырь до боли сжалъ мнѣ руку и, окончивъ обычнымъ—«оченно даже пріятно», не безъ труда влѣзъ на сѣдло, подъ которымъ бѣдная лошадь опять зашаталась, какъ жеребенокъ.

— Ну, и дура же, Пестряковъ!—не вытерпѣлъ Рубецъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся Суханову.—Подъ этакова мужчину—быка надобно!—и онъ сердито плюнулъ.

Я проохотился съ Рубцомъ болѣе двухъ недѣль; но, бродя по Уралу, мнѣ все-таки не удалось добраться до Екатеринбурга. Я такъ и уѣхалъ, не побывавъ въ этомъ любопытномъ центрѣ горно-заводской промышленности.

VIII.

Года два спустя, однажды утромъ, въ квартирѣ моей робко дрогнулъ звонокъ, и прислуга, отворивъ дверь, вступила съ кѣмъ-то въ переговоры. Я невольно прислушался. Голосъ гостя показался мнѣ незнакомымъ.

Но какво же было мое изумленіе, когда она, впустивъ говорившаго, подала мнѣ изящную карточку, на которой значилось готическими буквами: «Илья Наумовичъ Сухановъ», и ниже: «первой гильдіи екатеринбургскій купецъ. Проломная улица, домъ собственный». Почти вслѣдъ за горничной появился знакомый мнѣ богатырь, но я невольно отступилъ, пораженный происшедшей съ нимъ метаморфозой.

Суханова нельзя было узнать: предо мной стоялъ щеголь, въ смокингѣ тонкаго сукна, въ сѣрыхъ панталонахъ на выпускъ. Накрахмаленная рубашка съ высокимъ воротничкомъ ослѣпительной бѣлизны впивалась ему въ шею и рѣзала уши. Пестрый шарфъ, завязанный новомоднымъ фасономъ, слегка топорщился на груди.

Голова была острижена «бобрикомъ», а русая бородка сведена клинышкомъ, на французскій манеръ, въ подражаніе «Генриху IV». Только мускулистыя загорѣлыя руки оставались попрежнему безъ перчатокъ, да на толстыхъ пальцахъ прибавилось перстней съ драгоценными камнями. Сухановъ говорилъ мягче и слова произносилъ правильнѣе, хотя далеко не ушелъ отъ своего прежняго жаргона.

— Извините, что обезпокоилъ!—началь онъ, улыбаясь и уморительно расшаркиваясь.—Но какъ тогда на Уралѣ я съ вами встрѣтился...

— Душевно радъ. Давно ли вы въ нашихъ краяхъ и откуда?

— Съ вашей легкой руки, торговлю мою преумножилъ... Второй годъ самолично изъ Макарьевской ѣзду въ Москву и Питеръ... На дѣла, слава Богу, жаловаться не могу-съ. Одной ярмонкой Нижегородской нынче не расторгнешься—обставляю себя шире-съ! И потому въ первую гильдію записался.

Я велѣлъ подать чаю. Илья Наумовичъ оживился, держалъ себя непринужденно, видимо стараясь щегольнуть предо мной своимъ «обхожденіемъ». Однако, наливая чай изъ стакана на блюдце, истово перекрестился по старинѣ и пилъ его въ прикуску съ крохотнымъ кусочкомъ сахара. Я похвалилъ его за постоянство въ обычаяхъ и твердость въ вѣрѣ. Богатырь улыбнулся и отвѣчалъ мнѣ степенно:

— Никакъ намъ иначе невозможно-съ! Шкуру, коль хошь, мѣняй, а нутра не тревожь—потому грѣхъ.

Не прошло и четверти часа, какъ Сухановъ совершенно у меня освоился, и мы опять, какъ два года тому назадъ въ дѣсномъ «уютѣ», бесѣдовали съ нимъ по-пріятельски.

— А признаться ли вамъ, откуда я сейчасъ возвращаюсь? Хотя бы пари держать—не угадаете?

— Вѣроятно, изъ Петербурга?—сказалъ я.

— Изъ Па-ри-жа-съ! Изъ самаго изъ Парижа.

Я широко раскрылъ глаза, а Сухановъ продолжалъ ухмыляясь:

— Вотъ штуку-то откололъ! Умора! Въ Питерѣ Троицкую гостиницу изволите знать?

Я кивнулъ головой.

— Завсегда я въ ней останавливаюсь. Весной тамъ съ французомъ однимъ, факторомъ, познакомился. Юркій французъ—бестія и такая пройдоха: все по-нашему говорить норовить, такъ что разобрать можно. Онъ-то меня и подбилъ, чудной такой, право! «Мусьемъ» меня окрестилъ, да такъ привязался—проходу отъ него не стало...

— «Ѣдемъ, говоритъ, мусьѣ! Барыши большіе въ Парижѣ будутъ!» Ну, мнѣ въ башку и засѣло. Махану, молъ! Была не была, не съѣдятъ, чай, меня французы, подавятся?

— Да вѣдь вы же иностранныхъ языковъ не знаете?—спросилъ я Суханова.

— Откуда мнѣ ихъ знать, помилуйте!—разсмѣялся уральскій Илья Муромецъ, поглаживая бородку.—Я и слушать ихній говоръ долго не могу—голова кружится.

— Вотъ умора-то была, доложу вамъ!—продолжалъ онъ, прихлебывая съ блюда.—Пока по Рассеи-то ѣхали—ничего. Ну, а за Варшавой—просто бѣда. Подъѣхали мы къ границѣ—какъ навалились на насъ нѣмцы, по-своему лопотятъ, руками размахиваютъ и все къ моему саквоюжу рвутся. А время было, сами знаете, постъ—Петровки. Кушать-то намъ по положенію скоромятину нельзя. Я и захватилъ съ собой малу толику «тешки», да въ саквояжѣ ее и спряталъ.

— Ну, конечно, въ вагонѣ-то отъ нея духъ пошелъ... Эка невидаль, подумаешь? А нѣмцамъ-то, видать, все въ диковину? Подхватили меня подъ руки, двое саквояжъ мой несутъ и повели. И такъ это мнѣ съ непривычки смѣшно и чудно на нихъ, право? Народъ—мелкота, совсѣмъ даже плюгавый. А хорохорятся—страсть!

— Отперъ я имъ саквояжъ—такъ что тутъ было, и сказать вамъ не могу.. Вотъ, подите, какой народецъ!—добавилъ Сухановъ, искренно недоумѣвая.—Отняли таки у меня «тешку»-то, право? Такъ я полуголодный до Парижа съ однимъ хлѣбомъ и ѣхалъ.

— Что же такъ, Илья Наумовичъ? Вѣдь на станціяхъ есть буфеты.

— Ходилъ я на нихъ—подходящаго-то намъ ничего нѣтъ! Я и то знаками намекалъ—постнаго, молъ, кушать хочу! Ну, конечно, народъ глупый: мотають головой да на меня глаза плятъ. Подумаешь, людей не видали?

— Какъ вы въ Парижѣ устроились?—спросилъ я, все болѣе недоумѣвая.

— Добрался я до него тоже съ мукой немалой. Спасибо еще, кондукторъ билетъ мой поглядитъ, пробормочетъ—«але», глядишь, изъ вагона и вызволитъ да въ другой поѣздъ посадитъ. Да и то я хлопотъ набрался... Покажись мнѣ разъ, что будто меня назадъ повезли—я и поднялъ суматоху. Заблудиться недолго—туда завезутъ, что назадъ и ходу не отыщешь? Чужіе чемоданы нечаянно уронилъ. Публика перепугалась, конечно... Спасибо, ужъ землякъ одинъ объяснилъ, что въ этомъ мѣстѣ дорога у нѣмцевъ петлей пошла, ну, и кажется, словно опять назадъ ѣдешь!—Сухановъ утеръ потъ на лбу и добавилъ:

— Въ Парижѣ этомъ самомъ я часовъ пять на вокзалѣ задарма высидѣлъ. Спасибо, факторъ-еврей попался, по-нашему говоритъ и по-ихнему лопочетъ. Приустроилъ меня на квартирѣ. Только одна

бѣда,—продолжалъ онъ сокрушенно,—«хіакры» ихніе меня не берутъ, не сажаютъ; комплекціи моей, должно быть, боялись? Зато земляки, русскіе, то-есть, нашлись, словно родные! Всю-то выставку я съ ними, какъ малый ребенокъ за нянькой, прошагалъ. Ну, и выставка—одно великолѣпіе!

Илья Наумовичъ развелъ руками и съ восторгомъ продолжалъ:

— Построенія чудовищныя! Народищу разнаго тьма тьмъ—со всего свѣту народы понаѣхали и всѣ по-своему говорятъ. Сущее столпотвореніе! И ко всему тому я расчудесно своими камнями расторговался. Ежели Богъ приведетъ, безпремѣнно опять въ Парижъ поѣду!

— Понравилось вамъ?

Сухановъ покрутилъ бородку.

— Одно только, признаться, меня сокрушаетъ... Говору-то я ихняго не понимаю—вотъ бѣда! Надумалъ я было дѣльцо одно, да несуразно какъ-то выходитъ...—Онъ посмотрѣлъ на меня испытующе.

— Что такое?

— Вы какъ полагаете?—проговорилъ мой гость, видимо конфузясь.—Возможно мнѣ заграничному говору научиться? Очень это мудреная вещь... языкъ ихній?

— Разумѣется, можно, хотя и трудно...

— Такъ я и полагалъ... французинку принанять да заняться Въ Екатеринбургѣ у насъ учителей нѣтъ, а гувернантки найдутся... Одначе и такъ не выходитъ.

— Почему же, Илья Наумовичъ?

Сухановъ совсѣмъ застыдился и густо покраснѣлъ.

— Помилуйте, какъ же возможно? Жена-то совсѣмъ ошалѣеть... А у меня три младенца,.. Въ какомъ это я разѣ вдругъ за указку съ «мадамой» сяду? И то мнѣ отъ своего брата-торговца прохода нѣтъ—во всемъ упрекаютъ. Посудите, гдѣ же бабѣ понять, что при нынѣшней нашей коммерціи безъ «чужихъ» языковъ за границу нѣтъ ходу?..

Допивъ четвертый стаканъ чая, Сухановъ поблагодарилъ и сталъ прощаться. Пожимая мнѣ руку, онъ задумчиво проговорилъ, какъ будто вспомнивъ:

— Нашихъ-то мѣстовъ еще не забыли?—и тотчасъ добавилъ:— а меня, повѣрите ли, каждый годъ на тѣ заводы тянетъ, гдѣ я съ вами-то тогда повстрѣчался... Люблю просторъ лѣсной, въ горахъ-то куда привольнѣе; и какъ выберусь изъ города, такъ и тоска будто полегчаетъ...

— Да о чемъ вамъ тосковать-то, Илья Наумовичъ?

Богатырь глубоко вздохнулъ и взялся за шляпу.

— Думушки одолѣли... отвѣтилъ онъ грустно.—Нудятъ, сосутъ сердце, покою не даютъ. Привяжется же этакая немочь? Какъ есть

искушенье... Понаглядѣлся я на божій свѣтъ - нѣтъ ему краю! И вездѣ-то люди о своемъ хлопочуть... Дѣловъ разныхъ затѣяно—счету нѣтъ! И вездѣ-то люди бьются—каждый по своему мѣсту и, будто, коммерціей своей довольны... Дивлюсь я самъ на себя: какъ это я на свое настоящее дѣло никакъ не потрафлю? Не попадаеть по сердцу работы, а на работу нудить? Съ мелочью-то, признаться, возиться и надоѣло... А крупнаго надумать не могу! Конечно, нынче безъ образованія трудно., ну, и затоскуешь безъ сурьезнаго дѣла. За Иркутскъ съѣздить задумалъ—можетъ, тамъ свою судьбу найду?.. улыбнулся онъ и тряхнулъ попрежнему головою.

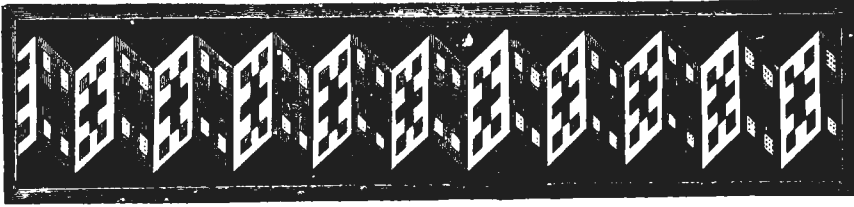
— Жена и то говоритъ, что лихой человекъ меня сглазилъ, оттого я нигдѣ себѣ покоя не знаю... Чудная, даже бабку звала, отчитывать пробовала. А Шуралинскій директоръ на заводѣ меня доктору показывалъ, такъ тотъ ощупалъ всего и объявилъ, что какая-то «непочатая» сила во мнѣ наружу просится. Н... ну, и чудодѣи!

Сухановъ простился и вышелъ.

«Непочатая» сила, подумалось мнѣ, и сколько ея у насъ на Руси еще ждетъ примѣненія и пропадаетъ даромъ...

К. А. Борисовъ-Корженевскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ¹⁾.

(1854—1892 г.).

Х.

І. Юзовъ (Каблицъ). — Его народничество. — Складъ его ума и сердца. — Его необыкновенная вѣра въ свое призваніе. — Причины его первоначальной популярности среди молодежи и затѣмъ паденія этой популярности. — Значеніе для меня его книги «О русскомъ расколѣ». — Его безграничная вѣра въ народъ. — Литературныя сплетни о Юзовѣ и ихъ несправедливость. — Частныя черты изъ жизни и характера этого рѣдкаго человѣка.

УПОМЯНУЛЪ фамилію І. Юзова. Это былъ его литературный псевдонимъ, а настоящая его фамилія была Каблицъ. Однако, жилъ онъ подъ иной фамиліей, вынужденный къ этому обстоятельствами своего далекаго прошлаго. Почти въ концѣ нашего знакомства, незадолго до смерти Юзова, его «жизненный» псевдонимъ былъ обнаруженъ, а такъ какъ сотрудничалъ онъ въ «Недѣль» и моемъ журналѣ, то были вызваны для нѣкоторыхъ справокъ я и П. А. Гайдебуровъ, послѣ чего Юзовъ получилъ возможность вновь посѣть свою настоящую фамилію. Упоминаю объ этомъ обстоятельстве, чтобы объяснить главную причину, заставившую Юзова не подписаться подъ упомянутымъ въ предыдущей главѣ письмомъ.

Что такое былъ Юзовъ, какъ человѣкъ и какъ писатель? Почему онъ могъ такъ волновать въ свое время сердца, особенно

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 486.

сердца молодежи, и почему теперь онъ забытъ, а за его гробомъ шли всего два-три человѣка? Стоитъ ли поэтому и говорить о немъ такъ подробно, какъ хочу говорить я?

Стоитъ, отвѣчу я, и думаю, что о немъ стоитъ говорить не меньше, если не больше, чѣмъ о многихъ публицистахъ, пользующихся теперь огромной (сравнительно) популярностью, и похороны которыхъ будутъ, вѣроятно, обставлены съ большой помпой.

Что же такое было въ Юзовѣ, что дѣлало его сперва очень популярнымъ, а потомъ забытымъ и покинутымъ?

Это было прежде всего то самое свойство, которое создало колеблющуюся популярность даже такого великаго таланта, какимъ былъ Достоевскій, а у Юзова былъ небольшой талантъ: это было сердце, страстно любившее народъ.

Но насколько это сердце влекло Достоевскаго къ миротворчеству и нѣкоторой дипломатіи, настолько Юзова оно влекло къ словесной борьбѣ, къ крайнимъ выводамъ изъ своихъ принциповъ и къ беспощадному бичеванію того, что не сходилось съ этими крайними выводами.

При этомъ, какъ часто случается съ натурами страстными и въ то же время упорными, его больше всего раздражало, вызывая громы и молніи полемики, разногласіе ближайшихъ по направленію группъ нашей интеллигенціи. Такъ, напримѣръ, никому онъ не посвятилъ столькихъ ударовъ, какъ «народолюбцамъ», съ одной стороны, и «либераламъ», съ другой. «Народолюбцами» онъ называлъ тѣхъ изъ нашей интеллигенціи, которые, любя народъ или думая, что они любятъ его, желали бы его осчастливить по своему «интеллигентному» усмотрѣнію, по рецептамъ и образцамъ Западной Европы, по кабинетнымъ теоріямъ, какъ бы хороши ни были эти послѣднія. Такимъ образомъ, въ понятіе «народолюбчества» онъ включалъ одинаково и бюрократію съ ея заботливой опекой надъ народной жизнью, и свободомыслящихъ корифеевъ анти-бюрократическаго направленія (либералы), и, наконецъ, поборниковъ экономическаго реформаторства всякаго рода, если оно не вытекало изъ «народныхъ началъ», «народныхъ желаній» и навязывало народу нѣчто чуждое, выработанное на почвѣ иной цивилизаціи, иной исторіи.

Понятна поэтому причина, вызывавшая къ Юзову вражду почти всѣхъ «передовыхъ» группъ нашей тогдашней литературы. Понятно и первоначальное увлеченіе имъ молодежи, которая въ его рѣчахъ слышала что-то новое, смѣлое, а въ его рѣзкой полемикѣ, въ его сжатомъ, почти лаконическомъ изложеніи чувствовала глубокую, безповоротную силу убѣжденія.

Замѣчательно, что вражда къ Юзову созрѣла не вдругъ: вначалѣ ея не было, когда онъ только развивалъ свои общіе принципы, обосновывая ихъ, по мѣрѣ своихъ силъ и знаній, на всевоз-

возможныхъ цитатахъ изъ книгъ европейскихъ философовъ и ученыхъ, переводы которыхъ имѣлись на русскомъ языкѣ (Юзовъ не зналъ иностранныхъ языковъ, хотя нѣкоторое время прожилъ въ Западной Европѣ и Америкѣ). Его статьи (напримѣръ, о расколѣ) появлялись даже въ «Вѣстникѣ Европы». Лишь впоследствии, когда онъ сталъ примѣнять эти принципы къ текущимъ вопросамъ жизни, разгорѣлась вражда. Но и послѣ этого его личныя отношенія съ противниками поддерживались. Онъ совершенно отдѣлялъ литературныя отношенія отъ личныхъ и, напримѣръ, при первомъ моемъ выступленіи на страницахъ «Свѣта» съ проповѣдью «любви и мира», разразился противъ меня въ «Недѣлѣ» жестокой статьёй подъ заглавіемъ «Однобокая нравственность». Въ этой статьѣ доказывалось, что нормальный человѣкъ долженъ одинаково и любить, и ненавидѣть: любить добро, ненавидѣть зло. Поэтому проповѣдывать «любовь» значить проповѣдывать хожденіе на одной ногѣ и такъ далѣе. А между тѣмъ, въ это время мы были уже близко знакомы, и онъ часто бывалъ у меня. Для него была основнымъ закономъ извѣстная формула: «Ты мнѣ другъ, Платонъ, но истина выше дружбы». Онъ полемизировалъ и впоследствии, когда я отвѣтилъ ему, что «вражды не нужно проповѣдывать, такъ какъ ея и безъ того довольно накопилось. Но вотъ именно потому-то, что накопила ея очень много, она заставляетъ людей идти уже по слѣпому влеченію, а не по планамъ, обдуманнѣе спокойно и цѣлесообразно. Проповѣдь любви, конечно, не должна уничтожить ненависти къ злу и борьбы противъ него, но она должна сдѣлать эту борьбу осмысленнѣе и цѣлесообразнѣе» и т. д., и т. д.

Онъ держался иного воззрѣнія, и на все у него была готова цитата изъ какого нибудь знаменитаго европейскаго ученаго. Въ данномъ случаѣ, онъ ссылался на физиологовъ, психологовъ, этиковъ, доказывающихъ необходимость упражненія каждой нашей способности, чтобы она могла проявиться дѣятельно въ жизни. Ненависть или вражда должны такимъ образомъ обратиться въ привычку дѣятельнаго протеста, а для этого не имѣетъ значенія, будутъ ли онѣ цѣлесообразны или слѣпы.

Замѣчательно, что его собственный личный опытъ долженъ былъ убѣдить его въ невѣрности этого взгляда, въ ослабляющемъ, а не укрѣпляющемъ дѣйствиіи нецѣлесообразныхъ протестовъ, но умъ у Юзова былъ умъ страшно упрямый, стойкій. Я иногда, шутя, говорилъ ему, что его голова вмѣсто мозга наполнена огромными десятипудовыми гириями, которыя, если уже онѣ одинъ разъ улягутся въ извѣстномъ порядкѣ, не могутъ быть перемѣщены никакой силой.

Тѣмъ не менѣе, мысль его постоянно кипѣла и горѣла: тамъ, гдѣ появлялся Юзовъ, тотчасъ же начинался горячій споръ и длился до разсвѣта. При этомъ Юзовъ увлекался до такой сте-

пени, что иногда говорилъ грубости и дерзости, но ему невольно прощали это, чувствуя, что онъ чуждъ всякаго личнаго желанія оскорблять, что сказанное имъ есть результатъ страстной любви къ своимъ идеямъ, страстной вѣры въ нихъ.

Какъ велика была эта вѣра, доказываетъ слѣдующій мой разговоръ съ нимъ: какъ-то поздно ночью мы заговорились, возвращаясь откуда-то изъ гостей, до того, что разъ десять подходили къ подъѣзду «меблированныхъ комнатъ», гдѣ онъ жилъ, и снова уходили. Ночь была теплая, тихая. Наконецъ, онъ, подъ влияніемъ какого-то особаго прилива теплаго чувства, спросилъ у меня:

— Скажите мнѣ откровенно, по душѣ, не думаете ли вы, что я ошибаюсь вотъ въ какой увѣренности: мнѣ думается, что мои убѣжденія должны имѣть большое будущее, что мое дѣло не можетъ погибнуть и заглохнуть. И я это думаю, между прочимъ, на томъ основаніи, что, пробѣгая свое прошлое, я вижу, что судьба постоянно спасала меня отъ смерти и гибели. Вы знаете, что у меня вставной глазъ: въ дѣтствѣ въ меня нечаянно выстрѣлили. И однако я остался живъ. Въ послѣдующей моей жизни были сотни случаевъ, когда я висѣлъ на волоскѣ (и онъ рассказалъ нѣсколько такихъ случаевъ), а между тѣмъ я остался цѣлъ и невредимъ и даже на свободѣ, то-есть могу писать о моихъ идеяхъ, работать для нихъ, хотя только на литературномъ пути. Да я и бросилъ сознательно, по убѣжденію, всѣ другіе пути. Я вижу, что мое призваніе, мое дѣло — только на этомъ пути, что меня вела къ нему какая-то высшая сила условій, обстоятельствъ, называемая силой исторіи...

Вотъ какъ высоко думалъ этотъ человѣкъ о своей роли въ русской жизни, даже въ русской исторіи!

Если бы онъ зналъ, бѣдняжка, какъ незамѣтно прошли его похороны, и какъ быстро исчезло всякое воспоминаніе о немъ и о его литературныхъ трудахъ даже въ средѣ русской молодежи!... Такъ ли бы говорилъ онъ?...

А онъ говорилъ еще и вотъ что:

— Только эта вѣра въ свое призваніе и удерживаетъ меня въ жизни. Мнѣ живется тяжело! Кромѣ того, я очень боленъ.

Въ самомъ дѣлѣ, его матеріальныя условія были очень и очень не блестящи. Несмотря на огромный трудъ, котораго ему стоила каждая статья, такъ какъ статьи его были всегда переполнены матеріалами, фактами, цитатами, онъ, по его словамъ, «никогда не могъ заработать у Гайдебурова болѣе семидесяти пяти рублей въ мѣсяцъ». Юзовъ увѣрялъ, что этого ему достаточно. Но онъ не зналъ въ то время, что, живя въ меблированныхъ комнатахъ, питаясь дешевымъ, кухмистерскимъ обѣдомъ, онъ неуклонно расшатывалъ свое здоровье, нажилъ катарръ желудка, отъ котораго два раза едва не умеръ, а подъ конецъ всѣ эти разстройства рано свели

его въ могилу, свели какъ разъ въ то время, когда онъ обзавелся, наконецъ, семьей, зажилъ нѣсколько болѣе гигиенично и комфортабельно, страстно привязался къ родившейся у него дочкѣ, съ которой возился, какъ нянька, какъ мать. Все это очень понятно, если мы припомнимъ, что всю жизнь, почти до 40 лѣтъ, онъ прожилъ холостякомъ—почти бродягой, подъ чужимъ именемъ, съ вѣчной неувѣренностью въ томъ, что съ нимъ будетъ завтра. А, между тѣмъ, повторяю, сердце у него было любящее и жаждавшее любви; подъ его внѣшней грубостью, подъ его полемическими рѣзкостями и «жестокостями» крылась почти женственная нѣжность чувства и потребность такого же чувства со стороны другихъ. Эта потребность, какъ бываетъ нерѣдко, осталась отъ дѣтской привязанности къ матери. А какъ сильно онъ любилъ свою мать,—въ то время давно умершую,—видно ужъ изъ того, что и псевдонимъ его «Юзовъ» былъ произведенъ отъ ласкательнаго имени Юзя (Посифъ), которымъ его называла мать.

Въ его крови соединились двѣ національности, какъ и въ его характерѣ: мать была полька, отецъ—шведъ. Польская горячность и страстность сливались съ шведскимъ упорствомъ и упрямствомъ, съ шведской методичностью, аккуратностью, точностью.

И наружность его носила отпечатокъ двухъ этихъ народностей: онъ былъ средняго роста, строень, гибокъ, сухощавъ, но не худъ. Сухощавое, довольно правильное лицо, съ бѣлокурыми волосами и бородкой, поражало свѣжестью своего цвѣта и румянца, хотя это не былъ цвѣтъ лица конфетныхъ красавцевъ: это былъ мужественный румянецъ, пробивавшійся сквозь кожу нѣсколько смугловатую. Такъ какъ въ Парижѣ ему удалось сдѣлать искусственный глазъ, совершенно не отличавшійся отъ его собственнаго, то можно было прожить съ нимъ нѣсколько лѣтъ и не догадаться объ этой ненормальности. Тѣмъ болѣе, что онъ носилъ слегка дымчатые очки. Но выраженіе здороваго глаза осмысливало все лицо, невольно переносилось и на искусственный глазъ, и въ общемъ было глубоко-симпатично, полно чувства, мысли, энергіи, бодрости и неустанной потребности сейчасъ же кинуться въ словесный бой или отдаться умственной работѣ.

Неудивительно, что онъ нравился многимъ женщинамъ, и это заставляло досужихъ петербургскихъ кумушекъ рыться въ его личной, сердечной жизни далекаго прошлаго. Были охотники бросить на него тѣнь и съ общественной стороны: говорили о какихъ-то деньгахъ, собранныхъ на общее дѣло и въ которыхъ онъ не далъ достаточнаго отчета.

Насколько я успѣлъ узнать характеръ Юзова (а времени было для этого довольно: я зналъ его болѣе десяти лѣтъ, и нѣсколько дачныхъ сезоновъ мы провели ближайшими сосѣдями, посѣщая другъ друга ежедневно), я не могу допустить и тѣни сомнѣнія въ его безусловной, безупречной честности и корректности.

Не задолго передъ смертью, уже обзаведясь семьей, онъ почувствовалъ невозможность существовать однимъ литературнымъ трудомъ и получилъ мѣсто въ желѣзнодорожномъ контролѣ.

Многіе могли поставить ему въ упрекъ и это, какъ ярому противнику бюрократіи. Но онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что для него бюрократія была не здѣсь, а гораздо больше тамъ, гдѣ кричали противъ бюрократіи (см. выше); что, наоборотъ, служба по контролю есть служба народу, такъ какъ оберегаетъ «народныя» копейки.

Мнѣ дорога память о Юзовѣ не только въ силу нашихъ дружескихъ отношеній, но еще и потому, что одна изъ его книгъ произвела нѣкоторое измѣненіе въ моихъ взглядахъ на наше крестьянство. Это—книга о расколѣ. До прочтенія этой книги я могъ считаться, по классификаціи Юзова, «народолюбцемъ», то-есть я всего ожидалъ для народа отъ одной интеллигенціи. Книга Юзова наглядно убѣдила меня, что въ народѣ есть своя собственная интеллигенція, что въ немъ живутъ и не умерли начала древней русской «свободы совѣсти» и даже гражданской «свободы». Такимъ образомъ въ моихъ глазахъ измѣнилась роль интеллигенціи относительно народа. Я призналъ, что интеллигенціи необходимо прислушиваться къ голосу самого народа и серьезно считаться съ этимъ голосомъ, не навязывая народу того, что «не въ его духѣ», или національнымъ характерѣ. Я сталъ думать, что этотъ «національный духъ», или характеръ, далеко не тотъ, какимъ онъ казался мнѣ: въ немъ не одна косность и невѣжество, не одно рабство, унаслѣдованное отъ времени крѣпостничества,—въ немъ, подъ наносной корой этихъ временныхъ, навязанныхъ свойствъ, живетъ великій, врожденный инстинктъ, способный дать основаніе для величайшихъ общественныхъ идеаловъ, не уступающихъ западно-европейскимъ, а, быть можетъ, идущихъ дальше и выше этихъ послѣднихъ.

Я и теперь рекомендовалъ бы чтеніе этой книги Юзова всякому, кто недостаточно вѣритъ въ умственные и нравственные силы русскаго крестьянства, смотритъ на него презрительно, а потому и не чувствуетъ твердой почвы подъ ногами для самоотверженной работы въ народной средѣ.

Миръ твоему праху, страстный работникъ на нивѣ народной!

Не знаю почему, измѣнились ли условія времени или сами люди стали иными, но въ то время умственная жизнь среди писательской братіи была оживленнѣе, чѣмъ теперь: поднималась масса вопросовъ и философскихъ, и социологическихъ, и текущихъ общественныхъ. Устроивались такъ называемые «журъ-фиксы», то-есть опредѣленные дни у того или другого изъ писателей, и тутъ-то велись дебаты, иногда очень шумные и горячіе, вокругъ самовара и скромнаго ужина, состоявшаго обыкновенно изъ холодныхъ закусокъ и какихъ нибудь фруктовъ.

Правда, и въ то время были писатели, даже изъ корифеевъ, которые заявляли, что не выносятъ серьезныхъ разговоровъ, такъ они имъ надоѣли въ ихъ печатныхъ бесѣдахъ съ читателями. Были и такіе, которые собирались въ опредѣленные дни въ квартирахъ редакторовъ на роскошно-обставленные вечера, съ картами и дорогими ужинами. Но я говорю не объ этихъ писателяхъ, а о литературной молодежи, державшейся воззрѣній «народническихъ» или близко подходящихъ къ народничеству. Если имъ приходилось бывать на такихъ роскошныхъ ужинахъ и вечерахъ, они порою говорили о нихъ съ насмѣшливымъ презрѣніемъ, какъ о потугахъ подражать «большому свѣту», на что шли деньги, урѣзываемыя изъ гонорара сотрудниковъ, питавшихся, какъ, напримѣръ, Юзовъ, кухмистерскими обѣдами. Нѣкоторый «ригоризмъ» еще оставался въ этой молодежи, быть можетъ, какъ безсознательный остатокъ идей и настроеній 1860-хъ годовъ.

Это настроеніе выплыло съ новой силой и яркостью въ такъ называемомъ толстовствѣ, о которомъ я поговорю въ связи съ моими воспоминаніями о Л. Н. Толстомъ, а теперь передамъ мое краткое знакомство съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ и маленькій эпизодъ съ одной моей замѣткой о немъ.

ХІ.

Знакомство съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ.—Моя замѣтка противъ него и ея печальныя послѣдствія.—Два слова о В. О. Португаловѣ.

Однажды я получилъ отъ Н. П. Вагнера письмо, посланное по его адресу, но обращавшееся «къ редакціи» тогдашней «Мысли». Письмо это было отъ Глѣба Ивановича Успенскаго. Онъ предлагалъ помѣстить въ «Мысли» очеркъ, начатый имъ, но еще не оконченный о дѣтскихъ типахъ крестьянскихъ школъ. Къ этому онъ добавлялъ, что «сейчасъ» нуждается въ деньгахъ и, если редакція можетъ ему дать авансомъ рублей 200, то онъ обѣщаетъ прислать ей свою работу листа на два, на три. Получить онъ желаетъ по 200 рублей за листъ.

Я въ то время имѣлъ очень скромный приходъ отъ «Мысли», едва покрывавшій самые необходимые расходы и обыкновенный гонораръ. Тѣмъ не менѣе, я рѣшилъ, что для Г. И. Успенскаго можно допустить экстраординарныя усилія, даже заемъ. Однако, по моимъ расчетамъ, болѣе 150 рублей за листъ редакція была не въ силахъ уплатить.

И вотъ я немедленно пошелъ къ Успенскому для сообщенія ему моего рѣшенія. Со мной поѣхала одна моя хорошая знакомая, принимавшая горячее участіе въ моихъ дѣлахъ и журналѣ, слу-

шательница врачебныхъ курсовъ, Е. К. В.; ей просто хотѣлось видѣть вблизи Г. И. Успенскаго, котораго всѣ мы очень любили, какъ писателя, но мало знали, какъ человѣка. Онъ почти не жилъ въ Петербургѣ и, во всякомъ случаѣ, не бывалъ ни на какихъ обѣдахъ и журъ-фиксахъ.

Жилъ онъ въ очень маленькой квартиркѣ съ весьма скудной мебелью. Комнатка, въ которую онъ ввелъ насъ, служившая ему, повидимому, рабочимъ кабинетомъ, не имѣла даже письменнаго стола, который замѣнялся круглымъ, простымъ обѣденнымъ столомъ съ откидными полами, окрашеннымъ въ темно-красную краску. Столъ былъ приставленъ къ старенькому дивану.

Глѣбъ Ивановичъ замѣтилъ, что у него ужасный беспорядокъ, такъ какъ онъ живетъ на бивуакахъ; жена его до сихъ поръ была учительницей въ деревенской школѣ, и только теперь они хотятъ устроиться въ городѣ, etc., etc.

Тутъ же онъ приступилъ къ разговору о предполагаемой имъ статьѣ, матеріаломъ которой, кромѣ его личныхъ наблюденій, послужатъ тетрадки учениковъ-крестьянъ, собранныя и сохраненныя его женой.

Я сказалъ, что буду очень счастливъ, если онъ дастъ такую статью, но тутъ же объяснилъ ему вполне откровенно и искренно скромное положеніе журнала, небольшой (сравнительно) кругъ его подписчиковъ, что обусловливалось самымъ типомъ журнала, его преимущественно научнымъ характеромъ, приспособленнымъ для популяризаціи знаній всякаго рода среди провинціальной деревенской интеллигенціи и учащейся молодежи.

Онъ безъ всякихъ пререканій согласился на предложенную мною цифру, сказавъ, впрочемъ, въ самомъ началѣ, что послѣ того, какъ онъ написалъ письмо въ нашу редакцію, его обстоятельства, повидимому, измѣняются, такъ какъ Салтыковъ выразилъ намѣреніе удовлетворить его нужду въ довольно крупномъ авансѣ. «Если я,—прибавилъ онъ,—получу эти деньги изъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», то мнѣ уже не будетъ времени поработать и для вашего журнала, хотя я очень желалъ бы этого. Впрочемъ, я постараюсь урвать у себя время, только навѣрное общать не могу».

Въ концѣ концовъ мы порѣшили, что я на всякій случай буду имѣть деньги наготовѣ, а онъ извѣститъ меня, если онѣ ему понадобятся.

Мы разстались, повидимому, съ самыми лучшими чувствами другъ къ другу. На меня, по крайней мѣрѣ, Глѣбъ Ивановичъ произвелъ чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе всѣмъ, что я видѣлъ, и что онъ говорилъ. Его скромность, даже застѣнчивость были просто поразительны, такъ какъ въ то время онъ былъ уже однимъ изъ самыхъ любимыхъ писателей. Его болѣе, чѣмъ скромная

обстановка дополнила это впечатлѣніе: «вотъ настоящій человѣкъ идеи!» думалъ я, уходя отъ него.

Вскорѣ я получилъ отъ него второе письмо, очень милое ¹⁾, въ которомъ онъ извѣщалъ, что устроилъ свое финансовое дѣло, ѣдетъ въ деревню и не отказывается отъ своего желанія дать свой очеркъ нашему журналу, который очень уважаетъ.

Послѣ этого прошло нѣсколько лѣтъ. Глѣбъ Ивановичъ, живя въ деревнѣ и наблюдая крестьянъ вблизи, приходилъ въ своихъ очеркахъ къ возрѣніямъ на крестьянство все болѣе и болѣе пессимистическимъ. А у меня, наоборотъ, какъ разъ къ этому времени, все сильнѣе возрастала вѣра въ народъ.

Лѣтомъ, если не ошибаюсь, 1882 года, я жилъ на дачѣ въ Теріокахъ, по сосѣдству жилъ Юзовъ, и наши постоянныя бесѣды о народѣ и его судьбахъ особенно высоко подняли мое «народническое» настроеніе. Какъ разъ въ это время получилаcя книжка «Отечественныхъ Записокъ», въ которой былъ помѣщенъ новый очеркъ Успенскаго: въ немъ пессимизмъ дошелъ до своего апогея. Описывая одного старосту-крестьянина, Глѣбъ Ивановичъ выражался буквально такъ: «русскій крестьянинъ — особъ опасная своею дикостью и глупостью».

Послѣднее выраженіе поразило меня почти до слезъ. «Какъ,— думалъ я,—такой знатокъ народа, глубоко любившій его, и говорить не о простомъ «невѣжествѣ» русскаго крестьянина, которое можно исцѣлить, и не о «дикости» только, которая можетъ исчезнуть, благодаря культурѣ,— онъ говоритъ о «глупости»; которая не исцѣлима, что выразилъ и народъ въ своей пословицѣ: «пьяный проспится, дуракъ—никогда!»

Статья была прочтена еще разъ вмѣстѣ съ Юзовымъ, который, конечно, былъ пораженъ ею не меньше меня. Подъ горячимъ впечатлѣніемъ я набросалъ очень рѣзкую замѣтку, полную страстныхъ упрековъ по адресу глубоко любимаго и уважаемаго писателя. Однако, когда первое впечатлѣніе отъ его статьи улеглось, и когда моя замѣтка была дана на обсужденіе небольшого кружка, собиравшагося у меня иногда на дачѣ, между прочимъ, и кое-кому изъ учащейся женской молодежи, то мы общимъ голосомъ рѣшили— подождать ее печатать: быть можетъ, это, какъ говорится, сорвалось въ минуту какого нибудь тяжелаго впечатлѣнія отъ очень возмутительнаго факта. Быть можетъ, послѣдующіе очерки загладят это впечатлѣніе.

И вдругъ, дня черезъ два я получилъ изъ Самары письмо отъ извѣстнаго популяризатора, д-ра Веніамина Осиповича Португалова. Онъ горячо протестовалъ противъ «очевиднаго поворота» въ идеяхъ Успенскаго; обращалъ мое вниманіе на рядъ такихъ же

¹⁾ Оба письма хранятся у меня и до сихъ поръ.

его выходокъ, а въ заключеніе прибавлялъ, что видитъ въ этомъ вліяніе нѣкоей компани очень богатыхъ буржуа-милліонеровъ, у которыхъ гостилъ въ то время въ Самарской губерніи Успенскій. Португаловъ прибавлялъ (не знаю, какъ очевидецъ ли, или же только по слухамъ) сценку времяпрепровожденія въ домѣ у этихъ милліонеровъ, которые де развлекаются остроумными бесѣдами талантливаго и впечатлительнаго писателя, для котораго де даже полезно будетъ, если кто нибудь скажетъ искреннее горячее слово противъ его послѣднихъ очерковъ.

Это письмо прекратило мои колебанія. Я не только рѣшилъ напечатать статью, но и вставилъ въ нее два-три намека о причинѣ поворота въ идеяхъ Успенскаго, какъ ее объяснялъ Португаловъ. Португалову я вѣрилъ. Мнѣ казалось, что у него не можетъ существовать никакой побочной цѣли—писать неправду о Глѣбѣ Ивановичѣ, и что письмо его ко мнѣ проникнуто исключительно желаніемъ помочь самому Успенскому взглянуть со стороны на свое новое настроеніе.

Я и теперь увѣренъ, что Португаловъ былъ совершенно искрененъ. Но впоследствии я имѣлъ случай убѣдиться, что онъ черезчуръ горячъ и способенъ увлекаться подозрительными настроеніями, при которыхъ уже не знаетъ пощады, преувеличиваетъ факты, видитъ ихъ въ одностороннемъ освѣщеніи и, такимъ образомъ, можетъ быть несправедливъ совершенно искренно и невольно. Наконецъ, я узналъ впоследствии и тѣхъ лицъ, у которыхъ гостилъ въ то время въ Самарской губерніи Г. И. Успенскій. Эти, по словамъ Португалова, буржуа-милліонеры оказались очень развитыми, интеллигентными людьми, самоотверженно отдававшими десятки, а, быть можетъ, и сотни тысячъ на учащуюся молодежь, школы, на изученіе быта сибирскихъ рабочихъ, на поддержку писателей, журналовъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, оказалось совсѣмъ не то, что писалъ мнѣ Португаловъ. Но дѣло было сдѣлано, статья напечатана!.. Много лѣтъ потомъ мнѣ не хотѣли простить ее, хотя я и объяснилъ всѣ свои мотивы, всѣ условія, при которыхъ статья была написана, объяснилъ въ письмѣ, посланномъ въ отвѣтъ на письмо одного изъ выдающихся нашихъ писателей-публицистовъ, горячо обвинявшаго меня за эту замѣтку.

Этого мало: три лица, изъ которыхъ двое писали въ моемъ журналѣ, а имя третьяго стояло на обложкѣ въ числѣ сотрудниковъ, выразили свой протестъ противъ моей замѣтки, напечатавъ въ газетахъ, что выходятъ изъ состава моихъ сотрудниковъ. Въ письмѣ ихъ былъ намекъ, что у меня была какая-то «задняя мысль» въ этой замѣткѣ. Я немедленно предложилъ имъ черезъ газеты третейскій судъ, ставя условіемъ, что, если они не примутъ этого суда, то это будетъ считаться признаніемъ съ ихъ стороны клеветы противъ меня. Двое изъ нихъ, А—въ и Г—нъ, промолчали на этотъ

вызовъ, а третій, Б—чь, хотя и выразилъ согласіе на третейскій судъ, однако назвалъ имена двухъ писателей, которые фактически не могли принять на себя роли, предназначенной для нихъ. Такъ дѣло это и заглохло, но въ публикѣ, не знавшей его подробностей, должно было составить впечатлѣніе, неблагоприятное для меня и которое могло повредить журналу...

Комментаріи къ этому инциденту излишни, но онъ такъ ярко характеризуетъ нашу русскую способность разъединяться, враждовать, не разбирая иногда мотивовъ вражды, что я не счелъ возможнымъ промолчать объ этомъ случаѣ. Быть можетъ, для далекаго будущаго онъ освѣтитъ нравственное положеніе писателя нашего времени въ дополненіе къ его незавидному общественному положенію.

ХІІ.

Исторія «Пушкинскаго кружка».—Его первый періодъ; его второй періодъ, «Плещевскій»; столкновеніе Минаева съ Терпигоревымъ, третій періодъ съ А. И. Пальмомъ во главѣ, а затѣмъ съ Н. А. Л—нымъ.—Попытка поднять его при помощи Всеволода Михайловича Гаршина.—Уходъ Гаршина и полное паденіе.—Впечатлѣніе отъ личности Гаршина и небольшая характеристика этой личности.

Я уже упоминалъ о «Пушкинскомъ кружкѣ», по поводу А. Н. Плещеева. Теперь расскажу нѣсколько подробнѣе исторію этого кружка, такъ какъ онъ игралъ нѣкоторую роль, если не въ дѣлѣ улучшенія общественнаго и моральнаго положенія писателей, то въ дѣлѣ доставленія кое-какого отдыха и развлеченія послѣ тяжелой умственной работы. А, вѣдь, и это дѣло немалое!

Образовался этотъ кружокъ и получилъ разрѣшеніе существовать официально, благодаря усиліямъ и хлопотамъ маленькихъ литературныхъ работниковъ, въ то время почти неизвѣстныхъ въ въ «большой» литературѣ. Представители этой послѣдней знали только по слухамъ, что этотъ «кружокъ» собирается въ «Знаменской гостиницѣ», носящей теперь названіе «Сѣверной», что тамъ читаютъ что-то, веселятся и танцуютъ. Не помню уже, сколько времени просуществовалъ этотъ кружокъ, годъ или два, когда нѣкоторые писатели (и въ томъ числѣ я и Плещеевъ) получили отъ его членовъ приглашеніе принять въ немъ участіе. Какъ я уже говорилъ, въ слѣдующемъ же послѣ этого собранія, Плещеевъ былъ избранъ предсѣдателемъ кружка, а я — товарищемъ предсѣдателя. Былъ избранъ и новый совѣтъ. Первой реформой новаго состава кружка было то, что чтенія, происходившія въ немъ, были урегулированы слѣдующимъ образомъ: имъ была посвящена первая треть вечернихъ собраній, и эта первая треть дѣлилась на двѣ части: въ первой читались произведенія и отрывки изъ произведеній ка-

кихъ нибудь классиковъ и прославившихся новѣйшихъ писателей, во второй—произведенія членовъ кружка. Программа этихъ чтеній составлялась совѣтомъ. Вторая треть вечера посвящалась музыкѣ и пѣнію, третья танцамъ, которые длились иногда далеко за полночь.

Входъ на эти вечера допускался только по рекомендаціи членовъ, но постороннія лица должны были вносить небольшую входную плату, если не ошибаюсь, не болѣе 25 копеекъ, да и то, кажется, одни только мужчины. Собирались по большей части въ обширной залѣ той же Знаменской гостиницы, съ прилежавшими къ ней отдѣленіями, въ видѣ гостиныхъ. Залъ былъ въ два свѣта, довольно изящный по отдѣлкѣ. Но когда нужно было, для усиленія средствъ, устривать болѣе многолюдные вечера, то брали залъ Павловой, на Троицкой улицѣ, и плата повышалась до 50 копеекъ.

Вечера проходили очень прилично и весело, хотя рѣдкій вечеръ собиралось менѣе 100 человекъ. Были вечера «Лермонтовскіе», «Тургеневскіе», «Достоевскаго» и т. п., смотря по тому, какой изъ писателей занималъ своими произведеніями первую часть вечера. Явились и любители декламаторы. Иногда выступали исполнителями и исполнительницами извѣстные актеры и актрисы (такъ, нѣсколько разъ читала Стрепетова и др.). Каждому чтенію предшествовалъ коротенькій рефератъ о томъ писателѣ, которому былъ посвященъ вечеръ. Эти рефераты брали на себя различныя лица. О Достоевскомъ, напримѣръ, читалъ О. Миллеръ. Въ чтеніяхъ принимали участіе Всеволодъ Гаршинъ, поэтъ Н. Минскій, Терпигоревъ (Сергѣй Атава), Плещеевъ, Пальмъ, Крыловъ (драматургъ), Надсонъ, Позняковъ, Соймоновъ и мн. др.

Изъ музыкантовъ особенно часто услаждалъ насъ своей игрой покойный Эдуардъ Юльевичъ Гольдштейнъ, который взялъ на себя завѣдываніе музыкальной частью и поставилъ ее очень хорошо.

Для танцевъ играли на рояли, а иногда и на двухъ рояляхъ любители. Однажды, я помню, былъ сыгранъ экспромтомъ вальсъ въ восемь рукъ, и главную партію въ немъ фантазировалъ Э. Ю. Гольдштейнъ.

Поэтому можно судить, какъ дружно и единодушно шли въ это время дѣла кружка. На его вечерахъ можно было встрѣтить самыхъ выдающихся представителей нашей журналистики, конечно, не изъ стариковъ.

И вдругъ, какъ я уже говорилъ, послѣ инцидента съ однимъ подвыпившимъ поэтомъ, надѣлавшимъ дерзости А. Н. Плещееву, кружокъ сталъ сперва медленно, а потомъ и быстро разлагаться.

Но прежде, чѣмъ перейду къ описанію этого второго (или, вѣрнѣе, третьяго) періода въ исторіи кружка, расскажу объ одномъ торжественномъ ужинѣ, устроенномъ его совѣтомъ въ залѣ Знаменской гостиницы, въ годовщину Пушкина.

Ужинъ отличался не только многолюдствомъ, но и большой оживленностью: въ честь Пушкина читались стихи, говорились рѣчи. Но въ концѣ его случился инцидентъ, какъ бы предвѣщавшій грядущее разложеніе. Въ числѣ ужинающихъ былъ извѣстный поэтъ Минаевъ. Онъ славился своими экспромптами. И вотъ группа лицъ, сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ, и въ томъ числѣ Терпигоревъ,—стали просить его сказать какойнибудь экспромптъ.

Минаевъ былъ уже навеселѣ, но, тѣмъ не менѣе, подумавъ немножко, громко продекламировалъ слѣдующее четверостишіе:

Я Пушкина воспѣть не въ состояннѣ,
Но Терпигорева могу:
Когданибудь, на невскомъ берегу
Я воспую его дѣяннѣ.

Сперва Минаеву аплодировали, аплодировалъ и Терпигоревъ, но къ концу ужина между нимъ и Минаевымъ завязался крупный разговоръ: Терпигоревъ требовалъ, чтобы Минаевъ объяснилъ громко и при всѣхъ, какія его «дѣяннѣ» имѣлъ въ виду Минаевъ въ своемъ экспромптѣ. Ссорившихся пытались успокоить, но разговоръ становился все громче и громче. Едва-едва удалось уговорить Минаева перейти въ одну изъ маленькихъ гостиныхъ, гдѣ онъ и заснулъ. Терпигоревъ же уѣхалъ разстроенный и обиженный.

Считаю нужнымъ добавить, что не этотъ случай и вообще не поэтъ Минаевъ были причиной отказа Плещеева отъ предсѣдательства. Минаевъ очень рѣдко бывалъ въ кружкѣ.

По выходѣ Плещеева, предсѣдателемъ былъ избранъ А. И. Пальмъ (извѣстный романистъ и драматургъ), а я оставался товарищемъ предсѣдателя. Въ этотъ періодъ, вечера кружка нѣсколько измѣнили свой характеръ въ томъ отношеніи, что на подмосткахъ его чаще стали появляться не только артисты драматической труппы, но и артисты русской оперы: одинъ разъ была даже поставлена сцена изъ «Русалки» Даргомыжскаго, съ декорацией лѣса и въ костюмахъ.

Все это вызывало значительные расходы, тогда какъ приходъ былъ почти такой же, какъ прежде. Кромѣ того, кружекъ сталъ терять свой простой, интимный характеръ, въ которомъ преобладалъ литературный элементъ.

Не помню, вслѣдствіе чего Пальмъ отказался также отъ предсѣдательства, а на его мѣсто былъ избранъ Н. А. Л—нъ. Новый предсѣдатель держался того взгляда, что главной цѣлью кружка должно быть во всякомъ случаѣ то, чтобы въ немъ было весело. А потому литературную часть сократили еще больше, въ ней утратилась прежняя систематичность, но зато расширилась вокальная часть. Однажды на его подмосткахъ выступила какая-то при-

ѣзжая пѣвица малороссійскихъ романсовъ, правда, очень хорошенькая и къ которой весьма шель малороссійскій костюмъ, но пѣніе которой относилось уже не къ серьезной музыкѣ, а скорѣе къ шансонеткѣ.

Впрочемъ, о возможности допустить шансонетку на подмостки кружка стали уже говорить открыто: «вѣдь, это будетъ весело и привлечетъ публику»,—слышались голоса.

Э. Ю. Гольдштейнъ отказался отъ завѣдыванія музыкальной частью, и она составлялась изъ случайныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, привезенныхъ къмъ нибудь и часто никому неизвѣстныхъ.

Я сдѣлалъ еще одно усиліе, чтобы направить кружокъ на болѣе серьезный путь и съ этой цѣлью предложилъ во-первыхъ, пригласить въ кружокъ Вс. Гаршина и избрать его предсѣдателемъ; во-вторыхъ, я составилъ проектъ устава общества взаимнаго кредита среди писателей и старался провести этотъ проектъ на одномъ изъ собраній.

Курьезно окончилось это мое начинаніе: одинъ изъ членовъ, М. О. Михневичъ, припомнилъ, что имъ съ нѣсколькими другими лицами, въ томъ числѣ и Гр. Константиновичемъ Градовскимъ, уже былъ когда-то составленъ проектъ подобнаго устава, и потому де лучше воспользоваться тѣмъ прежнимъ, вполнѣ выработаннымъ уставомъ, чѣмъ выработать новый по моему проекту. Его мысль горячо поддерживалъ Гр. Константиновичъ Градовскій и нѣкоторые другіе члены кружка. При этомъ я могъ замѣтить, что большинство было не на моей сторонѣ, вѣроятно, возстановленное противъ меня моими постоянными протестами противъ новаго направленія, воцарившагося въ кружкѣ. Мой проектъ провалился, а о проектѣ Михневича и Градовскаго съ тѣхъ поръ не было ни слуха ни духа.

Второе мое предположеніе устроить собраніе подъ предсѣдательствомъ Гаршина состоялось, но привело къ неожиданнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что многіе изъ писателей заявляли мнѣ лично неудовольствіе на то, что въ кружкѣ оказались членами и такія лица, которыя не имѣютъ почти никакого прямого участія въ литературѣ (напримѣръ, типографчики), а также и лица, общеніе съ которыми не особенно желательно и вообще неприятно для наиболѣе почтенныхъ и выдающихся представителей печати. Такъ, напримѣръ, двое изъ такихъ представителей прямо заявляли мнѣ, что охотно посѣщали бы кружокъ и даже пошли бы въ предсѣдатели, если бы не было въ кружкѣ такого-то (имя рекъ).

Я полагалъ, что всѣ это хорошо понимаютъ, и придумалъ слѣдующую мѣру, которая могла бы очистить кружокъ отъ нежелательныхъ элементовъ косвеннымъ путемъ, не оскорбляя ничего самолюбія. Я предложилъ избрать комиссію для провѣрки литературныхъ правъ всѣхъ членовъ кружка, а для этого составить

этой комиссіи инструкцію, опредѣляющую точно, что должно считаться достаточнымъ литературнымъ правомъ.

Не знаю, бытъ можетъ, я не особенно точно выразилъ мою мысль, или же противъ нея была подготовлена нѣкоторыми коалиція заранѣе, но цѣлый рядъ ораторовъ выступилъ противъ моей мысли, при чемъ въ ихъ рѣчахъ она была совершенно извращена: мнѣ приписывали намѣреніе—сдѣлать кружокъ олигархическимъ учрежденіемъ, въ которое члены будутъ допускаться по количеству написаннаго ими, такъ что все молодое и свѣжее литературное поколѣніе, написавшее еще немного, будетъ исключено.

Мнѣ и въ голову не приходило ничего подобнаго! Я просто надѣялся, что предполагаемая мною комиссія, руководясь извѣстными принципами, очиститъ кружокъ отъ нежелательныхъ элементовъ, попавшихъ туда въ первый періодъ существованія кружка, когда принимали въ члены почти безъ разбора, лишь бы составить достаточный контингентъ участвующихъ.

Къ сожалѣнію, и Гаршинъ, съ которымъ я не успѣлъ переговорить заранѣе, не уловилъ скрытаго смысла моего предложенія. А когда изъ рѣчей моихъ противниковъ онъ увидѣлъ, что моя мысль клонится (какъ они говорили) къ «аристократизаціи кружка по числу написанныхъ листовъ», то-есть, когда ему показалось, что я хочу устранить изъ кружка молодыхъ и начинающихъ авторовъ, онъ самъ присоединился къ мнѣнію моихъ противниковъ. Рѣчь онъ сказалъ очень мягкую, задушевную, примиряющую, но именно эта мягкость и примирительный тонъ, доказывавшій его полное безпристрастіе,—уже окончательно докончили мое непонятое предложеніе. Нѣкоторые члены прямо сочли себя обиженными мною; одинъ владѣлецъ типографіи принялъ мое предложеніе на счетъ самого себя и своихъ коллегъ и шумно удалился изъ собранія, заявляя, что онъ уходитъ самъ, пока его не выгнала комиссія. Два-три лица послѣдовали его примѣру.

Я заявилъ послѣ этого собранія, что выхожу изъ кружка.

Дальнѣйшіе дни его были и послѣдними его днями. Случился инцидентъ, доходившій даже до судебного слѣдователя: одинъ изъ членовъ совѣта утверждалъ, что передалъ 200 рублей, принадлежащихъ кружку, другому члену совѣта; этотъ послѣдній отрицалъ полученіе. Возбудилось дѣло, но его постарались замять, а кружокъ прекратился самъ собою, завялъ и засохъ.

Въ заключеніе этой «исторіи Пушкинскаго кружка» мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, которое производилъ на меня Всеволодъ Гаршинъ въ это время. Трудно представить себѣ болѣе симпатичнаго впечатлѣнія, къ которому бы не примѣшивалось ничего—ни малѣйшихъ сомнѣній или диссонансовъ въ безусловной чистотѣ и даже красотѣ человѣческой личности! Да, Гаршинъ былъ, по-моему, настолько же прекрасенъ душой,

какъ онъ былъ прекрасенъ и своей внѣшностью. Что-то дѣтски-задумчивое, кроткое, мягкое, изящное безъ всякой мысли объ изяществе было и въ его лицѣ, и въ глазахъ, и въ голосѣ, и въ каждомъ словѣ, которое онъ говорилъ.

Необычайная правдивость, искренность, простота, совершенное отсутствіе смущенія или волненія, какія бываютъ даже у самыхъ выдающихся людей, если они самолюбивы и помнятъ о «себѣ», о сохраненіи своего достоинства или уваженія окружающихъ. Въ Гаршинѣ чувствовалось, что онъ совсѣмъ не думаетъ о себѣ, что онъ весь отдается тому дѣлу или вопросу, или предмету, или лицу, на которомъ остановилось его вниманіе.

Мнѣ припоминается одинъ маленькій случай, который, какъ весьма часто именно маленькіе случаи, освѣщаетъ эту черту въ личности Гаршина, черту, состоящую въ способности отдаваться какому либо предмету, какъ отдаются только дѣти. А, вѣдь, дѣти—самые великіе, чистые и безкорыстные наблюдатели и созерцатели жизни, ея явленій и окружающихъ предметовъ.

Дѣло было въ моей квартирѣ, вскорѣ послѣ Святой недѣли. Мы собрались въ засѣданіе комитета. Былъ и Гаршинъ. На небольшомъ столѣ, за которымъ мы сидѣли, стояла металлическая пепельница, въ видѣ разбитаго яйца, подаренная мнѣ кѣмъ-то на Пасху. Яйцо было устроено такъ, что становилось само собою на свой широкій конецъ, и, какъ бы вы ни опрокидывали его, оно вновь принимало прежнее положеніе. Гаршинъ заинтересовался этимъ яйцомъ, какъ ребенокъ, пока мы еще не начали засѣданія. Во время засѣданія, тянувшагося часа полтора, онъ съ такимъ же полнымъ самозабвеніемъ отдался вопросамъ, подлежавшимъ нашему разсмотрѣнію. Но когда мы окончили засѣданіе, Гаршинъ вновь вспомнилъ о яйцѣ, подошелъ къ маленькому столику и нѣсколько разъ старался повалить пепельницу, улыбаясь тому, что она вставала. — Вотъ интересная пепельница! — воскликнулъ онъ, наконецъ, и въ голосѣ его чувствовалось чисто-дѣтское удовольствіе.

И тотъ же человѣкъ, идя какъ-то вечеромъ по улицѣ со своей женой (въ то время слушательницей женскихъ врачебныхъ курсовъ) и съ нѣсколькими своими знакомыми, былъ привлеченъ уличной сценой: какой-то господинъ требовалъ, чтобы городовые взяли указываемую имъ молодую дѣвушку и отвели въ участокъ, такъ какъ онъ обвиняетъ ее въ незаконномъ уличномъ промыслѣ. Суровый господинъ называлъ себя членомъ комитета, заботящагося о нѣкоторыхъ санитарныхъ условіяхъ столицы. Женщина (или дѣвушка) горько плакала, говорила, что она ни въ чемъ не виновата, просила отпустить ее и т. д.

Гаршинъ принялъ горячее участіе въ этой несчастной. Онъ тутъ же, поздно вечеромъ, отправился съ женой и со своими зна-

комыми въ участокъ вслѣдъ за арестованной, потребовалъ, чтобы и его показаніе было внесено въ протоколъ, и затѣмъ, когда дѣло перешло къ мировому судѣ, аккуратно являлся на засѣданія въ качествѣ свидѣтеля въ пользу бѣдняжки, съ которой поступили дѣйствительно несправедливо и обходились очень грубо при ея задержаніи.

Тутъ мы видимъ ту же беззавѣтность, ту же горячую, молодую способность отдаваться влеченію своей души. Но только здѣсь это влеченіе было глубоко-гуманное, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера Гаршина. И важнѣе всего то, что такія влеченія у него были не увлеченіями, т. е. не мимолетными или скоропреходящими порывами. Нѣтъ, они глубоко западали въ его душу, заставляли вновь возвращаться къ предмету или вопросу, которые его заинтересовывали, пока этотъ вопросъ или предметъ не будетъ вполне понятъ, исчерпанъ или ассимилированъ.

Насколько я понимаю сущность художественнаго творчества, эти свойства являются самыми необходимыми элементами высшаго художественнаго и поэтическаго таланта. Только такіе таланты даютъ намъ не поверхностныя, такъ сказать, фотографическая черты явленія, предмета, событія, а самую ихъ душу, ихъ идея, ихъ настроеніе (если можно такъ выразиться). И таковы именно всѣ произведенія Гаршина. Подъ его взглядомъ дѣлались живыми, полными глубочайшаго и высшаго смысла — и пальма ботаническаго сада, и жаба, и сорванная роза, и жуки, и русскій раненый солдатикъ, забытый на полѣ сраженія, и несчастный желѣзнодорожный сторожъ.....

Сколько великихъ произведеній могъ дать намъ этотъ чудный человекъ, если бы смерть не отняла его такъ рано у Россіи!

XIII.

Терпигоревъ (Сергѣй Атава).—Его отличительныя черты въ домашней жизни.—Его гостеприимство, любовь къ народу и горячее, искреннее отношеніе къ своему писательству.

Сообщу теперь мои воспоминанія о другомъ крупномъ талантѣ и горячемъ, искреннемъ человекѣ, о которомъ теперь уже рѣдко вспоминаютъ. А между тѣмъ въ его произведеніяхъ, несмотря на ихъ почти неизмѣнную связанность съ крѣпостнымъ помѣщичьимъ бытомъ, есть много «вѣчнаго», общечеловѣческаго, глубокаго: я говорю о Терпигоревѣ.

Въ Терпигоревѣ, какъ и въ Тургеневѣ, были наслѣдственные черты барина, помѣщика, а, между тѣмъ, это были совершенно различныя типы.

У Терпигорева не было ни утонченности манеръ и обращенія, свойственныхъ барамъ, воспитаннымъ подъ строгимъ надзоромъ иностранныхъ гувернантокъ, хотя изъ очерковъ его видно, что у него были и гувернеры, и гувернантки. Но изъ тѣхъ же очерковъ (напримѣръ, «Дьяконъ») видно, что эти воспитатели его дѣтства были и «люди», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, люди съ извѣстными общественными убѣжденіями, ненавидѣвшіе рабство и насиліе. Манеры Терпигорева, вся его фигура, нѣсколько разжирѣвшая, носили слѣды степного добродушія и гостепримства, однимъ словомъ, того типа русскихъ баръ, которые любили жить весело, окружать себя гостями и ничего не жалѣли, чтобы ихъ накормить и напоить. Такіе помѣщики страстно любили охоту, охотничьихъ собакъ, любили красивыхъ, рослыхъ, здоровыхъ русскихъ женщинъ, любили сытно и вкусно поѣсть, но опять таки по-русски, безъ французскихъ утонченностей, любили и выпить прилично и опять въ русскомъ вкусѣ: предпочитая иногда «березовку» или «смородиновку», рецептъ которыхъ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, — какому нибудь утонченному французскому вину.

Всѣ эти черты и были у Терпигорева. Въ первый же разъ, какъ онъ пригласилъ меня къ себѣ посидѣть вечеромъ, я засталъ у него нѣсколько человѣкъ гостей, въ томъ числѣ извѣстнаго московскаго публициста Приклонскаго. Живая бесѣда скрашивалась обильными яствами и возліяніями, при чемъ я, никогда не пьющій водки и настоекъ, съ наслажденіемъ выпилъ именно «березовки», а затѣмъ «смородиновки», совершенно необыкновенныхъ: отъ «березовки» пахло настоящими, только что распутившимися березовыми молодыми листочками, и каждая капля ея переносила васъ въ деревню, въ березовую аллею, ранней весной, когда каждый листокъ распространяетъ ароматъ. «Смородиновка» переносила ваше воображеніе въ фруктовый садъ, гдѣ среди яркой, густой травы разбросаны тѣнистые кусты крыжовника и черной смородины. Терпигоревъ сейчасъ же объяснилъ способъ приготовленія этихъ чудодѣйственныхъ нектаровъ: «нужно де собрать первые листочки, но не класть ихъ тогда же въ водку, а сохранять и только за два дня до употребленія настаивать ими вино. Тогда и получится этотъ естественный ароматъ!»

Въ первый разъ я былъ у него въ городской квартирѣ, а въ послѣдующіе за городомъ, у Строгонова моста, гдѣ онъ занималъ цѣлый барскій деревянный домъ, съ колоннами и садомъ, обращенный фасадомъ на красавицу Неву.

Терпигоревъ сумѣлъ, такимъ образомъ, устроить себѣ и въ Петербургѣ вполнѣ барскую усадьбу. Отсюда онъ чуть не ежедневно путешествовалъ въ Петербургъ «для моціона», показывался на Невскомъ среди толпы гуляющихъ, наблюдалъ эту толпу, встрѣчался съ знакомыми, останавливалъ ихъ, бесѣдовалъ и опять шелъ,

заканчивая прогулку завтракомъ или обѣдомъ, по большей части, въ ресторанѣ «Афганистанъ» (около Пассажа), куда и меня затащилъ раза два.

Въ своей усадьбѣ у Строгонова моста онъ также любилъ устраивать обѣды, «блины» и т. п. Разъ, на такихъ блинахъ, я встрѣтилъ В. А. Гольцева (изъ Москвы).

Я пришелъ нѣсколько рано. Терпигоревъ заканчивалъ съ своимъ кабинетѣ, стоя у высокой конторки, какой-то фельетонъ, который очень волновалъ его, какъ и все, что выходило изъ-подъ его пера. Въ этомъ фельетонѣ онъ полемизировалъ съ княземъ Мещерскимъ по поводу проповѣди этого послѣдняго о необходимости розогъ для мужика.

Онъ попросилъ меня «чутьочку посидѣть», такъ какъ онъ сейчасъ кончить,—далъ мнѣ альбомъ фотографій съ своихъ собакъ, выставленныхъ на послѣдней выставкѣ, но живой, страстный темпераментъ не позволилъ ему писать покойно. Онъ безпрестанно прерывалъ себя, прочитывая мнѣ вслухъ тѣ мѣста изъ своей полемики, которыя были особенно удачны и били мѣтко противника. Съ общимъ содержаніемъ фельетона онъ познакомилъ меня ранѣе, тотчасъ по моемъ приходѣ.

На Терпигоревѣ была широкая красная кумачевая рубашка, подпоясанная «святымъ» пояскомъ съ молитвой, какіе обыкновенно продаютъ въ монастыряхъ и особенно любимы крестьянами. Тотъ негодующій юморъ, съ какимъ онъ рассказалъ мнѣ о разбираемой имъ статьѣ и о планѣ своихъ возраженій, тотъ добродушно-ядовитый смѣхъ, съ какимъ онъ прочитывалъ выдержки изъ своего фельетона, сказали бы каждому, что онъ пишетъ «всѣмъ нутромъ», всѣмъ сердцемъ, что онъ живетъ тѣмъ, что пишетъ.

Фельетонъ отправленъ, и Терпигоревъ сталъ мнѣ показывать свое хозяйство. А оно состояло изъ двухъ великолѣпныхъ черныхъ сетеровъ, получившихъ золотыя медали на послѣдней выставкѣ. Были показаны и эти медали. Терпигоревъ съ наслажденіемъ ребенка и настоящего любителя заглядывался на своихъ чудныхъ героевъ, скакавшихъ къ нему на грудь и прыгавшихъ кругомъ. А я въ свою очередь любовался на его атлетическую фигуру въ красной рубашкѣ, на его не красивое, но доброе и милое лицо съ почти не исчезавшей улыбкой, сразу и добродушной и полной юмора.

Съ его женой (второй) я уже былъ знакомъ. Теперь, войдя къ намъ, въ комнату залитую свѣтомъ, она вновь заставила меня вспомнить первое впечатлѣніе отъ знакомства съ нею: это была сама жизнерадостность, здоровье, мощь, веселая привѣтливость и безпредѣльное гостепрѣимство! Терпигоревъ подобралъ себѣ и подругу жизни по своему характеру: въ ея присутствіи вы чувствовали себя дома среди друзей, которые готовы открыть вамъ всѣ свои кладовыя и

лари, чтобы вы были сыты, веселы, довольны... И вамъ невольно хотѣлось смотрѣть на ея высокую фигуру, полную, но безъ излишества, на ея пріятное лицо, пылавшее румянцемъ, на ея добрые, ласковые глаза. Совсѣмъ простой костюмъ, безъ всякихъ украшеній, какъ у всѣхъ городскихъ русскихъ женщинъ, заставлялъ васъ еще больше чувствовать себя дома и держаться безъ излишнихъ стѣсненій и свѣтскихъ формальностей.

Я не буду описывать «блиновъ», со всѣми принадлежностями къ нимъ, съ удивительной ухой и т. д.

Если я рассказываю обо всемъ этомъ, то исключительно затѣмъ, чтобы нѣсколько обрисовать типъ Терпигорева и его семьи, такъ какъ всѣ угощенія, предложенныя намъ и восхищавшія знатоковъ (а ихъ собралось человѣкъ десять-двѣнадцать), были приготовлены и сервированы самой хозяйкой. Согласіе между нею и хозяиномъ было, повидимому, безусловное, полное: ни малѣйшей тѣни недовольства; ни разу никакого замѣчанія съ его стороны или торопливости съ ея.

Но вы ошиблись бы, если бы подумали, что вся жизнь и душа Терпигорева были въ этомъ гурманствѣ, въ этихъ собакахъ. Нѣтъ, это былъ аксессуаръ, который, казалось, былъ ему такъ же необходимъ, какъ и воздухъ.

А содержаніе жизни давалось общественными вопросами, волновавшими въ то время прессу и на которые онъ откликался и въ жизни, и въ своихъ фельетонахъ со всей горячностью и подвижностью своего сангвиническаго темперамента.

Самое гурманство было у него особаго характера, болѣе симпатичное, чѣмъ обыкновенное, эгоистическое гурманство или сластолюбіе, которое мнѣ отвратительно. У него оно носило вполне общественный характеръ, было формой гостепріимства, любви къ обществу и дружеской умной бесѣдѣ, которая для русскаго человѣка какъ-то не устраивается, если нѣтъ ѣды и питія. Даже изъ моихъ воспоминаній можно видѣть, что самый, такъ сказать, цвѣтъ русской интеллигенціи не можетъ сходиться для однѣхъ бесѣдъ: ему нуженъ обѣдъ или ужинъ, и тогда развязываются языки, начинаются рѣчи. Не даромъ же въ русскомъ народѣ сложилась поговорка: «сухая ложка ротъ дереть». А Терпигоревъ былъ русскій человѣкъ до мозга костей...

Пожелаемъ же мира его праху! Онъ искренно, горячо, сердечно любилъ Россію и русскій народъ! Онъ страстно, насколько было въ его силахъ, боролся съ врагами этой любимой Россіи и ея народа!

XIV.

Н. С. Лѣсковъ.—Его характеристика, сдѣланная Терпигоревымъ.—Вѣрность этой характеристики.—Лѣсковъ въ городѣ и на дачѣ.

Нѣсколько инымъ и даже совсѣмъ инымъ представляется мнѣ Николай Семеновичъ Лѣсковъ, о которомъ тотъ же Терпигоревъ, большой мастеръ на опредѣленія людей, иногда неудобныя для печати, говорилъ, что тотъ не можетъ прикоснуться ни къ одному человѣку, не положивъ на него кусочекъ... дурно пахнущаго вещества...

У Лѣскова мнѣ пришлось быть два раза: въ первый разъ на городской квартирѣ, отдавая ему визитъ; во второй разъ на дачѣ, въ Шуваловѣ.

Въ городской квартирѣ меня поразила пестрота ея обстановки и убранства со множествомъ предметовъ русской археологіи или, попросту, русской старины, въ видѣ гравюръ, книгъ, полотенецъ, образовъ и т. п.

Все это было размѣщено съ извѣстнымъ вкусомъ, какъ на выставкѣ, и мнѣ почувствовалось, что нельзя жить уютно, полной, настоящей жизнью, среди этой искусственной обстановки. Быть можетъ, тутъ было и немало вещей цѣнныхъ по своей рѣдкости. Но, вѣдь, рѣдкость-то, прежде всего, и не есть сама по себѣ «цѣнность», т. е. удовлетвореніе живой потребности; рѣдкость цѣнна только по тому удовлетворенію, которое она даетъ своему собственнику: «вотъ молъ у меня есть какая вещь,—ни у кого другого нѣтъ такой».

И въ этой обстановкѣ (какъ это почти всегда бываетъ) сказывалась и сущность характера самого хозяина: онъ жилъ одиноко, жилъ для себя, хотя говорили, что у него есть деньги, и даже, что онъ изрѣдка даетъ ихъ подъ хорошее обезпеченіе.

Въ самыхъ его писаніяхъ сказывалось это свойство любителя рѣдкостей: онъ выбиралъ или подбиралъ такія фразы, такія слова, «какихъ ни у кого не встрѣчается», онъ рисовалъ типы, которые рѣдко встрѣчаются. Наоборотъ, ничто простое, обыкновенное, просто-жизненное, ему не было любо, вызывало въ немъ безрелигиозность или отвращеніе. Вы не найдете у него ни одного типа, ни одного лица, на которое бы онъ не положилъ «кусочекъ дурно пахнущей грязи». Даже, описывая толстовцевъ, съ которыми онъ очень любезничалъ, часто посѣщая складъ «Посредникъ», бывшій ихъ средоточіемъ въ Петербургѣ, онъ сумѣлъ въ свои описанія подпустить достаточное количество яда и безжалостной насмѣшки. Вспомните описаніе ихъ костюма или фразу о нихъ одной изъ героинь разсказа: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки».

Только прислуга изъ толстовокъ вышла у него болѣе симпатичною, да и то потому, что къ женщинамъ онъ вообще былъ снисходительнѣе, чѣмъ къ мужчинамъ.

На дачѣ мнѣ пришлось у него быть по дѣлу. Только передъ тѣмъ онъ выразилъ большое сочувствіе къ моему журналу. Именно для журнала мнѣ, въ началѣ лѣта, крайне понадобилась небольшая сумма денегъ, которую легко было покрыть изъ полугодовой подписки. Всѣ говорили, что Лѣсковъ даетъ деньги взаймы, и что у него можно попросить. Вотъ я и поѣхалъ.

Дачу въ «Озеркахъ» онъ занималъ на прекрасномъ мѣстѣ, на возвышеніи, надъ озеромъ. Съ его стеклянной галлерей было видно все огромное озеро отъ края до края и необъятная зеленѣющая даль—парковъ, дачъ, садовъ, полей и, наконецъ, на горизонтѣ—финляндскихъ лѣсовъ...

Когда я пріѣхалъ, его не было дома. Меня встрѣтила очень изящная прислуга—нѣмка, говорившая ломанымъ русскимъ языкомъ, скромная, но ласковая, очень чисто одѣтая и очень недурная собой.

Она посовѣтовала мнѣ подождать Николая Семеновича, который уже полчаса тому назадъ долженъ былъ вернуться изъ города. Я остался, и Лѣсковъ дѣйствительно возвратился домой черезъ нѣсколько минутъ. Онъ прямо прошелъ въ свою комнату, гдѣ переодевался и умывался, а затѣмъ вышелъ ко мнѣ и принялъ меня очень привѣтливо, почти дружески. (Передъ этимъ въ моемъ журналѣ была напечатана его статья).

Въ рукѣ онъ держалъ какой-то небольшой предметъ, завернутый въ бумагу.

Поговоривъ со мной, онъ позвалъ нѣмку, которой сказалъ любезно, указывая на свертокъ:

— А это—подарокъ вамъ.

— Что такое?—улыбаясь жеманно, спросила она.

— А вотъ сейчасъ развернемъ.

Оказалось, что это былъ новоизобрѣтенный «пробникъ» для молока. Достаточно было налить на этотъ «пробникъ» немножко молока, и получался оттѣнокъ, позволяющій угадывать, чисто ли оно, или содержитъ какія нибудь подмѣси.

Нѣмка выразила или старалась выразить удовольствіе отъ такого подарка, «сдѣланнаго ей», какъ выразился Лѣсковъ.

Мнѣ это показалось тогда характеристичнымъ. Даже то, что было нужно прежде всего ему самому, онъ умѣлъ сдѣлать подаркомъ для другого.

Когда онъ въ послѣдствіи посѣщалъ складъ «Посредникъ», просяживалъ тамъ по цѣлымъ часамъ, читалъ въ слухъ кое-что изъ своихъ произведеній, бесѣдовалъ или наблюдалъ чужія бесѣды и споры, мнѣ всегда вспоминался этотъ случай: онъ тоже дѣлалъ этимъ юношамъ «подарокъ», являясь запросто въ ихъ среду, но

дѣлать онъ все это для того, чтобъ намѣтить для себя новый матеріаль и дать его подъ тѣмъ соусомъ, о которомъ говорилъ Терпигоревъ.

Въ противоположность Терпигореву, режимъ Лѣскова отличался чисто нѣмецкой скромностью: на завтракъ намъ дали по ломтику яичницы и по стакану молока, вѣроятно, уже испробованнаго на новомъ инструментѣ.

Наконецъ, я рѣшился приступить и къ разговору о деньгахъ.

Лѣсковъ улыбнулся, выслушавъ мой откровенный рассказъ о положеніи дѣла, а я былъ вполне откровененъ, такъ какъ имѣлъ дѣло съ писателемъ, который еще недавно выражалъ горячее сочувствіе журналу: «значить, поможетъ,—думалъ я,—нужно только все рассказать откровенно, на чистоту».

Итакъ, онъ улыбнулся и отвѣтилъ покойно:

— Сразу видно, что вы не умѣете просить денегъ взаймы! Но въ данномъ случаѣ это все равно: у меня денегъ нѣтъ, а, если и есть, то очень не большія, а я вамъ лучше посоветую вотъ что...

И начались совѣты, въ которые вошелъ даже знаменитый богачъ Кокоревъ (бывшій откупщикъ); Лѣсковъ предлагалъ даже переговоры съ нимъ и о результатахъ меня увѣдомить, много говорилъ объ умѣ и чуткости Кокорева, о томъ, что, говоря съ человѣкомъ, онъ видитъ насквозь не только своего собесѣдника, но и землю подъ нимъ на цѣлую сажень.

Тонъ Лѣскова былъ теперь иной. Его любезность утратилась и смѣнилась сухостью дѣловыхъ разговоровъ. Я заторопился уйти отъ него, и онъ меня не удерживалъ, какъ будто я потерялъ для него всякій интересъ.

Никакого извѣщенія о его переговорахъ съ Кокоревымъ я потомъ не получалъ и не видѣлъ Лѣскова съ тѣхъ поръ ни разу.

XV.

Складъ «Посредникъ» и его значеніе въ литературѣ.—Впечатлѣніе, вынесенное мною отъ его внутренней жизни.—и Стадіи развитія этого кружка.

Отъ Лѣскова—прямой переходъ къ складу «Посредникъ», гдѣ я встрѣчался съ Николаемъ Семеновичемъ.

Этотъ «складъ» имѣетъ прямое отношеніе къ литературѣ, такъ какъ онъ едва ли не первый на Руси началъ въ обширныхъ размѣрахъ изданіе книгъ для народа, не съ цѣлью барыша или коммерческой наживы, а совершенно безкорыстно, съ идейными цѣлями, отдавая этому дѣлу бесплатно огромный трудъ и предоставляя всѣ барыши его торговой фирмѣ, взявшей на себя печатаніе и распространеніе изданій, подготовленныхъ, проредактированныхъ и даже прокорректированныхъ складомъ.

Лица, состоявшія членами склада, считали въ своей средѣ и крупныхъ богачей—аристократовъ, и небогатыхъ интеллигентовъ—разночинцевъ, но всѣ одинаково жили чрезвычайно скромно, даже бѣдно,—нѣкоторые въ своихъ квартирахъ, при семьяхъ, другіе при самомъ складѣ, въ двухъ-трехъ небольшихъ коморкахъ, иногда сырыхъ и холодныхъ и даже почти всегда холодныхъ и сырыхъ, такъ какъ члены склада стремились къ наибольшей дешевизнѣ помѣщенія и къ тому, чтобы оно было въ нижнемъ этажѣ, гдѣ можно выставить книжечки прямо на лицезрѣніе проходящему люду, въ окнахъ. Сперва складъ помѣщался на Дворянской улицѣ (на Петербургской сторонѣ) въ небольшомъ каменномъ домикѣ, внизу (теперь онъ перестроенъ); затѣмъ въ деревянномъ старомъ домѣ на углу 8-й улицы Песковъ и Греческаго проспекта. Это былъ самый оживленный періодъ въ существованіи склада. Послѣ этого перебрались въ болѣе комфортабельное помѣщеніе на Лиговкѣ, противъ 1-й улицы Песковъ, а затѣмъ дѣятельность склада была перенесена изъ Петербурга въ Москву.

Есть и теперь въ Петербургѣ складъ «Посредникъ», возникшій одновременно съ послѣдними днями прежняго: онъ не имѣлъ и не имѣетъ ничего общаго съ прежнимъ, нося съ нимъ лишь одинаковое названіе, противъ чего нельзя было принять никакихъ мѣръ, такъ какъ основатель второго «Посредника», нѣмецъ, утверждалъ, что онъ еще ранѣе получилъ разрѣшеніе на книжный магазинъ съ такимъ названіемъ.

Съ дѣятелями склада «Посредникъ» я познакомился до его открытія, получивъ сперва изъ Воронежской губерніи проектъ его учрежденія съ просьбой высказать мои замѣчанія на этотъ проектъ. Подобныя же просьбы были обращены къ иѣсколькимъ другимъ писателямъ. Вскорѣ по полученіи мною этого проекта, ко мнѣ явился и одинъ изъ основателей этого склада, молодой офицеръ морской службы, бѣлокурый, худенькій, симпатичный, съ добрыми дѣтски-ласковыми глазами, П. И. Б—въ. Затѣмъ я познакомился и съ другимъ учредителемъ склада, В. Ч—вымъ. Упоминаю объ этомъ знакомствѣ, такъ какъ черезъ Б—ва и Ч—ва я впослѣдствіи познакомился съ Л. Н. Толстымъ, о которомъ буду говорить въ слѣдующей главѣ. А теперь извращусь къ складу «Посредникъ».

Оба новыхъ знакомыхъ моихъ имѣли независимыя и даже хорошія средства: одинъ былъ помѣщикомъ Костромской, другой—Воронежской губерніи. Мысль, возникшая у нихъ, встрѣтила горячее и живое сочувствіе въ средѣ писателей и выдающихся художниковъ. Почти всѣ наши лучшіе беллетристы общались имъ дать свои рассказы, приспособленные для народнаго чтенія. Знаменитые художники общались свои иллюстраціи и рисунки. Главнымъ условіемъ складъ ставилъ, чтобы въ его изданіяхъ не было ничего,

несогласнаго съ христіанской моралью. Тотчасъ нашлось немало лицъ изъ молодыхъ литераторовъ, слушательницъ высшихъ курсовъ, интеллигентныхъ дамъ и вообще лицъ, сочувствовавшихъ просвѣщенію народа, которые предложили безвозмездно свои услуги и помощь при просмотрѣ, редактированіи и корректурѣ симпатичныхъ изданій склада. Работа закипѣла. Книжки печатались не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, издателемъ Никольскаго рынка и книжнымъ торговцемъ Сытинымъ, который быстро сталъ расширять свое издательское дѣло, приобрѣлъ паровую печатную машину, затѣмъ другую, а впослѣдствіи сталъ издавать многотомныя сочиненія и даже журналъ и газету. Изданія «Посредника» расходились въ первые же года въ милліонахъ экземпляровъ, а попытки нѣкоторыхъ другихъ лицъ взяться за то же дѣло, внося въ него иное направленіе, не имѣли успѣха и очень быстро прекращались послѣ нѣсколькихъ выпущенныхъ книжекъ.

Между тѣмъ основатели и дѣятели склада продолжали жить также скромно и бѣдно. У нихъ даже явилась мысль, что слѣдуетъ извлекать средства къ существованію только плодами производительнаго физическаго труда, а трудъ распространенія истины долженъ быть бесплатнымъ, носящимъ цѣль и награду въ самомъ распространеніи свѣта и истины. Поэтому стали задумываться о томъ, какъ бы научиться различнымъ ремесламъ. Лица, сочувствующія дѣятельности склада, почти каждый день заходили туда вечеромъ: собиралось, такимъ образомъ, иногда человекъ десяти-пятнадцать; обсуждались различныя положенія и требованія этики, читались въ слухъ новыя, особенно выдающіяся произведенія, постунившія въ складъ для изданія или просто написанныя авторами, но еще не напечатанныя. Такъ, я уже упоминалъ, что здѣсь читалъ отрывки изъ своего произведенія Лѣсковъ; здѣсь же я услышалъ въ первый разъ «Крейцерову сонату» Л. Н. Толстого и нѣкоторыя другія его произведенія и рассказы.

Удивительное впечатлѣніе выносила я каждый разъ изъ этихъ посѣщеній склада «Посредникъ»: все житейское, эгоистическое, мелкое исчезало изъ души. Она освѣщалась мягкимъ, радостнымъ свѣтомъ высочайшихъ этическихъ стремленій и цѣлей, достигнуть которыхъ казалось такъ легко въ живомъ общеніи съ другими, которые уже осуществляли отчасти жизнь, «откинувшую всякія житейскія попеченія».

Одинъ мой знакомый, любившій все выражать грубымъ, реалистическимъ, нѣсколько циничнымъ языкомъ, сказалъ мнѣ однажды, выходя изъ склада:

— Право, я чувствую себя, выходя отсюда, словно послѣ бани: чувствуешь, что вымылся, сталъ чище, легче и бодрѣе.

Мысль о ремеслахъ начала осуществляться. Сперва взяли учителя шить сапоги, потомъ переплетать, и, наконецъ, добрались до столярничанья и даже подумывали учиться слесарному дѣлу.

Такъ какъ при складѣ не было помѣщенія для обученія всѣмъ этимъ ремесламъ, требовавшимъ значительнаго мѣста для орудій, инструментовъ и матеріала, то была нанята небольшая квартирка, въ три комнаты съ прихожей, на одной площадкѣ съ моею квартирой на Слоновой улицѣ, въ домѣ Тимоѣева. Въ ней поселился одинъ изъ руководителей мастерской, большой знатокъ и дока въ разныхъ ремеслахъ, хотя онъ и служилъ передъ этимъ въ одномъ изъ петербургскихъ банковъ. Сперва дѣло обученія пошло очень хорошо. Желаящіе учиться являлись аккуратно и дѣлали успѣхи. Но мало-по-малу стали приходять не съ прежней аккуратностью; преподаватель ремеслъ, руководившій мастерской, началъ проявлять властныя наклонности, дѣлалъ рѣзкіе выговоры, грубыя замѣчанія. Общее расположеніе духа потеряло отъ этого прежнюю высокую настроенность, полную взаимной любви. Въ концѣ концовъ мастерскую стали посѣщать только три-четыре человѣка, и она закрылась...

Къ этому именно времени относится мое знакомство съ Л. Н. Толстымъ, къ которому я и перехожу теперь.

Л. Е. Оболенскій.

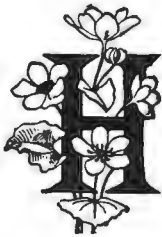
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УБИЙСТВО ПОМѢЩИКА ОЛОВЯННИКОВА.

(Быль изъ прошлой жизни).

НАДЪЛАННОЕ въ свое время много шума дѣло объ убійствѣ щигровскаго помѣщика Оловянникова и до сей поры живетъ въ памяти нѣкоторыхъ изъ курскихъ старожиловъ. Дѣло это, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу такихъ, которыя въ значительной степени обрисовываютъ особенности прошлаго быта и нравовъ и производятъ сильное впечатлѣнiе своимъ глубокимъ трагизмомъ. Вотъ уже прошло семьдесятъ лѣтъ со времени убійства Оловянникова, а между тѣмъ преданiе о немъ, переходя изъ поколѣнiя въ поколѣнiе, сохранилось до настоящаго времени въ видѣ легенды, гдѣ въ большей или меньшей степени бывшее переплетено съ небылицами. Нужно сказать, что «Оловянниковское дѣло» и для современниковъ представлялось страннымъ и загадочнымъ. Одинъ изъ нихъ, теперь уже давно покойникъ, совѣтуя мнѣ отыскать въ мѣстныхъ архивахъ данныя объ этомъ, по его выраженiю, «прогремѣвшемъ на всю Курскую губернiю казусъ», качая своей, убѣленной сѣдинами, головой, приговаривалъ:

— Темное это было дѣло, охъ, какое темное! Изъ-за этого дѣла самъ губернаторъ М. Н. Муравьевъ «выговоръ» получилъ...

Намъ удалось, однако же, послѣ продолжительныхъ розысканiй найти архивные документы, касающiеся «знаменитаго дѣла». Первое впечатлѣнiе образуетъ, такъ сказать, цѣлое море всевозможнѣйшихъ канцелярскихъ бумагъ, въ которыхъ не чаешь разобратъся путемъ. Вспоминается фраза Кантемира «лѣзть на бумаж-

ны горы», и, начавши работу, несразу овладѣваешь «полемъ зрѣнія» и уясняешь себѣ ходъ страшной жизненной драмы. Первоначальное слѣдствіе объ убійствѣ Оловяникова, дополнительныя слѣдствія, новое разслѣдованіе преступленія, движеніе по разнымъ судебнымъ инстанціямъ продолжались, въ своей совокупности, около десятка лѣтъ, результатомъ чего, конечно, явилась громадная переписка разнородныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Оловяниковское дѣло доставило много хлопотъ лѣбтовой и столичной юрисдикціи, было разсматриваемо въ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ, восходило на высочайшее воззрѣніе императора Николая Павловича и вызвало осужденіе земскаго и уѣзднаго судовъ и самой курской палаты уголовного суда. Не говорю уже о томъ, что въ дѣлѣ объ убійствѣ Оловяникова было открыто много злоупотребленій административныхъ и судебныхъ чиновниковъ, которые впослѣдствіи подверглись разнымъ наказаніямъ и взысканіямъ.

Вотъ эта грустная, но любопытная исторія.

I.

Въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губерніи, въ селѣ Красномъ, проживалъ богатый помѣщикъ, отставной майоръ Оловяниковъ. У него были обширныя имѣнія, находившіяся въ нѣсколькихъ уѣздахъ. Ко времени нашего разсказа Оловяниковъ былъ вдовцомъ, и въ одномъ съ нимъ домѣ проживали сынъ, отставной поручикъ Виссаріонъ, и незамужняя дочь Елизавета. Другая дочь Анна была замужемъ. Оловяниковъ — уже порядочный старикъ — велъ жизнь самую безалаберную, самодурствовалъ, ежедневно напивался во всю правду и забавлялся разными выходками и балаганническими продѣлками крѣпостного шута-дурачка. Къ дѣтямъ старый майоръ относился ненормально: Виссаріона, которому въ то время было уже подъ тридцать лѣтъ, онъ терпѣть не могъ, держалъ его въ черномъ тѣлѣ и отказывалъ въ самомъ необходимомъ. Бывшій поручикъ щеголялъ, вмѣсто собственнаго платья, въ обноскахъ, которыми его сужалъ домашній учитель, обучавшій когда-то дѣтей Оловяникова, да потомъ и оставшійся жить въ помѣщичьей усадьбѣ на хлѣбахъ изъ милости; ютился онъ въ маленькой комнатѣ нижняго этажа и отраду своихъ дней видѣлъ только въ выпивкѣ и приставаніи къ дворовымъ женщинамъ. Замужняя дочь Оловяникова навѣщала отца со своимъ мужемъ и дѣтьми, гостила у него, но любовью старика не пользовалась. Но зато онъ страстно любилъ незамужнюю дочь, но любовь эта необыкновенно тяготила ее. Отецъ ласкалъ ее, ни въ чемъ ей не отказывалъ, довѣрялъ упра-

вление всѣми денежными и хозяйственными дѣлами, дѣлалъ дорогіе подарки, исполнялъ всѣ ея прихоти... но требовалъ одного — безсмѣннаго дежурства при немъ и требовалъ «грозно и повелительно». Еле-еле удавалось Елизаветѣ на день, на два, отлучиться изъ дома, а когда приходилось самому Оловянникову выѣзжать въ Щигры или Курскъ, то онъ бѣльшею частью бралъ съ собою любимую дочь, что той очень не нравилось. Любопытно въ этомъ отношеніи показаніе сестры Елизаветы—Анны:

— Отецъ отказывалъ сестрѣ въ разѣздахъ по баламъ и гостямъ, запрещалъ кокетничать съ мужчинами и ни за что не хотѣлъ выдать ее замужъ. Нѣсколько помѣщиковъ изъ окрестной молодежи одинъ за другимъ предлагали ей руку. Всѣ получали отъ Оловянникова отказъ.

Онъ дѣйствовалъ въ подобныхъ случаяхъ то угрозами, то просьбами, иногда даже, если былъ навеселѣ, плакалъ и становился передъ дочерью на колѣни.

Въ 1830-мъ году, съ семействомъ Оловянникова познакомился молодой человѣкъ, поручикъ въ отставкѣ, Я—ій. Онъ очень понравился Елизаветѣ и сталъ навѣщать оловянниковскую усадьбу чаще и чаще. Прошло немного времени, и Я—ій сдѣлалъ предложеніе Елизаветѣ. Она дала свое согласіе, и оба обратились къ отцу. Тотъ и слышать не захотѣлъ о свадьбѣ, а на Я—аго закричалъ, затопалъ ногами и тутъ же поспѣшилъ отказать молодому человѣку отъ дома. Грубъ былъ старикъ, а потому зычнымъ крикомъ своимъ даже привлекъ въ свою комнату прислугу.

Елизавета прежніе отказы отца, повидимому, переносила терпѣливо. Въ этотъ разъ она упала на колѣни, расплакалась, но не смогла разжалобить Оловянникова. Послѣ того какъ женихъ ея принужденъ былъ удалиться, старикъ сказалъ дочери, что въ благодарность за отказъ ея отъ замужества онъ даритъ ей 50.000 рублей.

— Дай только мнѣ,—говорилъ онъ,—честное слово, что не покинешь меня до моей смерти, а потомъ распоряжайся, какъ хочешь!

Отецъ прослезился въ свою очередь. Дочь дала слово и взяла переданные ей отцомъ изъ шкатулки 50.000 рублей.

Пока тѣмъ дѣло и окончилось.

Черезъ нѣсколько времени Я—ій нашелъ случай видѣться съ Оловянниковой. Потомъ у нихъ устроились тайныя свиданія въ нижнемъ этажѣ барскаго дома. Случалось, когда отецъ спалъ, они катались вмѣстѣ. Будучи самъ человѣкомъ со средствами, женихъ дарилъ Елизаветѣ драгоценныя вещицы, которыя она носила, а подозрительному старику объясняла, что украшаетъ себя на подаренныя имъ деньги.

Время шло своимъ чередомъ, а о согласіи отца на бракъ и думать было нечего. Каждый день, послѣ обѣда, Елизавета вслѣдъ за отцомъ ходила въ его кабинетъ, напѣвала ему на сонъ грядущ-

щій колыбельныя пѣсни, была съ нимъ и вечеромъ. Съ нею въ отцовскую комнату допускался только шутъ, потѣшавшій своего барина. Изъ остальныхъ обитателей Оловяниковаго дома—дѣтей его, родныхъ и прислуги, никто не могъ входить въ «завѣтную» комнату. Убирала ее и даже стлала отцу постель Елизавета. Иногда старикъ просыпался ночью и надолго засаживалъ свою дочь играть съ нимъ въ пикетъ. Игра затягивалась на цѣлые часы, и Елизаветѣ ни подъ какимъ предлогомъ не позволялось замѣнять себя кѣмъ либо изъ домашнихъ. Она исполняла все, чего желалъ старикъ-отецъ, но испытывала страшныя душевныя муки, о чемъ часто говорила своей сестрѣ.

Та, какъ могла, утѣшала ее.

— Вотъ умретъ папенька, онъ человѣкъ ветхій—дряхлый, тогда все пройдетъ для тебя; будешь жить на своей волѣ.

Елизавета тяжело вздыхала и находила себѣ отраду только въ перепискѣ съ любимымъ человѣкомъ. Она стала необыкновенно задумчива и, повидимому, создавала въ умѣ своемъ планъ дѣйствія.

И здѣсь мы находимся въ области роковой тайны: почему Елизавета Оловяникова, получившая отъ отца капиталъ въ 50.000 рублей, невѣста богатаго человѣка, не предпочла уѣхать изъ отцовской усадьбы и уходомъ выйти замужъ за Я—аго... Развѣ этого не практиковалось въ то время? Несмотря на тщательныя розыски, пишущему эти строки во всемъ громадномъ дѣлопроизводствѣ не удалось найти хотя бы малѣйшаго намека на объясненіе роковой тайны, приведшей къ кровавой драмѣ.

II.

Въ декабрѣ 1831 года, съ Оловяниковымъ случилось непріятное происшествіе. Накушавшись вдоволь разныхъ яствъ (а онъ, несмотря на преклонныя лѣта, былъ порядочный лакомка), старый майоръ потребовалъ квасу. Принесли ему большую кружку освѣжительнаго напитка, и онъ не осушилъ ея сразу, а началъ смаковать квасокъ. Страшно ядовитая горечь обожгла ему ротъ. Тогда Оловяниковъ перепугался, не подсыпана ли въ квасъ отравы. Въ домѣ у него гостилъ знакомый—Пожидаевъ. По просьбѣ Оловяникова онъ отвѣдалъ подозрительнаго напитка и почувствовалъ необыкновенную горечь во рту, а потомъ тошноту.

— Тошно мнѣ стало, — сейчасъ же сказалъ гость, — замутило всего...

Хозяинъ позвалъ дворовыхъ людей, и они, по данному приказанію, отпивали изъ кружки...

— Ну, что? Ну, какъ? — спрашивалъ у cadaго крѣпостного баринъ.

— Тошнить! Горько! Дюже горько!—заявляли они.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1902 г., т. LXXXVII.

Старикъ взялъ кружку, поставилъ ее въ шкафъ и заперъ на замокъ.

— Я знаю,—твердо сказалъ онъ,—это Виссаріошкино дѣло!

И велѣлъ назавтра заложить лошадей, чтобы ѣхать въ Курскъ.

Виссаріона отецъ считалъ безпутнымъ вслѣдствіе его пьянства и заподозрѣлъ въ покушеніи на свою жизнь. И старый майоръ въ одно и то же время и ошибся, и нѣтъ. Сильнаго яда въ квасъ ему дѣйствительно выпалъ сынъ, но въ этомъ случаѣ онъ былъ исполнителемъ просьбы своей сестры Елизаветы. Она общала въ случаѣ смерти отца «озолотить» брата. Тотъ согласился отравить отца, но на сей разъ неудачно.

Оловянниковъ дѣйствительно на другой день послѣ описаннаго случая вмѣстѣ съ Елизаветою поѣхалъ въ Курскъ. Онъ привезъ съ собою злополучную кружку съ квасомъ. Въ Курскѣ старикъ обратился къ члену курской врачебной управы, доктору Ев—у, обыкновенно лѣчившему въ домѣ Оловянникова. Ев—ъ былъ хорошій пріятель Елизаветы Оловянниковой и фаворитъ сестры ея Анны.

Ев—ъ при самомъ старикѣ торжественно изслѣдовалъ квасъ и объявилъ, что въ немъ никакого яда не оказалось.

— Да какъ же такъ?—спорилъ съ докторомъ Оловянниковъ:— не я одинъ, Пожидаевъ, дворовые, всѣ замѣтили въ квасу отраву.

И подробно излагалъ обстоятельства квасопитія.

Докторъ, какъ умѣлъ, успокоивалъ Оловянникова. Тотъ, повидимому, согласился съ доводами Ев—а, но Елизавета поспѣшила послать въ усадбу записочку Виссаріону. Въ ней было сказано: «Дѣло кончено, въ квасу ничего не нашли».

А между тѣмъ отецъ берегъ квасъ, и когда собрался ѣхать изъ Курска домоі, сказалъ дочери, что онъ кружку съ квасомъ представитъ въ щигровскій земскій судъ для того, чтобы ее арестовали и находящіяся въ ней остатки кваса формальнымъ образомъ изслѣдовали. Эти слова имѣли роковыя послѣдствія. Не будь такъ настойчивъ въ этомъ случаѣ старикъ, — можетъ быть, дочь его послѣ неудавшейся попытки отдѣлаться отъ отца имѣла бы время одуматься и измѣнить свои намѣренія. Но теперь она испугалась слѣдствія и допроса Виссаріону. Теперь у нея на умѣ была одна мысль—спѣшить, какъ только возможно.

Елизавета указала брату другой путь для умерщвленія отца.

— Не бойся, — говорила она, — тебѣ ничего не будетъ, у меня въ рукахъ большой отцовскій капиталъ; Ев—ъ не выдастъ насъ изъ-за сестры Анюты. Онъ постарается, и напишутъ, что отецъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Схоронимъ концы въ воду. А деньгъ раздѣлимъ и будемъ жить по своей волѣ.

Виссаріонъ согласился; просилъ только побольше давать ему водки, что зависѣло отъ разрѣшенія сестры. А та, кромѣ брата,

подговорила еще учителя и повара. Поваръ, однако, не сразу согласился на преступленіе.

— Умертвить отца,—говорила Елизавета, — очень легко. Какъ заснетъ онъ, тутъ-то его и придушить. Пьяный онъ въ моментъ задохнется и не пикнетъ.

Въ то же время Елизавета просила Виссаріона, чтобы онъ не говорилъ впослѣдствіи о томъ, что она затѣяла отцеубійство, или даже, что она знала о немъ.

— Ты о моемъ согласіи на убійство не говори. Въ случаѣ, какъ будетъ слѣдствіе, я деньгами защищу, ни до какой бѣды не допущу. Отецъ собирается ѣхать въ Щигры, везетъ въ земскій судъ квасъ. Надо, какъ можно скорѣе, съ нимъ покончить. Я въ это время вышлю изъ горницъ всѣхъ «дѣвокъ».

Что заставило согласиться на убійство Оловянникова — домашняго учителя (умершаго раньше окончанія судебного дѣла)? По его показанію, дружба съ Виссаріономъ, съ которымъ они пьянствовали.

— До согласія моего на убійство,—сказалъ учитель,—Елизавета обращалась со мной дурно, а потомъ стала ухаживать за мной.

Любопытно показаніе повара:

— Барышня обходилась со мною строго, въ расходныхъ деньгахъ считала за грошъ или копейку. когда запомнишь, что показать въ запискѣ, грозилась говорить отцу, грозилась драть. А какъ захотѣла склонить меня на убійство отца,—вся перемѣнилась: перестала усчитывать, очень меня задарила, обѣщалась вольнымъ сдѣлать.

Въ роковой день, 24-го января 1832 года, майоръ Оловянниковъ обѣдалъ съ гостями, пріѣхавшими къ нему и квартировавшими въ нижнемъ этажѣ дома помѣщиками Фенисовыми. Онъ основательно выпилъ и покачиваясь отправился спать въ свою комнату. Отъѣздъ въ Щигры былъ назначенъ назавтра. Фенисовы также ушли къ себѣ отдохнуть. Въ это время, послѣ барскаго обѣда, горничныя сидѣли въ людской и ѣли... Елизавета прошла чрезъ людскую и сказала:

— Стучите сильнѣй ножами и вилками!

Эти слова, во время судебного слѣдствія, разбирались на разные лады; слѣдователи добивались отъ обвиняемой, зачѣмъ она произнесла ихъ. Она утверждала, что сказала «стучите» иронически, чтобы остановить громкій стукъ «дѣвокъ», мѣшавшій ей отцу спать, а обвинители находили въ произнесеніи инкримированныхъ словъ косвенную улику противъ Оловянниковой... Она, будто бы, для того велѣла стучать, чтобы не слышно было стоновъ отца, на котораго должны были напасть трое убійцъ.

Войдя въ смежную съ отцовскою комнату, Елизавета сказала брату:
— Не пропускай время!

Она выслала дѣтей своей сестры въ дѣтскую. Виссаріонъ, поваръ и учитель вошли въ гостиную и выпили водки, но боялись войти къ Оловянникову, пока онъ не уснетъ крѣпко. Дочь два раза входила въ комнату отца и убѣдилась, что онъ спитъ крѣпко. Тогда убійцы вошли и задушили старика. Елизавета ожидала ихъ въ гостиной.

Вошелъ къ ней Виссаріонъ. Онъ весь дрожалъ.

— Мнѣ страшно!—были его первыя слова...

— Молчи, дуракъ!—крикнула на него сестра... Ну, что, кончили?

— Капуть!—отвѣтилъ тотъ тихо, и на глазахъ его навернулись слезы.

— Ну, туда ему и дорога,—отвѣчала Елизавета.

Затѣмъ вышли изъ спальни поваръ съ учителемъ. По ихъ словамъ, они оставались въ комнатѣ убитаго «для поправленія его тѣла». Поваръ пошелъ прямо въ лакейскую, а учитель зашелъ къ Елизаветѣ. Та уже разговаривала съ позванной ею горничной Натальей. Учитель проговорилъ:

— Все кончено.

Елизавета на это ничего не отвѣтила и передъ горничной показала видъ, что не слышала или не поняла словъ учителя, и сдѣлала ему выразительный знакъ рукой.

Вотъ какъ, по записи курскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчачо, злоумышленники убили Оловянникова: «раскаившіеся преступники показали, что они его, давя по груди за ротъ, носъ, шею, удушили, что душеніе оное продолжалось не болѣе четверти часа, можетъ быть, и менѣе, что при ономъ душеніи Оловянниковъ всѣмъ корпусомъ хотя и дѣлалъ напряженія, хотя старался изъ рукъ преступниковъ освободиться, хотя тихимъ и томнымъ образомъ хрипѣлъ, но они не переставали продолжать давленіе, пока совсѣмъ удушили»...

Наступило для Елизаветы Оловянниковой время разыграть комедію. Она, какъ будто бы ничего не зная, вошла въ спальню отца разбудить его. Быстро вышла она оттуда и опять вошла. Черезъ минутку она выбѣжала изъ спальни, притворилась испуганной, закричала:

— Да что же это такое? Папенька, кажись, скончался.

Съ этими словами она упала на полъ, плакала и «убивалась», потомъ легла въ постель, нюхала спиртъ, но больше уже въ отцовскую комнату не показывалась.

— А я,—показалъ на судѣ Виссаріанъ,—увидѣвъ Лизаветино притворство, также притворнымъ образомъ повалился на скамейку и рыдалъ горько.

Вѣсть о смерти барина сейчасъ же разнеслась по всему дому. Сестра Елизаветы и другіе окружили ея постель, взглянули и на

трупъ старика. Гости, легшіе соснуть, были разбужены дворней и поскорѣ встали и вошли наверхъ. Фенисовы вошли въ спальню, посмотрѣли на трупъ и замѣтили на шеѣ покойника неладное.

— Непремѣнно надо дать знать земскому суду,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Послать нарочнаго!

Елизавета молчала. Фенисовы ее уговаривали.

— Смерть вашего отца,—сказалъ Николай Фенисовъ,—весьма сомнительна; неpremѣнно посылайте въ земскій судъ.

Елизавета на предложеніе Фенисовыхъ дала странный отвѣтъ:

— Отецъ мой умеръ своею смертию; въ насильственномъ умерщвлении я ни на кого подозрѣнія не имѣю. Съ какой стати дѣлать объявленіе въ земскомъ судѣ, если я попрошу священника, и онъ утвердитъ, что исповѣдовалъ и приобщалъ моего отца передъ смертию? Тогда и придратъся будетъ не къ чему.

— Нельзя безъ объявленія,—сказалъ Фенисовъ,—вы барышня, вы этого не понимаете, а это необходимо.

Онъ сѣлъ къ столу и собственноручно написалъ объявленіе въ земскій судъ и подаль его Елизаветѣ.

— Подпишите,—сказалъ онъ.—Я распоряджусь отослать.

— Ни за что, ни за что!—замахала руками Елизавета, привскочивъ съ кровати:—не пошлю въ судъ, и такъ скоронятъ.

Гости пошептались другъ съ другомъ и поспѣшили откланяться и уѣхать изъ усадьбы.

Наслушавшись рѣчей Фенисовыхъ, Виссаріонъ сталъ просить сестру послать объявленіе о скоропостижной смерти отца.

— Молчи!—крикнула она:—не выдумывай глупостей. Пошлю въ Курскъ за Ев—ымъ, онъ осмотритъ тѣло и дастъ свидѣтельство о томъ, что отецъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Вотъ и все. Земскій судъ не посмѣетъ стать въ контру съ членомъ врачебной управы.

Какъ только гости уѣхали, Елизавета немедленно встала съ кровати, стала ходить по комнатамъ, дѣлала разныя распоряженія насчетъ того, чтобы скорѣе схоронить отца, и вела себя (по словамъ свидѣтелей) такъ, какъ будто бы въ домѣ не случилось никакого несчастія. Она «не имѣла скорбленія и огорченія, а смѣялась и шутила».

Сейчасъ же заговорила она съ сестрою Анною о своемъ женихѣ.

— Женихъ мой,—сказала она,—нравился моему папенькѣ и мнѣ нравится. Мнѣ съ братьями жить нельзя.

Елизавета написала письмо Я—скому. Онъ немедленно прискакалъ въ усадьбу.

Близкіе люди знали о томъ, что старый майоръ не терпѣлъ, видѣть не могъ Я—скаго. Елизавета сочла необходимымъ сказать на это:

— Говорятъ, что папенька отказалъ Я—скому, это—не правда; это мы скрывали о его согласіи на свадьбу, скрывали потому, что не хотѣли, чтобы ктонибудь зналъ, что дано уже слово.

III.

На другой день въ Оловянниковскую усадьбу пріѣхалъ Ев—ъ. Елизавета чрезвычайно обрадовалась его пріѣзду и обратила на себя вниманіе прислуги тѣмъ, что «смѣялась и хохотала крѣпко»...

— Отчего въ это время,—допрашивалъ впослѣдствіи Елизавету слѣдственный чиновникъ:—вы были веселы и смѣялись?

— Сіе происходило,—отвѣчала обвиняемая,—отъ желанія Ев—а развлечь меня въ огорченіи моемъ. Онъ все время смѣшилъ меня.

Елизавета позвала «дворовую женку» Дарью, велѣла ей поставить самоваръ, вымыть спальню и перемыть бѣлье убитаго, на которомъ были кровавыя пятна; но такъ какъ эти пятна никоимъ образомъ не отмывались, то пришлось бѣлье спрятать на чердакъ, въ золѣ, возлѣ печной трубы.

Самъ Ев—ъ нашелъ, что о смерти Оловянникова надо оповѣстить земскую полицію. Пріѣхали исправникъ, стряпчій и уѣздный врачъ. Чиновники эти производили наскоро слѣдствіе, а Елизавета приготовила имъ пакеты съ большими, какъ оказалось впослѣдствіи, денежными вложеніями. Анатомировать тѣло взялся Ев—ъ и, какъ членъ врачебной управы, повѣялъ на уѣзднаго врача. Объявленіе о смерти Оловянникова подъ диктовку Ев—а написалъ Виссаріонъ, и въ это объявленіе была вклеена такая фраза: «покойный страдалъ геморроидальными припадками, почему и умеръ». Передъ анатомированіемъ, чтобы не былъ замѣченъ на шеѣ трупа шрамъ, Елизавета взяла довольно широкую ленточку, продѣла ее въ ушко креста и навязала на шею крестъ такимъ образомъ, чтобы ленточка прикрывала шрамъ. Стали анатомировать трупъ Оловянникова, а подлѣкаръ какъ-то неосторожно сдвинулъ съ мѣста ленточку и обнажилъ кровавый шрамъ. Ев—ъ крикнулъ на подлѣкаря:

— Затѣмъ ты сдвинулъ ленту? Угораздила тебя нелегкая!

Но такъ какъ здѣсь находились посторонніе люди, то Ев—ъ прибавилъ какъ бы въ оправданіе своего окрика слѣдующую нелѣпую фразу:

— Надо показать понятымъ, какъ у покойнаго на шеѣ ленточка лежала.

Ев—ъ самъ написалъ актъ освидѣтельствованія трупа, и въ этомъ актѣ было удостовѣрено, что причина смерти Оловянникова— апоплексія. Уѣздный врачъ только подписалъ свою фамилію.

Земскій судъ призналъ, что Оловянниковъ умеръ естественною смертію, и далъ позволеніе схоронить его. Какъ впослѣдствіи оказалось, Елизавета истратила на это позволеніе 12.000 рублей. Поваръ получилъ «вольную» и также не остался безъ вознагражденія, какъ равно учитель и Виссаріонъ, «усугубившіе послѣ этого свое пьянство».

Вскорѣ были похороны убитаго. Съѣхались его родственники. Какъ они отнеслись къ совершившемуся факту, неизвѣстно. Извѣстно только, что на другой день послѣ похоронъ отца Елизавета заявила своему дядѣ, что она рѣшилась, какъ можно скорѣе, обвѣнчаться съ Я—скимъ. Тотъ неодобрительно покачалъ головой...

— Отложи, Лизаветушка,—сказалъ онъ, — свадьбу, хоть до лѣта. Неловко теперь приступить къ этому дѣлу. Подумай!

Но племянница не стала думать; черезъ нѣсколько дней свадьба была сыграна.

На свадьбѣ Оловяниковой собралось много гостей, но родные ея отца отсутствовали. Подпившіе гости потребовали къ себѣ для забавы шута Гордея. Шутки его высоко цѣнились сосѣдями-помѣщиками.

— Гдѣ Гордя—«свиная морда»? Гдѣ онъ? Сюда его!—кричали гости:—давайте сюда дурака!

Засуетилась прислуга. Обшарили весь домъ, всю усадьбу. Шута не нашли. Навели справки: никто не могъ сказать, когда и куда онъ ушелъ. Новобрачная вздрогнула и смутилась при этомъ извѣстіи. Въ роковой день убійства шутъ толкался въ комнатахъ, Елизавета нѣсколько разъ встрѣчалась съ нимъ въ дверяхъ отцовской спальни. Нужно сказать, что когда Елизавета задумала преступленіе, то ей и въ голову не приходило опасаться шута. А онъ успѣлъ подсмотреть, какъ задушили его барина. Но каковъ былъ шутъ! ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ онъ не выдалъ себя. Когда въ усадьбѣ Оловяникова хозяйничали полицейскія власти, шутъ не сдѣлалъ никакого заявленія, и его никто не подумалъ допрашивать. Впослѣдствіи одна изъ горничныхъ показала, что послѣ смерти барина шутъ забивался въ какой либо уголъ и здѣсь, какъ она выразилась, «ревѣлъ бѣлугою».

Какъ только первое слѣдствіе было окончено, и у виновныхъ въ убійствѣ Оловяникова отлегло отъ сердца, внезапно изъ усадьбы исчезъ шутъ.

На свадебномъ пиру Елизавета убѣдилась въ этомъ, и страшная догадка смутила ее.

Между тѣмъ гости кричали:

— Сюда его, сюда Гордеюшку!

И многіе уже заранѣе хотали и потирали руки отъ предвкушенія удовольствія слушать Гордеевы присказки и видѣть его выходы, доставившія ему славу на всю округу.

Велѣно было искать шута и на деревнѣ, но его и тамъ не оказалось. Онъ былъ уже въ Курскѣ, куда добрался пѣшкомъ.

Здѣсь Гордей, въ числѣ другихъ просителей, явился къ губернатору П. Н. Демидову, упалъ къ нему въ ноги и рассказалъ все.

Губернаторъ велѣлъ чиновнику снять съ шута показаніе. Это было исполнено. Но шутъ не удовольствовался этимъ. Въ это время въ Курскѣ былъ сенаторъ Мечниковъ. Онъ ревизовалъ судебныя учрежденія Курской губерніи. Гордей нашелъ случай увидѣть сенатора и рассказалъ ему о кровавомъ происшествіи.

Сенаторъ счелъ своимъ долгомъ записать показаніе шута, а его отправилъ къ губернскому прокурору.

Загорѣлось новое дѣло. П. Н. Демидовъ послалъ въ усадьбу Оловянникова новыхъ слѣдователей: чиновника особыхъ порученій Тимченкова, жандармскаго капитана Шотена и другихъ лицъ. Неизвѣстно почему, вмѣстѣ съ слѣдователями была послана военная команда, съ оберъ-офицеромъ во главѣ. Команда заняла усадьбу Оловянникова и прилежавшую къ ней деревню. Почему оказалась необходимой эта мѣра, мы не знаемъ. Въ бумагахъ о назначеніи новаго слѣдствія было сказано: «Гражданскій губернаторъ, освѣдомясь, что слѣдователи, при весьма сильныхъ сомнѣніяхъ о насильственной смерти отставнаго майора Оловянникова, не озаботились изобличить столь важное происшествіе, приказалъ переислѣдовать дѣло».

При новомъ слѣдствіи очень скоро сознались Виссаріонъ, поваръ и учитель. Они оговорили Елизавету и ея сестру. Тѣ не сознались и съ негодованіемъ отвергли взведенное на нихъ обвиненіе. Елизавета даже подала жалобу на Тимченкова губернатору въ томъ, что онъ будто бы исторгалъ у нея признаніе помощью пристрастій и угрозъ. Теперь Елизавета начала направлять дѣло такимъ образомъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, выгородить себя отъ страшнаго обвиненія. Пущены были въ ходъ, какъ и прежде, деньги. Второе слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Оловянникова производилось весьма продолжительное время. Въ августѣ 1832 года, стало быть, почти черезъ полтора года послѣ совершенія преступленія Тимченковъ писалъ губернатору: «Окончаніемъ слѣдственнаго дѣла объ убійствѣ майора Оловянникова я день и ночь занимаюсь, но по запутанности дѣла, по прикосновенности многихъ частныхъ и должностныхъ лицъ¹⁾, старающихся избѣжать законной отвѣтствен-

¹⁾ Нужно замѣтить, что, помимо главныхъ участниковъ въ преступленіи, въ немъ дѣйствительно было замѣшано очень много лицъ, какъ, напримѣръ, персоналъ земскаго суда и полицейскіе чиновники, понятые, видѣвшіе, при вскрытіи трупа, «боевые знаки» на шеѣ, прислуга Оловянникова, подозрѣваемая въ томъ, что она знала о преступленіи, мужъ Елизаветы Я—скій и т. д. Обвинялись эти и другія прикосновенныя къ дѣлу лица въ разныхъ преступленіяхъ: кто въ недонесеніи объ убійствѣ, кто въ полученіи взятокъ, кто въ укрывательствѣ, кто въ пособничествѣ и т. п. Чѣмъ болѣе тянулось дѣло, тѣмъ болѣе возрастало число обвиняемыхъ.

ности, и по множеству предметовъ, я за всѣми моими усиленными занятіями скоро окончить производство слѣдствія не могу». Губернаторъ торопилъ слѣдователя и писалъ ему, что на него жалоба за то, что онъ, когда снималъ допросъ съ Елизаветы Оловяниковой, ея сестры и другихъ женщинъ, проживавшихъ въ то время въ усадьбѣ, то велѣлъ въ сосѣдней комнатѣ звенѣть кандалами и угрожалъ допрашиваемымъ, въ случаѣ ихъ заперательства, наложеніемъ кандаловъ. Чтобы разслѣдовать эту жалобу, въ усадьбу Оловяникова губернское правленіе посылало своего совѣтника Щиголева. Была на Тимченкова и другая жалоба, будто бы онъ перепачкалъ кровью отъ убитаго пѣтуха подушки покойнаго Оловяникова и въ такомъ видѣ внезапно показалъ ихъ Елизаветѣ, чтобы она призналась въ убійствѣ.

Въ половинѣ 1832 года весь составъ щигровскаго земскаго суда, исправникъ и стряпчій, производившіе первое слѣдствіе, были преданы суду уголовной палаты. Губернаторъ Демидовъ потребовалъ отъ члена врачебной управы Ев—а отвѣтовъ на «вопросные пункты» по Оловяниковскому дѣлу. Ев—ъ отвѣчалъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ.

«Къ дѣлу о смертномъ убійствѣ Оловяникова,—писалъ онъ,—я привлекаемъ быть не могу, потому что злодѣйство то произведено за 40 верстъ отъ меня. Слѣдователь совершенно напрасно сталъ дѣлать розыскъ обо мнѣ, какъ будто государственномъ злоумышленникѣ, самъ придумывалъ неосновательныя подозрѣнія и другихъ приводилъ къ бездоказательнымъ, злословнымъ и даже поносительнымъ навѣтамъ на меня. Съ своей стороны на его «вопросные пункты» я отвѣтовъ не дамъ, потому что многіе изъ вопросовъ слѣдователя не только съ законами, но и съ разсудкомъ не согласны и даже смѣхъ и хохотъ въ себѣ содержатъ».

Тогда отъ Ев—а потребовало показаній курское губернское правленіе. Ев—ъ въ томъ же духѣ отвѣчалъ и этому присутственному мѣсту. Оно сдѣлало новый запросъ. Полицеймейстеръ ѣздилъ къ Ев—у, а тотъ и знать ничего не хотѣлъ, отговариваясь и отписываясь. Въ это время сынъ Оловяникова—Виссаріонъ, учитель и поваръ находились въ тюрьмѣ, а Елизавета на свободѣ. Она выдала полную довѣренность на управленіе имѣніями мужу, а тотъ вскорѣ долженъ былъ по частямъ закладывать ихъ; видимое дѣло, что для устраненія висѣвшей надъ головою грозы приходилось Елизаветѣ направо и налѣво расточать взятки.

Какъ бы ни было дѣло, въ концѣ 1832 года слѣдствіе было закончено, и слѣдователь, по представленію П. Н. Демидова, за свои труды получилъ высочайшую награду—орденъ св. Станислава 4-й степени. Между тѣмъ едва успѣлъ Демидовъ, переведенный въ другое мѣсто, выѣхать изъ Курска, какъ курская уголовная палата признала слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Оловяникова «непол-

нымъ» и потребовала новаго разслѣдованія. Новый слѣдователь занялся разсмотрѣніемъ дѣйствій и поступковъ прежняго слѣдователя, а объ обвиняемыхъ не проронилъ ни полслова. А губернской прокуроръ писалъ въ курское губернское правленіе о томъ, что «такъ какъ ему предписано министромъ юстиціи наблюденіе по дѣлу объ убійствѣ отставнаго майора Оловяникова, то онъ считаетъ необходимымъ, чтобы подсудимымъ были предоставлены всѣ средства къ оправданію», какъ будто бы кто либо мѣшалъ имъ оправдываться.

Съ 1834 года Оловяниковское дѣло вступило въ новый фазисъ, который идетъ до самаго окончанія его. Этотъ фазисъ—самый любопытный и въ то же время неудобный въ своихъ подробностяхъ для изложенія вслѣдствіе того, что въ это время тянулась безконечная и скучная переписка присутственныхъ мѣстъ по дѣлу объ убійствѣ Оловяникова. Достаточно сказать, что дѣло это было окончено только въ концѣ 1838 года, т. е. замедлилось на цѣлыхъ семь лѣтъ, несмотря на то, что окончанія его требовалъ нѣсколько разъ министр юстиціи и самъ государь Николай Павловичъ. Въ мартѣ 1834 года, состоялось именное повелѣніе о скорѣйшемъ окончаніи дѣла объ Оловяниковѣ уголовною палатою. Палата въ длиннѣйшей отпискѣ, гдѣ ею подробно были расписаны полученія и отправленія бумагъ, движеніе ихъ по разнымъ инстанціямъ и т. п., заявила, что дослѣдованіе о совершенномъ преступленіи заключаетъ въ себѣ 497 листовъ, а «дѣло объ умерщвленіи Оловяникова, чрезъ производство трехъ слѣдствій, вмѣстѣ съ производствами уѣзднаго суда и сея палаты, независимо отъ того обслѣдованія, на 3.700 листахъ размножено, и теперь изъ дѣла составляется экстрактъ, къ чему прилагается неусыпное стараніе». Для проявленія этого неусыпнаго старанія понадобились цѣлые годы. Просмотръ вороховъ исписанной бумаги выясняетъ намъ то обстоятельство, что въ Курскѣ по дѣлу Оловяникова боролись два теченія—административное и судебное: курскіе губернаторы и губернское правленіе старались направить пресловутое дѣло на надлежащій путь, предавали суду виновныхъ въ потворствѣ чиновниковъ, посылали предписанія и предложенія, а судебныя власти, губернской прокуроръ, стряпчіе, уголовная палата держали руку подсудимыхъ, затягивали дѣло до безконечности, а палата поголовно оправдывала всѣхъ, кого губернское правленіе отдавало подъ судъ. Зато подсудимые, получившіе громадное наслѣдство, при окончаніи дѣла оказались совершенно нищими. Не будетъ никакой ошибки, если скажемъ, что въ этомъ дѣлѣ полетѣла сотня тысячъ. А когда фонды были исчерпаны до дна, то изъ уголовной палаты Оловяниковское дѣло было отправлено въ сенатъ, о чемъ палата писала губернскому правленію: «благоволитъ оно правленіе быть извѣстно, что дѣло объ умерщвленномъ щигровскомъ помѣщикѣ майорѣ Григорѣѣ

Оловяниковъ сыномъ его Виссаріономъ съ товарищи внесено сего числа въ правительствующій сенатъ. Предсѣдатель Горпачевскій, за секретаря Четвериковъ, повытчикъ Козловъ».

По рѣшенію уголовной палаты, Елизавета была признана ни въ чемъ невиновною.

Во второмъ фазисѣ производства Оловяниковскаго дѣла встрѣчается много курьезныхъ фактовъ. Курскій губернскій прокуроръ одну судебную бумажку, которую могъ просмотрѣть въ одинъ день, просматривалъ два года, что было констатировано сенатомъ. Какъ мы выше видѣли, членъ врачебной управы Ев—ъ дерзко отказывался отвѣчать на слѣдственные вопросы и, зная духъ и направленіе присутственныхъ мѣстъ, требовалъ, чтобы дѣло о немъ было передано изъ губернскаго правленія въ уголовную палату. Тогда губернаторъ донесъ о дѣйствіяхъ Ев—а министру внутреннихъ дѣлъ, и тотъ устранилъ замѣшаннаго въ преступленіи штабъ-лѣкаря отъ должности, передавъ его на судъ палаты. Палата оправдала Ев—а, и онъ началъ было добиваться возстановленія себя въ прежней должности; но въ это время подоспѣло высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ Ев—ъ былъ осужденъ. Щигровскій уѣздный судъ, по требованію губернскаго правленія, долженъ былъ представить копію съ одного изъ судебныхъ документовъ и выполнилъ это только черезъ полтора года, со времени поступленія въ судъ требованія. Уголовная палата оправдала членовъ щигровскаго земскаго суда, а сенатъ велѣлъ всѣмъ членамъ и предсѣдателю палаты объявить выговоръ и обнародовать объ этомъ по всей Россіи, посредствомъ сенатскихъ указовъ и напечатанія въ Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Но такъ или иначе, а средства Елизаветы Я-ской, прожившей уже почти восемь лѣтъ съ мужемъ и имѣвшей дѣтей, изсякли. Къ тому времени ея дѣло было рассмотрѣно въ сенатѣ, который въ обширномъ указѣ своемъ поставилъ на видъ Курской уголовной палатѣ множество ея проступковъ. По словамъ сенатскаго указа, палата «отвлеклась въ превратное сужденіе и разнорѣчивое толкованіе обстоятельствъ дѣла и, ослабляя силу доказательствъ противъ Елизаветы Я-ской, впала въ противорѣчія при разсужденіи о виновности подсудимыхъ и не дала вѣры свидѣтелямъ, учившимъ Я-скую, желая всѣми стараніями изъять ее отъ законнаго, за преступленіе, наказанія».

О губернскомъ прокурорѣ сенатъ писалъ слѣдующее: «прокуроръ долженъ былъ, какъ можно чаще, доносить о дѣлѣ министру юстиціи, а онъ всемѣрно скрывалъ отъ министра его ходъ. Когда же дѣло сіе сдѣлалось гласнымъ, то черезъ три года сталъ входить къ министру съ разными представленіями, но и въ это время скрывать нѣсколько журналовъ губернскаго правленія отъ министра юстиціи.

Въ длинномъ перечнѣ разныхъ унущеній сенатъ не миновалъ и тогдашняго курскаго губернатора, впоследствии знаменитаго графа М. Н. Муравьева. Ему было сдѣлано «замѣчаніе» за то, что онъ при представленіи въ сенатъ всѣхъ данныхъ по дѣлу объ убійствѣ Оловяникова не представилъ своего мнѣнія, что обязанъ былъ сдѣлать.

Изъ сената Оловяниковское дѣло, по повелѣнію государя Николая Павловича было передано въ государственный совѣтъ. Государственный совѣтъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, согласно съ сенатомъ, положилъ: Виссаріона Оловяникова и повара, а также Елизавету Я-скую сослать въ каторжныя работы, при чемъ повару прежде ссылки, въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ задушилъ своего барина, назначено было дать чрезъ посредство палача 20 ударовъ кнутомъ. Сестра Елизаветы—Анна, которая, какъ это выяснилось изъ хода судебного дѣла, знала объ умыслѣ своей сестры на жизнь отца, была приговорена къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Изъ другихъ виноватыхъ отмѣтимъ наказаніе Е—ву и щигровскому уѣздному лѣкарю Д—у. Обоихъ было велѣно отрѣшить навсегда отъ должностей и впредь никогда въ службу не опредѣлять.

На мнѣніи государственнаго совѣта государемъ 27-го октября 1838 года написано: «Быть по сему».

Такова одна изъ жанровыхъ картинокъ дореформеннаго прошлаго на почвѣ суда и расправы.

А. Танковъ.

ПИРОГОВЪ И БУЛГАРИНЪ.

(Страница изъ биографіи Н. И. Пирогова) ¹⁾.

ИМЯ великаго ученаго и рядомъ съ нимъ имя величайшаго литературнаго проходимца — такое странное со-сѣдство должно поразить cadaго, даже только по-верхностно знакомаго съ личностью того и другаго. Every inche a gentleman Пироговъ и «Видокъ Фигля-ринъ»! Что дало поводъ поставить эти два имени ря-домъ? Отвѣтъ напрашивается самъ собою. Вѣроятно, какая нибудь гадость, сотворенная почтеннымъ «дѣдушкой Оаддеемъ». И дѣй-ствительно, никого не уважавшій, начиная съ себя, или вѣрнѣе, кончая собой, Булгаринъ сдѣлалъ въ своей нечистоплотной газетѣ оскорбительную вылазку противъ Пирогова. Глубоко проникнутый чувствомъ уваженія къ себѣ, глубоко уважавшій печатное слово, Пироговъ отнесся къ выходкѣ Булгарина очень строго и очень, серьезно, строже и серьезнѣе, можетъ быть, чѣмъ она заслуживала. Ту страстность, съ какою Пироговъ обрушился на Булгарина можно скорѣе всего объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ ясно видѣлъ скрытыя за спиною Булгарина торжествующія лица своихъ недоброжелателей изъ среды профессоровъ академіи. Мы думаемъ, что будемъ очень близки къ истинѣ, если предположимъ, что вся эта Булгаринская исторія представляетъ собою по началу не что иное, какъ стратегическій ходъ со стороны противниковъ

¹⁾ Читано 28-го ноября 1901 года въ торжественномъ въ память Пирогова собраніи соединенныхъ медицинскихъ обществъ въ С.-Петербурѣ.

Пирогова. Со свойственной ему порывистостью, на что и рассчитывали, Пироговъ очень сильно реагировалъ на выходку Булгарина. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пироговъ вскорѣ понялъ, что Булгаринъ, производя свои клоунады, рассчитывалъ на горячій приемъ и поддержку со стороны противниковъ Пирогова, чувствовалъ твердую почву подъ ногами. Поэтому, стремясь вывести Булгарина на свѣжую воду, Пироговъ хотѣлъ тѣмъ самымъ дать хорошій урокъ своимъ противникамъ, указать имъ, каковъ долженъ быть нравственный обликъ наставника. И вотъ возникло цѣлое официальное канцелярское дѣло «о понесенныхъ оскорбленіяхъ академикомъ Пироговымъ отъ надворнаго совѣтника Булгарина», дѣло, изъ-за котораго Пироговъ едва не оставилъ профессуры въ академіи.

Столкновеніе Пирогова съ Булгаринымъ представляетъ въ высокой степени интересную и поучительную страницу изъ біографіи великаго хирурга; оно служитъ яркой иллюстраціей, до какой степени доходили партійные раздоры профессоровъ тогдашней медико-хирургической академіи, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходила неразборчивость въ средствахъ борьбы у противниковъ Пирогова. Съ другой стороны весь этотъ эпизодъ замѣчательно полно и эффектно освѣщаетъ то печальное явленіе въ нашей журналистикѣ, которое въ свое время называлось Булгаринскимъ.

Прежде, чѣмъ развернуть предъ вами біографію Пирогова на той страницѣ, которая посвящена Булгаринской исторіи, я позволю себѣ, въ цѣляхъ лучшаго уясненія этой «картинки нравовъ», вернуться нѣсколько назадъ и познакомить васъ съ тѣми событіями, стеченіе которыхъ привело Пирогова изъ тихаго, уютнаго Дерпта въ шумный, чиновный Петербургъ.

I.

10-го сентября 1838 года, происходило обычное засѣданіе конференціи Петербургской медико-хирургической академіи. Вдругъ въ залъ конференціи вбѣгаетъ студентъ фармаціи Иванъ Сочинскій и со словами: «Варваръ, ты обреченная моя жертва»,—бросается на профессора химіи Нецаева. Увидѣвъ предъ собой поднятый ножъ, хотя и перочинный, почтенный профессоръ сталъ защищаться кресломъ, а сосѣдъ его, профессоръ Калининскій, схватилъ Сочинскаго за руку. Не разбирая уже ничего, послѣдній наноситъ ударъ ножомъ Калининскому. Подоспѣвшіе на крикъ служители схватили и обезоружили Сочинскаго.

Описанный трагическій случай, окончившійся самымъ ужаснымъ образомъ для главнаго героя его, наказаннаго шпицрутенами и умершаго вскорѣ послѣ наказанія, имѣлъ также громадныя послѣдствія

для того учебнаго заведенія, въ стѣнахъ котораго онъ произошелъ. Въ то прямолинейное время подобныя изъ ряда вонъ выходящія поступки приводили всегда къ одному результату, а именно къ тому, что кого нибудь «прогоняли сквозь строй» и кого нибудь «отдавали въ солдаты». Такъ и было въ данномъ случаѣ.

Воспитанникъ учебнаго заведенія бросился съ ножомъ на профессора, неудовлетворительная отмѣтка котораго выбрасывала его изъ этого заведенія. Кого «прогнать сквозь строй»,—это было ясно. Но кого «отдать въ солдаты»? Рѣшили «отдать въ солдаты» самое учебное заведеніе, преступную *alma mater* несчастнаго Сочинскаго. Изъ вѣдомства гражданскаго академія была передана въ вѣдѣніе военнаго министерства и специально, *excusez du peu*, въ департаментъ военныхъ поселеній подъ властную руку «ученика и сподвижника» графа Аракчеева, Петра Андреевича Клейнмихеля, достойнаго продолжателя жестокихъ дѣлъ графа.

Карательная мѣра, примѣненная къ медико-хирургической академіи, оказалась, какъ это рѣдко бываетъ, благотѣльной. Грозный попечитель академіи въ основу задуманнаго имъ преобразованія академіи положилъ одну весьма здравую мысль. Онъ порѣшилъ внести новый и прежде неизвѣстный элементъ въ составъ профессоровъ академіи и замѣстить всѣ вакантныя и вновь открывающіяся кафедры профессорами, получившими образованіе въ университетахъ. «Подсказалъ ли кто Клейнмихелю эту мысль, или она сама, какъ Минерва изъ головы Юпитера, вышла въ полномъ вооруженіи изъ головы могущественнаго визиря,—это осталось мнѣ неизвѣстнымъ», говоритъ по этому поводу въ своихъ мемуарахъ Пироговъ.

Долголѣтняя идиллія, когда «почти всѣ члены конференціи академіи были воспитанниками этой академіи, и различіе между ними было только то, что одни были наставниками другихъ», эта идиллія, о которой съ такимъ умиленіемъ говорилъ одинъ изъ историковъ академіи ¹⁾, была нарушена. Произошло своего рода «призваніе варяговъ», но не добровольное, со стороны самихъ профессоровъ, а подневольное, по желанію попечителя. Неудивительно, что профессора-аборигены встрѣтили профессоровъ-варяговъ далеко не съ распростертыми объятіями.

Благодаря этому «призванію варяговъ», и Пироговъ въ 1841 году перешелъ изъ Дерптскаго университета въ медико-хирургическую академію, занявъ новую, по его мысли, учрежденную кафедру госпитальной хирургіи.

Курульныя кресла медико-хирургической академіи въ моментъ вступленія въ среду ея профессоровъ Н. И. Пирогова были замѣ-

¹⁾ Прозоровъ. Матеріалы для исторіи императорской С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Спб. 1850.

щены далеко не блестяще. Наибольше видные представители старого поколѣнія профессоровъ, Бушъ, Спасскій, Велланскій, этотъ российский шеллингистъ, о которомъ можно сказать, какъ о Парацельсѣ, *qu'il rêve en plein midi et delire en pleine santé*,—все они сошли уже со сцены. Изъ всего состава коллегіи академическихъ профессоровъ можно было назвать лишь два, три имени, остальные члены коллегіи принадлежали къ тѣмъ профессорамъ, которые, по выраженію Гейне, не имѣютъ никакого имени. Во главѣ этой коллегіи былъ поставленъ съ громкимъ названіемъ президента академіи, но безъ всякой фактической власти, бывший главный докторъ Московскаго госпиталя Иванъ Богдановичъ Шлегель, вполне корректный человѣкъ и прекрасный, безукоризненно честный администраторъ, но совершенно чуждый наукѣ и потому лишенный въ глазахъ конференціи всякаго авторитета въ вопросахъ научнаго характера. Вершителемъ всѣхъ судебъ академіи являлся попечитель ея, П. А. Клейнмихель, предъ которымъ трепетала вся академія, начиная съ президента и кончая любымъ студентомъ. Президентъ зналъ, что въ случаѣ чего не остановились бы и предъ закрытіемъ академіи ¹⁾, а студенты знали, что въ случаѣ чего каждый изъ нихъ могъ попасть подъ красную шапку. Какое либо не понравившееся ему представленіе конференціи Клейнмихель оставлялъ совершенно безъ отвѣта, помѣтивъ лишь на соотвѣтствующей бумагѣ кратко и выразительно вздоръ ²⁾. Къ студентамъ академіи Клейнмихель обращался на ты.

Послѣ автократическаго президентства баронета Вилліе, послѣ грознаго попечительства Клейнмихеля, профессора были такъ запуганы, что въ иныхъ случаяхъ оказывались *plus royalistes que le roi même*. Такъ попечитель Анненковъ (третій попечитель академіи, замѣстившій Клейнмихеля) обратилъ вниманіе конференціи, что выраженія въ отчетѣ, читанномъ на актѣ профессоромъ Олендзскимъ о попеченіи вообще начальства и о попеченіи его Анненкова (както: называніе его меденатомъ, близкимъ сановникомъ императора, нисхождение отъ ступеней престола, недостижимость высокаго ума и добродѣтели, и проч.) должны считаться совершенно неумѣстными и даже неприличными, такъ какъ, во-первыхъ, попеченіе начальства о пользѣ ввѣреннаго ему заведенія принадлежитъ къ прямымъ его обязанностямъ и, слѣдовательно, не заслуживаетъ никакой особой похвалы, а, во-вторыхъ, подобная похвала, изъясленная въ присутствіи самихъ начальниковъ, въ глазахъ постороннихъ лицъ можетъ почестся прямою лестью. Поэтому просилъ впредь отчеты и рѣчи, предназначенныя читаться въ публичныхъ торжественныхъ

¹⁾ Исторія императорской военно-медицинской академіи за сто лѣтъ. Спб. 1898, стр. 357.

²⁾ I. с., стр. 849.

фбраніяхъ, предварительно разсматривать въ общемъ собраніи конференціи, а изъ настоящаго отчета, если его предположено гдѣ либо напечатать, «всѣ льстивыя выраженія насчетъ академическаго начальства и собственно его, Анненкова, исключить». Президентъ Шлегель принялъ въ данномъ случаѣ всю вину на себя и просилъ обратить весь выговоръ на него: «Черезъ меня,—писалъ онъ Анненкову,—конференція получила совершенно невиннымъ образомъ столь чувствительное для ученаго общества нареканіе тѣмъ болѣе, что предписаніе вашего превосходительства должно было быть объявлено въ полномъ присутствіи (конференціи) и занесено въ протоколъ (засѣданія конференціи), слѣдовательно, остается навсегда въ лѣтописяхъ академіи и можетъ возбудить невыгодное впечатлѣніе на все учебное заведеніе не только между ученымъ сословіемъ Россіи, но болѣе всего за границею и быть причиною неприятныхъ для оной (академіи) сужденій». Попечитель согласился «отнестись по сему предмету» вмѣсто конференціи къ Шлегелю.

Весь укладъ академической жизни, въ который пришлось войти Пирогову, не отвѣчалъ ни основнымъ чертамъ его характера, ни той обстановкѣ, въ который протекли первыя 5 лѣтъ его профессорской дѣятельности въ Дерптѣ.

«Вѣрно, нигдѣ въ Россіи того времени, рассказываетъ Пироговъ, не жилось такъ привольно, какъ въ Дерптѣ. Главнымъ начальствомъ города былъ ректоръ университета. Старикъ полицеймейстеръ съ десяткомъ оборванныхъ казаковъ на тощихъ лошаденкахъ, которыхъ студенты, при нарушеніи общественнаго порядка, удерживали на мѣстѣ, цѣпляясь за хвосты,—полицеймейстеръ, говорю, этотъ держалъ себя, какъ подчиненный передъ ректоромъ; жандармскій полковникъ встрѣчался только въ обществахъ за карточнымъ столомъ. Университетъ, профессора и студенты господствовали».

Попечитель не игралъ особой роли въ Дерптѣ, и даже съ такимъ попечителемъ, какъ бывший во времена Пирогова генералъ Крафштремъ—тоже экземпляръ на рѣдкость, «поступившій съ сѣдла на попечительство», Пироговъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не раскланивался, и между ними были натянутыя отношенія.

«Натянутыя отношенія» между кѣмъ либо изъ профессоровъ медико-хирургической академіи и ея попечителемъ Клейнмихелемъ послѣдній врядъ ли даже допускалъ и въ мысляхъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что въ Дерптѣ Пироговъ завѣдывалъ благоустроенной университетской клиникой, а въ Петербургѣ—хирургическимъ отдѣленіемъ громаднаго военнаго госпиталя. А каковы въ тѣ времена были госпитальные порядки, объ этомъ безъ ужаса нельзя говорить!

Первыя семь лѣтъ профессорства Пирогова въ медико-хирургической академіи можно безъ всякаго преувеличенія назвать семи-

лѣтней войной, которую пришлось вести Пирогову сначала съ госпитальной администраціей, гдѣ воръ на ворѣ сидѣлъ и воровъ погонялъ, а затѣмъ и съ враждебно настроеннымъ противъ него большинствомъ въ конференціи.

Во время этой войны противъ злобы и глупости, войны мелкой, приносившей Пирогову массу нравственныхъ мукъ, я увѣренъ, онъ не разъ вспоминалъ о той мирной идилліи, какой было его профессорство въ Дерптѣ, не разъ горько раскаивался, что «въ надеждѣ славы и добра» перешелъ въ Петербургъ. Въ этой войнѣ Пироговъ всегда дѣйствовалъ открыто, выступалъ съ поднятымъ забраломъ, въ то время, какъ его противники далеко не отличались особой разборчивостью въ средствахъ борьбы. Къ чему, къ чему только не прибѣгали противники Пирогова! Одинъ главный докторъ госпиталя напалъ на гениальную по своей простотѣ мысль: отдѣлаться отъ Пирогова, объявивъ его сумасшедшимъ. Эта гениальная идея, благодаря энергіи Пирогова, не встрѣтила, однако, сочувствія со стороны высшаго начальства, и никѣмъ непризнанному автору ея пришлось получить два основательныхъ нагоняя, — одинъ устный, другой письменный, — и въ крайне унижительной для него по своей торжественности обстановкѣ извиниться предъ Пироговымъ. Другой главный докторъ, менѣе гениальный, чѣмъ его предшественникъ, хотѣлъ подвести Пирогова подъ уголовную отвѣтственность за якобы насильственное производство операцій, вслѣдствіе чего больнымъ приходится ночью убѣгать изъ госпиталя, чтобы спастись отъ операціоннаго ножа Пирогова. Въ конференціи, если инициатива какого либо предложенія или проекта исходила отъ Пирогова, послѣдній встрѣчалъ поддержку только со стороны немногихъ профессоровъ, остальные оказывали упорное противодѣйствіе и старались тормозить дѣло. Такъ, напримѣръ, проектъ Пирогова объ устройствѣ анатомическаго института встрѣтилъ въ конференціи возраженіе, что такой институтъ совершенно не нуженъ!

Наконецъ, царившій въ то время формализмъ, благодаря которому даже въ научномъ дѣятелѣ прежде всего видѣли чиновника, формализмъ, особенно рѣзко проявлявшійся въ военномъ вѣдомствѣ съ его желѣзной дисциплиной и безграничной субординаціей, въ вѣдомствѣ, гдѣ въ тѣ времена все было сосредоточено на «игрѣ носковъ», — этотъ формализмъ могъ легко давать поводъ къ столкновеніямъ съ высшимъ начальствомъ. Такое столкновеніе и было у Пирогова незадолго до Булгаринской исторіи, о чемъ онъ упоминаетъ, много лѣтъ спустя, въ письмѣ къ баронессѣ Эдитѣ Раденъ, другу и помощницѣ великой княгини и великой женщины Елены Павловны. Пироговъ только-что вернулся тогда съ Кавказа, гдѣ онъ впервые примѣнялъ эфирный наркозъ въ военно-полевой практикѣ, оперируя иногда по 12 часовъ въ сутки, на колѣняхъ и согнувшись въ три погибели, такъ какъ вмѣсто операціонныхъ столовъ служили

большіе камни. Довольный результатами своей поѣздки Пироговъ тотчасъ по возвращеніи явился къ военному министру, а затѣмъ на аудіенцію къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Но позвольте мнѣ предоставить слово самому Пирогову.

«Никогда не забуду, пишетъ Пироговъ, въ какомъ душевномъ разстройствѣ я предсталъ предъ ней тогда, почти немедленно послѣ официальной аудіенціи у военного министра, гдѣ получилъ незаслуженный выговоръ. Утомленный мучительными трудами, въ нервномъ возбужденіи отъ результата своихъ испытаній на полѣ битвы, я велѣлъ доложить о себѣ военному министру почти тотчасъ по своемъ пріѣздѣ и не обратилъ вниманія, въ какомъ платьѣ я къ нему явился. За это я долженъ былъ выслушать рѣзкій выговоръ насчетъ моего нерадѣнія къ установленной формѣ отъ г. Анненкова (попечителя академіи). Я былъ такъ разсерженъ, что со мною приключился истерическій припадокъ со слезами и рыданіемъ (я теперь сознаюсь въ своей слабости). Послѣ этой выходки я рѣшился подать въ отставку и проститься съ академіей. Но аудіенція у великой княгини возвратила мнѣ бодрость духа и такъ меня успокоила, что я не обратилъ болѣе никакого вниманія на это отсутствіе такта въ моемъ начальствѣ».

И такое «отсутствіе такта» проявилъ Анненковъ, котораго бесспорно слѣдуетъ причислить къ лучшимъ людямъ той эпохи, и котораго самъ Пироговъ считалъ таковымъ.

Это произошло въ 1847 году. А въ 1848 году разыгралась Булгаринская исторія.

II.

Теперь позвольте васъ познакомить съ тѣмъ лицомъ, которое какъ бы ввело почтеннаго Фаддея въ профессорскую коллегію академіи, и благодаря которому Булгаринъ неожиданно-негаданно изъ фельетониста «Сѣверной Пчелы» превратился въ какого-то совѣщательнаго члена конференціи медико-хирургической академіи спеціально по вопросу объ ученыхъ достоинствахъ кандидатовъ на кафедрѣ. Лицомъ этимъ былъ экстраординарный профессоръ Шипулинскій, желавшій во что бы то ни стало сдѣлаться ординарнымъ профессоромъ.

Съ 1844 года, когда произошли первые выборы, на которыхъ Шипулинскій былъ забаллотированъ, и вплоть до 1848 года, когда должны были произойти новые выборы, Шипулинскій, какъ изъ рога изобилія, сыпалъ разными заявленіями, жалобами, прошеніями на высочайшее имя, стараясь запугать конференцію и оказать на нее давленіе извнѣ. Находя такой образъ дѣйствій Шипулинскаго далеко не корректнымъ, нѣкоторые профессора, въ томъ числѣ и Пироговъ, вооружились, противъ Шипулинскаго. Когда же въ

9*

концѣ 1847 года (29-го ноября) и въ началѣ 1848 года (11-го февраля), для открытія избирательной кампаніи, въ «Сѣверной Пчелѣ» появились фельетоны съ неумѣренно хвалебными замѣтками объ изобрѣтеніяхъ профессора Шипулинскаго, Пироговъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими профессорами высказалъ мнѣніе, что замѣтки эти внушены самимъ Шипулинскимъ. Мнѣніе это было высказано въ конференціи, въ одномъ изъ засѣданій которой фельетонъ «Сѣверной Пчелы» удостоился прочтенія. За допущеніе къ прочтенію въ засѣданіи конференціи фельетона «Сѣверной Пчелы» относительно экстраординарнаго профессора Шипулинскаго» президентъ Шлегель получилъ вполслѣдствіи «замѣчаніе отъ высшаго начальства».

Упрекъ по адресу Шипулинскаго въ рекламированіи себя при просвѣщенномъ содѣйствіи «Сѣверной Пчелы» былъ, повидимому, справедливъ. Уже одна маленькая, но бросающаяся въ глаза, чисто внѣшняя особенность указываетъ на то, что статейки о Шипулинскомъ преслѣдовали и особую цѣль: въ нихъ Шипулинскій постоянно титулуется экстраординарнымъ профессоромъ, при чемъ слово «экстраординарный» также постоянно напечатано курсивомъ. Это было своего рода *avis aux lecteurs*. Читатели должны были вывести слѣдующее заключеніе: «Вотъ, молъ, такой замѣчательный ученый, а всего только экстраординарный профессоръ». Рекламный характеръ этихъ замѣтокъ былъ очень картинно очерченъ въ чрезвычайно остроумной и бойко написанной статьѣ, помѣщенной въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» ¹⁾ за 1848 годъ подъ заглавіемъ «Письмо къ провинціальному врачу отъ провинціальнаго же врача, проживающаго въ столицѣ».

Заявленіе Пирогова, что статьи «Сѣверной Пчелы» инспирированы самимъ Шипулинскимъ, повело къ странному результату. Совершенно неожиданно на сцену выступило новое лицо. Нашелся рыцарь безъ страха и упрека, который вступился за угнетенную невинность профессора Шипулинскаго. Рыцарь этотъ, посѣдѣлый въ бояхъ, уже въ теченіе 28 лѣтъ ломалъ копыя за «правду» на аренѣ русской журналистики и былъ не кто иной, какъ самъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, редакторъ «Сѣверной Пчелы» и авторъ хвалебныхъ реляцій о научныхъ подвигахъ экстраординарнаго профессора Шипулинскаго.

Узнавъ неисповѣдимыми путями, какимъ успѣхомъ пользуются въ конференціи его печатные труды, съ какимъ интересомъ читаются въ конференціи его фельетоны, Булгаринъ рѣшилъ порадовать своихъ читателей и почитателей среди профессоровъ академіи, отблагодарить ихъ за ихъ вниманіе къ нему и его органу. И вотъ Булгаринъ обращается уже непосредственно къ членамъ конференціи,

¹⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости, 1848 г., № 54.

присылаетъ въ конференцію письмо, въ которомъ беретъ подъ свою защиту все того же экстраординарнаго профессора Шипулинскаго.

Новоявленный защитникъ чести профессора Шипулинскаго былъ въ достаточной степени знакомъ Пирогову еще по Дерпту, гдѣ у Булгарина подъ самымъ городомъ была дача-мыза Карлово, и гдѣ Булгаринъ ежегодно проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ.

«Булгаринъ,—разсказываетъ о томъ времени Пироговъ,—старался всюду проникнуть и со всѣми познакомиться, фрапируя каждого своей развязностью, походившей на наглость. Во время годовой ярмарки онъ ходилъ по лавкамъ заѣзжихъ петербургскихъ и московскихъ купцовъ и, когда они не уступали въ цѣнѣ, то грозилъ имъ во всеуслышаніе, что разругаетъ ихъ въ «Сѣверной Пчелѣ»».

Въ мемуарахъ Пирогова, доведенныхъ имъ только до начала петербургскаго періода его жизни, не упоминается нигдѣ, хотя бы попутно, объ его исторіи съ Булгаринымъ. Правда, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ записокъ Пироговъ посвящаетъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ эскайру of Carlowo, при чемъ въ одномъ мѣстѣ онъ даетъ, какъ нѣмцы говорятъ, *dem Kinde den rechten Namen*, прилагая къ Булгарину одинъ довольно опредѣленный, хотя не вполне парламентарный, зоологическій терминъ ¹⁾.

Письмо, присланное Булгаринымъ въ конференцію, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ ту «развязность, походившую на наглость» о которой говоритъ Пироговъ.

«Слухомъ земля полнится,—такъ начинается свое посланіе Булгаринъ,—дошли до меня слухи, будто бы профессоръ Пироговъ въ числѣ доводовъ, по которымъ экстраординарный профессоръ Шипулинскій не можетъ быть профессоромъ ординарнымъ въ академіи, приводитъ и то обстоятельство, что въ издаваемой мною «Сѣверной Пчелѣ» было напечатано о нѣкоторыхъ его ученыхъ трудахъ». «Профессору Пирогову вздумалось,—продолжаетъ Булгаринъ,—какъ я слышалъ, утверждать, будто эти извѣстія написаны самимъ профессоромъ Шипулинскимъ или, по крайней мѣрѣ, по его внушенію, и потому профессоръ Пироговъ обвинялъ профессора Шипулинскаго въ самохвальствѣ и шарлатанствѣ». «Если бы эта клевета касалась меня одного,—благородно заявляетъ Оаддей,—то я, зная г. Пирогова съ разныхъ сторонъ, не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія на его слова, но какъ онъ возводитъ клевету на человѣка, много и всѣми уважаемаго, то я, какъ редакторъ газеты, удостоенной всемилостивѣйшаго высочайшаго вниманія государя императора, какъ литераторъ, взысканный монаршею милостью за мои труды и пользующійся довѣріемъ и благосклонностью публики въ теченіе 28 лѣтъ, чего нельзя иначе приобрѣсти, какъ правдою, я прошу гг. членовъ конференціи обратить вниманіе на нижеслѣдую-

¹⁾ Сочиненія Н. И. Пирогова. Спб. Т. I, стр. 523.

щее». Прежде всего Булгаринъ заявляетъ, что Шипулинскій «никогда не просилъ его, чтобы онъ извѣщалъ публику объ ученыхъ трудахъ Шипулинскаго, а тѣмъ паче, чтобы хвалилъ и прославлялъ». «Честный и благородный г. Шипулинскій,—патетически восклицаетъ Булгаринъ, — хорошо понимаетъ, что похвала по просьбѣ хуже поруганія».

«Хотя я не медикъ,—повѣствуетъ далѣе Булгаринъ,—но всѣ знающіе меня медики скажутъ вамъ, что я не совершенный профанъ въ медицинѣ, ибо въ теченіе 3 лѣтъ слушалъ курсы различныхъ отраслей медицины въ Виленскомъ университетѣ единственно изъ любви къ наукѣ, и если не умѣю лѣчить, то умѣю отличить ученаго медика отъ шарлатана или проворнаго рѣзуна». Затѣмъ авторъ письма сообщаетъ конференціи, что онъ читаетъ медицинскія книги и журналы и выписываетъ ихъ для себя изъ-за границы, въ чемъ можно удостовѣриться въ почтовой экспедиціи, и что онъ, какъ журналистъ, обязанъ слѣдить за ходомъ и успѣхомъ науки. Никому, кромѣ Пирогова, не могло, по мнѣнію Булгарина, показаться удивительнымъ, что говорили въ «Сѣверной Пчелѣ» о трудахъ Шипулинскаго, когда объ нихъ говорено было и въ русскихъ и въ нѣмецкихъ медицинскихъ журналахъ. «Гораздо удивительнѣе,—пишетъ Булгаринъ,—что профессоръ Пироговъ, не зная или не желая знать о его (Шипулинскаго) ученыхъ трудахъ, могъ предположить такую низость во мнѣ и въ г. Шипулинскомъ, якобы г. Шипулинскій самъ себя хвалилъ, а я допускалъ это въ моей газетѣ. Профессоръ Пироговъ, вѣроятно, не знаетъ, что недоказанная клевета наказуется законами, а нѣтъ выше оскорбленія, какъ обвиненіе чловѣка во лживости,—поучаетъ Булгаринъ.—Профессоръ Пироговъ вѣрно забылъ также, что объ немъ гораздо чаще было говорено въ газетахъ и журналахъ, нежели о г. Шипулинскомъ. «Сѣверная Пчела» нѣсколько разъ говорила съ похвалой о немъ и еще недавно въ текущемъ году публиковала объ его пребываніи въ Кіевѣ и сдѣланныхъ тамъ операціяхъ. Не за то ли разгнѣвался профессоръ Пироговъ, что «Сѣверная Пчела» не напечатала рѣчи, произнесенной въ честь его, рѣчи, наполненной преувеличенными похвалами, которыя серьезное дѣло превратили въ смѣшное, превознося профессора Пирогова не только превыше Гиппократы, но даже превыше языческаго бога медицины Эскулапа! «Сѣверная Пчела» по благоумію отвергла рѣчь сію, охраняя честь профессора Пирогова. Въ журналѣ «Библіотека для Чтенія» печатали такія похвалы профессору Пирогову, какихъ не удостоился еще ни одинъ медикъ, ни одинъ хирургъ и ни одинъ анатомъ въ мірѣ! Даже въ «Поліцейской Газетѣ», гдѣ каждый можетъ хвалить себя, свои изобрѣтенія и труды по таксъ, выставленной въ заглавіи, — печатались похвалы профессору Пирогову! Ужели должно предполагать, что самъ профессоръ Пироговъ написалъ ко мнѣ похвальное слово себѣ

изъ Кіева, что онъ запрашивалъ или задабривалъ редактора «Библиотеки для Чтенія», давая ему медицинскія статьи въ журналъ (какъ, на примѣръ, объ этеризаціи, напечатанныя лѣтомъ), и, наконецъ, самъ помѣщалъ похвалы себѣ въ «Полицейской Газетѣ»? Оскорбленіе, нанесенное профессоромъ Пироговымъ г. Шипулинскому и мнѣ, тѣмъ болѣе оскорбляетъ меня, что я предполагалъ въ немъ любовь къ наукѣ и вслѣдствіе того безпристрастіе къ людямъ, совмѣстно трудящимся на ея поприщѣ, и, читая похвалы, печатаемыя его приверженцами въ журналахъ, вѣрилъ, что лѣта и важныя занятія измѣнили въ немъ тотъ характеръ, которымъ онъ отличался въ Дерптѣ, и что весьма было бы полезно для блага науки, которая всегда страдаетъ отъ враждованія ея жрецовъ».

Письмо оканчивается одною изъ обычныхъ Булгаринскихъ тирадъ о его правдолюбии, тирадъ, въ которыхъ Булгаринъ склонялъ правду во всѣхъ надежахъ и извращалъ истину во всѣхъ направленіяхъ.

«Руководствуясь всегда и во всемъ правдою,—пишетъ Булгаринъ,—защищая, по мѣрѣ силъ моихъ, все отечественное, сокрушаясь каждой несправедливостію, я почелъ обязанностію довести до свѣдѣнія гг. членовъ конференціи, что предположеніе профессора Пирогова (если онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ его, что почти невѣроятно), будто бы профессоръ Шипулинскій запрашивался на похвалы въ «Сѣверной Пчелѣ»,—ложное и оскорбительное для чести моей и для чести г. Шипулинскаго. *Dixi ex animam meam salvavi!*»

Гадеево посланіе было прочитано въ засѣданіи конференціи ученымъ секретаремъ ея.

И развязное начало письма и заключительное латинское изреченіе—все это придаетъ письму Булгарина какую-то фамильярность дурного тона, который онъ никоимъ образомъ не долженъ былъ себѣ позволить, обращаясь письменно къ коллегіи профессоровъ высшаго учебнаго заведенія. Не говоря уже о крайне оскорбительныхъ выраженіяхъ и намекахъ по адресу Пирогова, письмо Булгарина и по самому существу своему и по своей формѣ носило оскорбительный для всей конференціи характеръ. Это прежде всего и понялъ попечитель академіи Анненковъ, какъ только онъ ознакомился съ этимъ оригинальнымъ произведеніемъ Булгаринскаго пера. Въ виду этого Анненковъ «письмо издателя «Сѣверной Пчелы» надворнаго совѣтника Булгарина, адресованное имъ въ конференцію императорской медико-хирургической академіи, счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія военнаго министра», чѣмъ и доказалъ, что понималъ свой долгъ, какъ попечителя академіи, дорожащаго честию академіи.

Военнымъ министромъ былъ въ то время князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, личный другъ императора Николая Павловича,

человѣкъ недюжиннаго ума и независимаго характера. Къ подвѣдомственной ему академіи Чернышевъ всегда относился съ большою заботливостію. Онъ умѣлъ уважать научныхъ дѣятелей и старался привлекать въ академію лучшія научныя силы и удерживать въ ней талантливыхъ профессоровъ. Такъ, напримѣръ, когда такой выдающійся профессоръ, какимъ былъ Зейдлицъ, хотѣлъ по болѣзни оставить службу, Чернышевъ предложилъ ему взять для излѣченія отпускъ, на сколько ему угодно времени.

По приказанію Чернышева, Анненковъ имѣлъ съ Булгаринымъ личное объясненіе. Надо полагать, что попечитель академіи объяснилъ Ѳаддею Венедиктовичу, что онъ ни съ Пироговымъ, ни съ кѣмъ либо инымъ изъ членовъ конференціи не учился, какъ говорятъ французы, по одной азбукѣ и потому не долженъ былъ допускать такого развязнаго тона въ своемъ письмѣ. Результатомъ этого объясненія было извинительное письмо Булгарина на имя Анненкова, препровожденное послѣднимъ президенту Шлегелю.

Въ этомъ письмѣ, написанномъ, конечно, по требованію Анненкова, Булгаринъ уже въ довольно минорномъ тонѣ «имѣетъ честь донести, что письмомъ своимъ въ конференцію медико-хирургической академіи онъ вовсе не имѣлъ намѣренія нанести обиду или оскорбленіе г. профессору Пирогову, но желалъ только опровергнуть мнѣніе, обнаруженное въ конференціи, будто бы въ «Сѣверной Пчелѣ» помѣщено было извѣстіе объ ученыхъ трудахъ д-ра Шипулинскаго по его собственному внушенію».

«Почитая себя,—пишетъ Булгаринъ,—крайне обиженнымъ и оскорбленнымъ такимъ мнѣніемъ, я не могъ взвѣшивать словъ и выраженій въ первомъ порывѣ чувствъ, а потому, если въ письмѣ есть какое жесткое слово или неловкое выраженіе, то они сорвались съ пера не для обиды кого бы то ни было и не изъ неуваженія къ конференціи, но единственно отъ глубокой скорби, которою я былъ объятъ отъ взведеннаго на меня подозрѣнія въ дѣлѣ, на которое ни я, ни почтенный д-ръ Шипулинскій никогда бы не рѣшились, почитая его безчестнымъ».

Сравнивая оба письма Булгарина, нельзя сказать *comparaison n'est pas raison*. Здѣсь сравненіе очень многое доказываетъ. Укажу только на одно. Мы говорили, что въ рекламированіи себя Шипулинскаго обвинялъ не одинъ только Пироговъ, но также и другіе профессора. Это, конечно, было прекрасно извѣстно Булгарину. Между тѣмъ въ своемъ первомъ письмѣ Булгаринъ говоритъ исключительно только о Пироговѣ, какъ взводившемъ такое обвиненіе на Шипулинскаго. Въ своемъ второмъ письмѣ Булгаринъ выражается совершенно иначе: онъ говоритъ глухо о «мнѣніи, обнаруженномъ въ конференціи».

III.

Казалось бы, что извинительнымъ письмомъ Булгарина все дѣло должно было бы закончиться. Человѣкъ сгоряча написалъ рѣзкое письмо, ему выяснили, что оно оскорбительно, и онъ письменно же извинился. Кажется, дѣло просто. Но здѣсь именно дѣло было не такъ просто, «но умыселъ другой тутъ былъ».

Выступая защитникомъ и бардомъ Шипулинскаго, Булгаринъ имѣлъ въ виду не столько возстановленіе чести Шипулинскаго, сколько оскорбленіе чести Пирогова. Булгаринъ хотѣлъ во что бы то ни стало оскорбить Пирогова, задѣть его. Это желаніе проходитъ красною нитью чрезъ все его письмо въ конференцію, письмо, въ которомъ, какъ мы уже указывали, Булгаринъ нападаетъ только на одного Пирогова, оставляя совершенно въ сторонѣ другихъ профессоровъ, также обвинявшихъ Шипулинскаго въ рекламированіи себя на страницахъ «Сѣверной Пчелы». Своимъ письмомъ въ конференцію, своими нападками на Пирогова въ этомъ письмѣ Булгаринъ преслѣдовалъ только одну цѣль: вывести Пирогова изъ терпѣнія и вовлечь его въ журнальную полемику. Если бы Пироговъ вступилъ въ полемику съ Булгаринымъ, то затѣянная противъ Н. И. кампанія приняла бы грандіозные размѣры по количеству той грязи, которою забросалъ бы его Өаддей. Это понималъ Булгаринъ, это понимали недоброжелатели Пирогова изъ среды академическихъ профессоровъ, которые унизились до союза съ Булгаринымъ, но это понималъ и самъ Пироговъ. Пироговъ зналъ, что такое—полемика съ Булгаринымъ.

Вотъ какъ рисуетъ намъ Бѣлинскій ¹⁾ литературные приемы Булгарина.

«Журналистикой,—говоритъ Бѣлинскій,—началъ онъ свое литературное поприще, журналистикой и оканчиваетъ его теперь (писано въ 1846 году). Но и здѣсь, какъ и во всемъ, остался онъ вѣренъ самому себѣ: никакихъ принциповъ, никакихъ убѣжденій, одна литературная тактика, какъ и двадцать лѣтъ назадъ. Такъ же точно говоритъ онъ неумолкаемо о своей любви къ правдѣ и о своихъ «врагахъ». Такъ же точно хвалитъ сегодня то, что бранилъ вчера, и что снова будетъ хвалить завтра, смотря по отношеніямъ. Такъ же точно позволяетъ себѣ приписывать своимъ противникамъ то, чего они не дѣлали и не говорили, и возражать на мнѣнія, которыхъ они никогда не обруживали». Не правда ли, какъ пріятно было вести полемику съ такимъ противникомъ? Но это—только одна сторона медали. Другая—заключалась въ близости

¹⁾ Сочиненія В. Бѣлинскаго. Часть XII. Москва. 1874 г.

Булгарина къ Ш-му Отдѣленію, что придавало его полемикѣ совершенно особый букетъ.

Ш-е Отдѣленіе, въ лицѣ Бенкендорфа и Дубельта, всегда оказывало особое покровительство Булгарину. Когда послѣдній окончательно сталъ «патріотомъ своего отечества», онъ пожелалъ «избавиться отъ званія французскаго капитана», подобно тому, какъ позднѣе его protégé Шипулинскій пожелалъ избавиться отъ званія экстраординарнаго профессора. Благодаря представленіямъ Бенкендорфа ¹⁾, Булгаринъ былъ опредѣленъ въ министерство народнаго просвѣщенія, но никакой должности въ этомъ министерствѣ не исполнялъ, а «былъ употребляемъ по усмотрѣнію Бенкендорфа по письменной части на пользу службы и всѣ порученія исполнял съ отличныиъ усердіемъ». Какія опасенія внушала всѣмъ близость Булгарина къ Бенкендорфу, можно судить по тому, что Пушкинъ послѣ первыхъ нападокъ Булгарина на него въ «Сѣверной Пчелѣ» счелъ нужнымъ предупредить Бенкендорфа о своихъ отношеніяхъ къ этому человѣку (Булгарину), потому что послѣдній могъ бы причинить ему un mal infini ²⁾. Къ Дубельту Булгаринъ стоялъ еще ближе и называлъ его въ письмахъ «отцемъ и командиромъ». Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дубельту Ѳаддей самъ сообщаетъ, что однажды въ обществѣ онъ говорилъ о Дубельтѣ съ такимъ чувствомъ, что одинъ изъ старыхъ остряковъ назвалъ его Ѳаддеемъ Дубельтовичемъ.

Ѳаддея Дубельтовича Булгарина, этого матадора журнальной полемики, который, по выраженію Бѣлинскаго, «ссорился съ людьми, которые уже печатались, когда еще онъ не начиналъ учиться грамотѣ, ссорился съ людьми, которые еще не начинали учиться грамотѣ, когда уже онъ печатался»,—вотъ кого выдвинули на первую линію противъ Пирогова ледоброжелатели послѣдняго.

Булгаринъ, надо отдать ему справедливость, повелъ кампанію противъ Н. И. очень ловко. Другого, не такого «любителя правды», могло бы нѣсколько смутить одно маленькое обстоятельство: весьма лестный отзывъ о Пироговѣ по поводу его пребыванія въ Кіевѣ, отзывъ, помѣщенный уже въ «Сѣверной Пчелѣ» и притомъ самимъ Булгаринымъ ³⁾. Но Булгаринъ былъ выше этого! «Ловкій товарищъ» Греча даже очень ловко упомянулъ объ этомъ отзывѣ въ своемъ письмѣ въ конференцію.

Итакъ, предавъ забвенію свой лестный отзывъ о Пироговѣ, Булгаринъ приступилъ къ дѣлу, но повелъ его издалека.

28-го февраля (1848 года) въ обычномъ фельетонѣ Булгарина ⁴⁾,

¹⁾ Сухомлиновъ, М. И. Полемическія статьи Пушкина. Историческій Вѣстникъ, 1884 г., т. III.

²⁾ Сухомлиновъ, М. И., I. с., стр. 482.

³⁾ «Сѣверная Пчела», 1848 г., № 22.

«Сѣверная Пчела», 1848 г., № 46.

носившемъ названіе «журнальной всякой всячины», но бывшемъ, по словамъ Бѣлинскаго, «хуже всякой всячины», появилась небольшая замѣтка по поводу «Отчета общества русскихъ врачей» за 1847 годъ. Въ этомъ «Отчетѣ» нѣсколько страницъ было посвящено эфирному наркозу, при чемъ отдавалось должное Пирогову, потрудившемуся столько въ этомъ вопросѣ. Отозвавшись съ похвалою объ обществѣ и его трудахъ, авторъ фельетона дѣлаетъ совершенно не идущее къ дѣлу *postscriptum*, въ которомъ, какъ это зачастую бываетъ, и заключается вся соль.

«Читая всѣ русскіе медицинскіе журналы, — заявляетъ Булгаринъ, — мы удивляемся, что никто изъ ученыхъ врачей нашихъ не взялъ на себя необходимой обязанности слѣдить за ложными мнѣніями, утвердившимися въ публикѣ насчетъ медицины и хирургіи, и опровергать заблужденія силой правды. Такъ, напримѣръ, хирургія болѣе подлежитъ общему мнѣнію, какъ дѣло видимое, и о ней именно имѣютъ у насъ самое ложное понятіе, полагая все достоинство хирургической операціи въ скорости. Но если бы скорость составляла достоинство операціи, тогда бы пушечное ядро или топоръ были самыми лучшими инструментами! Важность операціи состоитъ не въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе отрѣзать или вырѣзать большую часть тѣла у человѣка, но чтобы искусно вырѣзать или отрѣзать и самому вылѣчить. Тотъ истинно великій хирургъ, который болѣе вылѣчилъ людей, подвергнувшихся операціи, а не тотъ, который много и скоро рѣзалъ, не боясь, что будетъ послѣ того съ больнымъ. Это — чистая логика! — патетически восклицаетъ Булгаринъ. — Знаменитый Ларрей, главный хирургъ Наполеоновской арміи, изгонялъ изъ арміи проворныхъ рѣзуновъ, которые всю славу свою поставляли въ бѣльшемъ числѣ и въ скорости операцій, и терпѣть не могъ хирурговъ, которые дерзко приступали къ рѣзанію, какъ будто къ тушѣ мяса. Нѣжность, состраданіе, мягкость пріемовъ и человѣколюбіе — первыя качества хирурга». Ларрей, рассказываетъ далѣе Булгаринъ, представилъ къ исключенію изъ службы одного хирурга, который вскрылъ трупъ своей жены; Ларрей мотивировалъ свое представленіе тѣмъ, что «этотъ человѣкъ — безъ сердца и не можетъ стяжать уваженія честныхъ и благородныхъ людей». Къ этому анекдоту о Ларреѣ Булгаринъ дѣлаетъ въ выноскѣ примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что, «къ счастью, примѣры такой безчувственности и сердцекаменѣлости такъ же рѣдки, какъ телята съ двумя головами, и что онъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ одинъ только примѣръ». Не требуется особой проницательности, чтобы догадаться, что этотъ одинъ примѣръ — Пироговъ.

«А мы, профаны, — не безъ ироніи продолжаетъ Булгаринъ, — судимъ по наружности! Кто смѣлѣе приступилъ къ дѣлу, да скорѣе отрѣзалъ, тотъ у насъ и молодецъ, а что будетъ послѣ, того мы не узнаемъ, слѣдовательно, о томъ и не заботимся. Покорнѣйше про-

симъ почтенныхъ и ученыхъ врачей бесѣдовать съ нашей публикой и просвѣщать насъ, внушая истинное понятіе о наукѣ».

Въ заключительномъ аккордѣ этой Булгаринской прелюдіи мы встрѣчаемъ уже прямой намекъ на Пирогова въ формѣ замѣчанія на отчетъ Общества русскихъ врачей, что «пора бы, кажется, бросить толки о сѣрномъ эфирѣ и приборахъ къ его употребленію и положить дѣло въ архивъ, въ отдѣленіе древней исторіи, а вмѣсто того исчислить: сколько каждый изъ нашихъ хирурговъ сдѣлалъ счастливыхъ операцій и сколько людей самъ вылѣчилъ послѣ операціи. По этому исчисленію можно было бы навѣрное опредѣлить заслуги и достоинства господъ хирурговъ».

Приведенная замѣтка Булгарина носила на первый взглядъ такой безобидный характеръ общаго разсужденія, что была полностью перепечатана въ лучшемъ медицинскомъ журналѣ того времени, издававшемся въ Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ «*Medicinische Zeitung Russlands*» и подъ редакціей доктора Максимилиана Гейне, родного брата поэта.

Итакъ первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ, кампанія противъ Пирогова началась. Но желанный эффектъ не получился. Благодаря своей «безчувственности и сердцекаменѣлости», Пироговъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на замѣтку Булгарина, въ которой послѣдній съ такимъ краснорѣчіемъ взводилъ на великаго хирурга тяжкое обвиненіе

Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду.

Неунывающій Өаддей рѣшилъ тогда повести атаку съ другого фланга и написалъ извѣстное уже намъ письмо въ конференцію медико-хирургической академіи. Это письмо было, слѣдовательно, второй перчаткой, которую бросалъ Булгаринъ Пирогову, но Н. И. не желалъ поднимать грязныхъ перчатокъ Өаддея Дубельтовича. Такимъ образомъ и этотъ стратегическій ходъ оказался неудачнымъ и повелъ къ совершенно неожиданному результату. Вмѣсто полемики съ Пироговымъ, — полемики, все удовольствіе которой уже предвкушалъ Өаддей, ему пришлось имѣть «объясненіе» съ Анненковымъ, пришлось сразу сбавить тонъ и извиняться.

Неудача съ письмомъ въ конференцію не обезкуражила Булгарина. Онъ не думалъ сложить оружія. Для него только стало яснымъ, что для того, чтобы нанести Пирогову чувствительный ударъ, нужно придумать что нибудь особенное. И Булгаринъ оправдалъ возложенныя на него надежды. Булгаринъ дѣйствительно придумалъ нѣчто совершенно особенное.

Если Булгаринъ, какъ онъ писалъ въ своемъ письмѣ въ конференцію, зналъ Пирогова съ разныхъ сторонъ, но вѣрилъ, что лѣта и важныя занятія измѣнили тотъ характеръ, которымъ онъ отличался въ Дерптѣ, то и Пироговъ, въ свою очередь, зналъ Бул-

гарина съ разныхъ сторонъ, но никогда не вѣрилъ, чтобы что либо могло измѣнить тотъ характеръ, которымъ Булгаринъ отличался и въ Дерптѣ, и въ Петербургѣ, и вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ. Но то, что произошло одновременно съ присылкой извинительнаго письма Булгаринымъ, то, что Фаддей сдѣлалъ въ то же самое время, въ тотъ же самый день, какимъ помѣчено его извинительное письмо,—такого поступка, я думаю, и Пироговъ не ожидалъ даже отъ Булгарина!

10-го марта, на другой день послѣ объясненія съ Анненковымъ, Булгаринъ написалъ свое извинительное письмо, и 10-го же марта тотъ же Булгаринъ помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» фельетонъ ¹⁾, въ которомъ взводилъ на Пирогова завѣдомо ложное обвиненіе въ плагиатъ! Фельетонъ этотъ даже теперь производитъ при чтеніи гнусное впечатлѣніе, такъ какъ очевидно, что авторъ фельетона прекрасно зналъ, что каждое его слово — гнусная ложь, каждое утвержденіе — наглая передержка. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе этотъ фельетонъ долженъ былъ произвести на Пирогова!

Уже самое начало фельетона говорить за себя.

«Возлѣ каждаго журнала,—такъ начинается Булгаринъ,—вьются роемъ трутни, которые хотятъ поживиться медкомъ, т. е. попасть въ журналъ съ чѣмъ нибудь для прославленія своего собственнаго имени или имени пріятели. Такимъ образомъ и «Библиотека для Чтенія» при всемъ умѣ и учености ея редактора попала впро-сакъ. Если глупецъ ошибется, то умный человѣкъ поправитъ, а если умный человѣкъ дастъ промахъ, то ужъ поправить ничѣмъ нельзя, какъ обнаруженіемъ истины. Послушайте и вы удивитесь, какую шутку сыграли съ «Библиотекой для Чтенія»!»

Оказывается, что въ «Библиотеку для Чтенія» за 1844-й годъ ²⁾ была помѣщена статья по поводу сочиненія Пирогова «Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла», сочиненія, выпедшаго въ свѣтъ въ томъ же 1844-мъ году и удостоеннаго академіей наукъ полной Демидовской преміи. Статья, помѣщенная въ «Библиотеку для Чтенія», не представляла собою критическаго разбора или реферата названнаго сочиненія Пирогова. Только въ началѣ статьи говорится о сочиненіи Пирогова, отдается должное этому труду, и высказывается та мысль, что и большая публика должна бы знакомиться съ подобными учеными работами. Затѣмъ авторъ статьи даетъ читателямъ довольно хорошо составленный популярный очеркъ компилятивнаго характера по анатоміи верхней конечности. Ни о Пироговѣ, ни о его «Курсѣ прикладной анатоміи», въ самомъ очеркѣ, занимающемъ 44 страницы и снабженномъ многочисленными рисунками, нѣтъ ни слова. Въ заклю-

¹⁾ «Сѣверная Пчела», 1848, № 55.

²⁾ «Библиотека для Чтенія», 1844. Томъ 63. Отдѣлъ критики, стр. 37—82.

чение авторъ отсылаетъ тѣхъ читателей, которые заинтересовались вопросомъ, благодаря его очерку, къ сочиненію Пирогова.

Вотъ этой-то статей «Библиотеки для Чтенія», напечатанной за 4 года до описываемыхъ событій, Булгаринъ и воспользовался для обвиненія Пирогова въ плагиатъ его «Курса прикладной анатоміи» изъ сочиненія Чарльза Белля о человѣческой рукѣ.

Сдѣлавъ массу передержекъ въ начальномъ отдѣлѣ статьи, благоразумно не приведя конца статьи, Булгаринъ указываетъ заимствованія, сдѣланныя авторомъ компилятивнаго очерка изъ труда Чарльза Белля, нагло выдавая этотъ текстъ за текстъ сочиненія Пирогова.

«Послѣ этихъ неоспоримыхъ уликъ, — заканчиваетъ Булгаринъ, — мы имѣемъ полное право предложить на разрѣшеніе всѣхъ просвѣщенныхъ людей вопросъ: къ кому же теперь должно отнести всѣ высокопарныя прилагательныя «Библиотеки для Чтенія»: — «плодъ долготѣннихъ трудовъ гениальнаго человѣка», «все здѣсь привлекательно», «умный ножъ» и т. д., къ Чарльзу Беллю или г. Пирогову? Въдѣ «Библиотека для Чтенія» представила текстъ Чарльза Белля и его таблицы, а похвалы отнесла къ г. Пирогову! Помилуйте, за что же обижать ученаго Чарльза Белля? Винаватъ ли онъ, что издалъ свое сочиненіе и таблицы восемью годами прежде г. Пирогова? Сознаемся, что этого мы не видали еще ни въ одной литературѣ и даже не знаемъ, какъ это называется?».

Въ послѣдней фразѣ почтенный Ѳаддей Венедиктовичъ проявилъ совершенно не свойственную ему излишнюю скромность. «Какъ это называется», — онъ долженъ былъ отлично знать, а для того, чтобы «это увидѣть», ему вовсе не нужно было дѣлать передержки въ старыхъ статьяхъ «Библиотеки для Чтенія», а стоило лишь взглянуть на одно изъ первыхъ своихъ литературныхъ произведеній. Какъ русскій литераторъ, Булгаринъ дебютировалъ изданіемъ на русскомъ языкѣ книжки польскаго ученаго Ежовскаго «Избранныя оды Горація» и «выставилъ на ней свое имя, позабывъ упомянуть имя Ежовскаго» ¹⁾. «Это былъ одинъ изъ первыхъ подвиговъ г. Булгарина во славу русской литературы и въ ознаменованіе пламенной любви его къ правдѣ», замѣчаетъ по этому поводу Бѣлинскій.

Какъ специалистъ по части плагиата, Булгаринъ понималъ, что пущенный имъ миѳъ о плагиатѣ со стороны Пирогова не могъ внушать особаго къ себѣ довѣрія. Поэтому представлялось крайне желательнымъ привести еще что либо, что могло бы дискредитировать въ глазахъ читателей «Сѣверной Пчелы» Пирогова, какъ ученаго. И вотъ вдохновители Булгарина вспомнили объ одномъ сочиненіи Пирогова, которое отличалось тѣмъ оригинальнымъ свойствомъ,

¹⁾ Бѣлинскій, I. с., стр. 481.

что въ немъ всѣ слабыя мѣста были особенно отмѣчены самимъ авторомъ. Сочиненіе это, носящее названіе «Анналовъ хирургической клиники» и изданное Пироговымъ въ 1838—1839 годахъ, въ первые годы его профессорской дѣятельности, представляетъ совершенно особый интересъ и заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться.

Выдающеюся чертою, дѣлающею величайшую честь Пирогову, какъ клиническому наставнику, представляется его научная добросовѣстность по отношенію къ своимъ ученикамъ, его откровенное признаніе предъ аудиторіей своихъ ошибокъ. Въ бытность свою за границу, до полученія каѳедры, онъ «достаточно убѣдился, что научная истина далеко не есть главная цѣль знаменитыхъ клиницистовъ и хирурговъ». Пироговъ видѣлъ тамъ, что въ знаменитыхъ клиникахъ нерѣдко принимались мѣры не для открытія, а для затемненія научной истины. «Вездѣ,—говоритъ онъ,—было замѣтно стараніе показать товаръ лицомъ, и это бы еще ничего, но съ тѣмъ вмѣстѣ товаръ худой, недоброкачественный продавался за хорошей и кому? Молодежи, неопытной, незнакомой съ дѣломъ, но инстинктивно ищущей научной правды».

Это недостойное и несимпантическое стремленіе шло совершенно въ разрѣзъ со взглядами Н. И. на обязанности клиническаго наставника. «Для учителя такой прикладной науки, какъ медицина,—писаль онъ,—необходима, кромѣ научныхъ знаній и опытности, еще добросовѣстность, приобретаемая только труднымъ искусствомъ самосознанія, самообладанія и знанія человѣческой натуры». И вотъ, чтобы приблизиться, сколько можно, къ тому идеалу, который Пироговъ составилъ себѣ объ обязанностяхъ профессора хирургіи, онъ положилъ себѣ за правило при первомъ своемъ вступленіи на каѳедру ничего не скрывать отъ своихъ учениковъ, откровенно сознаваться предъ своими слушателями въ своихъ ошибкахъ и во всѣхъ промахахъ у постели больного.

Осуществленіемъ такого рѣшенія на дѣлѣ явилось изданіе Пироговымъ «Анналовъ (лѣтописей) хирургической клиники» за первые два года его профессорства въ Дерптѣ, составленныхъ имъ въ этомъ духѣ. «Анналы» эти представляютъ собраніе клиническихъ лекцій Пирогова и описаніе случаевъ, наблюдавшихся въ клиникѣ. Обыкновенно подобные клиническіе отчеты носили и носятъ совершенно иной характеръ. Выбираются наиболѣе блестящіе клиническіе случаи въ смыслѣ діагноза или лѣченія, и о нихъ-то главнымъ образомъ и повѣствуется *ad majorem gloriam* автора отчета; о неудачныхъ же—въ лучшемъ случаѣ упоминается либо вскользь, либо за волосы притягиваются всѣ возможныя и невозможныя извиняющія и смягчающія вину обстоятельства. Въ «Анналахъ» Пирогова мы видимъ діаметрально-противоположное направленіе. Взявъ эпиграфомъ слова Ж. Ж. Руссо изъ его «Исповѣди»: «*Que la trompette du ju-*

gement dernier sonne quand elle voudra; je viendrai ce livre à la main me présenter devant le souverain juge. Je dirai hautement: voila ce que j'ai fait, ce que j'ai pensé, ce que je fus», Пироговъ въ своей клинической исповѣди также не щадилъ себя и откровенно сознавался въ своихъ ошибкахъ, какъ при діагнозѣ, такъ и въ лѣченіи, подробно останавливаясь на такихъ случаяхъ. Въ предисловіи своемъ молодой профессоръ заявилъ, что пишетъ книгу эту не для того, чтобы служить молодымъ врачамъ примѣромъ дѣйствій при постели больного, а для того, чтобы не служить.

Какое отрадное впечатлѣніе своею научною добросовѣстностью произвели «Анналы» Пирогова, можно судить по слѣдующему факту. Когда печатались «Анналы», неожиданно ночью является къ Пирогову цензоръ, профессоръ минералогіи Энгельгардтъ, вынимаетъ изъ кармана одинъ листъ «Анналовъ», читаетъ вслухъ взволнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ откровенное признаніе автора въ грубѣйшей ошибкѣ діагноза и сопровождающій это признаніе упрекъ собственному тщеславію и самомнѣнію. Прочитавъ, старикъ-профессоръ принялся обнимать Пирогова и сказалъ, совершенно растроганный: *ich respectiere Sie* (я уважаю васъ). «Этой сцены,—говоритъ Пироговъ,—я никогда не забуду; она была слишкомъ отраднa для меня..... За это душевное *respectiere* старика я готовъ былъ перенести не одну, а тысячу критикъ».

Пироговъ, раскрывая самъ свои ошибки и критикуя себя безпощадно, не предполагалъ, что найдутся охотники воспользоваться его положеніемъ и въ критическомъ разборѣ снова выставить на видъ признанные имъ самимъ грѣхи его. Критикъ, однако, нашелся и «началъ валять» Пирогова. «Дѣло было,—говоритъ Н. И.,—конечно не трудное. Я самъ облегчилъ ему этотъ трудъ, потому что, печатая свои ошибки, валялъ себя безъ милосердія». Критикъ, такъ отваявшій Пирогова, былъ его петербургскій знакомый, докторъ Задлеръ, написавшій огромную критическую статью. Съ этою статьей въ рукахъ Пироговъ явился въ свою аудиторію и доказалъ, что въ статьѣ еще многія изъ его ошибокъ не были выставлены. «Я выигралъ въ глазахъ моихъ слушателей,—говоритъ онъ,—и, благодаря этой критикѣ, они мнѣ начали вѣрить вдвое болѣе прежняго».

Такимъ образомъ, если «Анналы» не должны были, по заявленію ихъ автора, служить молодымъ врачамъ примѣромъ дѣйствій при постели больного, то съ другой стороны научная добросовѣстность, которою дышала эта клиническая исповѣдь, должна была служить молодымъ и даже старымъ профессорамъ образцомъ подражанія.

Кромѣ критики Задлера, упомянутой Пироговымъ, по поводу «Анналовъ хирургической клиники» появилось въ медицинској журналистикѣ немало замѣтокъ, которыя, однако, въ большинствѣ случаевъ проглядѣли идейную сторону книги, ея воспитательно-

этическое значеніе, а обратили вниманіе лишь на фактическій матеріалъ. Между прочимъ въ одной статьѣ ¹⁾, посвященной вопросу о желательности или нежелательности спеціализаціи, авторъ констатировалъ рѣзкое численное превосходство выдающихся хирурговъ сравнительно съ представителями внутренней медицины, какъ на каедряхъ, такъ и среди практическихъ врачей, и отмѣтилъ сильное увлеченіе хирургіей въ ущербъ изученію внутренней медицины. Въ доказательство вреда слишкомъ односторонней спеціализаціи авторъ статьи привелъ нѣсколько исторій болѣзней изъ «Анналовъ» Пирогова, гдѣ послѣдній, какъ слишкомъ увлекающійся, по мнѣнію его, хирургъ примѣнилъ слишкомъ энергическое и нераціональное лѣченіе, результаты котораго оказались крайне плачевны. Однимъ словомъ, авторъ статьи указываетъ, съ точки зрѣнія спеціалиста по внутренней медицинѣ, ошибки, сдѣланныя Пироговымъ.

Коротенькій рефератъ этой статьи былъ помѣщенъ въ библиографическомъ медицинскомъ изданіи ²⁾. Этотъ-то рефератъ и былъ въ рукахъ Булгарина, который и приводитъ выписку изъ него, гдѣ говорится, что въ своихъ «Анналахъ» Пироговъ хотя и является дѣльнымъ анатомомъ и операторомъ, но все-жъ эти «Анналы» явно доказываютъ, какъ печаленъ часто бываетъ результатъ тамъ, гдѣ хирургія не идетъ рука объ руку съ медициной, и какъ необходимо, чтобы рядомъ съ такими хирургическими наставниками были поставлены дѣльные терапевты (*dass solchen chirurgischen Lehrern tüchtige innere Aerzte zur Seit gestellt werden*). Послѣднюю фразу Булгаринъ переводитъ: «чтобы при такихъ хирургическихъ учителяхъ находились для руководства знающіе медики».

Приведенной выпискѣ изъ библиографическаго изданія, которое подъ пылкимъ перомъ фельетониста «Сѣверной Пчелы» превратилось въ «знаменитое во всемъ ученомъ мірѣ изданіе», а редакторъ его въ «члена всѣхъ европейскихъ учено-медицинскихъ академій и обществъ», Булгаринъ предпосылаетъ замѣчаніе, что «не всѣ такъ судятъ о трудахъ г. Пирогова, какъ «Библіотека для Чтенія». Заключаетъ же онъ самую выписку указаніемъ на предшествовавшій фельетонъ, гдѣ, не называя Пирогова, онъ дѣлалъ на него различные намеки. «Эти высокія истины,—говоритъ Булгаринъ,—высказанныя въ ученой Германіи, въ первомъ медицинскомъ изданіи, знаменитыми врачами, не требуютъ поясненій и подтверждаютъ сказанное нами въ № 46 «Сѣверной Пчелы» о хирургахъ и хирургическихъ операціяхъ вообще».

Если бы Булгаринъ и его вдохновители, говоря объ «Анналахъ» Пирогова, могли, хотя бы въ ничтожной степени, проникнуться тѣмъ

¹⁾ *Wochenschrift für die gesammte Heilkunde, von Dr. Casper. 1889, № 2.* (Статья Dr. A. Fischer'a).

²⁾ *Repertorisches Jahrbuch für die Leistungen der gesammten Heilkunde im Jahre 1889. Von I. I. Sachs. Bd. I, p. 171—172.*

духомъ научной добросовѣстности, которымъ запечатлѣна каждая страница этого сочиненія, то они вмѣсто того, чтобы цитировать изъ вторыхъ рукъ, по реферату статьи, обратились бы къ первоисточнику, къ самой статьѣ. Тогда Булгаринъ прочелъ бы, что, по мнѣнію автора статьи, «Анналы» Пирогова «способны приковать къ себѣ во многомъ отношеніи вниманіе мыслящихъ и пытливыхъ врачей, что они знакомятъ насъ съ блестящими анатомическими и хирургическими познаніями человѣка, который, повидимому, рожденъ и призванъ, чтобы со временемъ стать изъ ряда вонъ выходящимъ и для своего отечества неопцѣнимымъ операторомъ, такъ какъ въ немъ сказываются всѣ тѣ свойства, которыя рѣдко совмѣщаются въ одномъ и томъ же лицѣ, но которыя въ такомъ случаѣ даютъ тѣмъ вѣрнѣе право на достиженіе самаго высшаго, что только возможно, въ хирургіи». Тогда Булгаринъ точнѣе узналъ бы, какъ «судять о трудахъ Пирогова «въ ученой Германіи» «знаменитые врачи».

Фельетонъ «Сѣверной Пчелы» отъ 10-го марта, какъ видятъ читатели, отличался большимъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Здѣсь было и обвиненіе Пирогова въ плагиатѣ, и мнѣніе одного германскаго терапевта объ его «Анналахъ хирургической клиники», и, наконецъ открытое объявленіе его *orgi et urbi* «проворнымъ рѣзуномъ». Здѣсь Булгаринъ собралъ всѣ свои силы и представилъ намъ своего рода *coup de maître*. Ударъ былъ на этотъ разъ рассчитанъ вѣрно. Этотъ фельетонъ переполнилъ чашу терпѣнія Пирогова, и онъ привялъ наконецъ вызовъ Булгарина. Особенно возмутить Пирогова долженъ былъ этотъ фельетонъ еще и потому, что не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что при его составленіи автору была оказана «врачебная помощь». Трудно предположить, чтобы сочиненіе Чарльза Белля было знакомо Булгарину. Еще труднѣе допустить, чтобы Булгаринъ зналъ объ «Анналахъ» Пирогова. Существованіе нѣмецкаго медицинскаго библиографическаго изданія, несмотря на всю его «знаменитость», о которой говоритъ Булгаринъ, не было, конечно, ему извѣстно, какъ слишкомъ спеціальное, и найти въ такомъ изданіи замѣтку, помѣщенную 9 лѣтъ тому назадъ, могъ, конечно, только специалистъ-медикъ.

Отвѣтомъ со стороны Пирогова на вызовъ Булгарина было заявленіе, поданное Н. И. въ конференцію.

Указывая въ этомъ заявленіи, что Булгаринъ въ своемъ письмѣ въ конференцію «позволилъ себѣ различныя обидныя для него выраженія», Пироговъ усматривалъ изъ письма Булгарина, что послѣдній, во-первыхъ, «причинилъ личную обиду въ полномъ засѣданіи присутственнаго мѣста одному изъ членовъ этого мѣста» и, во-вторыхъ, «узналъ недозволеннымъ образомъ о ходѣ и обсужденіи дѣла учено-канцелярскаго».

«Не удовольствовавшись этимъ (курсивъ нашъ),—возмущается далѣе Пироговъ,—онъ обвинилъ въ № «Сѣверной Пчелы» 10-го марта мое сочиненіе (Полный курсъ прикладной анатоміи), награжденное полною преміею академіи наукъ, какъ оригинальное, въ плагиатѣ изъ сочиненія Чарльза Белля и въ этомъ же №, сдѣлавъ замѣчаніе о недостаткахъ моего другого сочиненія, сослался на предшествовавшій № «Сѣверной Пчелы», въ которомъ была имъ же помѣщена статья о достоинствахъ хирурговъ и хирургическихъ операций вообще. Сличивъ эти два №№ газеты, обнаруживаются тоже нанесенныя мнѣ лично укоризны и обиды».

Затѣмъ Пироговъ сообщаетъ конференціи, что относительно плагиата онъ довелъ статью Булгарина до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія и секретаря академіи наукъ и просилъ академію наукъ «потребовать отъ г. Булгарина публично дальнѣйшихъ объясненій объ этомъ предметѣ».

«Что же касается,—пишетъ Пироговъ,—до личныхъ обидъ, нанесенныхъ мнѣ г. Булгаринымъ въ полномъ засѣданіи присутственнаго мѣста и въ публичной газетѣ, то я обращаюсь къ конференціи и прошу ее покорно представить мою жалобу къ вышему начальству академіи о судебномъ изслѣдованіи всего дѣла по принятому законами порядку, присоединяя къ тому, что теперь, когда письмо уже было прочтено въ засѣданіи конференціи, а обидные намеки и клеветы опубликованы въ газетѣ, читаемой во всей Россіи, то честь моя и достоинство занимаемаго мною мѣста не позволяютъ мнѣ удовольствоваться однимъ съ его стороны словеснымъ или письменнымъ извиненіемъ».

Одновременно съ этимъ заявленіемъ Пирогова въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾ появилось по адресу Булгарина письмо академика Бэра, краткое, но внушительное.

«Въ фельетонѣ № 55 «Сѣверной Пчелы»,—пишетъ нашъ великій академикъ,—приводится давнишій разборъ сочиненія профессора Пирогова «Полный курсъ прикладной анатоміи» и говорится объ этомъ такимъ образомъ, что выходитъ, будто бы это сочиненіе не самостоятельное, а заимствовано большею частью изъ другихъ авторовъ (именно изъ Белля). Часть публики въ этомъ смыслѣ и приняла утвержденіе «Сѣверной Пчелы», ибо казалось, что новый разборъ критики, напечатанной за четыре года предъ симъ, иной цѣли имѣть не могъ.

«Такъ какъ императорская академія наукъ, — заканчиваетъ Бэръ,—по моему предложенію приняла въ 1844 году «Полный курсъ прикладной анатоміи» профессора Пирогова къ соисканію Демидовскихъ наградъ и присудила ему полную премію въ особенности потому, что оба ея комиссара (Бэръ и Брандтъ) признали это со-

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1848 г., № 61.

чиненіе вполне самостоятельнымъ и основаннымъ на собственныхъ изысканіяхъ, то я принужденнымъ нахожусь просить читателей обратиться къ официальному отчету о тогдашнемъ присужденіи награды¹⁾, а г. Булгарина, какъ издателя «Сѣверной Пчелы» и автора вышеозначенной статьи, приглашаю объявить положительно, что упоминаемыя имъ мѣста и рисунки изъ сочиненія Белля о человѣческой рукѣ находятся отнюдь не въ твореніи профессора Пирогова, а только въ критической статьѣ объ этомъ сочиненіи, помѣщенной г. Сенковскимъ въ «Библіотекѣ для Чтенія»²⁾.

Итакъ академія наукъ исполнила просьбу Пирогова и въ лицѣ Бэра «потребовала отъ Булгарина публично дальнѣйшихъ объясненій». Послѣдній никакъ не ожидалъ нападенія съ этой стороны и былъ немало удивленъ, когда, какъ онъ выразился, «съ кессель-батареи № 61 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» раздался новый выстрѣлъ». Бэръ, для котораго Булгаринъ могъ представлять интересъ, какъ скверная разновидность homo sapiens, взявъ по отношенію къ Фаддею замѣчательно вѣрный тонъ, и письмо ученаго академика произвело на нашего «правдолюбца» такое дѣйствіе, какъ хорошій ударъ хлыста. Этотъ холодный, не допускающій никакихъ разсужденій тонъ категорическаго императива, какимъ строгій учитель предписываетъ напроказившему школьнику «просить прощенія» у оскорбленнаго имъ лица, тонъ, который слышится въ письмѣ стараго академика, это скрытое презрѣніе, которое чувствуется въ «приглашеніи объявить положительно», эта заранѣе продиктованная формула, по которой Булгаринъ долженъ былъ взять свои слова назадъ, и, наконецъ, этотъ курсивъ, которымъ все это подчеркивалось,—вотъ благодаря чему письмо Бэра такъ задѣло Булгарина.

Изъ отвѣтнаго фельетона³⁾ Булгарина видно, что Фаддеей пришелъ прямо въ бѣшенство. Я не стану приводить подробно содержанія этого фельетона. Скажу только, что въ немъ Булгаринъ подъ испытующимъ взглядомъ Бэра извивается, какъ оперный Мефистофель при видѣ креста. Опять и опять мы встрѣчаемъ здѣсь «текстъ Чарльза Белля», «текстъ г. Пирогова», «текстъ критики», «г. Пироговъ превознесенъ до небесъ похвалами» и т. д. Въ концѣ Булгаринъ торжественно заявляетъ, что «мы позаимемся имъ (сочиненіемъ Пирогова) и сравнимъ съ другими сочиненіями въ томъ же родѣ для положительнаго опредѣленія его достоинства относительно самостоятельности, о которой говоритъ г. академикъ Бэръ», и далѣе, что «мы разберемъ твореніе г. Пирогова и воздадимъ достойное достойному». Вы чувствуете, однако, что эти всѣ нагло-

1) Бэръ приводит въ выноскѣ заключеніе этого отчета.

2) Курсивъ въ оригиналѣ.

3) «Сѣверная Пчела», 1848 г., № 64, 20 марта.

торжественныя заявленія—пустыя слова, что Булгаринъ бьетъ отбой по всей линіи и страшно озлобленъ противъ Бэра, упоминая постоянно о приглашеніи, о курсивѣ и т. д.

Этотъ фельетонъ былъ лебединой пѣсней Булгарина въ его поэмѣ, невольнымъ героемъ которой онъ сдѣлалъ Пирогова. Фельетономъ 20-го марта закончилась роль Булгарина: «мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ уходить».

Представленіе, предназначенное для большой публики, окончилось. Эпизодъ Булгаринской исторіи, какъ и прологъ ея, происходилъ уже въ тѣсной академической средѣ.

IV.

Заявленіе Пирогова въ конференцію, въ которомъ онъ просилъ «о судебномъ изслѣдованіи всего дѣла по принятому законами порядку», было представлено высшему начальству. Но высшее начальство не желало возбуждать судебного дѣла. Въмѣсто того 22 марта въ конференцію было прислано отъ попечителя предписаніе, изъ котораго конференція могла узнать, что военный министръ считаетъ извиненіе Булгарина предъ конференціей и Пироговымъ, принесенное Булгаринымъ въ его письмѣ отъ 10-го марта, удовлетворительнымъ, «и затѣмъ полагаетъ неумѣстнымъ новое по сему предмету домогательство проф. Пирогова; относительно же разбора сочиненія проф. Пирогова въ «Сѣверной Пчелѣ», то, сообразивъ, что г. Пироговъ уже вошелъ по этому дѣлу съ просьбой въ академію наукъ и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, г. военный министръ полагаетъ излишнимъ принимать какое либо участіе въ ходѣ онаго».

Предписаніе Анненкова было доложено въ засѣданіи конференціи 27 марта и особо сообщено Пирогову. Но на этомъ засѣданіи конференціи Пироговъ уже не присутствовалъ. Оскорбленный такимъ отвѣтомъ «высшаго начальства», Пироговъ рѣшилъ оставить академію.

Одновременно съ донесеніемъ президента Шлегеля о томъ, что Пироговъ «имѣетъ намѣреніе оставить службу», попечитель Анненковъ получилъ неофициальное письмо Пирогова, гдѣ послѣдній приводилъ подробно мотивы своего ухода.

Вотъ это замѣчательное письмо, своего рода *profession de foi*.

«Я объявилъ конференціи,—писалъ Пироговъ,—о намѣреніи моемъ оставить службу при академіи. Желая, чтобы начальникъ академіи зналъ истинную причину, побудившую меня сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, я счелъ нужнымъ объяснить вамъ съ нѣкоторою подробностью всѣ предшествовавшія обстоятельства. Обращаясь къ вамъ путемъ неофициальнымъ, позвольте говорить

откровенно. Достоинство наставника, руководствующаго образованіемъ врачей, по моимъ понятіямъ, такъ важно, что каждый изъ насъ долженъ поставить себѣ въ непремѣнную обязанность дорожить этимъ достоинствомъ въ той же или даже и въ большей степени, какъ вообще дорожать въ обществѣ честнымъ и благороднымъ именемъ человѣка. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого взгляда есть: 1) попеченіе о томъ, чтобы и всѣ другіе члены общества, составляемаго наставниками, равно заботились о сохраненіи и поддержаніи этого достоинства, какъ въ ученомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, потому что только этимъ общимъ стремленіемъ наставниковъ учебное заведеніе сохраняетъ почетное мѣсто, назначенное ему въ государствѣ. 2) Попеченіе о сохраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ правительствомъ обществу наставниковъ. 3) Попеченіе о сохраненіи своего достоинства въ глазахъ учениковъ, будущее направленіе которыхъ утверждается примѣромъ наставниковъ».

«Къ сожалѣнію, обстоятельства, встрѣтившіяся во время службы моей при академіи, препятствуютъ мнѣ исполнить эти существенныя условія и даже заботиться объ ихъ исполненіи. Я не могъ, несмотря на всѣ старанія, быть полезнымъ академіи въ выборѣ будущихъ наставниковъ. Попеченія мои о сохраненіи достоинства и славы заведенія тщательнымъ сужденіемъ о достоинствахъ избираемаго въ кандидаты считались, къ сожалѣнію, личностями съ пристрастіемъ. Коллегіальное общество наставниковъ академіи избѣгаетъ смѣлаго и откровеннаго сужденія о достоинствахъ и заслугахъ избираемыхъ. Этому я могу представить нѣсколько уже несомнѣнныхъ доказательствъ. Но послѣдній выборъ въ кандидаты ¹⁾ на кафедрѣ одного изъ самыхъ важнѣйшихъ предметовъ доказываетъ это еще очевидно. Откровенное сужденіе, представленное мною съ нѣкоторыми другими членами о нравственныхъ достоинствахъ избираемаго, было объяснено и принято въ совершенно другомъ смыслѣ. Намъ никогда и въ мысль не приходило, чтобы правило академическаго устава, требующее нравственныхъ достоинствъ отъ избираемаго, было принято въ одномъ служебномъ значеніи, въ значеніи послужного списка. Мы никогда не могли ожидать упрека отъ большинства членовъ, что мы не имѣемъ права разсуждать объ этихъ достоинствахъ, когда послужной списокъ избираемаго совершенно чистъ. Развѣ этимъ однимъ служебнымъ ручательствомъ мы должны руководствоваться при коллегіальномъ избраніи нашихъ будущихъ товарищей и будущихъ наставниковъ? Развѣ послужной списокъ опредѣляетъ нравственныя достоинства профессора, во многомъ отношеніи превышающія обыкновенныя служебныя достоинства чиновника? Наконецъ, дошло до того, что

¹⁾ Пироговъ говоритъ здѣсь о Шипулинскомъ.

наши сужденія перенесли незаконно изъ среды конференціи и дошли до журналиста, позволившаго себѣ вмѣшательство въ дѣла конференціи и объявившаго себя публично защитникомъ ученыхъ и нравственныхъ достоинствъ избираемаго. Можно ли послѣ этого быть товарищемъ, не нарушая собственнаго достоинства, будущаго наставника, который жалобой на конференцію и ея начальника и связями съ этимъ же журналистомъ желаетъ достигнуть каѳедры?»

Приводя еще нѣкоторыя причины (ограниченіе права подачи особыхъ мнѣній, непріятности по поводу смерти одного госпитальнаго больного), Пироговъ ставитъ вопросъ Анненкову:

«Какъ уважаемый всѣми начальникъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, скажите, можно ли быть истиннымъ врачомъ и хорошимъ наставникомъ, не имѣя убѣжденій о высокомъ достоинствѣ своего искусства? А можно ли требовать этого убѣжденія отъ будущаго врача, который, бывши ученикомъ, видѣлъ униженіе учителя въ глазахъ свѣта? Вотъ откровенное изложеніе причинъ, побуждающихъ меня оставить службу при академіи».

«Въ службѣ моей, такъ заканчиваетъ Пироговъ это проникнутое чувствомъ собственнаго достоинства и высокимъ уваженіемъ къ званію наставника письмо,—въ службѣ моей я никогда не искалъ личныхъ выгодъ, и потому я оставляю ее, какъ скоро этого требуетъ мой взглядъ на собственное достоинство, которымъ я привыкъ дорожить».

Это письмо Пирогова должно было произвести, да, вѣроятно, и произвело сильное впечатлѣніе на Анненкова, который могъ понять, что не легко было Пирогову «сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ».

Надо полагать, что, какъ ранѣе письмо Булгарина, такъ теперь письмо Пирогова, хотя по соображеніямъ совершенно иного порядка, Анненковъ также счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія министра. Во всякомъ случаѣ Чернышевъ лично объяснялся съ Пироговымъ и убѣдилъ его остаться.

Итакъ, только благодаря личному вмѣшательству военнаго министра, стратегема съ Булгаринымъ не увѣнчалась успѣхомъ. Если бы Анненковъ и Чернышевъ отнесли къ дѣлу болѣе официально, побѣда осталась бы на сторонѣ недоброжелателей Пирогова. Письмо Пирогова убѣдило Анненкова, а затѣмъ, непосредственно или посредственно, и Чернышева, что на требованіе Пирогова «судебнаго изслѣдованія» никоимъ образомъ нельзя было смотрѣть, какъ на «неумѣстное домогательство». При личномъ объясненіи съ Пироговымъ, во время котораго Н. И., вѣроятно, говорилъ еще болѣе «откровенно», чѣмъ въ письмѣ къ Анненкову, Чернышеву стало ясно, что Булгаринъ былъ здѣсь лицомъ второстепеннымъ, игралъ роль Шиллеровскаго мавра. Съ своей стороны и Чернышевъ, вѣроятно, убѣдилъ Пирогова, что относиться ему къ этому дѣлу такъ страстно—ниже его достоинства.

О взглядѣ Чернышева на Булгаринскую исторію мы можемъ судить по его предписанію попечителю Анненкову (6-го апрѣля). Въ своемъ предписаніи министръ обращаетъ вниманіе попечителя, что въ конференціи дѣла и ходъ оныхъ до ихъ окончанія сообщаются постороннимъ. Министръ находитъ, что подобныя дѣйствія «не только не совмѣстимы съ ихъ (членовъ конференціи) званіемъ, но и противны существующимъ узаконеніямъ». Поэтому слѣдуетъ внушить членамъ конференціи, чтобы не допускалось «ни малѣйшей огласки». Въ противномъ случаѣ будетъ доведено «до свѣдѣнія его императорскаго величества».

Этимъ закончилась Булгаринская исторія.

Въ настоящее время, когда сама жизнь поставила на очередь вопросъ объ отношеніяхъ между учащими и учащимися, когда эти отношенія стали «вопросомъ жизни», мнѣ казалось особенно своевременнымъ и крайне поучительнымъ привести фактическое доказательство, какъ чутко авторъ «Вопросовъ жизни» относился къ своему достоинству учащаго. Пироговъ былъ не только гениальнымъ учителемъ, не только гуманнымъ попечителемъ—миссіонеромъ, онъ былъ глубокимъ мыслителемъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ понималъ, какое великое воспитательное значеніе для общества имѣетъ наука. Поэтому онъ и предъявлялъ высокія требованія къ нравственной личности наставника. Поэтому онъ требовалъ, чтобы проповѣдь уваженія къ наукѣ, проповѣдь и словомъ и дѣломъ, исходила прежде всего отъ представителей науки. Только при такихъ условіяхъ и въ массѣ всего общества развивается уваженіе къ наукѣ. Истинный же прогрессъ общества возможенъ только тамъ, гдѣ уважаютъ науку, потому что только тамъ,

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ.

Ю. Г. Мались.

В. В. КРЕСТОВСКІЙ ВЪ НАХИЧЕВАНИ.

ТИ НЕМНОГІЯ свѣдѣнія о пребываніи автора «Петербургскихъ трущобъ» въ Нахичевани (Эриванской губерніи) мнѣ удалось слышать отъ одной дамы (фамилія ея не называю, такъ какъ не имѣю на это разрѣшенія), съ которой мы вмѣстѣ были нынѣшнимъ лѣтомъ въ грязелѣчебномъ заведеніи д-ра Добровольскаго (въ Крыму).

Я сидѣлъ какъ-то около заведенія и заносилъ въ свою записную книжку путевыя замѣтки о казачьихъ степяхъ и Черноморьѣ, черезъ которыя я проѣзжалъ.

— Это вы что пишете?—улыбаясь спросила меня она, замѣтивъ мое занятіе:—путевыя замѣтки?

— Да,—отвѣчалъ я.

— Такъ же, какъ вообще всѣ туристы это дѣлаютъ? На основаніи «достоверныхъ свѣдѣній»?

— А вы развѣ знаете, какъ это дѣлаютъ туристы?

— Да, я видѣла, какъ это дѣлалъ Всеволодъ Крестовскій.

— А вы были знакомы съ нимъ?—заинтересовался я.

— Да, была. Мы жили въ одномъ городѣ съ нимъ одинъ мѣсяцъ.

Я попросилъ ее рассказать, что она помнитъ о Крестовскомъ.

— Познакомилась я съ нимъ въ бытность мою въ 1887 году въ Нахичевани, гдѣ мой мужъ служилъ тогда судебнымъ слѣдователемъ. Рядомъ съ нашимъ домомъ жилъ офицеръ пограничной стражи, съ которымъ мы были въ дружескихъ отношеніяхъ и каждый день бывали другъ у друга.

Однажды онъ намъ говоритъ, что ожидаетъ прибытія въ скоромъ времени начальства.

Мы, между прочимъ, спросили, какъ фамилія ожидавшагося начальства.

- Крестовскій,—отвѣчалъ онъ.
- Тотъ самый, который пишетъ?—спросили мы.
- Да, тотъ самый,—отвѣчалъ онъ.

Про Крестовскаго мы, конечно, слышали раньше, многіе изъ насъ читали его «Петербургскія трущобы», «Кровавый пуфъ» и такъ далѣе, но никто никогда не видалъ его, почему вполне понятенъ нашъ интересъ увидать воочию этого извѣстнаго писателя. Въ темной глуши, какъ наша Нахичевань, рады вообще всякому новому человѣку, а тутъ вдругъ еще и писатель!

И нѣкоторое время мы жили ожиданіемъ увидать его.

Крестовскій вскорѣ пріѣхалъ и остановился въ домѣ этого самага офицера пограничной стражи. Это было вскорѣ послѣ его путешествія въ Японію.

Какъ-то вечеромъ этотъ офицеръ приходитъ къ намъ и говоритъ:

— Приходите сегодня ко мнѣ: я васъ познакомлю съ Крестовскимъ.

Нужно ли говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали вечера, въ который намъ предстояло увидѣть «настоящаго» писателя!..

Мы пришли — и увидѣли въ залѣ дома таможеннаго офицера не очень высокаго, плотно сложеннаго брюнета, насколько я помню, съ закинутыми назадъ, совсѣмъ черными волосами, съ маленькими глазами, смотрѣвшими какъ-то устало, и съ усами, которые онъ, какъ мы подозрѣвали, фиксатуарилъ. На немъ былъ китель съ погонами офицера пограничной стражи.

Признаться, мы были нѣсколько разочарованы... Писатель—и вдругъ въ китель офицера пограничной стражи!.. Въ нашемъ представленіи это какъ-то не вязалось одно съ другимъ... Затѣмъ, въ самой фигурѣ мы не нашли ничего особеннаго, что, по нашему мнѣнію, должно быть въ наружности писателя. Въ общемъ, на меня онъ произвелъ безразличное впечатлѣніе...

Далѣе онъ все болѣе и болѣе разочаровывалъ насъ. Правда, это былъ очень веселый человѣкъ, но особенной живости не обнаруживалъ, такъ что можно было думать, что эта его веселость больше напускная; даже скорѣе онъ былъ неподвиженъ.

Но, какъ ни какъ, а мы всѣ были рады ему, хотя бы только потому, что онъ былъ свѣжій человѣкъ въ нашей глуши. Этому еще много помогало то, что онъ имѣлъ массу, что поразсказать. Поэтому онъ скоро привился въ нашемъ обществѣ и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ. У меня и теперь еще въ памяти тѣ вечера, когда онъ начиналъ рассказывать про жизнь въ Западномъ краѣ, про поляковъ и евреевъ. Зная его отношеніе къ польскому вопросу, мы ожидали, что онъ будетъ съ предубѣжденіемъ относиться къ полякамъ. Но, сверхъ ожиданія, онъ всегда былъ сдержанъ и о полякахъ никогда не начиналъ первый разговора.

Онъ чрезвычайно удачно умѣлъ подражать еврейскому жаргону и за ужиномъ цѣлъ еврейскія пѣсни и рассказывалъ анекдоты изъ еврейскаго быта, чѣмъ заставлялъ часто хохотать насъ до упаду.

Также часто рассказывалъ онъ намъ про свое путешествіе въ Японію. Описание его путешествія, печатавшееся, кажется, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», мы почти всѣ читали и, такъ какъ онъ тамъ описалъ чуть ли не каждый свой шагъ, то новаго мы отъ него ничего не услышали, хотя онъ дополнялъ напечатанное кое-какими деталями.

Однако я должна отмѣтить то подмѣченное мною обстоятельство, что, какъ рассказчикъ, онъ не выдавался. Правда, все то, что онъ рассказывалъ, было очень интересно, отличалось живостью красокъ и образовъ, но его манера рассказывать была очень не интересна, такъ какъ говорилъ онъ какимъ-то монотоннымъ голосомъ, не живо, довольно суховато. Вначалѣ всѣ слушали его съ удовольствіемъ, но затѣмъ начинали позѣвывать, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали конца рассказа. Конечно, мы старались скрыть одолѣвавшее насъ состояніе, но онъ прекрасно это видѣлъ, однако никогда не обижался.

Въ общемъ, мы находили, что онъ лучше писалъ, чѣмъ рассказывалъ, и это, признаться, насъ нѣсколько разочаровывало, такъ какъ мы думали, что кто хорошо пишетъ, тотъ долженъ хорошо и говорить.

Въ обществѣ онъ бывалъ мало и, когда кончалъ служебныя дѣла, то уходилъ къ себѣ и все писалъ. Про свои литературныя занятія и планы онъ не говорилъ и, какъ кажется, не любилъ бесѣдовать объ этомъ. Вообще, въ этомъ отношеніи онъ держалъ себя чрезвычайно скромно, не говорилъ о томъ, что писалъ или что намѣренъ писать.

Только помню, что онъ разъ рассказывалъ о томъ, какъ писалъ «Петербургскія трущобы», какъ для собиранія матеріаловъ переряживался въ подходящее платье и отправлялся по разнымъ вертепамъ, при чемъ показывалъ намъ, какъ онъ измѣнялъ свою физиономію.

Мы замѣтили, что онъ былъ очень любознателенъ. Было ли это въ его природѣ, или было проявленіе писательской профессіи, — не берусь судить. Но только онъ спрашивалъ рѣшительно обо всемъ, что ему казалось интереснымъ въ мѣстныхъ особенностяхъ. Впрочемъ, съ этимъ онъ обращался больше къ мужчинамъ, чѣмъ къ намъ.

Но здѣсь онъ иногда попадался впросакъ.

Такъ онъ часто бесѣдовалъ съ татарами, спрашивалъ ихъ объ ихъ обычаяхъ, преданіяхъ и т. д. При этомъ иногда татаринъ передавалъ ему по-русски какое нибудь названіе, но произносилъ его крайне отвратительно. Всеволодъ же Владимировичъ

думалъ, что это—туземное названіе, и заносилъ его въ свою записную книжку. Поэтому, если мы случайно отъ самого него узнавали о подобномъ, то часто исправляли собранныя имъ свѣдѣнія.

Къ сожалѣнію, между нами находились такіе люди, которые избрали это предметомъ своихъ глумленій и насмѣшекъ и часто мистифицировали Всеволода Владимировича.

Такъ тогда въ Нахичевани служилъ одинъ молодой чиновникъ, большой шелопай, послѣ занимавшій на Кавказѣ довольно видный постъ.

Онъ часто мистифицировалъ Крестовскаго, отчаянно вралъ ему, выдумывалъ цѣлыя легенды и давалъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія.

Врестахъ въ трехъ отъ Нахичевани есть такъ называемая «могила Ноя».

«Могила» эта представляетъ собою небольшой каменный кіоскъ, внутри котораго находится плита, какъ бы придавливающая могилу. Кіоскъ весь украшенъ камешками, раковинами и т. под. Сюда приходятъ молиться армяне, ставятъ здѣсь свѣчи, хотя никакихъ иконъ здѣсь нѣтъ. Мусульманскимъ населеніемъ «могила» эта также чтится. На самомъ ли дѣлѣ здѣсь погребенъ Ной,—конечно, вопросъ темный, и никакихъ преданій и легендъ относительно этого мнѣ собрать не удалось, хотя, кажется, между мѣстными армянами такія преданія существуютъ.

Мы какъ-то пришли сюда и показали Крестовскому эту могилу.

Но почему-то ему вдругъ вздумалось поинтересоваться узнать: гдѣ же погребена жена Ноя?

Тогда упомянутый молодой чиновникъ пресерьезно начинаетъ увѣрять его, что именно здѣсь погребена вся семья Ноя—онъ самъ, жена и всѣ дѣти, за исключеніемъ Сима, Хама и Іафета, и что эта «могила» есть фамильная усыпальница Ноева семейства.

Какъ кажется, Всеволодъ Владимировичъ повѣрилъ этому разсказу. Но намъ выходки этого господина не нравились, такъ какъ онѣ основывались лишь на одномъ какомъ-то глупомъ озорствѣ.

— Что вы дѣлаете?—говорили мы ему тогда.

— Развѣ хорошо такъ мистифицировать? Вѣдь это онъ можетъ въ печать пустить?

Онъ въ отвѣтъ только хохоталъ и отвѣчалъ:

— Ну, кому какой вредъ отъ того, что онъ сообщитъ читателямъ, что здѣсь погребена жена Ноя?

Я теперь не помню всего, но этотъ господинъ очень много общалъ Крестовскому завѣдомо ложнаго и вздорнаго. Такъ объ Араратѣ, находящемся отъ Нахичевани въ не очень далекомъ разстояніи, и о ковчегѣ онъ разсказывалъ цѣлыя сказки. Въ концѣ концовъ, намъ пришлось предупредить Крестовскаго, чтобы онъ не очень-то вѣрилъ этому господину.

Мы спрашивали Крестовскаго, будетъ ли онъ описывать свое пребываніе на границахъ Персіи? Онъ отвѣчалъ, что будетъ, но я, право, не знаю, описалъ ли когда онъ это и гдѣ.

— Что же, Всеволодъ Владимировичъ,—спрашивали мы его,—и насъ всѣсъ опишете?

— Непремѣнно,—смѣясь отвѣчалъ онъ.

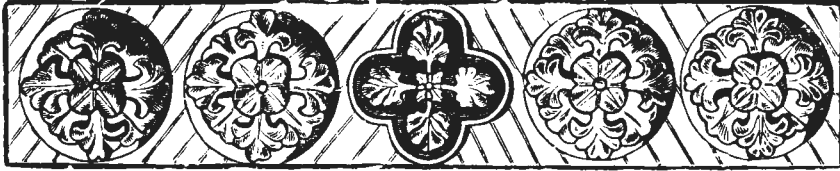
Онъ обѣщалъ, что если когда напечатаетъ свое путешествіе по Эриванскому краю, то непременно пришлетъ каждому изъ насъ по экземпляру. Но, какъ это водится, забылъ о своемъ обѣщаніи, и мы никто ничего отъ него не получили.

Въ служебномъ отношеніи онъ былъ крайне снисходителенъ. Въ общемъ, онъ никого не стѣснялъ и самъ не стѣснялся. Особенно, ни съ кѣмъ не дружилъ и ко всѣмъ относился ровно. Характеръ у него былъ покладистый, невздорный.

Въ Нахичевани онъ прожилъ недѣли три или мѣсяць. Куда дальше онъ отправился, я не помню. Но за это недолгое время мы успѣли такъ привыкнуть къ нему, что при прощаніи намъ было жаль разставаться съ этимъ умнымъ и веселымъ человѣкомъ.

Василій Якимовъ.

Н. И. БУХАРОВЪ И ЕГО ДВОРЕЦКІЙ ДАНИЛЫЧЪ.

Н. И. Бухарову.

.....
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранить струю кипучаго вина.

Лермонтовъ.

Къ Бухарову.

.....
Столѣтѣя прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Шировъ и битвы гражданинъ.

Лермонтовъ

АКЪ ни долго подготовлялась крестьянская реформа въ передовыхъ русскихъ умахъ, но обнародованіе ея громомъ упало на неподготовленную массу и сопровождалось эпизодами сильно-драматическаго характера, подъ часъ съ развязкой равно фатальной какъ для помѣщика, такъ и для его бывшего крѣпостного.

Я расскажу со словъ моего мужа, Д. Н. Бизюкина, одинъ изъ такихъ эпизодовъ этого памятнаго времени, касающійся лица, также нѣсколько знакомаго русскому обществу, если не по его личнымъ дѣяніямъ, то по отраженію его личности въ русской поэзіи. Я разумѣю воспѣтаго Лермонтовымъ стараго «дядьку» лейбъ-гусарскаго николаевской эпохи полка — генерала въ отставкѣ, Николая Ивановича Бухарова.

Мой мужъ такъ о немъ рассказывалъ.

— Николай Ивановичъ Бухаровъ былъ сосѣдомъ по Порховскому имѣнію и давнишнимъ знакомымъ отца моего. Насколько

вѣрно очерченъ его характеръ немногими стихами поэта, Николая Ивановича доказалъ своею поздней женитьбой: ему было уже за 50 лѣтъ, когда, путешествуя за границей, онъ влюбился въ молодую красавицу-испанку, женился на ней, и несмотря на громадную разницу лѣтъ, красавица-жена его страстно любила до конца его жизни; онъ умеръ, оставивъ двухъ дочерей и трехъ малолѣтнихъ сыновей.

Въ первое лѣто по обнародованіи крестьянской реформы, въ іюнѣ 1861 г., отецъ мой задумалъ провѣдать Николая Ивановича въ его порховской усадьбѣ — Михалевѣ, и взялъ меня съ собою. Мнѣ было тогда 12 лѣтъ. Этотъ визитъ въ Михалево глубоко врѣзался въ мою память. Мнѣ до сихъ поръ такъ живо и во всѣхъ подробностяхъ представляется все, что я тамъ видѣлъ и слышалъ.

Какъ сейчасъ, вижу я громадный садъ и паркъ съ островками и мостиками, таинственные гроты и бесѣдки съ надписями; на одной изъ нихъ, изображавшей пантеонъ въ миньютюрѣ, была на классическомъ фронтонѣ, надъ деревянною колоннадой, надпись: «товарищамъ-гусарамъ». Въ полумракѣ аллея и среди роскошнаго парка сверкали мраморы статуй. Большой, деревянный барскій домъ, построенный «покоемъ», казалось, зазывалъ къ себѣ, гостепріимно раскрывая, точно объятія, свои два одноэтажныя крыла, соединенныя центральной частью дома—двухъэтажною, увѣнчанною куполомъ. Тутъ были парадныя гостинныя, залы съ хорами для домашняго оркестра, которымъ нѣкогда управлялъ талантливый и любимый Николаемъ Ивановичемъ капельмейстеръ — Данилычъ, впоследствии приближенный имъ къ себѣ въ качествѣ дворецкаго.

При вѣздѣ въ усадьбу насъ поразила какая-то необычная тишина и полное отсутствіе суетливой дворни на широкомъ барскомъ дворѣ. Никѣмъ не встрѣченныя взошли мы на крыльцо; въ лакейской — тоже ни души. Двери раскрыты настежь; ихъ бронзовыя ручки давно не чищены; паркеты въ залахъ тусклы, неопрятны; случайно сдвинутая мебель стоитъ въ томъ безпорядкѣ, въ какомъ оставили ее послѣдніе гости, и, должно быть, давно такъ стоитъ, потому что все густо покрыто пылью; засиженныя мухами окна и зеркала не протерты; кое-гдѣ видна паутина. Домъ точно вымеръ, или покинутъ своими обитателями. Мы дошли до широкаго балкона съ колоннадой, выходящаго въ садъ, и увидѣли въ правомъ углу балкона, у стѣнки, въ старомъ вольтеровскомъ креслѣ осанистую фигуру Николая Ивановича, а передъ нимъ, спиной къ колоннѣ, виднѣлся силуэтъ стараго дворецкаго Данилыча. И было что-то фатально-упорное въ пригнутой головѣ его, въ опущенныхъ по швамъ рукахъ и въ судорожномъ вздрагиваніи пальцевъ. Физиономія Николая Ивановича выражала

недоумѣніе, оскорбленное чувство и какую-то жалкую растерянность; онъ сидѣлъ какъ-то особенно прямо, опираясь обѣими руками на ручки кресель. Въ первый разъ онъ показался мнѣ тутъ старичкомъ — не только по лѣтамъ, но настоящимъ, безсильнымъ старикомъ... «Столѣтя прошлаго обломокъ»... вспомнилось мнѣ... И Данилычъ — тоже «обломокъ». Два обломка другъ передъ другомъ въ опустѣломъ домѣ.

Увидавъ насъ, Николай Ивановичъ оживился, съ привычной бодростью вскочилъ навстрѣчу. Тронулся съ мѣста и Данилычъ, чтобы уйти, но, замѣтивъ его движеніе, Николай Ивановичъ повелительнымъ жестомъ быстро остановилъ его и заговорилъ съ жаромъ:

— Вотъ, это—кстати! это—по-пріятельски! Добро пожаловать! Я тутъ одинъ остался; одинъ — во всемъ домѣ: жена уѣхала въ городъ искать... просить у знакомыхъ прислуги... и дочерей съ собою взяла. Вѣдь въ домѣ у насъ вотъ онъ одинъ остался,— всѣ разбѣжались... повара, лакеи, дѣвки, садовникъ,—всѣ! Дочери сами себѣ воротнички и кружевца тамъ свои стирали... Онъ одинъ остался... и вотъ, посмотрите-ка, что онъ надумалъ. Повтори имъ, Данилычъ, чтò ты сейчасъ мнѣ докладывалъ? Садитесь, пожалуйте. Вотъ трубка... послушайте, что онъ говоритъ.

Отецъ сѣлъ возлѣ хозяина. Данилычъ почтительно раскурилъ господамъ трубки. Я остался стоять за кресломъ отца, сильно взволнованный необычайностью всего, что видѣлъ и слышалъ.

Раскуривъ трубки, Данилычъ сталъ у колонки въ прежнюю позу. Отецъ, не спѣша, разъ, другой, затянулся Жуковымъ и обратился къ Данилычу:

— Ну, чтò же ты тутъ докладывалъ барину? Повтори, любезный.

Данилычъ заговорилъ уныло и монотонно, какъ затверженный урокъ.

— А такъ что, какъ вышла нынче всѣмъ воля, и крѣпостныхъ людей больше нѣтъ, то и я желаю хоть послѣдніе дни моей жизни провести на волѣ...

Отецъ мой сталъ его урезонивать.

— Да вѣдь ты, милый другъ, сколько я знаю, съ дѣтства не разлучался почти съ баринкомъ... играли вмѣстѣ... и въ походахъ, случалось, ты барина сопровождалъ... и тебя твой баринъ никогда пальцемъ не тронулъ... отличалъ тебя... А ты... что-жъ ты это задумалъ?

— Это такъ точно! Никогда я отъ своего барина обиженъ не бывалъ. За ихнюю доброту всегда имъ былъ благодаренъ и былъ имъ вѣрнымъ слугою... и посейчасъ за нихъ Господа Бога молю... но, какъ вышла нынче всѣмъ воля, и крѣпостныхъ больше нѣтъ, то и я желаю...

— Да куда-жъ ты пойдешь, милый другъ? тебѣ ужъ восьмой десятокъ! Въ дворецкіе тебя ужъ никто не возьметъ, въ капель-

мейстеры — тоже; а на другія должности ты не годишься. Выкинь ты эту дурь изъ своей башки. Доживай свой вѣкъ при своемъ баринѣ...

Николай Ивановичъ усиленно пыхтѣлъ своей трубкой и переводилъ тревожные взоры съ отца моего на Данилыча и обратно.

— Все это ужъ я ему говорилъ, — замѣтилъ онъ. — И жалованье ему назначилъ. Спросите: чего ему не достаетъ? чего онъ хочетъ? Пусть скажетъ.

— Чего же ты, въ самомъ дѣлѣ, еще хочешь? — спросилъ отецъ. — Скажи, любезный, чѣмъ ты недоволенъ?

Данилычъ судорожно подергивалъ пальцами и молчалъ, понурившись и глядя на кончики своихъ сапоговъ.

— Ну, отвѣчай же, любезный, чѣмъ ты такъ недоволенъ, что на старости лѣтъ хочешь своему барину измѣнить?

Данилычъ встрепенулся и замигалъ слезящимися глазами.

— Я отъ своего барина никогда обиженъ не бывалъ... ихнюю доброту ко мнѣ я чувствую... и могу понимать... (тутъ Данилычъ даже всхлипнулъ и утеръ глаза кончикомъ носового платка). И никогда противъ нихъ измѣнникомъ я не бывалъ и не желаю быть... но, какъ вышла, стало быть, всѣмъ воля, и крѣпостныхъ больше нѣтъ, то желаю и я...

— Ну, хорошо, это мы слышали. Но куда-жъ ты пойти-то желаешь? что ты хочешь дѣлать съ собой?

Данилычъ скосилъ глаза въ уголъ балкона и, подернувъ шейю изъ высокаго галстуха, рѣшительно выговорилъ:

— Сундукъ мірской караулить буду. Сторожемъ, значить, въ волостное правленіе меня зовутъ.

Николай Ивановичъ только крякнулъ и энергичнѣе запыхтѣлъ своей трубкой.

Отецъ продолжалъ увѣщанія.

— Ну, послушай, любезный другъ, подумай только, что ты сказалъ такое? Сообрази ты только хоть то, какъ жилось тебѣ у барина, и что тебѣ предстоитъ въ волостномъ правленіи... на службѣ у мужичья! Вѣдь ты привыкъ за всю жизнь свою одѣваться съ барскаго плеча, пить-ѣсть со стола барскаго, спать въ чистомъ и тепломъ помѣщеніи; дѣла у тебя за послѣдніе годы только и было, что сидѣть въ лакейской да докладывать... а тамъ ты будешь жить въ грязной избѣ, хлебать мужичьи щи пустыя, спать на этомъ самомъ мірекомъ сундукѣ, въ нетопленной хатѣ... да ты померещи на этомъ сундукѣ, старый... подумалъ ли ты объ этомъ?

— А хоть и помереть, да вольнымъ! А у Николая Ивановича я и умру крѣпостнымъ.

Сказалъ, какъ отрѣзалъ, Данилычъ.

Молчаніе.

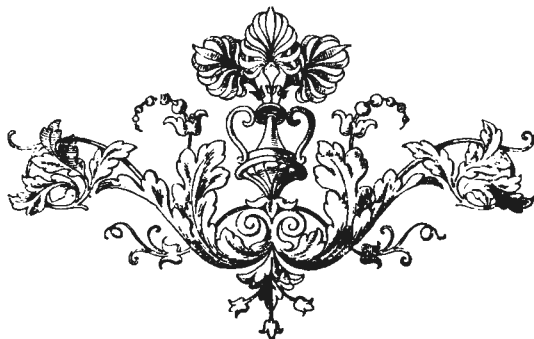
Николай Ивановичъ безсилно свѣсилъ свою сѣдую голову. Данилычъ неслышной поступью сталъ пробираться къ выходу и, какъ тѣнь, скрылся за дверью въ залъ.

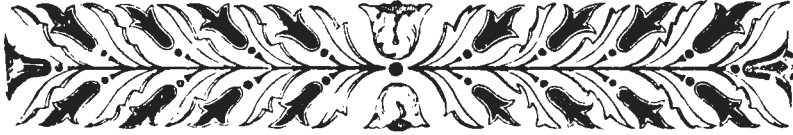
Вскорѣ послѣ этого мы узнали, что Данилычъ такъ-таки и ушелъ отъ своего барина; прощался трогательно, плакалъ самъ,—и ушелъ.

Недѣли черезъ двѣ по его уходѣ, пришлось отвезти Николая Ивановича въ Петербургъ, въ психіатрическую больницу, гдѣ онъ очень скоро умеръ. Не пережилъ разлуки и Данилычъ: черезъ нѣсколько дней послѣ извѣстія о кончинѣ барина умеръ и онъ на сундукѣ волостного правленія, «умеръ на волѣ».

Недавно узналъ я отъ своей родственницы, порховской помѣщицы С. А. Васильевой, что имѣніе Бухаровыхъ, Михалево, куплено четырьмя крестьянами. Гостепріимный барскій домъ распиленъ на четыре части, а садъ съ бесѣдками и гротами вырубленъ на дрова и распаханъ подъ ленъ.

А. Ю. Бизюкина.

ПО ГРАНИЦАМЪ БУХАРЫ И АФГАНИСТАНА.

(Путевые очерки 1898 г.).

I.

Кулябъ.

УТРО. Мы въ концѣ долины Яхъ-су ¹⁾. Впереди ждетъ Кулябъ, главный городъ богатой кулябской провинціи, Хоталанъ-Бабера. Южное солнце палитъ немилосердно, вѣтерка нѣтъ и въ поминѣ. Дорога ровная и гладкая, «какъ длани самосущаго Бога-Питателя», по живописному выраженію нашего каратегинца Ходжи-Назара; порою она пропадаетъ въ придорожныхъ заросляхъ, порою опять открывается причудливыми зигзагами и опять пропадаетъ. По невысокимъ горамъ, замыкающимъ очень широкую долину,—желтыя

¹⁾ Рѣка Яхъ-су, или на нѣкоторыхъ картахъ неправильно обозначаемая чрезъ «Акъ-су»,—одинъ изъ значительныхъ притоковъ Аму-Дарьи съ правой стороны. Ея широкая, удобопроходимая долина, заключенная между невысокими горами, искони служила легчайшимъ путемъ въ горныя области Бухары. Большинство народонаселенія долины Яхъ-су составляютъ арабы племени «вурайшъ». Ихъ всего здѣсь 1.000 домовъ, начиная отъ кишлака «Гальбаръ», въ верховьяхъ рѣки, до кишлака «Сары-Пуль» включительно. Они себя считаютъ потомками первыхъ арабовъ, завоевавшихъ Среднюю Азію. Теперь эти давніе выходцы изъ Арабістана утратили родные обычаи, костюмъ и языкъ и говорятъ по-таджикски. Слово «Яхъ-су», или, вѣрнѣе, «ѳгы-су», по ихъ объясненіямъ, есть тюрское и значитъ «рѣка враговъ». Орды тюрковъ, нахлынувшія на Аму-дарьинскіе оазисы, проникли и сюда; здѣсь арабы долгое время оказывали имъ упорное сопротивленіе, почему пришельцы, будто бы, и дали рѣкѣ, на которой обитали арабы, названіе «Рѣка враговъ» (ѳгы-су). Дѣйствительно, слово ягы, ѳгы, на восточно-тюрскихъ нарѣчіяхъ означаетъ врага, измѣнника, обще-тюрское же «су» значитъ вода.

нивы сжатыхъ хлѣббовъ, засохшія желтыя травы, внизу—на нѣсколько верстѣ отходящей отъ рѣки берегъ, залитый густою зеленью риса, камышей и деревъ. Рисовыя поля обступаютъ справа и слѣва путь, высокія заросли камышей куртинами поднимаются здѣсь и тамъ, тополи, платаны и свѣчеобразныя чинары порою цѣлыми лѣсами мелькаютъ вдаль и обозначаютъ скрытые за ними и въ нихъ кишлаки ¹⁾. Чуть видной серебристой лентой вдаль блестятъ воды Яхъ-су, за ними туманными призрачными очертаніями, смутно рисуются горы далекаго зарѣчья, а вдаль, на самомъ горизонтѣ, на грани бѣлаго тумана, скрывающаго остальную, дальнюю часть картины, виднѣются длинныя, поперечной лентой протянувшіеся, сады Куляба. Ёдемъ прямо на нихъ. Въ кишлакѣ «Даханá» остановились позавтракать. Въ такую жару подъ исполнскими чинарами тѣнь особенно пріятна. На разостланныхъ паласахъ ²⁾ стоятъ громадныя блюда съ дымящимся превосходнымъ пилавомъ и лежатъ въ живописномъ безпорядкѣ сочные дыни, арбузы и гроздья зрѣлаго чернаго и розоваго винограда, покрытые золотистымъ пушкомъ нѣжныя персики соблазнительно глядятъ съ деревянныхъ лотковъ попережку съ большими кроваво-красными гранатами. Безвозмездное гостепримство «благородной Бухары» замѣчается и въ ея отдаленныхъ провинціяхъ.

Окружающія насъ фізіономіи, съ разнообразными типичными чертами, и узбекскій говоръ, какъ-то неожиданно смѣшившіе доселѣ наблюдавшіеся иранскіе типы и таджикскій языкъ, показывали, что мы попали туда, гдѣ на смѣну доселѣ господствующему таджикскому населенію выступали другія народности, разнообразныя, но немногочисленныя. И, дѣйствительно, начиная нѣсколько выше отсюда, до самаго конца населенныхъ мѣстъ всей рѣчной системы Яхъ-су, смѣшеніе національностей невообразимое. Мѣстные таджики, узбеки и туркмены различныхъ племенъ, киргизы, афганцы, бадахшанскіе таджики, тюрки изъ Афганскаго Туркестана— все это, въ большинствѣ случаевъ, невольные выходцы сюда изъ того буфера, который поставленъ противъ Россіи коварными «инглизъ», и который называется Афганистаномъ. Въ этихъ мѣстахъ, на пространствѣ громадныхъ, почти безлюдныхъ пустырей, бухарское правительство и отвело имъ мѣсто для поселенія. Добрую половину этого сброда растеряли по пути различные Абдуръ-Рахманъ-ханы и Исхакъ-ханы ³⁾, во время оно бѣжавшіе то въ Бухару, то въ Россію, и увлекшіе за собою, какъ это водится на востокѣ,

¹⁾ Кишлакъ, или кишлѣкъ—селеніе, деревня.

²⁾ Паласъ—коверъ безъ ворса.

³⁾ Абдуръ-Рахманъ-ханъ—недавно умершій эмиръ Афганистана; прежде жилъ въ Ташкентѣ, получая отъ русскаго правительства 18.000 рублей. Исхакъ-ханъ—племянникъ эмира, претендентъ на афганскій престолъ, нынѣ живетъ въ Самаркандѣ, получая отъ русскаго правительства также значительную субсидію.

цѣлыя ненужныя толпы послушныхъ имъ приверженцевъ. Если же къ упомянутымъ народностямъ еще прибавить небольшое количество цыганъ, индусовъ и евреевъ, то, кажется, перечисленіе національностей, сгруппированныхъ здѣсь, будетъ закончено. Сами туземцы называютъ эту смѣсь однимъ общимъ терминомъ «аралашъ»¹⁾, то есть смѣсь, кавардакъ. Обособленность «аралаша», составляющей населеніе низовьевъ долины Яхъ-су, отъ сосѣднихъ узбековъ и таджиковъ выражается въ нѣсколько презрительномъ отношеніи къ ней послѣднихъ и въ нѣкоторыхъ анекдотахъ, рисующихъ недалковидность этого смѣшаннаго населенія. Для примѣра приведу одинъ изъ такихъ ходячихъ рассказовъ, въ дословномъ переводѣ съ узбекскаго, какъ его рассказывалъ мнѣ нашъ махрамъ-бекъ²⁾.

«Было время, когда жители низовьевъ Яхъ-су подчинялись балхскому хакиму³⁾ и платили подати, по обычаю, натурою. Разъ привезли они къ нему подать, а онъ ихъ, между прочимъ, и спрашиваетъ: «хороша ли ваша страна?»—«Нѣтъ»,—отвѣчаютъ они:—«холодное время—зима—долго стоитъ: мѣсяца два—три. Вотъ если бы ты намъ далъ такую грамоту, которой запретилъ бы быть холоду!» Засмѣялся хакимъ и написалъ имъ такую грамоту. Обрадовались жители Яхъ-су, взяли эту грамоту, воротились домой и ничего не стали заготовлять на будущую зиму: ни дровъ, ни хлѣба, въ надеждѣ, что по указу балхскаго хакима зимы не будетъ. Но зима пришла попрежнему, повалилъ снѣгъ. Изумился народъ: какъ это зима не слушается приказанія хакима? Вышли они изъ хижинъ, держа грамоту хакима и показывая ее небу, откуда падали хлопья снѣга.—«Не падай ты, снѣгъ»,—умоляли люди:—«не начинай зимы: у насъ и указъ есть тебѣ отъ балхскаго хакима, чтобы ты совсѣмъ у насъ не появлялся».

«Но не послушатся зима ни указа, ни словъ жителей: снова пришла такая же суровая, какъ и всегда, и тяжело досталось людямъ, не приготовившимся къ ея приему и легкомысленно понадѣявшимся на грамоту хакима изъ Балха».

Когда мы кончили завтракъ, махрамъ-бекъ, сидѣвшій вдали, началъ многозначительно поглядывать на меня и подмигивать, давая понять, что пора ѣхать. Говорю объ этомъ своимъ спутникамъ.

Охъ, какъ не хочется подниматься и выходить изъ-подъ этой гостеприимной тѣни опять въ пекло! Но дѣлать нечего, да и ло-

¹⁾ Отъ тюркскаго глагола «аралашъ»—смѣшать, соединить, взбудоражить.

²⁾ Махрамъ—названіе одного отдѣленія дворцовыхъ чиновъ при бухарскомъ дворѣ, въ составъ котораго входитъ восемь различныхъ должностей,—соответствуетъ нашему камеръ-юнкеру.

³⁾ Балхъ, древній Бактры, главный городъ Бадахшана, нынѣ его развалины находятся верстахъ въ 10—12 отъ Мазари-Шарифа, одного изъ значительнѣйшихъ афганскихъ городовъ. Хакимъ—губернаторъ, намѣстникъ, правитель.

шади наши стоятъ готовыя у глинобитной площадки, гдѣ находимся мы; ихъ уже держатъ подъ уздцы нѣкоторые изъ челяди аксакала. Подходимъ, стремянные подобострастно держатъ стремя и почтительно подсаживаютъ насъ на коней. Слѣдуютъ обоюдныя рукопожатія: «чтобы Богъ былъ вашимъ покровителемъ, чтобы Его ангелы осѣнили васъ своими крылами въ этотъ жаркій день». Въ надеждѣ на исполненіе такихъ прекрасныхъ пожеланій бодро трогаемъ лошадей, выѣзжаемъ изъ тѣни деревъ и ѣдемъ по палящему жару по дорогѣ къ Кулябу. Копыта лошадей неслышно ступаютъ по мягкой сѣропепельной печвѣ; струйки пыли курятся изъ-подъ ихъ ногъ и обдають наши скромные костюмы и адрасные ¹⁾ халаты и бѣлоснѣжные тюрбаны нашихъ спутниковъ - бухарцевъ. Махрамъ-бекъ въ дорогомъ шолковомъ халатѣ и затѣйливо-вышитыхъ красныхъ кожаныхъ штанахъ ѣдетъ далеко впереди вмѣстѣ съ сопровождающимъ насъ до Куляба аксакаломъ изъ Дахана. До слуха долетаютъ обрывки ихъ фразъ, по которымъ можно заключить, что нашъ чиновникъ толкуетъ своему спутнику о какихъ-то доблестяхъ ѣдущихъ сзади урусовъ. Бухарскій этикетъ имѣетъ слабость увеличивать достоинство и знатность пріѣзжихъ чужестранцевъ.

Подъ солнцемъ изумрудными переливами сверкаютъ рисовыя поля, блестятъ узенькія полоски арыковъ, бороздящихъ здѣсь и тамъ всю безпредѣльную ширь развернувшейся предъ глазами зелени. Освѣщенные солнцемъ вдаль справа и слѣва, обнаженные бурые холмы кажутся еще безжизненнѣе и печальнѣе и еще рѣзче оттъняютъ разстилающіеся у ихъ подножій цвѣтуція поля, камыши и лѣса кишлачныхъ деревьевъ. На горизонтѣ бѣлая пелена тумана рѣдѣетъ, начинаютъ выступать задернутые воздушной синевой ряды деревьевъ, и чѣмъ ближе мы подѣзжаемъ, тѣмъ они дѣлаются все яснѣе.

Вотъ отъ нихъ отдѣляется кавалькада всадниковъ. Яркіе цвѣтные халаты и бѣлыя чалмы особенно рѣзко выдѣляются на общемъ фонѣ зелени, обнаженныхъ бурыхъ мѣстъ и пыльной дороги. Порою нестерпимо сверкаетъ отблескъ солнца на какомъ либо металлическомъ украшеніи всадника. Махрамъ-бекъ и сопровождающій его аксакалъ погоняютъ лошадей и, скрывшись въ облакъ окутавшей ихъ пыли, несутся впередъ къ выѣхавшей намъ встрѣчѣ. Подѣзжаемъ ближе, вдаль рѣдѣетъ пыль, всадники остановились; видно, какъ махрамъ-бекъ и аксакалъ сходятъ съ лошадей, пѣшими подходятъ къ всаднику, безстрастно сидящему на росломъ черномъ конѣ, и подобострастно обѣими руками берутъ протянутую имъ правую руку. Свита же этого всадника (человѣкъ пять-шесть) вся спѣшилась и привѣтствуетъ эмирскаго чиновника и аксакала. П

¹⁾ Адрасъ—цвѣтная полушелковая бухарская ткань.

тотъ, и другой переходятъ изъ крѣпкихъ объятій одного въ объятія другого. Всадникъ на большой лошади—сынъ кулябскаго «міра» (губернатора), выѣхавшій встрѣтить гостей. Какъ важная особа, онъ не слѣзаетъ съ лошади и привѣтствуетъ гостей на конѣ. По бухарскимъ понятіямъ обмѣняться привѣтствіями, не слѣзая съ лошадей, могутъ только лица, равныя по положенію. Вотъ и мы подъѣзжаемъ къ встрѣчѣ. Якубъ¹⁾, Ходжа-Назаръ и другіе сопровождающіе насъ чалмоносцы всѣ слѣзаютъ съ коней, мы остались, какъ были, и одинъ за другимъ подъѣзжаемъ и жмемъ руку губернаторскому сыну. Что за лицо! Желтое, безкровное, рябое и вдобавокъ съ рѣдкой растительностью; небольшіе коричневые глаза глядятъ надменно и какъ-то плутовски. Не будь этой восточной личины мнимой безстрастности, какъ было бы гордо и презрительно выраженіе этого лица по отношенію къ намъ, «невѣрнымъ пришельцамъ изъ далекой, невѣрной Руси»! На нашемъ новомъ знакомцѣ шелковый, крупными полосами, халатъ, опоясанный широкимъ поясомъ малиноваго бархата, и бѣлоснѣжная чалма изъ англійской кисеи, ноги, обутыя въ щегольскіе лакированные сапоги русскаго образца, вдѣты въ ярко высеребреныя стремяна.

Послѣ обмѣна привѣтствій ѣдемъ всѣ вмѣстѣ впередъ. Разговоры умолкаютъ, и всѣ сосредоточенно молчатъ до самаго Куляба. Вотъ и городъ. Изъ-за богатѣйшей растительности мелькаютъ глиняныя стѣны построекъ. Очарованіе понемногу исчезаетъ. Казавшійся прекраснымъ садомъ Кулябъ постепенно развертываетъ предъ глазами свое убожество. Начались городскія предмѣстья; жалкія глиняныя лачуги образуютъ узкія, кривыя улицы. Въ нихъ пыль и духота нестерпимы. У арыковъ съ водою, подлѣ хижинъ и подъ деревьями—массы стоящаго, идущаго и ѣдущаго люда. Бѣдутъ ст головы до ногъ закутанныя въ темное женщины на бойкихъ сѣрыхъ осликахъ, скрипятъ арбы на своихъ громаднхъ колесахъ, легкою иноходью проходятъ темнокараковые скакуны, неся на спинахъ всадниковъ въ живописныхъ костюмахъ. Толпы народа проходятъ и уходятъ, другіе стоятъ или сидятъ. И все это: и животныя, и люди въ своихъ яркихъ, кричащихъ одѣяніяхъ, и глиняныя лачуги, и придорожные тополи и платаны, и одиноко-стоящіе шапкообразные карагачи, и вода въ арыкахъ—все залито жгучими лучами горячаго азіатскаго солнца, все такъ назойливо рѣжетъ непривычный глазъ своею пестротою и кричитъ на каждомъ шагу объ иной, чуждой намъ жизни.

Предмѣстья какъ-то незамѣтно сливаются съ городомъ, и мы въѣзжаемъ на обширную городскую площадь, обставленную глиняными мазанками и неизмѣнною роскошною растительностью, скрывающею все ничтожество человѣческихъ жилищъ и окружающую

¹⁾ Нашъ караванъ-баши (проводникъ), персь-шіитъ изъ Самарканда.

ихъ грязь. Среди площади двѣ длинныхъ шеренги солдатъ, одѣтыхъ по-русски: въ бѣлыя рубахи, красные кожаные штаны и высокіе сапоги, на головахъ у нихъ барашковые шапки. За ними, въ глубинѣ площади, подѣ тѣнью высокихъ деревьевъ, многочисленная разнообразная публика стоящаго и сидящаго люда. Эти собрались посмотрѣть на даровую «тамошу» (зрѣлище), какою представляется каждому туземному правовѣрному въѣздѣ «урусовъ» въ городъ. Слышится протяжная команда на русскомъ языкѣ¹⁾. Солдаты берутъ ружья на-караулъ и вытягиваются въ струнку. Раздается оглушительная музыка изъ пискливыхъ звуковъ дудокъ и трескотни барабановъ. Съ такимъ парадомъ встрѣчаютъ гостей по приказанію мира.

Каждый изъ насъ, «урусовъ», прикладываетъ правую руку къ своей сѣрой киргизской шляпѣ, и мы ѣдемъ, отдавая честь, вдоль длинныхъ шеренгъ бухарскихъ солдатъ: Якубъ, Ходжа-Назаръ и другіе туземцы, ѣдущіе за нами, подавлены величественностью встрѣчи и какъ-то смиренно плетутся на своихъ лошадяхъ, не поднимая глазъ на окружающее. Губернаторскій же сынъ со своей свитой, махрамъ-бекъ и аксакаль покинули насъ еще при въѣздѣ въ городъ и теперь дожидаются насъ въ «аркѣ» (дворцѣ) губернатора.

Вотъ и ворота «дворца». Соломенная крыша надъ губернаторскими покоями и окружающими ихъ постройками мѣстами провалилась и зияетъ своими темными отверстіями; глиняныя стѣны растрескались и образовали широкія щели. Словомъ тотъ же самый видъ, что и у любого зауряднаго бухарскаго «хона» (жилища).

Черезъ раскрытыя ворота, подлѣ которыхъ насъ встрѣчаютъ нѣсколько десятковъ разодѣтыхъ чиновниковъ и слугъ, мы въѣзжаемъ на громадный дворъ. Все кругомъ суетится, кричитъ. Встрѣтившіе насъ подлѣ воротъ люди и находящіеся на дворѣ, что называется, сбились съ ногъ: бѣгаютъ взадъ и впередъ, берутъ подѣ уздцы лошадей, помогаютъ слѣзть, прямо на рукахъ стаскивая съ сѣдла и почтительно ставя на землю. Среди этой суетни и сутолоки насъ, пыльныхъ и измученныхъ, ведутъ по двору, занятому многочисленными службами, въ отведенное намъ помѣщеніе—длинный флигель среди двора съ большимъ числомъ рѣзныхъ дверей по фасаду. Предъ нимъ невысокая глинобитная веранда съ развѣсистыми чинарами и исполинскими карагачами; на ней махрамъ-бекъ и толпа людей въ пестрыхъ халатахъ. Они ждутъ насъ, чтобы показать отведенные покои. Богатый костюмъ махрама выгодно выдѣляется изъ окружающей его толпы. Лицо чиновника сосредоточено и важно. Не то онъ весь проникнуть серьезностью настоящей минуты, не то хотеть не ударить лицомъ въ грязь передъ окружающими его

¹⁾ Среди бухарскихъ войскъ введена русская команда.

провинціалами и показать, что за персона эмирскій чиновникъ изъ Священной Бухары. Строго блюдетъ махрамъ-бекъ предписанія фирмана своего повелителя, и вездѣ впереди онъ, чтобы прїѣзжали гости ко всему готовому и хорошему, и чтобы не чинилось имъ никакихъ притѣсненій и обидъ.

Входимъ на террасу. Махрамъ даетъ знакъ,—люди раздвигаются. Въ предшествіи махрама идемъ въ одну изъ настѣжь растворенныхъ дверей, за нами движется сомкнувшаяся толпа. Проходимъ небольшую переднюю съ глинобитнымъ поломъ и нѣсколькими кувшинами для воды, и чтобы не стукнуться головою о притолоку, нагибаемся и входимъ чрезъ низкую дверь въ слѣдующую комнату. Махрамъ-бекъ дѣлаетъ низкій, ловкій поклонъ и, безмолвнымъ красивымъ жестомъ показывая на обстановку, отходитъ въ уголь. Сопровождавшая насъ толпа биткомъ набиваетъ переднюю и смотритъ оттуда на насъ. Мы находимся въ длинной оштукатуренной комнатѣ съ высокимъ потолкомъ и неизмѣнными нишами въ стѣнахъ. Глинобитный полъ весь устланъ дорогами персидскими и текинскими коврами, стѣны до половины завѣшены знаменитыми кашгарскими коврами, громадной величины и чудной работы. По стѣнамъ три тахты для насъ, покрытыхъ парчевыми одѣялами и съ круглыми длинными подушками въ наволочкахъ изъ адраса. Среди комнаты длинный столъ, накрытый красной скатертью, передъ нимъ табуреты, задернутые кумачемъ. На столѣ самый разнообразный достарханъ: нѣсколько чайниковъ съ чаемъ и горячею водою, сахаръ, индійскія, афганскія и мѣстныя конфеты, пшеничныя лепешки на бараньемъ салтѣ, пшеничныя круглые хлѣбы, варенье изъ вишневой кожицы и фрукты, фрукты безъ конца.

Рядъ богато орнаментированныхъ рѣзныхъ дверей ведетъ на террасу, надъ ними—надворныя рѣшетки затѣйливаго рисунка, заклеенныя промасленою бумагою. Золотистые солнечные лучи, заглядывая въ щели неплотно притворенныхъ дверей, ослѣпительно мелькаютъ то на адрасѣ халатовъ и бархатѣ ковровъ, то на эмалированномъ китайскомъ фарфорѣ. Съ усталости ли или на самомъ дѣлѣ, кажется какая-то особенная поэзія въ этомъ прохладномъ полусвѣтѣ оригинальной комнаты.

Мы садимся за столъ. Махрамъ откланивается, пятясь спиною къ дверямъ, выходитъ изъ комнаты и затворяетъ за собою обѣ половинки дверей, но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ снова появляется и почтительно докладываетъ, что къ намъ жалуется миръ. Хватаешь скинутый пиджакъ, торопливо надѣваешь его и идешь вмѣстѣ съ спутниками къ дверямъ навстрѣчу миру. А тотъ уже входитъ въ растворенныя двери, за нимъ свита изъ чиновниковъ. нѣтъ лишь его сына, который встрѣчалъ насъ за гордомъ. Шелкъ и бархатъ халатовъ, бѣлоснѣжныя тюбаны такъ и блеснули передъ глазами красивыми переливами.

По бухарскому придворному этикету миры встрѣчаютъ гостей не за городомъ, а у себя въ домѣ, или же дѣлаютъ имъ визитъ въ отведенномъ для нихъ помѣщеніи.

Самъ миръ, почтенный старецъ съ мягкими, полными достоинства манерами, напоминаетъ нашихъ сіятельныхъ старичковъ вышихъ петербургскихъ канцелярій. На немъ роскошный блѣдно-розовый халатъ изъ китайской «камфы»¹⁾, опоясанный поясомъ, бѣлая кашемирская шаль пышно обвиваетъ его голову.

Съ сладкой улыбкой миръ подаетъ каждому руку и сыплетъ по-узбекски неизмѣнными на востокѣ привѣтствіями: «какъ поживаете? Какъ сдѣлали путь? Довольны ли всѣмъ?» и т. п. Его свита между тѣмъ входитъ въ комнату и безмолвно становится у дверей. Садимся за столъ. За миромъ помѣщается за переводчика нашъ Якубъ, за г. N. переводчикъ мира. По ту и другую сторону стола становятся двое слугъ съ широкими бархатными опахалами, отдѣланными золотымъ галуномъ и пристроенными на изящно выточенныхъ ручкахъ въ формѣ ручныхъ флаговъ. Во все время пребыванія у насъ мира они навѣвали прохладу и кстати отгоняли рои большихъ мѣстныхъ осъ, которыя влетали въ комнату и кружились надъ столомъ. Миръ пьетъ чай небольшими глотками и разспрашиваетъ о различныхъ предметахъ, больше для того, чтобы что нибудь сказать. Отвѣты выслушиваетъ съ добродушною, полуразсѣяною улыбкою. За время короткаго визита миръ успѣлъ наговорить и комплименты по адресу насъ и вообще русскихъ, и поинтересовался узнать, что теперь въ Россіи, каковы ея отношенія къ «сосѣдямъ-франкамъ», и каково ея финансовое и экономическое положеніе? И нельзя сказать, чтобы это выходило у него не кстати, и вопросы сыпались бы беспорядочно: какъ и всѣ вообще бухарскіе сановники, кулябскій миръ являлся человѣкомъ съ большимъ тактомъ и въ высшей степени приличнымъ.

Наконецъ, извиняясь, что уставшимъ съ дороги путникамъ надо отдохнуть, губернаторъ поднимается, за нимъ и всѣ сидящіе за столомъ. Прощаясь, миръ проситъ насъ погостить въ Кулябѣ недѣлю-двѣ. Говоримъ, что воспользуемся его любезнымъ приглашеніемъ и, если можно, останемся дней пять-шесть. Слѣдуетъ отвѣтъ, подправляемый обворожительной улыбкой, что намъ должно здѣсь отдохнуть по меньшей мѣрѣ мѣсяць. Послѣ обоюдныхъ благодарностей и рукопожатій миръ удаляется, съ величавымъ достоинствомъ и какою-то особенною неторопливою граціей умѣло и ловко пятясь задомъ къ дверямъ. Его свита безшумно раздвигается передъ нимъ, пропускаетъ его и, сдѣлавъ намъ прощальный поклонъ, удаляется за своимъ господиномъ съ тѣми красивыми манерами,

¹⁾ Камфа—толстая широкая (18 вершк.) китайская шелковая матерія, покрытая цвѣтами или различными фантастическими животными.

которыя сдѣлали бы честь любому изящному петиметру салоновъ восемнадцатаго столѣтія.

Минуть черезъ пять-десять послѣ ухода мира пришли съ визитомъ офицеры Кулябскаго гарнизона. Этихъ было трое. На каждомъ бѣлый китель русскаго покроя, красныя сафьянныя брюки запряты въ высокіе сапоги, на головѣ широкодонныя, барашковыя шапки. У всѣхъ шпаги и по ордену бухарской звѣзды; у полковника второй степени, у остальныхъ—низшихъ степеней. Поздоровавшись съ нами точно такъ же, какъ и наши офицеры, гости усѣлись за чай. Полковникъ, судя по типу и по тому акценту, съ какимъ онъ говоритъ по-таджикски, повидимому, узбекъ, онъ держитъ себя вполне прилично и говоритъ за всѣхъ. Двое же его спутниковъ во все время не проронили ни слова. На наше замѣчаніе о молодецкой выправкѣ кулябскихъ солдатъ не въ примѣръ плохимъ войскамъ хисарскаго кушъ-беги¹⁾ физиономіи нашихъ посѣтителей расцвѣтаютъ, но полковникъ скромно замѣчаетъ, что, правда, у кушъ-беги солдаты должны были бы быть лучше, чѣмъ у нихъ въ Кулябѣ, но это объясняется тѣмъ, что Хисаръ сравнительно далеко отъ границы Афганистана, и потому на случай какихъ либо осложненій съ «афганами» и «коварными инглизи» пойдутъ въ дѣло войска Дарваза, Куляба и вообще пограничныхъ съ Афганистаномъ бухарскихъ провинцій. По этому-то на эти войска и обращено особое вниманіе. Посидѣвъ съ четверть часа, офицеры раскладываются и уходятъ.

Благодаря посѣтителямъ, мы еще не умылись и не переодѣлись съ дороги. Сдѣлавъ это и достаточно отдохнувъ, выхожу на веранду и осматриваюсь: кого бы изъ нашихъ людей взять съ собою побродить по городу. Никого нѣтъ, должно быть, всѣ ушли на базаръ. Къ счастью, откуда-то вывернулся Якубъ; приглашаю его и иду съ нимъ. Проходимъ темными переходами подъ аркой «дворцовыхъ» воротъ. По стѣнамъ развѣшана большая коллекція старыхъ кремневыхъ ружей, засиженныхъ голубьями. Видимо онѣ давно сданы въ архивъ и неизвѣстно для чего тутъ находятся. Десятка же два солдатъ, стоящихъ здѣсь въ двѣ шеренги на часахъ, вооружены хорошими русскими берданками. Проходимъ пустую площадь передъ «дворцомъ», идемъ пустынными узкими, кривыми улицами и выходимъ на базаръ — многочисленныя, длинныя ряды лавокъ, разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ. Особеннаго нѣтъ ничего, ничего похожаго на базары Бухары или Самарканда. Ни такихъ товаровъ, какъ тамъ, ни такого народа. Здѣсь сейчасъ нѣтъ ни души. Продавцы сидятъ, апатично поглядывая по сторонамъ, а то просто спятъ или собрались двое-трое и играютъ въ

¹⁾ См. мою книгу «На рубежѣ Афганистана», 1 вып. «Въ благодатномъ Хисарѣ». Изд. 1900 г.

шахматы. Быть можетъ, вслѣдствіе жары такое безлюдье, а базары здѣсь не съ крышами, какъ Бухарѣ.

Вонъ сидятъ купцы, по типу и по костюмамъ напоминающіе афганцевъ. Подхожу къ ихъ лавкамъ, въ которыхъ развѣшаны халаты, рубашки, лежатъ куски англійской кисел для тюрбановъ съ клеймами англійскихъ фабрикъ, индиго и другіе товары. Заговариваю, просятъ садиться и предлагаютъ чай. Таджикскимъ нарѣчіемъ плохо говорятъ, а персидскимъ языкомъ съ немалымъ числомъ архаическихъ формъ; перехожу на знакомый мнѣ испанскій діалектъ, и бесѣда къ обоюдному удовольствію ведется свободно. Новые знакомые оказываются индійскими персами («фаршика», какъ они называютъ себя) изъ Пеншавера и британскими подданными. Въ Кулябѣ ихъ нѣсколько человекъ, и они торгуютъ индійскими и англійскими товарами. И на родину ѣздятъ и съ родины везутъ сюда товаръ окружнымъ путемъ, то-есть черезъ Индійскій океанъ, Суэцкій перешеекъ, Средиземное и Черное моря и Россію, потому что «Абдуръ-Рахманъ-ханъ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ заперъ свою страну отъ всѣхъ чужеземцевъ, даже отъ инглизовъ и ихъ разноплеменныхъ подданныхъ и никого не пускаетъ ни въ свою землю, ни черезъ Афганистанъ въ другія страны». Зная, что эта мѣстность Бухары богата развалинами древнихъ городовъ, я, между прочимъ, спрашиваю, нѣтъ ли у нихъ какихъ либо древностей. Говорятъ отрицательно. Иду дальше по лавкамъ, высматривая, что бы купить. Рѣшительно не на чемъ остановиться: все такая дрянь. Правда, для нумизмата здѣсь было бы раздолье. Во всѣхъ почти лавкахъ этихъ купцовъ таджиковъ и узбековъ навалены цѣлыя груды старой мѣдной монеты и при томъ... русской. Есть рѣдчайшіе экземпляры не только царей московскаго періода, но и различныхъ великихъ князей. Попадаютъ также и серебряныя монеты великокняжескія, царскія и императоровъ и императрицъ восемнадцатаго столѣтія. Покупайте сколько хотите и все за гроши. Сами владѣльцы этихъ богатствъ съ полною готовностію и любезностію помогаютъ разбирать эти груды монетъ. Какъ зашли сюда эти деньги,—объяснить не берусь.

Исходили съ Якубомъ всѣ базары и заглянули въ старое городское медресе, «единственную достопримѣчательность Куляба», по словамъ встрѣчныхъ горожанъ. Но мѣстный храмъ науки не представлялъ ровно ничего особеннаго. Это просто небольшое мизерное и убогое зданіе съ куполообразною крышею, съ облупившеюся штукатуркою и безъ всякихъ украшеній. Сидѣвшіе въ небольшой прохладной залѣ «суфи» (студенты) объяснили намъ, что это зданіе перестроено лѣтъ около ста тому назадъ изъ большого медресе, сооруженнаго при Абдуллахъ-ханѣ¹⁾.

¹⁾ Абдуллахъ-Багадуръ-ханъ, сынъ Искандаръ-хана, правитель Мауаруннахъ (Средней Азіи) съ 1583 г. по 1598 г. по Р. Х.

— Почему же, — спросилъ я, — не поддержали старое зданіе? Оно, навѣрное, было лучше и болѣе просторно, какъ и всѣ сооруженія Абдуллаха.

— Конечно, тюря, лучше, — отвѣчали мои собесѣдники, — но при покойномъ эмирѣ Мурадѣ-Маасумѣ ¹⁾ не особенно дорожили зданіями, и при томъ понадобилось построить городскія бани; кирпича негдѣ было взять, и вотъ разобрали старое медресе. Большую часть кирпича употребили на бани, а изъ остальнаго построили это медресе.

Что можетъ быть картиннѣе этого примѣра безразсудной государственной экономіи: тратить какъ можно меньше денегъ на сооруженіе общественныхъ зданій?! Нужно построить бани — слѣдуетъ разобрать большое старое медресе, изъ него выйдетъ и то, и другое. Просто и экономно.

Великій шейбанидъ, Абдуллахъ-ханъ, воздвигалъ великолѣпныя мечети, дворцы и училища, строилъ при дорогахъ обширные каравансарай, прокладывая дороги, словомъ всячески заботился объ упорядоченіи своего государства, монашествующій же ханжа, эмиръ Маасумъ, надѣленный придворными льстецами пыннымъ титуломъ ²⁾, носившій дырявое рубище, ѣвшій разъ въ день скудную пищу, жившій въ грязи и цѣлые дни проводившій въ молитвѣ и богомысли, не только ничего не строилъ вновь, но даже совершенно прекратилъ отпускъ необходимыхъ суммъ на поддержаніе старыхъ зданій. Эта де расточительность подрываетъ благосостояніе царства. Такихъ же взглядовъ, къ сожалѣнію, держались и всѣ послѣдующіе преемники этого вѣнценоснаго нищенствующаго святоши. И въ концѣ концовъ нынѣ въ Бухарѣ видны лишь слѣды нѣкогда благоустроенныхъ дорогъ, остались засоренные негодные колодцы, полуразрушенные каравансарай съ кучами въ нихъ навоза и сора, разваливающіеся порталы медресе, дворцовъ и мечетей, или же лежація въ прахѣ развалины цѣлыхъ городовъ. Только эти плачевные остовы былаго величія съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ разноцвѣтными изразцами напоминаютъ нынѣ путнику о результатахъ этой своеобразно понятой «государственной экономіи, и о былыхъ счастливыхъ временахъ процвѣтанія и благоденствія священной Бухары».

Sic transit gloria mundi!

Походили съ Якубомъ еще по городу. Всяду одна и та же пустыньность, унылый видъ, и ничего особеннаго и привлекательнаго. Пора домой: близится вечеръ, да и усталость даетъ себя чувствовать.

На дворѣ губернаторскаго дома, куда мы пришли, на невысокой

¹⁾ Эмиръ Маасумъ, сынъ Даніаль-хана, царствовалъ съ 1785 г. по 1801 г. по Р. Х.

²⁾ Шахъ-Мурадъ-Маасумъ-Гази-Амиралъ-Муминишъ, т. е. Шахъ-Мурадъ-Маасумъ, герой и повелитель правовѣрныхъ.

верандѣ, «дыша вечернею прохладою», сидитъ миръ въ одномъ бѣльѣ. Вокругъ него красивая группа его приближенныхъ. О чемъ-то вполголоса ведется бесѣда. Прохожу къ себѣ на террасу, гдѣ за походнымъ столикомъ на складныхъ стульяхъ сидятъ мои спутники и мирно попиваютъ чай. Присоединяюсь къ нимъ и, наслаждаясь вечеромъ, дѣлюсь впечатлѣніями только что видѣннаго.

Изъ группы людей, окружающихъ мира, встаетъ одинъ, сходитъ съ террасы и становится среди двора лицомъ къ «сосредоточію вселенной», святой Меккѣ: часъ вечерняго намаза насталъ. Говоръ и смѣхъ замолкаютъ, всѣ встаютъ и оправляютъ костюмы. Среди воцарившейся тишины раздается громкій и звучный призывъ на молитву. На него откликнулись муэзины въ городѣ, и изъ конца въ конецъ Куляба разнеслись святыя слова «азана»¹⁾. Возгласивъ призывъ къ молитвѣ, губернаторскій муэзинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мулла опять восходитъ на террасу и, снявъ туфли, становится на коврикъ впереди всѣхъ, за нимъ миръ, ужъ успѣвшій надѣть халатъ. За миромъ правильными рядами становятся другія лица, и тѣ ближе къ начальнику, кто знатнѣе. Со двора спѣшатъ на террасу слуги губернатора и размѣщаются позади его приближенныхъ. Молитва объединяетъ всѣхъ правовѣрныхъ, всѣхъ ихъ равняетъ предъ Всесильнымъ, Безконечнымъ. Туфли сняты и поставлены подлѣ «суджадата»²⁾, концы торбановъ распущены, широкія одѣянія и пышныя чалмы причудливо рисуются въ вечернемъ воздухѣ, мулла громко и внятно читаетъ первую сѹру корана. Строгою сосредоточенностью и благоговѣніемъ охвачены многочисленные безмолвные ряды молящихся.

И кажется, будто въ настоящій мигъ вся окружающая атмосфера, всѣ трепетныя листья чинаръ и недвижная листва карагачей, и всѣ эти загорающіяся звѣзды и свѣтлый серпъ луны слились съ людьми въ одной общей молитвѣ Самосущему Аллаху, милліоны ангеловъ Котораго несутъ эти мольбы и хвалы въ безпредѣльную высь надзвѣздныхъ міровъ, къ таинственному престолу вѣковѣчнаго Міродержца.

Послѣ молитвы всѣ расходятся и принимаются за прерванные занятія: за чаепитіе, бесѣды и ужинъ. Намъ уже принесли нѣсколько громадныхъ блюдъ мѣстной кухни и все поставили у нашихъ ногъ на разостланную циновку. Просимъ передать глубокую благодарность миру, который противъ насъ на своей верандѣ соби-

¹⁾ «Азанъ» — призывъ на молитву. Въ дословномъ переводѣ съ арабскаго онъ гласитъ слѣдующее: Великъ Богъ (четыре раза). Свидѣтельствую, что Мухаммедъ посланникъ Божій (два раза). Слѣши на молитву (два раза). Слѣши ко спасенію (два раза). Послѣ этого во время утренней молитвы произносится еще: Молитва лучше сна (два раза). Богъ великъ (два раза). Нѣтъ Бога, кромѣ Бога (одинъ разъ).

²⁾ «Суджадатъ» — коврикъ для молитвы.

рается тоже кушать. Халатъ и туфли онъ уже снялъ и опять остался въ одной длинной рубашкѣ и широкихъ панталонахъ. Сидѣвшіе около него приближенные отодвигаются подальше въ то время, когда на террасѣ появляется чалмоносецъ съ блюдомъ дымящагося пилава и съ миской супа. Все это ставится передъ миромъ. Миръ садится на колѣни и, низко нагнувшись, начинаетъ ѣсть пилавъ руками, въ антрактахъ обсасывая жирные пальцы. Къ губернатору присоединился ужинать и его сынъ, остальные приближенные безмолвно смотрятъ на это: по мѣстному этикету изъ нихъ никто не ѣстъ съ начальникомъ, за исключеніемъ лишь близкихъ его родныхъ. Наконецъ ужинъ оконченъ. Пилавъ съѣденъ, супъ выпитъ по очереди, сначала миръ отпилъ половину миски, потомъ его сынъ; ложекъ, какъ извѣстно, не полагается.

Еще съ часъ проходитъ въ бесѣдѣ или игрѣ въ шахматы при мерцающемъ свѣтѣ ночника, потомъ послѣдній, предъ отходомъ ко сну, намазъ, и все засыпаетъ, лишь бодрствуетъ ночная стража, и стукъ ея барабановъ и звонъ треугольниковъ порою нарушаютъ покой и безмятежность спящихъ улицъ.

На другой день утромъ мы пригласили мира къ себѣ кушать чай. Онъ не замедлил явиться. На этотъ разъ на немъ былъ шелковый халатъ стального цвѣта и бѣлый кисейный тюрбанъ; ни приближенныхъ, ни слугъ при немъ не было. Они его проводили лишь до нашей террасы и удалились. Пришелъ и махрамъ-бекъ. Остались мы съ миромъ, что называется, «съ глазу на глазъ», поэтому бесѣда могла вестись болѣе откровенно, да и визитъ губернатора былъ неофициальный, а запросто.

За чаемъ нашъ гость разсказалъ немало интереснаго о житьѣ-бытьѣ губернаторовъ бухарскихъ провинцій. Нарисованная имъ картина настолько характерна, что, кажется, небезынтересно привести пересказъ слышаннаго съ добавленіемъ кое-чего изъ личныхъ наблюденій.

Миры назначаются эмиромъ или изъ его любимцевъ и приближенныхъ, или изъ особенно заслуженныхъ «амлекдаровъ»¹⁾. Принимается во вниманіе и національность. По традиціоннымъ соображеніямъ повелителей Бухары, на должности, гдѣ болѣе полезна покорность и преданность престолу, назначаютъ добродушнаго и недалекаго узбека, на отвѣтственныя же мѣста, гдѣ нуженъ большой политическій тактъ и осторожность, въ большинствѣ случаевъ назначаютъ ловкіе и хитрые таджики или ихъ сородичи изъ Ирана. Относительно послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что эмиры Бухары охотно принимали къ себѣ и теперь принимаютъ различныхъ выходцевъ изъ Персіи. И въ исторіи Трансоксаніи было немало примѣровъ, когда персидскіе невольники, проданные въ рабство турк-

¹⁾ Окружный начальникъ, исправникъ.

менами, занимали впоследствии при Бухарскомъ дворѣ важнѣйшія государственныя должности. Въ этихъ случаяхъ, какъ видно, религиозная непримиримая рознь между персами-шиитами и суннитскими населеніемъ Бухары не находила себѣ мѣста, и на первомъ планѣ стояли недюжинныя, вошедшія на Востокъ въ поговорку, способности персіянъ и ихъ сравнительно высокое умственное развитіе.

Полученіе мѣста губернатора, какъ это водится на Востокѣ, понятно, не обходится безъ извѣстной мзды, если не въ пользу эмира, то его вліятельныхъ сановниковъ. Не только какое либо образованіе, но даже простая грамотность необязательна для претендента на губернаторское мѣсто. И, напримѣръ, нынѣшній кулябекскій миръ не умѣетъ ни читать, ни писать. Да и къ чему такая роскошь? Вѣдь нѣтъ никакой особенно сложной переписки, канцелярскихъ дѣлъ и книгъ для записи «исходящихъ и входящихъ». А если что и потребуетъ написать, на это есть «мирза»¹⁾. Въ каждомъ городѣ, куда пріѣдетъ новый губернаторъ, къ его услугамъ многочисленный штатъ покорныхъ приближенныхъ и великое множество безответныхъ слугъ. Среди нихъ и мирза, важный и неизбѣжный винтикъ въ государственной машинѣ (вѣщенной Бухары. Мирза есть у каждаго бухарскаго чиновника, начиная отъ простого сельскаго старшины и кончая кушъ-бѣги и диванъ-бѣги²⁾). Когда придетъ къ миру та или другая бумага, ее прочтетъ ему мирза и тотчасъ напишетъ на нее соотвѣтствующій отвѣтъ, не безпокая мира. Послѣдній только прочтетъ написанное или, если неграмотенъ, прослушаетъ и приложитъ къ бумагѣ свою печать. Подпись не требуется, печать на Востокѣ важнѣе всего³⁾.

¹⁾ Секретарь, писецъ.

²⁾ Кушъ-бѣги—высшій чинъ бухарскаго и хивинскаго дворовъ, министр-резидентъ, вице-король. Въ Бухарѣ два кушъ-бѣги. Одинъ живетъ въ самой столицѣ ханства, ему подчинены провинціи западной Бухары, другой живетъ въ Хисарѣ и начальствуетъ надъ областями восточной Бухары. Диванъ-бѣги—министръ иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ И знатный восточный сановникъ, и мелкаго сошка носятъ эту необходимую вещь всегда съ собой. У кого она бережно завернута въ тряпочку и хранится въ карманѣ, кто носитъ ее на шеѣ на шнуркѣ. На печати выгравировано полное имя ея владѣльца и его чинъ. У коронованныхъ особъ на печати красуется какое либо высокопарное двустипіе, куда входятъ имя и титулъ ея обладателя. Такъ, напримѣръ, на печати покойнаго персидскаго шаха было выгравировано двустипіе, которое въ переводѣ на русскій языкъ гласитъ слѣдующее:

«Съ тѣхъ поръ, какъ рука Насръ-Эддина взяла печать шаховъ,
«Молва о справедливости и правосудіи пронеслась изъ конца въ конецъ вселенной».

На печати нынѣшняго шаха значится:

«Съ помощью Бога возшла звѣзда побѣды и торжества:

«Взялъ печать шаховъ. Музафферъ-Эддинъ-шахъ».

И шахъ, какъ и всѣ восточные владетели, никогда не подписываетъ своего имени, а всегда прикладываетъ печать. Лишь въ непосредственныхъ сношеніяхъ

Всѣ дѣла, касающіяся непосредственно мировъ, рѣшаются ими на своемъ дворѣ и въ лѣтнее время всегда подъ открытымъ небомъ. Раннее утро застаегъ мировъ въ кругу своихъ приближенныхъ ужь на террасѣ. Нравы патриархальны, и жизнь еще здѣсь не выработала сложнаго кодекса приличій, и потому миръ дома цѣлый день бываетъ въ одномъ бѣльѣ. У себя, по мѣстнымъ понятіямъ, можно быть въ чемъ угодно, и въ такомъ видѣ не возвращается принимать посѣтителей и рѣшать какія угодно важныя дѣла. Другое дѣло—выходить куда либо изъ своихъ покоевъ, тогда нужно одѣваться въ полный костюмъ. Являются просители или вообще люди, имѣющіе дѣло до губернатора, послѣдній принимаетъ ихъ, сажаетъ поодаль отъ себя, выслушиваетъ и тутъ же словесно, безъ всякихъ бумагъ, налагаетъ свое рѣшеніе. Часто во все время разбора тѣхъ или другихъ дѣлъ, миръ спокойно попиваетъ зеленый чай изъ маленькой фарфоровой чашки и изъ нея же утощаетъ присутствующихъ, и чашка съ чаемъ переходитъ изъ рукъ въ руки, отъ устъ знатнаго мира до рта смиренно сидящаго на колѣняхъ челобитчика. Одно другому не мѣшаетъ. Знатность и ничтожество само собой, а священный законъ гостепріимства самъ собой, истецъ же и обвиняемый пришли къ миру—значить, они до нѣкоторой степени его гости.

Никто ничего не имѣетъ и противъ того, если во время занятія должностными дѣлами губернаторъ лежитъ, растянувшись на коврѣ, а двое мальчиковъ-подростковъ усердно его растираютъ. Иногда массажисты для удобства заворачиваютъ рубашку начальника или спускаютъ его панталоны, и предъ глазами присутствующихъ мелькаетъ обнаженное благородное тѣло мира. Но это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить, тѣмъ болѣе, вѣдь губернаторъ не прерываетъ дѣла и вставляетъ порою свои замѣчанія на слова просителей или докладчика, почтительно сидящихъ или стоящихъ передъ нимъ. Застанетъ время того или другого намаза подобное начальническое разбирательство,—всѣ встаютъ и молятся здѣсь же вмѣстѣ. И судъ, и всякія служебныя дѣла, и молитвы, и принятіе пищи—все подъ открытымъ небомъ. Когда же солнце начнетъ особенно сильно припекать, миръ и его свита переходятъ или на другую террасу, по ту сторону дома, гдѣ тѣнь, или же удаляются въ комнаты, гдѣ царитъ прохлада и въ самый сильный жаръ. Лишь по пятницамъ, или вообще въ праздники, въ этой

съ коронованными особами вмѣсто печати шахъ собственноручно подписывается. Мнѣ извѣстенъ фактъ, когда покойный Насръ-Эддинъ, посылая бумагу одному изъ своихъ приближенныхъ, по ошибкѣ подписался. Но, во время спохватившись, не долго думая, слизнулъ языкомъ написанное и вмѣсто этого на соответствующемъ мѣстѣ приложилъ печать. Царедворецъ, получивъ августѣйшую грамоту, тѣмъ не менѣе замѣтилъ уничтоженную подпись повелителя (она все-таки выступала неясными очертаніями) и понялъ, какимъ образомъ это произошло.

тихой, однообразной жизни замѣчается нѣкоторая переменѣна. Богато убранная лошадь съ великолѣпнымъ бархатнымъ чепракомъ, шитымъ серебромъ или золотомъ, везетъ губернатора въ мечеть на молитву. Послѣ моленія, возвращаясь обратно, онъ приглашаетъ къ себѣ въ домъ всѣхъ присутствовавшихъ въ мечети, начиная отъ муллы, читавшаго «хотбу»¹⁾, и кончая простымъ обывателемъ города, «байкушемъ»²⁾. Въ просторномъ залѣ мирскаго «дворца» гости размѣщаются, смотря по степени знатности. Хозяинъ занимаетъ самое почетное мѣсто. Разнообразныя и сытныя блюда ставятся передъ гостями, неизбѣжный «чилиимъ»—мѣстный кальянь, послѣ обѣда обходитъ присутствующихъ, и слуги приносятъ мѣдныя обиджущъ и фарфоровыя чашечки безъ ручекъ и безъ блюдецъ для чаепитія. Миръ ведетъ назидательную бесѣду съ наиболѣе образованными гостями: муллами, судьями и другими, остальные въ глубокомъ молчаніи внимаютъ разговору. Послѣ угощенія—краткая молитва, благодарность и поклоны отъ всѣхъ гостепріимному хозяину, и всѣ расходятся во-свояси. Губернаторъ, утомленный пріемомъ, отправляется на отдыхъ во внутренніе покои своего помѣщенія; въ такой день никакихъ служебныхъ дѣлъ ужъ не поблагается.

И такъ изо дня въ день проходитъ вся жизнь каждаго мира безмятежной чередой, развѣ только омрачается она тогда, когда «по волѣ судьбы» выпадаетъ ему черный день отправиться въ столицу или въ Керминѣ (гдѣ больше всего живетъ эмиръ) къ «Дженáбе Аали»³⁾, по грозному вызову послѣдняго. А это происходитъ въ томъ случаѣ, если замѣчаютъ, что доходы съ той или другой области уменьшились, и слѣдовательно виноватъ ея губернаторъ: онъ де удерживаетъ часть поборовъ, идущихъ въ казну эмира. Какъ и вездѣ на Востокѣ, мѣстные губернаторы не получаютъ никакого жалованья отъ своего правительства, а берутъ себѣ натурой и деньгами съ жителей подвластной имъ провинціи. Нормы для этого не существуетъ, и отсюда, понятно, грабежъ и хищеніе невѣроятныя.

Правда, по закону каждый подданный эмира долженъ давать въ казну ежегодно десятую часть отъ своихъ доходовъ, но кто же можетъ съ точностію сказать, сколько онъ собралъ за годъ хлѣба, масла, молока, фруктовъ и проч.? И потому каждый даетъ столько,

¹⁾ Молитва, читаемая муллою по пятницамъ.

²⁾ Байкушъ—тюркское слово, въ собственномъ смыслѣ означющее филина, сову, вообще ночную птицу. На языкѣ же бухарскихъ чиновныхъ лицъ слово «байкушъ» означаетъ простаго крестьянина, черный людъ вообще.

³⁾ «Высочайшая свѣтлость»—титულъ бухарскаго эмира, котораго такъ величаютъ за глаза всѣ мѣстные чиновники.

сколько назначаютъ власти ¹⁾, а послѣднія въ виду своихъ выгодъ берутъ какъ можно больше. Да если бы и были извѣстны доходы каждаго туземца, то законные поборы опять были бы немислимы. Честность и безупречность мѣстныхъ властей, при полной безконтрольности ихъ дѣяній, весьма сомнительны, а если добавить къ этому житье безъ жалованія и кормленіе отъ народа, то это невѣроятное лихоимство станетъ понятнымъ. Начиная отъ губернатора и кончая послѣднимъ чинушей-халатникомъ, грабятъ всѣ, отчего бѣдное, истощенное непосильными налогами, населеніе встрѣчается въ каждой провинціи. И только изумительное плодородіе земли да необыкновенное трудолюбіе прекраснаго народа, еще живущаго тысячелѣтними традиціями своей когда-то прославленной культуры, не даютъ странѣ дойти до полнаго обнищанія и запущенности. Ни суда, ни расправы на беззаконія властей ни у кого нельзя найти. У мелкаго чиновничьяго міра всегда найдутся сильные родственники или хорошіе знакомые, которые за просьбу и за подарки постараются уничтожить передъ губернаторомъ всякое обвиненіе противъ ихъ кліентовъ, у губернаторовъ же добрые друзья при дворѣ и хорошія взятки кушъ-бѣги и другимъ вліятельнымъ сановникамъ тоже сдѣлаютъ свое дѣло, и виновный всегда окажется

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, какъ взимаютъ годовую подать въ Каратегинѣ и прочихъ мѣстахъ Нагорной Бухары. Эмиру $\frac{1}{10}$ часть собраннаго за годъ хлѣба, 20 фунтовъ масла съ богатыхъ и барана стоимостью въ 12 тенговъ (1 рубль 92 к.) или же 12 тенговъ деньгами, съ бѣдныхъ же, взамятъ масла и барана, кусокъ «маты» (бѣлой хлопчато-бумажной ткани своего издѣлія) стоимостью отъ 60 коп. до 1 рубля. Въ пользу же мира, амлекдара, волостнаго старшины и ихъ прислуги сходить еще пуда по два хлѣба верномъ, полпуда или пудъ масла и нѣсколько тенговъ деньгами, смотря по степени выпрашиванья, или, вѣрнѣе, вымогательства. При страшной окружающей бѣдности такіе поборы невыносимы. Деньги же въ горахъ крайне рѣдки и потому представляютъ большую цѣнность; горный таджикъ, искони привыкшій къ мѣновой торговлѣ, на деньги съ удовольствіемъ продаетъ барашка тенговъ за 6—7 (96 к.—1 р. 12 к.), или, какъ въ Каратегинѣ, «батманъ» (9 пудовъ) пшеницы отдаетъ въ урожайные годы за 8 тенговъ (1 р. 28 к.). Такимъ образомъ, если перевести на нашъ курсъ всю стоимость поборовъ съ мѣстнаго горца, то сумма выйдетъ внушительная. Въ самомъ дѣлѣ, если положить, что въ среднемъ горецъ-таджикъ дастъ 2 пуда пшеницы ($\frac{1}{10}$ часть съ земельныхъ доходовъ), то, считая по 1 рублю 10 коп. пудъ, выйдетъ 2 рубля 20 коп., 20 фунтовъ масла стоятъ приблизительно 5 рублей, баранъ—три рубля или столько же деньгами, итого выйдетъ 10 рублей съ богатыхъ. Съ бѣдныхъ же, если, при всемъ одинаковомъ остальномъ, вмѣсто барана и масла положить кусокъ маты рубля въ два, выходитъ всего податей рублей на 5. Если прибавить еще столько же на мѣстныхъ властп, то непосильность платежа такихъ поборовъ станетъ очевидною. Недоимокъ же не полагается; для ихъ устраненія существуютъ клоповники и канчуки. Отсюда понятнымъ станетъ, почему мѣстные туземцы, «байкуши», наивно спрашиваютъ профъзающаго «уруса», скоро ли ихъ возьметъ себѣ «Бѣлый царь». У него де легче живется: по слухамъ, податей меньше приходится платить; вонъ въ Ферганѣ, въ Самаркандѣ и другихъ русскихъ владѣніяхъ въ Средней Азій каждый платитъ въ среднемъ выводѣ только около 7 тенговъ (1 рубль 10 коп.).

правымъ. А такъ какъ «у сильнаго всегда безсильный виноватъ», то обиженный бухарскій миръ чинитъ кровавую расправу надъ своими доносчиками и обвинителями. Развѣ только кто нибудь изъ вліятельныхъ лицъ при дворѣ, враждебныхъ миру, или всевластный кушъ-бѣги донесутъ «хазрѣту»¹⁾ о томъ или другомъ неправомъ дѣлѣ, главнымъ образомъ о казнокрадствѣ, и тогда знатнаго мира ждетъ опала или еще что нибудь худшее этого.

По пріѣздѣ къ эмиру, обвиняемаго губернатора начинаютъ допрашивать, почему онъ мало присылаетъ податей. Миръ отговаривается тѣмъ, что, напримѣръ, урожаи за послѣдніе годы были плохіе, и собраннаго хлѣба поэтому оказалось мало, а народъ весь обѣднялъ; откуда же быть большому сбору податей? Оправданіямъ этимъ, конечно, никто не вѣритъ. Въ Бухарѣ невозможнаго не бываетъ: если бы и годы на самомъ дѣлѣ были плохіе, и народъ бы былъ окончательно разоренъ неурожаемъ, исправность платежа податей все-таки обязательна. Состраданіе и государственныя заботы о подданныхъ здѣсь неизвѣстны, да къ тому же если ужъ кто провинился предъ эмиромъ, то значитъ справедливо подпалъ подъ его грозный, немилосердный гнѣвъ. А гнѣвъ «хазрета» не шутка: онъ сразу уничтожаетъ человѣка. Мольбы и просьбы о законномъ разбирательствѣ дѣла бесполезны. Опальнаго губернатора прямо спрашиваютъ: «сколько скопилъ денегъ?» Онъ называетъ извѣстную сумму, ее требуютъ у него, подъ страхомъ пожизненнаго заключенія въ «зиндону»²⁾, немедленно отдать эмиру. Нечего и говорить, что обвиняемый тутъ же отдаетъ требуемое. Но здѣсь кто нибудь изъ лицъ, хорошо знавшихъ его, быть можетъ, даже кто нибудь изъ друзей, доноситъ, что у него столько-то скота пасется тамъ-то, столько-то табуновъ лошадей гуляетъ по равнинамъ, и что и денегъ-то у него собрано гораздо больше, чѣмъ онъ показалъ. По такому навѣту отбираютъ все имущество у бывшаго мира и вымогаютъ всѣ накопленныя деньги, употребляя не только всяческія угрозы, но и прибѣгая къ помощи различныхъ пытокъ, на которыя такъ щедръ и изобрѣтателенъ безчеловѣчный Востокъ. Въ концѣ концовъ бывшій могущественнѣйшій сатрапъ, по своему усмотрѣнію казнившій и миловавшій людей, очутится безъ куска хлѣба въ жалкомъ домишкѣ, который ему дадутъ изъ милости гдѣ нибудь въ столицѣ подъ грознымъ окомъ повелителя. Послѣдній изъ жалости кое-какъ кормитъ опальника, чтобы тотъ не умеръ съ голода, какъ бродячая уличная собака. И развѣ только по прошествіи многихъ лѣтъ, когда уже за давностью времени его вина из-

¹⁾ Хазрѣтъ, или, вѣрнѣе, хазратъ—«святѣйшій, высочайшій». Одинъ изъ титуловъ эмира, который онъ носитъ, какъ духовный глава мусульманъ Средней Азіи.

²⁾ Тюрьма, клоповникъ.

глядится изъ памяти «Дженабе-Аали», о немъ вспомнить и опять пошлютъ губернаторомъ куда нибудь въ бѣдную провинцію. А часто случается и такъ, что совсѣмъ не вспомнятъ, и бывший губернаторъ умираетъ ничтожнымъ бѣднякомъ. Ни прежніе многочисленные друзья и пріятели, ни бывшіе вѣрные слуги, никто не придетъ навѣстить подпавшаго подъ гнѣвъ повелителя. Еще заподозрятъ въ измѣнѣ послѣдному и въ сочувствіи его недругамъ. И нерѣдкость, если дѣти такого впавшаго въ немилость мира займутся потомъ какой либо мелкой торговлею, либо пойдутъ въ чернорабочіе. Сословіи и сопряженныхъ съ ними разнаго рода привилегій въ Бухарѣ вѣдь нѣтъ.

Лѣто 1897 г. мнѣ пришлось провести въ столицѣ Бухарскаго ханства, въ Бухарѣ. Во все это время мнѣ прислуживалъ молодой таджикъ Мадъ-Али. Всѣ знавшіе его называли его не по имени, а «бой-бача», т.-е. сынъ богатаго. Какъ-то мнѣ пришлось спросить, почему его такъ называютъ. И мой слуга повѣдалъ мнѣ грустную исторію. Его отецъ былъ одинъ изъ вліятельныхъ сановниковъ эмира и имѣлъ титулъ «парвоначи». За что-то онъ былъ отставленъ отъ должности, деньги, которыя онъ успѣлъ нажить во дни своей славы, прожилъ во дни своего ничтожества. По смерти его осталась большая семья, и старшій изъ дѣтей былъ Мадъ-Али. Чтобы прокормить бѣдствовавшую семью, онъ поступилъ къ какому-то сластолюбивому горожанину «бачею» и цѣной собственнаго позора содержалъ своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ и старуху мать. Изъ прежнихъ же друзей отца никто не протянулъ руку помощи его бѣдствовавшей семьѣ, напротивъ, всѣ сторонились, какъ отъ зачумленныхъ, несмотря на просьбы и мольбы о помощи. Нѣсколько лѣтъ безпутной жизни сказались на Мадъ-Али, и изъ когда-то розоваго, цвѣтущаго мальчика сталъ высокой, желтый, безобразный, съ тупымъ взоромъ и вялыми движеніями, двадцати-лѣтній паренъ. Быть бачею теперь онъ не можетъ: онъ уже слишкомъ выросъ и сталъ безобразенъ. Куда же итти? Правда, мать умерла, сестры успѣли выйти замужъ, братья выросли, но вѣдь нужно же себя прокормить. И Мадъ-Али сталъ «мардикоромъ», т.-е. поденщикомъ, рабочимъ, слугою. Отъ прежняго отцовскаго богатства и славы только сохранилось лишь насмѣшливое прозвище, данное его сыну: «бой-бача».

Чтобы не попасть въ такую бѣду, какъ гнѣвъ эмира, мѣстные губернаторы всячески стараются о доставленіи возможно большихъ суммъ въ казну эмира. По закону каждый начальникъ провинціи обязанъ представить тому кушъ-беги, которому онъ подчиненъ, ежегодно отъ 6 до 10 лаковъ тенговъ ¹⁾, смотря по богат-

¹⁾ Собственно «лакъ» — индійское слово, перешедшее въ таджикскій діалектъ, и значитъ 100.000. Лакъ тенговъ равенъ нашимъ 16.000 рублямъ, считая по нынѣшнему курсу тенгу въ 16 копеекъ.

ству своей области (эта подать должна вноситься мирами не тенгою, а русской монетой). Собранную дань кушъ-беги отсылаетъ въ Бухару. Къ этимъ-то нѣсколькимъ лакамъ ежегодныхъ податей каждый миръ и усердствуетъ прибавить еще нѣсколько тысячъ лишнихъ тенговъ, лишь бы не впасть въ немилость у эмира. Само собою разумѣется, что, радѣя о пользѣ своего государя, миры не забываютъ и себя: 2—3 лака тенговъ откладываютъ ежегодно въ свою пользу. Такимъ образомъ, если сравнить жалованье нашихъ губернаторовъ съ доходами ихъ бухарскихъ собратьевъ, то сравненіе окажется не въ пользу первыхъ. А если присоединить къ этому многочисленные табуны лошадей и тысячныя стада коровъ и овецъ и прочіе побочные доходы натурой, то богатство мѣстныхъ мировъ покажется и вовсе значительнымъ.

Среди разговора, миръ, между прочимъ, выразилъ сожалѣніе, что мы пріѣхали немного поздно. И когда мы спросили, въ чемъ дѣло, губернаторъ замѣтилъ, что мы лишились удовольствія видѣть казнь преступниковъ: три дня тому назадъ казнили двухъ. «Впрочемъ,—замѣтилъ сановный старецъ,—эта вещь поправимая, черезъ недѣлю еще предстоитъ казнь, такъ что вы, если поживете въ Кулябѣ, то увидите это». Поблагодаривъ мира за такое «эстетическое удовольствіе», я спросилъ его, не разрѣшитъ ли онъ намъ осмотрѣть мѣстную тюрьму, такъ какъ мы много слышали о правосудіи Благородной Бухары, гдѣ зло всегда несетъ заслуженное возмездіе. Съ любезной улыбкой миръ далъ на это полное согласіе и, кликнувъ одного изъ гуляющихъ по двору чиновниковъ, далъ ему приказъ проводить насъ въ «зіндону».

Тюрьма оказалась во дворѣ же мирскаго «дворца», почти противъ нашего помѣщенія. Единственная дверь въ нее была въ стѣнѣ входной арки губернаторскаго дома. Внутренность кулябской тюрьмы представляетъ громадную яму, надъ которой возвышаются высокія глинобитныя стѣны съ однимъ узенькимъ оконцемъ. Ослиная солома валяется на сыромъ полу. Воздухъ необыкновенно спертый и удушливый, безъ привычки не пробудешь и нѣсколькихъ минутъ.

Всего преступниковъ при насъ въ тюрьмѣ было четверо; длинная желѣзная цѣпь сковывала ихъ шеи, такъ что если одному нужно было сѣсть, лечь или нагнуться, то это должны были сдѣлать и всѣ остальные. Свои физиологическія отправленія заключенные дѣлали въ тюрьмѣ же, наружу ихъ совсѣмъ не выпускали. Одинъ изъ нихъ, молодой человекъ, съ безпокойно бѣгавшими глазами и страшно блѣднымъ лицомъ, сидитъ здѣсь двѣ недѣли. Онъ обвиняется въ кражѣ лошади. На мой вопросъ, когда онъ думаетъ освободиться, онъ отвѣтилъ: «послѣ того, какъ по приговору суда мнѣ отрубятъ руку» ¹⁾. Другой—высокій, сред-

¹⁾ Въ Бухарѣ судятъ по законамъ имама Абу-Ханифа; по уголовному кодексу этого имама за воровство въ первый разъ полагается отрубить кисть руки, за

нихъ лѣтъ мужчина съ сумрачной и утомленной фізіономіей, бывшій купецъ, онъ заключенъ сюда кредиторами за неплатежъ долговъ и находится здѣсь ужъ два съ половиной мѣсяца. Когда я спросилъ, какъ можетъ долго продлиться его пребываніе въ тюрьмѣ, онъ мрачно отвѣтилъ: «до тѣхъ поръ, пока не уплачу долговъ, а гдѣ я возьму деньги?» Какого рода преступленія совершили остальные,—я, къ сожалѣнію, не помню. Когда ихъ всѣхъ по нашей просьбѣ вывели на дворъ снять съ нихъ фотографію, несчастные едва держались на ногахъ отъ слабости и отъ того, что за время пребыванія въ тюрьмѣ они отвыкли отъ воздуха и солнца. Когда же г. Б. поставилъ противъ нихъ фотографическій аппаратъ и навелъ объективъ, бѣдные узники настолько напугались, что тряслись, какъ въ лихорадкѣ: имъ казалось, что странный инструментъ сейчасъ выстрѣлитъ и убьетъ ихъ. Большихъ трудовъ стоило ихъ хотя нѣсколько успокоить.

До полдня еще далеко. Опять, какъ и вчера, пошли съ Якубомъ бродить по городу; мои спутники тоже собираются. Прошли опять черезъ базары къ лавкамъ вчерашнихъ нашихъ знакомцевъ изъ Пешавера, но онѣ оказались заперты; сосѣдніе торговцы говорятъ, что они ушли въ каравансарай: тамъ де какое-то собраніе, многіе и другіе пошли.

Вотъ и каравансарай, длинное большое зданіе. Настежь раскрыты ворота ведутъ въ обширный, начисто разметенный дворъ. На дворѣ, подъ навѣсами окружающихъ его съ четырехъ сторонъ галлерей, цѣлое море разноцвѣтныхъ тюрбановъ и яркихъ халатовъ, мѣстами выдѣляются своими темными куртками и блестящими пуговицами длинноволосые афганцы и всѣ въ черномъ смуглые «хинду» (индусы). Подходили къ тому мѣсту, гдѣ сидятъ индійскіе персы; ихъ умныя, плутоватыя фізіономіи рѣзко выдѣляются изъ окружающей ихъ группы таджиковъ и другихъ національностей. Дѣлаемъ общій поклонъ ихъ собесѣдникамъ и спрашиваемъ, не помѣшали ли мы своимъ приходомъ. Со всѣхъ сторонъ слышится отрицаніе и любезное приглашеніе садиться. Въ группѣ, къ которой мы подошли, предметомъ общаго вниманія служитъ представительный старикъ въ богатомъ костюмѣ. Вижу—Якубъ почтительно привѣтствуетъ его, а старикъ, какъ старый знакомый, привѣтливо улыбаясь, отдаетъ Якубу отвѣтныи «саламъ». Между ними завязывается разговоръ. Ко мнѣ же тѣснѣе подвинулись пешаверцы и познакомили меня съ тремя другими изъ своихъ соотечественниковъ.

— Вы извините насъ, что мы вчера отвѣтили вамъ отрица-

воровство во второй разъ отрубаятъ кисть ноги (изуродованную такимъ образомъ руку или ногу сейчасъ же погружаютъ въ кипящее масло, чтобы унять кровотеченіе). За кражу въ третій разъ виновнаго отсылаютъ къ эмиру на его усмотрѣніе, что всегда оканчивается казнью.

тельно на вашъ вопросъ о старинныхъ монетахъ, — безъ дальнѣйшихъ околичностей приступилъ «къ дѣлу» одинъ изъ вчерашнихъ моихъ знакомцевъ. — Дѣло, видите ли, въ томъ, у насъ кое-что имѣется изъ старины, но вчера мы не показали вамъ этого. Думали, что вы, какъ гости мира, возьмете наши вещи, а денегъ не отдадите. Здѣсь вѣдь гостямъ все, что нравится, отдаютъ даромъ, будь это хоть и чужое. Но о васъ узнали, что вы много на пути покупали вещей и за все хорошо платили.

Увидя на моей физиономіи необычайное удивленіе, мой собесѣдникъ поспѣшно прибавилъ.

— Вы не вѣрите? Были случаи, увѣряю васъ. Пріѣзжали къ миру русскіе таксыры оттуда... съ равнины, и брали даромъ.

Глядя на это красивое маговой бѣлизнылицо съ черными умными глазами, я, признаться, заподозрѣлъ моего собесѣдника въ нѣкоторомъ преувеличеніи, если не сказать болѣе, и въ душѣ не повѣрилъ слышанному. Къ сожалѣнію, далѣе на пути изъ Кабадіана въ Патта-Хисаръ, увы, пришлось воочію убѣдиться въ такихъ подвигахъ нѣкоторыхъ «благородныхъ россійскихъ таксыровъ» и при томъ занимающихъ въ странѣ извѣстное служебное положеніе. Но объ этомъ послѣ.

Разговаривая со мной, мой собесѣдникъ вынулъ изъ-за пазухи своего халата маленькіе узелочки и сталъ ихъ развязывать. Въ нихъ оказалось нѣсколько штукъ серебряныхъ греко-бактрійскихъ монетъ и одна мѣдная съ изображеніемъ Александра Македонскаго. И у другихъ также оказалось по нѣсколько подобныхъ монетъ, а у одного даже цѣлый мѣшочекъ, но только мѣдныхъ. Пока я разсматривалъ ихъ и читалъ имена различныхъ *basileus* овъ, вокругъ меня шелъ оживленный разговоръ. Сидѣвшій противъ меня благообразный старикъ, повидимому, знакомецъ Якуба, рассказывалъ окружающимъ о могуществѣ эмира и о богатствѣ Благородной Бухары.

Якубъ почтительно замѣчаетъ, что эмира теперь нѣтъ въ Бухарѣ; говорятъ, будто въ Россію выѣхалъ.

— Да, — небрежно роняетъ старикъ: — уѣхалъ. Вѣдь у нихъ съ Бѣлымъ цремъ большая дружба: другъ безъ друга жить не могутъ.

— Отчего же это, таксыръ? — сладко закативъ глаза, спросилъ кто-то изъ здѣсь сидящихъ.

— Да вѣдь Бѣлый царь — тайный мусульманинъ, — еще небрежно замѣчаетъ спрошенный таксыръ, задумчиво перебирая четки¹⁾: — ну, сердце эмира и влечется къ нему. Надо поговорить о дѣлахъ вѣры, о правленіи царствомъ, — мало ли о чемъ?

— Do you speak english? — спрашиваю я своего сосѣда, перса изъ Пешавера.

— Yes, I do.

¹⁾ Въ мало мальски степенные мусульмане имѣютъ всегда при себѣ четки.

— Who is this old man?

Въ отвѣтъ на это сосѣдъ нагибается къ моему къ уху и тихо произноситъ по-персидски: «собиратель «заката» ¹⁾ изъ Бухары».

Важная персона! Такими-то, подумаешь, небылицами старается мѣстное вліятельное духовенство и чиновничій міръ оправдать частыя отлучки правовѣрнаго эмира въ «нечестивую Русь». Правда, эпитетъ мусульманина еще болѣе увеличиваетъ и безъ того обаятельное для всего Востока имя русскаго императора, подъ властью котораго «всѣмъ правовѣрнымъ такъ хорошо живется». И великій Бѣлый царь, упованіе и надежда всѣхъ народовъ Азіи, и при томъ для христіанъ—христіанинъ, для мусульманъ—читель Аллаха и его пророка, какъ, надо полагать, должно это дѣйствовать на болѣзненно-восторженный умъ восточнаго человѣка!

На пути изъ каравансарая встрѣтили г. Н. съ переводчикомъ мира: людей нашихъ никого не оказалось, и миръ любезно представилъ въ его распоряженіе своего чиновника.

Говорю о видѣнныхъ монетахъ г-ну Н.,—тотъ, страстный нумизматъ, оживляется и проситъ познакомить его съ «фаришами». Идемъ опять назадъ, въ каравансарай. Тамъ народъ сталъ уже расходиться, и пешаверцы, показавъ монеты, предложили зайти въ одну изъ ближайшихъ ихъ лавокъ и тамъ потолковать о цѣнѣ. Тутъ же рядомъ съ воротами каравансарая оказалась лавка одного изъ нихъ. Ея хозяинъ, небольшой, очень смуглый человѣкъ съ типичной индусской фізіономіей, совсѣмъ непохожій на своихъ земляковъ, отперъ дверь и впустилъ насъ въ темное и тѣсное помѣщеніе лавки. Свѣтъ доставляли въ нее только двое дверей. Несмотря на тѣсоту, всѣ кое-какъ размѣстились. Хозяинъ любезно предложилъ всѣмъ мѣстныя конфеты и чай. Пока идетъ торгъ изъ-за монетъ, я отъ нечего дѣлать тяну чай и разсматриваю лежащій передо мной свертокъ бумаги, исписанный оригинальными угловатыми письменами «хиндустани» ²⁾. Одинъ изъ пешаверцевъ, замѣтивъ это, спросилъ меня, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторой тревогой, знаю ли я нарѣчіе «хиндустани», и взялъ у меня свертокъ. Услышавъ мой отрицательный отвѣтъ, онъ, какъ видно, успокоился и оставилъ меня въ покоѣ. А вокругъ меня идетъ жаркій торгъ: Якубъ и губернаторскій переводчикъ изъ силъ выбились, доказывая, что такія цѣны не мыслимы. А цѣны дѣйствительно ужасающія: за одну монету запрашиваютъ по нѣскольку сотенъ рублей.

¹⁾ Закатъ—милостыня, чистота, очищеніе. Мухаммеданскій законъ предписываетъ давать часть своего имущества бѣднымъ, или употреблять на богоугодныя дѣла, чтобы чрезъ то очистить остальную часть имущества и снискать Божіе благословеніе.

²⁾ Хиндустаній—одно изъ современныхъ нарѣчій Индостана, образовавшееся изъ персидскаго языка, арабскаго и мѣстныхъ говоровъ.

— Вѣдь они говорятъ, по всей вѣроятности, по-англійски,— замѣчаю я г. N.:—я недавно говорилъ съ однимъ. Поговорите съ ними сами.

Г. N. обращается по-англійски какъ разъ къ тому же, съ кѣмъ я недавно горилъ. Пешаверець, къ моему удивленію, отрицательно качаетъ головой и говоритъ чрезъ Якуба, что онъ не знаетъ англійскаго языка. Что такое?—думаю. И пока у меня въ умѣ мелькаютъ подозрѣнія относительно пешаверцевъ, преслѣдующихъ здѣсь, повидимому, не однѣ только торговыя цѣли, въ дверяхъ показывается сѣдой старикъ, очень скромно, даже бѣдно одѣтый. Это, оказывается, «хозяинъ каравансарая, богатѣйшій человекъ не только Куляба, но и всей Бухары, владѣлецъ многихъ земель и каравансарая въ различныхъ городахъ, купецъ, ведущій громадную торговлю съ Россіей, Афганистаномъ и Персіей», какъ тутъ же объяснилъ мнѣ губернаторскій переводчикъ. Онъ и привелъ его сюда для того, чтобы старикъ, какъ хозяинъ помѣщенія, уговорилъ пешаверцевъ сбавить немилосердно запрашиваемыя цѣны. Старикъ снялъ у входа свои старенькія туфли, опустился на колѣни подлѣ торгующихъ и началъ уговаривать купцовъ уступить. Сначала онъ ихъ увѣщевалъ, что называется, добромъ, указывалъ на слишкомъ высокія назначаемыя ими цѣны, говорилъ что-то о гостепримствѣ, объ уступчивости, какъ чертахъ, особенно присущихъ правовѣрнымъ. Купцы упорно стояли на своемъ и твердили, что эти монеты они свезутъ къ себѣ на родину, гдѣ у нихъ ихъ купятъ за хорошую цѣну «инглізы».

— У инглізовъ много денегъ,—твердили они и не безъ ироніи прибавляли:—чѣмъ мы виноваты, если русскіе господа такъ бѣдны, что не могутъ заплатить, сколько мы просимъ?

Постепенно старикъ разгорячался и возвышалъ свой голосъ, наконецъ, пришелъ въ такой азартъ, что схватилъ хозяина лавки, небольшого смуглаго пешаверца, за бороду и закричалъ громовымъ голосомъ, чтобы онъ продавалъ «негодныя деньги» за столько, сколько даютъ. Но тутъ вступились Якубъ, губернаторскій переводчикъ и остальные купцы и поспѣшили уговорить не въ мѣру расходившагося бухарскаго креза. Кончилось все дѣло тѣмъ, что г. N. предложилъ пешаверцамъ прійти подъ вечеръ къ намъ и тамъ сторговаться.

Оставивъ г. N., Якуба и переводчика ходить по базару, иду къ себѣ. На одной изъ улицъ подошелъ откуда-то взявшійся одинъ изъ нашихъ каратегинцевъ, Мулла-Нозиль. На пути заглянули съ нимъ въ мастерскую «фагфурчй», т. е. мастера, занимающагося починкою фарфора. Въ углу его помѣщенія, отъ пола до потолка, огромная груда битаго фарфора. Здѣсь осколки и китайскаго эмалированнаго фарфора, и глазурь знаменитыхъ бомбейскихъ чайниковъ, и скромный фарфоръ отечественныхъ Матвѣевъ и Ивановъ

Кузнецовыхъ. Способъ починки, или, вѣрнѣе, составленія заново разбитой посуды весьма оригиналенъ. Мастеръ тщательно собираетъ всѣ осколки и скрѣпляетъ ихъ поперечными тонкими мѣдными пластинками. Нечего и говорить, что подобная работа требуетъ много терпѣнья и навыка. Вещь, починенная такимъ способомъ, никогда не развалится, какъ склеенная, и не пропуститъ жидкости. Бухара особенно славится этого рода искусствомъ. Разбитая и скрѣпленная описаннымъ способомъ фарфоровая посуда расходуется отсюда по всѣмъ странамъ Азіи, отъ Персіи до границъ Китая.

У «фагфурчи» встрѣтили одного изъ губернаторскихъ чиновниковъ, съ которымъ и отправились восвояси. Проходя одною изъ улицъ, мы были вдругъ поражены раздавшимся откуда-то нечеловѣческимъ крикомъ. Завернули туда, откуда неслись вопли, и глазамъ предстала не совсѣмъ обыкновенная картина. Среди пустынного переулка, почтеннаго вида старецъ немилосердно лупилъ палкою какого-то подростка. Юнецъ оралъ благимъ матомъ, но, какъ истый сынъ раболѣпнаго Востока, не старался убѣжать, а смирихонько стоялъ и только оралъ и оралъ все громче. Его крики разносились по переулку, но не привлекали ничьего вниманія. Лишь мѣстами кое-гдѣ изъ-за полупритворенныхъ дверей «хона» высматривали нѣкоторыя фізіономіи и видимо любовались этою экзекуціею. Палка же старца продолжала съ еще большимъ ожесточеніемъ взвиваться надъ отрокомъ и поучать его бока и спину. Изъ устъ видимо разгнѣваннаго «учителя» срывались какія-то отрывистыя восклицанія, по всей вѣроятности, назидательнаго характера. Увидѣвъ эту сцену, должно быть, хорошо ему извѣстную, «джевачи»¹⁾ повернулся ко мнѣ съ разочарованнымъ видомъ и сказалъ:

— Пойдемте, «тюря», особеннаго ничего нѣтъ.

— А это что же происходитъ?—спросилъ я.

— Раису-ш-шаріать,—лаконически отвѣтилъ джевачи.

Это по-русски означало «блюститель закона», чиновникъ, неопустительно смотрящій за точнымъ исполненіемъ среди населенія всѣхъ предписаній шаріата. Эта давно позабытая должность на мусульманскомъ Востокѣ возродилась въ Бухарѣ вновь при зилотствующемъ эмирѣ Маасумѣ и существуетъ здѣсь до сихъ поръ.

— За что же это онъ бьетъ мальчика?—спрашиваю я.

— Да, навѣрное, мальчикъ попался раису-ш-шаріать на встрѣчу, послѣдній спросилъ его, знаетъ ли онъ молитвы. А мальчикъ оказался незнающимъ, ну, вотъ палка послушанія и заступала по его невѣжественной спинѣ.

— А что же никто не заступится за него? На улицѣ ни души не видно.

¹⁾ Одинъ изъ низшихъ гражданскихъ чиновъ въ Бухарѣ.

— Да развѣ это возможно? — удивился такому наивному вопросу нашъ Виргилій.—Пускай раису-ш-шаріатъ его заставитъ знать молитвы, а то безъ боя развѣ дѣти будутъ что знать?

Да, кромѣ того, показаться народу мѣшаетъ страхъ передъ раисомъ. Спросить онъ, пожалуй, когонибудь изъ закона, а тотъ и не знаетъ—палка тогда съ одной спины перенесется на другую.

На площади передъ аркомъ джевачи покинули насъ. Мулла-Новиль указываетъ мнѣ на видѣвшееся влѣво низкое большое зданіе и говоритъ:

— Таксырь, тамъ живутъ дервиши. Не хотите ли пойти туда?

Горцу, вѣроятно, самому хочется посмотрѣть на этихъ своеобразныхъ мусульманскихъ отшельниковъ отъ міра: въ горахъ нѣтъ дервишей. Эти общины добровольныхъ бѣдняковъ и нестяжателей земныхъ благъ только принадлежность равнинной жизни.

Переходимъ черезъ площадь и входимъ въ длинную узкую уллицу, на которую выходило фасадомъ «текіе» (монастырь) дервишей. Большія ворота растворены, и мы входимъ чрезъ нихъ на просторный дворъ. Среди него двѣ раскидистыхъ чинары, подъ ними обширная, высокая глинобитная площадка; на ней группа людей въ длинныхъ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ кушаетъ пилавъ. Всѣ они умыты и бороды тщательно расчесаны. Это дервиши. Насъ встрѣтилъ высокій представительный старикъ въ ослѣпительно-бѣлой рубашкѣ и штанахъ, запрятаныхъ въ сапоги. Такой же безукоризненной чистоты чалма обвивала голову. На поясѣ, которымъ онъ былъ опоясанъ, висѣлъ на ремешкѣ ключъ. Внѣшность этого старика была очень типична и весьма напоминала, по фізіономіи и костюму, зажиточнаго горца-таджика. Это былъ «пиръ», глава, начальникъ мѣстной дервишской общины. Ласково привѣтствуя насъ, онъ замѣтилъ на мое извиненіе, что весьма и весьма радъ видѣть чужестранцевъ.

— Вѣдь бѣдными дервишами не только иноземцы, но и мѣстные жители совсѣмъ не интересуются,—добавилъ пиръ и растворилъ низенькую калитку, ведущую въ садикъ, примыкавшій ко дворцу. Въ саду росли великолѣпные розовые кусты и находились длинныя грядки съ цвѣтущей резедой. Пиръ сорвалъ одинъ изъ пышныхъ розовыхъ цвѣтковъ, прибавилъ къ нему резеду и, поклонившись, просилъ меня принять «подарокъ дервиша».

Я взялъ эти нѣжно-благоухающіе цвѣты, «чистѣйшее проявленіе Божества», и, поблагодаривъ, продекламировалъ тутъ же пришедшіе мнѣ въ голову стихи величайшаго изъ дервишей, поэта Саади:

«Барки сабзист тухфай дарвиш¹⁾».

¹⁾ Лица, знающія персидскій языкъ, да не осудятъ меня за такое произношеніе. Я вѣдь читалъ это въ Бухарѣ, а по-таджикски такъ именно и слѣдуетъ произнести.

(Подарокъ дервиша только зеленый листокъ). Пиръ вздохнулъ и тутъ же докончилъ за меня:

Чи кунад бинаво? Аминъ дѣрад.

(Что же ему дѣлать горемычному? Онъ только это и имѣеть).

Въ то время дервиши окончили обѣдъ и, вставъ, одинъ за другимъ подходили къ пиру, кланялись ему и привѣтствовали насъ съ Муллою-Нозилемъ. Показавъ пиру на дервишскіе атрибуты и рубища, развѣшанные на стѣнахъ двора, я спросилъ, развѣ дервиши не цѣлый день носятъ эти костюмы. Пиръ объяснилъ мнѣ, что въ этихъ одѣяніяхъ они показываются только въ городѣ, за стѣнами своего жилища, и для поясненія этого продекламировалъ стихъ изъ Хайяма ¹⁾, что только тамъ

«Отъ насъ требуютъ желтое лицо, оборванное платьѣ».

Мало знакомый съ развитіемъ того своеобразнаго ученія мусульманскаго Востока, которое называется «суфизмомъ», я, къ сожалѣнію, не могу сказать, къ какой его вѣтви принадлежали мои гостепріимные дервиши.

Какъ религіозное ученіе, суфизмъ не самобытенъ: онъ возникъ подъ влияніемъ идей греческихъ неоплатониковъ, учившихъ, что между Богомъ и людьми существуетъ цѣлая цѣпь существъ, которыя могутъ переходить изъ низшаго состоянія въ высшее. Понять этого нельзя однимъ разумомъ, поэтому необходимъ экстазъ. Черезъ сирійцевъ неоплатонизмъ перешелъ къ мусульманамъ.

Послѣдователи суфизма «суфи» учили, что Божество слито съ міромъ, во всѣхъ созданіяхъ Бога, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, проявляется Божество. Суфи, «люди прямого пути», цѣнили на свѣтѣ всѣ красивыя вещи, какъ проявленіе Бога; они поклонялись красотѣ во всѣхъ ея видахъ: восторгались луной, любили розу, цѣнили ея запахъ и т. п. ²⁾ Вино, какъ и всякое одуряющее средство (верченіе, табакъ и проч. ³⁾, они считали однимъ изъ физическихъ свойствъ уничтоженія сознанія, самости (мѣні), которое есть главный врагъ познанія Божества. Поэтому суфи употребляли и вино. Какъ люди богобоязненные, постоянно ищущіе единенія съ Богомъ и стремящіеся къ будущей жизни, суфи про-

¹⁾ Омаръ-Хайямъ—знаменитый персидскій поэтъ на основѣ суфизма (но съ большою долей нигилизма), астрономъ и математикъ, жилъ въ XI—XII вѣкѣ по Р. Х.

²⁾ У насъ, среди такъ называемой «большой публики», поэтическія произведенія гениальныхъ лириковъ-суфи: Хафизъ, Саади и друг., по недоразумѣнію понимаются въ буквальномъ смыслѣ, и выраженія въ родѣ: «традиціонная любовь соловья къ розѣ», слышатся на каждомъ шагѣ, когда въ обществѣ и литературѣ заходитъ рѣчь о восточной поэзіи вообще и персидской въ частности. Но соловей, роза, зефиръ, вино и опьяненіе, — все это символы, означающіе на таинственномъ языкѣ восточныхъ мистиковъ—поэтовъ: человѣчскій духъ, Божество, время молодости, соединеніе съ Божествомъ и т. п.

³⁾ Благодаря чему существуютъ воюющіе дервиши, вертящіеся и др.

повѣдывали кротость и любовь ко всѣмъ людямъ и животнымъ, сочувствовали меньшей братіи, простому люду и, не стѣняясь, открыто обличали высшіе классы въ корыстолюбіи и жадности. Многіе суфи увлекались идеаломъ суфизма и вели благочестивую жизнь, другіе же впадали въ крайность и становились попросту гуляками. Суфи жили въ монастыряхъ и просили подаяніе. Отъ ихъ обычнаго грубаго шерстяного рубища ¹⁾ произошло названіе «сѣфи», такъ какъ шерсть по-арабски называется «сѣфунъ». Такъ объясняютъ происхожденіе этого слова сами суфи, но, вѣроятно же всего, оно произошло отъ греческаго σοφός (мудрый).

Въ Бухарѣ, среди мѣстнаго населенія, послѣдователей суфизма называютъ просто «дарвіш», что значитъ «лежащій у дверей», т. е. бѣднякъ, словомъ же «сѣфи» обозначаютъ всякаго студента медресе.

Разставаясь съ добрыми и словоохотливыми дервишами, я получилъ на прощаніи отъ пира тонкій листокъ индійской бумаги, на которомъ было написано какое-то стихотвореніе.

— Это будетъ всегда напоминать вамъ о бренности всего земного, — прибавилъ старикъ.

Оказалось стихотвореніе Саади ²⁾, — кажется, изъ его «Пенд-намѣ» (Книга совѣтовъ), — подъ названіемъ «О превратности этого міра», въ дословномъ переводѣ съ персидскаго оно поучало такъ:

¹⁾ Обычный уличный костюмъ бухарскихъ дервишей составляетъ доходящій до лодыжекъ грубый шерстяной халатъ (хырки), въ большинствѣ случаевъ темный, ноги босыя, на головѣ — смотря по ордену, къ которому они принадлежатъ — или темныя остроконечныя шапки, опушенныя мѣхомъ, или чалмы иногда изъ черныхъ шерстяныхъ жгутовъ, какія носятъ арабы, или же головной уборъ отсутствуетъ и его замѣняетъ шевелюра длинныхъ, никогда не знающихъ гребня, волосъ. На лѣвомъ боку привязывается высокій, изъ особаго тыквеннаго растенія, кувшинъ (кузі) для воды и подалній. На груди виситъ овальный сосудъ (кешкѣль), сдѣланный изъ половинки кокосоваго орѣха и покрытый или рѣзнымъ затѣйливымъ орнаментомъ или разрисованный клеевыми красками, въ него собираютъ подаяніе пищей. У многихъ въ рукахъ имѣются продолговатыя топорики и острия сѣкиры, насаженныя на длинныя ручки. Они часто бываютъ украшены богатою серебряною насѣчкою въ формѣ змѣй, деревъ и проч., означающихъ символы Божественной мудрости, благодати и т. п. Нѣкоторые дервиши высшихъ степеней имѣютъ еще такъ называемый «камень спокойствія», четырехугольный, въ формѣ правильнаго квадрата (приблизительно въ дюймъ или нѣсколько болѣе каждое ребро), седенить, съ вдѣланною въ него круглою, съ орѣхъ величины, бирюзюю. «Камень спокойствія» прикрѣпляется къ длинной шерстяной веревкѣ, которая и опоясываетъ туловище нѣсколько разъ, при чемъ самый камень приходится по срединѣ подобнаго пояса изображая собою какъ бы большую поясную пряжку.

²⁾ Шейхъ-Мослеходъ-динъ-Саади Ширазскій — одинъ изъ знаменитѣйшихъ персидскихъ поэтовъ и учителей суфизма. И какъ лирикъ, и какъ дидактикъ, онъ равно великъ и превосходитъ. Шейхъ-Саади родился въ Ширазѣ или въ 1198, или въ 1175 году по Р. Х., умеръ же въ 1291 году по Р. Х. въ глубокой старости. Его «Голестанъ» (Цвѣтникъ розъ), «Бостанъ» (Фруктовый садъ) и друг. произведенія извѣстны съ дѣтства каждому образованному мусульманипу и переведены на многіе европейскіе языки.

«Сколько было могущественныхъ царей,
 Сколько героевъ, покорителей странъ,
 Сколько дикихъ полчищъ¹⁾, губителей войскъ,
 Сколько отважныхъ ратныхъ бойцевъ,
 Сколько луноликихъ красавцевъ, крѣпкихъ, какъ букъ,
 Сколько красавицъ съ ланитами, солнцу подобными,
 Сколько славныхъ и баловней судьбы,
 Сколько стройныхъ, какъ кипарисъ, и сколько было розоцекыхъ,—
 Которые, увы, износили рубашку жизни
 И просунули головы въ воротникъ одежды праха²⁾,
 Какъ шелуха зеренъ, разнеслись по вѣтру ихъ славныя имена,
 И никто потомъ о нихъ не узналъ.
 Итакъ, не привязывайся къ этому обольстительному дворцу наслажденій³⁾:
 На него съ высоты небесъ льются лишь несчастья.
 Сынъ мой, міръ не имѣетъ постоянства,
 И потому эту жизнь скорбей не проводи безопасно!

У себя я засталъ пешаверцевъ: они на террасѣ передъ нашимъ помѣщеніемъ мирно попивали чай по-европейски вмѣстѣ съ моими спутниками. Ихъ было четверо. Одинъ, высокій мужчина представительной наружности, былъ совсѣмъ мнѣ незнакомъ. Расшитыя золотомъ туфли гостей съ высокими пятками и сильно загнутыми къверху носками стояли здѣсь же на террасѣ, недалеко отъ сидѣвшей за столикомъ компаніи.

Подхожу ближе и раскланиваюсь.

— А, османъ, міръ тебѣ!—привѣтствуетъ меня незнакомый пешаверецъ, очевидно принявъ меня за турка, благодаря бывшей на мнѣ фескѣ.

— Да будетъ и надъ тобой миръ!—отвѣчаю я этимъ неизбежнымъ на Востокѣ арабскимъ привѣтствіемъ и сажусь рядомъ съ нимъ за столъ.

У моихъ спутниковъ идетъ оживленный разговоръ съ гостями черезъ Якуба. Говорятъ объ Индіи и господствѣ тамъ англичанъ. Пешаверцы хвалятъ и страну, и мѣстное управление.

— Почему же вы не остались тамъ торговать? Вѣдь тащиться въ такую глушь, какъ Бухара, подвергать себя неприятностямъ окружнаго дальняго пути,—разъ чрезъ Афганистанъ не пропускаютъ,—платить на границахъ большія пошлины за товары,—это, сами согласитесь, безразсудно! Можетъ быть, вы ужъ очень хорошіе барыши отъ торговли берете?—спрашиваютъ ихъ.

— Какіе тамъ барыши?—отвѣчаютъ почти все въ одинъ голосъ.—Привычка,—вотъ и торгуемъ. Дѣло давно здѣсь ведемъ, привыкли къ мѣстности и къ народу. А на родинѣ, знаете, повезетъ ли еще счастье?

1) Въ оригиналѣ стоитъ «тонд-корданъ», т. е. «грубые курды».

2) То-есть они умерли и ихъ «схоронили—позабыли», какъ говоритъ Шекспиръ.

3) То-есть къ этому міру, къ этой жизни.

— Такъ чѣмъ же вы живете? Свои капиталы вѣдь не охота проживать на чужбинѣ?—замѣчаютъ имъ.

— Да, вотъ,—отвѣчаютъ:—собираемъ здѣсь старинныя вещи, больше монеты, а въ Индіи у насъ ихъ покупаютъ англичане, такъ что иной разъ и хорошія деньги на этомъ зарабатываемъ.

— Да неужели здѣсь такую массу находятъ рѣдкихъ древнихъ монетъ, что продажею ихъ можно «хорошія деньги» заработать? Да кому же васъ здѣсь и много!—справедливо изумляются мои спутники.

— А отчего же не быть здѣсь рѣдкимъ монетамъ? — улыбнувшись, отвѣтитъ красавецъ съ матово-бѣлымъ лицомъ и, очевидно, желая прекратить этотъ не совсѣмъ удобный для себя разговоръ, полѣзъ за пазуху халата за древними монетами ¹⁾.

И пока мои спутники ожесточенно торговались изъ-за монетъ, у насъ съ высокимъ пешаверцемъ шелъ въ это время свой разговоръ. Мой собесѣдникъ оказался хорошо знающимъ древнюю исторію Ирана и выдавалъ себя за потомка послѣдняго персидскаго царя изъ династіи Сассанидовъ, Ездигерда III-го.

— Вы вотъ спрашиваете, почему я мусульманинъ, а не читель Зардушта,—говорилъ онъ.—Что же дѣлать? Не я виноватъ, а обстоятельства того времени, когда мои предки перемѣнили старую вѣру на вѣру Пророка. Вы думаете, при мусульманскомъ владычествѣ въ Индіи легко жилось парсамъ ²⁾? Помилуйте, такія были притѣсненія, что поневолѣ обратишься въ правовѣрнаго. Многіе, правда, изъ нашего народа принимали исламъ и по другимъ причинамъ, менѣе уважительнымъ,—и помолчавъ, онъ прибавилъ:—хотя бы ради коммерціи.

— Да развѣ это похвально?—замѣтилъ я.

— А вы думаете—нѣтъ?—спокойно опарашилъ меня собесѣдникъ.—Напрасно. Персіянинъ, будь то хоть зардуштіи, хоть мусульманинъ, прежде всего—коммерческій геній, а потомъ ужъ послѣдователь своей вѣры. Знаете, чѣмъ живешь, чѣмъ кормишь себя и свою семью, съ тѣмъ и должно прежде всего считаться, то и нужно ставить на первомъ планѣ въ этой жизни.

— Ну, а для той-то жизни что останется?—насмѣшливо спросилъ я этого, повидимому, величайшаго радѣтеля о земныхъ благахъ.

— А кто же ту жизнь видѣлъ?.. Одинъ умный человекъ сказалъ: «никто къ намъ не пришелъ ни изъ ада, ни изъ рая, чтобы сказать, что тамъ. И противъ этого ничего нельзя возразить».

— Это изъ Хайяма,—сказалъ я.—А если къ этому еще прибавить Хафизовское:

¹⁾ Эти пешаверцы, какъ мы узнали потомъ, занимались ростовщичествомъ и, вѣроятно, какъ и индусы въ Бухарѣ, брали съ своихъ должниковъ чудовищные проценты.

²⁾ Въ Индіи парсами называютъ послѣдователей Зороастра.

«Что мнѣ адъ, что мнѣ рай, что мнѣ люди и небожители?»

— Ахъ, какъ вы мудры, османъ!—отвѣтилъ мнѣ извѣрившійся «потомокъ Яздеджурда» съ тономъ насмѣшки.

— Какъ вы образованы, мой другъ!

Какъ же, думаю, не быть образованнымъ! Такими-то «стишками» меня еще на школьной скамьѣ поучалъ мой достопочтенный наставникъ, персъ изъ Испагани.

— И всѣ вы тамъ, въ Индіи, такихъ убѣжденій держитесь?—спросилъ я.

— Кто отъ благъ этого міра извлекаетъ пользу, тотъ иначе и не думаетъ, а кому ничего не надо, тотъ, пожалуй, не прочь сдѣлаться и строгимъ мусульманиномъ.

— И «ради благъ міра» не прочь прикинуться вѣрующимъ, если это будетъ полезно?

— Непремѣнно.

И пустился въ длинныя разсужденія на тему, что религія существуетъ только на бумагѣ. Приводилъ въ примѣръ англичанъ, проповѣдующихъ любовь къ врагамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣшающихъ и разстрѣливающихъ туземцевъ Индіи за ничтожныя, сравнительно, проступки, бралъ браминовъ, «святыхъ людей», ровно ничѣмъ не помогающихъ своимъ голодающимъ собратьямъ—индусамъ, и въ заключеніе обругалъ мусульманъ и самый шаріатъ за то, что послѣдній проповѣдуетъ ненависть къ невѣрнымъ. Этого де сдѣлать нельзя на практикѣ, особенно купцу: приходится вести дѣла и съ невѣрными. Барыши отъ нихъ получаешь, а тутъ говорятъ: ненавидь невѣрныхъ! Гдѣ же логика?

Совсѣмъ передъ вечеромъ пешаверцы ушли отъ насъ, оставивъ нѣсколько великолѣпныхъ монетъ и унеся взамѣнъ ихъ кругленькую сумму.

Послѣ ходьбы въ теченіе цѣлаго дня по жарѣ и пыли, усталость даетъ себя чувствовать, и до ужина растягиваешься на коврѣ подъ чинарами. Мимолетныя азіатскія сумерки ужъ близятся. Въ воздухѣ холодѣетъ, слабыя лучи заходящаго солнца освѣщаютъ послѣднимъ заревомъ верхушки гигантскихъ деревьевъ. Смутный гулъ доносится изъ города. Сѣрая мгла все болѣе кутаетъ окрестности, небо темнѣетъ, мѣстами въ немъ ужъ загорѣлись «Божьи очи», въ листвѣ деревьевъ зазвенѣли цикады, еще немного—и прозвучалъ азанъ, Азраиль¹⁾ неслышно спускается къ грѣшной землѣ. Зовутъ ужинать...

Черезъ два дня, раннимъ утромъ, мы выѣзжали изъ Куляба. За городъ насъ провожалъ опять губернаторскій сынъ со свитою. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ его, скакалъ съ боченкомъ воды

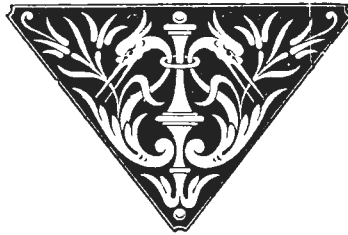
¹⁾ Азраиль—ангелъ сна и смерти, по вѣрованію мусульманъ.

въ новомъ шелковомъ халатѣ и бѣлоснѣжномъ тюрбанѣ тотъ самый туземецъ, котораго я видѣлъ въ тюрьмѣ заключеннаго за воровство. Ни рука, ни нога не были у него отрублены. Откупился ли онъ передъ мѣстными «справедливыми» судьями, была ли обнаружена его невиновность,—не знаю.

Передъ глазами развѣртывалась неоглядная и знойная бухарская равнина, и, казалось, не было ей конца и края...

А. А. Семеновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

ТОРИ Кейсуке, бывшій японскій посланникъ, сначала въ Сеулѣ, потомъ въ Пекинѣ, прочелъ недавно въ одномъ изъ учено-литературныхъ обществъ Токио любопытный этюдъ, озаглавленный: «Перемѣны, какія претерпѣли чувства Японіи по отношенію къ Китаю». Японія, говоритъ Отори, начала съ того, что слѣпо преклонилась предъ Китаемъ: его литература и учрежденія, его методы управленія и формы жизни стали предметомъ подражанія для Японіи, и такъ продолжалось съ древнихъ временъ и до конца эры Токугавъ. Затѣмъ наступила эпоха недовѣрія и боязни. Эти чувства пробудились въ началѣ 70-хъ годовъ, когда Японія узнала объ обширныхъ военныхъ приготовленіяхъ Китая. Въ 1874 году японское правительство заключило трактатъ съ Китаемъ и отправило специальную дипломатическую миссію въ Пекинъ. Донесенія главы этой миссіи произвели въ Токио сильное впечатлѣніе: въ дальнѣйшемъ развитіи военныхъ и морскихъ силъ Китая Японія увидѣла угрозу своему собственному существованію. Экспедиція японцевъ на Формозу, вызванная насиліями, совершенными варварскими племенами надъ экипажемъ одного японскаго судна, разбившагося у береговъ этого острова, явилась первой причиною серьезнаго охлажденія между маленькой островной имперіей и ея гигантскимъ сосѣдомъ. И въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ, подъ внѣшней, спокойной, повидимому, поверхностью, таилось много взаимнаго неудовольствія. Болѣзненно-само-

любимые японцы считали, что Китай смотритъ на нихъ, какъ на низшую расу, и это страшно раздражало ихъ. Въ 1884 году отношенія между обѣими странами стали очень натянуты, благодаря извѣстнымъ беспорядкамъ въ Корей. Тяньцзинскій трактатъ 1885 г. временно уладилъ дѣло. Дальнѣйшій ходъ событій былъ таковъ, что подозрѣнiе повело къ враждѣ, вражда къ войнѣ, побѣдоносная война къ ряду сюрпризовъ для Японiи. Слѣдствiемъ побѣды надъ Китаемъ явилось со стороны японцевъ презрѣнiе къ нему. Это чувство длилось до тѣхъ поръ, пока Китай не сдѣлался жертвой агрессивныхъ стремленiй западныхъ державъ, когда оно уступило мѣсто сожалѣнiю. Сожалѣнiе вызвало желанiе заключить съ Китаемъ союзъ, что и явилось послѣднимъ фазисомъ развитiя японскихъ чувствъ къ нему непосредственно предъ возникновенiемъ послѣдней смуты, извѣстной подъ именемъ боксерскаго движенiя. Отори закончилъ свой очеркъ выраженiемъ надежды, что Японiя сумѣетъ найти удобный случай существеннымъ образомъ помочь Китаю и такимъ образомъ отплатить ему за тѣ безчисленныя благодѣянiя, какiя онъ въ древнiя времена оказалъ своей сосѣдкѣ.

Японскiе государственные люди нашли, что лучшимъ средствомъ помочь Китаю въ борьбѣ съ надвинувшимися на него со всѣхъ сторонъ иностранными аппетитами будетъ рядъ коренныхъ реформъ во всѣхъ областяхъ его государственнаго устройства, и что здѣсь на первомъ планѣ должна быть поставлена реорганизацiя военныхъ силъ Китая китайскими же офицерами, но получившими свое военное образованiе въ японскихъ военныхъ школахъ и академiяхъ. Года полтора тому назадъ, въ Токио состоялся первый выпускъ такихъ офицеровъ, прикомандированныхъ вслѣдъ затѣмъ къ различнымъ воинскимъ частямъ въ Японiи для практическихъ занятiй. На послѣднихъ большихъ маневрахъ, происходившихъ въ октябрѣ прошлаго года въ Сендаѣ, въ присутствiи японскаго императора, среди представителей иностранныхъ армiй находились и 40 слишкомъ китайскихъ офицеровъ, съ генералъ-майоромъ Кинъ-луномъ во главѣ. Но офицеры эти, къ великому разочарованiю японцевъ, оказались далеко не на высотѣ своего положенiя. Японскiя газеты, по крайней мѣрѣ, дали о нихъ самый неблагоприятный отзывъ. Специальные военные корреспонденты этихъ газетъ говорятъ, между прочимъ, что на военную сторону маневровъ китайцы не обращали рѣшительно никакого вниманiя, и только тогда, когда дѣло шло о ѣдѣ и питьѣ, они вдругъ начинали обнаруживать самый живой интересъ. Они всегда очень торопились занять свои мѣста на банкетахъ и пиршествахъ,—и это составляло разительный контрастъ съ обычнымъ апатичнымъ отношенiемъ ихъ къ своимъ специально-военнымъ обязанностямъ.

Одна изъ газетъ замѣчаетъ по этому поводу: китайскіе офицеры вернутся къ себѣ на родину съ нѣкоторыми новыми свѣдѣніями по части иностранныхъ блюдъ и винъ, но, конечно, безъ всякой ощутительной прибавки къ своимъ знаніямъ относительно военного дѣла у иностранцевъ.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что военная реорганизація Китая—дѣло совсѣмъ безнадежное. Въ колоссальной, разноязычной и разноплеменной имперіи богдыхановъ есть немало элементовъ, вполне пригодныхъ къ выработкѣ изъ нихъ великолѣпныхъ солдатъ. Такихъ элементовъ особенно много на Китайскомъ югѣ, въ тѣхъ провинціяхъ, которыя искони вѣковъ слывуть подъ именемъ «безопасныхъ». Здѣсь живутъ, между прочимъ, племена хакка. Въ переводѣ «хакка» значитъ собственно «чужестранецъ». Эти племена жили прежде на сѣверѣ Китая, главнымъ образомъ, въ Шаньдунской и Шаньсійской провинціяхъ. Подвергшись жестокому преслѣдованіямъ при Цинской династіи, они въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. двинулись на югъ и послѣ тяжкой, упорной борьбы достигли, наконецъ, горныхъ округовъ Гуанъ-си и Гуанъ-дуна. И донинѣ еще они живутъ тамъ преимущественно въ горахъ, хотя теперь и на окрестныхъ равнинахъ есть уже цѣлые округа, населенные хакками. Это интересное племя говоритъ языкомъ, составляющимъ, такъ сказать, переходный мостъ между южнымъ, кантонскимъ, и пекинскимъ, мандаринскимъ, нарѣчіями. Обычаи хакковъ значительно разнятся отъ обычаевъ какъ нынѣшнихъ обитателей Шаньдуна, такъ и жителей южныхъ провинцій. Хакка—природные воины, безстрашные, стойкіе, упорные и крайне жестокіе. Во время тайпинскаго возстанія хакка составили ядро войскъ претендента; они сообщили свою храбрость и неукротимый духъ его многочисленнымъ ордамъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ господствовавшимъ надъ всѣмъ пространствомъ Китайской имперіи къ югу отъ Янцыцзяна. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, уже послѣ подавленія тайпинскаго мятежа, въ Кантонской провинціи вспыхнула междоусобная брань между хакка и коренными уроженцами этой провинціи. Два года длилась она и стоила жизни 150.000 человекъ. Подавивъ это междоусобіе, власти выслали массы хакковъ въ сосѣднія провинціи и на островъ Хайнанъ. Въ настоящее время въ одной только Гуандунской провинціи считается до четырехъ милліоновъ хакка; но ихъ очень много и въ Фу-Цзянѣ, и въ Цзянъ-си, и въ Гуйчжоу. Въ умѣлыхъ рукахъ, подъ руководствомъ, на примѣръ, офицеровъ японскаго генеральнаго штаба и при европейской организаціи матеріальной части, хакка могли бы явиться ядромъ грозной арміи.

Въ самомъ Китаѣ, въ его верхнихъ слояхъ, по крайней мѣрѣ, все больше и больше распространяется убѣжденіе въ неотложности нѣкоторыхъ реформъ, въ томъ числѣ и реформы военного дѣла. Извѣстно, что два вѣдѣльнѣйшихъ генераль-губернатора провинцій,

расположенныхъ по нижнему и среднему теченію Янпцзяна, знаменитые Лиу-Кунь и Чжан-чжи-дунъ не разъ уже обращались ко двору съ докладными записками по этому поводу. Въ послѣдней запискѣ они, кромѣ того, рекомендуютъ своему правительству цѣльный рядъ реформъ въ администраціи, совѣтуютъ посылать путешествовать за границу какъ можно больше молодыхъ китайцевъ, оказывать всякое покровительство промышленности, земледѣлію и горному дѣлу, организовать правильную почтовую службу, ввести серебряную валюту, учредить правительственную монополію на опиумъ, содѣйствовать переводу на китайскій языкъ полезныхъ иностранныхъ книгъ и т. д., и т. д. Такіе совѣты со стороны двухъ престарѣлыхъ и едва ли не самыхъ могущественныхъ китайскихъ сатраповъ тѣмъ знаменательнѣе, что оба они—люди старой вѣры, впитавшіе въ себя съ молокомъ матери глубокое презрѣніе ко всему чужестранному, конфуціанцы до мозга костей.

Съ мѣсяцъ тому назадъ, въ столицу Японіи прибылъ вновь назначенный китайскій посланникъ при Токійскомъ дворѣ,—Тсай, въ свитѣ котораго находились, между прочимъ, 13 китайскихъ юношей, посланныхъ въ Японію учиться, и среди нихъ: сыновья Чжанъ-чжи-дуна и Юнлу, внукъ Лиу-Кунь и внукъ покойнаго Ли-хунъ-чжана. Кромѣ того, раньше еще прибыли въ Японію одинъ изъ внуковъ Чжанъ-чжи-дуна и сынъ знаменитаго Ванъ-чжи-чуна.

Въ цѣляхъ болѣе тѣснаго сближенія Китая съ Японіей, нѣкоторые выдающіеся политическіе дѣятели послѣдней учредили недавно такъ называемое «Восточно-азиатское общество однихъ и тѣхъ же письменныхъ знаковъ для обѣихъ странъ» и очень энергично принялись за пропаганду своихъ идей. Основная точка зрѣнія учредителей новаго общества слѣдующая: будущность Китая далеко не безразлична для Японіи уже по тому, что онъ—великолѣпный рынокъ для ея растущей промышленности и представляетъ громадныя удобства для эмиграціи японцевъ, которымъ тѣсно становится на ихъ островахъ. Останется ли Китай такимъ, каковъ онъ есть, или будетъ реформированъ, это—вопросъ жизненной важности для Японіи. Китай долженъ быть реформированъ, и Японіи необходимо взять на себя руководящую роль въ этомъ дѣлѣ: она поставлена теперь въ такія исключительно-благопріятныя условія, что не воспользоваться своимъ положеніемъ было бы для нея непроситительно. Она призвана къ тому, чтобы дѣйствовать въ Китаѣ, какъ піонеръ западной цивилизаціи, и «живительная влага этой цивилизаціи, пройдя черезъ японскій фильтръ, будетъ жидкостью, во всякомъ случаѣ болѣе пріемлемою для обыкновенной китайской глотки, чѣмъ напитокъ, взятый непосредственно изъ самаго источника». Шесть лѣтъ тому назадъ, послѣ несчастной войны, Китай былъ, конечно, враждебно настроенъ къ Японіи; теперь обстоятельства рѣзко измѣнились, и, извѣрившись въ державахъ Запада, китайцы обратили свои взоры

на Японію, въ надеждѣ, что она одна въ состояніи помочь имъ обратиться изъ той трясины, въ какой они очутились. Такого историческаго момента упускать не слѣдуетъ: Японіи надо взять съ него все, что онъ можетъ дать.

На одномъ изъ недавнихъ засѣданій «Восточно-азиатскаго общества», два его члена,—виконтъ Нагаока и Танабе Яносуга, состоявшіе въ свитѣ принца Конойе во время его послѣдняго путешествія въ Китай, сочли нужнымъ подѣлиться съ публикой своими личными наблюденіями и взглядами на положеніе дѣлъ въ сосѣдней имперіи, тѣмъ болѣе цѣнными, что оба докладчика имѣли возможность видѣться и говорить со многими выдающимися государственными дѣятелями Китая. Весь Китай, по ихъ словамъ, настроенъ дружелюбно къ Японіи; весь онъ взволнованъ отъ края до края недавними событіями, и убѣжденіе въ необходимости реформъ растетъ, ширится и крѣпнетъ. И молодой императоръ, и старая императрица, видятъ, что Китаю не уцѣлѣть безъ самыхъ радикальныхъ реформъ. Многіе придворные стоятъ за реформы. Вице-короли, или генераль-губернаторы, имѣютъ теперь гораздо больше власти, чѣмъ центральное правительство и на очень долгое время еще удержатъ эту власть, а они—во главѣ сторонниковъ коренныхъ реформъ. Они опираются на преданныхъ имъ войска; вся почти военная сила Китая—въ ихъ рукахъ, и путемъ могущественной коалиціи они могутъ въ каждый данный моментъ сдѣлать невозможной любую оппозицію. Немногіе консерваторы, остающіеся у власти, не въ состояніи остановить это движеніе. Вице-короли пойдутъ своей дорогой, и Китай будетъ реформированъ. Для реорганизациі своихъ армій вице-короли приглашаютъ японскихъ офицеровъ. Японскія скорострѣльные ружья (Мурата) находятъ большой сбытъ въ Китаѣ; все японское—въ большомъ почетѣ, и повсюду, куда только ни являлось посольство принца Конойе, оно встрѣчало неизмѣнно одинаковыя чувства благорасположенія и симпатіи со стороны туземнаго населенія. Китай нуждается прежде всего въ реформѣ его образованія. Корень нынѣшняго китайскаго безсилія и безпомощности—въ академическомъ и совершенно не соответствующемъ потребностямъ времени характерѣ образованія, получаемаго лицами правительственнаго класса.

Въ Китаѣ человѣкъ учится только для того, чтобы, выдержавши экзаменъ въ знаніи классиковъ, добыть ученую степень, дающую ему возможность выступить кандидатомъ на занятіе какой нибудь официальной должности. И первой реформой здѣсь должна явиться замѣна традиціоннаго образца учености другимъ—практическимъ, отвѣчающимъ требованіямъ измѣнившихся условій. Еще очень недавно уничтоженіе нынѣшней системы экзаменовъ казалось вещь совершенно невозможной. Теперь и въ этомъ отношеніи замѣчается поворотъ къ лучшему. И здѣсь Японія идетъ на встрѣчу

новымъ вѣяніямъ, стараясь утилизировать ихъ въ свою пользу. «Для подготовки японцевъ къ принятію руководящей роли въ судьбахъ Китая, признано было необходимымъ, чтобы извѣстное число молодыхъ японцевъ получили спеціальную подготовку въ самомъ Китаѣ». Съ этою цѣлью въ Шанхаѣ была открыта одна школа типа японскихъ нормальныхъ школъ, и сдѣланы приготовленія къ открытію такихъ же школъ во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Китая. До послѣдняго времени въ Шанхайской школѣ учились только японскіе студенты; теперь допускаются сюда и китайскіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что черезъ нѣсколько лѣтъ весь Китай будетъ покрытъ сѣтью такихъ японско-китайскихъ школъ, и школы эти сослужатъ большую службу обѣимъ странамъ.

Въ концѣ ноября прошлаго года, одна фирма въ Токио (Хейринъ-Канъ), занимающаяся изданіемъ спеціально военныхъ сочиненій, выпустила въ свѣтъ брошюру, озаглавленную «Рококу то Киокуто» (т.-е. Россія и Дальній Востокъ). Принцъ Конойе и виконтъ Міура ¹⁾, очевидно, одобрили взгляды, высказанные анонимнымъ авторомъ брошюры, потому что снабдили ее первымъ — введеніемъ, второй—предисловіемъ.

Послѣ общихъ разсужденій, содержащихъ въ себѣ историческій очеркъ развитія русской мощи на берегахъ Тихаго океана, авторъ переходитъ къ нынѣшней фазѣ грозной проблемы Дальняго Востока и роли Японіи здѣсь. Японія, говоритъ онъ, не можетъ больше смотрѣть хладнокровно, какъ «русскій орелъ вонзаетъ свои когти въ Китайское мясо». Самые жизненные интересы Японіи требуютъ, чтобы Китай сохранилъ свою территорію въ цѣлости, а свои двери широко открытыми для сосѣдней островной имперіи. Другимъ, столь же жизненнымъ, вопросомъ для него является независимость Кореи, обращеніе ея въ крѣпкій буферъ между Россіей и Японіей. Россія—врагъ Японіи; это—фактъ, въ которомъ японцы не должны сомнѣваться, на который смѣшно негодовать или сѣтовать. Ни завидовать Россіи, ни ненавидѣть ее имъ не за что. Они скорѣе должны уважать ее и гордиться, что у нихъ такой великій и могучій врагъ. Пора открыть карты и повести честную игру. Грубо заблуждаются тѣ, кто думаютъ, что образъ дѣйствія Россіи въ Турціи или на Дальнемъ Востокѣ обусловленъ только ея ненасытной жаждой къ завоеваніямъ. Нѣтъ, это—приведеніе въ исполненіе хорошо задуманныхъ и постепенно осуществляемыхъ плановъ дальновидной политики. Россіи на Дальнемъ Востокѣ нуженъ былъ свободный выходъ въ океанъ. Владивостокъ имѣетъ свои

¹⁾ Міура—бывшій японскій посланникъ въ Корей, замѣшанный въ дѣло убійства корейской королевы.

большія удобства, но также и очень крупныя недостатки. Бухта его глубока; якорная стоянка великолѣпна; корабли на рейдѣ хорошо защищены отъ вѣтровъ, съ моря ихъ не видно, и отсюда они не могутъ быть атакованы. Для блокады потребовались бы двѣ отдѣльныя эскадры: по одной съ каждой стороны острова, расположеннаго у самаго входа въ бухту. Четыре мѣсяца въ году портъ скованъ льдомъ, а въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ берега почти все время бываютъ закрыты густыми туманами. Но такъ какъ портъ расположенъ на оконечности длиннаго полуострова, то непріятелю все-таки можно отрѣзать его сообщеніе съ суши и взять его, высадивши достаточный десантъ. Высадить же десантъ здѣсь можно, только располагая флотомъ, значительно превосходящимъ русскій. Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводится въ данномъ случаѣ на вопросъ о верховенствѣ на морѣ. Если дѣло когда нибудь дойдетъ до борьбы на жизнь и на смерть между Японіей и Россіей, то споръ будетъ рѣшенъ именно на морѣ. Такъ какъ Владивостокъ въ концѣ концовъ оказался мѣстомъ, далеко не отвѣчающимъ видамъ русскаго правительства, то оно обратило свое вниманіе на Портъ-Артуръ. Но Портъ-Артуръ имѣетъ тоже свои крупныя неудобства: часть бухты, гдѣ есть достаточная глубина для большихъ судовъ, слишкомъ мала; входъ въ нее такъ узокъ, что достаточно одного затонувшаго здѣсь корабля, чтобы страшно затруднить проходъ; какъ крѣпость, онъ не въ состояніи былъ бы удержаться противъ большой арміи съ суши; кромѣ того, разстояніе между нимъ и Владивостокомъ настолько значительно, что уже само по себѣ представляетъ серьезную опасность во время войны. Въ виду того, что ни Владивостокъ, ни Портъ-Артуръ, какъ военныя базы, не могли удовлетворить Россію, она обратила свои взоры на Корейское побережье, ища тамъ мѣста, которое явилось бы связующимъ звеномъ между этими двумя пунктами. Въ морской войнѣ съ Россіей Японія могла бы напасть на Портъ-Артуръ и на Владивостокъ отдѣльно, и русскимъ военнымъ судамъ было бы также трудно пройти Теусимскій проливъ, какъ французскимъ кораблямъ Гибралтаръ. Если бы въ рѣшительномъ морскомъ сраженіи Японія была разбита, остатки ея флота ушли бы въ Сасехо или Такесика, и отсюда Японія стала бы готовиться къ возобновленію враждебныхъ дѣйствій. У Россіи нѣтъ такихъ мѣстъ. Отсюда-то всѣ эти попытки устроить русскій военный портъ въ Мазампо, Чинхаѣ, на островѣ Коже. И совершенно невѣроятнымъ представляется, чтобы Россія успокоилась на томъ, чѣмъ она здѣсь владѣетъ. Россія неизбѣжно будетъ пытаться получить опорную базу на побережьѣ Кореи, потому что отъ этого слишкомъ много зависитъ ея положеніе, какъ могущественной морской державы на Дальнемъ Востокѣ. Но прочное утвержденіе ея на одномъ изъ пунктовъ Южной Кореи мало того, что парали-

зуетъ почти совершенно значеніе желѣзной дороги, проводимой японцами изъ Фузана въ Сеуль, — оно явится угрозой самымъ жизненнымъ интересамъ Японіи. И если бы Россія дѣйствительно рѣшила сдѣлать серьезную попытку осуществить свои планы въ этомъ направленіи, Японія не замедлила бы принять самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ своихъ интересовъ.

Эти откровенныя заявленія, представляющія, несомнѣнно, отголосокъ мнѣній военныхъ и дипломатическихъ сферъ Японіи, приобрѣтаютъ особенное значеніе теперь, когда сталъ совершившимся фактомъ тотъ союзъ Англій и Японіи, о которомъ давно мечтали японскіе государственные дѣятели, и который начинается собою новую главу въ исторіи Дальняго Востока.

30-го января н. с., въ Лондонѣ, представителями Англій и Японіи былъ подписанъ слѣдующій союзный договоръ:

«Правительства Великобританіи и Японіи, движимыя единственно желаніемъ поддержать *statu quo* и общій миръ на Дальнемъ Востоцѣ, заинтересованныя, сверхъ того, въ сохраненіи независимости имперій Китайской и Корейской и въ обезпеченіи въ этихъ странахъ одинаковыхъ льготъ для торговли и промышленности всѣхъ націй, пришли къ такого рода соглашенію:

«Статья 1. Высокія договаривающіяся стороны, признавая независимость Китая и Кореи, объявляютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ агрессивныхъ стремленій по отношенію къ какой либо изъ этихъ двухъ странъ. Имѣя, однако, въ виду, что у Великобританіи есть свои спеціальныя интересы въ Китаѣ, тогда какъ Японія, кромѣ тѣхъ интересовъ, какіе она имѣетъ въ томъ же Китаѣ, заинтересована еще особеннымъ образомъ, и политически, и въ торгово-промышленномъ отношеніи, въ Корей, высокія договаривающіяся стороны признаютъ, что онѣ обѣ могутъ принимать такія мѣры, которыя оказались бы необходимыми для охраны ихъ интересовъ, если таковымъ будетъ угрожать опасность, — отъ агрессивныхъ ли актовъ со стороны какой либо другой державы, или возникновенія смутъ въ Китаѣ или Корей, вызывающихъ необходимость вмѣшательства одной изъ двухъ договаривающихся сторонъ для защиты жизни и собственности ихъ подданныхъ.

«Статья 2. Если Великобританія, или Японія, защищая свои интересы, окажутся вовлеченными въ войну съ какой либо державой, — другая высокая договаривающаяся сторона сохранитъ строгій нейтралитетъ и употребитъ всѣ усилія для того, чтобы воспрепятствовать другимъ державамъ принять участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ ея союзницы.

«Статья 3. Если бы въ вышеупомянутомъ случаѣ какая либо держава, или нѣсколько державъ, приняли участіе въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ одного изъ союзниковъ, то другая договаривающаяся сторона зрится къ нему на помощь, поведетъ войну

совмѣстно съ нимъ и заключить миръ лишь по обоюдному съ нимъ согласію.

«Статья 4. Высокія договаривающіяся стороны условились, что безъ совѣта другъ съ другомъ ни одна изъ нихъ не заключить какого либо отдѣльнаго соглашенія съ третьей державой въ нарушеніе вышеупомянутыхъ интересовъ.

«Статья 5. Всякій разъ, какъ по мнѣнію Великобританіи или Японіи интересы ихъ окажутся въ опасности,—оба правительства должны вполне откровенно объясниться другъ съ другомъ по этому поводу.

«Статья 6. Настоящій договоръ вступаетъ въ силу немедленно по его подписаніи и остается дѣйствительнымъ втеченіе пяти лѣтъ со дня подписанія.

«Въ случаѣ если ни одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не уведомитъ другую, за 12 мѣсяцевъ до истеченія сказаннаго пятилѣтняго срока, о намѣреніи положить конецъ этому союзу, настоящій договоръ продолжаетъ связывать ихъ до тѣхъ поръ, пока та или другая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не откажется отъ него. Если же при наступленіи срока договора, одинъ изъ союзниковъ окажется вовлеченнымъ въ войну, союзъ *ipso facto* продолжаетъ сохранять свою силу до того времени, какъ заключенъ будетъ миръ».

Копія договора была въ тотъ же день отправлена лордомъ Лансдоуномъ сэру Клоду Макдональду, англійскому посланнику въ Токио,—вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ британскій министръ иностранныхъ дѣлъ говоритъ, между прочимъ, что этотъ трактатъ явился результатомъ событій, имѣвшихъ мѣсто на Дальнемъ Востокѣ втеченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, и того участія, какое Великобританія и Японія принимали въ нихъ. Лордъ Лансдоунъ обращаетъ при этомъ особенное вниманіе сэра Макдональда на 2-ю и 3-ю статьи договора и прибавляетъ, что англійское правительство рѣшило заключить настоящій трактатъ въ томъ убѣжденіи, что онъ не содержитъ въ себѣ ни одной статьи, которую можно было бы толковать въ смыслѣ существованія агрессивныхъ или эгоистическихъ стремленій обѣихъ договаривающихся сторонъ въ тѣхъ государствахъ, коихъ онъ непосредственно касается: это—лишь мѣра предосторожности для защиты важныхъ англійскихъ интересовъ, никоимъ образомъ не угрожающая настоящему положенію или законнымъ интересамъ тамъ другихъ державъ.

На другой день, въ палатѣ лордовъ, британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, объявляя о заключеніи англо-японскаго договора, далъ, между прочимъ, слѣдующія объясненія: «Мы хотѣли защитить Японію отъ самой серьезной опасности, какая только могла угрожать ей: коалиціи другихъ державъ. Японія владѣетъ сильнымъ флотомъ и могущественной арміей и можетъ рассчитывать

выдержать столкновение съ любой державой; но если бы ей стало грозить нападеніе со стороны болѣе чѣмъ одной державы, она очутилась бы лицомъ къ лицу съ неминуемой опасностью,—и вотъ на случай именно такой грозной опасности мы и хотѣли оказать ей помощь. Если бы вообще на Дальнемъ Востокѣ миръ былъ нарушенъ,—соглашеніе наше съ Японіей имѣетъ въ виду ограничить театръ возможныхъ военныхъ дѣйствій». Затѣмъ лордъ Лансдоунъ объявилъ, что для британскаго правительства никогда не являлось сомнѣній относительно того, что Манчжурія составляетъ часть Китайской имперіи, и, слѣдовательно, статья договора, гдѣ говорится о сохраненіи въ цѣлости этой имперіи, должна относиться, конечно, одинаково и къ Манчжуріи.

Въ то же время, въ палатѣ общинъ, лордъ Кранборнъ сдѣлалъ отъ имени кабинета слѣдующія заявленія: «Соглашеніе наше съ Японіей касается Манчжуріи настолько же, насколько всякой другой китайской провинціи. Суть договора, до его опубликованія, была сообщена правительству Соединенныхъ Штатовъ; о ней поставлено было въ извѣстность также германское правительство, и договоръ англо-германскій остается въ полной силѣ. Британское правительство готово заключить соглашеніе, подобное англо-японскому, со всякой державой, цѣлью которой явилось бы поддержаніе statu quo въ Китаѣ; то же самое относится и къ Персіи».

Заключенію формальнаго союза Англии съ Японіей предшествовалъ обмѣнъ сердечныхъ любезностей между королемъ Эдуардомъ и японскимъ императоромъ. Король послалъ также самую дружественную телеграмму японской императрицѣ: фактъ небывалый въ исторіи сношеній Запада съ Востокомъ.

За нѣсколько дней до обнародованія англо-японскаго союзнаго договора официально было объявлено, что англійское правительство рѣшило отказаться отъ мысли сдѣлать изъ Вей-хай-вея перво-классную крѣпость и военный портъ и намѣрено обратить его въ климатическую станцію для своихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ. Заявленіе это было встрѣчено въ парламентѣ съ большимъ недоумѣніемъ, исполнѣ въ тотъ моментъ понятнымъ: вмѣсто неприступной твердыни, долженствовавшей служить «ключемъ» къ Печилійскому заливу и вѣчной угрозой русскому Портъ-Артуру,—вдругъ простой курортъ! Загадка не замедлила вскорѣ разъясниться: Англии теперь нѣтъ никакой надобности тратить огромныя суммы на Вей-хай-вей, когда опорной базой для ея военнаго флота въ Желтомъ морѣ становится не одинъ этотъ ничтожный клочекъ Китайской территоріи, а вся Японія, со всѣми ея удивительными бухтами, гаванями, великолѣпно оборудованными морскими портами, доками и адмиралтействами.....

В. Д. Черевковъ.

ЗАБЫТАЯ СТАРИНА ИЗЪ ЭПОХИ САМОЗВАНЩИНЫ ¹⁾.

(Посвящается предстоящему въ 1902 году археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ).

МНОГО было памятниковъ старины въ Курскомъ краѣ; немало ихъ и погребло отъ времени, а главное отъ невѣжества людей, но немало и осталось, а между тѣмъ всѣ эти памятники, находящіяся въ полномъ забвеніи, имѣютъ большое значеніе не только для специалистовъ, но и для всѣхъ, кому не чуждо прошлое родного края. Въ этомъ отношеніи особенно богатъ уѣздный городъ Курской губерніи Путивль; да оно и понятно.

Раскрывъ любую изъ руссійскихъ лѣтописей, вы найдете упоминаніе о Путивлѣ, и имя его поставлено не на послѣднемъ мѣстѣ. Все это какъ нельзя лучше говоритъ о той роли, какую Путивлю пришлось сыграть въ исторіи Русскаго государства.

О Путивлѣ упоминается еще въ домонгольскій періодъ русской исторіи, но наибольшимъ значеніемъ этотъ городъ начинаетъ пользоваться съ первой четверти шестнадцатаго столѣтія, съ 1523 года, именно съ момента отобранія его отъ удѣльнаго князя рыльскаго, Василя Шемяки, великимъ княземъ московскимъ Василюмъ Іоанновичемъ, когда онъ, Путивль, ставъ пограничною крѣпостью на югѣ Московскаго царства противъ Литвы и Крыма, начинаетъ играть государственную роль. Но одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи Путивля относится ко времени пребыванія въ немъ Лжедмитрія Перваго.

¹⁾ Докладъ «литературно-историческому кружку», учрежденному при императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

Какъ извѣстно, Путивль однимъ изъ первыхъ русскихъ городовъ передался этому самозванцу, и мнимый царевичъ жилъ въ Путивлѣ довольно продолжительное время, а именно болѣе трети своего кратковременнаго царствованія.

Достаточно вспомнить клики радостнаго ликования: «Царь нашъ желанный, красное солнышко», которыми привѣтствовалъ народъ вступающаго въ Москву мнимаго Дмитрія, и представить себѣ тотъ жалкій образъ физически и нравственно разбитаго послѣ своихъ первыхъ неудачъ самозванца, и намъ станетъ яснымъ то значеніе, какое имѣлъ Путивль въ дѣлѣ воцаренія Лжедмитрія Перваго. Да, Путивль для Лжедмитрія сыгралъ важную роль.

Если мы заглянемъ въ исторію, то увидимъ, откуда съ новой силой вырывается потокъ революціоннаго движенія, ниспровергнувшаго династію Годуновыхъ. Насколько обвиняють Украину въ томъ, что она какъ бы создала лицо, взявшее на себя всѣ эти высшія полномочія, столько же можно приписать Сѣверской области и въ особенности ея главному въ то время городу Путивлю, что здѣсь съ новой силой вспыхнулъ тлѣющій, почти затушенный пожаръ, и отсюда понесся онъ по всему лону Московскаго царства, цѣпывая своимъ заревомъ къ возстанію.

Будучи почти неприступной по тогдашнему времени крѣпостью, Путивль неоднократно укрывалъ мнимаго царевича, спасая его отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ и помогая ему собраться съ силой; онъ былъ не только его оплотомъ, но базисомъ для дальнѣйшихъ его дѣйствій и центромъ революціоннаго движенія, охватившаго Русь въ началѣ семнадцатаго вѣка.

Послѣ неудачной битвы при Добрыничахъ, въ январѣ 1605 г., когда побѣда, если такъ можно выразиться, была вырвана почти изъ рукъ у Лжедмитрія Перваго и вырвана благодаря лишь храбрости наемныхъ, нѣмецкихъ дружинъ, онъ, разбитый на голову, съ остатками своихъ приверженцевъ отступаетъ къ Рыльску, но, какъ говоритъ одинъ изъ его современниковъ ¹⁾, не будучи увѣреннымъ въ преданности ему жителей, онъ переходитъ въ городъ Путивль и живетъ тамъ четыре мѣсяца, не страшась Бориса, который и явно и тайно старался погубить его. Къ этому же времени относится, какъ говорятъ, попытка отчаявшагося уже въ своемъ предпріятіи Лжедмитрія Перваго, попытка бѣжать обратно въ Польшу.

Въ исторической смѣнѣ событій есть такіе моменты, когда кажется, будто эта сплошная историческая нить порывается... и если дѣйствительно попытка, бросивъ все, бѣжать, передаваемая заслуживающимъ довѣрія современникомъ ²⁾ перваго самозванца, была сдѣлана, то можно полагать, что одинъ изъ такихъ моментовъ не-

¹⁾ Margeret. Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie.

²⁾ De Touet.

посредственно слѣдовалъ за неудачнымъ сраженіемъ при Добрыничахъ, такъ какъ это былъ, пожалуй, самый критическій мигъ въ цѣломъ рядѣ событій, закончившихся вступленіемъ Лжедмитрія Перваго въ Москву.

Но и здѣсь друзья поддержали Лжедмитрія, убѣждая, что дѣло еще не проиграно, была пущена въ ходъ, какъ говорятъ, даже угроза выдать его Борису и тѣмъ самымъ спасти себя, угроза перешедшихъ на его сторону русскихъ людей, можетъ быть, въ томъ числѣ и путивлянъ; тѣмъ болѣе, что разговоръ происходилъ въ Путивлѣ, когда самозванецъ былъ уже въ стѣнахъ города.

Исторія умалчиваетъ, что именно сильнѣе всего подѣйствовало на Лжедмитрія Перваго, доводы ли его утѣшителей или ихъ угрозы, но только онъ остался, заперся въ Путивлѣ и сталъ готовиться къ дальнѣйшей борьбѣ.

Каковымъ былъ въ то время Путивль, можно судить, какъ по отзывамъ самого Лжедмитрія, такъ и его современниковъ. По словамъ самозванца, здѣсь «кипяше медъ и млеко и ведоша торгъ самые знатные заѣзжіе купцы-гречане златомъ, серебромъ, узорочными каменьями и дорогими, локотными товарами».

Что же касается отзывовъ современниковъ, то всѣ они позволяютъ предполагать, что это былъ значительный городъ, какъ въ военномъ, такъ и торговомъ отношеніяхъ. Такъ, на примѣръ, капитанъ Margeret, начальникъ конвоя тѣлохранителей сначала царя Бориса, а потомъ перешедшій на сторону Лжедмитрія Перваго, чловѣкъ, лично участвовавшій во многихъ сраженіяхъ, предшествовавшихъ воцаренію мнимаго Дмитрія, въ своихъ запискахъ ¹⁾ прямо называетъ Путивль городомъ обширнымъ и богатымъ. Интересное замѣчаніе о Путивлѣ встрѣчается также въ дневникѣ Марины Мнишекъ. Описывая сраженіе при Новгородкѣ, она говоритъ, что на разсвѣтѣ, когда поляки хотѣли уже покинуть Дмитрія (подразумѣвается самозванецъ), прискакалъ на конѣ одинъ москвитянинъ съ извѣстіемъ, что главный городъ Сѣверской области, Путивль, городъ, который можетъ выставить 40.000 войска, перешелъ на сторону царевича, и что воеводѣ ведутъ связанными ²⁾. Не менѣе интересное для насъ описаніе Путивля даетъ въ своихъ запискахъ нѣкто архидіаконъ Павелъ. Хотя это описаніе относится къ нѣсколько позднѣйшему времени, а именно къ 1654 году, но, тѣмъ не менѣе, оно можетъ служить правдивымъ истолкователемъ всего того, что относилось къ характеристикѣ Путивля въ началѣ семнадцатаго столѣтія, такъ какъ за пятидесятилѣтній промежутокъ, отдѣляющій

¹⁾ Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est plus passé de plus memorable et tragique pendant le regne de quatre Empeurs: à sçavoir depuis l'an 1590—jusques en l'an 1606.

²⁾ Дневникъ Марины Мнишекъ. 1604—1606.

его отъ смутнаго времени, въ исторіи Путивля не случилось ничего такого, что могло бы радикально повліять на городъ.

Архидіаконъ Павелъ сопутствовалъ сирійскому патріарху Макарію во время его путешествія въ Москву въ половинѣ семнадцатаго столѣтія и въ своихъ запискахъ описалъ все то, что слышалъ и чему былъ свидѣтелемъ. Вотъ что онъ говоритъ о Путивлѣ, черезъ который имъ пришлось проѣзжать: «1654 года, іюля 20-го, въ праздникъ Или пророка, патріархъ, переправясь черезъ пограничную рѣку Сеймъ въ Путивль, встрѣченъ былъ намѣстникомъ воеводы, множествомъ вельможъ и тысячью тысячъ воиновъ и народа, которые тѣснились получить благословеніе. Онъ ѣхалъ торжественно въ сопровожденіи сорока чловѣкъ духовенства и множества воиновъ до самаго Путивля и встрѣченъ былъ у воротъ города воеводою Никитою Алексѣвичемъ, который просилъ его отслужить передъ отъѣздомъ въ слѣдующее воскресенье обѣдню въ соборной церкви. Патріархъ отправился въ воскресенье въ крѣпость, гдѣ находился соборъ. У крѣпостныхъ воротъ мы нѣсколько разъ молились поставленнымъ тамъ образамъ. Лишь только вступили внутрь крѣпости, тотчасъ встрѣчены были воеводою Никитою Зѣзинымъ»¹⁾.

Все это какъ нельзя лучше говоритъ въ пользу того предположенія, что Путивль былъ большой сравнительно городъ и имѣлъ политическое значеніе, въ особенности, если принять во вниманіе, что онъ съ первой четверти шестнадцатаго столѣтія былъ русскою пограничною крѣпостью противъ Литвы и Крыма и входилъ въ составъ первой пограничной крѣпостной линіи, такъ называемаго «Путивльскаго рубежа».

Въ физическомъ же отношеніи мѣстность Путивля представляла нѣсколько холмовъ Урало-Карпатской гряды, холмовъ довольно значительной высоты, на которыхъ и раскинулся широко городъ. Вдоль почти всѣхъ этихъ холмовъ тянулись крѣпостныя постройки, уничтоженныя уже во времена царя Алексѣя Михайловича, когда оказалась ненужной Путивльская пограничная крѣпость, а ненужной стала она послѣ присоединенія Малороссіи, когда новыя владѣнія широкимъ полукругомъ заслонили съ юга Московское царство отъ вражескихъ нападеній. Тутъ же на одномъ изъ холмовъ находился и Путивльскій кремль, который былъ каменный, что составляло рѣдкое явленіе въ Московскомъ царствѣ, и вмѣщалъ значительный гарнизонъ²⁾. Кремль этотъ являлся не только средоточіемъ военной силы, но и религиознымъ центромъ. Здѣсь находился старинный Молченскій монастырь, сохранившійся и до настоящаго времени. Въ этомъ-то монастырѣ и скрывался Лже-

¹⁾ «Библіотека для Чтенія» 1836 года.

²⁾ Ипатьевскій списокъ лѣтописи. Несторова лѣтопись.

Путивльскій Молченскій монастырь.

димитрій Первый въ комнатѣ, находящейся подъ куполомъ одной изъ церквей монастыря. Какъ церковь, такъ и комната уцѣлѣли и донинѣ. Эта церковь сама по себѣ представляетъ архитектурную рѣдкость, построена она въ строгомъ русскомъ стилѣ, и время ея постройки относится къ семнадцатому столѣтію. Она въ два этажа, и въ каждомъ изъ нихъ по особому храму. Возникла она вмѣсто существовавшего когда-то здѣсь древняго Софійскаго храма, пришедшаго въ ветхость и единственно по этой причинѣ уничтоженнаго, какъ это было зачастую въ старину. Но не вся эта двухъ-этажная церковь строилась вновь, она, повидимому, пристроена къ какой-то древней башнѣ, входившей въ составъ Путивльскихъ крѣпостныхъ построекъ. Пристройка сдѣлана такъ, что башня стала составлять часть церкви.

Дверь, черезъ которую входили въ башню, передѣлана въ царскія врата, а сама башня въ алтарь. Кромѣ различныхъ преданій, относящихся къ этой метаморфозѣ, послѣдняя подтверждается также и внутреннимъ устройствомъ алтаря въ главномъ придѣлѣ верхняго храма, такъ, напримѣръ, горнее мѣсто находится не прямо позади престола, какъ это принято въ нашей церкви, а нѣсколько лѣвѣе; собственно говоря, эта вещь не имѣетъ особеннаго значенія для историка, и не всякій обратитъ на нее вниманіе, но въ данномъ случаѣ она важна потому, что подтверждаетъ сказанія объ этой метаморфозѣ, о томъ, что все здѣсь устроивалось въ зависимости отъ того, какъ позволяло готовое уже помѣщеніе. Мы не будемъ отвлекаться другими предметами старины различныхъ эпохъ, а сосредоточимъ наше вниманіе только на всемъ томъ, что относится ко времени Лжедмитрія Перваго. Посѣтимъ прежде всего комнату, въ которой онъ жилъ. Для этого мы отправляемся въ главную церковь, находящуюся въ верхнемъ этажѣ. Еще только поднимаемся по лѣстницѣ, какъ уже насъ охватываетъ какое-то особенное настроеніе, и кажется, будто мы вернулись на нѣсколько столѣтій назадъ въ глубь минувшаго, и чѣмъ-то далеко прошедшимъ вѣетъ отъ всего, что попадаетъ намъ на каждомъ шагѣ.

Въ верхнемъ храмѣ въ лѣвой стѣнѣ видна небольшая, деревянная дверь, почернѣвшая и покосившаяся отъ времени; за нею-то и открывается ходъ въ комнату Лжедмитрія Перваго, въ видѣ постепенно поднимающагося коридора. Ходъ очень узкій и низкій, такъ что голова и плечи чуть не касаются стѣнъ. Кругомъ полумракъ. Ступеньки сдѣланы изъ кирпича и полуразвалились отъ времени. Комната, какъ мы уже сказали, находится подъ самымъ куполомъ, надъ главнымъ алтаремъ, надъ алтаремъ той самой церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, изъ которой и ведетъ дверь въ этотъ тайникъ. Не будь той входной двери, говорящей о существованіи комнаты, нельзя было бы и предположить, что есть еще какое-то помѣщеніе, и гдѣ оно именно находится; и въ

Рѣзная изъ дерева статуэтка Христа, передъ которой молился
Лжедимитрій I.

случаѣ, если бы проникли въ Шутивль враги Лжедмитрія, то оставалось бы заложить только кирпичемъ входъ въ этотъ коридоръ, заштукатурить его, закрасить подъ цвѣтъ стѣнъ, и никто не узналъ бы, гдѣ скрывается Лжедмитрій, развѣ нашлись бы измѣнники, а мнимый царевичъ, запасшись на продолжительное время провіантомъ, могъ бы между тѣмъ спокойно ожидать помощи отъ своихъ друзей и покровителей. Но оригинальная лѣстница, напоминающая собою какой-то средневѣковый лабиринтъ, поднимается все выше и выше, заворачиваетъ направо, а вотъ наконецъ и историческая комната. По формѣ она напоминаетъ правильную, восьмигранную призму, увѣнчанную сверху полушаріемъ купола. Внутренность комнаты очень проста: такъ полъ, имѣющій въ діаметрѣ около десяти аршинъ, сдѣланъ изъ простого кирпича, а стѣны просто выкрашены мѣломъ. Въ комнатѣ находится интересный предметъ, который заставляетъ призадуматься: такъ въ углу, обращенномъ къ востоку, останавливаетъ на себѣ вниманіе рельефное изображеніе сидящаго на престолѣ Христа. Матеріаломъ для всего этого служить дерево; изъ него сдѣланы и престоль и статуэтка, изображающая Христа во весь ростъ.

Престоль имѣетъ видъ кресла съ высокой спинкой и выпущенными впередъ досками вмѣсто ручекъ; весь онъ, выкрашенный въ коричневый цвѣтъ, просто сколоченъ изъ досокъ и чуждъ даже признака какого нибудь изящества, не говоря уже о какой либо рѣзбѣ или какихъ нибудъ украшеніяхъ; его легко можно представить себѣ въ воображеніи, если взять часто встрѣчающуюся на улицахъ будку сторожа, снять съ нея крышу и на половину урѣзать боковыя стороны. Получилось бы именно нѣчто подобное.

На простой, незакрашенной доскѣ, помѣщенной въ срединѣ и служащей сидѣньемъ, покоится статуэтка сидящаго Христа. Ротъ Его полуоткрытъ, Онъ, повидимому, что-то говоритъ, и приподнятая правая рука дѣлаетъ соответствующій жестъ. На головѣ Христа терновый вѣнецъ, на ногахъ тонкіе цвѣтные чулки, и, кромѣ того, ноги обуты еще въ туфли изъ темнаго бархата, отороченные золотымъ позументомъ; и вся вообще статуэтка наряжена въ какую-то синяго цвѣта мантию, обшитую серебрянымъ галуномъ, и опоясана какой-то вылинявшей голубенькой тесемочкой. Нѣсколько стоящихъ около статуэтки металлическихъ, почернѣвшихъ отъ времени, подсвѣчниковъ съ гвоздями вмѣсто отверстій для свѣчъ, дополняютъ картину. Какъ видъ вылинявшей матеріи, такъ и безобразно грубо сдѣланная статуэтка, производитъ непріятно отталкивающее впечатлѣніе. Преданіе говоритъ, что передъ этой фигурой, несомнѣнно являющейся отпечаткомъ вліянія католицизма, молился Лжедмитрій Первый.

Кресло Лжедмитрія I, на которомъ онъ, по преданію, давалъ аудіенціи.

Невольно напрашивается вопросъ, какъ же согласовать передаваемые историками ¹⁾ свѣдѣнія, что этотъ самозванецъ въ бытность свою въ Путивлѣ отличался необыкновенной, бьющей даже

¹⁾ Соловьевъ. Смутное время, т. VIII. Устряловъ, т. III.

въ глаза, преданностью къ православію, съ представленіемъ объ этихъ предметахъ, которымъ онъ воздавалъ также поклоненіе, хотя въ старину разграниченіе святыхъ католическихъ и православныхъ зачастую доходило до фанатизма. Передаются такіе факты, какъ приносъ изъ Курска въ Путивль, по приказанію Лжедмитрія, почитаемой иконы Богоматери, сообщаются подробности встрѣчъ и видимаго его почтенія къ иконѣ, и въ то же время завѣдомо извѣстно, что Лжедмитрій Первый имѣлъ при себѣ нѣсколько ксендзовъ, отправлявшихъ при немъ всякія требы, имѣлъ различные католическіе священные предметы, къ числу которыхъ принадлежатъ и эта статуэтка и проч. Единственнымъ на это отвѣтомъ можетъ быть весьма обоснованное предположеніе, что самозванецъ, въ сущности говоря, не былъ ни ярымъ католикомъ, ни твердымъ православнымъ, а исповѣдывалъ ту и другую религію въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Вся эта фигура, то-есть престолъ и статуэтка, окружена сверху въ видѣ полукруга аляповатыми изображеніями, писанными масляными красками по дереву. Въ центральной, или, вѣрнѣе, средней, части этого полукруга изображенъ «Сидящій во славѣ Христосъ», а по концамъ два ангела; непосредственно за всѣми этими изображеніями слѣдуютъ прикрѣпленныя къ нимъ рѣзныя изъ дерева украшенія, покрытыя позолотой, какъ бы являющіяся къ нимъ рамкой. Несмотря на то, что эти изображенія, расположенныя полукругомъ около престола, какъ бы приобщены къ нему, они, тѣмъ не менѣе, относятся къ гораздо позднѣйшему времени, а именно ко второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Это предположеніе подтверждается сохранившимися остатками надписи подъ изображеніемъ «Сидящаго во славѣ».

... «и при наслѣдникѣ ея»,—гласитъ надпись,—«благовѣрномъ государѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ благословеніемъ...» дальше слова прерываются. Значитъ, всѣ эти, какъ бы окаймляющія престолъ и статуэтку, рѣзныя изображенія сооружены въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Въ комнатѣ три окна на востокъ, югъ и западъ, то-есть на всѣ тѣ три стороны, откуда могли главнымъ образомъ угрожать своимъ движеніемъ непріатели, а они наступали обыкновенно съ юга, со стороны рѣки Сейма, воднымъ путемъ котораго зачастую пользовались. Съ сѣвера же трудно было подступиться къ Путивлю; въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ тамъ еще были дремучіе лѣса, постепенно переходящіе въ такъ называемыя Брянскія дебри; широкая рѣка, которой теперь забыто и названіе, опоясывала и съ этой стороны Путивль, какъ бы ограждая его отъ непрошенныхъ гостей; но времена миновались, и того, что было, теперь уже и помину нѣтъ, и только овраги да одиноко слезящійся ключъ свидѣтельствуютъ о прошломъ.

Въ эти-то окна и смотрѣлъ Лжедимитрій, наблюдая за каждымъ дѣйствіемъ и шагомъ своихъ враговъ и приверженцевъ; а видно все, какъ на ладонкѣ. На нѣсколько десятковъ верстъ вдаль открывается широкой горизонтъ, представляющій дивную картину ху-

Дарохранительница времянь Лжедимитрія.

дожника-природы, и вся эта чудная панорама какъ бы заключена въ рамку поднимающимися съ востока и запада горами и лѣсомъ.

Въ эту комнату раньше вель еще и другой ходъ, его слѣды замѣтны при поворотѣ этого постепенно поднимающагося кори-

дора, которымъ нужно идти въ комнату. Тамъ въ лѣвой сторонѣ видно небольшое, полузадѣланное отверстіе въ формѣ четырехугольника. Этотъ ходъ, впоследствии уничтоженный, шелъ изъ комнаты Лжедмитрія I въ нижній храмъ, а затѣмъ уже выходилъ наружу.

Нѣсколько вѣковъ тому назадъ помѣщеніе этого нижняго храма было мѣстомъ заключенія государственныхъ преступниковъ. Здѣсь была тюрьма. Еще и до настоящаго времени сохранились нѣкоторыя принадлежности прежней тюрьмы. Это—рипсы. Теперь рипсы нигдѣ не встрѣтите, въ старину же онѣ составляли необходимую, чуть ли не неотъемлемую принадлежность каждой большой, или, вѣрнѣе сказать, важной, тюрьмы. Рипсы представляютъ собою длинные, винтообразныя, трубчатыя отверстія, идущія внутри стѣнъ. Ихъ назначеніе давать возможность слышать вверху все, что дѣлается тамъ, внизу, подъ землею, въ темницѣ. Такимъ образомъ онѣ выполняютъ роль отчасти современныхъ телефоновъ. Подобными рипсами, какъ говорятъ, была снабжена и темница, въ которой были передъ казнью заключены Кочубей и Искра. Здѣсь же остатки рипсы сохранились въ главномъ верхнемъ храмѣ, и, судя по ихъ направленію, можно сказать, что онѣ шли изъ нижней части этой двухъэтажной церкви въ верхнюю, въ комнату Лжедмитрія I. Не ошибемся, если допустимъ, что и во времена междуцарствія эта тюрьма еще существовала въ неприкосновенности, и самъ мнимый Дмитрій сажалъ туда кое-кого.

И теперь еще существуетъ преданіе о какихъ-то погибшихъ въ этой тюрьмѣ монахахъ, заключенныхъ туда по приказанію Лжедмитрія.

Если мы прослѣдимъ внимательно за всѣми событіями Путивльскаго житья-бытья Лжедмитрія I, то увидимъ, что это преданіе имѣетъ нѣкоторое историческое основаніе, а именно относится къ неоднократной попыткѣ царя Бориса умертвить Лжедмитрія черезъ подосланныхъ съ этой цѣлью людей. Это подтверждаетъ и французъ Margeret, человекъ, близко стоявшій къ Лжедмитрію I, прямо говоря въ своихъ запискахъ¹⁾, что Борисъ нѣсколько разъ покушался погубить мнимаго царевича, подсылая для этого въ Путивль разныхъ людей.

Нѣсколько подробнѣе рассказываетъ объ этомъ другой современникъ Лжедмитрія I, а именно Паэрле²⁾.

«Задумалъ Борисъ погубить царевича, и вотъ подослалъ онъ въ Путивль трехъ монаховъ съ грамотами къ духовенству и гражданамъ, требуя, чтобы они схватили Дмитрія со всѣми его приверженцами и отправили ихъ въ Москву, за что обѣщалъ ихъ награ-

¹⁾ Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie.

²⁾ Дословный переводъ, съ возможнымъ сохраненіемъ стиля письма.

Образъ Жировицкой Божіей Матери, полученный Лжедимитріемъ I отъ своего тестя, сендомирскаго воеводы Мнишка, хранящійся въ Молченскомъ монастырѣ.

дить щедро и помиловать за измѣну. Монахи повиновались, отправились въ Путивль и, прочитавъ грамоты народу, убѣждали его и отъ себя не вѣрить тому, кто называется Димитріемъ, сказывая, что онъ—бѣглый чернецъ, а не сынъ блаженной памяти царя Ивана Васильевича. Мы жили вмѣстѣ, говорили они, въ одномъ монастырѣ

и замѣтивъ, что онъ занимается чародѣйствомъ, наказали его, какъ старшіе, въ намѣреніи отучить отъ дьявольскаго ремесла, а онъ убѣжалъ въ Польшу и выдалъ себя за сына Ивана Васильевича. Къ тому же извѣстно каждому, что настоящій Димитрій за нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался въ Угличѣ. Такого рода рѣчами монахи предполагали одурачить народъ. Димитрій же, тотчасъ провѣдавъ о томъ, приказалъ ихъ изловить и привести къ нему; но прежде, чѣмъ ихъ привели, онъ повелѣлъ одному шляхтичу, по имени Иваницкому, надѣть его Димитрія платье и сѣсть на его мѣстѣ. Приведенные предъ шляхтича монахи были вопрошаемы нѣкоторыми поляками: узнаете ли вы Димитрія?»

— Какъ прежде народу мы говорили,—отвѣтствовали монахи,—такъ и нынѣ повторяемъ, что онъ не тотъ, кѣмъ быть хотеть.

«Желая, однако, извѣдать, не умышляютъ ли они чего нибудь другого, Димитрій повелѣлъ ихъ пытать. Двое ни въ чемъ не хотѣли признаваться, а третій, уже старецъ, передъ самымъ началомъ истязаній умолялъ о пощадѣ и просилъ позволенія переговорить наединѣ съ Димитріемъ, давая обѣщаніе повѣдать все, что извѣстно ему. Его просьбу немедленно исполнили. Приведенный предъ очи Димитрія, монахъ тотчасъ узналъ его и, павъ ему въ ноги, отъ ужаса ни слова не могъ сказать. Димитрій же приказалъ ему встать и говорить все откровенно, безъ всякаго опасенія.

«Да будетъ вѣчная хвала и благодарность Создателю неба и земли,—воскликнулъ въ умиленіи монахъ,—за милосердное избавленіе всемилостивѣйшаго государя моего отъ смерти, приготовленной ему въ Угличѣ! Ты,—законный нашъ царь и наслѣдникъ всей русской державы! То не былъ паревичъ, кого мы вчера всѣ трое видѣли сидѣвшимъ на твоемъ мѣстѣ». Затѣмъ онъ просилъ Димитрія приказать остальнымъ нѣсколько отойти и смотрѣть внимательно, да не выйдетъ никто изъ крѣпости. Когда все это было сдѣлано, и съ Димитріемъ осталось не больше трехъ лицъ, монахъ снова повелъ рѣчь: «Всепресвѣтлѣйшій князь! Пусть будетъ извѣстно твоей княжеской милости, что одинъ изъ моихъ спутниковъ имѣетъ у себя разные яды, изъ коихъ самый смертоносный запрятанъ у него въ сапогѣ между подошвами, и тотъ, кто хотя слегка коснется этого яда, такъ распухнетъ всѣмъ тѣломъ, что въ девятый день непременно лопнетъ. Изъ твоихъ бояръ двое лицъ взяли съ смѣшанъ этотъ ядъ съ ладаномъ, которымъ священникъ окуритъ тебя въ церкви. Они подкуплены Борисомъ и неоднократно уже пересылали ему объ этомъ письма, что и докладываю вашему величеству».

«Услышавъ такія слова, Димитрій приказалъ позвать къ нему обвиняемыхъ бояръ. Они войдя били по обычаю челомъ въ землю. Гнѣвно и грозно вскричалъ на нихъ Димитрій: «вѣроломные злодѣи, вамъ ли при вашихъ сѣдинахъ быть измѣнниками своему госу-

дарю! такъ-то вы платите мнѣ за мою милость царскую, за мою отеческую любовь? ужели забыли вы, коварные злодѣи, то милосердіе, какое я оказалъ вамъ, когда васъ, измѣнниковъ, привели ко мнѣ граждане? Я по своему незлобію пощадилъ васъ, даровалъ вамъ жизнь и ввелъ васъ въ тайный мой совѣтъ, а вы, злодѣи, доносили обо всѣхъ моихъ помысленіяхъ Борису. Но тотъ, кто помогалъ правому дѣлу, и теперь открылъ черезъ этого монаха ваше вѣроломство: вы приняли отъ проклятыхъ людей ядъ съ тѣмъ, чтобы лишить меня жизни. Нынѣ нѣтъ вамъ милосердія, безбожные преступники. Ожидаетъ васъ казнь мучительная на страхъ другимъ, подобнымъ измѣнникамъ».

«Они во всемъ повинились, а граждане путивльскіе, свѣдавъ объ ужасномъ умыслѣ, просили Димитрія выдать имъ этихъ бояръ, желая сами совершить надъ ними казнь. Получивъ согласіе царевича на свою просьбу, они схватили этихъ бояръ и, раздѣвъ донага, вывели на площадь, привязали къ врытому въ землю столбу и разстрѣляли ихъ изъ луковъ и пищалей. Два же монаха, не хотѣвшіе ни въ чемъ признаться на пыткѣ, были ввержены въ темницу, третьяго же Димитрій за открытіе измѣны осыпалъ милостями»¹⁾.

Такъ неудачно окончилась попытка Бориса: позорно погибли всѣ тѣ, которые были орудіемъ выполненія его плана, забылись и имена ихъ, и только стоустая людская молва, что морская волна, переливаясь въ массѣ толковъ и постепенно теряясь въ пространствѣ времени, продолжала говорить о прошломъ, передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому.

Но закончимъ осмотръ комнаты.

Кромѣ статуэтки Христа, здѣсь же раньше хранилось и удѣлѣвшее до нашего времени кресло самозванца; впоследствии это кресло было перенесено въ лѣвый придѣлъ верхняго храма, гдѣ и хранится теперь вмѣстѣ съ различными древностями.

Кресло это готическаго стиля, и сдѣлано оно изъ цѣльнаго орѣха и покрыто различными инкрустаціями съ почернѣвшей и облѣзшей отъ времени позолотой. Вышиною оно одинъ аршинъ девять вершковъ, а шириною аршинъ полтора вершка, и въ общемъ напоминаетъ наши кресла въ гостиныхъ, только оно побольше и помассивнѣе. Большое, почти квадратное, мягкое сидѣнье опирается на четыре ножки кресла, широкая нѣсколько откинувшаяся назадъ спинка, также почти квадратная, представляетъ въ срединѣ пустое пространство, которое заполнено мягкой подушкой, прикрѣ-

¹⁾ Beschreibung der Moscovitterischen Rayse welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg mitt Herrn Andreassen Nathan und Matheo Bernhart Manlichen denn jungern Ady 19 Martii Aj 1606 von Crachaw ans, angefangen und was wir wahrhaftiges gehört geschen und erfahren alles aufs khürzest beschriben, bis zue unserer, Gottlob wider dahirr Ankunfft den 15 decembris anno 1608.

пленной къ рамкамъ спинки. Отъ нижней части этой рамки идутъ деревянныя ручки, обитыя сверху той же матеріей, какъ сидѣнье и спинка, и представляетъ эта матерія какой-то неопредѣленный цвѣтъ, потому что окрашена полосками въ самые разнокалиберные цвѣта, размѣщенные узорами въ видѣ четырёхугольниковъ.

И вотъ здѣсь, сидя въ этомъ креслѣ, принималъ Лжедмитрій воеводу, изъявлявшихъ покорность, и давалъ аудіенціи, здѣсь же подписывались и получали санкцію важныя государственныя бумаги и отсюда же разсылались по лицу земли Русской сотнями, если не тысячами, грамоты мнимаго Дмитрія, призывающія народъ къ возстанію. И такія грамоты, какъ говоритъ Martinus Baër, тоже одинъ изъ современниковъ Лжедмитрія, разсѣяныя въ различныхъ мѣстностяхъ государства, привели къ удачнымъ результатамъ: много русскихъ людей явилось въ Путивль и признало Дмитрія своимъ законнымъ государемъ ¹⁾.

Кромѣ исторической комнаты и вышеуказанныхъ предметовъ, связанныхъ съ памятью о Лжедмитріи Первомъ, есть еще двѣ реликвіи мнимаго царевича, а именно польскій образъ и дарохранильница. Всѣ вообще эти предметы, такъ или иначе говорящіе намъ о эпохѣ самозванщины, къ которой они и относятся, попали въ Путивль, только благодаря пребыванію въ этомъ городѣ Лжедмитрія; они, по всей вѣроятности, были или привезены самимъ самозванцемъ, или присланы ему сюда. Перейдемъ къ ихъ осмотру.

Образъ Жировицкой Божіей Матери, какъ мы уже сказали, католическій образъ; писанъ онъ по полотну масляными красками и представляетъ собою поясное изображеніе Богоматери, держащей на правой рукѣ Младенца Христа; вокругъ изображенія, по полотну идетъ огромными буквами надпись на старомъ польскомъ языкѣ:

«POCIESZNIEISZANADCHERVBI
NYCHWALENIEISZANADSERAPUINY
REZSKAZYSLOWOBOGARODZACA».

Это приблизительно значить: «Честнѣйшая херувимъ, славнѣйшая безъ сравненія серафимъ, безъ истлѣнія Бога Слова родшая»...

Нѣсколько иначе была бы передана эта надпись на современномъ польскомъ языкѣ; современный полякъ сказалъ бы (приводимъ русскими буквами):

«Поцешаѣнца над хэрувины найхвалебнейша над серафины без змазы почѣнта Слово Богародзица».

¹⁾ Martinus Baër. Chronicon Muscoviticum continens res a morte Ioannis Basilidis Tiranni omnium quos sol post natos homines vidit immanissimi et truculentissimi an. Cristi 1584—1612.

Подобныхъ же размѣровъ и также слитно, нераздѣльно въ отношеніи буквъ, тянется по полотну и внизу изображенія польская надпись:

«OBRAZCVDOWNYP: MARIEYWZYROWICASHWXICĀWƏLITEW».

«Чудотворный образъ Божіей Матери въ Жировицахъ въ области Литовской».

Самъ по себѣ образъ довольно большихъ размѣровъ: такъ длина его одинъ аршинъ двѣнадцать съ половиной вершковъ, а шириною онъ въ одинъ аршинъ десять вершковъ, и вставленъ онъ въ широкую деревянную рамку, покрытую различными золочеными украшеніями.

Образъ этотъ занесенъ въ Путивль Лжедимитріемъ Первымъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія, съ тѣхъ поръ и находится въ Путивльскомъ Молченскомъ монастырѣ. Преданіе говоритъ, что эта икона получена самозванцемъ отъ своего тестя, сендомирскаго воеводы Мнишка, когда Лжедимитрій Первый съ польскою ратью отправлялся въ Россію.

Наконецъ, послѣднимъ историческимъ памятникомъ пребыванія въ Путивлѣ Лжедимитрія Перваго является деревянная дарохранительница, завезенная сюда, какъ говорятъ, однимъ изъ ксендзовъ, сопровождавшихъ Лжедимитрія; страннымъ кажется только то, что вся она сдѣлана въ строгомъ русскомъ стилѣ. Дарохранительница эта напоминаетъ собою небольшую деревянную модель въ видѣ одноглавой церковки, высотой она $14\frac{1}{2}$ вершковъ, длиною $4\frac{1}{2}$ вершка, а шириною $3\frac{1}{2}$ вершка. Въ отношеніи формы она представляетъ два наложенныхъ одинъ на другой нѣсколько продолговатыхъ прямоугольныхъ ящичка о шести сторонахъ, нижній нѣсколько побольше верхняго. Кругомъ на сторонахъ этихъ ящичковъ какъ верхняго, такъ и нижняго, наклеены пергаментныя въ католическомъ духѣ изображенія на слова канона: «Плачь Пресвятыя Богородицы». Верхняя же часть дарохранительницы, это, по формѣ, миниатюрная деревянная церковная крыша, увѣнчанная позолоченной главкой, на которой высится сравнительно огромный деревянный крестъ съ изображеніемъ распятія Христа.

Особенно интересенъ одинъ изъ пергаментовъ, наклеенныхъ внизу; на немъ изображена Скорбящая Божія Матерь, окруженная орудіями мученій Христа, слѣва ея стоитъ ангелъ, въ рукахъ котораго развернутое полотно съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Образа, а внизу пергаментна слѣдующая, латинская надпись:

«O! quam tristis et afficta fuit illa benedicta Mater Unigeniti quae maerebat et dolebat et tremebat cum videbat noti penas incluti. T. C. Berharter».

Вотъ всѣ сохранившіеся слѣды пребыванія Лжедмитрія Перваго въ Путивлѣ; и нигдѣ не найдете даже упоминанія объ этихъ рѣдкихъ памятникахъ старины изъ эпохи самозванщины; мало кто даже слыхалъ о Путивлѣ, а памятники находятся положительно въ полномъ забвеніи, и, къ стыду своему, о нихъ не знаетъ почти никто даже изъ путивлянъ.

При изслѣдованіи архива Путивльскаго Молченскаго монастыря, въ числѣ различныхъ бумагъ, нашлись и документы, описывающіе эти памятники, что и побудило меня повнимательнѣе изучить эти предметы и собрать преданія и слухи, относящіеся къ описываемому времени и связанные въ частности съ этими реликвіями.

Итакъ Путивль забытъ. И только школа, не жизнь, а школа напоминаетъ еще иногда о Путивлѣ. То, читая отрывки изъ знаменитаго памятника древней русской литературы «Слова о полку Игоревѣ», невольно натолкнется ученикъ на упоминанія о Путивлѣ а то иной «пространный» учебникъ географіи, описывая Курскую губернію, мимоходомъ лаконически замѣтитъ: «Путивль—древній городъ», да и только. Такая ужъ видно, къ сожалѣнію, у насъ судьба всего того, что характеризуется не настоящимъ, а прошлымъ.

Какимъ же образомъ Путивль потерялъ свою извѣстность, это говоритъ отчасти послѣдующая исторія Россіи, со сцены которой Путивль постепенно начинаетъ сходить.

20 іюня 1605 года, Лжедмитрій Первый торжественно вступилъ въ Москву. Его заключительное движеніе изъ Путивля является уже триумфальнымъ шествіемъ законнаго государя. Но не умѣлъ воспользоваться мнимый Димитрій своей удачей, или такая ужъ была его судьба, но только онъ погибъ, и никто не вознаградилъ путивлянъ за ихъ труды и поддержку ему. А между тѣмъ возникли страшныя междоусобія; Россію грабили и жгли и сами русскіе и чужеземцы, досталось и Путивлю; всѣ окрестности его были спалены и опустошены, а сколько народу погибло!

«Перо не можетъ выразить, съ какимъ жестокосердіемъ свирѣпствовали москвитяне въ своемъ отечествѣ», восклицаетъ современникъ ¹⁾.

Но этимъ не кончились несчастія Путивля. Поляки и крымскіе татары не прекращали своихъ набѣговъ, а тутъ еще пошли пожары и наконецъ страшное моровое повѣтріе. И сталъ мало-помалу падать Путивль. Блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ принялъ Малороссію подъ свою высокую государеву руку, и съ этого времени Путивль постепенно начинаетъ терять свое политическое значеніе, закончившееся окончательнымъ уничтоже-

¹⁾ Chronicon Muscoviticum continens res a morte Ioanni Basilidis Tyranni omnium quos sol post natos homines vidit immanissimi et truculentissimi an. Christi 1584—1612.

ніемъ Путивльскоі крѣпости, какъ ставшей съ этихъ поръ ненужной.

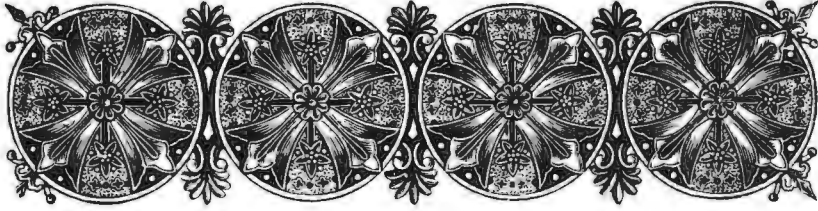
Въ одномъ изъ указовъ, относящихся къ 1676 году, Путивль охарактеризованъ уже, какъ городъ, приходящій въ упадокъ, о Путивльскоі крѣпости уже не упоминается ни слова, а говорится только, что торгуютъ здѣсь гречане самыя малотные люди, и во всемъ Путивлѣ насчитывается не болѣе ста сорока восьми посадскихъ дворовъ. Но не то было въ былыя времена.

«Время пролетѣло,
Слава прожита»...

При вѣздѣ изъ города въ Путивльскій Молченскій монастырь бросается въ глаза постройка съ лѣвой стороны колокольни; это— древняя, крѣпостная башня, сохранившаяся и до настоящаго времени. Находящіяся бойницы, небольшія окошки въ прежніе внутренніе проходы и крытыя амбразуры напоминаютъ о тѣхъ старинныхъ временахъ, когда эта башня и многія другія, теперь уже не существующія, городскія укрѣпленія играли роль оплота земли Русской, и здѣсь за цѣлость отечества бились наши праотцы съ татарами, литовцами и другими непрошенными гостями, или когда сами путивляне, гостепріимно принимая различныхъ авантюристовъ, защищали ихъ своею кровью.

П. М. Раздольскій.

ЗАБЫТАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА.

(Памяти А. П. Хвостовой, рожд. Херасковой).

ЕДЬМОГО апрѣля текущаго года исполняется ровно пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Александры Петровны Хвостовой. Имя этой, нѣкогда знаменитой, женщины, долго блиставшее въ петербургскомъ beau monde'ѣ и хорошо извѣстное современнымъ литературнымъ кружкамъ, въ настоящее время совсѣмъ забыто. Это обстоятельство дало намъ поводъ собрать изъ старыхъ изданій кое-какія данныя о жизни ея и связать ихъ въ небольшую біо-библиографическую справку.

Александра Петровна родилась въ Петербургѣ, въ 1767 году, отъ брака статскаго совѣтника Петра Матвѣевича Хераскова съ графиней Елизаветой Петровной Девиеръ и приходилась, слѣдовательно, родной племянницей извѣстному поэту Михаилу Матвѣевичу Хераскову. Воспитаніе ея съ самыхъ раннихъ лѣтъ было обставлено очень комфортабельно, для нея выписывались изъ-за границы гувернантки и учителя и, благодаря, очевидно, ихъ добросовѣстности и опытности, дѣвушка приобрѣла большія познанія по литературѣ, основательно изучила иностранные языки и въ 19 лѣтъ выступила уже въ печать.

Подробныхъ свѣдѣній ни о дѣтскихъ, ни о дѣвическихъ годахъ писательницы не имѣется. «Воспоминанія» Вигеля—главный источникъ для ея біографіи—относятся къ 1806 году, т. е. къ тому времени, когда Хвостовой было уже за тридцать лѣтъ.

Въ это время она была замужемъ, и семейная обстановка ея была очень неприглядна. Мужъ ея,—Дмитрій Семеновичъ Хво-

стовъ,—въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля изображенъ грязнымъ, распутнымъ человѣкомъ, вѣчно кутящимъ и мотавшимъ женино приданое. Живя съ женой подъ одною кровлею, онъ вовсе не интересовался ея жизнью и почти никогда не видалъ ея. При такомъ разладѣ семьѣ грозила полная нищета, и отъ нея Хвостову спасъ только слѣдующій ея геройскій поступокъ.

Отецъ Дмитрія Семеновича за совершенное имъ преступленіе долженъ былъ отбыть какое-то наказаніе. Гордый, самолюбивый богачъ не зналъ, какъ ему избавиться отъ всеобщаго позора, но находчивость его невѣстки пришла ему на выручку. Проходя какъ-то по улицѣ, Александра Петровна встрѣтила императора: не долго думая, она пала къ его стопамъ и вымолила Дмитрію Семеновичу помилованіе. Тронутый такимъ поступкомъ, старикъ завѣщалъ невѣсткѣ порядочную пожизненную пенсію. Очевидно, что на эти деньги Хвостова и существовала по смерти мужа.

Но, несмотря на семейную неурядицу, домъ Хвостовой, въ періодъ ея жизни въ Петербургѣ, принадлежалъ къ аристократическимъ. Въ небогато, но, по словамъ того же Вигеля, со вкусомъ убранной квартирѣ ея, на Невскомъ (между Литейной и Знаменской), собиралось почти ежедневно людное общество. Среди массы дипломатовъ, литераторовъ и художниковъ завсегдатаями были графы Іосифъ и Ксаверій де-Местръ и князь Бѣлосельскій, одинъ изъ главнѣйшихъ поклонниковъ гостепріимной хозяйки, сдѣлавшій подъ ея портретомъ ниже приводимую нами надпись.

Когда этотъ тѣсный кружокъ началъ увлекаться мистицизмомъ, заразилась имъ и Хвостова. Вскорѣ она познакомилась съ Александромъ Ѳедоровичемъ Лабзинымъ, и онъ, по свидѣтельству П. Безсонова («Русскій Архивъ» 1866 г.), принялъ участіе въ двухъ ея книгахъ: «Совѣты душѣ моей» и «Письма христіанки». Въ чемъ именно сказалось это участіе, г. Безсоновъ не указываетъ, но, надо думать, лишь въ одномъ печатаніи ихъ, такъ какъ издательская дѣятельность «Ѳеопемпта Мисаилова» ¹⁾ въ это время, какъ разъ, процвѣтала, и на его средства печаталось много книгъ.

Въ концѣ царствованія Александра I, когда началось преслѣдованіе мистиковъ, сопряженное съ прекращеніемъ «Сіонскаго Вѣстника» и высылкой Лабзина, Крюденеръ и другихъ, была удалена изъ Петербурга и Хвостова. Это было въ 1823 году.

На этомъ году печатные источники о жизни ея обрываются, и мы нигдѣ не могли достать свѣдѣній, гдѣ и какъ она провела время до 30-хъ годовъ.

Въ самомъ началѣ этого десятилѣтія Хвостова переселяется въ Кіевъ и здѣсь всецѣло посвящаетъ себя филантропической дѣятельности, становясь—съ 1833 г.—во главѣ двухъ благотворитель-

¹⁾ Псевдонимъ А. Ѳ. Лабзина.

ныхъ учрежденій—вице-предсѣдательницею Кіевскаго общества для помощи бѣднымъ и начальницею училища, учрежденнаго графинею А. В. Левашевою. Оба эти званія Хвостова носила до самой смерти, и время ея участія въ дѣлахъ этихъ учрежденій считается лучшимъ періодомъ въ ихъ исторіи. По словамъ близкихъ Александрѣ Петровнѣ людей, подобнаго рода дѣятельность на поприщѣ филантропіи очень подходила къ отзывчивой натурѣ ея. Вотъ слова одного изъ ея друзей: «...сострадательность была главной чертой ея характера; денегъ у нея не было, и несчастнымъ она помогала не однѣми слезами, а неимоверной дѣятельностью; мучила друзей, наряжала ихъ преслѣдовать сильныхъ и богатыхъ, даже исторгнуть у нихъ помощь страждущимъ. Она была великая искусница утѣшать и успокоивать печальныхъ».

Самымъ позднимъ свѣдѣніемъ объ Александрѣ Петровнѣ служить собственноручная записка ея, занесенная ею въ альбомъ профессора Михаила Алекс. Максимовича, съ которымъ она познакомилась въ бытность свою въ Кіевѣ.

Содержаніе этой интересной памятки таково: «Мнѣ 80 лѣтъ. Время затоптало всѣ различныя способности мои, и жизнь, какъ перегорѣлый уголекъ, едва тлѣется въ разрушающемся бытіи моемъ; но я чувствую еще, что я жива, потому что могу любить и помнить. Не забывайте и вы старуху Хвостову».

Позднѣйшихъ свѣдѣній о жизни Александры Петровны въ печати не существуетъ. Изъ газетныхъ сообщеній видно, что она умерла въ Кіевѣ 7 апрѣля 1852 г.; въ «Словарѣ» же кн. Голицына годъ смерти ошибочно помѣченъ 1853-мъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Хвостовой. На писательское поприще она выступила очень рано; первымъ печатнымъ опытомъ ея слѣдуетъ признать переводъ книги, вышедшей въ Москвѣ въ 1787 г. подъ заглавіемъ: «О тройственномъ пути». Переводчицѣ въ это время было всего 20 лѣтъ. Затѣмъ черезъ восемь лѣтъ въ 1795 г. въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» было напечатано главное ея произведеніе «Каминъ», вышедшее черезъ годъ въ отдѣльномъ изданіи подъ заглавіемъ: «Отрывки. Je vais errer sur la terre sans trouver une place pour reposer mon coeur. J. J. Rousseau. Nouv. Hel. Въ типографіи Государственной Медицинской Коллегіи». (Другое заглавіе: «Отрывки. Санктпетербургъ, 1796 года»). 24°. 48 стр.

«Отрывки» эти разошлись въ числѣ 2.400 экземпляровъ, вскорѣ вышли вторымъ изданіемъ, переводились на иностранные языки и сдѣлали автора, такимъ образомъ, извѣстнымъ.

Въ виду того, что книга эта давнымъ давно попала въ число книжныхъ рѣдкостей, и достать ее даже въ Публичной библиотекѣ довольно трудно, находимъ нелишнимъ и небезынтереснымъ сдѣлать здѣсь ея описаніе и привести выдержки изъ нея.

Заглавный листъ изданія гравированный; книжка начинается съ предисловія издательницы, въ которомъ она говоритъ слѣдующее:

«Желая сдѣлать услугу и удовольствіе чувствительнымъ читателямъ, издаю я сочиненіе одной російской писательницы, которая, держась скромности, нашему полу свойственной, долго противилась моему желанію и хотѣла скрыть отъ публики плоды своего дарованія; но, убѣждена будучи усильною просьбою друзей своихъ, рѣшилась наконецъ принести имъ въ жертву свои сочиненія, а мнѣ позволила быть издательницею»...

Затѣмъ послѣ панегирика писательницѣ за ея слогъ и нѣжныя чувства къ отцу, которому она посвящаетъ свое произведеніе, издательница оканчиваетъ предисловіе такъ:

«Почтенныя чувствованія! Они достойны быть обнаружены, и сочиненіе достойно быть напечатано».

Въ книжку включено, кромѣ сочиненія: «Каминъ. 1795 года. Марта мѣсяца. Москва» (9+26 стр.), и другое произведеніе Хвостовой: «Ручеекъ. Въ 1796 году, Маія мѣсяца, въ селѣ Вѣйнѣ» (31—48 стр.).

На первой страницѣ «Камина» напечатана хорошо исполненная виньетка, съ изображеніемъ автора. Александра Петровна сидитъ передъ каминомъ, въ задумчивости, облокотившись на столъ; у ногъ ея лежитъ собака; сзади кресла—статуя.

Самое содержаніе «Камина» слѣдующее:

«Полночь. Часы ударили двѣнадцать, и сердце томно сказала: еще день лицій къ прошедшимъ, еще днемъ меньше жить и скитаться въ мірѣ семъ! Все вокругъ меня тихо и покойно, все молчитъ, и природа сама дремлетъ. Сажу одна у потухающаго огня; смотрю на свѣтлые уголья, одинъ за другимъ угасающіе; слушаю унылый вой вѣтра, въ трубѣ шумящаго; обращаюсь мыслями на прошедшее время жизни моей и сравниваю горести съ радостями, печали съ удовольствіями, тѣ минуты, въ которыя благодарила Бога за бытіе свое, съ тѣми, которыя тяжкимъ бременемъ угнетаютъ душу мою. Радости! Гдѣ онѣ? Въ одномъ воображеніи, исчезли, какъ тонкій дымъ, и только иногда, какъ легкія привидѣнія, мечтаются. Печали! Печали тутъ, тутъ со мною, глубоко въ сердцѣ и вмѣстѣ съ кровью текутъ въ жилахъ моихъ. Удовольствія!.. были—одна минута, одно мгновеніе. Горести!—вѣчность, незримость, степь дикая и необозримая, гдѣ бѣдный странникъ не находитъ ни сѣни для отдохновенія, ни капли воды для утоженія несносной тоски своей! Жизнь, какъ ты тлѣстна, когда сердце милой ему мечты лишается! Какъ медленно приближается тотъ часъ, который назначенъ природою быть послѣднимъ скучнаго бытія. Смерть, ты не странное привидѣніе! Объятія твои не такъ холодны, какъ счастливецъ воображаетъ себя! Сердце часто говоритъ мнѣ, что ты другъ несчастнаго, покой, единственный покой тоскующей души, одинъ покой въ мірѣ».

Воображеніе молодой писательницы, печально настроенной, переносится на берегъ Днѣпра, къ монастырю...

«Тутъ останавливаюсь въ задумчивости; тысячи мыслей наполняютъ душу мою, пудъ съ бьетъ скорѣе, томное дыханіе прерывается, и слезы падаютъ на сѣрый камень. Читаю сквозь тонкую дымку, блѣдныя лица монахинь покрывающую, тайную, безпрестанную тоску ноющихъ сердець ихъ вижу, и душа моя

чувствуетъ умилеііе... Ахъ!.. Онѣ ближе прочихъ къ сердцу моему, и онѣ въ свѣтѣ одиноки».

Затѣмъ фантазія уноситъ автора въ Финляндію, въ Шотландію, гдѣ она ищетъ на пескѣ слѣдовъ войска Фингала...

«Сижу съ его героями вокругъ горящаго пня дубоваго; внимаю побѣдоносному бардовѣ пѣнію и ловлю въ воздухѣ унылый звукъ печальныхъ пѣсней Оссіана. Пронзительный крикъ ворона заглушилъ печальную пѣснь твою, и время высокими дубами засѣяло мѣсто, на коемъ съ нѣжною Мальвиною оплакивалъ ты сына твоего Оскара».

... Далѣе она представляетъ себя ночью на дикой скалѣ внимающе унылому реву шумящаго моря, смотритъ на блѣдный мѣсяцъ, тихо катящійся по лазоревому своду, и ей представляются тѣни ея дѣтей, простирающихъ къ ней свои блѣдныя руки, и вдругъ онѣ разсыпаются звѣздами по синему небу...

«Вѣтеръ воетъ въ ущельяхъ, и дикой голосъ Друида во мрачной пещерѣ раздается. Огненные глаза сверкаютъ сквозь сѣдые волосы, висящіе по угрюмому лицу его, и гласъ, подобный грому подземному, требуетъ страшной жертвы—страшному богу».

Но вѣтеръ, подувшій съ моря, разбрасываетъ мрачныя тучи, привидѣніе легкимъ туманомъ опускается въ долину; мракъ мыслей писательницы разсѣвается, и вскорѣ она видитъ себя въ домѣ отца, въ кругу семейства. Но часъ разлуки быстро наступаетъ и, можетъ быть, навѣки...

«Отецъ мой, отецъ обожаемый, заключаетъ меня въ свои объятія. Трепещущія руки его прижимаютъ меня къ болящему сердцу, и горячая слеза каплетъ на грудь мою изъ тусклыхъ очей его. Онъ хотѣлъ бы сказать: «Прости, дочь милая! Будь счастлива далеко отъ отца твоего!» Но слова замираютъ въ устахъ его, и дрожащій голосъ насилу произнести можетъ: «Господу Богу поручаю тебя». Рука его, омытая слезами моими, поднимается въ послѣднее благословить дочь печальную; теплая молитва сердечная вылетаетъ изъ глубины души его и упадетъ къ подножію престола Всевышняго».

... Въ случаѣ смерти своей поэтесса проситъ друзей сорвать цвѣты съ ея могилы и дать ихъ отцу...

«Онъ возьметъ тогда изсохшую траву, нѣжно прижметъ ее къ сердцу и скажетъ: «Ангель мира съ тобою, бѣдная».

Очнувшись отъ всѣхъ этихъ призраковъ, Хвостова опять видитъ себя сидящею у своего камина, огонь въ немъ уже погасъ, взошелъ мѣсяцъ и чуть свѣтитъ сквозь замерзлыя окна, бьетъ два часа, она перестаетъ думать, бросается въ постель и засыпаетъ. (См. «Русск. Арх.» 1892, кн. III, с. 327—329).

Таково содержаніе «Камина». Успѣхъ его, сказавшійся въ быстрой распродажѣ книги и повлекшій за собою дальнѣйшія его изданія, можно объяснить исключительно тѣмъ, что онъ былъ написанъ входившимъ тогда въ моду сентиментальнымъ слогомъ.

Другія два произведенія Хвостовой: «Совѣты душѣ моей» и «Письма христіанки», были сочинены въ періодъ увлеченія ея мистицизмомъ и появились въ свѣтъ какъ разъ въ то время, когда это течение дѣлалось преобладающимъ, отсюда, конечно, вытекаетъ и ихъ успѣхъ.

Въ заключеніе намъ остается упомянуть о портретахъ Александры Петровны и привести списокъ ея произведеній.

Портретовъ ея, насколько извѣстно (см. А. Wassiltschikoff: Liste alphabétique de portraits russes. 1875), существуетъ лишь два.

Первый, снимокъ съ котораго прилагается при настоящемъ №, — гравюра на стали in folio, — находится въ Императорской Публичной библиотекѣ.

Писательница на немъ изображена сидящей въ большомъ креслѣ, съ лицомъ, обращеннымъ налѣво, и немного наклоненной головой; прическа съ локонами, падающими на плечи; руки сложены на колѣняхъ; въ правой рукѣ билетъ; платье, очевидно, бархатное. Внизу награвировано:

(правописаніе подлинника) Александра Петровна Хвостова род. въ 1767 год.

Elle a par ses talents et ses moyens de plaire
Rectifié, chez nous, les deux nombres d'Homère:
J'en prendrais à témoin le beau berger Paris.
Graces! vous n'êtes plus trois à Cithère,
Et vous Muses vous voilà dix.

Par m-er le prince Alex. Bélosseisky.

Переводъ:

Она своими талантами и своими способностями нравиться
Перемѣнила два числа у Гомера,
Свидѣтелемъ чего я взялъ бы прекраснаго пастуха Париса.
Грація, васъ больше не три на Цитерѣ,
И васъ, музы, вотъ уже десять.

Кн. Алекс. Бѣлосельскій.

Другой портретъ Хвостовой, гравированный на стали въ Парижѣ, по сходству и по положенію всей фигуры напоминаетъ собою первый; но на немъ не обозначено, что онъ изображаетъ Хвостову, а внизу сдѣлана другая надпись, анонимная, именно:

A me voir, j'ai les traits d'une beauté divine,
Les yeux noirs et brillants, un teint vif et charmant:
Mais j'ai l'esprit formé d'une étoffe si fine,
Que j'en donne à garder au plus subtil amant.

Переводъ:

Взглянувъ на меня, вы увидите черты лица божественной красоты,
Черные, блестящіе глаза, яркій и предестный цвѣтъ лица;
Но мой умъ состоитъ изъ такой тонкой ткани,
Что я даю его беречь самому чувствительному любовнику.

Произведения А. П. Хвостовой.

1. «О тройственномъ пути». Переводъ. М. 1787. (См. Голицынъ, Словарь писательницъ, стр. 261).

2. «Каминъ». Отрывокъ. (Подп. А—а Хва—а). («Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1795 г., ч. 6, стр. 68—77). См. выше.

3. «Отрывки». (Каминъ и ручеекъ). Спб., 1796. Въ типографіи Государственной Медицинской Коллеги. 24°. 48 стр. (Напечатано было въ количествѣ 2.400 экз., разошедшихся почти въ теченіе одного года). Подробное описаніе см. выше.

а) Тоже. Второе изданіе. Спб., 1802. 8°.

б) Тоже. Третье изданіе. Спб., 1833. 8°.

Переводы этого произведенія:

На французскомъ языкѣ: «La cheminée, piece, fugitive trad. de Schékalefsky». (S.-Pbg). 1798. 12°.—«Aux Mânes de mon père, élégie par M***». (См. «Моск. Вѣд.» 1804, № 78 и 79, и «Moniteur» du 13 novembre, 1821 г.).

На нѣмецкомъ языкѣ: «Der Kamin oder die Phantasie einer Russin, ein russisches Original-Gedicht, übersetzt von M. Malfa». Moskau 1805. Leipzig. 1805. 16°. (Посвященіе: «Dem Fräulein Nadeschda Kussownikow gewidmet»).

Другихъ переводовъ, о которыхъ говоритъ Голицынъ, разыскать намъ не удалось.

4. «Совѣты душѣ моей (твореніе христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ)». Спб., 1816. 12°. Морск. тип.

5. «Письма христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ, къ двумъ друзьямъ ея, мужу и женѣ». Спб., 1815. 12°. Морск. тип. II † 274 стр. (Въ этихъ двухъ изданіяхъ принималъ участіе А. Θ. Лабзинъ, см. «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 830, въ статьѣ П. Безсонова «А. Θ. Лабзинъ»).

6. «Письма къ другу и завѣщаніе отца сыну». (См. Голицынъ, Словарь писательницъ, стр. 261).

Биографическія свѣдѣнія о А. П. Хвостовой помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1) «Biographie des hommes vivants». Paris. 1817, p. 182.

2) «Biographie nouvelle des contemporains, par Jay, Jouy, Arnaut et Norvins». Paris. 1822, t. 4, p. 412.

3) «France Littéraire, qu'éarda'» 1828, t. 2, p. 201 (встрѣчаются ошибки).

4) «Дамскій Журналъ», 1830, ч. 30, № 15, ст. Макарова.

5) «Свв. Пчела», 1849, № 37.

- 6) «Моск. Вѣд.», 1853, № 129.
- 7) «Россійскій Родословный Сборникъ», кн. П. В. Долгорукова. Спб., 1841, ч. 2, стр. 15, ст. П. А. Вяземскаго.
- 8) Вигель, «Воспоминанія», М. 1866, ч. II, стр. 231—234; ч. III, стр. 8, 9, 62, 155; ч. VII, стр. 6, 7.
- 9) Геннади, «Русскія книжныя рѣдкости». Спб., 1872, стр. 103.
- 10) Ровинскій, «Словарь русск. гравир. портретовъ». Спб., 1872.
- 11) Геннади, «Списокъ русск. анон. книгъ», Спб., 1874, стр. 29.
- 12) С. В. Руссовъ, «Библ. каталогъ Россійск. писательницамъ», Спб., 1826, стр. 44.
- 13) А. Wassiltschikoff, «Liste alphabétique de portraits russes». St.-Pbg., 1875, I, 258—259.
- 14) Толль, «Настольный словарь», т. III, стр. 922.
- 15) «Кіевская Старина», 1882, т. I, стр. 166—167, ст. С. Пономарева.
- 16) Голицынъ, «Библиогр. словарь русск. писательницъ». Спб., 1889, стр. 260—262.
- 17) «Варш. Дневн.», 1881, № 179.
- 18) «Русск. Архивъ», 1892, кн. III, стр. 328—329, ст. «Книжныя рѣдкости».
- 19) «Русскій біографическій словарь». Спб., 1901, стр. 293—294, ст. В. В. Сиповскаго.

Б. Городецкій.

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПОЛЕВОЙ.

(Некрологъ).

ЩЕ ОДНИМЪ полезнымъ и неутомимымъ литературнымъ дѣятелемъ стало меньше—умеръ Петръ Николаевичъ Полевой. Сорокъ лѣтъ имя его появилось на страницахъ разныхъ изданій и журналовъ, и въ теченіе этого времени имъ написано множество разнообразныхъ сочиненій и статей, упрочившихъ за нимъ репутацію глубокаго знатока русской литературы и исторіи. Онъ писалъ учебники, романы, повѣсти, рассказы, драмы, изслѣдованія, монографіи, очерки, критики и т. д., и всё его произведенія, не отличаясь яркостью дарованія, выдѣляются рѣдкимъ знаніемъ эпохи и быта, изученіемъ мельчайшихъ подробностей предмета, умѣньемъ живо и интересно излагать самый сухой матеріалъ.

Сынъ извѣстнаго публициста и писателя сороковыхъ годовъ, Николая Алексѣевича Полевого, Петръ Николаевичъ родился 25 февраля 1839 года и, получивъ въ домѣ отца прекрасную подготовку, учился въ пятой Петербургской гимназій, а затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ. Окончивъ, въ 1861 году, курсъ кандидатомъ, онъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Новгородскій, графа Аракчева, корпусъ и здѣсь написалъ свою магистерскую диссертацию: «Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской», послѣ защиты которой, въ 1864 году, въ званіи приватъ-доцента читалъ лекціи всеобщей литературы въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1865 году, онъ представилъ свою докторскую диссертацию «Историческіе очерки средневѣковой драмы», но въ виду неодобрительнаго отношенія къ ней факультета отказался отъ ея защиты и перешелъ въ Новороссійскій университетъ, на кафедру

русскаго языка и литературы; въ 1867 году онъ былъ назначенъ инспекторомъ Херсонской гимназіи и, наконецъ, занялъ, въ званіи ординарнаго профессора, каѳедру русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ Варшавскомъ университетѣ. Въ 1871 году, онъ вышелъ въ отставку, вернулся въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Въ 1872 году, П. Н. издалъ «Учебную русскую христоматію съ толкованіями» въ трехъ частяхъ, которая разо-

Петръ Николаевичъ Полевой.

шлась въ теченіе двухъ лѣтъ въ количествѣ 40.000 экземпляровъ. Въ томъ же 1872 году, имъ была напечатана «Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ», выдержавшая три изданія. Въ 1873 году, онъ издалъ «Общедоступную русскую грамматику», а затѣмъ, одно за другимъ, слѣдующія изданія: «Русскую исторію для среднихъ учебныхъ заведеній», «Родные отголоски», «Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта» въ двухъ частяхъ, «Народныя русскія сказки» и «Художественную Россію». Всѣ эти изданія

имѣли большой успѣхъ и доставили ему громкую извѣстность. Въ 1875 году, онъ редактировалъ еженедѣльный иллюстрированный журналъ «Пчелу», а съ 1882 года издавалъ «Живописное Обзорѣніе». П. Н. желалъ создать серьезный, вполне литературный, иллюстрированный журналъ, но, къ сожалѣнію, эта попытка не встрѣтила поддержки со стороны публики, и въ 1887 году онъ былъ вынужденъ передать «Живописное Обзорѣніе» въ другія руки, потерявъ всѣ свои сбереженія и оставшись должнымъ около 50.000 рублей. Этотъ долгъ тяжелымъ бременемъ легъ на всю его дальнѣйшую жизнь и поставилъ въ необходимость работать безъ устали, часто на спѣхъ, и при томъ братья иногда за переводы и такія работы, которыя ему были не симпатичны.

Перечисленіе всего написаннаго П. Н. заняло бы нѣсколько страницъ, и потому мы упомянемъ здѣсь лишь, что, сдѣлавшись съ 1885 года сотрудникомъ «Историческаго Вѣстника», онъ въ одномъ этомъ журналѣ помѣстилъ сорокъ пять болѣе или менѣе обширныхъ статей и нѣсколько десятковъ рецензій и замѣтокъ. За двѣ недѣли до смерти онъ прислалъ намъ статью «Опытъ характеристики Гоголя», которая и напечатана въ февральской книжкѣ. Потеря такого даровитаго, опытнаго и разносторонне образованнаго сотрудника, какъ П. Н., чувствительна не только для нашего журнала, но и для всей нашей литературы, потому что въ ней очень немного такихъ добросовѣстныхъ и энергичныхъ работниковъ, какимъ былъ покойный.

Жизнь П. Н. Полевого была полна неудачъ, зависѣвшихъ, впрочемъ, отчасти отъ него самого. Всѣ попытки его прочно устроиться въ Петербургѣ не имѣли успѣха, и въ 1890 году онъ случайно приобрѣлъ въ долгъ небольшое имѣніе въ Боровичскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, куда и переселился. Онъ надѣялся найти въ этомъ уединеніи душевное спокойствіе и ничѣмъ не стѣсняемую свободу заниматься задуманными имъ работами. Но надежды эти не сбылись. Потеря любимаго сына, единственной дочери, жившей вмѣстѣ съ нимъ въ деревнѣ, затѣмъ сестры и многолѣтняго друга, Ю. О. Грюнберга, наконецъ, неожиданное лишеніе пенсіи, которую онъ получалъ изъ фонда императора Николая II при академіи наукъ, не могли не отразиться на его нравственномъ состояніи. Необходимость погашать старыи долгъ по журналу и новый по имѣнію принуждала его къ непосильной работѣ, и онъ, между прочимъ, взялся за обширный и срочный трудъ—«Исторію русской словесности» въ трехъ большихъ томахъ, обязавшись передъ издателемъ окончить его въ три года. Писать такое сложное изслѣдованіе въ деревнѣ, не имѣя подъ рукой многихъ существенныхъ матеріаловъ и лишь изрѣдка наѣзжая въ Петербургъ для кратковременныхъ занятій въ Публичной библіотекѣ, оказалось дѣломъ весьма нелегкимъ. Въ немъ явились неизбежныя при такихъ условіяхъ пробѣлы и недосмотры, и первые выпуски этого труда дали придиричвой критикѣ поводъ

къ крайне неблагоприятнымъ отзывамъ. П. Н. это предвидѣлъ. Посылая первые выпуски редактору «Историческаго Вѣстника», онъ писалъ:

«Я серьезно и спокойно готовлюсь къ ругани со всѣхъ сторонъ. Ругать меня будутъ преимущественно тѣ, которые никогда ничего не произведутъ и весь свой вѣкъ будутъ питаться статейками о вопросахъ, длиною съ воробьиный носъ. Но вѣдь нужно же когда нибудь дать и общую и связную, хотя и не совсѣмъ, можетъ быть, вѣрную картину нашего литературнаго прошлаго. Ошибки и промахи въ такой большой картинѣ можно будетъ исправить во второмъ изданіи, но картина все-таки останется. Но гг. суровые критики не поймутъ, что на мелочи всякаго хватить, а на широкую, соразмѣрную картину умственнаго движенія на пространствѣ вѣковъ нужно имѣть нѣчто такое, чего у нихъ нѣтъ».

Мы приведемъ выдержку еще изъ одного письма П. Н., гдѣ онъ откровенно сознается, какихъ невѣроятныхъ усилій потребовалъ отъ него этотъ трудъ. Послѣдніе мѣсяцы 1900 года онъ прожилъ въ Петербургѣ, заканчивая «Исторію русской словесности» и, сдавъ въ типографію корректуру послѣдняго листа, уѣхалъ въ деревню. На сдѣланный ему упрекъ, что онъ не посѣтилъ редакціи «Историческаго Вѣстника», П. Н. отвѣчалъ:

«Съ первыхъ чиселъ ноября я уже никуда не двигался и работалъ до полного изнеможенія силъ, до отчаянія, до изступленія! Мнѣ предстояла только одна диллема: или окончить къ сроку, или поставить крестъ на себя. Я довелъ себя этой работой и сопровождавшими ее непрерывными неприятностями до того, что сталъ заговариваться, сталъ чувствовать никогда не испытанный мною страшный упадокъ силъ и, едва закончивъ послѣднюю строчку, бѣжалъ безъ оглядки въ деревню, даже ничего не прибравъ, даже не захвативъ изъ Питера ни бумагъ, ни книгъ своихъ! Я боялся, что вотъ, вотъ, до крайней степени напряженныя силы мои порвутся, и я свалюсь съ ногъ... И только теперь, почти три недѣли спустя, послѣ отдыха, въ теченіе котораго я не развернулъ ни одной книги, начинаю приходить въ себя и становиться вновь человѣкомъ. Согласитесь, что въ томъ состояніи, въ которомъ я находился весь ноябрь и декабрь, я никакъ не могъ къ вамъ заглянуть».

Непосильная работа надломила силы и здоровье П. Н., и онъ уже не могъ вполне оправиться. Одиночество въ деревнѣ тяготило его, и въ сентябрѣ прошлаго года онъ женился. Въ началѣ декабря онъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, довольный, оживленный, сообщалъ о задуманныхъ новыхъ работахъ, договорился относительно статьи о Гоголѣ для «Историческаго Вѣстника», но 30 декабря писалъ: «Работаю надъ статьей о Гоголѣ вотъ уже вторую недѣлю, и все мнѣ не нравится то, что выходитъ изъ-подъ пера моего. Не оригинально, не красиво и недостаточно сжато и

кратко, а расплывчато писать ужасно не люблю. Какъ только кончу, такъ тотчасъ пришлю вамъ. Долженъ, однако же, признаться, что моя машина работаетъ не попрежнему, и колеса въ ней ходятъ какъ-то вяло, словно не смазаны».

Статья о Гоголѣ, оконченная и посланная 15 января текущаго года, была послѣднимъ трудомъ П. Н. 24 января онъ поѣхалъ въ Петербургъ, простудился въ дорогѣ, схватилъ крупозное воспаленіе легкихъ, надломленный организмъ не могъ бороться съ болѣзною, и 31 числа его не стало. Кончина П. Н. прошла незамѣченной. Извѣстіе о ней было напечатано только въ одной газетѣ, 2-го февраля, наканунѣ похоронъ, и потому проводить его на Волково кладбище собралась лишь небольшая кучка близкихъ ему людей.

ИСТОРИЯ ШЕСТИ МѢСЯЦЕВЪ.

(Юль—декабрь 1862 г.)¹).

I.

Наканунѣ прїѣзда великаго князя Константина Николаевича въ Варшаву.—Переговоры Велепольскаго съ Карломъ Маевскимъ.—Прїѣздъ великаго князя.—Покушеніе Ярошинскаго на его жизнь.—Образъ дѣйствій Фелинскаго.—Первые шаги и слова великаго князя въ Варшавѣ.—Проектъ Гурскаго депутаціи и адреса.—Переговоры съ графомъ Замойскимъ и маркизомъ Велепольскимъ.—Ихъ безуспѣшность.—Отношеніе прессы къ покушенію.

ВЪ ВЫШЕДШЕЙ недавно подѣ этимъ заглавіемъ книгѣ В. Пржиборовскаго, бывшаго редактора кратковременной славянофильской газеты «Хвили» («Chwila»), сообщаются любопытныя свѣдѣнія о событіяхъ, предшествовавшихъ польскому возстанію 1863 г. Авторъ, съ семидесятихъ годовъ постоянный житель Варшавы, пользовался для своего труда разнообразными и частью малодоступными источниками и потому даетъ немало новыхъ свѣдѣній, касающихся прискорбныхъ событій второй половины 1862 г. Извлекаемъ изъ сочиненія Пржиборовскаго то, что, по нашему мнѣнію, представляетъ интересъ для русскихъ читателей.

Наканунѣ прибытія великаго князя Константина Николаевича въ Варшаву, выраженіемъ общественнаго мнѣнія круговъ болѣе умѣренныхъ была такъ называемая партія «бѣлыхъ», состоявшая

¹) «Historya szesciu miesięcy»—W. Przyborowskiego. Peterzburg. 1901.

изъ представителей дворянства, именитаго купечества, еврейской плутократіи и большинства интеллигенціи свободныхъ профессій. Элементы революціонныя составляли партію «красныхъ», — неуловимую, такъ какъ хотя многіе и знали, что тотъ или другой принадлежитъ къ этой партіи, но объ ея внутренней организаціи и ея «центральномъ комитетѣ» имѣлись въ обществѣ свѣдѣнія сбивчивыя и смутныя. Маркизь Велепольскій, вполне еще увѣренный въ успѣхъ своей политики, за нѣсколько дней до пріѣзда великаго князя попытался устранить съ своего пути единственное серьезное, какъ ему казалось, препятствіе, а именно удалить изъ Варшавы главныхъ дѣятелей «красныхъ». Мысль эту внушилъ маркизу, повидимому, Леопольдъ Кроненбергъ, видный дѣятель партіи «бѣлыхъ», извѣстный банкиръ и финансистъ. На одномъ изъ засѣданій партіи онъ объявилъ желаніе маркиза, чтобы ему были выданы главари «красныхъ», раскрыта организація ихъ и «центрального комитета». Маркизь требовалъ этого во имя патриотизма и успѣха примирительной миссіи великаго князя, при чемъ ручался, что обнаруженныхъ и лишенныхъ возможности вредить «красныхъ» онъ вовсе не желаетъ губить и лишь на короткое время вышлетъ ихъ въ Россію. Присутствующіе, хотя не безъ споровъ, нашли полезнымъ исполнить желаніе маркиза. Но это было не легко. Большинство знало «красныхъ» и ихъ организацію лишь по смутнымъ слухамъ. Наконецъ, остановились на Карлѣ Маевскомъ, какъ на единственномъ человѣкѣ, хорошо обо всемъ освѣдомленномъ и являвшемся какъ бы посредствующимъ звеномъ между обѣими партіями. Маевскій согласился на предложеніе Кроненберга и вмѣстѣ съ нимъ, подъ видомъ его секретаря, нѣсколько разъ посѣтилъ Брюлевскій дворецъ, резиденцію маркиза. Но при переговорахъ съ Велепольскимъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы обо всемъ, имѣющемъ произойти, составленъ былъ протоколъ въ трехъ экземплярахъ. Одинъ имѣлъ быть отосланъ за границу, на храненіе въ одномъ изъ польскихъ архивовъ, второй хранился бы гдѣ либо въ краѣ, третій выданъ на руки ему, Маевскому. Эта предосторожность, полагалъ Маевскій, гарантировала, что данное маркизомъ слово будетъ сдержано, онъ же, Маевскій, будетъ имѣть оправданіе передъ лицомъ потомства и исторіи. Маркизь нѣсколько разъ повторялъ торжественныя обѣщанія, что «красныхъ» не погубить, но отъ выдачи письменнаго документа наотрѣзъ отказался. Такъ все дѣло и разстроилось.

Какъ ни тайно происходили переговоры, однако «красные» узнали или догадались о нихъ. Одинъ изъ «красныхъ», Хмеленскій, рѣшилъ отвѣтить покушеніемъ на жизнь маркиза. Онъ надѣялся, что такое покушеніе удержитъ великаго князя въ Петербургѣ, вызоветъ военную диктатуру и тѣмъ ускоритъ взрывъ. Въ его болѣзненномъ мозгу роились впрочемъ и другіе, болѣе самолю-

бивые планы. Одновременно съ покушеніемъ онъ думалъ разогнать ненавидимый имъ за медлительность «центральный комитетъ» и самому захватить власть въ руки. О намѣреніи Хмеленскаго произвести покушеніе комитетъ «красныхъ» не зналъ. Хмеленскій былъ слишкомъ трусъ, чтобы самому рѣшиться на роль активную въ покушеніи. Онъ поручилъ найти нужное лицо своему другу Родовичу, молодому портняжному подмастерью. Родовичъ остановился на Людовикѣ Ярошинскомъ, 22 лѣтъ, подмастерь портняжной же мастерской Щецинской. Ярошинскій былъ тихій, скромный, крайне религіозный, почти совершенно необразованный, отъ природы тупоумный, и поэтому легко поддающійся влиянію громкихъ фразъ самоувѣренныхъ фразеровъ. И поэтому Родовичъ легко добился отъ него обѣщанія: «если дѣло въ томъ, чтобы пожертвовать собою для родины, то я готовъ на все». Тѣмъ не менѣе, узнавъ, что желаютъ, чтобы онъ убилъ Велепольскаго, Ярошинскій согласился на это не безъ колебаній. Заговорщики ежедневно встрѣчались въ Саксонскомъ саду, и въ бесѣдахъ, на которыхъ выработывался планъ покушенія, прошла недѣля. Узнавъ изъ газетъ, что великій князь ускорилъ свой пріѣздъ, они рѣшили, что теперь покушеніе на Велепольскаго лишено смысла, такъ какъ ихъ цѣль: предотвратитъ пріѣздъ великаго князя,—не можетъ быть уже достигнута. И они надумали направить ударъ свой прямо въ великаго князя. Второго іюля, въ Саксонской гистиницѣ, № 36, Ярошинскій въ назначенный часъ сошелся съ Родовичемъ у Хмеленскаго. Послѣдній, желая утвердить Ярошинскаго въ рѣшимости, кажется, даже предъявилъ ему подложный приказъ центрального комитета. Затѣмъ онъ вынулъ три шестиствольныхъ револьвера и на одномъ, не заряженномъ, сталъ показывать обоимъ, какъ обращаться съ оружіемъ. Кромѣ револьверовъ, далъ имъ и кинжалы. Оба условились въ тотъ же день сойтись на Съѣздѣ (около моста на Прагу). Оттуда они направились на петербургскій вокзалъ, гдѣ, смѣшавшись съ толпою любопытныхъ, около часа ожидали прибытія великаго князя. Поѣздъ прибылъ въ 5¹/₂ часовъ. День былъ ясный, но прохладный. Великій князь, подъ руку съ супругой, имѣя за собой блестящую свиту, прошелся нѣсколько разъ по платформѣ, мимо надвигавшейся толпы любопытныхъ, среди которыхъ находились и Ярошинскій съ Родовичемъ. Тутъ же, позади великаго князя, выдѣлялась громадная фигура маркиза Велепольскаго. Ярошинскій и Родовичъ порѣшили было убить обоихъ, при чемъ первый долженъ былъ стрѣлять въ великаго князя, второй въ маркиза. Но видъ великой княгини, готовившейся сдѣлаться матерью, довѣрчиво опирающейся на плечо супруга и ясными, добрыми глазами обводящей присутствующихъ, удержалъ руку Ярошинскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и Родовича. Такимъ образомъ въ этотъ день покушеніе не состоялось. Ярошинскій и Родовичъ

вернулись къ Хмеленскому и рассказали, отчего не исполнили его порученія. Тотъ, вѣроятно, чтобы не оттолкнуть ихъ вовсе отъ себя, ласково выслушалъ ихъ оправданіе, но добавилъ, что все-таки медлить болѣе нельзя, и что непременно завтра же слѣдуетъ произвести покушеніе. Отобравъ отъ нихъ оружіе, онъ приказалъ явиться за нимъ на слѣдующее утро.

Въ это утро, 3 іюля, послѣ пріема въ большомъ залѣ Лазенковскаго дворца, великій князь поѣхалъ одинъ посѣтить православный соборъ, а затѣмъ католическую каѳедру св. Іоанна. Толпы народа встрѣтили его здѣсь и тамъ, при чемъ въ каѳедрѣ привѣтствовалъ намѣстника рѣчью архіепископъ Фелинскій. «Преисполненные упованія въ будущее,—говорилъ между прочимъ архіепископъ,—поручаемъ попеченіямъ вашего императорскаго высочества то, что имѣемъ наиболѣе дорогого на этой землѣ». И у церкви, и у костела, въ толпѣ народа, были и оба заговорщика. Утромъ Хмеленскій настоялъ, чтобы они не откладывали болѣе покушенія. Но вездѣ, по пути великаго князя, толпа народа была столь плотна, что удобнаго момента для выстрѣла не нашлось. Заговорщики опять разошлись, не рѣшившись ни на что, но условившись встрѣтиться около 5 часовъ въ Саксонскомъ саду.

Ярошинскій по возвращеніи домой спокойно пообедалъ, около часа отдыхалъ на кровати, затѣмъ около трехъ часовъ вышелъ на Краковское предмѣстье. Здѣсь онъ встрѣтилъ случайно Родовича и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ Саксонскій садъ, гдѣ послѣ совѣщанія рѣшили произвести покушеніе около театра, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Родовича, великій князь долженъ былъ посѣтить въ этотъ день оперу. Прибывъ къ театру около восьми часовъ, они узнали, что великій князь уже тамъ.

Пришлось дожидать его отъѣзда. Съ этою цѣлью оба вошли въ длинную и темную сѣнь со стороны улицы Вержбовой, условившись, что будутъ стрѣлять съ обѣихъ сторонъ. Коляска великаго князя стояла тутъ же. Пройдя сѣнь, они очутились на дворикѣ театрального зданія, не обративъ на себя вниманія. Въ сѣни подъѣзда находилось до тридцати человѣкъ, которыхъ полиція не трогала, такъ какъ ей приказано было крайне вѣжливо обращаться съ публикой. Впрочемъ, полиція скопилась преимущественно со стороны улицы, мало обращая вниманія на сѣнь подъѣзда и театральный дворикъ.

По странной случайности, на сценѣ въ этотъ вечеръ шла опера «Александръ Страделла», на героя которой также должны были произвести покушеніе заговорщики при его выходѣ. Въ этомъ именно мѣстѣ оперы великій князь оставилъ театръ (въ десятомъ часу), окруженный свитой высшихъ офицеровъ (князь Бебутовъ, генералъ Кржижановскій, адъютантъ князь Ухтомскій и мн. др.). Въ то время, когда великій князь сѣлся въ коляску, изъ группы

нѣсколькихъ лицъ выдѣлился Ярошинскій и протянулъ руку точно желая подать прошеніе. Движеніе это намѣстникъ замѣтилъ и перегнулся изъ коляски, вѣроятно, желая принять прошеніе. Въ это мгновеніе раздался выстрѣлъ. Въ тотъ же моментъ городской, Петръ Бѣлый, сильнымъ ударомъ по рукѣ вышибъ револьверъ у Ярошинскаго. Къ нему подоспѣли: второй городской Оома Малиновскій, капитанъ Бремсенъ, бывшій адъютантъ генерала Лидера, и наконецъ полицеймейстеръ Федоровъ, которые схватили стрѣлявшаго. Родовичъ, вопреки уговору, не произвелъ выстрѣла, быть можетъ, струсивъ. Пользуясь общимъ смятеніемъ, онъ бросилъ револьверъ за чанъ съ дождевой водою и незамѣтно ускользнулъ.

Великій князь былъ раненъ. Пуля пробила пальто, мундиръ и рубашку, содрала кожу на лѣвомъ плечѣ, легко контузила шею и, запутавшись въ кистяхъ эполета, повисла на шнуркѣ отъ театральнаго лорнета. Великій князь вышелъ изъ коляски, прошелъ въ комнату за императорской ложей, самъ осмотрѣлъ рану, собственноручно написалъ телеграмму императору и уѣхалъ въ Бельведеръ. Рана оказалась очень легкой, но пережитыя треволненія вызвали ночью сильный жаръ.

Покушеніе на великаго князя, видимо, воодушевленнаго лучшими намѣреніями, возмутило, исключая крайніе элементы, всѣхъ. Въ городѣ всѣ заговорили, что слѣдуетъ наконецъ положить предѣлъ террору «красныхъ» и т. п., но, увы, дѣло дальше словъ не пошло. У одного архіепископа Фелинскаго слово вызвало немедленно и дѣло. При вѣсти о покушеніи онъ оцѣпенѣлъ. Онъ очень рассчитывалъ на присутствіе въ Варшавѣ великаго князя, брата императора, полагая не безъ основанія, что при его посредствѣ является возможность притти къ болѣе прочному соглашенію съ правительствомъ. Не теряя минуты, Фелинскій созываетъ на утро, въ семь часовъ, экстренный духовный совѣтъ и заявляетъ собранному духовенству, что желалъ бы отслужить торжественное благодарственное молебствіе по случаю избавленія намѣстника отъ опасности, при чемъ имѣетъ въ виду произнести рѣчь. Въ отвѣтъ на это неожиданно ксендзъ официалъ Ржевусскій грубо замѣтилъ: «Я бы ни мессы не служилъ, ни рѣчи не произносилъ». Фелинскій на мгновеніе смутился. Но поднялся ксендзъ Игнатій Домагацскій, извѣстный церковный ораторъ и проповѣдникъ, и сталъ доказывать съ жаромъ, что не только слѣдуетъ служить молебствіе, но надлежало бы предложить всѣмъ монастырямъ, чтобы они, для вящей торжественности, выслали на мессу, съ крестами, своихъ представителей. Совѣтовалъ при этомъ, чтобы архіепископъ въ своей рѣчи возможно строже заклеимилъ преступленіе скрытоубійствъ. На этомъ совѣтъ и порѣшилъ, и надлежащія наставленія немедленно разосланы были и свѣтскому и монастырскому духовенству.

Наутро всё въ городѣ уже знали, что состояніе здоровья великаго князя удовлетворительно. Около 12 часовъ начался съѣздъ представителей властей и общества къ Бельведеру. Раньше чѣмъ выйти къ собравшимся, великій князь пригласилъ въ кабинетъ маркиза, а послѣ него архіепископа Фелинскаго. Послѣднему онъ съ явнымъ волненіемъ сказалъ: «если кровь, пролитая вчера, поможетъ мнѣ пріобрѣсти довѣріе поляковъ, то считать буду этотъ день однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ въ моей жизни». Намекая затѣмъ на пріемъ его въ каѳедрѣ св. Іоанна, добавилъ, что, вѣроятно, немало способствовало его избавленію отъ опасности то благословеніе, которое принялъ онъ изъ пастырскихъ рукъ архіепископа.

Выйдя затѣмъ къ собравшимся, великій князь обратился къ нимъ по-французски съ краткой рѣчью, въ которой заявилъ между прочимъ: «Я глубоко убѣжденъ, что благородный и великодушный народъ польскій отклоняетъ отъ себя всякое соучастіе къ покушеніямъ этого рода; но словъ здѣсь недостаточно, необходимо дѣйствовать. Мой братъ желаетъ вашего счастья, и поэтому прислалъ меня сюда. Разсчитываю на ваше содѣйствіе. Дайте мнѣ возможность работать на вашу пользу и будьте увѣрены, что сдѣлаю все, что только могу». Затѣмъ, обращаясь къ графу Андрею Замойскому, извѣстному патриоту, наиболѣе вліятельному представителю польскаго дворянства, протянулъ ему руку со словами: «Вы согласны со мною, графъ?.. Дайте мнѣ вашу руку», и, одновременно взявъ руку маркиза, добавилъ: «Требую, господа, вашего содѣйствія; поддерживайте меня вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, такъ какъ всякое правительство, лишённое поддержки народа, безсильно».

Эта великодушная рѣчь, проникнутая горячимъ желаніемъ успокоенія и блага Польши, къ несчастью, произнесена была въ присутствіи ограниченнаго кружка лицъ и не была въ точности передана газетами къ общему свѣдѣнію, благодаря чему сдѣлалось даже возможнымъ распространять по поводу ея много сплетенъ и передержекъ. Газеты, вслѣдъ за официальной, напечатали краткое, неточное и канцелярски сухое резюме рѣчи великаго князя, въ какомъ видѣ она не могла произвести на публику достойнаго ея впечатлѣнія.

Въ городѣ, между прочимъ, рассказывали, что намѣстникъ пригласилъ графа Замойскаго, какъ извѣстно, не одобряющаго политики Велепольскаго, примириться съ маркизомъ, но въ то время, когда предложилъ имъ подать другъ другу руки, графъ брезгливо уклонился отъ пожатія съ маркизомъ. Этого на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, не было, но во всякомъ случаѣ многіе изъ присутствующихъ сильно порицали ту холодную сухость, съ которою отнесся графъ къ словамъ великаго князя.

Послѣ пріема всё направилось въ каѳедру, гдѣ благодарственное молебствіе служилъ самъ архіепископъ. Фелинскій, послѣ «Те

deum», со ступеней алтаря обратился къ народу съ прочувствованной рѣчью, въ которой вымаливалъ у поляковъ, какъ милостыню, милосердіе для Польши же, молилъ, чтобы народъ и его совѣсть отряхнули отъ себя прочь позоръ преступленія.

Слова архіепископа на великаго князя и на всѣхъ присутствующихъ произвели сильное впечатлѣніе.

И безъ того впрочемъ Варшава и вся страна были глубоко возмущены покушеніемъ. На первыхъ порахъ ожидали даже, что послѣдуетъ поворотъ правительства къ дореформенной системѣ дѣйствій. Но рѣчь, которую произнесъ публично маркизъ 5 іюля, и которую дословно передали газеты, разсѣяла эти опасенія. Маркизъ оповѣстилъ, что на должность губернаторовъ трехъ губерній царства (единственныхъ, которыми управляли не поляки) довѣріе императора призываетъ поляковъ, и что это лишь начало реформы провинціальной администраціи, имѣющей совершиться на «незыблемомъ фундаментѣ единодушія дѣйствій между правительствомъ и страной».

Между тѣмъ, представители общества, по инициативѣ здравствующаго и понынѣ Людовика Гурскаго, рѣшили отправить къ великому князю депутацію, которая вручила бы адресъ, выражающій негодованіе по поводу покушенія. Составленіе адреса поручено было тому же Гурскому. Но большинству текстъ адреса, составленнаго Гурскимъ, не понравился. Находили, что онъ напрасно ограничивается осужденіемъ покушенія и лишенъ вовсе политическаго характера, что напротивъ слѣдовало бы, пользуясь случаемъ, высказать въ адресѣ свои пожеланія. Послѣ жаркихъ споровъ адресъ былъ все-таки принятъ, и лишь въ концѣ его добавили слѣдующія слова: «nous espérons, que Votre Altesse Imperiale saura trouver les moyens d'alléger les souffrances de cette nation si longtemps malheureuse». (Надѣмся, что ваше императорское высочество найдете способъ облегчить страданія этого народа, столь долгое время несчастнаго).

Рѣшено было, что во главѣ депутаціи съ адресомъ будетъ графъ Андрей Замоискій. Графъ согласился не сразу, поставивъ при этомъ условіе, чтобы обо всемъ предупрежденъ былъ маркизъ Велепольскій.

Послѣдній обѣщалъ представить все дѣло на усмотрѣніе великаго князя. Когда же на слѣдующее утро Гурскій явился за отвѣтомъ,—Велепольскій заявилъ, что великій князь очень ему благодаренъ за инициативу въ этомъ дѣлѣ, что депутацію приметъ охотно, но при непремѣнномъ условіи, чтобы во главѣ ея былъ самъ Гурскій, и чтобы онъ лишь одинъ говорилъ отъ ея имени. Гурскій возразилъ, что это невозможно, такъ какъ уже условлено съ графомъ Андреемъ Замоискимъ, что онъ предводитъ будетъ депутаціей; вдобавокъ популярность графа въ странѣ такъ велика, что лишь онъ одинъ можетъ быть представителемъ дворянства. Мар-

кизь, нахмуренный и видимо сосредоточенный на чемъ-то, вдругъ спросилъ: «По старому знакомству скажите мнѣ откровенно: выдвигая Замоискаго, желаете ли вы создать противъ меня политическую партію?» Тутъ Гурскій понялъ, что если великій князь и требовалъ, чтобы во главѣ депутаціи не стоялъ Замоискій, то лишь вслѣдствіе представленій или даже настояній маркиза.

Возмущенный этимъ выдвиганіемъ на первый планъ личныхъ интересовъ и счетовъ въ дѣлѣ великаго общественнаго значенія, — онъ сухо отвѣтилъ: «Маркизь! о созиданіи какой либо партіи противъ васъ никто не думаетъ, но господинъ Замоискій пользуется въ странѣ такимъ авторитетомъ, что если онъ не будетъ предводительствовать, то никто не пойдетъ въ Бельведеръ. Если бы я согласился стать во главѣ депутаціи, то, оглянувшись назадъ, никого бы за собою не нашелъ и долженъ былъ бы одинъ итти къ великому князю». Замѣчаніе это показалось маркизу небезосновательнымъ, и, повидимому, примиряясь уже съ мыслью видѣть во главѣ депутаціи графа, онъ сталъ разспрашивать Гурскаго о подробностяхъ, а затѣмъ попросилъ прочесть текстъ адреса.

Услышавъ заключительныя слова «о страданіяхъ народа, столь долго несчастнаго», маркизь заявилъ, что представленіе такого адреса невозможно, что онъ его не разрѣшитъ. Возникъ споръ, и оба разошлись, оставшись каждый при своемъ мнѣніи.

Но, увы, дѣлу адреса не повезло не только у маркиза. Когда Гурскій отъ маркиза пріѣхалъ къ графу, гдѣ собранные члены депутаціи ожидали результата переговоровъ, то нашелъ графа въ состояніи крайняго раздраженія, при чемъ онъ наотрѣзъ отказывался ѣхать въ Бельведеръ. Такъ и не удалось добиться уступокъ ни отъ маркиза, ни отъ графа, и послѣ двухдневныхъ тщетныхъ въ этомъ направленіи усилій пришлось мысль о депутаціи оставить. Къ счастью, публика ничего обо всемъ этомъ не знала, и неудавшееся дѣло депутаціи огласки не получило.

Варшавскія газеты молчали о покушеніи, ограничиваясь перепечатками изъ оффиціальнаго «Dziennika Powszechnego». Но молчали не по своей волѣ. «Gazeta Polska», редактируемая тогда Крашевскимъ и считаемая органомъ партіи «бѣлыхъ», приготовила горячее воззваніе къ народу, въ которомъ осуждались всякія покушенія именно съ точки зрѣнія польскаго патриотизма. Статья могла имѣть большое вліяніе на общество, но Велепольскій не пропустилъ ея. Тѣмъ шире распространялось вліяніе газетъ подпольныхъ и заграничныхъ. Особенно отличился Краковскій «Czas». Осуждая покушеніе, онъ утверждалъ, что это дѣло рукъ либо полиціи, желающей сохраненія настоящаго режима, либо нѣмецкой партіи въ Петербургѣ, не сочувствующей реформамъ и великому князю. Въ дальнѣйшемъ газета заявляла положительно, что покушался на жизнь великаго князя русскій, Иванъ Некрашевъ, сынъ петербургскаго купца.

II.

Дворъ великаго князя въ Варшавѣ.—Хрептовичъ, Вржесневскій и Тенгоборскій.—Отношеніе Велепольскаго къ евреямъ и права, дарованныя имъ.—Отношеніе его къ прессѣ и послѣдствія этого.—Перемѣны въ сферахъ высшей администраціи.—Увольненіе президента Варшавы Войде.—Приемы въ Брюлевскомъ дворцѣ.—Госпожа Келлеръ и ея роль.—Отвергнутые проекты новаго административнаго отдѣленія царства и реформы суда.—Переговоры съ архіепископомъ и отношеніе великаго князя къ дѣламъ духовнымъ края.

Между тѣмъ августѣйшій намѣстникъ понемногу устраивался въ Варшавѣ, и около него образовался давно здѣсь невиданный польскій придворный штатъ.

Гофмейстеромъ назначенъ былъ графъ Хрептовичъ изъ литовской знати, пользовавшійся особымъ довѣріемъ и благоволеніемъ великаго князя и имѣвшій на него нѣкоторое вліяніе. Хрептовичъ имѣлъ друзей въ кругу высшаго варшавскаго общества; особенно близокъ былъ къ графу Александру Пржездзецкому, извѣстному мценату и историку, а также къ Францу Венглинскому, члену дирекціи «бѣлыхъ». Великій князь узнавалъ отъ него о многомъ, что творилось въ Варшавѣ.

Вторымъ полякомъ, приближеннымъ къ намѣстнику, былъ Альфъ Вржесневскій, комендантъ великокняжеской квартиры, сынъ доктора изъ Опатова. Красивый, изящный, онъ имѣлъ обширныя связи во всѣхъ слояхъ варшавскаго общества, при чемъ среди молодежи охотно прикидывался Валленродомъ, въ сущности же любилъ пользоваться жизнью, быть желаннымъ въ обществѣ—и только. Великій князь также благоволилъ къ нему, и когда проѣзжалъ по улицамъ Варшавы,—за нимъ почти всегда слѣдовалъ въ маленькой изящной коляскѣ Вржесневскій.

Третьимъ приближеннымъ ко двору великаго князя полякомъ былъ Юліанъ Тенгоборскій, начальникъ дипломатической канцеляріи, сынъ извѣстнаго финансиста и русскаго консула въ Данцигѣ, получившій воспитаніе въ Петербургѣ. Это была личность безцвѣтная, не оказывавшая никакого вліянія на теченіе вещей.

Маркизь Велепольскій старался усилить элементъ польской аристократіи при дворѣ, пытаясь склонить дамъ посѣщать Бельведерь.

Послѣ покушенія, великій князь, подчиняясь настояніямъ маркиза, сталъ появляться на улицахъ, окруженный конвоемъ. Первый такой выѣздъ онъ совершилъ 28 іюля, при чемъ прежде всего посѣтилъ въ Брюлевскомъ дворцѣ маркиза, потомъ командующаго войсками барона Рамзая, и, наконецъ, архимандрита Іоанникія и архіепископа Фелинскаго.

По совѣту Велепольскаго, намѣстникъ дѣятельно занимался въ то время дѣломъ довершенія эмансипаціи евреевъ. Они получили право принадлежать къ ремесленнымъ такъ называемымъ «цехамъ»

(обществамъ), быть избираемыми на должность ремесленныхъ старшинъ, быть избирателями и избираемыми въ купеческихъ собраніяхъ, судьями коммерческихъ судовъ и совѣтниками польскаго банка; наконецъ, получили право повсемѣстнаго жительства въ царствѣ Польскомъ. Но Велепольскій не остановился и на этомъ. Онъ отмѣнилъ всѣ специальные налоги на евреевъ, какъ, напримеръ, за временное пребываніе въ столицѣ края, за право торговли крѣпкими напитками и прочее; всѣ эти налоги приносили казнѣ милліоны дохода, и снимая это бремя съ евреевъ, приходилось перелгать его на христіанъ, хотя бы путемъ возвышенія налога на спиртные напитки и тому подобное. Понималъ это Велепольскій, но шелъ къ цѣли сознательно. Въ разговорѣ съ раввиномъ Майзельсомъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ ему: «отнынѣ евреи не имѣютъ никакого повода вмѣшиваться въ извѣстнаго рода дѣла».

Въ то же время, противъ ожиданій общества, положеніе польской прессы значительно ухудшилось. Предполагали, что съ пріѣздомъ великаго князя польскія газеты получатъ возможность открыто и широко обсуждать общественно-политическія дѣла. Это могло бы имѣть для страны крайне благотворныя послѣдствія, такъ какъ во главѣ журналистики польской стояли опытные и талантливые люди (Крашевскій, Кенигъ, Кучъ), убѣжденные противники революціоннаго движенія. Даже относительная свобода слова сразу отняла бы всю притягательную силу у прессы подпольной, правительству же дала бы возможность точно знать настроеніе и стремленія общества.

Но маркизъ въ этомъ отношеніи оказался крайне близорукимъ, нѣкоторые же утверждали прямо, что онъ боялся, дабы газеты не стали расшатывать его положенія, какъ руководящаго государственнаго мужа.

Когда цензура не разрѣшила «Gazecie Polskiej» статьи, направленной противъ покушеній, это показалось до того непонятнымъ даже людямъ, наиболѣе расположеннымъ къ правительству, что одинъ изъ нихъ, новый директоръ «Комиссіи просвѣщенія», Кржиwickій, представилъ 18-го іюля проектъ новаго закона о повременной печати. Предлагалось взимать съ издателей ежедневныхъ газетъ залогъ (5.000 рублей въ Варшавѣ и 3.000 рублей въ провинціи), требовать представленія номера съ подписью редактора за четыре часа до выпуска, взаменъ чего упразднить цензуру. Проектъ этотъ не былъ одобренъ маркизомъ и поэтому остался даже безъ обсужденія.

По нѣкоторымъ слухамъ, нѣсколько лицъ, искренно приверженныхъ къ правительству, лично просили великаго князя разрѣшить выпускъ газетъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безъ цензуры, дабы въ теченіе этого времени онѣ могли повліять на оздоровленіе об-

щественнаго мнѣнія. Но маркизь, къ которому великій князь обратился за совѣтомъ, отвѣтилъ, что «ни подь какимъ видомъ» на это согласиться нельзя, что онъ «обойдется и безъ этихъ господъ». Вообще, въ отношеніяхъ маркиза къ прессѣ проглядывала почти личная злоба, и онъ не задумываясь подчинилъ ее полному произволу цензуры и полиціи. Газеты, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ заняться ближайшими дѣлами, совершенно замолкли и стали все болѣе и болѣе культивировать на своихъ столбцахъ иностранную политику.

Но и въ передовыхъ статьяхъ изъ области внѣшней политики Велепольскій сумѣлъ находить нежелательныя иллюзіи, вслѣдствіе чего, не задумываясь, совершенно запретилъ помѣщать и передовыя статьи; спустя же нѣсколько дней, пошелъ еще далѣе, приказавъ, чтобы подь каждой статьей политическаго характера подписываемы были названія трехъ иностранныхъ газетъ: «Times», «Indépendance Belge», «Schlesische Zeitung», хотя бы онѣ и не были источникомъ данной статьи. Такимъ образомъ онъ хотѣлъ убѣдить публику, что варшавскія газеты лишь перепечатываютъ извѣстія изъ иностранныхъ источниковъ.

Свои мѣропріятія противъ прессы маркизь мотивировалъ въ официальномъ своемъ органѣ: «Dziennik Powszechny», сознательно лживо, заставляя къ тому же другія изданія перепечатывать эту ложь, безъ всякихъ на нее возраженій. «Недавно варшавскія газеты,—писалъ «Dziennik Powszechny»,—сознательно и громко требовали разрѣшенія писать о внутреннихъ дѣлахъ». «И вотъ для удовлетворенія этимъ требованіямъ и даже для инициативы (!) въ этомъ направленіи, основанъ былъ «Dziennik Powszechny», который сталъ печатать статьи о наиболѣе важныхъ вопросахъ, касающихся внутренняго управленія краемъ». Частныя газеты въ началѣ послѣдовали съ радостію этому примѣру, но не надолго, такъ какъ вскорѣ вернулись оиять къ щекотливой сферѣ политики иностранной. Тогда надлежащая правительственная власть, видя, что одного примѣра недостаточно, поручила цензурѣ, дабы та, «оставляя всегда свободу при обсужденіи внутреннихъ дѣлъ, запретила, впредь до новаго распоряженія, передовыя статьи и самостоятельныя статьи о политикѣ иностранной».

Эта ложь, которую разоблачить газеты не имѣли возможности, оканчивалась слѣдующими заключительными вдвойнѣ лживыми словами:

«Выведетъ ли это средство газеты изъ заколдованнаго круга, поймутъ ли онѣ, что наиболѣе крупныя вопросы заграницы меркнуть передъ лицомъ нужды и задачъ родины? — покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, продолжая хранить воздержаніе въ этомъ направленіи, руководители газетъ не могутъ ссылаться на цензурныя препятствія».

Такъ неблагородно мстилъ маркизъ прессѣ за всѣ тѣ непріятности, которыя, какъ полагалъ онъ, она ему причиняла, за всѣ тѣ отзывы о немъ, которые печатались въ то время, когда онъ не былъ всевластнымъ правителемъ. Крашевскій, который раньше всѣхъ долженъ былъ въ «Gazecie Polskiej» перепечатать статью маркиза, сдѣлалъ еще послѣднюю попытку заговорить объ общественныхъ дѣлахъ искренно и прямо, и приготовилъ статью: «Дзенникъ Повшехны и его отношеніе къ другимъ газетамъ». Когда цензура ея не пропустила, то отъ дальнѣйшей невозможной борьбы всѣ отказались.

Такимъ образомъ, маркизъ совершенно напрасно создалъ себѣ изъ прессы непримиримаго врага, хотя имѣлъ полную возможность искать и найти ея содѣйствіе. Несомнѣнно, исторія сочтетъ это за одну изъ главныхъ его ошибокъ, поведшихъ неотвратимо къ развитію дальнѣйшаго хода событій, такъ какъ власть въ лицѣ маркиза по своей волѣ возстановляла противъ себя все общественное мнѣніе страны.

Помимо этого, въ другихъ направленіяхъ онъ проявлялъ кипучую дѣятельность и недюжинный умъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умѣніе плодить вездѣ враговъ. Изъ числа 15.000 чиновниковъ, въ большинствѣ не сочувствовавшихъ новому направленію, онъ оставилъ на службѣ не болѣе одного процента; это, быть можетъ, и было полезно для освѣженія административной машины, но создало новые кадры явно недовольныхъ.

Преобразованія эти коснулись и верховъ администраціи. По его инициативѣ рушилась административно-полицейская власть генераль-губернатора въ Варшавѣ, такъ какъ эта должность (по словамъ указа 15-го іюля) «сдѣлалась бесполезной со времени новаго устройства высшей администраціи въ царствѣ Польскомъ».

Къ вышеуказаннымъ перемѣнамъ общественное мнѣніе отнеслось одобрительно. Наоборотъ, оскорбительные для маркиза слухи вызвали увольненіе президента Варшавы, Казимира Войде, хотя тотъ и считался крайне угодливымъ, а потому популяренъ не былъ. Предлогъ увольненія былъ слѣдующій. Новый городской совѣтъ, въ которомъ засѣдали между прочими: Матіасъ Гозенъ, знаменитый впоследствии докторъ Титъ Халубинскій, Леопольдъ Кроненбергъ,—тщательно занялся обслѣдованіемъ положенія заключенныхъ, сидящихъ подъ арестомъ при городской ратушѣ. Обнаружились дѣла вопіющія. Между прочимъ, оказалось, что съ 1-го января по 20-е іюля заключено здѣсь было, на срокъ отъ 1-го дня до 4-хъ мѣсяцевъ,—14.833 лица, т. е. около $\frac{1}{10}$ тогдашняго населенія Варшавы. Одна женщина съ 4-лѣтнимъ больнымъ ребенкомъ за то, что не имѣла паспорта, заключена была въ одну комнату съ 34 проститутками, хотя комнаты рядомъ были совершенно пусты. Питаніе, гигиеническія условія заключенныхъ были невоз-

можны. Всѣ эти безпорядки довольно рѣзко осуждались въ рапортѣ, скрѣпленномъ, хотя неохотно, подписью президента Войде и представленномъ высшимъ властямъ. Въ виду нѣкоторыхъ замѣчаній и заключеній, городской совѣтъ, быть можетъ, превысилъ въ данномъ случаѣ свою компетенцію, но все дѣло могло бы ограничиться простымъ за это выговоромъ, такъ какъ совѣтъ, учрежденіе молодое, не могъ еще въ должной степени приобрести надлежащаго опыта и дисциплинироваться. Но Велепольскій, довольный, что извѣстіе объ этихъ злоупотребленіяхъ, благодаря чьей-то нескромности, проникло за границу, въ краковскій «Czas», къ тому же желая видѣть президентомъ своего сына, Сигизмунда, воспользовался случаемъ и демонстративно уволилъ Войде «для блага службы».

Въ Брюлевскомъ дворцѣ, около маркиза, на первыхъ порахъ, кромѣ сына Сигизмунда, не было никого. Но въ концѣ іюля прибыла изъ Кракова супруга, рожденная Потоцкая, типичная, величественная «grande dame», нѣкогда красавица, и вслѣдъ затѣмъ маркизъ открылъ приемы для ограниченного числа избранныхъ: по понедѣльникамъ вечерніе и по четвергамъ обѣдненные. По понедѣльникамъ былъ приглашаемъ міръ чиновный. Вполнѣ завися отъ Велепольскаго, чиновники вели себя до того раболѣпно, что сынъ его Сигизмундъ, уже президентъ Варшавы, неоднократно громко вышучивалъ ихъ. Бывалъ здѣсь и архіепископъ, котораго отличала и занимала бесѣдою маркиза. Женщинъ бывало мало, такъ какъ являться въ черныхъ платьяхъ казалось неудобнымъ, надѣвать же цвѣтныя рѣшались немногія. Маркизъ, большею частью, былъ не въ духѣ и мрачный, изрѣдка бросалъ кому либо нѣсколько словъ, которыя на утро повторялъ весь городъ. Руку онъ подавалъ немногимъ, и случалось, что нарочно вытаскивалъ носовой платокъ, видя чью либо протянутую къ себѣ руку, и такимъ образомъ отклонялъ рукопожатіе.

Маркизъ Велепольскій продолжалъ работать, не покладая рукъ, надъ задачами преобразования края. Политическимъ его идеаломъ было царство Польское до 1831 года. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ такъ далеко, что требовалъ возстановленія прежняго раздѣла царства на 8 губерній (бѣлыхъ воеводствъ). Проектъ этотъ, представленный императору, кажется, не встрѣтилъ сочувствія въ Петербургѣ и не разматривался вовсе.

Точно такъ же не посчастливилось проекту «главнаго суда», долженствовавшаго возстановить формы суда до 1831 года. Этому же суду предполагалось передать, изъявъ ихъ изъ вѣдѣнія военныхъ судовъ, государственныя преступленія.

Благополучнѣе вершились дѣла духовныя, благодаря такту архіепископа и доброжелательству намѣстника великаго князя. Здѣсь главнымъ камнемъ преткновенія былъ вопросъ о смѣшанныхъ бра-

кахъ, такъ какъ по указу 1836 года дѣти отъ такихъ браковъ могли воспитываться исключительно въ вѣрѣ православной. Духовенство считало требованія указа несогласуемыми съ каноническими уставами католической церкви. Вопросъ объ этомъ разсматривался въ Петербургѣ, во время пребыванія тамъ Велепольскаго, и (какъ онъ по возвращеніи возвѣстилъ публично, 28-го іюня) «поручено было департаменту исповѣданій, дабы тотъ снесся съ министерствомъ юстиціи для разсмотрѣнія закона о бракахъ и постановленія прежняго порядка вещей».

Но такъ какъ результата всего этого нельзя было ожидать скоро, то великій князь, съ дозволенія императора, своею властью разрѣшалъ въ единичныхъ случаяхъ, чтобы вопросъ о религіи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ рѣшали сами родители. Ходъ событій и вспыхнувшее возстаніе пріостановило всѣ доброжелательныя намѣренія правительства въ этомъ отношеніи.

III.

Слѣдствіе по дѣлу Ярошинскаго.—Причина его сознанія.—Судъ и приговоръ надъ нимъ.—Исторія перваго покушенія на жизнь маркиза.—Людовикъ Рыль.—Его прошлое.—Онъ является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ настоящихъ злоумышленниковъ.—Покушеніе и его полная неудача.—Первые дни послѣ покушенія.—Янъ Ржонца.—Второе покушеніе на жизнь маркиза.

Виновникъ покушенія на великаго князя, портяжный подмастерье, Людовикъ Ярошинскій, сидѣлъ въ цитадели подъ слѣдствіемъ, которое подвигалось впередъ крайне медленно. На вопросы Ярошинскій либо отмалчивался, либо давалъ уклончивые отвѣты. Заявилъ, напримѣръ, что «пріобрѣлъ револьверъ отъ неизвѣстнаго за 15 рублей и отъ него же кинжалъ за 3 рубля». На вопросъ, откуда имѣлъ онъ столько денегъ, между тѣмъ какъ извѣстно было, что вѣчно нуждался,—отвѣтилъ рѣзко: «денегъ не воровалъ, но заработалъ». Сознался наконецъ, что имѣлъ сообщниковъ, но не назвалъ ихъ, «такъ какъ никого не желаетъ губить безвинно». Разъ заявилъ, что и въ Лидерса стрѣлялъ онъ, на вопросъ же о подробностяхъ отрѣзалъ грубо: «стрѣлялъ, и все тутъ». Слѣдствіе точно опровергло это заявленіе.

Такъ какъ изъ всѣхъ отвѣтовъ Ярошинскаго явствовало, что онъ считаетъ себя героемъ, которому исторія будущаго воздастъ должное, то чтобы пошатнуть его въ этомъ убѣжденіи, былъ приглашенъ тюремный священникъ. Но опытъ оказался неудаченъ и не измѣнилъ настроенія заключеннаго. Тогда ему доставили заграничныя польскія газеты («Czas», «Dziennik Poznański», «Nadwislanin»), которыя доказывали, что покушеніе дѣло безразсудное и преступное, требующее съ польской точки зрѣнія безусловнаго осужденія.

Статьи эти произвели на него столь сильное впечатлѣніе, до того поколебали увѣренность въ героизмъ его подвига, что онъ наконецъ заявилъ желаніе открыть всю правду, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ судей, Слупскій, полякъ, обѣщалъ, что взамѣнъ сознанія ему будетъ дарована жизнь, обѣщаніе, которое исполнить не было въ его власти.

Когда показаніе Ярошинскаго было провѣрено, при чемъ оказалось, что его сообщникъ Родовичъ, при помощи его знакомыхъ, скрылся за границу, а Хмеленскій исчезъ безслѣдно,—то командующій войсками въ краѣ, Рамзай, приказомъ отъ 11-го августа, отдалъ преступника во власть военного суда, подъ предсѣдательствомъ генерала Мерхелевича, кратковременнаго, въ 1861 году, полицеймейстера варшавскаго. Отчасти подъ вліяніемъ маркиза, великій князь распорядился, чтобы судъ былъ гласный, и при открытыхъ дверяхъ. Это произвело на публику очень благопріятное впечатлѣніе. Разборъ дѣла назначенъ былъ на 14-ое августа, въ 9 часовъ утра, въ бѣломъ залѣ дома (бывшій Паца) на Медовой, занятаго губернскимъ правленіемъ.

Судъ происходилъ на польскомъ языкѣ. Преступникъ доставленъ былъ въ закрытомъ экипажѣ; при проѣздѣ толпа еврейской черни стала кричать вслѣдъ быстро мчавшейся каретѣ: «ура!»

Защитникомъ назначили Ярошинскому Викентія Гробицкаго, добросовѣстнаго и опытнаго юриста, недавно прибывшаго изъ Петербурга, гдѣ онъ заявилъ себя опредѣленнымъ прогивникомъ революціоннаго движенія. Когда Ярошинскій, тщедушный, смуглый брюнетъ, появился въ залѣ, толпа съ нѣкоторымъ разочарованіемъ и даже недоброжелательствомъ стала разсматривать его. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ былъ и окровавленный мундиръ великаго князя. Ярошинскій отвѣчалъ просто и откровенно, но казался сильно угнетеннымъ. На вопросъ, онъ ли стрѣлялъ въ великаго князя,—отвѣтилъ, что да и сдѣлалъ это «изъ любви къ родинѣ». Спрошенный, не примѣнялись ли къ нему во время слѣдствія принудительныя мѣры,—отвѣтилъ, что «съ чистымъ сердцемъ, какъ истый полякъ, утверждаетъ, что нѣтъ».

Защитникъ указывалъ на то, что изъ дѣла не видно, чтобы великій князь призналъ въ Ярошинскомъ то лицо, которое въ него стрѣляло; что сознаніе Ярошинскаго не совсѣмъ согласно съ данными слѣдствія, что сознался онъ лишь тогда, когда ему обѣщали, что даруютъ жизнь. Въ заключеніе требовалъ, дабы обѣщаніе это, данное слѣдственной властью, было исполнено. Пренія окончились въ 3 часа пополудни, а въ 6 часовъ вечера Мерхелевичъ огласилъ приговоръ, по которому Ярошинскій присужденъ былъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ этотъ, утвержденный великимъ княземъ 19-го августа, спустя двое сутокъ, приведенъ былъ въ исполненіе. Изъ близкихъ Ярошинскому лицъ во время слѣдствія не пострадалъ никто, только содержательница мастерской, въ кото-

рой работаль виновный, вдова Щицинская, административнымъ порядкомъ выслана была изъ Варшавы.

Слѣдствіе по дѣлу Ярошинскаго обнаружило съ очевидностью, что главная ненависть крайнихъ элементовъ направлена противъ маркиза. Мысль убійства его дѣйствительно не покидала ихъ ни на минуту, тѣмъ болѣе, что неопредѣленные слухи говорили о возможности и попыткахъ сближенія съ маркизомъ партіи «бѣлыхъ». Революціонеры понимали, что случись это на самомъ дѣлѣ, и о возстаніи нечего мечтать. Поэтому слѣдовало это сближеніе предупредить, подрѣзать въ корнѣ, убивъ Велепольскаго.

Мысль эту усиленно поддерживалъ Хмеленскій. Послѣ покушенія на великаго князя, онъ до того поспѣшно оставилъ Саксонскую гостиницу, что не захватилъ своихъ вещей, но Варшавы не покинулъ и скрывался у разныхъ знакомыхъ. вмѣстѣ съ Ярославомъ Домбровскимъ, онъ занялся устройствомъ давно задуманнаго покушенія на маркиза. Среди юношества найти лицо, жаждущее хотя бы Геростратовой славы, было не трудно. Совершенно случайно выборъ палъ на Людовика Александра Рылля, литографскаго ученика, около 20-ти лѣтъ отъ роду. Тѣмъ не менѣе Рыль имѣлъ уже за собою бурное прошлое. Родился онъ въ имѣннн графа Гутаковского и былъ, повидимому, плодомъ связи жены Рылля съ графомъ. Ребенка съ дѣтства воспитывалъ графъ, вскорѣ продавшій имѣннн въ царствѣ и переселившійся въ Познань. Молодой Рыль учился туго и изъ 5-го класса реальной гимназіи былъ отданъ въ ученики къ литографу. Но и здѣсь преуспѣвалъ онъ плохо, и графъ отправилъ юношу въ 1859 году въ Варшаву. Въ Варшавѣ старика Рылля уже не оказалось—онъ пропалъ безъ вѣсти, мать жила въ монастырѣ Сакраментокъ, два брата и сестра—дѣйствительныя дѣти стараго Рылля—прозябали въ нищетѣ. Прибывшій не сошелся съ семействомъ и, избѣгая работы, сталъ засиживаться по пивнымъ, влача жалкую жизнь со дня на день. Съ голоду онъ сталъ работать у кузнеца, но, порѣзавъ себѣ руки и ноги, бросилъ и это. Наконецъ, заболѣлъ и очутился въ больницѣ. Выйдя изъ больницы, онъ бродилъ по городу почти нагой; въ это время его отыскалъ нарочно для этого прибывшій изъ Познани управляющій графа, нѣкій Залъскій, пріодѣлъ, далъ денегъ и помѣстилъ ученикомъ въ литографію Регульскаго. Но Рыль работаль и здѣсь неохотно, часто напивался, и хозяинъ вскорѣ отказаль ему. Затѣмъ работаль у печника, опять въ литографіи Янишевскаго, весною же 1864 года какимъ-то образомъ попалъ въ одно изъ первыхъ литографскихъ заведеній въ Варшавѣ — Флека (Fleck). Самъ Флекъ за литографированіе разныхъ воззваній и патриотическихкихъ пѣсенъ еще въ 1861 году сосланъ былъ въ Россію, заведеніемъ же управляла его жена. Отъ Флека перекочеваль Рыль въ литографію Сигизмунда Вронскаго, на Трембацкой улицѣ. Здѣсь,

какъ потомъ показывали его товарищи, никогда не видали его трезвымъ; вдобавокъ онъ обнаруживалъ наклонность къ вспышкамъ и буйству. Но вѣроятный его отецъ, графъ Гутаковскій, не терялъ его изъ виду и еще разъ пришелъ къ нему съ помощью, начавъ выдавать черезъ третье лицо 12—15 рублей въ мѣсяцъ и платить за квартиру. Но такъ какъ условіемъ этого было хорошее поведеніе, то Рыльль получалъ деньги недолго. Узнавъ, что онъ попрежнему ведетъ жизнь невозможную, графъ, въ іюнѣ 1862 года, прибылъ самъ въ Варшаву. Но, свидѣвшись съ сыномъ, до того былъ пораженъ его внѣшнимъ и нравственнымъ обликомъ, что, повидимому, порѣшилъ порвать съ нимъ всякую связь; уѣзжая, онъ ничего ему не оставилъ и болѣе о немъ не справлялся. И опять Рыльль вернулся къ прежнему прозябанію, живя изъ милости у друга своего, сапожника Станишевскаго. Онъ сталъ все чаще жаловаться на судьбу, на людей, неоднократно увѣрялъ, что готовъ на все, что далѣе выносить такой жизни не можетъ.

И этому-то исковерканному, полувмѣняемому существу пришлось быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Хмеленскаго и его сообщниковъ. Натолкнулъ на него Хмеленскаго нѣкій Станиславъ Яницкій, изъ партіи «красныхъ», приказчикъ въ книжномъ магазинѣ Фридлейна. Онъ видѣлъ нѣсколько разъ Рыльля въ литографіи Флека, куда являлся со счетами,—и, встрѣтивъ его теперь на улицѣ, пригласилъ въ кондитерскую. Здѣсь Рыльль началъ обычныя жалобы на судьбу, увѣрялъ, что готовъ поступить въ солдаты или сдѣлать какую либо «глупость», чтобы попасть въ тюрьму. Яницкій, пронизывая его взглядомъ, какъ сознавался потомъ Рыльль, неопредѣленно заявилъ, что, быть можетъ, вскорѣ судьба ему улыбнется. Затѣмъ пригласилъ въ ближайшее воскресенье, 6-го іюля, въ садъ на такъ называемомъ «Фокзалѣ» (принадлежавшемъ, кстати, шурина маркиза, въ то время уже умершему графу Оомѣ Потоцкому). Здѣсь Рыльль нашелъ «Станислава» (знакомство было такъ поверхностно, что фамиліи его онъ не зналъ) въ обществѣ двоихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одного въ разговорѣ называли Феликсомъ (Каминскій), а второй много старше, около 30 лѣтъ, брюнетъ съ большими усами и суровымъ выраженіемъ лица, такъ и остался для слѣдственныхъ властей и для исторіи неразгаданнымъ. По вѣроятію, это и былъ самъ Хмеленскій. Здѣсь Феликсъ, у котораго во время разговора, какъ показывалъ Рыльль, «руки нервно дрожали», началъ говорить о политикѣ, заявилъ, что вскорѣ вспыхнетъ вооруженное возстаніе, что организація революціонная охватила уже весь край, что въ Варшавѣ много людей, готовыхъ жертвовать жизнью за отечество. Увѣрялъ, что онъ и его товарищъ устроили всѣ прошлогоднія манифестаціи и тѣмъ подняли духъ въ народѣ. Но главное препятствіе на пути ихъ это Велепольскій, который долженъ быть и будетъ устраненъ. Разговоръ происхо-

дилъ въ ресторанѣ, находящемся въ этомъ же саду. Рыльь замѣтилъ поодаль нѣсколько молодыхъ людей, которые въ разговоръ не вмѣшивались, но, повидимому, принадлежали къ единомышленникамъ Феликса и его товарища.

Спустя два дня, Рыльь встрѣтилъ на улицѣ одного изъ этихъ молодыхъ людей. Это былъ Янъ Ржонць, тоже литографъ, «десятникъ» тайной организаціи. Тотъ также пригласилъ Рылля въ «Фокзалъ», откуда вечеромъ повелъ въ домъ, на углу улицъ Слизкой и Сѣнной. Здѣсь въ боковомъ флигелѣ, въ квартирѣ изъ одной комнаты и кухни, они нашли Ковальскаго и таинственнаго незнакомца, котораго Ржонць представилъ, какъ «защитника родины». И тогда-то впотымахъ, въ полумракѣ июльской ночи, они уговорили окончательно Рылля на покушеніе; обѣщали, если не будетъ пойманъ, дать ему всякую помощь и средства на выѣздъ за границу. Въ заключеніе обязали быть готовымъ по первому же призыву. Четыре дня спустя, таинственный неизвѣстный появился въ литографіи Вронскаго, гдѣ Рыльь все еще съ перерывами работалъ, и развернулъ передъ нимъ бумагу съ какими-то неясными подписями и двумя печатами, утверждая, что эта бумага разрѣшаетъ дѣйствовать для защиты родины всякими средствами. Эта тактика, почти тождественная съ той, какую употреблялъ Хмеленскій относительно Ярошинскаго, позволяетъ предполагать съ большою достовѣрностью, что незнакомецъ и былъ именно Хмеленскій. Увѣрилъ онъ Рылля, что бѣгство будетъ ему облегчено, что вблизи будетъ его ожидать коляска, и наконецъ убѣждалъ передъ покушеніемъ принять ядъ. Если бѣгство будетъ удачно, говорилъ онъ, то легко излѣчиться отъ яда, въ противномъ случаѣ быстрая смерть лучше смерти на висѣлицѣ. При этомъ щедро угостилъ его виномъ и далъ два рубля. Съ тѣхъ поръ Ковальскій, Яницкій, Ржонць и Рыльь встрѣчались часто, при чемъ главнымъ образомъ угощались по пивнымъ и ресторанамъ. Однажды, на «Фокзалѣ» Рыльь опять встрѣтилъ неизвѣстнаго, и тотъ опять далъ ему рубль, такъ какъ Рыльь снова бросилъ работу и былъ безъ гроша.

Ярославъ Домбровскій, одинъ изъ руководителей, первоначально хотѣлъ переодѣть Рылля въ офицерскій мундиръ и, вооруживъ револьверомъ, направить въ Бельведеръ, куда маркизъ ежедневно ѣздилъ и, ожидая приѣма у великаго князя, имѣлъ обыкновеніе прогуливаться по Бельведерскому парку. Въ мундирѣ офицера можно было проникнуть въ паркъ. Но Рыльь, переодѣтый въ мундиръ, держалъ себя такъ неуклюже, былъ такъ смѣшенъ, что сразу возбудилъ бы подозрѣніе. Поэтому рѣшено было стрѣлять въ маркиза на улицѣ.

Наконецъ, 7 августа, неизвѣстный, встрѣтившись на «Фокзалѣ» съ Рыллемъ, заявилъ, что покушеніе должно быть совершено непременно сегодня, что сегодня же около часу дня маркизъ будетъ

въ «комиссіи финансовъ», зданіе которой находится внутри большого двора и соединено другими дворами со зданіями Польскаго банка, что очень облегчитъ бѣгство. Затѣмъ оба отправились знакомиться съ мѣстомъ покушенія, при чемъ по дорогѣ трижды заходили угощаться водкой и пуншемъ. Указавъ на мѣстѣ, что и какъ дѣлать, незнакомецъ сунулъ сообщнику въ карманъ револьверъ, велѣлъ послѣ покушенія бѣжать по направленію къ воротамъ банка, обѣщаль, что на улицѣ будетъ ему подана помощь, и, пожелавъ успѣха, разстался. Былъ часъ времени, погода послѣ утренняго дождя была холодная и вѣтреная. Дворъ былъ почти пустъ, изрѣдка сновали въ одиночку или попарно чиновники и сторожа. Чувствуя жажду, Рыль вышелъ на улицу, въ пивную, и затѣмъ вернулся обратно. Онъ долго, слишкомъ часъ, расхаживалъ по двору и уже собирался уходить, полагая, что маркизъ не прійдетъ. Но вдругъ вбѣжалъ торопливо во дворъ Ржонцъ и, проходя быстро мимо Рылля, прошепталъ: «маркизъ ѣдетъ». Вслѣдъ за тѣмъ загремѣли по мостовой двора колеса, и въ открытой коляскѣ показалась могучая фигура маркиза.

На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ курьеръ съ портфелемъ подъ мышкой. Такъ какъ слѣдствіе по дѣлу Ярошинскаго обнаружило, что «красные» имѣютъ въ виду посягнуть на жизнь маркиза, то обыкновенно полиціи сообщался маршрутъ Велепольскаго, и она оберегала его путь. Въ данный день маркизъ долженъ былъ посѣтить «комиссію юстиціи», и у зданія ея, на Долгой улицѣ, уже два часа полиція внимательно слѣдила за прохожими. Между тѣмъ въ послѣднюю минуту онъ измѣнилъ намѣреніе и приказалъ ѣхать въ «комиссію финансовъ». Полиція объ этомъ не знала, но революціонеры знали, и это свидѣтельствуешь, что они имѣли сообщниковъ среди ближайшихъ къ маркизу лицъ.

Рыль, слыша вѣзжающую во дворъ коляску, первоначально остановился у одной изъ арокъ перистилля, но, чувствуя себя здѣсь неудобно, вошелъ въ подъѣздъ зданія и остановился у малыхъ стеклянныхъ дверей. Было три четверти третьяго. Въ то время какъ маркизъ медленно поднимался на лѣстницу, Рыль ринулся впередъ и на разстояніи какихъ нибудь двухъ шаговъ направилъ дуло револьвера прямо въ грудь Велепольскаго. Тотъ не растерялся и, поднявъ толстую трость, на которую опирался, громовымъ своимъ голосомъ закричалъ: «что ты здѣсь дѣлаешь, разбойникъ?!» Крикъ, громадная фигура маркиза, поднятая трость, ошеломили Рылля, и онъ, опустивъ оружіе, попятился назадъ. Маркизъ въ крайнемъ возбужденіи сдѣлалъ по направленію къ нему нѣсколько шаговъ и закричалъ: «ловите мошенника!» но видя, что тотъ убѣгаетъ, и увѣренный, что его поймаютъ на дворѣ, и что всякая опасность миновала, опять сталъ подниматься на лѣстницу. Рыль же, не чувствуя надъ собою толстой трости и грознаго преслѣдо-

вателя, остановился и съ нервной послѣдностью, почти не цѣля, выстрѣлилъ по направленію маркиза разъ, затѣмъ, отступивъ на шагъ, второй разъ. Первая пуля попала въ стоящій въ коридорѣ шкафъ, вторая въ дверь. Послѣ этихъ безцѣльныхъ, свидѣтельствующихъ о его неполной вмѣняемости выстрѣловъ Рыльль сталъ, согласно уговору, убѣгать по направленію выхода на Электоральную улицу, но на громкій окрикъ маркиза нѣсколько лицъ бросились за нимъ въ погоню. Рыльль, защищаясь револьверомъ, достигъ уже было воротъ, выходящихъ на улицу. Но здѣсь его поймалъ сзади за руки сторожъ и при помощи участвующихъ въ погонѣ солдатъ обезоружилъ и передалъ властямъ, которыя отвезли его въ цитадель. Здѣсь появились у него симптомы отравленія, такъ что, кромѣ нѣсколькихъ словъ, въ первый день нельзя было отъ него ничего добиться. Потомъ оказалось, что онъ дѣйствительно отравился, или былъ отравленъ (неизвѣстнымъ, во время угощенія). Спасенный докторами на время отъ смерти, онъ до конца не могъ вполне оправиться.

Арестованы были также впрочемъ на короткое время всѣ товарищи Рылля въ литографіяхъ Регульскаго и Бронскаго и его хозяинъ, ни къ чему не причастный сапожникъ Станишевскій.

Велепольскій, предупреждая преувеличенныя вѣсти, сейчасъ же послалъ женѣ записку: «стрѣляли въ меня, чувствую себя хорошо и продолжаю засѣданіе». Когда онъ вернулся домой, то его посетили, поздравляя съ избѣжаніемъ опасности, великій князь намѣстникъ, а также находившійся въ тотъ день въ Варшавѣ, по случаю торжества крещенія сына намѣстника великаго князя Вячеслава Константиновича, великій князь Александръ Александровичъ, впоследствии императоръ Александръ III.

На слѣдующій день въ залахъ Брюлевскаго дворца состоялся обычный пріемъ официальныхъ поздравленій. Обращаясь къ городскому совѣту и чиновникамъ, Велепольскій, сумрачный и высокомерный, произнесъ рѣчь, особенно ударяя на то, что днемъ покушенія преступники избрали канунъ крещенія великокняжескаго сына, разсчитывая, повидимому, что это новое преступленіе приостановитъ объявленіе въ этотъ день новыхъ милостей и льготъ, такъ какъ стремленіемъ анархической партіи является тормозить осуществляемая въ царствѣ реформы: «Но и здѣсь,—заклучилъ маркизъ,—сторонники анархіи, въ краѣ и внѣ края, ошибутся въ своихъ расчетахъ». Увы, будущее показало, что ошибся въ расчетахъ именно маркизъ.

Графъ Андрей Замоискій, на котораго обращены были всѣ взоры, и по стопамъ котораго слѣдовало послушно все дворянство, узнавъ о покушеніи, сразу высказалъ глубокое возмущеніе и собрался было въ Брюлевскій дворецъ, но передъ рѣшеткой его остановился, сталъ расхаживать взадъ и впередъ въ борьбѣ съ самимъ собою и наконецъ повернулъ обратно домой.

Яницкій скрылся. Домбровскій былъ арестованъ. Хотя Рылль при очной ставкѣ заявилъ, что «не знаетъ вовсе этого человѣка», тѣмъ не менѣе Домбровскій возбуждалъ слишкомъ много подозрѣній, и его продолжали держать въ десятомъ павильонѣ цитадели. Но и здѣсь, повидимому, огражденный отъ міра, онъ, какъ потомъ окажется, продолжалъ вліять на ходъ событій.

Въ обществѣ между тѣмъ перестали на время заниматься Рыллемъ, такъ какъ общее вниманіе поглощено было манифестаціей празднованія 12 августа люблинской уніи (костелы были переполнены, дамы на этотъ день сбросили трауръ и одѣлись въ національные цвѣта, въ аллеяхъ Уяздовскихъ произошло блестящее «корсо»), затѣмъ процессомъ Ярошинскаго 14 августа и наконецъ на слѣдующій день, 15 августа, новымъ покушеніемъ на жизнь маркиза.

Рѣшился на это покушеніе отчасти извѣстный уже по знакомству съ Рыллемъ, Янъ Ржонць, 19-ти лѣтъ отъ роду, довольно усердный работникъ въ литографіи Регульскаго, зарабатывавшій 6 рублей въ недѣлю и содержавшій вѣчно имъ недовольную старуху мать. Это былъ юноша нервный, впечатлительный, вспыльчиваго и даже буйнаго нрава. Онъ окончилъ школу грамоты и, считая себя довольно развитымъ, вступилъ въ тайную организацію, въ которой послѣднее время занималъ должность «десятника», при чемъ переселился отъ матери на квартиру Станислава Новинскаго и Юсифа Высоцкаго, бывшихъ юнкеровъ, на Краковскомъ предмѣстьѣ.

По дѣлу Рылля онъ одинъ изъ первыхъ очутился въ цитадели, но былъ вскорѣ отпущенъ, такъ какъ Рылль его не выдалъ.

Пребываніе въ цитадели до того потрясло его, что онъ заболѣлъ и два дня пролежалъ въ кровати. Вскорѣ, присутствуя вмѣстѣ съ друзьями на процессѣ Ярошинскаго, онъ былъ вновь сильно потрясенъ всѣмъ происходившимъ передъ нимъ. И вотъ подъ впечатлѣніемъ минуты, когда друзья, расходясь по домамъ, заговорили, что необходимо убить маркиза, заявилъ имъ: «завтра же пойду и убью его».

На утро 15-го августа онъ посѣтилъ мать, взялъ у нея молитвенникъ и направился въ костелъ, гдѣ долго и горячо молился. Затѣмъ пообѣдалъ дома и много пилъ водки. Наконецъ въ 4 часу, въ обществѣ двоихъ прибывшихъ неизвѣстныхъ молодыхъ людей направился въ аллею Уяздовскія, гдѣ рѣшено было совершить покушеніе.

Тѣ же обязанности застрѣльщика шпиона, которыя при Ярошинскомъ исполнялъ Родовичъ, а при Рыллѣ, вѣроятно, самъ Хмеленскій, здѣсь принялъ на себя нѣкій Сатурнинъ Скржечинскій, приказчикъ изъ мануфактурнаго магазина. Заговорщики знали, что маркизъ имѣлъ обыкновеніе къ вечеру, если погода была хорошая,

гулять въ открытой коляскѣ по Уяздовскимъ аллеямъ, любимому мѣсту праздничнаго гулянья варшавянь. Эти аллеи въ прямой линіи отъ Краковскаго предмѣстья Новаго Свѣта и площади св. Александра ведутъ къ Ботаническому саду, Лазенкамъ и Бельведеру.

Ржонць съ товарищами въ ожиданіи маркиза сѣли на скамейку, напротивъ такъ называемой «Швейцарской долины». На этотъ разъ рѣшено было не употреблять огнестрѣльнаго оружія, которымъ юноши не владѣли, но пустить въ ходъ кинжалъ, котораго остріе пропитано было ядовитой массой. Ожидали долго. Но вотъ около половины восьмого показалась коляска маркиза, и самъ онъ рядомъ съ женой; позади, въ другой коляскѣ поменьше, сидѣлъ съ лакеемъ сынъ его младшій, Іосифъ. Экипажи направлялись въ сторону Лазенокъ. Когда они поравнялись съ скамейкой, гдѣ сидѣли заговорщики, Ржонць быстро бросился впередъ, перепрыгнувъ ровъ, отдѣляющій аллею пѣшеходовъ отъ колесной дороги, и выпрыгнувъ на ступеньку экипажа. Здѣсь, одной рукой придерживаясь за край коляски, другой—быстро выхватилъ изъ-подъ пальто кинжалъ и направилъ его въ шею маркиза. Тотъ избѣжалъ несомнѣнной смерти, шарахнувшись въ сторону, такъ что кинжалъ ударилъ вскользь по шляпѣ и глубоко надвинулъ ее на глаза. Въ то же время кучеръ Всцисловскій размахнулся и хлестнулъ кнутомъ по лицу Ржонца, который на мгновеніе зашатался, но удержался на ступенькѣ и опять поднялъ кинжалъ для удара. Но маркизъ уже опомнился и, выхвативъ револьверъ, направилъ его дуло въ грудь убійцы. Тотъ, думая уже лишь о собственномъ спасеніи, обратился въ бѣгство, въ сторону города. Тогда сынъ Велепольскаго, Іосифъ, свидѣтель всей этой сцены, спрыгнувъ на землю и вмѣстѣ со своимъ лакеемъ погнался за убѣгающимъ. Къ нимъ присоединился кучеръ Всцисловскій, передавшій вожжи сидящему рядомъ лакею. Всѣ трое кричали громко: «держи! лови!»,— при чемъ молодой графъ давалъ сигналы имѣющимся у него свисткомъ. Ржонць между тѣмъ быстро лавировалъ между наполняющей аллеи праздничной публикой, изъ которой никто не пытался его остановить. Попытался было это сдѣлать нѣкій Кутнеръ, кажется, русскій, чиновникъ въ отставкѣ, прогуливавшійся съ женой. Но въ то время, какъ онъ закричалъ: «держи!» — изъ толпы выдвинулся какой-то молодой человѣкъ и прошипѣлъ грозно: «молчи! потому что и съ тобой будетъ то же». Кутнеръ ретировался и рѣшилъ не соваться не въ свое дѣло. Между тѣмъ погоня усилилась двумя городскими. Добѣжавъ и свернувъ на улицу Пенкную, Ржонць бросилъ по дорогѣ кинжалъ. Видя это, проходившій мимо нѣкій Эдвинъ Нефе, курляндецъ, помощникъ механика изъ телеграфа, пересѣкъ ему дорогу и схватилъ его. Тутъ же подошли Іосифъ Велепольскій и его спутники и

схватили обезоруженнаго Ржонца, тяжело дышавшаго, съ блуждающимъ взоромъ. Среди все увеличивающейся толпы любопытныхъ, его повели назадъ, къ экипажу, въ которомъ сидѣлъ маркизъ.

— Это ты думалъ меня убить?—спросилъ маркизъ.—Что тебя къ этому привело?

Теряющій сознание Ржонць, забывая, кто передъ нимъ, криливо отвѣтилъ: «господинъ генералъ, я хотѣлъ сдѣлать это съ отчаянья». По дорогѣ въ участокъ, куда отвелъ его сынъ маркиза, на вопросъ, кого онъ хотѣлъ убить, Ржонць заявилъ: «Все равно кого: князя, или маркиза Велепольскаго, или наконецъ какогонибудь генерала, лишь бы попасть въ тюрьму и избавиться отъ неприятностей, которыя причиняетъ мнѣ мать».

Въ участкѣ онъ повторилъ болѣе или менѣе то же самое, никого не дѣлая причастнымъ покушенію, напротивъ — пытаясь отнять у него всякій политическій характеръ.

Въ цитадели обнаружился у него симптомы той же болѣзни, что и у Рылля; это, повидимому, доказывало, что и онъ принялъ отраву, или былъ отравленъ. Докторъ заявилъ, что въ виду состоянія здоровья допросъ преступника слѣдуетъ отложить назавтра; тѣмъ временемъ занялись изслѣдованіемъ княжала. Оказалось, что остріе покрыто было сѣрой массой стрихнина. Такъ какъ стрихнинъ вѣрнѣе и быстрѣе дѣйствуетъ, введенный въ кровь, нежели въ желудокъ, то достаточно было легкой царапины, чтобы вызвать мучительную кончину маркиза.

IV.

Впечатлѣнія и послѣдствія покушеній.—Новый образъ жизни маркиза.—Его приказъ чиновникамъ носить исключительно цилиндры.—Пресса и статьи Крашевскаго въ «Газетѣ Польской» и Кенига въ «Газетѣ Варшавской».—Исполненіе смертнаго приговора надъ Ярошинскимъ.—Судъ надъ Рыллемъ и Ржонцемъ.—Смертные приговоры и ихъ исполненіе.

Покушеніе это произвело гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ первое. Съ ужасомъ умѣренные элементы убѣждались, что революціонная партія ни передъ чѣмъ не думаетъ останавливаться, стремясь прямо къ зіяющей пропасти. Уже въ Уздовскихъ аллеяхъ здравый смыслъ толпы, свидѣтельницы покушенія, подсказалъ ей, что этимъ путемъ родину спасти нельзя; когда маркизъ возвращался, то вопреки обычной къ нему холодности теперь всѣ демонстративно кланялись ему, поздравляли, даже громкими криками выражали удовольствіе, что онъ избѣжалъ удара убійцы. Великій князь подъ первымъ впечатлѣніемъ въ тотъ же день прислалъ казаковъ, чтобы они охраняли маркиза. Императоръ, на имя великаго князя, телеграфировалъ, совѣтуя соблюдать впредь всѣ

мѣры предосторожности и оканчивая словами: «мысли мои съ вами, да сохранить васъ Господь». Великая княгиня Елена Павловна телеграфировала изъ Бадена: «Отъ ужаса идемъ къ ужасу. Да смилуется Господь надъ вашей родиной». Министръ иностранныхъ дѣлъ Горчаковъ проявилъ въ своей телеграммѣ обычную витіеватость. Онъ писалъ: «Господь хранить тебя очевидно. Здѣсь, въ Петербургѣ, ты приобрѣлъ сочувствіе всѣхъ; твоему несокрушимому мужеству отдають полную справедливость. Лично я горжусь тѣмъ, что отгадалъ тебя сразу. Такъ же, какъ и ты, и мы не сойдемъ съ настоящаго пути дѣйствій по отношенію къ Польшѣ».

Съ этого времени въ Брюлевскомъ дворцѣ ввелись многія предосторожности; часовые день и ночь стали оберегать жилище маркиза. На публично выраженное статсъ-секретаремъ Ленскимъ желаніе, дабы маркизъ не выѣзжалъ впредь безъ вооруженной охраны, тотъ изъявилъ свое на то согласіе, добавивъ, что «угрозы черни, которая хочетъ овладѣть столицей, не столкнутъ его съ разъ избраннаго пути». Съ тѣхъ поръ онъ появлялся только въ закрытой каретѣ, о которой рассказывали басни, будто она окована стальными листами, окруженный десятью жандармами, по три по бокамъ кареты и по два сзади и спереди ея.

Для маркиза наступили истинно мученическіе дни. Рожденный селяниномъ, привыкшій къ движенію и воздуху, онъ теперь долженъ былъ сидѣть почти взаперти, отказывать себѣ въ прогулкахъ пѣшкомъ за городъ, необходимыхъ при его полной комплекціи.

Тѣлъ онъ всегда много, но при движеніи и частыхъ прогулкахъ за городъ это ему не вредило. Теперь же рѣзкая перемѣна режима стала плохо отзываться на его здоровьѣ. Быть можетъ, въ это-то время и получилъ онъ зачатки той болѣзни, которая, 15 лѣтъ спустя, убила его могучій организмъ.

Между тѣмъ, въ концѣ августа «красные», повидимому, еще разъ хотѣли покуситься на его жизнь. Онъ получилъ письмо, пустое по содержанію, приблизивъ которое по близорукости къ лицу почувствовалъ головокруженіе, что повторилось нѣсколько разъ съ нимъ и его секретаремъ. Анализъ бумаги не открылъ ничего, тѣмъ не менѣе возможно, что письмо пропитано было какимъ-то ядомъ, который выдохся. Случай этотъ сохраненъ былъ въ величайшей тайнѣ, и общество о немъ не узнало.

Все это, угнетая нравственно и физически Велепольскаго, толкало его къ поступкамъ, отъ которыхъ въ обыкновенное время онъ, несомнѣнно, воздержался бы. Три дня спустя послѣ покушенія Ржонца, онъ издалъ пресловутое распоряженіе о шляпахъ, которое и оповѣстилъ къ общему свѣдѣнію на газетныхъ столбцахъ. «Чиновники всѣхъ вѣдомствъ,—гласить этотъ единственный въ своемъ родѣ приказъ,—получили отъ своихъ начальниковъ распоряженіе, дабы, въ отличіе отъ партіи анархистовъ, которая въ по-

слѣднее время запретила мужчинамъ употреблять форму шляпъ, обычную въ цивилизованной Европѣ,—носили отнынѣ публично шляпы формы цилиндра, такъ какъ всякая другая форма шляпы считалась будетъ, какъ признакъ ихъ соучастія въ манифестаціяхъ, навязанныхъ Варшавѣ шайкою злодѣевъ».

Даже издавая такое распоряженіе, маркизъ могъ бы не объявлять объ этомъ публично, такъ какъ дѣло касалось лишь подвластныхъ ему чиновниковъ.

Оглашенное оно явилось для желающихъ дешевымъ средствомъ осмѣять Велепольскаго. Въ обществѣ говорили не безъ основанія, что правительство, требующее отъ своихъ органовъ наружныхъ знаковъ благонадежности, тѣмъ самымъ сознается въ своей несостоятельности, въ томъ, что даже на солидарность съ нимъ своихъ органовъ разчитывать не можетъ.

Подпольная «Strażnica» въ такомъ тонѣ вышучивала этотъ приказъ: «Велепольскій проводитъ даже такія нововведенія, о которыя разбилась вся высокая интеллигенція Крузенштерна. Истинно гениальная голова этотъ Великопольскій, если даже такія перемѣны въ государствѣ проводить».

Вообще этотъ неудачный приказъ охладилъ взрывъ искренняго негодованія противъ покушеній на жизнь маркиза. Такъ, напримѣръ, польскіе дворяне Пинскаго гнѣзда рѣшили публично протестовать противъ варшавскихъ покушеній. Но въ то время въ газетахъ появился приказъ о шляпахъ, и подъ его впечатлѣніемъ мысль о составленіи протеста была оставлена.

Газеты тѣмъ не менѣе полны были горячихъ статей противъ злоумышленниковъ. На второй день послѣ покушенія Ржонца, Крашевскій въ «Gazecie Polskiej» писалъ: «...тотъ ли это край жертвъ, героизма, великодушныхъ чувствъ? Тотъ ли это край, какимъ оставался нѣсколько столѣтій, или край отчаянія, каковымъ его сдѣлали фабриканты лживыхъ ученій?—Да! мы находимся на пути опасномъ, по которому можемъ скатиться въ бездну..... Ни одинъ народъ не возродился посредствомъ такого отчаяннаго единоборства съ единичными личностями».

«Кто бросилъ въ сердца сѣмена отчаянія,—пишетъ Кенигъ въ «Gazecie Warszawskiej»,—кто подготовилъ умы къ хватанію теорій, не на нашей произросшихъ почвѣ, надъ тѣмъ да тяготѣетъ проклятіе, горе и слезы грядущихъ поколѣній.... Въ послѣднее время въ странѣ нашей совершено было нѣсколько покушеній. Пожелали ли и смогли ли рѣшавшіеся на нихъ заглянуть за завѣсу ужаснаго будущаго, къ какому вслѣдъ за собою направляютъ всю страну?»

Тѣмъ временемъ наступилъ день казни Ярошинскаго. Нѣкоторые ожидали, что въ послѣднюю минуту преступнику будетъ дарована жизнь. Но этого не случилось. Въ четвергъ, 21 августа, съ ранняго утра толпы народа зашрудили равнину около цитадели,

вблизи которой, приблизительно на мѣстѣ нынѣшняго вокзала Надвислянскихъ желѣзныхъ дорогъ, высилась мрачная, въ черный цвѣтъ окрашенная висѣлица. Въ народѣ шли—Богъ вѣсть откуда почерпнутые—разказы о послѣднихъ дняхъ жизни приговореннаго.

Разказывали, что онъ все время не терялъ самообладанія, что наканунѣ съ аппетитомъ поужиналъ и пригласилъ откушать съ собою капуцина, отца Гонората, съ которымъ былъ неразлученъ въ теченіе послѣднихъ двухъ сутокъ. Въ поступкѣ своемъ не находилъ ничего преступнаго, когда же священникъ пробовалъ доказывать противное, возразилъ, что, вѣроятно, отецъ Гоноратъ не сочувствуетъ родному дѣлу.

Около 9 часовъ утра, изъ цитадели выступилъ взводъ солдатъ съ барабаннымъ боемъ. За ними ѣхалъ Ярошинскій, въ квадратной телѣгѣ, сидя на скамьѣ рядомъ со священникомъ. Телѣгу конвоировали жандармы. Ярошинскій, чисто и старательно одѣтый и причесанный, дико озирался кругомъ.

Преступника ввели на эшафотъ, закованнаго въ кандалы, которые здѣсь были сняты. Когда набросили на него рубаху и связали назадъ руки, а священникъ сталъ крестомъ его благословлять, Ярошинскій началъ что-то говорить, но барабанный бой заглушилъ его слова.

Трупъ казненнаго, въ бѣлой рубахѣ, изъ-подъ которой торчали его тощія ноги, висѣлъ небрунаннымъ до поздней ночи, и народъ толпился вокругъ него все время.

На слѣдующій день officialный «Dziennik» оповѣстилъ на-завтра, на 23-е августа, судъ надъ Рыллемъ и Ржонцемъ. Судить Рылля, въ виду неудовлетворительнаго состоянія его здоровья, рѣшено было въ самой же цитадели. Когда объ этомъ узнала публика, то среди нея опять стали циркулировать слухи, будто Рыль незаконный сынъ маркиза, который де опасается, чтобы публично на судѣ не заговорили объ этомъ.

Подпольная «Strażnica» увѣряла даже, что Рыль знаетъ о какомъ-то воровствѣ маркиза и т. п. Все это былъ очевидный взоръ.

Судъ надъ Ржонцемъ, назначенный одновременно, производился въ томъ же залѣ и при той же обстановкѣ, какъ и судъ надъ Ярошинскимъ. Подсудимаго защищалъ извѣстный адвокатъ Юсифъ Карпинскій. Защита поручена была ему за два дня до суда. Карпинскій отправился въ цитадель и увидѣлъ передъ собою недоразвитаго умственно подростка. Онъ упорно затвердилъ, что поступокъ его лишенъ всякаго политическаго характера.

Билеты для входа въ судебный залъ раздавалъ, между прочими, и президентъ Варшавы, графъ Сигизмундъ Велепольскій. Предсѣдательствовалъ, какъ въ процессѣ Ярошинскаго, генералъ Мерхелевичъ. Ржонць появился въ залѣ въ кандалахъ, одѣтый въ сильно поношенное платье. Малаго роста, блондинъ, безъ расти-

тельности на лицѣ, онъ производилъ впечатлѣніе подростка, самолюбію котораго удовлетворяла торжественная обстановка суда, присутствіе важныхъ генераловъ и сановниковъ. Оживленные, улыбающіеся его глаза разбѣгались во всѣ стороны, и онъ всѣмъ своимъ поведеніемъ очень смахивалъ на типичнаго варшавскаго «уличника». Онъ попросилъ жандарма принести ему кофе, а тѣмъ временемъ затынулся папироской. Съ аппетитомъ отвѣдавъ кофе, опять закурилъ и впалъ въ апатичное раздумье. Залъ былъ переполненъ, публика въ большинствѣ состояла изъ военныхъ. Передъ рѣшеткой, недалеко отъ судей, стояла пожилая бѣдно одѣтая женщина—мать Ржонца—типъ уличной варшавской торговки, каковой она и была на самомъ дѣлѣ. Когда предсѣдательствующій спросилъ, сознается ли Ржонць въ совершенномъ имъ преступленіи, подсудимый оживился и юношескимъ, неокрѣпшимъ голосомъ, безпокойно ворочая по сторонамъ глазами, отвѣтилъ, что нѣтъ, что убивать Велепольскаго не думалъ, что въ его поступкѣ ничего политическаго не было, что желалъ лишь попасть въ тюрьму, такъ какъ ему жизнь и передрыги съ матерью надоѣли. Тогда судъ обратился къ матери, предлагая ей повліять на сына, дабы тотъ сознался и открылъ всѣ подробности покушенія. Мать со слезами на глазахъ обратилась къ сыну, но ея неуклюжая рѣчь не произвела на него никакого впечатлѣнія. Защитникъ пытался доказать, что коль скоро преступленіе не имѣло характера политическаго, то преступникъ не подлежитъ военному суду; если же этотъ отводъ будетъ отвергнутъ, просилъ принять во вниманіе печальныя семейныя и матеріальныя обстоятельства подсудимаго, равно какъ его незрѣлый возрастъ. По окончаніи преній, предсѣдательствующій предложилъ матери проститься съ сыномъ. Но въ рыданіяхъ матери не чувствовалось искренности, и сынъ ими нисколько не былъ тронутъ.

Ржонць, какъ и Рыль, оба приговорены были къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ былъ утвержденъ 24 августа, а на утро, 26-го, назначена была казнь. Ожидали, что Велепольскій исходатайствуетъ дарованіе жизни. Оба подростка были орудіемъ въ рукахъ другихъ, благодаря же ихъ неумѣлымъ пріемамъ, маркизь остался живъ и невредимъ. Но они все-таки посягали на его жизнь, и поэтому въ душѣ маркиза не нашлось для нихъ состраданія.

Оба были казнены. Ржонць у висѣлицы сильно дрожалъ, но такъ какъ день былъ холодный, то неизвѣстно, дрожалъ ли отъ холода, или отъ ужаса. Больного Рылля втащили на эшафотъ почти въ безсознательномъ состояніи. Трупы обонхъ, какъ и Ярошинскаго, висѣли необузданными до поздней ночи.

І. Кучинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Поля Джонсъ въ Россіи.—Служба его въ русскомъ флотѣ и козни его враговъ.—
Отношенія къ нему Суворова.

ОТЯ прошло болѣе ста лѣтъ со времени смерти основателя американскаго флота и одного изъ героевъ американской революціи, Поля Джонса, но еще не появилось ни одной основательной и подробной его біографіи. Для насъ, русскихъ, тѣмъ интереснѣе подобное жизнеописаніе, что онъ служилъ въ Россіи адмираломъ, или же, какъ говорила Екатерина, «черноморской мордашкой». Много писали о немъ—въ Америкѣ, Англійи и Франціи—книгъ, статей и очерковъ, но всѣ они большею частію отличались неполнотой, неосновательностью, а иногда фантастичностью и даже просто лживостью сообщаемыхъ свѣдѣній. Вообще, Полю Джонсу не везло въ литературѣ, и онъ являлся, главнымъ образомъ, героемъ романическихъ произведеній въ родѣ «Лоцмана» Купера и «Поля Джонса» Александра Дюма. Что англичане относились къ нему подобнымъ образомъ—неудивительно: они считали его, родившагося шотландцемъ, измѣнникомъ Англійи, пиратомъ, корсаромъ и злѣйшимъ врагомъ «старой родины». Но странно, какъ американцы и французы не посвящали такъ долго серьезнаго труда смѣлому герою и патріоту, проливавшему кровь за свою вторую родину.

Наконецъ, недавно появилась на англійскомъ языкѣ, съ двумя портретами, вполне удовлетворительная, подробная біографія Поля Джонса, въ двухъ томахъ: составленная американцемъ Августомъ Бьюллемъ. Авторъ основалъ свой трудъ на всѣхъ, какъ уже извѣстныхъ, такъ и не изданныхъ матеріалахъ. Онъ рылся во всѣхъ американскихъ, французскихъ и англійскихъ правительственныхъ и част-

ныхъ архивахъ, но, главнымъ образомъ, обратилъ вниманіе на собственноручныя записки Поля Джонса—на англійскомъ и французскомъ языкахъ. Онѣ состояли изъ дневника событій 1786 года, представленнаго французскому королю, подробныхъ мемуаровъ за 1787 г., прибавленій къ нимъ за 1790—1791 годъ и отдѣльнаго отчета о турецкой кампаніи 1789 года, написаннаго для Екатерины. Всѣ онѣ были старательно составлены Джонсомъ и приведены имъ въ полный порядокъ, также какъ и значительное число писемъ и отрывочныхъ документовъ. Судьба ихъ была печальна: Джонсъ умеръ въ 1792 году, въ Парижѣ, въ самый разгаръ террора, и всѣ, оставшіяся послѣ него, бумаги исчезли, частью, разбросанныя во Франціи, частью—въ Соединенныхъ Штатахъ, а частью—въ Шотландіи. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны, но не полностью, въ отрывкахъ и даже въ невѣрномъ, неточномъ видѣ. Многія же части его мемуаровъ оказались впоследствии подложными.

Только въ 1825—1830 гг. его сестра, мистриссъ Тэйлоръ и американецъ Шербурнъ, при содѣйствіи Лафайета и Джефферсона, напечатали эти документы, насколько они сохранились въ подлинникѣ. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, авторы большинства книгъ и статей о Джонсѣ перепутали эти подлинныя документы съ фальшивыми, изданными въ 1799 году, и, снова, въ исторіи Джонса воцарился хаосъ. Только съ настоящимъ трудомъ Бьюлля водворился окончательный порядокъ, и біографія американскаго героя приняла достовѣрный характеръ, потерявъ свою прежнюю фантастичность и лживость.

Относительно службы Поля Джонса въ Россіи Бьюлль сдѣлалъ всевозможныя справки на мѣстѣ, чрезъ потомковъ его сослуживцевъ, генерала Корсакова и адмирала Гревэ, а также при посредствѣ покойнаго князя Витгенштейна. Изъ русскихъ книгъ авторъ приводитъ только сочиненія Каульбарса о Суворовѣ и Тотлебена о войнѣ 1788 года: Такимъ образомъ въ первый разъ появляется подробное описаніе американскихъ, западно-европейскихъ и русскихъ походовъ этого героя, вполне достовѣрное и основанное, какъ на его собственныхъ бумагахъ, такъ и на свидѣтельствѣ современниковъ. Хотя въ 1895 году и была помѣщена въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статья В. А. Тимирязева²⁾, въ которой авторъ, насколько было возможно въ то время, сообщилъ данныя о жизни Джонса и его службѣ въ Россіи, но въ этихъ свѣдѣніяхъ не были приведены подлинныя, личныя его воспоминанія. Поэтому мы теперь воспользуемся случаемъ пополнить свѣдѣнія о пребываніи

¹⁾ Paul Jones. Founder of the american navy. By Augustus Buel. 2 vol. New-York, 1901.

²⁾ «Одинъ изъ Екатериныныхъ мордашекъ на Черномъ морѣ», «Историческій Вѣстникъ», іюль 1895 г.

храбраго моряка въ Россіи отрывками изъ его собственныхъ мемуаровъ, а также разказами его современниковъ.

Въ декабрѣ 1787 года, Джонсъ получилъ чрезъ русскаго посланника въ Парижѣ, Симолина, предложеніе вступить на морскую службу въ Россіи. Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ молодости и силъ: ему только что минуло сорокъ одинъ годъ, и онъ уже покрытъ себя славой, какъ основатель американскаго военнаго флота, смѣлый, неустрашимый морякъ и побѣдитель въ многочисленныхъ морскихъ битвахъ съ англичанами. Въ послѣднее время Джонсъ не занималъ никакой должности въ американскомъ флотѣ и проживалъ во Франціи, исполняя разные порученія американскаго правительства. Такимъ образомъ предложеніе Россіи было для него очень кстати, такъ какъ онъ болѣе всего жаждалъ находиться въ морѣ и бою. Вотъ что онъ писалъ въ своихъ мемуарахъ 1790 г. о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него неожиданнымъ предложеніемъ.

«Сначала я былъ склоненъ считать этотъ планъ химерой, хотя я зналъ о готовящейся войнѣ Россіи съ Турціей, съ цѣлью уничтоженія турецкаго флота на Черномъ морѣ и превращеніи этого, землей окруженнаго, моря въ русское озеро. Но, съ другой стороны, я мало зналъ Россію и русскихъ. Мое знаніе въ этомъ отношеніи ограничивалось только знакомствомъ съ дюжиной русскихъ дипломатовъ во Франціи, Англіи и Голландіи. Мнѣ не было извѣстно ни одного русскаго слова, и я не считалъ возможнымъ вести военныя операціи чрезъ переводчиковъ. Конечно, я зналъ, что всѣ образованные русскіе говорятъ по-французски, но врядъ ли это распространялось на служащихъ во флотѣ, и, къ тому же, всякій морской командиръ долженъ лично объясняться на извѣстномъ подчиненнымъ морякамъ языкѣ. Наконецъ, я имѣлъ такія понятія о формѣ правленія въ Россіи, которыя не согласовались съ моими воззрѣніями на этотъ счетъ. Конечно, эти воззрѣнія были основаны исключительно на чтеніи, а я давно уже убѣдился, что чтеніе не вѣрный источникъ знанія, что для пракческаго знанія какого нибудь предмета необходимо быть лично съ нимъ знакомымъ. Такимъ образомъ я считалъ, сначала, этотъ планъ непрактичнымъ и въ этомъ смыслѣ выразился Джефферсону (американскому посланнику въ Парижѣ). Но въ то же время я сознавалъ, что подобное предложеніе открываетъ мнѣ широкій путь къ славѣ, который нельзя легко отвергнуть безъ основательнаго и глубокаго размышленія. Джефферсонъ сказалъ, что онъ не будетъ спорить противъ моихъ доводовъ, но полагаетъ, что мое знаніе французскаго языка, извѣстнаго всѣмъ образованнымъ русскимъ, сначала можетъ мнѣ помочь, а вскорѣ моя способность къ иностраннымъ языкамъ дастъ мнѣ возможность научиться русскому. Однако, повидавъ Симолина, я былъ все же очень заинтригованъ этимъ предложеніемъ и старался

узнать о его происхожденіи. Мнѣ въ этомъ помогла г-жа Тэлисонъ (побочная дочь Людовика XV и любовница Поля Джонса). Согласно собраннымъ свѣдѣніямъ чрезъ придворныхъ сплетниковъ, оказалось, что за годъ предъ симъ я предложилъ королю свои услуги, и въ то же время Екатерина просила у его величества молодого, извѣстнаго своими способностями, моряка, для организаціи ея морскихъ силъ на Черномъ морѣ. Король не считалъ удобнымъ представить императрицѣ француза для морскихъ дѣйствій противъ Турціи, постоянной его союзницы; при томъ же французы, которыхъ онъ могъ рекомендовать, не соглашались на подобное предложеніе. Поэтому король написалъ Сегюру, французскому посланнику въ Россіи, что я лучше французовъ удовлетворилъ бы требованіе императрицы. Узнавъ объ этомъ, Екатерина поручила Симолину войти со мною въ переговоры. Съ своей стороны Симолинъ, прежде чѣмъ вступить въ сношенія со мной, переговорилъ съ Джефферсономъ». Однако, переговоры между Джонсомъ, Симолинымъ и Джефферсономъ не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года баронъ Крюденеръ, русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, окончательно заявилъ, посѣтившему тогда Данію, Джонсу, что императрица Екатерина собственноручнымъ письмомъ предлагаетъ ему начальство надъ ея морскими силами въ Черномъ морѣ, подъ высшей командой князя Потемкина. Полученное, непосредственно отъ императрицы, предложеніе разсѣяло всѣ сомнѣнія Джонса, и онъ уполномочилъ барона Крюденера сообщить ея величеству, что согласенъ принять чинъ русскаго контръ-адмирала. Въ инструкціи императрицы Крюденеру она упоминала о чинѣ генералъ-майора, который по словамъ Джонса былъ для моряка не понятенъ, и потому онъ предпочиталъ чинъ контръ-адмирала. Баронъ Крюденеръ, отъ имени императрицы, на это согласился, и такимъ образомъ рѣшенъ былъ вопросъ о вступленіи Джонса на русскую морскую службу.

Однако, чтобы окончательно уладить это дѣло, потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ официальной переписки между самимъ Джонсомъ, императрицей Екатериной, графомъ Сегюромъ, Симолинымъ, Томасомъ Джефферсономъ, барономъ Крюденеромъ, графомъ Безбородкой, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Потемкинымъ, графомъ Бернсторфомъ, первымъ министромъ Даніи, и графомъ Разумовскимъ, русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. Всѣ эти многочисленныя письма, въ существѣ, были очень лестны для американца, и, въ концѣ концовъ, Джонсъ сдѣлался русскимъ контръ-адмираломъ. 11 апрѣля онъ отправился изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, но оттуда не могъ переѣхать въ Ревель на пакетботѣ, такъ какъ на Балтійскомъ морѣ было много льда, и въ виду этого пакетботъ не рѣшался отплыть; тогда онъ нанялъ маленькое частное судно и отважно пустился въ путь. Это смѣлое

путешествіе, длившееся трое сутокъ, часто описывалось съ разнообразными подробностями. Но самъ Джонсъ въ своихъ мемуарахъ 1790 года говоритъ, что только сначала онъ долженъ былъ съ пистолетомъ въ рукахъ заставить матросовъ вѣзаться въ ледъ, впослѣдствіи же они вели себя очень похвально, и онъ благополучно достигъ Ревеля. Тамъ онъ отдохнулъ и добрался сухимъ путемъ 23 апрѣля до русской столицы.

Черезъ два дня онъ былъ принятъ императрицей въ Царскомъ Селѣ. «Ея величество, говоритъ онъ, обошлась со мною самымъ лестнымъ образомъ и до моего отъѣзда на югъ выказывала мнѣ такое вниманіе, что я былъ совершенно плѣненъ ею и отдался вполне въ ея руки, не сдѣлавъ никакихъ условій. Я просилъ у нея только одной милости, чтобы она никогда не осуждала меня, не выслушавъ моей защиты». Дѣйствительно, вскорѣ Джонсъ испыталъ значительныя непріятности отъ своихъ новыхъ сослуживцевъ. Около 20 англичанъ уже служило въ русскомъ флотѣ, и болѣе десятку другихъ были обѣщаны мѣста. Какъ только они узнали о назначеніи Джонса въ русскіе контръ-адмиралы, то явились къ своему начальнику, также англичанину, контръ-адмиралу Грейгу, и заявили, что они не станутъ служить вмѣстѣ съ измѣнникомъ ихъ отечеству. Грейгъ, самъ родомъ шотландецъ, не раздѣлялъ предрассудка англичанъ противъ Джонса и, во всякомъ случаѣ, изъ дипломатическихъ видовъ, не питалъ къ нему вражды, тѣмъ болѣе, что послѣдній получилъ мѣсто въ Черноморскомъ флотѣ, и слѣдовательно не имѣлъ прямого отношенія къ нему. Англичанинъ былъ очень не доволенъ поведеніемъ своихъ офицеровъ и посовѣтовалъ имъ оставить это дѣло, такъ какъ императрица, узнавъ объ ихъ выходкѣ, разсердилась бы и подвергла ихъ изгнанію изъ своихъ владѣній. Всѣ такъ и поступили, исключая двухъ, которые жаловались графу Безбородкѣ, доведшему дѣло до императрицы. Она очень разгнѣвалась и, по увѣренію Джонса, воскликнула: «Какъ, эти люди, эти нищіе, выпрашивающіе у меня милости, смѣютъ оспаривать мое право обращаться, какъ я хочу, съ приглашеннымъ мною гостемъ?» Подавшіе жалобу министру были отставлены отъ службы, хотя они находились въ чинѣ капитановъ; остальные же англичане, по совѣту Грейга, остались на своихъ мѣстахъ. Одинъ изъ нихъ, лейтенантъ Эдвардсъ, былъ назначенъ въ Черноморскій флотъ, адъютантомъ и переводчикомъ, къ адмиралу Джонсу, такъ какъ зналъ русскій языкъ.

Впослѣдствіи Джонсъ былъ очень доволенъ храбростью и морскими способностями этого молодого офицера; что же касается его поведенія въ самомъ началѣ относительно Джонса, то послѣдній замѣчаетъ: «Лейтенантъ Эдвардсъ былъ побужденъ участвовать въ заговорѣ противъ меня не по своему влеченію, а подъ вліяніемъ другихъ англичанъ». О самомъ же заговорѣ Джонсъ писалъ

Лафайету: «По моемъ вступленіи въ русскую службу, ея величество удостоила меня чиномъ контръ-адмирала, считая съ того времени, когда начались переговоры съ посланникомъ во Франціи, Симолинымъ. Это причинило большое неудовольствіе англичанамъ, но признаюсь, что ихъ гнѣвъ, извѣстный всѣмъ въ Петербургѣ, меня нисколько ни оскорбилъ».

7-го мая, ровно двѣ недѣли послѣ прибытія въ столицу, Джонсъ отправился въ Херсонъ, главную квартиру русской арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, подъ начальствомъ князя Потемкина. На прощаніе Екатерина дала ему двѣ тысячи дукатовъ на расходы и открытое собственноручное письмо, въ которомъ она выражала увѣренность, что онъ поддержитъ ея высокое мнѣніе о немъ и оправдаетъ ту славу, которую онъ составилъ себѣ необыкновенными морскими способностями, а также доблестью на той стихіи, на которой онъ призванъ служить. Джонсъ ѣхалъ днемъ и ночью, и чрезъ двѣнадцать дней онъ достигъ цѣли своего путешествія, останавливаясь только на нѣсколько часовъ въ Москвѣ, Тулѣ, Курскѣ и Екатеринославѣ.

Принятый Потемкинымъ очень милостиво, онъ былъ назначенъ командующимъ той частью Черноморскаго флота, которая извѣстна была подъ названіемъ «Херсонской эскадры». Она состояла изъ семнадцати судовъ; экипажъ ихъ состоялъ изъ двухсотъ моряковъ, а остальные были греческіе, генуэзскіе и крымскіе рыбаки. Сами суда были, хотя и новыя, но плохо оснащенные. Офицеры, кромѣ нѣсколькихъ иностранцевъ, не имѣли никакого морского знанія или практики. Эти иностранцы были три француза.—Гревэ, Варажъ и Вербуа; три голландца—Тень-Брокъ, Ванъ-Рипенъ и Винтеръ, а также одинъ англичанинъ,—Феншо, не считая адъютанта Джонса, Эдвардса. Вскорѣ послѣ пріѣзда Джонса пришли съ моря два сорока-пушечныхъ корабля, но ихъ начальники, контръ-адмиралъ Мордвиновъ и капитанъ греческаго происхожденія Алексіано, не хотѣли признавать власти новаго адмирала. Однако, Потемкинъ живо водворилъ порядокъ, и 26 мая Джонсъ поднялъ свой флагъ на «Владимирѣ». Кромѣ состоящихъ подъ командой Джонса девятнадцати судовъ, была еще флотилія изъ шестидесяти гребныхъ судовъ. Къ величайшему удивленію адмирала, эта флотилія была совершенно независима отъ него и состояла подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена, находившагося подъ личнымъ начальствомъ Потемкина. Однако, послѣдній устранилъ, могущія произойти отъ этого обстоятельства, затрудненія, приказавъ принцу отряжать, по требованію адмирала, сколько ему потребуется гребныхъ судовъ.

Джонсъ нашелъ, что ввѣренный ему флотъ былъ въ большомъ безпорядкѣ, и тотчасъ принялъ мѣры къ его оснащенію, вооруженію, очисткѣ, окраскѣ и т. д. Экипажъ комплектовалъ онъ тремя

тысячами солдатъ изъ корпуса Суворова, которыхъ распредѣлилъ на суда своей эскадры и на гребныя суда. Такимъ образомъ его эскадра получила приличный видъ, и 31-го мая онъ созвалъ на своемъ флагманскомъ кораблѣ «Владимиръ» военный совѣтъ, «согласно постановленію Петра Великаго». При этомъ онъ произнесъ слѣдующую краткую рѣчь:

«Господа, неожиданно призванный на службу ея величества, я вдвойнѣ нуждаюсь въ снисхожденіи, не зная вашего языка и обычаевъ. Я сознаю, что сомнѣваюсь въ своихъ способностяхъ, какъ слѣдуетъ, исполнить обязанности, возложенныя на меня высокимъ довѣріемъ ея величества. Но я рассчитываю на мое усердіе и ваше милостивое содѣйствіе, а также на ваши благосклонныя совѣты на пользу службы. Мы сошлись, господа, по серьезному дѣлу. Мы должны разрѣшить вопросы, отъ которыхъ зависитъ честь русскаго флага и интересы страны ея величества. Намъ предстоитъ имѣть дѣло съ могущественнымъ врагомъ... Мы должны порѣшить, что выйдемъ изъ борьбы побѣдителями. Соединимъ всѣ наши руки и сердца воедино. Будемъ выказывать только благородныя чувства и отбросимъ отъ насъ всѣ личныя соображенія. Почести могутъ быть приобрѣтены каждымъ, но истинная слава солдата или матроса состоитъ въ пользѣ, приносимой отечеству».

Вслѣдъ за этимъ адмиралъ объяснилъ французскую систему сигналовъ, и распространился о французской же системѣ морской тактики. «Вліяніе этого совѣта было очень удовлетворительно,—пишетъ Джонсъ въ своемъ отчетѣ Екатеринѣ о морской кампаніи 1788 г.:—для русскихъ офицеровъ было очень интересно услышать изложеніе морской тактики по французской системѣ, такъ какъ рѣдкіе изъ нихъ имѣли объ этомъ какія либо свѣдѣнія, за исключеніемъ Алексіано (который вскорѣ умеръ) и Нассау-Зигена; я не имѣлъ основанія впослѣдствіи жаловаться на кого либо изъ офицеровъ эскадры или флотилии».

Нѣсколько дней послѣ прибытія Джонса въ главную русскую квартиру и принятія команды надъ флотомъ, онъ имѣлъ свиданіе съ Суворовымъ. Это было нѣчто въ родѣ военного совѣта, такъ какъ Суворовъ, въ сущности, командовалъ русскою арміею, которая была, только ради почести, подчинена Потемкину. Въ самомъ началѣ ихъ совѣщанія адмиралъ выразилъ свое удивленіе, что не было принято никакихъ мѣръ для укрѣпленія западнаго конца Кинбурнской косы. Суворовъ на это отвѣчалъ, что высшее распоряженіе зависитъ отъ Потемкина, а онъ только исполняетъ его приказанія, и больше нечего. Джонсъ повторилъ, что предлагаемая имъ мѣра необходима для удачнаго дѣйствія противъ турокъ, а Суворовъ замѣтилъ, что ему все это было хорошо извѣстно, но князь-фельдмаршалъ не любитъ непрошенныхъ совѣтовъ. Тогда адмиралъ замѣтилъ, что князь-фельдмаршалъ, конечно, слишкомъ великій

воинъ, чтобы не понять пользы предлагаемаго имъ шага. «Однако, любезный адмираль,—воскликнулъ Суворовъ,— вы великій открыватель, открывъ въ Потемкинѣ великаго война». Они посмотрѣли пристально другъ на друга и знаменательно улыбнулись. Разговоръ этотъ, конечно, происходилъ по-французски, и кончилось тѣмъ, что Суворовъ взялся на другой день, на разсвѣтѣ, начать постройку форта. Со своей стороны Джонсъ долженъ былъ увѣрить Потемкина, что это дѣлалось по его распоряженію. На слѣдующее утро адмираль написалъ соотвѣтствующее письмо Потемкину, котораго не трудно было обойти. Онъ, дѣйствительно, написалъ приказъ Суворову о постройкѣ форта, уже почти готоваго къ этому времени.

Съ этихъ поръ Джонсъ и Суворовъ поняли другъ друга и стали искренними друзьями. Великій воинъ сдѣлался единственнымъ сторонникомъ и преданнымъ защитникомъ въ Россіи морского героя. Напротивъ, принцъ Нассау-Зигенъ, ловкій искатель приключеній, но совѣмъ неспособный воинъ, дипломатъ и государственный человѣкъ, хотя, сначала, повидимому, былъ пріятелемъ Джонса, но вскорѣ сталъ его соперникомъ и врагомъ. По словамъ біографа американскаго морского героя, «Зигенъ былъ, по всей справедливости, не только неспособный человѣкъ, но не придерживающійся правды, измѣнчивый, безчестный и даже трусливый; однимъ словомъ, его можно назвать низкимъ шарлатаномъ и подлымъ царедворцемъ, готовымъ на всякія гадости для своихъ интересовъ. Врядъ ли въ исторіи найдется человѣкъ хуже его. Благодаря своему низкопоклонству, онъ пользовался милостью Потемкина, котораго вскорѣ настроилъ противъ Джонса». Такимъ образомъ, кромѣ Суворова, всѣ были враждебны къ нему, но и отъ Суворова ему было мало пользы, такъ какъ старый воинъ держался хитрой осторожности и всегда говорилъ ему: «*Mon chère Jons, mon camarade, voici donc mon exemple; faites obeissance et taisez-vous toujours et partout*».

При такихъ обстоятельствахъ начались 1-го іюня 1788 года морскія дѣйствія противъ Очакова, съ цѣлью помочь сухопутной арміи. Съ самаго начала Суворовъ письменно совѣтовалъ Джонсу дѣйствовать въ морѣ, имѣя Кинбурнъ главнымъ пунктомъ своихъ операцій. Но адмираль полагалъ, что долженъ опираться на Херсонъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ Суворову, что не можетъ дѣйствовать самостоятельно, а потому не въ силахъ предпринять того шага, который считалъ необходимымъ. Суворовъ не отвѣчалъ ему на это письменно, а лично посѣтилъ его на флагманскомъ кораблѣ. На словахъ онъ ему сказалъ, что такъ дѣйствовать, какъ онъ хотѣлъ, было разумно и возможно въ Западной Европѣ, но въ Россіи это невозможно. Потемкинъ не хочетъ, по его словамъ, брать на себя какую нибудь отвѣтственность и желаетъ, чтобы

другіе дѣйствовали на свой страхъ. «При этомъ,—прибавилъ Суворовъ,—онъ хочеть угодить Нассау-Зигену и васъ не любить, напротивъ, Нассаускаго онъ любитъ, но не довѣряеть ему. Этого доводно — горю не поможешь». Джонсъ въ своихъ мемуарахъ 1790 г. говоритъ по случаю этого посѣщенія Суворова: «Хитрый старикъ былъ единственный другъ, котораго я имѣлъ среди русскихъ. Онъ нарочно проѣхалъ въ лодкѣ тридцать миль, чтобы переговорить со мною два слова. Онъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы довѣрить бумагѣ или на словахъ курьеру то, что хотѣлъ мнѣ сказать. Сообщенныя мнѣ свѣдѣнія были не только печальны, но привели меня въ отчаяніе. Однако, дружба Суворова была такою рода, что говорила правду, и такую правду, которая никогда не обманываетъ и не льститъ. Онъ былъ такъ же правдивъ, какъ и храбръ».

То, что узналъ Джонсъ отъ Суворова, причинило ему такое разочарованіе, что онъ едва не уѣхалъ въ Петербургъ, намѣреваясь доложить обо всемъ императрицѣ. Ему даже вошла въ голову мысль бросить все и уѣхать во Францію. Съ горечью онъ прибавляетъ въ своихъ мемуарахъ: «И гораздо было бы лучше, если бы я это сдѣлалъ. Но, обдумавъ дѣло, я сказалъ себѣ, что не могу оставить своего поста, въ началѣ кампаніи, какъ онъ ни труденъ. Такъ я и объяснилъ Суворову. Онъ отвѣчалъ, что на войнѣ рискуешь не только раной и жизнью, но несправедливость можетъ быть хуже пули или меча».

Какъ бы то ни было, Джонсъ началъ морскія дѣйствія, не имѣя права дѣйствовать самостоятельно и только получивъ отъ Потемкина разрѣшеніе требовать, когда нужно, гребныя суда отъ Нассау-Зигена. 7-го іюня турецкій капитанъ-паша попытался прорвать своими кораблями блокаду Очакова и вступилъ въ жаркую стычку съ русскими гребными судами. Девять турецкихъ галеръ и канонерокъ были уничтожены, а со стороны русскихъ только два маленькія судна сѣли на мель и были сожжены самими русскими. Хотя это дѣло было не значительное, но все же окончилось въ пользу русскихъ, и капитанъ-паша, прежде возобновленія морскихъ дѣйствій, нашель болѣе осторожнымъ дожидаться остальныхъ своихъ силъ, шедшихъ къ нему на помощь изъ Варны и Босфора. Такимъ образомъ только 16-го іюня весь турецкій флотъ двинулся въ Лиманъ и обстрѣливалъ фортъ и батареи на Кинбурнской косѣ, но не двинулся достаточно далеко, чтобы эскадра адмирала Джонса со своими большими кораблями могла вступить въ бой. Это обстоятельство произошло, благодаря тому, что турецкій флагманскій корабль, пройдя косу, набѣжалъ на подводный камень, и весь флотъ остановился вкругъ него на ночь, проведенную въ тщетныхъ усиліяхъ сняться съ камня.

17-го іюня, на разсвѣтѣ, Джонсъ направился со всей своей эскадрой на турецкій флотъ. Сначала турки храбро поддерживали бой, и русское тридцати-одно-пушечное судно пошло ко дну. Но флагманскій корабль «Владимиръ» атаковалъ второе въ турецкомъ флотѣ судно, и турецкій адмиралъ послѣ двухъ или трехъ пушечныхъ залповъ, на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, нарочно обрубилъ якорь и сѣлъ на мель. Между тѣмъ пять фрегатовъ, составлявшихъ передовую линію русской эскадры, подъ начальствомъ капитана Фэншо, пробили себѣ дорогу мимо Кинбурнской косы и угрожали туркамъ отрѣзать отступленіе. Тогда турецкій флотъ совершенно разсѣялся: суда мелкаго размѣра старались искать себѣ убѣжище подъ стѣнами Очакова, а болѣе крупныя—пытались уйти въ море. Нѣкоторымъ изъ первыхъ удалось ихъ намѣреніе, но девять послѣднихъ попали на мель, противъ Кинбурнской косы. Сраженіе 17-го іюня—извѣстное подъ названіемъ Лиманскаго—окончилось къ 10-ти часамъ ночи.

Рано утромъ, 18-го іюня, Джонсъ, не имѣя возможности со своими большими судами подойти къ сѣвшимъ на мель турецкимъ кораблямъ, перенесъ свой флагъ на одно изъ гребныхъ судовъ, находившихся подъ его командой, и приказалъ капитану Корсакову съ нѣсколькими изъ нихъ овладѣть непріятельскими судами. Видя приближающіяся гребныя суда, турки немедленно спустили флагъ. Такимъ образомъ Корсаковъ взялъ въ плѣнъ тридцати-пушечный фрегатъ и шестнадцати-пушечный корветъ. Между тѣмъ Нассау-Зигенъ, накануне стоявшій все время вдали отъ пушечныхъ выстрѣловъ, подошелъ и началъ стрѣлять, поджигая большія турецкія суда, сидѣвшія на мели, а также турецкія канонерки, не успѣвшія скрыться подъ защиту Очакова. Тщетно Джонсъ возражалъ, увѣряя, что всѣ эти суда могутъ быть спасены для русскаго флота, если снять ихъ съ мели, благодаря облегченію судовъ и поднявшемуся сильному южному вѣтру. Зигенъ не обращалъ никакого вниманія на его слова и, —какъ бы въ доказательство своей самостоятельности, —взялъ одно изъ судовъ, уже захваченное Корсаковымъ и снятое имъ съ мели, и въ ту же минуту сжегъ его.

Впослѣдствіи Нассау-Зигенъ увѣрялъ, что онъ дѣйствовалъ согласно конфиденціальнымъ приказаніямъ Потемкина, который велѣлъ уничтожить турецкій флотъ, такъ какъ онъ, по словамъ Зигена, «не хотѣлъ, чтобы русскіе матросы взяли себѣ въ голову идею о призовыхъ деньгахъ, какъ французы, англичане и голландцы». Конечно, Потемкинъ могъ дать подобное приказаніе Нассау, но онъ ничего подобнаго не говорилъ Джонсу, и Суворовъ, узнавъ объ этомъ обстоятельстве, сказалъ, что не вѣдаетъ о такихъ приказаніяхъ, и былъ взбѣшенъ ненужнымъ и бесполезнымъ уничтоженіемъ судовъ, которыя могли пригодиться на службу русскимъ. Турки потеряли девять большихъ судовъ, болѣе двадцати

канонерокъ и, по словамъ Джонса, три тысячи матросовъ. Потеря же русскихъ ограничилась однимъ фрегатомъ, шестью гребными судами и семьюстами офицерами и солдатами,—убитыми и ранеными. Неизвѣстно, сколько понесла урону флотилія подъ командою Нассау-Зигена, но Джонсъ увѣряетъ, что онъ былъ очень незначительный. По его словамъ, поддержаннымъ адмираломъ Гревэ и впоследствии Тотлебеномъ, если бы эта флотилія не занималась сожженіемъ турецкихъ судовъ, а оказала эскадрѣ быстрое содѣйствіе, то ни одинъ турецкій корабль не избѣгъ бы плѣна. При настоящихъ же обстоятельствахъ турецкій флотъ ушелъ въ Варну, хотя и съ тяжелымъ урономъ, но все-таки ушелъ.

19-го іюня. Джонсъ объявилъ Суворову, что онъ можетъ безопасно перейти Бугъ съ своей арміей. Дѣйствительно, великій воинъ такъ и сдѣлалъ, приступивъ къ осадѣ Очакова. Въ то же время Джонсъ предложилъ Потемкину, чтобы севастопольскій флотъ присоединился къ Лиманской эскадрѣ и, пользуясь удаленіемъ турецкаго флота, атаковалъ его въ открытомъ морѣ. Онъ даже предлагалъ наступательное движеніе на Варну, а затѣмъ—демонстрацію на Босфоръ. Потемкинъ, посѣтившій адмирала на «Владимирѣ» и обѣдавшій у него, былъ очень доволенъ этимъ проектомъ. Но, послѣ обѣда, въ конфиденціалномъ разговорѣ, заявилъ, что будетъ невозможно разрѣшить вопросъ о подчиненности между Джонсомъ и Мордвиновымъ, который былъ гораздо старше его, въ качествѣ контръ-адмирала и командовалъ всѣмъ черноморскимъ флотомъ, а слѣдовательно имѣлъ право распоряжаться и Лиманской эскадрой. На это Джонсъ возражалъ, что если Потемкинъ самъ лично подыметъ бы флагъ, какъ главнокомандующій на «Владимирѣ», то вопросъ о первенствѣ Мордвинова не имѣлъ бы основанія.

Этотъ проектъ очень поправился Потемкину, и онъ послалъ генерала Попова съ приказаніемъ, чтобы черноморская эскадра тотчасъ двинулась къ Лиману. Его приказаніе было исполнено, и контръ-адмиралъ Войновичъ, собственно командовавшій эскадрой подъ высшимъ начальствомъ Мордвинова, выступилъ 28 іюня съ пятью линейными кораблями и пятью фрегатами. На второй день пути онъ встрѣтилъ турецкую эскадру, шедшую изъ Босфора на помощь капитану-пашѣ, и, несмотря на то, что турецкихъ силъ было гораздо меньше, повернулъ назадъ въ Севастополь. Узнавъ объ этомъ, Потемкинъ началъ попрежнему придерживаться оборонительной программы кампаніи относительно флота.

Въ то время онъ поссорился съ Джонсомъ, противъ котораго его уже давно настраивали Нассау-Зигенъ и, вскорѣ потомъ умершій, капитанъ Алексіано. Поводомъ къ этой ссорѣ было донесеніе Джонса императрицѣ о лиманской побѣдѣ, которое онъ представилъ въ двухъ экземплярахъ: Потемкину и Мордвинову, какъ начальнику всѣхъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ. Въ этомъ донесеніи

Джонсъ по своему правдивому, прямому характеру представилъ отчетъ обо всемъ событіи, осыпавъ похвалами своихъ офицеровъ. О Нассау-Зигенѣ онъ не сказалъ ничего неодобрительнаго, а лишь изложилъ всѣ факты. Одновременно Нассау-Зигенъ явился къ Потемкину съ своимъ донесеніемъ о битвѣ и приписалъ себѣ и «мудрой распорядительности князя-фельдмаршала» побѣду. Потемкинъ попался на эту удочку, хотя не давалъ никакихъ распоряженій. Онъ уничтожилъ дубликатъ донесенія Джонса, а самое донесеніе приказалъ Попову передѣлать такъ, что въ немъ не осталось ни слова правды. Естественно, что Джонсъ на это не согласился, хотя очевидно было, что онъ шель на вѣрную ссору съ временщикомъ. Потемкинъ тогда совсѣмъ уничтожилъ его донесеніе и послалъ несправедливую и льстивую бумагу Нассау-Зигена, въ которой Джонсъ даже не былъ совсѣмъ названъ.

Въ это время въ Херсонѣ, случайно, находился оберъ-камергеръ польскаго короля, кавалеръ Литльпажъ, родившійся во Франціи, но по происхожденію ирландецъ. Джонсъ былъ друженъ съ нимъ во время своего пребыванія въ Парижѣ и зная, что Литльпажъ собирается въ Петербургъ, просилъ его отвезти къ французскому посланнику Сегюру, бывшему его жаркимъ сторонникомъ, копію съ его донесенія императрицѣ, для врученія ей. Литльпажъ взялся за это порученіе, хотя уговаривалъ его не итти на открытую борьбу съ Потемкинымъ. Джонсъ отвѣчалъ: «Дѣло не въ Потемкинѣ, а въ Нассау-Зигенѣ. Я перетерпѣлъ отъ него столько, сколько не выдержалъ бы ни отъ одного человѣка въ здоровомъ разумѣ. Пора положить этому конецъ. У него нѣтъ ни чести, ни правдивости, ни способности. Сейчасъ онъ васъ цѣлуетъ, а чрезъ минуту готовъ зарѣзать. Хуже всего, что онъ даже не имѣетъ храбрости, которая часто замѣняетъ всѣ доблести. Онъ же, просто, подлый трусъ».

Литльпажъ болѣе не сопротивлялся и, поѣхавъ въ Петербургъ, вручилъ бумаги Джонса французскому посланнику, который въ свою очередь передалъ ихъ императрицѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ краснорѣчиво защищалъ Джонса, котораго, по приказанію короля, рекомендовалъ съ самаго начала Екатеринѣ. Она прочитала донесенія и оказалась въ затруднительномъ положеніи. Императрица очень хорошо понимала, что Джонсъ говорилъ правду, а Потемкинъ и Нассау-Зигенъ лгали, но она не могла пойти противъ своего любимца. Нѣсколько дней она обдумывала, какъ выйти изъ затрудненія, и, наконецъ, рѣшила вызвать Джонса въ Петербургъ, гдѣ, очень кстати, умеръ начальникъ Балтійскаго флота, адмиралъ Грейгъ. Она сказала Сегюру, что произведетъ Джонса въ вице-адмиралы и назначитъ его командиромъ Балтійскаго флота. Въ тотъ же день она написала Джонсу собственноручный рескриптъ о производствѣ его въ вице-адмиралы и о вызовѣ его въ Петербургъ, гдѣ онъ получитъ лично отъ нея распоряженіе относительно себя. Кромѣ того,

императрица назначила ему на путевые расходы тысячу дукатовъ и дозволила взять съ собою двухъ адъютантовъ. Его выборъ палъ на капитановъ Корсакова и Эдвардса, какъ самыхъ способныхъ и преданныхъ ему людей. вмѣстѣ съ тѣмъ, Сегюръ, по приказанію Екатерины, сообщилъ Джонсу, что она вполне довольна его поведеніемъ и питаетъ къ нему совершенное довѣріе.

Но по русскимъ источникамъ видно, что этотъ эпизодъ въ жизни Джонса кончился совершенно иначе. Его вызвали въ Петербургъ не въ видѣ награды, а въ видѣ почетной ссылки. Потемкинъ, окончательно настроенный Нассау-Зигеномъ противъ него, написалъ Екатеринѣ, что «сонный Жонесъ прозѣвалъ подвозъ къ Очакову, труситъ турокъ, и никто не хочетъ служить подъ его начальствомъ, а потому рѣшено отправить его въ Петербургъ, подъ видомъ особой экспедиціи на сѣверъ» ¹⁾. На это Екатерина отвѣчала, что Джонсъ всегда пользовался репутаціей храбраго моряка, но «если его возвратятъ въ Петербургъ, то сыщеть ему мѣсто» ²⁾. Однако, несмотря на неприязнь къ Джонсу, Потемкинъ отнесся къ нему при его отъѣздѣ изъ Херсона съ обычной своей двуличностью. Вотъ какъ Джонсъ описываетъ въ мемуарахъ 1790 г. свое послѣднее свиданіе съ знаменитымъ временщикомъ.

«За два дня до моего отбытія въ Петербургъ, князь-фельд-маршалъ пригласилъ меня въ свою главную квартиру, чтобы проститься со мною и вручить мнѣ лично въ руки письмо къ императрицѣ, съ отзывомъ о моей службѣ. Послѣ обѣда, онъ, на время, вышелъ изъ комнаты, и я, воспользовавшись случаемъ, сказалъ генералу Попову, начальнику его штаба, все, что накипѣло у меня на сердцѣ. Когда я удалился, то генералъ передалъ Потемкину суть моего разговора. Сначала, по его словамъ, князь очень сердился, но на другой день послалъ за мною, чтобы лично переговорить. Онъ началъ разговоръ съ того, что ему были неизвѣстны нѣкоторые факты, сообщенные мною генералу Попову. Держа себя съ должнымъ почтеніемъ къ его рангу, я отвѣчалъ ему совершенно свободно и откровенно сказалъ, что онъ несправедливо обошелся со мною съ самаго начала кампаніи, раздѣливъ командованіе Лиманскимъ флотомъ. Это было противъ интереса страны и противорѣчило цѣли войны, но я пожертвовалъ своими чувствами и правами, надѣясь, со временемъ, сладить съ тѣми людьми, которыхъ онъ сдѣлалъ моими товарищами, хотя они должны были находиться подъ моей командой. Если бы мнѣ это не удалось, то я рѣшилъ выйти въ отставку въ концѣ мая, потому что, уѣзжая изъ Петербурга, не только графъ Безбородко и французскій посланникъ, но и сама императрица увѣрили меня, что весь черноморскій флотъ будетъ находиться въ моей

¹⁾ Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 180.

²⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. XXVII.

командѣ, какъ армія въ распоряженіи генерала Суворова. Я подробно объяснилъ Потемкину, что если бы это соглашеніе было исполнено, то кампанія окончилась бы совершенно иначе, что я атаковалъ бы капитана-пашу въ открытомъ морѣ соединеннымъ флотомъ Херсона и Севастополя, что турецкій флотъ былъ бы совершенно уничтоженъ, и Очаковъ взятъ. Вы сами видѣли,—прибавилъ я,—что мною было нанесено 17-го іюля пораженіе туркамъ съ половиною русскихъ морскихъ силъ, находящихся здѣсь, а потому легко поймете, что сдѣлалъ бы я со всѣмъ черноморскимъ флотомъ. Князь, выслушавъ меня, отвѣчалъ: «Я съ вами согласенъ, но теперь поздно». Я тогда замѣтилъ, что не жаловался относительно себя, но былъ оскорбленъ за своихъ офицеровъ, которымъ князь не отдалъ справедливости. Князь согласился и съ этимъ, и я рѣшился тогда высказать мое недоумѣніе, что такъ странно поступили съ моимъ донесеніемъ о Лиманской битвѣ. Онъ видимо былъ недоволенъ и заявилъ, что не желалъ бы говорить объ этомъ предметѣ. Я отвѣчалъ, что нельзя не говорить объ этомъ, такъ какъ вся суть въ немъ. Онъ задумался, но чрезъ нѣсколько минутъ сталъ съ жаромъ бранить Нассау-Зигена, котораго онъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, уславъ въ Варшаву. Князь мнѣ объяснилъ, что данное Нассау-Зигену порученіе въ Варшаву было только предлогомъ отъ него отдѣлаться; онъ же узналъ всю правду относительно Лиманской битвы, когда уже было поздно. По его словамъ, Нассау-Зигенъ его сначала обманулъ, увѣривъ, что онъ былъ виновникомъ побѣды; теперь же онъ никогда его больше не обманетъ, такъ какъ ему извѣстно, что это за человѣкъ. Послѣ этого объясненія, князь задумался и прибавилъ съ большимъ жаромъ: «Я не совершенно виновенъ; если бы вы и Мордвиновъ не поссорились съ самаго начала, то Нассау-Зигенъ не имѣлъ бы случая интриговать. Мордвиновъ первый открылъ мнѣ его нелѣпыя притязанія, но онъ сдѣлалъ это слишкомъ поздно, когда нельзя уже было предупредить зло». Вслѣдъ за этимъ онъ сказалъ, что если я соглашусь дѣйствовать совместно съ Мордвиновымъ и признаю его старшинство, то онъ (Потемкинъ) возьметъ на себя отмѣнить приказъ императрицы о моемъ вызовѣ въ Петербургъ. Въ такомъ случаѣ онъ прикажетъ окончить зимою строящіяся въ Таганрогѣ восемь судовъ, и я, весною, буду единственнымъ командиромъ соединеннаго флота, такъ какъ Мордвиновъ былъ согласенъ заниматься исключительно административной частью Черноморскаго адмиралтейства и не вмѣшиваться въ мои морскія операціи. На это я отвѣчалъ, что согласился пріѣхать въ Россію по предложенію—командовать Черноморскимъ флотомъ, сдѣланному мнѣ въ Парижѣ Симолинымъ и повторенному барономъ Крюденеромъ въ Копенгагенѣ. Императрица также подтвердила мнѣ его въ Петербургѣ, а если означенное условіе впоследствии не исполнено, то мнѣ нѣтъ причины согласиться на умень-

шеніе власти. Къ тому же императрица приказала мнѣ теперь пріѣхать въ Петербургъ, и я не желаю ея послушаться. Наконецъ, я окончилъ наше свиданіе просьбою наградить моихъ офицеровъ, согласно представленной мною запискѣ адмиралу Мордвинову, который вполне былъ согласенъ съ моимъ представленіемъ. Князь обѣщалъ исполнить мое желаніе, и потомъ я узналъ, что онъ сдержалъ свое слово».

Если поведеніе Потемкина относительно Джонса было противорѣчиво и двойственно, то еще непонятнѣе было отношеніе Суворова къ этому эпизоду въ черноморской службѣ адмирала. Мы видѣли, что онъ постоянно относился къ нему съ любезнымъ и теплымъ сочувствіемъ; тутъ же вдругъ относительно Лиманской битвы онъ выразился о немъ грубо и недоброжелательно въ письмѣ къ Потемкину: *il était cochon: à la première entrée il me felicita par sa defensive*. Это выраженіе приведено въ статьѣ Н. Орлова: «Суворовъ и флотъ», которая приложена къ брошюрѣ ¹⁾ «Суворовъ, какъ представитель славянства». Такое неблагоприятное мнѣніе Суворова о Джонсѣ, противное всѣмъ его предыдущимъ и послѣдующимъ дѣйствіямъ, можно себѣ объяснить только лестью относительно Потемкина, хотя это противорѣчитъ прямой и правдивой натурѣ Суворова. Во всякомъ случаѣ, при прощаніи съ нимъ, онъ велъ себя попрежнему совершенно дружественно. Такъ Поль Джонсъ въ своихъ мемуарахъ въ 1791 году говоритъ слѣдующимъ образомъ объ этомъ послѣднемъ свиданіи съ великимъ русскимъ героемъ:

«Сдавъ командованіе херсонскимъ флотомъ, я поѣхалъ къ генералу Суворову, въ его главную квартиру. Это было за мѣсяць до паденія Очакова. Онъ помѣщался въ одной хижинѣ вблизи взятаго форта; въ ней было всего двѣ комнаты, и въ подобномъ жилищѣ не помѣстился бы турецкій полковникъ. Въ одной комнатѣ находилась канцелярія и столовая генерала, а въ другой—его спальня. Вся его прислуга состояла изъ повара и двухъ денщиковъ, изъ которыхъ одинъ смотрѣлъ за лошадьми, а другой укаживамъ за нимъ, хотя не очень заботливо. Офицеры его штаба жили гораздо лучше его. По внѣшности онъ почти одинаковаго роста со мной, въ плечахъ нѣсколько сутоловатъ, грудь у него плоская и даже нѣсколько впалая; вообще онъ худощавъ и далеко невнушительной наружности. Напротивъ, его лицо отличается пріятнымъ выраженіемъ, особенно, когда онъ веселъ и оживленъ. Цвѣтъ его лица очень смуглый, благодаря сорокалѣтней службы во всѣхъ климатахъ. Онъ гладко выбритъ, и на его лицѣ видны слѣды заботъ и страданій, такъ какъ у него много ранъ, и ему уже минуло шестьдесятъ лѣтъ. Онъ знаетъ основательно и обстоятельно военное дѣло; ему извѣстны военныя дѣйствія послѣднихъ двухъ столѣтій, со времени Густава-Адольфа до

¹⁾ «Суворовъ, какъ представитель славянства», проф. Орлова. Спб. 1901 г.

Фридриха, и, къ моему удивленію, онъ подробно знаетъ о военныхъ операціяхъ нашей республиканской войны, хотя о ней очень мало печатали въ Европѣ. Онъ не стремится къ личной славѣ, хотя я замѣтилъ, что онъ цѣнитъ миѣніе военныхъ людей Франціи и Англіи, которыя онъ очень желаетъ посѣтить. Суворовъ замѣчательный лингвистъ: онъ хорошо говоритъ по-французски, по-нѣмецки, по-шведски, по-фински и по-польски, а также правильно пишетъ на этихъ языкахъ, онъ одинаково можетъ объясниться по-татарски и по-турецки. По характеру онъ человѣкъ душевный и всегда вѣренъ правдѣ и чести. Находясь подъ зловѣщимъ начальствомъ Потемкина, онъ никогда не писалъ ему докладовъ о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ, потому что Потемкинъ не вынесъ бы правды, а Суворовъ не могъ писать лжи. Его великодушіе равняется его простотѣ. Его кошелекъ открытъ для всякаго—одинаково для достойнаго и недостойнаго человѣка,—и онъ такъ простъ, что его можетъ обойти всякій. Великолѣпную саблю, съ драгоцѣнными камнями, подаренную императрицею за покореніе Тавриды, онъ носилъ каждый день и, только благодаря его вѣрному денщику, онъ не потерялъ ни одного драгоцѣннаго камня, стоящаго болѣе тысячи рублей. Онъ расточителенъ только въ отношеніи лошадей. Когда я былъ у него, то видѣлъ четырехъ чистокровныхъ арабскихъ коней; при этомъ ихъ конюшня была гораздо лучше его жилища. Онъ показалъ мнѣ съ гордостью одного сѣраго жеребца, на которомъ онъ ѣздилъ изъ Таганрога въ Москву и обратно, безъ малѣйшей подставки. До сихъ поръ эта лошадь здрава и невредима. Когда я хотѣлъ проститься съ нимъ, то онъ вынулъ изъ своего походнаго сундука шубу изъ сибирскаго бобра, крытую желтой китайской шелковой матеріей, съ воротникомъ и отворотами изъ соболей. Я никогда не видалъ такой великолѣпной одежды. Но это не все: онъ досталъ еще гусарскій доломанъ, подбитый бѣлымъ, какъ снѣгъ, горностаемъ, и съ золотыми шнурами. Это былъ зимній нарядъ Павлоградскаго гусарскаго полка, котораго онъ былъ почетнымъ подполковникомъ. «Возьмите, Джонсъ,—сказалъ онъ:—они слишкомъ хороши для меня; мои дѣтушки (такъ онъ называлъ солдатъ) не узнали бы своего батюшку Суворова, если бы я такъ нарядился, но къ вамъ они пойдутъ; вы, вѣдь, французскій кавалеръ. Для вашего бѣднаго брата, Суворова, годится сѣрая солдатская шинель и забрызганные грязью сапоги. Прощайте!». Я никогда его съ тѣхъ поръ не видалъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые интереснѣе завтра, чѣмъ сегодня, а послѣзавтра пріятнѣе, чѣмъ завтра. Храбрый до безумія, великодушный до безконечности и способный на военное дѣло выше всякаго воображенія, несмотря на его грубую внѣшность, Суворовъ—величайшій воинъ въ Россіи не только теперь, но, я полагаю, и на будущія времена. Онъ долженъ быть поставленъ въ древнія времена на ряду съ Александромъ Македонскимъ, Анибаломъ и Цезаремъ

въ новыя времена—съ Густавомъ-Адольфомъ, Мальборо и Фридрихомъ Великимъ. Что же касается настоящаго времени, то я полагаю, что онъ не только первый полководецъ Россіи, но и всей Европы». Мемуары Джонса за 1791 годъ оканчиваются любопытнымъ описаніемъ Черноморскаго флота. Небезынтересно привести отрывокъ изъ этого описанія. «Я съ сожалѣніемъ замѣтилъ,—говорить онъ,—что суда, построенныя на Черномъ морѣ, особенно въ Херсонѣ, служатъ не болѣе пяти или шести лѣтъ. Это происходитъ отъ того, что русскіе не сушатъ предварительно дерево, отчего оно чрезъ короткое время гниетъ. Это удивительная потеря дерева, тѣмъ болѣе, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ столько строевого лѣса, какъ на Днѣпрѣ. Франція запасается отсюда большимъ количествомъ лѣса, и я видѣлъ въ Тулонѣ большіе запасы русскаго лѣса, съ береговъ Днѣпра. Мое уваженіе къ императрицѣ, создавшей русскую морскую силу на Черномъ морѣ, побуждаетъ меня сожалѣть, что люди, которымъ она поручила строить флотъ, совершили это на основаніи невѣрныхъ принциповъ, почему суда не могутъ выдерживать тяжелой артиллеріи и имѣть быстрый ходъ. Напримѣръ, мой флагманскій корабль «Владимиръ» не могъ такъ быстро итти и сопротивляться вѣтру, какъ маленькій американскій фрегатъ «Alliance». Вообще, по несчастью, черноморскія суда строятъ совершенно неправильно, и потому они мало пригодны къ дѣлу. Вслѣдствіе этого турецкія суда, одинаково крупныя и мелкія, рѣшительно превосходятъ русскія въ быстротѣ и ловкости маневрированія. Если отъ военнаго флота мы перейдемъ къ торговлѣ на Черномъ морѣ, столь важной для Россіи, то нельзя не замѣтить, что она никогда не достигнетъ развитія, пока Россія не будетъ имѣть хорошаго флота, который уничтожитъ турецкій и вручитъ ключи Константинополя императрицѣ и ея наслѣдникамъ. Россія имѣетъ всѣ матеріалы, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ достигнуть подобнаго флота, если возьмется за дѣло съ порядкомъ, способностью и экономіей. Лучшее средство имѣть хорошихъ матросовъ это создать коммерческій флотъ, для чего необходимо заключить торговый трактатъ съ Американскими Соединенными Штатами, завести океанскую торговлю и имѣть въ Черномъ морѣ значительную эскадру подъ компетентнымъ начальствомъ».

Покончивъ свою неудачную службу на Черномъ морѣ, Поль Джонсъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ императрицей такъ любезно, что забылъ всѣ причиненныя ему непріятности. Онъ не только подпалъ подъ ея чары, какъ пріятной и красивой женщины, несмотря на ея шестьдесятъ лѣтъ, но просто обожалъ ее. Это мѣшало ему сначала понять ея неискренность. Екатерина вовсе не намѣрена была назначить его начальникомъ Балтійскаго флота, несмотря на все ея видимое расположеніе къ нему. Въ январѣ, февралѣ и мартѣ, 1789 года, Джонсъ бывалъ постоянно при дворѣ, имѣлъ прекрасную казенную квартиру, получалъ жалованье, и ему

оказывались различныя почести. Хотя, формально, онъ не получилъ назначенія въ Балтійскомъ флотѣ, но съ нимъ совѣтовалось адмиралтейство по многимъ вопросамъ, касавшимся этого флота.

Однако, его старые враги, англійскіе морскіе офицеры и купцы, а также представители русской администраціи, тайно вели козни противъ него. Въ срединѣ же марта составился противъ Джонса цѣлый заговоръ, благодаря которому отвернулись отъ него всѣ придворные, и императрица даже запретила ему доступъ во дворецъ. Дѣло заключалось въ томъ, что однажды явилась къ нему молодая дѣвушка, подъ предлогомъ просить работы, но при этомъ стала такъ неприлично вести себя, что Джонсъ просилъ ее удалиться, а когда она сопротивлялась, то онъ за руку вывелъ ее изъ комнаты. Тогда она разорвала на себѣ платье и бросилась на лѣстницу, гдѣ стояла старуха, которую она назвала матерью. Съ громкими воплями онъ обѣ жаловались на насиліе со стороны Джонса и подняли скандалъ на улицѣ, гдѣ онъ жилъ. Эту исторію онъ разсказалъ единственному своему другу, графу Сегюру, и тотъ горячо заступился за него. Въ нѣсколько дней тайное изслѣдованіе этого дѣла, произведенное французскимъ посланникомъ, привело къ благопріятному результату. Оказалось, что молодая дѣвушка была веселаго поведенія, а старуха, выдаваемая за ея мать, занималась продажей подобныхъ, погибшихъ созданій. Мало того, заговоръ былъ, повидимому, составленъ Нассау-Зигеномъ, находившимся теперь въ Петербургѣ, и среди лицъ, участвовавшихъ въ немъ, находился племянникъ Безбородко. Узнавъ обо всемъ этомъ, Сегюръ прямо отправился къ самому Безбородко и объявилъ ему, что если сущность дѣла не будетъ доведена до свѣдѣнія императрицы, то онъ уѣдетъ немедленно изъ Петербурга. Министръ испугался, тѣмъ болѣе, что Сегюръ пользовался въ то время громаднымъ вліяніемъ при дворѣ. Онъ обѣщалъ устроить все дѣло благополучно. Но Сегюръ этимъ не удовольствовался и, отправившись самъ къ императрицѣ, объяснилъ ей весь заговоръ. Кромѣ того, онъ заявилъ, что не только заступался за Джонса, какъ другъ, но и какъ представитель французскаго короля, который рекомендовалъ Джонса императрицѣ и въ нѣкоторой степени ручался за него. Онъ еще прибавилъ, что французскій король, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пожаловалъ Джонсу орденъ, который давалъ ему рыцарское достоинство, а слѣдовательно всякое оскорбленіе, нанесенное ему, было личнымъ оскорбленіемъ короля. Императрица согласилась съ справедливостью всего, что разсказалъ ей Сегюръ, и объяснила, что если бы Нассау-Зигенъ былъ русскимъ подданнымъ, то она тотчасъ сослала бы его за такое дѣло въ Сибирь. Все же, что она могла сдѣлать теперь, не поднимая скандала, было удалить его изъ Петербурга и приказать поселиться въ Курляндскомъ имѣніи близъ Митавы, кото-

рое она недавно подарила ему. Сегюръ не удовлетворился подобнымъ наказаніемъ Нассау-Зигена и сказалъ, что тотчасъ увѣдомить официально обо всемъ французское правительство, пославъ копію съ ноты всѣмъ иностраннымъ посольствамъ, а также напечатавъ во французской официальной газетѣ о позорномъ поступкѣ Нассау-Зигена. Императрица полагала, что эта мѣра была излишней, и на этомъ окончила разговоръ, только прибавивъ, что адмиралъ Джонсъ долженъ написать ей подробную записку въ оправданіе себя, и затѣмъ ему будетъ разрѣшенъ доступъ ко двору.

Екатерина исполнила свое слово и, получивъ 17-го мая объяснительное письмо Джонса, чрезъ два дня пригласила его попрежнему ко двору. Теперь онъ былъ увѣренъ, что его окончательно назначать начальникомъ Балтійскаго флота, тѣмъ болѣе, что двадцатаго мая онъ получилъ приказаніе императрицы отправиться въ Свеаборгъ и основательно обзрѣть флотъ, стоявшій тамъ на якорѣ, послѣ чего донести ей лично объ его состояніи. Это распоряженіе възбѣсило все морское начальство, и оно приняло мѣры, чтобы власти въ Свеаборгѣ оказали всевозможныя препятствія для исполненія даннаго ему императрицей порученія. Онъ, повидимому, подозрѣвалъ нѣчто подобное и, прежде чѣмъ отправиться въ Свеаборгъ, увѣдомилъ командовавшаго тамъ адмирала о полученномъ отъ императрицы приказѣ. Онъ объявилъ, что подробный осмотръ каждаго корабля начнется чрезъ недѣлю, такъ какъ недавно окончилась зимняя стоянка, и необходимо время для приведенія всего въ порядокъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ потребовалъ, чтобы адмиралъ представилъ ему подробный отчетъ о личномъ составѣ служащихъ на эскадрѣ, а также о количествѣ имѣющихся военныхъ и жизненныхъ припасовъ.

Адмиралъ далъ уклончивый отвѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отправилъ морскому начальству въ Петербургъ письмо, увѣрявшее, что адмиралъ Джонсъ ведетъ тайные переговоры съ Густавомъ III, королемъ шведскимъ, о переходѣ на службу въ шведскій флотъ, и что только ради этой причины онъ добился порученія произвести столь неслыханную инспекцію русской эскадры. Узнавъ объ этомъ доносѣ, Екатерина разсердилась и смѣстила временно контръ-адмирала возвративъ ему прежнее мѣсто только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Джонсъ приступилъ, между тѣмъ, къ самому подробному осмотру Балтійскаго флота и о результатѣ осмотра написалъ императрицѣ подробное донесеніе. Онъ указалъ на такую массу недостатковъ и совѣтовалъ столь дорогія улучшенія, что императрица пришла въ ужасъ. Однако, она исполнила значительное количество его совѣтовъ, особенно касавшихся новаго оснащиванія кораблей, исправленія дековъ, замѣны парусовъ новыми и т. д.

Во время этой инспекціи, продолжавшейся двѣ недѣли, Поль Джонсъ схватилъ серіозную простуду, и по возвращеніи въ Петер-

бургъ у него обнаружилось воспаленіе легкихъ. Болѣзнь была серьезная, и хотя въ концѣ іюня онъ снова сталъ выходить, но его легкія были не прежнія, и онъ казался на взглядъ не молодцемъ сорока одного года, а шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Придворные доктора, Роджерсонъ и Кассини, присланные къ нему императрицей, засвидѣтельствовали, что онъ не можетъ перенести наступленіе зимы въ Петербургъ, и донесли объ этомъ Екатеринѣ. Вслѣдствіе этого она дала ему отпускъ на годъ, а въ случаѣ надобности на два, съ сохраненіемъ полного вице-адмиральскаго жалованья. 19-го числа онъ удостоился прощальной аудіенціи, а наканунѣ написалъ Екатеринѣ письмо, въ которомъ кратко повторилъ всѣ обстоятельства его русской службы, заявилъ всю свою преданность лично къ императрицѣ и увѣрилъ ее, что онъ впредь ни въ какомъ случаѣ не поступитъ на службу ея враговъ, хотя бы о немъ распускали подобныя клеветы. Онъ прибавилъ, что надѣется, оправившись отъ болѣзни, доказать всю искренность его завѣреній. Въ концѣ онъ писалъ: «Такъ какъ меня считаютъ слишкомъ откровеннымъ и слишкомъ правдивымъ для успѣшной службы при русскомъ дворѣ и такъ какъ я создалъ себѣ много могущественныхъ враговъ, то я счелъ необходимымъ удалиться; но честь для меня дороже всякой награды, и я считаю долгомъ увѣрить ваше величество, что служилъ вамъ преданно даже среди преслѣдованій. Я вполне убѣжденъ, что заслужилъ одобреніе императрицы, и несмотря на всѣ неприятели, всегда занимался планами на пользу ея службы. Хотя мои враги, быть можетъ, никогда не превратятся въ моихъ друзей, но меня уважаютъ всѣ, кому я извѣстенъ, и немалое торжество для меня, что въ минуту отъѣзда изъ Россіи всѣ, въ томъ числѣ англичане въ Петербургѣ, безъ малѣйшаго съ моей стороны искаательства, измѣнили свои чувства, стали питать ко мнѣ уваженіе и сожалѣютъ о моемъ отъѣздѣ».

Конечно, это письмо не очень понравилось императрицѣ, но рѣзкость его надо приписать нездоровью Джонса, а такъ же его оскорбленному самолюбію, благодаря интригамъ враговъ. Кромѣ того, онъ узналъ передъ отъѣздомъ, что, во время его пребыванія въ Россіи, систематически задерживали частныя письма, адресованныя на его имя, по почтѣ. Это обстоятельство чрезвычайно его раздосадовало и вполне доказало, какъ его враги всячески старались вредить ему.

Поль Джонсъ покинулъ Петербургъ 18 августа 1789 года, прослуживъ въ Россіи около 16-ти мѣсяцевъ. Ему жилось у насъ не радостно, не весело, и по словамъ его американскаго біографа: «это было естественно, потому что онъ жилъ въ XVIII вѣкѣ, при Екатеринѣ II, а не въ XX вѣкѣ и не при Николаѣ II».

Прежде всего, за границей, онъ остановился въ Варшавѣ и былъ принятъ очень любезно польскимъ королемъ Станиславомъ. Среди

поляковъ онъ познакомился со знаменитымъ генераломъ Костюшко, который старался, во что бы то ни стало, уговорить его выйти изъ русской службы. Но Джонсъ отвѣчалъ, что ни подь какимъ видомъ не пойдетъ противъ Россіи, развѣ будетъ война между нею и Американскими Соединенными Штатами, что совершенно невозможно. Шпіоны Потемкина и Безбородки, разсѣянные повсюду, тотчасъ донесли, что Костюшко убѣдилъ его поступить на службу къ королю шведскому. Сегюръ узналъ объ этомъ и немедленно увѣдомилъ адмирала о новой клеветѣ его враговъ. Онъ тотчасъ отвѣчалъ Сегюру, прося передать копію письма императрицѣ.

«Желая,—писалъ онъ,—выразить мои отношенія къ русской службѣ, я торжественно заявляю, что съ моей стороны было бы совершенно нелѣпо, считая себя въ отпуску, войти въ сношенія, а тѣмъ болѣе поступить на службу врага ея величества. Я всегда выражалъ императрицѣ мое намѣреніе оставаться американскимъ гражданиномъ и офицеромъ, находясь на русской службѣ. Кромѣ того, получивъ отъ ея величества почетный орденъ и золотую шпагу, я далъ слово не обнажать ея противъ интересовъ Россіи. Если же, паче чаянія, и несмотря на мою преданность и благодарность къ особѣ ея величества, я былъ бы принужденъ подать въ отставку, то, конечно, спрошу на это согласія ея величества и, ни въ какомъ случаѣ, не вступлю на службу враждебной ея величеству державѣ».

Сегюръ передалъ копію этого письма Екатеринѣ, и она, повидимому, была довольна его содержаніемъ. Императрица приказала Храповицкому написать Джонсу, что она постоянно питаетъ къ нему довѣріе и не вѣритъ распространяемымъ его врагами мелочнымъ клеветамъ. Несмотря, однако, на подобныя завѣренія императрицы, Джонсъ послалъ Вашингтону всѣ бумаги Сегюра, касавшіяся его дѣла, чтобы уничтожить въ Америкѣ всѣ слѣды русскихъ интригъ противъ него. Президентъ не отвѣчалъ ему ни слова относительно его русской службы, но въ концѣ того же года написалъ ему, что, по его мнѣнію, «не слѣдовало ему оставаться на русской службѣ, потому что онъ могъ понадобится Америкѣ и по другимъ причинамъ». Кромѣ надежды на получение команды надъ американскимъ флотомъ, онъ въ 1790 году, живя постоянно въ Парижѣ, сошелся со многими изъ революціонныхъ дѣятелей, и Лафайетъ, Мирабо, Бареръ, Карно, даже Робеспьеръ и Дантонъ обѣщали ему въ близкомъ будущемъ начальство надъ французскимъ флотомъ. Всѣ эти воздушные замки и серіозныя мысли о неблагопріятной службѣ въ Россіи побудили его въ 1791 году, когда истекалъ его двухгодичный отпускъ, отправить чрезъ русскаго посланника въ Гаагѣ просьбу къ императрицѣ о совершенной отставкѣ. Но императрица не согласилась на его просьбу и чрезъ своего пріятеля, барона Гримма, увѣдомила адмирала, что

желаетъ удержать его на службѣ, хотя она находилась въ мирныхъ отношеніяхъ съ Турціей и Швеціей, а потому не нуждалась въ немедленныхъ его услугахъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ она позволяла ему остаться еще въ отпуску, а въ случаѣ надобности, обѣщала сообщить ему лично о своихъ желаніяхъ. Въ то же время она распорядилась о платежѣ ему недоданнаго жалованья.

Такимъ образомъ, какъ это видно изъ достовѣрныхъ документовъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1791 года Екатерина даже не въ официальныхъ бумагахъ, а въ частныхъ письмахъ къ Гримму отзывалась снисходительно и даже любезно о своей «черноморской мордашкѣ», но въ маѣ мѣсяцѣ того же года она писала тому же Гримму совершенно иначе. Во-первыхъ, она называетъ его контръ-адмираломъ, хотя во время пребыванія въ Россіи пожаловала его въ вице-адмиралы; во-вторыхъ, по ея словамъ, отпускъ ему былъ данъ, чтобы спровадить его безъ позора послѣ возбужденнаго противъ него обвиненія въ изнасилованіи, и, въ-третьихъ, она говоритъ, что, послѣ этого гадкаго анекдота, онъ не имѣлъ аудіенцій при дворѣ. Поэтому изъ письма Екатерины отъ 14-го мая и послѣдующаго письма отъ 1-го сентября къ Гримму видно, что она была совершенно не расположена къ Джонсу и вѣрила всѣмъ наговорамъ на него. Въ первомъ изъ этихъ писемъ она еще говорила: «если миръ не будетъ заключенъ, то я сообщу о своихъ намѣреніяхъ господину Полю Джонсу», а во второмъ прямо совѣтовала ему заняться своими дѣлами въ Америкѣ. Очевидно, все было кончено между императрицей и Джонсомъ.

Узналъ ли объ этомъ Джонсъ, или по другой какой причинѣ, но весной 1792 года онъ рѣшился окончательно прекратить всѣ отношенія къ Россіи и съ этою цѣлью поѣхалъ въ Голландію, чтобы свидѣться съ Крюденеромъ. По странному стеченію обстоятельствъ, русскій посланникъ вручилъ ему письмо Суворова, доказывавшее, что эти отношенія были самыя неопредѣленныя и противорѣчивыя. Письмо было помѣчено 3-мъ марта, 1792 года, и въ немъ Суворовъ увѣдомлялъ, что назначенъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Польшѣ. Послѣ этого онъ писалъ:

«Не позволяйте, мой добрый братъ, какойнибудь сиренѣ во плоти, или въ образѣ самолюбія, обольстить васъ и побудить оставить службу ея величества. Я слышу дурныя вѣсти о вашемъ здоровьѣ, но убѣжденъ, что климатъ Чернаго моря положительно не можетъ быть вреденъ для васъ. Россія именно тамъ нуждается въ васъ. Вспомните, что въ 1788 году Англія и Пруссія соединились для покровительства туркамъ, и даже Австрія отказалась отъ нашего союза, когда услышала о нашемъ планѣ итти на Босфоръ съ вашимъ флотомъ и перейти Балканы съ моею арміей. Ваши французы приготавливаютъ много бѣдъ, которыми Западная Европа будетъ сверхъ силъ занята. Я не обманываю себя; я предвижу,

что дѣла во Франціи поведутъ къ уничтоженію монархіи. Когда это случится, то Франція станетъ общимъ врагомъ всѣхъ сосѣднихъ монарховъ, и во всей Западной Европѣ будетъ продолжительная общая война, которая всецѣло займетъ Австрію, Пруссію и Англію. Эти факты совершатся очень скоро: черезъ годъ—не болѣе. Австрія же объявитъ войну Франціи, быть можетъ, прежде, чѣмъ это письмо дойдетъ до васъ. Когда Западная Европа будетъ въ огнѣ,—придетъ наше время. Намъ будетъ полная свобода распорядиться турками, какъ мы желаемъ; мы тогда можемъ безопасно владѣть Чернымъ моремъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, выстроено новыхъ девять линейныхъ кораблей и шесть фрегатовъ; поэтому вы видите, что морскія силы удвоены сравнительно съ тѣми, что были въ вашихъ рукахъ на Лиманѣ. Кромѣ того, теперь я могу васъ защитить отъ придворныхъ интригъ, чего прежде не могъ сдѣлать. Со временъ Измаила придворные меня болѣе не беспокоятъ, я отъ нихъ отмахиваюсь, какъ отъ мухъ. Въ новой турецкой кампаніи я буду главнымъ начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, а вы будете давать отчетъ только мнѣ, что, я полагаю, не будетъ вамъ неприятымъ. Вотъ мой планъ. Я сообщилъ его только одной императрицѣ. Она одобряетъ его и двинется впередъ, какъ только осуществится въ Западной Европѣ то, что я предвижу. Ну, добрый братъ мой, императрица получитъ копию съ этого письма, она согласится со мною, что ваше начальство надъ Черноморскимъ флотомъ—необходимая часть плана. Поэтому умоляю васъ, не затрудняйте себя никакими западными комбинаціями, но возвращайтесь въ Россію, какъ можно скорѣе. Приѣзжайте лѣтомъ, когда можете безопасно для вашего здоровья быть въ Петербургѣ, и заѣзжайте въ мой лагерь здѣсь или въ Польшѣ, чтобы переговорить о предполагаемыхъ планахъ».

Это замѣчательное письмо, однако, не произвело никакого впечатлѣнія на Джонса, и даже неизвѣстно, отвѣчалъ ли онъ на него. Въ это самое время онъ былъ занятъ обѣщаніемъ друзей назначить его командиромъ французскаго флота и настаивалъ на русской отставкѣ. На этотъ разъ ему это удалось, и онъ добился согласія Екатерины на свое отчисленіе отъ русскаго флота, при чемъ получилъ все жалованье, слѣдуемое ему за прежнее время, хотя окончательный расчетъ онъ получилъ послѣ своей смерти.

Въ Парижъ онъ вернулся свободнымъ человѣкомъ въ 1792 г., но судьбѣ было угодно послать ему неожиданную смерть 18-го іюля того же года, на сорокъ пятомъ году его жизни. Что онъ умеръ наканунѣ счастливой перемѣны въ его судьбѣ, доказываютъ почести, которыя были оказаны послѣ его смерти «человѣку, послужившему въ дѣлѣ свободы». Только одна Екатерина была злопамятна и писала Гримму: «Поль Джонсъ былъ очень вздорливый человѣкъ, вполне достойный, чтобы его чествовала кучка отвратительныхъ людей».

Совершенно иначе отзывался о немъ Наполеонъ. «Поль Джонсъ не дождался своей судьбы и умеръ слишкомъ рано,—говорилъ императоръ послѣ Трафальгара:—если бы онъ былъ живъ, то Франція имѣла бы теперь настоящаго адмирала. Наши адмиралы толкуютъ о различныхъ теоретическихъ предметахъ и забываютъ, что вся цѣль войны заключается въ томъ, чтобы поймать непріятеля и уничтожить его. Такъ смотрѣли на цѣль морской войны Поль Джонсъ и Нельсонъ. Жаль, что имъ не пришлось помѣряться равными силами».

В. Т.

НОВЫЯ МѢРОПРІЯТІЯ ВЪ БИБЛІОЛОГИИ.

БТЪ еще и трехъ лѣтъ, какъ число нашихъ ученыхъ обществъ увеличилось новымъ товарищемъ: въ Петербургѣ вознило «Русское библиологическое общество». Широко понимая слово библиологія, новое общество, какъ гласитъ первый параграфъ его устава, поставило себѣ цѣлью содѣйствовать теоретической выработкѣ и практическому примѣненію мѣръ для облегченія обзорнія всѣхъ родовъ литературныхъ произведеній, а также изученію книжнаго дѣла въ его прошломъ и настоящемъ. Такимъ образомъ, помимо чисто научной дѣятельности, общество возложило на себя трудную задачу прийти на помощь людямъ, занимающимся тѣмъ или другимъ специальнымъ вопросомъ, или даже просто не совсѣмъ беззаботнымъ насчетъ литературы и науки. Общество стремится пособить какъ своимъ членамъ, такъ и постороннимъ лицамъ, разобраться въ великомъ множествѣ книгъ, появляющихся теперь на книжномъ рынкѣ, и въ цѣломъ морѣ статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Потребность въ такого рода помощи чувствовалась уже давно. Едва ли не первый въ Россіи библиографическій трудъ Бакмейстера: «Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland», появился еще въ 1772 году. Съ тѣхъ поръ появляется цѣлый рядъ библиографическихъ работъ и даже періодическихъ журналовъ, кончая «Библиографомъ» Н. М. Лисовскаго. Однако, всѣ такія попытки кончались обыкновенно неудачей по той простой причинѣ, что съ развитіемъ литературы беллетристической и научной услѣдить одному лицу за всѣмъ печатнымъ ма-

теріаломъ оказывалось не подь силу. Осуществить такую задачу въ наше время возможно лишь цѣлому обществу, въ родѣ библиологическаго, гдѣ уже въ концѣ перваго года его существованія насчитывалось болѣе сотни членовъ.

Заручившись коллективнымъ содѣйствіемъ членовъ, молодое общество, не теряя времени, на первыхъ же порахъ приступило къ практическому осуществленію своихъ плановъ. Прежде всего начата была регистрація нашихъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ, начиная съ 1900 г. Содержаніе каждаго № разносилось членами общества на особыя карточки, которыя въ настоящее время составили уже цѣлое библиографическое бюро, настолько полное, что теперь уже возможно дать точныя указанія, гдѣ и что печаталось въ ХХ столѣтіи по тому или другому предмету. Справочное библиографическое бюро общество рѣшило предоставить къ услугамъ не только своихъ членовъ, но и постороннихъ лицъ, которыя пожелали бы обратиться туда съ запросомъ. Такого рода карточные указатели существовали до сихъ поръ лишь у записныхъ библиографовъ специалистовъ и, конечно, были доступны только немногимъ. Русское библиологическое общество, удовлетворяя назрѣвшей потребности, идетъ въ этомъ отношеніи на встрѣчу интеллигентной публикѣ.

Дальнѣйшимъ практическимъ мѣропріятіемъ общества явился его собственный печатный органъ «Литературный Вѣстникъ». Новый журналъ, выходящій пока 8 разъ въ годъ, поставилъ себѣ цѣлью сдѣлаться изданіемъ, гдѣ могли бы помѣщаться историко-литературные матеріалы и отмѣчались бы сколько нибудь важныя труды по исторіи русскоѣ литературы. Какъ видно изъ этого заявленія редакціи, «Литературный Вѣстникъ» представляется органомъ собственно не всего библиологическаго общества, въ составѣ котораго могутъ быть специалисты по разнымъ отраслямъ знанія, а лишь его историко-литературной секціи. Съ другой стороны, благодаря именно этому обстоятельству, молодой журналъ, оставаясь строго научнымъ изданіемъ, приближается къ типу нашихъ общео-историческихъ журналовъ и можетъ себѣ найти тотъ же кругъ читателей, что и они. Насколько «Литературный Вѣстникъ» удовлетворилъ требованіямъ науки, видно изъ того, что академія наукъ сочла нужнымъ ассигновать ему особую субсидію. То обстоятельство, что «Вѣстникъ» вступилъ во второй годъ существованія, указываетъ и на то, что особый органъ пришелся ко двору и обыкновенныхъ смертныхъ, не остывшихъ еще окончательно къ интересамъ науки и литературы. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, преслѣдуя главнымъ образомъ идейныя цѣли, журналъ этотъ занимаетъ своеобразное положеніе: въ немъ все дѣлается и пишется даромъ. Какъ заявляетъ редакція въ годичномъ обзорѣ, ни одна статья, помѣщенная въ «Вѣстникъ», не была оплачена гонораромъ.

и вся сложная и хлопотливая редакціонная служба неслась бесплатно.

Обращаясь къ разсмотрѣнію содержанія журнала за истекшій первый годъ его существованія, мы замѣчаемъ, что книжки «Вѣстника» распадаются на два главные отдѣла. Прежде всего идутъ новые историко-литературные матеріалы и статьи научнаго характера. Такъ на страницахъ «Литературнаго Вѣстника» впервые появляются стихотворенія Огарева, доставленныя редакціи сыномъ Герцена, извѣстнымъ лозанскимъ физиологомъ. Отмѣтимъ далѣе письма Ө. Булгарина къ разнымъ лицамъ, любезно сообщенныя знатокомъ нашей исторіи С. Н. Шубинскимъ, со статьей В. Боцяновскаго объ этомъ «восьмомъ чудѣ», какъ зло назвалъ Булгарина одинъ современникъ. Далѣе заслуживаетъ вниманія доселѣ неизвѣстная статья Батюшкова «Замѣчанія на баснословіе сѣверныхъ народовъ», лишній разъ обнаруживающая живой интересъ поэта къ странѣ, «гдѣ природа мертва и угрюма». Историкъ литературы найдетъ въ этомъ отдѣлѣ немало для себя подходящаго и интереснаго, тѣмъ болѣе, что редакція перепечатываетъ въ своемъ журналѣ все, что можетъ найти о дѣятеляхъ литературы въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, большею частью недоступныхъ, а иногда и вовсе неизвѣстныхъ обыкновеннымъ смертнымъ.

Вторымъ основнымъ отдѣломъ журнала является критико-библиографическое обзорѣніе современной литературы и журналистики. Отдѣлъ этотъ составляется, видимо, съ любовью и отличается своей полнотой. Ни одна мало-мальски интересная книга, вышедшая въ 1900 году, не ускользнула отъ вниманія сотрудниковъ-сочленовъ и не осталась безъ обстоятельной и компетентной рецензіи. Особенно цѣнными являются въ этомъ отдѣлѣ списки журнальныхъ статей, касающихся литературы и ея дѣятелей. Такіе списки составляются редакціей ежемѣсячно и служатъ для интересующихся лицъ не замѣнимымъ пособіемъ для знакомства съ критической и библиографической литературой о томъ или другомъ писателѣ.

Отмѣчая книжныя новости, «Литературный Вѣстникъ» вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ и за умственной и общественной нашей жизнью, поскольку она касается дѣятелей науки и литературы. Въ каждомъ № дается обстоятельный отчетъ о засѣданіяхъ столичныхъ ученыхъ обществъ съ краткимъ изложеніемъ читанныхъ тамъ рефератовъ. Смерть такихъ крупныхъ людей, какъ Шеллеръ и Майковъ, вызываетъ на страницахъ «Вѣстника» ихъ некрологи, а отлученіе отъ церкви графа Толстого—съ одной стороны перепечатку извѣстнаго синодальнаго посланія, а съ другой полемику, возникшую между супругою писателя и митрополитомъ Антоніемъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этого общественнаго журнала. Физиономія его въ настоящее время достаточно выяснилась, и его положеніе среди другихъ изданій этого рода можно опре-

дѣлать, сравнивъ его съ «Русскою Стариною». Можно сказать, что по отношенію къ исторіи русской литературы органъ Русскаго библиологическаго общества занялъ то же положеніе, какое «Русская Старина» укрѣпила за собой относительно русской исторіи.

Опытный специалистъ замѣтитъ, конечно, нѣкоторую неполноту справочнаго отдѣла и даже, пожалуй, кое-какія погрѣшности. Но эти недостатки и не страшны, потому что журналъ, видимо, идетъ на расширеніе и улучшеніе, и извинительны, если вспомнить изреченіе знаменитаго Скалигера относительно всѣхъ вообще изданій, носящихъ главнымъ образомъ справочный характеръ:

Lexicographi secundum post Herculem labor.

А. Бв.

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО ВЪ ЖЕНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

(Культурно-историческія замѣтки).

ВЪ РУССКОЙ печати еще не было сдѣлано серьезныхъ попытокъ ¹⁾ заняться хотя отчасти историческимъ прошлымъ женскаго вопроса, обращающаго теперь всеобщее вниманіе во всѣхъ сколько нибудь культурныхъ странахъ. А между тѣмъ именно такое разсмотрѣніе этого вопроса, т.-е. со стороны его культурно-историческаго прошлаго въ наше время очень интересно и особенно поучительно. Даже при самомъ бѣгломъ очеркѣ наиболѣе выдающихся болѣе или менѣе отдѣльныхъ фактовъ и эпизодовъ этого прошлаго,—что и предлагается здѣсь,—окажется, какъ обыкновенно нѣмцы говорятъ въ подобныхъ случаяхъ, Alles schon da gewesen (все такое уже было)! Женскій вопросъ пробовали уже рѣшать со всякихъ сторонъ и съ почти незапамятныхъ временъ! И всѣ считающіе себя противниками его и увѣряющіе, что онъ не что иное, какъ порожденіе нашего и притомъ самаго новѣйшаго либеральнаго времени, должны признать себя неправыми. Но съ другой стороны и всѣ сочувствующіе этому вопросу, при ознакомленіи съ его историческимъ прошлымъ, могутъ серьезно поразмыслить вотъ о чемъ. Почему же, если всѣ эти подчасъ удивительныя и мужественныя стремленія женщинъ въ теченіе почти

¹⁾ Уже почти при заключеніи этого очерка историческихъ фактовъ авторъ его съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ прочелъ въ «Маленькихъ письмахъ» А. С. Суворина («Новое Время», № 9.203) именно такое обзорнѣе. Но А. С. Суворинъ преимущественно говоритъ о новѣйшихъ замѣчательныхъ историческихъ фактахъ въ женскомъ вопросѣ, касаясь болѣе древнихъ не далѣе конца XVIII вѣка. У автора же этихъ строкъ, наоборотъ, обзоръ почти кончается именно на этомъ времени.

всѣхъ вѣковъ не только постоянно проявлялись наружу, но и почти не прерывались,—до сихъ поръ сравнительно немного было сдѣлано? Подобныя разсужденія, основываемыя на прошломъ, которое, однако, далеко не что либо ничтожное, очень многимъ дадутъ возможность видѣть, какъ всякія напрасныя прежнія увлеченія и надежды, такъ и тѣ реальныя средства, которыхъ необходимо держаться при преслѣдованіи наиболѣе достижимаго въ этомъ дѣлѣ, приобретающемъ все болѣе и болѣе друзей. Объ этомъ впрочемъ еще нѣсколько словъ въ заключеніи очерка сравнительно съ нынѣшнимъ «женскимъ движеніемъ», какъ здѣсь называютъ женскій вопросъ.

Въ Западной Европѣ, кромѣ уже довольно богатой литературы по современному женскому вопросу, начинаютъ появляться отдѣльныя серіозныя книга и нерѣдкія статьи въ журналахъ и газетахъ, относящіяся именно къ исторіи этого вопроса. Въ числѣ, напримѣръ, недавно (1900—1901 г.) появившихся книгъ заслуживаютъ вниманія: вышедшая въ Парижѣ «*Les femmes medecins d'autrefois*» (Женщины врачи прежняго времени) доктора Марселя Бодуэна, гдѣ онъ излагаетъ исторію женскихъ врачей древнихъ вѣковъ, и вышедшая въ Лейпцигѣ въ двухъ томахъ «*Über die Frauen in der Geschichte des deutschen Geistes-Lebens*» (О женщинахъ въ исторіи германской духовной жизни) А. фонъ-Ганштейна. Но заимствуемыя изъ этихъ сочиненій свѣдѣнія дополняются и изъ всевозможныхъ другихъ источниковъ, а также разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и тщательно собранныхъ авторомъ этихъ строкъ извѣстій.

Первое знаніе, къ которому стремились выдающіяся женщины съ незапамятныхъ временъ, кажется, медицина. Уже изъ классической древности извѣстенъ цѣлый рядъ такихъ выдающихся женщинъ. Въ числѣ первыхъ ихъ называютъ Артемизию царицу карійскую, въ IV вѣкѣ до Рожд. Хр. прославившуюся своею необыкновенною скорбью по случаю смерти мужа ея—Мавзолея, и постановкою ему памятника въ видѣ изящнаго сооруженія, послужившаго образцомъ для подобныхъ же монументовъ и до нашихъ дней, т.-е. мавзолеевъ. Сколько извѣстно, съ тѣхъ поръ, т.-е. въ теченіе болѣе чѣмъ 22 вѣковъ, изъ возсѣдавшихъ на престолахъ женщинъ только нынѣшняя португальская королева послѣдовала примѣру своей знаменитой предшественницы, да еще какъ! Въ 1895 г. она прошла въ Лиссабонскомъ университетѣ полный курсъ медицинскаго факультета, потомъ поднесшаго ей докторскій дипломъ. Далѣе въ древности прославились: Феано, жена знаменитаго Пифагора, знавшая такъ же философію и другія науки и противъ Эврифона (основательно) утверждавшая, что семимѣсячный младенецъ бываетъ уже жизнеспособенъ; Арита, жрица Эскулапа (т. е. сына Аполлона и бога медицины), излѣчившая одного жителя отъ слѣпоты (жрецы въ древней Греціи и Египтѣ были первыми врачами);

Ланса Аѳинская, по всей вѣроятности та извѣстная образованная гетера, которая «оказывала свое благоволеніе» философамъ Аристиппу, Діогену и Демосѳену. Но первую женщиною, получившею систематическое школьное медицинское образованіе, была Агнодиса, молодая аѳинянка, за 300 лѣтъ до Р. Х., а по другимъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.; эта мужественная женщина, чтобы обойти уже тогда изданное запрещеніе женщинамъ заниматься высшими науками, остриглась, надѣла мужской костюмъ и поступила въ медицинскую школу нѣкоего философа Герофила. Новый врачъ скоро подъ прикрытіемъ мужского платья пріобрѣлъ знаменитость и большую популярность въ народѣ. Но слишкомъ уже ревнивые—насчетъ конкуренціи по доходамъ—коллеги, настоящіе врачи мужскаго пола, привлекли ее къ суду ареопага, между прочимъ, по обвиненію съ заднею мыслью, будто бы она портитъ, т. е. развращаетъ обращающихся къ ней за лѣченіемъ женщинъ. Агнодиса должна была признаться, что она сама женщина, что и требовалось ревнивыми коллегами, обвинившими ее затѣмъ въ нарушеніи закона, запрещавашаго женщинамъ и рабамъ заниматься медициною. Но тутъ за нее заступились знаменитѣйшія аѳинянки, умолявшія сенатъ объ отмѣнѣ такого закона. Шумная агитація женщинъ въ пользу Агнодисы такъ подѣйствовала на большинство сенаторовъ, оказывавшихъ знаменитой докторшѣ симпатіи, что они издали новый законъ, по которому женщинамъ дозволялось уже заниматься акушерствомъ и лѣченіемъ разныхъ другихъ болѣзней, свойственныхъ ихъ полу, конечно, къ немалому горю ихъ ревнивыхъ коллегъ. Но, увы, послѣдніе, очевидно, таковыми же почти повсемѣстно остались и по сей день. Трудно-бъ вѣрилось, что это такъ, невзирая на два тысячелѣтія, но вотъ несомнѣнный фактъ, который такъ и хочется занести въ лѣтопись именно рядомъ съ повѣствованіемъ объ этомъ хитромъ преслѣдованіи прародительницы женскаго вопроса ея очень уже «ревнивыми» коллегами. На генеральномъ собраніи, лѣтомъ 1898 г., въ Висбаденѣ германскаго 26-го съѣзда врачей, единогласно постановлено было ходатайствовать, чтобы женщины вовсе не допускались къ изученію медицинскихъ наукъ или, по крайней мѣрѣ, если это уже никакъ невозможно, чтобы женщинамъ, стремящимся къ врачебной карьерѣ, не оказывалось на экзаменахъ никакихъ облегченій. Курьезно, однако, что «единогласными» коллегами сдѣлана—таки уступка: если нельзя вовсе не допускать, то хоть безъ всякихъ послабленій. Ходатайство врачей о первомъ позднечко: на всемъ земномъ шарѣ, вѣдь, по статистикѣ уже оказывается болѣе 7.000 съ дипломами врачующихъ челоѳчество женщинъ. А въ «послабленіяхъ»¹⁾ женщины теперь, съ уравне-

¹⁾ Подъ недопущеніемъ послабленій врачи разумѣютъ требованіе отъ женщинъ и греческаго языка, отъ котораго до сихъ поръ онѣ освобождались въ университетахъ.

ніемъ въ Германіи въ правахъ мужчинъ реалистовъ съ классиками (и замѣтите: не только оканчивающихъ реальныя гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, но и высшія реальныя школы, даже вовсе безъ латинскаго языка), женщины не имѣютъ уже и надобности, т. е. въ греческомъ языкѣ, для поступленія на медицинскій, какъ и на другіе факультеты (кромя древней филологіи и богословія).

Послѣ покоренія Греціи римлянами нѣкоторыя женщины занимались медицинскою практикою въ Малой Азіи, а отчасти въ самомъ Римѣ. Многія изъ этихъ женскихъ врачей были вольноотпущенныя, которыя должны были исполнять обязанности домашнихъ врачей ихъ господъ. Въ числѣ такихъ была Секунда въ домѣ Ливиллы, сестры Германика и племянницы Тиверія. Еще двѣ докторши сильно занимали историковъ подобныхъ вопросовъ. Первая изъ нихъ— Аспазія, жившая въ концѣ I вѣка нашей эры. Конечно, ее не должно смѣшивать со знаменитою женою Перикла, прославившеюся своею красотою и умомъ. Она оставила по себѣ важныя работы по женскимъ болѣзнямъ вообще и по акушерству въ особенности. Многимъ спорамъ подвергался также вопросъ о томъ, кто такая была вторая изъ этихъ врачей—Клеопатра, ученая, между прочимъ, оставившая сочиненіе о косметикѣ. Нѣкоторые утверждали, что это была не кто иная, какъ знаменитая египетская царица, увлекшая въ свои сѣти сперва Цезаря, а потомъ Антонія, и отравившая себя въ 30-хъ годахъ до Р. Х. ядомъ змѣи, когда ей не удалось еще одного римскаго властелина завлечь въ сѣти, т. е., Октавія. Знаменитый французскій химикъ Бертелло считаетъ ее алхимическою писательницею, а другой (Геффтеръ) естествоиспытатель даже приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ ея сочиненій по исторіи химіи,

Въ древней Галліи занимались женщины тоже нѣкоторою медицинскою практикою. Археологи нашли въ Нимѣ даже памятникъ, поставленный одной изъ нихъ, Гедонѣ, жившей во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. Другая изъ этихъ извѣстныхъ врачей называлась Метилія Донате; въ Ліонѣ она пользовалась огромною популярностью и практикою.

Особенный интересъ для насъ должны представлять упоминаемая исторію, какъ мудрая, женщины-врачи, изъ коихъ были даже мученицы и святые. Такъ, Θεодосія, мать св. Прокофія, занималась медициною и хирургіею въ Римѣ и большою извѣстностью пользовалась. Она была во время преслѣдованій христіанъ при Діоклетіанѣ (въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х.) казнена мечомъ. Позже Фабія, или Фабіола, признанная церковью святою, устроила даже на свой счетъ тамъ же первый въ исторіи госпиталь для бѣдныхъ. Наконецъ, медицинскою практикою занималась въ Византіи, при императорѣ Аркадіи, въ V вѣкѣ по Р. Х. св. Никерата, которой приписываютъ излѣченіе св. Хризостома отъ тяжкой болѣзни желудка.

Въ средніе вѣка, невзирая на ихъ безправіе въ извѣстныхъ отношеніяхъ, цѣлый рядъ женщинъ прославился полученіемъ по всѣмъ правиламъ въ университетахъ докторской степени, главнымъ образомъ въ мавританскихъ университетахъ Испаніи. Такъ Тротула де-Руджіеро (Rugiero), занимавшаяся медицинскою практикою въ XI вѣкѣ въ Салерно, пользовались даже европейскою знаменитостью. Въ XIV вѣкѣ, Доротея Бокки (Bocchi) пріобрѣла не только докторскую степень, но и занимала профессорскую кафедру по медицинскому факультету въ университетѣ въ Болоньѣ (Италія), наиболѣе тогда знаменитомъ въ Европѣ. Въ томъ же университетѣ гораздо позже (въ концѣ XVIII столѣтія) двѣ женщины оставили по себѣ хорошую память, какъ профессора: Анна Магнолини занимала профессорскую кафедру по анатоміи, и Марія Донне (dolle Donne) по родовспомогательнымъ наукамъ. Судя по эдиктамъ отъ 1311 и 1352 г., и во Франціи женскіе врачи и хирурги не были тогда рѣдкостью.

Но не исключительно къ медицинскимъ наукамъ стремились женщины въ прежнее время. Недавно отыскалась лѣтопись вѣнскаго хрониста, аббата Мартина, который повѣствуетъ, что одна славянская студентка, по имени Новойка, еще въ 1400 году прошла весь курсъ богословія въ Краковскомъ университетѣ—тайно, на подобіе знаменитой вышеуказанной Агнодисы въ Аѳинахъ, прародительницы настоящаго женскаго вопроса,—и уже была накануне провозглашенія ея бакалавромъ богословія. Она была лишь неожиданно открыта между студентами-мужчинами, хотя носила, конечно, мужское платье и долго жила среди нихъ въ бурсѣ. Лѣтописецъ этотъ называетъ такое открытіе тогда большимъ скандаломъ и сообщаетъ, что вѣсть о томъ съ быстротою молніи распространилась по городу, ибо подобное поведеніе считалось тяжкимъ преступленіемъ. Преданная суду, она спокойно объяснила, что ея поступокъ не болѣе, какъ чистая жажда науки. Судьи сначала сомнѣвались въ этомъ, но ректоръ и преподаватели подъ присягою показали, что тайная студентка отличалась не только примѣрнымъ прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ, но и заявила себя уже серьезными научными познаніями въ богословіи. Тогда судьи, оставивъ всякія сомнѣнія, рѣшили лишь отправить въ монастырь ученую дѣвицу.

Тамъ она скоро сдѣлана была начальницею школы и настоятельницею женскаго монашескаго ордена. Исторически установлено, что Новойка была авторомъ одного цѣнившагося въ XV столѣтіи религіознаго сочиненія подъ заглавіемъ «Книга Новойки».

Въ Германіи собственно духовная эмансипація женщинъ началась гораздо позже, чѣмъ въ вышеуказанныхъ странахъ. Тамъ началось это движеніе лишь вмѣстѣ съ пробужденіемъ интереса къ умственнымъ благамъ, послѣ тридцатилѣтней войны, хотя и кон-

чившейся религіознымъ равноправіемъ протестантовъ съ католиками, но разрушившей Германію и ея культуру надолго. Зато тамъ этотъ вопросъ, такъ сказать, съ матеріальной стороны скоро послѣ того поставленъ былъ ребромъ. Изъ недавно открытаго въ архивахъ подлиннаго документа отъ 1650 года,—на удивленіе всѣхъ христіанъ,—видно, что тогда было въ Германіи дозволено даже двоеженство съ тѣмъ лишь, чтобы по возможности уничтожить вредное большое преобладаніе (численное, конечно) женщинъ надъ мужчинами. Въ этомъ актѣ, составленномъ какъ бы соборомъ франконскаго округа (Франкская или Франконская область составляла провинціи, отошедшія послѣ отчасти къ Баваріи, а отчасти къ Пруссіи), на каковомъ собраніи участвовали даже князья-епископы (католическіе), то-есть высшія духовныя власти,—впервые, конечно, со времени христіанской цивилизаціи, находятся три слѣдующіе удивительные пункта (передаю ихъ тѣмъ же старымъ слогомъ): «1) Симъ воспрещается въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ принятіе въ монастыри молодыхъ мужчинъ или лицъ мужского пола менѣе 60 лѣтъ отъ роду; 2) всѣмъ священникамъ и настоятелямъ приходовъ (католическихъ, конечно), не принадлежащихъ къ религіознымъ орденамъ, немедленно (должно) вступить въ бракъ; 3) всякой личности мужского пола дозволяется жениться на двухъ женщинахъ. Однако при семъ всѣмъ и каждому изъ лицъ мужского пола напоминаетъ,—и съ церковной каеедры тоже въ томъ почаше должно увѣщевать, (что должно) такъ себя вести и соблюдать себя въ томъ, чтобы онъ (мужчина) ревностно заботился съ необходимою и подобающею въ семъ скромностью и предусмотрительностью, какъ законный мужъ, коему довѣрили взять двѣ жены, не только о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ обезпечить обѣ законныя жены, но и предотвратить между ними всякіе раздоры». Какъ долго дѣйствовало это изумительное для христіанской культуры законное нововведеніе,—исторія умалчиваетъ, равно неизвѣстно, много ли тогда нашлось охотниковъ брать по «двѣ законныхъ». Но если бы въ наше время какимъ либо мудрецамъ вздумалось вновь попробовать это слишкомъ уже радикальное средство, то на дѣлѣ вышло бы куда какъ трудно это сдѣлать. Напримѣръ, въ одной Германіи на 26 милліоновъ мужского населенія 27 милліоновъ женскаго,—слѣдовательно, еслибъ всѣхъ поголовно заставить вступать въ обязательный бракъ, то около милліона женщинъ нужно было бы выдавать замужъ въ качествѣ вторыхъ женъ. Нужно еще замѣтить, что этимъ страннымъ двоебрачіемъ 250 лѣтъ назадъ думали также подготовить болѣе мужского населенія «противъ враговъ христіанъ, турокъ», грозившихъ тогда Европѣ.

Около того же самаго времени, т. е. 250 лѣтъ назадъ, «женское движеніе» не только было пущено въ ходъ, но, какъ оказывается, находилось даже въ полномъ разгарѣ и въ старой Польшѣ, какъ

извѣстно, не любившей никакихъ, ни семейныхъ, ни социальныхъ измѣненій. Въ университетской библиотекѣ г. Кракова находится очень оригинальный подлинный документъ того времени, XVII вѣка, гдѣ интеллигентная женщина изложила всѣ свои благопожеланія насчетъ женской эмансипаціи для подачи въ видѣ петиціи парламенту, созванному тогда королемъ Владиславомъ IV. Для подачи этой коллективной просьбы женщинъ великой Польши и Литвы были даже избраны практическими польками особыя посланницы-комиссарки отъ разныхъ мѣстностей. Петиція содержитъ 25 особыхъ пунктовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ культурно-историческій интересъ. Самые курьезные, какъ кажется, пункты колоссальнаго прошенія женщинъ—14-й и 19-й: въ первомъ онѣ упираются объ изданіи закона объ обязательномъ бракѣ для всякаго мужчины, «не позже 30 года жизни», а во второмъ—онѣ «всеподданнѣйше» просятъ парламентъ и короля «для военной службы избирать впредь лишь мужчинъ, лишенныхъ всякой жизненной энергіи и имѣющихъ какіе либо выдающіеся (физическіе) недостатки», а слѣдовательно негодныхъ для брака. Статьею 5-ю ходатайствовало, чтобы «молодые люди, сватавшіеся на масленицѣ за дѣвушекъ и до іюня не женившіеся, подвергались штрафу въ 1.000 польскихъ гульденовъ въ пользу осиротѣвшихъ польскихъ дѣвицъ». Въ ст. 2 и 3 (что не дурно бы и теперь проводить!) просятъ, чтобы были воспрещены и наказываемы денежные браки (изъ-за денегъ лишь), и предоставлено было всѣмъ свободное право выбора жениховъ. Никакому отцу не должно быть болѣе дозволяемо принуждать своихъ дочерей къ браку съ нелюбимыми ими людьми. 18 статей требуется уже нѣчто болѣе чѣмъ курьезное дозволеніе вступать въ бракъ только «парамъ, имѣющимъ одинаковый характеръ», т. е. дурной мужчина можетъ лишь на такой же женщинѣ жениться, простодушный—лишь на простачкѣ и т. д. Есть далѣе пунктъ (10) о воспрещеніи вдовамъ, имѣвшимъ одного или нѣсколькихъ мужей, послѣ 40 лѣтъ, улавливать въ свои сѣти юношей. Но добились ли всего этого польки, такъ жаждавшія своей эмансипаціи, къ сожалѣнію, изъ исторіи не видно.

Но въ высшей степени курьезно, что это радикальное средство, изобрѣтенное женщинами въ старой Польшѣ два съ половиною вѣка назадъ, какъ социальное лѣченіе нынѣшнихъ женскихъ бѣдъ и всего женскаго вопроса, предлагается немногими прямолинейными мудрецами. Даже извѣстный германскій философъ Э. фонъ Гартманъ для этого предлагаетъ, если уже не обязательный бракъ всѣхъ къ тому способныхъ мужчинъ, то, по крайней мѣрѣ, установленіе налога на холостяковъ въ пользу не выходящихъ замужъ дѣвицъ.

Сильно разрушившая культуру тридцати-лѣтняя война, однако же, какъ это обыкновенно бываетъ послѣ подобныхъ войнъ, скоро на-

чала послѣ мира опять пробуждать интересъ къ духовнымъ благамъ всякаго рода въ Германіи. Уже даже въ самомъ началѣ этой войны стали образовываться союзы всякихъ выдававшихся въ умственномъ отношеніи людей, въ каковыя общества охотно поступали и женщины. Въ одномъ тогда знаменитомъ такомъ союзѣ, председателемъ коего былъ поэтъ—принцъ Людвигъ Ангальтскій, а членомъ—великій курфюрстъ Бранденбургскій, родоначальникъ нынѣшнихъ императоровъ геманскихъ, былъ даже поставленъ на очередь вопросъ, могутъ ли пишущія женщины быть членами этого литературно-ученаго общества, при чемъ единогласно было дано въ отвѣтъ да. Въ числѣ небольшихъ подобныхъ союзовъ, бывшихъ какъ бы питомниками-отдѣленіями этого, потомъ сталъ извѣстенъ союзъ въ г. Нюрнбергѣ или орденъ «Pegnitzschäfer», который имѣлъ своимъ прямымъ назначеніемъ пробуждать и направлять женщинъ къ умственной работѣ. Тогда были устраиваемы такъ называемыя общественныя игры или «женскія собесѣдныя игры», для коихъ составляемы были изъ всѣхъ европейскихъ литературъ сборники (всего достойнаго познанія). Въ одно изъ такихъ собесѣдованій, членъ общества, жена пастора Штокфлетъ, держала рѣчь о равноправности женщинъ, чѣмъ сохранила о себѣ память и до нашего времени. Между прочимъ, она говорила тогда (въ 1669 г.) почти то же, что и теперь говорится, а именно: «почему же это наконецъ мы должны прозябать въ навязываемомъ намъ, женщинамъ, невѣжествѣ?! И должны безъ вины переносить названіе дурь? Развѣ мы не такіе же люди, какъ и мужчины? Вѣдь, разумъ и рѣчь людей суть качества, кои отличаютъ ихъ отъ бессловесныхъ животныхъ,—почему же это мы не можемъ упражнять нашъ разумъ?» Тогда, какъ оказывается, почти во второй половинѣ XVII вѣка, были уже далеко не въ видѣ одинокихъ случаевъ, а цѣлыми группами, женщины, желавшія образовывать свой умъ наравнѣ съ мужчинами. Два года спустя (1671 г.), вдова профессора Кенигсбергскаго университета Гертруда Моллеръ была признана поэтессою пфальцъ-графа, которому, какъ и нѣкоторымъ университетамъ, императоромъ предоставлено было это право «вѣнчанія» или провозглашенія поэтами и женщинъ съ возложеніемъ на головы ихъ лавровыхъ вѣнковъ и пр.

На сторонѣ ищущихъ просвѣщеніи женщинъ стояли уже въ то время почти всѣ выдающіеся въ умственномъ отношеніи мужчины. Записные же ученые еще раньше (въ 1651 г.) торжественно признали заслуги Анны-Маріи фонъ-Шюрманнъ, написавшей тогда на латинскомъ языкѣ диссертацию о способностяхъ женскаго ума къ высшему образованію. А шесть лѣтъ послѣ того великій реформаторъ воспитанія, славянинъ Антонъ Коменскій, котораго нѣмцы все желаютъ считать своимъ и ради этого именуютъ его Коменіусомъ (Comenius), въ своемъ основномъ сочиненіи «Дидактика» такъ во-

прошалъ насчетъ ставшаго тогда жгучимъ женскаго вопроса: «почему же мы должны ихъ, женщинъ, допускать къ А В С (начальному образованію), но затѣмъ отгонять отъ книгъ, т. е. наукъ?» Вообще тогда не было рѣдкостью, что юныя дѣвицы говорили полатыни. А среди дочерей ученыхъ это было даже вполнѣ обычно. Въ основанномъ пѣэтистомъ-благотворителемъ Германномъ Франке (въ 1698 г.) въ г. Галле «Сиротскомъ домѣ» было отдѣленіе для «дочерей господъ и знатныхъ», одна учительница (а прежде воспитанница) коего отлично знала языки: латинскій, греческій и гебрайскій (и она была не единственная въ этомъ отношеніи).

Въ началѣ XVIII столѣтія женщины съ высшимъ литературнымъ и ученымъ образованіемъ, по словамъ ихъ исторіографовъ (есть уже и такіе спеціалисты), просто росли, какъ грибы изъ земли послѣ хорошихъ дождей. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что рядомъ съ отличившимися въ борьбѣ за свою умственную эмансипацію женщинами были и мужчины, усердно помогавшіе имъ въ этомъ. Въ 1704 г. Пауллини издалъ свою книгу: «Высоко и хорошо образованная нѣмецкая женщина», съ алфавитнымъ перечисленіемъ нѣсколькихъ сотенъ женщинъ, ставшихъ извѣстными въ умственной области, при чемъ затронулъ много вопросовъ о женскихъ качествахъ въ отношеніи къ высшему образованію. Въ предисловіи онъ обзываетъ французскаго романиста Бальзака «немытымъ рыломъ» за его насмѣшливыя сомнѣнія насчетъ женскихъ способностей къ такому образованію. Между прочимъ онъ задаетъ вопросъ, который не лишенъ значенія и теперь: «всѣ и каждый изъ насъ очень хотѣли бы имѣть у себя благоразумныхъ бабъ, но средствъ къ развитію ихъ разсудка, вѣдь, никто не хочетъ предоставлять». Онъ же приводитъ протестъ одной тогдашней женщины, жаловавшейся на то, что «ихъ, вмѣсто стремленія къ совершенству, душатъ въ расцвѣтѣ ихъ способностей преждевременною отсылкою лишь въ кухонныя тюрьмы и принужденіемъ ихъ быть Марѳами, тогда какъ многія изъ нихъ желали бы быть Маріями». Два года послѣ того появилась подобная же кпига подъ заглавіемъ: «Кабинетъ извѣстнѣйшихъ женщинъ съ высшимъ образованіемъ, собранныхъ со всѣхъ странъ и изъ всѣхъ временъ»—писателя Эберта изъ Силезіи. Спустя же 10 лѣтъ (въ 1715 г.) появилось сочиненіе Лемса (Lehms): «Ученыя или изящныя поэтессы Германіи», сдѣлавшее автору быстро общую извѣстность. Онъ не безъ остроумія доказывалъ тамъ, что «женскій полъ столь же способенъ къ высшему образованію, какъ и мужской». Дальше авторъ доказывалъ историческими примѣрами, что «женскому полу ничего не недостаетъ на счетъ храбрости, благоразумія, учености и другихъ главныхъ добродѣтелей», и утверждалъ, что «даже нравственность женщинъ вслѣдствіе ихъ высшаго ученія не подвергается никакой опасности, такъ какъ именно ученныя женщины никогда не даютъ другимъ никакихъ соблазнительныхъ при-

мѣровъ», поэтому имъ необходимо открыть все факультеты для ученія ихъ по желанію и расположенію, «для достойнаго пользованія дарованнымъ имъ Богомъ точно такъ же, какъ и мужчинамъ, разумомъ».

И подобная пропаганда выдающихся писателей (въ книгахъ болѣе 300 убористыхъ страницъ) въ то время далеко не оставалась безплодною. Но, какъ выше замѣчено, первоначально подобающія власти «вѣнчали» выдававшихся по талантамъ и образованію женщинъ лишь «на званіе поэтессъ» (zu Poetinnen). Формальное же пожалованіе докторской степени имъ университетами началось позже и, что особенно замѣчательно, въ Пруссіи, по почину Фридриха Великаго. Такъ въ Пруссіи объявлены были поэтессами на такихъ «вѣнчаніяхъ на поэтовъ» (Dichterkrönung)¹⁾, бывавшихъ обыкновенно въ университетахъ послѣ защиты (мужчинами) магистерскихъ и докторскихъ диссертаций, двѣ женщины, такъ прославившіяся въ свое время, что противъ нихъ, какъ и противъ всей женской умственной эмансипаціи, въ то время появился большой печатный пасквиль недоброжелателей всего этого движенія, — сатира, сохранившаяся и до нашего времени и, какъ оказывается, мало чѣмъ отличающаяся отъ аргументаціи нынѣшнихъ враговъ такихъ же стремленій женщины. То были двѣ женщины (замужнія): г-жа Готтшедъ и г-жа фонъ-Циглеръ, удостоившіяся такой чести въ университетѣ Виттенбергскомъ (въ 1733 г.) или торжественно принявшія «поэтическія лавры», какъ выразился тогдашній деканъ того университета, Готтшедъ, тоже считавшійся энергическимъ покровителемъ женской умственной эмансипаціи. Онъ уже въ 1725 г., въ своемъ одномъ сочиненіи, вопросъ, могутъ ли женщины заниматься науками (высшими), назвалъ «избитымъ» или «устарѣлымъ». Изъ цѣлыхъ серій объявленныхъ въ то время поэтессами сдѣлались извѣстными или «безсмертными» еще: Сибилла Ригеръ, Христина Леберъ и Гедвига Цейнеманнъ. Первою формальною женщиною-докторомъ медицины, «по повелѣнію Фридриха Великаго», въ 1754 г. въ г. Галлѣ отъ университета была провозглашена жена пастора Эрклебена и была очень извѣстнымъ и дѣятельнымъ врачомъ въ свое время. Этой счастливицѣ на поприщѣ женской эмансипаціи задолго до того, когда она была еще молоденькою дѣвицею Лепоринъ и усердно училась, извѣстный ректоръ Экгардъ даже предсказалъ какую-то «особую вѣсть» потомъ, когда правилъ ея греческія переводы. Второй случай удостоенія докторской степени женщины въ Германіи, однако, послѣдовалъ лишь черезъ 33 года, когда всего 16-ти-лѣтняя Доротея Шлецеръ была возведена въ это званіе Геттингенскимъ универси-

¹⁾ Въ Германіи подъ именемъ Dichter или Dichterin, поэтъ или поэтесса, понимаютъ не исключительно пишущихъ въ стихотворной формѣ, а и романистовъ и романистокъ.

тетомъ. Около того времени, однако, послѣдовала реакція противъ равноправности женщинъ, особенно со стороны самой учащейся молодежи, совершенно, какъ кое-гдѣ и теперь, иногда расположенной вмѣсто всякихъ идеальныхъ стремленій видѣть сильную конкуренцію женщинъ въ области, до того принадлежавшей исключительно имъ, мужчинамъ. Особенно медики отличались и тогда такими не очень высокими чувствами профессиональной конкуренціи. Но были и поэты, не сочувствовавшіе всему этому движенію женщинъ. Даже такіе, какъ Клопштокъ и особенно Гете, преимущественно въ молодые годы, были противниками его. Великій поэтъ (Гете) и позже осмѣялъ въ своихъ «Страданіяхъ молодого Вертера», во II части, одну ученую жену пастора. Авторъ выше названныхъ двухъ нѣмецкихъ историческихъ книгъ по женскому вопросу отчасти объясняетъ именно этимъ вліяніемъ небольшой перерывъ въ женскомъ движеніи въ то время. Лишь на исходѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX снова стали женщины появляться, какъ научно образованныя, и опять начали проводить свои стремленія по части эмансипаціи.

Какъ разъ около того времени (въ 1792 г.) появилось еще одно особенно замѣчательное большое сочиненіе Гиппеля: «О гражданскомъ улучшеніи женщинъ», въ которомъ находится большая часть всѣхъ нынѣшнихъ аргументовъ, въ историческомъ, культурномъ, социальномъ, нравственномъ и психологическомъ отношеніяхъ. Особенно авторъ доказываетъ искусственное образованіе того приниженного положенія, противъ коего борются наиболѣе выдающіяся женщины, и дѣлаетъ обращенія къ природѣ, по примѣру Ж. Ж. Руссо, такъ много способствовавшего такими же воззваніями къ справедливой матери-природѣ, равенству правъ людей вообще и т. д. Гиппель настаиваетъ, чтобы женщинъ тоже воспитывали, какъ гражданокъ для государства, насчетъ же того, что онѣ должны знать, какъ матери семей и хозяйки дома, — чтобы ихъ обучали особо. Вѣдь, болѣе половины челоуѣчества, говоритъ онъ, въ отношеніи первоначальнаго воспитанія лежитъ на рукахъ именно женщинъ, какъ же ихъ самихъ-то оставлять безъ надлежащаго образованія? Онъ уже тогда приводилъ общераспространенное теперь доказательство полезности особенно медицинскаго образованія женщинъ, вопрошая: «развѣ неисчислимыя женщины и особенно дѣвушки не скрываютъ своихъ болѣзней, пока послѣднія не становятся неизлѣчимыми, только потому, что онѣ стыдятся мужскихъ врачей?» Но что особенно придаетъ этому сочиненію Гиппеля значеніе и теперь, такъ это, конечно, не его воззванія къ природнымъ правамъ въ родѣ Руссо, а именно разносторонность доказательствъ, что нынѣшнее (какъ и тогдашнее) положеніе женщинъ, противъ коего въ теченіе вѣковъ все дѣлались попытки реформъ, образовалось исторически и искусственно, и что во имя справедли-

ности и социальной цѣлесообразности скоро должны возникнуть новые идеалы на мѣсто старыхъ и т. д. Автору этихъ строкъ помнится даже, что нѣкоторыя германскія газеты, 10 лѣтъ назадъ, въ 1892 г., въ видѣ столѣтняго юбилея систематической защиты женскаго движенія въ Германіи, дѣлали изъ этой книги большія извлеченія.

Что почти во всей тогдашней культурной Европѣ въ XVIII вѣкѣ движеніе въ пользу женщинъ было довольно въ ходу, доказываетъ еще замѣчательный протестъ швейцарскихъ женщинъ около 200 лѣтъ тому назадъ. Объ англійскихъ и американскихъ женщинахъ и ихъ движеніи въ прежнія времена я здѣсь не говорю. И на этотъ счетъ есть уже особая литература, хотя движеніе собственно среди американскихъ женщинъ нѣсколько позднѣйшаго періода и не такъ важно для этого историческаго обозрѣнія особенно выдающихся фактовъ. Конечно, тогда, т. е. въ XVIII столѣтіи, женщины хлопотали большею частью лишь о своемъ скромномъ участіи въ умственной культурѣ и профессіяхъ практическихъ, сообразно тому времени, а не о всевозможныхъ полныхъ правахъ, какъ это дѣлается теперь на женскихъ конгрессахъ и въ женской литературѣ. Въ 1721 г. въ Цюрихѣ издавался еженедѣльный журналъ «Die Discourse der Mahlern» (Бодмеромъ и Брейтингеромъ), занимавшійся всевозможными философскими, эстетическими и критическими разсужденіями. Журналъ этотъ съ особеннымъ усердіемъ занимался и женскимъ вопросомъ, стараясь привлечь женщинъ къ умственнымъ и литературнымъ интересамъ. Это было сдѣлано по образцу англійскихъ журналовъ (стало быть, тогда уже такое же движеніе, и даже нѣсколько раньше, было и въ Англии), при чемъ была даже образована особая женская бібліотека для литературнаго образованія женщинъ — издателями «Die Discoures». Въ своемъ протестѣ на имя этихъ редакторовъ швейцарскія женщины жалуются на то, что «все еще дѣйствуетъ основное правило», по коему будто бы науки должны «считаться вредными женщинамъ и даже дѣлають ихъ смѣшными», — увы, это правило, невзирая на 200 лѣтъ, въ извѣстныхъ сферахъ очень ходячее и теперь и вполне «свѣжее» для этихъ сферъ. Онѣ, женщины, будто бы лишь затѣмъ рождены, чтобы стирать, штопать и судить о покроѣ юбокъ. Чтеніе хорошихъ книгъ имъ совершенно недоступно.

«Наше намѣреніе, — говорится въ протестѣ дальше, — не въ томъ, чтобы мы черпали изъ книгъ слишкомъ отвлеченныя научныя знанія насчетъ ненужныхъ намъ вещей; мы желаемъ быть приятными подругами, умными женами и хорошими матерями. Но именно ваша порода, вашъ полъ, господа мужчины, есть главная причина тому, что почти все наши разсужденія касаются лишь однихъ пустяковъ. Мы вынуждены влачить нашу жизнь въ рабскихъ трудахъ, ибо мужчины отнимають у насъ всякую возможность заниматься порядочными дѣлами, достойными людей».

Когда я писалъ эти строки, мнѣ почему-то очень кстати под-вернулся отчетъ о недавней парламентской рѣчи графа Посадовскаго, который, къ общему смѣху, почти буквально заявилъ то, что швейцарки выразили 200 лѣтъ назадъ. Дѣло въ томъ, что въ германскихъ обоихъ парламентахъ довольно часто разными друзьями женскаго движенія и подъ всякими предлогами начинаются споры о женскомъ вопросѣ.

И вотъ, представитель правительства Германской имперіи, статсъ-секретарь Посадовскій, заявляетъ слѣдующее: «Что до высшаго образованія женщинъ, то я самъ очень сочувственно къ этому дѣлу отношусь, чтобы расширить полезныя для нихъ занятія. Но, вѣдь, господа, самые большіе враги женщинъ въ этой области это мужчины!» И тогдашнее движеніе, какъ въ Швейцаріи, такъ и другихъ странахъ, не было какимъ либо слишкомъ мимолетнымъ, скоротечнымъ. Это доказывается еще недавно открытымъ письмомъ одного женеваго ученаго, съ которымъ Фридрихъ Великій, много позже послѣ этого женскаго протеста, раздавагося въ началѣ XVIII вѣка, — подробно бесѣдовалъ о женскомъ вопросѣ, какъ очень современномъ тогда (этотъ же женевецъ послалъ объ этомъ отчетъ женеваго профессору Бурламаки). Разсужденія философа-короля особенно достойны вниманія, какъ по основательности ихъ, такъ и потому, что собственно самъ онъ не былъ особеннымъ другомъ женщинъ и тѣмъ не менѣе такъ безпристрастно относился къ этому общественному вопросу. Какъ извѣстно, этотъ прусскій король болѣе своей полъ-жизни провелъ въ одиночествѣ, помѣстивъ свою супругу-королеву въ особый отдаленный отъ него дворецъ и обставивъ ее всякими почестями, но являлся къ ней только разъ въ годъ для торжественнаго поздравленія съ новымъ годомъ. Вотъ что говорилъ этотъ философъ изъ «Сансуси» (его дворецъ въ Потсдамѣ) по женскому вопросу. «Сознаюсь вамъ (женеваго ученому), что я часто бывалъ возмущенъ, когда только себѣ представлялъ, до какой степени въ Европѣ эту половину рода человѣческаго (женщинъ) маловажною считаютъ и всѣмъ пренебрегаютъ, что только можетъ служить къ образованію ихъ ума. Сколько же есть женщинъ, которыя ни въ чемъ не уступаютъ мужчинамъ! Въ нашемъ вѣкѣ есть и королевы, далеко превосходящія своихъ предшественниковъ (мужчинъ)... Я не смѣю этихъ женщинъ называть изъ боязни имъ не понравится, если коснусь ихъ чрезвычайной скромности, достойной короны за ихъ добродѣтели и таланты... При серіозномъ и основательномъ воспитаніи этотъ полъ, право, одержалъ бы надъ нашимъ побѣду; онъ обладаетъ всякими прелестями красоты; но развѣ прелести ума не достойны предпочтенія? Конечно, общество не можетъ существовать безъ законныхъ браковъ, коими оно дальше произрастаетъ и становится вѣчнымъ. Поэтому необходимо пецись объ этихъ юныхъ растеніяхъ, образуемыхъ для

передачи корней потомству, такъ чтобы мужъ и жена равноправно могли исполнять обязанности главы семейства. Необходимо поэтому, чтобъ разумъ, умъ, талантъ, нравственность этому служили въ равной мѣрѣ, какъ основаніе, чтобы тѣ, кои его получаютъ, въ свою очередь могли передавать тѣмъ, коимъ они будутъ давать жизнь... Я долженъ еще сказать о злоупотребленіяхъ отцовскою властью, что относится тоже къ этому вопросу,—злоупотребленіяхъ, кои нерѣдко принуждаютъ дочерей подпадать подъ иго неподходящихъ браковъ... Я уважаю не менѣе всякаго другого отцовскую власть и вовсе не противъ нея, однако же я желаю, чтобы имѣющіе ее въ своихъ рукахъ не злоупотребляли ею, принуждая къ бракамъ тѣхъ, кои не имѣютъ никакой склонности одинъ къ другому, коихъ характеры или возрасты не подходятъ одинъ къ другому... Родители должны совѣщаться со своими дѣтьми, когда дѣло идетъ о заключеніи союза, отъ котораго зависитъ счастье или несчастье всей жизни ихъ». Здѣсь кстати еще, по новымъ извѣстіямъ, прибавить, что этотъ король-мыслитель не на словахъ лишь придерживался этихъ принциповъ о женщинахъ. Когда вышеупомянутая жена пасторка Эркслебенъ, сильно желавшая держать экзаменъ на доктора-медицины, преподнесла ему въ 1749 году вышедшую въ Берлинѣ вторымъ изданіемъ книгу объ «Ислѣдованіи причинъ недоуценія женщинъ къ высшему образованію» и проч., съ просьбою о допущеніи ея къ экзамену, то монархъ и приказалъ ее допустить, какъ выше сказано, въ университетъ Галле. Выдержавъ блестящимъ образомъ таковой (она уже имѣла 4-хъ дѣтей) и принеши тамъ же присягу на званіе доктора при небываломъ собраніи учащихся и молодежи, она была допущена къ медицинскій практикѣ (она имѣла таковую огромную), къ удовольствію короля, покровителя женскихъ стремленій къ образованію и приобрѣтенію честныхъ средствъ къ жизни.

Мнѣ хочется кое-что сказать еще объ одной отрасли занятій, которыми женщина также довольно давно уже въ Западной Европѣ прославилась, и о которыхъ обыкновенно думаютъ, что это тоже лишь новшества. Это—почти такъ же, какъ и медицинскія занятія, излюбленныя ими почтовые занятія, дополняемая новѣйшею культурою телеграфными и телефонными занятіями. Заблужденіе, будто бы и эта общественная, или правительственная, служба женщинъ лишь измышленіе (либераловъ) нашего времени, вполне опровергается недавно найденными подлинными документами историческаго значенія. Въ Берлинѣ, въ архивѣ почтоваго музея Германской имперіи, открыли нѣсколько такихъ замѣчательныхъ документовъ. Изъ нихъ оказывается, что женщины уже съ первой половины XVIII-го вѣка то тамъ, то сямъ, въ разныхъ государствахъ Германіи, завѣдывали почтовыми управленіями въ качествѣ начальницъ и, конечно, еще болѣе въ качествѣ подчиненныхъ. Изъ перваго изъ этихъ инте-

ресныхъ документовъ видно, что въ 1740 году владѣтельный князь Турнъ-Таксискій, Александръ-Фердинандъ, собственноручнымъ приказомъ назначилъ одну даму директрисой своихъ почтъ. Второй документъ содержитъ въ себѣ назначеніе этимъ же княземъ въ 1748 году еще одной дамы начальницею провинціальныхъ почтъ. Исторія этого княжескаго рода замѣчательна. Предки этого князя, открывшаго въ Европѣ женщинъ для почты или почту для женщинъ, если угодно, стали знаменитыми открытіемъ почты въ Западной Европѣ. Въ 1516 году, дворянинъ изъ итальянскихъ выходцевъ, Францъ Таксисъ, основалъ между Вѣною и Брюсселемъ первую почту для всеобщаго пользованія. Умныя соображенія его и полное ихъ оправданіе насчетъ всеобщей пользы отъ такой (правильной) почты послужили причиной того, что его потомки сперва были императоромъ Германіи возведены въ графы, а потомъ въ князья, такъ какъ изобрѣтенная ихъ предкомъ почта служить уже благомъ всего человѣчества. Еще недавно, въ 1867 году, Пруссія выкупила отъ этихъ князей почтовые права и учрежденія за 9 милліоновъ марокъ. Такъ какъ потомкомъ перваго Турнъ-Таксиса, назначеннаго тогда же генераль-почтмейстеромъ Германской имперіи, эта должность была для всего дома этихъ князей предоставлена наследственно, то понятно, почему вышеназванный князь Александръ назначалъ женщинъ въ разныя германскія почтовые учрежденія. И его соображенія, что женщины хорошо годятся для должностей почтовыхъ, гдѣ особенно требуются: аккуратность, трезвость, надежность, — какъ и соображенія его предка насчетъ полезности почты вообще, оправдались на дѣлѣ вполнѣ. Кромѣ другихъ германскихъ государствъ, Пруссія у себя тогда же начала вводить службу женщинъ. Третій изъ упомянутыхъ документовъ Берлинскаго музея есть подтвержденіе прусскимъ правительствомъ назначенія въ 1779 году управительницею почты въ г. Варендорфѣ одной дамы.

Изъ другихъ разныхъ документовъ архива небезынтересно отмѣтить, что женщины съ большимъ успѣхомъ завѣдывали здѣсь въ качествѣ второстепенныхъ или низшихъ почтовыхъ чиновницъ. Нѣкая Маріанна, прозванная «Цопотскою скорою почтою» за ея быстроту сношеній, въ началѣ XIX-го вѣка завѣдывала въ Пруссіи почтовымъ сообщеніемъ между городами Цопотомъ и Данцигомъ въ теченіе 32 лѣтъ, и, какъ говоритъ хроникеръ, еще дольше служила бы, если бы не была въ лѣсу подкараулена и убита невѣжественными крестьянами, считавшими ее именно за ея образцовую быстроту сношеній или сообщеній «чародѣйкою». Чиновница (дѣвица) Цваклинская также завѣдывала почтою между городами Тильзитомъ и Рагнитомъ, въ пограничной намъ части Пруссіи, съ 1823 года по 1868 году, то-есть въ теченіе 45 лѣтъ. Около того же времени вдова Гаммерштейнъ въ теченіе 33 лѣтъ завѣдывала почтою въ Эльберфельдѣ, въ Пруссіи же.

Теперь мало кого удивляетъ, что по только что изданной центральнымъ почтовымъ управленіемъ въ Берлинѣ статистикѣ состоитъ на службѣ въ почтѣ, телеграфахъ и телефонахъ, въ одной только прусской столицѣ и ея ближайшихъ пригородахъ ¹⁾, болѣе 3.000 женщинъ. И это государственная служба: всѣ эти женщины приводятся къ присягѣ на государственную службу; многія изъ нихъ, какъ говорится въ отчетахъ, за вѣрную и усердную службу получаютъ прибавки къ жалованью (начальное жалованье уже порядочное—1.100 м., которое увеличивается до 1.500 м., кромѣ того, еще 540 м. квартирныхъ) Интересно еще то, что здѣшнее правительство возвращается къ вышеописанной системѣ учрежденія (въ провинціяхъ) имперскихъ почтовыхъ агентуръ, въ которыя назначаются женщины, съ самостоятельнымъ управленіемъ ими почтъ, чѣмъ еще болѣе широко открывается поле для служебнаго женскаго труда въ Германской имперіи.

Благодаря же всеобщему строго обязательному здѣсь всеобщему начальному образованію, теперь уже просто немыслимо, чтобы даже въ самыхъ темныхъ закоулкахъ массы простого народа могли еще считать вредными «чародѣями» или «портящими» людей, какъ ловкихъ почтовыхъ чиновницъ, такъ и врачей обоихъ половъ, благодѣтельныхъ для населенія.

Если теперь, хотя въ нѣсколькихъ строкахъ, подвести итоги всему здѣсь сказанному, то, кажется, для всякаго неслѣпо-предубѣжденнаго станетъ ясно, что женское движеніе во всѣ времена, особенно же съ нашей христіанской эры, было культурнымъ движеніемъ среди разныхъ цивилизованныхъ націй, со множественностью образцовыхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ. Прежніе безчисленные опыты и всякія попытки такимъ образомъ съ несомнѣнною пользою послужили для новѣйшаго времени. Въ извѣстную вредную «политику» женщина при преслѣдованіи своихъ цѣлей почти нигдѣ и никогда не вдавались, хотя, конечно, въ увлеченіяхъ и всякихъ ошибкахъ не было недостатка, особенно гдѣ дѣйствовали, какъ въ наше время, спеціальныя агитаторши женскаго движенія. Но, гдѣ дрова рубяты, тамъ и щепки летяты.

Опасаться, какъ многіе это допускаютъ, что всѣ эти женскія пріобрѣтенія, или ихъ надъ мужчинами «побѣды», какъ говорилъ (см. выше) объ ихъ дѣятельности послѣ хорошаго образованія Фридрихъ Великій, исчезнуть опять послѣ разныхъ историческихъ потрясеній,—едва ли основательно. Нынѣшнее женское движеніе,—не говоря уже, что почти всѣ новѣйшія законодательства гуманно

¹⁾ Тогда какъ во всей Франціи этихъ чиновницъ 6.000, при 80.000 женщинъ на государственной службѣ вообще.

начинаютъ ему итти навстрѣчу¹⁾, очень все-таки разнятся отъ прежнихъ движеній. Оно отличается именно своею всеобщностью, поголовностью. А въ отношеніи высшаго образованія оно отличается научностью, систематичностью, разносторонностью, такъ какъ женщины теперь берутся за всѣ науки, не исключая и богословія. Философъ фонъ-Гартманнъ увѣряетъ, что въ нынѣшнемъ XX-мъ столѣтіи, которое будетъ, такъ сказать, женскимъ, что онѣ вѣдутся даже въ техническія науки, какъ наиболѣе теперь выгодныя.

Во всякомъ же случаѣ, какъ реальные результаты, достигнутые ими въ медицинскихъ наукахъ—7.000 образованныхъ врачей ихъ пола, о чемъ выше упомянуто, изъ числа коихъ на одну Россію приходится 700 (цифра, конечно, высокая сравнительно съ отношеніемъ нашего населенія къ таковому же всего свѣта, но для насъ еще небольшая, гдѣ одинъ врачъ даже мужского пола приходится на 10.000 человекъ),—это вѣдь уже цѣлый корпусъ врачующихъ опытныхъ женщинъ, а сколько же ихъ еще вездѣ учится? Вообще женщины въ наше время просто ломятся во всѣ двери²⁾. Быстрое увеличеніе ихъ числа въ одномъ Берлинскомъ университетѣ за этотъ годъ, къ удивленію всѣхъ, уже перевалило 600, т. е. почти вдвое, чѣмъ въ малыхъ германскихъ университетахъ мужчинъ, и это—невзирая на всѣ недавнія придирки и строгости по приему женщинъ.

Извѣстный германскій поэтъ и драматургъ, фонъ-Вильденбрухъ, тоже предсказывающій серьезное движеніе дальше женщинъ въ этомъ вѣкѣ, увѣряетъ даже, что дамы будутъ и официально назначаться на дипломатическіе посты, такъ какъ онѣ, особенно въ XIX-мъ вѣкѣ, во многихъ случаяхъ, отличились, какъ превосходныя закулисныя дипломатки. Что же? Историческія хроники указываютъ такіе случаи и относительно Россіи. Ровно 100 лѣтъ тому назадъ, жена нашего посланника въ Лондонѣ, г-жа Ливенъ, превосходившая умомъ и образованіемъ своего супруга, не только сама составляла

¹⁾ По новымъ германскимъ гражданскимъ законамъ, дѣйствующимъ уже 2 года, отчасти нашли осуществленіе мечты Фридриха Великаго о болѣе свободныхъ бракахъ и о томъ, чтобы оба въ семьѣ, мужъ и жена, были почти равноправными главами. Хотя мужъ и считается главою, но если онъ злоупотребляетъ (множество случаевъ для этого) этимъ преимуществомъ, то жена не обязана съ нимъ жить или за нимъ слѣдовать. И наоборотъ, если жена оказывается недостойною семьи, онъ не обязанъ съ нею жить и ее содержать. «Мужъ и жена также должны себя взаимно содержать»,—конечно, если жена имѣетъ средства для этого. Права домашней самостоятельности жены и ея опеки надъ дѣтьми тоже расширены, какъ и права совершеннолѣтнихъ дѣтей въ отношеніи родителей.

²⁾ По послѣдней статистикѣ, въ Германіи почти уже 6 милліоновъ женщинъ, имѣющихъ болѣе или менѣе независимыя профессіи и занятія—конечно, считая въ томъ числѣ не только такъ называемыя свободныя (образованныя), но и ремесленная и занятія женщинъ-рабочихъ.

всѣ депеши и донесенія нашему правительству, но лично вела всѣ переговоры и совѣщанія съ англійскими министрами и дипломатами. И императоръ Александръ все это зналъ и лишь улыбался насчетъ такой способной русской посланницы. Словомъ въ очень интересное время мы живемъ, если думать о будущемъ женскомъ движеніи.

В. Ѡ. Пуцьковичъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Томъ VII. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. Спб. 1901.

ЕДЬМОЙ томъ «Книги бытія» знаменитаго русскаго ученаго и путешественника, епископа Порфирія Успенскаго († 1885 г.), содержитъ въ себѣ его дневники и автобіографическія записки за 1854—1861 годы. И этотъ томъ, какъ и предыдущіе, читается съ интересомъ, сообщаетъ немало любопытныхъ фактовъ изъ поучительной и богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни приснопамятнаго русскаго іерарха и освѣщаетъ различныя стороны судьбы греческаго востока.

Съ октября мѣсяца 1854 года и по 17 мая 1858 года епископъ Порфирій провелъ въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ изъ Іерусалима, вынужденный, вслѣдствіе крымской кампаніи, оставить святой городъ и прекратить свою полезнѣйшую учено-просвѣтительную дѣятельность, въ качествѣ начальника здѣшней русской миссіи (стр. 1—173). Тяжело и грустно жилось въ сѣверной столицѣ этому узнику, душа котораго всѣмъ своимъ существомъ рвалась на Востокъ, къ мѣстнымъ святынямъ и бібліотекамъ, въ среду арабскаго и греческаго православнаго населенія Сири и Палестины, для котораго русскій епископъ былъ настоящимъ отцемъ, радѣвшимъ и о духовныхъ, и о матеріальныхъ его нуждахъ. Петербургскій митрополитъ Никаноръ, коему епископъ (тогда архимандритъ) Порфирій представился по возвращеніи съ Востока, принялъ его сухо, выразивъ свое неудовольствіе по поводу его путешествія въ Римъ и отпустилъ съ наказомъ обращаться съ просьбами къ лаврекому намѣстнику. Послѣдній указалъ знаменитому паломнику «двѣ грязныя кельи въ верхнемъ жильѣ подлѣ лаврскаго собора», въ одной изъ коихъ Порфирій

помѣстился самъ, а въ другой поселилъ служившаго при немъ въ Іерусалимѣ студента Соловьева (стр. 1). И потекла полная лишений, душевныхъ тревогъ и незаслуженныхъ обидъ, жизнь человѣка, ничѣмъ себя не занятнавшаго, напротивъ—оказавшаго громадныя услуги и русской церкви, и русской наукѣ и имѣвшаго всѣ права на вниманіе, почетъ и выдающееся общественное положеніе. Оказалось, что въ Петербургѣ неблагопріятно посмотрѣли на поѣздку Порфирія въ Римъ и на его аудіенцію у папы Пія IX, о чемъ говорилось въ шестомъ томѣ «Книги бытія». Этому событію было придано совсѣмъ не собственное ему значеніе, о чемъ, вѣроятно, постарались недоброжелатели знаменитаго ученаго. «Въ духовномъ вѣдомствѣ, пишетъ епископъ Порфирій, меня обдалъ холодъ. Оберъ-прокуроръ синода Протасовъ, выслушавъ вызванный имъ самимъ рассказъ мой объ аудіенціи моей у папы, и только этотъ рассказъ, простился со мною, отвернувшись отъ меня по-солдатски направо кругомъ... Директоръ его канцеляріи, Сербиновичъ, принялъ меня и отпустилъ, ни о чемъ не спросивши и извинившись какимъ-то недосугомъ» (стр. 2). А преемникъ Протасова, графъ А. П. Толстой, поставилъ въ вину архимандриту Порфирію то, что онъ не постился въ Іерусалимѣ и вкушалъ скоромную пищу. «И я несчастливъ, пишетъ авторъ: меня, сиротинку, судить и осуждаетъ Толстой умъ, и за что же? За то, что вкушалъ скоромную пищу тамъ, гдѣ нѣтъ ни рыбы, ни грибовъ, ни ягодъ, и гдѣ святые апостолы учили, что пища не поставитъ насъ предъ Господомъ. Ни слабость моего здоровья, ни созерцательная жизнь моя, отъ которой я сознаю въ себѣ скорѣе бытіе души, нежели тѣла, ни дарованія и познанія мои, ни труды и заслуги мои, ни ходатайство о мнѣ нѣсколькихъ соновниковъ, изумленныхъ фарисействомъ Толстого, ничто не уважается. Вкушеніе нѣсколькихъ капель скоромной похлебки тамъ, гдѣ болѣе нечѣмъ питаться, признано величайшимъ преступленіемъ. И кто судья мой? Кто порицаетъ меня и тѣхъ іерарховъ (греческихъ), съ которыми я раздѣлялъ трапезу въ св. градѣ? Мірской человѣкъ, который не понимаетъ различія между заповѣдію и обычаемъ, который судъ свой ставитъ выше разсужденія многихъ, но который, къ несчастью, имѣетъ власть распинать. Боже! Прости ему, ибо онъ не знаетъ, что творить» (стр. 46). Иные упрекали епископа Порфирія за то, будто онъ крайне самолюбивъ. По этому поводу авторъ пишетъ: «Меня считаютъ самолюбивымъ! Но, Боже мой, когда и кого стѣснилъ я своимъ превосходствомъ? Съ митрополитомъ Григоріемъ я даже не бесѣдовалъ ни однажды. Онъ вовсе не знаетъ меня. Къ прочимъ архіереямъ я ѣздилъ только съ поклономъ. Откуда же возникло обвиненіе? Не понимаю. Хитрецы! Не знаютъ, за что обвинить меня, такъ упрекаютъ въ самолюбіи. Боже! Прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ» (стр. 158). Однако, онала была крайне тяжела для епископа Порфирія, вынужденнаго сидѣть безъ дѣла, горѣвшаго пламеннымъ желаніемъ отправиться на Востокъ. Во время пребыванія въ Петербургѣ онъ принималъ участіе въ переводѣ церковно-богослужебныхъ каноновъ съ греческаго на русскій языкъ, помогая занимавшейся этимъ дѣломъ комиссіи изъ профессоровъ духовной академіи, велъ богословскія бесѣды съ великой княгиней Еленой Павловной, которая очень цѣнила его ученныя познанія и, желая чаще видѣть, приглашала его лѣтомъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ ему

было предложено безплатное помѣщеніе во дворцѣ,—составилъ новый проектъ учрежденія іерусалимской духовной миссіи, занимался своими учеными трудами. Государь императоръ, цѣня ученія заслуги епископа Порфирія и его особые труды, назначилъ ему ежегодную пенсію въ тысячу рублей. Но особенно тяжелый ударъ былъ нанесенъ епископу Порфирію тѣмъ, что въ 1857 году въ Іерусалимъ вновь была отправлена духовная миссія, во главѣ съ епискомъ мелитопольскимъ Кирилломъ, тогда какъ наиболѣе компетентнымъ и авторитетнымъ представителемъ русской церкви на Востокъ могъ быть нашъ авторъ. «Прощай, святой градъ, съ грустью по этому поводу писалъ Порфирій: не жить мнѣ тамъ. Пригласили меня туда даже именемъ высочайшихъ особъ и снова оттолкнули. Какимъ же чудомъ одинъ и тотъ же я въ одно и то же время нуженъ и не нуженъ, полезенъ и не полезенъ, свѣтель и темень?... Я родился, выросъ, возмужалъ, состарился и умру подъ сѣнью алтара русскаго. Любовь моя къ отечеству и царю пламенна. Союзъ мой съ возродившею меня церковію нерушимъ. Убѣжденія мои въ правотѣ ея уяснены во мнѣ болѣе, чѣмъ въ комъ либо... О, зачѣмъ мнѣ суждено имѣть большую извѣстность! Лодочки спокойно стоятъ въ пристани, а боевой корабль среди океана обуреваемъ грозными волнами. Тростинки растутъ роскошно на сырой землѣ, а кедръ на высотѣ каменистаго Ливана, расщепывается молніею. О недруги мои! Дайте мнѣ безвѣстность. Дайте мнѣ покой. Я васъ прощаю» (стр. 91).

Въ іюль 1858 года епископъ Порфирій отправился съ научною цѣлью на Аѳонъ. Результаты этого (второго) путешествія на святую гору онъ изложилъ въ особой книгѣ (Москва, 1880), дополненіемъ къ коей и могутъ служить дальнѣйшія страницы (173—211) разсматриваемаго дневника. Здѣсь говорится о святыняхъ, бібліотекахъ, живописи и современномъ внутреннемъ состояніи монастырей—Есфигменова, Русскаго св. Пантелеймона, Кутлумушскаго, Иверскаго, Кареи, Зографа, Хиландаря, Пантократора и нѣкоторыхъ скитовъ. «Я расцвѣлъ на Аѳонѣ,—писалъ, между прочимъ, Порфирій,—разныя познанія, какъ радужные лучи свѣта, просвѣщаютъ мою душу. Красоты здѣшней природы чаруютъ и обогащаютъ мое воображеніе. Строгое и правильное житіе святогорскихъ подвижниковъ назидаетъ и исправляетъ меня окаяннаго. Соборныя молитвы ихъ, какъ волны, поднимаютъ мою душу къ небесамъ... Аѳонъ—мой рай... Скуки я не знаю, враговъ простилъ, друзей люблю, на людей не надѣюсь, на Бога уповаю и молюсь ему пламенно, а дѣломъ своимъ занимаюсь прележно: изучаю рѣзбу, ваяніе, зодчество, иконописаніе и церковное пѣніе греческое, а болѣе читаю старинныя книги, писанныя на кожахъ» (стр. 177 и 184). Съ Аѳона епископъ Порфирій отправился въ Фессалію, гдѣ осмотрѣлъ знаменитые Метеорскіе монастыри, которые и описалъ въ особой книгѣ; въ дневникѣ содержатся немногія добавленія къ этому спеціальному труду.

Затѣмъ, посѣтивъ Константинополь, епископъ Порфирій направился въ Палестину, гдѣ и пробылъ съ 16 февраля по 23 іюля 1860 года. (стр. 222—275). Страницы дневника, посвященные этому времени, содержатъ сообщенія объ ученыхъ занятіяхъ преосвященнаго Порфирія въ Святогробской бібліотекѣ, Вилеемѣ и монастырѣ св. Саввы Освященнаго, гдѣ нашъ паломникъ

изучаль рукописи, обозрѣвалъ живопись иконную и стѣнную и мозаики. Съ особою обстоятельностью описывается здѣсь Базилика Константина въ Виолемѣ, ея украшенія, архитектура и сохранившіяся надписи, а также иконы сербскаго, греческаго и арабскаго письма, надписи и библиотека монастыря св. Саввы. Кромѣ того, авторъ говоритъ объ иконахъ въ Крестномъ монастырѣ близъ Иерусалима, о начальникахъ мѣстной патриаршей школы. Результаты пребыванія епископа Порфирія были для него благоприятны и въ научномъ отношеніи, и въ смыслѣ подъема его нравственнаго самосознанія, въ противовѣсъ униженію и обидамъ, полученнымъ въ Петербургѣ. Авторъ имѣлъ случай еще разъ убѣдиться въ прочности и плодотворности своего многолѣтняго здѣсь дѣла. Заканчивая разсказъ о жизни въ Иерусалимѣ, онъ пишетъ: «О, кто что ни говори, а быть на святыхъ мѣстахъ и поклониться тамъ Богу духомъ и истиною отрадно, полезно, душеспасительно. Прощай, святой градъ. Я болѣе не увижу тебя, но никогда не забуду. Скорѣе прильпнетъ языкъ мой къ гортани моей, скорѣе забуду я десницу свою, нежели я забуду тебя, Иерусалимъ» (стр. 275).

Изъ Иерусалима епископъ Порфирій пріѣхалъ въ Одессу (стр. 276—278), а потомъ отправился въ Египетъ, гдѣ и пробылъ съ 20 ноября 1860 года по 8 марта 1861 года (стр. 279—369). Эта поѣздка была предпринята и съ научною цѣлію, а главнымъ образомъ для переговоровъ съ коптскимъ патриархомъ Кирилломъ о соединеніи коптовъ съ православными. Это дѣло стало уже налаживаться, какъ патриархъ Кириллъ внезапно скончался. Епископъ Порфирій, между прочимъ, осмотрѣлъ достопримѣчательности Каира и Александріи и описалъ ихъ. Въ этой же части дневника передается разговоръ нашего помонника съ александрійскимъ патриархомъ Каллиникомъ о синайскомъ спискѣ Библіи, увезенномъ Тишендорфомъ, о греко-болгарской распрѣ, о церковныхъ имѣніяхъ въ Молдавіи и Валахіи, излагаются біографическія свѣдѣнія о коптскомъ патриархѣ Кириллѣ и прочее.

Изъ Египта епископъ Порфирій уѣхалъ въ Константинополь (стр. 370—372), а потомъ на Афонъ (стр. 372—389), гдѣ, обозрѣвъ нѣкоторыя келіи, а также монастыри Аванасовъ и Иверскій; результаты этого путешествія, въ видѣ описанія иконъ, стѣнной живописи и надписей, онъ изложилъ въ своемъ дневникѣ

23-го іюля 1861 года епископъ Порфирій выѣхалъ съ Востока и въ сентябрѣ того же года прибылъ въ Петербургъ. «Кончены мои путешествія по Востоку, — пишетъ онъ, — теперь остается мнѣ привести въ порядокъ всѣ собранныя тамъ свѣдѣнія и напечатать ихъ. Господи! Благослови и это мое дѣло» (стр. 391). Въ заключеніи дневника епископъ Порфирій сообщаетъ, что всѣхъ его путешествій по морьямъ Черному, Мраморному, Эгейскому, Средиземному, Адриатическому и Красному, въ теченіе 1836—1861 годовъ, было 46.

Въ приложеніи къ книгѣ (стр. 395—444) помѣщенъ указатель собственныхъ именъ, а въ текстѣ ея имѣется шесть палестинскихъ видовъ.

Такимъ образомъ, и седьмой томъ «Книги бытія» знаменитаго русскаго ученаго-путешественника, епископа Порфирія Успенскаго, представляетъ интересъ въ различныхъ отношеніяхъ, а преимущественно полезенъ для ознакомленія съ археологіей и исторіей греческаго востока.

Σ.

Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основанія до 1897-го года включительно. Историческій очеркъ разныхъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла и развитія финансовой и экономической стороны желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 годъ включительно. Составленъ съ высочайшаго соизволенія по распоряженію министра путей сообщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя М. И. Хилкова подъ редакціей инженера тайнаго совѣтника В. М. Верховскаго. Спб. 1901.

Это—объемистая и тяжелая книга, въ обычномъ форматѣ для казенныхъ изданій, не преслѣдующихъ коммерческихъ цѣлей, на отличной бумагѣ, со множествомъ рисунковъ, чертежей и портретовъ видныхъ дѣятелей на поприщѣ развитія русскаго желѣзнодорожнаго дѣла. Съ другой стороны, книга эта является одною изъ важнѣйшихъ составныхъ частей общей исторіи вѣдомства путей сообщеній за его столѣтнѣе существованіе и въ то же время составляетъ непосредственное продолженіе общаго историческаго очерка развитія желѣзныхъ дорогъ, о первомъ томѣ котораго мы имѣли уже случай говорить на страницахъ нашего журнала.

Лежащій передъ нами томъ того же историческаго очерка состоитъ изъ XII отдѣльныхъ монографій, сохраняющихъ и свою особую нумерацію и составленныхъ каждый особымъ специалистомъ. Каждая монографія, въ своихъ границахъ, имѣетъ свои неоспоримыя достоинства, хотя по сравненію одна съ другою есть монографіи очень полныя и развитыя, а рядомъ съ ними монографіи болѣе общаго историческаго характера, чѣмъ характера спеціальнаго.

Къ числу первыхъ относится первая статья этого въ сущности сборника, а именно: «Историческій очеркъ развитія верхняго строенія пути желѣзныхъ дорогъ въ Россіи», составленная инженеромъ С. Д. Карейша въ высшей степени добросовѣстно и вполне способная войти цѣликомъ въ курсъ желѣзныхъ дорогъ института путей сообщенія. Масса чертежей, отличныя детали послѣдовательнаго развитія и измѣненія формы рельсовъ и шпаль дѣлаютъ ее прямо классно поучительной.

Такъ какъ сборнику этому, подобно всѣмъ сочиненіямъ такого рода, предстоить очень не широкое распространеніе не только въ кругахъ общихъ, но и среди специалистовъ, то мы совѣтовали бы почтенному автору этой монографіи издать свой великолѣпный, въ спеціальномъ отношеніи, трудъ отдѣльно. Многіе учащіяся и нынѣ и въ будущемъ скажутъ ему за его работу большое спасибо.

Много слабѣе, поверхностнѣе и короче разработанъ отдѣлъ объ искусственныхъ сооруженіяхъ инженеромъ Н. Б. Богуславскимъ. Впрочемъ это, можетъ быть, кажется всего болѣе потому, что этотъ отдѣлъ и самый трудный, самый богатый примѣрами и самый живой. Но и въ этомъ очеркѣ хорошо отгѣнены послѣдовательныя механическія идеи въ созданіи мостовыхъ фермъ, отъ дѣтски наивныхъ формъ мостовъ Тау и Гайу въ ихъ деревянномъ выраженіи и до почти экстравангантной идеи мостовъ съ консолями, позволяющихъ давать огромные про-

леты желѣзнодорожнымъ мостамъ на рѣкахъ судоходныхъ. Скуновать авторъ только на имена русскихъ инженеровъ. Остановившаяся на именахъ Мельникова, Крафта, Журавскаго и Бракова, онъ очень мало, то-есть ничего, не говоритъ, на примѣръ, о такихъ строителяхъ и инженерахъ оригинальныхъ предложеній, какъ Семиколѣновъ, Мейнгардъ и имъ равные. Впрочемъ исторія — не курсъ, и съ этой точки зрѣнія скупою инженеръ Богуславскій, можетъ быть, какъ историкъ, и лучше такого усерднаго спеціалиста своего дѣла, какъ г. Карейша.

Третья, по общему интересу, статья: «О мѣропріятіяхъ за историческое время по усилению пропускной способности желѣзныхъ дорогъ», — принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику Ф. А. Голицынскому.

Само собою разумѣется, что и этотъ инженеръ большого чина разработалъ свою задачу съ полнымъ знаніемъ дѣла. Но здѣсь нѣсколько странно, что усиленной перевозкѣ каменнаго угля въ 1888-мъ году, руководимой инженеромъ В. М. Верховскимъ, удѣлено спеціальныхъ десять страницъ съ таблицами, между тѣмъ какъ о перевозкѣ хлѣба съ Кавказа на востокъ, въ мѣстности, пораженныя недородомъ въ 1891—1892 годахъ полковникомъ Вендрихомъ, сказано такъ: «Мы не будемъ входить въ такое же подробное обсужденіе ни условій, при которыхъ приходилось исполнять полковнику Вендриху возложенное на него высочайшее порученіе, ни въ какомъ положеніи находились дороги, и насколько ихъ провозоспособность не соответствовала потребности, не будемъ также обсуждать принятія имъ мѣры, такъ какъ въ программу нашего очерка не входитъ оцѣнка исполненія отдѣльныхъ порученій».

Пусть такъ! Но зачѣмъ же тогда вслѣдъ за симъ пишется, что Сызрано-Вяземская дорога, ужасающее состояніе которой безъ подвижнаго состава и даже безъ водоснабженія освѣтилъ г. Вендрихъ, оправдывается тѣмъ, что по своему географическому положенію должна была развиваться по направленію къ западу, а здѣсь отъ нея потребовали усиленія перевозки по направленію къ востоку!? Удивительно, какъ это, говоря объ историческомъ развитіи пропускной способности нашихъ желѣзныхъ дорогъ, забыть работы А. А. Вендриха, который проповѣдывалъ устно, да и напечаталъ работъ по этому предмету болѣе чѣмъ 200 листовъ и, конечно, долженъ быть почтенъ за перваго (не хочу сказать, единственнаго) спеціалиста именно и только по этому вопросу. Онъ началъ съ малаго, прошелъ въ этомъ направленіи всѣ стадіи службы движенія, былъ и субалтерномъ, и начальникомъ движенія, и какъ директоръ упорядочилъ движеніе разстроенной Фастовской дороги, кончилъ же тѣмъ, что сталъ извѣстенъ государю императору. Право же, послѣднее отличіе достается человѣку безъ всякой протекціи не даромъ!?

Очевидно, у него есть не только спеціально инженерныя, но и историческія заслуги въ развитіи вопроса, которыя вzego менѣе слѣдовало бы игнорировать въ изданіи подъ редакцію В. М. Верховскаго, которое перевозитъ дѣла дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. М. Верховскаго. Даже если это однофамильцы и не родственники, то, похваливъ одного за уголь, ему слѣдовало бы похвалить и другого за хлѣбъ. Не правда ли?

Въ результатъ все же приходится констатировать фактъ, что этотъ историческій очеркъ недостаточно историченъ, потому что небезпристрастенъ.

Въ концѣ сборника, конечно, заслуживаетъ всякаго вниманія статья профессора Георгіевскаго: «Желѣзныя дороги съ финансовой и государственной точекъ зрѣнія». Назидательнѣйшія есть здѣсь страницы и при томъ не только спеціальнаго, но и частнаго интереса! Общее погребеніе въ архивахъ министерства и этой статьи также было бы нежелательно, какъ и статьи о верхнемъ строеніи желѣзныхъ дорогъ инженера С. Д. Карейши. Затѣмъ также въ интересахъ общихъ укажу на рефератъ инженеръ-технолога и путей сообщенія Н. К. Антошина и инженеръ-механика С. А. Силунова: «О развитіи желѣзныхъ дорогъ по отношенію къ подвижному составу». Съ исторической точки зрѣнія въ этомъ рефератѣ неприятно поражаетъ та скудость именъ, и при томъ русскихъ, которымъ эта отрасль желѣзнодорожнаго дѣла, у насъ отлично развитая, много обязана. Нѣтъ такихъ именъ, какъ имя талантливаго инженера В. А. Яловецкаго Н. Л. Щукина, имя котораго вспоминается вскользь и совершенно какъ бы мимоходомъ.

Больше бы вниманія въ этомъ направленіи въ историческомъ сочиненіи ничему бы не помѣшало. Но въ этомъ рефератѣ для общей публики интересны факты о первыхъ шагахъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Конечно, всѣ наши дороги имѣютъ право называться Николаевскими, потому что инициаторомъ ихъ является и при томъ безусловно одинъ этотъ замѣчательный самодержецъ. Что онъ слышалъ кругомъ себя? Отъ какихъ умныхъ людей шли нареканія на дороги, когда и самъ иностранецъ Ф. Герстнеръ, пріѣхавшій знакомить Россію и ея царя съ этимъ новымъ способомъ передвиженія, удивлялъ его своими расчетами и предложеніями.

Николай I одинъ ясно понималъ великое значеніе желѣзныхъ дорогъ въ будущемъ и одинъ заслуживаетъ за это великой благодарности. Любопытно, однако, вотъ что. Первая построенная у насъ опытная желѣзная дорога была, какъ извѣстно, Царскосельская. И что же? Разсматривая скудныя свѣдѣнія о первыхъ опытахъ движенія по этой дорогѣ, мы встрѣчаемся съ великими странностями. Первая странность—это то, что въ архивахъ министерства не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній о постройкахъ и способахъ эксплуатации этой дороги на первыхъ порахъ. Объяснить это можно только крайнимъ сѣнтицизмомъ знаменитаго Клейнмихеля, который даже и послѣ постройки московской дороги не вѣрилъ въ экономическое будущее такихъ дорогихъ путей въ Россіи.

Но все же изъ отрывковъ, сохранившихся тамъ и тутъ, интересно узнать, что съ первыхъ же шаговъ Царскосельская дорога стала развивать скорость движенія поѣздовъ своихъ отъ 57 до 60 верстъ въ часъ, то-есть скорость еще и понынѣ недоступную нашимъ великолѣпнымъ локомотивамъ. Кромѣ того, немалый интересъ представляетъ и соображеніе, что тогда полагалось отправлять поѣзда въ зависимости отъ числа пассажировъ. Иныхъ даже везли конной тягой со скоростью 20 верстъ въ часъ, что впрочемъ невѣроятно, ибо тогдашнія лошади едва ли могли въ условіяхъ желѣзнодорожнаго передвиженія, а не фельдъегерскаго, развивать такую бѣшеную скорость. Но что хорошо, такъ это паровыя кареты, родъ современнаго на лѣ автомобиля, изобрѣтеннаго въ 1820 году (вотъ уже подлинно, ничто не ново подъ луною),

которые ходили другъ за дружкой, какъ только на станціи накоплялось достаточное число пассажировъ для ихъ наполненія. Все это можно было бы повторить и теперь, особенно для лѣтняго движенія, а тѣмъ болѣе при помощи электрическихъ автомобилей. Гонять же по семи пустыхъ и громоздкихъ вагоновъ съ тремя пассажирами, какъ это случается въ февралѣ мѣсяцѣ, и невыгодно, да и долго.

Съ легкой руки императора Николая I пошло у насъ желѣзнодорожное строительство, и ко дню только полувѣкового дня его кончины мы встрѣчаемъ на поляхъ нашего обширнаго государства сѣтъ желѣзной коленъ длиною въ пятьдесятъ тысячъ верстъ. Въ добрый день началъ свое великое дѣло этотъ суровый государь!

Между тѣмъ нельзя также не сказать, какъ мало понимали въ то время даже заинтересованные люди будущее развитіе этого рычага современной намъ механической культуры. Недавно отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей Николаевской дороги. Самъ Ф. Герстнеръ, требовавшій между прочимъ, кромѣ гарантіи на капиталъ, еще передачу ему откупа на продажу по всей линіи водки¹⁾, говорилъ и строилъ расчеты на томъ, что каждый вагонъ сдѣлаетъ 185 поѣздокъ и перевезетъ 5.000 человекъ въ годъ, и что каждый локомотивъ сдѣлаетъ между Москвой и Петербургомъ только 75 поѣздокъ въ годъ, почему десяти локомотивовъ было, по его словамъ, вполне достаточно, какъ для пассажирскаго такъ и для товарнаго движенія. И вотъ въ оправданіе этихъ скромныхъ желаній и надеждъ ко дню своего пятидесятилѣтія, Николаевская дорога могла представить, что она въ 1900 году перевезла 4.500.000 пассажировъ, то-есть въ три раза болѣе всего населенія Петербурга, и, кромѣ того, привезла въ Петербургъ 259 милліоновъ пудовъ груза малой скоростью и увезла изъ Петербурга тою же скоростью 120 милліоновъ пудовъ. Заработала же она чистаго дохода болѣе 7 милліоновъ. Вотъ вы и сопоставьте все это съ дезидератами Герстнера въ 1836-мъ году и со скептическими выводами его противниковъ, которые находили даже его исчисленія чрезмѣрными. Кто бы всему дѣйствительно случившемуся сегодня тогда повѣрилъ?

Остальные рефераты и менѣе важны и менѣе спеціальны. Въ практическомъ отношеніи не худо обратить вниманіе на «Организацію мѣропріятій по обезпеченію желѣзно-дорожныхъ служащихъ и ихъ семействъ и улучшенію ихъ быта».

Заглавіе заманчивое, но, несмотря на заглавіе, бытъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, этихъ истинныхъ рабовъ и мучениковъ желѣзнодорожнаго прогресса, и до сихъ поръ оставляетъ желать многого! Хуже всего здѣсь грубое несоотвѣтствіе между крупными министерскими окладами начальниковъ и по истинѣ нищенскими окладами мелкихъ служащихъ. Несоотвѣтствіе это несомнѣнно опасно, говоря безъ всякихъ шутокъ. Въ ежедневной прессѣ при-

¹⁾ Чрезвычайно характерна резолюція императора Николая на этомъ докладѣ. О гарантіи онъ написалъ такъ: «пусть Герстнеръ покажетъ мнѣ свои капиталы, и я дамъ ему мою на нихъ гарантію». На предложеніе отдать торговлю на линіи водкой рѣзко написалъ: «никогда!»

нато защищать стрѣлочниковъ отъ постоянныхъ несправедливостей начальства. Однако господа защитники всегда при этомъ упускаютъ изъ вида, что плохой стрѣлочникъ можетъ по собственной инициативѣ сокрушить любой поѣздъ; напротивъ—самый великій начальникъ дороги не можетъ собственной инициативой приказать сбросить даже вагона съ рельса, въ минуту, ну, хотя бы невмѣняемаго гнѣва.

Въ этомъ-то весь и вопросъ.

Съ этой точки зрѣнія всѣ начальники хмуро встрѣчаютъ извѣстія о спасеніи поѣздовъ дорожными сторожами, которымъ благодарная спасенная ими публика дѣлаетъ немедленно же и складчину. Бываютъ случаи такіе но рѣдко. Но они могутъ стать гораздо болѣе частыми, если это войдетъ въ привычку, потому что сторожу ничего не стоитъ развинтить рельсъ или подбросить шпалу и самому же остановить поѣздъ и получить сразу въ десять разъ болѣе того, что онъ получаетъ за годъ при честной и скромной работѣ. Поощрять это во всякомъ случаѣ не благоразумно, но и кормить сторожей и стрѣлочниковъ слѣдовало бы лучше, чѣмъ ихъ вообще кормить и оплачивать.

Очеркъ о врачебной части на желѣзныхъ дорогахъ доктора Успенскаго очень не длиненъ и совершенно фактиченъ. Все есть... на бумагѣ, обо всемъ подумано и все извѣстно. Очень было бы хорошо, если бы каждый реальный пассажиръ находилъ все положенное по штату на мѣстѣ, когда въ томъ «положеніи» встрѣчается надобность. Бумага все терпитъ, ибо ей не больно. Но вотъ пассажиру которому ноги поломало не до терпѣнія, когда въ сокрушенномъ поѣздѣ не оказывается ни врача, ни перевязокъ.

Остальные рефераты знакомятъ насъ съ юрисконсультскою частью на желѣзныхъ дорогахъ и съ труднымъ вопросомъ объ отчужденіи земли подъ желѣзнодорожныя угодья. Извѣстно, что и до сихъ поръ у насъ во многихъ мѣстахъ это—имущественный вопросъ, несмотря на то, что казна платитъ за насильственное отчужденіе много дороже добровольной продажи, претензіи изнасилованныхъ такъ сказать, собственниковъ всегда превосходятъ предложенія казны. Но это вопросъ спеціально юридическій, я съ нимъ встрѣчался въ моей желѣзнодорожной дѣятельности и считаю самымъ тяжелымъ вопросомъ въ области постройки желѣзныхъ дорогъ вообще.

Вотъ, слѣдовательно, сколько полезныхъ, интересныхъ свѣдѣній заключаетъ въ себѣ этотъ сборникъ. Но будутъ ли его читать? Едва ли. Зато тѣмъ немногимъ, которымъ впоследствии, ко времени будущей исторіи, потребуются справки, они, навѣрно, будутъ искать ихъ въ этомъ сборникѣ, а не гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Это соображеніе и заставляеть насъ привѣтствовать появленіе историческихъ справочныхъ такихъ дорого стоящихъ, но въ торговомъ смыслѣ безкорыстныхъ, изданій.

В. П.—нѣ.

Труды Я. К. Грота. IV. Изъ русской исторіи. Исслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1845—1890) Изданы подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Спб. 1901.

Появленіе въ свѣтъ трудовъ покойнаго академика Я. К. Грота продолжается безостановочно, и съ выходомъ каждаго тома накапливается все болѣе и болѣе матеріала для характеристики покойнаго труженика науки, для оцѣнки

его значенія въ русскомъ ученomъ мѣрѣ. Дѣйствительно, каждый новый томъ заставляетъ убѣждаться, насколько разносторонни были интересы и симпатіи Я. К—ча, какъ серьезно смотрѣлъ онъ на всякую представлявшуюся ему задачу, насколько глубокими знаніями въ каждомъ изъ изучаемыхъ имъ вопросовъ обладалъ онъ, какой поучительный образецъ самаго плодотворнаго метода далъ онъ намъ въ своихъ трудахъ. Беллетристъ, поэтъ, переводчикъ, историкъ, филологъ, историкъ литературы—всѣмъ этимъ былъ покойный Гротъ, и во всѣхъ указанныхъ областяхъ науки и литературы оставилъ онъ по себѣ видный слѣдъ.

IV томъ собранія его сочиненій содержитъ въ себѣ его труды по русской исторіи, появившіеся, какъ въ изданіяхъ академіи наукъ и императорскаго русскаго историческаго общества, такъ и въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Редакція расположила эти статьи въ хронологическомъ порядкѣ затрогиваемыхъ ими вопросовъ, и потому на первомъ мѣстѣ стоитъ любопытная статья «Литва или Скандинавія», вызванная статьей Костомарова и извѣстнымъ его диспутomъ съ Погодинымъ; умѣренный приверженецъ норманской теоріи, Я. К—чъ здѣсь намѣчаетъ вопросы и развиваетъ положенія, съ большею частію которыхъ спорить не приходится, хотя, разумѣется, послѣ появленія трудовъ профессора Будиловича, академика Васильевскаго и профессора Брауна статья Грота должна считаться устарѣвшей. За двумя интересными замѣтками о русско-шведскихъ отношеніяхъ XIV и XVI вѣковъ слѣдуетъ большая статья, посвященная разсмотрѣнію вопроса: «дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники?» Доказавъ несостоятельность мнѣнія Устрялова, полагавшаго авторство Бера несомнѣннымъ, Гротъ ищетъ составителя хроники въ родственникѣ Бера, Конрадѣ Буссау или Буссовѣ, опираясь главнымъ образомъ на дрезденскій списокъ хроники и подтверждая свою догадку цѣнными свѣдѣніями изъ біографіи Буссова. Далѣе слѣдуютъ: статья о пребываніи Котошихина въ Швеціи и объ его трагической судьбѣ, вызванная трудомъ шведскаго ученаго Йэрне, и замѣтка о малоизвѣстномъ путешествіи по Россіи шведа Пальмквиста въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича.

Этимъ заканчиваются статьи, посвященныя древней Руси; дальнѣйшая, большая часть книги заполнена изслѣдованіями по «Петербуржскому періоду» русской исторіи. Этотъ отдѣлъ открывается любопытной замѣткой: «Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ», гдѣ авторъ показываетъ, что русскій элементъ въ Ингріи всегда былъ достаточно силенъ, силенъ настолько, что это обстоятельство могло значительно облегчить Петру дѣло покоренія Ижорскаго края. Обширная академическая рѣчь «Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи» слѣдуетъ за этой замѣткой, предшествуя любопытнѣйшему изслѣдованію «О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ»; здѣсь мы найдемъ обоснованное опроверженіе заявленной извѣстной части западно-европейской литературы о жалкой участи, постигшей якобы на Руси плѣнныхъ шведовъ, о томъ, что никто изъ нихъ не увидѣлъ снова своей родины; академикъ Гротъ между прочимъ сообщаетъ здѣсь интересныя подробности изъ біографіи 10 шведскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ извѣстнаго пастора Нордберга, историка Страленберга и Синклера, таинствен-

ная и трагическая судьба котораго доставила ему такую громкую извѣстность (непонятно лишь, какъ могла вкрасться въ разговоръ объ немъ досадная обмолвка: всюду вмѣсто императрицы Анны Иоанновны, какъ слѣдовало бы, говорится объ Елисаветѣ Петровнѣ); въ заключеніе дано извлеченіе изъ записокъ прапорщика Пипера о московскомъ плѣнѣ его. Двѣ небольшія замѣтки и статья о происхожденіи императрицы Екатерины I заключаютъ собою рядъ изслѣдованій о петровской эпохѣ; статья эта содержитъ въ себѣ подробный сводъ мнѣній по этому вопросу, и, хотя академикъ Гротъ и склоняется на сторону предположенія, что Екатерина была плѣнная служанка, но все же, какъ и предыдущія и послѣдующія изслѣдованія, она оставляетъ спорный вопросъ открытымъ.

Вслѣдъ за основанной на датскихъ источникахъ замѣткой о пребываніи дѣтей несчастной Анны Леопольдовны въ Даніи идетъ рядъ статей, посвященныхъ вѣку Екатерины II. Долговременныя занятія этой эпохой сдѣлали академика Грота признаннымъ ея знатокомъ, и эти его монографіи и статьи пріобрѣтаютъ потому высокой интересъ. Изслѣдованіе о воспитаніи Екатерины II, появившееся въ «Древней и Новой Россіи», не осталось безъ вліянія на позднѣйшую литературу предмета. Обширный трудъ «Екатерина II и Густавъ III», представляя собою всестороннее разсмотрѣніе этихъ двухъ великихъ дѣятелей эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, въ этомъ отношеніи оставляетъ далеко за собою извѣстную книгу профессора Брикнера «Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 годахъ»; особенно занимательны подробности о пребываніи Густава III въ Петербургѣ, а также сообщаемыя ему Екатериною свѣдѣнія о воспитаніи великаго князя Александра Павловича. Статьи, рисующія намъ великую государыню, какъ литературнаго дѣятеля и какъ просвѣтительницу своего народа, читаются тоже съ неослабнымъ интересомъ, особенно та изъ нихъ, гдѣ описано сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ». Въ цѣломъ рядъ предисловій къ тѣмъ томамъ «Сборника Русскаго историческаго общества», которые редактировалъ Я. К.—чь, особенно выдѣляются замѣтки о письмахъ Екатерины къ Гриму и Гримма къ своей высокой корреспонденткѣ; эти краткіе очерки не утратили своего значенія и интереса даже послѣ появленія обстоятельнаго труда В. А. Вильбасова «Екатерина II и Гриммъ». Далѣе вниманіе читателя привлекаетъ статья «Спенгпортень», представляющая собою пересказъ части монографіи Тигерстедта; посвященной жизни и дѣятельности этого шведскаго эмигранта, такъ много потрудившагося для отторженія Финляндіи отъ Швеціи; потому понятна ненависть, питаемая къ нему свеноманами и мѣшающая имъ объективно смотрѣть на этого, дѣйствительно не совсѣмъ порядочнаго, но безспорно даровитаго дѣятеля; отсутствіемъ такой объективности страдаетъ и трудъ Тигерстедта, а потому и статья Я. К. Грота.

Изданные Гротомъ «Матеріалы для исторіи пугачевского бунта» пользуются слишкомъ большой извѣстностью, для того, чтобы говорить объ ихъ значеніи и интересѣ. Тѣмъ же событіямъ посвященъ «Эпизодъ изъ Пугачевщины» — рассказъ о роли поэта Державина, въ то время преобразженскаго офицера, въ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ; Я. К.—чь доказываетъ, что нельзя смотрѣть съ пренебреженіемъ, какъ то иногда дѣлается, на участіе Державина въ борьбѣ съ самозванцемъ.

Наконецъ, послѣ маленькихъ замѣтокъ о паденіи Сперанскаго слѣдуетъ рядъ критическихъ и библиографическихъ статей. Особенно заслуживаетъ вниманія статья о сочиненіи Мальма, современника Петра I, о Россіи; сочиненіе это, по словамъ Грота, написано пристрастно, дышитъ враждою къ Россіи, но въ то же время, кажется намъ, нельзя отказать его автору въ извѣстной наблюдательности; напримѣръ, Мальмъ говоритъ, что «въ Россіи торговлю захватили въ свои руки иностранцы: они, какъ комары, сосутъ кровь изъ русскаго народа, а потомъ улетаютъ въ другіе края»; замѣчаніе выхвачено изъ жизни: какъ это намъ напоминаетъ «анонимныхъ бельгійцевъ» и т. п. нашихъ дней.

Одинъ перечень, далеко не полный, статей, вошедшихъ въ составъ IV тома «Трудовъ Я. К. Грота», показываетъ его интересъ и побуждаетъ желать его книгъ возможно широкаго распространенія. М. П.—я.

Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ второй. Спб. 1901.

Первый томъ труда нашего почтеннаго историка, обогатившаго русскую науку цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ сочиненій по исторіи русскаго крестьянства, былъ посвященъ состоянію помѣщичьихъ и посессионныхъ (то-есть принадлежащихъ фабрикантамъ) крестьянъ въ царствованіе Екатерины II. Второй томъ имѣетъ своимъ предметомъ состояніе всѣхъ остальныхъ родовъ крестьянъ за это время, то-есть дворцоваго вѣдомства, церковныхъ вотчинъ и государственныхъ. Авторъ сообщаетъ статистическія данныя относительно ихъ числа и множество драгоценныхъ свѣдѣній относительно ихъ экономическаго быта, повинностей и управленія ими, свѣдѣній, собранныхъ во всѣхъ главнѣйшихъ русскихъ архивахъ. Почти вездѣ автору приходится рисовать самую мрачную картину. Даже пріютившаяся на дальнемъ сѣверѣ и въ отдаленной Сибири община казенныхъ, такъ называемыхъ черносошныхъ, крестьянъ не представляла въ этомъ отношеніи рѣзкаго исключенія, хотя она и не знала надъ собою никого, кромѣ государства: ей приходилось страдать отъ неравномѣрнаго распредѣленія надѣловъ, отъ тяжести государственныхъ повинностей, какъ-то: дорожной, подводной и т. д., а также и отъ своего брата міроѣда¹⁾. Авторъ знакомитъ насъ съ дѣятельностью одного такого сибирскаго міроѣда—Новикова, который даже выписывалъ изъ Москвы экипажи. Всѣ окрестные крестьяне были поголовно ему должны, а поэтому бывало, какъ только онъ прослышитъ, что у кого нибудь изъ нихъ завелась лошадка получше, то сейчасъ посылаетъ своихъ рабочихъ отобрать ее... Высшія власти, посѣщая Томскъ и Барнаулъ, запросто принимали его у себя²⁾. Дворцовые крестьяне страдали отъ безпощаднаго взысканія податей даже въ такіе годы, когда помѣщичьимъ дѣлались льготы, отъ отсутствія всякихъ мѣропріятій на случаи неурожаевъ, повторявшихся довольно часто, а также отъ хищничества посылавшихся къ нимъ упра-

¹⁾ Стр. 676 и сл.

²⁾ Стр. 698.

вителей ¹⁾). Г. Семевскій приводитъ интересный случай, какъ по удаленіи одного изъ такихъ управителей крестьяне ходатайствовали о введеніи у нихъ выборнаго самоуправленія, но просьба ихъ не была исполнена ²⁾). Вообще, ихъ быть представлялъ мало утѣшительнаго, хотя волненія между ними были сравнительно рѣдки. И дѣйствительно, положеніе этихъ двухъ родовъ крестьянъ было еще очень завиднымъ въ сравненіи съ положеніемъ крестьянъ духовныхъ вотчинъ и государственныхъ приписныхъ къ заводамъ. Правда, крестьяне духовныхъ вотчинъ нахали на своихъ господъ менѣ помѣщичьихъ, но зато множество лежавшихъ на нихъ поборовъ превосходило тяжесть лежавшихъ на ихъ помѣщичьихъ собратьяхъ ³⁾). Къ этому присоединялись самыя вопіющія злоупотребленія и жестокости церковныхъ властей и ихъ управителей. У г. Семевского ихъ приведено очень много. Такъ, напримѣръ, архимандритъ Саввино-Сторожевскаго монастыря посылалъ крестьянъ, считавшихся собственно на оброкѣ, всѣхъ поголовно на работу въ теченіе двухъ недѣль. Однажды онъ заставилъ ихъ чистить прудъ въ самую страдную пору и, такъ какъ они не дали ему требуемой взятки (700 рублей), то продержалъ ихъ на этой работѣ болѣе мѣсяца ⁴⁾). Крестьяне Новоспасскаго монастыря жаловались на то, что управитель его «держитъ ихъ въ цѣпяхъ и желѣзахъ недѣль по пяти и больше и, державъ, бьетъ плетью, палками, пинками, смертными побой и, бивъ паки, бросивъ въ тюрьму, мучитъ голодною и студеною смертью и хвалится разглашаетъ, что въ вотчину затѣмъ и съѣхалъ: разорить всѣхъ до конца и искоренить» ⁵⁾). Тогда какъ даже помѣщики собирали по случаю свадебъ умѣренный сборъ, протопопъ Муромскаго собора бралъ съ крестьянъ по 2 рубля, а не то и совсѣмъ не позволялъ имъ жениться ⁶⁾ и т. д. и т. д. Потому и не удивительно, что, когда Екатерина II возвратила было духовенству вотчины, переданныя Петромъ II въ вѣдомство коллегіи экономіи, то всюду обнаружилось сопротивленіе крестьянъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Что касается до приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, то это были казенные крестьяне, которые не уплачивали своихъ податей, а должны были ихъ отработать на казенныхъ и частныхъ заводахъ за опредѣленную плату. Плата эта была очень незначительна ⁷⁾; кромѣ того, иногда цѣлыя деревни казенныхъ крестьянъ приписывались къ очень отдаленнымъ заводамъ; сначала, правда, имъ давались небольшія подъемныя, но въ указанное время и это вывелось изъ обыкновенія ⁸⁾... Наконецъ заводчики получали право жестоко наказывать приписныхъ крестьянъ и пользовались имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ... Такъ Демидовъ могъ за ослушаніе или лѣность своихъ приписныхъ наказывать ихъ плетью или батогами и даже налагать на нихъ цѣни ⁹⁾). Вообще эти заводчики были маленькими царьками на своихъ заводахъ и объ ихъ произволѣ ходили въ народѣ самыя невѣроятныя слухи. Такъ рассказывали, что во время посѣщенія княземъ Вяземскимъ уральскихъ заводовъ, по распоряженію Акинѣя Демидова, были спрятаны въ подземелья и потоплены тамъ водой изъ невьянскаго пруда рабочіе, занимавшіеся будто бы чеканкой фальшивой монеты для хозяина и тайно проживавшіе

¹⁾ Стр. 87 и сл. ²⁾ Стр. 98. ³⁾ Стр. 201 и сл. ⁴⁾ Стр. 208. ⁵⁾ Стр. 211.
⁶⁾ Стр. 218. ⁷⁾ Стр. 308. ⁸⁾ Стр. 309. ⁹⁾ Стр. 299.

тамъ каторжники для того, чтобы скрыть всякіе слѣды беззаконій ¹⁾. Поэтому не удивительно, если начало царствованія Екатерины II ознаменовалось ужасными волненіями среди заводскихъ крестьянъ, въ подавленіи которыхъ принималъ видное участіе будущій герой борьбы съ Пугачевымъ—Бибиковъ. Въ книгѣ г. Семевского читатель найдетъ подробное изображеніе этихъ волненій ²⁾.

Къ сожалѣнію, книга г. Семевского написана довольно тяжелымъ языкомъ, что вмѣстѣ съ ея громоздкостью дѣлаетъ ее мало доступною для большой публики, но эти недостатки совершенно блѣднѣютъ передъ цѣнностью сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній.

В. Строевъ.

Князь М. А. Накашидзе. Автомобиль, его экономическое и стратегическое значеніе для Россіи. Съ 9-ю рисунками, Спб. 1902.

Авторъ подробно объясняетъ, въ какой степени страдаетъ въ экономическомъ отношеніи Кавказъ отъ примитивныхъ способовъ передвиженія по шоссейнымъ дорогамъ, и, какъ военный, обращаетъ также вниманія на тѣ затрудненія, которыя встрѣчаютъ повсемѣстно войска на Кавказѣ въ вопросахъ довольствія и быстрого передвиженія. «Безъ ошибки можно сказать, что на случай военныхъ дѣйствій, когда Кавказъ явится главной базой дѣйствующихъ армій; напримѣръ, въ случаѣ войны съ Персіей, Афганистаномъ, Турціей, или вообще какихъ либо осложненій на побережьяхъ Чернаго моря, вопросъ о передвиженіи по весьма немногочисленнымъ путямъ его явится весьма жгучимъ, а перевозочныя средства самымъ большимъ мѣстомъ дѣйствующей арміи».

Широкое примѣненіе автомобилей для удовлетворенія потребностей экономической и общественной жизни за границей не могло остаться незамѣченнымъ и въ военномъ мірѣ. Въ 1900 году разные типы автомобиля съ успѣхомъ фигурировали на французскихъ маневрахъ, въ видѣ самодвижущихся обозовъ, фургоновъ, лазаретовъ и т. д., а въ 1901 году самодвижущіяся повозки появились и на германскихъ маневрахъ, во время которыхъ императоръ Вильгельмъ не сходилъ съ автомобиля. Англичане также занялись серьезно этимъ жгучимъ вопросомъ, и на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Трансваалѣ появилось нѣсколько автомобилей, успѣшно удовлетворившихъ военнымъ цѣлямъ. Такимъ образомъ автомобиль сдѣлался мало-по-малу центромъ вниманія всѣхъ государствъ, и наконецъ на него было обращено вниманіе Россіи.

Авторъ настоящей книги первымъ выступаетъ со своимъ въ высшей степени интереснымъ трудомъ въ нашей литературѣ, знакомя наше общество всесторонне съ значеніемъ автомобиля для Россіи, какъ со стороны экономической, такъ и въ стратегическомъ отношеніи, съ значеніемъ мѣстныхъ сообщеній въ экономической жизни населенія, доказывая затѣмъ всю выгоду и преимущество отъ примѣненія механической тяги передъ мускульной и подтверждая свои доказательства рядомъ сравнительныхъ цифровыхъ данныхъ.

Перечисляя тѣ огромныя услуги, которыя несомнѣнно окажетъ для Россіи автомобиль, авторъ приводитъ весьма удачный примѣръ изъ мусульманскаго

¹⁾ Стр. 312.

²⁾ Стр. 322—503.

возстанія въ г. Андиганѣ 18-го мая 1898 г., когда «шайка въ 2.000 сартовъ, руководимая Ишаномъ Мадали, напала на сонныхъ солдатъ 20-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и вырѣзала 21-го человѣка. Телеграфъ оказался порваннымъ. Посланные конные джигиты не могли довести требованія о помощи въ Маргеланъ равѣе, какъ черезъ 6—7 часовъ; а потому извѣщеніе о катастрофѣ военный губернаторъ получилъ лишь на слѣдующее утро, постѣ чего сейчасъ же была отправлена рота на вокзалъ желѣзной дороги, съ цѣлью отправленія ея въ Андиганъ, но на станціи не оказалось поѣзда, который по телеграфу былъ вытребованъ изъ Коканда, находящагося отъ Маргелана въ 90 верстахъ. Войска ждали, а Андиганъ находился въ крайне опасномъ положеніи. Совѣтъ другой оборотъ приняло бы дѣло, если бы изъ Андигана по прекрасной почтовой дорогѣ отправился автомобиль, и немедля изъ Маргелана на автомобильныхъ повозкахъ двинулась хотя бы полурота, даже взводъ на помощь андижанцамъ».

Какъ дополненіе къ желѣзнымъ дорогамъ, автомобиль окажетъ также незамѣнимую услугу, такъ какъ на короткихъ разстояніяхъ (60 верстъ) желѣзныя дороги не могутъ конкурировать съ перевозкой гужемъ, и при усовершенствованіи гужевой тяги подобныя разстоянія могли бы достигать ста и болѣе верстъ. Въ подтвержденіе своихъ предположеній авторъ приводитъ примѣръ недавно начавшейся перевозки грузовъ морского вѣдомства изъ Ижорскаго завода въ Колпинѣ до Петербурга, на бензино-и спирто-моторной телегѣ поднимающей 300 пудовъ.

Исходя изъ безусловной выгоды примѣненія автомобиля въ Россіи для вышеупомянутыхъ цѣлей, авторъ обращаетъ вниманіе на Кавказъ, гдѣ за послѣднее время особенно ощутителенъ недостатокъ въ лошадяхъ даже и по главнымъ артеріямъ его путей сообщенія. Желѣзныхъ дорогъ на Кавказѣ почти нѣтъ, постройка подъѣздныхъ путей обошлась бы правительству огромныхъ капиталовъ въ силу особаго географическаго положенія страны.

Слѣдовательно, по мнѣнію автора, на Кавказѣ необходимо создать такой способъ передвиженія, который могъ бы замѣнить собою желѣзныя дороги безъ тѣхъ огромныхъ затратъ, которыя несомнѣнно, повлечетъ за собою сооруженіе послѣднихъ. Прекрасно изучивъ Кавказъ и его тракты, авторъ даетъ полное описаніе главнѣйшихъ изъ нихъ и, не ограничиваясь однимъ маршрутнымъ описаніемъ, даетъ полную картину производительности, экономическаго положенія областей, по которымъ они пролегаютъ.

По прочтеніи труда князя М. А. Накашидзе составляется полная картина той видной роли, которая безусловно выпадетъ на долю автомобиля.

На томъ или другомъ типѣ автомобилей авторъ не останавливается, считая этоть вопросъ преждевременнымъ, такъ какъ усовершенствованія самодвижущихся экипажей прогрессируютъ съ удивительной быстротою, и не проходитъ мѣсяца, чтобы не появлялось болѣе новаго и совершеннаго типа.

Ворясъ Тагъевъ.

**Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ.
Москва. 1902.**

За послѣднее время нѣкоторые преподаватели географіи и исторіи, вѣроятно, утомившись преподносить своимъ питомцамъ произведенія г. Иловайскаго и г. Смирнова, начали (одни—самостоятельно, другіе — въ компаніи) издавать по нѣкоторымъ вопросамъ своихъ наукъ книги, цѣль которыхъ быть добавочнымъ чтеніемъ для учащихся, популярнымъ же чтеніемъ для людей вообще, желающихъ восполнить пробѣлы въ своемъ общемъ образованіи. Намѣренія такъ хороши, что публика начала восторгаться раньше приведенія ихъ въ исполненіе. На дѣлѣ же оказалось, что для выполненія намѣченной цѣли, кромѣ званія учителя, требуется еще что-то... чего не достало, главнымъ образомъ, историкамъ (напримѣръ, Весленеву и К. А. Иванову). Своихъ изслѣдованій у нихъ не оказалось; тогда, не смущаясь, они взялись за компиляцію, и компиляція эта получилась у нихъ ни хуже, ни лучше тѣхъ учебниковъ, по которымъ они проходили свой курсъ, такъ что ихъ сборники можно, не скрываясь, назвать «лишнимъ чтеніемъ». Географы дѣйствуютъ немного иначе. Своихъ замѣтокъ и описаній у нихъ тоже нѣтъ, ибо у насъ меньше всего ѣздятъ куда нибудь учителя географіи, компиляцій они не дѣлали, ибо, по ихъ мнѣнію, при этомъ всегда теряетъ свою живость и образность первоисточникъ, они просто, безъ затѣй, взяли да отпечатали отдѣльной книжкой очерки и замѣтки путешественниковъ, при чемъ изъ путешественниковъ исключительно русскихъ, такъ чтобы Западная Европа была освѣщена съ русской точки зрѣнія, а, сверхъ того, еще важень и «тотъ сравнительный методъ, съ которымъ всякій русскій путешественникъ невольно подходитъ къ явленіямъ западно-европейской жизни».

Такимъ образомъ зародился и появился въ свѣтъ настоящій сборникъ въ 124 статьи на 760 страницахъ. Начинается сборникъ очеркомъ Ф. Нансена «Зимовка на Землѣ Франца-Иосифа», но это не одинъ очеркъ не русскаго путешественника, дальше раза два проскальзываютъ случайно и иностранцы. Большинство же описаній принадлежатъ А. Елисеѣву, Е. Маркову, В. Немировичу-Данченко, И. Василевскому, Д. Мордовцеву.

Составленъ сборникъ въ смыслѣ распредѣленія матеріала очень удачно. Послѣ описанія сѣверо-западной части Европы, идутъ статьи, рисующія намъ англійскую жизнь во всѣхъ деталяхъ, праздничную и будничную въ различныхъ кварталахъ, описаніе города Лондона съ внѣшней стороны, небольшой очеркъ посвященъ жизни рабочимъ. Далѣе слѣдуютъ статьи, касающіяся жизни Германіи, и описаніе ея большихъ городовъ. Затѣмъ идетъ описаніе французской жизни съ городомъ Парижемъ и всѣми его закоулками, жизнь французской деревни, французы-южане и сѣверяне. Не менѣе статей собрано и объ Италіи, Испаніи. Много описаній городовъ и столицъ Балканскаго полуострова. Обдѣлили составители только Данію: о ней всего два небольшихъ очерка въ такомъ обширномъ географическомъ сборникѣ.

Мы не будемъ входить въ разборъ тѣхъ описаній и очерковъ, которые составители нашли нужнымъ помѣстить въ сборникъ—есть дѣйствительно та-

лантливо и живо написанные, но и есть совсѣмъ никуда не годные. Вотъ только невольно составителямъ приходится задать вопросъ, чѣмъ руководствовались они выбирая эти описанія и очерки. Вѣроятно, только тѣмъ, чтобы авторомъ ихъ былъ человекъ русскій... Составители глубоко ошиблись и ввели въ заблужденіе читателя: въ этомъ русскомъ авторѣ нѣтъ сравнительнаго метода, котораго такъ желали составители, и котораго такъ, съ ихъ же словъ, ждалъ читатель. Русскій авторъ нишетъ, восхищается, напริมѣръ, Парижемъ, черезъ каждыя двѣ строки пять восклицательныхъ знаковъ, — гдѣ же его невольный сравнительный методъ?.. Какъ не явился онъ въ Парижѣ, такъ нѣтъ его и въ продолженіи путешествія по всей Западной Европѣ. В. I.

Постройка и эксплуатація Николаевской желѣзной дороги (1842—1851—1901 г.г.). Краткій историческій очеркъ. Составленъ управленіемъ дороги. Спб. 1902.

Это прекрасно составленная монографія. Безъ лишннихъ словъ, безъ всякаго чрезмѣрнаго раздуванія, это въ самомъ дѣлѣ вразумительный, всѣмъ понятный и даже интересный очеркъ существованія этой дороги въ трехъ стадіяхъ ея развитія: постройки казенными инженерами, затѣмъ эксплуатаціи главнымъ обществомъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ и наконецъ въ казенномъ управленіи, продолжающемся и донинѣ. Монографія эта снабжена множествомъ интересныхъ рисунковъ, портретами четырехъ государей, портретами всѣхъ ея директоровъ, строителей и иныхъ важныхъ дѣятелей, видами наиболѣе характерныхъ и интересныхъ зданій, планами дороги съ профилею, графикомъ движенія, видами поѣздовъ разнаго состава и назначенія и тому подобное. Поэтому книгу интересно не только прочесть, но и пересмотрѣть даже и неспециалисту инженернаго дѣла.

Первыя страницы посвящены, конечно, чисто анекдотической исторіи первыхъ попытокъ постройки желѣзныхъ дорогъ не только у насъ, но и въ просвѣщенной Англіи, гдѣ и ученые люди сомнѣвались, чтобы локомотивъ могъ ходить быстро по лошади, и не могли себѣ представить дороги черезъ большое и глубокое болото, находившееся между Манчестеромъ и Ливерпулемъ. Любопытно въ самомъ дѣлѣ, что Стефенсону приходилось производить изысканія ночью, или боевымъ образомъ отстрѣливаясь отъ владѣльцевъ попутныхъ земель и угодій.

Но первый поѣздъ въ 1829 году, пущенный Стефенсономъ, рѣшилъ вопросъ безспорно, и дѣло желѣзныхъ дорогъ стало быстро и безпрепятственно развиваться на западѣ. Благодаря превосходнымъ инженернымъ способностямъ императора Николая и его государственной дальновидности, мы очень мало отстали по времени отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, ибо въ 1836 году уже эксплуатировали Царскосельскую дорогу. Но, конечно, и у насъ выросли сомнѣнія со всѣхъ сторонъ, и два любопытныхъ документа, одинъ отъ 1835-го года, а другой отъ 1837-го, приведенные въ отрывкахъ въ разбираемой книгѣ, дѣйствительно представляются нашимъ глазамъ невѣроятною слѣ-

потою людей, даже очень умныхъ, которые никакъ не могли допустить, чтобы при нашихъ зимахъ и климатѣ вообще желѣзныя дороги были у насъ выгодны и возможны.

Въ послѣднемъ отношеніи любопытно сочиненіе Наркиза Атрѣшкова «О желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи», въ которомъ съ отличною логикою и считывалось, что товарное движеніе между Москвою и Петербургомъ не превзойдетъ 7.000 пудовъ въ годъ, и что 8.000 пассажировъ будетъ крайнимъ предѣломъ ея пассажирскаго движенія. На основаніи этихъ данныхъ Наркизъ Атрѣшковъ высчиталъ максимальный доходъ дороги въ 5.650 рублей въ годъ. Но если это крайность даже и для того времени, то и защитники будущей Николаевской дороги не надѣялись перевозить болѣе 12.000.000 пудовъ въ годъ и 120.000 пассажировъ.

Что же случилось на самомъ дѣлѣ? Эти данныя мы находимъ на заключительной страницѣ той же прекрасной книги.

Стоимость дороги въ ея настоящемъ видѣ, безъ реализаціи капиталовъ, 135.800.000 рублей. Съ 1846 года по 1901 включительно перевезено: пассажировъ—93.404.931 человекъ, товаровъ большой скорости—62.288.731 пудъ, малой скорости—6.582.889.856 пудовъ, выручено чистаго дохода—506.226.312 рублей.

Понятно, какъ долженъ страдать мятежный духъ Наркиза Атрѣшкова, если онъ видитъ эти торжественные результаты эксплоатаціи дороги, которой онъ предсказывалъ такую скромную участь? Впрочемъ, тотъ же скептицизмъ, несмотря на громадный опытъ, слышенъ нерѣдко и нынѣ, почти всякій разъ, когда проектируется какая либо новая линия желѣзной дороги. А между тѣмъ нора понять, что желѣзная дорога есть великій историческій факторъ, сильно измѣнившій лицо земли и характеръ человѣчества, и что значеніе этого фактора много больше такихъ сравнительно громадныхъ историческихъ движеній, какъ крестовые походы, какъ войны реформаціи и нестовства всякихъ революцій. Одно только книгопечатаніе можетъ стать рядомъ и то потому, что безъ него немислимы были бы не только желѣзныя дороги, но и такія курьезныя сочиненія, какъ Атрѣшкова, и такія хорошія—какъ просмотрѣнная нами книга.

В. П.

Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный, иллюстрированный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ, подъ редакціей А. Бенуа. Выпускъ I. Спб. 1902.

Въ прошломъ году мы привѣтствовали появленіе этого прекраснаго и единственнаго въ своемъ родѣ изданія, поставившаго себѣ цѣлью познакомить русскую публику съ картинами и рисунками, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ знаменитыхъ мастеровъ, съ наиболѣе значительными скульптурными и архитектурными памятниками и драгоценными и любопытными предметами художественной промышленности. Первый выпускъ «Сборника» текущаго года

посвященъ исключительно русскому искусству. Къ нему приложены слѣдующія безукоризненно исполненныя хромофотографіи и фототипіи: находящаяся въ музеѣ императора Александра III, икона св. Бориса и Глѣба «строгановскаго» письма, имѣющая, главнымъ образомъ, значеніе, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи древне-русскихъ княжескихъ одеждъ; портретъ императрицы Екатерины II, писанный Рокотовымъ, изъ Китайской галлерей Гатчинскаго дворца; портретъ этотъ совершенно неизвѣстенъ публикѣ, такъ какъ никогда не былъ гравированъ; по времени онъ принадлежитъ къ 1763 году и можетъ считаться однимъ изъ самыхъ схожихъ изображеній государыни. Образъ Нерукотвореннаго Спаса, серебряный окладъ котораго, сооруженный въ 1645 году бояриномъ Б. М. Хитрово, представляетъ прекрасный образецъ русской эмали половины XVII столѣтія. Два мѣдныхъ кунгана, изъ музея императора Александра III, интересны тѣмъ, что являются образцами прикладнаго искусства начальнаго и конечнаго періода расцвѣта московской культуры. Сундукъ XVII столѣтія, — одна изъ большихъ драгоценностей Московскаго историческаго музея, — замѣчательенъ по живописи, украшающей внутреннюю сторону крышки и изображающей фантастическую птицу «альконось» среди вѣтокъ, усѣянныхъ разнообразными цвѣтами. Англійская карета, хранящаяся въ московской Оружейной палатѣ, время Бориса Годунова. Кувшинчикъ и коробка изъ туалетнаго прибора императрицы Анны Ивановны, хранящагося въ Эрмитажѣ; этотъ приборъ весь изъ золота, состоитъ изъ 48 предметовъ, въ стилѣ голландскаго или англійскаго барокко, по вѣсму вѣроятіямъ, исполненъ въ Англии, славившейся въ XVIII столѣтіи своими чеканщиками и золотыхъ дѣлъ мастерами. Картина Торелли, находящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ и изображающая триумфъ императрицы Екатерины II, какъ побѣдительницы турокъ и завоевательницы Новороссійскаго края; въ картинѣ масса пѣшихъ и конныхъ фигуръ, написанныхъ съ рѣдкой законченностью; вообще, мягкіе тона красокъ, прекрасный рисунокъ, неподражаемая виртуозность исполненія, отводятъ этой картинѣ, въ ряду прочихъ произведеній Торелли, безспорно, первое мѣсто. Янтарная комната въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ—одна изъ главныхъ его достопримѣчательностей, не только благодаря драгоценности матеріала, но и тому неподражаемому вкусу, съ которымъ придворный декораторъ императрицы Елисаветы Петровны сумѣлъ воспользоваться хрупкими янтарными бездѣлушками для созданія великолѣпнаго, можно сказать, сказочнаго зала. Эскизъ изъ терракоты знаменитаго скульптора Козловскаго «Меркурій, передающій Вакха на воспитаніе нимфѣ», отличающійся удачной композиціей и большимъ мастерствомъ. Превосходная статуя, неизвѣстнаго мастера, изображающая Нептуна и украшающая лѣвую, ростральную колонну передъ биржей въ Петербургѣ. Портреты братьевъ Ланскихъ, рисованные итальянскимъ карандашомъ Кипренскимъ. Наконецъ портретъ великой княгини Елены Павловны съ дочерью Маріей Михайловной, писанный съ обычнымъ мастерствомъ К. Брюлловымъ и принадлежащій герцогу Михаилу Георгіевичу Мекленбургъ-Стрелицкому.

Пояснительный текстъ, написанный знатоками, заключаетъ біографическія свѣдѣнія о творахъ художественныхъ произведеній и даетъ эстетическую

опѣнку послѣднихъ. Мы искренно желаемъ успѣха и широкаго распространенія «Сборнику», такъ какъ, кромѣ чисто художественнаго интереса, онъ имѣетъ и большое образовательное значеніе. С. Ш.

Суворовъ, какъ представитель славянства. Составилъ ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, генераль-майоръ Н. А. Орловъ. Спб. 1901.

Казалось бы, едва ли возможно въ такой небольшой, сравнительно, книгѣ сказать такъ много и обстоятельно о нашемъ знаменитомъ полководцѣ; а между тѣмъ почтенный авторъ, не долюбливая, очевидно, многоглаголонія, сумѣлъ въ сжатомъ и чрезвычайно образномъ очеркѣ дать читателямъ цѣльный и совершенно законченный портретъ Суворова.

Авторъ начинаетъ свою книгу перечисленіемъ всѣхъ великихъ полководцевъ Европы за минувшія времена, насчитываетъ ихъ десять—и дѣлаетъ пріятное открытіе, что на долю славянъ приходится значительный процентъ, именно цѣлыхъ два полководца—Петръ Великій и Суворовъ. Войны послѣдняго г. Орловъ дѣлитъ на три группы: на войны съ Турціей, съ Польшей и наконецъ въ Италіи и Швейцаріи. Въ первой группѣ останавливается на себѣ особенное вниманіе взятіе Суворовымъ Измаила, гарнизонъ котораго состоялъ изъ 35 тысячъ человѣкъ, находившихся подъ начальствомъ энергичнаго коменданта Айдозли Мехметъ-паши, между тѣмъ какъ у Суворова было всего не болѣе 30 тысячъ подъ ружьемъ. «И въ чистомъ полѣ, говоритъ авторъ книги, разбить армію, превосходящую числомъ, не легко, а когда она находится въ сильной крѣпости—подвигъ дѣлается еще труднѣе. Несмотря на это, Суворовъ, тщательно подготовивъ штурмъ Измаила, превосходно его исполняетъ. Достается это цѣлыми потоками крови: изъ 35 тысячъ турокъ было убито 26 тысячъ; Дунай покраснѣлъ отъ человѣческой крови, которая лилась изъ Измаила... Немало было тутъ и русской крови: 10 тысячъ нашихъ убито во время штурма... Суворовъ побѣдами надъ турками окончательно установилъ наше первенствующее значеніе въ восточномъ вопросѣ и значительно подвинулъ его впередъ. При немъ занялась заря освобожденія балканскихъ славянъ».

Говоря о второй группѣ суворовскихъ войнъ, талантливый авторъ останавливается на штурмѣ Праги 24 октября 1794 года, когда наши солдаты, вспоминая рѣзню, учиненную въ Варшавѣ, въ ночь на 6-ое апрѣля того же года, надъ мирно спавшими русскими солдатами, избивали всѣхъ, не давая никому пощады... Суворовъ пожелалъ спасти столицу Польши отъ справедливаго мщенія нашихъ воиновъ, взявшихъ уже Прагу, и съ этою цѣлью приказалъ разрушить мосты, соединявшіе это предмѣстье съ самою Варшавою. На этой чертѣ чисто русскаго человѣка—быть милосерднымъ къ побѣжденному врагу—чертѣ, замалчиваемой обыкновенно біографами Суворова, авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ и въ доказательство приводитъ даже 7-й пунктъ приказа Суворова передъ штурмомъ Праги: «Въ домъ не за-

бѣгать, непріятеля, просящаго пощады, щадить, безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтковъ не трогать». Всѣ изумлялись, говоритъ г. Орловъ, великодушію Суворова, но онъ отвѣчалъ стихами Ломоносова:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
А хищный волкъ его лежащаго терзаетъ»...

Еще болѣе, вѣроятно, изумлялись въ Европѣ великодушію—или, скорѣе, простодушію—нашего правительства того времени, отдалаго, при послѣдовавшемъ послѣ этихъ побѣдъ третьемъ раздѣлѣ Польши, значительныя «пространства земли въ пользу Пруссіи и Австріи, пространства, приобрѣтенныя рѣками русской крови... По существу же дѣла, конечно, славянскія земли должны бы были принадлежать славянамъ же». Еще одна характерная черточка въ исторіи этой войны: оказывается, русскіе за все, что брали у поляковъ, расплачивались наличными деньгами, хотя у нихъ самихъ этихъ денегъ было очень мало, такъ какъ въ армию долго почему-то не высылали денегъ изъ Петербурга, вслѣдствіе чего побѣдители терѣли во многомъ недостатокъ. Несмотря на это, порядокъ въ завоеванной странѣ не былъ нисколько нарушенъ.

Въ третьей группѣ суворовскихъ войнъ—въ походѣ въ Италію и Швейцарію, — авторъ останавливается на знаменитой трехдневной битвѣ отряда Суворова съ войсками Макдональда, между коими была очень стойкая дивизія генерала Домбровскаго, составленная изъ поляковъ. Здѣсь опять, вслѣдствіе рокового и крайне прискорбнаго историческаго недоразумѣнія, славяне столкнулись съ славянами же, и бой былъ столь же упорный, какъ и подъ Прагою, хотя и закончился отступленіемъ Макдональда... И въ эту войну русскія войска, предводимыя безсмертнымъ Суворовымъ, отличились блестящими побѣдами, а правительство—своимъ добродушіемъ: мы все время, оказывается, вынимали каштаны изъ огня для двоедушной Австріи...

Характеризируя итоги военной дѣятельности Суворова, г. Орловъ приводитъ слѣдующія интересныя цифры: «Въ теченіе 20-ти своихъ походовъ, Суворовъ взялъ у непріятеля 609 знаменъ, 2.670 орудій, 107 морскихъ судовъ, 52.107 человекъ плѣнныхъ. При этомъ, Суворовъ былъ шесть разъ раненъ и подъ нимъ было убито нѣсколько лошадей». И вотъ, этотъ-то военный гений, удивлявшій своею славою и побѣдами цѣлый міръ, позналъ на смертномъ ложѣ, подобно многимъ другимъ людямъ, всю тщету величія и земного бытія, говоря окружающимъ: «Долго гонялся я за славою... Все мечта! Покой души—у престола Всемогущаго!»...

Въ концѣ книги обращаетъ также на себя вниманіе особая статья «Суворовъ и флотъ», въ которой описываются такъ мало извѣстныя большинству русской публики морскія побѣды знаменитаго полководца, одержанныя надъ тѣми же турками въ 1773 году, во время первой турецкой войны, а также и во время второй, въ 1787 году, при Екатеринѣ. Этимъ и объясняется количество 107 «морскихъ судовъ», считающихся въ числѣ трофеевъ Суворова.

Л.

**А. Оларь. Политическая история французской революции.
Москва. 1902.**

Трудъ Олара давно извѣстенъ всякому, занимающемуся французской революціей. Среди множества сочиненій по исторіи Франціи въ концѣ XVIII вѣка сочиненіе Олара занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ своемъ капитальномъ трудѣ, состоящемъ изъ четырехъ частей (въ русскомъ переводѣ сочиненіе Олара занимаетъ 952 стр.), французскій историкъ изслѣдуетъ вопросъ о происхожденіи и развитіи демократіи и республики въ періодъ отъ 1789 до 1804 г. Онъ выясняетъ, какъ примѣнялись на практикѣ принципы Декларации Правъ, какъ эти принципы осуществлялись въ учрежденіяхъ, какъ понимались они и истолковывались въ рѣчахъ, въ печати, въ дѣйствіяхъ различныхъ партій, въ тѣхъ или иныхъ проявленіяхъ общественнаго мнѣнія. Обыкновенно, при работкѣ новаго политическаго строя, ссылались на политическую равноправность и верховную власть народа,—на эти два основныхъ принципа указывали, но ихъ различно понимали и различно примѣняли въ разные періоды французской революціи.

Какъ демократія является логическимъ послѣдствіемъ принципа равноправности, такъ и республика была логическимъ послѣдствіемъ принципа верховной власти народа. Оларь раздѣляетъ исторію демократіи и республики за время французской революціи на четыре періода. Въ первомъ (отъ 1789 до 1792 г.) онъ видитъ возникновеніе демократической и республиканской партій при господствѣ избирательнаго ценза и конституціонной монархіи. Второй періодъ былъ временемъ демократической республики (1792—1795 г.), третій—періодомъ буржуазной республики (1795—1799) и четвертый—періодомъ плебисцитарной республики (1799—1804 г.). «Вмѣсто демократіи», говоритъ Оларь, «люди 1789 г. установили буржуазный порядокъ, основанный на имущественномъ цензѣ; вмѣсто республики они организовали органическую монархію. Только 10 августа 1792 года, путемъ признанія всеобщаго избирательнаго права, французы установили у себя демократическій строй; только 22-го сентября 1792 г., уничтоживъ монархію, они установили республику. Относительно республиканской формы правленія можно сказать, что она существовала до 1804 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока правительство республики не было вручено императору; что же касается демократіи, то она была упразднена еще въ 1795 году, при введеніи конституціи III года; во всякомъ случаѣ она потеряла тогда глубокое измѣненіе, благодаря сочетанію всеобщаго избирательнаго права съ избирательнымъ правомъ, основаннымъ на цензѣ. Сначала у народа потребовали отреченія отъ своихъ правъ въ пользу одного буржуазнаго класса; этотъ буржуазный порядокъ характеризуетъ собою періодъ Директоріи. Затѣмъ потребовали у народа отреченія отъ своихъ правъ въ пользу одного чеговѣка, Наполеона Бонапарта; это былъ періодъ плебисцитарной республики, періодъ Консульства. Раздѣливъ исторію демократіи и республики на періоды, Оларь выдѣляетъ тѣ факты, которые среди перенутанныхъ огромнаго количества событийъ оказали очевидное и прямое вліяніе на политическую революцію Франціи.

Къ такимъ фактамъ относятся: политическія учрежденія, система избира-

тельного ценза и монархическій режимъ, всеобщее избирательное право, конституція III года, конституція VIII года, идейное движеніе, подготовившее, установившее и видоизмѣнявшее всё эти учрежденія; политическія партіи, ихъ стремленія и ихъ распри, главнѣйшія теченія общественнаго мнѣнія, перевороты въ умахъ общества, выборы, плебисциты, борьба новаго духа съ духомъ прошлаго, новыхъ силъ съ силами стараго порядка, свѣтскаго духа съ клерикальнымъ, рациональнаго принципа свободнаго изслѣдованія съ католическимъ принципомъ авторитета. Въ этомъ, въ сущности, и состояла политическая жизнь тогдашней Франціи. О другихъ фактахъ, имѣвшихъ свое вліяніе, какъ о войнахъ, дипломатическихъ и финансовыхъ актахъ, Оларь не распространяется. Весь трудъ его состоитъ изъ четырехъ частей. Въ первой части выяснено происхожденіе демократіи и республики, во второй изображена дѣятельность демократической республики, въ третьей — «буржуазной» республики, и въ четвертой — «плебисцитарной». Во всей первой части своего труда Оларь держится хронологическаго порядка, — иного и нельзя въ данномъ случаѣ держаться, такъ какъ онъ изучаетъ развитіе республиканской и демократической идеи до революціи и послѣ.

По отношенію къ промежутку времени отъ 1789 до 1792 года историку приходилось просто рассказывать о всѣхъ проявленіяхъ демократическихъ и республиканскихъ идей, по мѣрѣ того какъ они встрѣчались, помѣщая ихъ въ рамки сначала конституціонной монархіи, а затѣмъ буржуазнаго порядка. Но что касается остальныхъ трехъ періодовъ, демократической, буржуазной и плебисцитарной республикъ, то было бы трудно излагать одновременно въ той же самой хронологической послѣдовательности какъ исторію политическихъ учрежденій, такъ борьбу партій и всё метаморфозы общественнаго мнѣнія; это значило бы внести въ рассказъ ту же путаницу, какая существовала въ самой дѣйствительности, особенно въ періодъ демократической республики. Поэтому Оларь излагаетъ поочередно, одно за другимъ, каждое изъ этихъ проявленій той же самой политической жизни, какъ бы въ видѣ нѣсколькихъ параллельныхъ хронологическихъ серій. Такъ какъ колебанія общественнаго мнѣнія и видоизмѣненія политическихъ учрежденій тѣсно связаны между собою и находятся въ постоянномъ соотношеніи, то онъ указываетъ на эту связь всякій разъ, когда это представляется необходимымъ.

Болѣе двадцати лѣтъ работалъ Оларь надъ своимъ трудомъ, перечитавъ всё законы революціонной эпохи, всё вліятельныя газеты того времени, переписку, пренія, политическія рѣчи, протоколы выборовъ. Матеріалъ, на которомъ построено изслѣдованіе его, — колоссальный. Но авторъ вездѣ остается объективнымъ, вездѣ онъ историкъ, а не публицистъ.

«Ошибочно думать, чтобы французская революція была совершена нѣсколькими выдающимися личностями, нѣсколькими героями», — таковъ одинъ изъ заключительныхъ выводовъ историка. Героемъ революціи былъ народъ, не въ видѣ безформенной массы, а въ видѣ организованныхъ группъ. Политической и соціальной программой республиканцевъ было просвѣщеніе народа, борьба съ этимъ просвѣщеніемъ составила одинъ изъ пунктовъ программы Наполеона. Оларь, далѣе, развиваетъ и ту мысль, что люди, дѣйствовавшіе въ эпоху рево-

люціи, вовсе не были «гигантами», выдающимся поколѣніемъ, это поколѣніе было не ниже и не выше средняго. Наиболѣе сильный выводъ, къ которому приходитъ авторъ, заключается въ устраненіи двусмысленности толкованія словъ—великая французская революція. Она представляетъ собою какъ бы политическій и соціальный идеаль, къ осуществленію котораго Франція стремилась, а историки смѣшивали этотъ идеаль или съ его практическимъ примѣненіемъ, или съ событіями, вызванными врагами этого идеала, съ цѣлью упраздненія или замаскированія его.

Императорскій деспотизмъ остановилъ революцію, отмѣтилъ собою отступление въ сторону принциповъ стараго порядка, упразднилъ временно свободу, уничтожилъ отчасти равенство. Но эта разрушительная работа коснулась скорѣе политическихъ, чѣмъ соціальныхъ результатовъ революціи. Сохраненіе этихъ соціальныхъ результатовъ появилось въ обладаніи національными имуществами и въ гражданскихъ законахъ, сведенныхъ въ кодексъ, хотя и менѣе эгалитарный, чѣмъ какой былъ задуманъ конвентомъ, но во всякомъ случаѣ безконечно болѣе гуманный и разумный, чѣмъ кодексы стараго порядка, обладавшій, кромѣ того, тѣмъ преимуществомъ, что онъ былъ одинаковымъ для всей Франціи; оно проявилось въ функционированіи революціонныхъ законовъ о наслѣдствѣ, словомъ, во всемъ этомъ кодексѣ, принятомъ почти всей Европой. Этимъ именно и объясняется, почему послѣ паденія Наполеона Бонапарта, когда соціальныя результаты революціи оспаривались роялистами, вернувшимися изъ эмиграціи, этотъ человекъ, сдѣлавшій все, что только онъ могъ сдѣлать для разрушенія политическихъ результатовъ революціи, сталъ казаться человекомъ революціонной эпохи и могъ говорить о себѣ, какъ о такомъ. Переводъ сочиненія Олара сдѣланъ прекраснымъ языкомъ, издана книга хорошо.

А—въ.

Феликсъ Рокэнъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1902.

XVIII вѣкъ во Франціи былъ временемъ необыкновеннаго развитія общественнаго духа, выразившагося въ оппозиціи противъ церкви и королевской власти и распавшаго обѣ главныя опоры прежняго государственнаго строя. Послѣ замѣчательнаго сочиненія Тэна о старомъ порядкѣ, гдѣ немало мѣсто удѣлено характеристикѣ оппозиціоннаго духа предъ революціей, книга Рокэна занимаетъ выдающееся мѣсто, какъ по богатству новаго матеріала, такъ и по талантливому освѣщенію этого нелегко поддающагося анализу матеріала. Рокэнъ пользовался всевозможными дневниками, напримѣръ, неизданными текстами дневниковъ Реньо и Гарди, а иногда художественно воспроизводя картины старой Франціи.

Въ своемъ трудѣ Рокэнъ показываетъ, какъ началось броженіе общественной мысли, какъ оппозиціонный духъ постепенно развивался и обращался въ духъ революціонный, и какъ проявленія послѣдняго шли съ возрастающей силой вплоть до 1789 года. Основнымъ источникомъ для него послужили многочисленные произведенія литературы, относящіяся къ этому періоду времени,

и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя въ свое время обращали на себя вниманіе властей и подвергались преслѣдованію. Въ XVIII вѣкѣ книга служила органомъ выраженія общественнаго мнѣнія, правительство боролось противъ книги.

Если, вопреки законамъ о книгопечатаніи, воспрещавшимъ издавать что бы то ни было безъ разрѣшенія, появлялись сочиненія, возбуждавшія опасенія или навлекшія на себя гнѣвъ правительства, то послѣднее не ограничивалось преслѣдованіемъ авторовъ и книгопродавцевъ. Постановленіемъ государственнаго совѣта, парламента, иногда верховнаго совѣта или Шателэ, книга объявлялась изъятой изъ обращенія, что влекло за собою истребленіе всѣхъ появившихся экземпляровъ. Часто сочиненія осуждались на сожженіе, и въ такомъ случаѣ приговоръ, равносильный осужденію на позорное наказаніе, исполнялся черезъ палачей. Приговоры этого рода обыкновенно постановлялись парламентомъ. У подножія главной лѣстницы зданія парламента складывался костеръ въ присутствіи главнаго секретаря и двухъ приставовъ, книга раздиралась и бросалась въ огонь. Такія ауто-да-фэ, наслѣдіе той варварской эпохи, когда вмѣстѣ съ книгою сжигался и авторъ, продолжались вплоть до самой революціи.

Въ своихъ изысканіяхъ авторъ пользовался и самыми произведеніями и состоявшимися по нимъ постановленіями. Послѣднія вывѣшивались, провозглашались по улицамъ и были почти всегда подробно мотивированы. Въ особенности парламентскіе приговоры неизмѣнно сопровождались обвинительными актами, въ которыхъ выставлялось на видъ направленіе инкриминируемой книги, и приводились изъ нея выдержки, избличавшія ея дерзость и въ большинствѣ случаевъ исчерпывавшія все, что возбуждало въ ней интересъ общества. Эти рѣдкія книги хранятся въ національныхъ архивахъ, и Рокэнъ впервые пользуется ими изъ всѣхъ историковъ.

Свое изслѣдованіе Рокэнъ начинаетъ съ характеристики оппозиціоннаго духа въ началѣ регентства, когда оппозиція еще не выходила изъ области религіознаго вопроса. Во время министерства герцога Бурбона и Флери (1724—1733 г.) оппозиція охватила низшее духовенство, магистратуру, буржуазію и народъ, превратившись изъ религіозной въ политическую. Еще большихъ успѣховъ достигла оппозиція во время правленія Людовика XV, когда духъ оппозиціи превращается въ революціонный. Наконецъ, царствованіе Людовика XVI, послѣ надеждъ, возбужденныхъ новымъ королемъ, привело къ катастрофѣ. Рокэнъ даетъ рядъ блестящихъ страницъ быта, нравовъ, настроенія умовъ. При Неккерѣ шла энергичная пропаганда революціонныхъ идей въ книгахъ и журналахъ, но правительство не замѣчало этого. Безплодныя интриги и странное ослѣпленіе духовенства, дворянства, создавали пѣлую стѣну между надвигавшимися событіями и правительствомъ.

Дворъ представлялъ собою не менѣе печальное зрѣлище. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, господствовали интриги. Высшее дворянство, какъ и при Людовикѣ XV, соперничало другъ передъ другомъ въ тщеславіи и жадности. Изъза полученія мѣстъ и разныхъ королевскихъ милостей шла самая отчаянная борьба, которая не прикрывалась даже и соблюденіемъ внѣшняго достоинства.

Подъ вліяніемъ все болѣе распространявшихся философскихъ идей, этикетъ который еще умѣлъ поддерживать Людовикъ XV, теперь утратилъ всю свою строгость. Иностранецъ, поавши въ Версаль, лишь съ трудомъ иногда отличалъ короля отъ его окружающихъ. Графъ д'Артуа, проходя мимо короля, обращался съ нимъ въ высшей степени непочтительно, толкалъ его и чуть не наступалъ ему на ноги. Сама королева первая отбросила всякія, стѣснявшія ее, церемоніи и допускала такую фамиллярность по отношенію къ себѣ, которая являлась оскорбленіемъ, какъ ея лично, такъ и короны. Не соблюдая никакихъ приличій, она отличала своимъ расположеніемъ людей самой сомнительной репутаціи. «Плохая репутація и всякіе позорные поступки какъ будто даютъ особыя права на то, чтобы быть допущеннымъ въ ваше общество»,— сказала ей однажды аббатъ Вермонъ, и при этомъ непрерывный рядъ праздноствъ и развлеченій, которымъ она отдавалась съ какою-то лихорадочностью, увлекая за собой всю эту шумную толпу придворныхъ, производившую на строгаго и серьезнаго графа де-Мерси впечатлѣніе «вихря псорченности». Несмотря на то, что азартныя игры были запрещены во всемъ королевствѣ, въ Версали, въ Фонтенебло и въ Марли играли въ ланекнехтъ или въ фараонъ до четырехъ часовъ и пяти утра. И мало того, что игра велась вопреки закону, она еще велась и нечестно. Такимъ образомъ, лишенный всякаго внѣшняго декорума, дворъ Людовика XVI, хотя и не столь безнравственный, какъ при предыдущемъ царствованіи, былъ уже больше не дворомъ, а «притономъ распущенной шайки».

Собраніемъ нотаблей и созывомъ генеральныхъ штатовъ закончились всѣ ожиданія общества, и настала революція. Авторъ даетъ въ концѣ своего интереснѣйшаго труда списокъ книгъ, подвергнувшихся осужденію съ 1715 по 1786 годъ.

П. А.

Ванъ-Мюйдень. Исторія швейцарскаго народа. Томъ III. Изданіе А. М. Пантелѣва. Спб. 1902.

Кромѣ книги Эдемса и Кеннингема, дающей описаніе государственнаго устройства Швейцаріи, а также Курти (Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи) на русскомъ языкѣ ничего больше не имѣется по исторіи Швейцаріи. Недавно выпедшій третій и послѣдній томъ сочиненія Ванъ-Мюйдена очень кстати пополняетъ этотъ важный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. О первыхъ двухъ томахъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» былъ данъ отзывъ. Былъ указанъ и главный недостатокъ этого большого труда—слабое освѣщеніе культурно-соціальной исторіи Швейцаріи и поверхностное отношеніе къ литературѣ, гдѣ идетъ о ней рѣчь. Тѣми же чертами, конечно, отличается и послѣдній томъ этого сочиненія. Такъ, болѣе чѣмъ слабы «общія соображенія» Ванъ-Мюйдена, которыми открывается настоящій томъ. Въ этихъ соображеніяхъ находимъ нѣсколько фразъ о причинахъ и результатахъ французской революціи. Фразы эти ничего новаго не скажутъ среднему читателю, т. е. вовсе не разъяснятъ ни причинъ ни слѣдствій революціи во Франціи. А между тѣмъ, для историка швейцарскаго народа во-

прось о влиянии Франціи на Швейцарію—первостепенный, такъ какъ революція французская послужила могучимъ толчкомъ для гельветской революціи. Авторъ остроумно сближаетъ ту и другую революціи, находя въ нихъ много общаго. Оба эти крупныхъ движенія были благотѣльнымъ кризисомъ страны. Революція въ Швейцаріи заставила страну порвать съ прошлымъ. «Какъ и французская революція, она была преждевременна; люди, взявшіе на себя управленіе движеніемъ, опередили свою эпоху, провозглашенныя ими точки зрѣнія были преждевременны; хотя они не запятнали себя преступленіями и бесполезными жестокостями, ихъ образъ дѣйствія былъ тѣмъ не менѣ самовольный: они оскорбили общественное чувство и, благодаря своей безразсудной дерзости, открыли путь для реакціи не замедлившей воспослѣдовать». Историкъ подробно знакомитъ читателя со всѣми вышними подробностями гельветской революціи, съ основаніемъ гельветской республики и съ устройствомъ Швейцаріи на вѣнскомъ конгрессѣ. На договоръ, вступившій въ силу 7 августа 1815 г., Ванъ-Мюнденъ смотритъ, какъ на «феодальный» договоръ, бывшій одною изъ наиболѣе неразработанныхъ хартій. «То была не столько конституція», говоритъ онъ, «сколько союзный договоръ, заключенный между равноправными государствами во имя общей безопасности ихъ» (15 стр.). Такихъ неопредѣленныхъ формулъ и опредѣленій можно немало найти у Ванъ-Мюндена, и онъ, въ данномъ случаѣ, лишь раздѣляетъ далеко не научное мнѣніе о «феодальныхъ» договорахъ... въ XIX вѣкѣ. Понятіе «феодальный» имѣло вполне опредѣленный смыслъ для опредѣленнаго лишь времени и даже для извѣстныхъ лишь государствъ. Правда, Масперо находилъ феодализмъ даже въ Египтѣ—но въ этомъ и заключается слабость его построенія.

Послѣ 1815 г. въ Швейцаріи началось пробужденіе національнаго духа, выразившееся введеніемъ демократическаго образа правленія въ разныхъ кантонахъ, а также образованіемъ либеральной, радикальной и ультрамонтанской партій. Описавъ февральскую конституцію 1848 г. и выяснивъ довольно точно назначеніе федеральныхъ властей, Ванъ-Мюнденъ даетъ характеристику конституціи 1874 г., чѣмъ и заканчивается вышняя исторія Швейцаріи. Последняя глава, какъ и въ предыдущихъ томахъ аналогичныя ей,—очень слаба. Поверхностно, весьма не ярко и скучно изображено умственное движеніе въ XIX вѣкѣ. На это отведено всего лишь 25 стр., и кромѣ перечня именъ съ указаніемъ нѣкоторыхъ датъ книга ничего не даетъ. Къ періоду, сдѣланному болѣе тщательно, чѣмъ первые тома, приложены 6 рисунковъ (5 портретовъ и одинъ видъ Цюриха въ XVIII в.).

В.

Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе. Е. К. Тифлисъ. 1901.

Названное сочиненіе есть первый опытъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе и принадлежитъ перу епископа Киріона. Авторъ пользовался неразобранными еще архивными документами и имѣлъ въ виду намѣтить проявленія религіозной жизни за періодъ, послѣдовавшій со дня присоединенія грузинскаго царства къ Россіи. Настоящая книга заключаетъ пре-

дисловіе, введеніе (церковно-политическія сношенія Грузіи съ единовѣрной Россіей) и пять главъ изложенія. Первая глава разсматриваетъ измѣненія, которымъ подверглись устройство и управленіе грузинскою церковью съ 1801 г., вторая обнимаетъ церковное управленіе въ западной Грузіи (имеретинскій католикосатъ); третья посвящена миссіонерской дѣятельности (среди осетинъ, несторіанъ, абхазцевъ, дѣятельность епископа Гавріила); четвертая занята обзоромъ духовно просвѣтительной дѣятельности экзархата (открытіе школъ грамоты, духовныхъ училищъ и семинарій, печатаніе книгъ и прочее); наконецъ, пятая заключаетъ мѣры къ улучшенію быта духовенства и дальнѣйшее развитіе церковно-религіозной жизни. Наиболѣе цѣнной частью въ этомъ интересномъ трудѣ являются свѣдѣнія, заимствованныя изъ архивныхъ документовъ и выясняющія различныя стороны церковной жизни Грузіи за сто послѣднихъ лѣтъ. Историческія экскурсіи, предпринимаемыя авторомъ для полноты того или другого вопроса, придаютъ книгѣ цѣльность и связываютъ преемственною нитью прошлое и настоящее грузинской церкви. Изъ портретовъ, которыми снабжена книга, наименѣе рѣдкими въ издачіяхъ можно считать портреты преосвященнаго Гаіюза, просвѣтителя осетинъ, грузинскаго историка-археолога Пл. Юсселіани и перваго экзарха Варлаама (изъ князей Эристовыхъ). Слабыя стороны этого труда находится въ связи съ современнымъ состояніемъ грузинологіи. Поэтому нѣкоторыя утвержденія изслѣдователя, напримѣръ, объ отношеніяхъ иверійской церкви къ константинопольской и антиохійской, а также вопросъ о времени автокефалии въ Грузіи требуютъ спеціальной разработки и пересмотра существующихъ по этимъ пунктамъ разнообразныхъ мнѣній. Фактическая сторона исторіи церкви за XIX вѣкъ въ Грузіи представлена съ такой полнотой, которая впоследствии потребуетъ лишь немного дополненій. Словомъ, названная работа одно изъ полезныхъ изданій, появившихся по поводу столѣтней годовщины присоединенія Грузіи къ Россіи.

А. Хахановъ.

Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyschev. Volumen quartum. Petropoli MDCCCXI. (Древнія греческія и латинскія надписи съвернаго побережья Чернаго моря. По порученію и на средства императорскаго Русскаго археологическаго общества издалъ Василій Латышевъ. Томъ четвертый. Спб. 1901).

Первые два тома настоящаго труда появились въ 1885 и 1890 гг. и, какъ видно изъ добавленій и поправокъ къ нимъ, приложенныя къ настоящему тому, отнюдь не прошли незамѣченными не только въ русской, но главнымъ образомъ въ западной ученой литературѣ: филологи и историки Германіи, Австріи, Франціи, Греціи и Италіи неоднократно пользовались изданіями г. Латышева для своихъ трудовъ. А весьма сочувственные отзывы, какъ спеціально критическіе, такъ и высказанные случайно въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, показали, что уже въ 1885 г. издатель греческихъ и латин

скихъ надписей, находимыхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, былъ опытнымъ эниграфистомъ; по изданіи же 2-го тома г. Латышевъ получилъ небывалую доселѣ и единственную пока для русскихъ филологовъ честь; быть избраннымъ въ члены-корреспонденты Берлинской академіи наукъ. Третьяго тома сборника надписей пока еще не выходило въ свѣтъ. По первоначальному плану изданія онъ долженъ содержать надписи на разнаго рода утвари, главнымъ образомъ на вазахъ, и опубликованіе его поручено императорскимъ Русскимъ археологическимъ обществомъ Евг. М. Придику. Въ настоящемъ томѣ собраны многочисленныя (478) древнія надписи найденныя за періодъ съ 1885 г. до самаго послѣдняго времени. Наибольшая часть ихъ добыта изъ Херсонеса Таврическаго, гдѣ съ 1888 г. найдено болѣе 130 эниграфическихъ документовъ. Размѣщены надписи, какъ и въ предшествующихъ томахъ, сперва по древнимъ мѣстностямъ, къ которымъ принадлежать, а затѣмъ по однородности содержанія. Каждая надпись напечатана двумя шрифтами: эниграфическимъ и минускульнымъ; съ болѣе важныхъ документовъ приложены цинкографическіе снимки. Нечего и говорить, что ко всякой надписи приложено объясненіе, въ которомъ указываются мѣсто нахождения документа и тщательное описаніе его внѣшности, и толкуется его содержаніе. Комментаріи издателя, въ общемъ кратки, такъ какъ большинство помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ надписей было опубликовано уже ранѣе, по мѣрѣ ихъ нахождения, преимущественно самимъ В. В. Латышевымъ, а отчасти и другими лицами, въ матеріалахъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ императорской археологической комиссіей, «Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества», «Запискахъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей» и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Размѣры и назначеніе настоящей замѣтки не позволяютъ мнѣ подробно остановиться на богатомъ содержаніи труда г. Латышева и выяснить все огромное значеніе, какое имѣетъ онъ для классической филологіи вообще и для исторіи нашего юга въ частности. Поэтому я ограничусь указаніемъ только на нѣкоторые документы, наиболѣе важные и интересные. На первомъ планѣ безспорно слѣдуетъ поставить (№ 79) открытую въ 1890—91 и 99 гг. присягу гражданъ Херсонеса Таврическаго на вѣрность конституціи своего государства, весьма важный памятникъ какъ для исторіи и устройства Херсонеса въ III в. до Р. Хр., такъ и для уясненія практическихъ взглядовъ гражданъ того времени на ихъ обязанности по отношенію къ государству. Надпись эта послѣ ея первой публікаціи вызвала уже болѣе 10 спеціальныхъ изслѣдованій въ ученой литературѣ Запада. Важенъ также для исторіи Херсонеса новый отрывокъ отъ найденаго въ 1878 г. постановленія въ честь полководца царя Митридата VI, Эвнатора-Диофанта, воевавшаго противъ скивовъ (№ 66). Любопытенъ извлеченный изъ моря жертвенникъ (IV или III в. до Р. Хр.) Ахиллу, очень высоко чтимому среди грековъ Эвксинскаго понта (№ 63). Интересна латинская надпись подъ № 94, свидѣтельствующая о томъ, что центромъ римской военной оккупациіи Крыма во II вѣкѣ по Р. Хр. былъ Херсонесъ. Въ связи съ этимъ въ № 464 впервые дается указаніе, что въ послѣднія десятилѣтія IV в. по Р. Хр. Херсонесъ былъ подчиненъ римской власти и былъ занятъ отрядомъ военнаго трибуна Флавія Битта, который, между прочимъ,

принимать дѣятельное участіе въ сооруженіи городскихъ стѣнъ. Изъ документа № 194 узнаемъ, что Старый Крымъ имѣлъ торговое значеніе уже въ первые вѣка нашей эры. На основаніи № 434 издатель почти съ наглядной убѣдительностью доказываетъ, что древняя Горгининія лежала на мѣстѣ теперешней Анапы. № 460, къ сожалѣнію, далеко не полный, впервые указываетъ, какъ далеко могли древніе стрѣлять изъ лука. Названный тамъ грекъ Анаксагоръ пустилъ на состязаніи стрѣлу на разстояніе 521,6 метр. Наконецъ, любители греческаго языка и поэзіи съ удовольствіемъ прочтутъ нѣсколько стихотворныхъ надгробій, отличающихся своей поэтичностью и задушевностью тона (таковы №№ 136, 219, 256, 318 и 391). Для большей полноты своего труда В. В. Латышевъ счелъ нужнымъ прибавить къ нему и подложныя надписи, фабрикованныя, къ сожалѣнію, одно время довольно усердно и продававшіяся при содѣйствіи еврейскихъ торговцевъ, главнымъ образомъ братьевъ Гохманъ. Весь текстъ сборника написанъ на латинскомъ языкѣ, какъ международно-научномъ. На этомъ же языкѣ публикуетъ, какъ извѣстно, свое колоссальное изданіе греческихъ и римскихъ надписей Берлинская академія наукъ. И если, какъ это ни грустно, прекрасный трудъ академика Латышева найдетъ себѣ, въ силу особыхъ условій нашего просвѣщенія, на Западѣ и болѣе читателей, и болѣе цѣнителей, то все же появленіе настоящей книги не должно пройти незамѣченнымъ и у насъ, такъ какъ это изданіе — гордость нашей науки.

А. М.—нъ.

Г. Г. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства, этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Москва, 1902.

Рабство въ экономической жизни человѣчества играло громадную роль не только въ отдаленныя времена, но не менѣе важное значеніе имѣло оно въ нѣкоторыхъ колоніяхъ и въ началѣ XIX столѣтія. Въ настоящее время промышленная жизнь покоится на свободномъ трудѣ. Какимъ образомъ совершился подобный поворотъ, будетъ понятно только послѣ того, какъ будутъ выяснены условія, необходимыя для успѣха рабства, какъ хозяйственной системы, и противоположныя условія, при которыхъ рабскій трудъ долженъ быть вытѣсненъ свободнымъ трудомъ. Вотъ отысканіемъ этихъ условій и занялся специально Нибуръ. Но уже съ первыхъ строкъ авторъ сиѣшитъ ограничить свое изслѣдованіе рамками «этнологическаго» и пользуется только этнографическимъ матеріаломъ—описаніями различныхъ системъ хозяйства у дикихъ племенъ.

Приступая къ научному изслѣдованію Нибуръ очень дорожитъ точной терминологіей, а потому посвящаетъ цѣлую главу тому, чтобы заранѣе условиться съ читателемъ, что онъ будетъ понимать подъ словами «рабъ» и «рабство». Конечно, новаго онъ не ищетъ, но изъ этихъ понятій старается исключить тѣ жизненныя явленія, къ которымъ въ обыденной жизни очень часто присоединяются эти слова—приниженное положеніе женщины, дѣти, подчиненныя власти главы семьи, крѣпостное право, отданные въ кабалу и нѣкоторыя другіе. Такое усло-

віе імѣть то громадное значеніе, что при классификаціи матеріала къ рабамъ относились строго опредѣленныя группы.

Далѣе, сдѣлавъ географическое распредѣленіе дикихъ народовъ, имѣющихъ рабовъ, Нибуръ, приступаетъ, наконецъ, къ изслѣдованію рабства по культурамъ хозяйства. Велѣдствіе ограниченности матеріала и выводы изъ его изслѣдованія получились двоякаго рода. Одни изъ нихъ примѣнимы только къ дикарямъ и совершенно не пригодны для уясненія хозяйственныхъ отношеній у цивилизованныхъ народовъ, на примѣръ, «что кочевыя племена менѣе склонны держать рабовъ, чѣмъ осѣдлыя» (но цивилизованные и даже полугцивилизованные народы не ведутъ кочевой жизни); другіе—имѣють болѣе общее значеніе, на примѣръ «что рабство обыкновенно не существуетъ тамъ, гдѣ вся земля считается чьей нибудь собственностью». Вообще же какихъ нибудь болѣе опредѣленныхъ конечныхъ результатовъ своего изслѣдованія не видитъ и самъ авторъ. Вопросъ объ экономическомъ значеніи рабства такъ великъ и такъ тѣсно связанъ съ другими вопросами (происхожденіе рабовъ, положеніе ихъ и т. д.), что разрѣшеніе его въ предѣлахъ какихъ нибудь рамокъ едва ли является возможнымъ. Такъ видимо понимаетъ это и авторъ, ибо въ заключеніе говоритъ о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ должно пролить свѣтъ на этотъ предметъ. Къ концу книги авторъ приложилъ библиографическій указатель книгъ по интересующему его вопросу; указатель составленъ болѣе чѣмъ добросовѣстно.

Издана книга довольно порядочно, но переводъ г. Максимова мѣстами наводитъ грусть и уныніе на читателя. I.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV-го вѣка. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Москва. 1902.

Книжка содержитъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Сверхъ заглавной новеллы, въ нее входитъ другая такая же: «Наука любви», далѣе — хроника XVI-го вѣка «Микель Анджело» и «Святой Сатиръ», флорентійская легенда Анатоля Франса, съ мастерствомъ переданная на русскій языкъ авторомъ классическаго перевода «Дафниса и Хлой». Уже съ давняго времени г. Мережковскій насаждаетъ въ Россіи маленькіе сады Адониса, или, что то же, пытается пробудить какой возможно «Renaissance» эллино-римскаго міра среди степей Московіи и Скиѣи. Одно можно отмѣтить, что чѣмъ старше становится авторъ, тѣмъ спокойнѣе, увѣрениѣе, а главное—сложнѣе онъ работаетъ, переставъ, на примѣръ, относиться къ христіанству съ той поверхностною отрицательностью и глумленіемъ, какія непріятно поражали читателя въ его «Юліанъ Отступникъ». Нельзя и сравнивать стиль или слогъ его теперешнихъ писаній, ровный и твердый, съ тѣмъ нервно-приподнятымъ, безсильно-надтреснутымъ стилемъ, какимъ написаны многія изъ его страницъ начала девяностыхъ годовъ. Мальчикъ вырастаетъ въ мужа, изъ «Амура» вылупился «Адонисъ», и это совершилось такъ удачно и быстро, что друзьямъ автора можно помечтать даже о будущемъ Геркулесѣ изъ него. Да поможетъ ему древняя Люцина, помощница въ родахъ. Возрость—

великій умудритель. Ни изъ какой книги не научится тому, чему можно научиться изъ горба за спиною, т. е. изъ усталости, опыта, богатства наблюдений. Все это расхолаживаетъ и вмѣстѣ укрѣпляетъ, даетъ правильную поступь, вѣрный глазъ: цѣннѣйшія качества въ наше не молодое время, которое безконечно скучаетъ всѣмъ юнымъ въ смыслѣ неопытности и лже-приподнятости страстей и языка. Серьезная правда болѣе и болѣе выдѣляется изъ многочисленныхъ «лже» г. Мережковского, изъ «лже»-эллинизма, «лже»-нищпеанства, «лже»-антихристіанства: и всѣ начинаютъ серьезнѣе и серьезнѣе слушать рѣчь просто Мережковского, самого Мережковского. Просто Мережковский несравненно любопытнѣе Ницше—Мережковского, который довольно долго утомлялъ русскую публику. Теперь онъ находитъ въ себѣ мудрыя слова о христіанствѣ; онъ находитъ подлинно-уязвимыя слабости въ Ницше, напримѣръ, указывая въ первомъ «сверхъ-человѣкѣ» потомка слабохарактерныхъ и крикливыхъ «ляховъ», который нище всего рвется къ тому именно, чего ему усиленно недостаетъ... Увы, всѣ чахоточные любятъ весну и розы. Но ошибется тотъ смертный, который доверитъ повести себя къ розамъ и соловьямъ чахоточному...

Мережковский—мыслитель, наблюдатель и ученый. Онъ вѣчно учится, постоянно и много читаетъ. Это не часто встрѣчается въ нашъ лѣнливый вѣкъ, и уже однимъ усердіемъ къ дѣлу г. Мережковский скоро переростетъ множество самодовольныхъ «талантовъ» изъ своихъ современниковъ, которые думаютъ, что подлинному таланту остается только сочинять *chefs d'oeuvre's*. Цѣннѣйшая и самая обѣщающая сторона въ сложномъ дарованіи г. Мережковского, мнѣ кажется, лежитъ въ умѣніи увидѣть и точно оцѣнить значеніе такого-то слова или факта въ литературѣ и исторіи: оцѣнить ихъ со стороны психологической и метафизической. Нѣтъ еще такого чуткаго манометра въ нашей литературѣ, опредѣляющаго удѣльный вѣсъ мнѣній и событий; такого подвижно-чуткаго компаса, опредѣляющаго направленія скрытыхъ въ землѣ магнитныхъ токовъ. Отъ излишества внутренняго напряженія онъ способенъ здѣсь къ ошибкамъ, на которыхъ не будетъ настаивать; но затѣмъ можетъ раньше всякаго другоо дать формулу незамѣтному, предрѣчь поражение сейчасъ еще сильнаго явленія или побѣду еще слабаго явленія. Роль Кассандры ему въ высшей степени присуща...

Въ разсматриваемой книжкѣ самымъ лучшимъ произведеніемъ намъ показала историческая повѣсть «Микель-Анджело», предшествуемая стихотвореніемъ того же имени. Италію и Renaissance авторъ изучилъ, какъ Забѣлинъ московскіе закоулки; и студентъ, студентка, размышляющій гимназистъ, какъ и самый образованный человѣкъ неспециалистъ, равно приобрѣтутъ много, если изберутъ г. Мережковского «гидомъ» по интересной странѣ и интереснѣйшей эпохѣ. Къ тому же это не гидъ-археологъ, а гидъ-мыслитель, и въ самой Италіи и Renaissance онъ не беретъ все, что на глаза попадается, а ищетъ то, что нужно, справедливо чуя, что нѣтъ великаго безъ великихъ подъ нимъ тайнъ, и что секретъ распознаванія исторіи и человѣка и заключается въ разыскываніи этихъ тайнъ... Древние вѣрили, что гдѣ-то, въ Сициліи или другомъ мѣстѣ, есть «спускъ въ тартаръ»; вотъ около такихъ историческихъ и біографическихъ «спусковъ» любитъ бродить и Мережковский, и догадливый чита-

тель найдетъ въ его произведеніяхъ гораздо болѣе, чѣмъ не догадливый (напримѣръ, стр. 116—117). Леонардо-да-Винчи Микель-Анджело, творцы-философы, творцы-исполны, болѣе всего привлекаютъ его вниманіе. Разсказъ г. Мережковского (стр. 59—148) о Микель-Анджело въ сжатой и изящной формѣ полу-исторіи, полу-беллетристики, вводятъ въ жизнь, творчество, замыслы и судьбу знаменитаго флорентинца, любимца итальянцевъ, какъ я наблюдаю въ Италиі въ цѣрквахъ, въ монастыряхъ, въ любовномъ воздвиженіи ему статуй и набожномъ охраненіи (я видѣлъ въ одномъ монастырѣ) какой нибудь простой (но дѣйствительно изящной) перекладинки двухъ-трехъ желѣзныхъ прутьевъ надъ колодцемъ. «Это сдѣлано Микель-Анджело». И въ самомъ дѣлѣ—что-то красивое, воздушное. Такъ обрывки стихотвореній Лермонтова, не конченные, цѣннѣе цѣлыхъ «задуманныхъ, выполненныхъ и благополучно оконченныхъ» поэмъ другихъ стихотворцевъ. Въ талантѣ содержится нѣкоторое чудо, и этимъ чудомъ былъ богатъ флорентинецъ, дѣйствительно точно украсившій Италию всюду разбросанными имъ скульптурами, зданіями и картинами. «Моисей», Сикстинская канелла (вся въ цѣломъ) и куполь св. Петра—просто невѣроятно, чтобы это вышло изъ рукъ одного человѣка. Кто можетъ представить соединенными въ одной фигурѣ, въ одной душѣ—Толстого, Чайковского и Менделѣева? А такими-то и были кентавры Возрожденія, «боги» Возрожденія, къ которымъ примѣнимо удивленное изреченіе грековъ о Пинагорѣ: «вотъ пришелъ къ намъ оубо Θεος, ουτε ανθρωπος αλλα Πυθαγορας». «Оубо ανθρωποι, αλλα Θεοι» были и люди «Возрожденія»,—точно выкованные изъ силава христіанства и язычества, металла новаго и превосходнаго крѣпостью и красотой своихъ ингредиентов...

Мало у насъ писателей, столь умственно-возбужденныхъ, какъ г. Мережковский, вѣчно ищущій, надѣющійся, идущій впередъ. И мы бы особенно хотѣли, чтобы въ наше вообще умственно-возбужденное время онъ сталъ другомъ-мыслителемъ нашей мыслящей молодежи обоихъ половъ. Приведемъ, въ заключеніе, нѣсколько строкъ автора, характеризующихъ Микель-Анджело:

За міромъ міръ ты создавалъ, какъ Богъ,
Мучительными снами удрученный,
Нетерпѣливъ, угрюмъ и одинокъ.
Но въ исполнскихъ глыбахъ изваяній,
Подобныхъ бреду, ты всю жизнь не могъ
Осуществить чудовищныхъ мечтаній,
И, красоту безмѣрную любя,
Порой не успѣвалъ кончать созданій.
Упорный камень молотомъ дробя,
Испытывалъ лишь ярость, утоленія
Не зналъ во вѣкъ,—и были у тебя
Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вѣчно невозможнаго хотѣлъ.
Являютъ намъ могучія творенія
Страданій человѣческихъ предѣлъ.

Не правда ли: это полно, точно и психологично. Книжка издана новою московскою книгоиздательскою фирмою «Скорпионъ» очень изящно, съ прелестною вишнеткой.

В. Розановъ.

**«Исторія польской артиллеріи» (Historya artylerji polskiej),
Константина Гурскаго. Варшава. 1902.**

Авторъ «Исторіи польской пѣхоты и кавалеріи» Константинъ Гурскій скончался 2-го января (н. ст.) 1898 года, и некрологъ о немъ былъ въ свое время помѣщенъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

По желанію умершаго всѣ его посмертныя рукописи и замѣтки переданы были извѣстному польскому историку Фаддею Корзону. Рукописи эти составили не вполне еще приготовленную къ печати «Исторію польской артиллеріи». Въ настоящее время издательство варшавской «Кассы помощи для лицъ, трудящихся на научномъ поприщѣ, имени Мяновскаго» выпустило въ свѣтъ это единственное по данному предмету въ польской литературѣ сочиненіе.

Несомнѣнно существовавшій, какъ это доказываетъ авторъ, особый архивъ польской артиллеріи гдѣ-то затерялся. К. Гурскій не исключаетъ возможности того, что онъ гдѣ либо хранится въ частныхъ рукахъ, самые же тщательные его поиски въ общественныхъ архивахъ и библіотекахъ были безрезультатны. Благодаря этому, исторія польской артиллеріи могла быть восстановлена лишь на основаніи общихъ военныхъ архивныхъ матеріаловъ, почерпнутыхъ между прочимъ изъ библіотекъ Чарторыжскихъ и Красинскихъ, матеріаловъ, до сихъ поръ не использованныхъ никѣмъ.

Эти источники доходятъ до половины XIV столѣтія, впрочемъ, не безъ весьма существенныхъ пробѣловъ, напримѣръ, охватывающихъ собою все царствованіе Яна Собѣскаго. Исторія артиллеріи доведена до 1792 года. Матеріалы, касающіеся времени послѣдней борьбы Польши до третьяго ея раздѣла, съ которыми Гурскій не успѣлъ ознакомиться, тщательно обработаны Ф. Корзономъ въ его «Внутренней исторіи Польши времени Станислава Августа» (*Wewnizne dzieje Polski za Stanisława Augusta*).

Примѣчанія, составляющія почти половину книги К. Гурскаго, представляютъ собою цѣнный сводъ архивныхъ выписокъ, касающихся даннаго предмета.

Разборъ «Исторіи артиллеріи» не можетъ быть цѣлью нашей библиографической замѣтки. Добросовѣстно разобраться въ разнообразномъ матеріалѣ книги можетъ только специалистъ и въ добавокъ знакомый съ военными архивами. Во всякомъ случаѣ бѣзглаго взгляда достаточно, чтобы видѣть, что это только тщательно собранные обрывки «Исторіи польской артиллеріи». Большая половина книги писана уже на смертномъ одрѣ, и поэтому пробѣлы заполнены поверхностно и неувѣренно. Впрочемъ это едва ли не достоинство. Иалипняя самоувѣренность при восстановленіи того, что, вѣроятно, никогда уже не восстановлено съ полной точностью не будетъ, повела бы лишь къ испещренію книги путаницей гипотезъ и догадокъ, къ которымъ обыкновенный читатель не имѣлъ бы возможности отнестись въ надлежащей степени критически.

И. К.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Въ 12 томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ V. Спб. 1901.

Въ V-мъ томѣ соч. Бѣлинскаго изданныхъ подъ редакціей С. А. Венгерова собраны статьи и рецензіи Бѣлинскаго за 1839—40 гг. Въ настоящей замѣткѣ мы постараемся указать читателю только на тѣ изъ нихъ, которыя раньше или нигдѣ не были напечатаны, или были напечатаны съ значительными сокращеніями. Въ настоящемъ томѣ такихъ статей и замѣтокъ 59.

Начинается этотъ томъ большой рецензіей на повѣсть Загоскина «Тоска по родинѣ»—это скорѣе статья, чѣмъ рецензія, но раньше она нигдѣ напечатана не была и даже не числится почему-то въ Галаховскомъ списокѣ статей Бѣлинскаго; принадлежность же ему не подлежитъ сомнѣнію, что видно изъ его писемъ, гдѣ онъ, сообщая нѣкоторыя подробности о № 11 «Отечественныхъ Записокъ» 1839 г., гдѣ въ первый разъ эта рецензія была напечатана, между прочимъ говорить: «каково я отдѣлалъ Загоскина?» и т. д. Далѣе слѣдуетъ большая рецензія на сочиненія Каменскаго, которая тоже раньше не входила въ собраніе сочиненій Бѣлинскаго. Отмѣтимъ далѣе его большую статью объ «Очеркахъ русской литературы» Полевого, которая раньше печаталась съ значительными сокращеніями; то же можно сказать и о его разборѣ «Пантеона русскаго и всѣхъ иностранныхъ театровъ» за 1840 г. Слѣдующая значительная рецензія на произведенія народнаго поэта Слѣпушкина. На долю этого поэта въ свое время выпалъ значительный успѣхъ, а это имѣло хорошее воспитательное вліяніе на другихъ поэтовъ-самоучекъ, въ томъ числѣ и на Кольцова. Бѣлинскій очень строго отнесся къ его стихотвореніямъ и призналъ его не какъ «народнаго» поэта, а считалъ обыкновеннымъ поэтомъ, постучавшимся въ храмъ славы. Редакція съ своей стороны, чтобы дать возможность читателю уяснить себѣ значеніе Слѣпушкина, приводитъ довольно большую его біографію. Сочиненія этого Слѣпушкина академіей наукъ были награждены золотою медалью. Кромѣ біографіи, составленъ еще полный библиографическій указатель сочиненіямъ Слѣпушкина.

Слѣдующая большая статья Бѣлинскаго о «Героѣ нашего времени» Лермонтова, въ предыдущихъ изданіяхъ печаталась съ значительными сокращеніями. Наконецъ послѣдняя его большая статья «Русская литература въ 1840 г.», раньше печаталась съ пропусками.

Заслуживаютъ большого вниманія примѣчанія редакціи, въ которыхъ она старается не только пояснить нѣкоторыя темныя мѣста въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, но при случаѣ приводитъ даже краткія свѣдѣнія о лицахъ, которыя причастны такъ или иначе къ статьямъ Бѣлинскаго. Такъ, кромѣ уже упомянутой выше біографіи Слѣпушкина, въ примѣчаніяхъ встрѣчаются довольно подробныя свѣдѣнія объ Андр. Ник. Бородинѣ, извѣстномъ своими компилятивными работами, о Дмитріи Никит. Вѣгичевѣ, важномъ чиновникѣ, но неудачномъ литераторѣ, и драматургѣ П. И. Мельниковѣ и др... Вообще этотъ томъ комментированъ такъ же прекрасно, какъ и предыдущіе.

Къ этому тому тоже приложенъ портретъ Бѣлинскаго, самый распространенный, изданный въ 1859 г. типографіей А. Мюнстера, но совѣмъ невѣрно передающій лицо Бѣлинскаго.

В.

Э. Бессонъ. Бюджетный контроль во Франціи и за границей. Историческое и критическое изслѣдованіе финансоваго контроля первостепенныхъ государствъ Европы. Перев. съ франц. С. А. Халютина. Спб. 1901.

Финансовое благосостояніе государства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ объема платежныхъ силъ страны, т. е. имѣеть основаніемъ экономическое положеніе народа; разумное же распоряженіе государственными суммами оказываетъ благотворное вліяніе на финансовую жизнь государства, въ то время какъ возведенныя въ систему случайности расточительнаго и непредусмотрительнаго управления часто ведутъ за собой истощеніе даже обильныхъ источниковъ налоговъ. Поэтому авторъ разсматриваемой книги замѣчаетъ: «какая бы ни была организациа государственной власти, въ абсолютной ли монархіи, а равно при представительномъ режимѣ, управленіе средствами государства и, преимущественно, употребленіе ежегодныхъ ресурсовъ, которые въ видѣ налоговъ падаютъ на средства націи, должны быть поставлены подъ надзоръ бдительнаго контроля подъ условіемъ систематической отчетности» (стр. 71). Изъ этого видно, что тема премированнаго сочиненія Бессона возбуждаетъ значительный интересъ. Переводчикъ же съ своей стороны снабдилъ книгу предисловіемъ, въ которомъ заключаются нѣкоторые матеріалы по исторіи государственнаго контроля въ Россіи. Это усиливаетъ интересъ къ новому изданію.

Къ сожалѣнію, едва ли читатель получитъ въ этой книгѣ отвѣтъ на тѣ многочисленные вопросы, которые она возбуждаетъ. Внѣшнимъ образомъ Бессонъ вполне разрѣшилъ задачу. Описавъ организациу финансоваго контроля въ эпоху упадка Римской имперіи, онъ разсматриваетъ контроль временъ феодальнаго періода, генеральныхъ штатовъ, счетныхъ палатъ, эпохи, предшествовавшей великой революціи, самаго революціоннаго періода, послѣдовавшихъ за нимъ формъ политической жизни во Франціи и, наконецъ, современную организациу контроля, какъ въ этомъ государствѣ, такъ и за границею. Въ заключеніе Бессонъ предлагаетъ планъ нѣкоторыхъ реформъ, необходимыхъ для усовершенствованія существующаго порядка въ отечествѣ автора.

Но Бессонъ не принадлежитъ къ числу умовъ, обильныхъ знаніями и способныхъ къ творческой дѣятельности. Онъ—одинъ изъ представителей золотой середины, которые въ сущности довольны тѣмъ, что есть. Современный политическій строй Франціи, какъ извѣстно, весьма несовершенный, кажется автору высшей стадіей развитія, «періодомъ ея политической зрѣлости». Изъ такого взгляда естественный выводъ—авторъ боится коренныхъ реформъ настолько, что даже officialный критикъ Бессона на конкурсѣ, Штурмъ, признаетъ законность удивленія передъ скромностью требованій Бессона. Дѣйствительно, всѣ реформы, предлагаемыя имъ, сводятся только къ увеличенію числа чиновниковъ контроля для наблюденія за дѣятельностью различныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, громкія заявленія Бессона въ началѣ его труда, что «контроль тѣсно связанъ съ политическимъ и социальнымъ строемъ страны», не приводятъ его къ соответствующимъ практическимъ выводамъ.

Историческая часть работы Бессона также не блещет особыми достоинствами. Она отличается поверхностным описаніем смѣняющихся формъ организациі контроля въ разныхъ государствахъ и представляетъ краткій сводъ данныхъ, почти необработанныхъ въ теоретическомъ отношеніи. Это была компиляція матеріала, собраннаго другими. О Россіи, наиримѣрь, свѣдѣнія Бессона получены изъ брошюры Рафаловича и производятъ курьезное впечатлѣніе сопоставленіемъ парламентскихъ преній съ преніями государственнаго совѣта и похвалами тому спокойствію и приличію, съ которыми члены нашего высшаго установленія обсуждаютъ бюджетъ и которыхъ не хватаетъ парламенту.

Предисловіе г. Халютина для русскаго читателя представляетъ бѣльшій интересъ, но авторъ страдаетъ въ бѣльшой мѣрѣ тѣми же недостатками, какъ и Бессонъ. Онъ превозноситъ до небесъ независимость нашего государственнаго контроля. Вообще въ организациі государственнаго контроля ясно сказалась эпоха великихъ реформъ, но авторъ въ увлеченіи забылъ, что одно дѣло—принципъ, другое примѣненіе его на практикѣ. Въ этомъ смыслѣ и слѣдовало бы разобрать положеніе контроля въ Россіи.

Г. Халютинъ этого не дѣлаетъ: онъ хвалитъ и хвалитъ, забывая, что похвалы относятся къ означенному представленію объ идеальномъ контролѣ, а не къ дѣйствительному жизненному факту. Въ итогъ же получаютъ курьезныя противорѣчія. Наиримѣрь, на стр. 49, онъ пишетъ, что «въ Россіи, вслѣдствіе независимости государственнаго контроля, невозможенъ такой случай, который имѣлъ мѣсто недавно въ Англіи. Оказалось, что одинъ изъ государственныхъ руководителей, Чемберленъ, получаетъ 20% дохода на свои капиталы, вложенныя въ предпріятія, отъ которыхъ страдаетъ вся остальная англійская промышленность и торговля». А строкой выше—«еще не забыть случай отстраненія отъ обязанностей управленія министерствомъ лица, которое по всеподданнѣйшему докладу государственнаго контроля признано было мѣстнымъ ревизіоннымъ учрежденіемъ за нарушившаго интересы казны въ пользу своихъ личныхъ выгодъ». А вотъ еще одинъ примѣръ: «по случаю неурожая для доставленія заработковъ нуждающемуся населенію были учреждены въ 1891 году общественыя работы, по операціи этихъ работъ были изъяты отъ надзора государственнаго контроля». Каковы были результаты такого изыятія,—всѣ знаютъ, а многіе и чувствуютъ.

Вотъ въ этихъ изыятіяхъ и заключается недостатокъ нашего контроля, отъ него не зависящій, а вызываемый, по мнѣнію Бессона, общими политическими и социальными условіями страны. Поэтому было бы правильнѣе, если бы Халютинъ сталъ на общую точку зрѣнія и съ нея взглянулъ бы на дѣло. Онъ же тонетъ въ мелочахъ, въ родѣ такихъ «реформъ», какъ увеличеніе жалованья чинамъ государственнаго контроля, переименованіе государственнаго контроля въ министерство государственнаго контроля и тому подобное. Въ итогъ же ни книга Бессона, ни предисловіе Халютина не устраняютъ необходимости въ новомъ и болѣе научномъ изслѣдованіи затронутаго вопроса.

С. Н.

Джонъ Рескинъ. Современные художники. Общiе принципы и правда въ искусствѣ. Перев. со 2-го англійскаго изданiя П. С. Когана. Москва. 1901.

Настоящiй трудъ великаго англійскаго историка живописи и моралиста вызванъ той поверхностной и ложной критикой, которую мы постоянно встрѣчаемъ въ періодической печати по отношенiю къ произведенiямъ современныхъ художниковъ. Критика эта читается многочисленной публикой, и такимъ образомъ создается неправильное общественное мнѣнiе о тѣхъ художникахъ, которые по большей части являются истинными представителями искусства. Такую критику необходимо нужно было поудить, указать ей должное мѣсто, и вотъ этому посвятили первую часть своего труда Д. Рескинъ. Это особенно важно въ настоящее время, когда вкусъ публики къ истинно художественному все падаетъ, а критика, съ своей стороны, старательно поддерживаетъ все театральное, аффектированное и фальшивое въ искусствѣ.

Въ своей книгѣ Рескинъ снова проводитъ основной взглядъ на искусство, какъ высшiй и свободный трудъ, гдѣ дѣйствуютъ не только руки, но и всѣ духовныя силы человѣка; на природу онъ смотритъ, какъ на отраженiе Божества, и требуетъ благоговѣйнаго къ ней отношенiя, а при воспроизведенiи точности всего видимаго. Въ своей книгѣ онъ вовсе не думаетъ дать систематическую критику современныхъ картинъ, онъ стремится только, установивъ общiе принципы, которымъ должна подчиняться художественная критика, показать въ чемъ состоитъ истинность разстоянiй, истинность въ изображенiи неба, правдивость въ изображенiи земли, истинность воды и правильное изображенiе растений и т. п. Каждый родъ скаль, облаковъ, землю, художникъ долженъ знать такъ же, какъ и специалистъ ученый, причѣмъ долженъ вникнуть не въ мельчайшiя подробности, какъ это часто бываетъ, а понять тотъ простой, серьезный и постоянный характеръ, который проявляется въ общемъ эффектѣ каждаго вида природы.

Всѣ свои положенiя Рескинъ подтверждаетъ существующей пейзажной живописью и описанiемъ картинъ старыхъ итальянскихъ художниковъ, на произведенiяхъ которыхъ воспитывается новое поколѣнiе. Свои ссылки на мастеровъ итальянской школы онъ усиленно проситъ не считать традиционной манерой, такъ какъ въ каждомъ случаѣ, о которомъ онъ упоминаетъ, его прельщаетъ не блескъ имени, а только приодность произведенiя для иллюстрацiи его принциповъ.

Книга носитъ чисто спеціальнiй характеръ, разсматриваетъ произведенiя только англійскихъ художниковъ, потому эта часть читается съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ первая, въ которой разсматриваются общiе принципы въ искусствѣ внѣ времени и національности. Переводъ сдѣланъ вполне удовлетворительно, за исключенiемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ видимо переводчикъ не вполне понялъ мысль автора.

I.

Józef Dunin-Karwicki. Z moich wspomnień. T. I—II. Warszawa. 1901.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что по окончаніи въ 1852 г. Ришельевского лицея онъ поступилъ въ лейбъ-гусарскій Павлоградскій полкъ, въ рядахъ котораго въ чинѣ офицера принималъ участіе въ дунайской кампаніи 1853—1854 г., испыталъ много приключеній, участвовалъ въ многихъ битвахъ и стычкахъ; вообще эта эпоха жизни оставила много воспоминаній, которыя онъ и рѣшилъ сохранить на память потомству.

Это заявленіе автора даетъ нѣсколько обманчивое представленіе о содержаніи его воспоминаній; военныя дѣла 1853—1854 гг. занимаютъ никакъ не болѣе четвертой части двухъ убористымъ прифтомъ напечатанныхъ томиковъ, а на остальныхъ страницахъ авторъ описываетъ полковую жизнь того времени, то аришескую среду, нѣкоторыя болѣе или менѣе интересныя встрѣчи и приключенія и т. п. Павлоградскій полкъ, въ которомъ служилъ г. Дунины-Карвицкій, въ полномъ смыслѣ слова могъ быть названъ тѣсной товарищеской семьей; среда офицеровъ была объединена не только естественной общностью интересовъ, но также связана узами землячества, такъ какъ большая часть офицеровъ во главѣ съ командиромъ была изъ юго-западныхъ губерній. Отношенія поэтому были не столько служебныя, сколько дружескія и родственныя; даже командиръ Нашковскій, въ снисхожденіи къ изнѣженности подчиненныхъ ему баричей, допускалъ немало послабленій по части суровой походной дисциплины, позволяя, на примѣръ, офицерамъ тащить за собою въ походъ фургоны съ разными вещами. Очень живо обрисованы г. Дунинымъ-Карвицкимъ типичныя фигуры тогдашнихъ вахмистровъ, которые были фактическими начальниками эскадроновъ и опека которыхъ надъ молодыми, неопытными офицерами простиралась до того, что они подсказывали офицерамъ слова команды; дѣлаетъ величайшую честь доброму сердцу автора, что онъ вспоминаетъ объ этихъ доблестныхъ служачахъ съ теплымъ дружескимъ чувствомъ. Не скрываетъ г. Дунины-Карвицкій и разныхъ темныхъ сторонъ тогдашней военной среды. Такъ называемые безгрѣшные доходы были явленіемъ обычнымъ и даже введены были въ систему. Эскадронный командиръ, распредѣлявшій фуражъ на полтораста лошадей, могъ легко класть въ свой карманъ ежемѣсячно отъ 500 до 600 рублей. Авторъ добавляетъ, что «въ военномъ министерствѣ и вообще въ высшихъ сферахъ объ этомъ были всѣ очень хорошо освѣдомлены. Командованіе армейскими кавалерійскими полками поручали, благодаря протекціи, тѣмъ гвардейскимъ штабъ-офицерамъ, которые растеряли свое состояніе на петербургскихъ развлеченіяхъ. И это считалось дѣломъ совершенно естественнымъ, назначеніе давалось какъ бы въ награду и въ видѣ удобнаго средства для поправленія обстоятельствъ» (I, с. 185). Для характеристики порядковъ въ интендантской части большой интересъ представляетъ описанная г. Дунинымъ-Карвицкимъ процедура приемки солдатскаго сукна, въ которой автору пришлось принять непосредственное участіе: когда развернули штуку сукна, то оказалось, что на протяженіи нѣсколькихъ аршинъ оно представляло собою что-то въ родѣ сѣтки, которою можно было скорѣе раковъ ловить, а не одѣвать солдатъ (с. 225). Но такова ужъ, знать, сила традиціи: несмотря на проявленную при

пріемкѣ строгость и на безпощадную забраковку всего лежалаго и негоднаго. интендантъ ловко подсунулъ «благодарность» автору—три громадныхъ тюка съ разной бакалеей и винами.

Помимо живыхъ бытовыхъ картинъ, мемуары г. Дунинъ-Карвицкаго содержатъ немало другихъ интересныхъ данныхъ, напримѣръ, о полякахъ изъ повстанцевъ 1831 г., служившихъ офицерами въ турецкой арміи, о случаяхъ дезертирства въ русской арміи и т. п.

Другая, гораздо болѣе значительная, часть мемуаровъ г. Дунинъ-Карвицкаго касается прошлаго Юго-Западнаго края—въ частности Волыни. Связующей внѣшней нитью между столь разнородными двумя частями воспоминаній служитъ то, что авторъ, пользуясь благоволеніемъ начальства, частенько совершалъ поѣздки въ родные края подъ благовиднымъ предлогомъ командировокъ для закупи лошадей. Но авторъ далеко не ограничивается изложеніемъ впечатлѣній данной голько поѣздки. Погостивъ въ домѣ какого нибудь польскаго магната, г. Дунинъ-Карвицкій считаетъ умѣстнымъ подробно изложить по сему поводу генеалогію рода и біографіи болѣе замѣчательныхъ его представителей, дать свѣдѣнія о земельной собственности этого магната, исторически прослѣдить процессъ ея увеличенія или оскудѣнія и т. д. Все это повѣствуется въ подробностяхъ, нерѣдко весьма занимательныхъ, но подъ часть очень утомительныхъ; нужно замѣтить, что авторъ доводитъ свой разсказъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Во всякомъ случаѣ воспоминанія г. Дунинъ-Карвицкаго даютъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи Волыни въ XIX вѣкѣ; немало тутъ повтореній того, что изложено авторомъ въ его прежнихъ очеркахъ изъ стариннаго быта Волыни («Ze starego autoramentu» и «Z zamglonej i niedawno minionej przeszłości»), но немало также есть и новаго.

Авторъ приступилъ къ писанію своихъ мемуаровъ, какъ онъ заявляетъ, уже на 60 году своей жизни. Это кладетъ извѣстный отпечатокъ на тонъ повѣствованія: въ рѣчи звучитъ грусть по минувшемъ, когда, по мнѣнію г. Дунинъ-Карвицкаго, все было гораздо лучше, чѣмъ теперь. Авторъ вкладываетъ столько горячей любви къ прошлому въ свое повѣствованіе, что у читателя какъ-то не хватаетъ духа осуждать его за это не совсѣмъ справедливое предпочтеніе старины, безспорно, милой и простой, но иногда довольно темной. Во всякомъ случаѣ указанное пристрастіе выкупается тѣмъ, что авторъ съ замѣчательною живостью и картинностью воспроизводитъ это колоритное прошлое.

К. Х.

Н. Е. Ончуковъ. По Чердынскому уѣзду. Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Живая Старина», вып. I. 1901.

Небольшая (38 стр.) брошюра г. Ончукова представляетъ сводъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки на Вишеру, Колву и Печору, гдѣ авторъ очерка лѣтомъ 1900 года собиралъ матеріалы по этнографіи. Своеобразный бытъ этого глухого уголка нашего отечества, населеннаго русскими, преимуществу старообрядцами, и полуобрусѣвшими вогулами, ярко изображенъ въ очеркѣ г. Ончукова. Отъ наблюдательности автора не ускользнули причины того

обстоятельства, что цивилизація еще слишкомъ мало коснулась этого уголка Россіи. Авторъ очерка попутно останавливается на прежнихъ судьбахъ Чердынскаго края, столь богатаго и понынѣ историческими памятниками прошлаго, погибающими благодаря невѣжеству и нерадѣнію туземцевъ. Очеркъ написанъ живымъ, хотя и не всегда правильнымъ языкомъ («яма выкладена кирничомъ» (24 стр.), «вытаскали сначала вѣнци изъ лодки» (26 стр.) и тому подобное).
Г. С.

Е. Н. Опочининъ. Очерки старо-русскаго быта. Выпускъ I. Боярскій домъ въ XVII столѣтіи. Опальный воевода. Москва. 1902.

Небольшая, очень изящно изданная брошюрка г. Опочинина посвящена бытовой исторіи Московскаго государства въ концѣ XVII вѣка. Исторія древнерусскаго быта разработана въ нашей ученой литературѣ довольно обстоятельно, и г. Опочининъ имѣетъ немало предшественниковъ; даже тѣ самыя темы, которыя выбираетъ онъ для своихъ очерковъ, были уже предметомъ изслѣдованія для такихъ видныхъ ученыхъ, какъ И. Е. Забѣлинъ («Домашній бытъ русскихъ царей») и Н. Н. Селифонтовъ («Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столѣтія Василья Александровича Даудова»), и, надо сознаться, ихъ труды гораздо ярче и нагляднѣе освѣщаютъ тѣ вопросы, какіе возникаютъ у насъ при представленіи о домашней жизни боярина XVII вѣка или о его служебной дѣятельности. Существеннымъ недостаткомъ очерковъ г. Опочинина является также и то, что выбранные имъ примѣры нельзя считать типичными: заимствованные изъ розыскаго дѣла о Шакловитомъ, они изображаютъ намъ московскую жизнь уже въ ту эпоху, когда западныя вліянія сильно давали себя чувствовать на Москвѣ, когда для Московскаго государства наступала пора ломки дѣдовскаго уклада его жизни, и эта грядущая ломка уже проявлялась отдѣльными фактами. Не надо также забывать, что самый источникъ, изъ котораго черпаются факты г. Опочининъ источникъ довольно мутный; дѣло Шакловитаго, веденное подъ вліяніемъ разыгравшихся страстей, нельзя считать образцомъ объективнаго отношенія къ дѣйствительности, и это неизбѣжно должно было дать себя почувствовать, особенно при составленіи второго очерка. Но, вообще говоря, этотъ второй очеркъ, посвященный судьбѣ горемычнаго Андрея Безобразова, написанъ гораздо живѣе и читается съ большимъ интересомъ, чѣмъ первый, построенный почти исключительно на описи имущества опальнаго князя В. В. Голицына и мѣстами переходящій прямо въ каталогъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя не признать за брошюрой г. Опочинина извѣстнаго интереса и извѣстной пользы; при той бѣдности общедоступнаго историческаго чтенія, какое замѣчается въ нашей литературѣ, нельзя не привѣтствовать ея появленія; въ дѣлѣ ознакомленія нашей читающей публики съ родною старинной и настоящею трудъ, несомнѣнно, можетъ сыграть нѣкоторую роль.

М. П—й.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

БЫЛЪ ЛИ апостоль Петръ въ Римѣ?—Въ январьской книжкѣ «Preussische Jahrbücher» профессоръ Клемень разсматриваетъ вопросъ: правильно ли римскіе папы считаютъ себя прямыми потомками апостола Петра? Онъ не отрицаетъ подлинности того факта, что тотчасъ послѣ Вознесенія Христа на небо, св. Петръ былъ главою церкви, но задается слѣдующими вопросами: дѣйствительно ли апостоль перенесъ свою первенствующую епархію изъ Иерусалима въ Римъ? Профессоръ Клемень говоритъ, что въ 57 году св. Петръ еще не переселился въ Римъ. Дѣйствительно этимъ годомъ помѣчено первое посланіе св. Павла къ римлянамъ. Въ этомъ посланіи не упоминается о пребываніи св. Петра въ Римѣ, и его имя не обозначено въ спискѣ 26 почетныхъ членовъ христіанской общины, уже водворившейся на берегахъ Тибра. На одной изъ страницъ Дѣяній Св. Апостоловъ говорится, что въ 44 году св. Петръ покинулъ Палестину, но тамъ ни слова не упоминается о цѣли его путешествія, и нѣтъ основанія полагать, что онъ отправился въ Италію, а не въ другую какую либо страну. Кромѣ того, въ посланіяхъ св. Павла, написанныхъ во время его пребыванія въ Римѣ, съ 58—64 гг.—дата великихъ гоненій, во время которыхъ погибъ св. Петръ,—ни слова не упоминается о св. Петрѣ въ перечнѣ лицъ, пропагандирующихъ христіанство въ Римѣ. Въ Новомъ Завѣтѣ есть посланіе св. Петра, въ которомъ послѣдній посылаетъ привѣтъ друзьямъ изъ Вавилона. «Конечно,—говоритъ Клемень,—не можетъ быть вопроса, что это былъ не Вавилонъ въ Халдеѣ, но городъ Вавилонъ, находившійся въ Нижнемъ Египтѣ, и есть основаніе думать,

что апостоль Петр, покинув Палестину, отправился в соседнюю страну, тем более, что в ней основалось с этого момента множество христианских общин. Даже, допуская, что Вавилон обозначал Рим, все-таки, надо заметить следующее: Рим начал называться Вавилоном лишь в средние века. Кроме того, другие подробности указывают, что это послание было написано несколько веков спустя после мученичества св. Петра. В особенности странно, зачем было св. Петру, будучи в Риме, посылать письменно приветия людям, среди которых он всегда находился. Климент Александрийский утверждает, будто бы проповеди св. Петра были переведены на латинский язык св. Марком в Риме. Это привело католических писателей на ложный след относительно пребывания св. Петра, и они заключили, что он жил в Риме. В послании Иоанна сообщается о страданиях св. Петра, но не упоминается о месте, где они происходили. В первом послании св. Климента говорится об этих событиях, но также без обозначения местности. Датой этому событию служить гонение христиан Нероном, но оно происходило не в одном Риме, а во всей империи. Игнатий Антиохский в послании к римлянам, напоминая о себе св. Петру и Павлу, относится безразлично к какой из общин, в изобилии распространившихся в целой империи (это было в 115 г.). Никий же Дионис Коринтский, епископ, писавший, в свою очередь, к римлянам, упоминал, что св. Петр и Павел проповедывали в Италии, но, к несчастью, его послание не может служить доказательством; разве только ему было более ста лет, что очень возможно, но этого еще не пытались доказывать. Начиная с 170 года для истории представляется легендарная традиция, о которой историческая критика не может представить отчета. Поэтому возможно, что св. Петр был в Риме, но еще вернее, что он никогда там не был и, в особенности, никогда не находился там епископом.

— Θεодора. Из архивов все чаще и чаще выходят на свет Божий факты отдаленных эпох. Так недавно пьеса Сарду «Θεодора» послужила причиной к полемике между автором пьесы и Дилем, известным исследователем византийской старины. История Θεодоры, византийской императрицы, подвизавшейся с очень юных лет на ипподроме, в качестве танцовщицы, а затем поднявшейся до византийского престола, — довольно известна. Теперь возник специальный вопрос: нарушил ли Сарду исторически верный характер Θεодоры, представив ее в своей пьесе императрицей-куртизанкой, что Дилем оспаривает на основании строгих исторических исследований? Сарду ссылается на «Анекдоты», которые он приписывает византийскому историку Прокопию, жившему в конце V и в начале VI веков. Хотя Прокопий описал в «Секретной истории» бурную, позорную молодость Θεодоры, когда, по его словам, «честные люди, при встрече с нею, сторонились, чтобы не замараться от нечестиваго прикосновения к ней», но он все-таки окончил тем, что нарисовал ее безупречной женою-государынею. По словам же Сарду, это не помешало ему поместить в «Анекдотах» сведения о том, что она была в близких дружеских отношениях со своими прежними товарищами по цирку: Индарой и Кризомаллой, для которых она совершала позорные поступки: покровительствовала легкомысленным женщинам и подавала

сама примѣръ, взявъ въ любовники Θεодосія, Ареобинда, Петра Барсіама а также уничтоживъ своего сына Іоанна, прижитаго ею съ главою арабовъ. Но Дилль не признаетъ этихъ «Анекдотовъ» за произведенія Прокопія. По поводу этого спора, Дилль помѣстилъ интересную статью ¹⁾ въ защиту Θεодоры въ одной изъ книгъ «Revue de Paris», собравъ новые документы, какъ, напримеръ: «Жизнь счастливыхъ людей Востока», написанную въ VI вѣкѣ епископомъ Іоанномъ Эфесскимъ; новые отрывки изъ «Церковной исторіи» того же автора; анонимную хронику, подписанную Захаріемъ изъ Митиленъ, біографію патріарха Севера и Іакова Бародея, апостола монофизитовъ, а также Іоанна Лпда и прочихъ авторовъ, между которыми многіе очень мало извѣстны и къ нимъ рѣдко обращаются за справками. Ознакомившись съ ними, читатель видитъ Θεодору въ совершенно иномъ видѣ, какъ она обыкновенно рисуется. «Есть двѣ Θεодоры,—говоритъ авторъ,— Θεодора «секретной исторіи» и Θεодора просто «исторіи». Первая слишкомъ извѣстна, и ея похождения, какъ описываетъ ихъ Прокопій,—банальны. Исторія танцовщицы, утомленной приключеніями, которая, найдя болѣе продолжительную связь и вступивъ въ бракъ съ серьезнымъ покровителемъ, становится ханжей,—не нова. Но есть еще иная Θεодора, менѣе извѣстная, но болѣе интересная и любопытная: это—великая государыня, занимавшая значительное мѣсто возлѣ Юстиніана и часто игравшая рѣшающую роль въ государственныхъ вопросахъ. Эта женщина, обладавшая возвышеннымъ умомъ, энергичной волей, деспотическимъ, высококомѣрнымъ и сложнымъ, часто ставившимъ втупикъ характеромъ,—была безконечно плѣнительна. Похождения первой достаточно извѣстны. Дочь сторожа при медвѣдяхъ въ циркѣ, воспитанная легкомысленной матерью, Θεодора съ юныхъ лѣтъ познакомилась съ закулисными нравами пиндрома. Еще ребенкомъ она сопровождала, въ качествѣ служанки, свою сестру Камиту на цирковые подмостки, и сама играла дѣтскія роли. Сдѣлавшись взрослой, она превратилась въ танцовщицу и участвовала, въ особенности, въ живыхъ картинахъ и пантомимахъ, гдѣ привлекала вниманіе своею красотою и легкимъ нравомъ. Въ этомъ качествѣ она забавляла и веселила Константинополь, выставляясь съ смѣлой дерзостью въ самыхъ двусмысленныхъ позахъ. Внѣ сцены она прославилась своими пышными и безумными ужинами, самыми циничными выходками, вольностью намековъ и безчисленными любовниками. Затѣмъ ее увезъ съ собою нѣкій Гецеболосъ, отправившійся префектомъ въ отдаленную провинцію, но, поссорившись съ нею, бросилъ ее на произволь судьбы. Побѣдствовалъ въ большихъ восточныхъ городахъ и дойдя до отвращенія къ развратной жизни, она возвратилась въ Константинополь. Это сказаніе извлечено изъ «Секретной исторіи» Прокопія, но этому источнику слѣдуетъ довѣрять осторожно, такъ какъ его свидѣтельства противорѣчатъ одно другому. При какихъ обстоятельствахъ встрѣтила она Юстиніана, будущаго наслѣдника престола, и какъ удалось ей не только увлечь, но и удержать челоуѣка, уже немолодого, которому необходимо было беречь свою репутацію,—остается мало извѣстнымъ. Одна изъ легендъ рассказываетъ, что

¹⁾ Théodora; par Charles Diehl. «La Revue de Paris» 15 Janvier 1902.

«ИСТОР. ВѢСТН.», МАРТЬ, 1902 Г., Т. LXXXVII.

около 320 года въ Византіи жила въ очень скромномъ маленькомъ домикѣ молодая женщина, по имени Теодора. Ей было 25 лѣтъ; она была довольно маленькаго роста, но хорошо сложена, очень граціозна, съ матовымъ цвѣтомъ лица и черными, жгучими глазами. Эта молодая женщина вела очень скромный образъ жизни и содержала себя на заработанныя отъ пряжи шерсти деньги, и никто не предполагалъ, какая блестящая будущность ожидаетъ эту скромную женщину. Юстиніанъ однажды увидѣлъ ее и влюбился. Онъ осыпалъ ее подарками и, несмотря на ея небезупречное прошедшее, рѣшился жениться. «Прокопій, какъ плохой психологъ,— говоритъ Дилль,— припуталъ къ этой страницѣ жизни колдовство и магію, когда, въ сущности, умная и забавная Теодора, удерживавшая самыхъ непостоянныхъ своихъ поклонниковъ, сумѣла увлечь и Юстиніана». Это неожиданное счастье Теодоры такъ поразило умы не только Востока, но и Запада, что о женѣ Юстиніана сохранились, какъ святыня, строгія или снисходительныя воспоминанія. Дилль, въ противоположность Прокопію, считаетъ Теодору женщиной, павшей, не столько, благодаря своей порочной натурѣ, сколько по причинѣ неблагопріятныхъ обстановки и обстоятельствъ. Относительно ея развратной жизни и любовниковъ послѣ ея брака съ Юстиніаномъ Дилль говоритъ, что, во-первыхъ, Теодорѣ было уже за тридцать лѣтъ, а восточная женщина въ эти годы приближается къ старости; во-вторыхъ, она была слишкомъ умна и, обладая практичностью, не рискнула бы потерять завоеваннаго положенія, ради любовныхъ интригъ. Ни одинъ изъ современныхъ писателей или историковъ, даже имѣющихъ поводъ быть ея недовольными и упрекавшими ее за алчность, ея авторитетный, жестокій нравъ, вліяніе на императора и скандалы, производимыя ея иновѣрными мнѣніями, — ни одинъ изъ нихъ не намекаетъ на ея легкомысленное поведеніе съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась женою Юстиніана. Даже Прокопій, сильно клеветавшій на нее, не говоритъ ни одного слова объ ея легкомысленномъ поведеніи послѣ замужества и не приписываетъ ей любовниковъ, какъ, напримеръ, Теодоса, Петра Парсимесса или Ареобинда. Между тѣмъ, во дворцѣ было легко скрывать интриги, доказательствомъ чему служить укрывательство Теодорой ея любимца, патріарха Анѣимія, прятавшагося у нея во дворцѣ отъ своихъ гонителей. Она такъ сумѣла обставить дѣло, что всѣ, даже Юстиніанъ, считали его умершимъ, или исчезнувшимъ. Насколько Теодора-танцовщица была разнуздана и дерзка, настолько Теодора-императрица отличалась приличіемъ и ценетильностью. Она строго слѣдила за общественной нравственностью, заботливо заставляла уважать супружескій союзъ, упорно избѣгала любовныхъ интригъ, хотя «Анекдоты» приписываютъ ей различныя похожденія, нѣжно заботилась о бѣдныхъ дѣвушкахъ своей столицы, которыя чаще всего гибли ради необходимости, а не благодаря своей порочной натурѣ. Гордясь своимъ положеніемъ и очень заботливо поддерживая этикетъ, она увеличила и усложнила церемоніаль. «Можетъ быть,— говоритъ Дилль,— это происходило изъ желанія видѣть почтительно склоненныя фигуры тѣхъ вельможъ, которые прежде обращались съ нею безцеремонно». Авторъ сомнѣвается, хотя Прокопій утверждаетъ, что Теодора привлекла ко двору прежнихъ подругъ по цирку. Если она и сдѣлала своей фавориткой Антонину, ловкую,

смѣлую интриганку, «способную достигнуть невозможнаго», какъ выразился одинъ человѣкъ, близко ее знавшій, то она чаще всего бесѣдовала съ нею о политическихъ планахъ, а не о любовныхъ похожденияхъ. Такая честолюбивая женщина, какъ Феодора, не могла довольствоваться положеніемъ празднои государыни. Она пользовалась своимъ безграничнымъ вліяніемъ на Юстиніана и, въ продолженіе двадцати лѣтъ, имѣла едва ли не большій авторитетъ, чѣмъ Юстиніанъ. Ея рука видѣлась вездѣ: въ администраціи, куда она поставила покровительствуемыхъ ею лицъ, въ дипломатіи, политикѣ и церкви. Она была такъ увѣрена въ довѣріи къ ней императора, что не опасалась даже открыто противиться его волѣ и смѣло замѣняла его распоряженія своими. Умная, съ сильной и рѣшительной волей, она была способна на великія дѣла и при этомъ обладала проницательнымъ умомъ, который доводилъ ихъ до конца. Вообще она любила, чтобы за нею оставалось во всемъ послѣднее слово, и даже, когда она уступала, ея отважный и гибкій умъ придумывалъ на будущее блестящее отпущеніе. Превосходя въ умственномъ отношеніи своего мужа и обладая душою государственнаго человѣка, она ясно видѣла нужды государства и возможное ихъ осуществленіе. Въ то время, какъ Юстиніанъ соблазнялся величіемъ римскихъ императоровъ, мечталъ возродить имперію Цезаря и обезпечить союзомъ съ Римомъ царство православія, болѣе чуткая Феодора устремила глаза на Востокъ, чувствуя, что, именно тамъ, въ цвѣтущихъ провинціяхъ Сиріи и Египта, находятся живыя силы монархіи. Она понимала, какую опасность причиняетъ религіозный расколъ имперіи, благодаря которому восточныя національности стали обнаруживать склонность къ сепаратизму и чувствовала необходимость уменьшить чрезъ своевременныя уступки угрожавшее недовольство. Насколько Юстиніанъ—въ душѣ богословъ—любилъ произносить рѣчи предъ епископами, председательствовать въ Соборахъ, спорить съ еретиками о текетѣ Св. Писанія, настолько Феодора, не изъ любви къ религіознымъ спорамъ и безплоднымъ догматическимъ обсужденіямъ и не изъ ханжества, занималась церковными дѣлами. Она, какъ прежніе великіе византійскіе государи, прикрывалась религіозными спорами, видя въ нихъ постоянную сущность политическихъ проблемъ. Вотъ почему она открыто покровительствовала еретикамъ, дерзко пренебрегая напствомъ, увлекая за собою нерѣшительнаго и колебавшагося Юстиніана, бросаясь, очертя голову, въ борьбу и никогда не желая признать себя побѣжденной. Ей обязанъ еретическій Египетъ долгими годами терпимости и фанатическая Сирія возстановленіемъ своей гонимой національной церкви; благодаря ей, отступники не боялись отлученія отъ соборной церкви и часто избѣгали преслѣдованій, а монофизиты обязаны ея поддержкѣ успѣхомъ своей пропаганды въ Аравіи, Нубіи и Абиссиніи. До послѣдняго дня она боролась за свои вѣрованія, умѣряла усердіе своихъ друзей, когда они неосторожно бросались въ «пасть льва», и поддерживала ихъ пылъ. Ей не хватило времени для полнаго осуществленія своей задачи. Все-таки имперія, какою она ее задумала, была серіознымъ препятствіемъ для нападенія персовъ и аравитянъ, а если бы составленный ею планъ былъ приведенъ въ исполненіе, то, по словамъ Дилля, можетъ быть измѣнилось бы теченіе исторіи. Но Феодора, несмотря на способности государственнаго человѣка, все-таки

осталась женщиной. Ея женственность выдѣлялась во всемъ—въ страсти къ роскошнымъ покоемъ, великолѣпнымъ костюмамъ, ослѣпительнымъ драгоценнымъ камнямъ, въ заботѣ о своей наружности и кокетствѣ. Она понимала, что въ послѣднемъ—вся ея сила и гарантія ея вліянія. Но эта женская черта въ особенности выдѣлялась въ силѣ ея страсти и пылкой ненависти. Не желая ни съ кѣмъ раздѣлять завоеваннаго могущества, она безпощадно и не колеблясь уничтожала всѣ попадавшіеся на ея пути препятствія и отодвигала всѣ властолюбивыя замыслы. Она не затруднялась выборомъ средствъ для уничтоженія противниковъ. Мстительная и даже жестокая, когда ставился на карту ея интересъ, она не прощала тому, кто мѣшалъ ея планамъ. Чтобы крѣпче держать въ своихъ рукахъ Юстиніана, она удалила отъ двора всѣхъ членовъ императорской семьи, пользуясь для этого клеветою, а отъ губернатора Іоанна Кападокскаго, какъ отъ соперника, сильно вліяющаго на Юстиніана, она избавилась посредствомъ темной интриги. Наоборотъ, ея привязанность къ оказавшимъ ей услугу лицамъ была безгранична, и не напрасно ея друзья называли Θεодору «вѣрной императрицей». Она устроила не только свою сестру Камиту, внука Аванасія, племянницу Софію, вышедшую замужъ за наследника престола, но она также не переставала покровительствовать всѣмъ, кто заслужилъ ея милости, защищая не только противъ папы, но даже противъ императора. Если у нея были недостатки и пороки, какъ, напримѣръ, ея необузданная любовь къ власти, которая дѣлала ее иногда жестокой, грубой и вѣроломной, и если ея широкая, блестящая жизнь не обходилась безъ алчности, то взамѣтъ у нея были высокія качества, оправдывавшія ея громадное тщеславіе—гордая энергія, мужественная твердость и свѣтлый, могучій умъ государственнаго чловека. Когда 15-го января 53 года грозилъ дворцу мятежъ, и Юстиніанъ, до безумія растерявшійся, видѣлъ спасеніе лишь въ бѣгствѣ, Θεодора въ такую критическую минуту, грозившую паденіемъ имперіи, присутствовала на совѣтѣ. Она напомнила Юстиніану и министрамъ, предавшимся страху, объ ихъ долгѣ относительно имперіи, и, предпочитая смерть позорному бѣгству, сказала, что «порфира—прекрасный саванъ». Этимъ она спасла имперію. Дилль замѣчаетъ: «Юстиніанъ не забылъ услугъ, оказанныхъ Θεодорой, и когда чрезъ 16 лѣтъ она умерла отъ рака, онъ оплакивалъ ее горькими слезами и свято хранилъ память о той, которую называлъ «даромъ Бога». Такимъ образомъ, Дилль въ своей статьѣ предоставляет торжество исторіи надъ пустой болтовней Сарду, хотя, въ сущности, онъ напрасно такъ заботится доказать справедливость своихъ доводовъ въ своемъ спорѣ съ драматургомъ. Всѣмъ уже было извѣстно и безъ того, что такъ называемыя историческія пьесы Сарду отличаются всѣмъ, только не исторіей.

— Кровавая Марія. Серія историческихъ реабилитаций, рано или поздно, должна была остановиться на личности первой царствовавшей въ Англіи королевы, Маріи I, или такъ называемой Кровавой. Уже по самому ея прозвищу, естественно, она подлежала попыткѣ обѣленія, главнымъ образомъ, со стороны католическихъ историковъ, которыхъ въ послѣднее время развелось значительное количество въ Англіи. Для протестантовъ она въ полномъ смыслѣ слова представляется кровавой, т. е. католичкой, не жалѣвшей преслѣдовать

самымъ жестокииъ образомъ своихъ протестантскихъ подданныхъ. Напротивъ, католики сожальють ея, какъ жертву не справедливой клеветы современниковъ и потомковъ. Въ послѣднее время набралось много католическихъ документовъ, объявлявшихъ Марію, и потому за ея реабилитацію принялась католическая историческая изслѣдовательница, миссъ Стоунъ. Ея обширный трудъ «Исторія Маріи I, королевы англійской». въ двухъ томахъ ¹⁾), отличается яснымъ, живымъ изложеніемъ и полнымъ, подробнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ новѣйшихъ испанскихъ, французскихъ и венеціанскихъ дипломатическихъ депешъ. Но по всей справедливости это не исторія, а біографія, и то съ точки зрѣнія адвоката, а не судьи. Она всячески старается облить свою героиню и если нельзя ея прямо упрекнуть въ извращеніи фактовъ, зато она подбираетъ всѣ излагаемыя событія въ пользу Маріи. Такимъ образомъ она представила все, что только можно сказать въ защиту Маріи, и, однако, ей не удалось нисколько ее облить, а если и можно ея названіе Кровавой замѣнить чѣмъ либо инымъ, то развѣ—несчастной женщины, совершавшей ужасы, благодаря самымъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, окружавшимъ ея съ молодости. Историческая истина заключается въ томъ, что не она была кровавой, а кровавы были религія и патеры, заставлявшіе ея совершать кровавые поступки. Дѣтство Маріи, дочери Екатерины Арагонской, первой жены англійскаго короля Генриха VIII, протекло самымъ счастливымъ образомъ. Она была любимицею своего отца и получила весьма тщательное, почти мужское воспитаніе, какъ было въ обычаѣ того времени. Эразмъ особенно выхваляетъ ея письма на латинскомъ языкѣ. Семи лѣтъ она была помолвлена за императора Карла V, но онъ отказался отъ ея руки, когда Генрихъ развелся съ Екатериной. Точно также неудачна была попытка найти ей жениха во Франціи, въ лицѣ французскаго короля, Франциска I-го. Одинаково не удались ея сватовства за короля португальскаго, герцога баварскаго и т. д. Въ это время отецъ ея женился на Аннѣ Болейнъ и всю любовь свою перенесъ съ Маріи на свою вторую дочь отъ другой жены—Елизавету. Марія же подверглась преслѣдованіямъ вмѣстѣ съ ея единовѣрцами—католиками. Естественно, что ея характеръ сдѣлался мрачнымъ и озлобился. Въ концѣ царствованія ея отца и съ воцареніемъ Эдуарда VI, ея неродного брата, жизнь Маріи потекла спокойно, мирно, среди ученыхъ занятій, между прочимъ, переводовъ Эразма съ латинскаго языка. Эти счастливые для нея дни окончились со смертію Эдуарда въ 1553 г., и она была провозглашена королевой. Она не долго царствовала, и благодаря окружавшимъ ея католическимъ епископамъ, а также Филиппу испанскому, за котораго она вышла замужъ, послѣ столькихъ неудачъ, Марія превратилась въ жестокою и кровавою королеву. Ея реакціонной политикѣ много содѣйствовало и то обстоятельство, что горячо любимый ею мужъ обращался съ нею безжалостнымъ образомъ. Проведя четыре года самой несчастной жизни, она занемогла и послѣ долгихъ припадковъ тяжелой болѣзни умерла 17 ноября 1558 г.

— Вашингтонъ и Нѣмцевичъ. Въ февральской книгѣ «Century Magazine» помѣщена чрезвычайно интересная статья В. Козловскаго о посѣщеніи

¹⁾ The history of Mary I, Queen of England. By J. M. Stone 2 v. London. 1901.

въ 1798 году Вашингтона въ его помѣсть, Маунтъ-Вернонъ, польскимъ поэтомъ Нѣмцевичемъ¹⁾. Къ ней приложено предисловіе Вортингтона Форда, объясняющее, какъ происхождение мемуаровъ Нѣмцевича, изъ которыхъ Козловскій сдѣлалъ извлеченіе, такъ и краткій некрологъ самого Нѣмцевича. Юліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ былъ извѣстный польскій поэтъ и сподвижникъ Костюшки, благодаря чему онъ очень молодымъ человѣкомъ вступилъ въ Польскій сеймъ, гдѣ находился на сторонѣ патриотовъ. Во время польскаго возстанія 1794 г. Нѣмцевичъ былъ адъютантомъ Костюшки и вмѣстѣ съ нимъ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ заточеніе въ Петербургѣ. Черезъ два года вошелъ на престолъ Павелъ I-й и освободилъ обоихъ польскихъ патриотовъ. Они отправились въ Америку и высадились въ Филадельфію, гдѣ имъ сдѣланъ былъ торжественный приемъ въ 1797 г. Костюшко намѣревался купить имѣніе и поселиться навсегда въ Америкѣ, но онъ неожиданно получилъ извѣстіе изъ Франціи, что тамъ образовался польскій легионъ для освобожденія его отечества, и начальство надъ нимъ предлагалось Костюшкѣ. Онъ принялъ это предложеніе и въ маѣ мѣсяцѣ 1798 году отправился въ Балтимору, гдѣ скрывался отъ всѣхъ, до отъѣзда во Францію, изъ боязни, чтобы его не захватило какое-нибудь англійское судно. Нѣмцевичъ, хотя и собирался ѣхать съ Костюшко, но открыто жилъ въ Вашингтонѣ, чтобы собирать свѣдѣнія. Въ это время онъ получилъ отъ великаго американца, Вашингтона, приглашеніе посѣтить его помѣсть Маунтъ-Вернонъ. Конечно, Нѣмцевичъ съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ познакомиться съ «отцемъ отечества». Этотъ замѣчательный визитъ онъ подробно описалъ въ своемъ дневникѣ, который онъ велъ въ ту эпоху своей жизни на польскомъ и французскомъ языкахъ. Къ сожалѣнію, этотъ дневникъ никогда не былъ напечатанъ, и, по мнѣнію его біографовъ, онъ окончательно потерявъ. Такимъ образомъ Нѣмцевичъ только напечаталъ небольшой очеркъ: «Замѣтки о жизни генерала Вашингтона» а всякій слѣдъ объ его посѣщеніи Маунтъ-Вернона исчезъ. Впослѣдствіи онъ вернулся въ Европу и получилъ предложеніе отъ императора Александра поступить на русскую службу, но Нѣмцевичъ отказался и вернулся снова въ Америку, гдѣ женился на американкѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ отправился въ Польшу и по учрежденіи тамъ конституціоннаго образа правленія служилъ секретаремъ сената до 1830 г. Въ эту эпоху, пользуясь свободнымъ временемъ, онъ много занимался литературой и писалъ поэму, драму, исторію и политическія сочиненія. Онъ пользовался такой славой высоко образованнаго человѣка, что былъ избранъ предѣдателемъ королевскаго научнаго общества въ Варшавѣ, хотя, собственно, не занимался научными предметами. Въ 1830 году онъ участвовалъ въ польскомъ возстаніи и по окончаніи его бѣжалъ въ Лондонъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Парижѣ, въ литературныхъ занятіяхъ и умеръ тамъ въ 1841 году. По истеченіи шестидесяти лѣтъ, послѣ его кончины, Козловскому удалось найти въ одной польской бібліотекѣ рукопись его днев-

¹⁾ A visit to Mt Vernon a century ago. A few pages of an unpublished diary of the polish poet J. U. Niemcewicz. By Kozlowski «The Century magazine». February 1902.

ника, веденнаго въ Америкѣ. Въ удостовѣреніе подлинности его В. Фордъ навелъ справки въ Вашингтонскомъ архивѣ и доказалъ на основаніи личнаго дневника Вашингтона, что 2-го іюня 1798 года пріѣхалъ въ Маунтъ-Вернонъ товарищъ Костюшки, генералъ Нѣмцевичъ, и оставался тамъ до 14. Послѣ этого уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ достовѣрности найденнаго Козловскимъ документа. Прежде чѣмъ получить приглашеніе въ Маунтъ-Вернонъ, Нѣмцевичъ въ концѣ мая мѣсяца того же года видѣлъ Вашингтона у мистриссъ Питерсъ, куда его повезъ знакомый американецъ Ло. «Лицо Вашингтона величественное,—говоритъ Нѣмцевичъ,—и достоинство дышитъ во всѣхъ его нѣжныхъ чертахъ. Его портреты, распространенные въ Европѣ, нисколько на него не походятъ. Онъ очень высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; носъ у него орлиный, глаза голубые, а ротъ большой. На немъ былъ фракъ, атласный жилетъ, черные короткіе панталоны и такого же цвѣта чулки. Онъ началъ разговоръ съ Костюшки, а потомъ спросилъ, давно ли я въ Америкѣ, и нравится ли мнѣ эта страна. Я отвѣчалъ: «Очень счастливъ, что американцы пользуются тѣмъ благосостояніемъ, которое я всегда жаждалъ видѣть въ своемъ отечествѣ. Вамъ, сэръ, они обязаны этимъ». Онъ скромно поклонился и произнесъ: «Я всегда отъ всего сердца желалъ добра вашей странѣ». Въ это самое время въ комнату вбѣжала маленькая дѣвочка 16 мѣсяцевъ, дочь Ло; Вашингтонъ подзвалъ ее къ себѣ, далъ кусокъ персиковаго пряника, который онъ вынулъ изъ кармана. Потомъ онъ поцѣловалъ ее и передалъ матери остальную часть пряника. Затѣмъ разговоръ перемѣнился и перешелъ на земледѣліе—любимый предметъ генерала. Долго мы говорили о засухѣ, отъ которой тогда очень страдали табакъ, маисъ и ячмень. Разговоръ мой съ генераломъ возобновился за чаемъ, но вопросъ былъ уже о прогрессѣ культуры и народонаселенія Америки, особенно въ восточныхъ штатахъ. Я замѣтилъ, что тамъ впервые поселились европейцы.—«Напротивъ,—отвѣчалъ Вашингтонъ,—первые поселенцы водворились въ Виргиніи и Новой Англіи, но въ восточныхъ штатахъ особенно развита городская жизнь, и потому въ ней процвѣтаютъ порядокъ, полиція и общественныя учрежденія. Населеніе тамъ чрезвычайно работящее, и каждый фермеръ, даже бѣднѣйшій, живетъ независимымъ чело-вѣкомъ». Я замѣтилъ генералу, что многіе изъ нихъ превосходятъ любыхъ джентльменовъ, и что они счастливѣйшій народъ въ свѣтѣ.—«Только бы мы не испортили нашего счастья». Когда мы расходились онъ прибавилъ: «Я буду очень счастливъ, если вы пріѣдете ко мнѣ въ Маунтъ-Вернонъ. Я чрезъ нѣсколько дней буду дома и надѣюсь васъ видѣть». Чрезъ два дня опять я увидѣлъ Вашингтона въ домѣ мистера Ло, гдѣ онъ гостилъ и я также. Попржнему, онъ былъ искрененъ, учтивъ и внимателенъ, но говорилъ очень мало, особенно онъ безмолвствовалъ о политикѣ, а только упоминалъ о земледѣліи и естественной исторіи. Главной забавой Вашингтона была игра въ билліардъ, хотя онъ не игралъ уже сорокъ пять лѣтъ, но вниманіе и способность замѣняли ему практику. Съ каждой новой игрой онъ все болѣе и болѣе совершенствовался. 25-го мая, уѣзжая съ женою въ Маунтъ-Вернонъ, они оба повторили предложеніе посѣтить ихъ». Чрезъ нѣсколько дней Нѣмцевичъ съ мистеромъ Ло отправились въ Маунтъ-Вернонъ Домъ Вашингтона оказался

на горѣ, въ глубинѣ дубоваго лѣса. Онъ былъ обширный, двухъэтажный, кирпичный, съ двумя открытыми галереями по сторонамъ, маленькимъ бельведеромъ по срединѣ крыши и двумя слуховыми окнами. Его окружали канава и каменная стѣна съ маленькими башенками по угламъ. Предъ домомъ находились два лужка, обсаженные различными кустарниками. Самъ Вашингтонъ показалъ Нѣмцевичу внутренность дома. Въ него входятъ чрезъ крыльцо, украшенное двумя колоннами, и обширныя сѣни, которыя дѣлятъ домъ на двѣ половины, и украшены нѣсколькими литографіями. Тутъ же находятся ключи отъ Бастили, подаренные генералу Лафайетомъ. Въ саду также помѣщалась модель Бастили изъ камней, взятыхъ Лафайетомъ изъ подлинныхъ развалинъ страшной крѣпости. Направо дверь ведетъ въ гостиную, съ портретами Вашингтона, его жены и Лафайета. Далѣе слѣдовала самая лучшая въ домѣ комната, съ бѣлымъ мраморнымъ каминомъ и нѣсколькими картинами на стѣнахъ. Рядомъ была еще гостиная, гдѣ стояли клавикорды. На противоположной сторонѣ отъ сѣней расположены были столовая, спальня генерала и его бібліотека, а наверху находились комнаты мистриссъ Вашингтонъ, миссъ Куотисъ, ея дочери отъ перваго брака, и гостей. Большую часть свободнаго времени семья Вашингтоновъ проводила на галереѣ, съ которой открывался великолѣпный видъ на рѣку Потомакъ. Садъ вокругъ дома былъ въ англійскомъ стилѣ и аккуратно содержался. Кромѣ кустарниковъ и цвѣтовъ, въ немъ находились ягоды въ большомъ разнообразіи, великолѣпныя фруктовыя деревья и огородныя произведенія. Онъ самъ ухаживалъ за своимъ садомъ и выписывалъ образцы лучшихъ садовъ Европы. На другой день Нѣмцевичъ осмотрѣлъ съ мистеромъ Ло ферму Вашингтона, которая распространялась на 10.000 акровъ и прекрасно содержалась. Тамъ находилась мельница и водочный заводъ. Работали на ней негры, принадлежавшіе Вашингтону въ количествѣ 300 человекъ. Жили они въ бѣднѣйшихъ жилищахъ, но ихъ положеніе было гораздо счастливѣе всѣхъ сосѣднихъ негровъ, такъ какъ Вашингтонъ обходился съ ними великодушно. «Я никогда не видалъ тамъ, — говоритъ Нѣмцевичъ, — грустнаго негра: всѣ они веселы и по субботамъ танцовали подъ музыку». Вообще генералъ занимался много земледѣліемъ и даже изобрѣлъ новую соху. «Вашингтона обвиняютъ всѣ, — замѣчаетъ Нѣмцевичъ, — въ молчаливости, и дѣйствительно онъ мало говоритъ, хотя не отказывается отъ разговора, когда затрогиваютъ предметъ, интересующій его. Такъ, по поводу французской революціи онъ однажды сказалъ: «Дѣйствія французовъ въ Голландіи, Италіи и Швейцаріи должны служить предостереженіемъ другимъ націямъ относительно ихъ намѣренія и должны указать, что не свобода и счастье другихъ людей, но ихъ собственное самолюбіе и желаніе побѣды — единственный мотивъ ихъ дѣйствій». Кромѣ того, онъ часами говорилъ со мною о земледѣліи и вспоминалъ различные эпизоды изъ революціонной войны. Быть можетъ, онъ совершилъ немало ошибокъ, но онъ истинно великій человекъ и оказалъ громадныя услуги своей родинѣ. Кромѣ своихъ военныхъ способностей онъ отличался безкорыстіемъ и самое трудное время служилъ безъ жалованья, а послѣ побѣды не хотѣлъ получить вознагражденія. Онъ даже не жаждалъ и славы и, имѣя возможность остаться президентомъ всю жизнь, вышелъ въ отставку. Съ тѣхъ поръ онъ

велъ самую спокойную и однообразную жизнь въ Маунтъ-Вернонѣ. Онъ вставалъ въ 5 часовъ утра и до 7-ми читалъ и писалъ: за чаемъ онъ ѣлъ майсовой хлѣбъ съ масломъ и медомъ. Потомъ онъ верхомъ отправлялся осматривать поля и затѣмъ возвращался въ 2 часа обѣдать, во время котораго вынималъ стаканъ мадеры. Затѣмъ онъ читалъ газеты, которыхъ получалъ ровно десять, и писалъ письма. Въ 7 часовъ онъ пилъ чай, разговаривалъ и въ 9 часовъ шелъ спать. Мистриссъ Вашингтонъ была одинаковыхъ лѣтъ съ мужемъ; она была небольшого роста, съ блестящими глазами, чрезвычайно веселаго настроенія, считалась одной изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Америкѣ и даже до старости не потеряла своей прелести. Трудно было встрѣтить болѣе очаровательной, въ нравственномъ отношеніи, женщины. Добрая, нѣжная и чрезвычайно приятная личность, она любила говорить и говорила хорошо о старинѣ». Въ концѣ своего описанія Маунтъ-Вернона Нѣмцевичъ упоминаетъ объ архивѣ Вашингтона, который состоялъ изъ тридцати или сорока ящиковъ со всякаго рода бумагами: отчетами, докладами и перепиской съ генералами и членами конгресса. Генералъ намѣревался выстроить особый домъ для своего архива, такъ какъ онъ занималъ чрезвычайно много мѣста. Наконецъ настало время разстаться съ Маунтъ-Вернономъ, гдѣ Нѣмцевичъ провелъ 12 дней, и наканунѣ отъѣзда Вашингтонъ имѣлъ съ нимъ памятный разговоръ о поведеніи Франціи относительно Америки, которое должно было окончиться войной. «Будемъ ли смотрѣть на отношенія Франціи къ Америкѣ,—сказалъ онъ съ необыкновеннымъ жаромъ:—съ точки зрѣнія наносимаго намъ вреда и грабежа нашей торговли, доходящаго до 50 милліоновъ долларовъ, или съ точки зрѣнія оскорбленія нашей національной чести удаленіемъ посланниковъ, или наконецъ съ точки зрѣнія преслѣдованія и уничтоженія свободныхъ націй ихъ военнымъ правительствомъ,—мы видимъ необходимость вооружаться и приготовляться къ грозящей намъ опасности. Миръ и покорность окончатся тѣмъ же чѣмъ въ Венеціи. Покорность въ этомъ случаѣ не что иное, какъ трусость. Скорѣе Америка возстанетъ. Несмотря на мою старость, я, напримѣръ, отдамъ послѣднюю каплю крови, остающуюся въ моихъ жилахъ, чѣмъ стерплю униженіе. Президента Адамса упрекаютъ, что онъ слишкомъ умѣренъ въ дѣйствіяхъ и слишкомъ смѣлъ на словахъ. Съ той минуты, какъ я покинулъ администрацію, я не писалъ ему ни слова и не получилъ отъ него ни слова, кромѣ официальныхъ денешъ, обнародованныхъ въ газетахъ. Я не знаю, имѣетъ ли онъ другія свѣдѣнія, кромѣ этого, но я убѣжденъ, что, какъ благоразумный, честный и хорошій человекъ, онъ не можетъ дѣйствовать иначе. Я самъ, быть можетъ, на его мѣстѣ писалъ бы также смѣло, но, конечно, я дѣйствовалъ бы смѣлѣе и энергично приготовился бы на всякій случай».

— Послѣдніе шуаны. Новая книга историка Гесленъ-Ленотра «*Touquebut*», недавно появившаяся въ Парижѣ, съ предисловіемъ Сарду, — весьма интересный историческій очеркъ нравовъ нормандскихъ шуановъ временъ имперіи, отъ 1804 до 1809 г.г. Въ 1792 году неспособность правительства революціонныхъ партій привела Францію въ положеніе разрушенія. На каждомъ шагѣ встрѣчались заброшенные деревни, дома безъ крышъ, сожженные фермы, разрушенныя церкви и замки. «Полиція, — говорится въ предисловіи книги, — была

вся поглощена политикой, и жандармы, набранные изъ поддонковъ общества, состояли изъ всевозможныхъ негодаевъ, мазуриковъ, бѣглецовъ и террористовъ безъ занятій». Во время директоріи и первыхъ лѣтъ консульства Франція жила грабежами и убійствами: разбойники раскидывались лагеремъ въ пустынныхъ лѣсахъ, развалинахъ, покинутыхъ каменоломняхъ, какъ, напримѣръ, въ Гедревилѣ, главной квартирѣ Ожерской банды. Помѣщеніе находилось въ подземельѣ, въ сто футовъ длины и тридцать ширины. Правильно организованная шайка состояла изъ мужчинъ и женщинъ—начальниковъ, помощниковъ, хранителей добычи, шпионовъ, курьеровъ, цирюльниковъ, хирурговъ, портнихъ, кухарокъ, воспитателей для дѣтей и приходскаго патера. Эти шайки увеличивались отъ наплыва бѣглецовъ изъ императорской арміи. «Аристократы съ горячими головами и рѣшительнымъ умомъ» работали въ пользу паденія «тирана» и возстановленія короля. Близъ Вернона находился замокъ «Tournebut», окруженный густымъ лѣсомъ и представлявшій прекрасное гнѣздо для шуановъ и ихъ заговоровъ. Онъ принадлежалъ маркизѣ Камбрэ, урожденной Женевиевѣ Жеринѣ де-Брюннель, дочерѣ предсѣдателя счетной палаты въ Нормандіи. Ея мужъ умеръ, оставивъ ей двухъ сыновей и двухъ дочерей, а также значительныя помѣстья въ окрестностяхъ Фалэза. «Это была надменная, повелительная женщина,—какъ рисовалъ ее Аккэ де-Ферелло, ея врагъ. Ея душа была сильная, полная энергіи: она умѣла пренебрегать опасностями и общественнымъ мнѣніемъ, ея не пугали самые смѣлые планы, и ея честолюбіе было чрезвычайное». Ея единственной мечтой было,—говоритъ Ленотръ,—возстановить королевскій тронъ. Послѣ проведенныхъ трехъ лѣтъ въ Руанѣ она вернулась въ 1796 году въ замокъ «Турнебу», полная мести за короля и упорныхъ пиллюэй, объявивъ борьбу революціи и вѣривъ скорую побѣду. Ея замокъ былъ очень обширный и хотя своимъ вѣшнимъ видомъ не представлялъ ничего необыкновеннаго, но внутри былъ устроенъ совершенно въ романтическомъ духѣ. Такъ, поднимаясь по маленькой лѣсенкѣ, доходили до крошечной комнаты, совсѣмъ подъ крышей, въ ней было лишь одно окно и простая кровать. Подъ тюфякомъ, близкіе къ маркизѣ личности находили гвоздь, стоило вытащить его, и внезапно растворялась стѣна въ большую комнату—человѣкъ на пятнадцать. Въ другой сторонѣ замка былъ чердакъ, на которомъ всегда находилось развѣшеннымъ грязное бѣлье. На уровнѣ съ порогомъ лежала прикрѣпленная толстая балка, украшенная дощечками, поддерживаемыми планочками. Въ маленькой впадинѣ балки, наполненной червоточинной, лежалъ кусокъ желѣза; если прилаживали его къ одному изъ гвоздей, крѣпко укрѣпленныхъ въ одной изъ планочекъ, дощечки складывались, и въ стѣнѣ отворялась дверь, за которой находился громадный залъ на 50 человѣкъ. Здѣсь-то маркиза укрывала своихъ сообщниковъ и оружіе. Ихъ обязанность состояла въ задержаніи почты, отвязавшей доходы государства и обирание денегъ «тирана», которыя затѣмъ помѣщались въ кассу шуановъ, съ цѣлью возвращенія короля. Дилижансы захватывались на поворотахъ лѣса, и въ этихъ экспедиціяхъ мужчинамъ помогали

¹⁾ La Chouannerie normande au temps de l'empire: Tournebut (1804—1809); par Gosselin Lenotre. Paris. 1901.

и женщины «аристократки», переодѣтыя мужчинами. Послѣ смерти Кадудала начальниками шуановъ были виконтъ д'Ашэ и молодой человекъ, котораго называли всѣ «кавалеромъ»; на немъ-то Ленотръ сосредоточилъ весь интересъ разсказа. «Этотъ былъ красивый юноша, двадцати пяти лѣтъ, брюнетъ съ матовой кожей и бѣлыми зубами. Онъ обладалъ нѣжными глазами, страстнымъ голосомъ, прекрасныи манерами и неистощимой веселостью, несмотря на меланхолическій видъ, а также непоколебимой отвагой. Его звали кавалеромъ Сентъ-Арну, по имени его фермы, что придавало ему аристократическое достоинство, впрочемъ его семья происходила изъ дворянъ. Сентъ-Арну сдѣлался любовникомъ второй дочери маркизы де-Камбрэ, Каролины. Она была замужемъ за Аккэ де-Ферраль, который обольстилъ ее въ замкѣ ея матери, куда онъ проникъ подъ личиной яраго роялиста. Онъ такъ дурно обращался съ нею, что ей пришлось покинуть семейный очагъ. Каролина была очень маленькаго роста, но очаровательна: цвѣтъ ея лица былъ замѣчательно чистъ, а черные волосы — необыкновенно длинны. Маленькая женщина имѣла романтическій характеръ и притомъ была очень чувствительна, привязчива, жива, откровенна, энергична, но въ то же время нѣжна. вмѣстѣ съ этими качествами она получила прекрасное образование, была хорошей музыкантшей и ученицей Буальдѣ». Хотя Каролина болѣе любила Сентъ-Арну, чѣмъ роялистскій вопросъ, однако, зная, что ея возлюбленный былъ въ немъ замѣшанъ, сказала ему: «Я все сдѣлаю для васъ». Съ этого момента она предалась достиженію цѣли шуановъ и исполняла всѣ, возлагаемыя на нее, порученія и обязанности: бѣгала по большимъ дорогамъ, переодѣтая мужчиной, посѣщала конуры контрабандистовъ и разбойниковъ, помогала грабить останавливаемые дилижансы и скрывала захваченныя деньги. Въ то время, чрезъ каждые три мѣсяца, совершалась пересылка денегъ между различными провинціальными казначействами. Сборщики податей изъ Сентъ-Ло, Алансона, Евре, отправляли деньги въ Каанъ. Зная, въ какой часъ телѣга съ деньгами должна проѣхать чрезъ извѣстное мѣсто, Сентъ-Арну со своей шайкой, составленной изъ различныхъ поддонковъ, которыхъ онъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ имѣлъ на полномъ содержаніи, — напалъ на почту и грабилъ, при чемъ Каролина всегда присутствовала при подобныхъ сценахъ. Наконецъ, все раскрылось, и Сентъ-Арну былъ схваченъ. Это дѣло произвело большой шумъ, и Каролина призналась во всемъ матери. Маркиза тотчасъ-же покинула замокъ, но увѣренная дочерью, что Сентъ-Арну дѣйствовалъ совмѣстно съ д'Ашэ, возвратилась обратно и даже взялась за пересылку захваченныхъ денегъ. Возвратившись, она узнала, что Каролина обманула ее относительно д'Ашэ. Дѣло пошло своимъ порядкомъ, и вскорѣ вся банда была арестована, а съ нею маркиза и Каролина. Сентъ-Арну былъ разстрѣлянь, а Каролина приговорена къ смертной казни. Желая спасти себя, она унизила до связи съ жандармомъ, но этимъ себя окончательно погубила. Казнь она перенесла стойко, твердо и даже сама положила голову на плаху. Шестидесятилѣтняя маркиза Камбрэ была приговорена къ заключенію въ кандалы на двадцать два года. Она сохранила даже въ тюрьмѣ свое величіе и авторитетъ: ни потери дочери, ни разореніе — ничто не сломило ея твердости. Что касается д'Ашэ,

то онъ тоже погибъ, преданный своей любовницей, Вобандъ. Она была страстная роялистка и самая ужасная личность изъ всей компании. Разведясь съ мужемъ, она повела разсѣянную и беспорядочную жизнь, вскорѣ туалеты и празднества заупотребили ее въ долгахъ. Она сблизилась съ императорскимъ сенаторомъ, который, желая угодить Фушэ, уговорилъ ее выдать ея любовника д'Ашэ, за что Фушэ, по его словамъ, уплатить ея долги. Она согласилась, но просила не вмѣшиваться въ это дѣло, а лишь дать въ ея распоряженіе одного жандарма. Сказавъ д'Ашэ, что она устроила его бѣгство въ Англію, Вобандъ выманила его изъ тайнаго жилища и когда онъ вышелъ въ лѣсъ, чтобы отправиться на пароходъ,—его разстрѣляли. Такъ кончилъ жизнь послѣдній шуантъ. Маркиза Камбрэ была всѣхъ счастливѣе, она дождалась паденія имперіи,—ея мечта сбылась. Людовикъ XVIII освободилъ ее изъ тюрьмы, и она была представлена ко двору. Даже въ восемьдесятъ лѣтъ маркиза держалась величественно, не горбясь, носила въ волосахъ лилію и не отказывалась посѣщать празднества въ префектурѣ. Она не покидала болѣе своего таинственнаго замка, гдѣ и умерла 83 лѣтъ.

— Столѣтіе Новалиса. Недавно Германія праздновала столѣтіе своего любимаго поэта-романтика Гарденберга, болѣе извѣстнаго по псевдониму «Новалиса». По этому случаю Морисъ Мюрэ рассказываетъ ¹⁾ въ одномъ изъ декабрьскихъ нумеровъ «Journal des Débats: Revue hebdomadaire» его интимную жизнь. Гарденбергъ родился въ 1772 году и, получивъ домашнее религіозное воспитаніе въ Іенѣ, познакомился съ Шиллеромъ и Рейнгольдомъ. Вращаясь въ кругу романтиковъ Тика и Шлегеля, онъ также изучалъ философію Фихте. Его прозвали пророкомъ романтической школы, и онъ старался слить въ одно цѣлое жизнь, поэзію и религію. Его романъ «Генрихъ фонъ-Офтердингенъ» трудно понимаемъ, благодаря многочисленнымъ символамъ, трудно уловимымъ и расплывчатымъ, хотя основательнымъ. Въ немъ онъ задумалъ представить духъ всѣхъ временъ и народовъ, но хорошо задуманная задача не удалась. Онъ идеализировалъ предметъ своей страсти подъ названіемъ «маленькаго голубого цвѣточка», и въ главныхъ своихъ произведеніяхъ воспѣвалъ въ этомъ изображеніи рано умершую невѣсту, Софію Кюнъ. Новалисъ—послѣдній поэтъ платонической любви. «Земная любовь къ Софіи мало-по-малу возвышалась и очистившись преобразовалась», въ то же время, какъ матеріальный образъ покойной исчезалъ вдали, замѣняя въ воспоминаніи свои прекрасныя черты идеей любви, красоты и возвышенными формами, которыя не что иное, какъ цѣломудріе. Данте и Петрарка дали этой идеѣ безсмертно-поэтическое воплощеніе. Въ настоящее время только Новалисъ можетъ быть сравненъ съ ними. Фогаццаро въ своей конференціи относительно «Великихъ поэтовъ въ будущемъ» указалъ на громадную роль, какую играла въ поэзіи «влюбленная идеализація женщины» въ пользу «высшаго человѣческаго элемента», и умолялъ новѣйшихъ поэтовъ возстановить эту благородную формулу. «Маленькій голубой цвѣточекъ», т. е. Софія Кюнъ, не представляла, въ сущности, со-

¹⁾ La petite fleur bleue. Par Maurice Muret. «Journal des Débats. Revue hebdomadaire». 13 decembre 1901.

бою ничего особеннаго. Она была самая незначительная личность, но Новалисъ, какъ поэтъ, видѣлъ во всемъ то, что хотѣлъ видѣть, и ничтожную хорошенькую дѣвушку превратилъ въ божественную музу. Эта разница поразительна, когда сравниваешь Софію Кюнъ съ «маленькимъ голубымъ цвѣточкомъ». Молодой студентъ познакомился съ ней случайно въ ея семьѣ во время одной прогулки въ Гренингенъ. Семья состояла изъ отца, матери, французженки-гувернантки и цѣлой саранчи дѣвочекъ, одна красивѣе другой. Мать блестяла въ свое время красотою, а отецъ—дворянинъ, деревенскій житель, былъ не высоко развитой человѣкъ, но онъ очаровывалъ всѣхъ своимъ добрымъ нравомъ, веселостью и, въ особенности, величественнымъ безразличіемъ, съ какимъ онъ допускалъ сосѣднюю молодежь любезничать съ его дѣтьми. Однимъ словомъ, это была самая веселая семья во всемъ округѣ, и молодые люди, не избалованные въ то время весельемъ, цѣнили эту добродѣтель болѣе всего. Зловѣщіе слухи изъ Франціи достигали, конечно, и нѣмецкихъ дворянъ, но нисколько не портили ихъ расположенія духа. Въ Гренингенѣ попрежнему веселыми взрывами смѣха изгонялись всѣ черныя мысли; столъ былъ открытъ для всѣхъ, и молодежь весь годъ предавалась невиннымъ, но опаснымъ играмъ, а вечеръ заканчивался обычнымъ вальсомъ. Софіи было въ это время тринадцать лѣтъ. Молодой Гарденбергъ былъ очарованъ граціей и красотой молодой дѣвушки и рѣшилъ, что ни на комъ не женится, кромѣ нея. По нѣмецкому обычаю они обмѣнялись кольцами, невзирая на юный возрастъ невѣсты, хотя свадьба была отложена надолго, что, однако, не отнимало у него права свободно ухаживать за нею. Благодаря своему положенію жениха, онъ могъ провести вакаціи въ семьѣ Кюна, тѣмъ болѣе, какъ романтикъ, онъ находился подъ вліяніемъ Рима и восторгался Игнатіемъ Лойолой, презирая Лютера, вслѣдствіе чего былъ не въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ своими родными, ярыми послѣдователями Лютера. Свободное отъ свиданій съ невѣстою время онъ посвящалъ ученію. Для скорѣйшаго осуществленія плана женитьбы онъ готовился на довольно прозаическую дорогу инженера, которую быстро сдѣлать, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ занимался метафизикой. «Въ сущности,—говорилъ онъ,—мой предпочитаемый предметъ изученія носить одинаковое съ моею невѣстою имя: Софія (мудрость)». На любовь такого человѣка, какъ Новалисъ, Софія Кюнъ не отвѣчала любовью. Она допускала своего поэта убажкивать себя золотыми рѣчами, не понимая ихъ хорошо, такъ какъ это была бѣдно одаренная способностями дѣвушка. Ея дневникъ лучше всего рисуетъ ея умственный кругозоръ и отношенія къ Новалису. 6-го января 1795 года она писала: «Юстъ проѣхалъ въ Лейпцигъ, и Гарденбергъ его провожалъ, затѣмъ возвратился». Среда 7-го: «Сегодня Гарденбергъ рано уѣхалъ верхомъ». Воскресенье 11-го: «Прогулка въ Заксенбергъ. Гарденбергъ поѣхалъ съ нами. Мнѣ никакого не было удовольствія». Послѣдняя фраза прекрасно характеризуетъ ея отношенія къ поэту. Но ему не пришлось разочароваться: совершенно непредвидѣнная болѣзнь печени унесла ее чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ могилу. Желая спасти молодую дѣвушку, ее отравили въ Лену для операціи, но перенеся стойко страданія, она умерла. Три дня плакалъ и метался Новалисъ, отказываясь отъ пищи, не внимая утѣшеніямъ и убѣжденнымъ, что въ концѣ года по-

слѣдуетъ за Софіей. Но прошли года, а Новались жилъ: воспоминаніе о покойницѣ приняло форму поэзіи. Въ «Офтердингенѣ» онъ рисуетъ себя въ образѣ Генриха и его слова: «Я мечтаю о тебѣ, которую я любилъ на землѣ!.. Ты умерла, и протекъ еще часъ страданій. Затѣмъ я послѣдовалъ за тобою», оправдались и 25-го марта 1801 года его не стало. Онъ умеръ отъ чахотки 29-ти лѣтъ. Но поэтъ измѣнилъ «маленькому голубому цѣточку»: онъ обручился съ дочерью одного изъ своихъ друзей—Юліей Шарпантье, но за эту невѣрность былъ наказанъ смертью.

— Отецъ Виктора Гюго. До сихъ поръ еще не существовало біографіи отца Виктора Гюго, генерала Гюго, и только въ одной изъ февральскихъ книжекъ «La Nouvelle Revue» Э. Гашо помѣстилъ статью, составленную по собраннымъ въ архивѣ военнаго министерства документамъ. Въ метрическомъ свидѣтельствѣ генерала Гюго значится: «Жозефъ-Леопольдъ-Сигисбертъ, законный сынъ Жозефа Гюго, столяра, и Жанны-Мargarиты Мишо, прихожанъ Сентъ-Энриръ де-Нанси, родился въ 11^{1/4} ч. вечера 15-го ноября 1773 года и былъ крещенъ 16-го того же мѣсяца». Сигисбертъ, такъ же, какъ и отецъ, изучалъ столярное ремесло, но когда онъ отпавился въ обычное тогда для рабочихъ путешествіе по Франціи, то прельстился военнымъ мундиромъ, который онъ вскорѣ снялъ по случаю распущенія полка. Во время революціи онъ снова взялся за оружіе, и въ 1814 году онъ дослужился до чина бригаднаго генерала и командовалъ въ Тіонвилѣ, во время осады. Военная карьера его была не изъ легкихъ: онъ участвовалъ во многихъ походахъ и перенесъ тяжелыя испытанія при переходахъ между Неаполемъ и Испаніей. Онъ не видѣлъ ни аустерлицкой, ни іенской битвы, но сражался не безъ достоинства, вдали отъ Наполеона, имѣя непріятелями людей, отстаивавшихъ, во что бы то ни стало, своего короля. Находясь при Моро на Рейнѣ, до и послѣ Гогенлиндена, Гюго навлекъ на себя гнѣвъ Наполеона. Если бы не Юсифъ Бонапартъ, онъ, безъ сомнѣнія, вернулся бы домой во время консульства, довольствуясь скромнымъ существованіемъ. Но время выдѣлило его непріязнь къ Наполеону, и въ 1815 году онъ предпочелъ Наполеона, возвратившагося съ острова Эльбы, — Людовику XVII. Три большіе праздника были въ его жизни: его прекрасное поведеніе въ Кальдіеро въ 1805 году, допросъ Фра-Діаволо, захватъ котораго онъ приписываетъ себѣ, и защита Тіонвила во время нашествія союзниковъ въ 1814 и 1815 годахъ. Въ первомъ случаѣ его поведеніе было смѣлое. Когда французская армія была отгѣснена, и Гюго овладѣлъ деревней Кальдіеро, гдѣ продержался, несмотря на усилія непріятеля,—четыре часа. Такимъ образомъ дѣло приняло другой оборотъ, и французская армія овладѣла полемъ сраженія. Однако, на другой день послѣ сраженія, въ которомъ Гюго выказалъ героизмъ, его не сдѣлали полковникомъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ даетъ только неясное резюме военныхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Но онъ напрасно приписываетъ себѣ взятіе Фра-Діаволо. Во Франціи вѣрили его разсказу, и Скрибъ, составляя оперу «Фра-Діаволо», оркестровкой которой занялся Оберъ, обратился къ Виктору Гюго за справками

1) Le général Hugo; par Э. Гашо «La Nouvelle Revue», 1 février, 1902.

относительно знаменитого главы партизановъ. Но авторъ статьи сообщаетъ совершенно пныя подробности о Фра-Діаволо. Источникомъ для нихъ служили: итальянскіе архивы и тѣсныя отношенія съ итальянскими историками. Онъ увѣряетъ, что эти подробности совершенно точны, но неизвѣстны во Франціи. По его словамъ, Фра-Діаволо, или Микаэло Пецца, какъ его называли (*il bello misaëlo*), бригадиръ-куррьеръ въ арміи короля Фердинанда, въ 1798 году, вернулся въ свою деревню, гдѣ былъ прежде рабочимъ-шапочникомъ. Онъ задумалъ играть роль кардинала Рүффо, но никогда не былъ разбойникомъ на большихъ дорогахъ, какъ его представилъ Скрибъ. Краснорѣчивый, убѣдительный и въ то же время жестокій, онъ поклялся въ 1806 году предъ ликомъ Мадонны изгнать изъ Неаполитанскаго королевства французовъ, явившихся лишить престола короля. Послѣдній, восторгаясь его храбростью или вѣрнѣе фанатизмомъ, сдѣлалъ изъ крестьянина герцога Кассано. Онъ одѣлъ его чрезвычайной властью и пожаловалъ ему право обращаться, какъ съ равнымъ, съ начальникомъ британской эскадры. Во все время осады Гаэты Фра-Діаволо (или братъ—Діаволь, прозвище, данное ему, благодаря его ночнымъ подвигамъ) оказалъ важныя услуги принцу Гессенъ-Филипштадтскому, командовавшему крѣпостью. Послѣ подписанія капитуляціи онъ покинулъ Гаэту, одѣтый погонщикомъ муловъ и поселился въ горахъ. Отдохнувъ, Фра-Діаволо снова появился между Вальтурной и Римскими владѣніями. Англійскій флотъ давалъ ему провіантъ и очень часто убѣжище. Одинъ капитанъ, состоявшій адъютантомъ при главномъ штабѣ, Амира, въ своемъ рапортѣ 9-го сентября 1806 года доносилъ, между прочимъ новому неаполитанскому королю: «Сидней Смитъ, командиръ эскадры, назначенной произвести высадку и организовать народныя массы, облеченъ полной властью Фердинандомъ, или, вѣрнѣе Каролиной. Онъ всегда окруженъ начальниками разбойничьихъ шаякъ, съ которыми производитъ различныя операціи; съ нимъ много денегъ, и онъ щедро бросаетъ ихъ, чтобы подкупить шайки убійць, напримѣръ: Фра-Діаволо, Пане-ди-Гране, Карбанари и другихъ. Даже англичане не уважаютъ Смита, понимая, что его роль не дѣлаетъ чести ихъ родинѣ». Фра-Діаволо и Смитъ—два непріятеля, которые будутъ сражаться противъ господства французовъ—такъ было рѣшено во Франціи. Наполеонъ оцѣнилъ ихъ головы, справляясь ежедневно у министра Дежана о результатѣ ихъ преслѣдованія, а Іосифъ послалъ нѣсколько отрядовъ солдатъ по слѣдамъ главы партизановъ. Французскіе рапорты даютъ возможность прослѣдить каждый шагъ Фра-Діаволо. Во всѣхъ этихъ рапортахъ не встрѣчается имени батальонаго командира Гюго. Начальниками четырехъ группъ, отправленныхъ съ цѣлью преслѣдованія Фра-Діаволо, были: Эспанъ, Кавеньякъ, Форестье и Тома. Іосифъ Бонапартъ, покровительствуя Гюго, хотѣлъ выдвинуть его предъ Наполеономъ и не упустилъ случая указать на него, какъ на инициатора въ дѣлѣ поимки Фра-Діаволо. Въ своихъ воспоминаніяхъ Гюго наивно говоритъ въ доказательство своего участія во взятіи Фра-Діаволо: «Чтобы не потерять слѣдъ Фра-Діаволо, мы спрашивали пастуховъ, которые намъ всегда указывали, гдѣ былъ Пецца». Это невѣроятно: никакой пастухъ или крестьянинъ не рѣшились бы на это, рискуя вполнѣдствіи заплатить своею головой. 28-го октября Фра-Діаволо былъ близко окруженъ егерями Форестье; онъ прятался въ каштанов-

вомъ лѣсу, въ душлѣ дерева и цѣлые три дня питался фруктами; затѣмъ укрылся въ хижинѣ пастуха, хозяинъ которой былъ въ отсутствіи. Наконецъ 1-го ноября онъ пустился отважно по тропинкѣ, ведущей къ городу Баронези. Вечеромъ, онъ встрѣтилъ двухъ людей, подозрительнаго вида, которые сказали ему: «Фра-Діаволо—подлецъ, онъ измѣнилъ своимъ братьямъ по оружію». Не желая выдавать себя, Пецца отвѣтилъ: «Фра-Діаволо честный, но онъ покинуть своими людьми». Одинъ изъ путниковъ спросилъ: «Ты на сторонѣ измѣнниковъ?» Видя что на него направляется кулакъ, онъ вынулъ пистолеть и выстрѣлилъ въ своего противника. Пуля пролетѣла мимо. Тогда оба путника исколотили его и обобрали. Фра-Діаволо дотащился до какой-то хижины, гдѣ его пріютили. 3-го ноября опухоль отъ ранъ заставила его странно страдать и безнокоиться. Въ одномъ кителѣ и опираясь на палку, онъ явился къ аптекарю въ Баронези, прося у него, какъ милости, лѣкарства. Но на улицѣ его встрѣтилъ смотритель солянаго акциза и предупредилъ городскую полицію: четверо солдатъ явилось въ аптеку и потребовали у Пецца бумаги. Онъ не могъ ихъ представить. Его арестовали и отправили на гаунтвахту, которой командовалъ начальникъ эскадрона Фарипъ. Денщикъ Фарина неаполитанецъ Павезъ призналъ въ немъ Фра-Діаволо, и онъ былъ отправленъ закованный въ цѣпи въ Салерно, затѣмъ въ Неаполь, гдѣ его судили военнымъ судомъ, и за вооруженное разбойничество и бунтъ противъ короля онъ былъ 10-го ноября приговоренъ къ повѣшенію. Сигисбертъ Гюго видѣлъ его только одинъ разъ, 8 ноября, въ неаполитанской тюрьмѣ. Ему поручилъ король допросить Пеццу о томъ, какъ онъ доставалъ себѣ помощь въ Кампаніи, и добиться, чтобы онъ назвалъ имена его сообщниковъ въ Салерно. «Обвиненный лежалъ въ глубинѣ темнаго каземата,—говоритъ Гюго,—его вытянутыя руки были закованы; когда мы вошли, онъ перебиралъ лѣвой рукой четки. Тогчасъ смотритель тюрьмы вышелъ. Гюго, взявъ фонарь, освѣтилъ лицо узника, которое было очень блѣдно, и разговоръ завязался.—«Фра-Діаволо, я принесъ тебѣ средство спасти твою голову»,—сказалъ Гюго. Микело Пецца взглянулъ на него съ ненавистью и отвѣтилъ: «Кто ты, что говоришь со мною такимъ образомъ?»—«Я командиръ!—«Тогда я выше тебя; я—генераль, главнокомандующій арміей его католическаго величества короля Фердинанда, да хранить его Богъ. Приказываю тебѣ оставить меня въ покоѣ и выйти отсюда!» Гюго протестовалъ.—«Но я съ порученіемъ отъ короля Іосифа!»—«Э, я не знаю никакого короля Іосифа. Что отъ меня хочеть этотъ Іосифъ?»—«Онъ сожалѣеть тебя». Фра-Діаволо страшно потрясъ цѣпями: «вѣтъ, я не хочу его сожалѣній. Якобинцы меня повѣсятъ. Я приготовляюсь къ смерти, прося Аронскую Богородицу открыть мнѣ путь отъ висѣлицы донеба».—«Тебѣ достаточно назвать твоихъ солернскихъ сообщниковъ». Пецца нахмурился и воскликнулъ. «Отъ меня требуютъ подлости, я не измѣнникъ». И онъ произнесъ съ жаромъ на неаполитанскомъ народномъ нарѣчій: «Святая Аронская Богородица, уничтожь французовъ!» Гюго вышелъ и передалъ королю объ отказѣ Фра-Діаволо. Тѣмъ и окончилась исторія Фра-Діаволо, и онъ былъ повѣшенъ. Затѣмъ Гюго сопровождалъ своего покровителя Іосифа Бонапарта изъ Неаполя въ Мадридъ. Послѣ нѣсколькихъ сраженій съ Веллингтономъ и осады Сарагоссы и Витторіи, коалиція изгнала изъ Испаніи короля и

Гюго. Тогда онъ приблизился къ Наполеону, звезда котораго уже стала меркнуть. Гюго выпросилъ себѣ постъ на Рейнѣ. Его послали на Мозель, гдѣ онъ не силой, а хитростью сохранилъ для французовъ Тюнвиль. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ онъ оставался въ бездѣйствіи. Точно также онъ не получилъ назначенія во время Ста Дней, до тѣхъ поръ пока тюнвилцы не обратились въ военное министерство съ просьбою прислать генерала Гюго въ Тюнвиль. Тогда онъ отправился на прежнее мѣсто своихъ подвиговъ и принялъ всѣ мѣры для защиты города. 18-го апрѣля въ письмѣ, адресованномъ Гюго министерству, находилась фраза: «Деревянная лошадь 1792 г. не сожжена, мы сумѣемъ разыскать ее къ услугамъ императора». Дѣло въ томъ, что во время кампаніи 1792 г. австрійскій корпусъ, подъ командою князя Гогенлоэ-Киршберга осаждалъ Тюнвиль, защищаемый Феликсомъ Вимифеномъ. Жители помогали защищать городъ и настолько пренебрегали непріятелемъ, что помѣстили на возвышенномъ мѣстѣ вала деревянную лошадь, державшую въ зубахъ пучекъ сѣна. На ней была слѣдующая надпись: «Когда эта лошадь съѣстъ свое сѣно, Тюнвиль сдастся». Наконецъ, 15 іюля возвратились Бурбоны, и Гюго сдалъ имъ Тюнвиль. Несмотря на то, что онъ сохранилъ его Франціи, генералъ не получилъ за это никакого вознагражденія. Онъ вышелъ въ отставку и въ 43 года карьера его была разбита. Тогда онъ принялся писать свои воспоминанія и 12 февраля 1828 г. «графъ Іосифъ-Леопольдъ-Сигисбертъ Гюго, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, кавалеръ орденовъ Почетнаго Легіона и св. Людовика, умеръ въ Парижѣ». Въ этомъ официальном документѣ впервые называютъ его графскимъ титуломъ, хотя неизвѣстно когда, гдѣ и за что онъ его получилъ. Что касается его семейной жизни, то во время его странствій по гарнизонамъ Европы онъ женился два раза. Первая его жена была Софія-Франсуаза Требуше, отъ которой имѣлъ троихъ сыновей: Абея, Евгенія и Виктора. Вторая жена была вдова испанскаго офицера Антонио Альмега, Марія Таитони, женщина высокообразованная, не искавшая дружбы своихъ пасынковъ. Послѣ смерти генерала его пенсія не перешла къ вдовѣ, и она чуть не кричала, что голодаетъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ она послала 11 прошеній въ министерство, при чемъ ея имя спутали съ другой просительницей Гюго, вдовою какого-то майора Гюго. По этому поводу баронъ Викторъ Гюго, уже достигшій тогда славы, написалъ въ министерство слѣдующее письмо: «Повидимому, изъ двухъ дамъ Гюго послѣдняя дѣйствительно нуждается въ помощи. Первая, вдова генерала, владѣетъ имѣніемъ въ Блуа, лично ей принадлежащимъ, гдѣ она проводитъ лѣто. Другимъ имѣніемъ въ Солонѣ она владѣетъ пополамъ съ наслѣдниками ея мужа. Она имѣетъ квартиру въ Парижѣ въ первомъ этажѣ въ улицѣ Сентъ-Моръ, и ея капиталъ помѣщенъ у банкира. Если она будетъ настаивать, можно потребовать у нея инвентарь, сдѣланный послѣ смерти ея мужа». Но министерство не послушалось поэта, и обѣимъ вдовамъ были даны пенсіи.

— Политическія идеи Бальзака. Долгое время Бальзака считали монархистомъ, реакціонеромъ и даже въ 1899 году, когда справляли его столѣтіе, то муниципальный совѣтъ Туранжо уклонился отъ присутствія на празднествѣ, ссылаясь на то, что Бальзакъ былъ аристократомъ. Въ прошедшемъ августѣ нѣсколько его поклонниковъ отравились посѣтить его домикъ въ

Жарди; на другой день одна революционная газета объявила, что Бальзакъ былъ социалистомъ, а «Libre parole» выставила его антисемитомъ. Несмотря на многочисленные комментарии, которые породила его «Человѣческая комедія», политическія идеи знаменитаго писателя оставались мало извѣстными. Все затрудненіе состояло въ томъ, что вопросъ старались разрѣшить посредствомъ его романическихъ произведеній. Теперь Габріэль Ферри рѣшилъ его очень просто, прибѣгнувъ къ избирательнымъ программамъ Бальзака въ качествѣ кандидата на парламентскихъ выборахъ. «Въ «Revue politique et parlementaire», 10 декабря появилась статья ¹⁾ Г. Ферри относительно этого вопроса. Оказывается, что Бальзакъ всю жизнь желалъ сдѣлаться государственнымъ членомъ, и на другой день послѣ революціи 1830 года онъ поставилъ свою кандидатуру разомъ въ Ангулемъ и Камбрэ. Онъ всегда выказывалъ себя либераломъ, жаждавшемъ политическаго прогресса, и даже социалистомъ на пользу неимущихъ классовъ. Онъ беспощадно осуждалъ партіи въ цѣлой серіи газетныхъ хроникъ, озаглавленныхъ: «Письма о Парижѣ». Въ ноябрѣ 1830 года онъ писалъ г-жѣ Карро: «Я вижу повсюду—страсть и нигдѣ разсудка... Не обвиняйте меня въ не патриотизмѣ, потому что мой разумъ побуждаетъ меня разочаровываться въ людяхъ и событіяхъ». Его брошюра: «Исслѣдованіе о двухъ министерствахъ», подписанная: «Бальзакъ, избираемый избиратель», раздавалась въ двухъ округахъ. Въ ней онъ преслѣдовалъ министерства Лафита и Казимира Перрье; въ своей программѣ онъ объявилъ, что никогда не продается правительству, и требовалъ уничтоженія дворянства, отдѣленія духовенства отъ Рима, природныхъ границъ Франціи, т. е. береговъ Рейна, совершеннаго равенства среднихъ классовъ, признанія превосходства способности, экономіи въ расходахъ, увеличенія сбора податей лучшимъ ихъ распредѣленіемъ, наконецъ—всеобщаго образованія. Эта программа довольно банальна, но дополненная «Письмами о Парижѣ», она достаточна для политической классификаціи Бальзака. Бальзакъ принадлежалъ къ конституціонной оппозиціи. Съ подобной программой Перрье былъ торжественно выбранъ, а Бальзакъ не имѣлъ успѣха. Далеко не желая возвращенія Генриха V, которое онъ считалъ невозможнымъ, Бальзакъ отдался отъ Шатобріана и другихъ легитимистовъ, по его мнѣнію, противниковъ внутренняго спокойствія. Онъ признавалъ монархію въ лицѣ Луи-Филиппа скорѣе изъ дружбы къ нѣкоторымъ личностямъ, чѣмъ по личному вкусу. Но эта преданность къ королю не мѣшала ему присоединяться ко всемъ требованіямъ партіи либераловъ. Его «Исслѣдованіе о двухъ министерствахъ» не завоевало ему избирателей, и они подали голоса за другихъ двухъ кандидатовъ. Въ томъ же году онъ окончилъ «Шагреновую кожу», а въ слѣдующемъ «Деревенскаго доктора», ихъ литературнымъ успѣхамъ онъ утѣшился отъ неудачи. Однако Бальзакъ не покинулъ окончательно политики и, купивъ журналъ «Хроника Парижа», онъ выставилъ въ первыхъ строчкахъ свою программу «либеральную и прогрессивную», въ которой первое мѣсто занимали

¹⁾ Balsac candidat à la députation. Ses idées politiques (1834—1848), par Gabriel Ferry. «Revue politique et parlementaire». 10 decembre 1901.

гражданское равенство, свобода печати и торговли. Революція 1848 года была для него катастрофой. Какъ на большую часть его друзей, паденіе Луи-Филиппа произвело и на него горестное впечатлѣніе, а провозглашеніе республики и всеобщая подача голосовъ пугали его, какъ большую часть либераловъ. Къ этимъ нравственнымъ заботамъ присоединилось еще жестокое денежное затрудненіе и въ то время, какъ Викторъ Гюго, Александръ Дюма и другіе выставили свою кандидатуру на выборы, Бальзакъ безпокойный, растерявшійся, сослался на старость, чтобы не вмѣшаться въ политическую борьбу. Однако, одинъ клубъ «Всемирное братство» занесъ его въ реестръ кандидатовъ; онъ отвѣтилъ, что принимаетъ полномочіе, но находитъ бесполезнымъ выставять свою программу: «Есть люди,—сказалъ онъ,—которыхъ будутъ искать избиратели, а есть и такіе, которые сами ищутъ избирателей, и они должны опредѣлить свою политическую программу. Что до меня, если я вовсе не принадлежу моими литературными работами къ девятистамъ лицъ, представляющихъ въ нашей странѣ образованный классъ, или общественную силу, или богатство торговли, или знаніе законовъ, то баллотировка мнѣ это скажетъ». Во второй разъ общая подача голосовъ доказала Бальзаку, что народная подача голосовъ охотно не признаетъ «превосходство способныхъ людей», и только семьдесятъ два голоса высказались за него. Но, благодаря недоувѣрью остальныхъ, на свѣтъ появилась «Человѣческая комедія». Когда послѣ іюньскихъ дней г-жа Жирарденъ напала на генерала Кавеньяка въ «La Presse» Бальзакъ отдалился отъ своей старой пріятельницы. Эта осторожность въ подобныхъ обстоятельствахъ была послѣднимъ выраженіемъ его политическихъ убѣжденій. Викторъ Гюго правильно выразился о немъ его другу Лемуру: «У этого великаго человѣка были мозгъ и сердце демократическіе. Монархическое было у него только воображеніе». Впрочемъ лучшее понятіе о политическихъ идеяхъ Бальзака даетъ его статья, недавно перепечатанная: «О современномъ правительствѣ». Между прочимъ онъ говоритъ: «Непосредственный результатъ представительнаго правительства—это дать въ руки власть министерству, подверженному безпрестаннымъ спорамъ. Эта система не мѣшаетъ странѣ имѣть дворъ и куртизановъ—два вѣчные бича, на которые вѣчно жалуется народъ. Продлите Казимиру Перье десять лѣтъ жизни, силъ и министерство, и вы найдете маленькаго Ришелье, безъ порфиры, низменнаго тирана, но окруженнаго своими хранителями, льстецами, словомъ конституціонную имперію, наряженную въ маску законности. Партія царедворцевъ является вездѣ, гдѣ возникаетъ власть. Конституціонный министеріализмъ не выходитъ изъ этой дилеммы: гдѣ нація подвергнется долгое время деспотизму талантливаго человѣка, она снова найдетъ королевское достоинство, только подъ другой формой и безъ наслѣдственныхъ преимуществъ, и ей придется періодически улачивать неслыханные долги, или нація часто будетъ мѣнять министровъ, и тогда ея благоденствіе будетъ физически невозможно, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе губительнаго въ администраціи, какъ измѣненія системъ. Каждый министръ имѣетъ свою систему и, какъ случается въ природѣ, самый ничтожный человѣкъ полагаетъ ее создать—худую или хорошую. При томъ кратковременный министръ не сумѣетъ отдаться разомъ

интригамъ, необходимымъ для своего поддержанія и дѣламъ государства. Онъ достигаетъ власти, какъ путешественникъ, выходя изъ затрудненій займомъ и увеличиваетъ государственный долгъ, удаляясь часто въ тотъ моментъ, когда онъ узналъ кое-что изъ правительственной науки. Въ данное время государственный долгъ, этотъ балансъ глупостей, нарастаетъ. Банкротство приближается. Только оно дѣлается отъ имени всѣхъ — вмѣсто того, чтобы быть отъ одного лица, и придетъ день во время этой системы, когда капиталисты будутъ въ родѣ вельможъ, противъ которыхъ страдающій народъ придумаетъ какія нибудь страшныя казни. Доходъ будетъ привилегіей легкомыслія, ненавидимый, какъ дворянство въ 1790 году. Какому фатальному инстинкту повиновался народъ, желая управлять самъ собою? Это понятно было въ маленькихъ срадневѣковыхъ общинахъ, но въ современномъ большомъ государствѣ—это невозможно. Для выполненія великихъ дѣлъ необходима единственная и центральная власть. Разсѣянная власть конституціонной монархіи не можетъ ничего произвести: если страна должна защищаться національной гвардіей, къ чему же армія? Если представителемъ страны является только единственная палата, такъ какъ пэры есть только принадлежность избирательной палаты и пляшутъ подъ дудку депутатовъ, — къ чему же король? Онъ только стѣснителенъ, потому что для всѣхъ образованныхъ людей конституціонное правительство принуждено измѣнить свою природу, когда палата разумная и сильная, или сдѣлать чахлой націю, если собраніе составлено изъ ничтожествъ. Оно ведетъ или къ деспотизму, или къ разрушенію. Съ революціи 1789 года условія измѣнились, но въ сущности предметъ правленія не измѣнился. Онъ опирается теперь на три элемента: на массу нищихъ и невѣждъ, массу среднихъ и массу аристократовъ. Въ послѣднюю входятъ выдающіеся люди, созданные деньгами, властью и образованіемъ. Эти три класса—вѣчные базисы націи, и теперь, чтобы установить совершенное, долгосрочное правительство, надо удовлетворить идеи, а также интересы, ибо массы имѣютъ только эти два выраженія. Слѣдовательно, пусть будетъ монархическое правленіе или совершенно демократическое, власть, будучи непрерывнымъ сочетаніемъ интересовъ и идей управляемыхъ массъ, должна быть единой и сильной, такъ какъ она само дѣйствіе этой массы, и что нѣтъ возможнаго дѣйствія съ ограниченіемъ. Учреждать слабое правительство—это допустить необходимость принципа и отвергать его. Такимъ образомъ предстоятъ лишь бури».

— Мемуары Дюрюи. Въ 1888 году, извѣстный французскій историкъ и министръ народнаго просвѣщенія при Наполеонѣ III, Дюрюи, рѣшился, несмотря на свой семидесятилѣтній возрастъ, написать воспоминанія о своей жизни, современныхъ событіяхъ и своей плодотворной дѣятельности¹⁾. Трудъ этотъ длился до 1892 г., а напечатать его онъ предоставилъ своимъ наследникамъ. Дюрюи посвятилъ свое послѣднее произведеніе младшему сыну, въ то время мальчику четырнадцати лѣтъ. «Я хочу, — писалъ онъ, — рассказать тебѣ мою публичную и литературную жизнь, чтобы ты могъ въ одинъ прекрасный день сказать своимъ дѣтямъ: «Мой отецъ былъ хорошій слуга своей страны, и

¹⁾ Notes et souvenirs (1811—1894), par Victor Duruy. 2 vol. Paris. 1901.

онъ внесъ въ свой домъ честь: будемъ поступать, какъ онъ». Наконецъ, его произведеніе вышло въ свѣтъ и вполне оправдало его слова. Дюрой смѣло могъ отдать на судъ публикѣ свою любовь къ родинѣ, семейному очагу и дѣятельности по народному образованию. Въ его княгѣ находятся документы, свидѣтельствующіе объ его дѣятельности, результаты задуманныхъ проектовъ для улучшения университета и преподаванія, также личныя воспоминанія о годахъ, проведенныхъ въ учительской семинаріи и объ его первоначальномъ преподаваніи, о составленіи исторій Греціи и Рима, а также объ осадѣ Парижа и вступленіи въ академію. Но это занимаетъ лишь часть воспоминаній. Двѣ трети посвящены задуманному имъ административному плану реформъ въ первоначальномъ образованіи. Проектъ закона о свободѣ высшаго преподаванія и преобразования факультетовъ, представленный имъ въ сенатъ въ юль 1870 г., за нѣсколько дней до объявленія войны, исчезнулъ вмѣстѣ съ имперіей, но Дюрой доказываетъ, что онъ предлагалъ большую часть реформъ, которыя съ тѣхъ поръ дали жизнь французскимъ университетамъ. Затѣмъ Дюрой говоритъ, что, несмотря на свои самыя близкія отношенія съ императоромъ, онъ всегда сохранялъ свой либеральный характеръ. Это видно въ главѣ, посвященной императору и императрицѣ. Его первое свиданіе съ Наполеономъ въ Фонтенбло послѣ назначенія на министерскій постъ прошло очень просто. «Не было съ одной стороны поведенія къ стопамъ, ни съ другой—официальнаго приѣма и повелительныхъ приказаній,—говоритъ Дюрой.—На мои слова: «какимъ образомъ ваше величество могли помыслить сдѣлать изъ меня министра?»—императоръ отвѣтилъ слѣдующими нѣсколькими словами: «дѣло пойдетъ хорошо». «Вотъ всѣ инструкціи, какія я когда либо получилъ». Но зато министръ на слѣдующій день послѣ своего назначенія написалъ императору письмо, въ которомъ онъ доходилъ до высшей точки относительно своего долга. Онъ объяснилъ Наполеону положеніе своего личнаго состоянія и далъ справки относительно положенія дѣтей, чтобы избѣжать подозрѣній въ nepотизмъ и личномъ интересѣ. Такимъ же онъ являлся во время осады Парижа, когда исполнялъ службу въ національной гвардіи, нося солдатскую шинель съ брилліантовой звѣздой Почетнаго Легіона на груди, и такимъ же представляется намъ въ своихъ мемуарахъ. «Я не взбираюсь на пьедесталъ,—пишетъ онъ,—на который я желалъ бы попасть. Я удовольствуюсь представить документы, согласно которымъ обо мнѣ будутъ судить». Удивительно, какъ Дюрой, человекъ съ либеральными взглядами, могъ быть министромъ Наполеона III, не измѣняя характеру своихъ принциповъ. Онъ часто говорилъ съ императоромъ въ рѣзкой формѣ и на вѣжливые вопросы Наполеона отвѣчалъ далеко не любезно. Въ первомъ же разговорѣ съ нимъ на вѣжливое замѣчаніе императора относительно его трудовъ онъ возразилъ: «Эта сила была бы полезна, если бы ее прикрывала официальная должность. Университетъ объ этомъ не мечталъ, но чрезъ нѣсколько времени онъ объ этомъ подумаетъ». Наполеонъ не сердился на него и прозвалъ его «дикимъ». Одно время, когда Дюрой помогалъ ему въ составленіи «Исторіи Цезаря», онъ даже хотѣлъ взять его къ себѣ въ

¹⁾ Notes etsonvonirs (1811—1884) 2 vol; par Duruy. Paris 1901.

секретари, но во время одумался, такъ какъ эта должность вовсе къ нему не подходила, тогда какъ министерскій постъ гораздо болѣе соотвѣтствовалъ его способностямъ. Покинулъ же онъ министерство за годъ до франко-германской войны, благодаря интригамъ клерикаловъ. Ярый ихъ антагонистъ, онъ говорилъ, что христіанство—поддержка слабыхъ и невѣждъ, а когда императрица предлагала ему при выходѣ изъ церкви въ Сень-Клу святой воды, онъ прямо отказывался. Уже близкій къ смерти Дюрюи говорилъ, что если его похороны должны быть согласно религіозному обряду, то только изъ привычки, освященной обычаемъ.

— Бисмаркъ, какъ музыкантъ. Робертъ Кёделль, бывшій германскій посланникъ въ Римѣ, недавно напечаталъ въ Берлинѣ свои воспоминанія объ интимной жизни Бисмарка, начиная съ 1846—1872 гг. Кёделль, прежній совѣтникъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, въ продолженіе двадцати шести лѣтъ былъ довѣреннымъ другомъ и «музыкантомъ» Бисмарка ¹⁾. Въ тотъ день, когда онъ замѣтилъ, что его музыка не интересуетъ болѣе Бисмарка (1872), онъ рѣшилъ не оставаться долѣе «за своей бесполезностью» и попросилъ посольскій постъ. По этому поводу онъ говоритъ: «Если бы канцлеръ остался чувствителенъ къ моей музыкѣ, то я не поѣхалъ бы за границу». Онъ, между прочимъ, жалуется, что Бушъ—тоже близкій человѣкъ къ Бисмарку—наклеветалъ на него, будто бы онъ, Кёделль, оставилъ дефицита 80.000 талеровъ по дѣламъ прессы, порученные ему Бисмаркомъ, которые онъ роздалъ безъ спеціального разрѣшенія на пенсіи различныхъ писателей, и что онъ также мало блестялъ посланникомъ въ Римѣ, какъ совѣтникомъ въ Берлинѣ. Когда Бисмаркъ впалъ въ немилость, то, по словамъ Буша, Кёделль прекратилъ съ нимъ переписку. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ сдѣлаться политическимъ человѣкомъ, Кёделль былъ талантливымъ пианистомъ, и въ августѣ 1846 г. онъ первый разъ встрѣтился съ Бисмаркомъ. Кёделль устроилъ музыкальный сеансъ у инструментальнаго мастера Клетинга для невѣсты Бисмарка, дѣвицы Путкамеръ, и для своихъ друзей. Прежде всего привлекъ его вниманіе баритонъ Бисмарка, пріятнаго нѣжнаго тембра, затѣмъ бѣлокурые волосы, подстриженные a la Titus, короткая борода, густыя брови, его ясные пронизательные глаза и его улыбающееся лицо. Въ концѣ сонаты Бетховена на глазахъ Бисмарка блеснула слеза, при этомъ онъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ композиторовъ Бетховенъ болѣе всѣхъ подходитъ къ его нервамъ. У него былъ прекрасный слухъ, но онъ никогда не учился пѣть, такъ какъ общество, въ которомъ онъ вращался въ юности, совсѣмъ не интересовалось музыкой. Но, несмотря на это, тонъ его голоса былъ всегда безусловно чистъ. Онъ искренно любилъ музыку и въ Берлинѣ растворялъ дверь кабинета, чтобы слышать во время работы концертъ, исполнявшійся въ залѣ; во Франкфуртѣ онъ обыкновенно углублялся въ музыку, куря свою сигару; въ Версалѣ (1870—1871 гг.) онъ слушалъ музыку, также куря послѣ обѣда, а въ Петербургѣ онъ обыкновенно слушалъ ее, читая. Будучи министромъ и канцлеромъ германскаго союза, онъ также читалъ, слушая музыку, когда находился въ залѣ, или растворивъ дверь въ кабинетъ,

¹⁾ Bismark und seine familie, von Këudell, Berlin. 1902.

который отдѣлялся отъ залы одной комнатой. Когда онъ сдѣлался канцлеромъ имперіи, онъ не хотѣлъ слушать музыку, потому что мелодіи его преслѣдовали ночью и мѣшали ему спать. Онъ не ходилъ въ концерты, говоря, что тѣснота мѣста и плата за билетъ портить ему удовольствіе; при этомъ замѣчалъ, что музыка должна даваться, какъ и любовь, даромъ. Игра въ четыре руки, трудныя и продолжительныя варіаціи ему надобѣли. Его раздражала нотная бумага, и онъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ играющихъ на память, или импровизацію. Кёделль зналъ его вкусъ и цѣлыми часами исполнялъ для него произведенія Баха, Шопена, Шумана и Шуберта. Въ длинные вечера 1870—1871 гг. въ Версали, которые они проводили въ салонахъ г-жи Жессе, Кёделль развлекалъ и успокаивалъ его нервы, раздраженные пушечными выстрѣлами. Впечатлѣніе, произведенное тѣмъ или другимъ мотивомъ, было не одинаковое; онъ говорилъ, что соната Бетховена въ fa mineur «даетъ воинственныя идеи. Когда я слушаю ее, то становлюсь очень мужественнымъ». Послѣ первой партіи сонаты въ mi bemoi онъ замѣчаетъ: «Можно подумать, что фланируешь вечеромъ по улицамъ, выпивъ лишнюю каплю вина. Съ блаженствомъ смотришь на заходящее солнце и спрашиваешь себя: будетъ ли завтра такъ же хорошо, какъ сегодня?» Относительно саргиссіо въ mi Мендельсона, Бисмаркъ выражался такъ: «Можно сказать, что это пріятное путешествіе по Рейну, а въ другихъ мѣстахъ мнѣ кажется, что я вижу безпокойно бѣгущую лисицу». На другой день своего громаднаго успѣха, когда, повидимому, каждый завидовалъ ему, князь Бисмаркъ ощущалъ странную горечь: «Моя душа тоскуетъ»,—говорилъ онъ,—во всю мою долгую жизнь я никого не сдѣлалъ счастливымъ: ни друзей, ни семью, ни самого себя». Затѣмъ, перебравъ войны, причиной которыхъ былъ онъ, и триумфъ, слѣдуемый за ними, онъ замѣчалъ: «Я изъ нихъ не извлекъ ни одной радости и теперь я чувствую, что моя душа смущена и тоскуетъ». Кёделль зналъ, что эту тоску не разсѣяли бы ни Мендельсонъ, ни Шуманъ, ни Бетховенъ. Бисмаркъ признавался своему наперснику, что пансіонъ, въ которомъ онъ воспитывался, былъ скорѣе исправительнымъ домомъ съ желѣзной дисциплиной. Но онъ свое взялъ, сдѣлавшись студентомъ, такъ какъ своей веселой жизнью, полной безумныхъ выходокъ, онъ пугалъ товарищей и мирныхъ гражданъ. Молодой Бисмаркъ былъ смѣлый наѣздникъ, страстный охотникъ, упорный танцоръ и отважный гуляка. Будучи депутатомъ въ рейхстагъ, онъ пугалъ либераловъ своимъ лютымъ роялизмомъ и, почувявъ кровь въ безпорядкахъ, онъ иногда рычалъ, какъ левъ, называя палату собраніемъ «головастикомъ». «Люди,—говорилъ онъ,—все-таки глупѣе, чѣмъ я думаю». Онъ презиралъ свѣтъ и иногда производилъ впечатлѣніе мизантропа, говоря: «Ничто не можетъ сравниться съ дѣвственными лѣсами, гдѣ не видна человѣческая рука». Въ 1842 г. онъ сказалъ знаменитую фразу, что объединеніе Германіи можетъ быть достигнуто только «желѣзомъ и кровью», которую одно высокопоставленное лицо назвало «выходкой слишкомъ плотно позавтракавшаго человѣка». Сознывая свое превосходство, онъ ненавидѣлъ сотрудниковъ, желалъ знать все самъ и высказать обо всемъ свое мнѣніе. При этомъ не прощаль никакой ошибки своимъ агентамъ и обращался за это съ ними дурно. «Полезно для всѣхъ,—говорилъ онъ,—чтобы я сердился, время

отъ времени, это поддаетъ болѣе нара въ машину». Онъ не поддадалъ ни подь чье вліяніе и не жертвовалъ минутному впечатлѣнію, при чемъ не любилъ, чтобы его прямо спрашивали, а нескромнымъ отвѣчалъ обыкновенно по-русски «ничего». Его жена признавалась, что у него не было ни одного истиннаго друга. Что касается ихъ отношеній, то они были самыя искреннія и, по ея словамъ, «они страдали только, когда разлучались». Тревожная жизнь, начинавшаяся съ девяти часовъ утра до часу ночи, дѣлала его больнымъ, причиняя ему жестокія невральгическія боли и онъ говорилъ: «Фаустъ жаловался, — что у него въ груди двѣ души. У меня ихъ ссорится цѣлая толпа, и это такая сумятица, какъ въ республикѣ».

— Мемуары императрицы Евгеніи. Недавно Жанъ Боньфонъ сообщилъ въ «Journal», что императрица Евгенія занята составленіемъ своихъ «Мемуаровъ»¹⁾. Онъ увѣряетъ, что императрица, ради этой цѣли, пріѣзжаетъ въ Парижъ и роется сама въ архивахъ. Вслѣдъ за его статьей въ «Gaulois» появилась замѣтка А. Филонна, прежняго воспитателя императорскаго принца. Въ ней онъ опровергаетъ этотъ слухъ и говоритъ, что не разъ предлагалъ императрицѣ написать мемуары, но она отклоняла это предложеніе, и онъ потерялъ надежду добиться своей цѣли. Однако, въ концѣ концовъ, онъ разсчитываетъ, что они будутъ написаны кѣмъ нибудь со словъ императрицы. Въ свою очередь, Жанъ Боньфонъ утверждаетъ, что императрица сохранила всѣ личныя письма, которыя она получала, начиная со дня свадьбы, 30-го января 1853 года, до послѣдняго времени. Каждый годъ эти письма переправлялись подь солиднымъ эскортомъ въ одинъ изъ лондонскихъ банковъ. Четыре секретаря работаютъ круглый годъ подь ея наблюденіемъ надъ составленіемъ мемуаровъ и классификаціей писемъ. Личность, близко стоящая къ императрицѣ, имени которой Боньфонъ не называетъ, передала ему, что Евгенія завѣщаетъ мемуары послѣ своей смерти публичному учрежденію для всеобщаго пользованія, и срокъ ихъ появленія послѣ ея смерти будетъ непродолжительный, такъ какъ въ нихъ не будутъ помѣщены документы, вредные для лицъ, оставшихся въ живыхъ. Туда войдутъ письма Наполеона къ Евгеніи до и послѣ свадьбы, подлинность которыхъ удостовѣрена цвѣтомъ чернилъ, качествомъ бумаги и датой корреспонденціи. Та же личность сообщаетъ кое-что изъ нихъ. Напримѣръ, изъ переписки Евгеніи съ Наполеономъ III до свадьбы видно, что, молодая дѣвушка колебалась сдѣлаться его женой и сдалась лишь на послѣднее письмо императора, въ которомъ онъ проситъ ея руки въ «интересахъ Франціи и династіи». Это объясняетъ помѣщенную въ обнародованномъ рескриптѣ фразу Наполеона: «Соглашаются на бракъ не изъ желанія, во что бы то ни стало, попасть въ семью королей». Въ другомъ письмѣ видно, что Наполеонъ имѣлъ въ виду другой тайный бракъ, въ случаѣ отказа Евгеніи. Въ одномъ изъ картоновъ найдены письма, касавшіяся борьбы императрицы съ отцемъ принца Виктора, но никто не знаетъ ихъ содержанія, такъ какъ послѣ его смерти она ихъ уничтожила. Но самыя важныя—это политическіе документы: они составляютъ сто

¹⁾ Les mémoires de l'impératrice Eugénie, par Jean Bonneton. «Journal», 23 décembre 1901.

двадцать картоновъ. Не менѣе важныя бумаги, касающіяся социальнаго вопроса, составляютъ болѣе шестисотъ страницъ, написанныхъ Наполеонъ, относительно рабочаго класса, торговли и промышленности. Кромѣ того, многочисленные документы, касающіяся Мексиканской войны, состоятъ изъ переписки Вильгельма Прусскаго, которая будто бы, удивить всѣхъ и сообразить съ толку исторію. О блестящихъ празднествахъ императрица ничего не будетъ упоминаемо. Эти мемуары, по словамъ Боньфона, составятъ не болѣе не менѣе, какъ сто томовъ. Какъ испанка, императрица не можетъ забыть и спокойно снести укоры за ея происхожденіе и хотѣть отметить своимъ памфлетистамъ. Съ этой цѣлью она разыскиваетъ въ парижскихъ архивахъ фамилные документы для составленія своей полной генеалогіи. По крайней мѣрѣ, послѣ своей смерти она докажетъ, что ея предки были королевскаго происхожденія, и ей принадлежатъ три титула испанскихъ грандовъ: Теба, Баность, Мора; сама же она до замужества съ Наполеонъ называлась маркизой Ардалезъ ди-Озера ди-Мойа, графиня Аблитасъ ди-Санта-Круча де-ла-Сьера, виконтесса Кольцада, а ея отецъ проливалъ свою кровь за французскую имперію. Къ этимъ мемуарамъ, говорятъ, относится интересный анекдотъ о пылкомъ характерѣ императрицы. Въ 1867 году, послѣ выставки въ Парижѣ, уже слышался кругомъ глухой ропотъ, общавшій политическій переворотъ; республиканцы воодушевлялись и какъ внѣшнія такъ и внутренія дѣла не общали ничего утѣшительнаго, а Наполеонъ III, чловѣкъ нерѣшительный, при томъ больной той мучительной болѣзнью, отъ которой онъ умеръ, съ трудомъ держался отъ тяжелыхъ частыхъ припадковъ. Вся Италія въ это время во что бы то ни стало хотѣла вернуть себѣ Римъ, находившійся подъ владычествомъ папы. Одна часть французскаго правительства отстаивала вызовъ изъ Рима французскихъ войскъ, поддерживавшихъ верховную власть папы—другая наоборотъ. Будучи испанкой и горячей католичкой императрица также была противъ вызова войскъ. Въ одинъ прекрасный день Наполеонъ III собралъ тайно отъ императрицы совѣтъ министровъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Желая избѣжать вліянія своей жены, присутствовавшей всегда на всѣхъ засѣданіяхъ, онъ запретилъ сообщать ей объ этомъ. Но императрица узнала о запрещеніи; гордая, повелительная испанка не могла снести подобнаго оскорбленія; ею овладѣлъ страшный гнѣвъ: она бросилась въ залъ совѣщанія, но предусмотрительный Наполеонъ приказалъ тѣлохранителю ни кого не впускать, даже императрицу.—«Я хочу войти, отойдите»,—сказала она настойчиво. Въ ту эпоху она была еще молода и замѣчательно хороша, поэтому не удивительно, что она произвела на солдатъ двойное впечатлѣніе: и государыни и красивой женщины. Солдатъ бросился предъ нею на колѣни, загоразивая штыкомъ дверь въ залъ совѣщанія, со словами:—«Ваше величество, входъ запрещенъ по приказу императора».—«Это мы еще посмотримъ!»—возразила она и, перескочивъ чрезъ штыкъ, толкнула дверь. Влетѣвъ въ залъ, какъ ураганъ, она направилась прямо къ императору, сидѣвшему въ своей обычной позѣ, прищуривъ глаза и съ безучастнымъ видомъ; онъ одинъ былъ въ шляпѣ. Сорвавъ съ его головы шляпу и бросивъ ее на полъ императрица вышла, оставивъ министровъ въ неопisanномъ смущеніи. Вернувшись къ себѣ, она приказала собираться къ отъѣзду и отпавилась въ наемной каретѣ. На

слѣдующій день она была въ Англіи. Узнавъ объ ея неожиданной выходкѣ, Наполеонъ III пришелъ въ ужасъ: что дѣлать? Какъ скрыть отъ постороннихъ такой скандалъ? На счастье, одна изъ ея служанокъ была очень похожа на нее лицомъ и одного съ нею роста. На слѣдующій день Наполеонъ III извѣстилъ англійское посольство о желаніи императрицы отправиться въ Англію, къ своему дорогому другу, королевѣ Викторіи. Въ тотъ же день закутанная густымъ вуалемъ псевдо-Евгенія официально выѣхала изъ дворца въ придворной каретѣ на Сѣверный вокзалъ и съ большою торжественностью была встрѣчена тамъ. Одновременно былъ отправленъ въ Лондонъ одинъ дипломатъ съ порученіемъ уговорить императрицу. Но эта мѣра была излишня: королева Викторія, отличавшаяся своей строгостью по отношенію къ супружескимъ обязанностямъ, приняла императрицу болѣе чѣмъ холодно, и Евгении ничего не оставалось дѣлать, какъ возвратиться домой.

— Смерть лорда Дѣфферина, профессора Тилэ, путешественника Эмиля Голуба, г-жи Клемансъ Руайе и Маріи Ратаци. 12 февраля скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни извѣстный англійскій дипломатъ и администраторъ, лордъ Дѣфферинъ, маркизь Ава. Фредерикъ Тэмплъ, внослѣдствіи пріобрѣвшій оба громкіе титула и сдѣлавшійся пэромъ Англіи, родился въ Флоренціи, въ 1826 г., но по происхожденію онъ былъ ирландецъ. Мать его по прямой линіи была внучкой знаменитаго писателя Шеридана. Получивъ воспитаніе въ Итонѣ и Оксфордѣ, онъ поступилъ на дипломатическую службу, и по смерти отца получилъ титулъ барона Дѣфферина. Въ 1855 г. онъ сопровождалъ лорда Росселя въ Вѣну, а потомъ былъ посланъ чрезвычайнымъ комиссаромъ въ Сирію, во время рѣзни 1860 г. Въ либеральныхъ министерствахъ Пальмерстона и Гладстона онъ занималъ должности товарищей министра—военнаго и Индіи. Затѣмъ онъ перешелъ на административную карьеру и былъ генераль-губернаторомъ Канады и вице-королемъ Индіи. Но онъ не покидалъ и дипломатической дѣятельности: такъ два года онъ находился посланникомъ въ Петербургѣ и три года въ Константинополѣ. Въ 1891 г. онъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ и оставался тамъ до 1897 г. Съ тѣхъ поръ онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ своемъ богатомъ имѣніи въ Ирландіи. Кромѣ этого, лордъ Дѣфферинъ былъ блестящимъ авторомъ; изъ многочисленныхъ его сочиненій славятся рассказы о путешествіяхъ, сатирическіе очерки и этюды по общественнымъ вопросамъ. Послѣднимъ его произведеніемъ было собраніе его рѣчей.

Въ концѣ января, въ Лейденѣ похоронили съ большими почестями голландскаго профессора, Корнелиса Тиллэ, умершаго на 71 году. Его можно назвать величайшимъ авторитетомъ въ Европѣ по сравнительной исторіи религій. Онъ занималъ кафедрю ея въ Лейденѣ съ 1877 г. и написалъ значительное число ученыхъ книгъ по этому предмету. Извѣстнѣйшими его трудами считаются: «Сравнительная исторія египетскаго и месопотамскаго религіознаго культа», «Основаніе исторіи религій», «Западная Азія въ свѣтѣ послѣднихъ открытій» и «Вавилоно—ассирійская исторія». Онъ не только писалъ по-голландски и нѣмецки, но его англійскія статьи по религіознымъ вопросамъ въ «Encyclopaedia Britannica» обратили на себя общее вниманіе. Наконецъ онъ былъ за-

мѣчательнымъ духовнымъ проповѣдникомъ и постоянно писалъ въ основанныхъ имъ «Theologische Tijdschrift».

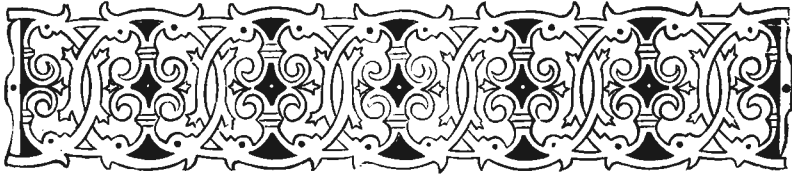
21-го января, умеръ въ Вѣнѣ чешскій ученый, Эмиль Голубъ. Онъ былъ извѣстенъ своими путешествіями по Африкѣ и изслѣдованіями по естественнымъ наукамъ. Родившись въ Голицѣ, въ 1847 г., онъ прошелъ курсъ наукъ на медицинскомъ факультетѣ Пражскаго университета. Въ то время Ливингстонъ гремѣлъ во всемъ свѣтѣ своей славой, и черный континентъ привлекалъ къ себѣ молодыхъ ученыхъ. Въ томъ числѣ отправился въ его дебри и Эмиль Голубъ въ 1872 г. Изучивъ основательно южно-африканскій берегъ, онъ совершилъ три экспедиціи внутрь страны съ цѣлью изслѣдованія бассейна Замбези. Въ 1876 г. онъ окончилъ свои странствія, но заболѣлъ лихорадкой, благодаря чему и недостатку своихъ средствъ онъ не могъ немедленно возвратиться въ Европу. Однако, несмотря на это, онъ собралъ блестящую естественно-историческую коллекцію, которую ему удалось вывезти изъ Африки, благодаря щедрой субсидіи императора австрійскаго. Окончательно эти коллекціи были пожертвованы имъ различнымъ музеямъ Вѣны. Его «Воспоминанія о путешествіи по Африкѣ» имѣли громадный успѣхъ. Бельгійскій король предложилъ ему мѣсто въ колоніи Конго, но Голубъ отказался и предпринялъ съ женою въ 1883 г. африканское путешествіе. Оно продолжалось четыре года, и Голубъ описалъ его въ двухъ томахъ. Вывезя снова богатую коллекцію научныхъ предметовъ изъ Африки, Голубъ предпринялъ поѣздку въ Америку, гдѣ читалъ лекціи о своихъ африканскихъ странствіяхъ. Въ сравнительно нестаромъ возрастѣ, 55 лѣтъ, онъ умеръ и оплакивается всѣмъ ученымъ миромъ.

Въ одинъ день и почти въ одинъ часъ скончались въ Парижѣ 3-го февраля двѣ замѣчательныя, но совершенно противоположныя личности. Первая изъ нихъ—Клемансъ Руайе родилась въ 1830 году въ Нантѣ, въ юности отличалась чрезвычайно мистическимъ направленіемъ, такъ что хотѣла поступить въ монастырь, но ее увлекла въ совершенно иной міръ, полька. «Я была эмансипирована, странно сказать, полькой,—говорила она съ улыбкой:—тогда только что ввели во Франціи этотъ банальный танецъ. Мои родители принимали много знакомыхъ и, конечно, въ томъ числѣ кавалеры, танцовавшіе до упада, не были рѣкостью». Однако, танцы, побудивъ ее покинуть мысль о монастырѣ, не сдѣлали ее свѣтской, легкомысленной женщиной. Напротивъ, революція 1848 года побудила ее заниматься философійю и другими научными предметами. Она сдѣлалась не только либеральной ученой, но даже анти-религіозной женщиной. Политическія событія принудили ее удалиться въ Швейцарію, и тамъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Прудономъ, она написала на конкурсѣ сочиненіе о теоріи налоговъ, которое имѣло большой успѣхъ. Но ее прославилъ еще болѣе ея превосходный переводъ «О происхожденіи видовъ», Дарвина. Съ тѣхъ поръ она писала одно сочиненіе за другимъ—по астрономіи, физикѣ, политической экономіи, философіи, психологіи и т. д. Самыми замѣчательными ея произведеніями были, «О происхожденіи человѣка», «Исторія религій» и «Исторія пессимизма». Но кромѣ этихъ высоко ученыхъ трудовъ, она должна была добывать себѣ средства къ жизни газетной работой. Естественно, что она стояла за свободу женщинъ и считалась виднымъ распространителемъ женскаго

движенія. Не смотря на то, что въ ученѣмъ мірѣ ее очень уважали и, даже не давно, министерство народнаго просвѣщенія наградило ее орденомъ Почетнаго легіона, но ея имя не было извѣстно парижской публикѣ. Хотя Ренанъ говорилъ: «Эта женщина—гениальный мужчина», но это не мѣшало ей умереть въ сравнительной неизвѣстности, въ пріютѣ для больныхъ женщинъ, въ Нейли.

Совершенно иная судьба была другой покойницы, скончавшейся съ нею въ одно время. Марія Ратаци была одной изъ первыхъ красавицъ парижскаго общества второй имперіи. Она была внучкой Люсьена Бонапарта и двоюродной сестрой Наполеона III. Ея отецъ англійскій дипломатъ Уайтъ рано выдалъ замужъ юную Марію за князя Сольмса. Оба разсчитывали на протекцію своего коронованнаго родственника, но, по несчастію, ея красота вызвала ревность императрицы Евгеніи и ее удалили отъ двора. Тогда она завела у себя блестящій салонъ, окружила себя писателями и художниками, задавала фееричныя празднества и заставила говорить о себѣ всю Францію. Императоръ, по совѣту жены, выселилъ ее изъ предѣловъ страны. Она удалилась въ Э-ле-Бенъ въ Савойю и продолжала тамъ, окруженная такими знаменитостями, какъ Викторъ Гюго, Александръ Дюма, Эжень Сю, Рошфоръ, Кошутъ и такъ далѣе, веселиться и гремѣть своей славой на весь свѣтъ. По смерти стараго князя Сольмса, она вышла замужъ за знаменитаго итальянскаго государственнаго челоувѣка, Ратаци, но прожила съ нимъ недолго и овдовѣвъ, вышла замужъ за неанца де-Руте, но присоединила свою прежнюю фамилію къ новой. Во время своего второго брака она жила часто въ Римѣ, а потомъ переехала въ Мадридъ. Со времени же третьей республики и похоронивъ третьяго мужа она поселилась окончательно въ Парижѣ. Несмотря на быстро приближавшуюся старость, она продолжала вести легкомысленную веселую жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ она занималась литературой, писала романы и всякаго рода книги, сотрудничала въ газетахъ и сама издавала «Revue internationale». Наконецъ на 71-мъ году жизни она окончила свою болѣе чѣмъ легкомысленную жизнь.

С М Ъ С Ъ.

Ъ ЮБИЛЕЮ ПЕЧАТИ. Русскому библиографическому обществу при императорскомъ Московскомъ университетѣ разрѣшено, при участіи представителей мѣстной печати, устройство праздника по случаю 200-лѣтія русской періодической печати и образованіе для сего въ Москвѣ особаго «юбилейнаго комитета», положеніе о коемъ также утверждено въ слѣдующемъ видѣ. 1. Въ Москвѣ, въ ознаменованіе выхода перваго номера первой русской газеты въ январѣ 1903 года, при участіи современныхъ представителей московской періодической печати предполагается торжественное празднованіе 200-лѣтняго юбилея сего достопамятнаго событія. 2. Для детальной выработки программы предстоящаго празднованія и его осуществленія учреждается особый «юбилейный комитетъ». 3. Въ составъ «юбилейнаго комитета» входятъ: а) должностныя лица русскаго библиографическаго общества и пять членовъ его, выбранныхъ для подготовительныхъ работъ по организациіи празднованія; б) представители отъ ученыхъ обществъ и учреждений. 4. На обязанности комитета лежатъ подробная выработка программы празднованія и подготовительныя работы по организациіи: а) торжественнаго засѣданія въ день юбилея въ залѣ университета; б) составленія и изданія списка русскихъ газетъ и журналовъ; в) устройства выставки русскихъ періодическихъ изданій за 200 лѣтъ и публичныхъ чтеній по вопросамъ, касающимся праздника какъ до начала, такъ и во время его; г) основанія въ Москвѣ убожища для работниковъ періодической печати, потерявшихъ способность къ труду; д) равно и по всеъмъ другимъ вопросамъ, могущимъ возникнуть въ комитетѣ, а также и самое осуществленіе праздника. 5. Юбилейный комитетъ изыскиваетъ средства на осуществленіе праздника путемъ обязательныхъ взносовъ, добровольныхъ пожертвованій, устройствомъ платныхъ публичныхъ чтеній, входной платы на выставку и т. п. 6. Комитетъ издаетъ съ разрѣшенія своего предсѣдателя отчеты о своей дѣя-

тельности. 7. Комитетъ имѣть право ходатайствовать о дополненіяхъ и измѣненіяхъ настоящаго положенія. Въ самомъ продолжительномъ времени состоится общее собраніе членовъ русскаго бібліографическаго общества для доклада утвержденнаго положенія и для выбора должностныхъ лицъ юбилейнаго комитета. На это собраніе будутъ приглашены представители ученыхъ обществъ и учреждений и представители всей московской періодической печати.

Собіраніе былинь. Минувшимъ лѣтомъ сотрудниками отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ былъ произведенъ рядъ весьма цѣнныхъ, по полученнымъ результатамъ, работъ по собиранію и изслѣдованію текстовъ русскихъ былинь и историческихъ пѣсенъ. Послѣднія записывались съ помощью фонографа, къ которому, несмотря на его диковинность для населенія нашихъ окраинныхъ губерній, крестьяне относились безъ особой робости и довольно охотно передавали этому инструменту свои «старинны» (какъ называютъ они былины). А. Д. Григорьевъ собралъ въ свою, продолжавшуюся 2½ мѣсяца, поѣздку по Пинежскому и Мезенскому уѣздамъ, Архангельской губерніи, сдѣлавъ пѣшкомъ, на пароходѣ, въ лодкахъ и на лошадахъ, 3.700 верстъ, 211 «старинъ» (былинъ) полныхъ и четыре былинные отрывка. 75 экземпляровъ изъ записанныхъ принадлежатъ къ рѣдко встрѣчающимся. Записаны въ первый разъ: 1) «Поѣзда богатырей князей Олега Черниговскаго со Святогоромъ во главѣ надъ войсками князя Додона; Купанье Святогора съ Ильей Муромцемъ, Добрыней и Алешей Поповичемъ; Смерть въ гробу и погребеніе Святогора. 2) Молодость Добрыни, жалоба на него князю, оправданіе Добрыни (300 слишкомъ стиховъ); Добрыня и Маринка (80 стиховъ). 3) Женитьба Владимира на указанной и привезенной Добрыней греческой княжнѣ; Илья и Удолице. 4) Мамаево побоище (Добрыня, Окольникъ и Алеша Поповичъ, по приказу княгини, освобождаютъ Кіевъ отъ Скурлава). 5) Женитьба молодца (если только не изъ Дуная). 6) Васька Пьяница отвозитъ дань Ордынскому королю. 7) Продѣлки Васьки Шишки. 8) Старина о льдинѣ и боѣ женщинъ. Другой изслѣдователь, А. Марковъ, ѣздилъ въ теченіе полутора мѣсяца въ сопровожденіи А. Л. Маслова и Б. А. Богословскаго, по той же губерніи. Текстовъ различныхъ произведеній народной поэзіи записано ими всего 132 №№: 70 старинъ (былинъ, историческихъ пѣсенъ и такъ называемыхъ низшихъ эпическихъ пѣсенъ), 27 духовныхъ стиховъ, 4 сказки; 7 протяжныхъ пѣсенъ, 5 святочныхъ, 3 хороводныхъ, 2 плясовыхъ, 2 свадебныхъ; 10 свадебныхъ причитаній, 1 похоронное и 1 заговоръ. Старинны заключаютъ въ себѣ 48 собственно-былинъ, 6 историческихъ пѣсенъ и 16 низшихъ эпическихъ пѣсенъ. Среди былинь попалось нѣсколько новыхъ сюжетовъ, именно: «Женитьба Дюка Степановича, Женитьба Пересмякина племянника, Рында». Другіе былины представляютъ собою варианты уже извѣстныхъ сюжетовъ. Что касается музыкальныхъ записей, то всего записано 113 мелодій, изъ нихъ 55—фонографомъ. Записаны напѣвы 67 старинъ, 22 духовныхъ стиховъ и 24 пѣсенъ и причитаній.

С.-Петербургское археологическое общество. 1. 9-го января въ общемъ собраніи предсѣдательствовалъ графъ И. И. Толстой. Единогласно по предложенію совѣта въ почетные члены общества избранъ Н. Н. Мартыновъ по слу-

чаю празднования 25-лѣтія существованія Минусинскаго музея. Въ члены ревизіонной комисіи избраны: Н. П. Покровский, П. К. Кокочковъ и Я. И. Смирновъ. Въ члены общества избраны: О. Ф. Ретовскій и Ф. А. Розенбергъ. Большой интересъ возбудилъ докладъ проф. Н. И. Веселовскаго «О раскопкахъ въ Кубанской области въ 1901 году» съ демонстраціей коллекцій найденныхъ предметовъ. Раскопки эти дали въ теченіе лѣта 1901 года значительные результаты. Вскрыто до 60 кургановъ совершенно новаго типа; вещей сравнительно мало. Грабители унесли въ большинствѣ случаевъ все. Слѣды ходовъ, вырытыхъ ворами, указываютъ, что они были прекрасно освѣдомлены о расположеніи гробницъ въ курганѣ. Наиболѣе богатая пожива ожидала ихъ въ головахъ покойника; туда въ особенности и стремились грабители. Посуда, не взятая ворами, ломалась и разбивалась ими. Но, тѣмъ не менѣе, остатки вещей составили значительную коллекцію; встрѣчаются котлы (принадлежность почти каждаго кургана), металлическіе сосуды, серьги, бусы изъ горнаго хрустала и друг., бляшки мѣдныя съ накладкою изъ серебра, составлявшія поясъ, много мелкихъ золотыхъ бляшекъ, ожерелья, золотыя бляхи—украшеніе кольчуги. Погребеніе по опредѣленію референта относится къ римскому времени, II—III вѣкамъ по Р. Х. II. 24-го января, подъ предѣдательствомъ профессора В. Р. Розена, происходило засѣданіе членовъ восточнаго отдѣленія. Прочитанъ былъ докладъ иностраннаго корреспондента общества А. Грюнведела, указавшаго на важное научное значеніе богатаго собранія князя Э. Э. Ухтомскаго — буддійскихъ статуэтокъ, образовъ и другихъ предметовъ буддійскаго культа. Нѣкоторые изъ предметовъ коллекціи князя были имъ любезно демонстррованы въ засѣданіи. Вещественныхъ памятниковъ тибетско-монгольскаго буддизма собрано вообще очень мало. Собраніе князя является исключеніемъ. Коллекція его отличается рѣдкостью встрѣчающихся типовъ отдѣльныхъ божествъ, разнообразіемъ сюжетовъ, безупречной сохранностью предметовъ, а также большимъ вкусомъ. Для исторіи ламайскаго искусства коллекція даетъ обильный матеріалъ. Докладчикъ обращаетъ особенное вниманіе на выраженіе лицъ статуэтокъ. Позднѣйшія изображенія буддійскихъ божествъ характеризуются многочисленностью фигуръ—они имѣютъ по нѣсколько лицъ, глазъ, по множеству рукъ и пр. Фигуры болѣе древнія имѣютъ нормальное количество членовъ. Большое разнообразіе сюжетовъ и матеріалъ для опредѣленія послѣднихъ даютъ образа коллекціи, иногда сопровождаемыя подписями. Быстро усвоивая все новыя и новыя формы чужого искусства, буддизмъ обладаетъ крайнимъ разнообразіемъ сюжетовъ своихъ религіозныхъ изображеній, точное опредѣленіе которыхъ часто весьма затруднительно. Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Предѣдатель, отъ имени восточнаго отдѣленія, выразилъ князю Э. Э. Ухтомскому благодарность за оказанную наукѣ заслугу въ дѣлѣ собранія богатыхъ матеріаловъ для изученія буддизма, а также и за любезное предоставленіе предметовъ своей коллекціи для разсмотрѣнія во время засѣданія. III. Засѣданіе русскаго отдѣленія 26-го января происходило подъ предѣдательствомъ Н. Д. Чечулина. Е. Ф. Шмурло взялъ темою своего доклада вопросъ о томъ, «когда началъ учиться грамотѣ Петръ Великій». Въ исторической литературѣ установилось мнѣніе, что царевичъ Петръ началъ свое образованіе 12-го марта 1677

года, т.-е. съ пятилѣтняго возраста. Другая предполагаемая дата относится ко времени еще болѣе раннему, приписывая начало ученія будущаго великаго преобразователя Россіи чуть не съ трехъ лѣтъ. Докладчикъ, тщательно изслѣдованъ детали вопроса, приходитъ къ нѣскольکو иному выводу, а именно: начало ученія Петра онъ относитъ къ декабрю 1679 г., то-есть когда царевичу шель уже седьмой годъ. Около этого времени Петръ перешель съ рукъ мамокъ подь наблюденіе боярина Родіона Стрѣшнева. Ученіе начиналось обыкновенно съ «пророка Наума», т.-е. съ 1-го декабря; за два-три дня передь этимъ служили молебны. Въ образованіи Петра принималъ участіе и Симеонъ Полоцкій; можно думать, что составленный имъ около того времени букварь былъ предназначенъ специально для Петра Алексѣевича. Референтъ въ своемъ изслѣдованіи приходитъ также къ выводу, что нѣтъ никакихъ серіозныхъ основаній приписывать какую нибудь особенность въ обученіи Петра. По мнѣнію докладчика, Петръ началъ учиться, какъ и другія царскія дѣти, съ семилѣтняго возраста и обученіе его шло обычнымъ, установленнымъ порядкомъ, будучи главнымъ образомъ религіознымъ. Такъ, почти одновременно съ букваремъ начиналъ изучаться и часословъ. Второй докладъ принадлежалъ неутомимому изслѣдователю древностей донисторическаго человѣка князю П. А. Путятину. «Варианты металитическихъ обрядностей на Сѣверѣ Россіи», перечисленные докладчикомъ, иллюстрированы были какъ любопытными коллекціями каменныхъ орудій и остатковъ гончарства, такъ и множествомъ фотографій. Между прочимъ княземъ демонстрированы были: интересная коллекція изъ раскопокъ баронессы Софіи Торма въ Венгріи и собраніе предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ княземъ при раскопкахъ его близъ Вологѣ въ 1901 г. Д. Ѳ. Щегловъ попытался объяснить происхожденіе загадочныхъ предметовъ, впервые найденныхъ при раскопкахъ въ минувшемъ году въ Орловской губерніи, произведенныхъ поручикомъ Апухтинымъ. Докладчикъ считаетъ эти предметы за остатки булавъ.

Московское археологическое общество. Въ засѣданіи 11 января Ю. В. Готье прочель присланный А. М. Покровскимъ докладъ о результатахъ произведенныхъ имъ и ранѣе совместно съ проф. Д. И. Багалѣемъ и Е. П. Трефиловымъ раскопкахъ въ Харьковской губерніи такъ называемыхъ Салтовскихъ могильниковъ. За оба раза раскопано было 44 могилы, изъ которыхъ 17 раскопаны троеми помянутыми изслѣдователями, а 27—однимъ А. М. Покровскимъ. Костный матеріалъ разобранныхъ могильниковъ представляетъ очень много интереснаго. Очевидно, судя по сильно развитой мускулатурѣ, въ этой мѣстности жилъ рослый и сильный народъ. При производствѣ раскопокъ по склонамъ овраговъ и канавъ находили мѣста рушенной земли, гдѣ и вскрывали цѣлыя камеры. Эти мѣста замѣтны и по своей рыхлости, и по цвѣту, и по тому, что тамъ попадаются прослойки черной земли, а иногда при ея выниманіи находили и потерянные вещи: бубенчики, бляшки и др.; было найдено даже цѣлое ожерелье бусъ, расположенныхъ большой кучей, и при немъ золотая сережка. Вынимая рушенную, обнаружили родъ коридора или траншеи, очень узкой, около 12 вершковъ ширины. Коридоръ этотъ упирается въ стѣну, внизу которой прорыта дыра, куда можно пройти согнувшись, иногда

съ большимъ трудомъ. Это отверстіе ведетъ въ камеру, вырытую въ землѣ приблизительно на глубинѣ отъ 2 до 5 сажень. Камеры вырыты въ землѣ, стѣнки и потолокъ выглажены какъ бы небольшими лопатками или полукрытыми совками, отъ которыхъ остались углубленія. Стѣны и потолокъ вырыты или однимъ круглымъ сводомъ, такъ что камера представляетъ какъ бы полуцилиндръ, или четырьмя сводами, сходящимися вмѣстѣ; ребра пересѣченія сводовъ иногда видны совершенно ясно. Стѣны и потолокъ выбѣлены, и слѣды отбѣлки ясно сохраняются и до сихъ поръ. Въ камерѣ на голомъ полу, по большей части, клались труны; иногда встрѣчается сплошная подстилка слоя угля. Число скелетовъ въ камерахъ по большей части одно и то же; это—3 скелета, положенные рядомъ, перпендикулярно ко входу; впрочемъ встрѣчаются два и даже одинъ. Труны клались одновременно, на что указываетъ то обстоятельство, что всѣ кости лежатъ въ полномъ порядкѣ, и труны лежатъ взявшись за руки. По большей части, въ каждой камерѣ одно погребеніе мужское, два же другіе скелета или женскіе, или женскій и дѣтскій; вообще дѣтскихъ очень много, и преимущественно маленькихъ. Труны клались на спину съ вытянутыми ногами и руками, положенными свободно вдоль туловища. Въ головахъ обыкновенно стоялъ глиняный кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ. Сосуды черные, рѣдко красной глины, очень хорошаго обжига, почти напоминающаго терракоту; около сосуда лежатъ кости быка, теленка или барана. Мужской скелетъ сопровождаетъ обыкновенно оружіе, сабля желѣзная, иногда въ ножнахъ, съ перекрестною рукояткой, съ деревянною ручкой, окованной желѣзомъ. Кромѣ сабли, имѣются еще боевые топорики; найдена также шарообразная булава со сверлиной. Обязательнымъ оружіемъ при всѣхъ трупахъ является желѣзный ножъ, привѣшенный съ правой стороны, какъ у мужскихъ, такъ и у женскихъ скелетовъ. Ножъ виситъ обыкновенно на поясѣ въ ножнахъ, иногда окованныхъ серебромъ, но случалось находить въ однихъ и тѣхъ же ножнахъ по нѣскольکو экземпляровъ ножей, заключенныхъ въ однѣ ножны. Пояса были покрыты наборомъ изъ бронзовыхъ бляшекъ съ колечками. На одномъ изъ поясовъ сохранился даже кусокъ ремня съ бронзовымъ изображеніемъ человѣческой фигуры на концѣ. Фигура эта въ длинной одеждѣ съ поясомъ, въ головномъ уборѣ и сапогахъ. У мужскихъ скелетовъ встрѣчаются еще бубенчики около головы, бронзовыя пуговицы на лѣвой сторонѣ шеи и на лѣвомъ плечѣ и лѣвомъ боку. На ногахъ остатки ремней и серебряныхъ бляшекъ, иногда съ изображеніемъ человѣческой фигуры. Убранство женскихъ скелетовъ гораздо богаче. Встрѣчаются даже золотыя серьги; большое количество стеклянныхъ бусъ, сердоликовыхъ, горнаго хрусталя и другихъ. Кромѣ ожерелья изъ бусъ, встрѣчается рядъ очень тонкихъ бубенчиковъ, нашитыхъ на одежду или на какую нибудь матерію и тоже образовавшихъ родъ ожерелья вокругъ шеи. Кромѣ того, находили много разныхъ подвѣсокъ около пояса. Найдена также одна пряжка съ прикрѣпленными къ ней 4 бронзовыми цѣпочками. На рукахъ имѣются браслеты и кольца. Среди подвѣсокъ имѣются персидскія и арабскія монеты. На основаніи этихъ весьма важныхъ находокъ можно съ достовѣрностью отнести изслѣдованные могильники къ VI вѣку по Р. Х. При дѣтскихъ скелетахъ тоже найдены укрешенія въ видѣ бусъ, бубенчиковъ и пуговицъ.

Исключительнымъ погребеніемъ является погребеніе лошади. Похоронена она была въ очень узкой ямѣ, куда ее ввели, заставили опуститься и убили, такъ что ноги ея были совершенно подогнуты. Между передними ногами лежала богатая уздечка, на шеѣ были стремяна, но подковъ на копытахъ не было и слѣда. А. М. Покровскому удалось при вѣшкѣ магнія сдѣлать нѣсколько фотографій одного очень богатаго погребенія въ общемъ видѣ и деталяхъ. II. Въ слѣдующемъ засѣданіи общества былъ сообщенъ докладъ В. Тевяшева о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ Воронежской губерніи и найденныхъ при этомъ доисторическихъ памятникахъ. Подготовительными раскопками цѣлой группы кургановъ, въ Острогжскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Дона, докладчикъ сдѣлалъ первый шагъ для научныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. Изъ 13 кургановъ, образующихъ группу могильниковъ между рѣкою Дономъ и Битюкомъ, близъ слободки Владимировки, В. Тевяшевымъ были раскопаны 4 кургана лѣтомъ 1900 года и 3—лѣтомъ 1901 года. Общій типъ кургановъ слѣдующій: форма куполообразная съ широкимъ основаніемъ, а высота ихъ отъ 1 до 4 аршинъ надъ поверхностью окружающей ихъ мѣстности. Поле, на которомъ они расположены, распахивается не болѣе 75 лѣтъ, ранѣе оно находилось подъ стѣнью, вблизи его лѣсъ, носящій названіе Черемховая стѣнка, а въ 2 верстахъ отъ могильника, по правому берегу Битюка, начинаются обширные лѣса. Самый высокій курганъ № 1 имѣлъ надъ почвою 4 аршина 4 вершка высоты и 77 сажень въ окружности. На глубинѣ 1 аршина 9 вершковъ обнаружены 3 глиняные горшка съ днами, разнообразной формы, величины и орнаментаціи, отъ первобытной до красиво-правильной, въ центрѣ кургана обнаружено немного золы и куски человѣческаго черепа. Во второмъ курганѣ найденъ деревянный помостъ и три наконечника желѣзныхъ копій. Въ третьемъ курганѣ обнаружена была могила съ костякомъ невзрослага человѣка, обращеннымъ головою къ сѣверо-западу; кости при выемкѣ изъ могилы разсыпались и легко обращались въ мучную пыль, одни зубы хорошо сохранились. Въ могилѣ, кромѣ того, найдены, бронзовыя спиральки около головы, кремневый тонкій скребокъ въ ногахъ и два горшка различныхъ формъ и орнамента. Въ четвертомъ курганѣ найденъ бронзовый предметъ въ формѣ фригійской шапочки и громадный дубъ съ вѣтвями, что даетъ поводъ предполагать, что въ позднѣйшее время здѣсь былъ сторожевой курганъ. Въ остальныхъ курганахъ найдены также болѣе или менѣе сохранившіеся костяки, несомнѣнно, принадлежащіе къ одной эпохѣ по одинаковости погребальнаго обряда, по совершенному отсутствію въ нихъ дерева и какихъ либо орудій, однотипности керамического производства, что свидѣтельствуетъ о глубокой древности сооруженія кургановъ. III. 17-го января въ засѣданіи славянской комиссіи общества А. Я. Яцимирскій прочиталъ докладъ: «Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о происхожденіи румынъ». Изслѣдованія румынскихъ ученыхъ приводятъ ихъ къ тому заключенію, что румыны являются прямыми потомками римскихъ колонистовъ, отсюда самое названіе ихъ и цѣлая треть латинскихъ словъ въ языкѣ. Западные европейскіе ученые не придерживаются цѣликомъ этого взгляда и смотрятъ на румынъ, какъ на аггломератъ народностей, неизвѣстный по составу, но подвергшійся тѣмъ или инымъ путемъ сильной романизаціи. Славянскіе изслѣдователи склонны видѣть

въ румынахъ остатки или присутствіе славянскаго и даже скийскаго элемента. Въ румынскомъ языкѣ, представляющемъ собой мозаику равноязычныхъ корней, послѣ латинскихъ большая часть приходится на славянскіе. Въ общемъ, однако, ни этнографическія, изысканія, ни лингвическія, ни антропологическія досихъ поръ не дали прямыхъ и неопровержимыхъ данныхъ о происхожденіи румынской народности. Докладчикъ, излагая мнѣнія ученыхъ, высказывалъ по поводу ихъ свое мнѣніе, но своего заключенія не высказалъ; это дало обильный матеріалъ для обмѣна мнѣній между присутствующими. Между прочимъ при этомъ указано было и на парадоксальность большинства существующихъ теорій. Особенно ясно это въ вопросѣ о римскомъ происхожденіи румынъ. Колонисты римскіе совсѣмъ не были цѣликомъ итальянцами, а являлись сборомъ пролетаріата изъ всѣхъ провинцій имперіи, и, кромѣ того, римское господство продолжалось здѣсь не болѣе 40 лѣтъ, по истеченіи которыхъ культурное вліяніе римлянъ стало падать. Нѣсколько вѣроятнѣе предполагать въ румынахъ остатки искони жившихъ на Балканскомъ полуостровѣ кельтовъ. Движеніемъ народовъ они были вытѣснены изъ центральныхъ мѣстностей полуострова и ушли на сѣверъ, на лѣвый берегъ Дуная, и здѣсь, укрывшись въ горахъ, сохранили долю римскаго вліянія и усвоили вдобавокъ къ нему отъ сосѣднихъ славянскихъ культурныхъ народовъ Панноніи болшую часть ихъ культуры.

Общество любителей древней письменности. I. 11-го января состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ этомъ засѣданіи первое сообщеніе: «Пасторъ Эрнстъ Глюкъ и сотрудники его по московской школѣ 1703—1711 г.», было прочитано В. Н. Перетцемъ. Основанная Глюкомъ въ Москвѣ въ 1703 году школа могла явиться важнымъ образовательнымъ учрежденіемъ Петровской эпохи, такъ какъ у Глюка были всѣ данныя для того, что бы научно поставить въ школѣ дѣло преподаванія, но Глюкъ въ 1705 г. умеръ, его преемникъ магистръ Паусъ послѣ цѣлаго ряда непріятностей, испытанныхъ имъ въ школѣ, былъ уволенъ, а при послѣдующихъ руководителяхъ школа быстро стала падать все больше, и въ 1714 году остатки ея были переведены въ Петербургъ. Остановившись главнымъ образомъ на дѣятельности въ школѣ пастора Глюка и магистра Пауса, докладчикъ указалъ на то, что если культурныя задачи не были достигнуты Глюкомъ и Паусомъ, то за ними остается заслуга сочиненія первыхъ русскихъ тоническихкихъ стиховъ, по образцу которыхъ Тредьяковскій, пользуясь рукописями Пауса (съ 1726 года Паусъ былъ переводчикомъ при академіи наукъ), реформировалъ теорію русскаго стиха, не умѣя дать примѣровъ, подтверждающихъ ее. Затѣмъ Н. Д. Чечулинъ сдѣлалъ сообщеніе: «Объ источникахъ Наказа». О заимствованіяхъ въ Наказѣ изъ сочиненій Монтескье и Беккариі говорила еще сама императрица Екатерина. Ислѣдованіями Кистяковскаго, Заруднаго, Бѣликова было установлено, что глава X-я Наказа представляетъ сокращеніе трактата Беккариі, а главы III—IX, части XI и XII и почти цѣликомъ главы XVIII—XX содержатъ преимущественно извлеченія изъ Монтескье. Болѣе тщательное сравненіе Наказа съ сочиненіемъ Монтескье показываетъ, что у него заимствованы и нѣкоторыя изъ статей, считавшихся прежде принадлежавшими самой императрицѣ: представляютъ почти сплошь извлеченія

изъ Монтеस्कье всѣ первыя девять главъ, вся глава XI-1 и части главъ XII, XIV, XV, XVIII—XX; кромѣ того, есть извлеченія изъ Монтеस्कье и въ главѣ XXI—первой дополнительной. Докладчикъ указалъ, что обѣ дополнительныя главы XXI-1 и XXII тоже составлены императрицею Екатериною на основаніи нѣсколькихъ ученыхъ трактатовъ того времени. Глава XXI о полиціи составлена почти сплошь по сочиненію Бильфельда: «Institutions politiques»; извлеченія изъ этого сочиненія есть и въ главѣ XXII. Глава XVII о городахъ составлена по одному изъ сочиненій Юста, извлеченія изъ него есть и въ главѣ XXII. Въ этой же главѣ есть явные слѣды извлеченій изъ сочиненій Кенэ или во всякомъ случаѣ изъ какого либо политико-экономическаго трактата, проводившаго идеи физиократовъ. Вообще не менѣе трехъ четвертей Наказа заимствованы изъ разныхъ современныхъ ему ученыхъ трактатовъ. Докладчикъ подчеркнул особенно это стремленіе императрицы стоять въ законодательной дѣятельности на уровнѣ современныхъ ученыхъ изслѣдованій; благодаря этому, Наказъ распространилъ въ русскомъ обществѣ много идей, для своего времени передовыхъ и прогрессивныхъ, и дѣйствительно полезныхъ и замѣчательныхъ. III. 25 января состоялось общее собраніе подъ предѣлительствомъ Д. Θ. Кобеко. Первое сообщеніе: «О славянскихъ печатныхъ изданіяхъ Кіево-Печерскаго Патерика», было прочитано Д. И. Абрамовичемъ. Референтъ остановился на первомъ печатномъ славянскомъ изданіи (кіевскомъ 1661 года), которое представляетъ собою позднѣйшую историко-литературную компиляцію, составленную лишь на основаніи Печерскаго Патерика въ собственномъ смыслѣ (какъ сложился этотъ Патерикъ въ періодъ времени съ XIII по XV вѣкъ),—опредѣлилъ отношеніе его и зависимость отъ рукописей редакціи Іосифа Тризны, а затѣмъ перешелъ къ подробностямъ дѣла обѣ исправленія Патерика передъ изданіемъ 1759 года (первымъ московскимъ), ознакомивъ съ ними на основаніи данныхъ для исторіи этого исправленія,—очень тщательнаго и сложнаго,—имѣющихся въ архивѣ святѣйшаго Синода, Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ и типографской библиотекѣ. Затѣмъ П. А. Сырку прочелъ рефератъ о латинскихъ припискахъ въ славянскомъ кодексѣ римоваанной лѣтописи Манассія, хранящемся въ Ватиканѣ. Славянскій переводъ этой лѣтописи давно извѣстенъ ученому міру; до сихъ поръ, однако, нѣтъ не только хорошаго изданія этого перевода, но нѣтъ даже научнаго описанія лучшаго изъ его списковъ—ватиканскаго, украшеннаго миниатюрами, драгоценными для исторіи культуры южныхъ славянъ. Такъ, никто пока не обращалъ вниманія на множество славянскихъ и латинскихъ и небольшое количество греческихъ приписокъ, которыя имѣются на поляхъ (изрѣдка въ серединѣ листовъ) ватиканскаго списка и въ большинствѣ случаевъ служатъ указателями содержанія лѣтописнаго текста, а иногда даютъ объясненія непонятныхъ неславянскихъ словъ. Референтъ остановился главнымъ образомъ на латинскихъ припискахъ и примѣчаніяхъ. Онѣ не случайнаго характера, а расположены до нѣкоторой степени въ систематическомъ порядкѣ и даютъ ясное понятіе о содержаніи лѣтописи (до 150-го листа, на которомъ приписки прекращаются). Сдѣланы приписки на основаніи источниковъ главнымъ образомъ историческаго характера и отчасти на основаніи легендарныхъ сказаній

изъ болгарской исторіи. Это одно уже даетъ право предположить, что латинскія приписки принадлежатъ славянину. Детальныя наблюденія надъ ихъ правописаніемъ и особенностями языка привели референта къ убѣжденію, что приписки несомнѣнно сдѣланы болгаринѣмъ, знавшимъ латинскій языкъ, въ очень близкое къ написанію самаго кодекса время. Наиболѣе вѣроятнымъ референтъ считаетъ, что латинскія приписки сдѣлано для того, чтобы дать понятъ о содержаніи памятника людямъ, не знакомымъ съ славянскимъ языкомъ, тотчасъ послѣ того, какъ кодексъ былъ принесенъ изъ Болгаріи въ Римъ, то-есть въ началѣ XV вѣка. Кромѣ того, референтъ считаетъ возможнымъ допустить мысль, что болгарскій латинистъ, сдѣлавшій латинскія приписки, внесъ въ кодексъ и западное троянское сказаніе и, можетъ быть, принималъ участіе въ иллюстрированіи рукописи.

Археологическій институтъ. I. Дѣятельность созданныхъ основателемъ института сенаторомъ Н. В. Калачовымъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, по доставленнымъ комиссіями отчетамъ за 1900 годъ, освѣщена была 15-го января въ сообщеніи директора археологическаго института профессора Н. В. Покровскаго. 15-го января, въ день своего основанія, институтъ праздновалъ 24-ю годовщину своего существованія. Засѣданіе въ этотъ день по традиціи посвящается губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Профессоръ Н. В. Покровскій остановился на дѣятельности въ 1900 году комиссій: владимирской, калужской, рязанской, симбирской, тамбовской и тверской. Владимирская, наиболѣе молодая комиссія, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ и сочувствію мѣстнаго общества, привлекла къ себѣ значительныя матеріальныя средства; бюджетъ ея доходитъ вмѣстѣ съ суммами, собранными на постройку зданія для музея комиссіи, до 12.000 рублей. Бюджеты другихъ комиссій значительно меньше. Калужская же имѣла въ своемъ распоряженіи всего около 300 рубль. Но несмотря на отсутствіе необходимыхъ средствъ, энергія тружениковъ комиссій не упадаетъ, и прошлое родныхъ уголковъ, благодаря изслѣдованіямъ мѣстныхъ памятниковъ старины, мало-по-малу выступаетъ изъ тьмы забвенія. Комиссіи несутъ обязанность просмотра архивныхъ описей дѣламъ, предназначеннымъ къ уничтоженію, и спасаютъ такимъ образомъ много историческихъ документовъ отъ безпощаднаго истребленія. Вещественныя памятники древности заботливо охраняются, собираемыя коллекціи предметовъ старины образуютъ музеи. По примѣру ярославской комиссіи, устроившей первый областной археологическій съѣздъ, и тамбовская архивная комиссія возбудила въ отчетномъ году вопросъ объ устройствѣ такого же съѣзда для средней полосы Россіи. Собраніе драгоцѣнныхъ и быстро исчезающихъ изъ народной памяти устныхъ произведеній народнаго творчества симбирскаго Поволожья служило задачей симбирской архивной комиссіи. II. 27-го января профессоръ М. И. Веселовскій прочелъ докладъ «О римскихъ древностяхъ въ Кубанской области». Богатая коллекція предметовъ раскопокъ былъ продемонстрирована въ засѣданіи. Однимъ изъ рѣдкихъ предметовъ является наборъ бляшекъ пояса римскаго воина; поясъ этотъ представляетъ даже болѣе древній типъ, чѣмъ встрѣчаемые на Западѣ. Нѣкоторыя изъ вещей, найденныхъ въ курганахъ, несомнѣнно, изготовлялись специально для ритуала погребеній.

Среди римскихъ древностей встрѣтились индикаціи (оттиски монетъ). Красивы вещицы съ вставленными разноцвѣтными стеклами. Древности эти относятся къ II—III вѣкамъ христіанской эры. Присутствовавшій на собраніи председатель императорской археологической комиссіи сенаторъ графъ А. А. Бобринскій, принявъ участіе въ обсужденіи деталей доклада, высказавъ удивленіе, что исторія до сихъ поръ молчитъ о тѣхъ, судя по находкамъ, богатыхъ народностяхъ, которыя обитали въ Кубани въ вышеуказанный періодъ. Обсуждался также вопросъ о времени разграбленія кургановъ. Чаще всего разграбленіе совершалось вскорѣ послѣ погребенія.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 14-го января состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Н. И. Алякритскій ознакомилъ съ результатами своей экскурсіи въ г. Дмитріевъ, Курской губерніи. Докладчикъ указалъ на рядъ городищъ и кургановъ, интересныхъ для изслѣдованія и уже отчасти изслѣдованныхъ г. Говоровымъ, и остановился подробно на древнихъ памятникахъ церкви Рождества Богородицы въ г. Дмитріевѣ и церкви Іоанна Богослова, и среди нихъ спеціально на двухъ синодикахъ, украшенныхъ гравюрами, представляющихъ собою повтореніе третьяго изданія синодика Бѣнина, одного изъ гравировъ на мѣди и знаменщика (рисовальщика) серебряной палаты при оружейной палатѣ. По поводу доклада постановлено: просить г. Говорова представить его коллекцію древнихъ памятниковъ для выставки при съѣздѣ. Н. И. Алякритскій ознакомилъ съ описью нѣкоторыхъ замѣчательныхъ памятниковъ, поступившихъ изъ запорожскихъ церквей и хранящихся въ церкви г. Никополя. Рѣшено ходатайствовать о присылкѣ этихъ памятниковъ для церковно-археологической выставки. Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ ознакомилъ съ народно-поэтическими матеріалами, поступившими въ распоряженіе комитета, и изслѣдованіемъ студента Е. Криста о кобзаряхъ и лирникахъ. Изъ этого матеріала выдѣляется сборникъ малорусскихъ свадебныхъ пѣсенъ вмѣстѣ съ прекраснымъ описаніемъ ритуала-учителя А. Г. Водолазскаго. Студентъ Е. Кристъ доложилъ о своей экскурсіи по изученію кобзарей и лирниковъ, и ихъ пѣсеннаго репертуара. Докладчикъ ознакомилъ съ біографіями кобзарей: Остапа Бутенка, Петра Древнина, Ивана Зазули, и съ нѣкоторыми исполняемыми ими пѣснями, записанными имъ. Докладчикъ старается установить школы лирниковъ Харьковской губерніи. А. В. Ветуховъ ознакомилъ съ матеріаломъ, собраннымъ комитетомъ и относящимися къ вопросу о кобзаряхъ и лирникахъ. Отвѣты въ этихъ матеріалахъ большею частью цѣнности не представляютъ. Однако есть и довольно обстоятельныя сообщенія, приводящія и интересные списки репертуара пѣвцовъ и ихъ характеристику. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ сообщенія: 1) свящ. села Ласны (Екатеринославск. губ.) о древностяхъ мѣстной церкви; 2) крестьянъ Немикина и Комащенко о желаніи производства на свои средства раскопокъ; 3) Ф. И. Трипольскаго о двухъ иконахъ, предлагаемыхъ имъ для выставки. Рѣшено просить о присылкѣ указанныхъ предметовъ. Въ распоряженіе предварительнаго комитета и для музея древностей университета поступили: отъ Изюмской соборной церкви: рукописный Ирмалогій XVIII в., Новый Завѣтъ 1779 г., крестъ 1790 г., епитрахиль,

ризы—даръ Петра I, иконы и книги, и чаша XVII в., отъ Николаевской церкви Новыхъ Водолаговъ: Евангеліе 1759 г., стихарь 1848 г., вѣнцы, чаша 1765 г., кресты 1741 и 1792 г., дискось 1768 г., воздушки и сниги; отъ свящ. Черняева (с. Знаменское, Валковск. у.): ризы, крестъ, Евангеліе 1712 г., Триодіонъ 1717 г.; отъ свящ. Власовскаго; Евангеліе 1798 г., 1758 г., Минею общую 1680 г., отъ свящ. Силофменко (Ахтырка): Евангеліе 1694 г.; отъ свящ. Петрусенко (Недригайловъ): оловянная чаша, дискось, подризникъ; отъ Боромлянскоѣ Троицкоѣ церкви: крестильня, оловянный крестъ, деревянный крестъ и др.; отъ Ахтырскоѣ Преображенскоѣ цеткви: серебряная дарохранительница XVIII в., чаша серебряная 1763 г., Евангеліе 1698 г.; отъ Боромлянскоѣ Рождества Богородицы церкви: чаша серебряная 1795 г. съ звѣздницей и дискосомъ; отъ свящ. Власова (Богодуховъ): Евангеліе 1677 г.; крестъ XVII в., серебряный ковшикъ 1667 г., оловянная дарохранительница; отъ евящ. Петровскаго (Юнаковка): потиръ и пелена XVIII в.; отъ Ахтырскоѣ соборной церкви: икона Богоматери 1782 г., серебряная дарохранительница 1743 г.; отъ свящ. Степурскаго: плащеница 1806 г.; отъ св. Бородаева: акаѳистъ прав. Богородицы, рукопись XVIII в., брачныя желѣзные вѣнцы; отъ свящ. Макухина—множество старопечатныхъ книгъ. грамоты; отъ свящ. Стѣсарева: Евангеліе учительское 1796 г., бесѣды Іоанна Златоуста 1709 г., грамоты; отъ церкви сел. Нижняго Бурлука: триодъ постовая 1704; отъ свящ. Шишлова: стальная алебарда, наконечникъ стрѣлы; отъ свящ. Ѳ. Таранскаго: монеты, указы, рукопись, Евангеліе 1753 г., крестъ 1778 г.; отъ И. С. Шоровкина: глиняная копілка, мѣдная икона; отъ свящ. С. Котлярова — множество старинныхъ богословскихъ и ученыхъ сочиненій XVIII в., рукописи, воздушки; отъ свящ. Оптовцева—такое же собраніе книгъ; вѣнцы, крестъ 1812 г., пашка; отъ свящ. Ракшевскаго—Евангеліе XVII в.; потиръ XVII в.; отъ свящ. Царевскаго: крестъ, дароносица, Евангеліе 1764 г., служебникъ 1763 г., каноникъ 1774 г.; отъ учителя Николаева (Локня) — Живописецъ 1784 г., Аугсбургское изданіе 1770 г., гравюры, монеты; отъ свящ. Кушнаревскаго: потиръ и деревянный крестъ XVIII в.; отъ церкви села Водяного: Евангеліе 1730 г., Дѣяніе свв. Апостоловъ XVI в.; отъ свящ. Щербина: Евангеліе XVII в., крестъ и дискось XVIII в. Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ сдѣлавшимъ сообщенія и приславшимъ различные предметы.

Церковно-археологическая коммиссія. На послѣднемъ декабрьскомъ засѣданіи церковно-археологическаго отдѣла при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія избрана была при отдѣлѣ постоянная коммиссія для осмотра и изученія вещественныхъ памятниковъ церковной старины по городу Москвѣ и Московскоѣ епархіи. Въ составъ коммиссіи вошли: товарищъ предѣдателя отдѣла А. И. Успенскій, священникъ Покровскаго-Василія-Блаженнаго собора І. І. Кузнецовъ, казначей отдѣла священникъ церкви св. Георгія, на Красной Горкѣ, Н. А. Скворцовъ, архитекторъ А. Н. Козловъ и иконописецъ В. П. Гурьяновъ.

Археологическая находка. Лѣтомъ прошлаго года въ Каплевскомъ уѣздѣ Киевскоѣ губернии, на берегу рѣки Роси, былъ раскопанъ г. Гизе курганъ, давшій, по словамъ кievскихъ газетъ, интересныя остатки скиѣской эпохи. На

глубинѣ 2-хъ метровъ отъ уровня земли, подъ настилкой изъ дубовыхъ бревенъ и громаднымъ слоемъ обожженной глины, угля и золы, оказалась яма, въ которой были найдены обгорѣлыя кости, а въ юго-восточномъ углу ея, въ слоѣ желтой глины,—золотая гривна (шейный обручъ) и золотая діадема изъ широкой бляхи съ изображеніями на ней сцены изъ скиѣской жизни. Въ числѣ 10-ти фигуръ одна, повидимому, царица, сидитъ въ креслѣ, имѣя на головѣ высокую повязку съ ниспадающими изъ-подъ нея волосами или вуалью, въ лѣвой рукѣ она держитъ зеркало, въ правой—кувшинчикъ, изъ котораго наливаетъ въ рогъ стоящаго передъ ней на колѣняхъ бородатаго скиѣа, опирающагося другою рукою на мечъ. За плечами скиѣа—налучье съ лукомъ. За скиѣомъ, также на колѣняхъ, стоитъ человекъ, играющій на инструментѣ въ родѣ лиры. Двое юношей занимаются разливаніемъ вина изъ амфоры въ рогъ. За кресломъ женщины стоитъ мальчикъ съ опахаломъ; далѣе два скиѣа, обнявшись, пьютъ изъ одного рога; еще одинъ, въ длинной одеждѣ, съ мечемъ (жрецъ?), готовится, повидимому, рѣзать барана, котораго держитъ прислужникъ. Работа діадемы принадлежитъ, очевидно, туземному, малоискусному, хотя и выдавшему греческіе образцы мастеру; фигуры, несмотря на грубость исполненія, жизненны и въ общемъ дополняютъ новыми чертами извѣстныя изображенія изъ жизни скиѣовъ.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи 16-го января по отдѣленію географіи математической и физической было сдѣлано два сообщенія: А. II. Варнекомъ «Краткій обзоръ плаванія парохода «Пахтусовъ» въ Ледовитомъ океанѣ», и Т. II. Тимоѣевымъ «Путешествіе на Новую Землю». Пароходъ «Пахтусовъ», имѣя своимъ назначеніемъ охрану морскихъ промысловъ у сѣверныхъ береговъ Россіи, за минувшее лѣто совершилъ экскурсіи въ проливъ Маточкинъ Шаръ и заливъ Медвѣжій, при чемъ изслѣдовалъ мѣста, совершенно еще неизвѣстныя; намѣреніе пройти въ Медынскій Заворотъ не могло осуществиться, благодаря большому скопленію льда, что указываетъ, по мнѣнію докладчика, на невозможность избранія Медынскаго Заворота конечнымъ пунктомъ для Сѣверной желѣзной дороги, какъ это предлагалось нѣкоторыми. По проходѣ Карскихъ воротъ, сопряженномъ съ большими опасностями, благодаря отсутствію картъ и подводнымъ скаламъ, была обследована и нанесена на карту бухта Долгая (въ сѣверо-западной части Вайгача). Маточкинъ Шаръ съ 1876 года, послѣ парохода «Царица», не проходило ни одно судно; Маточкинъ Шаръ представляетъ собою проливъ въ 55 миль длины и ширины до 2 миль; берега его состоятъ изъ горъ до двухъ и болѣе тысячъ футовъ высоты и глетчеровъ. Въ Медвѣжьемъ заливѣ до «Пахтусова» еще не было русскихъ судовъ; длина Медвѣжьяго залива 30 миль; при входѣ въ него открывается грандіозная волшебная картина, благодаря разбросаннымъ по нему ледянымъ горамъ самой причудливой формы, играющимъ на солнцѣ безчисленными, ослѣпительными огнями самоцвѣтныхъ камней; горы эти образуются отъ скопленія льдовъ глетчеровъ, задерживаемыхъ мелями; высота ихъ достигаетъ до 40 футовъ, причѣмъ сидятъ онѣ на глубинѣ 73 и болѣе сажень. Ледяная стѣна глетчера въ Медвѣжьемъ заливѣ тянется на протяженіи 5 верстъ, толщю его можно приблизительно опредѣлить въ 82 сажени, а на высотѣ она еще больше; на-

ходится онъ въ періодъ отступанія. Въ Медвѣжьемъ заливѣ были опредѣлены астрономическій пунктъ, магнитное склоненіе, сдѣлано: описаніе береговъ, рядъ драгировокъ, опредѣленія температуры и удѣльнаго вѣса воды. Результатомъ экспедиціи явились карты распредѣленія полярныхъ льдовъ за время отъ мая до сентября 1901 года, составленныя капитаномъ Варнекомъ по его личнымъ наблюденіямъ и свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ норвежскихъ судовъ; общія изслѣдованія укрѣпили докладчика во мнѣніи, что Югорскій Шаръ не можетъ быть лучшимъ путемъ къ сѣвернымъ рѣкамъ, и нынѣшнимъ лѣтомъ таковымъ было Карское море.—М. Н. Тимоѣевъ совершилъ совмѣстную поѣздку и на Новую Землю съ художникомъ Борисовымъ; поѣздка имѣла не только художественныя цѣли, но и научныя. Результатомъ этой поѣздки были обширныя топографическія работы, давшія много поправокъ и пополненій въ картограмахъ Новой Земли, заливовъ Чекина, Медвѣжьяго и др., богатая коллекція—геологическая и зоологическая, могущая дать нѣкоторый матеріалъ относительно передвиженія мелконитающихъ; удалось также доказать существованіе теченія вдоль береговъ Новой Земли съ сѣвера на югъ. Въ этомъ же засѣданіи секретарь отдѣленія произнесъ небольшую рѣчь, посвященную памяти скончавшагося И. В. Мушкетова и обрисовавшюю значеніе его научной дѣятельности и его заслуги передъ географическимъ обществомъ, председателемъ отдѣленія (географіи математической и физической) котораго онъ былъ въ теченіе 17 лѣтъ.

II. 18-го января В. И. Масальскій прочелъ сообщеніе о сельско-хозяйственныхъ культурахъ Черноморскаго побережья. Одинъ изъ лучшихъ климатическихъ уголковъ Россіи—черноморское побережье является почти совсѣмъ неизслѣдованнымъ съ точки зрѣнія наиболѣе примѣнимыхъ здѣсь культуръ сельскаго хозяйства. Надо впрочемъ замѣтить, что населеніе здѣсь необычайно рѣдкое, и на всю Черноморскую губернію приходится всего 54.000 жителей. Для сѣверной части побережья вопросъ сельскаго хозяйства еще можно считать разрѣшеннымъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, найдена лучшая по мѣстности культура — виноградники. Всего въ этой части побережья уже имѣется около 500 десятинъ виноградниковъ, при чемъ имѣются такія вполне благоустроенныя хозяйства, какъ князя Тенишева, Удѣльнаго вѣдомства (170 десятинъ) и нѣкоторыя другія. Лучшіе виноградники находятся въ Новороссійскомъ округѣ, и нѣкоторыя вина здѣшнихъ виноградниковъ, напримѣръ, рислингъ, могутъ считаться лучшими среди всѣхъ русскихъ винъ. Не столь удовлетворительные результаты даетъ здѣсь плодоводство. Урожаймъ много мѣшаетъ недостатокъ влаги, но можно надѣяться, что въ будущемъ съ примѣненіемъ правильнаго орошенія плодоводство будетъ вестись успѣшно. Болѣе благоприятную почву плодоводство имѣетъ въ южномъ районѣ; иногда хозяева затрудняются здѣсь въ выборѣ сортовъ, но въ этомъ отношеніи существенную помощь имъ въ состояніи оказать сочинская опытная станція. Виноградниковъ въ южной части мало, и въ самомъ значительномъ центрѣ винодѣлія здѣсь — Туапсе — находится лишь около 50-ти виноградниковъ; въ сочинскомъ районѣ ихъ еще менѣе, и мѣстный довольно скудный рынокъ питается преимущественно привознымъ виноградомъ. Произрастанію виноградниковъ мѣшаетъ огромное количество осадковъ. Въ

южномъ районѣ почва удобна для персиковъ, сливъ, орѣховъ и каштановъ; абрикосы почти не встрѣчаются, такъ какъ ихъ губягь весенніе заморозки, отъ которыхъ страдаютъ даже фундуки. Кромѣ того, хозяева обречены здѣсь на борьбу съ сорными травами, грибами и вредными насѣкомыми. Урожай персиковъ и сливъ можно считать вполне удачными, но сбытъ ихъ крайне затрудненъ, такъ какъ фрукты эти не могутъ выдерживать продолжительной морской перевозки. Поэтому слѣдуетъ принять мѣры для сушки фруктовъ на мѣстѣ; кое-что въ этомъ отношеніи уже и сдѣлано. Затѣмъ желательна и вполне возможна здѣсь культура фигового дерева, шелковицы и миндаля. Вообще въ южномъ районѣ многія культуры могли бы съ успѣхомъ примѣняться, однако слѣдуетъ выбирать лишь тѣ, которыя свойственны преимуществу одной лишь этой мѣстности. Такимъ образомъ не имѣетъ смысла насажденіе здѣсь хлѣбныхъ злаковъ, кромѣ кукурузы. Но во всякомъ случаѣ оживить Черноморскій край можетъ, по мнѣнію докладчика, только желѣзная дорога. Пароходство здѣсь не имѣетъ никакого значенія, и построенныя пристани остаются совершенно безъ употребленія. Желѣзная дорога впрочемъ уже рѣшена, остается пожелать, чтобы ей было дано такое направленіе, которое связывало бы внутреннія долины побережья. Затѣмъ не менѣе насущный вопросъ — заселеніе края; въ рабочихъ рукахъ здѣсь крайній недостатокъ. Въ заключеніе докладчикъ разсказалъ о своемъ посѣщеніи Ново-Аѳонскаго монастыря, гдѣ плодородство ведется очень успѣшно; культуры лимоновъ, апельсиновъ и маслинъ удалась здѣсь вполне; монахи собираютъ съ 70 лимонныхъ деревьевъ болѣе 50.000 плодовъ, нѣкоторыя деревья приносятъ до 1.000 плодовъ. Нынче въ монастырѣ произведенъ опытъ посадки 800 мандариновыхъ деревьевъ въ превосходно защищенной мѣстности. Хорошо растутъ здѣсь также финики и черныя рожки, о которыхъ думали, что культура ихъ въ Россіи невозможна.

Общество любителей естествознанія и географическое его отдѣленіе. Въ сообщеніи, прочитанномъ въ засѣданіи 19-го января, Б. А. Федченко сдѣлалъ очеркъ экспедиціи, совершенной имъ лѣтомъ 1901 года на Памирь по порученію императорскаго русскаго географическаго общества. (Ср. февральскую книжку «Историческаго Вѣстника», стр. 786—788). Въ экспедиціи этой участвовали также почетный членъ общества любителей естествознанія О. А. Федченко, дѣйствительный членъ того же общества С. Г. Григорьевъ и студенты Б. А. Варакинъ и М. П. Тулиновъ. Главная цѣль экспедиціи была ботаническая, — ознакомленіе съ флорой и растительными сообществами Памира, но собирались также зоологическія коллекціи, образцы горныхъ породъ и почвъ, снимались фотографіи и т. д. Снарядившись въ г. Омшѣ, экспедиція направилась къ Алайскому хребту, къ перевалу Талдыкъ. Прегорья Алайскаго хребта покрыты зеленымъ ковромъ травъ; по рѣкѣ Куршабу тянутся луга степного характера. Мѣстами встрѣчаются также роціи лиственныхъ деревьевъ, дикая яблоня, кленъ Семенова и др.; по озеркамъ можно было видѣть водныя растенія, сходныя со свойственными Средней Россіи; только ряска, цвѣтущая у насъ очень рѣдко, здѣсь была встрѣчена въ цвѣту. Съ поднятіемъ въ горы древесная растительность постепенно исчезаетъ; выше прочихъ деревьевъ идетъ черный тополь (осокорь). По горнымъ склонамъ растутъ

полудревесные кустарники, особенно разные виды можжевельника (арча). Одинъ видъ идетъ до 8.000 фут., выше его встрѣчается другой, образующій мѣстами въ ущельяхъ цѣлые лѣса; третій видъ поднимается до 11.000 фут. Перевалъ Талдыкъ сравнительно легкій; чрезъ него проложена довольно удобная дорога, и на самомъ перевалѣ стоитъ столбъ съ доской, на которой отмѣчено, когда и кѣмъ устроена эта дорога. Выше 11.000 фут. можжевельника уже нѣтъ, и начинается альпійская область; 1-го іюля здѣсь только что наступила весна; растенія были встрѣчены начинающими цвѣсти. По ту сторону перевала разстилается продольная долина Алая, длиною въ 200 верстъ, шириною около 25-ти верстъ. Лѣтомъ сюда перекочевываютъ киргизы со своими стадами, находящими на здѣшнихъ альпійскихъ лугахъ обильный кормъ (имѣется до 25—30-ти видовъ кормовыхъ растеній). Перейдя въ одинъ день Алайскую долину (здѣсь встрѣчено было немало насѣкомыхъ, въ томъ числѣ и многіе виды бабочекъ), караванъ сталъ подниматься по сѣверному склону Заалайскаго хребта къ перевалу Кызыль-яртъ (на высотѣ 13¹/₂ тыс. фут.). Склонъ каменистый, покрытый характернымъ коричневымъ кремнемъ; мѣстами, съ вершинъ снѣгового Заалайскаго хребта достигающихъ 20-ти, 22-хъ, даже 25-ти тыс. фут., спускаются ледники. За Кызыль-яртомъ разстилается уже плоскогорье Памира, средняя высота котораго около 12.000 фут. Вступивъ въ долину р. Марканъ-су, экспедиція дошла до озера Кара-куля. Двумя полуостровами, выдвигающимися одинъ съ сѣвера, другой съ юга, озеро подраздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна довольно мелкая, другая достигаетъ значительной глубины. Вода имѣетъ слабый горько-соленый вкусъ; рыбы въ озерѣ почти нѣтъ; берега озера обрывисты, возвышаются сажени на двѣ-три надъ водой и сложены изъ сѣровато-желтой глины, въ прослояхъ которой видны слои льда. Ледъ этотъ одни объясняли, какъ остатки древняго ледника, другіе видятъ въ немъ ледяные слои, образовавшіеся въ смежныхъ съ озеромъ заливахъ и занесенные затѣмъ иломъ, подъ которымъ ледъ не можетъ растаять въ теченіе короткаго лѣта (днемъ впрочемъ въ іюль и августъ бываетъ иногда очень жарко, но ночью рѣдко когда не бываетъ морозъ). Памирская равнина представляетъ пустыню съ рѣдкою растительностью, сидящей отдѣльными кустиками среди каменистаго щебня; характерны особенно кустики одной солянки, такъ называемаго терскена, служащаго въ пищу верблюдамъ, а главнымъ образомъ—своими толстыми корневищами — для топки; встрѣчаются также астрагалы и нѣкоторыя другія растенія, а мѣстами валяются громадные рога архаровъ (горныхъ барановъ); послѣдніе впрочемъ удаляются лѣтомъ на высокія горы. Перейдя перевалъ Акъ-байталъ (15¹/₂ тыс. фут.), караванъ достигъ 10-го іюля Памирскаго поста, въ долину Мургаба. Вблизи поста—большой мокрый лугъ, на которомъ пасутся казачьи лошади; почва этого луга сверху солончаковая съ вышотами соли, а глубже—подзолистая. На Пампрѣ есть и туземные обитатели, киргизы; ихъ не болѣе 1.500 человекъ съ 300 кибитокъ; они разводятъ яковъ, верблюдовъ и лошадей. Разрѣженный горный воздухъ оказываетъ свое дѣйствіе на людей, къ нему непривычныхъ; всякое движеніе, даже взлѣзаніе на лошадь, вызываетъ одышку и утомляетъ; но мѣстные киргизы и ихъ животныя настолько приспособились къ разрѣженной

атмосферѣ, что здѣсь устраиваются даже скачки; кромѣ киргизскихъ кибитокъ, здѣсь встрѣчаются также мѣстами каменные оригинальныя постройки: это—могилы киргизовъ, содержимыя впрочемъ небрежно и отъ времени разрушающіяся. Переправившись черезъ Мургабъ, экспедиція пришла въ урочище Джаманъ-тау, любопытное тѣмъ, что здѣсь встрѣчается и древесная растительность, именно ивы, а затѣмъ, перейдя нетрудный перевалъ Нейза-ташъ (зимою часто недоступный изъ-за массы снѣга), вступила въ долину р. Аличура. Рѣка эта впадаетъ въ озеро Яшилъ-куль (до 30-ти верстъ длиною), откуда вытекаетъ подъ именемъ Гунта и впадаетъ въ р. Пянджъ. Экспедиція прошла впрочемъ окружнымъ путемъ чрезъ перевалъ Кой-тезекъ и стала спускаться въ долины Шугнана. Ландшафтъ скоро совершенно измѣнился. Стали встрѣчаться многоводные горныя ручьи, по берегамъ ихъ тополи и другія деревья, по склонамъ—посѣвы ячменя, гороха, а еще ниже—ржи и пшеницы. Около селеній—сады съ абрикосами, яблонями, грецкимъ орѣхомъ, вишнями, сливами. Шугнанцы впрочемъ—народъ крайне бѣдный; они находятся теперь подъ властью Бухары; по англо-русскому соглашенію, Пянджъ образуетъ границу между Бухарой и Афганистаномъ. Такое разграниченіе раздѣлило шугнанцевъ на двѣ части, иногда близко родственныя селенія оказываются отрѣзаннымъ одно отъ другого, тѣмъ болѣе, что афганское правительство не допускаетъ никакихъ сношеній съ противоположнымъ берегомъ. На берегу этой рѣки, уже въ виду Гиндукуша, расположенъ крайній русскій постъ Хорогвъ. Отсюда экспедиція поднялась по долинѣ Пянджа до Ишкашима, имѣя намѣреніе пройти чрезъ Гиндукушъ въ Индію; но англо индійское правительство хотя и дало разрѣшеніе, но поздно, къ тому же указало такой путь, которымъ трудно было воспользоваться. Пришлось поэтому итти обратно тѣмъ же путемъ, при чемъ удалось значительно пополнить собранныя ранѣе ботаническія и зоологическія коллекціи. Въ томъ же засѣданіи В. Г. Михайловскій представилъ нѣкоторые результаты городскихъ переписей, интересные съ антропогеографической точки зрѣнія. Количество и ростъ населенія въ наиболѣе многолюдныхъ городахъ Европы и Америки были иллюстрированы референтомъ помощью изображенныхъ на бумагѣ въ профиль идущихъ человѣческихъ фигуръ, при чемъ сравнительная величина этихъ фигуръ показывала относительное количество населенія городовъ, а величина ихъ шага — болѣе или менѣе быстрый приростъ населенія. Рядъ фигуръ открывался колоссальною фигурой англичанина, изображающаго Лондонъ (4,6 милл. жит.), идущаго однако маленькими шажками (приростъ за послѣднее время всего 0,7^o/о въ годъ); слѣдующій за нимъ, болѣе малорослый и сухой,—американецъ Нью-Йоркъ (3,6 милл. жит.),—дѣлаетъ крупныя шаги (приростъ въ пять разъ больше, чѣмъ у Лондона). За ними идетъ мелкими шажками французенка — Парижъ, а за нею, меньшаго роста, нѣмецъ — Берлинъ, приростъ котораго также почти остановился въ послѣдніе годы. Наиболѣе быстро шагаетъ за ними другой американецъ—Чикаго (приростъ—6°/о а далѣе слѣдуютъ другія столицы и большіе города, въ томъ числѣ быстро растущіе Буэносъ-Айресъ, Глазго и Варшава (годовой приростъ—3¹/₂^o/о). Петербургъ занимаетъ 8-е мѣсто (1.439 тыс. съ пригородами, 1.200 тыс. безъ нихъ), Москва—10-е (почти 1.136 тыс. жит., а безъ пригоро-

довъ 1.090 тыс.). Увеличеніе населенія въ нихъ происходитъ главнымъ образомъ на счетъ пришлаго крестьянскаго и мѣщанскаго населенія; естественный приростъ не болѣе 2—3 тыс. въ годъ. Въ Петербургѣ пришлое населеніе составляетъ болѣе 70⁰/₀, въ Парижѣ—68⁰/₀, въ Вѣнѣ—62⁰/₀, въ Берлинѣ—57⁰/₀. Коренное населеніе Петербурга составляетъ только 29⁰/₀, Москвы только 26⁰/₀, тогда какъ въ Лондонѣ, наоборотъ, пришлаго населенія не болѣе 37⁰/₀. Въ нашихъ столицахъ количество пришлаго населенія за послѣдніе годы возрастаетъ; въ Петербургѣ въ 1881 году оно составляло 42⁰/₀, въ 1890 г.—52⁰/₀, по правительственной переписи 1897 г.—59⁰/₀. Въ Москвѣ перепись 1882 г. дала 59⁰/₀, 1897 г.—62⁰/₀. Наши крупные центры стягиваютъ притомъ къ себѣ населеніе съ большей территоріи, чѣмъ за границей, гдѣ столицы привлекаютъ къ себѣ только уроженцевъ ближайшихъ провинцій, а болѣе отдаленные имѣютъ свои мѣстные значительные городскіе центры. Референтъ показалъ картограмму Россіи, на которой означены различными красками губерніи, тяготящія къ Петербургу, Москвѣ и Одессѣ (т. е. такія, 2⁰/₀ населенія которыхъ живетъ въ одномъ изъ означенныхъ городовъ). Районъ тяготѣнія къ Петербургу гораздо больше, чѣмъ тяготѣющій къ Москвѣ; кромѣ Петербургской губерніи и сосѣднихъ съ нею (Эстляндской, Псковской, Новгородской, Олонекской), въ него входятъ Верхнее Поволжье до самаго Нижняго и сѣверныя губерніи (Вологодская, Архангельская). Къ Москвѣ тяготятъ примосковныя губерніи; однако Тверская, Ярославская, Смоленская даютъ болѣе выходцевъ въ Петербургъ, чѣмъ въ Москву. Фактъ этотъ объясняется, очевидно, исторіей, прежними путями сношеній (водными), а затѣмъ консерватизмомъ, привычкой (разбогатѣвшіе въ Петербургѣ крестьяне, хозяйчики, выписываютъ къ себѣ въ работники земляковъ), отчасти, можетъ быть, и болѣе заработной платой въ сѣверной столицѣ. Петербургъ расширилъ сферу своего притяженія въ 80-хъ и 90-хъ годахъ даже на Рязанскую и Тульскую губернію, хотя только предстоящая перепись Москвы въ состояніи выяснитъ, насколько въ этомъ отношеніи Москва отстала или сравнялась съ Петербургомъ. Вслѣдствіе такого притяженія въ столицы, крестьянское населеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ за послѣдніе годы (съ 1885 по 1892 г.) стало уменьшаться. Такой районъ уменьшенія существуетъ и около Москвы, а за нимъ слѣдуетъ районъ (Верхнее Поволжье, верховья Оки), гдѣ число населенія остается, повидимому, неподвижнымъ; уѣзды съ быстрымъ приростомъ (2⁰/₀) образуютъ отдѣльныя пятна на картограммѣ. Въ столицы стекается преимущественно холостое населеніе; но между Петербургомъ и Москвой есть въ этомъ отношеніи разница: въ Москвѣ женатыхъ 47⁰/₀, тогда какъ въ Петербургѣ только 39⁰/₀. Въ то время какъ въ западно-европейскихъ большихъ городахъ число женщинъ сравнительно немногимъ уступаетъ числу мужчинъ и даже превышаетъ его, въ Петербургѣ (1897 г.) на 1.000 мужчинъ насчитывалось только 825 женщинъ, а въ Москвѣ даже только 761. Интересно также отмѣтить происходящій въ крупныхъ городахъ процессъ отлива населенія отъ центра къ окраинамъ. Въ Лондонѣ этотъ процессъ начался уже давно, позже—въ Парижѣ, Берлинѣ; у насъ онъ сталъ сказываться сравнительно недавно. Населеніе Москвы увеличивалось рачѣе равномернo во всѣхъ частяхъ города;

теперь въ центральныхъ частяхъ (напримѣръ, въ Городской и во 2-мъ Мѣщанскомъ участкѣ) замѣчается уменьшеніе населенія (до 3⁰/о), кругомъ идутъ участки, приростъ населенія въ которыхъ почти остановился (самое большее 0,5⁰/о), а на окраинахъ населеніе сильно растетъ: за участками съ приростомъ 1—2⁰/о слѣдуютъ съ приростомъ 2—4⁰/о и болѣе. Особенно это замѣчается на сѣверной и восточной окраинахъ Москвы; въ 3-емъ Сущевскомъ участкѣ приростъ доходитъ до 10⁰/о. Населеніе Марьиной рощи удвоилось въ три года, Даниловской слободы увеличилось наполовину. Жившія ранѣе обособленной жизнью примосковныя деревни Дубровка, Марьино, Черкизово, теперь уже сливаются съ городомъ. Процессъ этотъ будетъ, конечно, продолжаться; примѣръ Лондона, занимающаго территорію въ 2.000 кв. кил., равную площади всего Московскаго уѣзда, наглядно показываетъ, до какихъ размѣровъ можетъ идти разрастаніе большихъ городовъ. Такимъ образомъ мы замѣчаемъ теперь двойное явленіе въ распредѣленіи населенія: съ одной стороны, населеніе стягивается въ большіе города и рѣдѣетъ въ окружающихъ ихъ районахъ, съ другой стороны, въ городахъ оно рѣдѣетъ въ ихъ центрѣ и стягивается къ окраинамъ, которыя расширяются на счетъ ближайшихъ селеній и пустырей.

Общество археологін, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 25 января состоялось очередное общее собраніе. Вниманію присутствующихъ былъ между прочимъ предложенъ «докладъ о дѣйствіяхъ комиссіи по составленію юбилейнаго сборника статей, посвященныхъ 350-лѣтію присоединенія Казанскаго края къ Россійской державѣ». Изъ этого доклада можно было видѣть, что работы названной комиссіи за время, истекшее съ ея основанія, подвигались довольно быстро; изъ сотрудниковъ предполагаемаго сборника четверо (о. Ю. А. Маловъ, Д. А. Корсаковъ, И. М. Покровский и Н. Θ. Юшковъ) подробно изложили сущность статей и матеріаловъ, имѣющихъ войти въ юбилейное изданіе, которое составитъ два тома, объемомъ (въ общей сложности) до сорока печатныхъ листовъ. Сообщенія прочихъ сотрудниковъ «Сборника» объ ихъ статьяхъ имѣютъ быть сдѣланы въ февральскомъ публичномъ засѣданіи общества.

Изъ двухъ включенныхъ въ программу засѣданія научныхъ сообщеній было сдѣлано только одно: «Изъ жизни пермскихъ вотяковъ Гондырскаго края (общественныя празднества, моленія и обряды)», принадлежащее члену-сотруднику общества, г. И. В. Яковлеву; второе сообщеніе, за позднимъ временемъ, было отложено до слѣдующаго общаго собранія. Рефератъ г. Яковлева ознакомилъ слушателей съ весьма интересными подробностями изъ жизни вотяковъ и обстановкой ихъ языческаго культа, въ который проникли уже отголоски христіанства; любопытно, что одинъ изъ языческихъ праздниковъ у вотяковъ Гондырскаго края, который приблизительно совпадаетъ съ нашей Пасхой, носитъ на ихъ языкѣ названіе «великаго дня».

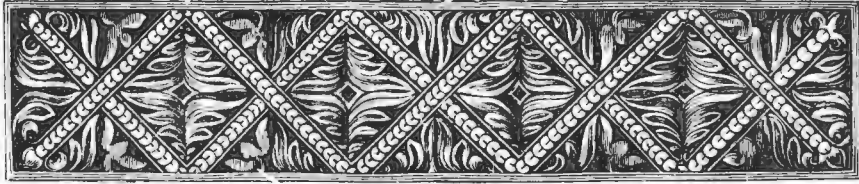
Минусинскій музей и Н. М. Мартыановъ. 10-го января исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени основанія въ гор. Минусинскѣ, Енисейской губерніи, публичнаго мѣстнаго музея. Въ виду этого, еще мѣсяца полтора тому назадъ, основанный недавно въ городѣ Красноярскѣ подотдѣлъ восточно-сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, какъ

единственное мѣстное ученое учрежденіе въ Енисейской губерніи, обратился въ различныя научно-образовательныя и общественныя учрежденія (университеты, музеи, общества, гороскія думы, редакціи газетъ и т. д.) съ печатнымъ циркуляромъ, въ которомъ, указывая на значеніе Минусинскаго музея для науки, края, культурнаго развитія Сибири, и на то, что своимъ возникновеніемъ и развитіемъ музей обязанъ единственно энергіи и неустаннымъ трудамъ Н. М. Мартьянова, признать «въ высокой степени полезнымъ въ воспитательномъ отношеніи остановить общее вниманіе друзей науки и просвѣщенія на этомъ важномъ въ жизни музея моментѣ и сдѣлать его общимъ для всѣхъ праздникомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ подотдѣлъ извѣщалъ, что имъ открыта подписка на образованіе при Минусинскомъ музеѣ капитала имени Николая Михайловича Мартьянова, «какъ выраженіе благодарности и уваженія къ этому замѣчательному труженику. Проценты съ капитала предназначаются на организацию экскурсій и всякаго рода изслѣдованій въ предѣлахъ Енисейской губерніи и будутъ находиться въ распоряженіи комитета Минусинскаго музея». Призывъ красноярскаго подотдѣла не остался безъ отзыва: многія учрежденія обратились съ привѣтствіемъ къ Н. М. Мартьянову, другими собираются послать ленты въ пользу капитала его имени; между прочимъ и бывшій въ Петербургѣ съѣздъ естествоиспытателей и врачей постановилъ удѣлить для этой цѣли изъ своихъ средствъ 200 рублей. Чтобы судить о значеніи Минусинскаго музея и объ услугѣ, оказанной наукѣ и краю Н. М. Мартьяновымъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о самомъ краѣ и его городѣ. Минусинскій округъ лежитъ на югѣ Енисейской губерніи и сосѣдитъ съ Монголіей. Большая часть его поверхности представляетъ степную, холмистую равнину, мѣстами пересѣченную горными кряжами, а по южной окраинѣ возвышается Саянское нагорье, со многими высокими, покрытыми лѣсомъ, хребтами, сквозь которые пробивается Енисей, составляющій главную рѣку округа (и всей губерніи). Округъ богатъ озерами, особенно солеными и горько-солеными; въ немъ имѣются золотыя прииски, рудныя мѣсторожденія, онъ отпускаетъ немало лѣса, но главное занятіе его жителей—земледѣліе и скотоводство. По долинамъ рѣкъ средней части округа, въ равнинно-степныхъ его мѣстностяхъ почва черноземная, плодородная, имѣются также тучныя луга, и округъ не только прокармливаетъ свое населеніе, но и сбываетъ немало хлѣба, овощей и другихъ продуктовъ въ сѣверныя округа губерніи, привлекая вмѣстѣ съ тѣмъ къ себѣ и переселенцевъ изъ Россіи (въ 90-хъ годахъ, среднимъ числомъ, по 3.000 человекъ въ годъ). Главное населеніе края русское, но въ разныхъ горныхъ и степныхъ его мѣстностяхъ сохранились и многіа племена инородцевъ, называемыхъ вообще «татарами»; говоря татарскимъ языкомъ, они носятъ однако особыя названія (кизильцы, койбалы, карагасы, сагайцы, катинцы и другіе), и, какъ показали изслѣдованія, нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою отатарившіяся народности самоѣдскаго корня. Въ краѣ находится много кургановъ, писанныхъ камней; въ землѣ попадаются часто мѣдныя и каменные орудія; это все свидѣтельствуетъ объ обитаніи края съ древнѣйшихъ временъ и о существованіи здѣсь нѣкогда довольно развитой промышленности. Главный городъ округа, Минус-

синскъ, возникъ въ 1823 г. изъ селенія Минусы и заключаетъ въ себѣ не болѣе 6½ тыс. жителей. Являясь довольно значительнымъ земледѣльческимъ центромъ, онъ въ то же время и ведетъ торговлю съ сойотами въ со-сѣдней Монголіи и отпускаетъ хлѣбъ и лѣсъ внизъ по Енисею. Въ городѣ имѣется трехклассное мужское училище, четырехклассная женская прогимназія, два приходскихъ училища, женская воскресная школа, общественный банкъ съ годовымъ оборотомъ около 120.000 руб., больница на 35 кроватей, богадѣльня на 20 человекъ. Торговый оборотъ города опредѣляютъ въ миліонъ рублей; годовой бюджетъ составляетъ около 35-ти тыс. рублей. И вотъ въ такомъ-то городкѣ имѣется въ настоящее время музей съ бібліотекой, придавшій имени Минусинска широкую извѣстность. «Везвѣстный маленькій уѣздный городокъ Минусинскъ, — говоритъ красноярскій подотдѣлъ въ своемъ циркулярѣ, — затерявшійся въ подножіяхъ Саяновъ, благодаря музею, сталъ извѣстнымъ всему образованному міру. Не говоря о томъ, что музей въ общемъ развитіи населенія этого города и его уѣзда приобрѣлъ чрезвычайно крупное значеніе, онъ сталъ привлекать къ себѣ ученыхъ и изслѣдователей не только изъ различныхъ мѣстностей Сибири, но и изъ Европейской Россіи, изъ различныхъ странъ Западной Европы и Америки, и всѣ ученые люди, побывавшіе здѣсь, находили въ музеѣ богатый матеріалъ по различнымъ отраслямъ естественно-историческаго знанія, археологіи, антропологіи и этнографіи, матеріалъ, проливающий свѣтъ на многіе, доселѣ стоявшіе въ тѣни, уголки знанія, матеріалъ, достойный внимательнаго изученія и обработки. По полнотѣ, богатству коллекцій и научной систематизаціи музей этотъ давно сталъ образцомъ для всѣхъ подобнаго рода мѣстныхъ учреждений и послужилъ ближайшей причиной къ открытію въ различныхъ городахъ Сибири цѣлаго ряда такихъ же учреждений». Основателемъ Минусинскаго музея былъ скромный обыватель города, провизоръ мѣстной аптеки Н. М. Мартыановъ. Съ начала 70-хъ годовъ онъ сталъ собирать гербарій мѣстныхъ растений, насѣкомыхъ, птицъ, образцы минераловъ и горныхъ породъ, приобрѣтаетъ на скудныя личныя средства нѣкоторыя древности, этнографическіе предметы, и мало-по-малу у него составились довольно большія коллекціи, для которыхъ уже не хватало мѣста въ частной квартирѣ, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ стали получать значеніе въ смыслѣ характеристики произведеній края. Ему удалось заинтересовать своимъ собраніемъ мѣстное общество, и въ 1877 г. онъ передалъ свои коллекціи городу, который рѣшился основать изъ нихъ музей, отвѣдя для него помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ мѣстнаго училища. Стараніями Н. М. — ча стали постепенно поступать въ музей пожертвованія, но основатель музея не переставалъ пополнять его постоянно и на личныя свои средства. Музей былъ подраздѣленъ на нѣсколько отдѣленій: естественно-историческое, антрополого-археологическое, этнографическое, нумизматическое, промышленное, сельско-хозяйственное, педагогическое; при музеѣ возникла бібліотека и метеорологическая станція. Въ извѣстные дни въ музей допускалась для осмотра публика, которой давались объясненія. Музеемъ издавались время отъ времени каталоги, отчеты, а также былъ изданъ на частныя средства обстоятельный каталогъ мѣстныхъ древностей (съ атласомъ рисунковъ),

составленный Д. А. Клеменцомъ. Въ 1877 г. въ музей находилось 1.270 естественно-историческихъ предметовъ, въ 1880 г. ихъ было уже около 7.000, къ 1895 г. — 15.000. Въ 1886 году однихъ предметовъ древности (каменныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ орудій) накопилось 4.165, а къ 1895 г. ихъ уже стало около 10.000. Библиотека музея, заключающая въ себѣ въ 1880 г. 3.700 томовъ, возросла черезъ 10 лѣтъ до 13.000 томовъ, а въ 1896 г. насчитывала уже 17.500 переплетовъ. Музей сталъ посѣщаться всѣми окружными жителями, и число посѣщеній стало доходить до 10.000 въ годъ. Первоначальное помѣщеніе музея скоро стало недостаточнымъ, и Н. М. Мартьянову удалось вызвать настолько сочувствія къ музею въ мѣстномъ обществѣ, что въ 1890 г. оно построило для него особый каменный домъ и ассигновало небольшую сумму для содержанія музея. Въ Минусинскѣ стали заѣзжать путешественники; такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, его посѣтилъ шведскій ученый Мартинъ, который настолько заинтересовался находившимися здѣсь коллекціями древностей, что снялъ съ нихъ фотографіи и издалъ ихъ затѣмъ въ Стокгольмѣ въ видѣ роскошнаго атласа съ объяснительнымъ текстомъ. Примѣръ Минусинска повліялъ и на другіе сибирскіе города. Подобный же музей былъ основанъ затѣмъ въ Красноярскѣ, по иниціативѣ И. В. Матвѣева, въ Енисейскѣ — стараніями г. Кытманова, въ Нерчинскѣ — г. Кузнецова. Далѣе основался музей въ Тобольскѣ, опубликовавшій уже нѣсколько «Ежегодниковъ», возникли музеи въ Кяхтѣ, Ачинскѣ, Семиналатинскѣ, Читѣ, Хабаровскѣ и др. Н. М. Мартьяновъ и самъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по краю, а въ особенности оказывалъ поддержку другимъ изслѣдователямъ — Адрианову, Клеменцу, Боголюбскому и др. Нельзя не пожелать, чтобы призывъ красноярскаго подотдѣла къ образованію при Минусинскомъ музеѣ кабинета имени Н. М. Мартьянова нашелъ себѣ достаточно сочувствія, такъ чтобы музей получилъ возможность и въ будущемъ пополнять свои собранія и содѣйствовать изслѣдованіямъ края. Нельзя не пожелать также, чтобы и вообще этотъ замѣчательный музей былъ гарантированъ въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи и въ сохранности своихъ коллекцій, чтобы онъ получилъ опредѣленный бюджетъ и штатъ и могъ бы оставаться на долгія и долгія времена замѣчательнымъ мѣстнымъ научнымъ и культурнымъ центромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достойнымъ памятникомъ энергичнаго его основателя.

НЕКРОЛОГИ.

БОГУСЛАВСКІЙ, Л. А. 29-го января, скончался во Владикавказѣ подполковникъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка Леонидъ Антоновичъ Богуславскій. Онъ составилъ слѣдующія книги: «Исторію Апшеронскаго полка» въ трехъ томахъ, съ иллюстраціями художникъ Самокиши (Спб., 1892); «Памятная книга Апшеронскаго полка» въ одномъ томѣ; «Апшеронская памятка, (1700—1894). Краткая исторія Апшеронскаго полка для солдатъ» (Спб., 1894). Первая изъ этихъ книгъ издана великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ и составляетъ вкладъ въ военной исторической литературѣ. (Некрологъ: «Нов. Вр.» 1902, № 9319).

† **Валуева (Мунтъ), А. П.** Въ концѣ января, въ Екатеринославѣ скончалась писательница Анна Петровна Валуева, жена помощника начальника Екатеринбургской ж. д. Покойная родилась 1-го августа 1856 г. въ Петербургѣ, большую часть дѣтства провела въ имѣніи родителей въ Орловской губ., Елецкаго уѣзда; 12-ти лѣтъ поступила въ Петропавловское училище въ Спб., гдѣ окончила курсъ въ 1873 г. и тотчасъ же поступила на педагогическіе курсы; затѣмъ А. П. заняла мѣсто образцовой учительницы прогимназіи, основанной при курсахъ, давала уроки географіи и естествознанія въ гимназіи княгини Оболенской. Педагогическая дѣятельность покойной продолжалась до замужества (1884 г.), когда она уѣхала въ провинцію.

На литературное поприще А. П. выступила въ 1876 г. біографическими очерками для дѣтей въ «Дѣтскомъ Читеніи»; вскорѣ приобрѣла извѣстность, какъ дѣтская писательница. Свои произведенія А. П. помѣщала въ «Дѣтскомъ Читеніи», «Родникъ» и въ другихъ дѣтскихъ журналахъ сначала подъ своею дѣвическою фамиліей—Мунтъ, потомъ за подписью А. Валуева-Мунтъ.

Въ Екатеринославѣ А. П. Валуева заслужила добрую по себѣ память участіемъ во многихъ благотворительныхъ дѣлахъ. Вопросы о школьныхъ нуждахъ

населенія Екатерининской дороги покойная особенно близко принимала къ сердцу. Ея трудамъ и заботамъ много, по словамъ «Приднѣпровскаго края», обязано общежитіе для дѣтей желѣзнодорожныхъ служащихъ. (Некрологъ ея: «Нов. Вр.» 1902, № 9298).

† **Еленевъ, Ѳ. П.** Въ Царскомъ Селѣ, скончался 10-го февраля послѣ продолжительной, тяжелой болѣзни тайный совѣтникъ, бывшій членъ главнаго управленія по дѣламъ печати и членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Ѳедоръ Павловичъ Еленевъ. Покойный родился въ 1828 г., образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ со званіемъ кандидата математическихъ наукъ. Службу началъ учителемъ математики сперва въ тульской, затѣмъ въ смоленской гимназіяхъ. Въ 1857 г. перешель репетиторомъ и учителемъ математики въ первый кадетскій корпусъ. Молодой репетиторъ своими выдающимися способностями и знаніями обратилъ на себя вниманіе начальника главнаго штаба его величества по управленію военно-учебными заведеніями генераль-адъютанта Я. И. Ростовцева, который избралъ его въ свои секретари. Этотъ моментъ имѣлъ большое значеніе для дальнѣйшей дѣятельности Ѳ. П. Еленева.

Въ качествѣ секретаря Я. И. Ростовцева, назначеннаго вскорѣ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій по составленію положенія о крестьянахъ, онъ близко ознакомился съ тѣми задачами, которыя были возложены высочайшей властью на редакціонныя комиссіи, а также съ личными взглядами генераль-адъютанта Ростовцева на крестьянскую реформу. Послѣ смерти Я. И. Ростовцева замѣститель его по званію предсѣдателя редакціонныхъ комиссій графъ В. Н. Панинъ избралъ Ѳ. П. для точнаго наблюденія за исполненіемъ своихъ распоряженій по редакціоннымъ комиссіямъ и за сохраненіемъ порядка въ нихъ и для другихъ порученій. Покойный съ этого времени принялъ дѣятельное участіе въ хозяйственномъ отдѣленіи комиссіи и въ комиссіяхъ по составленію предположеній къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и по рассмотренію нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ въ связи съ крестьянскимъ дѣломъ. На него было возложено составленіе свода проектовъ губернскихъ комитетовъ по крестьянской реформѣ. По окончаніи занятій редакціонныхъ комиссій Ѳ. П. перешель на службу въ с.-петербургскій цензурный комитетъ, былъ назначенъ цензоромъ и въ 1868 году членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Съ этого времени до выхода въ 1896 году по болѣзни въ отставку покойный принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ административныхъ трудахъ главнаго управленія по дѣламъ печати, исполняя неоднократно обязанности начальника и предсѣдателя совѣта главнаго управленія. Онъ участвовалъ между прочимъ въ особой комиссіи 1869 г. по пересмотру дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати.

Досуги своей службы покойный посвящалъ литературной работѣ и изслѣдованіямъ разнообразныхъ вопросовъ государственной и общественной жизни. Располагая богатѣйшимъ матеріаломъ объ эпохѣ подготовленія крестьянской реформы, онъ закончилъ въ 1886 г. свой цѣнный трудъ: «Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи». Будучи неутомимымъ борцомъ за русскіе интересы, онъ горячо ратовалъ противъ окраинныхъ стремленій

къ самостоятельности государственнаго управленія. Въ 1863 г. издалъ свое изслѣдованіе «Польская цивилизація и ея вліяніе на Западную Русь» и съ 1890 года своими многочисленными трудами болѣе другихъ, послѣ К. Ф. Ордина, способствовалъ выясненію и разоблаченію стремленій финляндскихъ политикановъ. Его историческіе труды по финляндскому вопросу: «Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ» (1891 г.) и «Ученіе о финляндскомъ государствѣ» (1893 г.), послужили мотивомъ для приглашенія покойнаго къ участию въ комисіи по подготовленію проекта кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи. Работая въ этой комисіи, Ѳ. П. составилъ «Историко-критическій обзоръ узаконеній, включенныхъ подъ именемъ основныхъ законовъ Финляндіи въ финляндскіе кодификаціонные проекты» (1894 г.), напечаталъ статьи: «Les prétentions des séparatistes finlandais; aperçu critique de la doctrine séparatiste en Finlande» (Парижъ, 1895 г.), «Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г. о воинской повинности» (1896 г.), «Чего достигли и чего домогаются впередъ достигнуть финляндцы по пути отпаденія ихъ отъ русской государственной власти» (1898 г.) и др.

Дѣятельность покойнаго не была чужда и русской журналистикѣ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ», редак. Н. А. Некрасова, онъ напечаталъ въ 1867—1869 гг. подъ псевдонимомъ Скалдина рядъ писемъ изъ провинціи «Въ захолустьи и въ столицѣ». Кромѣ того, покойному принадлежитъ нѣсколько арифметическихъ учебниковъ, составленныхъ по особому методу, впервые примененному имъ. До самой смерти онъ интересовался вопросами, выдвигаемыми жизнью, и высказывалъ по нимъ свои взгляды въ печатныхъ брошюрахъ и статьяхъ. За свою усердную и продолжительную службу покойный имѣлъ всѣ награды до ордена святого Александра Невскаго. (Некрологъ его: «Нов. Вр.». 1902, № 9319).

Игнатовичъ, В. С. 8-го февраля, скончался на 68 году жизни членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Витольдъ Станиславовичъ Игнатовичъ, авторъ распространенныхъ учебниковъ французскаго языка. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, В. С. избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Онъ былъ учителемъ сперва Тульскаго кадетскаго корпуса и одновременно чиновникомъ особыхъ порученій при тульскомъ губернаторѣ, затѣмъ, по закрытіи корпуса въ Тульѣ, преподавалъ французскій языкъ во Второмъ и Александровскомъ кадетскомъ корпусахъ, въ Павловскомъ военномъ училищѣ и въ Электротехническомъ институтѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9318).

Кичеевъ, П. И. 23 января, скончался писатель Петръ Ивановичъ Кичеевъ. Покойный родился въ Москвѣ въ 1845 году, учился въ 4-й московской гимназіи, а потомъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ въ качествѣ вольнослушателя юридическаго факультета. Влеченіе къ литературѣ пробудилось въ немъ въ ранніе юношескіе годы. Будучи 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже писалъ стихи, а въ 17 лѣтъ, напечатавъ свои первые молодые опыты, сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Развлеченія», «Зрителя», «Антракта», «Будильника», петербургской «Искры» и многихъ другихъ

газетъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ силу одного трагическаго обстоятельства П. П. оставилъ Москву и переселился въ Нижній Новгородъ, затѣмъ въ Кіевъ, гдѣ одновременно съ литературной профессіей онъ соединилъ и юридическую, ставъ частнымъ повѣреннымъ. Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, у насъ началось такъ называемое славянское движеніе, — страстная натура Кичеева не выдержала, онъ бросилъ все и, записавшись въ ряды добровольцевъ, уѣхалъ къ Черняеву, въ Сербію. Въ 80-хъ годахъ его имя снова появилось на страницахъ московскихъ газетъ и журналовъ. Онъ пишетъ стихотворенія, рассказы, ведетъ театральную критику и ставитъ на сценахъ частныхъ театровъ свои переводныя пьесы, а въ 1886-мъ году выпускаетъ отдѣльной книжкой сборникъ стихотвореній, какъ собственныхъ оригинальныхъ, такъ и переводовъ. Всѣ его оригинальныя стихотворенія, носящія болѣе или менѣе серьезный характеръ, написаны главнымъ образомъ на гражданскія темы; всѣ юмористическія отличаются преимущественно обличительнымъ направленіемъ. Переводы взяты изъ Лонгфелло, Гартмана, Ф. Конне, Катулла Мендеса, Сюлли Прюдома и другихъ. Къ характеристикѣ покойнаго, какъ человѣка, слѣдуетъ прибавить, что П. П. никогда не обладалъ умѣніемъ устроить свою жизнь вполне обезпеченно. Практикъ онъ былъ плохой. Практическая ловкость и смѣтливость какъ-то не совмѣщались съ его прямой, честной, правдивой природою. Онъ не терпѣлъ «практическихъ» людей, не уживался съ ними, не шелъ ни на какіе компромисы съ совѣстью и какъ жилъ, такъ и умеръ самымъ настоящимъ безребренникомъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9301).

Клевцинскій, А. А. 3-го февраля, скончался, на 58 году, послѣ непродолжительной тяжелой болѣзни академикъ архитектуры Антонъ Антоновичъ Клевцинскій. Особенность его творчества вполне соответствовала его внутреннему міровоззрѣнію и состояла въ простотѣ и гармоніи. Большую часть своей трудовой жизни онъ прослужилъ на Николаевской желѣзной дорогѣ и построилъ цѣлый рядъ сооружений, свидѣтельствующихъ о немъ, не только какъ о даровитомъ архитекторѣ, но какъ и о даровитомъ инженерѣ. Имя покойнаго помнятъ многіе академики архитектуры, пользовавшіеся его указаніями. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9313).

Колесовъ, А. М. 25-го января, въ Москвѣ скончался завѣдующій московскимъ училищемъ иконописанія художникъ Алексѣй Михайловичъ Колесовъ. Покойный родился 8-го марта 1834 года, въ городѣ Ковровѣ, Владимирской губерніи, и съ раннихъ лѣтъ проявилъ любовь къ искусству. Начавъ учиться въ Ковровскомъ уѣздномъ училищѣ, А. М. дѣлалъ быстрые успѣхи въ рисованіи и въ юношескихъ годахъ уже проявилъ несомнѣнныя способности. На 17-мъ году, несмотря на сопротивленіе родителей, А. М. пѣшкомъ и безъ всякихъ средствъ отправился учиться живописи въ Москву, гдѣ и поступилъ въ училище живописи и ваянія, тогда именовавшееся художественными классами. Несмотря на крайнюю бѣдность, онъ своей серьезной работой и выдающимися способностями обратилъ на себя вниманіе преподавателей и особенно профессора живописи, тогдашней знаменитости С. К. Зарянка, который поддерживалъ молодого художника и оказалъ большое вліяніе на дальнѣйшую его судьбу. Въ 1857 году, А. М. Колесовъ за свои этюды и портреты получилъ отъ

академі художествъ званіе свободнаго художника, а въ 1876 году также за портреты, среди которыхъ былъ портретъ С. М. Соловьева и Гилярова-Платонова,—званіе класснаго художника 3-й степени. Изъ другихъ его работъ слѣдуетъ назвать портретъ профессора С. К. Заряно, завѣщанный художникомъ московскому Румянцовскому музею, портретъ И. П. Шишкина, пейзажиста А. К. Саврасова и писателей С. А. Юрѣва и Н. А. Чаева. Въ 80-хъ годахъ А. М. занялся иконной живописью. Ему было поручено завѣдываніе иконописнымъ училищемъ, основаннымъ въ Москвѣ преосвященнымъ Амвросіемъ. На этомъ новомъ поприщѣ дѣятельности А. М. пользовался большимъ уваженіемъ и любовью какъ всѣхъ своихъ сотоварищей, такъ и учениковъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9311).

Колоколовъ, А. П. 29-го января, послѣ непродолжительной тяжелой болѣзни въ Спб. скончался настоятель церкви общины сестеръ милосердія св. Георгія, митрофорный протоіерей Алексѣй Петровичъ Колоколовъ. Покойный пользовался извѣстностью въ С.-Петербургѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ. Онъ умѣлъ овладѣть вниманіемъ аудиторіи самой разнообразной по своему составу. Множество немущаго люда находило у него, помимо нравственной поддержки, и матеріальную помощь. Покойный получил образованіе въ С.-Петербургской духовной семинаріи, курсъ наукъ въ которой окончилъ въ 1857 г. Рукоположенный въ священники села Хотова Новоладожскаго уѣзда, онъ перевелся въ 1872 г. въ церковь Георгіевской общины и съ тѣхъ поръ непрестанно трудился надъ устройствомъ храма общины, содѣйствовалъ расширенію ея учреждений и принималъ видное участіе во многихъ благотворительныхъ обществахъ. Въ то же время онъ устроилъ на своей родинѣ въ Новоладожскомъ уѣздѣ церковь и приютъ, гдѣ есть отдѣленіе сестеръ милосердія. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9307).

Ламанскій, Е. И. 31-го января, скончался одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей и извѣстныхъ русскихъ финансистовъ, тайный совѣтникъ Евгенийъ Ивановичъ Ламанскій. Имя покойнаго пользовалось наибольшею популярностью, когда онъ въ качествѣ управляющаго государственнымъ банкомъ находился въ теченіе около двадцати лѣтъ во главѣ этого учрежденія и явился въ это время руководителемъ развитія въ Россіи кредитнаго дѣла. Въ финансовой области онъ широко проявилъ свои выдающіяся способности и замѣчательную смѣлость. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ начинаній, направленныхъ къ оживленію русскихъ производительныхъ силъ и къ улучшенію нашей валюты.

Покойный былъ старшій братъ извѣстнаго ученаго В. И. Ламанскаго. Его отецъ былъ директоромъ особой канцеляріи по кредитной части. Е. И. родился въ 1825 году, образованіе получилъ въ Царскосельскомъ (нынѣ Александровскомъ) лицѣ. Службу началъ въ государственной канцеляріи, затѣмъ перевелся въ министерство финансовъ, въ которомъ и сосредоточилъ свою дѣятельность. Съ юныхъ лѣтъ Е. И. чувствовалъ призваніе къ разработкѣ финансовыхъ вопросовъ и вскорѣ по окончаніи курса въ лицѣ опубликовалъ свою первую, цѣнную для того времени работу по исторіи денежнаго обращенія и казенныхъ кредитныхъ учреждений въ Россіи, не потерявшую интереса и въ настоящее

время. Трудъ этотъ былъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ географическаго общества». На талантливаго молодого автора было обращено вниманіе, и географическое общество дало ему средства на заграничную командировку для изученія операций и устройства западно-европейскихъ кредитныхъ учреждений. Изъ двухлѣтняго пребыванія за границей покойный вернулся въ Россію во всеоружіи тѣхъ практическихъ знаній, которыя пришлось ему приобрести, обозрѣвая заграничныя кредитныя учрежденія.

Его статьи объ организаціи такихъ учреждений появились въ концѣ 50-хъ годовъ въ нашихъ журналахъ, и молодой финансистъ былъ привлеченъ къ участию въ разнообразныхъ комиссіяхъ. Особенно цѣнился его голосъ въ комиссіи по пересмотру вопроса о банкахъ. При учрежденіи въ 1860 г. государственнаго банка Е. И. былъ назначенъ товарищемъ управляющаго банкомъ, а черезъ нѣкоторое время управляющимъ банкомъ. Съ его пребываніемъ во главѣ государственнаго банка совпала эпоха развитія у насъ биржевой спекуляціи и кредитныхъ учреждений. Будучи горячимъ поборникомъ необходимости устройства въ Россіи банковъ на началѣ взаимности, покойный былъ инициаторомъ основанія въ С.-Петербургѣ общества взаимнаго кредита. Затѣмъ Е. И. явился дѣятельнѣйшимъ участникомъ кружка высшихъ петербургскихъ чиновниковъ, банкировъ и концессионеровъ, собиравшихся по примѣру парижскаго экономическаго общества разъ въ мѣсяцъ въ ресторанѣ Донона на обѣдъ. На этихъ такъ называемыхъ экономическихъ обѣдахъ разсматривались зачастую серьезные вопросы экономическаго и финансоваго характера. Покойный неоднократно развивалъ на нихъ свои взгляды на оживленіе русской промышленности. На этихъ же обѣдахъ онъ впервые развилъ планъ своего проекта поднять курсъ русскаго рубля. Сущность проекта заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, что курсъ упалъ будто бы отъ избытка бумажекъ; при уничтоженіи избытка бумажекъ, курсъ, по его мнѣнію, сдѣлается *al pari*, и все придетъ въ норму. Его проектъ былъ принятъ, было занято 100.000.000 руб., и начался извѣстный разжѣвъ. Курсъ, однако, не поднялся, а упалъ еще болѣе.

При перемѣнѣ финансовой политики Е. И. вышелъ въ 1882 г. въ отставку и всецѣло посвятилъ себя промышленнымъ предпріятіямъ и общественнымъ дѣламъ. Въ с.-петербургской думѣ и въ петергофскомъ уѣздномъ земствѣ онъ былъ дѣятельнымъ гласнымъ, въ третьемъ отдѣленіи Вольнаго Экономическаго общества — предсѣдателемъ. Кромѣ того, онъ до своей смерти предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ Волжско-Камскаго коммерческаго банка, въ комитетѣ създа представителей акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита, принималъ дѣятельное участіе въ совѣтѣ по желѣзнодорожнымъ и тарифнымъ дѣламъ, въ Березовскомъ золотопромышленномъ обществѣ и во многихъ другихъ акціонерныхъ обществахъ. Одновременно находилъ досугъ для публичныхъ лекцій о голодовкахъ въ Индіи (по этому вопросу напечаталъ въ 1892 г. отдѣльную книгу) и о банкахъ, а также для статей по финансовымъ вопросамъ, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ. Покойный обладалъ общительнымъ характеромъ, и рѣдкій изъ петербуржцевъ, вращающихся въ чиновной, биржевой или благотворительной средѣ, не зналъ его всегдашней внимательности, любезности и краснорѣчія. Е. И., стоя во главѣ нѣсколькихъ биржевыхъ предпріятій,

сумѣлъ составить себѣ хорошее состояніе. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ принималъ между прочимъ участіе въ комиссіяхъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и его голосъ въ нихъ раздавался за свободу, равноправность и прогрессъ въ политико-экономической жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9308).

Мельникова, А. Н. 7-го февраля, въ Тифлисъ скончалась вдова подполковника Александра Николаевна Мельникова, урожденная Устимовичъ, имя которой хорошо извѣстно въ нашей дѣтской литературѣ. Покойная сотрудничала въ «Артистѣ» и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ, но главныя ея работы—разсказы для дѣтей—печатались обыкновенно отдѣльными изданіями. Успѣхъ имѣли ея «Пословицы и поговорки въ стихахъ», вышедшія въ миниатюрномъ изданіи въ Кіевѣ. Въ 1899 г. покойная выпустила свои «Воспоминанія о давно-минувшемъ и недавно-быломъ». Воспоминанія эти заключаютъ интересныя свѣдѣнія о Маріи Башкирцевой, П. П. Чайковскомъ, Н. П. Стороженкѣ и другихъ. А. Н. скончалась на 54 году. Лица, знавшія покойную, никогда ни забудутъ ея чистой души съ ея глубокой вѣрой въ торжество правды, добра и красоты, служенію которымъ она отдала свою жизнь. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1902, № 9320).

Площанскій, В. М. Въ ночь на 8-е февраля, въ Вильнѣ скончался Венедиктъ Михайловичъ Площанскій, бывший редакторъ издававшейся въ Львовѣ русской газеты «Слово». Покойный вмѣстѣ съ извѣстнымъ о. І. Наумовичемъ подвергался преслѣдованіямъ австрійскихъ властей и въ концѣ концовъ эмигрировалъ въ Россію. Поселившись въ Вильнѣ, онъ занимался учеными трудами, преимущественно историческими и археологическими, касавшимися Галицкой Руси и вообще славянскихъ земель, и состоялъ нѣсколько лѣтъ отдѣльнымъ виленскимъ цензоромъ по внутренней цензурѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9319).

Рожновъ, Н. В. Скончавшійся 29-го января заслуженный профессоръ бывшей императорской медико-хирургической академіи тайный совѣтникъ Никита Венедиктовичъ Рожновъ былъ однимъ изъ наиболѣе маститыхъ представителей русской ветеринаріи, на пользу которой работалъ болѣе полу-вѣка. Начавъ свою дѣятельность въ то время, когда у насъ, можно сказать, только-что зарождалось ветеринарное дѣло, онъ своими выдающимися учеными и практическими трудами оказалъ большое вліяніе на прочное развитіе ветеринарной организаціи въ Россіи. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи, покойный сначала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ ветеринарнымъ врачомъ въ разныхъ воинскихъ кавалерійскихъ частяхъ. Блестяще защитивъ затѣмъ первый въ Россіи диссертацию на званіе магистра ветеринарныхъ наукъ, онъ въ 1855 г. приглашенъ былъ медико-хирургической академіи занять должность профессора при ветеринарномъ отдѣленіи, гдѣ преподавалъ въ разное время зоогигіену, скотоводство, терацію и другія науки. Профессоромъ былъ онъ до 1883 года, когда было закрыто отдѣленіе. За этотъ почти 30-лѣтній періодъ онъ воспиталъ цѣлыя поколѣнія ветеринаровъ, всегда съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью вспоминавшихъ о немъ. Многіе изъ его учениковъ занимали и теперь занимаютъ профессорскія кафедры въ

разныхъ ветеринарныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Одновременно онъ былъ членомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, совѣщательнымъ членомъ ветеринарнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ и ученымъ секретаремъ ветеринарнаго комитета. Въ послѣдней должности онъ оставался до 1898 г., когда вышелъ въ отставку. Ему пришлось много потрудиться надъ выясненіемъ важности и полезности ветеринарнаго дѣла, и въ разныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ онъ всегда былъ ближайшимъ участникомъ реформъ и преобразованій, касавшихся наиболѣе правильной постановки ветеринарной части въ имперіи. Неоднократно онъ командировался въ разные губерніи для руководительства въ организаціи мѣръ борьбы съ чумой, сибирской язвой и другими повальными болѣзнями скота. Высшимъ орденомъ покойный имѣлъ орденъ Анны 1-й ст. Многія ветеринарныя учебныя заведенія и ученые общества имѣли покойнаго своимъ почетнымъ членомъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9307).

Сахаровъ, В. Н. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ помѣстилъ въ «Новомъ Времени» слѣдующій некрологъ только-что скончавшагося молодого ученаго В. Н. Сахарова: «28-го января, горловая чахотка унесла въ могилу магистранта С.-Петербургскаго университета Владимира Николаевича Сахарова, состоявшаго въ числѣ молодыхъ ученыхъ, прикомандированныхъ къ нашему археологическому институту въ Константинополь. Въ лицѣ покойнаго русская наука потеряла много общавшаго работника. Уже въ Новороссійскомъ университетѣ, гдѣ В. Н. Сахаровъ началъ научныя занятія, онъ былъ замѣченъ, какъ даровитый юноша. Послѣ перехода его въ С.-Петербургскій университетъ академикъ В. Гр. Васильевскій, всегда очень чуткій въ оцѣнкѣ людей, сталъ съ большою живостью и сочувствіемъ отзываться о Сахаровѣ, устраивалъ ему заграничную командировку и готовъ былъ руководить его занятіями въ итальянскихъ бібліотекахъ, въ которыя самъ тогда стремился. Чтобы вызвать къ себѣ такое отношеніе нашего знаменитаго византиниста, надо было обладать серьезными задатками. У Сахарова они и были; вмѣстѣ съ большими познаніями въ исторіи Византіи, славянства и древней Руси, Сахаровъ соединялъ безспорную критическую способность и широту ученаго интереса, обусловленную хорошей подготовкой въ вопросахъ церковной исторіи, правовой жизни и культурнаго движенія среднихъ вѣковъ. Любовь къ знанію у Сахарова была трогательная, а умѣнье работать изумительное: пишущій эти строки имѣлъ утѣшеніе видѣть Сахарова въ своей семинаріи по русской исторіи и удивлялся быстротѣ, съ какою онъ овладѣвалъ новыми для него темами. Живой и бодрый, несмотря на недугъ, онъ былъ приятнымъ собесѣдникомъ и прекраснымъ товарищемъ. Глубоко скорбя о его кончинѣ, всѣ его знавшіе, конечно, согласятся со мною, что о Сахаровѣ слѣдуетъ скорбѣть и всѣмъ любящимъ нашу науку. Миръ его праху!» (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9317).

Тизенгаузенъ, В. Г. 2-го февраля, скончался на 77 году жизни отъ крупознаго воспаленія легкихъ одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ ориенталистовъ-археологовъ, баронъ Владимиръ Густавовичъ Тизенгаузенъ. Смерть застигла его въ то время, когда онъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, все еще бодрый и полный энергіи, оканчивалъ два капитальныхъ труда,

одинъ историческій, другой чисто археологическій. Баронъ В. Г. родился въ 1825 году въ Нарвѣ. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ, по разряду восточной словесности, онъ долженъ былъ начать службу письмоводителемъ при командирѣ сѣвернаго округа морской строительной части. Черезъ четыре года былъ переведенъ секретаремъ въ медицинскій департаментъ, затѣмъ служилъ въ строительной конторѣ министерства императорскаго двора и только въ 1861 г. былъ назначенъ производителемъ дѣлъ императорской археологической комиссіи, тогда только что учрежденной. Съ этого времени и до его выхода въ 1900 г. въ отставку, вся дѣятельность покойнаго принадлежала этому учрежденію, гдѣ онъ послѣдовательно занималъ должности младшаго члена (1864), старшаго члена (1876) и наконецъ (1895) товарища предсѣдателя, совмѣщая въ своемъ лицѣ функціи чисто административныя съ научными. В. Г. былъ, что называется, кабинетнымъ ученымъ и находилъ лучшимъ наслажденіемъ въ жизни разслѣдованіе разнообразныхъ вопросовъ востоковѣдѣнія чисто научнаго характера. Дѣятельность В. Г. въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ по археологической комиссіи была очень тяжела и отвѣтственна. На него было возложено производство археологическихъ раскопокъ въ степяхъ Новороссіи, почва которой, насыщенная предметами греческаго производства, привлекала тогда почти исключительно все вниманіе предсѣдателя комиссіи, ген.-ад. гр. С. Г. Строганова, мало цѣнившаго предметы русской древности. В. Г. приходилось жить въ открытой степи въ палаткѣ и работать часто подъ палящими лучами солнца, подвергаясь постоянно опасности быть убитому обвалами десяти-саженныхъ кургановъ, въ которыхъ требовалось находить крипты съ погребеніями. Зато результатами его раскопокъ теперь гордится императорскій Эрмитажъ. По роду своихъ занятій, постоянно соприкасавшійся съ классической древностью, покойный оставался, однако же, къ ней довольно равнодушнымъ. Не она привлекала его любознательность, и не ей были посвящены его научные труды. Сфера его научныхъ интересовъ была иная. Его привлекало изученіе прошлаго мусульманскаго Востока. Въ этой области, почему-то заброшенной нашими историками, имя барона Тизенгаузена горитъ яркимъ свѣтомъ, и его труды будутъ долго служить путеводной нитью для всякаго изслѣдователя, желающаго проникнуть въ дебри изученія мусульманскихъ древностей. Первый трудъ В. Г. «О монетахъ самонидовъ» (1853 г.), посвященный мусульманской нумизматикѣ, былъ удостоенъ преміи императорскаго русскаго археологическаго общества. Въ немъ покойный собралъ такъ много историческихъ, географическихъ и филологическихъ данныхъ, что сдѣлалъ этотъ трудъ интереснымъ не только для нумизмата, но и для историка. Въ еще большей степени можно это сказать о его классической книгѣ «Монеты Восточнаго халифата», хотя и изданной въ 1873 г., но и до сей поры не утерявшей интереса какъ научнаго, такъ и практическаго для коллекционеровъ-нумизматовъ. Трудно перечислить множество написанныхъ имъ статей, брошюръ и замѣтокъ по археологій, нумизматикѣ, географіи и исторіи мусульманскихъ народовъ. Задумавъ написать исторію Золотой орды, В. Г. нашель, что разработка этой исторіи ранѣ критическаго изданія всѣхъ восточныхъ текстовъ, служащихъ источниками, немислима, и приступилъ

къ ихъ изданію. Чтобы сдѣлать сводъ свѣдѣній, оставленныхъ намъ арабскими, персидскими и турецкими авторами по исторіи Золотой орды, В. Г. пришлось въ 1880 г. предпринять путешествіе по всѣмъ городамъ Европы, которыхъ бібліотеки извѣстны богатствомъ восточныхъ рукописей, и начать кропотливую работу выписки всего, что въ нихъ имѣло отношеніе къ Золотой ордѣ. Предпринятое изданіе должно было заключать четыре тома, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ содержать комментарий на первые три, но до сей поры появился только первый томъ (1884): «Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды» содержащій выписки изъ арабскихъ авторовъ въ подлинникъ съ ихъ русскимъ переводомъ. Книга эта была удостоена большой золотой медали императорскаго русскаго археологическаго общества, которому покойный имѣлъ намѣреніе поручить издать остальные томы этого труда. Изданіе это уже отчасти приготовлено къ печати. Вторымъ капитальнымъ трудомъ В. Г., за смертью его оставшимся не оконченнымъ, является «Исторія предметовъ роскоши мусульманскаго Востока X—XV вѣковъ». Этому труду были посвящены послѣдніе годы жизни В. Г. Онъ работалъ надъ нимъ съ необыкновенною усидчивостью и лихорадочною поспѣшностью, торопясь его кончить, точно предчувствуя близкую смерть. Покойный былъ членомъ всѣхъ археологическихъ обществъ Россіи и всѣхъ нумизматическихъ Западной Европы, почетнымъ членомъ императорскаго русскаго археологическаго общества и лондонскаго нумизматическаго, а съ 1893 года членомъ-корреспондентомъ императорской академіи наукъ. (Некрологъ А. М.—ва, въ «Новомъ Времени». 1902, № 9313).

Фельдманъ, Ѳ. А. 3-го февраля, скончался почетный опекунъ опекунскаго совѣта императрицы Маріи по с.-петербургскому присутствію, членъ военнаго комитета главнаго штаба, генераль-отъ-инфантеріи Ѳедоръ Александровичъ Фельдманъ. Покойный родился въ 1835 году, образованіе получилъ въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Вскорѣ по окончаніи академическаго курса, при военномъ министрѣ гр. Д. А. Милютинѣ, былъ привлеченъ къ дѣятельному участию въ выработкѣ и осуществленіи новыхъ порядковъ и законоположеній, направленныхъ къ коренному преобразованію русской арміи. Сперва въ качествѣ старшаго помощника начальника военно-ученаго отдѣла главнаго управленія генеральнаго штаба и начальника этого отдѣла, затѣмъ въ качествѣ дѣлопроизводителя канцеляріи военно-ученаго комитета главнаго штаба, онъ работалъ по многихъ комиссіяхъ, разсматривавшихъ вопросы о подъемѣ умственнаго образованія въ войскахъ, о всеобщей воинской повинности и друг. Во время борьбы славянъ за свою независимость въ 1876 г. Ѳ. А. былъ назначенъ военнымъ агентомъ въ Вѣну и пробылъ тамъ до 1881 г., когда занялъ должность управляющаго дѣлами военно-ученаго комитета главнаго штаба и вошелъ въ составъ членовъ комитета по мобилизаціи войскъ. Дѣятельность покойнаго по военно-ученому комитету продолжалась непрерывно въ теченіе 15 лѣтъ, при чемъ онъ являлся однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ генераль-адъютанта Н. Н. Обручева. Въ 1896 г. былъ назначенъ директоромъ императорскаго Александровскаго лицея, во главѣ котораго находился около

четырехъ лѣтъ. Почетнымъ опекуномъ былъ съ 1900 года. **Ө. А.** отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ, благородствомъ характера и добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ. Онъ принималъ между прочимъ дѣятельное участіе въ почительствѣ императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ въ качествѣ члена совѣта и почитателя Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ и мастерской для взрослыхъ слѣпыхъ имени К. К. Грота. За свою продолжительную и усердную службу имѣлъ много наградъ и орденовъ до ордена Вѣлаго Орла включительно и былъ произведенъ въ прошломъ году въ генераль-отъ-инфантеріи. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902 г., № 9310).

Филатовъ, Н. Ө. Въ Москвѣ, 26-го января, скончался отъ апоплексіи профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней Нилъ Федоровичъ Филатовъ. Имя покойнаго, какъ выдающагося педиатра, пользовалось извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. Его замѣчательныя сочиненія, изъ которыхъ наиболѣе выдающимся является «Семіотика и діагностика болѣзней дѣтскаго возраста», переведены почти на всѣ европейскіе языки и даже на японскій. Какъ клиницистъ, Н. Ө. отличался необычайной наблюдательностью, громадными знаніями и опытомъ. Какъ профессоръ, онъ былъ талантливымъ лекторомъ, умѣвшимъ въ немногихъ словахъ охватить сущность предмета и освѣтить ее съ удивительной ясностью и отчетливостью. Аудиторія его была всегда переполнена, его лекціи глубоко врѣзывались въ память слушателей. Какъ врачъ-практикъ, покойный относился одинаково къ бѣднымъ и состоятельнымъ больнымъ и нерѣдко оказывалъ матеріальную помощь бѣднымъ родителямъ, чтобы возстановить здоровье ихъ больныхъ дѣтей. Практика его была обширна, онъ былъ главнымъ врачомъ Хлудовской дѣтской больницы и врачомъ-консультантомъ бесплатной дѣтской лѣчебницы имени императора Александра III, Софійской дѣтской больницы и другихъ. Его мнѣніе по врачебнымъ вопросамъ цѣнилось всѣми. Онъ съ интересомъ слѣдилъ за новѣйшими открытіями и изслѣдованіями въ области врачебныхъ знаній и былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей серотерапіи. Н. Ө. родился въ 1847 г., образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, изъ котораго вышелъ съ дипломомъ лѣкаря съ отличіемъ. Свою врачебную дѣятельность началъ въ Саранскомъ уѣздѣ въ качествѣ земскаго врача. Ему пришлось дѣятельно бороться съ мѣстной эпидеміей сыпного тифа. Вскорѣ перѣѣхалъ въ Москву и выдержалъ экзаменъ на доктора медицины. Затѣмъ отпирался за границу для усовершенствованія своихъ знаній, слушалъ тамъ лекціи лучшихъ представителей медицины и занимался въ клиникахъ Праги, Вѣны, Парижа и Берлина. Вернувшись черезъ два года въ Москву, въ 1875 г. поступилъ ординаторомъ въ московскую дѣтскую больницу, въ слѣдующемъ году защитилъ диссертацию: «Къ вопросу объ отношеніи бронхита къ острой катаральной пневмоніи», представленную для полученія степени доктора медицины, и сталъ читать въ качествѣ приватъ-доцента лекціи въ Московскомъ университетѣ. Въ 1891 г. занялъ каѳедру дѣтскихъ болѣзней. Изъ его многочисленныхъ сочиненій, кромѣ «Семіотики и діагностики дѣтскихъ болѣзней», выдержавшаго пять изданій, назовемъ «Краткое руководство по дѣтскимъ болѣзнямъ», «Лекціи объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей», «Клиниче-

скія лекціи» (изданіе послѣднихъ остановилось вслѣдствіе смерти автора на второмъ выпускѣ) и другія. Популярность покойнаго была огромна. Московское общество дѣтскихъ врачей потеряло въ немъ своего предсѣдателя, находившагося во главѣ общества беззмѣнно со дня его основанія. Н. Θ. умеръ въ расцвѣтѣ силъ, на 55 году отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902 г., № 9305).

Щегловъ, Д. Θ. 10-го февраля, скоропостижно скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Димитрій Θεодоровичъ Щегловъ, всю свою дѣятельность посвятившій педагогическому дѣлу. Какъ выдающемуся педагогу-практику, ему пришлось стоять во главѣ нѣсколькихъ учебныхъ заведеній въ разныхъ городахъ Россіи, и всюду онъ проявлялъ особенную заботливость о нравственномъ развитіи учащагося юношества, содѣйствуя въ то же время всѣми мѣрами и вообще развитію просвѣщенія, особенно въ глухихъ уголкахъ Россіи. Его инициативѣ и ходатайствамъ между прочимъ обязана учрежденіемъ въ городѣ Ефремовѣ Тульской губерніи прогимназія, въ которой ему же пришлось потомъ, будучи ея инспекторомъ нѣкоторое время, положить немало труда въ дѣлѣ организациі и правильной постановки учебной и воспитательной части. По окончаніи курса въ 1857 году въ С.-Петербургскомъ главномъ педагогическомъ институтѣ, покойный сначала состоялъ преподавателемъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ гимназіяхъ, а затѣмъ былъ инспекторомъ нѣсколькихъ провинціальныхъ прогимназій и долгое время директоромъ гимназій въ Новочеркасскѣ и 2-й гимназій въ Одессѣ. Д. Θ. извѣстенъ, и какъ писатель-публицистъ. Онъ написалъ большой трудъ: «Исторію социальныхъ системъ» въ 2-хъ томахъ, представляющую собой критическое обзорѣніе социальныхъ ученій, начиная съ Платона и кончая Ог. Контонъ и Лигттре. Трудъ этотъ, обратилъ на себя вниманіе и министерства народнаго просвѣщенія и военное предписали пріобрѣсти въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній своихъ вѣдомствъ. За него же по присужденію императорской академіи наукъ покойный получалъ особую пенсію. Своими статьями, главнымъ образомъ историческаго характера, онъ принималъ участіе въ «Библіотекѣ для Чтенія» Писемскаго, въ изданіяхъ Каткова и многихъ другихъ. Кромѣ того, досуги свои онъ посвящалъ археологическимъ изысканіямъ, которыми занимался съ рѣдкой любовью. Состоя съ 1870 года членомъ императорскаго археологическаго общества, онъ неоднократно принималъ на себя труды по раскопкамъ въ Новочеркасскѣ, Донской области, Тверской, Тульской губерніяхъ и другихъ мѣстностяхъ Россіи, и результаты своихъ работъ печаталъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Послѣдніе годы покойный, по выслугѣ пенсіи, находился въ отставкѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9319).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Миѣичность Лермонтовскихъ мѣстъ».

Прочитавъ статью В. Л. Якимова въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»: «Миѣичность Лермонтовскихъ мѣстъ въ Пятигорскѣ», считаю не лишнимъ сообщить то немногое, но вѣрное, что я знаю. Можетъ быть, это пригодится кому нибудь изъ доискивающихся истины, какъ и В. Л. Якимовъ.

Изъѣздивъ Кавказъ отъ Эривани, Сухумъ-Кале, Петровска до Екатеринодара, Моздока, Кизляра, катаюсь и съ оказіей, и въ арбахъ, и на вьюкахъ, мы наконецъ зажили осѣдлой жизнью. Отецъ мой былъ назначенъ, въ 1858 году, старшимъ ординаторомъ Пятигорскаго военнаго госпиталя, и наша семья, переѣхавъ, поселилась у подошвы Машука, въ домъ, описанномъ въ «Героѣ нашего времени». Тогда домъ этотъ принадлежалъ Василию Ивановичу Челяеву, который въ это время получилъ мѣсто управляющаго въ Кахетіи у родственниковъ моей матери, а свою усадьбу съ домомъ, выходящимъ на улицу въ палисадникъ, и флигелемъ, балконъ котораго выходилъ въ небольшой садъ, полный розъ, черешень, лычи и др., предоставилъ въ распоряженіе нашей семьи.

Мать моя была восторженная поклонница Лермонтова, знала всѣ его лучшія произведенія на память, и мы, дѣти, со словъ ея заучивали стихотворенія, относящіяся къ Кавказу.

Въ годъ дуэли Михаила Юрьевича, мать моя, еще небольшая дѣвочка, гостила въ семьѣ этого самаго В. П. Челяева, и жили они въ домѣ, а флигель занималъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

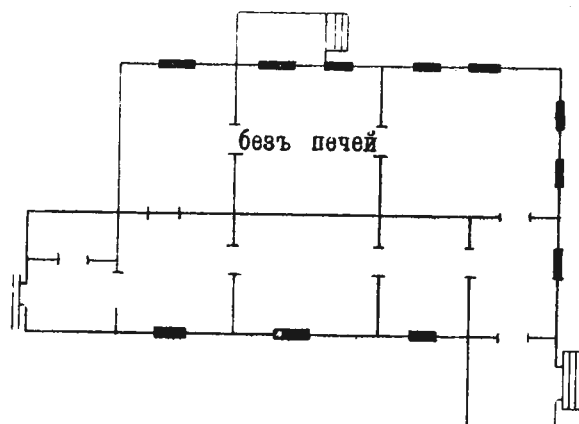
Вся катастрофа произошла на ея глазахъ, и не мудрено, что впечатлительная дѣвочка ясно запомнила всѣ мѣста. Возвратившись въ Пятигорскъ взрослой женщиной, она, конечно, постаралась возобновить въ памяти всѣ мѣста, связанная съ именемъ Лермонтова. Не разъ потомъ вмѣстѣ съ нами, дѣтьми, повторяла эти прогулки къ Перкальской скалѣ, показывала мѣсто, гдѣ былъ убитъ поэтъ, оттуда пробирались на кладбище, и мать, указывая на яму, говорила: «тутъ былъ похороненъ Михаилъ Юрьевичъ, но его бабушка просила разрѣшенія вырыть и увезти его тѣло къ себѣ въ имѣніе». Яма эта была довольно далеко отъ церкви.

Прилагаю небольшой чертежъ комнатъ флигеля, какимъ онъ былъ по расположенію въ 1858 году, безъ означенія размѣра комнатъ.

По словамъ моей матери и В. П. Челяева, въ такомъ видѣ онѣ были и при Михаилѣ Юрьевичѣ. Спальней его была средняя комната, выходящая окномъ во дворъ, а возлѣ, маленькая, служила кабинетомъ. Мать часто заглядывала въ окно, чтобы посмотреть, что дѣлаетъ поэтъ. Когда же я спорила съ нею, что въ «Героѣ» говорится про лѣстники черешень, падающихъ на столъ, значитъ его комната была обращена въ садъ, она мнѣ отвѣчала: «у Михаила Юрьевича

всегда кто нибудь гостилъ въ тѣхъ комнатахъ, а онъ занималъ со двора». Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я бѣгала по этимъ крохотнымъ комнатамъ, но сильно онѣ запечатлѣлись въ моей памяти: въ то время въ Пятигорскѣ только и говорили, что о Лермонтовѣ (и еще о Шамилѣ), а въ нашемъ домѣ и того болѣе; кто бы ни прїѣзжалъ къ намъ, обязательно просилъ показать Лермонтовскія комнаты и столъ, на которомъ писалъ Михаилъ Юрье-

Садъ

вичъ. (Не знаю, существуетъ ли онъ теперь, но въ то время стоялъ въ кабинетѣ).

При насъ еще сберегались кусты розъ, упоминаемыхъ Лермонтовымъ, и каждый день, до поздней осени, мать посылала меня срывать цвѣты и дѣлать букетики изъ «Лермонтовскихъ розъ», какъ я называла. Относительно грота я тоже слышала отъ матери, что его во времена Лермонтова не было, а лежали только большіе камни.

Что касается предположенія, что поэтъ жилъ въ домѣ, не основывается ли оно на словахъ самого поэта (Княжна Мери)?

Если мы, въ своихъ прозаическихъ письмахъ, искажаемъ иногда факты, красоты ради, какъ же было художнику, начавъ рисовать картину передъ однимъ окномъ, не заглянуть и въ другое и, плѣбившись видами, не зарисовать ихъ?

Истина отъ этого не пострадала, а мы имѣемъ безсмертную картину.

М. Трофимова.

II.

Еще объ имѣніи графа Завадовскаго.

Въ статьѣ «Остатки былого величія» («Историческій Вѣстникъ», 1902 г., кн. 1-я) я указалъ, между прочимъ, на нѣкоторыя неточности въ описаніи г. Миллера «судьбы» Ляличей, извѣстнаго имѣнія графа Завадовскаго. Свою статью я пи-

саль по свѣдѣніямъ и документамъ, доставленнымъ мнѣ сыномъ одного изъ бывшихъ владѣльцевъ этого имѣнія, В. А. Э—дтомъ. Я не успѣлъ провѣрить всѣ полученныя мною свѣдѣнія,—и это вызвало въ февральской книгѣ журнала «поправку» со стороны г-на И. Ал—скаго. Справившись, по алфавитнымъ указателямъ историческихъ журналовъ, въ «Архивѣ князя Воронцова», г-нъ Ал—скій сообщаетъ: 1) что имѣніе Завадовскаго называлось не Екатеринындарь, а Екатериндарь (т. е. безъ буквы ѣ); 2) что это имѣніе «при императорѣ Павлѣ стало называться, попрежнему, Ляличи» (я сказалъ, что императоръ самъ назвалъ такъ это имѣніе); и 3) что «во владѣніи князя Потемкина имѣніе Ляличи не было». Существенна, собственно, одна послѣдняя поправка: дѣйствительно, имѣніе Ляличи было приобретено отъ Завадовскаго не самимъ Потемкинымъ, а его племянникомъ, генераль-аншефомъ Василиемъ Васильевичемъ Энгельгардтомъ.

Относительно же бюро королевы Маріи-Антуанетты, г. Ал—скій говоритъ, что ему «пришлось слышать иное», то-есть не то, что сказалъ я въ статьѣ своей; и затѣмъ, сообщаетъ это «иное»... Неизвѣстно, откуда почерпнулъ г-нъ Ал—скій свои свѣдѣнія, но только они не вѣрны, и я рѣшаюсь въ свою очередь ихъ исправить на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ Л. О. Линевица, котораго И. Ал—скій называетъ «счастливымъ антикваріемъ, приобретшимъ у кого-то (?) изъ потомковъ Трощинскаго историческое бюро сравнительно за безцѣнокъ»... Г-ну Линевицу не было никакой надобности обращаться для покупки бюро «къ кому-то изъ потомковъ Трощинскаго» (которому, по увѣренію г. Ал—скаго, императрица Екатерина, будто бы, подарила это бюро), такъ какъ онъ купилъ все имѣніе Ляличи съ домомъ и всею находящеюся въ немъ драгоценною движимостью отъ гвардіи ротмистра Атрыганьева. Въ числѣ движимости находилось и это самое большое бюро, которое и было, затѣмъ продано г. Линевичемъ парижскому банкиру Ротшильду; но «за баснословную ли сумму», какъ узналъ И. Ал—скій, пошло это историческое и рѣдкостное бюро, или за обыкновенную,—этого я не знаю, и до исторіи это не относится.

У Д. П. Трощинскаго же имѣлось лишь малое бюро, маркетри же съ нѣсколькими бронзовыми украшениями работы Гутъера, но безъ фарфоровыхъ медальоновъ Буше. Это небольшое бюро, равно какъ и шкафъ, принадлежавшіе королевѣ же Маріи-Антуанеттѣ и имѣвшіе ея вензель, были тоже куплены г. Линевичемъ въ бывшемъ имѣніи Трощинскаго. Шкафъ королевы, работы маркетри же (мозаика изъ дерева), находится и по сіе время у г. Линевица.

Ив. Захарыиъ (Явунинъ).

ОСАДА СТРАСБУРГА

(Braves gens. Strassbourg)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ

ПОЛЯ и ВИКТОРА МАРГЁРИТЬ

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО)

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1902

I.

ШЛНОТЕ!—воскликнулъ своимъ звучнымъ голосомъ Ансбергъ, бывшій главный департаментскій совѣтникъ Страсбурга:—не скажете же вы намъ, Гермать, что прусскіе офицеры лучше нашихъ?

Онъ самоувѣренно выставилъ грудь впередъ; на его высокомъ черепѣ прекрасно лежали прилизанные косметикой волосы; его усы и эспаньолка были навощены для приданія имъ остроконечной формы. Это, очень шло къ изяществу его бѣлаго жилета, бѣлыхъ штиблетъ и клѣтчатыхъ бѣлыхъ съ чернымъ панталонъ. Гордясь своей дружбой съ префектомъ, барономъ Пронъ, онъ охотно подражалъ его официальной гордой осанкѣ. Будучи отставнымъ офицеромъ, разбогатѣвшимъ промышленникомъ и убѣжденнымъ бонапартистомъ, онъ горячо поддерживалъ имперію, и, объявленная три недѣли тому назадъ, война наполнила его сердце гордостью и радостью.

Гермать,—эльзасецъ и либераль, красивый мужчина съ бѣлокурой бородой, немного тяжеловатый отъ толщины и ожирѣвшій отъ пива,—печально отвѣчалъ:

— Да, нѣмецкіе офицеры выше нашихъ; прежде всего они образованы и подготовлены уже давно; питаютъ полную вѣру въ свое призваніе и надменно повелѣваютъ своими солдатами. Въ дисциплинѣ, въ командованіи, въ организаціи, во всемъ они превосходятъ насъ. Повѣрьте мнѣ, я говорю объ этомъ со знаніемъ дѣла.

Горечь обнаружилась въ его послѣднихъ словахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прежде чѣмъ выйти изъ дѣлъ фабрики Шилтихгеймскихъ ситцевъ, оставивъ ее компаньону, онъ далъ согласіе

на бракъ своей дочери, Эдели, съ баденскимъ офицеромъ, поручикомъ Гаффнеромъ. Она находилась у нихъ со своимъ маленькимъ сыномъ, Генрихомъ, когда грянулъ громъ войны между двумя народами. Она осталась у нихъ лишь столько времени, чтобы успѣть застегнуть пряжки своего чемодана, и уѣхала. У Гермата, какъ и у многихъ его соотечественниковъ, былъ трауръ; въ каждой семьѣ были французскіе и нѣмецкіе родственники. Городъ ученыхъ и студентовъ, Страсбургъ былъ какъ бы мостомъ, перекинутымъ между двумя странами, союзомъ цивилизацій для обмѣна новыхъ идей и полезныхъ приобретений. Тамъ говорили по-нѣмецки, но думали по-французски. Невзирая на религиозную и политическую разницу, все жили въ единомысліи въ прекрасномъ и добромъ Эльзасѣ. Но вотъ каждый очагъ раздѣлился, проснулась расовая вражда: отвратительная война перевернула вверхъ дномъ совѣсть и взволновала души.

Свысока и строго Ансбергъ возразилъ Гермату:

— Вы говорите, не какъ патріотъ. Я видѣлъ на нашихъ Бролійскихъ гласисахъ изумительное сборище нашихъ военныхъ силъ: тюркосовъ, кирасировъ, зуавовъ, всѣхъ этихъ опьяненныхъ живостью и весельемъ офицеровъ; я отвѣчаю за ихъ рыцарскую доблесть и говорю: вы клеветецете на нихъ!

Герматъ возмутился: онъ клеветецетъ на армію!... Развѣ это была клевета, что его оскорбило легкомысліе и шумная беззаботность офицеровъ, мундиръ которыхъ онъ уважаетъ? Развѣ онъ не видалъ ихъ рисующимися за кофейными столиками, смѣющимися съ сидѣлками въ кокетливыхъ костюмахъ и дѣлающими изъ войны увеселеніе? А какое невѣжество? Одинъ полковникъ спросилъ его съ непринужденнымъ видомъ: «Не правда ли, Гагенау и Виссембургъ—нѣмецкіе города?» А плачевная организація войска, которое ищетъ свои казармы и не находитъ, выпрашивая хлѣба на улицахъ! Развѣ онъ самъ не помѣщалъ у себя солдатъ десятками? А когда подъ звуки трубъ отправлялся полкъ съ ружьями на плечо, не слѣдилъ ли онъ за слабостью наличнаго состава и небрежностью осанки? Развѣ замѣчать то, что колеетъ глазъ, значить быть дурнымъ патріотомъ? Обо всемъ этомъ онъ хотѣлъ закричать, но къ чему разжигать споръ? Его жена бросала на него умоляющіе взгляды, и онъ продолжалъ молчать.

Поддерживаемый вызывающимъ видомъ г-жи Ансбергъ и скрытнымъ одобреніемъ Стумпфовъ, бѣдныхъ родственниковъ, которыхъ Герматы пригласили изъ доброты,—Ансбергъ бросилъ взглядъ, полный гнѣвнаго триумфа, вокругъ стола. Маленькій Карлъ Герматъ, сидѣвшій съ Ноэми на другомъ концѣ стола, замѣтилъ, что красная шея «старого друга» вздувалась, какъ у индѣйки зобъ, и удивлялся, что не слышитъ звуковъ: «глю! глю! глю!»

Въ этотъ моментъ Ансбергъ считалъ себя лучшимъ французомъ, чѣмъ кто либо другой; его искренній, но узкій шовинизмъ видѣлъ въ самыхъ робкихъ оговоркахъ, самыхъ легкихъ возраженіяхъ оскорбленіе величія страны и стойкости образа государственнаго правленія.

Обладая деспотическимъ и пылкимъ нравомъ, онъ хотѣлъ заткнуть рты своимъ возражателямъ. Онъ испытывалъ болѣзненное, почти озлобленное раздраженіе противъ своего стараго товарища. Въ немъ пробудились всѣ небольшіе недочеты, мелкая злоба, строгость сужденія, какіе могутъ накопиться и при самой искренней дружбѣ.

Въ продолженіе послѣдовавшаго безпокойнаго молчанія двѣ служанки, Гретхенъ и Ганна, подали золотистыхъ пулярокъ, фаршированныхъ печенками и яичнымъ желткомъ,—торжество поварихи Гертруды. Съ пылающими щеками и съ чепчикомъ, сбившимся на сторону, съ самой зари она слѣдила за слегка кипящими кастрюлями, такъ какъ это была первая суббота въ мѣсяцѣ—день, въ который, съ давнихъ поръ, при первомъ ударѣ одиннадцати часовъ, звонили у рѣшетки дома Герматовъ—Ансберги, пасторъ Готтгусъ и адвокатъ Вольфартъ. Этотъ день былъ праздникомъ у Герматовъ. Они питали культъ къ дружбѣ, и хорошій приемъ былъ одинъ изъ его обрядовъ; они любили попотчевать своихъ гостей тонкими блюдами и рѣдкими винами. Дѣйствительно, Гертруда превзошла самоё себя: душистая лососина, орошенная рюдсгеймеромъ, предшествовала поджареннымъ свинымъ хвостамъ, хрустѣвшимъ на зубахъ,—истинное наслажденіе. Такова была сила привычки, что, несмотря на висѣвшее въ воздухѣ безпокойство и на грозные раскаты сраженія, которое давалъ Макъ-Магонъ въ тотъ самый часъ, въ сторонѣ Гагенау,—они съ удовольствіемъ вкушали всѣ эти прелести.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что маршалъ отомститъ за неудачу, смерть генерала Дуэ и уничтоженіе дивизіи въ Виссембургѣ, захваченной корпусомъ королевскаго принца.

Вчера неутѣшные крестьяне, требовавшіе докторовъ къ раненымъ, принесли это извѣстіе. Сначала имъ не хотѣли вѣрить. Этотъ первый несчастный переворотъ въ судьбѣ своимъ похороннымъ звономъ взволновалъ весь Страсбургъ. Волненіе отъ этого впечатлѣнія еще не улеглось; оно дѣлало разговоръ лихорадочнымъ. Многіе видѣли въ томъ плачевное предзнаменованіе, другіе—несчастіе, которое на другой день потребуеть реванша. Разсчитывали на Маджентскаго побѣдителя и героя битвы при Малаховѣ. Своимъ краснымъ, грубымъ лицомъ и сѣдыми волосами маршалъ внушалъ къ себѣ довѣріе, но такое потрясеніе натягивало нервы и сильно возбуждало страсти. За этимъ столомъ, гдѣ въ продолженіе столькихъ лѣтъ споры оставались учтивыми, теперь два раза поднимались

жестокія препирательства—что-то треснуло въ стариной дружбѣ Ансберговъ. Такъ было въ каждомъ домѣ Страсбурга: партизаны войны и мира, протестанты и католики, преторіанцы и либералы находились на ножахъ.

Пасторъ Готтусъ, съ грубымъ краснымъ лицомъ, съ толстымъ луковицеобразнымъ носомъ между свѣтлыми глазами, честный человѣкъ, любившій говорить напрямикъ, заявилъ:

— Сохранимъ себя отъ гордости! Это большой недостатокъ нашего брата, француза. Я вижу, дорогой Ансбергъ, что вы не знаете Германіи.

— Я кичусь этимъ,—отвѣчалъ Ансбергъ.

— Слѣдовательно, какъ же вы можете о ней судить? Нравственный уровень нашихъ сосѣдей несравненно выше нашего: тамъ живетъ народъ сильный, упорный. Германія господствуетъ надъ нами не только своими учеными, знающими и начитанными людьми, но и тѣмъ, что въ каждой семьѣ, даже самой неразвитой, царствуетъ нѣмецкое чувство, состоящее изъ любви къ общей родинѣ и религіознаго идеала, котораго мы не вѣдаемъ. Наша Франція, праздная, развратная, алчная до наслажденій, выродилась, и я прошу Бога военныхъ силъ, чтобы онъ не наложилъ на нее ужасной кары.

— Г-нъ пасторъ (обыкновенно Ансбергъ говорилъ: мой дорогой Готтусъ, или: мой уважаемый другъ), это не французскія чувства.

— Не французскія!—воскликнулъ побагровѣвъ Готтусъ.—Нѣтъ, право, лучше не спорить въ такомъ тонѣ.

Молодой Андрэ Герматъ, только что окончившій курсъ юридическаго факультета, и на котораго съ дѣтства смотрѣли, какъ на жениха Элизы Ансбергъ, поднялъ свои красивые глаза на молодую дѣвушку. Онъ обладалъ болѣзненной впечатлительностью и страдалъ, слыша, что эти существа, которыхъ связывало столько воспоминаній сердечнаго согласія и уваженія, такъ говорили. Но Элиза, также безпокоясь въ этой атмосферѣ, насыщенной электричествомъ, повернувъ свое маленькое, нѣжное личико, разсматривала между полузакрытыми ставнями, желобками тянувшейся тѣни и лучами солнца, столѣтнее каштановое дерево, вѣтви котораго попадали почти въ комнату. Обыкновенно его листва, какъ бы громадное гнѣздо, трепетала отъ крыльевъ и пѣнія птицъ; теперь ни одинъ листъ не колыхался; сожженная земля, засохшіе трава и цвѣты издавали терпкое благоуханіе. Андрэ и Элиза инстинктивно боялись какой нибудь непредвидѣнной неожиданности. Ихъ нѣжнымъ чувствамъ угрожала опасность. При ихъ давней и полной увѣренности въ безопасности имъ казалось это необычнымъ.

Старый домъ и старый садъ былъ дѣйствительно, въ ихъ глазахъ, оазисомъ мира, тишины и счастія. Уже такъ давно они знали въ немъ всѣ закоулки. Сколько разъ они завтракали, какъ сегодня, въ этой высокой и широкой столовой, со стѣнами, украшен-

ными дѣльной работой, медальонами, дверьми съ матово-золочеными сѣтчатыми карнизами, съ китайскимъ фарфоромъ на стѣнахъ, съ мебелью въ стилѣ Ампиръ, свидѣтельствовавшими о семейныхъ традиціяхъ солиднаго и прочнаго комфорта. Каждой предметъ обстановки старѣясь гармонировалъ и, раздѣляя въ ежедневной жизни живыхъ существъ появлявшіяся радости и горе, мало-по-малу воодушевлялся и дѣлался самъ какъ бы живымъ. Также и въ душѣ Элизы и Андрэ любовь настолько естественно и глубоко увеличилась, что они даже ея не чувствовали, такъ какъ она проникла въ нихъ и составила часть ихъ самихъ, какъ воздухъ, который они вдыхали, и каждый жестъ, къ которому они привыкли. Никогда они не говорили, что любятъ другъ друга, но ихъ улыбка, ихъ взглядъ, интонація голоса сливались между собою чрезъ таинственное сходство характеровъ и невидимую нить чистой, простой и сильной любви.

Вольфартъ, съ густою гривой волосъ и бородой, остриженной подъ гребенку, дѣлавшими его похожимъ на сѣраго ежа, съ однимъ изъ тѣхъ движеній плечъ, которымъ онъ привыкъ поправлять свою тогу въ судѣ, сказалъ умиротворяющимъ тономъ:

— Очевидно, такой тактикъ, какъ Макъ-Магонъ, всегда дѣйствующій неожиданно, внушаетъ довѣріе. Однако, мнѣ кажется, что не принимаютъ въ соображеніе стратегической позиціи Страсбурга. Это—ключъ Эльзаса. Объ этомъ забыли. Почему не займемъ мы Кэль, какъ наши отцы въ 1814 и 1815 годахъ? Захвативъ Рейнъ, мы угрожали бы великому герцогству. Развѣ потому, что въ своемъ глумлѣннѣ вандализмѣ баденцы взорвали мостъ? Развѣ у насъ на гласисахъ нѣтъ для перехода рѣки приготовленныхъ понтоновъ? Только думаютъ ли о возможности блокады? Насъ оставили безъ гарнизона. Осадное положеніе объявлено; у насъ новый губернаторъ, генераль Урихъ. Но солдаты, пушки?.. Наши валы—сады и мурава, поясъ военныхъ операцій покрытъ домами и деревьями. Развѣ это, спрашиваю я, серьезныя приготовленія?

— Вы тоже, Вольфартъ,—воскликнула г-жа Ансбергъ, у которой былъ длинный носъ и рѣзкій голосъ,—вы также дрожите?

Но Ансбергъ прервалъ:

— Какое обвиненіе, дорогой юристъ! Какимъ были бы вы генераль-прокуроромъ, если бы не были Циперономъ адвокатуры! Но вы и въ самомъ дѣлѣ воображаете, что Страсбургу будетъ угрожать опасность? Это мы, съ блиндированными канонерками генерала Эксельмана, отправимся бомбардировать укрѣпленные города Рейна. Макъ-Магонъ теперь разгромить нѣмецкую армію. Сегодня вечеромъ мы устроимъ иллюминацію... въ угрожаемомъ опасностью Страсбургѣ! Нѣтъ, это презабавно!

Настолько идея показалась Ансбергу нелѣпой и неслышанной, что онъ разразился хохотомъ. Его жена вторила ему, а Стумпфы смѣялись исподтишка.

— Почему надъ этимъ смѣются?—спросила Ноэми тихонько у Карла.

Это была крестница г-жи Гермать—сирота, воспитывавшаяся въ пансіонѣ «Сестеръ»—худенькая, съжившшаяся и зябкая дѣвочка, про которую можно было бы сказать: «хорошая птичка на съѣденіе кошкѣ»; но это была миленькая, трогательная птичка. Отъ времени до времени ее приглашали, чтобы дать ей хорошо позавтракать. Ея мать была кормилицей Карла, и казалось, что розовый, толстоцекаій мальчикъ взялъ себѣ все молоко, не оставивъ ничего дѣвочкѣ. Онъ покровительствовалъ ей своей дружбой и повелительно распредѣлялъ игры. Карлъ отвѣтилъ ей:

— Они смѣются, потому что будутъ кушать «гуглофъ».

И, довольный своимъ объясненіемъ, онъ углубился въ созерцаніе пышнаго пирога и сопровождающихъ его сливокъ, не видя, какъ мать глазами запрещала ему класть локти на столъ, и, еще менѣе замѣчая, какъ дядя Ансельмъ издали улыбался ему.

Старшій братъ Гермата, старый холостякъ, слылъ за оригинала, благодаря своей превосходной чистотѣ души. Кромѣ своихъ и Карла, котораго онъ баловалъ до крайности, онъ любилъ только свои бездѣлушки, скрипку и бѣдныхъ. Во второмъ этажѣ дома онъ собралъ настоящій музей изъ закопченныхъ картинъ, деревянныхъ, рѣзныхъ бауловъ, маленькихъ фарфоровыхъ фигурокъ и старыхъ ковровъ, стоевшихъ, повидимому, очень дорого, но за которые Карлъ не далъ бы одного крейдера; относительно ихъ дядя Ансельмъ рассказывалъ неистощимыя исторіи. Круглолицый, съ гладкими волосами, раздѣленными по срединѣ проборомъ, съ забавно разсѣяннымъ, порою, видомъ, дядя Ансельмъ былъ наставникомъ Карла относительно предметовъ таинственнаго міра; онъ наполнилъ воображеніе ребенка таинственными и страшными баснями и раскрылъ подземелья—его грезамъ, изумленію и страху. Часто ночью въ своей кровати Карлъ садился на постель и недовѣрчиво изслѣдовалъ тѣни: то это былъ горбатый гномъ, проскользнувшій подъ комодъ, то Лорелея, выкупавшися въ зеленомъ Рейнѣ, тянулась на лунный лучъ... Но въ данный моментъ Карлъ не думалъ ни о разсказахъ дяди, ни о войнѣ, ни о поддразниваніяхъ Ноэми, щекотавшей своей вилкой его ладонь, онъ мечталъ только о «гуглофѣ» и о кускѣ, который ему отрѣзывали.

Но что же случилось? Роздали сладкій пирогъ съ миротворной справедливостью, однако споръ сталъ еще болѣе ѣдкимъ. На этотъ разъ Гумблотъ раздулъ бурю. Карлъ проклиналъ этотъ шумъ, произведенный мужчинами; женщины, по крайней мѣрѣ, держались спокойнѣе. Г-жа Готтусъ, добродѣтельная особа, тихая, какъ овечка, съ которой она имѣла большое сходство своей удлиненной челюстью, смотрѣла въ тарелку; двоюродная сестра, Стумпфъ, очень живо вращала глазами, какъ будто она хотѣла подслушать каждаго ра-

зомъ, а толстая г-жа Гумблотъ тяжело дышала отъ астмы; что касается до г-жи Герматъ, ей было достаточно дѣла—наблюдать за прислугой, слѣдить за разговоромъ и обмѣниваться съ мужемъ озбоченными взглядами.

Гумблотъ, тихій человѣкъ, несмотря на свои грозные усы, очень оживленно кричалъ:

— Вѣдь я повторяю вамъ, что великое герцогство пусто! Заводы болѣе не работаютъ, крестьяне переселились, баденскія войска покинули границы: настолько великъ страхъ, который мы внушаемъ имъ. Въ данный моментъ говорить объ иномъ, чѣмъ побѣда, было бы вѣроломствомъ. Надо благословлять эту войну, которая сдѣлаетъ Францію еще болѣе великой.

— Не надо благословлять войны!—сказалъ сурово Готтусъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Герматъ,—война—беззаконіе, преступленіе! Это гнусность! Я подписалъ петицію императору противъ войны. Благословлять ее!... Какъ можете вы говорить такую вещь, Гумблотъ, вы, не бравшій никогда въ руки ружья, даже чтобы убить зайца! Вы очевидно не знаете, что означаютъ эти ужасныя слова: сожженные жатвы, расхищенные деревни, быстрыя экзекуціи, грабежъ, смертоубійство въ частности и большая рѣзня въ общемъ. Подумайте о томъ, что такое поле сраженія, и горе матерей!

— Теперь не время оспаривать войну: разливъ вино, надо его выпить.

— Да, вы его разлили,—возразилъ Герматъ съ отчаяніемъ:—вы разлили не вино, а кровь. Вы причинили наше несчастіе. Не очень этимъ гордитесь!

Стумпфъ, съ лицомъ, походившимъ на мордочку сладенькой ласочки, воскликнулъ фальцетомъ:

— Но, братецъ, ты хорошо знаешь, что Вильгельмъ напалъ на Бенедетти и закричалъ ему: «Вонъ! Вонъ!»

— Я этого не слыхалъ,—отвѣтилъ Герматъ:—я не обязанъ тебѣ вѣрить.

— Вотъ до чего мы дошли!—воскликнулъ Ансбергъ.—Могли ли мы ожидать, что получимъ ударъ съ тыла? Будто эти люди не зывали насъ всевозможнымъ образомъ.

— Тогда мы очень наивны, попавъ въ сѣти,—возразилъ Герматъ.—Развѣ вы дѣти? Вы, старые страсбуржцы, развѣ вы не знаете, что Эльзасъ—ставка въ этой нелѣпой войнѣ? Развѣ вы не чувствуете, что мы заплатимъ выкупъ? Значитъ, мысль сдѣлаться пруссаками силою побѣды не производитъ на васъ впечатлѣнія?

Поднялась суматоха; стали съ шумомъ возражать.

— Постойте!—кричалъ Ансбергъ.

— Молчите!—умолялъ Гумблотъ...

Пронзительные голоса ихъ женъ и Стумпфа протестовали:

— Нѣтъ, никогда! Какая мысль! Пруссаки!.. Не слѣдуетъ говорить подобныхъ вещей!.. О братецъ!

Но Гермагъ выходилъ изъ себя, возвышая голосъ:

— А! Не надо этого говорить! Правда деретъ уши! Ну, такъ хорошо, вы ее услышите? Гдѣ же ваши иллюзіи? Вы говорили, что Пруссія пойдетъ одна, а Германія подымается. Вы говорили: «у насъ будутъ союзники». Гдѣ же они? Покажите мнѣ ихъ! Въ Мюнхенѣ и Штутгартѣ университеты и гимназіи опустѣли въ одно мгновеніе: тысячи студентовъ предложили себя волонтерами. Это народное движеніе непреодолимо. Ну, вы знаете, однако, какъ и я, что Пруссія хочетъ Страсбурга, добивается Меца и расчлененія Франціи. Какъ и я, вы получали и получаете ежедневно изъ Германіи письма, которыя не оставляютъ вамъ никакого сомнѣнія...

— Только не я!—поправилъ Ансбергъ, поселившійся въ странѣ около двадцати лѣтъ.—Благодаря Бога, я знаю только французовъ!

— Но, эльзасцы—отъ отца къ сыну, но вы, пасторъ, и вы, Гумблотъ, и ты, Стумпфъ, вѣдь вы знаете, что я говорю правду. Намъ пишутъ: «Мы посвятимъ все, чтобы положить конецъ безпрестаннымъ угрозамъ французовъ. Мы все пустимъ въ ходъ, мы положимъ до послѣдняго нашего талера, до послѣдняго нашего сына, но мы возвратимъ себѣ Эльзасъ и Лотарингію, чтобы защитить наши границы!» Моя дочь, Эдель, французенка сердцемъ, однако, объявила мнѣ о силѣ любви къ своей новой семьѣ, ко всѣмъ тѣмъ, кого она видѣла и слышала. Она считаетъ уже Страсбургъ возвратившимся къ «великой общей родинѣ». Даже дѣти... да вотъ мой внукъ Генрихъ писалъ Карлу: «До свиданія, дядюшка, и до скорого! Мы возвратимся въ Страсбургъ съ солдатами и хорошо повеселимся вмѣстѣ, когда ты будешь такъ же нѣмецъ, какъ и я». Благословляйте теперь войну, которая порождаетъ подобныя чудовищности!

— Ну, такъ,—воскликнулъ съ бѣшенствомъ Ансбергъ,—ваши слова доказываютъ, что въ Эльзасѣ нѣчто сгнило. Прикосновеніе границы испортило лучшую совѣсть. Вотъ результаты компромиссовъ, союзовъ и дружбы: ослабленіе характера и упадокъ сердца. Однимъ словомъ, знаете ли вы, какъ это называется? О! совсѣмъ не французское слово:—«трусость». Вы боитесь, боитесь сражаться!

— Ансбергъ, вы мой гость и самый старый другъ,—сказалъ Гермагъ дрожащимъ голосомъ:—вы не имѣете права такъ со мною говорить.

— Я имѣю право! Да, я обязанъ. Ваши чувства не достойны истиннаго страсбургца!—воскликнулъ Ансбергъ.

— Ансбергъ!

— Тотъ, кто сомнѣвается въ своей странѣ, ранитъ во мнѣ священныя фибры, тотъ, кто вѣритъ болѣе въ непріятеля, чѣмъ во Францію, жестоко оскорбляетъ меня. Побѣда нашей арміи и тор-

жество имперіи будетъ вамъ карою! Не называйте меня болѣе вашимъ другомъ; это кончено! Вашимъ гостемъ я болѣе никогда не буду!

Онъ поднялся, бросивъ свою салфетку; Гермать—тоже. Въ эту минуту смятенія стулья попадали; дамы издавали восклицанія. Дойдетъ ли дѣло до драки? Вмѣшался пасторъ Готтусъ.

— Друзья мои,—сказалъ онъ,—изъ любви къ Богу, именемъ патріотизма, который васъ воодушевляетъ, забудьте это недоразумѣніе. Ансбергъ, Гермать, подайте другъ другу руки!

Но Ансбергъ не хотѣлъ ничего слышать.

— Прощайте! Иди, жена! иди, Элиза!

Андрэ всталъ и сдѣлалъ шагъ впередъ; онъ хромалъ съ дѣтства, и этотъ недугъ былъ для него жестокимъ униженіемъ. Высокомѣріе Ансберга возмущало его, а мысль потерять Элизу взволновала. Поблѣднѣвъ, онъ пробормоталъ.

— Элиза, не уходите! Элиза, не сердитесь!

Но, потерявъ голову, она, казалось, не слышала его; ея мать увлекла ее за собою; тщетно Вольфартъ и Готтусъ старались его удержать. Ансбергъ удалился въ сопровожденіи Гумблота, затѣмъ Стумпфовъ, рѣшившихся, какъ сказали они, уговорить его и привести обратно.

Карлъ забылъ отъ изумленія свой кусокъ «гуглофа»; испуганная Ноэми, казалось, была готова расплакаться. Г-жа Гермать съ нѣжной твердостью оперлась на плечо мужа, на котораго нѣжно смотрѣлъ дядя Ансельмъ. Гермать взглянулъ на Вольфарта, потомъ на Готтуса. Пасторъ протянулъ ему съ жаромъ руки, сказавъ:

— Мой старый другъ!

И прибавилъ:

— Простите ихъ: они не знаютъ, что творятъ!..

II.

Однако сраженіе все продолжалось, и глухой шумъ достигалъ до города съ порывомъ вѣтра. Страсбургъ переполненъ былъ любопытными, журналистами, родителями и друзьями офицеровъ, спокойно ожидавшими военныхъ извѣстій. Жители, вышедшіе изъ города на двѣ мили, вернулись съ веселыми лицами: неожиданное нападеніе Макъ-Магона, утверждали они, имѣло успѣхъ. Фальи, спустившись съ Битча, напалъ съ фланга на нѣмцевъ, заманенныхъ въ Гагенаускій лѣсъ. Таможенные вернулись съ развѣдокъ: громъ пушекъ удалялся въ сторону Виссембурга. Пробѣжала дрожь побѣды: королевскій принцъ убитъ, его армія взята въ плѣнъ!

— Давай Богъ!—думалъ Гермать. Безпокойство принудило его выйти изъ дома. Сопровождаемый Вольфартомъ, онъ испыталъ всѣ волненія, свирѣпствовавшія въ городѣ. Многія лица ему были зна-

комы, и онъ могъ прочитать на нихъ отраженіе своихъ собственныхъ чувствъ. Онъ молча шелъ съ тяжелымъ сердцемъ. Одна побѣда могла усладить горечь, разлившуюся въ немъ. Подъ его спокойной личиной, въ которой практической смыслъ соединялся съ добродушіемъ, скрывался нѣжный человѣкъ, вѣрный въ своихъ привязанностяхъ и укоренившійся въ своихъ привычкахъ. Его ссора съ Ансбергомъ причинила ему ужасную печаль, это его возбуждало, какъ жестокая зубная боль, какъ мучительный глубокій ожогъ. Онъ страдалъ тѣломъ и душою. Такая старинная дружба! Напрасно онъ повторялъ себѣ, что Ансбергъ, грубый, восторженный человѣкъ, часто не хотѣлъ его признавать, не хорошо понималъ, что въ ихъ привязанности онъ, Герматъ, давалъ болѣе, чѣмъ получалъ; это его не утѣшало, но лишь усиливало злобу, оставшуюся отъ сдѣланной ему несправедливости. До чего дошло дѣло!... До такой степени Ансбергъ довель оскорбленіе, что за собственнымъ столомъ Гермата, нарушая этимъ тихое общеніе за хлѣбомъ-солью, онъ покинулъ его съ такимъ неприличіемъ и грубой вспышкой! Нѣтъ, онъ никогда не будетъ въ состояніи простить Ансберга; въ данную минуту Герматъ ненавидѣлъ его за такое ослѣпленіе и жестокость. Затѣмъ онъ вдругъ, представлялъ его себѣ раскаявшимся, съ влажными глазами, протянутыми руками, какъ въ добрые дни, послѣ грубыхъ споровъ... Но, нѣтъ, въ ихъ словахъ прозвучало что-то непоправимое и надломилось при звукѣ захлопнувшейся двери. Это былъ конецъ. Сколько бы онъ ни рассуждалъ, его гордости не удалось бы заглушить такъ долго длившуюся любовь. Онъ болѣе страдалъ, чѣмъ возмущался противъ нелѣпаго окончанія двадцатилѣтней дружбы!

Но даже въ этой неожиданности была вся возмутительная сторона катастрофы, и результатъ—ея недовѣріе. Полно! Это мечта! Какъ, Ансбергъ не придетъ въ субботу завтракать? Онъ не развернетъ своей салфетки, не засунетъ, своимъ обычнымъ жестомъ, ея кончикъ за жилетъ и не скажетъ съ видомъ превосходства, принимая важную осанку: «Посмотримъ, что-то Гертруда намъ прибегла на сегодня?»—счастливый, какъ ребенокъ,—старый ребенокъ!—А если г-жа Герматъ отвѣчала: «Будутъ бараньи языки съ пюре изъ овощей, какъ вы любите», или: «Будутъ угри, поджаренные въ тѣстѣ по-эльзасски», — то онъ восклицалъ: «Право, только здѣсь умѣютъ хорошо покушать. Никогда у себя я не ѣмъ такой прелести!» Между тѣмъ его жена, нѣсколько раздосадованная, принужденно смѣялась... Полно, это было невозможно. Эти дорогія для Гермата привычки Ансбергъ, не менѣе любившій ихъ, разбилъ изъ-за высказаннаго личнаго сужденія. Можетъ ли до такой степени ослѣплять честныхъ людей политическая страсть? Не было ли чего другого, клеветы, чьего нибудь вліянія? Не жены ли Ансберга—тщеславной до излишества женщины, которую скандализируетъ ихъ простота,

въ особенности г-жи Герматъ: женщины часто скрываютъ подъ улыбками свою неприязнь? Не было ли это вліяніе префекта, при-выкшаго къ официальной лжи и къ избирательной практикѣ? Конечно, только что вспыхнувшее недоразумѣніе зародилось не со вчерашняго дня; оно ежедневно возрастало. Печально чувствовать, какъ расходятся умы, доказать свою невозможность убѣдить, видѣть, какъ слова становятся ѣдкими, и сердце охлаждается въ тѣ годы, когда, именно, дружба должно становиться устойчивѣе, закрѣпленная прошедшимъ, опытомъ и доказательствами.

Но Гермата еще укололо—онъ не давалъ себѣ въ этомъ отчетъ—сознаніе, что исчезнувшее не возвратится болѣе и не замѣнится: въ его жизни останется пробѣлъ, пустое мѣсто отъ вырванной съ корнемъ живой любви. Если Ансбергъ отъ этого не страдаетъ, тѣмъ лучше для него. Герматъ же испытывалъ страшныя терзанія. Это было довершеніемъ всего, что въ продолженіе цѣлыхъ недѣль тревожило и сокрушало его: предвидѣніе будущаго и родительское горе. Мысль, что честный Людвигъ Гаффнеръ совсѣмъ не дурной человѣкъ, сдѣлавшійся по волѣ рока ихъ непріателемъ, могъ съ обнаженной саблей встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Андрэ, если бы бѣдный мальчикъ могъ служить со своей больной ногой въ волонтерахъ; мысль, что Эдель не могла желать успѣха ни прежней ни новой родинѣ, потому что побѣда одной требовала гибели другой,—вотъ что было его неутѣшнымъ горемъ. Однако онъ, по совѣсти, не могъ сожалѣть о замужествѣ дочери, потому что она была счастлива, найдя любовь, богатство и превосходныхъ свекра и свекровь; надо сознаться, что всѣ эти Гаффнеры были «сливками человѣчества». И онъ снова видѣлъ ихъ добрый пріемъ и прояснившіяся лица. Его разсудокъ и совѣсть возмутились, когда онъ сказалъ себѣ, что теперь приходится ненавидѣть другъ друга, между тѣмъ какъ вчера обнимались.

Внезапно воспоминаніе о дочери напомнило ему о сыновьяхъ; онъ предвидѣлъ новое разрушеніе его плановъ: предполагаемый бракъ Андрэ съ Элизой уничтожился... Полно, но если они любили другъ друга?... Еще дѣтьми ихъ называли маленькимъ мужемъ и маленькой женой. Неужели они будутъ страдать по ошибкѣ Ансберговъ? Они, невинные, были бы несправедливо принесены въ жертву. Такъ какъ онъ любилъ нѣжно Андрэ и Элизу, то такая мысль ему была ненавистна. Нѣтъ, это слишкомъ глупо, это его возмущало... Надвигалась гроза; буря, уносившая людей, дома и деревья въ шквалѣ гранатъ и пуль, огненный вихрь пожара — тяготѣли надъ нимъ, удручали его трагическимъ, невѣдомымъ будущимъ. Боже мой, лишь бы Макъ-Магонъ выигралъ сраженіе!

Эти размышленія возвращались къ нему безпрестанно, оканчиваясь сомнѣніемъ, какъ въ центрѣ темнаго лабиринта.

— Ахъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ Вольфарту, молчаливо идущему около него, — это сильнѣе меня, тоска сжимаетъ мнѣ сердце.

Онъ окинулъ взглядомъ улицу, по которой они шли: она вела въ предмѣстье къ воротамъ Петра. Не было тротуара, не было моста и переулка, къ которому они не привыкли. Прекрасное вечернее солнце, дышащее теплотою блестящаго августа, омывало своими лучами верхушки домовъ изъ рѣзнаго дерева, памятники изъ краснаго песчаника съ почернѣвшими жилками, старинныя жилища, приближавшіяся другъ къ другу подпорками своихъ бурыхъ срубовъ, съ этажами не по отвѣсной линіи, большими розовыми крышами, съ слуховыми окнами и зубчатыми пирамидами. Зеленоватая вода каналовъ, образовавшихъ какъ бы рукава рѣки Илля, искрилась и сверкала. Лучи свѣта проникали чрезъ листву столѣтнихъ садовъ. Въ оградѣ своихъ валовъ, построенныхъ Вобаномъ, своихъ бастіоновъ, воротъ, изъ которыхъ часть была вооружена башнями, — Страсбургъ сохранилъ, съ своей пяти-угольной цитаделью и обширнымъ арсеналомъ, средневѣковую суровость и мрачность. Этотъ городъ, съ его соборомъ, храмами, музеями, площадями, старыми домами XVII и XVIII вѣковъ, мощными улицами, мельницами и арсеналами, прелестью его стѣнъ и теряющейся вдали мягкостью его водъ, съ мертвой жизнью прежнихъ лѣтъ и оживленнымъ движеніемъ новыхъ улицъ, съ богатствомъ и славой его прошедшаго и съ торжественной простотой его настоящаго, — походилъ сегодня на праздничный городъ и на проснувшійся улей подъ голубымъ небомъ. Германъ пришелъ въ умиленіе отъ этой картины, и въ его сердцѣ и на губахъ появились слова старинной народной пѣсни:

O Strassburg, Strassburg,
Du, wunderschöne Stadt!
O Страсбургъ, чудный городъ!

Его мысль миновала ворота, перенеслась чрезъ массу зелени, широкія аллеи, лужки, мѣста сельскихъ прогулокъ: Контадъ и Роберстау, а также экскурсіи въ Келѣ и гостиницу подъ вывѣской «Лососина», гдѣ ѣдятъ устрицъ и пьютъ свѣжее пиво. Онъ снова увидѣлъ широкую долину, обширную, открытую, плоскую мѣстность, усѣянную деревьями, покрытую жатвами и хмельникомъ, колѣно Рейна, вдали темныя вершины Шварцвальда, Альпъ и Вогезъ; здѣсь—Германія, тамъ—Швейцарія, а подъ его ногами французская земля, входъ въ которую защищаль Страсбургъ. Стрижи летали въ уровень съ домами. Немытыя дѣти съ полными щечками прогуливались, весело смѣясь. Телѣга, нагруженная соломой, наполняла улицу сладковатымъ запахомъ. Приятно было существовать, дышать, видѣть, чувствовать, слушать, наслаждаться всѣми порами тѣла,

тепломъ и прекрасной погодой... А приходилось думать только о рѣзнѣ: какой кошмаръ!

Проходя мимо краснаго дома—пивной Кермера, они услышали, какъ маленькая дѣтская ручка постучала имъ въ окно.

— Смотрите,—сказалъ Вольфартъ:—это Карлъ и Ноэми.

Они сидѣли тамъ съ дядей Ансельмомъ за тяжелымъ деревяннымъ столомъ. Предъ нимъ стояла громадная кружка съ пивомъ, другая—поменьше, изъ которой поочередно пили дѣти. Карлъ находилъ восхитительнымъ это препровождение времени. Онъ упротсилъ дядю не отправлять Ноэми въ школу, утверждая, что для нея было хорошо еще погулять. Онъ и она были очень веселы и смѣялись, безъ всякой причины. Ансельмъ Гермать слушалъ ихъ болтовню, выпуская дымъ изъ своей трубки, прищуривая свои большіе съ неопредѣленнымъ выраженіемъ глаза. Вокругъ него спорили и ссорились: честные граждане были возбуждены, кто—противъ, кто—за правительство. Повсюду было одно и то же—на улицахъ и въ пивныхъ: тѣ же самыя ссоры, въ которыхъ французы и нѣмцы чередовались, прерывая споръ нѣмецкими «ја», «so», «nein». Жирная хохотунья Сузель, прислуга пивной, съ ямочками на шеѣ и громадными, бѣлыми, толстыми руками, проворно бѣгала въ этой суматохѣ. Ансельмъ, которому надоѣла политика, интересовался болѣе вздернутымъ носомъ Карла и блестящими глазами Ноэми. Вольфартъ, едва сѣвъ, заговорилъ; его слушали, потому что онъ хорошо говорилъ, и его краснорѣчіе создавало ему авторитетъ.

Одинъ гарнизонный офицеръ только-что объяснялъ тактику маршала: она состояла въ привлеченіи непріятеля на избранное поле сраженія, послѣ чего его убивали въ западнѣ. Даже неудача подъ Виссембургомъ служила тому доказательствомъ. Дуэ, которому было поручено привлечь непріятеля медленнымъ отступленіемъ, вышелъ съ ними на неравный бой. Но, волей-неволей, Гермать представилъ себѣ беззаботный отъѣздъ Макъ-Магона, покидавшаго Страсбургъ, послѣ своего завтрака, какъ будто его генераль не долженъ былъ драться въ этотъ самый часъ.

— Господа,—сказалъ офицеръ-энтузіастъ, подымая стаканъ,— за стараго Мадженскаго льва и за побѣду.

Въ эту минуту на улицѣ поднялась тревога; посѣтители пивной бросились къ окошку, нѣкоторые отъ нетерпѣнія, иные отъ безпокойства. На порогѣ толстая Сузель махала своими бѣлыми руками. Смутный, а потомъ болѣе опредѣленный говоръ, слышался изъ всѣхъ устъ. Взволнованныя, блѣдныя лица толпились вокругъ всадника, который кричалъ:

— Измѣна! армія бѣжала, пруссаки идутъ!...

Откуда было извѣстіе, никто не зналъ. Но оно распространялось, отражаясь съ поразительной быстротой. Предмѣстья наполнялись

толпою. Страсбургцы бросились къ заставамъ; Гермать и дядя Ансельмъ «въ страшной тревогѣ» спрашивали прохожихъ; Карлъ и Ноэми, прижавшись другъ къ другу, наслаждаясь своимъ страхомъ, который былъ для нихъ удовольствіемъ.

Что имъ сдѣлаютъ пруссаки?... Они видѣли близко баденское войско во время ученій, и ихъ веселило созерцать, какъ солдаты подымали и опускали ноги, механически шагая, будто деревянные солдатки.

Внезапно показалась наемная карета, ѣхавшая галопомъ къ дивизионному штабу: только и успѣли узнать сидящихъ въ ней коменданта и полковника понтонеровъ Фьевэ. За минуту предъ тѣмъ, они разсматривали горизонтъ въ подзорныя трубки, съ вала, близъ воротъ Петра, и затѣмъ поспѣшно спустились. Что могли они видѣть?

Женщины, съ испуганными лицами, удерживали обѣими руками своихъ мужей. Мрачный слухъ подтвердился: Макъ-Магонъ побитъ; пруссаки подъ стѣнами Страсбурга. Тамъ вдали колонна бѣглецовъ спускалась съ Гагенау. Потомъ поднялись крики: «На вокзалъ! везутъ раненыхъ». Раздался барабанъ, бившій тревогу: волонтеры бѣжали, ихъ грубые сапоги стучали по мостовой.

Герматы поспѣшили на вокзалъ; они прибыли къ платформѣ въ тотъ моментъ, когда поѣздъ съ двумя локомотивами остановился. Въ шести крытыхъ вагонахъ лежали распростертыми раненые. Кровь струилась по колесамъ. Въ этой массѣ томящихся тѣлъ то выдѣлялось страшно блѣдное лицо, то сломанная рука протягивалась и упала, то раздавались вздохи.

Позади платформъ, въ длинномъ рядѣ вагоновъ, были сваленцы, словно скотъ, несчастные въ агоніи и мертвые. Въ толпѣ раздался крикъ ужаса и сѣтованія. Затѣмъ пронзительные возгласы женщинъ огласили воздухъ, раздался концертъ проклятій, на которыя отвѣчалъ вопль пѣхотнаго солдата, лицо котораго, изрытое рубцами, представляло сплошную рану.

Здѣсь видѣлись ужасныя раны: тюркошь, съ распоротымъ животомъ, поддерживалъ руками внутренности; у зуава вмѣсто обрубленныхъ рукъ торчали остатки плечъ, походившихъ на красныя эполеты.

— Уведи дѣтей, это ужасно!—сказалъ Гермать.

Карлъ и Ноэми, хотя испугались, но отъ изумленія вѣпились въ дядю Аксельма; они хотѣли все видѣть. Приблизились санитары съ ручными носилками, ослѣпительной бѣлизны. Крики женщинъ удвоились: онѣ бранили Наполеона и Вильгельма и требовали своихъ мужей и братьевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, съ безумнымъ видомъ, ломали себѣ руки, иныя плакали, поддерживая хромыхъ солдатъ. Наконецъ устроилось раздирающее душу шествіе черезъ улицы, переполненные народомъ. Носилки побагровѣли отъ

крови, на нѣкоторыхъ изъ нихъ прицѣпились къ еще новому полотну обрывки мяса и осколки костей. Телѣтъ съ бойни пріѣхало въ большомъ количествѣ; мясники, казавшіеся громадными, въ своихъ розовыхъ, запятнанныхъ кровью, блузахъ, уносили на рукахъ, какъ туши скота, это человѣческое мясо, безжизненное или трепещущее, еще согрѣтое жизнью или охлажденное смертью.

Гермать задѣлъ нечаянно Ансберга, избѣгавшаго смотрѣть на него. Съ важной осанкой послѣдній приблизился къ поручику тюркосовъ, распростертому на матрасъ.

— По крайней мѣрѣ, побѣдители ли вы?—спросилъ онъ офицера.

Послѣдній отвѣтилъ суровымъ тономъ:

— Если бы у насъ были генералы, мы не были бы здѣсь.

Старый солдатъ повторилъ раздражающимъ сердце тономъ:

— Ихъ слишкомъ много! У нихъ было много пушекъ!...

Дядя Ансельмъ кончилъ тѣмъ, что увелъ дѣтей. Гермать увидѣлъ гордо прошедшаго мимо него Ансберга, какъ будто побѣда была выиграна, но кончики его усовъ дрожали отъ судорожнаго движенія, передернувшаго ему уголь рта. Внезапные звуки сбора не раздавались болѣе въ городѣ; съ четырехъ сторонъ Страсбурга, среди гула барабановъ и хриплаго звука трубъ, неслись печальные звуки забитой наскоро, въ минуту паники, тревоги. Гарнизонъ взялся за оружіе и занялъ валы; всѣ заставы закрыли и подняли подъемные мосты. Страсбургъ видѣлъ себя преданнымъ на произволъ штурма и почти безъ защитниковъ; за городомъ замѣтили появленіе непріятельскихъ лазутчиковъ, и лихорадочными или угрюмыми голосами раненыхъ распространялась роковая увѣренность въ неизбежности пораженія. По ихъ словамъ, разбитая армія въ безпорядкѣ разбѣгается; Макъ-Магонъ скитается безъ войска; кирасиры и вся кавалерія побросали тяжелое оружіе въ пропасть, для облегченія отступленія. Страсбургу угрожала опасность. Эльзасъ открытъ,—Франція наводнена непріателемъ.

Виссембургъ первый прозвонилъ похоронный звонъ, Фрешвиллеръ—второй. Достаточно было нѣсколько часовъ для этой катастрофы.

Вокругъ валовъ, передъ заставами, собиралась жалобно вопіющая ватага; шумъ, производимый ею по другую сторону стѣны, слышался, какъ усиливающаяся прибой воды. Это былъ стремительный потокъ бѣглецовъ, который, спускаясь съ Гагенау, несся по дорогѣ, захватывая, какъ добычу, сотни крестьянъ, обремененныхъ дѣтьми и скарбомъ.

Въ то время, какъ солдаты безъ оружія, спускались на укрѣпленія бастионовъ и пробирались за окопы, позади, первая кучка бѣглецовъ бросалась, вразсыпную; кавалерія и артиллерія смѣшались, зуавы цѣплялись за лошадей гусаръ, кирасиры сбиты были

съ коней; артиллеристы ѣхали на телѣгахъ, служившихъ для перевоза артиллерійскихъ запасовъ,—однимъ словомъ происходило полное распаденіе арміи.

Открыли заставы, и волна позорной толпы прорвалась на улицу, наводнивъ предмѣстья.

Ночь все покрыла: большая часть бѣглецовъ хранила молчаніе и глядѣла сосредоточенно, угрюмо, дико, были между ними и раненые; многіе изъ нихъ, казалось, падали отъ истощенія и шептали слабымъ голосомъ:

— Кусокъ хлѣба!

Другіе увѣряли:

— Генералы кричали: спасайся, кто можетъ! Намъ измѣнили!

Они не дали ни одного выстрѣла.

Среди упрековъ, молчанія, бѣшенства и жалобныхъ сѣтованій толпы, бѣглецы продолжали входить въ городъ.

Они прибывали всю ночь и почти весь слѣдующій день; жгучее солнце обнаруживало ихъ плачевный видъ. Въ особенности кирасиры отличались необычайнымъ видомъ: ихъ панталоны были разорваны, кирасы покороблены и продырявлены; безграничное изумленіе тяготѣло на ихъ лицахъ и парализовало ихъ громадныя фигуры. На лошадяхъ, раненыхъ отъ заливки до позвоночника, солдаты скакали галопомъ, иногда по двое на одномъ конѣ; обозная прислуга вела лошадей съ корзинками на спинѣ для перевозки раненыхъ, амбулаторныя кареты были переполнены, донельзя, ранеными и умирающими.

Послѣ полудня раздались свирѣпые крики: это были тюркосы, которые вошли въ городъ, жестикулируя, какъ эпилептики; ихъ небесно голубыя куртки были замараны кровью и почернѣли отъ пороха; они размахивали штыками, и на ихъ почернѣвшихъ лицахъ можно было различить лишь бѣлки глазъ и зубы, какъ у дикихъ. Они прошли на площадь, гдѣ кишѣла громадная толпа. Когда оказалось, что они несутъ знамя, разорванное въ тряпицу, въ толпѣ пробѣжала дрожь; тысячи голосовъ закричали: «Да здравствуетъ Франція!». Съ балкона главнаго штаба полковникъ Дюкассъ развернулъ побѣдный трофей и поднялъ высоко его предъ страсбургцами; всѣ присутствующіе привѣтствовали знамя громкими возгласами. Уже каждый воображалъ, что знаетъ, какъ было проиграно сраженіе; легенды преувеличивали рассказы, смѣшивали ложь съ правдою и возбуждали въ воображеніи народа фантастическія тѣни и отблески эпопеи.

Истина была злополучна и проста, но совсѣмъ иная.

Императорская армія, наскоро мобилизованная, полная иллюзій и отваги, но недостаточно экипированная и сытая, топталась на мѣстѣ, въ продолженіе трехъ недѣль, въ кавардакѣ приказаній и контръ-приказаній. Далекая отъ мысли устремиться на Палати-

нать, она ограничила свою удалъ ничтожнымъ Саарбрюкенскимъ успѣхомъ и исполненіемъ роли таможенныхъ на границѣ; къ тому же еще бѣда: уланы, рыская, взадъ и впередъ, контрабандой, дразнили бездѣятельную французскую кавалерію. Разбросанная гвардія корпусовъ Фроссара, Базена и Ладмиро не могла выставить плотной преградой даже своихъ трехъ армій противъ Германіи, мобилизованной не торопясь, какъ слѣдуетъ. Въ то время, какъ Фальи собиралъ 5-й корпусъ вокругъ Битча, какъ Феликсъ Дуэ сосредоточивалъ 7-й въ Бельфорѣ и Канроберъ 6-й въ Шалонѣ, Макъ-Магонъ, командовавшій силами въ нижнемъ Эльзасѣ, разбрасывалъ дивизію 1-го корпуса въ Лембахѣ, Рейхсгофенѣ и Гагенау. Онъ сдѣлалъ ошибку, оставивъ Абеля Дуэ въ Виссембургѣ, безъ прикрытія и на пять миль впереди отъ всѣхъ подкрѣпленій. Дуэ, пораженный превосходствомъ непріятельскихъ силъ, изъ точнаго повиновенія, принялъ сраженіе и боролся, не получая приказа отъ маршала, ни подкрѣпленія отъ Дюкро, хотя предупредилъ об ихъ о неизбѣжности атаки. Дуэ былъ пораженъ на смерть; Пеллэ продолжалъ борьбу; затѣмъ оттѣсненный изъ Виссембурга и Гейсберга, онъ долженъ былъ отступить. Виссембургское сраженіе было проиграно. Фрешвиллеръ удвоилъ, увеличилъ поражение. Повторились тѣ же самыя неосторожности и тѣ же ошибки, но еще худшія.

Макъ-Магону, по его требованію, передано были командованіе 1-мъ, 5-мъ и 7-мъ корпусами. Какъ только онъ получилъ ихъ, то воскликнулъ радостно: «Господа нѣмцы, вы—въ моихъ рукахъ!».

Что онъ рассчитывалъ дѣлать? знать ли онъ это самъ? Занявъ Вогезы, онъ могъ тамъ заградить проходъ: со своими тремя армейскими корпусами онъ былъ непреодолимъ. Но какъ же покинуть Страсбургъ и нижній Эльзасъ, не перейдя снова къ наступательнымъ дѣйствіямъ!.. Въ своемъ незнаніи о направленіи арміи королевскаго принца, онъ рассчитывалъ 7-го приблизиться къ непріятелю на Фрешвиллерской позиціи, а 6-го онъ былъ самъ атакованъ. Не подозрѣвая близости непріятеля, онъ выставилъ на высотахъ, которыя тянулись отъ Неегвилера до Морсброна, своихъ 35.000 человекъ, не укрѣпивъ, какъ слѣдуетъ, высотъ Фрешвиллера, Эльзасгаузена и Гунштедта, не занявъ деревни Вёртъ и не снабдивъ войскомъ Морсброна. На этихъ волнистыхъ мѣстностяхъ, покрытыхъ виноградниками, фруктовыми садами и хмельникомъ, имъ служили фронтовой обороной равнины и рѣка Зауэръ. Перваго корпуса, дивизіи Дюкро, Рауля, Лартига растягивались налѣво предъ Фрешвиллеромъ, въ центрѣ — напротивъ Вёрта и впереди Эльзасгаузена, направо—къ Морсброну. Кирасиры 2-й резервной дивизіи Боньмена были укрыты между Фрешвиллеромъ и Эльзасгаузеномъ. 7-й корпусъ не былъ выставленъ, за исключеніемъ дивизіи Консель-Дюмениля, устроившагося съ кирасирами бригады Мишеля, около Эбербаха. Отъ 5-го корпуса, неподвижно

стоявшаго въ проходахъ Битча и Рорбаха, въ ожиданіи распоряженій, одинъ только дивизіонъ Гюйо и де-Лепара выступилъ къ Филиппсбургу.

Сраженіе, завязавшееся съ начала зари простыми демонстраціями, вскорѣ перешло въ ожесточенный бой. Нѣмцы растерялись. Дюкро пустилъ въ ходъ штыки, косилъ картечью и прогналъ баварцевъ II корпуса; V прусскій корпусъ Кирбаха и XI — Бозе, наткнувшіеся на склонѣ Фрѣшвиллера и Эльзастаузена на французовъ, въ безпорядкѣ устремились назадъ изъ Нидервальда и обратно перешли рѣку. Даже Гартманъ, по приказу королевскаго принца, вызвалъ изъ битвы II баварскій корпусъ. Въ 11½ часовъ нѣмцы не могли болѣе занимать ни одной высоты; они удержали Вѣртъ, но захватили его безъ обороны непріятели. Макъ-Магонъ могъ отступить: ему на это было время. Онъ вѣрилъ въ побѣду и упрямылся. Однако огонь французской артиллеріи уменьшался; нѣмецкія батареи громили французскія войска съ равнины Гунштедта. Лартигъ бросился противъ Гунштедта, но безъ успѣха. Три нѣмецкіе корпуса съ могучей солидарностью вернулись къ атакѣ. Въ часъ на полѣ сраженія явился королевскій принцъ, введя въ сраженіе всѣ свои войска. Маршалъ попробовалъ штурмовать Вѣртъ, но тщетно. Правый флангъ дрогнулъ и отступилъ предъ натискомъ 12.000 тысячъ пруссаковъ, проникнувшихъ подъ Нидервальденомъ и захватившихъ Морсборнъ. Лартигъ, едва не окруженный непріателемъ, позвалъ на помощь кирасировъ Мишеля и сказалъ: «Ступайте, какъ при Ватерлоо!». При трубныхъ звукахъ, кавалерія «на разъяренныхъ лошадяхъ» ринулась въ атаку внизъ по склону, спотыкаясь на откосы и наталкиваясь на стволы деревьевъ. Рѣдѣя подъ пулями, она ворвалась въ Морсборнъ, миновала улицы, на которыхъ изъ каждаго окна стрѣляли въ упоръ. Въ деревни, оставшіеся въ живыхъ, собрались вмѣстѣ и, атакованные прусскимъ гусарскимъ полкомъ, разсѣялись и погибли.

Реорганизованная правая сторона, несмотря на усилія тюркововъ, 1-го полка егерей и зуавовъ, скоро распалась. Макъ-Магонъ, отражая нападенія съ двухъ сторонъ, потерялъ отбитый непріателемъ Нидервальдъ и подожженный ими Эльзастаузенъ. Онъ стойко упорствовалъ, продолжая еще держаться. Однако, прижатый въ Фрѣшвиллерѣ, чего онъ ожидалъ? Чтобы дивизія Гюйо и Лепара достигла пушекъ? чтобы Фальи согласно своему долгу?.. Но онъ не телеграфировалъ имъ никакого распоряженія и не требовалъ никакой помощи. Чтобы выиграть полчаса времени, онъ пожертвовалъ своей резервной артиллеріей: пушки были подбиты выстрѣлами, лошади полетѣли кубаремъ, солдаты убиты. Онъ пожертвовалъ свой резервъ кавалеріи. Дивизія Боньмэна, состоящая изъ четырехъ великолѣпныхъ кирасирскихъ полковъ, поспѣшила въ пекло. Она понеслась чрезъ виноградники и хмельникъ, осыпан-

ная картечью и градомъ пуль. Принеся эту напрасную жертву, туркосы бросились впередъ съ дикимъ пыломъ.

Все тщетно. Всюду послѣднія сопротивленія прекращались; I корпусъ разсѣялся—полное пораженіе.

Всѣ дороги покрылись безпорядочными толпами, стадомъ бѣглецовъ. Эльзась открытъ, Страсбургъ—покинутъ. Въ тотъ же день Фроссаръ былъ разбитъ въ Форбахѣ; Лотарингія тоже открылась.

Черезъ эти два зіяющія отверстія роковое нашествіе готово было разлиться по всей Франціи.

III.

Сидя противъ дяди Ансельма, маленькій Карлъ завтракалъ на кухнѣ. Чтобы не запачкать своего бархатнаго костюма, онъ позволилъ повязать себѣ вокругъ шеи салфекту, два угла которой торчали рожками; дядя былъ въ черномъ, при бѣломъ галстухѣ и безъ сюртука. Гертруда налила имъ кофе съ молокомъ и намазала грудку тартинокъ масломъ; при этомъ она дѣлала недовольныя гримасы, потому что уже три дня, какъ молочницы не входили въ блокированный городъ, и уже это было не прежнее хорошее молоко и масло съ фермъ Роберстау. Вчера крестьяне этой деревни, спасаясь отъ нѣмцевъ, удалились въ городъ на паромѣхъ и судахъ.

Двѣ служанки, Гретхенъ и Ганна, одна блондинка, другая брюнетка, уходили и приходили. Онѣ обѣ были одѣты одинаково, по-праздничному: въ маленькихъ чепчикахъ изъ серебряной парчи, въ бѣлыхъ кисейныхъ шемизеткахъ, черныхъ бархатныхъ корсеткахъ, зашнурованныхъ на треугольной вышитой серебромъ вставкѣ, въ коротенькихъ юбочкахъ: одна—въ красной, другая—въ зеленой, что отличало католичку отъ протестантки. Онѣ болтали и смѣялись, и ничто не доставляло такого удовольствія дядѣ Ансельму и Карлу, какъ слушать ихъ. Даже сама старая и угрюмая Гертруда съ суровымъ лицомъ, обрамленнымъ плоенымъ чепчикомъ съ кашюшономъ, какіе носили нидерландскія монахини, въ вѣчномъ черномъ балахонѣ, съ черной юбкой, надѣтой на сухомъ длинномъ тѣлѣ, улыбалась, глядя на нихъ.

Хотя старуха ворчала, но въ это утро она была менѣе обыкновеннаго недовольна. Это было 15-е августа, именины императора, и, какъ въ прежніе годы, ея кухня блестяла. Она блестяла ежедневно, но на этотъ разъ болѣе обыкновеннаго. Можно было ее принять за гостиную, такъ отливали зеркальнымъ блескомъ красные изразцы и казались новыми прекрасно вымытые бѣлые деревянные столы. Ничто такъ не привлекало взора, какъ громадный очагъ для приготовленія жаркого, съ вертеломъ, вращающимся надъ пламенемъ горящихъ сухихъ виноградныхъ лозъ, какъ выравненная ливія кухонной посуды красной мѣди, начинающаяся съ гро-

маднаго котла для воды, съ подвижной рукояткой, и постепенно уменьшающаяся до кукольной кострюльки, а также разнообразныя лоханки, рыбныя котлы и сковороды. Карлъ съ нѣжностью созерцалъ всѣ эти желтыя чайники для кипяченія воды, черныя формы для тортовъ, почтенныя котелки для варки суповъ, потихоньку храпящія, какъ старыя бабушки, безпокойный рѣзакъ для рубки мяса, покрывающій свои острія мясомъ для сосисокъ, скалку для тѣста, похожую на палку Полишинеля, старинную вычерненную гравированную грѣлку для простынь и т. д. Дядя Ансельмъ также наслаждался, какъ ребенокъ, интимностью кухни. Оба знали, что, допуская ихъ туда, Гертруда не принимала, а оказывала имъ честь.

— Ты что-то не голоденъ сегодня?—сказала она Карлу, который дулъ на слишкомъ большой кусокъ.

Встревоженный дядя наклонилъ кофейникъ надъ чашкою мальчика и сказалъ:

— Еще немного, Карлъ?

Одинъ кофейный приборъ, совсѣмъ простой, представлялъ цѣлую поэму: пузатый кофейникъ, тонкій молочникъ, яйцевидная сахарница, выпуклыя чашки, въ своемъ митомъ утреннемъ бѣломъ нарядѣ, походили на собравшуюся вокругъ мирную, толстощекую семью въ утреннемъ неглиже.

— Поторопимся,—сказала Ганна, обращаясь къ Гретхенъ:— чтобы увидѣть проходящія войска.

Въ десять часовъ была назначена въ соборѣ большая служба по убитыхъ въ Фрѣшвиллерѣ и затѣмъ благодарственное молебствіе, по случаю императорскаго праздника.

Съ самаго утра на четырехъ башняхъ города развѣвались флаги; всѣ власти были обязаны присутствовать у обѣдни; тамъ можно было видѣть генерала Уриха—толстаго, короткаго и энергичнаго человѣка, префекта въ военномъ мундирѣ, адмирала Эксельмана, съ его маленькимъ отрядомъ моряковъ, таможенныхъ, пожарныхъ, отряды гарнизона и волонтеровъ.

— Никогда не бывало такого величественнаго зрѣлища!—увѣряла хохотунья Гретхенъ.

Дядя Ансельмъ улыбался. Онъ не испытывалъ того невѣроятнаго упадка духа и паники, какъ его сограждане, на другой день послѣ пораженія при Фрѣшвиллерѣ, заставившаго ихъ потерять всякое мужество. Они говорили:

— Страсбургъ потерянъ; зачѣмъ защищаться? не было ни солдатъ ни пушекъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ въ себѣ воинственную реакцію, возстановившую храбрость нѣкоторыхъ страсбургцевъ, увѣрившихъ: «Какъ парламентаръ имѣлъ дерзость требовать сдачи города? какъ отряды кавалеріи осмѣливались показываться подъ стѣнами города?». По своему обыкновенію, мирный и тихій Аи-

сельмъ продолжалъ отдаваться своей невинной маніи разыскивать у антикваріевъ рѣдкости и прохаживаться, безъ всякой цѣли, по старымъ улицамъ. Правда, что онъ жилъ всегда въ грѣзахъ, и истина еще предъ нимъ не предстала. Безъ сомнѣнія, прибытіе раненыхъ и плачевное наводненіе города бѣглецами сжали ему сердце; но сражаться не было ли предназначеніемъ солдата, успокоивалъ онъ себя. Какъ французъ, онъ сожалѣлъ ихъ; ему не приходила мысль, что онъ, страсбуржецъ, мирный и любознательный гражданинъ, могъ раздѣлять подобныя опасности и переносить такія страданія. Страсбургъ отдѣленъ отъ всего міра: послѣдній поѣздъ ушелъ, пути сообщенія и телеграфныя проводы порваны, мосты взорваны, объявлено осадное положеніе, появились официальные объявленія, запасныя войска и національная гвардія вооружаются, даже первая шальная неприятельская граната упала около Совернскихъ воротъ, но все это не вывело его изъ обычнаго спокойствія.

У него было, подобно этимъ, много другихъ совершенно дѣтскихъ иллюзій. Онъ хотѣлъ бы видѣть въ лицѣ Германіи подругу. Онъ зналъ ее и любилъ. Безъ сомнѣнія, онъ предпочиталъ Францію, но было столько общаго съ его природой по ту сторону Рейна: мечтательныя глаза молодыхъ дѣвушекъ, нѣжная сентиментальность, семейное добродушіе, пѣсни, которыя тамъ поютъ, *vergiss mein nicht* (незабудки), которыя собираютъ, *liebefraumlisch*, который тамъ пьютъ, включительно до любимыхъ имъ супа съ клецками и рѣпы, а философскіе споры съ профессорами въ золотыхъ очкахъ, а вечера Бетховена и Шумана? Нѣтъ, за эту беззаконную войну, за это прискорбное недоразумѣніе заплатятъ своей кровью лишь бѣдные солдаты. Чего можетъ бояться Страсбургъ, цвѣтокъ Эльзаса, городъ наукъ и богословія, гордый своими музеями, библиотекой, соборомъ, памятниками, Страсбургъ, котораго далекое прошедшее сдѣлало святымъ, Страсбургъ, называемый самими нѣмцами «братскимъ городомъ», Страсбургъ — несравненный городъ? Придется не ѣздить болѣе гулять въ Кель; блокада наложить, можетъ быть, нѣкоторыя лишенія—вотъ и все. Впрочемъ, имъ придутъ на выручку французская армія, вновь сформировавшійся Макъ-Магонъ, а, можетъ быть, Базенъ. Развѣ Франція не была непобѣдимой?

И дядя Ансельмъ, съ помощью Ганны, надѣлъ свой парадный сюртукъ, взялъ за руку Карла и вышелъ. Они присутствовали на церковной церемоніи въ соборѣ св. Фомы, затѣмъ гуляли по улицамъ. Между тѣмъ въ кухню вошелъ Андрэ Герматъ, обратно принесшій на половину пустую чашку съ бульономъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты гостей, именно изъ той, гдѣ останавливалась Эдель и поручикъ Гаффнеръ; теперь ее занималъ раненый поручикъ стрѣлковъ, госпиталь которыхъ былъ переполненъ ранеными; Герматы предложили ему гостепримство. Пуля ра-

нила его въ ляжку. Это былъ старый человѣкъ — простой, некрасивый, молчаливый, но съ прекрасными темными глазами. Его истошала лихорадка, и докторъ Вейсъ, говоря о немъ, покачивалъ головой.

— Ты развѣ не будешь завтракать?—спросила Гертруда.

Она знала съ перваго дня рожденія Андрэ, Карла и Эдель и обращалась съ ними съ ворчливой фамиллярностью. Вѣки Андрэ были тяжелы, руки горячи; онъ болѣе не спалъ по ночамъ; эти тревожные дни были для него кошмаромъ. Перекаленная атмосфера города увеличивала его невыразимое горе, причиненное разрывомъ отца съ Ансбергомъ. Онъ никогда такъ не чувствовалъ всей силы узъ, соединяющихъ его съ Элизой, какъ теперь, когда они порвались. Порвались, отчего? Съ какой цѣлью? Какой былъ въ этомъ смыслъ? Какая нелѣпость! Конечно, онъ будетъ держать сторону отца: Ансбергъ во всемъ виноватъ. Развѣ это причина, что Элиза и онъ должны страдать? Онъ поднялъ глаза и встрѣтился съ сердечнымъ взглядомъ голубыхъ старческихъ глазъ Гертруды, которая, повернувъ свое красное морщинистое лицо, смотрѣла на него. Онъ поймалъ взгляды Ганны и Гретхенъ, бросаемые украдкой на него; они находили молодого человѣка прелестнымъ. Онъ былъ такой тихій, милый, и всѣ любили также Элизу. Онъ угадывалъ, что, въ этой скромной кухнѣ, души окружающихъ его слугъ полны желанія ему покровительствовать и содѣйствовать.

Онъ отвѣчалъ взволнованный:

— Благодарю, Гертруда, я не голоденъ.

Эта очевидная симпатія слугъ коснулась его больного мѣста; онъ спрашивалъ себя, почему Гертруда, Гретхенъ и Ганна его сожалѣють, а его отецъ и мать ничего не сдѣлають для него. У него было бы на сердцѣ спокойно... Его мать на его настойчивыя просьбы отвѣтила обѣщаніемъ подумать одну ночь и хотѣла дать въ это утро отвѣтъ. О чемъ онъ умолялъ ее, было очень важно... Да, но еще важнѣе неизвѣстность будущаго. Онъ бросился изъ кухни, прошелъ коридоръ и постучалъ въ дверь.

Г-жа Герматъ молча обняла его. Ея лицо казалось молодымъ подъ роскошными пепельными волосами, причесанными съ пробормомъ, закрывающими уши, и съ уложенными вокругъ висковъ косами; ея розовый цвѣтъ лица и темные глаза придавали ей великолѣпіе зрѣлости. Видя ее, всѣ предугадывали, что она весела, добра и нѣжна.

— Ну, что же, Андрэ, благоразумнѣе ли ты сталъ?—Этотъ вопросъ огорчилъ его. Онъ умолялъ ее сдѣлать попытку примириться съ Ансбергами. Въ продолженіе трехъ дней она отъ этого отказывалась: она не могла послѣ нанесенной ей мужу обиды переступить ихъ порогъ. Въ качествѣ кого? Уже ей немало стоило усилій помѣшать Гермату написать Ансбергу, что при такихъ усло-

віяхъ они должны отказаться отъ предполагаемаго и давно обсуждаемаго, желаннаго брака. Андрэ это зналъ; изъ доброты къ нему отецъ согласился остаться въ оборонительномъ положеніи и ждать, что будетъ. Но ничего не случилось. Вся надежда на примиреніе разсѣялась. Оба противника встрѣтились лицомъ къ лицу и посмотрѣли другъ на друга, если не какъ враги, то какъ посторонніе. Г-жа Ансбергъ едва отвѣтила на поклонъ г-жи Герматъ. Самъ Андрэ, придя къ нимъ, подъ предлогомъ возвращенія музыкальной партитуры, не былъ принятъ, хотя г-жа Ансбергъ и Элиза были дома; онъ узналъ ихъ голоса.

Однако, не желая вѣрять своему несчастью и цѣпляясь за самую слабую надежду, онъ всей душой надѣялся на г-жу Ансбергъ. Она была женщина, мать: отчего оттолкнетъ она попытку другой женщины, матери? Гордость можетъ разъединить ихъ мужей, мужчины обладаютъ предрасудкомъ чести, но онѣ обѣ.. Могутъ ли онѣ думать о чемънибудь другомъ, кромѣ счастья своихъ дѣтей? Какое имъ дѣло до политики, возбужденныхъ споровъ и непріятныхъ словъ? Развѣ улыбка радости и слезы огорченія Элизы и Андрэ для нихъ не все?..

— Благоразумень, мама? Ты хорошо знаешь,—сказалъ онъ:— что я не могу отказаться отъ Элизы.

— Развѣ ты такъ ее любишь, мой бѣдный мальчикъ?

— Я не зналъ, мама, что я ее такъ сильно любилъ, или, скорѣе, я не зналъ, люблю ли я ее; но я хорошо чувствую, что не могу забыть ее; сказать, что я не увижу ея болѣе, что не буду болѣе говорить съ ней, что болѣе не услышу ея!.. О!—сказалъ онъ съ тѣмъ юношескимъ жаромъ и съ тѣмъ пыломъ, которые всегда пугаютъ родителей, — я не могу болѣе такъ жить, мнѣ кажется, что она умерла...

— Молчи, злой ребенокъ.

И, заставивъ Андрэ сѣсть возлѣ себя, она стала ласково гладить его волосы.

— Можешь ли ты такъ говорить? Элиза добрая, нѣжная и вѣрная дѣвушка. Я увѣрена, что она терпѣливѣе и мужественнѣе тебя. Мы живемъ въ исключительныхъ условіяхъ, умы сильно возбуждены, но вѣтеръ можетъ завтра повернуться. Повѣрь мнѣ, Андрэ, время все поставитъ на свои мѣста. Вы оба такъ молоды! Бракъ еще такъ далекъ!

— Но, матушка, въ ожиданіи я страдаю!.. Ты говоришь о событіяхъ, но знаешь ли ты, какую неизвѣстность, какую опасность они скрываютъ? Теперь, когда Страсбургъ окруженъ непріателемъ, когда мы, можетъ быть, подвергнемся бомбардировкѣ, когда надъ нашими головами повисло разореніе и, можетъ быть, смерть, именно, теперь мы должны всѣ сплотиться, итти рука въ руку и

чувствовать, какъ наши сердца бьются въ унисонъ. Разлучить Элизу и меня въ такой моментъ, это — жестокость и варварство!

Г-жа Герматъ попробовала улыбнуться.

— Какъ ты преувеличиваешь, мой дорогой! Страсбургъ не подвергается никакой опасности; война окончится, характеры вернуться къ прежнему уровню... Развѣ ты не можешь подождать? Я обещаю тебѣ, что буду ловить всякій случай, который можетъ насъ сблизить...

Отчаяніе Андрэ увеличивалось.

— Нѣтъ, мама, не пробуй меня обманывать. Ты знаешь Ансберга—онъ гордецъ. Теперь—или никогда вамъ не помириться; позже будетъ невозможно.

Г-жа Герматъ покачала головой.

— Но, мой бѣдный мальчикъ, моментъ дурно выбранъ: Ансбергъ обладаетъ хорошими качествами и слишкомъ старый другъ, чтобы я была къ нему несправедлива, несмотря на его оскорбительный разрывъ, но онъ тѣмъ менѣе вернется къ лучшимъ чувствамъ, чѣмъ болѣе виноватъ. Самолюбіе никогда не прощаетъ. Его самолюбіе только что было сильно уязвлено. Всѣ догадки твоего отца сбылись. И дай Богъ, чтобы онъ не сбылись болѣе. Ансбергъ, сколько ни возится съ префектомъ, ни рисуется въ мундирѣ капитана, все-таки сильно волнуется,—онъ пораженъ въ самое сердце. Будь увѣренъ, онъ ненавидитъ насъ смертельно, потому что мы были вѣрными пророками.

Андрэ понурилъ голову, онъ зналъ, насколько его отецъ былъ уязвленъ, что не имѣлъ возможности посвятить свою преданность на защиту Страсбурга. Подозрѣваемому въ либерализмъ, ему было отказано вступить въ національную гвардію. Онъ вообразилъ, что Ансбергъ въ тайнѣ ему отомстил: но все произошло отъ префекта и его вліянія на генерала Уриха, храбраго воина, вызваннаго изъ отставки и совершенно посторонняго въ городѣ; онъ мало довѣрялъ старанію гражданъ, вооруженныхъ наскоро. Болѣе девяти тысячъ человѣкъ, подобно Гермату, были забракованы и не приносили пользы при всемъ желаніи служить.

— Матушка, — снова заговорилъ Андрэ съ пылкой настойчивостью,—будь добра, умоляю тебя, повидай г-жу Ансбергъ, тебѣ удастся ее растрогать: по крайней мѣрѣ, она тебѣ что нибудь скажетъ. Я узнаю, любитъ ли еще меня Элиза. О Богъ мой! Если бы я сомнѣвался, если бы я думалъ, что... Я не могу быть солдатомъ,—при этихъ словахъ онъ бросилъ безнадежный взглядъ на свою хромую и короче другой ногу,—но я сумѣлъ бы попасть въ такое мѣсто, гдѣ пуля...

— А, неблагодарный, злой сынъ!—повторила г-жа Герматъ съ глазами, полными слезъ:—ты не боишься разорвать мнѣ сердце подобными словами! Чтобы ты не страдалъ, я должна дурно дѣйстви-

вать противъ твоего отца и рѣшиться на попытку, которая, очень вѣроятно, будетъ нехорошо истолкована и унижить всѣхъ насъ; но я готова сдѣлать все возможное.

— Такъ, такъ, жена, сдѣлай это, — сказалъ Герматъ, отворяя дверь и слыша ея послѣднюю фразу. — Не думай, что я порицаю тебя. Въ такое время вопросы тщеславія — презрѣнны, и Богъ мнѣ свидѣтель, что если бы Ансбергъ пришелъ пожать мнѣ руку, я обнялъ бы его отъ всего сердца. Неужели наши дѣти должны быть несчастны потому, что мы, старые упрямцы, смотримъ на вещи по-своему? Поцѣлуй твою мать, Андрэ, и поблагодари ее, но, что бы ни случилось, выкажи себя мужчиной. Любовь такъ благородна, что мы съ твоей матерью сдѣлаемъ все для осуществленія твоего счастья; но знай, мой сынъ, что есть другое чувство, которое должно наполнить твое сердце — культъ къ родинѣ. Никогда, — сказалъ Герматъ съ горечью, — никогда мы не воспламенимся достаточно этимъ чувствомъ. Оно одно можетъ насъ спасти въ подобной катастрофѣ.

И въ то время, какъ г-жа Герматъ надѣвала свою шляпу, искала перчатки и свою накидку, онъ повѣдалъ сыну свои горести.

— Какой стыдъ! Паника перваго дня катастрофы произошла отъ того, что трусы будто бы слышали, какъ нѣмцы строятъ насыпь для своихъ пушекъ и вбиваютъ сваи. Гумблотъ и Стумпфръ начали поговаривать о сдачѣ... они были не одни...—Герматъ даже не упоминалъ о своихъ разстроенныхъ и скомпрометированныхъ интересахъ въ Шильтихгеймской фабрикѣ, занятой непріателемъ, вмѣстѣ съ деревней: его волновало, единственно, общественное дѣло.—Потомъ, къ чему эти объявленія Уриха съ политическимъ направленіемъ? эти угрозы тихому, мирному народу? Лучше было бы поторопиться организаціей сопротивленія. Только теперь лишь начали рубить платановыя аллеи и орѣшники, окружающіе городскія прогулки, и уничтожать дачи.

Одинъ генераль, переодѣтый работникомъ, котораго Боскэ прозвалъ «первымъ канониромъ Франціи», по имени Бараль, смѣло проникъ въ окруженный Страсбургъ и взялся командовать артиллеріей, но это была тяжелая задача. Герматъ узналъ отъ одного изъ старшихъ офицеровъ, что цитадель и ея укрѣпленія оставляютъ многого желать: въ нихъ почти нѣтъ казематовъ, ни блиндированныхъ убѣжищъ, а большой пороховой погребу не прикрытъ землею. Валы не имѣютъ даже орудій, обезпечивающихъ ихъ безопасность. Артиллерійскихъ орудій двѣсти пятьдесятъ штукъ, всевозможнаго калибра, даже старомоднаго, и изъ нихъ многія совсѣмъ негодны. Малое количество солдатъ приводитъ въ отчаяніе—всего на все двѣнадцать или пятнадцать тысячъ чело-вѣкъ: резервъ линейныхъ полковъ, стрѣлковъ, артиллеристовъ, 87-й линейный полкъ, нѣсколько инженеровъ, нѣсколько моряковъ,

нѣсколько таможенныхъ; наконецъ батальоны и сводные эскадроны, преобразованные изъ остатковъ фрешвиллерскаго пораженія, и волонтеры, едва знающіе военные приемы.

Какъ былъ тогда правъ Вольфартъ! Въмѣсто Келя можно было занять Шильтихгеймъ и тѣмъ отсрочить на нѣсколько дней осаду. А теперь они такъ уже близко сомкнулись, что мелкія рекогносцировки наталкивались на баденскій аванпостъ. Телеграфная обсерваторія, помѣстившаяся на платформѣ собора, указываетъ на суживаніе осаднаго круга. Повсюду баденцы срубаютъ деревья, роютъ траншеи и строятъ барикады въ селеніяхъ, укрѣпляясь на высотахъ Гаусбергена, и распространяются налѣво къ Роберстау, направо—къ Илькирху и Ринау. Они стрѣляли въ передовыя укрѣпленія: пушечные выстрѣлы глухо звучали.

Но Андрэ едва слышалъ, что говорилъ отецъ. Онъ мысленно слѣдовалъ за матерью: снова видѣлъ гостиную Ансберговъ, съ ея мебелью, покрытой утрехтскимъ бархатомъ, ея портьерами, коврами, уголокъ, гдѣ онъ и Элиза сиживали, подъ защитою большого рѣзного шкафа, у фортепіано. Онъ снова увидѣлъ Элизу, ея маленькое мечтательное личико, ея невинные глаза, ея взглядъ, похожій на голубое пламя, когда оно колыхается, ея розовыя щеки, какъ бы изъ хрупкой ткани цвѣтка, непокорныя пряди ея шелковыхъ волосъ, ея тонкое тѣло, все ея невинное очарованіе, всю ея легкую грацію...

Удалившись въ свою комнату, онъ не могъ спать и ходилъ взадъ-впередъ по комнатѣ, освѣщенной одной свѣчкой; его тѣнь фантастически выдѣлялась на стѣнѣ. Онъ не могъ этому повѣрить. Это была ночь, непреложная ночь,—мракъ надъ городомъ, мракъ въ немъ. Элиза не будетъ его женою! Ансберги съ холодной жестокостью выпроводили его мать.

Тщетно она совѣтовала ему имѣть терпѣніе и мужество: онъ ощущалъ лишь безконечныя муки, возбуждаемая припадкомъ безсильнаго бѣшенства. По какому праву эти люди располагали своей дочерью? Развѣ Элиза была ихъ вещью, ихъ имуществомъ? Надо ли ждать, когда она будетъ совершеннолѣтняя, свободная, сама себѣ госпожа? Но такъ отдалить цѣль, ожидать столько мѣсяцевъ, что онъ не можетъ ихъ сосчитать,—это казалось его безумному отчаянію—вѣчностью. Онъ дошелъ до того, что сомнѣвался въ своей матери и думалъ: сумѣла ли она защитить его дѣло?.. Если бы онъ самъ туда пошелъ, если бы онъ не обратилъ вниманія на спесь Ансберга и пренебреженіе г-жи Ансбергъ! Но, нѣтъ, его оттуда выгонять! Одно утѣшало его, причиняя ему боль, что Элиза была опечалена. Г-жа Герматъ мелькомъ видѣла молодую дѣвушку; она была блѣдна и съ красными глазами... «Такъ она еще меня любить», сказалъ онъ себѣ, но и это убѣжденіе далеко не успокаива-

вало его, разжигая еще болѣе его бѣшенство. Невѣдомая ему самому душа рвалась и билась въ его существѣ, опьяненномъ любовью, горемъ и возмущеніемъ. Онъ видѣлъ и слышалъ сцену свиданія матери съ Ансбергами, какъ будто присутствовалъ самъ, и возмущался сухой гордостью отца Элизы и рассчитанной холодностью ея матери.

Несмотря на расположеніе, длившееся столько лѣтъ, соединившее ихъ съ Герматами, Ансбергъ заявилъ, что предполагаемый бракъ не можетъ состояться, такъ какъ значительное разномысліе раздѣляетъ родителей.

— Такъ вы обратно берете ваше слово?—спросила г-жа Герматъ. Ансбергъ отвѣтилъ.

— Да.

— Но увѣрены ли вы, что не сдѣлаете ихъ несчастными?

— Моя дочь,—заявилъ онъ, хорохорясь и вытягивая шею въ своемъ высококомъ бѣломъ воротникѣ,—не можетъ выразить никакой своей воли ранѣе трехъ лѣтъ!

— Зачѣмъ же безусловный разрывъ?—умоляла г-жа Ансбергъ.— Даже не обязываясь относительно будущаго, позвольте Андрѣ видѣться иногда съ Элизой, не отнимайте у нихъ надежды. Вы очень любите бѣднаго ребенка!..

— Я слишкомъ насмотрѣлся, какъ несогласіе въ идеяхъ и чувствахъ влечетъ за собою гибель: для брака требуются подходящіе умы.

— Сердца,—подчеркнула г-жа Герматъ.

— Нѣтъ, любовь проходитъ, а характеры остаются.

— Но эти дѣти созданы одинъ для другого! Вы это знаете такъ же хорошо, какъ и я...

И, обратившись къ своей взволнованной подругѣ, которая силилась остаться безучастной, она сказала:

— Натали, именемъ любви, которая насъ соединяла и соединяетъ еще...

— Не произносите этого слова,—перебилъ ее Ансбергъ,—вашъ мужъ самъ...

— Не говорите о моемъ мужѣ,—перебила его г-жа Герматъ съ гордымъ достоинствомъ,—вопросъ идетъ объ Андрѣ. Умоляю васъ въ послѣдній разъ, не принимайте безвозвратныхъ рѣшеній.

— Простите меня, сударыня,—возразилъ онъ, задѣтый за живое,—это дѣло рѣшенное, вашъ сынъ никогда не переступитъ моего порога.

— Когданибудь вы пожалѣете о вашей жестокости!

— Это только предусмотрительность. Если бы вы знали меня лучше, то избавили бы отъ этого тягостнаго визита.

— Я о немъ не сожалѣю, онъ меня научилъ лучше васъ узнать. Вы принесли въ жертву вашей гордости ващу дочь и моего сына. Я васъ сожалѣю.

Гордо поднявъ голову и сдерживая свое волненіе, г-жа Герматъ удалилась.

«Бѣдная матушка!» — думалъ Андрэ въ порывѣ признательности и сожалѣя, что онъ подвергъ ее подобной попыткѣ.

Онъ прижался своимъ пылающимъ лбомъ къ оконному стеклу; всѣ впечатлѣнія этого дня осадили его умъ и проходили въ безпорядочныхъ образахъ. Завтракъ прошелъ печально, отрывистыя слова прерывались долгимъ молчаніемъ. Какъ только подали кофе, онъ всталъ изъ-за стола и отправился скитаться по городу среди воскресной публики, по солнцу и пыли. Онъ разсѣивалъ свое горе, прогуливаясь отъ аллеи платановъ Брольи до Соборной площади, отъ Большой улицы до набережной рѣки Иль, въ нелѣпой надеждѣ, что внезапно появится Элиза. Онъ бродилъ вокругъ ихъ дома, видѣлъ уголъ стѣны ихъ сада и служанку, проходившую съ щенкомъ Мумомъ. Ему пришла безумная идея: написать Элизѣ, пришилить письмо къ ошейнику Мума, подкупивъ служанку. Онъ ощутилъ непреодолимое искушеніе позвонить у двери и поспѣшно скрыться въ коридорѣ: ему казалось, что Элиза угадаетъ это и прибѣжитъ. Самые романическіе планы, одинъ за другимъ, слѣдовали въ его мозгу, потому что онъ боролся въ первый разъ съ житейскими затрудненіями.

По возвращеніи домой онъ столкнулся съ Карломъ, который радостно бѣжалъ къ нему, размахивая маленькой красной скрипкой, купленной ему дядей.

— Ты знаешь, у моего племянника, Генриха (онъ всегда гордился, говоря: мой племянникъ), такой нѣтъ! Я буду играть Ноэми концерты. Мы ходили за Ноэми: она ѣла съ нами вафли у булочника.

И Карлъ, запиликавъ на своей красной скрипкѣ, извлекъ смычкомъ такіе пронзительные и хриплые звуки, что Андрэ убѣжалъ...

Онъ предался своимъ думамъ: что дѣлала Элиза въ этотъ часъ? Спала ли она? Или, какъ и онъ... Тишина въ домѣ тяготѣла надъ его бессонницей, онъ чувствовалъ себя страшно одинокимъ. Внезапные выстрѣлы потрясли оконныя рамы, острый свистъ пронизалъ воздухъ, затѣмъ послѣдовалъ отдаленный взрывъ. Онъ задрожалъ съ головы до ногъ. Новый свистъ... еще другой... Онъ понялъ.

Предчувствіе его отца было слишкомъ справедливо: началась бомбардировка Страсбурга! Съ бьющимся сердцемъ онъ открылъ свое окно.

Эти удары, порывисто гремѣвшіе въ ночномъ безмолвіи, наполняли его ужасомъ, тоской. То, что онъ испытывалъ, было не страхъ, а какое-то необъяснимое чувство мучительнаго безпокойства и тяжести, которыя при каждомъ звукѣ падали ему на сердце. Городъ былъ погруженъ въ глубокое спокойствіе: можно было сказать, что

онъ представлялъ море мрака съ черными каменистыми волнами, хаосъ мрачныхъ остатковъ кораблекрушенія, освѣщеннаго луною. Со вчерашняго дня газометры были опорожнены изъ предосторожности: надъ Страсбургомъ водворилась торжественная ночь, заставлявшая казаться тысячелѣтними дома съ большими крышами и ихъ уклоненные отъ отвѣсной линіи срубы. Жестокіе выстрѣлы неслись съ валовъ: городъ отвѣчалъ.

Постучали въ дверь. Андрэ увидѣлъ дядю Ансельма, вышедшаго съ подсвѣчникомъ. Онъ былъ въ брюкахъ съ подтяжками и съ шелковой повязкой на головѣ.

— Скажи мнѣ, Андрэ, что это такое?

— Это, дядя, фейерверкъ 15-го августа; только на этотъ разъ его устраиваютъ нѣмцы.

Протянувъ руку, онъ указалъ въ пространство, пересѣкаемое блескомъ взрывовъ. Соборъ, возвышавшійся надъ крышами сосѣднихъ домовъ, отражалъ въ выси свою восьмиугольную башню и пирамидальный ажурный шпигль.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ дядя, добродушное лицо котораго выражало безграничное недоумѣніе,—это невозможно.

Но лѣстница затрещала подъ тяжестью шаговъ, и на ней раздались крики во всѣхъ этажахъ. Андрэ, спустившись въ первый этажъ, увидѣлъ свою мать и отца. Герматъ былъ блѣденъ отъ негодованія. Испуганныя служанки ходили взадъ и впередъ, какъ тѣни. Совѣсть стараго страсбуржца возмутилась; среди своихъ онъ подумалъ о дочери, внукѣ, которыхъ не хватало ему, и о зятѣ, Людвигѣ Гаффнерѣ. Онъ былъ тамъ со своими солдатами, находясь на вершинахъ холмовъ. Онъ присутствовалъ на этой свято-татственной, незаконной бомбардировкѣ. Что думалъ Людвигъ? Что думала Эдита? Невозможно, чтобы они одобряли эту раздрающую сердце войну между близкими, отвратительную жестокость гранатъ, бросаемыхъ въ мирный городъ, и какой городъ—Страсбургъ Эльзасскій,—родственный, союзный и братскій нѣмецкимъ городамъ!.. На лицѣ его жены отражалось одинаковое страданіе... Что касается Андрэ, его мысль была не здѣсь, а витала у Ансберговъ, въ маленькой дѣвственной комнатѣ, гдѣ Элиза, тоже стоя, прислушивалась къ борьбѣ; онъ хотѣлъ ей покровительствовать, увести, вырвать отъ шальной смерти, завоевать ее или умереть съ нею. Карлъ съ своей постели просился посмотреть ракеты, вспомнивъ о прошлогоднемъ 15-мъ августа.

Въ окнахъ показались фонари и лампы, улицы наполнились смутнымъ жужжаніемъ толпы. Проснувшійся Страсбургъ сосчиталъ двадцать одинъ выстрѣлъ, это былъ насмѣшливый салютъ въ честь праздника императора.

— О!—вскричалъ Карлъ, усаживаясь въ рубашкѣ на стулъ,—это бенгальскій огонь!..

Около Савернскихъ воротъ увеличивался отблескъ пожара.

Дядя Ансельмъ тряхнулъ головой, упорно повторяя:

— Боже мой, это невозможно...

Черезъ полуоткрытую дверь комнаты Гаффнеровъ, гдѣ лежалъ раненый капитанъ, просвѣчивалась полоска свѣта. Старый офицеръ, видѣвннй происходящее, воскликнулъ:

— Это только начало! Вы увидите лучше этого!

IV.

Квартира дяди Ансельма, помѣщавшаяся въ третьемъ этажѣ, подъ крышей, состояла изъ одной высокой, обширной освѣщаемой слуховымъ окномъ комнаты и маленькой другой.

Въ послѣдней стояла его кровать, бауль и комодъ, что могло бы удовлетворить лишь бѣднаго студента. Эта простота не только ему нравилась, но была даже необходима: онъ приберегалъ вкусъ къ художеству и роскоши для своего музея. Дѣйствительно, большая комната, загроможденная цѣнной мебелью, представляла настоящий музей. Цѣлая жизнь холостяка-маньяка, цѣлое состояніе страстнаго собирателя рѣдкостей сосредоточивались тамъ; онъ испытывалъ несравненное наслажденіе, когда сидѣлъ въ большомъ готическомъ креслѣ и курилъ свою длинную фарфоровую трубку, созерцая полузакрытыми глазами свои богатства.

Прежде всего его глаза останавливались на фламандскихъ коврахъ, на которыхъ обезьяны были изображены въ тысячѣ фантастическихъ сценахъ: то скачущими на берберійскихъ лошадяхъ, то преслѣдующими купальщицъ, то разодрѣтыми въ парчу, пирующими вокругъ столовъ, уставленныхъ блюдами. Затѣмъ виднѣлось большое бюро, въ стилѣ Людовика XV, изъ фіолетоваго и розоваго дерева, съ изысканной бронзовой отдѣлкой, — единственная въ своемъ родѣ рѣдкость, — итальянскій шкафъ изъ чернаго дерева съ тонкой, какъ кружево, рѣзбой изъ слоновой кости; подлѣ фаянса въ испано-мавританскомъ вкусѣ, съ золотистымъ отблескомъ, красовались японскіе сосуды и высокія китайскія фарфоровыя вазы; затѣмъ бронза, японскія шелковыя матерія, тяжелое оружіе, начиная съ того длиннаго и тяжелаго средневѣковаго меча, который Карлъ не могъ поднять обѣими руками, до легкихъ, какъ находящіеся возлѣ стилеты, съ насѣчкой, поражавшіе своимъ осинымъ жаломъ даже одежды изъ буйволовоы кожи, если не имѣлось стальной кольчуги. Между прочимъ тамъ была восхитительная мебель Бове, золоченаго дерева, вся изъ сплошной рѣзбы, представлявшая цвѣты, птичекъ и фрукты замѣчательная по богатству чуднаго колорита.

За витринами выставляли на видъ свой стершійся рельефъ, свою тонкую мозаику или контуры нѣжной и легкой граціи...ме-

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки. пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

